ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ IV

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ IV

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 24 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Артелевъ пер., д. 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Выходитъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ до 16 и болѣе печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

При книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Невскій просп. № 60, можно получать оставшіеся (въ ограниченномъ количествѣ) экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за **1880** годъ. Цѣна за **двѣнадцать** книжекъ со всѣми приложеніями **десять рублей** съ пересылкой.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій разсказъ **Н. И. Костомарова.** — Московскій бунтъ 23 іюня 1648 г. Разсказъ очевидца, съ предисловіемъ **К. Н. Бестужева-Рюмина.** — Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ (1396—1739). **В. И. Ламанскаго.**—Воспоминанія о графѣ Остерманѣ-Толстомъ. **Д. И. Завалишина.**—Декабристъ Лунинъ. **Его-же.** — Отношенія Россіи къ Китаю. **Его-же.**—Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. **В. И. Герье.**—Кадетскій монастырь. **Н. С. Лѣскова.** — Русскій демократъ въ Польшѣ. **Его-же.**—Изъ мелочей архіерейской жизни. **Его-же.** — Несмертельный Голованъ. **Его-же.**—Снятіе опалы съ славянофиловъ. Эпизодъ изъ литературы пятидесятыхъ годовъ. **М. И. Сухомлинова.**—Знакомство съ Сенковскимъ. **А. П. Милюкова.**—Ѳ. Н. Глинка. **Его-же.**—Князь С. Г. Долгорукій и его семья въ ссылкѣ. Историческій очеркъ **Д. А. Корсакова.** — Не быть по сему. Историческій разсказъ **В. В. Крестовскаго.** — Монахъ по неволѣ. Историческій разсказъ **Вс. С. Соловьева.** —Яганна Петрова, камеръ-медхенъ Екатерины I. **Г. В. Есипова.**—Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. **А. П. Пятковскаго.**—Церковно-

Библиотека "Руниверс"

земскій соборъ 1551 года. **И. Н. Жданова.**—Адамъ Мицкевичъ въ Россіи. **Ф. К. Неслуховскаго.** — Карлъ Шайноха. **Его-же.** — Польскія смуты передъ возстаніемъ 1831 г. **Н. С. К.**—Записки **В. Н. Геттуна** (1771 — 1815). — Отрывки изъ воспоминаній. **Г. Утробина.**—Русскій ученый въ Новой Гвинеѣ. **В. Н. Майнова.** — Норденшельдъ и его послѣднее путешествіе. **Его-же.** — Поль Брока, основатель антропологіи. **Его-же.**—Скопческій ересіархъ Кондратій Селивановъ. **Его-же.** — Мертвый городокъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. **Его-же.** — Отъ Эрзерума до Тифлиса, въ 1878 году. **Е. К. Андреевскаго.** — Въ пескахъ Кара-Кумъ. **Н. В. Сорокина.**—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. **В. Я. Стоюнина.**—Россія и Европа при Петрѣ Великомъ. **А. Г. Брикнера.** — Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. **Его-же.** — Очерки изъ Украинской литературы. **Н. И. Петрова.** — А. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину. **А. О. Круглаго.**—Люди старой Малороссіи. Семья Скоропадскихъ. **А. М. Лазаревскаго.** — Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. **Н. Я. Аристова.** — Къ біографіи преосвященнаго Іоанна, бывшаго епископа Смоленскаго. **Его-же.**—Разработка русской исторіи съ 1855 по 1880 годъ. **Его-же.**—Университетъ и корпорація. **И. В—ва.**—Изъ тамбовскихъ лѣтописей. **И. И. Дубасова.** — На золотомъ пріискѣ. **М. В. Малахова.** — Къ біографіи графа Андрея Замойскаго. **Н. В. Верга.** — Тадзь-Уль-Фехръ, Абдъ-Эль-Нишанъ (Графъ Вацлавъ Ржевускій). **Его-же.**—Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей. **В. И. Модестова.** — Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ въ началѣ XIX в. **Е. А. Вѣлова.**—Русское посольство въ Англію въ 1662 году. **А. Лодыженскаго.**—Тульскій кречетъ. Историческій разсказъ. **Д. Л. Мордовцева.**—Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, русскій путешественникъ-музыкантъ по Индіи въ концѣ XVIII в. **Ѳ. И. Вулгакова.**—Н. И. Пироговъ. **Его-же.**—Извращеніе народнаго пѣснотворчества. **В. О. Михневича.** — Погибающая русская сила. **Ѳ. М. Уманца.**—Крестьянскіе суды въ старину. **Д. М. Мейчика.** — Близко ли паденіе Англіи. **Н. И. Куницина.**—Госпожа Роланъ. **С. С.**—Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка. **М. С. Карелина.**—Записки принцессы **Сальмъ-Сальмъ.**—Записки князя **Меттерниха.**—Записки **Каролины Вауеръ.**—Записки **Луи Шнейдера.** — Дневникъ маркизы **Вестминстеръ.** — Записки квестара. **И. Ходзько.** — Домикъ моего дѣдушки. **Его-же.**—Очерки изъ исторіи нашего времени: 1) Чартизмъ; 2) О'Коннель и ирландское движеніе. **Макъ-Карти.**—Развалины Трои. **Р. Вирхова.** — Легенды Тріанона и Версаля. **М. Лаверн.** — Современная исторіографія: Франція, Германія и Англія. **Иф....ла.**

Библиотека "Руниверс"

Въ отдѣлахъ „Критики и библіографіи“ и „Изъ прошлаго“ напечатаны разсказы, очерки, отзывы, сообщенія и замѣтки: **М. Д. Хмырова, Г. В. Есипова, О. Ѳ. Миллера, К. Н. Вестужева-Рюмина, А. П. Милюкова, Н. С. Лѣскова, Д. И. Завалишина, Н. И. Петрова, И. И. Дубасова, Ѳ. И. Вулгакова, Н. А. Вѣлозерской, И. В. Добролюбова, Н. Г. Словскаго, П. А. Пономарева, П. Я. Дашкова** и другихъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ 1880 года приложены два переводныхъ историческихъ романа: „Новый всемірный потопъ“, **Ю. Роденберга** и „Люциферъ“, **К. Френцеля,** и слѣдующіе портреты и рисунки: 1) **С. М. Соловьева**; 2) **Н. И. Костомарова**; 3) князя **В. Ѳ. Одоевскаго**; 4) **А. Мицкевича**; 5) Скопческаго ересіарха **Кондратія Селиванова**; 6) **И. И. Срезневскаго**; 7) **Ф. Н. Глинки**; 8) **М. Н. Загоскина**; 9) Памятникъ Пушкину въ Москвѣ; 10) **Н. И. Пирогова**; 11) **Карла Шайнохи**; 12) Русскаго посла въ Англіи князя **Прозоровскаго**; и 13) Г-жи **Роланъ**.

Библиотека "Руниверс"

НЕСЧАСТНЫЙ.

(Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченки).

ТАРАСЪ Григорьевичъ Шевченко, малороссійскій поэтъ, принадлежитъ къ немногочисленной плеядѣ перворазрядныхъ писателей славянскаго племени. Такое достоинство признали за нимъ не только соотечественники-малоруссы, но и всѣ знакомые съ его произведеніями цѣнители художественнаго дарованія, къ какой бы національности они не принадлежали сами. Исключеніе составляютъ только тѣ, которые не доразвились до свободы отъ предразсудковъ сословности, національности и воспитанія. Всѣмъ извѣстно, что Шевченко, бывши великимъ поэтомъ, былъ также даровитымъ (хотя и въ меньшей степени) живописцемъ. Но мало кому извѣстно, что у Шевченки было желаніе быть еще и русскимъ беллетристомъ. Послѣ него осталось нѣсколько написанныхъ имъ разсказовъ, о чемъ уже мы сообщали въ одной изъ книжекъ „Русской Старины" 1880 года. Собственно это только наброски, ни мало не отдѣланные, и самъ авторъ никогда бы не дозволилъ пустить ихъ въ свѣтъ въ такомъ сыромъ видѣ. Сомнительно, чтобъ онъ когда-либо занялся ихъ обработкою для печати, такъ какъ считалъ себя всегда слишкомъ не подготовленнымъ для того, чтобъ выходить въ публику съ русскимъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе эти необработанные и недоработанные опыты не лишены достоинствъ, обличающихъ тотъ же высокій талантъ автора, извѣстный намъ изъ его малорусскихъ стихотвореній. Печатаемъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, писанный Шевченкомъ вѣроятно уже въ послѣдніе годы его жизни, по возвращеніи изъ ссылки, такъ какъ онъ указываетъ, что видѣлъ героя своего разсказа въ Орской крѣпости, гдѣ авторъ могъ быть только во время своей ссылки. Не станемъ распространяться объ этомъ разсказѣ; онъ передъ глазами читателей на лицо, и читатели могутъ сами произнести приговоръ надъ его достоинствами и недостатками; просимъ только, относительно послѣднихъ, не терять изъ вида того, что авторъ не допустилъ бы многихъ изъ такихъ недостатковъ и самый разсказъ появляется не по желанію автора, почти двадцать лѣтъ назадъ умершаго.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

I.

Крѣпость О. мѣстные киргизы называютъ Яманъ Кала. И это названіе чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ физіономію мѣстности и самой крѣпости. Рѣдко можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско. Для киргиза конечно это ничего не значитъ; онъ

Библиотека "Руниверс"

сроднился съ такимъ пейзажемъ, но каково для человѣка пріѣзжаго, привыкшаго въ окружающей его природѣ видѣть красоту и грацію, очутиться вдругъ передъ суровымъ однообразнымъ горизонтомъ неисходимой безконечной степи. Удивительно какъ непріятно такой пейзажъ дѣйствуетъ на одинокую душу новичка.

Крѣпость О. какъ нельзя болѣе гармонировала съ окружающею ее мѣстностію: то же однообразіе и таже плоскость; отъ общаго колорита выдѣлялась лишь небольшая каменная крѣпостная церковь на горѣ,—и при томъ замѣтьте на Яшмовой горѣ. Подъ горою, съ одной стороны лѣпятся грязные татарскіе домики, а съ другой, инженерный дворъ съ казематами для каторжниковъ; противъ инженернаго двора длинное, низенькое бревенчатое строеніе съ квадратными небольшими окошками;—это баталіонныя казармы; онѣ примыкали однимъ концомъ къ деревянному сараю, называемому экзерцисъ-гаузъ, а другимъ выходили на четыреугольную площадь, украшенную новою каменною церковію и обставленную дрянными деревянными домиками. Гдѣ же самая крѣпость, спросите вы? Я самъ два дня дѣлалъ такой же вопросъ, пока на третій день, по указанію одного старожила, не вышелъ въ поле по направленію къ мѣновому двору и не увидалъ едва приподнятой насыпи и за ней канала. Каналъ и насыпь сравнительно не больше того рва, какимъ у насъ добрый хозяинъ окапываетъ свое поле. Вотъ вамъ и второклассная крѣпость. Полюбовавшись до сыта на это диво фортификаціи, я уже передъ вечеромъ возвращался черезъ слободку къ себѣ на квартиру и, поворотя за уголъ одной бѣдной лачуги, увидѣлъ идущую толпу солдатъ съ балалайкою и бубномъ. Толпа противъ лачуги стала въ кружокъ, грянула лихая пѣсня съ бубномъ и присвистомъ и изъ толпы послышалось:

— Ай да помѣщикъ! Ай да дворянинъ! просто орелъ!

Такія восклицанія меня остановили. Я уже думалъ было подойти къ веселымъ ребятамъ и полюбопытствовать, что тамъ такое за помѣщикъ, только въ это время толпа разступилась, не прерывая пѣсни, и впереди ея явился въ разорванной рубахѣ статный бѣлокурый юноша: онъ ловко подбоченясь пошелъ въ присядку.

Меня поразила наружность этого юноши; въ ней было что то благородное и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то низкое, отталкивающее. Я не могъ его разсмотрѣть подробно за толпою и, отходя прочь, спросилъ у солдата, который мнѣ показался трезвѣе своихъ товарищей:

— Кто это такой у васъ, такъ славно пляшетъ?

— Несчастный! отвѣтилъ мнѣ солдатъ скороговоркою и поспѣшилъ за толпою.

Слово „несчастный“ было какъ-то странно произнесено солдатомъ. Мнѣ показалось, что онъ разумѣетъ какое-то сословіе, а не то понятіе, которое это слово собственно выражало. Послѣ я узналъ, что тамъ и кромѣ солдатъ другіе произносили въ томъ же смыслѣ это

Библиотека "Руниверс"

слово, а когда я освоился съ нимъ, то и самъ произносилъ его точно также. Человѣкъ самъ не замѣчаетъ, какъ онъ быстро освоивается съ людьми его окружающими.

Въ продолженіе ночи мнѣ все мерещился бѣлокурый, молодой атлетъ и слышались слова: — „ай да помѣщикъ, ай да дворянинъ!“

На другой день пошелъ я разузнавать кто такой этотъ несчастный? но, разумѣется, не могъ узнать ничего, потому что онъ не одинъ такой, какъ мнѣ послѣ сказали, находится въ О. крѣпости.

Былъ какой-то праздникъ и я отъ нечего дѣлать пошелъ побродить по безотраднымъ окрестностямъ крѣпости. Передъ вечеромъ, возвращаясь домой, какъ разъ у кирпичныхъ заводовъ я опять повстрѣчалъ кучку веселыхъ ребятъ съ бубномъ и съ балалайкой и знакомаго незнакомца-плясуна; я услышалъ тѣже самые возгласы. Чтобы не упустить его опять изъ виду, я отозвалъ одного солдата въ сторону и потихоньку спросилъ, какъ прозывается дворянинъ, что пляшетъ? Онъ мнѣ сказалъ его фамилію, и я на другой же день въ баталіонной канцеляріи прочиталъ его грустную конфирмацію. Это былъ юноша записанный въ рядовые по просьбѣ родной матери. Это происшествіе сильно заинтересовало меня, но какъ разгадать подобную загадку? Я лучше ничего не могъ придумать, какъ познакомиться съ самимъ субъектомъ и узнать отъ него самого всю истину, и какъ же я ошибся увы!

Онъ оказался чѣмъ то въ родѣ идіота: трезвый, упорно молчалъ, отъ одной рюмки водки пьянѣлъ и начиналъ проклинать мать свою, самого себя и все, что его окружаетъ; одна пляска для него имѣла еще какую то прелесть и больше ничего.

Я попробовалъ было его со стороны образованія, но онъ загородилъ такую чепуху, что лучше было бы и не пробовать. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ на веселѣ и видитъ у меня развернутую книгу на столѣ. — Что это вы почитываете? спрашиваетъ онъ. — „Мертвыя Души“.—А, это сочиненіе Эженя Сю?—Точно такъ, отвѣчалъ я.

Только послѣ долгаго времени, по немногу, урывками, я узналъ всю его исторію, которую и хочу разсказать.

II.

Въ одной изъ центральныхъ губерній нашего неисходимаго отечества, близь уѣзднаго городка N., вдоль большой дороги вытянулись въ рядъ сѣрыя бревенчатыя избы съ закоптѣлыми волоковыми окнами; такихъ сѣрыхъ избъ я насчиталъ тамъ штукъ болѣе двухъ сотъ. Выходитъ, село по величинѣ порядочное, но на дѣлѣ далеко было не такъ. Странно, кругомъ дремучіе лѣса, а въ селѣ ни одной

Библиотека "Руниверс"

избы хоть мало-мальски въ порядочномъ видѣ:—то безъ клѣти, то безъ сѣней, то пошатнулась, а то совсѣмъ повалилась; кругомъ все ростетъ и зеленѣетъ, а въ селѣ, какъ говорится, хоть шаромъ покати, — ни одного деревца; или мужикамъ запрещено сажать деревья, или Богъ ихъ знаетъ, можетъ и сами не хотятъ, а помѣщику и не вдогадъ ихъ заставить, благо у самаго подъ рукою англійскій паркъ со всѣми причудами. Дѣти, когда выбѣгутъ на улицу посмотрѣть на проѣзжающаго, такъ это только слава, что дѣти—медвѣжата, просто медвѣжата.

По срединѣ села церковь съ высокимъ шпицемъ колокольни довольно затѣйливой архитектуры и мало свидѣтельствующая о вкусѣ зодчаго, а можетъ быть и самаго ктитора. Около церкви была когда то ограда, на нее указываютъ полуразрушенные каменные столбики, не вдальнемъ одинъ отъ другого разстояніи и кругомъ запачканные грязью; надо думать это надѣлали свиньи во время почесыванья.

И церковь и село и полунагія закопченыя дѣти, все являетъ изъ себя видъ весьма живописный. Совершенно во вкусѣ Ванъ-Остада нашихъ подающихъ надежды жанристовъ.

Проѣхавши село, въ лѣвую сторону, недалеко отъ почтовой дороги, на горѣ, видны барскія хоромы съ бельведеромъ, окруженныя темнымъ лѣсомъ, а лѣсъ былъ обведенъ, покрайней мѣрѣ со стороны почтовой дороги, глубокимъ и широкимъ рвомъ съ живою на валу изгородью.

Сквозь деревья мелькаетъ свѣтлый прудъ, а за группой липъ уголъ китайской бесѣдки, или кустъ акацій, или другое что нибудь, въ родѣ клеопатриной иглы, воздвигнутое на память дружбы и любви; словомъ прелесть! такъ бы вотъ и соскочилъ съ телѣги, перепрыгнулъ бы черезъ живую изгородь, да и пошелъ писать по всѣмъ направленіямъ роскошнаго барскаго сада.

Я, правду сказать, такъ и сдѣлалъ. Но это было давно; теперь ужъ я подобной штуки не выкину; я тогда прошелъ изъ конца въ конецъ весь паркъ и меня, какъ теперь помню, поразила страшная тишина. Я видѣлъ великолѣпный домъ, павильоны, бесѣдки, качалась раскрашенная лодочка на краю пруда, подъ наклонившимися деревьями, и по срединѣ пруда гордо плавала пара лебедей, но я не видѣлъ ни одного человѣка, который бы оживлялъ эту изысканную картину. На меня непріятно подѣйствовало такое отсутствіе человѣка; это все равно что прекрасный пейзажъ, не оживленной человѣческой фигурой; я даже раскаявался въ томъ, что входилъ въ этотъ заколдованный паркъ.

О еслибъ я зналъ тогда, что мнѣ придется писать исторію обитателей этого роскошнаго уединенія, я бы не ограничился однимъ поверхностнымъ взглядомъ, а постарался бы проникнуть и въ хоромы и всюду, куда только можно проникнуть; всюду бы заглянулъ, и можетъ быть тогда моя исторія была бы и полнѣе и круглѣе; но

Библиотека "Руниверс"

прошлаго не воротишь и приходится ограничиться тѣмъ, что теперь имѣемъ.

Проѣхавши версты двѣ, я спросилъ у ямщика: чье это село мы проѣхали?

— Господское.

— Знаю, что господское! да господина-то какъ звать?

— Помѣщикъ Хлюпинъ.

— Что, онъ самъ видно мало живетъ въ своемъ селѣ?

— Только за оброкомъ пріѣзжаетъ и то не каждый годъ.

Этимъ свѣдѣнія мои вѣроятно и кончились бы, еслибъ, спустя десятка три лѣтъ, я не встрѣтился въ О. крѣпости съ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ говорилъ выше и который оказался роднымъ сыномъ этого самаго помѣщика и наслѣдникомъ знакомаго мнѣ села и парка.

Ротмистръ Хлюпинъ, отецъ несчастнаго юноши, не расположенъ былъ вовсе къ браку, но обстоятельства заставили его жениться на богатой и не молодой вдовѣ; онъ взялъ за нею въ приданое описанное мною село. Жена его, родивши ему сына, а потомъ дочь, и поживши мало послѣ этого происшествія, переселилась къ праотцамъ, завѣщавъ имѣніе дѣтямъ, а отца сдѣлала надъ ними опекуномъ. Она, какъ видно, не хотѣла, чтобы онъ послѣ нея снова женился, да еще пожалуй на молодой; ротмистръ, вообще не имѣвшій расположенія къ семейной жизни, взявъ своихъ птенцовъ-сиротокъ съ причтомъ нянекъ и мамокъ отправился въ Питеръ. Долго ли, коротко ли, онъ велъ тамъ холостую жизнь, не знаю. Только, какъ онъ ни былъ близорукъ въ отношеніи дѣтей, увидалъ однакожъ, что имъ нужна мать, т. е. необходимо ему жениться.

Съ такою-то благою мыслію однажды онъ вышелъ со двора; идетъ по Литейной, выходитъ на Невскій, глядь, на встрѣчу ему словно заря алая, словно лебедь бѣлая, такъ и плыветъ по тротуару. Замерло ретивое у стараго гусара и во снѣ ему не снилась никогда такая красавица, какую онъ теперь увидѣлъ!

„Что-жъ, думаетъ гусаръ и отецъ семейства,—попытка не шутка, спросъ не бѣда—попробуемъ, ливреи-жъ за нею не видно, помѣшать не кому“.

И онъ поплелся въ слѣдъ за красавицею. Долго она его водила по разнымъ переулкамъ, наконецъ завела чуть не къ Таврическому саду, да въ одинъ самый мизерненькій домикъ съ двумя крошечными окошечками и шасть передъ самымъ его носомъ, а онъ остался на улицѣ, да еще и на грязной.

Простоявши съ добрый часъ противъ домика и махнувъ рукой, пошелъ онъ обратно.

Тутъ бы казалось и всему происшествію конецъ; вотъ то-то и нѣтъ, тутъ только начало самой исторіи, или лучше сказать, начало самаго зла.

Библиотека "Руниверс"

Подвернись эта исторія другому военному, а не въ отставкѣ гусару, разомъ бы онъ все покончилъ, да и концы въ воду. Ротмистръ мой хотя тоже слылъ рѣшительнымъ малымъ, однако кончилъ тѣмъ, что послѣ многократныхъ и безплодныхъ хожденій на поиски, рѣшился наконецъ послать сваху въ завѣтный домикъ. Сказано-сдѣлано, и счастливѣйшій ротмистръ съ красивѣйшей супругою катитъ въ свое помѣстье, а дѣти съ няньками и мамками и со всякой рухлядью вслѣдъ за ними.

Здѣсь, я думаю, не мѣшаетъ разсказать хоть въ кратцѣ, кто такая вторая супруга рѣшительнаго ротмистра.

Отецъ ея служилъ прапорщикомъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, расположенномъ на Волыни и влюбился въ какую-то панычку. Дѣло очень обыкновенное; да случился грѣхъ, потребовали чтобы онъ женился; онъ не прекословилъ, женился и выступилъ за ротою въ походъ. Войска въ то время начали стягиваться къ Вознесенску. На послѣдней дневкѣ передъ Вознесенскомъ, молодая жена прапорщика разрѣшилась отъ бремени дочерью Маріею.

Три или четыре года бѣдная прапорщица съ ребенкомъ шлялась за своимъ прапорщикомъ или, лучше сказать, за ротою, наконецъ отъ недостатковъ, горя и всяческихъ лишеній, впала въ чахотку и вскорѣ умерла.

Безумная и трижды безумная дѣвушка, рѣшающаяся влюбляться и выходить замужъ за армейскаго не только прапорщика, но даже поручика, если только онъ не ротный командиръ. За ротнаго командира и то много нужно рѣшимости, чтобы идти замужъ. Тутъ должна быть истинная, настоящая любовь; по моему, это такая великая со стороны женщины жертва, что мало-мальски порядочный мужчина не долженъ бы не только ее домогаться, но даже и желать.

Похоронивъ свою мученицу-жену и сдавши деньщику дитя на руки, прапорщикъ пустился на обывательскихъ догонять роту. По службѣ ему какъ-то не везло, у начальства онъ былъ не на выгодномъ счету, товарищи его давно уже стали подпоручиками и поручиками, а онъ все еще прапоръ. Что-бы это значило, Богъ его знаетъ; по службѣ онъ молодецъ, лишнюю рюмку не пьетъ. Развѣ только рановато маленько женился? такъ кому какое дѣло! вотъ онъ думалъ-думалъ, да и началъ испивать маленькую, потомъ большенькую и еще и еще большенькую, и кончилось тѣмъ, что ему, горемыкѣ, предложили въ отставку; онъ попросился въ переводъ въ какой нибудь линейный баталіонъ, его и перевели въ 23-ю пѣхотную дивизію, расположенную, какъ извѣстно, въ Оренбургскомъ краѣ.

Пока то, да се, глядь, дочкѣ уже пошелъ десятый годочикъ, а она бѣдная и грамотѣ не знаетъ, да и гдѣ узнать то ее! отцу некогда, деньщикъ безграмотный. а деревенскіе мальчишки выучили ее въ бабки играть.

Онъ бѣднякъ думалъ: пріѣдетъ въ Оренбургскій край, поселится

Библиотека "Руниверс"

гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и займется воспитаніемъ дочери; не тутъ то было. Не успѣлъ онъ осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, какъ его командировали въ одно изъ степныхъ укрѣпленій. Бѣда и только.

Дѣлать нечего; пошелъ онъ въ степное укрѣпленіе. Кто не видалъ этихъ степныхъ укрѣпленій, тому совѣтую прилежно молиться Богу, чтобы и не видать ихъ никогда. Кромѣ отчужденія отъ всего, что имѣетъ хотя маленькій намекъ на образованіе, тѣснота и лишенія всевозможныя, а о нравахъ и говорить нечего.

Такъ вотъ, въ такое то гнѣздо попалъ мой бѣдный прапорщикъ съ своею уже двѣнадцатилѣтнею дочерью. На другой же день она прослыла въ укрѣпленіи „кантонистомъ въ юбкѣ".

Она, дѣйствительно, была дѣвочка красивая, умная и бойкая, хоть и мальчику ея лѣтъ такъ въ пору. На горе онъ привезъ съ собою еще въ видѣ няньки какую то старушенку, безобразную и до нельзя распутную, такъ что когда онъ бывало подгуляетъ въ двоемъ съ нянькою, то Маша убѣжитъ въ казармы женатыхъ да тамъ и ночуетъ. Бѣдное дитя! ее какой то солдатъ и грамотѣ выучилъ.

Такъ прошло два года; роты смѣнились; Маша выросла и удивительно похорошѣла и больше ничего; и то правда, главное есть, а объ остальномъ кому какое дѣло.

Возвратясь къ своему баталіону, отецъ хотѣлъ было приняться за Машу, да Маша уже не та; ей уже пятнадцатый годъ.

„Ну, чтожъ, разсуждаетъ не взыскательный отецъ, за писаря и такъ сойдетъ".

А пока онъ такъ разсуждаетъ, Маша росла, росла и выросла красавица на диво, не только что за писаря, хоть и за генерала такъ не стыдно.

Какой то чиновникъ, не помню, по питейной, не то по таможенной части, только не военный, чуть ли не изъ пограничной коммисіи, пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ службы, увидѣлъ гдѣ то Машу и влюбился. Узналъ что и какъ и чья и гдѣ живетъ, да не разсуждая много сунулъ пьяной нянькѣ пять цѣлковыхъ, она ему и спроворила.

Онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ и Машу взялъ съ собою, а тамъ и бросилъ, потому что ему нужно было опять куда то ѣхать.

Такими то путями она очутилась въ Петербургѣ, а какъ очутилась на Пескахъ, тутъ уже исторія другая.

Но эту другую исторію я готовъ хоть и не расказывать, потому что въ ней кромѣ отвратительнаго ничего нѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, а Маша, хотя и едва грамотная, выдержала свою роль лучше всякаго синяго чулка.

Такъ вотъ кто такая вторая супруга моего удалаго ротмистра.

Теперь мы уже будемъ звать ее Марьей Ѳедоровной. На другой, или на третій день послѣ свадьбы, Марья Ѳедоровна настояла на томъ, чтобы сейчасъ же ѣхать въ деревню, и она на это имѣла осно-

Библиотека "Руниверс"

вательныя причины. Въ деревнѣ кто ее узнаетъ какого поля она ягода, а живя въ городѣ да еще и въ столицѣ придется поддерживать мужнины знакомства; у него знакомые быть можетъ, все графы, да князья. Богъ знаетъ, онъ человѣкъ богатый, все случиться можетъ, а она какъ говорится и ногой ступить не умѣетъ. Хорошо еще что солдатъ грамотѣ выучилъ, а то и этого бы не знала.

Такъ, или почти такъ, разсуждала Марья Ѳедоровна и разсуждала, правду сказать, довольно вѣрно; по всему видно, она имѣла умъ практическій, или положительный. Не прошло и мѣсяца, какъ она вступила въ роль провинціальной барыни-хозяйки, все у нее задвигалось и заходило.

Ротмистръ мой только смотритъ да глазами похлопываетъ. А какъ она приняла у себя съ визитомъ мелкопомѣстныхъ сосѣдокъ, такъ только ахнули. Но кто прежде всѣхъ въ домѣ на себѣ почувствовалъ ея вліяніе, такъ это самъ ротмистръ. Онъ до того съузился передъ нею, что сталъ больше походить на лакея, нежели на барина.

На дѣтей она сначала не обращала никакого вниманія, пока не почувствовала себя беременною, а съ той поры и они поступили въ ея вѣдомство и, бѣдные, стали чувствовать какую то тяжесть. Дѣвочка еще кое-какъ рѣзвилась, а несчастный мальчикъ тотъ совсѣмъ затихъ; онъ, какъ говорили, весь въ отца пошелъ; и отецъ тоже хорохорился до первой острастки, а какъ на него прикрикнули хорошенько, такъ онъ сталъ тише воды ниже травы. Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ острастокъ, которыя во множествѣ предвидѣлись впереди, онъ переселился во флигель, не подалеку отъ дома и зажилъ настоящимъ анахоретомъ. Сначала приходилъ онъ въ домъ пообѣдать, поужинать, или просто спросить о здоровьи дражайшей половины; но впослѣдствіи совсѣмъ оставилъ свои визиты; даже у человѣка, который приносилъ ему обѣдъ, онъ не спрашивалъ о здоровьи Марьи Ѳедоровны. Дѣтей своихъ онъ видѣлъ только по праздникамъ, и то съ позволенія жены; впрочемъ, сильнаго стѣсненія онъ въ быту своемъ не чувствовалъ, или лучше сказать не могъ чувствовать. Большую часть дня онъ проводилъ или на псарнѣ, или на конюшнѣ, или же упражнялся въ благородномъ занятіи: стрѣльбѣ изъ пистолета въ цѣль, которую устроилъ у себя въ кабинетѣ на случай дурной погоды. Надо замѣтить, что въ этой комнатѣ, кромѣ стула и цѣли, ничего не было, даже трубокъ и книжки развернутой на 14-й страницѣ; и я не знаю почему онъ называлъ эту комнату кабинетомъ.

Послѣ первыхъ припадковъ беременности, какъ я уже сказалъ, Марья Ѳедоровна начала обращать вниманіе на мужниныхъ дѣтей. Вниманіе это выразилось такъ: она каждый день исправно начала посѣщать дѣтскую, что прежде дѣлала въ продолженіи мѣсяца одинъ разъ; теперь приходила смотрѣть какъ кормятъ и чѣмъ кормятъ дѣтей, какъ спать кладутъ, какъ по утру ихъ умываютъ, какъ одѣва-

Библиотека "Руниверс"

ютъ. Бо́льшаго попеченія родная мать своимъ дѣтямъ не могла оказывать, а странно дѣти ее не любили и даже боялись; бывало если только заплачетъ который изъ нихъ, то нянькѣ стоитъ только сказать: „мама идетъ“ и дитя въ одно мгновеніе переставало плакать. Дѣти смотрѣли настоящими сиротками, особенно мальчикъ. Дѣвочка, сначала такая рѣзвая, румяная, замѣтно поблѣднѣла и присмирѣла съ той поры, какъ за нею начали такъ заботливо ухаживать.

Есть люди, которыхъ всѣ любятъ и всѣ къ нимъ ласкаются; даже говорятъ, что ихъ и бѣшеныя собаки не кусаютъ; къ числу такихъ людей принадлежалъ и знаменитый Вальтеръ-Скоттъ.

Есть опять люди, которые ко всѣмъ ласкаются, а ихъ всѣ или ненавидятъ, или боятся и вмѣстѣ ненавидятъ. Къ числу такихъ людей принадлежала и моя Марья Ѳедоровна.

А можетъ быть и независимо отъ этой антипатіи есть еще что нибудь такое, почему вообще мачиха дѣтямъ кажется ненавистною.

Что бы тамъ ни было, только дѣти подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Марья Ѳедоровны блѣднѣли и худѣли. А когда она встрѣчалась съ своимъ благовѣрнымъ ротмистромъ, то только и рѣчей было что про дѣтей, такъ что онъ уже началъ ее просить, чтобы она поберегла себя, что дѣти дастъ Богъ и безъ нее выростутъ.

Лѣто проходило, дѣти давно уже настолько выросли, что ходили, ихъ не пускали въ садъ побѣгать изъ опасенія простуды: прудъ дескать близко, сыро. Настала осень и дѣтей стали посылать въ садъ гулять, потому что теперь воздухъ холоденъ и прудъ не можетъ имѣть вліянія никакого; — это по физикѣ Марьи Ѳедоровны, а по физикѣ ротмистра — совершенно все равно, лишь бы его борзые не хворали, потому что скоро начнется травля зайцевъ, а до дѣтей ему какое дѣло: на то у нихъ есть мать. Между тѣмъ въ селѣ показалась оспа; нѣжному родителю и въ голову никогда не приходило, что дѣти его изъ такой же плоти и крови, какъ и чужія дѣти и что ихъ такъ же можетъ постигнуть эта язва, какъ и чужихъ, кому не привита оспа; въ Петербургѣ объ этомъ не подумали, а въ деревнѣ и вовсе позабыли, и вотъ дѣти въ оспѣ.

Марья Ѳедоровна съ горя сама даже слегла въ постель, велѣла заколотить всѣ окна и двери и окуривать покои уксусомъ; у ней у самой заботливый родитель позабылъ привить оспу, а она бѣдная теперь только объ этомъ вспомнила. Вспомнила и захворала, къ тому же еще была и на сносѣ.

Домъ былъ окруженъ куревомъ, какъ зачумленный; дѣтей перенесли къ отцу во флигель. Бѣдный ротмистръ чуть съ ума не сошелъ. Наконецъ все кончилось благополучно, только мальчикъ ослѣпъ, потому что у него и прежде глаза краснѣли и гноились, а дѣвочка— ничего, выходилась, хотя и попорчена была не много. „Это ничего— говорили няньки шопотомъ—заростетъ; слава Богу, что сама барыня захворала, а то и она бы осталась безъ очей, какъ вотъ барчонокъ“.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ роды близились; въ домѣ все ходило на цыпочкахъ, разумѣется, кромѣ акушерки-професорши, уже мѣсяца три распоряжавшейся какъ въ собственномъ домѣ. Все молчало и трепетало, а благовѣрный ротмистръ, въ ожиданіи, дресировалъ лягаваго щенка. Наконецъ, все кончилось благополучно. Марья Ѳедоровна разрѣшилась сыномъ, который и былъ во-святомъ крещеніи нареченъ Ипполитомъ.

Обрядъ крещенія былъ совершонъ отцомъ протоіереемъ, нарочно для этого случая привезеннымъ изъ города. Воспринимали младенца кромѣ дворянскаго предводителя, помѣщики и помѣщицы, какіе считались въ околоткѣ поважнѣе, даже и командиръ стрѣлковаго баталіона, въ то время квартировавшаго въ городѣ. Глядя на фалангу воспріемниковъ и воспріемницъ, можно было подумать, что ротмистръ для такой радости готовъ съ цѣлымъ свѣтомъ породниться, или по крайней мѣрѣ со всѣмъ уѣздомъ.

Пиръ по этому случаю былъ заданъ на славу; была мысль у ротмистра устроить и сельскій праздникъ для мужиковъ, но такъ какъ это случилось зимою, то хороводы и отложены до будущаго лѣта, а вмѣсто сельскаго праздника онъ предложилъ своимъ гостямъ кому угодно облаву на медвѣдя; желающими оказались всѣ, не исключая и баталіоннаго командира.

Послѣ родовъ, Марья Ѳедоровна страдала ровно шесть недѣль. Не подумайте только, чтобы она физически страдала; ничего не бывало,— она на третій день послѣ родовъ готова была на какой угодно гимнастическій подвигъ; она страдала нравственно и именно потому, что въ домѣ находилась особа, которая распоряжалась совершенно всѣмъ, и даже ею самою; это была акушерка. А для Марьи Ѳедоровны пытки не было хуже, какъ повиноваться кому бы то ни было.

Наконецъ, мучительныя шесть недѣль кончились; съ крестомъ и съ молитвою акушерку выпроводили и двери заперли. Марья Ѳедоровня вздохнула свободно и, принявъ бразды правленія, велѣла позвать къ себѣ мужа.

Прошло полчаса—супругъ неявляется. Марья Ѳедоровна бѣсится и посылаетъ сказать, что она его ждетъ. Посланный возвратился и сказалъ, что „они только-что побрились и изволятъ одѣваться“.

Надо вамъ замѣтить, что ротмистръ считалъ себя птицей высочайшаго полета и для него этикетъ, даже въ отношеніи жены, былъ чуть ли не первой заповѣдью. У себя дома онъ бирюкъ-бирюкомъ; готовъ даже съ собаками и поѣсть изъ одного корыта; но что касается внѣ дома, тутъ онъ совершенная метаморфоза, какъ выражается одинъ мой пріятель.

— Насилу-то выбрились! такъ встрѣтила Марья Ѳедоровна своего ротмистра.

— Нельзя же, другъ мой, приличіе!

— А вотъ что, другъ мой! тутъ не приличіе, а вотъ что, каковы ваши дѣти?

Библиотека "Руниверс"

— Слава Богу, ничего.

— Каковъ Коля?

— Ничего, ослѣпъ, совершенно ослѣпъ.

— То-то ослѣпъ. Я вамъ говорила, что нужно будетъ оспу привить, не послушали. (Соврала, никогда не говорила).

— Не помню, когда вы мнѣ говорили, или я забылъ.

— Забыли, сударь, ну, да не въ томъ дѣло, а вотъ что, у васъ тамъ помѣщеніе хорошее для нихъ?

— Не совсѣмъ, другъ мой! тѣсновато.

— Не будетъ тѣсновато, пускай они остаются съ тобою, а бывшую ихъ дѣтскую я велю передѣлать для нашего сына. Понимаете?

— Понимаю, понимаю, мой другъ.

— Да вотъ еще что я хотѣла сказать, прибавила она, послѣ продолжительнаго безмолвія,—нянекъ я беру къ себѣ, а для дѣтей, такъ какъ они уже взрослые, можно будетъ взять двухъ дѣвокъ изъ деревни.

Мужъ охотно согласился. Ему эти няньки не нравились, особенно младшая: дотронуться нельзя, кричитъ какъ будто ее укусили, да еще грозитъ барыней, „а этихъ я заставлю плясать по своей дудкѣ“— въ тихомолку разсуждалъ ротмистръ, подходя къ колыбели спящаго шестинедѣльнаго своего сына.

— Не правда ли, какое милое созданье! говорила Марья Ѳедоровна, приподнимая занавѣску.

— Прекрасное! позволь поцѣловать его, другъ мой!

— Нельзя, разбудишь—и она опустила занавѣску. Ступай теперь домой и пошли ко мнѣ приказчика, я велю привести ко мнѣ всѣхъ дѣвокъ изъ села и выберу нянекъ.

— Зачѣмъ тебѣ безпокоиться, другъ мой, я самъ выберу.

— Хорошо, хорошо, ступайте, я знаю, что дѣлаю.

И супруги разстались.

Отцу сильно не нравилось постоянное пребываніе дѣтей въ его уголкѣ (такъ называлъ онъ свой флигель); все-таки хлопоты, а съ другой стороны пожалуй и нравилось, т. е. нравились будущія няньки, — „вѣдь она не пришлетъ же мнѣ какихъ нибудь Квазимодовъ въ сарафанахъ“, думалъ онъ, и ошибся.

На другой день ввели къ нему во флигель такихъ двухъ красавицъ, что онъ только ахнулъ.

— Ну, одолжила! проговорилъ онъ съ ужасомъ, глядя на неумытыхъ новобранокъ.

— Зачѣмъ вы пришли? спросилъ онъ ихъ.

— Няньчить, отвѣчали онѣ въ одинъ голосъ.

— Хороши, нечего сказать.

— Какія есть, баринъ.

— Ну хорошо, ступайте домой.

Дѣвки только повернулись къ дверямъ, какъ дверь раствори-

Библиотека "Руниверс"

лась и въ комнату вошла сама Марья Ѳедоровна. Ротмистръ спрятался въ другую комнату, потому что былъ въ утреннемъ пальто.

— Полно дурачиться, говорила входя Марья Ѳедоровна, я не для комплиментовъ пришла. Надѣньте что нибудь, да выйдите скорѣе ко мнѣ.

Ротмистръ явился въ форменномъ сюртукѣ и ловко раскланялся, спрашивая о здоровьѣ и самой Марьи Ѳедоровны и новорожденнагó.

— Ничего, слава Богу, здоровы, а ваши каковы?

— Ничего, слава Богу.

— Покажите-ка мнѣ ихъ, а вотъ прошу любить и жаловать, говорила она, показывая нянекъ.

— Другъ мой, да откуда ты выкопала этихъ уродовъ?

— Ничего, достоинство няньки не въ красотѣ, а въ кротости— пойдемте.

Пройдя сѣни, они вошли въ большую комнату, наполненную щенками всѣхъ породъ и возрастовъ. Когда Марья Ѳедоровна зажала носъ платкомъ, ротмистръ проговорилъ:

— Ничего, другъ мой, я привыкъ, это моя страсть.

За комнатою со щенками находилось что-то въ родѣ чулана,— это была комната нянекъ, а за чуланомъ уже растворилась дѣтская, не многимъ больше чулана, объ одномъ окнѣ комната. Полуодѣтыя дѣти и няньки съ ними играли въ жмурки, т. е. они прятались, а слѣпой Коля ихъ искалъ; когда вошла въ комнату Марья Ѳедоровна, няньки остолбенѣли, а маленькая Лиза схватила слѣпого брата за руку и шепнула ему — „мама“. Коля задрожалъ и сталъ прятаться за сестру, а сестра, въ свою очередь, за брата.

Марья Ѳедоровна быстро оглянула комнату и едва замѣтно улыбнулась, потомъ обратясь къ дѣтямъ проговорила:

— Не бойтесь меня, мои крошечки, я вамъ гостинца принесла. И она имъ вынула по леденцу изъ ридикюля. Подавая Колѣ леденецъ, она хотѣла заплакать, но улыбнулась и сказала:

— Бѣдное созданіе. Что вы съ нимъ намѣрены дѣлать? спросила она мужа.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ равнодушно.

Послѣ этого она обратилась къ нянькамъ и сказала:

— А вы дуры! только знаете дѣтей баловать, убирайтесь вонъ отсюда, а вы мои милыя оставайтесь здѣсь вмѣсто ихъ,—прибавила она, обращаясь къ новобранкамъ.

— Слышимъ барыня, отвѣчали онѣ и начали снимать свои зипуны.

— Мнѣ пора и я думаю мой генералъ уже проснулся. Прощайте мои крошки, сказала Марья Ѳедоровна, обращаясь къ дѣтямъ,—пойдемте, приказала она прежнимъ нянькамъ и, закрывши носъ, вышла изъ дѣтской.

Ротмистръ молча пошелъ въ слѣдъ за нею, но въ большой ком-

Библиотека "Руниверс"

натѣ, окруженный разномастными и разнородными щенятами, остановился въ раздумьи, и вдругъ, какъ бы осѣненный мыслію свыше, хлопнулъ себя ладонью по узенькому лбу и воскликнулъ:

— Нѣтъ, другъ мой, этому не бывать! Я въ твои дѣла не мѣшаюсь, такъ не мѣшайся же ты и въ мои,—и съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ комнаты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на визгъ щенятъ.

До самаго почти обѣда ходилъ онъ по кабинету, заложа руки за спину, или останавливаясь передъ мишенью и складывалъ руки на груди à la Napoleon и даже позицію принималъ Наполеона. Въ этомъ положеніи онъ былъ невыразимо смѣшонъ. Центръ мишени казалось поглощалъ всего его, такъ онъ пристально вперилъ въ него свои сѣренькіе безсмысленные глазки.

Нѣсколько разъ брался онъ за пистолетъ, отходилъ отъ мишени къ стулу, становился въ позицію, прицѣливался и опускалъ пистолетъ безъ выстрѣла.

— Нѣтъ не могу! Проговоривши это самымъ отчаяннымъ голосомъ, долго теръ себѣ ладонью лобъ, потомъ опускалъ руки въ карманы и принимался ходить взадъ и впередъ.

Наконецъ, спросилъ онъ себѣ побриться, потомъ умылся розовой водой, одѣлся самымъ изысканнымъ манеромъ, остановился передъ трюмо, принялъ важную позу и грозную физіономію, посмотрѣлся нѣсколько минутъ, взялъ шляпу и пошелъ къ женѣ объясняться, какъ онъ думалъ, по поводу семейныхъ неудовольствій (подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ безобразныхъ нянекъ).

Марья Ѳедоровна предвидѣла это критическое посѣщеніе и приготовилась. Она надѣла темносинее бархатное платье, въ которомъ ротмистръ такъ любилъ ее видѣть, и взявши малютку на руки встрѣтила его въ гостинной.

Грозный юпитеръ исчезъ и передъ нею стоялъ самый обыкновенный ротмистръ и сладко улыбался.

— Скажи душенька, „bonjour papa“, говорила она, цѣлуя ребенка, и поднося его мужу—теперь и ты, другъ мой, можешь его поцѣловать.

Ротмистръ безмолвно приложился.

— А знаешь ли, другъ мой, какой я сонъ сегодня видѣла? Будто бы твой Коля и нашъ Ипполитъ уже взрослые и оба гусары—и какіе молодцы! Просто прелесть, особенно Ипполитъ, двѣ капли воды на тебя похожъ. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, прибавила она, лукаво улыбаясь, если всмотрѣться въ него хорошенько, онъ дѣйствительно будетъ на тебя похожъ—милочка!—и она восторженно поцѣловала ребенка.

Послѣ этого, все что тлѣло въ маленькомъ сердцѣ ротмистра, совершенно погасло; даже няньки представлялись ему благообразнѣе, нежели были на самомъ дѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Надѣюсь, ты сегодня у меня обѣдаешь? сказала Марья Ѳедоровна, уходя съ ребенкомъ въ дѣтскую.

— Съ удовольствіемъ, мой другъ! проговорилъ ротмистръ; но другъ его уже былъ въ третьей комнатѣ и ничего не слышалъ.

Ротмистръ былъ совершенно счастливъ и, развалясь въ широкихъ мягкихъ креслахъ самымъ великосвѣтскимъ манеромъ, совершенно безпечно насвистывалъ изъ Фрейшюца пѣсню—„Ахъ чтобъ было безъ вина"—и билъ тактъ лайковой палевой перчаткой по колѣну.

Марья Ѳедоровна вышла къ обѣду уже въ другомъ платьѣ, не менѣе прежняго великолѣпномъ. Это переодѣванье окончательно уничтожило бѣднаго ротмистра, потому что было совершенно въ тонѣ высшаго общества, котораго ротмистръ считалъ себя (Аллахъ вѣдаетъ почему) не послѣднимъ членомъ.

Послѣ обѣда, они разстались, какъ разстаются самые нѣжные супруги въ первый день послѣ свадьбы; въ заключеніе даже поцѣловались, а такого происшествія бѣдный ротмистръ и не запомнитъ.

Придя домой, онъ, не раздѣваясь, перецѣловалъ отъ восторга всѣхъ щенятъ, а о дѣтяхъ даже и не подумалъ. Раздѣвшись, погрузился онъ въ мягкую перину и полежавши не много тяжело вздохнулъ; а о чемъ онъ тяжело вздохнулъ, Богъ его вѣдаетъ.

Убаюкавши такимъ образомъ на первый разъ своего мужичка-дурачка, Марья Ѳедоровна продолжала туже тактику до тѣхъ поръ, пока онъ не освоился совершенно съ безобразными няньками. Она тогда повела съ нимъ другую политику, посылая его съ визитами къ сосѣдямъ, чтобы не одичалъ и съ добрыми людьми не раззнакомился;—„и я бы поѣхала съ тобой, прибавляла она, но ты видишь у меня ребенокъ на рукахъ, его нельзя же бросить".

— Правда мой другъ, отвѣчалъ онъ, ты оставайся съ нимъ; онъ такой милый крошка, я за тебя передъ нашими добрыми сосѣдками извинюсь.

— Только вотъ что! говорила она, когда онъ собирался кому визитъ дѣлать, ты пожалуйста никого не приглашай къ себѣ пока я кормлю (она сама кормила своего сына).

— Никого другъ мой, увѣрялъ онъ, садясь въ коляску и разъ выѣхавши изъ дому, не возвращался въ него по мѣсяцу, а иногда и по два; гдѣ онъ пропадалъ, объ этомъ знали только его вѣрные слуги кучеръ и лакей. Они можетъ быть и разсказали бы барынѣ о нѣкоторыхъ любопытныхъ похожденіяхъ своего шаловливаго барина, напримѣръ въ губернскомъ городѣ, въ разныхъ трактирахъ; да барыня ихъ объ этомъ не спрашивала; ей какое дѣло до любопытныхъ похожденій своего пустоголоваго мужа; она вѣрными шагами подвигается къ своей цѣли и совершенно довольна.

А цѣль ея была такая... Но нѣтъ, зачѣмъ прежде времени развязывать торбу. Можетъ быть тамъ, Боже сохрани, такое спрятано, что совѣстно и подумать, а не то что прежде времени показывать да

Библиотека "Руниверс"

разсказывать. Лучше уже, если начали читать мои терпѣливые читатели, то читайте до конца; тогда и сами узнаете, какого сорта сатана сидѣлъ въ прекрасной головѣ Марьи Ѳедоровны.

Одна изъ безобразныхъ нянекъ, та, которая была неуклюжѣе и безобразнѣе, оказалась доброю и скромною женщиною, и Марья Ѳедоровна, замѣтя это, наказала ей строго смотрѣть только за Лизанькою, а къ Колѣ не подходить. Той же, которая была грубѣе, и злѣе и прожорливѣе, наказала строго смотрѣть за слѣпымъ Колей и не давать ему шалить, а главное обѣдать. Бѣдный, несчастный мальчикъ давно бы умеръ съ голоду, если бы сестра и ея нянька не оставляли для него отъ своего обѣда и не кормили его тихонько по ночамъ, когда его прожорливая нянька спала.

Ротмистру такъ понравились визиты, что онъ въ домъ къ себѣ и не заглядывалъ; когда же ему случалось быть гдѣ нибудь поближе, то лишь пришлетъ записку, попроситъ денегъ, бѣлья или чего тамъ понадобится; разумѣется ему все это отпускалось безпрекословно.

III.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, т. е. года три или четыре все шло своимъ чередомъ, или, правильнѣе, какъ угодно было Марьѣ Ѳедоровнѣ.

Однажды, это было осенью, не помню въ которомъ мѣсяцѣ, барская коляска подъѣхала къ дому и ротмистра изъ нея не высадили, какъ это обыкновенно дѣлалось, а вынесли на рукахъ, какъ это дѣлается только въ критическихъ случаяхъ. Марья Ѳедоровна, увидя это, злобно улыбнулась; она подумала, что пьянъ, потому что только этой еще добродѣтели ему и недоставало, а теперь и ею украшенъ. Оказалось однакожъ то, чего Марья Ѳедоровна и не подозрѣвала.

Дѣло въ томъ, что къ одному богатому сосѣду, по случаю какого-то семейнаго праздника, съѣхались гости, въ томъ числѣ и нашъ ротмистръ. Послѣ разныхъ увеселеній, собралась порядочная кавалькада охотниковъ и отправилась въ поле русаковъ попугать. Разумѣется, ротмистръ былъ тутъ изъ первыхъ; онъ даже хотѣлъ было за своими борзыми послать, но ему замѣтили, что это невѣжливо и онъ пустился съ чужими. Случилось такъ, что онъ первый поднялъ зайца. Вотъ онъ и пустился во весь опоръ вслѣдъ за борзыми; только на его несчастіе встрѣтилась на пути канава; борзые то ее перепрыгнули, а лошадь съ всадникомъ прямо въ канаву, да собой его и накрыла. Къ тому же еще, въ канавѣ была вода, уже покрытая тонкимъ льдомъ. Бѣднякъ кромѣ того, что ушибся, еще и въ холодной водѣ окунулся, такъ что когда его вытащили оттуда, то онъ уже едва дышалъ; въ этомъ положеніи его и домой привезли.

Такъ вотъ какая случилась исторія.

Библиотека "Руниверс"

Сейчасъ же послали въ городъ за медикомъ, а на другой день и за попомъ. На третій день, передъ вечеромъ, благословивъ своихъ несчастныхъ дѣтей и поручивъ ихъ блюденію и заступничеству Марьи Ѳедоровны, ротмистръ послалъ свою гусарскую душу на лоно Авраамле.

Какъ ни кратковременна была его болѣзнь, однакожъ Марья Ѳедоровна успѣла сдѣлать форменно все, что нужно было для обезпеченія своей будущности и своего сына, т. е. онъ сдѣлался третьимъ наслѣдникомъ общаго имѣнія, а она и опекуншей и полной хозяйкой во всемъ.

Марья Ѳедоровна похоронила своего обожаемаго супруга въ тѣни березовой рощи, близь прозрачнаго пруда, и при похоронахъ выказала необыкновенныя сценическія способности. Она такъ хорошо сыграла роль неутѣшной вдовы, что самые равнодушные сосѣди, глядя на нее, рыдали, а бѣдныхъ сиротокъ, особенно Колю, чуть въ слезахъ не утопила, а поцѣлуямъ и числа не было и еслибъ сострадательные сосѣди не удержали ее, она бы непремѣнно бросилась въ могилу; но спасибо не допустили, а взяли ее на руки и почти мертвую внесли въ домъ; уже тамъ на силу привели ее въ чувство нашатырнымъ спиртомъ (одеколонъ не помогалъ).

Когда же она очнулась, увидѣла себя одну въ своей спальнѣ и услышала отдаленные голоса поминающихъ сосѣдей, то едва замѣтно улыбнулась и шопотомъ проговорила:

— Главное само собою устроилось, а ихъ я сама пристрою,—и, вставши съ постели, она тихонько пошла въ дѣтскую къ своему милому Ипполиту.

Около вечера гости навеселѣ разъѣхались по своимъ захолустьямъ, совершенно увѣренные, что Марья Ѳедоровна самая несчастная женщина во всемъ мірѣ.

А Марья Ѳедоровна, чтобы увѣрить ихъ еще больше въ своемъ ни чѣмъ не утѣшимомъ горѣ, на другой день велѣла согнать со всего села бабъ и дѣвокъ съ лопатами и мѣшками, а мужиковъ не трогать. „Они пусть дѣлаютъ свое дѣло“, сказала она.

Когда собрались дѣвки и бабы съ помянутыми орудіями, она вся въ черномъ, и со слезами на глазахъ, повела ихъ на могилу своего незабвеннаго ротмистра и повелѣла (подобно Ольгѣ надъ Игоремъ) сыпать курганъ. Работа началась и впродолженіи двухъ или трехъ недѣль огромный черный курганъ высился надъ прахомъ незабвеннаго ротмистра. Марья Ѳедоровна сама лично распоряжалась работами и при работахъ рѣкою разливалась, какъ говорили простосердечныя работницы; но искреннѣе и чистосердечнѣе никто не плакалъ и не проклиналъ и покойника и Марью Ѳедоровну, какъ сами работницы и, правду сказать, онѣ на это имѣли полное право. Морозы уже доходили до 10-ти градусовъ; онѣ бѣдныя выходили на работу, какъ говорится, въ чемъ Богъ послалъ, и на все это чув-

Библиотека "Руниверс"

ствительная и неутѣшная Марья Ѳедоровна смотрѣла совершенно равнодушно. Смѣло можно сказать, что этотъ памятникъ любви и воспоминаній былъ политъ самыми непритворными слезами.

Въ скоромъ времени разнесся по всѣму уѣзду и по всей губерніи слухъ, что Марья Ѳедоровна такая-то не показывается своимъ людямъ, и выходитъ изъ дому по ночамъ на могилу своего мужа и тамъ плачетъ отъ вечерней до утренней зари.

Она дѣйствительно выходила по ночамъ, не смотря ни на какую погоду, на курганъ и тамъ, не скажу плакала, а вовсеуслышаніе выла.

Такъ она ходила выть на могилу до тѣхъ поръ, пока сердобольныя сосѣдки, утѣшая, не напомнили ей о Лизѣ и Колѣ.

Тутъ она какъ бы опомнилась. „Проклятыя пріятельницы, подумала она, будто я не знаю что дѣлаю.“ Однако, дѣлать нечего, нужно было перемѣнить роль, и изъ нѣжной супруги сдѣлаться нѣжной матерью.

Немедля ни мало, она разослала просить къ себѣ на прощальный праздникъ мелкопомѣстныхъ и крупнорѣчивыхъ своихъ сосѣдокъ,— потому, дескать, случаю, что она, Марья Ѳедоровна, везетъ барышню въ Смольный монастырь и желаетъ проститься съ своими добрыми сосѣдками, а что сама она потому-де ихъ не можетъ посѣтить, что съ дѣтьми постоянно занята.

Слетѣлись сосѣдки, погостили, позлословили денька два, и разлетѣлись по уѣзду, благовѣстить о безпримѣрныхъ добродѣтеляхъ Марьи Ѳедоровны и объ истинно ангельской прелести и скромности Лизы. Лиза была просто деревенская дѣвочка, и въ добавокъ загнанная.

Марья Ѳедоровна была въ восторгѣ отъ своей выдумки и черезъ недѣлю послѣ прощальнаго пира, въ одно прекрасное утро, велѣла заложить тройку въ крытую бричку, въ которой покойникъ ѣздилъ по ярмаркамъ, когда былъ еще ремонтеромъ. Она взяла съ собою своего малолѣтнаго Ипполита, безмолвную Лизу и больше никого: ни слуги, ни служанки. Совершенно на легкѣ отправилась она въ Петербургъ опредѣлить Лизу въ Смольный, или въ Екатерининскій институтъ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, она остановилась на любимыхъ своихъ Пескахъ, у задушевной своей пріятельницы, Юліи Карловны Шошеръ, „ведки изъ Випорхъ.“

Эта Юлія Карловна Шошеръ была вдова чиновника 14 класса и имѣла на Пескахъ свой собственный домикъ съ мезониномъ. Кромѣ доходовъ съ домика, она получала еще за свои профессіи порядочный доходъ, а профессіи ея были разныя. Она и поношеннымъ дамскимъ платьемъ торговала, и лотерейные билеты разносила, и дѣтей принимала, и сватала, и просто... да мало ли какія есть на свѣтѣ профессіи, всѣхъ не перечтешь.

Библиотека "Руниверс"

На счастье Марьи Ѳедоровны мезонинъ былъ пустой: она и расположилась въ немъ.

Въ нижнемъ этажѣ этого дома, въ четыре окна и съ дверью на улицу, помѣщалось что-то въ родѣ моднаго магазина. Хотя и трудно предполагать подобное явленіе на Пескахъ, но я думаю, что это былъ дѣйствительно модный магазинъ, а не что нибудь другое, потому, что на одномъ окнѣ постоянно торчала на болванчикѣ шляпка, а въ прочихъ окнахъ, тоже постоянно, красовались молодыя румяныя дѣвицы съ какою нибудь работою въ рукахъ.

Марьѣ Ѳедоровнѣ сама судьба помогала; она только и думала о подобномъ заведеніи, а оно само очутилось подъ носомъ.

Она позвала къ себѣ Юлію Карловну.

— Юлія Карловна, спросила она, а кто это у васъ въ домѣ содержитъ модный магазинъ?

— Моя землячка, тоже изъ Випорхъ и тоже чиновница Каролина Карловна Шпекъ.

— Я привезла съ собою крѣпостную дѣвушку, чтобы отдать въ модный магазинъ, такъ чѣмъ далеко ходить, поговорите съ нею, не хочетъ ли она взять у меня эту дѣвушку; только мнѣ бы не хотѣлось платить за нее, а не можетъ ли она взять на число лѣтъ т. е. съ заслугой.

— Можетъ, очень можетъ, она прекрасная, преблагородная дама. Я сейчасъ пойду къ ней.

И Юлія Карловна, сходя внизъ по узенькой лѣстницѣ, коварно улыбалась, быть можетъ расчитывая на будущій барышъ, потому что она вдвоемъ съ Каролиной Карловной содержала двухсмысленный модный магазинъ.

На другой же день былъ заключенъ контрактъ. Лиза, вмѣсто Смольнаго монастыря, была отдана подъ видомъ крѣпостной дѣвки Акулины на десять лѣтъ въ руки корыстолюбивой, старой, отвратительной чухонки. Когда Лизу взяла къ себѣ Каролина Карловна и назвала ее въ первой разъ Акулькой, бѣдная дѣвочка заплакала и сказала, что она не Акулька, а Лиза; ее выпорили и бѣдная Лиза согласилась, что она дѣйствительно Акулька, а не Лиза.

Пристроивши такимъ образомъ Лизу, Марья Ѳедоровна заказала для своего милаго Ипполита нѣсколько паръ дѣтскаго платья, разнаго покроя и на разный возрастъ до четырнадцати лѣтъ.

Когда платье было готово, она, чтобы не проживаться даромъ въ столицѣ, поспѣшно собралась и уѣхала, поцѣловавъ и благословивъ бѣдную Лизу на безотрадную, сиротскую, мученическую жизнь.

Сосѣдки удивились, когда пронеслась вѣсть, что Марья Ѳедоровна возвратилась изъ Петербурга и, разумѣется, въ запуски полетѣти поздравлять Марью Ѳедоровну съ благополучнымъ успѣхомъ; когда стали онѣ удивляться, что такъ скоро все случилось, она понесла имъ такіе турусы на колесахъ, что тѣ слушали да только ахали.

Библиотека "Руниверс"

Между прочимъ она разсказывала, что самъ управляющій женскими заведеніями, Лонгиновъ, какъ только она подала прошеніе, пріѣхалъ къ ней на квартиру и взявши съ собою Лизу самъ повезъ ее прямо въ Екатерининскій институтъ.

Простодушные сосѣди, принявъ все это за чистую монету, разъѣхались по уѣзду и усердно, съ разными прибавленіями, передавали всѣмъ и каждому то, что наговорила имъ Марья Ѳедоровна.

А Марья Ѳедоровна, отдохнувши послѣ дороги, занялась хозяйствомъ т. е. повѣрила прикащика, ключницу и прочихъ должностныхъ лицъ, при чемъ вошла въ мельчайшія экономическія подробности, какъ самая опытная хозяйка. Нужно замѣтить, что при жизни мужа она была расчетлива и бережлива, а со смертію его сдѣлалась настоящимъ скаредомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что все это не ея, что она только опекунша бѣдныхъ сиротъ, и что за каждую утраченную кроху, она должна отвѣчать передъ Богомъ. Часы же досуга она посвящала на одѣванье и раздѣванье въ привезенные изъ Петербурга наряды своего ненагляднаго Ипполита.

Когда Лизу увезли въ Петербургъ, слѣпой Коля совершенно осиротѣлъ и положеніе его сдѣлалось еще хуже. Тогда бывало или сестра, или ея нянька, ему бѣдному хоть что нибудь оставятъ ѣсть, а теперь приносятъ ему оглодки изъ дому, да и тѣ его прожорливая нянька истребляетъ, а сама запретъ его въ комнатѣ, да и уйдетъ на цѣлый день въ село на посидѣлки; хорошо еще если иногда щенка броситъ ему въ комнату, все таки лучше,—покрайней мѣрѣ онъ слышитъ живое что-то около себя.

Въ короткое время онъ бѣдный такъ исхудалъ и пожелтѣлъ, что даже Марья Ѳедоровна испугалась, когда его однажды случайно увидѣла. Но она только испугалась, а положеніе его все-таки не улучшила. Правда прислала она ему новый демикотоновый сюртукъ сшитый на выростъ и такіе же брючки.

Въ этой-то великолѣпной обновѣ, нянька повела его въ село показать своимъ родственникамъ; родственники должно быть были люди мягкосердые и зажиточные, накормили его кашей съ молокомъ и на дорогу дали ватрушку, которая не достигла своего назначенія, будучи вырвана изъ рукъ у него хитрою собакою.

На другой день Коля упросилъ няньку взять его съ собою въ гости. Дорогой, она вспомнила, что ей нужно зайти туда, куда почему-то ей не хотѣлось вести Колю; вотъ она и усадила его подъ заборомъ на улицѣ, наказавъ не сходить съ мѣста,—„иначе тебя собаки съѣдятъ“. Распорядившись такимъ образомъ, она пошла къ своей знакомой, да тамъ и пропала.

Долго Коля сидѣлъ подъ заборомъ молча, и только тихо улыбался когда поворачивалъ лицо къ солнцу: наконецъ онъ началъ плакать, сначала тихо, а потомъ громко. На плачъ его сбѣжались деревенскія дѣти и, окруживъ его, долго смотрѣли на него, не зная кто онъ и

Библиотека "Руниверс"

откуда. Наконецъ, два три мальчика по взрослѣе предложили ему идти къ себѣ въ избу, но онъ отвѣчалъ имъ, что онъ слѣпой и дороги не видитъ. Одинъ мальчуганъ по-бойчѣе взялъ его за руку и повелъ къ своей избѣ, а дорогой для потѣхи товарищей заставлялъ его на ровномъ мѣстѣ скакать, говоря: „скачи, здѣсь яма, или лужа".

Послѣ многихъ перескоковъ, наконецъ привелъ его мальчикъ въ свою избу. Здѣсь старуха накормила его щами и пирогомъ съ кашей, а потомъ отвела на барскій дворъ и представила самой Марьѣ Ѳедоровнѣ, которая въ предупрежденіе несчастія, могущаго случиться отъ повторенія подобнаго своевольства, велѣла его выпороть хорошенько при себѣ лично, чтобъ не бродяжничалъ.

Долго послѣ этого бѣдный Коля не выходилъ изъ своей конуры.

Однажды, въ воскресенье, благовѣстили къ обѣдни, и звуки колокола тихо долетали до бѣднаго Коли. Онъ молча съ улыбкою слушалъ пока звуки затихли, а потомъ спросилъ свою няньку:

— Что это такое гудѣло?

— Вишь гудѣло, это не гудѣло, а къ обѣдни благовѣстили, отвѣчала съ неудовольствіемъ нянька.

— Къ какой обѣдни? не много помолчавъ спросилъ ее Коля.

— Извѣстно къ какой, Богу молиться, въ церкви.

— Въ какой церкви?

— Въ какой? вонъ что въ селѣ.

— Пойдемъ и мы туда.

— А забылъ какъ анамедни... Хочешь еще?

Коля вздрогнулъ и замолчалъ.

Каждый день Коля прислушивался, но звуки колокола не долетали до его конуры. Наконецъ, въ слѣдующее воскресенье онъ опять ихъ услышалъ и радостно вскрикнулъ—„опять загудѣло!"

— Нянюшка! голубушка! родная ты моя, обратился онъ къ нянькѣ—поведи меня въ церковь.

И онъ такъ жалобно и трогательно просилъ ее, что та наконецъ тронулась его мольбами и пріодѣвши его во что Богъ послалъ, повела въ церковь.

Въ продолженіи обѣдни Коля стоялъ какъ окаменѣлый; его сильно поразило никогда неслыханное пѣніе и чтеніе и когда прерывалось то или другое, онъ, какъ бы все еще слушая, тихонько склонялъ голову и едва замѣтно улыбался. Обѣдня кончилась, а онъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ и дожидался пѣнія; наконецъ, нянька взяла его за руку и вывела изъ церкви, сказавши, что для него другой обѣдни не будутъ пѣть.

Мужички дивились на своего слѣпого барчонка тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ, чтобы онъ хоть разъ въ церкви перекрестился. Первое, чему учитъ мать христіанка едва начинающее лепетать дитя свое, это складывать три пальчика, креститься и произносить слово „Бозя".

Библиотека "Руниверс"

У бѣднаго Коли рано взяла судьба эту нѣжную наставницу, а мачиха объ этомъ забыла, и такъ онъ уже взрослый мальчикъ не зналъ ни одной молитвы и не умѣлъ даже перекреститься.

Священникъ не могъ и подозрѣвать этого, такъ какъ являлся въ домъ только въ извѣстные дни въ году; ему платили какъ медику за визитъ и больше ничего. Впрочемъ, большая часть нашихъ помѣщиковъ, на такомъ точно растояніи, какъ и Марья Ѳедоровна, держатъ сельскихъ священниковъ; это невыразимо грустная правда.

Послѣ обѣдни, священникъ зазвалъ къ себѣ Колю, познакомилъ его съ своимъ сыномъ Ванюшей, годомъ старше Коли, покормилъ обѣдомъ, далъ ему просфорку и наказалъ нянькѣ, чтобы она его каждое воскресенье приводила къ обѣднѣ.

Недѣлю цѣлую Коля почти не спалъ, все прислушивался къ звуку колокола; наконецъ дождался: въ слѣдующее воскресенье зазвонили къ заутрени и онъ въ восторгѣ закричалъ: „Къ обѣднѣ! къ обѣднѣ, пойдемъ няня!“ А няня его спала; онъ ощупалъ ея постель, разбудилъ ее и просилъ, чтобы она вела его въ церковь.

— Ахъ ты полуночникъ неугомонный! закричала нянька съ просонья, какая теперь церковь, благо слѣпой, такъ тебѣ все равно, ночь ли, день ли.

И, поворотившись на другой бокъ, она сейчасъ же захрапѣла. Коля, немного помолчавъ, принялся плакать и проплакалъ до благовѣста къ обѣдни. Тутъ снова онъ принялся просить свою няньку, чтобы вела его въ церковь. На этотъ разъ нянька согласилась.

Священникъ зазвалъ его послѣ обѣдни опять къ себѣ, угощалъ по прежнему обѣдомъ и наказывалъ, чтобы онъ не лѣнился посѣщать храмъ Божій. Коля сказалъ ему, что онъ готовъ идти въ церковь какъ только колоколъ заслышитъ, но что нянька не хочетъ его вести. Священникъ пригрозилъ нянькѣ, что если она его не будетъ водить въ церковь, то онъ ей причастія не дастъ. Нянька испугалась и съ тѣхъ поръ Коля послѣ первыхъ же ударовъ въ колоколъ исправно являлся въ церковь.

Прошло не болѣе полугода съ тѣхъ поръ, какъ Коля началъ посѣщать церковь и священника, а зналъ уже наизусть заутреню, обѣдню и вечерню, нѣсколько десятковъ псалмовъ, всѣ воскресныя евангелія и почти всѣ посланія апостола Павла. Ванюша поповичъ, подружившись съ нимъ, выучилъ его наизусть молитвы утреннія и на сонъ грядущій. Кромѣ всего этого, Коля уже не нуждался въ провожатомъ, самъ ходилъ и въ церковь и изъ церкви, заходилъ къ священнику и отъ него возвращался въ свою конуру совершенно какъ зрячій, такъ что нянькѣ оставалось только спать.

Иногда приходилъ къ нему въ гости Ванюша поповичъ и приносилъ съ собою или псалтырь, или священную исторію, а если была погода хорошая, то они гуляли по саду, или купались въ прудѣ.

Такъ прошло еще лѣто. Ванюшу поповича отвезли въ семинарію.

Библиотека "Руниверс"

Бѣдный Коля опять осиротѣлъ; но за то читалъ наизусть псалтырь, священную исторію, и изучилъ всѣ тропинки въ саду.

Марья Ѳедоровна зорко слѣдила за его необыкновенными способностями и не мѣшала имъ развиваться, не видя въ томъ никакого препятствія сдѣлать со временемъ Ипполита настоящимъ хозяиномъ имѣнія.

Однажды, священникъ, проэкзаменовавъ Колю въ первой каѳизмѣ, заставилъ его прочесть ее въ церкви въ субботу за вечерней. Коля прочиталъ, какъ будто бы по книгѣ; въ воскресенье прочиталъ за утреннею первый часъ, а за обѣдней часы и 25-й псаломъ. Прихожане и самъ священникъ восхищались чтеніемъ Коли, только нѣкоторые набожныя старушки замѣтили, что хорошо-де слѣпой барчонокъ читаетъ, только больно жалостливо.

Церковь для его души сдѣлалась единственнымъ прибѣжищемъ, куда онъ приходилъ какъ бы къ самому милому другу, какъ къ самой нѣжной матери. Возвышенные, простые наши церковные напѣвы потрясали и проникали все существо его, а божественная мелодія и восторженный лиризмъ псалмовъ Давыдовыхъ возносили его непорочную душу превыше небесъ.

Такъ укрѣплялась и мужала его дѣтская душа для грядущихъ страданій.

Священникъ, и въ особенности причтъ церковный, полюбили его какъ безмезднаго и самаго усерднаго помощника. Часто, напримѣръ, случалось, что онъ придетъ и сидитъ около колокольни въ ожиданіи вечерни или заутрени; пономарь, принявъ благословеніе отъ священника на благовѣстъ къ вечерни, отпираетъ церковь, а Колю посылаетъ на колокольню благовѣстить, онъ и благовѣститъ себѣ, пока трижды пятидесятый псаломъ не прочитаетъ.

Или случится покойникъ въ селѣ, дьячка просятъ псалтырь прочитать надъ покойникомъ, а дьячокъ попроситъ Колю и Коля, взявшись за полу или за палку, идетъ за мужикомъ куда его приведутъ; придетъ, станетъ, прочитаетъ „трисвятое“, „пріидите“ и начнетъ съ „Блаженъ мужъ“ даже до „малъ бѣхъ“, хоть бы тебѣ въ одномъ словѣ ошибся, а старушки, слушая его, плачутъ, потому что онъ читалъ чрезвычайно выразительно, и въ голосѣ его было что-то задушевное, трогательное.

Какъ же его было не любить причетникамъ?

А бывало, когда настанетъ великій постъ, то онъ по цѣлымъ днямъ и домой не приходилъ; зайдетъ къ дьячку или священнику, пообѣдаетъ, а тамъ глядишь и наповечеріе пора благовѣстить; послѣ благовѣсту становится по срединѣ церкви и начинаетъ читать большое повечеріе, и когда дойдетъ до „съ нами Богъ“ остановится, переведетъ духъ и чистымъ сердечнымъ теноромъ съ растановкою прочитаетъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Библиотека "Руниверс"

Безъ сердечнаго умиленія слушать нельзя было, какъ онъ прочитывалъ эту молитву.

Послѣ повечерія, когда Коля вмѣстѣ съ дьячкомъ и священникомъ тихо и уныло пѣлъ „Все упованіе мое на тя, матерь Божія“ рѣдкій изъ прихожанъ, выходя изъ церкви, не плакалъ.

Марья Ѳедоровна видѣла въ Колѣ слѣпого идіота и больше ничего, не мѣшала ему хоть даже поселиться на колокольнѣ, если захочетъ. Одѣвала она его, по ея мнѣнію, для слѣпца даже франтовски т. е. двѣ пары демикотоноваго платья въ продолженіи года, полдюжины рубахъ домашняго холста и прочее, чего-жъ больше. Квартира цѣлый флигель, по ея выраженію, хоть собакъ гоняй, одно только, что Богъ зрѣніе отнялъ,—такъ она этому непричастна.

Сосѣдки сначала говорили ей, что не мѣшало бы его отдать въ институтъ слѣпыхъ все-таки лучше.

— Э, матушки! отвѣчала она имъ. Зрѣнія ему не возвратятъ, а слѣпого чему они научатъ?

Сосѣдки, разумѣется, противорѣчить не смѣли, и единогласно соглашались съ такими практическими доводами.

Вслѣдствіе такой-то политики, Коля былъ предоставленъ на произволъ случая и отъ этого вышло хорошо. Случай сроднилъ его невинную, воспріимчивую душу съ святыми словами и звуками, и онъ, возвышаясь духомъ въ звукахъ божественной гармоніи, былъ тысячу разъ счастливѣе тысячи тысячей зрячихъ людей, чего разумѣется Марья Ѳедоровна не могла подозрѣвать, а иначе она, пожалуй, запирала бы его въ своей конурѣ на время богослуженія.

Такъ какъ для него несуществовало дня, то Коля часто проводилъ лѣтнія ночи или въ саду, или подъ колокольнею, читая въ слухъ свой любимый псаломъ: „Не ревнуй лукавствующихъ, ниже, завидуй творящимъ беззаконіе“.

Крестьяне сначала боялись ходить ночью мимо колокольни, думали, что мертвецъ какой нибудь не отпѣтый самъ по себѣ отходную читаетъ; но послѣ, когда узнали, что это слѣпой барчонокъ пробавляется, то проходили въ полночь мимо церкви даже и не крестясь.

Ипполитушка тоже выросталъ какъ пресловутый богатырь, не поднямъ, а по часамъ, и купался, какъ говорится, словно сыръ въ маслѣ. Зачерствѣлая ко всему, Марья Ѳедоровна къ сыну своему была безконечно нѣжна, позволяла ему все, что только обыкновенно позволяетъ ребенку глуполюбящая мать. Она и не думала начинать его учить грамотѣ; „выучится еще — говорила она сосѣдкамъ, за чѣмъ прежде времени изнурять дитя“. И вотъ Ипполитушка продолжалъ развиваться между няньками и горничными.

Однакожъ, все-таки въ одно прекрасное утро Марья Ѳедоровна послала въ экономическую контору за писаремъ Ѳедькою и велѣла ему учить Ипполитеньку грамотѣ, „такъ, для проформы“ говорила она.

Библиотека "Руниверс"

Ипполитушка, кромѣ того, что былъ самый избалованный ребенокъ—оказался еще и необыкновенно тупъ. Ученику разумѣется ничего, а крѣпостного учителя таки частенько водили на конюшню (а на конюшню извѣстно зачѣмъ водятъ). Бѣдный Ѳедька мучился, мучился съ своимъ пустолобымъ ученикомъ, наконецъ, хватился за умъ. Однажды Ипполитушка въ числѣ игрушекъ принесъ въ учебную комнату и нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ. Ѳедька смекнулъ дѣломъ, распросилъ ученика откуда онъ взялъ эти кругленькіе игрушки; тотъ сказалъ ему, что у маменьки подъ кроватью въ сундукѣ полный мѣшокъ лежитъ этихъ игрушекъ.

— Такъ вотъ что, Ипполитенька—сказалъ вкрадчиво Ѳедька, хотите вы совсѣмъ не учиться?

— Хочу, отвѣчалъ ученикъ весело.

— Такъ подарите мнѣ сегодня эти игрушки и ступайте гулять на цѣлый день, а завтра, когда придете учиться, то принесите еще, и если можно захватите побольше, только смотрите, чтобы маменька не видала, а то она все-таки будетъ заставлять васъ учиться.

Напрасно наставникъ хлопоталъ; ученикъ уже давно имѣлъ ясное понятіе о художествѣ, называемомъ воровствомъ. Нянька Аксинья уже года три какъ пользовалась отъ своего питомца краденымъ сахаромъ, конфектами и разными лакомствами, въ томъ числѣ изрѣдка и мѣдными круглыми игрушками. Слѣдовательно предосторожности были совершенно лишнія.

На другой день, по условію, ученикъ принесъ учителю штукъ десять пятаковъ и былъ освобожденъ отъ ученья. На третій день сумма была увеличена, на четвертый день еще; день за днемъ продолжалось тоже и тоже, такъ что къ концу мѣсяца мѣшокъ уже былъ пустой.

Когда ученикъ объявилъ своему наставнику объ этомъ истинно печальномъ происшествіи, то наставникъ подумавши немного сказалъ:

— А не замѣтили ли вы, Ипполитъ Ивановичъ, гдѣ у маменьки хранятся такія же игрушки, только бѣленькія?

— Не знаю, не видалъ, отвѣчалъ ученикъ.

— А когда не знаете, такъ садитесь учиться.

— Я завтра же узнаю, завопилъ испуганный ученикъ,—и принесу тебѣ сколько угодно, только не учи меня.

— Хорошо, посмотримъ, идите гулять, только помните, до завтрашняго дня.

А на завтрашній день понадобились на что-то мѣдныя деньги Марьѣ Ѳедоровнѣ; она къ мѣшку, а мѣшокъ пустой.

Горничныхъ и нянекъ потребовали на лицо. Явились тѣ и другія.

— Вы,—говоритъ Марья Ѳедоровна,—такія, сякія, деньги изъ мѣшка вытаскали?

— Нѣтъ барыня, мы и не видали.

— Розогъ! крикнула она лакею.

Библиотека "Руниверс"

Явились розги и еще два лакея. Началась пытка, перебрали всѣхъ. Аксиньи не было дома, послали и за ней; приходитъ Аксинья и говоритъ: „да вы барыня за что людей мучите, барчонокъ-то деньги перетаскалъ своему учителю“.

Дорого же поплатилась бѣдная Аксинья за свою дерзость; ей было отпущено вдвое противъ прочихъ.

Отпустивши горничныхъ, Марья Ѳедоровна пошла по комнатамъ искать Ипполитеньку, но Ипполитенька какъ ни былъ тупъ, смекнулъ однакоже, что не даромъ дѣвки благимъ матомъ завыли и, не дожидаясь конца вытью, убѣжалъ въ садъ. Послѣ тщетныхъ поисковъ въ комнатахъ, Марья Ѳедоровна разослала всю дворню и сама пошла искать Ипполитеньку; а онъ, не будучи дуракъ, пока ѣсть не хотѣлось, сидѣлъ въ кустахъ, а когда увидѣлъ, что обѣдъ пронесли къ слѣпому Колѣ, пошелъ къ нему во флигель и безцеремонно истребилъ его скудную трапезу. Но увы! тутъ его за трапезою и накрыла сама Марья Ѳедоровна. И досталось же бѣдному Колѣ за укрывательство вора. Кромѣ ругательствъ, попрековъ и угрозъ, ему не велѣно было давать ничего, кромѣ куска чернаго хлѣба и ковша воды, впредь до разрѣшенія.

Нѣжно, ласково, настояще по-матерински, вывѣдала Марья Ѳедоровна отъ Ипполитушки, когда и кому онъ отдавалъ деньги и, узнавши все обстоятельно, велѣла Ѳедьку наставника выпороть хорошенько и отдать на скотный дворъ до Кузьмы и Демьяна, а тамъ отвезти въ городъ да и сдать въ солдаты; сказано, сдѣлано.

Теперь оставалось подумать объ Ипполитенькѣ, что съ нимъ дѣлать? вѣдь ему уже пятнадцатый годъ пошелъ, а эти изверги его въ деревнѣ пожалуй испортятъ. Нужно отвезти его въ Петербургъ и отдать въ какой-нибудь благородный пансіонъ. Какъ думала Марья Ѳедоровна, такъ и сдѣлала.

Оставивши наказъ или инструкцію приказчику на счетъ управленія имѣніемъ, она вооружила снова ремонтерскую бричку, взяла съ собой милое чадо свое и любимую его няню Аксинью и отправилась въ Петербургъ, не простившись даже съ самыми близкими и самыми долгоязычными сосѣдками своими.

Теперь ей не зачѣмъ сообщать имъ, куда она намѣрена отдать своего сына на воспитаніе. Еще пожалуй, пригласи ихъ, онѣ провѣдаютъ какъ-нибудь о поступкѣ Ипполитеньки и тогда на всю губернію прославятъ воромъ, а того дуры не разсудятъ, что онъ еще дитя.

IV.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Марья Ѳедоровна остановилась не на Пескахъ, какъ можно было предполагать, а въ Ямской слободѣ, около церкви Ивана Предтечи, на постояломъ дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

На другой день, она отправилась сама поискать квартиру, потому что на постояломъ дворѣ и неудобно и грязно, а главное дорого; она же намѣревалась остаться въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ года два, если не болѣе.

Выйдя за ворота, Марья Ѳедоровна перекрестилась на церковь (съ нѣкотораго времени она сдѣлалась чрезвычайно набожна) и не переходя Лиговки направилась къ Знаменью; остановилась здѣсь, посмотрѣла вдоль туманнаго Невскаго проспекта, помечтала немного о своемъ давно прошедшемъ и пошла прямо на Пески къ извѣстному домику о четырехъ окнахъ съ мезониномъ.

Въ одномъ изъ оконъ этого домика торчала на болванчикѣ та же самая шляпка, которая торчала назадъ тому десять лѣтъ, а въ прочихъ окнахъ виднѣлись по прежнему дѣвушки, какъ будто онѣ десять лѣтъ и съ мѣста не сходили; въ числѣ этихъ дѣвушекъ была и Лиза, но уже не та малолѣтняя, рябинькая, безмолвная Лиза, а сидѣла у окна, сложа руки и опустя на высокую грудь кудрявую прекрасную голову, девятнадцатилѣтняя, вполнѣ развившаяся какъ роза, пышная красавица.

На свѣжемъ молодомъ ея лицѣ и слѣдовъ не осталось прежнихъ рябинъ; нужно было близко и внимательно присматриваться, чтобы ихъ замѣтить.

Въ то самое время, какъ проходила мимо оконъ Марья Ѳедоровна, Лиза подняла свои длинныя, бархатныя рѣсницы, взглянула въ окно и поблѣднѣла; она бѣдная узнала свою мачиху и ей разомъ представилось все ея грустное прошедшее. Она закрыла лицо руками, хотѣла встать со стула, но не могла, приподнялась еще разъ и безъ чувствъ повалилась на полъ.

Подруги подняли ее и унесли за ширмы.

Марья Ѳедоровна, проходя мимо окна, и не подозрѣвала, что она была причиною такой катастрофы. Она вошла спокойно на давно знакомый ей дворикъ, подошла къ извѣстной лачугѣ близь помойной ямы, и постучала въ маленькую, на скоро сколоченную, но уже весьма ветхую дверь, которая съ какимъ-то дребезжаньемъ отворилась и передъ ней явилась Юлія Карловна съ опрокинутою чайною чашкою въ рукахъ. (Юлія Карловна къ безчисленнымъ своимъ профессіямъ прибавила еще одну—гаданіе на кофе). Послѣ первыхъ оховъ на порогѣ, Марья Ѳедоровна была введена въ хижину и тутъ уже старыя пріятельницы торжественно поцѣловались.

Успокоившись отъ внезапнаго потрясенія и усадивъ свою дорогую гостью на полусломанномъ стулѣ, Юлія Карловна поспѣшила представить ей молодую, стройную и весьма бѣдно одѣтую дѣвушку, съ черными большими и заплаканными глазами.

— Рекомендую вамъ, сказала она обращаясь къ Марьѣ Ѳедоровнѣ,—моя хорошая, можно сказать, пріятельница, мамзель Шарнберъ, тоже моя землячка, только по отцѣ изъ хорошей фамиліи. Я

Библиотека "Руниверс"

имъ сейчасъ гадала на кофе, и такъ прекрасно, такъ прекрасно выходитъ, что лучше требовать нельзя, а онѣ все не вѣрятъ и плачутъ.

— Я ужъ два года вѣрила, тихо проговорила дѣвушка.

— Такъ что же матушка, и по десяти лѣтъ ждутъ, да не плачутъ, съ неудовольствіемъ проговорила Юлія Карловна,—что-жъ дѣлать, такая ваша судьба, а коли наскучило дожидаться своего суженаго, то я давно предлагаю вамъ перебраться ко мнѣ въ домъ. Если не хотите жить вмѣстѣ съ барышнями, то займите мезонинъ, я съ васъ не Богъ знаетъ сколько возьму, — и мнѣ прибыль и вамъ не въ убытокъ.

Дѣвушка заплакала и едва проговоривъ „прощайте“ вышла изъ комнаты.

— Прощайте, заходите завтра, у меня будетъ свѣжая гуща, я вамъ еще поворожу, говорила Юлія Карловна, провожая свою паціентку глазами. И когда та затворила за собою дверь, прибавила:

— Больно горда! подожди еще годикъ, другой, своего возлюбленнаго; небось перемѣнишься, проситься будешь—не пущу, чортъ ли тогда въ тебѣ, ты и теперь смотришь старухой, а тогда на тебя никто и взглянуть не захочетъ. Вотъ, Марья Ѳедоровна, вотъ гдѣ истинное несчастіе, обратилась она къ своей гостьѣ, какъ бы умоляя о состраданіи.—Видѣли вы, вѣдь можно сказать красавица собою, благородныхъ родителей дочь, и пропадаетъ, ни за что пропадаетъ, и такъ-таки и пропадаетъ, а кто же, какъ не сами родители виноваты! Жили они, матушка вы моя, въ Кронштадтѣ при должности, и при хорошей должности, при какихъ-то магазеяхъ. Каждую недѣлю вечера давали и повадился къ нимъ въ домъ какой-то мичманъ; ну, извѣстное дѣло, молодой мужчина, молодая дѣвушка, увидѣлись разъ, другой, и влюбились другъ въ друга, а тамъ до грѣха не долго. Такъ и случилось. Бывало въ домѣ танцы да плясы, а они незамѣтно выйдутъ на дворъ, или на улицу, да укроются шинелью и воркуютъ что твои нѣжные голубки, а мать-то сама тоже съ молодыми офицерами амурничаетъ. Я отца и не виню, не мужское дѣло смотрѣть за дочерью, а мать, мать всему причина; она видѣла, старая дурища, что молодой человѣкъ около дочери увивается, чтобы спросить: а что тебѣ голубчикъ надо? Когда такъ только, куры-муры, такъ вотъ тебѣ и двери. А коли на сурьезъ пошло, женись! А она думаетъ, что ничего, пускай себѣ молодые люди побалуютъ, онъ человѣкъ благородный, лишняго себѣ ничего не позволитъ! А вотъ онъ и не позволилъ, благородный-то человѣкъ, дѣло-то сдѣлалъ да и перевелся въ Астрахань, или куда-то еще дальше; сами-то тогда только замѣтили, когда начали сосѣди пальцемъ на дочку показывать. Вечеръ-то сдѣлаютъ, залы освѣтятъ, а гостей-то никого; развѣ два, три пьяные ластовые забредутъ. Видятъ, что дѣло-то плохо, давай изъ Кронштадта убираться; теперь вотъ въ Петербургѣ и проживаются безъ мѣста, а она дура ворожитъ. Да! много я тебѣ выворожу; пріѣдетъ онъ къ тебѣ

Библиотека "Руниверс"

сейчасъ, держи карманъ. Не видалъ онъ вишь краше тебя; говорю переходи ко мнѣ, пока еще хоть что нибудь осталось, а то такъ вѣдь состарѣешся! Охъ горе, горе! какъ подумаю, прибавила она со вздохомъ.

— Вотъ что Юлія Карловна, сказала Марья Ѳедоровна послѣ нѣкоторой паузы, я къ вамъ имѣю великую просьбу.

— Какую, Марья Ѳедоровна, все на свѣтѣ готова сдѣлать для васъ?

— Найдите для меня небольшую квартирку—такъ комнатки три, и если можно, чтобы близко былъ какой нибудь благородный пансіонъ, я, знаете, привезла сына.

— Есть, есть, благородный пансіонъ, мадамъ... мадамъ... какъ бишь ее... квартира... квартира... И она начала считать по пальцамъ дома всего квартала, припоминая тотъ, въ которомъ находился благородный пансіонъ мадамъ N. „Ну, да какъ нибудь найдемъ“, прибавила она, подобострастно глядя на Марью Ѳедоровну.

— Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе; только не больше комнатки три, я совершенно раззорилась, совсѣмъ теперь безъ денегъ, скотскіе падежи, да неурожаи, да пожары, совсѣмъ меня доканали. И Марья Ѳедоровна чуть-чуть не заплакала.

— Ахъ, да! сказала она помолчавъ, чуть-чуть было не забыла, ну что моя Акулька у васъ подѣлываетъ? Я думаю уже большая выросла?

— Пребольшущая! и какая мастерица! и какая красавица, просто прелесть! Только она что-то все скучаетъ.

— Молода, ничего больше; а вотъ что, Юлія Карловна, не устроите ли вы ей партію? она мнѣ теперь не нужна, я буду жить въ Петербургѣ, а здѣсь своя швея только лишняя тяжесть, сами знаете.

— Партія-то ей давно находится, только я безъ васъ не смѣла, а написать вамъ не знала куда, адресъ вашъ затерялся, такъ вотъ и не знала что дѣлать, пока васъ самихъ Богъ не принесъ къ намъ. А партія прекрасная, продолжала она, — кухмистеръ на пятьдесятъ человѣкъ столъ содержитъ, по пяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, шутка какой капиталъ; такъ вѣдь нѣтъ, не хочетъ. Примазывается еще къ ней какой-то пьянчужка чиновникъ, правда молодой человѣкъ, только видно голь-голо. Не знаю, такъ ли онъ къ ней приходитъ, или въ правду сватать хочетъ, не знаю.

— Лучше было бы еслибъ за кухмистера, вѣрный кусокъ хлѣба, по крайней мѣрѣ; ну, а когда не хочетъ, такъ пожалуй и за чиновника. Я, пожалуй, и приданое маленькое могу дать. Устройте это дѣло, Юлія Карловна, я вамъ буду благодарна.

— Постараюсь для васъ, Марья Ѳедоровна, непремѣнно постараюсь. Куда же вы?

— Я пойду, мнѣ пора, —и Марья Ѳедоровна начала собираться.

Библиотека "Руниверс"

— Да подождите минутку, сейчасъ кофе будетъ готовъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, въ другой разъ, прощайте! Не забудьте же насчетъ квартиры.

— Не забуду, не забуду, Марья Ѳедоровна!

И пріятельницы разстались.

Возвратясь къ себѣ, Марья Ѳедоровна застала своего Ипполитушку играющимъ въ бабки съ дворниковымъ бѣлокурымъ румянымъ мальчуганомъ; это былъ первый урокъ на поприщѣ образованія Ипполитушки. Онъ этого великаго искусства во всю жизнь бы не могъ постигнуть въ деревнѣ, а въ столицѣ не успѣлъ пріѣхать, какъ на другой же день постигъ, что такое значитъ свинчатка.

Дня черезъ два понавѣдалась Марья Ѳедоровна къ своей пріятельницѣ узнать на счетъ квартиры. Квартира была пріискана усердной Юліей Карловной именно такая, какая ей была нужна: и свѣтлинькая и уютненькая, а главное дешевенькая, и почти рядомъ съ благороднымъ пансіономъ т. е. съ приходскимъ училищемъ.

Выпивши чашку кофе, или лучше сказать цыкорію у своей пріятельницы, они пошли вмѣстѣ посмотрѣть квартиру. Проходя черезъ дворикъ, онѣ услышали въ модномъ магазинѣ дребезжащіе звуки фортепьяно, пронзительно визжащій женскій голосъ и вторившій ему хриплый мужской басъ твердо и внятно выговаривавшій слова пѣсни:

„Во лузяхъ, лузяхъ, лузяхъ
„Въ монастырскихъ лузяхъ.

Пріятельницы переглянулись, и, улыбнувшись, вышли на улицу. Дорогою Юлія Карловна жаловалась на непріятности и хлопоты, сопряженныя съ подобнымъ заведеніемъ, особенно въ такомъ захолустьѣ какъ Пески, куда порядочный человѣкъ боится и заглянуть.

— Ахъ, кстати, сказала Марья Ѳедоровна, нѣтъ ли у васъ, Юлія Карловна, знакомаго писаря, не дорогого; у меня есть дѣло, самое ничтожное, грошовое; такъ только изъ амбиціи веду его, не хочется уступить; нужно для переписки бумагъ писаря, я сама буду ему говорить что писать.

— Есть писарь, изъ самаго Главнаго Штаба, и ужъ какъ онъ за вашей Акулькой ухаживаетъ, такъ просто удивленье. А знаете что, прибавила Юлія Карловна подумавши,—чего долго хлопотать. Вы посулите ему что нибудь, вотъ вамъ Акулькѣ и карьера.

Въ это время онѣ подошли къ весьма не новому домику, на воротахъ котораго красовался билетикъ, гласившій, что здѣсь отдается квартира и уголъ. Онѣ постучали въ затворенную калитку. На стукъ, вмѣсто дворника, вышла дряхлая старушка въ чепцѣ и впустила ихъ во дворъ.

Квартира оказалась какъ разъ по вкусу Марьѣ Ѳедоровнѣ, и свѣтленькая и уютниньная—точь въ точь какъ говорила Юлія Карловна. Только одно... немножко дороговато: 10 рублей серебромъ въ мѣсяцъ съ дровами! Этакъ пожалуй скоро и Покатиловку проживешь.

Библиотека "Руниверс"

Марія Ѳедоровна попробовала было заговорить съ хозяйкой дома о томъ, что она почти нищая, вдова беззащитная; но хозяйка была не поколебима, и чтобы скорѣе покончить, сказала, что она сама сирота безпріютная и вдова беззащитная, и что ей укрывать и кормить другихъ не изъ чего,—и еслибъ, прибавила она, вы были не женскій полъ, а мужской, то и за двадцать бы цѣлковыхъ не пустила, потому что наше дѣло женское,—все случиться можетъ.

Марья Ѳедоровна молча вынула рубль и, отдавая его хозяйкѣ, сказала сухо „квартира за мною, я завтра переѣзжаю". И дѣйствительно на другой день она угощала уже Юлію Карловну хоть и жиденькимъ, но настоящимъ кофе у себя на новосельѣ.

Аксинья нянька успѣла уже поссориться съ хозяйкою, а Ипполитушка, упражняя свои руки въ метаніи бабки, выбралъ мишенью бѣлаго пѣтуха, тщательно перебиравшаго мусоръ на дворѣ; ударъ былъ просто геніальный, бѣдный пѣтухъ только крыльями судорожно потрясъ и тутъ же ноги протянулъ.

— Ай, да свинчатка, воскликнулъ Ипполитъ въ восторгѣ,—недаромъ маменька гривенникъ заплатила!

О трагической кончинѣ бѣлаго пѣтуха быстро дошли слухи до ушей хозяйки; въ домѣ поднялся содомъ и такой, что если бъ непосредничество Юліи Карловны, то Марьѣ Ѳедоровнѣ пришлось бы въ тотъ же день очистить уютниньку квартирку; дѣло однако жъ кончилось полтинникомъ.

Это непріятное происшествіе имѣло однако жъ ту хорошую сторону, что напомнило Марьѣ Ѳедоровнѣ о томъ, зачѣмъ она пріѣхала въ столицу. Она тутъ же обратилась къ Юліи Карловнѣ и просила ее, чтобы она завтра же, если можно, прислала къ ней въ домъ какого нибудь учителя изъ благороднаго пансіона, что она намѣрена сначала дома приватно Ипполитушку приготовить, а потомъ уже совсѣмъ въ пансіонъ отдать.

Сказано—сдѣлано; на другой же день явился педагогъ изъ приходскаго училища и уговорились они, чтобы Ипполитушка ходилъ къ учителю на квартиру до обѣда и послѣ обѣда, что для него будетъ такъ веселѣе, потому что у педагога училось на квартирѣ еще нѣсколько мальчиковъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, предстояло позаботиться о другомъ, еще болѣе серьезнымъ. Марьѣ Ѳедоровнѣ необходимо нужно увѣдомить письмомъ одну свою protégée, сосѣдку по деревнѣ, о смерти Лизы, случившейся какъ разъ въ день ея пріѣзда въ Петербургъ. Кто же ей напишетъ такое хитрое письмо! Самой написать, такъ пожалуй засмѣютъ, потому что она едва можетъ коекакъ свою фамилію нацарапать, просить рекомендованнаго писаря ей бы не хотѣлось, тѣмъ болѣе что онъ еще и знакомъ съ Лизою; чортъ его знаетъ, можетъ быть, ему и извѣстно, что она дѣйствительно Лиза, а не Акулька! Нѣтъ, ему нельзя довѣрить такую важную корреспонденцію.

Библиотека "Руниверс"

— Ахъ я дура! воскликнула Марья Ѳедоровна послѣ долгаго размышленія. Да чего же я думаю, а учитель то на что?

Сейчасъ же послала Аксинью просить учителя къ себѣ. Когда тотъ явился, то она подъ видомъ испытанія просила его написать коротенькое письмо; а о чемъ писать разсказала ему на словахъ.

Педагогъ выслушалъ, и, подумавши не мало, сказалъ:

— Тема серьезная, нужно обдумать. Я сначала такъ только набросаю, а потомъ уже если опробуется, то и перебѣлю. Завтра будетъ готово!

— Хорошо, такъ вы принесете ко мнѣ когда будетъ готово.—и они разстались.

Черезъ день, или два, явился педагогъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ съ великолѣпною рукописью подъ мышкой. Хозяйка попросила его садиться; онъ смиренно сѣлъ на стулъ и развернулъ манускриптъ, образецъ каллиграфіи. Марья Ѳедоровна, полюбовавшись почеркомъ, просила педагога прочитать; онъ прочиталъ или лучше сказать продекламировалъ свое произведеніе и когда кончилъ, то не безъ самодовольствія взглянулъ на Марью Ѳедоровну и почтительно передалъ ей рукопись.

Марья Ѳедоровна осталась письмомъ весьма довольна, и позвавши Аксинью, приказала ей сварить кофе, а въ ожиданіи его просила педагога еще разъ прочитать письмо, только не такъ громко.

Ободренный столь лестнымъ вниманіемъ, онъ прочелъ еще разъ, правда безъ того сильнаго выраженія, но за то съ болѣе тихимъ и глубокимъ чувствомъ, такъ что когда онъ прочиталъ фразу — „и ея милый взоръ закрылся отъ меня на вѣки“ то Марья Ѳедоровна даже платокъ поднесла къ своимъ глазамъ. Это, разумѣется, не ускользнуло отъ взоровъ счастливаго автора и было для него паче всякихъ благодарностей.

Марья Ѳедоровна, угостивши сочинителя, попросила рукопись себѣ на память, а за труды предложила ему, (правда дорогонько, но вѣдь онъ не простой писарь) рубль серебра. Сочинитель великодушно отказался, сказавъ, что онъ награжденъ ея благосклоннымъ вниманіемъ выше всякой награды.

Отпустивъ еще нѣсколько любезностей на счетъ чувствительности сердца и образованности ума своей покровительницы, т. е. Марьи Ѳедоровны, педагогъ раскланялся и ушелъ.

На другой день Марья Ѳедоровна сама понесла письмо на почту, поймала тамъ какого то почталіона, попросила его взять штемпельный конвертъ, запечатать письмо и написать адресъ.

— И эта забота кончена, сказала она, выходя изъ почтамта.

Теперь осталась одна послѣдняя и самая большая забота: устроить карьеру Лизы. Тогда она совершенно спокойно можетъ заняться воспитаніемъ Ипполитушки.

Библиотека "Руниверс"

V.

Время шло своимъ чередомъ; прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а карьера Лизы все еще не сдѣлана. Юлія Карловна почти ежедневно заходитъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ на чашку кофе и сообщаетъ ей самыя не интересныя новости, а о свадьбѣ Лизы ни слова. Самой же Марьѣ Ѳедоровнѣ заводить рѣчь не хотѣлось, чтобъ не показать виду, что ее это очень интересуетъ. Правда, она намекала нѣсколько разъ, такъ мимоходомъ, но Юлія Карловна отдѣлывалась тоже мимоходомъ, и она не знала, наконецъ, что и подумать. А Юлія Карловна тѣмъ временемъ увивалась около нея, какъ около золотаго истукана, восхищалась познаніями и досужествомъ ея ненагляднаго, уже богатырски сложеннаго юноши, но все это дѣлалось совершенно по пустому: Марья Ѳедоровна хотя и частенько получала изъ деревни деньги, но ей показывала только пакеты съ пятью печатями и отдѣлывалась чашкою кофе и кускомъ пирога по воскресеньямъ.

Юлія Карловна терпѣла и ждала, а на досугѣ благовѣстила въ своемъ кварталѣ, что пріятельница ея Марья Ѳедоровна никто иная какъ генеральша и темная богачка. Вслѣдствіе такихъ слуховъ, у Марьи Ѳедоровны образовался порядочный кружокъ знакомыхъ и даже пріятельницъ; правда иныя изъ нихъ увидѣвши, что генеральша дрожала надъ кускомъ сахару и чашкой кофе, сочли за лучшее не поддерживать такого высокаго знакомства; другія же, въ томъ числѣ и Юлія Карловна, держались правила: терпѣніе все преодолѣваетъ. Правило это не совсѣмъ однако жъ оправдывалось; Марья Ѳедоровна была просто, что называется кремень. Пріятельницы, впрочемъ, неунывали; онѣ были женщины такого сорта, которыя, если узнаютъ что ты человѣкъ денежной, хоть ты имъ своихъ денегъ и не показывай, онѣ все на тебя будутъ смотрѣть какъ на Бога и станутъ тебѣ молиться и кланяться.

Въ концѣ концовъ, Юлія Карловна, однакожъ, оказалась не такъ терпѣлива какъ можно было ожидать отъ иностранки. Она, не совсѣмъ уповая на будущія блага, затѣяла исторію такого свойства.

Послѣ долгихъ ожиданій и глубокихъ соображеній, она сама себѣ сказала: „да что же я за дура такая, сижу сложа руки, да смотрю на нее; что я развѣ дѣвку то даромъ что ли выкормила? Да еще и пристрой, говоритъ, карьеру сдѣлай! И все это такъ, ни за грошъ; да и дѣвка то еще Богъ знаетъ кто такая, не то Лиза, не то Акулька, и сама не знаешь какъ и называть“. Подождавши еще нѣсколько времени втунѣ, она рѣшилась поближе познакомиться съ Аксиньей, горничною и кухаркою Марьи Ѳедоровны, такъ, на всякій случай, да и професія у Юліи Карловны такого свойства, что ей всякое знакомство къ лицу. Однажды, она совершенно случайно встрѣтилась съ Аксиньей въ мелочной лавкѣ и упросила ее удосужиться хоть на минуточку зайти къ ней на дняхъ; она хочетъ поговорить съ ней

Библиотека "Руниверс"

на счетъ одного весьма интереснаго дѣла. Аксинья охотно согласилась, но она не знала квартиры Юліи Карловны. Марья Ѳедоровна, въ случаѣ нужды, или посылала на квартиру Юліи Карловны дворника, или ходила сама, Аксинью же не посылала, боясь, не безъ основанія, чтобы она не встрѣтилась съ Лизою. Юлія Карловна во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ описала Аксиньѣ и свой домикъ и всѣ улицы и переулки, которыми нужно идти къ нему.

Аксинья, дождавшись воскресенья, пораньше убралась, отпросилась къ обѣдни, а сама направилась къ Юліѣ Карловнѣ. Сначала все шло хорошо, всѣ улицы и переулки она помнила, а домъ то и забыла какъ онъ прозывается; однакожъ, по примѣтамъ кое-какъ добралась и до дому, а чтобы больше убѣдиться, что это именно тотъ домъ, который ей нуженъ, она заглянула въ окно и увидѣла дѣвушку, лицо которой было закрыто, потому что она сидѣла наклонившись за какой то работой. Аксинья постучала въ окно съ намѣреніемъ спросить Юлію Карловну; дѣвушка подняла голову, взглянула на Аксинью, и поблѣднѣла. Аксинья тоже перемѣнилась въ лицѣ. Послѣ минутнаго молчанія, дѣвушка едва внятно проговорила: Аксинья! Аксинья вздрогнула; ей показалось что-то знакомое и давно забытое въ этомъ голосѣ; но она стояла все еще не раскрывая рта.

— Аксинья! повторила Лиза, или это не ты, а только такъ, сонъ?

— Нѣтъ это я, Аксинья, ваша нянька, если помните!

— Помню, помню, проговорила Лиза и выбѣжала къ ней на улицу.

Долго онѣ стояли обнявшись на улицѣ, не говоря ни слова, пока одна изъ подругъ Лизы, находя что подобная сцена среди бѣлаго дня и среди улицы не прилична, вышла къ нимъ и уговорила ихъ войти въ комнату. Здѣсь встрѣтила ихъ сама Юлія Карловна, нечаянно тутъ случившаяся. Она сейчасъ же смекнула, что ихъ оставлять на единѣ нельзя, такъ какъ онѣ съ дуру могутъ всѣ ея предначертанія испортить,—а потому она, поздоровавшись довольно фамильярно съ Аксиньей, повела ихъ въ свою комнату, усадила по угламъ и принялась варить кофе.

Нѣсколько разъ Лиза и Аксинья, глядя другъ на друга, принимались плакать. Юлія Карловна глядя на нихъ и сама плакала; но когда онѣ начинали разговаривать, то старалась всячески помѣшать имъ. Она находила всякое между ними объясненіе не соотвѣтствующимъ ея глубокимъ планамъ.

Угостивши Аксинью кофеишкомъ, она проводила ее за ворота и крѣпко-на-крѣпко наказала, чтобы не проговорилась, что видѣла Лизу.— „Когда же только тебѣ будетъ свободно, заходи къ намъ Аксиньюшка“ прибавила она прощаясь.

Возвратившись въ свою комнату, Юлія Карловна призадумалась, позвала Лизу, посадила около себя и съ ласкою кошки начала ее распрашивать.

Библиотека "Руниверс"

— Скажи мнѣ, милая Акулина—говорила она, что ты припомнишь о себѣ, когда ты была еще въ деревнѣ?

— Я помню только, что меня звали не Акулькой, а Лизой, что мы жили съ братомъ въ одной комнатѣ, что братъ мой Коля былъ несчастный, слѣпой мальчикъ и что у него сначала была нянькой вотъ эта Аксинья, а потомъ ее мачиха взяла къ себѣ, а ему бѣдному прислала какую то злую деревенскую бабу, которая ему ѣсть не давала; такъ я его бѣднаго съ нею и оставила. Живъ ли онъ теперь несчастный! произнесла Лиза и заплакала.

— Ну, и больше ничего не помнишь? спросила Юлія Карловна.

— Помню еще и никогда не забуду нашу мачиху. Я здѣсь ее какъ-то разъ увидѣла на улицѣ и чуть не умерла со страха.

— А не помнишь ли ты какой губерніи и какого уѣзда ваше село?

— Ничего не помню.

Юлія Карловна не нашла нужнымъ болѣе продолжать свои распросы, надѣла салопъ и что то засаленое въ родѣ шляпы, выслала Лизу изъ комнаты, заперла двери и вышла на улицу.

Аксинья, возвращаясь изъ гостей домой, еще на улицѣ услышала въ своей квартирѣ шумъ. „Ужъ не воры ли, Боже сохрани, забрались“, едва проговорила она и бросилась опрометью въ комнату, вбѣжала на лѣстницу, отворила дверь и глазамъ ея представилась сцена едва ли когда нибудь прежде ею видѣнная, развѣ мимоходомъ и то около кабака.

Разъяренная какъ бѣшеная кошка, съ пѣною на губахъ, съ сжатыми кулаками, стояла Марья Ѳедоровна въ наступательномъ положеніи, а противъ нея въ оборонительномъ положеніи, въ позиціи античнаго бойца, стоялъ Ипполитушка. При входѣ Аксиньи, Марья Ѳедоровна какъ бы опомнилась, опустила кулаки и прошипѣла „ахъ ты извергъ!“—и, обратясь къ Аксиньѣ, сказала:

— Сходи, позови ко мнѣ этого глупаго учителя; хорошему научилъ онъ Ипполитушку!

Аксинья отправилась исполнять приказаніе.

Этой почти трагической сценѣ предшествовало вотъ какого рода происшествіе.

Отпустивши Аксинью къ обѣдни, Марья Ѳедоровна и сама пошла въ церковь. Она хотѣла было и Ипполитушку взять съ собой; но у него неожиданно голова заболѣла и онъ не пошелъ. Оставшись одинъ, Ипполитушка отперъ гвоздемъ маленькую шкатулку (онъ необыкновенно двинулся впередъ на пути просвѣщенія) и занялся отысканіемъ того секретнаго ящичка, въ который маменька деньги прячетъ. Онъ уже постигалъ, что такое значатъ деньги. Къ тому же онъ на прошедшей недѣлѣ удивительно былъ несчастливъ и въ бабки и въ три листика; пробовалъ было поставить на конъ Греча грамматику—не берутъ, попробовалъ было въ орлянку и тутъ но повезло, просто

Библиотека "Руниверс"

хоть въ петлю лѣзь, а въ долгъ не вѣрятъ, хоть называются друзьями; пробовалъ просить у маменьки и выговорить не дала. Что же ему и въ самомъ дѣлѣ оставалось дѣлать? разумѣется красть, а чтобы не далеко ходить, онъ рѣшился первый этюдъ сдѣлать надъ маменькиной шкатулкой; но какъ еще не опытный и нетерпѣливый воръ, поторопился и забылъ о мѣрахъ предосторожности и не заперъ двери на крючекъ. Въ самую ту минуту когда секретный ящикъ сдѣлался для него уже не секретнымъ, вдругъ тихонько вошла Марья Ѳедоровна и остолбенѣла отъ ужаса. Началась страшная баталія, прерванная, какъ мы видѣли, возвращеніемъ Аксиньи.

Черезъ полчаса явился педагогъ въ новомъ вицъ-мундирѣ и съ самой праздничной физіономіей, но какъ же длинно вытянулось его улыбающееся лицо, когда раздраженная аки львица Марья Ѳедоровна привѣтствовала его такими словами:

— Наставники! Прекрасные наставники! Покорно васъ благодарю!—и она не могла продолжать отъ злости, а бѣдный педагогъ стоялъ разиня ротъ и вытарищивъ глаза.

— Покорно васъ благодарю! продолжала Марья Ѳедоровна, едва переводя духъ, да... наставили, научили, просвѣтили дитя! Смотрите, любуйтесь вашимъ просвѣщеніемъ; онъ, мое дитя, мое единственное дитя! по милости вашей сударь, воръ, грабитель, а того смотри и разбойникъ! и всему этому вы, вы одни причиною, вы научили его обокрасть меня и послѣ передать вамъ украденныя деньги!

— Сударыня, проговорилъ задыхаясь педагогъ, вы лжете! вы просто бѣшеная баба и больше ничего! я съ вами и говорить не хочу, прощайте!

И онъ обратился къ двери. Марья Ѳедоровна не ожидала отъ смиреннаго педагога подобной рыси и такъ была озадачена, что совершенно растерялась и пока собралась съ духомъ, педагогъ былъ уже за воротами.

— Бѣги, догони, проси на минуточку, пускай взойдетъ, говорила она, толкая Аксинью за двери.

Аксинья побѣжала по лѣстницѣ, и она вслѣдъ за нею.

Черезъ минуту педагогъ уже сидѣлъ на диванѣ и хладнокровно слушалъ длинную повѣсть о подвигахъ и досужествѣ геніальнаго ученика своего. Дослушавъ до конца сіе повѣствованіе, онъ спросилъ:

— А зачѣмъ вы его впродолженіи всей прошедшей недѣли не присылали ко мнѣ учиться?

— Какъ не присылала? онъ каждый день аккуратно ходилъ къ вамъ, даже и обѣдать не приходилъ домой.

— И въ глаза не видалъ я его съ самаго воскресенья.

— Гдѣ же это ты пропадалъ, а?.. обратилась было Марья Ѳедоровна къ Ипполитушкѣ, но его и слѣдъ простылъ.

По долгомъ разсужденіи какъ исправить зло, рѣшено было про-

Библиотека "Руниверс"

должать ученіе, потому что Ипполитушка по словамъ учителя не утвердился еще въ письмѣ и въ русской грамматикѣ и во избѣжаніе его несвоевременныхъ прогулокъ положено было, чтобы Аксинья отводила его по утру въ школу и приходила за нимъ вечеромъ.

Такъ и сдѣлано. Въ понедѣльникъ по утру многіе обитатели смиреннаго переулка замѣтили семнадцатилѣтняго юношу въ курточкѣ a l'enfant, идущаго въ школу, а за нимъ пожилую служанку, несущую кожаный мѣшокъ съ книгами и грифельную доску. Пока Ипполитушка ходилъ одинъ, никто его не замѣчалъ, а какъ начала ходить за нимъ Аксинья, всѣ пальцами стали показывать. Странно.

Правильное и однообразное хожденіе за Ипполитушкою вскорѣ наскучило Аксиньѣ и она однажды ему предложила прогуляться въ другую школу т. е. къ Юліѣ Карловнѣ.

Первый визитъ ему не совсѣмъ понравился, хотя его попотчивали леденцами; но за то второй визитъ пришелся какъ разъ по немъ. Юлія Карловна, чтобы свободнѣе поговорить съ Аксиньей, отослала его къ своимъ дѣвицамъ и строго наказала имъ, чтобы гость не соскучился. Аксинья на силу могла его вытащить оттуда, такъ ему понравились дѣвицы, и началъ онъ изъ школы бѣгать къ прекраснымъ сиренамъ.

Сирены вскорѣ начали просить у него денегъ за доставляемыя ему радости. „Денегъ? а гдѣ ихъ взять этихъ проклятыхъ денегъ? такъ думалъ онъ. Хоть бы маменька скорѣе умерла, авось либо легче мнѣ будетъ“.

Пока Ипполитушка забавлялся съ дѣвицами, Юлія Карловна, угощая цикоріемъ простодушную Аксинью, узнала отъ нее все, что ей нужно было знать насчетъ Лизы, узнала даже и о губерніи и объ уѣздѣ, и село какъ зовутъ, и узнавши все это сообщила своему знакомому писарю изъ Главнаго Штаба, который уже готовился держать экзаменъ на аудитора.

Будущій аудиторъ, узнавши такіе секреты про свою милую Лизу, чуть съ ума не сошелъ. „Это просто слѣпая богиня фортуны“ какъ онъ выразился въ восторгѣ.

На женидьбу однакожъ Юлія Карловна не иначе соглашалась, какъ только съ уступкою половины приданаго, которое онъ современемъ получитъ за Лизою.

Писарь разумѣется на все согласился безпрекословно.

Въ заключеніе, она научила его написать просьбу на имя оберъ-полиціймейстера, и они разстались.

Теперь оставалось увѣрить Лизу, что Аксинья баба дура и что она все наврала, что она дѣйствительно Акулька, а не Лиза и не барышня, а настоящая крѣпостная дѣвка и что ей теперь предстоитъ такая карьера, что она, если не глупа будетъ, современемъ можетъ быть и высоблагородной.

— Что-жъ согласна ты Ли... Акулька? спросила она ее.

Библиотека "Руниверс"

— Согласна, хоть за трубочиста согласна, только не держите меня въ этомъ омутѣ.

— Вотъ ужъ и омутъ, домъ какъ домъ, не узнала еще что впереди будетъ.

— Хуже не будетъ.

— Вотъ тебѣ и благодарность. Ахъ ты негодная, вишь отъѣлась чужаго хлѣба.., потаскушка!.. деревенщина!

Наругавшись до сыта, Юлія Карловна наскоро одѣлась и вышла со двора, а счастливая невѣста, оставшись одна, горько зарыдала. Юлія Карловна отправилась съ доброй вѣсточкой прямо къ Марьѣ Ѳедоровнѣ и застала ее въ самомъ счастливомъ расположеніи духа; она получила изъ деревни порядочную пачку ассигнацій, съ извѣстіемъ, что слѣпой баринъ упалъ въ канаву или въ какую то яму и сломалъ себѣ ногу.

Послѣ первыхъ любезностей, пріятельницы усѣлись на диванѣ и Юлія Карловна, немного помолчавъ, сказала:

— Ну, матушка Марья Ѳедоровна, насилу то я ее уломала; за писаря говоритъ не хочу, подавай ей чиновника.

— Ахъ она мужичька! проворчала Марья Ѳедоровна, вишь чего захотѣла, чиновника! а какъ возьму въ деревню, да отдамъ за пастуха но скотный дворъ.

— Да то-ли еще она толкуетъ; говоритъ, что она не крестьянская дѣвка, а благородная.

Марья Ѳедоровна измѣнилась въ лицѣ.

— Ну, да я ей показала какая она благородная, просто на просто по щекамъ и заставила молчать, сказала Юлія Карловна.

— И прекрасно, проговорила Марья Ѳедоровна.

— Да вотъ еще что, женихъ-то артачится. Меньше говоритъ тысячи рублей не возьму.

— Ахъ онъ писаришка! тысячу рублей за крѣпостной дѣвкой! да гдѣ это видано?

— Да она и ему натолковала, что она не простая, а благородная.

Марья Ѳедоровна опять опѣшила и, подумавъ не много сказала:

— Не возьметъ ли онъ хоть половину?

— Я уже ему семьсотъ давала и слушать не хочетъ.

— Не знаю какъ и быть—проговорила какъ бы сама съ собой Марья Ѳедоровна.

— Да какъ быть? Давайте тысячу да и концы въ воду.

— Хорошо, я согласна, только послѣ свадьбы.

— А онъ проситъ теперь же; безъ денегъ и въ церковь нейдетъ,— а съ деньгами хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Ну чортъ его возьми, отдайте ему деньги, а я вамъ послѣ возвращу.

— Да у меня и рубля за душой нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ же намъ быть, развѣ послѣднія отдать? да съ чѣмъ я сама-то останусь? Ну, дьяволъ съ нимъ, скорѣе бы только раздѣлаться. Зайдите ко мнѣ завтра, Юлія Карловна,—прибавила она какъ бы опомнившись.

— Хорошо зайду; только завтра непремѣнно, потому что въ воскресенье можно будетъ и подъ вѣнецъ, а сегодня, знаете, четвергъ, нужно торопиться.

— Такъ знаете что, зайдите ко мнѣ черезъ часъ, или подождите, я посмотрю не найдется ли у меня дома,—и она ушла въ другую комнату.

— Какъ разъ столько сколько нужно—говорила она, отдавая ассигнаціи Юліи Карловнѣ.

Та бережно взяла деньги и внимательно пересчитавши, положила въ свой грязный мѣшокъ.

— Теперь милости просимъ на свадьбу, приходите хоть въ церковь.

— Въ церковь зайду.

— Приходите; у Знаменья будутъ вѣнчаться въ 4 часа послѣ обѣдни.

— Хорошо, непремѣнно зайду.

И онѣ разстались. Юлія Карловна, спускаясь съ лѣстницы, прошептала: „знаетъ кошка чье-мясо съѣла“ а Марья Ѳедоровна оставшись одна свободно вздохнула и тоже прошептала: „ну, слава Богу, отдѣлалась“.

Долго ходила она по комнатѣ, заложа руки за спину, потомъ вдругъ остановилась по срединѣ комнаты, со всего размаху хлопнула рукой себя по лбу и вскрикнула.

— Ахъ я дура! Аксинья, Аксинья!

Вбѣжала испуганная Аксинья.

— Что ты дура глаза то вытаращила. Бѣги, вороти скорѣе Юлію Карловну.

Аксинья выбѣжала.

— Тысячу рублей! ахъ я дура, дура (разговаривала сама съ собой Марья Ѳедоровна) тысячу рублей, безъ росписки, безо всего, и кому же, какой нибудь—фи! стыдно и выговорить; да что это со мною сталось, нѣтъ она меня непремѣнно околдовала; ну что если она отопрется, а отопрется, это я навѣрное знаю; ну да чортъ съ ними и съ деньгами, пускай ихъ куда хочетъ дѣваетъ, лишь бы эту потаскушку съ рукъ сбыть, а то она у меня какъ бѣльмо на глазу... Въ воскресенье въ четыре часа. Пойду, непремѣнно пойду.

И она снова заложила руки за спину и заходила взадъ и впередъ по комнатѣ, въ ожиданьи Аксиньи.

Аксинья между тѣмъ добѣжавши до дому Юліи Карловны, встрѣтилась у самой калитки съ Лизою.

— Здравствуй Аксинья, какъ хорошо что ты зашла, а мнѣ тебя очень нужно было видѣть.

Библиотека "Руниверс"

— Здравствуй, барышня; мнѣ нужно Юлію Карловну.

— Да ее нѣтъ дома, съ утра еще куда то ушла; а вотъ что Аксинья, ты говоришь мнѣ, что я барышня, а я такая же крестьянка крѣпостная какъ и ты, только ты... честная, а я...

Лиза не могла говорить далѣе.

— Что вы, что вы, Лизавета Ивановна, да вы настоящая, честная, благородная барышня.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я барышня?

— Ахъ Боже мой! кто сказалъ, да развѣ не сама я васъ на рукахъ выносила! кто сказалъ—вотъ прекрасно!

— Юлія Карловна говоритъ, что ты все врешь, что все это говорилось мнѣ нарочно, что ты меня только смущаешь.

— Смущаю, вру! я вру! да наплюйте вы ей въ самое лицо. Я вру? Да я присягу приму, къ губернатору пойду, къ самому государю... вишь держитъ благородную барышню какъ какую нибудь, прости Господи, дѣвку непотребную, да я же и вру... нѣтъ я докажу ей, что я еще не врала...

— Вотъ что, Аксинья, перебила ее Лиза, вѣдь она меня за мужъ отдаетъ.

— Что-жъ и съ Богомъ. Святое дѣло коли благородный человѣкъ, потому что вамъ не за благороднаго выходить невозможно.

— Онъ теперь еще такъ только писарь, а скоро будетъ и благородный.

— То-то вотъ, чтобъ непремѣнно былъ благородный.

— Да я рада хоть за палача, только бы мнѣ вырваться изъ этого содома! И Лиза заплакала.

— Что вы! что вы! барышня! такія слова говорить, за палача!

— Ахъ Аксинья! еслибъ ты знала, что я терплю здѣсь, ты бы не то сказала!

Въ это время дверь на улицу растворилась, изъ нея выглянула какая то небритая физіономія въ галунахъ и крикнула: Лиза! И дверь снова захлопнулась.

— Идите барышня васъ зовутъ, а я побѣгу, меня чай барыня то ждетъ, не дождется. Прощайте.

— Прощай, Аксинья, приходи на свадьбу.

— Приду, непремѣнно приду, говорила Аксинья, перебѣгая улицу.

— Гдѣ это ты таскаешься? такимъ вопросомъ встрѣтила ее Марья Ѳедоровна когда она вернулась.

— Да я ее не догнала, бѣгала на домъ и дома нѣтъ, говорятъ какъ ушла съ утра такъ и не приходила.

— Такъ ты успѣла уже и домъ ея провѣдать? ахъ ты негодная тварь! да знаешь ли ты что это за домъ такой! потаскушка ты эдакая.

— Домъ какъ домъ, вѣдь туда Ипполитъ Ивановичъ изволятъ ходить.

Библиотека "Руниверс"

— Что?

— Тамъ и наша барышня Лизавета Ивановна живутъ!...

— Что?

— Я говорю что тамъ...

— Молчи, языкъ отрѣжу!... пошла вонъ.

Аксинья вышла.

Съ Марьей Ѳедоровной сдѣлалась истерика и къ вечеру она слегла въ постель. На другой день обступили одръ ея безкорыстныя пріятельницы и посовѣтовали ей на ночь напиться малины, что она и сдѣлала, хотя отъ этого ей ни чуть не легче стало.

VI.

Въ воскресенье, однако-жъ, какъ ни трудно было Марьѣ Ѳедоровнѣ, она вышла со двора ровно въ три часа. Хотѣла было и Ипполитушку взять съ собой, но онъ ушолъ къ учителю повторять урокъ. На улицѣ попался ей извощикъ (явленіе рѣдкое въ то время на Пескахъ). Она спросила его, что возьметъ до Знаменья; тотъ сказалъ ей гривенникъ; она выругала его и поплелась пѣшкомъ. Часовъ до шести сидѣла она у церковной ограды, а о свадьбѣ и слуху не было. Наконецъ, она встала и пошла домой, говоря про себя „вѣрно они въ другой церкви перевѣнчались, семъ-ка я пройду мимо дома Юліи Карловны“—и она направилась къ дому Юліи Карловны. Далеко еще не доходя до дому, она услышала музыку и пѣсни. „Такъ и есть, свадьба“—подумала она, весело подошла къ самымъ окнамъ, взглянула въ одно изъ нихъ и что же увидѣла? О позоръ и ужасъ! ея милый Ипполитушка, пьяный, въ разорванной рубашкѣ, безъ подтяжекъ и прочаго, плясалъ съ не совсѣмъ тоже трезвою разухабистою барышнею комаринскую подъ звукъ унылый фортепьяно. (Вотъ гдѣ онъ получилъ первые уроки и въ семъ великомъ искусствѣ, которому такъ чистосердечно удивлялись солдаты съ крѣпости О.).

Полюбовавшись на свое милое единственное чадо, на своего будущаго помѣщика, она кое-какъ перешла на другую сторону улицы и сѣла на панель отдохнуть. Въ это время калитка отворилась и на улицу вышла сама Юлія Карловна съ какимъ то военнымъ писаремъ. Онъ ловко, настояще по писарски, раскланялся и пошолъ въ одну сторону, а Юлія Карловна въ другую.

— Такъ у нихъ ничего не бывало, подумала Марья Ѳедоровна и собравшись съ силами поднялась и позвала Юлію Карловну.

Та подошла къ ней какъ ни въ чемъ не бывало, раскланялась, и спросила о здоровьѣ.

— Здоровье то мое еще не такъ плохо, какъ вы со мною плохо поступаете. Да что же въ самомъ дѣлѣ (при этихъ словахъ она воз-

Библиотека "Руниверс"

высила тонъ),—что я вамъ дура какая что ли далась? Гдѣ же свадьба?

— Какая свадьба?

— А что говорили у Знаменья?

— Ахъ, да, я и забыла; ну еще успѣемъ перевѣнчать, было бы приданое готово.

— Какое приданое?

— Да такое, какое я вамъ говорила, тысячу рублей.

— Да вѣдь я вамъ отдала!

— Вы мнѣ должны были по контракту за Акульку и отдали, а теперь припасайте приданое для Лизаветы Ивановны Хлюпиной. Понятно вамъ теперь.

Марья Ѳедоровна едва дослушала и вѣрно грохнулась бы на мостовую, если бы Юлія Карловна ее не поддержала. Всю эту сцену Лиза видѣла изъ окна и когда дѣло дошло до обморока, то она выбѣжала на улицу, подбѣжала къ трогательной группѣ, и стала пособлять Юліѣ Карловнѣ приводить въ чувство Марью Ѳедоровну. Придя въ себя, Марья Ѳедоровна оглянулась кругомъ и, не сказавъ ни слова, плюнула въ лицо Юліѣ Карловнѣ и пошла быстро по улицѣ.

— Что это значитъ? спросила Лиза у Юліи Карловны.

— Сумасшедшая, больше ничего.

И онѣ проводили ее глазами до угла переулка и вернулись домой.

Марья Ѳедоровна совершенно растерялась. Такъ часто самый закоренѣлый, самый предпріимчивый злодѣй падаетъ духомъ отъ одного слова, изобличающаго его злодѣйства.

Отъ бѣшенства она рвала на себѣ волосы, грызла себѣ руки, била не милосердно Аксинью и проклинала своего милаго Ипполитушку, который воизбѣжаніе какого нибудь вещественнаго доказательства гнѣва матери, а, пожалуй, и проклятія, нѣсколько дней не являлся домой; гдѣ же онъ обрѣтался, никто не вѣдалъ.

Наконецъ Марья Ѳедоровна не много поуходилась и серьезно захворала. Пріятельницы снова хоромъ посовѣтовали ей напиться малины. Она напилась, но малина не помогла и ромашка тоже; пріятельницы охали и больше ужъ не знали что совѣтовать. Такъ провела она мѣсяца два; пріятельницы, одна за другою, ее оставили; Ипполитушка по нѣсколько дней глазъ не показывалъ; Аксинья одна какъ вѣрная собака ее не оставляла.

Между тѣмъ Юлія Карловна съ будущимъ аудиторомъ вотъ что придумали. Они написали письмо отъ имени Марьи Ѳедоровны въ село къ священнику, со вложеніемъ пятирублевой депозитки, чтобы онъ вытребовалъ изъ консисторіи свидѣтельство о рожденіи и крещеніи Лизы.

Не мало удивился отецъ Ефремъ получивши такое посланіе. Не-

Библиотека "Руниверс"

давно онъ читалъ письмо, исполненное слезъ и воздыханій о смерти Елизаветы Ивановны и панихиду уже отслужилъ за упокой ея души, а теперь требуютъ свидѣтельство о ея рожденіи и крещеніи.—„Странно“ подумалъ онъ, и послалъ пономаря въ городъ за гербовой бумагой, а самъ пока разсказалъ попадьѣ своей объ этомъ странномъ приключеніи; попадья не замедлила сообщить о семъ управительницѣ, управительница сосѣдкѣ-однодворкѣ, сосѣдка однодворка покровительствовавшей ей помѣщицѣ, а помѣщица помѣщикамъ, такъ что пока отецъ Ефремъ получилъ изъ консисторіи Лизино свидѣтельство, то уже вся губернія знала объ этомъ странномъ происшествіи и всякій разумѣется толковалъ его по своему, но къ самой истинѣ никто и не приближался.

Отецъ Ефремъ, получивши свидѣтельство, отослалъ его по указанному въ письмѣ адресу, т. е. на имя Юліи Карловны, которая добывъ сей драгоцѣнный документъ, показала его будущему аудитору. Рѣшено было немедленно приступить къ дѣлу, то есть приступить къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, чтобы выдала еще тысячу рублей на свадьбу. Сначала написали письмо, но на него отвѣта не послѣдовало, потому что Марья Ѳедоровна читала только печатное, а скорописному не училась, показать же кому нибудь письмо она боялась, догадываясь, что оно въ себѣ ничего хорошаго не заключало.

Въ одно прекрасное утро, Юлія Карловна лично явилась за отвѣтомъ и, послѣ пожеланія добраго утра, сказала:

— Я къ вамъ Марья Ѳедоровна.

— Вижу что ко мнѣ, а зачѣмъ бы это?

— Зачѣмъ... гм. зачѣмъ? за деньгами Марья Ѳедоровна.

— Что я вамъ, должна что ли?

— Должны, Марья Ѳедоровна.

— А много ли, нельзя ли узнать?

— Всего навсего тысячу рублей!

— Опять тысячу рублей?

— Точно такъ, Марья Ѳедоровна.

— Ахъ ты душегубка! ахъ ты кровопійца! ахъ ты... тутъ ужь она такія посыпала причитанья, что ни словами сказать, ни перомъ написать.

Юлія Карловна хоть бы бровью пошевельнула; какъ будто эти причитанья совершенно ея не касались.

— Такъ вы не даете тысячи рублей? спросила она, когда Марья Ѳедоровна немного поуходилась.

— Не даю и не даю! отвѣчала та.

— Какъ угодно! значитъ, я завтра же могу объявить оберъ-полиціймейстеру на счетъ Лизы...

Марья Ѳедоровна только взглянула на нее; но не сказала ни слова. Юлія Карловна тоже молчала. Такъ прошло нѣсколько ми-

Библиотека "Руниверс"

нутъ; потомъ Марья Ѳедоровна молча встала, сняла со стѣны образъ и, подавая его Юліѣ Карловнѣ, сказала:

— Клянитесь мнѣ ликомъ святаго мученика Ипполита, что вы завтра же все покончите.

Юлія Карловна произнесла: „клянусь!“ и даже перекрестилась по-русски.

Марья Ѳедоровна вынула изъ шкатулки пачку депозитокъ и, отсчитавъ тысячу рублей, молча отдала деньги Юліѣ Карловнѣ, которая также молча приняла ихъ, пересчитала и, положивъ въ мѣшокъ, сказала: „до свиданья Марья Ѳедоровна“.

— Нѣтъ не до свиданія, а совсѣмъ прощайте; я завтра уѣзжаю въ деревню.

— Да вы хоть до воскресенья подождите, въ воскресенье непремѣнно повѣнчаемъ.

— И безъ меня повѣнчаете, прощайте!

— Ну какъ хотите, прощайте, когда не угодно;—и Юлія Карловна удалилась.

Въ слѣдующее воскресенье тихо и скромно совершился обрядъ вѣнчанія въ Знаменской церкви. Въ числѣ прочихъ любопытныхъ, присутствовала въ церкви и Марья Ѳедоровна; когда было все кончено она подошла къ Лизѣ и поздравила ее съ вступленіемъ въ законный бракъ.

Лиза вскрикнула и упала въ обморокъ, а Марья Ѳедоровна поспѣшно скрылась въ толпѣ.

Весело возвратилась она на квартиру и отдала приказаніе Аксиньѣ собираться въ дорогу.

— Довольно будетъ съ меня, прибавила она. Навеселилась я въ этомъ проклятомъ Петербургѣ; теперь осталось женить Ипполитушку и мое дѣло кончено.

Аксинья, видя доброе расположеніе барыни, попросилась со двора и получила позволеніе. Марьѣ Ѳедоровнѣ и въ голову не пришло, что Аксинья просилась на свадьбу къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

Свадьба была шумная. Больше всѣхъ гостей отличался Ипполитушка и къ разсвѣту такъ нагрузился, что его тутъ же и спать уложили.

На другой день Ипполитушка чувствовалъ себя дурно и почувствовалъ себя еще хуже, когда ему сказали, что онъ заложилъ свой макинтошъ Юліѣ Карловнѣ за три цѣлковыхъ, чтобы сдѣлать подарокъ невѣстѣ. Ипполитушка, подумавши не много, отправился къ Юліѣ Карловнѣ, палъ передъ нею на колѣни и вымолилъ курточку и плащъ только до вечера. Юлія Карловна сжалилась и отдала.

Кое-какъ одѣлся онъ и вышелъ на улицу. Куда же теперь идти? Онъ призадумался и призадумался не на шутку. Къ матери боялся глаза показать, а три цѣлковыхъ нужно достать, иначе Юлія Карловна и напорогъ къ себѣ не пуститъ съ пустыми руками, а это для него хуже всего на свѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Думалъ онъ, думалъ, да и выдумалъ вотъ какой несложный, а между тѣмъ вѣрный проектъ:

— Маменька теперь—думалъ онъ—уже третій мѣсяцъ больна и содвора не выходитъ, слѣдовательно могутъ всѣ повѣрить, что она умерла, и если я, не заходя домой, обойду всѣхъ ея знакомыхъ и попрошу, кто что можетъ дать на погребеніе матери, неужели не наберу трехъ цѣлковыхъ? Вотъ вздоръ, да одна маіорша Поталкуева дастъ три цѣлковыхъ. Ура! прекрасно! я же тебѣ докажу поганая чухонка, что я честный человѣкъ, — и одушевленный этой истинно геніальною мыслью, онъ почти побѣжалъ вдоль улицы.

На другой день, часу въ десятомъ, начали собираться пріятельницы на выносъ тѣла покойной Марьи Ѳедоровны. Представьте себѣ ихъ изумленіе, когда ихъ встрѣтила мнимая покойница и стала благодарить за память. Она думала, что пріятельницы провѣдали о ея скоромъ выѣздѣ и пришли проститься съ нею. Вскорѣ она сильно разочаровалась. Сперва одна, а за ней другая, и третья пріятельницы, не выдержали и разсказали о настоящей цѣли своего посѣщенія.

Марья Ѳедоровна какъ ни крѣпилась, однакожъ не могла дослушать краснорѣчивую повѣсть о похожденіяхъ своего Ипполитушки, выгнала вонъ своихъ пріятельницъ и послала Аксинью за учителемъ. Когда скромный педагогъ явился, она попросила его написать объявленіе въ полицію о пропажѣ сына и сейчасъ же отправила бумагу въ часть, а педагогу дала двугривенный и просила купить листъ гербовой бумаги въ 15 коп. сер.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ дали знать изъ части объ овцѣ обрѣтшейся и спрашивали, что съ нею дѣлать? Квартальнаго, который пришелъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ сообщить о блудномъ сынѣ, она просила написать къ кому слѣдуетъ бумагу о принятіи Ипполитушки въ городскую тюрьму на сохраненіе.

На другой день Ипполитушка уже путешествовалъ, съ шнуркомъ на рукѣ, искусно прикрываясь коротенькимъ плащемъ и въ сопровожденіи полицейскаго хожалаго прямо въ Литовскій замокъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда сидѣлъ за столомъ у Марьи Ѳедоровны смиренный наставникъ и искусно изображалъ на гербовомъ листѣ прошеніе на высочайшее имя о написаніи въ рядовые сына вдовы помѣщицы Хлюпиной за неуваженіе къ матери.

На прошеніе не замедлило воспослѣдовать соизволеніе и въ одно прекрасное утро вышелъ Ипполитушка изъ Литовскаго замка съ партіею арестантовъ на московскую дорогу по тракту въ Оренбургъ.

Не успѣлъ еще Ипполитушка пересчитать этаповъ между Москвою и Петербургомъ, какъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ пришелъ тотъ же самый квартальный и объявилъ ей, что она арестована въ собственной квартирѣ, по предписанію управы благочинія. Это случилось именно въ тотъ день, когда она собиралась оставить навсегда противный

Библиотека "Руниверс"

ей Петербургъ. Квартальный вѣжливо раскланялся и исчезъ, оставивъ за собою слѣдъ т. е. полицейскаго солдата у воротъ.

Недѣлю спустя послѣ Лизиной свадьбы, благовѣрный супругъ ея, по наущенію Юліи Карловны, бойко, чотко и дѣльно написалъ прошеніе и послалъ его въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ. Прошеніе было распечатано самимъ министромъ, разсмотрѣно и пущено въ ходъ. По справкамъ выяснилось, что прошеніе, какъ ни казалось оно съ перваго разу неправдоподобнымъ, было справедливо. Марью Ѳедоровну арестовали и назначили слѣдствіе, по которому она оказалась виновною въ угнетеніи дѣтей своего мужа отъ перваго брака, и въ намѣреніи лишить ихъ наслѣдства въ пользу своего сына Ипполита. За все это судомъ она была приговорена къ заточенію въ отдаленный дѣвичій монастырь на вѣчное покаяніе.

Такъ кончились злыя ухищренія Марьи Ѳедоровны и теперь она, лишенная всего, даже личной свободы, въ тѣсной мрачной кельѣ „издыхаетъ какъ отравленная крыса въ норѣ“ по выраженію автора „Путешествія Гуливера“.

Елизавета Ивановна, приведя дѣла свои къ благополучному окончанію, выѣхала изъ столицы вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, уже не простымъ писаремъ, а коллежскимъ регистраторомъ. Юлія Карловна просилась было тоже съ ними въ деревню, въ видѣ маменьки или хоть ключницы; но ей рѣшительно отказали и она осталась по прежнему содержательницей извѣстнаго заведенія.

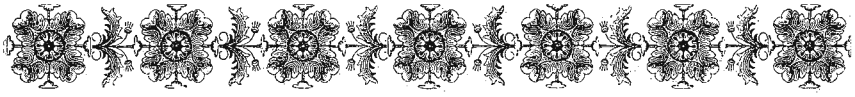
Во всемъ уѣздѣ, или лучше во всей губерніи, уже была извѣстна исторія Лизиныхъ грустныхъ похожденій, вслѣдствіе чего чувствительныя сосѣдки помѣщицы встрѣтили ее съ распростертыми объятіями, какъ героиню настоящаго романа.

Вскорѣ, заброшенное село начало обновляться. Мужъ Лизы оказался весьма порядочнымъ сельскимъ хозяиномъ, такъ что заброшенное хозяйство пришло въ движеніе; словомъ, все воскресло съ прибытіемъ Елизаветы Ивановны; но болѣе всѣхъ почувствовалъ ее присутствіе бѣдный слѣпой Коля. Она съ нимъ ни на минуту не расставалась, ухаживала за нимъ какъ самая попечительная нянька и самая нѣжная сестра.

Церковь посѣщалъ онъ по прежнему, и по прежнему съ любовію исполнялъ обязанности дьячка и пономаря. Это было его задушевное и единственное занятіе. Часто возвращаясь поздно отъ всенощной, онъ тихо и невыразимо грустно пѣлъ: „Все упованіе мое на тя возлагаю Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ твоимъ“.

Т. Шевченко.

Библиотека "Руниверс"



ЧЕРНИГОВКА.

Быль второй половины XVII вѣка [1]).

I.

Въ 1676 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ городъ Черниговъ воротился черниговскій полковникъ Василій Кашперовичъ Борковскій изъ Батурина, куда ѣздилъ по гетманскому зову для войсковыхъ дѣлъ. Полковникъ ѣхалъ въ колясѣ, запряженной четырьмя лошадьми, а по бокамъ его колясы ѣхало съ каждой стороны по верховому козаку изъ его собственной полковничьей компаніи. По мосту, построенному черезъ рѣку Стрижень, коляса въѣхала въ деревянныя ворота съ башнею на верху, сдѣланныя въ земляномъ валу, окаймлявшемъ внутреній городъ или замокъ: бревенчатая стѣна, шедшая поверхъ всей окраины вала, носила, съ перваго взгляда на нее, слѣды недавней постройки. Ударъ колокола на башнѣ возвѣстилъ о возвращеніи господина полковника. Коляса въѣхала въ одинъ изъ дворовъ, неподалеку церкви св. Параскевіи, подъ крыльцо деревяннаго дома, обсаженнаго кругомъ молодыми деревцами, которыя были огорожены плетеными, круглыми загородками для защиты отъ скотины. Разомъ со въѣздомъ во дворъ полковника, спѣшили во дворъ полковые старшины — обозный, судья и писарь, какъ только услышали звонъ на башнѣ, возвѣщавшій о пріѣздѣ полковника. Полковникъ вышелъ изъ своей колясы, взошелъ на крыльцо и, подбоченясь по начальнически, ожидалъ старшинъ, скоро шедшихъ по направленію къ крыльцу и уже на дорогѣ снимавшихъ шапки. Полковникъ въ отвѣтъ на ихъ поклоны чуть приподнялъ свою шапку, ничего имъ не сказалъ, а только смотрѣлъ на нихъ и повернулся ко входу въ свой домъ. Старшины послѣдовали за нимъ, неся

[1]) Содержаніе взято изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ юстиціи, кн. 46. л. 221—228.

Библиотека "Руниверс"

въ рукахъ шапки. Выбѣжавшіе изъ дома служители суетились около колясы и вынимали оттуда дорожныя вещи. Въ сѣняхъ встрѣчали полковника члены его семьи: жена, сынъ и двѣ дочери. Не сказавши ни слова семьѣ, полковникъ обратился къ писарю и сказалъ:

— Панъ писарь! бѣги скорѣе и пиши универсалы ко всѣмъ сотникамъ: пусть немедля съѣзжаются въ Черниговъ съ выборными козаками изъ своихъ сотенъ. Будетъ походъ. Прибавь: что если который изъ нихъ замѣшкаетъ и не явится къ сроку—тому не миновать значительнаго войскового наказанія. А васъ, господа судья и обозный, я позову: надобно съ вами поговорить. Господинъ гетманъ командируетъ нашъ полкъ за Днѣпръ на Дорошенка.

Старшины ушли. Полковникъ вошелъ изъ сѣней въ просторную комнату, уставленную по окраинѣ стѣны лавками, покрытыми черною кожею, нѣсколькими креслами съ высокими спинками и двумя столами, покрытыми цвѣтными коврами. Служитель снялъ съ него верхнее платье. Тогда полковникъ поцѣловался съ женою, потомъ съ дѣтьми, которые, подходя къ отцу, прежде кланялись ему до земли, а потомъ цѣловали ему руку. Полковникъ приказалъ служителю подать трубку и разсѣлся въ креслѣ близь стола.

Полковница, матерая женщина, лѣтъ за сорокъ, въ парчевомъ корабликѣ на головѣ и въ зеленой, вышитой серебромъ „сукнѣ [1])“, спросила мужа не прикажетъ ли онъ подать что нибудь поѣсть и выпить. Полковникъ поморщился, сказалъ что онъ на дорогѣ поѣлъ, а до ужина не далеко, но потомъ, подумавши, попросилъ выпить „терновки“. Ему подала на подносѣ вошедшая прислужница. Полковникъ выпилъ, поставилъ серебряную чарку на подносъ и спросилъ жену:

— Былъ кто у насъ безъ меня?

— Пріѣзжалъ новый воевода, сказала полковница.

— Каковъ онъ изъ себя? спросилъ полковникъ.

— Такъ себѣ человѣкъ, отвѣчала полковница: не очень старъ, не очень молодъ; лицо у него красное, не много рябое. А кто его знаетъ каковъ онъ! Я спросила его: доволенъ ли онъ здѣшнимъ житьемъ; онъ отвѣтилъ, что доволенъ, и сталъ себя расхваливать. Со мною, говоритъ, уживетесь; я человѣкъ простой и правдивый и душевно полюбилъ народъ вашъ малороссійскій. Дай Богъ чтобы вы меня такъ полюбили, какъ я васъ. Потомъ сталъ говорить на церковный ладъ, разспрашивалъ о церквахъ, хвалилъ тебя за усердіе къ церкви Божіей и за то, что храмы воздвигаешь.

— Они, сказалъ полковникъ, всѣ такіе любезные какъ только пріѣдутъ къ намъ, а обживутся не такими станутъ.

— А я уже и про этаго слышала не весьма хорошую вѣсть, сказала полковница, переминаясь.

---

[1]) Женское платье.

Библиотека "Руниверс"

— Что же ты слышала такое? спросилъ напряженно полковникъ.

— Говорятъ, чѐрезъ день послѣ того, какъ онъ сюда пріѣхалъ, сталъ разспрашивать какія у насъ въ Черниговѣ есть колдуньи и уже одну, говорятъ, приводили къ нему тѣ изъ московскихъ стрѣльцовъ, что здѣсь оставались послѣ прежняго воеводы.

Полковникъ не отвѣчалъ на это ничего, какъ будто не слыхалъ того, о чемъ разсказывала ему жена, и завелъ рѣчь о другомъ, сообщилъ, что ихъ полкъ посылаютъ вмѣстѣ съ другими на Дорошенка понуждать его чтобъ ѣхалъ, по данному прежде обѣщанію, на лѣвый берегъ Днѣпра слагать съ себя гетманскій санъ передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ. Полковникъ изъявилъ сожалѣніе, что ему не даютъ времени строить предпринятыя зданія въ Черниговѣ и безпрестанно отрываютъ къ другимъ дѣламъ. Борковскій былъ большой охотникъ строиться. Много церковныхъ зданій въ Черниговѣ обязаны ему поправками, прибавками, а иныя появленіемъ на свѣтъ. И теперь былъ онъ озабоченъ постройкою братской трапезы въ Елецкомъ монастырѣ, поручалъ въ свое предполагавшееся отсутствіе женѣ наблюдать за начатымъ дѣломъ, вести переговоры съ штукатурами и малярами и приказывалъ ей во всемъ поступать съ совѣта отца архимандрита Іоанникія Голятовскаго. Во время этой бесѣды съ женою, дѣти находились здѣсь же и стояли почтительно у стѣны: хотя сыну пошелъ уже двадцатый годъ, а одной изъ дочерей семнадцатый, но они безъ воли отцовской не смѣли сѣсть въ присутствіи родителя и завести рѣчь съ нимъ прежде чѣмъ онъ самъ за чѣмъ нибудь къ нимъ обратится. Съ самой женой Борковскій, хотя былъ любезенъ, но постоянно серьезенъ и жена, примѣняясь къ его нраву, говорила съ нимъ такъ, что готова была только исполнять то, что онъ придумаетъ и ей укажетъ.

Во время бесѣды полковника съ женою вошелъ служитель и доложилъ, что идетъ новоприбывшій въ Черниговъ воевода. Полковникъ тотчасъ всталъ и пошелъ къ дверямъ, въ которыя входилъ гость. Это былъ краснощекій, съ небольшою круглою русою бородкою, невысокорослый человѣкъ, одѣтый въ бархатный кафтанъ голубого цвѣта съ большимъ стоячимъ воротникомъ, вышитымъ золотомъ. Кафтанъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, серебрянныя, грушевидныя съ прорѣзью. Воевода несъ въ рукѣ шапку, сдѣланную на подобіе колпака. Его звали Тимоѳей Васильевичъ Чоглоковъ. Осклабляясь, онъ поклонился полковнику, касаясь пальцами до земли, и сказалъ:

— Земно и низко кланяюсь высокочтимому господину полковнику! Я новый черниговскій воевода, недавно прибылъ въ вашъ городъ по указу царскому на урядъ. Челомъ бьемъ и усердно просимъ любить насъ и жаловать и быть къ намъ во всѣхъ дѣлахъ милостивцемъ.

И воевода еще разъ поклонился, коснувшись пальцами руки до помоста.

Библиотека "Руниверс"

— И къ намъ недостойнымъ царскимъ слугамъ и подножкамъ царскаго престола просимъ быть милостивцемъ и теплымъ заступникомъ предъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ, сказалъ полковникъ, также кланяясь.—Се моя господыня [1]),—прибавилъ Борковскій, подводя къ воеводѣ жену:—а се мои дѣти, ихъ же ми даде Богъ!

— Съ боярынею твоею видались мы, сказалъ осклабляясь воевода; какъ пріѣхалъ я въ Черниговъ—первымъ дѣломъ было идти и тебѣ поклониться, а твоей вельможности тутъ не было, такъ я господыню твою милостивую видѣлъ и челомъ ей побилъ!

Воевода, кланяясь въ поясъ полковницѣ и дѣтямъ, бросилъ мимоходомъ на старшую дочь Борковскаго такой взглядъ, въ которомъ опытному наблюдателю можно было отгадать впечатлѣніе, какое невольно производитъ на записного женолюбца видъ каждаго смазливаго женскаго личика.

Жена и дѣти вышли. Полковникъ усадилъ воеводу въ кресло и началъ съ нимъ разговоръ. Немного спустя, вышедшая за двери пани Борковская воротилась снова въ сопровожденіи служанки, которая несла на серебренномъ подносѣ графинъ съ водкою и варенье. Полковница просила воеводу отвѣдать ея хозяйственнаго приготовленія, такъ какъ она сама наливала водку на ягоды и сама варила варенье.

Воевода, выпивши, по обычаю поцѣловался съ хозяйкою, потомъ, обратясь къ хозяину, сказалъ:

— Во истину видимо благословеніе Божіе на домъ твоей вельможности! Жена твоя яко лоза плодовитая и дѣти твои яко гроздіе вокругъ трапезы твоея!

— А у твоей милости, господинъ воевода, съ собою здѣсь хозяйка? спросилъ полковникъ.

— Нѣту, отвѣчалъ воевода, молодымъ было родители меня женили, да жена, проживши со мною три года, померла.

— Чтожъ? господинъ воевода еще не старъ. Можетъ быть пошлетъ Богъ другую супружницу, сказалъ полковникъ.

— Я тебѣ доложу, господинъ вельможный полковникъ, вотъ какъ— говорилъ съ многозначительнымъ постнымъ выраженіемъ лица воевода, я точно еще не старъ, да позналъ тщету земнаго житія. О душевномъ спасеніи хочу мыслить, а не о тѣлесныхъ сластѣхъ.

Полковникъ бросилъ женѣ недовѣрчивый взглядъ и спросилъ воеводу:

— Твоя милость у насъ въ гетманщинѣ перво на воеводствѣ, или были прежде еще въ какомъ нашемъ городѣ?

— Въ малороссійскихъ городахъ пришлось быть въ первый разъ у васъ въ Черниговѣ на воеводствѣ, а въ Слободскихъ полкахъ былъ

---

[1]) Хозяйка.

Библиотека "Руниверс"

воеводою въ Харьковскомъ полку въ городѣ Чугуевѣ; тамъ не много узналъ я вашихъ людей. И скажу твоей вельможности по душѣ: такъ полюбилъ вашъ народъ, что жалѣю за чѣмъ не родился вашимъ человѣкомъ! Такіе у васъ добрые, богоугодные люди, отъ нихъ же первый и наилучшій господинъ черниговскій: объ немъ далеко слава идетъ. И въ Москвѣ всѣ говорятъ про то, какъ онъ усердствуетъ о благолѣпіи церквей Божіихъ и какъ ко всему священному дѣлу навыченъ и охоченъ.

— Я послѣдній и наихудѣйшій отъ многихъ, сказалъ Борковскій,— трудимся въ потѣ лица своего, по Божіей волѣ, да въ день судный заступленіе имамы отъ Пресвятыя Богородицы.

— Былъ я, говорилъ воевода, у преосвященнаго Лазаря и у отца архимандрита Іоанникія и у отца игумена Зосимы. Какія это честныя особы! Какіе умные, свѣдущіе философы! Истинно у насъ въ Московской землѣ такихъ не сыщешь, хоть всю землю исходи. И они въ единъ гласъ про вельможность твою доброе слово говорятъ, да величаютъ честность твою.

— Держимся на свѣтѣ молитвами оныхъ богоугодныхъ мужей! сказалъ Борковскій.

Вошелъ полковой писарь съ бумагами.

— Уже написано? сказалъ полковникъ,—и хорошо: къ спѣху надобно! Всѣмъ сотникамъ?

— Всѣмъ, отвѣчалъ писарь.

Полковникъ закричалъ, чтобъ ему подали чернильницу и подписалъ одинъ за другимъ шестнадцать приказовъ сотникамъ черниговскаго полка. Писарь, забравши бумаги, ушелъ. Вслѣдъ затѣмъ служитель доложилъ, что у крыльца дожидается сотникъ черниговской сотни. Борковскій приказалъ позвать его.

Вошелъ молодой, лѣтъ тридцати, мужчина, статный, бѣлолицый, черноусый, съ высокимъ открытымъ лбомъ, съ большими глазами. Это былъ тогдашній сотникъ черниговской полковой сотни Булавка. Поклонившись полковнику, онъ обвелъ большими глазами вокругъ себя и на мгновеніе остановилъ ихъ на гостѣ, какъ будто желая спросить полковника: можно ли при немъ говорить о томъ зачѣмъ пришелъ; потомъ, успокоившись отъ раздумья, началъ полковнику говорить:

— У вашей вельможности пришелъ спросить: если будетъ походъ, какъ сейчасъ пришла бумага отъ твоей вельможности, то не могу ли оставить въ городѣ и не брать въ походъ моего шурина козака Молявку-Многопѣняжнаго: онъ обручился и ему нужно свадьбу съиграть.

— Этого никакъ нельзя! сказалъ строго полковникъ,—если твоего шурина оставить для свадьбы, то другіе козаки станутъ просить чтобы и ихъ оставили: кто—для свадьбы, кто—для похоронъ, а кто—выдумаетъ себѣ иное что-либо... Не позволю... не проси! Пусть твой шуринъ подождетъ; вернемся изъ похода, тогда и свадьбу съиграетъ. У кого твой шуринъ обручился?

Библиотека "Руниверс"

— У козака Филиппа Куса, сказалъ сотникъ,—единственная дочь у отца. Если ужъ никакимъ образомъ нельзя оставить моего шурина, такъ нельзя-ли теперь, въ Петровъ постъ, повѣнчать его, а свадьбу съиграютъ уже какъ, Богъ дастъ, возвратятся изъ похода.

Полковникъ на это отвѣчалъ:

— Это уже не наше козацкое дѣло, а церковное. Пускай проситъ владычнаго разрѣшенія у преосвященнаго Лазаря, а я, полковникъ, отъ себя противности не имѣю. Пускай себѣ повѣнчаются, если владыка дозволитъ. Только мы въ походъ выступаемъ въ воскресенье, а послѣ-завтра суббота. Твой шуринъ долженъ быть въ походѣ.

— Какъ? Развѣ это у васъ можно? замѣтилъ воевода.—Вы, кажись, православнаго закона! Какъ же это? въ Петровъ постъ свадьбу праздновать?

Полковникъ отвѣчалъ:

— Собственно запрещается въ постные дни свадебное пиршество, „весилье“ по нашему, а чтобы совершить обрядъ церковный—для этого нужно только разрѣшеніе архіерея; а какъ архіерею извѣстно, что „весилья“ въ постъ не будетъ, то и разрѣшитъ. У насъ, господинъ воевода, такой есть обычай отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что мужъ съ женою сожительствуютъ и признаются передъ всѣмъ свѣтомъ въ брачномъ союзѣ только съ того времени, какъ отгуляютъ свадьбу у „молодой“ и у „молодого“ по нашему обычаю, какъ это заведено въ народѣ нашемъ, а до той поры „молодая“ ходитъ какъ дѣвица съ непокрытою головою и никто ее не признаетъ за замужнюю женщину, пока не „покроютъ“ на свадебномъ пиршествѣ. Оттого-то у насъ архіерей можетъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, разрѣшить вѣнчанье въ постъ, лишь бы только зналъ, что впредь до окончанія поста не будутъ отправлять „весилья“.

Въ продолженіе этой объяснительной рѣчи сотникъ Булавка стоялъ потупивши голову, но изрѣдка съ любопытствомъ бросалъ взгляды на воеводу, а тотъ жадно слушалъ полковника.

— Странныя для насъ, русскихъ московскихъ людей, дѣла разсказываешь ты, господинъ полковникъ, сказалъ воевода,—такого ничего не дѣлается у насъ въ Московской землѣ. Однако, и то справедливо говорятъ добрые люди: что городъ—то норовъ, что край—то свой обычай. Грѣха тутъ, я думаю, нѣтъ. У васъ изстари такъ повелось, а у насъ не такъ, а вѣра у насъ все-таки одна остается, хоть видишь, вонъ что у васъ архіереи разрѣшаютъ, а у насъ никто къ архіерею объ этомъ и просить не посмѣетъ пойти. У васъ, прибавилъ онъ, обращаясь не къ хозяину, а къ сотнику,—и при вѣнчаньи можетъ быть такое творится, чего у насъ нѣтъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Булавка, я въ Московской землѣ не бывалъ и не видалъ какъ тамъ у васъ что дѣлается.

— Непремѣнно пойду въ церковь какъ будетъ вѣнчаться козакъ, шуринъ этого сотника—говорилъ воевода, обращаясь къ Борковскому: прикажи, господинъ полковникъ, меня извѣстить, я пойду!

Библиотека "Руниверс"

— Самъ съ твоею милостію пойду! сказалъ Борковскій.

Сотникъ хотѣлъ уходить, но полковникъ приказалъ ему остаться. Воевода понялъ, что полковникъ имѣетъ сказать сотнику нѣчто на единѣ, попрощался съ хозяиномъ и, провожаемый имъ въ сѣни, ушелъ въ свой дворъ, отстоявшій отъ полковничьяго саженяхъ во ста.

Воротившись опять въ комнату, Борковскій сказалъ:

— Панъ сотникъ! Разузнай для меня, какую это „чаровницу" зазывалъ къ себѣ этотъ воевода, какъ говорятъ.

— Мнѣ узнавать объ этомъ не приходится, вельможный панъ сказалъ Булавка: я уже знаю. Приходила къ нему Ѳедосія Бѣлобочиха, а приводилъ ее стрѣлецъ Лозовъ Якушка. А зачѣмъ ее звали, того не знаю.

— Кликни ее сейчасъ къ себѣ; а какъ придетъ—пришли со сторожевыми казаками ко мнѣ, сказалъ полковникъ.

Сотникъ быстро ушелъ. Борковскій велѣлъ позвать обознаго, судью и писаря, разговаривалъ съ ними о дѣлахъ полковыхъ и о походѣ. Наконецъ служитель доложилъ, что казаки привели бабу Бѣлобочиху. Обозный, судья и писарь при этомъ имени разомъ засмѣялись.

— Чему вы, господа, смѣетесь? сказалъ со строгимъ видомъ полковникъ.

Судья сказалъ:

— Извини, вельможный панъ, развѣ какое срамное дѣло ведется? Баба эта Бѣлобочиха всѣмъ извѣстная сводня въ Черниговѣ.

— Ну такъ! Хорошо, господа, что вы здѣсь случились, сказалъ Борковскій: войдите въ другую комнату и слушайте оттуда, что станетъ говорить мнѣ эта Бѣлобочиха.

Обозный, судья и писарь вошли по указанію хозяина въ другую комнату, слѣдовавшую за тою, гдѣ происходила бесѣда. Ввели казаки бабу Бѣлобочиху. То была низкорослая, съ короткою шеею женщина лѣтъ пятидесяти, съ маленькими простодушными и вмѣстѣ лукавыми глазками.

Полковникъ подошелъ прямо къ ней съ очень строгимъ и суровымъ видомъ и сказалъ:

— Баба! волшебствуешь, чародѣйствуешь! людямъ вредъ дѣлаешь! Вотъ я тебя пошлю къ владыкѣ, чтобъ на тебя епитемію наложилъ, да въ монастырь на работу заслалъ года на два, а то и на долѣе.

— Я никому вреда не дѣлала! говорила Бѣлобочиха, перекачивая голову изъ стороны въ сторону и отважно глядя на полковника. А если кто позоветъ въ какой болѣзни, то не отговариваюсь, и твоя милость, коли позовешь, то прійду и все подѣлаю, что можно и какъ Богъ поможетъ.

— Врешь! сказалъ полковникъ, зачѣмъ ты ходила къ воеводѣ?

— А присылалъ звать—затѣмъ и ходила, отвѣчала Бѣлобочиха.

— А для чего присылалъ за тобою? Чего отъ тебя хотѣлъ? Спрашивалъ полковникъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да говорилъ, запинаясь отвѣчала баба, про какую-то свою болѣзнь, а я и не очень-то разобрала, что онъ мнѣ тамъ говорилъ по московски; я ему отвѣтила—ничего не знаю, да и ушла отъ него.

— Врешь, баба! сказалъ полковникъ, не за тѣмъ тебя звали, не то воевода говорилъ тебѣ, не такой ты ему отвѣтъ дала! Эй, казаки!.. выведите эту бабу на дворъ да взмыльте ей спину нагайкою изъ желѣзнаго прута!

— Панъ вельможный!.. вскричала Бѣлобочиха, я не стану доводить себя до нагайки. Скажу и безъ нее. Воевода спрашивалъ меня нельзя ли достать ему красивую „дивчину", потому говоритъ я одинокій человѣкъ, скучно спать, да такую, говоритъ, дѣвку, чтобы къ нему по ночамъ ходила.

— А ты ему что на это сказала? спросилъ полковникъ.

— Я сказала: не знаю... За такое дѣло никогда не бралась! отвѣчала Бѣлобочиха.

— Вранье! Не то ему ты отвѣтила! сказалъ Бѣлобочихѣ полковникъ, потомъ, обращаясь къ казакамъ, присовокупилъ: вспрысните-ко ей плечи нагайками!

— Панъ вельможный! закричала Бѣлобочиха, смилуйся! Всю правду скажу, только не выдайте меня передъ воеводою; онъ меня тогда со свѣта сгонитъ: онъ велѣлъ никому того не выявлять, что мнѣ говорилъ.

— Мое полковницкое слово, что не скажу, отвѣчалъ полковникъ, и бить не буду, лишь бы только правду сказала. Говори, да не утаивай! Что отвѣтила? На какую дѣвку указала?

— Вотъ же всю правду скажу, заговорила Бѣлобочиха, спрашивалъ меня воевода: какая здѣсь въ Черниговѣ самая пригожая дѣвушка? А я ему сказала, что какъ на мой глазъ, то нѣту краше Ганны Кусовны, что, какъ говорятъ, просватана за козака Молявку. А воевода говоритъ: гдѣ бы мнѣ ее увидѣть? А я ему говорю: а гдѣ жъ? въ церкви! А онъ говорилъ чтобъ я узнала въ какой церкви будетъ эта дѣвка, такъ онъ туда пойдетъ, чтобъ повидать ее. Вотъ и все! Больше и разговора у меня съ воеводою не было. Вотъ вамъ крестъ святой.

И Ѳеська [1]) перекрестилась.

Полковникъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было, по выраженію глазъ и по звуку рѣчи отлично умѣлъ узнавать: правду ли ему говорятъ или ложь. На этотъ разъ онъ замѣтилъ, что Бѣлобочиха не лжетъ, и отъ ней онъ болѣе ничего не добивался, а потому и отпустилъ. Ѳеська убѣжала во всю старческую прыть, довольная тѣмъ, что избавилась отъ грозившей ея плечамъ „дротянки".

— Слыхали, господа? спросилъ полковникъ вышедшихъ изъ другого покоя старшинъ.

— Слышали, все слышали! былъ отвѣтъ.

---

[1]) По малорусски уменьшительное имя Ѳеодосіи.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ молчите до поры до времени, а какъ время придетъ, тогда заговоримъ, и намъ, можетъ, пригодится то, что теперь слышали, сказалъ тогда полковникъ.

II.

Много цвѣтовъ въ садахъ зажиточныхъ козаковъ, а между цвѣтами нѣтъ ни однаго такого, какъ роза. Ни „крещатый барвинокъ", ни „пахучій василекъ"—ничто не сравнится, какъ говоритъ народная пѣсня, съ этой розою, превосходною, прекраснѣйшею розою. Вотъ такъ же: много красныхъ дѣвицъ въ городѣ Черниговѣ и ни одна изъ нихъ не сравнится съ Ганною [1]) Кусовною—дочерью казака Пилипа [2]) Куса. Много писателей восхваляло въ своихъ описаніяхъ красоту женскую, такъ много, что если бы собрать все, что написано было въ разныхъ краяхъ и на разныхъ языкахъ о женской красотѣ, то никакого царскаго дворца не достало бы для помѣщенія всего написаннаго по этой части. Но правду сказать, еслибъ стало возможности прочитать все написанное о женской красотѣ, то едва ли много оказалось бы тамъ такого, что было бы выше одной истинной красавицы, существующей не въ книгахъ, а въ природѣ. По этой-то причинѣ мы не станемъ изображать красоты Ганны Кусовны, а скажемъ только, что въ теченіи трехъ лѣтъ онаго времени въ Черниговѣ, кого-бы ни спросили: кто изъ дѣвицъ черниговскихъ всѣхъ красивѣе—всѣ въ одно сказали бы, что нѣтъ красивѣе Ганны Кусовны; не сказалъ бы развѣ тотъ, кто уже полюбилъ другую дѣвицу, такъ какъ всегда для влюбленнаго никакая особа женскаго пола не кажется прекраснѣе предмета его любви. Само собою разумѣется, много было желавшихъ получить ее себѣ въ подруги жизни и какъ же долженъ былъ казаться счастливымъ тотъ, кому обѣщала красавица свое сердце. Эта завидная для многихъ доля выпала казаку Яцьку [3]) Ѳеськовичу [4]) Молявкѣ-Многопѣняжному.

Ходитъ красавица въ своемъ „рутяномъ садочку", молодецъ подстилается къ ней „пахучимъ василькомъ", „крещатымъ барвинкомъ": яснымъ соколомъ пробирается молодецъ сквозь „калиновыя" вѣтви, поймать хочетъ пташку-пѣвунью, унести ее въ свое теплое гнѣздышко [5]). Вотъ сквозь вѣтви зеленыхъ деревъ блеститъ полуночное небо съ безчисленными звѣздами, всходитъ ясный мѣсяцъ и полюбилась ему одна звѣздочка паче прочихъ и мѣсяцъ гоняется за нею, хочетъ схватить звѣздочку въ свои объятія. А молодецъ Яцько Мо-

---

[1]) По малорусски Ганна —Анна.

[2]) По малорусски Пилипъ—Филипъ.

[3]) Якову.

[4]) Ѳедосьевичу.

[5]) Рута зеленая, пахучій василекъ, крещатый барвинокъ и калина — любимыя и символическія растенія малорусскихъ дѣвицъ.

Библиотека "Руниверс"

лявка-Многопѣняжный посреди многихъ дѣвицъ черниговскихъ полюбилъ паче всѣхъ прекрасную Ганну Кусовну и хочетъ ввести ее хозяйкою подъ свой домашній кровъ.

А вотъ въ хатѣ казака Пилипа Куса при свѣтѣ лампады сидитъ пожилая Кусиха со свахою и съ молодою дочерью Ганною. Онѣ дожидаются стараго хозяина казака Куса съ его молодымъ нареченнымъ зятемъ; вмѣстѣ отправились они къ владыкѣ Лазарю Барановичу и воротятся съ приговоромъ судьбѣ Ганны Кусовны. Съ нетерпѣніемъ мать и дочь прислушиваются къ каждому звуку за окнами, за стѣнами хаты, на дворѣ и на улицѣ, мало говорятъ между собою — все только слушаютъ. Вотъ, наконецъ, заскрипѣли ворота, кто-то въѣхалъ во дворъ. Ганна бросается къ окну, вглядывается во дворъ, озаренный луннымъ свѣтомъ и въ тревогѣ восклицаетъ: „матѣнко, это наши"!

Вошли въ хату казакъ Пилипъ Кусъ и козакъ Яцько Молявка-Многопѣняжный.

Познакомимся теперь съ обоими по одиночкѣ.

Пилипъ Кусъ былъ козакъ лѣтъ сорока слишкомъ, плечистый, бѣлокурый, съ лысиной на передней части лба; въ его волосахъ чуть пробивалась сѣдина. По отсутствію морщинъ на лицѣ и по веселымъ спокойнымъ глазамъ проницательный наблюдатель могъ понять, что жизнь этого человѣка проходила безъ большихъ потрясеній и безъ крупныхъ несчастій. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ немногихъ непріятностей, безъ которыхъ вообще не обойдется земное бытіе, этому человѣку выпала такая доля, какую въ тогдашней козацкой Украйнѣ могъ имѣть далеко не всякій козакъ. Родился Кусъ въ Черниговѣ, гдѣ и теперь проживалъ, родился въ семьѣ не очень богатой и не очень бѣдной: у Кусова отца, какъ и у Кусова дѣда, всегда было что поѣсть и выпить и во что одѣться, и нищему подать Христа ради. И у нашего Куса жизнь повелась точно также. Раза три приходилось ему ходить въ походъ съ прочими казаками своего полка, но раненъ онъ не былъ ни разу; только навела было на него скорбь смерть его шестя козака Мурмыла, убитаго въ схваткѣ съ поляками. Но вѣдь это что за несчастіе въ козацкомъ быту, когда каждый козакъ съ дѣтства привыкаетъ къ мысли потерять въ бою кого-нибудь изъ близкихъ или самому положить голову! Пилипъ женился лѣтъ двадцати отъ роду, взялъ въ приданное за женою кусокъ земли въ Сѣдневской сотнѣ, дней въ тридцать, и жилъ съ женою въ полномъ согласіи. У него, кромѣ жениной земли, былъ верстахъ въ осьми отъ Чернигова еще и отцовскій участокъ, съ рощею, гдѣ стояла его пасѣка, и было у Куса довольно земли, такъ что Кусъ землю свою отдавалъ другимъ съ половины. У Кусовъ было четверо дѣтей, но трое умерли въ младенчествѣ; уцѣлѣло четвертое дитя, дочка Ганна, которую теперь собирались родители отдавать за-мужъ.

Женихъ Ганны Кусовны происходилъ отъ предковъ не изъ козацкаго, а изъ мѣщанскаго рода и былъ захожимъ человѣкомъ въ

Библиотека "Руниверс"

Черниговѣ. Дѣдъ его Ѳедоръ Молявка жилъ въ Браславѣ и отдавалъ деньги въ ростъ: за это какой-то дьячекъ приложилъ ему кличку Многопѣняжный и такая кличка привилась къ его роду. Сыновья Ѳедора наслѣдовали, вмѣстѣ съ этой кличкой, любовь къ отцовскому промыслу и возбуждали своею алчностію слухъ о несмѣтномъ своемъ богатствѣ. Козацкій гетманъ Павло Тетеря, нуждаясь въ деньгахъ, прицѣпился къ одному изъ нихъ Ѳеську Ѳедоренку [1]), требовалъ отъ него денегъ; Ѳесько, разставшись по неволѣ съ тѣмъ, чего нельзя было укрыть, клялся всѣми святыми, что у него болѣе ничего нѣтъ; но Тетеря подвергъ его пыткѣ, отъ которой Ѳесько и умеръ. Скоро, однако, Тетеря былъ разбитъ Дроздомъ и выгнанъ изъ Украины. Но Дрозду нужны были деньги также какъ и Тетерѣ, и Дроздъ принялся за вдову Ѳеська, взмылилъ ей спину нагайками, допрашивая, куда запрятаны у ней мужнины деньги, не добился признанія и посадилъ ее въ тюрьму. Черезъ мѣсяцъ послѣ того Дроздъ былъ разбитъ Дорошенкомъ, отведенъ въ Чигиринъ и тамъ разстрѣлянъ. Вдова Ѳеська освободилась изъ тюрьмы, но опасалась, чтобъ и Дорошенко не сталъ дѣлать съ нею того же, что дѣлали Дроздъ и Тетеря, она поспѣшила выкопать изъ подъ земли зарытые мужемъ червонцы, и вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью ушла на лѣвую сторону Днѣпра. Два брата Ѳеська еще прежде перебрались туда съ женами и гдѣ-то поселились въ Слободскихъ полкахъ, куда, какъ въ обѣтованную землю, стремились тогда переселенцы съ праваго берега Днѣпра. Вдова Ѳеська Молявки-Многопѣняжнаго не пошла слишкомъ далеко искать новоселья, а по совѣту родныхъ своихъ пріютилась въ Черниговѣ, выпросила себѣ мѣсто для двора и тамъ построилась какъ слѣдовало. Дочь ея вышла за-мужъ за Булавку, который потомъ сдѣланъ былъ сотникомъ черниговской полковой сотни, а сынъ, который былъ моложе сестры своей нѣсколькими годами, отданъ былъ въ обученіе чтенію и письму, а потомъ записанъ въ козаки. Грамотность была далеко не повсемѣстна между козаками, однако уже уважалась, и Молявка-Многопѣняжный, черезъ то уже, что умѣлъ читать и писать, могъ надѣяться повышеній въ козацкой службѣ. Ему былъ двадцать второй годъ отъ роду, когда онъ увидалъ панну Кусовну и задумалъ на ней жениться.

Яцько былъ подъ руку Ганнѣ,—чернобровый, кудрявый, становитый, писанный красавецъ и не бѣденъ, какъ говорили; кромѣ двора у него никакой недвижимости въ Черниговѣ не значилось, но слухи носились, что у его матери были деньги, а сколько было денегъ примѣрно, того не говорилъ никто, и самъ сынъ не въ состояніи былъ сказать. Несчастія, перенесенныя его матерью изъ-за денегъ, сдѣлали ее скупою и скрытною. Кто-бы съ нею ни заводилъ разговоръ, она первымъ дѣломъ хныкала и жаловалась на сиротство, безпомощность и бѣдность и каждому разсказывала, какъ у ея мужа отнялъ деньги

[1]) Ѳедоровичу.

Библиотека "Руниверс"

и самого замучилъ Тетеря. Когда сынъ объявилъ матери, что замыслилъ жениться, мать сперва не слишкомъ желательно приняла эту новость, но не стала сыну перечить, когда узнала, что Кусъ—козакъ не бѣдный и дочь у него единственная. Мать Молявки-Многопѣняжнаго отправилась въ гости къ Кусихѣ и скоро сошлась съ нею; всегда веселая, спокойная, добродушная Кусиха хоть кого могла привязать къ себѣ. Обѣ старухи были вмѣстѣ, когда Кусъ и Молявка-Многопѣняжный вошли въ хату.

— Ну что? Съ перцемъ или съ макомъ? спрашивала бойкая, словоохотливая и привередливая Кусиха.

— По нашему сталось. За чѣмъ ходили, то и получили, сказалъ торжествующимъ тономъ Кусъ. А будетъ ли то совсѣмъ по душѣ нашему любезному зятю—спросите у него самого.

— Не оставляютъ свадьбу съиграть? спрашивала сына Молявчиха Многопѣняжная.

— Ни за что!.. сказалъ Яцько,—полковникъ даже разсердился, грозно глянулъ на меня и проговорилъ: коли станете докучать, то не дозволю тебѣ и вовсе жениться.

— Ну какъ таки онъ не дозволитъ? Гдѣ такой законъ, чтобы полковникъ не дозволилъ козаку жениться? говорила мать Молявки.

— Съ панствомъ не совладаешь! сказалъ Молявка, что панство говоритъ, то намъ и слѣдуетъ дѣлать, а если не послушаешься, то что изъ этого будетъ? Тогда, пожалуй, надо заранѣе навострить лыжи, а коли останешься на мѣстѣ подъ панскимъ „регментомъ", то панъ пройметъ тебя не тѣмъ, такъ другимъ! Вотъ такъ и со мною: ты, говоритъ, записанъ въ выборѣ! А я говорю: если твоей милости благоугодно будетъ, то вельможный панъ можетъ... а самъ ужъ не договариваю, только кланяюсь низко... А онъ перебилъ меня и говоритъ: что можетъ вельможный панъ, про то тебѣ не разсуждать, молодъ еще; а вельможному пану то не нравится, чтобъ ты здѣсь оставался, хочетъ вотъ вельможный панъ чтобъ ты съ прочими выборными шелъ въ походъ!.. А что жъ? Онъ и правъ. Скачи, враже, якъ панъ каже!

— Правда это, правда, сыну!.. подхватилъ Кусъ. Подначальное дѣло наше. Мы должны быть въ послушаніи у власти. Вотъ, напримѣръ, хоть бы и я! Меня уже давно не вписываютъ въ наряды, а вздумалось бы вписать панству, сказали бъ: иди, Кусъ, и Кусъ хочетъ ли не хочетъ, а долженъ идти!

Молявка подсѣлъ къ невѣстѣ и началъ съ нею говорить почти шопотомъ, такъ что другимъ не слышно было рѣчей его. Невѣста, слушая его рѣчи, то улыбалась, то кивала одобрительно головою. Впрочемъ, еслибъ и можно было слышать ихъ разговоръ между собою, то передавать на бумагу разговоры между женихомъ и невѣстою, довольно трудно. Бываетъ въ такихъ разговорахъ безсвязница, а они все таки бываютъ кстати и доставляютъ пріятность тѣмъ, которые

Библиотека "Руниверс"

ихъ ведутъ. Кусиха вышла изъ хаты, потомъ воротилась уже въ сопровожденіи „наймички“; обѣ несли скатерть, оловянныя тарелки, ножи, ложки, хлѣбъ и водку въ скляницѣ. Постлали скатерть, поставили на ней „пляшку“ съ водкой и положили хлѣбъ. Тогда наймичка вышла въ другую хату, находившуюся черезъ сѣни, въ которой обыкновенно топилась печь и готовилась ѣствà, а хозяйка просила всѣхъ садиться за ужинъ; сама же изъ шкафа, стоявшаго на право отъ порога, вынула серебренныя чарки и поставила на столѣ.

Выпили по чаркѣ настойки, заѣли хлѣбомъ и „оселедцемъ“. Наймичка внесла большую оловянную мису съ рыбною ухою, потомъ ушла снова и воротилась съ оловяннымъ блюдомъ, на которомъ лежали жареные караси, а молодая Кусовна, пошедши въ чуланъ, находившійся въ сѣняхъ, принесла оттуда деревянный складень съ медомъ. Затѣмъ наймичка внесла на оловянной мисѣ цѣлую гору оладей и ушла. Наймичка сама не садилась за столъ: работники прежде „вечеряли“ сами, потому что хозяева въ этотъ день собрались ужинать позже обыкновеннаго.

— Когда же ихъ будутъ вѣнчать? спрашивала Молявчиха.

— Послѣ завтра, въ воскресенье, сказалъ Кусъ, какъ отслужится ранняя обѣдня у св. Спаса. Владыка проговорилъ намъ наставленіе, какъ нужно жить, да такъ ужъ очень грамотѣйно и складно, что мы не очень-то и разобрали; не знаю, какъ зятекъ, а я, грѣшный человѣкъ, ничего путемъ не понялъ изъ того, что онъ говорилъ. Слышалъ только про какой-то виноградъ, до про лозу, да про какого-то жениха и дѣвъ мудрыхъ и буихъ: кто ихъ знаетъ, къ чему оно тамъ у нихъ приходится! А вотъ, что мы ужъ хорошо поняли, такъ хорошо: чтобы, говорилъ, молодые, повѣнчавшись, сейчасъ, какъ выйдутъ изъ церкви разошлись бы и не сходились другъ съ другомъ, пока этотъ постъ не окончится. Пойдетъ говоритъ, молодецъ въ походъ на царскую службу: коли Богъ дастъ живымъ и здоровымъ вернется, тогда пусть вступаетъ въ сожитіе и съиграете свадебное пиршество по вашему обычаю. А теперь, говоритъ, нельзя—и чтобы не было у васъ ни музыки, ни танцевъ, ни пѣсень.

— Это все чернецы выдумали—замѣтила Кусиха, что въ „Петровки“ грѣхъ даже пѣть! Да вѣдь когда же дѣвчата больше поютъ какъ не въ Петровки! Преосвященный самъ слышитъ сидя въ своемъ монастырѣ, какъ онѣ поютъ на улицѣ. Почему же не уйметъ ихъ? Развѣ менѣе грѣшно пѣть на уличномъ сборищѣ, нежели свадьбу отправлять?

— На все свое время положено закономъ, сказалъ съ видомъ разсудительности Кусъ, они люди разумные и ученые, все знаютъ за что отъ Бога грѣхъ, а за что нѣтъ грѣха. Намъ только слушаться ихъ и дѣлать какъ они велятъ.

— Истинно, разумно и премудро говоритъ сватъ! сказала мать жениха. Что водится сводебная гулянка, это „весилье“ такъ это

Библиотека "Руниверс"

только люди повыдумывали чтобъ гулять да тратиться! Надлежащаго толку въ томъ нѣтъ! Повѣнчались и всему конецъ. То Божій законъ, а что свадебная гулянка, такъ это баловство.

— Какъ можно, свахушка!.. сказала Кусиха, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, Богъ вѣсть съ какихъ временъ то заведено и того измѣнять нельзя. Да и какое было бы наше житье, если бы „весилья" не было! Только единожды молодые сочетаются бракомъ; у нихъ тогда какъ бы весна: вотъ какъ въ весеннее время всякая тварь зашевелится и такъ станетъ хорошо, и весело, что и старики точно помолодѣютъ, вотъ такъ же какъ молодые люди другъ съ другомъ сойдутся и сочетаются, тогда и намъ, старымъ, станетъ какъ-то весело, что даже духъ радуется глядя на нихъ и старыя наши кости расправятся, и вспомянемъ свои лѣта молодыя.

— Вѣдь и владыка не говорилъ, что веселиться не нужно вовсе, а говорилъ только чтобы въ Петровки „весилья" не отправлять, потому что постъ, замѣтилъ Кусъ и продолжалъ: а владыка тутъ же прибавилъ: когда пройдутъ Петровки, тогда, говоритъ, отправляйте себѣ „весилье" свое по вашему обычаю. А ко мнѣ владыка еще примолвилъ такъ: повѣнчаются дѣти, ты, старикъ, бери дочь за руку, веди изъ церкви домой и держи подъ присмотромъ, пока зять твой не вернется съ похода, чтобъ не-равно какъ-нибудь не согрѣшила и дѣвства своего не утратила.

— Наша Ганна не такова, сказала Кусиха: и прежде никто про нее не смѣлъ не добраго слова промолвить, худой молвы про себя боялась, а теперь, коли женихъ есть, такъ она будетъ его дожидать и объ немъ только думать, а больше ни о чемъ.

— Вотъ ужъ, сказала Молявчиха, колибъ только Яцько вернулся съ того похода счастливо, а лучшей пары ему и не найти! Только всѣ мы подъ Богомъ! Бываетъ иногда и такъ: повѣнчались, сочетались, только бъ жить да поживать, да добра наживать, а тутъ...

— А тутъ, перебилъ ее охмѣлѣвшій Кусъ, вернется молодецъ, урѣжемъ „весилье" всему свѣту на славу. Я, старикъ, покину свою старуху, благо прискучила, ухвачу за руку другую старуху, свою милую сваху, да съ нею пущусь въ плясъ! Вотъ такъ!

И съ этими словами онъ схватилъ за руку Молявчиху и потащилъ ее съ лавки на середину хаты.

— А твоя старуха дернетъ тебя за-полы и не пуститъ! сказала Кусиха, удерживая мужа за полы его кунтуша.

Молявчиха упиралась и говорила:

— Съ-молоду я не была охотница до этихъ плясокъ, а теперь, на старости, объ могилѣ помышлять, а не о танцахъ!

— Батька тесть все шутитъ, сказалъ Молявка, да и не все же только заботиться, да горевать—и пошутить можно не много. Такъ ли моя ты „ясочка"? [1]) прибавилъ онъ, обращаясь къ Ганнѣ.

[1]) Ясненькая.

Библиотека "Руниверс"

Ганна, улыбаясь, отвѣчала наклоненіемъ головы.

— Поживемъ съ тобою вмѣстѣ сколько Богъ велитъ, продолжалъ Яцько, обращая рѣчь къ невѣстѣ, поживемъ и состарѣемся, и дѣтей наживемъ и станемъ ихъ женить, тогда вспомянемъ, какъ странно мы сочетались: пришлось намъ повѣнчаться, да сейчасъ и разойтись словно два облачка, только не на долго.

— Мнѣ кажется, сказалъ Кусъ, это уже послѣдній походъ будетъ на этого пройдоху Дорошенка; вотъ уже третій годъ манитъ нашихъ, обѣщаетъ пріѣхать и свое гетманство сдать, а потомъ снова собирается вести бусурмановъ на раззореніе христіанства. Теперь уже вѣрно прійдетъ ему конецъ.

— А можетъ и такъ случиться, какъ случилось въ прошломъ и позапрошломъ году, что ходили, походили, да назадъ вернулись ничего не подѣлавши,—сказала Молявчиха.

— А чтобъ ты, сваха, здорова была! Для чего ты предсказываешь несчастія? сказалъ порывисто Кусъ, Богъ милостивъ, на Него уповаютъ цари и владыки: Богъ утѣшеніе христіанству и смиритъ бусурманскую гордыню! На Него надѣемся!

— Простите мнѣ глупой, сваты! сказала Молявчиха, я ужъ очень свыклась съ горемъ въ свою жизнь. Это не шуточки! Мой добрый мужъ, царство ему небесное, не нажилась я съ нимъ: погубили его проклятые полу-ляхи! А меня самоё, развѣ мало мучили и пытали? На плечахъ до сей поры видны шрамы, какъ Дрозденко, собачій сынъ, отполосовалъ меня нагайкою-дротянкою! Подѣломъ ему проклятому и сталось: распозналъ, вѣрно, лютый палачъ, какъ это больно бываетъ людямъ, когда ему самому влѣпили въ грудь пули! Оттого-то я, глупая, какъ вспомню, что когда то было со мною, такъ и думаю: какъ бы вновь не стряслось какой бѣды! Простите меня, господа сваты!

Молявчиха встала съ мѣста и поклонилась Кусу и Кусихѣ.

— Знаемъ, сваха, хорошо знаемъ, что тебѣ не мало Господь посылалъ горя, но все то уже прошло и не воротится. Какъ только ты породнилась съ нами, такъ съ той поры все горе минуло. Поцѣлуемся, да выпьемъ хорошую чарку! сказалъ Кусъ, выпивая и подавая Молявчихѣ чарку съ горѣлкою.

— Дай Богъ нашимъ дорогимъ дѣткамъ любить взаимно другъ друга и долго жить въ счастьи и здоровьи! произнесла Молявчиха, выпивая чарку и передавая Кусихѣ.

— Дай Боже, сказала Кусиха, вмѣстѣ съ нами глядѣть и не наглядѣться на ихъ любовь и не налюбоваться ихъ счастіемъ!

— А нашимъ дорогимъ и почтеннымъ родителямъ—великое и нескончаемое до нашей смерти благодареніе за то, что насъ выхолили и до ума довели, и насъ сочетали! сказалъ Молявка, выпивая горѣлку изъ чарки и передавая чарку невѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Вамъ, тàту [1]) и мамо, пусть Богъ воздастъ за меня, что меня выростили, взлелѣяли и до ума довели, и за милаго Яцька замужъ отдаете! Дай Богъ вамъ обоимъ долгой жизни и здоровья! провозгласила Ганна, поклонилась родителямъ и выпила.

— Дай Богъ счастія и здоровья на многія лѣта всѣмъ! провозгласили хоромъ всѣ и разомъ наливали въ чарки горѣлки и выпивали.

— Пойдемъ, сынокъ, время уже и ко двору, сказала Молявчиха;— какъ вернешься изъ похода, соберемся тогда опять къ господамъ сватамъ, да заберемъ „молодую княгиню“: будетъ она опорою моей старости.

— Будетъ она, сказала Ганна,—веселить матинку своего милаго Яцька ласковыми словами, будетъ послушна и почтительна.

— Какая ты добрая, какая пригожая! Моя ты ясочко! сказалъ съ чувствомъ Молявка.

Кусъ съ женою и дочерью проводили старуху и сына ея за ворота.

Мѣсяцъ обливалъ серебристо-зеленымъ свѣтомъ крыши черниговскихъ домовъ, вершины деревьевъ въ садахъ и рощахъ, лучи его играли по ярко-вызолоченнымъ крестамъ недавно обновленныхъ церквей.

III.

Въ субботу, на другой день послѣ того когда происходило описанное выше, съѣзжались въ Черниговъ изъ ближнихъ сотенъ сотники со своими выбранными въ походъ козаками: Бѣлоусовскій-Товстолѣсъ, Выбельскій-Лобко, Любецкій-Посуденко, Седневскій-Петличный, Киселевскій-Бутовичъ, Слобинскій-Тризна, Сосницкій-Литовчикъ; другіе, которыхъ сотни лежали далѣе, выѣзжали прямо, чтобы на дорогѣ присоединиться къ той части полка, которая выступитъ изъ Чернигова. У кого изъ козаковъ въ Черниговѣ были родные или пріители, тотъ приставалъ въ ихъ дворы, другіе располагались за-городомъ въ полѣ при возахъ и лошадяхъ. Нѣкоторые козаки не везли съ собою воза, а вели навьюченную своими пожитками лошадь, привязавши къ той, на которой козакъ сидѣлъ самъ. Каждый сотникъ, пріѣзжая въ Черниговъ, являлся къ полковнику и не съ пустыми руками: одинъ несъ ему „наралѐцъ“ [2]), звѣрину или птицу застрѣленную у себя, другой рыбу, пойманную въ рѣкѣ или озерѣ своей сотни, кто приводилъ вола, кто лошадь, кто овцу. Борковскій приказывалъ служителямъ принять принесенное, объявлялъ каждому сотнику, что надобно будетъ идти въ походъ въ воскресенье послѣ литургіи и приглашалъ всѣхъ сходиться къ нему на хлѣбъ на соль передъ выступленіемъ.

---

[1]) Батюшка.

[2]) Подарокъ несомый начальствующему лицу.

Библиотека "Руниверс"

Въ воскресенье зазвонили къ обѣднѣ. Прибывшіе козаки пошли по церквамъ, но не всѣ; иные оставались беречь возы и лошадей своихъ и товарищескихъ. Зазвонили и въ церкви Всемилостиваго Спаса. Это древнѣйшій изъ русскихъ храмовъ. Всегда могъ и до сихъ поръ можетъ гордиться Черниговъ передъ другими русскими городами этимъ почтеннымъ памятникомъ сѣдой старины. Построенный княземъ Мстиславомъ Володимировичемъ еще ранѣе кіевской Софіи, послѣ раззоренія Чернигова, случившагося во время Батыя, этотъ храмъ оставался въ развалинахъ до самаго полковника Василія Кашперовича Борковскаго, который недавно оправилъ его на собственный счетъ, а Лазарь Барановичъ только въ текущемъ году освятилъ новопоставленный въ немъ престолъ и назначилъ къ возобновленному храму протоіерея и причетъ церковный. Каѳедральнымъ соборнымъ храмомъ была тогда церковь Бориса и Глѣба; впрочемъ, архіепископъ Лазарь до того времени хотя и считался черниговскимъ архіепископомъ, но проживалъ постоянно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ; онъ только недавно полюбилъ Черниговъ и сталъ въ немъ чаще жить, именно послѣ того, какъ оправили старую Спасскую церковь.

Спасская церковь уже въ концѣ XVIII вѣка нѣсколько передѣланная и вновь расписанная, въ описываемое нами время носила въ себѣ еще живучіе признаки прежней старины. Тогда еще существовали на трехъ внутреннихъ стѣнахъ хоры, куда вела лѣстница не извнутри храма, а съ улицы, черезъ башню, пристроенную къ лѣвой сторонѣ храма: теперь отъ этихъ хоровъ осталась только одна сторона. Входъ въ трапезу съ западной стороны былъ широкій и направо отъ него былъ пристроенъ къ церковнымъ стѣнамъ притворъ, нынѣ разобранный. Внутри трапезы по стѣнамъ и по столбамъ виднѣлась еще стѣнная иконопись до того старая, что съ трудомъ уже разобрать можно было, что за фигуры тамъ изображались; это казалось безобразнымъ и требовалась замѣна стараго новымъ, но средствъ на такую замѣну не доставало и, благодаря такому недостатку, стѣны церкви оставались въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ остаются онѣ въ наше время.

Звонъ благовѣстнаго колокола раздавался съ вершины башни, пристроенной съ лѣвой стороны храма. Валила толпа благочестиваго народа въ этотъ древній храмъ чрезъ главный входъ. Вошла туда и брачившаяся чета: козакъ Яцько Ѳесенко Молявка-Многопѣняжный и невѣста его козачка Ганна Кусовна. Толпа козаковъ и мѣщанъ, входившая въ церковь, разступалась передъ ними и съ благоговѣніемъ пропустила ихъ. Голова невѣсты красовалась вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и обиліемъ разноцвѣтныхъ лентъ, вплетенныхъ въ длинныя шелковистыя косы, спадавшія по спинѣ; на Ганнѣ надѣта была вышитая золотомъ „сукня“, изъ подъ которой внизу виднѣлись двѣ стороны плахты, вытканной въ четвероугольники черные попеременно съ красными; на груди невѣсты сверкали позолоченные кресты и коралловыя „мо-

Библиотека "Руниверс"

нисты"; ноги обуты были въ красные полусапожки съ гремящими подковками. Рядомъ съ нею съ правой стороны шелъ женихъ, статный козакъ съ подбритою головою и черными усами, одѣтый въ синій жупанъ, подпоясанный цвѣтнымъ поясомъ; къ поясу привѣшена была сабля въ кожаныхъ ножнахъ, разукрашенныхъ серебряными бляхами; обутъ онъ былъ въ высокіе черные сапоги на подборахъ съ подковками. Вошедши въ церковь, женихъ сталъ у праваго изъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ трапезы, невѣста стала у лѣваго столба. Взоры всѣхъ жадно впивались въ невѣсту и жениха и слышались замѣчанія: ахъ, какая пара! ахъ, что за красавица! Вслѣдъ за ними скоро вошли въ церковь наши знакомые господа: полковникъ Борковскій и воевода Чоглоковъ. Воевода раза два бросилъ взглядъ на невѣсту и потомъ уже казалось, не хотѣлъ замѣчать ее, во все время литургіи не поворачивалъ даже и головы въ ту сторону, гдѣ стояла Ганна Кусовна, хотя полковникъ, не разъ, поглядывая на невѣсту, нагибался къ нему и шепталъ ему что-то. Передъ начатіемъ литургіи дьяконъ съ амвона провозгласилъ, что съ разрѣшенія преосвященнѣйшаго Лазаря архіепископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и блюстителя кіевскаго митрополичьяго престола, по случаю отправленія черниговскаго полка въ походъ, будетъ совершено вѣнчаніе черниговской сотни козака Якова Молявки-Многопѣняжнаго съ дѣвицею Анною, дочерью козака той же сотни Филиппа Куса, съ тѣмъ, однако, что супружеское сожитіе ихъ должно наступить не ранѣе праздника св. апостоловъ Петра и Павла, и самое вѣнчаніе, хотя и будетъ совершено ранѣе, но будетъ значиться яко бы совершеннымъ въ день св. апостоловъ Петра и Павла. По окончаніи литургіи, поставили посреди церкви аналой, протоіерей подозвалъ жениха и невѣсту, связалъ имъ руки „ручникомъ" и началъ послѣдованіе бракосочетанія. Надъ головою жениха держалъ вѣнецъ его зять сотникъ Булавка, надъ головою невѣсты сестра жениха, жена Булавки. По окончаніи обряда протоіерей велѣлъ новобрачнымъ поцѣловаться. Тутъ скоро подошелъ къ невѣстѣ родитель ее Кусъ, взялъ дочь за руку и, не обращая вниманія на жениха, ни на кого-либо изъ окружавшихъ, потащилъ ее изъ церкви: онъ буквально исполнялъ приказаніе преосвященнаго. Женихъ остался одинъ. Подошелъ къ нему полковникъ и промолвилъ:

— Будь здоровъ, козакъ, съ молодою женою, дай Богъ тебѣ счастія и во всемъ успѣха, богатство наживать, дѣтей народить и выростить и до ума довести! Теперь иди ко мнѣ хлѣба-соли поѣсть, да отъ меня разомъ со всѣми въ походъ; а я Булавкѣ приказалъ твой возъ и все что тебѣ на дорогу нужно, выпроводить, пока ты у меня погостишь.

Нельзя было ничѣмъ отдѣлаться Молявкѣ. Онъ рядовой казакъ, а полковникъ приглашалъ его къ себѣ за столъ на равнѣ съ началь-

Библиотека "Руниверс"

ными особами: слишкомъ великая честь! Не сказавши ни слова, Молявка пошелъ за полковникомъ.

— А что, господинъ воевода, какую краля добылъ себѣ этотъ козачина! А!.. говорилъ полковникъ воеводѣ, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ церкви.

— Мнѣ не пристало на женскую красоту прельщаться, отвѣчалъ понуро воевода: не по лѣтамъ то мнѣ и не по званію. Притомъ она чужая жена, а Господь сказалъ: аще кто воззритъ на жену во еже вожделѣти ю, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ!

Народъ расходился изъ церкви. Полковникъ съ воеводою сѣлъ въ колясу и оба поѣхали въ домъ полковника. На крыльцѣ дома стояли полковые старшины, обозный, судья и писарь. Они были въ другой церкви и ранѣе прибыли къ полковнику. Всѣ вошли въ домъ, за полковникомъ, явились сотники. Кушанье было уже готово, всѣ сѣли за столъ.

Не долго тянулась эта дорожняя трапеза; ѣли не много, но пить надобно было не мало и притомъ заздравныя чаши. Полковникъ провозгласилъ чашу здравія великаго государя, потомъ чашу за гетмана и все войско запорожское, а наконецъ за успѣхъ предпринимаемаго похода. Тогда полковникъ объявилъ, что время двинуться въ путь. Полковница позвала дѣтей. Борковскій благословилъ ихъ, далъ обычное наставленіе во всемъ слушаться матери, потомъ, обратясь къ обозному, сказалъ, что вмѣсто себя ему поручаетъ управленіе оставшимися козаками, приказывалъ жить въ согласіи и дружбѣ съ воеводою и совѣтъ съ нимъ держать во всѣхъ дѣлахъ, касающихся города.

— Счастливо оставайтесь и насъ дожидайтесь! было послѣднее слово полковника, обращенное ко всѣмъ остававшимся.

У крыльца стоялъ осѣдланный конь полковника. Борковскій вскочилъ на него съ такою быстротою, какъ будто ему было двадцать лѣтъ отъ роду. Приподнявши шапку, онъ послѣдній разъ обратился къ стоявшей на крыльцѣ семьѣ и произнесъ: „прощавайте! зъ Богомъ“! И онъ хлеснулъ слегка своего коня. За нимъ сѣли на своихъ коней, заранѣе подведенныхъ въ полковничій дворъ, старшины и сотники и двинулись. Загремѣли литавры. Заколоколили по всѣмъ церквамъ. По этому знаку сотни двинулись съ своихъ становищъ и сотники спѣшили соединиться съ своими подначальными. Булавка поѣхалъ впереди своей сотни, а ближе всѣхъ къ нему слѣдовалъ его шуринъ, Молявка.

IV.

День, когда совершилось вѣнчаніе Молявки-Многопѣняжнаго, былъ ясный и жаркій. Въ хатѣ Куса собрались двѣ старухи—Кусиха и Молявчиха ожидать своихъ дѣтей изъ церкви. Съ Молявчихою пришла дочь ея, жена сотника Булавки, женщина лѣтъ двадцати пяти, не

Библиотека "Руниверс"

дурная, но худощавая. Всѣ три были одѣты въ праздничныя „сукни“, вышитыя шелками и золотомъ, въ парчевыхъ „очѣпкахъ“ [1]) покрытыхъ „намѣтками“ [2]) такими тонкими, что сквозь нихъ просвѣчивало золотое шитье. Скрыпнули двери и, вмѣсто ожидаемой новобрачной четы, вошелъ Кусъ съ одною только дочерью.

— Слава Богу!.. покончили! воскликнулъ Кусъ;—вотъ тебѣ, сваха, новая дочка, новая работница въ твоемъ домѣ. Люби и жалуй, за дѣло пожури, да слегка, по матерински.

— Моя голубка, моя ластовочка! произнесла Молявчиха, обнимая и разцѣловывая Ганну:—А моего Яцька неужь-то и не пустили попрощаться съ матерью и съ женою?

— Полковникъ позвалъ къ себѣ обѣдать, сказалъ Кусъ.—Нельзя ему отговориться: вѣдь это начальникъ! Должно быть нарочно позвалъ, чтобъ не дать ему понѣжиться возлѣ молодой подруги и чтобы такъ сталось какъ владыка велѣлъ не сходиться ему съ женою, пока постъ не отойдетъ! И ужъ, сваха, прійдется намъ попоститься и на нашихъ дѣтокъ не любоваться, пока не воротится войско изъ похода!

— Да коли бъ то воротился! произнесла со вздохомъ Молявчиха.

— Всѣ въ Божіей волѣ! сказала Булавчиха;—такое ужъ наше житье, что казаки наши мужья чаще безъ насъ чѣмъ съ нами. И мой, видишь, поѣхалъ; должна я одинокая ожидать его возвращенія! На Бога надежда; милостивъ будетъ, коли Его воля!

— Мудрое слово сказано!.. произнесъ Кусъ.—И моя Ганна, умная дѣвка, тоже скажетъ. Такъ ли Ганна?

— Такъ, тàту! сказала Ганна,—что Богъ дастъ, то пусть и будетъ! Въ это время у ней невольно показались слезы.

— А будетъ такое, сказалъ Кусъ,—что какъ воротится зять, тогда накличемъ гостей, да отправимъ такое громкое весилье, чтобъ года три о немъ говорили. А теперь, пока, въ своей семьѣ безъ гостей, будемте обѣдать. Дочка! Сними съ себя праздничный уборъ, да похлопочи съ наймичкою, чтобъ обѣдъ наладить. Пойди сама въ погребъ, да нацѣди терновки и вишневки, что въ большихъ боченкахъ стоятъ въ углу: уже десять лѣтъ какъ наливали, берегли для случайнаго времени. А теперь такое время пришло, что лучшаго и не было! Нацѣди два кувшина, да сама неси, а наймичкѣ не давай и наймита въ погребъ не впускай, потому—они нацѣдятъ, да не то что сами тайно выпьютъ; а еще постороннихъ людей будутъ подчивать! А оно у насъ такое... сокровище!

Ганна вошла въ комнату, расположенную рядомъ съ передней избой той же хаты и вышла оттуда въ другомъ одѣяніи, какое носила по всякъ день. На ней была черная съ цвѣтами исподница и зеленая суконная сукня. Она, гремя ключами, вышла изъ хаты въ сѣни.

---

[1]) Шапочка носимая замужними украинками.

[2]) Бѣлое прозрачное покрывало.

Библиотека "Руниверс"

Кусова хата двумя окнами выходила на дворъ, а однимъ окномъ на улицу. Оставшись одни, старики замѣтили, что изъ улицы кто то заглянулъ къ нимъ въ окно.

— Кто се тамъ? съ безпокойствомъ сказалъ Кусъ и вышелъ изъ хаты.—Чего тамъ вамъ? слышался его голосъ: зачѣмъ вы лѣзете на завалинку, да заглядываете въ чужую хату! Ступайте, идите себѣ туда, откуда пришли!

Онъ воротился въ хату.

— Кто это тамъ? спрашивали его Кусиха и Молявчиха.

— Какіе то москали! отвѣчалъ Кусъ;—изъ воеводскихъ ратныхъ, должно быть: двое ихъ около оконъ стояли. Я протурилъ ихъ! Это, видишь, довѣдались, что съ этого двора сегодня вѣнчались въ церкви, такъ думали что тутъ весилье отправляется. Пришли бурколы выпяливать! На чужой коровай у нихъ глаза порываются! Хотѣлось бы имъ чтобъ ихъ позвали поѣсть да попить! Навязчивые люди эти москали. Чуръ наше мѣсто: отъ нихъ полы отрѣжь да уходи нашъ братъ!

Вошла Ганна, а за нею наймичка. Ганна держала два „джбана“ [1]) съ наливкою, наймичка посуду. Накрывши скатертью столъ, поставили посуду, положили ножи и ложки. Кусиха изъ шкафа достала серебрянныя чарки. Когда на столѣ все было уставлено, наймичка стала приносить ѣствы. Сначала борщъ съ рыбой, потомъ жареную рыбу, пирогъ съ рыбой, ягоды и медъ. Поставивши кушанья на столъ, сама наймичка взяла ложку и сѣла за столъ съ хозяевами. Затѣмъ вошелъ наймитъ, мужчина лѣтъ сорока, годовой работникъ, обѣдавшій всегда съ хозяевами. По приглашенію Куса, наймитъ и наймичка выпили водки и пожелали счастія, здоровья и благополучія новоповѣнчанной парѣ. Обѣдъ шелъ какъ то торжественно и какъ бы священнодѣйственно; всѣ были молчаливы, прониклись важностію совершившагося событія. Вдругъ раздался колокольный звонъ.

— Казаки въ походъ идутъ! сказалъ Кусъ и всталъ.—И нашъ казакъ молодецъ выходитъ! Дай Богъ всѣмъ имъ счастливаго пути, а въ своемъ и въ царскомъ дѣлѣ хорошаго и благополучнаго успѣха!

Кусъ перекрестился.

— И дай Богъ имъ благополучно возвратиться домой! произнесла Булавчиха.

У Ганны снова на глазахъ навернулись слезы и она прикладывала къ глазамъ рукавъ своей вышитой сорочки, хотя и желала пересилить себя, казаться спокойною.

— Сколько въ этой чаркѣ капель, столько лѣтъ жить бы твоему сыну, а нашему зятю въ добромъ здоровьи, никакого горя не узнавши! говорила Кусиха, обращаясь съ чаркою къ Молявчихѣ.

— А намъ пошли Богъ служить весь вѣкъ такимъ добрымъ и милостивымъ хозяевамъ! произнесъ наймитъ.

---

[1]) Кувшины.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ обѣда всѣ стали развязнѣе и веселѣе. Кусиха такъ расходилась, что пощелкивала пальцами и подскакивала, да нѣсколько разъ повторяла, что ей ради такого радостнаго случая хочется танцовать. Кусъ тотчасъ началъ было ей вторить. Увлеклась даже понурая Варка Молявчиха и уже не стала, какъ дѣлала прежде, упираться, когда Кусъ схватилъ ее за руку и приглашалъ танцовать съ нимъ въ парѣ. Кусиха, хлопая въ ладоши и подпрыгивая, пѣла:

Кукурику пивнику на току,
Чекай мене, дивочко, до року!
Хибажъ бы я розуму не мала
Щобъ я тебе цилый рикъ чекала.
Хибажъ бы я съ розуму изійшла.
Щобъ я соби красчого не знайшла!

Остановившись она закричала:

— Да что это мы танцуемъ безъ музыки?

Потомъ, обратившись къ наймиту, проговорила:

— Евтюхъ! Сердце мое! Ступай позови Василія скрипача, да коли можно, то еще кого нибудь, хоть того что дудитъ, какъ бишь его...

— Юрка? сказалъ наймитъ и хотѣлъ уходить. Но Кусъ остановилъ его рукою дернувши за полу „свитки“ и говорилъ, обратившись къ женѣ:

— Ни-ни, жонка, Параска, этого нельзя.

— А почему нельзя? порывисто спрашивала Кусиха.

— А потому нельзя, сказалъ Кусъ: что владыка не велѣлъ. Намъ слѣдуетъ его слушаться. Нельзя, нельзя, не дозволю!

— Не дозволишь, такъ пусть по твоему и будетъ... ты для того хозяинъ, господинъ въ своемъ домѣ, сказала Кусиха.

Успокоившись отъ внезапнаго порыва къ веселости, вся семья усѣлась снова на лавкахъ, немного поболтали, потомъ Молявчиха съ дочерью встали, помолились къ образамъ, поблагодарили хозяевъ за хлѣбъ-соль и собрались домой. Молявчиха, кланяясь въ поясъ, просила Куса и Кусиху съ дочкою къ ней на обѣдъ на другой день. Кусы обѣщали. Послѣ ухода Молявчихи и Булавчихи, Кусъ, чувствуя, что голова его отъ винныхъ паровъ отяжелѣла, отправился въ садикъ, подостлалъ подъ голову свою свиту, залегъ спать въ куренѣ, сложенномъ изъ вѣтвей подъ двумя яблонями. Пчелы, вылетая изъ разставленныхъ по садику ульевъ, наводили на него сладкую дремоту своимъ жужжаніемъ. Кусиха забралась отдыхать въ чуланѣ, откуда окно выходило только въ сѣни: тамъ лѣтомъ было прохладно и безопасно отъ надоѣдливыхъ мухъ. Ганна съ наймичкою перемыли посуду послѣ обѣда, уставили ее не мѣсто, подмели хату. Окончивши работу, Ганна ушла въ садъ и чтобъ не мѣшать отцу, забилась въ противоположный уголъ садика, сѣла подъ развѣсистою липою и тамъ предалась раздумью. Недалеко отъ ней былъ тынъ, огораживавшій садикъ съ улицы и черезъ прогалину въ этомъ тынѣ смотрѣли въ

Библиотека "Руниверс"

садъ четыре злые глаза, но Ганна ихъ не замѣчала. Долго сидѣла такимъ образомъ Ганна. Пробѣгало въ ея памяти все ея дѣтство съ той минуты, какъ она стала сознавать свое бытіе на свѣтѣ, ласки и приголубленія родителей и близкихъ, игры съ дѣвочками и мальчиками одного съ нею возраста; приходили на память пѣсни, которыя она слышала и мимо своей воли перенимала; вспомнились первыя, неясныя ощущенія потребности любви, выражавшіяся тѣмъ, что ей все вокругъ становилось какъ то грустнымъ; вспомнила первую встрѣчу съ Молявкою, первый разговоръ съ молодцемъ, о которомъ она и своимъ родителямъ не показала ни малѣйшаго намека, первое его объясненіе и ея взаимное признаніе, которое тогда бросило ее въ краску, его сватовство, согласіе родителей, безпредѣльную радость и довольство, охватившія ей душу, приготовленія семьи къ свадьбѣ... все это вспоминать было такъ сладко и весело! За тѣмъ—ея вѣнчаніе и тотчасъ за нимъ разлука! Пришли ей на память ровестницы, уже вышедшія замужъ,—на одной свадьбѣ она сама была въ дружкахъ, на другой въ свѣтилкахъ: ея подруги, повѣнчавшись, были покрыты и стали жить съ мужьями! А она? Обвѣнчалась—и Богъ знаетъ покуда будетъ ходить дѣвкою: не ея воля и не ея жениха! Съ нею не такъ какъ съ другими! Вдругъ ей становилось страшно за свою будущность. Что то темное, тѣсное, что то не то колючее, не то жгучее ей представлялось. Ухъ! И она, пересиливая себя, вскочила и перекрестилась.

Солнце на западѣ стало клониться къ горѣ и тѣни отъ строеній и деревьевъ удлиннялись; въ разныхъ мѣстахъ Чернигова началъ показываться надъ крышами хатъ дымокъ, дававшій знать, что уже люди начинаютъ топить печи для вечери. Ганна вспомнила, что надобно полить цвѣты въ саду, повянувшіе отъ дневного зноя, вышла изъ сада, вошла въ сѣни, гдѣ увидала мать; оно только что вышла изъ чулана и умывала себѣ заспанное лицо. Ганна отворила дверь въ противоположную сторону черезъ сѣни въ рабочую избу или поварню, взяла ведра, сказала что пойдетъ по воду къ Стрижню и вышла со двора.

Рядъ дворовъ, между которыми былъ дворъ Куса, выходилъ прямо къ высокому берегу рѣки Стрижня. Противъ Кусова двора сходъ къ рѣкѣ былъ крутъ, но влѣво, двора черезъ три, шелъ изъ города къ рѣкѣ подземный ходъ, прорытый въ горѣ. Этотъ тайникъ устроенъ былъ для того, чтобы на случай непріятельскаго нашествія въ городѣ не было недостатка въ водѣ. Главный входъ его находился далеко въ срединѣ города, но и близко отъ Кусова двора входила въ него боковая лѣстница ступеней на десять внизъ: ею можно было очутиться въ тайникѣ. Этимъ путемъ обыкновенно ходили за водою „дѣвчата“, жившія не подалеку въ концѣ города; можно было такимъ образомъ подойти прямо къ водѣ, не таскаясь съ ведрами на гору. Туда направилась Ганна съ своими ведрами. Но идя со двора

Библиотека "Руниверс"

къ тайнику, встрѣтила она двухъ „москалей“ и остановилась; она замѣтила, что это были тѣ головы, что заглядывали въ окно, когда она возвратилась изъ церкви; ихъ тогда удалилъ отъ окна ея родитель. Ганну взяло раздумье. Зачѣмъ это они тутъ слоняются? думала она. Но москали, бросивши на нее взгляды, повидимому равнодушные, пошли въ противоположную сторону отъ тайника, мимо Кусова двора, ни мало не оглядываясь на нее. Нѣтъ, подумала Ганна—я испугалась напрасно. Это люди совѣстливые; они меня не зацѣпляютъ! Она смѣло пошла къ спуску въ тайникъ, сошла по лѣстницѣ и очутилась въ темнотѣ: только слабый свѣтъ проникалъ туда съ той стороны, куда ей нужно было идти за водою. Вдругъ послышались сзади торопливые шаги. Не успѣла Ганна рѣшить, бѣжать ли ей впередъ или назадъ, четыре сильныя руки схватили ее сзади, коромысло съ ведра упало, она крикнула, но ея крикъ потерялся въ тайникѣ. Ей завязали ротъ и глаза, она не въ силахъ была болѣе ни крикнуть, ни распознать, гдѣ она очутится. Ее потащили, или лучше сказать понесли: сама она съ испуга не могла уже двигаться. Похитители унесли добычу свою къ главному выходу изъ тайника, находившемуся, какъ сказано выше, въ срединѣ города.

V.

— Гдѣ Ганна? спрашивалъ Кусъ у своей жены уже въ сумеркахъ: гдѣ она?

Кусиха не видала дочери и не знала гдѣ она. Кусиха пошла въ черную хату и спрашивала наймичку. Та сказала, что Ганна пошла за водою.

— Давно?—спросила Кусиха.

— Давненько уже, сказала наймичка.

— Пора-бъ уже ей вернуться, уже темнѣетъ на дворѣ.

Кусиха стала недовольна дочерью. Никогда съ нею подобнаго прежде не было. Какъ можно такъ запаздывать! Вѣрно, думала, встрѣтилась съ подругами-дѣвчатами, и заболталась съ ними, а можетъ быть какая изъ подругъ къ себѣ зазвала. Такъ подумала Кусиха, такъ сообщила и мужу. Но время шло, Ганна не возвращалась. Наступила уже совершенная темнота, ночь была темная, мѣсяцъ былъ уже на ущербѣ, всходилъ поздно и тогда еще не показывался на небѣ. Родители тревожились не на шутку. Вышедши за ворота, отецъ и мать пошли въ разныя стороны и оба кричали: Ганно, Ганно! Но ихъ крикъ только повторялся какими-то насмѣшниками, собравшимися на игрище. Шалуны стали передразнивать кричавшихъ: Ганно, Ганно! поддѣлываясь подъ слышанные голоса, и себѣ кричали: Ганно, Ганно! хотя ихъ не занимало какую тамъ это Ганну ищутъ.

Библиотека "Руниверс"

Воротились родители домой. Кусъ билъ себя руками о-полы и машинально твердилъ: „нема! нема“! Кусиха терзалась и вопила: „доченька моя, милая моя! куда ты дѣлась? гдѣ находишься! жива ли ты еще, или, можетъ, тебя уже и на свѣтѣ нѣтъ“!

Наймитъ и наймичка, изъ участія къ заботѣ своихъ хозяевъ, взяли фонари и пошли къ тайнику. Черезъ нѣсколько минутъ наймичка прибѣжала оттуда въ испугѣ и вбѣжавши въ хату завопила: „горе, горе! ведра лежатъ въ тайникѣ“. Вслѣдъ за нею наймитъ принесъ ведра и коромысло. Увидавши эти вещи, Кусиха испустила пронзительный крикъ, металась изъ стороны въ сторону, не знала, бѣдная, куда бѣжать ей, что дѣлать, схватилась за-голову, сбила съ себя „очипокъ“, начала рвать на себѣ волосы и кричала: „доченька, доченька! пропала ты, пропала“!

— Утонула!.. сказалъ Кусъ, но потомъ приложилъ палецъ ко лбу, что съ нимъ случалось всегда, когда онъ о чемъ нибудь трудномъ размышлялъ.—Нѣтъ, не утонула! продолжалъ онъ: какъ-бы утонула, то ведра и коромыселъ не лежали бы далеко отъ воды. Не утонула она. Лихіе люди ее захватили въ тайникѣ. Можетъ и убили! А за что? Кому она что недоброе сдѣлала? Сказать бы звѣрь ее растерзалъ. Такъ какъ же звѣрь туда заберется! Развѣ лиходѣи какіе схватили ее и изнасиловали, польстившись на то, что очень ужъ красива. Учинятъ надъ нею, что захотятъ, а потомъ бросятъ въ воду!

Отъ такихъ догадокъ приходила Кусиха все больше и больше въ ярость. Ей казалось, что именно такъ и есть, какъ говоритъ мужъ: злодѣи сгубили ея дочь. И принялась она сыпать ругательства и проклятія на злодѣевъ.

Наймичка, по приказанію хозяйки, извѣстила Молявчиху о внезапной пропажѣ нареченной невѣстки. Молявчиха тотчасъ явилась къ Кусихѣ. Обѣ старухи завели вопль, а Кусъ то корилъ бабъ за ихъ крики и вопли, то вторилъ имъ самъ и раздражалъ ихъ скорбь своими жалобами и дурными догадками. Такъ провела ночь злополучная семья. Иногда, на мгновеніе, надежда смѣняла отчаяніе; услышатъ за дворомъ шумъ, скрипнутъ гдѣ нибудь ворота, залаетъ собака... подступитъ къ сердцу радость, слушаютъ не она ли... дожидаются. Ее нѣтъ! Мимолетная надежда опять смѣняется отчаяніемъ, а оно, послѣ короткаго и напраснаго перерыва, дѣлается еще болѣе жгучимъ и гнетучимъ.

Стало наконецъ разсвѣтать.

— Будемъ кричать, да голосить — съ того ничего не выйдетъ! сказалъ Кусъ,—пойду къ городовому атаману, заявлю. Пусть ищутъ Ганну; ежели ее нѣтъ на свѣтѣ, то пускай хоть слѣдъ ее найдутъ!

И оставивши бабъ продолжать свои вопли, Кусъ пришелъ къ городовому атаману.

Атаманъ, по прозвищу Беззубый, съ удивленіемъ узналъ о внезапномъ исчезновеніи той новобрачной, которой красотою любовался

Библиотека "Руниверс"

вчера въ церкви св. Спаса со всѣмъ бывшимъ тамъ народомъ. Первое, что предпринялъ атаманъ, былъ распросъ Кусу: не было ли у него съ кѣмъ вражды и ссоры. Кусъ увѣрялъ, что не было. Тогда атаманъ, немного подумавши, рѣшилъ послать десятскихъ обходить всѣ казацкіе дворы въ городѣ и въ пригородныхъ селахъ и вездѣ спрашивать: не видали-ль гдѣ Ганны Кусовны и не сообщитъ ли кто догадки о томъ, кто бы могъ ее схватить.

— Ужъ не схватили-ль ее москали? замѣтилъ Кусъ: вчера когда возвратились отъ вѣнчанія, примѣтилъ я, что возлѣ моего двора все ходили какіе-то москали и въ окна заглядывали.

— Сходи къ воеводѣ! сказалъ городовой атаманъ: попроси чтобъ велѣлъ учинить розыскъ между своими, да и войту написалъ бы, чтобъ и въ мѣщанскихъ дворахъ учинить то же, а то мы вѣдь только надъ казацкими дворами начальствуемъ.

Кусъ отправился къ воеводѣ:

— Что тебѣ, добрый человѣкъ? сказалъ ласково Тимоѳей Васильевичъ, когда вошелъ въ его домъ Кусъ и низко поклонился.

Кусъ разсказалъ ему, что дочь его пропала безъ вѣсти.

— Эхъ, добрый человѣкъ, добрый человѣкъ: сказалъ Тимоѳей Васильевичъ: видно, что отецъ нѣжный! Всего одинъ день, а онъ ужъ горячку запоролъ. Подожди, найдется! Да вотъ что, добрый ты человѣкъ: скажи по правдѣ: она, можетъ быть, у тебя гулящая и своевольная. Вѣстимо, коли одна дочь у отца у матери, такъ избалована.

— Нѣтъ, господинъ воевода, сказалъ Кусъ: она у насъ не то что не гулящая и не своевольная, а такая, что ее никогда не нужно ни сдерживать, ни наставлять, она и на улицу никогда не ходила, гдѣ было игрище. Такая послушная, скромная, вѣжливая... опросите всѣхъ сосѣдей, всѣ въ одинъ голосъ ничего не скажутъ про нее, кромѣ хорошаго.

— Такъ, можетъ быть, встрѣтилась съ какою нибудь подругою, а та ее зазвала къ себѣ въ гости, пошли у нихъ промежъ себя тары да бары, ночь захватила, она побоялась идти домой и осталась ночевать въ гостяхъ, говорилъ воевода.

— Я и самъ такъ думалъ сначала, сказалъ Кусъ: только уже пора бы ей вернуться давно. Никогда такого случая съ нею не бывало, господинъ воевода!

— Такъ что-же, что не бывало! Теперь въ первый разъ такой случай пришелъ! Я радъ тебѣ, добрый человѣкъ, во всемъ помочь, написать велю войту, чтобъ учинилъ розыскъ о ней по всѣмъ мѣщанскимъ дворамъ, а самъ я пошлю своихъ стрѣльцовъ по тѣмъ дворамъ, гдѣ есть становища нашихъ царскихъ ратныхъ людей. Только я увѣренъ, добрый человѣкъ, что не успѣютъ произвести розыскъ по мѣщанскимъ дворамъ, какъ твоя дочь къ тебѣ явится. А я твою дочь вчера въ церкви видалъ мелькомъ, какъ она вѣнчалась. Я съ паномъ

Библиотека "Руниверс"

полковникомъ тамъ былъ. Славный молодецъ твой зять. И она красавица. Парочка нарядная. Полковникъ мнѣ сказалъ, что женихъ тотчасъ послѣ вѣнца пойдетъ съ казаками въ походъ. Мнѣ такъ стало жалко, что я просилъ полковника: нельзя ли ради новоженнаго дѣла оставить его. Не согласился. Что же, мое дѣло сторона! Намъ, воеводамъ, отъ великаго государя не велѣно вступаться въ козацкія дѣла. Будь покоенъ, добрый человѣкъ! Дочь твоя найдется, сама къ тебѣ воротится, а не придетъ сама, такъ мы ее найдемъ, и я самъ самолично приведу ее къ тебѣ. На томъ даю тебѣ мое крѣпкое слово.

Кусъ поблагодарилъ воеводу за доброе слово и ушелъ.

Прошелъ день, прошелъ другой, третій—Ганна не возвращалась. Мать до того заметалась, что стала какъ безумная, и въ рѣчахъ ее мало было склада; отъ тоски напало на нее такое истомленіе, что пройдетъ нѣсколько саженей и садится, либо совсѣмъ упадетъ на землю. Молявчиха первые дни очень сердечно принимала участіе въ бѣдѣ, постигшей мать ея невѣстки; но на четвертый между двумя бабами начались пререканія. Кусиха въ своихъ сѣтованіяхъ о дочери высказалась, между прочимъ, что „на лиху годину“ повѣнчалась она съ Молявкою, а Молявчиха оскорбилась такою выходкою и съ своей стороны ядовито замѣтила, что Богъ знаетъ, гдѣ она дѣлась, можетъ быть у ней на умѣ заранѣе что нибудь затѣяно было, а можетъ быть ея родители знаютъ, гдѣ теперь ихъ дочь, знаютъ, да не скажутъ!

— Не такого зятя намъ нужно было пріискать, а другого когонибудь, такъ можетъ бы дочка наша цѣла была! сказала Кусиха.

— Не такую жонку нужно бы сыну моему а мнѣ невѣстку!—произнесла Молявчиха.

Мать Молявки-Многопѣняжнаго ставила Кусихѣ на видъ, что Молявка родомъ значнѣе какихъ нибудь Кусовъ, и Кусы должны бы себѣ за честь считать, что роднятся съ Молявками; Кусиха упрекала, что Молявки хотятъ загарбать Кусово достояніе и для этого входятъ съ ними въ свойство: Кусы и Молявки, хоть и одинаково козаки, но Кусы старинные отъ прадѣдовъ и прапрадѣдовъ черниговскіе козаки, а Молявки такъ себѣ какіе-то прибыши. Съ такихъ ѣдкихъ замѣчаній начались взаимныя ругательства, а наконецъ и проклятія.

— А колибъ, Богъ далъ, твоя дочка не отыскалась, а такъ сквозь землю провалилась! Негодница она! сказала Молявчиха.

— А колибъ твой сынъ съ войны не воротился! крикнула Кусиха.

Споръ дошелъ до того, что Молявчиха плюнула на Кусиху, а Кусиха плюнула на Молявчиху. Молявчиха сказала, что съ этихъ поръ нога ея не будетъ въ Кусихиной хатѣ, а Кусиха сказала, что было бы лучше всего когда бы и прежде ни Молявчиха, ни сынъ ея не переступали ихъ порога. Добродушный Кусъ хотѣлъ было умиротворить разъярившихся бабъ, но потомъ рукою махнулъ и произнесъ: „бабы какъ бабы, волосъ долгій, а разумъ короткій“.

Съ той поры Молявчиха не посѣщала Кусихи, а Кусиха не при-

Библиотека "Руниверс"

ходила къ Молявчихѣ. Но приходили къ Кусихѣ разныя сосѣдки; имъ разсказывала Кусиха о своей размолвкѣ съ Молявчихою, а сосѣдки, слушая это, съ своей стороны подстрекали ихъ къ ссорѣ: нашлись такія, что начали переносить Кусихѣ, что говоритъ о ней Молявчиха, а Молявчихѣ—что говоритъ о ней Кусиха.

Окончился Петровъ постъ. Ганна не возвращалась. Нѣсколько разъ еще ходилъ Кусъ и къ городовому атаману, и къ войту и къ воеводѣ. Никто не порадовалъ его открытіемъ слѣдовъ пропавшей дочери. Атаманъ даже замѣтилъ, что Кусъ въ своемъ нетерпѣніи начинаетъ надоѣдать своими жалобами на свою долю, что у него, атамана, безъ его дѣла, много другихъ дѣлъ. Войтъ сказалъ, что употребилъ уже всѣ мѣры, какія у него были въ распоряженіи и не его вина что ничего не открылъ; при этомъ войтъ замѣтилъ Кусу: „было бъ не пущать дочки, тобъ и не пропала"! Любезнѣе всѣхъ принималъ Куса воевода, всегда жалѣлъ о немъ, дѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ разныя предположенія на счетъ пропажи его дочери и утѣшалъ всѣми возможными способами, даже говорилъ, что если бы случилось такъ, что его дочери уже не было на этомъ свѣтѣ, то все таки доброму человѣку оставляется то утѣшеніе, что онъ увидится съ нею на томъ свѣтѣ. При этомъ Тимоѳей Васильевичъ благочестиво вздохнулъ.

Между тѣмъ, по поводу исчезновенія Кусовны, стали расходиться выдумки, самыя нелѣпыя, безобразныя, отчасти легендарнаго свойства, но оскорбительныя для семейства Кусовъ. Все это вымышлялось бабами изъ тѣхъ дворовъ, которые были не богаты: тамъ былъ поводъ завидовать состоянію Кусовъ. Такимъ образомъ болтали, что Кусъ нажилъ свое состояніе (которое завистникамъ представлялась въ преувеличенномъ размѣрѣ) тѣмъ, что знался съ бѣсами: еще будучи паробкомъ, при помощи бѣсовъ, нашелъ онъ заклятый кладъ; никто не могъ добыть этаго клада, и за то, чтобъ его вырыть, обѣщалъ Кусъ бѣсу дитя свое, какъ у него будутъ дѣти. Послѣ того Кусъ женился, пошли у него дѣти, но всѣ умирали въ маломъ возрастѣ, одна только дочь доросла до совершенныхъ лѣтъ и въ тотъ самый день какъ она вышла за-мужъ и повѣнчалась—бѣсы потребовали исполненія обѣщанія даннаго отцомъ ея въ то время какъ они ему помогли вырыть кладъ. Ганну Кусовну схватили не люди, а бѣсы, и ужъ теперь найти ее никакъ нельзя, потому что она въ пеклѣ, и дорого, разсуждали, обошелся Кусу добытый кладъ; теперь-бы онъ радъ былъ въ десять разъ дать противъ того, сколько тогда получилъ, да ужъ нельзя! Другіе говорили, что Кусиха—вѣдьма, умѣетъ перевертываться то свиньею, то клубкомъ, то копною, то жабою, то летучею мышью и научила такой же вѣдемской наукѣ свою дочь; но этой дочери не слѣдовало принимать святого закона, а она какъ повѣнчалась и святой законъ приняла, вотъ за то разсердившись, бѣсы ее ухватили. Были еще и такіе толки: полюбила Кусовна Молявку и причаровала его къ себѣ съ бѣсовскою помощью. Молявка безъ ней жить на свѣтѣ не могъ,

Библиотека "Руниверс"

только ей не слѣдовало вступать съ нимъ въ законъ, а какъ она повѣнчалась бѣсы ее за то ухватили, значитъ: живи съ нимъ по нашему, а не по Божіему! Сочиняли еще и вотъ что: продалъ Кусъ свою дочку монаху, а для вида выдалъ ее за мужъ за Молявку, затѣмъ чтобъ какъ Молявка уйдетъ на войну, онъ дочку свою передастъ монаху въ пользованіе, а слухъ пуститъ въ народѣ, будто его дочку утащилъ кто-то невѣдомо куда! И еще было не мало подобныхъ вымысловъ одинъ другого безобразнѣе. Кумушки обо всѣхъ ходившихъ толкахъ сообщали Кусихѣ, увѣряли ее, что это все выдумала Молявчиха и тѣмъ раздражали Кусиху. Она такъ увлеклась злобою противъ Молявчихи, что даже печаль о погибшей безъ вѣсти дочери уступала въ ея сердцѣ мѣсто этой злобѣ. Молявчиха, съ своей стороны, поджигаемая такими же кумушками, выражала благодареніе небу, что сынъ ея нежданнымъ путемъ избавился отъ недостойной связи и молила Бога о благополучномъ его возвращеніи съ войны для того, чтобы онъ поскорѣе могъ сыскать себѣ другую подругу жизни.

Прошелъ іюль. Прошли Спасовки. Вотъ ужъ и люди сельскіе отработались въ полѣ. Уже осенніе утренніе холода стали предвѣщать наступленіе осенней слякоти, а за нею стужи и снѣговъ. Ганны все не было, и никто не могъ сказать гдѣ она: и слѣдъ ея простылъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

Н. Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ПОВСТАНЦЕВЪ 1863 ГОДА.

МЫ ХОТИМЪ разсказать читателямъ о малоизвѣстной (по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи) морской экспедиціи повстанцевъ 1863 г., страннѣе и невѣроятнѣе которой едва ли что-нибудь предпринималось повстанцами всего міра. Это была чисто-на-чисто „экспедиція для экспедиціи". Мы разскажемъ объ ней на основаніи, главнѣйшимъ образомъ, простодушныхъ записокъ самаго начальника экспедиціи, полковника Лапинскаго [1]), не выбрасывая изъ нихъ ничего: пусть читатели увидятъ, какъ это дѣло задумано, велось и кончилось; какъ поляки сходились по этому поводу съ агитаторами другихъ націй, болтали имъ всякій вздоръ и выслушивали отъ нихъ различныя бредни, совѣты и мечтанія... Этотъ таинственный міръ открывается публикѣ не часто. Въ немъ есть много своего, особеннаго, только ему одному принадлежащаго и потому любопытнаго. Замѣчательнѣе всего то, что Лапинскій нѣсколько разъ приходилъ къ убѣжденію, что дѣлаетъ глупость, которая не можетъ имѣть успѣха, тѣмъ не менѣе шелъ и шелъ впередъ до конца! Герценъ, знавшій этого человѣка лично, такъ очерчиваетъ его характеръ: „Лапинскій былъ въ полномъ значеніи слова кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ итти съ бѣлыми и красными, съ чистыми и грязными; принадлежа по рожденію къ галиційской шляхтѣ, по воспитанію—къ австрійской арміи, онъ сильно тянулъ къ Вѣнѣ. Россію и все русское онъ ненавидѣлъ дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое онъ вѣроятно зналъ [2])".

Къ этому очерку характера Лапинскаго прибавлять намъ почти нечего: онъ сдѣланъ вѣрно. Развѣ только сказать, что во дни экспедиціи полковникъ былъ еще довольно молодъ—между тридцатью и

[1]) „Gazeta Norodowa" 1878, №№ 180—227.
[2]) Oeuvres Posthumas, Женева, 1870, стр. 216.

Библиотека "Руниверс"

сорока годами,—крѣпокъ, красивъ, имѣлъ воинственную осанку, внушающую страхъ и уваженіе; любилъ опасности, отчаянныя предпріятія, вѣчную суету и тревоги, не очень много думая о томъ, куда и къ чему все это приведетъ. Изъ прошлаго его извѣстно, что онъ служилъ Венгріи, Турціи, черкесамъ—противъ русскихъ; исколесилъ всю Европу—пѣшкомъ, верхомъ, желѣзными и другими путями; заглядывалъ и въ другія части свѣта, ища военной дѣятельности, виднаго положенія и славы,—а въ концѣ 1862 года очутился вдругъ въ Лондонѣ, почти одновременно съ Абхазской депутаціей, (можетъ статься, имъ же и направленной въ Лондонъ, просить помощи у англійскаго правительства), предсталъ во главѣ этой депутаціи, передъ лордомъ Пальмерстономъ и вручая ему свою меморію: „The Progres of Russia", сказалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Абхазцы представляютъ собою, въ настоящую минуту, единственное племя, которое продолжаетъ оказывать на Кавказѣ могущественное сопротивленіе Россіи. Но и оно изнемогло подъ тяжестію неравной борьбы и продержится въ такихъ условіяхъ много-много еще три года, а потомъ пойдетъ неизбѣжно по слѣдамъ другихъ племенъ кавказскихъ: двинется въ Турцію. Европѣ необходимо, въ видахъ ослабленія сѣвернаго колосса и занятія чѣмъ-нибудь его армій на югѣ, когда съ противуположной стороны заносится также серьезный ударъ,—поддержать доблестныхъ абхазцевъ, упредить ихъ бѣгство изъ роднаго гнѣзда и тѣмъ спасти, можетъ быть, всѣхъ тамошнихъ горцевъ. Кому, какъ не Англіи, первой морской державѣ міра, принадлежитъ въ этомъ случаѣ великодушная и стратегическая иниціатива?" [1]).

Пальмерстонъ, не отвѣчая Лапинскому прямо на его тираду, сказалъ только: „Вы очень вѣрно смотрите, полковникъ, на Кавказъ: дѣйствительно, тамъ племя за племенемъ уступало энергическому напору Россіи. Всѣ наши послы и консулы на востокѣ доносили мнѣ объ этомъ въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ сряду. Что́ за мудрость, если абхазцы дѣлаютъ теперь то же самое!"

Такимъ образомъ депутація отплыла отъ береговъ Англіи ни съ чѣмъ. Лапинскій собирался плыть вслѣдъ за нею и потомъ—командовать на Кавказѣ нѣсколькими сотнями поляковъ, отчасти черкескихъ военно-плѣнныхъ изъ нашей арміи, отчасти перебѣжчиковъ; все это, взятое вмѣстѣ, онъ намѣренъ былъ пополнить польской эмиграціей всего міра. Но для отъѣзда и командованія нужны были деньги, а онѣ ни откуда не приходили, напротивъ, съ каждымъ часомъ ихъ становилось въ карманѣ полковника меньше и меньше. Онъ написалъ по нѣмецки довольно большое сочиненіе о „Кавказ-

[1]) Изъ вышедшей въ прошломъ 1880 году въ Познани брошюры Сигизмунда Милковскаго: W Galicji i na wschodzie, видно, что Абхазскую поѣздку въ Лондонъ и все, что имѣло съ нею связь на Кавказѣ и въ другихъ пунктахъ Европы, затѣялъ Hôtel Lambert, т. е. партія князя Владислава Чергорыскаго. Можетъ быть Лапинскій прибылъ въ Лондонъ не просто.

Библиотека "Руниверс"

скихъ горцахъ" (Bergvölker des Kaukasus) [1]) и сбылъ его одному гамбургскому книгопродавцу-издателю. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ немудрыя средства къ жизни тоже стали истощаться. Что было дѣлать дальше?..

Въ это время вспыхнуло въ царствѣ польскомъ возстаніе. Для Лапинскаго не было это неожиданностью. Онъ не ожидалъ его только такъ рано, когда еще не окончены были всѣ необходимыя приготовленія—и потому строго порицалъ. Когда одинъ пріятель сталъ предлагать ему мѣсто начальника штаба галиційской націи, Лапинскій отказался.

Вдругъ слышитъ онъ, что въ Лондонъ прибылъ генералъ Владиславъ Замойскій, а прибылъ онъ прямо съ цѣлями подталкивать и одушевлять своихъ (предполагая ихъ въ Лондонѣ довольно) къ поддержкѣ безумцевъ русскаго захвата. Послушать отъ него, что говорятъ о возстаніи въ Парижѣ, какъ настроенъ Наполеонъ и его министры, а также и узнать, что думаетъ о возстаніи самъ генералъ—было для Лапинскаго въ высшей степени любопытно. Онъ полетѣлъ къ нему летомъ — и нашелъ его въ самомъ воинственномъ настроеніи, которое основывалось на томъ, что „воротить дѣла назадъ невозможно; охлаждать ребятъ и толковать имъ о неравенствѣ силъ, о недостаткѣ того, другаго, третьяго—глупо и безтолково." Какъ только Лапинскій разинулъ ротъ и началъ доказывать безумство и отсутствіе самыхъ простѣйшихъ соображеній въ возставшихъ, Замойскій прервалъ его такими словами: „что глупо, то глупо, mój kochany, но... дѣло сдѣлано! Взялись за оружіе, мы удержать не могли. Теперь читать наставленія поздно. Это ни къ чему бы не привело, а только испортило бы все еще больше. Остается помогать изо всѣхъ силъ! Еслибъ я былъ помоложе, я бы самъ полетѣлъ сейчасъ на поле битвъ!.. Кто знаетъ... можетъ быть совершится какое-нибудь чудо... вѣдь и самый фактъ возстанія ничто иное, какъ чудо!.. Знаешь что сказалъ мнѣ недавно императоръ Наполеонъ: „Tachez de vous tenir seulement six semaines, les encouragements ne manqueront pas!"

Лапинскій ушелъ отъ Замойскаго совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели пришелъ. Абхазскія фантазіи въ немъ уже не существовали покрайней мѣрѣ на половину. А черезъ нѣсколько дней онъ взялъ у генерала и князя Романа Чарторыскаго четыре тысячи франковъ на формированіе бандъ въ Познанскомъ княжествѣ, купилъ 40 револьверовъ системы Кольта и сталъ сбираться въ дорогу.

Наканунѣ его отъѣзда пришелъ къ нему нашъ Герценъ съ комисаромъ Жонда Народоваго по части заготовленія оружія, Цвѣрцякевичемъ [2]), и оба наговорили ему о возстаніи разныхъ невѣроят-

---

[1]) Герценъ называетъ эту книгу „замѣчательною". Oeuvres Posthumes, стр. 216.

[2]) „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, продолж. IX главы, приложенія стр. 503.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ чудесъ: силы его ростутъ невѣдомо какъ и откуда; одушевленіе тоже прибываетъ съ каждымъ часомъ; оно ужъ имѣетъ диктатора, который предводительствуетъ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, сносно вооруженныхъ и обученныхъ достаточно-хорошо всякимъ воинскимъ артикуламъ. На Литвѣ тоже вспыхнуло возстаніе и польскіе отряды заняли многія выгодныя позиціи въ разныхъ пунктахъ, между прочимъ и на берегахъ Балтійскаго моря. „Такъ какъ съ этой стороны будетъ всего проще и удобнѣе снабжать возстаніе оружіемъ и аммуниціей (сказалъ Цвѣрцякевичь), то Жондъ Народовый поручилъ мнѣ и другому своему комиссару, Демонтовичу (который скоро сюда будетъ) организовать морскую экспедицію, съ тѣмъ, чтобы она высадилась около Полонги [1]), съ отрядомъ охотниковъ, оружіемъ и аммуниціей и вошла въ составъ литовской арміи, которая подойдетъ туда къ тому времени изъ центра Литвы, подъ предводительствомъ Сѣраковскаго и Колыски. Экспедиція эта уже готова; около полутораста солдатъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ ждутъ только приказанія сѣсть на пароходъ. Оружіе, аммуниція и все прочее, что нужно для такой экспедиціи, также закуплено въ размѣрахъ, какіе позволяютъ наши средства. Вся остановка за начальникомъ экспедиціи. Мы пришли, полковникъ, просить васъ отъ имени Жонда принять на себя эти трудныя обязанности: быть не только начальникомъ морскаго отряда, который отправится на Литву, но и главнымъ вождемъ всего возстанія на Литвѣ и Жмуди!“

— Все это хорошо, господа, отвѣчалъ Лапинскій, но это нужно было сдѣлать пораньше. Морская экспедиція дѣло такое мудреное и сложное, что для нея выбирается начальникъ прежде всего, и этому начальнику, а никому другому, поручается организація экспедиціи, что можетъ быть труднѣе, нежели потомъ командовать экспедиціей въ морѣ. Отчего же вы не обратились ко мнѣ за этимъ прежде?

Цвѣрцякевичь объяснилъ полковнику, что оба они съ Демонтовичемъ хотѣли именно обратиться къ нему, какъ человѣку извѣстному и опытному по этой части, но Жондъ Народовый приказалъ имъ войти въ сношенія съ Мирославскимъ [2]). Переговоры съ нимъ заняли довольно времени. Мирославскій предъявилъ такія требованія, которыхъ исполнить нельзя. Между тѣмъ Жондъ налегаетъ на насъ, чтобы мы отнюдь не откладывали этого дѣла. Литва взываетъ о помощи. Мы бросились со всѣхъ ногъ вербовать охотниковъ, закупать оружіе... Вчера телеграфировалъ мнѣ Демонтовичь, что Мирославскій окончательно устраненъ отъ всего—и я обратился къ Герцену съ просьбою, чтобы онъ свелъ меня съ вами, полковникъ. Нѣсколько

---

[1]) Палангенъ.

[2]) Это была правда. Съ Мирославскимъ не знали куда дѣться по оглашеніи Лангевича диктаторомъ. Ему дѣлались разныя предложенія. См. „Русская Старина“ 1878 года, Польское возстаніе, глава IV, стр. 56, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ тому назадъ вы взялись за такое же дѣло среди племенъ вамъ совершенно чуждыхъ и дикихъ: теперь къ вамъ простираютъ руки ваши братья! Если вы побѣждали всякія трудности тамъ, побѣдите ихъ конечно и здѣсь!

Герценъ сталъ просить и съ своей стороны. На возраженія полковника сыпались изъ устъ его гостей сотни возраженій. Наконецъ онъ уступилъ. „Если хоть пятая часть всего того, что вы мнѣ наговорили, господа, справедлива (сказалъ Лапинскій) рискнуть можно. Коли ужъ всѣ съ ума сошли, какое-жъ я имѣю право быть исключеніемъ [1])?“

Положили собраться вечеромъ того-же дня (въ половинѣ марта по нов. ст. 1863) у Герцена и потолковать о подробностяхъ дѣла. Между тѣмъ Лапинскій пошелъ исповѣдаться во всемъ къ генералу Замойскому. Генералъ (можетъ быть уже предувѣдомленный кѣмъ слѣдуетъ) [2]), нисколько не задумываясь совѣтовалъ принять начальство надъ экспедиціей: „Ступай благословясь! Богъ спасалъ тебя и не въ такихъ опасностяхъ—спасетъ и тутъ. Вѣдь если ты откажешься, возьмутъ какую-нибудь дрянь и эта дрянь напутаетъ и нагадитъ, такъ, что послѣ никто не распутаетъ!“

У Герцена собралось нѣсколько революціонныхъ тузовъ, бывшихъ тогда въ Лондонѣ: Маццини, Ледрю-Роллень, Марксъ—повидимому съ тѣмъ, чтобы подѣйствовать на Лапинскаго, когда бы онъ поколебался. (Такъ покрайней мѣрѣ понялъ самъ полковникъ). Изъ поляковъ, сверхъ Лапинскаго, былъ только Цвѣрцякевичъ; изъ русскихъ Огаревъ. Сначала говорили болѣе всего о польскомъ возстаніи. Герценъ утверждалъ, что польской революціи необходимо искать союза со всѣми недовольными

---

[1]) Собственныя слова Лапинскаго: „kiedy wszyscy warjują zkąd że ja mam mieć prawo wyjątek robić?“ „Gazeta Narod.“ 1878, № 181, стр. 2, столбецъ 5.

[2]) Въ это время въ Лондонѣ находилась централизація демократическаго общества, которая старалась заправлять тамъ всѣмъ, что касалось возстанія и сносилась съ Жондомъ. Сверхъ того было литературное общество друзей Польши (The hiterary Assotiation of the Friends of Poland), основанное въ февралѣ 1832 года, подъ вліяніемъ князя Адама Чарторыскаго. Первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ англійскій поэтъ, Ѳома Кемпбелль (Campbell). Секретаремъ майоръ Шульчевскій. Члены неизвѣстны. По ходатайству общества (состоявшаго подъ покровительствомъ лорда Суссекса (Sussex), дяди королевы Викторіи), англійское правительство давало небольшую субсидію польскимъ эмигрантамъ, въ особенности ветеранамъ 1831. По отчетамъ общества видно, что съ 1832 до 1878 года выдано субсидіи на сумму 231,816 фунтовъ стерлинговъ, 3 шиллинга и 10 пенсовъ. Подписка въ пользу эмигрантовъ, собранная при посредствѣ общества, дала 46,856 фунтовъ, 17 шиллинговъ и $7^1/_2$ пенсовъ. Всего 278,673 фунта 1 шиллингъ и $5^1/_2$ пенсовъ. По австрійской валютѣ 3.300,000 гульденовъ. Въ 1878 году поддержка Англіи сильно уменьшилась. Шульчевскій, съ которымъ Лапинскій былъ хорошо знакомъ, говорилъ послѣднему, что „едва ли и десятая часть сбирается“.

Изъ записокъ Лапинскаго не видно, чтобы онъ или Замойскій сносились съ централизаціей, но съ литературнымъ обществомъ у нихъ были близкія связи.

(„Gazeta Narod.“ 1878, № 192, стр. 2, столб. 1, прим.).

Библиотека "Руниверс"

въ Россіи, а такихъ очень много. Есть возможность ожидать тамъ даже революціонной вспышки: тогда революція естественно подастъ руку революціи—и пошла писать!

— Э! сказалъ болѣе практичный и прозорливый Марксъ, занимавшійся очень серьезно жареной телятиной, въ Россіи можетъ быть только такой или другой бунтъ, причемъ достанется нѣмецкимъ платьямъ, а революціи никакой и никогда не будетъ.

Это вызвало горячія возраженія со стороны Герцена и Огарева. Ледрю-Роллень и Цвѣрцякевичь имъ вторили. Маццини и Лапинскій больше молчали.

Споръ сталъ болѣе и болѣе уклоняться отъ главнаго предмета и уходить въ дебри неопредѣленной болтовни. Собесѣдники касались всего, зацѣпляли многихъ европейскихъ владыкъ и рѣшали такъ или иначе ихъ участь, въ видахъ отысканія наиболѣе вѣрнаго и надежнаго пути къ свободѣ и благоденствію народовъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ почувствовали утомленіе и скуку и начали браться за шапки. Къ тому-же былъ третій часъ пополуночи. Герценъ предлагалъ гостямъ у него переночевать, но кромѣ Цвѣрцякевича, который чувствовалъ чрезвычайное изнеможеніе отъ множества разъѣздовъ и хлопотъ за всѣ эти дни, да Огарева, жившаго съ Герценомъ въ одномъ домѣ, всѣ остальные съ нимъ распрощались. Маццини усѣлся въ экипажъ Ледрю-Роллена, сказавши Лапинскому, что какъ-нибудь къ нему зайдетъ, но послѣдній возразилъ, что лучше устроить свиданіе у Маццини, вечеромъ, — завтра, послѣ завтра: агитаторъ согласился. Лапинскій поѣхалъ съ Марксомъ.

Дорогой, Марксъ сказалъ, между прочимъ, что самый натуральный союзникъ поляковъ въ войнѣ съ Россіей это — нѣмцы, и тутъ-же спросилъ, какъ-бы, по его мнѣнію, былъ принятъ поляками нѣмецкій легіонъ, въ 1000 человѣкъ, съ нѣмецкими знаменами и цвѣтами, явившійся внезапно посрединѣ польскихъ отрядовъ, бьющихся съ русскими войсками? Лапинскій отвѣчалъ, что конечно его приняли-бы съ восторгомъ, хотя и были-бы поражены этимъ фактомъ, какъ онъ пораженъ теперь вопросомъ объ этомъ и самою мыслію.

Стали потомъ толковать о средствахъ къ осуществленію такой мысли, припоминали разныхъ капиталистовъ, которыхъ было-бы можно тронуть въ этомъ случаѣ. Названы были между прочимъ герцогъ Брауншвейгскій и князь Ксаверій Браницкій. Первый, по словамъ Маркса, обладалъ, сверхъ большихъ денегъ, арсеналомъ оружія, оставшагося у него послѣ того, какъ онъ сбирался вторгнуться въ предѣлы края, отнятаго у него пруссаками и отданнаго его брату...

Разговоръ на этомъ и кончился. Нужно было когда-нибудь разстаться и спать. Лапинскій, добравшись однако же до кровати, никакъ не могъ сомкнуть глазъ. Ему мерещились видѣнныя имъ на Кавказѣ и въ Венгріи битвы иррегулярныхъ полчищъ съ правильно-организованными войсками, гдѣ 10,000 бѣжитъ отъ 500... отсюда мысль

Библиотека "Руниверс"

его перебросилась естественно на берега, куда ему слѣдовало плыть съ крохотнымъ отрядомъ, наскоро, кое-какъ, набранныхъ комиссарами охотниковъ, разумѣется, изъ всевозможныхъ элементовъ, точнѣе сказать: изъ бродягъ всего міра, которыхъ часть шла воевать не ради патріотическихъ принциповъ, а просто-за-просто изъ-за куска хлѣба, не умѣвъ его достать другимъ путемъ по безпутству, по любви къ праздности, по безпорядочности... вотъ кѣмъ приходилось ему командовать, кого долженъ былъ онъ прежде всего привести къ повиновенію, научить субординаціи!.. Положимъ, какимъ-нибудь чудомъ его охотники и разобьютъ русскій отрядъ, который найдутъ на берегу при высадкѣ: но вѣдь потомъ встрѣтятъ, конечно, еще отряды: что дѣлать съ ними?.. Кто выручитъ заброшеннаго судьбами въ Курляндію авантюриста?.. Гдѣ эти пресловутыя польскія дружины, о которыхъ то-и-дѣло говоритъ Цвѣрцякевичъ? Существуютъ-ли они на самомъ дѣлѣ? Кто это можетъ сказать?

Такъ метались изъ стороны въ сторону мысли Лапинскаго, одна другой мрачнѣе, одна другой безсвязнѣе, между тѣмъ какъ онъ самъ метался на кровати. Уже совсѣмъ разсвѣло, а онъ все еще не спалъ. „А что, подумалъ онъ наконецъ: этотъ оригинальный нѣмецкій легіонъ Маркса!.. чѣмъ чортъ не шутитъ!.. Марксъ вѣроятно изъ бродягъ набирать охотниковъ не станетъ!.. Еслибъ взять съ собой на литовскіе берега этотъ легіонъ въ тысячу человѣкъ!.. Но для того, чтобы онъ выросъ изъ-подъ земли, нужны деньги, вездѣ проклятыя деньги!.. Дай напишу письмо къ доктору Галензовскому [1]), чтобы онъ потормошилъ Браницкаго!“

Какъ ни мало было надежды достать этимъ путемъ денегъ и какъ ни плохо вѣрилъ Лапинскій въ сбыточность странной фантазіи Маркса, въ это—что-то дикое, неестественное, въ этихъ нѣмецкихъ витязей, марширующихъ по польской землѣ подъ своимъ нѣмецкимъ знаменемъ, тѣмъ не менѣе онъ вскочилъ съ постели, сѣлъ къ столу и написалъ письмо. Эти мечты, эти дѣйствія и безсонница, недурно характеризовали минуту, Лапинскаго и хаосъ всего предпріятія.

Когда онъ, въ раздумьи, сбирался-было снова улечься и хоть сколько-нибудь заснуть,—къ нему вошли комиссары Жонда: Цвѣрцякевичъ и Демонтовичъ, только-что пріѣхавшій въ Лондонъ. Они сообщили ему прежде всего печальную вѣсть: бѣгство диктатора и арестованіе его австрійскими властями, а также и происшедшія отсюда неурядицу и замѣшательство въ жондѣ и въ отрядахъ.

— Теперь больше чѣмъ когда-либо потребно прибытіе помощи со стороны моря (сказалъ Демонтовичъ): Литва ожидаетъ отъ насъ спасенія; успѣхъ въ этой провинціи несомнѣнно оживитъ царство!

---

[1]) Директоръ польской эмиграціонной школы въ Батиньолѣ, подъ Парижемъ, принимавшій участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ поляковъ послѣдняго времени. Недавно умеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Но кто отважился внушать литвинамъ такія странныя надежды, что мы ихъ спасемъ? спросилъ Лапинскій: неужели появленіе на жмудскихъ берегахъ сотни-другой кое-какъ вооруженныхъ повстанцевъ оживитъ тамошніе отряды, ожидающіе безъ сомнѣнія чего-либо посерьезнѣе? Ну, а какъ мы произведемъ смѣхъ и еще бóльшее разочарованіе?... Конечно, иной разъ позволительно скрыть на короткое время истину, когда знаешь, что это подѣйствуетъ морально на готовящихся къ битвѣ солдатъ, но выдумывать цѣлую огромную диверсію, когда можешь произвести только самую малую, или вовсе ничего—это такой военный фортель, котораго я не понимаю, господа, и который, по моему мнѣнію, никуда не годится! Мнѣ приходитъ теперь въ голову, что господинъ Цвѣрцякевичь сообщилъ мнѣ вовсе не тѣ цыфры о силахъ возстанія, какія существуютъ на дѣлѣ и что вы меня морочите Литвою, точно также, какъ Литву — моею помощью!..

Комиссары начали защищаться и Демонтовичь пересчиталъ Лапинскому по пальцамъ всѣ отряды, дѣйствующіе въ Польшѣ и Литвѣ, всѣхъ офицеровъ и высшихъ начальниковъ: вышло всего навсе двадцать тысячъ человѣкъ—разумѣется фантастическихъ. Послѣ этого комиссары просили полковника сказать имъ откровенно, хочетъ онъ или не хочетъ командовать экспедиціей и принять потомъ, по прибытіи на мѣсто, главное начальство надъ всѣми военными силами Литвы?

Лапинскій отвѣчалъ имъ, что онъ не прочь на это согласиться единственно на слѣдующихъ условіяхъ, которыя у него были уже изложены на бумагѣ:

„Командованіе экспедиціей полковникъ Лапинскій принимаетъ не иначе, какъ получивъ отъ комиссаровъ самыя точныя свѣдѣнія о количествѣ оружія, аммуниціи и всѣхъ прочихъ вещей на бумагѣ и провѣривъ потомъ на дѣлѣ, что все это несомнѣнно существуетъ. Равно долженъ имѣть именной списокъ охотниковъ, видѣть ихъ и принять на дѣлѣ подъ начальство. Капитанъ парохода долженъ быть представленъ ему какъ подчиненный, обязанный его, съ минуты выхода въ море, во всемъ безпрекословно слушать. Военный комиссаръ Жонда, по исполненіи всего сказаннаго, становится также въ зависимость отъ начальника экспедиціи и ничего безъ его вѣдома не предпринимаетъ. Изъ денегъ, которыя останутся въ распоряженіи военнаго комиссара, онъ не имѣетъ права ничего брать и никому ничего выплачивать, не получивъ разрѣшенія отъ начальника экспедиціи“.

Комиссары приняли эти условія безъ всякихъ возраженій.

Что касается главнаго начальства надъ всѣми повстанскими силами въ Литвѣ, полковникъ Лапинскій принималъ его на слѣдующихъ условіяхъ: „Всѣ сношенія военныхъ и гражданскихъ властей съ Жондомъ Народовымъ, съ минуты прибытія главнаго начальника въ Литву, должны прекратиться и Жондъ начинаетъ сноситься только съ

Библиотека "Руниверс"

главнымъ начальникомъ. Главный начальникъ имѣетъ право ревизовать и требовать къ суду и отвѣтственности всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Высшихъ представляетъ на утвержденіе Жонда, низшихъ назначаетъ самъ. Вся гражданская и военная организація находится въ рукахъ главнаго начальника. Главный начальникъ имѣетъ на Литвѣ jus gladii и можетъ передать его каждому, заступающему его мѣсто".

„Въ случаѣ, еслибы Жондъ Народовый не принялъ этихъ условій, полковникъ Лапинскій соглашается служить на всякомъ мѣстѣ, которое ему будетъ указано, только совѣтуетъ снабдить другаго главнаго вождя тѣми же самыми аттрибутами власти, коихъ онъ желалъ для себя, ибо, по крайнему его убѣжденію, другимъ способомъ ни послушанія подчиненныхъ, ни надлежащаго сконцентрированія организаціи, ни контроля, ничего ровно добиться невозможно".

И эти условія были приняты коммисарами, впрочемъ послѣ нѣкотораго колебанія. Они разсуждали такъ: „Ты только поѣзжай въ безумную экспедицію. Если цѣлъ доѣдешь, тамъ будетъ видно Жонду Народовому, что̀ изъ тебя сдѣлать!"

Почтительность комиссаровъ къ Лапинскому была только условная, моментальная—до пароходной палубы. Демонтовичь показывалъ Герцену револьверъ, изъ котораго хотѣлъ выстрѣлить начальнику экспедиціи въ лобъ, если онъ имъ измѣнитъ въ морѣ, и говорилъ, что „не вѣритъ ему ни на грошъ [1])". Что до главнаго начальствованія на литовскихъ берегахъ, если не оба комиссара, то Демонтовичь зналъ очень хорошо, что это мѣсто обѣщано гораздо прежде Сѣраковскому, получившему благословеніе отъ Гарибальди, на Капрерѣ, и считавшему себя не инымъ кѣмъ какъ... литовскимъ Гарибальди. Если ужъ и дѣйствительныя, установившіяся какъ слѣдуетъ правительства прибѣгаютъ въ иныхъ случаяхъ къ несовсѣмъ-прямымъ дѣйствіямъ, что мудренаго, когда только-что родившееся народное правительство Польши, едва живое, прятавшееся гдѣ-то подъ поломъ, имѣло двуличный, а иногда, можетъ, и трехличный характеръ?..

Послѣ подписанія условій, Демонтовичь счелъ приличнымъ сказать Лапинскому нѣсколько поучительныхъ словъ о чрезвычайной важности его миссіи и о томъ, какъ слѣдуетъ къ такой миссіи относиться. Лапинскій—уже начальникъ Демонтовита—естественно обидѣлся подобною рѣчью—какъ-бы отъ старшаго къ младшему, рѣзко прервалъ говорившаго, сказавъ ему: „это совсѣмъ ненужно!" Тогда Демонтовичь, желая поскорѣе сгладить возникшія вдругъ шероховатости, досталъ изъ кармана „назначеніе полковника генераломъ, закрѣпленное печатью Жонда Народоваго"—и подалъ Лапинскому, какъ-бы дессертъ послѣ длиннаго и скучнаго обѣда. „Это что такое?" спросилъ удивленный Лапинскій, вертя пренебрежительно переданной ему бумагой: „это

[1]) Oeuvres posthumes, стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

также ненужно! Спрячьте это... до лучшихъ временъ, а теперь не будемъ заниматься такими пустяками! Для меня было бы несравненно пріятнѣе получить отъ васъ чекъ на двѣ, на три пушки!"

Шероховатости были сглажены доброй закуской, предложенной Демонтовичемъ въ одной изъ ближайшихъ ресторацій, откуда отправились на квартиру Цвѣрцякевича, смотрѣть закупленное комиссарами оружіе для экспедиціи. Лапинскій нашелъ тамъ 1,000 штукъ карабиновъ со штыками, но—безъ погоновъ! Штыки—безъ ноженъ! (Лапинскій просилъ комиссаровъ записать это и немедля пополнить). 750 французскихъ кавалерійскихъ палашей, но безъ портупей! (и это просилъ записать и пополнить!) 200 пикъ — безъ темляковъ! (записать и пополнить!) 100,000 патроновъ для карабиновъ; 50 центнеровъ пороху и 2 милліона пистоновъ. Все это было доставлено фабрикой оружія и пороху фирмою „Витвортъ и сынъ" (Withworth and sons), въ Лондонѣ, по цѣнамъ весьма умѣреннымъ и смотрѣло хорошо.

Остальное же, что увидѣлъ Липинскій: плащи, ранцы, пояса, сапоги, шапки, узды, сѣдла, знамена, значки и т. д. требовало значительныхъ перемѣнъ и дополненій, что было поручено сдѣлать одному жидку-комиссіонеру, въ теченіи четырехъ дней.

По окончаніи осмотра всѣхъ вещей, Лапинскій почувствовалъ себя сильно взволнованнымъ. Онъ увидѣлъ нетолько невѣжество и неопытность комиссаровъ въ дѣлѣ, за которое они взялись, но и крайнюю небрежность и недобросовѣстность. Лишь-бы исполнить порученіе Жонда, а какъ оно будетъ исполнено, объ этомъ никто изъ нихъ серьезно не думалъ. Полковникъ еще болѣе усомнился въ цыфрахъ войскъ, показанныхъ этими господами, и во всемъ томъ, что они натолковали ему о Литвѣ и о царствѣ польскомъ. Онъ рѣшился высказать имъ, тономъ начальника, нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній и въ заключеніе произнесъ:

— Еслибъ я могъ хоть сколько нибудь предвидѣть все случившееся, всѣ слабыя стороны приготовленій къ такой рискованной и опасной экспедиціи, я ни зачто бы не принялъ надъ нею начальства; даже и теперь былъ бы очень радъ, еслибъ мнѣ воротили данное мною слово и уничтожили мою подпись подъ договоромъ!

Комиссары не возражали, равно были далеки мыслями отъ того, чтобы искать новаго предводителя. Обѣдъ, который предложилъ затѣмъ Демонтовичь, въ особой комнатѣ одного солиднаго ресторана, нѣсколько успокоилъ нервы вождя. Лапинскій, поѣвши, спросилъ списокъ охотниковъ и прочелъ тамъ слѣдующее: „офицеровъ-поляковъ 9, докторъ I, аптекарей 2, типографщикъ 1, офицеровъ-иностранцевъ 5; рядовыхъ поляковъ 86, иностранцевъ 55. Секретарь при начальникѣ экспедиціи 1, товарищъ военнаго комиссара (zastępca) 1, помощникъ 1, итого 164 человѣка. Между поляками были ветераны 1831 года, эмигранты всѣхъ возстаній и выходцы послѣдняго; были дѣти эмигрантовъ, изъ которыхъ только мѐньшая часть говорила по

Библиотека "Руниверс"

польски. Иностранный отдѣлъ представлялъ неимовѣрную смѣсь племенъ: французовъ было 22, итальянцевъ 16, англичанъ 3, нѣмцевъ 3, швейцарцевъ 2, русскихъ 2, бельгійцевъ 2, венгерцевъ 2, голландецъ 1, кроатъ 1."

Лапинскому говорили его лондонскіе знакомые, что нѣмцевъ являлось много, но ихъ не принимали. Кромѣ нѣсколькихъ французовъ прибывшихъ изъ Парижа, все остальное въ иностранномъ отдѣлѣ было набрано въ улицахъ Лондона.

Замѣтивъ кислую мину, какую сдѣлалъ полковникъ, просматривая списокъ, Демонтовичъ сказалъ: „въ бою все годится, все уйдетъ!"

— Тото-же и есть, что не все, отвѣтилъ Лапинскій: можно брать всякую сволочь въ большую готовую армію: бывали примѣры и нерѣдко, что изъ сволочи вырабатывались, при такихъ условіяхъ, весьма хорошіе служаки; но весь отрядъ и притомъ маленькій, набирать такъ, какъ вы его набрали, не годится. Впрочемъ, теперь толковать объ этомъ уже поздно!

Повѣрка кассы сдѣлана въ одну минуту: оказалось, что Демонтовичь имѣлъ у себя 86.000 франковъ, а Цвѣрцякевичъ одни долги. Между тѣмъ нужно было купить множество недостающихъ для похода вещей, нанять пароходъ и располагать непремѣнно хотя какими либо деньгами на первые расходы по высадкѣ экспедиціи на литовскіе берега. Лапинскій присовѣтовалъ Демонтовичу написать въ парижскій Народный Комитетъ [1]) и потребовать оттуда высылки по крайней мѣрѣ 50.000 франковъ, а потомъ отправиться въ мѣстопребываніе отряда (гдѣ-то въ укромномъ уголку, на берегу Темзы) и удалить изъ него всѣхъ охотниковъ (исключая офицеровъ) старше 50 и моложе 18 лѣтъ.

Цѣлый день для всѣхъ этихъ лицъ прошелъ въ хлопотахъ и въ бѣганьѣ по разнымъ вліятельнымъ знакомымъ всякихъ націй. Лапинскій успѣлъ тѣмъ временемъ посѣтить генерала Замойскаго, котораго нашелъ чрезвычайно разстроеннымъ извѣстіемъ о паденіи диктатуры и вообще слухами о печальномъ положеніи возстанія.

Лапинскій, потолковавъ немного съ генераломъ о неимовѣрныхъ трудностяхъ экспедиціи, воротился домой. Вскорѣ прибыли къ нему Демонтовичь и Герценъ. Первый донесъ полковнику, что по его желанію удалилъ изъ отряда черезъ-чуръ молодыхъ и старыхъ,

---

[1]) Образовался въ концѣ февраля 1862 года изъ Комиссіи Единства (Komissya Tymczasowa jednoczącej się Emigracyi), гдѣ членами были: Леонъ Чеховскій, какъ предсѣдатель; Руфинъ Петровскій (кассиръ); Леонъ Мазуркевичь (секретарь); Юлій Михайловскій, Александръ Валигурскій, Игнатій Богдановичь и Валентинъ Левандовскій. (Всѣ кромѣ Петровскаго, служили потомъ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ). Въ мартѣ 1862 принятъ въ члены и князь Владиславъ Чарторыскій (внесшій въ народный комитетъ 15,000 франковъ) и начаты сношенія съ централизаціей демокр. общества въ Лондонѣ. Комитетъ посылалъ повсюду эмиссаровъ. Можетъ быть оттуда же посланъ и генералъ Владиславъ Замойскій.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ оказалось одиннадцать человѣкъ. Они уходили неохотно. Зато изъ иностранцевъ подали сами въ отставку: три француза и два итальянца, которые находили, что жалованье недостаточно и дурны содержаніе и обмундировка. Такимъ образомъ отрядъ уменьшился на 16 человѣкъ, т. е. въ немъ осталось 148 рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

— Отчего-жъ вы не берете нѣмцевъ, когда они къ вамъ являются массами? спросилъ Лапинскій.

— Нельзя брать нѣмцевъ, полковникъ, отвѣчалъ Демонтовичъ: ихъ поляки не любятъ, ими и безъ того захлебнулся нашъ край, а мы будемъ еще привозить это добро отсюда! Они объѣдятъ всю нашу Литву, вотъ чѣмъ кончится!

— Вы плохо знаете нѣмцевъ, смотря на нихъ, можетъ быть, сквозь призму мемуаровъ Паска [1]), а нето веселыхъ разглагольствованій Мирославскаго, когда онъ находится въ хорошемъ расположеніи духа. А право нѣмцы бы намъ пригодились не хуже кого другаго. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ ихъ превосходныхъ военныхъ качествахъ въ разныя минуты моей жизни.

Лапинскій хотѣлъ было распространиться объ этомъ предметѣ и дойти до предложенія Маркса, но видя, что Герценъ становится на сторону Демонтовича, умолкъ. Предложеніе Маркса осталось такимъ образомъ для комиссаровъ неизвѣстнымъ.

Вечеромъ того же дня полковникъ очутился у Маццини, въ тѣхъ двухъ небольшихъ покояхъ, гдѣ итальянскій агитаторъ прожилъ около тридцати лѣтъ и гдѣ перебывали у него предводители всевозможныхъ замѣчательныхъ кружковъ и всякіе политическіе дѣятели Стараго и Новаго свѣта, которыхъ имена извѣстны каждому мальчику. Много бы могли поразсказать любопытнаго эти стѣны!...

Маццини представилъ гостю какого-то пожилаго итальянца, назвавъ его Біанки и сказавъ, что при немъ можно говорить все. Потомъ спросилъ: „Принимаете вы итальянцевъ въ экспедицію?“

— У меня ихъ уже нѣсколько, отвѣчалъ Лапинскій.

— Смотрите, будте осторожны: между ними очень много страшныхъ негодяевъ. Порядочный итальянецъ въ настоящее время рѣдко бросаетъ отечество. У меня есть однако пятокъ-другой хорошихъ молодыхъ людей, желающихъ служить польскому возстанію. За этихъ я ручаюсь. Могу прислать ихъ вамъ, полковникъ?

— Во всякую минуту!

Выразивъ затѣмъ сожалѣніе, что не можетъ оказать полякамъ

---

[1]) Янъ-Хризостомъ-Пасекъ (Pasek), шляхтичъ изъ Гославицъ, жилъ въ XVII вѣкѣ и оставилъ послѣ себя замѣчательныя записки, которыя изданы три раза въ Познани (1836—1837—1878). Послѣднее съ картинами. Лучшимъ считается изданіе Г. Венцлевскаго, во Львовѣ, 1877. Оно носитъ слѣдующее заглавіе „Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z Goslawic, z czasów panowania Jana Kazimierza, Michala Korybuta i Jana III.“ (1656—1688).

Библиотека "Руниверс"

помощи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ бы желалъ, Маццини просилъ Лапинскаго принять 400 фунтовъ отъ имени итальянцевъ, живущихъ въ Лондонѣ.

Поговоривъ еще о разныхъ разностяхъ, они разстались. Лапинскій, возвратясь домой, спалъ до половины другаго дня какъ убитый. Вскорѣ затѣмъ явился къ нему комиссаръ Демонтовичь съ четырьмя офицерами и докторомъ. Трое изъ нихъ были ветераны 1831 года: капитаны Магнусскій и Кавка и поручикъ Мёдушевскій. Послѣдняго уносило непремѣнно туда, гдѣ пахло порохомъ: въ Турцію, къ Гарибальди, въ южную Америку. Четвертый офицеръ былъ графъ Тышкевичь, служившій въ русскихъ гусарахъ. Поговоривъ съ ними съ четверть часа и узнавъ болѣе или менѣе, кто къ чему способенъ, начальникъ экспедиціи далъ имъ разныя порученія, послѣ чего они ушли. Комиссаръ сообщилъ полковнику телеграмму изъ парижскаго Народнаго Комитета, которою послѣдній давалъ знать, что 50.000 франковъ послать не можетъ, а посылаетъ только 30.000.

— Знаете что: купимъ пару пушекъ! воскликнулъ Лапинскій,— онѣ бы весьма для меня пригодились при высадкѣ!

— Да вѣдь пушки чертовски дороги, замѣтилъ комиссаръ.

— Дороги, не дороги, а все тысячъ десять франковъ нужно пожертвовать!

— Это еще не Богъ вѣсть что! прикажете вамъ выдать, полковникъ?

— Не надо, у меня ужъ есть!—И Лапинскій разсказалъ Демонтовичу, какъ и откуда пришли къ нему деньги.

Они рѣшили заняться ту-же минуту покупкою артиллеріи, которую помѣстить на пароходѣ по-возможности секретнымъ образомъ, дабы не было никакихъ подозрѣній со стороны русскаго посольства; но русское посольство все уже знало черезъ комиссіонера экспедиціи Тура, который поставлялъ ей разныя вещи. Этотъ самый Туръ способствовалъ открытію французской полиціей кое-какихъ секретовъ Жонда, при отправленіи изъ Варшавы, въ самомъ концѣ 1862 года, Франциска Годлевскаго, съ важными бумагами и суммой для найма первыхъ офицеровъ [1]). Русское посольство хотѣло узнать еще болѣе: оно отправило къ Лапинскому молодого человѣка, небольшого роста, тщательно-выбритаго, приглаженнаго и припомаженнаго, который поминутно кланялся и улыбался и для людей, болѣе проницательныхъ и осторожныхъ, чѣмъ Лапинскій, передвигавшій въ умѣ съ утра до ночи совсѣмъ другія шашки,—былъ подозрителенъ сразу. Иначе сказать: онъ не былъ артистомъ своей профессіи. Онъ рекомендовался, на чистомъ польскомъ языкѣ, уроженцемъ города Варшавы, Тугендбольдомъ, и просилъ убѣдительно полковника взять его съ собою, въ какомъ угодно званіи, хоть простымъ солдатомъ, причемъ добавилъ, что

---

[1]) Герценъ, Oeuvres posthumes, стр. 208.

Библиотека "Руниверс"

его родители, люди очень спокойные, не хотятъ, чтобы онъ служилъ возстанію, тѣмъ-болѣе, что отецъ его, русскій чиновникъ, могъ-бы имѣть черезъ него еще какія-либо непріятности; вслѣдствіе чего онъ рѣшился измѣнить свою фамилію и называется теперь не Тугендбольдъ, а Поллесъ—Стефанъ Поллесъ; что онъ учился въ петербургской консерваторіи и хорошо играетъ на віолончели: въ свободныя минуты экипажъ будетъ имѣть небольшое развлеченіе!

— Въ солдаты и даже въ офицеры вы не годитесь, сказалъ ему Лапинскій: вы для этого очень жидки и слабы. Будьте у меня секретаремъ! Говорите вы еще на какихъ-нибудь языкахъ, кромѣ польскаго?

— Говорю по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-англійски и по-русски.

— Прекрасно! Собирайтесь въ дорогу, мы скоро выйдемъ!

Поллесъ поклонился—и съ этихъ поръ почти не отставалъ отъ начальника экспедиціи. Тотъ бралъ его съ собою всюду, обо многомъ съ нимъ совѣтовался; однажды пришелъ съ нимъ къ Герцену и рекомендовалъ ему Поллеса своимъ адъютантомъ.

— Я уже имѣлъ удовольствіе съ нимъ встрѣчаться, сказалъ сухо Герценъ.

Бывшій при этой сценѣ Огаревъ отвелъ немного погодя въ сторону Лапинскаго и спросилъ: „вы хорошо знаете человѣка, съ которымъ пришли?“

— Я видалъ его въ Boarding Hous, гдѣ я живу. Онъ кажется, малый добрый и расторопный, говоритъ на шести языкахъ.

— Да вы увѣрены въ немъ?

— Конечно. Къ тому-же онъ отлично играетъ на віолончели [1]).

Странно было Огареву и Герцену навязываться съ дальнѣйшими объясненіями дѣла. Поллесъ овладѣлъ Лапинскимъ, видѣлъ, какъ онъ съ Демонтовичемъ нанималъ пароходъ, покупалъ разныя вещи, необходимыя для экспедиціи. Полковнику и комиссарамъ, въ страшной суетѣ послѣднихъ приготовленій, было не до того, чтобы сдѣдить, кто куда за ними ходитъ; да и вообще они были не большіе мастера угадывать людей не тольку по первому, но и по десятому впечатлѣнію...

Тѣмъ временемъ съ материка пришли такія вѣсти: Галензовскій писалъ, что съ Браницкимъ не рѣшался объясняться на счетъ денегъ, потому-что и безъ того Браницкій сыплетъ направо и налѣво очень много. Имъ-же питается, главнѣйшимъ образомъ, и Польскій Народный Комитетъ въ Парижѣ.

Марксу писали, что герцогъ Брауншвейгскій денегъ не даетъ, а вооруженіе и аммуницію готовъ отпустить на тысячу нѣмецкихъ повстанцевъ, съ нѣмецкимъ знаменемъ и съ гербомъ Брауншвейгскаго

---

[1]) Oeuvres posthumes, стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

дома. Послѣ того, какъ этотъ первый нѣмецкій отрядъ покажется на полѣ битвы и отличится, герцогъ дастъ на вооруженіе и второй тысячи. Можетъ быть дастъ тогда и денегъ.

Когда Лапинскій замѣтилъ Марксу, нельзя-ли ограничиться вначалѣ нѣмецкимъ отрядомъ въ 200 человѣкъ—Марксъ отвѣчалъ: „нечего объ этомъ и думать, это неприлично!“

Обѣщанные Маццини итальянцы прибыли и зачислены Лапинскимъ въ отрядъ. Ледрю-Роллень прислалъ нѣсколько французовъ. Этими новыми охотниками начальникъ экспедиціи замѣстилъ только кое-кого изъ старыхъ, удаленныхъ по его распоряженію за негодностію или удалившихся по своей охотѣ, такъ-что общее число ратниковъ почти не измѣнилось нисколько. Наконецъ все было готово. Отрядъ перевели ночью съ берега на пароходъ Вардъ-Джаксонъ, въ 300 силъ, капитанъ Ватерлей (Weatherley). Лапинскій и Демонтовичь осмотрѣли тамъ все подробно, были довольны и настроились весело.

Вдругъ, откуда-ни возьмись, показался, съ одной стороны порта, русскій военный 12-пушечный корветъ — и сталъ на якорь въ ста саженяхъ отъ Вардъ-Джаксона! Лапинскій и Демонтовичь видимо смутились. Первый не нашелъ даже что сказать; а второй проговорилъ: „такое-то наше польское счастье!“

— Этого надобно было болѣе или менѣе ожидать! проговорилъ потомъ Лапинскій, приходя въ себя: начинаются, какъ видите, затрудненія похода! нужно обдумать средства къ ихъ устраненію!

— Это ужъ ваше дѣло, полковникъ, мы тутъ никуда не годимся! сказалъ, стараясь быть веселымъ и развязнымъ, Демонтовичь.

Капитанъ парохода Ватерлей, торговавшій когда-то невольниками и видавшій виды въ разныхъ моряхъ, силился тоже показать, что онъ ничего не боится и глядѣлъ на русскій корветъ какъ-бы совершенно равнодушно, хотя въ сущности струсилъ. Когда Лапинскій спросилъ у него, сколько такое судно можетъ дѣлать узловъ [1],— „узловъ четырнадцать (отвѣчалъ капитанъ): это немного болѣе, нежели дѣлаетъ нашъ; но я, торгуя невольниками, не разъ уходилъ на большихъ парусныхъ лодкахъ отъ погони добрыхъ пароходовъ ея Британскаго величества. Русскіе не ахти какіе мудрецы въ морѣ!“

Лапинскаго это однакожъ ничуть не успокоило. Поручивъ Демонтовичу свезть на пароходъ сколь-возможно поспѣшнѣе все, что еще не было свезено, начальникъ экспедиціи отправился потолковать о своемъ горѣ съ Маццини. Старый агитаторъ былъ у себя. Лапинскій прямо приступилъ къ дѣлу: „вы намъ помогли своими средствами— сдѣлайте еще шагъ: примите участіе самымъ дѣломъ!“

— Какъ-же я могу помочь вамъ самымъ дѣломъ, я, такой ста-

[1]) Т. е. морскихъ миль въ часъ. Морская миля—верста и три четверти.

Библиотека "Руниверс"

рый и разбитый недугами человѣкъ? Это что-то мудрено. Я уже сказалъ вамъ, что не умѣю плавать!

— Плавать тутъ не нужно, а только... ходить, продолжалъ Лапинскій. Дѣло въ томъ, что подлѣ нашего парохода очутился русскій военный корветъ. Онъ конечно пойдетъ за нами и въ открытомъ морѣ, вѣроятно, не посмотритъ на то, что у насъ великобританскій флагъ, нападетъ на насъ и потопитъ въ нѣсколько минутъ. Нужно его во что бы то ни стало задержать, хотя на 24 часа: испортить у него машину. На русскихъ военныхъ судахъ машинисты бо̀льшею частію иностранцы: стало быть, это... простой денежный вопросъ!

— Славная мысль! воскликнулъ Маццини, къ тому-же единственная, за которую можно ухватиться! Я двину все, что только можно двинуть, но... долженъ вамъ сказать, что денегъ у меня на это нѣтъ ни гроша!

— Вчера я получилъ отъ васъ 400 фунтовъ: возьмите ихъ обратно, только дѣйствуйте!

— 400 фунтовъ! на такой вздоръ 400 фунтовъ! И ста довольно. Придется на этотъ разъ взяться за англичанъ. Есть у меня одинъ теплый парень, служилъ въ охотникахъ у Гарибальди, знаетъ все и всѣхъ. Когда вы снимаетесь съ якоря?

— Завтра въ ночь, никакъ не позже!

— Стало, медлить нечего!—Старикъ взялъ шляпу и палку:—къ утру будете имѣть отъ меня какое нибудь извѣстіе! Сдѣлаю все, что могу!

Они вышли вмѣстѣ и пустились въ разныя стороны.

Пообѣдавъ у Цвѣрцякевича, Лапинскій послалъ нѣсколько офицеровъ, бывшихъ также на обѣдѣ, съ порученіемъ на пароходъ, чтобы никто изъ команды на берегъ не отлучался и чтобы все было готово къ отплытію по первому знаку. Потомъ и самъ отправился на пароходъ и оставался тамъ до поздней ночи, наблюдая за перевозкою вещей, которая все еще продолжалась. Видно было, что съ русскаго корвета зорко слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается на Вардъ-Джаксонѣ. Нѣсколько подзорныхъ трубъ были постоянно въ работѣ. На ночь, однако, начальникъ экспедиціи перенесся въ послѣдній разъ на свою квартиру, Frith Street, Soho Square, спалъ плохо и какъ только сталъ на разсвѣтѣ одѣваться, ему подали карточку, гдѣ было написано карандашемъ: Bianchi. Онъ велѣлъ просить и когда гость вошелъ къ нему, полковникъ долго въ него всматривался и никакъ не могъ понять такой метаморфозы: у Маццини Біанки былъ пожилымъ итальянцемъ съ просѣдью, а теперь стоялъ передъ нимъ рыжій англичанинъ среднихъ лѣтъ и, улыбаясь, говорилъ самымъ чистымъ англійскимъ языкомъ слѣдующее:

— Извините, не успѣлъ преобразиться, какъ слѣдуетъ. Я прямо изъ „кнайпы“, гдѣ собираются моряки съ цѣлаго свѣта; не былъ

Библиотека "Руниверс"

еще и у Джузеппе [1]), чтобы только васъ скорѣе успокоить: то, чего вы желаете, будетъ непремѣнно. Русскій корветъ тронется за вами не иначе, какъ черезъ два дня послѣ вашего выхода. Вся исторія стоитъ 62 фунта.

Біанки признался потомъ, что онъ ночью много пилъ водки и чувствуетъ потребность въ чашкѣ чаю. Разумѣется, она была ему дана. Потомъ пріятели простились. Куда пустился Біанки, неизвѣстно, а Лапинскій, раскланявшись со своими покоями, гдѣ такъ недавно велись бесѣды о снаряженіи экспедиціи на Кавказъ, передѣлавшіяся вскорѣ на другую экспедицію, гдѣ также перебывало не мало всякаго безпокойнаго народу—вышелъ грустно на улицу и побрелъ къ Цвѣрцякевичу на условленную закуску. Тамъ собралось нѣсколько друзей Польши, гремѣли тосты, говорились спичи... но засиживаться долго было нельзя. Лапинскій пошелъ проститься съ Замойскимъ и отъ него—прямо на пароходъ. На берегу увидѣлъ кое-кого изъ близкихъ людей, между прочимъ Герцена съ Цвѣрцякевичемъ. Обнявшись съ ними по-дружески и выслушавъ отъ нихъ разныя добрыя пожеланія, полковникъ перебрался на палубу и отдалъ приказаніе поднять лодки. Коммуникація съ землею прекратилась. Былъ третій часъ ночи. Изъ Темзы, по существующимъ у англичанъ правиламъ, выходить объ эту пору нельзя. Пришлось дожидаться до разсвѣта. Отдавъ послѣднія приказанія, чтобы никто изъ охотниковъ не показывался на палубѣ и чтобы офицеры были на своихъ мѣстахъ, начальникъ экспедиціи, наконецъ, съ наступленіемъ зари, разрѣшилъ машинисту „разводить пары". Всѣ сердца бились сильно. Ватерлей смотрѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ наканунѣ. Онъ безпокойно поглядывалъ на русскій корветъ, откуда все наводились и наводились трубы... Но вдругъ наблюденіе было брошено, все тамъ забѣгало, засуетилось. Одинъ Лапинскій понималъ настоящее значеніе этой суеты. Капитанъ понималъ ее иначе.

— Посмотрите, этотъ дьяволъ выйдетъ изъ порта вмѣстѣ съ нами, сказалъ онъ, и нынче же насъ утопитъ!

— Не выйдетъ и не утопитъ! произнесъ торжественно Лапинскій и разсказалъ въ краткихъ словахъ секретъ, который отъ всѣхъ скрывалъ до той минуты; не назвалъ только при этомъ Маццини, такъ какъ тотъ не желалъ. Комиссаръ Демонтовичь былъ такъ радъ, что началъ душить полковника въ своихъ объятіяхъ, а капитанъ прокричалъ нѣсколько разъ ура.

Черезъ часъ послѣ этого машина стала постукивать и пароходъ двинулся по Темзѣ. Въ половинѣ девятаго (25 марта н. ст. 1863), утромъ экспедиція была уже въ открытомъ морѣ. Корветъ не гнался: ясно было, что Біанки сдержалъ свое слово. Начальникъ экспедиціи, слѣдуя принятымъ въ подобныхъ случаяхъ правиламъ, собралъ не-

[1]) Джузеппе (Іосифъ) Маццини.

Библиотека "Руниверс"

медленно военный совѣтъ изъ комиссара Демонтовича, капитана парохода и его помощника; капитановъ: Бобачинскаго, Тышкевича и Качковскаго [1]). Говорили и объ ожидающихъ экспедицію опасностяхъ, и о возможности ихъ преодолѣть и благополучно высадиться на берегъ...

Въ 10 часовъ начальникъ вызвалъ всѣхъ охотниковъ на палубу и сдѣлалъ имъ перекличку: оказалось поляковъ 108, иностранцевъ 37; не досчитались по списку, составленному на берегахъ Темзы, одного поляка и четырехъ иностранцевъ, которые при амбаркаціи куда-то скрылись. Затѣмъ начальникъ произнесъ соотечественникамъ такую рѣчь:

„Въ виду кровавыхъ схватокъ нашихъ земляковъ съ непріятелемъ, мы не имѣемъ права думать, что приносимъ жертву, отдавая жизнь свою отечеству: мы исполняемъ этимъ только простой долгъ. Вы должны прежде всего проникнуться чувствомъ этого долга и знать, что не одна лишь отвага въ бою, но и преодолѣніе всякаго рода трудовъ и препятствій входятъ также въ область этого долга. Мы отправляемся въ Польшу, какъ кадръ регулярнаго войска, которое создать около себя будетъ первою нашею задачей, такъ какъ безъ войска нечего и думать о пораженіи могущественнаго врага. Поэтому, съ настоящей минуты вы должны считать себя регулярными солдатами и подчиняться правиламъ, существующимъ для всѣхъ регулярныхъ войскъ на свѣтѣ. Надѣюсь, что вы подчинитесь имъ охотно, а еслибъ оказался между вами кто либо такой, кто вздумалъ-бы отъ нихъ уклониться, — объявляю, что я шутить не люблю и не остановлюсь ни передъ какимъ суровымъ наказаніемъ. Лучше ослушнику не родиться на свѣтъ Божій, нежели идти подъ моей командой въ польскихъ рядахъ!“

Иностранцамъ начальникъ сказалъ по-французски слѣдующее:

„Земля, для защиты которой вы рѣшились идти съ нами рука объ руку, богаче отважными людьми, чѣмъ всякій другой край на свѣтѣ. Каждый изъ васъ читалъ объ этомъ или слышалъ. Не ради недостатка въ родныхъ защитникахъ принимаемъ мы отъ чистаго сердца ваше посвященіе нашимъ интересамъ, а потому, что и мы во всѣхъ краяхъ, гдѣ только народы добивались своихъ правъ, шли за нихъ въ первый огонь и наше участіе было принимаемо и высоко цѣнимо отцами и дѣдами вашими. Но такъ какъ и мы старались оставить по себѣ у нихъ добрую память, вашею задачею будемъ сохранять на нашей землѣ, во всей чистотѣ, доблести отцовъ вашихъ. Съ той поры, какъ ваша нога ступила на эти доски, всякій произволъ болѣе немыслимъ: вы ничто иное, какъ польскіе солдаты и подчиняетесь всей суровости нашихъ военныхъ законовъ. Надѣюсь, что

[1]) Родной братъ Сигизмунда, который былъ членомъ Жонда Народоваго и подъ конецъ возстанія занималъ должность военнаго министра.

Библиотека "Руниверс"

вы не будете подобными тѣмъ, которые, рѣшившись вмѣстѣ съ вами служить Польшѣ, стали для насъ бременемъ, а для васъ стыдомъ!"

Послѣ этого начальникъ экспедиціи велѣлъ комиссару прочитать передъ фронтомъ охотниковъ, по-польски и по-французски (а кто не понимаетъ послѣдняго, перевесть на его языкъ) исчисленіе преступленій, которыя неминуемо наказываются смертію:

„1) Тайныя сношенія съ непріятелемъ. 2) Побѣгъ. 3) Произвольное оставленіе рядовъ. 4) Мародерство. 5) Бунтъ. 6) Побужденіе къ бунту товарища. 7) Поднятіе руки на старшаго. 8) Угроза ему оружіемъ, жестомъ или словомъ. 9) Оставленіе караула. 10) Открытіе ввѣренной тайны. 11) Распространеніе вредныхъ или фальшивыхъ извѣстій. 12) Сложеніе оружія передъ непріятелемъ".

Въ заключеніе всего, начальникъ произнесъ: „Пусть каждый, кому воображается, что онъ, прибывъ въ Польшу, будетъ дѣлать, что ему угодно, — обдумаетъ какъ можно лучше шагъ, на который рѣшился и скажетъ откровенно: хочетъ или не хочетъ служить у насъ въ тѣхъ условіяхъ, какія требуются. Если не хочетъ, его отправятъ назадъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ часъ пополудни, послѣ раздачи мундировъ и произнесенія присяги, никакія объясненія принимаемы не будутъ".

Всѣ молчали. Выступилъ только одинъ французъ, рослый и видный малый изъ сангардовъ Наполеона III, прогнанный изъ службы за дурное поведеніе, и началъ жаловаться, что на пароходѣ нѣтъ никакихъ удобствъ и порядка, изъ чего онъ заключаетъ, что въ Польшѣ будетъ еще хуже, что это край дикій и потому не имѣетъ ни малѣйшей охоты высаживаться на литовскіе берега.

— Хорошо! сказалъ полковникъ: останешься на пароходѣ и будешь отправленъ въ Англію. А чтобы ты не бунтовалъ другихъ, я прикажу тебя помѣстить особо. Есть у васъ, капитанъ, мѣсто на пароходѣ для провинившихся въ чемъ-нибудь матросовъ?

— Сколько угодно!

— Такъ заприте туда этого хвата, чтобы онъ не могъ имѣть сообщенія ни съ кѣмъ! Ужъ моимъ дѣломъ будетъ приставить къ нему караулъ!

Въ тотъ же день у начальника экспедиціи было нѣсколько схватокъ съ иностранцами. Всѣ они думали о себѣ Богъ знаетъ что и считали себя выше поляковъ. Нѣсколько изъ нихъ сами произвели себя въ офицеры и заняли офицерскія каюты: пришлось ихъ разжаловать и перевести на палубу.

Въ полдень роздано обмундированіе. Каждый солдатъ получилъ: плащъ, шерстянную блузу голубаго цвѣта, жилетъ, панталоны, галстукъ, красную шапку и сапоги. Кромѣ того: двѣ рубашки, двое подштанниковъ, двѣ пары скарпетокъ, суконный поясъ, ранецъ, мѣшокъ и все необходимое для чистки оружія и вещей. Смотрѣли солдаты въ этомъ убранствѣ недурно. Портили дѣло только дрянные, ды-

Библиотека "Руниверс"

рявые плащи, передѣланные изъ какой-то ветоши, купленной съ торговъ въ казенномъ англійскомъ цейхаузѣ. Офицеры были одѣты въ чамарки, красные панталоны и шапки. Оружія никакого не раздавалось, кромѣ, палашей и револьверовъ однимъ офицерамъ.

По обмундированіи, наступило чтеніе присяги, сочиненной самимъ начальникомъ экспедиціи:—„Присягаемъ, что всѣмъ приказаніямъ польскаго народнаго правительства, а равно и всѣхъ имъ установленныхъ властей, будемъ повиноваться безпрекословно. Присягаемъ не щадить живота и здоровья нашего въ борьбѣ, начатой народомъ польскимъ, и до тѣхъ поръ будемъ считать себя польскими солдатами, пока борьба не прекратится и народное правительство не уволитъ насъ отъ присяги. Помоги намъ въ этомъ, Господи! Аминь!"

Мундиры видимо измѣнили настроеніе отряда. Пестрая, безпокойная куча грязныхъ оборвышей, гдѣ всякій, смотрѣвшій мало-мальски почище, хорохорился передъ голышемъ и считалъ его ниже себя,— сравнялась, глядѣла весело и повторяла за начальникомъ присягу самымъ серьезнымъ образомъ, поляки по-польски, прочіе—каждый на своемъ языкѣ.

На пароходѣ установился съ этой минуты военный порядокъ: устроена въ одной каютѣ гауптвахта; въ разныхъ пунктахъ палубы ставились часовые; кто-нибудь изъ старшихъ офицеровъ производилъ въ извѣстные часы смотръ всему воинству. Трубачи трубили зорю, полдникъ, обѣдъ. Ѣли охотники Лапинскаго хорошо: въ 7 часовъ утра всякій солдатъ получалъ рюмку водки и сухарь. На завтракъ, въ 10 часовъ, давали солонину съ картофелемъ и крышку портеру. Печенаго хлѣба достало ненадолго; потомъ выдавались англійскія галеты; тѣмъ, кто не могъ пить водки или портеру, давали чай. Офицеры имѣли общій столъ съ капитаномъ парохода; тутъ же ѣлъ и начальникъ экспедиціи, его адъютантъ и комиссаръ съ помощниками. За содержаніе офицера платилось кухнѣ три шиллинга въ день, за солдата—полтора.

Капитанъ парохода нѣкоторое время по выходѣ изъ порта поглядывалъ боязливо назадъ: не гонятся ли за нимъ русскіе, но потомъ, когда земля совсѣмъ пропала изъ виду, онъ сказалъ: „теперь лови пожалуй!" и сталъ частенько прикладываться къ фляжкѣ съ грогомъ.

Измученный послѣ всѣхъ тревогъ, Лапинскій легъ спать. Комиссаръ, никогда не ѣздившій моремъ, сходилъ съ ума отъ морской болѣзни.

Пароходъ Вардъ-Джаксонъ держалъ на Гельзингборгъ, гдѣ долженъ былъ ожидать повстанцевъ Бакунинъ съ извѣстіями о количествѣ и расположеніи непріятельскихъ силъ на Жмудскомъ берегу. Эти свѣдѣнія онъ разсчитывалъ собрать въ Стокгольмѣ посредствомъ почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній съ Любекомъ и Палангеномъ, гдѣ у него были особые агенты. Разумѣется, переписка и телеграммы были особенныя, условныя. Непосвященный въ тайну не могъ бы ничего

Библиотека "Руниверс"

понять изъ такого письма и телеграммы, еслибъ и вскрылъ ихъ: „отправлено столько-то четвертей муки, крупы, такихъ или другихъ товаровъ; куплена тамъ-то пенька, по цѣнамъ такимъ-то...“

На разсвѣтѣ другаго дня начальникъ экспедиціи (которому хотѣлось устроить какое-либо практическое упражненіе для отряда), выйдя на палубу и замѣтивъ, что море стало гораздо спокойнѣе, сказалъ рулевому: „кажется, дѣло идетъ къ хорошей погодѣ?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: въ полдень и ужъ никакъ не позже вечера будетъ шквалъ!

Предсказанія его сбылись: еще ранѣе полудня вѣтеръ перемѣнился, море разыгралось, волны начали хлестать черезъ палубу и прогнали учившихся стрѣльбѣ охотниковъ, которую устроилъ-было начальникъ, полагая, что рулевой ошибается. Въ два часа по-полудни показалась земля, потомъ увидѣли Гельзингборгъ и пристань. Какъ только вошли въ нее и высшіе чины парохода высадились на берегъ, разразилась буря. Капитанъ Ватерлей отправился куда-то по своимъ дѣламъ, а Лапинскій съ комиссаромъ бросились отыскивать Бакунина, но его еще не было въ городѣ. Онъ пріѣхалъ только на другой день, будучи задержанъ, какъ говорилъ, дурной погодой. Утѣшительныхъ вѣстей отъ него не было никакихъ. Воротившійся изъ своихъ прогулокъ по городу капитанъ парохода объявилъ начальнику экспедиціи и Бакунину (когда они оба явились на палубѣ), что онъ къ литовскимъ берегамъ не пойдетъ; что въ Гельзингборгѣ сказали ему о выходѣ изъ Ревеля и Гельсингфорса двухъ русскихъ фрегатовъ на встрѣчу экспедиціи: „это все равно, что идти прямо въ адову пасть: они проглотятъ насъ какъ муху!“

— Да вѣдь для того, чтобы фрегаты вышли изъ Ревеля и Гельсингфорса, нужно, чтобы тамъ порты совершенно очистились ото льда, сказалъ Бакунинъ, а этого въ мартѣ у насъ не бываетъ!

— Очистились! замѣтилъ капитанъ.

— Ты врешь или подкупленъ! закричалъ неистовымъ голосомъ Лапинскій, или просто-за-просто трусишь! Ты знаешь, что у меня на пароходѣ есть свой собственный машинистъ и пять матросовъ: я велю тебя связать, команду твою арестую и мы одни поплывемъ на Жмудь, врѣжемся въ берегъ всею силою паровъ и высадимся! Что сдѣлаютъ съ тобою потомъ мои ребята, ужъ я не знаю, но во всякомъ случаѣ ничего хорошаго не будетъ. Понялъ? Идешь или нѣтъ?

Англичанинъ отвѣчалъ довольно спокойно, что никакія угрозы не заставятъ его идти на Жмудь, такъ какъ это совершенное безумство. „По моему, если идти, такъ идти на Копенгагенъ и тамъ собрать точныя свѣдѣнія о русскихъ фрегатахъ и о прочемъ—и согласно этого дѣйствовать далѣе!“

— Ну, чортъ тебя дралъ, иди на Копенгагенъ! сказалъ Лапинскій, начинавшій понимать, что опасенія капитана имѣютъ свою основательную сторону, что идти на встрѣчу двухъ фрегатовъ дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельно безумное дѣло, тѣмъ болѣе, что и Бакунинъ допускалъ возможность выхода фрегатовъ объ эту пору изъ Ревеля и Гельсингфорса.

— Только смотри, чтобъ объ этой сценѣ (которая происходила въ капитанской каютѣ) никто ничего не зналъ на палубѣ и внизу! крикнулъ Лапинскій, а то я своими руками швырну тебя въ море!

Снялись съ якоря и пошли въ Копенгагенъ. Въ первомъ часу дня, 28 марта н. ст., вошли въ пристань и черезъ нѣсколько минутъ были въ агентурѣ пароходства господина Ганзена, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Жондомъ Народовымъ и его комиссарами. Онъ подтвердилъ свѣдѣнія, полученныя капитаномъ Ватерлеемъ въ Гельзингборгѣ. Справились въ датскомъ и англійскомъ адмиралтействахъ: тамъ сказали тоже самое. Лапинскій собралъ военный совѣтъ въ одной изъ комнатъ агентуры Ганзена, гдѣ рѣшено: „отправиться въ Шведское селеніе Асъ (As), на островѣ Эландѣ (Oeland) и тамъ купить 12 понтонныхъ лодокъ, посадить въ нихъ отрядъ, нагрузить столько оружія, сколько удастся и переплыть пространство во 145 морскихъ миль, отдѣляющее Эландъ отъ береговъ Литвы. Руководителями экспедиціи въ этомъ случаѣ могутъ быть мѣстные жители, которые всѣ до одного моряки и знаютъ Балтійское море, какъ свои пять пальцевъ.“

Такъ легко сочинялись въ этихъ отчаянныхъ головахъ всякіе планы! Такъ мало эти головы задумывались надъ всякими неисполнимыми задачами! Вопросъ теперь былъ только въ томъ, какъ добраться до Эланда: согласится-ли капитанъ Ватерлей вести туда пароходъ? Позвали его и сообщили ему рѣшеніе совѣта. Капитанъ сдѣлалъ кислую гримасу, но не спорилъ, желая этимъ показать, что на все соглашается. Послѣ этого воротились на пароходъ и стали поспѣшно наливаться водою. Тѣмъ временемъ начальникъ экспедиціи собралъ въ свою каюту всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ, какія необходимыя перемѣны пришлось сдѣлать относительно направленія парохода, вслѣдствіе полученныхъ съ берега извѣстій. Офицеры отвѣчали начальнику, что готовы всячески и вездѣ служить отечеству и что имъ рѣшительно все равно, куда-бы ихъ ни занесла поэтому судьба.

Вдругъ вошелъ въ каюту Ватерлей и объявилъ начальнику экспедиціи, что, по его мнѣнію, вмѣсто того, чтобы пускаться въ далекое и рискованное плаваніе къ Эланду, гораздо лучше и вѣрнѣе отплыть въ Мальмё, до котораго только 25 миль.

— А черезъ четверть часа ты придешь и скажешь, что вѣрнѣе всего плыть къ Петербургу! закричалъ Лапинскій: на совѣтѣ рѣшено плыть къ Эланду и плыви къ Эланду, или я тебя повѣшу на мачтѣ!

Голосъ, которымъ это было произнесено, не допускалъ возраженій, тѣмъ болѣе, что въ ту самую минуту, когда Лапинскій говорилъ, рука его хваталась за револьверъ: это было въ его привычкахъ.

Библиотека "Руниверс"

Капитанъ, повѣсивъ голову, вышелъ. Немного погодя вбѣжалъ запыхавшись въ каюту дежурный офицеръ и объявилъ начальнику экспедиціи, что Ватерлей съ командой матросовъ сѣли въ лодку и отчалили къ берегу. Лапинскій и офицеры, бывшіе въ каютѣ, выскочили на палубу и увидѣли несущуюся вдали лодку. Лапинскій выхватилъ-было изъ-за пояса револьверъ, но послѣ сообразилъ, что стрѣлять будетъ глупо: лодка была далеко! онъ или далъ-бы промахъ, или убилъ-бы вмѣсто труса-капитана кого-нибудь другаго. Кликнули первую датскую лодку, которыя постоянно кружились около парохода— и Лапинскій съ помощникомъ комиссара отправились на берегъ посовѣтоваться съ Ганзеномъ, что дѣлать? Ганзенъ присовѣтовалъ взять другаго капитана и матросовъ и ѣхать въ Мальмё, гдѣ легче будетъ, нежели въ Даніи (на продолжительное гостепріимство которой, какъ страны чрезвычайно-слабой, разсчитывать трудно) разрѣшить всякіе практическіе вопросы касательно дальнѣйшихъ судебъ экспедиціи. Къ тому-же мѣсто стоянки Вардъ-Джаксона въ Копенгагенскомъ портѣ было таково, что не обезпечивало его полную безопасность со стороны русскихъ судовъ. Лапинскій послушался этого совѣта, нанялъ капитана и матросовъ—и черезъ часъ уже летѣлъ къ берегамъ Швеціи.

Физіономіи охотниковъ сильно измѣнились: всѣ ходили съ опущенными головами. Иностранцы смотрѣли какъ черная туча.

Въ Мальмё ждали курьезныхъ гостей, вслѣдствіе полученной изъ Копенгагена телеграммы. Когда пароходъ Вардъ-Джаксонъ, вечеромъ того-же дня, вошелъ въ пристань и бросилъ якорь—берегъ былъ покрытъ любопытными. На пароходъ явился туже минуту сенаторъ Юнгбекъ, съ нѣсколькими почетными жителями, и привѣтствовалъ прибывшихъ отъ имени города Мальме. Начальникъ экспедиціи спросилъ, найдется-ли на берегу удобное мѣсто для его людей, которыхъ онъ намѣренъ высадить завтра на сушу, гдѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ разсчитывалъ пробыть довольно-долго? Ему отвѣчали, что не только завтра, но и сейчасъ есть помѣщеніе и городъ не позволитъ усталымъ путникамъ оставаться на ночь въ невыгодныхъ условіяхъ, а проситъ всѣхъ войти въ его стѣны немедля.

Лапинскій отдалъ приказъ офицерамъ собрать людей и переѣхать съ ними на берегъ, гдѣ наблюдать самымъ строжайшимъ образомъ, чтобы никто изъ нихъ не нарушалъ ничѣмъ дисциплины и порядка. А если будетъ что-либо такое замѣчено, то переводить виновныхъ туже минуту на гауптвахту парохода. А Бакунина просилъ, въ случаѣ надобности, при какихъ-либо народныхъ оваціяхъ, отвѣчать на всѣ привѣтствія и рѣчи, такъ-какъ лучше его и громогласнѣе никто сдѣлать этого не можетъ. Самъ-же начальникъ экспедиціи чувствовалъ потребность уединенія и отдыха: всѣ его нервы, вообще довольно-крѣпкіе, были напряжены донельзя. Онъ видѣлъ ясно, яснѣе чѣмъ кто-либо изъ его подчиненныхъ, проигрышъ дѣла и страдалъ больше другихъ, однако-же не находитъ въ себѣ достаточно мужества бросить

Библиотека "Руниверс"

нелѣпое предпріятіе и воротиться назадъ. Это было-бы... не по-польски, пахло-бы чѣмъ-то въ родѣ трусости, а Лапинскій могъ быть чѣмъ угодно, только не трусомъ. По польски: отважная нелѣпость должна быть доведена до конца—и онъ рѣшился во что бы то ни стало довесть свою нелѣпость до конца! Тѣмъ не менѣе сердце его болѣзненно сжималось при мысли, сколько крѣпкихъ молодыхъ жизней пропадетъ даромъ, глупо, чортъ-знаетъ какъ глупо!..

Палуба совершенно опустѣла. Городъ ревѣлъ ура входившимъ въ его стѣны польскимъ патріотамъ. Гремѣла музыка. А на темномъ пароходѣ, который освѣщался чуть-чуть всего навсе однимъ тусклымъ фонаремъ, подвязаннымъ къ главной мачтѣ,—было тихо, очень тихо. Караульный, опершись на бортъ и глядя пристально на берегъ, мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то унылую пѣсенку. Остальная кучка удержавшихся на пароходѣ нижнихъ чиновъ, получивъ въ свое распоряженіе лишнюю порцію водки и портера, забилась въ кухню и ихъ было нисколько не слышно на палубѣ, гдѣ раздавались время отъ времени чьи-то широкіе шаги: это маршировалъ, то туда, то сюда, по всему пароходу, точно какое провидѣніе, самъ начальникъ экспедиціи Лапинскій! Ему снились на яву разные сны: Кавказъ... Жмудь... москали... Наполеонъ... возстаніе... все это продвигалось передъ нимъ какъ тѣни въ діорамѣ!.. „И для чего это я взялъ на себя такую глупую обузу“? повторилъ онъ нѣсколько разъ: „вѣдь ясно видѣлъ, что все это неисполнимая химера, а согласился!!.“ [1]).

Кавказъ подконецъ одолѣлъ все прочее. Живо нарисовались передъ полковникомъ ожидающіе его абхазцы, въ числѣ, не много, не мало, 100,000 пѣшихъ и 20,000 конныхъ, да своихъ поляковъ по крайней мѣрѣ 2,000 человѣкъ! [2]). Странствіе черезъ весь Атлантическій океанъ, Гибралтарскій и Дарданельскій проливы, Босфоръ и Черное море казалось ему несравненно легчайшимъ и вѣрнѣйшимъ, нежели проѣздъ по одному нѣмецкому морю... на Кавказѣ Лапинскій свивалъ польское гнѣздо, куда могли слетѣться потомъ всѣ польскіе орлы послѣ неудавшагося возстанія, а что оно не удастся—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія... потребныя деньги для отплытія, 60,000 франковъ, можно достать безъ особеннаго труда, подпиской, въ Англіи и Германіи... стало, все идетъ на-ладъ, все есть! Лапинскій присѣлъ и написалъ Жонду Народовому меморію, въ первой части которой указывалъ на всѣ несообразности высадки на Жмудь, а въ другой—выставлялъ цѣлый рядъ выгодъ экспедиціи Кавказской. Обдумываніе и писаніе меморіи поглотило всю ночь [3]). Въ 5 часовъ утра получена была телеграмма изъ Копенгагена, что русское военное судно бросило тамъ

---

[1]) Собственныя слова Лапинскаго. Gazeta Norodowa 1878, № 206, стр. 2, столбецъ 4, внизу подъ чертой.

[2]) Ibidem.

[3]) Gazeta Narod. 1878, № 206, стр. 2, столб. 5 и № 207, стр. 2, столбецъ 5.

Библиотека "Руниверс"

якорь передъ портомъ, часъ тому назадъ. Немного позже пришелъ съ берега Качковскій и разсказалъ начальнику о ночныхъ кутежахъ отряда, съ участіемъ чуть не всего города; объ удачныхъ рѣчахъ Бакунина; о необыкновенно-восторженномъ настроеніи жителей. Начальникъ сталъ повеселѣе и рѣшился самъ перебраться въ городъ, гдѣ нанялъ въ одной хорошей гостинницѣ три комнаты: для себя, адъютанта и служителя. Сейчасъ-же сошлись къ нему: Демонтовичь, Бакунинъ, Мазуркевичь, Зенковичь (членъ лондонской Централизаціи, пробиравшійся въ Варшаву). Стали толковать о томъ, о семъ. Каждый сообщалъ какія-нибудь любопытныя подробности о ночныхъ оваціяхъ... Лапинскій не удержался и прочелъ двоимъ изъ своихъ гостей, Бакунину и Демонтовичу, только-что написанную имъ меморію. Бакунинъ одобрилъ ее безъ всякихъ возраженій, но Демонтовичь находилъ, что лучше бросить такую постороннюю мысль до окончанія всего затѣяннаго въ царствѣ польскомъ и на Литвѣ. Въ особенности онъ считалъ опаснымъ для послѣдней распространеніе слуховъ, что „помощь съ моря не придетъ“.

Высказавъ это, Демонтовичь объявилъ начальнику экспедиціи, что ему сильно не здоровится и просилъ отпустить его въ Стокгольмъ, гдѣ онъ намѣренъ предпринять серьезную курацію. Демонтовичь былъ всего менѣе нуженъ Лапинскому и потому онъ весьма легко разрѣшилъ ему отпускъ и назначилъ на его мѣсто капитана Мазуркевича, который къ тому же считался его помощникомъ. Остатокъ кассы, переданный послѣднему Демонтовичемъ, состоялъ всего изъ 6,000 франковъ: на эту сумму нужно было содержать около полутораста человѣкъ въ городѣ и на пароходѣ, ремонтироваться, плыть далѣе... но все это были такія головы, которыя ни надъ чѣмъ долго не задумывались. Такъ какъ экспедиція должна же имѣть какой либо конецъ, должна во что бы то ни стало совершиться, то явятся откуда нибудь на нее и деньги! Это очень просто!..

Проводивъ на желѣзную дорогу Демонтовича, а равно и Бакунина, (котораго тоже вызывали какія то обстоятельства въ Стокгольмъ, скорѣе всего ему было скучно сидѣть безъ всякой цѣли въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ Мальмё) Лапинскій воротился на свою квартиру нѣсколько другимъ человѣкомъ. Любезный ли пріемъ и симпатіи шведовъ, убѣжденія ли Демонтовича и Зенковича выбросить изъ головы кавказскія мечты и приводить энергически къ окончанію то, что начато, или просто такъ, налетѣлъ другой вѣтеръ, — только начальникъ экспедиціи сталъ опять тѣмъ же, чѣмъ былъ, и при помощи новаго комиссара принялся размѣщать своихъ солдатъ въ нанятой для нихъ какой то старой театральной залѣ. Офицерамъ же предоставлено было лично распорядиться пріисканіемъ для себя квартиръ. Затѣмъ установлена такая плата жалованья: капитанъ получалъ ежедневно 5 франковъ, поручикъ 4, подпоручикъ $3^1/_2$, адъютантъ-унтеръ-офицеръ 2, безъ квартиры и стола. Съ квартирой и сто-

Библиотека "Руниверс"

ломъ: старшій сержантъ (фельдфебель или вахмистръ) 75 сантимовъ; унтеръ-офицеръ 50 сантимовъ; рядовой 20 сантимовъ.

Пароходъ стоялъ въ портѣ внѣ шведской таможенной линіи, подъ наблюденіемъ четырехъ англійскихъ матросовъ, которые не захотѣли бѣжать съ капитаномъ Ватерлеемъ. Порядокъ службы соблюдался во всей строгости по-прежнему: утромъ рано начальникъ экспедиціи принималъ отъ разныхъ лицъ письменные рапорты. Въ 10 часовъ утра выслушивались устные рапорты. По вечерамъ происходилъ осмотръ частей ихъ начальниками и выслушивались рапорты сержантовъ. Послѣ этого уже никто не смѣлъ выйти изъ квартиры въ городъ. Одиночное ученье производилось на палубѣ парохода. Сборное—на площади, гдѣ учились шведскія войска, которыя нетолько не препятствовали этому, напротивъ оказывали всякую помощь и упредительность. Одинъ гусарскій полкъ предоставилъ „кавалеристамъ" Лапинскаго даже свой манежъ и лошадей для ученья верховой ѣздѣ.

Обмундированіе было приведено нѣсколько въ лучшій видъ. Начальникъ обратилъ особенное вниманіе на исправленіе дырявыхъ плащей своей команды, которая стыдилась ходить въ нихъ по городу. Изъ иной пары плащей сдѣланъ былъ одинъ плащъ. Къ другимъ прикуплено такой же матеріи. Наконецъ были сдѣланы и совершенно новые плащи. Деньги все выходили и выходили...

Едва только все это устроилось, какъ надо; едва машина пошла въ ходъ по старому и Лапинскій очутился въ своей любимой стихіи: принималъ рапорты, кричалъ, распекалъ, сажалъ на гауптвахту, произносилъ внушенія, одобренія, поощренія—какъ вдругъ пришли и сказали ему, что „русскій корабль приближается къ Мальмё!" Онъ бросился на пароходъ и увидѣлъ саженяхъ въ полутораста величественный 24-пушечный фрегатъ! Всѣ офицеры его стояли на палубѣ и разсматривали не безъ любопытства своего мизернаго врага, укрывшагося подъ англійскимъ флагомъ. Фрегатъ прошелъ раза три-четыре взадъ и впередъ мимо пристани—и потомъ пошелъ на востокъ, кивнувъ повстанцамъ своимъ вымпеломъ. Лапинскій объяснилъ стоявшимъ подлѣ него офицерамъ, что это значитъ: „до пріятнаго свиданія!"

— А вѣдь разбирая дѣло строго, можетъ быть придется сказать капитану Ватерлею спасибо за то, что онъ струсилъ, сказалъ потомъ полковникъ: мы должны дать обѣтъ, что привеземъ ему когда нибудь почетный пеньковый галстукъ! [1]).

Прошло послѣ этого недѣли двѣ, а дѣло повстанцевъ нисколько не подвинулось впередъ. Изъ Стокгольма и ни откуда не было извѣстій. Лапинскій два раза писалъ Демонтовичу, что „деньги выходятъ, что скоро не останется ни гроша, нужно что нибудь предпринять для пополненія ихъ кассы". Демонтовичъ не отвѣчалъ. Лапин-

[1]) „Powinniśmy zawotować mu kądziet honorowąl"

Библиотека "Руниверс"

скій послалъ третье письмо: только на него отвѣтилъ комиссаръ, что лежитъ чуть живой въ госпиталѣ, что сдѣлать въ пользу отряда ничего не можетъ, совѣтуетъ прибѣгнуть къ подпискѣ, такъ какъ другаго способа нѣтъ.

Бакунинъ писалъ, что „по его мнѣнію, лучше всего отряду интернироваться на шведской землѣ, но никакъ не расходиться, потому что носятся слухи объ европейской интервенціи".

Нѣчто подобное получено было въ тоже время изъ Лондона, отъ Цвѣрцякевича, который умолялъ всѣми святыми пуститься на Литву хоть вплавь, въ тѣхъ разсчетахъ, что скоро появится въ Балтійскомъ морѣ французская эскадра и Россіи будетъ объявлена Франціей война.

Забилось сердце у начальника экспедиціи: онъ сейчасъ же полетѣлъ бы на Жмудь, но — не было денегъ!.. Думалъ, думалъ, гдѣ ихъ взять и вдругъ кликнулъ капитана Мазуркевича и отправилъ его въ Парижскій Народный Комитетъ: повидать заграничныхъ братьевъ и попросить у нихъ возможной помощи въ чрезвычайную минуту; но не дозволялъ ему оставаться тамъ болѣе трехъ дней. А самъ отправился въ Стокгольмъ поговорить лично объ интервенціи съ Бакунинымъ, Демонтовичемъ и княземъ Константиномъ Чарторыскимъ, о пребываніи котораго въ столицѣ шведской съ политическими цѣлями зналъ давно. Прибылъ туда 29 апрѣля н. ст. и остановился въ той самой гостинницѣ, недалеко отъ пристани, гдѣ жилъ Чарторыскій съ секретаремъ своимъ Валерьяномъ Калинкой [1]). Разумѣется, сейчасъ же навѣдался къ нимъ, но ихъ обоихъ не было дома. Лапинскій побѣжалъ къ Бакунину—и того не засталъ. Демонтовича, въ госпиталѣ, нельзя было не застать. „Читайте, сказалъ онъ Лапинскому послѣ первыхъ привѣтствій: вотъ приказъ Жонда! Жондъ требуетъ, чтобы вы явились на Литвѣ хоть съ десятью охотниками, понимаете: хотя съ десятью! Это непремѣнно оживитъ возстаніе въ тѣхъ мѣстахъ. Минута великая, чрезвычайная! Все подымается за насъ! И намъ нужно подыматься всѣмъ до единаго, а не сидѣть сложа руки!.. Объ отплытіи къ кавказскимъ берегамъ не можетъ быть и рѣчи, Жондъ и слышать объ этомъ не хочетъ! Онъ не позволяетъ даже вамъ однимъ оставлять пароходъ, хотя бы и нашелся другой командующій. Вы должны вести экспедицію, вы!"

---

[1]) Этотъ Калинка былъ съ давнихъ поръ вѣрнымъ слугою дома князей Чарторыскихъ. Сперва состоялъ чѣмъ то въ родѣ секретаря при старомъ князѣ Адамѣ, потомъ при сынѣ его Владиславѣ, и отправленъ имъ въ Стокгольмъ, тоже въ званіи секретаря, при родственникѣ его князѣ Константинѣ Чарторыскимъ. Позже Валерьянъ Калинка вступилъ въ монашескій орденъ „Воскресниковъ" (Zmartwychwstańców) и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, между которыми пользуются большою извѣстностью: Послѣдніе годы царствованія короля Станислава-Августа и Четырехлѣтній сеймъ. Въ настоящее время ксендзъ Валерьянъ Калинка живетъ въ г. Ярославѣ, въ Галиціи. Очень недавно (въ ноябрѣ 1880) сдѣланъ настоятелемъ всѣхъ ксензовъ Воскресниковъ въ Галиціи.

Библиотека "Руниверс"

Когда Лапинскій сталъ добираться до подробностей о положеніи дѣлъ возстанія, объ отношеніяхъ Жонда къ дѣйствующимъ войскамъ, о количествѣ ихъ—Демонтовичь началъ заикаться, путаться въ словахъ, вертѣться, такъ что Лапинскій не могъ ничего разобрать. Онъ понялъ хорошо только заключеніе: „надо ѣхать, полковникъ, надо ѣхать! во что бы то ни стало ѣхать!“

— А деньги?

— Деньги? Достать! Пишите, куда можете, сбирайте! Вотъ я собралъ немножко; возьмите 2.000 франковъ!

— Да вѣдь это нуль для экспедиціи.... впрочемъ давайте!

Вошелъ Бакунинъ, потомъ Калинка, и всѣ вмѣстѣ стали толковать о томъ, какъ бы двинуть дѣло экспедиціи далѣе. Калинка совѣтовалъ бросить пароходъ Вардъ-Джаксонъ, такъ какъ онъ въ морѣ всѣмъ очень извѣстенъ и купить новый, въ Швеціи, нанять для него шведскаго капитана и матросовъ и плыть къ жмудскимъ берегамъ. „Если полковникъ находитъ этотъ проэктъ недурнымъ, то могутъ быть приняты мѣры къ его осуществленію“.

— Мало-ли что́ бы я находилъ недурнымъ, сказалъ Лапинскій, но прежде всего нужны недурныя деньги!

— Обо всемъ объ этомъ можно позаботиться, замѣтилъ Калинка: вы какъ нибудь понавѣдайтесь къ намъ и объясните свои желанія князю или мнѣ.

Поговорили затѣмъ еще немного о разныхъ пустякахъ, некасающихся главнаго предмета, о жизни въ Стокгольмѣ, о красивыхъ шведкахъ и Калинка съ Бакунинымъ вышли.

— Охота вамъ связываться, полковникъ, съ этой гнилой партіей, которая способна только все путать и портить! сказалъ Демонтовичь: вѣдь ужъ они нанесли ударъ возстанію диктатурой Лангевича! Чего еще отъ нихъ ждать путнаго? Теперешній Жондъ Народовый, принявъ бразды правленія въ свои руки, не можетъ конечно имѣть довѣрія къ тѣмъ, кто знается съ этой мертвячиной!

Лапинскій отвѣтилъ на это нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Я думаю, что возстаніе, величающее себя народнымъ, въ самомъ дѣлѣ народное, а не красное, не бѣлое, не зеленое... впрочемъ, Богъ съ вами; если вы называете себя Жондомъ, хоть я, признаться, ничего этого хорошо не знаю и никого не распрашивалъ... это не мое совсѣмъ дѣло, мое дѣло биться... если вы называете себя Жондомъ и хотите, чтобы я не толковалъ болѣе съ Калинкой о пароходѣ, я не стану толковать, это такъ немудрено, только какъ бы не было хуже!

Потомъ оба замолчали...

Прошло дня три. Одинъ изъ шведскихъ генераловъ, лицо близкое къ королю, встрѣтивъ гдѣ-то Лапинскаго, совѣтовалъ ему представиться министру иностранныхъ дѣлъ, графу Мандерштерну и переговорить съ нимъ о трудностяхъ пребыванія польскихъ повстанцевъ

Библиотека "Руниверс"

въ Мальмё. Лапинскій отправился и былъ принятъ очень любезно. Переговорили обо всемъ подробно. Въ заключеніе Мандерштернъ спросилъ у своего гостя, когда онъ думаетъ ѣхать обратно въ Мальмё?

— У меня тутъ уже нѣтъ никакихъ дѣлъ, отвѣчалъ Лапинскій. Я пріѣзжалъ навѣстить больнаго нашего комиссара, видѣлся съ нимъ и уѣзжаю завтра, или послѣ завтра.

Министръ обѣщалъ представить дѣло польскихъ повстанцевъ, проживающихъ въ Мальмё, на благоусмотрѣніе короля въ тотъ-же самый день и надѣялся дать отвѣтъ объ этомъ полковнику завтра около полудня, для чего просилъ на всякій случай навѣдаться къ нему въ одиннадцать часовъ и когда Лапинскій вошелъ, министръ объявилъ ему, что правительство его величества, короля Швеціи и Норвегіи, ассигновало на выѣздъ поляковъ изъ Швеціи 20.000 талеровъ. Половина этихъ денегъ можетъ быть выплачена немедля, а другая половина будетъ вручена начальнику экспедиціи въ минуту отплытія парохода Вардъ-Джаксонъ изъ Мальме. Лапинскій просилъ переслать первую половину въ Мальме, на имя военнаго комиссара отряда, и затѣмъ откланялся министру и съ торжеттвомъ побѣжалъ къ Демонтовичу: „вотъ вы, брезгливые люди, сказалъ онъ ему, изображающіе Жондъ Народовый, сидите здѣсь цѣлый мѣсяцъ и съ трудомъ собрали только 2.000 франковъ, а я въ пять дней досталъ 20.000 талеровъ! И никогда бы этого намъ не видать, еслибъ я былъ также брезгливъ, какъ вы, и не сдѣлалъ тотчасъ по пріѣздѣ визита Чарторыскому!“

Около 10 мая н. ст. Лапинскій воротился въ Мальме, черезъ Готенбургъ, Копенгагенъ, Лагольмъ, Эстофъ, и Лундъ, гдѣ на почтовыхъ, гдѣ моремъ. Вездѣ жители устраивали ему оваціи. Въ Лундѣ студенты университета произнесли полковнику рѣчь на бангофѣ желѣзной дороги. На пристани въ Мальме начальникъ былъ встрѣченъ исправляющимъ его должность, старшимъ капитаномъ Магнускимъ и всѣми офицерами. Магнускій подалъ, какъ водится, рапортъ о благополучномъ состояніи отряда. Потомъ всѣ принялись распрашивать прибывшаго „что съ ними будетъ? Долго ли имъ еще сидѣть въ Мальме? Куда они пойдутъ, если пойдутъ?“

Лапинскій сказалъ, что „теперь не мѣсто и не время болтать объ этомъ. Придетъ часъ и онъ все скажетъ, кому слѣдуетъ, а пока нужно сидѣть спокойно, быть терпѣливымъ и не терять надежды на приличный выходъ изъ труднаго положенія.“

Прибывшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Парижа Мазуркевичъ не привезъ съ собою ничего утѣшительнаго: оказалось, что почти всѣ его пріятели, составлявшіе Польскій Народный Комитетъ въ Парижѣ, разбрелись и дѣйствуютъ въ царствѣ, во главѣ разныхъ отрядовъ [1]); а новые члены не хотятъ и слушать.

---

[1]) Русская Старина 1879, глава I, стр. 200, глава IV, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

Въ теченіе всей первой недѣли пребыванія начальника экспедиціи въ Мальме, по возвращеніи изъ Стокгольма, студенты Лундскаго университета очень часто пріѣзжали къ офицерамъ польскаго отряда кутили съ ними и нѣкоторыхъ (конечно съ разрѣшенія начальника) увозили съ собою въ Лундъ и тамъ опять кутили. Въ заключеніе прибыла въ Мальме депутація профессоровъ и студентовъ и просила убѣдительно начальника экспедиціи „пожаловать къ нимъ съ цѣлымъ отрядомъ на празднество, которое устраивается въ честь дорогихъ гостей Швеціи всѣмъ городомъ."

Лапинскій согласился и выбравъ изъ отряда, сверхъ офицеровъ, сорокъ человѣкъ охотниковъ поляковъ и иностранцевъ, отправился въ Лундъ 18 мая н. ст., въ 4 часа по полудни. Когда поѣздъ сталъ приближаться къ городу, грянули пушечные выстрѣлы, музыка заиграла: „jeszcze Polska nie zginęła", огромная толпа собравшихся на бангофѣ шведовъ кричала неистово ура! Профессора и студенты, послѣ обычныхъ привѣтствій, двинулись вмѣстѣ со своими гостями, въ видѣ торжественной процессіи, со знаменами въ рукахъ и при звукахъ музыки, по улицамъ, украшеннымъ флагами, въ соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ епископъ съ духовенствомъ и ввелъ во храмъ. По окончаніи молебствія, шведская молодежь, по знаку, данному епископомъ, запѣла по шведски: „Boże coś Polskę"; у всѣхъ поляковъ потекли слезы; это сообщилось до нѣкоторой степени и шведамъ. Дамы просто рыдали. Какъ только шведы окончили свое шведское Boże coś Polskę, поляки пропѣли тоже самое по польски. Послѣ этого всѣ пошли тѣмъ же порядкомъ, со знаменами и музыкой, въ университетъ. По прибытіи процессіи въ актовую залу, епископъ взошелъ на каѳедру и сказалъ краткую рѣчь „о несправедливомъ раздѣлѣ польскихъ земель между тремя державами, о вѣчныхъ и не зыблемыхъ правахъ поляковъ на возстановленіе своего отечества въ прежнемъ его видѣ и предѣлахъ; о выгодахъ, проистекающихъ отсюда для странъ Скандинавскихъ и наконецъ о святой обязанности каждаго человѣка, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ, служить интересамъ Польши чѣмъ и какъ можетъ."

Лапинскій благодарилъ, на нѣмецкомъ языкѣ, отъ имени всего народа польскаго. Случилось, что въ эту самую минуту подали ему телеграмму изъ Стокгольма „объ удачной схваткѣ повстанцевъ съ однимъ русскимъ отрядомъ подъ Ковномъ." [1]) Онъ прочиталъ эту телеграмму вслухъ, епископъ перелъ ее по шведски и зала огласилась громовыми криками: „да здравствуетъ Польша!"

Послѣ этого говорило съ той-же каѳедры нѣсколько профессоровъ.

---

[1]) Вѣроятно здѣсь разумѣется столкновеніе отряда подполковника Карпова, въ Полигвайцовскихъ лѣсахъ, съ большою бандой главнаго начальника польскихъ силъ Августовской губерніи, Андрушкевича. Русская Старина, 1879, глава III, стр. 613—614.

Библиотека "Руниверс"

Имъ отвѣчали: старый капитанъ Магнускій и двое молодыхъ офицеровъ.

Кутежъ былъ вслѣдъ за этимъ очень сильный, съ безконечными тостами на разныхъ языкахъ. Все кончилось около полуночи. Будущіе ратники Жмуди возвратились на станцію желѣзной дороги по иллюминованнымъ улицамъ, при оглушительныхъ крикахъ: „да здраствуетъ Польша! [1])".

По прибытіи въ Мальме, начальникъ экспедиціи нашелъ тамъ комиссара Демонтовича, который требовалъ именемъ Жонда немедленнаго слѣдованія отряда къ берегамъ Жмуди. Привели въ извѣстность собранныя разными путями деньги: ихъ оказалось: изъ Гамбурга 3,700 прусскихъ талеровъ: изъ Швеціи 4,000 шведскихъ талеровъ; изъ Даніи 6,000 датскихъ талеровъ и отъ неизвѣстнаго лица 3,000 франковъ. Прибавя сюда назначенное вспомоществованіе отъ шведскаго правительства, 20,000 талеровъ и переведя все это на франки, получили сумму въ 62,000 франковъ. Это были всѣ денежныя средства экспедиціи. На наемъ новаго парохода денегъ не хватило (просили 200,000 франковъ), по этому купили большое парусное судно, по имени Эмилія (Emilie), капитанъ Вилькенсъ, на которое предполагали (по плану, сочиненному Лапинскимъ) посадить секретно, въ открытомъ морѣ, весь отрядъ, а клади должно было принять другое парусное судно, поменьше Эмиліи. Потомъ, совершивъ на нихъ разныя хитрыя эволюціи въ направленіи къ Большому Бельту, хотѣли выбраться въ открытое море узкими проливами между острововъ: Зеланда, Фальстера и Мена, взять на Мемель и оттуда, вечеромъ, нырнуть въ узкій проливъ, соединяющій Балтійское море съ Куришъ-Гафомъ. Тутъ, ночью, высадка; новыя эволюціи—и наконецъ отплытіе къ жмудскимъ берегамъ, въ такомъ направленіи, въ какомъ меньше всего могъ ожидать прибытія повстанцевъ зорко-наблюдающій за нимъ непріятель [2]). Тѣмъ временъ Вардъ-Джаксонъ, подъ управленіемъ новаго капитана, уходитъ медленно въ Англію. Газеты, разумѣется пишутъ объ этомъ...

---

[1]) Болѣе робкая и притомъ имѣвшая менѣе причинъ дѣлать противъ Россіи демонстраціи, Данія всетаки выказывала значительное сочувствіе полякамъ. Лапинскій разсказываетъ между прочимъ въ своихъ запискахъ о тайномъ свиданіи, 20 мая н. ст., въ Копенгиганѣ, съ графинею Даннеръ, которая находилась въ морганатическомъ бракѣ съ королемъ Фридрихомъ VII: послѣ довольно-продолжительной бесѣды съ полковникомъ, она вручила ему свертокъ „отъ неизвѣстной особы для раненыхъ поляковъ", гдѣ было полтораста луидоровъ въ золотѣ. (Gazeta Narodowa 1878, № 216, стр. 2, столбецъ 4 снизу). Упомянутый выше датчанинъ Ганзенъ работалъ въ пользу поляковъ совершенно-безкорыстно и былъ ихъ искреннимъ другомъ. Такихъ было нѣсколько.

[2]) Желающій знать всѣ подробности прудуманныхъ Лапинскимъ эволюцій, для замаскированія всего предпріятія: выхода изъ Мальме въ море, переѣзда къ жмудскимъ берегамъ и высадки на нихъ, долженъ прочесть 215 и 219 номера Gazety Narodowe 1878. Самый отъѣздъ въ 219 и 220 номерахъ.

Библиотека "Руниверс"

Планъ этотъ, какъ черезъ-чуръ хитрый и запутанный, не удался. Шведскія власти въ Мальме, видя какую-то необъяснимую суету своихъ гостей, которые становились имъ часъ-отъ-часу болѣе и болѣе въ тягость, и получивъ кромѣ того кое-какіе запросы отъ русскаго правительства, перемѣнили роль ухаживателей въ наблюдателей, даже въ наблюдателей строгихъ, и въ одно прекрасное утро, когда Вардъ-Джаксонъ, по ошибкѣ офицеровъ, имъ завѣдывавшихъ, перешелъ таможенную линію, осмотрѣли его подробно, нашли запасы оружія и пушки, о коихъ на берегу ни кому объявлено не было, и все это забрали, давъ Лапинскому росписку. Осталось невзятымъ только то оружіе, которое отрядъ имѣлъ въ рукахъ, при себѣ. Когда Лапинскій сказалъ послѣ этого, что имъ ничего не остается дѣлать, какъ уйти обратно въ Англію, хозяева были очень довольны.

Дѣйствительно начальникъ экспедиціи рѣшился отослать въ Англію пароходъ Вардъ-Джаксонъ, какъ очень извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ, а людей своихъ пересадилъ, 3 іюня н. ст., на малое парусное судно и пошелъ тоже какъ-бы въ Англію, черезъ Копенгагенъ. Изъ Копенгагена вышли вечеромъ и когда совсѣмъ стемнѣло, повернули назадъ. Судно Эмилія должно было встрѣтить ихъ въ открытомъ морѣ, около полуночи. Какъ только минула всякая опасность, что они могутъ быть кѣмъ-либо открыты, начальникъ собралъ весь отрядъ на палубу и сказалъ восторженнымъ, одушевленнымъ голосомъ слѣдующее:

Товарищи! Когда мы принуждены были искать убѣжища на гостепріимной шведской землѣ, я просилъ васъ сохранить, во всей чистотѣ и строгости, военную честь и дисциплину, вмѣтѣ съ довѣріемъ и привязанностью къ вашему вождю. Вы исполнили мои желанія даже съ избыткомъ, — до самоотверженія. Я употребилъ все, отъ меня зависящее, чтобы удовлетворить вашимъ горячимъ стремленіямъ сразиться со врагомъ. Дабы обмануть его бдительность, я долженъ былъ пустить въ ходъ слухъ, будто-бы мы отправились въ Англію. Я не потому скрывалъ отъ васъ дѣйствительныя мои намѣренія, чтобы боялся измѣны со стороны хотя одного, служащаго въ моемъ отрядѣ, нѣтъ! Но тайна сама собой не держится, когда ввѣрена массѣ, между тѣмъ отъ сохраненія тайны зависѣлъ успѣхъ всего нашего дѣла, наша жизнь и смерть. Теперь, когда уже нѣтъ сообщенія съ землею и не будетъ до самаго прибытія нашего на материкъ, объявляю вамъ, что мы, въ эту же ночь, пересядемъ на другое судно, которое я пріобрѣлъ на польскія народныя деньги, и на немъ мы отправимся не въ Англію, а въ Польшу!"

Отрядъ пришелъ въ восторгъ неописанный. Бо̀льшей радости трудно себѣ представить, какая была на палубѣ, вокругъ Лапинскаго, переставшаго говорить: кричали, бросали къ верху шапки, обнимались... можетъ быть кто-нибудь изъ иностранцевъ (которымъ тоже самое было передано по французски) и не очень радовался

Библиотека "Руниверс"

отплытію въ Польшу, но ни одинъ этого не далъ замѣтить. Только два молодые жидка, которые упросили полковника въ Мальме перевезть ихъ въ Англію даромъ, говоря, что они тоже поляки и чѣмъ-нибудь за это заслужатъ братьямъ, узнавъ теперь, какая это Англія, выходили изъ себя и прямо кричали: „мошенники! надувательство!"

Близь полуночи, минуя небольшой островокъ Гвенъ (Hwen), повстанцы увидѣли мигающій въ воздухѣ красный огонекъ: это былъ знакъ, поданный съ Эмиліи! Отвѣтили такимъ же знакомъ—и огни послѣ этого начали сближаться. Оба судна стали рядомъ и въ теченіи какихъ-нибудь четверти часа отрядъ перебрался съ малаго судна на большое, при посредствѣ двухъ лодокъ, купленныхъ въ Копенгагенѣ. Капитанъ малаго судна простился съ начальникомъ экспедиціи и поплылъ въ Копенгагенъ, получивъ приказаніе: всякій разъ, какъ только будетъ видѣнъ кто-нибудь наблюдающій, высылать на палубу всѣхъ матросовъ, одѣтыхъ на подобіе кракусовъ, въ красныхъ конфедераткахъ: они должны были изображать изъ себя отрядъ Лапинскаго, отплывающій въ Англію! Такъ хитрили эти дѣти и не замѣтили самой простой вещи, что ихъ давно перехитрилъ немудрый варшавскій жидокъ Тугендбольдъ или Поллесъ, преобразившійся очень ловко и отважно въ адъютанта начальника экспедиціи, этого страшнаго, рыкающаго льва, который поѣдомъ ѣлъ всѣхъ ослушниковъ и измѣнниковъ, котораго всѣ боялись какъ огня, но не боялся одинъ лишь этотъ жидокъ и пробылъ въ самой пасти льва сколько ему было нужно для собранія всѣхъ свѣдѣній объ отрядѣ повстанцевъ, плывущихъ на Жмудь, объ отношеніяхъ Скандинавскихъ государствъ; онъ убаюкивалъ всѣхъ этихъ звѣрей своею віолончелью; кутилъ вмѣстѣ съ ними въ Мальме и въ Лундѣ, выкрикивалъ въ послѣднемъ всякіе виваты, пѣлъ Boże coś Polskę, можетъ даже плакалъ, когда всѣ плакали въ соборѣ... и послѣ всего этого юркнулъ куда то, въ одну изъ поѣздокъ съ начальникомъ въ Копенгагенѣ. Кутить съ подчиненными рыкающаго льва онъ еще могъ, но ломать вмѣстѣ съ ними голову на Жмуди—это совсѣмъ не жидовское дѣло [1]).

А кажется Герценъ и Огаревъ остерегали начальника экспедиціи и комиссара относительно этого человѣка! Вотъ ужъ истинно говорятъ, что на всякаго мудреца довольно простоты. Когда Лапинскій и его повстанцы думали, что они провели весь бѣлый свѣтъ, совершивъ ночную таинственную пересадку людей около острова Гвена и приказавъ шведскимъ матросамъ малаго судна разыгрывать нѣкоторое время поляковъ, плывущихъ въ Англію (для чего снабдили ихъ

---

[1]) Лапинскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что Поллесъ, оставляя его, стащилъ какую то цѣнную вещь. Стало, это былъ не только шпіонъ, но и воришка. Офицеры его не любили за высокомѣріе и чванство, а можетъ быть и чуяли что-нибудь. Gazeta Narod. 1878, № 188.

Библиотека "Руниверс"

даже старыми красными конфедератками)—русскіе отряды, расположенные на берегахъ Литвы и Жмуди, очень хорошо знали, кто къ нимъ плыветъ на утлой лодкѣ и сколько тамъ оглашенныхъ охотниковъ, и какъ они вооружены и одѣты!

Конечно, удобствъ на Эмиліи такихъ какъ на пароходѣ не было. Отрядъ размѣстился тѣсно. Небольшая кухня была предоставлена исключительно въ распоряженіе доктора, дабы онъ всегда могъ имѣть для больныхъ и слабыхъ теплую пищу и чай. Для остальныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ молодцовъ, горячей пищи не готовилось вовсе. Денная пища, для всѣхъ одна и таже, состояла поутру: изъ фунта хлѣба, восьмушки сыра и чарки водки. Въ обѣдъ: изъ полуфунта солонины и полулитра пива. Въ ужинъ: изъ восьмушки солонины и чарки водки.

Надо знать, что отрядъ въ Мальмё подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Всѣ, замѣченные въ какихъ-либо предосудительныхъ поступкахъ, а также и черезъ-чуръ слабые и болѣзненные были отправлены въ Англію [1]). Вмѣсто нихъ приняты новые. На палубѣ Эмиліи отрядъ представлялъ такой видъ:

Первая рота [2])—иностранцы. Капитанъ Пеллегрини, 1 офицеръ, 18 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Вторая рота—капитанъ Магнускій, 2 офицера, 23 унтеръ-офицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Третья рота—капитанъ Тышкевичь, 2 офицера, 23 унтеръ-офицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Четвертая рота—капитанъ Качковскій, 2 офицера, 22 унтеръ-офицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Резервъ [3]): начальникъ, докторъ, 2 аптекаря; Арентъ и Дудзинскій; капитаны: Ходзько, Кавка и Мёдушевскій, подпоручикъ Малиновскій, адьютантъ-унтеръ-офицеры: Тёдвенъ и Нарбутъ, старшій трубачъ, всего одиннадцать человѣкъ.

Общая цифра: офицеровъ 16, санитаровъ 3, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 93.

Установленный порядокъ службы на Эмиліи тоже разнился отъ порядка на Вардъ-Джаксонѣ: никому не позволено было въ теченіи цѣлаго дня показываться на палубѣ, безъ разрѣшенія начальства. Разрѣшеніе это давалось только ночью и то на короткое время. Проходившія мимо скромной Эмиліи суда конечно не воображали, что на днѣ ея скрывается цѣлый польскій отрядъ—по Лапинскому: кадры четырехъ ротъ и резервъ; и что все это ѣдетъ производить

---

[1]) Особенно-дурны оказались итальянцы. Они продавали жителямъ Мальмё револьверы и другія вещи съ парохода. Лапинскій прогналъ всѣхъ, кромѣ двухъ, присланныхъ Маццини.

[2]) Термины Лапинскаго. Онъ разумѣлъ подъ этимъ кадры ротъ, которыя будутъ устроены на берегу.

[3]) Употребляется вмѣсто слова штабъ.

Библиотека "Руниверс"

какія-то чудеса на Жмудскихъ берегахъ! Самъ-же Лапинскій, маршируя по пустой палубѣ, очень часто спрашивалъ себя: „куда и зачѣмъ я плыву?“ И не умѣлъ никакъ дать себѣ въ этомъ опредѣленнаго отчета [1]). Положеніе возстанія на Литвѣ и Жмуди онъ уже зналъ довольно-хорошо изъ разныхъ обмолвокъ комиссара и кое-какихъ другихъ источниковъ; даже просто видѣлъ изъ газетъ, что тамъ уже свирѣпствовалъ страшный Муравьевъ и все изъ конца въ конецъ трещало. Интервенцію Европы считалъ онъ бреднями, изобрѣтенными эмиграціей и подхваченными Жондомъ, а потому обманывать себя разными дѣтскими иллюзіями и пустыми надеждами не могъ. А между тѣмъ все шелъ да шелъ впередъ, будучи глубоко убѣжденъ, что дѣлаетъ безумство! Таковы поляки, таковы ихъ морскія и сухопутныя экспедиціи, съ цѣлію перестроить весь бѣлый свѣтъ; такова большая часть ихъ возстаній и заговоровъ!

Отъ Копенгагена до Мемеля около 600 морскихъ миль. При хорошей погодѣ (какая тогда и стояла), парусное судно, подобное Эмиліи, могло дѣлать отъ 80 до 100 узловъ въ сутки. Поэтому Лапинскій разсчитывалъ быть дома около 10 іюня н. ст. Потолковавъ съ капитаномъ, онъ построилъ такой планъ: не входить Мемельскимъ проливомъ въ Куришъ-Гафъ (гдѣ высадка повстанцевъ могла быть ясно замѣчена изъ Мемеля и тогда-бы прусаки заперли обратный выходъ Эмиліи въ море), а высадиться на узкой полосѣ земли, отдѣляющей Куришъ-Гафъ отъ моря, насупротивъ заведенія морскихъ купалень. Это заведеніе, отстоящее отъ моря на четверть польской мили [2]), занять сейчасъ-же отрядомъ, а какъ тамъ въ пристани всегда много лодокъ, въ нихъ переплыть черезъ заливъ (Курифъ-Гафъ, въ узкомъ мѣстѣ) до противуположной деревушки. Оттуда до Жмудской границы рукой подать: много-много мили двѣ съ половиной. Стало быть вся операція высадки и перехода на свою землю могла совершиться безпрепятственно въ одну ночь. Прусскихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ обыкновенно не бываетъ.

Все время, съ 3 по 7 іюня н. ст., погода не измѣняла повстанцамъ. Только 7-го пошелъ мелкій дождь и шелъ часа два. Вѣтеръ дулъ тихій NW. Эмилія двигалась и двигалась. Кое-когда встрѣчались суда разной величины и націй. Разъ только показался на горизонтѣ дымъ парохода.

10-го числа вечеромъ обозначилась въ отдаленіи полоса земли. Осталось миль 60 до того пункта, гдѣ экспедиція намѣрена была высадиться. Контуры песчаныхъ холмовъ обрисовывались съ каждой минутой яснѣе и яснѣе. Въ три часа утра 11-го іюня н. ст. судно

---

[1]) „Gdyby mię kto był zapytał, poco ja jadę i poco prowadzę tę garstkę ludzi, odpowiedzieć bym musiał: A czy ja wiem?“ (Gaz. Narod. 1878, № 221, стр. 1, столбецъ 1).

[2]) Польская миля—7 верстъ.

Библиотека "Руниверс"

было всего навсе миляхъ въ четырехъ отъ материка—и подвигалось медленно вдоль берега, при легкомъ западномъ вѣтрѣ. На берегу—ни живой души! Нѣсколько рыбацкихъ лодокъ валялось здѣсь и тамъ, на пескѣ. Около втораго часу по-полудни Эмилія поровнялась съ заведеніемъ морскихъ купалень. Мемель былъ оттуда миляхъ въ десяти. Начальникъ экспедиціи приказалъ спустить паруса. Судно стало. Сѣвши въ лодку съ двумя гребцами, двумя матросами и подпоручикомъ Малиновскимъ, въ обыкновенныхъ морскихъ одеждахъ, начальникъ велѣлъ грести на берегъ и выйдя потомъ на него, поднялся на песчаный холмъ, чтобы высмотрѣть съ него дорогу, ведущую въ купальни. Всѣ строенія видны были какъ на ладони. Въ пристани помѣщалось нѣсколько лодокъ, изъ которыхъ иныя были очень красивы, и небольшой пароходъ. Переправа черезъ заливъ (узкое мѣсто Куришъ-Гафа) не представляла, повидимому, особенныхъ затрудненій. Когда окончился осмотръ всего, что было нужно, и Лапинскій пошелъ со своей командой садиться въ лодку, они замѣтили, что впереди что-то двигается, одѣтое очень странно, такъ-что издали нельзя было разобрать, мущина это или женщина. Подойдя ближе, увидѣли высокую, худощавую старуху, въ лохмотьяхъ, до того безобразную, что всѣ вздрогнули, а Малиновскій даже перекрестился. Всѣмъ пришелъ въ голову извѣстный предразсудокъ. Въ довершеніе всего нужно было, чтобы это чудовище проговорило имъ какимъ-то гробовымъ голосомъ первое привѣтствіе на землѣ польской! Лапинскій былъ чрезвычайно суевѣренъ. Онъ долго стоялъ задумавшись, пока баба (вѣроятно рыбачка) отошла отъ нихъ довольно-далеко. Матросы ругались и предлагали даже искупать ее въ морѣ.

Въ пятомъ часу пополудни воротились на судно. Высадка могла быть произведена только въ одиннадцатомъ часу ночи, когда стемнѣетъ. Боясь, чтобы такая продолжительная стоянка Эмиліи передъ купальнями не вызвала какихъ-либо невыгодныхъ для экспедиціи толковъ среди тамошнихъ жителей, Лапинскій послалъ на берегъ Малиновскаго, съ двумя польскими матросами, чтобы онъ, оставивъ одного у лодки, съ другимъ отправился въ заведеніе и купилъ боченокъ пива, причемъ, если будутъ спрашивать, что это за судно, отвѣчалъ, что „это англійское судно, идетъ въ Мемель за хлѣбомъ. Сломался руль, такъ его будутъ тутъ чинить.“ При этомъ онъ долженъ былъ высмотрѣть подробно, сколько имѣется лодокъ и при нихъ гребцовъ въ заведеніи; сколько живетъ народу при купальняхъ; какъ много времени займетъ переправа отряда черезъ заливъ; что за деревня виднѣется напротивъ по ту сторону залива, и наконецъ, не стоитъ-ли вблизи прусскаго войска?

Малиновскій отправился и въ семь часовъ вечера привезъ, вмѣстѣ съ пивомъ, такія свѣдѣнія: въ купальняхъ на курацiи еще никого въ томъ году не было. Живущихъ при заведеніи людей разнаго званія, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, около тридцати человѣкъ. Воен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ всего одинъ жандармъ. Пароходъ, стоящій въ пристани, вовсе не приспособленъ къ плаванію и выйти въ море немедля никакъ не можетъ. Лодокъ имѣется шестнадцать. Есть и телеграфъ. Хозяинъ гостинницы и жандармъ, съ которыми Малиновскій вступалъ въ разговоры на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, прикидываясь англичаниномъ, въ самомъ дѣлѣ выражали нѣкоторое удивленіе, зачѣмъ судно такъ долго стоитъ у берега, однако, повидимому, повѣрили объясненію. Что до деревни, по ту сторону залива, это—прусскій помѣщичій фольварокъ, съ крестьянскимъ поселеніемъ подлѣ. Войскъ близь фольварка не было, кромѣ нѣсколькихъ жандармовъ и такъ-называемой „финансовой пограничной стражи". Въ Мемелѣ, и дальше, къ русской границѣ, было много войскъ.

Въ 8 часовъ вечера Лапинскій спустился внизъ къ отряду и сказалъ, что высадка начнется, какъ-только станетъ совершенно-темно, въ слѣдующемъ порядкѣ; въ одну, меньшую, но болѣе надежную лодку, сядутъ, съ начальникомъ, капитаны: Тышкевичь и Пеллегрини, четыре офицера, два адъютанта-унтеръ-офицера, старшій трубачъ, два польскіе и два датскіе матроса. Въ другую лодку, что по-больше, но менѣе надежна (а потому она будетъ привязана къ первой канатомъ) сядетъ первая рота и часть третьей, всего 36 человѣкъ. Вторымъ транспортомъ въ первой лодкѣ поплывутъ: капитанъ Магнускій, три офицера со знаменами, два офицера и санитары. Во второй лодкѣ: вторая рота и остатокъ третьей. Третьимъ транспортомъ: капитанъ Качковскій, два офицера и четвертая рота. Какъ-только лодки, по окончаніи высадки отряда, воротятся на судно, оно должно немедля поднять якорь и итти въ Копенгагенъ, гдѣ вручить Ганзену рапортъ начальника экспедиціи для передачи комиссару, потомъ бросить якорь въ указанномъ отъ него мѣстѣ и быть ежеминутно готовыми къ отплытію.

По высадкѣ перваго транспорта, первая рота двинется немедля впередъ, займетъ всѣ ближайшія высоты, разошлетъ по сторонамъ патрули и еслибы встрѣтила на пути какихъ-либо людей, отсылаетъ ихъ, подъ стражей, къ начальнику. Когда высадится весь отрядъ, онъ идетъ форсированнымъ маршемъ къ заведенію купалень и окружаетъ его одновременно со всѣхъ сторонъ, дабы никто ни бѣжать, ни сдѣлать тревоги не могъ. Первая рота арестуетъ жандарма и всѣхъ, кого найдетъ въ заведеніи, и портитъ телеграфъ. Вторая и третья захватываютъ лодки и арестуютъ прусскихъ матросовъ. Начальникъ выбираетъ лучшія лодки въ пристани для переѣзда черезъ заливъ, размѣщаетъ въ нихъ отрядъ, сажаетъ туда-же арестованныхъ и переносится въ фольварокъ, стараясь дорогой разъузнать отъ хозяина гостинницы, сколько телегъ и лошадей можно достать на фольваркѣ. Когда высадятся на берегъ, капитанъ Пеллегрини, съ первой ротой, забираетъ на фольваркѣ всѣ телеги, какія тамъ найдутся и соотвѣтственное къ нимъ количество лошадей. Двухъ изъ нихъ осѣдлаетъ

Библиотека "Руниверс"

подъ начальника и старшаго трубача. Капитанъ Тышкевичь разыскиваетъ телеги и лошадей по дворамъ крестьянъ при фольваркѣ. Проводниками вездѣ служатъ люди, захваченные въ заведеніи морскихъ купалень. Остальная часть отряда располагается, подъ корчмой, чтобъ быть готовой подать, въ случаѣ надобности, помощь, по сигналу трубача.

Когда подводы будутъ собраны, отрядъ садится и трогается рысью къ русской границѣ, до которой достигаетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ два часа. Арестованные до самой этой минуты должны находиться подъ стражей. Когда отрядъ, трогаясь въ путь къ русской границѣ, освобождаетъ арестованныхъ, одновременно съ этимъ проводники щедро вознаграждаются. За подводы уплачивается жителямъ все, что нужно, съ лихвой. Во все время реквизиціи отрядъ обходится, какъ съ арестованными, такъ и съ жителями фольварка, самымъ учтивымъ образомъ.

Въ четверти мили отъ границы отрядъ долженъ оставить телеги и отпустить ихъ назадъ, кромѣ двухъ подводъ, на которыхъ поѣдетъ лишняя аммуниція и запасное оружіе, до тѣхъ поръ, пока не будутъ встрѣчены польскія военныя подводы. Границу отрядъ переходитъ въ боевомъ порядкѣ, уклоняясь отъ всякаго столкновенія съ охраняющими ее прусскими солдатами. Въ крайнемъ случаѣ опрокидываетъ рогатки. Офицеры и солдаты обязаны говорить прусакамъ, что „это одинъ изъ небольшихъ польскихъ отрядовъ, высадившихся въ эту ночь на берегъ въ разныхъ пунктахъ одновременно“. Еслибъ попался на встрѣчу русскій отрядъ, какой-бы то ни было величины,— биться и лечь всѣмъ до одного, ибо отступать некуда. Кто положитъ оружіе или бѣжитъ, въ минуту схватки, тому, въ случаѣ побѣды, не будетъ никакой пощады.

Все это было повторено начальникомъ ясно и вразумительно нѣсколько разъ на двухъ языкахъ, польскомъ и французскомъ, цѣлому отряду. Всѣ радовались, что наконецъ приближается время дѣйствій.

Когда начальникъ воротился на палубу, было около 9 часовъ. Капитанъ судна съ нѣкоторымъ страхомъ всматривался въ небо.

— Будетъ буря, сказалъ онъ немного погодя: хорошо, еслибъ вамъ удалось до этого времени перебраться на ту сторону залива!

— Какая тамъ буря! Что вы говорите! возразилъ Лапинскій: небо кругомъ чисто и море тихо!

— Это такъ, но—душно! продолжалъ капитанъ: будетъ буря, говорю я вамъ. Мы эти дѣла знаемъ, какъ вы знаете свои сухопутныя. Приготовтесь—будетъ буря!

Въ половинѣ одиннадцатаго Лапинскій далъ знакъ начинать высадку. Часть, назначенная на первый транспортъ, быстро спустилась въ лодки. Лапинскій простился съ капитаномъ, не очень разсчитывая съ нимъ еще увидѣться. Когда роты садились, замѣчено было въ морѣ небольшое волненіе и довольно сильный вѣтеръ подулъ съ материка. Онъ значительно увеличился, какъ только отъѣхали отъ судна са-

Библиотека "Руниверс"

жень на двѣсти. Волны стали бить въ лодки и даже заливали ихъ. Начальникъ, сидѣвшій у руля, увидѣлъ скоро, что единственное спасеніе — вернуться назадъ, но судно было Богъ знаетъ какъ далеко, будучи отброшено шкваломъ. Лапинскій выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера: судно не подвигалось. Между тѣмъ съ задней лодки кричали, что у нихъ воды на четверть, скоро будетъ по колѣно. Начальникъ приказалъ выливать ее манерками, но это помогало плохо: волны налетали и налетали снова! Вѣтеръ усиливался. Еще загремѣло нѣсколько выстрѣловъ изъ первой лодки, взывая о помощи: судно двинулось къ лодкамъ и было уже близко отъ нихъ, какъ вдругъ наскочившая сбоку волна опрокинула заднюю лодку и 36 человѣкъ очутились въ морѣ! Веревка, которою была привязана задняя лодка къ передней, стала тянуть корму послѣдней въ воду. Лапинскій схватилъ топоръ и перерубилъ канатъ. Первая лодка, освободясь отъ тяжести, могла тогда выгрести къ судну и всѣ находившіеся въ ней люди поднялись на палубу. Лодка-же, оставшаяся на волнахъ съ матросами, стала спасать утопающихъ; однако вытащили только 12 человѣкъ, остальные утонули, крича въ послѣднее мгновеніе: „niech żyje Polska“! (Да здравствуетъ Польша)! У одного тонувшаго француза сидѣли на ранцѣ двѣ кошки (какъ это бываетъ у многихъ въ зуавскихъ полкахъ). Не надѣясь спастись, французъ сорвалъ съ себя ранецъ съ кошками и пустивъ его на волны, сказалъ печальнымъ голосомъ: „adieu, mes enfants, sauvez-vous, comme vous pouvez! Avec moi c'est fini“! [1]) Это слышалъ другой французъ, очутившійся въ эту минуту подлѣ своего соотечественника и послѣ какъ-то спасшійся. Изъ двухъ жидковъ, взятыхъ Лапинскимъ въ Мальмё, утонулъ только одинъ. Оставшійся въ живыхъ сказалъ окружающимъ, когда услышалъ о погибели своего товарища: „szkoda! jakie piękne miał buty“ [2])!

Судну ничего болѣе не оставалось, какъ идти сколь-возможно поспѣшнѣе къ шведскимъ берегамъ. 12 іюня н. ст. подулъ южный вѣтеръ и море начало успокоиваться. 13-го вечеромъ показался островъ Готландъ, къ которому начальникъ и велѣлъ править. 14-го утромъ остатки морской польской экспедиціи высадились въ деревнѣ Вамлингбо (Wamlingbo), гдѣ также были устроены морскія купальни, наполняющіяся посѣтителями въ іюлѣ и августѣ; но тогда тамъ никого не было. Лапинскій расположилъ въ этомъ заведеніи отрядъ и велѣлъ капитану судна, съ оружіемъ и аммуниціей, идти скорѣе въ Копенгагенъ. Повстанцы оставили при себѣ на всякій случай только укрытые подъ платьемъ револьверы. Офицеры имѣли при себѣ кромѣ того еще палаши.

Тихая деревушка была сильно смущена прибытіемъ какихъ-то необъяснимыхъ для нея странниковъ, вслѣдствіе чего Лапинскій счелъ

---

[1]) „Прощайте, мои дѣти! спасайтесь, какъ умѣете, а мнѣ пришелъ конецъ“!

[2]) „Жаль, хорошіе имѣлъ сапоги“!

Библиотека "Руниверс"

необходимымъ отправиться въ главный городъ острова, Висби, гдѣ представился губернатору. Губернаторъ, окруженный массою чиновниковъ, принялъ его холодно и замѣтилъ ему, что его крайне удивляетъ появленіе поляковъ на Готландѣ, когда извѣстно изъ газетъ и другихъ источниковъ, что они отплыли изъ Мальмё въ Англію.

Лапинскій, не объясняя губернатору ничего, просилъ только позволенія остаться съ отрядомъ въ деревнѣ Вамлингбо до тѣхъ поръ, пока онъ спишется со своимъ комиссаромъ, находящимся въ Стокгольмѣ, и получитъ отъ него средства къ выѣзду. Губернаторъ отвѣчалъ, что снесется со своимъ правительствомъ и объ его рѣшеніи увѣдомитъ полковника. Скоро получено дозволеніе „интернироваться полякамъ въ занятомъ ими пунктѣ до прибытія военнаго шведскаго парохода, который отвезетъ ихъ въ Англію“.

Лапинскій тѣмъ временемъ далъ знать комиссару о своемъ положеніи и тутъ-же приложилъ рапортъ Жонду Народовому обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, начиная съ бѣгства капитана Ватерлея до прибытія отряда на островъ Готландъ. Къ рапорту присоединялась меморія, въ которой начальникъ морской экспедиціи открывалъ высшей повстанской власти глаза на грозный конецъ возстанія, совѣтовалъ бросить всякія мечтанія на интервенцію европейскихъ державъ, какъ на несбыточную химеру, прекратить борьбу съ Россіей въ царствѣ и Литвѣ и начать, въ замѣнъ этого, борьбу на Кавказѣ, имѣющую несравненно болѣе шансовъ на успѣхъ. „Денежныхъ пожертвованій на это, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не нужно: отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать на жмудскихъ берегахъ, готовъ точно также сражаться и на Кавказѣ. Средства къ отплытію у него есть свои: шведское правительство, безъ сомнѣнія, заплатитъ что слѣдуетъ за удержанное въ Мальмё оружіе повстанцевъ; потомъ будетъ продано парусное судно „Эмилія“; комиссаръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10.000 франковъ; сверхъ того можно кое-что собрать подпиской. Отрядъ, достигнувъ кавказскихъ береговъ, мгновенно пополнится военными поляками, которыхъ всегда между черкесами много. Въ непродолжительномъ времени тамъ образуется большое польское войско; Жондъ Народовый переберется на Кавказъ и будетъ уже не тѣмъ таинственнымъ, подпольнымъ правительствомъ, какимъ былъ въ Варшавѣ, а явнымъ и открытымъ, нисколько не стѣсняющимся въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ будетъ править поляками всего міра изъ недоступнаго никому орлинаго гнѣзда! Начнется война съ Россіей серьезная, съ открытымъ забраломъ, которая привлечетъ на Кавказъ и сконцентрируетъ всѣ, разбросанныя по разнымъ краямъ польскія силы“.

Къ комиссару Лапинскій писалъ, между прочимъ, что „если Жондъ Народовый не согласится на его предложеніе и пожелаетъ, чтобы на Жмудь отправилась новая экспедиція, то онъ не отказывается командовать и ею, попробовать вторично счастія. Подробный планъ, какъ тогда дѣйствовать, выработаетъ и пришлетъ“.

Библиотека "Руниверс"

Демонтовичъ не счелъ своевременнымъ посылать все это Жонду, а написалъ о несчастіи, постигшемъ Лапинскаго по своему—и тѣмъ все кончилось.

Вскорѣ прибылъ въ деревню Вамлингбо отрядъ шведской милиціи, которая заняла всѣ главные пункты, а потомъ пріѣхалъ клинтенгамскій губернаторъ и приказалъ поставить часовыхъ даже у квартиры Лапинскаго, на что послѣдній жаловался печатно въ разныхъ газетахъ, между прочимъ въ „Часѣ" 1863 г., № 148.

18 іюня н. ст. явился въ пристани шведскій военный корветъ, капитанъ котораго объявилъ Лапинскому, что имѣетъ приказаніе высшихъ властей забрать всѣхъ поляковъ и отвезть въ Лондонъ, причемъ всякое, находящееся при нихъ оружіе, должно быть сложено въ цейхгаузѣ корвета. 19 іюня н. ст. отрядъ перебрался на корветъ. Губернаторъ, со своимъ секретаремъ и французскимъ консуломъ изъ Висби, пріѣхали проститься съ отплывающими повстанцами и пожелать имъ счастливаго пути. Прогремѣли пушечные сигналы. Экипажъ корвета прокричалъ: „да здравствуетъ король!" Губернаторъ съѣхалъ на берегъ—и корветъ пошелъ.

Лапинскій, когда наступилъ вечеръ, забрался въ какой-то темный уголъ и, по своему обычаю, предался мечтаніямъ: „нѣсколько минутъ испортили все дѣло! (думалъ онъ). Если бы я не былъ такъ глупъ, не послушался совѣтовъ комиссара въ Стокгольмѣ, не прервалъ бы сношеній съ Калинкой, повстанцы имѣли бы свой новый пароходъ, вмѣсто парусной лодки... Если бы Домонтовичъ не мѣшался въ Копенгагенѣ въ дѣло покупки лодокъ—онѣ были бы несравненно лучше и можетъ быть ни одна бы изъ нихъ не опрокинулась въ минуту налетѣвшаго шквала!... Если бы не старый, семидесятилѣтній Магнусскій командовалъ оставшимися на палубѣ „Эмиліи" повстанцами, когда пошелъ къ берегу первый транспортъ, никто бы не вышелъ тамъ изъ повиновенія и не мѣшалъ капитану править судномъ какъ слѣдуетъ и явиться во-время на помощь утопающимъ... можно бы было повторить потомъ дебаркацію... но возникли бы, разумѣется, другія если бы, безъ которыхъ въ жизни, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и обществъ, и народовъ, и... отрядовъ, никакое дѣло не совершается"! [1]).

И дѣйствительно явились бы, прибавимъ мы—и повстанцамъ Лапинскаго было бы хуже. При несчастіи, которое ихъ постигло, отъ налетѣвшей бури погибло только 24 человѣка, а если бы отрядъ высадился и достигъ Литвы—онъ погибъ бы рѣшительно весь. Русскія войска, собранныя тамъ, разбили безъ труда двѣ огромныя дружины Сѣраковскаго и Колыски, спѣшившія на соединеніе съ Лапинскимъ: что же произошло бы при встрѣчѣ съ этими войсками полуторы сотни повстанцевъ Лапинскаго?...

---

[1]) „Gazeta Narodowa" 1878, № 223, стр. 1, столбецъ 4, внизу.

Библиотека "Руниверс"

По прибытіи въ Лондонъ, Лапинскій увидѣлся прежде всего съ генераломъ Замойскимъ и разсказалъ ему подробно исторію своихъ похожденій, заключивъ ее своими любимыми бреднями о Кавказѣ.

— Да! еслибъ тебя отправили на Кавказъ, было бы лучше, проговорилъ старый генералъ: но Жондъ будетъ барахтаться въ царствѣ и на Литвѣ до послѣдняго издыханія, потому что... вѣритъ въ обѣщанія Франціи; да признаюсь тебѣ, и я имъ иногда вѣрю: такъ это все туманно, сбивчиво, смутно!... Ну, а деньги-то у тебя на содержаніе людей какія-нибудь есть?

— Теперь нѣтъ, но я найду! отвѣчалъ Лапинскій.

— Если принужденъ будешь распустить отрядъ, то я похлопочу у англійскаго правительства, чтобъ имъ дали что-нибудь на дорогу.

Увидѣвшись съ Цвѣрцякевичемъ, Лапинскій узналъ, что онъ, яко-бы по проискамъ Демонтовича, получилъ отставку, однако далъ на содержаніе отряда 60 фунтовъ. Ихъ хватило, разумѣется, не на долго. Не получая никакихъ извѣстій ни отъ Жонда, ни отъ Демонтовича, а равно и денегъ ни съ какой стороны, Лапинскій распустилъ отрядъ. Это было 5 іюля н. ст. 1863 г. Замойскій выхлопоталъ каждому охотнику, безъ различія ранговъ, по три фунта на дорогу. Лапинскій говоритъ, въ концѣ своихъ Записокъ, что его товарищи по странствіямъ въ Балтійскомъ морѣ разбрелись по разнымъ частямъ свѣта, кто куда, и бо̀льшей части ихъ, въ настоящее время, нѣтъ уже въ живыхъ.

Н. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

АВГУСТЪ ЛЮДВИГЪ ШЛЕЦЕРЪ [1].

Семьдесятъ лѣтъ уже минуло тому, какъ геттингенскій университетъ похоронилъ Шлецера, одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, одного изъ основателей современной исторической науки. Сколько событій совершилось послѣ этого времени, сколько воззрѣній высказано вновь, принятыхъ, или отвергнутыхъ наукой, сколько за быто именъ прогремѣвшихъ на время, сколько системъ похоронено ранѣе ихъ творцовъ, а имя Шлецера до сихъ поръ живо, воззрѣнія его до сихъ поръ возбуждаютъ почти тѣже чувства, которыя возбуждали онѣ при первомъ своемъ появленіи, до сихъ поръ историки русскіе считаютъ себя или учениками или врагами Шлецера. Стоитъ вспомнить, что Погодинъ постоянно писалъ подъ портретомъ Шлецера, рекомендовалъ всѣмъ начинающимъ заниматься изучать Нестора, что Соловьевъ, вступивъ въ полемику съ славянофилами, началъ ее во имя метода, принесеннаго въ русскую науку Шлецеромъ; что съ другой стороны въ славянофильскомъ сборникѣ помѣщена была въ 1847 г. статья направленная противъ общихъ взглядовъ Шлецера, что И. Е. Забѣлинъ преимущественно имѣетъ въ виду Шлецера въ своихъ нападеніяхъ на нѣмцевъ-историковъ. И такъ этотъ суровый учитель оставилъ по себѣ глубоко врѣзавшійся слѣдъ. Попытаемся же безпристрастно опредѣлить характеръ и значеніе его дѣятельности

---

[1]) О Шлецерѣ см. „Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера имъ самимъ описанная“ (переводъ г. Кеневича въ „Сборн. отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Н.“, XIII; Хр. Шлецера. „A. L. von Schlötzer“ öffentliches und Privatleben“, Leipzig, 1828, 2 Bd. Bock. „Schlötzer“ Hannover, 1844; Wesedenck, „Die Begründung der neuen deutsche Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlötzer“ Leipzig, 1876; по русски „От. Зап.“, 1844 (статья Г. Ф. Головачева) и „Русскій Вѣстн.“, 1856—57, (статьи С. М. Соловьева). Гоголь „Арабески“, Спб. 1835, I, 9—23; А. Н. Поповъ („Моск. Лит. и Ученый сборникъ на 1847, 397—485).

Библиотека "Руниверс"

и указать, что въ ней полезно и осталось, что̀ должно быть отвергнуто. Понимаю, что̀ въ настоящее время, въ виду событій крупныхъ и мелкихъ, (хотя бы забалотированія Д. И. Мендѣлеева, чтобъ неговорить о чемъ нибудь другомъ) русскому человѣку трудно быть вполнѣ объективнымъ, но попытаться нужно. Прибавлю, что стѣсненный объемомъ статьи и невозможностію входить въ большія спеціальности, ограничиваюсь краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ нѣмецкихъ ученыхъ, приписавшихся къ русской исторіи [1]), останавливаясь только на самомъ, по моему мнѣнію, характеристическомъ.

Августъ Людвигъ Шлецеръ родился въ миніатюрномъ, нынѣ несуществующемъ, княжествѣ Гогенлоэ-Кирхенбергѣ (во Франконіи), въ деревнѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ (1735). Рано лишившись отца, онъ былъ воспитанъ отцемъ своей матери (фамилію котораго, Гейгольдъ, принялъ впослѣдствіи Шлецеръ, издавая „Neuveränderte Russland"). У него, а потомъ въ городской школѣ сосѣдняго Лангенбурга, Шлецеръ получилъ начальное образованіе. Успѣхи его были такъ быстры, что на десятомъ году онъ писалъ латинскіе письма, возбуждая удивленіе дѣда, предсказывавшаго ему будущую знаменитость. Мальчика думали сначала готовить въ аптекаря, но замѣтя большія способности рѣшили продолжать образованіе и Шлецеръ перешелъ въ домъ зятя своего Шульца, бывшаго начальникомъ школы въ Вертгеймѣ. Ужъ съ этихъ лѣтъ Шлецеръ отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ и обстоятельностію; онъ хранилъ всѣ получаемыя письма, велъ свой дневникъ и такъ прилежно изучалъ классиковъ въ эльзивирскихъ изданіяхъ, что развилъ въ себѣ близорукость. Подъ руководствомъ зятя онъ изучалъ Библію, занимался языками латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ и французскимъ, и при этомъ находилъ время учиться музыкѣ и давать уроки, чѣмъ пріобрѣлъ возможность покупать книги. Когда ему минуло 16 лѣтъ, Шульцъ объявилъ, что въ Вертгеймѣ ему болѣе учиться нечему и онъ поѣхалъ въ Виттенбергъ, университетъ котораго славился своимъ богословскимъ факультетомъ. Шлецеръ готовился теперь въ духовное званіе. Проведя здѣсь около трехъ лѣтъ и защитивъ диссертацію „О жизни Бога" (De vita Dei), Шлецеръ перешелъ въ начинающій славиться тогда геттингенскій университетъ. Мы, русскіе, торопимся кончить курсъ и получить скорѣе степень кандидата и вообще слѣдуемъ правилу: „подписано и съ рукъ долой"; въ Германіи до сихъ поръ держатся иного воззрѣнія: тамъ студенты, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ универси-

---

[1]) Говоря это, я не забылъ Эверса. Я знаю, что ему принадлежитъ часть указанія необходимости изученія начала, которымъ жило первоначальное общество и отъ котораго отправилось дальнѣйшее развитіе; но знаю также, что вліяніе Эверса далеко не столь обще и широко, ибо Шлецеръ далъ методъ, а Эверсъ указалъ начало. Методъ примѣняется всѣми, а начало, принятое за основу пониманія нѣкоторыми, только видоизмѣненное вошло въ общее сознаніе.

Библиотека "Руниверс"

тетѣ, ѣдутъ, а иногда и идутъ, въ другой послушать того или другого профессора; изъ другого иногда еще въ третій. Впрочемъ, при нашемъ бюрократическомъ взглядѣ на университетъ иначе и не можетъ быть: нужны поскорѣе люди съ извѣстнымъ дипломомъ, а людямъ нужно поскорѣе получить дипломъ. Круговая порука! Потому у насъ существуетъ правило о томъ, чтобы не оставались болѣе извѣстнаго числа лѣтъ въ университетѣ: чтобы напрасно мѣста не занимали. Впрочемъ, объ этомъ слѣдовало бы поговорить отдѣльно, теперь же сказано къ слову. Въ Геттингенѣ, благодаря связи Гановера съ Англіею и покровительству просвѣщеннаго министра Мюнгаузена, процвѣтала свобода преподованія въ широкомъ смыслѣ слова. Это обстоятельство привлекало сюда въ то время лучшихъ профессоровъ, между которыми особенно ярко выдовался Михаэлисъ, имѣвшій на Шлецера положительное вліяніе; подъ этимъ вліяніемъ развилась у Шлецера и широкая ученая требовательность и умѣніе сосредоточивать около одной цѣли многостороннія знанія. О Михаэлисѣ Шлецеръ писалъ впослѣдствіи своему сыну: „Съ тѣхъ поръ, какъ Гейне (знаменитый филологъ-классикъ) и Михаэлисъ начали вносить политику въ древности, все получило иной видъ“. Знаменитый оріенталистъ Сильвестръ де-Саси такъ оцѣниваетъ дѣятельность Михаэлиса: „Онъ первый началъ объяснять еврейскія древности медицинскими, естественными и другими науками“. На любознательный, пытливый духъ Шлецера такой учитель долженъ былъ дѣйствовать возбудительно: „Радуюсь сильно—писалъ онъ ему—и поздравляю самъ себя съ такимъ счастіемъ, что по какому-то случаю ни кѣмъ не побуждаемый прибылъ въ Геттингенъ и встрѣтилъ такого учителя“. Передъ нимъ открывался широкій горизонтъ и онъ уже и тогда учился за разъ и филологическимъ и естественнымъ наукамъ. Но кабинетная ученость не могла удовлетворить юношу: изученіе библейскаго міра онъ хотѣлъ освѣтить обозрѣніемъ самой сцены, на которой совершились событія: мысль о путешествіи на востокъ овладѣла имъ, и занимавшись уже и прежде еврейскимъ языкомъ, онъ началъ теперь заниматься арабскимъ. Чтобы добыть себѣ средства для путешествія, Шлецеръ принялъ въ 1755 г., предложенное ему мѣсто учителя въ одномъ шведскомъ семействѣ въ Стокгольмѣ. Въ Швеціи любознательность молодого ученаго нашла себѣ пищу: онъ учился по готски, по исландски, по лапландски, по польски, и издалъ свой первый трудъ: „Исторію учености въ Швеціи“. Не теряя изъ виду своей цѣли, путешествія на востокъ, онъ старался пріобрѣсти себѣ свѣдѣнія въ промышленности и торговлѣ; тогда то написалъ онъ (по шведски) „Опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли съ древнѣйшихъ временъ“, ограничившійся только исторіею финикіанъ, но при томъ не оставлялъ и другихъ занятій: велъ съ великимъ Линнеемъ переписку по вопросамъ естествознанія; занятія эти входили въ программу подготовки къ путешествію. Изъ Швеціи переѣхалъ онъ въ Любекъ, желая практически

Библиотека "Руниверс"

ознакомиться съ торговлею, пріобрѣсти свѣдѣнія въ искуствѣ мореплаванія и найдти себѣ между богатыми купцами такого, который доставилъ бы средства для путешествія; послѣдняя надежда обманула Шлецера; но вознагражденія полученнаго имъ за его ученые труды было достаточно для того, чтобы онъ могъ (апр. 1759 г.) возвратиться въ Геттингенъ и снова предаться здѣсь занятіямъ по совершенно различнымъ отраслямъ знанія: онъ изучалъ тамъ медицину и естественныя науки, метафизику и этику, естественное право (по нашему философія права), математику, политику и статистику, Моисеево законодательство, феодальное и вассальное право. Все это разнообразіе знаній какъ-то улеглось въ его головѣ и, взаимно дополняясь, возбуждало въ немъ все новыя и новыя мысли: вырабатывалось критическое воззрѣніе, готовился тотъ мощный аппаратъ, которымъ создана новая историческая наука и новое государствовѣдѣніе. Одаренный умомъ строгимъ и положительнымъ, саркастическій, нетерпимый и самодовольный, Шлецеръ лишенъ былъ и чувства изящнаго и той высшей творческой способности, которая отмѣчаетъ великихъ художниковъ слова и мысли: поэтовъ и философовъ. Не къ этой творческой дѣятельности былъ призванъ Шлецеръ; передъ нимъ лежала иная задача: ему предстояло создать критическій методъ отношенія къ источникамъ, предстояло разрушить вѣками накопившіеся предразсудки въ наукѣ и жизни. Раціоналистическій вѣкъ требовалъ такой раціоналистической науки, а къ ней-то всего болѣе былъ способенъ Шлецеръ по своему уму и характеру и по своей многосторонней подготовкѣ, дававшей ему возможность подмѣтить ложь и фальшъ тамъ, гдѣ люди съ чисто ученымъ и при томъ одностороннимъ (напр. филологическимъ) образованіемъ ничего подмѣтить не могли. Люди, невыходившіе изъ своего кабинета далѣе аудиторіи или сосѣдняго кнейпа, люди не выѣзжавшіе всю жизнь за предѣлы маленькаго города, не входившіе въ подробности практической жизни, и не могли быть пригодны къ такой дѣятельности; правда, что уединенный кенигсбергскій мыслитель, творецъ новой философіи, нашелъ Архимедову точку въ своемъ громадномъ умѣ, но то была точка логическая, да и умъ былъ размѣровъ рѣдко достигаемыхъ людьми. Для критической работы въ положительной области науки, для приданія этой области точнаго положительнаго характера, нужны были другія способности, нужна была другая подготовка. И способности эти и подготовка нашлись именно у Шлецера. Въ началѣ 1761 г. открылось передъ Шлецеромъ новое, неожиданное имъ поприще: онъ получилъ приглашеніе поступить домашнимъ учителемъ къ русскому исторіографу Миллеру, и склоняясь на убѣжденіе Михаэлиса, что этимъ открываются ему средства къ осуществленію его любимой мечты—путешествію на востокъ, Шлецеръ принялъ приглашеніе. Въ его жизни начинается новый періодъ, и русская историческая наука тоже вступаетъ въ новый періодъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ опаснаго осенняго морского плаванія, продолжавшагося восемь недѣль, Шлецеръ вышелъ на финляндскій берегъ и сухимъ путемъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Самъ Шлецеръ (въ автобіографіи) весьма характеристично указываетъ на то вліяніе, которое имѣло это плаваніе на развитіе его характера: онъ лучше сталъ понимать поэтовъ, описывающихъ бурю; на примѣрѣ матросовъ научился цѣнить и уважать человѣческую силу и „началъ изучать очень полезное искусство освоиваться со смертью". Такъ этотъ сильный умъ стремится все анализировать, все уяснить, изъ всего вывести очевидныя слѣдствія. Поселясь у Миллера, у котораго былъ свой домъ и который держалъ свои экипажи и многочисленную прислугу—такъ еще можно было тогда жить въ Петербургѣ на 1,700 р., не входя въ долги—Шлецеръ нашелъ радушный пріемъ и на первыхъ порахъ Миллеръ ему очень понравился. Впрочемъ, почти съ самаго начала оказалось недоразумѣніе, источникъ послѣдующихъ столкновеній: „Миллеръ—говоритъ С. М. Соловьевъ,—вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что ему укажутъ и который будетъ въ восторгѣ, если со временемъ Миллеру удастся пристроить его какъ-нибудь въ академіи; но Шлецеръ не считалъ себя студентомъ; онъ гордился обширнымъ ученымъ приготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Миллеръ и его ровестники; Шлецеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученыя знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Миллера, какъ на средство для достиженія свой завѣтной цѣли; видѣлъ что условія для него унизительны, а между тѣмъ принялъ ихъ". По пріѣздѣ въ Петербургъ Шлецеру по случаю боли въ ногѣ пришлось шесть недѣль высидѣть дома; но онъ не терялъ время: готовясь къ отъѣзду, онъ собралъ всѣ тѣ свѣдѣнія о Россіи, которыя можно было получить тогда за ея предѣлами. „Итакъ,—говоритъ онъ—я зналъ то, чего я не зналъ и умѣлъ спрашивать (особенное искусство), чѣмъ давалъ поводъ Миллеру во всѣхъ нашихъ разговорахъ изливать свое неизчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи". Но не все сообщалъ ему Миллеръ, что зналъ,—долголѣтнее пребываніе въ Россіи научило его искусству молчать: въ то время скончалась императрица Елисавета. „Миллеръ—продолжаетъ Шлецеръ—ни однимъ словомъ не высказался передо мною ни объ окончившемся, ни о начинающемся правленіи; но никто лучше его не зналъ ни того, ни другого. Только объ Екатеринѣ II онъ началъ говорить, выражалъ свой энтузіазмъ: онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нею, когда она была великою княгинею, и удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи". За изученіе русскаго языка Шлецеръ принялся съ жаромъ: съ помощью двухъ плохихъ лексиконовъ и краткой грамматики онъ принялся за переводъ Крашенинникова. „Описаніе Камчатки"; слова, которыхъ онъ не зналъ сообщалъ ему Миллеръ. Любопытно, что когда дѣло дошло до рыбъ, то онъ сталъ обращаться съ вопросами къ г-жѣ Миллеръ и та угощала

Библиотека "Руниверс"

его за обѣдомъ тѣми изъ нихъ, которыя можно было найти на рынкѣ. Когда Миллеръ доставилъ ему рукописный лексиконъ Кондратовича въ корнесловномъ порядкѣ, Шлецеръ пришелъ въ восторгъ и принялся его переписывать. Большая филологическая подготовка и знаніе многихъ языковъ помогали Шлецеру очень быстро усвоивать и русскій языкъ. Миллеръ дивился его успѣхамъ и съ восторгомъ показывалъ Тауберту переводъ указа, сдѣланный имъ черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда: но никакъ не могъ помириться съ сравнительнымъ методомъ, вынесеннымъ Шлецеромъ изъ Геттингена, и бранилъ его Рудбеномъ (шведскій ученый, отличавшійся смѣлыми и странными словопроизводствами). Къ помощи въ своихъ работахъ Миллеръ, тогда издававшій Sammlung russischer Geschichte, неохотно пускалъ Шлецера; причина такого недовѣрія выясняется изъ восклицанія, вырвавшагося у него, когда онъ увидѣлъ, что Шлецеръ выписываетъ изъ сообщенной ему рукописи о торговлѣ: „Боже мой! вѣдь вы все переписываете?“ (тогда такія свѣдѣнія считались государственною тайною). Лѣтописей, познакомиться съ которыми онъ сильно желалъ Шлецеръ долго не могъ добиться. Наконецъ Миллеръ прислалъ ему нѣсколько отпечатанныхъ листовъ кенигсбергскаго списка, съ котораго задумали начать изданіе „Библіотека Россійская“. Шлецеръ, нашедшій даже тогда славянскую грамматику, съ жадностію принялся за изученіе лѣтописи. Въ самомъ началѣ онъ встрѣтилъ Вактры вмѣсто Бактрія, Фивулій, вмѣсто Ѳивы, Ливія и сообщилъ Миллеру; тотъ торжествовалъ; изданіе велъ врагъ его Таубертъ и противъ его совѣтовъ; тотчасъ досталъ онъ Шлецеру одинъ изъ списковъ первоначальной лѣтописи; начались сличенія, переводы лѣтописи на латинскій языкъ, основа „Нестору“ [1]). Вскорѣ послѣ пріѣзда Шлецера (въ январѣ 1762 г.) начались переговоры съ нимъ Миллера объ опредѣленіи его въ академію; но переговоры шли туго: Шлецеру не нравились условія: быть адъюнктомъ (отчего не профессоромъ); получать 300 р.; опредѣлиться адъюнктомъ на 5 лѣтъ; посвятить себя совершенно русскому государству; а главное отказаться отъ путешествія на востокъ. Шлецеръ приписывалъ эти условія зависти Миллера и искалъ даже частнаго мѣста, только съ тѣмъ, чтобы не связывать своей свободы на продолжительный срокъ. На выручку его явился Таубертъ, управлявшій академическою канцеляріею и врагъ Миллера: и нѣмцы, получивъ власть, начинаютъ ссориться между собою: примѣръ несогласій Бирона и Миниха памятенъ всѣмъ. Случайно Шлецеръ разговорился съ нимъ; узнавъ, что Миллеръ затягиваетъ дѣло, Таубертъ сдѣлался благосклоннымъ и сказалъ: „вы должны остаться у насъ, вы будете довольны“. Таубертъ устроилъ, что онъ остался адъюнктомъ на неопредѣленное время. Восшествіе на престолъ Ека-

[1]) „Библіотека Россійская“ появилась только въ 1767 г. съ предисловіемъ написаннымъ Шлецеромъ.

Библиотека "Руниверс"

терины помѣшало утвержденію Шлецера и только въ іюлѣ онъ былъ утвержденъ. Миллеръ, которому пришлось дѣлать о немъ представленіе, кажется, желалъ намекнуть Шлецеру о томъ, что онъ зависитъ отъ него Миллера и предложилъ ему составить указатель къ Sammlung; на что обиженный Шлецеръ отвѣчалъ: „составленіе указателя, даже какъ испытаніе, было бы слишкомъ ничтожно для адъюнкта академіи наукъ". Сожительствомъ его Миллеръ тяготился, хотя Шлецеръ долженъ былъ переѣхать къ дѣтямъ К. Г. Разумовскаго, учить которыхъ онъ получилъ приглашеніе черезъ Тауберта; но Миллеръ заставилъ его, не смотря на то, что квартира еще не была готова, выѣхать изъ его дома. Шлецеръ нашелъ пріютъ у совѣтника лифляндской юстицъ-коллегіи Шишаева, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но который поразилъ его своими взглядами на крѣпостныхъ. „Однажды, говоритъ Шлецеръ, онъ мнѣ разсказывалъ, что въ числѣ его крестьянъ есть одинъ, превосходный человѣкъ, который мало по малу поправитъ все его имѣніе: продержавъ его пять лѣтъ на пустошѣ, которую тотъ съ искусствомъ и несказаннымъ трудомъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе, онъ переводитъ его потомъ на другое такое же безплодное мѣсто, а честный малый опять начинаетъ съизнова; такъ проведетъ онъ его по всему имѣнію. Я удивлялся долготерпѣнію честнаго невольника, но въ тоже время сомнѣвался, не обнаруживаетъ ли эта процедура неблагородства и безчеловѣчія въ самомъ господинѣ. Въ другой разъ, онъ жаловался, что внутри Россіи часто на 10 и болѣе верстъ въ окружности нѣтъ не только врача, но даже хирурга, и удивлялся, что ни одному помѣщику не придетъ въ голову послать на свой счетъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ за границу учиться медицинѣ и хирургіи, точно также, какъ ихъ обучаютъ другимъ ремесламъ для пользы имѣнія". Позднѣе бывали у насъ крѣпостные фельдшера, а у Аракчеева былъ крѣпостной архитекторъ, объ отношеніяхъ къ которому знаменитаго временщика можно прочесть въ статьѣ г. Отто въ „Древней и Новой Россіи". Въ качествѣ адъюнкта Шлецеръ переводилъ указы на нѣмецкій (и разъ для герн-гутеровъ на латинскій) языкъ и продолжалъ свои занятія древней русской исторіей: онъ началъ тогда вникать въ генеалогію князей, изучалъ Татищева и Селіевъ переводъ одной изъ пространныхъ лѣтописей [1]), принялся за византійцевъ, сознавъ ихъ необходимость для русской исторіи и для лучшаго пониманія языка лѣтописей, началъ изученіе другихъ славянскихъ языковъ. Наконецъ помѣщеніе у Разумовскихъ было готово и Шлецеръ переѣхалъ въ него. Дѣти гетмана вмѣстѣ съ сыномъ Теплова, рекетмейстера (и статсъ-секретаря у пріема прошеній) Козлова и Олсуфьева помѣщались отдѣльно отъ родителей,

---

[1]) Хранился въ акад. библіотекѣ. Цѣлъ ли онъ и отчего до сихъ поръ съ нимъ не познакомили публику и даже не оказалось возможнымъ въ академическомъ изданіи перевода автобіографіи Шлецера объяснить, что эта за рукопись?

Библиотека "Руниверс"

по мысли Тауберта, чтобы устранить вліяніе матери. Дѣти жили подъ надзоромъ гувернера, француза Бурбье, хотя и бывшаго лакея, но правильно писавшаго по французски; съ ними жили полуученый іезуитскій ученикъ изъ Вѣны, математикъ Румовскій и Шлецеръ. Шлецеръ, собираясь переѣзжать, былъ недоволенъ и приготовленнымъ ему помѣщеніемъ и неопредѣленностью своего положенія; но все устроили и онъ переѣхалъ и принялся учить дѣтей по нѣмецки, потомъ по латыни. „Однажды, говоритъ Шлецеръ, я осмѣлился сказать Тауберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія, или даже еще болѣе важная наука, вполнѣ соотвѣтствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно: отчизновѣдѣніе. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не осмѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не произносилъ еще языкъ ни одного русскаго". Таубертъ согласился. „Мои первые уроки, продолжаетъ Шлецеръ, были: „какъ велика Россія въ сравненіи съ Германіею и Голландіею?" (За нѣсколько дней передъ тѣмъ математикъ сообщилъ понятіе о квадратныхъ миляхъ; такъ согласно мы работали!) „Что такое юстицъ-коллегія? что покупаетъ и продаетъ русскій? откуда получаетъ онъ золото и серебро?" Таубертъ съ удивленіемъ слушалъ эти уроки и дополнялъ ихъ за обѣдомъ своими разсказами. Скоро онъ, пользуясь своими связями и знакомствами, началъ доставлять Шлецеру офиціальныя матеріалы для статистики. Когда гувернеръ оказался неспособнымъ преподавать исторію, преподаваніе ея перешло также къ Шлецеру. „Здравый смыслъ привелъ меня къ первой попыткѣ превратить универсальную исторію (Universal-historie) во всемірную исторію (Welt-gischichte). Сообразно съ своимъ идеаломъ, который впослѣдствіи я старался осуществить въ Геттингенѣ, съ 1770 до 1792 г., я выбросилъ множество фактовъ, относительно ненужныхъ, которыми всеобщая исторія была переполнена, а вмѣсто ихъ помѣстилъ много другихъ. Даже о цѣлыхъ народахъ, которые прежде едва упоминались, должно было сказать, въ особенности русскому ученику; не важнѣе ли для него, напр. всемірные завоеватели, калмыки или монголы, чѣмъ ассирійцы и лонгобарды? Древняя исторія въ своихъ главныхъ событіяхъ давно была мнѣ извѣстна; я выросъ на филологіи, но въ выборѣ и сочетаніи фактовъ,—что зависитъ отъ историческаго вкуса,—моими путеводителями и образцами были не римская и англійская всемірная исторія, но Goguet [1]) и Вольтеръ, а впослѣдствіи Робертсонъ". Дѣятельностью учителя не ограничивался Шлецеръ въ своемъ институтѣ; сближеніе съ Таубертомъ дало ему возможность высказывать свои ученые планы и искать имъ примѣненія: такъ онъ передавалъ Тауберту свои взгляды на необходимость государственной статистики.

---

[1]) Goguet, французскій ученый (р. 1716 † 1752) авторъ книги: De l'origine des lois, des arts, et des sciences.

Библиотека "Руниверс"

Результатомъ этихъ разговоровъ, конечно, переданныхъ Таубертомъ высшимъ лицамъ, былъ указъ о доставленіи приходскихъ списковъ о населеніи по формѣ, составленной Шлецеромъ; изученіе этихъ таблицъ было возложено на академію; но мысль объ образованіи особой статистической конторы, по шведскому образцу, была не исполнена. Узнавъ о томъ, что составленная имъ примѣрная форма уже введена, Шлецеръ былъ непріятно пораженъ: онъ думалъ удовлетворить личному любопытству Тауберта и набросалъ свои мысли на-скоро, не предполагая о возможности практическаго примѣненія. Свои выводы, на основаніи этихъ матеріаловъ, Шлецеръ напечаталъ въ Геттингенѣ въ 1768 г. въ книжкѣ о народонаселеніи Россіи. Послѣ списки эти обработывалось разными академиками. Результаты трудовъ ихъ помѣщались въ академическихъ изданіяхъ. Изъ разговоровъ съ Таубертомъ выросло другое предпріятіе Шлецера: знаменитая, надѣлавшая столько хлопотъ ему русская грамматика, въ которой онъ пробовалъ, не всегда удачно, прилагать свои общія филологическія свѣдѣнія къ русскому языку. Ломоносовъ, какъ извѣстно, заподозрилъ его въ намѣренномъ искаженіи, когда много-много, что можно было его обвинить въ ученомъ самомнѣніи. Грамматика Шлецера имѣетъ много замѣчательныхъ сторонъ: вноситъ исторію языка, сравнительный методъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда существовалъ, представляетъ попытку сравненія не только корней, но и флексій. Грамматика осталась недопечатанной и только недавно въ русскомъ переводѣ [1]) стала общедоступною. Оцѣнка ея принадлежитъ филологамъ, которые, вѣроятно, найдутъ въ ней несомнѣнныя достоинства. Шлецеръ въ этотъ періодъ жизни работалъ неутомимо; работа и климатъ Петербурга вредно дѣйствовали на его здоровье. „Теперь я самъ понимаю, что такое напряженіе—говоритъ онъ—было неблагоразумно. Но да простятъ голодному, если онъ объѣстся за хорошимъ столомъ. Какой міръ новыхъ знаній открывался передо мной и преимущественно такихъ знаній, которыя я могъ только тамъ пріобрѣсти! Чтобы съ пользою употребить драгоцѣнное время, я долженъ былъ спѣшить". Тогда то сложился у него планъ: пристроиться къ академіи окончательно, но уѣхать года на три въ Германію и тамъ издать собранные имъ матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Въ доношеніи своемъ академіи, прося объ трехгодичномъ отпускѣ, Шлецеръ указывалъ на то, чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ академіи. Планъ его распадался на двѣ части: въ первой высказаны были мысли о способѣ обработки древней русской исторіи. Здѣсь онъ указывалъ на необходимость критическаго изученія отечественныхъ и иностранныхъ свидѣтельствъ. Словомъ, тотъ планъ, который легъ въ основу его „Исторіи". Для общаго обозрѣнія

[1]) При русскомъ переводѣ автобіографіи Шлецера („Сборникъ отд. русск. языка", XIII).

Библиотека "Руниверс"

намѣренъ былъ онъ составить по нѣмецки руководство къ русской исторіи по Татищеву и Ломоносову. „Самое лучшее, говоритъ онъ, что я здѣсь предложилъ, составляло бы только черновую работу; но какъ благодѣтельно было бы для будущаго истиннаго историка, если бы эта работа продолжалась многіе годы". Другая часть плана состояла въ предложеніи мѣръ для распространенія знаній въ Россіи. При этомъ онъ предполагалъ: „1) Слѣдуетъ предлагать эти знанія въ малыхъ дозахъ; римскую исторію напр., не въ 26 томахъ in 4° (намекъ на Роллена, переведеннаго Тредьяковскимъ), но для начала въ одинъ и самое большое въ два алфавита (тогда печатные листы обозначались не цифрами, а буквами; отсюда выраженіе одинъ, два алфавита и т. д. т. е. 24, 48 листовъ и т. д.) 2) Высоко-ученыхъ, классическихъ волюминозныхъ иностранныхъ сочиненій еще нельзя было предложить тогдашнему поколѣнію: еще никто ихъ не понималъ. Венгерцы слишкомъ рано перевели на свой языкъ Esprit des loix. 3) Даже тѣхъ небольшихъ хорошихъ иностранныхъ книгъ, которыя были полегче, нельзя было предложить русской публикѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ были, особенно если онѣ были очень богато надѣлены литературою, совершенно чуждою русскимъ" (т. е. указаніемъ источниковъ). Шлецеръ въ академіи встрѣтилъ двухъ противниковъ своимъ желаніямъ: Ломоносова и Миллера. Ломоносовъ возсталъ со стороны національной; постоянно и чутко охраняя русскіе интересы, онъ замѣтилъ въ этомъ самоувѣренномъ нѣмцѣ опасность; свое окончательное сужденіе о Шлецерѣ Ломоносовъ выразилъ, приведя нѣсколько примѣровъ его неправильныхъ словопроизводствъ, словами: „какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ такая допущенная къ русскимъ древностямъ система". Миллеръ съ своей стороны, опираясь на то, что Шлецеръ непроченъ Россіи, считалъ безполезнымъ доставленіе ему возможности узнать многое, чѣмъ онъ воспользуется въ Германіи и для Германіи. Только просьба поданная государынѣ черезъ фештмейстера Козлова, сынъ котораго учился вмѣстѣ съ Разумовскимъ, послужила къ рѣшенію вопроса согласно съ желаніемъ Шлецера: онъ оставленъ былъ при академіи въ званіи ординарнаго академика съ правомъ представлять свои работы самой государынѣ или тому, кому она поручитъ разсмотрѣніе этихъ работъ. Въ 1765 г. онъ отпросился побывать въ Германію; Ломоносовъ уже тогда умеръ и другъ Шлецера Таубертъ безгранично правилъ академіей; стало быть онъ надѣялся по возвращеніи найдти свои дѣла въ хорошемъ положеніи. Сверхъ порученія покупки книгъ, ему дано было еще отъ правительства порученіе осмотрѣть сумасшедшіе дома, которые тогда намѣревались заводить въ Россіи. Повидавшись съ родными, Шлецеръ провелъ большую часть своего отпуска въ Геттингенѣ. Здѣсь онъ написалъ свое знаменитое изслѣдованіе о Лехѣ, увѣнчанное преміею института Яблоновскихъ (въ Данцигѣ) и навсегда изгнавшее это миѳическое лицо изъ исторіи; здѣсь въ Обществѣ Наукъ онъ прочелъ

Библиотека "Руниверс"

изслѣдованіе о происхожденіи славянъ; написалъ нѣсколько рецензій, изъ котораго одна имѣла послѣдствіемъ то, что издатели перевода англійской всемірной исторіи рѣшили нѣкоторыя части не переводить, а поручить переработать нѣмецкимъ ученымъ. Впослѣдствіи самъ Шлецеръ написалъ для этого изданія свою „Сѣверную Исторію". Здѣсь онъ сблизился съ Гаттереромъ, съ которымъ раздѣляетъ часть созданія новой исторической науки, и Кастнеромъ, профессоромъ математики, впослѣдствіи его ярымъ врагомъ. Здѣсь онъ устроилъ порученныхъ академіею его заботамъ студентовъ: распредѣлялъ ихъ занятія, знакомилъ ихъ съ профессорами, устраивалъ ихъ матеріальный бытъ. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный впослѣдствіи академикъ Иноходцевъ [1]). Задержанный болѣзнью, онъ прожилъ въ Германіи до октября; а въ Петербургѣ ждало его извѣстіе о полученной имъ наградѣ за сочиненіе о Лехѣ. Въ академіи Шлецеръ, оставшійся одинъ представителемъ исторіи,—ибо Миллеръ былъ переведенъ въ Москву сначала въ Воспитательный Домъ, а потомъ въ Архивъ Иностранной Коллегіи, который онъ началъ приводить въ порядокъ, въ которомъ до сихъ поръ сохраняются его портфели, неизчерпаемый источникъ матеріаловъ—принялся усердно за работу. Онъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ академическомъ переводчикѣ Башиловѣ. Съ помощью его Шлецеръ издалъ „Русскую Правду" (по отъѣздѣ Шлецера Башиловъ издалъ еще „Судебникъ царя Іоанна Васильевича") и началъ печатаніе „Никоновской лѣтописи", въ первомъ томѣ которой помѣщено его любопытное предисловіе (онъ же написалъ предисловіе къ Тауберто-Барковскому изданію Кенигсбергскаго или Радзивиловскаго списка). Никоновскій списокъ былъ избранъ Шлецеромъ потому, что онъ довольно исправенъ, языкъ его не такъ древенъ и потому понятнѣе, онъ идетъ далѣе другихъ (тогда извѣстныхъ) и полнѣе другихъ по содержанію. Недостатки, замѣченные въ немъ Шлецеромъ, были указаны въ предисловіи: въ немъ замѣною старыхъ словъ новыми придается часто ложное толкованіе тексту; въ немъ есть вставки, подлинность которыхъ сомнительна. При изданіи принято слѣдовать какъ можно ближе подлиннику, внося только для ясности пониманія знаки препинанія. Такимъ образомъ, это было первое образцовое изданіе лѣтописи, знакомившее съ подлинникомъ и чуждое поправокъ, подновленій и урѣзокъ, которыя позволяютъ себѣ позднѣйшіе издатели (хотя бы Львовъ). Съ помощью Башилова Шлецеръ началъ тогда же свою, какъ онъ выражается, гигантскую работу: ему удалось собрать 12 томовъ первоначальной (такъ называемой Несторовой) лѣтописи; началось сличеніе этихъ списковъ между собою, отмѣтка ихъ варьянтовъ—матерьялъ для будущаго „Нестора". Въ управленіи академіею произошла перемѣна: назначенъ былъ пре-

[1]) См. М. И. Сухомлиновъ: „Ист. Росс. Академіи", III. Къ біографіи Иноходцева.

Библиотека "Руниверс"

зидентомъ графъ В. Орловъ, подчиненный не сенату, а лично государынѣ; Таубертъ палъ; но Шлецеръ сохранилъ свое вліяніе: такъ онъ успѣлъ поддержать Стриттера, которому внушилъ планъ знаменитаго до сихъ поръ систематическаго сборника извлеченій изъ Византійцевъ о Россіи и народахъ, исторія которыхъ связана съ ея исторіею [1]). При всѣхъ своихъ недостаткахъ, сборникъ этотъ, какъ единственный, служитъ еще и въ наше время настольною книгою людей, занимающихся древнею русскою исторіею. Гр. Орловъ былъ такъ внимателенъ къ мнѣніямъ Шлецера, что по указаніямъ его выбралъ пять геттингенскихъ ученыхъ въ корреспонденты къ открывавшейся „Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія". Разстроивъ свое здоровье неустанною работою, Шлецеръ снова сталъ проситься въ отпускъ и былъ уволенъ въ сентябрѣ 1767 г. Собираясь къ отъѣзду, онъ очевидно думалъ, что можетъ и не вернется: онъ забралъ съ собою все, кромѣ тяжелой мебели. Свои выписки изъ лѣтописей, составившія два фоліанта, онъ постоянно носилъ съ собою и на ночь клалъ подъ подушку; „въ случаѣ кораблекрушенія, писалъ онъ,—это я могъ спасти, а остальное утраченное можно было бы возстановить". Окончивъ передъ отъѣздомъ тѣ работы, которыя считалъ себя обязаннымъ кончить, Шлецеръ уѣхалъ. Прибывъ въ Геттингенъ, куда его привлекала возможность общенія съ людьми умственныхъ интересовъ, собравшихся тогда въ этомъ университетѣ,—подобнаго общества онъ не могъ найти въ Петербургѣ,—Шлецеръ снова принялся за работу. Здѣсь издалъ онъ „Probe russischer Annalen"; вышла только первая часть, заключающая въ себѣ введеніе и общее понятіе о русскомъ лѣтописаніи; образцы самыхъ лѣтописей тогда не были изданы (впрочемъ, Шлецеръ издалъ тогда въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ одинъ листъ, долженствующій служить образцомъ его критической работы надъ лѣтописями); тогда же началъ онъ изданіе „Neuveränders Russland", заключающее въ себѣ переводъ указовъ, уставовъ, всего того, изъ чего видны были стремленія и намѣренія Екатерины. Въ особо издаваемыхъ прибавленіяхъ къ этой книгѣ (Beilage) помѣщались статистическія свѣдѣнія о Россіи. Изданіе это, выходившее подъ псевдонимомъ Гейгольда, остановилось на 2-мъ томѣ потому, какъ характеристически выражается сынъ Шлецера, что отецъ его „не получилъ отъ государыни никакой награды, которой можно было бы ожидать". Пребываніе въ Геттингенѣ становилось все привлекательнѣе для Шлецера; отъѣздъ оттуда казался все болѣе и болѣе печальнымъ. Тогда онъ рѣшился просить отставки отъ академіи, которую и получилъ въ 1769 г. и тогда же приглашенъ былъ профессоромъ исторіи въ геттингенскій университетъ съ обязанностію читать статистику, политику и политическую исторію европейскихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ

---

[1]) Memoriae Populorum, olium ad Danubium, Pontum Euxinum... incolentiam 4 t. Spb. 1771—79.

Библиотека "Руниверс"

Шлецеръ кромѣ двухъ поѣздокъ: во Францію (1773—74 г.) и Италію (1781—82 г.), не оставлялъ Геттингенъ до своей смерти. Въ 34 года Шлецеръ наконецъ усѣлся на мѣстѣ, завелся семействомъ—годы его странствованій кончились, но не остались для него безплодными: одинъ изъ его біографовъ мѣтко примѣняетъ къ нему гомеровскій стихъ: „Странствуя долго... многихъ людей, города посѣтилъ и обычаи видѣлъ". Жизненный опытъ расширилъ его горизонтъ; ему стало понятнымъ многое, непонятное для кабинетныхъ ученыхъ; отсутствіе въ его произведеніяхъ художественности, или раціоналистическая сухость—признаки его природы, а не результаты опыта; даже поклоненіе внѣшнему могуществу не столько слѣдуетъ приписывать его пребыванію въ Россіи, какъ дѣловому практическому складу его ума. Въ Геттингенѣ началась усиленная преподавательская дѣятельность Шлецера. Онъ читалъ лекціи о всеобщей исторіи, о русской исторіи, о политикѣ, государственномъ правѣ, статистикѣ и т. д. Чрезвычайно оригинальны для нашего вѣка могутъ показаться тѣ лекціи, на которыхъ онъ объяснялъ своимъ слушателямъ газетныя извѣстія и на которыхъ излагалъ выгоды путешествія и способы путешествовать съ пользою (Reise-und Zeitungscollegium). Газетъ тогда было немного, выходили они не ежедневно, привычка читать ихъ не была распространена и потому въ Германіи еще съ конца XVII в. держался обычай толковать съ каѳедры газетныя извѣстія. „На такихъ лекціяхъ, говоритъ Веземкъ,—слушатели пріучались узнавать силы, слабость и разныя особенности главныхъ государствъ; вообще узнавали какъ съ пользою читать газеты, научались не вѣрить безусловно всему печатному, ибо тогда уже были подкупныя и продажныя газеты, какъ и въ наше основательное время". Лекціи политики, въ особенности статистики, которыя читалъ Шлецеръ, пользовались большимъ успѣхомъ. „Ни одинъ баричъ, говоритъ Шлецеръ,—не уѣзжаетъ отсюда, чтобы не послушать ихъ хотя изъ приличія... такіе предметы преподаванія въ другихъ университетахъ едва извѣстны по имени". Въ числѣ слушателей Шлецера были Іоганнъ Мюллеръ, прославленный историкъ Швейцаріи, и знаменитый государственный дѣятель начала XIX в. баронъ Штейнъ, памятный и для исторической науки тѣмъ, что основалъ Monumenta Germaniae, сборникъ лѣтописей и актовъ. Придавая исторіи главнымъ образомъ значеніе науки политической и общественной, Шлецеръ весьма высоко ставилъ науки общественныя и требовалъ, чтобы въ университетѣ, если нельзя открыть пятаго политическаго факультета, былъ по крайней мѣрѣ введенъ полный курсъ этихъ наукъ. Развитію этихъ наукъ онъ придавалъ тѣмъ большее значеніе, что былъ врагомъ господства посредствомъ невѣжества и видѣлъ въ знаніи средство провѣрить дѣятельность исключительно практическихъ людей, безъ научнаго образованія. Онъ издалъ подъ названіемъ „Ученіе о государствѣ" энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ этой отрасли знанія (государственное право, статистика, метаполитика

Библиотека "Руниверс"

или ученіе объ обществѣ, родъ философіи исторіи). Мы видѣли, что еще въ институтѣ Разумовскихъ (академія X-й линіи) Шлецеръ обратилъ вниманіе на отсутствіе знаній объ обществѣ и старался внести ихъ въ преподаваніе; въ Геттингенѣ онъ былъ призванъ преподавать исторію и политику. Въ своемъ преподаваніи Шлецеръ старался держаться исключительно фактической почвы; но факты онъ любилъ не для фактовъ, а для тѣхъ практическихъ выводовъ, которые можно изъ нихъ извлечь. Статистика, которую онъ приводилъ постоянно въ живую связь съ исторіею („исторія остановившаяся статистика", „статистика движущаяся исторія"), по его опредѣленію была „наукою, которая должна доставлять намъ свѣдѣнія о дѣйствительныхъ достопримѣчательностяхъ государства". Она должна останавливаться только на тѣхъ предметахъ, которые составляютъ преимущество или недостатки страны, силу или слабость государства, тѣ, которые дѣлаютъ правителей сильными или слабыми внутри и внѣ; словомъ, что служитъ къ возвышенію одного государства и къ упадку другого. Въ своихъ воззрѣніяхъ на государства Шлецеръ былъ ближе всего къ Монтескье: смѣшанный образъ правленія казался ему наилучшимъ; республики ему никогда не нравились: онъ былъ даже врагомъ американскаго движенія и тѣмъ заслужилъ сочувствіе короля Георга III. Но всегда далекій отъ догматизма, Шлецеръ требовалъ прежде всего изученія существующаго, не желалъ крутыхъ переворотовъ и надѣялся достигнуть признанія человѣческихъ правъ путемъ сознанія. Съ правами онъ постоянно соединялъ обязанности, какъ для управляемыхъ, такъ и для управляющихъ. Въ своей метаполитикѣ, ученіи объ образованіи обществъ и государствъ, Шлецеръ исходитъ изъ общепринятаго тогда начала—естественнаго состоянія; но это естественное состояніе не то блаженное состояніе, которое такими яркими красками рисуетъ Руссо. Въ естественномъ состояніи Шлецеръ видитъ жалкихъ дикарей, лишенныхъ даже языка. Общества и государства образуются и по Шлецеру посредствомъ договора. Любопытно, что образованіе аристократіи онъ объясняетъ землевладѣніемъ, а не военною службою. Проводя свои идеи съ каѳедры, Шлецеръ искалъ и болѣе широкой аудиторіи, сознавая необходимость развить общественное мнѣніе и гражданское чувство. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1775 г. „Опыты переписки", содержанія преимущественно статистическаго; съ 1777 по 1782 гг. онъ издавалъ „Новую переписку"; а съ 1783 по 1792 г. „Государственныя извѣстія". Ярко характеризуетъ великій историкъ нашего времени журнальную дѣятельность Шлецера: „Онъ создалъ, говоритъ Шлоссеръ,—судилище, предъ которымъ блѣднѣли всѣ ненавистники просвѣщенія, всѣ безчисленные маленькіе злодѣи Германіи. Для изданія журнала, въ которомъ говорилось бы о государственномъ управленіи и современной исторіи, въ то время никто не былъ способнѣе Шлецера, по его безчисленнымъ знакомствамъ во всѣхъ земляхъ, по его многостороннимъ знаніямъ, по его качествамъ и даже недостаткамъ.

Библиотека "Руниверс"

Если принять въ соображеніе, что онъ имѣлъ въ виду только германскія государства и что въ то время, когда Виландъ съ какою-то робостію взвѣшивалъ каждое слово въ своемъ беллетристическомъ журналѣ, ясно будетъ, что мужество и желѣзная воля геттингенскаго профессора какъ будто созданы были для политическаго современнаго изданія". Журналъ читали съ особеннымъ интересомъ Марія-Терезія и Іосифъ II; но во время французской войны ганноверское правительство нашло возможность помѣшать его продолженію, придравшись къ ссорѣ между Шлецеромъ и мѣстнымъ почтмейстеромъ.

Еще важнѣе заслуги Шлецера какъ историка и критика. Въ этомъ отношеніи заслуги его раздѣляетъ товарищъ его по преподованію Гаттереръ, вышедшій на поприще исторіи нѣсколько раньше. Всеобщей исторіи можно сказать не существовало дотолѣ въ преподованіи: отсутствіе критики, отсутствіе общихъ взглядовъ было чрезвычайно чувствительно въ Германіи, когда въ другихъ странахъ уже начиналось иное понятіе объ исторіи (припомнимъ для критики Фрере во Франціи, для общихъ построеній Босюэта, Вольтера, Монтескье); Германія же жила средневѣковыми компендіумами. Въ такое время выступилъ Гаттереръ: онъ старался въ своихъ учебникахъ разъяснять и связывать въ одно цѣлое религіозныя, политическія и семейныя отношенія народовъ, указывать ихъ степень образованія, вносить географію и этнографію — такъ какъ закладывалъ зданіе будущей исторіи цивилизаціи. Другой заслугою Гаттерера было разъясненіе такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи (хронологіи, генеалогіи, дипломатики). Отъ Шлецера Гаттереръ отличался тѣмъ, что былъ исключительнымъ ученымъ, не заботившимся о томъ, что дѣлается кругомъ него: только французская революція, возбудивъ въ немъ ужесъ, обратила на себя его вниманіе. Инымъ былъ Шлецеръ: страстный публицистъ, человѣкъ одаренный большимъ здравымъ смысломъ, практикъ прежде всего, онъ и въ исторіи оставался такимъ же, какимъ былъ въ политикѣ. Исторія для него прежде всего и главнѣе всего была воспроизведеніемъ развитія общественныхъ отношеній, школою гражданскихъ чувствъ. Но для того, чтобы исторія была достойна своего назначенія, она должна опираться на точно изслѣдованныя и провѣренныя здравымъ смысломъ данныя — исторія должна начинаться съ критики и изученія источниковъ. Отсюда два стремленія въ Шлецерѣ. Съ одной стороны онъ пробуетъ въ своемъ „Идеалѣ Всеобщей исторіи" указать общій планъ исторіи, который онъ отчасти и исполнилъ (относительно древности). Его всеобщая исторія, по мнѣнію Шлоссера: — „относится къ появившимся почти одновременно съ нею идеямъ Гердера, какъ проза къ поэзіи. Шлецеру была доступна только внѣшняя матеріальная сторона жизни; онъ признаетъ только явленіе само по себѣ, только осязаемую величину и физическую силу; а фантазію, чувство, величіе души едва считаетъ существенными свойствами человѣка. Въ своей оцѣнкѣ онъ обращаетъ

Библиотека "Руниверс"

вниманіе только на достоинства управленія, порядокъ, безопасность и справедливость. У него было неподдѣльное отвращеніе отъ безпокойнаго, невѣдавшаго полиціи греческаго народа; онъ считаетъ заслуживающими внимательнаго изученія китайцевъ, монголовъ и турокъ. Впрочемъ Шлецеръ, не смотря на односторонность своихъ воззрѣній имѣетъ большія заслуги. Онъ принадлежитъ къ числу людей, тѣмъ проложившихъ путь исторической наукѣ нашего времени, что соединилъ взгляды Болинброка и Вольтера съ ученымъ способомъ изложенія нѣмцевъ, и такимъ образомъ, съ критикой имъ свойственной, соединилъ то, чего имъ недоставало: основательное знаніе и ученую изслѣдовательность". Многосторонняя ученость Шлецера дала прочную основу его критикѣ источниковъ, которую онъ раздѣлялъ на низшую и высшую. Первая касается внѣшней достовѣрности текста; а вторая его внутренняго значенія. И ту и другую онъ впервые приложилъ къ русской исторіи. Обратимся теперь къ двумъ наиболѣе важнымъ для насъ его сочиненіямъ: къ „Всеобщей исторіи сѣвера" и „Нестору". „Всеобщая исторія сѣвера" составляетъ одинъ изъ томовъ дополненія къ нѣмецкому переводу „Всеобщей исторіи", составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Книга эта состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, писанныхъ частію самимъ Шлецеромъ, частію заимствованныхъ у другихъ ученыхъ (Шеннига, Ире). Начинается она статьею Шеннига: „О невѣжествѣ древнихъ въ землеописаніи сѣвера". Статью сопровождаютъ примѣчанія Шлецера. Въ примѣръ отношенія Шлецера къ источникамъ можно привести его примѣчаніе, объясняющее почему нельзя вѣрить разсказамъ путешественникамъ; „и въ наше время говоритъ онъ—случается кому-нибудь путешествовать въ земляхъ, гдѣ уже существуютъ и географія и статистика: однако и тамъ бываетъ трудно собрать вѣрныя географическія и статистическія свѣдѣнія и отличить факты дѣйствительные отъ пустыхъ разсказовъ, передаваемыхъ ему за вѣрные; но поставьте себя на мѣсто путешественника древняго, когда не знали или знали очень шатко географію. Большею частью онъ слушалъ и вѣрилъ тому, что слышалъ. Геродотъ самъ былъ въ Скиѳіи и ѣздилъ по многимъ рѣкамъ; но ѣхать по рѣкѣ или описывать ее—двѣ вещи совершенно различныя: онъ видитъ ту часть рѣки, по которой ѣдетъ, но дальше ея источниковъ онѣ не видитъ; такъ что ему приходится вѣрить тому, что ему говорятъ о мѣстѣ истока. Онъ ѣдетъ въ городъ, положимъ для того, чтобы узнать насколько вѣрно сообщенное ему свѣдѣніе объ истокахъ рѣки и съ удивленіемъ узнаетъ, что толпа ничего незнаетъ объ этомъ. Еще во время Клювера спорили объ источникахъ Дуная; Христофоръ Колумбъ былъ самъ въ Америкѣ и тѣмъ не менѣе вѣрилъ, что онъ былъ въ Остъ-Индіи". Также важны замѣчанія о томъ, насколько вредна произвольная этимологія, а также о фантастической этнографіи древнихъ, для которыхъ всѣ народы, кромѣ грековъ, римлянъ, персовъ и др. болѣе имъ извѣстныхъ народовъ,

Библиотека "Руниверс"

принадлежали къ четыремъ племенамъ: скиѳы на сѣверѣ, эѳіопы на югѣ, инды на востокѣ и кельты на западѣ. За этой статьей идетъ статья Шлецера: „Исторія сѣвера во всемъ объемѣ“ (преимущественно о финнахъ и скандинавахъ), исторія Литвы, исторія славянъ, очеркъ христіанскаго сѣвера, очеркъ русскаго сѣвера, о путешествіи скандинавовъ въ Константинополь (статья Ире), о скандинавскихъ письменахъ—рунахъ. Во всемъ этомъ можно многому научиться; но замѣтимъ, что критика Шлецера—критика здраваго смысла, во многомъ уже неудовлетворительна: преданію, миѳу онъ не даетъ никакого значенія—все это басни и для него народное преданіе стоитъ на одной доскѣ съ вымысломъ книжника; развитію идей онъ недаетъ никакой цѣны. Такъ кажется намъ, но иначе было въ то время, когда приходилось указывать на элементарные пріемы, когда нужно было отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, установить послѣдовательность фактовъ.

Тѣ же пріемы прилагаетъ онъ въ своемъ „Несторѣ“, результатѣ 40-лѣтнихъ трудовъ. Эта знаменитая книга состоитъ изъ введенія, гдѣ предлагаются свѣдѣнія о лѣтописяхъ русскихъ, затѣмъ подробно и живо, хотя не безъ значительной доли пристрастія, передается исторія науки исторической въ Россіи. Самое сочиненіе состоитъ изъ текста лѣтописи, раздѣленнаго на мелкіе отрывки (сегменты) и комментарій къ нимъ. Въ изданіи текста Шлецеръ поставилъ себѣ задачей возстановить первоначальный текстъ: такъ какъ до насъ не дошло ни подлинника, ни списка, близкаго по времени къ подлиннику, то цѣль эта могла быть достигнута только сличеніемъ имѣющихся подъ руками списковъ. Съ такого сличенія и началъ Шлецеръ, принимая мелкія отступленія за варіанты, необходимо встрѣчающіяся въ рукописяхъ и отдѣляя всякія встрѣчающіяся въ одномъ или нѣсколькихъ спискахъ извѣстія, считая ихъ въ большинствѣ случаевъ за выдумки книжниковъ. Вопросъ о различныхъ редакціяхъ, имѣвшихъ сверхъ общаго источника весьма вѣроятно и свои отдѣльные, былъ еще не поднятъ. За сличеннымъ текстомъ Шлецеръ помѣщаетъ свой очищенный. Мысль Шлецера легла въ основу плана изданія „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей;“ но уже Бередникову пришлось отказаться отъ мысли; вмѣсто одного текста, онъ призналъ три: древній, средній и новый. Теперь (въ изданіи Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списка) Археографическая Комиссія два раза издала древній текстъ по двумъ редакціямъ и поступила очень хорошо. То, что Шлецеръ считалъ прибавками и даже глупыми баснями, теперь подвергается всестороннимъ изслѣдованіемъ и оказывается важнымъ источникомъ если не для былевой, то для бытовой исторіи. Въ коментаріяхъ своихъ Шлецеръ показалъ большую ученость: онъ принялъ во вниманіе извѣстные ему памятники сосѣднихъ съ Россіею народовъ и тѣмъ много способствовалъ расширенію знаній. Съ этой стороны „Несторъ“ дѣйствительно служитъ хорошею школой; но рядомъ съ

Библиотека "Руниверс"

этимъ онъ внесъ большую смуту въ умы: по его представленію, славяне до прихода варяговъ (по Шлецеру скандинавовъ, т. е. нѣмцевъ) были похожи на американскихъ дикарей; варяги принесли къ нимъ вѣру, законы, гражданственность. Странно, что это повторялъ Погодинъ. Изъ этой мысли вышелъ и Каченовскій, утверждавшій недостовѣрность источниковъ первоначальныхъ временъ на томъ основаніи, что показанія ихъ какъ будто не подходятъ къ такому взгляду. Въ немъ, въ этомъ взглядѣ, главная причина того, почему такъ подозрительно многіе смотрятъ на Шлецера; но пора же понять, что взглядъ этотъ отжилъ и противорѣчитъ не только показаніямъ правильно понятыхъ источниковъ, но и непрерѣкаемымъ свидѣтельствамъ археологіи, а заслуга Шлецера, какъ критика, все таки несомнѣнна и велика.

Въ 1809 г. Шлецеръ умеръ. Послѣдніе годы его жизни были тяжелы: борьба съ товарищами, преимущественно съ Кастнеромъ, преслѣдовавшимъ его своими эпиграммами, борьба за журналъ, отстраненіе подозрѣній въ атеизмѣ, въ политической неблагонадежности (его винили въ оправданіи казни Карла I), наконецъ униженіе Германіи, созданіе Вестфальскаго королевства—все это сильно огорчало Шлецера и только вниманіе русскаго правительства, которое нерѣдко обращалось къ нему съ учеными вопросами: ему принадлежитъ мысль Общества Исторіи; къ нему за совѣтомъ указано было обращаться Карамзину, сынъ его былъ сдѣланъ профессоромъ въ Москвѣ и т. д.

Честный, гордый и непреклонный, Шлецеръ былъ часто тяжелъ въ личныхъ сношеніяхъ и деспотъ въ семьѣ, что признаетъ и сынъ его, ближе сошедшійся съ нимъ только въ послѣдніе годы и проникнутый понятнымъ благоговѣніемъ, написавшій его біографію. Характеристично для Шлецера, что желая доказать способность женщины къ высшему образованію, онъ добился, что дочь его Доротея выдержала экзаменъ на доктора математики.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Библиотека "Руниверс"

ВСТРѢЧА СЪ Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЛѢТОМЪ, вскорѣ послѣ открытія нашей первой желѣзной дороги, возвращался я изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, я встрѣтилъ одного молодого человѣка Ф., котораго видалъ въ университетѣ. Онъ являлся на лекціяхъ въ качествѣ вольнаго слушателя, но не особенно аккуратно, и, кажется, ходилъ больше для того, чтобы въ перемѣну поболтать со студентами и похвастаться какимъ нибудь бархатнымъ жилетомъ или часовой цѣпочкой съ брелоками. Любимой темой его разсказовъ было сообщеніе, съ какими знакомъ онъ актерами, литераторами, художниками; но всѣ мы легко догадывались, что если въ этихъ разсказахъ и была кое-какая правда, то въ весьма небольшой дозѣ. Надъ нимъ нерѣдко подсмѣивались довольно нецеремонно, но онъ этимъ нисколько не смущался. Впослѣдствіи, я встрѣтилъ его какъ-то на улицѣ въ формѣ гусарскаго юнкера, и онъ не замедлилъ отрекомендовать мнѣ, что у него лучшая во всемъ полку лошадь.

На этотъ разъ мы вошли вмѣстѣ въ вагонъ второго класса, и мнѣ поневолѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Ф. На противоположной сторонѣ, наискось отъ насъ помѣстились два господина среднихъ лѣтъ— одинъ не высокаго роста, плотный, съ открытымъ лицемъ и небольшой эспаньелкой, въ довольно поношенномъ пальто; другой худощавый, съ длинными волосами и большимъ тонкимъ носомъ, въ какомъ-то не совсѣмъ модномъ плащѣ съ капишономъ. Лица ихъ показались мнѣ какъ будто знакомыми, хотя я и не могъ придумать, гдѣ и когда видѣлъ ихъ. Господинъ въ пальто курилъ сигару, а товарищъ его молча оглядывалъ сидѣвшихъ въ вагонѣ. Изрѣдка они обмѣнивались короткими фразами, которыхъ я не могъ разслушать не

Библиотека "Руниверс"

столько отъ шума поѣзда, сколько отъ болтовни моего надоѣдливаго сосѣда. Когда онъ сталъ показывать мнѣ перстень съ подозрительнымъ алмазомъ и въ довольно прозрачныхъ выраженіяхъ намекнулъ, что получилъ его отъ извѣстной въ то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства съ нею, наши молчаливые сосѣди переглянулись между собой съ легкой улыбкой. Мнѣ было крайне совѣстно за моего хлыща.

На полдорогѣ къ Петербургу въ нашъ вагонъ вошелъ низенькій смуглый человѣкъ, въ сильно потертомъ черномъ сюртукѣ и совсѣмъ порыжѣлой черной шляпѣ. Онъ быстро оглянулъ пассажировъ, и такъ какъ мы сидѣли ближе другихъ, подошелъ прямо къ намъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, и съ какимъ-то заискивающимъ поклономъ заявилъ, что онъ художникъ, вырѣзываетъ въ три минуты необычайнаго сходства силуэты, по рублю за экземпляръ, и удостоился вниманія многихъ знаменитыхъ людей, поощрившихъ его талантъ. Вычитывая эту рекламу на плохомъ французскомъ языкѣ съ рѣзкимъ итальянскимъ выговоромъ, онъ вынулъ изъ своего бумажника и развернулъ сложенную въ видѣ карточной колоды длинную бѣлую бандероль, на которой наклеены были вырѣзанные изъ черной бумаги профильные силуэты. Сосѣдъ мой принялся ихъ разсматривать, очевидно не столько изъ прямого любопытства, сколько съ желаніемъ показать свое знакомство съ извѣстностями литературнаго и артистическаго круга.

— Это Александръ Сергѣичъ? спросилъ онъ итальянца, показывая на довольно удачно сдѣланный профиль Пушкина.

— Точно такъ, мосьё.

— Съ натуры снято?

— Съ живого, не задолго передъ смертью.

Кажется, на этотъ разъ, какъ говорится, нашла коса на камень, и бродячій артистъ былъ такъ-же беззастѣнчивъ, какъ и мой сосѣдъ.

— А это Василій Андреичъ! продолжалъ Ф. Выраженіе, мнѣ кажется, напоминаетъ Каратыгина въ Гамлетѣ?

— Въ театрѣ, въ уборной снималъ.

— А! И Карлъ Павлычъ Брюлловъ? Очень, очень похожи.

Силуэтистъ на всѣ эти замѣчанія кивалъ утвердительно головой и въ то же время нетерпѣливо пощелкивалъ маленькими ножницами, поглядывая на всѣхъ насъ съ видимымъ желаніемъ и надеждою получить отъ кого-нибудь заказъ. При послѣднемъ замѣчаніи моего сосѣда, господинъ въ плащѣ, который во все это время посматривалъ съ улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся съ своимъ товарищемъ, и обратясь къ Ф., спросилъ:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, часто видалъ, отвѣчалъ тотъ безъ малѣйшаго смущенія.

— Вѣроятно, на его картинѣ „Послѣдній день Помпеи“? И силуэтъ должно быть по ней-же вырѣзанъ! Ну, видите, Брюлловъ пококетни-

Библиотека "Руниверс"

чалъ тамъ, помолодилъ себя и поприкрасилъ, иначе и вы, молодой человѣкъ, и господинъ художникъ давно бы узнали его, когда онъ сидитъ передъ вами собственной особой.

При этихъ словахъ своего кампаньона господинъ съ эспаньелкой приподнялъ шляпу и наклонилъ съ улыбкой голову. Я понялъ, отчего лицо его съ самаго появленія въ вагонѣ показалось мнѣ знакомо: это былъ дѣйствительно К. П. Брюлловъ, котораго впослѣдствіи мнѣ пришлось еще встрѣтить передъ отъѣздомъ его заграницу. Теперь мнѣ любопытно было, кто его товарищъ, такъ забавно обличившій фатовство моего хлыща, и я перебиралъ мысленно извѣстныхъ тогда художниковъ, думая что это должно быть какой-нибудь изъ собратій Брюллова по искусству. Разумѣется, не зная никого лично, я не могъ ни на комъ остановиться.

Въ первый разъ я видѣлъ, что Ф. нѣсколько сконфузился. Между тѣмъ итальянецъ съ заискивающими поклонами просилъ позволенія снять силуэтъ великаго артиста съ натуры, и когда ему это было разрѣшено, онъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ вырѣзалъ изъ черной глянцовитой бумаги очень похожій профиль художника. Брюлловъ похвалилъ его.

— Снимите же и съ моего пріятеля, сказалъ онъ артисту, показывая на своего сосѣда въ плащѣ. А вы, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Ф., такъ интересуетесь знакомствомъ съ извѣстными сколько-нибудь людьми, что безъ сомнѣнія видались съ Николаемъ Васильичемъ Гоголемъ?

При этомъ я догадался, что товарищъ Брюллова былъ именно авторъ „Ревизора“, который возбуждалъ тогда самые оживленные толки въ обществѣ и въ большинствѣ университетской молодежи. Мнѣ показалось только, что лицо его было гораздо красивѣе, чѣмъ на литографированномъ его портретѣ, и въ дѣйствительности на немъ не такъ рѣзко замѣчалось саркастическое выраженіе, какимъ надѣляли его художники.

Хлестаковъ мой понялъ, что Брюлловъ ставитъ ему ловушку, и отвѣчалъ художнику, что къ сожалѣнію не имѣлъ случая встрѣчаться съ Гоголемъ.

— Такъ позвольте рекомендовать его, сказалъ Брюлловъ, показывая на своего сосѣда. Онъ тоже не будетъ конечно жалѣть, что случай доставилъ ему возможность встрѣтить молодого человѣка, который такъ интересуется нашимъ бѣднымъ артистическимъ міромъ и составилъ уже въ немъ столько знакомствъ.

Не знаю, понялъ ли эту насмѣшку Ф. Что касается Гоголя, то онъ повидимому былъ недоволенъ, что художникъ назвалъ его. Можетъ быть, ему хотѣлось остаться неизвѣстнымъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ типъ новаго Хлестакова. Но выдавъ раньше своего товарища, онъ конечно самъ подалъ поводъ и къ своему разоблаченію. Какъ бы то ни было, но онъ нахмурился, и когда итальянецъ

Библиотека "Руниверс"

обратился къ нему съ предложеніемъ снять съ него силуэтъ, онъ рѣшительно отказалъ. Силуэтистъ нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, потомъ поклонился и быстро перешелъ въ другой вагонъ. Минутъ черезъ десять послѣ этого поѣздъ остановился у петербургскаго дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но Ф. не отставалъ отъ меня и принялся увѣрять, что съ перваго взгляда угадалъ, кто они. Когда мы съ платформы вошли въ залу, нашъ артистъ итальянецъ остановилъ насъ, и показывая ненаклеенные еще на бумагу и очевидно только-что вырѣзанные съ замѣчательнымъ сходствомъ силуэты Брюллова и Гоголя, обратился къ Ф. съ предложеніемъ, неугодно-ли ему заказать копіи съ нихъ.

— Когда же вы успѣли сдѣлать портреты? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Сейчасъ, въ другомъ вагонѣ.

— Заочно?

— О, это мой талантъ... я могу черезъ годъ снять, кого хорошо видѣлъ.

Конечно итальянецъ прибавлялъ и рисовался, но я жалѣю, что не познакомился тогда съ этимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ человѣкомъ. Разумѣется, Ф. поспѣшилъ пріобрѣсть тутъ же вырѣзанные силуэты, которые давали ему прекрасный случай говорить о знакомствѣ съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ и Карломъ Павловичемъ Брюлловымъ, о чемъ онъ и не преминулъ распространиться, какъ только явился въ университетъ.

Такимъ образомъ, благодаря фатовству Ф., мнѣ удалось хотя одинъ разъ видѣть и хорошо всмотрѣться въ Гоголя.

А. Милюковъ.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ БЕЗЪ ЭТИКЕТА.

Изъ чужеземныхъ правительственныхъ знаменитостей я видѣлъ покойнаго Наполеона III на открытіи бульвара въ Парижѣ, князя Бисмарка на водахъ, Макъ-Магона на разводѣ и нынѣшняго австрійскаго императора Франца-Іосифа за кружкою пива.

Самое памятное впечатлѣніе произвелъ на меня Францъ-Іосифъ, хотя онъ при этомъ капитально поссорилъ между собою двухъ моихъ соотечественницъ.

Это стоитъ того, чтобы разсказать.

Я былъ за границею три раза, изъ которыхъ два раза проѣзжалъ „столбовою" русскою дорогою, прямо изъ Петербурга въ Парижъ, а въ третій, по обстоятельствамъ, сдѣлалъ крюкъ и заѣхалъ въ Вѣну. Кстати я хотѣлъ навѣстить здѣсь одну достойную почтенія русскую даму.

Это было въ концѣ мая, или въ началѣ іюня. Поѣздъ, съ которымъ я ѣхалъ, привезъ меня въ Вѣну около четырехъ часовъ пополудни. Квартиры мнѣ для себя не пришлось отыскивать, въ Кіевѣ снабдили меня рекомендаціею, избавлявшею отъ всякихъ хлопотъ. Я какъ пріѣхалъ, такъ сейчасъ же и устроился, а черезъ часъ уже привелъ себя въ порядокъ и пошелъ къ моей соотечественницѣ.

Въ этотъ часъ Вѣна тоже сдѣлала свой тоалетъ: надъ нею прошелъ сильный, лѣтній дождикъ и потомъ вдругъ на совершенно голубомъ небѣ засверкало лучистое солнце. Красивый городъ, умывшись, смотрѣлъ еще красивѣе.

Улицы, которыми велъ меня проводникъ, всѣ казались очень изящными, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Леопольдштату

Библиотека "Руниверс"

изящество ихъ становилось еще замѣтнѣе. Зданія были больше, сильнѣе и величественнѣе. У одного изъ такихъ проводникъ остановился и сказалъ, что это тотъ отель, который мнѣ нужно.

Мы вошли чрезъ величественную арку въ обширный залъ, расписанный въ помпейскомъ вкусѣ. На право и на лѣво у этого зала были тяжелыя двери изъ темнаго дуба; противоположная стѣна роскошно драпирована красноватымъ сукномъ. Посерединѣ залы стояла коляска, запряженная парою живыхъ лошадей и на козлахъ сидѣлъ кучеръ.

Этотъ великолѣпный залъ по просту есть ни что иное, какъ „ворота". Мы были подъ такими воротами, какихъ я еще не видалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ.

Вправо находилось помѣщеніе швейцара. Оно тоже замѣчательно, замѣчателенъ и самъ великолѣпный швейцаръ съ камергерской фигурой: онъ сидѣлъ тутъ какъ золотистый жукъ въ витринѣ изъ громадной величины зеркальныхъ стеколъ. Ему все вокругъ было видно; а возлѣ него для важности, или для какого другаго удобства стояли три ассистента и всѣ съ аксельбантами. Если бы представилась надобность кого нибудь не пропустить или вывести, такой швейцаръ самъ, конечно, рукъ бы объ это непачкалъ.

На мой вопросъ: „здѣсь ли моя знакомая" одинъ изъ ассистентовъ отвѣчалъ: „здѣсь", а когда я спросилъ: „могу ли я ее видѣть?" ассистентъ доложилъ швейцару, а тотъ повелъ дипломатически бровью и самъ объяснилъ мнѣ:

— Собственно говоря я не думаю, чтобы княгинѣ теперь было удобно принять васъ,—ей поданы лошади и ея сіятельство сейчасъ уѣзжаетъ кататься. Но если вамъ очень нужно...

— Да, перебилъ я: мнѣ очень нужно.

— Въ такомъ случаѣ я прошу у васъ минуту терпѣнія.

Было ясно, что я имѣю дѣло съ настоящимъ дипломатомъ и о минутѣ терпѣнія споръ былъ неумѣстенъ.

Мы взаимно другъ другу поклонились.

Швейцаръ пожалъ электрическую пуговку въ столѣ, передъ которымъ помѣщалось его папское кресло съ высокою готическою спинкою и, приложивъ ухо къ трубкѣ, черезъ секунду объяснилъ мнѣ:

— Княгиня уже сходитъ съ лѣстницы.

Я остался ее ждать.

Черезъ минуту моя знакомая показалась на бѣлыхъ мраморныхъ сходахъ, въ сопровожденіи давно мнѣ извѣстной ея пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль въ этомъ маленькомъ разсказѣ.

Княгиня встрѣтила меня съ отличающею ее всегдашнею милою привѣтливостью и сказавъ, что она сейчасъ ѣдетъ сдѣлать свою послѣобѣденную прогулку, пригласила меня прокатиться вмѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Она хотѣла показать мнѣ Пратеръ. Я ничего не имѣлъ противъ этого и мы поѣхали: я рядомъ съ княгинею на заднемъ сидѣньи, а напротивъ насъ Анна Фетисовна.

Въ противорѣчіе тѣмъ, кто утверждаетъ, что заграницею всѣ ѣздятъ гораздо тише, чѣмъ въ Россіи, мы понеслись по вѣнскимъ улицамъ очень шибко. Кони были рѣзвые и горячіе, кучеръ—мастеръ своего дѣла. Вѣнцы въ парной, дышловой упряжи правятъ такъ же красиво и ловко, какъ поляки. Наши кучера такъ ѣздить не умѣютъ. Они очень грузны, нѣтъ въ нихъ той „элаваціи", которая потребна къ дышлу, и которой такъ много въ кракусѣ и въ вѣнцѣ.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ мы были уже въ Пратерѣ.

Я не буду дѣлать ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы описывать этотъ паркъ, но скажу только то, что необходимо для надлежащаго освѣщенія предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часовъ вечера, и тотчасъ послѣ сильнаго дождя. Свѣжая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравій на дорожкахъ казался коричневымъ; на листьяхъ деревьевъ сверкали чистыя капли.

Было порядочно сыро и я не знаю: эта ли сырость или нѣсколько ранній часъ были причиною, что всѣ лучшія аллеи парка, по которымъ мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встрѣтили какого-то садовника въ курткѣ съ граблями и лопаткой за плечами, и болѣе ни кого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что кромѣ этой, такъ сказать, бѣловой части парка есть еще черновая, называемая Kalbs-Prater или „телячій паркъ", мѣсто гулянья вѣнской черни.

— Это, говорятъ, будто бы интересно, сказала княгиня и тотчасъ же велѣла кучеру ѣхать въ Kalbs-Prater.

Тотъ взялъ влѣво, крикнулъ свое гортанное „йо", щелкнулъ бичемъ и подъ нами точно стала осѣдать почва, мы куда-то какъ будто спускались, мы падали, какъ будто роняли себя въ нисшую сферу.

Ситуація прекрасно гармонировала съ общественностью.

Картина быстро мѣнялась: аллеи становились уже и были менѣе чисто содержаны; на пескѣ и по окраинамъ куртинъ кое-гдѣ мелькали обрывки бумажекъ. За то начали встрѣчаться люди, все пѣшеходы, сначала продавцы извѣстныхъ вѣнскихъ колбасиковъ, потомъ публика. Нѣкоторые плелись съ дѣтьми. Здѣшняя публика очевидно сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бѣдный когда женится, ему ночь коротка, еще кратче часъ отдыха у такихъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, какъ южные нѣмцы, у которыхъ однако потребность въ удовольствіи велика почти такъ же, какъ у французовъ.

Библиотека "Руниверс"

На встрѣчу намъ не было никакого движенія, — мы всѣхъ обгоняли. Очевидно, цѣль стремленія у всѣхъ была впереди, она была тамъ, куда и мы поспѣшали и откуда теперь минута отъ минуты слышнѣе стали долетать какіе-то звуки. Странные звуки, точно жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣской. Но вотъ сквозь вершины деревьевъ мелькнулъ высокій фронтонъ большого деревяннаго зданія; коляска взяла опять влѣво и вдругъ остановилась. Мы были на перекресткѣ двухъ дорожекъ. Передъ нами открылась довольно большая лужайка, на которой по ту сторону стоялъ большой деревянный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ, а передъ нимъ на травѣ тянулись длинные столы и за ними сидѣло множество всякаго народа. Передъ каждымъ гостемъ стояла его кружка пива, а на открытой галлереѣ играли четыре музыканта и вѣялись въ пляскѣ венгерецъ съ венгеркой. Вотъ откуда неслись тѣ музыкальные звуки, которые издали напоминали жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣскою. Жужжаніе это слышно и теперь, когда въ звукахъ уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нервъ и разливающееся вокругъ со стономъ съ звономъ, съ подзадоромъ.

— Это танцуютъ чардашъ: я вамъ совѣтую обратить на нихъ вниманіе, проговорила княгиня. Вы это не часто встрѣтите: чардашъ никто не съумѣетъ такъ исполнить, какъ венгерцы. Кучеръ, подъѣзжайте ближе.

Кучеръ тронулъ впередъ, но едва лошади переступили два шага, онъ остановилъ ихъ снова.

Мы конечно подвинулись, но все таки стояли еще слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть танцоровъ, а потому княгиня еще разъ сказала кучеру, подъѣхать ближе. Онъ, однако, казалось, не слыхалъ этого повторенія, но за то, когда княгиня сказала ему тоже самое втретьи, кучеръ не только тронулъ возжи, но звонко хлопнулъ бичемъ и сразу выдвинулъ экипажъ на саму середину лужайки.

Теперь мы все могли видѣть въ подробностяхъ и сами были на виду у всѣхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ сидѣвшихъ за столами при щелкѣ бича оглянулись, но сейчасъ же опять обратились къ танцорамъ и только со ступеней нижней террасы на насъ смотрѣлъ одинъ толстый кельнеръ; онъ какъ будто ожидалъ какого-то надлежащаго момента, когда между имъ и нами долженъ произойти обмѣнъ соотвѣтствующихъ взаимныхъ сношеній.

Я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнить совѣтъ моей дамы и хотѣлъ глядѣть на чардашъ, не сводя глазъ, но случайное обстоятельство привлекло мое вниманіе къ другому.

Едва мы остановились, какъ кучеръ слегка полуоборотился къ экипажу и сказалъ:

— Kaiser!

— Wo ist der Kaiser?

Библиотека "Руниверс"

Кучеръ вмѣсто отвѣта повелъ оттопыреннымъ мизинцемъ въ лѣвую сторону, къ противоположному концу поляны, гдѣ при такомъ же перекресткѣ, какъ тотъ, съ котораго мы выѣхали, теперь виднѣлись двѣ конскія головы свѣтло-буланой, золотистой масти.

Видны были только двѣ эти прекрасныя головы въ наборныхъ уздечкахъ съ бирюзовыми пукальками, а самый экипажъ оставался за густою зеленью куртины. Императоръ остановился на такомъ разстояніи, на какомъ сначала хотѣлъ удержать насъ нашъ кучеръ.

— Это, подумалъ я себѣ, въ самомъ дѣлѣ очень деликатно, но за то онъ оттуда ничего хорошо не увидитъ, да и на себя не даетъ намъ полюбоваться. А это досадно.

Только не нужно было досадовать: въ эту самую минуту, глядя по направленію, гдѣ стояли лошади, я безъ всякаго затрудненія увидалъ высокаго, немножко сутуловатаго, но браваго мужчину, въ синей австрійской курткѣ и въ простомъ военномъ кепи.

Это и былъ его апостолическое величество, старшій членъ дома Габсбурговъ, нынѣшній императоръ Францъ-Іосифъ. Онъ былъ совершенно одинъ и шелъ прямо къ расположеннымъ на лужайкѣ столамъ, за которыми сидѣли вѣнскіе сапожники. Императоръ подошелъ и у перваго стола сѣлъ на скамейку съ краю, рядомъ съ высокимъ работникомъ въ свѣтло-сѣрой блузѣ, а толстый кельнеръ въ ту же самую секунду положилъ передъ нимъ на столъ черный войлочный кружочекъ и поставилъ на него мастерски вспѣненную кружку пива.

Францъ-Іосифъ взялъ кружку въ руки, но не пилъ; пока длился танецъ, онъ все держалъ ее въ рукѣ, а когда чардашъ былъ оконченъ, императоръ молча протянулъ свою кружку къ сосѣду. Тотъ сразу понялъ, что ему надо сдѣлать: онъ чокнулся съ государемъ и сейчасъ же, оборотясь къ другому сосѣду, передачею чокнулся съ нимъ. Съ этимъ вразъ сколько здѣсь было людей всѣ встали, всѣ чокнулись другъ съ другомъ и на всю поляну дохнуло общее, дружное „Hoch!“ Это „hoch“, здѣсь кричатъ не особенно громко и раскатисто, а такъ, какъ будто хорошо дохнутъ отъ сердца.

Императоръ осушилъ свою кружку за единый вздохъ, поклонился и ушелъ.

Буланые кони умчали его назадъ тою же дорогою, по которой вслѣдъ за нимъ уѣхали и мы. Но съ нами теперь ѣхала значительная сила произведеннаго этимъ случаемъ впечатлѣнія и вся она мѣстилась главнымъ образомъ въ Аннѣ Фетисовнѣ. Дѣвушка къ немалому нашему удивленію плакала!.. Она сидѣла передъ нами, закрывъ глаза бѣлымъ носовымъ платочкомъ и прижимала его руками.

— Анна Фетисовна! что съ вами? отнеслась къ ней съ доброй и ласковой шуткой княгиня. О чемъ вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

— Это ничего.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? Дѣвушка глубоко вздохнула и отвѣчала: ихняя простота очень трогательна.

Княгиня подмигнула мнѣ и, шутя, сказала:

—Toujours servile! C'est ainsi que l'on arrive aux cieux.

Но шутка какъ-то не бралась за сердце. Волненіе Анны Фетисовны давало иной смыслъ этому пустому случаю.

Мы возвратились въ отель и застали здѣсь еще одного гостя. Это былъ австрійскій баронъ, который собирался въ Россію и учился по русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна намъ прислуживала. Гововорили о многомъ: о Россіи, о петербургскихъ знакомыхъ, о курсѣ нашихъ денегъ и наконецъ о нашей сегоднишней встрѣчѣ съ Францомъ-Іосифомъ.

Весь разговоръ шелъ по-русски, такъ что Анна Фетисовна должна была все отъ слова до слова слышать.

Княгиня разсказывала мнѣ не совсѣмъ „легальныя" вещи изъ придворныхъ буколикъ и политическихъ рапсодій. Баронъ улыбался.

Всего этого я не имѣю нужды вспоминать, но одно считаю умѣстнымъ замѣтить, что многіе черты характера императора, собесѣдница моя старалась мнѣ истолковать въ смыслѣ исканія популярности.

Этотъ трактатъ о популярности или вѣрнѣе сказать о популярничаньи, былъ развитъ съ особою подробностію и съ примѣрами, въ числѣ коихъ опять выпрыгнула сегоднишняя кружка пива. И, моя вина если я ошибаюсь, мнѣ казалось, что все это дѣлалось гораздо менѣе для насъ, чѣмъ для Анны Фетисовны, которая во все это время то входила, то выходила, подавая что нибудь нужное своей госпожѣ.

Это былъ какой-то женскій капризъ, который увлекъ мою соотечественницу до того, что она перешла отъ императора къ народу или къ народамъ, къ австрійцамъ и къ намъ. Ей даже нравилось какъ „вѣнскіе сапожники" держали себя „съ достоинствомъ", и затѣмъ она быстро переносилась на родину, къ нашимъ русскимъ людямъ, къ ихъ пирамъ и забавамъ, къ зелену-вину, и опять къ слезамъ и разстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по французски, но баронъ все-таки только продолжалъ улыбаться.

— Мы еще спросимъ у моей почтенной Жанны ея мнѣнія, сказала княгиня и когда дѣвушка пришла за чашкою, хозяйка сказала:

— Анна Фетисовна, вамъ вѣдь сегодня очень понравился здѣшній король?

— Да-съ, очень понравился, скоро отвѣчала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мнѣ: „она злится" и продолжала вслухъ:

— А какъ вы думаете, если бы онъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву подъ качели?

Дѣвушка молчала.

Библиотека "Руниверс"

— Вы не хотите съ нами говорить?

— Для чего-же ему къ намъ въ Москву пріѣзжать?

— Ну, а если-бы пріѣхалъ? Какъ вы думаете: присѣлъ-ли бы онъ къ нашимъ мужичкамъ?

— Зачѣмъ же ему къ нашимъ присѣдать, когда у него свои есть, отвѣчала Анна Фетисовна и поспѣшно ушла съ пустою чашкою въ свою комнату.

— Она положительно злится, сказала по французски княгиня и добавила, что Анна Фетисовна ужасная патріотка и страдаетъ страстію къ обобщеніямъ.

Баронъ все улыбался и скоро ушелъ. Я ушелъ часомъ позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна со свѣчею въ рукѣ пошла проводить меня по незнакомымъ переходамъ отеля до лѣстницы и неожиданно сказала:

— И вы, сударь, согласны съ тѣмъ, что наша природа всѣ безъ достоинства?

— Нѣтъ, говорю, не согласенъ.

— А зачѣмъ же вы ничего не сказали.

— На, что напрасно спорить.

— Ахъ нѣтъ, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужомъ баронѣ... Для чего о своихъ такъ обидно! Будто намъ что дурное, а не хорошее нравится.

Мнѣ стало ее жалко, да передъ нею и совѣстно.

Заграничное мое странствованіе продолжалось не долго. Осенью я уже былъ въ Петербургѣ и однажды въ одномъ изъ переходовъ гостинаго двора неожиданно встрѣчаю Анну Фетисовну съ корзинкою гаруснаго вязанья.

Поздоровались и я ее спрашиваю о княгинѣ, а Анна Фетисовна отвѣчаетъ:

— Я о княгинѣ, сударь, ничего не знаю, мы съ нею разстались.

— Неужели тамъ, за границею?

— Да, я одна вернулась.

Зная ихъ долголѣтнюю свычку, почти можно сказать дружбу, я выразилъ непритворное удивленіе и спросилъ: изъ за чего же вы разстались?

— Вы эту причину знаете: при васъ было...

— Неужли изъ-за австрійскаго императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потомъ вдругъ отрѣзала:

— Что мнѣ до ихъ короля? Онъ вѣжливый, въ томъ ему и почесть, а мнѣ за княгиню больно стало.

— Да что же тутъ касалось княгини?

— А то, что онъ король, да умѣлъ какъ сдѣлать, всталъ да сѣлъ со всѣми заровно, а мы какъ статуи въ коляскѣ на показъ сидѣли. Всѣ насъ и осмѣяли.

Библиотека "Руниверс"

— Я, говорю, не видалъ чтобы тамъ надъ нами смѣялись.

— Нѣтъ-съ, не тамъ, а въ гостинницѣ—и швейцаръ и всѣ люди.

— Что же они вамъ говорили?

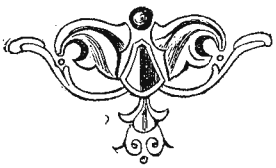
— Ничего не говорили, потому что я по ихнему не понимаю, а я въ глазахъ ихъ видѣла какъ не уважаютъ нашу необразованность.

— Ну-съ,—только и всего?

— Да... что же... когда точно Господь смѣсилъ намъ языки, и не стали мы ни въ чомъ понимать другъ друга... Во всѣхъ нашихъ мѣсляхъ стало несогласно, я и отпросилась сюда, къ своей сѣрости.

Въ этой „природѣ", чувствовалось какое-то достоинство, съ которымъ ей впрочемъ и сподручно торговать вязанными чулками въ проходахъ.

Николай Лѣсковъ.



Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. П. ЕРМОЛОВѢ.

ВСТУПАЛЪ въ жизнь при условіяхъ весьма благопріятныхъ: наслѣдственное достояніе, съ избыткомъ обезпечивающее мою будущность, счастливая внѣшность и приличное воспитаніе, дѣлали для меня доступными лучшія сферы общества. Будущее рисовалось мнѣ въ то время еще лучше настоящаго. Въ 1852 году, восемнадцатилѣтнимъ юношею, я, по совѣту моего отца, переѣхавшаго тогда на жительство изъ деревни въ Москву, отправился къ А. П. Ермолову, жившему въ собственномъ домѣ на Пречистенкѣ, близъ пожарнаго депо. Сердце мое сильно билось пока швейцаръ отворялъ дверь; смущенный вступилъ я въ швейцарскую и робко спросилъ: принимаетъ-ли генералъ?—„Генералъ сегодня не принимаетъ, отвѣчалъ швейцаръ,—не угодно ли вамъ записать вашу фамилію и пожаловать въ другой разъ". Я росписался и, спустя два дня, съ неменьшимъ волненіемъ входилъ въ подъѣздъ ермоловскаго дома. Знаменитая личность Алексѣя Петровича, котораго я до того никогда не видалъ, представлялась мнѣ грозной и недоступной. Однако настоятельный совѣтъ моего отца придавалъ мнѣ бодрость для предстоящаго свиданія. Швейцаръ встрѣтилъ меня вопросомъ: „Не родственникъ ли вы сослуживцу генерала, полковнику Фигнеру?" [1]). На мой отвѣтъ, что я его родной племянникъ, швейцаръ сказалъ: „Генералъ приказалъ васъ просить—пожалуйте".

Швейцаръ провелъ меня по лѣстницѣ во второй этажъ и отворивъ вторую дверь въ корридорѣ, громко произнесъ мою фамилію. Я очутился въ кабинетѣ Ермолова.

Кабинетъ представлялъ продолговатую комнату, оклеенную зелеными обоями, съ однимъ итальянскимъ окномъ, къ которому примы-

---

[1]) Полковникъ гвардейской артиллеріи флигель-адъютантъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ, партизанъ 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

калъ письменный столъ. У лѣвой стороны стола въ большомъ кругломъ креслѣ, сидѣла какая-то огромная масса, съ шапкою бѣлыхъ волосъ на головѣ. Таково было первое впечатлѣніе произведенное на меня Ермоловымъ. Остановившись въ дверяхъ я почтительно поклонился.

— Здравствуй любезный Фигнеръ, подойди, братъ, ко мнѣ ближе.

Я подошелъ.

— Дай же братъ свою руку,—и онъ протянулъ свою огромную руку, крѣпко сжалъ мою и нѣсколько времени не выпускалъ ее, вглядываясь въ меня.

— Какъ же твое имя?

Я сказалъ.

— Твой дядя, Александръ Самойловичъ, былъ мнѣ сыномъ; я очень радъ съ тобою познакомиться. Садись любезный Аполлонъ.

Смущеніе мое исчезло. Я сѣлъ на кресло, стоявшее у противоположной стороны стола и передо мною вырисовался весь гигантскій бюстъ Алексѣя Петровича. Бакенбарды его сливались съ головными волосами и какъ бы служили продолженіемъ ихъ, а на лбу выдѣлялся чубъ. Среди этой массы совершенно бѣлыхъ волосъ, рѣзко очерчивались подъ носомъ, короткіе темно-каштановые усы. Нижняя губа полуотвисла, а ротъ почти постоянно былъ немного открытъ. Изъ-подъ нависшихъ бровей мелькали небольшіе, сѣрые, проницательные глаза. На Ермоловѣ было темно-сѣрое суконное пальто, пикейный жилетъ, поверхъ котораго виднѣлась черная ленточка, на которой висѣлъ ключъ отъ его шкатулки, какъ я впослѣдствіи узналъ.

— Да, да, произнесъ добродушно Алексѣй Петровичъ, дядя твой былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ—отъ него у меня не было секретовъ. Онъ часто спалъ со мной въ одной палаткѣ на бивакахъ. Бывало наведетъ въ мою ставку какую-то разноцвѣтную шайку и мнѣ часто приходилось слышать, что штабъ мой иногда бываетъ похожъ на вертепъ разбойниковъ.

Затѣмъ онъ сталъ меня разспрашивать объ отцѣ моемъ, о томъ, что я намѣренъ съ собою дѣлать?

Я отвѣтилъ, что отецъ мой, по болѣзни, не въ состояніи былъ самъ къ нему явиться и послалъ меня просить покровительства и совѣта для поступленія на службу.

— Любезный другъ, сказалъ А. П. ты очень заблуждаешься, если думаешь, что моя протекція много значитъ. Я теперь никому не нужный человѣкъ, и если-бы мнѣ что нибудь понадобилось, я долженъ бы самъ просить и кланяться. Люди тогда только охотно исполняютъ просьбы, когда сами расчитываютъ на какую либо выгоду. Въ моемъ положеніи я уже не могу никому быть полезнымъ. Есть у меня еще кое-какіе пріятели, съ которыми я безъ церемоніи — напр. Михайло Семеновичъ Воронцовъ, которого я иначе не называю, какъ братъ Михайло. Если бы ты пожелалъ служить по военному вѣдомству, онъ бы могъ быть весьма полезенъ, а по гражданскому я право не

Библиотека "Руниверс"

знаю. Развѣ Закревскій: я полагаю, что онъ самъ знавалъ твоего дядю. Я пожалуй напишу записочку.

Я поблагодарилъ А. П. и всталъ чтобы откланяться. Онъ снова взялъ меня за руку, и сказалъ чтобы я посѣщалъ его во всякое время.

Такимъ образомъ установилось мое знакомство съ А. П. продолжавшееся до самой его кончины въ 1861 году.

Въ слѣдующій мой приходъ къ А. П., онъ мнѣ передалъ записку, для врученія сыну его Северу Алексѣевичу, служившему при графѣ Закревскомъ адъютантомъ. Съ этою запискою я отправился въ пріемную графа. Здѣсь я нашелъ сборище самыхъ разнообразныхъ мундировъ и спросилъ Ермолова. Ко мнѣ подошелъ молодой адъютантъ, привѣтливо взялъ отъ меня записку его отца и тотчасъ направился въ кабинетъ графа. Черезъ нѣсколько времени графъ вышелъ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ о здоровьѣ отца моего и велѣлъ подать прошеніе. Таковъ былъ несложный процессъ опредѣленія моего на службу. Съ тѣхъ поръ я сталъ бывать часто у Ермолова.

Въ началѣ знакомства моего съ А. П. ему было 76 лѣтъ. Тѣ, которые его знали лично ранѣе, въ иную эпоху его жизни, быть можетъ составили иное понятіе о его личности. Въ послѣдній старческій періодъ жизни А. П., за время моего частаго посѣщенія его, онъ представлялся, въ моемъ юномъ воображеніи, окруженнымъ какимъ-то особымъ величіемъ. Добродушная простота, величавая скромность и всегдашняя безукоризненная вѣжливость, доставили ему ту не обыкновенную популярность и можно сказать поклоненіе въ русской арміи, которыми такъ рѣдко пользуются извѣстные военачальники.

— Любезный Аполлонъ, говаривалъ мнѣ А. П., вѣжливость есть самая дешевая монета, но всегда въ хорошемъ курсѣ. Я поставилъ себѣ за правило, никогда не отдавать поклонъ сидя. Я всегда, передъ каждымъ прапорщикомъ вставалъ.

Личность Ермолова, какъ военоначальника и какъ государственнаго администратора, управлявшаго долгое время огромнымъ своеобразнымъ краемъ, принадлежитъ исторіи и достаточно обрисована; но каждая историческая личность, кромѣ своего офиціальнаго образа, представляетъ еще другую оборотную сторону:—образъ человѣка, въ его домашнемъ, интимномъ быту. Имѣвъ счастіе пользоваться особою благосклонностью и гостепріимствомъ А. П. въ его домѣ, я рѣшаюсь попробовать обрисовать короткими штрихами его почтенную личность. Снисходительность А. П. къ моей юности, недостатку опытности, и его отеческое обращеніе со мною, производили на меня, быть можетъ, обаятельное впечатлѣніе—и я могъ относиться къ нему пристрастно, но память о немъ для меня драгоцѣнна. Это глубокое уваженіе къ памяти А. П. и руководило мною при составленіи настоящихъ „Воспоминаній“. Приводя черты его характера и нѣкоторыя бѣсѣды со мною, я сообщаю только то, что вѣрно сохранилось въ моей памяти. Это могутъ засвидѣтельствовать сыновья А. П. находящіеся еще на службѣ.

Библиотека "Руниверс"

Я часто обѣдалъ вдвоемъ съ А. П. и намъ во время стола, служили его люди, имена которыхъ я и теперь припоминаю: Иванъ Прокофьевъ, Иванъ Филиповъ, Никита Филипповъ и Максимъ Максимовичъ, постоянный деньщикъ, мэтръ-д'отель и управляющій, А. П., 40 лѣтъ служившій при немъ и нянчившій его дѣтей. Я привожу имена ихъ потому, что всякій разъ, по окончаніи обѣда, вставъ и перекрестившись, А. П. отдавалъ каждому изъ присутствовавшихъ людей по поклону, называя по имени и благодаря за услугу. Обѣдъ его былъ самый простой: передъ обѣдомъ подавалась рюмка водки и не измѣнныя кильки; затѣмъ какой нибудь бульонъ съ гренками, или супъ съ кореньями; второе блюдо — подгорѣлая котлета или пережареная тетерка; затѣмъ для меня собственно что нибудь сладкое. Бутылка кахетинскаго, постоянно находилась на столѣ, потому что А. П. получалъ это вино бочьками, въ подарокъ отъ своихъ кавказкихъ друзей. Самъ А. П. довольствовался всегда двумя блюдами и какъ бы плохо ни были приготовлены они, никогда не заявлялъ не удовольствія. Поваръ его былъ почти постоянно пьянъ и очень хорошо зналъ, что получитъ одинаковую благодарность какъ за хорошій, такъ и за дурной обѣдъ. А. П. говорилъ мнѣ, что если бы ему подали жареную ворону или кошку, для него это было бы безразлично. Чувства брезгливости онъ не зналъ и разсказывалъ, что ему долго было не знакомо чувство обонянія; только на 50-мъ году своей жизни онъ почувствовалъ запахъ цвѣтовъ.

Обыкновенно А. П. сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ кругломъ старинномъ креслѣ, обитомъ сафьяномъ. На столѣ, подъ рукой у него, находился носовой платокъ и табакерка. Памятна для меня бронзовая фигурка Наполеона I, и таковой же колокольчикъ, съ изображеніемъ грушевидной головы Луи-Филиппа. Въ двухъ углахъ кабинета стояли мраморные бюсты: императора Александра Павловича и императрицы Елисаветы Алексѣевны; по стѣнамъ нѣсколько картинъ и гравюръ, изображавшихъ наполеоновскія битвы; особенно памятна мнѣ картина „Переходъ наполеоновскихъ войскъ черезъ Нѣманъ". Въ одномъ углу кабинета была собачья постель, на которой покоилась толстая, старая собака, ублюдокъ породы бульдоговъ, по прозванію Бирка, пользовавшаяся, особеннымъ расположеніемъ и заботливостью Алексѣя Петровича.

Въ послѣдніе годы жизни А. П., его управляющимъ и компаньономъ досуговъ былъ Максимъ Максимовичъ, котораго А. П. называлъ „Мемекою". Я однажды полюбопытствовалъ узнать этимологію слова „Мемеки", не фамилія ли это? Тогда самъ А. П. объяснилъ, что Максимовичъ нянчилъ его сыновей и маленькіе дѣти, не умѣя выговаривать Максимычь, называли его Мемекою; съ тѣхъ поръ за нимъ и осталась эта кличка. Приходя иногда къ А. П. въ послѣобѣденное время я часто заставалъ Мемеку сидящимъ въ креслѣ по другую сторону стола, противъ А. П. Оба они, склонивши головы, по-

Библиотека "Руниверс"

гружены были въ дремоту. Такова была патріархальная простота обращенія съ приближенными бывшаго главнокомандующаго кавказскими войсками, отличавшагося постоянно въ пылу сраженій необыкновеннымъ героизмомъ и самообладаніемъ. Часто бесѣдовалъ я и съ Максимычемъ, и разумѣется предметомъ нашихъ разговоровъ былъ А. П. и его служба на Кавказѣ. Между прочимъ, помню разсказъ Максимыча, какъ А. П. находясь въ крѣпости Грозной, въ красной рубахѣ, засучивъ рукава, игралъ съ солдатами въ свайку и такія засаживалъ „рѣдьки", что играющимъ не подъ силу было ихъ вытаскивать.

Изъ сыновей А. П. Северъ Алексѣевичъ, женатый на Чертковой, жилъ постоянно въ Москвѣ. Другіе два — Викторъ и Клавдій Алексѣевичи, большею частью отсутствовали. Младшій, Николай, учился въ то время въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

Въ числѣ немногочисленныхъ частыхъ посѣтителей Ермолова, въ описываемый періодъ времени, мнѣ памятнѣе болѣе другихъ его бывшіе адъютанты: И. М. Муромцовъ, котораго А. П. называлъ адъютантъ стрѣла, по необыкновенной быстротѣ и живости, за время его службы и Н. Н. Воейковъ. Кромѣ того, Я. М. Шимановскій, служившій при А. П. на Кавказѣ, гражданскимъ чиновникомъ; зять бывшаго главнокомандующаго на Кавказѣ барона Розена, кн. Дадьянъ, сенаторы: бар. Х. Х. Ховенъ и П. К. Мердеръ, товарищъ отцу моему по кадетскому корпусу, сыновья Дениса Васильевича Давыдова двоюроднаго брата Алексѣя Петровича: Василій Денисовичъ, женатый на Ивинской, отличавшійся необыкновенно крикливымъ голосомъ, Денисъ Денисьевичъ замѣчательный напротивъ сдавленнымъ и хриплымъ голосомъ, и задушевный пріятель А. П. Иванъ Семеновичъ Храповицкій— бывшій петербургскій губернаторъ, носившій вслѣдствіе болѣзни просторное пальто и плисовые сапоги. Пріятная улыбка Ивана Семеновича и постоянно веселое настроеніе, были чрезвычайно привлекательны. Достаточно было появленія Ивана Семеновича въ тѣсномъ кружкѣ А. П. чтобы оживить старика и возбудить въ немъ веселость. Иванъ Семеновичъ имѣлъ всегда въ запасѣ интересные анекдоты и мастерски ихъ расказывалъ. Онъ былъ старшиною англійскаго клуба и всѣми уважаемый его членъ. Иванъ Семеновичъ любилъ, чтобы его посѣщали, но не иначе какъ къ обѣду.

Я подмѣтилъ въ А. П. одну черту его духовной природы, которой не подозрѣвалъ и которую не многіе можетъ быть замѣчали; эта черта—склонность къ поэзіи.

Я часто читалъ А. П. разныя книги и замѣтилъ, что онъ съ особымъ удовольствіемъ слушаетъ хорошіе стихи. Когда стихи дѣйствительно дышали вдохновеніемъ—онъ замѣтно оживлялся и заставлялъ меня по нѣсколько разъ повторять тѣ мѣста, которыя ему нравились. Когда ему попадались безъ меня хорошіе стихи—то онъ ихъ откладывалъ до моего прихода и просилъ прочитать ихъ ему.

— Вотъ, говорилъ онъ мнѣ однажды, графиня Ростопчина напи-

Библиотека "Руниверс"

сала мнѣ стихи и сама же написала отвѣтъ мой, стихами же, а я въ жизни не написалъ четырехъ стиховъ, между тѣмъ ты видишь, что я очень люблю хорошіе стихи. Бываетъ и проза, въ которой выраженія высокихъ благородныхъ чувствъ и поэтическія отношенія не хуже стиховъ. Таковъ, напримѣръ, „Оссіанъ".

Затѣмъ, А. П. проситъ меня прочесть что нибудь изъ Оссіана, въ переводѣ прозою Кострова. Любимымъ мѣстомъ А. П. изъ переводовъ Кострова, была поэма „Картонъ" и въ ней описаніе, начинавшееся такъ: О ты, катящееся надъ нами лучезарное свѣтило, круглое, какъ щитъ отцовъ нашихъ.

Тогда только-что появились переводы Курочкина изъ Беранже. Книжка переводовъ постоянно лежала на столѣ А. П., я ихъ часто читалъ ему и онъ говорилъ, что нѣкоторыя мѣста перевода сильнѣе, нежели у Беранже.

Къ Пушкину А. П. питалъ восторженное чувство; но къ Гоголю относился индиферентно. Разъ какъ-то А. П. былъ съ визитомъ у князя Вяземскаго—и когда уже поднимался съ мѣста, чтобы уѣзжать, человѣкъ доложилъ о Гоголѣ.

— Теперь, сказалъ А. П., я остаюсь потому, что не имѣю еще понятія о личности Гоголя. А. П. оставался у князя Вяземскаго пока сидѣлъ Гоголь, но такъ какъ Гоголь говорилъ только о вещахъ обыкновенныхъ, то А. П. особаго впечатлѣнія отъ этого свиданія не получилъ.

Часто мнѣ приходилось сиживать съ А. П. одинъ на одинъ по нѣскольку часовъ и онъ иногда, отдаваясь своимъ воспоминаніямъ, разсказывалъ мнѣ замѣчательные эпизоды изъ своего прошлаго. Если бы я тогда записывалъ все, что слышалъ, то собралъ бы много интереснаго для исторіи и характеристики прожитыхъ А. П. временъ. По молодости и неопытности моей, я не умѣлъ быть достаточно внимательнымъ и оцѣнивать по достоинству слышанное мною, а потому многое утратилось въ моей памяти. Чаще всего говорилъ А. П. о 12-мъ годѣ и Кавказѣ, за время его начальствованія.

Однажды, придя довольно рано къ А. П., я засталъ у него мальчика-цирюльника, который являлся брить его нѣсколько разъ въ недѣлю.

— Вотъ, любезный Аполлонъ, графъ Кутайсовъ, сказалъ А. П., указывая на мальчика. Это потому я такъ говорю, что онъ брѣетъ не хуже Кутайсова, который брилъ императора Павла Петровича и за то былъ пожалованъ въ графы.

Хотя А. П. отзывался иногда шутливо о нѣкоторыхъ странностяхъ императора Павла Петровича, но никогда не позволялъ себѣ никакой горечи въ своихъ выраженіяхъ, не взирая на двухъ-лѣтнее нахожденіе подъ грознымъ слѣдствіемъ, во время его царствованія. А. П. говорилъ, что у покойнаго императора были великія черты и историческій характеръ его еще не опредѣленъ у насъ. „Это былъ мой

Библиотека "Руниверс"

благодѣтель и наставникъ". прибавлялъ А. П. Высидѣвъ годъ въ Петропавловской крѣпости и выходя изъ заключенія, А. П. вырѣзалъ на двери своего каземата слова: „Свободенъ отъ постоя". Когда я спросилъ, за что онъ называетъ императора, засадившаго его въ крѣпость, своимъ благодѣтелемъ, А. П. отвѣчалъ:

— Если бы онъ не засадилъ меня въ крѣпость, то я, можетъ быть, давно уже не существовалъ и въ настоящую минуту не бесѣдовалъ бы съ тобою. Съ моею бурною, кипучею натурою врядъ ли бы мнѣ удалось совладѣть съ собою, если бы въ ранней молодости мнѣ не былъ данъ жестокій урокъ. Во время моего заключенія, когда я слышалъ надъ моею головою плескавшія невскія волны, я научился размышлять. По закону природы, здоровый и бодрый человѣкъ не можетъ оставаться въ пассивной недѣятельности. Когда дѣятельность организма неподвижна, дѣятельность мысли усиливается. Въ послѣдствіи, во многихъ случаяхъ моей жизни я пользовался этимъ тяжелымъ урокомъ и всегда съ признательностью вспоминалъ императора Павла Петровича.

Затѣмъ А. П. разсказалъ мнѣ слѣдующій случай съ императоромъ Павломъ:

Какой-то уроженецъ Малороссіи, необыкновенной физической силы, нафанатизированный злоумышленниками, покушался убить императора. Замыселъ его былъ доказанъ и онъ былъ доставленъ въ Петербургъ. Императоръ пожелалъ его видѣть и велѣлъ привести во дворецъ. Выдя къ арестанту, государь приказалъ ему приблизиться. Жандармы, сопровождавшіе арестанта, считали своею обязанностью не оставлять его и сдѣлали также движеніе впередъ; императоръ велѣлъ имъ удалиться и, оставшись съ глазу на глазъ съ преступникомъ, спросилъ его: — „Знаешь ли ты меня? и видалъ ли когда нибудь?" Арестантъ отвѣчалъ отрицательно.—„Какое же я сдѣлалъ зло, собственно тебѣ?" снова спросилъ императоръ.—Арестантъ отвѣчалъ „никакого". Тогда императоръ сказалъ: —„Вотъ видишь, я тебѣ не сдѣлалъ никакого зла, а ты замышлялъ убить меня и я знаю, что ты мой злодѣй. Но ты не понимаешь твоего поступка и я тебя освобождаю".

А. П. обладалъ особенною способностью мимики; физіономія его принимала такія своеобразныя выраженія, что глядя на него и слѣдя за его разсказами, въ воображеніи моемъ живо рисовались отдѣльные типы и характеры личностей, о которыхъ шла рѣчь. Онъ любилъ выражаться коротко, часто лаконически и фигурально; такъ, напримѣръ, разсказывая, какъ онъ пріучалъ себя въ прежнее время къ самообладанію и, желая противиться представившемуся обольщенію, старался въ самомъ зародышѣ умерщвлять свои страстные порывы, онъ при этомъ выразился такъ: „я всегда поступалъ съ собою такъ: „за волосы и объ земь" и говорилъ это съ энергическимъ и выразительнымъ жестомъ.

Въ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ жизни А. П., когда онъ поль-

Библиотека "Руниверс"

зовался особымъ довѣріемъ и милостію императора Александра Павловича и былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, которые по ходатайству Меттерниха должны были выступить въ походъ въ Италію для усмиренія карбонаріевъ, въ это замѣчательное для него время, сила воли А. П. подвергалась величайшему и опасному испытанію. А. П. разсказывая мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, выразился такъ: „Въ это время я былъ влюбленъ, какъ кошка".

Въ 1821 году, А. П. будучи въ цвѣтѣ лѣтъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціонною арміею, находился въ лучшихъ условіяхъ жизни. Вновь сформированный штабъ его квартировалъ на югѣ, въ одной изъ польскихъ провинцій. Походъ этотъ былъ проэктированъ и утвержденъ австрійцами, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ находился также А. П., состоя въ свитѣ императора Александра Павловича. На возвратномъ пути изъ Лайбаха, въ Россію къ своему штабу А. П. заѣхалъ въ Варшаву къ великому князю Константину Павловичу, который съ давняго времени удостоивалъ его самаю искреннею дружбою. Великій князь велѣлъ приготовить въ своемъ дворцѣ для него помѣщеніе; но А. П. остановился въ гостинницѣ.

Польское аристократическое общество тогдашняго времени, имѣя своимъ представителемъ при особѣ императора Александра, Адама Чарторыжскаго, еще не было одушевлено тою непримиримою ненавистью къ Россіи, которую оно стало заявлять въ послѣдствіи. Между русскими и поляками поддерживались свѣтскія отношенія и многіе русскіе офицеры женились на полькахъ. Одна польская графиня, молодая и прекрасная, произвела впечатлѣніе на А. П. Она была очень богата и А. П. говорилъ, что это была приличная партія для женитьбы. Мало-по-малу онъ поддавался увлеченію и графиня его поощряла. Вниманію и самой любезной предупредительности не было предѣловъ. „Я помню, говорилъ А. П., какъ возвращаясь домой, я находилъ комнаты мои убранными цвѣтами, присланными въ мое отсутствіе графинею". Политическія дѣла приближались къ развязкѣ, австрійцы по своему справлялись съ карбонаріями, безъ посредства, благодаря Бога, русской арміи, и отношенія А. П. къ графинѣ, должны были также придти къ опредѣленной развязкѣ. Тогда по словамъ А. П. разсудокъ его вступилъ въ тяжелую борьбу съ сердцемъ. „Я сталъ обдумывать, говорилъ онъ, насколько я способенъ для семейной жизни и анализируя себя, убѣждался, что я солдатъ, и что мое единственное призваніе быть только солдатомъ". Графиня не хотѣла слышать о разлукѣ, и желала ѣхать съ А. П., пренебрегая всякими формами. При отъѣздѣ А. П. она все таки провожала его нѣкоторое время и разлука для обѣихъ сторонъ была очень тяжела.

Выслушавъ этотъ романическій разсказъ, я сказалъ А. П.:

— Однакоже вы имѣете дѣтей, вы дали имъ воспитаніе и содѣйствуете имъ какъ добрый отецъ, почему же вы считаете себя неспособнымъ къ семейной жизни?

Библиотека "Руниверс"

На это замѣчаніе А. П. отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Обязанности главы семейства слишкомъ сложны и весьма серьезны. По моему мнѣнію на немъ лежитъ большая отвѣтственность. Честный отецъ семейства и съ окончаніемъ воспитанія столь труднаго и неизбѣжно подчиняющагося непредвидѣннымъ случайностямъ, живетъ интересами дѣтей; въ ихъ дальнѣйшей карьерѣ, онъ видитъ продолженіе своей собственной жизни, личность его ассимилируется съ личностью дѣтей. Таковъ мой взглядъ. Положеніе военнаго человѣка весьма неопредѣленно, необезпечено, находится въ постоянной зависимости отъ случайностей. Боевое поприще, трудности и лишенія въ походахъ, ужасы войны, стоны и страданія на перевязочныхъ пунктахъ, постоянное опасеніе за свою собственную жизнь, все это вмѣстѣ, не можетъ способствовать сохраненію врожденннаго человѣку чувства нѣжности и состраданія; въ его психическомъ строѣ, происходитъ послѣдовательно спартанское закаливаніе нервовъ и развивается эгоистическое чувство самосохраненія. Мое психическое воспитаніе совершалось на поляхъ кровавыхъ сраженій столь многочисленныхъ во времена Суворова и Бонапарта. Имѣя въ настоящее время дѣтей, по совѣсти я постоянно сомнѣваюсь, достаточно ли я выполнилъ мой долгъ по отношенію къ нимъ. Въ нравственномъ смыслѣ я солдатъ.

Въ Свѣтлое Воскресенье А. П. не разгавливался семейно или съ своими знакомыми. Послѣ утренни и ранней обѣдни, къ нему приходило человѣкъ десять отставныхъ заслуженныхъ солдатъ, большею частью дряхлыхъ ветерановъ. А. П. христосовался съ ними и садился вмѣстѣ съ ними за столъ. Никто изъ постороннихъ не присутствовалъ при этомъ, кромѣ прислуживавшихъ людей.

Въ великій четвергъ, А. П., слушалъ двѣнадцать евангелій у себя на дому, потому что не могъ долго стоять на ногахъ. Когда швейцаръ докладывалъ о приходѣ священниковъ А. П. вставалъ, опираясь на руку Максимыча, и говорилъ мнѣ:

— Ну, любезный Аполлонъ, пойдемъ слушать исторію Христа.

Въ началѣ службы А. П. не много стоялъ, потомъ садился. Всякій разъ также, когда священникъ произносилъ — „сподобитися намъ къ услышанію св. евангелія Господа Бога молимъ“ — А. П. вставалъ и стоялъ минуты двѣ. Религіозности особенной я въ немъ не замѣчалъ; казалось на него повліяло вѣяніе философіи XVIII столѣтія; но онъ вѣрилъ въ духовную жизнь и имѣлъ видѣнія довольно замѣчательныя, о которыхъ я упомяну ниже.

Теперь припомню еще нѣкоторые разсказы А. П. изъ его жизни, столь обильной событіями.

Однажды, удовлетворяя моему любопытству, А. П. разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности о своемъ посольствѣ въ Персію:

— Тогдашній придворный штатъ персидскаго шаха былъ весьма не развитъ и въ отношеніяхъ къ иностранцамъ мало отличался отъ

Библиотека "Руниверс"

невѣжественной и суевѣрной массы народа. Въ сношеніяхъ съ этимъ азіятскимъ дворомъ, необходимо было сохранять внѣшній престижъ и обаяніе обстановки, для поддержанія своего достоинства. Церемоніймейстеръ шаха предварилъ меня, что при представленіи шаху, установленный этикетъ требуетъ, чтобы представляющіеся лица снимали обувь, передъ вступленіемъ въ тронный залъ. Уступить этому требованію я не желалъ, и замѣтилъ, что при представленіи моему императору, котораго я считаю выше и могущественнѣе особы шаха, обуви своей я никогда не снимаю и въ настоящемъ случаѣ, представляя особу моего государя, прошу соблюдать его достоинство, и во время переговоровъ моихъ съ шахомъ, поставить для меня кресло, на одной высотѣ съ трономъ. Требованіе мое было исполнено и ни мало не нарушало нашихъ добрыхъ отношеній. За все время моего пребыванія въ Тегеранѣ, шахъ ко мнѣ весьма благоволилъ и при отъѣздѣ моемъ надѣлилъ меня цѣнными подарками. Въ сношеніяхъ съ азіятскими дворами, нужно сохранять свое достоинство, но не слѣдуетъ оскорблять національныхъ убѣжденій. Однажды шахъ, въ разговорѣ со мною, спросилъ: „Знаешь ли ты, сердарь, что я тѣнь Аллаха на землѣ?"—„Знаю, ваше величество—отвѣчалъ я, и мнѣ извѣстно, что подъ тѣнью его благоденствуютъ и покоются милліоны вашихъ подданныхъ; но позвольте спросить ваше величество, какова была тѣнь вашего дядюшки (Али-Магомета)". Шахъ улыбнулся, и не отвѣчалъ ни слова. А это надо тебѣ сказать, прибавилъ А. П., такой былъ злодѣй, что когда бывало визирь пишетъ какую нибудь бумагу подъ диктовку этого шаха—стоя передъ нимъ на колѣняхъ—шаху кажется что визирь пишетъ медленно и онъ велитъ писать скорѣе. Визирь торопится; но черезъ это дѣло не успѣваетъ. Шахъ кидаетъ въ визиря всѣмъ, что попадаетъ подъ руку. Визирь блѣднѣетъ, рука его дрожитъ и онъ едва выводитъ буквы. Тогда шахъ схватываетъ висящій около него пистолетъ—и стрѣляетъ въ визиря. Визирь окровавленый и раненый катится по ковру".

Если не ошибаюсь, въ 1814 году А. П. командовалъ нѣкоторое время соединенной русской и прусской гвардіей и когда, послѣ заключенія мира, возвращался съ войсками изъ Франціи, ему случилось остановиться для роздыха въ одномъ мѣстечкѣ, въ которомъ жилъ старикъ-кожевникъ—Удино, отецъ французскаго маршала. А. П., узнавъ, что въ это самое время маршалъ Удино гоститъ у отца своего, немедленно послалъ къ дому Удино почетный караулъ и самъ въ полной формѣ, отправился съ визитомъ къ маршалу. Первое встрѣтившее его лицо былъ старикъ Удино, въ кожанномъ фартухѣ.

На Кавказѣ, личность Ермолова внушала горцамъ суевѣрный страхъ.

Однажды, во время похода, А. П. случилось въ какомъ-то аулѣ войти въ саклю. Въ аулѣ оставались только дряхлые старики, женщины и дѣти. Въ саклѣ, на этотъ разъ, находился лишь одинъ маль-

Библиотека "Руниверс"

чикъ. Его спросили, гдѣ хозяева? „Ушли въ горы—боятся Ермолова", отвѣчалъ мальчикъ. А. П. спросилъ его: „а ты боишься Ермолова?" Мальчикъ отвѣчалъ, что очень боится, потому, что онъ очень страшный и при этомъ сталъ изображать Ермолова и жестами показывалъ какіе у него огромные глаза.

Служившимъ на Кавказѣ извѣстно на сколько войска любили Ермолова. Постоянно заботясь о продовольствіи солдатъ, онъ также обращалъ вниманіе на тогдашнее ихъ обмундированіе. Въ видахъ облегченія и большаго удобства, онъ велѣлъ тяжелые и безпокойные въ походѣ ранцы замѣнить небольшими мѣшками, которые на отдыхѣ служили подушками. Дисциплина была однако весьма строгая. По этому поводу я замѣтилъ А. П., что его считали грозою Кавказа и что при такой репутаціи военнаго начальника, предполагается необходимость строгихъ мѣръ и взысканій. Съ юношескою откровенностью, привыкнувъ къ отеческому обращенію съ мною А. П., я сдѣлалъ ему такой вопросъ:

— Чтобы быть грознымъ, нельзя не быть иногда суровымъ и жестокимъ, а сердце мое говоритъ мнѣ, что въ васъ нѣтъ жестокости?

А. П. съ всегдашнимъ своимъ добродушіемъ и снисходительностью отвѣтилъ мнѣ:

— Суровая обязанность главнокомандующаго заставляетъ его иногда подписывать смертные приговоры по военно-суднымъ рѣшеніямъ, на основаніи существующихъ постановленій. Чтобы не давать видимой слабости, неумѣстной и вредной въ главномъ начальникѣ, я обыкновенно выжидалъ ходатайства членовъ суда и тогда смягчалъ приговоръ.

Историческія подробности о событіяхъ 12-го года собраны А. П. въ его послѣднихъ запискахъ, а также лично были передаваемы генералу Богдановичу, составлявшему тогда исторію отечественной войны и часто пріѣзжавшему къ А. П. по этому поводу.

Мнѣ неизвѣстно насколько выясненъ въ печати характеръ отношеній къ Ермолову главнокомандующаго кн. Кутузова. А. П. говорилъ мнѣ, что Кутузовъ его не жаловалъ и по этому поводу мнѣ памятенъ одинъ разсказъ, рѣзко характеризующій Кутузова.

Подъ Малымъ Ярославцемъ, согласно извѣстіямъ доставленнымъ моимъ дядей А. С. Фигнеромъ и Сеславинымъ, армія Наполеона 30-го октября выступила изъ Москвы и направилась на Калужскую дорогу, съ цѣлію пробраться въ южныя губерніи. Воспрепятствовать этому движенію и упредить французовъ въ Маломъ Ярославцѣ было для насъ дѣломъ громадной важности. Ермоловъ съ войсками Дохтурова отбивалъ настойчивыя атаки французовъ;—семь разъ Малый Ярославецъ переходилъ изъ нашихъ рукъ къ французамъ и обратно. Стремясь во чтобы то ни стало пробиться въ Маломъ Ярославцѣ, чтобы избѣжать необходимости движенія по старой раззореной дорогѣ на Вязьму и Смоленскъ, самъ Наполеонъ прибылъ къ упорному

Библиотека "Руниверс"

и ожесточенному бою—и постоянно вводилъ новыя свѣжія войска свои въ дѣло. Утомленныя и малочисленныя сравнительно, войска наши изнемогали. Превосходство въ численности французовъ дѣлало положеніе наше критическимъ. Ермоловъ посылалъ нѣсколько разъ ординарцевъ къ Кутузову, съ настоятельною просьбою о скорѣйшей, высылкѣ подкрѣпленій; но подкрѣпленія не прибывали. Тогда Ермоловъ просилъ принца Евгенія Виртембергскаго отправиться къ Кутузову, объяснить ему важность удержанія за нами Малаго Ярославца и положеніе наше, относительно французовъ. Принцу удалось склонить Кутузова исполнить основательное требованіе Ермолова. Но Кутузовъ такъ былъ возмущенъ настоятельностью его требованія, что съ досады плюнулъ съ такою запальчивостью, что принцъ вынувъ носовой платокъ утерся.

А. П. не совсѣмъ одобрительно относился къ исторіи 12-го года написанной Михайловскимъ-Данилевскимъ. По этому поводу онъ разсказалъ мнѣ, что фельдмаршалъ Сакенъ оставилъ свои записки, написанныя исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, и единственное мѣсто этихъ записокъ, писанное по-русски, было слѣдующее: „Читалъ бредни Данилевскаго о подвигахъ фанфарона Чернышева".

Въ 1856 году, въ моемъ присутствіи князь М. С. Воронцовъ посѣтилъ А. П. Ермолова, и это было послѣднее ихъ свиданіе.

Максимычъ провожалъ князя, поддерживая подъ руки и помогая сойти сълѣстницы. Какъ къ старому своему знакомому, князь обратился съ послѣдними словами къ Максимычу: „А что Максимычъ, я вѣдь еще молодцомъ иду". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, князь скончался.

Около этого же времени А. П. принималъ фельдмаршала князя Барятинскаго, а вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Москву плѣнный Шамиль, и по пріѣздѣ сдѣлалъ визитъ А. П. Съ Шамилемъ А. П. имѣлъ частыя сношенія, задолго до его плѣна и окончательнаго покоренія Кавказа, съ вѣдома правительства. Дочь А. П. была замужемъ за немирнымъ горскимъ княземъ, подвластнымъ Шамилю. А. П. посылалъ иногда подарки дочери и всегда при посредствѣ Шамиля, чтобы они вѣрнѣе достигали своего назначенія.

А. П. говорилъ мнѣ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ великими князьями Константиномъ и Михаиломъ Павловичами. Съ первымъ А. П., по древнему русскому обычаю, обмѣнялся шейнымъ крестомъ, а потому они назывались крестовыми братьями. А. П. велъ переписку съ Константиномъ Павловичемъ, который однажды упрекалъ его въ неакуратности корреспонденціи и въ томъ, что онъ рѣдко пишетъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „Хоть мнѣ весьма лестно и конечно пріятно получать отъ вашего высочества письма, но умоляю васъ не пишите мнѣ длинныхъ писемъ,—лучше короче но разборчивѣе; я не Шампольонъ и египетскихъ гіероглифовъ разбирать неумѣю".

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ также очень расположенъ къ А. П. и однажды, не помню по какому случаю, обвиняя

Библиотека "Руниверс"

А. П. въ неискренности, выразился такъ:—„Я тебя, А. П., очень люблю, а ты меня съ обманцемъ“.

А. П. какъ извѣстно, пользовался въ Москвѣ, во всѣхъ классахъ общества, большою популярностью, особенно среди купечества, не упускавшаго случая заявлять ему свое уваженіе. Когда А. П. случалось прогуливаться въ экипажѣ и проѣзжать мимо рядовъ гостинаго двора и по Ильинкѣ, сидѣльцы, которые всѣ знали его въ лицо, почтительно ему кланялись.

Въ то время былъ въ Москвѣ одинъ изъ крупныхъ представителей торговли—Буркинъ, замѣчательно огромнаго роста и ширины въ плечахъ. Нѣкоторые говорили, что Буркинъ не меньше ростомъ А. П., а другіе утверждали, что онъ даже шире его въ плечахъ. Эти разговоры дошли до А. П.; онъ полюбопытствовалъ познакомиться съ Буркинымъ, и просилъ представить его ему. Буркинъ, узнавъ о желаніи А. П. поспѣшилъ пріѣхать. А. П. просилъ его помѣряться съ нимъ. Когда они стали другъ къ другу спинами, то А. П., можно сказать, покрылъ своею массою—громаднаго Буркина.

Необыкновенно экономный образъ жизни А. П. съ соблюденіемъ приличной всегда внѣшней обстановки, превосходилъ всякое вѣроятіе. Онъ занималъ весь двухэтажный каменный домъ, хотя не большой, но съ барскою обстановкою. Прислуги у него было человѣкъ пятнадцать, а лошадей держалось четыре, и на все это расходовалось около 4 тыс. руб. въ годъ. Случалось, что Максимычъ при мнѣ приносилъ утромъ отчетъ расходовъ и шкатулку. А. П. отпиралъ ее, находившимся въ его жилетномъ карманѣ ключикомъ, и давалъ ему деньги на расходъ. Онъ мнѣ говорилъ, что жилетъ его, домашней работы, стоитъ около 50 коп., а пальто не болѣе 3 руб.

Наслѣдственное имѣніе, въ Орловской губерніи и подмосковное (Осоргино) А. П. получилъ въ свое распоряженіе уже въ то время, когда жилъ въ Москвѣ, удаленный отъ дѣлъ. Въ теченіи же всей службы жилъ только однимъ жалованьемъ.

А. П. говорилъ, что въ спискѣ лицъ, пользовавшихся высочайшими денежными наградами и другими субсидіями, противъ имени его оставался постоянно пробѣлъ, такъ какъ онъ отъ дѣлаемыхъ ему денежныхъ предложеній всегда уклонялся, объясняя это совершенно достаточнымъ и удовлетворяющимъ его нужды, получаемымъ содержаніемъ. Въ такомъ смыслѣ былъ отвѣтъ А. П. императору Александру Павловичу, который пожелалъ узнать о его матеріальномъ положеніи.

При этомъ считаю кстати упомянуть о другомъ разсказѣ А. П., относящемся къ иной эпохѣ, когда уже много протекло времени послѣ оставленія имъ службы.

Императоръ Николай Павловичъ, въ одно изъ пребываній своихъ въ Москвѣ, былъ очень милостивъ къ А. П. и освѣдомился у графа Закревскаго о матеріальномъ положеніи А. П., съ которымъ графъ

Библиотека "Руниверс"

Закревскій съ давняго времени былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Императоръ поручилъ Закревскому спросить А. П. не имѣетъ ли онъ какой надобности, которую государь могъ бы удовлетворить или не имѣетъ ли онъ желанія занять какой либо постъ на государственной службѣ. Ермоловъ отвѣчалъ Закревскому такими словами:

— Я искренно благодарю государя моего за все его милостивое вниманіе ко мнѣ; но прошедшаго возвратить невозможно. При всемъ могуществѣ императора, онъ конечно признаетъ могущество Божіе. Но сдѣлаетъ ли Богъ, чтобы вчерашняго дня не было?

Для разъясненія прежнихъ отношеній Ермолова къ тогдашнему правительству, не лишенъ также интереса слѣдующій разсказъ. Въ 1825 году, при воцареніи императора Николая, въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ожидали изъ Кавказа высылки присяжныхъ листовъ. А. П. въ это время находился въ отсутствіи, въ горахъ: курьеры съ депешами при тогдашнихъ трудностяхъ сообщенія, при неизбѣжныхъ конвояхъ, весьма естественно не могли исполнять даваемыхъ имъ порученій съ желаемою поспѣшностью, а потому высылка присяжныхъ листовъ, при отдаленныхъ расквартированіяхъ кавказскихъ войскъ, неизбѣжно замедлилась. Извѣстно тревожное настроеніе тогдашняго общества и правительства по поводу возмущенія въ гвардейскихъ полкахъ 14-го декабря, и послѣдовавшихъ затѣмъ арестовъ и слѣдственныхъ дознаній. Это обстоятельство дало возможность лицамъ, неблагопріятно относившимся къ А. П. дѣлать неправильное и компрометирующее его объясненіе причинамъ означенной выше медленности; они старались навести на него тѣнь сомнѣнія въ глазахъ государя. Каждое высокопоставленное лицо облеченное довѣріемъ правительства и при томъ съ такимъ независимымъ характеромъ, какимъ отличался А. П. неизбѣжно вызываетъ чувство соперничества и недоброжелательства. По этому понятно вслѣдствіе какихъ соображеній одна высокопоставленная особа сдѣлала оффиціально и конфиденціально отзывъ объ А. П., какъ о личности политически неблагонадежной, тогда какъ честность и вѣрность служенія Россіи Ермолова, въ теченіи полувѣка, доказаны на поляхъ сраженій и впослѣдствіи по гражданскоиу управленію, а безкорыстіе его всѣмъ извѣстно.

Приводя разсказъ этотъ, служащій объясненіемъ одной изъ причинъ охлажденія императора Николая къ А. П. и послѣдовавшаго затѣмъ удаленія его отъ дѣлъ, я считаю необходимымъ прибавить, что А. П. интересуясь постоянно и слѣдя за политическими событіями и правительственными распоряженіями, всегда воздерживался отъ заявленія своихъ мнѣній, по крайней мѣрѣ въ моемъ присутствіи, особенно въ смыслѣ порицанія, или критики.

Съ 1857 года, по случаю моихъ отлучекъ изъ Москвы въ деревню и поѣздокъ заграницу, мнѣ приходилось рѣже видѣться съ А. П. Наступала крестьянская реформа. Эта реформа до такой сте-

Библиотека "Руниверс"

пени озабочивала моего отца, что болѣзненное состояніе его ухудшилось и ускорило его кончину.

Мы слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за подготовительными работами по этому дѣлу. А. П. въ званіи члена государственнаго совѣта получалъ послѣдовательно протоколы засѣданій коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Предчувствуя роковое вліяніе этой перемѣны на мое матеріальное благосостояніе, я часто, изъ чувства самосохраненія, выражалъ А. П. свои сѣтованія на несвоевременность, какъ мнѣ тогда казалось, этой государственной реформы. Высказывая свои мнѣнія, я говорилъ, что помѣщики въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не имѣющемъ на громадныхъ разстояніяхъ удобныхъ сообщеній, могли бы быть полезны правительству, еслибы оно создало для нихъ оффиціальное служебное положеніе, обязавъ ихъ административнымъ завѣдываніемъ, экономическою производительностью государства и предоставило имъ тѣже права на полученіе наградъ и повышенія чиновъ, какія получаются на общей государственной службѣ. Такая мѣра, по тогдашнимъ моимъ соображеніямъ, дала бы возможность произвести освобожденіе крестьянъ постепенно и дворянство не было бы раззорено.

А. П. снисходительно выслушивалъ мои проэкты и съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ лаконически:

— Ты, братъ, фрейгеръ и самодержецъ.

А. П. воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и разсказалъ мнѣ однажды про неожиданный случай, имѣвшій серьезное на него вліяніе. Онъ отправился какъ-то изъ пансіона домой пѣшкомъ; одновременно съ нимъ товарищъ его князь N., поѣхалъ изъ пансіона въ присланной за нимъ великолѣпной каретѣ. На улицѣ было грязно и брызги отъ колесъ кареты князя N. запачкали платье А. П. Съ тѣхъ поръ у него зародилось постоянное предъубѣжденіе противъ аристократіи, хотя самъ А. П. былъ старинный дворянинъ.

Послѣдніе годы своей жизни А. П. усидчиво писалъ свои записки. Я замѣтилъ однажды, что такое напряженное и однообразное занятіе, при совершенномъ недостаткѣ движенія, не можетъ быть полезно общему состоянію его здоровья и что мое мнѣніе раздѣляетъ часто посѣщавшій его докторъ Ѳ. И. Иноземцевъ.

На это замѣчаніе А. П. отвѣчалъ: „Мнѣ надобно торопиться; жизнь моя не долга“. Когда я сказалъ, что при его тѣлосложеніи и нѣкоторомъ вниманіи и предосторожностяхъ въ образѣ жизни, можно еще долго прожить, онъ возразилъ:

— Мнѣ это не нужно; я уже чувствую усталость жизни; къ тому же есть еще у меня одно соображеніе по поводу одного случая, бывшаго давно со мною и о которомъ, можетъ быть, не многіе знаютъ. Я тебѣ его разскажу: было это въ ту пору, когда я былъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Италію. Однажды

Библиотека "Руниверс"

я возвратился къ себѣ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и расположился для размышленій въ своемъ креслѣ. Вдругъ передо мною явился какой-то человѣкъ никогда мною не виданный. Меня удивило, что онъ вошелъ безъ доклада, тогда какъ въ пріемной комнатѣ были люди. Не успѣлъ я сдѣлать ему вопроса, какъ онъ сталъ говорить: „Счастье тебѣ улыбается, ты переживаешь лучшую эпоху твоей жизни. Такъ будетъ продолжаться еще десять лѣтъ, затѣмъ въ судьбѣ твоей произойдетъ перемѣна, ты испытаешь неудачи и несчастія". Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ о наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ въ предстоявшей мнѣ жизни, опредѣлилъ съ точностью сколько мнѣ осталось жить и вдругъ исчезъ съ такою же неожиданностью, какъ и было появленіе его. Пораженный необычайностью такого явленія, я сталъ провѣрять себя, не причудилось ли оно мнѣ въ состояніи дремоты? Слова и голосъ незнакомца еще звучали въ ушахъ моихъ, память моя опредѣлительно сохранила все сказанное мнѣ имъ и я поспѣшилъ немедленно записать слышанное въ точномъ хронологическомъ порядкѣ. Записанное мною хранится доселѣ въ моихъ бумагахъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія моей жизни, съ совершенной точностью оправдали дивное предсказаніе.

Объ этомъ видѣніи А. П. уже было сообщено въ печати, но въ иной формѣ и съ нѣкоторыми варіантами. Я не могу ручаться, измѣнила ли память самому А. П. при передачѣ этого событія кому-либо изъ знакомыхъ, или то лицо, которому было разсказано случившееся, самопроизвольно измѣнило сущность и подробности разсказа; но что касается меня, то я твердо помню разсказъ именно въ такомъ видѣ, какъ передаю здѣсь.

Въ послѣдніе годы своей жизни А. П. обратилъ всѣ свои недвижимыя имѣнія въ капиталъ. Онъ также обратилъ въ капиталъ собранную имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ богатую библіотеку. Московскій университетъ купилъ ее у А. П. за 70,000 р.

Старшіе сыновья А. П. были выдѣлены при его жизни, а часть капитала, предназначенная младшему сыну, Николаю, была помѣщена на опредѣленный срокъ, для выдачи процентовъ, г. Сапожникову— извѣстному астраханскому коммерсанту, котораго А. П. зналъ съ самаго начала службы своей на Кавказѣ.

Когда бывало я жаловался на кого-нибудь и рѣчь шла о чьихъ-либо дурныхъ качествахъ, А. П. говорилъ, что онъ пріучилъ себя смотрѣть на людскія недостатки и слабости такъ, чтобы ими никогда не возмущаться, „потому, прибавлялъ онъ, — что всякіе люди Богу надобны". Когда же огорченный я иногда выражалъ свое горе, А. П. утѣшалъ меня пословицей графа Ланжерона—не тужи безвременно, все будетъ по прежнему.

Постоянно сидячая жизнь А. П. въ преклонныхъ лѣтахъ, то за раскладываніемъ пасьянса, то за составленіемъ записокъ, развила въ немъ, какъ это и предсказывали врачи, водяную болѣзнь.

Библиотека "Руниверс"

При усиленіи болѣзни ему уже трудно было долго оставаться въ креслѣ и онъ ложился. Но промежутками, во время облегченія, опять садился въ свое любимое кресло.

Въ одинъ изъ этихъ дней, я по обыкновенію пришелъ освѣдомиться о его здоровьѣ. На вопросъ мой, какъ онъ себя чуствуетъ, А. П. взялъ меня за руку и грустно склонивъ голову сказалъ:

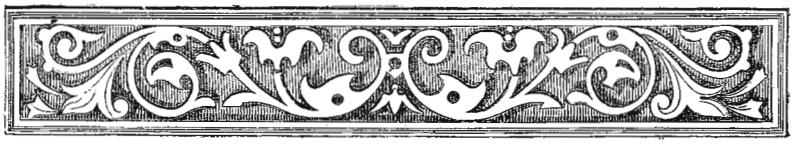
— Теперь ужъ, братъ, я совсѣмъ обабился.

Это была послѣдняя изъ полушутливыхъ фразъ, слышанныхъ мною отъ этой благородной и высокой личности. Вскорѣ уже А. П. не могъ сидѣть въ креслѣ и окончательно слегъ въ постель. Страданія его постепенно увеличивались; но онъ и въ эти минуты не хотѣлъ оставаться одинъ. Его постоянно окружали сыновья и самые близкіе къ нему лица. Чтобъ отвлечь вниманіе отъ своихъ страданій и разсѣять висѣвшую въ воздухѣ тоску, А. П. просилъ чтобы при немъ играли иногда въ карты. Къ постели придвигали столъ и сыновья его играли въ преферансъ.

Уважаемый и извѣстный тогда въ Москвѣ докторъ Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ находился почти безотлучно въ послѣдніе дни у постели умирающаго. Мнѣ не привелось присутствовать при кончинѣ А. П. и я вынужденъ былъ заочно оплакать эту тяжелую для меня потерю.

А. Фигнеръ.

Библиотека "Руниверс"



СУЛТАНСКОЕ ПИСЬМО.

(Изъ дѣлъ Тайной канцеляріи).

I.

ВЪ 1736 ГОДУ въ Нижнемъ-Новгородѣ, у одного подъячаго, по прозванію Петра Максимова, въ дому его, поставленъ былъ военный постой въ лицѣ солдата Ѳедора Щербакова. Солдатъ пришелся не по душѣ подъячему, какой то строптивый, сварливый, смотрѣлъ все изъ подлобья, говорилъ мало, уходилъ рано на весь день и приходилъ часто очень поздно вечеромъ.

— Не ладно, говаривалъ подъячій женѣ своей, не ладно, такъ вотъ сердце и говоритъ, что не миновать намъ бѣды съ этимъ солдатомъ.

И дѣйствительно предчувствіе не обмануло Максимова...

Въ одно прекрасное утро, жена подъячаго заявила мужу, что солдатъ укралъ у нея изъ подголовка 2 р. 25 к. денегъ, два креста съ цѣпочкою и двѣ серебряныя запонки. Наканунѣ вечеромъ она сама положила деньги въ подголовокъ, ходила ночью къ заутрени, поутру вернулась рано и не нашла ни денегъ, ни креста, ни запонокъ, а въ домѣ кромѣ солдата да мужа постороннихъ съ вечера и до утра никого не было.

Подъячій отправился къ ротному командиру солдата Щербакова и заявилъ ему о воровствѣ.

Привели Щербакова и ротный началъ допросъ.

— На тебя, Щербаковъ, показываетъ подъячій, что ты укралъ у жены его деньги, крестъ съ цѣпочкою и запонки?

— Никакъ нѣтъ! ваше благородіе, и не видѣлъ, и не слыхалъ и не воровалъ, клевещетъ онъ на меня.

— Въ домѣ постороннихъ съ вечера и до утра... началъ говорить подъячій.

Библиотека "Руниверс"

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ постороннихъ? кто видѣлъ что Щербаковъ воровалъ?

— Съ вечера и до утра постороннихъ въ домѣ... началъ опять подъячій.

— Убирайся ты къ чорту, съ твоими посторонними! закричалъ ротный командиръ. Отвѣчай кто видѣлъ...

— Да что ты орешь на меня? въ свою очередь закричалъ подъячій, я тебѣ не команда! защищать что ли хочешь своего...

— Ахъ ты, канцелярская крыса! закричалъ ротный. Вотъ я тебѣ покажу команду. Въ полковую его избу! ведите его! въ полковую...

Подъячій барахтался, но куда же ему было справиться съ солдатами; его привели въ полковую избу и здѣсь ротный началъ потѣшаться надъ нимъ батогами, съ приговоркою: я не команда? а? не команда? Солдаты били съ какимъ то особеннымъ наслажденіемъ канцелярскую крысу. Подъячій сперва кричалъ: ай! ай! батюшки! караулъ! злодѣи! и наконецъ закричалъ: слово и дѣло!

Никакой командиръ въ свѣтѣ не остановилъ бы такъ быстро экзекуцію расходившихся солдатъ, какъ эти страшныя два слова!

Подъячаго, по приказанію ротнаго, отвели въ губернскую канцелярію.

II.

Извѣстно, что побои и истязанія вынуждали многихъ несчастныхъ кричать слово и дѣло, и въ монастыряхъ, и въ селахъ, и деревняхъ и въ городскихъ тюрьмахъ, и въ полковыхъ избахъ, и даже на улицахъ и площядяхъ... побои и истязанія прекращались, но послѣ побитымъ и истерзаннымъ было не легче. За ложное говореніе слова и дѣла законъ опредѣлялъ кнутъ, плети или батоги.

При такой обстановкѣ дѣла находился и подъячій Петръ Максимовъ; его привели въ губернскую канцелярію и здѣсь немедленно начался допросъ.

— Сказывалъ-ли ты государево слово и дѣло?

— Сказалъ не стерпя побой, а слова и дѣла за мною нѣтъ никакого...

— Такъ ложно сказывалъ?

Вопросъ очень непріятный. Подъячій зналъ, какого рода удовольствіе ему предстоитъ за ложное сказываніе слова и дѣла, нужно было вывертываться! но какъ?

Подъячій призадумался и отвѣчалъ:

— Только вотъ видалъ я у писца Ивана Анофріева списокъ съ письма писаннаго отъ салтана турецкаго...

— А что въ письмѣ? къ кому? до какой причины?

Опять бѣда подъячему. Читалъ онъ это письмо у Ивана Анофріева, а подробности запамятовалъ—вспомнилъ только нѣчто:

Библиотека "Руниверс"

— Всего запамятовалъ, отвѣчалъ онъ, а помню написано отъ салтана турецкаго, что онъ царь русскій, что онъ наслѣдникъ московскій... что священниковъ псамъ отдастъ на съѣденіе... пишетъ салтанъ чтобъ вѣру его приняли... а болѣе не помню.

Губернская канцелярія отыскала писца Ивана Анофріева.

— Откуда взялъ письмо салтана турецкаго? гдѣ оно?

Предъявилъ Анофріевъ списокъ съ письма салтана турецкаго.

— А у кого списалъ?

— У Аѳонасья Осипова, пономаря Николаевской церкви.

Отыскали пономаря.

— Отъ кого получилъ письмо?

— Отъ школьника Василья Иванова.

Отъискали школьника, онъ получилъ письмо отъ сына Нижегородскаго ямщика Дмитрія Моисѣева; Моисѣевъ отъ крестьянина Нижегородской благовѣщенской слободы Ивана Кондратьева; Кондратьевъ отъ крестьянина же Макурина; Макуринъ отъ дьячка Федора Михаилова; дьячокъ отъ брата своего Бориса; Борисъ отъ Нижегородскаго ямщика Ивана Красносельцова — а Красносельцовъ прекратилъ наконецъ эту скачку губернской канцеляріи за переписчиками салтанскаго письма, объявивъ, что получилъ его въ городѣ Романовѣ отъ невѣдомаго человѣка.

— Какія примѣты? какого званія, или чина невѣдомый человѣкъ? гдѣ живетъ?

На эти вопросы Красносельцовъ отвѣчалъ:

— Не вѣдаю, былъ невѣдомый для меня человѣкъ!

Губернская канцелярія отпустила на свободу всѣхъ любознательныхъ переписчиковъ султанскаго письма, а оставила у себя подъ арестомъ „въ тюрьмѣ“ подъячаго Петра Максимова и ямщика Красносельцова, и списокъ съ письма султана турецкаго послала въ московскую контору тайной канцеляріи, испрашивая разрѣшенія какъ поступить съ арестантами.

Вотъ это письмо, сохранившееся въ дѣлахъ тайной канцеляріи:

„Махмедъ сынъ прехвальныя славы и надъ всѣми повелитель, сынъ Божій, монархъ турецкій, македонскій и воложскій, царь арменскій и антіохійскій, царь великаго и малаго Египта, царь вселенныя и славнѣйшій между всѣми нами махомедами и наслѣдникъ венгерскій, русскій, царь всѣхъ царей и государей, держава жизни и наслѣдникъ московской земли и обѣтованныя, великій гонитель христіанскаго Бога, царево цвѣту блюститель, великія надежды повелитель. Поздравляю тебе Леопанде цесарю, аще хощеши и желаеши быти между нами безъ всякіе обиды не сотворенно тебѣ идти на насъ дѣломъ или войною; догадываемся яко со онымъ нѣкоторымъ съ королемъ покусился еси внити въ совѣтъ, да противъ моей силы ратоборствовати, и то ты ничего не ожидай себѣ, токмо жди себѣ совершенной погибели своей во истинну волею ты поискалъ аще и сіе объявлю

Библиотека "Руниверс"

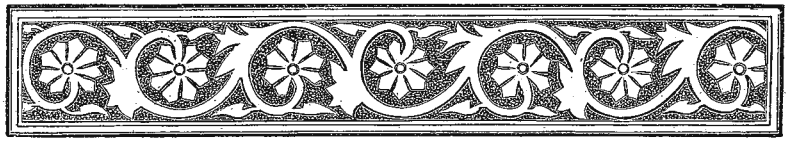
тебѣ, что я изыду на погубленіе твое къ тебѣ отъ востока даже и до запада и покажу тебѣ силы моея крѣпости съ великимъ наказаніемъ, да познаеши и узриши сколько силы государства моего, а что надѣешься ты на свои городки, будто крѣпки, и я конечно порадѣю ихъ въ конецъ искоренити и испровергнути, якобы ихъ на свѣтѣ никогда не бывало; сверхъ сего объявляю вамъ вящее истовая исполненія, яко Богу попущающу вся, твоя земли и грады и страны никогда не будетъ мирнаго покоя; яко уставивъ мысли моя погубить тебя съ людьми твоими въ маломъ времени и нѣмецкую землю подщусь разорити и искоренити и ничего въ ней оставить, а твоему государству страхомъ моимъ и саблею моею пролитіе крове вѣчную память сотворю, воистинну то все и сбудется, чтобъ моя слава явная была повсюду и чтобъ вѣра наша вездѣ широту воспріяла, а Богъ вашъ ко кресту пригвожденъ вѣчно и крѣпости никогда же возможенъ сотворити тебѣ помощь отъ моихъ рукъ свободити. Паче же священники твои уставихомъ псамъ на съѣденіе отдать. И совершенно и то будетъ добро бы ты сотворилъ аще бы и ты вѣру свою оставилъ и видѣлъ бы я подлинное ко мнѣ твое обращеніе, а то довольно ти буди, для познанія тѣхъ яко же къ тебѣ писано".

Не смотря на полное безсмысліе этого памфлета, и на то, что онъ написанъ къ Леопанду (Леопольду цесарю Римскому) тайная контора рѣшила о переписчикахъ и читателяхъ салтанскаго письма такъ: „чтобъ впредь они такихъ недѣльныхъ писемъ при себѣ не имѣли учинить имъ наказаніе бить батогами нещадно и освободить.

Впрочемъ, можетъ быть, это письмо имѣло какое-нибудь современное значеніе, потому, что въ запискахъ Желябужскаго мы встрѣтили варіантъ этого письма, къ сожалѣнію, помѣщенный безъ взякаго объясненія.

Г. Есиповъ.

Библиотека "Руниверс"



ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ.

ИЗЪ ВСѢХЪ предметовъ преподаванія въ нашей школѣ едва ли не самая незавидная участь выпадала всегда на долю исторіи. За нею признавалось важное образовательное значеніе, писались широковѣщательныя программы, поставлявшія себѣ задачей знакомить учащихся чуть не съ обязанностями „гражданина", составлялись учебники и руководства, а на дѣлѣ не только не выходило „блестящихъ результатовъ", но и самый взглядъ на цѣли историческаго преподованія, его содержаніе, смыслъ и характеръ, подвергался постояннымъ измѣненіямъ и колебаніямъ. Было время когда подъ именемъ исторіи въ школу допускалось только систематически, сознательно и злонамѣренно ложное изложеніе историческихъ свѣдѣній и фактовъ. Это—всѣмъ памятный періодъ господства Магницкаго. „Душею воспитанія и первою добродѣтелью гражданина" почиталась тогда „покорность", а важнѣйшею добродѣтелью юности—„послушаніе". „Исторія" тогда обязана была трактовать о томъ, „что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно величайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя", о мудрости и твердости мучениковъ, терпѣніи и „ангельской чистотѣ" отшельниковъ, словомъ, о томъ, что все называемое въ „языческой исторіи" великостію и добродѣтелью есть „токмо высочайшій степень гордости человѣческой". Такова задача всеобщей исторіи того времени. Русская исторія не шире брала предметъ: требовалось показать въ преподаваніи, что „отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства". Понятное дѣло, даже „Исторія Государства Россійскаго" съ такой точки зрѣнія признавалась вредною, ибо тамъ и нѣкоторые помазанники Божіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ", тогда какъ „лица, одному Богу подсудимыя, должны уважаться".

Миновала пора „бича божія" народнаго просвѣщенія, долженъ былъ измѣниться, конечно, и взглядъ на исторію, какъ на предметъ спо-

Библиотека "Руниверс"

собный „подкопать алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей“. Но въ дѣйствительности получилось только, что тенденціозная точка зрѣнія на историческое преподаваніе потеряла лишь свой безобразный характеръ, и въ полной силѣ осталась теорія, по которой русскій народъ въ рубашкѣ родился, героизмомъ вскормленъ и потому можетъ считать себя „новымъ Израилемъ“. „Исторія“ являлась принаряженной, парадной: милосердое и просвѣщенное правительство, мудрое внутреннее устройство, побѣдоносныя дѣянія, рисовались яркими красками. Самыя мрачныя эпохи изукрашивались разнаго рода лирическими алюрами; тутъ оказывались и герои добродѣтели, и повсюду счастливыя развязки. Отсюда приходилось прибѣгать къ намѣренному искаженію историческихъ фактовъ или къ утаиванію многихъ изъ нихъ. Нужно ли задаваться вопросомъ о пользѣ отъ знанія подобной „исторіи?“ Безъ сомнѣнія, лучше совсѣмъ не знать предмета, нежели имѣть о немъ совершенно превратное понятіе. А именно такое понятіе должно было получиться отъ изученія исторіи, гдѣ все завершалось достохвальнымъ квіетизмомъ, для котораго, какъ извѣстно, все и всегда обстоитъ благополучно.

Эта точка зрѣнія на исторію, быть можетъ, и внушенная патріотическими чувствованіями и пристрастіемъ, оставалась господствующей въ школьномъ преподаваніи до позднѣйшаго времени и привела именно къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя указаны были раньше насъ г. Стоюнинымъ въ его воспоминаніяхъ [1]). „Мы“ по справедливому замѣчанію г. Стоюнина, „являемся безпомощными со стороны исторіи... Мы не чувствуемъ крѣпой связи между своимъ настоящимъ и прошедшимъ; мы не знаемъ основательно, какъ продолжаемъ ихъ (нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ) жизнь, какія задачи и какъ рѣшали они, къ чему они стремились по своимъ идеаламъ, какъ они выработали эти идеалы, какую борьбу вели за нихъ, что ихъ удовлетворяло въ жизни и отъ чего они хотѣли отдѣлаться. Мы видимъ за собою тьму, но не видимъ свѣта и передъ собою; намъ хотѣлось бы, чтобы вспыхнулъ какой-нибудь огонекъ, освѣтилъ бы нашу дорогу, и идемъ ощупью; намъ кажется, будто мы вносимъ свои новые идеалы въ жизнь и не знаемъ, чѣмъ они лучше прежнихъ. Мы не можемъ оглянуться назадъ, чтобы по пройденному историческому пути сообразить, какъ идти впередъ. Опыты жизни нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ намъ чужды; мы дѣлаемъ свои собственные и часто ошибочные, неудачные, потому что не знаемъ ошибокъ и неудачъ прошлыхъ временъ“...

Таковы пагубныя слѣдствія насилованія исторіи, хотя бы и съ похвальною цѣлью заявить свою любовь къ отечеству. Ни родины, ни народности своей въ общемъ итогѣ мы все таки не знаемъ, а вмѣсто изученія причинной связи явленій нашей исторической жизни довольствуемся чѣмъ-то обрывочнымъ, разбросаннымъ, безсвязнымъ,

---

[1]) См. „Древняя и Новая Россія“ 1879 г., т. I, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

что составляло и составляетъ даже теперь отличительное качество нашихъ историческихъ руководствъ и учебниковъ. Но въ настоящее время подобное положеніе вещей все же хоть сколько-нибудь парализуется сравнительно широкимъ развитіемъ популярной исторической литературы,—чего не дастъ школа, то пополнитъ жизнь, что утаитъ педагогъ, съ тѣмъ открываетъ возможность ознакомиться литература. Если наши историческіе учебники и кажутся какою-то дѣтскою кашкою, которою хотятъ утолить умственный голодъ почти уже взрослыхъ людей, все же это теперь не единственный источникъ знакомства съ исторіей.

Совсѣмъ иначе должно представляться дѣло, когда наши ученыя и учебныя силы были насчету и когда приходилось довольствоваться только тѣмъ или немногимъ больше того, что могла сообщить школа. Получивъ скудныя историческія познанія, строго ограниченныя тенденціозной программой, молодость вступала въ жизнь, съ тѣми же ложными взглядами, какіе внушались ей въ школѣ, не имѣя предъ собою ни возможности, ни случая, отрѣшиться отъ этой фальши и блуждая относительно прошлаго своей родины въ какомъ-то туманѣ.

Какимъ образомъ смотрѣли тогда на историческое преподаваніе люди почитавшіе себя компетентными въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, документъ доставленный въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ Ѳ. Н. Устряловымъ, сыномъ нашего извѣстнаго историка. Это — записка К. С. Сербиновича, въ то время бывшаго редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, записка, составленная по порученію министра просвѣщенія графа С. С. Уварова объ учебникѣ Н. Г. Устрялова „Начертаніе Русской исторіи для учебныхъ заведеній“ (вышелъ въ свѣтъ въ маѣ 1839 г.). Документъ вдвойнѣ любопытный. Вопервыхъ, по немъ можно судить о взглядахъ графа С. С. Уварова и самого Сербиновича на исторію, какъ предметъ школьнаго преподаванія, а съ другой стороны, документъ этотъ имѣетъ цѣнность и въ настоящее время, потому что сущность дѣла одобренія или бракованія для школы учебниковъ, на основаніи отзыва чиновника-критика, мало устарѣла.

Что же въ особенности занимало Сербиновича въ руководствѣ Устрялова? „Стараясь по мѣрѣ силъ моихъ исполнить волю начальства“—пишетъ Сербиновичъ—„я считаю долгомъ представить тѣ замѣчанія какія только могъ сдѣлать при внимательномъ чтеніи этой „отличной учебной книги“. Въ общемъ, оффиціозный критикъ признаетъ „Начертаніе“ Устрялова „самымъ лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ сокращеній Русской исторіи“. „Особенно же первая половина его обработана съ такимъ искусствомъ, что не оставляетъ желать ничего лучшаго для преподаванія въ училищахъ“. Но „исполняя по мѣрѣ силъ волю начальства“, критикъ въ своихъ замѣчаніяхъ главнымъ образомъ напираетъ на духъ и направленіе „Начертанія“. Онъ, правда, допускаетъ, „что глубокое чувство любви къ отечеству водитъ

Библиотека "Руниверс"

перомъ его (автора) повсюду и придаетъ разсказу жизнь и привлекательность", но въ иныхъ мѣстахъ учебника Н. Г. Устрялова все же старается подчеркнуть недостаточность въ выраженіяхъ относительно излюбленнаго тогдашнимъ министромъ принципа или — какъ говорилъ самъ Уваровъ — „незыблемаго камени", — православія. „Вмѣсто „греческаго исповѣданія", замѣчаетъ Сербиновичъ, „что не имѣетъ никакой силы и ставитъ насъ наравнѣ со всякимъ инымъ исповѣданіемъ, должно сказать „православное восточное исповѣданіе". „Это должно наблюсти и во всей книгѣ, гдѣ говорится о нашемъ исповѣданіи". Мало того, Сербиновичъ находитъ „приличнѣе" именовать „Владиміра Святого" „Святымъ Владиміромъ", ибо „послѣднее означаетъ наше признаваніе его святымъ, тогда какъ „первое—одно только прозваніе". „Такъ" — поясняетъ свою мысль критикъ — „поневолѣ мы говоримъ Канутъ Святый".

Развитію этого принципа Сербиновичъ придаетъ особенное значеніе, а потому и не пропускаетъ ни одного мѣста въ книгѣ Устрялова, гдѣ такъ или иначе не оттѣненъ одинъ изъ „незыблемыхъ каменей" Уваровской системы народнаго просвѣщенія. Въ „Начертаніи", напримѣръ, говорится, что „Владиміръ предпочелъ законъ христіанскій греческаго вѣроисповѣданія". „Здѣсь"—замѣчаетъ Сербиновичъ,—какъ въ самомъ главномъ мѣстѣ, должно сказать со всею опредѣлительностью, что этотъ законъ былъ (или есть) Восточнаго Православнаго-Каѳолическаго исповѣданія. Просто „греческаго" будетъ скорѣе означать нѣчто отдѣльное отъ Вселенской церкви (?!). Такъ намъ прилично называть западное исповѣданіе просто „римскимъ". Въ другомъ мѣстѣ, критикъ оспариваетъ Н. Г. Устрялова по поводу имъ сказаннаго о посвященіи Иларіона въ митрополиты при великомъ князѣ Ярославѣ и, за недостаткомъ фактическихъ доказательствъ, пользуется весьма обычной въ подобныхъ случаяхъ аргументаціей, основанной на соображеніяхъ прописной морали. „Прочтя оное (мѣсто о посвященіи Иларіона), могутъ заключить, что Ярославъ былъ реформаторомъ въ важнѣйшей статьѣ іерархическаго порядка, и что до него духовенство не признавало надъ собою верховной власти великаго князя. Напротивъ того, она и прежде была признаваема вполнѣ, ибо духовная власть не отъ міра сего".

Вообще же, всякое нарушеніе іерархическаго порядка или внѣшняго, наружнаго единообразія въ прошлой жизни Россіи, встрѣчаетъ неодобреніе со стороны оффиціозной критики. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ замѣчаній этого рода, признаваемыя Сербиновичемъ весьма важными и существенными относительно школьнаго руководства по исторіи. „Митрополитъ Кіевскій", говорится въ „Начертаніи" Устрялова „назначаемый по волѣ великаго князя Византійскимъ патріархомъ". Сербиновичъ замѣчаетъ на это: „должно сказать по назначенію великаго князя утверждаемый византійскимъ патріархомъ". Далѣе тамъ, гдѣ въ учебникѣ рѣчь идетъ

Библиотека "Руниверс"

объ учрежденіи патріаршества, критикъ предлагаетъ непремѣнно „сказать, что для сего было согласіе вселенскихъ патріарховъ, дабы показать, что чрезъ учрежденіе сіе не произошло іерархическаго разрыва съ вселенскою церковью“. Педантичность критика въ данномъ случаѣ доходитъ иногда до забавнаго. Сербиновичъ не только предлагаетъ особую, такъ сказать, спеціально назначенную для школы формулу для извѣстнаго рода историческихъ фактовъ, но и опасливо взвѣшиваетъ каждое выраженіе учебника, которое не съ надлежащимъ лиризмомъ и безъ сантиментальности касается историческаго явленія. Любопытно, напримѣръ, сопоставить параллельно сюда относящіяся мѣста изъ „Начертанія“ и критики.

Устряловъ:	Сербиновичъ:
„Управленіе дѣлами церкви онъ (Петръ) поручилъ святѣйшему синоду, предоставивъ ему всѣ права и обязанности прежняго патріарха, коего санъ былъ отмѣненъ еще въ 1700 г.“	Должно сказать: „управленіе дѣлами церкви онъ поручилъ святѣйшему синоду. Къ сему постоянному соборному правительству, съ согласія и благословенія вселенскихъ патріарховъ, перешли всѣ духовныя права и обязанности прежняго патріарха, коего мѣсто оставалось празднымъ еще съ 1700 году“.

Выходитъ, правда, одно и тоже, но за то поучительнѣе, пространнѣе и болѣе туманно и загадочно.

Или вотъ еще примѣръ въ подобномъ же родѣ:

Устряловъ, л. 126:	Сербиновичъ:
„Тѣже догматы и обряды религіи“.	„Это будетъ холодно. Здѣсь не мѣшало бы сказать: та же чистая вѣра, наслѣдованная отъ православнаго Востока“.
л. 195:	„Холодно. Лучше: „православныхъ“. Надобно прибавлять римскихъ. Католики же и мы, и этого имени, какъ принадлежащаго единой истинной православной вѣрѣ, не должно уступать иновѣрцамъ къ своему предосужденію“
„Послѣдователей греко-россійской религіи“. „Католиковъ“.	

Это въ угоду принципу православія. Что касается политики, и тутъ, само собою разумѣется, критика остается вѣрна себѣ: „по мѣрѣ силъ исполнить волю начальства“. Отдѣльные историческіе факты оттѣняются нарочито желательной ему окраской, на всѣ лады восхваляется наши преуспѣянія, наши военные и всяческіе подвиги, величіе и сила государства. Короче сказать, требуется какъ будто останавливаться преимущественно на тѣхъ явленіяхъ нашей исторіи, которыя кажутся хорошими, о темныхъ же сторонахъ постараться умалчивать. Не распространяясь уже о томъ, что критика требуетъ „въ учебной книгѣ смерть Димитрія царевича непремѣнно описывать такъ, какъ принимаетъ церковь“, въ подтвержденіе сказаннаго нами достаточно упомянуть хотя бы о слѣдующихъ замѣчаніяхъ Сербиновича. „Государь (Алексѣй Михайловичъ)“ — говоритъ Устря-

Библиотека "Руниверс"

ловъ,—„для спасенія своего любимца, самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ“. Критикъ, не имѣя возможности оспаривать достовѣрность этого факта, замѣчаетъ: „эту слабость государя лучше исключить изъ книги учебной“. Или вотъ еще характерное замѣчаніе. Упоминая о Разинѣ, Устряловъ говоритъ, что „онъ (Разинъ) распустилъ молву, что идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ“. „Вмѣсто этой подробности“ Сербиновичъ предлагаетъ сказать въ общихъ выраженіяхъ: „даровать народу выгоды“. Разсказывая о бородинской битвѣ, Устряловъ говоритъ, что Кутузовъ рѣшился на нее „не столько въ надеждѣ на побѣду, сколько съ мыслію ободрить русское сердце“. Сербиновичъ отмѣчаетъ: „по моему мнѣнію, лучше исключить“. Нельзя не привести также и слѣдующаго мѣста изъ записки критика:

Устряловъ:	Сербиновичъ:
„Екатерина II знала Понятовскаго, бывшаго прежде посланникомъ въ С.-Петербургѣ, какъ человѣка образованнаго и пріятнаго въ обществѣ [1]), но слабаго характеромъ и безъ блестящихъ свойствъ ума; слѣдовательно, возводя его на престолъ, могла надѣяться утвердить въ Польшѣ вліяніе Россіи“.	„Подчеркнутое есть вовсе лишнее для учебной книги, слѣдующее затѣмъ есть слишкомъ откровенное изложеніе политики Екатерининой. Кажется, довольно сказать, что Екатерина была увѣрена въ его преданности, и потому содѣйствовала возведенію его на престолъ“.

Стараніе уберечь умы учащихся отъ познанія исторической истины, представляя факты нашего прошлаго или въ „общихъ“, а проще сказать, загадочныхъ и темныхъ выраженіяхъ, или же ихъ искажая и умалчивая о многомъ, превышаетъ даже предѣлы служебнаго усердія критика. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ собственноручныя помѣты графа С. С. Уварова, который, одобряя большинство замѣчаній, изложенныхъ въ разбираемой запискѣ Сербиновича, не находитъ удобнымъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ „Начертаніи“, напримѣръ, упоминается, что „Елизаветѣ принадлежитъ слава важнаго улучшенія въ уголовномъ законодательствѣ нашемъ“. Сербиновичъ добавляетъ къ этому: „надобно сказать „предпочтительно передъ европейскимъ“, а графъ Уваровъ приписалъ отъ себя: „не думаю“. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить еще одно несогласіе начальника со взглядомъ подчиненнаго критика. „Почему Екатерина II, спрашиваетъ Сербиновичъ,—не названа Великой (въ учебникѣ Устрялова), какъ назвало ее давно и отечество, и иноземцы? Нужно сказать, что ей былъ поднесенъ этотъ титулъ“. Графъ Уваровъ выразилъ свое неодобреніе, приписавъ слѣдующее: „въ этомъ не вижу нужды особой“. Не согласился графъ С. С. Уваровъ и съ заключительнымъ замѣчаніемъ разсматриваемой записки, обличающимъ взглядъ Сербиновича на исторію. „Еще примѣчаніе“ говоритъ критикъ—„надобно бы

[1]) Курсивъ подлинника.

Библиотека "Руниверс"

при каждомъ изъ важнѣйшихъ царствованій наименовать тѣхъ великихъ людей, которые прославили оныя святостью жизни, краснорѣчіемъ, государственною политикою, талантами. Это одушевитъ умнаго учителя, онъ самъ разсказомъ дополнитъ картину царствованія и пріятно займетъ учениковъ". Министръ просвѣщенія усомнился въ необходимости подобныхъ дополненій къ „Начертанію", ибо они, по его словамъ, „требуютъ объясненій разнаго рода". Такимъ образомъ, чисто практическое затрудненіе удержало министра отъ того, чтобы одобрить пристрастіе и увлеченіе критика личностями, къ дѣяніямъ и подвигамъ которыхъ будто бы долженъ сводиться весь историческій ходъ народной жизни. Отсюда, конечно, было недалеко и до превращенія исторіи въ панегерикъ, и до замѣны исторической истины—досужимъ краснобайствомъ. Вотъ, между прочимъ, какъ недоволенъ Сербиновичъ сравненіемъ сдѣланнымъ въ „Начертаніи", между государственнымъ геніемъ Петра I и Екатерины II.

„Хотя Петръ I и выше Екатерины II"—пишетъ Сербиновичъ „но дѣлать сравненіе ея достоинствъ съ его достоинствами отрицательнымъ для нея образомъ крайне неловко. Изъ онаго слѣдуетъ, что Екатерина не вникала въ подробности, не знала самоотверженія, была тщеславна. Надобно только читать дѣла, чтобы удивляться Екатериною; въ государственномъ архивѣ хранятся всѣ законы ея времени въ черновой работѣ, и вся эта черновая работа ея собственной руки. Министры только дополняли и исправляли слогъ. Изумительнымъ даромъ вникать во всѣ подробности обладала и она: ее не устрашали ни огромность дѣлъ, ни старинные почерки. Если сравнить безпристрастно, то должно ли умолчать о томъ, что она смягчила жесткость власти, не ослабивъ оной; что мѣры ея не были дуты; что, родясь принцессою нѣмецкою, она умѣла сдѣлаться истинно русскою, душею и сердцемъ, и возвысила народность, которую Петръ уничтожилъ; наконецъ, что народъ обожалъ ее, какъ никого до нея: что старики наши и теперь о ней говорятъ со слезами благодарности. Нѣтъ сомнѣнія что Петръ выше ея, но не должно дѣлать сравненія къ уничиженію второй виновницы нашего благоденствія, въ противномъ случаѣ лучше описать ея достоинства безъ сравненій".

Вообще записка Сербиновича документъ интересный, не только потому, что онъ касается нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, но для насъ особенно потому, что по немъ можно судить, подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрятъ обыкновенно на историческое преподаваніе. Не основательность, не достовѣрность данныхъ исторической науки, и не справедливость и характерность ихъ группировки, принимается въ разсчетъ въ настоящемъ случаѣ; нѣтъ, качества эти приносятся въ жертву духу и направленію, въ какомъ признается позволительнымъ вести преподаваніе исторіи. А такъ какъ духъ—вещь неуловимая и весьма измѣнчивая, по крайней мѣрѣ находящаяся въ зависимости отъ носителей этого

Библиотека "Руниверс"

духа, то и преподаваніе исторіи подвержено вліянію разнаго рода случайныхъ вѣяній и измѣнчивыхъ взглядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность педагогическая въ этой сферѣ поставлена въ заранѣе и строго опредѣленныя рамки, за прочность которыхъ, однакоже, возможно ручаться лишь по стольку, по скольку въ каждый данный моментъ гарантированъ авторитетъ самого носителя „духа". Что это именно такъ, показываетъ хотя бы тотъ же учебникъ Устрялова.

Сколько извѣстно, „Начертаніе Русской Исторіи" выдержало болѣе десяти изданій, а до этого удостоено было преміи въ десять тысячъ ассигнаціями отъ министерства народнаго просвѣщенія, по ходатайству С. С. Уварова. Книга, значитъ, вполнѣ благонамѣренная, написанная, по удостовѣренію Сербиновича съ „чувствомъ любви къ отечеству", исправленая, вѣроятно, по вышеприведеннымъ указаніямъ офиціальнаго критика, какъ это слѣдуетъ заключить изъ резолюціи министра, которая собственноручно положена имъ на запискѣ Сербиновича: „Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю Конст(антина) Степ(ановича); замѣчанія сообщить г. Устрялову для надлежащаго употребленія". И однако же, въ учебникѣ Устрялова не преминули обрѣсти слѣды вреднаго направленія, когда въ томъ встрѣтилась надобность. Не касаясь даже характернаго письма князя П. А. Вяземскаго къ С. С. Уварову [1]), гдѣ Устряловъ обвиняется въ „разслабленіи государственныхъ и историческихъ началъ народа"—здѣсь, безъ сомнѣнія непомѣрное пристрастіе къ памяти Карамзина писало рукою поэта,— не касаясь подобнаго рода частныхъ нападокъ на историка, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ любопытный фактъ, приведенный въ личныхъ воспоминаніяхъ Устрялова и относящійся къ сферамъ оффиціальнымъ.

Дѣло въ томъ, что тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгоновъ, нашелъ, что книга Устрялова должна быть вредна въ училищахъ, „заключая въ себѣ неправильныя, даже вредныя понятія о религіи и правленіи". „Строгоновъ"—разсказываетъ далѣе Н. Г. Устряловъ—„взялъ въ Москвѣ исторію съ подчеркнутыми мѣстами и привезъ ее въ Петербургъ для представленія государю Николаю Павловичу, къ которому былъ близокъ. Самъ Богъ спасъ меня отъ бѣды. Я слышалъ прежде стороною о нерасположеніи ко мнѣ Строгонова, и какъ скоро онъ пріѣхалъ рѣшился съ нимъ объясниться. Въ одинъ день я отправился къ нему; онъ принялъ меня, сказавъ, что радъ со мною познакомиться, и пригласилъ на завтрашній день, потому что тогда ѣхалъ къ государю. Я явился въ назначенное время. Строгоновъ ввелъ меня въ кабинетъ, посадилъ и, взявъ со стола мою книгу, спросилъ довольно сурово: „можно ли писать такія вещи?" Дѣло шло объ Ольгѣ и Владимірѣ. Я объяснилъ ему указанныя мѣста, доказалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего против-

[1]) Полное собраніе соч. князя П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 220 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

наго нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ, говорилъ съ жаромъ, опровергалъ всѣ возраженія и, послѣ двухчасового пренія, Строгоновъ совсѣмъ ко мнѣ измѣнился, простился очень ласково, протянулъ руку, и дѣло не имѣло для меня никакихъ послѣдствій. Не знаю, говорилъ ли онъ государю, только исторія моя шла по училищамъ безъ помѣхи" [1]).

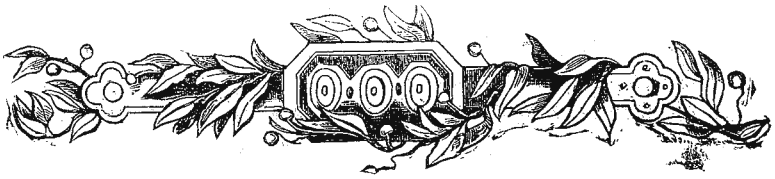
Ясно, стало быть, что при доброй волѣ и охотѣ всегда возможно отыскать вредоносную тенденцію даже въ книгѣ, проведенной черезъ горнило оффиціальнаго направленія. Отъ историческаго преподаванія, построеннаго на шаткомъ основаніи подобныхъ тенденцій, нечего ждать проку, ибо оно всегда будетъ зависѣть отъ личныхъ воззрѣній вліятельныхъ особъ, въ той или иной мѣрѣ соприкасающихся съ дѣломъ просвѣщенія. Пагубныя послѣдствія этого порядка вещей извѣстны.

Тенденціозное руководство стѣсняетъ и педагога, и учащагося, первому навязывая нерѣдко своеобразные взгляды на историческое прошлое, ничѣмъ не оправдываемые, помимо растяжимой тенденціи, а второму—сообщая ложное знаніе, которое представляется тѣмъ вреднѣе, что оно неизмѣнно стремиться къ ошибочнымъ выводамъ. Наконецъ, и составитель историческаго учебника преслѣдуетъ при такихъ условіяхъ не интересы чистой науки, а своекорыстные разсчеты. Вотъ къ чему приводитъ тенденціозное отношеніе къ историческому преподаванію. Съ искреннимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что и современная школа не избавлена отъ этихъ печальныхъ недоразумѣній.

Ѳ. Булгаковъ.

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1880 г., № 8, стр. 627.

Библиотека "Руниверс"



СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

НАСТОЯЩІЙ обзоръ современной исторіографіи мы посвятимъ цѣликомъ одному сочиненію, въ виду его первокласснаго литературнаго значенія и интереса его предмета, — мы разумѣемъ сочиненіе Леки „Исторія Англіи въ XVIII столѣтіи". [1]) Леки давно уже извѣстенъ въ исторической литературѣ своими сочиненіями: „Исторіей раціонализма" и „Исторіей нравственнаго развитія Европы отъ Августа до Карла Великаго". Въ своихъ первыхъ трудахъ Леки являлся исключительно историкомъ культуры; предметомъ изслѣдованія служили ему извѣстныя черты, отдѣльныя явленія въ духовной жизни европейскихъ народовъ; эти труды Леки имѣли монографическій характеръ и касались вопросовъ мало разработанныхъ. Въ настоящемъ-же своемъ сочиненіи Леки выступилъ на широкое поприще исторіографіи; онъ взялся за предметъ болѣе знакомый его читателямъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ разработанный его предшественниками. Между послѣдними занимаетъ почетное мѣсто лордъ Магонъ Стангопъ своей исторіей Англіи отъ Утрехтскаго мира до Версальскаго (1713—83), въ 7 томахъ. Что-же привлекло вниманіе Леки къ предмету его послѣдняго сочиненія? чѣмъ оно отличается отъ произведеній его предшественниковъ? что новаго внесено имъ въ способъ изученія XVIII вѣка и какой новый свѣтъ пролилъ онъ въ наши представленія объ этой эпохѣ!

Осьмнадцатый вѣкъ въ Англіи не отмѣченъ и не выдается никакими потрясающими событіями, которыя придаютъ предшествовавшимъ вѣкамъ то возвышающій духъ, то мрачное величіе. Этотъ вѣкъ не представляетъ намъ ничего подобнаго, какъ опустошительныя войны

[1]) A History of England in XVIII century, by W. E. H. Lecky. V. and 2. London, 1878.

Библиотека "Руниверс"

Бѣлой и Алой Розы, какъ реформація или религіозная борьба при Елисаветѣ, какъ великое возмущеніе или переворотъ 1688 года. Главное значеніе и интересъ этого вѣка состоитъ въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ и раскрываетъ зоркому наблюдателю зародыши, изъ которыхъ Англія 1700 года постепенно, тихо, почти незамѣтно выросла и развилась въ Англію нашихъ дней. За Леки нужно признать ту великую заслугу, что одинъ изъ первыхъ онъ увидѣлъ это и первый предпринялъ задачу указать и объяснить причины и процессъ, благодаря которымъ совершились самыя замѣчательныя перемѣны въ системѣ англійскаго правленія или въ устройствѣ англійскаго общества за весь указанный періодъ. Планъ сочиненія онъ самъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ въ предисловіи:

„Я не пытался писать исторію избранной мной эпохи годъ за годъ, давая подробный отчетъ о военныхъ событіяхъ или о менѣе важныхъ фактахъ, касающихся лицъ и партій, что обыкновенно составляетъ значительную часть политической исторіографію. Я имѣлъ цѣлью изъ массы фактовъ извлечь тѣ, которые выходятъ изъ коренныхъ основъ народной жизни и обнаруживаютъ самыя живучія ея черты. Ростъ или упадокъ монархіи, аристократіи и демократіи, церкви и сектаторства, земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ интересовъ; усиливающаяся власть парламента и печати; исторія политическихъ идей, искусства, обычаевъ и вѣрованій; перемѣнъ, какія произошли въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ народа, вліянія, измѣнившія народный характеръ; отношенія метрополіи къ колоніямъ и причины, ускорявшія и замедлявшія успѣхъ послѣднихъ—таковъ предметъ настоящаго сочиненія“.

Изъ этого видно, что Леки, даже взявшись за общую исторію Англіи, остается преимущественно культурнымъ историкомъ. Онъ имѣлъ въ виду не замѣну сочиненій своихъ предшественниковъ новой книгой, но дополненіе къ ихъ трудамъ и даже тамъ, гдѣ его предметъ совпадаетъ съ ихъ дѣятельностью, гдѣ ему приходится излагать политическія событія внѣшней и внутренней жизни, онъ ставитъ себѣ задачей не повѣствованіе, а оцѣнку событій съ культурной точки зрѣнія, онъ не столько излагаетъ, сколько разсуждаетъ. Леки пренебрегаетъ передачей мелочныхъ подробностей постоянной борьбы за господство въ парламентѣ или описаніемъ низкихъ интригъ, съ помощью которыхъ какой нибудь Ньюкастль, достойный предметъ для карикатуръ, добился преобладанія въ министерствахъ. Мѣсто, которое слишкомъ часто тратится на подобные предметы, занято въ книгѣ Леки разсужденіями о постепенномъ развитіи религіозной терпимости, о медленномъ, но постоянномъ уменьшеніи королевской власти и о вліяніи, какое оказывали желанія народа на дѣйствія парламента, даже до его реформы. Вмѣсто утомительно скучныхъ подробностей безуспѣшныхъ интригъ Якобитовъ или тѣхъ мѣръ, съ помощью которыхъ врагамъ Вальполя удалось наконецъ его отстранить отъ госу-

Библиотека "Руниверс"

дарственныхъ дѣлъ—читатель находитъ у Леки превосходный résumé законодательныхъ мѣръ, которыя отъ вражды привели шотландскій народъ къ преданности Англіи и откровенное объясненіе ужасныхъ ошибокъ, помѣшавшихъ ирландцамъ участвовать въ благоденствіи ихъ сосѣдей. Очеркъ успѣховъ медицинской науки и развитіе музыки и живописи вполнѣ вознаградятъ читателя, желающаго познакомиться съ англійской жизнью, за отсутствіе разсказовъ о войнахъ и воинскихъ приготовленіяхъ. Разница между двумя способами писать исторію явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія: между тѣмъ какъ въ сочиненіи лорда Стангопа исторія возстанія въ 1745 г. занимаетъ 120 страницъ, у Леки она разсказана на двухъ! Хотя разсказъ о побѣдахъ англійскихъ войскъ и флота, созданныхъ по волѣ Питта его послушными товарищами, доказываетъ, что Леки можетъ овладѣть вниманіемъ читателей и тогда, когда касается сюжета къ которому онъ мало склоненъ, но онъ очевидно особенно счастливъ когда ему приходится описывать благодѣянія мира.

При исполненіи задачи, которую поставилъ себѣ Леки,—историку конечно приходится оставить хронологическій способъ изложенія, а при этомъ чрезвычайно трудно соблюсти единство плана въ сочиненіи и соразмѣрность частей. Изложеніе мѣстами становится слишкомъ сжатымъ и потому неяснымъ, мѣстами расплывается или приводитъ къ повтореніямъ. Нѣкоторыя событія или извѣстныя стороны жизни слишкомъ выступаютъ на первый планъ, другія остаются въ тѣни. Но эти неизбѣжные недостатки доведены въ книгѣ Леки до крайности его пристрастіемъ къ эпизодическому способу изложенія, постоянными отступленіями и посторонними разсужденіями. Такъ напримѣръ, въ двухъ мѣстахъ Леки опровергаетъ мнѣніе лорда Стангопа, что „современные торіи представляютъ сходство съ вигами эпохи королевы Анны, а тогдашніе торіи съ современными вигами". Въ другой вставкѣ, мало связанной съ текстомъ, Леки обстоятельно высказывается въ пользу покровительства со стороны государства литературѣ и наукѣ, такъ какъ въ этой области интересы общеста недостаточно обезпечены дѣйствіемъ обыкновенныхъ экономическихъ законовъ спроса и предложенія. Но самый пространный изъ эпизодовъ—изложеніе дѣлъ Шотландіи и Ирландіи — представляетъ совершенный перерывъ въ изложеніи и занимаетъ болѣе трети всего сочиненія. Относительно ирландскихъ дѣлъ Леки самъ признается, что они изложены у него не соразмѣрно длиннно. Дѣйствительно, онъ даетъ отчетъ исторіи Ирландіи со времени норманскаго завоеванія до половины XVIII в., отчетъ слишкомъ длинный и мелочной для эпизода и недостаточно подробный для исторіи. Къ тому-же слишкомъ очевидно, что авторъ имѣлъ при этомъ цѣлью полемику съ Фраудомъ въ отвѣтъ на его сочиненіе: „Англичане въ Ирландіи".

Имѣя въ виду описать исторію Англіи XVIII в. Леки совершенно правильно начинаетъ съ оцѣнки переворота 1688 г., ибо это событіе

Библиотека "Руниверс"

наиболѣе повліяло на ходъ и характеръ англійской исторіи въ теченіе слѣдующаго столѣтія. По поводу революціи 1688 г. Леки высказываетъ не столько глубокій, сколько пикантный взглядъ, который у него потомъ проводится вполнѣ послѣдовательно въ изложеніи дальнѣйшихъ событій и, какъ можно думать, не мало содѣйствуетъ возбужденію интереса со стороны читателей. Леки склоняется въ пользу исторической школы Вольтера, который очень любилъ сводить великія событія на случайности, какъ напримѣръ, замедленіе (вслѣдствіе потери подковъ) римскаго курьера, своевременный пріѣздъ котораго могъ-бы предотвратить разрывъ Генриха VIII съ папствомъ и отдалить на неопредѣленное время реформацію въ Англіи. „Всякій, говоритъ Леки, кто станетъ изучать исторію паденія римской республики, торжество христіанства въ римской имперіи, разложеніе этой имперія, средневѣковой переходъ отъ рабства къ серважу, реформацію или французскую революцію, — легко можетъ убѣдиться, что каждый изъ этихъ важныхъ переворотовъ былъ результатомъ продолжительнаго ряда религіозныхъ, соціальныхъ, политическихъ, экономическихъ и интеллектуальныхъ причинъ, простиравшихся на многія поколѣнія. Это такъ вѣрно, что нѣкоторые серьезные писатели утверждали, будто вліяніе особенныхъ обстоятельствъ или индивидуальнаго характера, усилій и особенностей, должно считаться ни во что въ общемъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ и что всякій удачный переворотъ долженъ быть исключительно приписанъ длинному ряду умственныхъ вліяній, которыя подготовили и сдѣлали необходимымъ его торжество.

„Однако не трудно доказать, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ абсолютныхъ историческихъ обобщеніяхъ, есть большое преувеличеніе и можно привести множество примѣровъ, гдѣ малѣйшее измѣненіе въ расположеніи обстоятельствъ или въ поступкахъ людей, измѣнило бы все теченіе исторіи. На самомъ дѣлѣ не много такихъ теченій въ исторіи, какъ бы они не были сильны, которыя не могли бы въ самомъ началѣ быть остановлены или иначе направлены“.

Переходя отъ такихъ общихъ разсужденій къ примѣрамъ и доказательствамъ, Леки, между прочимъ говоритъ: „Вѣдь это не болѣе какъ простой стратегическій вопросъ, не могъ-ли Ганибалъ послѣ битвы при Каннахъ, пойдти на Римъ и сжечь его до основанія, а если бы онъ это сдѣлалъ, тогда вовсе не было бы того длиннаго ряда важныхъ событій, которыя представляетъ собою римское владычество, и руководство въ дѣлѣ развитія цивилизаціи выпало бы на долю карѳагенянъ, націи, совершенно иной по своему положенію, характеру и стремленіямъ. Если бы Карлъ Мартеллъ былъ разбитъ въ битвѣ при Пуатье, тогда, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ, магометанство очень вѣроятно распространилось бы во всей гальской и германской Европѣ, а извѣстно, что только послѣ нѣсколькихъ дней сомнительныхъ стычекъ, побѣда наконецъ была одержана христіанами. Неизвѣстная намъ ошибка какого-нибудь теперь забытаго офи-

Библиотека "Руниверс"

цера, который двинулъ свой полкъ вправо, вмѣсто того, чтобъ двинуть его влѣво, можетъ быть повернула дѣло и измѣнила судьбы Европы. Даже переворотъ французской революціи, хотя онъ несомнѣнно былъ представленъ длиннымъ рядомъ неудержимыхъ причинъ, могъ-бы получить иную окраску, если бы Людовику XIV наслѣдовалъ его внукъ, герцогъ Бургундскій и сталъ бы управлять страной съ тѣмъ пониманіемъ дѣла и тѣмъ либерализмомъ, какого всѣ ожидали отъ воспитанника Фенелона".

Что-же касается переворота въ англійской исторіи, вслѣдствіе котораго послѣдній изъ Стюартовъ долженъ былъ уступить престолъ Вильгельму III, то Леки полагаетъ, что теченіе (stream of tendency) было вполнѣ въ пользу Якова и противъ Вильгельма, когда оно было отклонено замѣчательнымъ государственнымъ смысломъ со стороны Вильгельма и ослѣпленіемъ доходившимъ до глупости, со стороны Якова. „Благодаря очень рѣдкому стеченію обстоятельствъ въ Англіи была введена и установилась такая форма правленія, къ которой масса народа, по своему умственному развитію была совершенно неподготовлена".

А въ другомъ мѣстѣ Леки замѣчаетъ: „Великая побѣда, какую одержали при революціи принципы виговъ, зависѣла не столько отъ общаго соціальнаго или умственнаго развитія, сколько отъ безразсудства одного монарха и ловкости небольшаго числа государственныхъ людей".

Свое мнѣніе, что торжество конституціоннаго порядка и парламентскаго управленія водворилось въ Англіи не столько вслѣдствіе общихъ историческихъ причинъ, сколько вслѣдстіе личныхъ вліяній и стеченія случайныхъ обстоятельствъ, Леки старается подкрѣпить и дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. „Эта форма правленія, говоритъ онъ, была еще такъ мало упрочена и прилажена къ странѣ по недавности, что еще черезъ четверть столѣтія висѣла на ниточкѣ и чуть не состоялась реставрація Стюартовъ. Какъ въ наше время отказъ графа Шамборскаго отступиться отъ бѣлаго знамени, такъ и отказъ претендента отрѣчься отъ своей религіи, было главнымъ, почти единственнымъ препятствіемъ къ полному осуществленію его надеждъ"... Но даже это не обезкураживало его приверженцевъ и Леки думаетъ, что когда Болингброкъ, послѣ удаленія лорда Оксфорда въ іюлѣ 1714 г., приступилъ къ составленію въ проектѣ министерства почти исключительно якобинскаго, есть полное основаніе предполагать, что такое министерство, поддерживаемое королевой, имѣя во главѣ человѣка въ высшей степени ловкаго, смѣлаго и неразборчиваго въ средствахъ, располагая всей гражданской и военной администраціей страны,—что такое министерство могло при тогдашнемъ положеніи Англіи произвести реставрацію Стюартовъ. Болингброкъ впослѣдствіи говорилъ, что съ его стороны всѣ мѣры были такъ хорошо приняты, что нужно было не болѣе шести недѣль

Библиотека "Руниверс"

для приведенія дѣлъ въ такое положеніе, чтобъ не оставалось ни малѣйшаго повода къ опасенію. Выгодное положеніе, которое оправдываетъ такія слова, было достигнуто искусной игрой Болингброка, который выдвигалъ одну фаворитку королевы противъ другой и это положеніе со всѣми поразительными послѣдствіями, съ нимъ связаными— перемѣна династіи, сверженіе конституціи, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась предметомъ зависти для всего свѣта,—зависѣло отъ случайности, которую ни какая человѣческая предусмотрительность и осторожность не могли предвидѣть или предотвратить. Жребій выпалъ не въ его пользу. Первое же засѣданіе совѣта, послѣ возвышенія Болингброка въ санъ премьера, подкосило силы королевы; она удалилась изъ совѣта, сказавши окружающимъ, что не переживетъ этой сцены: послѣ того она впала въ безчувственное состояніе, которое продолжалось до ея смерти, а два дня спустя Болингброкъ пишетъ Свифту: „Графъ Оксфордъ былъ удаленъ во вторникъ, королева скончалась въ воскресенье! Что это за свѣтъ и какъ судьба издѣвается надъ нами!"

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ Леки относительно вліянія случайности на ходъ англійской исторіи, придаетъ его изложенію большую драматичность. Но мы полагаемъ, что и кромѣ этого, она выгодно отразилась на сочиненіи и помогла автору подмѣтить такія черты или освѣтить такія стороны въ англійской исторіи, которыя остались бы въ тѣни при другой точкѣ зрѣнія. Сюда мы относимъ напримѣръ указаніе на то, что торжество парламентаризма, утвердившагося при первыхъ двухъ Георгахъ, было собственно господствомъ либеральнаго меньшинства надъ большинствомъ націи, которое гораздо болѣе сочувствовало торійскимъ, консервативнымъ и монархическимъ принципамъ, но было разъединено и безсильно, потому что рѣшительная оппозиція противъ господствовавшаго порядка могла бы привести къ водворенію на престолѣ католическаго короля, что встрѣчало сопротивленіе въ религіозныхъ антипатіяхъ населенія. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что ни у одного изъ прежнихъ историковъ не выступаетъ такъ рельефно роль, которую играла англиканская церкорь въ исторіи развитія англійскаго парламентаризма. Она была главной поддержкой идеи божественнаго права королей и если бы на англійскомъ престолѣ не прервался родъ легитимныхъ королей, она явилась бы сильнѣйшей опорой не только торіизма, но и абсолютизма; но это главное препятствіе на пути развитія парламентаризма исчезло потому, что короли Ганноверской династіи не пользовались сочувствіемъ англиканскаго духовенства, а потомокъ легитимныхъ королей, жившій въ изгнаніи, былъ католикъ. Такимъ образомъ, одной изъ важнѣйшихъ причинъ быстраго развитія парламентаризма въ Англіи, былъ разладъ между преданностью протестантизму и легитимизмомъ въ англійскомъ народѣ.

Библиотека "Руниверс"

У Леки изложено вообще очень интересно и обстоятельно вліяніе религіозныхъ вѣрованій на политическій образъ мыслей англичанъ.

Такъ онъ выставилъ чрезвычайно рельефно поддержку, какую находило монархическое чувство въ глубоко укоренившемся повѣрьи, что прикосновеніе короля исцѣляетъ дѣтей отъ золотухи и другихъ болѣзней. Даже въ рядахъ революціонной партіи это повѣрье было такъ сильно, что напримѣръ для полученія такого благодѣтельнаго исцѣленія, республиканскій капитанъ, который сражался противъ войскъ Карла I, послалъ свою жену въ Лондонъ, чтобъ посѣтить короля въ его заключеніи; ради того же одинъ колонистъ Новой Англіи просилъ вспомоществованія у правительства, чтобъ переправиться чрезъ далекія моря, отдѣлявшія его отъ родины. Королева Анна воскресила народную вѣру въ дѣйствительность этого сверхестественнаго дара и въ числѣ дѣтей, приносимыхъ ей для исцѣленія чудеснымъ прикосновеніемъ, былъ знаменитый впослѣдствіи д-ръ Джонсонъ. Отказъ же обоихъ Георговъ поддержать свое дѣло потворствомъ народному суевѣрію сильно содѣйствовалъ ослабленію королевской власти.

Хотя мы и вполнѣ готовы признать заслуги историка, указавшаго на роль случайности въ исторіи развитія англійскаго парламентаризма, но нельзя однако не сказать, что его основная теорія ошибочна и что даже въ приложеніи къ англійской исторіи съ 1688 г. вліяніе случайности на событія у него сильно преувеличено или недовольно точно ограничено. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что Яковъ II принялъ католицизмъ, что его сынъ и внукъ не захотѣли послѣдовать примѣру Генриха IV французскаго и исповѣдовать вѣру того народа, надъ которымъ они желали царствовать,—обусловливало торжество виговъ и призваніе иностранной династіи, при которой либеральная аристократія и палата общинъ быстро расширили сферу своего вліянія; но вѣдь исторія англійскаго парламентаризма ведетъ свое начало не съ обращенія Якова въ католицизмъ; и кто прослѣдитъ исторію англійской конституціи со времени Великой Хартіи, для того вопросъ объ отношеніяхъ послѣднихъ Стюартовъ къ католицизму представится только эпизодомъ въ этой исторіи, правда важнымъ, но который не былъ въ состояніи существенно измѣнить общаго теченія исторіи.

Одно увлеченіе обыкновенно порождаетъ другое. Преувеличивши вліяніе случайности на водвореніе парламентаризма въ Англіи, Леки преувеличиваетъ и степень силы, которой достигъ этотъ парламентаризмъ въ XVIII в. Какъ показалъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ Леки, (въ Quart. Review), этотъ историкъ идетъ по стопамъ лорда Биконсфильда, который, будучи еще молодымъ литераторомъ, почти 50 лѣтъ тому назадъ, писалъ объ этомъ вопросѣ. Въ своемъ сочиненіи „Защита англійской конституціи въ письмѣ къ ученому лорду“ (1835 г.), Дизраэли утверждалъ, что аристократія виговъ стремилась

Библиотека "Руниверс"

къ тому,—и въ значительной степени достигла,—чтобъ поставить первыхъ двухъ королей Гановерской династіи въ „положеніе Венеціанскаго дожа". „Вигскіе пэры, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дали правительству теперешній его характеръ". разумѣя подъ этимъ политическую солидарность министровъ, т. е. принадлежность всего министерства къ одной и той же партіи виговъ или торіевъ. И Леки склоняется къ такому же взгляду. Послѣ разсужденій объ ослабленіи монархическаго принципа, вслѣдствіе отверженія ученія о божественномъ правѣ монархіи, онъ говоритъ: „Другой важной причиной упадка королевской власти было усиливщееся развитіе способа правленія посредствомъ партій (party governmen). Образованіе министерства или однородной группы государственныхъ людей. съ одной политикой, обсуждающихъ сообща всѣ дѣла и гдѣ каждый членъ отвѣтственъ передъ другими,—справедливо было представлено Маколеемъ какъ одно изъ самыхъ важныхъ и наименѣе замѣченныхъ послѣдствій революціи. Это было существенно для дѣйствія парламенскаго правленія и не менѣе важно для ослабленія королевскаго вліянія. Пока министры были избираемы монархомъ изъ самыхъ противоположныхъ партій, пока каждый изъ нихъ былъ отвѣтственъ только за свое вѣдомство и былъ совершенно свободенъ подавать голосъ, говорить или интриговать противъ своихъ товарищей—очевидно, что высшая дѣйствительная власть находилась у монарха".

Но такое положеніе дѣлъ продолжалось безъ существеннаго измѣненія не только до царствованія Георга III, но даже долго и при немъ; при тщательномъ изслѣдованіи окажется, что первый кабинетъ въ современномъ смыслѣ, т. е. однородный и зависящій отъ перваго министра, былъ кабинетъ Питта, составившійся послѣ паденія Тёрло въ 1792 году.

Начиная съ революціи, правленіе партій потребовало болѣе столѣтія, чтобъ достигнуть полнаго развитія, и Леки, не принявшій этого во вниманіе, также какъ и лордъ Биконсфильдъ, совершенно не понялъ положенія первыхъ королей Гановерской династіи: не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ вліянія, которое имѣло исключительное владычество виговъ на паденіе авторитета короля. Монархъ пересталъ быть умѣряющей силой, поддерживающей равновѣсіе въ разнородномъ и несогласномъ кабинетѣ, имѣющей возможность удалить министра одного направленія и взять другого противоположныхъ взглядовъ и такимъ способомъ въ значительной степени направить политику правительства. Теперь онъ могъ управлять лишь посредствомъ политическаго органа, который при своемъ полномъ единствѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи большинство парламента,—былъ обыкновенно въ состояніи, подъ угрозою общей отставки, заставить принять свои условія...

Такимъ образомъ, силой обстоятельствъ гораздо болѣе, чѣмъ особенными стѣснительными законодательными мѣрами, произошло коренное измѣненіе въ положеніи англійской монархіи.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дальнѣйшаго же изложенія Леки оказывается вполнѣ очевиднымъ, что король продолжалъ быть умѣряющей властью, поддерживающей равновѣсіе, правда не между торіями и вигами, но между враждебными группами виговъ, которые, не представляя ничего похожаго на полное единство, были болѣе разъединены, чѣмъ когда либо. Такъ говорится о „великомъ расколѣ (schism) обнаружившемся въ 1717 г., когда лордъ Таунсгендъ былъ уволенъ отъ должности; когда Вальполь съ нѣсколькими изъ менѣе значительныхъ виговъ удалился и сталъ въ ожесточенную оппозицію и когда главная власть перешла въ руки Сендерланда и Стангопа: объясняется же это тѣмъ, что Сендерландъ расположилъ къ себѣ короля, угождая его ганноверской политикѣ, тогда какъ Вальполь и Таунсгендъ сдѣлались ему особенно непріятными своей оппозиціей. Когда Вальполь, послѣ многихъ превратностей судьбы получилъ наконецъ власть, то онъ достигъ ея и пользовался ею вовсе не высокомѣрно и независимо, въ силу крѣпко сплоченной партіи или сильнаго большинства, которое давало бы ему возможность ставить свои условія или сдѣлать себя необходимымъ,—нѣтъ, онъ держался съ помощью такихъ средствъ, которыя предполагаютъ полное отсутствіе высшей силы: „И другіе министры, говоритъ Леки, употребляли въ дѣло подкупъ въ большихъ размѣрахъ для достиженія извѣстной цѣли или вообще въ трудныя, критическія минуты. Но Вальполю было суждено обратить подкупъ въ систему и сдѣлать изъ него нормальный способъ парламентскаго управленія. Политика, которую онъ усвоилъ себѣ для удержанія большинства въ парламентѣ, заключалась не въ томъ, чтобъ привлечь къ своему министерству замѣчательныхъ ораторовъ, писателей, финансистовъ или государственныхъ людей, не въ томъ, чтобъ устроить какую нибудь комбинацію или союзъ партій, отождествляя себя съ какимъ нибудь великимъ народнымъ стремленіемъ или привлекая на свою сторону юныхъ дѣятелей, способности и характеръ которыхъ обѣщали бы имъ въ будущемъ видное положеніе;—она заключалась просто въ увеличеніи его вліянія на мелкія избирательныя общины (boroughs), въ расширеніи правительственнаго патроната“.

И снова самъ же Леки приводитъ доказательства противъ принятой имъ теоріи. Общій уровень политической жизни былъ между тѣмъ плачевно низокъ. Вся политика въ царствованіе королевы Анны сосредоточивалось главнымъ образомъ вокругъ фаворитокъ государыни, и при первыхъ ганноверскихъ монархахъ главная сила заключалась въ придворныхъ интригахъ или парламентскомъ подкупѣ. Болингброкъ добился позволенія возвратиться изъ изгнанія благодаря покровительству герцогини Кендель, одной изъ фаворитокъ Георга I, которую, какъ говорятъ, онъ расположилъ къ себѣ взяткой въ 10,000 ф. ст. Картеретъ вначалѣ возлагалъ свои надежды на нее же, но вообразивши, что со стороны герцогини онъ

Библиотека "Руниверс"

встрѣтилъ лишь холодность и невѣрность, онъ перешелъ на сторону ея соперницы, графини фонъ-Платенъ.

Честерфильдъ въ концѣ своей карьеры интриговалъ противъ Ньюкастля вмѣстѣ съ герцогиней Ярмутъ; и самъ Питтъ, какъ утверждаютъ по очень достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, достигъ своего положенія въ кабинетѣ министровъ въ значительной степени благодаря вниманію, какое оказывалъ той же герцогинѣ Ярмутъ.

Такимъ образомъ, къ исторіи Англіи въ XVIII в. совершенно непримѣнимо представленіе, которое наблюдатель можетъ вынести изъ современнаго политическаго строя этой страны. Тогда еще не сложилась та правильная организація, благодаря которой современные виги и торіи смѣняютъ другъ друга въ министерствѣ и въ правительствѣ, смотря по тому, въ пользу которой изъ этихъ партій склоняется господствующее въ обществѣ настроеніе.

Но что особенно любопытно,—не только составъ министерства и политика правительства не были вполнѣ вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія—самое представительство страны, нижняя палата, точно также не служила органомъ господствовавшаго въ странѣ настроенія. Управленіе Ганноверской династіи было, какъ мы сказали, господствомъ либеральнаго меньшинства въ Англіи и потому парламентъ былъ собственно представителемъ не страны, а того меньшинства, которое считало себя солидарнымъ съ новымъ правительствомъ. Власть парламента и особенно нижней палаты была, такъ сказать, основана на узурпаціи, и потому большинство нижней палаты не только деспотически управляло страной, но и старалось продолжить свою власть всякаго рода не законными средствами. Это особенно ярко обнаруживается въ характерѣ и способѣ тогдашнихъ выборовъ въ нижнюю палату. Въ прежнее время члены нижней палаты подвергались переизбранію каждые 4 года. Въ 1715 прошелъ такъ называемый Septennial act, въ силу котораго полномочія, данныя членамъ парламента, были продолжены на 7 лѣтъ. Этотъ актъ положилъ основаніе, какъ выразился одинъ изъ государственныхъ людей Англіи, „освобожденію нижней палаты отъ ея прежней зависимости отъ правительства и отъ палаты лордовъ“; онъ могъ-бы прибавить также и отъ правильной конституціонной зависимости отъ народа. Но независимость нижней палаты отъ страны еще болѣе бросается въ глаза на самыхъ выборахъ, во время которыхъ прежнее большинство старалось всѣми возможными средствами обезпечить свое переизбраніе и подобрать подходящихъ новыхъ членовъ. По этому каждые общіе выборы подовали поводъ къ взрыву народнаго неудовольствія на тотъ способъ, какимъ спорныя мѣста присвоивались большинствомъ. „Я думаю, говоритъ лордъ Гервей, что явная несправедливость и вопіющее нарушеніе всякой правды въ рѣшеніяхъ этого парламента превосходятъ даже самые рѣзкіе и позорные примѣры любого изъ его предшественниковъ“.

Библиотека "Руниверс"

Для подтвержденія того, что такой отзывъ не преувеличенъ, мы приведемъ изъ книги Леки слѣдующій примѣръ: въ 1703 г. одинъ избиратель, которому отказали въ участіи въ выборахъ, принесъ жалобу суду. Ассизы признали его избирательное право и лицъ, оспаривавшихъ это право, приговорили къ денежной пенѣ; но королевскій судъ отмѣнилъ приговоръ, при чемъ большинство судей отстаивало опасную доктрину, что юрисдикція во всѣхъ случаяхъ, касающихся избранія, принадлежитъ одной только нижней палатѣ. Послѣ этого дѣло было перенесено въ верхнюю палату, какъ высшій судебный трибуналъ королевства. Лорды значительнымъ большинствомъ отмѣнили приговоръ королевскаго суда. Но нижняя палата и не думала примириться съ этимъ приговоромъ, сдѣлала постановленіе противъ него и угрожала тяжелыми пенями всякому, кто внесетъ въ судъ дѣла, касающіяся спорныхъ выборовъ, а также и адвокату, который взялся-бы вести такое дѣло; и дѣйствительно палата затѣмъ приказали заключить въ Ньюгэтъ четырехъ лицъ за то, что они приняли мѣры совершенно согласныя съ приговоромъ высшаго судебнаго учрежденія въ Англіи. Раздоръ между обѣими палатами такъ разгорѣлся, что правительство нашло нужнымъ покончить его отсрочками парламентскихъ засѣданій.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что властолюбіе палаты проявлялось въ самой рѣзкой формѣ деспотизма, въ кумуляціи законодательной власти съ судебной. Такая узурпація судебной власти проявлялась со стороны палаты не только въ вопросахъ, касавшихся выборовъ, но и въ частныхъ дѣлахъ членовъ парламента, которыя палата самоуправно разрѣшала подъ предлогомъ, что усматривала въ нихъ нарушеніе правъ и привиллегій палаты или оскорбленіе своего собственнаго достоинства. Почти всякое оскорбленіе словомъ или дѣломъ, наносимое члену парламента во время Георга II, подводилось подъ статью о нарушеніи привиллегій и потому подлежало непосредственной и очень часто мстительной юрисдикціи палаты. Между проступками, подводимыми подъ эту статью оказались наприм., охота за кроликами какого-нибудь члена, ловля рыбы въ прудахъ другого члена, порча деревьевъ третьяго, и кража угля въ копяхъ у четвертаго.

Понятно, что такими дѣйствіями палата наносила большой ущербъ своей популярности.

Несомнѣненъ фактъ, на который сравнительно было обращено мало вниманія, что нижняя палата постепенно навлекла на себя большую часть ненависти и недовѣрія, которыя прежде сосредоточивалось на королевской власти во времена ея произвола. Эта непопулярность парламента можетъ отчасти служить объясненіемъ страннаго явленія въ свободной и конституціонной странѣ—замѣчательнаго равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, которое изрѣдка только уступало мѣсто взрыву народныхъ страстей. Эта апатія англійскаго народа къ своимъ политическимъ интересамъ особенно паразительно обнаружилась во

Библиотека "Руниверс"

время возстанія въ Шотландіи, вызваннаго претендентомъ, т. е. Карломъ Эдуардомъ, внукомъ Якова II, въ 1745 г.

„Когда вспыхнуло послѣднее возстаніе, говорилъ лордъ Гардвикъ въ 1749 г., я думаю, большая часть людей была убѣждена, что еслибы мятежники имѣли успѣхъ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его было бы папство, а съ нимъ вмѣстѣ и рабство; не смотря на это какое слабое сопротивленіе оказалъ народъ во всѣхъ частяхъ королевства"!

Между тѣмъ общественное настроеніе во время возстанія было такое, какъ будто нація, послѣ болѣе чѣмъ полувѣкового опыта свободной конституціи, не рѣшила еще, стоитъ-ли она того, чтобъ ее отстаивать, или не обратиться-ли ей снова къ династіи, которую она изгнала за систематическіе захваты въ области ея драгоцѣннѣйшихъ льготъ и правъ?

Настоящая причина такого равнодушія, по мнѣнію Леки, указана въ письмѣ ольдермана Гиткота къ графу Марчмонту (сент. 1745 г.): „Ваше сіятельство могли замѣтить, какъ мало вліянія оказало настоящее возстаніе на биржевые фонды, и если этому общему равнодушію въ самомъ скоромъ времени не будетъ положенъ предѣлъ удовлетвореніемъ требованій націи и прекращеніемъ посредствомъ соотвѣтствующихъ законовъ этой парламентской проституціи, уничтожившей наши войска, нашъ флотъ и нашу конституцію—я очень опасаюсь за будущее"!

Но какъ пользовался въ интересахъ страны парламентъ своей деспотическою властью, которую, какъ мы сейчасъ видѣли, даже обвиняли въ разрушеніи конституціонной свободы? Мы разумѣемъ здѣсь подъ интересами страны не иностранную политику, которая много зависѣла отъ характера перваго министра, отъ наклонностей короля и всего болѣе отъ общаго хода европейскихъ событій, — мы имѣемъ въ виду внутреннюю жизнь Англіи. Оправдывалъ-ли парламентъ свою сильную власть цѣлесообразными реформами, мудрыми законодательными мѣрами? Въ этомъ отношеніи книга Леки, посвященная преимущественно культурной исторіи, даетъ богатый и интересный матеріалъ. Приведемъ прежде всего мнѣніе объ этомъ самаго историка, отвѣтъ, который онъ даетъ на поставленный нами вопросъ. „Не легко, говоритъ онъ, понять, какимъ образомъ парламентъ, насквозь испорченный въ своемъ составѣ, оказался вѣрнымъ стражемъ англійской свободы или какъ могъ онъ создать такое большое количество законовъ, свидѣтельствующихъ о его мудрости, умѣренности и терпимости, чѣмъ Англія несомнѣнно ему обязана".

„Никто, по его мнѣнію, изъ тѣхъ, которые искренно всматриваются въ общій характеръ англійской администраціи за долгій періодъ преобладанія виговъ въ XVIII в., не усомнится въ томъ, что Вольтеръ и Монтескье имѣли полное основаніе представлять ее стоящей несравненно выше чѣмъ главныя изъ тогдашнихъ правительствъ материка".

Съ этимъ нельзя не согласиться и если взять въ расчетъ каковы были эти главныя провительства на материкѣ—во Франціи, Испаніи,

Библиотека "Руниверс"

Германіи и Италіи — въ то время когда Вольтеръ и Монтескье писали, то ихъ похвала Англіи еще не много значитъ.

Но нужно замѣтить, что впечатлѣніе, которое выноситъ читатель изъ книги Леки, изъ накопленныхъ тамъ фактовъ, далеко не согласно съ отзывомъ историка. Виноватъ въ этомъ отчасти самъ Леки, потому, что къ сожалѣнію не привелъ примѣровъ этой мудрой, умѣренной и терпимой законодательной политики, о которой онъ говоритъ.

Отчасти-же причина заключается въ самыхъ условіяхъ такого рода культурныхъ очерковъ, какой намъ представляетъ книга Леки. При наблюденіи надъ культурной жизнью прошлыхъ временъ вниманіе историка но неволѣ привлекаютъ преимущественно рѣзкія, подъ часъ каррикатурныя черты общественной жизни, болѣзненныя явленія, уклоненія отъ общей нормы. Такимъ образомъ и въ книгѣ Леки самыя поразительныя главы обнаруживаютъ болѣе всего неумѣренный и нетерпимый характеръ законодательства, насколько оно касалось именно той части государства (Ирландіи), гдѣ умѣренность и терпимость были особенно необходимы. Въ Англіи также старинные карательные законы неотступно поддерживались: уголовное право во всѣхъ его частяхъ, включая и судопроизводство, было ничто иное, какъ подправленный обломокъ варварскихъ временъ. Законъ и банкротствѣ, о должникахъ и кредиторахъ, законъ о бѣдныхъ, о бракѣ, объ азартныхъ играхъ, однимъ словомъ всѣ законы, регулирующіе общественныя и торговыя отношенія въ государствѣ, были въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Тюрьмы, насильственные наборы во флотъ, недостатокъ санитарныхъ мѣръ, судъ и полиція въ столицѣ, необезпеченность собственности и даже жизни въ самыхъ населенныхъ областяхъ—все это было безчестьемъ для народа имѣющаго притязанія на цивилизацію. Торговля невольниками быстро разрозсталась въ то позорное пятно на человѣчествѣ, на которое мы теперь оглядываемся со стыдомъ и удивленіемъ, какъ допустили безъ всякаго вмѣшательства, чтобъ эта торговля достигла такихъ ужасающихъ размѣровъ!

Ни одно изъ этихъ явленій не осталось незамѣченнымъ Леки, но онъ упустилъ изъ виду, что борьба съ самыми вопіющими злоупотребленіями досталась на долю послѣдующихъ поколѣній и что XVIII в. оставилъ худшія изъ нихъ нетронутыми. Приведенныя у Леки мѣры для уменьшенія зла далеко не достигали своей цѣли: одно только исключеніе представляетъ законъ о бракѣ 1754 г. обыкновенно называемый закономъ лорда Гардвика.

До этого закона вѣнчаніе могло быть совершаемо священникомъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, и признавалось законнымъ, хотя бы при этомъ не было заявлено ни согласія родителей, ни какого либо письменнаго документа. Совершеніе такого рода браковъ конечно поподало въ руки нуждающихся и дурной репутаціи духовныхъ, какихъ всегда было легко найдти около или въ самой Флитской тюрьмѣ, гдѣ они были прежде заключены или сидѣли еще

Библиотека "Руниверс"

за долги. Отсюда названіе флитскихъ браковъ; впрочемъ это вовсе не было монополіей флитскихъ пасторовъ. Самыя успѣшныя дѣла этого рода велъ достопочтенный Александръ Китъ въ часовнѣ Керзонъ-Стрита, который вѣнчалъ среднимъ числомъ до 6,000 паръ въ годъ: передъ парламентомъ было доказано, что въ 4 мѣсяца было совершено 2454 брака въ Флитѣ; по дневнику одного изъ священниковъ оказалось, что онъ заработалъ въ одинъ мѣсяцъ 57 ф. за вѣнчанія, а другой обвѣнчалъ въ одинъ день 173 пары. Между тѣмъ и флитскіе священники не имѣли основанія жаловаться. Но какъ ни было очевидно злоупотребленіе, законъ для противодѣйствія ему встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію, во главѣ которой сталъ Генри Фоксъ, а Горасъ Вальполь открыто нападалъ на билль, заявляя, что съ начала до конца въ немъ преобладаетъ одна тенденція— гордость и аристократизмъ.

Рядъ законодательныхъ мѣръ, которымъ Леки придаетъ важное значеніе, были направлены противъ пьянства, страсть къ которому, начиная съ 1724 г. распространялась, по его описанію, съ быстротою и силою эпидеміи. „Какъ ни мало мѣсто, занимаемое этимъ фактомъ въ исторіи Англіи, онъ имѣлъ вѣроятно, если принять въ соображеніе проистекшія отъ него послѣдствія, громадное значеніе въ исторіи XVIII вѣка, несравненно болѣе любого событія въ чисто политическихъ или военныхъ лѣтописяхъ страны. Истребленіе спиртныхъ напитковъ въ Англіи за 1735 г. было вдесятеро больше противъ 1689 и болѣе чѣмъ вдвое противъ 1714 года. Медики видѣли въ водкѣ новый и ужасный источникъ болѣзней и смертности. Обвинительное жюри Мидльсекса формально признало пьянство главной причиной бѣдности и преступленій въ столицѣ. На вывѣскахъ извѣстныхъ питейныхъ заведеній было объявлено, что посѣтитель можетъ напиться пьянымъ за одинъ пени, мертвецки-пьянымъ на 2 и получить даромъ соломы. Это обѣщаніе приводилось въ исполненіе такимъ образомъ, что погребки были устланы соломой, на которую и клали посѣтителя получившаго двухъкопѣечную порцію, пока онъ не былъ въ состояніи начать снова пить. О неудачѣ первыхъ попытокъ въ борьбѣ противъ этого зла можно судить по тому, что въ 1749 г. количество частныхъ питейныхъ заведеній превышало 17,000! Соразмѣрно съ этимъ увеличилось и количество болѣзней, пороковъ, преступленій, безпорядковъ, беззаконій, богохульства и всякаго рода безнравственныхъ поступковъ“.

Пьянство стало постепенно уменьшаться, какъ всякая другая эпидемія нравственная или физическая, какъ можно думать, отъ причинъ независящихъ отъ законодательства, хотя Леки и ссылается на мѣры противъ пьянства въ министерство Пельгама въ 1751 г., какъ на поразительный примѣръ того, на сколько законодательство, если оно своевременно не переходитъ мѣры, можетъ улучшить нравственность народа. Онъ указываетъ, что однимъ изъ послѣдствій этихъ

Библиотека "Руниверс"

мѣръ было немедленное уменьшеніе случаевъ водяной и что это было приписано медиками замѣтному уменьшенію пьянства.

Другую страшную язву англійскаго общества въ XVIII в., непонятную для современнаго читателя, составляло разбойничество, открыто совершаемое не только въ отдаленныхъ областяхъ королевства, но и на главныхъ улицахъ Лондона. Знаменитый Фильдингъ приписывалъ въ половинѣ прошлаго вѣка разбойничество сильному развитію пьянства; но разбойничество процвѣтало въ Англіи и до того времени, когда пьянство получило эпидемическій характеръ и продолжалось въ концѣ вѣка, когда оно утратило его.

Вальполь, котораго два раза ограбили разбойники, разъ въ Гайдъ—паркѣ, другой возлѣ его собственнаго дома въ Твикенгамѣ, жалуется, въ 1782 г., что никто не можетъ показаться послѣ солнечнаго заката безъ сопровожденія толпы слугъ, вооруженныхъ мускетами.

Въ одномъ изъ писемъ г-жи Гаррисъ, къ сыну (1773 г.) она говоритъ: „Невѣроятно дерзкій негодяй напалъ на карету и ограбилъ сера Франсиса Гольберна и его сестеръ въ то время, какъ они ѣхали по Сентъ-Джемсъ Скверу возвращаясь изъ театра. Онъ былъ верхомъ на лошади и приставивши пистолетъ къ самой груди одной изъ сестеръ Гольберга, держалъ его такъ довольно долго. Она оставила свой кошелекъ дома, чему тотъ ни какъ не хотѣлъ повѣрить. Послѣ этого онъ еще ограбилъ другую карету въ Паркъ-Ленъ“.

Разбойничество бросаетъ яркій свѣтъ на слабость государственной власти въ Англіи и апатія англійскаго правительства еще болѣе обнаруживается успѣшностью частныхъ и слишкомъ рѣдкихъ мѣръ, которыя оно предпринимало для подавленія этого зла.

Такъ напримѣръ въ 1757 г. по свидѣтельству Брауна, уличный грабежъ въ Лондонѣ былъ совершенно уничтоженъ; но это исчезновеніе разбойничества было мѣстное и временное: оставшіеся члены шайки только перенесли въ другое мѣсто арену своихъ подвиговъ и никакой попытки не было сдѣлано для огражденія предмѣстій и окрестностей столицы отъ разбойниковъ.

Для характеристики равнодушія и немощи правительственной власти въ Англіи, укажемъ еще на состояніе тюремъ. Вслѣдствіе громаднаго накопленія арестантовъ, мѣста ихъ заключенія становились постоянно очагами самой страшной заразы. Еще Бэконъ жаловался на тюремную горячку, которую онъ описывалъ какъ зловреднѣйшую заразу послѣ чумы. Онъ упоминаетъ о ея опустошеніяхъ въ XVI в., въ время Черныхъ Ассизовъ въ Оксфордѣ 1577 г., когда главный судья, шерифъ и еще до 300 человѣкъ умерли отъ этой заразы въ теченіе 40 часовъ. И въ XVIII в. эта зараза была не менѣе ужасна; такъ наприм., 1730 г. когда главный судья и прокуроръ, главный шерифъ и другія менѣе видные лица, пали жертвами заразы во время объѣзда западнаго округа, и въ 1780 г., когда во время засѣданій въ Ольдъ-Бэли погибло отъ нея двое судей, лордъ-мэръ Лондона и одинъ

Библиотека "Руниверс"

изъ старшинъ города. Но что корень зла, санитарное состояніе тюремъ и скученіе заключенныхъ всѣхъ классовъ, оставался нетронутымъ, это можно заключить изъ того, что труды Гауварда для улучшенія тюремъ начались только пять лѣтъ спустя, въ 1755 г., и долго еще не приносили никакихъ плодовъ.

Это положеніе дѣла было тѣмъ ужаснѣе, что во многихъ тюрьмахъ вмѣстѣ съ преступниками содержались также несостоятельные должники.

Д-ръ Джонсонъ сдѣлалъ разсчетъ въ 1759 г., что находившихся въ заключеніи должниковъ было круглымъ числомъ 26,000, изъ которыхъ 25% погибало ежегодно вслѣдствіе испорченнаго спертаго воздуха, отъ недостатка всякаго движенія, а иногда и пищи, отъ зараженія болѣзнями и отъ „строгости тирановъ".

Въ такомъ-же ужасномъ положеніи, какъ тюрьмы, были и казармы, помѣщенія для солдатъ, матросовъ и лазареты. Говоря о положеніи арміи, Леки утверждаетъ, основываясь на запискѣ, составленной въ 1707 г., что горнизонъ Портсмута уменьшился на половину противъ прежняго количества въ какіе-нибудь полтора года, вслѣдствіе дезертирства и смерти, отсутствія отопленія, болѣзней, и дурнаго устройства бараковъ, и что тѣ немногіе бараки, которые были вновь возведены, были построены самымъ скареднымъ образомъ и переполнены до крайности. Нелюбовь народа къ баракамъ, основанная на старинномъ недовѣріи къ постоянному войску, высказалось и у Блакстона, утверждавшаго, что солдаты должны жить среди гражданъ и никакой отдѣльный лагерь и никакая крѣпость внутри страны не должны быть допущены.

Что-же касается до положенія матросовъ, то объ немъ можно судить по тому, что говоритъ извѣстный Смолеттъ, который служилъ помощникомъ флотскаго доктора на одномъ линейномъ кораблѣ во время экспедиціи въ Картагену въ 1741 г. и описалъ въ „Родерикъ Рандомъ" все, что ему пришлось наблюдать во время этой службы. „Когда я сопровождалъ доктора съ лекарствами въ лазаретъ, я удивлялся не тому, что матросы умирали, но тому, что нѣкоторые больные выздоравливали. Тутъ я видѣлъ около 50 несчастныхъ больныхъ, висящихъ рядами въ койкахъ другъ надъ другомъ до того тѣсно, что на долю каждаго приходилось не болѣе 14 дюймовъ пространства, включая постель, и совершенно лишенныхъ всякихъ самыхъ необходимыхъ при такомъ положеніи удобствъ". Что никакого улучшенія не произошло въ 1757 г. явствуетъ изъ достовѣрнаго источника, приведеннаго Леки: „Я видѣлъ 1000 человѣкъ скученныхъ на одномъ сторожевомъ кораблѣ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ не имѣли ни постели, ни одной перемѣны бѣлья. Я видѣлъ, какъ многихъ изъ нихъ приносили въ лазаретъ въ тѣхъ самыхъ рубашкахъ и платьѣ, которыя были на нихъ, когда ихъ взяли въ матросы, нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ".

Библиотека "Руниверс"

Отвѣтственность за такія злоупотребленія и за продолжительность ихъ, падаетъ. конечно, прежде всего на англійское правительство; но именно въ Англіи, которая въ XVIII в. не пережила поры просвѣтительнаго деспотизма, отвѣтственность за медленность улучшенія болѣе чѣмъ гдѣ либо должна раздѣляться самимъ обществомъ. И въ этомъ отношеніи книга Леки очень поучительна,—описанные въ ней нравы и вкусъ общества представляются крайне грубыми. Та перемѣна въ мнѣніяхъ и нравахъ, происходившая постепенно и незамѣтно, о которой говоритъ Леки въ своей „Исторіи Раціонализма",—конечно совершалась впродолженіе всего XVIII в., но внѣшніе и видимые знаки улучшенія не замѣтны или очень рѣдки. Такъ напримѣръ относительно пьянства, азартной игры и употребленія грубыхъ восклицаній и брани, если не всѣ эти три порока, то по крайней мѣрѣ послѣдніе два, процвѣтаютъ, не прерываясь, отъ Гарлея и Сентъ-Джона, до Вальполя и Картерета, кончая Фоксомъ и Шериданомъ въ исходѣ вѣка; впрочемъ, даже допустивши, что относительно пьянства не произошло перемѣны, еще вопросъ, не стала-ли игра государственныхъ дѣятелей и знати азартнѣе и выраженія ихъ циничнѣе съ теченіемъ вѣка?

Въ подтвержденіе того, до какой степени отсутствіе правительственныхъ реформъ обусловливалось варварствомъ самого общества, изъ книги Леки можно привести множество фактовъ. Господство варварской рутины особенно бросается въ глаза въ способахъ наказанія за преступленія. Ссылаясь на Блакстона, Леки говоритъ, что въ его время въ Англіи было не менѣе 160 проступковъ караемыхъ смертью и не рѣдко случалось, что вѣшали заразъ 10 или 12 преступниковъ или что 40 и 50 человѣкъ бывали осуждены въ одни ассизы. Уменьшили-ли реформаторы XVIII в. реестръ преступленій караемыхъ смертью, или по крайней мѣрѣ есть-ли хоть какіе-нибудь признаки, что они возмущались деморализирующимъ зрѣлищемъ публичной казни, постоянно повторявшимся предъ ихъ глазами?

Это деморализирующее вліяніе какъ-бы нарочно усиливалось закономъ, требовавшимъ, въ случаѣ государственной измѣны, чтобы прежде чѣмъ обезглавить преступника его повѣсили, не давая ему умереть и чтобы „вынутыя изъ него живого внутренности были сожжены въ его глазахъ". До 1790 г. женщины виновныя въ государственной измѣнѣ могли и иногда были сожигаемы живыми. Мальчики моложе 12 лѣтъ были осуждены на смерть и повѣшены за участіе въ Гордонскомъ мятежѣ 1780 г. Упоминая объ этомъ въ разговорѣ, Гренвиль прибавилъ наивно: „никогда въ жизни я не слыхивалъ такого дѣтскаго крика"!

Но какимъ-же образомъ относилось къ этому общество? Съ тѣмъ характеристическимъ противорѣчіемъ, какое мы находимъ во всякой грубой средѣ. Въ глазахъ такого общества преступникъ—герой, но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ чувства самосохраненія или оскорблен-

Библиотека "Руниверс"

наго нравственнаго чувства, оно относится равнодушно и жестоко къ постигающей его карѣ. Такъ было и въ Англіи. Между прочими причинами увеличенія числа разбойниковъ, Фильдингъ указываетъ и придаетъ большое значеніе частымъ казнямъ, ихъ публичности и тому, что въ умѣ простого народа съ ними соединялось понятіе объ удальствѣ и славѣ, а не о преступности, паденіи и позорѣ. День, назначенный закономъ для позорнаго наказанія вора, становился днемъ торжества въ его собственномъ мнѣніи. Его шествіе въ Тибернъ, (мѣсто казни) и его послѣднія минуты исполнены торжественности; его сопровождаетъ жалость мягко-сердечныхъ, громкое одобреніе, удивленіе и, пожалуй, зависть со стороны смѣлыхъ и очерствѣлыхъ. И не одинъ простой народъ относился такъ къ преступникамъ. Вальполь говоритъ объ одномъ изъ нихъ, что онъ сталъ героемъ въ глазахъ аристократіи, которая съѣзжалась толпами, чтобъ посѣтить его въ тюрьмѣ. О другомъ преступникѣ сообщаютъ, что сторожа Ньюгетской тюрьмы набрали 200 ф. ст., показывая его любопытнымъ; а докторъ Додъ былъ выставленъ впродолженіе двухъ часовъ на показъ по 2 шиллинга съ персоны за входъ передъ тѣмъ какъ его повели на висѣлицу.

Что-же касается до отношенія образованнаго англійскаго общества къ публичнымъ казнямъ, то оно очень рельефно характеризуется слѣдующимъ отзывомъ о нихъ знаменитаго литератора и критика, д-ра Джонсона, высказавшагося противъ отмѣненія Тибернской процессіи. Когда въ разговорѣ съ нимъ собесѣдникъ сказалъ, что это улучшеніе: „Нѣтъ, сударь, живо возразилъ Джонсонъ, это не улучшеніе; жалуются на то, что старый способъ наказанія привлекалъ большое число зрителей. Но казни должны привлекать зрителей. Въ противномъ случаѣ онѣ не достигаютъ своей цѣли. Прежній способъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ для всѣхъ сторонъ: публика пользовалась зрѣлищамъ процессіи, а преступникъ находилъ въ этомъ поддержку. Зачѣмъ-же все это уничтожать“?

Въ 1783 г., когда происходилъ этотъ разговоръ, число злодѣевъ, казненныхъ въ одномъ Лондонѣ было 51: въ 1785 г. оно возросло до 97. Увеличеніе это приписывали отчасти книгѣ Мадона „Мысли объ исполненіи судебныхъ приговоровъ“, въ которой проводилось положеніи, что уголовные законы только тогда дѣйствительны, когда они строго приводятся въ исполненіе; при чемъ авторъ и не подумалъ о томъ, что размѣръ наказанія долженъ соотвѣтствовать степени вины или требованіямъ общества. Этотъ трактатъ, хотя на него и возражалъ Ромильи, оказывалъ вредное вліяніе въ теченіе многихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ знаменитое сочиненіе Беккаріи „О преступленіяхъ и карахъ“, который пріобрѣлъ много приверженцевъ среди юристовъ на материкѣ, было очень мало извѣстно въ Англіи. Оно только что стало распространяться, какъ произошла неожиданная реакція. „Если кто желаетъ, говоритъ Ромильи въ своемъ Дневникѣ,

Библиотека "Руниверс"

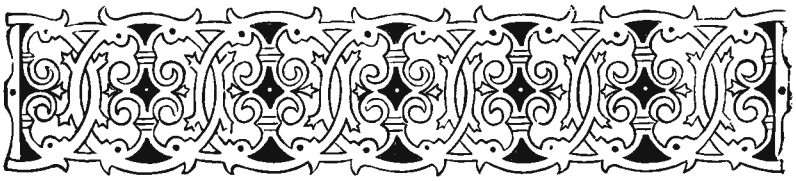
составить себѣ вѣрное понятіе о вредномъ дѣйствіи, произведенномъ въ нашей странѣ французской революціей и всѣми сопровождавшими ее ужасами,—то онъ долженъ попытаться провести законодательную реформу на основаніи гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ. Онъ тогда найдетъ, что революція внушила многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ не только тупой страхъ всякихъ нововведеній, но какую то свирѣпость".

Въ 1813 г. билль, предложенный Ромильи, объ отмѣненіи вырыванія внутренностей и четвертованія преступника за государственную измѣну, былъ отвергнутъ при первомъ предложеніи его, такъ, что „министры могутъ похвалиться, замѣчаетъ онъ, тѣмъ, что они отстояли британскій законъ, по которому сердце и внутренности приговореннаго государственнаго преступника вырывались изъ него живаго". Ему удалось въ слѣдующемъ году провести свое предложеніе, хотя невполнѣ, потому что пришлось уступить четвертованіе, которое было удержано по настоянію большинства обѣихъ палатъ, считавшихъ его однимъ изъ оплотовъ монархіи.

Изъ приведеннаго видно, какъ великъ тотъ переворотъ въ понятіяхъ и нравахъ, переворотъ постепенно и незамѣтно совершившійся, который отдѣляетъ современныхъ англичанъ отъ ихъ недавнихъ предковъ и какъ много интереснаго матеріала заключаетъ въ себѣ книга Леки для изученія исторіи культуры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится сожалѣть, что эта книга оставляетъ неразрѣшеннымъ вопросъ, который при чтеніи ея естественно возникаетъ у читателя и неотступно преслѣдуетъ его,—какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ именно причинъ произошелъ этотъ глубокій переворотъ въ англійской культурѣ? Разсмотрѣніе этого вопроса вывело-бы насъ изъ предѣловъ нашей задачи и потребовало-бы особой статьи; мы ограничимся только указаніемъ на великую и плодотворную роль, которую играла въ этомъ постепенномъ культурномъ перерожденіи Англіи ея литература и закончимъ замѣчаніемъ одного изъ глубокихъ знатоковъ англійской литературы и культуры, дополнившаго въ своей рецензіи книгу Леки многими интересными фактами, по мнѣнію котораго однимъ изъ главныхъ недостатковъ изображеннаго у Леки вѣка было отсутствіе „смѣлой и зоркой печати".

Иф...лъ.

Библиотека "Руниверс"



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Воцареніе императрицы Анны Ивановны. Историческій этюдъ Д. Корсакова. Казань. 1880.

ОЦАРЕНІЕ императрицы Анны Ивановны представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи XVIII вѣка, въ которомъ, между прочимъ, выразилось отсутствіе единодушія и политическаго такта въ высшемъ слоѣ русскаго общества. Поэтому, трудъ г. Корсакова, основанный на архивныхъ изысканіяхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны публики и обстоятельной критической оцѣнки со стороны литературы.

Приступая къ разбору этого почтеннаго труда, мы, къ сожалѣнію, должны начать съ упрека г. Корсакову, что онъ самъ затруднилъ оцѣнку своего сочиненія, не позаботившись выставить рельефнѣе руководившую имъ идею при оцѣнкѣ событій 1730 года.

Г. Корсаковъ въ замыслахъ верховниковъ видитъ, главнымъ образомъ, протестъ высшаго слоя русскаго народа противъ реформъ Петра Великаго. На этомъ основаніи, онъ придаетъ особенное значеніе родословной знати и ея участію въ описываемомъ событіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что преданія боярской эпохи не остались безслѣдны въ попыткѣ ограничить самодержавіе при воцареніи Анны Ивановны; но чтобы уяснить степень вліянія этихъ преданій, автору слѣдовало бы коснуться въ главныхъ чертахъ исторіи борьбы боярства съ самодержавіемъ, начиная съ Ивана III. Онъ же ограничился указаніемъ на политическое значеніе Голицыныхъ и Долгорукихъ въ XVII вѣкѣ. Значеніе это было, однако, далеко неравное. Долгорукіе, хотя и Рюриковичи, начали выдвигаться только въ XVII вѣкѣ, да и въ этомъ вѣкѣ политической роли не играли. Ни одинъ изъ Долгорукихъ не могъ сказать съ извѣстнымъ врагомъ Годунова, княземъ Василіемъ Василіевичемъ Голицынымъ: „Насъ изъ думы не высылывали, мы всякую думу вѣдывали“. Роль князей Долгорукихъ и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ была чисто служебная; Голицыны же дѣйствительно играли политиче-

Библиотека "Руниверс"

скую роль. Въ самомъ зародышѣ борьбы боярства за свои права, еще при Иванѣ III, Гедиминовичи-Патрикѣевы, предки Голицыныхъ, вмѣстѣ съ Рюриковичами-Ряполовскими, сдѣлались первыми жертвами этой борьбы. Въ смутную эпоху дѣятельность Голицыныхъ въ борьбѣ то исключительно за боярскіе интересы, то за интересы обще-государственные, выступаетъ съ особенною силою. Въ сверженіи фамиліи Годуновыхъ, Голицыны играли первенствующую роль, на ряду съ Шуйскими и Романовыми, какъ мимоходомъ указалъ и самъ г. Корсаковъ, остановившись, къ сожалѣнію, только на выдающейся личности Василія Васильевича старшаго.

Братъ Василія, князь Андрей, былъ заклятымъ врагомъ извѣстнаго „торговаго мужика" Андронова и принадлежалъ къ той фракціи боярской партіи, которая отстаивала исключительные боярскіе интересы и которая, въ переговорахъ съ Сигизмундомъ, настаивая на охраненіи боярскихъ правъ, ничего не говорила о возвышеніи людей „молодшихъ", о чемъ хлопотали Салтыковъ и Андроновъ.

Правда, г. Корсаковъ указалъ, что Василій Васильевичъ Голицынъ отказался отъ кандидатуры на престолъ, заранѣе подавъ свой голосъ за Романовыхъ; но этотъ фактъ, указывающій, что фамилія Голицыныхъ стояла въ ряду тѣхъ фамилій, члены которыхъ имѣли притязаніе на престолъ, выставленъ безъ связи съ общимъ значеніемъ фамиліи Голицыныхъ и съ общимъ ходомъ дѣлъ.

Въ концѣ XVII столѣтія, изъ Голицыныхъ опять указанъ только одинъ князь Вас. Вас. Голицынъ (второй), но забытъ князь Борисъ, умнымъ распоряженіямъ котораго Петръ Великій обязанъ торжествомъ надъ царевною Софіею Алексѣевною. Вліяніе Бориса спасло Голицыныхъ отъ большого погрома при паденіи Софіи Алексѣевны.

Смутная эпоха нанесла сильный ударъ боярству. „Въ первенствующихъ фамиліяхъ, говоритъ С. М. Соловьевъ (т. IX, стр. 359, изд. 2-е) оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, сошли со сцены Годуновы, исчезли Шуйскіе, за ними Мстиславскіе, Воротынскіе, изгибли самые энергичные изъ Голицыныхъ". Но все-таки эта фамилія осталась, и естественно, что въ ней-то и сохранились боярскія преданія. Такого естественнаго участія въ дѣлахъ политическихъ Долгорукіе въ XVII вѣкѣ не имѣли. При томъ же, фамилія Долгорукихъ въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII была весьма непопулярна въ народѣ: князь Юрій Долгорукій, прославившійся крайнею жестокостію при усмиреніи разинскаго мятежа, и его сынъ, Михаилъ, погибли во время перваго стрѣлецкаго бунта и смерть Юрія имѣла, безъ сомнѣнія, нѣкоторое отношеніе къ его прошлому. При Петрѣ Великомъ опять двое Долгорукихъ прославились жестокостію; одинъ былъ убитъ донскими казаками, вызвавъ своими жестокостями булавинскій бунтъ; другой, еще свирѣпѣе, усмирялъ этотъ булавинскій бунтъ, вызванный его братомъ и самъ Петръ находилъ, что его жестокость перешла мѣру. Популярность Долгорукихъ началась съ ихъ страданій при Аннѣ Ивановнѣ. Извѣстно, что при Петрѣ II Долгорукихъ не любили за надменность князей Алексѣя и Ивана. Въ замыслахъ верховниковъ они шли за Д. М. Голицынымъ, вредя ему своею непопулярностью.

Затѣмъ, мы должны замѣтить, что въ трудѣ г. Корсакова смѣшаны причины событія съ обстоятельствами, благопріятствовавшими замысламъ верховниковъ. У него и неопредѣленность престолонаслѣдія, и значеніе верховнаго тайнаго совѣта, и неудовольствіе на сильное значеніе иностранцевъ, и нео-

Библиотека "Руниверс"

предѣленность правъ шляхетства,—все отнесено къ причинамъ замысла верховниковъ. Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности изъ этихъ обстоятельствъ только неопредѣленность правъ шляхетства, желаніе имѣть бо̀льшія и опредѣленныя права, была главною, но не единственною конечною причиною замысла верховниковъ и движенія шляхетства. Неопредѣленность же престолонаслѣдія, значеніе верховнаго тайнаго совѣта были только благопріятными условіями, при которыхъ замыселъ ихъ могъ обнаружиться.

Увлекшись депешею Кампредона, г. Корсаковъ видитъ въ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта нѣкоторымъ образомъ развитіе идеи Петра Великаго о коллегіальномъ устройствѣ и даже стремленіе мало по малу ограничить самодержавіе. Въ дѣйствительности же учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта было компромиссомъ между птенцами Петра и людьми родовитыми; первые возвели на престолъ Екатерину, послѣдніе боялись, что это возведеніе отстранитъ отъ престола Петра II (тогда, конечно, еще великаго князя), на котораго они возлагали большія надежды. Родовитые люди отстояли права Петра II, но власти не получили.

Разъ принявши мнѣніе объ учрежденіи верховнаго совѣта, съ цѣлію ограничить самодержавіе, г. Корсаковъ естественно не могъ высказать опредѣленнаго, твердаго воззрѣнія на дѣйствія верховниковъ при воцареніи Анны: „Верховный тайный совѣтъ—говоритъ авторъ—избирая Анну Ивановну, нарушилъ тестаментъ Екатерины I; но тестаментъ этотъ въ то время считался подложнымъ“ (стр. XIV). Что же верховный тайный совѣтъ былъ правъ или не правъ? Далѣе: „Избирая ее, онъ считалъ себя представителемъ высшей власти въ Россіи и въ фактѣ избранія выходилъ изъ мыслей (?) Петра Великаго объ избраніи достойнѣйшаго себѣ преемника“ (тамъ же). Если такъ, то отчего же авторъ порицаетъ дѣйствія сената, синода и генералитета при избраніи Екатерины I, находя ихъ противными не существовавшимъ даже законамъ Петра Великаго? Они также могли выходить изъ мыслей Петра, они также могли считать Екатерину достойнѣйшею, какъ верховники считали достойнѣйшею Анну?

Мало уясняютъ дѣло и слѣдующія слова г. Корсакова: „Въ этомъ случаѣ верховный тайный совѣтъ впалъ въ существенную ошибку, будучи на дѣлѣ совершенно самозваннымъ представителемъ Россіи; но онъ подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I“ (тамъ же).

Тестаментъ Екатерины I считался подложнымъ, верховный тайный совѣтъ былъ представителемъ высшей власти и исходилъ изъ мыслей Петра—отчего же тутъ самозванство?

Стараясь оправдать верховниковъ отъ обвиненія въ олигархическихъ замѣткахъ, г. Корсаковъ говоритъ слѣдующее: „Олигархія, непотизмъ вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ считаться серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ“. „Отъ того все это происходитъ, продолжаетъ авторъ, что судили на основаніи предположеній, что̀ было бы, если бы верховники захватили власть?—Мы не знаемъ, что̀ было бы, но знаемъ, что самодержавіе Анны Ивановны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной“.

Послѣднее замѣчаніе справедливо; но изъ того, что послѣ паденія верховниковъ вышло еще хуже, еще ничего не слѣдуетъ. Автору слѣдовало бы обстоя-

Библиотека "Руниверс"

тельнѣе разобрать вопросъ—было ли что нибудь олигархическаго въ замыслѣ Голицына и возможна ли олигархія въ Россіи и если возможна, то при какихъ условіяхъ?

Прежде всего, олигархія въ чистой ея формѣ въ Россіи невозможна. Не говоря о массѣ бѣднаго шляхетства русскаго, сельскаго духовенства, олигархія въ Россіи встрѣтила бы сильное и непреоборимое сопротивленіе въ казачествѣ, въ расколѣ и крестьянствѣ вообще. Олигархія, въ чистомъ ея видѣ, держалась въ новое время (о древности мы не говоримъ; тогда и условія жизни были другія) въ Венеціи; но какъ и чѣмъ? Не только страхомъ, но и тою выгодою, которую она доставляла Венеціи, обезпечивая за ней своимъ суровымъ управленіемъ обладаніе разными землями по берегу Адріатическаго моря и на островахъ архипелага и т. д. Въ Польшѣ, при всемъ могуществѣ нѣкоторыхъ фамилій, было нѣчто другое, а не олигархія, именно владычество цѣлаго сословія надъ массою безправнаго народа, но тэнмъ владычествомъ Россіи хотя и угрожали, но не верховники, а масса шляхетства, какъ увидимъ ниже. Олигархія возможна въ Россіи только въ видѣ камарильи, подъ прикрытіемъ царской власти, какъ это случилось при Аннѣ Іоанновнѣ. Поэтому Биронъ, Остерманъ, Минихъ и пр. могли создать олигархію, а Голицынъ не могъ бы, если бы даже и хотѣлъ.

Посмотримъ теперь — дѣйствительно ли замыслы Голицына имѣли характеръ олигархическій?

Виновникъ замысла верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, по личному своему характору, не годился ни въ беззаконники-олигархи, ни въ вожди партіи, которая ищетъ крутого и насильственнаго переворота. Г. Корсаковъ упрекаетъ его въ склонности къ деспотизму; но эта склонность не проявилась въ данномъ событіи. Деспотическая закваска встрѣчается у всѣхъ совершителей coup d'état, а у Д. М. Голицына ея не было; не было и coup d'état со стороны верховниковъ. Вообще должно замѣтить, что съ окончанія смутной эпохи, боярскіе роды выставили довольно замѣчательныхъ людей; но среди этихъ замѣчательныхъ людей, не было ни одного энергическаго человѣка; признакъ и вѣрный признакъ, что боярство потеряло подъ собою почву. Но, оставивъ въ сторонѣ разсужденія о характерѣ Голицына, какъ предметъ спорный, обратимся лучше къ его планамъ и къ планамъ и дѣйствіямъ шляхетства. Шляхетство это очень желало свободы; но послушаемъ прусскаго посланника Мардефельда, какъ оно понимало свободу: „Всѣ русскіе, писалъ Мардефельдъ, вообще желаютъ свободы; но они не могутъ согласиться относительно мѣры и качества ея и до какой степени слѣдуетъ ограничить самодержавіе. Если императрица хорошо съумѣетъ войти въ свое положеніе и послушается извѣстныхъ умныхъ людей (т. е. его друга Остермана), то она возвратитъ себѣ въ короткое время самодержавіе, ибо русская нація, хотя много говоритъ о свободѣ, но не знаетъ ее и не умѣетъ ею воспользоваться". Г. Корсаковъ находитъ приговоръ Мардефельда жосткимъ и преувеличеннымъ; но онъ былъ вѣренъ относительно современнаго ему движенія, что вполнѣ подтверждаютъ дѣйствія и проекты шляхетства.

Г. Корсаковъ сводитъ сущность всѣхъ шляхетскихъ проектовъ къ тремъ пунктамъ: 1) организація центральнаго правительства при участіи шляхетства; 2) выдѣленіе родовитаго шляхетства изъ шляхетства новаго; 3) улучшеніе быта другихъ сословій: духовенства, купечества и крестьянства.

Но объ этомъ послѣднемъ пунктѣ проэкты только упоминаютъ мимохо-

Библиотека "Руниверс"

домъ, ничего не значущими фразами, какъ напр. „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговли, или отягощенное земледѣльство (sic) податми (sic), какимъ нибудь образомъ облегчить податми“. Это желаніе выражено въ запискѣ, которая носитъ названіе: „Способы и проч.“ (см. стр. 172). Эти „способы“ по замѣчанію г. Корсакова отрицательно относились къ проэктамъ шляхетства и неизвѣстно кто былъ ихъ сочинитель. „Способы“ предлагали, для выработки общаго плана государственныхъ преобразованій, выбрать отъ двадцати до тридцати шляхтичей изъ годныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Это не значитъ относиться отрицательно къ шляхетскимъ движеніямъ, а значитъ только, что „способы“ предлагали свой планъ для достиженія цѣли шляхетскаго движенія. Планъ этотъ былъ изъ либеральнѣйшихъ проэктовъ; но и этотъ наилиберальнѣйшій проэктъ допускалъ въ шляхетское собраніе отъ 4 до 6-ти лицъ изъ духовенства для совѣщанія о духовныхъ дѣлахъ, такое же число отъ купечества для совѣщанія по дѣламъ торговымъ. Хотя имъ и давались равные голоса съ шляхтичами, но ничтожное число представителей означенныхъ сословій дѣлало ихъ скорѣе экспертами, чѣмъ депутатами.

Въ одномъ проэктѣ ясно выражается мысль создать изъ шляхетства преобладающее, властительное сословіе. Въ проэктѣ предлагается приказныхъ людей производить въ ранги за вѣрность всему обществу шляхетскому.

Слѣдовательно сущность всѣхъ проэктовъ сводится не къ тремъ пунктамъ, а къ первымъ двумъ.

Отъ всѣхъ этихъ проэктовъ рѣзко отличается проэктъ князя Голицына, напечатанный рядомъ съ шляхетскими проэктами въ VI главѣ изслѣдованія г. Корсакова (180 стр.).

Обвиненіе Голицына въ олигархизмѣ основывается на извѣстныхъ кондиціяхъ, предложенныхъ верховниками Аннѣ Ивановнѣ; но кондиціи имѣли въ виду только очертить тотъ кругъ дѣятельности, который на первое время предстоялъ новой государынѣ. Сущность же плана Голицына заключается не въ этихъ кондиціяхъ, а въ проэктѣ.

Противъ Голицынскаго проэкта многое можно возразить: но онъ составленъ ясно, опредѣленно, отчетливо; видимо, что говоритъ человѣкъ, который знаетъ, что говоритъ. Этотъ мнимый олигархъ проэктируетъ между прочимъ палату городскихъ представителей для завѣдыванія торговыми дѣлами, для соблюденія интересовъ простого народа и для защиты его отъ несправедливости, о чемъ, какъ мы сейчасъ сказали, почти нѣтъ и помину въ шляхетскихъ проэктахъ. Между тѣмъ г. Корсаковъ въ проэктахъ и въ движеніи шляхетства видитъ нѣчто болѣе либеральное, чѣмъ въ проэктахъ Голицына: „Общимъ чувствомъ, связующимъ всѣ разнообразные элементы шляхетства, говоритъ онъ, является негодованіе противъ верховниковъ. Но негодованіе это не выражается въ какой нибудь безсознательной ненависти къ верховникамъ, напротивъ оно проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ. Шляхетскіе проэкты и мнѣнія вырываютъ власть изъ рукъ семи случайныхъ представителей Россіи и передаютъ эту власть всему шляхетскому обществу „общенародію“, какъ они выражаются“.

Очевидно, г. Корсаковъ придерживается общепринятаго мнѣнія, что Голицынъ былъ олигархомъ. „Онъ, говоритъ г. Корсаковъ про проэктъ Голицына, ограничиваетъ большинство, шляхетское общенародіе, властію немногихъ знатнѣйшихъ фамилій“. Какъ же это онъ дѣлаетъ?: „Вводя въ кругъ второстепенныхъ учрежденій, на ряду со шляхетствомъ, представителей отъ

Библиотека "Руниверс"

торговаго сословія, на которыхъ большинство шляхетскихъ проэктовъ распространяетъ свою опеку". (182 стр.).

Выходитъ: Голицынъ большинство шляхетства замѣнилъ олигархіею (немногими фамиліями) тѣмъ, что допускалъ представителей отъ торговаго сословія, на которое другіе проэкты накладывали опеку. Изумительно, что Голицына обвиняютъ въ олигархическихъ замыслахъ за введеніе въ кругъ полноправныхъ гражданъ купечества и за введеніе представителей изъ торговаго сословія въ число законодателей. Изъ словъ г. Корсакова слѣдуетъ понимать, что введеніе представителей купечества въ кругъ законодателей есть олигархическое начало. Къ этому сужденію онъ прибавляетъ замѣчаніе, что у Голицына выдержанъ строго аристократическій принципъ. Что значитъ строго-аристократическій принципъ? Исторія развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій показала намъ, что аристократизмъ не состоитъ въ исключительномъ покровительствѣ дворянству. Въ XIII в. самый заклятый аристократъ, герцогъ Симонъ Монфоръ Лейчестерскій, ввелъ въ парламентъ наравнѣ съ джентри и горожанъ. Дюмурье польскую знать справедливо назвалъ плантаторами за исключительное покровительство шляхтѣ и за подавленіе другихъ сословій. У Голицына именно сказался инстинктъ настоящей аристократіи; но для роли Монфора Лейчестерскаго Голицыну недоставало содѣйствія такого же политическаго смысла въ русскомъ шляхетствѣ, какое обнаружило британское джентри.

Какъ масса шляхетства мало понимала дѣло, за которое она взялась, ясно видно изъ того, что одни и тѣ же лица подписывались подъ разными проэктами. Г. Корсаковъ до нѣкоторой степени хочетъ оправдать эти подписи подъ разными проэктами однихъ и тѣхъ же лицъ; онъ говоритъ, что они это дѣлали въ торопяхъ и что по сходству проэктовъ могли ихъ смѣшивать. Хороши же законодатели, которые въ торопяхъ смѣшиваютъ проэкты!

Ближайшее сопоставленіе проэкта Голицына съ проэктами шляхетства, лучше всего убѣдитъ читателя на сколько проэктъ перваго былъ шире, гуманнѣе и такъ сказать государственнѣе канцелярскихъ проэктовъ русскаго шляхетства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это сопоставленіе покажетъ, что вожди шляхетства направляли свою оппозицію не противъ олигархіи, а или лично противъ Голицына по самолюбивымъ побужденіямъ, или просто подготовляли уничтоженіе кондицій. Голицынъ проэктируетъ Верховный Совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ. Татищевъ [1]),—высшее правительство изъ двадцати одного члена. Тоже у Сикіотова. Мусинъ-Пушкинъ—Верховное правленіе изъ 12-ти членовъ. Колычевъ—Верховный Тайный Совѣтъ изъ 15 членовъ. Конспектъ (проэктъ крайней шляхетской партіи) замѣняетъ Верховный Тайный Совѣтъ сенатомъ изъ 30 человѣкъ [2]). Сенатъ, по проэкту Голицына, превращался въ предварительный комитетъ для разсматриванія дѣлъ поступающихъ въ В. Т. Совѣтъ. Вполнѣ соотвѣтствующаго учрежденія въ другихъ проэктахъ нѣтъ. Далѣе у Голицына является шляхетская палата изъ двухсотъ членовъ. У Татищева—нижнее правительство изъ ста членовъ. У Сикіотова этотъ пунктъ сбивчивъ истра даетъ крайнею неопредѣленностью: высшее правительство, генералитетъ и шляхетство сходятся для общихъ совѣщаній. Въ конспектѣ упоминается сенатъ, но

---

[1]) Татищевъ въ кружкѣ Черкасскаго игралъ роль жреца, гдѣ пустымъ идоломъ былъ Черкасскій.—Жрецъ этого пустого идола произносилъ свои прорицанія.

[2]) Сикіотовъ, Мусинъ-Пушкинъ, Колыхевъ и др. были представителями разныхъ шляхетскихъ кружковъ; каждый изъ нихъ составилъ свой проэктъ.

Библиотека "Руниверс"

о составѣ его умалчивается. Но ни въ одномъ проэктѣ нѣтъ пункта, соотвѣтствующаго шестому пункту проэкта Голицына. Напомнимъ еще разъ читателю этотъ пунктъ: палата городскихъ представителей учреждается для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простого народа и защиты его отъ несправедливостей.

Читатель видитъ, что шляхетскіе проэкты съуживали проэктъ Голицына, а не расширяли его. Нельзя назвать расширеніемъ проэкта Голицына увеличеніе числа членовъ В. Т. Совѣта.

Касательно упрековъ верховниковъ въ чрезмѣрномъ ограниченіи верховной власти даютъ отвѣтъ слѣдующія слова изъ депеши французскаго дипломата Маньяна:

„Передавая русскій престолъ герцогинѣ Курляндской, русскіе намѣрены дать ей корону только въ пользованіе, ввѣривъ ей престолъ до той только поры, пока они согласятся между собою насчетъ новой формы государственнаго правленія“. Эти слова Маньяна ясно указываютъ, что кондиціи имѣли значеніе только временное. Замѣчательно что шляхетскіе проэкты умолчали объ этомъ пунктѣ, т. е. объ ограниченіи верховной власти, предоставляя за него отвѣчать верховникамъ, а сами строили планы на основаніи этого же пункта. Верховники и вышли во всемъ виноваты. Точно также на однихъ верховниковъ пало обвиненіе за отстраненіе отъ престола потомства Петра Великаго; но если, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могла быть рѣчь о чьей либо винѣ въ этомъ щекотливомъ пунктѣ, то вина эта равномѣрно падала на все родовитое шляхетство.

Г. Корсаковъ очень вѣрно отмѣтилъ въ какихъ слояхъ общества находились приверженцы Елизаветы. На стр. 98-й онъ говоритъ: „Она пользовалась большой популярностію въ низшихъ классахъ за ея доступность, за благочестіе и за образъ жизни, веселой и простой. Гвардейскіе полки, чтившіе высоко память Петра Великаго, съ упованіемъ смотрѣли на его дочь; въ числѣ ея сторонниковъ было много монаховъ, много лицъ изъ приходскаго духовенства и вообще людей стараго покроя, которыхъ не коснулось преобразованіе: изъ купечества, посадскихъ и крестьянъ“.

Могло ли послѣ этого желать видѣть Елизавету на престолѣ то родовитое шляхетство, которое болѣе Голицына хлопотало о выдѣленіи себя изъ рядовъ шляхетства новаго, служебнаго? Какъ Голицынъ ни былъ враждебенъ къ памяти Екатерины I, но если бы онъ зналъ, что все шляхетство, или большинство его, стоитъ за потомство Петра Великаго, то ни онъ, ни остальные верховники вѣроятно не рѣшились бы на избраніе Анны Ивановны. Отношеніе къ Елизаветѣ не только верховниковъ, но и всего родовитаго шляхетства, лучше всего видно изъ дѣла Лопухиныхъ, обвиненныхъ въ царствованіе Елизаветы въ приверженности къ брауншвейгской династіи. Одинъ изъ нихъ говорилъ про Елизавету: „Наша знать вообще ее не любитъ, она же все простому народу благоволитъ для того что сама живетъ просто“. Въ этихъ простодушныхъ словахъ Лопухинъ сказалъ, не думая того, тайную причину избранія Анны Ивановны. Верховники и родовитое шляхетство надѣялись, что Анна Ивановна, дочь Салтыковой, связанная родствомъ съ знатными русскими фамиліями, будетъ лучше относиться къ интересамъ русскаго шляхетства и горько ошиблись въ своемъ расчетѣ. Этотъ выборъ сдѣланъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что Анна дочь старшаго брата, при чемъ игнорировали тайный бракъ Петра и Екатерины, впослѣдствіи объявленный и узако-

Библиотека "Руниверс"

неніе дѣтей Екатерины. Голицынъ и другіе верховники такъ дѣйствовали вслѣдствіе ненависти къ памяти Екатерины I, вслѣдствіе ненависти къ людямъ, стоявшимъ близко къ семейству ея; у массы родовитаго шляхетства личныхъ отношеній къ Толстымъ, Ягужинскимъ не было и не могло быть, массою этого руководили только какія то темныя, ни на чемъ не основанныя надежды на Анну Ивановну. Послѣднюю сдѣлали популярной, прославляли ея небывалую мудрость, даже ея добродѣтели и умалчивали, что въ сердечныхъ увлеченіяхъ она не уступала Елизаветѣ, у которой однако и сердце было лучше и ума было больше. Вообще нѣкоторые изслѣдователи нашей исторіи XVIII вѣка приписываютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отстраненіе Елизаветы отъ престола якобы легкомысленному въ ту пору ея поведенію. Но если оно и дѣйствительно было таково, то чѣмъ Шубинъ, фаворитъ Елизаветы, хуже Бестужева-Рюмина, фаворита Анны? А бывшій впослѣдствіи фаворитомъ Елизаветы, никому не сдѣлавшій зла Разумовскій не можетъ быть даже и сравниваемъ съ Бирономъ.

Расчеты верховниковъ и знатнаго шляхетства на Анну Ивановну подкрѣплялись и косвеннымъ вліяніемъ датскаго посла Вестфалена, который изъ всѣхъ силъ старался отстранить отъ престола Елизавету и ея племянника герцога Голштинскаго. Ему впрочемъ все равно было, кто будетъ царствовать въ Россіи, только бы не Елизавета, или не герцогъ Голштинскій. Ему, какъ извѣстно, Долгорукіе обязаны были совѣтомъ, столь гибельнымъ для нихъ впослѣдствіи, выбрать на престолъ княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую.

При обсужденіи плановъ верховниковъ и знатнаго шляхетства, г. Корсаковъ, кажется, болѣе чѣмъ слѣдуетъ придаетъ значеніе европейскому вліянію. Всѣ проэкты русскаго шляхетства отзываются исключительно польскимъ вліяніемъ, а не европейскимъ вообще. Что же касается до князя Д. М. Голицына, то при видимомъ и кажущемся вліяніи на его проэктъ шведской конституціи онъ руководился тѣмъ взаимнымъ отношеніемъ сословій другъ къ другу, какое тогда существовало въ Россіи.

У насъ въ литературѣ нерѣдко высказывалась мысль, что въ Россіи якобы сословныхъ раздоровъ не существовало. Мысль крайне несправедливая: Іоаннъ Грозный сокрушалъ боярство, опираясь на горожанъ и на дѣтей боярскихъ; въ смутное время сословная рознь сказалась очень рѣзко; утвердившееся самодержавіе закрыло эту вражду своей порфирой, но подъ порфирой она все таки таилась. Все движеніе русскаго шляхетства при Аннѣ Ивановнѣ показывало его желаніе выдѣлиться изъ среды другихъ сословій, какъ можно рѣзче, не давая этимъ сословіямъ никакихъ правъ. Сословныя отношенія на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка были таковы, что при введеніи народнаго представительства Голицыну само собою должна была броситься въ глаза шведская форма нѣсколькихъ палатъ. Какъ могъ думать Голицынъ о возможности соединить въ одной палатѣ представителей родовитаго шляхетства и купечества, когда родовитое шляхетство дѣлало усилія выдѣлиться изъ рядовъ шляхетства не родовитаго? Весь ходъ дѣла показываетъ, что Голицынъ взялъ за образецъ шведскую конституцію, потому что формы ея соотвѣтствовали умоначертанію русскаго шляхетства. Поэтому говорить о внѣшнемъ вліяніи и особенно шведской конституціи на дѣло верховниковъ безъ большихъ оговорокъ нельзя. Если бъ въ то время не было въ Россіи сословной розни, то ни кому и въ голову не могла бы придти мысль заимствовать шведскую форму народнаго представительства. Можетъ быть вслѣдствіе этой розни и не вспомнили о формѣ старыхъ, русскихъ

Библиотека "Руниверс"

земскихъ соборовъ. Да не отъ этой ли розни и пали земскіе соборы? Вѣдь безъ этой розни дьяки и разнаго рода камарильи не могли бы ихъ упразднить, вывести изъ употребленія. Если Голицынъ и прежде интересовался шведской конституціей, то безъ сомнѣнія только потому, что видѣлъ въ формѣ этой конституціи нѣчто такое, что соотвѣтствовало положенію домашнихъ дѣлъ. Но Голицынъ не предвидѣлъ, что умоначертаніе тогдашняго русскаго шляхетства въ сословной замкнутости превзойдетъ даже и шведское дворянство. Не смотря на свои промахи, не смотря на свою слѣпую излишнюю вѣру въ здравый смыслъ русскаго шляхетства, кн. Д. М. Голицынъ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ государственныхъ людей нашихъ въ XVIII в. Онъ, если и ошибался, то дѣйствовалъ однако чистосердечно и искренно и имѣлъ полное право по окончаніи политической траги-комедіи сказать свои достопамятныя и пророческія слова: „Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны; я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что нужды, я пострадаю за отечество. Я старъ и смерть мнѣ не страшна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжелѣе меня".

Большая часть нашихъ историковъ, по разнымъ обстоятельствамъ, ошибки верховниковъ возвели въ преступленіе, не понявъ смысла историческаго движенія того времени; по этому нельзя не благодарить изслѣдователей, которые стараются возстановить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ [1]).

Если г. Корсаковъ и не сдѣлалъ вполнѣ безпристрастной оцѣнки дѣла верховниковъ, тѣмъ не менѣе должно отдать ему справедливость, что онъ значительно облегчилъ будущимъ историкамъ возможность взглянуть безпристрастно на событія 1730 года. Онъ извлекъ изъ архивовъ интереснѣйшія свѣдѣнія о шляхетскихъ проэктахъ и кромѣ того обставилъ все шляхетское движеніе массою иностранныхъ свидѣтельствъ, что и даетъ возможность на основаніи его же данныхъ разсмотрѣть дѣло верховниковъ съ разныхъ сторонъ. Въ шляхетскомъ движеніи г. Корсаковъ отмѣтилъ очень важную сторону. Онъ указалъ, что это движеніе было первымъ проявленіемъ самосознанія дворянскаго сословія. Первый разъ всѣ слои высшаго сословія сознали себя, какъ нѣчто цѣлое. Фактъ отмѣченъ; но отношеніе этого факта къ прошедшему и будущему сословія г. Корсаковъ не счелъ нужнымъ указать. Такое указаніе конечно не входило въ планъ изслѣдованія его; но нельзя сказать, что-бы оно не имѣло отношенія къ предмету его труда. Въ московской Руси было три главныхъ вида высшаго сословія: дворяне, дѣти боярскіе и бояре. Общаго юридическаго наименованія они не имѣли; но въ жизни обыденной, въ понятіяхъ людей того времени, если не всѣ три вида, то первые два, уже объединились. Такъ священники при Алексѣѣ Михайловичѣ жаловались на небоящихся Бога дворянъ, явно подъ этимъ наименованіемъ разумѣя первые два вида, если не всѣ три. Табель о рангахъ Петра Великаго и движеніе шляхетства при Аннѣ Ивановнѣ окончательно всѣ три вида высшаго сословія слили подъ

---

[1]) Обвиненія основывались на актахъ, не заслуживающихъ никакого уваженія; такъ напр., очевидно, что обвинительный актъ противъ Долгорукихъ весь сотканъ изъ лжи и сплетенъ. Исторія завѣщанія, котораго никто кромѣ двухъ, трехъ человѣкъ не видалъ и никто не призналъ, разсказывается на основаніи однихъ слуховъ, подтверждать которые принуждали пытками. Только обнародованіе актовъ, хранящихся въ архивахъ, можетъ разсѣять разныя предубѣжденія; между тѣмъ въ архивахъ хранятся часто, подъ видомъ государственной тайны, вещи всѣмъ извѣстныя, которыя въ настоящее время не имѣютъ и политическаго значенія.

Библиотека "Руниверс"

общимъ именемъ „дворянства“ и придали этому сліянію юридическую сакцію. При этомъ юридическомъ самоопредѣленіи совершился чрезвычайно важный фактъ: потомство бояръ, какъ княжескихъ, такъ и не княжескихъ родовъ, вошло въ общій составъ дворянства и русское шляхетство въ 1730 году довершило своимъ движеніемъ дѣло табели о рангахъ Петра Великаго. Однако это юридическое самоопредѣленіе не установило внутренняго единства въ сословіи и не дало ему политическаго такта. Отсутствіе политическаго такта въ русскомъ шляхетствѣ всего болѣе сказалось въ желаніи устроиться на польскій ладъ. Такое отсутствіе политическаго такта было результатомъ полнѣйшаго непониманія условій общественной жизни своей страны. Въ Польшѣ преобладаніе шляхетства основывалось на отсутствіи національнаго городскаго сословія, на поголовномъ почти закрѣпощеніи всего сельскаго люда, чего въ Россіи, къ ея счастію не было. Русское шляхетство этого обстоятельства не поняло, отстранивъ въ своихъ проэктахъ всякое участіе городскаго сословія въ дѣлахъ государства.

Нельзя лучше закончить разбора шляхетскаго движенія, какъ сопоставивъ описаніе этого движенія у г. Корсакова съ свидѣтельствомъ иностранца. Говоря о массѣ дворянства, участвовавшаго въ движеніи, г. Корсаковъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ выражается такъ:

„Въ числѣ этихъ лицъ мы видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства; здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ положеній, различнаго происхожденія и образованія, но исключительно русской національности. Движеніе имѣетъ строго патріотическій, національный характеръ. На ряду съ Рюриковичами, Гедеминовичами и потомками выѣзжихъ черкесскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служебныхъ родовъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверского и худородныхъ шляхтичей. Объ руку съ сенаторами, президентами и членами коллегій, идутъ генералы, полковники и баталіонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ.“

Одна изъ депешъ саксонскаго посланника Лефорта, племянника Петрова друга, даетъ намъ указаніе отъ чего все случилось такъ, какъ случилось, а не такъ какъ предполагалось: „Русское государство, пишетъ Лефортъ, представляетъ такой хаосъ, въ которомъ трудно что либо разобрать; сколько голосовъ, столько и плановъ; каждый умствуетъ, слѣдуя своему слабому сужденію“.

Среди этого хаоса, въ которомъ каждый слѣдовалъ своему слабому сужденію, сокрушился и проэктъ Голицына и проэкты шляхетскіе. Осталось ли однако это шляхетское движеніе безъ послѣдствій? Нѣтъ; оно имѣло два важныя послѣдствія: 1) оно закрѣпило за русскимъ шляхетствомъ помѣщичій и служебный характеръ; 2) этимъ движеніемъ шляхетство, какъ сказано выше, втянуло въ себя слабые остатки боярской аристократіи и тѣ элементы, изъ которыхъ тогда могла бы возродиться боярская аристократія.

Англійское джентри, не гоняясь за равенствомъ съ лордами, искало только свободы и помогло создать британскую конституцію; русское шляхетство, стремясь къ равенству всего родовитаго шляхетства и въ то же время унижая шляхетство новое, на долго закрѣпило въ Россіи помѣщичье право и бюрократическую ферулу.

Вопросъ о томъ, хорошо это, или дурно, не подлежитъ обсужденію въ настоящей рецензіи: мы указали только, какъ и что было, и что изъ этого вышло.

Евгеній Вѣловъ.

Библиотека "Руниверс"

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе 2-е, вновь переработанное и дополненное. Два тома. Спб. 1879—1881 гг.

Старое изданіе названнаго труда (1865) заключало въ себѣ всего одинъ томъ и въ немъ помѣщалась вся русская литература, выдѣленная изъ настоящаго изданія, какъ имѣющая въ свое время выйти отдѣльно. Изъ этого видно, до какой степени новое изданіе количественно разнится отъ стараго. Но оно точно также разнится отъ него и качественно. Хотя г. Пыпинъ и увѣряетъ въ послѣдней главѣ, что взглядъ его „въ сущности остается тотъ же" (стр. 1093), но съ этимъ можно согласиться развѣ тому, кто успѣлъ позабыть старое изданіе. Въ предисловіи (помѣщенномъ въ началѣ 2-го тома) г. Пыпинъ свидѣтельствуетъ, что хотя его точка зрѣнія была выражена (въ 1865 г.) достаточно ясно, „даже чешскіе критики обвиняли его во враждебности къ „народнымъ началамъ". И въ то время эти критики были правы. Совершенно другое дѣло теперь. Остается только удивляться, что г. Пыпинъ точно будто стыдится измѣненія въ своемъ взглядѣ. Совсѣмъ не мѣняются, т. е. коснѣютъ, только люди, переставшіе работать, или же бездарные и упрямые. Въ свое время отозвавшись довольно несочувственно о книгѣ г. Пыпина [1]), я съ удовольствіемъ могу отозваться о настоящемъ изданіи совершенно иначе. Не скрою однакоже и теперь моихъ разногласій съ почтеннымъ авторомъ въ частностяхъ.

Въ предисловіи г. Пыпинъ говоритъ о первыхъ славянскихъ каѳедрахъ нашихъ: „это былъ учено-народный романтизмъ, въ родѣ Гримма или Риля". Съ этимъ мудрено согласиться. Яковъ Гриммъ согрѣвалъ, наши слависты большею частью обдавали холодомъ. Не мало даровитыхъ людей пропало для изученія славянства именно потому, что ихъ отталкивало узко-археологическое направленіе нашей славянской каѳедры. Самъ г. Пыпинъ сознается, что славистика не была его спеціальностью, т. е. не университетъ его привлекъ къ ней. А г. Спасовичъ, какъ извѣстно, вовсе даже не филологъ.

Въ особомъ своемъ предисловіи, даровитый сотрудникъ г. Пыпина прямо говоритъ, что въ принадлежащемъ ему отдѣлѣ польской литературы „въ нынѣшнемъ изданіи уцѣлѣли отъ перваго весьма не многія страницы". Но направленіе осталось прежнее, т. е. оно и тогда было у г. Спасовича вполнѣ сочувственно предмету, почему и я въ свое время могъ сочувственно отнестись къ очень многому въ той части труда, которая принадлежитъ г. Спасовичу.

И въ настоящемъ изданіи все, за исключеніемъ польской литературы, вышло изъ подъ пера г. Пыпина. Въ 1-мъ томѣ изложена исторія литературы славянъ, исповѣдующихъ православіе. Наряду съ сербами и болгарами, помѣщены тутъ и малоруссы. Удобнѣе было бы, кажется, связать малорусскую литературу съ общерусскою, конечно, какъ совершенно особый отдѣлъ. Вѣдь древній періодъ у обѣихъ—одинъ, и г. Пыпину въ будущей своей книгѣ о русской литературѣ придется повторить многое изъ того, что сказано имъ въ началѣ обзора малорусской литературы. Говоря это, я ни мало не оспариваю

[1]) Мой разборъ перепечатанъ въ сборникѣ моихъ статей „Славянство и Европа". Спб. 1877 г.

Библиотека "Руниверс"

у г. Пыпина умнаго и гуманнаго его взгляда на права малорусскаго языка. Завѣтъ славянскихъ первоучителей всему славянству составляетъ проповѣдь на общедоступномъ языкѣ, т. е. и школа съ грамотностью на языкѣ народномъ.

Подвигъ Кирилла и Меѳодія не достаточно разсмотрѣнъ и оцѣненъ г. Пыпинымъ. Сущность его заключалась въ томъ, что они намѣтили для славянъ путь историческаго развитія, независимый и отъ Рима и отъ Византіи. Вѣрные первоначальному христіанству, они положили широту его вселенской идеи въ основу славянской церкви. Великія ихъ начинанія осуществились далеко не вполнѣ на христіанскомъ востокѣ. Въ томъ же духѣ первоначальнаго христіанства дѣйствовалъ впослѣдствіи Гусъ,—и палъ сперва самъ, а затѣмъ и его родной край—жертвою соединенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ силъ христіанскаго запада.

Если бы исторія славянскихъ литературъ излагалась у г. Пыпина не по отдѣльнымъ народностямъ, а синхронистически (одновременно), то яснѣе бы выказался смыслъ событій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при всей разъединенности славянскаго міра, въ немъ оказалось бы болѣе внутренней связи, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Второй томъ разбираемаго труда заключаетъ въ себѣ исторію литературы славянъ, исповѣдующихъ католичество и протестантство. Тутъ, стало быть, разбирается и польская литература. Признавая и въ Польшѣ „слѣды долгаго существованія христіанства по славянскому обряду", г. Спасовичъ утверждаетъ вслѣдъ за тѣмъ, будто бы „римское католичество было космополитичнѣе, слѣдовательно уживалось со всѣми народностями, не мѣшая ихъ своеобразному развитію" (Стр. 456). Нѣсколько иначе толкуется этотъ космополитизмъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что преподаваніе въ іезуитскихъ школахъ было подчинено „одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви" (стр. 521). Что касается г. Пыпина, то онъ говоритъ о вліяніи ея на чеховъ, что она „съ самаго начала сталкивалась съ интересами народа и народности.... и принесла измѣненіе въ общественный порядокъ, открывая дорогу клерикальнымъ притязаніямъ и феодализму" (стр. 521). Если бы г. Спасовичъ усвоилъ себѣ тотъ же взглядъ, то онъ бы нашелъ въ немъ, быть можетъ, одну изъ причинъ того „зла" въ польской жизни, которое, по его же выраженію, было „столь глубоко, что отъ него нельзя было освободиться иначе, какъ посредствомъ политической смерти". Іезуиты-патріоты въ родѣ Скарги, возстававшіе противъ обращенія народа въ „быдло", представляютъ собою только рѣдкое явленіе, объясняемое, конечно, не ихъ іезуитствомъ, а ихъ все же не въ конецъ подавленною народностью. Латинство въ Польшѣ, какъ и въ Чехіи, открывало дорогу чуждымъ вліяніямъ, результатомъ которыхъ наконецъ и оказалось у поляковъ то, что „настоящимъ народомъ была только шляхта". Въ этомъ заключалось, по признанію г. Спасовича, существенное отличіе Польши отъ Руси, какъ „крестьянскаго" царства, въ которомъ съ другой стороны многія существенныя принадлежности его, какъ царства, зародились подъ вліяніемъ Византіи, проводимымъ у насъ греческою церковью. Возвращаясь къ римско-католической Польшѣ, нельзя не замѣтить, что и спеціальный видъ латинства — іезуитство, представляетъ извѣстную связь даже съ „Валленродизмомъ", въ которомъ г. Спасовичъ справедливо усматриваетъ „опасную, вредоносную мораль" (стр. 649). Мудрено не признать, что латинство было не мало повинно въ тѣхъ отношеніяхъ Польши къ казачеству, въ

Библиотека "Руниверс"

силу которыхъ малорусскій народный эпосъ „проникнутъ, по безпристрастному выраженію г. Спасовича, духомъ далеко не дружелюбнымъ для Польши“ (стр. 622), что̀ не мѣшало однако нѣкоторымъ польскимъ поэтамъ нашего вѣка писать польско-патріотическія варьяціи на казацкія темы. Дѣло въ томъ, что они, какъ и самъ Мицкевичъ, „видѣли только одну сторону дѣла, одни доблести прошлаго безъ его грѣхо̀въ“ (стр. 670). Латинство крѣпко привязало Польшу къ западу, не смотря на всѣ его историческія провинности передъ славянствомъ, не смотря на то, что съ другой стороны славянская стихія Мицкевича подъучила его „представить торжество чистаго эгоистическаго разума, вооруженнаго всѣми изобрѣтеніями цивилизаціи, надъ вѣрою, чувствомъ и духомъ, какъ правдоподобную будущность Европы“ (стр. 653). При всемъ томъ, тотъ же великій поэтъ Польши не только 14 лѣтнимъ отрокомъ восторгался походомъ Наполеона на Россію, но и навсегда остался наполеонитомъ, предсказывая въ Римѣ въ 1829 г. возвращеніе на престолъ династіи, и „питалъ къ узнику св. Елены родъ культа, дѣлавшагося подъ конецъ жизни все болѣе и болѣе мистическимъ“ (стр. 635). Этотъ то культъ, вѣроятно, и довелъ его подъ самый конецъ жизни до того, что при началѣ великаго дѣла Наполеона le petit (по кличкѣ Гюго), Крымской войны, онъ „отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи“ (стр. 674). Это значило идти рука объ руку съ тѣмъ парижскимъ архіепископомъ, который призывалъ на турокъ благословеніе божіе въ ихъ священной войнѣ со схизматиками московитами.

Поэзія польской эмиграціи, подробно разсмотрѣнная г. Спасовичемъ въ настоящемъ изданіи (за что ему большое спасибо) въ лицѣ не одного Мицкевича, но и другихъ выдающихся своихъ представителей, отличается тою же двойственностью, такъ и остающеюся впрочемъ неразгаданною у нашего автора. Съ одной стороны у Словацкаго—отталкивающая апоѳеоза тѣхъ „великихъ насильщиковъ, которые, точно кузнецы, куютъ мягкій матеріалъ—свой народъ—на наковальнѣ сильными ударами меча и молота, безсердечьемъ, жестокостью, тиранствомъ, такъ что дѣйствіемъ этихъ божіихъ бичей народъ окровавленный закаляется , опредѣляется и идетъ впередъ по ступенямъ развитія“ (стр. 727). Съ другой стороны—возвышенныя прорицанья Красинскаго, въ силу которыхъ „искусственныя построенія государственныя провалятся, человѣчество явится въ новомъ образѣ, какъ совокупность сочлененныхъ національностей; Христу, охристіанившему отдѣльныя души, предстоитъ преобразовать область политики и международныхъ отношеній“. Если съ этимъ всетаки соединяется самообольщеніе, что „предки не загубили Польши, а только носили идеалъ, который въ то время былъ неосуществимъ, а составляетъ задачу будущаго“; то само по себѣ это будущее безусловно прекрасно—„свободное, безкровное, съ подъемомъ мертвыхъ массъ народа на высоты сознанія, обходящееся безъ каръ и казней“... (стр. 735).

Что касается г. Спасовича, то онъ вполнѣ сознаетъ, какъ мало такое будущее подготовлялось прошедшимъ шляхетной Польши. Неизбѣжность ея „политической смерти“ наглядно доказана имъ. Именно послѣ этой политической смерти—рѣдкое явленіе въ исторіи—и начинается въ ней „пышный поэтическій разцвѣтъ національной поэзіи, далеко превзошедшій по красотѣ и богатству содержанія все то, что было создано въ золотой вѣкъ Сигизмундовъ“ (стр. 452). Съ этимъ разцвѣтомъ проявились черты—уже не только на-

Библиотека "Руниверс"

ціональныя, но и народническія (Сырокомля; отчасти Крашевскій). Остается желать того, что уже далеко не рѣдкость у чеховъ и славаковъ—возникновенія писателей прямо изъ народа, дождавшагося свободы только послѣ политической смерти Польши. Но такому явленію, желанному для всего славянства, такъ какъ оно только и въ силахъ окончательно вывести Польшу на новый путь,—не могутъ не мѣшать тѣ мѣры, которыя, подобно чужеядной примѣси, сказались въ нашемъ реформаціонномъ дѣлѣ въ Польшѣ: я разумѣю административное введеніе русскаго языка. Сдѣланное одною рукою, прямо раздѣлывается другой. Родной языкъ одинаково дорогъ и панамъ и бывшимъ хлопамъ (тѣ и другіе принадлежатъ вѣдь въ большей части Польши къ одной народности, а не къ различнымъ, какъ въ Остзейскомъ краѣ). Дѣйствительное поднятіе на ноги въ Польшѣ самого народа, какъ носителя въ будущемъ новой культурной стихіи, уже дружной съ нами и со всѣмъ славянствомъ, не мыслимо при подавленіи народнаго языка. Не даромъ же слово языкъ въ старину означало тоже, что и народъ.

Это опять возвращаетъ насъ къ завѣту славянскихъ первоучителей. Сохраненіе ихъ преданій признается, можно сказать, г. Пыпинымъ въ церковной жизни Чехіи. Да и какъ не признать, когда, по его словамъ, даже „новѣйшій историкъ гуситства Э. Дени, не отвергая родства гуситства съ протестантизмомъ, не отвергаетъ также и существованія у чеховъ преданій греко-славянской церкви Кирилла и Меѳодія“ (стр. 890). Но странно звучатъ послѣ этого у г. Пыпина выраженія: „послѣдователи Гуса отдѣлились отъ церкви и внѣшнимъ образомъ, принявъ таинство причащенія подъ обоими видами“ (стр. 791). Вмѣсто принявъ слѣдовало бы, конечно, сказать: удержавъ или сохранивъ“. Еще страннѣе выраженіе про приверженца Гуса, Якова изъ Стржибра, что „онъ извѣстенъ введеніемъ религіознаго обряда, который при жизни Гуса отдѣлилъ гуситовъ отъ католической церкви“ (стр. 855). Это было не введеніе вновь, а возстановленіе того, что не переставало совершаться на христіанскомъ востокѣ и чего никакъ нельзя отнести къ внѣшности: общностью чаши запечатлѣвалась равноправность всѣхъ христіанъ предъ своимъ Искупителемъ. Правда, если слѣдить за греческою полемикою съ латинянами по этому вопросу, то онъ дѣйствительно представится съ внѣшнѣй своей стороны. Но гуситы понимали его чисто внутренно и онъ находился въ тѣснѣйшей связи съ соціальной стороной ихъ ученія. Не даромъ проповѣдь чаши для всѣхъ, а не для одного клира исходила изъ рядовъ „самыхъ простыхъ людей... всякихъ рабочихъ и ремесленниковъ“, и объ ней проповѣдовали „даже женщины“ (стр. 869). Не даромъ и въ позднѣйшемъ отпрыскѣ гуситства, „чешскихъ братьяхъ“, основная масса „принадлежала тому же простому классу народа, который поставлялъ защитниковъ идей Гуса и воиновъ Табора“. Путемъ воскрешенія старыхъ церковныхъ преданій, чехи мало по малу пришли къ соціальнымъ ученіямъ (дошедшимъ наконецъ и до извращенія), совсѣмъ невозможнымъ въ устоявшей въ своей вѣрности латинству шляхетной Польшѣ, да и во всей западной Европѣ развившимся только несравненно позже. Странно звучитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „передовой западъ“, употребляемое г. Пыпинымъ наперекоръ такимъ западнымъ людямъ, каковы, наприм., Луи Бланъ и Ж. Зандъ. „Исторія все еще исполнена загадокъ, глубокомысленно замѣчаетъ г. Пыпинъ: ей трудно еще объяснить многое въ связи событій; но должна быть глубокая причина, почему именно у чеховъ національно религіозная оппозиція католицизму пріобрѣла въ XV вѣкѣ такіе

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ковъ: у себя въ Чехіи въ XIII вѣкѣ въ лицѣ Премысла Оттокара I, по свидѣтельству котораго „ни онъ, ни его предшественники никого никогда не присуждали къ смерти“, у насъ же на Руси и еще ранѣе—въ лицѣ Владиміра Мономаха съ его такъ мало у насъ еще оцѣненнымъ: „ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убить“.

Въ силу тѣхъ заповѣдныхъ взглядовъ, отъ которыхъ все еще не вполнѣ отсталъ г. Пыпинъ, и Хельчицкій, конечно, долженъ быть объясняемъ вліяніемъ той же „латино-нѣмецкой культуры“, на зло лишь которой, должно быть, живою уликой его идеализму въ несостоятельности послужили неистовства ея представителей послѣ „Бѣлой Горы“;—подобно тому, какъ на зло же, конечно, культурѣ греческой, совершались подвиги фанаріотовъ въ роли турецкихъ палачей въ Болгаріи, и даже вовсе уже не турецкихъ, а прямо греческихъ истребителей болгарской грамотности. Въ качествѣ того же стараго фетиша, культура является у г. Пыпина еще и подъ фирмою „просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка“. Имъ приписывается вліяніе на славянское возрожденіе (стр. 918). Но если онѣ и повинны въ немъ, то развѣ въ томъ смыслѣ, что ими внушались цивилизаціонно-централизаторскія мѣры одного изъ „просвѣщенныхъ деспотовъ“ — Іосифа II. Принесеніе имъ въ благонамѣренную жертву высшей германской „культурѣ“ некультурныхъ славянскихъ особенностей, вызвало, наконецъ, повсемѣстный отпоръ, разрѣшившійся славянскимъ возрожденіемъ. Въ такомъ же смыслѣ распространителями христіанства можно назвать его гонителей—римскихъ кесарей, или наконецъ нашихъ „никоніанъ“—распространителями раскола.

Впрочемъ, г. Пыпинъ и самъ вполнѣ сознаетъ всю зависимость славянскаго возрожденія отъ систематическаго преслѣдованія славянства. Но онъ находитъ при этомъ, будто у насъ на Руси панславизмъ имѣлъ мало успѣха особенно потому, что „о національности наше общество могло не заботиться: она стояла цѣлая и невредимая“ (стр. 1097). Эта фраза, перенесенная, если не ошибаюсь, изъ перваго изданія, продолжаетъ удивлять своимъ совершенно особымъ идеализмомъ. Точно будто Россійскому государству достаточно было выставить на своемъ оффиціальномъ знамени не только „самодержавіе“ и „православіе“, но и „народность“, чтобы и внутренняя и внѣшняя наша политика дѣйствительно оказывалась національною. Какъ бы то ни было, г. Пыпинъ въ настоящемъ изданіи несомнѣнно сочувствуетъ не только славянскому возрожденію, но въ извѣстномъ смыслѣ даже панславизму. „Намъ могутъ быть ясны, говоритъ онъ, увлеченія и крайности, но всегда остается глубоко сочувственно стремленіе къ народности, т. е. въ концѣ концовъ—стремленіе поднять значеніе народа, внушить уваженіе къ его преданію, слѣдовательно къ его нравственной автономіи, и наконецъ, ввести его, какъ полноправнаго дѣятеля, въ національную жизнь“ (стр. 1108). По поводу вопроса о значеніи въ панславизмѣ нашего русскаго языка и литературы, г. Пыпинъ замѣчаетъ: „Литература большого народа, идущая къ тому, чтобы стать въ рядъ „всемірныхъ“, только обогатилась бы, имѣя подлѣ себя литературы фаліальныя, надъ которыми все-таки господствовала бы, а притѣсненіемъ ихъ она компрометируетъ свое достоинство. Господство языка и литературы должно достигаться силою ихъ внутренняго авторитета, а не принужденіемъ и содѣйствіями администраціи“ (стр. 1118). И съ этимъ можно только безусловно согласиться.

Ор. Миллеръ.

Библиотека "Руниверс"

Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе, съ перемѣнами. Два тома въ трехъ книгахъ. Рекомендована ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій. Спб. 1880.

Первое изданіе „Исторіи русской словесности" вызвало обширную рецензію профессора Н. С. Тихонравова, написанную имъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и напечатанную въ „Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова" (Спб. 1878). Эта рецензія коснулась главнымъ образомъ той части I тома труда г. Галахова, которая содержитъ въ себѣ обзоръ древней русской словесности, такъ какъ эта часть, по своей неудовлетворительности, требовала особенно тщательнаго разбора. Г. Галаховъ и самъ понялъ неудовлетворительность своего труда и, издавая его вторымъ изданіемъ, совершенно переработалъ исторію древней русской словесности, кромѣ отдѣла повѣстей, переработку котораго сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій. Обзоръ народной словесности сдѣланъ, по порученію г. Галахова, профессоромъ Миллеромъ (былины и историческія пѣсни), профессоромъ Кирпичниковымъ (духовные стихи) и г. Морозовымъ (обрядовыя и бытовыя пѣсни, сказки, пословицы, заговоры и загадки). Исторія новой русской литературы оставлена г. Галаховымъ въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ 1-мъ изданіи, за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ и перестановокъ. Вслѣдствіе этого, въ нашемъ разборѣ мы будемъ касаться только того, что есть новаго въ „Исторіи русской словесности", т. е. главнымъ образомъ древне-русской словесности.

При чтеніи труда г. Галахова въ новомъ изданіи, прежде всего бросается въ глаза, какъ мало вниманія обратилъ г. Галаховъ на тѣ замѣчанія, которыя сдѣлалъ въ своей рецензіи профессоръ Тихонравовъ. Правда г. Галаховымъ исправлены многія изъ ошибокъ, указанныхъ г. Тихонравовымъ, такъ что „Странникъ", „Купель душевная", „Лебедь съ перьемъ" уже не входятъ въ число сборниковъ, „Вождь по жизни" уже не упоминается, какъ одинъ изъ источниковъ Домостроя, „Громникъ", Молніяникъ", „Колядникъ" уже не принимаются за календари; но „Палея" (Толковая) по прежнему все еще входитъ въ отдѣлъ историческихъ сочиненій, на ряду съ хрониками и хронографами (I, 180), хотя г. Тихонравовъ замѣтилъ: „Палея не есть историческое сочиненіе, а полемическое, богословское... направленное противъ жидовина, имѣющее цѣлью оправдать новый завѣтъ и разрѣшить всю ветхозавѣтную исторію въ служебный символъ новаго завѣта" (Отчетъ, 54). По прежнему русская литература XVI вѣка остается безъ надлежащаго объясненія; по прежнему Домострой имѣетъ лишь то значеніе, что характеризуетъ частный, семейный бытъ (I, 339), не смотря на то, что разъясненію направленія литературы XVI вѣка вообще и Домостроя въ частности г. Тихонравовъ посвятилъ цѣлыя пять страницъ (Отч. 105—109). Тѣ скудныя извѣстія о раскольнической литературѣ, которыя г. Галаховъ приводилъ въ 1-мъ изданіи (I, 238—239, 313—314), исключены изъ 2-го изданія, совершенно на перекоръ г. Тихонравову, по мнѣнію котораго историческая картина конца XVII и начала XVIII вѣка не представляетъ необходимой полноты безъ обзора литературы раскольнической (Отч. 122). Наконецъ относительно „Оды на взятіе Хотина"

Библиотека "Руниверс"

Ломоносова, г. Галаховъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе, что въ ней Ломоносовъ подражалъ нѣмецкому поэту Гюнтеру (I, 2, 62), хотя ему и было указано на несправедливость этого избитаго мнѣнія (Отч. 133).

Многія ошибки г. Галахова не были упомянуты г. Тихонравовымъ въ его рецензіи, но были указаны другими учеными въ ихъ изслѣдованіяхъ. Однако г. Галаховъ не обратилъ на эти послѣднія должнаго вниманія. Какъ въ 1-мъ изданіи онъ говорилъ о Пахоміи Логоѳетѣ, что онъ прибылъ въ Россію при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ около 1460 г. и сначала находился въ Новгородѣ при архіепископѣ Іонѣ, а потомъ, по смерти его, перешелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь (I, 99), такъ это остается безъ измѣненія и во 2-мъ изданіи, впрочемъ, съ оговоркою, что по мнѣнію г. Ключевскаго, Пахомій прибылъ въ Россію раньше (I, 321). Но труды гг. Ключевскаго (Древне-русскія житія святыхъ 119), Некрасова (Пахомій Сербъ, 36, 39) и высокопреосвященнаго Макарія (Исторія русской церкви, VII, 144—145) вполнѣ ясно показываютъ, что Пахомій уже въ 1443 году находился въ Россіи, именно въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, а что прибылъ онъ въ Россію (въ Новгородъ) еще раньше. Авторомъ описанія путешествія во Флоренцію въ 1437 году считается во 2-мъ изданіи „Исторіи русской словесности“ (I, 317), какъ и въ 1-мъ (I, 102), суздальскій іеромонахъ Симеонъ, не смотря на то, что профессоромъ А. С. Павловымъ доказано, что Симеона нельзя признавать авторомъ этого описанія и что имъ былъ не монахъ, а міряниръ (Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 281—283). Такое же пренебреженіе къ результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій по древне-русской литературѣ г. Галаховъ выказываетъ, продолжая приписывать Домострой священнику Сильвестру и не различать двухъ редакцій этого произведенія (I, 339). Изслѣдованіе г. Некрасова (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя) показываетъ, что древнѣйшая редакція Домостроя существовала еще до Сильвестра и что Сильвестру принадлежитъ лишь перестановка главъ и „посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, составляющее 64 главу Сильвестровской редакціи. Принадлежащій Московскому Обществу Исторіи и Древностей списокъ этого произведенія по древнѣйшей редакціи, по признакамъ письма, относится, если не къ первой четверти, то по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XVI вѣка. Все это нисколько не принято въ соображеніе г. Галаховымъ. Онъ по прежнему продолжаетъ насъ увѣрять, что „живая проповѣдь замолкла на сѣверѣ Россіи съ самой смерти митрополита Фотія“ (I, 379), тогда какъ изъ „Исторіи русской церкви“ высокопреосвященнаго Макарія (VII, 315) онъ долженъ бы былъ знать, что въ половинѣ XVI вѣка живая проповѣдь еще существовала и что одинъ изъ проповѣдниковъ былъ митрополитъ Даніилъ, оставившій потомству весьма значительное число своихъ поученій.

Мелкихъ ошибокъ и неточностей въ новомъ изданіи „Исторіи русской словесности“ не меньше, чѣмъ въ старомъ. Такъ, основываясь неизвѣстно на какихъ данныхъ, г. Галаховъ сообщаетъ, что „первоначальный (современный св. Меѳодію, первоучителю славянъ), переводъ какъ ветхаго завѣта, такъ равно и евангелія утраченъ“ (I, 164). О сборникѣ Святославовомъ 1076 года, онъ говоритъ, что этотъ сборникъ переписанъ для того же князя и тѣмъ же писцомъ, что и сборникъ 1073 года, чего вовсе не видно изъ приписки къ сборнику 1076 года, въ которой писецъ Іоаннъ,—судя по почерку, лицо вовсе не тождественное съ дьякономъ Іоанномъ, писцомъ сбор-

Библиотека "Руниверс"

ника 1073 года, заявляетъ, что онъ кончилъ книги при князѣ Святославѣ (извѣстія Ак. Н. X, 1, 26—27). Говоря о Геннадіевой библіи, г. Галаховъ увѣряетъ, что „книга Эсфирь переведена съ еврейскаго" (I, 175), тогда какъ въ ней переведены съ еврейскаго только 9 первыхъ главъ, а остальныя переведены съ латинской вульгаты. Апокрифическія сочиненія заключаютъ въ себѣ, по опредѣленію г. Галахова (I, 181), разсказы только о библейскихъ лицахъ и событіяхъ; изъ нихъ исключаются такимъ образомъ апокрифическія житія святыхъ и слова св. отцовъ, каковы: Георгіево мученіе, хожденіе Зосимы къ рахманамъ, Слово Меѳодія патарскаго и др. Рядомъ съ апокрифами греческими и болгарскими у г. Галахова является зачѣмъ-то Луцидаріусъ (I, 183), произведеніе вполнѣ однородное съ тѣми твореніями средневѣковыхъ мудрецовъ—Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люллія,—которыя были переведены у насъ въ XVII вѣкѣ и которыя г. Галаховымъ не внесены однако въ число апокрифовъ. Источниками духовныхъ стиховъ считаются имъ только апокрифы (I, 194), тогда какъ въ основаніи значительной части стиховъ легли произведенія, никогда и никѣмъ не признававшіяся за апокрифическія, какъ-то евангеліе (стихъ о богатомъ и Лазарѣ), житія святыхъ (стихи объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, объ Борисѣ и Глѣбѣ, Кирикѣ и Улиттѣ), слово мниха Палладія и т. п.

О многомъ г. Галаховъ разсказываетъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Объ такомъ важномъ фактѣ, какъ собраніе архіепископомъ Геннадіемъ библейскихъ книгъ въ одинъ кодексъ, упоминается имъ тогда, когда говорится о перенесенной къ намъ изъ Болгаріи переводной литературѣ (I, 175); тогда же говорится о сборникахъ русскаго происхожденія разнаго времени—Златой цѣпи, Златоустѣ, Измарагдѣ (I, 178), о хронографахъ Кубасова, архіепископовъ Пахомія, Антонія подольскаго (I, 181). О редакціяхъ древне-русскихъ житій святыхъ говорится не въ обзорѣ литературы XV—XVI вѣка, а въ обзорѣ литературы XVII—XVIII вѣка, вслѣдъ за упоминаніемъ о печерскомъ патерикѣ (I, 303—304) и т. п.

Исторія древней русской литературы во 2-мъ изданіи труда г. Галахова не можетъ назваться полною даже сравнительно съ 1-мъ его изданіемъ. Въ этомъ послѣднемъ, напримѣръ, упоминалось о церковномъ правилѣ митрополита Іоанна II, о житіи Бориса и Глѣба, Нестора, о вопрошаніи Кирика, о физіологѣ, объ иконописныхъ подлинникахъ, о посланіи изографа Іосифа къ царскому живописцу Симону Ушакову, о посланіяхъ кн. Курбскаго къ разнымъ лицамъ и его исторіи флорентійскаго собора, объ азбуковникахъ, о сочиненіяхъ Григорія Цамвлака, митрополита Фотія, о чемъ во 2-мъ изданіи не говорится ни слова. Сверхъ того, въ послѣднемъ ничего не говорится о такихъ произведеніяхъ, какъ проповѣди митрополита Даніила и сочиненія бывшаго троицкаго игумена Артемія, друга кн. Курбскаго, часть которыхъ направлена противъ протестантскаго пропагандиста Симона Буднаго. Они гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія историка русской литературы, чѣмъ чаровникъ, волховникъ, сонникъ, которыхъ и названій не стоило бы приводить, не только что излагать содержаніе, какъ это дѣлаетъ г. Галаховъ (I, 191—192). Отъ пропусковъ не свободенъ даже отдѣлъ древне-русской повѣствовательной литературы, обработанный г. Веселовскимъ и отличающійся значительною полнотою. Въ немъ, напр., упоминается ни мало не замѣчательная повѣсть о римскомъ кесарѣ Оттонѣ (I, 450), но ни слова не говорится о такомъ интересномъ переводномъ сборникѣ, какъ Звѣзда Пресвѣтлая съ русскими дополненіями (о

Библиотека "Руниверс"

ней замѣтка Ѳ. И. Буслаева въ I кн. Лѣтописи русской литературы и древностей, 1859 г.), или о повѣсти о Сивилльскомъ царствѣ (о ней въ рецензіи г. Буслаева на книги Снегирева и Низара „Отеч. Записки", 1861, IX).

Неравномѣрность изложенія даетъ себя чувствовать и въ новомъ изданіи „Исторіи русской словесности". Отдѣлъ древне-русской повѣствовательной литературы занимаетъ въ ней столько же мѣста, сколько всѣ другіе отдѣлы древне-русской литературы вмѣстѣ. О Несторовой лѣтописи, памятникѣ чрезвычайно важномъ и достойномъ подробнаго разсмотрѣнія, говорится всего на двухъ страницахъ (I, 284—285), о сочиненіяхъ Максима Грека на трехъ (333—336), о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго на десяти строкахъ (329), между тѣмъ какъ изложеніе переводнаго романа о Бовѣ Королевичѣ занимаетъ восемь страницъ (452—459). Трудамъ Іакова мниха, житію Ѳеодосія печерскаго, Нестора, житію Авраамія смоленскаго (302) отведено г. Галаховымъ меньше строки на каждое сочиненіе, тогда какъ сказаніе о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ излагается на цѣлой страницѣ (322) и т. д.

Мы сказали здѣсь о недостаткахъ 2-го изданія „Исторіи русской словесности". О достоинствахъ его считаемъ излишнимъ говорить, потому что они остаются тѣ же, что и въ 1-мъ изданіи.

А. С—скій.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Первые просители

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

ИМПЕРАТОРЪ Павелъ, при вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ, что, желая оказывать своимъ подданнымъ всевозможное правосудіе и открыть „всѣ пути и способы, дабы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ“ разрѣшилъ всѣмъ являться во дворецъ съ письменными или словесными просьбами. Послѣдствіемъ этого распоряженія было такое громадное количество просьбъ, большою частью, конечно, вздорныхъ, что государю пришлось имѣть трехъ статсъ-секретарей у принятія прошеній: Трощинскаго, докладывавшаго прошенія, присылавшіяся по почтѣ, Нелединскаго-Мелецкаго,—подававшіяся лично на высочайшее, имя и Брискорна,—писанныя на иностранныхъ языкахъ. Такъ какъ многія просьбы были длинны, малограмотны и малопонятны, то статсъ-ссекретари извлекали изъ нихъ лишь сущность дѣла и, докладывая эти экстракты, записывали на нихъ словесныя резолюціи имератора и отсылали для исполненія въ подлежащія мѣста. Вскорѣ, отказы на неосновательныя просьбы стали печататься, по высочайшему повелѣнію въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, а въ 1799 г. былъ обнародованъ именной указъ, въ которомъ императоръ, упрекая „дерзость и невѣжество“ въ злоупотребленіи его терпѣніемъ, подтверждалъ, что прежнія пути просителямъ не преграждены, но что „если и за симъ не обратятся къ должному порядку и умѣренности“ онъ найдется вынужденнымъ „противъ отягощающихъ недѣльными просьбами возобновять и привести въ дѣйствіе всю силу изданныхъ въ 1714, 1718 и 1765 гг. указовъ.“ Печатаемъ здѣсь нѣсколько экстрактовъ изъ просьбъ, поданныхъ Павлу въ первые дни по восшествіи его на престолъ. Эти экстракты, или доклады, и резолюціи на нихъ императора писаны рукою статсъ-секретаря Нелединскаго-Мелецкаго.

Библиотека "Руниверс"

Ноября 28. Генералъ аншефъ Петръ Мелиссино проситъ помилованія сыну его, заслужившему праведный гнѣвъ вашего императорскаго величества.

Резолюція: „Отказать потому, что мѣру превзошелъ“.

Ноября 29. Танцовщикъ Бартоломіо Фаціоли имѣлъ счастіе нравиться искусствомъ своимъ императору Петру III и служилъ 4 года безъ всякаго жалованья. При дряхлой старости прибѣгаетъ къ монаршей щедротѣ.

Резолюція: „Дать пенсію 100 рублей.“

Декабря 3. 95-ти лѣтняя вдова Катерина Сорокина, мужъ ея Федоръ Сорокинъ служилъ при императорѣ Петрѣ I капраломъ, а при императорѣ Петрѣ III гардеробмейстеромъ, проситъ о пособіи и подноситъ хрустальный сосудъ, въ которомъ мужъ ея на охотѣ подносилъ питье императору Петру III.

Резолюція: „Дать 100 рублей“.

Декабря 4. Елисавета Очаковская, крестница императрицы Елисаветы Петровны; у ней мужъ изъ первыхъ плѣнныхъ турецкой войны, крестникъ императрицы Екатерины II, дочь ея при великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ камеръ-юнгферою, проситъ выкупить ее изъ долгу 1360 рублей и пожаловать при старости лѣтъ на пропитаніе.

Резолюція: „Долгъ заплатить и 100 рублей пенсіи“.

Декабря 5. Николай Судовщиковъ представилъ стихи, кои не безъ достоинства, въ нихъ между прочимъ сіи стихи:

„Узрѣть родителя желаетъ
„И гробъ его слезой омыть,
„Достоинъ Петръ толикой жертвы
„Цари неправедны суть мертвы
„Но Петръ не преставалъ въ насъ жить“.

Резолюція: „Дать 50 рублей.“

Декабря 5. Адмиралтейской коллегіи совѣтникъ Севастіанъ Бровцынъ, въ службѣ 45 годъ. Имѣлъ 22 дѣтей изъ коихъ 11 въ живыхъ. Императоръ Петръ III обѣщалъ свое покровительство. За нимъ только 17 душъ и долгу до 20 т. руб. Проситъ о помощи.

Резолюція: „Пожаловано 300 душъ.“

Декабря 6. Прапорщица Авдотья Маркова Раевская повергаетъ къ стопамъ вашего императорскаго величества внука своего, сына покойнаго зятя ея генерала-поручика Розена, службу начавшаго при жизни блаженной памяти родителя вашего императорскаго величества, носившаго высочайшія его милости и который оставилъ двумъ сыновьямъ и двумъ дочерямъ 200 душъ, отдаетъ на высочайшую волю сына ея, записаннаго въ Преображенскій полкъ, но еще не служащаго, и дочерей своихъ.

Резолюція: „Сына представить императору, а дочерямъ на приданое каждой по 6000 р.“.

Декабря 7. Дмитрій Сухаревъ умерщвляется отъ гнѣва вашего императорскаго величества, съ семействомъ своимъ повергается къ освященнымъ топамъ и проситъ милосердія лично доказать, что никакихъ въ исканіи не имѣлъ видовъ, но исполнялъ ревностно повелѣнное.

Резолюція: „Чтобъ смиренъ былъ, а то высланъ будетъ“.

Декабря 7. Графиня Прасковья Потемкина [1]), по приказанію обнесен-

[1]) Вдова графа Павла Сергѣевича Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

наго клеветою и умершаго ея мужа всеподданнѣйше испрашиваетъ у вашего императорскаго величества высочайшей милости: повелѣть выправиться по персидской секретной экспедиціи о преступленіяхъ мужа ея и ежели никакой вины не доказано, то главнымъ образомъ оправдать посрамленную его память такими средствами, какъ ваше императорское величество за благо изобрѣсти изволите. Сіе сколько ей драгоцѣнно, столько нужно дѣтямъ, чтобъ они не могли стыдиться имени своего отца. Хотя она (за службу мужа имѣетъ право на воздаяніе) и обременена долгомъ, однако ничего просить не осмѣливается, какъ единой милости, да возвѣстится свѣту указомъ его невинность.

Резолюція: „Не мѣшаться въ дѣла государственныя".

Декабря 8. Елизавета Баронеса Черкасова получала отмѣнныя милости отъ императора Петра III, за что былъ мужъ ея подъ карауломъ при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины. Потомъ служилъ въ адмиралтействѣ, и занимаясь службою, пренебрегъ своими дѣлами, задолжалъ и принужденъ былъ продать 1000 душъ и остался съ 30. Она имѣетъ 340 душъ, доходомъ съ которыхъ и живутъ всѣ въ деревняхъ. Проситъ прибавить ей съ семействомъ къ производимому имъ пенсіону.

Резолюція: „Производить пенсіи 3000 р.".

Декабря 8. Францъ Вивитъ, учитель Жеденома, (jeu de pomme) находился 11 лѣтъ при покойномъ князѣ Орловѣ съ жалованьемъ по 500 р. на годъ, оказывалъ ему разныя услуги, спасъ его отъ пожара, потопа и обмана нечестныхъ игроковъ; по смерти его лишился не только награжденія за усердную службу, но и заслуженнаго имъ въ теченіи 11-ти лѣтъ жалованья. Наслѣдникъ его графъ Ѳедоръ Орловъ заплатилъ ему токмо 3500 р., которые не должны зачесться въ жалованье, но выиграны имъ на билліардѣ въ присутствіи подполковника Егермана и доктора Фреганта. Испрашиваетъ высочайшаго повелѣнія, чтобъ наслѣдники удовлетворили его жалованьемъ.

Резолюція: „Вѣдаться съ наслѣдниками".

Декабря 10. Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Штелина представляетъ въ оригиналѣ жалованную грамоту его императорскаго величества покойнаго родителя вашего въ 1745 году, по коей положено ему по 1000 пенс и въ годъ изъ собственной суммы.

Резолюція: „Все сдѣлать" [1]).

Декабря 10. Гвардіи унтеръ-офицеръ Даль, уроженецъ лифляндскій, былъ 4 года въ иностранныхъ университетахъ, гдѣ пріобрѣлъ знанія, содѣлывающія его способнымъ какъ къ военной, такъ и къ статской службѣ. Для снисканія себѣ нужнаго пропитанія былъ онъ три года учителемъ въ Москвѣ. Не будучи нынѣ въ состояніи содержать себя въ полку, всеподданнѣйше проситъ помѣстить его при посольствѣ, или въ другомъ мѣстѣ; если же онъ не удостоится сего высочайшаго благотворенія, то онъ принужденъ будетъ противъ желанія, просить вовсе объ увольненіи.

Резолюція: „Отказать и посадить подъ арестъ".

Декабря 12. Капитанъ Владиміръ Астафьевъ, воронежскаго дворянства депутатъ, пишетъ отъ лица дворянства, что онъ всеподданнѣйше просить дерзаетъ: на довершеніе намѣреній императрицы Екатерины о благоденствіи

---

[1]) Изъ указа кабинету отъ 12 декабря 1796 г. видно, что Штелиной кромѣ пенсіи по 1000 р. въ годъ, велѣно было выдать единовременно 38000 р.

Библиотека "Руниверс"

ихъ,—милосердія вашего императорскаго величества. Онъ же подноситъ акростическія стихи „Видѣніе Росса“.

Резолюція: „Призвать и объявить, чтобъ въ пустое не мѣшался—репримантъ какъ за дерзость“.

Декабря 12. Борисъ Леццано, служащій 45 лѣтъ, имѣвшій счастіе въ первые дни царствованія августѣйшаго родителя вашего быть при немъ на ординарцахъ и получившій изъ собственныхъ рукъ его величества шпагу, съ коею съ тѣхъ поръ служитъ, проситъ по слабости здоровья и разстройства дѣлъ помѣстить его на ваканцію члена военной коллегіи.

Резолюція: „Приказано“.

Декабря 16. С.-петербургскій купецъ Иванъ Гнутовъ, по довѣренности данной ему отъ мѣщанскаго общества на покупку домовъ Апраксина и Щукина для построенія лавокъ съ наименованіемъ ихъ мѣщанскимъ гостинымъ дворомъ, проситъ о выдачѣ имъ заимообразно на 22 года для сего предпріятія одного милліона рублей.

Резолюція: „Отказать и сказать что вздоръ“.

Декабря 16. Шляхтичъ Ефимъ Ульяновскій говоритъ, что душа его жаждала дождаться для благоденствія Россіи васъ восшедшаго на престолѣ и предстоящихъ вамъ двухъ отроковъ. Сіе вліялъ въ душу его св. Кириллъ Новоезерскій предсказаніемъ при кончинѣ своей; и душа его радовалась съ явленія мощей Дмитрія Ростовскаго, коего мощи явились на второй день рожденія вашего императорскаго величества. Испрашиваетъ благоволѣніе и повелѣть соорудить церковь въ Петербургѣ или въ сдѣланной на дворѣ бывшей тюрьмы во имя угодниковъ Божіихъ.

Резолюція: „По предсказанію св. Кирилла должно построить Михайловскую церковь и потому будетъ Михайловскій дворецъ и въ немъ церковь сего имени“.

Декабря 16. Вдова Катерина Убри, обманутая однимъ купцомъ, потеряла свой капиталъ и проситъ вспомоществованія, вспоминая прежнія милости вашего императорскаго величества.

Резолюція: „500 душъ“.

Декабря 22. Василій Бороздинъ доноситъ, что онъ сынъ генералъ-аншефа Корнелія Бороздина. Въ прусскую войну былъ на генеральныхъ баталіяхъ и раненъ. По имянному указу императрицы Елизаветы пожалованъ артиллеріи капитаномъ; отъ императора Петра III посланъ былъ въ чужіе края съ депешами о восшествіи на престолъ. По кончинѣ его величества впалъ подъ гнѣвъ императрицы, лишенъ чина артиллеріи капитана и оставленъ при штыкъ-юнкерскомъ. Потомъ отпущенъ въ деревни отца его, гдѣ до нынѣ слишкомъ 34 года переносилъ несносное состояніе съ женою и десятью дѣтьми. Отъ роду ему 50 лѣтъ. Проситъ опредѣлить его на службу.

Резолюція: „Спросить во что хочетъ и чѣмъ его удовольствовать“. По вторичномъ докладѣ января 3-го повелѣно: опредѣлить подполковникомъ въ драгуны.

Декабря 22. Е. Хрущова, урожденная Львова, вспомня милости вашего величества во время бытности ея въ Гатчинѣ, ласкается надеждою, что если бы недостаточное положеніе съ мужемъ ея извѣстно было вашему величеству, то конечно не осталась бы безъ всемилостивѣйшаго пособія.

Резолюція: „Пожаловано 200 душъ“.

Декабря 23. Марья Данцова вдова. Императоръ Петръ III, усмотря вид-

Библиотека "Руниверс"

ность стана мужа ея изъ малороссійскихъ дворянъ, опредѣлилъ его въ голштинскій полкъ; послѣ вскорѣ императоръ скончался. Мужъ ее во время польскаго похода въ сраженіи былъ раненъ и за болѣзнію отставленъ прапорщикомъ, и въ 1791 г. умеръ, оставя ее съ двумя сыновьями въ нищетѣ, а послѣ того не получила ни вдовьихъ, ни сиротскихъ денегъ. Проситъ о пропитаніи и объ опредѣленіи сыновей.

Резолюція: „Вдовье и сиротское, а о дѣтяхъ спросить, куда желаетъ"? По вторичномъ докладѣ января 15-го 1797 г. высочайше повелѣно: „въ рядовые преображенцы".

Декабря 30. Камергеръ Дмитрій Татищевъ объясняетъ, что служба его, въ которой теперь находится, отнимаетъ у него возможность изъявить свое рвеніе, осуждая его на всегдашнюю праздность. Всеподданнѣйше проситъ объ опредѣленіи его въ дѣятельнѣйшую по дипломатической части, къ которой онъ всегда себя готовилъ.

Резолюція: „Отказать и сказать, чтобы былъ гдѣ велятъ. Также сказать, что его величество считаетъ его не больно способнымъ къ дипломатической части".

Декабря 30. Егоръ фонъ-Зеканъ, (Зейкинъ) венгерскій дворянинъ, описываетъ заслуги отца своего при государѣ императорѣ Петрѣ I и Петрѣ II, между прочимъ говоритъ, что въ 1723 году ввѣрено было ему воспитаніе государя Петра II и онъ носилъ званіе оберъ-гофмейстера. За то, что внушая молодому государю примѣры Аркадія и Гонорія, отвелъ его отъ бракосочетанія съ княжною Меншиковою, отецъ сей княжны его возненавидѣлъ и употребя во зло могущество свое, подъ карауломъ отправилъ его за границу, а имѣніемъ его завладѣлъ. Проситель, сынъ его, съ дозволенія императрицы Маріи-Терезіи прибылъ сюда въ 771 году и на представленія князя Лобковича получилъ онъ три пропозиціи: 1) Хочетъ ли онъ службу принять, 2) пенсію имѣть, и 3) въ деньгахъ удовольствованъ быть? На послѣднее хотя и согласился, однако удовольствованъ не былъ; почему вторично въ 791 г. просилъ и министръ ему словесно объявилъ, что государыня ни за Петра I, ни за Петра II долговъ платить не изволитъ. Надѣясь на правосудіе императора проситъ за службу отца его возвратить ему наслѣдство имѣнія княземъ Меньшиковымъ похищенное, а по ссылкѣ его въ казну поступившіе.

Резолюція: „Не хочетъ ли въ службу?"

Декабря 30. Полковникъ кавалеръ Митрофанъ Поповъ, крестникъ покойной императрицы Елисаветы Петровны, описывая многія свои заслуги въ продолженіи 63-хъ-лѣтней его въ полѣ службы, на морѣ, на суши, въ походахъ и въ сраженіяхъ, смертельныя раны, плѣнъ и пр., наконецъ важное порученіе, при коемъ онъ способствовалъ сохраненію казеннаго интереса отъ ущерба на многіе милліоны, проситъ ордена, чина, диплома на дворянское достоинство, домъ и деревню въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Резолюція: „Сказать ему, пустова бы не писалъ".

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Архитекторское придворное меню въ XVIII столѣтіи.

Въ 1775 году, при переѣздѣ императрицы Екатерины II со всѣмъ дворомъ въ Москву, вызванъ былъ туда изъ Петербурга придворный архитекторъ

Библиотека "Руниверс"

Ринальди, для разныхъ архитектурныхъ работъ, при исправленіи домовъ, нанятыхъ въ Москвѣ для императорскаго двора. По высочайшему повелѣнію, Ринальди назначены были отъ двора квартира и продовольствіе. Получивъ отъ придворной конторы приказаніе подать росписаніе желаемыхъ имъ кушаній, Ринальди представилъ слѣдующую собственноручную записку:

„Супы съ переменою: пшено шерачинское, вермичели, лапша, клетски, макароны, чечевица.

„Другое кушаніе: битое мясо, фрикасей з дичи или телячей потрохъ, бефеламодъ, карбонатъ: телящей, баращей или свиной.

„Жеркое: теляче, бараще, тетерки, птички разніе или циплятъ.

„Зелень: шпинатъ, щевель, съ яицами или съ карбонатами, салати разніе, шпаржи, артичоки, раки и бобы турецкіе.

„Хорошее хлебенное съ переменою.

„Вина: краснаго хорошаго.

„Лимоновъ свѣжихъ.

„Приборъ чайный. Чернова чаю лучего“.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Три записочки къ князю Потемкину отъ неизвѣстныхъ дамъ [1].

I.

„Souvenir pour mon cher ange, свѣтлѣйшій пунюшка, купидончикъ, мяхъкія щечьки, не забыли ли вы, что мнѣ проиграли 150 рублей, да обѣщали кафтанъ шитый, памады и гаршокъ розовъ, пажаласта, жизь мая пришли кали хочешь, чтобъ я тебѣ не наскучила и расъцаловала твои милые мяхъкія щечки, утешь меня душа моя пришли всѣ ети вещи съ етимъ посланнымъ“.

II.

„Душа моя, свѣтлѣйшій пунюшка, мяхъкія щечьки, пазволь себе напомнить нонешны дни Христа миромъ мазали а ты меня памажъ памадой и погребенье его пакрыли плащаницами, а ты жизь мая насъ на здоровье адень своимъ кафтаномъ; пожалуй купидонъ мой милай и розовъ къ празднику пришли; жизь мая пасылаю записку абъ капрале, ежели ваша милость будетъ для праздника ево абърадовать прасти меня мой мяхъкой ангелъ, жалѣю что давно не видѣла.

III.

„N'allez pas vous imaginer que l'interet me fasse oublier moi même, l'honneur et mes devoirs; vous me connaissez bien autrement si vous me croyez capable de cela, car je crois vous me dite serieusement ce que je ne veut entendre que plaisamment, je n'ai pas même voulu finir votre lettre, car j'aurai a rougir moi-même si j'aurai la faiblesse de vous repondre autrement. Je vous supplie que ce soit pour la derniere fois“ [2].

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

---

[1]) Подлинники этихъ писемъ, на которыхъ нѣтъ ни подписей, ни означенія числа и года, находятся въ Государственномъ Архивѣ. Первыя два письма писаны одною и тою же рукою; при нихъ сохранились конверты съ сургучными обломками княжеской гербовой печати.

[2]) Не воображайте, чтобы интересъ могъ побудить меня забыть себя, честь и мои обязанности; вы ошибаетесь, если считаете меня способной на это и говорите серьезно то, что я могу слушать лишь въ формѣ шутки; я даже не хотѣла дочитывать вашего письма потому, что должна бы была краснѣть за себя, еслибъ имѣла слабость отвѣчать вамъ иначе. Умоляю васъ, чтобы это было въ послѣдній разъ.

Библиотека "Руниверс"

Шуточныя стихотворенія императрицы Екатерины II.

Въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы Екатерины II, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, сохранилось нѣсколько шуточныхъ стихотвореній ея, писанныхъ по французски, на клочкахъ бумаги и безъ означенія года и числа. Первое изъ этихъ стихотвореній относится, очевидно, къ 1787 г. когда во время плаванія императрицы по Днѣпру, императорская галера стала на мель между Кіевомъ и Кондаками. Во второмъ, Екатерина остроумно подсмѣивается надъ своей неспособностью писать стихи. Третье, четвертое и пятое составляютъ эпитафіи и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристики любимыхъ собачекъ императрицы. Помѣщая эти стихотворныя упражненія Екатерины II въ подлинникѣ и переводѣ, мы должны оговориться, что старались передать ихъ по русски, по возможности, ближе къ оригиналу. Извѣстно, что императрица писала по французски не совсѣмъ правильно, о чемъ даютъ понятіе и ниже приводимыя стихотворенія, а потому представляется затруднительнымъ съ безспорною точностью перевести нѣкоторыя мѣста въ нихъ и намъ приходилось скорѣе отгадывать, чѣмъ съ несомнѣнной увѣренностью передавать смыслъ такихъ, можно сказать, ходульныхъ фразъ по французски, каковы, напримѣръ, „ma raison est guindée“ или „ma rime est empruntée“.

1.

„Voila notre vaisseau sur un banc de sable.
„Pour le mettre à flot, il faut l'alleger,
„Le plus lourd et pesant ira un peu nager
„Grand Ecuyer [1]) (écuyer) a cheval! ou? sur le cable.

1.

Вотъ и нашъ корабль на мели.
Чтобъ сняться, надо его разгрузить.
Самое грузное и тяжелое пусть немножко поплаваетъ.
Оберъшталмейстеръ верхомъ! На чемъ? На канатѣ.

2.

„Cent fois j'ai pris ma plume et cent fois l'ai jetté (e),
„Ma raison est guindée, ma rime est empruntée,
„Ma prose est facile, mes vers sont detestable.

2.

Разъ сто я бралась за перо и столько же разъ бросала его;
Разсудокъ мой неподатливъ, риѳма моя—поддѣльна,
Моя проза легка, а стихи отвратительны.

3.

„Ci-git Lindor le Prussien
„Qui fut un très joli chien;
„Amené par son destin,
„Sans embonpoint, de Berlin,
„Il devint gros et gras céant;
„Puis il rentra dans le néant;
„De ses moeurs n'en parlons point
„Il fit saults legers et grands repas.

3.

Здѣсь покоится прахъ пруссака Линдора
Который былъ очень красивой собакой;
Заброшенный своимъ жребіемъ,
Въ довольно плохомъ видѣ, изъ Берлина,
Онъ постепенно здѣсь разжирѣлъ
И потомъ обратился въ тлѣнъ.
Не станемъ распространяться о свойствахъ его:
Онъ легко прыгалъ и кушалъ много.

4.

„Ci-git beauté Lady Azor
„ Au nez pointu, au poil d'or.
„Esprit, joye, legereté,
„Repose en tranquillité.

4.

Здѣсь покоится красавица лэди Азоръ
Остроносая, съ золотистою шерстью.
Умъ, веселость и подвижность
Успокоились здѣсь въ тишинѣ.

---

[1]) Оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ.

Библиотека "Руниверс"

5.

Ci-gît Mimi la déchireuse des manchettes,
Qui ne fut toute sa vie qu'une mazette.

5.

Здѣсь покоится прахъ Мими, терзательницы манжетокъ,
Всю свою жизнь она была не болѣе, какъ чумичкою.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Двѣ собственноручныя записки императора Александра I къ Д. П. Трощинскому.

I.

„Дмитрій Прокофьевичъ. Заготовьте указъ о пожалованіи въ камеръ-юнкеры внука графини Матюшкиной, коллегіи иностранныхъ дѣлъ юнкера Велеурскаго. Помяните въ ономъ о уваженіи моемъ къ просьбѣ графини и желаніи моемъ ей сдѣлать пріятное.

„По изготовленіи доставьте оный ко мнѣ завтра по утру".

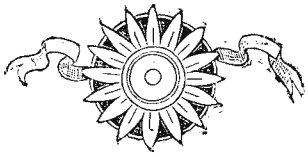
(Рукою Трощинскаго: исполнено генваря 6, 1804).

II.

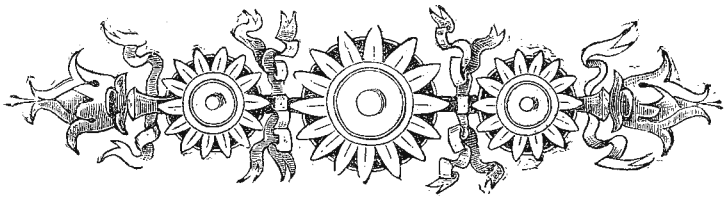
(Карандашемъ). „Дмитрій Прокофьевичъ. Я кругомъ виноватъ предъ вами, забывъ совсѣмъ что я вамъ назначилъ сегодня быть ко мнѣ. Причиною оному балъ, но отнюдь не отъ горячности къ танцамъ. Прошу меня извинить. Въ пятницу послѣ обѣда буду васъ ожидать".

(Рукою Трощинскаго: получено февраля 3, 1804).

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**



Библиотека "Руниверс"



СМѢСЬ.

Историческій очеркъ русскаго законодательства о печати. Выдвинутый самою жизнью вопросъ о реформѣ нынѣ дѣйствующихъ пра-вилъ о печати даетъ намъ поводъ напомнить главнѣйшіе моменты, пережитые нашимъ законодательствомъ по этому предмету. Какъ извѣстно, предварительное разсмотрѣніе печатныхъ изданій началось въ Россіи съ первой четверти XVIII столѣтія, хотя самое установленіе спеціальныхъ органовъ цензуры явилось не прежде 1796 года. До этого же времени только разсмотрѣ-ніе духовныхъ книгъ лежало на обязанности духовной коллегіи, а потомъ—св. синода, тогда какъ книги свѣтскаго содержанія представлялись въ сенатъ, да и то не всегда: на это не было общаго установленія. Впрочемъ, до царствованія Екатерины II въ Россіи печаталось самое незначительное количество книгъ, большею частью, духовнаго содержанія. Тогда можно было печатать книги лишь въ правительственныхъ типографіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны двѣ сенатскія въ Москвѣ и Петербургѣ. При этихъ типографіяхъ состояли особые смотрители; на ихъ обязанности было наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ ничего „противнаго закону, правительству и благопристойности не было"; за духовными же книгами наблюдали особыя лица, назначенныя отъ синода. Вообще же въ отношеніи къ печати не было ничего опредѣлительнаго. Съ 1771 года начинается новая эпоха въ исторіи русскаго книгопечатанія, а равно и литературы. Въ этомъ году разрѣшена была первая частная или, по тогдашнему, вольная типографія по привилегіи, выданной иностранцу Гартунгу, въ Петербургѣ, но только для печатанія книгъ на однихъ иностранныхъ языкахъ, „дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было". На такомъ же основаніи разрѣшено было просить и другимъ лицамъ объ открытіи типографій, въ которыхъ дозволялось печатать книги съ дозволенія академіи наукъ и полиціи. Черезъ пять лѣтъ, въ 1776 г., книгопродавцы Вейтбрехтъ и Шкоръ получили позволеніе основать первую частную типографію для печатанія русскихъ книгъ. Типографщики обязывались означать въ каталогахъ своихъ все выпускаемое ими въ продажу, а также на книгахъ означать свою типографію, но о предварительной цензурѣ не было помину. Въ 1783 г. именнымъ указомъ Екатерины II типографское дѣло въ Россіи было объявлено свободнымъ и всякому дозволено было вездѣ по городамъ заводить „вольныя типографіи" и печатать въ нихъ книги, по предварительному разсмотрѣнію ихъ въ управѣ благочинія. Послѣ этого достопамятнаго указа, частныя типографіи стали размножаться не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Въ Москвѣ, между прочимъ, устроилась столь памятная въ исторіи нашего умственнаго развитія

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

„книгъ законопротивныхъ и соблазнительныхъ". Впрочемъ, въ таможняхъ книги предварительно осматривались и отъ такого осмотра освобождались только изданія, выписывавшіяся университетомъ. Съ учрежденіемъ министерствъ въ 1802 г., цензурная часть отошла въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и сосредоточена была въ университетахъ. Въ Петербургѣ же учрежденъ былъ особый цензурный комитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ для единообразнаго руководства цензоровъ, первый цензурный уставъ въ настоящемъ значеніи этого слова, 9 іюля 1804 г. Вотъ какія перемѣны произведены были по новому уставу:

Журналы и газеты цензуровались на почтѣ, а частныя объявленія, извѣстія и афиши — гражданскимъ начальствомъ; въ остальномъ же вообще сохранялся прежній порядокъ. Сомнѣнія цензоровъ положено было разрѣшать комитету, а сомнѣнія самаго комитета—главному управленію училищъ. Цензорамъ (которыхъ иногда дозволялось замѣнять директорами гимназій), по этому уставу, предписывалось наблюдать, чтобы въ книгахъ не было ничего „противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести каждаго гражданина". Вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнено было въ обязанность цензоровъ объявлять властямъ о рукописяхъ, которыя, по поступленіи въ цензуру, окажутся исполненными „мыслей и выраженій, отвергающихъ бытіе Божіе", вооружающихся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющихъ верховную власть, или совершенно противныхъ духу общественнаго устройства и тишины. Разсмотрѣніе иностранныхъ книгъ поручено было комитетамъ, но представленіе ихъ туда было для книгопродавцевъ необязательнымъ. Должности цензоровъ въ университетскихъ городахъ предоставлялись профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ. Комитетъ составляли деканы факультетовъ, постановлявшіе рѣшеніе по большинству голосовъ; сомнѣнія комитета разрѣшались совѣтомъ университетовъ, а жалобы приносились въ главное управленіе училищъ.

Новымъ уставомъ отмѣнялись всѣ изъятія, прежде допускавшіяся для казенныхъ и учебныхъ учрежденій, кромѣ только изданій, печатавшихся по опредѣленію совѣтовъ университетовъ или правленія. Въ 1808 г. это было подтверждено именнымъ высочайшимъ указомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ. Только въ 1818 г. дарована была собственная цензура академіи наукъ. Въ 1808 г. также учреждены были духовно-цензурные комитеты (при духовныхъ академіяхъ) для разсмотрѣнія книгъ духовнаго содержанія и предназначенныхъ для духовныхъ училищъ, а учрежденной въ томъ же году медикохирургической академіи предоставлено было право исключительнаго цензурованія книгъ медицинскаго содержанія. Въ 1812 г. учредилась военная цензура (при военно-учебномъ комитетѣ) для книгъ, касающихся до предметовъ военнаго дѣла. Независимо отъ этого, въ вѣдѣніи министерства полиціи сосредоточено было общее наблюденіе за тѣмъ, чтобы не распространялись въ публикѣ запрещенныя сочиненія, а также окончательное сужденіе о характерѣ и духѣ печатныхъ книгъ, уже пропущенныхъ предварительною цензурою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установленъ былъ контроль относительно благонадежности учредителей типографій Въ такомъ видѣ, безъ важныхъ измѣненій, существовали наши цензурныя установленія до 1826 г., когда былъ изданъ новый цензурный уставъ. Согласно съ этимъ уставомъ, на цензуру возложено было охраненіе „святыни, престола, властей, законовъ отечественныхъ, нравовъ и чести народной и личной отъ всякаго не только злонамѣреннаго и преступнаго, но и неумышленнаго на ихъ покушенія. „На цензуру возложено три главнѣйшія попеченія: о наукахъ и воспитаніи юношества, о нравахъ и внутренней безопасности и о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ политическими обстоятельствами и видами правительства. Главнымъ органомъ цензуры сдѣланъ былъ верховный цензурный комитетъ изъ трехъ членовъ: министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Этотъ комитетъ ежегодно давалъ цензорамъ наставленія и указанія, сообразно съ обстоятельствами времени. Для цензуры книгъ устроено было четыре комитета: въ Петербургѣ—главный изъ 6 цензоровъ, въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ изъ 3 цензоровъ, подъ главнымъ наблюденіемъ мѣстныхъ попечителей учебныхъ округовъ. Цензору вмѣнялось въ обязанность не пропускать къ напечатанію: сочиненій, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, и книгопродавческихъ каталоговъ съ несправедливою хвалою книгамъ, дабы „любители чтенія не могли быть черезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣсть книги, незаслуживающія ихъ вниманія"; не велѣно было

Библиотека "Руниверс"

пропускать отрывковъ изъ цѣлыхъ сочиненій, не имѣющихъ „полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или по крайней мѣрѣ безвредной цѣли, а также мѣста, имѣющія двоякій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. „Запрещены были предположенія частныхъ людей о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ, дарованныхъ состояніямъ и сословіямъ, если эти предположенія не одобрены еще правительствомъ; запрещены разсужденія съ „неумѣстными“ совѣтами и наставленіями какому-бы то ни было иностранному правительству; запрещены описанія бывшихъ въ разныхъ государствахъ возмущеній, если сочинитель „всѣхъ горестныхъ послѣдствій возмущенія не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ“; запрещены историческія сочиненія съ „произвольными умствованіями, которыя не подлежатъ повѣствованію“; запрещены кромѣ логическихъ и философскихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, всѣ „прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными пагубными мудрствованіями новѣйшихъ временъ“, запрещены въ дидактическихъ умозрительныхъ сочиненіяхъ о правѣ и законодательствѣ разсужденія, заключающія въ себѣ вредныя теоріи; запрещены въ сочиненіяхъ по медицинѣ и естественной исторіи всѣ произвольныя безполезныя отступленія „кои отвлекаютъ читателя и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру“.

За неисполненіе устава на цензоровъ возлагалась самая строгая отвѣтственность, но и это признавалось повидимому не вполнѣ достаточнымъ огражденіемъ. Въ уставѣ было сказано, что, кромѣ цензора, отвѣтственности подвергается и авторъ сочиненія, „ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ единымъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тиши кабинета что либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его по обязанности своей, наряду со многими другими“. Кромѣ этой общей цензуры, свѣтской и духовной, подтверждена была цензура спеціальная, зависящая отъ особыхъ мѣстъ и вѣдомствъ, для сводовъ и собраній русскихъ законовъ, издаваемыхъ частными лицами (тогда еще не было „Свода Законовъ Россійской Имперіи“) и для книгъ медицинскихъ и ученыхъ. Статьи и книги, касавшіяся различныхъ отраслей государственнаго управленія, должны были представляться на предварительное усмотрѣніе того министерства, о предметахъ вѣдѣнія котораго въ нихъ шло разсужденіе.

Этотъ новый уставъ существовалъ недолго. Въ 1828 г. послѣдовало упраздненіе верховнаго цензурнаго комитета и изданіе новаго устава, въ которомъ многія изъ вышеупомянутыхъ запрещеній были отмѣнены. Этотъ уставъ дѣйствовалъ до 1860 г., дополнялся и измѣнялся во многихъ частностяхъ. А именно: въ 1836 г. установлена была спеціальная цензура для еврейскихъ книгъ, въ 1837 г.—для книгъ на восточныхъ языкахъ; въ періодъ же времени между 1841 и 1855 гг. учреждена была особая цензура для придворныхъ и театральныхъ извѣстій, а также и отзывовъ объ игрѣ придворныхъ артистовъ и для извѣстій о членахъ императорской фамиліи. Въ 1845 году подчинены цензурѣ управляющаго путями сообщенія всѣ статьи и книги, касавшіяся этого вѣдомства, въ 1848 г.—издаваемые чертежи и рисунки по части строительной; въ 1846 г. подчинены цензурѣ директора пѣвческой капеллы музыкальныя сочиненія духовнаго содержанія. Съ 1848 г., вслѣдствіе происходившихъ въ то время въ западной Европѣ событій, цензура была усилена и иностранныя книги обложены пошлиною. Въ 1850 г. установлены были самыя строгія формальности при осмотрѣ привозныхъ книгъ. Затѣмъ въ 1852 и 1858 годахъ назначались довѣренные чиновники отъ разныхъ вѣдомствъ для разсмотрѣнія, прежде общей цензуры, статей и сочиненій, касавшихся этихъ вѣдомствъ. Сверхъ того, съ 1848 по 1855 гг. существовалъ особый высшій секретный цензурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Д. П. Бутурлина.

Въ 1860 г. указомъ 14-го января признано было за благо, вслѣдствіе быстраго развитія отечественной словесности и усиливающагося привоза иностранныхъ книгъ, дать цензурѣ „болѣе соотвѣтствующее потребностямъ ея устройство“ и образовано было главное управленіе по дѣламъ печати. Черезъ два года послѣдовала передача цензурной части въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ 1865 г. состоялся указъ о дарованіи новыхъ правъ нашей печати. Изложенныя въ этомъ указѣ постановленія всту-

Библиотека "Руниверс"

нили въ силу съ 1-го сентября 1865 г. и дѣйствуютъ понынѣ, служа главнымъ основаніемъ современнаго устройства въ Россіи цензурной части.

Забытыя книгохранилища. По словамъ „Орловскаго Вѣстника", въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Орловской губерніи есть замѣчательныя книгохранилища, заключающія въ себѣ рѣдкія изданія и манускрипты. Большею частью, всѣ они находятся теперь въ величайшемъ пренебреженіи. Такъ, въ селѣ Молдованомъ, Карачевскаго уѣзда, нѣкогда принадлежавшемъ статсъ-секретарю императрицы Екатерины II, Теплову, хранится чрезвычайно богатая библіотека, въ которой есть нѣсколько свертковъ не изданной и никому неизвѣстной подлинной переписки Вольтера съ Тепловымъ и Разумовскимъ. Въ селѣ Александровскѣ, Болховскаго уѣзда, въ имѣніи Барышникова, есть также большая библіотека, заключающая въ себѣ, между прочимъ, богатѣйшее собраніе масонскихъ книгъ, изъ которыхъ многихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ въ Россіи книгохранилищъ. Желательно, чтобъ наши библіографы обратили вниманіе на эти библіотеки и спасли находящіяся въ нихъ сокровища.

Географическая экспедиція на Алтай. Только теперь получены свѣдѣнія о географической экспедиціи для изслѣдованія Алтая и изученія быта сибирскихъ инородцевъ. Экспедиція эта, какъ извѣстно, предпринята по почину западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества и поручена Н. М. Ядринцеву.

Г. Ядринцевъ обошелъ по Біи районъ кочевыхъ инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ черневыхъ татаръ, затѣмъ дорогою изъ Улалы достигъ въ іюлѣ мѣсяцѣ Телецкаго озера. Обозрѣвъ озеро съ его населеніемъ и поднявшись на высочайшую снѣжную сопку Алтынъ-Тау, путешественникъ по Чулышману и Башкаусу достигъ Чуи, переваливъ снѣжный Курайскій хребетъ и опредѣливъ его высоту. Былъ уже августъ мѣсяцъ и на хребтахъ начиналъ выпадать снѣгъ, но это не остановило экспедицію и она направилась къ ледникамъ. Переваливъ Чуйскія Альпы, она вышла на рѣку Аргутъ, гдѣ была совершена переправа на маленькихъ плотахъ (салахъ). Аргутъ—бурная горная рѣка, переносящая людей и лошадей въ 45 секундъ на другой берегъ. По Аргуту и рѣкѣ Кокъ-су экспедиція достигла въ половинѣ августа подножія Катунскихъ Альпъ и Сибирскаго Монблана—Бѣлухи съ ея ледниками. Погода благопріятствовала экспедиціи. На ледники совершено было нѣсколько экскурсій, сняты глетчеры, ледники спускающіеся въ долины, и была наблюдаема жизнь ледника. Съ Катунскаго ледника струятся двѣ рѣки, Катунь и Берель, дающія начало двумъ величайшимъ рѣчнымъ бассейнамъ Сибири: Иртышскому и Обскому. Эти замѣчательныя Сибирскія Альпы посѣщены были когда-то Геблеромъ и съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ не посѣщались учеными.

По отзыву г. Ядринцева, здѣсь нѣтъ ни приспособленій, ни пріютовъ, ни даже хижинъ. Ближайшія деревни стоятъ за 80 верстъ среди страшныхъ горъ и по непроѣзжимъ дорогамъ. Путешественники должны сами пролагать дорогу къ леднику, бродить по глетчерамъ совершенно одни. Русскіе промышленники тоже не ходятъ далеко на ледникъ, да и достигнуть вершины горы не представляется пока возможности. „Когда мы"—разсказываетъ г. Ядринцевъ въ своемъ письмѣ въ „Голосъ"—„прошли три версты по mer de glace и остановились около ледопадовъ и трещинъ, наши люди пришли въ смущеніе. Со скалъ падали иногда лавины; на ледопадѣ низвергался ледъ цѣлыми утёсами, падая съ высоты съ оглушительнымъ трескомъ; это обрывались цѣлыя скалы льда. Шумъ потоковъ, глухой звукъ отъ подтаявшихъ, падающихъ камней въ ледяныя пропасти, трескъ ледника, дающаго трещины, таинственные, смутные и зловѣщіе шумы, окружающая насъ ледяная пустыня, зіяющія передъ нами ледяныя трещины и груды страшныхъ камней и насыпей, какъ и висящихъутесовъ—все пугало суевѣрное воображеніе дикарей".

Осмотрѣвъ Рахмановскіе горячіе ключи г. Ядринцевъ перешелъ Катунскій хребетъ на сѣверную сторону его, прошелъ для изученія хребта по Катуни отъ деревни Уймона до Усть-Чуи. Катунь, какъ и Аргутъ—сдѣлали прорывъ между хребтомъ; теченіе ихъ бурно и надъ рѣкою висятъ пропасти. Описавъ Чуйскіе бимы (умесы) и Чуйскую дорогу, экспедиція съ Ангудая еще разъ перерѣзала Алтай поперекъ, пройдя на устье Кана по плоскогорью Алтая, и возвратилась по сѣвернымъ хребтамъ въ Бійскъ. Одновременно и вмѣстѣ съ экспедиціей г. Ядринцева въ Алтаѣ работали два художника и одинъ фотографъ. Снято значительное количество видовъ Сибирской Швейцаріи, типовъ, сценъ мѣстнаго быта, рисунки утвари, жилищъ и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Работы производились по опредѣленной программѣ, выработанной начальникомъ экспедиціи и напечатанной при Западно-Сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго Географическаго Общества въ руководство для изученія инородцевъ. Г. Ядринцевъ производилъ антропологическія измѣренія алтайскихъ племенъ, собиралъ матеріалы объ экономической жизни, культурѣ народа, его языкѣ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ исторіи и современныхъ условіяхъ существованія.

Древняя Владимірская икона Божіей Матери въ приходской церкви. Въ Московской церкви Св. Іоанна Воинственника, построенной повелѣніемъ Петра I и освященной въ 1717 году, реставрирована художникомъ И. С. Сушкинымъ Владимірская икона Божіей Матери съ двунадесятыми на поляхъ ея праздниками. Икона замѣчательно хорошаго письма, оказалась копіей съ подлиннаго чудотворнаго образа, написаннаго по преданію, евангелистомъ Лукой и находящагося въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ въ Московскомъ Успѣнскомъ соборѣ. О томъ свидѣтельствуетъ и надпись на иконѣ, сдѣланная во всю ширину доски, на золоченой каймѣ, проведенной надъ нижними полями, и на половину сглаженная, да и уцѣлѣвшія слова, большею частію лишенныя черной краски, представляютъ одни только слѣды бывшей надписи. Съ помощію увеличительнаго стекла и, главное, луча солнечнаго, озарявшаго икону, открылось, что она устроена „по (родителе) своемъ Иване Владиміровиче Батурине Алексѣемъ Ивановичемъ“, а писалъ ее „Іоаннъ Кирилловъ сынъ Гусятниковъ г. с. (7200—1692) декабря 11 дня“. Икона по всей вѣроятности находилась первоначально въ старой каменной церкви Іоанна Воина, построенной подъ горой (1669—1671) стрѣльцами, а въ началѣ XVIII вѣка, съ построеніемъ на возвышенномъ мѣстѣ нынѣшней церкви, перенесена была въ оную и поставлена въ главномъ иконостасѣ (опись 1784 г.). Въ 1791 году, когда былъ сдѣланъ новый иконостасъ, Владимірская икона перестала быть мѣстною. Въ настоятельство протоіерея І. М. Борзецовскаго, уволеннаго за штатъ въ 1875 году, пожертвована на эту икону драгоцѣнная сребропозлащенная риза.

Вселенское время. Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія физической и математической географіи русскаго географическаго общества, обсуждался вопросъ о введеніи „вселенскаго времени“. Вопросъ этотъ возбужденъ канадскимъ институтомъ въ Торонто, приславшимъ на обсужденіе географическаго общества монографію г. Флминга: „Вселенское время и общій 1-й меридіанъ“. Сущность поставленнаго вопроса сводится на установленіе одновременности начала счисленія сутокъ на всемъ земномъ шарѣ. Принимаемое существующей системой счисленія времени начало сутокъ—полночь—приходится въ различные физическіе моменты на разныхъ пунктахъ земного шара, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же физическій моментъ на земномъ шарѣ обозначается различными часами, отвѣчающими „мѣстному времени“ даннаго пункта. Обстоятельство это представляетъ значительныя практическія неудобства при опредѣленіи моментовъ отправки телеграммъ, отхода поѣздовъ и особенно моментовъ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій. Проектируемое установленіе, „вселенскаго времени“ устранитъ разновременность начала сутокъ тѣмъ, что за начало сутокъ на всемъ земномъ шарѣ будетъ принятъ одинъ физическій моментъ, именно начало сутокъ на первомъ меридіанѣ. Съ принятіемъ этого начала во всѣхъ пунктахъ земного шара должно произойдти передвиженіе принимаемаго теперь начала сутокъ съ полночи на другіе моменты дня или ночи, отъ которыхъ и будутъ считаться часы „вселенскаго времени“. Установленіе „вселенскаго времени“ связано такимъ образомъ съ выборомъ перваго меридіана. Обсужденіе того и другого вопроса привело настоящее собраніе къ тому выводу, что постановка вопроса объ установленіи „вселенскаго времени“ является дѣломъ вполнѣ своевременнымъ; по вопросу же о первомъ меридіанѣ собраніе высказалось въ пользу принятія нижнегринвичскаго меридіана, отстоящаго на 180° отъ Гринвича.

Библиотека "Руниверс"

Драматическій вечеръ въ честь И. Ѳ. Горбунова.

Юбилейныя чествованія у насъ вовсе не рѣдкость, но не всѣ они заслуживаютъ общественнаго вниманія и гласнаго заявленія. Въ большинствѣ случаевъ, это ординарное восхваленіе заслугъ чествуемаго дѣятеля, сопровождающееся обѣдами, спичами, которые до такой степени шаблонны, что, съ замѣною именъ, профессій и частныхъ подробностей, они оказываются пригодны ко многимъ юбилеямъ. Вотъ почему по этимъ юбилеямъ обыкновенно бываетъ очень трудно заключить объ искренности любви и уваженія даже къ личнымъ достоинствамъ юбиляра, не говоря уже о сочувствіи тому дѣлу, которому служилъ онъ. Рѣдкое исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ происходившее на дняхъ чествованіе двадцатипятилѣтней дѣятельности Ивана Ѳедоровича Горбунова на сценѣ.

Прошло оно безъ шуму, скромно, хотя безъ всякой натянутости и съ рѣдкою задушевностью, въ небольшомъ сравнительно кружкѣ писателей, журналистовъ, музыкантовъ и почитателей таланта всѣмъ русскимъ людямъ извѣстнаго артиста. Вечеръ, устроенный въ честь И. Ѳ., 30-го ноября, А. С. Суворинымъ, носилъ къ тому же характеръ импровизаціи и вышелъ вполнѣ драматическимъ. Все здѣсь было импровизировано, начиная отъ акомпанимента г. Мусоргскаго и кончая рѣчами. Бытовыя сценки, исполненныя комизма и юмора, соло и дуэты, русскія пѣсни хоромъ, сатирическія пародіи на нѣкоторыя смѣшныя явленія въ нашей жизни,—вотъ что составляло содержаніе вечера, въ которомъ главное участіе принадлежало Д. М. Леоновой и артистамъ императорскихъ театровъ, гг. Арди, Давыдову, Макарову-Юневу и, конечно, самому юбиляру. Рѣчи, произнесенныя за ужиномъ разными лицами, проникнуты были искренностью и даже восторженностью чувства и не походили на спичи при другихъ торжественныхъ чествованіяхъ, — въ нихъ нѣтъ усиленнаго сочиненія; напротивъ, каждый говорившій рѣчь имѣлъ въ виду какую нибудь сторону или черту, которая привлекала его болѣе другихъ въ дѣятельности и личности И. Ѳ. Горбунова, и объ этой-то сторонѣ или чертѣ импровизаторъ-спикеръ и старался высказаться въ своей рѣчи. Всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, довольно ярко очертили дѣятельность И. Ѳ. Онѣ-то и важны для насъ въ настоящемъ случаѣ.

Особенною задушевностью отличалось слово С. В. Максимова, на всѣхъ оставившее по себѣ сильное впечатлѣніе. Въ простыхъ и искреннихъ выраженіяхъ г. Максимовъ высказалъ свои чувства къ юбиляру, напомнилъ о томъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ близко сошелся съ нимъ и характеристично резюмировалъ побужденія, одушевлявшія присутствовавшихъ, въ привѣтственномъ, чисто народномъ, четверостишіи:

Пиво—не диво,
Медъ—не хвала,
А то—голова,
Что любовь дорога.

Общимъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ этотъ привѣтъ. Затѣмъ А. С. Суворинъ очертилъ писательскій талантъ И. Ѳ. Горбунова, открывшаго такой типъ въ русской дѣятельности, какимъ является созданный имъ генералъ Дитятинъ. Послѣ г. Суворина просилъ слова г. Христіановичъ, одинъ изъ многочисленныхъ поклонниковъ И. Ѳ. Г. Христіановичъ выставилъ на видъ, что

Библиотека "Руниверс"

пріобрѣтенная г. Горбуновымъ извѣстность переживаетъ многія славы, такъ сказать, увѣнчанныя и академическія, подобно тому, какъ въ мірѣ юриспруденціи „jus non scriptum“ (неписанное обычное право) переживаетъ „jus scriptum“.

Затѣмъ А. С. Суворинъ прочелъ выдержку изъ книги, изданной заграницей, „Историческіе очерки Россіи“, характеризующую направленіе литературной дѣятельности Горбунова. „Осмѣяніе добродѣтелей всѣхъ четырнадцати классовъ“ — сказано тамъ — достигло своего апогея, во-первыхъ, въ трудахъ г. Салтыкова, а во-вторыхъ, остроумнаго импровизатора Горбунова, который въ салонахъ самихъ генераловъ комически представлялъ доблести ихъ превосходительствъ...“ Хотя и не всѣ разсказы-импровизаціи Горбунова напечатаны, но все-же „такой ѣдкости“, какою отличаются многіе изъ напечатанныхъ, не допускалось прежде, напримѣръ во времена Аракчеева.

Далѣе слово принадлежало Т. И. Филиппову. Какъ старинный другъ юбиляра, г. Филипповъ напомнилъ о тѣхъ связяхъ, которыя единили ихъ въ извѣстномъ кружкѣ молодой редакціи „Москвитянина“, гдѣ, кромѣ Горбунова и и самого оратора, принимали участіе Островскій, Садовскій, Алмазовъ, Эдельсонъ и Аполлонъ Григорьевъ. Т. И. Филиповъ пояснилъ также, что одной изъ заслугъ чествуемаго артиста, необходимо считать отсутствіе какого бы то ни было въ его импровизаторскомъ творчествѣ шаржа.

Съ большимъ одобреніемъ приняты были также рѣчи А. А. и Н. А. Потѣхиныхъ, Н. С. Лѣскова, А. И. Пальма, и въ особенности произвело сильное впечатлѣніе на юбиляра простое слово молодого артиста Давыдова. А. И. Потѣхинъ выставилъ на видъ, въ лицѣ виновника описываемаго вечера, цѣльный образъ чисто русскаго человѣка, проявлявшаго всегда, вмѣстѣ съ избыткомъ скромности, непосредственное творчество, не „мудрствуя лукаво“ и не задаваясь какими-нибудь новыми дѣлами. „Мое дѣло—исполнить, а тамъ, дескать, пусть умные люди разсуждаютъ и разбираютъ“. Н. А. Потѣхинъ упомянулъ о народномъ элементѣ въ разсказахъ юбиляра, о правдивости изображеній русскаго крестьянина, который представленъ тамъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью и не походитъ уже на пейзана во вкусѣ подражателей романтизма. Н. С. Лѣсковъ показалъ значеніе И. Ѳ., какъ объединителя всѣхъ русскихъ людей, всѣхъ „партій“ у насъ и представителей всевозможныхъ взглядовъ, объединителя, одинаково всѣмъ намъ дорогого, понятнаго, близкаго и, такъ сказать, сердечнаго. А. И. Пальмъ обратилъ вниманіе на то, что И. Ѳ. Горбуновъ создалъ особый жанръ комическихъ разсказовъ и импровизацій на сценѣ и въ литературѣ, а г. Давыдовъ, упомянувъ о повсемѣстной извѣстности въ Россіи этихъ разсказовъ, принесъ сердечную благодарность юбиляру отъ имени провинціальныхъ артистовъ.

Помимо всѣхъ этихъ рѣчей, К. К. Случевскій и В. П. Буренинъ сказали экспромпты поэтической здравицы. Вотъ экспромптъ г. Случевскаго:

Мы плясали тарантелу,
Мы плясали трепака,
Пляска къ пляскѣ, дѣло къ дѣлу,
Ночь-то выйдетъ коротка,
Четверть вѣка—право слово—
Кушъ не то, чтобъ очень малъ,
За Ивана Горбунова поднимаю я бокалъ.

Библиотека "Руниверс"

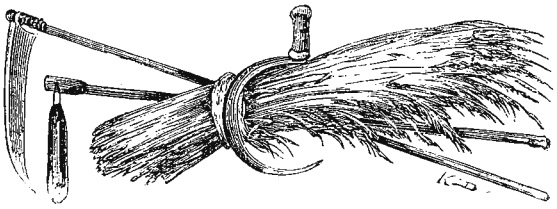
В. П. Буренинъ произнесъ слѣдующее:

То, что здѣсь говорено,
Очень мило и умно,
Но почти не ново;
Выпьемте-жь вино
За Ивана Горбунова.

Самъ юбиляръ, отвѣчая на тосты, которые слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, благодарилъ отъ имени генерала Дитятина, съ обычнымъ своимъ юморомъ заявивъ, что онъ, генералъ, принесъ лепту на алтарь своего отечества, хоть маленькую, все же лепту, а отечество генерала вѣдь очень пространное, по статистическимъ свѣдѣніямъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, обнимаетъ до 80 милліоновъ населенія, изъ которыхъ генералъ Дитятинъ знаетъ цѣлую тысячу.

Чествованіе И. Ѳ. Горбунова продолжалось вплоть до утра и, не смотря на позднее время, ни въ комъ изъ присутствовавшихъ не только не было замѣтно усталости, но, напротивъ, каждый—такъ и казалось—желалъ провести лишнюю минуту въ этой средѣ собравшихся, которыхъ сплотило воодушевленіе общимъ неподкупнымъ и искреннимъ уваженіемъ къ заслугамъ И. Ѳ. Горбунова.

Ѳ. Б.



Библиотека "Руниверс"

ГРАФИНЯ

ШАТОБРІАНЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Г. ЛАУБЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11 – 2.
1881

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА I.

ВЫ, ПРАВО, странный народъ, господа ученые! День и ночь ломаете себѣ голову, воображаете, что съ помощью искусственныхъ формулъ и вычисленій вамъ удастся разрѣшить вопросы недоступные человѣческому уму! Черезъ это вы лишаете себя возможности наслаждаться солнечнымъ днемъ, теплою ночью и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ наслаждаются простые смертные!

— Кто вамъ сказалъ, что нашъ умъ не можетъ перешагнуть за предѣлы земли и, что это всегда останется недостижимымъ для насъ?

— Кто сказалъ! Да я сужу по себѣ. Природа ничѣмъ не обидѣла меня. Развѣ я глупѣе другихъ людей, дурно сложенъ, или слабѣе васъ г. канцлеръ! Вся Франція подыметъ на смѣхъ того, кто бы сталъ утверждать это!

— Разумѣется, никто не рѣшится сказать что либо подобное о самомъ счастливомъ и богато одаренномъ человѣкѣ въ цѣлой Франціи, который былъ назначенъ адмираломъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о морской службѣ!

— Смѣйтесь надо мной сколько угодно! Мы одни, и потому я вовсе не въ претензіи, что вы не довѣряете моимъ адмиральскимъ способностямъ. Но мнѣ обидно, что у васъ явилось сомнѣніе въ моихъ умственныхъ способностяхъ.

— Я никогда не позволю себѣ сомнѣваться въ вашемъ умѣ! Это было бы оскорбительно для короля Франциска I, который отдалъ вамъ предпочтеніе передъ всѣми окружающими его.

— Значитъ, вы признаете, Бюде, что я имѣю право голоса въ такомъ вопросѣ, какъ существованіе души у людей. Но сколько я ни напрягалъ свой умъ, загробная жизнь все-таки представлялась мнѣ покрытой непроницаемой тьмой. Не прерывайте меня! Я хорошо помню всѣ ваши формулы, аргументы и выводы. Вы достаточно угощали ими короля и насъ въ длинные зимніе вечера! Мнѣ не трудно повторить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, подбирая одно къ

Библиотека "Руниверс"

другому, нить за нитью, не хуже любого ткача и возстановить всю ткань. Тѣмъ не менѣе я смѣло утверждаю, что добытые вами результаты ни къ чему не ведутъ, и все, чего нельзя понять простымъ умомъ безъ вашихъ формулъ—сущій вздоръ!

— Изъ вашихъ словъ выходитъ, что нужно довольствоваться тѣмъ, что есть. Зачѣмъ объѣзжаете вы своихъ коней? Развѣ они не совершенствуются отъ дрессировки?..

— Тише! Мнѣ послышался лай охотничьихъ собакъ! сказалъ адмиралъ.

Онъ остановилъ коня и сталъ прислушиваться. Но конь его, горячей андалузской породы, трясъ уздечкой и билъ копытами о древесные пни, такъ что трудно было разслышать что либо. Между тѣмъ лошадь другого всадника, походившая на мула, стояла неподвижно. Какъ лошади такъ и всадники представляли собою полную противоположность. Всадникъ сидѣвшій на андалузскомъ конѣ былъ высокій красивый человѣкъ, съ коротко обстриженными каштановыми волосами и окладистой бородой, какую носили тогда французскіе дворяне въ подражаніе королю. Его платье изъ дорогихъ цвѣтныхъ матерій, хотя запыленное и забрызганное грязью отъ путешествія, рѣзко отличалось отъ темной одежды и грубаго волосяного плаща его спутника, котораго, не смотря на бороду, можно было признать за католическаго монаха по блѣдно-желтому цвѣту лица.

Они ѣхали уже нѣсколько часовъ по огромному буковому лѣсу, который въ нынѣшнее время составляетъ рѣдкость во Франціи, даже въ Нормандіи, наиболѣе богатой лѣсами. Тогда еще мало было проведено дорогъ, особенно въ отдаленныхъ пограничныхъ провинціяхъ, какъ Бретань, гдѣ находился лѣсъ, по которому приходилось ѣхать двумъ всадникамъ. Они руководствовались въ своемъ пути положеніемъ солнца и ѣхали бо́льшею частью луговинами, гдѣ пропадалъ всякій слѣдъ колесъ на почвѣ, поросшей мохомъ и покрытой древесными пнями. Солнце свѣтило во всемъ блескѣ, что случается довольно рѣдко въ туманной Бретани. Въ эту минуту оно клонилось къ закату, освѣщая красновато-желтымъ свѣтомъ верхушки необъятнаго буковаго лѣса и спины всадниковъ. Былъ не только поздній часъ дня, но и конецъ лѣта; изрѣдка слышалось щебетаніе нѣсколькихъ птицъ; затѣмъ наступала та своеобразная лѣсная тишина, гдѣ въ шелестѣ листьевъ проносится по временамъ таинственный непонятный шопотъ.

— Я ничего не слышу, сказалъ наконецъ старшій всадникъ въ темномъ платьѣ, прервавъ молчаніе.

— А я слышу, возразилъ съ досадой другой. — Вы свыклись съ кабинетной жизнью, и потому въ лѣсу не можете уловить тѣхъ звуковъ, по которымъ привычный человѣкъ рисуетъ себѣ картины и сцены, происходящія на далекомъ разстояніи отъ него.

— Развѣ не то же бываетъ въ умственной жизни! Ваши слова

Библиотека "Руниверс"

служатъ опроверженіемъ высказанныхъ вами положеній противъ пользы научныхъ изслѣдованій. Философы видятъ больше, нежели люди никогда не упражнявшіе свою мыслительную способность.

— Пусть будетъ по вашему! Только сдѣлайте одолженіе не возбудите новыхъ смутъ въ странѣ своими философскими бреднями. Мы едва справляемся съ непокорнымъ дворянствомъ, а вы еще хотите навязать намъ на шею священниковъ и свести съ ума простодушныхъ буржуа и крестьянъ. Предоставьте это скучнымъ мудрствующимъ нѣмцамъ и тупоумнымъ испанцамъ; чѣмъ больше будутъ нѣмцы ерошить на себѣ волосы, а испанцы надѣлаютъ хлопотъ своему блѣднолицому императору, тѣмъ лучше для насъ. Придумайте и изобрѣтите что нибудь новое, хотя бы въ родѣ того ученія, которое распространяетъ теперь саксонскій монахъ; мы не прочь принять его, если окажется, что нибудь хорошее.

— Но вѣдь это не такъ легко, какъ вамъ кажется! Въ дѣлахъ религіи всякій долженъ самъ до всего додуматься.

— Тѣмъ не менѣе, г. канцлеръ, вы не должны толковать съ королемъ о подобныхъ вещахъ. Онъ охотно слушаетъ васъ и къ сожалѣнію все новое и всякій рискъ нравятся ему. Но если вы будете слишкомъ медлить, то горе вамъ! готовьтесь къ самому худшему, если короля охватитъ нетерпѣніе.

— Не безпокойтесь, г. адмиралъ. Мы люди мирные. Если человѣкъ пробуетъ свои силы, старается познакомиться съ дѣломъ, то это еще не значитъ, что онъ хочетъ пустить его въ ходъ.

Всадники замолчали, такъ какъ забота о дорогѣ и ночлегѣ мало по малу поглотила ихъ вниманіе. Они продолжали путь шагомъ, направляясь къ Луарѣ въ надеждѣ застать короля если не въ Нантѣ, то въ Турѣ, или Блуа. Ихъ служители заблудились и отстали отъ нихъ; какъ господа, такъ и слуги, не зная мѣстности, ѣхали наугадъ.

— Это охота! Теперь никто не разувѣритъ меня въ этомъ! воскликнулъ младшій всадникъ, осадивъ снова свою лошадь. Какъ громко лаютъ собаки! должно быть онѣ выгнали кабана!

Путники остановились у склона горы, который представлялъ собою острый уголъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ виднѣлось озеро. Солнечные лучи, пробивая густую листву буковыхъ деревьевъ, фантастически освѣщали поверхность воды своимъ золотистымъ свѣтомъ.

— Древніе кельты, которые дольше всего удержались въ меланхолической Бретани, сказалъ канцлеръ,—погребали своихъ боговъ въ такихъ лѣсныхъ озерахъ, спасая ихъ отъ нечестивыхъ рукъ пришельцевъ. Кто знаетъ, можетъ быть и въ этомъ озерѣ покоится какое нибудь сверженное божество.

— Слышите, какъ зашумѣло озеро! Волны поднимаются все выше и выше. Что это такое?

Библиотека "Руниверс"

Лѣсная тишина была внезапно нарушена плескомъ воды, который становился все громче и явственнѣе. Лошади навострили уши. Канцлеръ набожно перекрестился, между тѣмъ какъ другой всадникъ не спускалъ глазъ съ озера, полузакрытаго зеленью и окрашеннаго лучами заходящаго солнца.

Плескъ воды прекратился у берега, поросшаго молодымъ кустарникомъ; вслѣдъ затѣмъ послышался трескъ вѣтвей и топотъ, какъ будто приближался полкъ конницы. Младшій изъ всадниковъ обнажилъ шпагу; радостное нетерпѣніе выразилось на его лицѣ; онъ догадался, что это было стадо оленей. Старые, тяжелые олени съ темною густою шерстью и высокими рогами неслись по склону прямо на всадниковъ. Увидя блеснувшую шпагу, въ которой отразился лучъ заходящаго солнца, они остановились и смотрѣли на своего неожиданнаго врага. Тотъ громко вскрикнулъ и махнувъ шпагой, бросился на нихъ; но въ тотъ же моментъ звѣри разлетѣлись во всѣ стороны и исчезли въ чащѣ. Кляча канцлера, напуганная шумомъ, неожиданно бросилась въ сторону и сбросивъ со всего размаха своего сѣдока на землю, умчалась такъ быстро, какъ это позволялъ ея почтенный возрастъ. Между тѣмъ, лай собакъ замѣтно приближался; въ озерѣ опять послышался плескъ; изъ воды поднялся огромный раненый кабанъ, который съ бѣшенымъ рычаніемъ направился въ ту сторону, гдѣ лежалъ канцлеръ. Другой всадникъ, поспѣшно соскочивъ съ своего коня на землю, опустился на одно колѣно съ шпагой въ рукѣ, въ надеждѣ заколоть звѣря въ тотъ моментъ, когда онъ бросится на свою жертву. Но храбрый адмиралъ ошибся въ разсчетѣ; шпага его оказалась слишкомъ длинна и, скользнувъ по груди животнаго, отлетѣла въ сторону. Наступила рѣшительная минута. Разъяренный вепрь, истекая кровью отъ множества ранъ, нанесенныхъ ему охотниками, остановился, какъ бы соображая, въ кого изъ двухъ вонзить свои клыки: въ того ли, который лежалъ передъ нимъ, или въ смѣльчака, который отважился напасть на него. Онъ выбралъ послѣдняго, но тотъ прыгнулъ въ сторону и, зная что нападеніе повторится, поспѣшилъ поднять свою шпагу. Однако и на этотъ разъ ему не посчастливилось, онъ поскользнулся и упалъ навзничь; кабанъ тотчасъ же кинулся на него и готовился нанести ему ударъ своими острыми клыками. Хотя все это произошло въ нѣсколько секундъ, но этого короткаго времени было достаточно, чтобы подоспѣли охотничьи собаки, преслѣдовавшія звѣря. Два огромныхъ волкодава грязно-желтаго цвѣта внезапно вцѣпились въ его уши и повисли на нихъ всею тяжестью. Кабанъ грозно зарычалъ и, поднявъ голову, замеръ на мѣстѣ отъ боли и ярости. Подоспѣли новыя собаки и вонзили свои зубы въ его заднія ноги.

Адмиралъ воспользовался этой неожиданной помощью, чтобы выбраться изъ-подъ звѣря и встать на ноги. Онъ былъ теперь въ самомъ жалкомъ видѣ: платье его было разорвано; лицо забрызгано

Библиотека "Руниверс"

грязью и кровью. Тѣмъ не менѣе, мужество не оставило его; онъ съ видимымъ удовольствіемъ взглянулъ на пригвожденнаго звѣря и уже поднялъ шпагу, чтобы приколоть его.

— Что вы дѣлаете, Бонниве! воскликнулъ канцлеръ, который видя, что опасность миновала, также хотѣлъ встать, но тотчасъ же опустился на землю отъ сильной боли въ ногѣ. Развѣ вы не слышите и не видите, что хозяинъ охоты будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ! Мы оба нуждаемся въ его помощи; я чувствую себя разбитымъ отъ паденія; васъ помялъ звѣрь; наши лошади неизвѣстно куда дѣвались. А вы какъ будто нарочно хотите разсердить этого господина, заколовъ на его глазахъ звѣря, добытаго такой трудной охотой.

— Я именно этого и хочу, г. канцлеръ! я испыталъ на себѣ всѣ опасности кабаньей охоты; слѣдовательно, мнѣ и должна принадлежать честь положить на мѣстѣ такого отличнаго звѣря. Вдобавокъ, не мѣшаетъ сбить немного спѣсь бретанскаго дворянина! Король только похохочетъ надъ этимъ.

Въ это время подъѣхали охотники; рога протрубили радостный сигналъ, возвѣщавшій, что звѣрь пойманъ. Хозяинъ охоты соскочилъ съ лошади, чтобы воспользоваться своимъ преимуществомъ и собственноручно заколоть добычу. Но къ своему крайнему удивленію онъ увидѣлъ, что какой-то незнакомецъ предупредилъ его и повалилъ на землю огромнаго вепря ловко направленнымъ ударомъ.

— Кто позволилъ тебѣ распоряжаться здѣсь! крикнулъ онъ, не помня себя отъ ярости. Псари! долой съ лошадей, выхватите у него шпагу и попотчуйте хлыстами!

Въ одинъ моментъ адмиралъ былъ окруженъ толпой егерей. Онъ едва успѣлъ защищать свою спину, прислонившись къ буковому стволу и началъ отмахиваться шпагой отъ напавшей на него со всѣхъ сторонъ челяди.

— Вы вѣроятно никогда не выѣзжали изъ своего захолустья, крикнулъ онъ хозяину охоты, что не можете разобрать съ кѣмъ имѣете дѣло! Развѣ вы не видите, что я дворянинъ?

— Если бы вы были король, то и тогда вы не смѣете посягать на мое охотничье право безъ моего разрѣшенія.

— Его величество проучитъ васъ за этотъ дерзкій отвѣтъ.

— Король долженъ знать, а если не знаетъ, то пусть научится, что бретанскій дворянинъ полный властелинъ на своей землѣ! Ей, вы! дѣлайте то, что вамъ приказано. Отымите у него шпагу.

Подоспѣла новая толпа егерей. Они бросились на дерзкаго нарушителя охотничьихъ правъ и безъ труда обезоружили его. Начачалась свалка, въ которой собаки приняли дѣятельное участіе, увеличивая шумъ своимъ лаемъ. Въ это время подъѣхала дама на бѣломъ конѣ и съ безпокойствомъ спросила: что означаетъ вся эта сцена и кто этотъ незнакомецъ, окруженный егерями?

— Вѣроятно одна изъ обезьянъ г-на Валуа, отвѣтилъ бретанскій

Библиотека "Руниверс"

дворянинъ, не спуская глазъ съ адмирала, окруженнаго со всѣхъ сторонъ егерями. Блѣдное, отжившее лицо бретанца, окаймленное ерной бородой, озарилось чувствомъ особеннаго удовольствія, которому еще болѣе способствовало присутствіе молодой дамы. Онъ не обратилъ никакого вниманія на ея просьбу прекратить непріятную сцену, только черные суровые глаза его на минуту устремились на нее съ выраженіемъ дикой страсти. Онъ съ усиліемъ раскрылъ свои тонкія губы и сказалъ въ полъ-голоса: нужно проучить этихъ льстецовъ! Интересно было бы узнать его имя.

Канцлеръ какъ будто подслушалъ это желаніе. До этого онъ оставался безучастнымъ зрителемъ, изъ боязни попасть въ общую свалку, но видя, что адмиралу не избѣжать позорнаго наказанія, рѣшилъ заступиться за своего товарища. Поднявшись съ усиліемъ на ноги, онъ подошелъ къ толпѣ егерей, и закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Именемъ короля Франциска, остановитесь!

Толпа разступилась, не столько изъ послушанія, сколько изъ любопытства; крики замолкли.

— Это адмиралъ Бонниве! продолжалъ канцлеръ громкимъ голосомъ. Бретанскій дворянинъ не долженъ обходиться такимъ недостойнымъ образомъ съ другомъ короля!

Заявленіе канцлера оказало свое дѣйствіе. Хозяинъ охоты повернулся къ нему съ презрительной улыбкой:

— Ну, теперь сообщите намъ, кто вы такой; порядочные люди не ведутъ себя такимъ образомъ. Хотя адмиралъ Бонниве происходитъ отъ молодой дворянской крови, но онъ долженъ былъ узнать отъ короля права и обычаи охоты, и не рѣшился бы поступить, какъ этотъ господинъ. Вдобавокъ, намъ извѣстно, что адмиралъ Бонниве посланъ въ Англію вмѣстѣ съ канцлеромъ Бюде и потому не могъ очутиться во Франціи, въ чужомъ лѣсу, значитъ, все, что ты сказалъ капуцинъ, наглая ложь!

— Я канцлеръ Бюде и могу доказать это; вы совершенно напрасно назвали меня лгуномъ!

— Я въ отчаяніи, если это правда, сказалъ бретанскій дворянинъ, съ той же презрительной улыбкой, подъѣхавъ на нѣсколько шаговъ къ канцлеру, какъ будто хотѣлъ пристальнѣе разглядѣть своего собесѣдника.

— Да, дѣйствительно я узнаю васъ! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Привѣтствую васъ на землѣ бретанскаго дворянина графа Шатобріана, который къ сожалѣнію встрѣтилъ своихъ гостей такимъ неприличнымъ образомъ!

Съ этого времени графъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе съ обоими путниками, послалъ отыскивать ихъ лошадей и даже былъ на столько внимателенъ, что велѣлъ принести носилки для канцлера, который повредилъ себѣ ногу при паденіи. Онъ нѣсколько разъ извинялся передъ адмираломъ за свою горячность. Но съ лица его не

Библиотека "Руниверс"

исчезало выраженіе злорадства, которое ясно показывало, что въ душѣ онъ былъ очень доволенъ, что красивому адмиралу досталось отъ кулаковъ его егерей. Это особенно ясно выразилось, когда онъ представилъ Бонниве своей супругѣ и повторилъ свои извиненія въ самыхъ отборныхъ напыщенныхъ выраженіяхъ. Адмиралъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и ловко раскланялся передъ молодой графиней, которая хотя и не была ослѣпительной красоты, но показалась ему необыкновенно привлекательной въ своемъ темномъ платьѣ, рельефно выдѣлявшемся на бѣломъ конѣ. Ея молодое, немного блѣдное лицо, слегка зарумяненное отъ движенія на свѣжемъ воздухѣ, имѣло тѣ гладкія округленныя очертанія, на которыя жизненный опытъ не наложилъ своего отпечатка. Но ея красивые каріе глаза казались грустными, хотя въ нихъ не было и тѣни мечтательности и отчужденія отъ дѣйствительной жизни. По временамъ они дѣлались настолько выразительными, что казалось ни что не могло скрыться отъ нихъ. Когда графъ представилъ Бонниве своей супругѣ, то въ этихъ глазахъ можно было ясно прочесть насмѣшливый вопросъ: не потому ли ты представляешь мнѣ этого красиваго человѣка растерзаннымъ и униженнымъ, чтобы онъ опротивѣлъ мнѣ съ перваго момента знакомства?

Между тѣмъ Бонниве подъ обаяніемъ ея присутствія забылъ свою непріязнь къ графу и разсыпался въ любезностяхъ передъ его женой, что было тогда въ модѣ въ высшихъ слояхъ французскаго общества, при королѣ Францискѣ I. Графиня вѣжливо выслушивала его, но съ нѣкоторою чопорностью, такъ какъ живя пять лѣтъ среди суровыхъ бретанскихъ дворянъ, она не привыкла къ такому обращенію. Не встрѣчала она ничего подобнаго и на своей родинѣ, въ Пиринеяхъ, откуда она выѣхала четырнадцатилѣтней дѣвочкой, чтобы сдѣлаться женою графа Шатобріана. Благодаря этому, любезности красиваго адмирала имѣли для нея всю прелесть новизны и произвели на нее самое пріятное впечатлѣніе.

Общество, принимая во вниманіе больную ногу канцлера, двинулось въ путь шагомъ. Черезъ четверть часа они увидѣли передъ собой, на равнинѣ перерѣзанной холмами, замокъ Шатобріанъ, стоящій на возвышеніи и окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Вечернее солнце сіяло во всемъ блескѣ, рѣзко обрисовывая контуры огромнаго зданія, состоящаго изъ стараго и новаго замковъ, верхніе этажи которыхъ были соединены узкой висячей галлереей. Старый замокъ представлялъ собою огромную круглую башню съ низкими уродливыми пристройками; онъ весь поросъ мохомъ и почернѣлъ отъ времени и непогодъ. За то новый замокъ, недавно построенный въ полуантичномъ и полуроманскомъ стилѣ, весело блестѣлъ на солнцѣ своими гладкими свѣтлыми камнями. Плоская крыша, аркады, галлереи, изящныя башни придавали ему самый привлекательный видъ. Широкій лугъ, по которому ѣхалъ владѣлецъ замка съ своими гостями, тя-

Библиотека "Руниверс"

нулся вверхъ до главнаго входа. Рѣка Шеръ, вытекавшая изъ лѣсу съ лѣвой стороны, круто поворачивала у новаго замка и обогнувъ старую башню, вновь появлялась на сѣверо-западѣ за убогими, порознь стоящими домами, гдѣ впослѣдствіе возникъ городъ Шатобріанъ.

— Очень радъ, что мнѣ удалось наконецъ увидѣть вашъ новый замокъ, графъ Шатобріанъ! воскликнулъ Бонниве. Я помню съ какимъ восторгомъ вы разсказывали о немъ въ Парижѣ пять лѣтъ тому назадъ. Вы издѣвались тогда надъ старой Луврской башней вокругъ которой предполагалось воздвигнуть дворецъ! Но онъ не построенъ и до сихъ поръ вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, такъ что король по прежнему живетъ въ тѣснотѣ среди судейскихъ господъ и разныхъ буржуа. Вы не даромъ сказали тогда съ усмѣшкой: „бретанскій дворянинъ живетъ лучше молодого Валуа, такъ называемаго властелина Франціи“!

— Развѣ эта фраза такъ замѣчательна г-нъ адмиралъ, что вы не могли забыть ее въ теченіи пяти лѣтъ! Молодой Валуа, какъ вамъ извѣстно, не принадлежалъ къ богатому и могущественному дому и устроилъ свои дѣла только благодаря приданому, которое взялъ за нашей герцогиней. По этому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ, сдѣлавшись королемъ, живетъ хуже большинства бретанскихъ дворянъ. Хотя вы стараетесь возвеличить короля въ ущербъ дворянству, но онъ не болѣе какъ высшій ленный сеньеръ и вы напрасно внушаете ему неумѣстныя претензіи!

— Вы уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжали изъ вашей отдаленной провинціи и совсѣмъ отстали отъ времени, многоуважаемый графъ. Вотъ у г. канцлера есть письмо отъ англійскаго короля къ Франциску I; надпись на этомъ письмѣ ясно показываетъ, что королевская власть въ Европѣ больше усилилась, чѣмъ вы воображаете это, сеньеры меча и шпоръ!

— Мы сеньеры надъ землей и людьми и надѣваемъ на себя мечъ и шпоры въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не обязаны оказывать гостепріимство слугамъ короля.

— Развѣ вы сами не считаете себя слугой короля?

— Нѣтъ, я служу Богу, моей чести и моей дамѣ, а за королемъ государства я слѣдую только тогда, когда онъ въ качествѣ леннаго предводителя потребуетъ мой мечъ и мою конницу на защиту государства... Скажите пожалуйста, какая-же эта новомодная надпись на письмѣ англійскаго короля къ французскому?

— Онъ называетъ его „вашимъ величествомъ“.

— Но вѣдь у насъ священники употребляютъ слово „majesté“, говоря о величіи и всемогуществѣ Бога?

— Слово это и здѣсь употреблено въ томъ-же значеніи.

— Господь да сохранитъ васъ! Ваша гордость перешла всякую мѣру. Что сказалъ бы мой пріятель графъ Тремувилль, если бы я вздумалъ назвать его въ письмѣ „блаженный и праведный“ графъ Тремувилль.

Библиотека "Руниверс"

— Онъ вѣроятно далъ бы вамъ тотъ же титулъ.

— Не думаю! Во всякомъ случаѣ мы остались бы такими же грѣшными людьми какъ и прежде. Равнымъ образомъ у Валуа ни на волосъ не прибавилось величія отъ титула, который ему даетъ Тюдоръ по ту сторону пролива. Феодальные сеньеры еще не вымерли въ отдаленныхъ провинціяхъ!

— Король желаетъ удостовѣриться въ этомъ собственными глазами; для этой цѣли онъ проѣдетъ внизъ по Луарѣ и посѣтитъ Турень, Анжу и Бретань... Пять лѣтъ тому назадъ вы приглашали его взглянуть на вашъ замокъ, въ случаѣ если онъ вздумаетъ когда нибудь построить себѣ новый дворецъ. Насколько мнѣ извѣстно, онъ намѣренъ сдѣлать это въ настоящее время; если вы позволите, то я повторю ему ваше приглашеніе.

При этихъ словахъ владѣлецъ замка и Бонниве взглянули на графиню, какъ бы ожидая ея отвѣта. Но она не рѣшилась выразить свое мнѣніе, встрѣтивъ гнѣвный взоръ своего супруга.

Они проѣхали молча нѣсколько шаговъ.

— Архитектурный вкусъ значительно развился и усовершенствовался въ послѣдніе пять лѣтъ—возразилъ графъ—замокъ Шатобріанъ не можетъ имѣть теперь тѣхъ притязаній, какъ прежде.

Путники подъѣхали къ главному входу замка. На встрѣчу имъ выбѣжала хорошенькая четырехлѣтняя дѣвочка и привлекла на себя вниманіе графа и графини. Это была ихъ единственная дочь Констанція. Графъ расточалъ ей всю нѣжность, на которую только было способно его суровое сердце; онъ посадилъ ее къ себѣ на лошадь и каталъ по двору. Появленіе ребенка было очень кстати, чтобы привести графа въ болѣе приличное расположеніе духа и сдѣлать его хотя сколько нибудь способнымъ исполнить обязанность гостепріимства непрошеннымъ гостямъ. Однако, вечеромъ, когда они сѣли за ужинъ, хозяинъ дома пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сказать что нибудь непріятное другу короля, такъ что Бонниве рѣшился уѣхать изъ замка на слѣдующее утро, тѣмъ болѣе, что сдержанное обращеніе графини не обѣщало ему успѣха. Избалованный рыцарь счастья питалъ такого рода надежды относительно каждой красивой женщины, съ которой сводила его судьба. Онъ не былъ на столько проницателенъ чтобы присмотрѣться ближе къ личности графини Шатобріанъ, потому что тогда быть можетъ онъ не сложилъ бы такъ скоро оружіе. Въ началѣ вечера она сидѣла молча между мужчинами въ своемъ изящномъ бѣломъ платьѣ, отвѣчала односложными словами и своей внезапно находившей на нее и также быстро исчезавшей веселостью напоминала эолову арфу, которая долго остается безмолвной и только тогда издаетъ звукъ, когда болѣе сильное дуновеніе вѣтра коснется ее.

Канцлеръ Бюде оказался лучшимъ наблюдателемъ, нежели его пріятель. Ему тѣмъ легче было завести разговоръ съ графиней, что

Библиотека "Руниверс"

ревнивый супругъ не счелъ нужнымъ мѣшать ея бесѣдѣ съ пожилымъ и невзрачнымъ человѣкомъ. Онъ разсказалъ ей объ умственной жизни въ Парижѣ, и богословскихъ спорахъ, которые велись между тогдашними учеными, о церковной революціи въ Германіи, предпринятой однимъ саксонскимъ монахомъ, объ интересныхъ разговорахъ за обѣдомъ у короля и призванныхъ имъ итальянскихъ художникахъ, о самомъ королѣ, его умной талантливой сестрѣ и веселой матери. Графиня слушала эти разсказы съ одинаковымъ вниманіемъ и набожно перекрестилась, когда зашла рѣчь о нѣмецкомъ еретикѣ. Тѣмъ не менѣе она выразила свое сочувствіе оппозиціи противъ ученія объ индулгенціяхъ.

— Если бы я измѣнила своимъ близкимъ, сказала она наивно, какъ будто это былъ самый наглядный примѣръ, который она могла себѣ представить, — то кто могъ бы простить мнѣ этотъ грѣхъ, кромѣ меня самой. Развѣ не бываютъ такіе случаи, когда виновный долженъ отвѣчать только передъ судомъ своей собственной совѣсти?

Нѣжная краска на ея щекахъ выступила еще ярче при этихъ словахъ, придавая особенную прелесть смуглому лицу молодой графини, которая соединяла въ себѣ роскошную полноту формъ южной женщины съ граціей и миловидностью молодой дѣвушки. Избытокъ жизни сказывался въ пытливыхъ взглядахъ живыхъ, чувственныхъ глазъ, которые представляли рѣзкую противоположность съ цѣломудреннымъ выраженіемъ рта и робостью, съ какою она раскрывала губы, чтобы сдѣлать тотъ или другой вопросъ канцлеру. Этотъ контрастъ былъ особенно замѣтенъ, когда она стала разспрашивать о жизни и нравахъ придворныхъ лицъ, которые были тогда совершенно новымъ явленіемъ во Франціи. Всего болѣе интересовали ее разныя подробности о королѣ, коннетаблѣ Бурбонѣ и нѣкоторыхъ другихъ господахъ, которые славились тогда своей красотой и силой въ цѣлой Франціи. Хотя графъ Шатобріанъ съ презрѣніемъ отзывался о нихъ и она привыкла вѣрить ему на слово, но хотѣла узнать, что скажетъ объ этомъ серьезный канцлеръ, такъ какъ ей казалось, что она можетъ вполнѣ положиться на его сужденія и отзывы.

Хозяинъ дома повидимому не раздѣлялъ мнѣнія своей супруги. Его отрывистая бесѣда съ Бонниве давала ему возможность слѣдить за каждымъ словомъ канцлера, но чѣмъ дальше слушалъ онъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его блѣдное лицо.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и вмѣшавшись въ разговоръ рѣзко упрекнулъ канцлера въ одностороннемъ описаніи придворной жизни.

— Мы, слава Богу, сказалъ онъ, еще не дошли въ провинціи до такой порчи, чтобы забыть чистоту нравовъ и христіанское смиреніе, которыхъ мы придерживались при покойномъ королѣ Людовикѣ. Съ каждымъ годомъ приходится все больше убѣждаться въ справедливости даннаго ему прозвища: „отца народа“.

— Развѣ бретанскіе дворяне, воскликнулъ Бонниве, до такой сте-

Библиотека "Руниверс"

пени раздѣляютъ симпатіи и взгляды черни, что имъ больше нравится король носившій это прозвище, чѣмъ нынѣшній „рыцарскій король“, какъ въ Европѣ называютъ Франциска I! Клянусь честью, что ничего не можетъ быть выше и почетнѣе названія: король рыцарь! Неужели онъ ничѣмъ не заслужитъ благодарность и преданность французскаго дворянства! Объ этомъ нужно особенно жалѣть въ настоящее время, когда даже простые буржуа дѣятельно хлопочутъ о расширеніи своихъ правъ.

Но графъ не обратилъ никакого вниманія на слова Бонниве.—Что собственно представляетъ изъ себя придворная жизнь? продолжалъ онъ, обращаясь къ канцлеру. Она настолько неприлична въ настоящее время, что всякій сеньеръ, который дорожитъ честью и нравственностью, долженъ держать жену и дочь подальше отъ двора. Не находите ли вы, что мать короля ведетъ святую жизнь? Развѣ мы не знаемъ веселой Луизы, которая получила титулъ герцогини Ангулемской помимо нашей воли и, къ несчастью, за спиною короля управляетъ государствомъ. А что такое ея фрейлины? Развѣ это не публичныя женщины торгующія своей красотой!

— Ну теперь никто въ Парижѣ не узналъ бы прежняго графа Шатобріана, котораго мы видѣли пять лѣтъ тому назадъ! замѣтилъ со смѣхомъ Бонниве. Память объ васъ, графъ, до сихъ поръ сохранилась въ отелѣ Турнель, какъ объ одномъ изъ самымъ веселыхъ сеньеровъ!..

— Меня нисколько не интересуетъ то мнѣніе, какое обо мнѣ составилось въ Парижѣ! Но мнѣ не нравится новый порядокъ вещей! Правительство заботится объ одной внѣшности и хочетъ ввести утонченность въ наши нравы, какъ будто въ этомъ вся сущность жизни! Къ чему намъ всѣ эти постройки и украшенія столицы, дорого стоющія нововведенія относительно мебели и покроевъ платья! Хотятъ и насъ принудить къ этому, какъ будто мы куклы, а не дворяне! Художниковъ вводятъ въ кругъ самыхъ знатныхъ людей государства, позволяютъ имъ вмѣшиваться въ разговоръ и ихъ напыщенныя фразы больше нравятся, чѣмъ простая рѣчь французскаго дворянина.

— Позвольте мнѣ высказать мое мнѣніе, графъ, сказала краснѣя хозяйка дома, но я не согласна съ вами. Мнѣ кажется, что королевская власть обязана покровительствомъ тому, что не составляетъ насущной потребности людей, но возвышаетъ и облагораживаетъ ихъ умъ, какъ, напримѣръ искусство; и поэтому королю...

— Однако васъ можно поздравить моя дорогая супруга! возразилъ насмѣшливо графъ, прерывая ее.—Вы замѣчательно скоро усвоили себѣ напыщенность рѣчи. Этого трудно было ожидать послѣ того строгаго воспитанія, которое вы получили въ замкѣ Фуа; или вы уже заразились новыми идеями? Помыслы замужней женщины не должны переходить за стѣны дома, гдѣ ея мужъ и дѣти! Все, что внѣ этого,

Библиотека "Руниверс"

вредно для нея. Впрочемъ, я приму мѣры чтобы излишняя бойкость не сдѣлалась бы опасной для васъ...

Приходъ слуги прервалъ рѣчь графа которая была тѣмъ непріятнѣе его женѣ, что онъ говорилъ при людяхъ, которыхъ она видѣла съ первый разъ въ жизни.

Слуга доложилъ, что по дорогѣ изъ Нанта ѣдутъ всадники съ зажженными факелами.

— Неужели это король! воскликнулъ Бонниве, подбѣгая къ окну.

Графъ, видимо взволнованный, послѣдовалъ, его примѣру.

— Да, это несомнѣнно король! продолжалъ Бонниве, обращаясь къ графу. Вы видите, вся прислуга въ ливреяхъ съ королевскими гербами! Золотыя лиліи такъ и свѣтятся.

— Madame! сказалъ графъ, быстро оборачиваясь къ своей женѣ. Вы больны, и можете уйти въ свою комнату.

— Вы ошибаетесь, графъ, я совершенно здорова.

— Я никогда не ошибаюсь, когда совѣтую вамъ что нибудь. Вы должны повиноваться мнѣ.

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ вдоль залы, уговаривая ее болѣе кроткимъ тономъ, нежели можно было ожидать по началу его рѣчи. Графиня плакала.

ГЛАВА II.

На слѣдующій день всѣмъ было извѣстно въ Блуа, что слухъ о прибытіи короля въ замокъ Шатобріанъ оказался ложнымъ. Многіе изъ городскихъ жителей видѣли, какъ король рано утромъ переѣзжалъ Луару и направился въ свой любимый Солоньскій лѣсъ, гдѣ онъ въ юношескіе годы гонялся за оленями и разставлялъ западни волкамъ. Солонь представляла собою необработанный клочокъ земли, густо поросшій лѣсами, который тянулся вдоль лѣваго берега Луары отъ Блуа къ Роморантену въ тогдашней Беррійской провинціи. Въ Роморантенѣ король Францискъ провелъ часть своего дѣтства съ своей матерью Луизой Савойской, которая удалилась сюда, тяготясь строгими нравами, введенными при дворѣ Анной Бретанской, супругой Людовика XII. Свѣтлыя воспоминанія, связанныя съ этой мѣстностью, были вѣроятно одной изъ причинъ того предпочтенія, какое всегда оказывалъ Францискъ берегамъ Луары.

Въ тѣ времена французскіе короли не имѣли еще постояннаго мѣстопребыванія. Хотя Парижъ уже впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ считался столицей Франціи, но тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ возникалъ вопросъ о перенесеніи столицы въ Туръ, находившійся въ

Библиотека "Руниверс"

центрѣ государства, и нѣкоторые изъ королей даже устраивали свои резиденціи по близости Луары. Людовикъ XI выстроилъ себѣ замокъ Plessis les Tours, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Тура; у Людовика XII-го былъ свой замокъ въ Блуа.

Городъ Блуа, сдѣлавшійся на нѣкоторое время какъ бы второй столицей Франціи, построенъ амфитеатромъ на довольно крутомъ склонѣ праваго берега Луары. Узкія улицы вели слѣва къ старинному замку Блуа, а съ правой стороны къ собору, окруженному прелестнымъ садомъ съ терассами, который по множеству розъ и виду на рѣку всегда былъ любимымъ мѣстомъ нѣжныхъ свиданій, какъ въ шестнадцатомъ, такъ и въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Замокъ Блуа состоялъ тогда изъ одной готической башни, почернѣвшей отъ времени. Людовикъ XII сдѣлалъ къ ней пристройку со стороны обращенной къ городу; Францискъ придѣлалъ къ ней новый флигель и намѣревался соединить обѣ пристройки великолѣпной башней съ наружной винтовой лѣстницей à jour, украшенной самой тонкой рѣзьбой. Множество каменьщиковъ, плотниковъ и рѣзчиковъ работало на дворѣ, гдѣ раздавался теперь неумолкаемый шумъ и стукъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ своеобразный трехъугольный дворецъ былъ переполненъ придворными. Въ старомъ флигелѣ жила Маргарита, сестра короля, противъ своей воли выданная замужъ за незначительнаго герцога Алансонскаго. Въ новомъ флигелѣ помѣщался король и его мать Луиза, носившая титулъ герцогини Ангулемской. Роскошь только что начала тогда проникать во Францію; обитатели замка были еще настолько не избалованы комфортомъ, что мало обращали вниманія на оглушающій шумъ, который съ утра до поздней ночи слышался на дворѣ и на крышѣ строившейся башни.

Герцогиня Луиза нѣсколько разъ выходила въ корридоръ и смотрѣла на шумный дворъ, переполненный рабочимъ людомъ, и опять возвращалась въ свою комнату. Но постройка не занимала ее; она нетерпѣливо ждала кого-то. Безпокойство, отражавшееся на ея лицѣ, представляло рѣзкій контрастъ съ мирнымъ пейзажемъ, который открывался изъ большого окна ея комнаты. Зеленый лугъ, окруженный старыми орѣшниками, тянулся до маленькой церкви, стоявшей на склонѣ крутой горы и почти закрытой кленовыми и платановыми деревьями. Лѣсъ продолжался и за церковью до самой вершины горы, гдѣ изъ-за зеленыхъ вѣтвей виднѣлось распятіе съ изображеніемъ Христа, печально глядѣвшаго на маленькую церковь, лугъ и замокъ. Сѣверный выступъ башни бросалъ длинную тѣнь на эту идиллическую картину, которая оживлялась веселымъ смѣхомъ и криками дѣтей, игравшихъ на лугу.

Но герцогиня не смотрѣла въ окно; черезъ каждыя десять минутъ она звала слугу и спрашивала: не видно ли съ новой башни всадника по дорогѣ изъ Роморантена? Слуга постоянно давалъ отри-

Библиотека "Руниверс"

цательные отвѣты, такъ что наконецъ наступилъ вечеръ и зашло солнце, а всадникъ все не являлся.

Герцогиня Луиза была полная, видная женщина, все еще сохранившая притязанія на красоту, хотя ей было далеко за сорокъ. Рѣзкія черты лица, огненные глаза, быстрая походка и быстрыя движенія рукъ придавали что-то вызывающее и властолюбивое всей ея фигурѣ. Но когда герцогиня хотѣла кому-нибудь нравиться, то это впечатлѣніе сглаживалось ласковымъ выраженіемъ полныхъ губъ, за которыми виднѣлся рядъ прелестныхъ зубовъ. Она любила роскошь и еще при жизни буржуазно скромнаго короля Людовика и экономной королевы Анны носила шелкъ и бархатъ не только во время празднествъ, но и въ домашнемъ быту. Такимъ образомъ, савойская принцесса положила первое начало той роскоши и любви къ внѣшнему блеску и удовольствіямъ, которыя впослѣдствіи привились французскому дворянству, благодаря Екатеринѣ и Маріи Медичи. Но пока франко-германскій элементъ былъ преобладающимъ въ королевствѣ и бралъ перевѣсъ надъ молодой Франціей, которая начала образовываться при Францискѣ подъ итальянскимъ вліяніемъ и лишь шагъ за шагомъ возрожденіе коснулось не только отдѣльныхъ отраслей искусства, но и всей жизни французскаго народа.

На Луизѣ было надѣто черное бархатное платье съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, что было нарушеніемъ старо-французскихъ обычаевъ, но очень шло къ ней при ея полнотѣ. Когда слуга поставилъ свѣчи на столъ, то при ихъ красноватомъ свѣтѣ эта пожилая женщина была еще настолько эффектна, что могла производить впечатлѣніе своей повелительной красотой.

Слуга доложилъ, что наступившая темнота мѣшаетъ ему видѣть что-либо съ высоты башни.

— Позови канцлера Дюпра! сказала герцогиня слугѣ, садясь поспѣшно на высокій стулъ съ прямой спинкой.

Вошелъ Дюпра, канцлеръ парламента, первое юридическое лицо въ государствѣ.

— Онъ не ѣдетъ! воскликнула съ нетерпѣніемъ герцогиня.

— Онъ долженъ пріѣхать! возразилъ Дюпра, маленькій блѣдный человѣкъ съ рыжевато-русыми волосами и бородой и невозмутимо хладнокровнымъ, самодовольнымъ лицомъ, похожимъ на маску по своей неподвижности.—Онъ знаетъ, что его пріѣздъ необходимъ для него самого и что его удаленіе отъ двора все болѣе и болѣе затягиваетъ петлю на его шеѣ.

— Онъ слишкомъ знатенъ, чтобы бояться юридической петли.

— Я уже не первый годъ веду дѣла въ парламентѣ и мнѣ наконецъ удалось внушить знатнымъ господамъ, что буква закона скована изъ жезла и что противъ нея безсильно ихъ высокомѣріе, какъ бы оно ни было велико.

— Кто поручится, что Шабо-де-Бріонъ объяснилъ ему какъ слѣ-

Библиотека "Руниверс"

дуетъ сущность процесса? Вы знаете на сколько легкомысленъ Бріонъ!

— Онъ долженъ былъ понять изъ моихъ словъ, что, наслѣдство потеряно для коннетабля, если онъ не женится на васъ, и что это единственный способъ прекратить процессъ. То же самое я говорилъ бретанскому дворянину Матиньону, близкому другу коннетабля, которому вѣроятно удалось убѣдить его. Бурбонъ несомнѣнно пріѣдетъ сюда.

— Развѣ вы не знаете, что у коннетабля голова также неподатлива, какъ буковое дерево? Что же касается правъ на наслѣдство, которое мы хотимъ отнять у него, то они весьма сомнительны.

— Чѣмъ они сомнительнѣе, тѣмъ легче намъ будетъ опутать его и тѣмъ скорѣе онъ будетъ въ нашихъ рукахъ. Если вы, герцогиня, не увѣрены въ томъ, что вамъ удастся...

— Вы говорите какими-то загадками, Антуанъ Дюпра?

— Я хотѣлъ сказать, что если вамъ не удастся убѣдить его съ помощью вашей красоты, любезности и нѣкоторыхъ угрозъ, то вооружитесь терпѣніемъ недѣли на три или на четыре и я устрою это дѣло. Коннетабль убѣдится, что для него нѣтъ иного способа выиграть дѣло и получить обратно помѣстье.

— Вы не знаете жизни и плохо понимаете людей, Дюпра. Коннетабля трудно принудить къ чему бы то ни было! Наконецъ и я сама не желаю выходить замужъ за человѣка, который женится на мнѣ противъ своей воли.

Въ комнату вошелъ запыленный всадникъ. Это былъ Шабо де-Бріонъ, любимецъ короля, посланный герцогиней въ Бурбонне къ коннетаблю Карлу Бурбону, чтобы убѣдить его пріѣхать въ Блуа. Бріонъ объявилъ, съ улыбкой, что коннетабль уже прибылъ въ замокъ и черезъ четверть часа явится къ герцогинѣ.

Луиза приказала удалиться обоимъ кавалерамъ, но оставила у себя свертокъ пергамента, переданный ей Дюпра, въ которомъ было изложено, на какомъ основаніи она и король заявляютъ притязанія на значительную часть помѣстій коннетабля. Карлъ Бурбонъ, происходя изъ роду Бурбоновъ-Монпансье, не могъ считаться законнымъ владѣльцемъ бурбонскаго и оверньскаго герцогствъ, занимавшихъ большую часть южной гористой Франціи. По салическому закону, Сусанна, дочь Петра, послѣдняго герцога Бурбона, не имѣла никакихъ правъ наслѣдовать своему отцу. Такимъ образомъ, по смерти герцога Петра, всѣ его родовыя владѣнія перешли къ его родственнику Карлу Бурбону. Никто не рѣшался оспаривать права коннетабля на наслѣдство, такъ какъ онъ вслѣдъ затѣмъ женился на Сусаннѣ. Но коннетабль овдовѣлъ. Противники его тотчасъ же воспользовались этимъ, чтобы заявить свои притязанія на владѣнія покойнаго герцога. Къ числу ихъ принадлежала и герцогиня Ангулемская, которая двадцать лѣтъ тому назадъ была связана съ коннетаблемъ самой тѣсной дружбой. Эта дружба прекратилась вслѣдствіе веселой жизни Луизы и

Библиотека "Руниверс"

женитьбы Карла Бурбона, который былъ человѣкъ строгихъ правилъ и рано отказался отъ легкомысленныхъ удовольствій молодости.

Герцогиня Ангулемская знала насколько были шатки ея притязанія на владѣнія Бурбоновъ. Хотя она приходилась двоюродной сестрой покойной Сусаннѣ и была въ болѣе близкомъ родствѣ съ вымершей линіей Бурбоновъ, нежели коннетабль, но салическій законъ прямо лишалъ ее всякихъ правъ на наслѣдство. Тѣмъ не менѣе, канцлеръ Дюпра увѣрилъ ее, что давъ иной оборотъ дѣлу, можно выиграть процессъ; онъ подробно изложилъ ей планъ дѣйствій и привелъ необходимыя юридическія доказательства въ поданномъ ей пергаментномъ сверткѣ. Герцогиня не желала довести дѣло до процесса и, разсчитывая на прежнюю привязанность коннетабля, надѣялась склонить его къ женитьбѣ, отчасти указавъ на всѣ ея выгоды и частью путемъ запугиванья. Послѣднее было тѣмъ легче, что тогда распространилась молва, будто коннетабль недоволенъ французскимъ правительствомъ и вошелъ въ сношенія съ императоромъ Карломъ V, врагомъ Франціи. Намекъ, что королю извѣстенъ этотъ слухъ, что могутъ быть приведены осязательныя доказательства этого, долженъ былъ предостеречь коннетабля, что ему грозитъ опасность быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ.

Между тѣмъ, наружность скромно одѣтаго господина, котораго слуга ввелъ въ комнату подъ громкимъ титуломъ коннетабля, герцога Бурбона, вовсе не показывала, что его можно запугать чѣмъ бы то ни было и что онъ легко поддается соблазнамъ любви. Это былъ широкоплечій человѣкъ, средняго роста и полноты. Его загорѣлое лицо съ крупными, рѣзкими чертами, полузакрытое бородой, имѣло мрачное и суровое выраженіе. Когда слуга отворилъ дверь, коннетабль медленно снялъ поярковую шляпу съ широкими полями, которую онъ неохотно и только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣнялъ моднымъ беретомъ, также медленно вышелъ на средину комнаты, побрякивая шпорами и вѣжливо поклонился герцогинѣ. Слуга, по данному ему заранѣе наставленію, поспѣшно удалился и затворилъ за собою дверь.

Карлъ Бурбонъ не отличался особеннымъ умомъ, но умѣлъ молчать въ затруднительныхъ случаяхъ. Герцогиня должна была потратить не мало уловокъ и словъ, прежде нежели ей удалось вызвать его на разговоръ. Но это не была дружеская и довѣрчивая бесѣда человѣка съ нѣкогда любимой женщиной, все еще красивой по формамъ своего тѣла, которая, оставшись наединѣ съ нимъ, могла ожидать отъ него проблеска хотя бы мимолетной чувственной любви. Въ его словахъ и тонѣ голоса слышался только гнѣвъ, который наконецъ разразился, какъ долго сдерживаемая гроза.

— Вамъ никогда не удастся, герцогиня, довести парламентъ до такого крючкотворства и вопіющей несправедливости! воскликнулъ коннетабль.

— Боже меня избави отъ подобныхъ попытокъ! возразила герцогиня.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ на что же вы разсчитываете! Развѣ вы можете изгладить изъ памяти парламента и французской націи салическій законъ, который всегда соблюдался въ родѣ Бурбоновъ со временъ Франковъ? Вѣдь это не грифельная доска, съ которой можно стереть губкой какія угодно слова.

— Намъ это совершенно не нужно. Мы, напротивъ того, хлопочемъ, чтобы салическій законъ былъ приведенъ въ дѣйствіе.

— Какимъ это образомъ?

— Мой сынъ, король, вступая на престолъ, обязался исполнять его. Герцогъ Петръ, отецъ Сусанны, былъ женатъ на французской принцессѣ Аннѣ изъ королевскаго дома; у нихъ была единственная дочь Сусанна, а въ брачный контрактъ было включено условіе...

— Какое условіе?

— Что бурбонскія владѣнія должны быть возвращены королевскому дому, если отъ этого брака не будетъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Развѣ это будетъ нарушеніемъ салическаго закона, если завтра же генералъ-адвокатъ именемъ короля заявитъ передъ парламентомъ объ его притязаніяхъ на земли покойнаго герцога?

При этихъ словахъ коннетабль быстро вскочилъ съ своего стула и, не помня себя отъ ярости, готовился излить свой гнѣвъ, не стѣсняясь присутствіемъ герцогини. Но она не дала ему выговорить ни одного слова и, взявъ нѣжно за руку своего бывшаго поклонника, просила его опять сѣсть и спокойно выслушать ее, потому что Францискъ I на столько же намѣренъ щадить Бурбоновъ, какъ и Людовикъ XII, если только глава этого дома не поставитъ себя во враждебныя отношенія къ королевскому семейству.

Красивая, полная рука герцогини повидимому все еще имѣла нѣкоторую притягательную силу для коннетабля, потому что онъ наклонился и поцѣловалъ ее. Въ сущности, вся его дальнѣйшая жизнь зависѣла отъ этого свиданія. Гнѣвъ его быстро прошелъ и онъ довольно спокойно высказалъ свое неудовольствіе, что король пренебрегаетъ имъ и довѣряетъ важны государственныя дѣла молодымъ, не опытнымъ выскочкамъ въ родѣ Бонниве и Бріона. Между тѣмъ онъ, первый сановникъ въ государствѣ, остается празднымъ и въ цѣломъ королевствѣ не найдется ни одного самаго ничтожнаго служителя, которому менѣе аккуратно платили жалованье и поступали такъ несправедливо какъ съ нимъ, коннетаблемъ Франціи.

— Тѣмъ не менѣе вы обязаны этимъ званіемъ моему сыну! Не унижайте себя, Карлъ, подобными жалобами. Платятъ только слугамъ, а съ другомъ дома не ведутъ счетовъ!

— Другъ дома! Развѣ у друзей отнимаютъ имущество?

— Король отнимаетъ имущество у своего друга съ тѣмъ, чтобы опять отдать его этому же другу. Развѣ Бріонъ не сообщалъ вамъ, что мы намѣрены соединить неразрывно наши герцогства, какъ те-

Библиотека "Руниверс"

перь соединены наши руки? Изъявите свое согласіе, Карлъ. Позвольте мнѣ отдать вамъ мою руку и ваши имущества.

— Madame!

При этихъ словахъ носовой платокъ соскользнулъ съ колѣнъ герцогини и упалъ у ея ногъ. Коннетабль не принадлежалъ къ числу дамскихъ кавалеровъ и не придерживался нравовъ renaissance относительно соблюденія салонныхъ приличій; но благодаря традиціямъ средневѣкового рыцарства, въ которыхъ былъ воспитанъ, онъ счелъ нужнымъ наклониться и поднять платокъ. Онъ принужденъ былъ встать для этого на одно колѣно, такъ какъ у него не хватило вѣжливости снять свои высокіе ботфорты для визита герцогини. Ловкая женщина воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы положитъ обѣ руку ему на плечи и удержать коннетабля въ нѣжной позѣ, которая вовсе не соотвѣтствовала его характеру.

— Вы вѣдь знаете, Карлъ, сказала она, наклоняясь къ нему такъ близко, что онъ чувствовалъ прикосновеніе ея волосъ къ своему лицу, что король, какъ добрый сынъ, совѣтуется со мною въ вопросахъ касающихся правленія; вы сдѣлаетесь его правой рукой. Мы составимъ тріо и будемъ править вмѣстѣ государствомъ, покровительствуя друзьямъ и преслѣдуя враговъ.

— Но ваши друзья—мои враги.

— Все это измѣнится, мой другъ! Людей въ родѣ Бонниве можно заставить смотрѣть на вещи нашими глазами.

— Я никогда не буду въ состояніи ладить съ этими прилизанными выскочками! воскликнулъ коннетабль.

Имя Бонниве, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, сразу разорвало тонкую сѣть, которая начала опутывать его и заставила забыть всѣ практическія соображенія.

Герцогиня не менѣе своего сына покровительствовала вѣчно любезному адмиралу, который не даромъ считался самымъ красивымъ человѣкомъ при французскомъ дворѣ; и потому приняла грубое заявленіе коннетабля за личное оскорбленіе. Она также быстро поднялась съ своего кресла и въ порывѣ негодованія наговорила ему колкостей. Ссора усиливалась съ минуты на минуту. Она упрекала его въ томъ, что, являясь ко двору, онъ хочетъ превзойти короля пышностью и богатыми одеждами своей свиты и, слѣдовательно, вполнѣ заслуживаетъ гнѣвъ короля, который не замедлитъ подвергнуть его справедливому наказанію. Коннетабль возразилъ, что никто не имѣетъ права говорить съ нимъ такимъ образомъ, что король его ленный господинъ, а не государь, и что справедливое наказаніе, о которомъ она осмѣлилась намекнуть ему, ничто иное, какъ самоуправство и низкая месть оскорбленнаго тщеславія.

Эти слова окончательно вывели изъ себя герцогиню; побагровѣвъ отъ гнѣва, она приказала коннетаблю удалиться.

Библиотека "Руниверс"

— Пусть мои слова послужатъ къ вашему исправленію! сказалъ коннетабль выходя изъ комнаты.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ рыцарей своей свиты и приказалъ имъ немедленно распорядиться, чтобы лошади были опять подведены къ крыльцу. Молва объ его сношеніяхъ съ Карломъ V заставляла его избѣгать встрѣчи съ королемъ, который могъ ежеминутно вернуться съ охоты. Коннетабль зналъ, на сколько вѣренъ этотъ слухъ и что здѣсь при королевскомъ дворѣ онъ будетъ въ безвыходномъ положеніи, если Францискъ разгнѣвается на него; а это было неизбѣжно, потому что герцогиня при ихъ теперешнихъ отношеніяхъ не замедлитъ возстановить противъ него своего сына.

Коннетаблю не удалось уѣхать. Едва вложилъ онъ ноги въ стремя, какъ послышались охотничьи рога; при красноватомъ свѣтѣ факеловъ на дворъ въѣхалъ король Францискъ на своемъ высокомъ конѣ.

— Неужели это вы, кузенъ! воскликнулъ король. Не ожидалъ видѣть васъ въ Блуа! и вы хотите опять уѣхать? Нѣтъ, этого не будетъ! Вы мой гость!

Съ этими словами Францискъ соскочилъ съ лошади и подалъ руку коннетаблю, который церемонно раскланялся съ нимъ.

— Я намѣренъ тотчасъ же наказать васъ за то, что вы такъ рѣдко посѣщаете насъ и на такое короткое время! Знаете ли вы въ чемъ будетъ состоять наказаніе, мой дорогой кузенъ и вассалъ? Вы должны принять участіе въ развлеченіяхъ, придуманныхъ моей ученой сестрой. Вамъ, какъ военному человѣку, они покажутся невыносимыми. Теперь какъ разъ время, когда у Маргариты собрался весь ея цехъ. Вечеръ необыкновенно теплый; я убѣжденъ, что мы найдемъ ихъ на открытомъ воздухѣ. Пойдемте къ нимъ. Дайте мнѣ руку.

Коннетабль былъ настолько озадаченъ, что не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, хотя въ душѣ проклиналъ беззаботную веселость короля, представлявшую смѣсь ироніи и добродушія, которая дѣйствовала на него помимо его воли. Король былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ находился тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, силы и могущества; это былъ высокій, красивый юноша, полный жизни и дѣятельности, чуткій ко всему высокому и прекрасному. Превосходный, дошедшій до насъ портретъ его работы Тиціана, къ сожалѣнію, относится къ позднѣйшему періоду жизни Франциска. Слѣды заботъ, тяжелыхъ разочарованій, уже положили свой отпечатокъ на его лицѣ, въ которомъ явилось насмѣшливое и властолюбивое выраженіе; красивый носъ заострился и увеличился, чувственность, едва просвѣчивавшая въ его глазахъ и очертаніяхъ рта въ юношескіе годы, рѣзко обозначилась на портретѣ и приняла оттѣнокъ цинизма.

Король повелъ коннетабля къ воротамъ и, повернувъ за уголъ замка, указалъ рукою на большой лугъ, подъ окнами герцогини Луизы,

Библиотека "Руниверс"

который теперь совершенно преобразился. Все пространство отъ старыхъ орѣшниковъ и кленовъ до маленькой церкви было фантастически освѣщено красноватымъ свѣтомъ горящей смолы, налитой въ глиняныхъ чашахъ, на землѣ были разостланы ковры; въ отдаленіи виднѣлась красная шелковая палатка, въ которой былъ приготовленъ десертъ для желающихъ. У палатки стояла и сидѣла полулежа на подушкахъ группа дамъ и мужчинъ, напоминая собою непривычному глазу одно изъ тѣхъ сборищъ, которыя описаны въ восточныхъ сказкахъ. Въ сущности, общество на лугу задалось такой же цѣлью, какъ Шехеразада въ „Тысячѣ и одной ночи" и здѣсь разсказъ непосредственно слѣдовалъ за разсказомъ. Маргарита, сестра короля, высокая и видная женщина, сидѣла по срединѣ; она была душой этихъ собраній и исполняла роль хозяйки. Серьезное и милое лицо ея внушало невольное уваженіе; но несмотря на строгій складъ ума она умѣла слушать улыбаясь самые легкіе и веселые разсказы и анекдоты; и потому каждый чувствовалъ себя свободно въ ея присутствіи. Она была на нѣсколько лѣтъ старше своего брата, короля, но вслѣдствіе неудачнаго брака и наклонности къ размышленію, еще въ ранней молодости окружила себя учеными и художниками и стала жить ихъ интересами. Многіе упрекали ее шутя, что она перешла на сторону реформаціи, начавшейся тогда въ Германіи и Швейцаріи, хотя имъ казалось непонятнымъ, какъ одна и та-же женщина, которая такъ тонко понимаетъ искусство и умѣетъ описывать прелести чувственной жизни, могла увлекаться религіознымъ движеніемъ, грозившимъ разрушить все то, чѣмъ наслаждается человѣчество. Но благодаря талантливой природѣ Маргариты, эти кажущіяся противорѣчія мирно уживались въ ея душѣ; и въ этомъ она была далеко выше своего брата.

Маргарита привѣтливо поклонилась новымъ гостямъ и пригласила ихъ сѣсть около себя на коверъ.

— Нашъ другъ Дюшатель, сказала она, указывая на пожилого господина,—долженъ угостить насъ сегодня разсказомъ. Теперь его очередь.

— Это очень кстати! замѣтилъ король,—потому что нашъ кузенъ Бурбонъ только и можетъ слушать серьезныя вещи. Ну, а потомъ Маро вѣроятно не удержится и разскажетъ намъ какой-нибудь веселый анекдотъ.

Послѣднія слова были обращены къ маленькому человѣку съ плутоватымъ выраженіемъ лица, который вмѣсто отвѣта необыкновенно низко поклонился королю.

Коннетабль чувствовалъ себя совершенно не на своемъ мѣстѣ въ этомъ кругу; въ данную минуту его всего менѣе могла занимать игра словъ и умственное состязаніе въ видѣ разсказовъ и анекдотовъ, потому что онъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Онъ зналъ короля Франциска еще въ ранней молодости и пришелъ къ

Библиотека "Руниверс"

убѣжденію, что въ высшей степени трудно составить себѣ сколько нибудь вѣрное понятіе объ его характерѣ. Никто изъ окружающихъ не могъ сказать, что король находится въ такомъ то настроеніи или что онъ намѣренъ сдѣлать то или другое. Несмотря на его рыцарскую прямоту, и на то, что его нельзя было упрекнуть въ коварствѣ или притворствѣ, Францискъ былъ актеръ въ душѣ и постоянно воображалъ себя въ какой нибудь роли. Простое, непосредственное отношеніе къ людямъ было свыше его артистической натуры; онъ всегда самъ старался усложнять свои отношенія къ друзьямъ и врагамъ и, создавая такимъ образомъ искуственное существованіе, неожиданно ставилъ и себя и другихъ въ затруднительное положеніе. Благодаря этому же безотчетному фантазерству, онъ хотѣлъ возстановить въ своемъ лицѣ средневѣковое рыцарство и воображая, что вполнѣ достигаетъ этой цѣли, не замѣчалъ противорѣчія, существовавшаго между его положеніемъ и тѣмъ идеаломъ, къ которому онъ стремился.

Безпокойство коннетабля еще больше увеличилось, когда неожиданно явился его смертельный врагъ адмиралъ Бонниве и, отозвавъ въ сторону короля, о чемъ то разговаривалъ съ нимъ.

Коннетабль зналъ, что адмиралъ въ Бретани и очень удивился его появленію, не подозрѣвая что король послалъ за нимъ нарочнаго въ замокъ Шатобріанъ съ приказомъ немедленно явиться въ Блуа. Совѣсть коннетабля была не совсѣмъ спокойна, потому что нѣкоторые изъ бретанскихъ дворянъ принимали дѣятельное участіе въ игрѣ затѣянной имъ противъ короля; у него явилось опасеніе, что королю все извѣстно и что его удерживаютъ здѣсь изъ вѣжливости, пока измѣна не выяснится окончательно и тогда будутъ приняты крутыя мѣры противъ невѣрнаго вассала. Одну минуту онъ даже сталъ оглядываться чтобы убѣдиться: можетъ ли онъ уйти незамѣтно отъ тяготившаго его общества. Но гордость и упрямство помѣшали бы ему исполнить эту мысль, даже въ томъ случаѣ, если бы на лугу неожиданно водворился полумракъ. Онъ былъ такъ занятъ своими мысляли, что безъ посредничества Клемана Маро не замѣтилъ бы, что герцогиня Маргарита уже во второй разъ обращается къ нему съ вопросомъ. Онъ поспѣшилъ исправить свой промахъ, но отвѣтилъ не кстати, потому что снова развлекся приходомъ короля и Бонниве, которые присоединились къ остальному обществу.

— Не знакомъ ли кто нибудь изъ васъ съ графиней Шатобріанъ? спросилъ король, обращаясь къ гостямъ.—Бонниве расхваливаетъ ее какъ идеалъ красоты и любезности! Можетъ быть это преувеличено?

— Разумѣется нѣтъ! отвѣтилъ поспѣшно Маро.

— Развѣ ты видѣлъ ее? Ты вѣдь все и всѣхъ знаешь! А я первый разъ слышу объ этомъ прекрасномъ цвѣткѣ моего королевства. Если не ошибаюсь, графъ Шатобріанъ также принадлежитъ къ числу маленькихъ французскихъ королей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ молчали.

— Я не видѣлъ графа со времени моего коронованія, продолжалъ Францискъ.—Вы должны знать его, кузенъ Бурбонъ...

— Нѣтъ, я не знакомъ съ нимъ! рѣзко отвѣтилъ коннетабль.

— Неужели? спросилъ Францискъ, пристально взглянувъ на коннетабля, и добавилъ равнодушнымъ голосомъ:—однако начинайте, мой милый Дюшатель, мы слушаемъ васъ.

Дюшатель началъ свое повѣствованіе:

— Я разскажу вамъ сегодня о странномъ способѣ, придуманномъ однимъ дворяниномъ, чтобы объясниться въ любви королевѣ и о томъ какъ кончилась эта любовь.

„При кастилльскомъ дворѣ былъ одинъ дворянинъ неописанной красоты и обладавшій такими рѣдкими душевными качествами, что въ цѣлой Испаніи никто не могъ сравниться съ нимъ. Всѣ признавали его преимущества, но еще больше удивлялись его странному обращенію съ женщинами. Не было ни одной дамы, которую онъ любилъ или которой отдавалъ предпочтеніе передъ другими, хотя между ними были такія красавицы, что кажется ледъ разстаялъ бы отъ нихъ. Этого дворянина звали Элизоромъ. Королева была очень добродѣтельна, но въ ней былъ тотъ скрытый огонь, который горитъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ незамѣтнѣе. Она постоянно удивлялась Элизору и даже разъ спросила его: дѣйствительно ли онъ такъ неспособенъ къ любви, какъ всѣ думаютъ?

„— Если бы вы могли видѣть мое сердце, отвѣтилъ Элизоръ,—то не стали бы разспрашивать меня.

„Королева пожелала узнать, что онъ хочетъ этимъ сказать и такъ настойчиво допрашивала его, что онъ наконецъ сознался, что любитъ одну даму, добродѣтельнѣе которой нѣтъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ. Но ни просьбы, ни приказанія, не могли заставить его сказать имя этой дамы. Королева сдѣлала видъ, что сердится и поклялась не говорить съ нимъ, пока онъ не откроетъ своей тайны. Элизору ничего не оставалось, какъ уступить ея желанію и онъ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: „Въ первый же разъ, когда вы будете на охотѣ, я вамъ покажу ту, которую люблю, и вы навѣрно найдете ее самой красивой женщиной въ свѣтѣ“.

„Послѣ этого отвѣта королева какъ можно скорѣе собралась на охоту; Элизоръ по обыкновенію сопровождалъ ее. Онъ приказалъ сдѣлать себѣ большое стальное зеркало въ видѣ кирасы, пристегнулъ его къ своей груди пряжками и старательно укутался чернымъ плащемъ, обшитымъ серебряной и золотой матеріей. Онъ ѣхалъ на мавританскомъ конѣ съ золотой сбруей и обращалъ на себя общее вниманіе, потому что былъ необыкновенно ловкимъ наѣздникомъ. Проводивъ королеву до мѣста назначеннаго для охоты, онъ соскочилъ на землю, чтобы снять ее съ сѣдла и, когда она протянула ему обѣ руки, онъ воспользовался этимъ моментомъ, раскрылъ плащъ и ска-

Библиотека "Руниверс"

залъ, указывая на зеркало: „не угодно ли вамъ взглянуть сюда!“ Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, онъ осторожно поставилъ королеву на землю.

„По окончаніи охоты королева вернулась въ замокъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ Элизора. Но послѣ ужина она велѣла позвать его къ себѣ и назвала величайшимъ обманщикомъ въ мірѣ, потому что, не смотря на обѣщаніе, онъ все-таки не открылъ ей своей тайны, и сказала, что больше ни въ чемъ не станетъ вѣрить ему.

„Элизоръ изъ боязни, что королева не поняла сдѣланнаго имъ намека, отвѣтилъ, что онъ считаетъ себя правымъ, такъ какъ на охотѣ показалъ ей женщину, которую любитъ больше всего на свѣтѣ.

„Королева приняла такой видъ, какъ будто ничего не понимаетъ, вслѣдствіе чего Элизоръ былъ вынужденъ спросить ее: „кого видѣла она въ стальномъ зеркалѣ?“

„— Никого, кромѣ себя, возразила королева.

„— Никакое другое изображеніе не займетъ мѣста въ моемъ сердцѣ, кромѣ того, которое вы видѣли въ зеркалѣ на моей груди, сказалъ Элизоръ.—Эту женщину я всегда буду любить, почитать и поклоняться ей какъ божеству; въ ея рукахъ моя жизнь и смерть. Отъ васъ зависитъ осудить меня на смерть за эту привязанность, которая была для меня жизнью, пока я скрывалъ ее.

„Притворялась-ли королева, желая испытать его, или у ней была другая привязанность, только она отвѣтила съ самымъ равнодушнымъ лицомъ:

„— Я не стану распространяться о томъ, насколько безумна любовь, которая мѣтитъ въ такую высокую цѣль и сопряжена съ такими затрудненіями; но я желала бы знать, какъ давно длится ваша привязанность“?

„Элизоръ не могъ возлагать большихъ надеждъ на взаимность со стороны королевы, судя по ея серьезному тону, исполненному достоинства, и робко отвѣтилъ, что еще въ его ранней молодости эта любовь пустила въ немъ корни, не причиняя никакихъ страданій. Въ продолженіи послѣднихъ семи лѣтъ она также не была мученіемъ, а только недугомъ, доставлявшимъ ему неисчерпаемое наслажденіе, такъ что выздоровленіе было бы для него равносильно смерти.

„— Если это такъ, сказала королева,—и вы дѣйствительно отличаетесь такимъ постоянствомъ, то я не могу отнестись легкомысленно къ вашему признанію. Я хочу подвергнуть васъ испытанію; если вы выдержите его, то у меня не останется никакихъ сомнѣній относительно справедливости вашихъ словъ. Если я найду васъ такимъ, какъ вы говорите, то я сдѣлаюсь такой, какой вы желаете меня видѣть.

„Элизоръ умолялъ ее назначить ему испытаніе, потому что для его любви ничто не можетъ показаться тяжелымъ.

„— Будь по вашему, сказала королева, — завтра же вы уѣдете

Библиотека "Руниверс"

отсюда на семь лѣтъ и отправитесь въ такое мѣсто, которое не имѣло бы никакого сообщенія съ моимъ мѣстопребываніемъ. Въ это время мы не будемъ имѣть никакихъ извѣстій другъ о другѣ; вы испытывали себя семь лѣтъ и потому знаете, что меня любите; я должна подвергнуть себя такому же семилѣтнему испытанію, чтобы убѣдиться въ томъ, въ чемъ я не увѣрена.

„— Я готовъ покориться вашему требованію, отвѣтилъ Элизоръ, но что будетъ служить мнѣ ручательствомъ, что черезъ семь лѣтъ вы признаете своего вѣрнаго слугу?

„— Возьмите это кольцо, сказала королева, и переломите его: одну половинку возьмите себѣ, а другую я оставлю у себя. Если въ семь лѣтъ время изгладитъ ваше лицо изъ моей памяти, то я узнаю васъ по половинкѣ этого кольца.

„Элизоръ сломалъ кольцо, простился съ королевой и полуживой приготовился къ отъѣзду. Онъ отпустилъ своихъ слугъ и взявъ только одного изъ нихъ съ собою исчезъ безслѣдно.

„Семь лѣтъ! Кто любитъ, тотъ можетъ себѣ вообразить какими продолжительными они должны были показаться Элизору!

„Прошли семь лѣтъ и одна минута. Королева отправилась въ церковь. Въ началѣ обѣдни къ ней подошелъ отшельникъ съ длинной бородой и, поцѣловавъ ей руку, подалъ письмо. Королева, думая, что это одна изъ многочисленныхъ просьбъ, которыя она получала ежедневно, не обратила на письмо особеннаго вниманія и открыла его уже среди обѣдни. Въ письмѣ была половина кольца Элизора. Королева очень обрадовалась и тотчасъ же послала одного изъ своихъ придворныхъ отыскать отшельника и привести его къ ней. Придворный всюду искалъ отшельника и нигдѣ не нашелъ и наконецъ узналъ, что тотъ уѣхалъ; но куда—никто не могъ сказать ему этого. Такимъ образомъ прошло довольно много времени, пока придворный вернулся съ извѣстіемъ о неудачѣ своихъ поисковъ. Королева принялась на досугѣ за чтеніе письма, которое было слѣдующаго содержанія:

„Благодатная сила времени излечиваетъ все, даже страсть, потому что заставляетъ насъ дѣлать надлежащую оцѣнку вещамъ и отличать прочное отъ мимолетнаго. Я не разъ спрашивалъ свое сердце: что побуждаетъ меня любить васъ? и долженъ былъ сознаться, что меня прельщала ваша красота, соединенная съ жестокостью. Но я благословляю эту жестокость, потому что она, возвратила мнѣ свободу. Благодаря ей я пересталъ видѣть красоту; и ея могущество пропало для меня. Семь лѣтъ не проходятъ безслѣдно для красоты! Мнѣ же они были полезны, потому что внесли миръ въ мою душу и объяснили мнѣ, что женщина, которая такъ высоко цѣнитъ себя и требуетъ такихъ долгихъ и тяжелыхъ испытаній—не любитъ и никогда не любила меня. Послѣ семилѣтняго испытанія мнѣ ничего не остается сказать вамъ, кромѣ того, что мы никогда больше не увидимся! Многое и

Библиотека "Руниверс"

многое произошло въ нашей жизни въ этотъ долгій срокъ. Будемъ ли мы избѣгать другъ друга, или опять увидимся, но мы на вѣки разстались съ вами"!..

„Королева, читая это письмо, пролила цѣлый потокъ слезъ и къ своему удивленію почувствовала величайшее сожалѣніе. Несмотря на свою королевскую корону, она считала себя самой несчастной женщиной въ своемъ государствѣ, потому что лишилась лучшаго, что у ней было въ жизни, благодаря собственной глупости. Она надѣла на себя глубокій трауръ; не было ни одной долины, пещеры или кустарника въ странѣ, гдѣ бы она не искала отшельника—все было напрасно.

„Королева поставила слишкомъ высокую ставку и проиграла игру„.

— Вѣроятно эта исторія случилась очень давно! замѣтилъ король.

— Разумѣется, возразилъ Маро, потому что любовь продолжалась семь лѣтъ!

Король отъ души расхохотался.

— Клеманъ! сказалъ онъ, ты положительно день ото дня становишься хуже, или ты хочешь доказать, что злые языки не напрасно обвиняютъ тебя въ еретическихъ мысляхъ!

— Я не думаю, возразила Маргарита, что бы такой поэтъ, какъ Клеманъ Маро могъ сомнѣваться въ существованіи продолжительной привязанности.

— Но подумай Маргарита, можно ли сохранить вѣрность цѣлыхъ семь лѣтъ, въ пору полнаго разцвѣта силъ и желаній и, вдобавокъ, при сознаніи, что когда кончится срокъ испытанія, то жизненныя силы будутъ на убыли! Нѣтъ, это даже не по рыцарски, а просто глупо! Какъ вы думаете, почтенный Ласкарисъ [1]), что сказали бы о такой любви въ Греціи или Римѣ?

— То-же что и ты сказалъ, король! отвѣтилъ сѣдовласый старикъ, который, спасаясь отъ наступающихъ турокъ, въ числѣ другихъ своихъ соотечественниковъ внесъ основательное изученіе классицизма въ западную Европу и по пріѣздѣ во Францію сблизился съ Бюде; послѣдній даже бралъ у него уроки. Король относился съ большимъ уваженіемъ къ греческому мудрецу, но сталъ особенно ухаживать за нимъ послѣ смерти своего любимца, знаменитаго Леонардо да Винчи, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ внезапно заболѣлъ въ Амбуазѣ, недалеко отъ Блуа и скончался на рукахъ короля.

Францискъ заговорилъ съ Ласкарисомъ, котораго часто видѣлъ съ Бюде и невольно вспомнилъ о послѣднемъ.

— Какъ здоровье Бюде? спросилъ король, обращаясь къ адми-

---

[1]) Ласкарисъ, ученый грекъ, пріѣхавшій съ порученіемъ къ Франциску I отъ папы Льва X и который по желанію короля вмѣстѣ съ Бюде составлялъ библіотеку въ Фонтенбло.

Библиотека "Руниверс"

ралу. Надѣюсь, что ты посовѣтовалъ ему остаться въ замкѣ Шатобріанъ до полнаго выздоровленія его ноги.

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ ему! отвѣтилъ Бонниве.

— Ты всегда былъ и будешь самымъ легкомысленнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ!

— Но его вѣроятно удержитъ любознательный и рѣдкій умъ графини. Насколько я могъ замѣтить онъ совершенно очарованъ ею.

— Развѣ она дѣйствительно такъ умна?

— Она разговаривала съ нимъ о самыхъ мудреныхъ вещахъ и засыпала его вопросами, такъ что я вполнѣ понимаю, почему струсилъ простоватый бретанскій графъ.

— Любопытно будетъ взглянуть на нее. Завтра или послѣ завтра, если выберется время, мы отправимся туда... Но вотъ и герцогиня Ангулемская!

Король, сестра его, а за ними все остальное общество поднялись съ своихъ мѣстъ и поклонились герцогинѣ, которая приближалась къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ пажей.

Король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу своей матери и обнялъ ее. Коннетабль съ ужасомъ замѣтилъ, что герцогиня, бросая на него молніеносные взгляды, разсказывала что-то своему сыну. Онъ ясно видѣлъ, что для него наступила рѣшительная минута, которой онъ такъ опасался.

Коннетабль не ошибся. Король, вернувшись на свое мѣсто, тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ:

— Я желалъ бы знать, г. коннетабль, какого вы мнѣнія о семилѣтней вѣрности.

Коннетабль не отличался быстротой соображенія и потому не могъ дать отвѣта, не обдумавъ его.

— Я нахожусь въ томъ же положеніи, что и тотъ отшельникъ, отвѣтилъ король—и за семь лѣтъ свожу счеты съ моими вассалами, чтобы убѣдиться, которые изъ нихъ остались вѣрны мнѣ.

— Кузенъ король, отвѣтилъ медленно, но ясно Бурбонъ, мнѣ кажется, что при хорошихъ отношеніяхъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ соблюдается справедливость, можно остаться вѣрнымъ не только семь, но и семьдесятъ лѣтъ, а тамъ, гдѣ слабѣйшій не увѣренъ и въ семи часахъ и гдѣ все зависитъ отъ расположенія духа сильнѣйшаго, тамъ нельзя даже поднимать вопросъ о вѣрности.

— Браво, кузенъ! сказала Маргарита, вы какъ здравомыслящій воинъ прямѣе смотрите на этотъ вопросъ, чѣмъ наши трубадуры. Прошу всѣхъ васъ сѣсть опять по своимъ мѣстамъ. Г-нъ Клеманъ Маро только и дожидается этого, чтобы начать свой разсказъ.

— Да, Клеманъ, ты разскажешь намъ которую нибудь изъ своихъ непотребныхъ исторій, сказалъ улыбаясь король; только избавьнасъ отъ всякихъ предисловій и отступленій. Всѣ твои исторіи безнравственны; постарайся по крайней мѣрѣ разсмѣшить насъ.

Библиотека "Руниверс"

„Въ Гасконскомъ графствѣ Але, началъ Маро серьезнымъ тономъ, нѣкто, по имени Борне, женился на одной скромной женщинѣ и очень дорожилъ ея честью и добрымъ именемъ, какъ это вообще свойственно мужьямъ. Но онъ самъ хотѣлъ при этомъ пользоваться удовольствіями на сторонѣ; „на то я мужчина, говорилъ онъ, мнѣ это вполнѣ прилично!“ Между прочимъ, сталъ онъ ухаживать за горничной своей жены; но та была порядочная дѣвушка, а онъ не годился въ герои. У него, напримѣръ, была дурная привычка разсказывать все, что съ нимъ случалось, своему сосѣду, портному. Такая откровенность никогда не приноситъ пользы, а къ тому же его другъ портной былъ моложе его и вынудилъ у него обѣщаніе уступить ему красивую дѣвушку, когда онъ вполнѣ насытится ея ласками. „Я съ удовольствіемъ сдѣлаю это!“ сказалъ Борне; и они пожали другъ другу руки въ знакъ согласія. Но у горничной было другое на умѣ; она пошла къ своей хозяйкѣ и разсказала, какъ мучитъ ее хозяинъ дома своимъ непозволительнымъ ухаживаньемъ. Госпожа Борне была очень огорчена этимъ и захотѣла проучить своего мужа. Она сказала горничной: „Ты честная дѣвушка и я избавляю тебя отъ его преслѣдованій, но, если ты сразу оттолкнешь его, то изъ этого ничего не выйдетъ. Ты должна сдѣлать видъ, какъ будто день ото дня становишься къ нему благосклоннѣе и, наконецъ, позволь ему прійти ночью въ твою комнату. Только скажи мнѣ въ точности, какой день ты назначишь, а когда онъ явится къ тебѣ, то попроси его не говорить съ тобой ни одного слова, потому что я могу услышать вашъ разговоръ“. Горничная такъ и сдѣлала. Борне и его другъ портной были въ восторгѣ и рѣшили заранѣе отпраздновать свою побѣду. Пока они пировали, госпожа Борне отпустила горничную къ ея роднымъ, а сама расположилась въ ея комнатѣ и стала ждать своего легкомысленнаго мужа. Онъ пришелъ въ назначенный часъ, все время молчалъ и ушелъ отъ нея въ полночь, вполнѣ довольный. Онъ зналъ, что его пріятель портной ждетъ его съ нетерпѣніемъ и потому поторопился впустить его въ комнату горничной. Госпожа Борне была увѣрена, что ея мужъ вернулся назадъ и поэтому не сопротивлялась, когда при прощаньи онъ снялъ съ ея пальца обручальное кольцо, которымъ очень дорожатъ жены въ Гасконіи, такъ какъ съ нимъ связанъ весьма важный предразсудокъ. Она подумала: ну, завтра я уличу злодѣя, благодаря этому кольцу!

„Когда портной вернулся къ Борне и показалъ ему кольцо, то у этого въ головѣ мелькнулъ проблескъ истины, потому что онъ узналъ бы это кольцо изъ тысячи. Онъ ударился головой объ стѣну и воскликнулъ: „Ахъ! какой же я оселъ?“

„— За что ты бранишь себя? спросилъ портной.

„— То чѣмъ дорожитъ весь свѣтъ, какъ величайшимъ сокровищемъ, я самъ... въ цѣломъ мірѣ не найдется такого дурака, какъ я!...

„— Да почему же Борне?

Библиотека "Руниверс"

„— Почему? да почему? Давай сюда кольцо и убирайся къ чорту!

— Остановись Клеманъ! Довольно! сказалъ король при громкомъ хохотѣ мужчинъ. Ты развращаешь юношество...

— Курьеръ изъ Италіи! доложилъ вошедшій секретарь, передавая королю пакетъ—онъ привезъ эти депеши съ приказомъ немедленно передать ихъ вашему величеству.

Король поспѣшно открылъ пакетъ и прочитавъ нѣсколько строкъ, топнулъ ногой и воскликнулъ съ горестью и гнѣвомъ: О Лотрекъ! Лотрекъ!

— Такъ, нѣкогда, воскликнулъ Августъ: Варъ! Варъ! возврати мнѣ мои легіоны! шепнулъ Маро Дюшателю.

Король, услышалъ эти слова и овладѣвъ собою, бросилъ полуразсѣянный, полугнѣвный взглядъ на нескромнаго поэта, который сильно смутился этимъ.

— Что такое случилось, сынъ мой? спросила герцогиня Ангулемская.

— Вы спрашиваете, что случилось! Италія потеряна для насъ, потому что Лотреку не были посланы подкрѣпленія. Задача моей жизни рушилась! Горе тому, у кого совѣсть не чиста и кто подвелъ Лотрека! Надъ нимъ будетъ наряженъ строжайшій судъ; я никому не дамъ пощады, хотя бы наказаніе постигло мою родную мать.

Герцогиня замѣтно встревожилась и хотѣла говорить, но король сдѣлалъ такой рѣшительный жестъ, что всѣ поспѣшили удалиться и онъ остался одинъ на ярко освѣщенномъ лугу, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ слышался веселый говоръ и смѣхъ.

— Коннетабль Франціи! крикнулъ неожиданно король.

Карлъ Бурбонъ, пользуясь удобной минутой, поспѣшилъ присоединиться къ остальному обществу, но теперь онъ вынужденъ былъ вернуться.

Король стоялъ передъ нимъ нѣсколько минутъ молча, съ опущенными руками и, наконецъ, медленно проговорилъ:

— Коннетабль, противъ васъ существуютъ сильнѣйшія улики... Вы поддерживаете сношенія съ императоромъ Карломъ V...

Коннетабль молчалъ.

— Улики на лицо! продолжалъ король. Какъ первый военный сановникъ въ государствѣ, какъ принцъ королевскаго дома, вы рискуете потерять черезъ это честь, свои земли и жизнь. Вамъ не угодно отвѣчать на это, потому что вы не рѣшаетесь солгать мнѣ.

— Государь!..

— Оставимъ это. Съ вами дурно поступили и раздражили васъ; мы сами виноваты въ этомъ; забудемъ послѣдніе мѣсяцы; пусть каждый изъ насъ постарается загладить свои ошибки. Честь и величіе Франціи въ опасности! Будь достойнымъ Бурбономъ, кузенъ, обнажи свой мечъ коннетабля и не складывай оружія до тѣхъ поръ, пока наши побѣдоносныя знамена не будутъ развѣваться на берегахъ По.

Библиотека "Руниверс"

Собери войска и жди меня въ Ліонѣ... Могу ли я расчитывать на тебя?

— Я готовъ служить моему королю.

Францискъ подалъ ему руку и они пошли въ замокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Бурбонъ отправился въ путь въ сопровожденіи своей свиты.

ГЛАВА III.

Примиреніе, о которомъ мечталъ Францискъ, уже не могло состояться. Бурбонъ, вернувшись въ свой замокъ Chantelle, засталъ тамъ нѣмецкаго графа Рейсъ, который пріѣхалъ къ нему съ уполномочіемъ отъ императора, чтобы заключить съ нимъ окончательный договоръ. Коннетабль, узнавъ на опытѣ недобросовѣстность Валуа, не довѣрялъ великодушнымъ порывамъ короля и прочности своего союза съ нимъ, и потому счелъ за лучшее заключить договоръ съ Рейсомъ. По этому договору онъ обязывался произвести приготовленія къ войнѣ противъ короля, въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя могли быть отняты отъ него въ случаѣ процесса, какъ: Бурбоне, Овернъ, Маршъ, Форезъ, Божоле, а также во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ это окажется возможнымъ. Одновременно съ этимъ, испанская армія должна была занять Гасконію и Лангедокъ, англійская и нидерландская арміи — Пикардію, а нѣмецкая армія — Бургундію. Въ случаѣ удачи, Карлъ Бурбонъ за свое содѣйствіе получалъ бурбонскія владѣнія, Ліонне, Дофине и Провансъ, изъ которыхъ предполагалось составить особое королевство; остальная Франція дѣлилась между императоромъ Карломъ и англійскимъ королемъ Генрихомъ VIII; послѣдній пріобрѣталъ при этомъ титулъ французскаго короля.

Въ Блуа уже не разъ доходили не ясные слухи объ этомъ опасномъ соглашеніи. Даже въ тотъ вечеръ, когда коннетабль сдѣлалъ визитъ герцогинѣ Ангулемской, она сообщила своему сыну, что получила письмо отъ нормандскаго сенешаля Брезе, который извѣщалъ ее, что двое дворянъ признались на исповѣди, что одинъ знатный человѣкъ королевской крови завербовалъ ихъ въ заговоръ противъ государства. Но Францискъ, согласно своему характеру, разсчитывалъ подавить заговоръ, выказавъ рыцарское довѣріе своимъ врагамъ, и отдалъ только приказъ арестовать обоихъ дворянъ и привести ихъ къ герцогинѣ Ангулемской. Вслѣдъ затѣмъ онъ неожиданно отправился въ Бурбоне въ сопровожденіи многочисленной свиты, зная, что еще застанетъ коннетабля въ Муленѣ. Здѣсь повторилась та-же сцена, что и въ Блуа, съ тою разницею, что король высказался болѣе опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣленнымъ образомъ, просилъ прощенія у коннетабля за оказанную ему обиду и обѣщалъ утвердить за нимъ бурбонскія владѣнія въ случаѣ неправильнаго рѣшенія процесса. Но уже было слишкомъ поздно; Бурбонъ не могъ отступить отъ даннаго слова и былъ вполнѣ увѣренъ, что никакія обѣщанія со стороны короля не спасутъ его отъ строгаго наказанія въ случаѣ, если будетъ открытъ его договоръ съ императоромъ. Поэтому коннетабль, сдѣлавъ надъ собой усиліе, разыгралъ роль покорнаго вассала, заявилъ, что императоръ заискивалъ въ немъ, но что пока между ними не было заключено никакой сдѣлки и что только нездоровье мѣшаетъ ему тотчасъ же отправиться съ королемъ въ Ліонъ.

Король уѣхалъ, оставивъ въ Муленѣ одного дворянина, которому поручилъ слѣдить за коннетаблемъ и торопить къ отъѣзду. Но коннетабль крайне медленно собирался въ путь, и, едва доѣхавъ до la Palisse, внезапно вернулся въ свой замокъ Chantelle. Отсюда онъ написалъ королю, что „будетъ вѣрно служить ему до самой смерти, если онъ прекратитъ процессъ и немедленно утвердитъ за нимъ его бурбонскія владѣнія“.

Коннетабль во время снялъ съ себя маску потому, что прежде чѣмъ его письмо пришло въ Ліонъ, прибылъ туда посланный отъ герцогини Луизы и Дюпра съ подробными показаніями обоихъ арестованныхъ дворянъ, которымъ былъ сдѣланъ въ Блуа строжайшій допросъ, послѣ чего король немедленно двинулъ войска въ Chantelle. Коннетабль едва избѣжалъ осады въ собственномъ замкѣ и, распустивъ на-скоро своихъ приверженцевъ, бѣжалъ въ Овернскіе горы и впослѣдствіи съ опасностью жизни пробрался черезъ Дофине въ Савойю.

Если съ одной стороны близость королевской власти и уваженіе къ ней способствовало быстрому усмиренію опаснаго возстанія, то съ другой—нельзя было сразу довѣриться успѣху; и потому король рѣшилъ отказаться отъ личнаго участія въ итальянскомъ походѣ. Ловко задуманный планъ возстанія стянулъ извнѣ грозовыя тучи на Францію и никто не могъ сказать тогда, въ какой степени возможно будетъ отвратить ихъ безъ ущерба для государства. Но короля Франциска больше всего огорчала измѣна самаго могущественнаго и знатнаго человѣка въ королевствѣ, его товарища по оружію, который не смотря на простоватость, нагло обманулъ его, увѣривъ въ своей вѣрности. Францискъ былъ озадаченъ такимъ вопіющимъ противорѣчіемъ съ рыцарствомъ, которое стремился воскресить въ своемъ лицѣ. Ему и въ голову не приходило на сколько онъ самъ былъ далекъ отъ рыцарскаго идеала съ свой ненасытной жаждой къ перемѣнамъ въ наслажденіяхъ. Быть можетъ это сознаніе въ значительной мѣрѣ отравило бы ему существованіе, и во всякомъ случаѣ заставило бы его посмотрѣть снисходительнѣе на поступокъ коннетабля.

Библиотека "Руниверс"

Но Францискъ не былъ способенъ къ анализу. Онъ вернулся въ Блуа въ самомъ печальномъ расположеніи духа и, противъ обыкновенія, удалился одинъ въ свою комнату. Слуга, предполагая, что король вѣроятно чувствуетъ себя нездоровымъ, развелъ большой огонь въ каминѣ, который въ тѣ времена представлялъ собой подобіе обширной ниши. Король долго сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ, грустно устремивъ глаза на мерцающее пламя.

Наконецъ вошелъ слуга и спросилъ: угодно ли будетъ его величеству ужинать въ большомъ или маленькомъ обществѣ, или онъ никого не желаетъ видѣть сегодня.

Король подумавъ немного спросилъ:

— Кто здѣсь изъ моихъ ученыхъ господъ? Вернулся ли канцлеръ Бюде?

— Канцлеръ пріѣхалъ сегодня и къ услугамъ вашего величества.

— Отлично!... Позови его къ ужину. Кто же еще въ Блуа?

— Г-нъ епископъ Тюлля и Макона, затѣмъ г-нъ Дюшатель; онъ пріѣхалъ съ вашимъ величествомъ!

— Разумѣется и они должны быть.

— Здѣсь еще скульпторъ Жюетъ, живописецъ Жанъ Кузенъ. Эти господа уѣзжаютъ завтра въ Парижъ вмѣстѣ съ г-номъ Приматисъ, который собирается въ Фонтенбло [1]).

— А! Приматисъ еще не уѣхалъ! Очень радъ... Еще кто?

— Г-нъ Ласкарисъ, г-нъ Маро...

— Маро мнѣ не нуженъ: я не расположенъ смѣяться сегодня; впрочемъ нѣтъ, пусть и онъ придетъ! Но прежде всего позови ко мнѣ г-на Дюпра.

Съ этими словами король взялъ со стола бумаги и сталъ внимательно проглядывать ихъ. Одной изъ особенностей Франциска было искусство обнять сразу всякое дѣло и быть вѣчно занятымъ, хотя разумѣется не одними государственными дѣлами. Онъ или учился и занимался чѣмъ-нибудь, разговаривалъ, или предавался наслажденію. Это было потребностью его природы и потому онъ любилъ окружать себя учеными или художниками и, никогда не разставаясь съ ними, даже бралъ ихъ съ собою на охоту. Они же были его любимыми собесѣдниками за столомъ. Францискъ называлъ ихъ общимъ именемъ „мои ученые". У него перебывало ихъ огромное количество, потому что каждаго вновь прибывшаго, онъ до тѣхъ поръ разспрашивалъ и выжималъ изъ него соки, пока не приходилъ къ убѣжденію, что тотъ уже не сообщитъ ему ничего новаго. Въ этомъ отношеніи король особенно цѣнилъ Дюшателя, который былъ у него долго чтецомъ, и говорилъ, что Дюшатель единственный человѣкъ, знанія котораго онъ не могъ исчерпать въ два года. Тѣмъ не менѣе Францискъ тратилъ

---

[1]) Итальянецъ Приматисъ или Primaticio архитекторъ и живописецъ, вызванный изъ Италіи Франциском I.

Библиотека "Руниверс"

иногда цѣлые дни на свои сердечныя привязанности, но не считалъ это время потеряннымъ.

„Развѣ я не живу полной жизнью, когда наслаждаюсь! говорилъ онъ.—Все остальное должно способствовать этому; чѣмъ я ученѣе и чѣмъ больше буду знать, тѣмъ больше будетъ у меня средствъ къ наслажденію и тѣмъ лучше сохраню я душевное и тѣлесное здоровье, это неизбѣжное условіе всякаго наслажденія. Для окружающихъ, частыя сношенія съ королемъ не были особенно легки и пріятны. Онъ требовалъ чтобы другіе также быстро и живо воспринимали впечатлѣнія, какъ и онъ самъ, невыносилъ не опредѣленныхъ отвѣтовъ и полуправды, и относился съ презрительнымъ равнодушіемъ ко всему, что не соотвѣтствовало его вкусу. Вслѣдствіе этого у короля были частыя столкновенія съ Жаномъ Кузеномъ, знаменитымъ французскимъ художникомъ, архитекторомъ и геометромъ, который по разнообразію своихъ талантовъ не уступалъ геніальному Приматису. Послѣдній имѣлъ надъ нимъ только преимущество въ скульптурѣ и отличался болѣе тонкимъ вкусомъ. Кузенъ отъ живописи на стеклѣ перешелъ къ маслянымъ краскамъ и въ своихъ изображеніяхъ придерживался Микель Анжело. Король находилъ фигуры и лица на картинахъ Кузена чудовищными и превозносилъ до небесъ Рафаэля.

— Человѣкъ представляетъ собою величайшее художественное произведеніе, говорилъ король живописцу,—ты не долженъ позволять себѣ тутъ никакой утрировки.

Кузенъ рисовалъ тогда послѣдній судъ въ Венсеннѣ и считалъ себя оскорбленнымъ, что король посѣщаетъ его рѣже, чѣмъ другихъ живописцевъ.

— Зачѣмъ рисуешь ты мнѣ такія адскія рожи? сказалъ ему по этому поводу Францискъ,—онѣ непріятно дѣйствуютъ на мою фантазію, вмѣсто того, чтобы освѣжать ее.

Вошелъ Дюпра съ низкимъ поклономъ. Король взглянулъ на него и, окончивъ чтеніе бумагъ, сказалъ:

— Твой докладъ о заговорѣ ясно составленъ, Дюпра, и принятыя тобою мѣры, чтобы изловить преступниковъ, вполнѣ цѣлесообразны. Благодарю тебя... Я не предполагалъ, что на свѣтѣ существуетъ такая глубокая испорченность! Всего досаднѣе, что эти негодяи отнимаютъ у насъ время и отвлекаютъ отъ болѣе важныхъ дѣлъ. Но я не буду церемониться съ ними и навсегда отобью охоту отъ подобныхъ продѣлокъ. Всѣ тѣ, которые окажутся виновными въ государственной измѣнѣ, умрутъ постыдною смертью. Они у тебя здѣсь, въ Блуа?

— Они къ услугамъ вашего величества. Но я осмѣлюсь доложить вамъ, что двумъ изъ нихъ—Матиньону и Аргужу, которые собственно и открыли заговоръ, я обѣщалъ помилованіе именемъ короля, чтобы побудить ихъ къ полному признанію.

Библиотека "Руниверс"

— Ты могъ обѣщать, но мое дѣло помиловать ихъ или нѣтъ. Кто третій?

— Дворянинъ, по имени Жанъ Пуатье,—ему не дано никакого обѣщанія... Вашему величеству извѣстно, что я не отличаюсь мягкосердечіемъ, но въ виду будущаго...

— Въ будущемъ никто не рѣшится на что-нибудь подобное, когда увидитъ горькія послѣдствія этого.

— Не найдетъ ли ваше величество болѣе удобнымъ передать это дѣло парламенту, сообразно обычаямъ страны, чтобы избавить себя отъ нареканій и какой бы то ни было отвѣтственности?

— Не для того ли, чтобы парламентъ затянулъ дѣло и отнялъ у него всякое значеніе? До сихъ поръ я встрѣчалъ только препятствія со стороны парламента. Нужно пріучить Францію къ тому, что король рѣшаетъ дѣла, а не парламентъ.

— Но и послѣ рѣшенія парламента за вашимъ величествомъ остается право окончательнаго приговора надъ преступниками. Я заранѣе могу сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, парламентъ не отступитъ отъ желаній короля, тѣмъ болѣе, что здѣсь идетъ вопросъ о государственной измѣнѣ.

— Я хочу немедленнаго рѣшенія этого дѣла.

— Я постараюсь по мѣрѣ силъ ускорить его и увѣренъ, что довѣріе, которое вы теперь окажете парламенту принесетъ свои плоды въ будущемъ.

— Надѣюсь, ты не забылъ приказъ, отданный мною въ Ліонѣ, чтобы сюда явились важнѣйшіе сеньоры Нормандіи и Бретани?

— Большинство ихъ уже прибыло въ Блуа. Еслибы только вашимъ величествомъ придумана была подходящая форма для выговора, который вы намѣреваетесь имъ сдѣлать, въ виду незначительнаго числа виновныхъ въ этихъ провинціяхъ...

— Не безпокойся о формѣ. Для короля не существуетъ никакихъ формъ. До свиданія.

Канцлеръ принужденъ былъ удалиться. Не смотря на его неусыпныя старанія, ему никакъ не удавалось встать въ интимныя отношенія къ королю. Онъ дѣлалъ все для достиженія этой цѣли, подыскивалъ подходящіе законы и формы, стараясь истолковать ихъ въ пользу короля, но все было напрасно. Этимъ онъ заслужилъ только расположеніе герцогини Луизы, которая совѣтовалась съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ Францискъ неизмѣнно обращался съ нимъ, какъ съ членомъ ненавистной ему оппозиціи въ парламентѣ, которая то здѣсь, то тамъ, сдерживала его деспотическія стремленія. Король зналъ, что Дюпра вовсе не принадлежалъ къ оппозиціи, но не хотѣлъ показать этого, быть можетъ потому, что его тяготила благодарность къ человѣку, котораго онъ презиралъ. Хотя Францискъ не особенно цѣнилъ независимость и честность и какъ равнодушный эгоистъ не старался изучать людей, но если у него былъ малѣйшій

Библиотека "Руниверс"

поводъ не довѣрять которому-нибудь изъ своихъ слугъ, то онъ обращался съ нимъ самымъ холоднымъ и унизительнымъ способомъ. Благодаря своему гордому обхожденію и величественной наружности, Францискъ невольно импонировалъ французамъ, какъ никто изъ ихъ бывшихъ послѣдующихъ королей, кромѣ Людовика XIV. Но то наружное величіе, которое у Людовика являлось отчасти результатомъ извѣстныхъ принциповъ, у Франциска было прямымъ слѣдствіемъ его безпечной и эгоистической натуры.

— Эй! кто тамъ? крикнулъ неожиданно король, когда канцлеръ вышелъ изъ комнаты.—Г-нъ канцлеръ! вернитесь на минуту. Скажите кстати сеньорамъ Бретани и Нормандіи, чтобы они немедленно собрались въ церкви и ждали тамъ моего приказа! Пусть имъ пока прочитаютъ мессу!

По знаку короля, слуга отворилъ дверь въ только-что построенный флигель замка, гдѣ среди четвероугольной, ярко освѣщенной залы стоялъ накрытый столъ и гдѣ уже собрались приглашенные гости—ученые и художники. Король вошелъ и не глядя на нихъ сдѣлалъ жестъ рукой вмѣсто поклона. Глаза его внимательно разглядывали потолокъ и стѣны, которые повидимому были только-что окончены, такъ какъ краски казались совершенно свѣжими.

— Ты здѣсь Приматисъ? спросилъ король, не сводя глазъ со стѣнъ и потолка.

— Что угодно вашему величеству? сказалъ подходя къ королю хорошо сложенный человѣкъ съ благороднымъ выраженіемъ лица и красивой бородой.

Францискъ, все еще занятый осмотромъ стѣнъ, подалъ руку художнику съ сіяющимъ лицомъ.

— Ты опять мастерски исполнилъ свое дѣло! Знаешь ли что говорятъ про насъ олухи? Будто мы проводимъ въ искусствѣ антихристіанскую чувственность и что сирены и фауны на карнизахъ и украшеніяхъ уже черезъ-чуръ языческіе!

— Развѣ искусство, возразилъ Приматисъ, ломаннымъ французскимъ языкомъ,—не изображается въ видѣ божества въ чувственныхъ формахъ!

— Разумѣется! замѣтилъ король.—Ты правъ какъ всегда!

— Если мы опять ввели полноту и пластичность формы въ постройкахъ и живописи, продолжалъ Приматисъ,—и отбросили вытянутыя узкія линіи средневѣкового искусства, то это и составляетъ со временъ Брунеллески сущность стиля Renaissance. Ваше величество вѣроятно изволили замѣтить на планѣ новой церкви св. Петра, что въ этомъ удивительномъ произведеніи Браманте Урбино вездѣ преобладаютъ закругленныя линіи и языческая пластика; куполъ греческаго Пантеона долженъ увѣнчать зданіе.

— Любопытно будетъ взглянуть на это зданіе! сказалъ король.— Но у меня въ головѣ составился проэктъ другого, не менѣе свое-

Библиотека "Руниверс"

образнаго смѣшенія стилей, который меня еще больше интересуетъ. Завтра ты поѣдешь со мной въ Солонь. Тамъ на краю необозримаго дубоваго лѣса Шамборъ стоитъ убогій готическій замокъ одного стараго графа. Съ грязной башни этого замка я не разъ любовался на зеленое море лѣса. Ничто не можетъ быть прелестнѣе этого, Приматисъ! На нѣсколько миль кругомъ ничего не видишь кромѣ древесныхъ верхушекъ на темной массѣ густой бархатистой зелени. Тамъ мы построимъ замокъ сообразно всѣмъ требованіямъ новѣйшаго вкуса, съ стройными мавританскими зубцами, широкими куполами и высокими лѣстничными башнями. Только лѣстницы должны быть еще шире и легче тѣхъ, которые ты строишь въ этомъ замкѣ. Тамъ ты сдѣлаешь мнѣ плоскую крышу, для наслажденія лѣсомъ съ высоты на открытомъ воздухѣ! Разверни крылья своей фантазіи маэстро и представь мнѣ завтра проэктъ моего новаго замка!... А! и ты здѣсь Гилльомъ! Выздоровѣла ли твоя нога? Не пріѣхала ли съ тобой въ Блуа твоя красивица графиня?

— Моя нога зажила, отвѣтилъ Бюде, слѣдуя за королемъ въ оконную нишу,—но графиня осталась въ Бретани.

— Очень жаль! Ну, а самъ Шатобріанъ пріѣхалъ?

— Да, онъ здѣсь, такъ какъ вамъ угодно было созвать сюда всѣхъ этихъ бароновъ. Графъ бережетъ свою жену отъ постороннихъ взоровъ какъ драгоцѣнность и я нахожу, что онъ вполнѣ правъ!

— Я хочу видѣть это сокровище foi de gentilhomme! Меня точно также тянетъ къ красивой женщинѣ, какъ оленя къ источнику въ жаркій день. Мы сегодня же ночью отправимся туда и сдѣлаемъ сюрпризъ прекрасной хозяйкѣ замка.

— Не дѣлайте этого, грсударь! Предоставьте это времени. Можетъ быть между вами образуются болѣе прочныя и честныя отношенія. Но не втягивайте это прекрасное благородное существо въ дикій омутъ...

— Я вижу, что твоя голова все еще занята твоимъ богословскимъ порученіемъ въ Англію! Ты слишкомъ совѣстливъ, Бюде, и вѣроятно научился этому въ Римѣ, гдѣ тебя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ надували святые люди по поводу конкордата.

— Лучше быть обманутымъ, чѣмъ обманывать людей за одно съ высокопоставленными людьми. Все, что я видѣлъ въ Англіи, привело меня къ убѣжденію, что дѣла церкви становятся тамъ запутаннѣе со дня на день и что съ королемъ Генрихомъ не можетъ быть ни какого соглашенія. У него какіе-то нечестные замыслы; онъ хочетъ избавиться отъ папской власти, но не думаетъ вводить какія либо улучшенія въ церкви. Что же касается нашихъ плановъ относительно школъ и обученія вообще, то мы опередили его; поддержите только наши новыя учрежденія въ Парижѣ и мы подымемъ уровень знанія. Если бы вы дали мнѣ только средства нанять десятерыхъ учителей!

— Средства! Средства! У меня самого нѣтъ денегъ. Здѣсь про-

Библиотека "Руниверс"

изошли въ твое отсутствіе такія важныя перемѣны, что вѣроятно потребуются новыя суммы. Я по тому и послалъ за тобой гонца въ Бретань, что за ночь у меня созрѣлъ новый планъ. Ты долженъ дать мнѣ добрый совѣтъ и помочь по мѣрѣ силъ! Завтра ты отправишься въ Туръ и узнаешь, нельзя ли безъ особеннаго скандала снять серебренную рѣшетку у памятника святого Мартина. Король Людовикъ XI былъ искусный политикъ, но не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ. Нужно объяснить жителямъ Тура, что слѣдуетъ сдѣлать болѣе изящную рѣшетку для ихъ святого и что я уже заказалъ ее. Жанъ Жюстъ отправится вмѣстѣ съ тобой въ Туръ и сообразно размѣрамъ гробницы представитъ мнѣ эскизъ красивой мраморной ограды. Пойдемъ Гилльомъ, я намѣренъ сдѣлать небольшую прогулку и посовѣтоваться съ тобой объ одномъ дѣлѣ.

Король взялъ подъ руку канцлера и вышелъ съ нимъ на склонъ горы, обращенный къ Луарѣ. Слуги должны были опять снять со стола принесенныя блюда и унести въ кухню.

Они привыкли къ тому, что король не соблюдалъ имъ же самимъ назначенныхъ часовъ для обѣда или ужина, и всегда строго взыскивалъ съ нихъ, если какое нибудь кушанье оказывалось не достаточно горячимъ или вкуснымъ. Гости также не были удивлены невниманіемъ короля; онъ поступалъ такъ безцеремонно вовсе не потому, что у него собрались одни только художники и ученые. Если бы даже его ожидали въ это время самыя знатныя особы королевства, то и тогда онъ не стѣснился бы уйти отъ нихъ, если что нибудь другое занимало его. Большею частью его побуждало къ этому не какое нибудь важное и спѣшное дѣло, потому что онъ готовъ былъ бросить всякое дѣло, чтобы окончить незначительный разговоръ, почему либо увлекавшій его. Въ этомъ не было также ни малѣйшаго желанія издѣваться надъ людьми, но и тутъ, какъ всегда, дѣйствовалъ присущій ему эгоизмъ, который заставлялъ его забывать о другихъ и предаваться всецѣло впечатлѣнію минуты.

Была темная сентябрьская ночь; съ рѣки дулъ теплый порывистый вѣтеръ.

Король сѣлъ на камень, приготовленный для постройки, и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ:

— Я вѣчно останусь благодаренъ тебѣ, Гилльомъ, за то, что ты въ былое время умѣлъ успокоить королеву Клавдію, когда я бывалъ несправедливъ къ ней. Теперь только я оцѣнилъ ея кротость и прямодушіе и мнѣ не достаетъ ея добрыхъ, любящихъ глазъ, которые такъ благотворно дѣйствовали на меня. Она могла быть красивѣе... какъ часто и съ горечью я упрекалъ ее за это... но она меня горячо любила и всегда была мила со мной, когда бы я не приходилъ къ ней, и въ какомъ бы ни былъ расположеніи духа. Я говорю о моей женѣ, какъ о мертвой, Гилльомъ, потому что доктора со дня на день ждутъ ея смерти; она и теперь едва похожа на человѣческое суще-

Библиотека "Руниверс"

ство. Мнѣ нужна женщина, которая бы любила меня, не стѣсняя моихъ привычекъ. Между тѣмъ Франція точно выродилась; я не встрѣчаю больше ни однаго красиваго существа. Когда я вспоминаю мое свиданіе съ папой въ Болоньи, послѣ битвы при Мариньяно, то невольно удивляюсь тому изобилію красавицъ, которое я видѣлъ тогда; у меня разбѣгались глаза и едва хватало времени чтобы сорвать всѣ тѣ роскошные цвѣты, которые попадались мнѣ на каждомъ шагу.

— Вы тогда были семью годами моложе, государь.

— Ты меня не увѣришь, что это единственная причина. Красота стала рѣдкостью во Франціи; изъ-за этого я готовъ былъ бы поѣхать въ Испанію; но этотъ проклятый коннетабль удерживаетъ меня здѣсь. Вы всѣ говорите, что нашли рѣдкое сокровище въ лицѣ молодой графини Шатобріанъ и хотите закрыть мнѣ доступъ къ ней. Я не знаю даже, чѣмъ объяснить это!

— Я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибы могъ посватать вамъ эту прелестную женщину и соединить ее на всю жизнь съ моимъ королемъ! Эта мысль занимала меня во все время моего пребыванія въ замкѣ Шатобріанѣ. Я еще не встрѣчалъ существа, которое болѣе подходило бы къ вамъ по своему развитію и душевнымъ свойствамъ; веселость совмѣщается въ ней съ задушевностью, мечтательность съ остроуміемъ; талантливость сказывается во всемъ, до чего прикоснется ея рука, или что произведетъ на нее хотя минутное впечатлѣніе; ея умъ способенъ понять самыя глубокія мысли, примѣниться ко всѣмъ формамъ жизни. При этомъ она хороша, какъ ангелъ...

— Этого достаточно, Бюде! Она будетъ принадлежать мнѣ. Это также вѣрно, какъ то, что Луара течетъ къ Бретани.

— Я прокляну часъ, когда заговорилъ о ней въ вашемъ присутствіи, если вы намѣрены легкомысленно посягнуть на ея честь.

— Развѣ у меня не можетъ быть относительно твоей графини серьезныхъ и честныхъ намѣреній? Не сегодня, завтра, я буду вдовцомъ. Неужели ты думаешь, что папа не дастъ развода какой либо женщинѣ по моей просьбѣ?

— Государь...

— Я не женюсь больше изъ-за политическихъ цѣлей! Мнѣ уже нечего больше добиваться престола...

— Если бы это могло случиться когда нибудь! Но этого не будетъ! Вы слишкомъ пылки и невоздержаны; васъ ничто не свяжетъ... вы...

— Что я такое?

— Вы измѣните всякой женщинѣ.

— Бюде, ты становишься дерзкимъ.

— Да, мой повелитель, я знаю это...

— Ты ошибаешься. Развѣ вѣрность не составляетъ основы рыцарства, или ты не считаешь меня рыцаремъ?

Библиотека "Руниверс"

— Напротивъ, я считаю васъ вполнѣ рыцаремъ!..

— И такъ приступимъ къ дѣлу. Оно имѣетъ для меня весьма важное значеніе. Клянусь своей рыцарской честью, что я увижу ее. Едва ли она любитъ графа Шатобріана.

— Нѣтъ, она не можетъ чувствовать къ нему никакой привязанности. Ее отдали отжившему пустоголовому графу, когда ей не было и пятнадцати лѣтъ; но она воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ.

— Какъ это устроить, чтобы онъ вызвалъ ее въ Блуа?

— Ну, это будетъ необыкновенно трудно. Графъ на-сторожѣ и боится какой нибудь нахальной выходки со стороны Бонниве. Онъ оставилъ свою жену въ замкѣ подъ строгимъ надзоромъ и не приказалъ ей выѣзжать оттуда до тѣхъ поръ, пока она не получитъ условленнаго знака.

— Какого знака?

— Половину кольца, которая должна въ точности подойти къ той половинѣ, которую онъ оставилъ ей.

— Значитъ одну половину кольца онъ возитъ съ собой! Если бы можно было добыть ее какъ нибудь на двадцать четыре часа, то у меня нашлись бы художники и на такое дѣло... Но довольно объ этомъ, я проголодался, пойдемъ ужинать Гилльомъ.

— Что это значитъ? Церковь освѣщена!..

Король громко расхохотался и воскликнулъ:

— Это значитъ, что норманцы и бретанцы молятся тамъ въ ожиданіи моего прихода; нашъ господинъ съ кольцомъ также въ церкви... Что случилось?

Послѣдній вопросъ относился къ придворному, который видимо ожидалъ короля на лѣстницѣ замка и вышелъ къ нему на встрѣчу. Онъ доложилъ, что месса давно окончена и что сеньеры ждутъ короля.

— Пусть ждутъ, пока я поужинаю.

Проходя черезъ караульную, король сдѣлалъ знакъ рукой. Тотчасъ же громко затрубили трубы, что служило сигналомъ, что король садится за столъ. Слуги бросились стремглавъ за кушаньемъ.

ГЛАВА IV.

Король, не смотря на свое видимое равнодушіе, не пропустилъ ни одного слова изъ того, что говорилъ Бюде и еще въ началѣ ужина поспѣшилъ сообщить обо всемъ этомъ Бонниве, какъ самому искусному человѣку въ любовныхъ дѣлахъ. Адмиралъ вполнѣ заслуживалъ

Библиотека "Руниверс"

довѣріе короля, потому что со стола не была еще снята первая перемѣна, какъ уже слуга его былъ отправленъ въ Блуа съ затруднительнымъ порученіемъ достать во что бы то ни стало вѣрный снимокъ съ половины кольца графа Шатобріана. Слуга этотъ, по имени Флоріо, былъ привезенъ адмираломъ изъ Италіи. Въ тѣ времена Италія была тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи сдѣлалась Франція: утонченность жизни была развита въ ней болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ въ Европѣ, а равно и способность къ интригѣ, чѣмъ и теперь отличаются итальянцы. Флоріо родился въ Римѣ и былъ итальянцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Вопросы, волновавшіе тогдашній европейскій миръ, были ему знакомы въ общихъ чертахъ. Онъ служилъ прежде у одного прелата и мѣриломъ умственныхъ интересовъ, занимавшихъ тогдашнее высшее духовенство, можетъ служить тотъ фактъ, что за десять лѣтъ передъ тѣмъ папы на Латеранскомъ соборѣ сочли нужнымъ оспаривать „еретическое ученіе о смертности души". Платонизмъ, породившій столько любопытныхъ теорій и крайностей, былъ изгнанъ изъ жизни духовенства, и уступилъ мѣсто скептицизму и эпикурейству. Помимо живописи и скульптуры, геніальный папа Левъ X увлекался въ такой же степени охотой, концертами, поэзіей и театромъ; въ его присутствіи представляли въ Ватиканѣ комедію Маккіавели „la Mondragore", гдѣ осмѣяно монашество и его распущенность въ самыхъ яркихъ краскахъ. Прелаты въ свою очередь старались во всемъ подражать папамъ и ихъ слуги славились, какъ самые утонченные плуты въ цѣломъ свѣтѣ. Въ Болоньи, во время знаменитаго свиданія Франциска I съ папой, Бонниве удалось завербовать Флоріо къ себѣ въ слуги. Съ этихъ поръ онъ часто употреблялъ ловкаго итальянца для порученій въ любовныхъ дѣлахъ короля.

Флоріо поспѣшно сошелъ съ горы, на которой стоялъ замокъ, и отправился въ темнѣвшій передъ нимъ городъ, чтобы познакомиться со слугами графа Шатобріана. Всѣ питейные дома въ Блуа были въ это время переполнены тѣлохранителями и слугами пріѣхавшихъ сеньеровъ, потому что каждый изъ этихъ господъ изображалъ изъ себя маленькаго короля и не иначе отправлялся въ дорогу, какъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Всѣ они были на ногахъ, такъ какъ перы королевства все еще ожидали короля въ церкви. Блуа былъ тогда на столько незначительнымъ городомъ, что Флоріо тотчасъ же отыскалъ все, что ему было нужно. Черезъ какіе нибудь четверть часа онъ узналъ, что любимымъ слугой графа Шатобріана былъ кровный бретанецъ, по имени Батистъ, пожилой человѣкъ, съ рыжими волосами и мрачнымъ выраженіемъ лица, и тотчасъ же свелъ съ нимъ знакомство. Сначала разговоръ шелъ довольно туго, потому что Батистъ говорилъ на своемъ непонятномъ мѣстномъ нарѣчіи, что было естественно въ тѣ времена, когда даже въ высшихъ классахъ очень немногіе говорили чистымъ французскимъ языкомъ. Но Флоріо скоро

Библиотека "Руниверс"

освоился съ говоромъ своего новаго пріятеля и не много погодя они уже довѣрчиво сидѣли другъ передъ другомъ за кружкой вина. Итальянецъ послѣ десятилѣтняго пребыванія въ странѣ, успѣлъ приглядѣться къ особенностямъ различныхъ французскихъ провинцій и зналъ, какъ обходиться съ бретанцемъ. Предполагая, что Батистъ, какъ большинство его соотечественниковъ, склоненъ къ меланхоліи. и пьянству, онъ предложилъ ему вина и занялъ серьознымъ разговоромъ. Разсчетъ его оказался вполнѣ вѣрнымъ. Батистъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ описаніе жизни римскихъ прелатовъ, тѣмъ болѣе, что Флоріо выдалъ себя за природнаго француза, который попалъ въ Италію въ качествѣ военноплѣннаго и такимъ образомъ познакомился съ нравами тамошняго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Флоріо усердно подливалъ своему ревностному слушателю бургонское, которое велѣлъ подать вмѣсто легкаго мѣстнаго вина. Батистъ скоро разгорячился и безпрекословно согласился на предложеніе Флоріо уйти отъ шумнаго окружающаго ихъ общества, чтобы на свободѣ поговорить о Богѣ и церкви. Слуги пріѣхавшихъ господъ не стѣсняясь выражали свое мнѣніе о королѣ, который по ихъ понятіямъ былъ ничто сравнительно съ ихъ сеньерами, но каждый изъ нихъ остерегался говорить о религіи въ публикѣ. Между тѣмъ Флоріо началъ разсказывать о нѣмецкомъ еретикѣ и бывшихъ въ то время церковныхъ состязаніяхъ и такъ заинтересовалъ Батиста, что тотъ самъ предложилъ ему отправиться на квартиру графа Шатобріана. Этого только и желалъ Флоріо. Войдя въ домъ, онъ внимательно разглядѣлъ разложенные чемоданы и разъ десять подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ пытался удалить на нѣсколько минутъ Батиста изъ комнаты. Это долго не удавалось ему; но съ наступленіемъ ночи бургонское оказало свое дѣйствіе: у бретонца стали слипаться глаза; онъ положилъ обѣ руки на столъ и, склонивъ на нихъ голову, заснулъ мертвымъ сномъ; его глаза и лобъ мало по малу скрылись въ кожанныхъ рукавахъ куртки.

Жилище графа состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ; дверь между ними была открыта; единственная лѣстница выходила на дворъ. Пріѣхавшіе синьеры не могли быть особенно взыскательны въ выборѣ помѣщенія, такъ какъ ихъ было слишкомъ много для такого города какъ Блуа. Внизу на дворѣ стояли графскія лошади; люди его свиты частью расположились на открытомъ воздухѣ, частью въ конюшнѣ. Тогда не церемонились съ прислугой; ее кормили до сыта, но считали излишнимъ заботиться объ ея постеляхъ. Кто не былъ господиномъ, т. е. свободнымъ сеньеромъ на своей наслѣдственной землѣ и не носилъ меча, тотъ считался ни во что. Одни только лакеи пользовались сравнительно нѣкоторымъ комфортомъ, потому что господа для большей безопасности и удобства держали ихъ при себѣ. Такимъ образомъ въ комнатѣ, гдѣ они сидѣли, у Батиста была своя постель, состоявшая изъ одѣялъ сложенныхъ на землѣ. Здѣсь также

Библиотека "Руниверс"

были разбросаны пожитки графа: бѣлье, платье, шпоры, оружіе, но разумѣется, нигдѣ не видно было половины драгоцѣннаго кольца, которую хотѣлъ добыть Флоріо. Впрочемъ, онъ и не думалъ искать тутъ кольца, а прямо направился въ комнату графа, убѣдившись посредствомъ шумнаго расхаживанья по комнатѣ, что нелегко разбудить Батиста.

Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ было тихо; со двора слышалось равномѣрное расхаживаніе и говоръ конюховъ, которые не смѣли лечь до возвращенія своего господина. Флоріо не стѣсняясь перешарилъ чемоданы, комоды и шкапы при свѣтѣ лампы, взятой имъ со стола, у котораго спалъ Батистъ. Ни что не было заперто, потому что тогдашній сеньеръ былъ довѣрчивъ и вообще имѣлъ съ собой мало денегъ; но Флоріо не нашелъ того, чего искалъ. Стоя передъ небольшой шкатулкой съ цѣпями и рѣзличными украшеніями, онъ съ досадой повторилъ себѣ то, въ чемъ былъ убѣжденъ въ тотъ моментъ, когда взялся за трудное предпріятіе, а именно, что графъ носитъ на себѣ важную для него драгоцѣнность и никогда не разстается съ нею. Прійдя къ такому неутѣшительному заключенію, Флоріо вернулся къ своему спящему товарищу; но тутъ онъ услышалъ какъ съ шумомъ отворилась входная дверь и въ сѣняхъ раздалось бренчаніе шпоръ. Флоріо. догадавшись, что это графъ, поспѣшно задулъ лампу и изо всѣхъ силъ началъ трясти Батиста за плечо. Тотъ въ испугѣ вскочилъ съ своего мѣста и бросился зажигать лампу, но это долго не удавалось ему, такъ что Флоріо успѣлъ спрятаться подъ одѣяла, составлявшія постель Батиста.

Вошелъ графъ и очутившись въ темнотѣ разразился грубою бранью. Съ нимъ былъ какой то другой сеньеръ, котораго онъ прямо провелъ въ свою комнату.

Наконецъ Батистъ зажегъ огонь, но къ счастью сеньеры были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не обращали ни какого вниманія на то, что дѣлалось въ другой комнатѣ. Они громко разговаривали между собой и въ рѣзкихъ выраженіяхъ бранили короля, который заставилъ ихъ ждать до полуночи въ церкви, а потомъ велѣлъ сказать имъ черезъ ненавистнаго выскочку Бонниве, что онъ не будетъ говорить съ ними до тѣхъ поръ, пока не будутъ ему выданы изъ ихъ провинцій соучастники бурбонскаго заговора.

— Развѣ мы сдѣлались слугами и подданными этого высокомѣрнаго Валуа! воскликнулъ съ яростью графъ Шатобріанъ. Развѣ онъ не заслуживаетъ, чтобы мы нарушили ленную клятву, такъ какъ онъ превышаетъ права леннаго государя! Я держусь того мнѣнія, что мы бретанцы должны съ наступленіемъ завтрашняго дня отправиться въ Реннъ, а вы всѣ нормандскіе сеньеры въ Руанъ; оттуда мы пошлемъ сказать Франциску, черезъ нашихъ сенешаловъ, что если онъ не смиритъ свою непомѣрную гордость, то пусть не разсчитываетъ на нашу вѣрность.

— Я не знаю насколько это будетъ полезно для Нормандіи! ска-

Библиотека "Руниверс"

залъ другой сеньеръ, маленькій щеголеватый человѣкъ, который вмѣстѣ съ графомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Къ несчастью мой тесть сильно замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; если я буду отстаивать права провинціи и заслужу немилость короля, то могу погубить старика.

— Вы кажется также старались довести до свѣдѣнія короля о бурбонскомъ заговорѣ! Дай Богъ чтобы вамъ не пришлось раскаяться въ этомъ!.. Чѣмъ же онъ выказалъ вамъ свою благодарность?

— Онъ кажется считаетъ это не болѣе какъ исполненіемъ обязанности леннаго сеньера! Мнѣ даже не дано было разрѣшенія войти въ темницу графа Валлье; моя жена будетъ очень огорчена этимъ. Впрочемъ, вашей женѣ предстоитъ такое же душевное горе; я слышалъ что ея братъ Лотрекъ ѣдетъ сюда и подвергнется строгой отвѣтственности... Мы должны поступать крайне осторожно, потому что король задается широкими планами: а вы знаете что онъ подобно Людовику XI крайне не разборчивъ въ выборѣ средствъ и съ помощью Дюпра захватитъ въ свои руки парижскій парламентъ, который и безъ того пользуется всякимъ случаемъ, чтобы урѣзать наши права.

— Какое намъ дѣло до Парижа! возразилъ Шатобріанъ.—Развѣ у насъ нѣтъ своихъ парламентовъ! Мы главнымъ образомъ должны принять мѣры чтобы эти королевскіе прислужники не сѣли намъ на шею. Вы напрасно ожидаете Брезе какихъ то благъ отъ Валуа. Что они такое? Бѣдные рыцари, случайно возведенные на престолъ вслѣдствіе прекращенія королевскаго рода! Какъ безумно поступила ты, Анна Бретанская, выйдя замужъ за Людовика! Ты принесла насъ бретанцевъ въ приданое этому лживому королевскому дому и отдала кроткую Клавдію высокомѣрному Франциску, который не умѣетъ цѣнить ни своей жены, ни твоей наслѣдственной Бретани! Не въ тысячу ли разъ было бы лучше, если бы мы сохранили свою самостоятельность или присоединились къ Англіи?..

— Нѣтъ Шатобріанъ! Это было бы измѣной относительно Франціи!

— Франція! Что такое Франція? Ужъ не этотъ ли сбродъ людей, которыхъ возвышаетъ Валуа на нашу гибель? Во имя этой же Франціи, мало по малу уничтожаютъ наши права. Я не французъ, а бретанецъ!.. Но если мы будемъ стоять другъ за друга, тогда и они станутъ дорожить нами и уважать наши права!.. Бѣдный Лотрекъ! Неужели онъ долженъ погибнуть!

— Черезъ него Францискъ потерялъ цѣлое войско и страну, которую считалъ своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, отвѣтилъ Брезе.

— Онъ не виноватъ, если счастье измѣнило ему! Лотрекъ не трусъ; въ его жилахъ течетъ кровь Фуа; я убѣжденъ, что онъ не сробѣетъ передъ Францискомъ. Тѣмъ не менѣе мы должны приготовиться къ борьбѣ; горькая необходимость принуждаетъ насъ къ этому...

— Мы объ этомъ еще переговоримъ. Покойной ночи графъ!..

Между тѣмъ Батистъ совершенно забылъ о своемъ гостѣ; онъ

Библиотека "Руниверс"

приготовилъ на ночь большой бокалъ вина для своего господина и, поставивъ его на столъ, подошелъ къ своей постели чтобы стряхнуть одѣяла. При этомъ разумѣется онъ нашелъ Флоріо и, такъ какъ вовсе не ожидалъ ничего подобнаго и вообще не отличался быстротою соображенія, то дѣло не обошлось безъ возгласа и разныхъ вопросовъ со стороны бретанца. Къ несчастью, это случилось въ то время, когда графъ провожалъ своего пріятеля черезъ комнату Батиста въ единственную переднюю, выходившую на лѣстницу; графъ увидѣлъ Флоріо и бросился къ нему съ крупною бранью. Итальянецъ вскочилъ на ноги и въ короткихъ словахъ старался объяснить свое присутствіе въ комнатѣ Батиста. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ кончить свою фразу, Брезе съ испугомъ шепнулъ графу:

— Этотъ плутъ подслушалъ насъ!

— Велика бѣда! возразилъ графъ,—то, что мы говоримъ, можетъ слушать весь свѣтъ!

— Вѣдь это слуга адмирала Бонниве! Я знаю его въ лицо.

— Какъ! и онъ осмѣлился!.. громко вскрикнулъ графъ, поспѣшно подходя къ столу, на которомъ лежали разныя вещи,—гдѣ мой кнутъ

Флоріо пользуясь этимъ моментомъ, бросился къ двери и исчезъ прежде, чѣмъ сеньеры и Батистъ успѣли выбѣжать со свѣчей въ переднюю. Итальянецъ отличался рѣдкою настойчивостью въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Онъ сообразилъ, что теперь, когда его узнали, врядъ ли когда нибудь представится ему такой удобный случай для выполненія даннаго порученія; и потому рѣшился во что бы то ни стало остаться въ домѣ, въ томъ разсчетѣ, что здѣсь всего менѣе станутъ искать его. Передняя, какъ почти во всѣхъ домахъ того времени, состояла изъ открытой галлереи, окружавшей весь домъ. Вмѣсто того чтобы сбѣжать по лѣстницѣ на дворъ, Флоріо остался въ галлереѣ и свернувъ за уголъ прижался къ простѣнку. Разсчетъ его оказался вѣрнымъ. Преслѣдователи прямо устремились къ лѣстницѣ и спустились по ней. Флоріо выждалъ, когда они скрылись за поворотомъ крыльца и проскользнулъ назадъ въ комнату Батиста черезъ настежъ отворенную дверь. Здѣсь онъ поспѣшно подошелъ къ столу, гдѣ стоялъ приготовленный бокалъ съ виномъ, взялъ его ощупью одной рукой, а другой вынулъ изъ своей куртки небольшую стклянку, откупорилъ ее зубами и вылилъ изъ нея всю жидкость въ бокалъ, который опять поставилъ на столъ. Затѣмъ онъ началъ шарить по комнатѣ стараясь найти мѣсто, гдѣ ему спрятаться. Онъ выбралъ его еще лежа на постели Батиста. Это былъ правый уголъ при входѣ, гдѣ была протянута занавѣсь изъ саржи для предохраненія висѣвшихъ за нею платьевъ отъ пыли. Но тутъ Флоріо наткнулся на стулъ, и, упавъ на землю, выронилъ пустую стклянку изъ рукъ. Отыскивая ее въ темнотѣ онъ услышалъ голосъ графа, который возвращался домой съ Батистомъ. Флоріо ничего не оставалось какъ бросить поиски и поспѣшно скрыться за занавѣсью.

Библиотека "Руниверс"

Графъ былъ въ сильномъ гнѣвѣ и наказалъ своего слугу чувствительнымъ ударомъ кнута. Батистъ равнодушно перенесъ его и молча сталъ приготовлять постель своему господину. Графъ сердито сорвалъ съ себя платье и проходя мимо стола, взялъ бокалъ и болѣе чѣмъ на половину выпилъ его. Въ этотъ моментъ Батистъ всею тяжестью своего тѣла наступилъ на стклянку и раздавилъ ее.

— Это что такое? воскликнулъ графъ, ставя бокалъ на столъ.

— Не знаю, отвѣтилъ слуга въ смущеніи, поднимая осколки.

Графъ выхватилъ у него изъ рукъ кусочекъ стекла и разглядывая его при свѣтѣ лампы, увидѣлъ на немъ какую то вязкую жидкость. Онъ понюхалъ ее, затѣмъ бокалъ, и повидимому въ головѣ его блеснула какая то мысль. Подозвавъ Батиста, онъ пристально вглядывался въ его лицо нѣсколько минутъ. Тотъ стоялъ равнодушно, не мигнувъ глазомъ.

— Выпей все до дна, сказалъ графъ, подавая ему бокалъ.

Батистъ, ничего не понимая, съ удовольствіемъ выпилъ вино до послѣдней капли.

Графъ молча легъ на постель. Батистъ снесъ лампу въ его комнату, заслонилъ ее кресломъ и самъ отправился на покой. Нѣсколько минутъ спустя въ обѣихъ комнатахъ наступила мертвая тишина и Флоріо могъ убѣдиться, что сонный напитокъ, привезенный имъ изъ Рима оказываетъ свое дѣйствіе и на сильно-возбужденныхъ людей. Когда захрапѣлъ Батистъ сначала тихо, а потомъ все громче и громче, Флоріо вышелъ изъ своей засады, снялъ съ себя башмаки и поставивъ ихъ въ передней у дверей, прокрался въ комнату графа. Четверть часа стоялъ онъ неподвижно у порога и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ дыханію спящаго; наконецъ убѣдившись, что съ этой стороны ему опасаться нечего, подошелъ къ постели.

Но чѣмъ дольше приглядывался Флоріо и осматривалъ спящаго графа со всѣхъ сторонъ, тѣмъ недовольнѣе становилось его лицо. Онъ расчитывалъ, что половина кольца вѣроятно надѣта на шеѣ графа и прикрѣплена къ цѣпочкѣ. Но на обнаженной, обросшей черными волосами груди сеньера не видно было ни цѣпочки, ни кольца. Нужна была не малая доля рѣшимости чтобы подойти къ изголовью и близко разсмотрѣть это блѣдное лицо съ высокимъ лбомъ, широкими висками и отброшенными назадъ черными жидкими волосами. Что-то угрожающее было въ орлиномъ заостренномъ носѣ бретанскаго сеньера, въ нервномъ подергиваніи лица и въ его худощавой рукѣ, протянутой на одѣялѣ, съ напряженными жилами и крѣпко стиснутымъ кулакомъ, который какъ будто готовился нанести ударъ. Но это не могло удержать Флоріо; онъ зналъ, что трудится для короля и что въ случаѣ удачи его ожидаетъ большая награда. Онъ наклонился надъ спящимъ и поднялъ руку надъ его лицомъ чтобы убѣдиться на сколько сохранилась въ немъ чувствительность. Но графъ

Библиотека "Руниверс"

лежа на спинѣ спалъ также спокойно какъ и прежде. Флоріо быстро отвернулъ у него воротъ рубашки съ правой стороны и увидѣлъ къ величайшей своей радости шелковый шнурокъ; не теряя ни секунды онъ съ тою же поспѣшностью открылъ рубашку съ лѣвой стороны; тутъ у безпокойно бьющагося сердца висѣла половина кольца. Противъ всякаго ожиданія вмѣсто цѣпочки оказался шелковый шнурокъ, и потому Флоріо могъ безъ труда перерѣзать его и овладѣть кольцомъ. Но это не входило въ его планы, потому что графъ на слѣдующее утро могъ замѣтить потерю кольца и принять мѣры, чтобы никто не могъ воспользоваться находкой. Вѣрный слуга адмирала не поддался искушенію и хотѣлъ въ точности исполнить возложенное на него порученіе. Онъ вынулъ изъ кармана небольшой кусокъ воска, осторожно притянулъ къ себѣ за шнурокъ половину кольца и тщательно облѣпилъ ее воскомъ со всѣхъ сторонъ чтобы снять по возможности вѣрный снимокъ. Это былъ самый трудный моментъ для Флоріо; онъ долженъ былъ низко наклониться надъ спящимъ и чувствовалъ его дыханіе на своемъ лбу. Вынимая поспѣшно кольцо изъ воска онъ невольно вздрогнулъ, такъ какъ ему померещелись, что графъ смотритъ на него, и при этомъ довольно сильно потянулъ къ себѣ шнурокъ. Графъ быстро поднялъ руку, сначала схватилъ себя за грудь, потомъ за руку Флоріо; глаза его на половину открылись. У итальянца замерло сердце отъ испуга; онъ не шевельнулся; малѣйшее движеніе съ его стороны могло окончательно разбудить спящаго. Благодаря этому, графъ черезъ секунду опять заснулъ крѣпкимъ сномъ; глаза его закрылись, крѣпко вцѣпившіеся пальцы ослабли и выпустили руку Флоріо. Вѣрный слуга, едва не сдѣлавшійся жертвой своей смѣлости, опять почувствовалъ себя на свободѣ. Тихонько ступая нога за ногу, онъ пробрался въ комнату Батиста и вышелъ въ переднюю. Здѣсь онъ бережно спряталъ восковой снимокъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ и вытеръ потъ, выступившій у него на лбу отъ страха. Ему показалось, что онъ слышитъ шорохъ въ комнатѣ Батиста, но теперь это не особенно встревожило его, такъ какъ онъ считалъ себя внѣ опасности. Сойдя поспѣшно съ лѣстницы онъ безъ труда отодвинулъ засовъ, которымъ была заперта наружная дверь и сталъ прислушиваться; но на лѣстницѣ и въ комнатахъ на верху была мертвая тишина.

Очутившись на улицѣ, итальянецъ набожно перекрестился и исчезъ во мракѣ сентябрской ночи.

Король Францискъ ничего не зналъ о распоряженіяхъ Бонниве. При своей страстности и деспотизмѣ, онъ считалъ дозволительнымъ все, что служило для исполненія его желаній, лишь бы это дѣлалось помимо его и глубоко возмущался, когда видѣлъ какое нибудь грубое насиліе, которое совершалось на его глазахъ,—противорѣчіе, кото-

Библиотека "Руниверс"

рое мы часто встрѣчаемъ въ нравственно неразвитыхъ и грубыхъ натурахъ. Бонниве былъ созданъ для роли фаворита: онъ никогда не заботился о томъ, чтобы дать полезный совѣтъ королю, а давалъ только тѣ совѣты, которые были согласны съ желаніями его величества. Изучивъ до тонкости характеръ Франциска, онъ не считалъ нужнымъ сообщить ему о данномъ порученіи относительно кольца, пока дѣло окончательно не устроится.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, когда уже все было подготовлено ловкимъ адмираломъ съ большимъ трудомъ, а иногда и цѣною преступленія, Францискъ со смѣхомъ пользовался тѣмъ, что онъ называлъ своей bonne fortune и вступалъ въ любовную интригу, не удостоивая даже словомъ благодарности своего услужливаго любимца.

Теперь, когда точный восковой снимокъ былъ въ рукахъ, ничего не стоило поддѣлать половину кольца. Но опытный адмиралъ понималъ, что это былъ только первый шагъ и что еще много предстояло ему хлопотъ для достиженія желаемаго результата. Поэтому онъ долго совѣщался съ Флоріо о томъ, какъ вызвать графиню изъ замка съ помощью кольца, не возбудивъ подозрѣній, и какъ устроить ее въ Блуа такимъ способомъ, чтобы она хотя на первое время была убѣждена, что находится въ квартирѣ своего мужа. Для этого необходимо было удалить графа изъ города, что представляло не легкую задачу.

Флоріо долженъ былъ возобновить свои сношенія съ Батистомъ, такъ какъ графъ вѣроятно сочтетъ нужнымъ извѣстить жену объ опасности, грозившей ея брату. Всего удобнѣе было отправить кольцо съ посланнымъ графа, а какъ это устроить, адмиралъ не считалъ нужнымъ давать какія бы то ни было наставленія своему слугѣ. Авантюристъ всегда расчитываетъ на случай и чертитъ планъ въ общихъ чертахъ, не заботясь о подробностяхъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня, когда поддѣльное кольцо уже было въ рукахъ Флоріо, онъ увидѣлся съ Батистомъ и за стаканомъ вина узналъ отъ него, что графъ намѣренъ завтра утромъ отправить посланнаго съ письмомъ въ замокъ Шатобріанъ. Захватить этого посланнаго было не трудно. За двѣ мили отъ Блуа по дорогѣ въ Амбуазъ, былъ лѣсъ, прославленный разбойничествомъ: здѣсь Флоріо приказалъ тремъ слугамъ Бонниве напасть на бѣдняка, ограбить его и связать. Пока посланный лежалъ ничкомъ съ связанными руками и ногами, одинъ изъ мнимыхъ разбойниковъ принесъ ожидавшему въ лѣсу Флоріо письмо графа. Письмо было запечатано и завязано шелковой ниткой, но такимъ первобытнымъ способомъ, что ловкій итальянецъ, нетронувъ печати, вложилъ въ него половину кольца и опять завязалъ нитку. Затѣмъ онъ выѣхалъ на большую дорогу и бросивъ на землю письмо, съ большимъ участіемъ заговорилъ съ несчастнымъ посланнымъ и освободилъ его отъ веревокъ. Тотъ былъ безконечно

Библиотека "Руниверс"

благодаренъ ему и обыскавъ карманы, съ отчаяніемъ замѣтилъ пропажу письма. Но къ счастью оно скоро нашлось, равно какъ и лошадь, которая была привязана по близости у дерева. Тогда посланный вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Флоріо, что на него напали случайно, принявъ за кого нибудь другого. Простившись дружески со своимъ освободителемъ, онъ отправился въ Бретань, благословляя судьбу, что такъ счастливо отдѣлался отъ разбойниковъ.

Флоріо вернулся въ Блуа въ то время, когда въ королевскомъ замкѣ распространилось извѣстіе, что Лотрекъ пріѣхалъ въ Роморантенъ съ другими военачальниками. Говорили что онъ въ отчаяніи, но вовсе не боится свиданія съ королемъ и обѣщаетъ открыть нѣкоторыя обстоятельства, которыя объяснятъ причину его пораженія и приведутъ въ трепетъ недобросовѣстныхъ слугъ короля. Одна особа въ Блуа лучше чѣмъ кто нибудь понимала значеніе этой угрозы. Это была мать короля, герцогиня Ангулемская. Она тотчасъ послала за главнымъ интендантомъ финансовъ Жакомъ де Бонъ, сеньёромъ де Семблансэ, и спросила его: сохранилъ ли онъ росписку въ 400,000 экю, которую она дала ему въ концѣ прошлаго года.

— Ваше королевское величество вѣроятно говоритъ о суммѣ, предназначенной для итальянской арміи? — спросилъ интендантъ, простой, но крайне точный, дѣловой человѣкъ, высокаго роста, худощавый, съ неловкими манерами, посѣдѣвшій и сгорбившійся на службѣ.

— Да разумѣется! покажите мнѣ квитанцію.

— Она въ цѣлости, ваше королевское величество.

— Я прошу васъ показать мнѣ ее.

Семблансэ былъ хорошо знакомъ съ матерью короля и не рѣшался довѣрить ей такой важный документъ и былъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобы согласиться на послѣдовавшее затѣмъ предложеніе герцогини представить какія нибудь поддѣльныя доказательства, что 400,000 экю были посланы въ Италію.

Герцогиня втайнѣ присвоила себѣ эту сумму и могла ожидать, что Лотрекъ объяснитъ неудачу своего похода недостаткомъ денегъ, такъ какъ ему не была послана обѣщанная сумма, и что по этому дѣлу будетъ произведено строгое слѣдствіе. Бѣдный Семблансэ не подозрѣвалъ, что въ подобныхъ случаяхъ честность и чистая совѣсть не могутъ служить достаточной защитой и что онъ поступаетъ неблагоразумно, отказываясь такъ открыто отъ сообщничества съ матерью короля!

Герцогиня простилась съ нимъ крайне немилостиво и послала за Дюпра, который въ это время представлялъ высшую инстанцію въ управленіи внутренними дѣлами государства и никогда не останавливался ни передъ какимъ окольнымъ путемъ. Герцогиня могла смѣло разсчитывать, что Дюпра дастъ ей хорошій совѣтъ въ ея затруднительномъ положеніи.

Библиотека "Руниверс"

Они долго бесѣдовали на единѣ и когда ушелъ Дюпра, герцогиня немедленно отправилась къ королю и пожаловалась ему, что Семблансэ чрезвычайно неаккуратно выплачиваетъ ей деньги. Впрочемъ—добавила она—Дюпра также недоволенъ имъ съ нѣкотораго времени. Богъ знаетъ что случилось съ этимъ старикомъ; у него замѣтно начинаютъ слабѣть умственныя способности и память.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь—возразилъ Францискъ, папа̀ Семблансэ всегда былъ отличнымъ и надежнымъ слугой.

— Но я увѣряю тебя, что съ нѣкотораго времени онъ совсѣмъ переродился; часъ тому назадъ, онъ упорно доказывалъ, что заплатилъ мнѣ большую сумму денегъ, а потомъ долженъ былъ сознаться, что у него нѣтъ никакой квитанціи.

Вошелъ Шабо де Бріонъ и доложилъ, что Лотрекъ пріѣхалъ въ Блуа и былъ торжественно встрѣченъ за нѣсколько миль отъ города бретанскими и нормандскими сеньёрами, во главѣ которыхъ былъ графъ Шатобріанъ. Повидимому, раздраженные сеньеры Бретани и Нормандіи хотѣли сгруппироваться около военачальника, бывшаго въ немилости у правительства, чтобы заявить этимъ свой протестъ противъ короля.

Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что сеньёры не спѣшились въ городѣ, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, а ѣдутъ верхами на гору въ полномъ вооруженіи, въ запыленномъ дорожномъ платьѣ.

Все это имѣло видъ грозной демонстраціи: обширный дворъ замка скоро наполнился всадниками. Сеньеры сошли съ лошадей и подъ предводительствомъ Лотрека вошли цѣлой толпой въ караульную залу. Это было какъ бы намѣренное нарушеніе формальностей, установленныхъ Францискомъ: никто изъ нихъ не просилъ доложить о себѣ, они отталкивали отъ себя дворянъ, находившихся въ этотъ день на службѣ у короля, не удостоивая отвѣчать на ихъ вопросы. Лотрекъ казался спокойнѣе всѣхъ; онъ молча шелъ среди дворянъ съ строгимъ и серіознымъ выраженіемъ лица. Это былъ стройный человѣкъ, средняго роста, съ смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ и съ черными блестящими глазами. Въ каждомъ его движеніи сказывалась твердость и обдуманная рѣшимость. Родъ Фуа, происходящій изъ живописной пиринейской мѣстности того же имени, далъ цѣлый рядъ выдающихся личностей. Гастонъ де Фуа во времена Людовика, былъ первымъ военнымъ героемъ Франціи; его смерть при Равеннѣ была принята народомъ какъ бѣдствіе, постигшее всю страну. Младшій изъ трехъ Фуа, служившихъ Франциску, Андре Фуа, умеръ геройской смертью при Наваррѣ въ 1521-мъ году; средній изъ братьевъ Фуа, въ званіи маршала, прославился своей храбростью, сражаясь въ Италіи подъ начальствомъ старшаго брата Лотрека.

Самъ Лотрекъ, до своего послѣдняго несчастнаго похода, какъ военачальникъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою осторожность и умѣніе распорядиться во время военными силами. Между тѣмъ въ

Библиотека "Руниверс"

этомъ походѣ выказалась небывалая для французскаго войска медленность, вслѣдствіе чего упущены были благопріятные случаи для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ. Многіе приписывали это тому обстоятельству, что изъ Франціи не было послано обѣщаннаго подкрѣпленія и что вслѣдствіе этого военачальникъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ желали узнать, что скажетъ Лотрекъ въ свое оправданіе и кого онъ станетъ обвинять въ неудачѣ похода. Быть можетъ любопытство играло не малую роль въ демонстраціи сеньеровъ противъ деспотичнаго короля и заставляло ихъ подниматься съ такой поспѣшностью по лѣстницѣ замка.

На верхней площадкѣ, передъ входомъ въ главную залу, вышелъ: къ нимъ на встрѣчу Шабо де-Бріонъ и спросилъ именемъ короля что можетъ означать подобное нашествіе безъ доклада?

— Для сеньеровъ страны, молодой человѣкъ, отвѣтилъ Шатобріанъ, двери короля и леннаго властителя Франціи были открыты во всѣ времена и чины государства никогда не докладывали о своемъ прибытіи черезъ слугъ!

— Значитъ вы явились сюда въ качествѣ представителей Нормандіи и Бретани? спросилъ громко Бонниве, выходя изъ залы.

Вопросъ этотъ смутилъ сеньеровъ; они нерѣшительно перешептывались между собой.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Бонниве—не угодно ли будетъ сенешаламъ обѣихъ провинцій выступить впередъ; я доложу о нихъ королю.

Никто не двинулся съ мѣста; но Лотрекъ, обратившись къ Бонниве, сказалъ.

— Если это входитъ въ число обязанностей вашей службы, господинъ адмиралъ, то прошу васъ доложить о моемъ приходѣ и сказать королю, что Лотрекъ де Фуа явился сюда, чтобы дать ему отчетъ о французской арміи въ Италіи.

— Ты говоришь неправду, Лотрекъ де Фуа! сказалъ король, неожиданно появившійся въ створчатыхъ дверяхъ залы, отворенныхъ настежь.

— Де Фуа никогда не лжетъ, король Франціи! отвѣтилъ Лотрекъ гордо поднявъ голову.

— Развѣ въ Италіи осталась французская армія, военачальникъ безъ войска! Она не существуетъ больше; ты допустилъ ея уничтоженіе. А теперь ты являешься въ мой домъ, окруженный дворянами, которые ворвались сюда неприличнымъ образомъ и неизвѣстно для чего! Ихъ присутствіе только можетъ помѣшать твоему оправданію, а не облегчить его.

— Я не приглашалъ сеньеровъ сопровождать меня...

— Нѣтъ, король Францискъ, мы сами рѣшили прійти съ нимъ, воскликнулъ графъ Шатобріанъ, не помня себя отъ ярости. Развѣ мы не видимъ, какъ погибаютъ самые благородные люди Франціи, а

Библиотека "Руниверс"

какіе нибудь выскочки безъ имени пользуются почестями. Всѣмъ этимъ вы довели Бурбона до послѣдней крайности и черезъ ваше неприличное обхожденіе съ пэрами Франціи, вы...

— А я долженъ сказать тебѣ, бретанскій графъ, что ты ведешь себя здѣсь въ Блуа самымъ неприличнымъ образомъ, относительно своего короля и господина! Ты отправишься тотчасъ-же въ Парижъ и явишься передъ парламентомъ; пусть онъ объяснитъ тебѣ твои права и обязанности.

— Парижскій парламентъ не можетъ судить меня; у насъ свой судъ! отвѣтилъ Шатобріанъ.

Но король не слушалъ его и обращаясь къ Лотреку сказалъ:

— Ты Лотрекъ останешься въ этомъ городѣ пока я не потребую отъ тебя отчета. А вы сеньеры Бретани и Нормандіи не стоите того, чтобы съ вами совѣщался вашъ король и господинъ, потому что вы поднялись противъ него въ тотъ моментъ, когда обнаружилась самая гнусная измѣна противъ короля Франціи и когда всякій порядочный дворянинъ долженъ вдвойнѣ выказать ему свою покорность! Вы уѣдете изъ Блуа до заката солнца и будете ждать въ вашихъ замкахъ, чѣмъ рѣшитъ относительно васъ, вашъ король, который больше не намѣренъ спрашивать вашего мнѣнія.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ громкимъ повелительнымъ голосомъ, король удалился. Двери залы закрылись за нимъ.

— Ты правъ Гилльомъ! сказалъ король на слѣдующій день, обращаясь къ Бюде, когда ему доложили, что графиня Шатобріанъ находится въ часовомъ разстояніи отъ Блуа и что Лотрекъ черезъ нѣсколько минутъ явится къ нему на судъ—мы, люди, представляемъ собой величайшую загадку. Нѣмецкіе монахи слишкомъ много берутъ на себя, думая разъяснить религію и сказать о ней послѣднее слово. Жизнь потеряетъ для меня всякую прелесть, если я вполнѣ пойму, что творится въ моей душѣ. Ты долженъ повѣрить мнѣ, Бюде, что я самъ не знаю, какъ это случилось, что я извлекъ пользу изъ вчерашней исторіи. Клянусь моей честью, что я безъ всякаго предвзятаго намѣренія выгналъ отсюда Шатобріана передъ самымъ пріѣздомъ его жены и отложилъ судъ надъ Лотрекомъ до сегодняшняго дня, такъ что братъ и сестра могутъ встрѣтиться въ моемъ домѣ. Можетъ быть такого рода соображеніе явилось у меня въ какомъ нибудь затаенномъ уголку моего черепа, но я не сознавалъ этого и подобный разсчетъ не руководилъ моими дѣйствіями. Но что съ тобой, Бюде, у тебя такой печальный и серьезный видъ?

— Меня безпокоитъ, что ваша королевская милость станетъ обходиться съ этимъ удивительнымъ созданіемъ, какъ съ обыкновенной любовницей, хотя я...

— Знаешь, Бюде, изъ тебя вышелъ бы отличный проповѣдникъ.

Библиотека "Руниверс"

— Это дѣло кажется мнѣ настолько серьезнымъ, какъ я и прежде докладывалъ вамъ, что, рискуя навлечь на себя вашъ гнѣвъ, я посовѣтую графинѣ тотчасъ-же вернуться домой.

— Глупый человѣкъ, развѣ я отрекаюсь отъ моихъ словъ! Если эта женщина произведетъ на меня то впечатлѣніе, которое я ожидаю, то ты увидишь, насколько я серьезно буду относиться къ ней.

Король подозвалъ къ себѣ Бонниве, стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи отъ него, и сказалъ:

— Я передумалъ. Когда пріѣдетъ сюда графиня и, встревоженная отсутствіемъ мужа, бросится отыскивать своего брата, ты не долженъ показываться ей на глаза, потому что ты можешь испортить все дѣло своимъ легкомысліемъ и только напугаешь ее. Пусть ее встрѣтитъ Бюде и отведетъ къ моей сестрѣ.

Во время этого разговора, происходившаго въ полдень въ большей залѣ замка Блуа, королю подали письма, заключавшія печальныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя дурно отозвались на его расположеніи духа. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ большими шагами и, повидимому, не замѣтилъ Лотрека, который былъ введенъ въ залу Шабо де-Бріономъ.

Лотрекъ молча поклонился и остановившись среди залы слѣдилъ глазами за расхаживающимъ королемъ. Лицо его оставалось спокойнымъ и серьезнымъ.

Король нѣсколько разъ прошелъ мимо него и наконецъ остановился.

— Не тебя ли Лотрекъ де-Фуа я послалъ въ Италію съ отборнымъ войскомъ?

— Да, я былъ посланъ вами въ Италію.

— Гдѣ мое войско?

— Оно погибло.

— Гдѣ мой наслѣдственный Миланъ?

— Онъ уже не принадлежитъ вамъ.

— Кто же виноватъ въ этомъ, несчастный человѣкъ?

— Не я.

— Какъ смѣешь ты говорить это! Не ты ли потерялъ Миланъ?

— Ты самъ потерялъ его, король, потому что оставилъ насъ на произволъ судьбы.

— Какимъ образомъ? спросилъ король возвысивъ голосъ.

— Войску необходимо жалованье, потому что оно состоитъ не изъ дворянъ; войску необходимо продовольствіе. Но ни о томъ, ни о другомъ не позаботились во Франціи. Вспомните, король, что я не хотѣлъ уѣзжать отсюда, пока мнѣ не выдадутъ деньги для веденія войны. Вы сказали мнѣ тогда: „уѣзжай спокойно, деньги будутъ высланы!“ Я уѣхалъ—чѣмъ же это кончилось? Жандармы прослужили

Библиотека "Руниверс"

восемнадцать мѣсяцевъ, не получивъ ни одного денара [1]), также какъ и швейцарцы, которые служатъ только изъ-за денегъ. Большинство ихъ наконецъ бросило меня, а тѣ которые остались, принудили меня дать битву у Бикокка при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Они надѣялись поживиться добычей и обратились въ бѣгство при первомъ натискѣ.

— Какъ можешь ты жаловаться на недостатокъ денегъ, когда мнѣ извѣстно, что ты получилъ сполна обѣщанныя 400,000 экю?

— Ты мнѣ не высылалъ ихъ.

— Это наглая ложь!

— Удержись, король Франціи! Лотрекъ Фуа уже нѣсколько лѣтъ предводительствуетъ твоими войсками и не позволитъ тебѣ обращаться съ нимъ такимъ способомъ. Фуа не лжетъ! Я дѣйствительно получилъ твое королевское письмо, въ которомъ ты извѣщалъ меня о посылкѣ денегъ, но онѣ не были высланы мнѣ.

— Бріонъ, позови Семблансэ!

Король опять принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ казался еще въ большемъ волненіи, чѣмъ при началѣ разговора. Когда вошелъ Семблансэ, король съ горячностью спросилъ его:

— Развѣ я не приказалъ тебѣ послать 400,000 экю въ итальянскую армію?

— Точно такъ, ваше величество.

— Ты исполнилъ мое приказаніе?

— Деньги уже были приготовлены къ отправкѣ, но ея королевское высочество герцогиня Ангулемская потребовала всю сумму къ себѣ.

— Развѣ ты мнѣ не слуга и не считаешь себя обязаннымъ исполнять мои приказанія?

— Я противился насколько это было возможно противъ матери моего короля, но ваше величество было въ отсутствіи и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ заручиться формальной квитанціей...

— А мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ отправить тебя на висѣлицу за твою глупость! Понимаешь ли ты свой нелѣпый поступокъ, старый дуракъ?.. Бріонъ, попроси сюда герцогиню Ангулемскую!.. Ну скажи, пожалуйста, на что мнѣ эта бумага? Ты кажется потерялъ всякую совѣсть?..

— Моя совѣсть совершенно спокойна, а эта бумага—формальная квитанція герцогини въ полученіи 400,000 экю.

— Давай ее сюда.

Король внимательно прочелъ росписку. Конвульсивное движеніе на минуту исказило его лицо; онъ смѣрилъ взглядомъ съ головы до ногъ несчастнаго интенданта и затѣмъ молча смотрѣлъ на дверь,

---

[1]) Во Франціи въ средніе вѣка и позже до учрежденія регулярной арміи жандармами (отъ слова gents d'armes) назывались люди, служившіе въ королевскомъ войскѣ по найму.

Библиотека "Руниверс"

черезъ которую должна была войти герцогиня. Онъ почти раскаивался въ томъ, что долженъ будетъ сдѣлать допросъ своей матери при свидѣтеляхъ.

Когда вошла герцогиня, онъ вышелъ къ ней на встрѣчу и подойдя съ нею къ Семблансэ сказалъ вѣжливымъ голосомъ:

— Герцогиня, этотъ человѣкъ утверждаетъ, будто онъ выдалъ вамъ по вашему приказанію 400,000 экю.

— Чѣмъ же онъ можетъ доказать это?

— Вотъ этимъ, отвѣтилъ король, показывая ей росписку, собственноручно подписанную ею.

Герцогиня ожидала этой критической минуты и, посовѣтовавшись съ Дюпра, приготовилась къ ней. Она внимательно прочла квитанцію и сказала равнодушнымъ голосомъ:

— Да, это моя квитанція. Я получила деньги и дала росписку въ полученіи ихъ. Что же въ этомъ удивительнаго мой сынъ?

— Какъ! Развѣ вы не знаете, что взявъ эту сумму вы лишили меня войска и моихъ итальянскихъ владѣній?

— Боже меня избави отъ этого, мой сынъ! Зачѣмъ вы тогда не потребовали отъ меня этихъ денегъ. Я охотно пожертвовала бы ихъ на содержаніе войска, хотя онѣ были собраны мною цѣной большихъ лишеній.

— Что это значитъ? спросилъ король.

— Герцогиня! что вы говорите! воскликнулъ Семблансэ, у котораго на лбу выступили крупныя капли пота при мысли о той опасности, которая грозила ему, такъ какъ онъ сразу догадался къ какой уловкѣ хочетъ прибѣгнуть герцогиня.

Король не понялъ восклицанія старика и, принявъ его за просьбу о пощадѣ, сталъ настаивать, чтобы ему объяснили въ чемъ дѣло. Герцогиня, какъ бы не хотя, уступила желанію своего сына и разсказала, что у ней скопилась сумма въ 400,000 экю, которую она отдала на храненіе Семблансэ и что эти деньги не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыя были предназначены для итальянскаго войска.

— Могъ ли я ожидать этого отъ тебя, Семблансэ! воскликнулъ король.—Сколько лѣтъ я вѣрилъ въ твою честность, старый сѣдой грѣшникъ! Какъ искусно обманывалъ ты меня!

Семблансэ положилъ руку на сердце и хотѣлъ повторить свои прежнія показанія, но герцогиня прервала его съ первыхъ же словъ.

— Если французскій король, сказала она,—позволяетъ обвинять свою мать во лжи, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ дѣлать это въ приличной формѣ. Пусть этотъ человѣкъ будетъ призванъ къ суду и дѣло изслѣдовано надлежащимъ образомъ; я не желаю объясняться съ обманщикомъ и унижать этимъ мое достоинство.

— Да, мы слишкомъ испорчены и не достойны владѣть такой прекрасной страной, какъ Италія! воскликнулъ король, взглянувъ съ сомнѣніемъ сперва на мать, а потомъ на Семблансэ.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время къ королю подошелъ Бонниве и шепнулъ ему что-то на ухо. Король поспѣшно бросился къ окну, отворилъ его и взглянувъ на дворъ, подозвалъ къ себѣ Бюде.

— Сойди внизъ, Гилльомъ, сказалъ онъ медленно и съ удареніемъ,—и прими гостя какъ я тебѣ приказывалъ.

— Займитесь Лотрекомъ, ваше величество! сказалъ вполголоса Бонниве, онъ стоитъ одинъ среди залы; если онъ подойдетъ къ окну и увидитъ свою сестру, то разумѣется возьметъ ее подъ свое покровительство; тогда намъ будетъ очень трудно выполнить нашъ планъ, если онъ только не будетъ окончательно разстроенъ, что всего вѣроятнѣе.

Но король не слушалъ его. Онъ былъ весь поглощенъ тѣмъ, что дѣлалось на дворѣ. Молодая графиня въѣхала на дворъ на бѣломъ иноходцѣ; разгоряченная верховой ѣздой, немного сконфуженная при видѣ множества незнакомыхъ ей людей, она остановилась въ нерѣшимости и съ любопытствомъ осматривалась кругомъ. Наконецъ она замѣтила Бюде, который вышелъ къ ней на встрѣчу изъ замка, съ радостью протянула ему обѣ руки и, опираясь на его плечо, граціозно соскочила на землю.

— Вы были совершенно правы, сказалъ король, обращаясь къ Бонниве.—Это дѣйствительно прелестное созданіе!

— Если ваше величество не займетъ чѣмъ-нибудь Лотрека, то вы больше не увидите ее! Вотъ герцогиня идетъ къ одному окну, Лотрекъ къ другому; только Семблансэ замеръ среди залы, какъ несчастная жертва, которую ведутъ на закланіе...

Король поспѣшно отошелъ отъ окна и, подозвавъ Лотрека, увелъ его на другой конецъ залы, гдѣ окна выходили на лугъ, который видѣнъ былъ изъ комнаты герцогини.

— Можешь ли ты дать мнѣ честное слово, Лотрекъ, спросилъ вполголоса король, что только недостатокъ средствъ былъ причиной нашей неудачи?

— Нѣтъ, король, не это одно повредило намъ. Я держался слишкомъ осторожнаго способа дѣйствій и не пользовался тѣмъ, что составляетъ лучшее преимущество нашихъ дворянъ и жандармовъ на войнѣ, а именно быстротою натиска, то, что итальянцы зовутъ furia francese. Это помѣшало успѣху, а недостатокъ въ деньгахъ довершилъ остальное.

— Значитъ, не смотря на потерю, мы получили урокъ, которымъ мы можемъ воспользоваться?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Если такъ, то еще не все потеряно! Теперь представляется случай исправить дѣло! Ты долженъ немедленно ѣхать на мѣсто военныхъ дѣйствій... разумѣется въ томъ случаѣ, если ты простилъ мнѣ мою горячность, мой милый Лотрекъ! Дай мнѣ руку. Твоя откровенность душевно порадовала меня; мы только тогда можемъ исправить

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости. историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1881 г.

Стр.

I. ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ. **И. Е. Забѣлина** 233

II. ЧЕРНИГОВКА. Быль второй половины XVII вѣка. Главы VI—XII. **Н. И. Костомарова**. 269

III. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ СОРОКОВЫХЪ И ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. **М. И. Сухомлинова** 330

IV. ДВОРЯНСКІЙ БУНТЪ ВЪ ДОБРЫНСКОМЪ ПРИХОДѢ. **Н. С. Лѣскова** 357

V. ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БУТКОВЪ. Отрывокъ изъ воспоминаній. **А. И. Милюкова**. 391

VI. МОЙ АРЕСТЪ И ОСВОБОЖДЕНІЕ ВЪ 1839 г. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта **В. Д. Кренке**. 401

VII. НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЪ. **Г. В. Есипова**. 418

VIII. НѢМЕЦКАЯ ПАРТІЯ ВЪ РУССКОЙ АКАДЕМІИ. **Ѳ. И. Булгакова** 421

IX. КЛЕРИКАЛЬНАЯ НѢМЕЦКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ. (Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880). **Н. И. Смирнова** 432

X. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. М. 1880. **Н. И. Костомарова**. — 2) Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII. Академическаго изданія сочиненій Державина) Спб. 1880. **Ор. Миллера**.—3) Ѳеофанъ Прокоповичъ. какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. Спб. 1880. **А. С—каго**.—4) Сборникъ матерьяловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ III. Рига. 1880. **Р. Н—ва**.—5) Ежегодникъ Владимірскаго статистическаго комитета. Т. III. Владиміръ. 1881. **Ѳ. Б.**— 6) Kniazowie i szlachta między Janem, Wieprzem, Bugiem. Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem i północnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe. W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880. **И. Л**. 451

XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Н. И. Рылѣеву. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**.—Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.**— Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову. Сообщ. **П. И. Костылевымъ**. 463

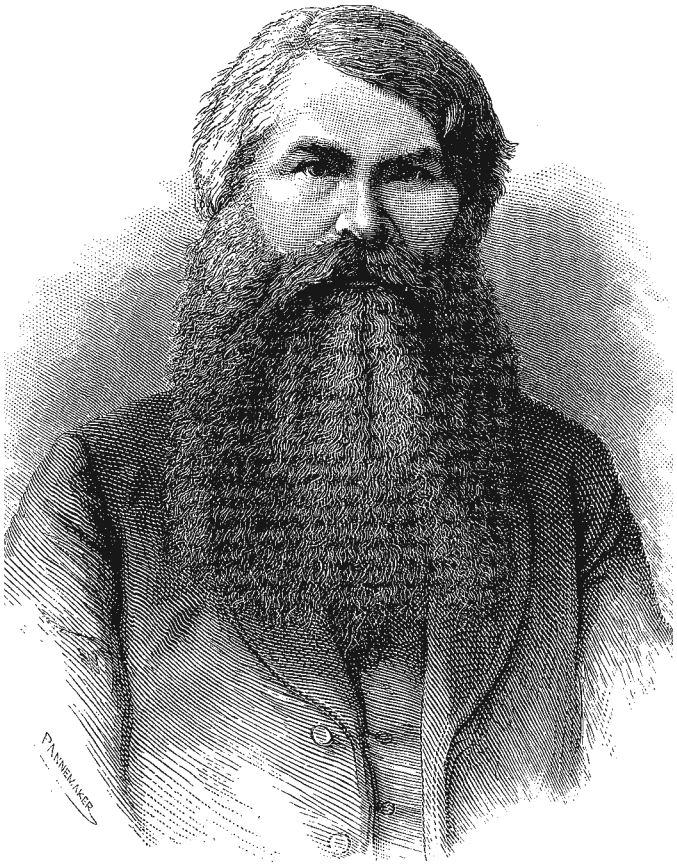
XII. СМѢСЬ: Экспедиція Н. М. Пржевальскаго.—Л. А. Сѣряковъ . . 468

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ, историческій романъ **Г. Лаубе.** Часть I, глава V; часть II, главы I—II;—2) Портретъ **И. Е. Забѣлина.**

При этой книжкѣ прилагается объявленіе отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ ЗАБѢЛИНЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ.

МОСКВА изстари почитается знаменемъ и средоточіемъ русской народности. „Москва всѣмъ городамъ мать“, говоритъ народная пословица, кратко и точно выражающая весь смыслъ московскаго періода русской исторіи, какъ за тысячу лѣтъ такое же присловье выражало весь смыслъ южной или кіевской исторіи, именуя Кіевъ матерью русскихъ, т. е. южныхъ городовъ. Народное сознаніе иначе и не можетъ представлять себѣ существенныя, коренныя черты своей исторіи, ибо корень, изъ котораго развилась южная исторія, дѣйствительно находился въ Кіевѣ, такъ какъ корень развитія сѣверной исторіи народился въ Москвѣ. Здѣсь любопытна эта неизмѣнная тысячелѣтняя народная мысль о городѣ-матери, какъ о начальномъ источникѣ историческаго развитія.

Новую Петербургскую столицу народъ повидимому еще не совсѣмъ замѣтилъ, быть можетъ потому, что она помѣстилась на самомъ краю русской земли, а главное потому, что Петербургъ все-таки прямой сынъ Москвы. На новомъ мѣстѣ и по новой, болѣе просвѣщенной и уже европейской системѣ онъ развивалъ все тѣже старозавѣтные московскіе идеалы,—самодержавіе и государственность, такъ что простой народъ, примѣчая въ историческомъ ходѣ дѣлъ только основныя, самыя существенныя черты, не въ силахъ былъ различить, продолжается ли въ его жизни старое московское время, или идетъ уже время новое петербургское. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что народъ въ своей громадѣ и доселѣ во многомъ живетъ еще идеями и идеалами XVII ст. И вотъ видимыя причины, по чему онъ любитъ старую Москву какъ родную мать. Онъ не помнитъ, какія грозы и несправедливости перенесъ отъ нея во время своего младенчества, не помнитъ ея безпощаднаго, а иногда и безтолковаго материнскаго ученья. Онъ запомнилъ крѣпко только одно, что она ему родная мать.

Библиотека "Руниверс"

Въ иныхъ случаяхъ онъ возставалъ противъ нея и, какъ оскорбленный, непокорный сынъ, требовалъ справедливости; но укрощенный и наказанный, снова бросался въ ея объятія и со всѣхъ сторонъ шелъ защищать и спасать ее, когда приходила опасность. Родственное сыновнее чувство къ Москвѣ остается у народа неизмѣннымъ и въ наше время. Какъ же возродилось и воспиталось это чувство, чѣмъ возбуждалось и поддерживалось оно въ теченіи многихъ столѣтій? Къ сожалѣнію, исторія Москвы въ существующей обработкѣ не отвѣчаетъ на эти любопытные вопросы; и не только не отвѣчаетъ, но въ своемъ характерѣ прямо противорѣчитъ тому доброму идеалу, какой сложилъ себѣ объ этой исторіи самъ народъ.

Въ исторической и не исторической литературѣ, гдѣ только авторы касаются московской исторіи, читатель сплошь и рядомъ встрѣчаетъ отзывы какъ бы нѣкотораго озлобленія или презрѣнія ко всему московскому періоду нашей исторіи, который вообще представляется въ видѣ непріятной и чуть не позорной необходимости и даже какой то напасти. Мы говоримъ о ходячихъ литературныхъ мнѣніяхъ, направляющихъ въ извѣстномъ смыслѣ общественное сознаніе. Обыкновенно историческій подвигъ Москвы обозначается такими рѣченіями: „коварная Москва, алчная Москва, пронырливая Москва, татарщина Москва, ибо всѣ элементы ея жизни полно и всецѣло были охвачены татарщиною; всѣ старые города презирали ее за татарскую политику и за татарскіе нравы, за стремленіе проводить антинаціональныя начала... Это былъ дикій воинскій станъ, проименованный Москвою“... Иной съ радостію открывалъ, что Москва была безграмотна; другой доказывалъ, что она съ намѣреніемъ искажала Новгородскія лѣтописи, т. д. Даже представители науки цѣлыя диссертаціи пишутъ, разсказывая и доказывая, что „между старымъ русскимъ міромъ, землею и позднѣйшимъ московскимъ государствомъ лежитъ какая то ненаполнимая пропасть“, что эта пропасть есть монгольское вліяніе, распространенное и укрѣпленное въ русской жизни Москвою, подобно тому какъ напр. Петръ и Петербургъ распространили и укрѣпили европейское вліяніе.

Оказывается, не шутя, что Московское государство въ своемъ существѣ и въ своемъ характерѣ есть государство татарское, ибо Москва заимствовала у татаръ не только систему управленія, напр., приказы, кормленья и проч., но и различные бытовые порядки, напр. мѣстничество и т. д.

Подобные ученые выводы, поступая въ оборотъ общественной мысли, мало по малу создали весьма своеобразный идеалъ исторической Москвы, исполненный грубаго варварства, хитрости, коварства, обмана, хищничества, всякой жестокости и всякаго насилія; тотъ самый идеалъ, который при случаѣ и теперь разрисовывается нашими недругами про всю Русскую землю.

Все это и многое другое въ дѣйствительности можно говорить,

Библиотека "Руниверс"

ставши на точку зрѣнія потерявшихъ и потерпѣвшихъ въ борьбѣ съ московскими началами развитія. Это мнѣнія и слова погибавшей независимости или погибавшаго своеволія, слова княжеской и боярской гордыни, невыносившей ни чьихъ повелѣній, а тѣмъ паче насилій. Это мнѣнія и слова по преимуществу верхняго владѣющаго и властвующаго слоя русскихъ людей, для котораго московскія начала развитія во многихъ обстоятельствахъ уже сами по себѣ были оскорбленіемъ и насиліемъ.

Но все-таки эта точка зрѣнія, хотя бы она была основательна и справедлива, для исторіи недостаточна. Она можетъ доставить богатѣйшій матеріалъ только для романа или для статей, воспитывающихъ либеральную чувствительность или проводящихъ какую либо одностороннюю мысль. Настоящей исторической правды здѣсь не будетъ. Для возстановленія этой правды необходима историческая точка зрѣнія, которая вообще ставитъ зрителя нѣсколько выше всѣхъ одностороннихъ или, какъ говорятъ, субъективныхъ сужденій и заключеній. Историческая точка зрѣнія должна освѣщать предметъ по возможности со всѣхъ сторонъ и по крайней мѣрѣ съ обыкновенныхъ двухъ, съ правой и съ лѣвой, съ доброй и худой. Говоря о добрѣ, она не скрываетъ и худого, какъ равно, выставляя на видъ худое, не можетъ скрывать и доброй стороны.

Но кромѣ того, и доброе и злое съ ея высоты представляется не совсѣмъ такъ, какъ понимаютъ ихъ люди, преданные только своимъ личнымъ интересамъ, своимъ личнымъ цѣлямъ и стремленіямъ.

Для исторіи существуетъ лишь одна добродѣтель—общее благо, и одно злодѣяніе—нарушеніе или и разрушеніе общаго блага. Вотъ руководящая идея исторической точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что, смотря отсюда, очень многаго изъ людскихъ дѣлъ и событій мы и совсѣмъ не увидимъ. Очень многое, личное и частное, въ этомъ случаѣ отойдетъ на задній планъ, утратитъ смыслъ и значеніе для исторіи и останется только краскою для изображенія типическихъ характеровъ времени или типическихъ стремленій вѣка. Относительно нравственной оцѣнки людскихъ, не простыхъ, но историческихъ дѣяній, должно замѣтить, что съ нею необходимо поступать очень осторожно. Историческія дѣянія на половину дѣянія кровавыхъ битвъ, и чтобы открыть въ нихъ праваго и виноватаго, въ какой степени кто правъ и въ какой степени кто виноватъ, надо произвести самое подробное изслѣдованіе, чего по большей части мы не дѣлаемъ, а за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтелей и выполнить совсѣмъ не можемъ. Историку остается слѣдовать мудрому и въ высокой степени гуманному совѣту Екатерины, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ засудить одного неповиннаго.

Ничего нѣтъ легче наводить на историческихъ дѣятелей историческія клеветы: бумага все терпитъ.

Такъ какъ Москва въ трехъ-вѣковой битвѣ съ своими соперниками

Библиотека "Руниверс"

осталась побѣдительницею и притомъ развила государственность и самодержавіе, которые, чѣмъ отчаяннѣе шла битва, тѣмъ становились круче и самовластнѣе,—то на нее, на Москву, и повалена вся вина этого крутого самовластія, такъ что побѣжденные остались какъ бы совсѣмъ невинными жертвами московской жестокости и ненасытности.

Въ такомъ видѣ исторія Москвы впервые была представлена еще Карамзинымъ. Его мысль осталась неизмѣнною и до настоящаго времени. Она только развивалась дальше, и подробнѣе, и послѣдовательнѣе. Его „Исторію Государства Россійскаго" много критиковали, доказывали, что во многомъ она устарѣла и неправильно изображаетъ наше прошедшее; но что касалось ея мыслей о способахъ водворенія московскаго единодержавія, то эти мысли почитались вполнѣ достовѣрными; что касалось указанной характеристики Москвы, то всѣ пользовались Карамзинымъ, какъ главнымъ источникомъ.

Какъ извѣстно, однимъ изъ руководящихъ философическихъ началъ въ „Исторіи Государства Россійскаго" была сентиментальная гуманность, идея сентиментальной нравственности и сентиментальной добродѣтели, которая, какъ литературная проповѣдь, подъ перомъ Карамзина, имѣла великое благотворное вліяніе на воспитаніе русскаго общества. Въ повѣствованіи о прошлыхъ судьбахъ Россіи онъ пользовался всякимъ случаемъ, гдѣ лица или событія могли выразить его идеалы гуманныхъ, благородныхъ чувствованій и поступковъ. Какъ художникъ, онъ рисовалъ ихъ сильными чертами, всегда употребляя при этомъ извѣстный художническій пріемъ—налагать не менѣе сильныя тѣни на событія и лица, не вызывавшія никакой добродѣтельной чувствительности.

И такъ какъ въ московской исторіи борьба съ Тверью даетъ большое основаніе и очень богатый матеріалъ для возсозданія подобныхъ художническихъ картинъ, то это обстоятельство и послужило первою причиною, почему первоначальная исторія Москвы была росписана самыми мрачными красками. Вся она служитъ какъ-бы только необходимымъ темнымъ фономъ для яркаго изображенія благородства и гуманности тверскихъ князей, почему художникъ излагаетъ ихъ исторію и характеристику съ естественнымъ и немалымъ пристрастіемъ.

Юрій Даниловичъ московскій, который нѣсколько разъ не зналъ, какъ спастись отъ тверскихъ преслѣдованій, является черною душою, злодѣемъ. Михаилъ тверской, который собственно и началъ борьбу, отнявъ у Москвы Переяславскую волость Вьюлку и намѣреваясь отнять и все Переяславское княжество—чистая совѣсть, великодушный, готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи и проч. Тверскіе князья и въ самыхъ опасныхъ случаяхъ ведутъ себя въ Орлѣ передъ свирѣпымъ, грознымъ ханомъ съ покорностію, но безъ робости и малодушія; московскіе князья кланяются, унижаются, искуснымъ образомъ льстятъ. Такимъ образомъ, даже и на-

Библиотека "Руниверс"

чальное развитіе Московскаго княжества проходитъ путемъ самыхъ недостойныхъ дѣйствій и поступковъ.

Сначала московскіе князья являются завоевателями: Даніилъ Александровичъ побѣждаетъ рязанскаго князя и отнимаетъ у него многія земли (чего не говоритъ ни одинъ лѣтописецъ). Его сынъ Юрій тоже захватываетъ Коломну и завоевываетъ Можайскъ. Другой сынъ, Иванъ Даниловичъ, погубивъ тверского Александра, достигаетъ великаго княженія „не силою оружія, но единственно милостью хана Узбека, которую снискиваетъ умною лестью и богатымъ дарами".

Но откуда же богатство у Москвы, которая, по словамъ историка, была однимъ изъ бѣднѣйшихъ удѣловъ владимірскихъ? „Предположимъ замѣчаніе любопытное, говоритъ историкъ далѣе:—иго татаръ обогатило казну великокняжескую, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для хана, но хитростію князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ. Народъ жаловался, однакожъ платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные князья, подверженные наглости моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые окупные князьки оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами. Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль, сдѣлались снова городами великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III... Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита... Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: князья московскіе поклонами въ Ордѣ—дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи!.. Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ!.."

Таковъ основный взглядъ Карамзина на развитіе московскаго единовластія и спасительнаго самодержавія.

Когда русская исторія освѣтилась новою идеею или теоріею борьбы родового начала съ государственнымъ, то заключенія Карамзина не только не утратили своего вѣса, но получили еще большую устойчивость и вполнѣ научную обработку.

Родовое начало держалось на общемъ владѣніи Землею. Государственное начало, стало развиваться изъ особнаго, частнаго владѣнья, собственно изъ вотчины, а еще вѣрнѣе—изъ начала семейственнаго.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлавшись вотчинниками, сѣверные князья стали заниматься примыслами, усиленіемъ себя во что бы то ни стало на счетъ другихъ, съ явною (будто бы) цѣлью покорить и подчинить всѣхъ остальныхъ своей единой волѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при общемъ стремленіи къ этой цѣли всѣхъ князей, побѣжденному приходилось сдѣлаться слугою побѣдителя. Быть можетъ такой цѣли въ дѣйствительности не существовало до временъ Іоанна III, но она, какъ ученый пріемъ, была необходима для научнаго раскрытія новой исторической идеи. Поэтому всѣ сѣверные князья, начиная съ Андрея Боголюбскаго, какъ бы сознаютъ эту идею, какъ бы уже видятъ намѣченную ею цѣль. Они особенно стараются привести въ свою волю, совсѣмъ примыслить къ своей отчинѣ Великій Новгородъ и конечно не успѣваютъ въ этомъ, потому что средства ихъ еще слабы, а силы Новгорода обширны.—„Притомъ же (они будто въ самомъ дѣлѣ сознаютъ, что) предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать". „Московскіе князья при началѣ своего усиленія поступаютъ благоразумнѣе (конечно уже заранѣе понимая, въ чемъ дѣло и къ чему приведетъ ихъ благоразуміе): вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, при томъ же примыслы на счетъ этихъ сосѣдей слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даніилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пункъ при устьѣ Москвы рѣки въ Оку; сынъ Даніиловъ Юрій обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, какже важный пунктъ при верховьяхъ Москвы рѣки".

Но важнѣе, гораздо замѣтнѣе и крупнѣе былъ примыслъ Переяславскаго княжества (однако полученнаго Москвою не захватомъ и насиліемъ, но по духовному завѣщанію). Изъ-за этого княжества и начинается борьба съ Тверью, которая сначала рѣшилась было въ пользу Твери, но тверской князь, не думая о маломъ, прямо сталъ примышлять къ своей отчинѣ Великій Новгородъ. Новгородцы отдались Москвѣ. Тогда Юрій московскій, при помощи новгородскихъ денегъ и породнившись съ ханомъ, погубилъ тверского князя. Тверь однако ничего не потеряла. „Московскій Юрій, хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался плодами своихъ тяжкихъ и непривлекательныхъ трудовъ: онъ самъ погибъ отъ руки сына, убитаго въ Ордѣ тверского князя. Но ему наслѣдовалъ знаменитый братъ его Иванъ Калита. Тверь получила отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, а Калита, „перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всѣхъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не окончилась: Калита ждалъ удоб-

Библиотека "Руниверс"

наго случая, который не замедлилъ явиться: въ Твери вспыхнуло возстаніе, вырѣзали татаръ. Калита съ татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсилилъ въ конецъ Тверское княжество и погубилъ потомъ тверского князя въ Ордѣ. Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю".

Такимъ образомъ, въ обработкѣ русской исторіи по новой идеѣ московскіе князья являются на историческую сцену уже съ заранѣе обдуманнымъ планомъ дѣйствій и какъ настоящіе хитрецы и люди лукавые начинаютъ свою игру маленькимъ, едва для другихъ замѣтнымъ ходомъ на ближайшіе мелкіе города въ противоположность тверскимъ князьямъ, которые открыто и прямо ходятъ крупнымъ ходомъ на Новгородъ. Представляется такъ, что борьба, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, происходитъ только между игроками-князьями, что ни общество, ни народъ въ борьбѣ не принимаютъ участія, что она возникаетъ и ведется именно по плану ученаго изслѣдованія, съ глубокою и дальновидною цѣлью, а не простою силою личныхъ характеровъ и жизненныхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ люди думаютъ больше всего о самозащитѣ или о простомъ своекорыстіи, защищаютъ только свое и себя отъ сосѣдскихъ обидъ, захватовъ, притѣсненій и нападеній, и наказываютъ за это своихъ противниковъ такими же обидами, захватами и нападеніями. Обыкновенно великія дѣла въ исторіи всегда начинались изъ простыхъ и мелкихъ дѣйствій и обстоятельствъ. Только на театральной сценѣ люди выходятъ съ замысломъ съиграть свою роль, впередъ очерченную авторомъ и впередъ выученную актеромъ. Къ сожалѣнію, московскимъ князьямъ именно даютъ готовую, какъ бы заученную историческую роль злохитрыхъ и злоковарныхъ героевъ политическаго и всякаго другого насилія, съ цѣлью выработать спасительное единодержавіе. То самое, до чего изслѣдователь послѣ многихъ изысканій и соображеній додумался и что добылъ, какъ выводъ и руководящее начало исторической жизни, это самое онъ и влагаетъ всѣмъ дѣятелямъ исторіи какъ ихъ собственную и вполнѣ сознательную завѣтную думу, заставляя ихъ жить и дѣйствовать по системѣ сдѣланнаго ученаго вывода.

„Погубивъ тверскихъ князей, Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую землю". Именно губитель, Иванъ Даниловичъ Калита, первый же и называется собирателемъ Русской земли, но къ сожалѣнію, не въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову изслѣдователи, неизвѣстно почему разумѣющіе здѣсь только собираніе и соединеніе въ одно цѣлое княжествъ и земель. Лѣтописецъ, назвавши такъ Ивана Даниловича Калиту, разумѣлъ совсѣмъ не то. Онъ называетъ собирателемъ и тверскаго князя Константина Михайловича, когда тотъ послѣ тверского разгрома явился устроителемъ раззоренной земли и собирателемъ разбѣжавшагося народа. Только этотъ смыслъ имѣетъ собирательство и московскаго

Библиотека "Руниверс"

князя, послѣ безчисленныхъ смутъ и нашествій установившаго миръ и тишину въ землѣ. „Собирателемъ Русской области“ именуется и Дмитрій Донской, но опять въ томъ же смыслѣ устроителя, сохранителя земли отъ внѣшнихъ враговъ и земскаго безпорядка. Древній собиратель значитъ собственно установитель мира и тишины, собратель разбѣжавшагося народа. Что касается алчнаго земельнаго собирательства московскихъ князей, то оно совсѣмъ не такъ велико какъ можно было бы ожидать по случаю навязаннаго имъ постояннаго стремленія усиливать себя на счетъ другихъ во что бы то ни стало. Осмотрѣвши подробно всѣ пріобрѣтенія Москвы, въ теченіи первыхъ ста лѣтъ, историки утверждаютъ, что „въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играли весьма малую роль“. Эти завоеванія въ сущности ограничились пріобрѣтеніемъ Можайска, такъ какъ завоеваніе Коломны пока остается подъ сомнѣніемъ, ибо лѣтописцы объ этомъ не говорятъ ни слова.

Затѣмъ, со временъ Калиты, говорятъ изслѣдователи, распространеніе московскихъ владѣній происходило преимущественно прикупами и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало т. е., какъ объясняютъ, путемъ хотя и насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній.

Продолжительныя войны съ сосѣдними княжествами, хотя и оканчивались торжествомъ Москвы, но не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ пріобрѣтеній; такъ ничего не было пріобрѣтено отъ Твери, ничего не было пріобрѣтено отъ Рязани, ничего изъ новгородскихъ волостей, т. е. отъ самыхъ главныхъ и сильныхъ соперниковъ Москвы.

Вообще, земельное усиленіе Москвы на счетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ ограничилось только тѣмъ, что Москва въ теченіи цѣлаго столѣтія не выпускала изъ рукъ великаго княжества Владимірскаго, за которое собственно и боролась очень устойчиво. Въ этой только области и главнымъ образомъ внутри ея, около Юрьева, происходили всѣ ея примыслы-купли, которыя съ своей стороны показываютъ, что великокняжеская область все-таки не почиталась собственностью Москвы и до смерти Василія Темнаго оставалась, такъ сказать, въ общемъ родовомъ владѣніи заодно со всѣми мѣстными князьями и со всѣми княжескими боярами.

Какъ же послѣ того понимать увѣреніе изслѣдователей, что Москва съ перваго же шага стремилась пріобрѣтать и усиливаться на счетъ другихъ „во что бы то ни стало, не разбирая средствъ“?

Въ политическихъ отношеніяхъ это прямо обозначало бы постоянный грабежъ и разбой, постоянные захваты и завоеванія насиліемъ оружія, или насиліемъ обмана и коварства, какъ напримѣръ, распространялось владычество литовскихъ князей. Между тѣмъ, Москва распространяется главнымъ образомъ по духовному завѣщанію, а потомъ куплями. Захваты появляются лишь тамъ, гдѣ само земство, такъ сказать, вынуждаетъ захватъ, отдаваясь само въ волю Москвы, само

Библиотека "Руниверс"

выдавая своихъ князей въ московскія руки. Это и есть примыслы особаго рода, которые, не раскрывая всѣхъ обстоятельствъ и подробностей дѣла, прямо приписываютъ московскому злохитрому коварству. Но такъ вѣдь можно объяснять всякій успѣлъ даже въ личныхъ дѣлахъ каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ исторіи каждаго княжества и каждой самобытной области. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ на Москву взведено много напраслинъ; намъ кажется, что успѣхъ ея политики держался совсѣмъ на иныхъ началахъ, болѣе русскихъ, чѣмъ эта нѣмецкая средневѣковая идея усиливать себя на счетъ другихъ во что бы то ни стало, не разбирая средствъ.

Между русскими князьями такая мысль если и приходила кому въ голову, то встрѣчала всегда неодолимыя преграды въ родовой связи князей, которую кромѣ того крѣпко поддерживали безчисленныя договорныя клятвы. Эти клятвы нарушались, но люди все-таки были христіанами и отчаянные себялюбцы встрѣчали въ самомъ обществѣ полное осужденіе своимъ предпріятіямъ и оставались одинокими. Усилить себя на счетъ другихъ, не разбирая средствъ, никому не удавалось. Такое дѣло еще со времени Святополка Владиміровича погибало само собою при самомъ его началѣ. Усилить себя на счетъ другихъ возможно было только службою на общую пользу. Такое усиленіе было собственно привлеченіемъ на свою сторону всѣхъ крѣпкихъ, здоровыхъ силъ земли, прежде всего нравственныхъ, за которыми сами собою приходили и пріобрѣтались и матеріальныя силы.

Подвигъ Москвы въ русской исторіи имѣетъ великое значеніе не потому, что Москва собрала разрозненныя земли. Такой подвигъ успѣла совершить и Литва, но литовское государство разсыпалось и подчинилось Польшѣ. Величіе московской заслуги передъ Землею заключается въ томъ, что отъ Москвы начался прогрессивный ходъ самой русской исторіи, представлявшей до тѣхъ поръ только однѣ и тѣже повторительныя формы политической жизни, слѣдовательно, не содержавшей въ себѣ никакого прогрессивнаго зародыша. Самый Новгородъ, во многихъ отношеніяхъ наилучшая форма древне-русской жизни, тоже не имѣлъ въ своемъ существѣ прогрессивнаго зерна и окончилъ свою исторію тѣмъ же, чѣмъ началъ ее.

Только Москвѣ выпало на долю найдти это прогрессивное зерно и она выростила его, но не путемъ разбоя и грабежа, коварства и насилія, а тѣми средствами, какія доставляла сама жизнь всего русскаго общества, само развитіе его здоровыхъ стремленій и потребностей.

Въ исторіи еще не замѣчено, чтобы больныя и развращающія начала въ родѣ коварства, обмана, насилія, были когда либо способны послужить къ зарожденію крѣпкаго и здороваго организма, какимъ въ послѣдствіи явилось московское государство. Московское прогрессивное зерно, которое при самомъ началѣ обозначалось только вы-

Библиотека "Руниверс"

раженіемъ жить за одинъ, жить всѣмъ въ единствѣ, какъ одинъ человѣкъ, выростало очень медленно, и тѣмъ самымъ показывало, что оно не есть созданіе какихъ либо князей и какихъ либо личныхъ интересовъ, но есть непосредственное творчество самой русской земли въ границахъ ея Суздальской области.

Развитіе московскаго единенія или единодержавія въ своемъ возростѣ само собою распадается на два отдѣла или періода, такъ сказать, на два ростительныхъ колѣна.

Оба колѣна, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ органическаго послѣдовательнаго развитія, носятъ въ себѣ много сходнаго и почти одинаковы даже по пространству времени.

Въ первомъ періодѣ начало политическаго единенія развиваетъ изъ старозавѣтнаго „великаго князя" новый образъ „великаго государя", причемъ ушло времени почти полтораста лѣтъ (ставимъ примѣрно круглыя числа: 1330—1460). Второй періодъ, продолжающійся тоже около полутораста лѣтъ, (1460—1610) развиваетъ изъ „великаго государя" новый образъ „царя". И тотъ и другой періодъ оканчиваются внутреннею смутою, органическимъ кризисомъ, гдѣ идея государя какъ и идея царя распространяются по всей землѣ, борятся съ противными началами и выходятъ изъ смуты торжествующими побѣдителями въ умахъ всего народа.

Есть соотвѣтствіе даже въ частностяхъ каждаго періода. Характеръ политики Ивана Калиты соотвѣтствуетъ характеру политики Ивана III; великій князь Симеонъ Гордый, получившій это прозваніе за первые признаки власти государевой, соотвѣтствуетъ государю Василью Ивановичу, начавшему государствовать уже по царски. Время Донского съ его малолѣтствомъ и побѣдою надъ татарами, соотвѣтствуетъ времени Грознаго и его завоеваніямъ татарскихъ царствъ. Смирный и слабохарактерный Василій Темный и богобоязненный царь Ѳедоръ Ивановичъ заключаютъ каждый свой особый періодъ развитія единодержавной идеи, когда эта идея подвергается, такъ сказать, уже всенародному разсмотрѣнію и разсужденію во время Шемякиной смуты и во время смуты самозванцевъ.

Развиваясь послѣдовательно цѣлые триста лѣтъ, единодержавная государственная идея, какъ мы замѣтили, не могла быть созданіемъ однихъ великокняжескихъ лицъ: она создавалась при сильномъ участіи самого народа, а потому необходимо имѣла почву и въ условіяхъ народной жизни Суздальскаго края и въ народныхъ преданіяхъ, и наконецъ въ историческихъ обстоятельствахъ. Поэтому, говоря о московской исторіи, намъ необходимо вспомнить и первоначальную исторію суздальскую, которая вся потомъ сосредоточилась и выразилась полнотою именно въ Москвѣ.

Исторія Москвы начинается не раздѣльно съ исторіею Суздальскаго княжества, въ которомъ московская мѣстность занимала западную его окраину и съ давнихъ вѣковъ составляла бойкій перекрес-

Библиотека "Руниверс"

токъ для промышленныхъ славянскихъ путей съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ. Хотя въ лѣтописяхъ о Москвѣ впервые упоминается подъ 1147 г., но отдаленная древность здѣшняго поселенія несомнительно утверждается открытыми памятниками въ самомъ Кремлѣ, гдѣ найдены курганные серебряные обручи и серьги-рясы, и на мѣстѣ храма Спасителя, гдѣ были найдены арабскія монеты, одна 862 г.

Суздальская или Ростовская страна въ древнее время принадлежала Кіевскому Переяславскому княжеству и по смерти Ярослава Правосуда осталась во владѣніи его сына Всеволода, а послѣ Всеволода перешла къ его сыну Владиміру Мономаху, который посадилъ тамъ на княженіе меньшаго своего сына Юрья (Долгорукаго) еще ребенкомъ, отдавъ его на руки со всѣмъ княженіемъ Георгію Шимоновичу, сыну извѣстнаго варяга Шимона. Эти два Георгія, маленькій князь и мужъ-дружинникъ являются, если не первыми, то главными строителями Суздальской области. Надо замѣтить, что Юрій былъ посаженъ на княженіе не въ Ростовѣ, но въ Суздалѣ, отчего съ той поры и вся страна стала прозываться Суздальскою.

Начавши княжить съ пятилѣтняго возраста, Юрій прокняжилъ почти 60 лѣтъ и при этомъ не выпустилъ изъ рукъ и кіевскаго старѣйшинства, за которое боролся долго и не всегда удачно, но всетаки померъ великимъ княземъ кіевскимъ. Эта борьба за кіевскій великокняжескій столъ, на видъ пустая и какъ бы безцѣльная, имѣла однако великое значеніе для Суздальской земли. Добытое великокняжеское старшинство, какъ доброе наслѣдство, перешло скоро къ сыновьямъ Юрья, съ ними распространилось и на Суздальскую землю, по той причинѣ, что они уже не послѣдовали примѣру отца, не перебрались въ Кіевъ, а оставались жить на Клязьмѣ во Владимірѣ.

Долговременное княженье Юрья въ Суздальской землѣ имѣло очень важныя послѣдствія. Болѣе 50 лѣтъ страна жила единовластіемъ, не зная княжескихъ усобицъ, не испытывая сопряженныхъ съ ними ратныхъ походовъ, опустошеній и раззорѣній.

Въ началѣ, за малолѣтствомъ Юрья, княженіе держалъ тысяцкій Георгій Шимоновичъ, который Юрью былъ „вмѣсто отца". Потомъ, когда Юрій сталъ добиваться кіевскаго стола и долженъ былъ часто отлучаться, земля всетаки оставалась въ управленіи тысяцкаго и дружины, т. е. конечно у дѣтей и родственниковъ Георгія Шимоновича. Замѣтимъ, что и спустя 150 лѣтъ въ Москвѣ первымъ тысяцкимъ былъ потомокъ этого же Георгія. Тысяцкій Георгій жилъ въ старѣйшемъ городѣ—Ростовѣ, и тамъ больше всего и сосредоточивалась суздальская дружина. Если князю Юрью тысяцкій Юрій былъ вмѣсто родного отца, то этимъ обстоятельствомъ опредѣлились и отношенія князя къ дружинѣ. Несомнѣнно, онъ не выходилъ изъ ея думы, изъ ея воли, почему суздальская дружина и заняла передовое мѣсто въ

Библиотека "Руниверс"

управленіи землею, а отлучки князя Юрья еще больше утверждали это положеніе дружины.

И надо сказать, что дружина вполнѣ заслуживала своего мѣста. То, что исторія приписываетъ князю Юрью, половину если не больше должно отдать суздальской дружинѣ. Хозяйскія заботы, постройка городовъ и храмовъ, всякое устройство земли, какъ и ея защита, исполнялись еще больше по замысламъ дружинниковъ, чѣмъ по замыслу князя, который въ свои цвѣтущія лѣта работалъ по преимуществу на югѣ, между тѣмъ какъ старшіе дружинники по необходимости оставались дома и конечно больше князя нуждались напр. въ крѣпкихъ городахъ.

Въ теченіи 70 слишкомъ лѣтъ (1096—1174) на Суздальскую землю всего два раза нападали только новгородцы. Въ первый разъ (1135 г.) за отсутствіемъ Юрья они хотѣли было посадить здѣсь князя изъ своей руки, но подъ Переяславлемъ на Ждановой горѣ потерпѣли такое крушеніе отъ суздальцевъ, что до вѣку помнили свою неудачу. А между мѣмъ этотъ отказъ новгородскимъ притязаніямъ былъ данъ безъ князя, одною дружиною. Съ той поры Суздальская земля стала славиться непобѣдимою; стали говорить, что ктобы ни вошелъ войною въ эту сильную землю, цѣлъ оттуда не выйдетъ. Но важнѣйшая основная сила земли заключалась не въ дружинѣ, которая и сама была сильна только потому, что подъ нею находилась сильная почва.

Населеніе Суздальской земли было по преимуществу промышленное и рабочее, въ собственномъ смыслѣ посадское, что зависѣло отъ самой природы здѣшнихъ мѣстъ, лѣсныхъ, глухихъ, не совсѣмъ плодородныхъ, но изрытыхъ рѣчными потоками, которые, какъ пути сообщенія, всѣ сходились и сливались или въ Волгу, или въ Оку, т. е. въ самыя проторенныя большія дороги тогдашняго промысла. Особенное развитіе посада и посадскаго быта и отличаетъ Суздальскую землю отъ всѣхъ остальныхъ и главнымъ образомъ отъ южной кіевской Руси. Посадскій характеръ и посадскія стремленія Суздальской земли достаточно обозначились уже въ княженье Юрья Долгорукаго. Безпокойный, неугомонный, задорный и сварливый кочевникъ на югѣ, тотъ же князь въ Суздальской землѣ, какъ Егорій Храбрый, славится добрымъ хозяиномъ, цивилизаторомъ, строителемъ городовъ. Очевидное дѣло, что въ историческомъ обликѣ Юрья въ сущности очень рѣзко обозначаются характеры двухъ земель, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и вовсе не рисуется его личный характеръ.

Въ Суздальской землѣ не существовало сварливой, междоусобной и крамольной почвы. Осѣдлость, заботы о своемъ хозяйствѣ, о своей работѣ и промыслѣ, о своей собственности, наживаемой великимъ трудомъ; миръ и тишина, какъ первое благо для устройства всякихъ трудовъ и работъ и всякаго промысла,—вотъ къ чему клонились всѣ стремленія этой земли, которая въ этомъ направленіи воспитывала и

Библиотека "Руниверс"

самаго князя какъ и его дружину. Во все княженіе Юрья суздальская дружина отличалась рѣдкимъ единодушіемъ и яснѣе всего обнаружила это единодушіе на знаменитой Ждановой горѣ въ борьбѣ съ новгородцами.

И такъ, на первыхъ же порахъ задатки развитія Суздальской земли заключались: а) въ княжескомъ единовластіи, которое продолжалось 50 лѣтъ; б) въ передовомъ руководящемъ положеніи дружины относительно князя, и в) въ посадскомъ, промышленномъ характерѣ населенія.

Отпуская Юрья совсѣмъ въ Кіевъ на великое княженіе, въ 1155 г., дружина утвердилась съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ, присягою, что посадитъ у себя въ Суздалѣ на княженье его младшихъ сыновей, Михалка и Всеволода (род. 1154 г.), которые въ то время были еще младенцами. Такимъ образомъ суздальское княженье, какъ отчій домъ по Руской Правдѣ, поступало въ наслѣдство младшему сыну. Но здѣсь можно примѣчать и политику дружины, которая вообще очень любила сидѣть и управлять съ малолѣтними князьями, очень любила сама воспитывать себѣ князя, какъ былъ воспитанъ и самъ Юрій.

Старшихъ сыновей Юрій держалъ около себя въ кіевской Руси. Самымъ старшимъ изъ нихъ, второй по рожденію, теперь былъ Андрей Боголюбскій. Отецъ посадилъ его подлѣ себя въ кіевскомъ Вышгородѣ.

Это былъ истинный сынъ Суздальской земли, полный выразитель ея земскаго характера. Богатырь физическою силою, беззавѣтно храбрый, и удалый и въ то же время способный съ холодной разсудительностью выдерживать всякую опасность, онъ больше всего любилъ миръ и тишину, любилъ свою Суздальскую землю, которую почиталъ своимъ домомъ, тихимъ пристанищемъ отъ кіевскихъ уличныхъ мятежей и усобицъ. „Иди въ Суздаль, намъ нечего здѣсь дѣлать“, говаривалъ онъ отцу, желая покончить безпрестанную рать. Отецъ не соглашался, а сынъ вопреки отцовской волѣ удалялся въ свою Суздальскую волость, Володиміръ. Но отецъ, какъ мы сказали, все-таки посадилъ сына подлѣ себя въ Вышгородѣ.

Въ тотъ же годъ, въ Вышгородѣ къ Андрею явились изъ Суздальской земли нѣкіе Кучковичи. Такъ назывались бояре-владѣльцы Москвы. Это имя могло обозначать и прямо москвичей, ибо Москва въ то время именовалось тоже и Кучковымъ. Въ одномъ случаѣ Кучковичъ названъ Кучковитинымъ, что несомнѣнно обозначаетъ имя мѣстное, а не личное. Кучковичи обольстили Андрея хорошимъ житьемъ въ Суздальскомъ краю, а вѣроятнѣе тѣмъ, что вся земля, не смотря на свою присягу за младшихъ его братьевъ, желаетъ имѣть на княженіи его, старшаго. Въ одну темную ночь, тайкомъ отъ отца, Андрей ушелъ изъ Вышгорода, боясь, что отецъ остановитъ. Это опасеніе особенно выразилось въ томъ обстоятельствѣ, что бѣглецъ взялъ съ собою въ благословеніе и въ путеводительницы Богородичную

Библиотека "Руниверс"

икону (Одигитріе), принесенную изъ Царьграда и по преданію написанную евангелистомъ Лукою, которая въ послѣдствіи стала именоваться Владимірскою, потому что Андрей основалъ свое поселеніе во Владимірѣ. Въ своемъ родѣ это былъ ковчегъ завѣта для Суздальской земли, основаніе ея спасенія, защиты и руководительства во всѣхъ общеземельныхъ дѣлахъ и событіяхъ.

Отецъ не преслѣдовалъ сына. Черезъ два года онъ скончался въ Кіевѣ, оставляя сыну въ наслѣдство свое великокняжеское старшинство.

Тогда, дѣйствительно, ростовцы, суздальцы и „вся земля" посадили у себя на княженіе бѣглеца Андрея, потому что былъ „премного любимъ всѣми".

На другой же годъ послѣ прихода Андрея во Владиміръ, въ 1156 г. былъ заложенъ городъ Москва. Лѣтопись именуетъ строителемъ великаго князя Юрія, но конечно только потому, что постройка совершилась при великомъ князѣ Юрьѣ, который сидѣлъ въ Кіевѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Московскій городъ, какъ пограничный Владимірской волости, понадобился самому Андрею, а еще больше Кучковичамъ, или самимъ москвичамъ.

Какъ князь по преимуществу посадскій, Андрей и съ избраніемъ въ князья всей Ростовской и Суздальской земли не перешелъ въ Ростовъ или въ Суздаль, а остался на всегда жить на своемъ собственномъ посадѣ, въ маломъ ростовскомъ пригородѣ Владимірѣ. Въ этомъ поступкѣ великаго князя обнаруживались посадскіе домовитые нравы Суздальской земли, которая вовсе не знала кіевскаго кочеванья изъ волости въ волость, изъ города въ городъ, а любила сидѣть на своемъ мѣстѣ, въ своемъ дому. И лѣтопись, и притомъ южная, называетъ Владиміръ домомъ Андрея.

А въ своемъ дому каждый владѣлецъ есть хозяинъ, т. е. полный властелинъ, домодержецъ, самодержецъ и господарь. Въ то время собственники землевладѣльцы и домовладѣльцы такъ и назывались „господарями", „государями".

Не будемъ говорить о томъ, какъ Андрей устроилъ свой домъ, этотъ малый городъ Владиміръ, соорудивъ въ немъ и каменныя стѣны, и золотыя ворота, и серебрянныя ворота и чудную церковь Богородицы, которую украсилъ дивнымъ богатствомъ и великолѣпіемъ, начиная съ Богородичной иконы; какъ устроилъ и украсилъ свое любимое мѣсто Боголюбово и пр. Великій князь Андрей тѣмъ и отличался отъ всѣхъ князей, что по своимъ понятіямъ былъ полный домодержецъ, совсѣмъ забывшій какъ должно жить великому князю по идеалу кіевской Руси. Первое — онъ совсѣмъ оставилъ дружину, ибо въ домашнемъ хозяйствѣ это было излишнее бремя. Онъ удалялся отъ нея даже изъ Владиміра и больше всего пребывалъ въ своемъ Боголюбовѣ, или у Спаса на Купалицѣ (на устьѣ р. Судогды) гдѣ любилъ охотиться, но также безъ дружины, только съ малымъ

Библиотека "Руниверс"

числомъ слугъ, предоставивъ боярамъ творить утѣху особно, гдѣ имъ будетъ угодно. Это поведеніе и объясняетъ, почему онъ не переселился въ Ростовъ или въ Суздаль, а остался въ своемъ особномъ дому, почему не пошелъ и въ Кіевъ, когда получилъ старѣйшинство въ средѣ всѣхъ князей. Естественно, что, привыкнувъ господствовать дома, онъ и въ отношеніи къ князьямъ повелъ себя такимъ же домодержцемъ. Когда въ Суздальской землѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, поднялась было крамола и ссора, онъ изгналъ всѣхъ своихъ родныхъ князей, и младшихъ братьевъ, и племянниковъ, и переднихъ мужей своего отца, т. е. старшую дружину, которая несомнѣнно и начала крамолу. Лѣтописцы однако замѣчаютъ, что это изгнаніе было совершено старыми же городами, то есть самою дружиною.

Поступая такъ, Андрей желалъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, говоритъ лѣтописецъ. Этимъ словомъ древность обозначала именно единовластіе и вообще самостоятельность и независимость человѣка. Само собою разумѣется, что онъ не даромъ носилъ и титулъ великаго князя.

По древнимъ понятіямъ, великій князь былъ вмѣсто отца для другихъ князей, былъ названнымъ отцомъ, а отецъ пользовался непререкаемымъ правомъ повелѣвать и приказывать дѣтямъ, обязаннымъ ходить въ его волѣ. Кіевскія междоусобія очень ослабили это право, но Андрей его возстановилъ, хотя и встрѣчалъ сильныхъ сопротивниковъ, каковъ напр. былъ Мстиславъ Ростиславичъ, выразившій свой взглядъ на поведеніе Андрея слѣдующими словами: „Мы тебя до сихъ поръ какъ отца имѣли по любви, а ты присылаешь къ намъ рѣчи (повелѣніе выйдти изъ Русской Кіевской земли на всѣ четыре стороны, куда хочетъ) не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, а что умыслилъ то и дѣлай, а Богъ со всѣми“, т. е. Богъ заступится и за насъ.

Однако большинство князей, какъ названные дѣти, безпрекословно слушались Андрея и исполняли его волю, иные конечно опасаясь его плотной силы, какъ выражается лѣтописецъ.

Гдѣ же находилась эта плотная сила? Андрей самъ уже не ходилъ воевать, и однако однимъ своимъ словомъ могъ поднимать всю Русскую Землю, какъ напр. случилось въ походѣ на Ростиславичей, на которыхъ онъ послалъ: князей ростовскихъ, суздальскихъ, владимірскихъ, переяславскихъ, бѣлоозерскихъ, муромскихъ, новгородскихъ, рязанскихъ. И смоленскимъ князьямъ повелѣлъ идти, и полоцкимъ, и туровскимъ, и пинскимъ, и городеньскимъ (Гродно). Вмѣстѣ же пошли и Ольговичи (Черниговъ) и сами кіевляне, и берендеи, и черные клобуки, вся Русская Земля. Однихъ князей было 72. Какъ это могло случиться, еслибъ суздальскій князь былъ только властолюбивый хитрый деспотъ, какъ его рисуютъ? При тогдашнемъ порядкѣ вещей, при этой разрозненности и самостоятельности всѣхъ раздѣльныхъ княжескихъ волостей, что могъ выполнить какой бы то

Библиотека "Руниверс"

ни было деспотъ? Ему прежде всего было необходимо собрать всю Землю въ свои руки, а объ этомъ не помышлялъ и самъ Андрей. Онъ повелѣвалъ только по отеческому праву великаго князя. Слушались его потому, что онъ обладалъ плотною силою, которую мы должны отыскивать не въ его деспотизмѣ, а прежде всего въ великомъ авторитетѣ его ума и его доблестнаго характера, что было хорошо извѣстно всей Русской Землѣ, и сѣверной и южной; а затѣмъ въ его суздальской силѣ, не дружинной, чѣмъ ограничивались всѣ другіе князья, а народной и именно посадской, каковой въ кіевской Руси совсѣмъ не существовало. Эти большіе сборные походы по повелѣнію Андрея не удавались, потому что чѣмъ больше бывало князей, тѣмъ больше было между ними розни, которая погубила ихъ и въ первомъ бою съ татарами. Но ратное сборище со всей Земли все-таки обнаруживало великокняжескую мысль Андрея, что въ важныхъ случаяхъ вся Земля должна служить одной общей цѣли, мысль старозавѣтную, еще Олеговскую, но теперь давно уже погибавшую отъ княжеской розни.

Андрей прокняжилъ 20 лѣтъ. Онъ былъ убитъ въ Боголюбовѣ тайно, по заговору бояръ Кучковичей съ его женою, родомъ болгаркою, которая питала противъ него злобу за раззореніе болгарской земли, а Кучковичи возненавидѣли его за то, что одного изъ нихъ онъ повелѣлъ казнить, несомнѣнно, за большую вину. По видимому это убійство было дѣломъ оскорбленной и озлобленной дружины, (ближнихъ бояръ), которая опасаясь владимірцевъ, собрала особый полкъ и разграбила весь домъ великаго князя, ограбила и перебила всѣхъ его „милостниковъ", его посадниковъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ, по всей волости. Приходили грабить въ Боголюбово и изъ селъ. Поднимался грабежъ и во Владимірѣ, но скоро былъ унятъ крестнымъ ходомъ съ иконою Богородицы. Въ смутное время, конечно, грабители поднимались отовсюду, но это не даетъ основаній для заключенія, что смута поднята мятежнымъ народомъ. Владимірцы и всѣ люди, напротивъ, встрѣтили тѣло великаго князя съ плачемъ великимъ, не могли удержать слезъ, не могли прозрѣть отъ слезъ, вопили, какъ дѣти, и вопль ихъ былъ слышанъ далече.

Судя по послѣдующимъ событіямъ и обстоятельствамъ, должно заподозрить въ этомъ заговорѣ противъ Андрея и рязанскаго князя Глѣба, послы котораго орудовали въ это время въ пользу его шурьевъ.

Въ политическихъ междокняжескихъ отношеніяхъ Андрей ничего не создалъ новаго и не бывалаго, потому что, какъ мы замѣтили, и не помышлялъ о томъ. Все осталось по прежнему, какъ было до него, и не только въ остальной Руси, но и въ Суздальской землѣ. Поэтому начинать исторію единодержавія его именемъ нѣтъ основаній. Между князьями онъ былъ явленіемъ случайнымъ, потому что онъ былъ собственно князь посадскій. Но въ земскихъ отношеніяхъ, именно въ Суздальской землѣ, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательное наслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ство; онъ создалъ новыхъ людей, т. е. въ сущности поднялъ посадъ до значенія особой силы, которая тотчасъ же вступила въ борьбу со старою или дружинною боярскою силою.

Средоточіемъ этой новой силы конечно былъ мизинный городъ Владиміръ—столица Андрея, его домъ. А въ этомъ дому не храбрые древнихъ князей, не мужи думающіе съ княземъ какъ добыть высокаго княжескаго стола, занимали преобладающее мѣсто. Здѣсь собрались по преимуществу люди рабочіе, промышленные и ремесленные, искусные художники, дѣлатели всякаго рода издѣлій, каменщики и всякіе мастера отъ всѣхъ земель, съ которыми князь неутомимо обстраивалъ и украшалъ этотъ домъ. Передъ всѣмъ этимъ людомъ купцы конечно заняли передовое положеніе. Самая дружина, изъ которой князь высылалъ въ волость посадниковъ, тіуновъ и другихъ чиновниковъ, видимо составилась тоже изъ людей новыхъ и молодыхъ въ смыслѣ своего происхожденія. Вотъ почему эти люди и погибли вмѣстѣ съ своимъ домодержцемъ.

Словомъ сказать, во Владимірѣ, соотвѣтственно характеру и потребностямъ князя, образовалось общество болѣе смѣшанное, разнородное, чѣмъ бывало у старыхъ князей въ старыхъ княжескихъ городахъ, гдѣ преобладала только военная дружина и гдѣ посадъ ничего не значилъ.

Услыхавши о смерти князя, ростовцы, суздальцы, переяславцы и вся дружина отъ мала до велика съѣхались во Владиміръ на думу на вѣче и стали говорить: „Такъ тому и быть, князь нашъ убитъ, а дѣтей у него нѣтъ, сынокъ его малый въ Новгородѣ, а братья его въ Руси. Кого выберемъ въ своихъ князьяхъ? Намъ близкіе сосѣди князья муромскіе и рязанскіе, отъ нихъ опасно; пожалуй внезапно нападутъ на насъ, а князя у насъ нѣтъ. Пошлемъ къ Глѣбу рязанскому, скажемъ, что хотимъ Ростиславичей, его шурьевъ“.

Это были дѣти старшаго Андреева брата Ростислава, когда то еще при отцѣ княжившаго въ Ростовѣ. Рязанскій Глѣбъ очень радъ былъ такой чести. Его же послы тутъ же на вѣчѣ и работали въ его пользу. Слушалъ это вѣче владимірскій посадъ, но думалъ свое. Онъ думалъ, что старшіе передъ нимъ люди еще великому князю Юрью всѣ цѣловали крестъ, что возьмутъ себѣ въ князья его меньшихъ сыновей, двухъ младшихъ братьевъ Андрея, Михалка и Всеволода; что и самаго Андрея тѣже люди посадили, нарушивъ эту присягу и даже выгнали меньшихъ; а теперь, забывши все, зовутъ иныхъ князей, не по правдѣ, а дѣлаютъ какъ имъ любо.

Ростиславичей было тоже двое, Мстиславъ и Ярополкъ. И Юрьевичи и Ростиславичи жили тогда въ Черниговѣ у князя Святослава. Когда пришли къ нимъ ростовскіе послы, они рѣшили такъ: „Пойдемъ всѣ четверо, либо лихо, либо добро будетъ намъ всѣмъ“, — и утвердились между собою присягою, отдали старѣйшинство Михалку и его же съ Ярополкомъ отправили впередъ. Вознегодовали ростовцы, узнавши, что дѣло ихъ принимаетъ другой ходъ. Они встрѣтили кня-

Библиотека "Руниверс"

зей въ Москвѣ и Ярополку сказали: „поѣзжай къ намъ“, а Михалку сказали: „пожди немного на Москвѣ“.

Ярополкъ тайно отъ брата уѣхалъ къ дружинѣ въ Переяславль, а Михалка, узнавъ объ отъѣздѣ брата, отправился во Владиміръ, гдѣ засталъ только горожанъ, ибо и владимірская дружина по повелѣнію ростовцевъ отправилась встрѣчать призываемыхъ князей. Вся дружина, въ томъ числѣ и владимірская, присягнула Ярополку и за тѣмъ вся она пошла къ Владиміру выгонять Михалка. Ей на помощь пришли и муромцы и рязанцы и много зла сотворили, все пожгли около города. Владимірцы, т. е. собственно посадскіе, отбивались семь недѣль, помогала св. Богородица. Она же и избавила городъ отъ конечной бѣды. Горожане, не стерпѣвши голода, сказали Михалку: „Мирись или промышляй о себѣ“. — „Вы правы! Дѣлать нечего; не погибнуть же вамъ изъ за меня“,—отвѣтилъ князь и убрался въ Русь. Владимірцы проводили его съ плачемъ и по неволѣ приняли Ростиславичей, утвердившись съ ними присягою, весь порядъ положивши, т. е. договоръ. Въ Ростовѣ сѣлъ старшій, Мстиславъ, а во Владимірѣ младшій, Ярополкъ.

Не противъ Ростиславичей бились владимірцы, говоритъ лѣтописецъ, но не хотѣли покориться ростовцамъ и суздальцамъ и муромцамъ, потому что ростовцы сказали: „Или пожжемъ городъ, или посадника въ немъ посадимъ: это наши холопы каменьщики“!—Таковъ былъ взглядъ боярскаго Ростова на посадскій Владиміръ. Владимірцы жили однимъ сердцемъ только съ переяславцами, которые скрывали свое сочувствіе владимірцамъ, опасаясь ростовской дружины.

Ростиславичи княжили и раздавали по городамъ посадничество русскимъ дѣтскимъ, (дѣтямъ боярскимъ) южанамъ, а они многую тяготу стали дѣлать людямъ поборами и неправдами. Сами князья были молоды, слушали бояръ, а бояре учили ихъ „на многое иманье“. Въ первый же день они обобрали церковь Богородицы, взяли золото и серебро, отняли у ней города и дани, что̀ опредѣлилъ ей блаженный князь Андрей. Владимірцы возмутились.

„Мы по своей волѣ приняли къ себѣ князя, и крестъ цѣловали на всемъ уговорѣ. А они, какъ въ чужую волость пришли, грабятъ не только волость всю, но и церкви. А промышляйте, братья!“ Это значило: думайте, какъ поступить. Подумавши, они послали къ ростовцамъ и суздальцамъ, заявляя имъ свою обиду. Эти старшіе словомъ были за владимірцевъ, а дѣломъ далече отъ нихъ. Только переяславцы, какъ упомянуто, были на сторонѣ Владиміра, но явно говорить о томъ боялись ростовскихъ бояръ. А бояре крѣпко держались избранныхъ ими князей, ибо при нихъ своя воля имъ была. Вездѣ волю свою творили. Противъ этой боярской воли и возставали владимірцы. Они въ союзѣ съ переяславцами снова призвали къ себѣ Михалку изъ Чернигова. Снова пришелъ Михалко и съ братомъ Всеволодомъ въ Москву, а Ростиславичи вышли съ полкомъ прогнать ихъ.

Библиотека "Руниверс"

Но случилось новое чудо Богородицы. Михалко съ Москвы пошелъ къ Владиміру, а Ярополкъ инымъ путемъ направлялся въ Москву и Божіимъ промысломъ разошлись въ лѣсахъ, не видавши другъ друга.

Въ пяти верстахъ не доходя Владиміра, все таки произошла битва съ Мстиславомъ, пришедшимъ изъ Суздаля. Мстиславъ побѣжалъ, а Михалко со Всеволодомъ вошли побѣдителями въ свой Владиміръ, „достигли стола дѣдняго и отчаго заступленіемъ креста Господняго и родителей своихъ молитвою, своимъ золотымъ копіемъ и острымъ мечемъ“, прибавляемъ новгородскій лѣтописецъ.

Вскорѣ пришли къ нимъ и суздальцы, говоря такъ: „Мы въ томъ полку со Мстиславомъ не были, но были съ нимъ бояре; а на насъ лихова сердца не держи, но пріѣзжай къ намъ“! Михалко поѣхалъ въ Суздаль, а оттуда и въ Ростовъ, сотворилъ людямъ весь нарядъ, утвердившись съ ними крестнымъ цѣлованьемъ. Всеволода онъ посадилъ княжить въ Переяславлѣ, стало быть вводилъ свое старшинство городовъ; вмѣсто Ростова и Суздаля теперь являлись старшими Владиміръ и Переяславль. Ростиславичи ушли, Мстиславъ въ Новгородъ, Ярополкъ въ Рязань.

Въ тоже лѣто Михалко ходилъ къ Рязани на князя Глѣба. Оказалось, что главнымъ грабителемъ Владимірской церкви былъ этотъ Глѣбъ, который однако поспѣшилъ выслать пословъ, во всемъ повинился и воротилъ все награбленное до золотника, что и до книгъ, и то все воротилъ.

По случаю этой побѣды маленькихъ людей володимірцевъ и переяславцевъ надъ большими или старѣйшими, надъ Ростовомъ и Суздалемъ, лѣтописецъ и приводитъ достопамятное замѣчаніе, что Божья правда была на сторонѣ маленькихъ. „Изначала, говоритъ онъ, новгородцы, смолняне, кіяне, полочане и всѣ волости, когда на думу на вѣча сходятся, то какъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ. А здѣсь городъ старый Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре хотѣли свою правду поставить и сказали: какъ намъ любо такъ и сотворимъ—Володиміръ вѣдь пригородъ нашъ!.. Не уразумѣли правды, величаясь, что давніе, старѣйшіе. Утаилъ Господь отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ. За правду Богъ помогаетъ владимірцамъ и переяславцамъ и всей землѣ ихъ“.

Ростовцы, хоть и уладились съ Михалкомъ, хотя и принимали его у себя съ почестями и поднесли многіе дары, но думали свое и на слѣдующее лѣто послали звать на княженье своего избраннаго Мстислава. Между тѣмъ въ тоже лѣто Михалко скончался въ Городцѣ на Волгѣ, почему Мстиславъ тотчасъ же явился въ Ростовѣ, опять собралъ всю дружину и направился къ Владиміру.

А владимірцы призвали къ себѣ Всеволода, вышли всѣ встрѣтить его передъ золотыя ворота и тутъ же цѣловали ему крестъ; тутъ же присягнули и дѣтямъ его, значитъ всячески желали утвердить у себя хорошаго князя, ибо Михалко и Всеволодъ успѣли заработать

Библиотека "Руниверс"

себѣ доброе имя еще въ южной Руси походами на половцевъ, а главное тѣмъ, что были на всякое дѣло старательны и послушливы. Объ этомъ знала вся Русская земля.

Всеволодъ съ владимірцами и что осталось у него бояръ поспѣшилъ встрѣтить ростовскихъ непріятелей въ ихъ же волости.

Пройдя Суздаль и желая кончить миромъ, онъ послалъ къ Мстиславу такую рѣчь:—„Брате! Тебя призвала старѣйшая дружина, ты и поѣзжай въ Ростовъ, оттуда и возьмемъ миръ. Тебя ростовцы привели и бояре, а меня было съ братомъ Богъ привелъ, и владимірцы, и переяславцы, а Суздаль да будетъ намъ общій, кого захотятъ, тотъ и будетъ имъ князь".

Отвѣтъ дали ростовцы, они сказали своему князю:—„Если ты пойдешь на миръ, такъ мы того не хотимъ". А ко Всеволоду тѣмъ временемъ (уже въ Юрьевѣ) подошли переяславцы. Онъ сказалъ имъ отвѣтъ Мстислава.

— Ты ему добра хочешь, а онъ головы твоей ловитъ. Михалка померъ, еще девятаго дня нѣтуть, а онъ хочетъ кровь пролить. Коли хочешь мириться съ нимъ, такъ насъ переступи мертвыхъ. Не дай намъ Богъ ни единому возвратиться. Не поможетъ намъ Богъ, такъ врагу и жены наши и дѣти наши". Такъ говорили переяславцы.

Всеволодъ снарядилъ полки и встрѣтилъ Мстислава на Юрьевскомъ полѣ. Богъ помогъ Всеволоду. Враги были разбиты и побѣжали; ростовцы и бояре попали въ плѣнъ, села ихъ боярскія были опустошены, кони и скотъ погнаны вмѣстѣ съ плѣнными во Владиміръ. Мстиславъ побѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ, и поворотилъ въ Рязань. Здѣсь онъ подмолвилъ князя Глѣба, который въ туже осень напалъ на Москву и пожегъ всю, городъ и села. Вотъ первое зло Москвѣ отъ Рязани (1177 г.). Всеволодъ было вышелъ на защиту Москвы, но на пути явились къ нему новгородцы и просили подождать, не ходить безъ новгородскихъ сыновъ. Всеволодъ воротился. Зимою большая рать и съ новгородскою силою отправилась на Рязань и стала въ Коломнѣ, гдѣ великій князь узналъ, что Глѣбъ другою дорогою пробрался уже къ самому Владиміру и съ половцами и пустошитъ безъ пощады Владимірскую волость. Во Владимірской церкви онъ вышибъ двери и пограбилъ ее до чиста. „Разгнѣвилъ Бога и св. Богородицу", замѣчаетъ лѣтописецъ. Вскорѣ приспѣлъ съ полками и Всеволодъ и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Калакшѣ. Оба войска цѣлый мѣсяцъ стояли по берегамъ рѣки, нельзя было ее перейти, не крѣпокъ былъ ледъ. Наконецъ, уже на масляницѣ, началось движеніе съ обѣихъ сторонъ, но, не выждавъ прямой битвы, Мстиславъ побѣжалъ первый, а за нимъ и Глѣбъ, и всѣ ихъ полки. Всеволодъ жестоко ихъ преслѣдовалъ. Всѣ лучшіе люди попали въ плѣнъ: самъ Глѣбъ съ сыномъ, Мстиславъ, всѣ его думцы и вся дружина, въ томъ числѣ и знаменитый бояринъ Андрея Бого-

Библиотека "Руниверс"

любскаго, Борисъ Жидиславичъ. Поганые половцы были порублены до послѣдняго.

Всеволодъ возвратился во Владиміръ съ полнымъ торжествомъ. Была радость великая во всемъ народѣ. Но на третій день поднялся въ городѣ великій мятежъ. Возстали бояре и купцы, пришли къ князю и объявили:—„Князь господинъ! Мы тебѣ добра хочемъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты враговъ своихъ держишь въ простѣ. А вотъ лиходѣи твои и наши, суздальцы и ростовцы, живутъ здѣсь на свободѣ, какъ дома. Пожалуй сотворятъ крамолу за своихъ князей, что тогда будетъ? Кончай съ князьями, либо ихъ казни, либо ослѣпи, али дай намъ!“ Благовѣренъ и богобоязненъ былъ великій князь Всеволодъ, не хотѣлъ того исполнить, но посадилъ ихъ въ тюрьму, чтобы успокоить людской мятежъ. Туда же былъ посаженъ и привезенный изъ Рязани Ярополкъ. Черезъ нѣсколько дней опять возстали всѣ люди, пришли на княжескій дворъ съ оружіемъ, многое множество.—„Чего ихъ держать. Хочемъ ослѣпить ихъ“!—крикнула толпа. Великій князь и самъ въ новѣ, не въ силахъ былъ остановить мятежниковъ; они бросились къ тюрьмѣ, разметали ее и, выхвативъ Ростиславичей, ослѣпили ихъ; а рязанскій Глѣбъ еще прежде въ тюрьмѣ померъ. Остальныхъ отпустили въ Русь. Таковъ былъ володимірскій народъ. Онъ успѣлъ не только избрать достойнаго князя, но и постоять за себя противъ своихъ враговъ. Пуще всего онъ ненавидѣлъ крамолу и потому съ особою настойчивостью боролся съ боярствомъ, откуда всегда выходили сплетни и смуты между князьями. Ослѣпленіе неугомонныхъ искателей великокняжескаго стола вскрываетъ истинныя цѣли владимірскаго народа—прекратить усобицу хотя бы и очень жестокимъ средствомъ [1]).

Бояре въ своихъ крамолахъ съ князьями иногда многое пріобрѣтали, иногда теряли, но народъ въ этихъ смутахъ всегда только терялъ и вотъ причина, почему онъ съ такимъ озлобленіемъ преслѣдовалъ враговъ общеземской тишины.

Какъ извѣстно, въ кіевской Руси отъ безпрестанныхъ войнъ и разновластія въ особой силѣ развилось дружинное (военное) сословіе, сословіе старшаго и младшаго боярства, безъ котораго ни одинъ князь не могъ добыть себѣ княжескаго стола. Тамъ боярство явилось земскою силою и стало господствовать надъ самими князьями, какъ было напр. въ южномъ Галичѣ. Оно и въ суздальской Руси пріобрѣло осѣдлость и намѣревалось тоже господствовать надъ землею. Но здѣсь оно встрѣтило сопротивника, который былъ еще сильнѣе и на сторону котораго по необходимости становился каждый князь, желавшій своей волости истиннаго добра. Здѣсь, какъ мы говорили, существо-

---

[1]) Ослѣпленные князья въ Смоленскѣ, на Смядыни, гдѣ былъ убитъ св. князь Глѣбъ, совершившимся чудомъ прозрѣли, а новгородцы призвали ихъ къ себѣ на княженіе.

Библиотека "Руниверс"

валъ посадъ, занятый мирнымъ дѣломъ всякаго промысла и торга и составлявшій коренную земскую силу всей страны. На югѣ такого посада вовсе не существовало. Тамъ посадское дѣло находилось въ чужихъ рукахъ, по преимуществу у жидовъ или у другихъ проходящихъ и пришлыхъ людей. Суздальская же народность и произошла изъ посадскаго быта, ибо началась изъ промышленной колонизаціи отъ всѣхъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Чужими для него людьми явились именно княжескіе дружинники и естественно, что когда они осѣлись, стремясь образовать изъ себя земскую силу, то и возстала борьба промышленнаго и рабочаго посада съ владѣющимъ боярствомъ, борьба маленькихъ мизинныхъ людей съ большими и великими. Интересы земства раздѣлились на двѣ стороны.

Бояре готовы были держать у себя и многихъ князей, особенно малоспособныхъ, посадскіе желали одного князя, ибо въ томъ была прямая ихъ выгода, такая же, какъ выгодно было боярамъ у каждаго князя занимать передовое мѣсто и управлять и княземъ и его волостью, ибо очень прославлялись князья, не собиравшіе имѣнія и отдававшіе все дружинѣ.

Первымъ посадскимъ княземъ на Руси явился Андрей, быть можетъ по той причинѣ, что склоненъ былъ къ тому по своему характеру, или же какъ „умникъ во всѣхъ дѣлахъ", по выраженію лѣтописи, понялъ истинныя свойства и силы суздальской народности и сталъ во главѣ этихъ силъ, сдѣлался ихъ вождемъ, устроилъ для нихъ даже и особое средоточіе въ новомъ городѣ Владимірѣ. Это было въ дѣйствительности великое и новое дѣло для всей Руси, тогда совсѣмъ незамѣтное, но великое своими послѣдствіями. Естественно поэтому, что не посадскіе, а бояре должны были погубить Андрея. Естественно также, почему Андрей отъ всѣхъ князей отличался посадскимъ характеромъ домодержца, самодержца и самовластца, что все означало въ то время только единовластіе, нераздѣльную власть господаря въ своемъ домѣ. Такія понятія онъ могъ воспитать въ себѣ только отъ постояннаго сожительства въ средѣ людей посадскихъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ домѣ, какъ и въ своемъ дѣлѣ, былъ господаремъ единственнымъ и конечно для своихъ же работъ и промысловъ желалъ единой или спокойной власти и единаго спокойнаго порядка и во всей землѣ.

Вотъ почему Суздальская земля постоянно прибѣгаетъ къ присягѣ даже и дѣтямъ избраннаго князя, боясь чтобы власть не пошатнулась, не пошла на вѣтеръ, а оставалась бы прочною надолго, даже и въ потомство. Не князья просятъ о такой присягѣ, а самъ народъ спѣшитъ какъ бы обязать ею излюбленнаго князя.

Все это въ XII вѣкѣ были зародыши того порядка вещей, который потомъ, какъ бы самъ собою, водворился въ московской Руси.

Яснѣе всего такіе зародыши земскихъ отношеній раскрываются въ княженіе Всеволода, прозваннаго за свою семью Великимъ Гнѣз-

Библиотека "Руниверс"

домъ т. е. старшимъ родоначальнымъ гнѣздомъ для всѣхъ князей татарскаго времени.

Если въ характерѣ Андрея замѣчается еще южная княжеская пылкость и удаль, впрочемъ значительно охладѣвшая отъ двадцатилѣтняго пребыванія въ странѣ рабочихъ промышленниковъ, миролюбцевъ по самымъ задачамъ своей дѣятельности, то характеръ его брата Всеволода уже въ полной мѣрѣ носитъ въ себѣ типъ суздальскаго хозяина. Нѣкоторыя лѣтописи прямо называютъ его миродержцемъ, т. е. оберегателемъ и охранителемъ земской тишины и мира. Изъ этой основной черты его характера развиваются и всѣ другія качества его великокняжескаго поведенія. Онъ не любилъ войны и особенно удалыхъ и рѣшительныхъ битвъ. Онъ какъ бы трусилъ передъ всякимъ побоищемъ и потому, предпринимая походъ, всячески старался рѣшить дѣло безъ битвы, для чего, встрѣчаясь съ непріятелемъ, съ намѣреніемъ избиралъ для своего стана такія мѣста, гдѣ не было возможности бойцамъ тотчасъ же схватиться. Крутыя берега рѣкъ, глубокіе овраги или неудобное время года всегда служили ему надежною опорою для достиженія своихъ цѣлей, которыя всѣ клонились къ тому, чтобы утомить, обездолить врага недостаткомъ продовольствія. Такъ обыкновенно онъ бралъ города, а въ полѣ тѣмъ же способомъ послѣ долгаго стоянья заставлялъ противника спасаться бѣгствомъ отъ перваго движенія застоявшихся полковъ. Бѣгущихъ, конечно, смотря по винѣ, онъ не всегда миловалъ и пользовался всѣми правами торжествующаго побѣдителя.

Но его миролюбіе и добросердечіе происходили не отъ слабости характера. Для своей земли да и для всѣхъ сторонъ тогдашней Руси онъ былъ заступникъ твердый и надежный, никогда не оставлявшій безъ должнаго возмездія никакой общественной или политической обиды и вины. При всемъ миролюбіи и именно въ интересахъ земской тишины, онъ не вѣрилъ въ ту истину, что „худой миръ лучше доброй брани“, ибо хорошо зналъ, что, живя въ лживомъ миру, люди, какъ выражается лѣтописецъ, „великую пакость землямъ творятъ“, и потому международныя ссоры стремился оканчивать лучше доброй бранью, чѣмъ худымъ миромъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ. „Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните“, говорилъ онъ и новгородцамъ, подтверждая имъ этотъ уставъ старой русской жизни въ то время, какъ возстановлялъ у нихъ старую ихъ волю и уставы первыхъ князей. Злыхъ рязанскихъ князей онъ смирилъ безъ пощады, и по всему вѣроятію въ то уже время отнялъ у нихъ Коломну.

Лѣтописецъ восхваляетъ его княжескій судъ, какъ судъ истинный, не лицепріятный, и отмѣчаетъ при этомъ особую и рѣдкую черту его суда, что судилъ онъ не опасаясь лица сильныхъ своихъ бояръ, защищалъ отъ ихъ обидъ, насилій и порабощенія меньшихъ людей, сиротъ, какъ именовали тогда крестьянское сословіе.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ послѣ Андрея и Всеволодъ является господиномъ русской земли, обладателемъ той плотной силы, которая распространяла его волю на всѣ русскія украйны отъ ильменскаго Новгорода до прикарпатскаго Галича.

По всей землѣ прошелъ слухъ объ немъ, говоритъ лѣтописецъ, и только его имени трепетали всѣ враждебныя украйны, особенно половцы на Дону и болгары на Волгѣ. Слово о Полку Игоревомъ, обращаясь къ нему, восклицаетъ: „Ты можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вылить. Еслибъ ты былъ въ томъ полку, то плѣнныхъ продавали бы по ногатѣ и по рѣзани", т. е. очень дешево, по 30 и по 15 копѣекъ. И не возносился онъ и не величался своею силою, но на Бога возлагалъ надежду, говоритъ лѣтописецъ, и Богъ покорялъ ему всѣхъ враговъ его.

Какъ и при Андреѣ, такъ и у Всеволода, плотная его сила находилась въ самой Суздальской землѣ, въ характерѣ ея населенія, подъ вліяніемъ котораго развивались и достославныя личныя качества великаго князя. Онъ потому былъ силенъ, что являлся во всѣхъ своихъ дѣлахъ полнымъ и истиннымъ выразителемъ политическихъ стремленій своей страны, выразителемъ ея жизненныхъ идеаловъ. Сила каждаго историческаго дѣятеля всегда скрывается въ его духовномъ родствѣ съ идеалами и стремленіями самаго народа или того общества, которое выдвигаетъ его своимъ руководителемъ.

Въ земскихъ отношеніяхъ при Всеволодѣ совершилось весьма замѣчательное событіе: былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.). На этомъ соборѣ по новому порядку рѣшался старый суздальскій вопросъ, какому городу быть главою и владѣтелемъ всего княженія, Ростову великому, или Владиміру мизинному. Въ 1206 г. старшій сынъ Всеволода Константинъ былъ съ особымъ торжествомъ посаженъ княжить въ Новгородѣ, но на другой годъ, по случаю похода на Черниговъ и Рязань, отозванъ помогать отцу, а затѣмъ посаженъ княжить въ Ростовѣ. Это былъ первый сыновній надѣлъ изъ великаго княженія, случившійся вѣроятно по той причинѣ, что бывшему новгородскому князю нельзя уже было оставаться безъ княженія. Великій князь Всеволодъ такимъ образомъ указывалъ Ростову второе мѣсто послѣ Владиміра, которое при его братѣ Михаилѣ принадлежало Переяславлю. Но Ростовъ и спустя 30 лѣтъ послѣ борьбы съ мизиннымъ Владиміромъ не забылъ своей старины и думалъ иначе. Великій князь, чувствуя, что приходитъ время отойдти къ отцамъ и дѣдамъ, рѣшился при жизни устроить всегда спорное дѣло наслѣдства.

Послѣ себя онъ назначилъ владимірскій старшій столъ Константину, а Ростовъ второму сыну Юрью. Константинъ, т. е. величавый Ростовъ не захотѣлъ подчиниться такому обидному распоряженію и потребовалъ, чтобы Владиміръ отданъ былъ къ Ростову, какъ его пригородъ. Непослушный сынъ совсѣмъ даже не поѣхалъ къ отцу

Библиотека "Руниверс"

во Владиміръ послѣ напрасныхъ вызововъ. Тогда, чтобы сломить ростовскія притязанія, Всеволодъ созвалъ во Владиміръ всѣхъ своихъ бояръ съ городовъ и съ волостей, все духовенство—епископа Іоанна, игуменовъ и поповъ, и купцовъ, и дворянъ, и всѣхъ людей, и на этомъ соборѣ отдалъ старѣйшинство въ великомъ княженіи и великокняжескій столъ во Владимірѣ второму сыну Юрью, что и было утверждено присягою всѣхъ людей. Такое соборное рѣшеніе можно было бы приписывать только намѣренію самого великаго князя, желавшаго въ этомъ случаѣ поступить самодержавно и навязать всему земству присягу своему властному распоряженію. Но мы видѣли, что слишкомъ 30 лѣтъ назадъ, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, владимірцы, дѣйствуя вполнѣ независимо и самостоятельно, присягнули не только самому Всеволоду, но и его дѣтямъ съ единственнымъ желаніемъ укрѣпить у себя власть избраннаго князя на долгое время, даже и въ его потомствѣ. Они боролись съ Ростовомъ за старшинство. И теперь всѣ люди сошлись на призывъ великаго князя съ тою же думою, какъ избавиться отъ ростовскаго старшинства, какъ лучше укрѣпить себя противъ ростовскихъ притязаній. Мизинные новые люди дѣйствуютъ не по старому вѣчевому порядку, „на чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ, какъ старшимъ любо, такъ младшіе и должны поступать“ — новые люди требуютъ, чтобы столько же уважались и голоса младшихъ, требуютъ земскаго равенства голосовъ и потому собираютъ ихъ отъ всей земли въ образѣ земскаго собора. На вѣчевомъ рѣшеніи достаточно было соглашенія старшихъ, достаточно было того, какъ поставятъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, или въ Ростовѣ, такъ все и должно быть исполнено. Младшіе не смѣли слова вымолвить и отъ того тотчасъ начинались усобицы и въ Кіевѣ между князьями, и въ вольномъ Новгородѣ между концами. Теперь въ Суздальской землѣ на историческое поприще выходилъ пригородъ, т. е. посадъ стараго города и выносилъ новое начало земскихъ отношеній, земскій соборъ, гдѣ надобныя дѣла должны утверждаться общимъ обоюднымъ рѣшеніемъ старшихъ и младшихъ.

Услышавъ это, ростовцы, говоритъ лѣтописецъ, воздвигли свои брови со гнѣвомъ на свою младшую братью. За вину князя, Ростовъ, какъ въ древности Полоцкъ, отдѣлился отъ великаго княженія и сталъ жить особою жизнью.

Вмѣсто него вторымъ по старшинству столомъ остался Переяславль, который былъ отданъ третьему сыну Всеволода, Ярославу.

По смерти отца, Константинъ все-таки пошелъ добывать себѣ старшинство; но Юрій съ Ярославомъ усмирили его: противъ двоихъ ему трудно было бороться. Однако, Ростовъ не покидалъ своей мысли и, дождавшись благопріятныхъ обстоятельствъ, призвалъ себѣ на помощь Мстислава Удалого, который, на Липецкой битвѣ, разгромивъ Ярослава и Юрья, помогъ Константину взять свое старшинство. Старшинство было добыто, но сила новыхъ вещей была непобѣдима.

Библиотека "Руниверс"

Побѣдившій на военномъ полѣ Константинъ сѣлъ на великое княженіе все-таки не въ Ростовѣ, а въ томъ же ростовскомъ пригородѣ Владимірѣ, который прежде просилъ въ придачу къ Ростову. Это показывало, что средоточіе суздальской жизни уже невозможно было перенести въ другой, хотя бы и очень старый городъ.

Несомнѣнно, что здѣсь стояли за себя причины экономическія, торговыя и промышленныя, которыя по всему вѣроятію и вызывали борьбу между этими городами. Повидимому, съ древнѣйшаго времени Ростовъ вполнѣ зависѣлъ отъ кіевскаго торга, направлявшагося дальше къ сѣверу, къ Бѣлозерской веси и который въ это время отъ замѣшательства въ цареградскихъ торгахъ, по случаю взятія Царьграда крестоносцами, сталъ упадать. Торговыя дороги измѣнили свое направленіе, въ слѣдствіе чего Владиміръ, стоявшій на перепутьи изъ Кіева въ Ростовъ черезъ Москву и на перепутьи отъ Новгорода и отъ западныхъ областей къ Волгѣ, сталъ пріобрѣтать значеніе новаго торговаго и промышленнаго стана, между тѣмъ какъ Ростовъ оставался въ сторонѣ.

Константинъ прокняжилъ только два года. Послѣ него опять сталъ княжить Юрій, которому присягала вся земля. Онъ отличался необыкновенныаъ миролюбіемъ. Однажды, когда братъ его Ярославъ поднялъ было противъ него крамолу, онъ тотчасъ окончилъ ссору, пригласивъ всѣхъ князей на снемъ, на княжеское вѣче, гдѣ привелъ ихъ въ такую любовь, что всѣ они поклонились ему, какъ отцу родному. Впрочемъ, дѣти и внуки Всеволода вообще были миролюбивы и тѣмъ въ значительной степени отличались отъ южныхъ князей, что конечно больше всего зависѣло не отъ ихъ личныхъ характеровъ, а отъ той среды и отъ той почвы, гдѣ они жили, отъ характера самой суздальской народности, для которой миръ и тишина въ странѣ были дороже денегъ, ибо во время смуты развѣ можно было добывать и самыя деньги, не грабежемъ, какъ дѣлывала обыкновенно дружина, а собственнымъ трудомъ, промысломъ и работою? Вотъ почему и Юрій прокняжилъ около 25 лѣтъ и прокняжилъ бы еще болѣе, еслибъ не былъ убитъ въ нашествіе Батыевыхъ татаръ.

Суздальская страна стало быть достигла своей цѣли, всячески установляя у себя единовластіе князей. Мы видѣли, что дѣдъ Юрья Юрій же (Долгорукій) держалъ суздальское княженіе болѣе 50 лѣтъ, Андрей 20, Всеволодъ 35, самъ Юрій 25 лѣтъ. При этомъ на междоусобія отчисляется всего пять—шесть лѣтъ.

Можно полагать, что продолжительному единовластію князей много способствовало единство интересовъ во всѣхъ углахъ суздальской страны, крѣпкая ихъ связь, крѣпкая экономическая зависимость этихъ угловъ другъ отъ друга. Повидимому, ни одна княжеская волость не могла существовать сама по себѣ безъ помощи другой, сосѣдней, или даже и удаленной. Главные торги съ Новгородомъ и съ болгарами на Волгѣ, какъ и съ западомъ и югомъ были такъ рас-

Библиотека "Руниверс"

предѣлены, что необходимо было всегда проѣзжать по чужой волости, подвергаться чужому мытарству, еслибъ волости были раздѣльны, а не находились въ одной рукѣ. Такія условія быта и жизни по необходимости устремляли народную мысль къ идеалу единства и въ политическомъ устройствѣ земли. Поэтому естественно, что каждый великій князь въ Суздальской землѣ необходимо являлся могущественнымъ и сильнымъ: онъ всегда чувствовалъ подъ собою твердое и устойчивое основаніе въ общемъ мнѣніи всего своего земства. По той же самой причинѣ Суздальская земля пользовалась на Руси авторитетомъ земли сильной, непобѣдимой, о чемъ передъ Липецкою битвою говорилъ даже Мстиславъ Удалый. Именно по поводу Липецкой битвы, гдѣ земское единство Суздальской страны было нарушено, лѣтописецъ, до толѣ не видавшій такой междоусобной битвы, съ изумленіемъ восклицаетъ: „О страшное и дивное чудо! отцы шли противъ дѣтей, дѣти противъ отцовъ, братъ противъ брата, рабы противъ господъ, господа противъ рабовъ!"—Какъ тяготились даже и ростовскіе земцы княжескими междоусобіями и какъ они отыскивали единаго князя, объ этомъ говорятъ ихъ преданія, записанныя въ лѣтопись по всему вѣроятію изъ современныхъ пѣсенъ-былинъ.

Послѣ междоусобій ростовскаго Константина съ Юрьемъ владимірскимъ, кончившихся хотя и печально для Юрья, но не менѣе печально и для Ростова, который съ тѣхъ поръ окончательно потерялъ свое старѣйшинство, ибо Константинъ перешелъ княжить во Владиміръ,—послѣ этой побѣды мизиннаго города надъ великимъ, ростовскіе богатыри по призыву Александра Поповича собрались думать думу, какъ быть и жить, земля треснула и дѣлится на части. „Если станемъ служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, говорили они, то хочешь не хочешь, всѣ будемъ перебиты, потому что въ князьяхъ великое неустройство и частыя усобицы",—и рѣшили такъ: „Пойдемъ всѣ служить единому великому князю въ матери всѣмъ русскимъ городамъ, въ Кіевѣ",—гдѣ тогда княжилъ Мстиславъ Романовичъ, державшій земскую тишину 10 лѣтъ. Съ нимъ богатыри и погибли на рѣкѣ Калкѣ, на первомъ бою съ татарами.

Пѣсни-былины, воспѣвая преданія первыхъ временъ, воспѣвали собственно богатырскую службу единому князю. Народъ слушалъ эти пѣсни и воспитывался идеею единаго князя въ образѣ славнаго Владиміра Краснаго Солнышка, равно на всѣхъ свѣтившаго и равно всѣхъ согрѣвавшаго. Такова была первичная почва, на которой созрѣвала идея единодержавія. Народное созерцаніе ни въ какомъ случаѣ не могло сочувствовать боярскому порядку вещей, этому безконечному раздробленію и размельченію земли на особыя княжества и особыя волости, которое разрушало народное единство и происходило только отъ размноженія князей силою нарожденія. Каждая самобытная и самостоятельная область съ теченіемъ времени необходимо дѣлилась на части, помышлявшія тоже о самостоятельности и само-

Библиотека "Руниверс"

бытности, или по крайней мѣрѣ о независимости отъ цѣлаго, и вся Русская земля въ сущности представляла тотъ первичный организмъ естества въ родѣ животно-растенія, который могъ безконечно дѣлиться, какъ бы ничего не нарушая и ничего не теряя изъ состава своей жизни. Иные очень утѣшаются тѣмъ, что это была добрая федерація, къ несчастію погибшая прежде времени!

Нашествіе татаръ въ полной ясности раскрыло всѣ добродѣтели этой федераціи, которая оказалась совсѣмъ неспособною не только отразить, но сколько нибудь воспротивиться наносимому удару. Всѣ лѣтописцы единогласно говорятъ, что Господь Богъ, желая наказать русскую землю за людскіе грѣхи, отнялъ у нея умъ: навелъ Господь на всѣхъ недоумѣніе и грозу и страхъ и трепетъ. Князья не обнаруживали ни малѣйшаго политическаго смысла и дѣйствовали каждый особо, да и тутъ безъ ума и соображенія: разразилась страшная трагедія надъ Русскою землею, приходилось только съ честью погибать.

Дикіе кочевники татары повидимому знали тогдашнюю Русь лучше самихъ князей и вели свое дѣло искуснѣйшимъ образомъ. Они несли свой безпощадный ударъ прежде всего на разбогатѣвшую Суздальскую землю и притомъ зимою, въ такое время, когда въ лѣсной землѣ меньше всего можно было ожидать именно нашествія кочевой Орды. По всѣмъ видимостямъ, Батый очень хорошо зналъ не только всѣ обстоятельства ему благопріятныя, но и всѣ торные пути вдоль и поперегъ, и въ одинъ мѣсяцъ опустошилъ и поплѣнилъ всю страну изъ конца въ конецъ. Онъ какъ бы зналъ, что, сокрушивъ прежде сѣверную Русь, болѣе другихъ богатую и сильную, онъ безъ помѣхи потомъ сокрушитъ и весь югъ. Такъ и случилось. Много князей погибло въ это время. Въ Суздальской странѣ спаслось однако 15 человѣкъ, все молодежь или малыя дѣти, за исключеніемъ троихъ братьевъ Юрья.

Татары ушли, какъ разбойники, оставивъ вмѣсто жилья пустыню и не давъ землѣ никакого уложенья, о чемъ, впрочемъ, они никогда и не думали. Братъ убитаго Юрья, Ярославъ, изъ Кіева, гдѣ онъ княжилъ въ то время, поспѣшилъ на великое княженіе во Владиміръ и былъ встрѣченъ съ великою радостію какъ бы избавитель отъ татарскаго погрома. Лѣтописецъ восхваляетъ его именно за то, что онъ крѣпкою рукою возстановилъ спокойствіе, собралъ разбѣжавшихся людей, утѣшилъ ихъ всякою помощію, похоронилъ трупы, очистилъ церкви. Извѣстно, что когда татары ушли, то по землѣ прошелъ такой пополохъ, что и сами не знали, гдѣ и куда кто бѣжитъ. Посреди всеобщаго ужаса, въ умахъ народа Ярославъ явился крѣпкимъ избавителемъ и собирателемъ Суздальской земли, за что и восхваляетъ его лѣтописецъ, опять выражая своими похвалами основную и коренную земскую мысль, то есть всенародную потребность тишины и порядка.

Библиотека "Руниверс"

Татарское порабощеніе во многомъ измѣнило первоначальный ходъ и характеръ суздальской исторіи. Его суровая тягость прежде всего была почувствована самими князьями. Изъ прежнихъ вольныхъ людей, которые оскорблялись даже и отеческою властью великаго князя, если она становилась, хотя бы и по ихъ винѣ, слишкомъ суровою, которые меньше всего выносили и малѣйшее господственное отношеніе къ себѣ, изъ такихъ то независимыхъ людей они теперь сдѣлались холопами татарскаго хана и какъ бы сравнялись съ послѣдними смердами своей земли.

Только спустя четыре года послѣ всеобщаго разгрома, когда Земля нѣсколько отдохнула, во Владиміръ явился отъ Батыя посолъ съ повелѣніемъ великому князю идти немедленно въ Орду. Ярославъ пошелъ безъ прекословія, взявъ съ собою одного изъ сыновей, Константина, и близкихъ бояръ. Батый принялъ его съ честью, но „злѣе зла честь татарская“, восклицаетъ южный лѣтописецъ, разсказывая какъ съ такою же и быть можетъ еще съ бо̀льшею честью былъ принятъ Батыемъ Даніилъ Галицкій. Нѣчто объ этой чести, оказанной Ярославу, сказываетъ очевидецъ Плано Карпини. Онъ говоритъ, что приставленные къ великому князю татары, какъ ни были ничтожны по своему положенію во дворѣ Батыя, ходили однако впереди великаго князя и всегда занимали первое и верхнее мѣсто передъ нимъ. Впрочемъ, на церемоніи избранія новаго хана ему почти всегда давали первое мѣсто предъ всѣми другими покоренными владѣтелями, что конечно обозначало особый политическій вѣсъ русскаго князя.

Батый утвердилъ Ярослава великимъ княземъ всей Русской земли, нетолько суздальской, но и кіевской. „Будь ты старѣйшиною всѣмъ князьямъ въ Русской землѣ“, сказалъ онъ, вѣроятно очень довольный уже тѣмъ, что великій князь суздальскій явился къ нему первый, не помедливши. О подчиненіи Кіева суздальскому князю стало быть просилъ самъ Ярославъ, ибо ханы не вмѣшивались въ порядокъ русскаго старшинства.

И остальные князья Суздальской земли, братья Ярослава, и ростовскіе князья, точно также должны были идти въ Орду, дабы утвердиться въ своихъ княженіяхъ. Батый разсудилъ имъ сидѣть каждому въ своей отчинѣ, т. е. утвердилъ порядокъ уже существовавшій въ княжескомъ наслѣдствѣ Суздальской земли. И южные князья въ прежнее время старались о томъ, чтобы каждый держалъ свою отчину. Теперь на сѣверѣ это стало закономъ и отчинная крѣпость княженья пріобрѣла смыслъ собственности или вотчины въ обычномъ значеніи.

На другой же годъ, 1245, всѣ князья, и съ великимъ во главѣ, опять отправились въ Орду къ Батыю, теперь какъ видно по случаю устава о даняхъ. Всѣ были отпущены, кромѣ великаго князя, который долженъ былъ идти къ самому хану, вновь избранному, присутствовать при его воцареніи. Тамъ, послѣ торжества, онъ позванъ былъ къ матери великаго повелителя на угощенье. Царица изъ собствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ рукъ поднесла ему питье, отъ котораго великій князь, возвратившись въ свой шатеръ, тотчасъ же занемогъ и померъ въ седьмой день. Все тѣло его удивительнымъ образомъ позеленѣло, говоритъ очевидецъ Плано Карпини. Всѣ говорили, что онъ опоенъ ядомъ съ цѣлью завладѣть его землею. Татарамъ это было вовсе не нужно, но кому либо изъ русскихъ князей и ихъ бояръ такая цѣль могла быть очень желательна. И послѣ, всякія крамольныя дѣла устраивались при помощи царицъ же. Наши южныя лѣтописи тоже говорятъ, что великій князь былъ уморенъ зельемъ. Сѣверныя разсказываютъ глухо, что померъ нужною (насильственною) смертію, бывши оклеветанъ нѣкіемъ Ѳедоромъ Яруновичемъ, что принялъ многое истомленіе, положилъ душу за други своя и за Русскую землю. Повидимому, эта напасть шла изъ кіевской Руси, ибо можно полагать, что Ѳедоръ Яруновичъ былъ сынъ извѣстнаго воеводы Мстислава Торопецкаго, Яруна, разгромившаго Ярослава на Липецкой битвѣ, и потомъ участвовавшаго въ битвѣ на Калкѣ. Ѳедоръ Яруновичъ, конечно, дѣйствовалъ и орудовалъ не для себя же, но въ чью либо пользу. Есть извѣстіе, что царица особымъ посломъ вызывала къ хану Ярославова сына Александра Невскаго, дабы передать ему великое княженіе, но быть можетъ тоже съ цѣлью и его извести.

Какъ бы ни было, но съ того же года Русь стала платить дань въ Золотую Орду, Батыеву. Если, по слову лѣтописца, Ярославъ пострадалъ за друзей и за Русскую землю, то можемъ полагать, что при установленіи даней онъ старался уменьшить ихъ количество, за что не полюбился татарамъ, а къ тому вѣроятно былъ изобличенъ своими же, какъ укрыватель.

По смерти Ярослава, съѣхались во Владиміръ его дѣти и братъ, Святославъ, которому по родовому праву принадлежало старшинство. Оно и было отдано ему, но какъ видно только по необходимости, не искренно, ибо новое отчинное или собственно семейное право, утвержденное и Батыемъ, оставило вопросъ о наслѣдствѣ спорнымъ. По суздальскому обычаю на великокняжескій столъ имѣли право и сыновья умершаго князя. Этотъ порядокъ еще при Всеволодѣ былъ утвержденъ, при его избраніи думою владимірцевъ, а предъ его смертью земскимъ соборомъ.

Святославъ роздалъ племянникамъ города, какъ распредѣлилъ имъ отецъ. Старшій сынъ Александръ Невскій сѣлъ въ старшемъ городѣ послѣ Владиміра, въ Переяславлѣ; второй—Андрей въ Суздалѣ, къ которому принадлежали волжскіе города: Городецъ и Нижній Новгородъ; Константинъ въ Галичѣ; Михаилъ Хоробритъ въ Москвѣ; Ярославъ въ Твери, Василій Мизинный, самый меньшій, въ Костромѣ. Ростовская волость не входила уже въ составъ великаго княженія.

Если князья могли быть довольны такимъ раздѣломъ, то ихъ бояре никогда не бывали довольны, и потому всегда выводили князей на добычу лучшихъ волостей.

Библиотека "Руниверс"

Изъ сыновей Ярослава наиболѣе притязательнымъ въ этомъ отношеніи оказался вовсе не старшій, но второй, Андрей, который тогда же поспѣшилъ въ Орду къ Батыю, конечно объявлять свои права на великое княженіе. Но Батый, соблюдая и въ русской землѣ порядокъ старшинства, позвалъ къ себѣ и старшаго сына, Александра. Оба они были отправлены отъ Батыя къ самому хану. Путешествіе ихъ продолжалось два года. Между тѣмъ на Руси московскій князь Михаилъ Хоробритъ согналъ съ великаго княженія дядю Святослава, но самъ въ тотъ же годъ былъ убитъ на бою съ Литвою. Неизвѣстно въ чью пользу дѣйствовалъ московскій князь; нѣкоторыя извѣстія говорятъ, что онъ самъ сѣлъ на великомъ княженіи. Но почти современныя извѣстія XIII вѣка свидѣтельствуютъ, что не Михаилъ, а Андрей прогналъ дядю Святослава. Судя по послѣдующимъ событіямъ, это очень вѣроятно, и Михаилъ, какъ ближайшій сосѣдъ къ Владиміру, могъ дѣйствовать вообще въ пользу своихъ братьевъ, уѣхавшихъ добывать себѣ старшинство. Выставлять Михаила простымъ грабителемъ, дѣйствовавшимъ только на свой страхъ, нѣтъ основаній, потому что нѣтъ въ эту сторону никакихъ свидѣтельствъ и даже намековъ. Москва была настоящій пригородъ Владиміра и потому сами владимірцы, быть можетъ, недовольные Святославомъ, могли позвать на помощь Михаила изъ Москвы.

Возвратившіеся братья Михаила дѣйствительно получили надъ дядею старшинство. Старшему Александру отданъ былъ Новгородъ и Кіевъ со всею Русскою (южною) землею, а младшему передъ нимъ Андрею владимірское великое княженіе, т. е. старшему достался титулъ, ибо Кіевъ уже со всѣмъ выпадалъ изъ власти великаго князя суздальскаго, а младшему досталось настоящее старшинство. Несомнѣнно, что эта хитрая сдѣлка съ Ордою была устроена Андреемъ прежде, чѣмъ прибылъ къ Батыю Александръ.

Невскій герой, крѣпкій защитникъ новгородской Руси отъ шведовъ, нѣмцевъ и литвы, поселился, конечно, не въ Кіевѣ, а въ своемъ любезномъ Новгородѣ, гдѣ его встрѣтили, выѣхавшаго изъ Орды, какъ воскресшаго изъ мертвыхъ, съ величайшею радостію. Съ южною Русью напротивъ больше всего находился въ связяхъ Андрей. Онъ въ это время (1250 г.) женился на дочери Даніила Галицкаго, и несомнѣнно окружалъ себя боярами и думцами, приходившими оттуда же. Послѣ раззоренія кіевской Руси, такихъ думцевъ много перешло именно къ суздальскимъ князьямъ. Они-то, какъ увидимъ, и разводили старозавѣтныя крамолы и усобицы между князьями. Добывать князю высокіе столы, а себѣ богатыя волости, было задачею жизни такихъ думцевъ.

Прошло года три, когда Александръ отправился наконецъ въ Орду (1252 г.), прямо жаловаться на брата Андрея, какъ написано у Татищева, что, обольстивъ хана, онъ не по правдѣ присвоилъ себѣ великое княженіе владимірское, что отнялъ у него, Александра, отчинные города, (Переяславль), что и дани платитъ хану не сполна.

Библиотека "Руниверс"

Ханъ вознегодовалъ и повелѣлъ поставить Андрея передъ собою. Татарская рать подъ предводительствомъ царевича Неврюя, пройдя скрытно мимо Владиміра, направилась прямо на Переяславль, гдѣ находился Андрей и семья Ярослава Тверского, то есть весь узелъ настоящаго дѣла, которое, по всему вѣроятію, заключалось въ томъ, что вотчина Александра, Переяславль, какъ ближайшая къ Твери, переходила въ руки тверскаго князя. Андрей было вышелъ противъ татаръ, но былъ побитъ и убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; тогда онъ побѣжалъ дальше къ шведамъ, то есть къ врагамъ Александра. Переяславль былъ взятъ и разграбленъ; воевода Жидиславъ и Ярославова княгиня были убиты, а ея дѣти и многіе люди забраны въ плѣнъ. Татары быстро ушли. Такимъ образомъ потерпѣлъ одинъ Переяславль, ибо лѣтопись не говоритъ объ опустошеніи другихъ городовъ, только поздняя прибавляетъ, что татары заходили въ окрестности Суздаля и Ростова.

Вслѣдъ за тѣмъ возвратился изъ Орды и Александръ, пожалованный великимъ княженіемъ. Была радость великая въ городѣ Владимірѣ и во всей Суздальской землѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, говоря о прибытіи Александра и замѣчая въ тоже время объ Андреѣ, что онъ съ своими боярами задумалъ лучше бѣгать, чѣмъ царямъ служить, побѣжалъ на невѣдомую землю.

За одно съ Андреемъ, какъ видѣли, работалъ и тверской Ярославъ. Когда Александръ, сдѣлавшись великимъ княземъ, оставилъ Новгородъ, и посадилъ тамъ своего старшаго сына Василья, то тверской князь поддерживаемый вячшими (лучшими, старѣйшими) людьми вольнаго города, задумалъ самъ сѣсть тамъ на княженье. Онъ, по выраженію лѣтописи, выбѣжалъ изъ своей отчины вмѣстѣ съ боярами и перебрался въ Ладогу, потомъ во Псковъ, а затѣмъ и въ Новгородъ. Сынъ Невскаго былъ изгнанъ. Отецъ ополчился, явился съ сильною ратью у самаго города, но войны не поднялъ, ибо Ярославъ убѣжалъ и крамола укротилась смѣною посадника. Оказалось, что большіе люди были противъ Александра, а меньшіе—черные, противъ большихъ, слѣд. за него. Большіе хотѣли покорить меньшихъ, хотѣли „уразить нашу сторону“, какъ выражается лѣтописецъ, и посадить князя на всей своей (боярской) волѣ, почему вѣроятно и призванъ былъ Ярославъ тверской. Меньшіе укрѣпились, но по темнымъ навѣтамъ крамолы и самъ князь Александръ дѣйствовалъ въ пользу крамольниковъ, требуя выдачи, а потомъ смѣны посадника Ананьи. Чернь поняла въ чемъ дѣло и смѣнила посадника, снявъ вину и съ великаго князя. „Князь безъ грѣха, говорили люди, виноваты наши крестопреступники, что ссорятъ съ нами князя.“

Послѣ переговоровъ, городъ отдался ему по прежнему на всей волѣ новгородской, которую должно отличать отъ воли боярской.

Общая неудача заставила и Андрея и Ярослава возвратиться изъ бѣговъ по домамъ. Они по прежнему оставались княжить въ своихъ

Библиотека "Руниверс"

отчинахъ. Еслибъ Александръ помышлялъ о томъ, чтобы усилиться на счетъ другихъ, то онъ могъ бы двухъ своихъ братьевъ бѣглецовъ лишить ихъ отчинъ, которыя они сами покинули, отыскивая большаго; но онъ объ этомъ и не помышлялъ. Онъ не помышлялъ даже и о полномъ единовластіи въ смыслѣ самодержавія. Тогда это и въ голову никому не могло придти; всѣ князья—борцы и въ послѣдующее время помышляли лишь о томъ, какъ бы добыть великое княженіе. Въ этомъ одномъ и обнаруживались ихъ стремленія усиливаться на счетъ другихъ. Еще крѣпки были и въ суздальской Руси старые кіевскіе обычаи. Захваты, добыча лучшихъ волостей, какъ происходили тамъ, такъ случались и здѣсь. Но по большой части и здѣсь право возстановлялось и все оставалось въ прежнемъ порядкѣ, каждый оставался владѣльцемъ только своей отчины. Никакихъ государственныхъ стремленій еще и не пробуждалась.

Во все время своего княженія Александръ дѣлилъ свою великокняжескую власть съ тѣмъ же братомъ Андреемъ, особенно съ ростовскимъ княземъ Борисомъ, съ которымъ жилъ въ большой дружбѣ. Въ 1257 и 1258 годахъ, они два раза вмѣстѣ ѣздили въ Орду, несомнѣнно по поводу назначенной ханомъ переписи всего народа для установленія дани, и вмѣстѣ же устраивали это великое земское дѣло даже и въ Новгородѣ.

Какъ извѣстно, вольный городъ, жившій далеко отъ татарской грозы, на самомъ краю Русской земли, сопротивлялся въ этомъ случаѣ до послѣдней возможности. Великій князь такимъ образомъ очутился между двухъ огней, равно опасныхъ, изъ которыхъ высвободился съ величайшимъ трудомъ. Но здѣсь-то и раскрылся основной характеръ его внутренней политики, которая послужила примѣромъ и на будущее время для князей, хорошо понимавшихъ, въ чемъ должна заключаться истинная служба Русской землѣ.

Современники Александра и особенно новгородцы высоко ставили его личность, какъ неутомимаго и непобѣдимаго оборонителя земли отъ внѣшнихъ враговъ. Они столько же чтили въ немъ и крѣпкаго оборонителя отъ внутреннихъ враговъ, хорошо помня старозавѣтное преданіе, что князь не напрасно носитъ мечъ, но въ месть злодѣямъ и въ оборону добрымъ. Не смотря на многія крамолы противъ него недовольныхъ имъ, общее мнѣніе всего народа всегда оставалось на его сторонѣ и оправдывало его великокняжескіе поступки, какъ поступки правдиваго и твердаго судьи. Никто не сомнѣвался въ томъ, что это былъ истинный и доблестный слуга Русской землѣ. Но теперь настало время, когда отъ великаго князя требовалась и еще не малая служба—служба татарскому хану. Теперь настали обстоятельства, когда прямая служба землѣ должна была покривиться службою татарамъ, когда эта прямая служба должна была во многихъ случаяхъ являться даже подъ маскою ретивой татарской службы и приносить ей нравственно тяжелыя, но не отрази-

Библиотека "Руниверс"

мыя и неминуемыя жертвы. Всѣ прямые пути изчезли, потерялись; необходимо было пробираться околицами узкими и тѣсными утаенными путями. Кто хотѣлъ истиннаго добра Землѣ, тотъ хорошо долженъ былъ понимать новыя обстоятельства. Александръ и въ этомъ случаѣ сталъ на высотѣ своего велико-княжескаго положенія.

Въ 1257 г. татарскіе численики переписали всю Суздальскую землю, и Рязанскую, и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ (десятитысячниковъ). Оставили безъ переписи на льготѣ только одно духовенство и крилошанъ, слугъ и работниковъ церкви, кто зритъ на св. Богородицу и на владыку-митрополита.

Затѣмъ пришла злая вѣсть и въ Новгородъ и очень смутила вольныхъ людей: все лѣто они были въ смятеніи. Татары у нихъ требовали не переписи, а тамги и десятины — пошлины и десятой части съ товара. Они хорошо знали, чего больше придется получить съ торговыхъ людей. Зимою съ послами татарскими пріѣхалъ и великій князь Александръ. Люди укрѣпились и не дали ничего. Отправили только царю богатые дары. За одно съ вольными людьми стоялъ и ихъ князь, старшій сынъ Александра, Василій, который съ приходомъ отца убѣжалъ во Псковъ. Отецъ очень разгнѣвался на него, выгналъ изъ Пскова и лишилъ навсегда княженія, а дружину его, которая на зло его водила, повелѣлъ казнить: кому носъ урѣзали, кого ослѣпили. Одними дарами ханъ, конечно, не могъ удовлетвориться. Князья опять ѣздили въ Орду и возвратились несомнѣнно съ приказомъ устроить если не десятину и тамгу, то перепись и въ Новгородѣ. Они возвратились осенью 1258 г., а зимою явились численики и пошли въ Новгородъ съ князьями. Впередъ себя они же вѣроятно отправили лживаго посла, что если вольные люди не пойдутъ на перепись то уже полки татарскіе стоятъ въ Низовской земли. Быть можетъ и самый приходъ татарскихъ пословъ подалъ поводъ къ этой вѣсти. Новгородцы подались. Но когда пришли къ нимъ численики, возсталъ великій мятежъ. Татары изъ боязни выпросили у великаго князя даже сторожей. Чернь не хотѣла идти на перепись, а вятшіе настаивали. Князья и татары отъ мятежа ушли изъ города. Наконецъ люди покорились, отдались числу, по совѣту злыхъ, какъ выражается лѣтописецъ. „Творяхъ бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло“. Вотъ гдѣ стало быть находилась существенная причина народнаго волненія. Не число было страшно, а было ненавистно его распредѣленіе.

Окончивъ дѣло, татары ушли, но великаго князя новгородцы удержали на время, почтили его дарами и отпустили съ любовью, посадивъ у себя на княженіе его сына Димитрія. Однако одинъ лѣтописецъ выражается, что Александръ бѣжалъ изъ Новгорода. На пути онъ заѣхалъ въ Ростовъ, къ св. Богородицѣ, помолился усердно, принесъ храму десятину своего добра, благословился у епископа и вы-

Библиотека "Руниверс"

молвилъ ему рѣчь, которая показывала всю трудность его подвига. „Отче господине! сказалъ онъ владыкѣ,—твоею святою молитвою и въ Новгородѣ я пребывалъ по здорову, и сюда опять пріѣхалъ по здорову“.

Тяжесть татарской дани усиливалась еще тѣмъ, что татары отдавали дань на откупъ именно бесерменамъ, какъ назывались тогда мусульмане. Еще Батый поставлялъ ихъ волостелями даней, т. е. вѣроятно тѣми десятниками, сотниками и тысячниками, которымъ онъ отдалъ сборъ всѣхъ даней. Лютое истомленіе и раззореніе испытывали люди отъ этихъ сборщиковъ. Неуплаченная во время дань наростала непомѣрными процентами, а неоплаченные должники по русскому же закону поступали въ рабство и уводились изъ своей земли въ далекія страны, какъ скотъ, на продажу.

Спустя года три послѣ переписи, люди больше не стерпѣли; вложилъ Богъ ярость въ сердца христіанамъ, созвонили по всѣмъ городамъ вѣче и выгнали всѣхъ бесерменъ, иныхъ убили, иные, спасаясь отъ погибели, крестились. Одни лѣтописцы, радуясь этому событію, говорятъ глухо, что поднялся самъ народъ; но безъ участія князей по всѣмъ городамъ этого сдѣлать было невозможно. Другіе такъ и говорятъ, что сами князья согласились изгнать бесерменовъ. Въ неизданныхъ спискахъ встрѣчаемъ прямое свидѣтельство, что „великій князь Александръ совѣтъ сотвори по всей русской землѣ и повелѣ бусурманъ изгнати отъ многихъ городовъ“. Это подтверждаетъ и одинъ изъ напечатанныхъ, Устюжскій, разсказывая, что „было вѣчье на бесермены по всѣмъ городамъ русскимъ, и побиша татаръ вездѣ, не терпяще насилія отъ нихъ, занеже умножишася татарове во всѣхъ градѣхъ, ясащики (сборщики) живуще, не выходя, и пріиде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити...“

По всему вѣроятію, съ этого времени сборъ даней остался въ рукахъ князей, съ какою цѣлью они и дѣйствовали сообща всѣ за одно. Александръ конечно поспѣшилъ въ Орду отвѣчать за событіе. Уже посланы были татарскіе полки. Ханъ Беркай къ тому же требовалъ русскаго войска себѣ на помощь, вѣроятно на войну съ Персіею. Великій князь успѣлъ отмолить людей отъ бѣды. Но ханъ удержалъ его въ Ордѣ и на зиму. Тамъ великій князь разболѣлся, больной поѣхалъ на Русь и на пути, въ Городцѣ на Волгѣ, скончался. „Дай Господи милостивый видѣти ему лице Твое въ будущій вѣкъ, что потрудился за Новгородъ и за всю Русскую землю!“ восклицаетъ по этому случаю новгородскій лѣтописецъ. „Отца человѣкъ можетъ забыть, а добраго господина, еслибъ можно, и въ гробъ съ нимъ бы влѣзъ. Поработалъ Господу крѣпко!“ восклицаетъ псковскій лѣтописецъ, изображая свое горе по случаю кончины этого великаго труженика за Русскую землю. Митрополитъ всея Руси, Кириллъ, пребывавшій тогда во Владимірѣ, сказалъ людямъ: „Чада моя милая!

Библиотека "Руниверс"

Поймите, что уже зашло солнце Суздальской земли!"—„Уже погибаетъ!" восклицали всѣ люди, и богатые и убогіе.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ являлась истинная оцѣнка политики Невскаго героя. Нашимъ либеральнымъ судомъ мы можемъ засудить его и въ самодержавномъ деспотизмѣ, и въ нравственной кривизнѣ относительно службы татарамъ; но, по правдѣ сказать, мы судимъ легкомысленно, совсѣмъ не зная подробностей и обстоятельствъ тогдашнихъ народныхъ воззрѣній и отношеній. Ясно для насъ одно, что Александръ былъ поборникомъ только общихъ всенародныхъ выгодъ, для которыхъ онъ не задумывался жертвовать частными мѣстными или сословными и мимоходящими только выгодами. Народъ это хорошо понималъ не въ одной Суздальской землѣ. Но больше всего въ вольныхъ городахъ, для которыхъ Александръ дѣйствительно потрудился много. Своими подвигами и своимъ поведеніемъ, и относительно народа, и относительно татаръ, онъ оставилъ въ народномъ умѣ неизгладимый идеалъ князя желаннаго для тогдашнихъ темныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ Русской земли и вотъ почему народъ почтилъ его святостію почти въ самый день его смерти.

Естественно, что всеобщая любовь къ Невскому и почтеніе къ его памяти необходимо возвышали и его потомство, дѣтей и внуковъ, которые въ глазахъ народа были славными людьми уже потому что были дѣти и внуки славнаго князя. Но и въ дѣйствительности его колѣно, какъ бы по завѣту родителя, всегда работало усерднѣе и доблестнѣе чѣмъ другіе князья и за Новгородъ и за всю Русскую землю.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Ив. Забѣлинъ.

Библиотека "Руниверс"

ЧЕРНИГОВКА [1].

Быль второй половины XVII вѣка.

VI.

ПОДЪ ГОРОДОМЪ Чигириномъ, на широкой равнинѣ, по которой змѣится извилистая рѣка Тясминъ, раскинулся станъ козацкій, разбросались купы полотняныхъ шатровъ, образованныя по полкамъ, высланнымъ гетманомъ. Между этими шатрами пестрѣютъ палатки начальныхъ лицъ; ихъ пологи изъ цвѣтной ткани, а не верхахъ ихъ пуки павлиныхъ перьевъ. Далѣе отъ козацкаго стана, надъ рѣкою Янчаркою, расположенъ станъ царскихъ великорусскихъ войскъ подъ начальствомъ Григорія Ивановича Косагова. Это отряды, которые выслали къ Чигирину гетманъ Самойловичъ и бояринъ Ромодановскій, удержавши остальныя войска свои въ станѣ подъ Вороновкою.

Начальникомъ или наказнымъ гетманомъ надъ высланными козаками назначенъ генеральный бунчужный Леонтій Полуботокъ, тогда временно занимавшій урядъ переяславскаго полковника. Собрались у него въ шатрѣ полковники: черниговскій, гадяцкій и миргородскій. Наказной гетманъ объявилъ, что Григорій Ивановичъ Косаговъ посылаетъ къ Дорошенку увѣщательную грамоту, и козаки должны послать такую жъ отъ своего гетмана.

Полуботокъ громко прочиталъ составленную генеральнымъ писаремъ грамоту, и передавая ее Борковскому, сказалъ:

— Василій Кашперовичъ! Выбери кого нибудь послать съ этимъ письмомъ. Знатнаго чиновнаго человѣка не посылай. Довольно ужъ чествовать этого надувалу! Пошли къ нему какого нибудь рядовика,

[1]) Продолженіе. См. стр. 46—74.

Библиотека "Руниверс"

такого только, чтобы съумѣлъ поразсмотрѣть, что тамъ творится въ Чигиринѣ.

— У меня какъ разъ такой сыщется, отвѣчалъ Борковскій и ушелъ съ грамотою въ свою ставку, отстоявшую отъ Полуботковой саженъ на пятьдесятъ.

Оставшіеся въ шатрѣ у Полуботка стали пить и закусывать, а Борковскій, пришедши въ свой шатеръ, велѣлъ позвать Булавку и сказалъ:

— Панъ сотникъ! Посылай шурина своего Молявку вотъ съ этимъ письмомъ къ Дорошенку и скажи, чтобъ шуринъ твой, будучи въ Чигиринѣ, все что только можно тамъ подглядѣлъ и подслушалъ. Онъ не дуракъ, пойметъ!

Булавка, передавая шурину эту грамоту, говорилъ:

— Вотъ тебѣ, голубчикъ мой, важное порученіе. Теперь тебѣ время и случай показать себя передъ всѣми людьми и панствомъ. Зови съ собою трубача.

Молявка, вмѣстѣ съ трубачемъ, отправился къ окраинѣ нижняго города Чигирина, отстоявшаго на добрую версту отъ козацкаго стана. Собственно это и былъ городъ въ смыслѣ людского поселенія, такъ какъ то, что называлось верхнимъ городомъ, былъ, только замокъ или цитадель. Нижній городъ былъ обведенъ землянымъ валомъ, по верху котораго шла толстая, бревенчатая стѣна, а подъ валомъ на наружной сторонѣ, прокопанъ былъ ровъ въ три сажени въ ширину и глубину. Молявка обвязалъ себѣ голову бѣлымъ платкомъ; трубачъ изо всей силы затрубилъ. Караульные козаки съ башни, построенной надъ воротами, окликали подходившихъ къ городу, а Молявка, вмѣсто отвѣта, наткнулъ на саблю свою шапку съ повязаннымъ на ней платкомъ и махалъ ею. Караульные спустили поднятый вверхъ цѣпями у воротъ мостъ черезъ ровъ и отворили калитку, продѣланную въ тяжелыхъ воротахъ. Молявка вмѣстѣ съ трубачемъ вошелъ въ городъ. Его сразу окружила толпа. Спрашивали: зачѣмъ, къ кому, съ чѣмъ? Молявка сказалъ, что съ „листомъ“ къ гетману.

— Ужъ хоть бы онъ скорѣе самъ отказывался отъ этого несчастнаго гетманства! послышалось въ толпѣ.

— Чего тамъ ужъ ему и упорствовать? Самъ же онъ, собирая „громаду“, говоритъ, что вѣрнымъ царскимъ слугою быть желаетъ, такъ чего же? если царь велитъ ѣхать и сдавать свое гетманство— такъ уже-бъ ему и дѣлать, какъ царь ему велитъ! Такъ нѣтъ! Говоритъ: подождемъ! Пускай, говоритъ, турокъ попугаетъ еще москоля, такъ москаль будетъ сговорчивѣе! А ну его! Чего еще тамъ ожидать? Уже вся Украина къ вамъ на слободы убѣжала, а въ Чигиринѣ только недѣли на двѣ хватитъ чѣмъ жить. Тогда всѣ такъ гурьбою и посыпятъ къ вамъ. Не пухнуть же всѣмъ отъ голода!

Такія рѣчи услышалъ тогда Молявка отъ народа, едва только вошелъ.

Библиотека "Руниверс"

— Гдѣ онъ? спрашивалъ Молявка: не на горѣ ли? Ведите меня къ нему.

Онъ указалъ на гору, откуда бѣлѣлись стѣны недавно оштукатуреннаго дома гетманскаго, стоявшаго по среди замка.

— Тамъ его нѣту! былъ отвѣтъ. Вотъ, слышишь, музыка играетъ! Это онъ размыкиваетъ свое горе, услыхавши, что приходитъ конецъ. Назвалъ музыкантовъ: скрипокъ, „кобзъ", „бандуръ", сопѣлей, дудокъ, бубенъ, — ходитъ по городу, изъ шинка въ шинокъ, дѣлаетъ видъ будто онъ уже не гетманъ а простой козакъ-запорожецъ! И старшины съ нимъ, и тесть его Яненко, и другіе! Ходятъ, да поютъ и скачутъ!

— Ну да! замѣтилъ кто-то... какъ распозналъ, что надъ шеею виситъ острое желѣзо, такъ какой сталъ для всѣхъ доступный, простой, дружелюбный,—а прежде какъ гордился!

— Теперь что хочешь говори ему, не сердится; хоть и не послушаетъ совѣта, но не сердится; а прежде, скажи-ка ему такое, что не по-шерсти, то ужъ послѣ и самъ берегись: придерется какъ бы за что иное, да въ дыбу забьетъ, а то и голову снять повелитъ, замѣтилъ чигиринскій сотникъ Блоха, стоявшій тутъ же между другими.

До ушей Молявки долетали звуки музыки и все становились ближе и ближе. Прошедши нѣсколько десятковъ шаговъ далѣе, до поворота въ другую улицу, онъ наткнулся на шествіе, выступавшее изъ этой поперечной улицы. Бѣжала пестрая толпа народа обоего пола и разныхъ возрастовъ, начиная отъ сѣдобородыхъ дѣдовъ и сгорбленныхъ бабъ и кончая дѣтишками въ однѣхъ рубашенкахъ. Въ бархатномъ малиноваго цвѣта кунтушѣ, въ красныхъ сапогахъ и въ заломленной на бекрень шапкѣ съ брилліантовымъ перомъ, гетманъ Дорошенко отплясывалъ „трепака"; о бокъ его тоже дѣлали: писарь Вуеховичъ, обозный Бережецкій, судья Уласенко, гетманскій тесть Павло́ Яненко— всѣ одѣтые въ праздничные кунтуши разныхъ цвѣтовъ — кто въ коричневомъ, кто въ ярко-красномъ, кто въ зеленомъ. Еслибы внимательно вглядѣться въ ихъ лица и движенія, то можно было сразу уразумѣть, что они болѣе по принужденію, чѣмъ по добровольному влеченію, дѣлали это. За плясунами шли музыканты. Вельможные гуляки, притопывая ногами, хоромъ пѣли:

„Паутына по дорозѣ повилась, повилась,
А дивчина съ козакомъ понялась, понялась".

— Не ту! крикнулъ вдругъ Дорошенко: а ту, что играли когда выходили изъ замка!

Музыканты остановились и потомъ заиграли на другой голосъ. Дорошенко затянулъ:

„Никому я не дывуюсь якъ самъ я соби.
Пройшли мои лита съ свита якъ листъ по води
А вже мои стежки-дорожки позаростали,

Библиотека "Руниверс"

А вже мои ворони кони поизъѣзжали,
А вже мое золоте сидельце поламалося,
А вже моя родынонька отцуралася".

При звукахъ этой пѣсни пріостановилась пляска. Молявка думалъ: не подойти ли и подать „листъ" Дорошенку, но не рѣшился, соображая, что, чего добраго, онъ разсердится и почтетъ за издѣвку надъ собою. Но гетманъ со старшинами, сдѣлавши нѣсколько шаговъ и припѣвая пѣсню, пошли прямо къ шинку, гдѣ на крыльцѣ стоялъ шинкарь, празднично одѣтый: видно было, что и шинкарь приготовился къ посѣщенію его шинка высокими гостями.

— Шинкарь! что стоишь, болванъ! кричалъ изо всей силы Дорошенко: своему пану, батьку-гетману горѣлку подноси!

„О, подумалъ про себя Молявка, онъ не стыдится и тутъ же самъ себя гетманомъ величаетъ! Такъ и на меня онъ не разсердится, если ему, какъ гетману, подамъ слѣдуемое ему письмо".

Шинкарь подносилъ Дорошенку съ поклономъ большую стопу, налитую до края горѣлкою. Въ это время протѣснился Молявка и ставши лицомъ къ лицу предъ Дорошенкомъ, поклонился, подалъ грамоту и произнесъ:

— Ясновельможный панъ! Вотъ письмо отъ его милости ясновельможнаго пана гетмана Ивана Самойловича.

— А! сказалъ Дорошенко, быстро взглянувши на подателя. Ты не говори просто: отъ гетмана письмо, а говори: отъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, потому что онъ себя такъ именуетъ, хотя этою стороною тогда развѣ овладѣетъ, когда меня здѣсь не будетъ. Подай письмо. Кто ты таковъ?

— Я, отвѣчалъ Молявка, черниговскаго полка, черниговской сотни козакъ-рядовикъ. Послалъ меня полковникъ Василій Борковскій, а онъ взялъ это письмо отъ наказного гетманскаго Леонтія Полуботка.

— Гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра должно быть меня уже и за человѣка не считаетъ: посылаетъ ко мнѣ такого простяка! А почему значнаго чиновнаго не прислалъ? Должно-бъ тому полковнику, что тебя ко мнѣ снарядилъ, должно-бъ ему самому сюда пріѣхать, да въ ноги мнѣ поклониться, говорилъ Дорошенко.

— Того я не знаю, панъ ясновельможный гетманъ! сказалъ Молявка, потому—я человѣкъ подначальный. Командиръ мой позвалъ меня и далъ это письмо къ твоей милости. Я долженъ слушаться!

— Правда, любезный! сказалъ Дорошенко, вижу что у тебя голова не сѣномъ набита. Ты хоть и простой человѣкъ, а ужъ коли ко мнѣ пришелъ, такъ сталъ моимъ гостемъ. Пей съ нами горѣлку. Шинкарь, налей ему!

Шинкарь налилъ стопу горѣлки и подалъ Молявкѣ. Козакъ поднялъ ее вверхъ и крикнулъ:

— Добраго здоровья и во всемъ счастливаго успѣха, панъ ясневельможный гетманъ! Съ этими словами онъ выпилъ всю стопу.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ тебя зовутъ, козакъ? спросилъ Дорошенко.

— Яцько Молявка-Многопѣняжный! проговорилъ посланецъ.

— Денегъ, видно, много было у предковъ, что такъ прозвали, сказалъ Дорошенко; однако, хоть бы и у тебя самого было много денегъ, а все-таки не слѣдовало посылать ко мнѣ простого рядовика. Вуеховичъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ своему писарю:—читай всей громадѣ. Я гетманомъ сталъ не самъ по себѣ; безъ совѣта громады ничего не чиню.

Вуеховичъ, человѣкъ невысокаго роста, съ красноватыми хитрыми глазами, взявши принесенный „листъ", сталъ читать его, произнося тонкимъ, почти женскимъ голосомъ:

„Мой велце шановный, ласковый добродѣю, пане а пане гетмане чигиринскій! По указу царскаго пресвѣтлаго величества послалисьмо съ купной порады его милости боярина князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, стольника Григорія Ивановича Косагова съ выборными царскими ратными людьми и генеральнаго бунчужнаго Левона Полуботка съ четырьмя козацкими полками и съ нашею конною надворною компаньѣю ку Чигирину, понеже многократне и многообразне твоя милость ему боярину и мнѣ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра обѣщалъ еси своею особою прибыти до насъ въ обозъ для принесенія присяги его царскому пресвѣтлому величеству, обаче тое твоеи милости обѣщане доселѣ не совершено дѣломъ".

— Погоди! Погоди! прервалъ чтеніе Дорошенко:—какъ это не совершено дѣломъ! Свидѣтели мнѣ всѣ чигиринцы и паны-запорожцы, что пріѣзжали ко мнѣ въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, изъ которыхъ иные и нынѣ здѣсь присутствуютъ, какъ я тогда произнесъ присягу царскому пресвѣтлому величеству передъ паномъ кошевымъ атаманомъ Иваномъ Сѣркомъ и передъ донскимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ въ присутствіи многихъ товарищей войска низового сѣчевого и донского, а послѣ того и санджаки турецкіе отослалъ въ столицу въ Москву. А поповичъ-гетманъ пишетъ будто обѣщаніе мое не совершено дѣломъ! „Батько" Яненко, вѣдь ты возилъ санджаки въ Москву?

— Я, панъ гетманъ! отвѣчалъ Яненко.

— А гетману-поповичу хочется чтобъ я ему поклонился, продолжалъ Дорошенко.—Иное дѣло вѣрою-правдою царю-государю служить и добра хотѣть, а иное—царскимъ подданнымъ кланяться. Я вѣрный подданный и слуга царскому пресвѣтлому величеству, какъ и присягалъ ему, а поповичу кланяться не хочу.

Онъ поднялъ вверхъ налитый горѣлкою кубокъ и громогласно проговорилъ:

— Пью, на томъ пью, что мнѣ гетману-поповичу „клейнотовъ" не отдавать. Паны запорожцы и вы всѣ паны чигиринская громада! Заступитесь за меня! Для чего это вокругъ Чигирина обступило московское и барабашевское войско? Я царю не врагъ, не су-

Библиотека "Руниверс"

постатъ, а такой же вѣрный подданный, какъ они всѣ. Они должны отойти отъ нашего города. Молявка-Многопѣняжный! передай то, что ты отъ меня слышалъ! Не хочу кланяться Самойловичу-поповичу, а самъ поѣду въ Москву: побью челомъ царскому пресвѣтлому величеству самому, а не его царскому боярину и не гетману барабошскому, поповичу! А коли не отойдутъ и меня не пропустятъ, такъ я сяду на бочку съ порохомъ и взорву себя—и всѣ чигиринцы разомъ со мною погибнутъ. Пускай грѣхъ падетъ на тѣхъ, что не желаютъ святого мира и затѣваютъ междоусобную войну. Я къ нимъ съ искреннимъ сердцемъ, а они ко мнѣ съ ножемъ! Я желаю мира, а они идутъ на меня войною на радость басурманамъ, врагамъ святого креста! Да еще меня передъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ и передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ осуждаютъ. Запорожцы и вы всѣ чигиринцы! не выдавайте меня, какъ донцы когда то выдали своего Стеньку!

— Не выдадимъ, не выдадимъ! кричали запорожцы стоявшіе кучкою въ красныхъ жупанахъ.

— Не выдадимъ, всѣ одинъ за однимъ головы сложимъ! произносили чигиринцы, вслѣдъ за сѣчевыми гостями; многіе хотѣли бы выразиться иначе, да не смѣли: каждый не ручался, чтобъ всѣ поддержали голосъ, противный гетманской волѣ.

Дорошенко съ усиливающимся жаромъ продолжалъ:

— „Еще козацкая не умерла мати!“ говорилъ вѣчнославной памяти батько Зиновъ Богданъ Хмельницкій. Коли наше не въ ладъ, то мы съ нашимъ и назадъ! Коли такъ, то мы опять бусурмана въ помочь покличемъ. А что жъ дѣлать? Коли свои братья христіане не милостивы къ намъ—такъ по неволѣ приходится у бусурмана просить милости! Не бойтесь, братцы чигиринцы, любезная моя громада! Подастъ намъ Господь помощь противъ этихъ немилостивцевъ, что хотѣли бъ насъ въ ложкѣ воды утопить. Прійдутъ на перерѣзъ имъ бусурманы, и тогда москали и барабаши какъ зайцы побѣгутъ отъ Чигирина! Это ужъ было съ ними! Помните, какъ четыре года назадъ приходили подъ самый Чигиринъ гетманъ-поповичъ и бояринъ Ромодановскій съ великими силами; однако, прослышавши, что ханъ его милость идетъ со своими ордами, принуждены были отступить, а ханъ отрѣзалъ имъ дорогу до Черкасъ. Еле-еле, утративши многихъ, добѣжали до Днѣпра и постыдно убѣжали въ свою сторону. И теперь съ ними станетъ тоже. Вотъ придется подождать нѣсколько дней, придетъ салтанъ Нураддинъ съ ордою,—у насъ на нѣсколько дней достанетъ харчей. А коли Богъ такъ дастъ, что придется намъ погибать, такъ и погибнемъ всѣ до единаго! Слышишь ли ты это Молявка-Многопѣняжный? Разобралъ ли что здѣсь говорено? Вотъ это все и разскажи кому тамъ слѣдуетъ, да скажи чтобы впередъ не присылали ко мнѣ простого рядовика, а пусть ведетъ со мной переговоры черезъ значныхъ людей войсковыхъ товарищей. Вѣдь я своей

Библиотека "Руниверс"

гетманской булавы не сдавалъ и еще гетманъ, и имъ слѣдуетъ меня уважать какъ подобаетъ гетмана. И ляхи пишутъ ко мнѣ по латыни и величаютъ меня: dux Zaporoviensis.

Послѣ этой рѣчи Дорошенко обратился къ народу и кричалъ:

— Еще казацкая не умерла мати! Козакъ пьетъ, на бѣду не глядитъ и самого чорта не боится, а не то что московской или барабашской души! и онъ началъ плясать, припѣвая:

Не теперъ, не теперъ
По грибы ходити.
Въ осени, въ осени,
Якъ будуть родити.

Вуеховичъ отсталъ отъ гетмана и подозвалъ къ себѣ кого то изъ толпы, говорилъ ему что то на̀-ухо, поглядывая въ то же время на Молявку, а послѣдній продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, провожая глазами удалявшагося съ приплясомъ гетмана; человѣкъ, съ которымъ говорилъ писарь, кивнулъ головою, давая знать, что все разумѣетъ; тогда самъ Вуеховичъ подошелъ къ Молявкѣ и сказалъ:

— Ты сказалъ, что ты козакъ черниговскаго полка; поклонись отъ меня Василію Кашперовичу своему полковнику. Скажи, что писарь Вуеховичъ посылаетъ ему свой братскій поклонъ, своему искреннему пріятелю!

Сказавши это, Вуеховичъ пошелъ за гетманомъ, куда также двигалась густая толпа народа. Молявка повернулъ назадъ, уже исполнивши свое порученіе, какъ онъ думалъ. Вдругъ догоняетъ его тотъ самый человѣкъ, которому Вуеховичъ говорилъ что то на ухо. Онъ пошелъ съ нимъ рука объ руку къ городскимъ воротамъ и говорилъ:

— Посылаетъ гетманъ козака Мотовила подъ видомъ нищаго, будто просящаго милостыни, съ письмомъ къ крымскому салтану; заворочено оно у него въ лаптяхъ. Онъ, вотъ, вслѣдъ за тобою изъ города выйдетъ. Всѣ люди въ Чигиринѣ о томъ только Бога молятъ, чтобъ гетманы поскорѣе помирились между собою, война опротивѣла, а притомъ, если войско долго простоитъ—голодъ наступитъ. Ужъ и такъ много дѣтей умираетъ. Всѣ желали бы идти за Днѣпръ на слòбоды.

Эти слова проговорилъ онъ безъ всякихъ движеній, потупя внизъ голову и не глядя на Молявку, и никто изъ шедшихъ около него не могъ ни разслышать его словъ, ни даже догадаться, что онъ передаетъ посланцу какой то секретъ. Не дожидаясь никакого отвѣта, неизвѣстный оставилъ Молявку.

По выходѣ изъ воротъ, Молявка сталъ раздумывать: что лучше дѣлать ему, идти ли въ станъ и объявить о посланномъ въ образѣ нищаго, или подождать, пока этотъ нищій выйдетъ изъ города. Онъ разсчитывалъ: если онъ теперь заявитъ о томъ, что слышалъ, то нищаго могутъ какъ нибудь проглядѣть, или даже если поймаютъ, то другіе, а не онъ самъ; напротивъ, если онъ самъ лично этого ни-

Библиотека "Руниверс"

щаго схватитъ и приведетъ къ начальству, то дѣло его оцѣнится, какъ важный и очень полезный для всего войска подвигъ. И выбралъ онъ послѣднее, и нарочно пошелъ медленно, безпрестанно оглядываясь назадъ, какъ вдругъ своими быстрыми глазами увидѣлъ, что изо рва, окружавшаго городъ, высунулась человѣческая фигура и пошла по направленію вправо, въ сторону противоположную той, куда слѣдовалъ Молявка. Тотчасъ Молявка понялъ, что въ городскомъ укрѣпленіи есть гдѣ нибудь тайный выходъ и видѣнный имъ человѣкъ прошелъ имъ такъ, что очутился во рву, а потомъ при пособіи какого нибудь средства выкарабкался изо рва. Молявка быстро и круто повернулъ въ бокъ на перерѣзъ пути выползшаго изо рва человѣка.

Скоро былъ Молявка лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ. Это былъ на видъ оборванный до нельзя нищій. Ноги у него были въ лаптяхъ безъ онучъ. На плечахъ и вдоль тѣла болтались грязныя отрепья, остатки существовавшей когда-то свитки, изъ-подъ нихъ виднѣлось заплатаное грязное бѣлье. Нищій снялъ дырявую шапку и низко кланялся, увидя подходящаго хорошо одѣтаго козака.

— Боже! какой голышъ, какой бѣднякъ! говорилъ тономъ состраданія Молявка. Откуда ты? не изъ Чигирина-ли?

— Да! милостивый благодѣтель! отвѣчалъ нищій. Ушелъ я, да они и сами, правду сказать, меня пустили, не стали задерживать, потому что скоро всѣмъ нечего будетъ ѣсть и всѣ пойдутъ, какъ я.

— Иди со мной, старецъ божій! сказалъ Молявка, мнѣ вотъ какъ стало жаль тебя! Я тебя и накормлю и одѣну и черезъ станъ проведу: самъ не проберешься. Задержатъ и въ полонъ возьмутъ!

— Мнѣ, милостивецъ, все равно. Пускай берутъ! Я не стану молчать: что знаю—все разскажу; къ тому-жъ не къ татарамъ пойду, а своимъ же христіанамъ отдамся! говорилъ нищій.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Молявкою. Скоро показался и станъ. Уже виднѣлись палатки начальныхъ людей. Сторожа перекликались.

Дойдя до караула, Молявка воткнулъ на саблю свою шапку, обвязанную бѣлымъ платкомъ.

— Лозунгъ! крикнули караульные.

— „Святая пятница!“ отвѣчалъ Молявка. То былъ дневной лозунгъ. Его пропустили.

— А это кто идетъ съ тобой? спрашивали караульные, показывая на нищаго.

— Это нищій, милостыни проситъ, бѣднякъ; я его изъ Чигирина взялъ съ собою, хочетъ къ намъ перейти. Я ему милостыню подамъ, сказалъ Молявка. Потомъ, обратившись къ нищему, прибавилъ: вишь, какіе у тебя скверные лапти; снимай ихъ къ чорту, надѣнь мои сапоги. Мнѣ стало тебя очень жалко! Я съ себя все поснимаю, да тебя одѣну! у меня, благодареніе Богу, все есть. Вотъ тебѣ и кирея. Снимай свое тряпье.

Библиотека "Руниверс"

Молявка снялъ съ себя коричневаго цвѣта суконную кирею и хотѣлъ набросить на плечи нищему. Нищій, словно кто на него кипяткомъ брызнулъ, отскочилъ въ сторону, потомъ, принявъ видъ смиренника, говорилъ:

— Охъ, голубчикъ! благодѣтель мой! Стою ли я того? Боже! Боже! Вотъ Господь послалъ какого милостиваго благотворителя! Ей Богу, исходи полъ-свѣта, другого такого благотворителя не встрѣтишь!

— Скидай, говорю, свои лапти, надѣвай мои сапоги! твердилъ Молявка.

Нищій повертывался туда-сюда и видимо не зналъ, что ему дѣлать. Молявка крикнулъ къ сторожевымъ козакамъ:

— Снимайте, братцы, съ меня сапоги и обуйте этого нищаго, а я въ его лаптяхъ доплетусь какъ нибудь до черниговскаго полка!

— Господинъ добрый, господинъ милостивый! Не нужно, не нужно! говорилъ нищій и порывался идти въ сторону.

— Нѣтъ, нужно, старикъ! сказалъ Молявка: слышишь ли, что тебѣ говорятъ: давай мнѣ свои лапти, а самъ обувай мои сапоги.

— Паночку, добрòдѣю! говорилъ совершенно растерявшійся нищій; не хочу, ей Богу не хочу!—и съ этими словами пустился-было скорымъ шагомъ уходить.

— Догоните его, козаки! Возмите у него лапти, а ему дайте обуть мои сапоги, сказалъ караульнымъ Молявка.

Козаки бросились на нищаго. Тотъ, самъ не зная, какъ избавиться отъ бѣды, началъ уже бѣжать во всю прыть, козаки догнали его, повалили, сняли съ ногъ его лапти, надѣли на него „сапьянцы“ и привели къ Молявкѣ. Молявка досталъ изъ кармана ножъ, разрѣзалъ лапти и вынулъ изъ нихъ свернутое въ тонкую трубочку письмо, засунутое въ складки лыкъ, изъ которыхъ были сплетены лапти.

— Не при насъ писано! сказалъ Молявка, развернувши письмо: этого мы не разберемъ! Это, вѣрно, по татарски, или по турецки. Да у насъ въ полку отыщется такой, что прочтетъ! Иди-ка, старикъ, за мною, къ нашему полковнику!

— Пане добродѣю! завопилъ нищій,—я не нищій. Долженъ всю праву сказать. Я Дорошенковъ козакъ. Гетманъ чигиринскій послалъ меня подъ видомъ нищаго пробраться черезъ вашъ станъ въ степь и подать извѣстіе салтану, что стоитъ за Ташлыкомъ, чтобъ скорѣе приходилъ съ ордою на выручку. Дорошенко засунулъ мнѣ въ лапти свое письмо, а я не хотѣлъ идти къ салтану, хотѣлъ перейти къ вамъ на царскую службу.

— Какъ тебя зовутъ? спрашивалъ Молявка.

— Козакъ Мотовило, былъ отвѣтъ.

— Хорошо, что не врешь! сказалъ Молявка:—не бойся ничего; иди за мной къ моему полковнику.

Они пошли. Караульные козаки проводили ихъ нѣсколько саженей,

Библиотека "Руниверс"

потомъ воротились назадъ и смѣялись видѣнному ими событію. Молявка пустилъ Мотовила впереди себя.

Прошедши версты двѣ, они проходили мимо заросли и Мотовило затѣялъ было броситься въ кусты, но Молявка догналъ его, схватилъ за руку и снявъ съ себя поясъ, крѣпко завязалъ ему назадъ руки.

— Ты, вижу, проворенъ, козакъ! сказалъ Молявка:—но я, должно быть, сильнѣе тебя.

И онъ погналъ Мотовила далѣе, а самъ постоянно держался за край пояса, которымъ были связаны руки Мотовила. Козаки черниговскаго полка, стоявшіе на караулѣ у своей полковой ставки, окликали его, потомъ, когда онъ произнесъ лозунгъ, пропустили.

— Я, сказалъ Молявка, веду къ пану полковнику такого диковиннаго звѣря, что онъ очень обрадуется, какъ только увидитъ.

Молявка привелъ Мотовила къ шатру Борковскаго.

— Панъ полковникъ! кричалъ онъ, выходи, твоя милость, глядѣть на диво дивное.

Борковскій только что воротился тогда въ свой шатеръ послѣ осмотра своего полка; услышавши голосъ Молявки онъ вышелъ съ своимъ обычнымъ серьезнымъ видомъ. Молявка разсказалъ ему все, что видалъ въ Чигиринѣ и представилъ пойманнаго козака, но не сказалъ, однако, что ему незнакомый человѣкъ въ Чигиринѣ заранѣе сказалъ про Мотовила, а изобразилъ дѣло такъ, какъ будто онъ, Молявка, самъ, по собственной смекалкѣ, задержалъ нищаго и вынулъ у него изъ лаптей таинственное письмо, написанное на неизвѣстномъ для него языкѣ.

Борковскій сказалъ:

— За эту услугу, что ты оказалъ всему войску запорожскому назначаю тебя хоружимъ твоей черниговской сотни. Зовите скорѣе Галана Козыря.

Галанъ Козырь былъ родомъ татаринъ: въ дѣтствѣ достался онъ въ полонъ козакамъ, принялъ св. крещеніе и былъ записанъ въ козацкій реестръ въ черниговскомъ полку. Былъ онъ дорогой человѣкъ, зналъ татарское письмо, и годился всегда, когда происходило какое нибудь сношеніе съ бусурманами.

— Прочти и переведи!—сказалъ Борковскій этому Галану, когда того привели къ полковнику.

Галанъ прочиталъ и сказалъ:

— Дорошенко пишетъ салтану Нураддину, проситъ поспѣшить на выручку къ Чигирину: москали и барабашцы окружили его.

Полковникъ приказалъ написать переводъ этой грамоты для представленія наказному гетману.

Пришелъ Булавка. Борковскій похвалилъ его шурина и объявилъ, что повышаетъ его за заслугу войску запорожскому. Обрадованный Булавка поклонился, нагнувшись до земли, а Борковскій отвѣчалъ ему легкимъ начальническимъ киваніемъ головою.

Библиотека "Руниверс"

Принесли переводъ перехваченнаго письма. Борковскій понесъ его Полуботку и прочиталъ въ собраніи всѣхъ полковниковъ.

— Превосходно! превосходно! воскликнули всѣ полковники въ одинъ голосъ.

— Теперь, замѣтилъ гадяцкій полковникъ Михайло Василѐвичъ, Дорошенко попался намъ въ руки!

— Онъ сдастся! замѣтилъ полковникъ миргородскій.

— Ни откуда ему нѣтъ болѣ надежды, прибавилъ лубенскій.

Полуботокъ заливался добродушнымъ смѣхомъ, потѣшаясь надъ промахомъ Дорошенка.

— Теперь, сказалъ онъ, послать сказать Дорошенку, что письмо его у насъ; пусть не надѣется больше на бусурманскую помощь, а скорѣе пусть сдается, не проливая крови, а то какъ возьмемъ его съ боя, то уже не быть ему въ чести!

— Пускай же этотъ козакъ, что поймалъ Мотовила, снесетъ къ Дорошенку снова наше письмо; пускай Дорошенко не мѣшкаетъ, а выѣзжаетъ къ намъ и отъ насъ ѣдетъ къ пану гетману, коли не хочетъ чтобъ мы его взяли какъ собаки волка. Этотъ козакъ ужъ теперь не рядовикъ, а хорунжій. Дорошенко заспѣсивѣлъ: зачѣмъ посылали къ нему рядовика, и велѣлъ черезъ него предупредить насъ, чтобъ мы ему рядовиковъ не посылали, а посылали бы урядовыхъ значныхъ. Вотъ теперь мы ему изъ полковой старшины урядового шлемъ, говорилъ Борковскій.

— Пускай, пускай! сказали всѣ въ одинъ голосъ.

Написали грамоту и отправили въ Чигиринъ того же Молявку-Многопѣняжнаго.

VII.

Опять, какъ первый разъ, Молявка вмѣстѣ съ трубачемъ подошелъ къ воротамъ нижняго города. Опять Молявка выставилъ на саблѣ свою шапку, обвитую бѣлымъ платкомъ, а трубачъ протрубилъ. Отворили калитку въ воротахъ. Объявивши себя полковымъ сотенныхъ хоружимъ, Молявка сказалъ, что у него есть письмо къ гетману.

У Дорошенки въ Чигиринѣ было два двора: одинъ новый, имъ не такъ давно построенный, на горѣ въ верхнемъ городѣ или въ зâмкѣ, другой—въ нижнемъ городѣ, въ такъ называемомъ „мѣстѣ“. Послѣдній былъ его родовой дворъ. Его строилъ еще дѣдъ Петра Дорошенка, Михайло, бывшій потомъ гетманомъ, и дворъ этотъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. При этомъ дворѣ, очень обширномъ, былъ также обширный садъ, расположенный по берегу Тясьмина, за садомъ водяная мельница, принадлежавшая Дорошенкамъ. Къ этому двору направили тогда чигиринцы посланца. Молявка взошелъ на крыльцо, поднялся по лѣстницѣ вверхъ и, отворивши дверь, вступилъ въ просторную комнату, уставленную лавками и двумя сто-

Библиотека "Руниверс"

лами. За каждымъ изъ этихъ столовъ сидѣло по канцеляристу; они что-то писали. Писарь Вуеховичъ расхаживалъ по комнатѣ. Молявка почтительно поклонился и сказалъ, что пришелъ отъ наказного гетмана къ гетману Петру Дороѳеевичу съ „листомъ".

Вуеховичъ узналъ его сразу и сказалъ:

— Тебя вѣдь гетманъ предупреждалъ, чтобъ рядовика къ нему не присылали, а посылали бы какого нибудь урядового.

— Я теперь уже не рядовикъ, сказалъ Молявка, я сотенный хоружій.

— Не за малыя, вѣрно, заслуги тебя такъ сразу возвысили! сказалъ Вуеховичъ, догадавшійся, что повышеніе этого козака связано какъ нибудь съ отправленіемъ Мотовила, о которомъ Вуеховичъ приказалъ тайно сообщить этому козаку.

— Про то знаетъ начальство! сказалъ Молявка.

Вуеховичъ съ листомъ вышелъ. Молявка нѣсколько времени стоялъ, оглядывая покой, куда вошелъ. Канцеляристы продолжали сидѣть и строчить какія-то бумаги. Одинъ изъ нихъ какъ-то приподнялся и Молявка узналъ въ немъ того самого, который въ первый его приходъ, поговоривши съ Вуеховичемъ, подбѣжалъ къ нему и сообщилъ о Мотовилѣ.

Молявка не смѣлъ начать съ нимъ разговора, какъ вдругъ тотъ самъ, улучивъ минуту, когда Молявка, расхаживая по покою, приблизился къ столу, за которымъ канцеляристъ писалъ, спросилъ его:

— Скажите, прошу васъ, не знаете ли вы нашего товарища Кочубея, что нашъ гетманъ посылалъ въ Царьградъ, а у него служитель поворовалъ бумаги: онъ побоялся нашего гетмана и убѣжалъ къ вашему. Говорятъ, ему хорошо у пана гетмана Самойловича?

— Я его лично не знаю, отвѣчалъ Молявка, а слыхалъ, что ему при ясневельможномъ хорошо живется.

— И Мазепа, нашъ прежній писарь, говорятъ, великій человѣкъ у Ивана Самойловича. Всѣмъ хорошо тѣмъ, что отъ насъ къ нему перешли. Хорошій ужъ очень человѣкъ вашъ гетманъ. И нашъ Вуеховичъ, писарь, только того и желаетъ, чтобы нашъ ясневельможный свою булаву сложилъ и гетманство сдалъ. И мы всѣ о томъ только Бога молимъ, чтобы это скорѣе сталось.

Вошелъ Вуеховичъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Панъ гетманъ, сказалъ онъ Молявкѣ, велитъ тебя, мой голубчикъ, взять ко мнѣ въ дворъ, пока дадутъ отвѣтъ.

Вуеховичъ отвелъ Молявку въ свой домъ, находившійся рядомъ съ дворомъ Дорошенка и дорогой спросилъ:

— Поклонился ли отъ меня Борковскому?

— Поклонился, отвѣчалъ Молявка, и за этотъ поклонъ меня подвысили въ хоружіе.

— Теперь, сказалъ Вуеховичъ, нашему гетману тотъ самый

Библиотека "Руниверс"

усердный пріятель и истинный благодѣтель, кто его доведетъ до того, чтобъ онъ поклонился Самойловичу и свое гетманство съ себя снялъ: некуда, некуда намъ дѣться!

Оставивши въ своемъ домѣ Молявку подъ опеку матери своей, Вуеховичъ воротился въ дворъ Дорошенка.

Дорошенко, узнавши изъ письма Полуботка, что Мотовило схваченъ и послѣдняя попытка упрямиться не удается, пришелъ въ большую досаду и болѣе всего сердился на Яненченка—своего шурина и на другихъ, которые вмѣстѣ съ гетманскимъ шуриномъ уговорили его сдѣлать послѣднее усиліе и послать еще разъ къ татарамъ просьбу о помощи. Дѣйствительно, гетманъ не хотѣлъ этого дѣлать, но поддался совѣтамъ и настойчивости другихъ, что и прежде бывало съ нимъ не рѣдко: не хочетъ, противится, а потомъ поддается и снова сердится на тѣхъ, которыхъ послушался. Такимъ выработало его ужасное положеніе Украины, когда глава этой страны самъ не зналъ, за что ему схватиться и что избрать за лучшее. Но никогда не поступилъ Дорошенко такъ опрометчиво, какъ теперь, послушавшись совѣта своего шурина и другихъ нерасположенныхъ покоряться лѣвобережному гетману; а этого именно, во что бы то ни стало, требовало московское правительство. Долго уже водилъ чигиринскій гетманъ Самойловича и Ромодановскаго обѣщаніями исполнить царскую волю и только обманывалъ ихъ, а самъ между тѣмъ все таки продолжалъ сноситься съ турками и татарами. Теперь, когда вся область управляемая Дорошенкомъ, почти опустѣла и взять его самого въ Чигиринѣ было не трудно, послѣднее спасеніе зависѣло отъ того, чтобы его покорность царю, хотя на послѣдокъ, могла представиться сколько нибудь искреннею, и въ это-то время новое сношеніе съ татарами должно было окончательно раздражить тѣхъ, отъ которыхъ зависѣла его будущая судьба. Коварство его было открыто. Дорошенку болѣе чѣмъ когда нибудь приходилось отдаться и теперь думалъ онъ только о томъ, какъ бы сдаться съ такимъ условіемъ, чтобъ ему была прощена вмѣстѣ съ прежними винами и эта послѣдняя выходка. Онъ, получивши листъ отъ Полуботка, принесенный новопоставленнымъ сотеннымъ хоружимъ, приказалъ созвать къ себѣ свою немалочисленную родню и тѣхъ старшинъ, которые еще оставались ему вѣрными. Мѣсто сбора указано было не у него, а у его матери, которая жила въ томъ же дворѣ, но въ особомъ домѣ, построенномъ въ саду. Дорошенко очень уважалъ свою мать, хотя часто досаждалъ ей своимъ вспыльчивымъ нравомъ, а потомъ просилъ у ней прощенія и мирился съ нею. Это была высокорослая, но сгорбленная старуха съ трясучею головою; на ея лицѣ, искаженномъ лѣтами, виднѣлись еще слѣды былой красоты, а когда-то эта старуха считалась первою красавицею между чигиринскими „дивчатами“ и потому въ оное время досталась въ замужество первому молодцу въ Чигиринѣ, Дорошу Михайловичу, сыну когда-то бывшаго гетманомъ

Библиотека "Руниверс"

Михайла Дорошенка, статному, богатому, умному, какъ о немъ всѣ говорили. Этотъ Дорошъ, посланный Богданомъ Хмельницкимъ въ Варшаву, такъ умѣлъ тамъ блеснуть своимъ природнымъ умомъ, что поляки, несмотря на изувѣрную свою тогдашнюю ненависть ко всему русскому, наградили его шляхетскимъ достоинствомъ, хотя онъ не показалъ имъ ни малѣйшей охоты измѣнить козацкому дѣлу и еще менѣе православной вѣрѣ. Съ нимъ, съ этимъ Дорошемъ, прожила она двадцать одинъ годъ и народила ему сыновей и дочерей. По смерти его она осталась полновластною хозяйкою и главою семьи. Возникавшая нерѣдко между этой старухой и старшимъ сыномъ Петромъ безладица, происходила часто изъ-за жены Петровой, Евфросиніи Павловны, изъ рода Хмельницкихъ, съ которою Петро, однако, соединился бракомъ по совѣту матери, находившей полезнымъ для своего сына посвоиться съ родомъ, считавшимъ въ числѣ своихъ членовъ знаменитаго Богдана. Это была, впрочемъ, вторая жена Петрова: съ первою жилъ онъ не долго, имѣвши отъ нея одну дочь, которую потомъ выдалъ за Лизогуба. Отецъ второй жены Петровой, Павло Яненко-Хмельницкій, приходившійся троюроднымъ братомъ Богдану, отдалъ за Петра Дорошенка дочь свою противъ ея воли: Приська любила уже другого, плакала, умоляла отца не губить ее, не отдавать за нелюба, но отецъ не послушалъ ее, увлекся тѣмъ, что будетъ считать гетмана своимъ зятемъ и насильно повелъ ее къ вѣнцу. За то съ первыхъ же дней супружества молодая Дорошенчиха объявляла своему мужу, что любить его никогда не будетъ, и особенно возненавидѣла свою свекровь, такъ какъ знала, что послѣдняя настаивала, чтобъ ея сынъ женился на Хмельницкой. Невѣстка во всемъ перечила старухѣ, а старуха ни въ чемъ ей не смалчивала. Петро думалъ всѣми способами угождать женѣ, чтобы черезъ то пріобрѣсть ея любовь, и въ спорахъ ея съ своею матерью постоянно принималъ сторону жены. Отъ этого происходили между сыномъ и матерью возмутительно-бурныя сцены, только и возможныя въ такомъ обществѣ, какимъ было тогда козацкое, гдѣ вообще вспыльчивыя натуры не умѣли себя сдерживать. Вскорѣ, однако, гетманша вывела изъ терпѣнія и своего мужа. Было это въ то время, когда гетманъ Дорошенко отправился въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ свергнулъ съ гетманства и отдалъ народу на расправу Бруховецкаго. Оставшись безъ мужа, Дорошенчиха сошлась съ прежнимъ своимъ возлюбленнымъ, но свекровь, провѣдавши объ этомъ, тотчасъ дала знать сыну и это, какъ извѣстно изъ исторіи, было поводомъ того, что Дорошенко поспѣшилъ воротиться въ Чигиринъ и не окончилъ затѣяннаго имъ дѣла. Послѣ того, онъ вмѣстѣ съ своимъ тестемъ засадилъ жену въ монастырь. Успѣлъ ли ускользнуть отъ его расправы возлюбленный Дорошенчихи — мы не знаемъ. Она просидѣла въ монастырѣ нѣсколько лѣтъ и научилась тамъ пить. Дочь ея, оставленная въ младенчествѣ, выростала безъ матери, тосковала по ней, безпрестанно надоѣдала отцу разспросами

Библиотека "Руниверс"

о матери и гетману стало жаль жены. Онъ поѣхалъ съ дочерью въ монастырь, простилъ жену за прежнее, взялъ съ нее присягу, что она будетъ ему вѣрна и позвалъ снова къ себѣ въ домъ. Не долго Дорошенчиха жила покойно: начались у ней опять ссоры съ свекровью, а привычка напиваться, усвоенная въ монастырѣ, не только не оставляла ее, но еще усиливалась. Петру то и дѣло приходилось мирить жену съ матерью, читать женѣ нравоученія и отъ нея выслушивать упреки, что онъ загубилъ ее молодость. Она и теперь, какъ ранѣе, смѣло и искренно высказывала ему и постоянно твердила, что не любитъ его и любить никогда не будетъ. Но не только изъ-за жены происходилъ разладъ у Дорошенка съ матерью; не ладила мать съ нимъ и за его дружбу съ бусурманами. У Дорошенка съ дѣтскихъ лѣтъ и до старости жива была глубокая дѣтская вѣра въ силу материнскаго благословенія и онъ не могъ никогда относиться къ матери такъ, какъ большая часть козаковъ относилась тогда вообще къ женщинѣ, подъ какимъ бы видомъ ни было женское естество для нихъ; не могъ онъ сказать: ты мать, но ты баба, я тебя уважаю, но ты знай свои бабьи дѣла, а въ наши козацкія не мѣшайся! Напротивъ, у Дорошенка не было тайнъ отъ своей матери и никакого дѣла, никакого похода, или союза, не предпринималъ онъ, не испросивши у матери совѣта и благословенія. Когда задумалъ онъ отдаваться подъ протекцію турецкаго падишаха, мать не дала ему благословенія, но онъ тогда матери не послушалъ и потомъ сваливалъ все на старшинъ и на козацкую раду, извиняя себя тѣмъ, что гетманъ не самовластный государь и долженъ поступать такъ, какъ приговоритъ все войско запорожское. Когда турецкая протекція начала оказывать неизбѣжныя послѣдствія и падишахъ потребовалъ отъ своего новаго „голдовника“ набора дѣтей въ янычары, а Петро хотѣлъ было уже исполнять повелѣніе властителя, старуха до такой степени пришла въ негодованіе, что начала проклинать сына, а вспыльчивый Петро пришелъ въ такую ярость, что заперъ мать подъ замокъ и держалъ нѣсколько часовъ какъ невольницу, но потомъ одумался, просилъ у ней прощенія за свою горячность, поклялся ей, что будетъ стараться отрѣшиться отъ бусурманской власти и поддаться православному государю. И съ этой поры, дѣйствительно, Петро Дорошенко охладился къ союзу съ бусурманами и пытался сойтись съ Москвою. То было желаніе какъ его матери, такъ разомъ съ нею и всего народа, который спасаясь отъ бусурманскаго господства, бѣжалъ громадами за Днѣпръ искать новоселья въ областяхъ православнаго монарха. И Петро не прочь былъ отъ подданства царю московскому, но все хотѣлось ему учинить это подданство на такихъ условіяхъ, которыя бы ему и всей Украинѣ давали наибольшую степень самобытности и независимости, и не мало хитрилъ и вилялъ онъ. Потерялъ онъ почти все подвластное себѣ населеніе, остался только съ однимъ Чигириномъ и то сильно обезлюденнымъ; приперли его, какъ говорится, къ стѣнѣ московскія и

Библиотека "Руниверс"

козацкія силы. Не удалась ему и послѣдняя попытка пригласить крымскаго салтана и заставить Самойловичевыхъ козаковъ отступить отъ Чигирина. Петро Дорошенко, собравши всю родню, приходитъ къ матери, склоняетъ передъ нею колѣни, и говоритъ:

— Мàти! Въ послѣдній разъ благослови на хорошее дѣло: хочу выйти со всѣми чигиринцами и положить бунчукъ и булаву на волю царскаго величества.

— Ужъ сколько лѣтъ слышала я отъ тебя про это и сколько разъ давалъ ты обѣщанія, а потомъ опять бусурмана къ себѣ на помощь кликалъ! произнесла мать съ чувствомъ скорби.

— Не разъ, сказалъ Дорошенко,—говорилъ я тебѣ, матушка, что это дѣлалось ради вѣры христіанской и народа благочестиваго, чтобы сберечь его вольности.

— Хорошія вольности пріобрѣлъ ты ему, народу этому! сказала мать.—Загонять православныхъ христіанъ въ крымскую неволю, какъ стадо: вотъ славныя вольности!

— Твое дѣло, матушка, благословить, а ужъ мы сами будемъ знать какъ поступать, сказалъ Петро Дорошенко.

— О, Господи, Господи! сказала старуха, — за что Ты покаралъ меня грѣшную, что я народила такое чудовище! Будутъ проклинать тебя, Петро, многія души христіанскія, и внуки и правнуки будутъ на тебя роптать и плакаться. Что ты думаешь? Али надъ собою не ждешь страшнаго суда Божія!

— Вотъ и пошла, и пошла, матушка, прежній молебенъ служить! произнесъ съ досадою Петро. — Ужъ не вернется то, что прошло! Батько Богданъ Хмельницкій не даромъ говорилъ: при сухомъ деревѣ и сырое загорается.

— Это надобно забыть! вмѣшался Павло Яненко, тесть Петровъ,— не про то рѣчь идетъ — хорошо или худо мы прежде дѣлали. Онъ кается. Онъ, сваха, у тебя благословенія проситъ на хорошее дѣло, такъ что̀ ужъ его прежнимъ укорять!

— Спохватились вы, да ужъ не поздно ли? сказала старуха. — Что̀-то царь тебѣ теперь скажетъ? Сколько лѣтъ его обманывали! Въ Сибирь тебя зашлетъ! Туда бы тебѣ и слѣдовало, лишь бы моего бѣднаго, любимаго Грйця воротили!

— Ты, сваха, за Грицемъ стосковалась: Гриця тебѣ жалко, потому что Гриця нѣту при тебѣ, сказалъ Яненко, — а колибъ Гриць воротился и на мѣстѣ Гриця заковали бы Петра въ кандалы, ты бы и за Петромъ убивалась, какъ за Грицемъ теперь убиваешься! Развѣ Гриць того не дѣлалъ, что Петро? Всѣ мы однимъ муромъ мазаны! Всѣ погрѣшили противъ царя православнаго и противъ всего міра православнаго. И я вмѣстѣ съ вами! Ударимъ же сами себя въ грудь и покаемся! Можетъ быть милосердый царь проститъ!

— Кажется уже не время! сказалъ сынъ Яненка.—Мотовило, что былъ посланъ къ салтану, попался барабашцамъ въ неволю и у него

Библиотека "Руниверс"

взяли гетманскій „листъ“. Знаютъ уже, что мы посылали снова звать крымцевъ. Этого намъ не простятъ. Теперь какъ разъ, какъ говоритъ старуха, гетмана зашлютъ въ Сибирь.

— А какой бѣсъ насовѣтовалъ посылать того Мотовилу, коли не ты, Яцько, съ твоими пріятелями? говорилъ съ чувствомъ огорченія Яненко.—Я говорилъ: не нужно, и гетманъ не хотѣлъ, такъ вы его сбили съ толку!

— Не хорошо сдѣлали, что Мотовила послали, произнесъ Петро Дорошенко,—а еще хуже для насъ то, что Мотовило попался. Только теперь мнѣ Полуботокъ пишетъ, коли не стану медлить и выйду къ нимъ сейчасъ, то они Мотовила выпустятъ и про „листъ“ нашъ къ салтану писанный, московскому гетману не объявятъ.

— Какъ бы не такъ! сказалъ Яненченко,—только выйдемъ—такъ сейчасъ всѣхъ насъ въ кандалы закуютъ, да въ Москву зашлютъ!

— Обѣщаетъ Полуботокъ и „листъ“ нашъ воротить намъ, сказалъ Дорошенко.—Вотъ, читай, что они намъ написали.

— Однако не прислали! возразилъ Яненченко.

— Пришлютъ! сказалъ съ рѣшимостію выступившій Вуеховичъ.— На томъ клянусь, что пришлютъ и гетману московскому не скажутъ. Люди наши!

— А ты почему знаешь? сказалъ Яненченко,—развѣ уже съ ними условился: соболей московскихъ захотѣлъ!

— Ты меня, Яковъ, соболями не укоряй! сказалъ съ видомъ достоинства Вуеховичъ.—Молодъ ты еще, чтобъ на меня такое наклепывать! Я годами старше твоего отца, не то что тебя, молодикъ!

— Мой писарь—вѣрный мнѣ человѣкъ, сказалъ Дорошенко,—я не позволю на него наговаривать.

— Не дозволишь, — ему и хорошо, возразилъ Яненченко, на то ты гетманъ. И про Мазепу говорилъ ты когда-то, что вѣренъ онъ тебѣ, а Мазепа теперь, видишь, первый человѣкъ у гетмана поповича.

— Что-жъ дѣлать коли такъ сложилось! произнесъ Петро Дорошенко,—и Мазепу я не обвиняю. Не класть же было ему шеи подъ обухъ! Я-бъ и самъ такъ сдѣлалъ, какъ Мазепа, коли-бъ на его мѣстѣ былъ! Тѣ полковники, что отъ меня отреклись, болѣе виноваты. А всему положилъ начало зять Лизогубъ, что первый изъ нихъ подлизался. Тѣ всѣ болѣе мнѣ повредили, нежели Мазепа. Да я теперь никого не обвиняю: имъ нечего было больше дѣлать! Видѣли они заранѣе, что со всего этого ничего, кромѣ зла, не выйдетъ. Я одинъ виноватъ, что не послушалъ ихъ добраго совѣта и понадѣялся на бусурманъ.

— Мазепа былъ мнѣ большой пріятель, сказалъ Вуеховичъ,—и теперь, надѣюсь, такимъ остался. Пошлемъ къ Самойловичу посланцовъ, а я письмо къ Мазепѣ напишу и попрошу чтобъ за насъ заступился передъ гетманомъ. А Мазепа у Самойловича въ большой

Библиотека "Руниверс"

силѣ. Да онъ такой умный, что и съ Молявкою съумѣетъ поладить. Онъ все для насъ сдѣлаетъ какъ слѣдуетъ и все устроитъ.

— Такъ, такъ! говорилъ Яненченко, это такой плутъ, что кого захочетъ поведетъ и проведетъ и въ пропасть заведетъ! Онъ поддѣлался къ нашему гетману, а какъ увидѣлъ, что солнце уже ему не такъ свѣтитъ, какъ прежде свѣтило, такъ сейчасъ предалъ своего благодѣтеля, теперь подлизался къ поповичу, а придетъ время—и того предастъ! Вотъ таковъ-то вашъ Мазепа!

— Кого-жъ пошлемъ посланцами къ Самойловичу? спрашивалъ Дорошенко.

— Меня, панъ гетманъ, посылай! отозвался Кондратъ Тарасенко, племянникъ старой Дорошенчихи, быстроглазый, черноволосый молодецъ, вскочивши съ своего мѣста.

— Хорошо, сказалъ гетманъ,—ты козакъ не дуракъ и въ рѣчахъ боекъ. А другого съ нимъ кого-жъ пошлемъ? Другой пусть ѣдетъ самъ Вуеховичъ, коли онъ надѣется все устроить черезъ Мазепу, своего давняго пріятеля. Я пріѣду къ Самойловичу и къ Ромодану; пускай только они передъ вами поклянутся, что мнѣ ничего худого не будетъ и всѣхъ нашихъ оставятъ жить на прежнихъ селитьбахъ и всѣ мои вины, что я противъ царя учинилъ, простятъ и въ будущія времена о нихъ не вспомнятъ. А я присягну, что не буду вмѣшиваться ни въ какія козацкія дѣла и стану жить какъ частный человѣкъ. Вы съ Тарасенкомъ дайте за меня такое обѣщаніе, а отъ нихъ привезете мнѣ на письмѣ такое, какъ я говорю и желаю.

— Этому они не повѣрятъ, сказалъ судья Уласенко,—скажутъ: не въ первый разъ обѣщали, а не выполнили своего обѣщанія.

— Что-жъ намъ дѣлать? сказалъ Дорошенко,—вишь, Вороновка, Черкасы, даже Медвѣдовка и Жаботинъ—всѣ оторвались отъ моей власти! Только еще чигиринцы да охотное войско держатся еще за меня, да и тѣ скоро отойдутъ, благо ужъ охотникамъ показалъ дорогу Молчанъ. Пускай такъ станется, какъ Вуеховичъ сказалъ. Благослови, мати.

— Когда царю поддаваться — тогда материнское благословеніе нужно, а когда съ бусурманами водиться—тогда материнскаго совѣта не слушаешь: иные совѣтники есть на то! говорила съ выраженіемъ горечи и озлобленія старуха.

— Развѣ я, матушка, не просилъ твоего благословенія, когда звалъ турка подъ Каменецъ и Мазепу посылалъ? говорилъ съ выраженіемъ укора Дорошенко.

— Не благословляла я тебя! Въ первый разъ какую цѣну могло имѣть мое благословеніе, коли первѣйшій владыка, митрополитъ, благословилъ тебя на пріязнь съ туркомъ! А въ другой разъ я ни за что не благословила тебя, а еще проклинала, а ты такъ взбѣсился, что даже руками на меня замахивался и заперъ меня словно какую лиходѣйку!

Библиотека "Руниверс"

— Матушка! жалобно произнесъ Дорошенко,—я-жъ каялся передъ тобою и вѣкъ буду каяться! Самъ Богъ прощаетъ кающихся грѣшниковъ!

— Только не такихъ, что какъ псы возращаются къ своему блеванію, какъ говорятъ святые отцы. Твое покаяніе—издѣвка надъ Богомъ, а не искреннее покаяніе,—говорила старуха все болѣе и болѣе раздражаясь.

— Ну, вотъ и пошла, пошла, старуха! съ досадою махнувши руками вскричалъ Дорошенко.

— Такъ! продолжала раздраженная старуха.—Старà стала та, что тебя народила и взлелѣяла! Разумъ отъ старости утратила! Что-жъ? Молодую слушай! Что гуляетъ она... это ничего! Было Ѳомѣ, будетъ еще и тебѣ!

— А ты, старая, на кого это науськиваешь? отозвалась Петрова жена, все время сидѣвшая молчаливо и какъ бы дремавшая послѣ порядочнаго, какъ было видно, изліянія въ себя виннаго питія.— Нечего меня заѣдать и попрекать! Какой со мною ни случился грѣхъ, я за него отстрадала не одинъ годъ.

— Отстрадала! возразила старуха съ злобнымъ смѣхомъ,—съ черничками, а можетъ и съ чернецами роспилась. Вишь, и теперь глаза залиты!

— Черезъ кого я такая стала, какъ не черезъ тебя, старая! говорила порываясь съ мѣста Петрова жена,—все черезъ тебя! Какъ вышла я за твоего сына, такъ съ перваго дня начала ты меня клевать, да грызть, да мужу на меня наговаривать, пока не засадили меня въ монастырь! А теперь тебѣ досадно, что опять меня взяли къ себѣ на житье!

— Приська! полно тебѣ! грозно замѣтилъ ей отецъ ея Павло Яненко.

— Приська, довольно! усмирись! говорилъ назидательнымъ тономъ Петръ Дорошенко.

— Чего тамъ полно, да довольно?! говорила раздраженная Приська. Чего вы на меня всѣ накидываетесь? Сами въ грѣхъ ввели, да и грызете!

— Какъ это мы тебя въ грѣхъ ввели? повышая голосъ, говорила старуха. Развѣ кто изъ насъ направилъ тебя... помнишь, какъ тебя поймали съ молодцомъ, да написали твоему мужу! О, негодница! Сама ты въ грѣхъ вскочила, не убоясь Бога и не стыдясь людей.

— Кто меня въ грѣхъ ввелъ, спрашиваете! говорила Приська: отецъ родной, отецъ, что отдалъ меня силою за нѐлюба! Вотъ кто меня въ грѣхъ ввелъ сначала! Я не хотѣла выходить за Петра, а меня силкомъ взяли и повезли въ церковь вѣнчать! Петро зналъ кого бралъ! Не была бы я изъ Хмельницкаго рода—онъ бы не подумалъ меня брать, а если бы и взялъ, то давнобъ меня зарубилъ!

— И давно бы нужно сдѣлать съ тобою, какъ Богданъ сдѣлалъ

Библиотека "Руниверс"

со своею второю женою, сказалъ съ гнѣвомъ Петро Дорошенко; мы-жъ, видишь, съ отцомъ твоимъ посадили тебя въ монастырь, чтобъ ты опамятовалась и покаялась! А ты, вижу, все такая-жъ осталась, какою и была!

— А такъ! Масла изъ меня не выжмешь! И до смерти все буду такая! говорила крикливымъ голосомъ, все болѣе и болѣе раздражавшаяся Приська.—Гуляла... да ещё буду гулять!.. Вотъ что! Ужо отъѣзжай, Петро, отсель мѣсяца на два или на три: увидишь тогда, чего я здѣсь натворю!

— Цыцъ, бѣсноватая! крикнулъ на нее Петро Дорошенко: развѣ снова захотѣлось подъ черный колпакъ? Хорошо, знать, выпила!

— А что-жъ? говорила съ жаромъ Приська, — выпила! Тебѣ можно, а мнѣ такъ нѣтъ! Ты, гетманъ, третьяго дни назвалъ „музыкѣ", да пошелъ по шинкамъ танцовать, а я, гетманша, соберу молодицъ да козаковъ и пойду по улицѣ. Вотъ какъ!

При этомъ она сдѣлала круговоротъ своимъ тѣломъ.

— Ну что ты мнѣ сдѣлаешь? продолжала она, въ монастырь засадишь? Засаживай! Зарѣжешь? Рѣжь! Я тебя не любила, не люблю и никогда не полюблю!

— Чортъ съ тобой! сказалъ Дорошенко: развѣ я тебя люблю? Живу съ тобой того ради, что дочка малая есть; да и то, какая ты ни на есть, а все-жъ таки ты мнѣ жена вѣнчанная. Оттого и сожительствую съ тобою, хоть и не хочу.

— И держишь меня и будешь держать у себя, мой голубчикъ, хоть хочешь не хочешь! Взялъ, такъ и терпи всѣ мои выходки! говорила, заливаясь ироническимъ смѣхомъ, Дорошенчиха.

— Дочка! уймись! наставительно говорилъ отецъ.

— Не кричи на меня, батюшка! отвѣчала Приська; зачѣмъ отдалъ меня за немилаго, а не за того, кто былъ мнѣ любъ!

— Чортъ тебя зналъ, кто былъ тебѣ любъ! замѣтилъ Дорошенко.

— Нѣту его уже, нѣту! говорила Приська; теперь кого на дорогѣ повстрѣчаю и мнѣ понравится, тотъ мнѣ и милый! Много милыхъ будетъ! Что ни день, то и милый, а на другой день—другой милый. Вотъ я какова! Петро это хорошо знаетъ.

Мать соскочила съ мѣста и закричала:

— Петро, сынъ мой, зажми ей ротъ, чтобъ не болтала такого!.. Боже! какихъ срамныхъ словъ пришлось наслушаться отъ невѣстки!

— Приська! закричалъ топнувъ ногою Дорошенко, не дразни меня! Не удержусь, побью!

— А я тебѣ дамъ кукишъ подъ носъ, сказала Дорошенчиха, вотъ глянь, какой кукишъ! На! Отвѣдай, мой голубчикъ!

— Дочка! крикнулъ отецъ, бросившись на дочь.

— Приська! крикнулъ Дорошенко и схватилъ ее за руку.

Приська посмотрѣла на мужа съ видомъ, вызывающимъ къ себѣ сожалѣніе.

Библиотека "Руниверс"

— Приська! продолжалъ Дорошенко, иди себѣ въ свой уголъ, да проспись. Ты, я вижу, ужъ не мало выпила. И кто это ей горѣлки принесъ?

— Сама взяла у тебя въ шкафчикѣ. Нашла и напилась! сказала Приська.

— Иди, иди! говорилъ Дорошенко улыбаясь и стараясь показать какъ будто все обращаетъ въ шутку. Иди, сердце, „коханко!“

Приська пошла къ двери подскакивая и припѣвая:

„Бивъ мене мужъ, волочивъ мене мужъ,
Ой бивъ и рублемъ й качалкою,
А и къ свѣту назвавъ ще й коханкою!“

Она скрылась.

— Пускай идетъ себѣ да выспится! сказалъ Петро Дорошенко. Бѣда съ такою малоумною женою! А подумаешь: чѣмъ и виновата она, что Богъ ей разума не далъ! Вотъ теперь, избавившись отъ ней, начнемъ снова про наше дѣло!

— Зять! говорилъ Яненко, эти москали ей-Богу не такіе страшные и лютые, какими здѣсь у насъ кажутся. Я поприглядѣлся къ нимъ, будучи въ Москвѣ. Приняли меня ласково, къ самому царю водили къ рукѣ... и церкви у нихъ такія-жъ какъ у насъ, христіанскія, только еще богаче и красивѣе нашихъ. Съ Москвою жить въ братствѣ намъ пригоднѣе, чѣмъ съ бусурманами. Мы уже извѣдали каково братаніе съ крымцами и съ туркомъ... Что сдѣлали для насъ бусурманы? Только опустошили Украину: которыхъ не поубивали, тѣ ушли отъ насъ въ московскія владѣнія. Куда намъ теперь дѣваться? Не искать же милости у тѣхъ же бусурманъ; да и то вѣдь мы уже просили, такъ не даютъ больше, только насъ манятъ! Одинъ разъ намъ помогли,—у ляховъ себѣ Подолье взяли, да и все тутъ! Ужъ не къ ляхамъ же намъ пріютиться!

— А почему-жъ и не къ ляхамъ? сказалъ Шульга, полковникъ охочихъ козаковъ.—Вотъ теперь бы съ ними лучше были сойтись. Какъ бы они увидали, что мы теперь охотнѣе пристаемъ къ нимъ, нежели къ Москвѣ, то имъ бы то пришлось очень по душѣ.

— Имъ бы, можетъ, пришлось по душѣ, да намъ не по нашей шкурѣ! сказалъ Дорошенко. Нѣтъ, Шульга! этого уже въ другой и въ третій разъ не повторяй. Никогда, пока свѣтитъ солнце, козакъ съ ляхомъ не сойдутся!

— Сто чертей ихъ отцу-матери, этимъ ляхамъ бѣсамъ! воскликнулъ обозный Бережецкій. Только моя такая задушевная дума, что отчуравшись отъ ляховъ, не приставать и къ Москвѣ, на ее обольщенія не поддаваться, а славное войско запорожское низовое—вотъ наша надежда! О, коли бъ мы держались всѣ вкупѣ: не только ляхи, и москали не побороли бы нашей козацкой силы!

— Хороша твоя рѣчь, сказалъ судья Уласенко, только будь она

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ за десять прежде сказана! Теперь же Украина черезъ внутреннія свои потрясенія ни во что извелась!

— Мы съ войскомъ низовымъ ссылались, сказалъ Дорошенко,— и передъ кошевымъ присягу царю произносили. Такъ Москва этой присяги не признаетъ и бояре не желаютъ, говорятъ, чтобъ принесли мы присягу при Самойловичѣ и при Ромоданѣ, а не иначе. Что дѣлать! Не хотѣлось намъ преклоняться передъ поповичемъ, да ничего не подѣлаемъ! Не поповичу поклонимся, а царю, что его поставилъ и посылаетъ. Учиню такъ, какъ царь велитъ, а послѣ ужъ и затѣвать ничего не буду. Частнымъ человѣкомъ буду жить, мирно. Что бы тамъ ни дѣлалось—мнѣ все равно! Пускай лишь меня ужъ не трогаютъ и всю мою родню, и все наше имущество при насъ оставятъ. Съ насъ и станетъ! И поповичу буду угождать! Что захотятъ— пускай творятъ надо мною: съ-пола-горя! Все снесу! Начванился ужъ я передъ людьми на своемъ вѣку, покаяться хочу при концѣ дней. Говорится же: въ терпѣніи стяжите души ваши! Матушка! благослови!

— Лишь бы только за прежнія дурныя дѣла не взялся, а на добрыя благословляю! сказала старуха.

Мать со слезами на глазахъ встала съ своего мѣста, сняла со стѣны висѣвшій образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и, осѣнивъ имъ склонившаго передъ нею голову сына, произнесла:

— Сынъ мой любезный, сынъ первородный! За все, чѣмъ противъ меня ты погрѣшилъ, я тебя прощаю и благословляю на новую жизнь. Пошли тебѣ Господи здоровья и счастья!

Послѣ этой семейной сцены, Дорошенко велѣлъ позвать привезшаго Полуботковъ „листъ“ посланца. Привели Молявку.

— Скажи мнѣ правду, козакъ, да только истинную правду, какъ передъ Богомъ, не отлыгивайся, говорилъ ему Дорошенко, а я тебѣ даю вѣрное слово гетманское: не будетъ тебѣ ничего дурного. Ты ли поймалъ моего Мотовилу? Не бойся, говори прямо.

— Я, панъ гетманъ, поймалъ его, отвѣчалъ Молявка.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Дорошенко.—За большое что-либо такъ тебя сразу возвысили, что съ простого рядовика хорунжимъ сотеннымъ учинили! Какъ же ты его поймалъ? Далъ ли тебѣ кто-либо заранѣе свѣдѣніе о немъ?

— Вышедши изъ Чигирина, отвѣчалъ Молявка, увидѣлъ я, что какой-то горемыка-нищій вылѣзаетъ изъ города. Стало мнѣ это подозрительнымъ. Я догналъ его. Подарилъ я ему сперва свою одежду и сапоги, а у него хотѣлъ взять то, что было на немъ. Онъ не дался. Тогда я догадался, что здѣсь нѣчто есть, позвалъ козаковъ, разули его и изъ его лаптей я вынулъ „листъ“.

— Говори правду, заговорилъ съ угрожающимъ тономъ Дорошенко,—не посылали-ль Мотовила къ московскому гетману?

— Нѣтъ, сказалъ Молявка, сидитъ у Борковскаго подъ карауломъ.

Библиотека "Руниверс"

— И письма моего не посылали въ московскій станъ? спрашивалъ Дорошенко.

— И письма не посылали, отвѣчалъ Молявка.

— Я, сказалъ Дорошенко, пошлю Вуеховича и Тарасенка въ обозъ пана Самойловича и Ромодана, пускай договоръ подпишутъ и присягнутъ обоюдно. Тогда я къ нимъ пріѣду сдавать свое гетманство. А пока мои не воротятся, ты останешься заложникомъ. А Полуботокъ пусть моего Мотовила пришлетъ ко мнѣ и то мое письмо, что перехватили. Я тогда, вмѣстѣ съ тобою, къ нимъ и выѣду.

VIII.

Въ козацкомъ станѣ, въ шатрѣ наказнаго гетмана Полуботка, собрались всѣ пришедшіе подъ Чигиринъ полковники. Передъ этимъ собраніемъ, сидѣвшимъ за столомъ, стояли Дорошенковы посланцы Вуеховичъ и Тарасенко. Они объясняли полковникамъ, что отправка Мотовила учинена была Яненченкомъ помимо воли и вѣдома гетмана, увѣряли, что съ Яненченкомъ въ соумышленіи немного неопытной молодежи, которая сама не знаетъ, что дѣлаетъ, а большинство чигиринцевъ за-одно съ гетманомъ стоитъ твердо на томъ, чтобъ искренно безъ обмана покориться. Вуеховичъ умолялъ полковниковъ поступить въ этомъ случаѣ по товарищески, не сообщать о перехваченномъ „листѣ“ Косагову, простить неразумную молодежь и не думать, чтобъ Дорошенко участвовалъ въ такомъ коварномъ замыслѣ, а Дорошенку отослать и Мотовила и взятый у него въ лаптяхъ „листъ“. Тогда Дорошенко немедленно пріѣдетъ къ нимъ въ станъ. Полуботокъ отвѣчалъ, что все сдѣлается такъ, какъ желаетъ Дорошенко, только пусть Дорошенко, немедленно послѣ отправки къ нему Мотовила съ „листомъ“, пріѣзжаетъ въ московскій станъ на рѣку Янчарку и тамъ передъ всѣми положитъ свои клейноты, а потомъ поѣдетъ въ главный обозъ къ Ромодановскому и Самойловичу. Полковники тотчасъ приказали возвратить Дорошенку листъ перехваченный и препроводить Мотовила въ Чигиринъ, а Вуеховича и Тарасенка отправили къ Косагову, отъ котораго тѣ уѣхали въ главный обозъ къ Самойловичу и Ромодановскому.

Между тѣмъ, новый хоружій черниговской полковой сотни сидѣлъ въ домѣ Вуеховича, котораго мать, по приказанію сына, угощала со всевозможнымъ хлѣбосольствомъ. Къ концу дня сказали Молявкѣ, что его зоветъ гетманъ. Онъ вышелъ за ворота двора Вуеховича, но тамъ ожидали его Яненченко и пріятель послѣдняго медвѣдовскій сотникъ Губарь.

Яненченко сказалъ Молявкѣ:

— Ты поймалъ Мотовила?

Библиотека "Руниверс"

— Я, отвѣчалъ Молявка. Я уже разсказалъ самому ясневельможному.

— Козакъ ли ты настоящій, или, можетъ быть, московскій лазутчикъ? спрашивали его.

— Я козакъ истый! отвѣчалъ Молявка.

— Такъ слушай же! сказалъ Яненченко. Не всѣ у насъ такая дрянь, какъ нашъ гетманъ, что стараго бабьяго башмака не стоитъ. Не надъ козаками бы ему гетманствовать, а свиней пасти! Безъ Дорошенка найдемъ себѣ иного гетмана! Слухи у насъ вѣрные, что турскій царь, провѣдавши про Дорошенкову измѣну, нарекъ гетманомъ сына славной памяти Богдана Хмельницкаго, Юрася, пожаловалъ его княземъ Малороссійской Украины и велѣлъ надѣть на него свой кафтанъ и дать ему „берэтъ". Мы къ нему пристанемъ, коли явится онъ съ турскимъ непобѣдимымъ войскомъ. Люди храбрые, разумные и вѣрные намъ нужны. Покайся въ своей винѣ, что схватилъ нашего человѣка въ неволю. Пристань къ намъ! Останься съ нами, отступись отъ московскаго царя и присягни служить Богданову сыну! А коли не захочешь такъ учинить—свѣту Божіяго больше не увидишь! Тутъ сейчасъ тебя и смерть постигнетъ.

— Не только самъ къ вамъ пристану, отвѣчалъ Молявка, а обѣщаю нашихъ полчанъ черниговскихъ и другихъ, если удастся, отвергнуть отъ управленія Самойловича.

— А врешь, собачій сынъ! сказалъ Губарь; со страху за свою душу намъ ты это говоришь! Изъ чего бы это такъ вдругъ сталось, что третьяго дни, служа гетману-поповичу, ты полонилъ нашего человѣка, а сегодня уже сталъ съ нами за-одно! Вранье, вранье, не надуешь насъ! Думаешь какъ нибудь вышмыгнуть отъ насъ, а потомъ донесешь на насъ!

— Нѣтъ, паны, отвѣчалъ Молявка, не хочу васъ надувать, отъ чистаго сердца вамъ говорю. Развѣ, вы думаете, у насъ на лѣвомъ берегу забыли про батька нашего Богдана? Тогда развѣ про него позабудутъ, какъ уже ни однаго козака тамъ не останется! Пока свѣтъ солнца, будутъ помнить и вспоминать о немъ, и сыну его служить чуть ли не всѣ будутъ рады. У насъ сказать бы прямо: отступитесь отъ царя, да приставайте къ турку, или къ ляху, то вѣрно мало бы нашлось желающихъ. Или такъ сказать: отрекитесь отъ Самойловича, пусть будетъ вашимъ гетманомъ Дорошенко, или Ханенко, или кто иной, хотя бы кто изъ вашихъ милостей, то врядъ ли бы многіе къ тому пристали. А Хмельницкаго имя—большое слово! Поэтому-то и я, господа, какъ только вы сказали, что турецкій царь поставляетъ Хмельниченка, да не только гетманомъ, а еще княземъ, тотчасъ Богъ знаетъ какъ обрадовался и съ перваго слова сказалъ, что хочу ему вѣрно служить! У насъ, господа, давно такая дума въ народѣ, что когда нибудь придетъ Юрко Хмельниченко отнимать свое отцовское наслѣдіе, и тогда всѣ къ нему пристанутъ и вся Украина соединится, и не будетъ надъ

Библиотека "Руниверс"

нами никакого чужого господства, ни московскаго, ни польскаго, а свое собственное будетъ, и всѣмъ бѣдамъ конецъ настанетъ, и благополучіе Богъ дастъ людямъ своимъ.

— Коли-бъ мы про Хмельниченка тебѣ не сказали, то ты-бъ все таки согласился притворно со всякимъ нашимъ замысломъ, лишь бы только отъ насъ вырваться. Вѣдь мы тебѣ сказали, что смерть постигнетъ тебя, если не согласишься! замѣтилъ Губарь. Мы тебя только такъ дразнимъ, а сейчасъ тебя поведемъ и прикажемъ разстрѣлять какъ московскаго шпіона!

— Не струсилъ я, на то я козакъ! говорилъ Молявка. Развѣ можно козаку бояться смерти? На томъ козацкое житье стоитъ, что видимая смерть у него накаждомъ шагу. Не вѣрите мнѣ—ведите, разстрѣляйте! Умирать когда нибудь нужно! Хоть десять лѣтъ лишнихъ проживешь, хоть двадцать, а все таки когда-нибудь смерть придетъ! Вѣчно не будешь на свѣтѣ жить! Разстрѣляйте меня, если не вѣрите; а я вамъ правду сказалъ: какъ вы меня спрашивали, такъ я вамъ и говорилъ какъ думаю! Я передъ вами на святомъ крестѣ и на евангеліи присягну, что буду вѣрно служить Богданову сыну! А не вѣрите—разстрѣляйте меня!

— Губарь! сказалъ Яненченко, позови Остаматенка! Пусть передъ нами тремя присягнетъ. Люди намъ нужны.

Губарь быстро побѣжалъ. Молявка стоялъ молча въ раздумьи, ожидая своей судьбы. Яненченко первый прервалъ молчаніе и началъ бранить Дорошенка. Молявка только слушалъ. Скоро воротился Губарь съ новымъ лицомъ, въ которомъ Молявка узналъ того самаго канцеляриста, который въ первый приходъ въ Чигиринъ сообщилъ ему по приказанію Вуеховича о Мотовилѣ. Молявка тотчасъ смекнулъ, что у этихъ господъ, отъ которыхъ теперь зависѣла его участь, что-то между собою не ладно и одинъ подъ другимъ роютъ яму.

— Этотъ козакъ пристаетъ къ нашему замыслу и хочетъ намъ быть полезнымъ, сказалъ Яненченко. Затѣмъ онъ разсказалъ предложеніе подговаривать лѣвобережныхъ козаковъ въ пользу Хмельниченка.

— Принять ли его въ наше общество, или можетъ разстрѣлять какъ московскаго шпіона? Какъ вы думаете, панъ Остапъ? спрашивалъ онъ далѣе.

— Я такъ думаю, что принять его въ нашъ кругъ. Намъ нужно людей, отвѣчалъ новоприбывшій.

— А Дорошенко, сякой-такой сынъ, пусть его чортъ возьметъ! началъ снова Яненченко. Пускай отвѣдаетъ московскаго кнута, какъ Демко Многогрѣшный, что получилъ награду за свою вѣрную службу царю!

— Развѣ одинъ только Демко? замѣтилъ тогда Молявка, а Якимъ Сомко, а Васюта Золотаренко, а Оника Силичъ? А Меѳодій архіерей? Ужъ кто былъ приверженнѣе Москвѣ, какъ тотъ архіерей! А какъ

Библиотека "Руниверс"

ему за то Москва отблагодарила! Что и говорить! Мало, развѣ, нашего люда запропастила проклятая Москва! У насъ такая молва до сихъ поръ ходитъ, что и самаго батька Богдана Москва преждевременно извела со свѣта бѣлаго: яду, говорятъ, ему поддали за то, что боярамъ не хотѣлъ угождать. Московскій царь только называется и пишется самодержецъ, а управляетъ не онъ. Всѣмъ заправляютъ и дѣлаютъ что хотятъ у него бояре, а царь только спитъ да ѣстъ и пьетъ въ сласть.

— Правду говоришь, товарищъ! сказалъ одобрительнымъ голосомъ Яненченко: пойдемъ же въ церковь, тамъ присягнешь. У насъ есть и попъ такой, что съ нами за одно.

Заговоръ о приглашеніи Юраска Хмельницкаго уже зрѣлъ въ Чигиринѣ, хотя и не слишкомъ еще распространился. Соумышленниковъ у Яненченка было, можетъ быть, какихъ нибудь десятка три. Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ чигиринскихъ священниковъ. Это былъ прежде козакъ запорожецъ, учился онъ когда-то въ бурсѣ, а потомъ воевалъ нѣсколько лѣтъ съ запорожцами по степямъ и рѣкамъ; за какое то преступленіе въ Кошѣ хотѣли было его заколотить палками: онъ въ пору убѣжалъ изъ Сѣчи, явился къ митрополиту Тукальскому и просилъ посвятить его въ попы. Случаи были въ тѣ времена не рѣдкіе, что козаки, прежде отличавшіеся достоинствами войсковыхъ людей своего вѣка, поступили въ духовное званіе. Митрополитъ посвятилъ и этого казака и назначилъ вторымъ священникомъ при одной изъ чигиринскихъ церквей. Его то сманилъ на свою сторону Яненченко. Всѣ четверо пришли къ этому попу и просили привести къ присягѣ новобранца. Попъ вышелъ изъ своего дома: онъ остерегался, чтобъ не замѣтилъ и не узналъ о происходящемъ главный священникъ того храма, гдѣ этотъ попъ числился только вторымъ; онъ провелъ козаковъ въ церковь, приказавши имъ идти не вмѣстѣ, а врознь. Когда сошлись въ церкви, Молявка передъ крестомъ и евангеліемъ произнесъ присягу со словъ Яненченка и въ этой присягѣ давалъ предъ лицомъ вездѣсущаго Бога обѣщаніе, отступиться отъ московскаго царя и служить вѣрою и правдою Георгію Гедеону Венжику Хмельницкому, гетману и князю Малороссійской Украины.

Между тѣмъ привезли къ Дорошенкѣ Мотовила съ перехваченнымъ листомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ Полуботка: наказной гетманъ приглашалъ Дорошенка ни мало не медля ѣхать по своему обѣщанію въ станъ. Уже было поздно.

— Завтра утромъ выѣду, отвѣчалъ Дорошенко.

Настало утро. Когда обвиднѣло, Дорошенко приказалъ во всѣхъ чигиринскихъ церквахъ благовѣстить на сборъ народа и приказалъ позвать къ себѣ Молявку, который послѣ данной имъ присяги на вѣрность князю Малоросійской Украины, радовался, что избѣжалъ опасности и ласкалъ себя сладкими грезами о предстоявшей возмож-

Библиотека "Руниверс"

ности новыми услугами царю пріобрѣсть еще повышеніе по службѣ. Явился онъ къ Дорошенку по зову гетмана. У крыльца его дома уже стояла осѣдланная и подведенная гетману лошадь.

— Теперь ты свободенъ! сказалъ ему Дорошенко. Поѣдемъ вмѣстѣ со мною въ вашъ таборъ.

Вышедши изъ дома, Дорошенко сѣлъ верхомъ на подведеннаго ему коня и выѣхалъ со двора. На крыльцѣ стояла его семья. Старшины были уже на улицѣ, дожидаясь тамъ гетмана. Весь городъ уже обѣгали сердюки, скликая народъ на раду. И близь гетманскаго дома набралась такая толпа, что Дорошенку не безъ труда можно было проѣхать, чтобъ стать на такомъ мѣстѣ, откуда бы долетавшая рѣчь его могла быть удобно слышана на далекое разстояніе.

Сидѣлъ Дорошенко верхомъ на сѣромъ породистомъ арабскомъ конѣ, подаренномъ ему когда то великимъ турецкимъ визиремъ, и громогласно говорилъ:

— Православные христіане! добрый народъ украино-малороссійскій. Приходитъ нашъ послѣдній часъ! Нельзя уже намъ стоять за свою вольность. Сами вѣдаете: сколько лѣтъ стоялъ я за нее и чего только не дѣлалъ: и турокъ, и татаръ зазывалъ; но бусурманы, имя наше христіанское ненавидя, не искренно давали намъ помощь, думая единственно о томъ, какъ бы нашъ край въ вѣчную неволю подъ себя захватить. Куда ни повернемся, всюду намъ, „и болячо и горячо". Украина сего берега опустѣла. Народъ, остававшійся не побитымъ отъ чужого меча, разбѣжался, покинувши родительское гнѣздо. Не съ кѣмъ стоять! Осталось только просить милости и пощады у бѣлаго православнаго царя! Вѣдомо то всѣмъ, что издавна была у меня такова дума, что нѣтъ для насъ лучшей доли, какъ пребывать подъ высокою рукою царскаго пресвѣтлаго величества, единаго православнаго монарха въ мірѣ. Только препоною тому было, что православный царь не принималъ насъ, а приказывалъ намъ, чтобъ мы были покорны ляхамъ. А мы подъ ляхами быть не хотѣли и примириться съ ними намъ нельзя было никакъ, потому что ляхи очень предательскій народъ и на своемъ договорѣ не стоятъ! Къ тому же и старшина наша не вся условилась на томъ, чтобъ единодушно царю служить и быть покорными: боялась за свои вольности. Въ прошломъ году, какъ сами знаете, присягали мы на вѣрность православному царю передъ кошевымъ запорожскимъ Сѣркомъ, но царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ та наша присяга не принята и теперь православный царь посылаетъ свою войсковую силу, чтобъ мы присягнули передъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и царскимъ бояриномъ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, передъ ними съ себя гетманство свое сложили. Сражаться намъ не слѣдуетъ, да и не съ кѣмъ стать въ бой. Положимся вполнѣ на милось царскаго пресвѣтлаго величества, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобъ насъ оставили при нашемъ

Библиотека "Руниверс"

горемычномъ житіи и при нашемъ небольшомъ имуществѣ. Такова моя дума, паны громада!

— Згода, згода! [1]) раздалось множество голосовъ.

— Нѣту згоды! [2]) раздался въ толпѣ одинъ рѣзкій голосъ, а за нимъ голосовъ двадцать какъ эхо повторили:—нѣту згоды!

— Кто кричитъ: нѣту згоды—пусть выйдетъ и скажетъ: что̀ же намъ дѣлать и куда обратиться! сказалъ Дорошенко.

— Подъ туркомъ лучше будетъ! закричалъ кто-то.

— А почему не послать къ ляхамъ? раздался голосъ Шульги.

— Къ чорту ляховъ! крикнулъ бывшій брацлавскій полковникъ Болюбашъ, и голосъ его повторили многіе.—Кто еще разъ скажетъ чтобъ намъ подчиниться ляхамъ, того мы каменьями побьемъ!

— Ляхи наши прирожденные враги! кричали одни.

— Лучше подчиниться чорту нежели ляху! Нѣтъ мира съ ляхами и до вѣчнаго суда не будетъ! повторяли другіе.

— Я вижу, сказалъ Дорошенко, что все великое множество чигиринскаго люда хочетъ покориться волѣ православнаго монарха, царскаго пресвѣтлаго величества. А потому я поѣду къ гетману Самойловичу, поклонюсь ему и сдамъ свое гетманство, выпросивши только чтобъ васъ изъ гнѣздъ вашихъ силою не выводили. А самъ, куда мнѣ прикажутъ ѣхать, туда и поѣду! Простите меня, братья, если въ чемъ, какъ человѣкъ, прогрѣшилъ противъ васъ всѣхъ огуломъ и противъ каждаго особо; и я всѣхъ тѣхъ прощаю, кто противъ меня злоумышлялъ!

— Да покроетъ тебя Богъ своимъ святымъ крыломъ! провозгласила толпа.

Священники въ ризахъ вышли съ крестами въ рукахъ. Понесли впередъ евангеліе, образа, хоругви. Дорошенко сошелъ съ своего коня и сѣлъ въ поданную коляску. Многіе видѣли, что у него на глазахъ сверкали выступившія слезы.

Коляска Дорошенка медленно ѣхала за крестнымъ ходомъ. Позади коляски и по бокамъ ея ѣхало, шло и бѣжало множество народа обоего пола: тѣ слѣдовали верхомъ, другіе въ повозкахъ, большая часть пѣшкомъ. Были тутъ сѣдовласые старцы, были и недорослые хлопцы. Подъ звуки колоколовъ шествіе это вышло изъ воротъ города и потянулось къ югу. При переѣздѣ черезъ козацкій станъ кораульные окликали шествіе. Былъ отвѣтъ: гетманъ Петръ Дорошенко ѣдетъ въ войско царскаго величества сдавать свое гетманство! Дорога, окаймляясь рядами кургановъ, памятниковъ глубокой старины, которыхъ такое множество вокругъ Чигирина, привела въ яръ, посреди котораго протекала рѣчка Янчорка. По берегу ея бѣлѣли полотняные шатры великорусскаго отряда. Передъ шатромъ предводителя Гри-

[1]) Согласны.
[2]) Не согласны.

Библиотека "Руниверс"

горія Ивановича Косагова стоялъ столъ, на которомъ лежали крестъ и евангеліе. Косаговъ уже дожидался Дорошенка, стоялъ въ малиновомъ кафтанѣ, расшитомъ золотными травами, съ козыремъ, украшеннымъ жемчугомъ; на головѣ у него была остроконечная подбитая соболемъ шапка. Около Косагова стояли великорусскіе начальные люди и малороссійскіе полковники, присланные къ Чигирину. Крестный ходъ уже достигъ своей цѣли; хоругви и образа блистали подъ лучами яркаго солнца.

Подъѣхала, наконецъ, къ шатру коляска гетмана. Дорошенко сошелъ на землю. За нимъ вынесли изъ этой коляски бунчукъ и булаву во влагалищахъ; бунчукъ поставили близь стола, булаву положили на столѣ.

Дорошенко, приблизясь къ Косагову, поклонился, прикоснувшись пальцами до земли и сказалъ:

— Стольникъ великаго государя Григорій Ивановичъ! По волѣ великаго государя моего царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца пріѣхалъ я поновить предъ тобою присягу на вѣрность царскому пресвѣтлому величеству, которую далъ прежде предъ кошевымъ запорожскимъ Иваномъ Сѣркомъ и донскимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ.

Косаговъ сказалъ ему:

— Гетманъ Петръ Дороѳеевичъ! То учинилъ ты зѣло добрѣ. Великій государь тебя за то жалуетъ и похваляетъ и приказываетъ спросить тебя и всѣхъ чигиринскихъ козаковъ и все поспольство о здоровьи. Вотъ крестъ и евангеліе. Присягни предъ ними, что ты поѣдешь къ гетману Ивану Самойловичу и къ боярину князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому въ обозъ подъ Вороновку сложить свое гетманство и дать присягу на вѣрное и вѣчное подданство его царскому величеству.

Дорошенко, подошедши къ столу, произнесъ присягу, повторяя слова священника, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Косаговымъ.

Послѣ присяги Дорошенко повидался съ Полуботкомъ и другими козацкими полковниками и указывая на Молявку, стоявшаго сзади, сказалъ:

— Вотъ вашъ аманатъ, живой и здоровый. Воздай вамъ, Боже, за то что обошлись какъ подобаетъ братьямъ и товарищамъ! Теперь ужъ все окончилось! Воевать между собою не будемъ. Примите меня бѣднаго изгнанника въ ваше товариство! не памятуйте, что дѣлалось передъ тѣмъ. Сами вы, люди умные, поймете, я долженъ былъ оберегать то, что мнѣ ввѣряли, а теперь, пускай станется воля Божія!

— Ты, пане, дѣлалъ свое дѣло, а мы дѣлали свое, сказалъ Борковскій:—не помни и ты, что мы на тебя ходили войною. Какъ передъ этимъ искренно враждовали, такъ теперь, помирившись, станемъ тебя уважать и любить какъ брата и товарища.

Библиотека "Руниверс"

— Воротятся мои посланцы—и тогда я съ вами поѣду въ главный обозъ, сказалъ Дорошенко.

Полуботокъ пригласилъ Дорошенка въ шатеръ на чарку горѣлки. Подали Дорошенку налитый виномъ серебряный кубокъ. Взявши его въ руки, онъ поднялъ его вверхъ и провозгласилъ здоровье великаго государя, потомъ здоровье гетмана и всего войска запорожскаго.

За шатромъ раздался гулъ, послышались крики: повернулись! повернулись! Дорошенко поставилъ на столъ кубокъ еще не успѣвши допить его, отступилъ и отвернулъ полу шатра. Онъ увидѣлъ Вуеховича и Тарасенка, которые вставали изъ колясы и держали въ рукахъ по листу бумаги. Ихъ колясу кругомъ обступила толпа чигиринцевъ, прибывшихъ въ станъ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ.

— Ну что братцы? крикнулъ къ нимъ Дорошенко, еще не допуская ихъ къ себѣ приблизиться.

— Все какъ слѣдуетъ! отвѣчалъ Кондратъ, благодареніе милосердому Богу! На все согласились и твою милость ждутъ къ себѣ какъ можно скорѣе. Вотъ письма отъ пана гетмана и отъ боярина Ромодана.

— А это, пане, письмо къ твоей милости особливое отъ пана Мазепы, прибавилъ Вуеховичъ.

Дорошенко прежде всего схватилъ въ руки письмо отъ Мазепы, такъ какъ его занимало желаніе укрыть отъ великорусскаго начальства послѣднюю отправку Мотовила къ султану Нурреддину. Въ этомъ письмѣ отъ Мазепы Дорошенко нашелъ только неясное и короткое увѣреніе, что со стороны гетмана и старшинъ будетъ сдѣлано все по желанію Дорошенка, сообщенному Вуеховичемъ.

IX.

Освободившись изъ Чигирина, Молявка разсказалъ прежде обо всемъ, что съ нимъ происходило, своему полковнику Борковскому. Немедленно Борковскій сообщилъ объ этомъ наказному, а Полуботокъ нашелъ, что принесенныя Молявкою извѣстія до того важны, что слѣдуетъ отправить самаго этого Молявку къ гетману: пусть Молявка самъ лично разскажетъ ясневельможному все, и тогда главные региментары царскихъ войскъ могутъ въ-пору сообразить, что́ имъ дѣлать и какія мѣры предпринять въ ожиданіи вновь затѣваемой смуты. Полуботокъ приказалъ составить объ этомъ „листъ“ къ Самойловичу, вручилъ его Молявкѣ для передачи и приказалъ послѣднему, въ дополненіе къ написанному, словесно обстоятельнѣе изложить все, что найдутъ нужнымъ узнать отъ него.

Въ тотъ же день отправился Молявка и прибылъ въ главный обозъ подъ Вороновкою. Его, какъ посланца отъ наказнаго, провели къ ставкѣ гетмана. Въ оное время походы совершались не съ такою

Библиотека "Руниверс"

быстротою и не такъ на-легкѣ какъ теперь. Военачальники останавливались съ войскомъ иногда на долго и должны были имѣть съ собою всѣ удобства, какими пользовались въ постоянныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Объ удобствахъ подначальныхъ и рядовыхъ воиновъ и даже о ихъ продовольствіи заботились тогда мало, но за то уже тѣ, которые ими начальствовали, всегда брали съ собою всего много. У малороссійскаго гетмана въ походѣ была и своя походная церковь съ духовенствомъ, и своя походная кухня, и буфетъ, и канцелярія, и прислуга, иногда очень многочисленная. Гетманъ Самойловичъ, совершая походы разомъ съ великороссійскимъ бояриномъ, начальствовавшимъ царскою ратью, посылаемою въ Малороссійскій край, устраивалъ пиршества, приглашалъ на нихъ и своихъ и великороссійскихъ начальныхъ людей, отправлялъ въ столицу посланцовъ съ вѣстями, принималъ московскихъ и другихъ пословъ и гонцовъ творилъ на походѣ судъ и расправу со старшиною. При такихъ обычаяхъ необходимо было брать съ собою и возить множество вещей и людей, тѣмъ болѣе, что при малолюдствѣ края и при бѣдности культуры не вездѣ можно было добыть всего, что окажется нужнымъ. Такимъ образомъ, гдѣ только останавливалось войско на продолжительное время, въ обозѣ возникалъ вдругъ многолюдный и шумный городъ. Такъ было и подъ Вороновкою.

Гетманская ставка была въ срединѣ обоза; она состояла изъ купы шатровъ, между которыми отличался нарядностію и обширностію шатеръ самаго гетмана Самойловича разбитый на три части, отдѣленныя одна отъ другой холщевыми выкрашенными занавѣсами. Переднее отдѣленіе имѣло видъ обширной залы и было уставлено полками со множествомъ серебряной посуды. Посреди стояли столы и при нихъ складные стулья. Туда ввели Молявку. Самойловичъ находился тогда въ другомъ отдѣленіи шатра, въ своей спальнѣ, и сидѣлъ тамъ на своей походной постелѣ передъ столомъ, на которомъ лежали бумаги. Съ нимъ было двое изъ особъ уже близкихъ къ нему, но не занимавшихъ еще старшинскихъ мѣстъ: одинъ былъ Иванъ Степановичъ Мазепа, другой—Василій Леонтьевичъ Кочубей; оба они состояли въ неопредѣленномъ званіи значныхъ войсковыхъ товарищей. Всѣ, однако, въ войскѣ уже знали, что это самые приближенные къ гетману люди. Прочитавши переданный Самойловичу черезъ служителя „листъ“ Полуботка, привезенный Молявкою, гетманъ далъ этотъ „листъ“ прочитать Мазепѣ и Кочубею, потомъ велѣлъ Мазепѣ поговорить съ тѣмъ хоружимъ, который присланъ съ „листомъ“.

Впущенный въ переднее отдѣленіе гетманскаго шатра, Молявка былъ пораженъ множествомъ серебряной посуды. Ничего подобнаго не могъ онъ видѣть въ своей жизни, до сихъ поръ протекавшей въ скромной обстановкѣ быта рядовиковъ, гдѣ какая нибудь полдюжина серебряныхъ чарокъ да серебренная солонка въ шкафчикѣ считались уже признакомъ Богъ знаетъ какого довольства. А тутъ въ постав-

Библиотека "Руниверс"

цахъ, разставленныхъ во всѣ стороны, горѣли какъ жаръ въ такомъ множествѣ позолоченные и серебренные подъ чернью роструханы, достаканы, кубки, солоницы, ложки, черенки ножей и вилокъ—и все это сработано съ вычурами, „штучне", какъ говорили тогда малороссіяне.

Молявка уже пріучилъ себя къ почтительности передъ высшими лицами и притомъ слышалъ отъ Булавки, что у гетмана Самойловича старшины генеральные сами сѣсть не рѣшаются прежде чѣмъ онъ не пригласитъ, а потому Молявка не смѣлъ сѣсть, хоть и не мало стульевъ тамъ было разставлено. Молявка стоя глазѣлъ на посуду, не дерзая подойти къ ней поближе. Вотъ, наконецъ, развернулась пола занавѣса, отгораживавшаго переднее отдѣленіе шатра отъ другого внутренняго и изъ за нея вышелъ худощавый средняго роста человѣкъ съ чрезвычайно добродушнымъ выраженіемъ лица и съ осклабляющимися губами, но съ проницательными чорными глазами. То былъ Мазепа.

— А гдѣ черниговской сотни хоружій, привезшій отъ Полуботка листъ къ ясневельможному пану? спросилъ онъ поводя глазами.

Молявка тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился въ поясъ. Мазепа сказалъ:

— Разскажи мнѣ, дружище козакъ, какъ ты ходилъ къ Дорошенку въ Чигиринъ, что̀ тамъ видалъ и что слыхалъ? Все разскажи по порядку; ясновельможный гетманъ приказалъ тебя разспросить.

Молявка принялся разсказывать подробно о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и когда пришлось говорить о собственныхъ подвигахъ, Мазепа тѣлодвиженіями показывалъ ему одобреніе. Но Молявка и на этотъ разъ, какъ при передачѣ того же Борковскому, не сказалъ Мазепѣ, что на счетъ Мотовила предупредили его заранѣе въ Чигиринѣ. Мазепа, вглядываясь ему пристально въ глаза, перебилъ его вопросомъ:

— А Вуеховичъ тебѣ ничего про это не сказалъ? Онъ не говорилъ съ тобою? Можетъ быть онъ, если не самъ, то черезъ кого иного извѣстилъ тебя?

Не рѣшился Молявка отрицать этого, видя, что господинъ, который его спрашиваетъ, какъ будто еще и не слыша его словъ, читаетъ, что̀ у него на умѣ. Онъ сказалъ, что было именно такъ.

— А не знаешь ли какъ зовутъ того, что тебя извѣстилъ? спрашивалъ Мазепа.

— Его зовутъ Остаматенко. Я узналъ про это послѣ, какъ меня подговаривалъ Яненченко; тогда и этотъ былъ съ Яненченкомъ. сказалъ Молявка.

— Разсказывай далѣе, сказалъ Мазепа.

Молявка говорилъ, какъ Дорошенко оставилъ его аманатомъ. Мазепа сказалъ:

— Дорошенку хотѣлось, чтобъ московскіе гетманы не знали, что

Библиотека "Руниверс"

онъ хотѣлъ снова бусурмана закликать. Пускай не безпокоится. Хотя мы ничего не утаимъ передъ царскимъ величествомъ, однако Дорошенку бѣды отъ этого не будетъ!

Молявка разсказалъ какъ Яненченко съ товарищами принудили его дать присягу на вѣрность Хмельниченку.

— А какъ же, козачина, не стыдно было тебѣ давать фальшивую присягу? произнесъ съ видомъ укора Мазепа, качая головою;—кто-жъ послѣ этаго повѣритъ и другой твоей присягѣ?

Не допустивши отвѣта, Мазепа вышелъ. Молявка стоялъ словно кто его холодной водой окатилъ. Онъ почувствовалъ, что Мазепа выворотилъ ему сразу душу на изнанку и заглянулъ въ нее такъ глубоко, какъ онъ самъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь заглядывалъ туда.

Мазепа передалъ гетману все, что слышалъ отъ Молявки.

— Я думаю, сказалъ гетманъ Самойловичъ,—теперь, когда мы уже знаемъ, что въ Чигиринѣ составляется „факція“ за молодого Хмельницкаго и его даже ждутъ съ турецкой силой, то уже Дорошенка ни подъ какимъ видомъ нельзя оставлять въ Чигиринѣ: Дорошенко по женѣ свой человѣкъ молодому Хмельницкому. И Павло́ Яненко тесть его и дѣти Павла изъ того же рода. Какъ только Дорошенко пріѣдетъ къ намъ, сказать ему сейчасъ, что по царской волѣ долженъ онъ немедля переѣхать на нашу сторону Днѣпра. Я ему укажу мѣсто жительства. Ты что на это скажешь, Иванъ Степановичъ?

— Ясневельможный панъ! сказалъ Мазепа, ты нашего мнѣнія испрашиваешь, словно издѣваясь надъ нами. Намъ остается только, какъ глупцамъ, хлопать глазами и говорить такъ, что тебѣ покажется будто хотятъ льстить твоей милости. Будь хоть какой вѣрный слуга своей родинѣ, не смочь ему дать тебѣ собственнаго совѣта, потому что, если онъ скажетъ истинную правду, то правда эта будетъ исходить не отъ него, а отъ тебя: скажетъ онъ по неволѣ то, что ты уже прежде самъ выскажешь. Твоя милость всегда самъ постановишь такое мудрое рѣшеніе, что намъ ничего болѣе не остается, какъ согласиться съ тобою! Хотя бы мы три дня или пять дней соображали, не додумались бы ни до чего лучшаго! Какъ бы у царя великаго государя нашего на Москвѣ, возлѣ его пресвѣтлаго престола, были такія мудрыя особы, какъ нашъ гетманъ, не дѣлалось бы того, что дѣлается подъ-часъ.

— Я думаю, продолжалъ Самойловичъ,—назначить Дорошенку мѣсто жительства въ Сосницѣ; это будетъ недалеко отъ Батурина. А въ Сосницѣ поставить сотникомъ такого козака, чтобъ можно на него положиться, чтобъ онъ за Дорошенкомъ наблюдалъ неусыпно.

— Что можетъ быть разумнѣе! воскликнулъ Мазепа. Повторилъ то же и Кочубей.

Библиотека "Руниверс"

— А сотникомъ назначить того хоружаго, что намъ этотъ „листъ“ привезъ. Что вы на это скажете, господа? говорилъ гетманъ.

— Ясневельможный панъ! сказалъ Кочубей, нужно и то принять во вниманіе, что этотъ хоружій, будучи въ Чигиринѣ, далъ присягу служить молодому Хмельницкому. Не измѣнитъ ли онъ и намъ, какъ измѣнилъ теперь Хмельницкому, которому присягнулъ на вѣрность?

— А ты что скажешь на это, Иванъ Степановичъ? спросилъ Самойловичъ Мазепу.

— Я, сказалъ Мазепа, своимъ малымъ разсудкомъ такъ размышляю, что нѣтъ ничего мудрѣе, какъ того хоружаго назначить сотникомъ туда, гдѣ будетъ жить Дорошенко. Видно уже, что это за голова, коли такъ хитро-мудро безъ затѣй и для насъ выгодно исполнилъ свое порученіе въ Чигиринѣ! А что сказалъ панъ Кочубей, то это отъ чрезмѣрнаго искренняго рвенія къ общему благу, но не вѣрно. Если врагъ приставитъ ножъ къ глоткѣ и скажетъ: присягни, иначе я тебя зарѣжу, то придется хоть кому согласиться съ нимъ и для вида присягнуть, а потомъ все обратить на пользу своимъ: это будетъ умнѣе чѣмъ положить голову и пропасть даромъ. Не порицанія, а похвалы достоинъ этотъ казакъ за свой поступокъ.

— И я такъ думаю!—сказалъ Самойловичъ, пускай этотъ хоружій будетъ сотникомъ въ Сосницѣ. Кто теперь тамъ сотникъ?

— Стецько Литовчикъ, отвѣчалъ Кочубей.

— Я этому Литовчику подарю помѣстье и универсальный листъ на него дамъ. Пусть онъ пока на время остается значнымъ войсковымъ товарищемъ! А этого поставить сотникомъ. Иванъ, позови его ко мнѣ, а ты, Василій, дай мнѣ списокъ помѣстьямъ, назначеннымъ къ раздачѣ въ черниговскомъ полку, говорилъ гетманъ.

Мазепа вышелъ. Кочубей нашелъ и подалъ гетману рукописный перечень имѣніямъ, опредѣленнымъ въ раздачу. Гетманъ углубился въ него. Между тѣмъ Мазепа позвалъ Молявку и тотъ, ступая на цыпочкахъ осторожно и почтительно за Мазепою, вошелъ въ отдѣленіе гетманской спальни. Самойловичъ, не отрывая глазъ отъ списка и не повертывая головы къ вошедшему, сталъ говорить къ нему такимъ тономъ, какъ будто уже цѣлый часъ ведетъ съ нимъ бесѣду:

— Отсюда поѣдешь въ Сосницу. Я назначаю тебя туда сотникомъ. Тамъ будетъ жить Дорошенко. Присматривай за нимъ. Въ оба глаза гляди. Если что нибудь отъ него затѣется недоброе, а ты не досмотришь, то не уйдешь отъ жестокой кары и конечнаго разоренія. Но никакъ не дразни его. Присматривай за нимъ такъ, чтобъ онъ не зналъ и не замѣчалъ, что ты за нимъ наблюдаешь. Вѣжливо, учтиво и почтительно обходись съ нимъ. Часто посѣщай его, но такъ, чтобъ онъ ни разу тебѣ не сказалъ: что ты меня безпокоишь? Ходи къ нему какъ будто для того, чтобы услуживать ему, подмѣчай, что ему нужно, и не дожидаясь пока онъ тебя попроситъ, самъ все ему доставляй, а чего самъ не сможешь, о томъ тотчасъ ко мнѣ

Библиотека "Руниверс"

давай извѣстіе. Ты долженъ знать, кто къ нему будетъ пріѣзжать въ гости и куда онъ будетъ посылать своихъ домашнихъ. Все провѣдывай и узнавай. И о всемъ томъ пиши ко мнѣ прямо въ собственныя мои гетманскія руки. Никому не говори о томъ, что присматриваешь за Дорошенкомъ: чтобъ знали объ этомъ только ты да я. Поѣзжай себѣ съ Богомъ въ свою новую сотню. Этотъ господинъ изъ моей канцеляріи (онъ указалъ на Кочубея) дастъ тебѣ универсальный листъ за моимъ собственноручнымъ подписомъ на сотничество.

Проговоривши все это, гетманъ, до того времени все устремлявшій глаза въ лежащій передъ нимъ списокъ, въ первый разъ взглянулъ на того, кому говорилъ, окинулъ его взоромъ своимъ съ головы до ногъ и опять сталъ разсматривать свои бумаги.

Молявка поклонился низко уже болѣе не глядѣвшему на него верховному своему начальнику и вышелъ въ большой радости. Слова гетмана о томъ, чтобъ онъ писалъ прямо къ нему, пріятно отдавались у него въ ушахъ. Онъ понималъ, что дозволеніе сотнику сноситься непосредственно съ гетманомъ помимо полковничьяго уряда, было большое къ нему вниманіе и онъ чувствовалъ, что высоко поднимается на своемъ служебномъ поприщѣ.

Мы не станемъ описывать, какъ Дорошенко, забравши толпу выборныхъ изъ чигиринцевъ и скрывавшихся въ Чигиринѣ жителей другихъ правобережныхъ городковъ, въ сопровожденіи Полуботка и его козаковъ, ѣздилъ въ обозъ подъ Вороновкою, сложилъ съ себя гетманское достоинство, передалъ гетману Самойловичу свой бунчукъ, булаву, знамена, грамоты, полученныя прежде отъ турецкаго падишаха, двѣнадцать пушекъ,—какъ принесъ въ присутствіи царскаго боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича присягу на вѣчное и непоколебимое подданство великому государю, какъ потомъ, возвратившись въ Чигиринъ, сдалъ Самойловичу этотъ городъ со всѣми боевыми запасами и получилъ отъ Самойловича, сообразно царской волѣ, приказаніе переѣхать съ семьею на житье на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ гетманъ указалъ ему мѣстопребываніе въ Сосницѣ. Всѣ эти важныя историческія событія не относятся непосредственно къ нашему разсказу.

X.

Схватившіе Ганну Кусовну, обезумѣвшую отъ внезапнаго похищенія, притащили ее въ домъ воеводы, гдѣ былъ устроенъ чердакъ въ видѣ отдѣльной горницы; тамъ стояла кровать съ постелью, нѣсколько скамеекъ и столъ. Туда втащили Ганну по крутой, узкой лѣстницѣ и заперли за нею дверь. Нѣсколько времени не могла Ганна опомниться и придти въ себя! ей все это казалось какимъ то страшнымъ сновидѣніемъ; ей хотѣлось скорѣе проснуться.

Библиотека "Руниверс"

Въ горницу, гдѣ она былъ заперта, вошелъ, наконецъ, Тимоѳей Васильевичъ Чоглоковъ. Осклабясь и пріосаниваясь, сѣлъ онъ на скамью и заговорилъ:

— Здорово, красавица, хорошая моя, чудесная, ненаглядная, несравненная! Здорово!

Ганна, не придя еще въ себя, стояла передъ нимъ растерянная и смотрѣла безсмысленными глазами.

— Увидалъ я впервò тебя въ жизни, продолжалъ Чоглоковъ—и пришлась ты мнѣ по сердцу вотъ какъ!

При этомъ онъ рукою повелъ себя по горлу. Ганна продолжала стоять какъ вкопаная.

— Лучше и краше тебя не видалъ на свѣтѣ! говорилъ Чоглоковъ. Вотъ ей же Богу не видалъ краше тебя!

Ганна продолжала стоять передъ нимъ, выпучивши глаза.

Воевода продолжалъ:

— Ты не знаешь, дѣвка, кто таковъ я. Такъ знай: я тутъ у васъ самый первый человѣкъ. Знатнѣе и выше меня здѣсь изъ вашихъ никого нѣтъ. Вашъ полковникъ подошвы моего сапога не стоитъ, самъ вашъ гетманъ мнѣ не подъ стать. Вотъ я кто такой. Я отъ самого царя батюшки великаго государя сюда присланъ: я царское око, я царское ухо. Самъ великій государь меня знаетъ и жалуетъ. А ты, дурочка хохлушечка, знаешь ли что такое нашъ царь, великій государь! Онъ все едино, что Богъ на небѣ, такъ онъ царь на землѣ, со всѣми властенъ сдѣлать что захочетъ! А я его ближній человѣкъ, воевода надъ вами! Такъ я для вашей братіи все равно что царь самъ. Вотъ и смекни дѣвка!

Ганна Кусовна начинала по немногу приходить въ себя, но еще не вполнѣ понимала свое положеніе и не въ силахъ была давать ни отвѣтовъ, ни вопросовъ.

— Теперь слыхала, продолжалъ свою рѣчь воевода немного помолчавши, что я за человѣкъ такой? Вотъ какому человѣку полюбилась ты, дѣвка, пуще всѣхъ. Таково ужъ твое счастіе, дѣвка. Я хочу, чтобъ ты стала моею душенькою, моею лапушкою.

— Я чужая жена! пробормотала Ганна.

— Какая такая чужая жена? сказалъ захохотавши воевода. Что ты, дѣвка, шутки строишь? Нешто жоны чужія, замужнія бабы, ходятъ съ открытою головою, въ лентахъ за косами, какъ ты?

— Я повѣнчана! произнесла Ганна.

— Когда? спросилъ воевода.

— Сегодня, отвѣчала Ганна.

— Сегодня? говорилъ воевода, продолжая хохотать. Что ты меня дурачишь? Сегодня! Развѣ я турокъ или католикъ, что не знаю своей вѣры? Какое сегодня время? Теперь постъ Петровъ. Въ такіе дни вѣнчать не положено.

Библиотека "Руниверс"

— Я не знаю, произнесла Ганна. Владыка разрѣшилъ. Насъ вѣнчали, я повѣнчана!

— Не правда твоя, дѣвка! сказалъ Чоглоковъ. Того быть не можетъ. У васъ все одна вѣра какъ и у насъ. А коли у васъ такіе дураки владыки, что въ посты вѣнчать позволяютъ, такъ твое вѣнчанье не въ вѣнчанье, потому что противно закону святому. Ну, коли говоришь вѣнчалась, такъ гдѣ же твой мужъ, и зачѣмъ же ты повѣнчавшись съ нимъ, ходишь по дѣвичьи съ открытыми волосами?

— Мужа моего угнали съ козаками въ походъ, сказала Ганна постепенно приходя въ себя: и я буду ходить по дѣвичьи, пока онъ вернется изъ похода; тогда будетъ отправляться „весилье“ и меня покроютъ.

— Какъ это веселье? спрашивалъ воевода, не вполнѣ понимая чуждый ему способъ выраженія: по вашему, значитъ, въ церкви вѣнецъ не всему дѣлу конецъ! Нужно еще какое то веселье отправлять! Значитъ вѣнчанье свое ты сама за большое дѣло не почитаешь, коли еще надобно тебѣ какого то веселья? Стало быть на мое и выходитъ, что твое вѣнчанье не въ вѣнчанье. И выходитъ, дѣвка, что ты затѣевашь, будто вѣнчалась. Стало быть, онъ тебѣ не мужъ, а только еще женихъ. А для такого важнаго человѣка какъ я, можно всякаго вашего жениха по боку!

— Нѣтъ, онъ мнѣ не женихъ, а мужемъ сталъ, какъ я повѣнчалась! Я чужая жена! говорила Ганна.

— Не мужъ онъ тебѣ, красавица моя, повѣрь моему слову. Я законъ лучше тебя знаю. Можно тебѣ его послать къ херамъ, для такого большого человѣка какъ я, произнесъ Чоглоковъ.

— Ни на кого я не промѣняю своего мужа! сказала рѣшительнымъ голосомъ Ганна.—Не пойду я на грѣхъ ни за что въ свѣтѣ! Я Бога боюсь. Ты, кто тебя знаетъ, что ты за человѣкъ: говоришь, будто присланъ отъ самого царя. Какъ же ты, царскій человѣкъ, такое дѣло творишь: чужую жену сманиваешь! Развѣ царь тебя къ намъ на худое послалъ? Коли ты отъ царя посланъ, такъ ты насъ на доброе наставляй, а не на худое!

— Я на доброе дѣло тебя и наставляю. За кого такого ты замужъ выходишь? спрашивалъ воевода.

— За того, кого полюбила и за кого отецъ и мать отдаютъ! отвѣчала Ганна.

— Слушай, дѣвка! говорилъ воевода:—я очень богатъ, денегъ у меня много-много, и вотчины есть: озолочу!

— Не нужно мнѣ твоихъ денегъ и вотчинъ! Ищи себѣ со своими деньгами и вотчинами иную, а меня отпусти къ отцу, къ матери, проговорила Ганна и зарыдала.

— Не упрямься, душенька! Слышишь, не упрямься! сказалъ воевода и вставши хотѣлъ обнять ее.

Библиотека "Руниверс"

— Геть!! [1]) крикнула не своимъ голосомъ Ганна:—лучше убей меня на этомъ мѣстѣ, а я на грѣхъ съ тобою не пойду. Я изъ честнаго рода, будучи дѣвкою не потеряла своего дѣвства, и, ставши замужнею, не осрамлю доброй своей славы. Геть! къ чорту!

— Что ты тутъ говоришь о доброй славѣ, да о грѣхѣ! сказалъ воевода болѣе и болѣе воспламеняясь страстію.—Какая тутъ недобрая слава? Какой тутъ грѣхъ! Ты мнѣ такъ по-сердцу пришлась, что я тебя за себя замужъ хочу взять!

— Неправда! сказала Ганна:—замужъ ты меня не возмешь, а только дурачишь, хочешь какъ нибудь соблазнить меня! Какъ таки можно тебѣ, такому важному царскому слугѣ, простую дѣвку взять за себя, да еще не изъ своего московскаго рода? Да хоть бы ты и по правдѣ это говорилъ, такъ это не можетъ статься: я уже говорила тебѣ—я чужая жена, вѣнчанная, и замужъ иному нельзя ужъ меня брать!

— А я говорю тебѣ, что твое вѣнчанье не въ вѣчанье. Не по закону вѣнчать тебя разрѣшилъ владыка. Надъ вашимъ владыкою есть другой владыка постарше, патріархъ. Онъ твоего вѣнчанья не вмѣнитъ въ вѣнчанье и разрѣшитъ тебѣ выйти за меня замужъ.

— Я, произнесла еще съ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ видомъ Ганна, уже тебѣ сказала, что я чужая жена: меня повѣнчали! Да хоть бы и вашъ патріархъ, какъ говоришь, разрѣшилъ, то бы я за тебя не пошла. Я люблю своего Яцька и ни на кого въ свѣтѣ его не промѣняю!

— А меня, стало быть, не любишь! сказалъ воевода съ звѣрскою яростію.

Ганна молчала, переминаясь.

Воевода еще разъ спросилъ:

— А меня, стало быть не любишь? Не хорошъ я для тебя!

— Не люблю! сказала рѣшительно Ганна;—какъ мнѣ и любить такого, что въ первый разъ вижу?

— Я сказалъ тебѣ, кто я такой, промолвилъ воевода:—коли не вѣришь. спроси у кого хочешь: всѣ тебѣ скажутъ, что я царскій воевода, въ Черниговъ присланъ!

— Да будь ты не то что воевода, будь ты самый первый, какъ тамъ у васъ называютъ, князь, что ли, хоть и самаго царя сынъ— я за тебя не пойду, а грѣха творить не стану ни съ кѣмъ! говорила Ганна.

— Такъ-таки и не пойдешь за меня? спрашивалъ воевода, у котораго черты лица принимали все болѣе и болѣе звѣрское выраженіе.

— Такъ-таки не пойду! отвѣчала Ганна.

— И не любишь меня? спрашивалъ дико воевода.

Ганна остановилась отвѣтомъ. Воевода повторилъ вопросъ.

---

[1]) Прочь.

Библиотека "Руниверс"

— А самъ знаешь! отвѣчала она; потомъ, разразившись рыданіемъ, бросилась къ ногамъ его и говорила:—отпусти меня, бояринъ! Христа ради отпусти къ батенькѣ и „матинкѣ“!

— Ну нѣтъ, дѣвка! сказалъ воевода, не на то я тебя сюда велѣлъ привести, чтобъ ничего съ тобой не сдѣлавши да отпустить! У насъ говорятъ: кто бабѣ спуститъ, тотъ баба самъ. Хоть плачь, хоть кричи—ничего не пособишь! Тутъ окромѣ меня никто тебя не услышитъ. Ты теперь въ моихъ рукахъ и отъ меня не вырвешься. Коли не хочешь добромъ, ласкою, такъ будетъ по моему силою!

— Бояринъ! вопила Ганна, отпусти меня! батечка! голубчикъ! Пожалѣй меня бѣдную сироту! Я никому не скажу что со мною случилось—ни отцу, ни матери, никому! Отпусти! Богъ тебя наградитъ за то всякимъ благополучіемъ. Голубчикъ! Пощади! Отпусти!

— Нѣтъ, дѣвка красавица! не отпущу! говорилъ воевода:—больно ты мнѣ приглянулась, къ сердцу мнѣ пришлась!

— Господинъ воевода! промолвила Ганна поднявшись и ставши съ выраженіемъ собственнаго достоинства:—у меня мужъ есть! Онъ узнаетъ и заступится за меня; онъ до самого царя дойдетъ и судъ на тебя найдетъ!

— Ого, дѣвка! сказалъ воевода со злобною усмѣшкою: ты еще пугать меня своимъ козакомъ! Онъ до царя самого дойдетъ! Вотъ какой большой человѣкъ у тебя, что до самого царя дойдетъ! Э! далеко ему до великаго государя, какъ кулику до Петрова-дня! Что твой козакъ? Наплевать на него! Что̀ онъ мнѣ сдѣлаетъ? Я царевъ воевода! Мнѣ больше повѣрятъ, чѣмъ какому нибудь хохлачу-козачишкѣ. Не боюсь я его, дурака. Что хочу, то вотъ съ тобою и учиню. Полюбилась ты мнѣ зѣло, дѣвка!

Онъ схватилъ ее поперекъ стана.

— Я разобью окно, кинусь, убьюсь! на тебѣ грѣхъ останется! кричала Ганна.

— Окно узко! не пролѣзешь! сказалъ воевода, все крѣпче и крѣпче сжимая ее въ своихъ объятіяхъ...

Ганна барахталась. Напрасно!... . . . . .

Утромъ другого дня сидѣлъ воевода въ своемъ домѣ. Передъ нимъ стоялъ холопъ его Васька, одинъ изъ ухватившихъ въ тайникѣ Ганну, парень лѣтъ двадцати слишкомъ, съ нахальными глазами, постоянно державшій голову то на правую, то на лѣвую сторону, часто потряхивая русыми кудрями.

Воевода говорилъ:

— Васька, хочешь жениться?

— Коли твоя боярская воля будетъ, отвѣчалъ Васька.

— У тебя зазнобушки нѣтъ? спросилъ оевода. Правду отвѣчай мнѣ.

— Нѣту, баринъ! ухмыляясь отвѣтилъ Васька.

— Найти невѣсту тебѣ? Хочешь найду красавицу... ухъ! говорилъ воевода.

Библиотека "Руниверс"

Васька только поклонился.

— Вонъ ту дѣвку, что вы съ Макаркою подхватили. Хочешь? сказалъ воевода.

— Помилуй, государь! сказалъ Васька, моему ли холопскому рылу такіе калачи ѣсть! Она просто краля писаная!

— Такъ вотъ на этой кралѣ я хочу женить тебя, продолжалъ воевода. Хочешь или нѣтъ?

— Вѣдь она повѣнчаная, бояринъ, сказалъ Васька.

— Это не въ строку, перебилъ воевода, развѣнчаемъ. Въ постъ ихъ вѣнчали; такое вѣнчаніе не крѣпко!

— Вѣнчать въ другой разъ, пожалуй, не станутъ! замѣтилъ Васька.

— Вы повезете ее въ мою подмосковную вотчину; тамъ васъ отецъ Харитоній обвѣнчаетъ. Онъ все такъ сдѣлаетъ, какъ я захочу. А я напишу ему съ вами—вотъ онъ васъ и обвѣнчаетъ. Только вотъ съ чѣмъ, Вася: какъ меня изъ Чернигова выведутъ, тогда я тебя съ женою къ себѣ въ Москву вызову: ты будешь пускать жену свою ко мнѣ ночевать.

— Не то что пускать, самъ ее къ тебѣ приведу, отвѣчалъ Васька. За большое счастіе поставлю себѣ.

— А я тебя, Васька, за то озолочу, говорилъ Чоглоковъ. Первый у меня человѣкъ станешь. Коли захочешь и приказчикомъ тебя надъ всею вотчиною сдѣлаю. И платье съ моего плеча носить будешь, и ѣсть-пить будешь то, что я ѣмъ-пью!

— Какъ твоя милость захочешь, такъ и будетъ! отвѣчалъ Васька, кланяясь. Мы всѣ рабы твои и покорны тебѣ во всемъ должны быть. Ты намъ пуще отца родного, кормилецъ нашъ, милостивецъ!

— Запрягите тройку въ кибитку, говорилъ Чоглоковъ, посадите въ нее хохлушу, закройте кожами и рогожами и увезите изъ города тайно въ полночь. Держите ее крѣпко, чтобъ не выскочила и не кричала, пока ужъ далеченько отъ города уѣдете. Ничего съ ней не говорите о томъ, что съ нею станется и куда ее везете. А привезете въ нашу вотчину, тотчасъ отцу Харитонію мое письмо подадите: онъ васъ обвѣнчаетъ. Будешь съ женою жить у меня во дворѣ въ особой избѣ, а я напишу приказчику, чтобъ выдавалъ вамъ помѣсячно кормъ во всякомъ довольствѣ.

Въ полночь выѣхала изъ черниговскаго замка воеводская кибитка, вся закрытая кожами и рогожами. Внутри ее сидѣла связанная толстыми веревками Ганна Кусовна, а по бокамъ ея—Васька и Макарка. Она силилась было вырваться, но Васька держалъ ее крѣпко, ухвативши за станъ, а Макарка затыкалъ ей платкомъ ротъ, какъ только она показывала намѣреніе крикнуть. Лошадьми правили двое сидѣвшихъ на-переди стрѣльцовъ. Переѣхали на паромѣ Десну. Проѣхали еще верстъ пять. Васька открылъ тогда кожу кибитки.

— Не бойся, дѣвка, не мечись, не рвись! говорилъ онъ, не улиз-

Библиотека "Руниверс"

нешь! Будешь сидѣть и молчать — оставлю кибитку не закрытою и держать тебя не буду, а станешь шалить — опять закрою и сдавлю тебя такъ, что будетъ больно.

Проѣхали еще верстъ двадцать. Ганна молчала. Тогда Васька и Макарка сняли съ ея ногъ веревки, но обвязали ей станъ и попеременно держали въ своихъ рукахъ конецъ веревки, такъ что не выпускали ее изъ своихъ рукъ ни на шагъ, даже и тогда когда вставали изъ кибитки. Но въ самой Ганнѣ произошла тогда такая перемѣна, какой она бы сама не предвидѣла за собою. Она внутренно разсудила такъ: горе меня постигло великое, такое, что ужъ хуже и тяжелѣе быть не можетъ. Надобно терпѣть. Богу, видно, такъ угодно. Коли Богъ сжалится надо мною, то пошлетъ по мою душу и приберетъ меня съ сего свѣта, либо изъ этой тяжкой горькой бѣды меня вызволитъ, а не угодно то будетъ Богу, а воля его святая станется такова, чтобъ я на этомъ свѣтѣ долго мучилась—буду мучиться и терпѣть. Все, что со мною станутъ дѣлать, пусть ихъ дѣлаютъ, пусть поругаются, издѣваются надо мною, какъ хотятъ: все это, значитъ, Богу такъ угодно!—И съ этой твердой думой впала она въ какое то деревянное отупѣніе, не покушалась уходить, во всемъ повиновалась своимъ тиранамъ; дадутъ ей обѣдъ и скажутъ: ѣшь и пей—она ѣстъ и пьетъ; скажутъ: ложись и спи—и она ложится и даже засыпаетъ, потому что горе ее притомливаетъ.

Такъ везли ее черезъ города и села; когда къ ней говорили, она отвѣчала, но односложными словами и наиболѣе обычный отвѣтъ ее былъ: не знаю. Такъ довезли ее въ вотчину Чоглокова, въ село Прогной на рѣкѣ Протвѣ.

Холопы, привезшіе Ганну, въѣхали на боярскій дворъ, вывели ее изъ кибитки и засадили въ чердачномъ особомъ покоѣ. Ганна, очутившись одна, съ часъ поплакала, а потомъ отъ утомленія заснула. Она уже не заботилась, что съ нею станется. Ее держали подъ замкомъ и, принося ей пить и ѣсть, уходили не иначе, какъ запирая двери за собою замкомъ, но это собственно было уже лишнимъ: плѣнница не побѣжала бы, еслибъ ее оставили и съ отворенною дверью; она бы не отважилась на побѣгъ уже потому, что не знала, куда ее завезли и далеко ли очутилась она отъ родного Чернигова.

Между тѣмъ Васька и Макарка пошли съ письмомъ Чоглокова къ священнику отцу Харитонію. Этотъ священникъ былъ изъ холопей Чоглокова. Господинъ отдалъ его обучаться грамотѣ, а потомъ, давши взятку въ патріаршемъ приказѣ, исходатайствовалъ посвященіе его въ попы въ свою вотчину. Ставши отцомъ Харитоніемъ, бывшій мужикъ сиволапъ, не безъ запинки умѣлъ читать богослужебныя книги, а въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, вмѣсто всякой кормчей, служила ему воля вотчинника прихода, въ который его поставили. Что господинъ прикажетъ—онъ все исполнитъ безъ разсужденія, считая, что не онъ, а господинъ будетъ въ отвѣтѣ, если что имъ

Библиотека "Руниверс"

приказано и несправедливо. При такомъ взглядѣ на свои пастырскія обязанности и при своемъ круглѣйшемъ невѣжествѣ въ религіи, почтенный отецъ Харитоній ничего не могъ произнесть, кромѣ полной готовности сдѣлать все такъ, какъ въ письмѣ къ нему приказывалъ теперь господинъ. И вотъ въ одно изъ ближайшихъ воскресеній холопы, привезшіе Ганну, вошли къ ней и велѣли идти за собою. Она повиновалась, не спрашивая куда и зачѣмъ идти ей. Ее привели въ церковь, гдѣ окончилась обѣдня. Кромѣ Васьки и Макарки стояло тамъ еще неизвѣстныхъ Ганнѣ трое холоповъ и столько же холопокъ. Пономарь въ мужицкомъ зипунѣ и въ лаптяхъ зажегъ предъ мѣстными образами свѣчи и далъ по зажженной свѣчѣ Васькѣ и Ганнѣ. Отецъ Харитоній вышелъ въ облаченіи, отворилъ царскія врата и, подойдя къ аналою, стоявшему по среди церкви, началъ послѣдованіе бракосочетанія. Исполняя буквально то, что передъ нимъ написано было въ книгѣ, лежавшей на аналоѣ, онъ обратился къ Васькѣ и Ганнѣ и спросилъ того и другую: не принужденное ли желаніе имѣютъ они вступить въ супружескій союзъ? Тутъ только поняла Ганна, что съ ней выдѣлываютъ и благимъ матомъ закричала:

— Не хочу! нельзя! я повѣнчана съ другимъ!

Но священникъ не обратилъ на это вниманіе, какъ будто не слыхалъ ея словъ и продолжалъ богослуженіе. Ганна не хотѣла ни за что надѣвать поданнаго ей кольца, но холопы надѣли ей на палецъ это кольцо насильно, а Васька шепнулъ ей, что она будетъ жестоко побита, если станетъ упрямиться и все таки ее повѣнчаютъ. Ганна оставила на пальцѣ надѣтое ей насильно кольцо. Когда новобрачныхъ повели вокругъ аналоя, Ганна горько плакала, порывалась кричать и бѣжать, но шедшій рядомъ съ нею Васька сказалъ ей: „молчи! а не то, мы съ тебя кожу сдеремъ“! И Ганна ограничилась горькимъ рыданіемъ. Послѣ окончанія вѣнчанія, священникъ, все таки исполняя буквально то, что видѣлъ написаннымъ въ требникѣ, приказывалъ новобрачнымъ поцѣловаться. Ганна съ омерзеніемъ отворотилась, но Макарка, бывшій у нее шаферомъ, поворотилъ ея голову обратно и натолкнулъ прямо на голову Васьки. Ганну увели изъ церкви. Она продолжала рыдать и всхлипывать, а новый супругъ грозилъ ей снятіемъ со спины шкуры, печеніемъ огнемъ, выкалываніемъ глазъ. Окружавшіе ихъ холопы и холопки ни мало не были поражены видомъ рыдающей новобрачной, такъ какъ рыданія невѣсты были обычны въ русскомъ семейномъ быту и даже, по народному воззрѣнію, составляли необходимую сущность брачнаго обряда. Всѣ понимали, что невѣсту отдали замужъ насильно, по волѣ господина, но это было совершенно въ порядкѣ вещей и никого не возмущало.

Привели Ганну во дворъ. Стала она теперь женою новаго, незнаемаго мужа, жила съ нимъ въ особой избѣ, небольшой, составлявшей пристѣнокъ къ большой дворовой избѣ, куда собиралась дворня на работу. Ей задавали разныя работы на дворѣ, колоть и носить дрова

Библиотека "Руниверс"

въ избу, топить печь: зимою, вечерами, заставляли прясть вмѣстѣ съ другими дворовыми бабами; ни чему она не перечила. Бывали случаи, дворовыя бабы поднимали ее на смѣхъ за ея малороссійскій говоръ въ отвѣтахъ, которые она имъ давала, за ея постоянно унылый видъ; она не серчала, не огрызалась, а только молча рыдала; слезы и рыданія возбуждали издѣвки холопокъ. Ее одѣли въ великорусскую одежду и говорили, что теперь она красивѣе, что этакъ лучше, чѣмъ въ ея прежнемъ хохлацкомъ убранствѣ, въ какомъ она пріѣхала. теперь де, по крайней мѣрѣ, она похожа на православную. Она все сносила и молчала. Внутри ея, однако, принужденное спокойствіе подъ часъ возмущалось ужасными душевными бурями. Не разъ приходило ей въ голову покончить съ собою: разбить себѣ голову о печь избы, либо улучивши время, когда за ней меньше будутъ глядѣть, выбѣжать поискать воды и утопиться. Но тутъ сознавала она, что то будетъ тяжелый грѣхъ передъ Богомъ, вспоминала она, какъ ей твердили съ дѣтства, что не бываетъ отъ Бога на томъ свѣтѣ прощенія тому, кто наложилъ на себя руки, и будетъ грѣшная душа скитаться, мучиться и не знать покоя; надобно терпѣть всякую бѣду; какъ бы человѣку не было дурно, а все таки милосердый Богъ когда нибудь пошлетъ конецъ его житію и потомъ наградитъ его на небесахъ. Иногда овладѣвала ею злоба: являлось желаніе какъ бы извести этого ненавистнаго Ваську, этого насильно навязаннаго ей мужа, или же зажечь подъ вѣтеръ, ночью, избу и всю усадьбу: авось всѣ сгорятъ проклятые, и потомъ пусть съ нею что хотятъ дѣлаютъ—хоть огнемъ жгутъ, хоть съ живой шкуру дерутъ, а она ужъ имъ за себя отдала! Ей до крайности невыносима была вся обстановка круга, въ который ее бросили; ей, природной свободной козачкѣ, и невѣдомъ и немыслимъ казался холопскій строй жизни, куда всосаться ее неволили. слыхала она прежде на родинѣ жалобныя пѣсни о татарской неволѣ: слыхала раздирающіе сердца разсказы, какъ татары хватали въ поляхъ и рощахъ неосторожно ходившихъ за ягодами дѣвчатъ и уводили въ свою сторону, и какъ бѣдныя страдали у нихъ въ неволѣ; но то вѣдь съ крещенными такъ дѣлаютъ враги-нехристи, а около ней люди какъ будто сами крещеные: и церкви у нихъ есть, и образа въ избахъ, а поступаютъ съ нею такъ, какъ бы хуже и бусурмане не поступили, если бы уловили. Что же ихъ жалѣть! Пусть бы всѣ сгорѣли! Но тутъ останавливалъ ее внутренній голосъ: такъ думать великій грѣхъ передъ Богомъ, Господь не велитъ дѣлать зла врагамъ! Ганна заливалась горькими слезами и просила Бога простить ей невольно пришедшее желаніе зла своимъ мучителямъ. Такъ глубокая дѣтская вѣра хранила ее отъ покушеній на самоубійство и отъ исканія способовъ отмщенія за себя. Дни шли за днями. Ганна все болѣе свыкалась съ тѣмъ безчувственнымъ спокойствіемъ, когда все терпится, не ищутся уже средства спасенія, привыкается даже къ тому, къ чему никогда, какъ прежде казалось, привыкнуть не воз-

Библиотека "Руниверс"

можно. Васька, однако, не надоѣдалъ Ганнѣ предъявленіемъ своей супружеской власти надъ нею. Ганна была ему покорна какъ овца, но сама не въ силахъ была скрыть отъ него отвращенія къ его особѣ. По этому и Васька почувствовалъ, что его что то отталкиваетъ отъ женщины, которая и противъ своей и противъ его воли называется его женою. Подвернулась Васькѣ изъ той же чоглоковской дворни молодая смазливая вдовушка, сама стала лебезить около него и Васька скоро съ нею сошелся.

— Ты думаешь, говорилъ онъ своей лапушкѣ, мнѣ большая пріятность возиться съ этой хохлачкой! Провались она отъ меня сквозь землю! Наше дѣло холопское: что велитъ государь, то мы и дѣлаемъ! Вотъ приглянулась ему хохлачка; женись, говоритъ, Васька, а ко мнѣ будетъ она ходить. Это, видишь, мнѣ жениться для прикрытія грѣха его! Озолочу, говоритъ. Ну, озолотитъ ли, нѣтъ ли, а дѣться негдѣ, надо слушаться: по крайности хоть шкуры со спины не спуститъ! Вотъ и стереги этого чорта; не было печали, да черти накачали! Эхъ-ма! Иногда какъ расхнычется, такъ вотъ взялъ бы кулакомъ далъ ей по головѣ, да тутъ бы и приплюснулъ. А иногда такъ самому, глядя на нее, жалко станетъ. Словно тебѣ кто въ сердце коломъ ткнетъ. Ну, и махнешь рукой?

XI.

По окончаніи похода къ Чигирину Самойловичъ распустилъ всѣ полки по домамъ на зимній отдыхъ, но черниговскій полкъ назначилъ въ гарнизонъ въ Чигиринъ. Борковскій уѣхалъ въ Черниговъ сдѣлать новый выборъ между козаками, чтобы остававшихся до сего времени въ домахъ своихъ отправить на смѣну бывшихъ на службѣ и послать ихъ въ Чигиринъ съ обознымъ полка своего, давши ему званіе наказнаго полковника.

Дома Борковскій узналъ отъ жены своей, что пропала безъ вѣсти невѣста, которая съ разрѣшенія владыки была обвѣнчана въ самый день выступленія полка въ походъ. Въ народныхъ толкахъ объ этомъ событіи, доходившихъ до полковницы, уже бросалось подозрѣніе на воеводу, который и другими своими поступками успѣлъ возбудить противъ себя неудовольствіе и омерзѣніе. Полковница сообщила мужу, что безъ него воевода приглашалъ къ себѣ въ домъ зажиточныхъ черниговскихъ мѣщанъ и вымогалъ отъ нихъ себѣ въ почесть деньги: съ кого сто рублей, съ кого двѣсти и побольше, грозилъ въ противномъ случаѣ разставить у нихъ въ домахъ своихъ стрѣльцовъ, и мѣщане, чтобъ избавиться отъ такихъ немилыхъ гостей, давали воеводѣ требуемыя суммы. Подначальные ему стрѣльцы и рейтеры, ходя по базару, насильно брали у перекупокъ разное съѣстное и не платили, отговариваясь, что они де царскіе служилые люди, хохлы обязаны

Библиотека "Руниверс"

ихъ кормить и всячески имъ угождать; у нихъ хотѣли отобрать отнятое, а товарищи ихъ стали заступаться и били малороссіянъ. Подавалась по этому поводу жалоба въ магистратъ; члены магистрата приходили сами къ воеводѣ просить управы, а онъ съ безчестіемъ прогналъ ихъ. Самъ воевода ѣздилъ по лавкамъ, набиралъ товары, обѣщая уплатить послѣ, а когда хозяева явились къ нему за уплатою, онъ съ насмѣшкою говорилъ имъ, что заплатитъ на второмъ Христовомъ пришествіи. Большой онъ охотникъ былъ до женскаго естества и его воеводскіе люди водятъ къ нему жонокъ и дѣвокъ изъ мѣщанскихъ и поспольскихъ дворовъ, стали забираться уже и въ дворы козацкіе, начали сманивать козацкихъ женъ и дочерей, напугивая ихъ, что уведутъ силою, если не согласятся идти по доброй волѣ; мужья и отцы, слыша то жаловались обозному, бывшему въ званіи наказнаго полковника въ отсутствіе Борковскаго. Обозный пошелъ объясниться съ самимъ воеводою, но воевода затопалъ, закричалъ, что все это вздоръ, что обозный это самъ затѣялъ на его людей и на него воеводу, и прогналъ обознаго съ безчестіемъ. Такія новости передала полковница своему мужу. Борковскій позвалъ обознаго; тотъ подтвердилъ все, что говорила полковница и прибавилъ, что воевода сказалъ ему такъ:

— Твое дѣло унимать глупцовъ отъ такихъ безлѣпичныхъ рѣчей, а не приходить съ ними ко мнѣ: вотъ я на тебя челобитную подамъ великому государю въ своемъ безчестьи!

Борковскій поѣхалъ къ Чоглокову присмотрѣться къ нему и прислушаться къ тому, что будетъ онъ говорить.

Чоглоковъ, какъ только изъ окна увидалъ въѣзжавшаго къ нему въ коляскѣ полковника, тотчасъ выбѣжалъ на крыльцо, кланялся касаясь пальцами до земли, улыбался, произносилъ радостныя восклицанія, обнималъ, цѣловалъ полковника, какъ стараго друга, просилъ въ свой домъ и, пустивши его впередъ, самъ шелъ за нимъ и говорилъ:—Вотъ когда для меня насталъ истинно свѣтлый день, когда я увидалъ дорогого гостя, почтеннаго Василія Кашперовича!

Усадивши Борковскаго на почетномъ мѣстѣ, Чоглоковъ забѣгалъ, приказывая подавать вина и разныхъ угощеній и обратившись къ полковнику, сказалъ:

— Одинокъ я человѣкъ, безъ хозяйки. Вамъ, женатымъ людямъ, ино дѣло: есть кому все приготовить и угостить дорогого гостя. А вотъ я—одинъ! такъ оно можетъ быть и не такъ выходитъ учтиво. Не взыщи, пріятель мой!

— За хозяйкою дѣло не станетъ, произнесъ Борковскій, лишь бы только господину воеводѣ приглянулась какая боярышня.

— Оно такъ, да видишь, пріятель мой! сказалъ Чоглоковъ, я помышляю о томъ, какъ душу спасти послѣ своей смерти, больше, чѣмъ о томъ, чтобы въ сей привременной жизни было хорошо. Что наша здѣшняя жизнь? Дней нашихъ лѣтъ седмьдесятъ, аще же въ

Библиотека "Руниверс"

силахъ осмьдесятъ; что это передъ вѣчнымъ житіи въ царствіи Божіи, гдѣ и тысяща лѣтъ яко день единъ! А какой путь ведетъ туда, во царствіе Божіе! Узкій и тернистый путь, широкій же и гладкій путь ведетъ въ погибель. У меня, Василій Кашперовичъ, книжечка есть. Отмѣнная книжечка. Вотъ, посмотри-ко, пріятель.

Онъ досталъ изъ угла подъ образами рукописную книжечку съ миніатюрами, указалъ ему на рисунокъ, и продолжалъ:

— Вотъ узкій и широкій путь. Въ чемъ тотъ и другой показываются? Вотъ узкій и тернистый путь, по какимъ утесамъ, скаламъ и пропастямъ земнымъ онъ тянется узкою тропою, а тропа та вся обросла колючками, а по томъ пути идутъ все хромые, слѣпые, нищіе, да схимники-отшельники, что въ скорбѣхъ и слезахъ о грѣсѣхъ своихъ и людскихъ житіе свое проводятъ. А куда этотъ путь приводитъ? Смотри: вонъ церковь, а на церковной паперти въ архіерейскомъ облаченіи самъ Господь стоитъ, а около него апостолы, и благословляетъ идущихъ къ нему Господь, значитъ, какъ сказано въ евангеліи: пріидите благословенніи! А вонъ другой широкій путь. Смотри, все сады да цвѣты прекрасные, благоухающіе и дорога какая гладкая, а по дорогѣ все столы стоятъ, а за столами все бражники и пьяницы сидятъ, а передъ ними человѣкъ съ балалайкою въ рукахъ, заломивши на бекрень шапку, трепака отплясываетъ. А вонъ далѣ—баня, а въ ней парятся мужчина съ женщиною, значитъ прелюбодѣяніе,—а далѣ вонъ смотри, мужъ съ женою и семьею обѣдаетъ, люди богатые въ одеждахъ испещренныхъ, въ мѣхахъ дорогихъ, а на столахъ у нихъ кубки и достаканы и братины все серебренные, а черезъ двери къ нимъ нищій старецъ руку протягиваетъ, а они на него не смотрятъ. Видишь, всѣ эти по широкому пути идутъ, и тѣ что въ законномъ супружествѣ пребываютъ въ довольствіи и счастьи, мало къ бѣдной братіи милостивы, оттого что сами горя не знаютъ, и они на широкомъ пути вмѣстѣ съ пьяницами и любодѣйцами! А смотри куда этотъ широкій путь проводитъ ихъ. Къ мостику, а мостикъ тоненекъ словно жердочка, а подъ мостомъ бездна, въ ней же гады многочисленные, драконы, змѣи, крокодилы, скорпіи... Вонъ одинъ грѣшникъ упалъ съ того мостика, да прямо въ пасть крокодилу! Вотъ онъ широкій-то путь! А мы грѣшные, безчувственные, живучи въ семъ суетномъ мірѣ, не помышляемъ о томъ, что можетъ насъ ожидать на томъ свѣтѣ! О Господи Боже! Господи Боже! Аще бы мы чаще имѣли въ памяти послѣдній часъ нашъ смертный, меньше бы, чай, грѣшили въ нашемъ житіи. Такъ вотъ почтеннѣйшій и возлюбленнѣйшій пріятель мой, иногда бы мнѣ и хотѣлось жениться, да боюсь, чтобъ не стать на пріятный и широкій путь жизненный, а одинокое житіе хотя непріятно и терпишь, за то помнишь, что въ терпѣніи наше спасеніе и тѣмъ утѣшаешься.

Борковскій на это сказалъ:

— Тимоѳей Васильевичъ! Брачное житіе блегословенно Богомъ и

Библиотека "Руниверс"

не можетъ повести во адъ; развѣ человѣкъ станетъ неправдою жить— такъ то уже будетъ ему кара за другіе грѣхи, а не за брачное житіе, еже нисколько нѣсть грѣховно.

Воевода повелъ глаза въ другую сторону, приподнялъ вверхъ голову и вздохнулъ.

Борковскій началъ рѣчь о другомъ.

— Безъ насъ, сказалъ онъ, тутъ произошло странное дѣло. Въ тотъ день какъ мы выступали въ походъ, вѣнчали у св. Спаса нашего козака Молявку Многопѣняжнаго и мы съ твоею милостію вмѣстѣ тогда въ церкви были. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы вышли въ походъ, молодая похищена въ тайникѣ, что продѣланъ изъ города къ Стрижню; тамъ найдены ее ведра и коромыселъ, а ее самое не нашли и до сихъ поръ нѣту. Говорятъ, твоя милость посылалъ отыскивать ее, не найдется ли гдѣ хоть слѣдъ погибшей.

— Правда, сказалъ Чоглоковъ, ко мнѣ приходилъ отецъ ея и по его прошенію посылалъ я стрѣльцовъ разыскивать. Нигдѣ ее не найдено. А вотъ потомъ получилъ я такое извѣстіе отъ своего приказчика, что мой холопъ Васька Оглобля, отпросившійся у меня изъ Чернигова въ мою вотчину, привезъ туда малороссійскую дѣвку и хочетъ на ней жениться. Я написалъ, что позволяю, и спросилъ, кто такая эта дѣвка? Вчера прислали мнѣ извѣстіе, изъ него же я узналъ, что это та самая дѣвка, что здѣсь искали. Они уже повѣнчались, по ихъ обоюдному желанію и по моему дозволенію. Анна Кусовна называется эта дѣвка, не такъ ли?

— Она самая! сказалъ огорошенный полковникъ: да какъ это ихъ тамъ повѣнчали, коли она уже съ другимъ повѣнчана здѣсь, въ Черниговѣ?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ воевода. Только я такую бумагу получилъ и выпись объ ихъ вѣнчаніи отъ священника. Но и то правду надобно сказать: такой бракъ, что здѣсь былъ, не по закону совершился, въ Петровъ постъ!

— Архіепископъ разрѣшилъ, сказалъ Борковскій.

— Не смѣетъ архіепископъ того разрѣшать, сказалъ воевода. Какъ пойдетъ изъ за этого, Боже сохрани, дѣло, и дознается святѣйшій патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, не похвалятъ за то вашего архіепископа. Знаешь ли, Никонъ патріархъ не въ версту архіепископу Лазарю, а и съ того санъ сняли вселенскіе патріархи. Какъ бы съ вашимъ архіепископомъ того же не случилось!

— У насъ, говорилъ Борковскій, отъ прадѣдовъ такъ ведется, что въ посты запрещается строго вступленіе въ супружеское сожитіе, но владыка по своему усмотрѣнію можетъ въ крайнемъ случаѣ дозволить и въ постъ совершить обрядъ вѣнчанія, съ тѣмъ чтобъ не вступать въ супружеское сожитіе до конца поста.

— Много вы прожили подъ лядскимъ владычествомъ и много латинскаго пустословія къ вамъ перешло, сказалъ Чоглоковъ. Теперь

Библиотека "Руниверс"

же, какъ вы поступили подъ державу царей православныхъ, надобно такіе плевелы изъ церкви Божіей исторгать. Вашъ архіепископъ Лазарь добрѣ то знаетъ! Зачѣмъ же такъ поступаетъ?

— Это уже дѣло не наше, а духовное, возразилъ полковникъ; можетъ быть архіепископу Лазарю не годилось того теперь разрѣшать, но когда оная жена здѣсь съ однимъ уже повѣнчана, не годилось ее перевѣнчивать съ другимъ.

— Охота вашему козаку жалѣть о такой бабенкѣ! сказалъ воевода. Привязалась къ другому—туда ей дорога! Она, видно, понимаетъ, что бракъ ихъ не крѣпокъ, когда рѣшилась бѣжать съ чужимъ человѣкомъ и обвѣнчаться съ нимъ. Твоему козаку бы только еще благодарить Бога, что отвязалась отъ него сама такая жена.

— Тутъ, сказалъ Борковскій,—есть нѣчто такое, что касается твоей милости. Какъ только твоя милость пріѣхалъ къ намъ въ Черниговъ, тотчасъ посылалъ стрѣльца Якушку за бабой Бѣлобочихой, вѣдомою сводницею и просилъ, чтобъ она добыла твоей милости на ночь Ганну Кусовну, о которой твоей милости сказали, что она первѣйшая по красотѣ изъ всѣхъ дѣвъ черниговскихъ. Сама Бѣлобочиха намъ о томъ повѣдала и у насъ на то есть свидѣтели: нашего полка обозный и писарь. Скоро послѣ того Ганна Кусовна пропала. Отсюда возникаетъ не малый суспектъ на поступокъ твоей милости.

— Не говорить было тебѣ такихъ пустошныхъ затѣйныхъ рѣчей передо мною и не мнѣ ихъ слушать, сказалъ порывисто-гнѣвно воевода. Тебѣ глупая баба намолола, а ты по дурости своей хохлацкой смѣешь мнѣ то въ глаза повторять! Бѣлобочиха твоя лаяла, что собака, а ты разносишь ее лай по вѣтру, да еще мнѣ дерзаешь говорить, забывая, что я старше и честнѣе тебя въ десять расъ! Я царскій воевода, а вы всѣ козаки, что̀ какъ не мужики и не мужичьи сыны!

— Ну такъ прошу прощенія, господинъ воевода, сказалъ Борковскій. Только о томъ, что намъ повѣдала Бѣлобочиха при свидѣтеляхъ, пошлется въ приказъ; да еще прибавится можетъ быть кое что о твоей милости!

Съ этими словами, не прощаясь болѣе съ взволнованнымъ воеводою, ушелъ отъ него Борковскій. Воротившись домой, онъ сказалъ полковницѣ:

— Пропавшая Кусовна, вижу я, это воеводское дѣло; проклятое это дѣло!

Черезъ день явился къ Борковскому черниговскій войтъ съ бурмистромъ и двумя лавниками членами магистрата. Они принесли Борковскому на государево имя челобитную, въ которой излагали безобразія воеводы Чоглокова и били челомъ о его удаленіи. Въ этой челобитной обвинялся Чоглоковъ во всѣхъ тѣхъ поступкахъ, о которыхъ полковница пересказывала своему мужу послѣ его возвращенія изъ похода. Борковскій позвалъ полкового писаря, приказалъ читать подан-

Библиотека "Руниверс"

ную челобитную при себѣ и при войтѣ съ товарищами и когда въ челобитной дочитался писарь до того, что воеводскіе люди подговаривали женщинъ и дѣвокъ къ непристойному дѣлу для воеводы, Борковскій остановилъ чтеніе и сказалъ:

— Припиши вотъ здѣсь: черниговская мѣщанка Бѣлобочиха предъ полковникомъ и полковою старшиною повѣдала ижъ воевода, призвавъ ее къ себѣ, полецалъ [1]) ей подмовить на блудное съ нимъ дѣло козачку Ганну Кусовну, вступившую предъ симъ въ малженскій [2]) союзъ съ козакомъ Молявкою Многопѣняжнымъ, которая Ганна потомъ по отшествіи мужа своего въ походъ съ прочими козаками, безвѣстно пропала, по возвращеніи же изъ похода козаковъ оный воевода повѣдалъ полковнику черниговскому Дунинъ-Борковскому, якобы оная Ганна вступила въ новое малженство съ его воеводскимъ человѣкомъ и нынѣ находится съ онымъ своимъ новымъ мужемъ въ его воеводской подмосковной вотчинѣ, того ради уповательно, что вѣдомый такого беззаконнаго отнятія жены у живого мужа и отданія оной въ малженствѣ съ инымъ человѣкомъ воевода былъ самъ не безучастникомъ таковаго дѣла". Да еще припиши тутъ, что челобитная подается не только отъ мѣщанства, но и отъ черниговскаго козачества. Все какъ подобаетъ сочини и мнѣ подай для отправленія къ ясневельможному.

Молявка Многопѣняжный по окончаніи похода прибылъ въ свой Черниговъ съ тѣмъ чтобы, собравшись въ теченіи какой нибудь одной недѣли, ѣхать съ матерью и молодою женою въ Сосницу. Невозможно описать порыва довольства и радости старой Молявчихи, когда встрѣтивши прибывшаго сына и расцѣловавши его, она узнала, что онъ въ такое непродолжительное время изъ простого рядовика дослужился до хоружаго, а вслѣдъ затѣмъ до сотника и притомъ съ исключительнымъ правомъ сноситься прямо съ самымъ гетманомъ. На первый вопросъ его о женѣ, мать сообщила ему роковую вѣсть. Молявка, услыша такую вѣсть, поблѣднѣлъ какъ полотно и стоялъ нѣсколько времени какъ вкопанный въ землю. Мать, утѣшая сына, говорила:

— Не тоскуй, сыночекъ! Я тебѣ скажу: мы поступили неосмотрительно, что засватали дѣвку изъ этой семьи. Я убѣдилась, что это люди ненадежные. Конечно, сначала какъ намъ было и знать каковы они, а послѣ стало видно, что люди нехорошіе, скверная семья! И самая новобрачная, Богъ знаетъ какая! Здѣсь что-то неладное! Какъ это такъ, они говорятъ: пропала, и кто ее знаетъ куда и дѣвалась! А тутъ и Кусиха наплела на меня такое, что и выговорить неловко: и вѣдьма я, и колдунья, и лукава я, и злая... такое наврала, такъ меня осудила, что никогда не надѣялась я дожить до такого срама.

---

[1]) Поручалъ.
[2]) Брачный.

Библиотека "Руниверс"

Старуха начала рыдать. Сынъ сталъ въ свою очередь ее утѣшать, но материнскія слова глубоко врѣзались ему въ душу и сразу перевернули въ ней нѣжное чувство привязанности къ женѣ и возбудили чувство злобы къ Кусамъ, виновнымъ въ его глазахъ уже тѣмъ, что мать его на нихъ жалуется съ плачемъ. Но такая внутренняя перемѣна была еще въ зародышѣ и онъ не только стыдился бы открыть ее другимъ, но искренно хотѣлъ бы не замѣчать и самъ, что она въ немъ происходитъ. Молявчиха совѣтовала ему вовсе не ходить къ Кусамъ и изъявляла опасеніе, чтобъ его тамъ не „причаровали". Сынъ, однако, на этотъ разъ не послушалъ такого совѣта и пошелъ къ тестю и тещѣ.

Съ ужаснаго дня исчезновенія единственной дочери, Кусы находились въ постоянной тоскѣ и такъ измѣнились въ своей наружности, что Молявка чуть могъ узнать въ нихъ тѣхъ, которыхъ зналъ всего за три мѣсяца. Оба супруга встрѣтили его ласково, но съ горькими рыданіями. Заплакалъ съ ними и зять. Но Кусиха тотчасъ же, не стѣсняясь, начала упрекать Молявчиху, хотя безпрестанно при этомъ просила у зятя извиненія за то, что такъ отзывается о его матери. Впрочемъ, вспыльчивая и самолюбивая, но чрезвычайно добросердечная, Кусиха тутъ же изъявляла съ своей стороны готовность и примириться.

Кусиха говорила:

— Осрамила всю нашу семью, выдумала чортъ знаетъ что такое, лишь бы добрыхъ людей отъ насъ отворотить. И кто ее знаетъ, за что она такъ на насъ разъярилась? Ничего, ей-Богу ничего мы ей не сдѣлали: мы къ ней съ искреннимъ сердцемъ, какъ къ свойственницѣ нашей, а она на насъ, какъ лютый ворогъ! И теперь мы къ ней ничего не имѣемъ. Богъ съ ней, пускай Господь ее судитъ! А мы—какъ есть ничего!

Молявка, слушая подобное, былъ въ большомъ затрудненіи, что отвѣчать, но Кусъ вывелъ его изъ такого положенія. Онъ всталъ, пошелъ къ двери и сказалъ:

— Поди-ка сюда, зять, я тебѣ скажу кое что!

Молявка вышелъ съ нимъ вмѣстѣ въ сѣни и Кусъ ему сказалъ:

— Ты, зять, на это не смотри! Поссорились между собою бабы, а тутъ гдѣ взялись со стороны колотовки и стали ихъ поддразнивать. Подожди, милый зять, все перемелется и перемѣнится. Найти бы только намъ Ганну, то мы взялись бы за дѣло сообща и помирили бы тотчасъ старыхъ бабъ. Охъ! да гдѣ эту Ганну взять!

И Кусъ горько зарыдалъ.

Разстроенный видомъ плачущихъ родителей, Молявка обѣщалъ во что бы то ни стало, изъ всѣхъ своихъ силъ искать Ганну, увѣрялъ, что онъ готовъ идти хоть въ пекло, лишь бы ее вернуть и избавить отъ бѣды. Въ заключеніе онъ сказалъ, что пойдетъ сейчасъ къ полковнику просить совѣта, куда ему кинуться.

Библиотека "Руниверс"

Пришелъ Молявка къ своему полковнику. Борковскій, обращавшійся вообще съ подчиненными холоднымъ, сухимъ и начальническимъ тономъ и не дѣлавшій до сихъ поръ для Молявки никакого исключенія, въ этотъ разъ принялъ его съ осклабляющимся лицомъ, поздравлялъ съ сотницкимъ званіемъ, изъявлялъ надежду, что оставаясь по прежнему въ черниговскомъ полку, онъ можетъ всегда разсчитывать на своего полковника, какъ на искренняго покровителя и благодѣтеля. Потомъ Борковскій объявилъ ему о томъ, что услышалъ отъ воеводы о бракѣ жены его съ воеводскимъ человѣкомъ. Молявка поблѣднѣлъ и затрясся. Борковскій началъ его утѣшать такимъ же тономъ, въ какомъ говорила ему мать, доказывалъ, что хотя здѣсь было коварство воеводы, но дѣло не могло совершиться безъ участія и согласія самой молодой Молявчики—не возможно ей иначе очутиться гдѣ-то подъ Москвою и обвѣнчаться съ другимъ. Полковникъ совѣтовалъ Молявкѣ съ своей стороны отречься отъ такой жены и, пользуясь нарушеніемъ брачной вѣрности съ ея стороны, подумать и объ устройствѣ своей судьбы.

— Мой совѣтъ тебѣ, любезный, сказалъ полковникъ,—пойти къ воеводѣ и взять у него выписку о томъ, что какъ онъ говорилъ, прислано ему отъ того попа, который вѣнчалъ твою жену, и съ этой выпиской идти къ преосвященному Лазарю; пусть онъ, видя, что жена твоя нарушила супружескій союзъ разрѣшитъ и тебѣ какъ вольному и совершенно свободному отъ этого союза вступить въ бракъ съ другою невѣстою. Архіепископъ долженъ будетъ тебѣ это дать на письмѣ. Ты молодецъ расторопный и очень смышленый, поднимешься высоко. Это я вижу. Я вѣдь старый воробей — насквозь тебя, какъ и всякаго человѣка увижу! Кусова дочь не велика птица, а за тебя теперь хоть какая панночка пойдетъ замужъ. Да вотъ, примѣромъ сказать, у моей жены есть племянница—сестрина дочь. Дѣвица красивая, степенная и не бѣдная. Много уже молодцевъ за нею ухаживало, она всѣми ими брезговала и всѣмъ отказывала. А тобою и эта не побрезгуетъ. Это я тебѣ такъ только для примѣра говорю; такихъ дѣвицъ не мало найдется въ семействахъ нашихъ знатныхъ товарищей. А это все не ровня какимъ нибудь Кусамъ. Ты, любезный мой, теперь ужъ не рядовикъ, а сотникъ, нашъ братъ знатный товарищъ, такъ тебѣ уже слѣдуетъ родниться съ нашимъ братомъ, а не съ простыми рядовиками.

Молявка-Многопѣняжный вдругъ какъ будто освѣжился отъ такихъ словъ и благодарилъ полковника за добрый отеческій совѣтъ. Возвратившись къ матери, онъ разсказалъ ей обо всемъ, что слышалъ отъ полковника.

— Ну что! сказала Молявчиха,—говорила я тебѣ: что то не ладно, не надежны они всѣ, и неосмотрительно ты женился! Вотъ же, вышло по моему! Не безъ собственной вины ея было то, что она исчезла! Ну что? не моя ли правда? Теперь самъ видишь и разсудишь: не

Библиотека "Руниверс"

безъ согласія же ее повѣнчали съ кѣмъ то другимъ? И полковникъ, видишь ли, тоже говоритъ. Полковникъ желаетъ тебѣ добра. Упомянулъ онъ тебѣ про какую то свою племянницу нарочно для того, чтобъ ты догадался и посватался. Долой отъ себя эту Кусовну, пускай ее тѣ любятъ, что въ болотѣ трубятъ! Ступай, сыночекъ, скорѣе къ воеводѣ и проси у него той выписки, что полковникъ тебѣ говорилъ, а потомъ спѣши къ владыкѣ, чтобъ тебѣ разрѣшилъ жениться на другой. И въ самомъ дѣлѣ, сынокъ, ты уже не какой нибудь рядовикъ, а сотникъ, слава Богу, съ панствомъ въ ровнѣ, такъ теперь тебѣ уже не съ простыми чернорабочими, а съ именитыми подобаетъ вести знакомство и пріязнь. Ты-жъ и молодъ и красивъ, мой дорогой сыночекъ! Ужъ конечно, послѣ всего этого, хоть бы Кусовна къ тебѣ и воротилась, то принялъ ли бы ты ее за жену послѣ какого то, чортъ его знаетъ какого московскаго холопа? До такой срамницы скверно и палкою дотронуться!

Молявка-Многопѣняжный поддался внушенію матери. Узнавши, что его жена принадлежитъ другому, по ея ли собственной волѣ это случилось, или нѣтъ — все равно, она ему уже стала не мила, а мысль—породниться съ панами, съ самимъ даже Борковскимъ, представлявшимся до того времени ему въ неприступномъ величіи его сана, надежда получить въ приданое маетности, зажить паномъ, увидѣть къ себѣ отъ своихъ прежнихъ товарищей по званію, простыхъ рядовиковъ, то раболѣпное уваженіе, которое, какъ онъ замѣчалъ, оказывалось урядовымъ и значнымъ людямъ — перспектива черезъчуръ свѣтлая для того, который и прежде заботливо думалъ о возможности своего возвышенія. Онъ отправился къ своему зятю, сотнику Булавкѣ. Тотъ, узнавши о выходѣ замужъ Кусовны и о загадочной рѣчи полковника, пришелъ просто въ восторгъ. Булавка увидѣлъ во всемъ этомъ возможность выгодъ и для самого себя: черезъ своего шурина и онъ могъ войти въ свойство съ полковникомъ. Булавка торопилъ шурина къ воеводѣ, совѣтовалъ ему, умолялъ его не заводить съ воеводою никакихъ щекотливыхъ для послѣдняго объясненій, не раздражать его, не показывать ему никакой скорби о потерѣ жены, а почтительно выпросить отъ него выпись и поблагодарить; потомъ съ выпискою идти къ архіепископу.

Молявка отправился къ воеводѣ. Прислуга воеводская не хотѣла его пускать, но Молявка приказалъ доложить воеводѣ, что пришелъ къ нему сосницкій сотникъ и нуждается поговорить съ воеводою объ очень важномъ дѣлѣ.

Воевода вышелъ и, увидя Молявку, узналъ его и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Ты что это вздумалъ назвать себя сотникомъ? Я тебя знаю, ты простой козакъ, а не сотникъ. Чего тебѣ надобно, мужикъ ты наглый, невѣжливый?

— Извините, отвѣчалъ Молявка, за походъ подъ Чигиринъ меня

Библиотека "Руниверс"

возвысили сначала сотеннымъ хоружимъ, а потомъ сотникомъ и самъ ясневельможный назначилъ меня въ Сосницу.

— Твое сотничество при тебѣ, сказалъ воевода, поглядывая на него все еще сердито, надѣясь, что онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы по поводу жены своей входить съ нимъ въ непріятныя объясненія.—Ну, какое же дѣло тебѣ до меня, господинъ сотникъ?

— Изволь, твоя милость, сказалъ почтительно Молявка, пожаловать меня, дать мнѣ выписку о томъ, что, какъ мнѣ сказалъ панъ полковникъ, моя жена въ отсутствіи моемъ повѣнчалась съ какимъ-то человѣкомъ, чтобъ я, имѣючи такое свидѣтельство и зная, что жена моя, будучи со мной повѣнчана законнымъ бракомъ, разрушила бракъ и самъ имѣлъ бы право жениться на другой.

Видя, что Молявка, вмѣсто того, чтобъ являться съ укорами, приступаетъ къ воеводѣ очень почтительно съ челобитьемъ, Чоглоковъ перемѣнилъ тонъ, сталъ ласковъ и сказалъ добродушнымъ тономъ:

— Это можно, дружище. Можно все для пріятеля. Дамъ я тебѣ выпись за рукою священника о томъ, что жена твоя по доброй своей волѣ повѣнчана съ моимъ человѣкомъ. Только я тебѣ, дружище, скажу: неправильно говоришь ты, что она твоя законная жена вѣнчанная. Да, пріятель, это слово твое неправильное. Не жена тебѣ она была. Незаконно разрѣшилъ архіепископъ тебя съ нею повѣнчать въ Петровъ постъ. Это она сама знала и потому, какъ ты уѣхалъ, сошлась съ моимъ человѣкомъ. Я, по ихъ обоихъ челобитію, приказалъ имъ ѣхать въ мою вотчину и тамъ повѣнчать ихъ разрѣшилъ священнику. Вотъ тебѣ выпись. Читай, коли читать умѣешь.

Онъ вынесъ и подалъ ему бумагу. Молявка молча прочиталъ ее про себя.

— Ну, видишь, продолжалъ воевода, что̀ сдѣлала твоя жена? Самъ на себя пеняй, что не въ законное время затѣялъ вѣнчаться. Да, впрочемъ, нечего тебѣ о ней тужить. Коли она тотчасъ послѣ вѣнчанія, оставшись безъ тебя, не захотѣла ждать тебя, а связалась съ другимъ, туда ей и дорога! Ты сотникъ: поищи себѣ другой получше и породовитѣе и познатнѣе. Боже благослови тебя на все доброе!

Молявка ничего не сказалъ, поклонился воеводѣ низко и вышелъ съ выписью. У него блеснуло такое подозрѣніе:—вѣроятно Ганна была въ связи съ этимъ холопомъ и хотѣла только для прикрытія выйти замужъ за другого. Но когда Молявка ушелъ въ походъ, они сговорились и ушли, а потомъ въ чужой сторонѣ обвѣнчались.

Архіепископъ Лазарь Барановичъ, старикъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, страдавшій болѣзнію, называемою въ Малороссіи гостецъ, и безпрестанно жаловавшійся на свои недуги, былъ между тѣмъ необыкновенно дѣятеленъ и въ писаніяхъ и въ дѣлахъ по управленію епархіею, и всѣмъ доступенъ. Переселившись изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Черниговъ въ 1672 году, Лазарь избралъ себѣ мѣстопре-

Библиотека "Руниверс"

бываніе въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, имъ основанномъ или возобновленномъ въ самой срединѣ города, недалеко отъ древняго св. Спаса. Каждый день у него были опредѣленные часы для пріема посѣтителей по дѣламъ. Молявка-Многопѣняжный попалъ къ нему въ такое время, когда случайно у святителя не было никого; келейникъ допустилъ его. Владыка въ черной рясѣ и клобукѣ сидѣлъ за столомъ, на которомъ была навалена куча писанной бумаги. Молявка-Многопѣняжный поклонился ему до земли, а Лазарь, приподнявшись, благословилъ его и устремивши въ него свои старческіе, но еще не утратившіе огня, глаза, приготовился его слушать. Стоя передъ архіепископомъ, Молявка-Многопѣняжный разсказалъ подробно исторію изчезновенія жены своей и незаконнаго вступленія въ бракъ съ другимъ, при живомъ прежнемъ мужѣ. При этомъ онъ далъ замѣтить, что подозрѣваетъ участіе воеводы. Лазарь, выслушавши внимательно, произнесъ:

— Человѣче! Бѣгай клеветы. Ужасное то чудовище, триглавное и многоязычное и на кійждомъ языцѣ клювъ острый, пронзающій, какъ у птаха драпежнаго и тымъ клювомъ долбитъ душу, и того ради отъ клюва таковаго клеветою нарицается.

Но когда Молявка-Многопѣняжный сообщилъ, что воевода отнесся неуважительно объ архіепископѣ и твердилъ, что архіепископъ незаконно поступилъ, разрѣшивши вѣнчаніе въ Петровъ постъ, Лазарь произнесъ:

— Ему ли пристало судить о томъ? Его дѣло городъ строить, да царскихъ ратныхъ людей кормить и одѣвать. Зналъ бы онъ отъ ратныхъ людей корма карманъ себѣ набивать, какъ они, воеводы, обыкли творить, а когда можно и когда не можно вѣнчать, о томъ бы не додумывались, понеже то рѣшать належитъ намъ, а не имъ. Не властны мірскіе въ наши дѣла входить, бо якъ у насъ мовиться: коли не попъ, то и въ ризы не суйся! Архіереевe суть Божіихъ таинъ толкователи, и аще мірянинъ дерзнетъ въ духовну справу самовольно вторгаться, то не точію отъ нашего смиренія будетъ не благословенъ, но и отъ самаго Бога осужденіе пріиметъ.

Молявка-Многопѣняжный показалъ владыкѣ выпись за рукою священника о бракѣ его жены съ инымъ, и просилъ по ней выдать ему разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ. Владыка, просмотрѣвши выпись, сказалъ:

— Печать церковная есть. Такъ. Въ свѣдоцствѣ повѣнчана называется Анна Филиппова дочь Кусъ, а я знаю, что та Анна Кусовна съ тобою повѣнчана была. Ergo отъ живого мужа въ другіе замужъ пошла. Въ евангеліи Господь возбраняетъ мужу отъ жены отторгаться словесе развѣ прелюбодѣйнаго, а прелюбодѣяніе жены твоей явно и несомнѣнно есть. Имаши и ты право вступить въ иное супружество, аще пожелаеши. Лучше бо женитися неже разжизатися. Ты воинъ, а не инокъ давшій обѣтъ дѣвства, въ мірѣ живешь и трудно

Библиотека "Руниверс"

тебѣ въ чистотѣ пребыти, понеже къ тому и младъ еси. Повелимъ тебѣ дать изъ нашей консисторіи свѣдоцство на вторичный бракъ, а сію выпись намъ оставь: возбудимъ, аще потребно будетъ, церковный судъ надъ женою твоею.

Черезъ нѣсколько дней Молявка-Многопѣняжный получилъ изъ консисторіи свидѣтельство на вступленіе во вторичный бракъ и показалъ его матери и Булавкѣ. Оба пришли въ восторгъ. Булавка взялся быть сватомъ въ домѣ родителей племянницы пани Борковской.

Собрались Молявки къ переселенію и черезъ недѣлю выѣхали въ Сосницу, провожаемые Булавкою и его женою. Кусовъ не видалъ болѣе Молявка-Многопѣняжный и не счелъ нужнымъ болѣе видѣть ихъ... Собственно, онъ никогда не любилъ глубоко Ганны, а собрался жениться такъ себѣ, какъ женится большая часть людей, увлекаясь притомъ ея красотою. Теперь же онъ сотникъ; Ганна—простая козачка, да и не могла она, какъ ему казалось, быть невинною въ своемъ незаконномъ бракѣ съ воеводскимъ холопомъ...

XII.

Новый сосницкій сотникъ, пріѣхавши на новоселье, помѣстился въ домѣ, который занималъ прежній сотникъ, уѣхавшій въ пожалованное ему имѣніе. Молявка-Многопѣняжный первымъ дѣломъ почелъ съѣздить въ ранговую сотницкую мѣстность и заявить о себѣ тамошнему посольству, какъ о новомъ господинѣ сотникѣ. Вернувшись въ Сосницу, онъ занялся постройкою двора для ожидаемаго туда Дорошенка въ просторномъ, отведенномъ для того по гетманскому приказанію мѣстѣ; получилъ черезъ присланнаго отъ гетмана канцеляриста деньги, нанималъ плотниковъ, столяровъ, маляровъ, кровельщиковъ и всякихъ мастеровъ, надсматривалъ надъ ихъ работами, а для временнаго помѣщенія Дорошенку нанялъ дворъ близь самаго того двора, гдѣ жилъ самъ. Еще дворъ, который начали строить для Дорошенка, далеко не былъ оконченъ, а Дорошенко 1 ноября пріѣхалъ, на первый разъ, однако, безъ семьи.

Бывшій чигиринскій гетманъ былъ встрѣченъ сотникомъ, низкорослымъ, тонкимъ съ птичьимъ носомъ писаремъ и хоружимъ—толстолицымъ, кругловиднымъ человѣкомъ съ постоянно открытыми губами. Сотенные старшины, встрѣтивши Дорошенка за городомъ, шли съ открытыми головами обокъ его коляски. Толпы сосницкихъ жителей и козаки и постолитые бѣжали, глазѣя на павшее величіе, недавно еще наводившее своимъ именемъ страхъ на лѣвобережную Украину, такъ часто ожидавшую его вторженія съ своими союзниками бусурманами.

Привезли Дорошенка въ назначенное ему помѣщеніе. Дорошенко, узнавши въ сотникѣ Молявку, дружелюбно бралъ его за руки, радо-

Библиотека "Руниверс"

вался, что назначили къ нему сотникомъ знакомаго человѣка. Но тутъ же запала ему мысль, что этотъ предупредительный и на видъ услужливый сотникъ приставленъ чтобъ надзирать за нимъ.

Дорошенко установился въ отведенномъ ему домѣ, гдѣ было два отдѣленія: въ одномъ кухня и кладовая, въ другомъ, на противоположной сторонѣ черезъ сѣни, двѣ просторныя комнаты. На третій день послѣ того онъ поѣхалъ къ Самойловичу въ Батуринъ. Самойловичъ принялъ бывшаго своего соперника чрезвычайно радушно и гостепріимно: нѣсколько дней сряду пировали, пили, веселились, потѣшались музыкою, заведенною у себя гетманомъ и потѣшными огнями, ѣздили вмѣстѣ на охоту. Желая показать свою вѣрность къ царю, Дорошенко сообщалъ разныя предположенія и совѣты относительно обороны отъ турецкаго вторженія, которое тогда ожидалось, и гетманъ, передавая ихъ московскому правительству, увѣрялъ, что Дорошенко держитъ себя, какъ прилично вѣрному царскому подданному.

Возвратившись отъ гетмана, Дорошенко жилъ въ отведенномъ ему дворѣ и каждый день, какъ только онъ вставалъ отъ сна, предъ нимъ уже стоялъ неутомимый сотникъ, докладывалъ о ходѣ работъ въ постройкѣ двора, спрашивалъ: не нужно ли того-другого, и показывалъ особенное удовольствіе, когда могъ услужить Дорошенку. Не разъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ Дорошенко глядѣть на постройку. Осматривая обширное мѣсто, отведенное ему при дворѣ, Дорошенко изъявилъ желаніе завести тамъ когда нибудь садъ и сотникъ на другой же день принялся разсаживать плодовыя деревья. Постройка дворовыхъ строеній шла съ чрезвычайною быстротою; въ первыхъ числахъ декабря, благодаря щедрости въ издержкахъ и множеству рабочихъ рукъ, домъ, гдѣ долженъ былъ жить самъ хозяинъ, былъ уже готовъ, поставлены и первый разъ протоплены печи, а 18-го числа совершено было освященіе. Домъ состоялъ изъ четырехъ покоевъ, довольно обширныхъ и свѣтлыхъ; убраны были они просто и чисто, какъ обыкновенное жилище зажиточнаго малороссійскаго хозяина: зеленыя муравленыя печи, обмазанныя мѣломъ съ молокомъ стѣны, лавки съ полавочниками, столы застланные килимами, ряды образовъ въ переднихъ углахъ, съ торчащими въ маленькихъ подсвѣчникахъ восковыми свѣчечками, четыре кровати размѣщенныя въ заднихъ комнатахъ, висячій умывальникъ надъ мѣднымъ большимъ тазомъ въ сѣняхъ... Осматривая новоселье вмѣстѣ съ Молявкою и духовенствомъ, приглашеннымъ къ освященію, Дорошенко казался имъ очень доволенъ, говорилъ, что желаетъ окончить дни свои въ этомъ уголку, а когда остался одинъ на одинъ съ сотникомъ, спросилъ его:

— Козакъ товарищъ! Скажи мнѣ по сущей правдѣ: призывалъ тебя лично гетманъ, когда сотникомъ тебя сюда назначилъ?

— Призывалъ, отвѣчалъ сотникъ.

— А что онъ тебѣ тогда говорилъ?—спрашивалъ Дорошенко:—

Библиотека "Руниверс"

чаю, говорилъ, чтобъ ты за мной пристально смотрѣлъ и наблюдалъ и его про меня извѣщалъ. Вѣдь такъ, душа моя?

— Вотъ-же не такъ!—отвѣчалъ Молявка. Господинъ гетманъ говорилъ, чтобъ я дѣлалъ для тебя все, что тебѣ покажется нужнымъ и во всемъ бы тебѣ услуживалъ;—приказывалъ не допускать до того, чтобъ твоя милость самъ просилъ чего либо для себя, а чтобъ я предупреждалъ твоимъ желаніямъ; къ тому-жъ приказывалъ чтобъ я, храни Богъ, чѣмъ либо твою милость не оскорбилъ и не раздражилъ. Вотъ тебѣ крестъ святой, что гетманъ, призвавши меня въ обозъ подъ Вороновкою, все это мнѣ приказывалъ. А того, чтобъ я наблюдалъ за твоею милостію, не нужно было меня и научать. Не во гнѣвъ будетъ твоей милости:—увидалъ бы я отъ твоей милости что недоброе, то и безъ гетманскаго наставленія поступилъ бы сообразно съ присягою, данною мною царю.

— Ладно говоришь, козакъ! отвѣчалъ Дорошенко:—вотъ же и я хочу жить по присягѣ, что далъ я царскому величеству передъ гетманомъ и царскимъ бояриномъ и нечего мнѣ скрывать ни отъ тебя ни отъ пана гетмана. Теперь, какъ царское величество меня принялъ и я на вѣки отрекся отъ своего гетманства, то ужъ ей-Богу не хочу ничего, лишь бы только жить частнымъ человѣкомъ, безъ хлопотъ. Ей-ей, не жалѣю того несчастнаго гетманскаго сана! Нельзя добромъ его помянуть. Благодареніе Богу, что эта тягость съ моихъ плечь свалилась! Вотъ въ этомъ уголку буду вѣкъ доживать тихо и смирно, ни о чемъ не зная, ни о чемъ не заботясь, что бы тамъ ни творилось въ этомъ многомятежномъ свѣтѣ! Мои слѣпые глаза прозрѣли: насмотрѣлся я какъ мы здѣсь добиваемся величія земного—все прахъ и соръ! Панъ гетманъ подарилъ мнѣ маетность; весною туда поѣду, буду приводить въ порядокъ, хозяйничать, а здѣсь, видишь, садъ завожу; быть можетъ Богъ дозволитъ и плодовъ отвѣдать. О томъ только думаю, чтобъ оставленное въ Чигиринѣ имущество матери моей и родственникамъ не погибло, если тамъ начнется война.

— Ежели, не дай Богъ, то станется, сказалъ Молявка, панъ гетманъ вознаградитъ твою милость и всѣхъ родныхъ твоей милости щедро на этой сторонѣ.

— Такъ мнѣ и обѣщалъ панъ гетманъ! сказалъ Дорошенко: я ему вѣрю; у него доброе сердце, дай Богъ ему здоровья!

На праздникахъ Рождества Христова пріѣхала семья Дорошенка. За ними пріѣхала прислуга, привезли подводахъ на двадцати разные припасы и домашнюю рухлядь Дорошенка. Тогда одинъ изъ покоевъ въ новопостроенномъ домѣ оставленъ былъ для пріема посѣтителей, а въ остальныхъ размѣстился онъ съ своею семьею, состоявшею тогда изъ жены, малолѣтней дочери, матери и брата Андрея. У Петра Дорошенка съ женою тотчасъ же начались обычныя несогласія. Молявка постоянно, какъ и прежде, посѣщавшій Дорошенка и всѣми мѣрами

Библиотека "Руниверс"

услуживавшій ему и угождавшій, былъ свидѣтелемъ бурныхъ семейныхъ сценъ между несогласными супругами, и Дорошенко, зная отъ самого Молявки о его семейномъ несчастномъ приключеніи, говорилъ ему:

— Не тужи, панъ сотникъ, что у тебя жену отняли. Бываетъ съ женою настоящій адъ, вотъ какъ и мнѣ. Жениться — хорошее дѣло, только рѣдко удачное. Съ тобою случилось бы можетъ быть такъ, какъ и со мною. Коли тебя жонка покинула, то и благодари Бога за это!

Молявка сказалъ Дорошенку, что одинокому жить скучно и онъ можетъ быть женится снова. Дорошенко воскликнулъ:

— Не дай тебѣ Господи! Для чего тебѣ эта жена,—камень на шею!

На праздникъ Богоявленія въ 1677 года пріѣхалъ къ Дорошенку тесть его Яненко, проѣзжавшій изъ Чигирина въ Новые Млинвы, гдѣ гетманъ указалъ ему жительство и въ окрестности этого мѣстечка подарилъ ему маетность. По этому поводу былъ у Дорошенка роскошный обѣдъ. Сотникъ, разумѣется, былъ приглашенъ туда. Яненко, видя, что зять его относится къ сосницкому сотнику по-дружески и самъ такъ же сталъ относиться къ нему. У Молявки между тѣмъ назрѣвала лукавая мысль: соблазняла его возможность отличиться передъ гетманомъ своею умѣлостію надзирать за Дорошенкомъ; очень хотѣлось ему чтобъ кто нибудь, либо самъ онъ, либо иной изъ его родни, переведенной на жительство на лѣвую сторону Днѣпра, проговорился, а онъ бы донесъ о томъ гетману. Его намѣренію помогъ неосторожно братъ Петра Дорошенка, Андрей.

Завелся за обѣдомъ разговоръ о Юраскѣ Хмельницкомъ, бывшемъ тогда въ Украинѣ героемъ дня. Петръ Дорошенко сказалъ:

— Я его знаю давно, когда ему пошелъ только семнадцатый годъ и учинили его гетманомъ. О, не мало было смѣха надъ тѣмъ гетманствомъ! Я былъ тогда прилуцкимъ полковникомъ. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметьевъ, бывшій тогда въ Кіевѣ, сказалъ во всеуслышаніе: „Этому гетманишкѣ только бы гусей пасти, а не гетманствовать“. Мы всѣ, сколько насъ тамъ было, чуть не лопнули отъ смѣха.

— За такую оскорбительную издѣвку надъ нашимъ гетманомъ, бояринъ Василій Борисовичъ достойно сидитъ уже двадцатый годъ въ тяжкой неволѣ, сказалъ Андрей Дорошенко.—Это ему Богъ воздалъ! Смотрите, чтобъ Юраска теперь не показалъ, что пришло ему время не гусей пасти, а москалей бить! Какъ бы онъ москалямъ и козакамъ лѣвобережнымъ не задалъ трепки! Вотъ увидите! Турецкая сила велика; москалю съ ней не справиться! Не только съ того берега, но и съ этого весь народъ повалитъ къ Юраскѣ, какъ только прослышитъ, что онъ съ турецкою помощью идетъ отнимать свое отцовское достояніе!

Со злобною радостію слушалъ эту рѣчь Молявка-Многопѣняжный и только хотѣлъ, чтобъ отъ Петра Дорошенка послѣдовалъ отвѣтъ въ такомъ же духѣ; но Петро Дорошенко, строго взглянувши на брата, расходившагося отъ немалаго употребленія вина, сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Андрей! Не годится такое молоть! Мы уже свою задачу порѣшили, все потеряли. Просили мы у царя милости и пристанища — и получили. Намъ слѣдуетъ до конца нашей жизни сердечно благодарить великаго государя за милость, а не хвалить царскихъ враговъ.

— Я и не хвалю ихъ, братъ Петро, отвѣчалъ спохватившійся Андрей Дорошенко! Я только говорю, какое несчастье можетъ намъ приключиться, а я не желаю, чтобъ оно случилось, не дай Богъ!

Послѣ этой бесѣды, Молявка-Многопѣняжный, воротившись домой, настрочилъ донесеніе къ гетману, гдѣ изложилъ слышанныя имъ на обѣдѣ у павшаго гетмана рѣчи Андрея Дорошенка, произнесенныя въ нетрезвомъ видѣ; но въ своемъ доносѣ не солгалъ и написалъ, что Петръ Дорошенко остановилъ своего брата и пожурилъ его за непристойныя слова.

Доносъ этотъ пришелъ не совсѣмъ кстати для Молявки-Многопѣняжнаго, хотя не остался безъ вреда для Петра Дорошенка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, поѣхалъ Андрей Дорошенко въ Батуринъ къ гетману по очень важному дѣлу, въ которомъ могъ угодить Самойловичу. Производился судъ надъ стародубскимъ полковникомъ Рославцемъ и нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ. Эти господа подавали доносъ на гетмана въ Москву, но были отосланы къ гетману для преданія ихъ войсковому суду. Низложенный чигиринскій гетманъ посылалъ своего брата Андрея съ уликами важными и полезными для Самойловича. Андрей прибылъ въ Батуринъ тотчасъ послѣ того, какъ гетманъ получилъ доносъ отъ Молявки-Многопѣняжнаго. Видѣлъ Самойловичъ на дѣлѣ расположеніе къ себѣ Дорошенковъ, принялъ Андрея очень радушно и прямо спросилъ его: зачѣмъ онъ произносилъ непристойныя рѣчи на обѣдѣ у своего брата Петра о силахъ Юраски Хмельницкаго, которыхъ будто бы Москва не одолѣетъ? Хотя Самойловичъ не сказалъ откуда онъ узналъ объ этомъ, но Андрею не трудно было догадаться, что доносъ на него посланъ сосницкимъ сотникомъ. Андрей Дорошенко сразу сознался во всемъ, извинялся тѣмъ, что былъ тогда въ подпитіи и клялся быть впередъ осторожнѣе. Самойловичъ повѣрилъ его искренности, притомъ сознаніе Андрея ни въ чемъ не противорѣчило доносу Молявки. Самойловичъ ограничился легкимъ внушеніемъ Андрею, но изъ осторожности написалъ объ этомъ въ Москву. Въ Москвѣ же въ Малороссійскомъ Приказѣ разсудили такъ: за Петромъ Дорошенкомъ ничего предосудительнаго не замѣчено, но у него въ домѣ произносятся непристойныя рѣчи и чаять, коли Петра Дорошенка изъ Украины вывести прочь, то будетъ спокойнѣе. На Андрея Дорошенка не обратили большого вниманія тѣмъ болѣе, что, по донесенію Самойловича, слова произносимы были въ „подпитіи“. Все наваливались на Петра, даромъ что Петръ никакъ не одобрялъ выходокъ своего брата. Вышло по пословицѣ: съ больной головы на здоровую! Изъ Москвы послали къ Самойловичу указъ прислать Петра Дорошенка въ Москву „для

Библиотека "Руниверс"

совѣта о воинскихъ дѣлахъ". Самойловичъ въ отвѣтъ на требованіе о присылкѣ Петра, представилъ въ Приказъ, что Петру Дорошенку обѣщано было царскимъ именемъ жить въ Малороссіи, и онъ ведетъ себя смирно: не слѣдуетъ его такъ скоро трогать съ мѣста жительства во избѣжаніе волненій въ народѣ. Пославши такой отвѣтъ, Самойловичъ думалъ, что теперь уже не станутъ болѣе требовать присылки въ столицу Дорошенка.

Андрей Дорошенко, воротившись изъ Батурина въ Сосницу, разсказалъ брату Петру, что гетману уже извѣстно про то, что говорилось у нихъ за обѣдомъ насчетъ вступленія Хмельниченка съ турецкими силами. Для обоихъ братьевъ стало тогда ясно, что доносъ сдѣланъ былъ сотникомъ сосницкимъ: оба брата положили между собою не допускать этого человѣка до близости къ себѣ.

Но ни объясниться съ Молявкою, ни даже дать ему почувствовать, что Дорошенкамъ извѣстна его продѣлка—Петру не удалось. Молявка, испросивши письменно отъ гетмана разрѣшенія, уѣхалъ къ Бутримамъ, у которыхъ Булавка успѣлъ высватать ему невѣсту. Вмѣсто себя онъ поручилъ управленіе сотнею хоружему.

Прошелъ генварь. Во второй половинѣ февраля настала масляница. Гетманъ Самойловичъ просилъ прибыть къ нему Петра Дорошенка. Поѣхалъ къ нему Петръ, пробылъ у него всю масляницу; вмѣстѣ пировали, веселились, ѣздили съ собаками на охоту. Гетманъ не сказалъ Дорошенку ни слова о томъ, что уже пріѣзжалъ царскій посланецъ требовать его высылки въ Москву: гетманъ думалъ, что московское правительство уже успокоилось его представленіями и что уже все кончено, а потому не хотѣлъ безпокоить своего гостя.

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста Петръ Дорошенко выѣхалъ изъ Батурина въ свою Сосницу безъ всякаго дурного для себя предчувствія. Но на слѣдующій за тѣмъ день пріѣхалъ въ Батуринъ новый царскій посланецъ съ требованіемъ выслать Петра Дорошенка въ Москву. Нечего было дѣлать Самойловичу. Онъ принужденъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что ему обѣщали со временемъ отпустить Дорошенка по желанію гетмана.

Послалъ Самойловичъ къ Дорошенку генеральнаго судью Домонтовича съ письмомъ такого содержанія:

„Пане Петро! Поѣзжай безъ всякаго сумнительства въ Москву. Тебя зовутъ только за тѣмъ, чтобъ видѣть царскія очи и хотятъ распросить тебя про турецкія и татарскія дѣла".

Словно громомъ поражонъ былъ Дорошенко, когда такая неожиданность стряслась надъ его головою. Для малороссіянъ въ тотъ вѣкъ ѣхать по зову въ Москву представлялось чѣмъ-то зловѣщимъ, для Дорошенка тѣмъ болѣе, когда онъ, сдаваясь царю, такъ настойчиво домогался, чтобъ ему дали обѣщаніе оставить его на родинѣ. Съ горечью произнесъ онъ:

— Хоть бы на казнь кому велѣли идти, то и тому дали бы прежде

Библиотека "Руниверс"

знать! Суди, Господи, пана гетмана, что не извѣстилъ меня заранѣе!

Недолго онъ собирался, хотя Самойловичъ, посылая за нимъ Домонтовича, не приказалъ торопить его. 8 марта 1677 года уѣхалъ онъ на вѣкъ изъ милой Украины. Горькими слезами разливалась его старая мать и малолѣтняя дочь, плакалъ и братъ Андрей; но жена Петрова осталась безчувственною и проводивши мужа, не стѣснилась произнести:—„Слава Тебѣ, Господи! Увезли отъ меня моего нелюба".

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Дорошенка, воротился въ Сосницу Молявка съ молодою женою.

Н. Костомаровъ.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ СОРОКОВЫХЪ И ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Появленіе въ печати сочиненій Гоголя).

ВОПРОСЪ объ отношеніи литературы къ обществу рѣшаемъ былъ различно и въ литературномъ мірѣ и въ обществѣ— и писателями, и представителями общественной жизни. Одни изъ писателей видѣли въ печатномъ словѣ руководящую силу, которой, волею или неволею, подчиняются читающія массы. Другіе относились къ этой силѣ скептически, сводили ея вліяніе къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, и даже вовсе отрицали его, укоряя литературу въ томъ, что она не только не идетъ во главѣ общественнаго движенія, но едва успѣваетъ тащиться по его слѣдамъ. Въ до время, когда другіе дѣло дѣлаютъ, литераторы стоятъ сложа руки, а если и берутся за перо, то владѣютъ имъ безъ пользы и безъ цѣли. Именно въ такомъ духѣ выражается одинъ изъ героевъ повѣсти, принадлежащей къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Онъ говоритъ: „У барина была коляска претяжелая. Пока перевозчики надсаживались, встаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось. Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ“.

Какъ ни печально подобное положеніе литературы, какъ ни жалка ея роль, но если бы такой взглядъ былъ общепринятымъ, если бы всѣ, власть имѣющіе, убѣждены были въ безсиліи печатнаго слова, то и литераторамъ жилось бы спокойнѣе, и литература освободилась бы отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, отъ всякаго надзора и опеки. Но на дѣлѣ видимъ иное. Въ „кряхтѣньи“ литературы иные находили весьма разумную цѣль; другимъ же слышалось въ немъ что-то зловѣщее, требующее самаго рѣшительнаго противодѣйствія. И такъ было не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже, и несравненно раньше, втеченіе долгаго, почти двухъ-вѣковаго пері-

Библиотека "Руниверс"

ода, представляющаго не мало варіацій на одну и туже тему. Представители общественной и государственной жизни обнаруживали тотъ взглядъ, что литература есть сила, которую нельзя оставлять безъ вниманія и съ которою надо считаться. Начало и конецъ восемнадцатаго столѣтія даютъ намъ чрезвычайно яркія, хотя и совершенно противоположныя доказательства этого взгляда.

Въ началѣ прошлаго столѣтія геніальный представитель государственной и умственной жизни русскаго народа, Петръ Великій, сознавая силу печатнаго слова, обращался къ писателямъ для поддержки задуманныхъ имъ преобразованій, для разъясненія обществу и народу правительственныхъ цѣлей и стремленій. Петръ Великій до того цѣнилъ и уважалъ правдивый голосъ зараждавшейся у насъ литературы, что прощалъ писателямъ смѣлость ихъ обличительной рѣчи, направленной порою противъ той или другой стороны въ дѣйствіяхъ и свойствахъ самаго государя. Рѣзкую противоположность составляютъ мѣры, принятыя въ отношеніи печатнаго слова въ концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Павла I. Но самое то обстоятельство, что мѣрамъ этимъ придавали особенное значеніе, что разсмотрѣніемъ книгъ, журнальныхъ статей и брошюръ, занимались, по приказанію Павла I, высшіе сановники государства, показываетъ, какую важность имѣли тогда литературныя произведенія по понятіямъ, господствовавшимъ въ правительственныхъ сферахъ. Однимъ изъ главныхъ занятій учрежденія равносильнаго государственному совѣту или комитету министровъ было, во времена Павла I, разсматриваніе книгъ, доставляемыхъ изъ цензурныхъ комитетовъ съ болѣе или менѣе подробными донесеніями.

Въ первые годы девятнадцатаго столѣтія повѣяло свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ и въ литературѣ и въ жизни. Литературѣ возвращены отнятыя у нея права; выражено полное сочувствіе ея благородному призванію—просвѣщать общество, возвышая его умственный и нравственный уровень. По понятіямъ лучшихъ людей того времени, литература должна идти рука объ руку съ закономъ, и области ихъ должны быть размежеваны такимъ образомъ, чтобы на долю закона осталась борьба съ преступленіями, а на долю литературы—борьба съ невѣжествомъ и предразсудками.

Иныя времена настали впослѣдствіи. Они принесли съ собою и другіе взгляды и другой образъ дѣйствій. Литературная дѣятельность подпала усиленному надзору, и какъ въ старые годы каждый печатный стихъ казался святымъ, такъ теперь стали смотрѣть на печатное слово какъ на что-то грѣшное, заключающее въ себѣ потаенный ядъ, особенно вредный для низшихъ слоевъ общества. Единственное спасеніе видѣли въ цензурѣ, вооружая ее всѣми средствами для противодѣйствія печатному злу.

Вслѣдствіе такой постановки вопроса, исторія цензуры является весьма существеннымъ и необходимымъ подспорьемъ для исторіи ли-

Библиотека "Руниверс"

тературы. Значеніе цензурной дѣятельности слишкомъ мало оцѣнено въ этомъ отношеніи. Обыкновенно ограничиваются отрывочными извѣстіями о вещахъ курьезныхъ и забавныхъ, о подвигахъ корифеевъ цензурнаго хора, доказывающихъ, говоря словами поэта, что „геніи и въ тупоумьи есть". Но не въ этой исключительности и эксцентричности заключается историческій интересъ цензурныхъ мѣропріятій и приговоровъ. Стяжавшіе печальную извѣстность „геніи тупоумія" выражали болѣе ярко и наивно то, что ихъ сподвижники и вдохновители, болѣе смѣтливые и ловкіе, запутывали до такой степени, что трудно добраться до настоящаго смысла различныхъ хитросплетеній и фразъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что благодаря придирчивости цензуры уцѣлѣло много чертъ, которыя исчезли бы безслѣдно, и которыми дорожитъ исторія литературы потому, что въ нихъ отражается впечатлѣніе, производимое литературными трудами на читающее общество.

И въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ источниковъ, по которымъ можно было бы прослѣдить подобныя впечатлѣнія? Статьи критическія? Но велико ли ихъ число, и всѣ ли они равнаго достоинства? Многія ли изъ нихъ служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не взглядовъ кружка, болѣе или менѣе замкнутаго? По вопросамъ литературнымъ изрѣдка слышались и голоса людей, вовсе непричастныхъ литературѣ, и смотрѣвшихъ на нее съ точки зрѣнія общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Какимъ бы диссонансомъ ни казался въ литературномъ кругу голосъ этихъ непризванныхъ цѣнителей и судей, во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ своего рода значеніе для характеристики тѣхъ понятій, изображенія которыхъ критика съ такою зоркостію ищетъ въ литературныхъ произведеніяхъ.

Въ цензурныхъ приговорахъ и соображеніяхъ, на которыхъ они основаны, отражаются болѣе или менѣе ярко понятія и взгляды, господствовавшіе въ ту или другую пору въ различныхъ слояхъ нашего общества. Многіе изъ этихъ приговоровъ построены на началахъ, имѣвшихъ большой вѣсъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ кругу тѣхъ маленькихъ великихъ людей, на долю которыхъ выпадаютъ иногда довольно видныя роли въ общественной жизни. Люди эти считаютъ себя посвященными въ самую суть внутренней и внѣшней потитики, и подъ ихъ подавляющимъ вліяніемъ складывается то, что служитъ рутинною мѣркою служебныхъ способностей и благонамѣренности. Но среди писаній, заплатившихъ обильную дань рутинѣ и страху передъ живою мыслью и независимымъ словомъ, встрѣчаются отрадныя и знаменательныя исключенія. Съ одной стороны, люди науки и писатели, призываемые отъ времени до времени къ участію въ цензурной дѣятельности, рѣшались, съ большею или меньшею смѣлостью, отстаивать право и свободу научнаго изслѣдованія и художественнаго творчества. Съ другой стороны, и въ обществѣ, даже въ тѣхъ его

Библиотека "Руниверс"

кругахъ, откуда выбирались не только участники, но и руководители цензурнаго дѣла, выражаемо было сочувствіе къ умственному движенію, и слышался ропотъ на стѣснительныя мѣры противъ печатнаго слова. Отголосокъ этого сочувствія и оправданія этого ропота можно встрѣтить въ заявленіяхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на общественномъ поприщѣ, и считавшихъ своимъ нравственнымъ долгомъ не скрывать истины и высказывать ее съ большею или меньшею прямотою и настойчивостью.

Существеннымъ и въ высшей степени важнымъ источникомъ для изученія умственной и общественной жизни той или другой эпохи служатъ художественныя произведенія писателей. Не одно только содержаніе этихъ произведеній, но и самая судьба ихъ знакомитъ, въ большей или меньшей степени, съ состояніемъ и движеніемъ умственной и общественной жизни. Если бы подробно и критически разсмотрѣть всѣ обстоятельства и условія, при которыхъ замѣчательнѣйшія произведенія нашихъ писателей превращались изъ рукописныхъ въ печатныя, то навѣрно прибавилось бы не мало любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ для исторіи нашей литературы и образованности.

Особенно сильное впечатлѣніе на читающее общество производили сочиненія Гоголя. Ихъ живая связь съ дѣйствительностью бросалась въ глаза и давала поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и сужденіямъ, къ самымъ восторженнымъ похваламъ и до крайности рѣзкимъ порицаніямъ.

1842 годъ ознаменованъ въ нашей литературѣ появленіемъ сочиненій Гоголя. Въ началѣ этого года изданы Мертвыя души; въ концѣ—полное собраніе сочиненій.

Когда Мертвыя души представлены были въ цензуру, цензурный комитетъ призналъ „содержаніе романа позволительнымъ“; разрѣшилъ напечатать даже „сомнительныя“ мѣста; но потребовалъ, чтобы заглавіе было измѣнено такимъ образомъ: Похожденія Чичикова или мертвыя души, и чтобы разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ былъ вовсе выпущенъ изъ романа.

Къ числу мѣстъ „сомнительныхъ“ отнесены слѣдующія:

1) Впрочемъ хотя эти деревца (въ саду губернскаго города) были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи илюминаціи, что городъ нашъ украсился благодаря попеченію гражданскаго правителя садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ и широколиственныхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день и что при этомъ было очень умилительно глядѣть, какъ сердце гражданъ трепетало въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ г. градоначальнику.

2) Чичиковъ былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю.

Библиотека "Руниверс"

3) Чичиковъ намекнулъ губернатору какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы.

4) Какъ хорошо, говорилъ Чичиковъ, губернаторъ вышиваетъ разные домашніе узоры. Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

5) „Въ нашемъ полку былъ поручикъ, который не выпускалъ изъ рта трубки, не только за столомъ, но даже съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ",—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

6) „Они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія и что будто бы Государь, узнавши о таковой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами",—слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

7) „По существующимъ положеніямъ этого государства (Россіи), въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончившіи жизненное поприще, числятся однако же до подачи новой ревизской сказки на равнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и неувеличить сложность и безъ того уже сложнаго государственнаго механизма",—слова Чичикова. Комитетъ дозволилъ это мѣсто къ напечатанію не иначе однакожъ какъ съ прибавленіемъ къ словамъ: на равнѣ съ живыми—фразы: хотя въ замѣнъ того и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки.

8) Чичиковъ говоритъ объ одномъ необразованномъ помѣщикѣ: да вѣдь теперь у тебя подъ властію мужики; ты съ ними въ ладу и конечно ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже, а тогда бы были у тебя чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои, крѣпостные, или грабилъ бы ты казну.

9) Идите въ комнаты, сказала ключница отворотившись и показавъ ему спину запачканую мукой съ большой прорѣхой пониже.

10) Отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотышки.

11) Услышавъ, что онъ (Чичиковъ) даже издержки по купчей принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками.

12) „Мужикъ зашивалъ государственную въ холстинные штаны". Комитетъ опредѣлилъ замѣнить слово государственную, словомъ ассигнацію.

13) Многіе (чиновники губернскаго города) сильно входили въ положеніе Чичикова и трудность переселѣнія такого огромнаго количества крестьянъ (умершихъ) ихъ чрезвычайно устрашала; стали опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ хоть самъ не ѣзди, а пошли на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до мѣста ихъ жительства.

14) Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подальше, т. е. поближе къ паперти.

Библиотека "Руниверс"

15) Ноздревъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) былъ такъ отдѣланъ, какъ развѣ только плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ нибудь ѣзжалымъ опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно.

16) Одинъ полковникъ (за ужиномъ) подалъ дамѣ даже тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги.

17) Будочникъ, поймавъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

18) Сперва ученый подъѣзжаетъ столь (въ ученыхъ разсужденіяхъ) необыкновеннымъ подлецомъ? и проч...

19) Разсказъ объ устсысольскихъ купцахъ, убитыхъ въ дракѣ, и объ оправданіи судьями виновныхъ за взятку, также о томъ, что крестьяне—вшивая спесь — убили засѣдателя земскаго суда, въ чемъ однакожъ были оправданы палатою.

20) Почтмейстеръ губернскій имѣлъ обыкновеніе говорить: знаемъ мы васъ генералъ-губернаторовъ! васъ можетъ быть три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ сижу на одномъ мѣстѣ.

21) Вообще, мы какъ-то не созданы для представительныхъ засѣданій-трудно даже сказать почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобъ покутить, или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе воксалы.

22) Знаемъ батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, невѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ вещь требующая чистоты.

23) Англичанинъ стоитъ (на картинкѣ) и сзади держитъ на веревкѣ собаку и подъ собакой разумѣется Наполеонъ.

24) Поди ты съ человѣкомъ, не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умрешь.

25) Порфирій (лакей) долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ.

26) Обѣщался (одно изъ дѣйствующихъ лицъ) донести на священника, что перевѣнчалъ лабазника Михаила на кумѣ.

27) Чичиковъ показалъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, остающуюся только во время прижимокъ.

28) Скоро представилось Чичикову поле для взятокъ гораздо пространнѣе, образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія и пр.

29) На мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. Но такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ предѣловъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники и новый правдивый начальникъ скоро очутился еще въ рукахъ большихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими? Чичиковъ ужъ никоимъ образомъ не могъ втереться, какъ ни старался и не стоялъ за него подстрекнутый письмами князя Хаванскаго первый секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскилъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать.

30) Надобно сказать, что эта служба (таможенная) давно составляла тайный предметъ его (Чичикова) помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими

Библиотека "Руниверс"

заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ.

31) Онъ (Чичиковъ) получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему даны средства; онъ открываетъ цѣлое общество контрабандистовъ, сближается съ ними и вмѣсто преслѣдованія беретъ съ нихъ огромную взятку.

32) Онъ (Чичиковъ) отыскивалъ—въ колесахъ и дышлахъ, и не вѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда позволяется забираться однимъ таможеннымъ чиновникамъ.

33) Читатель безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые. совершивъ переходъ чрезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліоны брабанскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ.

34) „Я статскій совѣтникъ, а не поповичъ“? слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ.

35) Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталицъ, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ и пр.

36) Какъ губернаторъ разбойникъ? сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники.—И лице разбойничье, сказалъ Собаковичъ, дайте только ему ножъ, да выпустите на большую дорогу—зарѣжетъ за копѣйку. Онъ, да еще вице-губернаторъ—это гогъ и магогъ.—Полиціймейстеръ мошенникъ, сказалъ Сабаковичъ. Я ихъ знаю всѣхъ (чиновниковъ губернскаго города) это все мошенники—весь городъ тамъ такой мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы, прокуроръ свинья.

Чтобы удержать разсказъ о капитанѣ Копейкинѣ, Гоголь долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Они напоминаютъ отчасти то уклоненіе отъ первоначальнаго сюжета, которое допустилъ Гоголь въ повѣсти Шинель, на основаніи чисто-художественныхъ соображеній. Извѣстно, что сюжетъ Шинели заимствованъ изъ дѣйствительнаго случая, изъ разсказа о чиновникѣ, мечтою котораго было пріобрѣсти ружье. Гоголь, какъ писатель-художникъ, замѣнилъ ружье шинелью—вещью необходимою для бѣдняка, потеря которой была для него истиннымъ, дѣйствительнымъ несчастіемъ. Въ повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ измѣненъ характеръ дѣйствующаго лица. Изувѣченному горемыкѣ приданы черты, разсчитанныя на умаленіе его нравственнаго достоинства сравнительно съ лицомъ начальствующимъ, къ которому онъ обращается.

Въ первоначальной редакціи:

„Копейкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую нибудь Америку или Индію раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдо-

Библиотека "Руниверс"

воль, потому что пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели и камердинеръ поднесъ ему какую нибудь серебряную лоханку для разныхъ понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. „Министръ, говоритъ, сейчасъ выйдетъ въ пріемную". А въ пріемной понимаете, народу—какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ, холопъ: четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и золотые макароны блестятъ на эполетахъ; генералитетъ, словомъ, такой... Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатѣ шу-шу, шу-шу, и наконецъ тишина настала страшная. Входитъ министръ... ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ. Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ высокимъ постомъ... Все тутъ, разумѣется, что ни было, въ струнку. Разумѣется, все ждетъ рѣшенія, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Подходитъ къ одному къ другому. „Зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло"? Наконецъ, сударь мой къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: „Такъ и такъ", говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу—осмѣливаюсь просить Монаршей милости". Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо" говоритъ „понавѣдайтесь на дняхъ". Дня черезъ три, черезъ четыре является онъ, судырь ты мой, къ министру. „Пришелъ", говоритъ „узнать, такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь"... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Министръ тотчасъ узналъ его. „А" говоритъ. „На этотъ разъ ничего не могу сказать болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда Государя. Тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія на счетъ раненыхъ; а безъ Монаршей, такъ сказать, воли я ничего немогу сказать". Поклонъ, понимаете, и—прощайте! Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „Пойду опять къ министру! Какъ, рѣшите, ваше превосходительство? Послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода". Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять. Говорятъ: „Нельзя! министръ не принимаетъ. Приходите завтра". На другой день то же. Швейцаръ на него, просто, смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синихъ то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То бывало ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую нибудь селедку, или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша. Словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ просто волчій. Проходитъ мимо эдакаго, какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ французъ эдакой, съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голанское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой нибудь эдакой, котлетки съ трюфелями, словомъ, разсупе—деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдемъ ли мимо милютинскихъ лавокъ,—тамъ изъ окна выглядываютъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ—громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ; а онъ жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать,

Библиотека "Руниверс"

семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо, подъ названіемъ завтра. Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпежъ; рѣшается, во что бы то ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ. „Зачѣмъ вы?... Зачѣмъ вы?... А! говоритъ, увидѣвши Копейкина, вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“.—„Помилуйте, ваше высопревосходительство! не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба“.—„Что же дѣлать! Я для васъ ничего не могу сдѣлать. Старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“.—„Но ваше высопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу отыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“? Онъ-то хотѣлъ прибавить: „А носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь: только развѣ высморкаться, да и для того нужно купить платокъ“! Только министръ, сударь мой, или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными,—началъ, можете себѣ представить сердиться. „Ступайте же! говоритъ. У меня много такихъ, какъ вы! Ожидайте покойно“! А мой Копейкинъ (голодъ, знаете пришпорилъ его); „Какъ хотите, говоритъ, ваше высокопревосходительство“! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя? Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ? „Грубіянъ“! закричалъ онъ. Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства“!

Въ измѣненной редакціи:

„Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ: подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, что вамъ угодно, какое ваше дѣло“? наконецъ сударь мой къ Копейкину. Копейкинъ: „Такъ и такъ“ говоритъ, „проливалъ кровь, лишился въ нѣкоторомъ родѣ руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ нибудь эдакихъ распоряженій, на счетъ относительно, такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли“, понимаете? Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой, пристегнутъ къ мундиру. „Хорошо“ говоритъ, понавѣдайтесь на дняхъ! „Копейкинъ мой въ восторгѣ: ну, думаетъ, „дѣло сдѣлано“. Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ палкинскій трактиръ, выпилъ рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ—кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ идетъ какая-то стройная Англичанка какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копейкинъ—кровь-то, знаете разъигралась — побѣжалъ было за ней на своей деревя-

Библиотека "Руниверс"

шкѣ, трихъ-трахъ слѣдомъ, да нѣтъ, подумалъ: на время къ черту волокитство? пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь уже я что-то слишкомъ расходился". А промоталъ онъ, между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дни черезъ три-четыре, является онъ, сударь ты мой, въ коммисію, къ начальнику. „Пришелъ говоритъ, узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь"... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что? говоритъ начальникъ, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А, если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу"... Ну, и понимаете, далъ ему конечно не много, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній. Но Копейкину моему не того хотѣлось. Онъ-то уже думаетъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой нибудь эдакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись"; а вмѣсто того—жди. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и Англичанка и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь то петербургская его уже поразобрала, кое-что онъ и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ, сластей, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіономіей, бѣлье на немъ голланское, фартукъ бѣлизной равный въ нѣкоторомъ родѣ снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь эдакой, котлетки съ труфелями, словомъ—разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой высунулся изъ окна, и такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей; словомъ—на всякомъ шагу соблазнъ, относительно, такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе, тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ завтра. „Ну ужъ, думаетъ, какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду, говоритъ, подыму всю коммисію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите"! И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ коммисію: „Ну что, говорятъ, зачѣмъ еще? вѣдь вамъ уже сказано?"—„Да что? говоритъ, я не могу, говоритъ, перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно, говоритъ съѣсть котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ, понимаете". — „Ну, ужъ, говоритъ начальникъ, извините. На счетъ этаго есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выдетъ резолюція и безъ сомнѣнія вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ; ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ приносившій, относительно, такъ сказать, услугу отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и въ театръ, понимаете, такъ уже тутъ, извините. Въ такомъ случаѣ, ищите сами себѣ средствъ, ста-

Библиотека "Руниверс"

райтесь сами себѣ помочь". Но Копейкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ: шумъ поднялся такой, всѣхъ распушилъ; всѣхъ тамъ этихъ секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить: „Да вы, говоритъ то, говоритъ, да вы говоритъ, это! говоритъ, да вы говоритъ, обязанностей своихъ не знаете! да вы говоритъ, законопродавцы! говоритъ"! Всѣхъ отшлепалъ. Тамъ какой-то чиновникъ понимаете, подвернулся изъ какого-то, даже вовсе посторонняго вѣдомства — онъ сударь мой, и его. Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чертомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо говоритъ, если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что даютъ вамъ и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ, рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства"!

Такое измѣненіе удовлетворило цензурнымъ требованіямъ и повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ въ новомъ ея видѣ разрѣшено было печатать. Запрещеніе и снятіе его мотивировано такимъ образомъ: „Въ первой, запрещенной, редакціи „представлѣнъ былъ раненый офицеръ, сражавшійся съ честью за отечество, человѣкъ простой, но благородный, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о пенсіи. Здѣсь сначала какой-то изъ важныхъ государственныхъ людей принимаетъ его довольно ласково, обѣщаетъ ему пенсію, и т. д. Наконецъ, на жалобы офицера, что ему нечего ѣсть, отвѣчаетъ: „такъ промышляйте сами себѣ какъ знаете". Вслѣдствіе этого Копейкинъ дѣлается атаманомъ разбойничьей шайки. Нынѣ авторъ, оставивъ главное событіе въ такомъ самомъ видѣ, какъ оно было, измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ: онъ представляетъ его человѣкомъ безпокойнымъ, буйнымъ, жаднымъ къ удовольствіямъ, который заботится не столько о средствахъ прилично существовать, сколько о средствахъ удовлетворять своимъ страстямъ, тамъ что начальство находится наконецъ въ необходимости выслать его изъ Петербурга. Комитетъ опредѣлилъ: эпизодъ сей дозволить къ напечатанію въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ авторомъ".

Появленіе Мертвыхъ душъ было неожиданною новостью для высшихъ слоевъ нашего общества. Не хотѣли вѣрить, что книга Гоголя появилась въ печати подобно всякой другой книгѣ, безъ какихъ либо затаенныхъ цѣлей не только со стороны автора, но даже со стороны властей. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ обратилось къ министру народнаго просвѣщенія для разъясненія загадочнаго событія. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма этого лица: „На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя души, я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, не смотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія и съ какою либо особенною цѣлію. Новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе и, конечно, будетъ под-

Библиотека "Руниверс"

вергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ цензура поставлена будетъ въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы".

Министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ разъяснилъ, что Мертвыя души Гоголя разсмотрѣны и пропущены на общихъ основаніяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться и при разсмотрѣніи критическихъ статей о новомъ произведеніи Гоголя.

Изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя, предпринятое въ 1842 году, было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе весьма печальной случайности. Въ то время, когда разсматривались эти сочиненія, два цензора—профессоры: А. В. Никитенко и С. С. Куторга были „арестованы съ посаженіемъ на гауптвахту" за пропускъ одной повѣсти въ журналѣ: „Сынъ Отечества" (№ 8). Повѣсть эта называется: Гувернантка; авторъ ея — П. Еф—скій. Содержаніе повѣсти самое безобидное и самое благонамѣренное. Дочь генерала, получившая образованіе въ институтѣ и не имѣющая никакихъ средствъ къ существованію, идетъ въ гувернантки, чтобы трудами своими содержать старушку-мать. Къ несчастію для себя и для матери, дѣвушка попала въ домъ откупщика, и подвергалась всевозможнымъ оскорбленіямъ въ грубой откупщичьей семьѣ. Но является добрый ангелъ въ лицѣ благовоспитаннаго молодого человѣка, и освобождаетъ ни въ чемъ неповинную страдалицу, предлагая ей и сердце и руку. Свадьба затягивается оттого, что ни женихъ, ни невѣста, не соглашаются на бракъ безъ благословенія матери жениха. Посредствомъ самой благонамѣренной мистификаціи мать жениха получаетъ возможность какъ нельзя ближе узнать невѣсту своего сына и, убѣдившись въ ея прекрасныхъ свойствахъ, не только даетъ согласіе на бракъ, но и видитъ въ этомъ союзѣ величайшее счастье, посылаемое небомъ ея сыну. Вотъ и все содержаніе повѣсти, изобилующей сценами и разсужденіями самаго нравственнаго и назидательнаго свойства. За что же такая кара постигла ученыхъ, пропустившихъ такую, повидимому невинную, рукопись? Въ письменномъ извѣщеніи объ этомъ печальномъ событіи сказано только: „за нѣкоторыя выраженія", а за какія именно, не обозначено. По устному же разъясненію графа Бенкендорфа, сдѣланному имъ въ бесѣдѣ съ потерпѣвшими лицами, предосудительными признаны слѣдующія мѣста въ описаніи „бала на Пескахъ":

„Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ? Считая себя военнымъ и — что еще лучше — кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами, и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его

Библиотека "Руниверс"

самого и танцующую съ нимъ даму... Остальные шесть кавалеровъ были: прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстухомъ; почти такого же вида, пожилыхъ лѣтъ прапорщикъ изъ военныхъ топографовъ" и т. д.

По объясненію графа Бенкендорфа, арестъ вызванъ жалобою графа Петра Андреевича Клейнмихеля, увидѣвшаго въ приведенныхъ строкахъ оскорбленіе лицъ, служащихъ по ввѣренному ему вѣдомству. Съ своей стороны, графъ Бенкендорфъ не только не выразилъ сочувствія взгляду графа Клейнмихеля, но и обѣщалъ все свое содѣйствіе для скорѣйшаго освобожденія арестованныхъ. Повидимому, ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ, и арестъ продолжался не болѣе сутокъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣды этого прискорбнаго произшествія обнаружились и весьма рѣзко и весьма скоро. На бѣду для русской литературы, именно въ это время надо было разсматривать въ цензурномъ отношеніи сочиненія Гоголя. Напуга́нный исторіею съ „Гувернанткою", цензурный комитетъ былъ поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: если и повѣсть П. Еф—скаго навлекла гнѣвъ министра, то въ повѣстяхъ и драмахъ Гоголя сколько поводовъ для заявленій отъ всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ, отъ всѣхъ учрежденій и вѣдомствъ. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя возбудили опасенія слѣдующія мѣста, а также и общее содержаніе нѣкоторыхъ произведеній. а именно:

I. Шинель, повѣсть, въ которой представленъ бѣдный и жалкій чиновникъ, служащій въ какомъ то департаментѣ, крайне съ ограниченными способностями и потому осужденный на вѣчную переписку канцелярскихъ бумагъ. Характеръ этого чиновника возбуждаетъ участіе читателя своимъ простодушіемъ, безропотною покорностію своему жребію и тою незавидною ролею, какую судьба назначила ему играть въ общественномъ и нравственномъ порядкѣ вещей. „Не презирайте братій своихъ, какъ бы они слабы и малы ни были по своимъ душевнымъ силамъ и значенію въ свѣтѣ", вотъ нравственная идея, коею проникнуто все сочиненіе. Положенія, въ кои авторъ вводитъ своего героя, иногда комическія, иногда возбуждающія состраданіе. У бѣднаго чиновника все почти имущество состоитъ въ платьѣ, которое онъ носитъ. Къ ужасу своему, онъ однажды замѣтилъ, что шинель его, необходимѣйшая часть его одежды для посѣщенія департамента, дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Въ сердцѣ его поселилась страшная забота, какъ добыть новую шинель. Долго мучился онъ, отказалъ себѣ въ половинѣ обычной пищи, уменьшивъ другія изъ своихъ малыхъ издержекъ, и достигъ наконецъ того, что русскій портной, характеръ коего превосходно очерченъ въ повѣсти, сшилъ ему новую шинель. Акакій Акакіевичъ (имя героя повѣсти) блаженствовалъ въ новой шинели, которая исполнила всѣ надежды и замѣнила ему всѣ радости жизни. Но блаженство это не долго продолжалось. Однажды онъ возвращался домой поздно ночью, на него напали воры и отняли шинель. Акакій Акакіе-

Библиотека "Руниверс"

вичъ едва не лишился послѣдней капли удѣленнаго ему природою разсудка. Однакожъ онъ рѣшается дѣйствовать, отыскивать свое сокровище. Частный приставъ, къ которому онъ обратился, принимаетъ его очень сухо; онъ рѣшается прибѣгнуть къ покровительству одного значительнаго лица, чтобы походотайствовало за него у оберъ-полицмейстера. Значительное лицо встрѣчаетъ его бранью и бѣдный чиновникъ съ отчаянія умираетъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто умершій чиновникъ бродитъ по ночамъ у какого то моста и въ отмщеніе за свою трату, снимаетъ шинели съ проходящихъ. Разумѣется этотъ слухъ былъ распущенъ ворами, которые, распоряжались тутъ отъ имени мертвеца.

Мѣста изъ повѣсти, представленныя на особенное вниманіе цензурнаго комитета.

1) Если бы, соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки его же товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясницу.

2) Въ одномъ обществѣ (по причинѣ недостатка матеріаловъ для разговора) пересказывали вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента.

3) При встрѣчѣ съ нею, гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой то особый голосъ.

4) Кухарка совѣтовала Акакію Акакіевичу идти (съ жалобой о пропавшей шинели) прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщаетъ и станетъ водить.

5) Чиновники рѣшились собрать на шинель Акакію Акакіевичу по подпискѣ сумму, но собрали самую бездѣлицу, потому что они и безъ того уже много истратились подписываясь на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю.

6) Хоть и можетъ случится, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ нибудь средствомъ шинель (отнятую ворами у Акакія Акакіевича) но шинель всетаки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ что она принадлежитъ ему.

7) Значительное лице, человѣкъ женатый, у котораго есть взрослые сынъ и дочь, ѣздитъ къ какой то любезницѣ Каролинѣ Ивановнѣ.

8) Привидѣніе т. е. воръ, грабившій по ночамъ у прохожихъ шинели у Калинкина моста, носило преогромные усы и проч.

II. Женитьба. Комедія, нѣчто въ родѣ очерка нравовъ изъ низшаго чиновническаго и мѣщанскаго быта въ Петербургѣ, гдѣ комическія стороны людей представлены въ юмористическихъ каррикатурахъ, безъ всякой впрочемъ неблагонамѣренной цѣли, съ намѣреніемъ больше позабавить читателей и зрителей возможностію нелѣпыхъ понятій и поступковъ среди людей извѣстнаго круга, чѣмъ изобразить дѣйствительные предметы и лица.

Цензоръ Никитенко обратилъ особенное вниманіе комитета на слѣдующія мѣста комедіи:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы говоритъ: „плевать на того, кто стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына не отдамъ на службу. Развѣ купецъ не служитъ государю какъ и всякой другой“.

Библиотека "Руниверс"

2) Жевакинъ морской офицеръ говоритъ: „У насъ вся эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамильями. Помойкинъ, Ярышкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ. А одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамильи просто Дырка. И капитанъ, бывало, говоритъ: „ты, Дырка-поди сюда. И бывало всегда надъ нимъ подшутишь: охъ, ты Дырка, эдакой, говоришь".

3) Одинъ чиновникъ грубый и хвастунъ, говоритъ: „директоръ такъ только для вида поставленъ, и всѣ дѣла дѣлаетъ онъ". (Подколесинъ пріятель говорящаго).

4) „Мнѣ плевали, говоритъ Кочкаровъ, человѣкъ буйнаго характера, мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу. Еще не такъ давно мой начальникъ,—я до тѣхъ поръ надоѣлъ ему о прибавкѣ жалованья, пока наконецъ онъ не вынесъ, плюнулъ въ самые глаза: „вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись сатана. А жалованья однакожъ все таки прибавилъ".

III. Утро дѣловаго человѣка. Юмористическая и сатирическая картина нравовъ, гдѣ выставленъ лицемѣръ чиновникъ, увѣряющій всѣхъ, что онъ заваленъ дѣлами по службѣ, между тѣмъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ большую часть своего времени за вистомъ съ пріятелями.

Отдѣльныя мѣста пьесы:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Не терплю я людей такого рода; ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой, и то надѣлалъ, и это поправилъ. Вишь чего захотѣлъ—ордена! и вѣдь получитъ, получитъ мошенникъ, получитъ,—такіе люди всегда успѣваютъ".

2) Дѣйствующее лице Пролетовъ говоритъ: „Павелъ Петровичъ произведенъ. А? каково! взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну".

3) „У насъ въ полку былъ порутчикъ, вотъ какъ двѣ капли воды похожъ на васъ (говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ другому) пьяница страшнѣйшій! дня не проходило чтобы у него рожа не была разбита."

IV. Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи. Содержаніе этой пьесы слѣдующее: Авторъ сыгранной на театрѣ комедіи, въ которой современные нравы нѣкоторыхъ сословій представлены весьма съ невыгодной стороны, выходитъ по окончаніи спектакля въ театральный корридоръ и, никому неизвѣстный, прислушивается тамъ къ сужденіямъ зрителей о его пьесѣ. Мимо его проходятъ лица разныхъ сословій, чиновъ, возрастовъ; всѣ говорятъ о новой комедіи, иные хвалятъ ее, но большая часть зрителей бранятъ автора за то, что онъ такъ рѣзко обрисовалъ разныя пороки общества и злоупотребленія общественныхъ должностей. Многіе изъ посѣтителей театра, не принимая всего этого прямо на свой счетъ, видятъ однакожъ въ изображеніяхъ автора оскорбленіе своихъ сословій, званія, народа и самого правительства. Другіе лица, представители идей автора, возражаютъ на это и стараются доказать, что сатирическое обличеніе порочныхъ и дурныхъ людей, неизбѣжныхъ во всякомъ сословіи, ни мало не относится къ самымъ сословіямъ, что оно не только не противно нравственности и общественному благу, но напротивъ содѣйствуетъ имъ, стараясь освободить общество отъ плутовъ и негодяевъ, и что чѣмъ ярче и разительнѣе выставлены пороки, тѣмъ больше произведутъ они отвращеніе.

Отдѣльныя мѣста статьи, поставленныя на судъ цензурному комитету.

1) Одинъ офицеръ, говоря о другомъ, спрашиваетъ, „что глупъ?" На это

Библиотека "Руниверс"

отвѣчаетъ ему одно изъ дѣйствующихъ лицъ: нѣтъ не то, что бы, у него есть умъ, но сей-часъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка и въ головѣ ничего.

2) „Наши комики не могутъ никакъ обойтись безъ того чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія". На это отвѣчаетъ другое лицо. „Это правда. А впрочемъ съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ, интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей". „Такъ, ну пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобъ не вмѣшать начальства. Оно непременно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ". „Ну видите: стало быть это уже что то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть это составляетъ какой то отличительный характеръ нашей комедіи; въ груди нашей заключается какая то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? Тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ чтобъ правительство вездѣ и всегда слышало призваніе свое: быть представителемъ провидѣнія на земли, чтобы мы вѣровали въ него какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленіе".

3) Сужденія одного изъ бывшихъ въ театрѣ о новой комедіи: „Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій". (уходитъ)

4) Я слышалъ одно замѣчаніе сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А, что скажетъ народъ, когда увидитъ что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія".

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ, и что скажетъ народъ нашъ глядя на все это.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (постаранивается, проходятъ двое въ армякахъ).

Синій армякъ сѣрому.

Небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа! (Оба выходятъ вонъ).

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали.

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: небось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла царская расправа. Слышите ли какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣка. Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, и черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка. Да развѣ это не очевидно, ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство. Да, для него нужны такія

Библиотека "Руниверс"

представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око! Что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится тоже замѣчаніе: народъ получилъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ. То есть онѣ соображаютъ, что народъ только здѣсь въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Что если дома какой нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они право народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто онъ уже не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ теперь мнѣ кажется даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться что это можетъ быть.

Господинъ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь напримѣръ выведутъ какого нибудь титулярнаго совѣтника, и потомъ.....э.. ... пожалуй выведутъ.....и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Господинъ Б.

Ну такъ чтожъ? личность только должна быть неприкосновенна, и если я выдумалъ собственное лице, и придалъ ему кое какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ какъ слѣдуетъ. Чтожъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками.

Штатскій.

6) Вѣдь вотъ вы какіе господа военные! Вы говорите: это нужно выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ нибудь штатскимъ чиновникомъ. А затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ то полку офицеръ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи, есть офицеры дурнаго тона съ неприличными ухватками, да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный.

Ну послушайте; за кого же вы меня считаете. Конечно есть между нами такіе донкишоты, но вѣрьте также что есть много истинно разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣ-

Библиотека "Руниверс"

яніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида. Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

Вторая дама.

7) Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ, я слышала безпрестанно какъ около насъ кричали: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить, до что скажетъ народъ. А отъ чего они кричали? Отъ того ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Отъ того, чтобы произвесть шумъ, чтобы запретить пьесу, потому что въ ней можетъ быть отыскали кое что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

Первый.

8) Вотъ что они думаютъ: за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ.

Первый.

9) Не знаешь какой генералъ, долженъ быть какой нибудь извѣстный.

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (подхватывая сзади): „Просто статскій совѣтникъ. По мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастіе: въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3.000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммисіи, да еще по департаменту".

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

10) То, что нравственность каждый мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ, другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? съ высока говоритъ: милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, Государя, отечества, а ты молъ ужъ самъ разсудилъ относительно чего. Впрочемъ это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отъ чего. Все отъ честности, не правда ли?

Третій господинъ.

11) Еще бы! это серьезная вещь! говорятъ: бездѣлушки, пустяки, тетральное представленіе. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки, на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Всѣ приведенныя мѣста комитетъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ четырехъ засѣданіяхъ, дозволилъ напечатать; дозволеніе мотивировано слѣдующими соображеніями и основаніями:

1) Всѣ сочиненія юмористическія или сатирическія въ формѣ повѣстей или драмы, изображающія пороки смѣшныя, грубыя стороны общественныхъ

Библиотека "Руниверс"

нравовъ и злоупотребленія сословій, разсматриваемыя единственно съ нравственной точки зрѣнія, а не съ политической,—сочиненія, клеймящія позоромъ низость, пронырство по службѣ, лихоимство, своекорыстіе, жертвующее самыми священными обязанностями человѣка и гражданина личнымъ разсчетамъ и видамъ—всѣ такія сочиненія допускаемы были у насъ, какъ одно изъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и очищенію общества, которое къ несчастію нигдѣ и никогда не бываетъ изъято отъ подобныхъ болѣзней, недоступныхъ карѣ закона и врачуемыхъ единственно преданіемъ ихъ на всеобщее презрѣніе и посмѣяніе. Въ эпоху, когда еще въ Россіи не существовала литература и когда слѣдовательно нельзя еще было прибѣгать для сей цѣли ни къ сатирѣ, ни къ драмѣ, безсмертный преобразователь Петръ Великій установлялъ цѣлыя процессіи, игры, въ коихъ были осмѣиваемы и порицаемы многіе странные, закоснѣлые предразсудки и пороки нашихъ предковъ. Въ послѣдствіи, когда по упредительному наитію его генія, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникла и литература, первыми ея подвигами было подвергнуть публичному осмѣянію все, что не могло уже отвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа. Такимъ образомъ Кантемиръ сильно и явно возставалъ противъ невѣжества и грубыхъ пороковъ своего времени, преслѣдуя ихъ вездѣ и болѣе въ первенствующихъ сословіяхъ, не щадя знатныхъ и самаго духовенства. Сумароковъ нападалъ на разныя злоутребленія въ кругу административныхъ лицъ и въ судахъ, Фонъ-Визинъ былъ страшнымъ бичемъ этого зла, а въ своемъ Недорослѣ и Бригадирѣ въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ изобразилъ дикіе нравы русскаго дворянства, стоявшаго тогда на рубежѣ между новыми формами образованности и обычаями старины. Державинъ грозно порицалъ въ своихъ сатирическихъ одахъ вельможъ, коихъ поступки не согласны съ высокимъ ихъ призваніемъ. Въ послѣдствіи комедія Капниста „Ябеда“ обнажила отвратительныя тайны злоупотребленій въ судахъ; издавался журналъ подъ названіемъ: Адская почта, съ цѣлію осмѣивать все низкое и нелѣпое въ современныхъ нравахъ; знаменитый Крыловъ, изображая пороки людей въ своихъ басняхъ, мѣтитъ часто на обстоятельства и событія современнаго общества. Такое постоянное и сатирическое направленіе большей части нашей литературы было естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Россія, пробужденная отъ вѣковаго сна своимъ пересоздателемъ, прозрѣла и устыдилась черныхъ пятенъ, оставленныхъ на ней тяжкимъ ярмомъ татарскаго владычества; не вдругъ могли изгладиться слѣды нравственнаго уничиженія, противныя нашему народному духу, нашему политическому значенію и державной волѣ нашихъ вѣнценосныхъ путеводителей ко всему великому и благому; эти слѣды однакожъ надо было изглаживать, надобно было даже умѣрять страсть къ новому, которое принимали слѣпо изъ чужеземныхъ источниковъ; однимъ словомъ, надобно было исправлять нравы, еще возникающіе, иное гнать строго, другое осмѣивать остроумно или рѣзко, и такимъ образомъ многіе изъ нашихъ писателей, увлеченные сею потребностію, начали дѣйствовать въ духѣ сатиры. 1812 годъ, возвысившій Россію на такую степень славы, указавшій ей будущность, какой едва ли какой народъ на землѣ былъ удостоенъ промысломъ, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ силъ и достоинства, пробудилъ въ обществѣ всеобщее живое стремленіе къ нравственному и умственному усовершенію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ необходимѣе нравственныя мѣры противъ всего, что остается еще отъ старыхъ грѣховъ

Библиотека "Руниверс"

минувшаго и что уже несовмѣстно съ значеніемъ великаго прославленнаго народа. Писатели съ новымъ жаромъ и одушевленіемъ начали выставлять на всеобщее зрѣлище, для осмѣянія и кары, все не нравственное, нелѣпое, грубое въ нравахъ и образѣ мыслей, тѣхъ особенно классовъ обществъ, куда еще не вполнѣ проникъ свѣтъ истиннаго образованія. Явилось Горе отъ ума, Ревизоръ—Гоголя, Мертвые души—его же, множество повѣстей и романовъ Сенковскаго, Бѣгичева, Загоскина, Даля, и проч., которые всѣ, съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, устремились къ одной цѣли изображать въ разныхъ сословіяхъ то, что несовмѣстно съ ихъ назначеніемъ. Цензурный Комитетъ не имѣя ни силъ, ни права, остановить таковое всеобщее направленіе литературы, ни особенныхъ указаній со стороны высшаго правительства, которые бы требовали подобной мѣры, полагалъ и въ настоящемъ случаѣ относительно вышесказанныхъ сочиненій Гоголя, руководствоваться тѣмъ же § 14-мъ устава о цензурѣ, которымъ онъ руководствовался до нынѣ и въ коемъ изображено: „охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, цензура не препятствуетъ однако же печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни“.

Комитетъ находилъ, что въ сочиненіяхъ Гоголя и приведенныхъ изъ нихъ мѣстахъ, ни на чье лицо не указывается, что пороки имъ выставляемые относятся къ людямъ вообще въ разныхъ званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, и потому, примѣняя вышеизложенный законъ къ симъ сочиненіямъ полагалъ себя не въ правѣ препятствовать ихъ печатанію.

2) Обнимая помянутое общее сатирическое и юмористическое направленіе нашей литературы комитетъ естественно долженъ прійти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. Къ сожалѣнію комитетъ не имѣлъ въ виду по сему предмету никакого положительнаго правила: что именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ, пороковъ и злоупотребленій, должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе? Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ цензуру, наполнены дѣйствующими лицами, часто съ невыгодной стороны выставленными и въ то же время непремѣнно относящимися къ какому либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній, умѣряя по возможности выраженія, комитетъ находился тѣмъ не менѣе въ величайшемъ затрудненіи: ему пришлось бы запрещать почти каждую изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій; а съ другой стороны онъ видѣлъ, какъ явствуетъ изъ перваго пункта сего донесенія, сколь много уже въ разныя времена допущено въ русской литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ самыхъ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего по видимому правительство не относило къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію. По сему комитетъ руководствуясь какъ близкими къ намъ примѣрами, такъ и историческимъ ходомъ почти всей нашей литературы, а съ другой стороны не имѣя никакого на сей предметъ опредѣленнаго указанія, полагаемъ, что вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, должно считать и по сему уваженію позволительными.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи этого дозволенія, книги была напечатаны. Но неожиданный арестъ профессоровъ Никитенко и Куторги едва не повлекъ за собою запрещенія уже напечатанныхъ сочиненій Гоголя. Въ представленіи предсѣдательствующаго въ Цензурномъ Комитетѣ, князя Григорія Петровича Волконскаго, говорится: „Соображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ тѣми, по случаю коихъ ценсора Никитинко и Куторга подверглись отвѣтственности, комитетъ не осмѣливается дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ". Съ своей стороны князь Волконскій заявляетъ, что необходимо дать цензорамъ „какое-нибудь опредѣленное наставленіе о томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться всегда въ величайшемъ затрудненіи и въ опасности навлечь на себя тяжкую отвѣтственность, которая, сокрушая духъ ихъ, лишитъ ихъ той моральной силы, какая въ столь многосложномъ и разнообразномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за мыслію человѣческою, необходима. Цензура должна стараться не стѣснять вообще развитія отечественной литературы: этого требуетъ величайшая изъ государственныхъ нуждъ—развитіе нашей народности. Ибо, вопервыхъ, съ успѣхами литературы сопряжены успѣхи языка, который долженъ, согласно высочайшей волѣ и величію имперіи, сдѣлаться господствующимъ въ ней повсюду, а этого онъ иначе достигнуть не можетъ, какъ укореняясь въ умахъ своими красотами и богатствами. Во вторыхъ, при той легкости, съ какою распространено у насъ изученіе иностранныхъ языковъ, а слѣдовательно и возможность читать все, что выходитъ въ иностранныхъ литературахъ, единственное средство ослабить вліяніе сихъ послѣднихъ на умы и духъ общества есть наибольшее развитіе литературы отечественной, охраняемой, и въ тоже время руководимой, просвѣщенною волею правительства".

Не только сочиненія Гоголя, но и отзывы о нихъ, возбуждали иногда преслѣдованія и влекли за собою разнаго рода кары. Статья о Гоголѣ, написанная Тургеневымъ подъ свѣжимъ вліяніемъ, произведеннымъ кончиною знаменитаго писателя, запрещена потому, что Тургеневъ „отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣру пышныхъ". Статья подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ о Гоголѣ", помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ" признана опасною и неблагонамѣренною на томъ основаніи, что „безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой мѣры похвалъ Гоголю, она накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія. Статья эта во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, заключаетъ въ себѣ отрывистые намеки и мысли недоконченныя, которые могутъ подать поводъ читателямъ къ неблагопріятнымъ и даже предосудительнымъ выводамъ". Въ статьѣ говорится, напримѣръ: „Много еще пройдетъ времени, пока уразумѣется вполнѣ все глубокое и строгое значеніе Гоголя, этого мученика возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи" и т. д. Корень зла ужас-

Библиотека "Руниверс"

ной статьи заключается въ томъ, что въ ней „вовсе не объяснено, почему такъ много требуется времени, чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Гоголя? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значеніе? Подобныя неопредѣлительныя выраженія невольно приводятъ къ предположенію, что онъ имѣлъ какую-либо особую, скрытую цѣль, извѣстную только не многимъ, и такое предположеніе тѣмъ покажется правдоподобнѣе, что сочинитель статьи называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи... Недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, не могутъ не вводить въ заблужденіе читателей, изъ которыхъ многіе конечно подумаютъ, что онъ былъ коноводомъ какой нибудь партіи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствіемъ Россіи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытіе и направленіе“ и т. д.

Въ пятидесятыхъ годахъ представлена была въ цензуру рукопись подъ заглавіемъ: Учебная книга словесности для русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя. Сомнительными въ ней признаны шесть строкъ и сверхъ того два слова. При разсмотрѣніи въ высшей инстанціи, шесть строкъ дозволены къ печати, а два слова запрещены. Дозволенныя строки: „Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются непереварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ, спорахъ и разговорахъ. Всего нанесено, и все не переварилось“. Запрещенныя два слова, находившіяся въ рукописи между заглавіями разныхъ стихотвореній: „Острогожскъ, Рылѣева“.

По смерти Гоголя предпринято было профессоромъ Шевыревымъ новое изданіе сочиненій покойнаго писателя, въ которое должны были войти какъ четыре тома, изданные въ 1848 году, такъ и оставшіяся по смерти автора въ рукописи: пять главъ второго тома „Мертвыхъ душъ“ и „Авторская исповѣдь“. Весьма любопытно мнѣніе, изложенное по этому поводу Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ. Становясь рѣшительно на сторону Гоголя и защищая его произведенія отъ несправедливыхъ нареканій, Л. В. Дубельтъ отзывается несочувственно и даже иронически объ излишней придирчивости со стороны цензуры. Мнѣніе Л. В. Дубельта заключается въ слѣдующемъ:

„Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или не выгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуж

Библиотека "Руниверс"

даетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторые мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти то мѣста всѣ, безъ малѣйшаго исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для примѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: „чтобъ ему собачьему сыну приснился крестъ святой!“ (сочиненія т. I, часть I, стр. 77).

Въ разсказѣ того же дьячка находится: чортъ съ тобой! „давай креститься!“ (тамъ же стр. 97).

Казакъ Данило говоритъ про другого, трезваго казака: „Горѣлки даже не пьетъ! экая пропасть! мнѣ „кажется что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ!“ (тамъ же т I, ч. 2, стр. 116).

„Кто, я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни?... Богъ съ вами, панъ! что вы, это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга! (тамъ же т. 2, стр. 344).

Кіевскій семинаристъ философъ говоритъ: Эхъ жаль, „что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!“ (тамъ же, стр. 360).

Въ комедіи „Игроки“, сваха Ѳекла говоритъ: „Да, на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишся!“ (тамъ же, т. 4, стр. 253).

Та же Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностранными, прибавила: „Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, извѣстно какая: всѣ святые говорили по русски“. (тамъ же, стр. 299).

При видѣ князя Потемкина—„это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ. „Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ“, отвѣчалъ тотъ, (тамъ же, т. I, ч. 2, стр. 74).

„Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить“. (тамъ же, т. 3, стр. 316).

Помѣщикъ Пѣтухъ, съ своими крестьянами, бродилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, „держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры Медицейской“... За обѣдомъ, безпрестанно потчуя Чичикова, и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска Пѣтухъ сказалъ: „Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій“ (рукопись Мертвыя души, гл. 3, стр. 8 и 28).

Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель.... съ дьявольски-сплетенной плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика“. (сочиненія т. I, ч. 2, стр. 4).

Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной и „бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпарилъ засѣдатель (тамъ же стр. 86).

Пискаревъ, пріѣхалъ на балъ въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ „не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ нибудь образомъ какого нибудь тайнаго совѣтника“ (тамъ же, стр. 39).

Библиотека "Руниверс"

Въ „Запискахъ сумашедшаго“ въ одномъ мѣстѣ отмѣчено. „Вѣдь черезъ то, что камеръ юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу.“ (тамъ же, стр. 365).

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: „Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжиковъ или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичька починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ“. (тамъ же, стр, 343).

„П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки... онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пили выморозки и умѣли таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ... Чтобы еще болѣе показать образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать“ (тамъ же, т. I, ч. 2. стр. 194 и 195)“.

„Не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ (томъ же) полку... За то, въ скоромъ времени, спустя одинадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики“ (тамъ же, стр. 196).

„Ужъ такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки“ (тамъ же, т. 3, стр. 72).

Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили множество мѣстъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное, останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ-либо житейскимъ!

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе въ „Мертвыхъ душахъ“ на полковника Кошкарева, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя комиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (глава 3, стр. 69 и 87); и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности Чичикова, также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ жаловаться на нихъ Государю (глава 5, стр. 116—123, 148—158). Но поступки Кошкарева представлены какъ дѣйствія сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.

Ежели вышеприведенныя изъ сочиненій Гоголя и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки,

Библиотека "Руниверс"

въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20-ть тому назадъ, судившіе, какъ ниже слѣдуетъ:

Въ сочиненіяхъ было сказано:	Цензоръ:
Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.	Женщина недостойна того, чтобъ ея улыбку называть небесною.
Ты поняла, чего душа моя желала.	Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.
Одинъ твой нѣжный взглядъ, дороже мнѣ вниманья всей вселенной.	Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны намъ быть дороже взгляда женщины.
О! какъ бы я желалъ, въ тиши и близь тебя, къ блаженству пріучиться.	Запретить, ибо къ блаженству должно пріучаться не близь женщины, а близь Евангелія.

По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 года, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій„.

Но и такой сильный авторитетъ въ вопросѣ о благонамѣренности, какъ Л. В. Дубельтъ, не могъ поколебать того взгляда на сочиненія Гоголя, который сложился въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія приписка князя П. А. Вяземскаго къ статьѣ о „Ревизорѣ“ Гоголя. „При появленіи „Ревизора“ было—говоритъ кн. Вяземскій—много толковъ и сужденій въ обществѣ и въ журналахъ. Кромѣ литературнаго достоинства ея, входила въ разнорѣчивыя соображенія о ней и задняя, затаенная мысль. Комедія была признана многими либеральнымъ заявленіемъ, въ родѣ, напримѣръ, комедіи Бомарше: „Севильскій цирюльникъ“; признана за какой-то политическій брандскугель, брошенный въ общество подъ видомъ комедіи. Это впечатлѣніе, это предубѣжденіе, разумѣется, должно было раздѣлить публику на двѣ противоположныя стороны, на два лагеря. Одни привѣтствовали ее, радовались ей какъ смѣлому, хотя и прикрытому, нападенію на предержащія власти. По ихъ мнѣнію, Гоголь, выбравъ полемъ битвы своей уѣздный городокъ, мѣтилъ выше. Другіе смотрѣли на комедію какъ на государственное покушеніе, были имъ взволнованы, напуганы, и въ несчастномъ, или счастливомъ, комикѣ видѣли едва ли не опаснаго бунтовщика.

Появленіе комедій Гоголя считали у насъ зловѣщимъ признакомъ, и находили въ нихъ большое сходство съ комедіями Бомарше

Библиотека "Руниверс"

1732—1799), а Бомарше французскіе писатели называютъ преемникомъ Вольтера и предтечею Мирабо. Комедія Бомарше: „Свадьба Фигаро“ (Le Mariage de Figaro представленная въ первый разъ въ 1784 году) произвела потрясающее впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ Франціи. Прежде, чѣмъ поставить на сцену комедію, ее читали въ кабинетѣ короля; когда дошли до монолога Фигаро, въ пятомъ дѣйствіи, Людовикъ XVI остановилъ чтеніе, воскликнувъ, что прежде надо разрушить Бастилью, а потомъ уже дозволить представленіе этой пьесы, подрывающей всѣ основы правительства. Чтобы судить о томъ, какую горькую правду услышалъ король изъ устъ Фигаро, довольно вспомнить слова Фигаро о свободѣ печати при тогдашнихъ общественныхъ порядкахъ. „У насъ—говоритъ Фигаро—можно смѣло писать обо всемъ, о чемъ угодно, за исключеніемъ только политики, администраціи, религіи, нравственности, всякаго рода должностей и учрежденій, оперы и театровъ, лицъ мало-мальски значительныхъ, и т. п.“ Съ такою же ироніею и откровенностью выражается Фигаро и о другихъ отрасляхъ тогдашняго управленія страною. Рѣзкія выходки Бомарше относятся прямо къ господствовавшей тогда правительственной системѣ и къ ея самымъ высокимъ представителямъ.

Въ комедіяхъ же Гоголя есть самыя опредѣленныя указанія, что сатира его устремлена не на правительство, которое онъ понимаетъ идеально, отожествляя его съ закономъ, а на тѣ орудія правительственной власти, которыя дѣйствуютъ несогласно съ волею правительства, т. е. съ требованіями закона. „Для народа — говоритъ Гоголь — нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка. Воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ. Право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ кашей и который съ мясомъ“.

Быть можетъ, не всѣ рѣчи и возгласы о правительствѣ, вложенныя Гоголемъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, отличаются одинаковою искренностью; быть можетъ, иныя похвалы явились съ тою же цѣлью, съ какою, напримѣръ, Новиковъ посвятилъ свой обличительный журналъ автору комедіи: „О время!“. Но какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что между „добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ“ Гоголя и злою насмѣшкою Бомарше—чрезвычайно большое различіе. Одни и тѣже лица дѣйствуютъ у нихъ не по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ. У Бомарше, напримѣръ, почтмейстеры служатъ орудіемъ господствующей системы шпіонства, и вскрывая тайну писемъ, дѣйствуютъ совершенно въ духѣ правительства. Фигаро говоритъ: Répendre des espions et pensionner des traitres; amollir des cachets; intercepter des

Библиотека "Руниверс"

lettres... voilà toute la politique! Гоголевскій почтмейстеръ распечатываетъ письма „не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства“, чтобы наслаждаться прекрасными описаніями, какъ „жизнь течетъ въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ“ и т. д.

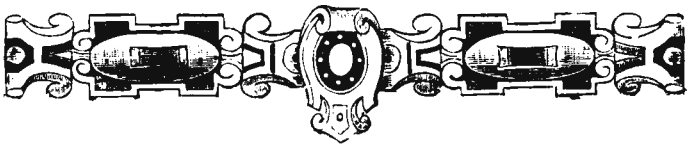
Жгучія выходки Бомарше, его ѣдкія остроты напоминаютъ отчасти нѣкоторые изъ стиховъ Грибоѣдова, а также и нѣкоторыя изъ остротъ фонъ-Визина. Слова Фигаро: „Médiocre et rempant, et l'on arrive à tout“ идутъ въ сравненіе съ словами: „умѣренность и аккуратность“, съ правиломъ угождать всѣмъ и каждому, отъ начальника до дворника и до его собаки, и т. п. Вопросъ горничной у Бомарше: „Est-ce que les femmes de mon état ont des vapeurs, donc?“ равносиленъ восклицанію Простаковой о своей заболѣвшей служанкѣ: „бредитъ бестія, какъ будто благородная“, и т. д.

Между тѣмъ, какъ въ литературномъ мірѣ сравнивали комедіи Гоголя съ произведеніями его предшественниковъ: съ „Недорослемъ“ фонъ-Визина, съ „Ябедою“ Капниста, съ „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдова, въ обществѣ взглянули на нихъ съ другой точки зрѣнія, именно съ политической. Говоря о подобныхъ взглядахъ, князь Вяземскій, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду памятное ему письмо одного изъ самыхъ видныхъ представителей высшаго общества и высшей администраціи того времени. Обращаясь къ министру народнаго просвѣщенія, авторъ письма говоритъ между прочимъ: „Въ глубинѣ моего убѣжденія я полагаю, что комедія „Ревизоръ“, по своему началу, содержанію и духу, есть копія au petit pied „Свадьбы Фигаро“ Бомарше. Не знаю, сдѣлала ли она какое нибудь полезное вліяніе, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я увѣренъ, что если „Ревизоръ“ и сотни ея послѣдователей не произвели еще, благодаря Богу, такихъ печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ твореніе Бомарше для Франціи, то уже, въ переводѣ, навлекли на Россію много нареканій и лживыхъ сужденій заграницей“.

Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, отвѣчалъ, что „нельзя отнять у сатириковъ и юмористовъ права обличать пороки и недостатки общества, укрывающіеся отъ преслѣдованія закона“, и что направленіе Гоголя признано благонамѣреннымъ и нравственнымъ вслѣдствіе чего и оказано „снисхожденіе ко встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ“.

М. Сухомлиновъ.

Библиотека "Руниверс"



ДВОРЯНСКІЙ БУНТЪ ВЪ ДОБРЫНСКОМЪ ПРИХОДѢ.

„Каковъ попъ—таковъ и приходъ".
Пословица.

I.

ЭТО НАША мѣстная,—почти домашняя исторія, которая восходитъ своимъ началомъ къ воспоминаніямъ моего дѣтства, когда мы жили въ нашемъ имѣньицѣ, с. Панинѣ (Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи). Мѣстность была изъ рода тѣхъ, которыя издавна еще называли „дворянскими гнѣздами". Вокругъ насъ въ кучкѣ жило много крупнаго и мелко-помѣстнаго дворянства. Въ с. Разновильѣ сидѣлъ князь Трубецкой, въ с. Кривцовѣ—г-да Кривцовы—цѣлый выводокъ и еще Ададуровы; въ Косаревѣ—старый Илья Ивановичъ Кривцовъ, а въ Зиновьевѣ — большая и при томъ самая образованная семья Ивановыхъ.

Князь Трубецкой представлялъ собою настоящую родовую аристократію околодка, а семейство Ивановыхъ — умственную. У Ададуровыхъ „пили", а мой отецъ и Илья Кривцовъ „чудили". Оба были люди очень умные, жили анахоретами и изнывали въ тоскѣ. Илья Ивановичъ впрочемъ тоже случалось пилъ, но только solo, а отецъ мой все читалъ книги и хандрилъ.

Центръ нашей умственности было семейство Ивановыхъ. Особенно большимъ образованіемъ отличалась ихъ мать, старушка Настасья Сергѣевна изъ дома Масальскихъ, и сынъ ея, Николай Алексѣевичъ, служившій нашимъ дворянскимъ предводителемъ. Четыре барышни, изъ коихъ двѣ младшія были не многимъ меня старше, — всѣ были очень начитаны и не лишены разнообразныхъ дарованій. Имъ я обя-

Библиотека "Руниверс"

занъ первымъ знакомствомъ съ литературою, которая потомъ для несчастія моей жизни скоро обратилась въ неодолимую страсть. Страсть эта поддерживалась и питалась довольно большою библіотекою Масальскаго, перевезенною въ Зиновьево.

Приходомъ все наше сосѣдское дворянство было къ небольшой деревянной церкви въ селѣ Добрынѣ, куда и ѣзжали всѣ, кромѣ Настасьи Сергѣевны, да Ильи Ивановича Кривцова; но и они не бывали въ церкви не по вольнодумству, а потому что старая дама болѣла зябкостью, а Илья Ивановичъ Кривцовъ, достигнувъ степеннаго возраста, зачислилъ себя въ безполые, и на этомъ основаніи скинулъ панталоны и съ тѣхъ поръ ни за что не хотѣлъ ихъ надѣвать. По этой закоренѣлой привычкѣ послѣднихъ лѣтъ помѣщикъ Кривцовъ назывался у крестьянъ „безпартошнымъ бариномъ". Въ такомъ видѣ онъ въ церковь, разумѣется, не могъ ходить, а вольнаго обычая своего ни для чего измѣнить не хотѣлъ.

Всѣ же прочіе дворяне посѣщали добрынскій храмъ и говѣли тамъ, не смотря на ужасную стужу. Въ приходѣ было два причета, но „исповѣдникомъ дворянскимъ" постоянно былъ одинъ отецъ Василій Б—инъ, при которомъ весь его дворянскій приходъ былъ въ порядкѣ, но съ выходомъ его такъ „перебунтовался", что дѣло чуть не дошло до „разстрѣла" о чемъ впереди и ожидаетъ подробный разсказъ.

Дѣло о дворянскомъ бунтѣ имѣло очень острый, политическій характеръ и хотя оно производилось „секретно—весьма секретно",— но теперь весь этотъ секретъ больше смѣшонъ, чѣмъ важенъ, и о немъ можно разсказывать.

Нашъ бунтъ очень интересенъ во многихъ отношеніяхъ и между прочимъ въ томъ, что это бунтъ самый обширный по замыслу и самый секретный по исполненію.

Но какъ дѣло это не только политическое, но и духовное, потому что бунтъ былъ открытъ и остановленъ священникомъ, то прежде чѣмъ говорить о самомъ бунтѣ, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ добрынскихъ духовныхъ отцахъ. Сначала я скажу о тѣхъ, при которыхъ мы дворяне долго жили въ мирѣ и единеніи, а послѣ о томъ, котораго мы добывали себѣ съ предъусмотрѣніями, а добывши его — при немъ „перебунтовались". Это и есть эпоха, когда среди насъ появился опасный человѣкъ, злоумышлявшій на власть и стремившійся къ ниспроверженію монархическаго правленія въ Россіи. Но, какъ сказано, все это остановилъ священникъ.

II.

Я помню на Добрыни четырехъ іереевъ: первый былъ отецъ Василій Б—инъ, самый старшій по лѣтамъ и по воспитанію. Онъ былъ

Библиотека "Руниверс"

перваго разряда и имѣлъ много достоинствъ, за которыя ему прощали всѣ его недостатки, заключавшіеся впрочемъ въ одной „слабости“.

Во время моего дѣтства, отцу Василію было лѣтъ пятьдесятъ; онъ былъ маленькаго роста съ густыми, каштановыми волосами, которыя носилъ копромъ, пѣ раскольничьи; усы стригъ по установленію; глазки имѣлъ маленькіе, сѣрые, умные и чрезвычайно простодушные. Все лицо его было миніатюрно и отъ всего отъ него вѣяло бурсацкою, нѣсколько грубоватою добротою. Онъ былъ очень добръ, органически честенъ безъ всякихъ правилъ и направленій. Былъ уважаемъ и любимъ всѣмъ дворянствомъ, а въ народѣ слылъ „попомъ справнымъ“. Хозяинъ онъ былъ односторонній, — такъ полевое хозяйство шло у него плохо; все домовое и дворовое было на рукахъ у „матушки Марѳы Тихоновны“; но о. Василій былъ отмѣнный садоводъ и пчеловодъ и эту часть содержалъ въ большомъ порядкѣ. Мы у него всегда ѣли прекрасные яблоки съ прекраснымъ медомъ; разъ въ годъ на „Медоваго спаса“ онъ дѣлалъ общее угощеніе „мірянамъ“ — во все-же остальное время года они у него эти продукты крали, или прямо изъ сада и пасѣки, или изъ кладовой. Отецъ Василій почему-то находилъ такое воровство дѣломъ естественнымъ и никогда на него не жаловался. Говорилъ просто: „покрали“ и больше не распространялся. Мѣстность наша по рѣкѣ Гостомлѣ очень воровская.

Въ противность всѣмъ повѣрьямъ о поповской „завидности“ отецъ Василій былъ совершенно безкорыстенъ и, какъ о немъ говорили,— „хлѣбосолъ изъ послѣднихъ силъ“. Каждый большой праздникъ у него была „дворянская“ закуска въ комнатахъ и „мірская“ въ „батрацкой“.

Самъ онъ со всѣми былъ безъ чиновъ, но „раздѣленіе“ соблюдалъ для господъ дворянъ. Иначе было и невозможно. Свести вмѣстѣ господъ и ихъ крѣпостныхъ—значило бы уничтожить всю компанію. Да крѣпостные, разумѣется, и сами бы этого не снесли, и именно по глубокому чувству настоящаго достоинства, вложенному самою русскою природою въ нашего умнаго простолюдина.

На господскую половину допускались только „дворникъ“, вольный мужикъ изъ Опалькова, который могъ вести не безъинтересный для дворянъ разговоръ о проѣзжающихъ и о цѣнахъ, да „зиновьевская Дуняша“, крѣпостная горничная Ивановыхъ. Эта добрая дѣвушка допускалась сюда потому, что ее повсюду „господа съ собой привѣчали“, и она такой особой чести не искала, но вполнѣ ее стоила.

Такъ она „приблизилась къ дворянству“ при жизни и не отдѣлилась отъ него и послѣ смерти. На аристократическомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры (влѣво отъ церкви) есть недавно насыпанная могилка подъ бѣлымъ крестомъ, на которомъ начертана короткая, но очень теплая надпись: „вѣрная слуга Дуняша“. Это она, и мѣсто упокоенія чистому тѣлу Дуняши среди вельможныхъ людей

Библиотека "Руниверс"

устроила ей благодарная любовь дѣтей вынянченной ею дворянки; она же и сочинила ей такую хорошую надпись.

Угощая у себя дворянъ и не-дворянъ, отецъ Василій самъ никогда за столъ не садился и ничего не пилъ. Онъ только „благословлялъ ястіе и питіе“, и потомъ помогалъ „матушкѣ Марѳѣ Тихоновнѣ угощать“.

Угощеніе бывало не тонкое, но обильное, и даже вкусное, особенно на Рождество, въ Пасху, на храмоваго Николу и въ Новый годъ, на день Василія Кессарійскаго, когда все орловское православіе кушаетъ въ честь благороднаго философа Кессаріи „касарецкаго поросенка“. Отецъ Василій былъ въ этотъ день именинникъ и подавалъ своимъ прихожанамъ нѣсколько „касарецкихъ“ поросятъ— вареныхъ съ хрѣномъ въ зубахъ и жареныхъ съ лучкомъ и съ кашей.

Къ этому приспособливалась сама природа: свиньи у отца Василія такъ и поросились, чтобы дѣти ихъ могли къ Васильеву дню получить аттестатъ зрѣлости и стать „касарецкими“, Тогда для нихъ наставала новая торжественная минута: ихъ кололи и это, по увѣренію крестьянъ, приносило имъ большое удовольствіе, такъ какъ всякое животное убиваемое къ христіанскому празднику „съ радостью на ножъ идетъ“.

И дѣйствительно, когда поросятокъ обдѣлывали и окунувъ въ воду устанавливали рядомъ на завалинкѣ замораживать, они представляли изъ себя что-то младенчески благоговѣйное: замерзая всѣ рядкомъ съ поднятыми вверхъ, обрубленными лапками, они точно сами себя приносили въ благопріятную жертву.

Крестьяне говорили: „У батьки поросятки какъ молятся! На Касарецкаго ихъ ѣсть будемъ“.

Это все было весело.

Напитки у отца Василія были не одинаковые — на дворянскомъ столѣ сливняковая наливка и красное сорока - церковное вино, а на батрацкомъ—полугаръ и сыченая брага, чрезвычайно пріятнаго вкуса.

По вкусу мужичковъ ее значительно портили, подливая туда водки, черезъ что брага становилась крѣпче, по народному „разъимчивѣе“, но безъ этой примѣси она составляла очень хорошій напитокъ, который мы, дѣти, любили лучше наливки.

Отецъ Василій при гостяхъ никогда не пилъ: онъ пилъ „послѣ“. Онъ самъ такъ говорилъ когда его спрашивали: — Что же вы, батюшка сами не выкушаете? Онъ отвѣчалъ: я послѣ.

И онъ исполнялъ это „послѣ“ съ самою несчастною добросовѣстностью, которая приводила въ смущеніе весь домъ и приходъ.

Да; съ домомъ отца Василія страдалъ и приходъ. Отецъ Василій не умѣлъ или не могъ выпить ни одной рюмочки, ни двухъ, ни трехъ. Онъ могъ пить только запоемъ, и разъ, что онъ обмокалъ въ винѣ уста, ему надо было пить много, долго, безъ устали

Библиотека "Руниверс"

и до полной немощи, не разъ угрожавшей самой его жизни. И вотъ въ эти то времена, когда такое горе случалось, слухъ о немъ мигомъ облеталъ всѣ деревни и начинались сожалѣнія, у крестьянъ краткія, а по господскимъ домамъ очень продолжительныя.

Доходило это обыкновенно черезъ дворовыхъ людей, которые бывъ подвержены заимствованному отъ господъ этикету, въ тихомъ и грустномъ тонѣ докладывали:

— Отецъ Василій заболѣли.

О родѣ болѣзни никто не распрашивалъ, это уже было извѣстно, что значитъ. Всѣ нелицемѣрно и искренно начинали скорбѣть и о самомъ больномъ и о его „матушкѣ Марѳѣ Тихоновнѣ". И какая при этомъ выражалась участливость и деликатность, это, право, даже трогательно вспомнить.

Первое евангельское правило: „страждущаго посѣти" сейчасъ же представлялось всѣмъ, но какъ тонко и деликатно это дѣлали?.. Въ домъ къ запившему отцу Василію никто не входилъ, что бы какъ нибудь его не сконфузить, но о немъ только освѣдомлялись. Или „подсылали" людей къ матушкѣ Марѳѣ Тихановнѣ, или же еще лучше „начинали кататься". Велятъ, бывало, заложить себѣ лѣтомъ шарабанчикъ или телѣжку, а зимой саночки въ одну лошадь, и безъ кучера „самоправкою" слетаютъ въ сумерки въ Добрынь, къ воротамъ поповскаго дома. Вызовутъ тутъ по тихоничку Марѳу Тихоновну и подъ воротами съ нею погрустятъ, потужатъ, пошепчутся и вотрутъ ей въ руки сколько нибудь денегъ и бутылочку орловской „варенцовской" мадеры. Варенцовская мадера въ родѣ гоголевской „толстобрюшки" тогда весьма славилась по дворянству и ее подавали Марѳѣ Тихоновнѣ, чтобы она старалась давать больному это полезное вино обманомъ вмѣсто водки. Было такое мнѣніе, что будто мадера во всѣхъ пьющихъ людяхъ „облегчаетъ слабость". А когда „болѣзнь" отца Василія оканчивалась, то есть когда онъ переставалъ пить хлѣбное вино, а лежалъ больной, иногда весь разбитый, къ нему начинались лекарственные подсылы съ съѣдобнымъ тоже цѣлебнаго свойства, „на пьяненькій вкусъ". Главнымъ образомъ объ этомъ заботилась высокопросвѣщенная внучка Масальскаго—Настасья Сергѣевна Иванова. Ея искусный поваръ Кондратій (по нынѣ здравствующій)—ученикъ знаменитаго нѣкогда Яра, имѣлъ самъ такую же „слабость" какъ отецъ Василій и умѣлъ приготовлять особенныя, подходящія для такихъ выздоровленій „солененькія блюда".

Помнится, это было что то въ родѣ жидкаго форшмака съ куринымъ бульономъ и превкусно пахло и огурчикомъ и маслиной, и куринымъ наваромъ. Превкусную прелесть эту на „пьяненькій вкусъ" приготовляли въ Зиновьевѣ, за пять верстъ отъ Добрыни, гдѣ томился отзвонившій свой звонъ отецъ Василій и тотчасъ же спѣшно везли на поповку.

Библиотека "Руниверс"

Возила „цѣлебную снѣдь“ всегда „вѣрная слуга Дуняша“. Провизія всегда, бывало, помѣщается въ кострюлечкѣ, къ которой прибавляется миска съ мочеными яблоками, клюковнымъ мармаладомъ и небольшимъ количествомъ маслинъ, которыя очень нравились отцу Василію „при выздоровленіи“. Бывало даже первое слово которое произносилъ „мазулинку дайте, мазулинку“. Ему и даютъ мазулинку. И старушка Настасья Сергѣевна—вся живьемъ русская, но говорившая охотнѣе по-французски, бывало сама все это вспомнитъ закажетъ и пересмотритъ и сама и увязываетъ, твердитъ „вѣрной слугѣ“:

— Скорѣй, мать моя, поѣзжай и сама тамъ на щепочкахъ разогрѣй, чтобы не продымили бѣдному попенькѣ... ему теперь и такъ все противно.

Одинъ „безпартошный баринъ“ Илья Ивановичъ Кривцовъ самъ не посѣщалъ отца Василья, но и то разумѣется только потому, что, держась своей политики, онъ не хотѣлъ надѣвать панталонъ. Однако и онъ освѣдомлялся объ отцѣ Василіѣ черезъ крѣпостную дѣвушку (тогда уже старушку) Аксинью Матвѣевну, и присылалъ ему „гомеопатію“, да разныя смѣхотворныя молитвы собственнаго сочиненія, на что былъ очень досужъ. Молитвы Илья Иванычъ слагалъ „на три случая жизни“—а именно „отъ пьянства, буянства и нощнаго шатанства“. Можетъ быть эти молитвы были нѣсколько кощунственны, но во всякомъ случаѣ очень смѣшны и отецъ Василій ихъ прочитывалъ въ своемъ „туманѣ“, и улыбался, но затѣмъ сейчасъ же сжигалъ.

Деликатность прихожанъ впрочемъ шла гораздо далѣе. Люди знали, что священникъ „послѣ трезвона“ будетъ мучиться,—„будетъ стыдиться глаза показать“ и потому „мѵроносицы“ въ лицѣ Аксиньи Матвѣевны и „вѣрной слуги Дуняши“ должны были не только полечить отца Василія тѣмъ, что ему посылало сердоболье его духовныхъ дѣтей дворянскаго круга, но также „замѣчать его здоровье и тотчасъ докладывать когда онъ годится?“ Обыкновенно не допускали отца Василія до того, чтобы онъ „совсѣмъ оправился“, потому что тогда „очень разстыдится“, а берегли тотъ моментъ, когда онъ только „въ стихъ входитъ“ и тогда, ни мало же не медля, летѣлъ къ нему въ Добрынь посолъ отъ Ивановыхъ съ письмомъ, въ которомъ Настасья Сергѣевна сама, своимъ удивительно четкимъ и красивымъ французскимъ почеркомъ, писала ему, что душа ея скорбитъ, долго лишенная отрады съ нимъ молиться и что она усердно его проситъ завтрашній день пожаловать къ ней съ причтомъ отслужить на дому всенощную.

Въ заголовкѣ письма всегда неизмѣнно стояло: „честной іерей и уважаемый другъ нашъ, отецъ Василій!“, а въ концѣ столь же неизмѣнно подписывалось: „всегда васъ уважающая, духовная дочь ваша Анастасія Иванова“.

Это обыкновенно былъ послѣдній coup de main, который оправ-

Библиотека "Руниверс"

лялъ отца Василія. Вѣроятно, онъ понималъ причину этого побужденія „съ нимъ молиться“ и сейчасъ же брался за молитву одинъ.

III.

Сутки до назначенной въ Зиновьевѣ всенощной отецъ Василій ничего не ѣлъ и только пилъ холодную, родниковую воду въ прикуску съ кусочкомъ сахару. Это ему нравилось. Во все это время онъ плакалъ и молился, какъ Марѳа Тихоновна говорила, „до ужасти“ и за то въ одни эти сутки онъ просвѣтлѣвалъ до прелести, которая для меня остается невыразимой и неописанной. Онъ одухотворялся и при краснотѣ своего лица напоминалъ изображеніе огненнаго серафима. Молиться съ отцомъ Василіемъ всегда было для многихъ удовольствіемъ, хотя онъ служилъ не показно, а просто молился, какъ самый простой грѣшникъ. Я помню, какъ часто по лицу его во время служенія текли столь обильныя слезы, что онъ едва дѣлалъ возгласы. Но когда отецъ Василій молился послѣ своего „трезвона“, тутъ было нѣчто подавляющее до ада и уносящее до самаго небеси небесъ, передъ которымъ палъ и снова возносился этотъ мужиковатый серафимъ...

Къ такимъ всенощнымъ въ сельцо Зиновьево съѣзжались по возможности всѣ дворяне, чтобы облегчить отцу Василію свиданіе вразъ со всѣми. Не можетъ быть, чтобы онъ ничего въ этомъ не понималъ, но разговора на этотъ счетъ не заводилось никакого, да и все такъ устраивалось, чтобы ему некогда было и смущаться. Въ одно время съ посылкой за батюшкой—въ залѣ уже приготовляли столъ, покрытый чистою скатертью и Спасовъ образъ съ лампадою, а съ прибытіемъ отца Василія сейчасъ же зажигали восковыя свѣчи въ обыкновенныхъ шандалахъ и начиналась вечерня. Съ словъ „работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ“ всѣ молились со слезами, особенно Настасья Сергѣевна и самъ отецъ Василій. Она молилась на колѣнахъ, вперивъ глаза къ небу, а онъ стоялъ, потупивъ глаза въ землю, какъ окаменѣлый, но по щекамъ его тихо катились слезы.

Съ окончаніемъ службы от. Василій спѣшилъ домой и его не удерживали, но прощаясь, всѣ цаловали у него руку. Отъ этого не уклонялись ни предводитель, ни высокообразованная старушка парижскаго воспитанія, ни молодыя, изящныя барышни... А руки у отца Василія, какъ у большинства страстныхъ садоводовъ, пахли не розами, которыя онъ разводилъ, а навозомъ, которымъ онъ окапывалъ свои розы и прививки. И этотъ запахъ конюшни былъ съ нимъ всегда съ подправкою ужаснаго запаха крѣпкой махорки, которую от. Василій курилъ изъ обыкновенной, мужицкой трубки, вмѣстѣ со своими батраками.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ день послѣ всенощной въ Зиновьевѣ, отца Василія звалъ служить въ Косарево „безпартошный“ Илья Ивановичъ, сочинитель молитвъ, бывавшій иногда къ подобному случаю самъ въ такомъ расположеніи, отъ какого отрывалъ отца Василія. Илья Ивановичъ очень любилъ пѣть съ дьячками,—особенно „отъ юности моея мнози борютъ мя страсти“, но когда это совпадало съ загуломъ, то онъ пѣлъ „Отъ юности моея мнози бози мя, Спасе, мое“, а далѣе слышалось только что-то въ родѣ звука „зыб-зыб-зыб“, и потомъ трубный раскатъ, „аллилуія, яко-бо прославися“, и наконецъ уже шло что-то совсѣмъ ни къ чему не относящееся и даже вовсе не понятное.

Отецъ духовъ и всякія плоти былъ воспѣваемъ и хвалимъ на языкѣ, котораго не могъ уразумѣть никто изъ смертныхъ.

Деликатность была соблюдена и въ этомъ отношеніи: священникъ уѣзжалъ, видя, что нечего ему много конфузиться,—что всѣ мы люди—всѣ человѣки и, слава Богу, что, валяясь въ безднѣ грѣховной, способны еще хотя гугняво призывать неизслѣдную бездну Отчаго милосердія. (И да сохранена будетъ эта способность каждой живой душѣ).

Словомъ: каковъ былъ попъ—таковъ и приходъ, а попъ нашъ, отецъ Василій, былъ просто мужикъ, окончившій курсъ въ семинаріи и я подробно рисую его портретъ не для праздной забавы, а для того, чтобы показать съ какимъ духовнымъ вождемъ обходилась дворянская знать нашего прихода, и при томъ не только его уважала, но и искренно любила. Этому не мѣшало даже, что от. Василій двадцать лѣтъ назадъ овдовѣлъ въ первый мѣсяцъ послѣ посвященія и матушка Мароа Тихоновна была ему не жена...

Смотрѣли на это вѣроятно по раскольницки „зряще, аки-бы не зряще и не разумѣюще“. Можетъ быть это хуже, а можетъ быть и лучше, чѣмъ резонирующее религіозное безсердечіе, стремящееся къ чужому, а не къ своему исправленію.

Карьеру свою от. Василій заключилъ тѣмъ, что въ одинъ изъ своихъ припадковъ разбилъ себѣ високъ и у него стала не заживающая рана. Онъ увидалъ въ этомъ „перстъ“ и пошелъ въ монахи въ п—скую пустынь, гдѣ велъ жизнь самую строгую и окончилъ ее въ схимѣ. Матушка же Мароа Тихоновна умерла сидѣлкою въ сердобольномъ домѣ. Ее любили и въ деревнѣ, и въ госпиталѣ, и—не моя въ томъ вина,—часто называли „праведною“...

Краткою, но лучшею характеристикою о. Василія было то, что говорили о немъ мужики:

— Весьма преподобенъ: ни чѣмъ не тѣснитъ.

Его съ миромъ проводили и оплакали.

О такомъ событіи, какъ „дворянскій бунтъ“, омрачившій лѣтописи добрынскаго прихода, при отцѣ Васильѣ и на мысль никому не приходило, и я прошу читателя запомнить эту личность дабы лучше сдѣлать сравненія его съ другими, до которыхъ теперь доходитъ очередь.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Другой іерей у насъ былъ отецъ Парменъ, котораго мужики звали гайдебуръ, а другіе—іорникъ. Худого о немъ впрочемъ не говорили болѣе, какъ „востеръ и шиловатъ“. Онъ былъ годами моложе отца Василія, имѣлъ высокій ростъ и очень красивую наружность: стройный, тонкій, съ горбатымъ носомъ. Былъ, подобно отцу Василію, „вдовъ изпервоначала“, но матушки при себѣ не имѣлъ, а жилъ иначе,— „налетомъ“. Запоемъ от. Парменъ тоже не пилъ, а напивался при фантазіи и при случаѣ, но въ такихъ разахъ бывалъ очень буенъ и гайдебурилъ т. е. охотно встрѣвалъ въ споры и храбро дрался. Многихъ от. Парменъ билъ и нѣкоторыми самъ былъ битъ, но это его репутаціи не вредило. Въ трезвомъ состояніи—онъ, по опредѣленію причта, былъ „женонеистовенъ“ и въ семъ настроеніи имѣлъ разныя замѣчательныя фантазіи: иногда онъ уѣзжалъ въ городъ Кромы къ извѣстной въ тогдашнее время „женкѣ“, Марьѣ Саврасьевнѣ (Гервасіевнѣ) и дочери ея Піяшкѣ, и пребывалъ здѣсь у этихъ дамъ въ слабомъ секретѣ, такъ что всѣ объ этомъ знали и говорили: „попъ Пармешка у Саврасихи“.

Но да не усмотритъ никто ему обиды въ томъ, что его иногда называли „Пармешкой“. У насъ говорятъ: дядя Тимошка, тетка Палашка, крестная Аксюшка, а потому возможенъ и попъ Пармешка. Это только своего рода теплота и короткость.

При безденежьи, отецъ Парменъ не ѣхалъ въ Кромы, а ходилъ съ крестьянскими дѣвушками и молодайками въ лѣсъ по грибы и ягоды. Этого отцу Пармену тоже въ осужденіе не ставили, а только просто просили его „бачка не балуй“ и, онъ уважалъ просьбу, ходилъ по ягоды честно и благородно для одного развлеченія своей молодой, вдовцовской скуки.

Особенною порою усиленнаго безпокойства темперамента отца Пармена была осень, когда съ прудовъ загоняли гусей и стада сѣрыхъ утицъ съ селезнями, а на водяныхъ толчеяхъ въ Зиновьевѣ и у насъ на Панинѣ начиналось толченіе замашекъ. Бабъ тогда наѣзжало съ замашками со всего округа и ждали очереди безъ числа и мѣры, а помѣщенія для нихъ было одинъ плетеный сарай, въ которомъ стояла холодная, но густая атмосфера. Годъ отъ года скоплявшаяся здѣсь бѣлая замашная пыль сплошнымъ слоемъ покрывала плетневыя стѣны, которыя отъ этого казались сложенными будто изъ ноздреватаго камня, а сверху эта классическая пыль висѣла длинными лопастями на спускавшихся внизъ хворостинахъ. Вообще, этотъ сарай казался какимъ-то таинственнымъ сталактитовымъ гротомъ, который мое дѣтское воображеніе легко стремилось населить нимфами и сатирами. Да они были здѣсь и въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ—осенней порою, когда пускали толочь. Тогда тутъ

Библиотека "Руниверс"

были настоящіе Содомъ и Гомора. На полу лежали кучи замашекъ, то свернутыхъ бунтами, то навитыхъ на обручи, и между всѣмъ этимъ пыльнымъ скарбомъ сидѣли, лежали и отъ скуки зѣвая потягивались, бабы молодыя, сочныя, охочія къ винцу и поотдохнувшія отъ полевой страды. Вырвавшись на волю со всякимъ поползновеніемъ къ грѣху, онѣ какъ дикарки, отдавались ему безъ всякой удержи, едвали не по произволу каждаго. Это ни во что не ставилось. Онѣ ожидали очереди иногда по недѣлѣ и во все это время считали себя на положеніи жрицъ особаго сладострастнаго культа. По этому на толчеяхъ бывало чертямъ тошно отъ заботы вести записи людскимъ прегрѣшеніямъ.

Съ наѣздомъ этихъ завозчицъ, который начинался, какъ пускали въ ходъ толчею, съ мужскою молодежью господскихъ дворовъ не было никакого сладу. Кучера, лакеи, повара и поваренки—всѣ ходили днемъ сонные, а по цѣлымъ ночамъ ни одного нельзя было отыскать на своей постели. „Толчея идетъ", говорили старшіе и ужъ не взыскивали порядковъ, пока этотъ Содомъ и Гомора кончались.

Простота этого обычая была такъ велика, что въ началѣ, когда здѣсь поселились мои родители, къ отцу моему не разъ приходили молодайки съ жалобами на нашихъ ребятъ за то, что „улестилъ пряникомъ, а потомъ не отдалъ". Разъ, я помню, двѣ бабы даже приводили и самого виновника, чужого человѣка, который „улестилъ мыломъ", а далъ чурбачекъ въ бумажкѣ. Отецъ, человѣкъ очень серьезный и книжный, насилу отвадилъ отъ себя такія разбирательства, но ихъ охотно и мастерски производилъ Н. Г. Ададуровъ,— знатокъ народности и самъ живой мастакъ по этой части.

Разсказы его о выслушиваемыхъ имъ исторіяхъ, въ деревенской скукѣ замѣняли воскресные фельетоны.

Главныя сатурналіи начинались въ упомянутомъ пыльномъ и холодномъ сараѣ, едва освѣщенномъ одною плошкою въ слѣпомъ фонарѣ, а потомъ шла прохлада на „горячихъ снѣгахъ". Такъ называли въ шутку, окружавшій толчею, кочковатый бурьянъ подъ сѣнью огромныхъ, старыхъ ракитъ, въ заиндевѣлыхъ сучьяхъ которыхъ ночевали несмѣтныя стаи крикливыхъ воронъ... Имъ было о чемъ кричать, потому что онѣ все видѣли и больше всѣхъ знали.

Порою, уснувшихъ птахъ тревожили до испуга и тогда онѣ поднимали крикъ, который не скоро успокоивался и, во всякомъ случаѣ, означалъ, что на горячихъ снѣгахъ или пылаетъ любовь, или свирѣпствуетъ ловитва. Это не была ревность, но скорѣе охота, какъ мужики говорили, „ловитва". Но все равно — это было дѣло страстное и за бурьяномъ въ одно время была даже учреждена особая ночная полиція въ лицѣ косого мирошника Мишки, который хотя не былъ обязанъ прерывать любовь, такъ какъ это оскорбило бы самый культъ толчеи, но онъ долженъ былъ не допускать дракъ. Онъ любилъ представлять себя очень бдительнымъ, и при его-то бдитель-

Библиотека "Руниверс"

ности разъ утромъ на горячихъ снѣгахъ подняли изувѣченнаго отца Пармена.

Борода и усы у него было въ крови и на снѣгу была кровь, которая почти ручьемъ лилась у него изо рта.

Его подняли, положили на санки и отвезли домой. Тамъ онъ какимъ-то чудомъ немножко поправился и хотя совсѣмъ не выздоравливалъ, но однако протянулъ до весенняго таянія снѣговъ и умеръ.

Слѣдствія о причинѣ его смерти не было, да и производить его было не кому такъ, какъ у насъ объ эту пору самого станового волки съѣли. Самъ же отецъ Парменъ ни на кого не жаловался, а степенные люди на счетъ его судили такъ, что вѣроятно, когда онъ ночью ѣхалъ одинъ на саняхъ, его какъ нибудь „кобыла задомъ чкнула".

Позже это слово долго жило какъ шутка и прилагалось къ тѣмъ случаямъ, когда хотѣли скрыть что нибудь нескрываемое, и дольше всѣхъ это звучало какъ присловіе въ устахъ поступившаго на мѣсто Пармена новаго третьяго попа, котораго имени почти не употребляли, а звали его просто „Рыжій".

V.

Бунтъ случился однако и не при Рыжемъ и не отъ него, а отъ слѣдующаго за нимъ, до котораго сейчасъ дойдетъ дѣло. „Рыжій" былъ такой огромный и широкоплечій человѣкъ, что на него ни одно облаченіе не приходилось. Самая большая риза, шитая на отца Василія, взлѣзала Рыжему, какъ доломанъ у гусара, — только на одни плечи, и потому онъ съ перваго своего священнодѣйствія много утратилъ во мнѣніи дворянства. „По платью встрѣчаютъ". Рыжій же въ своемъ доломанѣ былъ не величественъ и не „святолѣпенъ", а смѣшонъ. При томъ же онъ имѣлъ очень странное и рѣдкое косноязычіе,—онъ не могъ произносить звука, выражаемаго буквою *к*, и отъ этого нѣкоторыя слова выговаривалъ очень каррикатурно.

Я не знаю даже: какъ его съ такимъ порокомъ посвятили въ священники; но это не наше дѣло.

Дворянство оглядѣло Рыжаго въ церкви и приняло у себя, когда онъ приходилъ являться, но не облюбовало его, и на духъ къ нему не пошло.

Исповѣдоваться у него не могли по тремъ причинамъ: во-первыхъ онъ по очень вѣрному мужичьему опредѣленію былъ „шутоватъ", именно, любилъ играть въ бабки, въ половодье ѣздилъ передъ „оброшниками" въ ризахъ верхомъ; во-вторыхъ, онъ не выговаривалъ буквы *к* и вслѣдствіе того спрашивалъ: „не ралъ ли чего нибудь? не обижалъ ли ого? не соблудилъ ли съ ѣмъ?" А хотя къ этому и можно было привыкнуть, но съ первой же говѣйной недѣли пошла молва, будто кучеръ Тихонъ,

Библиотека "Руниверс"

который хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ Парашѣ, послѣ исповѣди у Рыжаго отказался и началъ говорить Парашѣ про такіе ея грѣхи, которые никто не могъ знать, потому что они происходили въ Москвѣ и въ своемъ мѣстѣ были открыты на духу только одному Рыжему. Можетъ быть это была и не его вина, но „жены цезаря и подозрѣніе касаться не должно",—также и духовника.

Репутація его уже была подорвана, и для дворянъ онъ въ духовники не годился, но мужиковъ конечно исповѣдывалъ, потому что тѣмъ все равно: ихъ грѣхи наружи. А между тѣмъ, какъ Рыжій самъ смѣщалъ себя внизъ, вопросъ о новомъ духовникѣ для дворянъ сталъ ребромъ, такъ какъ въ это время отошелъ въ монастырь Василій и на добрынскомъ приходѣ не стало дворянскаго исповѣдника.

Приходское дворянство, имѣя въ средѣ своей предводителя, просило орловскаго архіерея дать имъ священника „не очень простого". Владыка отвѣчалъ:

— Хорошо, хорошо, обрящемъ по-фантазироватѣй.

Предводитель это передалъ и наши христіанки дворянскаго сословія обрадовались, да даже и заинтересовались: какой такой онъ будетъ этотъ фантазироватый?

Положеніе священника, ожидаемаго на мѣсто отца Василія, было прекрасно подготовлено: очевидно, что дворянскимъ исповѣдникомъ могъ быть только сей, котораго ожидали. Но владыка немножко медлилъ выборомъ и назначеніемъ: очевидно онъ искалъ, но „не обрѣталъ, а хотѣлъ, чтобы выборъ его отвѣчалъ обѣщанію". Тѣмъ и лучше, владыку и не торопили; но наконецъ указъ о назначеніи новаго священника былъ полученъ и произвелъ очень пріятное впечатлѣніе: пріятность эту произвело одно имя новаго священника: онъ назывался Илларіонъ Оболенскій.

Имя звучное, и даже аристократическое. Ясно было, что владыка постарался, да и съумѣлъ выбрать какъ разъ то, что нужно и благородному вкусу соотвѣтственно. Но тѣмъ не менѣе отъ Оболенскаго пошелъ дворянскій бунтъ въ добрынскомъ приходѣ, разметавшій врознь все дворянство.

VI.

Новоприбывшаго іерея Илларіона Оболенскаго мужики тотчасъ прозвали „попъ Варивонъ". Это происходило конечно отъ того, что имя Илларіонъ для нихъ было трудно. Оболенскій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и можетъ быть даже средняго пола. По крайней мѣрѣ съ виду онъ очень походилъ на простоволосую бабу. Не большой, не худощавый и не толстый, а только что называется „гладкій", онъ имѣлъ лицо самое бабственное. Самая волосная растительность у него тоже была расположена по женски: на лицѣ почти ничего, какъ мужики говорили „утло", а коса богатая,

Библиотека "Руниверс"

ниже поясницы. Когда онъ выходилъ въ сѣромъ чрезвычайно засаленномъ подрясникѣ—передъ вами стояла настоящая баба пирожница; когда надѣвалъ широкую, синюю рясу — вы видѣли передъ собою уѣздную купчиху, и только когда онъ покрывалъ голову поповской шляпой, вы невольно восклицали: это чортъ знаетъ что такое!

Въ исторіи нашей поповки Варивонъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что это былъ первый попъ, который почти совсѣмъ не пилъ вина. Случай этотъ, какъ никогда доселѣ невиданный и неслыханный, представлялся совершенно невѣроятнымъ и потому темному сельскому народу должно быть прощено, что онъ этому не вѣрилъ. Мужики говорили, что „іонъ въ ночи одинъ подъ комодой суслитъ". Дворяне по навыку тоже сомнѣвались въ трезвости отца Илларіона и точно также, какъ мужики, полагали, что онъ „солистъ". Но можетъ быть, что все это было не справедливо и держалось только на томъ, что от. Илларіонъ бывая въ приходѣ не пилъ вина, которымъ его подчивали, а сливалъ будто въ боклажку, которую имѣлъ при себѣ, или держалъ въ повозкѣ. Крестьянамъ это не нравилось, потому что на ихъ вкусъ выходило какъ-то сухо.

— Зачѣмъ это такъ баловать, разсуждали они. Подчиваютъ тебя, такъ ты пей, какъ надо по православному, а не сливай.

Но отецъ Илларіонъ былъ очень многосемеенъ и очень бѣденъ и я охотнѣе склоненъ вѣрить тому, что онъ не пилъ свое вино, а берегъ его на какой нибудь нужный домашній случай. Скорѣе даже готовъ вѣрить, что онъ продавалъ эти „сливки", потому опять повторяю,—онъ былъ очень бѣденъ. А очень бѣденъ онъ былъ отъ того, что его постоянно перемѣщали съ мѣста на мѣсто; а перемѣщали его по той причинѣ, что какъ оказалось впослѣдствіи, онъ „склоненъ былъ къ прокриминаціямъ", или, по выраженію нашего острословнаго дьякона, былъ „священно-ябедникъ".

Что тутъ къ чему вело: бѣдность къ священно-ябедничеству, или священно-ябедничество къ бѣдности,—этого не разберешь. Можетъ статься, что кружилось это какъ колесо въ бѣличьей клѣткѣ, такъ что не разберешь: бѣлка вертитъ колесо, или размахавшееся колесо гонитъ прыгать бѣлку. Но былъ онъ бѣднякъ самый не симпатичный и потому еще болѣе злополучный, и такое онъ впечатлѣніе сдѣлалъ на меня съ первой съ нимъ встрѣчи и оно, разумѣется, еще усилилось, когда онъ дошелъ до своего апоѳеоза, задумавъ отправить на каторгу мирныхъ дворянъ нашего добрынскаго прихода.

VII.

Первую важную „причину" за отцомъ Илларіономъ стали сказывать мужики и причина эта заключалась въ томъ, что онъ „понуждалъ", т. е. по ихъ мнѣнію былъ слишкомъ требователенъ, — очень

Библиотека "Руниверс"

много отъ нихъ желалъ. Можетъ быть онъ добивался получать за исповѣдь больше гроша и за молебенъ больше копѣйки и за такую алчность сразу прослылъ „вымогателемъ“.

— Тягостно понуждаетъ.

Стали воспоминать не только безсребренника Василія, но и гайдебураго Пармена и даже Рыжему завидовали,—и тотъ хоть „шутовалъ“, но тягостнаго понужденія отъ него не было. Да и къ тому Рыжій, бывая въ Зиновьевѣ, заходилъ какъ и прочіе православные въ кабакъ и тутъ бывало и самъ кого нибудь поподчуетъ и отъ другихъ чарочку выпьетъ,—все это „по любезному“, а от. Варивонъ если попадетъ въ Зиновьево, то его лошади не видятъ у кабака, а она непремѣнно стоитъ у становаго, или какъ говорили „у поляка“. (Становой, назначенный на мѣсто съѣденнаго волками, былъ полякъ, Альбертъ Осиповичъ Витовскій). И при томъ стояла „Варивонова лошадь“ не у поляковыхъ воротъ, какъ становились, кому была до поляка открытая надобность, а Варивонъ непремѣнно привязывалъ лошадь къ сараю сзадовъ, со стороны буйныхъ и темныхъ конопель.

— Зачѣмъ потаймя ѣздитъ? У насъ такихъ пакостей, чтобы къ становому сзадовъ подъѣзжать попы еще никогда не дѣлали.

И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ онъ сзадовъ подъѣзжалъ?

Дворянъ еще это ни мало не смущало, но между мужиками уже пошелъ говоръ: Крадучись подъѣзжаетъ—значитъ ябедствуетъ. А въ деревнѣ на кого же и ябедствовать, какъ ни на мужика? Про что на него доносить? Кажется—не про что, онъ и самъ такъ думаетъ, а однако тѣмъ ему отъ этого не легче, а страшнѣе.

— Можетъ, де-скать, такое возговоритъ, что и окомъ не окинешь.

Страшно! боязно!

Они его и стали избѣгать, мало по малу всѣ прочь отъ него да и отъ церкви: даже въ праздникъ начали отъ него прятаться. Столикъ съ каравайчикомъ хлѣба передъ избой выставятъ, и копѣйку положатъ, а сами всѣ разбѣгутся.

Началась въ миніатюрѣ борьба тихой земщины съ опричиной, которую представляли собою содружившіеся попъ и полякъ.

Варивонъ, который началъ тѣмъ, что „понуждалъ“, крестьянъ, а потомъ „спознался съ полякомъ“, этимъ же самымъ оттолкнулъ отъ себя и дворянъ, которые не находили необходимой услады обращаться съ своими духовными надобностями къ таковому пастырю. Посѣщая другъ друга на масляницѣ, среди смѣшковъ да шутокъ дамы уговорились за блинами въ своей церкви постомъ не говѣть, а ѣхать говѣть кавалькадою въ Орелъ“, и какъ сказали такъ и сдѣлали. Собрали воедино нѣсколько нуждъ, „а кстати и поговѣть въ теплой церкви“, и отправились „кавалькадою“ въ Орелъ.

Это было очень весело. Съѣхалось нѣсколько возковъ, стали всѣ на одномъ подворьѣ, противъ переулка, который ведетъ къ церкви

Библиотека "Руниверс"

Михаила Архангела и пошли ходить кавалькадами. И гдѣ мы только не бывали? и молились, и по магазинамъ путешествовали, и постничали, кушая трактирные пирожки съ визигой, и по вечерамъ анекдоты другъ другу разсказывали и занимались очистительною критикою ближнихъ и искреннихъ. Говѣнье это было праздникомъ. Но домашнее наше сельское духовенство обидѣлось. Это ему было во всѣхъ отношеніяхъ прискорбно, такъ какъ всѣ дворяне платили за исповѣдь по рублю, а Настасья Сергѣевна Иванова всегда давала золотой „лобанчикъ", который ходилъ тогда 2 р. 60 к. и рубль за теплоту. Все это теперь пошло въ орловскую церковь Михаила Архангела и для Добрыни пропало. Равнодушно къ этому нельзя было относиться, но и помочь дѣлу было трудно. Но когда нельзя бить по коню, тогда съ досады стегаютъ по оглоблямъ. Мужикамъ стало казаться, будто полякъ началъ ихъ очень тѣснить—очень строго съ нихъ подати донимать, часто гонять ихъ дороги подъ губернатора править и проч. и проч.

— Гоненіе на насъ сдѣлалъ, говорили сиволапые политики и выводили, что все это „слѣдуетъ отъ Варивона".

— Онъ поляка подъущаетъ, говорили всѣ въ одну рѣчь и всѣ стали другъ другомъ недовольны, и попъ и приходъ.

А на ту пору прошелъ „холерный годъ" и произвелъ въ приходскомъ дворянствѣ сильное опустошеніе, „въ господскомъ званіи весь мужской полъ побывшился". Первый скончался мой покойный батюшка, а за нимъ переселились въ вѣчность предводитель Ивановъ и „безпортошный" Илья Ивановичъ. Имѣнія остались безъ мужчинъ и началось „бабье царство", при которомъ дошло до того, что мою матушку (благодаря Бога по нынѣ здравствующую) прихожане разъ избрали „старостихою", т. е. распорядительницею и казначеею при поправкѣ нашей добрынской церкви.

Выбирать къ такимъ дѣламъ женщинъ совсѣмъ не въ порядкѣ, но такъ люди захотѣли, такъ и сдѣлали. Не зная хорошо законовъ, сказали просто:

— Либо нехай Лѣсчиха справляетъ, либо ничего не дадимъ. Пусть воробьи не то что въ окна летаютъ, а хоть на головы попамъ сядутъ.

Таково было уже оскуденіе мужского пола. Матушка вела церковныя работы, надзирая за ними вмѣстѣ съ дьякономъ Васильемъ Ивановичемъ, да мужикомъ изъ деревни Хвастовки, Васильемъ Моськинымъ; но при этой реставраціи храма, по ихъ равнодушію къ сохраненію древностей, не сберегли нѣсколько интересныхъ вещей, между коими я помню удивительный образъ, помѣщавшійся внизу подъ мѣстной Богородичной иконой. Онъ назывался „чрево пространное небесъ", и ему ставили свѣчки беременныя бабы. Попамъ обоимъ какъ-то не было довѣрія, ни Рыжему, ни Варивону. Особенно избѣгали Варивона, а онъ „мстивился". Сначала на это жаловался Мось-

Библиотека "Руниверс"

кинъ, который былъ художникъ на всѣ руки, онъ былъ столяръ, токарь, маляръ и слесарь. Имъ дорожили, потому что онъ зналъ толкъ во всякой работѣ, но его вдругъ „полякъ“ гдѣ-то встрѣтилъ, изругалъ такъ и этакъ, и заарестовалъ, Богъ вѣсть за что. Всѣ заговорили, что это за Варивона. Мужикъ испугался и отказался отъ церкви. Потомъ отсталъ и дьяконъ, а наконецъ и матушка уѣхала въ Кіевъ. Прочіе же дворяне, все дамы, заперли для Варивона свои двери, и разлучась съ священствомъ, стали обходиться кое-какъ по безпоповщински. За то „полякъ“ началъ служить у себя каждое первое число мѣсячные молебны. Опять было смущенье: зачѣмъ поляку молебны пѣть? Хорошо ли это? Можетъ быть, что противъ насъ же думаетъ, а нашъ попъ ему еще молебствуетъ? Вѣдь онъ же не нашей вѣры, а нѣмецкой.

А на са самомъ дѣлѣ становой только хотѣлъ возвысить Варивона и создать ему утраченный имъ престижъ достойнаго пастыря. Таковымъ онъ его гдѣ-то и аттестовалъ и даже въ Орелъ ѣздилъ о немъ владыкѣ докладывать, при чемъ будто съумѣлъ какъ то очернить и крестьянъ, и дворянство,—не пощадивъ даже саму Настасью Сергѣевну.

Мужики могли этому вѣрить, потому-что „дворянство все стало плевое,—однѣ бабы. Имъ съ полякомъ не справиться“. Варивонъ поднялъ голову, а у мужиковъ будто бы съ его похвальбы пошелъ слухъ, что полякъ ему скоро „морденъ“ дастъ. Орденовъ же до той поры во всемъ приходѣ не было ни у кого—даже у самаго покойнаго предводителя. По этому понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести слухъ, что „морденъ“ дадутъ Варивону. Въ мужичьихъ представленіяхъ это равнялось тому, что от. Илларіонъ получивъ морденъ станетъ „всѣхъ больше“, такъ что „можетъ Царю про всѣхъ письма писать“.

Какія письма и о чемъ—это было имъ, разумѣется, не ясно, но, конечно, думали такъ, что „про измѣну“; только измѣны о ту пору въ нашихъ мѣстахъ быть не могло, потому-что скрозь были однѣ бабы, на счетъ которыхъ могло быть только одно недоразумѣніе: для чего онѣ, ѣздячи другъ къ другу въ гости, возили въ красномъ ящичкѣ „музыку лото“. Женщины тогда въ разсужденіи политики въ счетъ не шли и вся тяжесть значенія, которое Варивонъ пріобрѣлъ, съ слухами о морденѣ прежде всего обрушилась на самихъ же крестьянъ. Такъ какъ они въ церковь всегда плохо ходили, то „полякъ“ съ Варивономъ стали разыскивать среди нихъ какую-то ересь, послѣ чего мужичковъ „тревожили“. Ересь же вся заключалась въ двуперстномъ знаменьи, которымъ крестится половина православнаго крестьянства орловской губерніи, единственно потому, что „такъ дѣды дѣлали“.

Варивонъ утвердился и писалъ онъ или нѣтъ письмо по мордену, но его боялись, а тѣмъ временемъ лѣта шли какъ слѣдъ по закону,

Библиотека "Руниверс"

и мы молодежь, выпорхнувшая изъ родныхъ гнѣздъ, пришли кому гдѣ довелось по дальнимъ мѣстамъ въ совершеннолѣтіе. И вотъ, въ добрынскомъ приходѣ завелся опять мужской духъ, да еще вдобавокъ въ молодомъ тѣлѣ и со всѣми этими фантазіями, что нужна правда и справедливость и что если мужика напрасно притѣсняютъ, то его въ обиду давать не надо.

Тогда такіе люди были вновѣ, и признаться сказать воспослѣдовали такъ неожиданно, что при появленіи ихъ въ захолустьяхъ на нихъ не знали какъ смотрѣть. Все съ болѣе сильными или слабыми оттѣнками повторялись сцены недоразумѣнія изъ „Отцовъ и дѣтей". Это какъ разъ и была пора упомянутаго романа, въ которомъ не дано никакого участія духовнымъ лицамъ, хотя они тутъ не были безъ дѣла!

Отецъ Варивонъ какъ только завидѣлъ новаго человѣка, такъ почувствовалъ, что тутъ будетъ игра и насторожилъ вниманіе.

VIII.

Человѣкъ о которомъ идетъ рѣчь назывался Петръ Николаевичъ Анцыферовъ. Онъ мой ровесникъ и мой товарищъ съ перваго класса орловской гимназіи. Когда я поѣхалъ изъ Орла въ Кіевъ, Анциферовъ отправился въ Ярославль, окончилъ курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ, немножко послужилъ по министерству юстиціи и возвратясь въ Орловскую губернію женился на одной изъ барышень Ивановыхъ. Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ Зиновьевѣ въ качествѣ помѣщика.

Анциферовъ тогда былъ еще молодъ, но достаточно зналъ свѣтъ, и по характеру былъ что называется—практикъ [1]). Во всѣмъ остальномъ онъ платилъ дань своему возрасту и времени: былъ пылокъ, любилъ добро, питалъ негодованіе ко всякой несправедливости и охотно становился на сторону утѣсненныхъ. Утѣсненные же были на лицо,—сѣрые люди цѣлаго прихода, которые страдали отъ „поляка" и отъ Варивона.

Отецъ Иларіонъ увидѣлъ въ молодомъ помѣщикѣ своего не примиримаго врага, съ которымъ надо бороться на жизнь и смерть и не ошибся. Анциферовъ сталъ за крестьянъ и не давалъ ихъ въ обиду; за малѣйшее притѣсненіе при похоронахъ, или при бракахъ, онъ кипятился и скакалъ то въ Кромы къ благочинному Птицину, то въ Орелъ къ архіерею Поликарпу (Радкевичу) и всякій разъ вы-

---

[1]) Петръ Николаевичъ Анциферовъ и нынѣ еще не старый человѣкъ благополучно здравствуетъ и мы хранимъ съ нимъ давнія товарищескія отношенія. Онъ служилъ товарищемъ прокурора въ Московской губерніи, потомъ мировымъ судьею въ Петербургѣ, а нынѣ разрабатываетъ обильныя залежи чугунной руды въ томъ самомъ Добрынскомъ приходѣ, гдѣ на него было возведено обвиненіе въ составленіи общаго дворянскаго бунта противъ государя.

Библиотека "Руниверс"

игрывалъ справу. Самое продолженіе борьбы казалось невозможнымъ. Варивонъ былъ скрученъ, связанъ и умаленъ до необходимости смириться. О „морденѣ“ теперь уже нечего было и думать. Даже и мужики, почуявъ защиту, стали проговаривать: „нѣтъ, тебѣ отецъ Варивонъ черезъ Петра Миколаича мордена не выдетъ“. Но тутъ, какъ говорила одна проживающая въ нашемъ приходѣ нѣмка „нашла коза на камень:“ отецъ Илларіонъ былъ настойчивъ не менѣе П. Н. Анциферова и противъ прямой оппозиціи молодого помѣщика повелъ самую банальную интригу, которая къ сожалѣнію впослѣдствіи находила у насъ много подражателей всякаго чина и званія.

Отецъ Илларіонъ кое гдѣ слыхалъ, что бываютъ возмущенія противъ власти и что обвиняютъ въ этомъ людей образованныхъ.

Статья эта ему показалась подходящею, и губернская обстановка тому благопріятствовала. Послѣ тихаго и очень умнаго и образованнаго гражданскаго губернатора Валеріана Сафоновича, въ Орлѣ былъ тогда военный губернаторъ графъ Левашовъ, человѣкъ совсѣмъ иного духа [1]). Графъ правилъ энергично и крайне самовластно (настоящая исторія покажетъ до чего онъ способенъ былъ беззавѣтно доводить свое самовластіе). О расправахъ гр. Левашова въ села приходили вѣсти, ставившія его грознѣе „самого Трубецкого“. Въ Трубецкомъ, какъ высшую кульминаціонную точку его правленія, отмѣчали, что онъ „шестерыхъ на Ильинкѣ пеструтинами застегалъ“ (это было съ обвиняемыми въ поджогѣ), а при Левашовѣ было серьезнѣе: при немъ „человѣку разстрѣлъ сдѣлали“. Трубецкой ругалъ скверными словами встрѣчныхъ приказныхъ и купцовъ, а графъ Левашовъ и „съ настоящими дворянами не якшался“. Онъ занимался перестройками и поднялъ значеніе полиціи до того, что ее всѣ не въ шутку стали бояться. Въ этомъ послѣднемъ родѣ особенно поучителенъ былъ случай съ выборнымъ предсѣдателемъ уголовной палаты, Лукіяномъ Ильичемъ Константиновымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, котораго „упекли подъ судъ“ за нетерпѣливое отношеніе къ наглости одного квартальнаго. „Тащы“ и „непущай“ дѣйствовали широко.

Въ воздухѣ пахло какою то специфическою остротою административнаго преобладанія и произвола, а отпора ждать было не отъ кого. Не было уже ни А. П. Ермолова, ни стариковъ Бурнашовыхъ, Сабуровыхъ, Болотова, Афросимова и Абазы, настоящихъ „производи-

---

[1]) Какъ интересную черту нравовъ и настроенія этихъ годовъ реакціи достойно замѣтить, что губ. Сафановичъ оставилъ мѣсто по обстоятельствамъ не имѣющимъ ничего общаго съ политикой; но онъ самъ былъ человѣкъ образованный и образованность и умъ высоко цѣнились и почитались въ его семействѣ. Въ этомъ отношеніи домъ Сафановича былъ положительно пріятнымъ исключеніемъ. И что же: когда началась безобразная реакція, это вспомнили и все старались выдрать наружу.

— Все, говорили, это Валерьянъ Ивановичъ... Бывало самъ за газеты, а дочки за журналы... Даже школамъ сочувствовали,—вотъ и пошло.

И никому дѣла до того, какъ это „пошло“—выходило пошло.

Библиотека "Руниверс"

телей дворянства", которые держали свой вѣсъ и умѣли показать другому честь и мѣсто. О новыхъ предводителяхъ говорили, что они „шаркуны" и на ихъ защиту не разсчитывали, а они этимъ не интересовались. Ябедники и квартальные могли поднять головы, и подняли...

Дабы лишить своего недруга — помѣщика права говорить въ защиту утѣсняемыхъ крестьянъ добрынскаго прихода, отецъ Варивонъ выдумалъ взвести на Анцыферова самое тяжкое государственное преступленіе. И мы сейчасъ увидимъ, что не смотря на недостатокъ самой почвы для этого рода обвиненія, оно надѣлало суматохи, тревоги и не имѣло роковыхъ послѣдствій для обвиняемаго только благодаря большой энергіи и разумной смѣлости моего школьнаго товарища.

IX.

Отецъ Илларіонъ задумалъ смирить и погубить Анцыферова прямо обвиненіемъ въ бунтѣ, который будто бы этотъ всегда строго стоявшій на законной почвѣ человѣкъ затѣялъ „вмѣстѣ со всѣми дворянами" противъ государя императора. По Добрыни, Зиновьеву, Косареву и Хвостовкѣ вдругъ заходили объ этомъ слухи, съ указаніями. что все бунтарское дѣло дворянъ тутъ и происходитъ, у насъ, на р. Гостомлѣ. Всѣ дворяне будто собирались по ночамъ у живого моста на Ярушкахъ, „пили громъ ямайскій". и французскую сладкую водку и безбожною злобою сговаривались на государя за то, что освободилъ крестьянъ, а они „хотятъ все назадъ поворотить". Сказывали, что они и еще будутъ все собираться на Панинѣ въ пустой клунѣ, а потомъ въ Ломовецкомъ лѣсу, или ночью по лугамъ, пока „нахлептавшись грому ямайскаго" совсѣмъ перебунтуются, а тогда заберутъ съ собою „подъ обманное знамя" всѣхъ крестьянъ, и поведутъ ихъ очень далеко отъ дому „противъ царскихъ войскъ Бибича-Западканскаго".

Мужички, разумѣется, и государю преданы и цѣнятъ не облыжнымъ сердцемъ его „благодѣтельство", да и не охота имъ отъ дворовъ идти и ни за что, ни про что, съ Бибичемъ Запалканскимъ биться. Они и встревожились, сначала „въ плипорцію", а потомъ и по больше.

„Секретное и весьма секретное" дѣло объ этомъ до сихъ поръ неизвѣстномъ въ нашей исторіи бунтѣ, составляетъ тайну орловскихъ архивовъ (если только оно тамъ не сгорѣло), и я не могу въ точности передать: какъ тутъ велись какіе подговоры и подстрекательства, но имѣю въ рукахъ документы убѣждающіе, что добрымъ дѣломъ этимъ занимался отецъ Илларіонъ.

Читатели вскорѣ же увидятъ: на какомъ основаніи я имѣю право говорить это съ такою утвердительностію, а пока, прежде чѣмъ мы дойдемъ до документальныхъ соображеній, изложу что помню по раз-

Библиотека "Руниверс"

сказамъ: какъ напали на первые слѣды работы, которую велъ тихою сапою нашъ духовный отецъ.

Открытіе это было случайное, какъ открытіе большинства конспирацій. Отца Илларіона выдалъ „барбосскій погребъ". Люди бывшіе одинъ разъ на базарѣ въ г. Кромахъ, видѣли будто какъ отецъ Илларіонъ вышелъ изъ единственнаго тогда колоніальнаго и виннаго магазина съ вывѣскою „бордосскій погребъ", и съ нимъ будто вышли старшина Аверкинъ и двое зиновьевскихъ крестьянъ, Тишкинъ да Кащеевъ, а немножко попозже вылѣзъ Григорій Котовъ.

Котова догнали и спросили: для какой надобности были въ барбосскимъ погребѣ? Онъ отвѣчалъ: „дѣло было".

— А кто за угощенье платилъ?

Котовъ, будто, отвѣчалъ: попъ.

Больше разговора не было; дѣло завязывалось краткимъ, но зловѣщимъ лаконизмомъ во вкусѣ розыскныхъ дѣлъ XVIII столѣтія.

Довольно того, что они были въ барбосскомъ погребѣ и за угощеніе платилъ попъ, человѣкъ не богатый и не тароватый. На что нибудь ему это нужно было. Въ барбосскій погребъ ходили только судейскіе приказные сговариваться на каверзы.

Обстоятельства скоро показали, что и тутъ было не безъ каверзъ.

Бунтъ начался тѣмъ, что когда зиновьевскіе господа приказали одинъ разъ кучеру закладывать коляску, онъ отказался, а когда у него потребовали объясненія о причинѣ такого отказа, онъ коротко отвѣчалъ:—„не надо ѣхать".

Когда же слуга, передававшій господское приказаніе и отвѣтъ, посланъ былъ позвать кучера къ самимъ господамъ, онъ отвѣчалъ:— „сейчасъ приду", но вмѣсто того заперъ конюшню, экипажный сарай, и чуланъ съ сбруею, взялъ съ собою ключь и ушелъ въ кабакъ.

Тамъ онъ въ присутствіи другихъ трехъ человѣкъ почувствовалъ себя въ большой независимости и давалъ вновь приходившимъ за нимъ посланцамъ отвѣты гораздо рѣшительнѣйшіе. Общій смыслъ этихъ отвѣтовъ былъ тотъ, что онъ лошадей и хомутовъ не дастъ и самъ ни кого не боится, потому что онъ государю своему вѣрный, а не измѣнный и противъ него не пойдетъ, а будетъ сидѣть до самой ночи во царевомъ кабакѣ. Бибичь же пускай наступаетъ съ войсками куда указано [1]).

---

[1]) Я никогда не могъ понять и теперь не понимаю, почему имя Дибича Забалканскаго пользуется такою большою и прочною извѣстностью у крестьянъ нашей мѣстности. Гораздо ближе бы кажется надо знать Ермолова и фельдмаршала графа Каменскаго, которые были орловцы; но ихъ не знаютъ, а „Бибича" знаютъ: онъ для нихъ о сю пору живъ и въ большомъ отвѣтѣ. Если приходитъ слухъ, что наши побѣдили, то это значитъ „Бибичь вѣрно служитъ", а если неудача,—„Бибичь измѣняетъ". Онъ геній войны, но совѣсть у него не надежная: онъ уже не разъ измѣ-

Библиотека "Руниверс"

Изъ этой программы кучеръ не уступилъ ни мало, да и въ другихъ во всѣхъ людяхъ чувствовалось то же настроеніе, что они готовы его поддерживать. Только женскій полъ, какъ болѣе нѣжно къ господамъ приверженный и пребывавшій въ сторонѣ отъ политическаго движенія, которое имъ и не угрожало необходимостью идти противъ Бибича, не отнималъ у господъ своей дружбы. Женщины ежечасно сообщали новыя вѣсти, но вѣсти эти были не успокоительны, а напротивъ могли только увеличить тревогу. Въ лунную ночь, которая слѣдовала за описаннымъ днемъ возмутительнаго кучерскаго ослушанія, горничныя дѣвушки видѣли, будто бы, какъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ спрятались въ развалинахъ старой зиновьевской церкви, которую много лѣтъ на ряду крестьяне раскрадывали на кирпичи для печекъ, и стояли будто бы всѣ эти мужики съ дубьемъ, покуривали трубки и, не спуская глазъ съ господскаго дома, все говорили: „выходи-ка, выходи!“ Кромѣ этого самоличнаго видѣнія и слышанія, дѣвушки еще слышали, отъ другихъ, будто за нашимъ Панинымъ, у живого моста на Ярушкахъ, тоже былъ „бекетъ“, и всю ночь костеръ горѣлъ. Мужички изъ Кривцова и съ Хвостовки привалили сюда будто бы въ ночное съ конями и всю ночь не спали, а сидѣли у огня страшные-престрашные, все „дворянъ стерегли“ и въ концѣ концовъ подъ утро приняли ѣхавшаго на ярмарку разносчика съ пряниками за непріятеля, обревизовали его кладь и, значительно оную облегчивъ, отпустили его съ миромъ продавать остатки.

Какихъ же они „дворянъ“ сторожили? Опять повторяю, никого изъ дворянъ кромѣ женщинъ и Петра Николаевича Анцыферова во всей окружности не было, и Петръ Николаевичъ могъ съѣзжаться на заговоръ только развѣ самъ съ собою. И православные не могли этого не знать, но они были введены въ заблужденіе, что „іонъ подговорилъ противъ государя всѣхъ господъ и вотъ они всѣ съѣдутся изъ Орла, изъ Фатежа и изъ Дмитровки“. Вся эта пространная мѣстность, шире которой не могла обнять недальнозоркая мужичья фантазія, „вся скрозь“ взялась революціею. Мужики встревожились, и сами встревожили дворянъ, до которыхъ въ нѣсколько дней дошло множество вѣстей одна безпокойнѣй другой. Въ одномъ мѣстѣ дама ѣдучи въ гости съ „музыкою лото“ повстрѣчала мужика на возу и когда кучеръ крикнулъ ему—„сворачивай олухъ!“—тотъ отвѣчалъ:

— Куда сворачивать? Нѣшто не видишь я съ возомъ.

нялъ, и его надували,—замѣсто боченка золота дали ему боченокъ песку. Сверху только рядка два были изъ червонцевъ. Онъ и ударилъ отбой, а потомъ какъ разсмотрѣлъ, что песокъ,—опять возворотился и всѣхъ побилъ. Тутъ ему все и прощено и на службѣ оставленъ. Въ новѣйшее время, говорятъ, будто прошли слухи о Скобелевѣ, только онъ все-таки подъ началомъ у Бибича—„въ подручныхъ“, и Бибичь далъ ему побѣдительный корень, который можно съ собой возить только на бѣлой лошади. Вѣроятно слухъ о Бибичѣ занесенъ сюда случайно, но тутъ пришелъ какъ то по сердцу и сталъ неумирущимъ.

Библиотека "Руниверс"

Это принято какъ дерзость и задирательство.

Изъ Кромъ пріѣхалъ гость и жаловался:

— Ну ужъ у васъ мужики!

Молока ему пить захотѣлось и онъ приказалъ гдѣ-то бабѣ: „Дай мнѣ кувшинъ молока, я тебѣ гривенникъ дамъ.“

А баба посмотрѣла на него и молча дверь у него передъ носомъ затворила.

Духъ неповиновенія сказывался множествомъ и другихъ подобныхъ же примѣровъ, которыхъ я не помню, но были и открытыя угрозы, вдругъ наполнявшія дамскія сердца ужаснымъ страхомъ.

Изъ Кривцова былъ посланъ въ Зиновьево за виномъ приказчикъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Дѣло было передъ сумерками; къ ночи онъ долженъ былъ привезти вино, но вмѣсто того явился гораздо ранѣе, съ пустымъ боченкомъ и всего на трехъ колесахъ. Четвертое у него сломилось а поднять и снова надѣть это колесо было невозможно.

Въ большихъ попыхахъ отъ перепуга, приказчикъ разсказывалъ, что онъ ѣхалъ рысью „ржами“ (т. е. ржанымъ полемъ) какъ вдругъ видитъ въ сторонѣ отъ панинскаго пруда вышелъ изъ ржей Василій Моськинъ весь мокрый въ соломенномъ шлычкѣ да въ рубахѣ, на поясу на ремешкѣ двѣ дикія утки висятъ, и ружье на плечахъ, а ноги босыя и портки не надѣты. Вышелъ и сталъ на самой серединѣ дороги, по которой приказчику надо ѣхать, да и смѣется... А зубы у него говоритъ, бѣлые пре-бѣлые. Приказчикъ сталъ сдерживать лошадь и подъѣзжая опросилъ—„чего ты дядя Василій, тутъ сталъ“? А тотъ опять усмѣхнулся и проговорилъ только короткое слово: „подъѣзжай скажу“. Ну, тутъ приказчикъ уже сообразилъ что дѣло плохо, вдругъ повернулъ лошадь круто на одномъ мѣстѣ, такъ что насилу на дрожкахъ усидѣлъ и во всю прыть ускакалъ назадъ. „Такъ, говоритъ, лошадь поролъ, что Боже сохрани“, а самъ чувствовалъ, что его все назадъ съ дрожекъ валитъ, да только какъ къ деревнѣ сталъ подъѣзжать оглянулся и видитъ лѣваго задняго колеса нѣтъ.

Такой переполохъ не могъ скрыться, тѣмъ болѣе, что послѣдствіемъ этого случая водки для всѣхъ пріѣхавшихъ изъ Кромъ гостей къ ужину не было, и гости, возвратясь домой, всѣмъ могли свидѣтельствовать, что въ селахъ странное и страшное возбужденіе и господа у крестьянъ, черезъ дерзость сихъ послѣднихъ, ничего не могутъ достать, ни водки, ни молока да и самой прислуги своей должны бояться. Говорили: „остается бѣжать“, и кое-кто уже сбѣжали: однѣ въ Кромы, другіе въ Орелъ, а третьи въ дальнія мѣста къ родственникамъ, гдѣ бунта еще не было слышно.

Были и оскорбительныя насмѣшки: такъ напримѣръ колесо съ бѣговыхъ дрожекъ, которое потерялъ кривцовскій приказчикъ не пропало, а явилось тою же ночью на скотномъ дворѣ, гдѣ всегда ста-

Библиотека "Руниверс"

ивали эти дрожки, но никто его сюда не приносилъ, а очевидно перешвырнулъ черезъ сарай и при этомъ сразу разбилъ имъ три большія корчаги съ зольнымъ бѣльемъ, которое все послѣ того надо было перестирывать. Было и еще что-то много разсказывано, но всего не припомню. Все страхи, разумѣется, пустые, но при готовомъ настроеніи они дѣйствовали очень сильно, и на этотъ счетъ нельзя строго осуждать дворянъ добрынскаго прихода, которые чувствовали, что противъ нихъ дѣйствуетъ какая-то клевета, что крестьяне перестаютъ сворачивать съ дороги и кланяться, и что они вообще очутились „у мужиковъ въ лапахъ". Припомните газетныя хроники 1880 года, когда жоны офицеровъ петербургской гвардіи въ безсмысленномъ страхѣ стремились бѣжать изъ казенныхъ квартиръ, охраняемыхъ военнымъ карауломъ, и если потомъ сравните съ этимъ страхъ и бѣгство дворянокъ добрынскаго прихода, которыхъ во всякомъ случаѣ войска не защищали, то вы должны отнестись къ ихъ поступкамъ снисходительнѣе. Кучеръ, который не хочетъ запрягать въ городѣ, и кучеръ, оказывающій такое же сопротивленіе въ деревнѣ— производятъ очень различное впечатлѣніе.

Струсить было простительно, простительно было принимать безъ критики и тѣ тревожныя вѣсти, въ которыхъ по здравому о нихъ разсужденію не было и не могло быть ничего тревожнаго. А почему это простительно, спросите о томъ несомнѣнной храбрости людей, которые участвовали когда либо на маневрахъ и знаютъ, что такое фальшивая тревога, нагоняющая такъ называемый „барабанный страхъ". Барабанщику приказано блюсти сигналъ и тотчасъ же моментально бить тревогу. Онъ блюдетъ и напряженность вниманія въ немъ достигаетъ такой степени, что онъ иногда принимаетъ за сигналъ шутиху, пущенную въ саду дѣтями на сосѣдней дачѣ, или просто, говоря по солдатски „гдѣ что пукнетъ". И бьетъ барабанщикъ тревогу, и встаютъ и сѣдлаютъ коней усачи, все готово, а идти не зачѣмъ и некуда. По разсказамъ военныхъ, это на петербургскихъ маневрахъ случается съ какою-то роковою точностію въ десять лѣтъ непремѣнно три раза. Значитъ нельзя безъ этого.

Но вотъ въ исторіи добрынскаго бунта насталъ новый моментъ, который придалъ всему сразу настоящій оффиціальный характеръ: въ дѣло вмѣшалась власть, и притомъ пошла какъ по писаному. Очевидно ей было все извѣстно.

„Потревожили" въ Кромы добрынскаго старшину Аверкина и зиновьевскихъ крестьянъ Якова Тишкина, Николая Кащеева, Христофора Азорова, Лаврентія Кузнецова и Григорія Котова. Это были тѣ самые, которые находились по разсказамъ въ извѣстный день въ Кромахъ въ барбосскомъ погребѣ съ Вариваномъ; они конечно знали о бунтѣ и должны были указать правительству бунтовщиковъ. „Потревожили" ихъ сначала въ Кромы, а потомъ „къ самому грапу". А какъ у всякаго мужика въ домѣ есть бабы, то бабы „завыли"

Библиотека "Руниверс"

такъ ужасно, что вѣроятно опять слышенъ бысть гласъ въ Раммѣ. Рыдали бабы и не хотѣли утѣшиться, потому что „грапъ сдѣлаетъ мужикамъ разстрѣлъ", а куда же мужикъ послѣ разстрѣла годенъ? Зарыть его только въ землю, тогда какъ онъ нуженъ на то, чтобы обработывать въ потѣ лица эту землю. Бабы убивались правильно, но тѣмъ не менѣе черезъ ихъ плачь и причитанія мѣстность до того темная, но тихая, явилась въ печальнѣйшемъ настроеніи и вся бредила политикою, въ которой никто и ничего не понималъ. Кто бунтуетъ—дворяне или мужики, которыхъ „потревожили", теперь уже нельзя было и разобрать сидя въ деревнѣ, но только картина была тревожная, отвратительная и для мало-мальски добраго человѣка обидная и несносная. Но вотъ наконецъ наступило второе дѣйствіе: „потревожили" П. Н. Анцыферова. Въ существѣ онъ самъ поскакалъ въ Орелъ на встрѣчу поднимавшейся политической бурѣ, но говорили что его „потревожили".

Мужики этому обрадовались, не по какому либо злому чувству, а потому, что видѣли тутъ „оборотъ". Петра Николаевича основательно почитали человѣкомъ резоннымъ и опытнымъ, „дошлымъ" и стали говорить: „іонъ имъ доведетъ, іонъ учкнетъ". Онъ и дѣйствительно довелъ и учкнулъ.

Теперь дѣло переходитъ изъ сельскихъ палестинъ, гдѣ съ нимъ возились темные деревенскіе люди, въ города, гдѣ его приняли въ свои руки образованные представители свѣтской и духовной власти, сдѣлавшія, какъ я буду имѣть возможность сейчасъ показать, все, чтобы оставить навсегда въ памяти свою серьезность, основательность и способность оцѣнить характеръ событія и раздѣлаться съ нимъ по разуму и по совѣсти. Отсюда начинается сугубый интересъ, и если могу такъ выразиться сугубая срамота.

X.

Изъ находящихся въ моихъ рукахъ несомнѣнныхъ копій по этому много меня интересовавшему дѣлу родного прихода видно, что „коллежскій ассесоръ Петръ Анцыферовъ, проживающій въ сельцѣ Зиновьевѣ кромскаго уѣзда, доводилъ до свѣдѣнія его преосвященства (преосвященнаго Поликарпа Радкевича, епископа орловскаго и сѣвскаго) что приходскій села Добрыни священникъ Илларіонъ Оболенскій возмущаетъ крестьянъ къ бунту и, подкупивъ одного изъ нихъ возвесть на него Анцыферова небывалое и страшное преступленіе, будто онъ Анциферовъ знаетъ преступника, покушавшагося на жизнь Государя Императора и участвовалъ на сборныхъ пунктахъ. При чемъ онъ Илларіонъ Оболенскій убѣждаетъ крестьянство, будто въ этомъ преступленіи участвуетъ все дворянство, изъ котораго уже громадное количество взято и увезено въ крѣпость".

Библиотека "Руниверс"

Преосвященный Поликарпъ распорядился вызвать священника Оболенскаго въ орловскую духовную консисторію и тамъ истребовать отъ него объясненія противъ жалобы Анцыферова.

Отца Илларіона вызвали въ Орелъ и спросили. Онъ ни въ чемъ не сознался, а сказалъ, что онъ самъ про такія дѣла слышалъ отъ зиновьевскаго крестьянина Тишкина и съ его словъ „заявилъ другимъ крестьянамъ".

Оболенскаго отпустили, а губернатору графу Левашову передали копію съ объясненія, которое далъ от. Илларіонъ и изъ котораго было видно что только не от. Илларіонъ доносчикъ, но что политическое дѣло въ добрынскомъ приходѣ все таки есть и имъ руководитъ Анцыферовъ и подбиваетъ всѣхъ дворянъ. Измѣнялся только первоисточникъ открытія: оказывалось, что настоящія свѣдѣнія о дворянскомъ бунтѣ имѣетъ зиновьевскій крестьянинъ Тишкинъ.

Губернаторъ написалъ „весьма нужно и весьма секретно" кромскому исправнику, а тотъ пошелъ „тревожить", сначала указаннаго священникомъ Тишкина, а потомъ и другихъ, которые вмѣстѣ съ нимъ бесѣдовали въ барбосскомъ погребѣ и должны были имѣть точныя свѣдѣнія о дворянскомъ бунтѣ, задуманномъ въ кромскомъ уѣздѣ съ развѣтвленіемъ его на всю имперію.

На владыку Поликарпа нечего и нарекать: онъ въ настоящемъ случаѣ и не могъ иначе поступить, да и вообще онъ, какъ увидимъ, сидѣлъ на каѳедрѣ какъ-то въ родѣ невмѣняемаго. Онъ былъ человѣкъ не худой, даже можно сказать добрый, если только вразумительно ему покажется, гдѣ лежитъ путь къ добру; но на бѣду свою и другихъ людей,

„Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда".

Къ тому же онъ постоянно недомогалъ и, употребляя опять стихотворное опредѣленіе—

„Зависѣлъ весь отъ сна и отъ сваренія желудка".

У него было два главнѣйшія состоянія: одно, когда его „крѣпило", и другое когда его „слабило", и въ обоихъ этихъ состояніяхъ его преосвященству было не до дѣлъ его правленія, а средняго положенія между двумя крайностями слабый и разстроенный организмъ владыки „не соблюдалъ". По этому настроенію владыки Поликарпа, старая подъяческая система отписки была для него безъ сомнѣнія самая подходящая и лучшая: „подписано и съ рукъ долой".

О томъ, что повлечетъ за собою такая отписка для живыхъ лицъ, до которыхъ она касается, охотники до отписокъ не заботятся, и архіереи въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія.

„Жандармскій полковникъ", т. е. мѣстный жандармскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, по наблюденіямъ внимательныхъ людей, уже нѣсколько разъ въ Петербургъ „за проволоку дергалъ и херами выписывалъ". Приносились шифрованныя депеши и ему. Словомъ, завязался совсѣмъ бунтъ какъ слѣдуетъ и шолъ въ порядкѣ съ шиф-

Библиотека "Руниверс"

рами и съ письменными донесеніями, которыя должны лежать въ III Отдѣленіи, доколѣ ихъ достигнетъ прилежная рука историка и „пыль временъ съ доносовъ отряхнувъ“ покажетъ солидность разума иныхъ охранителей нашего времени.

Вообще, надо сказать, что начальство, предоставленное само себѣ, никакъ не могло поставить себя въ настоящія отношенія къ дѣлу и къ лицамъ. Отношенія къ Анцыферову колебались; — повидимому не знали: принимать ли его и сажать и выслушивать, или не принимать и не выслушивать, а просто сразу только взять и посадить куда надо, какъ злѣйшаго врага порядка въ отечествѣ. Въ собесѣдованіяхъ съ нимъ и на счетъ его чувствовалась сильная фальшь, точно говорящіе не могли никакъ соразмѣрить своего діапазона съ пространствомъ, и, не будучи въ состояніи отыскать музыкальную ноту въ голосѣ, они постоянно забирали то очень высоко, то низко, то хрипѣли, то гундосили, а найти настоящаго тона, въ которомъ слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ, все таки не могли. Но наконецъ онъ былъ найденъ и дѣло сейчасъ же получило иное и притомъ самое настоящее освѣщеніе. И надо замѣтить, что этотъ благополучный stand-punkt былъ указанъ вовсе не графомъ Левашовымъ и не политикомъ секретной части его канцеляріи, равно какъ и не жандармскимъ штабъ-офицерамъ, и не владыкою Поликарпомъ, а нѣкіимъ изъ подчиненныхъ сего послѣдняго.

Между тѣмъ, пока вся эта политическая тревога, перейдя изъ Добрыни въ Орелъ, разгоралась и неизвѣстно въ какихъ видахъ передергивалась по проволокѣ „херами“ въ столицу,—кромской благочинный, Успенскаго собора протоіерей Василій Птицынъ, 27 мая, 1866 года, прислалъ преосвященному Поликарпу „репортъ“, въ которомъ нельзя не видать его ума и мужества, съ коими онъ рѣшился выступить, чтобы помочь начальству понять въ чемъ заключается все дѣло.

Протоіерей Птицынъ, ничего не скрывая, подтвердилъ, что въ его благочиніи дѣйствительно совершилась описанная неблаговидная исторія, но что при сужденіи о ней прежде всего надо знать личность іерея Оболенскаго, который „уже давно извѣстенъ своею склонностію къ навѣтамъ и ябедамъ всякаго рода“ и что послѣднее произшествіе подтверждаетъ мнѣніе, состоявшееся о немъ у многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, коротко знающихъ его, а именно, что страсть къ криминаціямъ и контркриминаціямъ у Оболенскаго обратилась въ умопомѣшательство и сумашествіе“.

А по сему, кромской благочинный „полагалъ, что Оболенскому ни мало не медля слѣдуетъ запретить священнодѣйствіе“.

На репортѣ семъ резолюція его преосвященства послѣдовала такова: „Устранить священника Оболенскаго отъ церкви, запретивъ ему священнослуженіе, ношеніе рясы и рукоблагословеніе, и доколѣ не потребуетъ его гражданское начальство, не пускать его изъ го-

Библиотека "Руниверс"

рода Орла, и имѣя въ виду письмо г. Анцыферова, показаніе Оболенскаго и донесеніе благочиннаго, и сообразивъ все, отправить его въ губернское правленіе, для освидѣтельствованія его въ умственныхъ способностяхъ". Повѣрилъ или не повѣрилъ владыка Поликарпъ донесенію Птицына о сумасшествіи Оболенскаго, но онъ очевидно оцѣнилъ благоразуміе новаго направленія въ дѣлѣ и не помирволилъ добрынскому „священно-ябеднику". Напротивъ, съ этой поры въ дѣлѣ встрѣчается тотъ non sens, что объ отцѣ Илларіонѣ говорятъ какъ о сумашедшемъ и потомъ тоже какъ не о сумашедшемъ, отчего къ концу и воспослѣдовала самая рѣшительная нелѣпость.

XI.

Орловская духовная консисторія „разсмотрѣвъ сіе постановила: по исполненіи резолюціи его преосвященства потребовать (sic) отъ господина орловскаго губернатора свѣдѣній; въ чемъ именно и на сколько оказывается виновнымъ священникъ Оболенскій"?

Консисторія первая произнесла слово: виновенъ Оболенскій.

Губернаторъ гр. Левашовъ на это „требованіе" отвѣчалъ не консисторіи, а прямо написалъ архіерею, что онъ гораздо ранѣе „имѣлъ отъ кромскаго уѣзднаго исправника дознаніе по означенному случаю и кромѣ того лично распрашивалъ старшину села Добрыни, Аверкина, и временно-обязанныхъ крестьянъ села Зиновьева, Якова Тишкина, Николая Кащеева и Григорія Котова, которые всѣ подтвердили, что помянутая жалоба помѣщика Анцыферова справедлива. А потому, признавая вреднымъ оставить священника Оболенскаго въ мѣстѣ настоящаго пребыванія, въ кромскомъ уѣздѣ, губернаторъ просилъ его преосвящество о перемѣщеніи священника Оболенскаго на таковую же должность въ другой уѣздъ. Въ противномъ случаѣ, писалъ графъ Левашовъ,—онъ не можетъ принять на себя отвѣтственность за безпорядки, которые могутъ произойдти отъ оставленія на службѣ въ кромскомъ уѣздѣ священника Оболенскаго".

Губернаторъ съ архіереемъ расквитовались во взаимномъ уваженіи къ предѣламъ власти, предоставленной тому и другому. Орловская духовная консисторія, какъ мы видѣли, „требовала" отъ графа свѣдѣній, въ чемъ виновенъ священникъ Оболенскій, который, по удостовѣренію благочиннаго, „отъ страсти къ криминаціямъ и контрокриминаціямъ пришелъ въ умопомѣшательство и съумашествіе". Графъ Левашовъ прямо и ясно на это не отвѣчаетъ: онъ не хочетъ сказать, что Оболенскій виноватъ въ тяжкой политической клеветѣ. Губернаторъ ограничивается увѣдомленіемъ, что „жалоба помѣщика Анцыферова справедлива", т. е. что от. Илларіонъ выдумалъ общедворянскій бунтъ, которымъ руководитъ Анцыферовъ, и подбивалъ

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ противъ дворянства, но то, что заварившій всю эту кашу от. Илларіонъ сошелъ съума, графа какъ бы и не касается. Онъ этому какъ будто не вѣритъ, или не считаетъ этого важнымъ, и въ отвѣтъ на „требованіе“ консисторіи ни мало сумняся пишетъ архіерею, чтобы тотъ оставилъ помраченнаго криминалиста священникомъ, но только „перемѣстилъ бы его на таковую же должность въ другой уѣздъ“. Здѣсь онъ набуровилъ,—пускай еще тамъ побуровитъ.

Но этого мало: въ бумагѣ, которою губернаторъ указывалъ владыкѣ орловскому и сѣвскому, какъ онъ долженъ распорядиться съ Оболенскимъ,—стояло нѣчто еще болѣе самовластное, безправное и даже едва ли не слѣдуетъ сказать наглое, въ смыслѣ возмутительнаго вторженія генерала въ чисто церковное дѣло. Въ бумагѣ, которую губернаторъ писалъ къ архіерею, чтобы пришедшаго отъ страсти къ ябедамъ въ съумашествіе священника опредѣлить опять на другое священническое мѣсто, графъ Левашовъ, „присовокупилъ, что онъ не желаетъ, чтобы Оболенскій былъ лишенъ духовнаго сана, а проситъ перевести его въ другое мѣсто и о послѣдующемъ увѣдомить“...

Онъ, графъ Левашовъ, не желаетъ, чтобы не священствовалъ человѣкъ омрачившій свой умъ или свое доброе имя,—человѣкъ, священство котораго становится послѣ этого скандаломъ и профанаціею религіи,—какъ это и понялъ правильно архіерей... Какое значеніе должно имѣть такое желаніе графа для преосвященнаго владыки? Конечно значеніе желанія неосновательнаго мірянина и губернатора не ясно понимающаго предѣлы своей власти.

Но что же сдѣлалъ владыка Поликарпъ—почувствовалъ онъ оскорбительную обиду, которая совершенно безправно была нанесена самочиннымъ губернаторомъ высокому сану предстоятеля церкви? далъ онъ графу достойный своего положенія и твердый отпоръ и остался непоколебимъ въ своемъ правильномъ убѣжденіи, что ни обличенный политическій клеветникъ, ни съумашедшій, не можетъ и не долженъ священствовать ни въ кромскомъ, ни въ иномъ уѣздѣ? что если губернатору идетъ дѣло объ одномъ полицейскомъ спокойствіи кромскаго уѣзда, то святителю церкви тутъ идетъ о несравненно большемъ,—о избавленіи совѣсти людей отъ соблазна, а святительскаго сана отъ нарѣканія?

Кажется, всего этого такъ бы и слѣдовало ожидать, тѣмъ болѣе, что все это требовалось настоящими интересами церкви и не составляло ровно никакой ни „стропотности, ни о грубости“ со стороны архіерея. Да если бы и такъ, то еще не великъ страхъ для архіерея въ губернаторѣ. Пусть Поликарпъ не Филиппъ Колачовъ, да вѣдь и графъ Левашовъ не Иванъ Грозный, а такой же „калифъ на часъ“, какъ и прочіе. Но дѣло показываетъ, что епископъ думалъ совершенно иначе.

Владыка не возвысилъ голоса на ту высоту съ какой ему подобало прозвучать въ защиту неприкосновенности его святительскаго права

Библиотека "Руниверс"

охранять свою паству, а безъотвѣтно принялъ полученное отъ губернатора указаніе... Только стыдясь открыто покориться дерзости указывавшаго ему мірянина, преосвященный Поликарпъ передалъ оскорбительную для чести его святительскаго сана бумагу въ орловскую духовную консисторію на ея распоряженіе. И это было не худшее, ибо консисторія измыслила къ удовлетворенію графа Левашова удивительное мѣропріятіе, въ коемъ одна странность противорѣчитъ другой.

XII.

Наведя по канцелярскому порядку на справку все извѣстное объ умопомраченномъ криминалистѣ и контро-криминалистѣ Илларіонѣ Оболенскомъ, орловская консиситорія заслушала написанную губернаторомъ въ начальственномъ тонѣ бумагу къ архіерею и „приказали: нынѣ же удалить священника Оболенскаго изъ села Добрыни, пославъ туда согласно резолюціи его преосвященства священника Некрасова, коему заготовить перехожій указъ и для выдачи ему препроводить мѣстному благочинному, а на мѣсто Некрасова, въ село Студенецъ предназначить Оболенскаго. Но (отсюда начинаются заковыки) прежде разрѣшенія ему священнодѣйствія и выдачи указа, взять его въ орловскій архіерейскій домъ для усмотрѣнія, а потомъ, согласно резолюціи его преосвященства, отправить его въ орловское губернское правленіе для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ, для чего и вызвать его въ консисторію черезъ благочиннаго“.

Все это безъ малѣйшей утайки унизительной для архіерея требовательности губернатора цѣликомъ изложено въ указѣ, данномъ кромскому протоіерею Птицыну 21 іюня 1866 года за № 4990-мъ, съ присовокупленіемъ, чтобы благочинный Птицынъ „высылая Оболенскаго въ консисторію, въ тоже время обязалъ его подпискою перевезть все имущество съ семействомъ въ село Студенецъ“.

Сколько во всемъ этомъ нелѣпости, противорѣчій и жестокосердія, и какъ ясно, что все это происходитъ отъ одной безхарактерности и униженія, въ которое преосвященный Поликарпъ позволилъ поставить носимый имъ высокій санъ преосвященнаго.

Сведемъ вкратцѣ итоги этихъ распоряженій заключившихъ пустую, но комическую и каверзную исторія бунта „всего дворянства“, измышленную на добрынской поповкѣ.

Былъ или не былъ Илларіонъ Оболенскій въ сумасшествіи отъ обуявшей его страсти къ криминаціямъ и контра-криминаціямъ, допустимъ то и другое, какъ будто совершенно для насъ безразличное. Дадимъ даже вѣру тому, что говорилъ весь добрынскій приходъ и „вся благочинническая округа“, т. е. что Илларіонъ Оболенскій отнюдь съ ума не сходилъ, а былъ просто врожденный и неисправимый

Библиотека "Руниверс"

ябедникъ. Пусть будетъ справедливо и то, что благочинный Птицынъ увидавъ, какъ от. Илларіонъ „сталъ достигать вышнеполитики“ для избавленія его и всего начальства выказалъ свою находчивость и обнаружилъ на Оболенскаго фортелэ, яко бы все то имъ содѣяно въ безуміи... „Острый смыслъ“ кромскаго протопопа, который сдѣлался въ этомъ случаѣ предметомъ общаго восхваленія, во всякомъ случаѣ намѣтилъ единственный благополучный исходъ для возникшаго въ его благочиніи политическаго случая. При томъ это фортелэ было и самое милостивое; оно дѣлало сочинителя бунта невмѣняемымъ и потому неотвѣтственнымъ за его ужасныя клеветы. Посидѣть за этакую исторію немножко въ сумашедшемъ домѣ уже не бѣда, а потомъ, по выздоровленіи, опять можно будетъ получить право священнослуженія, рясоношенія и рукоблагословенія. И при этомъ семьи Оболенскаго изъ Добрыни не тревожили бы, а его самого поиспытали бы и потомъ поступили бы съ нимъ по усмотрѣнію. Усмотрѣніе, вѣроятно, было бы для отца Илларіона довольно поучительное, но оно за то въ самомъ дѣлѣ выяснило бы владыкѣ нравственное и умственное состояніе маньяка.

Но губернаторъ все это коверкаетъ по своему и является административная путаница гораздо безтолковѣе мужичьей.

Губернаторъ вполнѣ удостовѣрился, что жалоба Анцыферова справедлива, что священникъ Оболенскій возмущалъ крестьянъ противъ дворянства, увѣряя ихъ, что „все дворянство“ повинно въ бунтѣ, а Анцыферовъ знаетъ даже злоумышленника на жизнь Государя.

Обвиненіе страшное. Если бы оно было справедливо, оно могло стоить Анциферову головы; но какъ оно оказалось несомнѣнно несправедливымъ, то клеветникъ конечно подлежалъ самой строгой карѣ. Одно средство смягчить его участь было „фортелэ“ благочиннаго: предъявить Оболенскаго міру въ состояніи невмѣняемости по сумашествію.

Простой здравый смыслъ и справедливость, кажется, обязывали бы губернатора, если онъ не вѣрилъ умопомѣшательству Оболенскаго, сообщить о политическомъ клеветникѣ прокурорскому надзору, а если онъ вѣрилъ сообщеніямъ благочиннаго объ умопомѣшательствѣ Оболенскаго, то не мѣшать архіерею исполнить его планъ объ освидѣтельствованіи маньяка. Но гр. Левашовъ не хочетъ ни того ни другого: онъ какъ бы не желаетъ допустить, что политическіе клеветники возможны и существуютъ. Ему нѣтъ дѣла до того, что ни уличенный клеветникъ, ни сумашедшій, не можетъ быть священникомъ; его желаніе—законъ, даже оно выше закона не только свѣтскаго, но и духовнаго, и маститый Поликарпъ, владыка орловскій и сѣвскій, не противорѣчитъ фантазіямъ графа: онъ „предназначаетъ сумасшедшаго Оболенскаго священникомъ въ село Студенецъ.“

Я говорю „сумашедшаго“ потому, что съ назначеніемъ Оболенскаго священникомъ въ Студенецъ ради исполненія желанія губер-

Библиотека "Руниверс"

натора, консисторія продолжаетъ считать его умоповрежденнымъ и подлежащимъ отсылкѣ на испытаніе. Консисторію уже нельзя винить въ этой безсмыслицѣ,—она въ трудномъ положеніи и варьируетъ фіоритуры и фуги, чтобы только какъ нибудь совмѣстить возможность исполненія архіереемъ безправнаго губернаторскаго требованія съ охраненіемъ несчастнаго села Студенца отъ умопомраченнаго духовнаго пастыря. Такова была ближайшая задача консисторіи въ виду безсилія владыки разъяснить губернатору, что желаніе его превосходительства держать священникомъ сумасшедшаго человѣка неудобоисполнимо. И орловская консисторія при содѣйствіи своихъ канцелярскихъ вывертовъ разрѣшила эту задачу какъ могла.

Сумасшедшаго попа переводятъ въ Студенецъ, священникомъ же, но предписываютъ „обязать“ сумашедшаго подпискою „перевезти все имущество и семейство“; благочинный вызываетъ сумасшедшаго, и тотъ является, выслушиваетъ указъ о томъ какъ ему „предназначено“ перевезть семейство и имущество, потомъ ѣхать въ Орелъ, жить при архіерейскомъ домѣ, и наконецъ предъявлять себя въ губернскомъ правленіи для опредѣленія умственныхъ способностей... И сумасшедшій все это исполняетъ: онъ разъѣзжаетъ по орловской губерніи по предназначенному для него „маршруту“, транспортируетъ свой нищенскій скарбъ и семейство и препровождаетъ самого себя до самыхъ дверей соединеннаго присутствія губернскаго правленія, чтобы пройти черезъ нихъ въ сумасшедшій домъ или въ острогъ... И все это „въ оккуратѣ“, какъ якушкинскіе мужики, которые по той же самой орловской губерніи возили себя „сѣчься“.

Кажется за одну эту точность, съ которою помраченный „криминаціями“ Оболенскій труждался и болѣлъ при перевозкѣ семьи и имущества и доставленіи самаго себя къ освидѣтельствованію, губернское правленіе имѣло основанія признать отца Илларіона дѣйствующимъ въ полномъ разсудкѣ, и задуматься надъ состояніемъ умственныхъ способностей тѣхъ, кто все это напуталъ.

Посмѣялась надъ страхомъ владычнымъ и сама судьба: 21 іюня 1866 года консисторія издала свой замѣчательный указъ, въ которомъ прописала „желаніе“ губернатора и безъотвѣтность своего владыки, и ровно черезъ одинъ мѣсяцъ, 22 іюля 1866 года, графъ Левашовъ былъ отозванъ отъ должности орловскаго губернатора...

Не много нужно было чтобы и помужествовать противъ его безправныхъ желаній въ церковномъ дѣлѣ.

XIII.

Разсказанныя мною событія имѣли мѣсто всего пятнадцать лѣтъ назадъ, когда въ литературѣ уже охотно занимались церковными вопросами и надо всѣми надъ ними выше всѣхъ воздымали вопросъ „объ освобожденіи іерарховъ отъ подавляющей ихъ власти полномоч-

Библиотека "Руниверс"

наго мірянина, распоряжающагося въ центральномъ церковномъ учрежденіи". Подъ этимъ прикровеннымъ словоизвитіемъ подразумѣвались Синодъ и „его полномочный мірянинъ", т. е. оберъ-прокуроръ. „Только бы его прочь, только бы снести долой этотъ странный урядъ, и церковь наша процвѣтетъ". Таково было общее мнѣніе робкихъ „твердостоятелей" еле слышно лепетавшихъ объ этомъ въ тонѣ „притрепетной прикровенности", пока не задолго передъ своею кончиною не отважился на подвигъ откровеннаго изложенія своей мысли волынскій архіепископъ Агаѳангелъ. Его рѣчь успѣлъ подхватить „Гражданинъ", за нимъ еще кое-кто, и по Россіи прокатило: „церкви прокуроръ мѣщаетъ". (Успѣху статьи высокопреосвященнаго Агафангела конечно много содѣйствовало то, что она мѣтила противъ нынѣшняго московскаго митрополита Макарія Булгакова и тогдашняго „полномочнаго мірянина" св. Синода графа Д. А. Толстого, который умѣлъ стяжать себѣ общее нерасположеніе всей страны, но по св. Синоду едва ли не сдѣлалъ въ ряду ошибокъ много хорошаго).

Это всѣмъ казалось ни вѣсть какъ вѣрно и нравилось, да и очень понятно почему это нравилось и о сю пору нравится. Это—протестъ, и при томъ самый безплодный протестъ противъ того, чего мы не можемъ передѣлать. Что же можетъ быть удобнѣе для русскихъ умовъ и характеровъ какъ не такая жалоба? Одинокій голосъ во всемъ сонмѣ толковниковъ, предлагавшихъ свои невѣгласы по этому вопросу, говорилъ, что не въ этомъ главное дѣло; что главное дѣло въ духѣ и настроеніи самихъ епископовъ, которые ни при какомъ „мірянинѣ" не могутъ утратить ничего изъ высокаго значенія своего сана, если не поступятся имъ сами, съ умолвкою: „что ми хощете дати да азъ вамъ предамъ его". Одинокій голосъ былъ правдивъ и въ немъ въ одномъ болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ слышалось настоящаго пониманія дѣла и настоящей любви къ родной церкви; но онъ было заглушенъ пустымъ блеяніемъ „невѣгласовъ". Они твердили и еще готовы твердить объ одномъ многоправномъ въ церковныхъ дѣлахъ „мірянинѣ", тогда какъ цѣлая масса случаевъ, подобныхъ тому, о которомъ мы бесѣдовали, свидѣтельствуютъ о добровольномъ приниженіи владыкъ даже передъ такими мірянами, которые не имѣютъ ни какихъ правъ давать имъ какія бы то ни было указанія въ церковномъ дѣлѣ.

Кто можетъ защитить носителей высшаго духовнаго сана отъ этой ихъ слабости?

Кажется никто, кромѣ ихъ самихъ. По крайней мѣрѣ извѣстная классическая фраза гласитъ такъ: „тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ,—въ немощи своего духа носитъ своего врага".

Толки и перетолки о „полномочномъ мірянинѣ", можетъ быть годны только для „отвода очесъ" отъ настоящей причины бѣдствія церкви... Жалобы на прокурорскую помѣху,—употребляя сравненіе однаго краснорѣчиваго церковнаго писателя, есть „смоковничье лист-

Библиотека "Руниверс"

віе, коимъ остается прикрывать свою наготу тѣмъ, кому становится стыдно предстать передъ Богомъ, ходящимъ и глаголящимъ: гдѣ ты"?

XIV.

Но что же съ добрынскимъ приходомъ послѣ отбытія оттуда учредителя обще-дворянскаго бунта, поклепъ которымъ, кажется, долженъ бы быть обиднымъ и для всей губерніи?

Однажды разбѣжавшееся приходское дворянство, по мужичьему выраженію „разсыпалось" и болѣе не собралось. Приходъ омужичѣлъ. „Дворянскаго званія" осталось одно лицо, именно самъ г. Анцыферовъ, да и тотъ бываетъ рѣдко, наѣздомъ, „для эксплоатаціи рудъ". По господскимъ домикамъ засѣлъ разночинецъ, — преимущественно купецъ и однодворецъ.

Въ разсѣяніи своемъ, отбѣжавшее дворянство долго не могло понять ясно, какъ это все оборотилось, что о. Илларіонъ и сумашедшій да „предназначенъ", или не сумашедшій, да не судимъ? Да и кто могъ понять это? Толковали, что все обернулось такъ, ибо преосвященный Поликарпъ себѣ новую звѣзду желалъ и потому уступилъ губернаторскому желанію оставить клеветника священникомъ. Такъ они думали и въ такомъ убѣжденіи остались; но можетъ быть это совсѣмъ не справедливо. Гораздо болѣе вѣроятно, кажется, то, что еп. Поликарпъ былъ бѣденъ и зналъ, что съ пустыми руками и архіерею плохо ждать защиты.

Зналъ и покорился, и я думаю что это вѣрно. Провѣрить же все это было не чѣмъ, потому что пр. Поликарпъ скончался въ 1867 году и ни какая новая звѣзда не успѣла снизойдти на его грудь.

Дворяне ни собраніемъ, ни въ лицѣ самихъ постоянныхъ представителей, за кинутый на нихъ поклепъ не вступились. Они только радовались что Богъ принялъ отъ нихъ гр. Левашова, и думали, что это они его „сдвинули". Такой радости стало имъ почти на годъ, пока губернаторствовалъ кн. Лобановъ-Ростовскій, а затѣмъ опять Богъ имъ даровалъ Михаила Николаевича Лонгинова. Этотъ консерваторъ и аристократъ, по странной игрѣ крайностей, впадалъ въ единомысліе съ Герценомъ и находилъ, что на всѣмъ свѣтѣ нѣтъ ни чего смѣшнѣе какой-бы то ни было оппозиціи русскаго дворянства— въ чемъ, кажется, онъ и былъ правъ. Впрочемъ, задушевныя мысли Лонгинова мало извѣстны, такъ какъ изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ только одному ему ни одинъ органъ печати не захотѣлъ напечатать никакого некролога...

Самочинства Лонгинова въ Орлѣ еще интереснѣе и совсѣмъ въ другомъ родѣ, но о нихъ за то и въ другое время.

Какъ же перенесли бунтъ мужики, какъ они отнеслись къ смѣшнымъ распоряженіямъ губернскихъ набольшихъ о Варивонѣ?

Библиотека "Руниверс"

Никакъ. Новаго попа приняли „все единственно“, и разсуждали такъ:

— Намъ, кто ни попъ—тотъ батька. Намъ лучше бы не требовается какъ въ родаю отца Василія—что іонъ бунтовъ никогда не сказывалъ, и въ губерню за него не тревожили, а что трезвый, что пьяненькій, хрестьянъ не понуждалъ и былъ для насъ весьма преподобенъ.

И этотъ добрынскій приходъ по мнѣ точно микрокозмъ всей земской Руси:—„не тревожь, да не понуждай, и про бунты намъ не сказывай, а самъ живи какъ знаешь и будешь „для насъ весьма преподобенъ“.

Н. Лѣсковъ.

Библиотека "Руниверс"

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БУТКОВЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ ЧИСЛѢ литераторовъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться во время сотрудничества въ петербургскихъ журналахъ, былъ, между прочими, Яковъ Петровичъ Бутковъ, авторъ разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Петербургскія вершины", и нѣсколькихъ повѣстей, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ сороковыхъ годахъ сочиненія эти пользовались успѣхомъ и вполнѣ того заслуживали. Въ нихъ видна была замѣчательная наблюдательность, знакомство съ бытомъ и насущными радостями и печалями того бѣднаго класса столичнаго населенія, которому можно присвоить названіе чиновнаго и умственнаго пролетаріата. Самый уголъ зрѣнія автора на эту мелкую среду отличался оригинальностью, а въ манерѣ и тонѣ его разсказа наивное добродушіе соединялось съ какимъ-то своеобразнымъ юморомъ. Одно то уже говорило въ пользу самобытнаго дарованія этого человѣка, что языкъ его легко можно было узнать по нѣсколькимъ строкамъ разсказа. Но самая личность автора была едва ли не интереснѣе его сочиненій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Буткова въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ". Это было утромъ. Въ кабинетѣ издателя засталъ я человѣкъ пять или шесть сотрудниковъ журнала, у которыхъ шелъ довольно живой разговоръ объ итальянской оперѣ. Въ сторонѣ отъ другихъ, не принимая никакого участія въ сужденіяхъ и спорахъ, молча и какъ-то неловко, сидѣлъ молодой человѣкъ, въ поношенномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верха на порыжѣвшія пуговицы, въ сапогахъ, къ которымъ, очевидно, нѣсколько недѣль не прикасалась щетка. Большая голова, съ рѣзко выдающимися скулами, неправильными чертами лица и подъ гребенку остриженными волосами, съ перваго взгляда производила впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное, но

Библиотека "Руниверс"

оно скоро изглаживалось при видѣ кроткихъ, умныхъ глазъ и красиваго очертанія рта, какъ будто ежеминутно готоваго улыбнуться.

Мнѣ показалось, что этому молодому человѣку было какъ будто неловко, оттого ли, что онъ не могъ принять участія въ разговорѣ, или находилъ себя не на мѣстѣ въ большомъ кабинетѣ, посреди эластическихъ дивановъ и мягкихъ ковровъ. По крайней мѣрѣ замѣтно было, что онъ какъ-то неуклюже сидѣлъ на стулѣ и неловко поджималъ ноги. Я спросилъ, кто этотъ господинъ, и мнѣ назвали Буткова.

Нѣкоторыя обстоятельства его жизни были уже мнѣ извѣстны. Онъ былъ мѣщанинъ изъ какого-то уѣзднаго города, помнится Саратовской губерніи, не получилъ почти никакого образованія, и принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которые почти безъ всякаго ученія воспитывались и развивались на одномъ только чтеніи. Частію пѣшкомъ, а отчасти съ случайными попутчиками, добрался онъ до Петербурга, поселился въ углу на какой-то изъ глухихъ вершинъ и успѣлъ найти доступъ въ редакцію журнала, гдѣ въ представленныхъ имъ литературныхъ опытахъ умѣли подмѣтить дарованіе. Но скоро встрѣтилось обстоятельство, которое могло надолго, а можетъ быть и навсегда, отвлечь его отъ литературы. Объявленъ былъ рекрутскій наборъ и ему по званію и семейному положенію необходимо было идти въ солдаты. Къ счастію, его спасъ отъ этого А. А. Краевскій: онъ купилъ ему рекрутскую квитанцію, съ тѣмъ, чтобы Бутковъ выплачивалъ за нее вычетомъ части гонорара за статьи, помѣщаемыя въ „Отечественныхъ Запискахъ". При трудолюбіи и особенно при той умѣренной жизни, какую велъ этотъ литературный пролетарій, это было бы не очень трудно; но онъ писалъ не много и, сколько я знаю, далеко не выплатилъ своего долга.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Бутковымъ, и я заговорилъ съ нимъ о послѣдней его повѣсти, только-что напечатанной тогда въ журналѣ; но онъ слушалъ меня потупя глаза, не то съ смущеніемъ, не то съ неудовольствіемъ, и не показывалъ, повидимому, ни малѣйшей охоты къ сближенію. Отвѣчалъ онъ мнѣ отрывисто, сухо, даже нѣсколько грубо, и когда я обратился къ кому-то изъ бывшихъ въ кабинетѣ—чудакъ быстро и незамѣтно исчезъ. На замѣчаніе мое о такой странности, мнѣ сказали, что это настоящій дикарь, который ни съ кѣмъ не сближается и всѣхъ подозрѣваетъ въ гордости и презрѣніи къ нему. Можетъ быть онъ былъ въ этомъ отношеніи и правъ, потому что мнѣ самому случалось видѣть, что нѣкоторые изъ пишущей братіи, далеко ниже его по способностямъ, относились къ нему свысока.

Но какъ ни тяжелъ былъ Бутковъ на сближеніе, мы однакожъ познакомились. Въ ту же зиму я встрѣтилъ его у М. М. Достоевскаго, который также участвовалъ въ то время въ журналѣ А. А. Краевскаго, а впослѣдствіи самъ былъ издателемъ и редакторомъ журнала

Библиотека "Руниверс"

„Время“. На этотъ разъ Бутковъ какъ-то разговорился со мной и даже оказался словоохотнымъ. Но къ удивленію моему, когда черезъ нѣсколько дней послѣ того мы опять встрѣтились въ редакціи, онъ по-прежнему оставался несообщительнымъ, сидѣлъ молча и незамѣтно ускользнулъ. И это потомъ повторялось не разъ. Однажды мнѣ удалось однако выдти вмѣстѣ съ нимъ, и дорогой я спросилъ: отчего онъ какъ будто стѣсняется чѣмъ-то въ редакціи?

Бутковъ, прежде чѣмъ отвѣчать, оглянулся назадъ, точно хотѣлъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь, и сказалъ:

— Нельзя... начальство-съ.

— Какое начальство?

— Литературные генералы... Маленькимъ людямъ надо это помнить.

— Что за пустяки! А со мной-то отчего же вы тамъ не говорите?

— При начальствѣ неловко-съ. Я мелкота.

— Полноте: развѣ вы не такой же литераторъ, да еще даровитѣе многихъ.

— Что тутъ даровитость! Я вѣдь кабальный.

— Съ чего вы это взяли?

— Вѣрно-съ.

— Зачѣмъ же вы туда ходите, если вамъ это непріятно?

— Нельзя не являться: къ непочтенію и строптивости нрава отнесутъ. Могутъ гнѣваться-съ.

И я не могъ добиться ничего больше.

Мало по малу Бутковъ пересталъ меня чуждаться, и однажды мнѣ удалось даже затащить его къ себѣ. Мы довольно долго говорили съ нимъ о литературныхъ новостяхъ, и послѣ того онъ изрѣдка сталъ заходить ко мнѣ, большею частью утромъ; но я никакъ не могъ заманить его въ тотъ день, когда по вечерамъ собирались у меня пріятели. Въ передней онъ обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли у меня кого нибудь, и ежели въ это время я былъ не одинъ, то онъ совсѣмъ и не входилъ. Если же случалось, что при немъ кто нибудь приходилъ ко мнѣ, даже изъ людей ему извѣстныхъ — онъ тотчасъ же убѣгалъ, отговариваясь какими нибудь спѣшными дѣлами. Нѣсколько разъ приглашалъ я его обѣдать и къ себѣ, и въ ресторанъ, но чудакъ всегда отказывался. Когда мы съ Бутковымъ выходили вмѣстѣ изъ редакціи, онъ провожалъ меня по Невскому проспекту и всегда не далѣе Пассажа, куда исчезалъ, торопливо попрощавшись со мною. На вопросъ о его квартирѣ, онъ всегда отвѣчалъ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Мнѣ говорили, что онъ нанималъ маленькую комнату въ верхней галереѣ Пассажа, но почему не говорилъ объ этомъ, не знаю. Въ желаніи скрывать свою бѣдность его нельзя было заподозрить.

Однажды, когда мы такимъ образомъ на пути изъ редакціи дошли до обычнаго мѣста нашего разставанья, я сказалъ, что хочу

Библиотека "Руниверс"

тоже пройтись по Пассажу. Бутковъ промолчалъ, но только-что мы поднялись на ступени къ первой площадкѣ, онъ остановился и сказалъ:

— Вы часто звали меня къ хлѣбу-соли, такъ вотъ если теперь не прочь посидѣть да потолковать — зайдемъ тутъ закусить чего нибудь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я и хотѣлъ уже подняться по лѣстницѣ къ ресторану, но Бутковъ остановилъ меня.

— Знаете, я въ эти кулинарные храмы не люблю ходить-съ, проговорилъ онъ: тамъ литературные генералы устрицы глотаютъ да англійскій эль пьютъ, а вотъ тутъ есть маленькое заведеньице попроще, такъ ужъ мы лучше туда.

— Гдѣ же это?

— А внизу, въ катакомбахъ, православная пирожная лавочка открылась: чай китайскій и казалетовское пиво есть. Зайдемте, хорошо: большихъ комфортовъ нѣтъ, а очень любезно — и дешево и привольно-съ!

Мы спустились въ длинный, полутемный и довольно душный подвалъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись какія-то кладовыя и между ними не запертыя еще лавченки. Въ одну изъ этихъ норъ и затащилъ меня Бутковъ. За буфетомъ, уставленнымъ графинами съ водкой и тарелками съ пирожками и бутербродами, стоялъ бородатый старикъ, съ привязаннымъ сверхъ поддѣвки полубѣлымъ фартукомъ. Въ самой лавкѣ и въ примыкавшей къ ней небольшой комнатѣ разставлены были столики, накрытые цвѣтными ярославскими салфетками, и за двумя-тремя сидѣли передъ бутылками и стаканами какія-то неопредѣленныя личности. Съ перваго шага я замѣтилъ, что Бутковъ былъ здѣсь совершенно свой человѣкъ. Онъ оживился, повеселѣлъ, сталъ развязенъ и разговорчивъ. Какъ ни непріятно было сидѣть въ этомъ мрачномъ подвалѣ, похожемъ скорѣе на какую нибудь харчевню, чѣмъ на городской трактиръ, но я не раскаявался, что зашелъ туда.

Въ первый разъ Бутковъ показался мнѣ здѣсь вполнѣ откровеннымъ и очень занимательнымъ. Онъ выпилъ рюмку водки, но не она оживила его, а кажется самое это мѣсто, гдѣ онъ очевидно чувствовалъ себя на родной почвѣ. Къ удивленію моему, онъ самъ заговорилъ о своихъ литературныхъ работахъ, чего прежде никогда не бывало и разговоръ о чемъ онъ обыкновенно отклонялъ съ первыхъ словъ. Теперь онъ, безъ всякаго запроса съ моей стороны, сообщилъ мнѣ, что кромѣ разныхъ мелочей для журнала, занимается сочиненіемъ въ драматическомъ родѣ.

— Что же это такое, Яковъ Петровичъ? спросилъ я.

— Драму началъ-съ: „Взятіе Одессы“.

— Какъ такъ! Да когда же Одесса была взята?

— Въ прошломъ году.

Библиотека "Руниверс"

— Вы шутите: кто-же ее бралъ?

— Жиды-съ. Торги были въ Сенатѣ на откупа: іудейская рать пришла съ превосходными силами, три раза городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на приступъ лѣзли; наши-то не удержались, золотого пороху не хватило, да говорятъ еще, тамъ какая-то Юдиѳь изъ французенокъ секретно дѣйствовала... Ну, и взяли-съ!

Я засмѣялся и замѣтилъ, что заглавіе пьесы оригинально и бойко, но я еще не совсѣмъ понимаю, какая въ этомъ можетъ быть драма. Бутковъ видимо оживился.

— Какъ не понимаете? Да развѣ вы не знаете, что такое откупъ? Вѣдь это золотое руно, неистощимое золотое руно: въ Колхидѣ не было такихъ сокровищъ, какія даютъ наши кабаки; страсти-то въ борьбѣ за нихъ и разыгрываются. А тутъ еще Юдиѳь-съ, или этакая Далила обстригаетъ подъ гребенку нашихъ денежныхъ Самсоновъ — силачей... Гдѣ въ этомъ драма, говорите вы? Мало что драма: трагедія высокая: ликованье откупщиковъ, народъ плачущій хоромъ...

— И вы думаете, цензура пропуститъ такое взятіе Одессы?

— Да, пожалуй не пропустятъ... Я самъ объ этомъ думалъ, да дѣлать нечего: сюжетъ-то мнѣ пришелся по душѣ, хочется писать: пусть запрещаютъ, по-крайности душу отведу... Вотъ только-бы туда не позвали.

— Куда это?

— Да къ самому-съ.

— Къ кому-же?

— Будто не знаете! проговорилъ Бутковъ, нагибаясь ко мнѣ черезъ столъ, такимъ голосомъ, какъ иныя набожныя старушки произносятъ имя врага рода человѣческаго. Онъ назвалъ тогдашняго попечителя петербургскаго округа и предсѣдателя цензурнаго комитета М—а П—а, который, какъ извѣстно, не отличался особенной деликатностью въ сношеніяхъ съ литераторами и третировалъ ихъ иногда какъ какой-нибудь директоръ департамента стараго закала своихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

— Да что же вы его такъ боитесь? спросилъ я.

— А какъ же не бояться! Вѣдь я былъ у него на расправѣ, въ застѣнкѣ-то... Сохрани Господи и помилуй! Вотъ меня добрые люди отъ красной шапки избавили... да вѣдь, я думаю, никогда солдаты-то не терпѣли того отъ старыхъ бурбоновъ, что я вынесъ... Словно сквозь строй прогналъ-съ.

— Что вы говорите? Разскажите, изъ-за чего и какъ это было.

Бутковъ осмотрѣлся по сторонамъ, всталъ и заглянулъ въ буфетную комнату, потомъ опять присѣлъ за столъ и началъ вполголоса.

— Въ прошломъ году небольшую повѣстушку я написалъ и принесъ въ одинъ журналъ. Взяли безъ гримасъ. Книжка вышла въ срокъ, смотрю: моего разсказца нѣтъ. Прошелъ еще мѣсяцъ, и въ слѣдующей книжкѣ не напечатано. А деньжонки крѣпко были нужны:

Библиотека "Руниверс"

билеты кухмистерскіе всѣ вышли, давно ужъ на сухоѣденіи сидѣлъ, ну да тамъ и другія нуждишки по гардеробу. Пошелъ справиться въ редакцію: почему моя повѣсть залежалась. Да, говорятъ, давно набрана, только цензоръ не возвращаетъ корректуръ; рекомендуютъ самому справиться. Крѣпко не хотѣлось мнѣ идти къ блюстителю: тоже вѣдь начальство-съ, а я робокъ съ власть имѣющими и противъ рожна прать не умѣю. Думалъ, думалъ, да нужда заставила — пошелъ. Допустили меня: принялъ. Спрашиваю насчетъ повѣстушки: да я, говоритъ, затрудняюсь пропустить ее безъ разрѣшенія комитета; въ слѣдующее засѣданіе непремѣнно доложу, приходите въ два часа въ такой-то день прямо въ комитетъ — тамъ и узнаете рѣшеніе. Хотѣлъ было я спросить насчетъ затрудненія-то въ одобреніи повѣсти и доложить при этомъ о моей благонамѣренности, да подумалъ какъ бы не разсердить этимъ литературнаго надзирателя — и только почтительнѣйше раскланялся. Больно мнѣ не желалось идти въ ареопагъ-то, а дѣлать нечего-съ: нуждишки тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, и тамъ въ редакіи-то ужъ формируютъ новую книжку журнала — пожалуй, думаю, и въ нее повѣстушка-то моя не попадетъ. Пошелъ я перекрестясь въ комитетъ. У самаго университета мнѣ одинъ знакомый биржевой заяцъ дорогу перебѣжалъ, только головой кивнулъ. Вотъ и не вѣрьте вы народнымъ примѣтамъ-съ! Прихожу, спрашиваю солдата о моемъ цензорѣ; здѣсь, говоритъ, засѣдаютъ, и самъ въ присутствіи, то-есть ханъ-то цензурной орды. Жду я: то на стульчикъ осторожно присяду, то по передней-то на цыпочкахъ пройдусь, то въ окошечко посмотрю на золотой куполъ Исакія. А за дверями иной разъ какъ-будто разговоръ слышенъ, а то словно команда генеральская раздается. Прошло этакъ съ часъ. Вдругъ отверзлись врата, выходитъ мой затрудняющійся цензоръ и говоритъ: „господинъ Бутковъ, пожалуйте сюда“! Маленькій ознобецъ у меня, знаете, по спинѣ-то пробѣжалъ. Вхожу-съ въ святилище цензуры: за столомъ, облаченнымъ зеленымъ покровомъ, на которомъ совершается таинство литературной кастраціи, сидятъ на креслахъ всѣ эти жрецы, а въ переднемъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ первосвященникъ. И разумѣется отдалъ подобающее поклоненіе.

— Бутковъ? спрашиваетъ верховный судія.

— Яковъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты какую повѣсть представилъ?

— Людишки, говорю.

— Людишки! Да ты кого это въ ней людишками-то называешь? А?—загремѣлъ онъ, словно передъ нимъ стоитъ цѣлая бригада, а не одинъ ускользнувшій отъ рекрутства ординарный литераторъ.—Кого, я тебя спрашиваю? Людей въ тысячу разъ лучше тебя, не праздношатающихся какихъ-нибудь, а занятыхъ государственной службою, людей дѣловыхъ, да еще чиновныхъ! И это у тебя людишки! Да какъ ты можешь такъ обзывать и позорить тѣхъ, кого правительство при-

Библиотека "Руниверс"

знаетъ полезными слугами? Откуда ты набрался такихъ дерзкихъ мыслей? я тебя спрашиваю. И какъ ты рѣшился написать это, да еще въ цензуру представить? Вы что затѣяли? Публику хотите развращать, возбуждать неуваженіе къ чину, смѣяться надъ людьми, допущенными къ государственной службѣ! Вы что-ли своей болтовней служите отечеству? Либералы! Сами ни къ чему дѣльному не способны, такъ и другихъ хотите съ толку сбить? Зависть васъ мучитъ? Развѣ литература для того дозволена правительствомъ, чтобы ваше вредное пустословіе распространять въ народѣ? Людишки! Ты на своего брата посмотри—вотъ тамъ людишекъ найдешь, да и тѣхъ не зачѣмъ напоказъ выставлять. Я посмотрю, что ты будешь писать!

— Вышелъ я изъ цензурнаго святилища, точно изъ торговой бани, продолжалъ Бутковъ: лучше всякаго пара пробрало меня. Поняли теперь, отчего я робости-то передъ нимъ подверженъ? А вѣдь повѣстушка-то моя была не ахти-какъ задорна: не ранги я осмѣивалъ въ ней, а натуришку мелко-чиновную изобразить хотѣлъ, низкопоклонство да раболѣпство. Вотъ и весь либерализмъ! И знаете-ли, какъ генеральская головомойка-то озадачила меня: вѣдь я въ инквизиціонной комнатѣ должно быть съ четверть часа стоялъ, прямо передъ самимъ верховнымъ жрецомъ и кажется въ лицо ему смотрѣлъ, а теперь не помню, какой онъ изъ себя—и встрѣчу гдѣ, такъ вѣрно не узнаю. Стараюсь иной разъ ликъ-то его представить—ничего не выходитъ опредѣленнаго, а вотъ сторожа въ комитетѣ, того и въ сумеркахъ узнаю. Что значитъ начальническое-то распеканье! Психологическая задача-съ.

Мы просидѣли въ подземной трущобѣ больше часу, и при выходѣ мой собесѣдникъ исчезъ какъ-то незамѣтно. Кажется, дѣйствительно, онъ жилъ въ это время въ Пассажѣ.

Иногда видалъ я Буткова довольно часто: то онъ ко мнѣ заходилъ, то встрѣчались мы въ редакціи. Но случалось, что онъ надолго пропадалъ, и никто изъ общихъ знакомыхъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Когда послѣ этого бывало встрѣтишь его и спросишь, не болѣнъ-ли онъ былъ—чудакъ обыкновенно съ улыбкой говорилъ: мы люди не богатые, намъ болѣть не полагается-съ! И всегда избѣгалъ онъ положительнаго отвѣта какой-нибудь шуткой. Такъ я не видалъ его цѣлую весну и только случайно встрѣтилъ лѣтомъ въ Парголовѣ. Оказалось, что онъ жилъ тамъ съ какимъ-то своимъ землякомъ на такъ-называемой дачѣ, которая на самомъ дѣлѣ была простая чухонская изба, построенная гдѣ-то на задворьѣ. Мы прошли съ нимъ въ Шуваловскій садъ, и онъ выбиралъ особенно пустынные закоулки, гдѣ нельзя было встрѣтить гуляющихъ. Сперва Бутковъ показался мнѣ мрачнымъ и не сообщительнымъ, что бывало съ нимъ нерѣдко и къ чему я давно уже привыкъ. Но когда мы какими-то окольными аллеями вышли къ озеру, онъ видите оживился.

— Давно мы не видались, замѣтилъ я.

Библиотека "Руниверс"

— Давненько-съ. А вы не знаете, что со мной подѣлалось нынче весной-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Опять видѣлъ самого-съ.

— Предсѣдателя цензурнаго комитета?

— Лицомъ къ лицу.

— По какому же случаю? Разскажите, пожалуста.

И вотъ что разсказалъ мнѣ Бутковъ. Написалъ онъ для журнала новую повѣсть, не помню теперь подъ какимъ названіемъ. Въ ней описывалъ онъ, какъ двое пріятелей бѣдняковъ жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ изо дня въ день. Одинъ изъ нихъ перебивался перепиской бумагъ и работой папиросныхъ гильзъ, а другой служилъ въ какомъ-то казенномъ мѣстѣ на крайне нищенскомъ жалованьѣ. Департаментскій докторъ изъ жалости, подъ предлогомъ болѣзни, иногда прописывалъ ему изъ казенной аптеки грудной чай и леденецъ отъ кашля. Въ такихъ случаяхъ пріятели пили цѣлый мѣсяцъ горячее, соблюдая, конечно, при этомъ должную экономію. У каждаго изъ нихъ было по единственной парѣ сапогъ; но среди осени оказалось, что хотя одна изъ этихъ паръ была почти новая, зато другая пришла въ состояніе окончательнаго разложенія. Владѣлецъ этой послѣдней въ одинъ холодный и дождливый день промочилъ ноги, схватилъ страшное воспаленіе, и черезъ нѣсколько сутокъ покончилъ свое жизненное поприще. Когда покойника клали въ убогій гробъ, надѣли на него крѣпкіе сапоги, а осиротѣвшему пріятелю его осталась совсѣмъ истрепанная пара. И вотъ ночью бѣдняка взяло раздумье: ходитъ онъ мимо усопшаго сожителя по комнатѣ въ дырявой обуви, а тотъ лежитъ себѣ конфортабельно въ гробу въ крѣпкихъ, да еще на славу вычищенныхъ сапогахъ. И думаетъ пролетарій: на что покойнику надѣли крѣпкіе сапоги, когда завтра опустятъ ихъ въ могилу и засыплютъ землей, а я долженъ буду пѣшкомъ провожать его въ этихъ безподошвенникахъ, потомъ идти съ кладбища въ должность съ мокрыми ногами—и послѣ-завтра то же, я опять все такъ же? Еслибъ покойный очнулся теперь на минуту, то конечно отдалъ бы мнѣ крѣпкіе сапоги: вѣдь онъ любилъ меня. Да и зачѣмъ ему эта пара: не щеголять въ могилѣ-то! Дай-ко я помѣняюсь съ нимъ, надѣну ему старенькіе. — И вотъ бѣднякъ принялся стаскивать сапогъ съ покойника и ужъ снялъ его до половины, какъ тутъ пришла ему новая мысль. Не грѣхъ ли это будетъ? думалъ онъ. Вѣдь живой человѣкъ, какъ бы ни тяжело ему было, можетъ современемъ поправиться, нажить новые, крѣпкіе сапоги, даже можетъ быть калоши пріобрѣтетъ, а покойнику ужъ негдѣ взять, въ могилѣ не поправишься—въ чемъ положатъ, въ томъ и лежи до скончанія праха. Какъ же это я пріятеля, съ кѣмъ дѣлился послѣдней копѣйкой, который такъ любилъ меня и папиросами угощалъ, отпущу изъ міра сего отрепаннымъ, и явится онъ на по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдній судъ безъ подметокъ? При этой мысли сожитель покойнаго остановился въ нерѣшимости—помѣняться ли сапогами съ усопшимъ или нѣтъ. Что было дальше въ повѣсти Буткова, я не знаю, да и поводомъ къ новому свиданію его съ грознымъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета было именно то, что я теперь разсказалъ.

— Когда я отдалъ эту повѣсть въ журналъ, говорилъ Бутковъ, меня вскорѣ послѣ того позвали не въ комитетъ уже, а прямо къ самому хану на домъ. Думалъ, что дѣлать?—Сказаться больнымъ? да вѣдь когда нибудь придется же выздоровѣть. Не пойдти? пожалуй черезъ полицію разыщутъ, руки свяжутъ, да приведутъ на веревочкѣ. Убѣжать изъ Петербурга? найдутъ, поймаютъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Ну, призвалъ я на помощь царя Давида и всю кротость его—и пошелъ, куда пригласили... Прихожу, какъ сказано, въ одиннадцать часовъ, вытеръ ноги на подъѣздѣ и жду въ передней. Тутъ еще лакей любознательный распрашиваетъ: учитель я что ли, или сочинитель? Жду-жду я, и вотъ отверзлись врата адовы и меня позвали наверхъ. Вхожу въ залу, тамъ еще съ полчаса подождалъ—портреты по стѣнамъ осматривалъ, да глядѣлъ, какъ попугай въ клѣткѣ по мѣднымъ проволокамъ карабкался и на какомъ-то иностранномъ діалектѣ кричалъ на меня. Черезъ залу-то, въ кабинетъ должно быть, шныряли мимо меня, то чиновникъ съ бумагой, то проситель съ умиленной физіономіей—иной выходилъ точно елеемъ помазанный, а другой будто кипяткомъ ошпаренный. Шныряли да и шнырять перестали. Смотрю — отдернулась завѣса, да вдругъ и выходитъ самъ. Помните, я говорилъ вамъ, что послѣ побывки въ комитетѣ совсѣмъ забылъ его обликъ, а тутъ въ одинъ мигъ вотъ такъ вспомнилъ, словно онъ у меня въ мозгу-то отпечатался, и теперь ужъ я никогда не забуду: еслибъ рисовать умѣлъ, сейчасъ бы какъ живого вамъ представилъ. Ну, такъ вышелъ онъ; буттербродъ въ рукѣ, а самъ жуетъ.

— Бутковъ? промычалъ онъ.

— Яковъ Петровъ Бутковъ, отвѣчаю я.

— Ты что это, говоритъ, дѣлаешь? А?

— Ничего-съ, ничего.

— Какъ ничего! Опять какую-то гадость написалъ. Чѣмъ голова-то у тебя набита я спрашиваю? Мертвыхъ обдирать вздумалъ! изъ гробовъ покойниковъ вытаскивать! сапоги съ нихъ снимать! Это что такое? Гдѣ ты видалъ такія мерзости? Развѣ это было когда нибудь? А? Что это?

— Повѣсть... фантазія! прошепталъ я.

— Фантазія! да ты гдѣ видалъ такія дѣла? Развѣ фантазія должна на святотатство обращаться? А цѣль какая у тебя? Скажи мнѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль въ твоихъ грязныхъ разсказахъ? Кому нужны такіе отвратительные вымыслы? Натуральную школу выдумали... да развѣ натура-то въ грязи? Тряпичники! только

Библиотека "Руниверс"

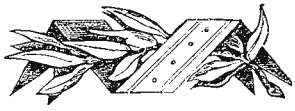
на заднихъ дворахъ сюжетовъ-то ищете. Такъ вы сами любуйтесь ими, а не публикѣ образованной показывайте. Что ты нашелъ интереснаго и нравственнаго въ томъ, что какой-то негодяй стаскиваетъ сапоги съ мертваго?

— Ужъ онъ пѣлъ-пѣлъ мнѣ на эту тему, да въ видѣ финала погрозилъ еще не только цензурой, но и полицейскимъ надзоромъ. Право, можно было подумать, что я въ самомъ дѣлѣ пойманъ въ святотатствѣ, могилы разрывалъ, да покойниковъ грабилъ. Слава Богу однакожъ: доѣлъ онъ буттербродъ да и повернулся ко мнѣ спиной. А какъ уходилъ-то я изъ этой инквизиціи, такъ лакей видно угадалъ, какого пріема я сподобился, и съ улыбочкой говоритъ мнѣ: кажись, генералъ-то серчалъ? какъ это ваша братья сочинители не умѣютъ ему потрафить!

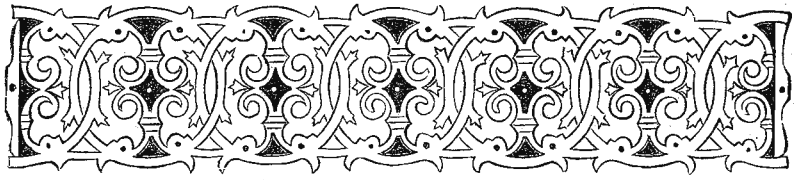
Къ сожалѣнію, я не читалъ повѣсти Буткова, которая навлекла на него такую, и по тогдашнимъ нравамъ суровую головомойку. Мнѣ говорили, будто она потомъ гдѣ-то была напечатана въ значительно измѣненномъ видѣ. Читать своихъ сочиненій пріятелямъ онъ не любилъ, да и вообще, какъ я уже замѣтилъ, говорилъ о своихъ литературныхъ работахъ очень не охотно.

Изъ Шуваловскаго сада мы зашли въ какой-то жалкій трактиръ, и потомъ горемыка проводилъ меня до дилижанса. Послѣ этой встрѣчи въ Парголовѣ я не встрѣчалъ больше Буткова, и сколько помнится, его имя послѣ того рѣдко появлялось въ журналахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ обстоятельствахъ дарованіе этого человѣка развернулось бы съ большей самостоятельностью: въ немъ было много задатковъ, обѣщавшихъ ему такую роль въ нашей литературѣ, которая не могла бы быть скоро забыта. Это одинъ изъ печально погибшихъ талантовъ, какими такъ обильны лѣтописи русской литературы.

А. Милюковъ.



Библиотека "Руниверс"



МОЙ АРЕСТЪ И ОСВОБОЖДЕНІЕ ВЪ 1839 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

I.

ВЪ ЧИНѢ подпоручика гренадерскаго сапернаго баталіона, 22 лѣтъ отъ роду, въ 1838 году, я былъ командированъ въ Образцовый пѣхотный полкъ, на годъ, или вѣрнѣе на 15 мѣсяцевъ. Гренадерскій саперный баталіонъ стоялъ тогда въ Курляндской губерніи, въ мѣстечкѣ Иллукштѣ, въ 17 верстахъ отъ Динабурга, а Образцовый пѣхотный полкъ въ Царскомъ Селѣ.

6 сентября я выѣхалъ изъ Динабурга съ командою нижнихъ чиновъ, состоящей изъ трехъ человѣкъ, и 18 сентября 1839 года явился въ Образцовый полкъ. Всѣмъ было извѣстно, что тогдашняя служба въ Образцовомъ полку была невыносимо тяжела и въ нравственномъ отношеніи и по физическому труду, хотя находились офицеры, желавшіе ѣхать въ Образцовый полкъ, для того, чтобы пробыть годъ вблизи Петербурга; но начальство выбирало лишь тѣхъ, которые службу ставили выше всего и жребій палъ на меня. Я прослужилъ въ офицерскомъ званіи всего $4^1/_2$ года, но былъ любимъ товарищами; они сожалѣли о разлукѣ со мной слишкомъ на годъ и почтили меня прощальнымъ вечеромъ, устроеннымъ 5 сентября. Это на меня сильно подѣйствовало: въ $4^1/_2$ года много уѣзжало изъ баталіона офицеровъ, далеко старшихъ меня, и уѣзжало совсѣмъ изъ баталіона, но ни для кого еще при мнѣ не было устроено такихъ проводовъ, какими почтили меня, временно уѣзжавшаго изъ баталіона.

Въ Царскомъ Селѣ я нанялъ квартиру въ длинномъ, деревянномъ, одноэтажномъ домѣ по Дворцовой улицѣ, не далеко отъ Прудковъ, принадлежавшемъ какому то мелкому чиновнику, фамилію котораго я забылъ. Квартира была нанята мною вмѣстѣ съ прибывшимъ одновременно со мною въ Образцовый полкъ поручикомъ 2-го сапернаго баталіона

Библиотека "Руниверс"

Есимантовскимъ. Товарищъ мой былъ покладливъ, мы жили дружно, хотя взгляды наши на жизнь и службу были различны.

Имѣя постоянно въ виду цѣль командированія въ Образцовый полкъ, я всею душою предался службѣ, всякій день два раза ходилъ въ казармы на ученье, не только никогда не опаздывалъ, но являся однимъ изъ первыхъ и скоро заслужилъ въ полку извѣстность, какъ ретивый, усердный офицеръ. Меня видимо отличали передъ другими офицерами и командиръ полка, генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ, и баталіонный командиръ, всегда суровый и грубый, полковникъ Фроловъ, и ротный командиръ капитанъ Паскинъ.

Служба была не легка; но не столько физическій трудъ былъ тягостенъ, какъ нравственное униженіе, нравственное направленіе въ тогдашнемъ Образцовомъ полку. Все основано было на искательствѣ, на низкопоклонствѣ передъ кадровымъ или старшими офицерами въ полку, которые числились по гвардіи, составляли силу и имѣли рѣшительное вліяніе на участь офицеровъ перемѣняющагося состава. А эти представители тогдашняго военнаго искуства, въ большинствѣ были жалкою посредственностью, заботились только о наилучшемъ вытягиваніи носка и о снаровкахъ, чтобы ловко дѣлать ружейные пріемы. Они любили разсказывать анекдоты изъ жизни Образцоваго полка, какъ напримѣръ солдатъ спотыкнулся на учебномъ шагу и вывихнулъ себѣ ногу, какъ другой солдатъ сломалъ курокъ при взбрасываніи ружья на плечо, какъ у третьяго лопнулъ ремень на смотру, отъ несоблюденія того-то, и проч. Не много лицъ изъ тогдашняго состава кадровыхъ составляли отрадное исключеніе: командиръ полка генералъ Жерковъ, командиръ 1-го баталіона полковникъ Штегельманъ, командиръ роты капитанъ Веселитскій, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, безъ руки, и молодой офицеръ, предназначавшійся въ кадръ, Адольфъ Васильевичъ Вольскій, впослѣдствіи директоръ Кіевскаго кадетскаго корпуса.

Кромѣ представленія непосредственнымъ своимъ начальникамъ, полковому, баталіонному и ротному командирамъ, я не знакомился ни съ кѣмъ изъ остальныхъ кадровыхъ офицеровъ, или, говоря по тогдашнему, никому изъ нихъ не представлялся, какъ это дѣлали всѣ другіе офицеры, временно прибывавшіе въ полкъ; но не смотря на то, мнѣ скоро удалось заслужить репутацію дѣльнаго и исправнаго офицера.

Осенью и зимою въ Царскомъ Селѣ было не выносимо скучно. Близость Петербурга и удобство сообщенія дѣлали особенно не сноснымъ то затрудненіе, съ которымъ были сопряжены поѣздки въ Петербургъ. Для каждой поѣздки не только нужно было испросить дозволеніе начальства, но еще получить билетъ. Если ѣдешь въ Петербургъ на одинъ день, то чрезъ ротнаго командира надобно было спросить разрѣшенія баталіоннаго командира и отъ него получить билетъ. Для поѣздки на два дня надобно было по командѣ испросить

Библиотека "Руниверс"

разрѣшеніе полковаго командира и получить билетъ изъ полковой канцеляріи чрезъ полковаго адъютанта. Но баталіонный командиръ всякій разъ, въ грубой формѣ, давалъ неумѣстныя нравоученія, а надутый полковый адъютантъ, Быковъ, былъ болѣе чѣмъ необходителенъ и смотрѣть то на него было непріятно. По возвращеніи въ Царское Село, надобно было явиться къ тому, кто разрѣшилъ отпускъ. Если же просишься въ Петербуръ на 3 и болѣе дней, то, кромѣ полученія билета отъ полковаго командира, надобно было въ самомъ Петербургѣ записаться въ штабѣ гвардейскаго корпуса и представляться самому великому князя.

Частыя поѣздки изъ Царскаго Села на короткій срокъ были обременительны для кармана; частыя спрашиванія разрѣшеній на поѣздку были несносны; были при этомъ и косвенные расходы, въ видѣ повременныхъ платежей писарямъ по синенькой бумажкѣ, т. е. по пяти рублей ассигнаціями, иначе можно было рисковать, что билетъ, подписанный сегодня, получишь завтра и день отпуска пропадетъ; поѣздки безъ разрѣшенія были рискованы, а потому выгоднѣе было ѣздить на болѣе продолжительный срокъ, хотя и приходилось представляться великому князю. Такъ я и дѣлалъ и ѣздилъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ, но въ третью поѣздку великій князь изволилъ мнѣ сказать:

— Слишкомъ часто ѣздишь, лучше бы сидѣлъ дома, да учился фронту.

Эти слова великаго князя, при его памяти, такъ меня озадачили, что я почти пересталъ ѣздить въ Петербургъ.

При первомъ представленіи моемъ великому князю, по пріѣздѣ въ Образцовый полкъ, временно командовавшій тогда полкомъ полковникъ Штегельманъ, перевралъ мою фамилію. Но великій князь узналъ меня, самъ вспомнилъ фамилію и былъ восхищенъ тѣмъ, что я очень выросъ. Его высочество тогда съ особымъ удовольствіемъ говорилъ окружающимъ:

— Вотъ какъ мои то (воспитанники) ростутъ; я его пустилъ на службу такимъ (показывая рукою), а онъ является этакимъ (опять показывая рукой).

Въ Царскомъ Селѣ, между служебными занятіями, какъ и въ Иллукштѣ, я много читалъ и о каждой прочтенной книгѣ записывалъ свое мнѣніе, также дѣлалъ много выписокъ, иногда выписывалъ десятки страницъ, когда находилъ что нибудь особенно интересное. Получалъ я кромѣ того много частныхъ писемъ отъ своихъ товарищей изъ баталіона и знакомыхъ изъ окрестности по стоянкѣ баталіона и на каждое письмо отвѣчалъ длиннымъ письмомъ. Въ числѣ писемъ отъ знакомыхъ получилъ два письма и отъ Туснельды. Прекрасная Туснельда, дѣвица баронеса фонъ-деръ-Бринкенъ, была первымъ предметомъ моей любви, она писала, что всей ея семьѣ, а ей особенно, замѣтно мое отсутствіе, что всѣ они, а она въ особенности, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія.

Библиотека "Руниверс"

Прошла зима, еще скорѣе прошли весна и лѣто съ лагеремъ и маневрами подъ Краснымъ Селомъ, и мы, т. е. я и Есимантовскій радовались наступленію сентября, когда начались приготовленія къ обратной отправкѣ насъ въ свои саперные баталіоны.

Въ это время, около 19 или 20 сентября 1839 года, въ Образцовомъ полку пронеслась молва, что великій князь и самъ государь недовольны полкомъ, что въ полку затѣялся какой то заговоръ между офицерами и что будетъ слѣдствіе.

Нисколько не боясь лично за себя, я былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, какъ общею непріятностью, могущею повредить всему полку.

21 сентября, я поѣхалъ въ Петербургъ, съ разрѣшенія баталіоннаго командира, на одинъ день, до вечера 22 числа. Въ Петербургѣ я останавливался у брата, служившаго тогда письмоводителемъ при Главномъ Инженерномъ училищѣ и имѣвшаго казенную квартиру въ Инженерномъ замкѣ.

Утромъ 22 сентября, пошелъ я въ саперныя казармы къ полковнику л.-гв. сапернаго баталіона Юсту, преже служившему въ гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ. Въ скоромъ времени по приходѣ моего туда, неожиданно пріѣхалъ за мной на извощикѣ посланный отъ брата, который на словахъ передалъ, чтобы я скорѣе возвращался домой, что къ брату пріѣзжалъ полковой командиръ, генералъ Жерковъ, которому очень нужно меня видѣть. Я тотчасъ же возвратился къ брату.

Братъ мнѣ передалъ, что у него былъ Жерковъ и сказалъ, что я прозѣвалъ великаго князя на улицѣ, что великій князь этимъ очень недоволенъ и приказалъ мнѣ ту же минуту возвратиться въ Царское Село, почему Жерковъ проситъ, чтобы я ѣхалъ въ Царское село по часовой машинѣ.

Хотя я былъ и очень внимателенъ на улицахъ, но прозѣвать великаго князя было дѣломъ возможнымъ. Признаюсь, я не много струсилъ и поспѣшилъ отправиться на извощикѣ въ Царскосельскій вокзалъ. Помню, что на Загородномъ проспектѣ, въ извощичьихъ дрожкахъ сломилось подо мной колесо и я перемѣнилъ извощика. Въ вокзалѣ я взялъ билетъ и вошелъ въ общее зало.

Жерковъ былъ тамъ; завидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ и сказаъ:

— Вы уже взяли билетъ, отдайте его назадъ, вы кстати въ мундирѣ, время еще есть, поѣдемъ къ великому князю.

Я конечно повиновался, но меня озадачилъ экипажъ Жеркова; онъ всегда ѣздилъ въ коляскѣ, а тутъ подана извощичья карета и Жерковъ не сказалъ кучеру куда именно ѣхать, а просто: „пошелъ туда, откуда я сюда пріѣхалъ". Сѣвъ въ карету, Жерковъ задернулъ занавѣски у оконъ.

Дорогою, послѣ нѣкотораго молчанія, Жерковъ спросилъ меня пишу ли я стихи? Я отвѣтилъ: нѣтъ! Полагаю, что я сказалъ правду,

Библиотека "Руниверс"

потому что хотя по тогдашнему романическому настоенію молодежи и я писалъ стихи, или маралъ бумагу стихами, воспѣвалъ слезы любви, разлуку съ милой, о бѣдности и трудѣ, какъ о друзьяхъ, а не врагахъ любви и проч., но никогда не издавалъ своихъ стиховъ и даже читая ихъ товарищамъ, не говорилъ, что это собственное мое произведеніе. Далѣе Жерковъ спросилъ: знаю ли я какія нибудь стихи противъ правительства? Я отвѣчалъ, что знаю наизусть много такихъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ печати. Жерковъ продолжалъ вопросы: „не распускали ли вы въ полку какихъ-нибудь стиховъ противъ правительства?“ Тогда дѣло мнѣ стало ясно; я отвѣчалъ, что въ полку не распускалъ, но читалъ и переписалъ своею рукою одни стихи для поручика Газенкампфа. Жерковъ, передъ въѣздомъ въ какіе-то ворота, успѣлъ только сказать мнѣ:

— Жаль мнѣ васъ, вы хорошо служили, не знаю чѣмъ все кончится.

Карета остановилась; мы вошли въ незнакомый мнѣ домъ и вскорѣ очутились въ большомъ залѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ также незнакомый мнѣ полковникъ. Жерковъ что то ему шепнулъ, полковникъ холодно сказалъ мнѣ: „пожалуйте вашу шпагу и посидите здѣсь“. Жерковъ ушелъ, а минутъ черезъ пять вошелъ плацъ-адъютантъ, котораго я узналъ по мундиру, и тогда догадался, что полковникъ должно быть плацъ-маіоръ, флигель-адъютантъ баронъ Зальца. Полковникъ сказалъ плацъ-адъютанту, чтобы тотъ отвелъ меня въ № 3. Я отправился за плацъ-адъютантомъ по длинному ряду коридоровъ, черезъ нѣсколько дворикoвъ, и по весьма темной лѣстницѣ поднялся въ указанный мнѣ казематъ. По сдѣланному распоряженію за мною слѣдовали ефрейторъ съ часовымъ.

Меня ввели въ казематъ, плацъ-адъютантъ тотчасъ удалился, дверь захлопнули, заперли большимъ висячимъ замкомъ, а за дверями поставили часоваго; въ дверяхъ же было окошечко съ желѣзною рѣшеткою.

Я остался одинъ по среди каземата, въ мундирѣ, безъ шпаги, безъ шинели и со шляпою въ рукѣ.

Трудно описать то состояніе духа, въ которомъ я находился въ ту минуту.

Стало смеркаться; я присматривался къ своему каземату.

Казематъ былъ длиною 6 шаговъ, шириною 4 шага, имѣлъ плоскій не сводчатый потолокъ такой высоты, что я короткими своими волосами, какъ щеткою, вытиралъ пыль съ потолка, а если, забывшись, поспѣшно брался рукою за голову, то ушибалъ руку о потолокъ. Одно окошечко давало свѣтъ; оно было такъ мало и такъ высоко отъ пола, а стѣны такъ толсты, что изъ окна нельзя было хорошо видѣть неба, и даже разсмотрѣть пасмурная ли или ясная погода. Три стѣны были каменныя или штукатуаенныя, а четвертая, ведущая въ коридоръ, деревянная, и состояла изъ 16 толстыхъ досокъ. Странно:

Библиотека "Руниверс"

я совершенно машинально сосчиталъ число досокъ въ стѣнѣ и самъ себѣ сказалъ: „вѣрно мнѣ придется пробыть здѣсь 16 дней“.

Казематъ былъ совершенно пустъ, не было ни стола, ни скамейки, ни даже камня подъ голову.

Стало темнѣть; скоро показался огонекъ въ коридорѣ за дверью и самый слабый свѣтъ началъ проникать въ казематъ черезъ дверное окошечко.

Я долго и медленно ходилъ изъ угла въ уголъ, усталъ, присѣлъ на полу, прислонясь къ углу каземата. Нѣсколько крысъ явились около меня; я ихъ не трогалъ, но всталъ и опять долго ходилъ изъ угла въ уголъ.

Наконецъ въ корридорѣ раздались шаги, двери каземата раскрылись съ большимъ шумомъ и солдаты внесли кровать изъ лазарета арестанскаго отдѣленія, съ арестанскою постелью, и маленькій деревянный не крашеный столъ.

Когда все утихло, я опять принялся шагать по каземату, скоро усталъ, прилегъ на кровать, какъ былъ въ мундирѣ, застегнутый.

Кто то изъ коридора въ дверное окно спросилъ, не хочу ли я чаю или ужинать? Я поблагодарилъ, сказавъ, что ничего не хочу.

Всю ночь я не спалъ, безпрестанно вставалъ и ходилъ по каземату; часовые зорко слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ и кто то ночью, на цыпочкахъ, подходилъ къ дверямъ и черезъ окно смотрѣлъ, что я дѣлаю.

Многое было передумано мною; но какъ я не могъ считать себя измѣнникомъ государю, то главная моя мысль останавливалась на томъ, преступникъ ли я? и если преступникъ, то чѣмъ можетъ кончиться судьба моя! Я тогда думалъ, что лучше расчитывать на худшее и допускалъ, что меня разжалуютъ въ рядовые и сошлютъ въ сибирскіе линейные баталіоны. И тутъ я задавалъ себѣ вопросъ, что буду тогда дѣлать? При тогдашнемъ настроеніи духа быстро рѣшалъ и этотъ вопросъ, припомнивъ разсказъ учителя своего по артиллеріи генералъ-маіора Дядина, впослѣдствіи генерала отъ артиллеріи; когда онъ, во времена Аракчеева, былъ разжалованъ въ рядовые, то написалъ наставленіе для артиллерійскихъ офицеровъ и подписалъ „сочиненіе рядоваго Дядина“. Это меня занимало и я уже мечталъ о томъ, что, при отправленіи въ Сибирь, выпрошу себѣ такія то руководства и займусь составленіемъ наставленія для саперныхъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опишу и сибирскій край.

Съ разсвѣтомъ 23 сентября мнѣ принесли чай и кофе на большомъ серебряномъ подносѣ съ богатою обстановкой, я отказался и сказалъ, что не только ничего не хочу, но и смотрѣть не могу на все это.

Скоро вошелъ плацъ-маіоръ снять съ меня первый вопросъ.

Но остановлюсь на первомъ допросѣ и опишу сущность дѣла.

Библиотека "Руниверс"

II.

Въ апрѣлѣ, или въ началѣ мая, 1839 года, великій князь былъ недоволенъ ученьемъ л.-гв. сапернаго баталіона и прислалъ оттуда большую команду нижнихъ чиновъ учиться въ Образцовый полкъ. При этой командѣ находились два офицера, прапорщики Шарыгинъ и фонъ-Фитингофъ-Шель. Шарыгинъ, впослѣдствіи полковникъ, отставной генералъ и вологодскій губернскій предводитель дворянства, а Фитингофъ скоро вышелъ въ отставку, сдѣлался помѣщикомъ одной изъ великороссійскихъ губерній и былъ убитъ умышленно или нечаянно. Оба они были моими товарищами и оба остановились въ Царскомъ Селѣ у меня на квартирѣ, и тогда на квартирѣ было насъ четверо.

Въ то же время отчисленъ былъ обратно къ Образцовому полку, состоявшій временно при лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ, собственно для исполненія караульной службы, Азовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Газенкампфъ. Ему, какъ знакомому съ Шарыгинымъ и Фитингофомъ, хотѣлось втереться въ саперный кружокъ; онъ поселился въ одномъ съ нами домѣ, но на отдѣльной квартирѣ, и чрезъ Шарыгина и Фитингофа познакомился со мной и съ Есимантовскимъ. Къ Газенкампфу пріѣхала мать съ хорошенькою его сестрою; мы познакомились, нѣсколько разъ видѣлись и помогали госпожѣ Газенкампфъ раздавать лотерейные билеты,—она нуждалась въ деньгахъ и разыгрывала какія то свои вещи.

Кажется наканунѣ отъѣзда изъ Царскаго Села Шарыгина и Фитингофа была очень дурная погода; мы всѣ четыре сапера, не смотря на лѣтнее время, вечеромъ сидѣли дома и къ намъ зашелъ Газенкампфъ. Разговоръ скоро обратился на литературу, на поэзію, и положено было, чтобы каждый декламировалъ стихи, такіе, которые менѣе извѣстны. Шарыгинъ и Фитингофъ сказали какіе то водевильные стишки, передѣланные для холостой кампаніи или для вакханальной пѣсни. Есимантовскій сказалъ польскій стишекъ, составленный послѣ взятія Варшавы въ 1831 году, въ которомъ укоряютъ полекъ за то, что онѣ, на балахъ Паскевича, танцуютъ съ русскими офицерами, съ убійцами ихъ отцевъ, мужей, братьевъ и жениховъ. А я сказалъ то стихотвореніе Пушкина или приписываемое Пушкину, которое не было въ печати и за которое будто бы Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга.

Газенкампфу очень понравились польскіе стишки, сказанные Есимантовскимъ и онъ просилъ написать ихъ для него, что Есимантовскій тутъ же и исполнилъ. Когда же кончилась моя декламація, то Газенкампфъ пришелъ въ неописанный восторгъ и умолялъ меня продиктовать ему эти стихи; но, взявшись за перо, сдѣлалъ маленькую оговорку, что онъ тихо пишетъ и самъ не съумѣетъ проставить знаки

Библиотека "Руниверс"

препинанія, а потому проситъ руководить его. Вызвался было Шарыгинъ, но чтобы скорѣе покончить дѣло, я, спроста, сказалъ:—„давайте, я самъ напишу",—и переписавъ все стихотвореніе, отдалъ Газенкампфу на свою бѣду.

Въ моихъ выпискахъ, которыя я привезъ съ собою изъ Иллукшты и которыя дополнилъ въ Царскомъ Селѣ, хранилась копія этихъ стиховъ, которая была написана не моею рукою, а рукою ближайшаго товарища, и по воспитанію, и по службѣ, гренадерскаго сапернаго баталіона подпоручика Дроздовскаго; въ самомъ же концѣ этого стихотворенія, другой товарищъ мой, того же баталіона поручикъ Раутенфельдъ, уже отъ себя и своею рукою, прибавилъ одну сточку. Дроздовскій, толстякъ, болѣе спокойный, чѣмъ энергичный, недавно умеръ, въ чинѣ отставнаго генералъ-маіора. Энергичный и предпріимчивый Раутенфельдъ рано вышелъ въ отставку и по наслѣдству отъ отца принялъ въ аренду казенное имѣніе Бушгофъ, въ Курляндіи.

Въ послѣдствіи обнаружилось, что Газенкампфъ, какъ польскіе стихи, такъ и отъ меня полученные, передалъ матери своей; что мать его служила въ тайной полиціи; что передъ тѣмъ она, тайнымъ доносомъ, погубила мужа своего и отца своихъ дѣтей, служившаго гдѣ-то городничимъ или полиціймейстеромъ; что дочерью своею она торговала, чтобы легче было втираться въ холостые дома и что она, въ донесеніи своемъ бывшему шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, исказила дѣло, заявивъ, что я, съ помощію Есимантовскаго, сочиняю стихи противъ правительства и нарочно раздаю ихъ въ Образцовомъ полку, чтобы они разошлись по всей арміи. Бенкендорфъ доложилъ государю и по высочайшему повелѣнію мнѣ назначенъ арестъ и за тѣмъ слѣдствіе.

Передъ разсвѣтомъ 22 сентября, въ тотъ день, когда меня арестовали въ Петербургѣ, Жерковъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ пріѣзжали на мою квартиру въ Царскомъ Селѣ, арестовали Есимантовскаго и Газенкампфа, осмотрѣли всю квартиру и забрали всѣ мои бумаги и письма.

Но обратимся къ первому допросу.

III.

Почтенный баронъ Зальца заговорилъ со мной такъ мягко, съ такимъ участіемъ, что я и не подозрѣвалъ, что дѣлается форменный допросъ по порученію великаго князя. Я сказалъ Зальцу все, какъ было, какъ описано здѣсь. Зальца невольно воскликнулъ:

— Ну, слава Богу, дѣло выходитъ пустое, а мнѣ насказано Богъ знаетъ что.

Потомъ Зальца продолжалъ:

— Ну, теперь скажите откровенно, откуда вы узнали эти стихи?

Библиотека "Руниверс"

Я отвѣчалъ, что не помню, и дѣйствительно не помнилъ, но прибавилъ, что зналъ ихъ давно, еще въ корпусѣ.

Въ урочные часы приносили завтракъ, обѣдъ, чай, опять при великолѣпной обстановкѣ, но я и во второй день не только ничего не могъ ѣсть, но даже не могъ ни на что смотрѣть и только просилъ параднаго лакея, чтобы скорѣе все уносили отъ меня.

На третій день, 24 сентября, во 2-мъ часу дня, вошелъ ко мнѣ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, и передалъ мнѣ, что его прислалъ великій князь успокоить меня. Ростовцевъ объяснилъ, что дѣло мое уже извѣстно и я дѣйствительно могу быть покоенъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Зачѣмъ вы сказали, что стихи знали еще въ корпусѣ? но вы вѣрно это сказали въ первую минуту, подъ вліяніемъ неожиданности своего положенія; вы, поуспокоившись, обдумаете дѣло, можете дополнить, разъяснить первое показаніе; можно сказать, что вы узнали эти стихи не собственно въ корпусѣ, а на службѣ отъ корпуснаго товарища; но конечно слѣдуетъ щадить и товарища.

Смекнувъ дѣло, я отвѣчалъ Ростовцеву, что его ласковый разговоръ освѣжилъ мнѣ память, что я сознательно припоминаю, что стихи получилъ не въ корпусѣ, но на службѣ отъ корпуснаго товарища Гласко, который съ годъ назадъ утонулъ въ Финскомъ заливѣ.

— Ну вотъ это такъ натурально, сказалъ Ростовцевъ, естественно,—и уходя повторилъ:—Такъ вы покажете, что стихи получили отъ Гласко. Хорошо, хорошо, будьте покойны, любезный Кренке, не сокрушайтесь; это маленькая тучка, которая пройдетъ и за нею солнце еще ярче будетъ сіять.

Часа черезъ два послѣ Ростовцева, вошелъ опять баронъ Зальца и объявилъ:

— Ваши бумаги разсмотрѣны; тамъ нашли эти стихи, но они написаны не вашею рукою. Скажите прямо кто писалъ? вѣдь понятно, что писалъ кто нибудь изъ вашихъ близкихъ товарищей, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ, съ которыми вы въ перепискѣ; руку сличатъ; скажите лучше прямо.

Я и сказалъ правду, что писалъ Дроздовскій по моей диктовкѣ.

— А не припомнили ли вы, продолжалъ Зальца, отъ кого въ первый разъ узнали эти стихи?

Я отвѣчалъ, что хорошо припомнилъ, что узналъ ихъ не въ корпусѣ, а отъ корпуснаго товарища Гласко, служившаго прежде со мною въ одномъ баталіонѣ, а потомъ переведеннаго въ учебный саперный баталіонъ и утонувшаго въ Финскомъ заливѣ.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ ту же минуту былъ посланъ фельдъегерь въ Иллукшту за Дроздовскимъ, арестъ котораго страшно напугалъ тамъ всѣхъ.

И на третій день я ничего не могъ ѣсть. На четвертый день, 25 сентября, приходитъ опять Зальца. Не спавъ и ничего не ѣвши

Библиотека "Руниверс"

три дня, должно быть я очень перемѣнился въ лицѣ. Зальца безпокоился обо мнѣ, но все таки долженъ былъ исполнить свою обязанность.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ онъ:—кто написалъ послѣднюю строку въ томъ листѣ, который написанъ Дроздовскимъ? рука не его и не ваша.

Я прямо сказалъ, что поручикъ Раутенфельдъ и послѣ узналъ, что тотчасъ былъ посланъ въ Иллукшту второй фельдъегерь за Раутенфельдомъ. Арестъ его уже такъ напугалъ всѣхъ въ Иллукштѣ, что каждый готовился подвергнуться той же участи и всѣ офицеры, начиная съ баталіоннаго командира полковника Ясона Ивановича Малофѣева, привели въ порядокъ свои дѣла, уничтоживъ все лишнее. Въ томъ числѣ и другой братъ мой, тоже подпоручикъ гренадерскаго сапернаго баталіона, сжегъ всѣ имѣвшіеся у него стихи, которыхъ была цѣлая кнпа; тогда, при строгости цензуры, рукописные стихи были въ большомъ ходу; сочиненія или „Думы“ Рылѣева были необходимою принадлежностью каждаго, сколько нибудь интересовавшагося русскою литературою.

Я еще не зналъ, что по моей уликѣ Дроздовскій и Раутенфельдъ были арестованы, но глубоко сознавалъ, что предательски поступилъ относительно ихъ и говорилъ о томъ Зальцу. Увѣреніе его, что по своеобразному почерку ихъ, они были бы обнаружены и безъ моего указанія, мало утѣшали меня; я метался въ казематѣ отъ угрызенія совѣсти и въ какомъ то изнеможеніи падалъ на кровать.

На четвертый же день, во 2-мъ часу дня, великій князь прислалъ ко мнѣ корпуснаго доктора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нагумовича, успокоить меня и если нужно оказать медицинскую помощь. Нагумовичъ прописалъ какую то микстуру и совѣтовалъ ѣсть вареный черносливъ; то и другое было скоро принесено. Нагумовичъ передалъ мнѣ, что великій князь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и посылая его ко мнѣ, шутя сказалъ ему:

— А я тебя за то вознагражу концертомъ.

Когда Нагумовичъ спросилъ великаго князя, какимъ концертомъ, то его высочество, въ полголоса, сказалъ что-то такое, чего Нагумовичъ не разобралъ.

Столикъ съ черносливомъ стоялъ у кровати; въ сумерки я прилегъ, постоянно въ мундирѣ, протянулъ руку, чтобы взять черносливенку и въ руку попалась мышь; я нисколько не прибавляю, это истина; я поднялся, отодвинулъ столикъ и опять прилегъ.

Въ тотъ же день, около 8 часовъ вечера, вошелъ плацъ-адъютантъ и сообщилъ, что плацъ-маіоръ проситъ меня къ себѣ (я содержался въ секретномъ отдѣленіи ордонансъ-гауза) и если я не могу идти, то онъ ко мнѣ придетъ. Я отвѣчалъ, что могу идти и пошелъ за плацъ-адъютантомъ.

— Будьте покойны, сказалъ Зальца, встрѣчая меня, дѣло ваше

Библиотека "Руниверс"

уже рѣшено великимъ княземъ, но государю еще не можетъ быть доложено; вамъ разрѣшено имѣть при себѣ человѣка, разрѣшено читать газеты и вотъ онѣ къ вашимъ услугамъ.

Зальца спросилъ, гдѣ мой человѣкъ; я отвѣчалъ, что его можно найти черезъ брата моего, живущаго въ инженерномъ замкѣ и туда было послано. Я пилъ чай у Зальца, причемъ онъ разсказалъ мнѣ свое горе, что у него, кажется изъ 7 дѣтей, остался одинъ, остальные умерли, въ теченіи мѣсяца, одинъ за другимъ, отъ скарлатины.

Впослѣдствіи я узналъ, что докладъ государю задержанъ былъ оттого, что ожидали Дроздовскаго и Раутенфельда, что очень сожалѣли о томъ, что послали за ними, но какъ уже было послано, то надобно было и ожидать ихъ.

На 6-й день, утромъ 26 сентября, пришелъ ко мнѣ мой старикъ деньщикъ Степанъ Гурьяновъ и, какъ теперь помню, старикъ обливался слезами отъ радости, что увидѣлъ меня. Когда онъ осмотрѣлся, то вновь заплакалъ оттого, что меня содержатъ въ такомъ казематѣ; особенно его смущала кровать моя. Дѣйствительно, кровать и постель представляли что-то ужасное. Грубый холщевой мѣшокъ, набитый соломой и замѣняющій матрасъ и грубая наволочка, также набитая соломой вмѣсто подушки не смущали меня, — у меня и дома тогда была такая же постель,—но постель, принесенная мнѣ изъ арестанскаго лазарета, была отвратительно неопрятна, отъ нее воняло невыносимо и она унизана была всѣми возможными насѣкомыми. Гурьяновъ былъ не только деньщикомъ, но какъ бы другомъ моимъ; я постоянно дѣлился съ нимъ чаемъ и сахаромъ, когда и то и другое бывало у меня, а онъ еще чаще дѣлился со мной обѣдомъ изъ солдатскаго котла. Деньщику разрѣшено было приходить ко мнѣ въ казематъ два раза въ день: утромъ съ разсвѣтомъ и вечеромъ въ 9-мъ часу. Только на 6-й день вечеромъ я умылся и на $^1/_2$ часа снялъ мундиръ. Вообще я сталъ покойнѣе, возвратились сонъ и апетитъ, мнѣ стали давать свѣчу и по вечерамъ я читалъ газеты. Завтракъ и обѣдъ приносили мнѣ роскошные и за все содержаніе мое въ казематѣ впослѣдствіи удержано было изъ моего жалованья 50 рублей.

На 11-й или 12-й день заключенія, меня потребовали въ слѣдственную коммисію. Это меня вновь напугало. Я полагалъ, что все уже кончено, а по видимому дѣло только начиналось. Ужъ не помню о чемъ меня вновь спрашивали и что читали мнѣ; помню только, что предсѣдатель коммисіи дежурный штабъ офицеръ гвардейскаго корпуса полковникъ Никифоровъ, потомъ генералъ лейтенантъ и генералъ кригсъ-коммисаръ, показывалъ мнѣ гдѣ подписываться и я, бывши подпоручикомъ, два раза написалъ по—по. Никифоровъ замѣтилъ, что довольно и одного раза по и сказалъ:

— Ну ужъ не подправляйте, пусть такъ останется.

Въ коммисіи этой, кромѣ Никифорова и Зальца, сидѣли два жандармскихъ штабъ офицера.

Библиотека "Руниверс"

Впослѣдствіи я узналъ, что въ коммисію, вслѣдъ за мной, призывали по одиночкѣ Есимантовскаго, Газенкампфа, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа; что Есимантовскій и Газенкампфъ содержались подъ арестомъ также въ ордонансъ-гаузѣ, а Дроздовскій, Раутенфельдъ, Фитингофъ и Шарыгинъ въ инженерномъ замкѣ, на верху, гдѣ помѣщались кондукторы инженернаго корпуса.

Позднѣе отъ барона Зальца я узналъ, что великій князь въ мнѣніи своемъ на заключеніе коммисіи написалъ, что никого изъ насъ не признаетъ виновнымъ, что донось былъ искаженъ и что его высочество всеподданнѣйше проситъ разрѣшенія прекратить дѣло безъ всякихъ послѣдствій. Что три начальника штабовъ его высочества, гвардейскаго, генералъ адъютантъ Веймарнъ старшій, инженернаго, генералъ адъютантъ Геруа и военно-учебныхъ заведеній Ростовцевъ, единогласно говорили великому князю, что если кто нибудь изъ насъ виноватъ, то нѣтъ ни одного человѣка въ Россіи совершенно праваго, что если взять внезапно бумаги, то у каждаго найдутся какіе нибудь стихи, какія нибудь замѣтки, которыхъ нѣтъ въ печати, а Веймарнъ, болѣе приближенный къ великому князю, прямо сказалъ, что „и у вашего высочества вѣроятно найдется что нибудь непозволительное“ а великій князь на это отвѣтилъ:—„Да ты ужъ не подложилъ ли мнѣ чего нибудь“; что государь совершенно согласился съ мнѣніемъ великаго князя и высочайшая резолюція получена была великимъ княземъ вечеромъ 7 октября.

8-го октября, на 16-й день моего заключенія, только что ушелъ мой деньщикъ, на окно каземата, съ наружной стороны, сѣлъ голубь; и только что я успѣлъ сказать самъ себѣ: „16 дней, 16 досокъ и голубь—вѣстникъ освобожденія“,—вошелъ плацъ-адъютантъ и объявилъ:

— Мнѣ поручено предупредить васъ, что къ вамъ будетъ присланъ цирюльникъ брить и стричь васъ, а вечеромъ въ 7 часовъ вы поѣдете къ великому князю.

Если бы отдали меня подъ судъ, то не звали бы къ великому князю; вѣрно будетъ что нибудь другое, думалъ я и безпрестанно поглядывалъ на часы. Признаюсь, ни одинъ день въ жизни не казался мнѣ столь длиннымъ, какъ день 8 октября 1839 года. Канунъ Шипкинскаго боя, 8 августа 1877 года, когда Сулейманъ паша на глазахъ нашихъ дѣлалъ приготовленія чтобы сломить на другой день нашъ Шипкинскій отрядъ, ничтожный въ сравненіи съ его полчищами, и тотъ день показался мнѣ гораздо короче.

Наконецъ настала желаннная минута. Я вошелъ въ пріемную великаго князя, и—о радость,—тамъ находились Дроздовскій и Раутенфельдъ. Они вскрикнули, я также, и нами овладѣлъ истерическій смѣхъ, отъ котораго мы не могли удержаться и я даже теперь не знаю какъ объяснить этотъ смѣхъ. Здѣсь же были также Есиман-

Библиотека "Руниверс"

товскій и Газенкампфъ. Стали являться начальники штабовъ; передъ самымъ великимъ княземъ вошелъ Веймарнъ и отведя Газенкампфа нѣсколько въ сторону, сказалъ ему:

— Вамъ самимъ должно быть совѣстно стоять рядомъ съ этими господами.

Наконецъ, вышелъ великій князь, въ артиллерійскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ и, ставъ передъ нами и опустя глаза, сказалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ничего нѣтъ серьезнаго во всей этой исторіи, и, слава Богу, очень радъ, что убѣдился въ томъ. Но, господа, вы должны понять, что всегда надобно быть осторожнымъ, и можетъ быть эта исторія кончилась бы для васъ очень худо, если бы вы попались въ другія руки. Однако, разобравъ все дѣло, я нахожу болѣе всѣхъ виновнымъ васъ, г. Кренке.

Затѣмъ, обратясь къ тремъ начальникамъ штабовъ, его высочество прибавилъ:

— Прошу гг., чтобы эта исторія никогда и никому изъ нихъ не ставилась въ укоръ, а ихъ, прямо отсюда, отправить по своимъ командамъ.

Съ полнымъ вниманіемъ я ловилъ каждое слово великаго князя, смотрѣлъ въ опущенные его глаза, хорошо понялъ значеніе словъ и глубоко, глубоко сознавалъ величіе души великаго князя; но не могу до сихъ поръ понять, почему тогда мнѣ было такъ смѣшно, что я едва сдерживался и чтобы не расхохотаться щипалъ себя и крѣпко щипалъ.

Впослѣдствіи, когда передъ отъѣздомъ въ Иллукшту, я былъ у барона Зальца, благодарилъ его за вниманіе, оказанное мнѣ во время моего заключенія, Зальцъ объяснилъ мнѣ, почему великій князь назвалъ меня главнымъ виновникомъ. Изъ всѣхъ лицъ, попавшихся въ этой исторіи, великій князь во мнѣ принималъ наибольшее участіе [1]) и когда я въ глазахъ его высочества былъ оправданъ, то для спасенія другихъ офицеровъ: Есимантовскаго, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа, великому князю о нихъ докладывали просто, какъ о товарищахъ моихъ, состоявшихъ подъ нѣкоторымъ нравственнымъ моимъ вліяніемъ. Далѣе Зальца говорилъ:

— Когда перебирали ваши выписки, ваши замѣтки, то всѣ, начиная съ великаго князя, удивлялись, что вы, съ небольшимъ въ четыре года, такъ много написали своею рукой; другой и въ 40 лѣтъ того не напишетъ.

При этомъ я сказалъ Зальцу, что 160 частныхъ писемъ, полученныхъ мною въ Образцовомъ полку, мнѣ возвратили, за исключеніемъ

---

[1]) При выпускѣ изъ корпуса со мной была тоже исторія, въ которой ужъ не я былъ виноватъ, а корпусное начальство. Великій князь тогда зналъ все подробно и нѣсколько разъ изъявлялъ мнѣ свое участіе. Эта исторія можетъ быть будетъ разсказана мной въ другой статьѣ.

Библиотека "Руниверс"

двухъ, въ которыхъ подробно описывались дуэли между курляндскими помѣщиками; но выписокъ и замѣтокъ моихъ мнѣ не возвратили, а я очень хотѣлъ бы получить ихъ обратно.

— Ну, ужъ въ этомъ отношеніи не могу пособить вамъ, сказалъ Зальца,—даже не знаю, кого и просить о томъ.

Задержаніе этихъ выписокъ отняло у меня охоту продолжать занятія въ этомъ родѣ, или вѣрнѣе выписки мои ограничились инженерною и вообще военною частью и преимущественно по сельско-хозяйственной части.

Изъ дворца великаго князя, я и Есимантовскій поѣхали прямо въ Царское Село. Войдя въ свою квартиру, мы невольно воскликнули: „какъ хорошо здѣсь, это сущій рай". Этому повѣритъ тотъ, кто испыталъ передрягу, подобную нашей. Цѣлую ночь сидѣли мы въ мундирахъ, какъ бы желая торжественно провести ночь освобожденія, сами наставляли самоваръ, и покуда Есимантовскій ходилъ за двумя своими товарищами, не далеко отъ насъ жившими, артиллерійскими офицерами, состоявшими при образцовой пѣшей батареи, я варилъ кофе. По приходѣ артиллеристовъ у насъ завязалась самая оживленная бесѣда.

Деньщикъ мой, не зная, что я уже освобожденъ, по обыкновенію, въ 9-мъ часу вечера, пришелъ въ казематъ, но послѣдній оказался пустымъ и куда меня отправили никто ему не могъ сказать. Сторожа при ордонансъ-гаузѣ, изъ участія къ моему старику, шопотомъ, передали ему, что отсюда въ Сибирь отправляютъ обыкновенно ночью, такъ что утромъ никто и не знаетъ куда дѣвался такой-то господинъ. Деньщикъ передалъ брату моему то, что слышалъ отъ сторожей, а братъ тотчасъ сообщилъ роднымъ и знакомымъ и меня уже всѣ считали сосланнымъ; только Дроздовскій и Раутенфельдъ, содержавшіеся въ инженерномъ замкѣ, вывели всѣхъ изъ заблужденія, а деньщики наши утромъ 9 октября явились въ Царское Село.

Рано утромъ, 9 октября, мы пошли явиться полковому командиру. Генералъ Жерковъ былъ уже предупрежденъ о нашемъ освобожденіи и о томъ, чтобы насъ никто и никогда не укорялъ въ несчастной исторіи. Жерковъ ласково принялъ насъ и сказалъ, чтобы мы шли отъ него прямо въ манежъ, что тамъ собираются всѣ чины, подлежащіе нынѣ возвращенію изъ Образцоваго полка въ свои части.

Мы пришли въ манежъ. Всѣ нижніе чины, подлежащіе отправкѣ въ свои части, въ составѣ огромнаго баталіона, были выстроены вдоль стѣнъ манежа, а офицеры, числомъ до 80-ти, стояли посрединѣ. Мы подходили къ офицерамъ, здоровались, но никто намъ не отвѣчалъ, видимо всѣ боялись насъ, боялись даже обнаружить, что когда-нибудь знались съ нами; господа кадровые первые показывали этому примѣръ. Я дернулъ Есимантовскаго за рукавъ и мы стали отдѣльно, по-одаль, къ той сторонѣ манежа, откуда долженъ былъ войти Жерковъ. Онъ пришелъ и подойдя къ намъ сказалъ:—„Что же вы стоите

Библиотека "Руниверс"

отдѣльно"? Я напрямикъ отвѣтилъ, что мы подходили ко всѣмъ, но, начиная съ кадровыхъ, всѣ насъ боятся. Жерковъ подалъ намъ руку и громко наговорилъ разныхъ любезностей. Надобно было видѣть, какъ усердно всѣ стали намъ кланяться и привѣтствовать съ освобожденіемъ, особенно кадровые.

Съ 9 октября до половины ноября, было очень много занятій по службѣ. Ежедневныя ученья начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались въ сумерки и даже при наступленіи темноты. По вечерамъ я едва успѣвалъ составлять служебныя выписки: о перемѣнахъ въ уставѣ, о снаровкахъ при исполненіи нѣкоторыхъ уставныхъ правилъ; о внутреннемъ порядкѣ службы; о пригонкѣ и чисткѣ амуниціи; о постройкѣ и кройкѣ мундирной одежды.

Команды, отправлявшіяся изъ Образцоваго полка, обыкновенно представлялось на смотръ государю, а передъ тѣмъ великому князю. Смотръ великаго князя былъ страшнѣйшій. На этомъ смотру великій князь жестоко распекъ меня. Прошло болѣе 40 лѣтъ, но и теперь страшно вспомнить. Вотъ подробности: хотя я былъ и подпоручикомъ, но, какъ болѣе твердый и надежный по фронту, былъ назначенъ командиромъ 8 взвода, постъ весьма важный при движеніи баталіона лѣвымъ флангомъ, а тогда всѣ построенія слѣва были въ модѣ, и у меня во взодѣ стояло 9 офицеровъ, всѣ старше меня чиномъ, былъ даже капитанъ линейнаго баталіона Сверчковъ. На репетиціяхъ смотра было расчитано на какое окно въ манежѣ и даже на который край окна направлять движенія баталіона, чтобы всѣ возможныя построенія совершались безъ замѣшательства. На смотру великаго князя, при движеніи баталіона рядами на лѣво, команда о построеніи отдѣленій застала въ тотъ моментъ, когда дирекціональный флангъ не былъ въ направленіи на указанную перекладину окна и я по немногу сталъ принимать въ сторону, чтобы вступить на указанную линію. Великій князь это замѣтилъ, остановилъ баталіонъ и громко сказалъ:—„Подпоручикъ Кренке пожалуйте сюда". Я быстро подбѣжалъ, конечно, съ опущенною шпагою. Великій князь громко, на весь манежъ, сказалъ:—„Какъ вы ходите! Какъ вы ходите!" отнялъ у меня взводъ, поставилъ вмѣсто меня слѣдующаго офицера, капитана Сверчкова, и громко же приказалъ Жеркову, чтобы ко мнѣ приставленъ былъ кадровый унтеръ-офицеръ учить меня маршировкѣ. Но когда Сверчковъ, при первомъ же построеніи, что то навралъ, то великій князь распекъ и Сверчкова и тутъ только замѣтилъ, что Сверчковъ капитанъ. Такой знатокъ фронта и всѣхъ тогдашнихъ условій, какъ великій князь, тотчасъ сообразилъ, что вѣрно же я былъ признанъ лучшимъ, когда помимо старшихъ офицеровъ мнѣ дали взводъ, и по окончаніи смотра, послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній, изволилъ сказать:—„Я замѣтилъ кое-что и относительно Кренке, но въ немъ видно большое стараніе". Жерковъ при этомъ шепнулъ

Библиотека "Руниверс"

мнѣ:—„Повѣрьте, что великій князь на васъ не сердится“. И на высочайшемъ смотру я опять командовалъ взводомъ.

Наконецъ минулъ и мнѣ срокъ пребыванія въ Образцовомъ полку и я 21 ноября, 1839 г. былъ отправленъ обратно къ своему баталіону въ Иллукшту.

За время пребыванія въ Образцовомъ полку, офицерамъ обыкновенно давали награду и я былъ представленъ отъ полка, но великій князь не удостоилъ меня награды и я не только не былъ огорченъ этимъ, но, напротивъ, былъ доволенъ, что за свою неосторожность, кромѣ нравственнаго наказанія, получилъ еще и дѣйствительное служебное наказаніе.

Однако великій князь окончательно простилъ мнѣ описанную мною несчастную исторію только въ 1842 году.

Въ маѣ этого года гренадерскій саперный баталіонъ былъ переведенъ изъ Иллукшты на лѣто въ Петербургъ, а за тѣмъ на зиму на постоянныя квартиры въ Новгородъ. Все лѣто баталіонъ стоялъ лагеремъ при деревнѣ Тентелевой съ гвардейскимъ и учебнымъ саперными баталіонами и участвовалъ на маневрахъ, смотрахъ и парадахъ вмѣстѣ со всѣми войсками гвардіи; но такъ какъ гренадерскій саперный баталіонъ по фронту замѣтно отставалъ отъ всѣхъ войскъ гвардіи, то великій князь, по окончаніи Красносельскаго лагеря, весь гренадерскій саперный баталіонъ, до отправленія въ Новгородъ, прикомандировалъ на два мѣсяца къ Образцовому пѣхотному полку, подчинилъ Жеркову и расположилъ въ деревнѣ Кузьмино, вблизи Царскаго Села, причемъ гренадерскій саперный баталіонъ, въ общей очереди съ царскосельскимъ гарнизономъ, долженъ былъ отправлять и караульную службу въ Царскомъ Селѣ. Я былъ тогда поручикомъ и баталіоннымъ адъютантомъ и, вмѣстѣ со всѣми адъютантами частей царскосельскаго гарнизона, обязанъ былъ всякій день являться въ Павловскъ къ великому князю съ рапортомъ о состояніи баталіона. 8 адъютантовъ тогда ѣздили въ павловскій дворецъ: лейбъ-гусарскій, кирасирскій, образцовыхъ кавалерійскаго и пѣхотнаго полковъ, пѣшей и конной батарей, учебнаго сапернаго баталіона и я.

Въ продолженіе лагеря, на маневрахъ, на смотрахъ, великій князь не удостоивалъ меня даже взглядомъ. Когда я ѣздилъ въ Павловскъ съ рапортомъ, великій князь, ласковый съ другими адъютантами, ко мнѣ не обращался ни съ однимъ вопросомъ, и не смотря на меня, принималъ рапортъ.

Такъ продолжалось до 18 августа, до дня рожденія великой княжны Александры Александровны. Въ этотъ день караулъ въ Царскомъ Селѣ занималъ гренадерскій саперный баталіонъ; назначено было молебствіе и всѣмъ офицерамъ находившимся въ Царскомъ Селѣ приказано было собраться въ дворцовую церковь. Въ то время, по порученію баталіоннаго командира, на мнѣ лежала обязанность зорко слѣдить за своими караулами въ Царскомъ Селѣ и я, осмотрѣвъ караулъ и

Библиотека "Руниверс"

часовыхъ, первымъ вошелъ въ церковь. По неопредѣлительности приказанія, всѣ офицеры царскосельскаго гарнизона нѣсколько опоздали и когда великій князь вошелъ въ церковь, то, за исключеніемъ должностныхъ придворныхъ лицъ, я одинъ стоялъ тамъ и его высочество впервые ласково взглянулъ на меня. Скоро церковь наполнилась офицерами, и я, расчитывая, что личность одного незамѣтна, вышелъ изъ церкви до окончанія службы, чтобы успѣть еще разъ осмотрѣть караулъ и повѣрить тѣхъ часовыхъ въ коридорахъ, мимо которыхъ можетъ пройти великій князь. Когда я заставлялъ одного часового нѣсколько разъ продѣлывать „на караулъ" великій князь неожиданно и незамѣтно вышелъ изъ боковой двери, увидѣлъ это, и сзади, слегка, два раза ударилъ меня по плечу, говоря:—„Дѣльно, дѣльно". Тутъ подбѣжали Жерковъ, Малофѣевъ; караулъ въ порядкѣ отдалъ честь; великій князь былъ очень доволенъ и, садясь въ экипажъ, обратился къ Жеркову и Малофеѣву съ слѣдующими словами:

— Странная у меня привязанность къ момъ воспитанникамъ; вотъ и на него (указывая на меня) я постоянно смотрю, какъ на своего кровнаго.

На другой день, по обыкновенію, я былъ въ Павловскѣ съ рапортомъ; великій князь шутя сталъ повѣрять, знаю ли я состояніе баталіона, и когда я наизусть сказалъ всѣ цифры, какъ написано въ рапортѣ, то его высочество, обратясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Вѣдь я его давно знаю, память его вѣроятно далеко загоняетъ мою, а пишетъ онъ такъ скоро, что въ 4 дня напишетъ столько, сколько другому и въ 40 дней не написать.

Послѣ этого великій князь уже всякій день чѣмъ нибудь выражалъ мнѣ свое вниманіе, свой привѣтъ.

В. Кренке.

Библиотека "Руниверс"

НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЪ.

ВЪ МОСКВѢ, на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасской башни, существуетъ еще и теперь небольшая, красивая сквозная башенка, носившая названіе набатной, отъ набатнаго колокола, который висѣлъ на ней въ прежнее время, перелитый, въ 1714 году, изъ стараго набатнаго же колокола.

Въ 1803 году, стѣны и башни московскаго кремля во многихъ мѣстахъ начали разваливаться и московская кремлевская экспедиція озаботилась ихъ исправленіемъ. Между прочимъ, главноуправляющій кремлевскою экспедиціею, Петръ Степановичъ Валуевъ, командировалъ одного чиновника въ набатную башню, съ приказаніемъ снять осторожно колоколъ и сдать его въ экспедицію для храненія въ кладовой, впредь до исправленія башни. Все шло благополучно: рабочіе сняли колоколъ, спустили къ подножію кремлевской стѣны, и только что хотѣли везти его въ кладовую, какъ явился офицеръ съ солдатами и заявилъ, что комендантъ приказалъ оставить колоколъ на площади и тотъ же офицеръ, по приказанію коменданта, приставилъ къ колоколу двухъ часовыхъ. Сконфуженный чиновникъ явился къ Валуеву съ донесеніемъ объ арестѣ колокола.

Главноуправляющій кремлевской экспедиціи, отличавшійся во все время своего служенія непомѣрнымъ самолюбіемъ, взбѣсился, и опять этого же чиновника послалъ къ коменданту съ требованіемъ на словахъ, отъ имени его, Валуева, немедленно возвратить колоколъ. Комендантъ заявилъ чиновнику желаніе свое получить такое требованіе не на словахъ, а письменно. Чиновникъ доложилъ объ этомъ Валуеву. Письменное требованіе полетѣло къ коменданту въ слѣдующемъ содержаніи: „что экспедиція дѣйствуетъ на основаніи высочайше конфирмованнаго штата и по инструкціи, которую онъ, Валуевъ, преподалъ сей экспедиціи; что онъ выражаетъ свое удивленіе къ дѣйствіямъ коменданта и проситъ его увѣдомить не имѣетъ ли онъ ко-

Библиотека "Руниверс"

мендантъ на задержаніе колокола особаго повелѣнія, а если такого не имѣетъ, то чтобъ возвратилъ колоколъ немедленно".

Комендантъ нашолъ тонъ письма да и самое требованіе немного оскорбительнымъ и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующій, вѣроятно, тоже не совсѣмъ довольный тѣмъ, что Валуевъ обратился къ коменданту помимо его, въ тотъ же день увѣдомилъ Валуева „что онъ находитъ дѣйствія коменданта совершенно законными и проситъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ нему главнокомандующему и содержать коменданта въ томъ вниманіи, какого онъ заслуживаетъ по отличному усердію и исправности въ толиколѣтнемъ прохожденіи важнаго служенія своего оказанными".

Валуеву стало понятно, что онъ сдѣлалъ ошибку, погорячился и что главнокомандующій можетъ довести объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, а главнокомандующій и Валуевъ, какъ два медвѣдя въ берлогѣ, жили не въ ладу, и Валуевъ поспѣшилъ искать покровительства въ любимцѣ императора, Трощинскомъ, мимо котораго, въ случаѣ жалобы графа Салтыкова, дѣло это не могло пройти.

„Опасаясь, что главнокомандующій представитъ о дѣлѣ своимъ манеромъ на высочайшее усмотрѣніе, доношу вашему высокопревосходительству (писалъ Валуевъ къ Трощинскому) яко единственному благотворителю, о встрѣтившейся непріятности отъ коменданта и главнокомандующаго, душащими меня поперемѣнно пустыми отношеніями.

„По понятію моему о пользѣ казны и славѣ моихъ государей, истребилъ я, безъ огласки, прошедшимъ лѣтомъ два застѣнка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребя изъ оныхъ матеріялы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть обереженными въ позднѣйшія времена и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ эстиму и заслужилъ монаршее благоволеніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣлецкихъ и возмущенія во время чумы въ царствованіе Екатерины премудрой".

Послѣ такого напоминанія о своихъ заслугахъ, оказанныхъ государю и отечеству и московскимъ жителямъ, Валуевъ въ письмѣ къ Трощинскому разсказываетъ, какъ комендантъ арестовалъ колоколъ и оставилъ его подъ карауломъ на площади „гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ о томъ разные толки и заключенія, а главнокомандующій, не осмотрѣвъ мѣста и не распросивъ о томъ у меня, пишетъ ко мнѣ отношеніе, которое я оставилъ безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и по тому, что отвѣтствуя, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству, что колоколъ имъ уважаемый, есть памятникъ золъ россійскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами, памятникъ безславія

Библиотека "Руниверс"

покойнаго отца его, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную, за что и былъ отставленъ и дана преемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его побѣгѣ".

Изливши свою злость на главнокомандующаго и даже на его покойнаго отца, Валуевъ принялся за коменданта:

„Комендантъ говоритъ, что безъ начальства колокола отдать не можетъ. Буде колокола принадлежатъ къ военной дисциплинѣ и аккуратности, почему же не воспрепятствовалъ мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой?

„Обязанъ я былъ объяснить ему (главнокомандущему), что въ моемъ чинѣ, служа непорочно 50 лѣтъ, разумѣть я долженъ, кому какія давать уваженія, не погрѣшая противъ коменданта, о которомъ онъ самъ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую".

Вступивъ на дорогу сплетней и злорѣчія, Валуевъ не остановился на самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ объясненіяхъ Салтыкова и коменданта:

„Злоба коменданта происходитъ отъ того, что не удовлетворяются его пустыя требованія о снабженіи его дома неимовѣрнымъ числомъ дворцовыми мебелями, о набитіи льдомъ его погребовъ и пр. и пр., понеже домъ его не въ вѣдомствѣ экспедиціи; злоба главнокомандующаго отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и правителя канцеляріи Карпова".

Какъ ни старался Валуевъ въ глазахъ Трощинскаго, который могъ донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующаго, не постыдившись даже, по случаю колокола, вызвать тяжелыя воспоминанія фамиліи графовъ Салтыковыхъ о поступкѣ одного изъ ихъ семейства во время чумы въ Москвѣ 1771 года, какъ ни льстилъ Трощинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но графъ Салтыковъ остался цѣлъ и невредимъ и 28 мая 1803 г. сообщилъ Валуеву, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: „набатный колоколъ сохранять навсегда на своемъ мѣстѣ (т. е. на той башнѣ, гдѣ онъ висѣлъ), въ случаѣ же починки башни сохранять колоколъ въ надежномъ мѣстѣ до исправленія ея, а по исправленіи опять вѣшать на свое мѣсто".

Валуеву осталось, впрочемъ, утѣшеніе, что въ рѣшеніи ничего не было упомянуто о спрятанномъ имъ языкѣ отъ колокола.

Колоколъ этотъ, о которомъ такъ много было прерѣканій и неудовольствій между двумя главными начальствующими въ Москвѣ, сохраняется и теперь и съ языкомъ и показывается посѣтителямъ, въ московской оружейной палатѣ.

Г. Есиповъ.

Библиотека "Руниверс"

НѢМЕЦКАЯ ПАРТІЯ ВЪ РУССКОЙ АКАДЕМІИ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ академія наукъ въ послѣднее время заставила много говорить о себѣ, и въ печати и въ обществѣ; но имя этого храма науки, упоминалось не съ уваженіемъ, а съ негодованіемъ. Рѣчь шла собственно о постороннихъ наукѣ и ея интересамъ помѣхахъ, затрудняющихъ притокъ свѣжихъ силъ въ сферу академической дѣятельности, о цѣховой исключительности академиковъ нѣмцевъ, которая особенно выказалась на выборахъ профессора Д. И. Менделѣева въ ряды петербургскаго ученаго персонала. Двери академіи должны бы, кажется, широко разтвориться передъ заслугами этого ученаго, имя котораго служитъ украшеніемъ русской науки. Тутъ представлялась неоспоримая выгода самой академіи достойно вознаградить утрату, понесенную ею съ кончиною академика Зинина, и въ то же время воздать должное трудамъ профессора Менделѣева. Такъ и понимали кандидатуру г. Менделѣева, академики Бутлеровъ, Чебышевъ, Овсянниковъ и Кокшаровъ, внесшіе свое предложеніе объ избраніи его членомъ физико-математическаго отдѣленія академіи наукъ.

И дѣйствительно, что могло бы помѣшать такому избранію? Профессоръ Менделѣевъ первенствуетъ въ русской химіи и, слѣдовательно ему по праву принадлежитъ мѣсто въ „первенствующемъ ученомъ сословіи Россійской имперіи". Принявъ въ свою среду г. Менделѣева, петербургская академія безъ сомнѣнія, почтила бы тѣмъ русскую науку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя самое, „какъ ея верховную представительницу". Но, быть можетъ, такое мнѣніе принадлежитъ только русскимъ ученымъ, и для академіи оно необязательно, ибо многіе изъ членовъ ея и говорить-то не умѣютъ по-русски, а тѣмъ паче справляться съ мнѣніями русскаго общества и русскихъ ученыхъ. Иное дѣло—слава европейская, извѣстность, пріобрѣтенная за-границей, особливо въ Германіи. Тутъ господа академики должны быть вполнѣ компетентны. Во-

Библиотека "Руниверс"

первыхъ, труды ихъ издаются на иностранныхъ языкахъ и разсчитаны на оцѣнку въ Европѣ; а съ другой стороны болѣе трети всего состава избирателей, балотировавшихъ г. Менделѣева, носитъ не русскія фамиліи. Такимъ образомъ, необходимые, по уставу, двѣ трети голосовъ въ пользу избранія въ члены петербургской академіи, трудно было бы обезпечить за г. Менделѣевымъ, если-бъ научные заслуги его не находили блестящей и высокой оцѣнки въ средѣ европейскихъ ученыхъ. Но въ томъ-то и суть, что изслѣдованія и открытія г. Менделѣева въ области химіи пользуются европейской извѣстностью, признаются вездѣ, какъ это видно, между прочимъ изъ отзывовъ иностранныхъ ученыхъ о его открытіяхъ, приведенныхъ въ запискѣ академиковъ, предлагавшихъ академіи его изобраніе. Какъ извѣстно, ему удалось предугадать и впослѣдствіи дѣйствительно подтвердить свои предсказанія, относительно существованія свойствъ цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, до него ни кѣмъ незамѣченныхъ. Чтобы понять значеніе такого открытія, достаточно сослаться на приговоръ объ этомъ Лотара Мейера: „Предсказаніе свойствъ элементовъ еще неизвѣстныхъ, представляетъ одну изъ самыхъ заманчивыхъ, но за то и труднѣйшихъ задачъ химіи, говоритъ онъ;—она имѣетъ нѣкоторое сходство съ вычисленіемъ еще неоткрытыхъ планетъ, вызывающимъ общее изумленіе и неученаго міра". Само собою разумѣется, подняться на подобную высоту научнаго синтеза,—двинуть науку на такой исполинскій шагъ впередъ—удѣлъ немногихъ.

Ясно отсюда, что, съ какой стороны ни смотрѣть на академическую кандидатуру г. Менделѣева, ее было бы трудно отвергнуть въ интересахъ русской науки и успѣховъ ея въ нашемъ отечествѣ, другими словами, въ интересахъ самой же академіи. На дѣлѣ, однако, вышло иначе. Изъ восемнадцати членовъ академіи, принимавшихъ участіе въ балотированіи г. Менделѣева, половина положила десять черныхъ шаровъ. Кто же эти безсмертные судьи и строгіе критики? Президентъ академіи графъ Литке почтилъ труды и заслуги г. Менделѣева двумя черными шарами; остальные восемь ученыхъ положили по одному каждый: это — непремѣнный секретарь г. К. Веселовскій, академики Вильдъ, Гадолинъ, Гельмерсенъ, Максимовичъ, Шмидтъ, Шренкъ и Штраухъ. Безъ сомнѣнія, не маловажность научныхъ заслугъ неизбраннаго кандидата служила имъ оправданіемъ. Такое объясненіе было бы болѣе курьезно, чѣмъ серьезно, ибо объ этомъ ни одинъ изъ безсмертныхъ девяти мужей, даже и судить-то не въ состояніи, такъ какъ въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного спеціалиста по химіи, нѣтъ ни одного имени, которое получило бы такую же извѣстность въ наукѣ, какою пользуется по праву имя г. Менделѣева.

Вотъ, напримѣръ, оцѣнка заслугъ и ученой дѣятельности г. Менделѣева, публично заявленная профессорами физикоматематическаго факультета московскаго университета, въ виду исхода академическихъ выборовъ:

Библиотека "Руниверс"

„Рядъ принадлежащихъ вамъ изслѣдованій, говорятъ московскіе профессора въ своемъ письмѣ, адресованномъ на имя Д. И. Менделѣева, и ученолитературныхъ трудовъ, отличающихся глубиною и оригинальностью основной мысли, съ давнихъ поръ уже обратилъ на себя вниманіе русскихъ ученыхъ и заставилъ признать васъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся научныхъ дѣятелей Россіи. Ваши „Основы химіи" стали настольною книгою всякаго русскаго химика, и русская наука гордится трактатомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго даже въ богатой западной литературѣ. На ряду съ многочисленными сочиненіями, долголѣтняя и плодотворная профессорская ваша дѣятельность, а также участіе въ изслѣдованіи минеральныхъ богатствъ Россіи, дѣлаютъ ваше имя однимъ изъ самыхъ почтенныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

„Въ послѣдніе годы вашъ законъ періодичности химическихъ элементовъ, столь блистательно оправданный открытіемъ „предсказанныхъ" вами металловъ, напоминающихъ открытіе Нептуна, доставилъ вамъ почетное мѣсто въ кругу ученыхъ всего міра. „Это — по выраженію Вюрца—могучій синтезъ, который отнынѣ необходимо имѣть въ виду всякій разъ, когда желаемъ взглянуть на предметъ химіи съ высоты и въ полномъ его объемѣ". Дальнѣйшая экспериментальная разработка „Закона Менделѣева", безъ сомнѣнія, еще болѣе покажетъ, какъ широко обнимаетъ онъ свойства вещества, и окончательно упрочитъ за вами славу первоклассного ученаго мыслителя.

„Между тѣмъ, мы узнаемъ, что находящаяся въ С.-Петербургѣ академія наукъ, при недавно происходившихъ выборахъ, не приняла васъ въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

„Для людей, слѣдившихъ за дѣйствіями учрежденія, которое по своему уставу, должно быть „первенствующимъ ученымъ сословіемъ" Россіи, такое извѣстіе не было вполнѣ неожиданнымъ. Исторія многихъ академическихъ выборовъ съ очевидностью показала, что въ средѣ этого учрежденія голосъ людей науки подавляется противодѣйствіемъ темныхъ силъ, которыя ревниво затворяютъ двери академіи предъ русскими талантами.

„Много разъ слышали и читали мы о такихъ прискорбныхъ явленіяхъ въ академической средѣ и говорили про себя: „quousque tandem?". Но пора сказать прямое слово, пора назвать недостойное недостойнимъ. Во имя науки, во имя народнаго чувства, во имя справедливости, мы считаемъ долгомъ выразить наше осужденіе дѣйствію, несовмѣстному съ достоинствомъ ученой корпораціи и оскорбительному для русскаго общества. Такое дѣйствіе вызоветъ, безъ сомнѣнія, строгій приговоръ и за предѣлами Россіи,—вездѣ гдѣ уважается наука".

Не менѣе характерно заявленіе, напечатанное по тому же поводу въ „Голосѣ" спеціалистами по химіи, профессорами нашихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній [1]).

---

[1]) Подъ этимъ заявленіемъ значатся слѣдующія подписи: ординарный профессоръ кіевскаго университета П. П. Алексѣевъ; ординарный профессоръ харьковскаго университета Н. Н. Бекетовъ; академикъ и ординарный профессоръ медико-хирургической академіи А. П. Бородинъ; ординарный профессоръ кіевскаго университета Н. А. Бунге; ординарный профессоръ новороссійскаго университета А. А. Вериго; исправляющій должность доцента варшавскаго университета В. А. Гемиліанъ; ординарный профессоръ петровской академіи Г. Г. Густавсонъ; ординарный профессоръ казанскаго университета А. М. Зайцевъ; доцентъ новороссійскаго университета Е. Ф. Клименко; профессоръ московскаго техническаго училища А. А. Колли; ординарный профессоръ харьковскаго университета Г. И. Лагермакъ; профессоръ лѣсного института П. А. Лачиновъ; ординарный про-

Библиотека "Руниверс"

„Физикоматематическое отдѣленіе академіи наукъ, въ засѣданіи 11-го ноября 1880 года, забалотировало Д. И. Менделѣева, который былъ предложенъ въ члены отдѣленія на мѣсто покойнаго Н. Н. Зинина. Безспорность заслугъ кандидата, которому равнаго химія въ Россіи представить не можетъ, извѣстность его заграницей, дѣлаютъ совершенно необъяснимымъ его забалотированіе. Въ виду повторяющихся неизбраній въ физикоматематическое отдѣленіе академіи наукъ лучшихъ русскихъ ученыхъ, мы считаемъ нужнымъ обратить на это общественное вниманіе.

Но о невѣдѣніи и недоразумѣніяхъ на счетъ ученыхъ заслугъ г. Менделѣева не могло быть рѣчи еще и потому, что гг. Бутлеровъ, Овсянниковъ, Чебышевъ и Кокшаровъ, въ вышеупомянутой обстоятельной запискѣ познакомили своихъ ученыхъ коллегъ съ открытіями и трудами г. Менделѣева. Остается допустить, значитъ, что вопросъ тутъ былъ не въ заслугахъ, не въ научной извѣстности, а въ чемъ-то иномъ. Тутъ имѣлись въ виду какія-то „заднія цѣли", особыя, исключительныя стремленія, понятныя только посвященнымъ и избраннымъ.

Какія же это „заднія цѣли" могутъ быть достойны представителей „первенствующаго въ Россіи ученаго сословія?" Вопросъ, до крайности любопытный. Къ счастью, или несчастью, но отвѣта на него не нужно долго искать. Стоитъ лишь сопоставить съ разбираемымъ фактомъ еще нѣсколько случаевъ изъ недавнято прошлаго академіи, гдѣ ей приходилось имѣть дѣло съ кандидатурами изъ русскихъ ученыхъ. Такъ, за послѣднее время не были избраны въ члены академіи профессора Коркинъ и Сѣченовъ, а раньше этого Карамзинъ даже вовсе не былъ предложенъ въ академики. Но всего характернѣе обрисовались отношенія академіи къ русскимъ ученымъ силамъ, въ то время, когда возникъ вопросъ о кандидатурѣ покойнаго С. М. Соловьева. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Устрялова въ III отдѣленіи академіи открылась свободная историческая каѳедра. Болѣе видныхъ кандидатовъ на нее, кромѣ Соловьева, не представлялось тогда. Но въ составѣ упомянутаго отдѣленія засѣдали одни только нѣмцы, конечно, не считая „непремѣннаго секретаря", который всегда дѣйствуетъ въ угоду нѣмецкой партіи. По уставу, и нынѣ еще остающемуся въ силѣ, требовалось, чтобы предложеніе кандидатуры исходило, по крайней мѣрѣ, отъ трехъ ординарныхъ академиковъ. Но изъ среды академиковъ-нѣмцевъ не обрѣлось ни одного, кто рѣшился бы взять на себя иниціативу. Соловьевъ даже не былъ предложенъ по III отдѣленію. Чтобы спасти честь „первенствующаго въ Россіи ученаго сословія", Соловьева избрало II отдѣленіе, т. е. отдѣ-

---

фессоръ петербургскаго университета Н. А. Меншуткинъ; доцентъ новороссійскаго университета В. Петріевъ; ординарный профессоръ варшавскаго университета А. Н. Поповъ; доцентъ казанскаго университета Ф. М. Флавицкій, адъюнктъ-профессоръ николаевской инженерной академіи А. Р. Шуляченко ординарный профессоръ московскаго университета В. В. Морковниковъ.

Библиотека "Руниверс"

леніе языка и словесности. Такимъ образомъ, историкъ поневолѣ попалъ въ спеціалисты по языку и словесности.

Сопоставляя вмѣстѣ приведенные факты, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда поднимается рѣчь о русскомъ кандидатѣ на званіе академика, въ нѣмецкой партіи обнаруживается стремленіе охранять привилегіи и монополію на исключительное значеніе въ дѣлахъ академіи, а съ другой стороны—какъ будто опасеніе выпустить изъ своихъ рукъ бразды академическаго правленія, начиная отъ печатанія ученыхъ трудовъ на казенный счетъ и кончая ученымъ опочиваніемъ на лаврахъ съ хорошимъ гонораромъ. Откуда же, спрашивается, возникли подобныя привилегіи? На чемъ онѣ держатся и какъ отзываются въ практикѣ самой академіи? Краснорѣчивый отвѣтъ на вопросъ можетъ дать только исторія петербургской академіи.

Начать съ того, что вызванная къ жизни правительствомъ, академія, со времени своего основанія, должна была пополняться иностранными учеными силами; безъ сомнѣнія и иностранцы могли принести пользу Россіи,—нужно было только ознакомиться съ ея нуждами и потребностями въ дѣлѣ просвѣщенія. А потребности эти были очень велики. Русское общество того времени не только не было подготовлено къ какимъ бы то ни было изслѣдованіямъ чисто научнаго свойства, но въ его средѣ не было еще ни правильнаго обученія, ни уваженія къ знанію. Вотъ почему главнѣйшая обязанность принятыхъ академиковъ должна была состоять преимущественно въ содѣйствіи педагогическому развитію страны. Имъ предстояло прежде всего заняться изданіемъ учебниковъ, организовать курсы, воспитать въ странѣ классъ учителей и педагоговъ. Такъ понималъ задачу новаго учрежденія Петръ Великій, по мысли котораго она основана; того же ожидали отъ него русскіе люди. Но какъ же исполняли это сами академики? Ничего нѣтъ страннаго, да иначе и быть не могло, что русскіе, призывая иностранцевъ для того, чтобы научиться у нихъ, надѣялись современемъ перестать въ нихъ нуждаться и избавиться отъ огромныхъ издержекъ, какія шли на ихъ содержаніе. Иностранцы же, поселясь въ Россіи, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, желали свою силу и значеніе упрочить, передать въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. „Исполненныя чувства собственнаго превосходства, понимая свою необходимость, иностранцы не могли охотно согласиться на обидную для нихъ роль орудій народа, ими не высоко цѣнимаго; напротивъ, желали быть дѣятелями самостоятельными, пріобрѣсти голосъ и вліяніе въ странѣ, на ихъ глаза еще варварской“. Отсюда искали они всячески случаевъ подкрѣплять себя свѣжими силами изъ за-границы и мало по малу въ академіи успѣла сформироваться плотная однородная корпорація изъ національности нѣмецкой. Отсюда же о пользахъ и нуждахъ Россіи не было и помину. Въ трудахъ ихъ мы видимъ только одно стремленіе обогатить заграничную литературу, не взирая на то, выиграетъ ли отъ того русское общество и русское го-

Библиотека "Руниверс"

сударство, тратившія столько на содержаніе нѣмецкихъ ученыхъ. Два важныя предписанія Петра I были, между прочимъ, вовсе оставлены безъ исполненія академиками, въ ущербъ юной русской образованности. Академики ни чуть не заботились о составленіи извлеченій изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, ни курсовъ по своимъ наукамъ. Небезъинтересно также отмѣтить и отношенія пришлыхъ ученыхъ къ русскимъ студентамъ. Тутъ царило всецѣло „цѣховое направленіе", напоминавшее отношеніе нѣмецкихъ мастеровъ къ русскимъ ученикамъ. Отъ этого направленія, издавна охарактеризованнаго народною поговоркою—„нѣмецъ шить научить, а кроить никогда",—не были свободны самые лучшіе изъ нашихъ иностранныхъ академиковъ. Такъ, извѣстный Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, постоянно отговаривалъ Гмелина обучать русскихъ студентовъ, и Гмелинъ давалъ уроки Крашенинникову и другимъ, тайкомъ отъ Миллера.

Это стремленіе нанятыхъ ученыхъ отдѣлаться мало по малу отъ предписанныхъ имъ въ условіяхъ обязанностей, и отъ всякой заботливости о народномъ просвѣщеніи и знакомства съ потребностями страны, составляетъ характеристическую черту и въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Отъ того-то послѣдняя совершалась безъ всякаго отношенія къ жизни и потребностямъ русскаго общества. Оттого же идея академіи въ томъ видѣ, какъ была она задумана Петромъ I, постепенно съуживалась, мельчала, и въ учрежденіи, въ которомъ хотѣли бы видѣть „зданіе къ возращенію наукъ и художествъ", водворились нѣмецкіе цеховые порядки, вѣчные распри, взаимная вражда за власть, а вмѣстѣ съ ними дурное управленіе и полнѣйшее господство произвола. Какой нибудь интриганъ, въ родѣ Шумахера, деспотически обращался съ ученымъ собраніемъ, не выдавалъ профессорамъ жалованья по цѣлымъ мѣсяцамъ, обносилъ ихъ передъ президентомъ и дворомъ, выставляя ихъ то въ смѣшномъ видѣ, то какъ людей безпокойныхъ, заводилъ между ними распри, причемъ особенно пользовался иностраннымъ студентомъ Ф. Г. Миллеромъ, котораго и посадилъ съ собою въ канцелярію.

Въ самый разгаръ такого порядка вещей въ академію вступаетъ Ломоносовъ. Между нимъ и нѣмецкой партіей завязывается упорная и продолжительная борьба за самобытность науки въ Россіи, за ея независимость отъ непотизма, кумовства и казнокрадства. Исторія этой борьбы тѣмъ болѣе поучительна, что она указываетъ и на тогдашнія средства и препятствія къ тому, чтобы „видѣть россійскую академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую". На первыхъ же порахъ послѣ назначенія Ломоносова въ адъюнкты, онъ успѣлъ близко ознакомиться съ состояніемъ академіи и управленіемъ Шумахера, и не прошло мѣсяца, какъ уже въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ по случаю коронаціи (1742 г.), была послана жалоба на Шумахера изъ 38 пунктовъ, подписанная одинадцатью доносителями.

Въ этомъ „доношеніи", какъ полагаютъ, написанномъ Ломоносовымъ,

Библиотека "Руниверс"

впервые заявляло русское общество свои требованія отъ петербургской академіи. Нарядили коммиссію для производства слѣдствія надъ Шумахеромъ, который, не смотря на всѣ его злоупотребленія, былъ оправданъ вполнѣ. Нартова, друга Ломоносова, возившаго въ Москву жалобу, удалили отъ службы въ академической канцеляріи; противъ академика Делиля, подписавшаго жалобу, Шумахеръ поднялъ все профессорское собраніе, причемъ ему особенно помогали академики Винсгеймъ, его близкій пріятель, и Крафтъ, его родственникъ. Но Шумахеру надо было сломить главнаго виновника этого дѣла, Ломоносова: какъ это сдѣлать? И вотъ нѣмцы-академики, вѣчно враждовавшіе съ Шумахеромъ, на этотъ разъ соединяются съ нимъ тѣмъ съ большей готовностью, что въ академической дѣятельности Ломоносова они не безосновательно видятъ напоръ русской силы. Прежде всего они оправдываютъ Шумахера отъ возведенныхъ на него обвиненій, а затѣмъ представляютъ въ вышеупомянутую слѣдственную коммиссію, вмѣстѣ съ обвиненіемъ Делиля въ клеветахъ, и жалобу на Ломоносова, требуя чтобъ имъ „учинили праведную сатисфакцію". Ломоносовъ хотѣлъ удаленія Шумахера, преобразованія академіи, учрежденія настоящаго университета съ правомъ производить въ ученыя степени, и полагалъ нужнымъ, чтобъ академія предприняла русскія изданія. Онъ подалъ въ коммисію записку „нижайшее доказательство о томъ, что при академіи нѣтъ университета". Его посадили подъ караулъ, гдѣ онъ и находился до начала 1744 года. Любопытно замѣтить, что тѣже самые нѣмцы, очернившіе своего коллегу Делиля, когда снова пришлось имъ разсориться съ Шумахеромъ, не поцеремонились въ жалобѣ на него сенату (7 августа 1745 г.), въ подтвержденіе своихъ словъ, сослаться на доношеніе Делиля 1742 г. Шумахеръ тѣмъ не менѣе продолжалъ царить въ академіи, раздавая мѣста въ канцеляріи свойственникамъ и родственникамъ, и разводя при академіи цѣлыя фабрики и мастерскія, изготовляя на нихъ заказы и подарки разнымъ знатнымъ лицамъ, устроивая разныя починки и передѣлки, особенно послѣ страшнаго пожара (1747 г.), истребившаго значительную часть зданія и музеевъ академіи, который современники приписывали умышленности Шумахера. Нужно ли прибавлять, что Ломоносовъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ постоянно встрѣчалъ систематическое противодѣйствіе въ Шумахерѣ и въ Таубертѣ, который былъ зятемъ Шумахера и его помощникомъ по канцеляріи, а равно и во всѣхъ академикахъ, ладившихъ съ сими господами. Не говоря уже о постоянныхъ доносахъ на Ломоносова, враги его не переставали нападать даже на мысли, какія высказывались въ его сочиненіяхъ. Съ какими интригами и недоброжелательствомъ къ дѣятельности русскаго ученаго относились „непріятели наукъ россійскихъ", какъ Ломоносовъ называлъ товарищей— иностранцевъ и завидовавшихъ ему русскихъ, „которые не давали возростать свободно насажденію Петра Великаго", показываетъ между прочимъ слѣдующій фактъ, переданный имъ самимъ въ „Исторіи о

Библиотека "Руниверс"

поведеніи академической канцеляріи". Дѣло идетъ объ изданіи русской грамматики Ломоносова на нѣмецкомъ языкѣ. „Чтобы пресѣчь изданіе Ломоносова грамматики на нѣмецкомъ языкѣ, даны всѣ способы Шлецеру, чтобъ онъ, обучаясь русскому языку по его грамматикѣ, переворотилъ ее инымъ порядкомъ и въ свѣтъ издалъ, и для того всячески останавливать печатаніе оныя, а Шлецерову ускоряли печатать въ новой типографіи скрытно, которой уже и отпечатано много (девять) листовъ, исполненныхъ смѣшными излишествами, погрѣшностями, какъ еще отъ недалеко знающихъ россійскій языкъ ожидать должно, купно съ грубыми ругательствами".

Борьба, какую пришлось вести Ломоносову съ нѣмецкой академической партіей, принесла свои плоды. Послѣ его смерти русскій элементъ уже не могъ отсутствовать въ средѣ академиковъ. Во первыхъ, и между „варварами" т. е. русскими, оказался человѣкъ, заслужившій уваженіе лучшихъ европейскихъ ученыхъ того времени, и между ними нашлись способные возрощать науки и художества, а съ другой стороны и русское общество стало интересоваться академіею и смотрѣть на нее, какъ на свое учрежденіе. Подъ конецъ жизни Ломоносова, она служитъ уже предметомъ частныхъ разговоровъ и печатныхъ разсужденій. Сумароковъ зло нападаетъ на „невскихъ блохъ, которыя въ началѣ Петербурга завелися". Шлецеръ говоритъ, что въ это время русское общество негодовало на академію за то, что она тратила огромныя суммы совершенно непроизводительно для народа: „русскіе громко говорили, что Россія можетъ быть благодарна академіи только за календари". Порошинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, проводитъ слѣдующій характерный отзывъ объ академіи, сдѣланный графомъ Н. И. Паниномъ: „Она (академія) оставлена безъ всякаго попеченія; нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленія его къ академическимъ ученіямъ у насъ нѣтъ, что такія школы для распространенія наукъ необходимо нужны. И въ самомъ дѣлѣ, какая изъ того польза и у разумныхъ людей слава отечеству пріобрѣтена быть можетъ, что 10 или 20 человѣкъ иностранцевъ, созванные за великія деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногимъ извѣстномъ? Еслибъ крымскій ханъ двойную далъ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ, они-бъ и туда поѣхали и тамъ писать бы стали, а со всѣмъ тѣмъ татары все бы прежними невѣжами остались". Вотъ какіе взгляды уже стали высказываться въ то время. Вступленіе русскихъ въ среду академіи послужило къ тому, что академія начала выполнять свое главное назначеніе — служить Россіи, русскому просвѣщенію. Она начала обогащать русскую литературу изданіями многихъ прекрасныхъ переводовъ съ древнихъ и съ новыхъ языковъ, она же предприняла русскія повременныя изданія, въ которыхъ наиболѣе, если не исключительно, трудились отечественные ученые. Въ періодъ президенства Н. Н. Новосильцева былъ составленъ особый „регламентъ академіи", уже во многомъ отвѣчавшій идеямъ Ломоно-

Библиотека "Руниверс"

сова. „Академія, — гласилъ этотъ, регламентъ — должна образовать опредѣленное число молодыхъ людей изъ россійскихъ подданныхъ, которые будутъ составлять первую степень во всѣхъ наукахъ, дабы современемъ сдѣлать ихъ достойными принятія въ число адъюнктовъ". А чѣмъ же заявляла о себѣ нѣмецкая партія? Помимо изданія на русскія деньги сочиненій, обогащавшихъ германскую литературу, помимо изданія календарей, они занимались взаимными пререканіями, починкой и украшеніемъ квартиръ. Въ этомъ отношеніи небезъинтересно заявленіе С. С. Уварова, назначеннаго президентомъ въ 1818 г. По его словамъ, „на починку и украшеніе квартиръ академическихъ чиновниковъ (въ 1817 г.) академіею употреблено было 18,049 руб., а на кунсткамерѣ крыша течетъ и болѣе 15 лѣтъ не крашена". „Квартиры академиковъ такъ расположены, что иныя имѣютъ до десяти покоевъ, даже и тѣ, которыя занимаются холостыми". „Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода, произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность академіи". Такое состояніе академіи вызывало необходимость ея преобразованія, и со времени президентства С. С. Уварова и до послѣдняго времени наше правительство старалось не только поощрять труды академиковъ—иностранцевъ, но въ особенности обезпечить свободный и широкій доступъ въ первенствующее ученое сословіе россійской имперіи русскимъ ученымъ силамъ. Такъ, по нынѣ дѣйствующему уставу, на открывающіяся мѣста академиковъ и адъюнктовъ, при равныхъ достоинствахъ, ученый русскій предпочитается иноземцу. Уставъ требуетъ также, чтобы академія, когда откроется вакансія адъюнкта, „открывала конкурсъ объявленіемъ въ вѣдомостяхъ, чтобъ всякій изъ русскихъ ученыхъ, чувствующій себя къ дѣлу способномъ, впродолженіи шести мѣсяцевъ, прислалъ, въ доказательство своихъ знаній, или напечатанную книгу, или диссертацію, имъ сочиненную. „Выписывать же иностранныхъ ученыхъ допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда никто изъ русскихъ не явится на конкурсъ. Правила, опредѣляющія порядокъ выборовъ, одинаково не мѣшаютъ русскимъ ученымъ вступать въ академію. Но, извѣстное дѣло, уставами ничего не подѣлаешь, если они не поддерживаются личною силою исполнителей ихъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: уставъ остается безъ результата; онъ самъ по себѣ, а исполнители его сами по себѣ. Всѣми дѣлами заправляетъ „непремѣнный секретарь", а вершаетъ ихъ президентъ, назначаемый изъ „особъ первыхъ четырехъ классовъ", внѣ всякаго контроля ученой коллегіи, пользующійся широкими полномочіями „доносить въ случаѣ нарушенія порядка и внутренняго устройства", или о достойныхъ повышенія и наградъ, „наказывать виновныхъ" и избирать мѣры, соотвѣтственныя законамъ, важности самаго „случая вызывающаго на мѣропріятія по обстоятельствамъ". Выходитъ такимъ образомъ, что академія будто и коллегіальное учрежденіе, ибо ученыя дѣла рѣшаются въ собраніи акаде-

Библиотека "Руниверс"

миковъ большинствомъ голосовъ, что предполагаетъ и свободу мысли и слова, а въ дѣйствительности эта свобода всегда можетъ столкнуться съ „правами“ ни отъ кого независимаго пожизненнаго начальника академіи и съ соображеніями также пожизненнаго „непремѣннаго секретаря.“ Есть ли тутъ какое-нибудь ручательство, что самый подробный уставъ въ состояніи обезпечить правильность выборовъ и соблюденіе существенныхъ интересовъ учрежденія? Мы сомнѣваемся.

Такова въ общихъ чертахъ исторія петербургской академіи; таково устройство ея. Мы видѣли, что люди, которыхъ правительство наше призывало чтобы двигать науку впередъ, не хотѣли сдѣлать насъ самихъ участниками этого движенія. Они обнаруживали только притязаніе эксплоатировать неподготовленность русскаго общества къ ученымъ изслѣдованіямъ въ собственную пользу. Смотря же на все русское съ высоты своего нѣмецкаго величія, пришлые культуртрегеры не съумѣли и возвысить своего эгоизма надъ инстинктами наживы и удовлетворялись только притѣсненіями русскихъ же. Русскому элементу они не давали ни ходу, ни средствъ къ пріобрѣтенію знаній. Въ дѣлахъ самой академіи, для нѣмцевъ, квартирный вопросъ затмилъ всѣ вопросы науки, а личные интересы стали выше научныхъ. Владѣвшіе умѣньемъ обдѣлывать дѣла и дѣлишки, являлись полными распорядителями въ средѣ первенствующаго въ Россіи ученаго состоянія. Формировались между ними особенныя личности, которыя, по самому свойству своего принципа, обыкновенно искали связей и протекцій и, находя ихъ сверху, брали верхъ. Соплеменники-нѣмцы мало по малу сплачивались въ одну корпорацію и такимъ образомъ постепенно въ русской академіи утвердилось потомственное господство иностранцевъ.

Понятное дѣло, никакого соприкосновенія съ обществомъ въ своей дѣятельности они не имѣли, напротивъ, на каждомъ шагу проявлялось полное отчужденіе, которое, вмѣстѣ съ цѣховой исключительностью, оставило и труды ихъ безъ всякаго вліянія на успѣхи наукъ въ Россіи. Но движенія науки нельзя замкнуть въ стѣнахъ академіи, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ интересовъ ученой касты, на какихъ бы началахъ она ни держалась, корпоративныхъ, бюрократическихъ и пр. Когда обществу удалось выдвинуть изъ среды своей людей мысли и знанія, оно не могло уже оставаться безъучастнымъ къ ихъ дѣятельности; оно должно было оказать имъ содѣйствіе и поддержку. Познанія ученыхъ, заслуги ихъ въ наукѣ, вліяніе ихъ на общество, теперь ужъ не пропадутъ даромъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ отношеніе русскаго общества къ выходкѣ академическихъ нѣмцевъ по поводу оцѣнки заслугъ профессора Д. И. Менделѣева. Въ этомъ же должны убѣдиться и наши рутинеры нѣмецкаго гелертерства, обратившіе академическія каѳедры въ „кормленіе“ себя. Не говоримъ ужъ о нашихъ ученыхъ, какъ ни малочисленны еще ряды ихъ; своимъ единодушнымъ протестомъ противъ упомянутой выходки, они показали ясно,

Библиотека "Руниверс"

что сознаютъ себя силою и тѣмъ большей, чѣмъ крѣпче ихъ связь между собою. И никакимъ партіямъ не разрушить этой связи, которая крѣпка надеждою на сочувствіе и содѣйствіе общества въ стремленіи нашихъ ученыхъ освободить развитіе русской науки отъ фаворитизма, кумовства и синекуръ непрошенныхъ культуртрегеровъ.

Ѳ. Булгаковъ.

Библиотека "Руниверс"

КЛЕРИКАЛЬНАЯ НѢМЕЦКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

(Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880).

Рѣдкое произведеніе исторической науки въ послѣдніе годы пользовалось такимъ успѣхомъ, какой выпалъ на долю „Исторіи нѣмецкаго народа“ Янсена. Въ 1876 г. вышло первое изданіе; въ 1880 г. потребовалось уже шестое. Все сочиненіе Янсена разсчитано на шесть томовъ; изданы еще только два. Первая мысль объ этомъ трудѣ возникла у автора еще въ 1854; съ 1857 г. онъ приступилъ къ собиранію матеріала и занимался этимъ въ теченіе 20 лѣтъ. Архивы: Франкфурта, Трира, Майнца, Люцерна, Цюриха, Вертгейма и др. дали ему огромную массу новыхъ, еще неизданныхъ матеріаловъ. На основаніи этихъ матеріаловъ и существующей уже литературы, авторъ задался цѣлью написать популярную исторію нѣмецкаго народа съ конца среднихъ вѣковъ, обращая главное вниманіе на культурное развитіе народа и стараясь избѣгнуть какой бы то ни было тенденціи. Сущность своей работы авторъ сводитъ къ простому изложенію исторической правды, насколько она познается изъ источниковъ. Отсюда вытекаютъ характеризующія Янсена особенности изложенія: онъ говоритъ преимущественно словами источниковъ; масса цитатъ наполняетъ его книгу отъ первой страницы до послѣдней. Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ мысли автора освободить свой трудъ отъ малѣйшей примѣси субъективнаго элемента. Субъективизмъ въ разработкѣ исторіи принадлежитъ къ числу вымирающихъ направленій и въ интересахъ науки положительно вреденъ. Создавая столкновенія личныхъ симпатій и антипатій въ оцѣнкѣ того или другого историческаго дѣятеля или событія, фантастическія картины и портреты,

Библиотека "Руниверс"

онъ представляетъ одну изъ причинъ, задерживающихъ развитіе исторической науки, ея движеніе къ классификаціи фактовъ и изслѣдованію управляющихъ ими законовъ. Устранить подобный элементъ изъ своего изслѣдованія Янсенъ имѣлъ полное право, но онъ зашелъ слишкомъ далеко: вмѣстѣ съ субъективными ощущеніями, вызываемыми дѣятельностію лица или событіемъ, онъ иногда изгоняетъ и то, что составляетъ содержаніе всякой научной работы—характеристику факта и установленіе его причинной связи съ другими. Первое впечатлѣніе, которое производитъ книга Янсена на читателя, заключается въ томъ, что авторъ ограничилъ свою работу механическимъ подборомъ фактовъ, предоставляя ихъ анализъ и обобщенія читателю: такъ мало замѣтно въ ней присутствіе анализирующей мысли. Впечатлѣніе радикально измѣняется, когда мы обратимъ вниманіе на подборъ и группировку фактовъ, на встрѣчающіяся мѣстами соображенія историка; анализъ того и другого приводитъ къ убѣжденію, что намѣреніе Янсена избѣжать тенденціозности нашло себѣ мѣсто только въ предисловіи, въ книгѣ-же проводится рѣзко опредѣленная тенденція. Изъ двухъ вышедшихъ томовъ, „Исторіи нѣмецкаго народа“ первый заключаетъ въ себѣ характеристику умственнаго, экономическаго и политическаго состоянія Германіи во второй половинѣ XV вѣка,—наканунѣ реформаціи; второй — религіозное, соціальное и политическое броженіе первой четверти XVI вѣка. Такъ какъ первый томъ представляетъ въ сущности только обширное введеніе къ второму и послѣдующимъ, то читатель вправѣ ожидать, чтобы въ немъ были изложены обстоятельно тѣ условія, которыя вызвали могучее возбужденіе, захватившее всѣ стороны народной жизни; на дѣлѣ мы встрѣчаемъ другое. Періодъ отъ половины XV вѣка до появленія враждебныхъ церкви младшихъ гуманистовъ, Янсенъ разсматриваетъ, какъ одну изъ плодотворнѣйшихъ эпохъ нѣмецкой исторіи. Это была, по его воззрѣнію, эпоха здороваго умственнаго развитія на твердой почвѣ христіанской религіи и церковнаго міровоззрѣнія, когда любовь къ церкви вызывала стремленія мирно преобразовать ея недостатки и злоупотребленія, любовь къ родинѣ, горячее одушевленіе идеей священной римской имперіи — оппозицію партикулярнымъ стремленіямъ князей и имперскихъ сословій, когда господство ученія объ оправданіи посредствомъ добрыхъ дѣлъ возбуждало умственную жизнь, содѣйствовало развитію искусства и породило безчисленныя филантропическія учрежденія. Таковъ взглядъ на эпоху, выраженный авторомъ въ введеніи. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлаетъ затѣмъ характеристику умственнаго, экономическаго и политическаго положенія Германіи въ XV вѣкѣ.

Народное образованіе составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ церкви. Въ катехизисахъ XV вѣка, въ числѣ обязанностей родителей по отношенію къ дѣтямъ, указывается на то, что они должны посылать своихъ дѣтей, въ школы. Общество не оставалось глухо къ пред-

Библиотека "Руниверс"

писаніямъ церкви; въ нѣкоторыхъ городахъ учителя начальныхъ школъ жаловались, что они не могутъ съ существующимъ количествомъ помощниковъ управляться съ массой учениковъ. Учителя находились на содержаніи общинъ, получая отъ нихъ квартиру, садикъ, провизію натурой и нѣсколько гульденовъ деньгами; сверхъ того каждый школьникъ платилъ ежемѣсячно извѣстную плату. Воспитаніе и образованіе дѣтей, по воззрѣніямъ современныхъ представителей церкви, должно было начаться въ семействѣ; отъ дурного направленія его зависятъ всѣ темныя стороны общественной жизни. Какъ семейство, такъ и школа, должны были приготовить ребенка къ пониманію религіозныхъ истинъ, проповѣдуемыхъ церковью. Какъ широко распространена была проповѣдь церковная, между прочимъ видно изъ того, что до 1500 г. проповѣди доминиканца Іоганна Герольта выдержали 41 изданіе, каждое изъ 40,000 экземпл. Почти также распространены были и книги св. писанія; передъ разрывомъ съ римскою церковью, въ Германіи было до 14 переводовъ Библіи на народный языкъ; отдѣльныя части Библіи, какъ Евангеліе и Посланія, выдержали въ нѣмецкомъ переводѣ до 1518 года около 25 изданій. 11—12-лѣтніе школьники читали ежедневно съ учителями отрывки изъ Вѣтхаго и Новаго завѣта. Среднія школы, большая часть которыхъ была обязана своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ „Brüder vom hemeinsamen Leben“, имѣли огромное количество учениковъ: въ Цволле 800—1,000, въ Алькмаорѣ 200, въ Герцогенбушѣ 1,20, въ Девентерѣ 2,200. Греческіе и латинскіе классики служили однимъ изъ главныхъ предметовъ школьнаго обучевія, но, въ отличіе отъ позднѣйшаго гуманизма, они служили только средствомъ для христіанскаго развитія, для болѣе глубокаго пониманія христіанскаго ученія; вотъ почему старые нѣмецкіе гуманисты не казались схоластическимъ богословамъ и философамъ опасными новаторами. Во главѣ педагоговъ, сдѣлавшихъ классицизмъ средоточіемъ образованія, стояли Гегій, вестфальцы Лангенъ, Дрингенбергъ, Кемнеръ. Число учениковъ, изучавшихъ латынь, достигало въ Эммерихѣ 450, въ Ксантенѣ и Везелѣ 230; даже въ маленькихъ городкахъ, въ родѣ Франкенберга въ Гессенѣ, число учениковъ среднихъ классическихъ школъ доходило до 180 человѣкъ. 11—12-лѣтніе мальчики читали подъ руководствомъ учителя Энеиду и Цицерона. Рядомъ съ чтеніемъ классиковъ въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ напр. въ Шлеттстадтской „Perle des Elsasses“, шло преподаваніе отечественной исторіи. На образованіе юношества замѣчательные педагоги эпохи возлагали всѣ свои надежды. Отъ развитія юношества, по мнѣнію Вимпфелинга, нужно было ожидать реформъ въ области церкви, законодательства и общественной жизни; изъ него должно вытекать благосостояніе семьи и общества. Темной стороной тогдашняго школьнаго образованія была система жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Розги играли видную роль въ обученіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣтомъ

Библиотека "Руниверс"

устраивались торжественные походы школьниковъ за розгами въ ближайшій лѣсъ; во главѣ маленькихъ аргонавтовъ стоялъ учитель, въ арьергардѣ тянулась половина любопытнаго городского населенія. Пропорціонально низшему и среднему образованію развивалось и высшее. Вторая половина XV вѣка была эпохой высшаго развитія средневѣковыхъ университетовъ, представлявшихъ собою не просто только свѣтскія, но и высшія церковныя школы. Они были организованы въ церковномъ духѣ, находились подъ покровительствомъ папъ, достигли высшаго процвѣтанія въ эпоху религіознаго единства, и за немногими исключеніями остались на сторонѣ церкви во время разрыва Германіи съ Римомъ. Составляя вполнѣ самостоятельныя корпораціи, они были независимы отъ правительства. Свобода ученія и преподаванія, отсутствіе сословныхъ различій, составляли ихъ характеристическую особенность, давшую имъ право на званіе цитаделей свободы. Корпорація не опредѣляла возрастъ слушателей; здѣсь были двѣнадцатилѣтніе мальчики (астрономъ Іоганнъ Мюллеръ) и взрослые мужчины, занимавшіе уже государственныя должности, аббаты, священники, князья и принцы. Строгаго различія между преподавателями и слушателями не существовало. Одно и то же лице часто было преподавателемъ и слушателемъ (въ высшемъ факультетѣ). Число слушателей достигало въ нѣкоторыхъ университетахъ огромныхъ размѣровъ: въ Кельнѣ къ концу XV вѣка было до 2,000 студентовъ, въ другихъ университетахъ оно колебалось между 300 и 400 человѣкъ; соотвѣтственно числу слушателей, было и число преподавателей; въ Вѣнѣ въ 1453 году на философскомъ факультетѣ было 82 доктора, въ 1478 г.—105. Характеристикѣ отдѣльныхъ представителей университетской науки Янсенъ посвящаетъ 72—132 стр. перваго тома своей исторіи. Она служитъ подтвержденіемъ еще прежде высказаннаго положенія (I, 7), что во главѣ умственнаго движенія второй половины XV вѣка стояли личности, мудрость которыхъ покоилась на страхѣ Божіемъ, личности, проникнутые любовью къ церкви, вѣрные христіане, съ твердыми, несокрушимыми характерами.

Переходя къ памятникамъ искусства избранный имъ эпохи, Янсенъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что и здѣсь также, какъ въ области науки, церковь полновластно царила надъ умами (I, 133). Архитекторы, живописцы, музыканты, работали въ одномъ и томъ-же религіознымъ духѣ (I, 134). Искусство держалось на недосягаемой высотѣ, пока сохраняло религіозно-народную основу, и стало клониться къ паденію, потеряло творческую силу, лишь только наслѣдственная вѣра и наслѣдственныя преданія стали предметомъ презрѣнія (135).

Мы обойдемъ тѣ главы „нѣмецкой исторіи“, которыя посвящены архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и остановимся только на характерныхъ страницахъ, гдѣ Янссенъ опредѣляетъ значеніе юмора въ искусствѣ XV вѣка и характеризуетъ направленіе поэзіи. Юмористическое направленіе онъ находитъ вполнѣ согласнымъ съ духомъ

Библиотека "Руниверс"

христіанскаго искусства и литературы (I, 191); оно возможно только во времена твердой вѣры, крѣпости мысли и воли; юморъ нѣмецкаго искусства былъ только тогда и свѣжъ, когда личная, семейная и общественная жизнь, покоилась на почвѣ христіанства, когда церковь была душой и объединяющимъ началомъ средневѣкового организма. Онъ долженъ былъ пасть въ эпоху невѣрія, ибо вообще такова судьба юмора. Церковь была далека отъ того, чтобы стѣснять его развитіе, хотя имѣла возможность сдѣлать это очень легко. Юморъ XV вѣка переходилъ иногда въ уничтожающую сатиру, но и въ этихъ случаяхъ въ немъ чувствовалось постоянно стремленіе къ истинѣ, сознаніе ничтожества всякаго земного величія, убѣжденіе въ постоянной борьбѣ, происходящей внутри человѣка; даже въ такихъ случаяхъ онъ помогалъ церкви, потому что направленъ былъ противъ злоупотребленій современности, противъ возраставшаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ. Исходя изъ такихъ воззрѣній, Янсенъ называетъ „Дурацкій корабль" Себастіана Брандта чисто религіознымъ произведеніемъ, а творца его ни сатирикомъ, ни моралистомъ, но глубоко религіознымъ поэтомъ. Съ другими произведеніями сатирической литературы онъ не могъ произвести подобной метаморфозы и потому или только ограничивается нѣсколькими ничего не значащими словами какъ о „Рейнеке", или вовсе умалчиваетъ о нихъ, какъ напримѣръ о сочиненіяхъ Бебеля. Между произведеніями народной поэзіи онъ отмѣчаетъ пѣсни противъ лжеучителей (I, 222), но лишь мелькомъ упоминаетъ о такихъ, въ которыхъ осмѣиваются злоупотребленія духовенства, приводя только одинъ очень скромный по содержанію отрывокъ (I, 221).

Нарисовавъ блестящую картину развитія науки и искусства на почвѣ христіанской религіи, Янсенъ замѣчаетъ, что на одинаковой ступени процвѣтанія находилось и экономическое положеніе народа въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Любопытны выводы Янсена о экономическомъ благосостояніи низшихъ классовъ народа. Нѣмецкіе крестьяне въ концѣ XV вѣка, по своему богатству и комфорту жизненныхъ условій, превосходили современное дворянство; многіе изъ нихъ имѣли болѣе средствъ, чѣмъ десять дворянъ вмѣстѣ, пили и одѣвались гораздо лучше своихъ господъ; ихъ утонченная кухня возбуждала зависть потомковъ. Въ относительно одинаковомъ положеніи находились поденьщики, работники и служанки; безземельные наймиты никогда, ни прежде, ни послѣ, не были такъ матеріально обезпечены, какъ въ періодъ отъ конца XIV до начала XVI вѣка. Аугсбурскій поденщикъ въ XV вѣкѣ могъ на свой дневной заработокъ купить фунтъ мяса, мѣру вина, приготовить нужное количество хлѣба, отложивъ половину на оплату квартиры, одежду и другія потребности. Въ Саксоніи, по распоряженію герцоговъ Эрнста и Альберта (1484 г.) работникамъ кромѣ платы полагалось давать обѣдъ и ужинъ изъ 4-хъ, а въ праздникъ изъ 5 блюдъ. Мясо, сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лавшееся въ XVI вѣкѣ предметомъ роскоши для богатыхъ, въ XV вѣкѣ составляло обыкновенную пищу низшаго класса; не имѣть его за столомъ или имѣть плохое, считалось признакомъ особенной бѣдности. Содержаніе, получаемоое работникомъ, было достаточно не только для него лично, но и для содержанія семьи; прилежный работникъ могъ даже отложить кое-что на черный день. Благопріятное экономическое положеніе мастерового люда Янсенъ доказываетъ тѣмъ, что отъ него поступали богатыя пожертвованія на церковныя учрежденія и что правительство не разъ должно было вооружаться запрещеніями противъ чрезмѣрной роскоши ремесленниковъ въ одеждѣ. Цехи, какъ религіозныя корпораціи по существу, благотворно дѣйствовали на положеніе ремесленниковъ. Изъ внутренней связи ихъ съ религіей вытекали взаимная помощь, братская любовь членовъ, равенство въ распредѣленіи труда и его продуктовъ. Отношенія колоновъ къ своимъ господамъ, по изображенію Янсена, не оставляли желать ничего лучшаго. Повинности колоновъ были весьма умѣренны, иногда даже чрзвычайно малы; если они не представлялись въ опредѣленный срокъ, то налагался ничтожный штрафъ и весьма рѣдко отнимался земельный участокъ.

Коротенькое извлеченіе изъ перваго тома „Исторіи нѣмецкаго народа“ Янсена, навѣрно, привело читателя къ заключенію, что въ XV вѣкѣ Германія наслаждалось идеальнымъ счастьемъ: благоденствовали колоны, поденьщики, крестьяне, благоденствовалъ ремесленный людъ, процвѣтали искусство и наука, дѣятели эпохи были украшены всевозможными добродѣтелями. Естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ же обусловливается измѣненіе, совершившееся въ XVI вѣкѣ, чѣмъ вызваны были соціальныя бури, разрушившія это благоденствіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Янсенъ начинаетъ еще въ первомъ томѣ. Уже въ XV вѣкѣ онъ усматриваетъ два явленія, которыя неминуемо должны были сократить золотой вѣкъ Германіи: чрезмѣрное развитіе торговли и введеніе въ практику римскаго права. Свои экономическія теоріи о значеніи торговли Янсенъ заимствуетъ у проповѣдниковъ и моралистовъ XV вѣка, которые видѣли въ чрезмѣрномъ развитіи ея источникъ изнѣженности и роскоши, страсти къ пріобрѣтенію, порождающей забвеніе Бога и церкви. Большей самостоятельностью и оригинальностью отличаются воззрѣнія Янсена на римское право въ его отношеніи къ церковно-каноническому и „проникнутому церковнымъ духомъ“ нѣмецкому праву. По ученію церковнаго и нѣмецкаго права, единственный собственникъ всего на землѣ — Богъ; человѣкъ только пользуется принадлежащимъ ему, не имѣя на него неограниченнаго права собственности. Въ вопросѣ о пріобрѣтеніи собственности путемъ труда нѣмецкое право также вполнѣ согласно съ церковнымъ. По ученію церкви, собственность есть продуктъ труда; трудъ единственное благо богобоязненнаго человѣка и только онъ даетъ право на пользованіе благами земли. Сообразно такому воз-

Библиотека "Руниверс"

зрѣнію, каноническое право является покровителемъ труда, придаетъ ему значеніе и силу. Нѣмецкое право также придаетъ почетное значеніе и покровительствуетъ труду. Оно признаетъ право пользованія плодами за тѣмъ, кто приложилъ свой трудъ къ ихъ пріобрѣтенію. Каноническое право между всѣми видами труда отдаетъ предпочтеніе сельско-хозяйственному, земледѣлію, затѣмъ ремесламъ, и менѣе сочувственно относится къ торговлѣ, абсолютно возставая противъ всякихъ видовъ ростовщичества; нѣмецкое право вполнѣ гармонировало съ нимъ и въ этомъ отношеніи экономическое развитіе общества совершалось правильно, пока прочны были основы каноническаго и вытекавшаго изъ него германскаго права; потрясеніе ихъ разрушило благосостояніе рабочаго класса и создало пролетаріатъ новаго времени. Это потрясеніе было произведено при помощи римскаго права, экономическое ученіе котораго стоитъ въ полной противоположности съ христіанско-германскимъ. Римское право предоставляетъ индивидууму полную свободу стремиться къ исключительно личной выгодѣ, не взирая на общее благо и интересы ближняго; оно понимаетъ собственность, какъ обусловленное волею индивидуума физическое обладаніе вещью. Это право не признаетъ трудъ основою собственности, не знаетъ цѣны свободнаго труда; ему извѣстны только угнетенные рабы и владѣющіе, наслаждающіеся классы. Чѣмъ глубже проникаетъ въ нѣмецкую почву эта юридическая система языческаго, рабовладѣльческаго государства, тѣмъ сильнѣе становится злоупотребленіе собственностью, тѣмъ быстрѣе совершается паденіе рабочаго класса и экономическій регрессъ цѣлаго народа. Своимъ безнравственнымъ ученіемъ о собственности римское право разрушило чувство солидарности, породило безмѣрную жажду пріобрѣтенія; своимъ презрѣніемъ къ свободному труду оно разрушило промышленность и остановило развитіе земледѣльческаго класса. Но губительное вліяніе его не ограничилось экономической сферой. Оно проникло въ церковную и политическую жизнь; покровительствуя княжескому абсолютизму, содѣйствуя угнетенію народа, оно разрушило основы нѣмецкаго права и нѣмецкаго государственнаго устройства, погубило древнюю народную свободу. Въ области соціальной введеніе его было ознаменовано рядомъ крестьянскихъ возстаній. Къ концу XV вѣка слагаются уже условія, вызвавшія катастрофу XVI вѣка. Равновѣсіе различныхъ отраслей труда было нарушено преобладающимъ положеніемъ, которое заняла торговля; эксплоатація капиталистами рабочаго класса достигла широкихъ размѣровъ; всюду начинаютъ слышаться жалобы на всеобщее вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ; капиталисты, выставляя на показъ свою утонченную роскошь, дѣлаютъ для неимущихъ чувствительнѣе противоположность между давящей ихъ нуждой и избыткомъ богачей. Среди такихъ условій истиннымъ благодѣяніемъ было ученіе церкви объ оправданіи посредствомъ добрыхъ дѣлъ; проникнутое имъ общество создало рядъ фи-

Библиотека "Руниверс"

лантропическихъ учрежденій, въ которыхъ могли найдти себѣ пріютъ жертвы нужды и бѣдности. Но этому ученію не долго оставалось господствовать надъ умами. Церковный авторитетъ и религіозность народа пали подъ ударами младшихъ гуманистовъ, которые воспользовались нестроеніями церкви. Въ этомъ и заключается различіе между старшими и младшими гуманистами. Первые также нападали на злоупотребленія въ области церковной, но они никогда не поднимали руки на авторитетъ церкви съ ея земнымъ главою, ни на вѣру. Младшіе, напротивъ, нападали на христіанство и церковь, на требованія нравственности; вмѣсто неумолимой христіанской морали они хотѣли ввести распущенную жизненную философію древнихъ. Они произвели гражданскую войну въ области духа и погубили всѣ плоды реформаціонной эпохи (XV в. по Янсену). Личныя качества этихъ людей вполнѣ соотвѣтствовали характеру ихъ дѣятельности. Эразмъ Роттердамскій былъ большой любитель крѣпкихъ винъ, которыя и свели его въ могилу: признавая недостойнымъ свободнаго человѣка собираніе милостыни нищенствующими монахами, онъ не считалъ оскорбительнымъ для своего достоинства выпрашивать пенсіи у графовъ, князей и прелатовъ, и платить имъ за это льстивыми сочиненіями; это качество, равно какъ и излишнее самовосхваленіе, свойственное Эразму, перешло и къ младшему поколѣнію гуманистовъ. Неоспоримо, что онъ былъ многосторонне образованный человѣкъ, прекрасный стилистъ; но его умъ былъ не глубокъ, онъ не способенъ былъ къ основательнымъ изслѣдованіямъ. Любимой литературной формой его была сатира; какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ его не видно твердости характера, теплоты чувства, любви къ отечеству, самопожертвованія. Холодный эгоизмъ былъ его отличительнымъ качествомъ. Эразмъ не понималъ родного народа, презиралъ нѣмецкій языкъ и безжалостно смѣялся надъ благочестивымъ настроеніемъ народа. Какъ богословскій мыслитель, онъ дѣйствовалъ губительно на современное общество, подвергая сомнѣнію основные догматы христіанства, требуя духовнаго, аллегорическаго пониманія св. писанія, потому что въ противномъ случаѣ не будетъ разницы между „книгами царствъ“ и исторіей Ливія. Въ „Похвалѣ глупости“ Эразмъ выступилъ не противъ церковныхъ злоупотребленій, но противъ самаго принципа; здѣсь впервые встрѣчаются страстныя нападенія на папу, впервые подверглись такой насмѣшкѣ творцы св. книгъ Ветхаго и Новаго завѣта. „Похвала глупости“ была прологомъ къ богословской трагедіи XVI вѣка. Презрѣніе къ среднимъ вѣкамъ, къ схоластической наукѣ, перешло отъ Эразма и къ младшей школѣ гуманистовъ, равно какъ и одностороннее увлеченіе классической древностью. Изученіе классическихъ произведеній было несравненно легче и пріятнѣе для представителей этой школы, чѣмъ логическихъ и діалектическихъ формулъ схоластики, требовавшихъ большого вниманія и углубленія ума. Со второго десятилѣтія XVI вѣка сильнѣе и сильнѣе раздаются жалобы на

Библиотека "Руниверс"

безнравственную жизнь младшихъ гуманистовъ и на ихъ презрѣніе къ философскимъ занятіямъ. Увлеченіе классицизмомъ вредно подѣйствовало на молодежь, не имѣвшую основательнаго научнаго образованія; оно произвело легкомысліе и распущенность жизни; младшіе гуманисты были вообще рабами Вакха и Венеры. Бредя классической древностью, они старались забыть свою національность; нѣмецкія имена превратились у нихъ въ латинскія: Фишеръ превратился въ Piscator'а Шнейдеръ въ Sartorius'а. Но все это увлеченіе было поверхностно; въ произведеніяхъ этихъ гуманистовъ нѣтъ ни внутренней правды, ни творческой силы; онѣ отличаются пустотой и безвкусіемъ, особенно тѣ, которыя имѣютъ христіанскіе сюжеты. Въ практической жизни они довели до крайности эмансипацію отъ обязанностей, налагаемыхъ религіей; всѣ они были горькіе пьяницы и въ этомъ отношеніи далеко опередили своихъ итальянскихъ собратовъ. Съ презрѣніемъ къ церкви у нихъ, какъ у Муціана, Цельтеса и др., соединялась безграничная нравственная разнузданность и такой цинизмъ, предъ которымъ эротическая поэзія древности можетъ показаться воплощеніемъ скромности. Результатомъ такого направленія было то, что многіе благомыслящіе люди стали положительно враждебно относиться къ всякому „поэтическому образованію"; но толпа литературныхъ паразитовъ, враждебныхъ церкви и духовенству, отъ этого не убавилась. Самымъ страстнымъ представителемъ муціановскаго кружка гуманистовъ былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Развратная жизнь въ ранней молодости привела его къ „французской болѣзни". Это былъ человѣкъ, лишенный всякой внутренней сдержки; все его значеніе заключается въ разрушеніи. Онъ изо всѣхъ силъ стремился къ уничтоженію всего того, что стояло въ противорѣчіи съ создавшимся въ его воображеніи неопредѣленнымъ, туманнымъ фантомомъ свободы. Никогда не возбуждала его какая бы то ни было великая идея. Въ кружкѣ эрфуртскихъ гуманистовъ онъ научился насмѣхаться надъ церковью и ея ученіемъ; языческія, противохристіанскія воззрѣнія развились въ немъ еще въ ранней молодости. Какъ революціонный дѣятель, Гуттенъ былъ враждебно настроенъ относительно князей, но въ интересахъ своей партіи онъ старался извлечь изъ нихъ пользу, воспѣвая въ честь новыхъ „Августовъ и Меценатовъ" хвалебные гимны. Написанныя имъ при сотрудничествѣ Крота Рубіана „Письма темныхъ людей" по своему существенному содержанію тождественны съ „Похвалой глупости" Эразма, съ той разницей, что направлены противъ личностей. Они направлены, строго говоря, не противъ кельнскихъ ученыхъ, а противъ папства. Эразмъ не принималъ участія въ ихъ сочиненіи, даже не одобрялъ ихъ тонъ, но онъ вызвалъ ихъ появленіе своей „Похвалой глупости" и долженъ назваться духовнымъ отцемъ этой ядовитой книженки. Худшее въ „Письмахъ" составляетъ насмѣшка надъ св. писаніемъ; авторы „Писемъ" заставляютъ монаховъ цитатами изъ писанія оправдывать неприглядныя дѣянія; не

Библиотека "Руниверс"

лучше и искусственныя сравненія Христа съ Вакхомъ, Дѣвы Маріи съ Семелой. „Тріумфъ Рейхлина“, вышедшій вскорѣ за „Письмами“ заключаетъ уже въ себѣ существенныя черты „поэзіи ненависти и мести“, которую Гуттенъ ввелъ въ нѣмецкую литературу. Не одно увлеченіе классической литературой было опасно для Германіи. Опасности были и въ изученіи еврейскаго языка, распространенномъ въ Германіи Рейхлиномъ. Рейхлинъ воспользовался своимъ знаніемъ еврейскаго языка только для того, чтобы проникнуть въ таинственное каббалистическое ученіе, о которомъ съ увлеченіемъ отзывался Пикусъ-де-Мирандола. Своими сочиненіями „De Verbo mirifico“ и „De arte cabbalistica“ Рейхлинъ положилъ начало философіи, отличающейся на половину супранатуралистическимъ, на половину раціоналистическимъ характеромъ. Своей философской системой Рейхлинъ не думалъ вредить церкви и христіанству, онъ думалъ даже при помощи еврейскихъ книгъ уяснить пониманіе христіанства, но его воззрѣнія годились только для того, чтобы приводить въ заблужденіе умы. Его книги вызвали опроверженіе доминиканца Гохстратена, обусловленное основательнымъ опасеніемъ, что Рейхлинъ вводитъ юдаизмъ. Въ это время былъ уже въ полномъ разгарѣ споръ изъ-за антихристіанскихъ еврейскихъ книгъ, преимущественно изъ-за Талмуда, уничтоженія котораго особенно горячо требовалъ крещеный жидъ Пфеффенкорнъ. 15 августа 1509 г. вышло распоряженіе императора Максимиліана, чтобы евреи всей Германіи выдали свои противохристіанскія книги Пфеффенкорну для уничтоженія. Въ коммиссію для оцѣнки ихъ значенія назначенъ былъ и Рейхлинъ, но его мнѣніе оказалось благопріятнымъ для еврейскихъ книгъ. Рейхлинъ высказался въ пользу сохраненія Талмуда, потому что онъ можетъ быть источникомъ для подкрѣпленія истинъ христіанства, но его мнѣніе не встрѣтило сочувствія среди представителей университетской науки. Полемическія брошюры Рейхлина, написанныя по этому поводу, были распространены между евреями, которые были очень довольны тѣмъ, что такой ученый защищаетъ ихъ антихристіанскія книги. При защитѣ своихъ воззрѣній Рейхлинъ осыпалъ своихъ противниковъ оскорбленіями. Къ чести Пфеффенкорна нужно сказать, что онъ не отвѣчалъ Рейхлину такими же оскорбленіями, а передалъ свое дѣло на судъ князя въ Штуттгартъ.—Старшіе гуманисты, какъ Брандтъ и Вимпфелингъ, были несогласны съ Рейхлиномъ; за то молодые изъ школы Муціана выразили ему горячее сочувствіе и воспользовались его дѣломъ для борьбы противъ церковнаго авторитета и схоластической науки. Подъ ихъ вліяніемъ достойный ученый измѣнилъ свое положеніе и тонъ, и употребилъ противъ своихъ кельнскихъ противниковъ такое оружіе, которое далеко не гармонировало съ его характеромъ. Съ самымъ пылкимъ энтузіазмомъ отнесся къ дѣлу Рейхлина Гуттенъ. „Мужайся, писалъ онъ ему 13 января 1517 года, — большая часть твоего бремени перешла на наши плечи; долго подготовлялся пожаръ; не да-

Библиотека "Руниверс"

леко уже время, когда онъ вспыхнетъ". Пророческія слова скоро оправдались. Въ 1517 г. начались проповѣди объ отпущеніи, имѣвшія задачей расположить народъ къ покупкѣ индульгенцій. Противъ этой проповѣди выступилъ Мартинъ Лютеръ.

Сынъ крестьянина, который за убійство долженъ былъ покинуть родину и сдѣлаться рудокопомъ въ Эйслебенѣ, Лютеръ до 17 лѣтъ испытывалъ страшную нужду. 17-ти лѣтъ онъ былъ въ Эйзенахѣ принятъ въ домъ молодой знатной дамы (Котты); здѣсь онъ узналъ жизнь съ другой стороны, сталъ упражняться въ пѣніи и игрѣ на флейтѣ; здѣсь услыхалъ онъ, что нѣтъ на землѣ вещи пріятнѣе женской любви, если кому она досталась на долю. До 20 лѣтъ, по его собственнымъ словамъ, онъ не видалъ даже библіи; 21 года онъ былъ уже въ монастырѣ. Лютеръ сдѣлался монахомъ не по дѣйствительному призванію, а въ силу внезапнаго рѣшенія подъ вліяніемъ болѣзненнаго внутренняго раздвоенія. Ни монашескіе обѣты, ни аскетизмъ. не дали ему внутренняго мира, такъ какъ онъ хотѣлъ только личными усиліями сдѣлаться свободнымъ отъ грѣховъ и достигнуть блаженства (чего не требуетъ и не признаетъ христіанская религія). Онъ нашелъ внутренній миръ, бросившись въ другую крайность. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что человѣкъ можетъ достигнуть блаженства безъ личнаго содѣйствія, что человѣкъ въ силу первороднаго грѣха погрязъ во злѣ, не имѣетъ свободной воли, что всякое дѣйствіе его, даже направленное ко благу, есть выраженіе его злой воли и предъ судомъ Бога—смертный грѣхъ, что только тому, кто съ твердой вѣрой предаетъ себя Христу, за его вѣру прощаются всѣ грѣхи. За долго до начала спора объ отпущеніи, Лютеръ былъ уже несогласенъ съ церковнымъ ученіемъ о благодати, оправданіи и свободѣ воли. Его воззрѣнія въ 1516 г. господствовали уже въ виттенбергскомъ университетѣ. Съ 31 октября 1517 г. они начали распространяться по Германіи, такъ какъ были развиты въ извѣстныхъ тезисахъ (что они были прибиты къ церковнымъ дверямъ, въ этомъ нѣтъ ничего замѣчательнаго и особенно смѣлаго). Съ перваго дебюта Лютеръ сталъ считать свое дѣло дѣломъ Божіимъ. Когда его упрекали въ гордости. онъ отвѣчалъ, что безъ гордости и страсти къ борьбѣ не можетъ быть проведено никакое нововведеніе. Съ этихъ поръ Лютеръ сталъ подписываться въ письмахъ „Martinus Eleutherius" (освободитель). Онъ выражаетъ въ своихъ письмахъ убѣжденіе, что его устами говоритъ самъ Богъ, что онъ—новый Павелъ; подчиниться церкви и папѣ онъ соглашался только въ томъ случаѣ, если его личныя воззрѣнія будутъ признаны истинными, такъ какъ никто не можетъ достигнуть блаженства, не принявъ его ученія. Это убѣжденіе привело его къ положенію гусситовъ, что папа—антихристъ, а церковь находится въ вавилонскомъ плѣненіи. На диспутѣ съ Эккомъ Лютеръ отрицалъ еще свою солидарность съ гусситами и рѣшительно заявилъ, что онъ не одобряетъ и никогда не будетъ одобрять схизмы,

Библиотека "Руниверс"

но уже въ февралѣ 1520 года его мнѣнія насчетъ гусситовъ измѣнились. Онъ получилъ отъ двухъ предводителей гуссистовъ (3 окт. 1519 г.) письма, призывавшія его къ движенію впередъ на избранномъ пути, продолжать дѣло Гусса, хотя бы церковь грозила ему отлученіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ писемъ, Лютеръ писалъ въ февралѣ 1520 года Спалатину: „всѣ мы гусситы... Гуссъ—великій мученикъ Христа". Симпатіи Лютера къ Гуссу обусловливаются замѣчательнымъ сходствомъ между ними обоими. Объявивъ себя гусситомъ, Лютеръ на первыхъ порахъ не гнушался употреблявшимися ими насильственными средствами для распространенія своего ученія. „Не думай, писалъ онъ въ февралѣ 1520 года Спалатину, чтобы Евангеліе могло распространиться безъ бури. Изъ меча нельзя сдѣлать перо, изъ войны—миръ, а слово Божіе есть мечь, война, разрушеніе"...

Первыми союзниками Лютера сдѣлались гуманисты, которые вступились за него въ тѣхъ же разсчетахъ, что ранѣе за Рейхлина. Лютеръ еще раньше находился въ сношеніяхъ съ Муціаномъ, Рейхлиномъ, Эразмомъ. Теперь они привѣтствуютъ его, какъ надежду вѣка, его борьбу противъ Рима, какъ зарю прекраснаго будущаго. Сочиненія гуманистовъ (Эразма) дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на Лютера, укрѣпляя въ немъ рѣшимость продолжать начатое дѣло; Лютеръ съ своей стороны повліялъ на гуманистовъ, возбудивъ въ нихъ интересъ къ богословскимъ вопросамъ. Безчисленное множество людей склонилось на сторону Лютера не изъ сочувствія къ его религіознымъ воззрѣніямъ, а только потому, что считали его возстановителемъ свободы, подъ которой понимали устраненіе всего, что имъ лежало поперекъ пути. Самымъ страстнымъ анархистомъ изъ послѣдователей Лютера былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Чуждый богословскимъ вопросамъ, Гуттенъ на первыхъ порахъ только радовался церковному раздору. Когда одинъ монахъ разсказалъ ему о событіяхъ въ Саксоніи, онъ отвѣчалъ: „грызитесь, можетъ вы поѣдите другъ друга. Дай Богъ, чтобы наши враги яростнѣе боролись между собою". Тогда онъ не думалъ еще, что движеніе, возбужденное Лютеромъ, будетъ содѣйствовать его цѣли, которая состояла въ потрясеніи политическихъ отношеній въ пользу дворянства. Въ 1519 году онъ писалъ Эразму, что онъ скоро увидитъ всю Германію въ броженіи; въ томъ же году онъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ Сикингеномъ, усмотрѣвъ въ немъ человѣка, годнаго быть предводителемъ движенія. Въ 1520 г. Гуттенъ и Сикингенъ вступаютъ въ сношенія съ Лютеромъ. Въ іюлѣ 1519 г. Сикингенъ предлагалъ Рейхлину свое содѣйствіе для разрѣшенія вопроса о еврейскихъ книгахъ и обѣщался разнести Кельнъ, если доминиканцы не дадутъ Рейхлину удовлетворенія. Рейхлинъ отказался отъ предложеній воинственнаго богослова. Теперь Сикингенъ предлагаетъ свою помощь Лютеру, если ему будетъ угрожать что нибудь серьезное. „Сообщи Лютеру о предложеніи Сикингена, писалъ Гуттенъ одному изъ своихъ друзей,—но, скажу на ушко, я

Библиотека "Руниверс"

вовсе не желаю, чтобъ кто либо зналъ о моемъ вмѣшательствѣ въ это дѣло. У Франца онъ будетъ въ полной безопасности отъ всѣхъ своихъ враговъ. Большіе и чрезвычайно важные планы преслѣдуемъ мы съ Сикингеномъ". Гуттенъ и другіе заговорщики хотѣли сообща дѣйствовать на Лютера, чтобы подвинуть его къ рѣшительному шагу противъ Рима и употребить какъ орудіе для церковно-политическаго переворота. На сближеніе Лютера съ Сикингеномъ оказалъ вліяніе болѣзненный страхъ преслѣдованія и убійства, который мучилъ Лютера. Еще въ апрѣлѣ 1520 г. Лютеръ писалъ Спалатину, что докторъ медицины, умѣющій посредствомъ колдовства дѣлаться невидимымъ, посланъ убить его. Гуттенъ запугалъ его еще больше. Впослѣдствіи страхъ преслѣдованія превратился у Лютера въ мономанію. Уступая убѣжденіямъ Крота, Лютеръ вступилъ въ переписку съ Гуттеномъ и Сикингеномъ. Около этого времени ему обѣщалъ уже свое покровительство рыцарь Шаумбургъ. Гуттенъ писалъ въ отвѣтъ Лютеру: „Будь мужественъ и непоколебимъ. Во мнѣ ты во всякомъ случаѣ найдешь приверженца. На будущее время довѣряй мнѣ всѣ твои планы. Мы должны вмѣстѣ бороться за свободу и освободить такъ долго находящееся въ рабствѣ отечество. Сикингенъ приглашаетъ тебя къ себѣ, будетъ обходиться съ тобой сообразно твоему достоинству и храбро защищать отъ всѣхъ твоихъ враговъ". Послѣ этого письма переходъ Лютера къ революціонной партіи сталъ совершившимся фактомъ. „На Сикингена, писалъ онъ Гуттену, я надѣюсь болѣе, чѣмъ на кого либо изъ князей". Теперь Лютеръ почувствовалъ смѣлость окончательно разорвать связь съ Римомъ. „Шаумбургъ и Сикингенъ освободили меня отъ всякаго страха", пишетъ Лютеръ Спалатину. Въ другомъ письмѣ Лютера къ товарищу по ордену мы читаемъ: „Францъ Сикингенъ предложилъ мнѣ чрезъ Гуттена свою защиту. Тоже сдѣлалъ Шаумбургъ съ франконскимъ дворянствомъ. Теперь я ничего болѣе не боюсь и уже выпускаю книгу на нѣмецкомъ языкѣ противъ папы; въ ней я самымъ горячимъ образомъ нападаю на папу, чисто какъ на Антихриста". Эта книга была „Посланіе къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи"—военный манифестъ Лютеро-Гуттеновской революціонной партіи. Въ ней Лютеръ предъявляетъ требованія, которыя имѣли цѣлью разрушеніе существующаго порядка. Исходя изъ гусситскаго ученія о всеобщемъ священствѣ, онъ признаетъ за общиной исключительное право назначенія священниковъ; въ характеристикѣ Рима онъ копируетъ языкъ Гуттена. Чтобы привлечь на свою сторону нѣмецкихъ епископовъ, преимущественно архіепископа Майнцскаго и нѣмецкое дворянство, онъ проектируетъ назначить нѣмецкаго примаса, вмѣсто папы, съ общей консисторіей, раздать аббатства подъ наблюденіе младшихъ сыновей дворянъ; императора онъ привлекаетъ планомъ уничтоженія папскаго владычества въ Неаполѣ. Вслѣдъ за этимъ сочиненіемъ, онъ издаетъ направленную противъ его ученія книгу „De juridica et irrefragibili veritate Romanae

Библиотека "Руниверс"

ecclesiae" съ своими примѣчаніями. Въ заключеніи книги онъ формально провозглашаетъ религіозную войну. „Императору, королямъ и князьямъ, нужно силой оружія уничтожить на землѣ эту язву (папство); дѣло должно рѣшиться не словами, а желѣзомъ; намъ нужно омыть руки въ крови этихъ содомитянъ". „Мы убѣдились, пишетъ Лютеръ Ланге, что папство есть тронъ истиннаго Антихриста; для сокрушенія его, для спасенія души, позволительны всѣ средства". Одинъ изъ современниковъ (Эмсеръ) приписываетъ Лютеру слова, что Христосъ освободилъ людей отъ всѣхъ человѣческихъ законовъ и изъ послѣднихъ не можетъ выйдти ничего путнаго. Въ „Вавилонскомъ плѣненіи церкви" Лютеръ развиваетъ неслыханное ученіе о бракѣ; онъ требуетъ допущенія брака между христіанами и нехристіанами; въ случаѣ неспособности мужа къ супружеской жизни признаетъ за женой право. не прибѣгая къ формальному разводу, вступить въ связь съ деверемъ или съ постороннимъ человѣкомъ, но тайно, чтобы дѣти считались принадлежащими мужу". Эти мысли онъ развивалъ впослѣдствіи въ проповѣди: „Если я могу ѣсть, пить, имѣть торговыя сношенія съ язычникомъ, туркомъ, жидомъ, еретикомъ, то также могу вступать и въ брачныя отношенія. Не обращай вниманія на дурацкіе законы, которые это запрещаютъ. Язычники такіе же мужчины и женщины, какъ св. Петръ и св. Луція". Въ качествѣ новаго евангелиста Лютеръ прилагаетъ съ 1520 г. къ своимъ сочиненіямъ гравюры, на которыхъ онъ изображенъ съ сіяніемъ вокругъ головы или съ Св. Духомъ въ видѣ голубя. Въ обществѣ распространились слухи, что Лютеръ угрожаетъ при содѣйствіи 7 провинцій, саксовъ и другихъ сѣверныхъ нѣмцевъ и 30,000 чеховъ, вторгнуться въ Италію и Римъ. Гуттенъ въ своихъ сочиненіяхъ призывалъ народъ къ вооруженному возстанію противъ церкви. Его приверженцы пропагандировали мысль о божественномъ посланничествѣ Лютера и Гуттена. Жижка въ сочиненіяхъ Гуттена рисуется, какъ идеалъ освободителя. Сикингенъ выразилъ желаніе послѣдовать его примѣру. Онъ проектировалъ вовлечь въ свои планы императора, но рѣшился вести дѣло на свой страхъ, если бы тотъ и отказался.

Среди такихъ условій открылся Вормскій сеймъ. Никогда еще до сихъ поръ не было выражено и церковной и свѣтской властью такъ искренно желаніе произвести мирную реформу; но уже во время засѣданій сейма все было готово для возстанія и войны. Жизнь Алеандера подвергалась опасности; онъ не могъ выйдти на улицу, не встрѣтивъ оскорбленій черни; Лютера, напротивъ, привѣтствовали, какъ новаго Моисея. При такомъ положеніи дѣлъ Лютеру не нужно было особеннаго мужества предпринять свое путешествіе въ Вормсъ. Здѣсь совершился его разрывъ съ церковью, который отвлекъ отъ него многихъ изъ прежнихъ поклонниковъ особенно изъ гуманистовъ. Въ Вартбургѣ самъ Лютеръ началъ испытывать колебаніе и сомнѣніе въ предпринятомъ дѣлѣ. „Какъ часто, пишетъ онъ къ одному

Библиотека "Руниверс"

изъ своихъ друзей,—говорило мнѣ сердце: неужели ты одинъ мудръ? Неужели всѣ заблуждаются и заблуждались такъ долго? Что если самъ ты заблуждаешься и вовлекаешь въ гибельное заблужденіе другихъ". Душевная борьба и глубокое уныніе вызывали у него порой сожалѣніе, что онъ выступилъ передъ публикой съ своими сочиненіями. Въ минуты отчаянія онъ придумывалъ средства разсѣять свое печальное настроеніе духа; самое лучшее средство, говорилъ онъ, обращаться къ Христу, но можно употребить и другія средства: пить, играть, плясать; сатанинскія мысли можно изгонять другими мыслями, напр. мечтами о хорошенькой дѣвушкѣ, или приводить себя въ состояніе сильнѣйшаго гнѣва. Лютеръ предпочелъ послѣднее. Къ этому ремени душевной борьбы относятся самыя страстныя его полемическія сочиненія противъ церкви и папства, вызывавшія своимъ крайне неумѣреннымъ тономъ изумленіе современниковъ. Онъ проповѣдуетъ неумолимую борьбу противъ папства, противъ всѣхъ противниковъ, противъ жидовъ, которыхъ совѣтуетъ убивать около ихъ разрушенныхъ жилищъ. Лютеръ не знаетъ мѣры, говорилъ одинъ изъ его приверженцевъ, въ своихъ выраженіяхъ; его примѣръ дурно отражается на послѣдователяхъ; другой выражаетъ опасенія, что подобныя проповѣди могутъ, раздражая народъ, подвергнуть Германію непоправимому несчастію. Въ это время уже появились проэкты соціальныхъ и политическихъ реформъ. Въ 1521 г. Эберлинъ предлагалъ сдѣлать всѣ государственныя должности, начиная съ королевской, избирательными, дать равныя права на участіе во всѣхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ крестьянамъ и дворянству, освободить отъ податей всѣхъ, имѣющихъ менѣе 100 гульденовъ, изъ занятій оставить только земледѣліе, не допускать торговыхъ компаній болѣе, чѣмъ изъ 3 человѣкъ, предоставить въ общее пользованіе лѣса, птицъ и рыбу. Тонъ тогдашней полемикѣ давалъ Лютеръ своими Вартбургскими сочиненіями. Въ нихъ развивались мысли, что лучше быть убійцей, чѣмъ попомъ, что университеты—храмы Молоха, орудія дьявола для подавленія вѣры и евангелія, что человѣкъ свободенъ относительно таинствъ, можетъ, напр., по усмотрѣнію креститься или не креститься, что единственный источникъ вѣры есть св. писаніе, но не все, потому что посланіе Іакова не принадлежитъ ни какому апостолу, равно какъ и посланіе къ евреямъ, апокалипсисъ (относительно послѣдняго онъ совѣтуетъ не стѣсняться его мнѣніемъ и положиться на свой разумъ). Вообще Лютеръ училъ тогда, что авторитетъ св. писанія долженъ быть признаваемъ настолько, насколько онъ согласенъ съ духомъ каждаго; въ тоже время онъ убѣждалъ своихъ послѣдователей, что его устами говоритъ самъ Богъ и что всякій, говорящій слово Христа, можетъ быть увѣренъ, что его устами говоритъ Христосъ. Это убѣжденіе раздѣляли явившіеся въ Виттенбергѣ цвиккаускіе пророки и Карльштадтъ, но ихъ дѣятельность не понравилась Лютеру и онъ ссылается въ своихъ проповѣдяхъ на отвергнутое прежде по-

Библиотека "Руниверс"

сланіе Іакова, развивая мысль, что вѣра не мыслима безъ любви. Болѣе всего ему обидно было, что новые учители не просили ни его позволенія, ни его содѣйствія. „Слѣдуйте за мной, говорилъ онъ въ проповѣдяхъ; я былъ первый, котораго Богъ поставилъ на этотъ путь, первый, которому онъ сообщилъ свое откровеніе. Вы не хорошо сдѣлали, что начали такую игру безъ моего содѣйствія, даже не спросившись меня". „Кто учитъ иначе, чѣмъ я, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—тотъ оскорбляетъ Бога". Въ это время онъ былъ уже убѣжденъ въ ослабленіи папства и разсчитывалъ, что предъ его ученіемъ склонится и свѣтская власть. „Мы побѣдили папство, пишетъ онъ Линку,—которое угнетало королей и князей; тѣмъ легче намъ будетъ побѣдить князей, тѣмъ болѣе права мы имѣетъ презирать ихъ". Когда онъ узналъ, что герцогъ Георгъ Саксонскій приводитъ въ исполненіе Вормскій эдиктъ относительно послѣдователей новаго ученія, то сказалъ, что если другіе князья послѣдуютъ примѣру Георга, вспыхнетъ возстаніе, которое уничтожитъ по всей Германіи князей и магистраты вмѣстѣ съ клиромъ; народъ прозрѣлъ, но князья ослѣпли; если ихъ ослѣпленіе продолжится, то вся Германія будетъ утопать въ крови. Съ особенной яростью Лютеръ нападалъ теперь на епископовъ. „Лучше разрушить всѣ монастыри, чѣмъ дать погибнуть отъ невѣдѣнія одной душѣ, говорилъ онъ; если они будутъ противиться, возстаніе снесетъ ихъ съ лица земли". Когда друзья упрекали его за рѣзкость тона, онъ отвѣчалъ: „епископовъ нечего щадить; судьба ведетъ къ уничтоженію ихъ тираніи". Исполнителемъ воли судьбы явился Сикингенъ; онъ опирался на дворянскій пролетаріатъ, развившійся вслѣдствіе чрезмѣрныхъ раздѣловъ владѣній, обезцѣненія земель, неумѣренной роскоши. Религія служила прикрытіемъ для церковно-политическаго грабежа. Современники думали, что изъ Сикингена выйдетъ новый Цезарь. Католики были убѣждены, что Лютеръ содѣйствуетъ Сикингену. Лютеръ подалъ поводъ къ этому своимъ сочиненіемъ: „О свѣтской власти"... Здѣсь онъ говоритъ, что Богъ ослѣпилъ князей, чтобы покончить съ ними, какъ и съ духовнымъ дворянствомъ. Какого мнѣнія былъ онъ о князьяхъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Съ сотворенія міра не было птицы болѣе рѣдкой, чѣмъ умный князь; вообще они величайшіе дураки и пьяницы на землѣ. Никто не хочетъ, никто не можетъ болѣе сносить ихъ тираннію. Милые князья, прошло время, когда вы охотились за людьми, какъ за дичью"! Но Лютеръ не вѣрилъ въ успѣхъ Сикингена. „Сикингенъ объявилъ войну Палатину, писалъ онъ Линку; скверное будетъ дѣло". Дѣло Сикингена было, дѣйствительно, проиграно; но революціонныя идеи не были побѣждены. Церковно-политическая революція спустилась въ низшіе слои народа и между проповѣдниками крестьянскаго возстанія противъ князей было много дворянъ.

Религіозное броженіе вызвало паденіе умственной жизни. Университетская молодежь бросила научныя занятія и предалась богослов-

Библиотека "Руниверс"

скимъ спорамъ; нравственность ея упала. На паденіе университетской жизни повліяли направленныя противъ высшихъ школъ проповѣди Лютера, въ которыхъ онъ рекомендовалъ превратить ихъ въ прахъ. Эти слова были подхвачены его послѣдователями. Какое значеніе имѣли эти проповѣди, можно видѣть изъ того, что въ Эрфуртѣ въ 1523—24 г. было только 30 имматрикулированныхъ студентовъ, тогда какъ въ 1520—21 болѣе 300. Паденію научной дѣятельности соотвѣтствовало паденіе книжной торговли, народныхъ школъ. Религіозные вопросы исключительно занимали всѣ умы, отодвигая на задній планъ другіе духовные интересы.

Въ каждой общинѣ кипѣли богословскіе споры, вслѣдствіе предоставленнаго Лютеромъ каждой общинѣ права произносить приговоръ надъ религіозными ученіями, призывать или смѣщать учителей, каждому христіанину проповѣдывать слово Божіе. Возбужденное Лютеромъ броженіе обратилось противъ него самого. Исходя изъ лютеровскаго ученія о правѣ каждаго христіанина оцѣнивать проповѣдуемое ему ученіе и проповѣдывать самому, Ѳома Мюнцеръ объявилъ ученіе Лютера неправильнымъ и себя посланникомъ Божіимъ для его исправленія; тоже сдѣлалъ и Карльштадтъ. Лютеръ потребовалъ, чтобы послѣдній доказалъ свое божественное посланничество чудомъ, хотя въ отношеніи себя онъ не считалъ этого прежде нужнымъ. Въ началѣ 1525 года Лютеръ долженъ былъ сознаться, что въ Германіи столько сектъ, сколько головъ; но это было естественнымъ продуктомъ его собственной дѣятельности, его, или точнѣе заимствованнаго имъ у Гусса, ученія о всеобщемъ священствѣ. Пропагандированный Лютеромъ гусситизмъ, произвелъ и въ Германіи тѣже движенія въ области соціальной, что и въ Богеміи.

Современники убѣждены были, что соціальныя идеи, управлявшія крестьянской войной, перешли въ Германію изъ Богеміи и коренились въ ученіи Гусса. Гуссъ дѣйствительно нанесъ ударъ свѣтской и духовной власти ученіемъ, что человѣкъ, совершившій смертный грѣхъ, не можетъ быть ни свѣтскимъ владѣтелемъ, ни служителемъ церкви; онъ объявилъ далѣе войну всему общественному порядку утвержденіемъ, что кто употребляетъ свое владѣніе вопреки божескимъ заповѣдямъ, не имѣетъ на него права. Эти основныя положенія Гусса были развиты его послѣдователями и произвели соціальную революцію въ Богеміи и волновали Германію въ XV вѣкѣ. Соціальныя идеи гусситизма были развиты въ „Реформаціи императора Сигизмунда“, которая вышла въ свѣтъ въ 1476 году и выдержала нѣсколько изданій. Соціальное движеніе 1525 г. не было непосредственнымъ результатомъ проповѣди Лютера и его послѣдователей; подъ вліяніемъ религіознаго броженія оно получило только характеръ всеобщности. Его причина заключается въ охватившей всѣхъ страсти къ роскоши и наслажденіямъ, во всеобщемъ повышеніи цѣнъ на жизненныя потребности и эксплуатаціи всѣхъ сословій купеческими компаніями, въ

Библиотека "Руниверс"

паденіи промышленности, вслѣдствіе разложенія цеховъ, въ преобладаніи капитала надъ трудомъ, въ произшедшей отъ всего этого ненависти неимущихъ къ имущимъ, въ измѣнившемся подъ вліяніемъ римскаго права положеніи крестьянъ относительно землевладѣльческаго дворянства и духовенства. Когда революція началась, когда разрушительныя стремленія направились противъ монастырей и церковныхъ владѣній, противники реформы провозгласили Лютера виновникомъ всего этого, ссылаясь на его проповѣди и сочиненія. Лютеръ не могъ отпереться отъ своихъ словъ. Въ опроверженіе взводимыхъ на него обвиненій и для возстановленія мира, Лютеръ выпустилъ особое сочиненіе относительно 12 пунктовъ швабскихъ крестьянъ, но оно только подлило масло въ огонь. Лютеръ обращается въ немъ къ князьямъ и крестьянамъ. Первыхъ онъ убѣждаетъ склониться предъ словомъ Божіимъ (т. е. предъ своимъ ученіемъ). „Если вы не сдѣлаете этого по доброй волѣ, говоритъ онъ, васъ заставятъ не эти крестьяне, такъ другіе. Богъ хочетъ вашего наказанія и вы будете наказаны. Не крестьяне противъ васъ, господа, а Богъ, самъ Богъ". „Не боритесь съ ними, продолжаетъ онъ, потому что вы не знаете, что ожидаетъ васъ въ концѣ". Въ обращеніи къ крестьянамъ онъ говоритъ: „Я признаю, что князья заслужили сопротивленіемъ евангельской проповѣди и притѣсненіемъ народа, чтобы Богъ свергнулъ ихъ". Такой тонъ не могъ, конечно, успокоить страсти и повести къ миру. Вскорѣ взглядъ Лютера на дѣло измѣнился; онъ сталъ уже требовать, чтобы крестьянъ били, какъ бѣшеныхъ собакъ. Эта перемѣна поразила его приверженцевъ; нѣкоторые стали утверждать, что духъ Божій покинулъ его. Лютеръ толковалъ свою суровость, какъ повелѣніе Бога и называлъ своихъ обвинителей бунтовщиками. По его настоящему взгляду власти должны изъ этой войны научиться, что крестьянами на будущее время слѣдуетъ управлять со строгостью. Въ послѣдствіи онъ признавался, что кровь крестьянъ лежитъ на немъ, но оправдывался тѣмъ, что Богъ внушилъ ему такія суровыя рѣчи. Черезъ 2 года послѣ возстанія, Лютеръ въ проповѣдяхъ ратовалъ уже въ пользу введенія рабства въ томъ видѣ, какъ оно существовало у евреевъ въ древности, и въ пользу безусловнаго повиновенія властямъ. Революція, которой измѣнили ея вожди, кончилась; ея наслѣдство раздѣлили между собою князья, дворянство и городскія власти.

Наше извлеченіе далеко не исчерпываетъ содержанія „Исторіи нѣмецкаго народа" Янсена, состоящей изъ 2-хъ томовъ почти въ 1200 стр. убористаго шрифта; мы взяли изъ нея только то, что характеризуетъ направленіе автора и можетъ послужить матеріаломъ для опредѣленія того, на сколько авторъ сдержалъ свое обѣщаніе написать чуждое всякой тенденціи произведеніе. Читатель могъ убѣдиться, что для Янсена вторая половина XV и первая четверть XVI вѣка— эпохи діаметрально противоположныя по своему характеру и содержанію. Первая—миръ, благоденствіе, процвѣтаніе науки и искусства

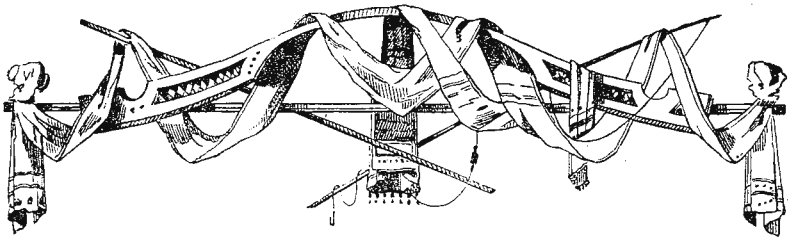
Библиотека "Руниверс"

на почвѣ религіознаго единства, пора могучихъ характеровъ, великихъ добродѣтелей; вторая—внутренняя борьба, упадокъ экономическій и духовный, пора распущенности нравственной, мелкихъ характеровъ, мелкихъ умовъ. Основная мысль, тенденція автора выступаетъ предъ читателемъ весьма рельефно: авторъ хочетъ доказать, что борьба съ церковнымъ авторитетомъ разрушила благоденствіе Германіи, похоронила ея блестящую культуру, привела къ торжеству абсолютизма и крѣпостничества. Изъ этой тенденціи вытекаютъ основные недостатки труда Янсена. Отсюда неестественное распредѣленіе свѣта и тѣней; отсюда искусственное разсѣченіе эпохъ, связанныхъ между собою органически; отсюда пристрастный выборъ источниковъ, въ силу котораго, напримѣръ, положеніе крестьянъ и ремесленниковъ въ XV вѣкѣ обрисовывается на основаніи законодательныхъ по существу памятниковъ, которые говорятъ о томъ, что должно быть, а не о томъ, что есть,—событія же реформаціонной эпохи на основаніи главнымъ образомъ враждебныхъ движенію источниковъ. Сообразно основной тенденціи, авторъ выбираетъ и распредѣляетъ матеріалъ своего труда. Реформація является у Янсена, какъ актъ злой воли нѣсколькихъ человѣкъ; авторъ совершенно умалчиваетъ о причинахъ ея; даже о ближайшихъ поводахъ къ ней—нравственной распущенности духовенства и безобразной торговлѣ индульгенціями авторъ едва упоминаетъ. Характеры реформаціонныхъ дѣятелей освѣщены односторонне: Лютеръ представленъ напримѣръ человѣкомъ неуклонно идущимъ по разъ избранному пути; о его колебаніяхъ, нерѣшительности, готовности идти на компромиссъ, нѣтъ и помина. Крестьянское движеніе представлено какъ непосредственный результатъ введенія въ практику римскаго права и распространенія соціальныхъ идей гусситизма. О печальномъ положеніи крестьянъ въ средніе вѣка, о связи движенія 1525 года съ Жакеріей, возстаніемъ англійскихъ крестьянъ въ XIV вѣкѣ и др. аналогичными явленіями Янсенъ также совершенно умалчиваетъ.

Мы не считаемъ нужнымъ приводить другихъ доказательствъ тенденціозности Янсена и имѣемъ полное основаніе сказать, что его „Исторія...“—многотомный памфлетъ, прекрасно обрисовывающій настроеніе партій въ странѣ Kulturkampf'a. Не даромъ появленіе его въ 1876 г. было встрѣчено барабаннымъ боемъ въ лагерѣ ультрамонтановъ. Въ этомъ памфлетѣ, правда, есть интересныя страницы: Лютеръ обрисованъ напримѣръ такими чертами, о которыхъ неохотно говорятъ протестантскіе историки; но эти страницы не искупаютъ недостатковъ цѣлаго, которое вызываетъ невольное сожалѣніе о той наукѣ, гдѣ ученый растрачиваетъ талантъ и энергію цѣлой жизни на то, чтобы создать завѣдомо тенденціозное произведеніе, гдѣ великія задачи науки приносятся въ жертву Молоху субъективизма и партіализма.

Н. Смирновъ.

Библиотека "Руниверс"



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. Москва. 1880.

ОСТОПОЧТЕННЫЙ директоръ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бюлеръ, издалъ первый выпускъ „Сборника Московскаго Главнаго Архива минист. иностранныхъ дѣлъ". Въ этомъ выпускѣ помѣщено на французскомъ языкѣ довольно подробное свѣдѣніе объ образованіи, устройствѣ и положеніи русскихъ архивовъ, преимущественно же Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, служащее отвѣтомъ иностраннымъ посольствамъ на ихъ вопросы о нашихъ русскихъ архивахъ. Свѣдѣнія эти полезны для каждаго занимающагося, или желающаго заниматься въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а изъ всѣхъ, кто серьезно посвящалъ себя русской исторіи, едва ли найдется хоть одинъ, кто бы не просиживалъ дни и недѣли въ этой неисчерпаемой сокровищницѣ матеріаловъ русской прошедшей жизни. Здѣсь мы узнаемъ, что Архивъ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ старыя дѣла бывшаго посольскаго приказа, переименованнаго при царѣ Иванѣ IV изъ возникшей при великомъ князѣ Иванѣ III посольской избы. Въ 1614 году, послѣ вступленія на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, въ первый разъ накопившіяся тамъ дѣла приведены были въ каталогическій порядокъ. Съ учрежденіемъ Петромъ Первымъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, замѣнившей посольскій приказъ, дѣла эти перешли въ эту коллегію, а съ окончательнымъ преобразованіемъ иностранной коллегіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, уже при императорѣ Николаѣ, всѣ дипломатическія дѣла до 1801 года хранятся въ Москвѣ въ упомянутомъ Архивѣ отдѣльно отъ другихъ дѣлъ поздняго времени, хранящихся въ Санктпетербургѣ. Въ настоящее время, Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ составляетъ четырнадцать отдѣловъ, находящихся въ залахъ и корридорахъ и помѣщенныхъ въ 882 понумерованныхъ шкафахъ. Дѣла хранятся въ картонахъ, которыхъ число простирается до 17,000, а для нихъ реестровъ или каталоговъ—370. Кромѣ того, въ архивѣ находится болѣе тысячи переплетенныхъ книгъ рукописныхъ и до 9,000 свитковъ. Шесть отдѣловъ обнимаютъ дѣла собственно дипломатическія, отдѣлъ же 7 — 13 включительно — дѣла внутреннія, а 14-й отдѣлъ заключаетъ метрики польскія и литовскія, перевезенныя сюда изъ Варшавы въ 1794 году.

При Главномъ Архивѣ состоятъ: 1) Коммисія для печатанія актовъ и договоровъ. Для ея изданій, которыхъ насчитывается только шестьнадцать, и для храненія матеріяловъ, назначенныхъ къ послѣдующимъ изданіямъ, отведено въ архивѣ сорокъ два шкафа. 2) Библіотека съ 28,000 томовъ, рукописей, картъ и эстамповъ, помѣщающихся въ 149 шкафахъ и шести витринахъ, гдѣ въ числѣ книгъ обращаютъ на себя вниманіе 164 тома старопечатныхъ славянскихъ книгъ. 3) Складъ древнихъ хартій и печатей, хранящихся въ Кремлѣ во дворцѣ, и помѣщающихся въ четырнадцати шкафахъ, восьми бронзовыхъ ящикахъ и двѣнадцати витринахъ.

Послѣ свѣдѣнія, котораго главную суть мы здѣсь изложили, въ первомъ выпускѣ новоизданнаго сборника помѣщается числительный перечень книгъ, связокъ и картоновъ, совмѣщающихъ дипломатическіе документы, относящіеся къ сношеніямъ съ италіанскими государствами, нѣкогда существовавшими, съ Франціею, Австріею, Великобританіею, Пруссіею, Даніею и Швеціею, съ болѣе подробными свѣдѣніями относительно нѣкоторыхъ. Затѣмъ, тамъ же печатается одинъ изъ каталоговъ временъ управленія архивомъ А. Ѳ. Малиновскимъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ первомъ выпускѣ „Сборника“ идетъ какъ бы другая его половина, состоящая изъ ученыхъ изслѣдованій о разныхъ историческихъ предметахъ, составленныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь статью г. Путяты „Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіею“, гдѣ разсматриваются подробно и съ приведеніемъ въ текстѣ изслѣдованія многихъ подлинныхъ писемъ и документовъ, сношенія Петра Перваго съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ эпоху Сѣверной войны, когда Пруссія достаточно показала какой можетъ быть съ нею дружественный союзъ, котораго такъ желалось Петру Первому. Пруссія, какъ извѣстно, и какъ особенно ясно выказывается изъ напечатаннаго изслѣдованія, колебалась между двумя врагами, выжидая чья сторона возьметъ верхъ, сближалась съ Карломъ XII и только послѣ пораженія послѣдняго, опять стала дружить съ Россіею (стр. 81—138). Это изслѣдованіе было уже напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1877 года. Два слѣдующія въ „Сборникѣ“ изслѣдованія: „Янтарная комната царскосельскаго дворца“ г. Шученка (стр. 139—143) и „Русскіе великаны въ прусской службѣ“, С. Пуцилло (стр. 147—173), также были уже напечатаны прежде, въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1877 и 1878 годахъ, но ихъ настоящая перепечатка не умаляетъ ихъ достоинства, такъ какъ все таки эти ученыя спеціальныя изслѣдованія болѣе умѣстны въ издаваемомъ „Сборникѣ“, чѣмъ въ періодическомъ изданіи. Наконецъ, слѣдуетъ послѣднее изслѣдованіе, составленное г. Рачинскимъ: „Первые русскіе гардемарины за границею въ XVIII столѣтіи“. Изъ этой статьи (стр. 177—205) мы узнаемъ, что въ 1774 году, по повелѣнію испанскаго короля Карла III, директоръ морского кадетскаго корпуса въ Кадиксѣ обращался къ русскому посланнику Зиновьеву съ желаніемъ узнать о дальнѣйшей

Библиотека "Руниверс"

служебной карьерѣ двадцати двухъ кадетовъ этого корпуса, русскихъ по происхожденію, присланныхъ царемъ Петромъ Первымъ для полученія спеціальнаго воспитанія. Это обращеніе было сдѣлано въ видахъ увѣковѣчить, посредствомъ портретовъ, память воспитанниковъ этого кадетскаго корпуса. Отсюда начались розыски въ дѣлахъ русскихъ коллегій, и результатомъ такихъ розысковъ были свѣдѣнія, касавшіяся обстоятельствъ отправки царемъ Петромъ юношей для обученія морскому искусству, а о дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ открылось, что царь послалъ ихъ на службу венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ турокъ, а по окончаніи войны, отправилъ изъ Голландіи въ Испанію, гдѣ они пребываніемъ были вообще недовольны, потому что ихъ не обращали къ служебнымъ занятіямъ, а учили математикѣ (которой при незнаніи языка и при не слишкомъ уже молодыхъ лѣтахъ возраста учиться было очень трудно), шпажному искуству и танцованію, притомъ содержали ихъ слишкомъ скудно. По ихъ жалобамъ, государь велѣлъ послать имъ по 50 ефимковъ на человѣка для возвращенія въ отечество. Въ числѣ ихъ былъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, котораго любопытный дневникъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года.

Въ заключеніе, въ этомъ же первомъ выпускѣ (стр. 207 — 211) помѣщено г. Шученко извѣстіе объ участіи главнаго архива въ съѣздѣ оріенталистовъ въ 1876 году въ С.-Петербургѣ. Это участіе состояло въ томъ, что посланные архивомъ делегаты представили съѣзду указатели хранящимся въ архивѣ дѣламъ по сношеніямъ Россіи съ Азіею, и устроили выставку болѣе 80 географическихъ картъ, преимущественно рукописныхъ, относящихся до различныхъ частей Азіи.

Остается пожелать увидѣть скорѣе слѣдующіе выпуски „Сборника“ и понадѣяться, что просвѣщенный любитель отечественной старины, директоръ Архива баронъ Бюлеръ, постарается познакомить ученый міръ съ наиболѣе важными и рѣдкими сокровищами своего неоцѣненнаго древлехранилища.

Н. Костомаровъ.

Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII академическаго изданія сочиненій Державина). Спб. 1880 г.

Біографіею поэта еще не вполнѣ заканчивается монументальное изданіе его сочиненій, съ такимъ неутомимымъ усердіемъ вынесенное на своихъ плечахъ многоуважаемымъ Я. К. Гротомъ. Впереди еще IX т., куда войдутъ разныя дополнительныя примѣчанія и приложенія, а равно и державинская библіографія. Вспоминая о сожалѣніи С. Т. Аксакова, что не только перлы державинской поэзіи, но и всякій ея балластъ можетъ быть напечатанъ „для удовлетворенія празднаго любопытства публики“, г. Гротъ указываетъ на то, что при изданіи всѣхъ вообще сочиненій Державина академія наукъ „имѣла въ виду историческое изученіе всей эпохи, для чего даже и слабыя произведенія Державина часто представляютъ цѣнный матеріалъ“ (стр. 967). Послѣ этого, если и можно на что посѣтовать, то никакъ не на полноту изданія и снабженіе его всевозможнымъ дополнительнымъ матеріаломъ, а только на его излишнюю роскошь и увѣсистость.

Библиотека "Руниверс"

Біографія поэта (1042 стр.), который, по выраженію г. Грота, „послѣ глубокаго нравственнаго паденія въ растлѣвающей средѣ, гдѣ ему пришлось прожить большую часть молодости *), внезапно возстаетъ изъ грязи порока съ твердымъ намѣреніемъ вступить на путь правды и чести“, (стр. 1022) любопытна уже по самымъ фактамъ долгаго его вѣка, принадлежащаго пяти царствованіямъ (1743—1816). Послѣ продолжительной казарменной жизни въ качествѣ простого солдата, будущему министру юстиціи представился случай выдвинуться въ годину Пугачевщины, когда, по выраженію его біографа, „смертныя казни и тѣлесныя кары для обузданія народа были въ общемъ планѣ распоряженій правительства (это необходимо имѣть въ виду, продолжаетъ онъ, при тѣхъ наказаніяхъ, которыя въ эту эпоху не разъ приходилось совершать и Державину, (стр. 98)“. Постепенное восхожденіе пѣвца Фелицы по лѣстницѣ служебныхъ отличій съ различными задержками на ней, а затѣмъ опять ускореннымъ ходомъ, отчасти при помощи „пѣснопѣнія“, составляетъ предметъ извѣстныхъ „Записокъ“ самого Державина, тщательно провѣренныхъ его біографомъ на основаніи документовъ. Далекій отъ всякой излишней идеализаціи, г. Гротъ представляетъ намъ Державина, какимъ онъ дѣйствительно былъ со всѣми его достоинствами и слабостями. Оказывается, что если „ея величеству трудно было обвинить автора оды „къ Фелицѣ“ (стр. 577), то его въ сущности и не за что было обвинить послѣ его губернаторства въ Тамбовѣ, выказавшаго, можетъ быть, его неуживчивость, но никакъ не отсутствіе въ немъ административныхъ способностей, а тѣмъ менѣе честности. Если „Изображеніе Фелицы“, при сближеніи съ Пл. Зубовымъ, несомнѣнно содѣйствовало поправленію карьеры Державина, то ставъ кабинетскимъ секретаремъ Екатерины онъ возстановилъ противъ себя свою „Фелицу“ докучливымъ приставаніемъ къ ней съ дѣлами, чтобы добиться торжества правды. Если Державинъ, по замѣчанію г. Грота, „посвятилъ нѣсколько куплетовъ и Платону Зубову, то въ нихъ мы вовсе не находимъ похвалъ высшимъ достоинствамъ, какихъ у этого фаворита не было“. Съ другой стороны біографъ справедливо напоминаетъ о томъ, что еще Бѣлинскій замѣтилъ: „судя по могуществу Потемкина, можно бы предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ при жизни Потемкина очень мало писалъ въ честь его“ (стр. 596—597). Раздраживъ императора Павла такимъ же обращеніемъ съ нимъ, какое не вполнѣ выносилось и Екатериной, Державинъ пытается, по прежнимъ удачнымъ опытамъ при ней, возвратить себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта—и ода на новый 1797 г. дѣйствительно достигаетъ цѣли (стр. 714). Но тотъ же Державинъ пишетъ оду на возвращеніе изъ Персіи Вал. Зубова, не смотря на то, что онъ попалъ при Павлѣ въ полную опалу, пишетъ потому, что по выраженію своего біографа „способенъ былъ независимо отъ обстоятельствъ хвалить тѣхъ, кого считалъ достойнымъ того“ (стр. 766). При Александрѣ, повидиму, предоставлялся большій просторъ служебной правдивости Державина и менѣе должно бы быть спросу на „прикладное значенье его поэзіи“. Но вотъ Державинъ ревностно принимается за дѣло калужскаго губернатора Лопухина, занявшаго 20,000 рублей и потомъ угрозою ссылки въ Сибирь за мнимое преступленіе принудившаго кредитора возвратить векселя, въ пьяномъ видѣ разбивавшаго по улицамъ окна и ѣздившаго въ губернскомъ правленіи „верхомъ на раздья-

*) Державинъ сдѣлался при этомъ „отъявленнымъ шулеромъ“ (стр. 77).

Библиотека "Руниверс"

конѣ". И что же? Не смотря на доказанность его преступленій и безчинствъ, Лопухинъ, по связямъ, не понесъ, къ огорченью Державина, никакого наказанія (стр. 788). Однажды, разгнѣванный возраженіями поэта-министра, Александръ ему сказалъ: „ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный государь и такъ хочу". Самимъ же Александромъ назначенный министромъ юстиціи, Державинъ, уже въ 1803 г., былъ смѣщенъ за то, что „слишкомъ ревностно служитъ" (стр. 832).

Послѣ всего этого нельзя не признать вѣрнымъ толкованіе біографомъ извѣстныхъ стиховъ Державина:

За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Онъ сознается тутъ, по мнѣнію г. Грота, что въ стихахъ своихъ иногда позволялъ себѣ лесть и тѣмъ заслужилъ упрекъ строгаго критика, но въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ, т. е. не кривилъ душой изъ угодливости" (стр. 765).

Державинъ, конечно, думалъ не „кривить душой" и тогда, когда не контрасигновалъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, и вообще высказывался противъ освобожденія крестьянъ, хотя и признавалъ, что „по древнимъ законамъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ нѣтъ" (стр. 823), а на дѣлѣ часто поступалъ въ пользу крестьянъ, наприм., когда взялъ бѣло-русское имѣнье Огинскаго въ опеку (стр. 733) и высказывался такимъ образомъ: „удивительно, что сенатъ благоволитъ давать откупщикамъ милліоны, а народу—ничего!" (стр. 782). Замѣчательно при этомъ, что въ первоначальномъ проэктѣ его завѣщанія выражена была воля, чтобы послѣ смерти его жены „всѣ подвластные ему крѣпостные люди и крестьяне обращены были въ свободные хлѣбопашцы" (стр. 1007). Въ этомъ отношеніи Державинъ въ принципѣ и Державинъ на дѣлѣ напоминаетъ ту же двойственность въ отношеніи къ крѣпостному праву А. С. Шишкова.

Въ объясненіе (не оправданіе) крѣпостничества Державина въ принципѣ, біографъ его указываетъ на соотвѣтственное недомысліе многихъ выдающихся его современниковъ при Екатеринѣ и Александрѣ. Можно бы припомнить при этомъ и „умѣренность и аккуратность" по отношенію къ нашему крѣпостному народу либеральнаго воспитателя Александра Лагарпа (на что давно указано въ монографіи о немъ М. И. Сухомлинова, такъ мало у насъ къ сожалѣнію извѣстной), а равно и то, что еще болѣе „постепеновцемъ" оказался относительно польскихъ крестьянъ самъ Ж. Ж. Руссо (на котораго и опирался у насъ Болтинъ). Въ послѣднее время новый подходящій сюда документъ былъ найденъ въ Архивѣ Вольно-Экономическаго Общества В. И. Семевскимъ. Это отвѣтъ Вольтера на извѣстную задачу Общества (по почину, какъ полагаютъ, самой Екатерины II) о крестьянскомъ вопросѣ—съ подобающимъ фернейскому мудрецу либеральнымъ девизомъ: „Si populus dives, rex dives" (богатъ народъ, богатъ и царь). Въ концѣ-концовъ тутъ доказывается, что „нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить сеньёровъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по своему собственному усмотрѣнію... Они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны". По мнѣнію Вольтера „нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли... они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность" *).

*) Статья В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II" въ „Отеч. Запискахъ" 1879 г.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, ни чей (хотя бы Вольтеровъ) лишній авторитетъ не можетъ вполнѣ оправдать Державина въ глазахъ его безпристрастнаго біографа. „Потомство должно, говоритъ онъ, принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства, но нельзя не скорбѣть, что пѣвецъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій человѣколюбивыя стремленія Екатерины... не умѣлъ стать выше понятій своего времени". (стр. 825). Слова эти въ устахъ ученаго біографа служатъ тѣмъ большею уликою тѣмъ, кто любитъ подъ часъ, злоупотребляя такъ называемою „историческою точкою зрѣнія", проповѣдывать невмѣняемость такихъ мнѣній, которыя въ сущности оказываются преступными поступками. Да и были же при Державинѣ люди, которые далеко умѣли однако то, что называется „опередить свой вѣкъ". Біографу Державина удалось снять съ него обвиненіе въ доносѣ на Радищева, но онъ не могъ не сознаться, что „по своему образу мыслей Державинъ не былъ расположенъ къ Радищеву и строго осуждалъ его сочиненіе" — то, въ которомъ онъ требовалъ освобожденія съ землею, т. е. „опережалъ свой вѣкъ".

Но трудно понять, къ чему, когда дѣло идетъ о крестьянскомъ вопросѣ, ссылаться на „человѣколюбивыя стремленія Екатерины", которыя стало быть были все же не вполнѣ поняты пѣвцомъ Фелицы! Не она ли, при всѣхъ этихъ „стремленіяхъ", довела у насъ крѣпостное право до высшей точки его развитія?

Какая странная иронія въ томъ, что пѣвецъ Фелицы въ концѣ-концовъ сошелся въ сужденіи о ней со своимъ—конечно далеко не единомышленникомъ Радищевымъ! Разочарованіе Державина въ Фелицѣ хорошо извѣстно по его запискамъ. Но оно окончательно подтверждается воспоминаніями о послѣдней порѣ поэта племянницы его П. Н. Львовой, приводимыми въ концѣ труда г. Грота: „Она мнѣ показалась существомъ сверхъестественнымъ, вспоминалъ про свою Фелицу старикъ Державинъ, но теперь, какъ все это поразмыслю, долженъ сознаться, что она... мастерски играла свою роль и знала, какъ людямъ пыль въ глаза пускать" (стр. 990). Тоже въ сущности высказываетъ у Радищева Прямовзоръ въ описаніи видѣннаго имъ сна.

И такъ—публицистъ, сосланный въ Сибирь, и „эхо славныхъ дѣлъ Фелицы" сошлись въ ея развѣнчаніи. Пора, кажется, обратить на это вниманіе, пора понять, что и относительно свободы должна соблюдаться заповѣдь: „не пріимеши имени ея всуе".

Ор. Миллеръ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. С.-Петербургъ. 1880 г.

Хотя мы давно уже имѣемъ нѣсколько ученыхъ трудовъ, касающихся Ѳеофана Прокоповича и его времени, изъ которыхъ важнѣйшіе принадлежатъ покойному Ю. Ѳ. Самарину („Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ") и г. Чистовичу („Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время"), тѣмъ не менѣе до сихъ поръ никѣмъ еще не было сдѣлано сколько-нибудь подробнаго обзора литературныхъ произведеній этого замѣчательнаго дѣятеля. Г. Морозовъ взялъ на себя трудъ восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей научной литературѣ и „на основаніи фактовъ литературной дѣятельности Ѳеофана опредѣлить его мѣсто

Библиотека "Руниверс"

и значеніе въ исторіи русской литературы въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ходомъ ея развитія" (стр. 2). Въ видѣ введенія къ своему изслѣдованію, авторъ говоритъ о состояніи русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкахъ, о дѣятельности кіевскихъ ученыхъ и отношеніи къ нимъ Петра; затѣмъ излагаетъ содержаніе и дѣлаетъ оцѣнку литературныхъ трудовъ Ѳеофана—его богословскаго курса, трагедо-комедіи „Владиміръ", проповѣдей, духовнаго регламента, учебниковъ; въ заключеніе же указываетъ, въ чемъ состояло вліяніе Ѳеофана на Кантемира и Татищева и опредѣляетъ значеніе его литературной дѣятельности. Трудъ г. Морозова въ своей главной части, гдѣ излагаются и объясняются произведенія Ѳеофана, не оставляетъ почти желать ничего лучшаго: авторъ добросовѣстно воспользовался всѣмъ, что только было до него напечатано о Ѳеофанѣ (за исключеніемъ лишь статьи г. Червяковскаго „Введеніе въ Богословіе Ѳеофана Прокоповича", напечатанной въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1876 года) и иногда, гдѣ нужно, и рукописями (Императорской Публичной Библіотеки), и, пока держится на фактической почвѣ, совершенно самостоятеленъ. Но въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены общимъ положеніямъ и выводамъ и касаются древне-русской, до петровской литературы, его изслѣдованіе нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Представимъ въ доказательство нѣсколько примѣровъ.

При опредѣленіи значенія тѣхъ идей, которыя нашли себѣ выраженіе въ произведеніяхъ Ѳеофана, и при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, въ высшей степени важно правильное рѣшеніе вопроса—насколько эти идеи были новы для Московской Руси. Г. Морозовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ своимъ обзоромъ состоянія русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкахъ. Здѣсь онъ приводитъ только тѣ факты, которые указываютъ на невѣжество и религіозный формализмъ русскихъ людей этого времени, но не сообщаетъ ни одного факта, который могъ бы указать на существованіе въ русскомъ обществѣ и свѣтлыхъ исключеній. Такъ, онъ не упоминаетъ ни о Нилѣ Сорскомъ, который еще въ концѣ XV вѣка проповѣдывалъ важность „умной", или внутренней молитвы, ни о заволжскихъ старцахъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ и другихъ, стремившихся положить границу между свѣтскимъ элементомъ и духовнымъ, и требовавшихъ отъ правительства отобранія монастырскихъ вотчинъ въ казну. Г. Морозовъ не придаетъ никакого значенія протесту пытливаго ума противъ религіозной исключительности и формализма, выразившемуся въ цѣломъ рядѣ ересей XV и XVI вѣковъ, и несправедливо полагаетъ, что „загражденіе устъ" было противъ него дѣйствительнымъ средствомъ (стр. 19): свободная мысль и въ XVII вѣкѣ продолжала не только существовать, но и пріобрѣтать себѣ большее и большее число сторонниковъ, которые, наконецъ, имѣя во главѣ Петра, и добились желаемой реформы русской жизни. Идеи Ѳеофана, случайно совпадавшія съ идеями Петра и его помощниковъ въ дѣлѣ реформы не были поэтому новостью для великорусской публики, и въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина, почему онѣ не прошли въ Россіи безслѣдно. Такимъ образомъ необходимо совершенно устранить мысль г. Морозова о томъ, что кіевскіе ученые—„предшественники реформы" (стр. 4).

Со взглядомъ г. Морозова на значеніе кіевскихъ ученыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣсно связанъ его взглядъ на ходъ этого послѣдняго. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, говоритъ нашъ авторъ, духовенство „все болѣе и болѣе утрачивало образованность, становилось все болѣе и болѣе невѣжественнымъ, грубымъ и своекорыстнымъ" (стр. 12); „все то, противъ чего воз-

Библиотека "Руниверс"

ставали наши проповѣдники въ продолженіи шестисотъ лѣтъ, продолжало существовать нерушимо въ своемъ прежнемъ видѣ и, можетъ быть, еще болѣе усиливалось" (стр. 14) и т. п. Изъ этихъ цитатъ ясно, что г. Морозовъ смотритъ на ходъ русской образованности, какъ на регрессъ, т. е. точь въ точь такъ же, какъ смотрѣли на него въ XVI вѣкѣ отцы Стоглаваго собора; но онъ напрасно не обратилъ вниманія на работу этихъ послѣднихъ о просвѣщеніи: она одна (не говоримъ о множествѣ другихъ фактовъ) указываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ явилось у насъ ясное сознаніе необходимости просвѣщенія, — сознаніе, котораго до XVI вѣка мы совсѣмъ почти не встрѣчали въ Россіи.

Только вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ древне-русскою литературою г. Морозовъ могъ сказать, что „послѣ смерти митрополита Фотія (1430) единственнымъ видомъ проповѣди дѣлаются поучительныя посланія" (стр. 15), потому что проповѣдь существовала въ Московской Руси и послѣ Фотія и въ первой половинѣ XVI вѣка нашла себѣ представителя въ лицѣ митрополита Даніила. Только вслѣдствіе того-же обстоятельства онъ могъ въ своемъ изслѣдованіи придти къ такому конечному выводу, что Ѳеофанъ былъ „первымъ представителемъ новаго движенія — секуляризаціи русской мысли" (стр. 402), такъ какъ даже поверхностное знакомство съ тѣми переводными и оригинальными свѣтскими повѣстями (каковы напримѣръ, такъ называемыя „смѣхотворныя повѣсти", повѣсть о бражникѣ, вошедшемъ въ рай, исторія о Фролѣ Скобѣевѣ), которыхъ явилось у насъ въ XVII вѣкѣ не мало, — заставило бы его признать первыми представителями секуляризаціи русской мысли переводчиковъ и авторовъ этихъ повѣстей.

Многихъ важныхъ вопросовъ г. Морозовъ или вовсе не коснулся, или разработалъ ихъ недостаточно полно. Онъ признаетъ, напримѣръ, наклонность Ѳеофана къ протестантизму, но не указываетъ, какимъ образомъ Ѳеофанъ, вовсе ее не скрывавшій и прямо указывавшій на „нѣмецкіе города", какъ на мѣсто, гдѣ можно найти удовлетворительный отвѣтъ на всякаго рода религіозные вопросы, — могъ не только быть терпимъ въ Кіевѣ, но и занимать такія значительныя должности, каковы должности преподавателя богословія и префекта кіевской коллегіи, и почему Ѳеофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій только тогда рѣшились открыто выступить противъ него, когда онъ оставилъ Кіевъ. Г. Морозовъ не опредѣляетъ какъ много общаго было въ идеяхъ Ѳеофана съ идеями другихъ кіевскихъ ученыхъ въ родѣ Іосифа Туробойскаго, Ѳеодосія Яновскаго, Ѳеофила Кролина, Гавріила Бужинскаго, Симона Кохановскаго, и чѣмъ обусловливалось сочувствіе этихъ лицъ Петру и его реформѣ. Точно также онъ не касается вовсе значенія литературной дѣятельности Ѳеофана во время перваго, кіевскаго періода, и отношенія его произведеній къ произведеніямъ предшествующихъ и послѣдующихъ южно-русскихъ писателей, а равно отношенія идей Ѳеофана къ идеямъ современныхъ ему великорусскихъ писателей, въ особенности къ идеямъ Посошкова. Между тѣмъ безъ надлежащаго разъясненія этихъ вопросовъ, не можетъ быть, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно опредѣлено и оцѣнено значеніе Прокоповича, какъ русскаго литературнаго дѣятеля.

Не смотря на указанные недостатки, изслѣдованіе г. Морозова заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся русскою историческою наукою и составляетъ значительный вкладъ въ нашу не богатую научную литературу.

А. С—скій.

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ III. Рига. 1880.

Этотъ новый выпускъ названнаго изданія отличается тѣми же достоинствати, какъ и первые два тома. Въ составъ настоящаго тома вошли во первыхъ, матеріалы и статьи по древней исторіи Ливоніи и во вторыхъ, такіе же матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Къ первой категоріи относятся: „Реформація въ Ливоніи", „Ливонская хроника Рюссова", „Ливонская лѣтопись Франца Ніенштедта" и наконецъ „Условія подчиненія между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готгардомъ Кетлеромъ, министромъ Тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключенныя въ Вильнѣ, 28 сентября 1561 года". Всѣ эти статьи являются не только точнымъ переводомъ оригиналовъ, но и снабжены подробными примѣчаніями переводчика, какъ по русскимъ источникамъ, каковы лѣтописи, такъ и параллельными ссылками на свидѣтельство другихъ источниковъ по исторіи края, что очень важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность отнестись критически къ освѣщенію извѣстнаго факта, представляемому лѣтописцемъ.

Статья д-ра Брахмана „Реформація въ Ливоніи" заимствована изъ 5-го тома „Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv- Ehst- und Kurland's", издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній 1850 года и представляетъ очеркъ постепеннаго распространенія и утвержденія лютерова ученія въ Прибалтійскомъ краѣ въ теченіи 1520—1554 годовъ, когда протестантство было окончательно уравнено въ правахъ съ католичествомъ рѣшеніемъ ландтага въ Вольмарѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что статья рисуетъ лишь чисто внѣшнюю форму реформаціоннаго движенія и преимущественно притомъ въ высшихъ правящихъ классахъ. Это обстоятельство, конечно, имѣетъ свое историческое объясненіе въ томъ фактѣ, что масса туземнаго населенія, т. е. эсты и латыши, оставались чуждыми реформъ и какъ ранѣе были плохими католиками, такъ же равнодушно стали и плохими протестантами.

Изъ „Ливонской хроники" Бальтазара Рюссова въ составъ III тома вошли послѣднія двѣ части (первыя двѣ помѣщены въ предыдущихъ выпускахъ), изъ которыхъ третья обнимаетъ время съ 1561 по 1577 годъ (до похода Іоанна Грознаго въ Ливонію), а четвертая описываетъ событія до 1783 года, т. е. до окончательнаго вытѣсненія русскихъ изъ Ливоніи. Что касается „Ливонской лѣтописи" Франца Ніенштедта, то напечатанная въ этомъ томѣ часть, относящаяся къ древнему періоду исторіи Ливоніи, особеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ представляетъ обработку болѣе древнихъ лѣтописей Гейнриха Латыша и Рюссова. Гораздо болѣе цѣнный историческій матеріалъ представляетъ переводъ съ латинскаго подлинника „Условій подчиненія между священнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и Готгардомъ Кетлеромъ, министромъ Тевтонскаго ордена въ Ливоніи, заключенныхъ въ Вильнѣ 28-го ноября 1561 года". Эти условія, или такъ называемыя „виленскія привиллегіи" составляютъ основу тѣхъ привиллегій и „автономныхъ своеобразностей", о сохраненіи которыхъ прибалтійское дворянство хлопочетъ до сихъ поръ. Бо̀льшая часть пунктовъ этихъ условій и привиллегій вошли и въ дѣйствующій до нынѣ сводъ мѣстныхъ узаконеній остзейскихъ губерній.

Вторая половина настоящаго тома „Сборника" посвящена, какъ мы сказали уже, матеріаламъ и статьямъ по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII,

Библиотека "Руниверс"

и XIX столѣтіяхъ. Здѣсь, прежде всего, помѣщены рескрипты и указы императора Петра I къ лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ за время съ 1717 по 1724 годъ. Указы касаются, впрочемъ, болѣе хозяйственныхъ дѣлъ государства, распоряженій о препровожденіи прибывающихъ изъ-за границы поселенцевъ, но есть и имѣющіе политическій характеръ. Таковъ, напримѣръ, указъ отъ 24-го февраля 1720 года, въ которомъ царь пишетъ: „высокошляхетнымъ урожденцамъ и благоискуснымъ бургомистрамъ и райцамъ, что такъ какъ у нихъ въ избраніи магистратскихъ и иныхъ чиновъ, такъ и въ судахъ, чинятся неисправленіе, то мы (т. е. царь) заблагоразсудили дать указъ нашъ, по новоучиненнымъ въ государствѣ нашемъ регламентамъ, помянутому генералъ-губернатору нашему, дабы онъ того смотрѣлъ, чтобы у васъ какъ то избраніе въ чины по достоинству, такъ и судъ по справедливости и правамъ безъ всякаго замедленія чинились, дабы изъ того подданнымъ нашимъ не было обиды". Другіе указы говорятъ о разныхъ распоряженіяхъ военнаго характера по случаю тогдашнихъ войнъ. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ вошли въ „Полное Собраніе Законовъ", другіе же, и притомъ большинство, публикуются въ первый разъ и являются матеріаломъ для исторіи не одного только Прибалтійскаго края.

Изъ матеріаловъ по исторіи позднѣйшаго времени, обращаютъ вниманіе матеріалы для исторіи православія Прибалтійскаго края, а именно „Записки священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенангерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія", описывающія движеніе эсто-латышскаго народа въ пользу присоединенія къ православію въ сороковыхъ годахъ и, какъ извѣстно, имѣвшее результатомъ присоединеніе болѣе 150,000 душъ къ православію. Записки снабжены обширнымъ предисловіемъ издателя о положеніи туземнаго крестьянскаго населенія въ первой половинѣ текущаго столѣтія, отношеніяхъ духовенства къ паствѣ, возникновеніи протестантскихъ сектъ и другихъ обстоятельствъ, подготовившихъ почву для движенія въ пользу православія. Какъ на фактъ, характеризующій нынѣшнее положеніе провинціальной печати, нельзя не указать, что предисловіе это подверглось со стороны мѣстной цензуры рѣшительнымъ урѣзкамъ, что ясно видно изъ прерванной нумераціи страницъ и обилія многорѣчій. Наконецъ, остается упомянуть еще, о помѣщенныхъ въ концѣ разсматриваемаго тома „Сборника" „Воспоминаніяхъ Владиміра Ивановича Левенштерна", занимавшаго въ разное время выдающіяся посты въ русской арміи, участвовавшаго въ войнѣ съ французами и умершаго въ Петербургѣ въ 1858 году. Напечатанная часть (съ 1777 по 1806 годъ) заключаетъ описаніе дѣтства и юности автора „Записокъ", которыя для исторіи края могутъ быть разсматриваемы какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ настроеніемъ остзейскаго дворянства и образомъ его жизни. Остальная часть трактуетъ о дѣйствіяхъ нашей арміи съ 1799 по 1809 годъ.

Р. П—въ.

Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. III. Владиміръ. 1881 г.

Какой неисчерпаемый матеріалъ для историка, этнографа и археолога, могутъ представлять труды нашихъ статистическихъ комитетовъ, при внимательномъ ихъ отношеніи къ дѣлу изученія мѣстнаго края, показываетъ настоящій „Ежегодникъ". Это обширная и непочатая область фактовъ, свѣдѣній,

Библиотека "Руниверс"

цифръ, наблюденій. Достаточно, впрочемъ, перечислить названіе статей, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Къ числу статистическихъ матеріаловъ принадлежатъ географическо-статистическое описаніе муромскаго уѣзда г. Добрынкина; затѣмъ слѣдуютъ: обозрѣніе заводовъ и фабрикъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX-го столѣтія, составленное г. Лядовымъ; статья г. Горелина о началѣ и возрожденіи промышленности бывшаго села Иванова въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ; описаніе села Борисоглѣбскаго Волохова въ александровскомъ уѣздѣ, составленное г. Стромиловымъ; топографическое описаніе Володимірской, Суздальской, Переславской-Залѣсской и Юрьевской польской провинціи городовъ въ 1760 г. и, сообщенное г. Лядовымъ, описаніе города Владиміра въ 1877 г. Субботина. По этнографіи небезъинтересны всѣ три статьи,— одна, г. Голышева, знакомитъ съ обычаями и языкомъ офеней, въ другой, г. Горелина, сообщаются старинныя преданія старожиловъ о бывшемъ селѣ Ивановѣ, а въ третьей, которая принадлежитъ г-жѣ Добрынкиной, приведены народныя дѣтскія пѣсенки въ муромскомъ уѣздѣ. По части исторіи и археологіи въ „Ежегодникѣ" помѣщены статьи г. г. К. Н. Тихонравова и Артлебена; а именно: „Памятники зодчества древней Суздальской области", „Борьба при рѣкѣ Колокшѣ на горѣ Прусковой въ 1177 г." Тихонравова; его же „Синодикъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря" и г. Артлебена описаніе деревянной церкви XVII-го в. въ селѣ Драчевѣ, меленковскаго уѣзда. Сверхъ того, въ третій томъ вошли и нѣсколько старинныхъ актовъ, найденныхъ въ мѣстномъ краѣ; они обнимаютъ собою періодъ времени съ 1595 и по 1790 годъ. Небезполезны также и приложенія; кромѣ офиціальныхъ документовъ о дѣятельности Владимірскаго комитета, тутъ напечатаны статистическія таблицы о губерніи за 1876 г. и имѣющій большую важность для справокъ указатель мѣстныхъ статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей въ 1878 и 1879 годахъ. Редакція этого „Ежегодника" начата была неутомимымъ секретаремъ комитета К. Н. Тихонравовымъ и теперь, за смертью его, перешла въ надежныя руки г. Артлебена.

Ѳ. В.

Kniazowie i szlachta między Janem, Wieprzem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem i północnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880.

Появившаяся подъ такимъ громкимъ заглавіемъ книга (пока первая часть I-го тома) состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ очеркъ древнѣйшаго быта славянъ (составленный преимущественно на основаніи Шафарика), очеркъ быта и исторіи скандинавовъ и древнюю исторію Русскихъ княжествъ (по Ипатіевской лѣтописи), доведенную пока до начала XIII в. Вторая часть сочиненія должна содержать исторію княжескихъ родовъ южной Руси; въ вышедшей пока первой части I-го тома начата исторія князей Острожскихъ и Заславскихъ.

Авторъ монографіи о князьяхъ Острожскихъ подвергаетъ тщательному разбору вопросъ о происхожденіи этого княжескаго рода. Родъ Острожскихъ

Библиотека "Руниверс"

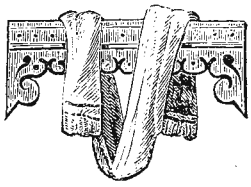
издавна (еще со временъ Стрыковскаго) выводили отъ Рюриковичей, считали ихъ потомками Даніила Романовича Галицкаго, или его брата Василька. Авторъ старается доказать неправильность этого мнѣнія, котораго однако долго придерживались польскіе писатели и обращается затѣмъ къ установившемуся въ русской исторической литературѣ мнѣнію Максимовича (Письма о князьяхъ Острожскихъ къ графинѣ Блудовой, см. соч. т. I).

Максимовичъ производилъ, какъ извѣстно, князей Острожскихъ отъ князей Туровскихъ; основывалъ онъ это мнѣніе на памятникѣ Кіево-Печерской лавры, гдѣ былъ записанъ родъ князей Острожскихъ, вскорѣ послѣ погребенія тамъ князя Константина Ивановича Острожскаго (въ 30-хъ годахъ XVI в.), и на памятникѣ Дубенской церкви, гдѣ тѣ же князья названы князьями Гуровскими (по Максимовичу ошибкой вмѣсто Туровскіе). Родоначальникомъ этихъ князей Максимовичъ считалъ Владиміра, князя Пинскаго, или лучше сына его, Юрія или Георгія, имя котораго стоитъ первымъ въ памятникахъ.

Критику мнѣнія Максимовича въ разбираемой книгѣ нельзя назвать удачной; авторъ не приводитъ никакихъ новыхъ фактовъ въ опроверженіе указанной теоріи, а ограничивается сомнѣніемъ, правильно ли Максимовичъ прочелъ Туровскіе вмѣсто написаннаго въ памятникѣ—Гуровскіе, и опровергаетъ генеалогическое значеніе порядка, въ которомъ князья Острожскіе записаны въ памятникѣ; но и здѣсь авторъ ставитъ одни только теоретическія возраженія. Многіе и теперь вносятъ въ церковныя книги имена своихъ усопшихъ предковъ для поминовенія, но при этомъ мало заботятся о генеалогическомъ порядкѣ въ ихъ записи. Возраженіе это уже потому мало имѣетъ силы, что такой родъ, какъ родъ князей Острожскихъ, конечно гордился своимъ прошлымъ и не могъ поэтому не вести точнаго списка своимъ предкамъ.

Не соглашаясь съ производствомъ князей Острожскихъ отъ князей Туровскихъ, авторъ монографіи считаетъ болѣе вѣроятнымъ происхожденіе ихъ отъ князей Пинскихъ, но не имѣя для доказательства этой гипотезы никакихъ фактовъ, предлагаетъ новую, совершенно голословную гипотезу: онъ предлагаетъ производить князей Острожскихъ отъ норманскихъ конунговъ, прибывшихъ въ Русь вмѣстѣ съ Рюрикомъ и его братьями, отъ какой нибудь боковой линіи Рюрика!

И. Л.



Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ.

ВЪ 1709 ГОДУ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ селѣ, жила любимая Петромъ Великимъ единокровная сестра его царевна Наталья Алексѣевна. Дворовыя ея боярыни и комнатныя дѣвушки жили тутъ же въ хоромахъ, своею однообразною, замкнутою, старинною жизнію.— Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, спокойствіе ихъ житья-бытья было внезапно нарушено страннымъ и страшнымъ для нихъ событіемъ. Подъ окнами дворцовыхъ боярынь, ровно въ полночь, начало являться привидѣніе въ бѣломъ одѣяніи; оно проходило тихими шагами и изчезало. Въ дворовой прислугѣ распространился говоръ—что это ходитъ „смерть". Никто изъ женской прислуги не осмѣливался выходить изъ дому—и даже часовые не рѣшались приближаться къ страшному гостю. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ, одинъ храбрый сторожъ подкрался сзади, и, перекрестившись, схватилъ „смерть". На его крикъ набѣжали часовые—и „смерть" къ крайнему ихъ изумленію предалась имъ въ руки, безъ всякаго сопротивленіи, и съ громкимъ хохотомъ. „Смертью" оказался переодѣтый Преображенскій солдатъ Иванъ Неклюдовъ. Ходилъ онъ въ слѣдующемъ костюмѣ: на немъ была шуба баранья, черная, на выворотѣ до пояса, а съ головы до пояса бѣлое полотно; голова была также повязана бѣлымъ платкомъ.

Часовые привели Неклюдова въ Преображенской приказъ. Онъ объявилъ на допросѣ, что ходилъ стращать спроста; но этому объясненію не повѣрили—явилось сомнѣніе не ходилъ ли онъ одѣтый смертью, чтобъ стращать часовыхъ, которые стояли у колодничьихъ избъ, съ цѣлію освободить какого-либо арестанта. Несчастному шутнику пришлось оправдываться подъ батогами; и только благодаря особенному снисхожденію князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, его освободили черезъ нѣсколько дней, оставивъ по прежнему на службѣ въ Преображенскомъ полку.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Библиотека "Руниверс"

Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Н. И. Рылѣеву *).

1.

По оглѣнись не у графа-ли Строгонова пристало чего ищешь. Понавѣдайся безъ огласки.

2.

Бельзюись дѣйствительно велѣлъ слугу навѣдаться уѣхала-ли я въ Царское село, а дуракъ слуга не нашелъ лучшаго способа, какъ о семъ спросить въ краулну; вы можете его отпустить.

3.

Объ херсонскомъ коммисіонеріе похожево на Бассавиля, прикажи спросить давно ли въ Херсонъ пріѣхалъ, откудова, гдѣ родился, привезъ ли рекомендательныхъ писемъ кому и отъ кого, куда адресованы.

4.

Какъ сказываютъ, что у васъ извѣстной по смертоубійству Андреевъ ушолъ изъ полиція или тюрьмы, то дайте знать какъ и когда? и прикажите его непремѣнно отыскать, дабы сновь не напроказилъ, также почему часовой виноватъ когда онъ сидѣлъ на верху тутъ гдѣ и окошки были безъ рѣшетки; о семъ о всемъ донесите мнѣ въ пятомъ часу сегодня послѣ обѣда.

5.

У церкви Воскресенія, гдѣ образъ Всѣмъ Скорбящимъ, сходятся ежедневное великое число праздношатающихся нищихъ, въ томъ числѣ и сумашедшій 15-ти лѣтъ, сей едва не Кузминской-ли слободы житель, прикажи съ ними учинить какъ вамъ предписано, а частному приставу прикажи напоминать должность.

6.

Никита Ивановичь! дни два барка съ дровами стоитъ посреди Невы противъ косы Васильевскаго Острова, пошлите спросить ради какой причины она тутъ остановилась.

7.

Подъ моими окошками ежедневно шатается мужикъ одинъ въ сѣромъ кафтанѣ и синяя шапка на головѣ; когда шапку сниметъ, тогда голова у него подвязана платкомъ съ низу вверхъ; онъ сказывается работникомъ и будто въ Царскомъ Селѣ, упавъ съ лѣсовъ, ушибся, я ему единожды и дала не помню сколько, но какъ онъ ежедневно паки приходитъ, то прикажи его прибрать, такъ, что буде заподлинно боленъ, прикажи его въ городовой гошпиталь вылѣчить, буде же тунеядецъ, то прикажи его отослать, буде помѣщичій къ помѣщику, буде Государевъ въ селеніе, а буде годится въ службу куда способенъ.

8.

У моихъ конюшенъ по Мойкѣ строятъ новаго деревяннаго берега и великія кучи на льду накинуты щепки, такъ что когда ледъ потопитъ тогда и Мойку и устье Екатерининскаго канала замелѣютъ. Прикажи смотрѣть чтобъ мое повелѣніе исполнено было, а я приказала конюшеннымъ сказать, чтобъ щепки свезли.

---

*) Генералъ-маіоръ Никита Ивановичъ Рылѣевъ исполнялъ должность С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1784 по 1794 г.

Библиотека "Руниверс"

9.

Скажи театральной дирекціи, что я тебѣ запретила допустить на деревянномъ театрѣ играть новыя комедіи, трагедіи и всякія такія зрѣлища въ коихъ быть можетъ великой и необыкновенной съѣздъ множества людей, и чтобъ таковыя зрѣлища представлены были въ каменномъ театрѣ.

10.

Никита Ивановичъ! Смотри и вели смотрѣть, чтобъ хлѣбная продажа по сегоднишнимъ разпоряженіямъ не остановилась нигдѣ и не на часъ.

11.

Чево вы смотрите? къ Эрмитажу ни съ которой стороны пріѣзда и проѣзда нѣтъ, для чего вы не требуете, какъ отъ конторы строеній, такъ и отъ Карадыкина, чтобъ строили не заваля берега пешаходна и улицу, по крайной мѣрѣ чтобъ проѣздъ остался.

12.

Противъ Эрмитажа на изломленой баркѣ пять человѣкъ, посмотри не можно ли къ нимъ подойти ботикомъ или суденошкомъ и снять ихъ; отъ Адмиралтейства близко.

13.

Ажіе былъ порукъ махеръ Баронесь Строгонова, потомъ учитель въ Академіи, теперь ростовщикъ, и неубогъ; живетъ въ домѣ Глебова возлѣ оберъ-маршала Орлова.

Міошъ купецъ живетъ въ Садовой улицѣ Лѣтняго дворца въ домѣ патеръ католицкихъ, возлѣ братіи Ливіо.

Куине Дарбель былъ комедіантъ при дворѣ французскомъ.

Надлежитъ ихъ самихъ и бумаги ихъ взять и отослать ихъ въ крѣпость.

14.

Я приказала къ вамъ паки послать того истопника, которой изъ церковниковъ, допросите его противъ показанія Фурьера, которое вамъ отдано ген: м: Турчениновымъ.

15.

(Неизвѣстной руки).

Государыня повелѣвать изволитъ, естьли найдете того человѣка, о коемъ сей часъ вамъ приказывала, то если сыщутся при немъ склянки, или порошки, то съ оными поступать осторожнѣе, сохранить оные и стараться какъ бы нечаянно не разбить или не разсыпать оныхъ, а паче же, чтобы ни кто не открывалъ, ибо можетъ быть вредно.

16.

Благодарствую за вѣсти. Боже помоги.

17.

Никита Ивановичь, прикажите частнымъ приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ, чтобъ съ прилежаніемъ смотрѣли, дабы экипажи и ливреи были какъ манифестъ мой повелѣваетъ и гдѣ усмотрятъ тому противное, чтобъ приходили вамъ сказать.

18.

(Неизвѣстной руки).

Фрейлинское платье покрадено Преображенскимъ солдатомъ и непремѣнно въ Лѣтнемъ дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

19.

Какъ зовутъ придворнаго истопника и въ которой комнатѣ?

20.

На Фонтанкѣ, между Семеновскаго моста и Аничковскаго, множество замерзло барокъ, остереги чтобъ ужо при вскрытіе водъ со льдомъ не потонули; испортятъ вычищенную недавно рѣку.

21.

Что по утру я съ тобою говорила, не приводи въ исполненіе, не переговоря завтра по утру со мною.

22.

Прикажи гарлановъ человѣкъ десять взять подъ краулъ изъ толпы и отдай ихъ подъ судъ, чтобъ ихъ выселили за сборище.

23.

Прикажи выправиться, много ли здѣсь офицеръ живетъ безъ дѣлъ или въ отпуску или по полковымъ дѣламъ.

24.

Я вижу, что начали чистить улицъ, но обывательскіе домы, отъ того что возлѣ стѣнъ кладутъ грязь съ улицы, въ выигрышѣ не будутъ, также и пѣшимъ ходить будетъ не гдѣ, а класть грязь можно въ кучи на улицы возлѣ большихъ пѣшеходныхъ каменьевъ.

25.

По полученіи сей записки Никитѣ Ив. Рылѣеву пріѣхать въ Царское Село.

26.

Близь хлѣбнаго магазина осмотрѣть должно деревянной мостъ, по бокамъ коего есть дыры, которыя велите задѣлать какъ можно наискорѣе, ибо въ ночное время можетъ отъ того случиться несчастіе.

27.

Никита Ивановичъ, скажите Медицинской Коллегіи президенту Закревскому, что я читала его письмо ко мнѣ писанное марта 21-го дня, а инаго отвѣта дать не могу, окромѣ того, чтобъ повиновался Сенатскому вѣленію, а справедливость каждому воздано будетъ по изслѣдованію дѣла.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II *)

Когда Франція подверглась жестокимъ слѣдствіямъ революціи и внутреннихъ неустройствъ всякаго рода, когда осторожная Екатерина прервала и на морѣ и на сушѣ всякое съ нею сношеніе, въ то время возвратился изъ Парижа молодой Будбергъ, русскій камеръ-юнкеръ, бывшій въ послѣдствіи ревельскимъ губернаторомъ. Екатерина, вникавшая въ причины всякихъ дѣйствій, любила въ то время распрашивать подробно пріѣзжающихъ изъ этого государства; она пожелала и его видѣть.

*) Анекдотъ этотъ записанъ покойнымъ М. Е. Лобановымъ со словъ статсъ-дамы графини Ю. П. Строгоновой и сохранился въ бумагахъ его, переданныхъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ П. Я. Дашковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Милостиво ею принятый и обласканный, онъ удовлетворялъ любопытство императрицы, разсказывая о своихъ путешествіяхъ.

— Скажите, пожалуйте,—спросила она,—отъ чего это во Франціи такія волненія?

— Да какъ и не быть волненіямъ, — рѣзко и живо отвѣчалъ онъ въ какомъ-то разсѣяніи, забывши о лицѣ, съ которымъ говорилъ,—самовластіе тамъ дошло до такой степени, что сдѣлалось несноснымъ.

Выговоривши это, онъ опомнился, смутился, потупилъ глаза и стоялъ какъ вкопанный.

— Правда твоя, мой другъ, — замѣтила Екатерина, — надобно стараться несносное дѣлать сноснымъ.

Другой разъ, разговаривая объ этомъ же предметѣ съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, возвратившимся также изъ чужихъ краевъ и бывшимъ въ послѣдствіи государственнымъ канцлеромъ, она сожалѣла о затруднительномъ положеніи французскаго короля Людовика XVI, о неустройствахъ и волненіяхъ во Франціи, и между прочимъ сказала:

— Чтобы хорошо править народами, государямъ надобно имѣть нѣкоторыя постоянныя правила, которыя служили бы основою законамъ, безъ чего правительство не можетъ имѣть ни твердости, ни желаемаго успѣха. Я составила себѣ нѣсколько такихъ правилъ, руководствуюсь ими, и, благодаря Бога, у меня все идетъ не дурно.

Румянцевъ осмѣлился спросить:

— Ваше величество, позвольте услышать хотя одно изъ этихъ правилъ.

— Да вотъ, напримѣръ, — отвѣчала Екатерина, — надобно дѣлать такъ, чтобы народъ желалъ того, что мы намѣрены предписать ему закономъ.

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**

Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову *).

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, рязанскій гражданскій губернаторъ Шишковъ! Дошло до свѣдѣнія моего, что судится въ Рязани рязанскій голова Истоминъ за произнесеніе имъ въ пьянствѣ, что онъ рязанскій государь. Я повелѣваю прекратить сіе дѣло и Истомина отъ суда учинить свободнымъ, но отъ должности рязанскаго головы за невоздержанное и нетрезвое его поведеніе отрѣшить, а на мѣсто его избрать другого достойнѣйшаго.—Въ С.-Петербургѣ, февраля 22-го дня 1803 года. Александръ. Скрѣпилъ министръ юстиціи Державинъ.

Сообщено **П. И. Костылевымъ.**

---

*) Подлинный рескриптъ находится въ дѣлахъ канцеляріи рязанскаго губернатора; печатаемая здѣсь копія съ него обязательно прислана намъ предсѣдателемъ елецкаго окружнаго суда П. И. Костылевымъ.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

Экспедиція Н. М. Пржевальскаго. 7-го января возвратился наконецъ, въ Петербургъ давно ожидавшійся нашъ знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій. Встрѣча, ему устроенная, была самая восторженная. Русское географическое общество и общество естествоиспытателей поднесли путешественнику дипломъ на званіе почетнаго члена, не говоря объ оффиціальныхъ наградахъ, назначенныхъ какъ самому руководителю экспедиціи, такъ и всѣмъ участникамъ въ ней. Эта экспедиція, дѣйствительно, заслуживаетъ общественнаго вниманія. Результаты ея самые удачные; за то труды и лишенія, испытанные г. Пржевальскимъ и его спутниками, превосходятъ всякія описанія. Имъ приходилось совершать огромные переходы лѣтомъ при зноѣ до 48° въ тѣни и 60° въ почвѣ по Цельсію, а зимою часто замерзала ртуть. Если къ этому присоединить безводіе, безкормицу, бураны и враждебное настроеніе населенія, то можно себѣ представить картину той обстановки, въ которой находились наши безстрашные путешественники. Вотъ вкратцѣ общій очеркъ результатовъ этой экспедиціи.

Въ теченіи послѣдней экспедиціи отъ Зайсанскаго Поста на Булунтахой, на Хами, Сайдуну, Хлассу, Саниину къ источникамъ Желтой Рѣки, Николаемъ Михайловичемъ исполнена съемка на протяженіи болѣе 7,000 верстъ, опредѣлена астрономически и барометрически, сдѣланы метеорологическія наблюденія (по четыре въ день), видѣны три новые первоклассные снѣжные хребта, названные имъ хребтами Гумбольдта, Риттера и Ньютона, составлена превосходная зоологическая, ботаническая, минералогическая и астрономическая коллекція, въ которой, между прочимъ, находятся рѣдкіе виды животныхъ, еще неизвѣстныхъ наукѣ. Эта коллекція, безъ сомнѣнія, составитъ одинъ изъ богатѣйшихъ вкладовъ въ музей академіи наукъ.

Цѣль экспедиціи была—изслѣдованіе плато Тибета и Монголіи. Благодаря широкимъ матеріальнымъ средствамъ, предоставленнымъ въ распоряженіе экспедиціи, результаты, достигнутые ею, далеко превосходятъ результаты двухъ первыхъ.

Экспедиція состояла изъ самого г. Пржевальскаго, двухъ офицеровъ, гг. Раборовскаго и Эклани, пяти казаковъ, четырехъ солдатъ и одного переводчика монгола; въ распоряженіи экспедиціи было 35 верблюдовъ и нѣсколько лошадей подъ верхъ офицерамъ. Каждый изъ членовъ экспедиціи былъ вооруженъ берданкой, двумя револьверами Смитъ-Вессона, имѣя при себѣ по 100 патроновъ, что въ общей сложности составляло 1,300 пуль; сверхъ того, до 10,000 патроновъ везлось на вьюкахъ.

Выступивъ изъ Зайсанскаго Поста въ холодную страну, экспедиція перевалила Тяньшанскій хребетъ и по абсолютной пустынѣ, населенной только дикими яками, куланами, направилась черезъ Булунтахой къ Хами. Мѣстность эта лишена всякой растительности и представляетъ сплошную острую гальку

Библиотека "Руниверс"

и песокъ, съ тощими на разстояніи 30 — 50 верстъ колодцами, способными дать нѣсколько ведеръ сносной воды. Путь по рѣкѣ Булунгой былъ нѣсколько лучше и замѣтны были признаки осѣдлости; здѣсь послѣ стужи рѣзко наступилъ такой зной (до 60° Цельзія въ почвѣ), что путешествіе можно было продолжать только ночью.

Пріемъ, сдѣланный губернаторомъ Хами, главнокомандующимъ арміей, назначенной дѣйствовать противъ насъ, Чин-Сой-Менг-Чунъ, относительно былъ довольно хорошъ; но на предложеніе полковника Пржевальскаго дать проводниковъ въ оазисъ Сучеу, отдѣляющійся пустынею, путь черезъ которую, по выраженію китайцевъ, устланъ трупами людей и верблюдовъ, положительно отказалъ. Положеніе критическое: обходъ въ 3,400 верстъ, прямая дорога черезъ пустыню около 300 верстъ. Г. Пржевальскій рѣшился идти прямо, освѣщая путь разъѣздами, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Переходъ былъ страшно труденъ. Днемъ жаръ до 68° въ почвѣ; воды нѣтъ; пески, гальки, трупы, хотя и не такъ много, какъ разсказывали китайцы. Наконецъ, когда на горизонтѣ показались снѣговыя вершины Алтыншана, путники вздохнули свободнѣе. Оазисъ Сучеу, орошаемый рѣкою Данхе, послѣ перенесенныхъ невзгодъ, показался нашимъ путешественникамъ настоящимъ раемъ. Пріемъ, сдѣланный въ Санчеу, подъ вліяніемъ инструкцій изъ Пекина, далеко не былъ такъ любезенъ, какъ въ Хами; губернаторъ наотрѣзъ отказался дать проводника — пришлось взять силой. Насильно взятый проводникъ повелъ такими трущобами, что нельзя было ѣхать—шли пѣшкомъ, а дальше и пѣшкомъ нельзя было идти и рѣшено было вернуться въ Санчеу; но, къ счастью, попались монголы, которые за плату помогли экспедиціи перевалить черезъ хребетъ Алтыншанъ, гдѣ въ прекрасно орошенной долинѣ, у ключа, который Н. М. Пржевальскій назвалъ Благодатнымъ, экспедиція провела іюль, въ теченіи котораго дѣлались наблюденія и Н. М. Пржевальскимъ нанесены вновь на карту два первокласные хребта, названные именами Риттера и Ньютона. Изслѣдованные ледники имѣли до 150 верстъ.

Дальнѣйшее движеніе къ Тибету было весьма тяжело по затрудненной мѣстности и враждебности мѣстныхъ жителей; пришлось удвоить ночью караулы и даже не разъ употреблять въ дѣло берданки.

Во время перевала черезъ одинъ изъ хребтовъ, составляющихъ продолженіе Куэнлюнъ, въ экспедиціи случился весьма непріятный эпизодъ: унтеръ-офицеръ Егоровъ, увлекшись преслѣдованіемъ подстрѣленнаго имъ яка, пропалъ и не являлся пять дней; поиски посланныхъ разъѣздовъ были тщетны, на сигнальные выстрѣлы отвѣта не было. На шестой день, потуживъ о пропавшемъ товарищѣ, экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь. Во время одного подъема, казаки замѣтили спускающееся съ горы какое-то четвероногое животное. Къ счастью, г. Пржевальскій въ бинокль разсмотрѣлъ, что это животное имѣетъ человѣческую фигуру, которая оказалась пропавшимъ унтеръ-офицеромъ Егоровымъ, но въ ужасномъ видѣ. Радость экспедиціи была безгранична; бѣднягѣ Егорову дали водки и черезъ двѣ недѣли онъ былъ почти здоровъ. Разсказъ Егорова чрезвычайно интересенъ; погнавшись за якомъ, онъ попалъ въ ледникъ, откуда едва выбравшись, заблудился, два дня питался ревенемъ, а на третій увидѣлъ нѣсколько коровъ; убить не рѣшился—чужія; хотѣлъ подоить молока, не оказалось. Въ первые два дня онъ износилъ сапоги, послѣ чего обернулъ ноги остатками штановъ, но эта обувь скоро оборвалась о гальки, и бѣдный Егоровъ не могъ ужь двигаться иначе, какъ на четвереньках. Огонь доставалъ онъ, стрѣляя въ шапку; на это онъ истратилъ семь патроновъ, пули отъ которыхъ онъ сохранилъ и представилъ, какъ казенную собственность.

Путь до Сайдуна былъ труденъ; встрѣченный пріемъ еще хуже, чѣмъ въ Санчеу; князь, старый знакомый и даже пріятель Н. М. Пржевальскаго по первой экспедиціи, наотрѣзъ отказалъ въ проводникѣ и, послѣ многихъ просьбъ, далъ въ провожатые почти идіота. Прошедши Голубую Рѣку въ сентябрѣ, экспедиція вступила въ городъ Тибетъ. Выпалъ снѣгъ; четырнадцать дней шли по горнымъ равнинамъ Тибета, покрытымъ легковатыми болотами, поросшими такою острою травою (мото-шереи), что верблюды, благополучно совершившіе путь по острымъ галькамъ, накололи себѣ пятки и сдѣлались почти негодны. Проводника, оказавшагося совершеннымъ идіотомъ, прогнали. Ужасное положеніе! Безжизненная пустыня, дороги нѣтъ; посланные въ ра-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ направленіяхъ разъѣзды не принесли утѣшительныхъ извѣстій, а впереди грозный хребетъ Танлой (продолженіе Куэньмои, отдѣляющаго Тибетъ отъ Монголіи). Къ счастью, не задолго прошелъ караванъ монгольскихъ богомольцевъ въ Хлассу, оставивъ едва замѣтную тропинку. По слѣдамъ, оставленнымъ этимъ караваномъ, экспедиція направилась къ хребту и послѣ 150-тиверстнаго перехода очутилась на высшей его точкѣ. Барометръ показалъ 16,000. Радость была безгранична. Не смотря на экономію въ патронахъ, казаки дали залпъ изъ ружей и трижды прокричали „ура". До Хлассы оставалось всего 300 верстъ. Послѣ испытанныхъ затрудненій при подъемѣ, спускъ былъ относительно легкій. Вскорѣ явились тунгуты (играи), принеся на продажу масло; во время переговоровъ, вдругъ одинъ изъ нихъ ударилъ саблей казака, а другой ранилъ пикой солдата; бывшіе на готовѣ берданки моментально были пущены въ дѣло: четыре разбойника повалились убитыми, а остальные обратились въ поспѣшное бѣгство. Затруднительное положеніе экспедиціи обострилось до крайности; непріятель хотя и не осмѣливался подойти близко, но могъ задавить числомъ—передъ глазами экспедиціи постоянно было не менѣе 1,000 человѣкъ. Дорогу пришлось прокладывать берданками, а на ночь усиливать караулы.

За семь переходовъ изъ Хлассы прибыла депутація, умолявшая начальника экспедиціи не ходить въ Хлассу и не приносить несчастья. Молва разнесла вѣсть, что Н. М. Пржевальскій идетъ съ цѣлью похитить главу буддійской вѣры Далайламу, что для трусливыхъ тибетцовъ при видѣ атлетической фигуры Н. М. Пржевальскаго и его спутниковъ, вооруженныхъ такимъ невиданнымъ оружіемъ, не казалось дѣломъ невѣроятнымъ. Положительно можно сказать, что появленіе 13-ти европейскихъ чертей янгуйли (общее имя всѣмъ европейцамъ въ Китаѣ) произвело панику въ святомъ городѣ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ.

Депутація держала себя униженно и сконфуженно, даже предлагала какую угодно контрибуцію, лишь бы Пржевальскій измѣнилъ свое рѣшеніе войти въ городъ. Н. М. Пржевальскій сначала-было рѣшился, вопреки всѣмъ просьбамъ депутатовъ, идти въ Хлассу, но потомъ, разсчитавъ, что пройти туда на верблюдахъ нѣтъ возможности, а дикіе яки не даются вьючить европейцамъ и не видя цѣли въ осмотрѣ города, а, можетъ быть, опасаясь потерять обаяніе, произведенное горстью европейцовъ на сотни тысячъ монголовъ, когда они присмотрятся, сдался на ихъ просьбы и объявилъ, что готовъ идти назадъ, но требуетъ письменнаго удостовѣренія, что власти города, вопреки приказаніямъ изъ Пекина, отказались пустить русскихъ въ Хлассу.

Получивъ требуемый документъ, Н. М. Пржевальскій отправился тѣмъ же путемъ назадъ. На обратномъ пути всѣ выходы и тѣсныя ущелья заняты были тунгутами, но берданки прочистили дорогу.

Обратный путь до Сайдуна (800 верстъ) былъ особенно тяжелъ: изъ 35-ти верблюдовъ экспедиціи пали 24; холода и снѣжныя бури донимали страшно; проводниковъ нѣтъ. Люди питались горстью жареной муки, разболтанной въ водѣ; на одномъ, особенно трудномъ переходѣ одинъ изъ разъѣздовъ, посланный для отысканія пути, набрелъ случайно на двухъ монголовъ, которые оказались спасителями экспедиціи, хотя это спасеніе и досталось путемъ угрозъ. Монголы повели г. Пржевальскаго другою дорогой. Перешедши вновь Голубую Рѣку, путешественники вскорѣ открыли знакомыя вершины Бурхонбуда, откуда уже съ относительно меньшими затрудненіями добрались до города Сининъ, близь озера Куконоръ.

Встрѣча г. Пржевальскаго въ Сининѣ, обставленная китайскими церемоніями, хотя и была парадна, но неискренняя; амбань наотрѣзъ отказался дать проводниковъ для изслѣдованія источниковъ, неизвѣстныхъ даже китайцамъ, источниковъ Жолтой Рѣки, отысканіе которыхъ для китайскихъ географовъ имѣло такое же значиніе и послѣдствія, какъ для европейскихъ открытіе источниковъ Нила — нѣсколько экспедицій погибло!

Желая во что бы ни стало отклонить Н. М. Пржевальскаго отъ его предпріятія, губернаторъ заявилъ, что тамъ живутъ людоѣды; на возраженіе г. Пржевальскаго, что тѣмъ лучше, что это-то еще болѣе укрѣпляетъ его въ намѣреніи изслѣдовать этихъ новыхъ людей, амбань, видя, что послѣднее его средство не поколебало европейскаго янгуйли (чорта), согласился, наконецъ, дать проводника экспедиціи, взявъ предварительно съ начальника ея росписку,

Библиотека "Руниверс"

что весь рискъ за предстоящее путешествіе и всѣ послѣдствія онъ беретъ на себя.

Переваливъ черезъ хребетъ, составлявшій рамку озера Куконоръ (10,300'), экспедиція пустилась на долину Жолтой рѣки; погода (мартъ) была весенняя, дорога ровная, но жители бѣжали отъ приближенія янгуйли, и страна казалась почти необитаемою; только ночью на горахъ виднѣлись сигнальные костры, предупреждавшіе о приближеніи европейскихъ варваровъ.

Мѣстность, по которой слѣдовала экспедиція, отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ растительности и животнаго царства. Въ глубокихъ, коридорообразныхъ ущельяхъ росли густые, давно невиданные путниками лѣса (въ Тибетѣ вовсе нѣтъ деревьевъ), а на плато масса ревеня, котораго никто не собираетъ [1]). Особенно поражало обиліе птицъ, и между ними голубого фазана, ростомъ съ глухаря, но красоты оперенія поразительной.

Дальнѣйшее движеніе было невозможно; часто путь экспедиціи преграждали страшные отвѣсные обрывы до 1,000 футовъ, въ глубинѣ которыхъ неслись бурные потоки съ горъ, а при дальнѣйшемъ слѣдованіи встрѣтилась положительно отвѣсная стѣна громаднаго горнаго ребра, сквозь проломъ котораго съ бѣшенымъ шумомъ неслась Жолтая Рѣка; дальше слѣдовать было невозможно, и экспедиція вернулась на Куконоръ, въ Сининъ, откуда уже черезъ пустыни Монголіи, на Ургу и Кяхту, достигла Сибири.

Въ послѣднемъ движеніи экспедиція, помимо всѣхъ трудностей, встрѣтила особенное неудобство въ томъ, что нельзя было взять верблюдовъ, такъ какъ на пастбищахъ долины Гоанго попадаются ядовитыя травы, причиняющія смерть верблюдамъ, неумѣющимъ отличать ядовитыхъ травъ отъ годныхъ; взятые же въ Сининѣ мулы не могли вынести путешествія, да, притомъ, казаки не привыкли обращаться съ ними, а туземцовъ нанять было нельзя.

Л. А. СѢРЯКОВЪ. 2-го января, послѣ тяжкой, многолѣтней болѣзни (чахотки), скончался въ Ниццѣ, на югѣ Франціи, знаменитый русскій граверъ Лаврентій Аксентичъ Сѣряковъ.

Со смертью Сѣрякова, русская академія художествъ потеряла одного изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ-самородковъ. Жизнь его и упорная борьба со всевозможными невзгодами, имъ самимъ разсказанная на страницахъ „Русской Старины", въ высшей степени поучительна" [2]).

Отецъ Сѣрякова былъ крѣпостной крестьянинъ Костромской губерніи и сданъ въ солдаты по злобѣ помѣщика. Мать—крестьянка той же губерніи. Отецъ самоучкою, уже бывши солдатомъ, сдѣлался слесаремъ, часовщикомъ и даже рѣзчикомъ. Лаврентій Сѣряковъ родился на походѣ полка, въ которомъ служилъ его отецъ солдатомъ; родился въ оврагѣ, куда скатились сани, на которыхъ ѣхала за полкомъ его мать († въ 1878 году). Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ кроваваго мятежа военныхъ поселянъ въ Новгородской губерніи. Въ 1836 году, опредѣленъ онъ въ кантонисты, а потомъ прошелъ по всѣмъ мукамъ тогдашней кантонистской и солдатской службы въ армейскомъ полку. Въ 1843 году, Сѣряковъ, за отличіе въ поведеніи и граматности, вытребованъ графомъ Клейнмихелемъ въ департаментъ военныхъ поселеній въ писаря.

Два года, однако, прошло прежде, чѣмъ Сѣряковъ былъ отличенъ въ толпѣ писарей, тянувшихъ тяжелую лямку. Полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, замѣтивъ какъ писарь-солдатъ Сѣряковъ бойко рисуетъ, выхлопоталъ о переводѣ его въ топографы. Въ 1846 году, по пріѣздѣ къ нему матери, Сѣряковъ пожелалъ жить внѣ казармъ; а такъ какъ жить было нечѣмъ, то онъ нанялся въ дворники, въ одинъ домикъ, на Пескахъ, откуда и ходилъ, по исполненіи обязанностей дворника, на службу въ штабъ. Случайно увидѣвъ лоскутокъ съ политипажемъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія „Тысяча одна ночь", Сѣряковъ перочиннымъ ножичкомъ сталъ вырѣзать какой-то рисунокъ на обрубкѣ березы.

То была первая гравюра его рѣзца, а мастерскою будущаго академика служила дворницкая.

Въ 1847 году, счастливый случай сдѣлалъ Сѣрякова извѣстнымъ князю В. Ѳ. Одоевскому, который ввелъ его въ кругъ литераторовъ и художниковъ.

---

[1]) Одинъ изъ корней, средней величины, выкопанный г. Пржевальскимъ, вѣсилъ 27 фунтовъ въ сыромъ видѣ, а высушенный 9.

[2]) Сентябрь, октябрь и ноябрь за 1875 годъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1874 году, Сѣряковъ уже помѣщалъ свои самодѣльныя гравюры въ „Иллюстраціи“, издававшейся тогда Н. В. Кукольникомъ. При его посредствѣ, по докладу военнаго министра графа Чернышева, топографъ Сѣряковъ, въ 1847 году, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ академію художествъ.

Императоръ Николай Павловичъ не только повелѣлъ принять Сѣрякова въ академію, но и интересовался его успѣхами. Такъ, однажды, государь, по представленіи ему нѣсколькихъ гравюръ Сѣрякова, щедро наградилъ художника.

Въ 1853 году, Сѣряковъ получилъ званіе свободнаго художника за гравюру на деревѣ: онъ исполнилъ великолѣпно голову старика въ профиль, этюдъ Рембрандта.

Гравюра эта вызвала всеобщія похвалы. Августѣйшій покровитель талантливаго художника, посѣтивъ выставку и увидѣвъ на ней произведеніе Сѣрякова, прямо сказалъ: „Надо его поддержать“.

Талантъ перваго въ Россіи, по времени и художественному мастерству, гравера на деревѣ былъ признанъ всѣми окончательно. Онъ получилъ программу на званіе академика и блистательно выполнилъ ее. То былъ вновь рисунокъ съ Рембрандта: „Невѣріе св. апостола Ѳомы“ Сѣряковымъ исполненный и имъ же награвированный.

Лаврентій Аксентичъ былъ сдѣланъ пансіонеромъ академіи и посланъ, въ 1858 году, на казенный счетъ, за границу. Пять лѣтъ проведены были имъ въ неустанномъ трудѣ въ мастерскихъ лучшихъ граверовъ въ Парижѣ, а затѣмъ въ путешествіи по Европѣ. Въ сентябрѣ 1864 года, возвратившись въ Петербургъ, художникъ выставилъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ, исполненныхъ заграницей, и, „въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествѣ“ единогласно признанъ академикомъ по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай въ Россіи, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика. Послѣ того и до нынѣшнихъ дней случай этотъ болѣе не повторялся.

Съ 1864 года Сѣрякова завалили заказами и въ Россіи, и изъ-за границы. Въ 1865 году, онъ поступилъ преподавателемъ гравированія на деревѣ въ школу для приходящихъ, помѣщавшуюся въ зданіи биржи и основанную „Обществомъ поощренія художниковъ“.

На ряду съ преподаваніемъ, Сѣряковъ трудился съ необыкновенною быстротою и успѣхомъ. Множество иллюстрированныхъ изданій, вышедшихъ въ тѣ годы въ Россіи (1864—1876 годахъ), начиная отъ научныхъ изданій и кончая дѣтскими книгами, украшены гравюрами, вышедшими изъ мастерской академика Сѣрякова.

Въ 1866 г. за художественно-исполненный на деревѣ портретъ нынѣ царствующаго государя, Сѣряковъ получилъ званіе „гравера его величества“ съ причисленіемъ къ императорскому Эрмитажу.

Во всю свою трудовую жизнь Сѣряковъ не получалъ жалованья, а добывалъ хлѣбъ и содержаніе исключительно отъ частныхъ заказовъ. На сбереженія, впрочемъ, крайне ограниченныя и скоро истощившіяся, Л. А. Сѣряковъ водворился съ женою (рожденная Любовь Александровна Тицъ) въ Ниццѣ, куда долженъ былъ переселиться вслѣдствіе тяжкой грудной болѣзни. Какъ ни слабы уже были его силы, онъ все-таки, продолжалъ работать и, достойно замѣчанія, послѣднею его работою былъ другой портретъ горячо любимаго имъ государя императора. Окончивъ эту гравюру, 30-го января 1880 года, Л. А. Сѣряковъ не имѣлъ уже силъ оттиснуть ее и отослалъ доску въ журналъ „Русская Старина“, при февральской книгѣ которой въ 1880 году и появился этотъ превосходно исполненный портретъ.

Тогда же Сѣряковъ слегъ окончательно въ постель и только лишь благодаря нѣжному уходу за нимъ его супруги и искусству мѣстнаго отличнаго врача, г. Якобія, борьба больного со смертью продлилась столь долго.

Сколько намъ извѣстно, передъ смертью Л. А. очень желалъ видѣться съ любимымъ своимъ ученикомъ Маттэ, который находился въ то время въ Парижѣ у Панемакера. Вызванный по телеграфу къ умирающему учителю, Маттэ поспѣшилъ отправиться въ Ниццу. Ему, однако, не удалось застать въ живыхъ Сѣрякова, но онъ нашелъ духовное завѣщаніе, по которому Л. А. подарилъ ему на память о себѣ всѣ свои инструменты.

Сѣряковъ оставилъ послѣ себя жену и двухъ малолѣтнихъ сыновей, безъ всякихъ средствъ къ жизни; но академія художествъ уже возбудила ходатайство о назначеніи семейству его пенсіи.

Библиотека "Руниверс"

наши ошибки, когда будемъ искренно сознаваться въ нихъ. Въ слѣдующій разъ, когда окажется нужнымъ, мы соединимъ смѣлость съ осторожностью и достигнемъ цѣли... Миланъ будетъ опять въ моихъ рукахъ, не такъ ли? Г-нъ канцлеръ Дюпра, примите мѣры чтобы этотъ несчастный Семблансэ былъ призванъ къ строгой отвѣтственности передъ судомъ парижскаго парламента за утайку 400,000 экю.

— Я не виновенъ въ этомъ, ваше величество!

— Мы увидимъ!

ГЛАВА V.

Планъ Бонниве относительно графини удался вполнѣ потому, что она очутилась одна въ домѣ короля, безъ всякой защиты. Послѣ долгихъ и настойчивыхъ разспросовъ, ей сообщили наконецъ, что ея мужъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ изъ Блуа, а братъ за нѣсколько часовъ до ея пріѣзда. Ей доказывали самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что графъ Шатобріанъ вѣроятно вернется въ самомъ непродолжительномъ времени, потому что иначе онъ не вызвалъ бы ее въ Блуа и во всякомъ случаѣ оставилъ бы ей письмо. Слѣдовательно графиня можетъ быть совершенно спокойна, а нѣсколько дней пройдутъ для нея незамѣтно въ обществѣ обходительной герцогини Маргариты.

Тѣмъ не менѣе графиня до извѣстной степени напоминала собой запуганную лань. Еслибы она чувствовала почву подъ своими ногами и строгій супругъ хотя чѣмъ-нибудь заявилъ о своемъ существованіи, то она была бы вполнѣ счастлива, что вмѣсто однообразной жизни въ бретанскомъ замкѣ очутилась неожиданно въ такомъ веселомъ обществѣ. Пока съ нею былъ Бюде, къ которому она относилась съ полнымъ довѣріемъ, то, не смотря на мучившую ее неизвѣстность, на лицѣ ея по временамъ появлялась свѣтлая улыбка, и она съ любопытствомъ распрашивала его объ обитателяхъ замка. Но Бюде не могъ постоянно оставаться съ нею; Маргарита осыпала ее любезностями; адмиралъ Бонниве приказалъ спросить не можетъ ли онъ чѣмъ нибудь услужить ей; даже король послалъ ей привѣтствіе; но все это настолько смутило ее, что она, заливаясь слезами, удалилась въ свою комнату подъ предлогомъ болѣзни.

Она не знала, что ожидаетъ ее, но при всей своей неопытности, догадывалась, благодаря тому своеобразному инстинкту, который является иногда у женщинъ, что въ жизни ея наступаетъ кризисъ. Мы не знаемъ, прирожденное ли это свойство или навѣянное воспитаніемъ; но вопреки всему тому, что говорятъ защитники женской эмансипаціи,—женщина въ большинствѣ случаевъ, даже при свобод-

Библиотека "Руниверс"

номъ выборѣ, готова лучше выносить самое тяжелое существованіе, чѣмъ отважиться на какую-нибудь перемѣну. Молодая графиня, живя въ одинокомъ бретанскомъ замкѣ, не разъ горько плакала отъ грубости своего мужа, который съ презрѣніемъ относился къ ея лучшимъ духовнымъ стремленіямъ и въ то же время выказывалъ къ ней какую-то полусознательную наружную нѣжность. Эта нѣжность со стороны мужчины всегда кажется навязчивой женщинѣ и возбуждаетъ ея неудовольствіе, если она не въ состояніи отвѣчать на его страсть. Графиня никогда не чувствовала ни малѣйшей привязанности къ своему мужу, но, получивъ вполнѣ женское воспитаніе, она скоро свыклась съ супружескимъ гнетомъ и даже не замѣчала того отвращенія, которое внушалъ ей графъ. Мы выносимъ иногда такимъ образомъ годами величайшія непріятности и не сознаемъ этого, потому что у насъ не было случая для сравненія или сопоставленія. У графини, въ первые дни ея пребыванія въ королевскомъ замкѣ Блуа, не было другого стремленія какъ вырваться скорѣе изъ этого блестящаго міра, ненавистнаго ея мужу и вернуться въ замокъ Шатобріанъ. Она знала, что графъ встрѣтитъ ее грубыми упреками за ея невольное пребываніе при дворѣ, но она готова была лучше выслушать его выговоръ и упреки, нежели переносить возрастающія мученія совѣсти. Хотя она была слишкомъ умна, чтобы придавать большое значеніе банальнымъ фразамъ о нравственности, которыя она такъ часто слышала отъ своего супруга, тѣмъ не менѣе эти фразы, при ея полной неопытности въ жизни, были для нея пока единственнымъ нравственнымъ кодексомъ. Она безпрестанно повторяла себѣ, что должна уѣхать изъ Блуа, но съ каждымъ днемъ это становилось для нея труднѣе. Причина такой нерѣшительности заключалась не въ томъ, что графиня увлеклась которымъ-либо изъ красивыхъ и блестящихъ кавалеровъ двора Франциска I, но она подчинилась несравненно болѣе опасному для нея вліянію. Герцогиня Маргарита была вполнѣ подходящей личностью, чтобы заслужить довѣріе молодой женщины при ея угнетенномъ состояніи духа и незамѣтно вывести ее на новый путь. Сестра короля была сама несчастна въ супружествѣ; ей также приходилось бороться съ посредственностью и искать исхода; при этомъ она была живого характера и богато одарена умомъ. Несмотря на искреннее стремленіе къ добродѣтели, она понимала прелесть существованія, богатаго наслажденіями, а тамъ, гдѣ дѣло касалось любимаго брата, она была подчасъ болѣе снисходительна, нежели того требовала ея совѣсть. Волокитство было тогда въ модѣ; оно шло рука объ руку съ возрожденіемъ искусствъ и находило себѣ оправданіе въ пробудившемся стремленіи возстановить прославленное средневѣковое рыцарство съ его заманчивыми приключеніями. При этихъ условіяхъ можно легко себѣ объяснить, почему сочинительница веселой новеллы „Исторія счастливаго любовника“, не пренебрегла никакими средствами, чтобы убѣдить графиню въ несостоятельности

Библиотека "Руниверс"

ея провинціальныхъ понятій о нравственности. Между тѣмъ эта опасная искусительница, характеръ которой трудно опредѣлить въ точности, никогда не покровительствовала распутству своего брата; и самъ Францискъ тщательно скрывалъ отъ нея свои мимолетныя любовныя приключенія, потому что она называла ихъ „тривіальными" и очень строго относилась къ нимъ. Рыцарскіе романы были любимымъ чтеніемъ Маргариты и привели ее къ своеобразному міросозерцанію, отраженіе котораго, по мнѣнію знатоковъ французской исторіи, до сихъ поръ замѣтно въ духѣ и нравахъ современнаго французскаго общества, не смотря на его разнообразные фазисы развитія и всѣ тѣ перемѣны, которымъ оно подверглось въ теченіи трехъ столѣтій. Согласно этому миросозерцанію, герцогиня пришла къ убѣжденію, что самоотверженная дружба должна была сдѣлаться основой всякихъ сношеній даже между лицами различныхъ половъ, потому что только при этомъ условіи возможно полное и наивное довѣріе людей другъ къ другу. Она изобрѣла такъ называемыя „alliances", въ которыхъ друзья разнаго пола считались братомъ и сестрой. Имъ предоставлялось открыто выражать свою взаимную любовь, основанную на духовномъ влеченіи, и этимъ уничтожилась всякая возможность порицанія или осужденія. Такого рода союзы Маргарита уже ввела при своемъ маленькомъ дворѣ въ Алансонѣ и она стремилась теперь распространить ихъ при дворѣ брата. Само собою разумѣется, что эти союзы на дѣлѣ далеко не оказались такими невинными, какими воображала ихъ учредительница, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ выработались извѣстныя формы и отношенія общежитія, которыя въ значительной мѣрѣ способствовали смягченію нравовъ. Въ данномъ случаѣ видѣнъ любопытный контрастъ между шестнадцатымъ и нынѣшнимъ столѣтіемъ. Такъ называемыя „alliances" временъ Франциска I были возобновлены во Франціи въ девятнадцатомъ вѣкѣ сенъ-симонистами и соціалистами и проникли въ среднее сословіе; и то, что прежде представляло собою не болѣе какъ форму, должно было превратиться здѣсь въ серіозный основный законъ для свободныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Маргарита сочувственно относилась къ кальвинизму и даже впослѣдствіи увлеклась имъ; еслибы сенъ-симонисты появились въ ея время, то она вѣроятно приняла бы и ихъ ученіе и до извѣстной степени старалась бы примѣнить его на практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Маргарита представляла рѣзкій контрастъ съ своимъ братомъ, не смотря на кажущееся сходство ихъ характеровъ. Францискъ, какъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, никогда не задавался мыслью о благѣ человѣчества и, не признавая никакой обязательной системы, находилъ прелесть жизни въ контрастахъ и случайныхъ удовольствіяхъ.

Неизвѣстно, насколько Францискъ посвятилъ сестру въ тайну своихъ намѣреній относительно графини Шатобріанъ. Вѣроятно, ихъ объясненіе ограничилось общими мѣстами въ родѣ того, что слѣдовало-бы

Библиотека "Руниверс"

вырвать молодое богато одаренное существо изъ рукъ суроваго сеньера, который не умѣетъ цѣнить доставшееся ему сокровище. Но этого было вполнѣ достаточно, чтобы возбудить участіе Маргариты и желаніе оказать содѣйствіе брату въ такомъ добромъ дѣлѣ. Король, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, держался совершенно въ сторонѣ, такъ что Маргарита, тронутая его сдержанностью, сама доставила ему случай присмотрѣться ближе къ прекрасной Францискѣ. Герцогиня считала неудобнымъ пригласить короля въ свою комнату, потому что молодая женщина была бы слишкомъ стѣснена его присутствіемъ, и предложила ему сѣсть у окна въ сосѣдней комнатѣ, дверь которой была открыта и гдѣ Францискъ могъ видѣть въ зеркалѣ всю фигуру графини и слышать каждое ея слово. Графиня Шатобріанъ держала себя совершенно просто и непринужденно съ сестрой короля, которая внушала ей полное уваженіе, тѣмъ болѣе, что изъ всего королевскаго семейства, одна Маргарита пользовалась общимъ уваженіемъ за свою нравственную жизнь.

— Если вы считаете неприличнымъ, чтобы я вернулась въ замокъ Шатобріанъ, сказала графиня, то я готова покориться вашему рѣшенію, но мнѣ кажется необходимымъ написать моему мужу...

— Я все таки не теряю надежду убѣдить васъ, возразила Маргарита. Вашъ мужъ приказалъ вамъ пріѣхать сюда и, не заботясь, ни о вашей репутаціи, ни о вашемъ удобствѣ и безопасности, уѣхалъ изъ Блуа. Развѣ онъ заслуживаетъ какого либо вниманія съ вашей стороны послѣ такого нерыцарскаго поступка! Поймите, что мужчины обращаются съ нами такъ, какъ мы поставимъ себя относительно ихъ. Они страстны, грубы, себялюбивы до нелѣпости, и относятся крайне невнимательно къ намъ, вслѣдствіе вкоренившагося въ нихъ самообольщенія, что они принадлежатъ къ избранному полу, который одинъ имѣетъ значеніе для человѣчества. Мы должны систематически изобрѣтать извѣстныя формы, чтобы ежедневно напоминать имъ, что мы не хуже ихъ; при этомъ намъ слѣдуетъ поставить себѣ за правило, что каждая изъ насъ, въ своихъ хорошихъ и дурныхъ отношеніяхъ къ тому или другому мужчинѣ, должна имѣть въ виду общую пользу. Это было бы полезно даже лучшему изъ мужей, потому что они безгранично пользуются очарованіемъ женской красоты и уничтожаютъ тяжеловѣсными однообразными отношеніями всякую возможность перемѣны, всю прелесть счастья, которое мыслимо только до тѣхъ поръ, пока мы не увѣрены въ немъ.

— Но женщина не должна прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя подрываютъ власть мужчинъ, такъ какъ даже религія учитъ насъ, что мужъ глава въ домѣ.

— Позвольте вамъ замѣтить графиня, что это совершенно старосвѣтскія понятія.

— Развѣ можетъ устарѣть религія?

Библиотека "Руниверс"

— Само собою разумѣется, что могутъ устарѣть способы какими объясняютъ религію.

— Я не стану спорить противъ этого. Но мнѣ кажется, что если мы будемъ держаться извѣстной системы въ супружеской жизни, то предстоитъ другого рода опасность—постоянно лгать и притворяться. Между тѣмъ въ моемъ воспитаніи все было направлено къ тому, чтобы я всегда говорила прямо то, что думаю и никогда не отступала отъ истины, такъ какъ это единственный способъ остаться добродѣтельной и сохранить спокойную совѣсть. Неужели я должна намѣренно играть роль передъ человѣкомъ, которому отдали меня душой и тѣломъ? Какъ совмѣстить подобныя противорѣчія?

— Вы до сихъ поръ остались невинной дѣвочкой! Неужели вы думаете, что наше воспитаніе имѣетъ какое либо значеніе! При первомъ вступленіи въ свѣтъ вы встрѣчаете рядъ грубыхъ противорѣчій и не можете справиться съ ними, пока опытъ не научитъ васъ различать вещи и у васъ мало по малу составится собственное сужденіе. Молодой, неопытный человѣкъ, являясь въ общество, представляетъ собою больного, который не можетъ ходить безъ помощи костылей; онъ опирается на нихъ, пока чувствуетъ свою несамостоятельность, и потомъ отбрасываетъ ихъ отъ себя.

— Но я еще не чувствую себя самостоятельной и вообще не увѣрена составляетъ ли это назначеніе женщины?

— Такое сомнѣніе само по себѣ преступленіе, потому что Богъ создалъ насъ такими-же совершенными, какъ и мужчинъ.

— Можетъ быть, но только это совершенство должно проявиться въ иномъ кругѣ дѣятельности, а не тамъ, гдѣ требуется физическая сила, мужество и всѣ преимущества самостоятельности. Для чего-же существуетъ различіе половъ, если каждый изъ нихъ можетъ и долженъ жить независимо одинъ отъ другого? Этому противорѣчатъ наши собственныя чувства и материнскія обязанности, возложенныя на насъ природой для продолженія человѣческаго рода. Нѣтъ, женщинѣ не слѣдуетъ добиваться самостоятельности и брать ее своимъ девизомъ!

— Браво! воскликнула съ улыбкой Маргарита, обнимая свою гостью, у которой выступила яркая краска на лицѣ, вы положительно превосходите всѣхъ нашихъ придворныхъ дамъ умомъ и зрѣлостью своихъ взглядовъ. Но что заставило васъ такъ рано задумываться надъ серіозными вопросами жизни? Не счастливое ли супружество и мирное существованіе въ комфортабельномъ бретанскомъ замкѣ?

— Нѣтъ, я никогда не была счастлива—отвѣтила съ смущеніемъ графиня.

— Я въ этомъ была увѣрена. Счастье не способствуетъ размышленію, возразила Маргарита.

— Не знаю. Но въ вашихъ словахъ, я нашла подтвержденіе моихъ сомнѣній, которыя часто являлись у меня, хотя они быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ совершенно неумѣстны. Такъ, напримѣръ, я много разъ спрашивала себя: неужели мы женщины не можемъ облагородить мужчинъ и сдѣлать ихъ лучше и честнѣе? Еслибы это было достижимо для насъ, то я вполнѣ помирилась бы съ мыслью, что сила и власть всегда останется на ихъ сторонѣ.

— Моя милая графиня, какъ вы стараетесь скрыть тѣ страданія, которыя вы испытывали отъ неразвитости и суроваго обращенія вашего мужа! Не противорѣчьте мнѣ, вы могли убѣдиться по опыту, какъ тяжело мыслящей женщинѣ зависѣть отъ произвола мужчины, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ они не стоятъ той власти, которой пользуются.

— Не всѣ же они грубы и необразованы! Развѣ мы не удивляемся ихъ геніальнымъ произведеніямъ! Какой поразительный возвышенный міръ открывается намъ въ картинахъ, привезенныхъ изъ Италіи, которыя я видѣла проѣздомъ въ Фонтенбло! Въ нѣмомъ восторгѣ стояла я передъ картинами Рафаэля: св. Михаиломъ и изображеніемъ св. Семейства. Тутъ только я поняла, что можетъ дать намъ сочетаніе силы, величія и нѣжности, высокаго художественнаго полета и простоты. Съ этихъ поръ я уже не могла отрѣшиться отъ мысли, что подобное совершенство можетъ произвести только геній мужчины, а мы женщины не способны создать что либо, требующее такого могущества и разнообразія таланта. Развѣ мы не видимъ передъ собою примѣръ монарха, который, благодаря своему необычайному уму, поставилъ искусство на неслыханную высоту? Онъ щедро вознаграждаетъ художника, и, что еще важнѣе, возбуждаетъ его энергію оказаннымъ ему почетомъ. Мы видѣли тогда въ Монтаржи шествіе вышедшее изъ Ліона на встрѣчу картинѣ, которую принимали съ тѣмъ же почетомъ какъ самыя важныя мощи изъ святой земли. При громкихъ звукахъ музыки, со всею праздничною пышностью и великолѣпіемъ, которое такъ дѣйствуетъ на наше воображеніе, онъ велѣлъ снять покрывало съ картины, которая тогда въ первый разъ предстала глазамъ зрителей. Такая смѣлая мысль могла явиться только мужчинѣ, потому что онъ сознаетъ свои права и не боится нововведеній, какъ женщины.

— Кого вы восхваляете, графиня?

— Вашего брата, короля Франциска.

— Если вы такъ высоко цѣните его, то почему вы избѣгаете всякой бесѣды съ нимъ.

— Боже мой, о чемъ могу я говорить съ нимъ при томъ неловкомъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь.

Король при послѣднихъ словахъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и, пожавъ руку стоявшему возлѣ него Бюде, сказалъ вполголоса:—„благодарю тебя Гилльомъ; ты былъ правъ. Эта женщина достойна раздѣлить со мной престолъ!

Затѣмъ, не обращая никакого вниманія на просьбы канцлера,

Библиотека "Руниверс"

который сдѣлалъ даже попытку удержать его за руку, Францискъ бросился къ двери и вошелъ въ гостинную своей сестры.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ! сказалъ онъ подходя къ графинѣ и цѣлуя ея руку. Вы поняли меня лучше, чѣмъ кто либо изъ моихъ придворныхъ. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ вашего разговора съ моей сестрой, потому что остановился на минуту передъ дверью изъ боязни помѣшать вамъ. Но я не выдержалъ, добавилъ онъ улыбаясь, когда услышалъ такую преувеличенную похвалу себѣ и рѣшился войти. Теперь мнѣ остается только просить у васъ извиненія за мой невольный проступокъ.

Король своимъ неожиданнымъ появленіемъ разрушилъ всѣ планы Маргариты. Графиня холодно отвѣчала на его любезности. и не могла скрыть своего смущенія, потому что видѣла въ его подслушиваніи какой-то преднамѣренный и непонятный для нея разсчетъ. Хотя въ глубинѣ души она была польщена вниманіемъ короля и многое нравилось ей въ блестящемъ придворномъ обществѣ, но сознаніе долга и робость удерживали ее отъ соблазна и гнали назадъ въ печальное уединеніе бретанскаго замка. Она предвидѣла, что ей дорого обойдется ея невольное пребываніе въ Блуа, но она обладала тѣмъ пассивнымъ мужествомъ, благодаря которому женщина спокойно идетъ на встрѣчу ожидающимъ ее непріятностямъ. До настоящаго момента она почти безропотно покорялась кроткой власти герцогини, и только теперь у ней явилось сознаніе настоятельной необходимости написать мужу. Вѣрная служанка Луизонъ, которая изъ преданности къ молодой графинѣ послѣдовала за нею изъ Пиринеевъ въ Бретань вызвалась отправить гонца къ графу Шатобріану. Хотя всѣ говорили графинѣ, что ея мужъ неожиданно уѣхалъ въ Парижъ по какому-то настоятельному дѣлу и что онъ скоро вернется въ Блуа, но она не вѣрила этому и хотѣла чтобы ея посланный, побывавъ въ Парижѣ, отправился въ Бретань.

Между тѣмъ на дѣлѣ это оказалось не такъ легко, какъ воображала Луизонъ. Она скоро отыскала человѣка, который согласился отвезти письмо графини, но Флоріо, получившій хорошую плату за свои труды, внимательно слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ интриги и былъ не менѣе своего господина заинтересованъ въ ея успѣхѣ. Онъ расположился въ комнатѣ привратника, черезъ которую должны были проходить всѣ выходившіе изъ замка и гдѣ собирались люди, ожидавшіе случайныхъ порученій. Такимъ образомъ Флоріо не стоило особеннаго труда подкараулить Луизонъ и выманить у ней письмо. Но итальянцу не удалось вполнѣ обмануть догадливую служанку; она тотчасъ сообщила своей госпожѣ, что по нѣкоторымъ соображеніямъ не считаетъ вѣрной отправку письма и совѣтуетъ написать другое. Графиня, еще болѣе взволнованная этимъ новымъ доказатель-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ какихъ-то тайныхъ козней противъ нея, рѣшилась отправить свое второе письмо необычайнымъ способомъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ ея дѣтской наивности и незнанію жизни.

Послѣ неожиданнаго визита короля, графиня уже не имѣла никакого предлога отказываться отъ мужского общества, собиравшагося по вечерамъ у Маргариты. Король, по совѣту сестры, вовсе не показывался въ первые дни, и графиня чувствовала себя довольно свободно среди ученыхъ и художниковъ, тѣмъ болѣе, что тутъ былъ и канцлеръ Бюде, къ которому она относилась съ искреннимъ довѣріемъ. Но вскорѣ на вечерахъ герцогини стали появляться веселые любимцы короля; въ числѣ ихъ были Бонниве и Шабо де Бріонъ, самый юный и самый красивый изъ придворныхъ Франциска I. Онъ велъ себя очень скромно относительно графини и выказывалъ ей полное уваженіе, тогда какъ Бонниве не могъ устоять въ своей первоначальной рѣшимости и въ первый же вечеръ смѣло принялся ухаживать за молодой женщиной, хотя лучше чѣмъ кто нибудь зналъ о тайныхъ намѣреніяхъ короля. Свободное обращеніе адмирала, представлявшее рѣзкій контрастъ съ сдержанностью остальныхъ кавалеровъ, понравилось графинѣ при ея возбужденномъ состояніи. Она не боялась открытаго нападенія и съ простодушною веселостью поддалась на игру словъ, пикантныхъ намековъ и удивила всѣхъ своимъ остроуміемъ и находчивостью. Но во время оживленнаго разговора съ Бонниве, когда графиня, повидимому, совершенно забыла о своемъ затруднительныхъ положеніи, она успѣла замѣтить человѣка искренно расположеннаго къ ней и рѣшила обратиться къ его помощи. Это былъ Шабо де-Бріонъ. Она была убѣждена, что скорѣе можетъ довѣрить ему отправку письма, нежели Бюде, который казался ей слишкомъ трусливымъ и нерѣшительнымъ въ важныхъ дѣлахъ. Врядъ ли кому нибудь кромѣ женщины могла прійти мысль обратиться съ подобной просьбой къ одному изъ молодыхъ любимцевъ короля. Самый преданный другъ не осмѣлился бы посовѣтывать этого графинѣ, хотя также какъ и она замѣтилъ бы то поэтическое влеченіе, которое чувствовалъ къ ней Шабо де-Бріонъ.

Но графиня слѣпо вѣрила своему инстинкту, потому что онъ рѣдко обманывалъ ее. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ когда очутилась наединѣ съ Шабо де-Бріономъ въ нишѣ окна и разсказала ему въ общихъ чертахъ о своемъ затруднительномъ положеніи и желаніи написать мужу. Не упоминая ни слова Бріону о довѣріи, которое онъ внушалъ ей, графиня прямо попросила его взять на себя отправку письма. Бріонъ, какъ человѣкъ не испорченный, былъ очень польщенъ ея довѣріемъ и не задумываясь обѣщалъ послать графу письмо, которое должна была передать ему Луизонъ.

Съ этой минуты графиня почувствовала себя довольной и счастливой; застѣнчивость ея окончательно исчезла и она приняла дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельное участіе въ общемъ разговорѣ. Герцогиня не знала радоваться ли такой перемѣнѣ, потому что приписывала ее ухаживанію красиваго Бонниве, чѣмъ разрушалась ея затаенная мечта, что графиня подчинится вліянію ея брата.

Когда общество разошлось и онѣ остались вдвоемъ, то Маргарита не могла скрыть своего неудовольствія и сказала графинѣ:

— Если не ошибаюсь, красивые мужчины приводятъ васъ въ лучшее настроеніе духа, нежели умные.

— Разумѣется! возразила со смѣхомъ графиня. Развѣ можетъ что нибудь производить на насъ болѣе пріятное впечатлѣніе, какъ красота!

Герцогиня тотчасъ замѣтила, что выразилась не совсѣмъ удачно, потому что всѣ считали короля красивымъ и статнымъ и поспѣшила поправить свой промахъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, сказала она—неужели вы предпочитаете внѣшній лоскъ осмысленной красотѣ?

— Да, если вопросъ идетъ о хорошемъ расположеніи духа. Но какое можетъ это имѣть значеніе сравнительно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое можетъ и долженъ произвести на насъ человѣкъ на всю нашу жизнь. Я убѣждена что красавецъ никогда не въ состояніи возбудить глубокой и прочной привязанности. Безупречная красота, которую изображаютъ въ картинахъ, производитъ на насъ мимолетное впечатлѣніе; но если мы почувствуемъ склонность къ человѣку съ своеобразной, хотя и некрасивой физіономіей, то его образъ навсегда запечатлѣвается въ нашей душѣ.

Это объясненіе еще менѣе показалось утѣшительнымъ сестрѣ короля, чѣмъ первое беззаботное восклицаніе графини, которая съ этого вечера сдѣлалась неразрѣшимой и вслѣдствіе этого еще болѣе интересной загадкой для всего двора. Ея застѣнчивость исчезла и проявлялась только въ тѣ моменты, когда къ ней подходилъ король. Но чѣмъ труднѣе и невозможнѣе казалась побѣда надъ загадочной молодой женщиной, тѣмъ сильнѣе волновался король и хотѣлъ добиться своей цѣли. Въ немъ заговорила ревность прежде, чѣмъ явилась малѣйшая надежда на успѣхъ; и эта страсть была тѣмъ мучительнѣе для него, избалованнаго женщинами, что онъ никогда не испытывалъ ее прежде. Необдуманная фраза, сказанная имъ канцлеру Бюде сгоряча и не совсѣмъ искренно, относительно своего желанія возвести на престолъ графиню Шатобріанъ, сдѣлалось для него серьознымъ намѣреніемъ. Въ случаѣ неудачи, онъ готовъ былъ дать и это обѣщаніе графинѣ Шатобріанъ, хотя зналъ, что ея согласіе на бракъ не будетъ ручательствомъ привязанности къ нему, и можетъ быть вызвано стремленіемъ занять высокое положеніе въ свѣтѣ.

Прошла недѣля. Въ королевскомъ дворцѣ ничто не измѣнилось: всѣ были убѣждены, что Бонниве пользуется особеннымъ расположе-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ графини, потому что съ нимъ она охотнѣе говорила чѣмъ съ другими, и ему чаще всѣхъ удавалось вызвать ея веселый смѣхъ. Что же касается Бріона, то онъ могъ прямо упрекнуть ее въ неблагодарности; она рѣдко обращалась къ нему съ какимъ нибудь замѣчаніемъ и видимо избѣгала сколько нибудь серьозныхъ и продолжительныхъ разговоровъ съ нимъ. Но со всѣми художниками графиня была въ наилучшихъ отношеніяхъ; у ней самой были большія способности къ живописи, она удачно копировала эскизы, которые попадались ей подъ руку. Ласкарисъ и Бюде знакомили ее съ содержаніемъ пѣсенъ Гомера и она цѣлыми часами внимательно слушала ихъ. Не менѣе интересовали ее разсказы стараго грека объ умственной и религіозной жизни древней Греціи и длинныя разсужденія Бюде, когда тотъ распространялся о церковной реформѣ, совершавшейся тогда въ Германіи и Швейцаріи. Но если въ этихъ случаяхъ къ нимъ подходилъ Клеманъ Маро и съ комическою важностью разспрашивалъ канцлера о спорныхъ пунктахъ церковной реформы, то графиня сразу кончала серьозный разговоръ какой нибудь шуткой и просила Маро научить ее французскому стихосложенію, или составленію девизовъ, которые были тогда въ большой модѣ.

Однажды послѣ обѣда король неожиданно присоединился къ кружку, образовавшемуся около молодой графини, и просилъ позволенія принять участіе въ общемъ разговорѣ. Графиня тотчасъ же сдѣлалась молчаливою и сдержанною, такъ что король опять не могъ убѣдиться дѣйствительно ли она такъ талантлива и умна, какъ говорили его придворные. Но развѣ подобныя соображенія могутъ остановить влюбленнаго! Для короля они также не имѣли никакого значенія, хотя онъ былъ убѣжденъ, что всѣ увѣренія Бюде, Маро и другихъ господъ, относительно необыкновеннаго ума графини, не болѣе какъ любезности, которыя хотятъ оказать его гостьѣ и красивой женщинѣ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ отложить всякое ухаживанье и свелъ разговоръ на серьозные предметы, въ надеждѣ, что графиня почувствуетъ себя менѣе стѣсненной въ его присутствіи. Разсчетъ оказался вѣрнымъ.

Францискъ не чувствовалъ никакой склонности къ ученымъ спорамъ и многостороннему изслѣдованію предмета, но онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ обобщенія, благодаря которому рисовалъ передъ своими слушателями величественную картину, иногда преувеличенную, но всегда полную ума и художественно выполненную въ частностяхъ. Слушая его, казалось, что не только Франція, но и вся Европа, должна была получить по его иниціативѣ совсѣмъ иной видъ. Но въ сущности, всѣ его широкіе планы сводились къ видоизмѣненію стараго; онъ не хотѣлъ радикальнаго преобразованія или уничтоженія существующихъ порядковъ, и даже тотъ новый элементъ, который онъ стремился внести въ міръ, онъ искалъ не въ будущемъ, а въ

Библиотека "Руниверс"

прошлой исторіи человѣчества и преимущественно въ средневѣковыхъ традиціяхъ.

— Еслибы вы знали, графиня, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, вставая съ мѣста и дѣлая знакъ рукою, чтобы всѣ удалились, какую тяжелую борьбу мнѣ приходится вести съ рутиной! Ничто не подготовлено и я теряю дорогое время на разныя приготовленія, нерѣдко забывая свою главную задачу среди мелкихъ повседневныхъ заботъ. Около меня нѣтъ ни одного человѣка, который бы съ любовью проводилъ мои планы, не смотря на препятствія, встрѣчающіяся на пути, и поддержалъ-бы меня въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ.

— А ваша сестра? возразила графиня, которая слушала короля съ замираніемъ сердца, такъ какъ ей казалось, что она видитъ передъ собою тотъ идеалъ мужской силы и всеобъемлющаго ума, которому она поклонялась въ душѣ. Только ему могъ быть доступенъ широкій кругъ творческой дѣятельности, о которой онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ. Погруженная въ новый міръ, неожиданно открывшійся передъ нею, она въ первый разъ не обратила вниманія на то, что ее оставили наединѣ съ королемъ.

— Моя сестра! сказалъ печально король, взволнованный темой разговора и отчасти кокетничая своимъ душевнымъ разстройствомъ. Пытливый умъ Маргариты стремится къ точному изслѣдованію и утомляетъ меня своимъ постоянныхъ анализомъ, чуждымъ творчества. Наконецъ у каждаго изъ насъ свои интересы; у ней есть мужъ и цѣлый міръ помимо меня. Совмѣстная дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ люди соединены другъ съ другомъ душой и тѣломъ...

Францискъ умолкъ; графиня ничего не отвѣтила ему. Былъ теплый осенній вечеръ; она стояла въ бѣломъ платьѣ, облокотившись на спинку кресла; голова ея наклонилась впередъ. Задумчиво и съ участіемъ смотрѣла она на мужественное, красивое лицо короля, глаза котораго были устремлены на коверъ.

— Помогите мнѣ! воскликнулъ онъ, стремительно вставая съ своего мѣста и взявъ ее за обѣ руки.

Графиня вздрогнула и проговорила чуть слышнымъ голосомъ:

— Кккую помощь могу я оказать вашему величеству?

— Королева при смерти; будьте моей женой!

Графиня окончательно смутилась.

— Вашему величеству извѣстно сказала она, что я жена графа Шатобріана.

— Онъ не достоинъ васъ! Вы призваны играть болѣе видную роль!

— Воля родителей и церковь связали меня съ нимъ...

— Церковь можетъ развязать васъ... Съ этой стороны не будетъ никакихъ препятствій!.. Вы отворачиваетесь отъ меня и не только не отвѣчаете на мою любовь, но какъ будто боитесь меня.

Библиотека "Руниверс"

— Да, мнѣ страшно оставаться съ вами, сказала графиня, заливаясь слезами, отпустите мою руку. Если вы дѣйствительно расположены ко мнѣ, то не мучьте меня!.. Благодарю васъ.

Говоря это, она прикоснулась дрожащими губами къ рукѣ короля и поспѣшно вышла изъ комнаты. Францискъ не рѣшился удерживать ее, не смотря на всю свою смѣлость съ женщинами; слезы и испугъ графини Шатобріанъ смутили его, потому что онъ совершенно не ожидалъ подобнаго исхода.

На слѣдующій день былъ назначенъ праздникъ въ королевскомъ замкѣ по случаю окончанія построекъ. Король послалъ Шабо-де-Бріона спросить графиню: не угодно ли будетъ ей сдѣлать ему честь и явиться къ столу и, что въ случаѣ ея отказа, праздникъ будетъ отложенъ до того времени, пока она не изъявитъ своего согласія.

Бріонъ не особенно охотно взялся за это порученіе, тѣмъ болѣе, что долженъ былъ сообщить графинѣ не совсѣмъ пріятныя вѣсти. Онъ засталъ ее въ печальномъ настроеніи духа. Выслушавъ приглашеніе короля, она объявила наотрѣзъ, что не явится оффиціально ко двору до пріѣзда мужа.

— Графъ Шатобріанъ, возразилъ Бріонъ, будетъ въ Блуа въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Боже мой!..

— Гонецъ, отправленный мною съ вашимъ письмомъ, привезъ мнѣ извѣстіе, что онъ всего на нѣсколько минутъ опередилъ вашего мужа. Вдобавокъ, я долженъ сообщить вамъ, что графъ въ высшей степени недоволенъ вашимъ пребываніемъ въ королевскомъ замкѣ и бросилъ ваше письмо, не дочитавъ его.

— Еще этого не доставало! проговорила съ отчаяніемъ графиня, закрывъ лицо руками.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги, если вы имѣете поводъ опасаться необдуманной горячности вашего мужа. Я выѣду къ нему на встрѣчу и объясню какимъ образомъ вы попали сюда... Хотя мнѣ ничего неизвѣстно, но я догадываюсь какъ это случилось... Если ему не угодно будетъ обратить вниманія на мои слова, то я могу принудить его со шпагой въ рукѣ къ приличному обхожденію съ благородной женщиной.

— Ради Бога, не дѣлайте этого, Бріонъ; это еще больше усилитъ его гнѣвъ... или лучше сказать его неудовольствіе и вы только ухудшите мое положеніе!.. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ отъ всего сердца!..

При этихъ словахъ графъ Шатобріанъ неожиданно вошелъ въ комнату. Онъ былъ сильно разстроенъ; потъ струился по его лицу, покрытому мертвенною блѣдностью; онъ держалъ въ рукѣ обнаженную шпагу обрызганную кровью, такъ какъ за минуту передъ тѣмъ ра-

Библиотека "Руниверс"

нилъ и сбилъ съ ногъ Флоріо, который стоя у входа въ комнаты герцогини Алансонской, хотѣлъ было остановить его.

— Извините, я кажется помѣшалъ вамъ, воскликнулъ онъ, увидя жену свою въ оживленной бесѣдѣ съ Бріономъ.

— А! это вы графъ! сказала графиня тономъ, въ которомъ слышался скорѣе испугъ, нежели радость свиданія. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Да, за вами пріѣхалъ вашъ мужъ, отвѣтилъ онъ, сердито схвативъ ее за руку, вы должны тотчасъ же послѣдовать за мною! Торопитесь, пока еще нѣтъ никакихъ препятствій! Впрочемъ, все это вздоръ! кто можетъ помѣшать графу Шатобріану увезти свою жену изъ дома насилія!

При этихъ словахъ Бріонъ поспѣшно подошелъ къ графу и, взявъ его за руку, сказалъ рѣшительнымъ, хотя сдержаннымъ тономъ:

— Это домъ короля, а не домъ насилія, графъ Шатобріанъ! Вы отвѣтите передъ королемъ и всѣми нами за свое неприличное поведеніе въ королевскомъ замкѣ и за насиліе, которое вы позволяете себѣ съ дамой, пользующейся общимъ уваженіемъ.

— Молодой дворянинъ, тебѣ, какъ искателю приключеній, слѣдуетъ знать, что не всѣ приключенія кончаются удачей. Эта дама моя жена и ты не смѣешь ни оскорблять ее, ни хвалить, или играть роль покровителя. Я одинъ имѣю право считать себя ея господиномъ!

— Умоляю васъ Бріонъ, оставьте насъ! воскликнула графиня. Если вы хотите оказать мнѣ услугу, то поспѣшите впередъ и позаботьтесь, чтобы никто не помѣшалъ намъ.

Бріонъ молча поклонился графинѣ и вышелъ изъ комнаты.

Но графъ отъ этого пришелъ еще въ большую ярость и такъ сильно сжалъ руку своей женѣ, что она застонала.

— Вы кажется со всѣми перезнакомились здѣсь, недостойная женщина! крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Вы запятнали мое имя и честь! Мнѣ слѣдовало бы убить васъ въ этихъ комнатахъ, которыя были свидѣтелями вашего позора, чтобы ваша смерть послужила назидательнымъ примѣромъ для современниковъ и потомства!

— Вы напрасно обвиняете меня графъ; я не совершила никакого преступленія!

— Негодная женщина!

— Я пріѣхала сюда по вашему приказанію...

— Какъ ты нагло выучилась лгать и въ такое короткое время! воскликнулъ графъ, и съ такою силою оттолкнулъ ее отъ себя, что она упала на полъ въ обморокѣ.

Въ это время отчаянные крики Флоріо подняли на ноги весь замокъ. Бріонъ, выйдя въ переднюю, засталъ здѣсь цѣлую толпу слугъ, сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ; черезъ нѣсколько секундъ явился и Бонниве во главѣ дворянъ, находившихся въ этотъ день на службѣ въ замкѣ. Красивый адмиралъ казался встревоженнымъ; взявъ Бріона

Библиотека "Руниверс"

подъ руку, онъ почти насильно заставилъ его вернуться въ комнаты герцогини. Они вошли въ тотъ моментъ, когда графиня упала безъ чувствъ къ ногамъ своего мужа. Не помня себя отъ негодованія, оба дворянина бросились на графа, который встрѣтилъ ихъ бранью съ поднятой шпагой: но они скоро обезоружили его.

— Король! Король! послышалось на лѣстницѣ; и прежде, чѣмъ кто нибудь успѣлъ подать помощь графинѣ, лежавшей на полу безъ малѣйшихъ признаковъ жизни, король Францискъ вошелъ въ комнату.

Конецъ первой части.

Библиотека "Руниверс"

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Прошло полгода послѣ вышеописанной сцены между графомъ и графиней Шатобріанъ въ Блуа.

Въ послѣднихъ числахъ марта, король сидѣлъ на южной сторонѣ замка Фонтенбло и слѣдилъ за разсадкой растеній и земляными работами, которыя производились въ этомъ мѣстѣ для устройства обширнаго цвѣтника. Постройки въ Фонтенбло занимали тогда сравнительно небольшое пространство. Король Францискъ, котораго можно считать первымъ строителемъ замка, передѣлалъ бывшій здѣсь убогій охотничій домикъ и соединивъ его съ капеллой и церковью, обнесъ галлереей и дворомъ.

Этотъ новый, какъ бы случайно возникшій замокъ, имѣлъ несравненно болѣе своеобразный и романическій видъ, нежели въ позднѣйшее время. Кругомъ тянулся высокій, густой лѣсъ, какъ темнозеленое море; не смотря на многочисленныя порубки, онъ также льнулъ къ замку какъ къ прежнему охотничьему домику. Ни вѣтеръ, ни говоръ людской, не проникали въ него; солнце только нѣсколько часовъ спустя послѣ восхода могло освѣтить замокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ гигантскими деревьями. Въ ранніе утренніе часы какимъ-то волшебнымъ зеленоватымъ свѣтомъ освѣщалась дерновая терасса, устроенная Францискомъ передъ большой крытой галлеерей; только весеннія птицы своимъ веселымъ щебетаньемъ прерывали тишину. По ночамъ прилетала кукушка. Король, услыхавъ ее въ первый разъ въ этомъ году и поддавшись невольному суевѣрію, принялся считать сколько разъ прокукуетъ она безъ остановки.

— Значитъ ты пророчишь мнѣ всего пятьдесятъ лѣтъ жизни! воскликнулъ со смѣхомъ король, когда кукушка замолкла. Не осо-

Библиотека "Руниверс"

бенно много, но достаточно, если удастся сохранить до этихъ лѣтъ здоровье и силу!..

Четырехъугольное пространство, на которомъ Францискъ приказалъ вырубить лѣсъ для будущаго сада, должно было украситься на четырехъ углахъ изящными павильонами. Два павильона уже были почти окончены на дальнемъ концѣ сада; вблизи ихъ, за высокими буками, покрытыми весенними почками, виднѣлась зеркальная поверхность озера на темномъ фонѣ сосенъ и елей, подъ которыми былъ устроенъ гротъ. Но это были только зачатки широко задуманнаго имъ плана; онъ не зналъ насколько удастся ему выполнить его въ частностяхъ. Занятый этими мыслями, онъ обратился за совѣтомъ къ матери и сестрѣ, которыя въ это время входили въ галлерею, обращенную въ садъ. Онъ сдѣлалъ это скорѣе изъ вѣжливости, нежели изъ желанія узнать ихъ мнѣніе, потому что рѣдко принималъ чей либо совѣтъ или слѣдовалъ чужой иниціативѣ. Въ дѣлѣ вкуса онъ выказывалъ полную самостоятельность, что нельзя поставить ему въ упрекъ, потому что въ этомъ никто изъ окружающихъ не могъ сравниться съ нимъ. Маргарита имѣла больше склонности къ умственной жизни и далеко не обладала такимъ развитымъ вкусомъ въ пластикѣ, какъ ея мать и братъ. Что же касается герцогини Ангулемской, то она въ это время вовсе не была расположена поддерживать разговоръ объ искусствѣ. Она была разстроена неудачнымъ исходомъ своихъ переговоровъ съ коннетаблемъ и процессомъ Семблансэ, который въ свою защиту высказалъ объ ней много непріятныхъ вещей, что до нѣкоторой степени отразилось на ея отношеніяхъ къ сыну. Съ другой стороны огорчало ее легкомысліе ея возлюбленнаго Бонниве, который и прежде часто измѣнялъ ей, а со времени своего знакомства съ графиней Шатобріанъ со дня на день становился грубѣе и невнимательнѣе въ своемъ обращеніи.

Она нетерпѣливо выслушала вопросъ короля и отвѣтила ему недовольнымъ тономъ.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь насъ? Развѣ мы можемъ дать тебѣ какой нибудь совѣтъ! Ты ни на кого не обращаешь вниманія съ тѣхъ поръ, какъ эта упрямая Шатобріанъ удостоила насъ своимъ посѣщеніемъ. По твоему мнѣнію только она одна имѣетъ вкусъ!.

— Вы кстати напомнили мнѣ о графинѣ Шатобріанъ, сказалъ король поспѣшно поднимаясь съ своего мѣста. Какъ странно, что она не ѣдетъ сюда... Бріонъ также не привезъ до сихъ поръ никакого отвѣта.

— Я не понимаю тебя, Францискъ, замѣтила съ усмѣшкой герцогиня Ангулемская. Стоитъ ли тратить столько хлопотъ и времени на эту женщину, которая не смотря на свое замужество осталась совершеннымъ ребенкомъ?

— Что дѣлать! Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные мною въ Парижѣ, я мало думалъ о ней, но образъ ея сохранился въ моемъ

Библиотека "Руниверс"

сердцѣ. Я живо почувствовалъ это, когда вы произнесли имя графини Шатобріанъ! Какъ это ни кажется страннымъ, но моя любовь нисколько не уменьшилась, хотя я повидимому забылъ ее.

Съ этими словами король неожиданно повернулся къ замку, оставивъ спѣшныя работы въ саду и дамъ, по своей привычкѣ предаваться всецѣло поглотившему его впечатлѣнію. Сестра и мать короля были хорошо знакомы съ этой стороной его характера; но ихъ удивило, что его могло такъ сильно взолновать воспоминаніе, потому что обыкновенно прошлое не имѣло для него никакого значенія.

— Какъ мнѣ надоѣла эта графиня, сказала герцогиня Ангулемская послѣ нѣкотораго молчанія; нужно свести ихъ, чтобы избавиться отъ нея; его страсть поддерживается неудовлетворенными желаніями!

Маргарита молчала.

Послѣ ссоры съ мужемъ въ Блуа, графиня опасно занемогла, такъ что долго боялись за ея жизнь и умственныя способности. Герцогиня Алансонская ухаживала за нею съ самою нѣжною заботливостью; король съ своей стороны выказалъ такое участіе, на которое никто не считалъ его способнымъ. Когда прошла опасность, онъ ежедневно посѣщалъ больную и относился къ ней самымъ дружескимъ и искреннимъ образомъ. При такихъ очевидныхъ доказательствахъ глубокой привязанности короля къ графинѣ Шатобріанъ, всѣ безусловно вѣрили распространившемуся тогда слуху, что весной Бюде будетъ отправленъ въ Римъ, чтобы выхлопотать расторженіе брака графини Шатобріанъ и благословеніе папы новой французской королевѣ. Только одна графиня ничего не знала объ этомъ; когда она настолько поправилась, что могла принимать участіе въ разговорахъ, то всегда впадала въ печальное настроеніе, когда рѣчь заходила о супружествѣ и съ видимою боязнью избѣгала оставаться наединѣ съ королемъ.

Наступила зима. Францискъ по своему обыкновенію рѣшилъ переѣхать съ дворомъ въ Парижъ; здоровье графини было уже въ такомъ удовлетворительномъ состоніи, что она могла смѣло предпринять это путешествіе. Всѣ были увѣрены, что она поѣдетъ въ Парижъ съ графиней Алансонской и устроится окончательно при дворѣ, тѣмъ болѣе, что со времени своей болѣзни, она не могла слышать имя графа Шатобріана безъ глубокаго страха и отвращенія.

Въ день назначенный для отъѣзда, король выѣхалъ изъ Блуа верхомъ съ своими приближенными нѣсколькими часами раньше своей сестры; вслѣдъ за нимъ отправилась герцогиня Ангулемская и только къ полудню поданы были мулы съ портшезами для герцогини Алансонской и графини, на которыхъ онѣ должны были доѣхать до перваго ночлега въ Орлеанѣ. Но по пріѣздѣ въ Орлеанъ, портшезъ, въ которомъ ѣхала графиня оказался пустымъ. Всѣ поиски и разспросы

Библиотека "Руниверс"

кончились полной неудачей; и только по прошествіи нѣсколькихъ недѣль сдѣлалось извѣстнымъ, что молодая женщина достала себѣ лошадей, съ помощью слуги графа, оставленнаго имъ въ Блуа и дорогой незамѣтно удалилась отъ своихъ спутниковъ. Но куда она дѣлась, оставалось пока неразрѣшимой загадкой. Всѣ приходили въ ужасъ отъ мысли, что она вернулась къ своему мужу. Наконецъ Флоріо узналъ съ помощью своихъ лазутчиковъ, что графиня не пріѣзжала въ Шатобріанъ, и что Батистъ, слуга графа, котораго видѣли въ Блуа незадолго до отъѣзда двора, также исчезъ безслѣдно.

Между тѣмъ графиня, отставъ отъ своихъ спутниковъ, отправилась съ Батистомъ черезъ Лиможъ въ Пиринеи на свою родину Фуа. Это рѣшеніе было прямымъ слѣдствіемъ ея болѣзненнаго настроенія: принося себя въ жертву, она надѣялась найти успокоеніе отъ мучившихъ ея сомнѣній. Грубость мужа сдѣлала для нея невозможнымъ дальнѣйшее сожительство съ нимъ и положила конецъ рабской покорности, съ которой она переносила свою участь; тѣмъ болѣе, что долгое пребываніе въ Блуа пробудило въ ней дремлющую склонность ея сердца. Она любила короля и вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно понимала, что за бурными проявленіями страсти въ немъ скрывалось крайнее легкомысліе и ненасытная жажда новизны и перемѣны, которая казалась ей еще ужаснѣе, чѣмъ суровость ея мужа. Чѣмъ больше она думала, тѣмъ мучительнѣе становились ея мысли. Въ замкѣ Шатобріанъ у ней остался ребенокъ, о которомъ болѣзненно тосковало ея сердце; она знала, что послѣ ссоры съ мужемъ, вѣроятно, навсегда будетъ разлучена съ дочерью. Къ этому примѣшивалось тяжелое сознаніе, что окружавшій ее міръ никогда не проститъ ей насильственнаго развода съ мужемъ и увидитъ въ этомъ самыя недостойныя побужденія съ ея стороны. Въ себѣ самой она также не находила никакой поддержки. Воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, она считала чуть ли не преступленіемъ свое отреченіе отъ супружества, которое было заключено и освящено церковью на всю жизнь. Могла ли замѣнить все это любовь короля? Въ его любви она видѣла только временное увлеченіе и полное отсутствіе глубины и прочности. Сердце побуждало воспользоваться минутой, нашептывая ей, что искреннему чувству нѣтъ дѣла до будущности и что оно довольствуется настоящимъ. Но совѣсть удерживала ее и говорила, что при тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она находится, нѣтъ иного исхода какъ отказаться отъ любви и обречь себя на страданіе. Графиня тѣмъ охотнѣе послѣдовала голосу своей совѣсти, что по своей природѣ, подобно большинству женщинъ, была болѣе склонна къ жертвамъ, нежели къ активному противодѣйствію и находила своего рода удовлетвореніе въ самоотреченіи. Въ виду грозившей ей опасности, она спаслась бѣгствомъ въ родныя горы, чтобы въ случаѣ крайности скрыться отъ свѣта за монастырскими стѣнами. Она хотѣла облегчить душу откровеннымъ разсказомъ передъ строгой ма-

Библиотека "Руниверс"

терью которая жила въ одиночествѣ въ своемъ замкѣ Фуа, и во всемъ подчиниться ея волѣ. Но тѣмъ не менѣе ея сердце билось больше отъ боязни, чѣмъ отъ радости, когда поднявшись на послѣднія горы, она увидѣла передъ собой свою живописную родину, окрашенную въ суровыя краски наступающей зимы. Внизу подъ ея ногами слышалось завываніе вѣтра, который съ шумомъ проносился по оврагу, высоко поднимая сухіе листья и разбиваясь объ окружающія скалы и скалистый замокъ Фуа. Она остановила лошадь и, сбросивъ вуаль съ своего блѣднаго лица, печально взглянула на признаки начинающейся бури и прошептала: „ты счастливѣе меня вольный вѣтеръ; если я не найду пріюта на утесѣ St. Sauveur, гдѣ преклоню я свою голову!..

Тогда еще незначительное и убогое мѣстечко Фуа лежало въ долинѣ, покрытое сѣроватой мглой; окружающіе виноградники, лишенные листьевъ, представляли печальный видъ разрушенія и смерти. На западѣ возвышался замокъ Фуа, черный и грозный, съ двумя четырехъугольными и одной круглой башней, построенный на склонѣ горы St. Sauveur, вершина которой была уже убѣлена узкой полосой снѣга. За нею громоздились все выше и выше пирамидальныя массы Пиринеевъ, покрытыя снѣгами и ледниками, застилая собою горизонтъ до неприступной Maladetta.

Эта знакомая картина въ настоящую минуту наводила ужасъ на молодую женщину своей неподвижностью; даже рѣка Аріежъ, орошающая долину съ своимъ притокомъ Аржетъ, огибающимъ замокъ Фуа имѣла мрачный, несвойственный ей видъ, благодаря полноводію и покрывающимъ ее льдинамъ. Глаза графини остановились на большомъ монастырскомъ зданіи, стоявшемъ на самомъ днѣ долины, при сліяніи двухъ рѣкъ. Здѣсь, въ этомъ аббатствѣ, гдѣ чтилась память св. Женевьевы надѣялась она найти себѣ убѣжище въ случаѣ, если мать не захочетъ принять ее. Эта мысль настолько ободрила несчастную женщину, что она начала усиленно понукать свою измученную лошадь къ спуску съ горы.

Батистъ видѣлъ взглядъ своей молодой госпожи; ему показалось, что онъ понялъ ее. Не потому ли онъ покачалъ головой, что былъ озабоченъ своей будущностью, зная, что если графиня вздумаетъ удалиться въ монастырь, то ему нѣтъ возврата въ Шатобріанъ, владѣлецъ котораго никогда не проститъ ему его измѣны? Нѣтъ, Батистъ не безпокоился о своей участи; разставшись съ своей госпожей, онъ прямо отправился бы въ Женеву слушать знаменитаго проповѣдника и остался бы тамъ, потому что былъ сильно увлеченъ новымъ религіознымъ движеніемъ, о которомъ слышалъ столько разсказовъ. Но онъ вообще относился недовѣрчиво къ монастырямъ и больше всего боялся для молодой графини ея рѣшимости удалиться въ аббатство.

— Не смотрите туда, сударыня! сказалъ онъ вполголоса.—Господь давно уже оставилъ эти дома!

Библиотека "Руниверс"

— Но тамъ я найду спокойствіе, а въ случаѣ надобности и защиту, Батистъ, отвѣчала графиня.

Она не была увѣрена, дадутъ ли ей пріютъ въ замкѣ, потому что знала неумолимую строгость своей матери и помнила ея рѣзкія слова по поводу сватовства графа Шатобріана, когда она пятнадцатилѣтняя дѣвочка, выразила нѣкоторое отвращеніе къ браку. Бѣдная Франциска въ настоящемъ случаѣ не могла даже возмутиться противъ суровости матери и объяснить ее недостаткомъ привязанности къ ней! Нѣтъ, старая мать искренно любила свое послѣднее дитя, хотя быть можетъ и не съ такою нѣжностью, какъ трехъ сыновей, съ которыми рано разлучила ее судьба. Но свѣтскія приличія были для старой графини настолько священны, что она не прощала ни малѣйшаго нарушенія ихъ. Подобное міросозерцаніе явилось у ней прямымъ слѣдствіемъ ея знатнаго происхожденія и ограниченнаго воспитанія; супружество и дальнѣйшая жизнь должны были еще больше укрѣпить ея аристократическія понятія. Ея мужъ, Фебъ графъ де-Фуа, происходилъ изъ древнѣйшаго рода, носившаго въ теченіи столѣтій корону Наварры; въ замкѣ Фуа на французскаго короля смотрѣли какъ на простого смертнаго и не считали нужнымъ что либо извинить ему, во имя его высокаго положенія. Такимъ образомъ для урожденной Фуа не могло служить оправданіемъ, что она ради короля отступила отъ супружеской добродѣтели. Чѣмъ могла она доказать, что осталась вѣрна своему мужу? Она знала, какъ строго и безпощадно осуждала старая графиня всякую женщину за кажущееся нарушеніе нравственности. Но развѣ она можетъ считать себя вполнѣ правой! Сколько разъ въ Бретани хотѣла она втайнѣ сбросить съ себя гнетъ тяжелаго супружества и переносилась всѣми своими помыслами и сердцемъ въ волшебный міръ, окружавшій Франциска, о которомъ она слышала столько разсказовъ! Совѣсть ея не была спокойна; она не знала будетъ ли въ состояніи вынести строгій взглядъ свѣтлосѣрыхъ глазъ ея матери, которая послѣ своего вдовства сдѣлалась еще безпощаднѣе въ своихъ мнѣніяхъ, получившихъ окраску мрачнаго піэтизма. Какого пріема могла ожидать отъ нея дочь, поставившая себя въ такое сомнительное общественное положеніе? Но тяжелѣе всѣхъ мучительныхъ заботъ и сомнѣній была для молодой графини неотвязчивая мысль, неожиданно возникшая въ глубинѣ ея души. Эта мысль, приводившая ее въ ужасъ, становилась все настойчивѣе и осязательнѣе и наконецъ настолько овладѣла ея фантазіей, что она невольно поддались ей. Какой то невѣдомый голосъ нашептывалъ ей, что мужъ ея графъ Шатобріанъ, который мѣшаетъ ея счастью, умеръ.

— Господи! подумала она съ испугомъ,—такимъ путемъ искуситель овладѣваетъ людьми и доводитъ ихъ до преступленія!..

Все, что она видѣла теперь, еще болѣе усиливало ея тяжелое настроеніе. Узкія улицы городка Фуа, круто поднимавшіяся вверхъ

Библиотека "Руниверс"

къ замку, черезъ которыя ей приходилось проѣзжать, были почти пусты; немногіе прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на нее и были незнакомы ей. Она забыла, что не была въ Фуа со времени своего замужества, и что даже знакомымъ трудно было бы узнать ее подъ густымъ вуалемъ, которымъ она снова покрыла свое лицо. Ей также не пришло въ голову объяснить пустоту на улицахъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наступившая зима въ этомъ суровомъ климатѣ загнала обитателей городка въ ихъ закоптѣлые дома. Печально поднималась она къ замку; но доѣхавъ до средины горы неожиданно остановила лошадь, и откинувъ вуаль протянула руки: ей показалось, что старая графиня Фуа стоитъ у окна восточной башни. Черезъ минуту руки ея опять опустились на сѣдло.

— Мать не узнала меня, года берутъ свое; въ былыя времена глаза ея были также зорки, какъ у горнаго сокола, проговорила Франциска съ печальной улыбкой.

Медленно въѣхала она на дворъ, окруженный башнями. Здѣсь все было пусто; однѣ только цѣпныя собаки встрѣтили ее громкимъ лаемъ. Графиня вошла въ обширную залу нижняго этажа, выложенную сѣрымъ мраморомъ, которая служила для пріема гостей и гдѣ нѣкогда ея братья устраивали веселые пиры и проводили часы досуга. Съ тѣхъ поръ давно замолкли здѣсь пѣсни и шумъ оружія; въ залѣ царила мертвая тишина; но едва графиня сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ей вылетѣлъ ручной воронъ, напугавъ ее своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Онъ кружился надъ ея головой пронзительно выкрикивая: Францискъ! Францискъ!

Сердце несчастной женщины замерло отъ ужаса при этомъ имени. Первою ея мыслью было, что мучительная тайна, которую она такъ тщательно скрывала, уже извѣстна въ домѣ ея матери. Однако, она скоро убѣдилась, что ея испугъ не имѣлъ никакого основанія. Жакъ, такъ звали ворона, былъ ея давнишнимъ пріятелемъ; онъ тотчасъ узналъ ее и началъ повторять ея имя, не договаривая по обыкновенію послѣдняго слога, который почему то не давался ему.

— Мой добрый Жакъ, ты все-таки не научился выговаривать имя бѣдной Франциски!.. Зачѣмъ встрѣтилъ ты меня, предвѣстникъ несчастія! сказала печально молодая графиня, гладя ворона, сѣвшаго на ея перчатку.

Она старалась пересилить себя и приписать случаю дурное предзнаменованіе, встрѣтившее ее въ домѣ матери.

— Они вѣроятно не замѣтили моего пріѣзда, прошептала она,— слуги заняты, а мать могла не узнать меня... Въ это время года они не ожидаютъ посѣтителей, а тѣмъ болѣе меня!..

Ободряя себя такимъ образомъ, она поднялась по каменной лѣстницѣ и такъ поспѣшно шла вдоль корридора въ угловую комнату матери, что Жакъ едва могъ держаться на ея рукѣ, ударялъ крыльями и безостановочно каркалъ: „Францискъ! Францискъ!“ Этотъ зовъ

Библиотека "Руниверс"

опять лишилъ графиню мужества; ноги отказывались служить ей; она остановилась въ нерѣшимости передъ тяжелой дубовой дверью. Ей не долго пришлось ждать. Дверь неожиданно отворилась; она увидѣла свою мать, высокую женщину въ черномъ платьѣ, стоявшую среди комнаты; направо отъ нея священника въ лиловомъ одѣяніи; налѣво стройную дѣвушку. Дворецкій, стоя въ почтительномъ отдаленіи, раскланивался передъ старой графиней, которая отдавала ему какія то приказанія.

Молодая графиня, увидя свою мать, хотѣла подойти къ ней, но та остановила ее своимъ ледянымъ взглядомъ и приковала къ мѣсту. Немного погодя, дворецкій вышелъ въ корридоръ и заперъ за собою дверь. Но графиня Шатобріанъ не сдвинулась съ мѣста и молча смотрѣла на знакомое морщинистое лицо стараго слуги, который поклонился, не глядя ей въ глаза.

— Графиня Фуа, сказалъ онъ беззвучнымъ голосомъ,—поручила мнѣ спросить, какого рода услуги желаетъ отъ нея дама прибывшая въ замокъ?

— Что это значитъ Бернаръ? Развѣ вы не узнаете меня?..

— Графиня Фуа предполагаетъ, что вѣроятно произошло недоразумѣніе, вслѣдствіе случайнаго сходства... Ея сіятельство графиня Шатобріанъ, урожденная Фуа, не станетъ путешествовать одна по большимъ дорогамъ. Она живетъ въ Бретани, въ замкѣ своего мужа, графа Шатобріана...

Молодая графиня не нашлась, что отвѣтить на это и стояла неподвижно передъ дворецкимъ, который окончательно растерялся и добавилъ печальнымъ тономъ, что если пріѣзжей дамѣ будетъ угодно, то ей накроютъ столъ въ залѣ и позаботятся объ ея слугѣ и лошадяхъ для дальнѣйшаго путешествія.

— Для дальнѣйшаго путешествія, воскликнула графиня, опустившись въ изнеможеніи на каменную скамью у окна и закрывъ лицо руками.

Воронъ, испуганный этимъ движеніемъ, вскочилъ на оконный карнизъ, между тѣмъ какъ дворецкій отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, выжидая, на что рѣшится молодая графиня. Крупныя слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.

— Развѣ я заслужила это? спрашивала себя съ отчаяніемъ несчастная женщина, припоминая одно за другимъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ, которыя могли навлечь на нее гнѣвъ матери. Но чѣмъ больше думала она, тѣмъ мрачнѣе становилось у ней на душѣ; она горько упрекала себя за то, что, не заставъ мужа въ Блуа, тотчасъ же не вернулась домой. Въ этомъ заключалась ея главная ошибка, испортившая всю ея дальнѣйшую жизнь. Если бы она могла оправдать себя передъ судомъ собственной совѣсти, то у ней хватило бы мужества бороться съ судьбой. Но не встрѣчая ни въ себѣ, ни въ другихъ, поддержки, она рѣшила навсегда отказаться отъ счастья и

Библиотека "Руниверс"

всего, что составляетъ прелесть жизни, съ тѣмъ чтобы обречь себя на безропотное и молчаливое страданіе.

Теперь у ней было одно желаніе—уѣхать скорѣе изъ негостепріимнаго дома ея матери. Она подняла голову. Передъ нею стоялъ священникъ въ лиловомъ одѣяніи. Изъ груди ея вырвалось радостное восклицаніе.

— Ты не отвернулся отъ меня, Флорентинъ, сказала она, протягивая ему руку,—и не оставишь меня!

— Церковь не покидаетъ заблудшей овцы.

— Значитъ, только церковь привела тебя ко мнѣ!

— Только церковь, Франциска! Развѣ можетъ быть что выше ея!

— Я не спорю противъ этого. Но сердце друга приноситъ еще большую отраду и ближе намъ.

— Не каждый человѣкъ можетъ имѣть друга, а церковь открыта для всѣхъ. Вспомни о нашей молодости, Франциска, вспомни о томъ, что такъ часто говорилъ тебѣ нашъ духовникъ! Сколько разъ предостерегалъ онъ тебя отъ грѣховной увѣренности въ собственныхъ силахъ! Люди не болѣе какъ тростникъ ростущій въ тинѣ; развѣ трудно уничтожить его! Но ты поддалась самообольщенію и, расчитывая на свои силы, вообразила, что ты выше мужа и семейныхъ обязанностей.

— Нѣтъ Флорентинъ, ты напрасно обвиняешь меня! Судьба распорядилась мной помимо моей воли!

— Судьба языческое слово и добрая христіанка не должна употреблять его! Ты стремилась къ необычайному и ты дорого заплатишь теперь за свое стремленіе! Ты покинула мужа для удовольствій придворной жизни, какъ гласитъ молва, которая съ быстротою бури уничтожила твое доброе имя съ конца въ конецъ нашей земли. Намъ передали между прочимъ, что ты изъ тщеславія позволила себѣ выразиться о нашей религіи, что она выдумана людьми.

— Я не говорила этого! робко возразила графиня.

— Развѣ Бюде, Маро, герцогиня Алансонская, и вся ихъ клика, не вели длинныхъ бесѣдъ о преступномъ ученіи нѣмецкаго еретика, какъ будто это былъ самый обыкновенный сюжетъ для разговора? Развѣ вы не унижали нашу святую вѣру, взвѣшивая ее мѣриломъ несовершеннаго человѣческаго ума? Никто изъ васъ не задалъ себѣ вопроса: можетъ ли божественное подлежать людскому суду? Ты спокойно слушала эти толки. Развѣ ты не находила грѣховное удовольствіе въ языческомъ искусствѣ, которое король проводитъ въ постройкѣ и живописи? Развѣ ты не забыла свои обязанности и честь, вступивъ на этотъ скользкій путь?

— Флорентинъ, я невинна...

— Невинна! Ты считаешь себя невинной душой и тѣломъ?

Франциска молчала.

— Ты можетъ быть предполагаешь, что тѣло важнѣе души! Спроси

Библиотека "Руниверс"

себя, положа руку на сердце: осталась ли душа твоя вѣрна супругу, съ которымъ связало тебя таинство церкви?.. сохранила ли ты вѣрность католической вѣрѣ, въ которой воспитали тебя? Развѣ ты не видишь, что мать не признала собственное дитя! Не оттого-ли, что земныя связи ничего не значатъ передъ небесными узами? Гдѣ-же земныя связи, которыя поддерживали и охраняли тебя? Дуновеніе вѣтра порвало ихъ; точно дитя въ пустынѣ блуждаешь ты въ нашей прекрасной странѣ, терзаясь горемъ и раскаяніемъ. Ты сама не увѣрена: хватитъ ли у тебя силы устоять противъ грѣха, или ты обречешь себя на вѣчную гибель и поддашься ему въ надеждѣ найти въ немъ мимолетное удовольствіе и утѣшеніе. Вотъ положеніе, въ которое ты поставила себя, воображая въ своемъ высокомѣріи, что можешь безнаказанно нарушать законы, данные намъ Божественнымъ откровеніемъ!

— Чѣмъ могу я искупить свой грѣхъ? проговорила рыдая молодая женщина.

— Молитвой и раскаяніемъ!

— Я молюсь и каюсь...

— И при этомъ воображаешь себѣ, что страдаешь напрасно! Но ты вполнѣ заслужила то, что испытываешь теперь. Цѣлый міръ отдѣляетъ тебя отъ покаянія и отпущенія грѣховъ. Пойми, Франциска, что пропасти со всѣхъ сторонъ окружаютъ тебя и что свѣтъ не гладкая танцовальная зала. Ты утверждаешь, что ты невинна, тогда какъ ни одинъ человѣкъ не вѣритъ твоей невинности.

— Флорентинъ!..

— Повторяю тебѣ, что ни одинъ человѣкъ не вѣритъ этому! Даже твоя мать и я!

— Еще этого не доставало!.. Если вы такъ безжалостны, то и мнѣ нечего жалѣть, что я лишилась вашей привязанности! проговорила съ гнѣвомъ молодая графиня; и закрывъ вуалемъ свое заплаканное лицо, встала съ мѣста, чтобы навсегда оставить замокъ своихъ предковъ.

— Твое сердце, теряя мать, лишается самаго дорогого сокровища на землѣ! сказалъ священникъ.

— Я вижу изъ твоихъ словъ, что я лишилась ея привязанности, прежде чѣмъ пріѣхала сюда. Скажи ей, что съ сегоднишняго дня дочь на всегда прощается съ нею.

— Лучше вовсе не имѣть дѣтей, нежели тяготиться ихъ существованіемъ, продолжалъ священникъ; дѣвушка, которую ты видѣла сегодня у твоей матери, служитъ нагляднымъ доказательствомъ этого.

— Кто она такая?

— Она дочь твоего двоюроднаго брата, герцога Инфантадо. Ты видѣла въ дѣтствѣ этого человѣка, погруженнаго въ глубокую скорбь; онъ дошелъ до этой скорби вслѣдствіи того, что пренебрегалъ совѣтами благочестивыхъ людей. Когда ему было двадцать лѣтъ, живя въ Севильѣ, онъ отправился разъ съ своимъ пріятелемъ въ маскарадъ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ они вдвоемъ преслѣдовали одну даму въ черномъ національномъ костюмѣ. Дама эта была высокаго роста, имѣла красивую ножку и соблазнительную шею, какъ выражаются легкомысленные молодые люди. Лицо и вся ея фигура были закрыты, такъ что она издали ничѣмъ не отличалась отъ другихъ дамъ, кромѣ яркаго малиноваго банта, пришпиленнаго къ ея груди. Толпа скоро разлучила герцога съ его пріятелемъ и ему удалось сговориться съ дамой относительно rendez-vous, но подъ условіемъ не говорить съ нею ни одного слова при свиданіи и не наводить никакихъ справокъ объ ея имени и званіи. Герцогъ, имѣя только въ виду удовлетворить свою похоть, торжественно обѣщалъ исполнить ея требованіе; и такъ какъ свиданіе было назначено черезъ часъ, то онъ поспѣшилъ отыскать своего пріятеля въ толпѣ, чтобы сообщить ему о своей побѣдѣ. Оказалось, что пріятель искалъ его съ тѣмъ же нескромнымъ побужденіемъ, потому что маска съ малиновымъ бантомъ равнымъ образомъ назначила ему свиданіе черезъ часъ.—Мы одурачены, воскликнули оба пріятеля въ одинъ голосъ и бросились отыскивать обманувшую ихъ маску, чтобы потребовать отъ нея объясненія. Но они не могли найти ее, и, потративъ почти часъ на поиски, рѣшили прямо отправиться на rendez-vous, которое было назначено въ разныхъ мѣстахъ. Предполагаемый обманъ не остановилъ ихъ, потому что у каждаго изъ нихъ было на умѣ: „она сдержитъ данное мнѣ обѣщаніе и вѣроятно одурачитъ моего довѣрчиваго друга“.

Герцогъ Инфантадо не ошибся; онъ встрѣтилъ таинственную даму на rendez-vous, но, возвращаясь утромъ домой, наткнулся на трупъ своего пріятеля подъ заборомъ ближайшаго сада. Глубокій ударъ кинжала пронзилъ его въ самое сердце, около раны какъ будто въ насмѣшку красовался малиновый бантъ, кокетливо пришпиленный къ груди несчастнаго.—Какое странное совпаденіе! подумалъ герцогъ въ своей юношеской грѣховности, которая была на столько велика, что его менѣе занимала смерть друга, чѣмъ вопросъ; кто могъ украсить его малиновымъ бантомъ? и онъ старался припомнить, былъ ли приколотъ этотъ бантъ къ груди красавицы во время ихъ нѣжнаго свиданія.

Въ это же утро герцогъ получилъ приказаніе отъ своего отца немедленно ѣхать въ Мадридъ, чтобы быть представленнымъ при дворѣ. Подобная поѣздка разумѣется казалась ему важнѣе, чѣмъ неожиданная смерть друга и разъясненіе любовной исторіи, которая уже потеряла для него всякій интересъ. Онъ тотчасъ-же отправился въ Мадридъ и скоро забылъ о своемъ приключеніи въ Севильѣ, среди веселія и разнообразія столичной жизни. Дамы настолько баловали его своимъ вниманіемъ, что онъ не считалъ нужнымъ помышлять о бракѣ, пока ему были доступны радости не обязательной любви. Между тѣмъ здоровье его сильно разстроилось и онъ незамѣтно достигъ сорокалѣтняго возраста. Тогда онъ рѣшилъ, что пора подумать о закон-

Библиотека "Руниверс"

номъ наслѣдникѣ и преемникѣ герцогской короны и сталъ искать себѣ невѣсту среди самыхъ красивыхъ и знатныхъ дѣвушекъ страны. Наше высшее общество въ своемъ легкомысліи оправдываетъ юношескій развратъ, и считаетъ подобныхъ господъ „заплатившихъ дань молодости“ наиболѣе годными для супружества, какъ людей опытныхъ и пресыщенныхъ. Такимъ образомъ герцогу Инфантадо не трудно было жениться на красивой и знатной андалузской дѣвушкѣ съ весьма значительнымъ состояніемъ, и при этомъ круглой сиротѣ, не имѣвшей близкихъ родственниковъ, что особенно прельщало его. Благодаря опытности въ любовныхъ дѣлахъ, герцогъ очень скоро расположилъ къ себѣ сердце своей девятнадцатилѣтней жены, которая еще больше привязалась къ нему послѣ рожденія дочери и мало по малу сообщила ему всѣ тайны своего семейства. Между прочимъ разсказала она мужу объ одномъ приключеніи, бывшемъ съ ея матерью и теткой въ Севильѣ. Обѣ онѣ были близнецы и очень несчастны въ супружествѣ, но это не мѣшало имъ наслаждаться жизнью. Разъ ночью — начала свои разсказы герцогиня, отправились онѣ вмѣстѣ въ маскарадъ въ одинаковыхъ костюмахъ...

— Въ одинаковыхъ костюмахъ? спросилъ герцогъ, у котораго пробудилось воспоминаніе о своемъ любовномъ похожденіи вмѣстѣ съ смутнымъ опасеніемъ, что одна изъ дамъ окажется его маской съ малиновымъ бантомъ.

— Да, онѣ нарядились въ черное андалузское платье, которое очень шло къ нимъ, потому что обѣ были высокаго роста и могли похвалиться своей красивой шеей и ножкой. Чтобы отличить другъ друга въ толпѣ, каждая изъ нихъ приколола себѣ къ груди малиновый бантъ.

— Къ груди?

— Точно такъ, мой дорогой супругъ! Почему вы переспрашиваете меня? Мой разсказъ повидимому очень интересуетъ васъ!

— Да, эта исторія очень интересуетъ меня! Продолжайте пожалуйста.

— По какому-то странному совпаденію, онѣ познакомились въ маскарадѣ съ двумя молодыми людьми однихъ лѣтъ, одного роста и которые были совершенно одинаково замаскированы.

— Не въ черныхъ ли домино?

— Какъ вы отлично угадываете! Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, вы были тогда въ Севильѣ и вѣроятно слышали объ этой исторіи.

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ!..

— Моя мать и тетка увлеклись молодыми кавалерами, и въ тотъ-же вечеръ, не задумываясь, назначили имъ свиданіе; моя мать одному черному домино, тетка — другому. Обѣ пары встрѣтились ночью, и какъ имъ казалось въ безопасныхъ мѣстахъ. Но мой отецъ, мужъ моей тетки или кто другой, потому что за обѣими красавицами ухажи-

Библиотека "Руниверс"

вали многіе — подстерегъ одного изъ господъ замаскированныхъ въ черномъ домино и убилъ его, когда тотъ возвращался домой съ нѣжнаго свиданія.

— Который же изъ нихъ былъ убитъ—любовникъ твоей матери или тетки?

— Онѣ сами не знали чей! Этотъ вопросъ чрезвычайно мучилъ ихъ, но остался неразрѣшеннымъ.

— О, Боже!..

— Дома моего отца и дяди стоятъ рядомъ, а трупъ былъ найденъ въ ста шагахъ отъ нихъ. Когда мать и тетка узнали о смерти несчастнаго, то онъ уже былъ похороненъ, а его товарища вѣроятно оставшагося въ живыхъ, онѣ не могли найти, несмотря на всѣ свои поиски. Съ этого времени на обѣихъ женщинъ напала такая тоска, что онѣ удалились отъ свѣта.

— Были ли у нихъ дѣти?

— Вы вѣроятно хотите спросить: имѣла ли дѣтей моя тетка, потому что въ моемъ существованіи вы кажется не можете сомнѣваться. Да, у меня былъ двоюродный братъ, однихъ лѣтъ со мной, который былъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, пока дядя въ припадкѣ непонятнаго бѣшенства не лишилъ насъ его присутствія. Вѣсть о смерти сына уложила въ гробъ тетку; моя мать не долго пережила ее; она все стремилась въ монастырь, но отецъ не соглашался на это; между тѣмъ здоровье ея становилось все хуже и наконецъ она окончательно слегла въ постель. Однажды вечеромъ, когда я должна была въ первый разъ выѣхать въ свѣтъ, мать подозвала меня и разсказала эту исторію. Къ несчастью отецъ пришелъ за мной неожиданно во время разсказа и такъ испугалъ ее своимъ появленіемъ, что вернувшись съ праздника мы застали ее мертвою... Но что съ вами! Вы такъ странно смотрите на меня, какъ будто разсказъ мой заключаетъ для васъ нѣчто ужасное!..

Ему было отъ чего прійти въ ужасъ! Жена, ребенокъ, счастье всей жизни, было разомъ отнято у него! Онъ имѣлъ полное основаніе предположить, что держитъ въ своихъ объятіяхъ собственное дитя. Онъ возненавидѣлъ свою новорожденную дочь и навсегда удалилъ ее отъ своихъ глазъ. Вы видѣли сегодня несчастную Химену; съ клеймомъ отцовскато грѣха на челѣ, она странствуетъ изъ замка въ замокъ, отъ родныхъ къ чужимъ. Ея мать зачахла отъ разлуки съ единственнымъ ребенкомъ и еще болѣе отъ таинственнаго поведенія мужа. Что же касается герцога, то послѣ смерти жены онъ сталъ еще больше походить па привидѣніе и нигдѣ не находилъ себѣ покоя...

— Вотъ Франциска, каковы свѣтскіе пути! продолжалъ священникъ торжественнымъ тономъ.—Сначала они манятъ насъ къ себѣ и кажутся привлекательными, а потомъ послѣдовательно ведутъ насъ къ неизбѣжной гибели. Никто прямо не начинаетъ съ проступковъ; сперва у человѣка являются затаенныя желанія, которыя кажутся

Библиотека "Руниверс"

безвредными и невинными. Помни, Франциска, путь къ смерти, на лоно Господа, проложенъ мимо бездонныхъ пропастей! Кто знаетъ это, тому нечего ждать прощенія, если онъ совращается съ открытой и безопасной дороги для удовлетворенія мимолетной земной склонности.

— Не это совратило меня съ пути...

— Но фактъ все-таки совершился!

— Помоги мнѣ!

— Ты должна желать нашей помощи, чтобы не погибнуть навѣки.

— Я желаю ее всѣмъ сердцемъ!

— Ты должна отречься отъ той жизни, которую вела до сихъ поръ.

— Она кончена для меня съ этого момента. Помоги мнѣ!

— Домъ св. Женевьевы открытъ для тебя, если ты хочешь отречься отъ міра.

— Да, я хочу этого.

— Иди за мной!

Франциска, подъ вліяніемъ отчаянія, была въ такомъ напряженномъ состояніи, что въ эту минуту совершенно искренно желала, во что бы то ни стало, покончить со свѣтомъ. Такъ слабый человѣкъ въ виду опасности закрываетъ глаза, думая этимъ способомъ избѣжать ее.

Графиня молча послѣдовала за своимъ спутникомъ по корридору къ лѣстницѣ ведущей къ выходу. Въ это время на дворѣ послышались быстрые удары копытъ. Священникъ подошелъ къ окну; но молодая женщина была слишкомъ разстроена, чтобы интересоваться чѣмъ бы то ни было;—она остановилась среди корридора и пристально смотрѣла на каменныя плиты подъ ея ногами. Если бы она взглянула въ окно и узнала въ прибывшемъ всадникѣ Шабо де-Бріона, который съ инстинктомъ романической любви выслѣдилъ ее отъ Блуа до Пиринеевъ, то и это не имѣло бы никакого вліянія на ея рѣшеніе. Въ настоящую минуту она видѣла спасеніе только въ отреченіи отъ свѣта; разсказъ Флорентина привелъ ее въ такой ужасъ, что она съ отвращеніемъ относилась ко всякой любви. Полное одиночество на всю жизнь было теперь ея единственнымъ желаніемъ.

Такимъ образомъ Флорентинъ совершенно напрасно вывелъ ее изъ замка потаеннымъ ходомъ и выбралъ дальнюю дорогу въ аббатство черезъ густой сосновый лѣсъ. Еслибы Шабо де-Бріонъ, встрѣтилъ ее, то и тогда онъ не могъ бы остановить ее; но не легко было обмануть Батиста. Онъ выждалъ свою молодую госпожу у лѣстницы, слышалъ весь ея разговоръ съ Флорентиномъ и, прокравшись за ними вслѣдъ, загородилъ имъ дорогу у воротъ аббатства.

Но всѣ просьбы и увѣщанія вѣрнаго слуги оказались напрасными. Молодая женщина совершенно поддалась духовной власти Флорентина; она потребовала отъ озадаченнаго бретанца торжественнаго обѣщанія уѣхать изъ Фуа и никому не говорить, гдѣ она.

Библиотека "Руниверс"

Тяжелыя ворота съ шумомъ затворились за нею. Старый Батистъ, со слезами на глазахъ, стоялъ, сложивъ руки передъ сѣрымъ монастырскимъ зданіемъ, скрытымъ въ тѣни лѣса, у сліянія рѣкъ: Аржета и Аріежъ, которыя грозно шумѣли въ своемъ полноводіи. Бретанецъ робко взглянулъ на бушующія волны и на темный лѣсъ, какъ будто предчувствуя, что также таинственна и мрачна будетъ судьба, ожидавшая его госпожу. Его понятія о церковной реформѣ были настолько элементарны, что онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета о непригодности монастырскихъ учрежденій, но сомнѣніе уже настолько закралось въ его душу, что онъ тихо произнесъ:

— Моя бѣдная госпожа, зачѣмъ обрекаешь ты себя на эту мертвящую жизнь! Кто знаетъ—можетъ быть судьба предназначила тебя къ великимъ дѣяніямъ; и ты напрасно хочешь похоронить себя!

Печально поднялся онъ на гору къ замку. Что оставалось ему дѣлать!

— Поѣду я въ Женеву! пробормоталъ онъ.—Когда мы нагрянемъ на Францію несмѣтной толпой, чтобы очистить церковь и вѣру, то я приведу сюда войско и освобожу мою бѣдную графиню. Разумѣется пройдетъ года два, пока все это устроится, а къ тому времени она опомнится отъ своего заблужденія!..

Войдя въ дворъ замка, Батистъ встрѣтилъ Шабо де-Бріона, который съ радостью бросился къ нему, такъ какъ увидя его не сомнѣвался больше въ близости любимой женщины. Старая графиня только что приказала передать молодому дворянину грозный приказъ немедленно удалиться изъ ея замка и притомъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ; Бріонъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, получитъ отъ Батиста точныя свѣдѣнія относительно его госпожи. Но, вѣрный слуга далъ слово никому не говорить гдѣ она и въ точности исполнилъ это обѣщаніе, хотя въ душѣ у него было сильное поползновеніе сообщить свое горе сеньёру, котораго онъ любилъ за рыцарское обращеніе и привязанность къ графинѣ. Онъ былъ даже настолько добросовѣстенъ, что молча вынесъ оскорбленія, которыми осыпалъ его Бріонъ, не сказавъ ни одного слова въ свою защиту. Между тѣмъ Бріонъ имѣлъ полное основаніе подозрѣвать Батиста, потому что уликой противъ него служила измученная лошадь графини, стоявшая на дворѣ рядомъ съ другой осѣдланной лошадью у башни. Кто могъ поручиться ему, что старый слуга намѣренно не сманилъ графиню, сговорившись съ нею въ Блуа, а затѣмъ неожиданно выдалъ ее Шатобріану.

— Я тебя привяжу къ этой башнѣ и заставлю подъ ударами ремня сознаться въ твоемъ преступленіи, воскликнулъ Бріонъ, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ бретанца.

Пока вся эта сцена происходила среди двора, въ залѣ замка собрались всѣ слуги и конюхи, поспѣшно созванные дворецкимъ, который, нарядившись въ парадную ливрею дома Фуа, съ большимъ

Библиотека "Руниверс"

жезломъ въ рукѣ, торжественно вывелъ ихъ на дворъ. Здѣсь онъ велѣлъ имъ остановиться на нѣкоторомъ разстояніи отъ незнакомца и, выступивъ впередъ, спросилъ громкимъ голосомъ:

— Извѣстно ли пріѣзжему господину, что въ замкѣ не желаютъ его присутствія и намѣренъ ли онъ послѣдовать приказанію ея сіятельства?..

Сдѣлавъ этотъ запросъ, дворецкій запнулся. Ему было тяжело спровадить такимъ образомъ одного изъ друзей графини и онъ добавилъ отъ себя подъ страхомъ подвергнуться строгой отвѣтственности, что „если домъ Фуа по нѣкоторымъ причинамъ не можетъ принять молодого сеньёра, то богатое аббатство св. Женевьевы вѣроятно не откажетъ ему въ ночлегѣ“.

Но разгнѣванный Бріонъ не обратилъ никакого вниманія на слова дворецкаго, сѣлъ на лошадь и приказалъ своимъ слугамъ захватить съ собою Батиста и обѣихъ лошадей, поспѣшно спустился съ горы въ надеждѣ найти себѣ помѣщеніе въ городѣ.

Старая графиня де Фуа никогда не выказывала привязанности къ своей единственной дочери и постоянно относилась къ ней съ неумолимою суровостью. Она опасно заболѣла послѣ рожденія Франциски и принуждена была отдать ее на попеченіе кормилицы; но къ этому еще присоединилась и другая причина отчужденія. Проболѣвъ нѣсколько лѣтъ, она принуждена была по совѣту доктора навсегда отказаться отъ супружеской жизни. Графъ де Фуа, въ то время еще бодрый и полный силъ, не могъ помириться съ подобнымъ положеніемъ и старался найти себѣ утѣшеніе на сторонѣ, что служило источникомъ глубокихъ огорченій для его жены, которая безсознательно мстила за нихъ своей дочери. Она холодно относилась къ маленькой Францискѣ, хотя любила ее горячей своенравной любовью. Но тѣмъ нѣжнѣе и ласковѣе обращалась съ дѣвочкой кормилица Марго, у которой умеръ ребенокъ, родившійся одновременно съ Франциской. Марго принадлежала къ числу женщинъ, способныхъ быть только женами и матерями, которыя при своемъ непосредственномъ отношеніи къ жизни не задаются никакими вопросами и спокойно выносятъ величайшія несчастія, почти не сознавая ихъ. Условныя приличія не существуютъ для такихъ женщинъ; ихъ добродушіе и простота обезоруживаютъ самыхъ строгихъ моралистовъ. Марго еще будучи молодой дѣвушкой славилась своей красотой, напоминавшей изображенія Мадонны; но эта красота скоро послужила причиной ея гибели, такъ какъ одинъ изъ графовъ боковой линіи Фуа соблазнилъ ее. Марго не считала нужнымъ скрывать свое несчастіе, и родивъ сына, окрестила его подъ именемъ Флорентина. Когда кто либо изъ родныхъ или знакомыхъ настоятельно разспрашивалъ ее объ отцѣ Флорентина, то она отвѣчала улыбаясь, что это былъ вѣроятно какой-нибудь принцъ, по-

Библиотека "Руниверс"

тому что онъ показался ей необыкновенно красивымъ, когда подошелъ къ стогу сѣна на лугу, у котораго она дремала и взялъ ее за руку. Вотъ все, что ей извѣстно о немъ, а что Флорентинъ также очень красивъ, это всякій можетъ видѣть.

Флорентинъ былъ на пять лѣтъ старше Франциски. „Онъ похожъ красотой на святого, говорила Марго, и долженъ быть священникомъ!" Флорентинъ жилъ и учился въ аббатствѣ св. Женевьевы и, бывая часто въ замкѣ Фуа, въ качествѣ молочнаго брата молодой графини, очень подружился съ нею. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ и графъ Шатобіанъ увезъ ее съ собой въ Бретань, Флорентинъ былъ такъ огорченъ ея отъѣздомъ, что безпрекословно согласился на всѣ планы матери и окончательно поселившись въ аббатствѣ сдѣлался священникомъ. Такимъ образомъ молодая графиня при своемъ затруднительномъ положеніи имѣла полное основаніе разсчитывать на искренное участіе друга дѣтства и беззаботно послѣдовала за нимъ, не подозрѣвая въ какомъ направленіи развились склонности и характеръ Флорентина.

Его нельзя было назвать злымъ человѣкомъ, но чувственность, проявлявшаяся у его матери такимъ наивнымъ и добродушнымъ способомъ, превратилась у него въ сознательное стремленіе къ наслажденію. Благодаря своему свѣтлому уму, чуждому предразсудковъ, онъ скоро поднялся выше уровня большинства своихъ товарищей и обратилъ на себя вниманіе начальства. Реформація въ тѣ времена еще мало производила впечатлѣнія на испанской границѣ, но цивилизованное папство послѣдняго десятилѣтія, получившее небывалый блескъ при Львѣ X, создало во многихъ христіанскихъ государствахъ новое поколѣніе образованныхъ священниковъ, отличавшихся своеобразнымъ направленіемъ. Это было своего рода іезуитство, предшествовавшее настоящему, но іезуитство чувственное и искуственное, также неразборчивое на средства, которое хотѣло побѣды не для церкви, а для себя и для кружка избранныхъ. Оно преимущественно льнуло къ великимъ и сильнымъ міра, не съ цѣлью дѣйствовать черезъ нихъ на массу, а съ тѣмъ чтобы наслаждаться вмѣстѣ съ ними прелестями жизни. Міръ вѣрованій для этихъ людей былъ міромъ формулъ, не имѣющихъ никакого значенія и просвѣщенный священникъ, по ихъ понятіямъ, долженъ былъ соблюдать ихъ только по наружности и поддерживать изворотливостью своего ума.

Дойдя мало-по-малу до такихъ убѣжденій, Флорентинъ уже нѣсколько лѣтъ мечталъ о томъ, какъ бы ему попасть въ Римъ или Парижъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ свѣтѣ. Занимая должность секретаря аббатства, онъ ни минуты не терялъ изъ виду французскаго короля и узналъ раньше старой графини о пребываніи Франциски въ Блуа. Равнымъ образомъ ему было извѣстно настроеніе лицъ окружающихъ короля и онъ безошибочно взвѣсилъ то вліяніе, какое можетъ оказать на молодую женщину просвѣщенный умъ Маргариты и Бюде. Въ виду этого и очевидной привязанности

Библиотека "Руниверс"

короля, Флорентину было чрезвычайно важно завладѣть молодой женщиной, которой по всѣмъ даннымъ суждено было рано или поздно играть видную роль при французскомъ дворѣ.

Но въ этомъ случаѣ Флорентинъ долженъ былъ убѣдиться, что настоящая минута можетъ разрушить всѣ старательно придуманные планы и что страсть краснорѣчивѣе разсудка. При первомъ своемъ свиданіи въ замкѣ, онъ не могъ замѣтить насколько похорошѣла Франциска со времени замужества, потому что видѣлъ ее въ запыленномъ платьѣ, съ лицомъ искаженнымъ отъ горя и слезъ, и самъ былъ слишкомъ занятъ мыслью о той выгодѣ, какую она можетъ доставить ему въ будущемъ. Въ этомъ-же настроеніи онъ назначилъ ей комнату, послалъ за ея чемоданомъ въ замокъ и сдѣлалъ докладъ аббату. Но теперь, когда онъ увидѣлъ при наступающихъ сумеркахъ красивую, изящно одѣтую молодую женщину, сидѣвшую у камина съ выраженіемъ безропотной покорности на благородномъ лицѣ, у него явилась преступная мысль, что онъ также красивъ, какъ король, и имѣетъ такія-же, если еще не большія права на нее.

ГЛАВА II.

Батистъ не нарушилъ слова даннаго графинѣ, не смотря на ожидавшее его наказаніе плетьми, которому хотѣлъ его подвергнуть разгнѣванный Шабо де Бріонъ, но выждавъ удобную минуту напомнилъ молодому сеньеру о предложеніи дворецкаго остановиться въ аббатствѣ. Бріонъ, не довѣряя старому слугѣ, нанялъ себѣ помѣщеніе въ городкѣ Фуа, гдѣ думалъ провести остатокъ дня и слѣдующую ночь, такъ какъ былъ увѣренъ, что графиня Шатобріанъ въ замкѣ или гдѣ нибудь по близости его и надѣялся, что можетъ быть ему удастся отыскать ее. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ хозяина гостинницы и тотъ сообщилъ ему, что часъ тому назадъ какая-то дама проѣхала верхомъ въ замокъ въ сопровожденіи слуги. Бріонъ при этихъ словахъ бросилъ угрожающій взглядъ на Батиста и спросилъ хозяина: успѣетъ ли онъ до наступленія ночи побывать въ аббатствѣ св. Женевьевы?

— Аббатство отъ насъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла! отвѣтилъ хозяинъ. Если вы дойдете до лѣсу, то оно будетъ отъ васъ налѣво у рѣки. Привратникъ обходительный малый; вамъ будетъ не трудно вывѣдать у него: остановилась ли у нихъ сегодня пріѣзжая дама съ слугой?

Бріонъ тотчасъ же отправился въ путь и черезъ десять минутъ позвонилъ у воротъ аббатства. Дородный монахъ, исполнявшій должность привратника, отодвинулъ не много засовъ чтобы убѣдиться: стоитъ ли обращать вниманія на посѣтителя и впускать его въ мо-

Библиотека "Руниверс"

настырь. Увидя статнаго сеньера въ шляпѣ съ перомъ, онъ поспѣшилъ отворить ворота и сдѣлался необыкновенно вѣжливымъ. Вѣроятно Бріонъ получилъ бы сразу удовлетворительный отвѣтъ на свой вопросъ, потому что Флорентинъ не счелъ нужнымъ наложить на привратника обѣтъ молчанія относительно прибытія графини въ аббатство. Но онъ началъ съ того, что всыпалъ цѣлую горсть серебрянныхъ монетъ въ протянутую руку улыбающагося привратника и черезъ это возбудилъ его подозрѣніе.

— Если требуемое свѣдѣніе такъ важно для этого господина— разсуждалъ про себя привратникъ, то мнѣ нечего торопиться съ отвѣтомъ и можетъ быть удастся выманить у него еще прибавку. Руководствуясь подобными соображеніями и желая протянуть время, онъ отвѣтилъ уклончиво и спросилъ имя пріѣзжей дамы. Бріонъ началъ терять терпѣніе, и этимъ еще болѣе убѣдилъ плутоватаго монаха въ его догадкѣ, такъ что не могъ ничего добиться отъ него кромѣ обѣщанія навести справки и на другое утро дать отвѣтъ сеньеру.

Между тѣмъ Бріонъ, возвращаясь въ городъ и припоминая неловкое обращеніе привратника, окончательно убѣдился, что графиня находится въ монастырѣ и что онъ долженъ дѣйствовать скоро и рѣшительно, если желаетъ добиться успѣха. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ повернулъ назадъ и громко позвонивъ у воротъ аббатства, повелительно крикнулъ озадаченному привратнику, чтобы тотъ впустилъ его въ монастырь.

Монахъ молча повиновался. Онъ отворилъ сначала дверь, ведущую въ его келью надъ воротами, потомъ въ первый дворъ аббатства, поглядывая съ недоумѣніемъ на сеньера.

— Доложи г-ну аббату, что сеньеръ Шабо де Бріонъ желаетъ видѣть его преосвященство! Поворачивайся!..

— Меня не пустятъ къ его преосвященству! Я простой привратникъ...

— Ну такъ позови, кого слѣдуетъ и прикажи доложить обо мнѣ.

Хотя привратникъ не зналъ, долженъ ли онъ что скрывать отъ пріѣзжаго господина и не пускать его въ аббатство, но старался задержать его насколько возможно, не столько въ надеждѣ получить отъ него деньги, сколько изъ инстинкта братскаго самосохраненія и желанія оградить монастырь отъ непріятной случайности.

— Я займу твое мѣсто у воротъ, пока ты не вернешься.

— Сдѣлайте одолженіе; но вы не знаете нашихъ монастырскихъ правилъ и можете нарушить ихъ...

— Ну, скорѣе, я не привыкъ ждать.

Если бы Бріонъ могъ знать насколько его помощь была необходима любимой имъ женщинѣ, то онъ не велѣлъ бы докладывать о себѣ, а прямо, безъ всякихъ разговоровъ, обнаживъ шпагу, принудилъ бы привратника немедленно проводить его въ комнату пріѣзжей дамы.

Въ это самое время, при наступающихъ сумеркахъ, Флорентинъ

Библиотека "Руниверс"

изощрялъ свое краснорѣчіе діалектика и влюбленнаго. Взгляды, которые онъ высказывалъ теперь, были совершенно противоположны всему, тому, что онъ говорилъ графинѣ нѣсколько часовъ тому назадъ въ замкѣ. Тамъ онъ хотѣлъ внушить ей страхъ и отвращеніе отъ мірскихъ радостей; здѣсь въ монастырѣ онъ рисовалъ передъ ней яркими красками наслажденія тайной незаконной любви. Странная перемѣна въ словахъ и обращеніи Флорентина пугала графиню, но она была такъ несчастна, что не довѣряла логичности собственнаго мышленія и всѣмъ сердцемъ желала услышать ласковое слово. Потребность ласки присуща женщинѣ даже тогда, когда она удалена отъ любимаго человѣка; и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Франциска такъ довѣрчиво относилась къ другу своего дѣтства. Его мужественная красота нравилась ей; священническій санъ служилъ ручательствомъ его безкорыстныхъ намѣреній; къ тому-же она вѣрила, что только онъ одинъ можетъ успокоить ея разбитое сердце.

Такимъ образомъ Флорентину скоро удалось согнать облако печали съ лица Франциски; онъ увѣрилъ ее своими льстивыми рѣчами, что причина того затруднительнаго положенія, въ которомъ она очутилась такъ неожиданно, заключается въ ея неотразимой красотѣ и что всѣ мученія происходятъ отъ ея болѣзненнаго настроенія и сомнѣній робкаго ума.

— Неужели ты позавидуешь сѣрому камню? продолжалъ Флорентинъ.—Если его оставляютъ въ покоѣ, то онъ обязанъ этимъ своему ничтожеству и отсутствію красоты! Развѣ наша жизнь въ полномъ значеніи этого слова не состоитъ изъ вѣчныхъ опасеній и постоянно возрастающихъ неудовлетворенныхъ желаній?

— Но ты самъ Флорентинъ совѣтовалъ мнѣ бѣжать отъ свѣта, считая его опаснымъ для меня...

— Да, это необходимо пока возстановится равновѣсіе въ твоей душѣ. Еслибы ты владѣла собою, то неужели ты рѣшилась бы пріѣхать въ Фуа, зная заранѣе, что тебя ожидаютъ въ замкѣ сухія и скучныя проповѣди о нравственности. Тебѣ слѣдуетъ сосредоточиться; и я считаю хорошимъ признакомъ, что ты сама чувствуешь потребность уединенія. Ты не хотѣла безсмысленно покориться чужой волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ среди круговорота новой жизни не нашла въ себѣ достаточно спокойствія и самообладанія чтобы справиться съ собою. Тебѣ предстоитъ играть видную роль въ свѣтѣ; ты одновременно желаешь власти и спокойствія и при своемъ теперешнемъ душевномъ состояніи смѣшиваешь спокойствіе съ безжизненнымъ прозябаніемъ. Если ты пробудешь у насъ зиму и лѣто и прійдешь въ себя, то взглянешь совсѣмъ иными глазами на великолѣпіе двора и на обѣихъ герцогинь. Ты поймешь, что наслажденіе и власть могутъ идти рука объ руку и будешь властвовать и наслаждаться въ одно и тоже время.

Торопись Шабо-де-Бріонъ! Франциска настолько умна, что можетъ

Библиотека "Руниверс"

увлечься опасными рѣчами своею собесѣдника и настолько взволнована, что врядъ ли у ней хватитъ силъ бороться съ опасностью. Спаси ее сегодня отъ Флорентина, завтра, быть можетъ, онъ уже не будетъ опасенъ для нея; она прійдетъ въ себя и почувствуетъ свою силу отъ сознанія твоей близости и твоего безкорыстнаго участія къ ней.

Къ сожалѣнію, это было крайне трудно. Хотя аббатъ былъ человѣкъ добродушный и врядъ ли считалъ нужнымъ не пускать посѣтителей къ молодой графинѣ, но все затрудненіе заключалось въ томъ, что онъ самъ не зналъ, какого мнѣнія ему слѣдуетъ держаться въ этомъ дѣлѣ.

Священникъ въ Блуа, зорко слѣдившій за тѣмъ, что дѣлалось при дворѣ, съ нѣкотораго времени часто писалъ настоятелю монастыря, извѣщая его о вѣроятномъ прибытіи графини Шатобріанъ на родину. Но тѣмъ не менѣе это событіе застало аббата врасплохъ. Флорентинъ, ежедневно посѣщавшій замокъ въ виду прибытія графини, такъ неожиданно привелъ ее въ монастырь, что аббатъ, который вообще отличался медленностью и осторожностью въ своихъ дѣйствіяхъ, не успѣлъ составить никакого опредѣленнаго плана поведенія въ настоящемъ случаѣ. Онъ зналъ, что Шабо-де-Бріонъ пользуется особенною милостью короля и хотѣлъ угодить молодому сеньеру, но боялся повредить дѣлу излишнею поспѣшностью.

Свиданіе молодого сеньера съ графиней Шатобріанъ представляло двоякую опасность. Бріонъ могъ искать расположенія прекрасной дамы лично для себя, или присвоить себѣ одному награду отъ короля, если ему удастся уговорить ее вернуться къ герцогинѣ Алансонской. Но священники сами желали получить эту награду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ значительнѣе, чѣмъ долѣе они удержатъ у себя драгоцѣнный залогъ и, оградивъ графиню отъ постороннихъ вліяній, придадутъ ей мужества для борьбы съ свѣтскими искушеніями.

Въ виду этихъ соображеній, аббатъ употребилъ всѣ старанія чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ своего посѣтителя и завелъ длинную рѣчь о томъ, что настоящій случай представляется ему настолько затруднительнымъ, что онъ считаетъ не возможнымъ дать скорый отвѣтъ.

— Напротивъ, я не вижу тутъ ни малѣйшаго затрудненія, ни для васъ, ни для аббатства, возразилъ Бріонъ, потому что мое посѣщеніе касается лично графини; я желаю знать ея мнѣніе и прошу васъ доставить мнѣ возможность видѣться съ нею.

— Мнѣ кажется, что графиня достаточно ясно высказала свое мнѣніе, покинувъ дворъ по собственному желанію, или, говоря точнѣе, обратившись въ бѣгство отъ окружавшихъ ее соблазновъ.

— Однимъ словомъ вамъ угодно считать графиню своей узницей?

— Ничуть! мы смотримъ на нее какъ на беззащитное существо,

Библиотека "Руниверс"

которое обратилось къ нашему покровительству, чтобы избавиться отъ назойливости нѣкоторыхъ людей.

— Вы обвиняете въ назойливости короля Франциска?

— Избави меня Богъ отъ подобной мысли!

— Но вы тѣмъ не менѣе высказали ее и я кляпусь вамъ моей шпагой, что вы подвергнетесь строгой отвѣтственности за эти слова!

— Вы напрасно обвиняете меня, сеньеръ Шабо-де-Бріонъ...

— Вы изъ первыхъ испытаете на себѣ, что конкордатъ не пустое слово, лишенное значенія, такъ какъ впредь король Франціи будетъ самъ набирать настоятелей, аббатовъ и епископовъ! Вамъ вѣроятно извѣстно, что предстоящіе выборы подлежатъ утвержденію короля! Позвольте васъ спросить давно ли вы получили званіе аббата?

Аббатъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на этотъ прямой вопросъ, потому что былъ избранъ въ то самое время, когда былъ заключенъ знаменитый конкордатъ тогда еще не обнародованный. Онъ ловко перемѣнилъ тему разговора, разсыпаясь въ увѣреніяхъ, что король не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны аббатства св. Женевьевы, потому что имъ извѣстно серіозное намѣреніе его величества возвести на французскій престолъ графиню Шатобріанъ, какъ даму выдающуюся по своимъ достоинствамъ.

— Наше единственное желаніе, добавилъ аббатъ, заключается въ томъ, чтобы соблюдена была извѣстная форма. Это на всѣхъ произведетъ хорошее впечатлѣніе и скорѣе всего возвратитъ бодрость напуганной молодой женщинѣ.

Аббатъ настолько отклонился отъ разговора, что Бріонъ опять долженъ былъ повторить всѣ свои прежніе доводы, чтобы добиться свиданія съ графиней. Но эта потеря времени была очень кстати для Флорентина, который былъ знатокомъ женскаго сердца, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ сряду занимался обученіемъ послушницъ, разъясняя имъ обязанности ихъ будущаго призванія. Онъ прямо коснулся главнаго вопроса занимавшаго подругу его дѣтства.

— Докажите женщинѣ законность ея тайнаго желанія съ помощью успокоительной философіи, говорилъ обыкновенно молодой священникъ въ кругу своихъ друзей,—и она сразу повеселѣетъ и вооружится мужествомъ. Женщины всѣ безхарактерны; страхъ и желаніе идутъ у нихъ рука объ руку; онѣ боятся отступить отъ нравственныхъ принциповъ и въ то же время чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ удовольствіямъ. Если вы поможете имъ справиться съ принципами, то онѣ благодарны вамъ какъ дѣти, которыя цѣлуютъ учителя когда онъ позволитъ имъ бросить ученіе и приняться за игру. Онѣ не любятъ только, когда съ ними обходятся какъ съ безсмысленными существами; и имъ нельзя отказать въ умѣ;—мы превосходимъ женщинъ только послѣдовательностью нашего мышленія! У нихъ столько же мыслей, какъ у насъ, но женщину всегда легко сбить съ толку и мысли ея разлетятся въ стороны какъ табунъ ди-

Библиотека "Руниверс"

кихъ лошадей; если же вы вслѣдъ затѣмъ сдѣлаете видъ, что умѣете ловить и обуздывать эти непокорныя мысли, то женщина съ благоговѣніемъ преклонится передъ вашимъ умомъ и характеромъ...

— Франциска, спросилъ молодой священникъ на мѣстномъ полуиспанскомъ нарѣчіи, которое графиня не слыхала со времени своего замужества—признайся, ты любишь французскаго короля?

— Какой странный вопросъ! воскликнула молодая женщина, вскочивъ съ своего кресла.

— Этого достаточно! Твое восклицаніе краснорѣчивѣе для меня всякаго отвѣта. Не возражай, оставайся спокойно на своемъ мѣстѣ и взгляни мнѣ въ глаза. Боязливое дитя, какъ дрожитъ твоя рука и бьется серце. Встрѣтившись съ тобой сегодня утромъ я думалъ, что имѣю дѣло съ сильной женщиной, которая чувствуетъ себя виновной передъ собственной совѣстью и обратился къ тебѣ съ рѣзкою рѣчью и рѣзкими упреками. Прости меня, Франциска; я вижу, что напрасно мучилъ тебя; ты осталась такой же наивной и неопытной дѣвушкой, какою уѣхала отъ насъ съ суровымъ графомъ, пять лѣтъ тому назадъ. Бѣдняжка ты приписываешь себѣ воображаемые грѣхи; твоя душа возмущена насильственнымъ супружествомъ, которое не могло ни удовлетворить, ни унизить тебя. Свѣтъ по своему обыкновенію подводитъ все подъ одну мѣрку; въ то время какъ другія женщины съ менѣе воспріимчивой душой дѣлаютъ тоже самое, чего ты ожидаешь для себя въ будущемъ и живутъ счастливо въ мирѣ съ своей совѣстью, ты мучишься при одной мысли объ опасности, которая можетъ угрожать тебѣ.

— Развѣ сознаніе близкой опасности не должно безпокоить меня? Если моя душа воспріимчивѣе, чѣмъ у многихъ другихъ женщинъ, то я должна тѣмъ строже и внимательнѣе относиться къ моимъ обязанностямъ.

— Ты повидимому достаточно упражнялась въ философствованіи Франциска и поэтому я легко могу себѣ представить какъ ты боролась и страдала. Бѣдный другъ мой! Ты потратишь такимъ образомъ лучшіе года твоей молодости въ напрасныхъ сомнѣніяхъ и слишкомъ поздно прійдешь къ сознанію, что эта неумѣстная совѣстливость лишила тебя возможности пользоваться счастьемъ, которое назначило тебѣ провидѣніе богато одаривъ всѣми преимуществами чтобы очаровать чувственнаго короля и осчастливить его, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлое государство.

— Что это значитъ Флорентинъ? Ты совѣтуешь мнѣ предаться грѣшной склонности? Ты хочешь испытать меня... Твоя рука дрожитъ въ моей рукѣ!..

— Да, я дѣйствительно взволнованъ потому что меня выводитъ изъ терпѣнія слабость нашего бреннаго міра для котораго нужны избитыя правила нравственности чтобы удержаться въ равновѣсіи. Эти правила годятся только для жалкой посредственности: они при-

Библиотека "Руниверс"

водятъ богато одаренныя натуры къ лжи и обману или же къ разрушительному безплодному самоотреченію. Послѣднее представляетъ собою еще наилучшій исходъ. Если моя рука дрожитъ, то потому, что я золъ на самого себя, на мою неспособность выразить то, что мой умъ считаетъ несомнѣннымъ и не опровержимымъ. Я мало знакомъ со свѣтомъ и мой жизненный опытъ ограничивается стѣнами монастыря, но этого было достаточно для меня чтобы прійти къ убѣжденію, что истинная добродѣтель не подходитъ къ масштабу, по которому судитъ свѣтъ и вовсе не заключается въ насильственномъ удаленіи отъ мірскихъ соблазновъ. Твое бѣгство отъ міра показываетъ безсиліе и недостойно существа, богато одареннаго всѣми преимуществами чтобы жить съ пользою для себя и другихъ. Это своего рода неблагодарность, потому что Господь не для того далъ намъ плодовое дерево чтобы мы срубили его въ ту пору, когда оно покрыто плодами и употребили на заборъ.

— Флорентинъ, у меня кружится голова, потому что я не могу уловить нить твоихъ мыслей.

— У меня также... Развивая свои взгляды я не увѣренъ достаточно ли понятны тебѣ мои слова.

— Ты священникъ римско-католической церкви.

— Да, потому что меня предназначили къ духовному званію прежде нежели я могъ самъ рѣшать что либо. Я священникъ потому, что бѣденъ; это единственное положеніе которое открываетъ бѣднымъ путь къ могуществу, а власть надъ умомъ и совѣстью людей самая сильная какая существуетъ на землѣ.

— Можетъ быть ты склоняешься на сторону реформаціи, начало которой положено въ Германіи?

— Нѣтъ. Форма для меня безразлична и вообще я считаю опаснымъ мѣнять ее. Каждая форма имѣетъ значеніе въ свое время но рано или поздно становится слишкомъ узкой и никуда негодной. Пусть тотъ интересуется ею кто слишкомъ дешево цѣнитъ собственную жизнь и вѣритъ въ совершенство человѣческаго изобрѣтенія. Я не принадлежу къ счастливцамъ, способнымъ на подобное самообольщеніе и убѣжденъ, что все придуманное людьми носитъ въ себѣ зародышъ смерти. Я придаю значеніе только человѣческой личности и ея свободнымъ проявленіямъ, такъ какъ имъ нѣтъ предѣловъ.

— Развѣ личность не умираетъ еще быстрѣе и неизбѣжнѣе нежели форма?

— Да, но я знаю заранѣе, что съ моей смертью все кончено для меня и съ этой стороны я гарантированъ отъ самообольщенія.

— Но если твоей личности грозитъ нравственная гибель? спросила графиня.

— Развѣ объятія смерти не всегда открыты для меня?

— Я не могу помириться съ подобнымъ міросозерцаніемъ!

Библиотека "Руниверс"

— Еще менѣе можно помириться съ формой, деспотически навязанной намъ!

— Внѣ формы варварство!

— Ты не совсѣмъ поняла меня Франциска. Она необходима для тѣхъ людей, которые не способны на самостоятельное мышленіе. Я самъ строго придерживаюсь существующей формы и нахожу своего рода наслажденіе въ томъ, что дѣлаю изъ нея то, что мнѣ вздумается. По моему убѣжденію господствующая форма установленная римско-католической церковью самое умное изобрѣтеніе прошлыхъ вѣковъ; она несравненно болѣе интересуетъ меня нежели жалкія попытки позднѣйшихъ реформаторовъ. Тебѣ нечего трепетать передъ нею: она не лишаетъ человѣка возможности пользоваться радостями жизни, но только требуетъ отъ него чтобы онъ искупилъ свои грѣхи исповѣдью и покаяніемъ. А ты моя бѣдная Франциска видишь все въ преувеличенномъ свѣтѣ; не совершивъ грѣха ты мучишься раскаяніемъ и поступаешь какъ слишкомъ заботливый хозяинъ, который боится прожить капиталъ, тогда какъ проценты его настолько велики что онъ можетъ спокойно просуществовать ими всю свою жизнь. Ты не увѣришь меня, что женщина съ твоимъ умомъ станетъ умерщвлять свою плоть изъ-за пустыхъ предразсудковъ или изъ боязни осужденія со стороны ограниченныхъ людей понимающихъ вещи съ своей узкой точки зрѣнія.

— Флорентинъ!..

— Не прерывай меня! Я удивляюсь, что у тебя хватило силы такъ долго противиться королю; но этимъ ты на столько усилила его любовь къ тебѣ, что можешь смѣло разсчитывать на видное положеніе въ свѣтѣ. Когда ты сдѣлаешься французской королевой, то скажешь съ гордостью, что ты этимъ обязана не только своей красотѣ, но и твоему умственному превосходству.

— Ты приводишь меня въ ужасъ Флорентинъ!

— Я знаю это! сказалъ онъ со смѣхомъ, цѣлуя руку, которую она хотѣла вырвать изъ его руки. Вы, женщины, дѣйствуете всегда не разсуждая; въ этомъ заключается ваше превосходство надъ мужчинами. Та мудрость, которую мы старательно приводимъ въ систему замѣняется у васъ инстинктомъ; отсюда и явилось поэтическое выраженіе, что „женщины думаютъ сердцемъ“ или другими словами не подчиняются никакимъ общимъ опредѣленнымъ правиламъ. Тѣмъ не менѣе моя дорогая Франциска прими дружескій совѣтъ: не предавайся слишкомъ самобичеванію налагаемому на тебя условной добродѣтелью! Не забывай, что ты этимъ приносишь вредъ своему прекрасному тѣлу и разрушаешь роскошный храмъ воздвигнутый природой. Перестань хмурить свои очаровательныя черныя брови! Зачѣмъ такъ болѣзненно сжимаются эти полныя губки созданныя для поцѣлуевъ...

Бѣдная, измученная женщина не сознавала опасности своего по-

Библиотека "Руниверс"

ложенія. Невѣроятная наглость человѣка, къ которому она чувствовала сестринскую привязанность, на столько ошеломила ее, что она усиленно думала объ его словахъ, и была въ какомъ то безсознательномъ окаменѣломъ состояніи. Она не видѣла и не чувствовала, какъ Флорентинъ сдвинувъ платокъ съ ея плечъ покрывалъ поцѣлуями ея шею и грудь и сильными руками прижималъ къ себѣ. Душа ея не участвовала въ томъ чувственнемъ возбужденіи, которое мало по малу сообщалось ея нервамъ и крови и она едва не отдалась безъ сопротивленія человѣку, который въ эту минуту ничего не внушалъ ей кромѣ безсознательнаго страха. Но внезапный стукъ въ дверь заставилъ Флорентина выпустить несчастную жертву изъ своихъ объятій и вывелъ ее изъ состоянія неподвижности и невольной покорности. Она сразу поняла весь ужасъ своего положенія и съ громкимъ крикомъ вскочила съ своего кресла, закрывъ лицо руками. Въ дверяхъ она опять очутилась въ чьихъ то объятіяхъ; кто-то схвалилъ ее за руки и покрывалъ ихъ горячими поцѣлуями. Это была ея бывшая кормилица Марго, которая постучавъ въ дверь, вошла въ комнату съ какой то дамой и бросилась обнимать свою милую Франциску.

Но та съ испугомъ оттолкнула ее, и немного опомнилась, когда услыхала голосъ своей второй матери. Стоя среди комнаты, она не спускала глазъ съ Флорентина, который сначала смущался этимъ, а затѣмъ спокойно встрѣтилъ ея взглядъ иронической улыбкой, которая выводила ее изъ терпѣнія. Его раскраснѣвшееся красивое лицо казалось такимъ отвратительнымъ молодой женщинѣ, что она невольно сравнила его съ обманчивой поверхностью тихаго озера, скрывающею опасныя мели и чудовищныхъ гадовъ. Съ ней сдѣлалась лихорадочная дрожь отъ внутренняго леденящаго холода.

Добродушная Марго не могла прійти въ себя отъ удивленія, что ея дорогая Франциска такъ равнодушно относится къ ней послѣ пятилѣтней разлуки. Она съ смущеніемъ смотрѣла то на своего сына, то на молодую даму, которую привела съ собой чтобы познакомить съ графиней.

— Если не ошибаюсь, Флорентинъ, сказала наконецъ Марго, медленнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ, ты велъ себя не такъ какъ слѣдуетъ и обманулся въ разсчетѣ!..

— Позвольте мнѣ Франциска представить вамъ герцогиню Химену Инфантадо — сказалъ поспѣшно Флорентинъ, прерывая свою мать. Если графиня Фуа рѣшилась послать ее къ вамъ, то это несомнѣнный знакъ, что ея настроеніе относительно васъ измѣнилось къ лучшему!

— Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось! воскликнула Марго. Я не могу понять откуда взялось у графини такое странное мнѣніе о своей дочери! Господь да проститъ ее! она и слышать не хочетъ о моей бѣдной Францискѣ! Знатные люди совсѣмъ не то,

Библиотека "Руниверс"

что мы... я сама привела Химену; она хотѣла познакомиться съ тобой Франциска и утѣшить тебя...

Химена при этихъ словахъ подошла къ графинѣ Шатобріанъ и робко протянула ей руку.

Трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое впечатлѣніе производила наружность молодой дѣвушки. Большіе черные глаза смотрѣли печально и задумчиво; губы были слегка окрашены. Ея небольшое лицо съ высокимъ лбомъ и округленными висками имѣло блѣдно-желтый оттѣнокъ, свойственный дѣвушкамъ при переходѣ отъ отрочества къ дѣвичеству. Узкое черное платье изъ простой матеріи съ высокимъ воротомъ плотно обхватывало ея тоненькую фигуру; и только дорогой вуаль, изящная форма головы, узкія, длинныя руки и красивая нога свидѣтельствовали о знатности происхожденія. Болѣе оскорбленная нежели сконфуженная она отступила на нѣсколько шаговъ отъ графини Шатобріанъ, которая сидѣла молча, не обращая на нее никакого вниманія.

Въ это время отворилась дверь и въ комнату вошелъ Шабо де-Бріонъ, въ сопровожденіи аббата.

— Бріонъ, мой спаситель! радостно воскликнула графиня, бросаясь къ нему и схвативъ за обѣ руки. О мой Боже! благодарю тебя, ты не оставилъ меня!..

Насколько молодой сеньеръ почувствовалъ себя счастливымъ отъ этого пріема, настолько же былъ озадаченъ аббатъ. Взявъ подъ руку Флорентина онъ поспѣшно увелъ его въ амбразуру окна для переговоровъ.

Графиня воспользовалась этимъ моментомъ и сказала вполголоса Бріону, чтобы онъ скорѣе и во что бы то ни стало увезъ ее куда нибудь изъ этого дома.

Можно себѣ легко представить отвѣтъ влюбленнаго сеньера!

— Сдѣлайте это тотчасъ-же!.. добавила она.

— Я къ вашимъ услугамъ, графиня!

Но прежде чѣмъ они дошли до двери, Флорентинъ, замѣтивъ намѣреніе графини бросился къ ней съ поспѣшностью не соотвѣственною его сану и, загородивъ ей дорогу, потянулъ за шнурокъ висѣвшій у двери. Раздался громкій протяжный звонъ подъ сводами галерей и корридоровъ аббатства.

— Сеньеръ! эта дама останется въ аббатствѣ!

— Ты не смѣешь удерживать эту даму, монахъ. Графиня можетъ выѣхать изъ аббатства когда ей угодно!

— Только не теперь и не съ вами, сеньеръ.

— Это почему?

— Здѣсь не мѣсто объяснять вамъ причины. Если вамъ угодно будетъ послѣдовать за нами въ гостинную его преосвященства г-на аббата...

Библиотека "Руниверс"

— Мнѣ это неугодно! Его преосвященству извѣстна цѣль моего посѣщенія.

— Развѣ я должна считать себя плѣнницей въ аббатствѣ св. Женевьевы и не могу уйти остюда, когда мнѣ вздумается? спросила графиня, обращаясь къ растерянному аббату.

Полная осанистая фигура аббата направилась къ двери, гдѣ стоялъ Флорентинъ. Онъ видимо ожидалъ отъ молодого священника разрѣшенія своихъ недоумѣній.

— Вы совершенно свободны, графиня, отвѣтилъ аббатъ вѣжливымъ тономъ. Наше аббатство, да благословитъ его Господь, не темница, а убѣжище для лицъ удрученныхъ горемъ!

— Вѣроятно для тѣхъ, которыя желаютъ остаться у васъ, а я не принадлежу къ числу ихъ! замѣтила графиня.

— Мы напрасно теряемъ время! не удерживайте насъ благочестивые отцы! сказалъ Бріонъ и, взявъ подъ руку графиню, сдѣлалъ шагъ къ двери.

Флорентинъ шепнулъ аббату:

— Если мы теперь пустимъ ее съ этимъ сеньеромъ, все потеряно для насъ! поддержите меня и не мѣшайте моимъ распоряженіямъ.

Дородный аббатъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Оставьте въ покоѣ эту даму, молодой сеньеръ, сказалъ Флорентинъ, обращаясь къ Бріону. Мы согласились взять графиню на свое попеченіе и обязаны оберегать ее отъ назойливости разныхъ господъ.

— Ты лжешь, никто не поручалъ меня вамъ! воскликнула съ негодованіемъ графиня.

— Ваша мать графиня Фуа просила его преосвященство взять васъ на свое попеченіе!

Этотъ отвѣтъ смутилъ молодую женщину и она замолчала; но Бріонъ отвѣтилъ съ запальчивостью:

— Какую власть имѣетъ графиня Фуа надъ графиней Шатобріанъ! Развѣ недостаточно, что она распорядилась судьбою дочери, когда та была ребенкомъ, не принимая въ разсчетъ ея счастья. Материнская власть графини Фуа давно кончилась. Эта дама можетъ дѣйствовать самостоятельно.

— Вамъ извѣстно, что эту даму зовутъ графиней Шатобріанъ, сказалъ Флорентинъ, и, что ея властелинъ, графъ Шатобріанъ, имя котораго она носитъ. Онъ приказалъ чтобы супруга его оставалась въ аббатствѣ, пока онъ не потребуетъ ее къ себѣ.

Графиня вздрогнула при этомъ заявленіи; изъ груди ея вырвался слабый стонъ.

Бріонъ крѣпко пожалъ ей руку чтобы ободрить ее и крикнулъ рѣшительнѣе прежняго:

— Прочь съ дороги, лживые монахи, или я заставлю васъ пропустить меня! Клянусь честью дворянина, что король, именемъ ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго я дѣйствую, заставитъ васъ и ваше аббатство вѣчно помнить эту исторію!

Аббатъ окончательно растерялся отъ этой сцены и сдѣлалъ попытку прекратить ее; но Флорентинъ не уступалъ и хладнокровно отвѣтилъ Бріону:

— Король получитъ извѣстіе о случившемся, прежде, чѣмъ вы доѣдете до Парижа; онъ вполнѣ довѣряетъ намъ и уважаетъ неприкосновенность монастырскихъ стѣнъ. Передайте ему, что мы ожидаемъ его приказаній, но сочли неприличнымъ поручить беззащитную даму первому встрѣченному дворянину, который заявилъ намъ, что дѣйствуетъ именемъ короля, не представивъ при этомъ никакихъ осязательныхъ доказательствъ. Не обнажайте напрасно шпаги въ домѣ св. Женевьевы! Мы не такъ беззащитны какъ вамъ кажется; хотя двери открыты, но выйдя отсюда, вы удидите, что всѣ переходы и ворота заняты вооруженными монастырскими слугами, которые никого не выпустятъ изъ аббатства безъ нашего разрѣшенія.

Съ этими словами Флорентинъ отворилъ дверь въ корридоръ, въ углубленіи котораго виднѣлась толпа вооруженныхъ людей.

Наступила томительная минута. Но Бріонъ скоро положилъ конецъ общему недоумѣнію. Онъ быстро отвернулся отъ священниковъ стоявшихъ у дверей и удалившись съ графиней въ глубину комнаты, гдѣ никто изъ присутствующихъ не могъ слышать ихъ, сказалъ шопотомъ:

— Вы видѣли этихъ вооруженныхъ людей: они не выпустятъ насъ отсюда и я напрасно подвергну свою жизнь неминуемой опасности. Останьтесь пока здѣсь, графиня; хитростью или насиліемъ я освобожу васъ. Можетъ быть мнѣ удастся какъ нибудь уговорить аббата...

— Берегитесь, насъ могутъ подслушать, сказала графиня.

— Когда вы увидите бѣлый платокъ, привязанный къ дереву подъ этимъ окномъ, то знайте, что я нашелъ возможность освободить васъ...

Бріонъ замолчалъ, такъ какъ Флорентинъ стоялъ возлѣ нихъ. Онъ поспѣшно поцѣловалъ руку графини и вышелъ изъ комнаты, сдѣлавъ знакъ аббату чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ.

Флорентинъ, замѣтивъ это, тотчасъ же присоединился къ нимъ. Онъ не хотѣлъ оставлять Бріона наединѣ съ аббатомъ, зная по опыту уступчивость послѣдняго. Хотя онъ былъ увѣренъ, что графиня не выдастъ его, но имѣлъ достаточный поводъ опасаться, что если она уѣдетъ отъ нихъ въ своему теперешнемъ настроеніи, то это можетъ повредить аббатству и въ особенности его будущей карьерѣ. Онъ рѣшилъ не выпускать молодой женщины изъ монастыря, до тѣхъ поръ, пока ему не удастся опять расположить ее въ свою пользу.

Между тѣмъ графиня была въ такомъ лихорадочномъ состояніи, благодаря потрясающимъ впечатлѣніямъ, которыя она испытала въ

Библиотека "Руниверс"

продолженіи нѣсколькихъ часовъ, что еще болѣе ухудшила свое положеніе необуманнымъ рѣшеніемъ. Оставшись на единѣ съ кормилицей она бросилась къ ней на шею и со слезами умоляла содѣйствовать ея бѣгству изъ аббатства. Марго, представлявшая собою олицетворенное добродушіе, тотчасъ-же согласилась на все, обѣщала ни чего не говорить своему сыну и помогать Бріону дѣломъ и словомъ. Никакія сомнѣнія не тревожили ее. Входъ въ аббатство былъ открытъ для нея днемъ и ночью; не подозрѣвая насколько бѣгство Франциски можетъ повредить ея собственному сыну она рѣшила отыскать Бріона и устроить все въ эту-же ночь. Взявъ за руку Химену, на которую никто не обращалъ вниманія и громко разсуждая сама съ собой о томъ какъ лучше приняться за дѣло, она вышла изъ комнаты.

Въ это время уже наступила длинная зимняя ночь; огонь въ каминѣ началъ потухать. На дворѣ бушевалъ вѣтеръ, нагоняя облака на мѣсяцъ. Грозно скрипѣли подъ окномъ столѣтнія сосны, ударяя время отъ времени своими вѣтками о стѣну.

Франциска подошла къ окну. Мысль о бѣгствѣ настолько занимала ее, что ей даже не пришло въ голову запереть на ключь дверь выходившую въ корридоръ. Она въ первый разъ полюбопытствовала узнать, куда выходитъ ея единственное окно. Комната была угловая и въ нижнемъ этажѣ; къ счастью только лѣвая глухая стѣна принадлежала къ фасаду, обращенному къ замку Фуа, среди котораго былъ главный входъ съ кельей привратника, такъ что графиня могла смѣло расчитывать, что со стороны фасада никто не увидитъ ее, если она вздумаетъ убѣжать изъ окна. Повидимому Флорентинъ, назначивъ ей эту комнату, вовсе не думалъ о возможности бѣгства, потому что нельзя было придумать помѣщенія болѣе удобнаго для этой цѣли.

Широкая вѣковая стѣна, окружавшая дворы аббатства въ этомъ мѣстѣ такъ близко подходила къ карнизу окна, что можно было, сдѣлавъ одинъ шагъ, прямо вступить на стѣну съ подоконника, который приходился почти въ уровень съ поломъ. За этимъ угломъ сосны прекращались и начинался обширный лугъ, насколько можно было видѣть среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ зданій аббатства. Полный мѣсяцъ, выглядывая по временамъ изъ-за облаковъ освѣщалъ своимъ фантастическимъ свѣтомъ монастырскія зданія, лугъ и гору St. Sauveur, похожую на громадное бѣлое привидѣніе.

Франциска открыла окно. Вѣтеръ затихъ въ эту минуту и она съ наслажденіемъ дышала свѣжимъ воздухомъ. Ей казалось, что она провела въ заточеніи много лѣтъ. Развѣ бретанскій замокъ, куда она вступила въ качествѣ графини Шатобріанъ, не былъ для нея тяжелой тюрьмой?

— Развѣ я когда нибудь была свободна, спрашивала она себя съ глубокой тоской,—и цѣпи невольничества не преслѣдовали

Библиотека "Руниверс"

меня своимъ бряцаніемъ въ Блуа и не вынудили искать убѣжища за монастырскими стѣнами? А воспитаніе на этой горѣ въ замкѣ не было ли это своего рода заточеніемъ? Не держала ли меня суровая мать за желѣзными рѣшетками своихъ предписаній? Моя дорогая Констанція, какъ изнываетъ мое сердце въ разлукѣ съ тобой! Если мнѣ суждено опять увидѣть тебя, то я буду руководить тобой, не насилуя относительно выбора жизненнаго пути. О Боже! возврати мнѣ моего ребенка и спаси меня отъ соблазновъ свѣта!

Она облокотилась на подоконникъ, мечтая о возможности вырвать свою дочь изъ рукъ мужа и жить съ нею на свободѣ вдали отъ свѣта. Она не замѣтила какъ поднялся вѣтеръ и дверь, выходившая въ корридоръ отворилась настежь. Въ головѣ ея мелькнула непріятная мысль и заставила усиленно биться ея сердце. Химена, совершенно незнакомое ей существо, которое она даже не удостоила привѣтливымъ словомъ, была свидѣтельницей ея разговора съ Марго и знала весь планъ предполагаемаго бѣгства. Оскорбленная дѣвушка при своей неопытности, могла все разсказать старой графинѣ Фуа, у которой она жила въ это время, тѣмъ болѣе, что вовсе не была заинтересована сюблюдать тайну.

— Горе мнѣ! воскликнула Франциска, несчастіе преслѣдуетъ меня; Я погибну если останусь въ этомъ домѣ; Флорентинъ овладѣетъ мною!

Это печальное сознаніе явилось у молодой женщины вслѣдствіе того волненія, которое было возбуждено въ ней объятіями Флорентина. Оно охватило ее въ ту минуту, когда стоя подъ руки съ Бріономъ, она молча слушала его споръ съ Флорентиномъ; даже теперь она чувствовала съ болью въ сердцѣ трепетъ неудовлетвореннаго желанія. Во всемъ тѣлѣ это ощущеніе казалось ей такимъ же предвѣстникомъ гибели, какъ крикъ ворона въ замкѣ.

Печально смотрѣла она, то на высокую пустую комнату и на открытую дверь, черезъ которую могъ ежеминутно войти искуситель, то на деревья подъ окномъ, гдѣ долженъ былъ появиться спасительный знакъ. Не ошиблась ли она?... На ближайшемъ деревѣ дѣйствительно развѣвался бѣлый платокъ, а вслѣдъ затѣмъ на стѣнѣ появилась мужская фигура. Это вѣрно Шабо де-Бріонъ!... Она узнала его и дрожа отъ радости хотѣла встать на подоконникъ и протянуть ему руку, но въ эту минуту ей показалось, что кто-то идетъ по корридору поспѣшными шагами. Проклиная себя, что не догадалась запереть во время дверь, она остановилась въ нерѣшимости среди комнаты, но услыхавъ голосъ Бріона, который звалъ ее по имени, бросилась къ двери и замерла отъ ужаса. Передъ нею стоялъ Флорентинъ, котораго она тотчасъ-же узнала при лунномъ освѣщеніи.

У ней достало силъ подавить крикъ испуга, готовый вырваться изъ ея груди; однако прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ она придумала какимъ способомъ скрыть близкое присутствіе Бріона. Она ясно слышала хрустѣніе вѣтвей за окномъ и чтобы заглушить его

Библиотека "Руниверс"

инстинктивно возвысила голосъ. Сначала она сама не сознавала, что говорила, потому что думала о томъ, чтобы произвести побольше шуму, но мало по малу невольно поддалась негодованію, накипѣвшему въ ея сердцѣ и забывая, что Бріонъ слышитъ каждое ея слово, разразилась противъ Флорентина горькими упреками. Но она тотчасъ же смирилась, когда онъ взялъ ее за руку. Это прикосновеніе опять привело ее въ то полусознательно возбужденноее, состояніе, котораго она такъ боялась и ей нужно было употребить надъ собой нравственное усиліе, чтобы отнять руку и отойти отъ него.

Флорентинъ заперъ за собой дверь и подошелъ къ ней.

— Франциска, сказалъ онъ, ты имѣешь право говорить со мной такимъ образомъ; въ одномъ только ты несправедливо обвиняешь меня: будто бы я хочу погубить тебя и сдѣлать несчастной. Я напротивъ того, желаю тебѣ счастья и по возможности полнаго и продолжительнаго. Я подвергалъ тебя искушенію, предполагая, что ты могла измѣниться со времени нашей разлуки и убѣдился, что составилъ о тебѣ ложное мнѣніе. Ты оказалась безпорочнѣе и неопытнѣе, нежели я думалъ. Но тѣмъ труднѣе будетъ для тебя борьба со свѣтомъ и ты болѣе нуждаешься въ моей помощи, нежели ты въ состояніи понять это. Я знаю, что невольно оскорбилъ тебя и мнѣ не скоро удастся заслужить твое довѣріе, тѣмъ не менѣе оно необходимо, если ты хочешь, чтобы побѣда осталась на твоей сторонѣ въ извѣстномъ дѣлѣ. Вотъ причина, почему я настаивалъ, чтобы ты осталась у насъ. Даже помимо того, что мнѣ нужно еще многое разъяснить тебѣ и наставить на путь истинный, я никогда не позволилъ бы тебѣ уѣхать съ какимъ нибудь легкомысленнымъ сеньеромъ. Это значило бы бросить на вѣтеръ всѣ преимущества, которыя доставила тебѣ твоя безупречная добродѣтель. Я знаю, напримѣръ, что ты любишь короля Франциска...

— Кто тебѣ далъ право высказывать мнѣ подобныя предположенія! воскликнула графиня, прерывая рѣчь священника, такъ какъ она не хотѣла, чтобы Бріонъ узналъ сокровенную тайну ея сердца.

— Ты любишь мечтательною любовью рыцарскаго короля Франциска, продолжалъ священникъ спокойнымъ голосомъ и убѣдившись, что онъ ухаживаетъ за тобой и съ горячностью добивается твоей привязанности, ты обратилась въ бѣгство. Короче сказать, ты поступила какъ добродѣтельная и мудрая женщина, такъ что трудно опредѣлить, что собственно руководило тобой: добродѣтель или мудрость. Благодаря этому, можно предвидѣть моментъ, когда король, потерявъ надежду сдѣлать тебя своей любовницей, принужденъ будетъ сказать сановникамъ своего государства: я выбралъ королеву, отправляйтесь въ Пиринеи и скажите графинѣ Шатобріанъ, что я прошу ея руки; ждите у воротъ аббатства пока настоятель объявитъ вамъ, что святой отецъ въ Римѣ освободилъ ее отъ прежняго обязательства и привезите сюда королеву Франциску! Все это

Библиотека "Руниверс"

ты умно подготовила; зачѣмъ же хочешь ты все уничтожить однимъ ударомъ, вслѣдствіи недоразумѣнія, возникшаго между друзьями молодости? Неужели тебѣ непонятно, что ты безвозвратно испортила бы себѣ будущность, слѣпо довѣрившись молодому сеньеру, который могъ увезти тебя куда вздумается и распорядиться по своему усмотрѣнію; и во всякомъ случаѣ, даже при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ, сопровождая тебя такимъ романическимъ и двусмысленнымъ способомъ, онъ отдалъ бы тебя въ жертву злословію.

Этотъ неожиданный оборотъ рѣчи такъ разсердилъ Бріона, который слышалъ весь разговоръ, что онъ невольно сдѣлалъ неосторожное движеніе. Хотя шумъ былъ самый незначительный, но Флорентинъ тотчасъ же разслышалъ его и поспѣшно подошелъ къ окну, отстранивъ Франциску, которая инстинктивно хотѣла загородить ему дорогу.

Бѣгство этимъ путемъ сдѣлалось теперь невозможнымъ для графини. Мѣсяцъ въ эту минуту свѣтилъ въ полномъ блескѣ; если Флорентинъ обратитъ вниманіе на неудобное расположеніе комнаты, то, разумѣется, не задумается перемѣстить свою гостью въ болѣе надежное помѣщеніе.

Двухъ-этажный домъ, входившій въ составъ аббатства, обращенный лицевой стороной къ воротамъ, былъ въ полномъ распоряженіи аббата и священниковъ, между тѣмъ какъ наиболѣе значительная часть монастыря за первымъ дворомъ служила помѣщеніемъ для монахинь. Аббатство въ первые годы своего существованія предназначалось для мужского монастыря и было посвящено памяти св. Волюзіана, не пользовавшагося особенною популярностью въ народѣ. Но вскорѣ болѣе современный культъ св. Женевьевы замѣнилъ чествованіе прежняго святого и монастырь сдѣлался исключительно женскимъ. Тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ первоначальной цѣли, съ которой было основано аббатство, старый домъ по прежному оставался въ пользованіи духовныхъ лицъ мужского пола. Они безгранично властвовали здѣсь и такъ какъ они были почти избавлены отъ монастырской службы и работъ, то могли тѣмъ болѣе посвятить свое вниманіе свѣтскимъ дѣламъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Флорентинъ повидимому замѣтилъ всѣ неудобства выбраннаго имъ помѣщенія, потому что подойдя къ окну онъ окинулъ комнату внимательнымъ взглядомъ, затѣмъ медленно и осторожно высунулъ голову изъ открытаго окна. Не боялся ли онъ, что Франциска въ порывѣ гнѣва и отчаянія столкнетъ его въ тѣсный промежутокъ между окномъ и стѣной? По крайней мѣрѣ онъ быстро оглянулся назадъ, когда услышалъ за собою шумъ.

По корридору явственно раздавались шаги.

Минуту спустя дверь отворилась и свѣтъ потаеннаго фонаря упалъ на блѣдную, взволнованную графиню и священника въ лиловомъ одѣя-

Библиотека "Руниверс"

ніи. Это была Марго съ служанкой изъ замка, которая несла за нею большой свертокъ. Не выказывая ни малѣйшаго смущенія Марго набросилась съ упреками на Флорентина, который хотѣлъ было развязать свертокъ, что „онъ не даетъ ни минуты покоя бѣдной графинѣ, измученной продолжительнымъ путешествіемъ и теперь мѣшаетъ ей перемѣнить бѣлье, которое онѣ принесли съ собой изъ замка“.

Къ несчастью Марго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вела себя совершенно иначе въ замкѣ. Слѣдуя влеченію своего добраго сердца она все выболтала старой графинѣ, несмотря на старанія Химены удержать ее отъ этого. Въ этомъ случаѣ, какъ всегда, ею руководило доброе намѣреніе: зная, что Франциска не хочетъ долѣе оставаться въ аббатствѣ, она надѣялась доставить ей пріютъ въ замкѣ. Она конечно не достигла желаемаго результата и только возбудила недовѣріе старой графини, которая захотѣла убѣдиться собственными глазами, дѣйствительно ли ея дочь въ такомъ положеніи, что ей необходимо искать спасенія въ бѣгствѣ. Она оставалась совершенно безучастною, пока была увѣрена, что ея заблудшее дитя находится въ стѣнахъ оббатства, но мысль, что новое бѣгство можетъ еще больше испортить репутацію молодой женщины сильно встревожила ее. Она только ждала ухода Марго, чтобы исполнить свое намѣреніе. Обыкновенно тихая и молчаливая Химена съ несвойственною ей живостью употребила все свое краснорѣчіе, чтобы удержать старую графиню отъ посѣщенія аббатства въ такой поздній часъ вечера. Настойчивость Химены только усилила ея подозрѣнія; она повелительно потребовала свой зимній салопъ и приказала молодой дѣвушкѣ слѣдовать за нею.

Несравненно удачнѣе шло дѣло съ опаснымъ противникомъ бѣгства, Флорентиномъ. Желая заслужить расположеніе своей молочной сестры онъ не счелъ нужнымъ разсматривать свертокъ и, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ, удалился. Его вниманіе было поглощено окномъ, потому что онъ ожидалъ, что графиня выберетъ этотъ путь для своего бѣгства. Позвавъ къ себѣ сторожа, онъ приказалъ ему въ эту ночь обойти нѣсколько разъ стѣну аббатства и обратить особенное вниманіе на угловое окно комнаты, назначенной для пріѣзжей дамы. Затѣмъ онъ отправился къ привратнику и посовѣтовалъ ему усерднѣе исполнять свою обязанность и не впускать въ монастырь всякихъ навязчивыхъ сеньеровъ, не узнавъ предварительно о цѣли ихъ посѣщенія.

Едва Флорентинъ скрылся за дверью, какъ Марго отправила горничную обратно въ замокъ и стала торопить графиню, чтобы та какъ можно скорѣе одѣла на себя широкую волосяную одежду бѣлицы, которую она вынула изъ свертка. Наряжая свою дорогую Франциску въ этотъ странный нарядъ Марго объявила, что намѣрена вывести ее изъ аббатства подъ именемъ бѣлицы Марты, опытной сидѣлки при

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости. историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1881 г.

Стр.

I. КЪ ПОРТРЕТУ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО 473

II. ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ. (Продолженіе). **И. Е. Забѣлина**. 489

III. ЧЕРНИГОВКА. Быль второй половины XVII стол. Гл. XIII—XVIII. (Окончаніе). **Н. И. Костомарова**. 524

IV. СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА. Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка. 1701 — 1797 гг. **А. В. Арсеньева** 580

V. ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ. Главы I — V. **Вс. С. Соловьева** 602

VI. БОЙ СЪ ТЕКИНЦАМИ ПРИ ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ 28 АВГУСТА 1879 ГОДА. (Разсказъ очевидца). **Г. З. Демурова** 617

VII. ПОТОМОКЪ НОРМАНДСКИХЪ ГЕРЦОГОВЪ НА КАМѢ. (Изъ преданій прошлаго вѣка). **П. А. Пономарева** 623

VIII. ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ. **Ѳ. И. Булгакова** 631

IX. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ АБРУЦЦЪ (Antonio de-Nino, Usi Abruzzesi, 1879). **П. В. Цвѣтаева** 637

X. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ. Англія. **Ив...ла** 657

XI. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:—1, Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787 года. Спб. 1881 г. **Л. Ст.**;—2. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томы IV и V. Спб. 1881. **А. М.**—3. Эллада и Римъ; культурная исторія классической древности. Якова Фальке. Двѣнадцать выпусковъ. Спб. 1881 г. **Д. Лебедева.** — 4. Четыре очерка И. А. Гончарова. Спб. 1881 г. **А. С—скаго.** — 5. Сборникъ Археологическаго Института. Книга четвертая. Спб. 1880 г. **И. Ш.**;—6. Древности Суздальско-Владимірской области. Вып. I. Владиміръ, 1880 г. **Ѳ. Б.** 674

XII. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Лодка. (Простонародная святочная игра). Сообщ. **В. Ѳ. Михневичемъ.**—Загадочная монахиня. Сообщ. **И. И. Дубасовымъ.**—Записка императрицы Екатерины II о докторѣ Санхецѣ. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Письма графини П. А. Брюсъ къ брату ея графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Сообщ. **Имъ-же.**—Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка. Сообщ. **Ив. Д. Павловскимъ.** — Указъ синода о непродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присылкѣ вериги. Сообщ. **А. П. Коломниным.**—Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія Сообщ. **П. А. Казанскимъ** 687

XIII. СМѢСЬ: Скорбныя страницы 699

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ, историческій романъ **Г. Лаубе.** Окончаніе II части и части III, глава I.—2) Портретъ **Ѳ. М. Достоевскаго.** 3) Карта Текинскаго оазиса.

Библиотека "Руниверс"

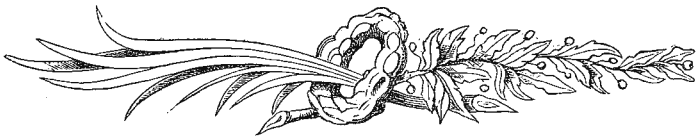
Библиотека "Руниверс"

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

Съ посмертнаго портрета, рисованнаго съ натуры академикомъ Крамскимъ, рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



КЪ ПОРТРЕТУ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ПИШЕМЪ эти строки въ поясненіе къ портрету почившаго писателя, прилагаемому при настоящей книжкѣ нашего журнала. Это будетъ нѣсколько чертъ его характера, нѣсколько подробностей для портрета писателя, который былъ увѣнчанъ слезами и вѣнками въ гробѣ своемъ, писателя, который былъ признанъ слишкомъ поздно.

Да, слишкомъ поздно. Никто изъ русскихъ писателей не былъ такъ оригиналенъ, никто такъ мало не старался идти за вѣкомъ, за господствующими вѣяніями, за модою, и никто изъ нашихъ большихъ писателей не былъ брошенъ такъ безжалостно на съѣденіе нужды, на необходимость заработывать свой хлѣбъ только литературнымъ трудомъ. Мы говоримъ о писателяхъ художникахъ. Ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни графъ Толстой, ни Гончаровъ, ни Писемскій, ни Салтыковъ, никто изъ этихъ крупныхъ талантовъ не былъ въ такомъ положеніи вѣчнаго работника, какъ Достоевскій, и никто изъ нихъ не жилъ всю свою жизнь въ такой скромной обстановкѣ, какъ покойный, у котораго наканунѣ смерти вырвалась скорбная фраза: „я оставляю дѣтей своихъ нищими“. Онъ не предчувствовалъ, не предугадывалъ, ни милости Государя къ его семьѣ, ни участія общества. Скорбная, тяжелая мысль эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Къ его соперникамъ по таланту и значенію, судьба была привѣтливѣе: она наградила ихъ богатымъ наслѣдствомъ, состояніемъ, хорошею службою, жалованьемъ, всѣмъ тѣмъ, что даетъ писателю досугъ, что даетъ ему возможность обработывать свои произведенія, вычищать ихъ и холить, держать въ портфели, со всѣхъ сторонъ обдумывать и передѣлывать.

Библиотека "Руниверс"

Этого огромнаго преимущества для художественной работы покойный не имѣлъ совсѣмъ.

И самъ онъ, всей своей фигурой, не выглядывалъ орломъ. На немъ была какая то печать скромности, конфузливости, скажемъ болѣе— забитости и угловатости. Каторга и падучая болѣзнь, пріобрѣтенная имъ тамъ же, очевидно оставили на немъ свои слѣды, сообщили ему этотъ какъ бы униженный видъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность въ обращеніи съ людьми. Онъ самъ былъ выраженіемъ униженныхъ и оскорбленныхъ, изображенію которыхъ посвятилъ свой талантъ. Своихъ признаній и своихъ думъ онъ не выкладывалъ всякому, и надо было, чтобъ хорошо узналъ онъ человѣка прежде чѣмъ станетъ говорить съ нимъ со всею своею искренностью. Постоянная болѣзненность также дѣлала его характеръ нервнымъ и мало общительнымъ. За то когда онъ разговорится, когда онъ чувствуетъ себя хорошо—можно было заслушаться его бесѣды, всегда интересной и глубокой, всегда посвященной или вопросамъ современнаго положенія Россіи, или нравственнымъ и психическимъ вопросамъ. Ошибался ли онъ, нѣтъ ли, но онъ не заимствовалъ готовыхъ сужденій, не подчинялся ходячимъ мнѣніямъ, а былъ всегда самъ собою и былъ всегда искреннимъ. Отсюда его значеніе между молодежью, которая, въ своихъ сомнѣніяхъ, въ буряхъ молодой жизни, въ исканіи правды, въ исканіи примиренія съ дѣйствительностію, приходила къ нему открывать свою душу и получить слово утѣшенія отъ человѣка, который такъ много испыталъ и выстрадалъ, и который говорилъ такимъ оригинальнымъ, такимъ сердечнымъ языкомъ. Это особая сторона его жизни, интимныя подробности которой будутъ когда нибудь выяснены и которая отнимала у него много времени на переписку. Ему случалось выслушивать исповѣди самыя сердечныя, какія рѣдко приходится выслушивать духовнику; ему случалось проводить цѣлые вечера глазъ на глазъ съ юношами, которые рѣшились на самоубійство и отцы которыхъ упросили ихъ поговорить съ Достоевскимъ. Въ то время, когда его называли обскурантомъ, мистикомъ, ханжею [1]),

---

[1]) Одно изъ лучшихъ стихотвореній на смерть Достоевскаго, вызванное портретомъ Крамскаго, который былъ выставленъ во время пушкинскаго вечера, написано г-жею Бартъ, слушательницею Бестужевскихъ курсовъ. Она говоритъ между прочимъ:

Тебя легкомысленно мистикомъ звали,
Толпѣ непонятенъ ты былъ,
Огуломъ тебя въ ханжествѣ обвиняли,
Смѣялся ничтожный зоилъ.
Теперь же все смолкло предъ этимъ портретомъ,
Толпа сожалѣнья полна

Библиотека "Руниверс"

онъ продолжалъ служить родинѣ и какъ писатель, и какъ честный частный человѣкъ. Онъ по себѣ зналъ, по годамъ своей каторги, какое облегченіе приноситъ участіе, и шелъ на встрѣчу всѣмъ тѣмъ, кто искалъ у него слова участія. Переписка его должна открыть многое для характеристики этого человѣка, у котораго такъ мало было хорошихъ дней и такъ много больныхъ и тяжелыхъ.

Онъ родился 30 октября 1821 г. Отецъ его былъ врачемъ Маріинской больницы для бѣдныхъ въ Сущевѣ, въ Москвѣ; мать была изъ духовнаго званія. Дѣтство свое онъ провелъ въ сельцѣ Даровомъ, Тульской губ., потомъ отданъ былъ въ московскій пансіонъ Чермака, гдѣ преподавателями были Д. М. Перевощиковъ, А. М. Кубаревъ, К. М. Романовскій, лучшіе учителя того времени. Уже въ пансіонѣ онъ отличался большою любовью къ литературѣ и остался ей вѣренъ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ. Въ этомъ учебномъ заведеніи онъ сталъ даже нѣкоторымъ литературнымъ цензоромъ, давалъ читать книги и указывалъ что читать. Онъ казался серьезнѣе всѣхъ и былъ очень религіозенъ, за что надъ нимъ трунили втихомолку. Первымъ напечатанымъ его произведеніемъ были не „Бѣдныя люди“, а переводъ романъ Бальзака „Евгенія Гранде“, помѣщенный въ „Библіотекѣ для чтенія“. Бальзакомъ онъ восхищался сильно, вопреки корифеямъ тогдашней русской литературы, вопреки Бѣлинскому. Отчасти споры о Бальзакѣ были поводомъ и къ охлажденію Бѣлинскаго къ Достоевскому.

Мы не остановимся на литературныхъ произведеніяхъ покойнаго: они извѣстны и объ этомъ рѣчь впереди. Мы лучше напомнимъ главнѣйшія черты того „заговора“, за участіе въ которомъ пострадалъ Достоевскій. На могилѣ писателя нечего лгать: надо говорить правду. Тогдашнее правительство раздуло дѣло Петрашевскаго до-нельзя; въ

И вмѣстѣ съ любимымъ, погибшимъ поэтомъ,
Тебя вспоминаетъ она.
А тѣ, что тебя и при жизни любили —
Ихъ скорбь безконечно сильнѣй...
. . . . . .
. . . . . .
...Мы должны обозначить могилу
Того, кто въ насъ душу будилъ,
Того, кто души благодатную силу
Въ могучее слово вложилъ;
Кто сердце людское глубоко извѣдалъ,
Любовь и прощенье намъ всѣмъ проповѣдалъ
Святыми устами Христа,
Кто выше стоитъ клеветы, порицанья:
Душа, перенесшая столько страданья,
Предъ міромъ свѣтла и чиста.

Библиотека "Руниверс"

настоящее время его стараются выставить чуть ли не какъ шалость. На самомъ дѣлѣ, это было ни то, ни другое. Если декабристы выразили своими стремленіями либерализмъ своего времени, то петрашевцы обозначали собою начало соціализма. Декабристы были болѣе организованы и болѣе у нихъ было силъ нравственныхъ и матеріальныхъ; петрашевцы только набрасывали организацію, только стремились къ ней. Глава дѣла серьезно вѣрилъ въ возможность переворота и работалъ въ этомъ смыслѣ. Вокругъ его собрались горячія головы, увлекавшіеся идеями переворота въ духѣ Фурье. Фурье являлся для нихъ носителемъ новаго откровенія міру и Достоевскій любилъ его систему, его идеалъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его сотоварищей. Имъ казалось, что идеи эти примѣнимы къ Россіи, что въ Россіи скорѣе и легче чѣмъ гдѣ нибудь онѣ могутъ восторжествовать. А русская дѣйствительность была тяжела и вызывала протесты тѣмъ болѣе горячія, чѣмъ меньше ихъ можно было выражать гласно. Естественно, что при условіяхъ полнѣйшей замкнутости жизни, полнѣйшей ея духоты, всякій кружокъ легко обращался въ тайное общество, порывался составлять уставъ такого общества, его программу, его цѣли, намѣчать его средства и пропаганду. Затѣмъ, молодая вѣра въ свои силы дополняла остальное воображеніемъ, надеждами и чудесами, чудесами, которыя могли совершиться во благо тѣмъ цѣлямъ, которыми задавались горячія головы. Конечно, эти молодые люди не были заговорщиками, но они были недовольными и отводили въ интимномъ кружкѣ свою душу, вольно говорили, вольно думали, вольно мечтали, и старались распространить свои мнѣнія, завести связи въ провинціи. Всякое литературное произведеніе кружило имъ голову. „Теперь всѣ восхищаются письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, пьеской Искандера „Передъ грозою“ и комедіей Тургенева „Нахлѣбникъ“; такъ писалъ одинъ изъ петрашевцевъ къ своему пріятелю изъ Москвы въ Петербургъ. Соціалистическія идеи были въ это время въ большомъ ходу. Въ недавнихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненкова, въ „Вѣстникѣ Европы“, мы читали, что этими идеями увлекался даже такой не нервный человѣкъ, какъ г. Анненковъ, увлекались ими Тургеневъ, Бѣлинскій и др. Тургеневъ, быть можетъ, ушелъ отъ бѣды только благодаря тому, что уѣхалъ заграницу, а Бѣлинскій — благодаря смерти. Слѣдствіе, какъ видно, натолкнулось на явленіе, которое оно не совсѣмъ понимало, и слѣдователи постоянно путали слова „либералъ и либерализмъ“ съ словами „соціалистъ и соціализмъ“. Но серьезность явленія оно понимало, и серьезность эта заключалась въ большой твердости и убѣжденности этихъ „злоумышленниковъ“ и въ готовой почвѣ для про-

Библиотека "Руниверс"

паганды, которая успѣла уже кое-что сдѣлать, распространивъ соціалистическія книги, образовавъ кое-гдѣ въ провинціи кружки. Липранди въ своей запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, говорилъ: „Въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ... Довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ общество одушевлено въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководимые какою нибудь личною идеею или страстью, наприм. мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія“.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма провинціальнаго петрашевца къ брату своему въ Петербургъ, отъ 8-го мая 1848 г.: „Посылаю тебѣ 10 р. сер., если возможно достань мнѣ какъ нибудь: 1) Considerant: Destinées Sociales—и кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье (наприм. Mairon); впрочемъ, въ этомъ отношеніи, я совершенно полагаюсь на тебя. Всего болѣе я желалъ бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр. Прудона, Луи Блана. Не худо бы мнѣ прочитать Saint Simon. Что же касается до Кабе, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что нибудь лучше Voyage en Icarie и проч.; не останавливайся въ цѣнѣ; напр. я за Considerant готовъ дать втрое и вчетверо противъ обыкновенной цѣны“. Въ другомъ письмѣ: „Деньгами не стѣсняйся, я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье“.

Достоевскій, даже по своей глубокой натурѣ, по своимъ стремленіямъ къ мистицизму, по таланту, умѣвшему проникать въ тайники человѣческой души, не могъ не увлекаться новымъ ученіемъ. Скажемъ болѣе: онъ былъ полонъ имъ, онъ изучалъ его, и конечно мечталъ объ осуществленіи идеальной общины, идеальнаго государства. Ссылка дала ему знаніе простого русскаго человѣка, его быта, его

Библиотека "Руниверс"

тайныхъ думъ. Значеніе ея для себя онъ даже преувеличивалъ иногда до рѣзкихъ противорѣчій съ самимъ же собою. Противники его довели это его положеніе до каррикатуры, увѣряя, что онъ всѣмъ совѣтовалъ совершать преступленія, чтобы попасть на каторгу. Онъ требовалъ только знанія народа и вѣрилъ глубоко только въ тѣ политическія формы, которыя дали бы огромному большинству счастіе, а не меньшинству. Въ глубинѣ души онъ сохранилъ въ значительной степени тѣ же идеалы, какіе волновали его душу въ молодости. Отсюда его нелюбовь къ конституціи, къ парламентаризму, къ либераламъ: она основывалась на той же любви къ народу, на тѣхъ же вѣрованіяхъ въ возможность лучшаго порядка другими путями, чѣмъ общеевропейскій. Потому же желалъ онъ земскаго собора по сословіямъ, и прежде всего земскаго собора, на которомъ высказались бы представители отъ крестьянъ. Онъ боялся, чтобъ не затерли народа, чтобъ не сдѣлали его орудіемъ для цѣлей, которыя народу ровно ничего не принесли бы, чтобъ не оставили на произволъ судьбы его экономическихъ условій, погнавшись слишкомъ горячо за разными свободами для самихъ себя, т. е., для образованнаго общества и господъ сытыхъ. Онъ желалъ, чтобъ самодержавная власть оставалась неприкосновенною, потому что она только, въ своемъ высокомъ безпристрастіи, можетъ защищать народъ и, опираясь на его силу, дать Россіи самую широкую свободу печати, сходокъ, исповѣданій и пр. Министры должны быть отвѣтственными передъ земскимъ соборомъ, который долженъ служить непосредственнымъ звеномъ между самодержавной властью монарха и народомъ. Пишущему эти строки онъ говорилъ за нѣсколько дней до своей смерти: „Я высказывалъ все это нѣкоторымъ высокопоставленнымъ людямъ. Они во многомъ соглашаются со мною, но безграничной свободы печати не могутъ понять. А не понимая этого, ничего понять нельзя“...

Мы намѣчаемъ эти общія черты его политическихъ убѣжденій потому, что у насъ сплошь и рядомъ такъ судятъ, что если человѣкъ не либералъ, то онъ навѣрное ретроградъ, если онъ въ Бога вѣритъ, то и подавно. Вѣрить въ клочекъ бумаги—великая заслуга; не зная ни аза ни въ химіи, ни въ физіологіи, вѣрить только въ химическіе процессы — значитъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ. У насъ постоянно забываютъ, что ни міра, ни человѣка, не слѣдуетъ измѣрять своею ограниченностью, какъ бы она ни была учена и либеральна.

Онъ былъ русскій человѣкъ до глубины души. На свое торжество на пушкинскомъ праздникѣ онъ смотрѣлъ не столько съ личной точки зрѣнія, сколько съ точки зрѣнія тѣхъ началъ, которымъ

Библиотека "Руниверс"

онъ служилъ. „Мы побѣдили“, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ, такимъ же общинникамъ и соборникамъ, какъ и онъ. Въ Тургеневѣ онъ видѣлъ представителя западно-европейскихъ началъ и наканунѣ произнесенія рѣчи своей очень безпокоился на счетъ того, какъ будетъ принята эта рѣчь, столь противоположная взглядамъ Тургенева, такъ прекрасно принятымъ публикою. Это былъ турниръ не только двухъ литературныхъ репутацій, но и двукъ воззрѣній политическихъ. Западническая партія какъ-то „оттирала“ Достоевскаго, не давала ему ходу. На литературномъ обѣдѣ, предшествовавшемъ засѣданію общества, гдѣ Достоевскій выступилъ съ своей рѣчью, ему даже не дали предложить какого нибудь спеціальнаго тоста (эти тосты были заранѣе распредѣлены), если не считать предложенія — произнести тостъ за педагоговъ, объяснявшихъ Пушкина. Достоевскій отъ него отказался, справедливо возмущаясь такимъ тостомъ: педагоги только обирали Пушкина, или повторяли о немъ, какъ попугаи, радикально-отрицательные взгляды модныхъ критиковъ. Борьба этихъ двухъ „политическихъ“ воззрѣній была очень замѣчена всѣми, она дала и особую привлекательность празднику, особую жизнь ему и выпуклость, хотя, кажется, никто не сказалъ объ этомъ въ печати. Тургеневъ и Достоевскій олицетворяли эти партіи и могли убѣдиться оба, что и та и другая партія имѣетъ на своей сторонѣ многочисленныхъ поклонниковъ и что въ будущемъ борьба между ними, и борьба серьезная и упорная, рѣшительно неизбѣжна. При первой же возможности, при первомъ осуществленіи такихъ учрежденій, которыя вызовутъ на арену общественныя силы, обѣ партіи жестоко схватятся между собою. Оба писателя дожили до тѣхъ дней, когда общество привѣтствовало въ нихъ не только большія литературныя заслуги, но и нѣкоторое политическое представительство. Это былъ столько же политическій, какъ и литературный праздникъ, и въ засѣданіяхъ литературы и общества въ залѣ дворянскаго собранія слышалась горячая политическая страсть, страсть парламентскихъ засѣданій...

На этомъ мы заканчиваемъ. Скорбныя черты почившаго писателя, быть можетъ, доскажутъ за насъ что нибудь читателю. Въ гравюрѣ онѣ вышли не такъ рельефно, какъ въ превосходномъ портретѣ, написанномъ съ покойнаго И. Н. Крамскимъ, нашимъ извѣстнымъ художникомъ: съ портрета этого снята фотографія и переведена на доску, на которой вырѣзана гравюра для нашего журнала. Увѣдомленный о смерти Ѳ. М. Достоевскаго на другой день рано утромъ однимъ изъ пріятелей послѣдняго, Крамской тотчасъ же отправился на квартиру покойнаго, устроилъ тамъ подмостки и въ нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

часовъ написалъ карандашемъ и тушью портретъ, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Сходство этого портрета поразительное. Попытки фотографовъ снять портретъ съ покойнаго въ маленькой комнаткѣ, при слабомъ свѣтѣ и при томъ, по необходимости, въ профиль, совершенно не удались. Оригиналъ портрета Крамской просилъ вдову покойнаго принять отъ него, какъ слабый даръ за тѣ часы наслажденія, которые доставляли художнику произведенія Достоевскаго.

Библиотека "Руниверс"

ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ [1].

ПО СМЕРТИ Александра Невскаго, въ Новгородѣ оставался старшій его сынъ Дмитрій. Казалось бы, по новому суздальскому порядку великое княженіе должно принадлежать ему. Но, главное, онъ былъ очень молодъ, а къ тому же отецъ при жизни не высказалъ своей воли на этотъ случай, да и не было уже тѣхъ володимірцевъ, которые вольнымъ голосомъ избирали себѣ князя и стояли крѣпко и за его дѣтей. Оставалось слѣдовать старому кіевскому обычаю, что старшій въ родѣ самъ собою уже и великій князь надъ всѣми князьями. Вскорѣ за Александромъ померъ и братъ его Андрей: великое княженіе досталось слѣдующему брату, тверскому Ярославу.

Новгородская партія вящихъ, недовольныхъ Невскимъ, и еще прежде призывавшая Ярослава, теперь восторжествовала. Дмитрій Александровичъ былъ изгнанъ затѣмъ будто бы, что былъ молодъ. Но теперь и Ярославъ былъ уже другой человѣкъ. Если прежде при Невскомъ онъ готовъ былъ сѣсть въ Новгородѣ на всей волѣ вящихъ, то теперь, какъ великій князь, онъ хотѣлъ поставить тамъ во всемъ свою волю. Онъ такъ не поладилъ съ вольными людьми, что они, разъ изгнавши его, потомъ ни за что не хотѣли принять, не смотря на то, что онъ каялся передъ ними во всемъ и соглашался на всякія условія.—„Все отдаю вамъ и крестъ цѣлую на всей вашей волѣ“, говорилъ онъ.—„Уже не можемъ терпѣть твоего насилія. Поѣзжай прочь, не хотимъ тебя, али идемъ весь Новгородъ и прогонимъ тебя“, отвѣчали вольные люди. Тогда тверской князь сталъ полки копить и послалъ въ татарскому царю, прося помощи и жалуясь на Новгородъ. — „Новгородцы тебя не слушаютъ, говорилъ его посолъ, новгородскій же тысяцкій, Ратиборъ, мы дани про-

[1]) Продолженіе. См. стр. 233—268.

Библиотека "Руниверс"

сили тебѣ, а они насъ выгнали, иныхъ избили, домы наши разграбили, а великаго князя безчествовали!“ Однако отъ татарской напасти Новгородъ былъ спасенъ меншимъ братомъ Ярослава, Васильемъ костромскимъ, который самъ поѣхалъ въ Орду и объяснилъ царю, что новгородцы правы, а Ярославъ виноватъ. Посланная уже татарская рать воротилась. Но Ярославъ ладилъ свое: „Все уступаю, въ чемъ на меня негодуете. Всѣ князья за меня поручатся“—посылалъ онъ опять, отыскивая любви у вольныхъ людей.—„Отъѣзжай прочь, или изомремъ честно за св. Софію. Нѣтъ теперь у насъ князя, но есть Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хочемъ“. Наконецъ прислалъ свое слово за Ярослава самъ митрополитъ, ручался за него, что злобу оставитъ, что если и крестъ цѣловали противъ него, то святитель бралъ грѣхъ и отвѣтъ передъ Богомъ на свою душу. Тѣмъ только и установился миръ на всей новгородской волѣ. Бывали часто у Новгорода ссоры съ князьями, но такого озлобленія не бывало. Такими то дѣлами Тверь закладывала основаніе для своей будущей исторіи. Если для вольныхъ людей въ чемъ-то несовсѣмъ удобенъ былъ Невскій, то онъ на это имѣлъ большіе права въ своихъ геройскихъ заслугахъ передъ Новгородомъ; но Ярославъ, не оказавши никакой особой услуги, являлся повидимому крутѣе и самаго Невскаго, и вмѣсто услугъ выставлялъ на видъ только самого себя.

Не умѣя ладить съ Новгородомъ, Тверь между тѣмъ вполнѣ зависѣла именно отъ Новгорода. Ея географическое положеніе между Суздальской и Новгородской областями повидимому сулило ей могущественную будущность; на дѣлѣ, это самое положеніе было первою причиною всѣхъ ея неудачь, главнымъ образомъ по случаю ея отношеній къ Новгороду. У Новгорода уже съ древнихъ временъ былъ выдвинутъ къ Суздальской области новый торгъ, который и былъ, такъ сказать, столицею всего верхняго Поволжья, гдѣ Тверь занимала не особенно видное мѣсто. Естественно, что, выростая, она становилась соперникомъ новгородскаго Торжка. Это соперничество и опредѣлило характеръ тверской исторіи.

Помирившись съ Новгородомъ, въ ту же зиму (1270 г.), Ярославъ отправился въ Орду, и на слѣдующій годъ на возвратномъ пути оттуда померъ, прокняживъ всего семь лѣтъ и оставивъ маленькаго сына Михаила, который родился вскорѣ послѣ его смерти. Въ княженіе Ярослава, Москва принадлежала Твери. При немъ семь лѣтъ въ ней сидѣли тверскіе тіуны, вѣроятно за малолѣтствомъ ея вотчиннаго князя, Даніила Александровича, который только по смерти Ярослава становится уже прямымъ отчичемъ своей волости, т. е. пріобрѣтаетъ независимость отъ Твери. Тогда ему было около 10 лѣтъ.

На великое княженіе сѣлъ, по кіевскому порядку, послѣдній изъ Ярославичей, Василій Мизинный, костромской. Новгородцы однако не пустили его къ себѣ и взяли Дмитрія Александровича, за что тверской князь опустошилъ ихъ волости. Новгородцы вышли было на

Библиотека "Руниверс"

защиту, но въ Торжкѣ люди опять раздѣлились и Дмитрій уступилъ Василью добровольно. Василій впрочемъ княжилъ тоже не долго, только пять лѣтъ. Послѣ него, княженіе перешло къ колѣну Александра Невскаго. Старшій его сынъ, Дмитрій Александровичъ, какъ только сѣлъ на великое княженіе, тотчасъ же былъ позванъ и въ Новгородъ. По слѣдамъ отца, онъ больше всего работалъ на сѣверѣ, противъ старыхъ новгородскихъ враговъ, противъ нѣмцевъ и чуди, и успѣлъ уже пріобрѣсть славное имя. Однако Новгородъ вскорѣ чѣмъ-то его обидѣлъ. Онъ поднялъ рать, но кончилъ миромъ, потому что вольные люди покорились. Противъ Дмитрія, какъ и противъ его отца, особенно возставало передовое старѣйшее боярство, вячшіе. Во время этой ссоры, вѣроятно не безъ содѣйствія новгородскихъ бояръ, на Дмитрія поднялъ крамолу братъ его Андрей Городецкій подъ руководствомъ боярина Семена Толигнѣвича [1]). Это значило, что послѣ Андрея суздальскаго осталось крамольное наслѣдство, которое въ лицѣ бояръ собралось теперь около новаго Андрея, городецкаго. Въ то время, какъ и въ послѣдствіи, Суздаль, Городецъ и Нижній, составляли особый уголъ низовой суздальской Волги, гдѣ при суздальскомъ Андреѣ скопилось, вѣроятно, довольное число бояръ, пришедшихъ, какъ мы упоминали, изъ южной Руси, и которые конечно искали первенства и владычества надъ всею Суздальской землею, почему и пользовались всякимъ подходящимъ случаемъ, дабы забрать великое княженіе въ свои руки. Какъ для Андрея суздальскаго, такъ теперь для Андрея городецкаго, они выхлопотали въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе, „а не по старѣйшинству“, замѣчаетъ лѣтопись.

Возвратясь изъ Орды, Андрей привелъ съ собою татарскую рать, которая, идя на Переяславль, разсыпалась по всей землѣ и опустошила волости отъ Мурома по самый Торжокъ.

По ходу дѣлъ видно, что Андрей въ сущности былъ только подставкою для боярской крамолы, исходившей, какъ мы упомянули, отъ его бояръ, а больше всего изъ Новгорода. Дмитрій не уступалъ и потому борьба продолжалась. На слѣдующій годъ (1282) Андрей привелъ новую татарскую рать и снова опустошилъ землю, какъ въ первый разъ. Послѣ того Дмитрій самъ ходилъ въ Орду и, возвратившись, примирился съ братомъ, но повелѣлъ своимъ боярамъ убить Семена Толигнѣвича, „льстиваго крамольника“, сидѣвшаго въ Костромѣ. Борьба слѣдовательно не унималась. Андрея въ то время снова позвали къ себѣ Новгородцы. Посадникъ Семенъ Михайловичъ и старѣйшіе бояре заключили съ нимъ крѣпкій договоръ, чтобъ не отдавалъ своего мѣста Дмитрію. На томъ Андрей укрѣпился съ Новгородомъ, въ Торжкѣ; но, возвращаясь домой и встрѣтившись съ братомъ, измѣнилъ Новгороду, отступилъ отъ новгородскаго стола и даже

[1]) Вѣроятный братъ или сынъ кіевскаго боярина Юрія Толигнѣвича, упом. въ 1228 г.

Библиотека "Руниверс"

за одно съ братомъ ходилъ на Новгородъ ратью, при чемъ новгородцы по прежнему принуждены были посадить у себя Дмитрія. А Андрей на слѣдующій же годъ, (1285) привелъ на брата какого то татарскаго царевича и много зла сотворилъ христіанамъ. Дмитрій съ остальными братьями прогналъ царевича и захватилъ заводчиковъ крамолы, Андреевыхъ бояръ. И въ Новгородѣ въ слѣдъ за тѣмъ поднялся великій народный мятежъ на посадника Семена: возсталъ на него весь Новгородъ, безъ явной причины, со всѣхъ концовъ пошли на него, какъ сильная рать, всякій съ оружіемъ, силою великою. Жалостно было видѣть, замѣчаетъ лѣтопись: „пошли на дворъ его, разнесли весь домъ его съ шумомъ". Семенъ убѣжалъ къ владыкѣ, который спряталъ его въ соборѣ св. Софіи. На утро горожане успокоились. Но Семенъ разболѣлся и черезъ нѣсколько дней скончался.

Что княжескими крамолами и ссорами по большой части руководили бояре, объ этомъ свидѣтельствуетъ и поведеніе тверскаго князя Михаила Ярославича, который, 15 лѣтній мальчикъ и притомъ двоюродный братъ, вдругъ не восхотѣлъ (въ 1288 г.) „поклониться", какъ выражается тверская лѣтопись, своему старшему брату великому князю. Дмитрій принужденъ былъ усмирить его ратью. Вмѣстѣ съ братьями Андреемъ и Даніиломъ московскимъ, съ однимъ изъ ростовскихъ князей и съ новгородцами, онъ опустошилъ Тверскія волости и Михаилъ запросилъ мира. Это былъ первый починъ честолюбивыхъ замысловъ Твери, возникавшихъ конечно въ средѣ ея боярства, которое въ томъ же направленіи воспитывало и своего молодого князя.

Лѣтъ пять прошло въ тишинѣ. Въ это время возстало междоусобіе у самихъ татаръ. Ростовцы воспользовались случаемъ, сотворили вѣче и всѣхъ своихъ татаръ изгнали и даже пограбили ихъ. Народъ хорошо понималъ, какъ нужно было поступать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но не такъ понимали свое положеніе князья. Въ 1293 г. городецкій Андрей опять пошелъ въ Орду жаловаться на брата. Съ нимъ отправились три князя ростовскіе, князь ярославскій и даже епископъ ростовскій Тарасій; ходилъ въ это время въ Орду и тверской князь, конечно не съ цѣлью защищать Дмитрія. Для наказанія виновнаго, ханъ съ князьями же отправилъ большую рать подъ предводительствомъ своего брата Дюденя. Прежде всего они разграбили велико-княжескій городъ Владиміръ; изъ соборной церкви выдрали чудное дно мѣдное (помостъ) захватили всѣ священные сосуды. Потомъ опустошили всѣ великокняжескіе города, безвинные, какъ выражается новгородскій лѣтописецъ: Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Угличь, Москву, Коломну, Можайскъ, Волокъ-Ламскій; всего 14 городовъ и всю землю опустошили, а во Твери не были, сообщаетъ тверское извѣстіе. Татары хотѣли идти и къ Новгороду и Пскову, но на Волокѣ ихъ встрѣтили новгородскіе послы съ богатыми и многими дарами. Татары взяли дары и возвратились въ

Библиотека "Руниверс"

Орду. Великій князь спасся отъ бѣдъ во Псковѣ. Андрей отправилъ свою рать домой, прошелъ въ Новгородъ и сѣлъ на княженіе. Сотрудникъ Андрея, Ѳедоръ Ярославскій (изъ Смоленскихъ) сѣлъ княжить въ отчиномъ городѣ Дмитрія, Переяславлѣ, откуда и сынъ послѣдняго, Иванъ, былъ выведенъ въ Кострому. Явное дѣло, что Ѳедоръ, овладѣвая Переяславлемъ, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ преобрѣсть старшинство послѣ великаго князя, ибо Переяславль почитался старшимъ городомъ послѣ Владиміра. На другой годъ, когда Дмитрій вознамѣрился перебраться къ себѣ домой, т. е. по крайней мѣрѣ въ Переяславль, Андрей съ новгородскимъ посадникомъ и вячшими мужами хотѣлъ было схватить его у Торжка, но успѣлъ только пограбить весь его обозъ; самъ великій князь спасся, убѣжавъ въ Тверь, откуда послалъ къ брату молить о пощадѣ тверского владыку и князя Святослава. Андрей уступилъ и удалился въ Торжокъ, а лишенный отчины Дмитрій поѣхалъ на Волокъ-Ламскій, тамъ разболѣлся и померъ. Между тѣмъ Ѳедоръ Ярославскій пожогъ весь городъ Переяславль, свое новое княженье, и водворился по прежнему въ Ярославлѣ. Это показывало, что сами переяславцы его выпроводили. Дѣйствительно, въ этой борьбѣ именно за переяславское княженіе, переяславцы, живя безъ князя, дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ и ставили свою волю наровнѣ съ волею князей. Къ счастію, на ихъ сторонѣ были два сосѣдніе князя, тверской и московскій. Дѣло конечно дошло до Орды, куда отправился искать своей законной отчины Иванъ Дмитріевичъ, поручивъ защиту Переяславля этимъ двумъ князьямъ.

Разсудить князей въ этомъ спорѣ въ 1296 г. пришелъ посолъ изъ Орды, Неврюй. Всѣ князья собрались на съѣздъ во Владимірѣ и каждый говорилъ передъ посломъ свою обиду. Въ спорѣ съ одной стороны стали великій князь Андрей, его другъ Ѳедоръ, и Константинъ ростовскій; съ другой стороны Данило московскій, и Михаилъ тверской, да съ ними переяславцы за одинъ, представлявшіе какъ-бы лицо князя Ивана, своего вотчинника. Брань была такова, что чуть не дошло до кровопролитія; примирилъ владимірскій владыко Симеонъ. Князья разошлись, но Андрей все таки собралъ большую рать и поднялся не только на Переяславль, но и на Москву и на Тверь, которыхъ князья тоже собрали рать и перегородили дорогу Андрею у города Юрьева. Начались переговоры и Андрей уступилъ. Переяславль достался своему законному вотчиннику. Однако вражда, несомнѣнно за волости, не угасала.

Въ 1301 г. снова съѣхались всѣ князья въ Дмитровѣ, споря о княженіяхъ; снова была молва великая между великимъ княземъ Андреемъ, Михаиломъ тверскимъ, Даніиломъ московскимъ и Иваномъ переяславскимъ;—наконецъ подѣлились и помирились. Не покончили миромъ только Михаилъ тверской и Иванъ переяславскій, такъ и разошлись. Это показываетъ, что, отстаивая прежде Переяславль отъ

Библиотека "Руниверс"

Андрея, Михаилъ искалъ въ немъ какой либо и своей выгоды, но не получилъ ее и теперь поссорился съ переяславскимъ княземъ.

На слѣдующій годъ (1302) Иванъ Дмитріевичъ, тихій, кроткій, смиренный, померъ и отказалъ свою отчину родному своему дядѣ, Даніилу московскому, ибо „любилъ его больше всѣхъ".

Ясно, что въ наслѣдство Даніилу переходилъ и неоконченный споръ Ивана съ тверскимъ княземъ. Однако великій князь Андрей не думалъ исполнять переяславское завѣщаніе и поспѣшилъ посадить въ Переяславлѣ своихъ намѣстниковъ. Съ своей стороны и Даніилъ московскій поспѣшилъ ихъ выгнать и посадилъ своихъ, а потомъ посадилъ тамъ своего старшаго сына Юрья. Андрей пошелъ въ Орду, конечно, съ жалобою. Но вскорѣ на слѣдующій же годъ (1303) Даніилъ скончался въ Москвѣ. Тогда переяславцы, не желая другихъ князей и боясь Твери, ухватились за его сына Юрья и не выпустили его даже и на погребенье отца.

Эта переяславская исторія, о которой лѣтописи проговариваются нѣсколько явственнѣе, заслуживаетъ особаго вниманія. Она во первыхъ показываетъ, что города въ Суздальской землѣ принимали большое и дѣятельное участіе въ княжескихъ спорахъ о волостяхъ или о тѣхъ же городахъ, давали этимъ спорамъ извѣстное желанное направленіе и даже возбуждали эти споры, руководясь несомнѣнно промышленными и торговыми выгодами, о которыхъ лѣтописи совсѣмъ не говорятъ, но присутствіе которыхъ очень замѣчается во всѣхъ обстоятельствахъ.

Во вторыхъ, переяславская исторія показываетъ, что стремленіе князей усиливать себя во чтобы то ни стало на счетъ другихъ, встрѣчало неодолимую преграду въ самомъ населеніи городовъ, которое въ этомъ отношеніи руководилось своими цѣлями. Всегда можно было захватить въ расплохъ тотъ или другой городъ, но не было возможности удержаться въ немъ дольше того времени, какъ городъ справлялся съ силами. Обыкновенно онъ изгонялъ насильника, или при своемъ безсиліи всячески сопротивлялся ему, поднималъ время отъ времени крамолы и мятежи.

Но важнѣе всего было то, что суздальскіе города стремились установить у себя въ наслѣдованіи князей, вмѣсто родоваго, начало семейственное, право прямаго наслѣдства отъ отца къ сыну, котораго нерѣдко добивались и южные князья, но безуспѣшно. Вслѣдствіе преобладающаго вліянія родовыхъ идей, семейственное право наслѣдства въ замѣнъ родового поддерживалось въ Суздальской землѣ прямыми выгодами земства, какъ и самого боярства, которое здѣсь является осѣдлымъ и служитъ больше всего городу или своей волости, чѣмъ князю и его личнымъ выгодамъ. Для осѣдлаго боярства всякій иной князь былъ уже потому непріятенъ и опасенъ, что по обычаю онъ непремѣнно приводилъ съ собою свою собственную дружину, своихъ бояръ, которые необходимо должны были получать особыя

Библиотека "Руниверс"

кормленья, а потому необходимо создавали передѣлъ земель, чѣмъ и тѣснили старожильцевъ; между тѣмъ, наслѣдство, переходившее къ сыну, не только не нарушало установленныхъ земельныхъ правъ кормленья, но, въ большинствѣ случаевъ, по молодости и даже по дѣтству великаго князя—сына, еще больше усиливало думцевъ отца, сосредоточивало великокняжескую власть въ ихъ рукахъ. Вотъ причина, почему суздальскіе города такъ крѣпко держались семейственнаго права и тѣмъ болѣе, что выгоды промышленнаго земства въ этомъ случаѣ совпадали съ выгодами бояръ. Осѣдлая княжеская семья съ осѣдлымъ боярствомъ служили всегда болѣе вѣрнымъ залогомъ земской тишины и порядка, чѣмъ перемѣна князей и дружины по родовому порядку.

Ясно такимъ образомъ, что каждый суздальскій городъ могъ усиливаться или падать, смотря потому, какъ усиливалась или падала въ немъ осѣдлость боярства, которое, подобно переяславцамъ, и въ случаѣ несчастій или вымиранія княжеской семьи всегда умѣло постоять за себя съ должною твердостью. Тамъ гдѣ боярство не успѣвало свить прочнаго гнѣзда, не установлялось и княжеское владѣнье и городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и совсѣмъ изчезалъ съ поля исторіи. Это самое произошло съ главнымъ городомъ Суздальской земли, Владиміромъ. Его несчастіе заключалось именно въ томъ, что, на подобіе Кіева, онъ сдѣлался родовымъ, т. е. общимъ наслѣдствомъ для всѣхъ суздальскихъ князей. Борьба за это наслѣдство и управляла исторіею Суздальской земли во время владычества татаръ.

Городецкій Андрей воротился изъ Орды съ царскимъ пожалованіемъ и съ царскими послами, пріѣхавшими опять разбирать княжескій споръ. Всѣ князья и митрополитъ съѣхались на съѣздъ въ Переяславлѣ—читали грамоты царевы, въ которыхъ однако было писано, чтобы князья жили въ мирѣ, чтобы каждый чужого не переступалъ и былъ доволенъ тѣмъ что имѣетъ. Князья установили миръ-договоръ. Переяславль достался Юрью. „Князь Юрій прія любовь и взя себѣ Переяславль“, замѣчаетъ лѣтописецъ.

На слѣдующій годъ умеръ и Андрей Городецкій. Послѣ него остался сынъ Михаилъ, но умирающій благословилъ (будто-бы) на великое княженіе тверского князя Михаила, къ которому въ Тверь и поспѣшили перебраться его бояре, несомнѣнно сами же устроившіе этотъ переходъ великокняжескаго старшинства изъ Городца въ Тверь. Это обстоятельство очень примѣчательно, ибо показываетъ, что Андрей, отыскивая чужихъ волостей, не успѣлъ устроить себѣ въ своемъ городѣ крѣпкое гнѣздо, и что составъ его боярства повидимому былъ кочевой, южнорусскій, стремившійся только владѣть, но не сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Примѣчательно и то, что оба брата Александровичи, Дмитрій и Андрей, какъ предполагаемые проводники новаго начала жизни,

Библиотека "Руниверс"

стремясь во все время усиливать себя во чтобы ни стало, не разбирая средствъ, на счетъ другихъ, къ концу оказались совсѣмъ безсильными. Одинъ потерялъ даже свою коренную отчину, другой, въ лицѣ оставшихся бояръ, бросилъ ее какъ вещь негодную. Намъ кажется, что вѣрнѣе мы поймемъ исторію этого времени, если допустимъ, что и въ Суздальской землѣ, и при татарахъ, она происходила все также, какъ при половцахъ происходила въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ княжескія отношенія вращались все въ томъ же кругу войны за волости, за добываніе волостей, безъ всякой задней и при томъ еще государственной мысли усилить себя съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться надъ всѣми единымъ государемъ—самодержцемъ.

Тверь усилилась новою и не малою дружиною, такъ какъ эта дружина принадлежала не рядовому, а великому князю. Естественно, что эти новые дружинники принесли въ Тверь и свои старыя стремленія, какими они ознаменовали все княженіе Андрея Александровича.

Изъ удаленнаго Городца они успѣли при немъ овладѣть великимъ княженіемъ, очистивъ своему князю мѣсто и въ великомъ Новгородѣ. Теперь они хотѣли господствовать изъ Твери и по прежнему хотѣли отыскивать того, чего искали при жизни своего князя. Андрей съ ними же добывалъ Переяславль и не успѣлъ въ этомъ, сходивши даже и въ Орду. Теперь тотъ же Переяславль можно было добывать съ новымъ княземъ, тѣмъ болѣе, что этотъ князь и самъ имѣлъ какіе-то неоконченные счеты съ прежнимъ переяславскимъ княземъ, уступленные московскому Юрью только по миролюбивой грамотѣ Ординскаго царя.

„Сперлись о великомъ княженіи два князя, Михаилъ тверской и Юрій московскій, и пошли къ царю въ Орду въ спорѣ и въ великой брани и много было замятни на всей Суздальской землѣ, во всѣхъ городахъ“, говоритъ новгородскій лѣтописецъ.

Почему же поднялось такое волненіе во всѣхъ городахъ? Какая нужда была городамъ вступаться въ споръ между князьями и склоняться на ту или на другую сторону, особенно на сторону Юрья, главною цѣлью котораго, какъ его рисуютъ, было пріобрѣтать и усиливаться на счетъ другихъ во чтобы-то ни стало, не разбирая средствъ, т. е. на сторону завзятаго разбойника и грабителя?

Намъ кажется, что волненія земства въ этомъ случаѣ имѣли болѣе разумныя основанія, чѣмъ удовлетвореніе только своекорыстному честолюбію двухъ князей. Повидимому, поднимался вопросъ о томъ, кому господствовать надъ городами, т. е. надъ промышленною жизнью всей страны, молодой Твери или старому Переяславлю и Москвѣ.

Несомнѣнно, и Тверь и Москва достаточно уже могли выразить свой характеръ по отношенію къ населенію всей Суздальской земли. Похожденія Андрея городецкаго съ своими боярами, приводив-

Библиотека "Руниверс"

шаго четыре раза татарскую рать на своего брата Дмитрія переяславскаго; недавнее страшное опустошеніе отъ этой рати всей земли и безвинныхъ городовъ, кончившееся захватомъ Переяславля,—развѣ все это не было памятно и понятно народу, увидавшему въ концѣ концовъ, что Андрей благословилъ на великое княженіе тверского князя, что Андреевы бояре—это гнѣздо заводчика междоусобій, переселились не въ Москву, а въ Тверь. Очень естественно, что земля раздѣлилась на двѣ стороны. Именно, кто желалъ пріобрѣсть съ тверскимъ княземъ, тотъ къ нему и пошелъ, тотъ за него и всталъ; кто желалъ пріобрѣсть съ московскимъ княземъ, тотъ сталъ за него.

Различіе было только въ цѣляхъ пріобрѣтенія. Доставшійся московскому князю по завѣщанію, по княжескому уговору и по грамотѣ ординскаго царя—Переяславль, законное его пріобрѣтеніе, хотѣли у него беззаконно и разбойнически отнять. Не успѣли этого сдѣлать при жизни Андрея, надѣялись совершить это теперь при помощи великаго князя отъ Твери. По боярскимъ преданіямъ тверской князь и началъ тѣмъ, что захватилъ себѣ отъ Москвы переяславскую волость Вьюлку (рѣка Вьюлка притокъ переяславской Нерли).

Что же оставалось московскому Юрью? Сидѣть сложа руки и ожидать, когда онъ будетъ совсѣмъ ограбленъ? Онъ дѣйствительно былъ въ уровень своему отчаянному положенію и потому, не долго думая, отправился тоже въ Орду. Тамъ вѣдь все могли передѣлать, какъ кому надо. Москву и Переяславль онъ оставилъ третьему брату Ивану Даниловичу, а второго брата, Бориса, послалъ на Кострому, такъ какъ въ это время тамъ померъ сынъ Андрея, Борисъ же, а не задолго передъ тѣмъ въ немъ княжилъ изгнанный изъ Переяславля Иванъ Дмитріевичъ, завѣщатель своей вотчины въ пользу Москвы. Тверскіе бояре, конечно, не дремали, схватили Бориса московскаго и отправили плѣннымъ въ Тверь. Они около Костромы ожидали и самого Юрья, намѣреваясь и его перехватить: стерегли его и у Суздаля; но, опасаясь, онъ прошелъ инымъ путемъ. Авторъ житія Михаила тверского, писавшій, конечно, съ естественнымъ пристрастіемъ къ своему князю-мученику, разсказываетъ, что Юрій во Владимірѣ былъ у Максима митрополита, несомнѣнно, за благословеніемъ. Святитель много уговаривалъ его не ходить въ Орду. „Не ходи, говорилъ онъ, я тебѣ порука и съ матерью князя Михаила, Оксиньею, чего захочешь изъ вашей отчины, онъ тебѣ дастъ“. Юрій промолвилъ, что хотя и идетъ въ Орду, но не ищетъ великаго княженія. Авторъ житія затѣмъ подтверждаетъ, что Юрій соблазнился на этотъ поискъ уже въ Ордѣ, наученный татарскими князьями, которые превратили его сердце, сказали ему: „Если дашь выходъ больше князь Михайлова, то тебѣ и отдадимъ великое княженіе“. Конечно Юрій, не столько богатый, какъ тверской князь, если и помышлялъ о великомъ княжескомъ столѣ, то долженъ былъ очень сомнѣваться въ успѣхѣ. Его поѣздка могла имѣть ближайшею цѣлью

Библиотека "Руниверс"

только желаніе прочнѣе утвердить за собою колебавшееся переяславское княжество. Но и спорить о великомъ княженіи онъ имѣлъ столько же правъ, сколько и тверской князь. Онъ былъ хотя сыновецъ-племянникъ князю Михаилу, но происходилъ отъ старшаго брата, а Михаилъ отъ восьмого, что въ старыхъ родословныхъ счетахъ было важно, ибо по нимъ не только племянникъ бывалъ старше дяди, но и внукъ бывалъ старше дѣда многими мѣстами, даже десятью. Родовое старшинство здѣсь едва ли что значило. Важно было, что отецъ Михаила былъ великимъ княземъ, а отецъ Юрья не былъ; за то послѣдній, получивъ Переяславль, сдѣлался наслѣдникомъ великаго княженія по этому городу. Слѣдовательно и здѣсь права были равны. По настоящему, велико-княжеское старшинство принадлежало сыну Андрея городецкаго, Михаилу, который, однако, оставленный боярами отца, вовсе объ этомъ не думалъ. Затѣмъ и по старшинству вотчинъ Москва почиталась старше Твери, ибо въ началѣ отдана была седьмому сыну, а Тверь восьмому.

Это старшинство затерлось при тверскомъ Ярославѣ по случаю малолѣтства московскаго Даніила. Но московскій Юрій обладалъ и еще наслѣдствомъ, которое въ спорѣ о великомъ княженіи быть можетъ было значительнѣе, чѣмъ какія либо родовыя или юридическія права. Онъ былъ внукъ Александра Невскаго. Это было великое нравственное наслѣдство, ставившее его въ глазахъ народа выше тверского князя, почему и волненія въ городахъ могли происходить дѣйствительно по случаю споровъ о томъ, какому князю желаннѣе отдать великое княженіе.

Пока князья-соперники спорили объ этомъ въ Ордѣ, тверское боярство, усиленное боярствомъ городецкаго князя, спѣшило уже впередъ устроить всѣ дѣла, какъ подобало боярству великаго князя. Тверичи не медля послали въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ „съ силою и съ безстудствомъ многимъ“. Вольные люди положили ихъ высокоуміе ни во что, не допустили намѣстниковъ и собрались въ Торжкѣ защищать свою волю. Тверичи тоже собрались у Торжка. Начались переговоры. „Подождите, сказали новгородцы, когда придутъ изъ Орды князья, тогда мы и изберемъ себѣ князя по своей волѣ, по старому своему обычаю“. Ясное дѣло, что Новгородъ былъ на сторонѣ московскаго Юрья. Въ тоже время тверскіе бояре спѣшили захватить и Переяславль, но и здѣсь не застали людей спящими. Братъ Юрья, Иванъ Даниловичь, по тайной вѣсти изъ Твери, узналъ, что тверичи замыслили напасть на городъ внезапно въ расплохъ. Онъ поспѣшно явился въ Переяславлѣ, укрѣпился, позвавъ на помощь и московскую рать. Изъ Твери быстро пригналъ съ полками бывшій городецкій бояринъ Акинѳъ. Быстро прибѣжали и москвичи. Иванъ Даниловичь успѣлъ встрѣтить его въ полѣ и въ упорной битвѣ разгромилъ тверскіе полки; спаслись немногіе, причемъ былъ убитъ и самъ предводитель Акинѳъ. „Была въ Твери печаль и

Библиотека "Руниверс"

скорбь великая, а въ Переяславлѣ было веселіе и радость великая", замѣчаетъ лѣтописецъ.

Волненіе въ городахъ также не прошло даромъ. Въ Костромѣ, послѣ того, какъ былъ схваченъ братъ Юрья, Борисъ, люди возстали вѣчемъ на бояръ и двухъ изъ нихъ убили.

Между тѣмъ, въ Ордѣ происходилъ настоящій аукціонъ. „Кто больше дастъ, тотъ и будетъ князь великій", думали татары, смотря на соперниковъ. Каждый изъ нихъ носилъ многіе дары царю и царицамъ и князьямъ ординскимъ, а тѣ сколько брали, столько же и больше еще желали. Наконецъ Юрій узналъ, что тверской князь хочетъ обѣщать хану увеличенную дань съ великаго княженія. Легко было обѣщать увеличенную дань съ народа, но выполнить это обѣщаніе, конечно, было не легко. Не желая губить Русскую землю, Юрій уступилъ и сказалъ о томъ самому Михаилу и хану. Тогда ярлыкъ на великое княженіе получилъ Михаилъ. Если это свидѣтельство (Татищевское) достовѣрно, то въ народномъ мнѣніи оно давало Юрью всякое оправданіе въ его борьбѣ съ Михаиломъ.

По возвращеніи изъ Орды, первымъ дѣломъ Михаила было идти ратью на Юрья къ Москвѣ. Города онъ взять не осилилъ, но была брань многая, спорили и не уступали другъ другу, но подъ конецъ кой-какъ помирились. Въ самой Москвѣ поднялась какая то крамола: два Юрьева брата, Андрей и Борисъ, отъѣхали въ Тверь. Борисъ, передъ тѣмъ взятый съ Костромы, былъ плѣнникомъ въ Твери и вѣроятно недавно оттуда воротился. Затѣмъ Юрій повелѣлъ убить (казнить) рязанскаго князя Константина, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Москвѣ въ плѣну, взятый еще Юрьевымъ отцомъ Даниломъ. Въ тоже время въ Нижнемъ черные люди избили бояръ покойнаго великаго князя Андрея. Его сынъ Михаилъ, прійдя изъ Орды, женившись тамъ и получивъ въ княженіе отцовскій Городецъ, Суздаль и Нижній, показнилъ буйныхъ вѣчниковъ; но все-таки это событіе служитъ показаніемъ каковы были Андреевы бояре, наслѣдники „льстиваго крамольника" Семена Толигнѣвича, и какъ относился къ нимъ народъ, и въ Костромѣ, и въ Нижнемъ, да вѣроятно и во всѣхъ другихъ городахъ, гдѣ ходила ихъ воля.

На время все успокоилось, но искры страшной ненависти и вражды тлѣли неугасимо и по временамъ вспыхивали. Примѣчательно, что, получивъ великое княженіе, Михаилъ только спустя три года сѣлъ на княженіе и въ Новгородѣ. Лѣтописи молчатъ, отчего это могло произойдти, но разсказываютъ, что въ тотъ же годъ Михаилъ ходилъ въ другой разъ къ Москвѣ со многою силою, былъ бой, но города не взялъ и возвратился ни съ чѣмъ. Въ одной книжной припискѣ объ этомъ самомъ событіи современникъ отмѣчаетъ слѣдующее: „Сего же лѣта (1307) бысть бой на русской землѣ Михаила съ Юрьемъ о княженьи новгородскомъ. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы (крамолы) и

Библиотека "Руниверс"

вѣци скоротишася человѣкомъ". Стало быть новгородцы все тянули къ московскому Юрью, ибо это былъ внукъ ихъ любимаго князя Александра Невскаго, готовый теперь, по случаю борьбы съ Михаиломъ, жить съ ними на всей ихъ волѣ. Повидимому и другой Новгородъ, Нижній, тоже тянулъ къ московскому князю. Спустя года три, сынъ тверского князя, Дмитрій, пошелъ было туда и на Юрья съ большимъ войскомъ, но былъ остановленъ во Владимірѣ митрополитомъ Петромъ, стоялъ даромъ три недѣли и ушелъ домой. Этому князю въ то время было всего 12 лѣтъ, его водили конечно бояре и непремѣнно бывшіе городецкіе. Самый необдуманный поступокъ Твери въ достиженіи владычества надъ русскою землею былъ лживый доносъ на митрополита Петра, посланный цареградскому патріарху отъ тверскаго епископа Андрея (родомъ изъ литовскихъ князей). По этому случаю былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ. Святитель Петръ оправдался, но поступокъ тверского владыки ложился темнымъ пятномъ и на всѣ дѣйствія тверскихъ князей и ихъ бояръ. Церковная власть, искавшая въ это самое время покойнаго пребыванія въ какомъ либо изъ городовъ болѣе безопасныхъ, чѣмъ стольный городъ Владиміръ, конечно не могла уже благопріятствовать Твери и не могла основать въ нейсвое пребываніе. Въ ея глазахъ, а слѣдовательно и въ глазахъ разумѣющаго народа, Тверь являлась гнѣздомъ постоянной крамолы. Не менѣе близоруки были и отношенія тверского князя къ Новгороду. По слѣдамъ отца, онъ никакъ не могъ поладить съ вольными людьми и обращался съ ними съ такою жестокостью, какой они до тѣхъ поръ ни отъ кого не испытывали. Поссорившись съ ними въ 1312 г., онъ такъ ихъ стѣснилъ, захвативъ волости, затворивъ ворота для хлѣба, что они едва умолили его о мирѣ, уплативъ ему 1500 гривенъ серебра. Въ Ордѣ между тѣмъ умеръ царь Токта и на его мѣсто вступилъ Узбекъ. Великій князь долженъ былъ отправиться въ Орду на поклонъ новому царю. Новгородцы, испытывая обиду и тѣсноту отъ Михайловыхъ намѣстниковъ, рѣшились воспользоваться случаемъ и послали въ Москву звать Юрья, который конечно не заставилъ себя долго ждать. „И рады были новгородцы своему хотѣнію", замѣчаетъ лѣтописецъ, говоря о пріѣздѣ въ городъ Юрья, но эта радость была очень кратковременна. Тотчасъ же Юрій былъ позванъ въ Орду, конечно по жалобѣ Михаила, тамъ еще жившаго. Оставивъ новгородцамъ вмѣсто себя брата Аѳанасія, Юрій пошелъ въ Орду и съ новгородцами, а Михаилъ тѣмъ временемъ возвратился, ведя съ собою окаянную татарскую рать, съ которою и со всею низовскою силою прямо и направился къ Торжку. Новгородцы потерпѣли страшный погромъ. Больше всего пострадалъ Торжокъ. Михаилъ зналъ, чѣмъ наказывать купцовъ и богатыхъ людей. Онъ заставилъ Новгородъ уплатить пять темъ (50,000) гривенъ серебра, а въ Торжкѣ забралъ у жителей не только деньги, но все имущество и особенно коней и

Библиотека "Руниверс"

доспѣхи. Московскій князь Аѳонасій, пріѣхавъ къ Михаилу уставлять договоръ, коварно былъ схваченъ и отправленъ въ Тверь.

Въ невыразимой скорби новгородцы сами по себѣ пошли было жаловаться въ Орду, но на пути были всѣ перехватаны тверичами. Однако, оправившись, новгородцы все-таки выслали Михаиловыхъ намѣстниковъ. Тверь подняла новый походъ уже къ самому Новгороду, окончившійся впрочемъ большею неудачею. Такъ дѣйствуя, новгородцы непремѣнно знали, что изъ Орды вѣтеръ можетъ перемѣниться, что Юрій можетъ выйдти оттуда великимъ княземъ. Само собою разумѣется, что и они не жалѣли серебра въ поддержкѣ московскаго князя.

Дѣйствительно, Юрій, проживъ у царя года три и женившись тамъ на царской сестрѣ, пришелъ наконецъ съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ полками татаръ, подъ предводительствомъ Кавгадыя. Онъ шелъ по Волгѣ и сталъ у Костромы. Тверской князь, собравшись съ суздальскими князьями, поспѣшилъ встрѣтить его съ этого берега. Долго войска стояли по обоимъ берегамъ рѣки. Юрій, не надѣясь быть можетъ на свою силу, по совѣту съ Кавгадыемъ отступился отъ великаго княженія и Михаилъ возвратился въ Тверь. Но житіе Михаила говоритъ, что Михаилъ отступился, прося только не вступаться въ его опришнину. Какъ бы ни было, но Юрій стоялъ въ Костромѣ до осени. Тогда пришли къ нему и суздальскіе князья, и иные (ростовскіе) князья пошли къ нему, и многія силы собрались къ нему на Кострому. Это показываетъ что Михаилъ не уступилъ. Со всею собравшеюся силою Юрій двинулся къ Твери, а съ другой стороны туда же шли новгородцы, но тверская дружина осилила всѣхъ. Юрій съ своими полками и Кавгадый съ татарами были разбиты, какъ случалось рѣдко. Юрьева княгиня, сестра царева, его братъ и другіе князья и бояре, и татары, были захвачены въ плѣнъ. Остался слухъ, что въ плѣну въ Твери Юрьева княгиня была уморена зельемъ. Но Кавгадыя и его татаръ Михаилъ принялъ со многою честью, зная что въ Ордѣ этотъ народъ надобный, и что за ихъ плѣненіе или, Боже сохрани, за ихъ убійство, хотя бы и на рати, должно отвѣчать предъ ханомъ. Юрій убѣжалъ въ Новгородъ. Тамъ и новгородцы и псковичи всѣ стали за него и снова пошли къ Твери на Михаила, пригласивъ съ собою и новгородскаго владыку. Михаилъ снова встрѣтилъ ихъ на Волгѣ. Стали переговаривать ся и утвердились на томъ что идти обоимъ въ Орду и тамъ судиться у царя.

Въ это время отпущенъ былъ изъ Твери и другой братъ Юрья, Аѳанасій, три года сидѣвшій тамъ и съ новгородцами въ плѣну.

Вскорѣ Кострома и Ростовъ, конечно за то, что стояли за Юрья, потерпѣли наказанье. Пришелъ лютый татарскій посолъ, побилъ людей и пограбилъ эти города. Но быть можетъ предвидя не совсѣмъ благополучный исходъ своей борьбы съ московскимъ княземъ, Михаилъ послалъ къ Юрью посла съ предложеніемъ мира и любви. Что и какъ

Библиотека "Руниверс"

посолъ говорилъ въ Москвѣ, неизвѣстно, но Юрій убилъ его. Онъ собирался на судъ въ Орду. По совѣту Кавгадыя, съ Юрьемъ пошли жаловаться на Михаила всѣ князья низовскіе и бояре съ городовъ, и новгородцы, стало быть вся земля поднялась съ жалобою. Въ Ордѣ на судѣ были поданы многія грамоты со многимъ замышленіемъ, въ которыхъ говорилось, что великій князь собиралъ на городахъ многія дани и царю не отдалъ. Это была самая существенная вина въ глазахъ хана. Но возводили и еще вины. Татары обвиняли Михаила въ гордости и непокорности царю, въ томъ, что обезчестилъ Кавгадыя— бился съ нимъ, и князей, и татаръ царевыхъ побилъ; что сестру царя, Юрьеву княгиню, зельемъ уморилъ. Русскіе обвиняли, что хотѣлъ (будто бы) съ собранною казною бѣжать къ нѣмцамъ, что казну отпустилъ даже въ Римъ къ папѣ. Михаилъ оправдывался, но его не слушали и всѣ помогали Юрью. Не помогла ему и царица, къ которой онъ посылалъ просить о помощи.

Михаилъ приговоренъ былъ къ смертной казни и выданъ головою Юрью.

Мы не можемъ правильно судить объ этомъ татарскомъ судѣ, потому что не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ выросла такая ненависть къ тверскому великому князю не только со стороны московскаго Юрья, но и другихъ князей, и у бояръ съ городовъ.

Между исполнителями казни упомянуты Иванецъ и Романецъ, имена русскія, принадлежавшія по всему вѣроятію русскимъ людямъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что этотъ Иванецъ, издѣваясь надъ несчастнымъ великимъ княземъ, взялъ его голову за уши и ударяя о землю приговаривалъ: „скокливъ ты и поспѣшенъ, твори теперь сколько хочешь!“

Но, потерпѣвъ судъ неправедный или праведный, Михаилъ, подобно Андрею Боголюбскому, омылъ кровью свои грѣхи и въ глазахъ русскаго народа сталъ св. мученикомъ, ибо погибъ отъ иновѣрныхъ и отъ вражды своего же брата, отдалъ себя за всѣхъ православныхъ христіанъ. „Еслибъ онъ не пошелъ въ Орду, разсуждаетъ лѣтописецъ, и побѣжалъ бы въ иныя земли, тогда пришли бы татары, его отыскивая: сколько бы христіанъ они замучили и смерти предали, сколько бы святыхъ церквей поругали! Но блаженный Михаилъ за всѣхъ себя отдалъ и отошелъ ко своему Владыкѣ Христу въ небесное царствіе. Смертно бо есть житіе сіе. Аще бы не тако умеръ, умеръ же бы всяко!“

Михаилъ, какъ мы сказали, былъ выданъ Юрью головою. Поэтому московскій князь забралъ въ Ордѣ съ собою не только весь дворъ Михаила, его бояръ и слугъ, и его сына Константина, но и самое тѣло покойника, которое и было привезено въ Москву. Послѣ Михаила остались сыновья, съ которыми требовалось устроить докончанье, твердый договоръ, дабы обезпечить себя отъ ихъ вражды и мести. Посредникомъ этого докончанья былъ Прохоръ, епископъ рос-

Библиотека "Руниверс"

товскій. Говорятъ, что сыновья едва умолили Юрья отпустить имъ останки отца, что Юрій взялъ съ нихъ множество серебра. Впрочемъ, состоялся размѣнъ. Тѣло Михаила повезли въ Тверь а изъ Твери повезли тѣло Юрьевой княгини Кончаки въ Ростовъ.

На другой (1320) годъ, сыновья Михаила, всѣ трое, поженились и любопытно, что одинъ изъ нихъ, Константинъ, бывшій съ отцомъ въ Ордѣ и выведенный оттуда княземъ Юрьемъ, какъ бы плѣнникомъ, женился на его дочери Софьѣ. Константинъ былъ человѣкъ тихій и кроткій, вовсе не честолюбивый, но умѣвшій княжить, какъ оказалось впослѣдствіи, съ пользою для своей земли. Напротивъ, два старшіе его брата, Дмитрій и Александръ, шли путемъ отчимъ, а потому и по смерти Михаила положеніе московскаго Юрья нисколько не измѣнилось; напрасно онъ утверждался съ новыми соперниками крѣпкимъ договоромъ и миролюбіемъ. Прошло не болѣе полгода, онъ все таки долженъ былъ идти ратью къ Твери на князя Дмитрія, который однако остановилъ походъ, выславъ для переговоровъ тверского владыку. Юрій помирился, взявъ 2000 р. серебра и клятву, что князь Дмитрій не будетъ искать великаго княженія. Забравши тверское серебро, Юрій пошелъ съ нимъ въ Новгородъ Великій, ибо тамъ ему было дѣло: Новгороду была тѣснота отъ нѣмцевъ. Съ новгородцами онъ сооружалъ осадныя машины и ходилъ осаждать нѣмцевъ въ Выборгѣ. Въ Твери растолковали поведеніе Юрья такимъ образомъ, что взятое серебро было выходное, которое слѣдовало доставить прямо хану, а великій князь вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу цареву послу, ушелъ съ серебромъ въ Новгородъ, значитъ похитилъ его у хана. Съ такою жалобою Дмитрій тверской поспѣшилъ въ Орду къ царю Узбеку, былъ принятъ съ честью и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. За княземъ Юрьемъ на Русь былъ посланъ посолъ сильный, Ахмылъ, котораго сопровождалъ и братъ Юрья, Иванъ Даниловичъ. Искалъ что ли онъ великаго князя, но по низовскимъ городамъ много зла сотворилъ и увелъ безчисленный полонъ. Въ это время былъ взятъ и созженъ Ярославль. Въ лѣтописяхъ коротко и глухо этотъ случай такъ разсказанъ, что какъ будто вмѣстѣ съ татариномъ жечь и грабить приходилъ и самъ Иванъ Даниловичъ. Но татаринъ приходилъ за Юрьемъ. Очень вѣроятно, что кстати онъ далъ почувствовать свой приходъ и тѣмъ городамъ, которые стояли за Юрья же. Не все злое должно думать о московскихъ князьяхъ; быть можетъ присутствіе при послѣ Ивана Даниловича значительно уменьшило неотразимыя бѣдствія и спасало по крайней мѣрѣ его собственную московскую волость. Должно упомянуть, что года за два предъ тѣмъ ростовцы возстали противъ татаръ и изгнали ихъ изъ города. И этотъ случай могъ быть причиною теперешнихъ татарскихъ насилій.

Съ осады Выборга, Юрій, по зову царя, пошелъ въ Орду, упросивъ новгородцевъ проводить его мимо Твери, уже зная, что ему не сдо-

Библиотека "Руниверс"

бровать. Дѣйствительно его давно стерегъ на пути тверской князь Александръ Михаиловичъ. Самъ Юрій едва спасся, побѣжавъ во Псковъ, а потомъ въ Новгородъ, а его бояре были захвачены, все имущество разграблено.

Въ то самое время Дмитрій Михаиловичъ пришелъ спокойно изъ Орды съ ярлыкомъ и сѣлъ на великое княженіе. Юрій, не имѣя возможности пройдти безопасно въ Орду, остался на сѣверѣ, и принужденъ былъ работать и работать за Новгородъ. Цѣлый годъ онъ хлопоталъ то съ нѣмцами, то съ шведами, ходилъ на Неву, поставилъ городъ Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и тѣмъ самымъ заставилъ шведовъ заключить съ Новгородомъ вѣчный миръ. А затѣмъ поднялись на Новгородъ устюжане, ограбили новгородскихъ данниковъ кто ходилъ на Югру. Слѣдовало и съ этой стороны защитить вольный городъ. Юрій и это дѣло исполнилъ блистательно; взялъ Устюгъ приступомъ и заключилъ миръ по старой пошлинѣ. Новгородцы въ добромъ здоровьѣ поворотили домой, а князь изъ Заволочья пошелъ на Пермь и по Камѣ въ Орду. Такимъ только круговымъ обходомъ онъ могъ миновать всѣ тверскія засады. Но онъ не могъ никуда уйдти отъ московско-тверской трагедіи, которая только еще началась, только еще развивалась. Въ Орду скоро явился и Дмитрій Михайловичъ. Встрѣтивъ московскаго князя въ самый канунъ годовщины убійства своего отца, онъ тутъ же и убилъ своего врага, „безъ царева слова, надѣясь на царево жалованье; но не добро было и самому, говоритъ лѣтописецъ, ибо что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“.—Въ Москвѣ встрѣтили тѣло убитаго князя братъ его Иванъ и весь народъ отъ мала до велика съ плачемъ великимъ. Похоронили его (23 февр. 1326 г.) митрополитъ Петръ съ владыками новгородскимъ, тверскимъ, ростовскимъ, рязанскимъ въ церкви в.мч. Димитрія, которая составила предѣлъ новозаложеннаго тогда же Успенскаго собора. Мѣсто погребенія лучше всего указывало, какъ разсуждала Москва о погибели своего князя. Она, отдавая все дѣло на судъ Господу, на костяхъ своего политическаго мученика создала по благословенію митрополита свой первый каменный соборъ.

Карамзинъ очень красиво описываетъ событіе Юрьевой погибели и достаточно смягчаетъ самоуправный подвигъ тверского князя. ...„Они увидѣли другъ друга, говоритъ историкъ, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Дмитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій... Такъ одно злодѣяніе рождаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго“. Но для судилища исторіи весь вопросъ въ томъ и состоитъ, гдѣ и когда началось это первое злодѣяніе, то есть самый зародышъ междоусобной ненависти, изъ котораго съ неумолимою послѣдовательностію возраждались одно за

Библиотека "Руниверс"

другимъ и всѣ новыя злодѣянія, въ своемъ стремленіи къ конечной цѣли всегда кончавшія убійствомъ.

Спустя годъ, погибъ въ Ордѣ и тверской князь Дмитрій, казненный за убійство Юрья московскаго. По словамъ лѣтописи, царь Узбекъ очень разгнѣвался на всѣхъ тверскихъ князей, называлъ ихъ крамольниками его царской волѣ. Но не смотря на гнѣвъ, великое княженіе все таки отдалъ брату убитаго, Александру. Московскій Иванъ Даниловичъ, бывши тогда въ Ордѣ, видно не смѣлъ и помышлять о великокняжскомъ столѣ.

Чего же достигла „алчная, хитрая, коварная" Москва въ первыя 20 лѣтъ своего хищничества, при князѣ, который дѣйствительно былъ до крайности вспыльчивъ и дерзокъ, который, какъ объ немъ пишетъ исторія, не разбиралъ никакихъ средствъ и всю жизнь стремился во чтобы то ни стало усилить себя на счетъ другихъ. Мы разсказали его исторію по тѣмъ же показаніямъ лѣтописей, которыя послужили красками и для очерненія его дѣятельности. Но безъ увлеченія въ сторону гуманной чувствительности или въ сторону ученой, впередъ поставленной идеи, что мы можемъ сказать по правдѣ объ этомъ несчастномъ Юрьѣ Даниловичѣ? Оказывается, что хищный князь всю жизнь только защищался отъ хищничества тверскихъ князей и въ защитѣ конечно иной разъ прибѣгалъ къ крайнимъ послѣднимъ средствамъ, какъ тѣ, въ нападеніи, прибѣгали тоже ко всякимъ подходящимъ средствамъ. Люди боролись и всячески умышляли нанести другъ другу какъ возможно больше зла. Какое же право мы имѣемъ приписывать только одной сторонѣ все злое и непривлекательное въ этой борьбѣ? Мы не знаемъ, что сотворили бы тверскіе князья, еслибъ Юрій попался къ нимъ въ руки. А они всячески старались его уловить, поджидая въ засадахъ. Видимо, что для ихъ цѣлей онъ служилъ великою помѣхою, но не въ томъ, что былъ хищникомъ чужихъ волостей—онъ не успѣлъ ничего у нихъ отнять — а въ томъ больше всего, что онъ былъ представитель старшаго Невскаго колѣна въ княжескомъ родѣ, къ которому вся земля питала особое почтеніе и выражала желаніе, чтобы этому колѣну было отдано и великое княженіе. Вотъ собственно въ чемъ былъ виноватъ Юрій московскій. Въ его исторіи съ Михаиломъ выразилась не столько борьба лицъ, сколько борьба земскихъ интересовъ, которымъ очень насолилъ еще предшественникъ тверского Михаила, городецкій Андрей, завѣщавшій свое мятежное княженіе именно тверскому князю. Юрій защищалъ отъ Михаила свой Переяславль, доставшійся ему законно; защищалъ отъ него Новгородъ, призвавшій его на защиту по новгородски тоже законно. Защищая Новгородъ, онъ за это былъ позванъ въ Орду къ отвѣту, и конечно при новгородской денежной помощи, вмѣсто ожидаемаго бѣдствія, не только оправдался въ Ордѣ, но и женился на царской сестрѣ и получилъ войско для борьбы съ своимъ обвинителемъ, Михаиломъ, а потомъ, потерпѣвъ отъ него

Библиотека "Руниверс"

пораженіе, пошелъ съ нимъ судиться въ ту же Орду, имѣя на своей сторонѣ не только Новгородъ, но и князей и бояръ всей Низовской земли. Всѣ эти дѣянія и событія развивались одно изъ другого не вслѣдствіе хищническихъ стремленій Юрья, но вслѣдствіе его самообороны, самозащиты. Онъ въ дѣйствительности боролся за свое существованіе, за свою жизнь, которую все таки не успѣлъ спасти. Кромѣ того, Юрій былъ рядовой человѣкъ въ развитіи княжескихъ споровъ собственно за Переяславль. Этотъ городъ былъ отнятъ еще у его дѣда—Александра Невскаго—при участіи тверского же князя, Михаилова отца, потомъ былъ отнятъ у Дмитрія Невскаго, у Юрьева дяди. Юрій такимъ образомъ, защищая свое, шелъ по пути дѣда и старшаго дяди, какъ шли въ своихъ захватахъ отчимъ же путемъ и тверскіе князья.

Всѣ событія Юрьева княженія изслѣдователи непремѣнно приписываютъ его хищничеству: въ ссорѣ побѣжали отъ него братья въ Тверь, потому что онъ хотѣлъ усилиться; однако они очень скоро воротились, слѣдовательно, онъ унялся отъ хищничества. „Желая усилиться на счетъ Рязани, говорятъ изслѣдователи, онъ убилъ (повелѣлъ убить) князя ея, плѣненнаго отцемъ его Даниломъ, и хотя не успѣлъ въ своемъ намѣреніи касательно всего княжества, однако удержалъ за собою Коломну“. Но все это вѣдь голыя догадки сдѣланныя еще Карамзинымъ, для котораго Юрій былъ черная душа именно за убійство рязанскаго князя. Убійство это названо въ родословныхъ казнью и совершено слѣдовательно за достаточную вину. Лѣтописи ни слова не говорятъ о пріобрѣтеніи въ это время Коломны, которая, какъ мы замѣтили, могла отойдти отъ Рязани къ Суздальской землѣ еще при Всеволодѣ III, когда рязанскіе князья были усмирены до-зела. При нашествіи татаръ, она является уже какъ-бы пограничнымъ городомъ Суздальскаго великаго-княженія. Она показывается въ числѣ суздальскихъ городовъ и какъ бы собственно московскихъ еще при Андреѣ Александровичѣ въ 1293 году, когда потерпѣла опустошеніе отъ татарскаго нашествія. Въ это время рядомъ съ Москвою и Коломною упомянутъ также и Можайскъ, завоеванный Москвою спустя 10 лѣтъ, въ 1303 г. Юрій съ братьею привелъ тогда въ Москву плѣнникомъ и можайскаго князя Святослава. Можайскъ передъ тѣмъ временемъ принадлежалъ искателю Переяславля, Ѳедору Ростиславичу, который съ татарами и произвелъ упомянутыя опустошенія и Коломны, и Можайска. Быть можетъ Можайскъ отошелъ къ Москвѣ по какимъ либо договорамъ съ того времени, какъ этотъ князь Ѳедоръ, женившись на ярославской княжнѣ, сдѣлался ярославскимъ княземъ. Быть можетъ Святославъ отнялъ свою смоленскую волость у Москвы и по этому случаю вызвалъ походъ Юрья.

Какъ бы ни было, но Можайскъ и Коломна, находящіеся почти въ равномъ разстояніи отъ Москвы, одинъ наверху, другой на низу

Библиотека "Руниверс"

Москвы рѣки, должны были очень рано сдѣлаться ея волостями и конечно поступили въ ея область, какъ только она развила свои княжескія силы, что могло произойдти еще при Михаилѣ Хоробритѣ, который и погибъ отъ литвы на Поротвѣ, несомнѣнно защищая свою волость. Безъ Можайска и Коломны Москва не могла существовать, ибо ея существованіе заключалось въ рѣчной области Москвы рѣки, а эти города запирали ей дорогу и въ низу къ Рязани и Волгѣ, и въ верху къ смоленскимъ и новгородскимъ землямъ. Въ этихъ двухъ городахъ и заключаются всѣ первичныя завоеванія—примыслы Москвы, добытые въ истинномъ смыслѣ борьбою за существованіе.

Слѣды царскаго гнѣва на тверскихъ князей можно находить въ томъ обстоятельствѣ, что вскорѣ въ Тверь отправленъ былъ посломъ братаничъ (племянникъ) царя, Щелканъ Дуденевичъ, о которомъ лѣтописи говорятъ, что онъ далъ будто бы царю мысль истребить всѣхъ русскихъ князей, дабы спокойнѣе владѣть Русской землею; что будто бы онъ хотѣлъ самъ сѣсть на великое княженіе въ Твери, а другихъ татарскихъ князей посажать по другимъ русскимъ городамъ и все русское христіанство привести въ магометанскую вѣру.— „Пойду въ Русь, говорилъ онъ царю, раззорю христіанство, князей изобью, а княгинь и дѣтей къ тебѣ приведу“! Такъ несомнѣнно объясняли дѣло именно тверичи и ихъ князья, оправдывая свой отчаянный поступокъ съ этимъ Щелканомъ и его татарами.

Надо замѣтить, что послы отъ татарскаго царя были посланы особаго рода. Они приходили не для переговоровъ, а для побора установленныхъ и обѣщанныхъ даней, запросовъ и сдѣланныхъ долговъ, посредствомъ которыхъ князья покупали ярлыки на великое княженіе. У лѣтописцевъ эти послы всегда прозываются грозными, немилостивыми и даже лютыми, потому что появленіе такого посла всегда сопровождалось ужасами правежа и грабежа надъ всѣмъ населеніемъ. Чѣмъ дороже покупался ярлыкъ, тѣмъ лютѣе приходилъ ординскій посолъ.

Грозный посолъ, придя въ Тверь, съ великою гордостію прогналъ съ двора великаго князя Александра и самъ занялъ его жилище. Затѣмъ сталъ дѣлать жителямъ нестерпимыя насилія на каждомъ шагу. Народъ возмутился и хотя князь Александръ уговаривалъ терпѣть—но было уже достаточно одного случайнаго обстоятельства, чтобы возгорѣлся всеобщій мятежъ. Случилась ссора на улицѣ: народъ возсталъ и побилъ всѣхъ татаръ. Самого Щелкана сожгли во дворцѣ. Перебили и всѣхъ татарскихъ гостей и купцовъ. Подобная расправа, конечно, не въ такой степени, не одинъ разъ случалась напр. и въ Ростовѣ.

Побѣжалъ ли скоро самъ Иванъ Даниловичъ московскій въ Орду, или былъ позванъ царемъ, но событіе столько было важно и опасно для Русской Земли, что кому нибудь дѣйствительно надо было скорѣй предстать предъ ординскаго царя. Иванъ Даниловичъ былъ

Библиотека "Руниверс"

внукъ Невскаго и остался теперь старѣйшимъ въ князьяхъ по правамъ на великое княженіе. Слѣдовательно, какъ старѣйшій, долженъ былъ держать отвѣтъ за всѣхъ. Царь ординскій разгорѣлся великою яростью, рыкая аки левъ на тверскихъ князей, намѣреваясь всѣхъ истребить и всю Русскую Землю плѣнить. Въ ярости онъ и потребовалъ къ себѣ Ивана Даниловича. Осенью пошелъ Иванъ Даниловичъ въ Орду, а зимою съ нимъ пришла татарская рать, 50 тысячъ, съ воеводою Ѳедорчюкомъ. Все тверское княжество было въ конецъ опустошено. Сохранилъ Богъ Москву, Новгородъ, который откупился 2000 р. с. да вѣроятно суздальское княжество, потому что суздальскій князь, какъ старѣйшій изъ другихъ, тоже участвовалъ въ этомъ походѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Даниловичемъ. Тверскіе князья убѣжали къ Новгороду, но новгородцы не приняли Александра и онъ удалился во Псковъ.

Послѣ этого погрома, на слѣдующій годъ отправились въ Орду князь московскій Иванъ, князь тверской Константинъ и новгородцы, въ лицѣ особаго посла Ѳедора Колесницы. Царь всѣхъ принялъ съ честью. Великое княженіе отдалъ Ивану Даниловичу „и иныя княжеженія отдалъ ему къ Москвѣ“; Константина тверского утвердилъ въ Твери; пожаловалъ и новгородцевъ „по ихъ челобитью“, вѣроятно свободнымъ торгомъ во всей Суздальской землѣ, и всѣмъ за одно повелѣлъ отыскать тверского бѣглеца Александра Михайловича. Есть однако достовѣрное свидѣтельство, что въ первое время царь Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе на двое, Ивану Даниловичу къ Москвѣ отдалъ Новгородъ и Кострому, а его двоюродному брату князю суздальскому, Александру Васильевичу—Владиміръ и поволожье (Городецъ, Нижній), и что уже по смерти суздальскаго князя черезъ $2^1/_2$ года (1332 г.) царь отдалъ московскому князю великое княженіе надо всею Русскою Землею, какъ было при его праотцѣ Всеволодѣ III. Собственно къ тому времени должно относиться и лѣтописное выраженіе, что „и иныя княженія отданы ему къ Москвѣ“.

Стало быть и суздальскій князь почиталъ себя старшимъ въ князьяхъ, по крайней мѣрѣ, вторымъ послѣ Ивана Даниловича. Дѣйствительно онъ былъ внукъ второго Ярославова сына Андрея, а Иванъ Даниловичъ внукъ перваго—Александра [1]).

Установленіе такихъ отношеній имѣетъ свое значеніе для характеристики Ивана Даниловича и вообще для характеристики такъ называемаго московскаго хищничества.

Въ поведеніи Ивана Даниловича мы замѣчаемъ полное возстановленіе политики его славнаго дѣда, Александра Невскаго. Получивъ

---

[1]) При этомъ одинъ лѣтописецъ разсказываетъ, что получивши владимірское княженіе суздальскій вѣликій князь перевезъ изъ Владиміра въ Суздаль и вѣчный, вѣчевой колоколъ; но колоколъ пересталъ звонить въ Суздалѣ. Увидѣвши, что сгрубилъ предъ св. Богородицею Владимірскою, суздальскій князь воротилъ колоколъ опять во Владиміръ и опять колоколъ сталъ звонить по прежнему.

Библиотека "Руниверс"

великокняжеское достоинство, онъ однако вовсе не думаетъ владѣть землею на основаніи права сильнаго, т. е. вовсе не думаетъ усиливаться на счетъ другихъ во что бы то ни стало, не разбирая средствъ. Онъ напротивъ, по примѣру дѣда, раздѣляетъ свою власть съ сильнѣйшими князьями того времени, съ суздальскимъ и тверскимъ, какъ и дѣдъ дѣлилъ ее съ суздальскимъ и ростовскимъ. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ были приняты въ расчетъ отношенія земства.

Суздальскій край, или нижняя Волга, и Тверской край, или верхняя Волга, представляли сами по себѣ довольно особныя области, стремившіяся сосредоточить свои самостоятельныя силы въ особыхъ городахъ, что̀ верхняя Волга успѣла сдѣлать уже въ Твери, а нижняя готовилась тоже исполнить въ Нижнемъ Новгородѣ, ибо ни Суздаль, ни Владиміръ, ни Городецъ, не были удобны для такого сосредоточенія. Иванъ Даниловичъ удержалъ за собою серединное положеніе между этими областями, взявъ себѣ Кострому, наслѣдницу ростовской силы, открывавшую свободный путь къ далекимъ сѣвернымъ областямъ, и которая въ княжескомъ наслѣдствѣ была такъ сказать межеумкомъ, хотя всегда принадлежала къ области великокняжеской, Владимірской.

Надо замѣтить, что полученіе ярлыка на великое княженіе, по видимому, не давало великому князю никакихъ самовластныхъ господарскихъ правъ относительно независимыхъ и самостоятельныхъ областей, къ которымъ отношенія великаго князя установлялись по старому русскому обычаю на договорахъ, на любви и мірѣ, записанномъ въ договорныхъ грамотахъ. Нарушеніе этихъ договоровъ и производило распри и усобицы между князьями. Права великаго князя по прежнему все еще заключались только въ правахъ названнаго отца-старѣйшины, въ старомъ русскомъ смыслѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могли сколько нибудь равняться и даже напоминать права татарскаго хана, ибо въ татарскомъ смыслѣ русскій великій князь все таки былъ только ханскимъ улусникомъ, воля котораго вполнѣ зависѣла не только отъ воли самаго хана и его басмановъ или пословъ, но и отъ воли другихъ русскихъ же улусниковъ, хотя и подчиненныхъ ему, но всегда имѣвшихъ право жаловаться на его поведеніе, если оно превышало данную ему власть. Такимъ образомъ ограниченіе правъ великаго князя исходило и отъ старыхъ русскихъ обычныхъ порядковъ, и отъ порядковъ ординскаго самовластія. Надъ нимъ господствовалъ татарскій произволъ, всегда дававшій случаи и русскимъ князьямъ подниматься на такой же произволъ противъ своего старѣйшины. Посреди такихъ отношеній очень трудно было устроить что либо правильное и крѣпкое въ развитіи великокняжескаго господства надъ землею. По этой причинѣ оставались крѣпкими и неизмѣнными только старые русскіе обычаи, которыхъ крѣпко и держались великіе московскіе князья до послѣдняго времени.

По старому обычаю великій князь Иванъ Даниловичъ общее зем-

Библиотека "Руниверс"

ское дѣло ведетъ сообща съ большими князьями земли, призывая къ нему и всѣхъ остальныхъ меньшихъ.

Тверской князь, какъ мы упомянули, убѣжалъ отъ татарской грозы и поселился во Псковѣ. Изъ боязни передъ татарами никто не могъ дать ему убѣжища, кромѣ Пскова, потому что Псковъ крѣпко помнилъ заповѣдь св князя, невскаго героя, который послѣ славной побѣды надъ нѣмцами на Чудскомъ озерѣ въ защиту Пскова же: сказалъ псковичамъ такое слово: „Заповѣдаю вамъ на будущее время, если прибѣжитъ къ вамъ кто изъ моего племени въ печали, или такъ пріѣдетъ къ вамъ пожить, примите и почтите его... Если, не примите, не почтете его, какъ князя, то будете окаянные и назоветесь вторая жидова, распявшая Христа!“ Вотъ почему съ того времени князья бѣглецы всегда получали во Псковѣ радушный пріемъ и должную почесть. Псковичи не только приняли тверскаго Александра, какъ бѣглеца, но цѣловали ему крестъ, что не выдадутъ русскимъ князьямъ и посадили его у себя на княженіе. Ханъ Узбекъ, какъ упомянуто, повелѣлъ русскимъ князьямъ и новгородцамъ за одно всѣмъ добыть тверского князя и поставить передъ собою.

Дѣло касалось всѣхъ и особенно всѣхъ областей, ближайшихъ къ татарамъ, которыя первыя подвергались бѣдствію, еслибъ татары сами взялись отыскивать виновнаго князя. Надо было въ Ордѣ удостовѣрить, что онъ будетъ отысканъ во что бы ни стало; съ этою мыслью, подъ предводительствомъ Ивана Даниловича, собралась на Александра вся Земля, а новгородцы привели полки даже изъ Заволочья и отъ Корелы. Вся рать собралась въ Новгородѣ, прибылъ и митрополитъ всея Руси, Ѳеогностъ. Оттуда сначала отправили во Псковъ посольство и съ новгородскимъ владыкою. „Иди въ орду, зоветъ тебя царь, говорили послы. Повелѣлъ царь всѣмъ намъ искать тебя. Не погуби христіанъ! Лучше тебѣ одному за всѣхъ пострадать и спасти землю отъ бѣды“.—Противъ такихъ убѣжденій предъ лицемъ всего земства трудно было что либо говорить. Александръ уже соглашался отдать себя на земскую жертву предъ татарами. Но псковичи остановили его: „Не ходи въ Орду, будетъ что будетъ, а мы умремъ съ тобою на одномъ мѣстѣ!“ Псковичи держали свою честь, ибо, какъ сказано, дали клятву не выдавать бѣглеца русскимъ князьямъ. Въ далекомъ краю отъ татаръ можно было свободно защищать свою честь. Между тѣмъ, собранная рать тронулась изъ Новгорода и пришла уже къ городку Опонѣ (на рѣкѣ Шелони верстъ 30 къ сѣверу отъ Порхова). Хожденіе рати отъ Новгорода до Опони, 110 верстъ, продолжалось три недѣли. Такъ шелъ Иванъ Даниловичъ, „не хотя разгнѣвить псковичей“ говоритъ псковской же лѣтописецъ. Уже присутствіе посреди рати митрополита, показывало, что Иванъ Даниловичъ желалъ рѣшить дѣло мирнымъ путемъ. Но псковичи, какъ и слѣдовало честнымъ людямъ, стояли на своемъ. Догадался князь Иванъ Даниловичъ, что ни

Библиотека "Руниверс"

вынуть князя Александра, ни выгнать его ратью изъ Пскова невозможно и намолвилъ митрополита Ѳеогноста, чтобы наложилъ на Псковъ и на князя Александра проклятіе и отлученіе церковное. Противъ этого не устоялъ и князь Александръ. Онъ рѣшился удалиться изъ города, развязалъ Псковичей отъ ихъ присяги, выпросивъ у нихъ только новую присягу, что не выдадутъ его княгиню. „А добротою и любовью онъ былъ по сердцу псковичамъ". Впрочемъ, псковичи хорошо понимали трагическія обстоятельства и безъ всякой злобы, но съ добрымъ поклономъ, отправили пословъ къ Ивану Даниловичу, сказать, что князь Александръ выѣхалъ изъ города. Обрадовался и Иванъ Даниловичъ и кончилъ съ псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, а митрополитъ благословилъ добрыхъ и благородныхъ людей по прежнему. Такъ разсказываетъ объ этомъ событіи псковскій лѣтописецъ. Новгородскій объясняется короче, говоря, что когда Иванъ Даниловичъ пошелъ на Псковъ ратью, а митрополитъ наложилъ проклятіе, то псковичи выпроводили отъ себя князя Александра, а къ князю Ивану Даниловичу и къ новгородцамъ прислали пословъ съ поклономъ въ Опону и докончили миръ. Черезъ полтора года Александръ уже изъ рукъ Литвы сѣлъ опять во Псковѣ на княженіе. Псковичамъ въ то время онъ былъ надобенъ, какъ нельзя больше. Они боролись съ Новгородомъ за свою независимость, желая даже совсѣмъ отдѣлиться отъ своего старѣйшины. Въ лицѣ Александра Михайловича честолюбіе псковское сливалось съ честолюбіемъ тверскимъ, что конечно для псковскихъ цѣлей было очень благопріятно.

„Сѣлъ на великое княженіе Иванъ Даниловичь и настала тишина въ русской землѣ на много лѣтъ", говорятъ въ одинъ голосъ всѣ лѣтописи. Иныя, напр. тверской лѣтописецъ, прибавляютъ, что тишина продолжалась сорокъ лѣтъ, что „перестали поганые воевать Русскую Землю и закалать христіанъ; отдохнули и успокоились христіане отъ великой истомы и многой тягости, отъ насилія татарскаго и была съ той поры тишина великая по всей Землѣ". Дѣйствительно, въ теченіи 40 лѣтъ (1328—1368) не было слышно ни татарскихъ, ни другихъ нашествій и кровопролитій. Если и случались походы и столкновенія, то всѣ они были слишкомъ ничтожны предъ прежними.

Здѣсь открылась первая великая заслуга Москвы передъ всею Землею, и данъ былъ первый московскій задатокъ на привлеченіе къ Москвѣ здоровыхъ земскихъ силъ. Другія извѣстія къ этому присовокупляютъ, что Калита очистилъ землю отъ воровъ и разбойниковъ, что было также завѣтомъ Москвы и въ послѣдующее время.

Земля успокоилась. Но не былъ покоенъ только тверской князь-бѣглецъ. Онъ мыслилъ, что, убѣжавъ съ княженія, такимъ поступкомъ лишаетъ своихъ дѣтей ихъ законнаго наслѣдства, ибо по старымъ уставамъ русской княжеской жизни, чтобы укрѣпить за

Библиотека "Руниверс"

дѣтьми хотя бы одинъ тверской столъ, необходимо было княжить на немъ до своей смерти, необходимо было умереть не бѣглецомъ, а тверскимъ княземъ. Такъ размышляя, онъ послалъ хлопотать въ Орду о прощеніи своего старшаго сына Ѳедора, и по возвращеніи его изъ Орды самъ пріѣзжалъ въ Тверь, и взявъ сына, возвратился во Псковъ. Московскій великій князь не препятствовалъ этимъ переговорамъ и разъѣздамъ. Александръ прислалъ въ Москву къ митрополиту своихъ бояръ, испросилъ у владыки и у всѣхъ святителей благословеніе и молитву на далекій и опасный путь и затѣмъ отправился въ Орду. Тамъ своею „смиренною мудростію", т. е. полнымъ раболѣпствомъ и покореніемъ царю онъ успѣлъ получить прощеніе и былъ пожалованъ тверскимъ княжествомъ. Все это происходило стало быть съ согласія Ивана Даниловича, ибо митрополитъ, жившій въ Москвѣ, тайно не могъ давать такія благословенія. Въ то самое время, какъ только начались эти хлопоты Александра, въ 1335 г. Иванъ Даниловичь по какому-то случаю поднялся было на Псковъ съ новгородцами и со всею низовскою землею; но была ему рѣчь по любви и съ новгородцами и со всею низовскою землею и онъ отложилъ свой путь, оставивъ Псковъ безъ мира. Можно полагать, что Земля въ это время разсуждала о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ тверского князя, быть можетъ и тогда уже помышлявшаго не только о тверскомъ, но и о великомъ княженіи. Московскій князь могъ укрѣпиться съ земствомъ, что тому небывать. Весною 1338 г. Александръ пришелъ изъ Орды въ Тверь и сталъ княжить. Вскорѣ обнаружилось, что онъ явился не для тишины, но для раздора. Многіе тверскіе бояре тогда же отъѣхали отъ Александра въ Москву. Затѣмъ онъ послалъ сына въ Орду, „не докончаша и мира не взяша" съ Иваномъ Даниловичемъ. Ясное дѣло, что онъ разсчитывалъ отнять у Москвы и великое княженіе. Поспѣшилъ въ Орду и московскій князь. И вотъ, по его думѣ, царь Узбекъ потребовалъ къ себѣ не только тверского Александра, но и всѣхъ князей. „Нѣкіе много клеветали въ Ордѣ на князя Александра", говоритъ одинъ лѣтописецъ. Историки конечно обвиняютъ въ этомъ Ивана Даниловича, хотя недовольные, оскорбленные тверскіе бояре могли дѣйствительно взводить настоящія клеветы на своего князя. Да нельзя совсѣмъ выгораживать изъ этого дѣла и Александрова брата Константина, который тихо и мирно княжилъ почти 10 лѣтъ, могъ очень привыкнуть къ своему положенію и едва ли легко уступалъ брату. Онъ, по случаю тяжкой болѣзни, какъ говоритъ лѣтопись, не пошелъ проводить брата въ Орду. Извѣстно, что въ послѣдствіи въ Твери начались великія усобицы между Константиномъ и дѣтьми Александра, и именно Константинъ сталъ ихъ обижать. Вообще въ погибели Александра участниковъ было много, едвали не все земство, ибо какія клеветы на Александра могъ говорить въ Ордѣ Иванъ Даниловичь, кромѣ того, что тверской князь хочетъ раззорить земскую тишину, поднять междоусобіе и слѣдовательно опять по прежнему

Библиотека "Руниверс"

опустошать и разорять татарскія же дани—Русскую Землю. Эта клевета была очевидною правдою для всей Земли, почему поддерживать или опровергать ее должны были позванные въ Орду всѣ князья. Одного изъ нихъ, своего зятя, князя ярославскаго (внукъ Ѳедора, что добывалъ себѣ Переяславль), который былъ на сторонѣ Александра, Иванъ Даниловичь не хотѣлъ пустить въ Орду, но не успѣлъ въ этомъ. Возвратившись самъ изъ Орды, Иванъ Даниловичь однако отправилъ туда всѣхъ своихъ троихъ сыновей еще отроковъ. Что князья говорили въ Ордѣ и для чего собственно они были позваны неизвѣстно, но Александръ и съ сыномъ при нихъ же былъ убитъ. Московскіе Ивановичи воротились изъ Орды съ пожалованіемъ, съ великою радостію и веселіемъ. На тверскомъ княженіи опять сѣлъ братъ Александра, Константинъ.

Погубивъ Александра, Москва стала усиливаться, но какъ и чѣмъ? Въ то время, говоритъ лѣтопись, Иванъ Даниловичъ взялъ изъ Твери въ Москву колоколъ отъ соборной церкви Спаса. Такой же поступокъ, какъ видѣли, случился и во Владимірѣ отъ суздальскаго князя. Быть можетъ это означало, что Тверь лишалась своихъ правъ на великое княженіе.

Обыкновенно вину хищническаго усиленія складываютъ на Ивана Даниловича, по случаю его вотчинныхъ примысловъ или собственно покупокъ селъ и деревень въ разныхъ мѣстахъ одной лишь великокняжеской области, такъ какъ такія покупки въ другихъ княженіяхъ по обоюднымъ съ князьями договорнымъ запретамъ дѣлать было нельзя. Но эти самыя купли только въ великокняжеской области лучше всего и показываютъ, что со стороны Москвы не происходило никакого хищничества, что воля великаго князя даже и въ великокняжеской отчинѣ была ограничена древними порядками, которые Москва соблюдала больше, чѣмъ иныя княжества. Великокняжеская область принадлежала вѣдь великому князю, а онъ посреди ея же земель покупаетъ себѣ села и деревни; не захватываетъ по праву великаго владѣльца-собственника, а покупаетъ. Онъ не покупаетъ, но отнимаетъ такія села только у опальныхъ своихъ же бояръ, т. е. у виноватыхъ, но и виноватые князья по древнему русскому уставу лишались волости, какъ бояре за вину лишались головы. Отнятыя земли опять отдавались въ кормленіе боярамъ же. Иванъ Даниловичъ купилъ также Бѣлоозеро, Галичъ, Угличъ—но то была купля такого рода, что въ этихъ волостяхъ все-таки оставались князья; покупалась, слѣд. только служба этихъ князей, куплею ихъ отчинъ они приравнивались только къ старшимъ боярамъ.

Иные до того распространяютъ заученную и затверженную повѣсть объ усиленіи хищничества Москвы на счетъ другихъ, что приписываютъ Ивану Даниловичу пріобрѣтеніе напримѣръ Рузы, Звенигорода, то-есть городовъ, искони принадлежавшихъ Москвѣ.

Боярскія преданія, записанныя въ житіе св. Сергія и оттуда но-

Библиотека "Руниверс"

павшія въ лѣтопись, записанныя спустя сто лѣтъ по смерти Ивана Даниловича со словъ троицкихъ чернецовъ—бояръ, крамолившихъ противъ Василья Темнаго въ его борьбѣ съ галицкими князьями, эти преданія такъ выражаются о княженіи Ивана Даниловича: „Настало насилованіе многое, сирѣчь княженіе великое досталось князю великому Ивану Даниловичу. Купно же досталось и княженіе ростовское къ Москвѣ, увы, увы, тогда граду Ростову и проч.“

Это могло случиться въ 1328 году, когда Ростовъ былъ раздѣленъ на двѣ половины; Срѣтенская сторона досталась Ѳедору Васильевичу, Борисоглѣбская—Константину Васильевичу, который былъ женатъ на дочери Ивана Даниловича и всегда участвовалъ въ его походахъ. Напротивъ о Ѳедорѣ ростовскомъ не имѣемъ свѣдѣній, почему и можемъ предполагать, что московское насиліе постигло этого князя и его Срѣтенскую сторону Ростова. Именно пріобрѣтеніе половины Ростова лѣтописи и относятъ къ Ивану Даниловичу, упоминая, что другую половину купилъ уже Иванъ Васильевичъ III. Можетъ быть и Иванъ Даниловичъ примыслилъ свою половину тоже куплею, причемъ весьма могло случиться сопротивленіе со стороны владѣющихъ бояръ.

Существенное усиленіе Москвы на счетъ другихъ княжествъ заключалось не въ хищническихъ захватахъ земель и волостей, въ чемъ ея воля была сильно ограничена существовавшими междукняжескими договорами и общимъ народнымъ мнѣніемъ, по которому такіе захваты всегда были дѣломъ разбойнымъ, грабительствомъ, какъ лѣтописцы и отзываются объ иныхъ князьяхъ; настоящее усиленіе Москвы заключалось въ ея поведеніи относительно всего земства.

Иванъ Даниловичъ, какъ и братъ его Юрій, слѣдуя дѣду, всякое свое предпріятіе, а тѣмъ болѣе всякое земское дѣло, всегда отдавалъ на разсужденіе всего земства, приглашая къ участію въ такихъ случаяхъ всю землю въ лицѣ ея князей. Со всею Землею онъ ходилъ ко Пскову на Александра, со всею низовскою Землею поднимался было и опять идти на Псковъ, но по совѣту со всею же Землею отложилъ походъ; всѣхъ князей по его думѣ и царь потребовалъ въ Орду для разсужденія о томъ же Александрѣ. Ясное дѣло, что въ своей внутренней политикѣ онъ держался стараго обычнаго мірского схода, чѣмъ искони жила вся Земля. Вотъ почему онъ такъ дорожилъ земскою тишиною, всегда выставляя впередъ интересы народа и отодвигая на второе мѣсто свои личные, въ собственномъ смыслѣ, московскіе интересы. Народъ вѣдь никогда не терялъ здраваго смысла и здраваго разсужденія и потому, руководясь очевидностью всѣхъ московскихъ дѣлъ, хорошо могъ различить, кто больше желаетъ добра христіанамъ—крестьянамъ, суздальскіе, городецкіе, тверскіе князья, или малая Москва. Народъ умилился подвигомъ тверского Михаила, принесшаго себя въ жертву за всѣхъ христіанъ. Народъ иначе не могъ объяснить себѣ этотъ подвигъ, какъ дѣломъ святости,

Библиотека "Руниверс"

почему и причислилъ Михаила къ лику святыхъ. Но тотъ же народъ въ подвигахъ его сына Александра, столько интересныхъ для художника романиста, видѣлъ только одно стремленіе охранить и удоволить свою личность. „Князь тверской, говоритъ и Карамзинъ, могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки монголовъ, чтобы спасти подданныхъ: но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности".

Еслибъ Александръ палъ въ борьбѣ съ Щелканомъ, еслибъ онъ тотчасъ съ повинною головою побѣжалъ бы къ царю въ Орду, отдавая себя, какъ главнаго виновника, на казнь за все свое земство, тогда въ умахъ народа онъ сталъ бы выше, святѣе своего отца, тогда навѣрное не случилось бы татарскаго погрома и все дѣло ограничилось бы новыми тяжкими поборами, которые во всякомъ случаѣ были бы меньше тягостны, чѣмъ полное кровавое раззореніе и опустошеніе тверской земли, да и другихъ сосѣдскихъ мѣстъ, ни въ чемъ не повинныхъ. Тогда не выдвинулся бы впередъ и московскій Иванъ Даниловичъ, волею или неволею принужденный вести татарскіе полки для наказанія виновныхъ. Александръ, какъ нѣкогда Андрей Суздальскій, вздумалъ не служить царю, а бѣгать отъ него, благо нашлись добрые люди псковичи, по своимъ обстоятельствамъ, борясь съ Новгородомъ, очень нуждавшіеся въ честолюбивомъ князѣ. Забравшись въ самый далекій уголъ отъ татаръ, онъ не хотѣлъ слышать призыва русскихъ князей и новгородцевъ, посылавшихъ его въ Орду по требованію царя. Онъ заставилъ поднять на Псковъ ратную силу. Кровопролитіе остановлено только церковнымъ словомъ отлученія. Онъ, взявши отъ псковичей присягу, что не выдадутъ его русскимъ князьямъ, совершалъ и нравственное насиліе надъ добрыми людьми, развязанное только церковью, что вообще не было легкимъ дѣломъ, хотя въ подобныхъ случаяхъ подобныя заклятія употреблялись и прежде. Святители и въ древней Руси говорили, что они приставлены въ русской Землѣ унимать кровопролитіе и съ этою цѣлью или брали на себя грѣхъ нарушенія клятвы или непокорныхъ отлучали отъ общенія съ церковью. Но въ то самое время, когда поведеніе тверского князя готовило совсѣмъ ненадобное кровопролитіе, московскій Иванъ Даниловичъ, не хотя разгнѣвить псковичей, шелъ съ войскомъ три недѣли по разстоянію съ небольшимъ во 100 верстъ. Все это новгородскій и псковскій народъ самъ видѣлъ, а низовскій народъ самъ слышалъ и конечно умѣлъ разобрать, кто строитель земской тишины, и кто заводчикъ земской смуты.

Участь Александра привлекательна потому, что она представляетъ полную трагедію. Онъ все таки долженъ былъ кончить тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему начать; онъ все таки пошелъ въ Орду для сохраненія княжескаго наслѣдства своимъ дѣтямъ. Но, получивъ желаемое, онъ не остановился на полпути и вознамѣрился увеличить это наслѣдство

Библиотека "Руниверс"

столомъ великаго княженія. Онъ шелъ къ вѣрной погибели, ибо московскій князь уступить ему тоже не могъ. Началась бы опять усобица и навѣрное можно сказать, что Москва опять бы выиграла, но Земля безъ вины была бы опустошена. Десятилѣтняя тишина, добытая и поддерживаемая Москвою, была крѣпкимъ залогомъ, что вся Земля стала бы на сторонѣ Москвы.

Такимъ образомъ, съ московской, да и съ общеземской, точки зрѣнія тверскіе князья въ дѣйствительности являлись крамольниками, какъ ихъ обозвалъ царь Узбекъ, честолюбивыми искателями чужого добра, начиная отъ ихъ стремленій захватить Переяславль еще у Александра Невскаго, а потомъ у его сына Дмитрія. И если кто оправдываетъ ученую систему усиленія князей на счетъ другихъ во что бы ни стало, такъ именно всего больше тверскіе князья.

Они своими насиліями и притязаніями выдвинули на сцену и московскихъ князей, которые не могли же отдать имъ Переяславль, пріобрѣтенный законнымъ путемъ духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ сила Москвы развилась не изъ хищничества, а изъ крѣпкой самозащиты, изъ умѣнья постоять за себя.

Личныя качества Ивана Даниловича въ народной памяти запечатлѣны прозваніемъ его Калитою, что означало кошелекъ, мѣшокъ носимый при поясѣ. „Потому онъ былъ прозванъ Калитою, говоритъ одно сказаніе, что былъ очень милостивъ, нищелюбивъ и всегда носилъ при поясѣ калиту, полную серебреницъ, съ которою ходя раздавалъ нищимъ сколько вынется“. Разсказывали, что одинъ нищій, взявши у него милостыню, забѣжалъ впередъ и еще проситъ; князь подалъ ему вторично. Нищій зашелъ по прежнему съ другой стороны и опять проситъ.—„Возми, несытыя зеницы“ (очи), молвилъ князь, подавая ему третью милостыню.—„Это ты и есть несытыя зеница! И здѣсь царствуешь и тамо (на томъ свѣтѣ) хочешь царствовать!“ отвѣтилъ ему нищій, давая намекъ, что по божески творитъ свое милостынное дѣло, никогда никому не отказывая въ милостынѣ. Разсказывали также, что нѣкая инокиня въ видѣніи видѣла великаго князя въ раю за его добрыя дѣла. Такія преданія объ Иванѣ Даниловичѣ сохранялись въ народѣ спустя болѣе полутораста лѣтъ послѣ его смерти, поэтому случаю Иванъ Даниловичь, какъ и отецъ его Даніилъ, были причислены къ лику мѣстныхъ московскихъ святыхъ. Само собою разумѣется, что твердая память о нихъ больше всего сохранялось у ихъ потомковъ, великихъ князей и потомъ царей Московскихъ и всея Руси. Въ царской казнѣ XVII вѣка, въ числѣ предметовъ большого государева наряда, т. е. въ числѣ царскихъ регалій, бережно хранилась и „старинная калита великаго князя Даніила“, какъ равно и сума великаго князя Ивана Даниловича, по образцу которой сшивались сумы для царя Михаила Ѳедоровича, носимыя на выходахъ, для раздачи царской милостыни. Калита князя Даніила даетъ поводъ предполагать, что и сынъ его Иванъ Дани-

Библиотека "Руниверс"

ловичь, ходя съ калитою, хранилъ и исполнялъ только добрый завѣтъ отца, какъ основателя добрыхъ порядковъ и добрыхъ нравовъ первой Москвы.

И что же привлекло въ Москву для поселенія даже митрополита, какъ не добрый нравъ ея князя, боголюбиваго, страннолюбиваго и зело тихолюбиваго, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ. Изслѣдователи, придавая не свойственный драматизмъ тогдашнимъ событіямъ и лицамъ, выражаются обыкновенно, что Иванъ Даниловичъ перезвалъ въ себѣ митрополита, какъ бы въ пику тверскимъ князьямъ, какъ будто митрополитъ могъ идти только туда, куда его усерднѣе другихъ позовутъ. Но кто же изъ князей не желалъ бы отдать свой городъ для митрополичьей кафедры? Несомнѣнно, всѣ этого желали не меньше московскаго князя. Дѣйствительно, послѣ татарскаго нашествія митрополиты всея Руси очутились въ положеніи безпріютныхъ странниковъ. Изъ Кіева они перебрались во Владиміръ, гдѣ въ началѣ было спокойнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ; но вскорѣ и Владиміръ суздальскій отъ княжескихъ усобицъ пріобрѣлъ ту же славу Кіева, т. е. безпокойнаго житья для церковной власти. Святитель Петръ, испытавъ тревоги отъ тверского доноса на него, конечно уже не могъ поселиться въ Твери. Обходя мѣста и города Суздальской области, узнавая и испытывая князей и людей, онъ полюбилъ больше другихъ московскаго Ивана Даниловича именно за его добрый нравъ. Изъ великокняжеской Твери шла крамола и вражда. Здѣсь въ маломъ московскомъ городкѣ тихолюбивый князь заботился больше всего о земской тишинѣ и по своимъ смирнымъ нравамъ подавалъ увѣренность, что желанное спокойствіе будетъ крѣпко и на будущее время. Святитель не ошибся, и на смертномъ одрѣ, еще въ то время, когда Иванъ Даниловичъ едва ли помышлялъ о великомъ княженіи, онъ благословилъ его и съ потомствомъ заочно, потому что князь отсутствовалъ изъ Москвы, и именно за то, что князь „столько успокоилъ его въ московскомъ житіи и пребываніи“. Но московскій князь однимъ лицомъ въ этомъ отношеніи конечно не могъ сдѣлать всего, еслибъ не находилъ помощи вокругъ себя, во всемъ тогдашнемъ обществѣ Москвы и особенно въ боярствѣ, посреди котораго первое мѣсто занималъ тогда тысяцкій Протасій, потомокъ варяга Шимона и перваго ростовскаго тысяцкаго Георгія. Онъ самъ перешелъ въ Москву по однимъ свидѣтельствамъ изъ Владиміра, по другимъ изъ Ростова. Честный и вѣрный мужъ, украшенный всякими добрыми дѣлами, онъ присутствовалъ и при кончинѣ святителя Петра и принялъ отъ него благословеніе своему князю и кромѣ того завѣщаніе построить заложенный святителемъ храмъ Успенія, для чего тутъ же покойнымъ была ему передана особая казна.

Если московское боярское гнѣздо съ перваго же времени отличалось смирными и добрыми нравами, то съ поселеніемъ въ Москвѣ митрополита, оно по естественнымъ причинамъ должно было укрѣ-

Библиотека "Руниверс"

пить и развить эти нравы еще въ бо̀льшей степени. Каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ народная пословица,—каковъ былъ князь, таковы были и бояре, но всѣ они вмѣстѣ теперь находились подъ благословеніемъ или неблагословеніемъ митрополита за доброе и худое въ своей жизни, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ церковной власти, которая ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться только мѣстною, исключительно московскою властью, и забыть о томъ, что прежде всего она церковная власть всея Руси, что она прежде всего охранительница не московскихъ только, но по преимуществу общеземскихъ интересовъ. Церковная власть, единая для всея Руси, необходимо требовала единства и для гражданской власти, необходимо воспитывала это единство всѣмъ смысломъ своей проповѣди и всѣмъ порядкомъ своего управленія. Первая Москва такимъ образомъ легко могла поставить правиломъ и завѣтомъ своей жизни крѣпкое единство и въ княжеской семьѣ, и въ боярской средѣ, чѣмъ собственно Москва и побѣждала всѣхъ своихъ соперниковъ и крамольниковъ. Впрочемъ единство и единодушіе, въ какомъ долгое время жили московскіе князья, и особенно бояре, создалось быть можетъ еще во время отчаянной борьбы съ Тверью Юрья Даниловича, именно по случаю тверскихъ притязаній на Переяславль, по случаю постоянной опасности отъ враждебныхъ захватовъ со стороны Твери. Болѣе 20 лѣтъ продолжалась бурная безпокойная неизвѣстность, чѣмъ можетъ окончиться для Москвы ея вражда съ Тверью. Естественно, что въ это время московское гнѣздо боярства въ борьбѣ за самое свое существованіе должно было крѣпко сторожить, чтобы не разрушилось оно отъ собственной своей крамолы. Первый опытъ такой крамолы еще при Юрьѣ, когда отъѣхали въ Тверь двое его братьевъ, послужилъ, какъ видно, доброю наукою на будущее время. Съ той поры ничего подобнаго уже не случилось въ теченіи пятидесяти лѣтъ, то-есть во все время основательной закладки московскаго могущества, которое, какъ добрый плодъ, выросло непосредственно только изъ московскаго единства.

Древній завѣтъ Ярослава, великаго правосуда—жить за едино или быть за одинъ, чего онъ требовалъ отъ Брячислава полоцкаго и что завѣщалъ своимъ дѣтямъ; древнія заботы и труды Владиміра Мономаха, который просилъ и заставлялъ князей жить однимъ сердцемъ; всѣ добрые помыслы другихъ князей установить единство въ княжескихъ отношеніяхъ; — все это въ древней Руси оставалось одною лишь мечтою, однимъ добрымъ желаніемъ, и только именно въ Москвѣ получило достойное воплощеніе и изъ добраго слова перешло въ доброе и крѣпкое дѣло. А какъ было полно и сильно въ Москвѣ сознаніе этой великой политической идеи—жить за едино, о томъ свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе Симеона Гордаго, гдѣ достойный сынъ Калиты такъ выражается о великомъ отцовскомъ наслѣдствѣ: „По благословенію нашего отца, говоритъ онъ своимъ братьямъ, что

Библиотека "Руниверс"

приказалъ намъ жить за одинъ, и я вамъ приказываю, своей братьѣ жить за одинъ. А лихихъ бы людей вы не слушали, кто станетъ васъ сваживать (ссорить), слушали бы вы отца нашего владыки Алексѣя (митрополита) также и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра, и намъ. А пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла!"

Свѣча съ тѣхъ поръ дѣйствительно никогда не угасала и если случилось однажды, при Васильѣ Темномъ, смятенье въ семьѣ московскихъ князей, отъ котораго свѣча могла потухнуть, то въ это время ее крѣпко держалъ въ рукахъ и крѣпко охранялъ уже самъ народъ, или само передовое общество той же Москвы. Это самое смятенье послужило еще къ большему распространенію могущественнаго свѣта этой московской свѣчи. Единство жизни есть первая основная политическая добродѣтель для народнаго развитія; изъ нея уже выростаетъ и все остальное, чѣмъ бываетъ богато это развитіе. Въ этой первой добродѣтели и заключается высокое и великое преимущество Москвы передъ всѣми другими городами Русской Земли. Только при помощи внутренняго единенія Москва могла установить по Землѣ необходимую тишину и на всегда утвердить за собою великокняжеское старшинство, ибо ординскіе цари, которые съ того времени стали отдавать преимущество Москвѣ, не были тоже лишены здравыхъ понятій и хорошо знали, что частыя войны опустошаютъ и раззоряютъ ихъ же улусъ, ихъ же дани, и что земская тишина и миръ способствуютъ нарощенію населенія, а стало быть и нарощенію даней, хотя бы только отъ однихъ торговыхъ дѣлъ, въ которыхъ принимали весьма дѣятельное участіе и ординскіе купцы, такъ необдуманно побитые, напримѣръ въ Твери. Смута и усобица въ улусѣ никогда не была ручательствомъ вѣрнаго и полнаго сбора даней. Съ кого же было собирать дань и самимъ князьямъ, если народъ разбѣгался во всѣ стороны, если его жилище и имущество было сожигаемо, если люди, хотя бы и спасавшіеся отъ смерти, оставались голышами или же калѣками, неспособными ни на какую работу.

Такимъ образомъ, установивъ въ землѣ тишину, Москва уже тѣмъ самымъ являлась и въ Ордѣ надежнымъ хозяиномъ и надежнымъ плательщикамъ слѣдуемыхъ и не слѣдуемыхъ поборовъ. Москва въ это время дѣйствительно стала богатѣть, но не отъ того, что занималась, какъ догадывался Карамзинъ, обсчитываніемъ баскаковъ и воровствомъ изъ ординскихъ даней, а богатѣла потому, что и всѣ богатѣли, пользуясь цѣлыя сорокъ лѣтъ земскою тишиною. Прошло не болѣе 15 лѣтъ этой тишины, какъ не только въ разбогатѣвшей Москвѣ, но и въ раззоренной Твери стало процвѣтать церковное художество. Въ 1344 г. въ тверскомъ соборѣ Спаса устроены были мѣдныя двери, а въ 1359 помостъ выложенъ мраморомъ, чего не было и въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Объясняя, какимъ образомъ Москва богатѣла, Карамзинъ предлагаетъ свое любопытное замѣчаніе: „Иго татаръ, говоритъ онъ, обогатило казну княжескую... разными налогами дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для хана, но хитростію князей обращенными въ ихъ собственный доходъ, ибо баскаки легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ... Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даниловича... купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области... Такъ возвеличилъ Москву Иванъ Калита...“ Такъ легко историку по одному легковѣрному предположенію взводить тяжкія клеветы на безъотвѣтныхъ дѣятелей минувшаго. Но извѣстно, что всѣ сколько нибудь самостоятельные князья сами знали Орду, сами туда ходили для утвержденія во владѣніи своими княжествами и волостями, сами доставляли туда и дани съ своихъ волостей, поэтому они могли воровать только изъ сборовъ съ своихъ же городовъ и земель. Пожалованный ханомъ великій князь собиралъ дань, кромѣ своей опричной отчины, съ области великаго княженія, да съ Новгорода, а область великаго княженія ограничивалась волостью великокняжескаго города Владиміра съ нѣсколькими городами тянувшими къ Владиміру, за исключеніемъ выдѣленныхъ. Князья суздальскій, ростовскій, тверской, рязанскій—сами собирали и отвозили въ Орду свои дани.

Затѣмъ обвиненія въ утайкѣ даней начались еще со времени Александра Невскаго, да быть можетъ и отецъ его Ярославъ погибъ по тому же случаю, какъ первая жертва русской крамолы. За утайку даней главнымъ образомъ былъ судимъ и осужденъ Михаилъ Тверской. Въ утайкѣ 2000 р. не дани, а окупа по договору, Тверскіе князья обвинили Юрья московскаго. Послѣ такихъ плачевныхъ опытовъ едвали можно было и мыслить о воровствѣ изъ ординской казны, тѣмъ болѣе, что князья во всякое время зорко за этимъ слѣдили и особенно слѣдили за великимъ княземъ. Еще лучше наблюдали свои счеты татарскіе баскаки, которые никогда не были да и не могли быть розинями. Ихъ требованія напротивъ превышали вѣроятно и самые уставы утвержденные ханомъ. Сколько разъ по этому случаю изгоняли татаръ напр. изъ Ростова, а вѣроятно и изъ другихъ городовъ. Вообще въ тогдашнихъ обстоятельствахъ утайка дани всегда послужила бы самымъ легкимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ поднять противъ великаго князя крамолу и гнѣвъ и опалу отъ хана. Этотъ недостойный промыслъ ни въ какомъ случаѣ не могъ установить тишину въ земскихъ и княжескихъ отношеніяхъ, за которую лѣтописцы такъ прославляютъ Ивана Даниловича. Иго татарское не обогащало, а всегда раззоряло княжескую казну, была ли то казна великаго князя или князя мѣстнаго, даже и служебнаго, ибо тататы при посредствѣ своихъ же ординскихъ купцовъ очень хорошо узнавали благопріятное состояніе дѣлъ на Руси, и тотчасъ высылали грозныхъ и лютыхъ пословъ съ царевымъ запросомъ, т. е. съ требованіемъ

Библиотека "Руниверс"

сверхсмѣтнаго вспоможенія или побора. По прежнему, какъ было и въ древности, княжеская казна обогащалась частію судными, а больше всего торговыми пошлинами; а торговля разросталась только отъ земской тишины, посреди которой больше всѣхъ богатѣлъ именно московскій князь, потому что Москва стояла на торговомъ распутіи, и съ особою силою стала развивать свои торги со времени перенесенія итальянцами черноморскаго торга въ устье Дона, такъ что теперь балтійскій и новгородскій сѣверъ къ итальянскому суражскому торгу по необходимости долженъ былъ проходить ближайшимъ путемъ черезъ Москву.

По рисунку Карамзина, какъ бы характерною чертою московскихъ князей и особенно Ивана Даниловича является крайнее холопство предъ ординскими царями. „Древніе князья брали земли мечемъ, говоритъ историкъ, князья московскіе поклонами въ Ордѣ. Иванъ Даниловичъ искуснымъ образомъ льстилъ хану и умною лестью и дарами снискалъ его милость. Этой милости и обязана Москва своимъ величіемъ". Но самъ же краснорѣчивый историкъ отмѣчаетъ, что „князья ѣздили въ Орду какъ на страшный судъ. Счастливъ кто возвращался съ милостію царскою или по крайней мѣрѣ съ головой". И именно объ Иванѣ Даниловичѣ замѣчаетъ, что онъ, отправляясь въ Орду уже въ званіи великаго князя, все таки чуть не каждый разъ писалъ духовную, соображая, конечно, тогда же сложившуюся пословицу, что въ Ордѣ—„близь царя—близь чести, близь царя—близь смерти". Ясное дѣло, что помышлять о лести тутъ уже не приходилось. Здѣсь было простое свирѣпое уничиженіе каждой княжеской личности, но среди котораго льстивыя слова, хотя бы и очень умныя и искусныя, играли самую послѣднюю ничтожную роль, и ими ничего нельзя было выиграть. Не всегда помогали и богатые дары, ибо татары, обобравъ эти дары, выдавали приказы все таки по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ болѣе постоянными и болѣе прочными выгодами, какихъ требовали отъ князей. Вообще холопство и дары были обычными установленными формами княжескихъ отношеній къ Ордѣ, и никакой князь, отправляясь въ Орду, миновать ихъ не могъ. Многіе князья, и ростовскіе первые (еще въ 1257 г.), стали жениться въ Ордѣ на татаркахъ; но это такъ же ни къ чему полезному не приводило.

Успѣхи въ Ордѣ московскаго князя происходили не сомнѣнно отъ болѣе существенныхъ услугъ, къ которымъ прежде всего принадлежалъ возстановленный въ Русскомъ улусѣ порядокъ, поднявшій торги и всякій промыслъ, и слѣд. обезпечившій болѣе вѣрное поступленіе въ Орду земскихъ даней и оброковъ.

Однако, не смотря на придуманную Карамзинымъ хитрую лесть и холопскіе поклоны, не смотря ни на какія услуги Ивана Даниловича, великое княженіе послѣ его смерти могло достаться и другимъ; такъ по крайней мѣрѣ разсуждали всѣ князья, почитавшіе себя стар-

Библиотека "Руниверс"

шими передъ сыновьями московскаго князя. Они сперлись о великомъ княженіи и поспѣшили въ Орду. Пошелъ и сынъ Калиты, Симеонъ съ братьями, пошелъ тверской Константинъ, суздальскій Константинъ; пошелъ, даже впередъ всѣхъ, и неимѣвшій старшинства, Василій Давыдовичъ ярославскій. Пошли и прочіе князи русскіе, конечно, хлопотать о своихъ отчинахъ, какъ бы не случилось какой вотчинной обиды со стороны новаго великаго князя.

Предъ лицемъ всѣхъ князей московскій 24-лѣтній Симеонъ получилъ первенство и „всѣ князья отданы ему въ руки, даны подъ его руки". Это не значило, что онъ сталъ самодержцемъ: до такого порядка отношеній было еще очень далеко. Это означало только водвореніе того порядка, какимъ началась русская исторія при Олегѣ, когда всѣ свѣтлые князья находились подъ рукою великаго князя кіевскаго. По тогдашнимъ понятіямъ, быть подъ рукою значило быть въ сыновнемъ послушаніи. Слѣдовательно, всѣ князья сдѣлались младшими братьями московскому князю, за что они и прозвали его Гордымъ. Младшіе братья обязаны были являться на службу Землѣ, когда позоветъ старшій. Это и случилось въ первый же годъ (1341) Симеонова княженія, когда онъ поссорился съ Новгородомъ изъ за Торжка, гдѣ были самоуправно схвачены его бояре по случаю ихъ насилій и обидъ при сборѣ даней. Такъ покрайней мѣрѣ жаловались новгородцы. Онъ тотчасъ повелъ туда рать со всѣми князьями и даже съ митрополитомъ во главѣ. Присутствіе митрополита обнаруживало московскій обычай, что кровопролитія не будетъ, какъ его и не было; но всѣ князья послушно собрались (въ Москвѣ) и ходили ратью подъ Торжокъ. Этотъ торжковскій случай важенъ и въ другомъ отношеніи. Въ то время и въ Торжкѣ и въ Новгородѣ люди раздѣлились. Бояре подняли и самое дѣло, ибо московскія обиды до нихъ собственно и касались. Чернь возстала на бояръ и утишила крамолу, дѣйствуя какъ бы за одно съ Москвою, но главнымъ образомъ унимая причину войны, дальнѣйшее кровопролитье и раззоренье. Вѣдь „намъ погибать отъ вашей крамолы!" воскликнули люди, противъ своихъ бояръ вооружились и освободили московскихъ бояръ, закованныхъ и посаженныхъ по тюрьмамъ съ женами и дѣтьми.

Около этого времени начались и движенія Литвы на Москву. Ольгердъ подходилъ къ Можайску, а потомъ спустя нѣсколько лѣтъ послалъ въ Орду своего брата и бояръ съ жалобою на Симеона и съ просьбою о ратной помощи на него. Симеонъ не дремалъ и послалъ туда своихъ пословъ съ жалобою на Ольгерда. Эта московская жалоба можетъ служить указаніемъ, чѣмъ собственно Москва выигрывала передъ лицемъ ординскаго царя. Москва жалуется на Ольгерда, какъ на завоевателя. „Ольгердъ литовскій, говорили царю московскіе послы, улусы твои всѣ высѣкъ и въ полонъ вывелъ; а еще хочетъ и насъ всѣхъ вывести къ себѣ въ полонъ, а твой улусъ сотворить пустъ до конца; и такъ, убогатѣвъ, хочетъ тебѣ противенъ быти"!

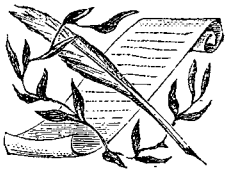
Библиотека "Руниверс"

Царь разгнѣвался на литовскаго князя и выдалъ головами его брата и бояръ московскому Симеону. Особый царевъ посолъ и привелъ ихъ всѣхъ въ Москву. Торжество Москвы было полное: Ольгердъ запросилъ мира и плѣнные были великодушно отпущены.

Само собою разумѣется, что каждый завоеватель или зачинщикъ войны, хотя бы и изъ русскихъ князей, непремѣнно являлся сопротивникамъ татарской власти, болѣе или менѣе опаснымъ, какъ всегда можно было растолковать его предпріятія и какъ по всему вѣроятію объяснялись поступки тверскихъ князей, Михаила и Александра. Многолѣтній опытъ показывалъ татарамъ, что Москва не столько ищетъ завоеваній, сколько усмиряетъ непокорныхъ, напр. псковичей и новгородцевъ, да и то старается оканчивать дѣло по возможности безъ кровопролитія, что она вообще умѣетъ держать Землю въ тишинѣ. Эти заслуги Москвы, очевидныя передъ всею Землею, не менѣе были цѣнимы и ординскими царями. Вотъ почему московскіе князья, какъ заботливые и надежные хозяева-домодержцы, выдвинулись впередъ передъ всѣми остальными.

Ив. Забѣлинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



Библиотека "Руниверс"

ЧЕРНИГОВКА [1].

Быль второй половины XVII вѣка.

XIII.

НОВЫЙ тесть Молявки, Бутримъ, былъ когда-то полковымъ есауломъ при черниговскомъ полковникѣ Небобѣ, еще во времена Богдана Хмельницкаго; но пробывши въ этой должности года три, сталъ войсковымъ товарищемъ и, получивши маетность въ Черниговскомъ полку, занялся исключительно увеличеніемъ своего состоянія, благо, что полкъ Черниговскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые менѣе другихъ подвергались опустошеніямъ въ оныя бурныя времена. Въ теченіи двадцати лѣтъ, Бутримъ успѣлъ значительно разбогатѣть захватомъ „займанщинъ", чѣмъ тогда обыкновенно богатѣли украинскіе землевладѣльцы. Изъ своего села, которое ему безспорно принадлежитъ, помѣщикъ высылаетъ своихъ подданныхъ, семью или двѣ, заводитъ хуторъ или слободку, присвоитъ къ этому хутору лѣса, сѣнокоса, луговъ, пашни, сколько захочетъ и сколько будетъ возможно въ окрестности; иногда, встрѣтивъ тутъ же поселившагося прежде него козака, подпоитъ его и выдуритъ у него поле выгодною для себя продажею, а если замѣтитъ, что хозяинъ поля не зубастъ, то и такъ отниметъ и къ своей землѣ примежуетъ. Такъ заводились новыя поселенія. И Бутримъ расширялся такимъ способомъ, и на всѣ свои выселки выхлопоталъ себѣ полковничьи листы, утвержденные въ гетманской канцеляріи. Бутримъ жилъ въ ладу со всѣми черниговскими полковниками, даромъ что они мѣнялись часто и поступавшій вновь на урядъ былъ врагомъ смѣщенному; Бутримъ со всѣми одинаково ладилъ и дружилъ. Но ближе

[1]) Окончаніе. См. стр. 46—74 и 269—329.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ находился онъ съ Дупинымъ-Борковскимъ, потому что Бутримъ и Дунинъ-Борковскій женаты были на родныхъ сестрахъ. Было у Бутрима четыре дочери: изъ нихъ двѣ были уже выданы въ замужество, третья выходила теперь за сосницкаго сотника. Бутримъ считался во всемъ сосѣдствѣ, да и самъ себя считалъ, большимъ мудрецомъ въ житейскихъ дѣлахъ и любилъ давать совѣты. Когда пріѣхалъ къ нему Молявка женихомъ его дочери, Бутримъ набивалъ ему въ голову, что его положеніе рѣдкое, отмѣнное и всѣмъ завидное: въ короткое время изъ рядовика сталъ онъ сотникомъ, да еще какимъ! не выбраннымъ козаками, а самъ гетманъ его назначилъ и поручилъ ему важное царское дѣло — надзирать за Дорошенкомъ. Будутъ и въ Москвѣ знать про него. И сталъ Бутримъ дѣлать соображенія: какъ-бы кстати было, если-бъ у Дорошенка объявились бы какія нибудь недобрыя рѣчи противъ Москвы, а это, казалось, дѣло возможное; тутъ бы сотникъ, узнавши, сообщилъ гетману, а гетманъ въ Москву, и поднялся бы высоко Молявка. Зять не утерпѣлъ и сообщилъ тестю, что уже сталось именно то, чего тесть желалъ бы, а Бутримъ очень похвалилъ Молявку за его поступокъ, совѣтовалъ, однако, хранить пока это дѣло въ большой тайнѣ, но пророчилъ изъ него важныя послѣдствія, благопріятныя для сосницкаго сотника. Мать Молявки была внѣ себя отъ удовольствія, что сынъ ея вступаетъ въ свойство съ такимъ панскимъ семействомъ, съ такими богатыми значными людьми.—Это, говорила она, не то что какіе-то тамъ Кусы; при воспоминаніи о послѣднихъ она открещивалась и благодарила Бога за то, что избавилъ ея сына отъ нихъ. Преусердно старалась тогда старуха Молявчиха сдружиться съ панею Бутримовою, которая, однако, хоть и была любезна, но тутъ же показывала, что она себѣ на умѣ, и обращалась съ Молявчихою свысока. Въ Малороссіи въ тѣ времена было въ нравахъ, что кто разбогатѣетъ, тотъ смотритъ уже свысока на всякаго, кто побѣднѣе его и похуже живетъ. У женщинъ эта черта выдавалась еще рѣзче, чѣмъ у мужчинъ.

Пышно отпраздновали свадьбу пана Молявки-Многопѣняжнаго съ панною Бутримовною, по извѣчному прадѣдовскому обычаю, со старостами, дружками, боярами, со всѣми обрядами сохранившимися до нашего времени у простолюдиновъ, но въ описываемыя нами времена соблюдавшимися и въ знатнѣйшихъ панскихъ домахъ. Свадебный персоналъ обоего пола составился изъ семей окрестныхъ значныхъ товарищей, съѣхавшихся къ Бутримамъ нарочно по ихъ приглашенію. Во дворѣ панскомъ помѣститься всѣмъ было невозможно, по этому на время удалили нѣсколькихъ посполитыхъ подданныхъ и заставили ихъ помѣститься у сосѣдей, а собственныя жилища уступить гостямъ. Впрочемъ, никто изъ подданныхъ не лишенъ былъ участія въ праздникѣ своихъ пановъ: на панскомъ дворѣ разставлены были столы и за ними угощали народъ горѣлкою и свининою. Пиръ шелъ цѣлыхъ три дни и въ это время много было съѣдено кормленыхъ

Библиотека "Руниверс"

кабановъ, барановъ, куръ, гусей, индѣекъ; съ утра до вечера гремѣла музыка, и въ домѣ и на дворѣ раздавался топотъ пляшущихъ, а по ночамъ въ увеселеніе гостямъ и толпѣ народа зажигались потѣшные огни. Послѣ пяти дней стали разъѣзжаться гости, за исключеніемъ самыхъ близкихъ, принадлежавшихъ къ свадебному персоналу: тѣ оставались до отъѣзда новобрачныхъ. Родители упаковали скрыньку новобрачной, состоявшую изъ полдюжины большихъ сундуковъ съ приданымъ: тамъ были женскіе наряды и уборы, саяны, кафтаны, плахты, шубки, рубахи, наволоки, одѣяла, завѣсы, чехлы, мониста, серебренная посуда, шкатулки съ разными бездѣлушками— все, что по тогдашнему образу жизни составляло домашнее богатство значныхъ людей. Ко всему этому прилагалась опись, потому что въ случаѣ смерти дочери приданое возвращалось въ ея родъ, если она не оставляла дѣтей.

Бутримъ вручилъ дочери и зятю документъ на уступаемое ей имѣніе, но этотъ документъ былъ написанъ такъ, что дочь его могла сдѣлаться полною владѣлицею своего имѣнія развѣ только послѣ смерти родителя; при своей жизни предусмотрительный родитель все таки оставлялъ за собою возможность держать въ рукахъ и имѣніе дочери и ее самое съ мужемъ въ зависимости отъ себя. Наступилъ день отъѣзда. Къ крыльцу панскаго дома подвезли крытыя сани. Новобрачные и мать Молявки вышли совсѣмъ одѣтые по дорожному, родители невѣсты, стоя съ образомъ, благословляли ихъ послѣдній разъ, а новобрачные поклонились имъ до земли. Тогда остававшіеся у Бутрима гости свадебнаго персонала, стоя вокругъ отъѣзжавшихъ, запѣли жалобную пѣсню, гдѣ говорилось объ отъѣздѣ дочери отъ родителей въ чужую дальнюю страну. Подъ голосъ этой пѣсни сѣли въ сани Молявки и двинулись въ путь.

Пріѣздъ Молявки-Многопѣняжнаго въ Сосницу съ молодой женой, казалось, былъ для него истиннымъ тріумфомъ. Первую новость, которую услышалъ онъ, было извѣстіе объ увозѣ Петра Дорошенка въ Москву. Вспомнилъ онъ пророчество Бутрима и обрадовался: онъ догадался, что все это сдѣлалось по его доносу и теперь его знаютъ въ Москвѣ, онъ сослужилъ царю службу и надѣется, что за то будетъ въ милости у гетмана и у верховныхъ властей. Но хоружій, управлявшій сотнею во время отсутствія сотника, сообщилъ ему другую, не такъ пріятную новость.

Вотъ что произошло въ Сосницѣ за то время, когда Молявка ѣздилъ сочетаться бракомъ. Андрей Дорошенко ѣздилъ къ гетману съ уликами противъ Рославца и Адамовича вмѣстѣ съ сотеннымъ писаремъ Куликомъ. Этотъ Куликъ съ перваго раза не взлюбилъ Молявку. Находясь вмѣстѣ съ Андреемъ Дорошенкомъ въ Батуринѣ, онъ близко зналъ, что гетманъ принялъ Андрея чрезвычайно ласково. Воротившись въ Сосницу, Куликъ бросилъ между козаками мысль, что можно было бы упросить гетмана дозволить учинить выборъ

Библиотека "Руниверс"

сотника и избрать Андрея. Вслѣдъ за тѣмъ скоро пріѣхалъ въ Сосницу генеральный судья Домонтовичъ за Петромъ Дорошенкомъ и гласно заявилъ, что гетманъ получилъ изъ Москвы „листъ“, гдѣ, въ утѣшеніе Дорошенкамъ, ему поручалось давать, по своему усмотрѣнію, его братьямъ и родственникамъ должности въ войскѣ Запорожскомъ. Петра Дорошенка увезли. Сотника Молявки-Многопѣняжнаго не было. Писарь, опираясь на слова генеральнаго судьи Домонтовича, сталъ дѣйствовать смѣлѣе и настроилъ противъ Молявки атамана городового Крука. Родился у этаго атамана ребенокъ; родитель пригласилъ къ себѣ на крестины четырехъ куренныхъ атамановъ изъ сосѣднихъ селъ. Куликъ былъ воспріемникомъ. На крестильномъ пиру подпившіе гости стали разсуждать о своемъ сотникѣ: всѣ вообще мало были имъ довольны; его обращеніе съ подчиненными было какъ-то сухо и заносчиво; замѣчали, что былъ онъ корыстолюбивъ, а главное противенъ имъ былъ онъ тѣмъ, что былъ не выбранъ козаками, какъ бы слѣдовало по вѣковому обычаю, а назначенъ сверху, не спрашиваясь, хотятъ или не хотятъ его подчиненные. Куликъ объяснилъ, что это все сталось только потому, что въ Сосницѣ указано было жить Петру Дорошенку и нужны были вначалѣ для него разомъ и помощь и надзоръ надъ нимъ. Теперь же Петра Дорошенка въ Сосницѣ нѣтъ; теперь можно подать гетману челобитную, чтобъ дозволилъ выбрать сотника по обычнымъ, извѣчнымъ, войсковымъ правамъ: такой выборъ будетъ по нраву самому гетману. Всѣ согласились. Писарь составилъ челобитную, атаманы, бывшіе у Крука, приложили руки и обѣщали склонить къ тому же другихъ куренныхъ. Куликъ попытался было склонить на свою сторону и хоружаго, но хоружій держался Молявки; ему казалось, что назначенный самимъ гетманомъ сотникъ сидитъ такъ крѣпко на своемъ мѣстѣ, что скорѣе пошатнется тотъ, кто задумаетъ столкнуть его съ мѣста. Хотя Куликъ не разсказалъ хоружему всего, что происходило у Крука, но хоружій самъ про все пронюхалъ. Когда Молявка воротился въ Сосницу, хоружій донесъ ему, что противъ него затѣвается.

Взъярился Молявка, закипѣлъ досадою и женщины—мать и жена стали обѣ разомъ побуждать его не спускать своимъ недругамъ. Не долго думая, сотникъ приказалъ позвать къ себѣ атамана городового и сотеннаго писаря.

Надменно встрѣтилъ онъ позванныхъ, одною рукою подпершись въ бокъ, другую заложивши за поясъ, обвивавшій его кармазинный кафтанъ, не кивнулъ головою въ отвѣтъ на ихъ глубокій поклонъ и разразился такою рѣчью:

— Что это такое! я вамъ сталъ неугоденъ? Вы собираетесь промежъ себя, да совѣтуетесь: кого себѣ иного въ сотники выбрать! Забыли, вѣрно, что не вы меня выбрали, а самъ ясневельможный гетманъ меня надъ вами поставилъ безъ вашего „сырна“? Того, вѣрно, не знаете, что коли противъ меня идете, то

Библиотека "Руниверс"

все равно что самому гетману сопротивляетесь! А вы знаете, что значитъ сопротивляться нашему гетману: Петръ Рославецъ не вамъ ровня, а что съ нимъ сталось! Знаете вы, сякіе такіе дѣти, маленькую цыдулку напишу къ ясновельможному, такъ васъ зашлютъ туда, гдѣ и воронъ вашихъ костей не найдетъ! Это все ты, Куликъ! Твои это подвохи! А ты, атаманъ Крукъ, какъ смѣлъ ты куренныхъ безъ меня собирать?

— Панъ сотникъ! отвѣчалъ Крукъ,—я не собиралъ. У меня на крестинахъ были гости, давніе пріятели. Такого у насъ еще никогда не бывало, чтобъ мы должны были спрашивать у твоей милости— можно ли намъ къ себѣ гостей звать, особенно же въ такомъ дѣлѣ какъ крестины. Твоей милости здѣсь не было! Не оставлять же дѣтей нашихъ не крещеными, дожидаючи, пока твоя милость изволитъ воротиться!

— Вы на своихъ крестинахъ обо мнѣ толковали, меня осуждали и какъ бы меня съ сотничества свести совѣтовались! А? Такъ? Говори! Были у васъ такія рѣчи?—спрашивалъ сотникъ.

— Панъ сотникъ! сказалъ городовой атаманъ,—я ужъ твоей милости отвѣчалъ и еще скажу: звалъ я гостей на крестины, а что тамъ было говорено, когда ѣли и пили, такъ мы тогда же и позабыли; подвыпивши были!

— А вотъ я позову „хлопцевъ", да растяну васъ тутъ, да палками хорошенько отваляю! сказалъ съ увеличивающеюся запальчивостію сотникъ: не думайте и не гадайте свести меня съ сотничества вашею волею; я не такой сотникъ, какъ другіе, что вы сами выберете, а потомъ и каверзничаете какъ вамъ захочется. Меня поставилъ надъ вами самъ ясневельможный, а все черезъ то, что онъ меня знаетъ и на меня полагается больше чѣмъ на всю вашу громаду. Гетманъ позволилъ мнѣ писать ему прямо, въ его собственныя руки, а другіе сотники этого не смѣютъ, должны сноситься съ гетманомъ черезъ своихъ полковниковъ. Только я одинъ, на всю Украину одинъ я такой сотникъ, что пишу прямо къ самому гетману. Вотъ и знайте меня! Ты, Куликъ, сякой-такой сынъ, собачья кровь, холопье рыло! Ты, ты всему заводчикъ, собачій ты сынъ!

Онъ схватилъ Кулика за грудь и началъ трясти его. Куликъ, пригнутый сильной рукой Молявки, поклонился ему до земли и говорилъ:

— Пане вельможный! не гнѣвайся! Твоя во всемъ воля, только я противъ твоей милости ничѣмъ не провинился; вѣрно твоей милости на меня что нибудь наврали.

— Знаю я васъ, лукавыхъ дѣтей! кричалъ самъ не свой Молявка,—и вы-жъ знайте меня, коли такъ! Не станетъ у васъ мочи со мной тягаться. Всѣ вы прежде пропадете съ вашими жонками и дѣтьми, въ Сибирь пойдете, нежели меня отъ себя сведете. За меня гетманъ, а за гетмана и самъ царь! Куда-жъ вамъ сѣрякамъ до

Библиотека "Руниверс"

меня? Пошлите козаковъ къ куреннымъ, чтобъ съѣзжались поздравлять меня съ бракосочетаніемъ и везли бы мнѣ подарки отъ себя и отъ своихъ куреней. Слышишь?

— Слышимъ, вельможный панъ сотникъ! въ одинъ голосъ сказали атаманъ и писарь.

Во время этого разговора мать и жена стояли позади и потѣшались величіемъ—первая своего сына, вторая—своего мужа. Старуха Молявчиха еще какихъ нибудь полгода назадъ и мысли въ себѣ допустить не смѣла, чтобъ ея сынъ такъ распекалъ чиновныхъ людей—писарей и атамановъ, а теперь довелось ей тѣшиться, смотрѣть, какъ передъ ея сыномъ корятся и смиренно кланяются писари и атаманы; Бутримовна же и воспитывалась въ такой семьѣ, гдѣ ей внушали съ дѣтства, что она выйдетъ за значнаго человѣка, такого, что будетъ имѣть право другихъ гнуть и жать: это былъ идеалъ человѣческаго достоинства по понятіямъ господствовавшимъ въ томъ кругу, гдѣ взросла Бутримовна.

Вышедши отъ Молявки, писарь Куликъ сказалъ атаману Круку:

— Панъ кумъ! Посылай козаковъ звать куренныхъ, какъ приказываетъ панъ сотникъ, а тѣмъ временемъ скорѣй запряжемъ въ сани коней, да махнемъ въ Батуринъ: подадимъ гетману наше прошеніе. Что будетъ—то будетъ! А я твердо надѣюсь, что по нашему станется. Пока въ Сосницу съѣдутся куренные—мы и воротимся. Тогда по гетманской волѣ соберемъ раду выбирать сотника.

И въ тотъ же день уѣхали они изъ Сосницы.

Сметливый человѣкъ былъ писарь Куликъ. Слыхалъ онъ прежде, что у гетмана Самойловича въ большомъ довѣріи Мазепа и къ нему-то Куликъ съ Крукомъ обратились прямо. Они представили ему, что козацкая громада очень недовольна назначеннымъ ей отъ гетмана въ сотники Молявкою и проситъ возвратить ей старинное право избрать сотника по своему желанію вольными голосами.

Мазепа отвѣчалъ, что Самойловичъ и самъ уже не очень доволенъ этимъ сотникомъ: безпокойный онъ человѣкъ, лѣзетъ съ пустыми доносами, успѣлъ уже доносами выжить Петра Дорошенка.

— Однако—прибавилъ Мазепа—Петру Дорошенку въ Москвѣ худо не будетъ, кромѣ того изъ Москвы написали гетману, чтобъ ласковъ былъ къ его оставшейся роднѣ.

— Стало быть, замѣтили Куликъ и Крукъ,—гетману не будетъ противно, если мы Андрея Дорошенка выберемъ въ сотники!

Мазепа увѣрилъ ихъ, что, напротивъ, гетману это будетъ особенно пріятно. Взявши отъ нихъ „суплѣку“ Мазепа отправился съ нею къ гетману. Въ тотъ же день написанъ былъ въ генеральной канцеляріи отъ лица гетмана листъ, дозволяющій сосничанамъ избрать себѣ сотника по своимъ правамъ и вольностямъ. О Молявкѣ-Многопѣнѣжномъ въ этомъ листѣ не упоминалось вовсе, какъ будто его въ Сос-

Библиотека "Руниверс"

ницѣ не бывало. Мазепа самъ отдалъ гетманскій листъ „суплѣкантамъ“ и тѣ немедленно уѣхали обратно.

Между тѣмъ куренные атаманы, по призыву разосланныхъ къ нимъ козаковъ, стали собираться въ сотенный городъ: двое изъ нихъ успѣли уже явиться къ пану сотнику съ поздравленіями, заявили ему о подаркахъ отъ своихъ куреней и отъ себя лично; подарки эти состояли въ штукахъ скота и ульяхъ пчелъ, а отъ себя атаманы жертвовали новобрачнымъ разныя серебренныя вещицы. Но они только заявили о своихъ дарахъ, а ничего отдать не успѣли.

Воротились изъ Батурина Крукъ и Куликъ. Тотчасъ городовой атаманъ пригласилъ священника, мѣщанскаго войта и нѣсколькихъ куренныхъ, успѣвшихъ пріѣхать въ Сосницу. Онъ объявилъ всѣмъ, что будетъ рада по гетманскому приказанію. Зазвонили въ колоколъ. Ударили въ литавры.

Молявка не подозрѣвалъ, чтобъ городовой атаманъ и сотенный писарь осмѣлились ѣхать съ „суплѣкою“ прямо въ Батуринъ; напротивъ, Молявка думалъ, что напугалъ ихъ своимъ грознымъ пріемомъ, и они, желая загладить свою вину, выѣхали изъ Сосницы собирать куренныхъ за тѣмъ, чтобъ тѣ ѣхали съ поздравленіями къ сотнику. Оставаясь спокойно въ своемъ домѣ, сотникъ услышалъ неожиданный звонъ колокола, бой литавръ, и послалъ козака узнать что такое дѣлается.

Вышелъ козакъ изъ сотницкаго дома, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и очутился на площади передъ церковью. Валила толпа народа. Уже устроено было на-скоро возвышенное мѣсто; на немъ стояли Крукъ и Куликъ, возлѣ нихъ куренные атаманы и войтъ; хоружій, пріятель и сторонникъ Молявки, стоялъ тутъ же съ ними и держалъ сотенное знамя.

Вотъ какъ это сталось:

Когда Крукъ съ Куликомъ ворочаясь изъ Батурина, случайно встрѣтили ѣдущаго хоружаго, остановили и показали гетманскій листъ, у хоружаго разомъ, такъ сказать, открылись глаза. Онъ увидалъ, что Молявка-Многопѣняжный вовсе не такъ силенъ и крѣпокъ, какимъ выдавалъ себя. По этому хоружій вдругъ измѣнился, не счелъ умѣстнымъ извѣщать своего бывшаго пріятеля о собравшейся надъ нимъ грозѣ, а совершенно отдался въ распоряженіе атамана городового и писаря, по ихъ приказанію взялъ сотенное знамя и поспѣшилъ на раду.

Писарь Куликъ, развернувши гетманскій листъ, читалъ предъ народомъ:

„Іоаннъ Самойловичъ, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго, ознаймуемъ симъ отворчатымъ листомъ нашимъ гетманскимъ города Сосницѣ и всей Сосницкой сотни обывателямъ всѣхъ чиновъ людямъ, ижъ ставили предъ нами очевисто означеннаго города Сосницы атаманъ городовый

Библиотека "Руниверс"

Василь Крукъ и писарь сотенный Иванъ Куликъ именемъ всѣхъ атамановъ и козаковъ и мѣщанъ и всего посольства вышенамѣченнаго города Сосницы и всей Сосницкой сотни супликовали намъ просячи, абы мысьмо дозволили имъ по стародавнымъ ихъ правамъ и вольностямъ войсковымъ обрати себѣ вольными голосами по своему излюбленію сотника, на що мы гледючи на старожитны права и вольности войска запорожскаго имъ на таковое обраніе дозволяемъ, варуючи еднакъ абы по скончаніи таковаго обранія намъ для конечной нашей о томъ сентенціи оный выборъ за рукоприкладствомъ ихъ доставленъ былъ чрезъ его милость вельможнаго пана полковника черниговскаго, до котораго регименту войскового сосницкая сотня належитъ".

Услыша такую рѣчь, посланный Молявкою козакъ не отправился назадъ, а остался смотрѣть, что̀ дальше происходить будетъ.

— Андрей Дорошенко нехай буде сотникомъ! закричали атаманы, а за ними и козаки.

— Андрей Дорошенко! повторило множество голосовъ мѣщанства и посполитства.

Андрей Дорошенко вышелъ изъ своего дома, услыхавши звукъ колоколовъ и бой литавръ, совсѣмъ не приготовленный и не ожидавшій ничего; Андрей Дорошенко не сталъ пробираться сквозь толпу, а сталъ близь церкви. Толпа козаковъ, увидя его, съ криками бросилась къ нему, схватила его, потащила и поставила на возвышенное мѣсто; атаманы накрывали его своими шапками, хоружій вручалъ ему знамя, всѣ кричали: „на сырно! на сырно!"

Андрей Дорошенко сталъ было упираться, извиняться въ своемъ не достоинствѣ, но Крукъ громогласно заявилъ, что такова воля всей громады м онъ не смѣетъ противиться общему желанію.

Тогда козакъ, посланный Молявкою, ушелъ съ площади и принесъ Молявкѣ вѣсть о состоявшемся выборѣ новаго сотника.

— Какъ они смѣютъ! закричалъ Молявка. За нимъ завопили на тотъ же ладъ его мать и жена.—Да это своеволіе! Это обманъ, это бунтъ противъ начальства. Я къ самому гетману сейчасъ поѣду.

Вдругъ вошелъ Куликъ. Молявка бросился было на него съ кулаками, скрежеталъ зубами отъ злости, но писарь обѣими руками остановилъ его задоръ и далъ совѣтъ вести себя потише:

— Ты ужъ, панъ мой, не сотникъ, громада выбрала другого сотника, Андрея Дорошенка.

— Что̀ мнѣ ваша громада! кричалъ въ бѣшенствѣ Молявка: я поважнѣе вашей негодной громады! Самъ гетманъ меня назначилъ надъ вами, такъ одинъ гетманъ, коли захочетъ, можетъ меня свести, а не вы, паршивцы!

Куликъ объявилъ, что у нихъ есть гетманскій „листъ" дозволяющій выбрать новаго сотника.

— Это листъ поддѣльный, фальшивый! Сами его сочинили!

Библиотека "Руниверс"

кричалъ Молявка: гетманъ не подпишетъ такого листа! Покажи листъ!

— Иди на раду къ новому сотнику, онъ тебѣ и листъ покажетъ! произнесъ Куликъ.

— Не пойду, кричалъ Молявка, не пойду въ вашу мужицкую, черную раду. И вашего оборванца Андрея Дорошенка знать не хочу. Я больше всѣхъ васъ и сильнѣе. Панъ гетманъ меня назначилъ по царской волѣ, а это все равно, какъ бы самъ царь меня назначилъ Я васъ всѣхъ...

— Ничего ты намъ не сдѣлаешь! сказалъ Куликъ. Лучше тихо да любо покорись громадѣ, откажись отъ сотническихъ маетностей. поклонись новому сотнику, а потомъ ступай себѣ туда откуда пришелъ, или куда хочешь, туда отъ насъ и убирайся!

— Черти бы задрали вашего избраннаго сотника и всѣхъ васъ, продолжалъ кричать Молявка. Поѣду къ самому гетману. Будете вы у меня знать, бунтовщики!..

— Нечего твоей милости ѣхать къ гетману: гетманскій листъ явно указываетъ гетманскую волю надъ нами въ этомъ дѣлѣ. А тотъ листъ у насъ! отвѣтилъ писарь.

— Подай мнѣ сюда этотъ листъ! Коли самъ своими глазами увижу, что ясневельможный меня смѣстилъ, тогда и покорюсь! сказалъ начавшій наконецъ опамятоваться сотникъ.

— Ладно, коли не хочешь идти къ намъ въ раду, то мы тебѣ сюда листъ принесемъ, только не я одинъ принесу, а то ты, пожалуй, вырвешь листъ и испортишь его, а свидѣтелей не будетъ. Мы придемъ къ тебѣ громадою.

Куликъ, сказавши это, вышелъ. Молявка и семья его тревожились, не зная за что приняться. Мать ломала себѣ руки и принялась за свои обычныя жалобы на долю, которая всю жизнь ее преслѣдуетъ съ сыномъ; ничего имъ не удается: поманила ихъ доля большимъ добромъ, а теперь вотъ все пошло по вѣтру. Жена давала мужу совѣтъ ѣхать къ черниговскому полковнику и просить, чтобъ онъ заступился за своихъ родичей передъ гетманомъ. Самъ Молявка бѣгалъ быстрыми шагами взадъ и впередъ, хватался обѣими руками за голову и судорожно пожималъ плечами. Въ сильномъ волненіи онъ не находилъ на чемъ ему остановиться, за что ухватиться.

Вошли Куликъ, Крукъ и Андрей Дорошенко.

— Добраго здоровья милостивому пану! сказалъ Андрей Дорошенко.

Такое же привѣтствіе повторилъ и Крукъ.

— Не поздравлялъ я еще твою милость съ законнымъ бракомъ! сказалъ Андрей Дорошенко. Пошли Господи твоей милости добраго здоровья и во всемъ счастливаго успѣха на многая лѣта! Твоей милости да будетъ вѣдомо, что къ сосницкой громадѣ пришелъ отъ ясневельможнаго пана гетмана „листъ“, дозволяющій выбрать сот-

Библиотека "Руниверс"

ника вольными голосами. По этому гетманскому открытому листу, сосницкой сотни громада вольными и спокойными голосами единомысленно выбрала на сотницкій урядъ меня, Андрея Дорошенка. Желаешь повидать этотъ гетманскій „листъ"?—вотъ онъ, панъ бывшій сотникъ!

Онъ поднесъ ему бумагу съ выраженіемъ почтительности.

Молявка взялъ „листъ", прочиталъ его, выпучилъ глаза въ недоумѣніи, потомъ отдалъ назадъ „листъ" и минуты три молчалъ. И другіе молчали. Наконецъ Молявка самъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Поѣду къ вельможному пану, его милости полковнику черниговскому. Однакожъ, панъ Андрей Дорошенко! твое сотничество можетъ быть еще вилами на водѣ писано! Вижу я, что вы добыли какой-то „листъ" изъ гетманской войсковой канцеляріи. А панъ полковникъ таки развѣдаетъ отъ самаго гетмана, какъ такое могло случиться.

Всѣ трое, Дорошенко, Куликъ и Крукъ, изъявили ему желаніе счастливой дороги. Въ тотъ же день собрался Молявка и на ночь уѣхалъ съ женою и матерью въ Черниговъ, а для громоздкихъ сундуковъ съ женинымъ приданымъ нанялъ подводы.

Полковникъ Борковскій на ту пору недавно воротился изъ Чигирина, гдѣ съ осени стоялъ съ своимъ полкомъ на залогѣ. Явились къ нему Молявки. Полковникъ, узнавши отъ нихъ, что все это случилось, тотчасъ же велѣлъ запрягать сани и отправился на легкѣ въ Батуричъ, а Молявкѣ приказалъ дожидаться у него.

Ничего не удалось полковнику у гетмана. Самойловичъ объяснилъ ему, что назначилъ было въ Сосницу сотника только того ради, что нужно было устроить прямо отъ гетмана наблюденіе надъ Петромъ Дорошенкомъ. Теперь же, когда Петра Дорошенка вызвали въ Москву, наблюдать уже не надъ кѣмъ, и онъ гетманъ не считаетъ себя вправѣ нарушать для сосницкой сотни извѣчные уставы войска запорожскаго и запрещать сосничанамъ выборъ сотника по ихъ желанію. Не его, гетмана, въ томъ вина, что сосничане не выбрали себѣ этого Молявку-Многопѣняжнаго, а выбрали Андрея Дорошенка. Не утвердить Андрея не было никакого повода, тѣмъ болѣе, что и въ Москвѣ этимъ будутъ довольны.

Борковскій просилъ чѣмъ нибудь инымъ вознаградить Молявку. Самойловичъ отвѣчалъ, что когда нибудь со временемъ онъ покажетъ ему милость, когда тотъ ее чѣмъ либо заслужитъ. Борковскій за это озлобился на гетмана. Самолюбіе черниговскаго полковника было уязвлено тѣмъ, что гетманъ въ этомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ничего по его просьбѣ; съ этой поры Борковскій сталъ недоброжелателемъ гетмана.

Молявки уѣхали къ Бутриму. Не очень радушно, не очень охотно помѣстилъ ихъ у себя этотъ господинъ. Но дѣлать было нечего: не

Библиотека "Руниверс"

оставлять же дочки на волю судьбы. Старая Молявчиха очень скоро повздорила съ паньей Бутримовой; правда, она скоро и смирилась передъ нею, потому что иначе негдѣ было бы ей пріютиться, но съ тѣхъ поръ играла жалкую роль приживалки, сносила отъ Бутримихи невниманіе и явное къ себѣ пренебреженіе, а оставаясь на единѣ сыномъ, горько плакала, жаловалась на свою долю и вооружала сына какъ противъ тестя и тещи, такъ и противъ жены. Жена Молявки, чувствуя превосходство и своего отца и свое собственное по отцѣ предъ такимъ мужемъ, который остается безъ власти надъ другими, безъ богатства, безъ значенія, стала обращаться съ мужемъ заносчиво и высокомѣрно. Все терпѣлъ Молявка, потому что бывало, какъ только подниметъ онъ голосъ противъ сварливой жены, такъ за нее начинаетъ вступаться тесть и теща, задѣваютъ его колкими замѣчаніями, напоминаютъ, что онъ у нихъ на хлѣбахъ живетъ и самъ собственныхъ средствъ не имѣетъ, выражаютъ въ добавокъ обидное сожалѣніе, что ошиблись они, отдавши дочь за такого человѣка.

— Не живемъ мы тутъ, а мучимся, говорилъ подъ часъ матери Молявка-Многопѣняжный.

XIV.

Челобитная черниговцевъ всякаго чина и званія людей на воеводу Чоглокова была Борковскимъ отправлена къ гетману, а гетманъ безъ замедленія препроводилъ ее въ малороссійскій приказъ. Въ то время Самойловичъ былъ въ большой силѣ и въ довѣріи у московскаго правительства, и царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весь малороссійскій край держалъ, какъ говорилось тогда, въ большомъ возлюбленіи. Чоглоковъ былъ неугоденъ малороссіянамъ и на этомъ одномъ основаніи велѣно было его удалить съ воеводства, не разбирая справедливости возникшихъ противъ него жалобъ. Въ концѣ марта пріѣхалъ Чоглоковъ въ Москву; у него тамъ на Арбатѣ былъ собственный дворъ. Тотчасъ же принужденъ былъ Чоглоковъ въ малороссійскомъ приказѣ давать поминки и спустить большую половину того, что успѣлъ награбить въ Черниговѣ. Такъ обыкновенно дѣлалось тогда съ царскими воеводами: ихъ высылали „въ городы“ на воеводство, они тамъ обирали жителей, а по возвращеніи въ Москву ихъ самихъ обирали въ приказахъ. Чоглоковъ не могъ тогда предвидѣть, что однимъ этимъ онъ не отдѣлается и послалъ въ свою Пахровскую вотчину приказаніе привезти красавицу Анну Черниговку съ ея мужемъ Ваською Чесноковымъ.

Все было исполнено по его боярскому приказанію. Пріѣхали изъ вотчины въ Москву Васька и Макарка. Привезли они съ собой и Ганну Кусовну.

Библиотека "Руниверс"

Тогда въ домѣ Тимоѳея Васильевича Чоглокова происходила вотъ какая сцена.

Въ своемъ боярскомъ креслѣ сидѣлъ, развалясь, Тимоѳей Васильевичъ. Передъ нимъ стоялъ Васька Чесноковъ. Тимоѳей Васильевичъ говорилъ ему:

— Такъ-то, любезнѣйшій ты мой Васютка. Ты будешь приводить ко мнѣ свою жену на ночь, какъ только я потребую, а я тебѣ о томъ буду давать приказъ заранѣе. Жить вы будете у меня въ особой надворной избѣ и всякую харчь получать отъ моего стола, одѣвать я васъ буду паче другихъ слугъ моихъ и жаловать васъ буду, оттого что я васъ не за чужихъ, а за своихъ почитаю. Поживете годика три-четыре, я васъ на волю отпущу съ немалымъ награжденіемъ. Только чтобъ этого, что между нами творится, никто не зналъ, только бы вы двое, да я про то вѣдали, а другіе всѣ чтобъ и не догадывались.

— Ужь въ этомъ положись на меня, государь! отвѣчалъ Васька. У меня все равно, что въ могилу закопано. Никто не узнаетъ. Я твоею милостью по горло доволенъ и по смерть свою не забуду того, что твоя государская милость мнѣ дѣлаешь. Ужъ повѣрь, государь, будетъ по твоему скусу твоей милости бабенка, а я за чистотою смотрѣть буду, и чтобъ не гуляла.

— Я на тебя, Васютка, надѣюсь, какъ на каменную гору, сказалъ Чоглоковъ. — Ну, а какъ везли ее, не порывалась она стречка дать?

— Она—сказалъ Васька—може и убѣгла бы, да первò, что дороги не знала въ чужой землѣ, а тутъ мы за нею глядѣли въ четыре глаза. Только ужъ какъ привезли въ вотчину, да повели подъ вѣнецъ, такъ больно артачилась. Только отецъ Харитоній на то не посмотрѣлъ: она кричитъ благимъ матомъ—не хочу!—а онъ—Исаія ликуй! поетъ. Молодецъ попъ. Ей Богу, молодецъ! Потомъ уже тихо и смирно велась, боялась чтобъ ее не били; говорила только намъ: дѣлайте со мною, что хотите. Я ваша—говоритъ—невольница, я все равно, что у татаръ въ полону! И работаетъ бывало все, что ей прикажутъ. Только все скучна была да плакала пò-часту: бывало, какъ только сама одна останется, такъ и реветъ.

— Ну что, бабьи слезы—вода, проговорилъ Чоглоковъ.—Обживется—слюбится. И здѣсь въ Москвѣ, смотри за нею, Васютка, чтобъ не убѣгла. Пока еще она тутъ никого не знаетъ. Держи ее, Васютка, такъ чтобъ окромя нашихъ людей во дворѣ никто ее не зналъ.

— Опасно—замѣтилъ Васька—пока не обыкнетъ, чтобъ не вздумала заорать: я чужая жена, меня обвѣнчали съ другимъ насильно! А тутъ какой нибудь лиходѣй подслушаетъ и донесетъ. Мнѣ за то какъ бы въ отвѣтѣ не быть передъ твоею осударскою милостію.

— Покрѣпче держи, позорче гляди, и не будешь передо мною въ отвѣтѣ, сказалъ Чоглоковъ.

Библиотека "Руниверс"

— Буду смотрѣть за нею строго, по твоему боярскому приказу, сказалъ, поклонившись, Васька.

— Сегодня вечеромъ приведи ко мнѣ Анну! сказалъ Чоглоковъ.

— Слушаю, государь, отвѣчалъ, поклонившись, Васька.

Въ людской избѣ собралась дворня ужинать. Васькѣ и Аннѣ хоть назначилъ господинъ особый покой и харчъ отъ своего стола, но былъ еще первый только день ихъ пріѣзда въ Москву, и они до слѣдующаго утра расположились въ общей избѣ. Ганна, одѣтая въ цвѣтной лѣтникъ съ кикою на головѣ, была похожа на чистую великороссіянку и молча сидѣла на лавкѣ. Холопи и холопки поглядывали на нее съ любопытствомъ и дѣлали другъ съ другомъ на ея счетъ замѣчанія, а иные обращались съ рѣчью къ ней самой, но она отдѣлывалась короткими фразами, которыхъ другіе понять не могли и все-таки не удерживались отъ смѣха надъ малороссійскимъ акцентомъ Ганны.

Сѣли ужинать. Ганна, по приказанію Васьки, сѣла и взяла въ руку ложку.

— Ну что хохлачка? сказалъ кто-то:—скучно тебѣ, не бойсь, безъ вашихъ вареничковъ? А?

Ганна принужденно осклабилась.

— Иди къ своему гетману, вареничковъ у него попроси, сказалъ другой. Вонъ вашего гетмана привезли, говорятъ, и держатъ какъ собаку на цѣпи.

— Его помѣстили, говорятъ, на греческомъ дворѣ, замѣтилъ кто-то.

— На время. Построютъ особую избу для него, замѣтилъ другой.

— А въ Сибирь развѣ не пошлютъ его? спросилъ кто-то.

— Въ Сибирь не зашлютъ, объяснилъ другой; онъ вѣдь не нашего царя былъ холопъ, а польскій или турецкій—чортъ его знаетъ чей, только не нашинскій: онъ сдался нашему царю въ полонъ!

— Такъ, такъ! замѣтили другіе: ну, значитъ, онъ не согрубилъ противъ нашего царя, такъ его въ Сибирь не за что посылать, значитъ его въ Москвѣ держать станутъ!

— Такъ коли онъ нашему царю самъ сдался, зачѣмъ его не оставили тамъ гдѣ взяли? кто-то спросилъ.

— А видно не годится! отвѣтилъ другой.

— Его тамъ въ своей сторонѣ гдѣ-то помѣстили сперва, да провѣдали, что дуровать собирается, оттого сюда привезли, сказалъ Васька.

Ганна не проронила ни одного слова, все слышала, все твердо запечатлѣла въ своей памяти, но спросить ни о чемъ не смѣла.

— А какъ онъ прозывается? спросилъ кто-то.

— Петра Дорошонокъ! сказалъ Васька, жившій недавно въ Черниговѣ и наслышавшійся тамъ объ этомъ имени.

И Ганна вспомнила, что съ дѣтскихъ лѣтъ ея въ кругу ея семей-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и знакомыхъ часто повторялось это имя, знала она, что мужъ ея Молявка Многопѣняжный съ казаками пошелъ въ походъ противъ этого Дорошенка.

Разговоры у холопей перешли на другіе предметы. Ганна не вмѣшивалась и погрузилась въ свою обычную задумчивость.

Послѣ ужина Васька вывелъ ее въ сѣни и сказалъ:

— Анна! Бояринъ зоветъ тебя къ себѣ на ночь!

Ганна ничего не отвѣтила.

— Что̀, рада? спросилъ Васька.

— Вовсе не рада! сказала Ганна. Только дивно это мнѣ. Сказываешься ты моимъ мужемъ, а меня къ иному ведешь! Такова, что ли, у васъ вѣра?

— Такая, коли хочешь знать, у насъ вѣра, отвѣчалъ Васька— чтобъ слушаться господъ своихъ и дѣлать, что господа приказываютъ.

Ганна молча пошла вслѣдъ за Ваською.

— Здравствуй дѣвка!—сказалъ Чоглоковъ, оставшись съ Ганною наединѣ—здравствуй, красная! Видишь, опять ты со мною, душенька. Не бойся, я не лютый звѣрь, не задеру!

Ганна не показывала ни тѣни сопротивленія, была послушна во всемъ, не начинала никакой рѣчи и отвѣчала только либо: не знаю, либо: какъ велишь!

Утромъ, когда еще Тимоѳей Васильевичъ на солнечномъ восходѣ спалъ какъ убитый, Ганна вышла отъ него, не пошла въ людскую, а направилась къ воротамъ двора, выходившимъ на улицу. День былъ весенній, ясный. Москва уже была на ногахъ; народъ сновалъ изъ улицы въ улицу. Земля кое-гдѣ была еще грязна, но уже во многихъ мѣстахъ просыхала. Ганна не знала куда ей повернуться: она не бывала еще ни на одной московской улицѣ, привезенная только вчера прямо въ боярскій дворъ Чоглокова. На удачу пошла она влѣво, уперлась во дворъ, повернула еще на-лѣво, потомъ на-право, шла сама не зная куда зайдетъ, и безпрестанно оглядывалась не преслѣдуютъ ли ее, не смѣя спросить никого изъ встрѣчающихся. Улица, по которой она шла, раздвоилась, и Ганна рѣшилась, наконецъ, спросить у встрѣчной женщины: куда пройти на греческій дворъ?

— Ахъ, родимая! Слышу по твоей рѣчи, что ты не здѣшняя— сказала ей женщина. Первый разъ, видно, въ Москвѣ?

— Первый разъ, отвѣчала Ганна.

— Трудно, родимая, ухъ какъ трудно бываетъ здѣсь тому, кто первый разъ въ Москвѣ, пока не привыкнетъ. Тебѣ на греческій дворъ-отъ! Иди влѣво отсюда, а тамъ, произошедши два переулка вправо, не иди туда, а будетъ третій вправо же, такъ ты туда иди, и все прямо, прямо, увидишь вдалекѣ колокольну большущую—Иванъ Великій прозывается, такъ ты все иди и на нее смотри и дойдешь до стѣны бѣлокаменной и повернешь влѣво, и тамъ спросишь про греческій дворъ! тебѣ люди покажутъ!

Библиотека "Руниверс"

— Спасиби, титусю *), сказала Ганна и пошла по указанному пути, устремляя постоянно глаза на золоченую главу Ивана Великаго, блиставшую подъ лучами весенняго утренняго солнца. Но въ сѣти запутанныхъ московскихъ улицъ, она опять сбилась съ пути и стала спрашивать о греческомъ дворѣ у встрѣтившихся ей мужиковъ. Эти мужики не оказались предупредительны и любезны какъ прежняя женщина, направлявшая Ганну къ греческому двору. Эти мужики, услышавши малороссійскую рѣчь, стали поднимать Ганну на смѣхъ и передразнивать.

— Да ты, видно, украинская ворона залетѣла въ Москву! А какая, чортъ ее не взялъ, красивая! Ходи съ нами добрыми молодцами по царевъ кабакъ: мы тебя угостимъ!

— Не хочу! отвѣчала Ганна. Я не пойду съ вами!

Но одинъ мужикъ схватилъ ее за станъ.

— Геть! закричала Ганна: — говорю: не пойду я съ вами. Пустите!

— Пустите! передразнивали ее мужики, но Ганна вырвалась отъ нихъ.

Она пошла скорыми шагами далѣе и боялась уже спрашивать дороги: научилъ ее первый опытъ, что въ Москвѣ молодой красивенькой женщинѣ было не безопасно распрашивать дорогу у мужчинъ. Прошедши на удачу нѣсколько улицъ, она рѣшилась, наконецъ, спросить у какой-то старухи: гдѣ греческій дворъ. Старуха указала, что онъ былъ отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ.

Греческій дворъ стоялъ тогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Никольскій монастырь, называемый греческимъ и построенный на греческомъ дворѣ именно около того времени, когда совершались описываемыя событія. У воротъ двора стояли караульные стрѣльцы.

— Тутъ греческій дворъ? спросила Ганна.

— Тутъ. Кого тебѣ? спросили караульные.

— Гетмана Петра Дорошенко. ...

— Нельзя! грозно отвѣчалъ караульный: — зачѣмъ тебѣ его? Вонъ нашъ полуголова. Спроси его.

Онъ указалъ на ходившаго по двору стрѣлецкаго полуголову. Ганна подошла къ нему, поклонилась и сказала:

— Нельзя ли, добродѣй, увидѣть гетмана Дорошенко?

Полуголова подозрительно оглядѣлъ ее съ головы до ногъ и проворчалъ:

— Первое — онъ уже не гетманъ и величать его такъ нельзя. А второе — какое тебѣ до него будетъ такое дѣло? Ты, черкашенка, что ли?

— Да! отвѣчала Ганна.

— Не велѣно безъ позволенія отъ приказа пускать къ нему ни-

*) Спасибо, тетушка!

Библиотека "Руниверс"

кого, кромѣ тѣхъ, что на малороссійскомъ дворѣ черкасы въ посольствѣ пріѣхали, сказалъ полуголова.—Ты изъ ихнихъ, что ли?

— Я его родичка, сказала Ганна.

— Что это такое родичка? говорилъ полуголова.—Родня ему приходишься, что ли?

— Да! сказала Ганна.

— Хорошо, я самъ поведу тебя къ нему, отвѣчалъ полуголова.

Петръ Дорошенко, привезенный въ Москву, былъ помѣщенъ на греческомъ дворѣ и находился въ состояніи, составлявшемъ средину между положеніемъ гостя и плѣнника. Уже онъ представлялся ко двору, удостоился цѣловать царскую руку, думный дьякъ предъ лицомъ самого великаго государя изрекъ прощеніе всѣмъ его „винамъ и провинностямъ"; затѣмъ ему сказано было, что онъ останется въ Москвѣ до окончанія войны съ турками для совѣта о разныхъ воинскихъ дѣлахъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ на греческомъ дворѣ; его дѣйствительно приглашали въ приказъ раза три, брали отъ него сказку о татарскихъ и турецкихъ путяхъ, о средствахъ къ оборонѣ Чигирина и тому подобное. Между тѣмъ у его помѣщенія стояло на караулѣ поперемѣнно по двадцати стрѣльцовъ съ полуголовами. Наконецъ, въ послѣдніе передъ этимъ дни позвали его къ думному дьяку Ларіону Иванову и тотъ сказалъ ему, чтобъ онъ подалъ челобитную о доставленіи ему въ Москву его жены. Дорошенко ужаснулся. —Великому государю, значитъ, угодно меня оставить здѣсь навсегда? спросилъ онъ. — Такой воли великаго государя нѣтъ", отвѣчалъ дьякъ, но тебѣ указано жить на Москвѣ, доколѣ не утишится война съ невѣрными, а сколько времени она будетъ длиться, про то Богъ вѣсть. Мужу отъ жены врознь пребывати не подобаетъ.

Нечего было дѣлать Петру Дорошенку. Написалъ онъ со словъ думнаго дьяка челобитную о привозѣ его жены. Въ ожиданіи привоза немилой ему жены и не зная чѣмъ окончится его судьба, Дорошенко метался словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Донельзя опротивѣла ему тогда эта Москва. Думалъ было онъ спокойно доживать вѣкъ послѣ своей бурной жизни въ милой, родной Украинѣ, посреди родного народа, на полной волѣ, а его держатъ въ Московской землѣ и притомъ въ неволѣ, хотя не говорятъ ему, что онъ въ неволѣ. Въ это-то время стрѣлецкій полуголова привелъ къ нему Ганну Кусовну.

Дорошенко ходилъ большими шагами по комнатѣ въ обычномъ своемъ волненіи. Полуголова, вошедши съ Ганною, сказалъ:

— Петръ Дороѳеевичъ! Вотъ эта женщина желаетъ видѣть твою милость. Говоритъ она съ родни твоей милости.

— Я не знаю этой женщины, сказалъ Дорошенко, оглядѣвши Ганну. И потомъ, обратясь къ ней, спросилъ: — Какая ты мнѣ „родичка"?

— Я такая тебѣ родичка, какъ всѣ наши люди тебѣ родичи! сказала Ганна.—Ясневельможный гетманъ! Выслушай! Я пришла къ твоей милости за помощью. Помоги мнѣ, несчастной!

Библиотека "Руниверс"

— Я не гетманъ, сказалъ Петръ Дорошенко: — даже и не полковникъ: не занимаю никакого уряда. Я просто узникъ въ Москвѣ. Чѣмъ я тебѣ помогу? Я самъ бѣденъ. Всѣ свои „маетки“ покинулъ въ Чигиринѣ, да въ Сосницѣ!

— Не денегъ я пришла просить! сказала Кусовна:—хоть и бѣдна я такъ, что куска хлѣба не имѣю на чужой сторонѣ, а пришла къ твоей милости не за деньгами, а за помощью. Выслушай меня, пане, подай мнѣ помощь бѣдной несчастной сиротѣ, не къ кому мнѣ обратиться, не къ кому пріютиться на „чужой чужинѣ“ — только къ своимъ людямъ!

И Ганна, заливаясь слезами, повалилась къ ногамъ Дорошенко. Съ головы ея спала кика. Ганна на первыхъ порахъ сконфузилась, очутившись простоволосою, но не рѣшалась надѣвать на голову противнаго, насильно ей навязаннаго московскаго головного убора.

И почему-то вспомнилъ Дорошенко, какъ передъ нимъ со слезами валялись бѣдные украинцы, когда онъ ихъ отдавалъ сотнями въ неволю туркамъ и татарамъ. Не жаль ему ихъ тогда было, потому что думалъ онъ тогда не о лицахъ по одиночкѣ, а о цѣлой отчизнѣ, которой хотѣлъ добыть свободы и независимости. Теперь уже объ этой отчизнѣ онъ не думалъ, потому что самъ погубилъ ее. Теперь жаль ему стало неизвѣстной женщины, валявшейся у его ногъ.

— Встань, „молодица“ и говори откуда ты, сказалъ Дорошенко.

— Изъ Чернигова, отвѣчала Ганна, — родомъ козачка, по отцѣ Кусовна. Въ петровки прошлаго года отдали меня замужъ, владыка дозволилъ повѣнчать, а мой новобрачный мужъ ушелъ въ тотъ же день въ походъ; вечеромъ пошла я за водою къ рѣчкѣ Стрижню, въ тайникѣ меня схватили, завязали глаза и ротъ и потащили къ воеводѣ, а воевода меня изнасиловалъ и отослалъ со своими людьми въ свою вотчину подъ Москвою и тамъ приказалъ силою меня повѣнчать съ его человѣкомъ; потомъ, пріѣхавши самъ въ Москву, приказалъ меня привезти, хочетъ, чтобъ я жила съ тѣмъ его человѣкомъ, съ какимъ меня силою обвѣнчали, а ему самому стала бы наложницею.

— А твой первый мужъ еще живъ? спросилъ Дорошенко.

— Не знаю, ясневольможный панъ, живъ ли онъ еще, отвѣчала Ганна.—Его зовутъ Яцько Молявка-Многопѣняжный. Его въ походъ угнали, а меня схватили и съ той поры я объ немъ не слыхала.

— Молявка-Многопѣняжный! воскликнулъ Дорошенко.—Я твоего мужа хорошо знаю. Онъ теперь уже сотникъ въ Сосницѣ. Говорилъ онъ мнѣ, что у него жену украли и отдали за другого, говорилъ! Какой же я тебѣ совѣтъ подамъ, молодица? Иди, молодица, къ думному дьяку Ларіону Иванову и все ему разскажи, какъ вотъ мнѣ ты разсказала. Вотъ я тебѣ дамъ цидулу къ нему!

Онъ пошелъ въ другую комнату. Ганна дожидалась стоя, опу-

Библиотека "Руниверс"

стивши глаза въ землю. Дорошенко вышелъ, отдалъ ей написанную цидулу и сказалъ полуголовѣ:

— Прикажите отвести эту женщину къ Ларіону Иванову въ приказъ. А тебѣ, молодица, на! Вотъ, сколько въ силахъ, столько и помогаю.

Онъ подалъ ей нѣсколько серебренныхъ монетъ, вынесъ изъ другого покоя черный шелковый платокъ и вручилъ ей, сказавши, что это ей на голову, чтобъ не надѣвать болѣе московской кики.

XV.

Привели стрѣльцы Ганну Кусовну къ думному дьяку Ларіону Иванову, находившемуся тогда въ приказѣ. Это былъ сорокалѣтній плечистый мужчина, съ здоровымъ лицомъ, съ краснымъ отъ большого употребленія напитковъ носомъ и съ маленькой красноватой бородкой. Прочитавши цидулу Дорошенко, онъ велѣлъ позвать Ганну.

— Мы съ тобой, красавица, сказалъ онъ ей, видимся впервое, а кажись я тебя уже знаю. Ужъ не та ли ты, что писано было намъ отъ гетмана по челобитной полковника Борковскаго и всѣхъ черниговскихъ всякихъ чиновъ обывателей на царскаго воеводу Чоглокова, между иными его худыми дѣлами, что онъ заслалъ какую-то жену чужую въ свою вотчину и тамъ ее повѣнчали въ другой разъ съ его человѣкомъ?

Ганна разсказала ему всю свою исторію такъ же, какъ и Дорошенку.

— Кто тебя знаетъ, сказалъ думный дьякъ:—какой у тебя мужъ законный, коли ты съ двумя вѣнчалась, и со вторымъ мужемъ отъ живого перваго. Это ужъ не наше дѣло, а церковное. Я тебя отправлю въ патріаршій приказъ.

— Меня изнасиловали, на вѣки осрамили! съ рыданіемъ говорила Ганна.

Думный дьякъ не совсѣмъ понялъ смыслъ слышанныхъ словъ украинки, но уразумѣлъ, что идетъ жалоба на насиліе, учиненное ей Чоглоковымъ и сказалъ:

— Хорошо; мы его допросимъ. А ты, жонка, явись сюда завтра.

— А гдѣ жъ я буду до завтра? Я къ нему во дворъ не ворочусь, лучше въ рѣчку брошусь! сказала Ганна.

— Побудешь здѣсь въ приказѣ. Я велю тебя помѣстить, сказалъ думный дьякъ и велѣлъ отвести ее въ нижній подклѣтъ, гдѣ были покои, нарочно отводимые на случай для тѣхъ, которыхъ нужно было задержать въ приказѣ на время.

На другое утро опять привели Ганну передъ думнаго дьяка. Она увидала здѣсь своего злодѣя Чоглокова, поблѣднѣла и затряслась.

— Ну, Тимоѳей Васильевичъ, говорилъ Чоглокову Ларіонъ Ива-

Библиотека "Руниверс"

новъ:—вотъ женщина показываетъ на тебя! При этомъ онъ изложилъ то, что слыхалъ отъ Ганны. — Что скажешь на это? Знаешь ты эту жонку? спрашивалъ онъ въ заключеніе Чоглокова.

— Знаю, сказалъ Чоглоковъ:—только не такъ было, какъ она показываетъ. Эта жонка клеплетъ на меня безлѣпицу. Она первый разъ пришла ко мнѣ съ моимъ человѣкомъ Ваською Чесноковымъ и оба стали просить у меня позволенія обвѣнчаться. Она была тогда въ дѣвичьемъ нарядѣ. Я позволилъ, да и не было никакой причины имъ того не позволять. Мой холопъ Васька Чесноковъ тогда же отпросился отъ меня домой въ нашу подмосковную вотчину, и я отпустилъ его; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ этой жонкой и письмо отъ меня повезъ къ священнику моей вотчины, и тотъ священникъ, видя ихъ доброе обоюдное согласіе, ихъ обвѣнчалъ. А какъ меня изъ Чернигова съ воеводства отозвали, я пріѣхалъ въ Москву и велѣлъ Ваську съ женою привести къ себѣ во дворъ мнѣ на службу, а не для срамного дѣла, какъ она лаетъ. А вчерашняго утра эта женщина изъ моего двора сбѣжала, малую толику животовъ покрадючи и теперь затѣяла на меня такое, что честному богобоязненному человѣку и помыслить страшно.

— Меня въ Черниговѣ съ козакомъ повѣнчали; я не дѣвка была, а мужняя жена; они меня воровски схватили, изнасиловали, и за другого силою повѣнчали, мужнюю жену!

— Спроси ее, господинъ, сказалъ Чоглоковъ, когда ее повѣнчали первый разъ и гдѣ!

— У св. Спаса, сказала Ганна, въ тотъ самый день, какъ выступали козаки въ походъ.

— А какой тогда былъ день? спрашивалъ Чоглоковъ. Тогда былъ Петровъ постъ. Скажи, господинъ думный дьякъ, можно развѣ по закону православному вѣнчать въ Петровъ постъ?

— Ну, лебедка, что скажешь? обратился Ларіонъ Ивановъ къ Ганнѣ, правду ли этотъ господинъ говоритъ? Былъ тогда Петровъ постъ?

Ганна стала объяснять, что владыка разрѣшилъ вѣнчаніе въ постъ. Такъ какъ объясненія эти произносились по малороссійски, то думный дьякъ моргалъ бровями и пожималъ плечами, бросая вопросительные взгляды на Чоглокова, и потомъ сказалъ Ганнѣ:

— Не въ домёкъ что-то мнѣ, что ты баишь, лебедка. Дѣло-то это не нашинское, а церковное. Ступай себѣ, я позову тебя, когда нужно будетъ.

Ганна поклонилась до земли и съ рыданіями стала просить пощады и состраданія къ своей горькой судьбѣ, но Ларіонъ Ивановъ, вмѣсто отвѣта, далъ знакъ и Ганну увели. Думный дьякъ сказалъ Чоглокову, что онъ за нимъ послѣ пришлетъ, а теперь у него иныя спѣшныя дѣла.

Черезъ день Ларіонъ Ивановъ опять призвалъ Чоглокова.

Библиотека "Руниверс"

— У тебя, Тимоѳей Васильевичъ, гдѣ вотчина-то? На Пахрѣ, кажись?

— На Пахрѣ, сказалъ Чоглоковъ.

— А сколько четей земли, сѣнокосу, лѣсу и рабочихъ крестьянъ и дворовыхъ людей? спрашивалъ Ларіонъ Ивановъ.

Чоглоковъ разсказалъ все, что у него спрашивали.

— А сколько скота, есть ли овцы, пчелы, при дворѣ садъ, огородъ, гумно, сколько одоньевъ хлѣба? спрашивалъ думный дьякъ.

Чоглоковъ и на это отвѣчалъ, прибавивши, что многаго не упомнитъ, а у него есть на то опись всему.

— Хорошо, сказалъ думный дьякъ. Продай мнѣ половину твоей вотчины по описи.

Чоглоковъ былъ словно громомъ оглушенъ такимъ предложеніемъ. Онъ замялся, говорилъ самъ не зная что̀, но смыслъ его словъ былъ таковъ, что онъ продавать своей вотчины не желаетъ.

— Ну, воля твоя, сказалъ думный дьякъ, ты на то хозяинъ и владѣлецъ. Я только тебѣ свое желаніе заявилъ, купилъ бы у тебя, когда бы ты захотѣлъ продать, а не хочешь какъ знаешь! Я съ своимъ назадъ.

Нѣсколько минутъ молчали оба. Тимоѳею Васильевичу было очень неловко. Онъ понималъ, чего хочетъ думный дьякъ. Тимоѳея Васильевича бросало то въ жаръ, то въ холодъ, отъ зловѣщаго молчанія Ларіона Иванова.

— Ну, просимъ прощенія! сказалъ, наконецъ, Ларіонъ Ивановъ и Чоглоковъ въ сильномъ волненіи вышелъ отъ него.

Прошла недѣля. Чоглоковъ находился въ невыносимо-тревожномъ состояніи. Недавно еще, тотчасъ по своемъ возвращеніи изъ Чернигова, отвалилъ онъ „въ почесть“ Ларіону Иванову не малую толику наличными, да и подъячихъ малороссійскаго приказа угобзилъ порядкомъ, такъ что почти уже ничего у него не осталось изъ того, что успѣлъ онъ зашибить себѣ въ Черниговѣ на воеводствѣ. Теперь видѣлъ онъ, что его хотятъ облупить какъ липку. Далъ намекъ Ларіонъ Ивановъ да и замолчалъ, не зоветъ его больше. Хоть бы ужъ позвалъ, да сказалъ, что̀ съ нимъ намѣренъ сдѣлать, если онъ половину своей вотчины не уступитъ!

И прошло еще нѣсколько дней, мучительныхъ для Тимоѳея Васильевича. Передумывалъ онъ и то и другое, прикидывалъ и такъ и этакъ. Ничего не могъ выдумать. Но вотъ, наконецъ, уже дней черезъ десять послѣ перваго предложенія о продажѣ половины вотчины, зовутъ его опять въ малороссійскій приказъ.

Сталъ лицомъ къ лицу Тимоѳей Васильевичъ съ Ларіономъ Ивановымъ.

Ларіонъ Ивановъ, сидя за своими бумагами, сказалъ вошедшему къ нему Тимоѳею Васильевичу:

— Ну, что, господинъ бывшій черниговскій воевода:—дѣла̀-то

Библиотека "Руниверс"

наши не хороши. Какъ-то выпутаемся мы отъ доноса, что прислалъ на твою милость черниговскій полковникъ отъ всего черниговскаго полка и отъ города Чернигова войта и бурмистровъ, и райцевъ, и всего мѣщанства и посольства? Какъ ты думаешь объ этомъ, господинъ бывшій воевода?

— Ларіонъ Ивановъ, отецъ родной! проговорилъ сквозь слезы Чоглоковъ, я вѣдь твоей милости билъ челомъ и въ почесть подалъ, что можно было. Тогда положили всему тому погребъ.

— Э, нѣтъ, батюшка Тимоѳей Васильевичъ! сказалъ Ларіонъ Ивановъ. Мы тебя только выписали изъ Чернигова, вмѣсто того, чтобы тамъ на мѣстѣ розыскъ чинить надъ тобою! Было бы для тебя не лучше коли-бъ мы, оставивши тебя въ Черниговѣ, новому воеводѣ приказали надъ тобой розыскивать. Новому воеводѣ захотѣлось бы показать: вотъ-де какіе дурные воеводы до него тамъ были, а онъ не таковъ, и такихъ дѣлъ за нимъ не чаять худыхъ! Тебя, голубчика, можетъ быть, посадили бы тамъ въ тюрьму, а тѣ черниговцы, какъ бы стали ихъ допрашивать, наврядъ бы твою милость оправили. И теперь, вотъ хоть съ этой бабенкой, что у насъ тутъ сидитъ внизу. Видишь, черниговскій полковникъ написалъ про какую-то тамъ у нихъ жонку Бѣлобочиху, будто она, при свидѣтеляхъ, полковыхъ старшинахъ, говорила, что ты ее подговаривалъ привести къ тебѣ Анну Кусовну для блуднаго дѣла. А потомъ эта самая Анна пропала безвѣстно и очутилась въ твоей вотчинѣ замужемъ за твоимъ человѣкомъ, и вотъ видишь, что на тебя показываетъ! Мы начнемъ розыскъ чинить о семъ. Да и то еще: въ челобитной черниговской пишется: „твои-де стрѣльцы ходили по дворамъ мѣщанскимъ и козацкимъ и подговаривали женокъ и дѣвокъ тебѣ на блудное дѣло.“ И объ этомъ пошлемъ въ Черниговѣ розыскать, оттого что это сходится съ дѣломъ объ этой женкѣ Аннѣ. А что скажутъ по этому розыску, тебѣ лучше знать! Не дай Богъ, да скажутъ что нибудь недоброе—тогда тебѣ, Тимоѳей Васильевичъ, будетъ ухъ какъ плохо! Великому государю на верхъ въ докладъ пойдетъ. Какъ бы твоей милости не пришлось ѣхать въ дальніе сибирскіе городы, да еще можетъ быть и не воеводою, а поверстаютъ въ дѣти боярскіе, либо еще пониже. Вонъ еще при бояринѣ Матвѣевѣ, какъ нашимъ приказомъ управлялъ, что̀ сталось съ Дёмкою Многогрѣшнымъ. Тотъ былъ гетманъ, повыше тебя, воеводы. И дѣлъ за нимъ не бывало такихъ, какъ за тобою!

— Батюшка, Ларіонъ Ивановичь, отецъ родной, кормилецъ! Власть твоя и воля твоя. Не погуби. Смилуйся! завопилъ Чоглоковъ и повалился къ ногамъ думнаго дьяка.

Ларіонъ Ивановъ сказалъ:

— Встань, Тимоѳей Васильичъ! Одному великому государю подобаетъ кланяться въ землю, а я вѣдь не великій государь твой, я только дьякъ его царскаго величества.

Библиотека "Руниверс"

Тимоѳей Васильевичъ всталъ и продолжалъ плакать; онъ совсѣмъ растерянный стоялъ передъ думнымъ дьякомъ. Ларіонъ Ивановъ продолжалъ:

— Ты, батюшко Тимоѳей Васильичъ, не глупъ человѣкъ и вѣдаешь, какъ въ свѣтѣ ведется между людьми. Всѣ мы, грѣшные, охочи творить добро наипаче тѣмъ, что намъ его творятъ. На томъ, сударь, весь свѣтъ стоитъ и тѣмъ держится, что мы одинъ другому тяготы носимъ, одинъ другому угодное творимъ, и коли мы къ людямъ хороши, такъ и люди къ намъ также хороши. Ты испугался розыска надъ собою и бьешь мнѣ челомъ, чтобъ я заступился за тебя; а я намедни, коли не забылъ, билъ челомъ твоей милости, чтобъ ты изволилъ продать мнѣ половину твоей Пахровской вотчины. Однако, ты на мое челобитье не подался и меня не пожаловалъ. Теперь же ты вотъ мнѣ бьешь челомъ о своемъ дѣлѣ. Что же, какъ думаешь? И мнѣ поступить съ тобою, какъ ты со мною поступилъ: не податься на твое челобитье!

— Батюшко, отецъ родной! Смилуйся! Вѣдь половина моего состоянія родового, кровнаго! вопилъ Чоглоковъ.

— На это я вотъ что тебѣ скажу, любезнѣйшій мой Тимоѳей Васильичъ, сказалъ думный дьякъ. Человѣкъ ты книжный, и конечно читывалъ какъ въ святомъ писаніи говорится: лучше калѣкой войти въ царствіе Божіе, чѣмъ со всѣми цѣлыми удами быть ввержену въ геенну огненную. И ты нынѣ поступи такъ, по сему премудрому словеси. Лучше тебѣ, мой дорогой, потерять половину своей вотчины и остаться жить въ покоѣ съ другою ея половиною, чѣмъ владѣючи обѣими половинами быть загнатымъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Все равно: не будешь тогда володѣть своею вотчиною, достанется кому нибудь другому изъ твоего рода, а то можетъ быть еще и отпишутъ на великаго государя. А коли начнется надъ тобою строгій, правдивый розыскъ, такъ тебѣ въ тѣ поры не сдобровать. Это я напередъ вижу; да и ты самъ, Тимоѳей Васильевичъ, лучше меня это видишь и знаешь.

— Бери, батюшка! возопилъ Чоглоковъ и ударилъ себя о полы руками. Бери, только выручи.

— Подай опись имуществу своему, сказалъ думный дьякъ, напиши купчую данную, запиши въ помѣстномъ приказѣ, и ко мнѣ доставь вмѣстѣ съ описью. Да не подумай, Тимоѳей Васильичъ, меня въ чемъ нибудь провести. Смотри чтобы въ купчей данной была вписана въ точности половина всего, что значится по описи. Я просмотрю, слицую, и коли объявится не все въ точности, такъ и купчая не въ купчую. Не приму.

— Да нельзя ли ужъ, коли такъ, сказалъ Чоглоковъ, воротить эту женку къ ея мужу въ мой дворъ къ моему человѣку, да тѣмъ и дѣло покончить.

— А, жирно будетъ! возразилъ Ларіонъ Ивановъ, доволенъ будь

Библиотека "Руниверс"

и тѣмъ, Тимоѳей Васильичъ, что самъ цѣлъ останешься. Надобно дѣло рѣшать такъ, чтобъ и тебя спасти отъ погибели и противъ правды не покривить. Мы вотъ какъ постановимъ. Что женка оная на воеводу показывала, того никакими доводы не довела, и черниговское челобитье, что на того же воеводу написано, ничѣмъ не доведено, а воевода въ отвѣтѣ сказалъ де, что все то на него затѣяно отъ черниговцевъ напрасно по злобѣ, за то, что онъ, воевода, радѣя о царской выгодѣ, ихъ, черниговцевъ, плутовству не потакалъ; и мы, великій государь, указали дальнѣйшихъ розысковъ за неимѣніемъ доводовъ надъ воеводою не чинить, а женку Анну, за двоемужество отослать къ духовному суду въ патріаршій приказъ. Вотъ оно и выйдетъ, какъ говорится: и козы цѣлы, и волки сыты будутъ.

— А если, замѣтилъ Чоглоковъ, та женка въ патріаршемъ приказѣ учнетъ на меня показывать туже безлѣпицу, что показывала здѣсь? Тогда меня въ патріаршій приказъ позовутъ!

— Мы, сказалъ тогда думный дьякъ, здѣсь въ малороссійскомъ приказѣ именемъ царскимъ тебя оправимъ и отъ дѣла того Аннинаго совсѣмъ отлучимъ. По наговорамъ той женки могутъ позвать въ патріаршій приказъ не тебя, а человѣка того, что съ нею вѣнчался и сталъ ей мужемъ, потому что у нихъ обще духовное дѣло. А ты заранѣе призови того человѣка своего и подъ страхомъ великимъ запрети ему, чтобъ, когда его призовутъ въ патріаршій приказъ, тебя въ дѣло не втягивалъ и ничего о тебѣ тамъ говорить не дерзалъ, а отложилъ бы тебя вовсе. Ты же здѣсь у насъ въ распросѣ своемъ напиши, что дозволилъ человѣку своему вѣнчаться съ Анною, не знаючи никакъ, чтобъ Анна была съ кѣмъ инымъ обвѣнчана, понеже сама Анна тебѣ того не объявляла и ты считалъ ее дѣвкою тѣмъ паче, что она ходила по дѣвичьи. А хоть бы кто со стороны и говорилъ тебѣ, что она вѣнчана въ Петровъ постъ, ты такой глупой рѣчи не повѣрилъ, знаючи, что по закону нашему православному въ постъ вѣнчать не можно. Здѣсь у насъ въ малороссійскомъ приказѣ такую сказку напишешь и оставишь. И только.

Поклонился Чоглоковъ думному дьяку Ларіону Иванову, еще разъ назвалъ его кормильцемъ, спасителемъ, отцомъ роднымъ. Въ тотъ же день написалъ онъ показаніе въ такомъ смыслѣ, какъ научилъ его думный дьякъ, а черезъ недѣлю принесъ Ларіону Иванову купчую данную на половину своей Пахровской вотчины и опись всему своему имуществу, числящемуся при той вотчинѣ. Ларіонъ Ивановъ пересмотрѣлъ то и другое, провѣрилъ сходство купчей съ описью и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, кормилецъ, благодѣтель. Весною начну строиться въ новой купленой вотчинѣ. Будемъ съ тобою жить по пріятельски, какъ добрымъ сосѣдямъ подобаетъ.

Все это время Ганна жила въ подклѣтѣ малороссійскаго приказа, питаясь скуднымъ поденнымъ кормомъ, выдававшимся изъ царской

Библиотека "Руниверс"

казны тюремнымъ сидѣльцамъ; она дополняла его недостатокъ тѣмъ, что просила сторожей покупать ей за тѣ деньги, что далъ ей Дорошенко. Нѣсколько дней сидѣли вмѣстѣ съ нею двое бродягъ малороссіянъ, взятыхъ въ Москвѣ и отправленныхъ на родину. Они были изъ другого малороссійскаго края, изъ полтавскаго полка, и сидѣли въ подклѣтѣ приказа не долго, къ большому удовольствію Ганны, которой одинъ изъ нихъ сталъ было надоѣдать своими любезностями. Когда ихъ вывели, Ганна осталась одна; ее позвали тогда въ приказъ, дали ей еще три рубля мелкими копѣйками и сказали, что это ей подаетъ на милостыню Дорошенко, бывшій по своимъ дѣламъ въ приказѣ и тамъ освѣдомлявшійся о ней. Ганна, отведенная въ свою тюрьму, горячо молилась за своего благодѣтеля не забывавшаго о ней и подавшаго ей святую христову милостыню.

Послѣ окончанія сдѣлки съ Чоглоковымъ, думный дьякъ приказалъ привести предъ свою особу Ганну и приказалъ подъячему прочитать ей приговоръ, гласившій, что такъ какъ жалоба женки Анны на воеводу Чоглокова никакими доводы не доказывается, то дѣло о семъ въ малороссійскомъ приказѣ прекращается, женка же Анна отсылается къ святѣйшему патріарху для учиненія надъ нею духовнаго суда за незаконное вступленіе въ брачный союзъ.

Стрѣльцы повели Ганну въ патріаршій приказъ.

Въ домѣ у Чоглокова происходила такая сцена: Тимоѳей Васильевичъ призвалъ къ себѣ холопей своихъ Ваську и Макарку и говорилъ имъ:

— Ну, братцы! Больно не добро мнѣ съ этой проклятой хохлушей. Оттягалъ у меня думный дьякъ половину Пахровской вотчины! Что будешь дѣлать! Загрозилъ злодѣй, что начнутъ обо мнѣ вновь розыскивать. Я далъ ему купчую данную. Да еще и тутъ дѣлу не конецъ. Хохлушу велѣлъ отвести въ патріаршій приказъ къ духовному суду: тамъ будутъ разыскивать о ея двоемужествѣ. И васъ, можетъ быть, позовутъ. Смотрите же, не примѣшивать меня никакъ. Ты, Васька, въ одно упрись и говори: никакого-де приказу на счетъ женитьбы своей отъ своего государя не слыхалъ. Самъ къ нему вмѣстѣ съ Анною приходилъ просить позволенія повѣнчаться, не знаючи того, чтобъ она былъ съ инымъ кѣмъ повѣнчана.

— Ужь въ томъ, государь, будь спокоенъ. Какъ приказываешь, такъ и буду говорить, сказалъ Васька.

— И на счетъ того, коли станетъ она твердить, что господинъ ее изнасиловалъ и приказывалъ тебѣ водить къ нему на постелю, говори одно: того я не знаю, и отъ государя моего ничего такого не слыхалъ. Объ этомъ въ патріаршемъ приказѣ разыскивать не будутъ, за тѣмъ, что по этому наговору меня уже въ малороссійскомъ приказѣ оправили. И ты своими рѣчами не подавай никакого повода. И ты гляди тоже, Макарка.

— Мое дѣло здѣсь второе, сказалъ Макарка: коли Васька на меня

Библиотека "Руниверс"

не скажетъ, такъ меня, чай, и не покличутъ. А покличутъ и станутъ спрашивать, такъ я буду говорить въ одно съ Васькой.

— Оно, сказалъ Чоглоковъ, вашему брату холопу въ наговорахъ на насъ вашихъ государей, вѣры не даютъ. Только все таки вы меня никоими дѣлы не смѣйте безчеститъ. А не то сами знаете, властенъ я съ вами обоими расправиться опосля какъ захочу.

Когда Васька съ Макаркой остались одни, Васька сказалъ своему товарищу:

— Государь то струсилъ! да еще какъ! Шутка ли: половину вотчины спустилъ. Плохо дѣло. Почитай какъ припрутъ его, такъ и другую половину спуститъ. И намъ тогда, видно, не ему служить въ холопствѣ придется. Продастъ и насъ. Пускай, чортъ ихъ побери, зовутъ насъ въ патріаршій приказъ, пускай допрашиваютъ. Будемъ стоять за своего государя пока можно и пока силъ нашихъ станетъ, ну, а то, вѣдь, своя шкура всякой чужой шкуры дороже, хоть бы и государской.

XVI.

Патріархъ Іоакимъ Савеловъ въ описываемое время былъ возрастомъ между шестидесяти и семидесяти лѣтъ, старикъ, чрезвычайно живой и неутомимо дѣятельной. Это былъ человѣкъ ученый по своему времени; воспитывался онъ въ кіевской коллегіи и сохранялъ къ ней большое уваженіе, но это не мѣшало ему быть рѣзкимъ и непримиримымъ противникомъ западнаго вліянія, проникавшаго все духовное образованіе въ Малороссіи и, по мнѣнію патріарха, вредно отзывавшагося на русскую церковь. Патріархъ Іоакимъ писалъ, очень много писалъ, и съ двухъ сторонъ защищалъ ввѣренную ему церковь: и противъ западнаго вліянія, входившаго черезъ Кіевъ, и противъ старообрядческаго раскола, развившагося въ Великой Руси. При всѣхъ, однако, своихъ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ, Іоакимъ не только не покидалъ дѣлъ внутренняго управленія, но занимался ими лично и такъ устойчиво, какъ никто изъ его предшественниковъ, не исключая и самаго Никона. Никто изъ патріарховъ не ограничилъ до такой степени произволъ архіерейской власти обязательнымъ учрежденіемъ при архіереяхъ совѣтовъ изъ призываемыхъ къ соуправленію и суду духовныхъ лицъ; это касалось за урядъ съ другими епархіами и патріаршей епархіи, но патріархъ на это не посмотрѣлъ: самъ онъ былъ до того дѣятеленъ и внимателенъ ко всему, что мало нуждался въ содѣйствіи и совѣтѣ духовныхъ особъ. Въ патріаршемъ приказѣ сидѣли назначенные отъ патріарха архимандритъ и двое протопоповъ, призывались выборныя духовныя власти—поповскіе старосты, но всѣ они собственно дѣлали мало за патріарха, напротивъ, патріархъ много дѣлалъ за нихъ. Еще по предмету суда надъ духовенствомъ, эти соуправители патріарха по крайней мѣрѣ все таки что нибудь да

Библиотека "Руниверс"

значили: снимали допросы и показанія, наводили справки, постановляли приговоры; патріархъ самъ провѣрялъ всѣ ихъ предварительныя работы и самъ произносилъ окончательное рѣшеніе. Въ такихъ же дѣлахъ, гдѣ не духовные, а мірскіе люди привлекались къ духовному суду—сидѣвшіе въ патріаршемъ приказѣ ни до чего почти не касались, дѣлалъ все дьякъ и подносилъ патріарху. Главнымъ дьякомъ патріаршаго приказа былъ тогда Иванъ Родіоновичъ Калитинъ, притоптавшійся пожилой господинъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ круглой, нѣсколько посѣдѣвшей бородкой, бойко владѣвшій и перомъ и рѣчью, большой дѣлецъ. Патріархъ оказывалъ ему чрезвычайное довѣріе, считалъ столько же умнымъ, сколько честнымъ, безкорыстнымъ и преданнымъ себѣ человѣкомъ. Репутація умнаго человѣка была за дьякомъ повсемѣстна; на счетъ его честности и безкорыстія никто не могъ бы указать, что вотъ съ того то, или съ этого, Калитинъ „вымучилъ" что нибудь; но многіе въ недоумѣніи пожимали плечами, узнавая, что отъ нѣкоторыхъ дѣлъ перепадали патріаршему дьяку немалыя выгоды и нельзя было объяснить, какъ это онъ устраивалъ.

Когда привели въ патріаршій приказъ Ганну Кусовну, Калитинъ, недавно въ этотъ день явившійся въ приказъ для исполненія своей должности, сидѣлъ съ товарищемъ своимъ, другимъ дьякомъ Леонтіемъ Савичемъ Скворцовымъ, котораго Калитинъ любилъ и покровительствовалъ. Прежде чѣмъ позвать къ себѣ на глаза приведенную въ приказъ женщину, Калитинъ прочиталъ отписку, при которой ее препроводили изъ малороссійскаго приказа; въ этой отпискѣ изложена была вся суть дѣла, касавшаяся и Чоглокова.

— Смотри-ко, Левонтій Савичъ, сказалъ Калитинъ Скворцову, какую украинскую птицу прислали къ намъ. Только ощипали, да не ее, а, видно, изъ-за нее кого-то другого!

Скворцовъ, еще не такъ опытный въ дьяческомъ дѣлѣ, не смекнулъ сразу всего, что раскусилъ Иванъ Родіоновичъ; проглядѣвши бумагу, Скворцовъ поднялъ къ товарищу голову съ вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Калитинъ засмѣялся.

— Разуменъ зѣло думный! сказалъ Калитинъ. Остригъ барана, а шкуру еще намъ оставилъ. Чтожъ, и за то спасибо.

— Вѣстимо, сказалъ Скворцовъ, нагрѣлъ руки около воеводы и закрылъ его ловко! Все шито-крыто, хоть кое-гдѣ бѣлыя ниточки виднѣются. Но намъ ни съ какого боку за него приняться не мочно. Во всемъ очищенъ явился. Духовную развѣ кару наложить, да и то не на него.

— Оставили, сказалъ Калитинъ, оставили намъ тоненькую ниточку; за нее бережливо еще можно ухватиться! Вглядись въ бумагу! Баба, видишь, повѣнчана въ другорядь съ холопомъ воеводскимъ, самъ воевода очищенъ и его звать сюда никакъ не смѣемъ, но холопа того на розыскъ потянемъ. А холопъ, думаешь, такъ и будетъ

Библиотека "Руниверс"

стоять за своего государя? Какъ-же! Не больно-то крѣпко станетъ держаться за него, когда надъ самимъ собою почуетъ грозу.

— Вѣдь подъ часъ, сказалъ Скворцовъ, можно воеводу того, если нужно будетъ, попугать святѣйшимъ, что вотъ, молъ, внесетъ самъ святѣйшій его дѣло на верхъ къ царю государю, чтобъ розыскъ перевершить.

— И такъ можно, правда, сказалъ Калитинъ. А то вотъ, посмотри: пригодится намъ 54 статья уложенія о холопьемъ судѣ.

Калитинъ приказалъ позвать Ганну.

— Молодушка! сказалъ онъ ей, ты разомъ за двумя мужьями очутилась. Отъ живого мужа съ другимъ повѣнчалась!

— Повѣнчали силомицъ! начала было Ганна.

— Такъ, перебилъ ее Калитинъ: насильно? Такъ? Ты объявила это въ своей сказкѣ, что отъ тебя взяли въ малороссійскомъ приказѣ. Стоишь ты на томъ, что не хотѣла выходить, а тебя насильно повѣнчали?

— Насильно, сказала Ганна.

— И не хочешь жить со вторымъ своимъ мужемъ, холопомъ Чоглокова?

— Не хотѣла и не хочу! сказала Ганна.

— И хочешь вернуться къ первому своему мужу?

— Хочу. Я его одного за мужа себѣ почитаю.

— Придется тебѣ, молодушка, сказалъ дьякъ, пожить у насъ въ Москвѣ. Есть ли у тебя какое пристанище и будетъ ли у тебя на что ѣсть и пить? Есть у тебя, можетъ быть, на Москвѣ родные или знакомые добрые люди?

— Никого нѣту, отвѣчала Ганна.

— Такъ ужъ коли у тебя нѣтъ никого знакомаго здѣсь, такъ не хочешь ли, возьму я тебя къ себѣ во дворъ на услугу. Ты, молодка, не бойся, не подумай чего нибудь нехорошаго. Я человѣкъ семейный, у меня жена, дѣти, худого умысла не чай. Поживешь у меня пока твое дѣло завершится. Вотъ посиди тамъ въ сторожкѣ, а какъ станемъ расходиться, такъ я тебя съ собой возьму и ты поѣдешь ко мнѣ во дворъ.

Ганну увели. Вошли въ приказъ сидѣвшіе тамъ архимандритъ и протопопъ. Калитинъ подалъ имъ нѣсколько бумагъ, разсказывая въ короткѣ ихъ содержаніе. Въ числѣ такихъ бумагъ была и отписка о Ганнѣ. Духовные не обратили на нее особаго вниманія.

Послѣ полудня стали расходиться и дьякъ Калитинъ велѣлъ кликнуть Ганну и сказалъ ей:

— Забери съ собой свое имущество и отправляйся со мною.

— У меня ничего нѣтъ, сказала заплакавши Ганна. Я утекла въ чемъ стояла. И сорочку одну третій тыждень [1]) ношу.

---

[1]) Недѣля.

Библиотека "Руниверс"

— Крещеные, кажись, люди, сказалъ Калитинъ, и своему брату о Христѣ Іисусѣ, крещеному человѣку, во всякое время и во всякъ часъ Христа ради подать можемъ!

Калитинъ уѣхалъ въ свой домъ, находившійся въ Бѣломъ городѣ тотчасъ за Неглинною. Онъ повезъ съ собою Ганну, и пріѣхавши домой, передалъ ее своей женѣ, пожилой госпожѣ лѣтъ за сорокъ; онъ поручалъ ей приставить къ какому нибудь занятію во дворѣ привезенную женщину, объяснивши, что это несчастная, безпріютная сирота, должна пробыть нѣсколько времени въ Москвѣ, и если дать ей пріютъ, то это будетъ доброе, богоугодное дѣло. Калитина съ ласковымъ видомъ стала было съ нею заговаривать, но сразу наткнулась на нѣсколько непонятныхъ малороссійскихъ выраженій и обратилась въ вопросительнымъ лицомъ къ мужу.

— Хохлачка, сказалъ Калитинъ, у нихъ въ рѣчахъ есть разница съ нашинскою рѣчью московскою, а во всемъ прочемъ народъ добрый, душевный, и вѣры одной съ нами.

Калитина отправила Ганну въ дворовую баню, подарила ей чистое, хотя не совсѣмъ новое и цѣлое бѣлье, и приставила ее ходить за коровами.

На третій день послѣ водворенія Ганны на новосельѣ, недѣльщикъ потребовалъ въ патріаршій приказъ къ отвѣту холопей Чоглокова, Ваську и Макарку. Господинъ еще разъ повторилъ имъ прежнее наставленіе—отнюдь не вмѣшивать его въ дѣло. Васька перекрестился и побожился, что не выронитъ слова такого, чтобъ сталось въ ущербъ своему государю.

Холоповъ привели въ патріаршій приказъ въ то время, когда засѣдавшіе тамъ духовные были въ сборѣ. Васька и Макарка поклонились, касаясь пальцами пола и стояли, ожидая вопросовъ. Калитинъ подошелъ подъ благословеніе къ архимандриту.

— Начинай, Господи благослови! произнесъ архимандритъ.

Калитинъ отошелъ и, обращаясь къ холопамъ, говорилъ важнымъ и суровымъ голосомъ:

— Нашъ приказъ святѣйшаго патріарха во многомъ совсѣмъ не то, что другіе приказы. Во многихъ приказахъ, по многимъ мірскимъ дѣламъ, холопьимъ сказкамъ вѣрить не указано и спрашивать холопа непристойно, потому что холопъ невольный человѣкъ, и чести на немъ нѣтъ и безчестья за него не положено ему, а у насъ насчетъ этаго не такъ, здѣсь вѣдаются дѣла духовныя, а не мірскія.

— А о духовныхъ вещахъ, сказалъ архимандритъ, говорится въ св. Писаніи: нѣсть скифъ, ни еллинъ, ни рабъ, ни свободъ. Въ церкви Христовой рабу бываетъ такая же честь, какъ не рабу! Рабъ, какъ и его государь, однимъ крещеніемъ крещенъ, однимъ муромъ помазанъ, одно тѣло и кровь Господню пріемлетъ и на рабовъ такой же брачный вѣнецъ, какъ и на господъ возлагаютъ. Того ради здѣсь и сказка раба пріемлется, какъ и сказка свободнаго человѣка. При-

Библиотека "Руниверс"

несите передъ крестомъ и евангеліемъ присягу, что будете говорить сущую правду, какъ передъ самимъ Богомъ на страшномъ и нелицепріятномъ Его судищѣ, аще не станете лгать и скрывать истину и затѣвать, не то подвергнетесь карѣ отъ Бога въ будущемъ вѣкѣ, а здѣсь въ житіи своемъ отъ святой нашей церкви проклятію и градскому суду на жестокія мученія преданы будете.

— Слышите? спрашивалъ грознымъ тономъ Калитинъ, слушайте и мимо ушей не пропускайте.

Всталъ съ своего мѣста протопопъ, взялъ лежавшій передъ нимъ на столѣ свернутый епитрахиль, вынулъ изъ него крестъ и евангеліе и положилъ на аналоѣ, стоявшемъ впереди стола, за которымъ сидѣли духовныя лица. Протопопъ надѣлъ епитрахиль. Оба холопа, поднявши два пальца правой руки вверхъ, проговорили вслѣдъ за священникомъ слова присяги, потомъ поцѣловали крестъ и евангеліе. Протопопъ завернулъ священныя вещи въ епитрахиль и сѣлъ на свое мѣсто.

Дьякъ, обратясь къ холопамъ, сказалъ: „Кто изъ васъ двоихъ Василій, кто сталъ мужемъ Анны Кусовны, показывающей себя женою козака Молявки“?

— Я, отвѣчалъ Васька.

— Я, говорилъ дьякъ, стану тебя спрашивать не того ради, чтобъ увѣдать отъ тебя про такое, чего я не знаю. Буду я тебя спрашивать про то, что я уже безъ тебя знаю, а спрашивать объ этомъ стану я только для того, чтобъ знать: правду или неправду будешь ты говорить. И коли ты станешь плутать и лгать, то я тотчасъ прикажу тебя вести въ застѣнокъ и позвать заплечнаго мастера, и велю ему тебя сперва батогами, а тамъ, смотря по твоему запирательству, и кнутьемъ покропить. Еслижъ правду будешь говорить, то ничего не бойся. Ты человѣкъ подневольный и что бы господинъ твой тебѣ ни приказалъ, ты долженъ былъ то чинить, и хоть бы ты что неправое учинилъ по государя своего приказу, въ отвѣтѣ за то будешь не ты, а государь твой. Отвѣчай сущую правду.

— А ты, Ермолай, прибавилъ онъ, обратившись къ подъячему, сидѣвшему за столикомъ у окна, будешь записывать ихъ рѣчи.

— Спрашиваю, сказалъ онъ, возвышая голосъ. Коли ты выходилъ сюда, призывалъ тебя государь твой и велѣлъ тебѣ говорить въ приказѣ, что онъ, твой государь, тебѣ брать за жену Анну Кусовну не неволилъ, а будто ты Васька, съ нею Анною вмѣстѣ приходили къ твоему господину и просили позволить вамъ между собой повѣнчаться. Такъ было? Говори; это тебѣ первый вопросъ.

Васька, ошеломленный, глянулъ на Макарку, какъ будто хотѣлъ ему глазами сдѣлать вопросъ: кто жъ это ему перенесъ? ты развѣ? кромѣ тебя и меня этихъ словъ никто не слыхалъ. Но тутъ же сообразилъ, что Макарка вмѣстѣ съ нимъ въ одно время вышелъ со двора. Въ совершенномъ недоумѣніи онъ выпучилъ глаза на дьяка.

Библиотека "Руниверс"

Калитинъ глядѣлъ на него съ насмѣшливымъ выраженіемъ, не дождавшись скораго отвѣта, повторилъ свой вопросъ и прибавилъ:

— Самъ видишь, уже я все знаю, что у васъ дѣлалось и говорилось, хоть и не былъ у васъ. Значитъ лгать и выдумывать безполезно. Говори истину. Такъ было?

— Да, такъ было, произнесъ Васька.

— Хорошо, что правду сказалъ, говорилъ Калитинъ. — Теперь стану я тебѣ говорить, что ты прежде дѣлалъ и что съ тобою дѣлалось. А ты, смекаючи, что я уже все знаю, только говори, что именно такъ было, какъ я тебѣ сказалъ.

И онъ началъ спрашивать, соображаясь съ показаніемъ Ганны, котораго смыслъ былъ означенъ въ отпискѣ изъ малороссійскаго приказа, припомнилъ какъ въ Черниговѣ они, Васька съ Макаркою, ухватили Ганну въ тайникѣ и притащили къ своему государю на воеводскій дворъ.

— Такъ ли было? Говори сущую правду? спросилъ онъ.

— Такъ было, отвѣчалъ Васька.

— Еще хвалю за то, что говоришь правду, сказалъ дьякъ.—Ты человѣкъ подневольный, и въ томъ, что ты чинилъ по приказу господина, вины никакой нѣтъ. И св. Писаніе говоритъ: нѣсть рабъ болѣй господина своего. Пиши, Ермолай, его рѣчи. Слыхалъ, что онъ учинилъ по господскому приказу? Пиши!

— Слыхалъ, отвѣчалъ Ермолай и принялся писать.

Давши время Ермолаю записать, Калитинъ продолжалъ:

— Государь твой велѣлъ тебѣ вмѣстѣ съ Макаркою и со стрѣльцами двумя везти Анну въ свою подмосковную вотчину на Пахрѣ, и тамъ священникъ, творя волю господина вашего, тебя съ Анною повѣнчалъ сильно, хоть Анна и кричала, что не хочетъ и что она уже съ другимъ повѣнчана. А священникъ на то не смотрѣлъ. И ты, по указу своего государя, Аннѣ въ тѣ поры грозилъ жестокимъ боемъ и муками, чтобъ не кричала. Такъ было?

— Такъ было, отвѣчалъ Васька.

Калитинъ продолжалъ:

— Когда же государя вашего взяли съ воеводства изъ Чернигова, и онъ, государь вашъ, пріѣхавши на Москву, приказалъ тебѣ Васькѣ съ Макаркою ту Анну привезти къ нему во дворъ на Арбатѣ, и вы то учинили по господскому приказанію. Такъ ли было?

— Такъ, произнесъ Васька.

— Пиши, Ермолай, сказалъ Калитинъ и потомъ продолжалъ свой допросъ.—И какъ вы пріѣхали на Москву, вашъ господинъ приказалъ тебѣ, Васькѣ, глядѣть за своею женою Анною и приводить къ нему, господину твоему на постель для блуднаго дѣла въ тѣ поры, какъ онъ тебѣ то прикажетъ. И ты одинъ разъ къ нему приводилъ ее. Такъ было, говори?

Васька остановился, замялся, понялъ онъ, что настаетъ рѣши-

Библиотека "Руниверс"

тельная минута, приходится сказать на господина такое, чѣмъ ему конечно согрубитъ.

Калитинъ сказалъ:

— Я знаю зачѣмъ ты сталъ. Вотъ этого то именно паче всего не велѣлъ тебѣ твой господинъ объявлять; но самъ видишь, я уже безъ тебя все это знаю, стало быть ни запирательствомъ, ни лганьемъ ты своему государю никакой корысти не учинишь, а только себѣ самому причинишь скорбь не малую. Кнутъ—самъ знаешь—не ангелъ, души не выйметъ, а правду вытянетъ изъ тебя. Лучше скажи всю правду, не подставляючи спины своей подъ кнутъ.

— А моему государю что за то будетъ? спросилъ Васька.

Дьякъ засмѣялся.

— Хочешь много знать, уменъ черезъ-чуръ станешь, сказалъ онъ.—Что будетъ?! Ништо мы твоего государя здѣсь судимъ. Государь твой ужъ былъ судимъ тамъ, гдѣ вѣдомъ былъ, въ малороссійскомъ приказѣ и оправленъ. Въ нашъ патріаршій приказъ отдана женка Анна для духовнаго суда и мы тебя допрашиваемъ за тѣмъ чтобъ знать,—чья она жена: твоя ли, или другого, и кому ее слѣдуетъ отдать: тебѣ ли, али тому козаку Молявкѣ, и виновата ли она въ томъ, что отъ живого мужа ее съ другимъ повѣнчали? Вотъ о чемъ тутъ дѣло у святѣйшаго патріарха, а до твоего государя дѣла намъ нѣтъ никотораго.

— Такъ было, какъ изволишь говорить, произнесъ Васька.

— То-есть, продолжалъ Калитинъ: — господинъ твой за тѣмъ тебя женилъ, чтобъ ты ему свою жену приводилъ на постелю? Такъ ли?

— Такъ, сказалъ Васька.

— Запиши Ермолай! сказалъ Калитинъ, и обратившись снова къ допрашиваемымъ, говорилъ:

— Далѣе васъ спрашивать нечего. На другой день когда ты Васька проводилъ Анну къ своему господину, она убѣгла со двора и вы уже ее болѣе не видали. Съ тебя, Васька, распросъ конченъ. Хорошо, что ни въ чемъ не запирался, не отлыгался. Съ тебя, Макарка, распросъ не долгій будетъ. Ты, вмѣстѣ съ Ваською схватилъ насильно Анну въ тайникѣ, вмѣстѣ съ Ваською возилъ ее изъ Чернигова въ Пахринскую вотчину, и при вѣнчаньи былъ, и потомъ, по государскому приказу, вмѣстѣ съ Ваською привезъ ее въ Москву.

— Такъ было, сказалъ Макарка.

— И государь при тебѣ велѣлъ Васькѣ приводить ее къ нему на постелю для блуднаго дѣла? спрашивалъ дьякъ.

— Я того не знаю, сказалъ Макарка, — мнѣ такого приказа не бывало.

— Не тебѣ, а Васькѣ былъ такой приказъ, только при тебѣ данъ. Ты вмѣстѣ съ Ваською то слышалъ. И въ томъ тебѣ вины никакой нѣтъ. Не запирайся, а то, что тебѣ не за себя, а за другого муку терпѣть, коли онъ, этотъ другой, уже самъ повинился во всемъ?

Библиотека "Руниверс"

— Помилуйте! произнесъ испуганный Макарка. — Васька правду сказалъ про себя, и я говорю то же, что Васька.

— Запиши Ермолай, сказалъ дьякъ, и снова обратившись къ Васькѣ, произнесъ:

— Въ концы всего ты объяви: желаешь ли ты оставлять Анну у себя женою, или согласенъ, чтобъ ее отправили къ ее первому мужу?

— Не желаю, произнесъ рѣшительно Васька; — насильно меня государь мой женилъ, а не по своему хотѣнью я на ней женился. Не надобна она мнѣ: пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— Пиши, Ермолай! сказалъ дьякъ.—Вотъ это и все, что намъ нужно было!

Васька упалъ къ ногамъ дьяка. За нимъ тоже сдѣлалъ и Макарка.

— Батюшки, кормильцы! говорилъ съ плачемъ Васька, вòзрите милосердымъ окомъ на насъ бѣдныхъ рабовъ, людей подневольныхъ. Наговорили мы на государя своего, хоть и правду сущую говорили, только мы останемся въ его волѣ, и онъ насъ задеретъ теперь. Укройте, защитите насъ, голубчики, отцы родные!

— Что ты боишься своего государя, то чинишь ты хорошо, сказалъ дьякъ,—рабъ долженъ бояться своего господина и слушать его во всемъ. Только надъ твоимъ государемъ есть еще повыше государь. Знаешь ты это?

— Вѣстимо такъ! сказалъ Васька.—Я знаю, что надъ всѣми господами нашими государями есть одинъ выше всѣхъ господинъ, батюшка царь великій государь, и властенъ онъ надъ нашими государями также, какъ властны они, государи наши, надъ нами бѣдными сиротами. Только самъ изволишь вѣдать твоя милость, люди говорятъ: до Бога высоко, а до царя далеко, а государь нашъ къ намъ ближе всего. Къ царю батюшкѣ нашему холопьему рылу приступить не можно, о томъ и думать намъ непристойно, а свой государь, какъ захочетъ, такъ съ насъ шкуру сниметъ. Нельзя ли, батюшки-кормильцы, уговорить нашего государя, чтобъ насъ не мучилъ, а до того часа какъ изволите ему о томъ сказать, не отпускайте насъ къ нему, а подержите гдѣ нибудь индѣ.

— А вотъ что! сказалъ дьякъ.—Добре! Можно! Вы останетесь для розыска при нашемъ приказѣ, пока мы переговоримъ съ вашимъ государемъ. Тѣмъ временемъ поживите у насъ на дворахъ, поработайте, а мы вамъ за то кормъ давать будемъ. Левòнтій Савичъ! сказалъ онъ, обратясь къ Скворцову:—ты возьми къ себѣ въ дворъ Ваську, а я возьму Макарку. У меня теперь во дворѣ Анна, такъ видѣться ей съ Васькой не пригоже.

Такъ порѣшили дьяки и разобрали себѣ холопей. Архимандритъ, слушая весь допросъ, при окончаніи его произнесъ только: „изрядно, хорошо! Боже благослови!“

Прошло послѣ того недѣли двѣ. Калитинъ умышленно тянулъ время, находя необходимымъ порядочно протомить Чоглокова стра-

Библиотека "Руниверс"

хомъ неизвѣстности. И онъ не ошибся въ расчетѣ. Чоглоковъ, не увидѣвши возвратившихся изъ приказа своихъ холопей, сталъ безпокоиться и безпокойство его возрастало съ каждымъ проходившимъ днемъ. Сердце его чуяло, что задержка его холопей—не даромъ, что надъ нимъ самимъ собирается какая то новая туча; какъ всѣ, подобные ему люди, онъ былъ трусливаго десятка человѣкъ, а ожиданіе чего то дурного, но неизвѣстнаго, тревожило его больше самаго удара. Наконецъ, явился къ нему недѣльщикъ и потребовалъ въ патріаршій приказъ.

Были въ приказѣ всѣ въ сборѣ и духовные сановники, и дьяки, и подъячіе—всѣ на своихъ мѣстахъ. Ермолай съ чернильницей и бумагами сидѣлъ у окна при своемъ столикѣ.

Ввели Чоглокова.

Не успѣлъ Чоглоковъ отвѣсить обычные поклоны, какъ Калитинъ встаетъ съ своего мѣста, подходитъ подъ благословеніе къ архимандриту, потомъ подступаетъ къ Чоглокову и, двигая пальцами правой руки, говоритъ ему:

— Тимоѳей Васильевъ Чоглоковъ! Какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не совѣстно такія дѣла творить! Бога ты, вѣрно, не боишься, людей добрыхъ не стыдишься! Васъ царскихъ служилыхъ господъ дворянъ посылаетъ великій государь за правдой наблюдать, чтобъ нигдѣ сильные слабымъ, а богатые бѣднымъ обидъ не чинили, вамъ царскимъ именемъ надлежитъ сиротъ оборонять, а ты, грѣховодникъ, пустился на такія беззаконія, что и говорить срамъ! Да еще гдѣ! У чужихъ людей, въ малороссійскихъ городѣхъ! Какъ послѣ этого черкасскіе люди могутъ быть царскому величеству вѣрны и московской державѣ крѣпки, когда къ нимъ будутъ посылаться начальными людьми такіе озорники, безчинники, блудники, насильники, какъ твоя милость! Скажутъ черкасскіе люди: мы ради обороны единыя восточныя каѳолическія вѣры отдались сами доброю своею волею подъ державу великаго государя, а къ намъ присылаютъ изъ Москвы такихъ, что съ нами горѣе ляха и бусурмана поступаютъ. Ты, видно, о Богѣ не помышляешь и суда его страшнаго не страшишься и царскаго гнѣва надъ собой не чаешь, на свои, знать, достатки уповаешь, что нажилъ неправеднымъ спосо-собомъ. Знай же: сыщется на тебя управа; отольются волку овечьи слезки!

Чоглоковъ никакъ не ожидалъ такой встрѣчи, и нѣсколько минутъ не могъ поворотить языка чтобъ отвѣтить; онъ только въ смущеніи бросалъ по сторонамъ тревожные взгляды, какъ будто высматривая за чтобы ему ухватиться, укрываясь отъ такого неожиданнаго наступленія. Калитинъ, остановившись на мигъ, сталъ снова вычитывать ему упреки въ томъ же тонѣ, примѣшивая къ нимъ угрозы. Наконецъ, Чоглоковъ, собравшись съ духомъ, рѣшился заступиться за свою оскорбленную честь и произнесъ:

Библиотека "Руниверс"

— Господинъ честный дьякъ Иванъ Родіоновичъ! Я не подвѣдомъ твоей милости и не знаю, съ чего ты это вздумалъ позвать меня сюда и задавать мнѣ безчестныя рѣчи? Вмѣсто разговора съ тобою, я подамъ великому государю на тебя челобитную въ безчестьи.

— Ты подашь на меня челобитную! воскликнулъ дьякъ, потомъ обратившись къ духовнымъ сановникамъ, говорилъ:

— Извольте прислушать, отцы честнѣйшіе! И ты, Левонтій Савичъ, тоже. Онъ еще хочетъ подавать на насъ челобитье въ безчестьи! Молодъ ты разумомъ, хоть лѣтами, кажись, и подошелъ. Не понимаешь развѣ того, что коли тебя позвали въ патріаршій приказъ, такъ съ тобой говоритъ тамъ не дьякъ, а самъ святѣйшій патріархъ черезъ своего дьяка!

— Такъ вотъ я и докладываю святѣйшему патріарху, сказалъ Чоглоковъ, прежде надобно сказать, за что я сталъ достоинъ чтобъ меня лаять, а не лаять ни за что ни про что!

— А, воскликнулъ съ злымъ смѣхомъ Калитинъ: ты прикидываешься тихоней. Постой же, коли такъ: покажу я тебѣ сейчасъ за что ты достоинъ, чтобъ тебя лаять.

Онъ пошелъ къ двери, отворилъ ее, и, давши кому-то знакъ рукою, отступилъ, а въ дверь вошла Ганна.

— Что это за женка? Знаешь ты ее? спрашивалъ Калитинъ Чоглокова.

— Я ее знаю, отвѣчалъ Чоглоковъ. Это жена моего холопа Васьки.

— Насильно въ попраніе всякаго закона Божескаго и человѣческаго стала она женою его по твоему разбойничьему умыслу. Она — жена черниговскаго казака Молявки. Ты это зналъ, ты былъ на ея вѣнчаньи и приглянулась женская красота ея твоему скотскому плотоугодію, и учинилъ ты силою надъ нею срамное дѣло, потомъ приказалъ повѣнчать ее, мужнюю жену, съ своимъ холопомъ, затѣмъ чтобы къ себѣ на постелю водить. Вотъ кто такая эта женка. Срамникъ ты негодный, человѣкъ имени христіанскаго недостойный!

— Это неправда! сказалъ Чоглоковъ. — Эта женка сама своею охотою пошла замужъ за моего человѣка. А въ Москву я выписалъ ее съ мужемъ совсѣмъ не для какого-то срамного дѣла, а для услуги себѣ! Вы же звали того холопа, что съ ней вѣнчанъ. Спросите его при мнѣ.

— Холопъ какъ холопъ!—сказалъ Калитинъ:—холопъ и при государѣ своемъ холопъ, и безъ него холопъ! Отвѣчаешь ли во всемъ за своего холопа?

— Отвѣчаю, сказалъ Чоглоковъ, что онъ, вмѣстѣ съ этой вотъ женкой приходили ко мнѣ и просили дозволенія повѣнчаться!

— Николи сего не булò! произнесла Ганна.

Калитинъ продолжалъ:—А отвѣтчикъ ли ты за своего холопа во

Библиотека "Руниверс"

всемъ другомъ? И въ томъ чего самъ не знаешь — отвѣтчикъ ты за своего холопа? Если по розыску и по суду уличится въ чемъ твой холопъ виноватымъ, отвѣтчикъ ли ты за своего холопа?

— Нѣтъ, сказалъ Чоглоковъ: пусть за себя самъ отвѣчаетъ, коли въ чемъ виненъ.

— И ты въ томъ не отвѣтчикъ за своего холопа?

— Не отвѣтчикъ, сказалъ Чоглоковъ.

— Пиши, Ермолай, сказалъ дьякъ подъячему, потомъ снова обратился къ Чоглокову:—Ну, такъ видишь ли: холопъ твой Васька показалъ то же, что эта женка; никогда они вдвоемъ не просили тебя, а велѣлъ ты своимъ людямъ насильно схватить ее и повѣнчать за тѣмъ, чтобъ женку пускали къ тебѣ для блуднаго дѣла.

— Если холопъ мой такое говоритъ—онъ лжетъ! Холопу вѣрить не мочно, когда онъ такую безлѣпицу на своего государя сказываетъ, произнесъ вспыхнувши Чоглоковъ.

— Потише, не брыкайся! сказалъ ему Калитинъ, мочно ему вѣрить! У насъ судъ духовный, а не мірской: здѣсь и холопа свидѣтельство пріемлется, потому что и холопъ такой же сынъ церкви. Да впрочемъ, и въ мірскомъ дѣлѣ вѣрить холопу мочно, коли ты уже объявилъ, что за своего холопа не отвѣтчикъ. Левонтій Савичъ! Прочти ему 54 статью Уложенія о холопьемъ судѣ.

Скворцовъ прочиталъ: „Будетъ отвѣтчикъ скажетъ, что холопъ самъ за себя отвѣчаетъ, и противъ истцовой и исковой челобитной велѣти холопу отвѣчати и съ суда правъ ли, или виноватъ будетъ, вѣрити холопу, что ни станетъ въ судѣ говорити“.

— Это сюда не идетъ! воскликнулъ Чоглоковъ. Это говорится о холопьемъ судѣ, вотъ еслибъ судъ происходилъ въ холопьемъ приказѣ...

— Ти, ти, ти! Законникъ какой выискался! прервалъ его Калитинъ. Да здѣсь, говорятъ тебѣ, духовный судъ, гдѣ рѣчи холопьи и безъ того пріемлются.

— Такъ и судите себѣ свои духовныя дѣла! сказалъ раздраженнымъ голосомъ Чоглоковъ. Съ чего же это вы меня-то сюда притащили, да стали въ уголовщинѣ обвинять? Изнасилованіе—дѣло уголовное, а не духовное.

— Врешь, сказалъ Калитинъ, изнасилованіе—блудное дѣло, а блудъ всякій карается духовною карою.

— Про блудное сожитіе довести надобно, сказалъ Чоглоковъ, а вы на меня не доведете.

— Уже доведено, сказалъ дьякъ.

— Нѣтъ, не доведено! смѣлымъ тономъ говорилъ Чоглоковъ: и довести невозможно, и не ваше то дѣло есть. По доносу этой самой черниговской женки и по другимъ такимъ же лживымъ доносамъ отъ черниговскихъ жителей разыскивалось уже обо мнѣ въ томъ приказѣ, къ которому я по службѣ своей тянулъ. И дѣло было порѣшено, и

Библиотека "Руниверс"

я оправленъ. Духовнаго дѣла за мной никотораго нѣтъ. То дѣло, что что у васъ ведется объ этой женкѣ, что она объявляется съ двумя мужьями повѣнчана—то дѣло до меня отнюдь не належитъ. Съ чего вы это на меня насѣли! Вотъ ужъ подлинно, какъ говорится: съ больной головы да на здоровую!

— А ты знаешь, сказалъ архимандритъ, святѣйшій патріархъ есть вѣрный и неусыпный печальникъ передъ царемъ о всѣхъ утѣсненныхъ и обидимыхъ, вотъ такихъ, какъ сія женка! Тебя, говоришь, оправили въ приказѣ, но во всѣхъ приказахъ сидятъ люди, не ангели, а подобострастніи человѣцы. Они, по человѣческому недомыслію, ошибиться могутъ и неправое признать правымъ. Надъ всѣми приказами одинъ глава есть царь. А къ царю наверхъ святѣйшему патріарху входъ всегда чистъ и открытъ.

— И царю великому государю и святѣйшему патріарху говорю я одно: не виноватъ я, все на меня затѣяно! говорилъ Чоглоковъ.

Дьякъ Калитинъ, указывая на Ганну, говорилъ Чоглокову:

— Вотъ эта самая женка можетъ говорить съ великимъ государемъ и сама своими усты разскажетъ ему про все. Ты скажешь: куда ей до царя батюшки—далеко и высоко! Оно точно; какъ-таки можно, кажись, чтобъ такой простой бабенкѣ да до великаго государя царя всея Россіи доступить! Ну, а вотъ же святѣйшій патріархъ такъ силенъ, что можетъ дать ей доступъ туда, куда бы ей и во снѣ не приснилось добраться. Съ нею то будетъ! Объявляю тебѣ о семъ именемъ великаго государя святѣйшаго патріарха: если добровольно не принесешь повинной, какъ передъ самимъ Богомъ, и не подашь челобитной, въ ней же подабаетъ тебѣ выписать свои вины и съ сокрушеніемъ сердца просить прощенія, а станешь твердить, что ты оправленъ, и каяться тебѣ не въ чемъ, за такую гордыню постигнетъ тебя великая досада и кручина. Изволитъ святѣйшій патріархъ войти о семъ дѣлѣ къ великому государю печальникомъ за эту бѣдную женку, а тамъ, если царю угодно станетъ—и эту женку введутъ на верхъ и она разскажетъ все великому государю. Смотри, чтобъ тебѣ послѣ очень худо не было. Говоримъ себѣ во истину. Съ святѣйшимъ патріархомъ не дерзай тягаться. Обдумай, потомъ приходи къ намъ и подай челобитную. Быть можетъ, великій государь святѣйшій патріархъ смилуется надъ тобою, видя твое сердечное раскаяніе, и назначитъ тебѣ духовное покаяніе, да тѣмъ и кончится, и онъ тогда не изволитъ уже печаловаться объ этой женкѣ. Вотъ тебѣ сроку отъ святѣйшаго патріарха одна недѣля. Чтобъ въ это время ты порѣшилъ все.

Чоглоковъ не могъ уже болѣе ничего говорить. Онъ увидалъ себя вдругъ въ такомъ особенномъ положеніи, въ какомъ никогда и не воображалъ, чтобъ могъ очутиться. Блѣденъ, какъ мертвецъ, стоялъ онъ, словно выслушалъ смертный приговоръ.

Калитинъ обратился къ Ганнѣ и говорилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Бѣдная женка чужеземка! Сирота безпомощная! Не унывай душею. Есть еще верховное правосудіе у царя у батюшки-свѣта! Что Богъ на небѣ, то царь на землѣ. Божій онъ помазанникъ, Божій намѣстникъ! Всякая земная гордыня и неправда смирится предъ нимъ.

Ганна не уразумѣла всего смысла рѣчи Калитина, но чувствительный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, произвелъ на нее такое впечатлѣніе, что она зарыдала.

Чоглоковъ поклонился до земли и вышелъ въ ужасномъ смущеніи.

Калитинъ велѣлъ Ганнѣ идти во дворъ.

Когда всѣ разошлись изъ приказа, Калитинъ остался со Скворцовымъ и Скворцовъ сказалъ:

— Я узналъ навѣрное: Ларіонъ Ивановъ таки оттянулъ у этого живодера половину его вотчины на Пахрѣ по купчей данной.

— И я объ этомъ уже знаю, отвѣчалъ Калитинъ. Осталась другая половина, да еще дворъ въ Москвѣ. Мы подѣлимся съ тобою, какъ попъ дѣлится съ причтомъ. Мнѣ двѣ трети, тебѣ треть. А живодеръ останется нищъ и убогъ. По дѣламъ своимъ заслугу пріиметъ.

Несчастный Тимоѳей Васильевичъ чувствовалъ себя въ крайнемъ, безвыходномъ положеніи. Прежде хоть онъ потерялъ половину Пахровской вотчины, такъ все таки у него оставалась другая половина. Теперь онъ былъ увѣренъ, что если, Боже сохрани, патріархъ станетъ печаловать предъ царемъ о черниговской женкѣ, то произведутъ по царскому особому повелѣнію такой розыскъ надъ нимъ, что десять пахровскихъ вотчинъ его не вывезутъ изъ погибели. „И зачѣмъ я, дуракъ, отдалъ половину своей вотчины Ларіону Иванову?“ сталъ думать онъ. Но вслѣдъ затѣмъ разсудилъ такъ: „нѣтъ, все равно, не отдалъ бы, такъ въ малороссійскомъ приказѣ меня бы все равно утопили! Однако, онъ, Ларіонъ Ивановъ, взялъ съ меня половину вотчину за то, чтобы отъ бѣды меня охранить. А бѣда все таки настигаетъ меня. Пойду къ нему за совѣтомъ. Ужъ коли обобралъ меня, такъ пусть совѣтъ дастъ какъ послѣдней бѣды избыть.“

Онъ пошелъ въ малороссійскій приказъ къ Ларіону Иванову.

Въ первый разъ не приняли его. Подъячій объявилъ ему, что думный дьякъ занятъ важными дѣлами и не можетъ тратить время на разговоры съ такими, которыхъ онъ не звалъ къ себѣ по дѣламъ. Чоглоковъ пришелъ на другой день. Ему сообщили то же, что и вчера, но послѣ того, какъ онъ далъ подъячему нѣкій поминокъ, былъ допущенъ къ думному дьяку и притомъ очутился съ нимъ на единѣ.

— Что нужно? спрашивалъ сухо думный дьякъ и пристально всматриваяся въ посѣтителя, какъ будто не видалъ его никогда.

— Батюшка, отецъ родной! возопилъ Чоглоковъ, за совѣтомъ

Библиотека "Руниверс"

благимъ къ тебѣ я пришелъ. Спаси, какъ знаешь. Я тебѣ вѣдь половину своей родовой вотчины отдалъ за то, чтобъ изъ бѣды спастись. А вотъ на меня опять бѣда наваливается.

— Ты, кажется, Чоглоковъ, говорилъ прежнимъ сухимъ тономъ думный дьякъ; я у тебя вотчину купилъ на Пахрѣ, и заплатилъ тебѣ чистыми деньгами и ты мнѣ купчую данную выдалъ. Что жъ? Развѣ что по вотчинѣ этой?

— Ты, батюшка, кормилецъ, хорошо знаешь, какъ и чѣмъ заплатилъ ты мнѣ за ту вотчину, отвѣчалъ Чоглоковъ. Спасти меня взялся отъ бѣды, по доносу, что былъ на меня. За то и вотчину у меня взялъ.

— Не помню, не слыхалъ, ничего не знаю! говорилъ Ларіонъ Ивановъ. За такія дѣла никогда ни съ кого не бериваль. Въ купчей данной значится, что я тебѣ чистыми деньгами заплатилъ.

— Да точно, сказалъ Чоглоковъ, смекнувши въ чемъ дѣло и по опыту знавшій, что не слѣдуетъ называть взятокъ ихъ настоящимъ именемъ, а надобно притворяться, что то была покупка, а не взятка. Самъ, будучи воеводою, такъ же дѣлывалъ.

— Да, да, продолжалъ онъ: продана твоей милости за чистыя денежки, только ты, отецъ кормилецъ, въ тѣ поры утѣшалъ меня тѣмъ, что по дѣлу объ этой черниговской женкѣ Аннѣ мнѣ уже ничего не будетъ, остается-де одно духовное дѣло о ея бракѣ, такъ одно дѣло то пойдетъ въ патріаршій приказъ, а мое здѣсь уже покончилось. Я такъ и думалъ; анъ же вонъ не то выходитъ.

И онъ разсказалъ ему о всемъ, что было съ нимъ въ патріаршемъ приказѣ.

— Того ждать можно было, сказалъ думный дьякъ. Имъ тоже ѣсть хочется, какъ и намъ съ тобою. Отъ меня же чего ты хочешь?

— Совѣта, отеческаго совѣта, благодѣтель мой, говорилъ Чоглоковъ. Какъ тутъ мнѣ поступить, куда повернуться? Надѣючись на слово твоей милости, я думалъ что уже все покончилось и меня больше тягать не будутъ!

— Оно, точно, здѣсь и кончилось, сказалъ дьякъ. За скудостію доводовъ въ доносахъ на тебя, не велѣно нять вѣры тѣмъ доносамъ, а чтобъ женку ту не отсылать къ духовному суду, того не говорилось и тебѣ не обѣщалось. Женка разомъ за двумя мужьями: не намъ было то розыскивать, а святѣйшему патріарху. А мы святѣйшему патріарху не указъ. Того, какъ тебѣ говорили, что патріархъ обѣщаетъ о той женкѣ входить на верхъ къ государю, я не зналъ и заранѣе думать о томъ не могъ. Его, святѣйшаго, воля. А правда: патріархъ властенъ во всякое время доступить къ царю и печаловать предъ нимъ о всѣхъ угнетенныхъ и обидимыхъ.

— Что же, какой совѣтъ мнѣ подашь, отецъ-милостивецъ? сказалъ Чоглоковъ.

— Сойтись какъ нибудь съ дьякомъ Калитинымъ, хотя бы при-

Библиотека "Руниверс"

шлось тебѣ ударить челомъ другою половиною твоей вотчины, сказалъ засмѣявшись Ларіонъ Ивановъ.

— А мнѣ-то послѣ того по̀-міру за милостынею ходить? болѣзненно спросилъ Чоглоковъ.

— Въ Москвѣ скорѣе подадутъ милостыню, чѣмъ гдѣ нибудь въ Сибири, сказалъ дьякъ. Если святѣйшій патріархъ станетъ противъ тебя передъ самимъ царемъ, то гляди чтобъ тебѣ спины не накропили, да потомъ въ Сибирь въ заточеніе не послали. Да еще, почитай такъ, что ни въ стрѣльцы, ни въ козаки, ни въ пахотные не поверстаютъ, а въ тюрьму вкинуть велятъ! Какъ подумаешь о томъ, что можетъ статься съ тобою, такъ и выйдетъ, не весело по Москвѣ ходить, милостыни выпрашивать, а еще скучнѣе въ Сибири гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ за̀-живо гнить. На Москвѣ, можетъ быть, Богъ пошлетъ тебѣ какого нибудь добраго боярина и тотъ возьметъ тебя къ себѣ, а тамъ—потихоньку, помаленьку и опять въ люди выйдешь. Не будутъ знать, что̀ довело тебя до нищеты, а вѣдь говоримъ же—бѣдность не порокъ. Я думаю, одинъ способъ тебѣ сойтись съ Калитинымъ, хоть бы, говорю, и половиною вотчины ему поступиться.

Чоглоковъ разразился воплями.

— О, какая жъ ты баба! насмѣшливо сказалъ думный дьякъ.

— Отецъ родной, кормилецъ! говоритъ Чоглоковъ, устыдившись своего малодушія и стараясь крѣпиться, поставь себя на моемъ мѣстѣ, ну какъ бы у тебя все разомъ отнимали?

— Не зарекаюсь, сказалъ думный дьякъ, можетъ быть со мною когда нибудь что и хуже станется. Мало ли случаевъ бывало; вотъ человѣкъ въ почести и въ богатствѣ, а тутъ распалится на него царь—и все прахомъ пошло. А и такъ бываетъ, вонъ при блаженной памяти царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Божіимъ попущеніемъ поднялась въ Москвѣ междоусобная брань противъ боярина Морозова и Траханіотова; какіе были богачи и силачи въ землѣ нашей, а все пошло по вѣтру! Мудрѣе насъ были отцы и дѣды наши, и вымыслили такую пословицу: отъ сумы да отъ тюрьмы никто на Руси не зарекайся. И теперь тоже умныя головы твердятъ. И я не зарекаюсь, не знаю что̀ со мною впередъ станется и гдѣ Господь и какъ велитъ голову положить. И ты тоже. Вспомни какъ ты въ Черниговѣ воеводствовалъ, могъ ли тогда думать, что это воеводство тебѣ такъ солоно отзовется! Теперь терпи! Человѣкъ ты, кажись, книженъ; про Лазаря и богача читывалъ. Хорошо было богачу на этомъ свѣтѣ, да на томъ-то горячо пришлось, а бѣдному Лазарю куда какъ здѣсь худо было, да тамъ стало прохладительно.

— Мое послѣднее добро! печально восклицалъ Чоглоковъ.

— Тѣло дороже одежды, а душа дороже тѣла, сказалъ Ларіонъ Ивановъ. Крѣпись, молись и во грѣхахъ своихъ кайся Богу. Вотчины твоей жаль, да дѣлать нечего, и съ ней придется распрощаться! Вотъ мой совѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Чоглоковъ ушелъ отъ думнаго дьяка въ самомъ отчаянномъ расположеніи духа. И такъ и этакъ передумывалъ Чоглоковъ. И то и другое приходило ему въ голову. Ужъ не оставить ли все на волю Божію? задалъ онъ себѣ вопросъ, но тотчасъ самъ себѣ и отвѣчалъ на него—невозможно! пойдетъ патріархъ печаловаться о бѣдной Ганнѣ, а царь черкасскій народъ любитъ. Для примѣра, на страхъ другимъ, люто казнить велитъ, чтобъ угодить черкасскому народу, и стану я притчею во языцѣхъ изъ рода въ родъ. Меня въ тартарары зашлютъ, а вотчину все таки отберутъ на великаго государя. Куда не повернись—вездѣ жжетъ огнемъ!

Онъ отправился въ патріаршій приказъ и спрашивалъ гдѣ живетъ дьякъ Скворцовъ; съ нимъ хотѣлъ онъ прежде поговорить, а къ самому Калитину обратиться боялся, такого онъ задалъ ему перцу своимъ пріемомъ! Въ приказѣ ему сказали, что Скворцовъ прибылъ въ приказъ, а Калитина еще нѣтъ. Онъ вошелъ къ Скворцову, поклонился до земли, сталъ спрашивать, что ему дѣлать и какъ расположить къ себѣ Калитина, который такъ загрозилъ ему. Нельзя ли какъ нибудь умилостивить его, чтобъ онъ не доносилъ о немъ святѣйшему и не направлялъ патріарха печаловать передъ царемъ за Анну. Къ удивленію Чоглокова, Скворцовъ сразу намекнулъ ему на то, что говорилъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, именно на уступку Калитину остальной половины вотчины Пахровской и тутъ же показалъ, что ему и Калитину извѣстно уже, что другая половина отдана въ малороссійскомъ приказѣ.

— Вѣдь и мы, патріаршіе дьяки, сказалъ Скворцовъ, не хуже царскихъ въ малороссійскомъ приказѣ; чѣмъ тамъ побилъ челомъ, тѣмъ и у насъ побей! А оно точно, все на немъ, на Калитинѣ виситъ; святѣйшій очень его любитъ и во всемъ ему вѣритъ. Какъ дьякъ Калитинъ доложитъ ему, такъ и станетъ!

Оставались еще сутки до рокового срока, даннаго ему Калитинымъ для обдуманія. Весь день ходилъ Чоглоковъ по своему двору и чувствовалъ, что уже послѣдній день ходитъ по немъ честнымъ хозяиномъ владѣльцемъ вотчины, изъ которой привыкъ получать въ московскій дворъ всякіе запасы. Насталъ другой затѣмъ день. Чоглоковъ приказалъ запречь лошадей, сѣлъ въ колымагу и мысленно говорилъ къ своимъ лошадямъ: эхъ вы мои бѣдныя, сердечныя лошадушки! не придется вамъ болѣе меня возить, а мнѣ на васъ ѣздить: придется можетъ быть пѣшкомъ съ мѣшкомъ за милостынею ходить по Москвѣ!

Чоглоковъ въ патріаршемъ приказѣ засталъ дьяка Калитина вмѣстѣ со Скворцовымъ, и подъячій Ермолай сидѣлъ за своимъ столикомъ у окна. Духовныхъ особъ еще не было.

— Надумался? спросилъ сурово Калитинъ.

— Надумался, батюшка, отецъ благодѣтель! сказалъ Чоглоковъ и повалился къ ногамъ дьяка. Батюшка-кормилецъ! Бью тебѣ че-

Библиотека "Руниверс"

ломъ своею послѣднею вотчинишкою на рѣкѣ Пахрѣ! Соизволь принять!

— Что?—гнѣвно сказалъ Калитинъ:—за кого ты меня пріемлешь? Чтобъ я правосудіе продавалъ? Что я! Со Іудою христопродавцемъ въ ровень стану, что ли? А видѣлъ ты, дурачина, что съ тѣмъ Іудою сталось: какъ на западной стѣнѣ въ церкви написанъ адъ кромѣшный, а тамъ тотъ Іуда на колѣнахъ у сатаны сидитъ и мошну въ рукѣ держитъ съ тѣми тридцатью сребренниками, что за Господа нашего отъ беззаконныхъ архіереевъ жидовскихъ взялъ? И мнѣ того же хочешь? Ахъ ты дурачина мужичина неотесанный! Видно какъ самъ управлялъ, воеводствуючи въ Черниговѣ, грабилъ, обдиралъ жителей, такъ по себѣ и о всѣхъ другихъ думаетъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не бралъ и ни съ кого еще неправедно и одной полушки. Что ты меня своею вотчиною манишь? Душу свою развѣ отдамъ за твою проклятую вотчину, подавиться бы тебѣ ею. Не туда, братъ, угодилъ. Въ другихъ приказахъ, можетъ быть, берутъ посулы и поминки, а въ нашемъ патріаршемъ приказѣ о таковомъ беззаконіи и помыслитъ не посмѣютъ. А ты вотъ что: напиши челобитную святѣйшему патріарху Киръ Іоакиму, а въ той челобитной пропиши всѣ свои грѣхи тяжкіе: какъ неправедно въ Черниговѣ людей обиралъ, какъ женокъ и дѣвокъ на блудное дѣло подговаривалъ, и какъ Анну приказалъ схватить и насильно отдалъ за своего холопа замужнюю женщину, все ради своего блуднаго сластолюбія, ничего не утай, ни въ чемъ не солги, все открой передъ святѣйшимъ патріархомъ, какъ передъ самимъ Богомъ на исповѣди и самъ себя въ наказаніе отдай и свою вотчину на Пахрѣ и свой дворъ на Арбатѣ въ Москвѣ, все, что имѣешь, отдай во искупленіе грѣховъ своихъ въ волю святѣйшему патріарху, чтобъ со всѣмъ симъ поступилъ по своему мудрому разсмотрѣнію на благо святѣй, соборной и апостольской церкви. Вотъ коли такъ учинишь—иное дѣло: святѣйшій патріархъ, видя твое нелицемѣрное раскаяніе, укажетъ тебѣ какое нибудь легкое церковное покаяніе и проститъ тебя, не станетъ входить наверхъ къ великому государю съ печалованіемъ о женкѣ Аннѣ, но прикажетъ отослать ее къ первому ея мужу.

— У меня ничего не останется! сказалъ Чоглоковъ. Какъ же мнѣ тогда жить на свѣтѣ? Чѣмъ питаться?

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, сказалъ Калитинъ, — пропитаніе тебѣ дадутъ. Самъ святѣйшій патріархъ, чаю, изволитъ подать тебѣ святую Христову милостыню. Безчестья на тебѣ не будетъ; что ты про себя напишешь въ челобитной, то втайнѣ пребудетъ: все равно, какъ бы ты священнику разсказалъ на духу. Можешь опять поправиться, и еще воеводою будешь, и опять разживешься.

— Нельзя ли ужъ хоть дворъ-то мой на Москвѣ оставить мнѣ? говорилъ Чоглоковъ.

— Ни, ни! заговорилъ рѣшительно Калитинъ. Словомъ Господ-

Библиотека "Руниверс"

нимъ скажу тебѣ: не изыдеши отсюду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ. И дворъ, и все что въ домѣ есть, и всѣхъ холопей своихъ при дворѣ — все, все отдай! Не уподобись Ананіи и Сапфирѣ, что вызвались съ цѣлымъ имуществомъ своимъ апостоламъ Христовымъ, да утаили, не все отдали, а за это святой первоверховный Петръ покаралъ ихъ—оба разомъ такъ тутъ же упали и духъ испустили! И ты того же не покушайся чинить, что они. Вотъ видишь, съ тебя нужно было бы взыскать денегъ съ чѣмъ отправить женку Анну домой въ Черниговъ и на проѣсть ей дать, да ужъ это мы кое-какъ соберемъ съ твоей вотчины сами.

— Берите! Что хотите—все берите! сказалъ Чоглоковъ и разразился рыданіемъ.

Калитинъ приказалъ Ермолаю писать челобитную, которую долженъ былъ подписать Чоглоковъ. Во все время писанія челобитной, Чоглоковъ сидѣлъ въ углу; видно было, что онъ хотѣлъ пересилить себя, но никакъ не могъ и безпрестанно всхлипывалъ. Между тѣмъ пришли духовныя особы и разсѣлись на своихъ мѣстахъ. Когда челобитная была написана, Калитинъ, взявши ее отъ Ермолая, подозвалъ Чоглокова. Въ этой челобитной грѣшникъ сознавался и каялся во всѣхъ своихъ неправдахъ и выражался, что обо всемъ этомъ онъ открываетъ святѣйшему патріарху какъ передъ Богомъ на исповѣди. Чоглоковъ дрожащею рукою подписалъ челобитную.

Тогда Калитинъ запечаталъ челобитную, подошелъ къ архимандриту и протопопу и объяснилъ, что Чоглоковъ подаетъ челобитную святѣйшему и кается во всѣхъ своихъ грѣхахъ, какъ передъ Богомъ на исповѣди, а потому сія челобитная не можетъ быть пришита къ дѣламъ.

— Достойно, хорошо! Боже благослови! произнесъ архимандритъ.

— Вотъ то-то, сказалъ Калитинъ, обратившись къ Чоглокову: васъ всѣхъ воеводъ слѣдовало бы учить такъ, какъ мы тебя научили. Да на счастье твое ты одинъ къ намъ попался. А то въ другихъ приказахъ ваша братія изъ воды суха выходитъ. Ну, а вотъ какъ къ намъ кто изъ васъ по церковному дѣлу попадетъ, такъ мы раскопаемъ всю вашу яму, гдѣ скрыты ваши скверны!

Калитинъ послѣ того отправился съ докладомъ къ патріарху, подалъ ему челобитную отъ Чоглокова и съ своей стороны просилъ быть къ нему милостивымъ, снисходя къ искренности его раскаянія. Такое явленіе было не частое. Іоакимъ, прочитавши челобитную, сказалъ:

— Это сынъ необычный! Аще онъ подалъ намъ такову челобитную въ коей аки бы на исповѣди вся своя тайная повѣдаетъ, то и мы принимаемъ его челобитную яко исповѣдь и не станемъ просить царя великаго государя, чтобы вновь о немъ розыскивать и карать царскимъ судомъ, хотя бы то и слѣдовало по его гнуснымъ дѣяніямъ. Церковную епитимію указываемъ ему такову: два лѣта не прича-

Библиотека "Руниверс"

щаться св. таинъ и ходить ежедневно въ церковь, но первое лѣто не входить въ трапезу съ вѣрными, а стоять въ притворѣ и воздыхать къ Богу, и о прощеніи своихъ грѣховъ молить; по окончаніи же единаго лѣта можетъ входить и стоять въ трапезѣ со всѣми вѣрными, по миновеніи же паки другого лѣта — дозволяется ему причащаться святыхъ страшныхъ безсмертныхъ животворящихъ Христовыхъ таинъ. Сіе ему въ приговоръ вписать, но грѣховъ тѣхъ, въ коихъ онъ кается въ своей челобитной, въ приговорѣ не вписывать, понеже онъ искренно и нелицемѣрно покаялся, какъ и дѣла его показали довольно. Вотчину же, что онъ отдалъ во искупленіе грѣховъ своихъ въ святую соборную и апостольскую церковь, мы указываетъ вписать въ число нашихъ патріаршихъ вотчинъ, опредѣленныхъ для раздачи нашимъ служилымъ людямъ, а въ числѣ нашихъ домовыхъ не вписывать, оттого что намъ духовнымъ запрещено уже давно пріобрѣтать себѣ новыя вотчины, раздавать же служилымъ людямъ за ихъ заслуги можно.

Патріархъ взглянулъ въ глаза Калитину, какъ будто съ желаніемъ произнести, не отдать ли ее тебѣ? Но Калитинъ стоялъ со смиреннымъ видомъ, потупя глаза въ землю и какъ будто ничего для себя не желая и вовсе о себѣ не думая. Патріарху, всегда къ нему благоволившему, онъ особенно понравился въ эту минуту.

— Мы тебя, Калитинъ, давно не жаловали, сказалъ патріархъ, погодивши съ минуту и продолжая опять глядѣть ему въ лицо.

— Доволенъ зѣло милостями твоими, всечестный господине святѣйшій владыко! сказалъ кланяясь въ поясъ Калитинъ. По моимъ малымъ заслужишкамъ и по моему невеликому умишку, твоя святыня безмѣрнѣ былъ всегда милосердъ и ко мнѣ и къ семьѣ моей и нынѣ какъ и всегда я уповаю на твое благоутробіе, какъ тебѣ Господь Богъ извѣститъ и на сердце твое владычнее положитъ. Но дерзалъ бы я просить твое святѣйшество не о себѣ, а о товарищѣ моемъ дьякѣ Скворцовѣ. Его бы нѣкоторою, хотя невеликою, благостынею отъ твоего благоутробія, великій господине нашъ, святѣйшій владыко, утѣшить.

— Доброе сердце у тебя, Иванъ, сказалъ патріархъ, что ты не о себѣ, а о своемъ товарищѣ просишь. Хорошо. Мы жалуемъ тебя, Ивана Калитина, въ помѣстье тою вотчиною, что подарилъ намъ въ святую церковь сей Чоглоковъ, а Левонтію Скворцову будетъ тотъ дворъ его на Москвѣ, что онъ даритъ намъ же разомъ съ вотчиною.

Калитинъ упалъ къ ногамъ патріарха, потомъ, приподнявшись и стоя на колѣняхъ, поцѣловалъ его руку. Патріархъ благословилъ его и продолжалъ:

— Архіепископу Лазарю Барановичу написать отъ нашего имени отческое и братственное внушеніе, чтобъ онъ въ своей епархіи не позволялъ такъ поступать и не разрѣшалъ совершать браки въ тѣ дни, въ которые постъ уставленъ по правиламъ святой восточной

Библиотека "Руниверс"

каѳолической церкви. Отъ сего не мало зла возникаетъ, какъ тому примѣръ и нынѣ видимъ. Лицемѣры предлоги вымышляютъ: вѣнчанье не въ вѣнчанье и бракъ не бракъ считаютъ и блудныя дѣла отъ того начинаются. Изложивъ сіе все преосвященному Лазарю, увѣщевать его, чтобъ онъ обычаевъ латинскихъ не держался, хотя таковые и укоренились въ тамошнихъ людяхъ чрезъ долговременное пребываніе подъ иновѣрнымъ господствомъ. Ему яко пастырю доброму, а не наемнику, надлежитъ бдѣть о словесныхъ овцахъ своихъ и охранять ихъ отъ влѣзанія къ нимъ душегубительнаго латинскаго волка. Жену оную Анну отправить къ ея первому едино-законному мужу въ супружеское сожитіе, за вступленіе же незаконное въ братъ при живомъ мужѣ, никакого церковнаго наказанія ей не чинить, понеже то сталось по конечной неволѣ.

— О священникѣ Пахринскомъ, что вѣнчалъ незаконно Анну, что укажешь всечестный господине святѣйшій владыко? произнесъ Калитинъ. Позвать бы его, да на патріаршіемъ дворѣ подержать въ желѣзахъ съ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, мало, сказалъ патріархъ; хоть и господинъ той вотчины повелѣлъ ему, но онъ долженъ былъ помнить, что у него есть свой господинъ, архипастырь. Продержать его въ желѣзахъ въ нашемъ погребѣ на хлѣбѣ на водѣ да на квасѣ не мѣсяцъ, а четыре мѣсяца. Да и то пусть себѣ вмѣнитъ въ милость, что не велимъ его разстричь за такое богопротивное дѣло, снисходя къ тому точію, что сіе содѣялъ онъ по малодушію и боязни. Женѣ же той, возвращая ее къ мужу, выдать отъ нашего смиренія Христову милостыню на дорогу пятдесятъ рублевъ.

Пришедши изъ покоевъ патріаршихъ въ приказъ, Калитинъ говорилъ Скворцову:

— Слава тебѣ, Господи! Сталось все такъ, какъ лучше и хотѣть не могли. Святѣйшій пожаловалъ мнѣ Пахринскую вотчину Чоглоковскую. Я и не просилѣ его, а онъ самъ безъ моего челобитья меня пожаловалъ! А я тогда говорю ему: много доволенъ; о себѣ не прошу, а вотъ еслибъ милость была твоя, честнѣйшій владыко, пожаловать бы изволилъ, какъ Богъ тебя наставитъ, моего товарища Левонтія Скворцова; а онъ на это: вотъ, говоритъ, хвалю за то, что просишь не о себѣ, а о другомъ. Даю ему, Скворцову, говоритъ, тотъ дворъ московскій, что Чоглоковъ отдалъ. Вотъ, Леонтій Савичъ, у тебя теперь свой дворикъ будетъ, свое гнѣздышко.

Скворцовъ съ выраженіями радости цѣловалъ Калитина и благодарилъ его, но въ тайнѣ онъ не былъ доволенъ тѣмъ, что Калитинъ какъ будто забылъ вовсе, что обѣщалъ было ему треть вотчины Чоглоковской, если ему она достанется. Но заявлять объ этомъ товарищу Скворцовъ не посмѣлъ: онъ былъ, что называется, человѣкъ смирный и потрухивалъ передъ Калитинымъ.

— А все таки досадно! сказалъ Калитинъ,—Ларіонъ Ивановъ под-

Библиотека "Руниверс"

половинилъ знатно животы бездѣльника, а намъ только послѣдушки остались!

XVII.

Ганна, въ продолженіи производства дѣла въ патріаршемъ приказѣ, жила во дворѣ Калитина съ прочею челядью въ дворовой избѣ и исполняла свои обязанности: ходила за двумя коровами, доила ихъ, ставила молоко на устой, подкладывала коровамъ кормъ, выметала хлѣвокъ въ которомъ онѣ стояли; близь нея постоянно ходила дѣвочка лѣтъ пятнадцати, которую госпожа готовила быть коровницею. Калитина удивилась когда Ганна, по малороссійскому обычаю, принялась было доить коровъ, подпуская къ нимъ телятъ, что въ Москвѣ не было въ обычаѣ. Ганна объясняла хозяйкѣ, что черезъ это телята лучше будутъ рости и набираться силы и будетъ изъ нихъ крупный рабочій скотъ. Калитина до тѣхъ поръ думала, что можно заботиться развѣ только о телушкахъ, а не о быкахъ, и пришла въ изумленіе, когда услыхала, что въ черкасской землѣ пашутъ землю быками. Ганна получала отъ хозяйки и другія порученія, исполняла все съ радѣніемъ, какъ умѣла, и Калитина была ею очень довольна.

Такъ прошли лѣтніе мѣсяцы 1677 года. Во второй половинѣ сентября этого года, воротившись по обычаю изъ приказа домой, Калитинъ сообщилъ женѣ пріятную для нихъ обоихъ новость. Святѣйшій патріархъ изволилъ пожаловать ихъ вотчиною изъ домовыхъ патріаршихъ вотчинъ, тою самою, что владѣлъ бездѣльникъ, обидѣвшій женку-хохлачку, помѣщенную въ ихъ дворѣ, а самую женку велѣлъ отправить на ея родину къ первому мужу.

Позвали Ганну.

— Добраго тебѣ здоровья, молодушка! сказалъ ей Калитинъ. Дѣло твое, слава Богу покончилось. Святѣйшій патріахъ указалъ считать упраздненнымъ на вѣки твой насильный бракъ съ чоглоковскимъ холопомъ и отпустить тебя къ твоему первому мужу, да еще святѣйшій патріархъ пожаловалъ, изволилъ приказать выдать тебѣ отъ него, святѣйшаго, милостыни на дорогу пятьдесятъ рублевъ. Завтра позовутъ тебя въ приказъ и тамъ прочтутъ приговоръ.

Ганна бросилась цѣловать руки Калитину и Калитиной, благодарила за хлѣбъ за соль, и просила прощенія, если, быть можетъ, не умѣла чѣмъ нибудь угодить имъ во время своего прожитія. Калитина похвалила ее за усердіе и желала ей благополучія.

— А ѣхать тебѣ одной съ подвозчикомъ будетъ можетъ быть и скучно и непригоже, сказалъ Калитинъ. Ты-бъ сходила на малороссійскій дворъ и узнала бы тамъ: не ѣдетъ ли кто изъ вашихъ земляковъ въ вашу сторону. И ты бы съ ними съѣхала.

Ганна воспользовалась такимъ совѣтомъ, но стала разспрашивать не о малороссійскомъ дворѣ, а о томъ, гдѣ теперь живетъ Доро-

Библиотека "Руниверс"

шенко; она считала долгомъ поблагодарить его за то, что онъ первый принялъ въ ней участіе и помогалъ ей въ ея крайности. Она узнала, что Дорошенко съ греческаго двора переведенъ въ свой собственный дворъ, пожалованный ему отъ царя.

Нашла она Дорошенка въ его новосельѣ и была допущена къ нему. Петръ принялъ ее ласково, какъ старую знакомую, распросилъ какъ окончилось ея дѣло, и сказалъ:

— Тебѣ, кстати, можно ѣхать съ нашими людьми, что пріѣзжали ко мнѣ отъ брата Андрея и вотъ скоро уѣзжаютъ назадъ въ Сосницу. Только я тебѣ, молодица, скажу новость не слишкомъ, можетъ, пріятную, но ужъ правды не куда дѣвать. Мужъ твой, Молявка, что былъ сотникомъ въ Сосницѣ, женился на другой дѣвицѣ, на дочери Бутрима. Вотъ какой недобрый, не хотѣлъ тебя подождать!

Ганна сначала поблѣднѣла и минуты двѣ-три стояла какъ вкопанная, потомъ разразилась горькимъ плачемъ.

Дорошенко сказалъ:

— Жалко мнѣ тебя, молодица, ей Богу очень жалко! Ну да Господь воздастъ твоему измѣннику. По дѣломъ вору мука! Уже Молявка теперь не сотникъ. Ясневельможный смѣнилъ его и пожаловалъ сотничество моему брату Андрею. А Молявка живетъ у своего тестя Бутрима и, говорятъ, не ладитъ съ своею женою.

— Ни въ чемъ онъ противъ меня не виноватъ! сказала Ганна сквозь слезы: какъ же ему было и ждать меня! Никто не зналъ куда я дѣвалась, а къ тому, можетъ быть ему и написали и прочитали, что я съ другимъ повѣнчана въ Московщинѣ. Вѣрно такъ и было. Богъ съ нимъ! Должно быть такая судьба мнѣ Богомъ назначена.

— А конечно такъ, правда, молодица! сказалъ Дорошенко. Богъ человѣка сотворилъ, Богъ съ человѣкомъ и чинитъ, какъ благоволитъ. Посмотри на меня, молодица: чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь? Былъ я гетманъ, владѣлъ Украйною, съ царями-королями водился какъ съ ровнею, а теперь—на чужой сторонѣ въ униженьи, въ неволѣ... Да еще дай Богъ здоровья великому государю милосердному, даетъ мнѣ бѣдному пристанище и кусокъ хлѣба, а тамъ на Украйнѣ все мое имущество пропало и самый мой Чигиринъ не устоитъ и навѣрно погибнетъ. А у тебя, молодица, есть отецъ и мать?

— Есть, отвѣчала Ганна; лучше скажу были, а живы ли теперь— не знаю!

— Къ нимъ и поѣзжай! сказалъ Дорошенко. Все же у своихъ родныхъ легче тебѣ жить будетъ. Боже тебя благослови! Вотъ, на, молодица, тебѣ отъ меня на дорогу!

Дорошенко подарилъ ей нѣсколько рублей. Ганна поцѣловала ему руку.

Прослушавши въ приказѣ указъ о себѣ и получивши пожалованные ей отъ патріарха пятьдесятъ рублей, Ганна простилась съ Калитиными; хозяйка подарила ей узелъ съ бѣльемъ, лѣтникомъ и

Библиотека "Руниверс"

двумя поневами: то былъ ей знакъ хозяйской благодарности за непродолжительную, но исправную службу и милостыня на бѣдность отъ семьи Калитиныхъ. Не жаль было имъ дать эту милостыню: они черезъ Анну получили несравненно больше выгодъ, чѣмъ насколько теперь давали Аннѣ.

Ганна прибыла съ своимъ узелкомъ въ домъ Дорошенка и оттуда выѣхала съ его людьми, привозившими въ Москву для Петра Дорошенка жизненные припасы и ворочавшимися къ Андрею Дорошенку съ разными сдѣланными въ Москвѣ закупками. Удаляясь изъ Москвы, Ганна мысленно послала проклятіе злодѣю, испортившему ея молодую жизнь.

Слѣдуя все дальше и дальше на югъ, не узнала она, что проклятіе бѣдной женщины постигло злодѣя скорѣе, чѣмъ можно было ждать. Ограбленный въ приказахъ до ниточки, выгнанный со двора, Чоглоковъ шатался по Москвѣ, гдѣ день, гдѣ ночь, принялся съ горя пить и пропивалъ небольшую сумму денегъ, уцѣлѣвшихъ у него въ карманѣ отъ погрома. Черезъ мѣсяцъ не хватило у него на что̀ пить; одѣтый въ лохмотья, въ которыя превратилось бывшее на немъ одѣяніе, онъ слонялся постоянно около Петровскаго кружала, кланялся всѣмъ проходящимъ, вымаливалъ денежку на пропитаніе, или, вѣрнѣе, на пропитіе. Пришла зима, наступили морозы, у Чоглокова не было ни теплаго помѣщенія, ни теплой одежды; безпріютный, ночевалъ онъ то въ кабакахъ, то на улицахъ подъ церковными зданіями и однажды кто-то по христолюбію далъ ему малую толику денегъ на пропитіе. Чоглоковъ передъ тѣмъ долго ничего не ѣлъ и какъ выпилъ водки, она его такъ разобрала, что едва онъ вышелъ изъ кружала, какъ упалъ, заснулъ на мерзлой землѣ и ужъ болѣе не проснулся. Его тѣло подобрано было поутру, отвезено въ убогій домъ и тамъ свалено въ общую могилу, въ кучу съ другими трупами опившихся, которыхъ въ Москвѣ каждое утро собирали по улицамъ. Не помянули раба божія Тимоѳея по христіански, ни запискою его имени въ синодикъ, ни подачею часточки за упокой души его тѣ дьяки, которые владѣли ограбленными у него вотчинами: не имѣли они повода освѣдомляться о его судьбѣ и даже не узнали о его смерти.

XVIII.

Дорошенко хорошо изучилъ и зналъ козацкую натуру: часто не бываетъ ей удержу, когда на глаза козаку попадается молодая, да еще красивая женщина. Людей, пріѣзжавшихъ изъ Сосницы, было четверо, на двухъ подводахъ. Всѣ люди были уже не молодые, но Петръ Дорошенко, все-таки не совсѣмъ полагаясь на ихъ пожилой возрастъ, передъ обратною отправкою, призвалъ ихъ всѣхъ и настрого приказалъ, чтобы они обращались съ Ганною почтительно,

Библиотека "Руниверс"

какъ съ честною чужою женою, не привязывались бы къ ней ни съ чѣмъ грѣховнымъ и прибавилъ, что если они себя станутъ вести иначе, то братъ его Андрей взмылитъ имъ спины канчуками. Это охранило Ганну на всю дорогу и отъ надоѣдливыхъ любезностей и отъ лишней болтовни. Она обращалась съ товарищами пути хотя не надувая губъ, но не пускаясь въ продолжительныя бесѣды, не скрывала отъ нихъ того, что съ нею происходило въ Москвѣ, когда ее о томъ спрашивали, но ограничивалась короткими отвѣтами и старалась имъ дать замѣтить, что ей тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ меньше будутъ они толковать съ ней. За то они и оставляли ей много времени погружаться въ свои думы, а думы у ней смѣнялись одна за другою. Ей, конечно, становилось легко на душѣ, какъ только приходила ей въ голову мысль, что уже не увидитъ она болѣе ни отвратительнаго Чоглокова, ни противнаго Васьки, противъ собственной воли принуждавшаго ее считать его своимъ мужемъ,—не увидитъ она болѣе ни дьяковъ, ни приказныхъ сторожей, ни вообще москалей, чужихъ для нее людей. Минутами величайшаго наслажденія кажутся человѣку тѣ минуты, когда ему удается освободиться отъ бѣдъ и мученій, которыя долго терпѣлъ безъ вѣрной надежды отъ нихъ избавиться. Но вѣсть о новомъ бракѣ ея мужа сразу отравила Ганнѣ это счастіе. Мимо собственной воли Ганны, злоба прокрадывалась въ ея добрую, кроткую душу. Онъ не любилъ тебя, зачѣмъ же сватался! говорилъ внутри ея голосъ этой злобы. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ тебя любилъ, онъ бы не связался такъ скоро съ иною женщиною. Онъ бы искалъ тебя и нашелъ бы твой слѣдъ, онъ, какъ твой законный мужъ, узналъ бы въ какой ты бѣдѣ находишься въ чужедальней сторонѣ и вытащилъ бы изъ бѣды свою подругу, хотя бы ему пришлось пробираться на край свѣта до студенаго моря! Но потомъ и сердце и разсудокъ произносили надъ ея супругомъ иной приговоръ:— А можетъ быть онъ и искалъ своей жены и можетъ быть набрелъ на ея слѣдъ, да узналъ, а не то и выписку ему показали, что она за другимъ замужемъ въ далекой Московщинѣ. А развѣ кто нибудь могъ ему тогда объяснить, какъ это сталось со мною, какъ я, повѣнчавшись съ нимъ въ Черниговѣ, да очутилась подъ Москвою и тамъ попъ насильно повѣнчалъ съ москалемъ! И то надобно по правдѣ судить: не онъ первый отъ живой жены женился, а я первая отъ живого мужа была повѣнчана! Онъ того не могъ узнать, что это по неволѣ со мною приключилось! Что жъ ему отыскивать меня, съ кѣмъ то другимъ въ Московщинѣ повѣнчанную? Экое добро я! Коли такая у него жена, что отъ него отступилась, такъ и онъ отъ ней отступился! И тяжело, ухъ какъ тяжело ему бѣдному, должно быть, было на душѣ, когда узналъ онъ, что я чужая чья то жена! Можетъ быть отъ такой тяготы да тоски онъ и задумалъ самъ скорѣе жениться! Вотъ и теперь, какъ я вернусь въ Черниговъ, а онъ заподлинно узнаетъ, что я ни въ чемъ не виновата и изъ столицы меня послали

Библиотека "Руниверс"

къ нему, моему законному мужу, такъ будетъ жалѣть, и самъ себя станетъ клясть—зачѣмъ женился! Да и жену свою, можетъ быть, еще возненавидуетъ. Ахъ, не дай Богъ, не дай того Пресвятая Богородица! Нѣтъ, нѣтъ! Я не стану сама ему выставляться; пусть лучше никогда не знаетъ, гдѣ я и что со мною дѣется! Пусть себѣ живетъ съ тою, которую полюбилъ и она пусть вѣрно любитъ его. Дай, Боже, имъ счастія! А про меня пусть совсѣмъ—совсѣмъ забудетъ!

Было осеннее время. Осень въ тотъ годъ была довольно сухая и ясная, дожди падали не часто; дорога была гладкая, исключая низкихъ мѣстъ. Ѣхалось и живѣе и скорѣе. Осень вообще въ жизни поселянъ самое веселое время. Уберутся хлѣба; хозяева устроиваютъ братчины; раздаются повсюду пѣсни; осенью же болѣе всего бываетъ и свадебъ. Проѣзжая черезъ сёла, не въ одномъ мѣстѣ путники наши встрѣчали пестрые кружки свадебныхъ поѣздовъ, шедшихъ или ѣхавшихъ съ пѣснями и гиканьемъ, а кое-гдѣ еще и съ музыкою, съ сопѣлями, накрами и домрами. Въ первомъ малорусскомъ селѣ, черезъ которое они ѣхали вступивши въ предѣлы гетманщины, увидала бѣдная женщина „дружекъ“, которые, идя по улицѣ съ невѣстою, пѣли:

Молода Ганночка що нахилиться,
Слизоньками умыеться,
Що розигнется
Рукавцемъ утреться.

На Ганну эти встрѣчи наводили грустныя впечатлѣнія: припоминалась ей собственная свадьба, такъ странно затѣянная, не вполнѣ совершившаяся, такъ нежданно и ужасно прерванная, и оставившая ей горькую долю умываться слезами, какъ пѣлось въ услышанной ею пѣснѣ.

Наконецъ они доѣхали до Сосницы.

Сосницкому сотнику Андрею Дорошенку подали отъ брата Петра письма. Братъ просилъ его оказать покровительство Ганнѣ Молявчихѣ. Андрей тотчасъ велѣлъ позвать ее къ себѣ. Первымъ дѣломъ его было спросить: довольна ли она людьми, провожавшими ее изъ Москвы, потомъ Андрей свелъ разговоръ на ея мужа, разсказалъ про его житье—бытье въ Сосницѣ до самаго того времени когда сосницкая громада отрѣшила его отъ сотничества и выбрала сотникомъ его, Андрея Дорошенка.

— А Молявка повѣялся куда-то къ своимъ Бутримамъ! закончилъ свой разсказъ Андрей Дорошенко.

Чрезвычайно досадно было Ганнѣ слушать все это о ея мужѣ, но ни въ чемъ противорѣчить она и не смѣла и не могла. Андрей Дорошенко представлялъ Ганнѣ, что ея Молявка, человѣкъ совсѣмъ дурной и жалѣть объ немъ не стоитъ, когда онъ связался съ другою женщиною, не дождавшись своей законной жены и не зная—гдѣ она и что съ нею дѣлается! Сидѣвшій тутъ полковой писарь сталъ было

Библиотека "Руниверс"

доказывать, что архіепископъ не по правдѣ дозволилъ Молявкѣ жениться вновь отъ живой жены, такъ какъ это по закону разрѣшается только въ такомъ случаѣ, когда бы жена находилась въ безвѣстной отлучкѣ семь лѣтъ; онъ совѣтовалъ Ганнѣ подать отъ своего имени искъ. Но Ганна, до тѣхъ поръ только слушавшая и сама ничего не говорившая, въ первый разъ открыла ротъ и произнесла, что такой совѣтъ напрасенъ: не станетъ она принуждать мужа жить съ собою, когда тотъ не захочетъ этого самъ. Андрей Дорошенко согласился съ Ганною, но прибавилъ, что не худо ей, однако, сходить къ преосвященному и взять отъ него заранѣе законное свидѣтельство на право вступить вторично въ супружество. Ганна на это ничего не сказала.

Андрей Дорошенко, вмѣстѣ съ женою, обласкалъ и угостилъ Ганну, какъ дорогую гостью, и на другое утро послѣ того снарядилъ подводу и отправилъ на ней Ганну въ Черниговъ.

Приближался конецъ октября. Былъ день холодный, облачный, время отъ времени то проглядывало изъ облаковъ, то скрывалось за ними солнышко. Въ такой день, подвода, отправленная съ Ганною, въѣхала въ Черниговъ черезъ Стриженскій мостъ и тотчасъ повернула вдоль берега Стрижня. Ганна проѣхала мимо бокового входа въ тайникъ, куда въ послѣдній день своего пребыванія въ Черниговѣ пошла она съ ведрами на свою погибель. Ганна невольно дрогнула. Черезъ нѣсколько минутъ подвода остановилась у Кусова двора. Ганна сошла съ повозки, взяла съ собою свой узелокъ и вошла во дворъ. Сердце у нее сильно билось; ноги подкашивались; ее волновала мысль: застанетъ ли она въ живыхъ своихъ дорогихъ и, конечно, изнывшихъ въ тоскѣ за нею, стариковъ. Первое существо, встрѣтившее ее, была собака, которая на цѣпи по веревкѣ бѣгала взадъ и впередъ. Услышала эта собака скрипъ калитки въ воротахъ, бросилась туда съ лаемъ, но вдругъ, узнавши сразу Ганну, принялась визжать и ползать, силясь приблизиться къ знакомому лицу. Ганна подошла къ ней и погладила ее. Повернувшись къ хатѣ, она тронула знакомую дверь и вошла въ сѣни. И здѣсь никого она не встрѣтила. Она творитъ крестное знаменіе, она лепечетъ молитву: Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! Она берется за ручку двери, ведущей изъ сѣней въ свѣтлицу. Рука ея дрожитъ, она долго не въ силахъ отворить двери. Вдругъ дверь отворяется извнутри. Передъ Ганною стоитъ ея мать...

Обѣ въ единый мигъ испустили пронзительные крики. Обѣ кинулись одна къ другой на шею. Мамочко! воскликнула Ганна. Доненко! произнесла и какъ бы простонала мать, и начала обцѣловывать дочку, прилегая головою то къ тому, то къ другому плечу ея. Отецъ что-то работалъ въ саду; наймичка, все та же, которая жила у Кусовъ и прежде, услыхала радостные крики изъ своей рабочей хаты, прибѣжала въ свѣтлицу, увидавши Ганну, всплеснула руками и побѣжала куда-то.

Библиотека "Руниверс"

Она дала знать отцу, тотъ прибѣжалъ вмѣстѣ съ наймитомъ—тѣмъ самымъ, котораго когда-то, въ день бракосочетанія Ганны, Кусиха хотѣла посылать за музыкою. Мать и дочь продолжали цѣловаться и обниматься; слышались только вздохи и короткія восклицанія. Кусъ первый заговорилъ, обращая взоры къ иконамъ:

— Господи милостивый! Какъ Ты милосердъ ко мнѣ грѣшному! что сподобилъ меня на склонѣ жизни моей увидать мое милое дѣтище. Теперь, Господи, ежели благоволишь меня къ Себѣ принять—да будетъ воля Твоя! Ничего лучшаго на этотъ свѣтѣ мнѣ ждать уже не остается! Какъ дивно Ты, праведный и милосердый Боже, насъ и караешь и милуешь!

Онъ схватилъ Ганну за голову, цѣловалъ ее долго, прижимая къ своей груди и разливался слезами.

Подошли затѣмъ наймичка и наймитъ, цѣловались и здоровались съ Ганною. Оба они привыкли къ дому Кусовъ за многіе годы, стали уже какъ членами ихъ семьи и горячо принимали къ сердцу судьбу своихъ хозяевъ. И они плакали, цѣлуясь съ нежданно явившеюся хозяйскою дочкою.

Утомленная отъ изліяній любви, Ганна сѣла на лавку. Кусиха, сама не зная зачѣмъ, подошла къ шкафу и стала искать сама не зная чего; это дѣлалось по привычкѣ малороссійской натуры; если ей на душѣ очень весело, то первое побужденіе у ней является—поить и кормить все окружающее. По тому же народному побужденію, наймичка пошла въ чуланъ, взяла тамъ складень съ медомъ и внесла въ свѣтлицу, а потомъ попросила у хозяйки, не дастъ ли ей ключей отъ погреба „наточить“ наливки—и Кусиха безсознательно отдала ей ключи.

— Дочка! Серденько! Раскажи, что съ тобою дѣялось? Куда и какъ ты отъ насъ пропала? Гдѣ была? Какимъ случаемъ жива осталась и къ намъ вернулась? Охъ Боже нашъ, Боже! Ужъ какъ мы съ отцомъ помучились за тобой, Ганна! говорила Кусиха.

— Мамочко! Тàточко! произнесла Ганна: простите меня если въ чемъ я противъ васъ согрѣшила! Ужъ стало быть грѣшница я была великая, коли Господь послалъ мнѣ такое лихо!

— Говори, говори! повторилъ отецъ и мать. Наймичка и наймитъ, стоя по-одоль, напрягли вниманіе.

Ганна начала повѣсть своихъ бѣдъ. Разсказъ о безстыдномъ и злодѣйскомъ поступкѣ воеводы произвелъ на сидѣвшаго близь Ганны отца такое впечатлѣніе, что онъ вскочилъ съ мѣста, затрясся всѣмъ тѣломъ, лицо его побагровѣло; онъ ударилъ кулакомъ по столу, потомъ залился горючими слезами. Заволновалось въ немъ разомъ растерзанное чувство родителя и уязвленное достоинство человѣка. Успокоившись немного, онъ произнесъ:

— Бѣдная наша голòвонька! Несчастливая нашихъ людей дòленька!

Библиотека "Руниверс"

Разсказъ о томъ, какъ Ганну привезли въ подмосковную вотчину и тамъ насильно вѣнчали съ холопомъ, произвелъ опять взрывъ негодованія и бѣшенства у оскорбленнаго отца.

— О, еретичіи дѣти! Куда они затянули насъ бѣдныхъ! воскликнулъ онъ, и нельзя было сразу понять, о комъ говоритъ онъ. Когда же, разсказывая все по-порядку, дошла Ганна до того, какъ, убѣжавши отъ Чоглокова, пришла она къ Дорошенку и тотъ оказалъ къ ней нѣкоторое вниманіе, Кусъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: хоть одинъ свой человѣкъ нашелся на чужой сторонѣ, въ лихую годину! Самъ несчастливый, а принялъ къ сердцу чужую несчастную долю. Дай, Боже, ему счастія и здоровья! Какъ бы его тамъ не было—къ кому бы она убѣжала, къ кому бы обратилась промежъ чужими людьми ворогами!

Ганна разсказала все, что знала и слышала, какъ дьяки обобрали ея злодѣя Чоглокова.

— Да и все тутъ! произнесъ Кусъ. Вотъ то покарали!

— Мало ему будетъ—коли бъ сжечь его на угляхъ или съ живого шкуру снять! Все бы еще не по заслугѣ это было! сказала Кусиха, находившаяся подъ вліяніемъ разсказа Ганны, въ сильномъ озлобленіи, хотя по своей природѣ вовсе была неспособна дѣлать чего нибудь похожаго на то, что говорила.

Ганна сказала, что передъ отъѣздомъ ея изъ Москвы, Дорошенко сообщилъ ей о новомъ бракѣ съ другою Молявки-Многопѣняжнаго. При этомъ Ганна заплакала и закрыла лицо руками. Отецъ нахмурился и повѣсилъ голову. Кусиха начала укорять старую Молявчиху, говорила, что все это она такъ подстроила, научила своего сына оставить въ бѣдѣ и забыть свою пропавшую жену.

— Богъ знаетъ, замѣтилъ Кусъ, можетъ и не старуха, а самъ молодой провѣдалъ какъ нибудь, что его жена повѣнчана съ другимъ. Да и какъ-таки его бы съ другою повѣнчали, колибъ вѣрно не знали, что первая его жонка сама ужъ повѣнчалась съ другимъ!

— Я его не виню, сказала Ганна, вѣрно ему совсѣмъ ясно доказали, что я съ другимъ повѣнчана—и онъ сдѣлалъ то-же. Чѣмъ онъ виноватъ? Виновата моя доля несчастливая!

И она снова разразилась рыданіями.

— А вотъ, говорила раздраженная Кусиха, пускай душа его такъ вся изольется, какъ черезъ него льются слезы моего дѣтища!

— Баба, какъ есть баба! сказалъ Кусъ, сама не знаетъ, на кого и сердиться! Сказать правду—виноватъ онъ—не виноватъ, я того не знаю, а ужъ коли виноватъ, то все таки меньше всѣхъ.

— А развѣ она чѣмъ противъ него виновата? сказала Кусиха.

— Батька справедливѣе, произнесла Ганна, ни чѣмъ, ни чѣмъ онъ не виноватъ! Дай Богъ ему добраго здоровья и счастія съ иною, только бы она его такъ сердечно и вѣрно любила какъ я. Не судилъ Богъ жить вмѣстѣ, а я ему не то что не желаю ничего худого, а

Библиотека "Руниверс"

рада бы еще какую бѣду перетерпѣть, только бы ему хорошо было!

— Выпила ты горькую чашу, дочка! Не дай Боже и пробовать ее изъ за такого сквернаго, что отвернулся отъ тебя и наплевалъ на тебя! говорила Кусиха.

Кусъ сказалъ:

— А я вижу этотъ молодецъ ловокъ, съумѣлъ себѣ пробить дорожку. Изъ простого рядовика, нашего брата, поднялся въ знать, сотникомъ сразу сталъ! Да ба! скоро, вѣрно, зазнался! говорятъ, отрѣшили.

— И я слыхала—отрѣшили, и Дорошенковъ братъ сталъ сотникомъ въ Сосницѣ, сказала Ганна.

— Ему ни-по-чемъ! женился на богатой панночкѣ Бутримовнѣ. Бутримы—люди богатые, замѣтилъ Кусъ.

— Случается, батько, что пріятнѣе съ бѣдною подругою грызть кусокъ ржаного хлѣба, чѣмъ съ богатою кушать вкусный обѣдъ и потреблять дорогіе напитки. Пронеси, Боже, мимо его злую долю! сказала съ грустью Ганна.

— Какъ же это такъ? замѣтила Кусиха, Ганна ему жонка была, а теперь ужъ что же она такое, не жена ему стала, либо какъ?

— Я ему и осталась женою, отвѣчала Ганна, у меня отъ патріарха есть „листъ", что мнѣ изъ его приказа дали. То вѣнчанье, что мнѣ силою навязали, не почитать за вѣнчанье, а меня считать женою Молявки-Многопѣняжнаго. Такъ патріархъ присудилъ.

— Такъ у Молявки будетъ разомъ двѣ жены, что-ли? спрашивала Кусиха; этого нельзя по нашему христіанскому обычаю. Которая нибудь одна должна быть ему женою; либо ты, либо та другая!

— Либо ни та, ни другая! сказалъ Кусъ; по моему разуму такъ. Хоть и не виноватъ онъ, что съ двумя повѣнчался, а ужъ коли первая жена отыскалась, такъ не слѣдуетъ вводить въ скорбь ни той, ни другой—и не жить бы ему ни съ первою, ни со второю, а идти въ монастырь служить Господу Богу!

— А я еще разъ скажу, произнесла Ганна,—пускай живетъ въ счастьи-здоровьи съ тою, которая полюбила его безъ меня. Ни въ чемъ она противъ меня не виновата, ни я противъ нее. И противъ него я ни въ чемъ не согрѣшила, и онъ ни въ чемъ противъ меня. До конца моего вѣку ничѣмъ его тревожить не стану. Вѣдь вы, тàту и мàмо, не прогоните меня изъ своего угла! Съ вами стану жить, вамъ угождать, вамъ служить, старость вашу доберегать, за васъ, бàтечко и мàтинка, утромъ и вечеромъ, вставая и ложась, буду Бога молить. Вотъ такъ-то и весь вѣкъ свой скоротаю!

— Дочка милая! сказала мать, ты еще молода. Можетъ, Богъ, по милосердію своему, наградитъ тебя за все то лихое, что ты вынесла неповинно. Можетъ, Богъ пошлетъ тебѣ вѣрнаго друга!..

Библиотека "Руниверс"

— А какъ же мнѣ сойтись съ тѣмъ другомъ, сказала Ганна; развѣ я стану искать его?

— Не ты, говорила Кусиха, не ты, доченька, будешь искать его, а онъ тебя найдетъ. Красива ты еще, доченька моя, хоть и поблекла отъ такого жгучаго горя, а все еще не совсѣмъ извелась.

— Не знаю того, что впереди будетъ, возразила Ганна, не знаю и гадать о томъ не стану, и зарекаться не буду. Знаю только одно: не пойду я за такого, что не полюбитъ меня крѣпко и котораго я сама не полюблю. Это я знаю. А что дальше станется со мною и какую долю мнѣ судитъ Богъ—про то не знаю и думать о томъ не хочу.

— Умное слово говоришь, дочка! сказалъ Кусъ; не годится заглядывать въ будущее; нужно жить какъ набѣжитъ, да и все тутъ. Слава милосердному Богу, ты у насъ одна, а у насъ, слава Богу, есть достояніе; мы хоть и не очень богаты, а все же не знаемъ нужды. Все наше—твое. Когда глаза наши закроются, никому иному все наше не останется, какъ только тебѣ.

Послѣ этого разговора начался семейный обѣдъ. Всѣ подпили наливки. Кусъ вынулъ большую серебренную стопу, которая подарена была однимъ значнымъ войсковымъ товарищемъ еще на свадьбѣ Куса съ Кусихой. Наливши ее до верха смородиновкою, Кусъ поднялъ стопу вверхъ и произнесъ:

— Подай, Господи, добраго здоровья и счастливаго конца жизни славному той стороны гетману Петру Дорошенку за то, что наше дѣтище принялъ ласково на чужинѣ межъ чужими лихими людьми, нашими врагами! Аще же въ чемъ согрѣшилъ передъ Богомъ, пошли ему, Господи, время покаяться и прости ему по великому Твоему милосердію.

Примѣчаніе. О дальнѣйшей судьбѣ возвращенной на родину Ганны Кусовны, въ дѣлѣ объ ней, извѣстій нѣтъ. Мы строго держались, въ основныхъ чертахъ, той фабулы, на какую случайно наткнулись, разсматривая акты хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Мы дозволили себѣ въ изложеніи вносить только подробности исторіи, быта и нравовъ описываемаго времени, на основаніи чертъ, разсѣянныхъ въ различныхъ источникахъ того вѣка.

Н. Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА.

(Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка [1]).

1701—1797 гг.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ одиннадцать очерковъ изъ старинной судебной практики тайныхъ розыскныхъ учрежденій по дѣламъ объ оскорбленіи царскаго достоинства и чести словами, въ хронологической послѣдовательности своей обнимаютъ цѣлое столѣтіе.

Мы увидимъ здѣсь дѣла, возникшія въ царствованія Петра Великаго, Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и, наконецъ, Павла I-го.

Всѣ они, описаніемъ живыхъ нравовъ и подлинно бывшихъ фактовъ, характеризуютъ свою эпоху и даютъ понятіе о жизни и взглядахъ нашихъ предковъ.

Дики были эти взгляды на нѣкоторые предметы, но ничуть не необыкновенны—они были современны и понятны для своей эпохи и не должны насъ удивлять.

Всѣ націи въ мірѣ, совершая свой историческій ростъ и развитіе, прошли тѣ же самыя стадіи, какъ и мы, впадали въ такія же ошибки, были также мало развиты въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Наши легендарные застѣнки преображенскаго приказа и тайной канцеляріи—ничто въ сравненіи съ тюрьмами испанской инквизиціи.

Жестокіе розыски и пытка въ Россіи были узаконены „Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича“, который вовсе не былъ жестокимъ государемъ, а наоборотъ,—заслужилъ у современниковъ названіе „тишайшаго“, которое сохранило за нимъ и потомство.

---

[1]) Матерьялами для этой статьи служили неизданныя дѣла преображенскаго приказа, тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, и тайной экспедиціи.

Библиотека "Руниверс"

Пытка была необходимою принадлежностью всякаго судебнаго слѣдствія и допроса и употреблялась даже въ волостныхъ народныхъ судахъ.

Показанію, вымученному истязаніемъ, придавали значеніе юридической правды, и какъ ни ложенъ, на нашъ взглядъ, такой способъ добиваться истины, но тогда онъ былъ одобряемъ и принятъ всѣми.

Даже свѣтлая и разумная голова Петра Великаго, стоявшаго по идеямъ и взглядамъ гораздо выше современниковъ, раздѣляла тоже мнѣніе, и преображенскій приказъ день и ночь безпрестанно оглашался стонами пытаемыхъ и наказываемыхъ.

Характеристиченъ случай, бывшій въ эту эпоху.

Князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій повздорилъ какъ-то съ извѣстнымъ сотрудникомъ Петра, высокоученымъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ и обидѣлъ его.

Брюсъ немедленно же пожаловался Петру, и государь, заступаясь за Брюса, написалъ Ромодановскому: „Полно тебѣ съ Ивашкою (т. е. пьянствомъ) знаться—быть отъ него рожѣ драной“...

Ромодановскій отвѣтилъ Петру: „Нѣкогда намъ съ Ивашкою знаться—безпрестанно въ кровяхъ омываемся“... Этимъ онъ указывалъ на свою трудную должность начальника преображенскаго приказа, гдѣ ему ежедневно приходилось пытать и допрашивать множество людей.

Преображенскій приказъ возникъ послѣ 1697—98 гг., когда былъ открытъ и наказанъ заговоръ Пушкина, Циклера и Соковнина, а стрѣльцы уничтожены и разосланы по разнымъ городамъ. Караулъ въ Москвѣ заняли молодые петровскіе полки: преображенскій, семеновскій и бутырскій, а всѣ дѣла по нарушенію городского порядка и безопасности—о пьянствѣ, дракахъ и проч., а также о корчемствѣ, продажѣ табаку, которая была запрещена, — судились въ приказной избѣ села Преображенскаго.

Начальникомъ ея былъ ближній стольникъ и любимецъ Петра, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, облеченный во время отсутствія Петра какимъ-то подобіемъ царской власти и носившій названіе князя-кесаря.

Съ теченіемъ времени, дѣла приказной избы разрослись и увеличились присоединеніемъ къ дѣламъ полицейскимъ уголовныхъ дѣлъ, и изба получила названіе преображенскаго приказа. Въ 1702 году, вышелъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣ дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ пересылать также въ преображенскій приказъ [1]), и съ этого времени всѣ онѣ стекались въ это одно мѣсто, тогда какъ прежде разбирались въ судномъ приказѣ.

Дѣла о „словѣ и дѣлѣ государевомъ“—это характеристическая особенность той давно прожитой эпохи. Это были дѣла первой поли-

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. IV, ст. 1918.

Библиотека "Руниверс"

тической важности и всегда влекли за собою тяжкое наказаніе. Никто, отъ самаго незначительнаго простолюдина до высшаго сановника и любимца государева, не могъ отвратить отъ себя слѣдствія, если сказывалось на него слово и дѣло, и никакой судъ не смѣлъ потушить такого дѣла и не дать ему хода.

Ужасъ передъ такими дѣлами былъ настолько великъ, и узаконенія относительно ихъ были такъ строги, что гдѣ бы, кто бы ни объявилъ „слово и дѣло"—его тотчасъ, безъ малѣйшихъ проволочекъ и откладывая другія дѣла и надобности,—пересылали въ тайную канцелярію, заковавъ по рукамъ и ногамъ и сторонясь, какъ отъ зачумленнаго.

Сказывавшему „слово и дѣло" и доносившему на кого нибудь, давали „первый кнутъ", т. е. пытали для подтвержденія доноса, а потомъ пытали и допрашивали и всѣхъ оговоренныхъ доносчикомъ. Въ случаяхъ запирательства, давали очныя ставки и усиливали пытку, и всегда такое слѣдствіе объ одномъ дѣлѣ увеличивало безпрестанно число привлеченныхъ къ допросу, такъ какъ малѣйшее участіе, да и не участіе, а простое упоминаніе допрашиваемымъ какого нибудь новаго имени, влекло за собой немедленные розыски этого лица, привлеченіе въ застѣнокъ и строгій допросъ.

Часто, при допросахъ по одному дѣлу, подсудимаго заставляли разсказывать всю жизнь, всѣ мельчайшіе факты прожитаго, даже и не относящіеся къ дѣлу, а справки и розыски о немъ на сторонѣ дополняли, подтверждали или опровергали его показанія, и при этомъ всплывали наружу такія дѣла, которыя человѣкъ считалъ на вѣки скрытыми и схороненными. Человѣкъ получалъ позднее возмездіе за проступки, уже забытые имъ, можетъ быть, оплаканные и искупленные передъ собственною совѣстью и—прощенные ею.

Человѣкъ, считавшійся и бывшій честнымъ въ настоящемъ, побывавъ въ застѣнкахъ тайной канцеляріи, послѣ такого подозрительнаго и безцеремоннаго выворачиванія души и далекаго прошлаго,—выходилъ часто опозореннымъ, съ клеймомъ вѣчнаго презрѣнія и ужаса,—съ рѣзанымъ языкомъ, рваными ноздрями.

Жестокое наказаніе слѣдовало и тѣмъ, кто ложно сказывалъ слово и дѣло, и часто, произнесши эти страшныя слова спьяну, доносчикъ, чтобы вывернуться изъ бѣды, придумывалъ, припоминалъ какой нибудь самый пустякъ, слышанный имъ гдѣ либо о царѣ или его дѣйствіяхъ — и вслѣдъ за этимъ летѣли пристава, производились аресты, пытали оговоренныхъ и такъ далѣе.

„Слово и дѣло" кричали изъ мести, на площадяхъ, чтобы насолить ворогу, кричали люди, которыхъ за что либо били, расправляясь своимъ судомъ, чтобы остановить эти побои, такъ какъ вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ,—тотчасъ же кричавшаго отсылали въ тайную канцелярію, ни мало не медля—и все это доставляло работу застѣнкамъ и заплечнымъ мастерамъ-палачамъ.

Библиотека "Руниверс"

Дыба, виска, встряска, кнуты, жженіе огнемъ, какія-то ужасныя по жестокости спицы, — все это было въ безпрестанномъ ходу и употребленіи, обливалось кровью...

Таковы были дѣла о страшномъ „словѣ и дѣлѣ государевомъ".

Время шло, а вмѣстѣ съ нимъ въ народное сознаніе входили и новыя идеи и понятія. Прежніе юридическіе взгляды на слѣдствіе смягчались, но очень медленно, и много нужно было времени, слишкомъ сто лѣтъ, чтобы окончательно уничтожить пытку при допросахъ.

Первый проблескъ гуманныхъ взглядовъ, проникшихъ въ законодательство относительно пытокъ, мы видимъ въ 1742 году, въ первый годъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Августа 23-го, 1742 года, вышелъ указъ, отмѣняющій пытку и смертную казнь для малолѣтнихъ преступниковъ [1]). Поводомъ къ этому было дѣло дѣвочки Прасковьи Ѳедоровой, убившей топоромъ въ лѣсу двухъ другихъ дѣвочекъ за то, что онѣ отнимали у нее набранныя ею таловыя вички [2]).

Въ это же царствованіе мы видимъ два другихъ узаконенія свидѣтельствующихъ, что ненужность пытки входила въ сознаніе законодателя.

Первый изъ нихъ, указъ сенатскій отъ 28-го ноября 1751 года [3]), въ которомъ говорилось: „и какъ возможно доходить, дабы найти правду чрезъ слѣдствіе, а не пыткою и когда чрезъ такое слѣдствіе того изыскать будетъ не можно, то больше о томъ не слѣдовать, а учинить имъ за то, въ чемъ сами винились".

Второй указъ, отъ 25 декабря того же года, „объ отмѣнѣ пытки въ слѣдствіяхъ по дѣламъ о корчемствѣ, т. е. о недозволенной продажѣ безакцизной водки [4])".

Но всѣ эти указы, смягчающіе только немного жестокость слѣдствія, являются какъ-то робко и ограничиваютъ существующее зло въ самыхъ незамѣтныхъ размѣрахъ. Пытка по дѣламъ о „словѣ и дѣлѣ" производится еще со всею жестокостью петровскихъ временъ, хотя въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи начальствуетъ уже другой, новѣйшій человѣкъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а не прежній недальняго ума и жестокій князь Ромодановскій.

Первое громкое, гуманное и краснорѣчивое слово противъ пытки и ужасовъ тайной канцеляріи, а также объ уничтоженіи дѣлъ „о словѣ и дѣлѣ" сказалъ на всю Россію недолговѣчный императоръ Петръ III, и заставилъ Россію свободно вздохнуть.

1762 года, февраля 7, Петръ III объявилъ въ сенатѣ, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ, а 21 февраля изданъ былъ во всеобщее свѣденіе манифестъ [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XI, ст. 8601.
[2]) Г. Есиповъ. Раскольн. дѣла XVIII стол.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. XIII, ст. 9912.
[4]) Тамъ же. т. XIII, ст. 9920.
[5]) Тамъ же. т. XV, ст. 11445.

Библиотека "Руниверс"

Манифестъ этотъ такъ прекрасенъ и краснорѣчивъ, что мы выписываемъ изъ него большую часть:

„Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы.

„Съ того времени отъ часу становилось меньше надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся.

„Ненавистное израженіе, а именно „слово и дѣло", не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ— не употреблять онаго никому; о семъ, кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать, или донести, словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, также на каторги сосланные колодники, ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подъ караулъ взять и спрашивать, знаетъ-ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ почелъ другое, такъ тотчасъ отпускать безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣетъ, такого увѣщать, не напрасно ли на кого затѣялъ? Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить на два дня подъ крѣпкій караулъ и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней, паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, въ такомъ случаѣ подъ крѣп-

Библиотека "Руниверс"

кимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ сенатъ или въ сенатскую контору, буде же нѣтъ, то въ ближайшую губернскую канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доноситъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными не считать до того времени, пока дѣло въ вышнемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ, и объ тѣхъ на кого донесено, указъ послѣдуетъ".

Вотъ какое новое и гуманное слово было произнесено въ самый разгаръ существованія тайной канцеляріи и „слова и дѣла":

Этимъ учрежденіямъ былъ нанесенъ разрушающій ударъ; послѣ этого ихъ уже стало невозможнымъ возобновить во всей полнотѣ и жестокости.

Екатерина II. вмѣсто тайной канцеляріи, учредила при сенатѣ тайную экспедицію, которая дѣйствовала уже по большей части мѣрами сравнительно кроткими, но пытка все еще существовала, какъ законное средство найти правду.

Екатерина II нѣсколько разъ издавала указы объ ограниченіи пытки. Такъ напримѣръ указомъ 1762 г. декабря 25 [1]), подтверждалось поступать въ пыткахъ по дѣламъ „со всевозможною осмотрительностью" и назначался „тягчайшій по указамъ штрафъ за ненужную пытку".

Черезъ мѣсяцъ, Екатерина II снова объявила сенату „чтобъ стараться какъ возможно кровопролитіе уменьшить, пытать когда всѣ способы не предуспѣютъ".

Окончательно уничтожить пытку боялись, ожидая, что отъ этого смягченія грубый народъ перестанетъ боятся закона.

Въ 1767 году, іюня 7, за мѣсяцъ съ небольшимъ до знаменитаго „Наказа" святѣйшій синодъ первый уничтожилъ совсѣмъ пытку въ отношеніи священнослужителей, а также тѣлесныя наказанія, какъ унижающія духовный санъ въ глазахъ всѣхъ людей и замѣнилъ ихъ „приличными духовенству трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода по разсмотрѣнію".

Наконецъ въ „Наказѣ" Екатерины II 1767 г. іюня 30 [2]) появились слѣдующія строки:

„Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію, само человѣчество вопіетъ противъ оныхъ и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена.

„Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отмѣняетъ, не чувствуя оттуда никакого худаго слѣдствія, чего ради она ненужна по своему естеству."

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, ст. 11717.

[2]) Тамъ-же. т. XVIII, ст. 12949.

Библиотека "Руниверс"

Но и послѣ этихъ гуманныхъ словъ пытка еще существовала, хотя уже и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; просуществовавъ цѣлыя столѣтія, она не безъ борьбы оставляла свое мѣсто, и потребовалось много энергическихъ усилій, чтобы уничтожить ее навсегда и отовсюду, что и выпало, наконецъ, на долю благодушнаго монарха Александра I въ 1801 году.

Вотъ краткій очеркъ исторіи существованія двухъ темныхъ учрежденій: преображенскаго приказа и тайной канцеляріи.

Послѣ этого нижеслѣдующіе очерки будутъ гораздо понятнѣе и они, своею фактическою, бытовою стороною, такъ сказать, иллюстрируютъ все сказанное нами въ этихъ строкахъ.

I.

Какъ Кочетковскій попъ видѣлъ Петра I-го.

(1708 г.).

Смирный и скромнаго житія попъ Козловскаго уѣзда, Кочетковской слободы, ѣздилъ въ Москву по дѣламъ и пробылъ тамъ нѣсколько недѣль.

Никогда не бывавшій въ столичныхъ городахъ и ничего кромѣ своей слободы, консисторіи, да благочиннаго, не видавшій, кочетковскій попъ заставилъ свою попадью прождать его долѣе, чѣмъ слѣдовало, увлекшись представившимся ему, можетъ быть единственнымъ, случаемъ посмотрѣть на столичныя диковинки.

Попадья такъ соскучилась по мужѣ, что успѣла уже попросить дьякона написать попу письмо и отослать его „съ вѣрною оказіею“

Получивъ письмо отъ жены, попъ опомнился, ибо сообразилъ, что попадья его очень терпѣлива, и что если она рѣшилась даже письменно просить его воротиться, то значитъ ужъ очень соскучилась.

Необходимо было поскорѣе успокоить попадью и домочадцевъ и вотъ попъ, покончившій всѣ дѣла и досыта насмотрѣвшійся на Москву, собрался домой къ своей осиротѣвшей, кочетковской паствѣ.

Помимо извѣстія объ удачномъ окончаніи дѣлъ, попъ повезъ домой цѣлую кучу разсказовъ о Москвѣ и ея рѣдкостяхъ и диковинахъ. Недаромъ же онъ встревожилъ попадью своимъ долгимъ отсутствіемъ— въ это время любознательный попъ значительно расширилъ свой кругозоръ новыми наблюденіями въ сферахъ ему прежде неизвѣстныхъ. Онъ видѣлъ много зданій, нѣсколькихъ вельможъ, о которыхъ въ его кочетковскомъ захолустьи ходили смутные и чудесные разсказы, онъ видѣлъ даже, собственными глазами на близкомъ разстояніи, самого великана—царя Петра Алексѣевича, чудо и загадку всей Руси!

То-то много будетъ разсказовъ, когда соберутся къ попу сосѣди,

Библиотека "Руниверс"

вокругъ объемистаго самовара, то-то будетъ разспросовъ, аханья, оханья и удивленія!

Съ такими мыслями подъѣхалъ попъ къ своему дому и брякнулъ скобой у калитки. Въ домѣ поднялась суматоха; мать-попадья вышла встрѣтить его и послѣ радостныхъ лобызаній не преминула укорить попа за долгое отсутствіе; но попъ смолчалъ по обыкновенію, надѣясь впослѣдствіи пристыдить ее разсказомъ объ удачномъ окончаніи дѣлъ.

— Вотъ ты, мать, буесловишь, яко-бы я позадавнѣлъ на Москвѣ, а я тебѣ скажу, что надо человѣка съ умомъ, да и съ умомъ, чтобы этакія дѣла оборудовать въ столицѣ,—началъ попъ свое повѣствованіе о дѣлахъ, сидя за наскоро собранной закуской.

— Столица-то, мать моя, не то, что нашъ деревенскій уголъ — въ ней ходи, да оглядывайся.

— Говори дѣло-то, батька, прервала попадья потокъ его краснорѣчія, и попъ перешелъ къ обстоятельному разсказу о дѣлахъ и консисторскихъ мытарствахъ.

Попадья осталась довольна попомъ, услышавъ о результатахъ его путешествія въ столицу, и вскорѣ усталый попъ захрапѣлъ за ситцевымъ пологомъ, отдыхая съ дороги.

Вѣсть о пріѣздѣ попа изъ Москвы разнеслась по всей слободѣ, и къ вечеру всѣ мало-мальски значительные кочетковскіе обыватели начали собираться къ нему, чтобы послушать розсказней о дальней столицѣ. Отдохнувшій уже попъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ, когда вошелъ къ нему отецъ-дьяконъ, а вслѣдъ за нимъ и дьячекъ съ пономаремъ.

Вскорѣ изба попа наполнилась разнымъ народомъ; всѣ поздравляли его съ пріѣздомъ, освѣдомлялись о дорогѣ, о родныхъ и знакомыхъ, а потомъ разговоръ перешелъ и на предметы, имѣющіе общій интересъ. Попъ овладѣлъ бесѣдой, вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, и на всякій находилось что нибудь отвѣтить—не даромъ-же кочетковскій попъ позадавнѣлъ на Москвѣ.

— А царя, отецъ, видѣлъ на Москвѣ? возникъ, наконецъ, самый интересный вопросъ.

— Сподобился, друже, сподобился,—видѣлъ единожды, и по грѣхамъ моимъ въ великое сумнѣніе пришелъ, да надоумили добрые люди...

— Что же онъ?.. страшенъ?..

— Зѣло чуденъ и непонятенъ: ростомъ, якобы мало поменѣ сажени, лицемъ мужественъ и грозенъ, въ движеніяхъ и походкѣ быстръ аки парусъ, и всѣмъ образомъ аки иноземецъ, одѣяніе нѣмецкое, на головѣ шапочка малая солдатская, кафтанъ куцый, ноги въ чулкахъ и башмаки съ пряжками желѣзными.

Слушатели ахнули при такомъ описаніи царя Петра Алексѣевича, и на попа снова посыпалась масса вопросовъ: гдѣ видѣлъ, какъ, что онъ говорилъ, что дѣлалъ?..

Библиотека "Руниверс"

— А видѣлъ я царя, какъ онъ съѣзжалъ со двора князя Александра Даниловича Меньшикова въ колымагѣ. И мало отъѣхавъ, побѣжала за каретой съ двора собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, съ зеленымъ бархатнымъ ошейничкомъ, и съ превеликимъ визгомъ начала въ колымагу къ царю проситься...

Слушатели навострили уши, боясь проронить хоть слово.

— И великій царь, увидя то, велѣлъ колымагу остановить, взялъ ту собачку на руки и поцѣловавъ ее въ лобъ, началъ ласкать, говоря съ нею ласково, и поѣхалъ дальше, а собачка на колѣняхъ у него сидѣла...

— Воистину чуденъ и непонятенъ сей царь! пробасилъ отецъ дьяконъ и сомнительно покачалъ головой.

— Да ты не врешь-ли, батька? ввернула свое замѣчаніе попадья, но попъ только укоризненно посмотрѣлъ на нее.

— Своими глазами видѣлъ, и еще усумнился—царь-ли это? и мнѣ сказали: „царь, подлинно царь Петръ Алексѣевичъ", а дальше видѣлъ я какъ солдаты честь ружьями колымагѣ отдавали, караулы выбѣгали.

Разсказъ попа вызвалъ разные толки,—кто удивлялся, кто осуждалъ царя.

— На-ко-ся! ну подобаетъ-ли царю благовѣрному собаку въ лобъ цѣловать, пòгань этакую, да и еще при народѣ!..

Поздно разошлись гости попа, всякъ толкуя по своему о слышанномъ, а всего больше говорили о царѣ, который собаку цѣловалъ.

Проводивъ гостей, попъ съ мирной душой и свѣтлыми мыслями улегся спать.

На другой день разсказъ попа ходилъ уже по всей волости, а тамъ пошелъ и дальше, и въ народѣ произошло нѣкоторое смущеніе. Люди мирные покачивали головами, а злонамѣренные и недовольные перетолковывали его по своему и находили въ немъ подтвержденіе своихъ разговоровъ о „послѣднихъ временахъ", „царствѣ антихристовомъ" и проч.

Разсказъ дошелъ наконецъ и до начальства; смущенныя власти начали доискиваться начала, откуда разсказъ пошелъ, и черезъ нѣсколько времени смирный кочетковскій попъ былъ потребованъ по „важному секретному дѣлу" въ уѣздный городъ Козловъ, а оттуда его отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Москву, въ тайную канцелярію.

Защемило сердце у попа; однако, какъ ни размышлялъ онъ — не могъ найти вины за собой. Въ Москвѣ, кажется, онъ велъ себя честно и благородно, въ консисторіяхъ дѣла сдѣлалъ хорошо — что же это такое?

Только въ преображенскомъ приказѣ разъяснилось дѣло, когда строгій князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій началъ допрашивать попа: подлинно-ли говорилъ онъ, попъ что видѣлъ царя Петра Алексѣевича, какъ онъ собаку поцѣловалъ въ лобъ?

Библиотека "Руниверс"

— Видѣлъ подлинно! утверждалъ попъ, и говорилъ объ этомъ; собачка рыженькая и ошейничекъ зеленой бархатной съ ободкомъ и замочкомъ мѣдянымъ.

— А коли видѣлъ [1]), то чего ради распространялъ такіе продерзостные слухи?

— Государь сдѣлалъ это не таяся, днемъ и при народѣ, оправдывался попъ, чаятельно мнѣ было, что и зазорного въ томъ нѣтъ, коли разсказывать.

— А вотъ съ твоихъ не разумныхъ разсказовъ въ народѣ шумъ пошелъ. Чѣмъ-бы тебѣ, попу, государево спокойствіе оберегать, а ты смуты заводишь, нелѣпые разсказы про царя разсказываешь!.. Отвѣчай съ какого умыслу, не то—на дыбу!

Тутъ ужь попъ струсилъ не на шутку, понявъ свою простоту и догадавшись, что дешево не отдѣлаешься отъ преображенскаго приказа.

— Съ простоты, княже, съ сущей простоты, а не со злого умысла! взмолился кочетковскій попъ передъ Ромодановскимъ; прости, княже простоту мою деревенскую! Каюсь, какъ передъ Богомъ!

— Всѣ вы такъ-то говорите — съ простоты! а я не повѣрю, да велю тебя на дыбу вздернуть!

Однако попа на дыбу не подняли, а навели о немъ справки и когда оказалось что кочетковскій попъ, человѣкъ совсѣмъ смирный и благонадежный, а коли говорилъ, такъ именно „съ сущей простоты", а не злобою, то приказано было постегать его плетьми, да и отпустить домой съ наказомъ не распространять глупыхъ разсказовъ.

— Это тебѣ за простоту, сказалъ ему Ромодановскій, отпуская домой,—не будь впередъ простъ и умѣй держать языкъ за зубами. Съ твоей-то вотъ простоты чести его царскаго величества поруха причинилась, и ты еще моли Бога, что такъ дешево отдѣлался! Ступай же, да не болтай впередъ пустого!

Не веселъ пріѣхалъ попъ домой послѣ московскаго угощенія, и когда снова слобожане собрались-было къ нему послушать разсказовъ—попъ и ворота не щеколду заперъ, и самъ не показался.

И долго еще пришлось попу отдѣлываться при встрѣчахъ отъ любопытныхъ съ разспросами о московской поѣздкѣ, а когда рѣчь заходила о царѣ, то попъ въ страхѣ только обѣими руками замахаетъ, да поскорѣе прочь пойдетъ, чтобы снова не попасть въ бѣду „съ простоты"...

---

[1]) Фактъ, разсказываемый попомъ, совершенно правдоподобенъ, и въ немъ нельзя сомнѣваться: „Лизета", была любимая собака Петра Великаго, съ которою Петръ обращался весьма нѣжно, и часто его сопровождала въ поѣздкахъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Корабельный столяръ и „Анна Ивановна".

(1732 г.).

У столяра адмиралтейской коллегіи Никифора Муравьева было давнишнее дѣло въ коммерцъ-коллегіи, тянувшееся уже четыре года, съ 1729-го.

Дѣло заключалось въ томъ, что онъ подалъ въ коммерцъ-коллегію челобитную на англичанина, купеческаго сына Пеля Эвенса, обвиняя его въ „боѣ и безчестіи" и прося удовлетворенія себѣ „по указамъ".

„Бой и безчестье" эти произошли конечно отъ того, что столяръ Никифоръ, нанявшись работать у англичанина, часто загуливалъ, ревностно справлялъ всѣ праздники, установилъ еще и свой собственный праздникъ—„узенькое воскресенье", т. е. понедѣльникъ, и тѣмъ крайне досаждалъ своему хозяину, у котораго отъ того работа стояла.

И вотъ, въ одно прекрасное узенькое воскресенье Пель Эвенсъ, раздосадованный пьянствомъ Никифора, расправился съ нимъ по своему, изругалъ, какъ ни есть хуже, надавалъ хорошихъ тумаковъ, и прогналъ.

Обиженный столяръ задумалъ отомстить англичанину судомъ и подалъ на него челобитную въ коммерцъ-коллегію, но рѣшенія своего дѣла столяру пришлось ждать слишкомъ долго.

„Жившіе мздою" чиновники не очень-то торопились съ этимъ дѣломъ, можетъ быть и потому, что купецкій сынъ Пель Эвенсъ частенько навѣдывался по своимъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегію и успѣлъ уже задобрить чиновниковъ, а голый столяръ имъ не представлялъ никакой поживы.

Такъ или иначе, но столяръ ходилъ годъ, другой, третій, и наконецъ четвертый, въ коллегію справляться о дѣлѣ, а оно все лежало подъ сукномъ и все ждало своего рѣшенія. Никифоръ Муравьевъ все не терялъ надежды получить удовлетвореніе „по указамъ" и надоѣдалъ коллежскимъ чиновникамъ своимъ визитами, а они только твердили ему, что „жди-молъ,—рѣшеніе учинятъ, когда дѣло разсмотрится".

И долго-бы еще пришлось такимъ образомъ ходить Муравьеву въ коллегію, если-бы не случилось неожиданнаго происшествія, которое его самого вовлекло въ бѣду, и заставило забыть о своемъ искѣ на драчливаго англичанина.

Уже на четвертый годъ своего мытарства, въ 1732 г., пришелъ однажды Муравьевъ въ коллегію и толокся вмѣстѣ съ прочими въ сѣняхъ, ожидая выхода какого нибудь чиновника.

Библиотека "Руниверс"

Вышелъ ассесоръ Рудаковскій. Муравьевъ подошелъ къ нему съ вопросомъ.

— Ты зачѣмъ? Ахъ-да! ты по дѣлу съ Эвенсомъ... Ну что ты, братецъ, шатаешься! брось ты это дѣло и ступай, помирись лучше съ хозяиномъ! право, дѣло-то лучше будетъ.

— Да нѣтъ-съ, никакъ невозможно это! Что же, я теперь четвертый годъ жду суда, а тутъ помириться! Я не хочу этого—пусть насъ разсудятъ по указамъ.

— Ну, мнѣ нѣкогда съ тобой разговаривать—и безъ тебя дѣло! и чиновникъ скрылся.

Муравьевъ остался въ раздумьи; въ головѣ его мелькнула мысль, „ужь не бросить-ли и въ самомъ дѣлѣ свой искъ на англичанина, потому—все равно: удовлетворенія не получишь, коли самъ больше не заплатишь, а гдѣ же мнѣ тягаться съ купцомъ!... А то нѣтъ! дай еще попытаюсь припугнуть жалобой“...

И снова ждетъ Муравьевъ чиновника, который чрезъ нѣсколько времени появляется.

— Ваше благородіе! я все-таки буду васъ просить объ этомъ дѣлѣ...

— Ахъ, отстань ты! поди ты прочь! не до тебя дѣло!...

— Ну, коли такъ, то я къ Аннѣ Ивановнѣ пойду съ челобитной, она разсудитъ...

Чиновникъ остановился и воззрился строго на Муравьева.

— Кто такая Анна Ивановна?

— Самодержица...

— Какъ-же ты смѣешь такъ продерзостно говорить о высокой персонѣ императрицы? Какая она тебѣ „Анна Ивановна“? родная что-ли, знакомая?... Да знаешь-ли ты, что тебѣ за это будетъ?

Чиновникъ радъ случаю придраться и наступаетъ на столяра съ угрожающими жестами. Никифоръ Муравьевъ труситъ.

— Такъ что-же вы мое дѣло-то тянете? вѣдь четыре года лежитъ оно! али вамъ получить съ меня нечего, такъ и суда мнѣ нѣтъ?...

— А такъ вотъ ты еще какъ? хорошо! Слышали, господа, какъ онъ продерзостно отзывался объ ея величествѣ, императрицѣ: я говоритъ, къ Аннѣ Ивановнѣ пойду!

— Слышали, слышали! отзываются присутствующіе.

— Ну такъ хорошо! я тебя упеку! расходился ассесоръ Рудаковскій.

— Конечно, конечно—надо его проучить, мужика! Идите вы сейчасъ же въ Сенатъ и доложите Андрею Ивановичу Ушакову—онъ его пройметъ!

— Иду, иду! сейчасъ же иду! Я этого дѣла такъ не оставлю!

— Да что вы, господа, всѣ на меня! рады обговорить-то...

— Не отговаривайся, всѣ слышали твои рѣчи.

Смущенный столяръ хочетъ уйти, но его удерживаютъ.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, ты постой! ты куда улизнуть хочешь! вотъ я тебя съ солдатами подъ караулъ отправлю! кричитъ Рудаковскій и несчастнаго Никифора Муравьева отправляютъ со сторожами въ сенатъ.

На другой день Муравьевъ предсталъ въ походной тайной канцеляріи предъ очи А. И. Ушакова и, разумѣется, заперся въ говореніи неприличныхъ словъ.

— Чиновникъ со злобы доноситъ, потому какъ они мое дѣло съ англичаниномъ четыре года тянутъ, а я помириться не могу и взятокъ не даю.

— Такъ какъ же ты говорилъ?

— Говорилъ, какъ надлежитъ высокой чести: ея величеству, государынѣ Аннѣ Ивановнѣ, а не просто—Аннѣ Ивановнѣ... Рудаковскій со злобы оговариваетъ.

— Позвать сюда ассесора Рудаковскаго.

— Какъ онъ говорилъ объ императрицѣ?

— Весьма оскорбительно для превысокой чести самодержицы—именовалъ ее, какъ простую знакомую, Анной Ивановной, безъ титула, подобающаго ея персонѣ. Говорилъ мнѣ въ глаза, и слышали это другіе люди, коихъ могу свидѣтелями поставить.

— Слышишь! обратился Ушаковъ къ Никифору Муравьеву,—признавайся лучше прямо, винись, то—огнемъ жечь буду.

— Со злобы!... потому, какъ...

— А! не признаешься! Поднимите его на дыбу!...

— Винюсь, винюсь! каюсь, ваше превосходительство! Въ забвеніи былъ, съ досады, можетъ что и не такъ сказалъ, какъ подобало! Досадно мнѣ было очень, что мое дѣло не рѣшаютъ, ну я и хотѣлъ постращать именемъ ея величества, государыни, чтобъ дѣло-то рѣшили мое.

— Ну, такъ чтобъ ты никогда не забывалъ подобающей императорской персонѣ чести и уваженія, мы тебя плетями спрыснемъ, рѣшилъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Несчастному столяру Никифору Муравьеву произвели въ тайной канцеляріи жестокую экзекуцію, и онъ закаялся съ этихъ поръ тягаться съ чиновниками коллегій и, приходя съ путыми руками, вздорить съ ними.

III.

О поручикѣ, принуждавшемъ пить за здоровье императрицы.

(1732 г.)

28 апрѣля 1732 года, въ день коронаціи императрицы Анны Ивановны, послѣ литургіи и молебнаго пѣнія, у воеводы Бѣлозерской провинціи полковника Фустова былъ званый обѣдъ.

Собрались къ нему все знатные люди: игуменъ ближняго монастыря, городской протопопъ, ратушскіе бургомистры, бургомистры

Библиотека "Руниверс"

таможенные и кабацкіе, и много другого зажиточнаго люда. Между гостями было и двое молодыхъ военныхъ: поручикъ „морского флота“ Алексѣй Афонасьевъ Арбузовъ и прапорщикъ Василій Михайловъ Уваровъ.

За обѣдъ сѣли чинъ чиномъ; радушная полковница-воеводша усердно угощала гостей; игуменъ и протопопъ, сидѣвшіе на первыхъ мѣстахъ, завели разговоръ о эпархіальныхъ дѣлахъ, кабацкіе бургомистры о винномъ торгѣ, а ратушскіе бургомистры пустились съ воеводою обсуждать дѣла администраціи. Двое молодыхъ военныхъ занялись разговорами съ барышнями—дочками воеводы. Прапорщикъ скоро овладѣлъ вниманіемъ старшей дочки красавицы, что взорвало поручика „морского флота“, большого кутилу и забіяку, который надѣялся совершенно затмить своимъ блескомъ прапорщика.

Бросая сердитые взгляды на него, поручикъ сталъ изыскивать способъ придраться къ чему нибудь и дать почувствовать прапорщику свое превосходство, но случая не представлялось:—на всѣ его колкія замѣчанія Уваровъ отвѣчалъ безъ злости, что еще болѣе распалило Арбузова.

Но вотъ всталъ хозяинъ и предложилъ выпить всей компаніи за здоровье императрицы; всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, чокнулись и выпили, только Уваровъ отпивъ полъ-рюмки, сморщился и поставилъ ее снова на столъ.

— Что-жь это вы такъ мало пьете? спросила его хозяйская дочь.

— Я теперь далъ зарокъ не пить больше, потому что отъ хмѣльного я боленъ бываю; на прошлой недѣлѣ кутнулъ слегка въ компаніи, такъ послѣ того цѣлыхъ трое сутокъ боленъ близь смерти пролежалъ—думалъ совсѣмъ смерть приходитъ—и вотъ послѣ этого мнѣ даже какъ-то противна стала водка.

Арбузовъ, занятый усердной выпивкой, не замѣтилъ этого, но вотъ радушная хозяйка подошла къ Уварову со стаканомъ пива.

— Не могу-съ, ей Богу, не могу пить, далъ обѣщаніе не пить—это мнѣ вредно.

— Ну что вамъ сдѣлается отъ стакана пива! уговаривала хозяйка,—теперь такой день,—надо выпить за здоровье императрицы.

— Да вотъ отецъ протопопъ еще не пилъ пива, думалъ отвертѣться Уваровъ, но въ это время вдругъ поднялся поручикъ Арбузовъ.

— Какъ! что такое? онъ не хочетъ пить за здравіе ея величества? громко заговорилъ онъ черезъ столъ и вперилъ злые глаза въ Уварова.

— Я не пью, потому-что это мнѣ вредно, но если хотите, я выпью, только дайте мнѣ чего нибудь другого, полегче—вина какого нибудь или наливки.

— Ахъ, вотъ горе что у насъ не случилось теперь ничего, кромѣ

Библиотека "Руниверс"

пива и водки—засуетилась хозяйка, и Уваровъ, взявъ стаканъ пива, выпилъ его.

— Нѣтъ, ты этимъ не отвертишься! горячился Арбузовъ,—какъ это ты смѣешь отказываться пить здравіе императрицы? Ты послѣ этого не вѣрный слуга государыни, а каналья!... Ты, бестія, недостоинъ носить военный мундиръ, потому что не уважаешь ея величества, не хочешь пить за ея здравіе въ день ея коронаціи!...

— Потише! потише! вскочилъ Уваровъ—вы не смѣете такъ называть меня!... Всемилостивѣйшая государыня не желаетъ своимъ подданнымъ отъ пьянаго питья вреда, не прибудетъ ея здоровья, если подданные будутъ пьяными валяться, да болѣзни наживать!...

— А такъ ты вотъ какъ!... Ну такъ я тебя заставлю выпить! Ты пилъ прежде—я самъ видѣлъ тебя пьянымъ, заоралъ Арбузовъ, подступивши къ прапорщику со стаканомъ водки.—Пей! сейчасъ, пей! не то я тебя всего раскваша!... и сжатый кулакъ поднялся надъ головою Уварова.

Уваровъ отшатнулся назадъ, глаза его загорѣлись гнѣвомъ, но въ это время переполошившіеся гости схватили Арбузова сзади и удержали руки; стаканъ выпалъ и разбился въ дребезги...

— Я не хочу въ чужомъ домѣ шкандалъ дѣлать и потому не буду отвѣчать вамъ на вашу ругань и дерзости, а мы разсчитаемся съ вами послѣ! сказалъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ Уваровъ, и направился къ выходу.

— Ну погоди, дьяволъ, съѣдусь я съ тобою гдѣ нибудь—разорву на части, изобью, какъ собаку! кричалъ, вырываясь отъ удерживающихъ гостей, разсвирѣпѣвшій поручикъ, въ догонку Уварову.

Гости, встревоженные скандаломъ, повышли изъ за стола, уговаривали и укоряли Арбузова, а полковникъ-воевода, давъ время удалиться Уварову, указалъ Арбузову на дверь и крикнулъ грознымъ голосомъ:

— Пошелъ вонъ! Я не позволю всякому пьяницѣ буянить въ моемъ домѣ! и чтобъ нога твоя не была у меня!.. вонъ!..

Арбузовъ оборотился, хотѣлъ что-то сказать или выругаться, но его тотчасъ же вытолкнули за дверь...

Послѣдствіемъ этой исторіи между двумя молодыми офицерами была не дуэль: „офицеры“ выбрали другой, хотя, по нравамъ эпохи, и не менѣе кровавый путь—оба они подали въ новгородскую губернскую канцелярію по прошенію и представили суду рѣшить ихъ дѣло чести.

Прапорщикъ Уваровъ написалъ прошеніе и подалъ 1 мая, т. е. чрезъ два дня послѣ происшествія, и въ прошеніи жаловался, что Арбузовъ „невѣдомо за что“ изругалъ его, причемъ подробно перечислилъ всѣ бранные эпитеты, которые онъ слышалъ, и упомянулъ даже угрозу „разорвать его до смерти“.

Дѣло это, по ходатайству самого воеводы, вполнѣ сочувствовав-

Библиотека "Руниверс"

шаго Уварову, не откладывалось въ долгій ящикъ, и скоро Арбузовъ долженъ былъ получить возмездіе за скандалъ въ домѣ воеводы.

Чувствуя собравшуюся надъ его головой бѣду, Арбузовъ вдругъ вздумалъ повернуть дѣло на другой ладъ и, не теряя времени, махнулъ въ ту же канцелярію доношеніе отъ 6 мая, на Уварова, оскорбившаго якобы монаршую честь тѣмъ, что не хотѣлъ пить, „какъ россійское обыкновеніе всегда у вѣрныхъ рабовъ имѣется“ за здравіе ея величества.

Арбузовъ упомянулъ въ доношеніи и отговорку Уварова; „сказалъ, яко-бы де онъ не пьетъ, а въ другихъ компаніяхъ, какъ вино, такъ и пиво пилъ и пьянъ напивался“.

Получивъ такое доношеніе, гдѣ говорилось объ оскорбленіи монаршей чести, новгородская губернская канцелярія не признала возможнымъ разсматривать это дѣло самой, а составя экстрактъ изъ обѣихъ бумагъ, послала его въ походную тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярію, вѣдавшую подобныя дѣла, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Арбузовъ перехитрилъ: отъ того политическаго оттѣнка, какой онъ придалъ дѣлу—оно затянулось до слѣдующаго 1733 года.

Но пришла, наконецъ, и ему очередь. Начались допросы всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ и свидѣтелей.

Уваровъ на допросѣ объяснилъ: „до 24 апрѣля въ компаніяхъ онъ вино и пиво пилъ и, видя отъ того питья себѣ вредъ, пить пересталъ отъ 24 числа, а 28 апрѣля, когда воевода предложилъ всѣмъ по рюмкѣ водки за здравіе ея величества, и онъ выпилъ, а не пилъ только другую, предложенную Арбузовымъ“.

Арбузовъ продолжалъ обвинять прапорщика въ томъ, что онъ не хотѣлъ пить изъ умысла.

Свидѣтели, вызванные въ походную тайную канцелярію, подтвердили во всемъ показаніе Уварова и обвиняли въ буйствѣ Арбузова.

Тайная канцелярія рѣшила это дѣло въ 1733 году, и совершенно неожиданнымъ для Арбузова образомъ. Желая доносомъ своимъ заварить кровавую кашу, такъ какъ рѣдко обвиненные въ оскорбленіи монаршей чести, хотя-бы и за пустяки (какъ мы это видимъ изъ двухъ предыдущихъ дѣлъ), выходили безнаказанными, Арбузовъ самъ попалъ въ вырытую для другого яму.

Уварова признали не виновнымъ, а Арбузова за желаніе сдѣлать зло своимъ невѣрнымъ доносомъ—понизили чиномъ...

IV.

Не кстати памятливая баба.

(1739—1740 г.).

Въ морозный день декабря 1739 года, въ городѣ Шлиссельбургѣ, въ домъ тамошняго жителя Михаила Львова, пришелъ жившій въ

Библиотека "Руниверс"

недальнемъ (за 25 верстъ) селѣ Путиловѣ каменьщикъ Данило Пожарскій.

Зашелъ онъ туда по родственному—провѣдать двоюродную племянницу своей жены; хозяйку Авдотью Львову, да кстати и погрѣться съ морозу. Пріѣхалъ онъ въ Шлиссельбургъ изъ Путилова по своимъ дѣламъ.

— Здорово, племяннушка! какъ живешь-можешь?

— Ай, да никакъ это дядя Данило! воскликнула Авдотья, здороваясь,—какими судьбами?

— По дѣламъ, племяннушка, по дѣламъ пріѣхалъ сюда, да вотъ и къ тебѣ зашелъ... Хозяинъ-то дома?

— Нѣту самого то—отлучился куда то... да ты садись; здорова ли тетка то Алёна?

— Што ей дѣлается—здорова, тебѣ кланяется.

Данило распоясался и сѣлъ на лавку, и тутъ только замѣтилъ въ комнатѣ еще третье лицо—небритаго, грязнаго и одѣтаго по нѣмецки человѣка.

— Это кто-жъ у тебя? спросилъ Данило Авдотью.

— А это, дядя Данило, жилецъ у насъ, на квартирѣ живетъ, писарь съ полицейской конторы, Алексѣй Колотошинымъ зовутъ.

Писарь поклонился и снова сѣлъ у окна, глядя въ него.

— Зазябъ дюже по дорогѣ то! сказалъ Пожарскій потирая руками.

— Да ты бы, дядя, на печку легъ—погрѣйся съ холоду то, она у насъ хорошо натоплена, предложила Авдотья; раздѣвайся-ко, да полѣзай, скидай валенки то—я ихъ посушу въ печуркѣ, да самоваръ поставлю, а тѣмъ временемъ и „самъ“ подойдетъ—недалеко куда то отвернулся!

— Инъ ладно—дѣло говоришь, погрѣю старыя кости... Вы, господинъ, не обезсудьте! обратился Пожарскій къ писарю, снимая валенки и влѣзая на жарко натопленную печь.

— Ничего-съ, это дѣло хорошее съ морозу, отвѣтилъ писарь.

Авдотья принялась за самоваръ да закусочку для дяди.

— Нонѣ мы, Дунюшка, съ работой, слава Создателю, сбились—дѣла повеселѣе пошли, началъ съ печи Пожарскій, въ Курляндію нашего брата-каменьщика много пошло.

— А какъ теперь въ Курляндію ѣздятъ, позвольте спросить? вставилъ въ разговоръ писарь.

— Да разно! отвѣтилъ Пожарскій, а больше черезъ Нарву, Юрьевъ и Ригу.

— А чья же это нынѣ Курляндія то? подъ чьей державой? спросила Авдотья писаря Колотошина.

— Курляндія та нынѣ наша, отвѣчалъ Колотошинъ, всемилостивѣйшей государыни, потому что она изволила быть въ супружествѣ за курляндскимъ княземъ.

Библиотека "Руниверс"

— А-а! вишь ты какое дѣло!.. То-то теперь я припоминаю, что еще когда махонькой дѣвочкой была, и жили мы въ Старой Руссѣ, теперь этому лѣтъ съ тридцать будетъ, такъ говорили, что царевна за невѣрнаго замужъ идетъ въ чужую землю. И пѣсня тогда была складена, и пѣвали ее робята, мальчики и дѣвочки:

„Не давай меня, дядюшка,
Царь-государь, Петръ Алексѣевичъ,
Въ чужую землю, не христіанскую,
Не христіанскую, бусурманскую.
Выдай меня, царь-государь,
За свово генерала, князя, боярина“...

Колотошинъ осклабился, Пожарскій на печи промолчалъ, а Авдотья вышла за чѣмъ-то въ сѣни и скоро снова возвратилась.

— Былъ де слухъ, опять начала Авдотья, что у государыни сынъ былъ и сюда не отпущалъ...

— Н-незнаю, ничего не знаю, отвѣтилъ Колотошинъ, отвертываясь и видя, что Авдотья въ своихъ воспоминаніяхъ заходитъ уже слишкомъ далеко, въ такую область слуховъ и сплетень, за которыя по головѣ не погладятъ, коли узнаютъ, и потому не сталъ ни отвѣчать, ни распрашивать ее болѣе.

Данило Пожарскій тоже что то давно примолкъ на печи, должно быть задремалъ.

Разговоръ прекратился; Колотошинъ посидѣлъ еще немного и ушелъ къ себѣ.

Писарь Алексѣй Колотошинъ представлялъ изъ себя личность съ темнымъ прошедшимъ и зазорнымъ настоящимъ. Взросшій среди нищеты и разврата, освоившійся съ тѣмъ и другимъ, не получившій никакого образованія, онъ съ дѣтства перебывалъ во всякихъ профессіяхъ—отъ нищаго—мазурика и до полицейскаго писаря включительно. Каждый день пьяный, онъ въ должности грабилъ и обиралъ безъ всякой совѣсти всѣхъ, кого было можно, и готовъ былъ на всякое грязное дѣло — обманъ, лжесвидѣтельство, доносъ, воровство.

Выгнанный изъ одного мѣста, онъ шатался по самымъ грязнымъ и подозрительнымъ мѣстамъ, пока не удавалось втереться снова куда нибудь.

Дней черезъ десять послѣ описаннаго нами разговора съ Авдотьей и Даниломъ Пожарскимъ, Колотошинъ что то смошенничалъ или своровалъ и, не успѣвши спрятать концовъ въ воду, попался. Его посадили подъ караулъ при канцеляріи „Большого Ладожскаго канала“ въ ожиданіи строгой расправы.

Сидя подъ карауломъ, оборотистый писарь раскидывалъ умомъ— какой бы такой учинить фортель, чтобы какъ нибудь избѣжать заслуженной кары.

Думалъ, думалъ—и придумалъ средство, какъ разъ достойное такого низкаго человѣка, каковъ былъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

„Дай-ка, сообразилъ онъ, я сдѣлаю доносъ, объявлю государственное „слово и дѣло!“ Сейчасъ меня освободятъ отсюда и переведутъ въ тайную канцелярію, а покуда тамъ пойдутъ розыски, да допросы—это дѣло и потухнетъ... а можетъ быть я и награду получу за доносъ.“

Жертвой доноса Колотошинъ избралъ свою квартирную хозяйку Авдотью Львову, разговорившуюся на свою бѣду объ императрицѣ и некстати вспомнившую давно сложенную пѣсню.

И вотъ простой и самый невинный семейный разговоръ превращается въ кровавое уголовное дѣло объ оскорбленіи императорской чести!

21 декабря 1739 г., Алексѣй Колотошинъ, сидя за карауломъ, объявилъ за собою государево слово и дѣло и въ тотъ же день былъ отправленъ изъ канцеляріи Большого Ладожскаго канала въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Въ тайной канцеляріи Колотошинъ подробно объявилъ слышанныя имъ отъ Авдотьи Львовой слова и пѣсню.

Ушаковъ придалъ этому дѣлу важное значеніе и тотчасъ же послалъ за Авдотьей Львовой, чтобы арестовать ее и привезти въ канцелярію.

— Отчего ты раньше не донесъ объ этомъ дѣлѣ? спросилъ Ушаковъ доносчика Колотошина.

— Простотою, ваше превосходительство, запѣлъ обычную пѣсню Колотошинъ,—сущимъ недознаніемъ, а паче неимѣніемъ времени не доносилъ.

— А про какого сына императрицы оная жонка Авдотья говорила, снова выпытывалъ Андрей Ивановичъ,—и кто кого и откуда не отпущалъ?

— Не вѣдаю подлинно, ваше превосходительство, потому—сама она именно того не выговорила, да и я объ ономъ ее не распрашивалъ, боясь причастія къ этому дѣлу, и видя ея продерзость и неразумѣніе.

На другой день, 22 декабря, представлена была въ тайную канцелярію и Авдотья Львова, обезумѣвшая отъ страха, а Данилу Пожарскаго, также упомянутаго въ доносѣ Колотошина, еще не нашли—онъ уѣхалъ изъ Путилова села куда то по дѣламъ, и его разыскивали.

На допросѣ Авдотья Львова не заперлась и чистосердечно во всемъ призналась, что говорила, какъ доноситъ Колотошинъ, но говорила это „съ самой простоты своей, а не съ каково умыслу, но слыша въ ребячествѣ своемъ, говаривали и пѣвали объ ономъ малые ребята мужска и женска полу“.

Отговорка „сущею простотою“, „недознаніемъ“ была такъ обыкновенна въ тайной канцеляріи—ее слышали по нѣскольку разъ въ день чуть ли не отъ каждаго допрашиваемаго—что ее уже перестали и

Библиотека "Руниверс"

во вниманіе принимать, она давно уже сдѣлалась для всѣхъ служащихъ тамъ пустымъ звукомъ, формальнымъ, по титулу, словомъ—и ей не вѣрили.

Не повѣрили и Авдотьѣ Львовой, и тайная канцелярія рѣшила черезъ два дня, 24 декабря, наканунѣ праздника Рождества Христова, пытать въ застѣнкѣ несчастную Авдотью и, поднявъ на дыбу, распросить съ пристрастіемъ нà-крѣпко, т. е. съ ударами плетью,—„съ каково умыслу она говорила тѣ непристойныя слова, и не изъ злобы-ли какой, и отъ кого именно такія слова она слышала, и о тѣхъ непристойныхъ словахъ не разглашала ли она, и для чего подлинно?“

Таковъ списокъ вопросовъ, изъ которыхъ на каждый допросчикъ долженъ былъ истязаніемъ добиться точныхъ и правдивыхъ отвѣтовъ отъ обвиненнаго.

Понятное дѣло, что предлагая эти вопросы Авдотьѣ Львовой, допросчики всуе трудилися, и заплечные мастера напрасно хлестали плетьми спину несчастной бабы—ни въ одномъ изъ этихъ грѣховъ, она не была виновна, и ей чужда была всякая злонамѣренность.

Но „простотѣ“ не вѣрили, увѣренія въ невинности сочли за „запирательство“, и на этомъ дѣла не кончили, а снова кинули Авдотью въ тюрьму, до новой пытки.

Въ этотъ же день, 24 декабря, былъ представленъ въ тайную канцелярію и Данило Пожарскій, сысканный гдѣ-то, и тотчасъ же поставленъ къ допросу.

Показанія его ничего не прибавили къ дѣлу новаго—онъ подтвердилъ только о своемъ разговорѣ съ писаремъ о дорогѣ въ Курляндію, а объ остальномъ отозвался незнаніемъ, должно-быть задремалъ на печкѣ.

Неизвѣстно, почему тайная канцелярія повѣрила показанію Данилы Пожарскаго—и, въ тотъ же день выпустила его на свободу. Или слезныя просьбы отпустить ради великаго праздника помогли ему?

А Авдотья Львова просидѣла въ тюрьмѣ и Рождество, и Новый годъ—и только въ слѣдующемъ 1740 году, января 7-го, ее снова потребовали на третій допросъ и вторую пытку, на которой лично присутствовалъ и самъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Снова тѣ же вопросы: „не разглашала ли, съ какого умыслу, отъ кого именно слышала?“ и снова тотъ же вопль страданія и увѣренія въ невинности. Тутъ ей прибавили новый вопросъ: „не слыхалъ ли говоренныя ею слова Данило Пожарской?“

Она отвѣтила, что „слышалъ ли Пожарской—она Авдотья доподлинно не знаетъ, а можетъ быть и не слыхалъ, потому что она говорила съ Колотошинымъ не громко, а Данило въ то время лежалъ на печи и, можетъ быть, спалъ“.

Послѣ этой пытки, наметавшійся глазъ Андрея Ивановича Ушакова увидѣлъ наконецъ истинную простоту и незломысліе Авдотьи

Библиотека "Руниверс"

Львовой, и потому было рѣшено не пытать больше ее, а кончить это дѣло совсѣмъ.

9 января 1740 года канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ рѣшила:

„Авдотьѣ Максимовой Львовой за происшедшія отъ нея непристойныя слова, учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и освободить".

Несчастную женку Авдотью въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, нещадно наказали кнутомъ въ третій и послѣдній разъ и—отпустили, наконецъ, на волю, возвративъ ей, въ видѣ милости, паспортъ...

Вотъ не кстати то вспомнила баба свою молодость!..

V.

Легенда о Петрѣ Великомъ и о ворѣ [1]).

(1744 г.).

Много кровавыхъ розысковъ о „словѣ и дѣлѣ" возникало за мирнымъ обѣденнымъ столомъ, за чаркою вина, и много людей часто изъ за сытнаго обѣда и еще съ отуманенной головой отправлялись прямо въ застѣнки тайной канцеляріи.

Дѣло, которое мы сейчасъ разскажемъ, принадлежитъ къ числу именно такихъ.

Воронежскаго гарнизона, елецкаго полка, отставной сержантъ Михайло Первовъ былъ приглашенъ на обѣдъ однимъ изъ своихъ пріятелей.

Гостей было много, передъ обѣдомъ радушный хозяинъ повелъ всѣхъ къ выпивкѣ, и сержанту Михайлу Первову, какъ старшему и наиболѣе уважаемому, была предложена первая чарка.

— Нѣтъ, другъ милый, не могу! началъ отговариваться Первовъ,—не порядокъ это, чтобы прежде хозяина пить... Выпей прежде самъ.

— Да что самъ!—самъ-то я успѣю; да, признаться, ужь и прикладывался, а гостя надо теперь почтить... Ну, пей во здравіе, не задерживай другихъ!

— Ни, ни, ни! никоимъ образомъ не стану! упирался упрямый Первовъ и рукою отстранилъ протянутую ему чарку.—Пей прежде самъ, послѣ и мы... Такъ издавна ведется: „какову чашу нальешь и выпьешь—такову и гости".

— Ну, нечего дѣлать, коли ты такой упрямый! сказалъ хозяинъ и выпилъ чарку.

— А вотъ теперь и мы потянемся, сказалъ Первовъ и тоже выпилъ, а за нимъ и всѣ гости.

---

[1]) Сб. Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н., т. IX.

Библиотека "Руниверс"

— Ты меня, хозяинъ, не обезсудь, что я поупрямился, обратился Первовъ послѣ выпивки къ хозяину,—я это не съ одного упрямства, али простоты сдѣлалъ, а есть у меня на это резонъ.

— Ну-ка разскажи, что за резонъ, а мы послушаемъ, отвѣтилъ хозяинъ и подмигнулъ гостямъ, приглашая и ихъ послушать старика, который пользовался славой хорошаго разсказчика.

Первовъ, дѣйствительно, былъ словоохотливъ и зналъ множество исторій, разсказовъ и анекдотовъ, которые онъ самъ слышалъ во время своей службы, помнилъ ихъ и любилъ передавать другимъ.

Сѣли за столъ; застучали ложки, ножи и вилки, а сержантъ Михаилъ Первовъ началъ свой разсказъ:

— Блаженныя памяти нашъ всемилостивѣйшій государь Петръ Великій былъ однажды въ нѣкоторой компаніи, скрывши свой санъ и царское достоинство и занимались тамъ виномъ и пивомъ. И изволилъ государь спрашивать бывшихъ въ той компаніи людей разныхъ чиновъ:

— Ты-де кто таковъ?

— Я-де такой-то дворянинъ, отвѣчалъ ему одинъ.

— А ты-де изъ каковыхъ? спросилъ государь другого изъ компаніи.

— И я—дворянинъ такой-то! сказался и другой государю.

Тогда государь, отшедъ отъ оныхъ дворянъ, подошелъ къ третьему человѣку.

— Ну, а ты-де каковъ таковъ человѣкъ? изволилъ спросить.

И оный третій спрошенный, смѣло взирая государю въ очи, отвѣтилъ:

— Я-де по просту—воръ!..

Всемилостивѣйшій государь, бывъ удивленъ таковымъ отвѣтомъ, захотѣлъ онаго смѣлаго вора-человѣка на искусъ взять и, отозвавъ въ сторону, тихо говорилъ:

— И я-де таковъ же воръ, какъ и ты, а посему составимъ мы съ тобою компанію и пойдемъ воровать вмѣстѣ, а будь ты мнѣ братъ названый!..

И сойдя съ того двора изъ оной компаніи, пошли вмѣстѣ.

И оный-де воръ того государя спросилъ:

— Куда-жь намъ теперь на воровство идти?

А всемилостивѣйшій государь, зѣло искушая его, тому вору отвѣтствовалъ:

— Пойдемъ теперь прямо на государевъ дворъ воровать—тамъ-де казны невѣдомо что! Поживишься такъ, что и на возахъ не увезешь добра!

Тогда оный смѣлый воръ осердился на государя презѣльно и подскоча къ всемилостивѣйшему, ударилъ его въ щеку и сказалъ:

— Какъ же ты братъ-бездѣльникъ, Бога не боишься?!.. кто-де насъ поитъ и кормитъ и за кѣмъ мы слывемъ, а ты-де на его величество хочешь посягнуть!..

Библиотека "Руниверс"

Стерпѣлъ всемилостивѣйшій тое воровскую обиду, слыша такія отъ вора слова.

А воръ свою рѣчь продолжалъ тако:

— Я-де знаю, куда лучше ѣхать! — поѣдемъ-де къ большому боярину... Лучше у него взять, а не у государя.

— Добро! пойдемъ къ большому боярину воровать, понеже у государя не хочешь, отвѣтствовалъ всемилостивѣйшій вору.

И сказавъ тѣ слова, оба пошли ко двору нѣкоего большого боярина.

— Ты, братъ, постой здѣсь и подожди! сказалъ воръ государю, подошедъ ко двору боярина,—а я пойду во дворъ и послушаю, что говорятъ.

Государь подождалъ, а воръ, пришедъ обратно со двора къ государю, сказалъ:

— Охъ-де, братъ, дурно говорятъ!.. Хотятъ-де, братъ, завтра звать кушать государя и хотятъ водку дурную подносить ему, чтобъ умеръ...

И запечалился воръ, слыша таковыя вѣсти, и сказалъ государю:

— Не хочу-де, братъ, никуда идти—домой пойдемъ!

И государь-де тому вору говорилъ:

— Гдѣ-жь-де, братецъ, намъ съ тобой въ другорядь видѣться?

— Увидимся-де завтра въ соборѣ, отвѣтствовалъ воръ. И такъ разошлись.

И какъ въ соборъ на завтрее пришли, и всталъ воръ рядомъ съ государемъ; а послѣ службы стали бояре просить всемилостивѣйшаго государя откушать, а всемилостивѣйшій изволилъ сказать:

— Просите-де сего человѣка, брата моего, а съ нимъ и я пойду.

И стали просить вора бояре съ честію, а воръ согласился и поѣхали всѣ вмѣстѣ на дворъ къ большому боярину.

А на дорогѣ говорилъ воръ государю тихо, дабы бояре не слыхали:

— Ну-де, братъ, — первую чарку станутъ тебѣ подносить—безъ меня не кушай!

И какъ стали подносить государю, и онъ говорилъ боярину:

— Брату-де моему поднеси—я-де прежде брата пить не буду.

Поднесли чарку брату бояре, а у самихъ и ноги отъ страха затряслись.

— Не хочу я прежде хозяина умереть! вымолвилъ оной воръ, отведя чарку,—пускай-де прежде хозяинъ выпьетъ.

А государь, грозно брови наморща, на боярина смотритъ.

— Пей! сказалъ воръ; и какъ хозяинъ выпилъ тое чарку—и его разорвало!..

— Знать, съ этова-то первыя-то чарки прежде хозяина и не пьютъ! закончилъ свое повѣствованіе сержантъ Первовъ.

— Занятная исторія! отозвался хозяинъ, и гдѣ это ты набираешь?.. Вѣдь, какъ начнетъ разсказывать, — такъ одна одной лучше! обратился хозяинъ къ гостямъ, аттестуя разказчика.

Библиотека "Руниверс"

— Да! чудное дѣло, какъ это государь, можно сказать, монархъ имперіи—и съ воромъ якшаться сталъ! прибавилъ кто-то изъ гостей.

— Такой ужь царь былъ—послушай только про него, такъ диву дашься!

— А я чаю, что все это — продерзостное безславіе неразумныхъ людей про всемилостивѣйшаго императора! вдругъ началъ рѣчь съ конца стола какой-то приказный, на котораго не обращали до сихъ поръ вниманія.

— Сами этого не видали, а какъ старые люди говорятъ, такъ и мы разсказываемъ, отвѣчалъ Михайло Первовъ.

— А отъ кого ты слышалъ это именно? спросилъ приказный, пристально смотря на Первова.

— Ну ты, крючекъ приказный! къ допросу што ли его потянуть хочешь? сказалъ хозяинъ, сейчасъ ему объясни—отъ кого, да когда, по пунктамъ.

— Я бы тебѣ, хозяинъ, посовѣтовалъ такихъ буеслововъ къ себѣ не пущать и таковыхъ непристойныхъ рѣчей объ особахъ императорскихъ не слушать, а то и самъ въ бѣду попадешь.

— Ну ужь я знаю, кого пущать, а коли тебѣ, строкѣ кляузной, не нравится, такъ — вотъ Богъ, а вотъ и порогъ! вспылилъ хозяинъ и указалъ на дверь.

Приказный вскочилъ, точно ошпаренный, и направился къ выходу.

— Я уйду! зашипѣлъ онъ, только тебѣ будетъ нездорово—сейчасъ же донесу по начальству, скажу слово и дѣло! Не допущу безчестія на память великаго отца всемилостивѣйшей государыни—быть вамъ драными!..

Приказный ушелъ, оставивъ послѣ себя общее замѣшательство.

Всѣ знали, что дѣла такого рода никогда не проходятъ даромъ, и почти каждый изъ гостей зналъ нѣсколько подобныхъ розысковъ, бывшихъ съ людьми, ему знакомыми.

Приказный тотчасъ же донесъ о непристойныхъ рѣчахъ, касающихся превысокой монаршей чести, и не успѣли еще разойтись гости, какъ приставы арестовали Михайла Первова со свидѣтелями, и всѣхъ, вмѣстѣ съ доносчикомъ, отправили въ тайную канцелярію...

Процедура допросовъ въ застѣнкахъ канцеляріи уже достаточно извѣстна читателю изъ предыдущихъ очерковъ, и мы не будемъ здѣсь повторять тяжелыя и однообразныя подробности ихъ. Дѣло кончилось для разсказщика легенды, отставного сержанта Михайла Первова, крайне худо—его били кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослали на житье въ Сибирь вѣчно...

А. В. Арсеньевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ.

I.

ЧЕЛОВѢКЪ только что опущенъ въ могилу. Смерть застигла его почти внезапно, застигла въ періодѣ полнаго развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ, среди кипучей и плодотворной дѣятельности. Онъ не ждалъ ее, не догадывался объ ея приближеніи, или, вѣрнѣе, онъ всю жизнь ждалъ этой смерти и привыкъ къ этому ожиданію. Онъ угасъ, не договоривъ своего слова, но онъ говорилъ и долго и много, и дѣло его жизни нельзя назвать начатымъ и неоконченнымъ: онъ сдѣлалъ свое дѣло, оставилъ по себѣ яркій, осязательный слѣдъ, который не можетъ стереться и забыться.

Человѣка только что опустили въ могилу — и нежданная смерть его у всѣхъ на устахъ, память о немъ такъ свѣжа, всѣмъ хочется говорить о немъ, о значеніи только что понесенной утраты. Но какъ же можно говорить теперь о немъ—въ эти первые, печальные дни? Теперь больше чѣмъ когда либо онъ, уже навѣки отсутствующій, долженъ самъ говорить о себѣ своими многочисленными твореніями— вѣдь онъ весь заключается въ нихъ, въ этихъ горячихъ твореніяхъ, которыя долго, слишкомъ, долго были плохо понимаемы, плохо цѣнимы. Но послѣдніе годы его трудовой, тяжелой жизни озарились таки счастьемъ, на которое онъ уже переставалъ расчитывать: его слово, наконецъ, достигло до сердца тѣхъ, къ кому оно обращалось. Онъ договаривалъ это слово, окруженный всеобщимъ сочувствіемъ, признательностью, восторгомъ.

Онъ ужъ ничего больше не прибавитъ къ тому, что имъ было сказано, и вспоминать о немъ—значитъ вспоминать каждое его слово, вдумываться въ него, уразумѣвать каждую мысль его, значеніе каждаго поэтическаго образа имъ созданнаго. Но такія воспоминанія о художникѣ-мыслителѣ могутъ быть плодомъ только вѣрной,

Библиотека "Руниверс"

безпристрастной критической оцѣнки его твореній. Скоро ли дождется такой оцѣнки память Достоевскаго—это сказать трудно при крайне печальномъ состояніи нашей критики. И во всякомъ случаѣ не теперь, не въ эти печальные первые дни, время для попытокъ критики: она должна быть спокойна, безпристрастна, къ ней не должно примѣшиваться личное чувство, вызванное нежданной смертью нашего дорогого писателя. Серьезная оцѣнка его дѣятельности и знаменательнаго значенія этой дѣятельности для русскаго общества—предстоитъ будущему.

Но всѣмъ, кто лично зналъ его, кто потерялъ въ немъ не только одного изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, но и близкаго человѣка, теперь съ тоскою думается ужъ не о вдохновенномъ писателѣ, а о Ѳедорѣ Михайловичѣ, котораго никогда больше не увидишь, которому больше никогда не пожмешь руку. Такъ будто и слышится его то раздраженный, то ласковый голосъ, такъ и мелькаютъ во всѣхъ подробностяхъ всѣ тѣ мелочи, совокупность которыхъ составляетъ и внѣшній и внутренній образъ человѣка, и которыя начинаешь особенно цѣнить, когда человѣка не станетъ...

Я зналъ Ѳедора Михайловича не просто какъ знакомаго — онъ былъ моимъ учителемъ и исповѣдникомъ. Особенныя обстоятельства помогли моему съ нимъ сближенію съ первой же минуты нашей встрѣчи, и сближеніе это относится именно къ тому періоду его жизни, когда онъ былъ почти одинокимъ и поддерживалъ сношенія только съ ограниченнымъ кружкомъ своихъ старыхъ друзей. Въ то время Достоевскій имѣлъ на меня рѣшительное вліяніе и я придавалъ большое значеніе почти каждому сказанному мнѣ имъ слову. Поэтому я имѣлъ обычай тогда же записывать многіе наши разговоры, его разсказы, и по преимуществу разсказы о себѣ самомъ. Я храню нѣкоторыя его интересныя письма. Все это даетъ мнѣ теперь возможность сразу и легко разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ, не боясь ошибокъ моей памяти. Мнѣ только жаль, что я не могу въ настоящее время разсказать всего, что у меня записано и что я помню — я не хочу обвиненій въ нескромности, не хочу много говорить о живыхъ еще людяхъ, и потому мнѣ остается представить только отрывки изъ моихъ воспоминаній о Ѳедорѣ Михайловичѣ. Жаль мнѣ еще и то, что, говоря о немъ, я неизбѣжно долженъ говорить и о себѣ; но самое свойство и форма личныхъ воспоминаній должны въ этомъ оправдать меня передъ читателями.

II.

Достоевскій сдѣлался любимѣйшимъ моимъ писателемъ съ той самой поры, когда я прочелъ первую изъ повѣстей его, попавшуюся

Библиотека "Руниверс"

мнѣ подъ руку, а это случилось въ самые ранніе годы моего отрочества. Всякій художникъ-писатель тогда легко овладѣвалъ моей душой, увлекалъ и заставлялъ переноситься въ міръ своихъ образовъ и фантазій. Но выходя изъ подъ этого обаянія, я сейчасъ же и отрезвлялся. Не то было со мной при чтеніи Достоевскаго.

Это чтеніе составляло для меня высочайшее наслажденіе и въ то же время муку. Страстный, страдающій авторъ съ первой же страницы схватывалъ меня и уносилъ противъ воли въ свое мрачное царство, гдѣ онъ собиралъ все, что только есть темнаго, больного, мучительнаго и безобразнаго въ нашей общественной и личной жизни, гдѣ свѣтлые и здоровые образы являются какъ исключеніе. Я чувствовалъ, что онъ вскрываетъ такую глубину человѣческаго *я* и освѣщаетъ въ ней такія явленія, что становилось страшно. Онъ находилъ выраженіе самымъ неуловимѣйшимъ ощущеніямъ и мыслямъ. Это былъ какой-то горячечный сонъ — яркій, мучительный, потрясающій. Грезилось что-то огромное, сложное. Все перепутано, все кружится, несется въ страстномъ вихрѣ, и надъ всѣмъ этимъ царитъ одно томительное, давящее и необычайное, сильное ощущеніе. И вдругъ этотъ мракъ, этотъ ужасъ озаряются кроткимъ свѣтомъ, раздается голосъ любви, прощенія, примиренія. Страхъ отходитъ, изъ глубины души поднимаются тихія слезы...

Чтеніе окончено, но впечатлѣніе его остается на долго. Нервы потрясены, мысль работаетъ. Этотъ горячечный сонъ, въ которомъ почти всегда такая путаница образовъ, положеній, въ которомъ все сбито въ одну кучу, часто пригнано въ одно мѣсто, къ одной минутѣ, не смотря на всю свою видимую фантастичность, оказывается полнымъ самой живой, самой глубочайшей жизненной правды.

Этотъ мучительный міръ, эти стоны и вопли страждущей, загрязненной души человѣческой, порывающейся изъ своей грязи, ищущей правды и свѣта и спасаемой любовью — были всегда близки и понятны даже полуребенку, не знавшему жизни. Но время шло, и то, что сначала воспринималось только инстинктивно чуткими нервами, съ каждымъ годомъ сознательнѣе и яснѣе запечатлѣвалось въ мысли.

Появленіе „Преступленія и Наказанія“ было для меня огромнымъ событіемъ. Я читалъ эту книгу дни и ночи; кончалъ и опять перечитывалъ. Я очень много пережилъ въ то время и вышелъ изъ этой школы совсѣмъ измѣненнымъ.

Потомъ, каждаго новаго романа Достоевскаго я дожидался съ лихорадочнымъ волненіемъ. Но я дожидался не одного романа, а и его автора, потому что этотъ авторъ выступалъ изъ за каждой строки, и я, никогда не видавъ его, былъ уже съ нимъ близко знакомъ и горячо любилъ его.

Все, что можно было узнать о немъ, объ его жизни—я узнавалъ, но этого оказывалось очень мало: я не встрѣчался съ людьми хо-

Библиотека "Руниверс"

рошо его знавшими... Еще прошли года, и именно тѣ года первой юности, которые играютъ такую важную роль въ жизни каждаго человѣка, когда идетъ такая неугомонная внутренняя работа. Измѣнялись мысли, взгляды, вкусы, многое передѣлывалось—оставалось однако неизмѣннымъ вліяніе творчества Достоевскаго и его собственнаго нравственнаго образа, запечатлѣннаго въ его твореніяхъ.

Я кончилъ университетскій курсъ, переѣхалъ изъ Москвы на житье въ Петербургъ, только что начиналъ знакомиться съ самостоятельной жизнью. У меня не было никакихъ знакомствъ съ литературными кружками и хотя Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій далъ мнѣ, передъ моимъ отѣздомъ изъ Москвы, нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ его петербургскимъ пріятелямъ-литераторамъ—я не воспользовался этими письмами. Я печаталъ гдѣ приходилось лирическія пьески безъ своей подписи и этимъ все ограничивалось.

Въ самомъ концѣ 1872 года, я прочелъ въ газетахъ объявленіе объ изданіи журнала „Гражданинъ“ подъ редакціей Достоевскаго. Я думалъ, что онъ все еще заграницей; но вотъ онъ здѣсь, въ одномъ городѣ со мною, я могу его видѣть, говорить съ нимъ. Меня охватила радость, волненіе. Я былъ ужасно молодъ и не сталъ задумываться: сейчасъ же отправился въ редакцію „Гражданина“ узнать адресъ новаго редактора. Мнѣ дали этотъ адресъ. Я вернулся къ себѣ, заперся и всю ночь напролетъ писалъ Достоевскому. Мнѣ любопытно было бы прочесть теперь письмо это. Можетъ быть въ немъ было очень много лишняго, но во всякомъ случаѣ я сказалъ ему все, что могъ сказать человѣку, котораго любилъ такъ долго и который имѣлъ на меня такое вліяніе.

На слѣдующее утро я послалъ это письмо по почтѣ и ждалъ. Прошло три, четыре дня—никакого отвѣта. Но я нисколько не смущался, я былъ совершенно увѣренъ, что Достоевскій не можетъ мнѣ не отвѣтить.

Наступилъ новый 1873 годъ. Перваго января, вернувшись къ себѣ поздно вечеромъ и подойдя къ письменному столу, я увидѣлъ среди дожидавшихся меня писемъ визитную карточку, оборотная сторона которой была вся исписана. Взглянулъ—„Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій“.

Съ почти остановившимся сердцемъ я прочелъ слѣдующее:

„Любезнѣйшій Всеволодъ Сергѣевичъ, я все хотѣлъ вамъ написать; но откладывалъ, не зная моего времени. Съ утра до ночи и ночью былъ занятъ. Теперь заѣзжаю и не застаю васъ къ величайшему сожалѣнью. Я дома бываю около 8 часовъ вечера, но не всегда. И такъ у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю самъ, когда бы могъ вамъ назначить совершенно безошибочно.

„Крѣпко жму вашу руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій“.

Я чувствовалъ и зналъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ; но эти простыя

Библиотека "Руниверс"

и ласковыя слова, это посѣщеніе незнакомаго юноши (въ письмѣ своемъ я сказалъ ему года мои)—все это тронуло меня, принесло мнѣ такое радостное ощущеніе, что я не спалъ всю ночь, взволнованный и счастливый. Я едва дождался вечера. Я замиралъ отъ восторга и волновался какъ страстный любовникъ, которому назначено первое свиданіе. Въ началѣ восьмого я поѣхалъ. Онъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку, во 2 ротѣ. Я нашелъ домъ № 14, прошелъ въ ворота и спросилъ—мнѣ указали отдѣльный флигелекъ въ глубинѣ двора. Сердце такъ и стучало. Я позвонилъ дрожащей рукою. Мнѣ сейчасъ же отворила горничная, но я съ минуту не могъ выговорить ни слова, такъ что она нѣсколько разъ и уже съ видимымъ недоумѣніемъ повторила: „Да вамъ что же угодно?“

— Дома Ѳедоръ Михайловичъ? наконецъ проговорилъ я.

— Дома съ, а барыни нѣту—въ театрѣ.

Я взобрался по узкой, темной лѣстницѣ, сбросилъ шубу на какой-то сундукъ въ низенькой передней.

— Пожалуйте, тутъ прямо... отворите двери, они у себя, сказала горничная и скрылась.

Я прошелъ черезъ темную комнату, отперъ дверь и очутился въ его кабинетѣ. Но можно ли было назвать кабинетомъ эту бѣдную, угловую комнатку маленькаго флигелька, въ которой жилъ и работалъ одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ художниковъ нашего времени! Прямо, у окна, стоялъ простой старый столъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, лежало нѣсколько газетъ и книгъ... старая, дешевая чернильница, жестяная коробка съ табакомъ и гильзами. У стола маленькій шкафъ, по другой стѣнѣ рыночный диванъ, обитый плохимъ красноватымъ репсомъ; этотъ диванъ служилъ и кроватью Ѳедору Михайловичу, и онъ же, покрытый все тѣмъ же красноватымъ, уже совсѣмъ вылинявшимъ репсомъ, бросился мнѣ въ глаза черезъ восемь лѣтъ, на первой панихидѣ... Затѣмъ нѣсколько жесткихъ стульевъ, еще столъ — и больше ничего. Но конечно все это я разсмотрѣлъ потомъ, а тогда ровно ничего не замѣтилъ — я увидѣлъ только сутуловатую фигуру, сидѣвшую передъ столомъ, быстро обернувшуюся при моемъ входѣ и вставшую мнѣ на встрѣчу.

Передо мною былъ человѣкъ небольшого роста, худощавый, но довольно широкоплечій, казавшійся гораздо моложе своихъ 52 лѣтъ, съ негустой русой бородою, высокимъ лбомъ, у котораго порѣдѣли, но не посѣдѣли мягкіе, тонкіе волосы, съ маленькими, свѣтлыми карими глазами, съ некрасивымъ и на первый взглядъ простымъ лицомъ. Но это было только первое и мгновенное впечатлѣніе—это лицо сразу и навсегда запечатлѣвалось въ памяти, оно носило на себѣ отпечатокъ исключительной, духовной жизни. Замѣчалось въ немъ и много болѣзненнаго—кожа была тонкая, блѣдная, будто восковая. Лица, производящія подобное впечатлѣніе, мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть въ тюрьмахъ—это были вынесшіе долгое одиночное заключе-

Библиотека "Руниверс"

ніе фанатики-сектанты. Потомъ я скоро привыкъ къ его лицу и уже не замѣчалъ этого страннаго сходства и впечатлѣнья; но въ тотъ первый вечеръ оно меня такъ поразило, что я не могу его не отмѣтить...

Я назвалъ себя. Достоевскій ласково, добродушно улыбнулся, крѣпко сжалъ мою руку, и тихимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, поговоримъ...

III.

Онъ усадилъ меня на стулъ передъ столомъ, сѣлъ рядомъ со мною и началъ набивать толстыя, большія папиросы, часто поднимая на меня тихіе, ласковые глаза.

Онъ, конечно, сразу же замѣтилъ, что передъ нимъ совершенно смущенный и взволнованный юноша и съумѣлъ такъ отнестись ко мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ моего смущенія какъ не бывало. Мы встрѣтились будто старые и близкіе знакомые послѣ непродолжительной разлуки. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ по поводу новой его должности редактора „Гражданина", передавалъ свои планы, надежды, которыя онъ возлагалъ на это дѣло.

— Только не знаю, не знаю, какъ справлюсь со всѣмъ этимъ, какъ разберусь... вотъ у меня есть сюжетъ для повѣсти, хорошій сюжетъ; я разсказалъ М. и онъ умоляетъ меня написать для „Гражданина"; но вѣдь это помѣшаетъ „Дневнику", не могу же я два дѣла разомъ, никогда не могъ, если писать разомъ двѣ различныя вещи— обѣ пропали... ну вотъ и не знаю самъ на что рѣшиться... нынче всю ночь объ этомъ продумаю...

Насколько могъ, я отстаивалъ „Дневникъ", особенно на первое время.

— Вѣдь это, замѣтилъ я,—такая удобная форма говорить о самомъ существенномъ, прямо и ясно высказаться.

— Прямо и ясно высказаться! повторилъ онъ—чего бы лучше и конечно, о, конечно, когда нибудь и можно будетъ; но нельзя, голубчикъ, сразу, никакъ нельзя, развѣ я объ этомъ не думалъ, не мечталъ!.. да что же дѣлать... ну, и потомъ, есть вещи, о которыхъ если вдругъ, такъ никто даже и не повѣритъ. Вотъ хоть бы о Бѣлинскомъ (онъ раскрылъ № „Гражданина" съ первымъ своимъ „Дневникомъ писателя"), развѣ тутъ я все сказалъ, развѣ то я могъ бы сказать! И совсѣмъ то, совсѣмъ его не понимаютъ. Я хотѣлъ бы просто привести его собственныя слова — и больше ничего... ну, и не могъ.

*

Библиотека "Руниверс"

— Да почему же?

— По непечатности.

Онъ передалъ мнѣ одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли и однако эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похвастаться какой нибудь дикой мыслью.

— Конечно, конечно, только Бѣлинскій то былъ не таковъ; онъ если сказалъ, то могъ и сдѣлать; это была натура простая, цѣльная, у которой слово и дѣло вмѣстѣ. Другіе сто разъ задумаются прежде чѣмъ рѣшиться и все же никогда не рѣшатся, а онъ нѣтъ. И знаете, теперь, вотъ въ послѣднее время, все больше и больше разводится такихъ натуръ: сказалъ—и сдѣлалъ, застрѣлюсь—и застрѣлился, застрѣлю—и застрѣлилъ. Все это—цѣльность, прямолинейность... и, о, какъ ихъ много, а будетъ и еще больше—увидите!...

Я не замѣчалъ какъ шло время. Переходя отъ одного къ другому, мы начали сообщать другъ другу свѣдѣнія о самихъ себѣ. Я жадно ловилъ каждое его слово. Онъ спросилъ меня о годѣ и днѣ моего рожденья и сталъ припоминать:

— Постойте, гдѣ я былъ тогда?.. въ Перми... мы шли въ Сибирь... да, это въ Перми было...

Онъ разсказалъ, между прочимъ, объ одномъ человѣкѣ, который имѣлъ на него самое сильное вліяніе. Это былъ нѣкто Шидловскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я просилъ Ѳедора Михайловича сообщить мнѣ нѣкоторыя біографическія и хронологическія свѣдѣнія для статьи о немъ, которую я готовилъ къ печати, онъ говорилъ мнѣ:

— Непремѣнно упомяните въ вашей статьѣ о Шидловскомъ, нужды нѣтъ, что его никто не знаетъ и что онъ не оставилъ послѣ себя литературнаго имени. Ради Бога, голубчикъ, упомяните — это былъ большой для меня человѣкъ и стоитъ онъ того, чтобъ его имя не пропало...

Шидловскій, по разсказамъ Достоевскаго, былъ человѣкъ, въ которомъ мирилась бездна противорѣчій: онъ имѣлъ „громадный“ умъ и талантъ, невыразившійся ни однимъ писанымъ словомъ и умершій вмѣстѣ съ нимъ; кутежъ и пьянство—и постриженіе въ монахи. Умирая, онъ сдѣлалъ Богъ знаетъ что: онъ былъ тоже въ Сибири, на каторгѣ; когда его выпустили, то изъ желѣза своихъ кандалъ онъ сдѣлалъ себѣ кольцо, носилъ его постоянно и умирая—проглотилъ это кольцо...

Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь достовѣрное объ ужасной болѣзни—падучей, которою, какъ я слышалъ, страдалъ Достоевскій, но конечно я не могъ рѣшиться даже и издали подойти къ этому вопросу. Онъ

Библиотека "Руниверс"

самъ будто угадалъ мои мысли и заговорилъ о своей болѣзни. Онъ сказалъ мнѣ, что недавно съ нимъ былъ припадокъ.

— Мои нервы разстроены съ юности, говорилъ онъ.—Еще за два года до Сибири, во время разныхъ моихъ литературныхъ непріятностей и ссоръ, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болѣзнь. Разсказать я не могу этихъ отвратительныхъ ощущеній; но живо ихъ помню; мнѣ часто казалось, что я умираю, ну вотъ право—настоящая смерть приходила и потомъ уходила. Я боялся тоже летаргическаго сна. И странно—какъ только я былъ арестованъ—вдругъ вся эта моя отвратительная болѣзнь прошла, ни въ пути, ни на каторгѣ въ Сибири и никогда потомъ я ее не испытывалъ—я вдругъ сталъ бодръ, крѣпокъ, свѣжъ, спокоенъ... Но во время каторги со мной случился первый припадокъ падучей и съ тѣхъ поръ она меня не покидаетъ. Все, что было со мною до этого перваго припадка, каждый малѣйшій случай изъ моей жизни, каждое лицо мною встрѣченное, все что я читалъ, слышалъ — я помню до мельчайшихъ подробностей. Все, что началось послѣ перваго припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсѣмъ людей, которыхъ зналъ хорошо, забываю лица. Забылъ все, что написалъ послѣ каторги; когда дописывалъ „Бѣсы", то долженъ былъ перечитать все сначала, потому что перезабылъ даже имена дѣйствующихъ лицъ...

Онъ разсказалъ мнѣ о своей недавней, второй женитьбѣ, о дѣтяхъ.

— Жена въ театрѣ, дѣти спятъ,—въ слѣдующій разъ увидите... да вотъ—карточка моей маленькой дочки, ее я зову—Лиля. Она тутъ похожа.

Видя, что карточка мнѣ нравится, онъ сказалъ:

— Возьмите ее себѣ.

Потомъ говорилъ о четырехъ послѣднихъ годахъ своей жизни заграницей, объ русскихъ людяхъ, превратившихся въ европейцевъ и возненавидѣвшихъ Россію, и главнымъ образомъ объ одномъ изъ нихъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ... говорилъ о страсти къ рулеткѣ, о всякой страсти, о любви... Онъ меня исповѣдовалъ...

— Нѣтъ, кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ,—знаете ли какъ любятъ! (и голосъ его дрогнулъ и онъ страстно зашепталъ): если вы любите чисто и любите въ женщинѣ чистоту ея и вдругъ убѣдитесь, что она потерянная женщина, что она развратна—вы полюбите въ ней ея развратъ, эту гадость, вамъ омерзительную, будете любить въ ней... вотъ какая бываетъ любовь!..

Было поздно, я сталъ прощаться. Онъ взялъ меня за руку и, удержавъ, сказалъ, что ему бы хотѣлось непремѣнно ввести меня въ тотъ литературный кружокъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ.

— Вы тамъ встрѣтите очень интересныхъ, очень, очень умныхъ, и хорошихъ людей...

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, только я то буду самымъ плохимъ пріобрѣтеніемъ для этихъ людей. Знаете ли, что я удиви-

Библиотека "Руниверс"

тельно неловокъ, конфузливъ до болѣзни и иногда способенъ молчать какъ убитый... Если я сегодня, съ вами, не таковъ, то вѣдь это потому, что я много лѣтъ ждалъ сегодняшняго вечера, тутъ совсѣмъ другое...

— Нѣтъ, васъ непремѣнно нужно вылечить—ваша болѣзнь мнѣ хорошо понятна, я самъ страдалъ отъ нея не мало... Самолюбіе, ужасное самолюбіе—отсюда и конфузливость... Вы боитесь впечатлѣнія, производимаго вами на незнакомаго человѣка, вы разбираете ваши слова, движенія, упрекаете себя въ безтактности нѣкоторыхъ словъ, воображаете себѣ то впечатлѣніе, которое произведено вами—и непремѣнно ошибаетесь: впечатлѣніе произведено непремѣнно другое; а все это потому, что вы себѣ представляете людей гораздо крупнѣе, чѣмъ они есть; люди несравненно мельче, простѣе, чѣмъ вы ихъ себѣ представляете...

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, далъ слово исполнить его желаніе и мы условились, что черезъ нѣсколько дней онъ вывезетъ меня въ литературный свѣтъ...

IV.

Пріемъ сдѣланный мнѣ Достоевскимъ и этотъ вечеръ проведенный въ откровенной съ нимъ бесѣдѣ, конечно, способствовали нашему скорому сближенію. Я спѣшилъ къ нему въ каждую свободную минуту, и если мы не видѣлись съ нимъ въ продолженіи недѣли, то онъ ужъ и пенялъ мнѣ.

По привычкѣ, онъ работалъ ночью, засыпалъ часовъ въ семь утра и вставалъ около двухъ. Я заставалъ его обыкновенно въ это время въ его маленькомъ, мрачномъ и бѣдномъ кабинетикѣ. На моихъ глазахъ, въ эти послѣдніе восемь лѣтъ, онъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ и всѣ онѣ были одна мрачнѣе другой, и всегда у него была неудобная комната, въ которой негдѣ было повернуться. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, только что умывшись и причесавшись, въ старомъ пальто, набивая свои толстыя папиросы, курилъ ихъ одна за другою, прихлебывая крѣпчайшій чай, или еще болѣе крѣпкій кофе. Почти всегда я заставалъ его въ это время въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Это сейчасъ же и было видно: брови сдвинуты, глаза блестятъ, блѣдное какъ воскъ лицо, губы сжаты.

Въ такомъ случаѣ, онъ обыкновенно начиналъ съ того, что молча и мрачно протягивалъ мнѣ руку и сейчасъ же принималъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ даже и не замѣчаетъ моего присутствія. Но я ужъ хорошо зналъ его и не обращалъ на это вниманія, а спокойно усаживался, закуривалъ папиросу и бралъ въ руки первую попавшуюся книгу.

Библиотека "Руниверс"

Молчаніе продолжалось довольно долго и только время отъ времени, отрываясь отъ набиванія папиросъ или проглядыванія газеты, онъ искоса на меня поглядывалъ, раздувалъ ноздри и тихонько крякалъ. Я ужасно любилъ его въ эти минуты и часто мнѣ очень трудно бывало удержаться отъ улыбки. Онъ конечно замѣчалъ, что и я на него поглядываю. Онъ выжидалъ, но мое упрямство часто побѣждало. Тогда онъ откладывалъ газету и обращалъ ко мнѣ свое милое, изо всѣхъ силъ старавшееся казаться злымъ лицо.

— Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? сквозь зубы говорилъ онъ,—пришелъ, взялъ книгу, сидитъ и молчитъ!..

— А развѣ такъ порядочные люди принимаютъ своихъ посѣтителей? отвѣчалъ я, подсаживаясь къ нему;—едва протянулъ руку, отвернулся и молчитъ!

Онъ тоже улыбался и каждый разъ, въ знакъ примиренія, протягивалъ мнѣ свои ужасныя папиросы, которыхъ я никогда не могъ курить.

— Вы это читали? продолжалъ онъ, берясь за газету.

И тутъ начиналъ высказываться о какомъ нибудь вопросѣ дня, о какомъ нибудь поразившемъ его извѣстіи. Мало-по-малу, онъ одушевлялся. Его живая, горячая мысль переносилась отъ одного предмета къ другому, все освѣщая своеобразнымъ яркимъ свѣтомъ.

Онъ начиналъ мечтать вслухъ, страстно, восторженно, о будущихъ судьбахъ человѣчества, о судьбахъ Россіи.

Эти мечты бывали иногда несбыточны, его выводы казались парадоксальными. Но онъ говорилъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно и въ то же время такимъ пророческимъ тономъ, что очень часто я начиналъ и самъ ощущать восторженный трепетъ, жадно слѣдилъ за его мечтами и образами, и своими вопросами, вставками, подливалъ жару въ его фантазію.

Послѣ двухъ часовъ подобной бесѣды, я часто выходилъ отъ него съ потрясенными нервами, въ лихорадкѣ. Это было тоже самое, что и въ тѣ годы, когда, еще не зная его, я зачитывался его романами. Это было какое то мучительное, сладкое опьяненіе, пріемъ своего рода гашиша.

Приходя къ нему вечеромъ, часовъ въ восемь, я заставалъ его послѣ только что оконченнаго имъ поздняго обѣда и тутъ ужъ не приходилось повторять утренней сцены—молчанія и не замѣчанія другъ друга. Тутъ онъ бывалъ обыкновенно гораздо спокойнѣе и веселѣе. Тотъ же черный кофе, тотъ же черный чай стояли на столѣ, тѣ же толстыя папиросы выкуривались, зажигаясь одна объ другую.

Разговоръ обыкновенно велся на болѣе близкія, болѣе осязательныя тэмы.

Онъ бывалъ чрезвычайно ласковъ, а когда онъ дѣлался ласковымъ, то привлекалъ къ себѣ неотразимо. Въ такомъ настроеніи онъ часто повторялъ слово „голубчикъ“. Это дѣйствительно особенно

Библиотека "Руниверс"

ласковое слово любятъ очень многіе русскіе люди, но я до сихъ поръ не зналъ никого въ чьихъ устахъ оно выходило бы такимъ задушевнымъ, такимъ милымъ.

— Постойте, голубчикъ! часто говорилъ онъ, останавливаясь среди разговора.

Онъ подходилъ къ своему маленькому шкафику, отворялъ его и вынималъ различныя сласти: жестянку съ королевскимъ черносливомъ, свѣжую пастилу, изюмъ, виноградъ. Онъ ставилъ все это на столъ и усиленно приглашалъ хорошенько заняться этими вещами. Онъ былъ большой лакомка, я не уступалъ ему въ этомъ. И во время дальнѣйшаго разговора мы не забывали жестянку и корзиночки.

Часто, по средамъ, просидѣвъ часовъ до десяти, мы отправлялись съ нимъ въ тотъ литературный кружокъ, въ который онъ ввелъ меня. Это было довольно далеко, но шли ли мы, или ѣхали, онъ почти всегда упорно молчалъ дорогой и я даже замѣчалъ, что онъ дѣйствительно не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ.

Онъ появлялся въ кабинетѣ хозяина, гдѣ ужъ обыкновенно были на лицо нѣкоторые изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, появлялся какъ то сгорбившись, мрачно поглядывая, сухо раскланиваясь и здороваясь, будто все это были его враги, или по меньшей мѣрѣ очень непріятные ему люди. Но проходило нѣсколько минутъ и онъ оживлялся, начиналъ говорить, спорить, и почти всегда оказывался центромъ собравшагося общества.

Онъ былъ самымъ искреннимъ человѣкомъ и потому въ словахъ его, мнѣніяхъ и сужденіяхъ, часто встрѣчались большія противорѣчія; но былъ ли онъ правъ, или не правъ, о чемъ бы ни говорилъ, онъ всегда говорилъ съ одинаковымъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, потому что высказывалъ только то, о чемъ думалъ и во что вѣрилъ въ данную минуту.

Его редакторская дѣятельность, на которую онъ возлагалъ такія надежды въ первое наше свиданіе, оказалась не вполнѣ удачной, что впрочемъ можно было сразу предвидѣть, зная характеръ его и обстоятельства. Репутація журнала была уже составлена, противъ него уже рѣзко и даже неприлично высказалась почти вся тогдашняя журналистика. На новаго редактора со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки, глупыя и пошлыя. Автора „Преступленія и Наказанія“ и „Записокъ изъ Мертваго дома“ называли сумасшедшимъ, маньякомъ, отступникомъ, измѣнникомъ, приглашали даже публику идти на выставку въ Академію Художествъ и посмотрѣть тамъ портретъ Достоевскаго, работы Перова, какъ прямое доказательство, что это сумасшедшій человѣкъ, мѣсто котораго въ домѣ умалишенныхъ.

По своей натурѣ болѣзненный, раздражительный, нервный и крайне обидчивый, Достоевскій не могъ не обращать вниманія на этотъ возмутительный лай. Какъ ни уговаривали его, между прочими и я,

Библиотека "Руниверс"

просто не читать этой неприличной брани, не пачкаться ею, онъ покупалъ каждый номеръ газеты, гдѣ о немъ говорилось, читалъ, перечитывалъ и волновался. Но, конечно, ни одного малѣйшаго шага, ни одного слова онъ себѣ не позволилъ для того, чтобы поправить свои дѣла передъ расходившейся прессой. Торговаться и уступать, гдѣ дѣло касалось его убѣжденій, хотя бы и ошибочныхъ, но всегда искреннихъ, онъ не былъ способенъ: это было не въ его честной натурѣ.

Онъ мечталъ въ первое время заставить общество слушать себя и своихъ единомышленниковъ посредствомъ редактируемаго имъ журнала; но скоро убѣдился, что это крайне трудно, почти невозможно. Журналъ начался слишкомъ односторонне и, хотя къ его редакціи примыкало нѣсколько умныхъ и талантливыхъ людей, но ихъ было очень мало и имѣя другія обязанности, они не могли отдавать журналу всѣ свои силы. Затѣмъ, у журнала были слишкомъ небольшія матеріальныя средства, случайные сотрудники были такъ плохи, что выбирать изъ нихъ было почти нечего. Наконецъ, Достоевскій не былъ вполнѣ самостоятеленъ какъ редакторъ; но еслибъ онъ и оказался самостоятельнымъ, полноправнымъ хозяиномъ и собственникомъ журнала, то все же врядъ ли бы этотъ журналъ пошелъ. Достоевскій былъ художникъ-романистъ, горячій и искренній публицистъ-мыслитель, но онъ всегда былъ непрактичнымъ человѣкомъ, плохимъ администраторомъ; онъ не годился въ редакторы. При этомъ надо принять во вниманіе и то, что онъ былъ человѣкъ порыва, увлеченія...

Одинъ разъ, я его засталъ съ какой то книгой въ рукѣ; онъ находился въ возбужденномъ состояніи.

— Что это? что вы читаете?

— Что я читаю?!—сейчасъ же отправляйтесь и купите эту книгу—это повѣсти Кохановской.

— Я ихъ знаю... читалъ... очень милыя повѣсти; не особенно сильный, но оригинальный и симпатичный талантъ.

— Стыдитесь! закричалъ онъ, какъ вы судите, да знаете ли вы, понимаете ли, что это за повѣсти?—я сейчасъ бы отдалъ самыя лучшія мои вещи, отдалъ бы „Преступленіе и Наказаніе“, „Записки изъ Мертваго дома“, чтобы только подписаться подъ этими повѣстями... Вотъ это какая книга! Да я не знаю, гдѣ у насъ лучшія, есть ли онѣ?! кто такъ пишетъ!..

Противорѣчить ему, доказывать, что онъ самъ фантазируетъ на тэму автора и восхищается плодами своей фантазіи, было невозможно.

А на слѣдующій же день, именно на слѣдующій день, онъ говорилъ:

— Нѣтъ, наши женщины совсѣмъ не умѣютъ писать; вотъ напримѣръ Кохановская, у ней есть талантъ, есть чувство, даже кой какія мысли, но какъ она пишетъ, какъ пишетъ... развѣ можно такъ писать?!

— Помилуйте, Ѳедоръ Михайловичъ, да не вы ли вчера съ жаромъ объявляли, что готовы отдать всѣ свои романы, чтобы подписаться подъ ея повѣстями!—невольно крикнулъ я.

Библиотека "Руниверс"

Онъ остановился, сердито взглянулъ на меня, и сквозь зубы проговорилъ:

— Никогда ничего подобнаго я не могъ сказать... я не помню.

И я убѣжденъ, потому что хорошо зналъ его, что онъ дѣйствительно не помнилъ сказаннаго. Онъ могъ забыть, что угодно, но какъ наканунѣ такъ и теперь, онъ былъ совершенно искрененъ. Это было впечатлѣніе минуты...

Да, онъ забывалъ многое; онъ слишкомъ увлекался. Но во всю жизнь не забылъ и не измѣнилъ онъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, именно всего того, что ему предназначено было сказать новаго, истиннаго и прекраснаго, за что онъ боролся и что̀ наконецъ принесло ему славу. Это доказываетъ вся его литературная дѣятельность, всѣ его произведенія, проникнутыя единымъ духомъ, однимъ чистымъ чувствомъ и одной высокой мыслью.

V.

Онъ выдержалъ годъ своего редакторства и оказался крайне утомленнымъ. Не то чтобы дѣла было много, но онъ очень медленно работалъ и работа была не по немъ. А главное явилось убѣжденіе, что изъ дѣла, на которое возлагались такія большія надежды, не можетъ выйти ожидаемаго результата. Наконецъ, онъ не могъ разомъ работать двѣ работы. Онъ все собирался писать новый романъ и не находилъ времени, а между тѣмъ матерьялу накопилось достаточно, пора было высказаться въ образахъ, въ широкой картинѣ.

Въ началѣ 1874 года, онъ сталъ мнѣ все чаще и чаще жаловаться на свое положеніе и наконецъ объявилъ, что дотянетъ только до лѣта и лѣтомъ освободится. Тутъ именно, весною 74 года, по различнымъ моимъ обстоятельствамъ, я видался съ нимъ рѣже. Какъ то онъ заѣхалъ ко мнѣ и, не заставъ меня, оставилъ записку, въ которой между прочимъ объявлялъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ засѣсть на гауптвахту въ качествѣ редактора „Гражданина“.

Утромъ, 22 марта, пришелъ ко мнѣ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

— А я къ вамъ знаете откуда? сказалъ онъ,—отъ узника: сидитъ нашъ Ѳедоръ Михайловичъ... ступайте къ нему, онъ ждетъ васъ.

— Въ какомъ же онъ настроеніи?

— Въ самомъ лучшемъ; непремѣнно отправляйтесь.

Мы побесѣдовали нѣсколько минутъ, и я поѣхалъ въ извѣстный уголокъ Сѣнной площади. Меня тотчасъ же пропустили. Я засталъ Ѳедора Михайловича въ просторной и достаточно чистой комнатѣ, гдѣ кромѣ него въ другомъ углу былъ какой то молодой человѣкъ, плохо одѣтый и съ самой безцвѣтной физіономіей.

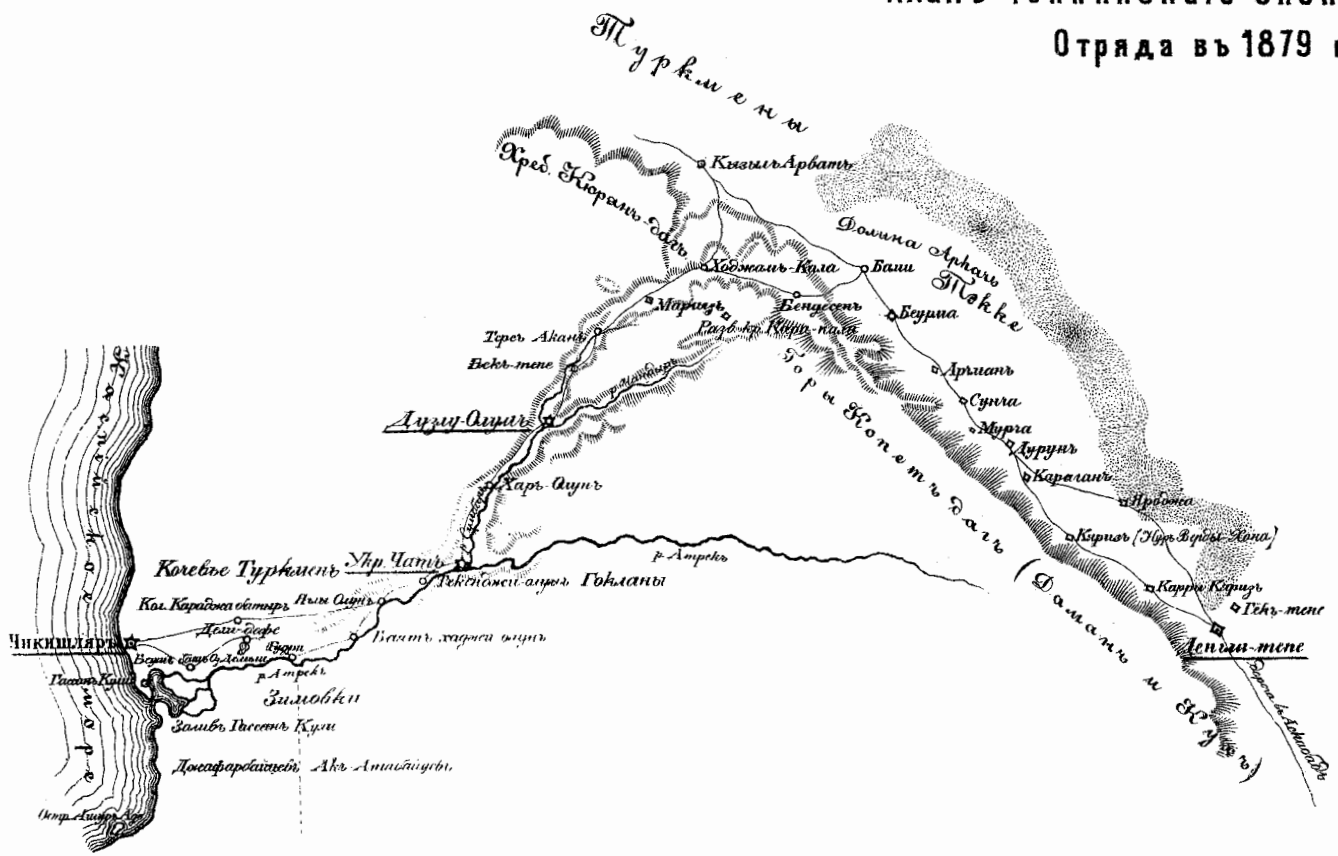
Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ за маленькимъ простымъ столомъ, пилъ чай, курилъ свои папиросы и въ рукахъ его была книга. Онъ мнѣ обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ меня.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КАРТА

показывающая пункты движенія
Ахалъ Тэккинскаго Экспедиціоннаго
Отряда въ 1879 году.



Библиотека "Руниверс"

МАРШРУТЪ

слѣдованія колоннъ экспедиціоннаго отряда отъ Чикишляра до Денгиль-Тепе и обратно

Наименованіе пунктовъ.	Число верстъ.
Укр. Чикишляръ.	
Колодцы Бевенъ-Баши (Беумъ-Башъ). . .	30
„ Дели-Дефе (озеро Дилили)	21
Перепр. Гудры-Олунъ.	15
„ Баятъ-Хаджи-Олунъ.	29
„ Яглы-Олунъ.	22
„ Текинджи-Олумъ	20¾
Укр. Чатъ	24
Перепр. Харъ-Олунъ	21
„ Дузлу-Олумъ	26
мѣсто Бекъ-Тепе	18¾
„ Терсъ-Аканъ	11½
„ Маргысъ	21
Разв. кр. Ходжамъ-Кала	23
аулъ Бендесенъ	24
„ Бами.	23
„ Беурма.	14
„ Арчманъ.	24¾
„ Дурунъ.	30
„ Яроджа.	22½
„ Денгиль-Тепе.	24½
Итого . . .	445¼

Примѣчаніе. Послѣ отступленія отъ Денгиль-Тепе, отрядъ придерживался ближе къ хребту и слѣдовалъ на Карры-Кяризъ, Кяризъ, Караганъ, Дорунъ и далѣе по прежнему пути вплоть до Яглы-Олуна, откуда слѣдовалъ на колодцы Караджа-Батыръ и Чикишляръ. Изъ всего пройденнаго пути только въ Маргысѣ не было воды, такъ какъ въ выкопанныхъ колодцахъ находилась соленая вода; во всѣхъ остальныхъ пунктахъ воды было достаточно; начиная съ Ходжамъ-Кала и далѣе въ оазисѣ — воды было въ изобиліи и прекраснаго качества.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

— Ну, вотъ и хорошо, что пришли, ласково заговорилъ онъ, а то вы совсѣмъ пропали въ послѣднее время. Я собирался даже писать вамъ кой о чемъ, потому что вы мнѣ что-то начинаете не нравиться. Скажите, отчего вы пропали? или на меня сердитесь?.. но я думалъ, думалъ... вамъ не за что на меня сердиться.

— Да я и не думаю сердиться, дѣйствительно не за что; напротивъ, я сколько разъ къ вамъ собирался, но вотъ никакъ не могъ собраться: я нигдѣ не бываю; по цѣлымъ днямъ сижу дома.

Онъ задумался.

— Да, вотъ, я такъ и рѣшилъ, такъ оно и есть... вотъ объ этомъ мы и поговоримъ, голубчикъ.

Я оглянулся на молодого человѣка, бывшаго въ комнатѣ.

Ѳедоръ Михайловичъ сталъ стучать пальцемъ по столу, что въ извѣстныя минуты было одною изъ его привычекъ.

— Не обращайте вниманія, шепнулъ онъ, я ужъ его всячески пробовалъ; это какое-то дерево, можетъ и разберу что такое, только нечего его стѣсняться.

И дѣйствительно, мы сейчасъ же и позабыли о присутствіи этого свидѣтеля.

— Видите, что я хотѣлъ вамъ сказать, заговорилъ Достоевскій, такъ у васъ не можетъ продолжаться, вы что нибудь съ собою сдѣлайте... и не говорите и не разсказывайте... я все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, я отлично понимаю ваше состояніе, я самъ пережилъ его. Это та же моя нервная болѣзнь, можетъ быть, въ нѣсколько иной формѣ, но въ сущности тоже самое. Голубчикъ, послушайте меня, сдѣлайте съ собою что нибудь, иначе можетъ плохо кончиться... Вѣдь я вамъ разсказывалъ—мнѣ тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсѣмъ новымъ человѣкомъ сдѣлался... И только что было рѣшено, такъ сейчасъ всѣ мои муки и кончились, еще во время слѣдствія. Когда я очутился въ крѣпости, я думалъ, что тутъ мнѣ и конецъ, думалъ, что трехъ дней не выдержу, и— вдругъ совсѣмъ успокоился. Вѣдь я тамъ что дѣлалъ?.. я писалъ „Маленькаго героя“ — прочтите, развѣ въ немъ видно озлобленіе, муки? Мнѣ снились тихіе, хорошіе, добрые сны, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ было лучше. О! это большое для меня было счастіе: Сибирь и каторга! Говорятъ: ужасъ, озлобленіе, о законности какого-то озлобленія говорятъ! ужаснѣйшій вздоръ! Я только тамъ и жилъ здоровой, счастливой жизнью, я тамъ себя понялъ, голубчикъ,... Христа понялъ... русскаго человѣка понялъ, и почувствовалъ, что и я самъ русскій, что я одинъ изъ русскаго народа. Всѣ мои самыя лучшія мысли приходили тогда въ голову, теперь онѣ только возвращаются, да и то не такъ ясно. Ахъ, если бы васъ на каторгу!

Это было сказано до такой степени горячо и серьезно, что я не могъ не засмѣяться и не обнять его.

Библиотека "Руниверс"

— Ѳедоръ Михайловичъ, за что же меня на каторгу?! или вы мнѣ будете совѣтовать, чтобы я пошелъ, да убилъ кого нибудь?!

Онъ самъ улыбнулся.

— Да, конечно... ну придумайте что нибудь другое. Но знаете, вѣдь это было бы для васъ самымъ лучшимъ.

— И не въ одной Сибири каторга, сказалъ я, ее можно найти и здѣсь, но я все же себѣ этого не желаю, хотя то, что вы называете моей нервной болѣзнью, меня очень мучаетъ и тревожитъ за будущее; меня дѣйствительно начинаетъ одолѣвать невыносимая апатія и хотѣлось бы изъ нея выхода.

— Такъ придумайте... придумайте, рѣшитесь на какой нибудь внезапный, отчаянный шагъ, который бы перевернулъ всю жизнь вашу. Сдѣлайте такъ, чтобы кругомъ васъ было все другое, все новое, чтобы вамъ пришлось работать, бороться: тогда и внутри васъ все будетъ ново, тогда вы познаете радость жизни, будете жить какъ слѣдуетъ. Ахъ! жизнь хорошая вещь; ахъ, какъ иногда хорошо бываетъ жить! Въ каждой малости, въ каждомъ предметѣ, въ каждой вещицѣ, въ каждомъ словѣ, сколько счастья!.. Знаете ли, мнѣ вотъ хорошо сегодня: эта комната, это сознаніе, что я запертъ, что я арестантъ, мнѣ столько напоминаетъ, столько такого хорошаго, и я вотъ думаю: Боже мой! какъ я мало тогда еще цѣнилъ свое счастіе; я тогда научился наслаждаться всѣмъ; но вернись теперь то время, я бы еще въ двойнѣ наслаждался...

Онъ еще долго говорилъ на эту тэму, а потомъ вдругъ схватилъ книгу, за которой я засталъ его, и сказалъ:

— Вотъ чѣмъ я теперь зачитываюсь: это вещь замѣчательная, великая вещь!.. прочтите ее непремѣнно.

Книга была: „Les Misérables“ Виктора Гюго. И горячая похвала этой книгѣ, даже восторгъ передъ нею, оказался не капризомъ, не минутнымъ впечатлѣніемъ. Достоевскій, до послѣднихъ дней своихъ, восхищался этой книгой. Тщетно я говорилъ ему, что хотя въ „Les Misérables“ есть большія достоинства, но есть и большіе недостатки, что мѣстами растянуто и чрезвычайно сухо, что автору „Преступленія и Наказанія“ совсѣмъ уже нечего преклоняться передъ „Les Misérables“; онъ продолжалъ восхищаться и всегда находилъ въ этой книгѣ то, чего въ ней нѣтъ...

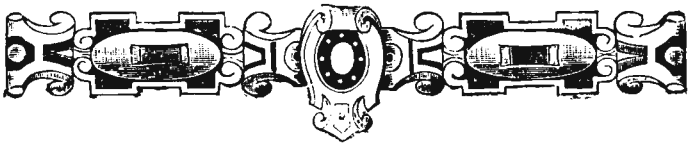
Между тѣмъ намъ пора было разстаться. Да онъ и самъ торопилъ меня съѣздить къ его женѣ, успокоить ее, сказать, что онъ совсѣмъ здоровъ и вообще прекрасно себя чувствуетъ.

— Только вы, голубчикъ, пожалуйста, тихонько, чтобы какъ нибудь прислуга не услышала; а то вѣдь какъ узнаютъ, что я сижу, такъ сейчасъ же подумаютъ, что я укралъ что нибудь...

Всеволодъ Соловьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"



БОЙ СЪ ТЕКИНЦАМИ ПРИ ДЕНГИЛЬ-ТЭПЕ 28 АВГУСТА 1879 ГОДА.

(Разсказъ очевидца).

УЧАСТВУЯ, лѣтомъ 1879 года, въ Ахалъ-Текинской экспедиціи и будучи свидѣтелемъ и очевидцемъ боя у аула Денгиль-Тэпе, 28-го августа, я съ нетерпѣніемъ и живымъ интересомъ ожидалъ описаній этого дѣла. Только долго спустя начали появляться, наконецъ, въ „Голосѣ", „С.-П. Вѣдомостяхъ", „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Новомъ Времени", извѣстія о столь памятномъ для насъ боѣ. Гг. корреспонденты пространно описывали мѣстность, движеніе отряда; но самое сраженіе у названнаго аула разсказывали различно; вообще же, всѣ корреспонденціи эти страдаютъ многословіемъ и отсутствіемъ истины. Чтобы сколько нибудь разъяснить обстоятельства дѣла нашего съ текинцами при Денгиль-Тэпе,—беру на себя смѣлость описать все, какъ было. Я полагаю, что теперь, когда наша не удача блистательно поправлена, когда наши войска еще разъ доказали до какого геройства и самоотверженія они могутъ доходить подъ руководствомъ военачальника, съумѣвшаго въ короткое время заслужить ихъ безграничное довѣріе и любовь, и вдохнуть въ нихъ увѣренность и сознаніе своей силы,—можно уже говорить правду, не боясь навлечь на себя упрека въ неумѣстной нескромности. Слабыя стороны и ошибки бываютъ во всемъ, и разоблаченіе ихъ, по моему мнѣнію, можетъ принести только пользу для дѣла.

Для вторженія собственно въ Ахалъ-Текинскій оазисъ, въ 1879 году, былъ сформированъ передовой отрядъ, который, къ 19-му числу августа мѣсяца, собрался весь въ Бендесене. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 6-ти сотень

Библиотека "Руниверс"

казаковъ и конно-иррегулярцевъ, 12-ти орудій и ракетной батареи [1]), съ 22 го числа не зналъ отдыха, находясь все время въ движеніи. 22-го и 23-го, мы перевалили черезъ трудно проходимый хребетъ Копетъ-дагъ, за которымъ начинается Ахалъ-Текинскій оазисъ. Названіе оазиса вполнѣ вѣрное. Горная ключевая вода, протекая, даетъ достаточно влаги для орошенія полей, которые тщательно обрабатываются текинцами; арбузы, дыни, тыквы, джегура (родъ проса—растетъ какъ кукуруза; зерно идетъ на приготовленіе хлѣба, а стволъ и листья—въ кормъ вьючнымъ животнымъ), енжа, хлопчатникъ—густо покрываютъ воздѣланныя мѣста. Первый попавшійся намъ аулъ, Бами, былъ совершенно пустъ и оставленъ жителями; только саманъ въ ямахъ, да арбузы и дыни на поляхъ, достались намъ въ добычу. Здѣсь протекаетъ прекрасный ручей ключевой воды. Сакли у текинцевъ построены изъ глины, смѣшанной съ саманомъ. Весь отрядъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ, но его слѣдъ какъ будто бы пропалъ.

Изъ Бами мы прошли Беурму, Арчманъ, Дорунъ и остановились въ аулѣ Яроджа. Дневокъ не было. Уже давно носились слухи, что вся текинская молодежь и вообще всѣ способные носить оружіе—собираются въ укрѣпленномъ аулѣ Денгиль-Тэпе, но мы не придавали особеннаго вниманія и довѣрія этому извѣстію. Жителей, какъ я уже сказалъ, мы нигдѣ не встрѣчали, только въ Арчманѣ остались старики, женщины и дѣти. Въ Яроджѣ отрядъ собрался 27-го августа. На 28-е число назначено было общее выступленіе. Ночь прошла въ разговорахъ, предположеніяхъ и ожиданіи, что-то будетъ завтра! Въ 2 часа пополуночи выступилъ авангардъ (3 пѣх. баталіона, 1/2 роты саперъ, дивизіонъ драгунъ, одна сотня казаковъ, двѣ сотни конно-иррегулярнаго полка, 4 конныхъ и 4 горныхъ орудія), а въ 5 часовъ утра, главныя силы (3 пѣх. баталіона, одна сотня казаковъ, 4 орудія). Авангардомъ начальствовалъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ князь Долгорукій; главными силами свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Борхъ.

Въ приказѣ отданномъ по отряду, авангарду предписано было, отойдя 4 версты отъ Яроджа, остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ, послѣ чего предполагалось общее движеніе; но авангардъ приказанія этого не исполнилъ, а безостановочно двигался по направленію къ Денгиль-Тэпе и только не доходя 7—8 верстъ до него

---

[1]) Баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Кабардинскаго полка, баталіонъ Ширванскаго полка, сводно-стрѣлковый баталіонъ; 1-й дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, двѣ сотни Волгскаго казачьяго полка, двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, двѣ сотни Таманскаго казачьяго полка; 1-й дивизіонъ 4 батареи 20 артиллерійской бригады; 1-й дивизіонъ 1 батареи Терскаго казачьяго войска, 4 горныхъ орудія Красноводской артиллеріи и ракетная батарея изъ 5-й сотни Полтавскаго казачьяго полка.

Библиотека "Руниверс"

остановился. Генералъ-маіоръ Ломакинъ, принявшій начальство надъ отрядомъ послѣ смерти генералъ-адъютанта Лазарева, съ многочисленнымъ штабомъ, наконецъ, догналъ авангардъ, оставивъ далеко за собою колонну графа Борха. Тотчасъ же мы двинулись далѣе. Вдали показались конные текинцы. Авангардъ перестроился въ боевой порядокъ. Впереди была разсыпана стрѣлковая цѣпь, которая, наступая, наткнулась на слѣпую, старую женщину, высланную текинцами впередъ, какъ повѣріе, что ихъ не побѣдятъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ текинцы стали стрѣлять чаще, а наши молча наступали. Конная полубатарея выѣхала на позицію, 2 горныхъ орудія присоединились къ ней и, ставъ вмѣстѣ, открыли огонь. Перепалка пошла оживленная. Въ часъ дня, маленькая, укрѣпленная мельница, лежащая на арыкѣ слѣва отъ главнаго укрѣпленія, была занята нашими войсками. Потеря наша при этомъ была ничтожная. Перестрѣлка немного стихла и мы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія колонны графа Борха, но увы! объ ней не было никакого извѣстія. Успѣхъ у мельницы вскружилъ голову начальнику авангарда; онъ, не расчитавъ своихъ силъ и мечтая однимъ ударомъ и самому лично покончить съ врагомъ, — повелъ нашъ ничтожный отрядъ на главное укрѣпленіе; но масса текинцевъ встрѣтила штурмовавшихъ залпомъ и мы съ потерями должны были отступить къ мельницѣ и ожидать здѣсь прибытія колонны графа Борха.

Только въ 3 часа пополудни подошли главныя силы. Не смотря на то, что люди находились въ движеніи съ 5 часовъ утра, совершили переходъ въ 28 верстъ по песчано-бугристой мѣстности, не имѣя все это время капли воды во рту, при сильной жарѣ, имъ не дали даже получасового отдыха, а прямо повели на позицію передъ главнымъ валомъ; артиллерія заняла позицію въ 325 саженяхъ, пѣхота выслала цѣпь и пошла учащенная стрѣльба. Артиллерія не была сосредоточена, какъ бы это слѣдовало, а разбросана по взводно на большомъ пространствѣ; стрѣльба ея главнымъ образомъ была направлена внутрь укрѣпленія, гдѣ текинцы огромною своею массою напоминали муравейникъ. На наши орудійные и ружейные выстрѣлы текинцы почти не отвѣчали. Всѣ выстрѣлы изъ орудій ложились внутрь укрѣпленія и, по словамъ захваченныхъ въ плѣнъ текинцевъ—нанесли имъ громадный уронъ.

Былъ пятый часъ въ исходѣ; стрѣльба артиллеріи усилилась; въ 5 часовъ войска пошли на штурмъ; орудія на время смолкли; наша пѣхота съ крикомъ ура! бросилась на валъ,—казалось, вотъ конецъ всему дѣлу. Но увы! Въ то время когда мы всѣ, предаваясь мечтамъ, думали о легкой побѣдѣ, текинцы огромнѣйшею массою набросились на горсть нашихъ смѣльчаковъ, ворвавшихся въ укрѣпленіе, и, благодаря численному превосходству, принудили ихъ къ отступленію. Наши должны были оставить укрѣпленіе и стали поспѣшно отсту-

Библиотека "Руниверс"

пать къ своимъ орудіямъ. Текинцы погнались за отступавшими; говоря правду, наши просто бѣжали и вслѣдствіе паники кинулись прямо на свои же орудія, такъ что артиллеріи стоило большого труда расчистить себѣ интервалъ для стрѣльбы картечью. Шумъ, крикъ, гамъ, разные возгласы, оглашали воздухъ. Наконецъ грянулъ выстрѣлъ картечью: одинъ, другой, третій, четвертый и пятый...

Дерзость текинцевъ не имѣла предѣловъ; наступленіе ихъ было столь стремительное, что только эти пять картечныхъ выстрѣловъ и залпы собравшихся кучекъ пѣхоты остановили непріятеля и то въ 10 — 15 шагахъ отъ орудій. Текинцы не выдержали нашего огня, смѣшались и бросились назадъ; учащенный орудійный и ружейный огонь далъ возможность нашей, выбившейся изъ силъ, пѣхотѣ прійдти въ себя и устроиться. Во время этого стремительнаго натиска текинцевъ, когда они подошли такъ близко къ орудіямъ, была самая критическая минута; какъ офицеры, такъ казаки и солдаты, выхватили револьверы и шашки и ждали послѣдняго момента для одиночной борьбы. Но Богъ спасъ насъ и намъ не пришлось кровью своею окончательно расчитываться съ врагомъ за неумѣлость и увлеченіе нѣсколькихъ лицъ. Текинцы поспѣшно отступили и укрылись въ укрѣпленный аулъ, оставивъ на полѣ огромное число убитыхъ и раненыхъ. Мы понесли тоже громадныя потери: офицеровъ убито 7 (5 изъ нихъ изрублены были почти на нашихъ глазахъ), нижнихъ чиновъ—170; ранены: 20 офицеровъ и 253 нижнихъ чина. Къ стыду нашему, до 175 тѣлъ убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (можетъ быть и часть раненыхъ) было нами оставлено подъ укрѣпленіемъ и не подобрано.

Войска наши дрались храбро и стойко, но они ничего не могли сдѣлать потому, что были сильно изнурены; отступая, въ паникѣ, многіе солдаты падали на землю и кричали: „ваше благородіе—моченьки нѣтъ“, „ваше благородіе—патроновъ нѣтъ“, „ваше благородіе—водицы бы испить“.

Было уже около семи часовъ вечера; нужно было думать объ отдыхѣ, ночлегѣ, оставивъ всякія мечты о взятіи укрѣпленія. Рѣшено было отступить съ позиціи и устроиться на ночлегъ у мельницы, гдѣ, переночевавъ, дождаться слѣдующаго утра. Войска начали отходить съ позиціи и собираться къ назначенному мѣсту.

Хаосъ былъ невыразимый; люди страшно утомлены и изнурены, они цѣлый день находились въ пути, ничего не ѣли и не пили; верблюды, не кормленные и не поенные, подняли свой плачъ. Спрашиваютъ—гдѣ такой то изъ начальниковъ? Никто не знаетъ гдѣ онъ; при обращеніи за какимъ нибудь приказаніемъ или разъясненіемъ, каждый отсылаетъ къ другому лицу; всѣмъ имъ какъ будто нѣтъ дѣла и каждый, въ такую грустную минуту, хочетъ свалить съ себя всякій трудъ. Да! необходимо сознаться, что была полнѣйшая неурядица. Кое-какъ, наконецъ, сами войска устроились. Ночь была

Библиотека "Руниверс"

холодная; костровъ не приказано было разводить, чтобы не привлекать на себя выстрѣловъ врага. Каждый изъ насъ легъ на мать-сырую землю съ мрачными мыслями; видя такую неурядицу и безтолковщину, никто не разсчитывалъ на хорошій исходъ ночевки и слѣдующаго утра; каждый предполагалъ, что текинцы, воодушевленные успѣхомъ, не выпустятъ насъ изъ своего оазиса и путь отступленія будетъ для насъ тяжелъ и гибеленъ. Изъ офицеровъ только самое незначительное число счастливцевъ могли выпить стаканъ чаю; большинство же насъ не имѣли куска хлѣба во рту съ утра. Въ такомъ критическомъ положеніи, никто, конечно, не могъ заснуть. Передъ разсвѣтомъ раздались выстрѣлы; это текинцы пытались тревожить насъ. Разумѣется, въ одну минуту всѣ были уже на ногахъ. Начали выстраивать вагенбургъ и какъ только все было готово—послѣдовало отступленіе. Текинцы провожали насъ выстрѣлами, на которые мы отвѣчали. Первый день нашего отступленія былъ очень тяжелъ; верблюды и лошади уже почти двое сутокъ оставались безъ воды; люди не имѣли пищи тоже другія сутки. Отойдя верстъ 10—15, мы остановились въ пустомъ аулѣ Кары-Кяризъ и тутъ только свободно вздохнули, морально оправились, напились и утолили голодъ и жажду.

Дальнѣйшій путь нашего отступленія совершенъ былъ почти безъ всякихъ препятствій; только въ двухъ мѣстахъ текинцы отводили намъ воду, но посылаемые драгуны и казаки скоро исправляли отводъ и вода была у насъ опять въ изобиліи.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Беурмѣ, 5 сентября, въ семь часовъ утра, рѣшено было, по неимѣнію провіанта и фуража,—отступить вплоть до Дузлу-Олума; но отрядъ отступилъ только до Терсъ-Акана, гдѣ остановился въ ожиданіи пріѣзда вновь назначеннаго командующимъ войсками Ахалъ-Текинскаго экспедиціоннаго отряда, генералъ лейтенанта Тергукасова. Извѣстіе о назначеніи этого боевого, опытнаго и любимаго войсками генерала, подняло духъ въ отрядѣ. Всѣ радовались и ожили. Только такой генералъ и могъ возстановить въ войскахъ духъ и увѣренность въ свои силы. Генералъ Тергукасовъ прибылъ въ Терсъ-Аканъ 24 сентября. Тотчасъ же войска начали постепенно отходить далѣе, и 28 числа очистили совершенно Терсъ-Аканъ. Части отряда были размѣщены гарнизономъ въ Дузлу-Олумѣ, Чатѣ и Чикишлярѣ. Почти половина войскъ отпущена въ свои штабъ-квартиры. Многочисленный штабъ, съ пріѣздомъ генерала Тергукасова, кончилъ свое ненужное существованіе. Это была обуза для отряда.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ неуспѣха слѣдуетъ, по совѣсти, считать полковника кн. Долгорукаго, который все рвался впередъ и хотѣлъ даже съ 6 ротами сдѣлать дѣло. Какъ начальникъ авангарда, не сообразивъ соразмѣрность силъ противника, опьяненный первымъ успѣхомъ у мельницы, не выждавъ прибытія колонны гр. Борха, онъ

Библиотека "Руниверс"

повелъ ничтожные и утомленные силы авангарда на штурмъ главнаго укрѣпленія и потерпѣлъ неудачу; войска были отброшены и напрасно понесли потери. Вообще, смерть генералъ-адъютанта Лазарева была ощутительна въ день 28 августа; можетъ быть, при жизни его ничего подобнаго не совершилось бы, такъ какъ онъ съумѣлъ бы сдержать неумѣстную ретивость нѣкоторыхъ; можетъ быть было бы тоже самое, но всѣ чувствовали, что нѣтъ лица, которое руководило бы дѣломъ и которому бы всѣ безпрекословно повиновались; каждый изъ начальствовавшихъ хотѣлъ сдѣлать дѣло одинъ, безъ помощи другого, чтобы вся честь и слава принадлежали ему одному. Покойный генералъ-адъютантъ Лазаревъ былъ бы единичнымъ руководителемъ штурма укрѣпленія и ни кому не позволилъ бы распоряжаться безъ своего участія.

Кромѣ того, изъ состава авангарда и главныхъ силъ видно, что въ авангардѣ находилось болѣе войскъ, чѣмъ въ главной колоннѣ графа Борха; такимъ образомъ не было соблюдено основное тактическое правило, а если бы авангардъ состоялъ изъ меньшаго числа войскъ, то начальникъ его не увлекся бы мечтою легкой побѣды, а долженъ бы былъ остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ; тогда можетъ быть и результатъ былъ бы другой. Наконецъ, при приближеніи къ Денгиль-Тэпе не было сдѣлано рекогносцировки, а если бы она была произведена, то увидѣли бы, что со стороны горъ и не много правѣе нашего фронта наступленія, аулъ почти не былъ укрѣпленъ и съ этой то стороны всего удобнѣе было его штурмовать, а не лѣзть именно тамъ, гдѣ нашимъ утомленнымъ войскамъ приходилось одолѣвать глубокій ровъ, стѣну и валъ. Штурмовыхъ лѣстницъ, когда они дѣйствительно могли бы сослужить службу, не оказалось; хотя г. Алихановъ въ своихъ многословныхъ корреспонденціяхъ, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и утверждаетъ, что таковыя были, но войска не видѣли у Денгиль-Тэпе ни одной лѣстницы. Баталіоны не были укомплектованы по военному составу, такъ что въ дѣлѣ въ каждомъ баталіонѣ было не болѣе 230—250 человѣкъ. При формированіи отряда, не было положено прочнаго, связующаго начала; отрядъ составился изъ баталіоновъ и ротъ разныхъ полковъ; такъ напр. сводно-стрѣлковый баталіонъ былъ сформированъ изъ 4 ротъ отъ всѣхъ 4 стрѣлковыхъ баталіоновъ, что, конечно, не могло вселить въ солдатъ единства духа и товарищества.

Однимъ словомъ, всматриваясь безпристрастно во всё происходившее въ отрядѣ, какъ во время движенія, такъ и въ несчастномъ дѣлѣ 28 августа, мы пришли къ тому заключенію, что другого результата и не могло быть.

Намъ, участникамъ этаго несчастнаго дѣла, остается только одно горькое воспоминаніе и слабое утѣшеніе, что неудача эта послужила хорошимъ урокомъ для будущаго.

Гр. Демуровъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОТОМОКЪ НОРМАНДСКИХЪ ГЕРЦОГОВЪ НА КАМѢ.

(Изъ преданій прошлаго вѣка).

ЕСЛИ читателю этихъ строкъ случится проѣзжать по р. Камѣ, верстъ на 20 выше города Лаишева, то я увѣренъ, что онъ невольно обратитъ вниманіе на обширное селеніе, живописно расположившееся на известковыхъ кручахъ праваго нагорнаго берега, и не безъ любопытства взглянетъ на массивный двухъэтажный каменный домъ, гнѣздящійся на вершинѣ скалы, почти надъ самымъ обрывомъ, и окруженный съ трехъ остальныхъ сторонъ высокими каменными стѣнами.

Живописное село это, издали представляющееся значительнымъ уѣзднымъ городкомъ,—Шуранъ, или Христорождественское, а каменный домъ — усадьба, принадлежащая мѣстнымъ замлевладѣльцамъ г.г. Дембровскимъ.

Но еще съ большимъ интересомъ посмотрѣлъ-бы читатель на Шуранъ, если-бы зналъ, что село это — по словамъ „Заволжскаго Муравья“ [1]) — „принадлежало прежде помѣщику Н...., который, производя себя какими-то судьбами отъ нормандскихъ герцоговъ, и дѣйствовалъ по примѣру норманновъ, только не по Балтійскому морю, а по Камѣ.

„Огражденный каменной стѣною огромный готическій замокъ сего древняго владѣльца существуетъ до сего времени. Но не долго Н.... рыцарствовалъ въ семъ великолѣпномъ и доселѣ еще, по предубѣжденію, грозномъ замкѣ, и за упомянутые подвиги, или, какъ иные увѣряютъ, за другія какія-то преступленія, осужденъ на удаленіе въ Сибирь, гдѣ и кончилъ жизнь въ волнахъ Иртыша, во времена Чичерина. Сказываютъ, что изъ внутренности сего замка сдѣланъ былъ подземельный ходъ на Каму, откуда сей новый Роллонъ, во славу

---

[1]) Мѣстно-областной учено-литературный журналъ, издававшійся въ Казани въ 183²/₄ г. адъюнктами казанскаго университета Рыбушкинымъ и Полиновскимъ.

Библиотека "Руниверс"

своихъ предковъ, производилъ рыцарскіе набѣги на проѣзжающихъ" [1]).

Объ этомъ-то любопытномъ „потомкѣ нормандскихъ герцоговъ" и его „рыцарскихъ" подвигахъ и будетъ мой разсказъ.

Въ концѣ іюня 1879 года, имѣя въ виду обслѣдованіе остатковъ древняго булгарскаго города Кашана, я отправился изъ Казани въ село Шуранъ, въ окрестностяхъ котораго предполагалось существованіе этого городища. Сойдя въ Лаишевѣ съ парохода и взявъ почтовыхъ лошадей, я направился по дорогѣ къ Шурану, ясно виднѣвшемуся, не смотря на двадцативерстную даль, на кручахъ праваго берега Камы. Часа черезъ три я былъ уже у цѣли. Лишь только мы поднялись на гребень береговой возвышенности, какъ передъ нами открылось все село, узкой, но длинной полосою раскинувшееся по самому краю берегового обрыва.

Въ центрѣ села, на господствующемъ мѣстѣ, горделиво возвышался каменный барскій домъ, окруженный каменной стѣной. Мы направились прямо къ нему, такъ какъ владѣлецъ его, мой пріятель и сослуживецъ, К. Г. Дембровскій, любезно предложилъ мнѣ свое гостепріимство.

Не безъ любопытства взглянулъ я на этотъ домъ, когда мы въѣхали на обширный поросшій травою дворъ. Но внѣшній видъ его совсѣмъ не подходилъ къ тому представленію, которое составлено было на основаніи приведенной выше краткой замѣтки „Заволжскаго Муравья": вмѣсто „великолѣпнаго и грознаго готическаго замка", я увидалъ большое, но неуклюжее каменное зданіе, въ которомъ по видимому не было ничего, что могло-бы напомнить сѣдую старину.

Домъ давно уже перестроенъ. Въ прежнее время, по словамъ г. Дембровскаго, онъ былъ гораздо больше и дѣйствительно смотрѣлъ средневѣковымъ замкамъ: съ боковъ его выступали высокія башни; надъ средней частью высился куполъ; толстыя стѣны прорѣзаны были узкими окнами съ массивными желѣзными рѣшотками; пространныя съ тяжелыми сводами комнаты смотрѣли мрачно; въ нижнемъ этажѣ находилась тѣсная и совершенно лишенная свѣта тюрьма съ рогатками и желѣзными цѣпями; изъ подвала на Каму проведенъ былъ подземный ходъ. Все это давно уже исчезло при перестройкахъ и отъ „грознаго замка" сохранились только толстыя стѣны средней части дома, сложенныя изъ массивнаго и прочнаго кирпича, своды, да узкія окна съ желѣзными рѣшотками.

Отлично устроившись въ Шуранскомъ домѣ, я каждый день, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ крестьянъ, ходилъ по окрестнымъ горнымъ площадямъ и оврагамъ, отыскивалъ слѣды булгар-

---

[1]) „Заволжскій Муравей". 1833 г., т. I. Статья „Поѣздка въ Болгары и Пилярскъ". Стр. 205—206.

Библиотека "Руниверс"

скихъ поселеній, снималъ планы и производилъ раскопки, а вечеромъ, сидя на террасѣ, выходящей на Каму, между прочимъ, бесѣдовалъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ и о прежнемъ владѣльцѣ „готическаго замка".

Судя по собраннымъ мною преданіямъ, этотъ „потомокъ нормандскихъ герцоговъ" былъ мѣстный помѣщикъ Андрей Петровичъ Нармацкой, владѣвшій въ половинѣ прошлаго столѣтія обширными помѣстьями въ прикамской сторонѣ. Ему, кромѣ Шурана, принадлежали еще: Чепчуги, Елань, Сорочьи горы, Тагашево, Улюмская слобода, Старосельское, Нарманка, Бутлеровка и Полянки. Изъ всѣхъ этихъ селъ и деревень, Нармацкой выбралъ для своей резиденціи Шуранъ. Подобное предпочтеніе дѣлается совершенно понятнымъ, когда вглядишься въ мѣстоположеніе этаго села. Располагаясь на самомъ берегу Камы, на возвышенной горной площади, перерѣзанной глубокими и живописными оврагами и покрытой превосходнымъ черноземомъ и лѣсными чащами [1]), Шуранъ былъ дѣйствительно весьма привлекательнымъ мѣстамъ, которое было оцѣнено по достоинству и древними насельниками этого края, булгарами. (Слѣды г. Кашана и трехъ другихъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ городищъ, которые были найдены много въ окрестностяхъ Шурана, ясно свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ удобствахъ описываемой мѣстности).

Облюбовавъ Шуранъ, Нармацкой устроилъ здѣсь обширный кирпичный заводъ и на вершинѣ обрывистой известковой скалы, саженъ на 10 возвышающейся надъ рѣкою, воздвигъ себѣ „замокъ". Мѣсто выбрано было удачно. Изъ оконъ верхняго этажа Шуранскаго дома открывается обширная панорама: на югѣ, за Камой, привольно разстилается луговая низменность, а на западѣ виднѣются на горизонтѣ Лаишевъ и Богородская гора на Волгѣ, отстоящая отъ Шурана на 60 верстъ. Кромѣ главнаго корпуса, Нармацкой построилъ много и другихъ каменныхъ зданій: помѣщеній для дворни, магазиновъ, конюшенъ и проч.

Въ составъ своей многочисленной дворни Нармацкой принималъ всякаго рода „гуляющихъ" людей и изъ этой вольницы образовалъ вооруженный летучій отрядъ, который и производилъ въ темныя ночи опустошительные набѣги на проходящія по Камѣ „ладьи".

Подобнаго рода „рыцарскіе" подвиги очень долго покрыты были непроницаемой тайной. Судохозяева трепетали, усердно платили контрибуцію, но никому и въ голову не приходило, что контрибуція эта переходила въ обширныя кладовыя шуранскаго владѣльца. Отважность Нармацкаго доходила до того, что иногда, въ то самое время,

---

[1]) Современный древесный покровъ этой мѣстности состоитъ изъ мелкаго черноліѣсья: дуба, липы, клена, березы, тополя, орѣшника, рябины, калины, торна, дикой яблони и вишенника. Но встарину, по расказамъ крестьянъ, здѣсь повсюду встрѣчались громадные дубовые пни, показывающіе, что побережье это было покрыто крупнымъ лѣсомъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ въ залахъ его „замка“ безпечно пировала знать, собравшаяся со всей казанской „округи“, въ подвалахъ дома шла хлопотливая дѣятельность: тихо, подземнымъ ходомъ, выбиралась на Каму ватага „добрыхъ молодцевъ“ и, спустивъ лодки, подъ мракомъ ночи, выѣзжала на промыселъ.

Но какъ ни глубока была тайна этихъ ночныхъ похожденій, тѣмъ не менѣе личность Нармацкаго и характеръ его дѣятельности стали выясняться. Появились жалобы. Но грозный „викингъ“ долго не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Сильные люди всего округа были его друзья и пріятели и пропускали мимо ушей всѣ доходившіе до нихъ слухи; мелкая уѣздная администрація, хотя и вѣдала кое-что, но не смѣла и пикнуть, такъ какъ обстоятельно знала, что Нармацкій съ „мелкой сошкой“ не церемонится и безпощадно „деретъ“ у себя на конюшнѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ Нармацкому сходили съ рукъ и такія дерзкія предпріятія, какъ нападеніе будто бы на Лаишевскій уѣздный судъ, откуда онъ вооруженной силой и взялъ какія-то компрометировавшіе его документы.

Наконецъ, мѣра его беззаконій переполнилась. Поднялось дѣло объ убійствѣ. Преданіе говоритъ, что по приказу Нармацкаго былъ „запаренъ“ въ банѣ одинъ изъ его родственниковъ. Близкіе „запареннаго“ стали дѣйствовать энергично, помимо мѣстныхъ властей, и, благодаря этому, слухъ о злодѣяніяхъ Нармацкаго дошелъ до императрицы Екатерины II, которая и повелѣла сослать его на житье въ Западную Сибирь. Нармацкой сначала было не унывалъ, но дни его были уже сочтены. Дворовый человѣкъ, прислуживавшій ему въ ссылкѣ, воротился на родину и сообщилъ своимъ односельчанамъ, что баринъ сдѣлалъ какой-то доносъ на сибирскаго губернатора, а тотъ въ отмщеніе приказалъ утопить его. Такимъ образомъ и погибъ Нармацкой „въ волнахъ Иртыша“.

Въ другомъ преданіи, причина ссылки грознаго „викинга“ рисуется нѣсколько иначе. „Какія дѣла „онъ“ ни дѣлалъ—разсказывалъ мнѣ одинъ шуранскій старикъ — и все ничего. Да, слышь, сестру свою „онъ“ изнасильничалъ... Ну, та прямо къ царицѣ и предъявилась. Тутъ „ему“ и конецъ предѣла пришелъ. Сослали „его“ въ Сибирь, а тамъ привязали къ бревну, да съ крутой горы прямо въ рѣку и скатили“.

Наслѣдникомъ Андрея Нармацкаго остался сынъ его, Петръ, который нисколько не походилъ на отца: онъ погруженъ былъ въ книги, считался „вольтерьянцемъ“, задумалъ отпустить крестьянъ на волю, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ признанъ былъ „повредившимся въ умѣ“ и содержался подъ присмотромъ, а имѣнія его перешли въ опеку къ сестрѣ Марьѣ Андреевнѣ Нармацкой.

Со смертью Петра Нармацкаго — мужская линія рода прекратилась и всѣ имѣнія путемъ брачныхъ союзовъ перешли къ другимъ фамиліямъ (въ родъ Демерта, Кудрявцева и др.).

Библиотека "Руниверс"

Вотъ и все, что сообщаютъ преданія о личности „потомка нормандскихъ герцоговъ". Желая хотя сколько нибудь оріентироваться въ этомъ легендарномъ матерьялѣ и выяснить, гдѣ оканчивается въ немъ истина и начинается вымыселъ, я обратился къ документальнымъ источникамъ. Но, къ сожалѣнію, они оказались настолько скудны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣленно возстановить загадочную фигуру камскаго „Роллона".

Изъ пяти граматъ [1]), относящихся ко времени царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи и писанныхъ на имя „Наума Васильева сына Нармацкаго", наиболѣе интересной оказалась только одна, сообщающая о какихъ то заслугахъ Наума правительству. „Билъ челомъ—говорится въ ней между прочимъ—великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, казанецъ Наумъ Васильевъ сынъ Нармацкой: по указу-де брата великихъ государей, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по грамотѣ, данные ему на Волгѣ рѣкѣ, на острову, сѣнные покосы на оброкъ, которымъ островомъ владѣли села Сабуголей крестьяна,—тѣ дачи великіе государи пожаловали бы ему, велѣли тѣ сѣнные покосы за многіе ево службы изъ оброка отдать ему въ помѣстіе".

Въ „спискѣ бояръ, воеводъ и прочихъ лицъ, управлявшихъ городомъ Казанью и губерніей съ 1552 года", напечатанномъ въ „Указателѣ г. Казани" Чернова, значится: подъ 1714 г. „въ татарскомъ приказѣ судьею полу-полковникъ Ѳедоръ Гавриловичъ Нармацкой"; подъ 1714 и 1719, въ числѣ ландратовъ, тотъ же „Ѳедоръ Нармацкой", которому указомъ камеръ-коллегіи отъ 1 января 1720 г. „велено быть на Уржумѣ и въ Казани камериромъ".

Изъ нѣсколькихъ актовъ, сообщенныхъ мнѣ землевладѣльцемъ изъ Сорочьихъ Горъ, П. А. Чижевскимъ, выясняются нѣкоторыя данныя по генеалогіи рода Нармацкихъ, а именно, что въ 1707 году шуранскими дачами владѣлъ прапорщикъ Юрій Васильевичъ Нармацкой, у Юрія былъ сынъ Лаврентій, у Лаврентія—Петръ, у Петра—капитанъ Андрей Нармацкой, у Андрея—поручикъ Петръ Нармацкій и дочь Марья.

Капитанъ Андрей Петровичъ Нармацкой и былъ легендарнымъ героемъ своего рода. Къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія о немъ, какъ было уже выше сказано, относятся къ области преданій, и только въ архивныхъ документахъ 1-й казанской гимназіи упоминается, что въ числѣ учениковъ, принятыхъ въ только-что открытую въ 1759 году гим-

---

[1]) Граматы эти я получилъ возможность просмотрѣть, благодаря любезности Н. А. Ѳирсова, профессора казанскаго университета, получившаго ихъ отъ писателя Н. А. Демерта, мать котораго происходила изъ фамиліи Нармацкихъ.

Библиотека "Руниверс"

назію, находился и „сынъ капитана Андрея Нармацкаго“ и что на торжествѣ, устроенномъ въ гимназіи въ 1760 году, въ качествѣ почетнаго гостя, присутствовалъ, между прочими, и „Нармацкой“.

Такимъ образомъ, выясняется, что капитанъ Андрей Петровичъ Нармацкой жилъ въ Казанской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія (въ то время, когда губерніей управляли дѣйств. ст. совѣтн. Квашнинъ-Самаринъ и генералъ аншефъ фонъ-Брантъ) и принадлежалъ къ числу видныхъ, „почетныхъ“ людей.

„Заволжскій Муравей“ сообщаетъ, что онъ сосланъ былъ въ Сибирь, „гдѣ и кончилъ жизнь свою въ волнахъ Иртыша, во времена Чичерина“. А генералъ-поручикъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ—какъ извѣстно—управлялъ Сибирью отъ 1763 до 1781 г. Такимъ образомъ становится яснымъ, что Нармацкой сосланъ былъ въ этотъ промежутокъ времени. Неудивительной представляется и трагическая кончина „грознаго камскаго Роллона“, попавшаго, что называется, въ ежовыя рукавицы. Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, котораго, по словамъ г. Завалишина, простой народъ называлъ просто: „батюшка Денисъ!“ былъ человѣкъ крутой, „нещадно преслѣдовавшій злоупотребленія власти“. Онъ первый началъ круто обуздывать страсть къ взяточничеству въ сибирскихъ чиновникахъ и, что ярко характеризуетъ время и нравы, частенько зазвавши виновнаго въ свои палаты, „секретно отдирывалъ его на тѣлѣ“, да такъ „родительски“, что любителя „покормиться“, уносили на рукахъ“ [1]).

Что касается Петра Нармацкаго, о которомъ преданіе говоритъ какъ о „вольтерьянцѣ“, какъ о человѣкѣ, желавшемъ освободить крестьянъ, то о немъ, кромѣ списка гимназистовъ 1759 г., есть еще одно документальное свидѣтельство. Въ исковой просьбѣ сестры его М. А. Нармацкой (документъ этотъ хранится у П. А. Чижевскаго) сказано между прочимъ: „опредѣлена я къ имѣнію брата моего, повредившагося въ умѣ поручика Петра Нармацкаго, опекуншею“.

Этими скудными данными и ограничиваются извѣстные мнѣ документальные источники; быть можетъ, гдѣ нибудь въ архивахъ или въ частныхъ рукахъ есть и еще какія нибудь бумаги, касающіяся Нармацкаго; по этому считаю умѣстнымъ выразить желаніе, чтобы онѣ были опубликованы и пролили болѣе ясный свѣтъ на жизнь и дѣятельность шуранскаго владѣльца, съ именемъ котораго связано такъ много преданій въ средѣ окрестнаго русскаго и татарскаго населенія. Обиліе и живучесть этихъ преданій прямо свидѣтельствуютъ, что Нармацкой былъ въ свое время человѣкомъ „замѣтнымъ“ и возможно полное возстановленіе его загадочной личности могло бы освѣтить да нѣкоторой степени темные уголки общественной жизни въ дальней провинціи и притомъ въ столь близкую еще къ намъ эпоху.

---

[1]) Завалишинъ. Описаніе Западной Сибири. Стр. 116—117, т. I.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о судьбѣ „вещественныхъ памятниковъ“, воздвигнутыхъ Нармацкимъ и служившихъ нѣмыми свидѣтелями его жизни и „рыцарскихъ“ подвиговъ.

Во время опеки и перехода имѣній Нармацкаго изъ рукъ въ руки, „замокъ“ запустѣлъ; обширный дворъ его заросъ сорной травой, куполъ обвалился, окна были забиты, службы стали рушиться... Мрачная руина, окруженная страшными легендами, наводила ужасъ на окрестныхъ жителей. Подъ вліяніемъ этихъ страховъ, новые владѣльцы не рѣшались селиться въ запустѣломъ домѣ и потому не только не поддерживали его, но даже, по мѣрѣ силъ, сами способствовали его окончательному разрушенію. Нуждаясь напр. въ строительномъ матеріалѣ для построекъ въ другихъ своихъ имѣніяхъ,—они разбирали кирпичныя стѣны и цѣлыя службы шуранской усадьбы.

Наконецъ, покойный Г. Г. Дембровскій, сдѣлавшись владѣльцемъ Шурана, рѣшился реставрировать эту руину, уничтоживъ въ ней все, что напоминало о „рыцарскихъ“ подвигахъ Нармацкаго. Съ этой цѣлью онъ разрушилъ прежде всего боковыя башни. Работа при этомъ была не малая. Обыкновенныя человѣческія силы и желѣзный ломъ оказались совершенно несостоятельными: старинный цементъ окаменѣлъ и не поддавался. Пришлось просверлить отверстія, зарядить ихъ порохомъ и взорвать. Послѣ этой операціи, изъ 24 комнатъ „замка“ осталось только 12, по 6 въ каждомъ этажѣ. Уничтожены были и другія остатки старины: вырваны изъ стѣнъ тюрьмы желѣзныя цѣпи, уничтожены рогатки и мрачная тюремная камера превращена была въ корридоръ на кухню; „золоченая карета“, стоявшая въ сараѣ, была разломана и саженныя колеса ея употреблены въ качествѣ удобныхъ приспособленій для устройства на р. Шуранкѣ барской „портомойни“; наконецъ, засыпанъ былъ и „подземельный ходъ“, обнаружившійся въ подвальной части дома во время взрыва боковыхъ башенъ.

По поводу подземелья я неоднократно бесѣдовалъ съ стариками крестьянами и даже отрицалъ возможность его существованія, указывая на трудность проведенія „тайника“ черезъ сплошные известняки, на отсутствіе всякихъ признаковъ выхода въ наружномъ склонѣ обрыва и невозможность хорошо замаскировать этотъ выходъ, если бы подземелье дѣйствительно существовало. Но крестьяне упорно держались своего мнѣнія.

— Ужъ это ты повѣрь, убѣждали они. Своими глазами видѣли. Какъ теперь шла эта самая перестройка при покойномъ баринѣ, докопались мы до двери,—дверь желѣзная... Хотѣли мы ломать, да какъ увидалъ Григорій Григорьевичъ, такъ и велѣлъ закопать. Не любилъ онъ „этого“... Ну и закопали... А шибко хотѣлось посмотрѣть!..

— Охочь ты копать, да не тамъ велишь копать, гдѣ надо—говорили они при раскопкахъ на мѣстѣ одного изъ сосѣднихъ горо-

Библиотека "Руниверс"

дищъ. А ты вотъ прикажи подлѣ барскаго дома землю поднять. Тамъ есть чего поискать,—за желѣзной то дверью тамъ понакладено у „него“....

Въ дополненіе къ этому, К. Г. Дембровскій сообщилъ мнѣ, что года три тому назадъ, при перестилкѣ пола въ боковой части нижняго этажа, плотники снова обнаружили какую то каменную лѣстницу внизъ, но дали ему знать объ этомъ уже тогда, когда полъ былъ совсѣмъ устроенъ и произвести разслѣдованіе было уже невозможно.

Не смотря на это, я такъ и не рѣшился на раскопку и главнымъ образомъ потому, что крестьяне указывали расположеніе двери только приблизительно, такъ что пришлось бы поднимать землю на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, а это при твердости грунта, могло бы занять слишкомъ много времени, особенно при недостаткѣ удобныхъ желѣзныхъ лопатъ.

П. Пономаревъ.

Библиотека "Руниверс"

ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ.

ТОМАСЪ Карлейль принадлежалъ къ числу такихъ писателей, которые въ литературѣ своей страны дѣлаютъ эпоху. Непосредственное вліяніе ихъ на умы согражданъ проходитъ, конечно, со временемъ, но авторитетъ ихъ остается вѣчнымъ и неизгладимымъ. Карлейль къ тому же былъ плодовитымъ вкладчикомъ въ англійскую литературу и создалъ своимъ вліяніемъ цѣлую школу писателей. Не часто и не многимъ изъ такихъ писателей, подобно Карлейлю, приходится достигать глубокой старости (онъ умеръ 25 января 1881 г. на 86-мъ году жизни) и видя плоды своей дѣятельности, самимъ убѣждаться въ томъ, что вліяніе ея, нѣкогда благотворное, смѣнилось инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ и духу, и потребностямъ вѣка. Въ этомъ отношеніи небезъинтересно прослѣдить хотя въ общихъ чертахъ характеръ литературной карьеры Карлейля, тѣмъ болѣе, что его сочиненія очень мало извѣстны русской публикѣ. Но прежде всего нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Карлейль родился въ 1795 г., въ Думфрисшейрѣ, графствѣ южной Шотландіи. Шотландскій типъ былъ сильно отмѣченъ во всей его фигурѣ, а его говоръ всегда сохранялъ рѣзко мѣстный акцентъ. Отецъ предназначалъ его къ духовному званію и съ этой цѣлью помѣстилъ его въ Эдинбургскій университетъ. Но молодой человѣкъ выказалъ больше склонности къ наукамъ математическимъ и словеснымъ, нежели къ богословію. Сначала онъ пробовалъ свои силы на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ учителя математики въ школѣ графства Файфъ, потомъ поступилъ воспитателемъ въ одно семейство и кончилъ тѣмъ, что рѣшительно отдался литературнымъ трудамъ. Изучивъ французскій и нѣмецкій языки, онъ началъ заниматься составленіемъ статей для энциклопедіи Брюстера и переводами. Въ числѣ первыхъ его литературныхъ работъ особенное вниманіе обратили на себя „Жизнь Шиллера“, книга, появившаяся въ 1823 г., и передѣлка Гетевскаго „Виль-

Библиотека "Руниверс"

гельма Мейстера", которая и послужила поводомъ къ перепискѣ между Гёте и Карлейлемъ. Въ 1827 г. Карлейль женился. Къ этой эпохѣ относятся критико-литературныя статьи его, которыя помѣщались въ разныхъ „Обозрѣніяхъ" и только впослѣдствіи появились отдѣльнымъ изданіемъ. 1834-й годъ имѣлъ двоякое значеніе въ его жизни. Онъ окончилъ въ то время свое первое оригинальное сочиненіе „Sartor resartus" и переѣхалъ въ Англію на постоянное жительство. „Sartor resartus" (переодѣтый портной)—нѣчто въ родѣ философской бутады—составилъ эпоху въ литературной карьерѣ Карлейля, особенно потому, что тутъ онъ обнаруживаетъ впервые свой особый стиль и выказываетъ склонность къ фантастическому жанру, въ которомъ выразилась впослѣдствіи его литературная физіономія. Но послѣдующіе годы посвящены были составленію книги, которая привлекла къ себѣ гораздо больше вниманіе и сдѣлала репутацію автору. Это—его „Французская революція", изданная въ 1837 г. Съ тѣхъ именно поръ Карлейль вошелъ въ большую славу. Каждое изъ его сочиненій ожидалось съ нетерпѣніемъ, читалось на расхватъ, обсуждалось съ уваженьемъ. Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій онъ изложилъ свои соціальные и политическіе взгляды; таковы сочиненія о „Чартизмѣ", „Прошлое и настоящее", „Памфлеты послѣднихъ дней". За ними же слѣдовали историческія и біографическія работы о Кромвелѣ (1845 г.), о Джонѣ Стерлингѣ (1851), о Фридрихѣ Великомъ (1858—1864). Старѣйшая и слабѣйшая изъ его работъ „Древніе короли Норвегіи" издана въ 1875 г.

Чему же обязанъ Карлейль своей репутаціей? На чемъ основано его вліяніе?

Карлейль писалъ много и въ различномъ жанрѣ. Въ числѣ его сочиненій, которыя принадлежатъ къ чистой литературѣ, первыя, по времени своего появленія—„Жизнь Шиллера" и критическія статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ Reviews. Потомъ слѣдуютъ обширные историческіе труды о французской революціи, о Кромвеллѣ и Фридрихѣ Великомъ. Обычныя тенденціи, разсѣянныя во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ уже замѣчено выше, нашли свое примѣненіе политическое и соціальное въ работахъ о „Чартизмѣ", о „Прошломъ и настоящемъ" и „Памфлетахъ послѣднихъ дней". Но болѣе непосредственное выраженіе взглядовъ, какіе носилъ въ себѣ Карлейль, нужно искать въ сочиненіяхъ о „Герояхъ и культѣ героевъ", отчасти въ „Sartor resartus" и въ „Жизни Джона Стерлинга", гдѣ многое относится къ самому автору. Отсюда видно, что Карлейль затрогивалъ разнообразные предметы и однакоже едва ли есть сочиненія другого писателя, въ которыхъ обнаруживалось бы больше единства, чѣмъ у него.

И дѣйствительно, во всѣхъ поименованныхъ сочиненіяхъ замѣтна одна и таже, только ему свойственная манера и выражаться, и представлять себѣ вещи. Сразу видно, что имѣешь дѣло съ оригинальнымъ мыслителемъ, положившимъ начало цѣлой школѣ писате-

Библиотека "Руниверс"

лей. О томъ, чтобы свести къ точной формулѣ его воззрѣнія и думать нечего. Особенность идей Карлейля, это — рѣшительное отвращеніе отъ всякаго рода опредѣленій, отъ всякаго, такъ сказать, логическаго и критическаго аппарата, которымъ довольствуются обыкновенные смертные, а, напротивъ, эта особенность въ витаніи въ сферѣ воображенія и чувства. Оттого то онъ и представляется мистикомъ. Міръ ему казался чѣмъ-то темнымъ, наполненнымъ глубокими тайнами. Природа, исторія, человѣкъ, все для него было предметомъ удивленія. Его обычное настроеніе душевное выражалось въ преклоненіи передъ этими тайнами. Онъ имѣлъ какую-то особую потребность непремѣнно обожать. Подобная наклонность къ таинственному и возвышенному естественно приводила его къ преувеличеніямъ, человѣчество представлялось ему занятымъ непрерывной гигантской борьбою между добромъ и зломъ. Мелочи же дѣйствительной жизни, напротивъ, казались одинаково отвратительными и забавными. Новѣйшее общество рисовалось всецѣло предавшимся лжи и рутинѣ. Народы ищутъ себѣ спасенія въ конституціяхъ, въ уравновѣшиваніи власти, въ парламентскихъ дебатахъ, въ изобрѣтеніяхъ такъ называемаго либерализма и прогресса, тогда какъ въ дѣйствительности и въ существѣ дѣла, на сторонѣ правительства превосходство силы. Въ этомъ отношеніи любопытны, между прочимъ, воспоминанія помѣщенныя въ газетѣ „Русь“ г-жею О. К. о Карлейлѣ. По ея словамъ, онъ особенно любилъ бранить англійскую конституцію и жестоко смѣяться надъ тѣми, кто ей вѣрилъ.

— „Humbug“, восклицалъ онъ, „чистѣйшій обманъ“!.. „Пожалуйста, не губите вы мнѣ моей Россіи нашей конституціей“, воскликнулъ онъ однажды... „Вѣдь въ парламентѣ царитъ болтовня, пошлая болтовня. Россія совершила много великаго. У ней и будущее великое. Пусть только развивается по своему, на своихъ собственныхъ ногахъ. Я люблю и всегда любилъ русскихъ“!.. Затѣмъ—разсказываетъ г-жа О. К.—онъ провелъ параллель между государемъ и королевой Викторіей, горячо восхваляя перваго за его реформы и любовь къ просвѣщенію, но сильно издѣваясь надъ второю, особенно за ея „Турко-Биконсфильдство“...

Возвращаясь къ идеямъ Карлейля относительно человѣчества, нельзя не замѣтить, что ихъ послѣднимъ словомъ являются герой и права героизма. Ему нужны Магометы, Кромвели, Фридрихи II-е, Наполеоны, потому что это настоящіе и непосредственные продукты природы. Отсюда уже легко предугадать, въ какой связи должны находиться теорія героизма у Карлейля съ его общими воззрѣніями на міръ. Человѣкъ рока, Провидѣнія, одаренный высокими свойствами, которыя заранѣе отводятъ ему верховное мѣсто въ мірѣ, такова, по его воззрѣніямъ, естественная дѣйствительность въ противоположность съ соціальными фикціями, и въ то же время это—одна изъ силъ тайнаго міра, въ созерцаніе котораго англійскій писатель любитъ погружаться.

Библиотека "Руниверс"

Если вполнѣ естественно намѣтить основную мысль, которая вдохновляла Карлейля, то, съ другой стороны было бы несправедливо утверждать, что все достоинство его сочиненій заключалось въ вышеупомянутомъ мистицизмѣ. Въ немъ виденъ, сверхъ того, историкъ и сатирикъ. Историкъ замѣчательный по сознательности своихъ изысканій и живости, съ какою онъ схватываетъ и изображаетъ физіономію событій. Его сила неоспорима. Онъ какъ будто обладаетъ, минуя всѣ его частныя особенности, даромъ вызывать прошлое, оживлять и воскрешать его, составить изъ него цѣлую драму, за которой читатель слѣдитъ неотступно. Стиль Карлейля изъ тѣхъ, которые задѣваютъ за живое читателя. Сверхъ того, Карлейль безспорно принадлежитъ къ школѣ драматической. За всѣми его моральными сентенціями, его заклинаніями и подобными странностями, не трудно замѣтить, что Карлейль, пиша исторію, хотѣлъ только разсказывать и разсказывать только для того, чтобы подѣйствовать на слушателя или читателя. Это артистъ своего дѣла. Самая торжественность его стиля не больше, какъ приправа все съ тою же цѣлью.

Карлейль является историкомъ въ двухъ или трехъ сочиненіяхъ и сатирикомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Его идеалистическія тенденціи проглядываютъ всюду въ формѣ постоянной и горькой насмѣшки надъ людьми и предметами современности. Онъ неисчерпаемъ въ своемъ негодованіи на недостатокъ искренности и великодушія, на сервилизмъ и жалкій видъ міра, который его окружаетъ. Одно слово у него безпрестанно подвертывается подъ перо и имъ-то Карлейль резюмируетъ характеръ нынѣшняго вѣка. Слово это „sham". Оно не поддается переводу и обозначаетъ сразу и фальшивую внѣшность, суетныя домогательства, лживые договоры, и общественное лицемѣріе. Карлейль же возложилъ на себя миссію быть провозвѣстникомъ искренности. Эту искренность онъ желалъ бы примѣнить ко всему: она у него является священнымъ закономъ искусства, нравовъ политики.

То обоготвореніе силъ, о которомъ мы упомянули выше, само является послѣдствіемъ необходимости, какую испытываетъ писатель. нисходить во всемъ до первоначальнаго и естественнаго положенія вещей. А что же реальнѣе силы? Что же доступнѣе пониманію, если не вліяніе, какимъ въ состояніи давать себя чувствовать личный авторитетъ, будь то геній, или просто штыкъ?

Одна изъ многихъ второстепенныхъ заслугъ философіи Гегеля, какъ извѣстно, состояла въ разрушеніи противоположности между формою и содержаніемъ. Нѣтъ такой основы, которая не имѣла бы своей формы, нѣтъ и формы, которая не предполагала бы извѣстной основы. Но никогда та и другая не была въ болѣе явной связи, нежели мысль Карлейля и его манера писать. Трудно отдѣлаться отъ мысли, когда читаешь его произведенія, что это—не аффектація: она выступаетъ рѣзко въ его безпрестанныхъ декламаціяхъ противъ

Библиотека "Руниверс"

лицемѣрія вѣка. Его выспренныя мистическія воззрѣнія на невѣдомое, которое насъ окружаетъ, на вселенную, его преклоненіе передъ тайной бытія, представляютъ что то позирующее, дѣланное. Такъ и кажется, что все это разсчитано, надумано. Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно его стиля. Это языкъ, будто намѣренно сфабрикованный писателемъ, и однакоже этому языку онъ обязанъ большею долей своего успѣха. Словарь Карлейля можно было бы составить изъ длинныхъ словъ, на манеръ нѣмецкихъ, изъ неупотребительныхъ формъ, сравнительныхъ и превосходныхъ степеней... Авторъ весь уходитъ въ странные термины, стереотипные эпитеты; фраза его будто отрублена, прервана. Карлейль, видно, нарочно дѣлалъ ее антимузыкальной, антипеpіодичной, отрывочной. Прибавьте къ этому восклицанія, вопросительные знаки, воззванія къ дѣйствующимъ лицамъ, къ читателю, къ небесамъ и землѣ, ко всему на свѣтѣ, и вы получите понятіе о стилѣ Карлейля. Ничѣмъ такъ не злоупотребляетъ онъ, какъ словами Богъ, Безпредѣльность, Вѣчность, Глубина.

Нужно ли прибавлять, что эта смѣшанная роль пророка и буффона, эти выдѣланныя эксцентричности, производятъ скорѣе впечатлѣніе, будто ими авторъ пользуется, чтобъ обратить вниманіе на себя, чѣмъ впечатлѣніе дѣйствительнаго убѣжденія? Съ самаго начала своей литературной карьеры Карлейль не писалъ такъ. Въ его „Жизни Шиллера“ обыкновенные англійскіе обороты. Если по его первымъ литературно-критическимъ статьямъ и можно отчасти предугадать, что̀ выйдетъ потомъ изъ писателя, все же онѣ не выказываютъ отличій отъ обыкновенно употребительнаго языка. Но „Sartor resartus“, который принадлежитъ почти къ той же эпохѣ, уже обнаруживаетъ странности. Съ тѣхъ поръ авторъ начинаетъ пользоваться излюбленной имъ манерой писать, которая имѣетъ двойную выгоду, будучи легче самой простѣйшей формы и возбуждая любопытство публики. Его „Французская революція“ (1837 г.) представляется уже совсѣмъ скроенной по особой мѣркѣ.

Вліяніе Карлейля, какъ писателя, измыслившаго свою манеру писать, было велико. Онъ вызвалъ цѣлый рядъ подражателей, которые, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣльности и логичности своего изложенія, больше кичились своей виртуозностью или эффектами шарлатанскаго стиля. Не избѣгли соблазна въ этомъ отношеніи и великіе таланты въ Англіи. Рускинъ, напримѣръ, какъ и самъ Карлейль, кончилъ тѣмъ, что перешелъ отъ исключительнаго стиля къ странному, и отъ аффектаціи дошелъ до мистификаціи.

Вліяніе философскихъ взглядовъ Карлейля было не меньше, чѣмъ и его литературная дѣятельность, но оно было болѣе спасительно и благотворно. Имя Карлейля останется навсегда въ исторіи мысли въ Англіи. Онъ намѣтилъ рѣзко стезю своихъ воззрѣній. Какъ, не смотря на недостатки своего стиля, онъ въ сущности былъ артистомъ, также точно, не взирая на претендательность его сентенцій, онъ былъ если не фи-

Библиотека "Руниверс"

лософомъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ на формировку умовъ. Короче сказать, если бы требовалось общимъ образомъ опредѣлить моральное и интеллектуальное вліяніе Карлейля, мы бы замѣтили, что Карлейль въ особенности служилъ тому, чтобы порвать и раздвинуть путы, въ которыхъ загрузла мысль его согражданъ. Слушая, какъ онъ безпрерывно твердилъ о божествѣ и вѣчности, о тайнѣ и обожаніи, въ немъ начинали видѣть провозвѣстника болѣе высокой и широкой религіи, сравнительно съ ходячими вѣрованіями. Съ тѣхъ поръ умозрѣніе проложило въ Англіи новую дорогу. Всемірныя тайны Карлейля смѣнились точными изысканіями, строгими изслѣдованіями и опредѣленіями. Неизвѣстно, отдавалъ ли себѣ отчетъ въ этомъ самъ Карлейль, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно прожилъ для того, чтобы видѣть свое вліяніе исчерпаннымъ, свою роль въ качествѣ учителя устарѣлой.

Вышеприведенныя воспоминанія г-жи О. К. содержатъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ это. „85-лѣтній Карлейль пережилъ себя"—говоритъ г-жа О. К. Онъ замѣчалъ надъ собою весь процессъ разрушенія и нетерпѣливо жаждалъ смерти. „Прошлою весною г-жа О. К. уѣзжала изъ Лондона въ Россію. Карлейль, съ вѣрнымъ другомъ своимъ Джемсомъ Фрудомъ, пріѣхалъ къ ней... Разговоръ преимущественно касался ея отъѣзда, возвращенія, и только что вышедшей въ то время ея книги: „Россія и Англія". Карлейль настаивалъ на необходимости сообщать какъ можно болѣе свѣдѣній о Россіи.

— Англія очень невѣжественна насчетъ васъ, заключилъ онъ.

Прощаясь, г-жа О. К. сказала ему „до свиданія".

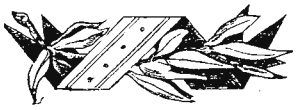
— О, нѣтъ, воскликнулъ онъ, какъ то испуганно. О, нѣтъ, повторилъ онъ, желайте мнѣ поскорѣй смерти. Мнѣ давно пора, давно! Неужели придется еще помучиться нѣсколько мѣсяцевъ? Это выше силъ.

Г-жа О. К. замѣтила ему, что друзьямъ его больно слышать такія слова:

— Вы намъ дороги, намъ нужны ваши совѣты, ваши указанія; смерть ни отъ кого не уйдетъ, утѣшала она. Но Карлейль какъ будто считалъ себя забытымъ на землѣ...

Само собою разумѣется, видя свое вліяніе отжившимъ, Карлейль въ правѣ былъ утѣшать себя, что онъ служилъ уже переходомъ между прошлымъ и настоящимъ. А къ этому, конечно, сводится роль всѣхъ системъ; въ этомъ заключается лучшая слава, на какую только можетъ претендовать мыслитель на этомъ свѣтѣ...

Ѳ. Булгаковъ.



Библиотека "Руниверс"

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ АБРУЦЦЪ.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ очеркѣ мы имѣемъ въ виду познакомить читателей съ интереснымъ трудомъ итальянскаго ученаго Антоніо Де-Нино о народныхъ обычаяхъ Абруццъ (Usi Abruzzesi descritti da Antonio De-Nino. Volume primo. Firenze. 1879) [1]).

Литературная дѣятельность этого автора началась съ половины шестидесятыхъ годовъ и относится къ педагогикѣ, языкознанію, поэзіи, народной словесности и археологіи [2]).

Необыкновенное трудолюбіе г. Де-Нино тѣмъ замѣчательнѣе, что авторъ—не болѣе какъ скромный учитель отечественной исторіи и литературы въ небольшомъ провинціальномъ городѣ (Sulmona въ Абруццахъ), и что только благодаря его настойчивости и продолжительнымъ усиліямъ, итальянское правительство въ послѣдніе годы

---

[1]) Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю признательность М. И. Желѣзнову за его дружескую помощь въ нашихъ итальянскихъ студіяхъ. Этотъ ученый-художникъ, проведшій въ Италіи двадцать три года, знаетъ итальянцевъ, ихъ страну и языкъ, какъ немногіе въ Россіи.

[2]) Кромѣ многихъ журнальныхъ статей и публикацій въ Notizie degli Scavi di Antichità, г. Антоніо Де-Нино до сихъ поръ изданы слѣдующія сочиненія: 1) Saggio di canti popolari Sabinesi. 2-a edizone. Rieti 1869, 2) Versi. Macerata 1869, 3) Nomenclatura di geografia fisica con applicazioni. Rieti 1871, 4) Errori di lingua italiana che sono più in uso. 2-a ediz. Torino 1872, 5) Il lavoro fa l'oro e lo sparagno è il primo guadagno. Letture popolari. Torino 1872, 6) Aggiunzioni alle grammatiche della lingua italiana. Milano 1877, 7) Proverbi Abruzzesi. Milano 1877, 8) Guida spiegativa della raccolta completa delle tavole di nomenclatura ad uso delle scuole elementari, rurali e giardini d'infanzia, compilata da I. Cantù e De Nino. 3-a ediz. Milano 1878, 9) Usi Abruzzesi. Volume primo. Firenze. 1879, и, наконецъ, 10), Diritti e doveri del Cittadino. Torino 1881. Въ непродолжительномъ времени, кромѣ второго тома Usi Abruzzesi, имѣется въ виду появленіе двухъ его новыхъ сочиненій подъ названіями: Notizie storiche degli Abruzzi. Vol. 1-o, и Tradizioni poetiche de'moderni Peligni.

Библиотека "Руниверс"

приступило къ методическимъ раскопкамъ территоріи, знаменитаго въ исторіи Союзнической войны, Корфинія (Corfinium), начинающейся не вдалекѣ отъ Сульмоны (на мѣстѣ древняго города нынѣ стоитъ небольшое селеніе Pentima). Раскопки эти, въ четыре года своего существованія, уже дали много новаго и цѣннаго матеріала для археологической, науки и, между прочимъ, онѣ открыли надписи древнихъ Пелигновъ, своеобразный діалектъ которыхъ доселѣ не былъ извѣстенъ.

Къ чести итальянскаго народа нужно сказать, что число такихъ скромныхъ и за предѣлами своего отечества мало извѣстныхъ тружениковъ науки и въ глухихъ провинціяхъ королевства теперь увеличивается съ каждымъ годомъ и что они принадлежатъ не только къ духовному сословію, какъ то нерѣдко бывало и прежде, но уже выходятъ и изъ другихъ классовъ. Воодушевленные горячей любовью къ своимъ мѣстамъ, эти провинціальные ученые обыкновенно посвящаютъ силы и досуги на изученіе исторіи или своего города или всей своей области: они изучаютъ памятники письменные и монументальные, собираютъ живущія въ устахъ народа преданія о стародавнихъ временахъ, о знаменитыхъ соотечественникахъ, въ томъ или другомъ отношеніи прославившихъ свое имя въ потомствѣ, и пр. Великое прошлое такой страны какъ Италія и обильные остатки этого прошлаго, попадающіеся повсюду, сами собой дѣлаютъ ихъ археологами—и потому естественно, что они прежде всего обращаютъ вниманіе на свою родную почву, или, другими словами, на тѣ археологическіе клады, которые хранятся въ этой почвѣ; обыкновенно, они первые даютъ знать объ этихъ археологическихъ богатствахъ итальянскому образованному міру и правительству; они первые указываютъ на необходимость надлежащаго контроля надъ раскопками, необходимость пресѣченія или предотвращенія зла, которое безповоротно наносится наукѣ и понынѣ то корыстолюбіемъ антикваровъ-купцовъ, ищущихъ конечно только цѣнныхъ предметовъ, то невѣжествомъ темнаго люда, безжалостно уничтожающаго все, что попадается подъ руку—благо бы старый камень или металлическая вещь годились ему въ новую постройку.

Глубокая любовь къ роднымъ мѣстамъ и вытекающія изъ этого чувства старанія освѣтить въ глазахъ соотечественниковъ значеніе своей родины въ минувшихъ вѣкахъ, не составляютъ однако единственной симпатичной черты характера провинціальныхъ ученыхъ Италіи. Тѣмъ изъ насъ, кому приводилось вступать въ непосредственныя сношенія съ этимъ почтеннымъ типомъ итальянской интеллигенціи, неминуемо должны были бросаться въ глаза необычайная скромность, съ которой эти люди смотрятъ на свои личные труды и заслуги передъ страною и наукой, равно какъ и ихъ особенный, иногда доходящій до безусловнаго поклоненія, піэтетъ въ отношеніи къ лучшимъ современнымъ представителямъ археологической и исторической науки отечественной и иностранной. „Мы

Библиотека "Руниверс"

люди маленькіе, наши научныя свѣдѣнія не глубоки; мы лишь со скудными силами и средствами работаемъ, сколько можемъ; мы только указываемъ на то, что видимъ здѣсь передъ глазами, а разработывать вопросы научные—дѣло не нашихъ способностей, не нашего разумѣнія: то сдѣлаютъ Археологическій институтъ въ Римѣ съ его многочисленными и учеными сотрудниками, то сдѣлаютъ наши Фіорелли, Де-Росси, Піетро Роза, Гарруччи и др."—вотъ что обыкновенно приходится слышать, когда заходитъ рѣчь о нихъ самихъ.

Не можемъ умолчать и о третьей чертѣ ихъ характера—это о необычайной ихъ любезности въ отношеніи къ иностранцамъ. Неоднократные опыты минувшаго лѣта, равно какъ впечатлѣнія 1874—75 гг. осязательнымъ образомъ убѣдили насъ въ томъ, что нѣтъ такой трудной просьбы, которую не исполнилъ бы провинціальный итальянскій ученый съ живѣйшей готовностью, хотя бы для того нужно было потратить очень много времени и усилій. Ихъ время и всевозможныя услуги въ полномъ распоряженіи иностранца, явившагося къ нимъ съ научною цѣлью.

Всѣ эти строки вылились у насъ сами собой, когда мы принимались писать по поводу книги ученаго труженика Сульмоны. Антоніо Де-Нино можетъ быть названъ истиннымъ представителемъ здѣсь набросаннаго типа: глубокій почитатель родныхъ ему мѣстъ; ревностный археологъ, не щадящій для своихъ исключительно научныхъ цѣлей ни силъ, ни тѣхъ маленькихъ матеріальныхъ средствъ, какія даетъ ему профессія школьнаго учителя; скромный до застѣнчивости; любезный и услужливый къ другимъ до самопожертвованія.—Вышеприведенный перечень его литературныхъ трудовъ показываетъ при этомъ, что область его научныхъ интересовъ такъ широка, что сдѣлала бы честь ученому и любого изъ главныхъ умственныхъ центровъ Италіи.

Но обращаемся къ его сочиненію Usi Abruzzesi.

I.

Книга открывается вводнымъ словомъ, имѣющимъ цѣлію указать на важность роли народныхъ обычаевъ въ историчечкой жизни и на необходимость изученія ихъ историками, не только пишущими большіе труды, но и авторами школьныхъ руководствъ по исторіи. Эти мысли, высказываемыя авторомъ вслѣдъ за Маколеемъ и прилагаемыя имъ къ итальянскому народу и его исторіи, суть слѣдующія: „Между древней и новой цивилизаціей—говоритъ онъ—своего рода соединительнымъ звеномъ служатъ многіе народные обычаи, которые начинаютъ казаться большинству странными, какъ уже исчезнувшіе изъ общей жизни народа и остающіеся лишь въ небольшихъ селеніяхъ и уединенныхъ захолустьяхъ. Но тѣмъ болѣе значенія имѣютъ обычаи общіе всему народу, еще живущіе и дѣйствующіе въ немъ

Библиотека "Руниверс"

въ полной силѣ: безъ познанія ихъ великіе историческіе перевороты никогда не получатъ надлежащаго объясненія. Я не знаю, насколько могутъ быть полезны употребляемыя нынѣ въ школахъ сокращенныя руководства исторіи, гдѣ говорится лишь о войнахъ, осадахъ, завоеваніяхъ, конгрессахъ, трактатахъ, перемѣнахъ министровъ, королей, императоровъ и подобныхъ сюжетахъ. Польза отъ такихъ руководствъ должна быть весьма незначительна, такъ какъ здѣсь народъ разсматривается съ одной и при томъ болѣе поверхностной стороны. Но несомнѣнно, что существенный образъ народа не тамъ: въ своемъ истинномъ видѣ народъ является у домашняго очага, въ дружескихъ бесѣдахъ, въ церквахъ, въ кофейняхъ, въ винныхъ погребахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, въ театрахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ казармахъ, въ тюрьмахъ, въ лавочкахъ, на фабрикахъ, въ хижинахъ. Здѣсь, а не индѣ, мы должны отъискивать происхожденіе политическихъ событій, даже и болѣе громкихъ между ними. По этимъ и другимъ соображеніямъ, я рѣшился издать мои замѣтки о народныхъ обычаяхъ Абруццъ, начавши съ болѣе странныхъ и переходя потомъ постепенно къ наиболѣе общимъ. Желательно, чтобы во всѣхъ областяхъ Италіи дѣлалось тоже самое, и при томъ болѣе и лучше моего, такъ какъ, для того чтобы превзойти меня, нужно не много. А только съ новыми матеріалами и придавая большее значеніе матеріаламъ прежнимъ, но отброшеннымъ въ сторону именно потому, что они не относились къ политической жизни, можно составить истинную исторію итальянскаго народа, которая въ состояніи будетъ дать надлежащіе уроки и касательно будущаго. Исторія же, которая не служитъ этой цѣли, всегда останется безполезной".

Матеріалъ, собранный г. Де-Нино и расположенный въ формѣ отдѣльныхъ разсказовъ, исполненъ интереса не только для спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго читателя. Впрочемъ, этого послѣдняго, по видимому, авторъ и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, насколько позволяетъ судить о томъ популярная и подъ-часъ юмористическая форма изложенія разныхъ повѣрій наивнаго народа. Въ этихъ небольшихъ разсказахъ наблюдателя-очевидца ярко рисуются предъ читателемъ захолустныя Абруццы съ ихъ оригинальнымъ населеніемъ. Г. Де-Нино излагаетъ предъ нами обычаи крестинные, свадебные, погребальные, священныя представленія, хожденія на богомолье, народныя игры, говоритъ здѣсь о разныхъ примѣтахъ, о ночныхъ собраніяхъ и пр.—Въ слѣдующемъ изложеніи мы остановимся только на главномъ, отсылая читателя за подробностями къ самой книгѣ.

Начнемъ съ крестинныхъ обычаевъ.

Новорожденнаго несетъ къ крещенію обыкновенно повивальная бабка. Голова ребенка кладется на правую руку, если онъ—мальчикъ; на лѣвую, если—дѣвочка. Означаетъ ли это, что мальчикъ долженъ быть правою рукою отца? Или то, что первая изъ женъ

Библиотека "Руниверс"

была взята изъ лѣваго бока—источника нѣжныхъ чувствъ? Въ церковь, вмѣстѣ съ бабкой, идетъ кума или кумъ. Воротившись домой, кума говоритъ родильницѣ: „Ну, милая кума: ты дала мнѣ его язычникомъ, я возвращаю тебѣ христіаниномъ [1])“. Или же сама родильница говоритъ кумѣ: „Спасибо тебѣ, кумушка; я дала тебѣ язычника, ты возвращаешь христіанина [2])“. При этомъ онѣ обѣ обнимаются и цѣлуются. Гостямъ разносятъ конфекты и ликеры.

Когда ребенка распеленываютъ и запеленываютъ снова, гостю, который случится въ это время, не позволяютъ выйти изъ комнаты, пока операція не кончится. Кто запеленываетъ, говоритъ: „Посидите еще немножко; если вы уйдете, ребенокъ не заснетъ; вы унесете у него покой и сонъ [3])“.

Въ Pratola Peligna, видящій ребенка въ первый разъ, беретъ его на руки и говоритъ ему: „Я тебя еще не видывалъ: не знай же ты никакой бѣды (при этомъ цѣлуетъ его въ лобъ); я тебя еще не видывалъ: не знай ты никакой болѣзни (и цѣлуетъ его въ подбородокъ); вотъ я увидѣлъ тебя въ этомъ году: Отецъ, Сынъ и Духъ Святъ [4])“ (и цѣлуетъ его въ обѣ щеки; такимъ образомъ дѣлается знаменіе креста). .... Обнаженному дитяти даютъ еще одинъ поцѣлуй, но въ какое мѣсто, пусть читатель отгадаетъ самъ (стр. 125 и слѣд.).

Воспріемники при крещеніи и повивальная бабка у Абруццезянъ называются кумомъ и кумой, il comare, la comara. Но любопытнѣе въ вопросѣ о кумовствѣ то, что кромѣ этой формы существуютъ у нихъ другіе виды кумовства. Этихъ формъ шесть: 1) кумовство по букету цвѣтовъ, 2) кумовство по передачѣ ребенка на алтарѣ, 3) кумовство по хожденію вокругъ алтаря, 4) кумовство по мизинцу, 5) кумовство по поливанью, 6) кумовство по свадебному обряду.

Наиболѣе простой способъ кумовства — кумовство по букету (il comparatico a mazzetto). Въ Ивановъ день (24 іюня) посылается на блюдѣ цвѣтокъ или цѣлый букетъ съ красивой лентой, а иногда и съ какой нибудь золотой вещицей. Принявшій возвращаетъ букетъ въ день св. Петра. Такъ становятся кумовья и кумы; ими они остаются пока жива между ними взаимная симпатія.

---

[1]) Ecche, cummara me;
Tu mi lu sci datu pagane
I' te lu rrenne cristiane.

[2]) Te ringrazio, cummare; t'aggio dato nu pagane e me rrienne nu cristianu (стр. 125).

[3]) Trattéite 'n' avetre 'nzigne, se no lu citele no' s' addorme: tu glie te pourte la pace e lu suonne (стр. 126).

[4]) Non t' aje viste ma'
Ne puozze avè' nisciune guà'
Non t' aje viste ancore
Ne puozze avè' nisciune dulore
I' t' aje viste uanne:
Padre e Figlio e Spirite Sante (стр. 127).

Библиотека "Руниверс"

Своеобразную форму представляетъ кумовство по передачѣ ребенка съ рукъ на руки на алтарѣ (il comparatico a passare sull' altare: Passami questa creatura). Этотъ обычай заключается въ слѣдующемъ. Приносятъ въ церковь ребенка или больного—слѣдовательно для молитвы о его выздоровленіи, или же послѣ болѣзни—для благодаренія святого или святой. Мать кладетъ при этомъ младенца съ той или другой стороны алтаря. Одна изъ двухъ женщинъ, сопровождающихъ ее въ этомъ случаѣ, читаетъ особаго рода молитву, обнимаетъ ребенка и передаетъ его другой женщинѣ, которая для той же цѣли ждетъ у противоположной стороны алтаря. Эта также кладетъ ребенка на алтарь, тоже шепчетъ молитвы, обнимаетъ дитя и отдаетъ его въ прежнія руки. Обрядъ исполняется три раза. Послѣ этого мать благодаритъ своихъ спутницъ и привѣтствуетъ ихъ именемъ кумушекъ; названіе comari остается навсегда: такъ онѣ величаютъ себя при всякой встрѣчѣ.

Кумовство по хожденію вокругъ алтаря (il comparatico in giro all'altare). Двѣ или нѣсколько дѣвушекъ берутся за руки и три раза обходятъ алтарь. За тѣмъ онѣ попеременно цѣлуются, вырываютъ у себя по волоску и хоронятъ его въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ храма. По окончаніи этого обряда, одна изъ нихъ протягиваетъ руку, какъ бы съ намѣреніемъ считать число кумъ (le comari), которыя стоятъ при этомъ кружкомъ, или когда ихъ только двѣ, то одна противъ другой. Но вмѣсто того чтобы говорить: одна, двѣ, три, четыре и пр. поетъ слѣдующую пѣсню:

Cummare e cummare
La notte de Natale
La notte de San Iuvenne
A te la vrode a mi le segne.
Jemme a Sant' Aniello
Ce cumpremme ju susemielle:
Mezz' a tì, mezz' a mì:
Sempre cummare ce avemme dì'.
Se cummare nce diceme,
A ju'nfierne ce ne jeme:
Ce aveza la bacchetta
Ce ne jeme a casa bendetta:
Ce sona ju campaniellu
Ce ne jeme dritta a ju'nfierne

т. е. „Кумушка, кумушка! Въ ночь на Рождество, въ ночь на св. Ивана тебѣ бульенъ, мнѣ лапшу. Пойдемъ въ Санъ-Аннелло, купимъ мы булочку—половину тебѣ, половину мнѣ: и будемъ мы всегда называться кумами. А когда такъ себя звать перестанемъ, пойдемъ мы прямо въ адъ [1])“.

[1]) Послѣдніе четыре стиха этой пѣсни для насъ темны; буквально они значатъ: „поднимается палочка—и мы пойдемъ въ домъ благословенный; звенитъ звонокъ—пойдемъ мы прямо въ адъ“.

Библиотека "Руниверс"

Кумовство по мизинцу (il comparatico a ditillo) заключается просто и скоро.

Двѣ дѣвушки берутъ одна другую за мизинецъ, и покачивая руками поютъ хоромъ: „Кумушка, кумушка! будемъ мы кумами. А разсоримся—пойдемъ мы въ адъ. Звенитъ, звенитъ звонокъ—пойдемъ мы прямо въ адъ [1])“.

Вслѣдъ за этимъ, онѣ вырываютъ у себя по волоску и одна кладетъ его на голову другой. То—талисманъ сердечной жизни. Съ этой минуты двѣ кумушки уже могутъ открывать другъ другу сердце, могутъ повѣрять свои даже наиболѣе деликатныя тайны (стр. 48 и слѣд.).

Обычай заключенія кумовства по поливанью (il comparatico di sciacquamento) подмѣченъ авторомъ въ селеніи Ortucchio. Двѣ дѣвушки, желающія заключить кумовство этого рода, 24 іюня, съ восходомъ солнца, должны выйти въ поло, къ одному небольшому источнику (una piccola fontana, отъ чего и мѣстность носитъ названіе il Fontanile) и поперемѣнно одна другой полить пригоршнями нижнюю часть руки и вытереть её тонкимъ полотенцемъ. По окончаніи обряда, онѣ обѣ цѣлуются и съ тѣхъ поръ начинаютъ величать себя кумами: cummarame: sìne sìne, cummarame. Точно такимъ же способомъ могутъ становиться кумовьями (i compari) и мужчины (стр. 43 и слѣд.).

Кумовство по браку (il comparatico nei matrimoni). Вслѣдъ за обрученіемъ жениха и невѣсты и благословеніемъ со стороны священника, совершающаго обрядъ вѣнчанія, подходитъ лицо съ двумя зажженными свѣчами и вручаетъ одну изъ нихъ невѣстѣ, а другую жениху. Эти свѣчи горятъ до конца обряда—и поднесшій ихъ называется il compare новобрачныхъ (стр. 48 и слѣд.).

II.

Послѣдній обычай, замѣченный авторомъ въ селеніи Roccasapia, вводитъ насъ въ кругъ свадебныхъ обрядовъ Абруццезянъ. Выбираемъ болѣе характерные и располагаемъ ихъ въ порядкѣ свадебнаго торжества.

Подобно невѣстамъ другихъ народовъ, абруццскія дѣвушки вѣрятъ въ спасительныя силы разныхъ свадебныхъ талисмановъ. Запастись ими на время вѣнчанія, и по ихъ вѣрованіямъ, значитъ

---

[1]) Cummara me, cummara
Facemmece a cummara.
Se nu ce reguastemme
A lu'nfierre ce ne jemme:
Sona, sona lu campanielle
Ce ne jemme dritte a lu'nfierre (стр. 49).

Библиотека "Руниверс"

обезопасить предстоящую супружескую жизнь отъ золъ и несчастій.

Вотъ что разсказываетъ на этотъ счетъ г. Де-Нино.

Двѣ двоюродныя сестры, свадьба которыхъ назначена была на одинъ и тотъ же день, вели интимную бесѣду и сообщали одна другой цѣлую вереницу секретовъ.

— Когда ты, говоритъ между прочимъ одна изъ нихъ, пойдешь къ алтарю для колѣнопреклоненія, держи въ карманѣ молитвенникъ.

— Какой? спросила другая.

— Молитвенникъ необходимый для обѣдни, гдѣ находятся всѣ молитвы и святыя евангелія... Та которая держитъ его въ карманѣ въ ту минуту, когда произноситъ свое „желаю", освобождаетъ жениха отъ всякой порчи: и свадьба совершается безпрепятственно.

— Глупости, глупости! и ты этому вѣришь? Я такъ не повѣрила бы этому на одну крошку. А мнѣ тетка говорила, что противъ порчи слѣдуетъ только разослать край платья или передника на ступенькѣ алтаря, гдѣ стоитъ на колѣнахъ женихъ.

— Фи, и я этому не повѣрю.

Пришло вѣнчаніе, и кузина съ своей каемкой поторопилась. Другая не преминула дать знать, что она замѣтила это, и улыбнулась съ миной состраданія. Сама она вѣнчалась съ торжествующимъ видомъ. Вѣнчаніе кончено; новобрачная съ каемкой подошла близко къ своей кузинѣ и ощупавъ ея платье, говоритъ ей: „А то, что у тебя въ карманѣ развѣ не молитвенникъ?" (стр. 169 и слѣд.).

Проводы невѣсты въ церковь. Въ домѣ невѣсты собрались родственники и друзья; церковный служитель даетъ знать, что въ церкви все готово для брачнаго обряда. Въ комнатѣ водворяется молчаніе. Отецъ и мать поднимаются съ своихъ мѣстъ и подходятъ къ дочери. Они съ монетой въ рукѣ осѣняютъ ее крестнымъ знаменіемъ, затѣмъ цѣлуютъ, даютъ ей пощечину (lo schiaffo) и опускаютъ монету въ ея передникъ. Проливаются обильныя и сердечныя слезы. Родственники и друзья кладутъ, но уже безъ поцѣлуевъ и пощечинъ, въ передникъ невѣсты подарки съ своей стороны. По окончаніи этого, всѣ направляются въ церковь для совершенія брачной церемоніи. Крестъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, означаетъ благословеніе; поцѣлуй—любовь родительскую; пощечина, быть можетъ, знакъ краткаго гнѣва по случаю отдѣленія дочери отъ семьи? (стр. 183 и слѣд.).

Это—обычай при проводахъ невѣсты въ церковь. Не менѣе интересенъ обрядъ проводовъ молодой въ домъ мужа послѣ вѣнца. Разъ случилось мнѣ быть—разсказываетъ г. Де-Нино—въ селеньи Canzano и попасть тамъ на свадьбу. Передъ домомъ новобрачной, среди большой толпы, стояли пять навьюченныхъ муловъ. Перевозилась домашняя утварь невѣсты: сундукъ, двѣ деревянныхъ скамейки, нѣсколько досокъ для кровати, котелъ, кадка, чашка, три ящика съ платьемъ и проч.; поверхъ всего торжественно красовалась прялка

Библиотека "Руниверс"

съ веретеномъ — произведеніе собственной мудрости нашихъ мѣстъ. Вотъ выходитъ молодой со свитою родныхъ и друзей, и раздаетъ на всѣ стороны конфекты. Всѣ ждутъ выхода новобрачной. На верху лѣстницы появляется старушка—и уже по одному тому, что она въ слезахъ, кто не узналъ бы въ ней матери? Спускается молодая: смущенная, съ опущеннымъ взоромъ, она ни на кого не смотритъ. Передъ отходомъ она оборачивается назадъ—per dire addio alla casa paterna. Слѣдуетъ трогательная минута прощанья съ родительскимъ кровомъ. Старушка-мать, все еще стоящая на лѣстницѣ, набираетъ чего-то въ своемъ передникѣ и бросаетъ имъ по направленію дочери: то была горсть жита. Это символъ желаемаго богатства и счастья материнскаго (стр. 24 и слѣд.).

За сценой прощанія съ родительскимъ домомъ, для новобрачной слѣдуетъ сцена пріема ея свекровью въ домѣ мужа. Формы этой встрѣчи очень любопытны; однѣ изъ нихъ поражаютъ грубостью и недостаткомъ нравственной основы, другія, напротивъ, отличаются наивностью символическаго церемоніала. Нижеслѣдующій случай записанъ авторомъ въ Pratola Peligna.

Разъ, въ одно іюльское воскресенье, въ присутствіи г. Де-Нино, молодая, въ сопровожденіи родныхъ и друзей, шла къ дому мужа. На лѣстницѣ ея будущаго жилища ожидала ее свекровь; въ рукахъ она держала за оба конца длинный и тонкій хлѣбъ. И лишь новобрачная приблизилась къ ней, какъ свекровь переломила хлѣбъ надъ ея головой со словами: „Невѣстка моя, невѣстушка, лучше умереть тебѣ чѣмъ оставаться вдовою“ [1]). Такимъ образомъ, молодой, при вступленіи черезъ порогъ новаго дома, подносится хлѣбъ, а молодому желаютъ долговѣчной жизни! Смыслъ всего этого, конечно, слѣдующій: „Вдовство твоё предполагаетъ смерть моего сына; такъ ужь лучше ты умри первая“ (стр. 36 и слѣд.).

Въ сравненіи съ этимъ обычаемъ, какою простотою и симпатичной наивностью вѣетъ отъ другихъ народныхъ церемоній, сопровождающихъ тотъ же самый моментъ брачнаго торжества! Вотъ одинъ изъ такихъ обычаевъ, отмѣченный авторомъ для окрестностей города Penne (in quasi tutto il circondario di Penne). Послѣ истинныхъ или притворныхъ слезъ новобрачной и просьбъ молодаго и родныхъ, открывается свадебная процессія. По дорогѣ встрѣчаются толпы глядѣльщиковъ, которые лентами загораживаютъ дорогу и не пускаютъ новобрачныхъ, пока не получатъ какого нибудь подарка. Наконецъ, процессія останавливается у дома мужа. Но молодая не хочетъ войти въ него. Просьбы со всѣхъ сторонъ и ласковыя поталкиванія со стороны мужа; напрасно, молодая неподвижна: „не хочу, не могу“

---

[1]) Nora maïa, nora maïa
Chiuttoste te puozze mureie
Che véreva nen scieie (стр. 37)

Библиотека "Руниверс"

говоритъ она. Тогда въ дверяхъ дома показывается свекровь съ курицей въ рукахъ; кланяясь и привѣтствуя невѣстку, она подноситъ ей курицу. Молодая принимаетъ и только тогда входитъ. Новобрачной подражаютъ и родственники; они также не хотятъ войти въ домъ. Но для нихъ не требуется курицы: essi non debbono fecondare; debbono solo contentare lo stomaco. Въ дверяхъ они получаютъ конфекты и ликеръ, или пряники съ виномъ, и затѣмъ входятъ (стр. 154 и слѣд.).

А въ другихъ мѣстахъ новобрачную въ этомъ случаѣ встрѣчаетъ свекровь съ блюдомъ жита и разбиваетъ его на ея головѣ (стр. 178).

За вступленіемъ молодой въ домъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Абруццъ слѣдуютъ подарки новобрачной не только со стороны свекрови, но и отъ матери и родственницъ, принимающихъ участіе въ свадьбѣ. Съ этой цѣлію, послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенія, всѣ женщины, составляющія свиту невѣсты, расходятся по домамъ, условившись напередъ относительно мѣста свиданія. Въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ, собираются пять, восемь, десять и болѣе женщинъ съ полными корзинами на головахъ. Въ каждой корзинѣ лежитъ по нѣскольку блюдъ, а въ нихъ рожь, мука, пшеница, бобы апулійскіе, бобы турецкіе разныхъ сортовъ, горохъ, чечевица и проч. Мать новобрачной сама беретъ въ руки черную курицу, а другой женщинѣ даетъ нести корзину съ платьемъ, которое новобрачная должна будетъ надѣть сейчасъ же и носить его, пока оно не придетъ въ ветхость. Теперь всѣ эти женщины выступаютъ одна за другой, а впереди всѣхъ мать новобрачной. Молодая, между тѣмъ, ждетъ вмѣстѣ съ мужемъ, свекромъ, свекровью и другими родственниками. Толпа съ своей стороны стремится посмотрѣть на эти корзины, посчитать сколько ихъ числомъ, въ порядкѣ ли несутъ ихъ, красивы ли на нихъ покрышки и проч. Эти блюда съ хлѣбомъ и овощами—символъ изобилія плодовъ, символъ сельскаго богатства; эта курочка—знакъ благословеннаго чадородія (стр. 64 и слѣд.).

Свадьба считается у всѣхъ лучшимъ, счастливѣйшимъ моментомъ жизни. Но едва ли хорошо себя чувствуютъ абруццскіе вдовцы и особенно старые вдовцы, вздумавшіе жениться снова. Г. Антонію Де Нино передаетъ намъ на этотъ счетъ слѣдующій случай. Во многихъ мѣстностяхъ Абруццъ, разсказываетъ онъ, существуетъ обычай звонить въ колокольчики на свадьбахъ вдовцовъ, особенно старыхъ. Разъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ такой сцены въ Montereale. Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпою зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, брянчанье связками ключей; ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Спеціалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна наиболѣе веселая ком-

Библиотека "Руниверс"

панія отвязала на колокольнѣ колоколъ и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ. Но вотъ молодая уже входитъ въ домъ вдовца. Начались поздравленія и угощенье сластями. Ночь становилась все темнѣе и темнѣе: родные и знакомые уже разошлись по домамъ, новобрачные уже почти одни. Оставались только наиболѣе упрямые подъ окнами брачнаго покоя съ своими несносными колокольчиками. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ гостей, хозяинъ усугубляетъ любезность: онъ выходитъ къ воротамъ дома и ласково предлагаетъ имъ угощенье. Звонари пьютъ, кричатъ: „Да здравствуютъ молодые!“ и поднимаютъ звонъ все сильнѣе и сильнѣе. Обѣщаютъ разойтись, а сами продолжаютъ звонить со всей мочи. Дверь дома захлопнулась, а звонки работаютъ съ прежней силой. Тогда вдовецъ въ досадѣ хватается самъ за колокольчикъ и начинаетъ звонить имъ изъ окна. Музыканты, увидя презрительное лицо старика, исчезаютъ одинъ за другимъ. На улицѣ пусто, а между тѣмъ даже издалека слышится колокольчикъ выведеннаго изъ терпѣнія стараго вдовца (стр. 101 и слѣд.).

Заключаемъ рѣчь о свадебныхъ обрядахъ Абруццезянъ указаніемъ на ту пеню, котору платитъ отецъ, получившій въ даръ отъ жены не мальчика, а дѣвочку. Въ Roccaraso — праздникъ св. Рокка (san Rocco [1]), и толпы музыкантовъ расхаживаютъ по улицамъ, наигрывая пѣсни. Не смотря на все веселье этого праздника, нѣкоторые отцы семействъ тайкомъ ушли въ сосѣднія селенія; спросите: почему? да затѣмъ, чтобы не участвовать въ кавалькадѣ. Другіе, рѣшившіеся принести эту жертву, готовили нарядное платье своимъ дочкамъ, тогда какъ ихъ родственники убирали къ этому дню осла лентами, цвѣтами, колокольчиками и пр. Въ установленный часъ приводятъ осла къ извѣстному дому и выкликиваютъ имя отца, который долженъ открывать кавалькаду. Отецъ выходитъ съ дѣвочкой на рукахъ и садится на приготовленнаго осла; толпа привѣтствуетъ его крикомъ: „здоровья и дѣтей—мальчиковъ!“ Этотъ крикъ повторяется нѣсколько разъ, пока совершается объѣздъ всего селенія. Объѣздъ бываетъ медленный, при чемъ болѣе всѣхъ терпитъ выносливый оселъ, котораго толпа безжалостно мучитъ, дергая за хвостъ и за узду. Отецъ вмѣстѣ съ ребенкомъ сходитъ у дома родственниковъ, гдѣ обыкновенно предлагаютъ ему конфектъ, ликеру, пирожковъ или вина.. И потомъ снова: „здоровья и мальчиковъ!“ Когда кончаетъ свой кругъ одинъ отецъ, подвергается тому же другой, затѣмъ третій и т. д. Не избавляются отъ этой участи и тѣ отцы, которые сбѣжали на этотъ праздникъ въ окрестныя селенія; по возвращеніи ихъ домой на другой день, родственники подводятъ къ ихъ домамъ своихъ ословъ и принуждаютъ ихъ продѣлать тоже самое (стр. 196 и слѣд.). Такъ-то поступаютъ съ бѣднымъ мужемъ, которому въ этомъ году жена подарила дѣвочку, а не мальчика.

---

[1]) Этотъ же праздникъ авторомъ называется la festa del Santo di Montpellier.

Библиотека "Руниверс"

III.

Своеобразіемъ отличаются и похоронные обычаи въ Абруццахъ. У нихъ мальчикъ и дѣвочка, умершіе до семи лѣтъ, хоронятся дѣвушками, какъ замѣтилъ это авторъ въ Pretanico. Здѣсь, въ его присутствіи, изъ бѣднаго дома выносили гробъ съ младенцемъ, украшеннымъ цвѣтами, четыре красивыя дѣвушки, одѣтыя со всей деревенской роскошью (стр. 6 и слѣд.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ребенка несетъ на кладбище и опускаетъ въ могилу сына мать (стр. 8).

Женщины и дѣвушки играютъ первенствующую роль и при погребеніи холостого, въ особенности умершаго въ молодыхъ лѣтахъ. Наиболѣе здоровыя и сильныя берутъ носилки на плечи и такъ несутъ покойника до церкви и изъ церкви до кладбища (ibid). Если таково участіе абруццскихъ дѣвушекъ въ похоронахъ мужчины, то тѣмъ естественнѣе ихъ печаль по подругѣ и, какъ знакъ этой печали, несеніе ея гроба на своихъ плечахъ. Дѣвушки тогда одѣваются въ бѣлыя платья и украшаютъ головы вѣнками изъ цвѣтовъ (стр. 116 и слѣд.).

За погребеніемъ умершаго слѣдуетъ утѣшеніе, ricúnselu, riconsuolo, riconsolazione. Такъ называется поминальный обѣдъ, даваемый родственниками осиротѣвшему семейству. Для этой цѣли припасы приносятся въ большихъ корзинахъ; число такихъ корзинъ зависитъ отъ количества родни. Обыкновенно, при этомъ приглашаются всѣ родственники, и въ свою очередь каждый изъ нихъ, по порядку родства, долженъ всѣхъ пригласить самъ. Обѣдъ устраивается всегда въ домѣ умершаго—отъ того иногда такія „ricùnseli“ продолжаются цѣлые мѣсяцы. Къ столу, на которомъ лежалъ гробъ, приставляютъ другіе столы и затѣмъ стелется скатерть. Гости садятся печальные и молчаливые: ни одного слова, ни движенія вольнаго или нескромнаго. Всячески расточаются любезности и подчиванія. Причемъ осиротѣвшему приходится ѣсть и пить больше, чѣмъ выноситъ желудокъ. Ближайшій по родству говоритъ ему: „Ты не желаешь мнѣ добра, если не съѣшь вотъ этотъ кусочекъ“; или: „Теперь увидимъ, желаешь ли ты мнѣ добра: выпей вотъ этотъ глоточекъ вина“. И подъ общія воспоминанія добродѣтелей покойнаго, лицо понесшее утрату (безъ различія пола) должно пить, даже мѣшая съ виномъ слезы. По окончаніи обѣда, скатерти складываютъ въ корзины, не чистя ихъ. Остатковъ не берутъ съ собою, даже соли, перцу и прочихъ приправъ: въ противномъ случаѣ, дававшій обѣдъ накликалъ бы смерть на какого либо другого члена этой семьи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уносятъ только хлѣбъ, но все-таки оставляютъ три ломтя, не болѣе (стр. 129 и слѣд.)

Кромѣ этого поминовенія умершихъ, относящагося болѣе къ оставшимся въ живыхъ, къ семьѣ покойника, существуютъ въ Абруццахъ и другія оригинальныя формы чествованія усопшихъ. Такъ

Библиотека "Руниверс"

наприм. въ Perano и Castellamare Adriatico, наканунѣ поминальнаго дня, вечеромъ устроивается процессія на кладбище, при чемъ во время процессіи не видно и слѣдовъ какой либо серьезности: раздаются крики, стукъ, толчки въ двери домовъ и вызыванія въ родѣ: „Эй, твой дядя воскресъ,—пойдемъ!" Идущіе впереди, несутъ свѣчу и колокольчикъ, работающій всю дорогу. Тотъ же обрядъ повторяется и на слѣдующее утро. Въ другихъ мѣстностяхъ практикуются иные обычаи: 1) ходить въ церковь въ полночь съ лампочкой или свѣчей въ рукѣ: существуетъ вѣрованіе, что кто приходитъ раньше всѣхъ, тотъ освобождаетъ одну душу изъ чистилища; 2) кладутъ на ворота дома пустыя тыквы съ вырѣзанными подобіями глазъ и носа и со свѣчею внутри; 3) не касаются цѣпи камина, чтобы не ударить въ голову покойниковъ и не нарушить ихъ мира.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эту ночь вызываютъ умершихъ. Обрядъ этотъ исполняютъ старухи. Въ укромномъ уголкѣ дома на столѣ ставятся двѣ свѣчи и тазъ съ водою. Старуха беретъ деревянныя вилы, ставитъ рукояткою на полъ и кладетъ между спицами (sull'inforcatura) шею. Наклонившись впередъ и держа въ лѣвой рукѣ свѣчу, а на правомъ плечѣ развернутую салфетку, она смотритъ въ воду. Послѣ нѣкотораго времени, ей начинаетъ казаться, что она видитъ умершихъ на днѣ воды: „Вонъ, вонъ они... ходятъ, вотъ матушка, вотъ отецъ, сестра..." Старушка вѣритъ, что она узнала души прошедшихъ мимо нея. Но вглядываясь пристальнѣе въ ея лицо, едва ли бы кто узналъ ее самое: морщинъ на ней стало вдвое болѣе прежняго; губы передернуты; глаза выкатились изъ орбитъ... (стр. 140 и слѣд.).

Это вызываніе мертвыхъ посредствомъ воды на италійской почвѣ идетъ изъ древнихъ поръ; еще Проперцій пѣлъ (V 1, 106):

Umbra ve quae magicis mortua prodit aquis.

IV.

Извѣстна истина, что чѣмъ ниже развитіе народа, тѣмъ болѣе у него всякихъ примѣтъ и предразсудковъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь передъ разнаго рода темными силами природы, тѣмъ страннѣе средства, употребляемыя имъ для устроенія и упроченія своего счастья и благополучія въ жизни. Въ трудѣ нашего автора собрано не мало фактовъ того, какими разнообразными и странными предразсудками обставлена жизнь Абруццезянъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ суевѣрныхъ примѣтъ и обычаевъ темныхъ горцевъ.

Абруццскіе простолюдины вмѣсто того, чтобы сказать „ты счастливъ (Tu sei fortunato)" говорятъ: „ужь не имѣешь ли ты ящерицы о двухъ хвостахъ (O che hai la lucertola a due code?)" Обладать и

Библиотека "Руниверс"

постоянно носить при себѣ два хвостика ящерицы значитъ владѣть талисманомъ для всяческаго счастья. Въ окрестностяхъ Moscufo еще и нынѣ крестьяне отправляются для нарочной ловли ящерицъ этого рода. Поймавши, они отрѣзываютъ или отрываютъ имъ хвостики и потомъ продѣлываютъ нѣсколько церемоній для того, чтобы придать этимъ хвостикамъ чудодѣйственную силу. Съ этой цѣлью они приходятъ въ церковь въ такіе часы дня (напр. около трехъ по полудни) когда она бываетъ пуста, и потихоньку снимаютъ покрывало съ алтаря, поднимаютъ священный камень, на которомъ совершается обѣдня, и кладутъ подъ него два хвостика ящерицы. Тамъ они остаются до завтра, когда послѣ мессы, также тайкомъ отъ всѣхъ, положившій приходитъ и беретъ ихъ съ собою. Съ этой поры онъ носитъ ихъ на спинѣ въ видѣ амулета (стр. 32 и слѣд.).

Такую же способность приносить за собою счастье приписываютъ въ Абруццахъ и углямъ вырытымъ изъ земли вечеромъ 10 августа. Часа за три до наступленія ночи, крестьяне многихъ мѣстностей въ этотъ день тихонько и въ одиночку выходятъ изъ домовъ и съ трепетомъ въ сердцѣ начинаютъ рыть землю, въ надеждѣ найти... кладъ, какъ естественно подумать: нѣтъ, они ищутъ углей. То угли, на которыхъ сгорѣлъ св. Лаврентій (san Lorenzo): они обладаютъ силой призывать благословеніе неба на тотъ очагъ, гдѣ лежатъ они. Найти же ихъ можно только вечеромъ 10 августа. Потому то такъ счастливъ тотъ, кто случайно находитъ въ землѣ какой нибудь уголекъ во время этихъ поисковъ. Не нашедшій утѣшаетъ себя надеждой быть счастливѣе въ будущемъ году. Лучшимъ моментомъ для такихъ раскопокъ считается закатъ солнца (стр. 59 и слѣд.).

Если хвостики ящерицы и угли св. Лаврентія дѣлаютъ человѣка счастливымъ, то сердце ласточки, проглоченное въ дѣтствѣ, приноситъ человѣку мудрость, дѣлаетъ его умнымъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ нашъ авторъ. „Открой ротикъ и проглоти, сказала мнѣ однажды старушка сосѣдка и другъ нашего дома, подавая мнѣ трепещущее сердце только что варварски распотрошенной живой ласточки. Я, которому было тогда шесть или семь лѣтъ, со страхомъ проглотилъ данное мнѣ. Старушка сіяла отъ удовольствія; она говорила мнѣ, что это сдѣлала для моего благополучія, для моей пользы, при этомъ ласкала меня и дала мнѣ нѣсколько каштановъ. Выросши, я спросилъ о значеніи такого причастія—и мнѣ сказали, что то было наиболѣе сподручное средство сдѣлать меня умнымъ. Для этого-де нужно только проглотить сердце ласточки или же, по мнѣнію другихъ, семь ласточкиныхъ сердецъ. Этотъ жестокій обычай практикуется многими матерями, по натурѣ своей мягкими и любезными, и теперь (стр. 72 и слѣд.).

Истинное несчастье для Абруццъ составляютъ вѣдьмы (le streghe). Вѣрованье въ существованіе этого темнаго генія распространено по всѣмъ захолустьямъ и держится въ умахъ чрезвычайно крѣпко. О

Библиотека "Руниверс"

нихъ существуетъ цѣлый циклъ сказаній: здѣсь знаютъ, когда вѣдьма зачинаетъ и когда родитъ дитя; знаютъ, какъ и чѣмъ вредитъ она чужимъ дѣтямъ; здѣсь употребляютъ различныя—и одно цѣлесообразнѣе другого—средства для борьбы съ ними...

Вѣдьма зачинаетъ въ апрѣлѣ и родитъ по истеченіи девяти мѣсяцевъ, слѣдовательно въ декабрѣ. Обыкновенно же она разрѣшается отъ бремени въ ночь на Рождество. Но не только дѣти этихъ stregḥe, но и всякій ребенокъ, родившійся между 24 и 25 декабря, въ будущемъ—колдунъ или вѣдьма. Чтобы спасти ребенка отъ такой бѣды, бѣгутъ тотчасъ же по его рожденіи въ садъ, срываютъ виноградную вѣтку, обжигаютъ её съ одного конца и потомъ этимъ горящимъ концомъ проводятъ по правой рукѣ будущаго колдуна, дѣлая знаменіе креста—и будущая способность колдовства исчезаетъ разъ на всегда.

Въ Рожественскую ночь, Абруццезяне узнаютъ своихъ вѣдьмъ. Ради этого, во время службы, въ дверяхъ церкви становится косецъ съ косою въ рукѣ и пучкомъ колосьевъ. Его присутствіе останавливаетъ-де всѣхъ вѣдьмъ въ церкви; онѣ не могутъ выйти, пока тотъ стоитъ въ дверяхъ. Безпрепятственно выходятъ только добрые христіане. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Ajelli, думаютъ, что колдуньи никогда не ходятъ въ церковь въ ночь на Рождество, а если и появляются, то непремѣнно выходятъ изъ храма въ минуту поднятія даровъ, all' elevazione dell'ostia (стр. 131 и слѣд.).

Вѣдьмы сосутъ кровь абруццскихъ дѣтей. Если ребенокъ начинаетъ сильно худѣть и падать силами, то родители приписываютъ это злобѣ вѣдьмъ, которыя невидимо для другихъ сосутъ кровь младенцевъ. Противъ этого несчастья Абруццезянки испытываютъ разныя средства: совѣтуются съ сосѣдками, ходятъ за молитвою къ священникамъ; возвратившись домой ставятъ на кіотѣ восковой крестъ, освященный въ день Вознесенія; берутъ щепотку соли, завязываютъ ее въ тряпочку и вѣшаютъ этотъ амулетъ на шею ребенка; отрѣзываютъ локонъ волосъ у дитяти и сожигаютъ ихъ на огнѣ; кропятъ святою водой петли оконныхъ ставней и читаютъ громко три раза „Вѣрую“ (стр. 143 и слѣд.); святотатственно крадутъ закладки изъ священныхъ книгъ, употребляющихся при богослуженіи, и кладутъ ихъ подъ подушку ребенка (стр. 163 и слѣд.); ѣдятъ полынь (l'assenzio) въ день Вознесенія (стр. 167 и слѣд.) и проч.

Если усилія матери оказываются напрасны, вступаетъ въ борьбу съ вѣдьмой отецъ: онъ исполняетъ семь ночныхъ бдѣній, не спитъ семь ночей—voglio fare le sette notti, говоритъ онъ. Съ лампочкой, накрытою горшкомъ, онъ поджидаетъ злодѣйку послѣ полуночи, когда вѣдьмы ходятъ по домамъ и сосутъ кровь малютокъ. Вотъ несчастному слышится въ ночной тиши какой-то шорохъ: то конечно вѣдьма... Онъ стремительно снимаетъ горшокъ съ лучерны и пускается въ погоню за гостьей. Но той, ра-

Библиотека "Руниверс"

зумѣется, и слѣдъ простылъ: она ускользнула черезъ замочную дырочку!—На слѣдующее утро, измученный безсонницей отецъ отправляется разъискивать какую нибудь гадалку и проситъ ее освободить невинное дитя отъ злости вѣдьмы. Та увѣряетъ, что для этого нужно не много: слѣдуетъ только убить собаку или кошку и положить ее за ворота дома. Тогда вѣдьма не можетъ войти, не пересчитавши всѣхъ волосъ мертваго животнаго. И пока она считаетъ, наступаетъ день, когда разбойница принуждена бываетъ скрываться, потому что еслибы она не убѣжала во-время отъ солнечнаго свѣта, то ее увидѣли бы нагою (стр. 143 и слѣд.).

Выше мы говорили о средствахъ, которыми житель Абруццъ обезпечиваетъ свое счастье въ жизни, и о тѣхъ злыхъ геніяхъ, которые становятся на пути къ его благополучію. Но вредятъ человѣку не однѣ только streghe, — бѣды и несчастья низводятся ему на голову нерѣдко его врагами и ложными друзьями. Распознать людей, съ которыми приходится жить, опредѣлить силу дружбы и непріязни другихъ, обыкновенно считается дѣломъ труднымъ. Такъ думаютъ и Абруццезянки: отъ того онѣ и прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ чтобы отгадать свойства чувствъ, питаемыхъ къ нимъ другими. Интереснѣе всѣхъ прочихъ путь избираемый въ этомъ случаѣ жительницами Анверсы (Anversa). Въ ночь наканунѣ Крещенія, ложась спать, онѣ повязываютъ себѣ лобъ платкомъ и вмѣсто обычныхъ молитвъ произносятъ слѣдующую строфу:

Pasqua Pifania Pifanengna
'N testa me l'attacco la mia cegna:
Chi me vo' bene, chi me vo' male
'Nsogno stanotte me vegna a trovare

т. е. „День Крещенья, день Крещенья! На голову я надѣваю мою повязку: кто меня любитъ, кто мнѣ желаетъ зла, того я въ эту ночь увижу во снѣ“.

Съ этимъ желаніемъ онѣ засыпаютъ — и вотъ въ грезахъ предъ ними проходятъ друзья искренніе и друзья ложные, враги дѣйствительные и враги только кажущіеся (стр. 185 и слѣд.).

Матеріалъ, собранный г. Де-Нино, знакомитъ насъ съ нѣсколькими образчиками народной абруццской медицины и физики. Такъ напримѣръ, во многихъ мѣстахъ нѣтъ земледѣльца, который 24 іюня не поѣлъ бы свѣжаго чесноку. Они ѣдятъ не только сами, но и носятъ въ даръ своимъ хозяевамъ. Существуетъ вѣрованіе, что чеснокъ, съѣденный въ этотъ день, предохраняетъ отъ болѣзней кожи. Многіе, чтобы достичь бо̀льшаго эффекта, трутъ его въ рукахъ, читая при этомъ молитву Іоанну Предтечѣ, праздникъ котораго падаетъ именно на это число (стр. 165 и слѣд.).

Или не менѣе характерны способы сводить бородавки съ кожи. Такихъ способовъ нѣсколько: 1) сосчитать число бородавокъ, взять столько же зеренъ кукурузы и бросить ихъ nella latrina: съ разложеніемъ этихъ сѣмянъ исчезнутъ и бородавки; 2)

Библиотека "Руниверс"

сосчитать число бородавокъ, взять палочку камыша, сдѣлать на ней столько же надрѣзовъ, затѣмъ положить этотъ кусокъ во влажное мѣсто: бородавки будутъ сходить по мѣрѣ гніенія этой палочки; 3) многіе снимаютъ съ древесной коры улитокъ и накладываютъ ихъ на бородавки; 4) взять кусокъ мяса съ бойни, натереть имъ каждую бородавку, завязать потомъ его плотно въ тряпочку и повѣсить на цѣпь очага: какъ будетъ засыхать этотъ кусочекъ мяса, такъ будутъ сходить и бородавки (стр. 179 и слѣд.). Есть и другія средства, служащія для той же цѣли.

Чтобы свести родимое пятнышко съ лица мальчика или дѣвочки, нужно, по рецепту абруццскихъ матерей, взять розу, положить ее въ горшокъ съ виномъ и, вскипятивъ, вымыть этимъ родинку. Что съ лѣтами проходитъ само съ собою, то Абруццезянки приписываютъ дѣйствію этого душистаго умыванья (стр. 34 и слѣд.).

Это изъ области народной медицицы; перенесемся теперь въ область физики Абруццезянъ и посмотримъ хотя бы на тѣ мѣры, къ которымъ они прибѣгаютъ для обезпеченія себя во время грома, во время бури.

Обыкновенное средство, къ которому прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ, есть средство религіозное и состоитъ въ молитвѣ: A fulgure et tempestate libera nos, Domine. Молитвѣ и колѣнопреклоненію предшествуетъ зазженіе восковой свѣчи, благословленной въ праздникъ Срѣтенія (Purificazione della Madonna). Но рядомъ съ этой формой усмиренія бури встрѣчаемъ и другія: 1) ставятъ жаровню на окно и кладутъ туда оливковую вѣтвь, освященную въ Пальмовое воскресеніе (la domenica delle palme = наше Вербное воскресенье): оливка горитъ и, по вѣрованью Абруццезянъ, утишаетъ бурю; 2) зажигаютъ головни отъ огня, благословленнаго въ Пасху (такія головни нарочно сберегаются на случай бури); 3) во многихъ мѣстахъ заботу усмиренія непогоды вѣдаютъ только женщины. Высунувшись въ окна, онѣ кличутъ каждая свою сосѣдку и плачутся на несчастье цѣлымъ хоромъ, призывая на помощь св. Варвару, св. Винченца, св. Эмидія (santa Barbara, san Vincenzo, sant' Emidio). Когда религіозныя средства истощены, а буря продолжаетъ дѣлать свое дѣло, женщины рѣшаются на послѣднюю мѣру: онѣ отцѣпляютъ цѣпи отъ камина и бросаютъ ихъ на улицу. „Съ какимъ намѣреніемъ онѣ это дѣлаютъ? спрашиваетъ авторъ. Не думаю, чтобы онѣ хотѣли этимъ удалить отъ себя ударъ электричества, потому что ученіе объ электричествѣ ново, тогда какъ указанный обычай идетъ издревле. Быть можетъ, онѣ желаютъ заковать бурю въ цѣпи“.

До сихъ поръ проходили предъ нами разныя суевѣрія простого люда; но нижеслѣдующій случай, свѣдѣнія о которомъ авторъ почерпнулъ изъ оффиціальнаго документа [1]), показываетъ что въ

[1]) Этотъ документъ въ настоящее время составляетъ собственность г. Де-Нино: „tutto questo da un autentico documento che è presso di me“ (стр. 176).

Библиотека "Руниверс"

прошломъ столѣтіи не далеко въ этомъ отношеніи уходили и высшіе, правившіе классы въ Абруццахъ. Въ 1786 г. на область Pacentro напала гусеница. Жители обратились тогда съ просьбою за помощью противъ неизбѣжной гибели полей. Челобитная начиналась словами Бога къ первымъ людямъ: „Владычествуйте надъ рыбами морскими и птицами небесными (Dominamini piscibus maris et volatilibus coeli)"; далѣе говорилось, что безсмысленныя твари, причиняющія вредъ существамъ разумнымъ, могутъ быть приводимы къ повиновенію средствами сверхъестественными и натуральными. И такъ какъ первыя изъ нихъ, каковы общественныя покаянія и заклинанія (le penitenze publiche e gli esorcismi), оказались недостаточными, то они и прибѣгаютъ къ средствамъ натуральнымъ, т. е. бьютъ челомъ Баронской Управѣ (Corte Baronale), да соблаговолитъ она „повелѣть саранчѣ и гусеницамъ въ кратчайшій срокъ, не опустошая болѣе созрѣвшихъ и зрѣющихъ плодовъ, оставить эту область и идти туда, гдѣ они не могли бы наносить вреда человѣческому обществу" [1]). Просьба заключалась словами: „Въ случаѣ же ослушанія или поздняго повиновенія, просятъ осудить ихъ (саранчу и гусеницъ) на смерть [2]). „Баронская Управа вняла этой просьбѣ и губернаторъ Луиджи Вадини (Luigi Vadini) отдалъ приказъ вреднымъ насѣкомымъ немедленно оставить эту область и идти по крайней мѣрѣ туда, гдѣ они еще не были извѣстны: „Caveant (говорилось въ этомъ приказѣ) de, contrario sub poena indignationis, et disgratiae Divinae Majestatis". Эта губернаторская бумага прошла цѣлый рядъ другихъ служебныхъ инстанцій, возбуждая собою канцелярскую переписку, гдѣ саранча и гусеницы играютъ первенствующую роль (стр. 175 и слѣд.).

Теперь въ Абруццахъ уже не пишутъ бумагъ объ изгнаніи гусеницъ; но какъ только атмосферическія условія начинаютъ способствовать ихъ развитію, въ большинствѣ мѣстностей зовутъ священниковъ для заклинанія неразумныхъ тварей—по особенному, нарочно установленному обряду. Тамъ же, гдѣ мало вѣрятъ въ пользу такихъ заклинаній (какъ наприм. въ Aversa), прибѣгаютъ къ св. Доминику Кокулльскому (san Domenico di Cocullo). Въ церкви этого святого собираютъ съ полу соръ и известь опадающей штукатурки—что и называется землею св. Доминика, la terra di san Domenico. Послѣ уносятъ это домой и, какъ лучшее цѣлительное средство, развѣваютъ по полямъ и огородамъ (стр. 176 и слѣд.).

---

[1]) „Ordinare alle Locuste ed ai Bruchi, che sotto perentoriale ristretto termine senza ulteriormente devastare li prodotti e producendi frutti sgombrassero dal medesimo tenimento e andassero indove non potessero recar pregiudizio all'umana società" (стр. 175 и слѣд.).

[2]) „Ed in caso di trasgressione o di ritarda obedienza fan'istanza condannarsi alla morte" (ibid).

Библиотека "Руниверс"

V.

Въ заключеніе, отмѣтимъ нѣкоторыя формы гаданій Абруццезянъ.

Въ Loreto Aprutino, одинъ волъ долженъ быть названъ первымъ счастливцемъ; онъ много ѣстъ, не знаетъ накакой работы, его ласкаютъ всѣ и каждый. То волъ не простой, то волъ св. Сопита (il bue di san Sopito).—Приходитъ праздникъ этого святого. Во время процессіи несутъ его статую и непосредственно за нею идетъ этотъ волъ. Гордо выступаетъ лѣнивое животное, никогда не знавшее ярма. Рога и хвостъ у него убраны мишурою и лентами; весь онъ покрытъ краснымъ покрываломъ. На немъ верхомъ сидитъ мальчикъ, одѣтый въ бѣлое и красное. Давка въ толпѣ невѣроятная, потому что нѣтъ сосѣдняго селенія, которое не послало бы сюда своихъ представителей. Процессія кончена; статую вносятъ въ церковь. Вниманіе всѣхъ теперь обращено на вола, который останавливается передъ дверями храма. Онъ падаетъ на колѣна, потомъ съ трудомъ поднимается на ноги и, при рукоплесканіяхъ и ласкахъ толпы, входитъ въ церковь. Нѣжность и ласки сильно дѣйствуютъ на умное животное, ибо оно почти всегда въ этотъ моментъ... si sgrava del soverchio peso. И набожные люди по количеству della materia sgravata заключаютъ о бѣдности или изобиліи предстоящаго урожая. „Моисей, заключаетъ нашъ авторъ, зачѣмъ ты разбилъ скрижали завѣта, увидѣвъ золотого тѣльца? Что сказалъ бы ты теперь, когда бы увидѣлъ живого вола св. Сопита?“ (стр. 161 и слѣд.).

Часы ожиданія обыкновенно тянутся медленно; особенно мучительны они для жены, ожидающей любимаго мужа, для матери, ожидающей сына, для дѣвушки, ждущей своего жениха. И вотъ, чтобы ослабить скуку ожиданія и скоротать время, абруццкія женщины начинаютъ гадать. Между такими гаданіями наиболѣе распространено гаданье въ пядень, fare il palmo. Правою рукою отмѣриваютъ на нижней каймѣ передника три пядени со словами:

Questo è il palmo di san Martino,
Questo è il palmo di san Piercelestino,
Questo è il palmo se Tizio cammina

т. е. „Это пядень св. Мартина; это пядень Піерцелестина; это пядень— идетъ ли Тицій“. При этомъ отмѣчаютъ, гдѣ кончился третій. Тоже самое измѣреніе дѣлается во второй разъ, но уже безъ этихъ стиховъ, и затѣмъ смотрятъ, гдѣ кончилась третья пядень этого второго раза. Если она совпадаетъ съ первымъ разомъ или зашла далѣе, это значитъ, что ожидаемое лицо не отправилось въ путь. Если же третья пядень не дошла до прежняго мѣста, значитъ оно уже въ пути и находится болѣе или менѣе близко, смотря по разстоянію между первой и второй мѣрой (стр. 172 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Дѣвушка, въ сердце которой закралось сомнѣніе на счетъ вѣрности ея возлюбленнаго, въ ночь на 24 іюня срываетъ какой нибудь цвѣтокъ, обжигаетъ конечные лепестки его вѣнчика и затѣмъ кладетъ его гдѣ нибудь на открытомъ воздухѣ. Если днемъ позднѣе цвѣтокъ остается свѣжъ,—добрый знакъ; въ противномъ случаѣ—дѣло пропащее. Такъ поступаютъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи (De Gubernatis, Usi nuziali стр. 39). Въ Rivinsoli, въ Абруццахъ, дѣвушки въ эту ночь собираютъ крапиву (ortica), дѣлаютъ изъ нея небольшіе букетики и ставятъ ихъ потомъ на окнѣ, на балконѣ, на террасѣ, или гдѣ нибудь по близости къ свѣжему воздуху. Крапива, какъ всѣмъ извѣстно, растеніе вянущее быстро. А потому Иванова ночь для гадающихъ дѣвушекъ — безконечное, непрерывное безспокойство. Надежда и опасеніе, грусть и радость, поочередно смѣняются въ ихъ сердцѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ встаютъ по нѣскольку разъ, чтобы посмотрѣть что дѣлается съ растеніемъ: другія не смыкаютъ глазъ. Но вотъ свѣтъ начинаетъ пробиваться въ окна—восходитъ солнце. Дѣвушки уже всѣ на ногахъ; съ бьющимся сердцемъ подходятъ онѣ къ волшебной травкѣ. Та, естественно, совершила свой жизненный кругъ... Но когда не обманываютъ насъ другіе, мы охотно обманываемъ себя сами. Между поблекшими головками дѣвушки ухитряются найти хотя одну еще свѣжую... Румянецъ залилъ лицо счастливицы—и радость молодой любви выливается въ звонкой пѣснѣ (стр. 55 и слѣд).

Таковы уже свойства народной жизни, что въ ней рядомъ укладываются формы діаметрально-противоположнаго характера: то грубыя и отталкивающія, то нѣжныя и глубоко-поэтическія. Цѣлая пропасть лежитъ, напримѣръ, между первымъ и двумя послѣдними гаданіями, а между тѣмъ они составляютъ принадлежность жителей одной и той же провинціи.

И. Цвѣтаевъ.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ.

Въ прежнихъ статьяхъ [1]), мы познакомили читателей въ подробномъ изложеніи съ нѣкоторыми изъ наиболѣе интересныхъ сочиненій по новой исторіи Англіи — съ біографіями Елисаветы и Маріи Стюартъ, и съ сочиненіемъ Леки объ исторіи Англіи XVIII в.; настоящую статью мы намѣрены посвятить сжатому обзору остальныхъ выдающихся сочиненій или изслѣдованій по упомянутому періоду.

Прежде всего заслуживаютъ вниманія читателей нѣкоторыя изданія источниковъ, почерпнутыхъ въ архивахъ или библіотекахъ Англіи и напечатанныхъ за послѣднее время частными историческими обществами, или королевской коммиссіей изданія государственныхъ документовъ. Между изданіями обнародованными Камденскимъ обществомъ, мы обратимъ вниманіе на изданное теперь въ первый разъ Пококомъ полемическое сочиненіе Гарпсфильда противъ развода Генриха VIII и Екатерины Арагонской, развода, который, какъ извѣстно, послужилъ поводомъ къ реформаціи въ Англіи и имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на судьбу королевскаго дома и исторію страны.

Гарпсфильдъ занималъ въ концѣ царствованія Генриха VIII, основанную этимъ королемъ, профессуру греческаго языка въ Оксфордѣ; въ 1550 г., вслѣдствіе введенной при Эдуардѣ VI реформаціи, онъ эмигрировалъ и вернулся въ Англію при Маріи; въ 1554 г. онъ былъ назначенъ вмѣсто брата Кранмера архидіакономъ Кантерберійскимъ, но при Елисаветѣ въ 1559 г. былъ отставленъ отъ этого сана за то, что не призналъ ея власти надъ церковью (супремата) и до самой смерти (1615) находился въ заключеніи. Онъ написалъ въ защиту правъ Маріи, съ значительной и для того времени многосторонней ученостью, правдивостью, и тогда особенно похвальной умѣренностью,

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., кн. 11 и 12 и 1881 г. кн. 1.

Библиотека "Руниверс"

трактатъ о разводѣ Генриха VIII съ ея матерью. Сочиненіе это было готово къ печати, когда католическая реакція, во время которой самъ Гарпсфильдъ обнаружилъ жестокость, кончилась со смертью Маріи. Рукопись осталась—въ то время, какъ другія сочиненія Гарпсфильда, написанныя въ тюрьмѣ, были частью изданы заграницей подъ чужимъ именемъ,—въ рукахъ его слуги Картера, который былъ казненъ въ 1584 г. за печатаніе католическихъ книгъ. Въ началѣ XVIII в., эта рукопись попала въ руки усерднаго католика, Чарльза Истона, и была отдана однимъ изъ его потомковъ Пококу въ полное распоряженіе. Двѣ первыя книги и большая часть третьей заключаютъ въ себѣ очень ученое опроверженіе сочиненій, написанныхъ въ защиту развода, затѣмъ описывается самый брако-разводный процессъ и изображаются, разумѣется, съ крайне-католической точки зрѣнія, послѣдствія его для всѣхъ участвовавшихъ въ немъ и для всей страны. Драгоцѣнныя замѣчанія издателя дополняютъ и поправляютъ нѣкоторые пункты документальнаго и при этомъ очень искусно написаннаго сочиненія. Пококъ относится совершенно объективно къ разнымъ, легковѣрно принятымъ преданіямъ католической партіи, сохранившимся въ сочиненіи Гарпсфильда.

Изъ появившагося въ 1878 г. изданія государственныхъ документовъ, одна часть относится къ исторіи Ирландіи [1]), въ концѣ намѣстничества Джона Перрота 1583—88 г. Послѣдній былъ постоянно стѣсняемъ вслѣдствіе связей ирландскаго тайнаго совѣта съ Бёрлеемъ и Вальсингамомъ и имѣлъ съ членами этого совѣта такія непріязненныя столкновенія, что принужденъ былъ, наконецъ, отказаться отъ должности. Перротъ былъ даже обвиненъ въ 1592 г. въ измѣнѣ, несправедливо осужденъ и умеръ въ темницѣ. Другая часть Сборника Государственныхъ Документовъ, касается отношеній Англіи къ Остъ-Индіи, Китаю и Японіи, гдѣ до 1623 г. находилась важная англійская факторія. Въ 1619 г. Англія и Голландія вступили въ соглашеніе между собой, чтобъ вести сообща восточно-азіятскую торговлю, которая тогда находилась въ рукахъ подвластныхъ Испаніи португальцевъ. Но въ 1622 г. былъ заподозрѣнъ одинъ англичанинъ въ томъ, что онъ намѣревался при помощи японскихъ солдатъ сдѣлать нападеніе на голландскую крѣпость на островѣ Амбойнѣ. Вслѣдствіе этого, было казнено 10 англичанъ. Европейскія дѣла помѣшали дальнѣйшему ходу возникшей изъ этого ссоры.

---

[1]) Calendar of State Papers relating to Ireland.

Библиотека "Руниверс"

Рядомъ съ обширными и важными собраніями англійской коммиссіи для изданія государственныхъ документовъ, можетъ достойно занять мѣсто „Реестръ дѣлъ тайнаго совѣта Шотландіи“ [1]). Въ 1878 г. вышла вторая его часть, обнимающая, съ нѣкоторыми пробѣлами, года отъ 1569 — 78. Своимъ тщательнымъ изданіемъ Гилль Бёртонъ оказалъ великую услугу не только шотландской, но, вслѣдствіе близкихъ отношеній шотландскихъ регентовъ въ малолѣтство Якова VI къ Елисаветѣ, и англійской исторіи.

Вслѣдствіе изобилія протоколовъ и постановленій тайнаго совѣта, часто касающихся незначительныхъ дѣлъ, Бёртонъ по мѣрѣ того, какъ подвигался въ своемъ изданіи, сталъ ограничиваться все болѣе и болѣе краткими, хотя дѣльными извлеченіями изъ протоколовъ совѣта, но для облегченія архивнаго труда изслѣдователей-спеціалистовъ составилъ списокъ именъ, не внесенныхъ имъ въ текстъ. Объемистымъ и тщательно составленнымъ указателемъ и превосходнымъ введеніемъ, издатель очень облегчилъ пользованіе этимъ громаднымъ матеріаломъ, чрезвычайно интереснымъ въ культурно-историческомъ отношеніи. Значеніе предпринятаго Бёртономъ изданія особенно обнаруживается при сопоставленіи его съ написанной самимъ Бёртономъ раньше исторіей Шотландіи. Какъ ни велики достоинства этого сочиненія, но можно сказать, что только по окончаніи его изданія матеріаловъ (разчитаннаго на 10 томовъ) станетъ возможнымъ написать исторію Шотландіи, въ эпоху реформаціи, вполнѣ соотвѣтствующую современнымъ требованіямъ исторической науки.

Разсмотрѣвши важнѣйшія изданія новыхъ матеріаловъ для исторіи реформаціоннаго періода въ Англіи, мы теперь обратимся къ обзору выдающихся въ какомъ либо отношеніи изслѣдованій и сочиненій по этому предмету. Мы начнемъ съ указанія на одно сочиненіе, замѣчательное не по своимъ научнымъ или литературнымъ достоинствамъ, а по своему направленію. Неудивительно конечно, что и въ Англіи, особенно по реформаціонному періоду, существуетъ своего рода клерикальная исторіографія, но замѣчательно, что среди англійскаго клерикализма въ исторіографіи обнаруживается сильное сочувствіе къ католицизму, которое и высказывается въ крайне односторонних сужденіяхъ объ англійской реформаціи и ея дѣятеляхъ. Особенно ярко проявилась эта тенденція въ сочиненіи англиканскаго священника Ф. Д. Ли, „Иторическіе очерки реформаціи“ [2]).

Историческое значеніе англійской реформаціи въ настоящее время возбуждаетъ небывалый доселѣ интересъ и старые вопросы снова возникаютъ съ бо́льшей живостью, чѣмъ когда-либо. Было ли это вели-

---

[1]) The Register of the Privy Council of Scotland II Edinborough.

[2]) Historical sketches of Reformation. By the rev. Fr. G. Lee.

Библиотека "Руниверс"

кое движеніе всецѣло плодомъ тиранніи и злонамѣренности, или оно было результатомъ мнѣній, которыя медленно развились среди народа и сдѣлались, наконецъ, слишкомъ сильны, для того, чтобъ прежняя власть могла ихъ сдерживать? И если реформація была личнымъ дѣломъ тирана, то признавать ли виновника его благонамѣреннымъ деспотомъ, проницательнымъ и безкорыстнымъ, главной цѣлью котораго было содѣйствовать славѣ Божіей и благу своихъ подданныхъ? Или—съ другой стороны, вся реформація обусловливалась общественными причинами — возмущеніемъ противъ поповской и монашеской безнравственности и противъ покровительства, оказаннаго развращеннымъ духовенствомъ распущенности среди самихъ мирянъ? Вотъ нѣкоторыя изъ мнѣній, высказанныхъ по исторіи реформаціи и можно надѣяться, что въ наше время обсужденіе ихъ приведетъ къ результату, который будетъ признанъ окончательнымъ.

Но этотъ результатъ, насколько можно уже судить теперь, не будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ крайнихъ сторонниковъ той или другой богословской точки зрѣнія.

Теорія благонамѣреннаго деспотизма была высказана болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ Фраудомъ и была встрѣчена далеко не съ одобреніемъ. Здравый смыслъ публики отвергъ ее какъ непостижимый парадоксъ, чѣмъ она и была на дѣлѣ. Но все же слѣдуетъ кое-что простить автору, который, хотя и съ небольшимъ запасомъ новыхъ изслѣдованій, высказалъ свѣжія мысли по поводу стараго предмета и который старался, хотя и по своему, справиться съ фактами, которые сами вели къ парадоксальному заключенію.

По крайней мѣрѣ Фраудъ увидѣлъ то, чего другіе до него не видѣли и о чемъ забыли всѣ прежніе историки,—что деспотизмъ, по самой природѣ вещей, не можетъ держаться въ силу одной только воли деспота. Генрихъ VIII былъ поддерживаемъ въ своихъ странныхъ мѣропріятіяхъ своими лордами, своими парламентами, и даже въ значительной степени своимъ народомъ; а потому вопросъ сводится къ тому: было-ли все это также безнравственно, какъ онъ самъ?

Теперь мы знаемъ до нѣкоторой степени настоящій отвѣтъ; но его конечно нельзя найдти у Фрауда. Со времени изданія первыхъ томовъ его исторіи успѣхи изслѣдованія способствовали развѣ лишь къ тому, чтобы еще болѣе набросить тѣнь на безъ того уже мрачную картину жестокости, тиранніи и разврата Генриха VIII. Очевидно, что теорія о благонамѣренномъ деспотѣ не выдерживаетъ критики и многіе писатели теперь склонны къ совершенно противоположной крайности, выставляя и самую реформацію дѣломъ злонамѣренности и преступности. Въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать, какого бы мы мнѣнія ни были о религіозномъ и культурномъ значеніи протестантизма и о результатахъ этого движенія въ настоящемъ, что первый толчекъ реформаціи въ Англіи дѣйствительно былъ данъ распущенностью и

Библиотека "Руниверс"

тиранніей короля. Насколько же зло привело къ добру и насколько дореформаціонная церковь сама виновна въ преступленіяхъ короля— это вопросъ, о которомъ существуютъ очень различныя мнѣнія.

Ли пишетъ объ этомъ предметѣ съ очень рѣзко опредѣленнымъ чувствомъ. Онъ изъ тѣхъ, которые оплакиваютъ разъединеніе христіанства и желаютъ соединенія съ Римомъ. Онъ говоритъ о „безбожной одинокости“ Англіи, и примѣняя слово „реформированная“ религія, ставитъ при этомъ знакъ вопроса. Онъ очень дурного мнѣнія о Кранмерѣ и даже о Гуперѣ и можетъ быть о большинствѣ вождей среди тогдашняго протестантскаго духовенства; съ другой стороны онъ имѣетъ полную вѣру во все, что писали Сандерсъ и Гарпсфильдъ для того, чтобъ подорвать новое богословіе и его исповѣдниковъ. Его книга, повидимому, предназначена для того, чтобъ открыть всѣмъ глаза на настоящій характеръ того, что, по его мнѣнію, было „злосчастной и безнравственной революціей“; а въ предисловіи онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что все приводимое имъ— чистые факты безъ всякихъ прикрасъ фантазіи и прибавленій ради эффекта. Не мѣшало-бы ему побольше потрудиться для того, чтобы оправдать свои слова; а то, хотя мы вѣримъ, что онъ не внесъ собственныхъ прикрасъ, но ясно, что онъ принялъ за достовѣрное многое изъ сомнительныхъ авторитетовъ. Что касается самостоятельныхъ изслѣдованій,—въ книгѣ Ли ихъ рѣшительно нѣтъ. Правда онъ ссылается въ одномъ мѣстѣ на рукописи герцога Графтона, въ другомъ на „замѣтки и выписки изъ рукописей принадлежащихъ автору“. Но первыя оказываются просто копіей съ документовъ, которые были уже напечатаны Бёрнетомъ и въ „Сборникѣ Государственныхъ Документовъ“; а относительно значенія послѣднихъ читатели остаются въ полномъ невѣдѣніи. Между тѣмъ авторъ совершенно не пользовался напечатанными государственными документами, которые также доступны, какъ и рукописи герц. Графтона; или изданнымъ Брюэромъ „Сборникомъ государственныхъ бумагъ Генриха VIII“, которыя спасли-бы его отъ повторенія старой ошибки, будто Томасъ Кромвель былъ при взятіи Рима въ 1527 г.

Только кое-гдѣ, изрѣдка, Ли сообщаетъ намъ, гдѣ онъ черпалъ свои „правдивые разсказы“ и „несомнѣнные факты“, такъ-что не всегда легко составить себѣ мнѣніе на счетъ ихъ достоинства. Но можно покрайней мѣрѣ вполнѣ оцѣнить степень достовѣрности второго его изъ девяти очерковъ, озаглавленнаго „Король Генрихъ VIII въ Вульфъ-Голлѣ въ Вильтширѣ, мая 19, 1536“. Вульфъ-Голль былъ помѣстьемъ фамиліи Сеймуръ, и Ли повѣствуетъ, что Генрихъ VIII изъ любви къ Іоаннѣ Сеймуръ отправился туда передъ самой казнью Анны Болэнъ и прибылъ 18 мая. На другой день совершилась казнь королевы Анны и вѣсть о ея смерти была доставлена королю гораздо быстрѣе, чѣмъ это возможно посредствомъ конныхъ эстафетовъ. „Пушечный выстрѣлъ съ Лондонской башни разнесъ печальную вѣсть

Библиотека "Руниверс"

гражданамъ, вообще довольно безучастнымъ и жосткимъ; другой выстрѣлъ изъ дворца Сентъ-Джемскаго и третій въ западной части города, возвѣстилъ о случившемся любопытнымъ, ожидавшимъ событія въ Ричмондскомъ дворцѣ; и такъ далѣе, пока вѣсть донеслась до обитателей Вульфъ-Голля, ждавшихъ ея въ нетерпѣливомъ волненіи".

Этотъ разсказъ и прежде былъ извѣстенъ, только съ варіяціями. По нѣкоторымъ извѣстіямъ одна только ракета служила условленнымъ сигналомъ, за которымъ король наблюдалъ изъ Эппингъ Фореста; но такъ какъ казнь происходила днемъ, то разсказъ Ли о выстрѣлѣ болѣе правдоподобенъ. Между тѣмъ нужно замѣтить, что Сентъ-Джемскій дворецъ не былъ еще тогда выстроенъ и лучше-бы впередъ вовсе не упоминать о немъ приводя этотъ анекдотъ. Но откуда же взятъ самый разсказъ? Такого рода исторіи очень много теряютъ достовѣрности, когда не указано ихъ происхожденіе. Зная первый источникъ можно было-бы составить болѣе опредѣленное мнѣніе, былъ-ли король въ то время въ Вильтширѣ или въ Эппингъ-Форестѣ, хотя положительное утвержденіе Ли о пріѣздѣ его въ Вульфъ-Голль 18-го мая такъ точно, что могло-бы внушить довѣріе. Но одинъ изъ критиковъ Ли, извѣстный историкъ Гарднеръ, (James Gairdner) доказалъ съ очевидностью на основаніи многихъ современныхъ писемъ, что Генрихъ VIII въ день казни Анны Болэнъ не былъ ни въ одномъ изъ указанныхъ двухъ мѣстъ, а былъ въ Лондонѣ, и весь разсказъ Ли—чистая фантазія.

Предметъ 9-го очерка составляетъ подобный-же фантастическій разсказъ о сверхъестественномъ видѣніи: Ли, очень вѣритъ сверхестественнымъ явленіямъ; и его легковѣрность въ другихъ вопросахъ дѣлаетъ его вѣру въ сверхестественное вовсе неудивительной. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ „почти вѣрнымъ", что христіанство было принесено въ Англію во времена апостоловъ, хотя онъ не хочетъ ручаться за легенду Святого Іосифа Аримаѳейскаго. Онъ вполнѣ вѣритъ также разсказу архидіакона Гарпсфильда о собакѣ, лизавшей кровь Генриха VIII, во исполненіе пророчества отца Пето, что онъ раздѣлитъ участь Ахава; онъ даже не смущается нисколько тѣмъ, что приходится отнести это происшествіе черезъ двѣ недѣли спустя по смерти короля.

Подобными нелѣпостями Ли самъ подрываетъ то дѣло, которое онъ такъ принимаетъ къ сердцу. Многое изъ того, что Ли разсказываетъ о тиранніи и жестокости Генриха VIII совершенно вѣрно, какъ наприм. казни Картузіанскихъ монаховъ и смерть аббата Вайтинга; но рядомъ съ вымыслами въ родѣ исполнившагося пророчества отца Пето и происшествія въ Вульфъ-Голлѣ и разсказы о дѣйствительныхъ жестокостяхъ Генриха VIII во многихъ читателяхъ не встрѣтятъ довѣрія.

Въ томъ же духѣ и также поверхностно написаны очерки Мор-

Библиотека "Руниверс"

лея, другого англиканскаго священника объ эпохѣ англійской реформаціи и революціи.

Подобное же католическое направленіе, но съ несравненно болѣе научнымъ значеніемъ, имѣетъ „Исторія англійской церкви, со времени устраненія римской власти (юрисдикціи)“, сочиненіе Ватсона Диксона. [1]) Авторъ, какъ священникъ англиканской церкви, принадлежащій къ самому строгому толку ея (High Church), вслѣдствіе этого часто оказывается, не смотря на очень основательныя познанія и рѣшительное стремленіе къ безпристрастію, очень узкимъ въ своихъ взглядахъ. Диксонъ думаетъ, что была возможна внутренняя реформа средневѣковой англійской церкви, которая шла бы изъ нея самой. Правда, ему удалось доказать, что состояніе англійской церкви до реформы представляется слишкомъ съ тёмной стороны, особенно у Фрауда, относящагося къ дѣлу не критически, у котораго вслѣдствіе перемѣщенія петиціи палаты общинъ противъ духовенства на 1529 г. вмѣсто 1531 г. событія того времени значительно перепутаны. Но Диксонъ долженъ былъ для того, чтобъ доказать свой взглядъ, начать не съ 1529 г. а подробнѣе изложить предшествовавшія этому времени попытки реформы со стороны Колета, архіепископа Уаргама и ихъ сподвижниковъ-гуманистовъ.

Обозначеніе этихъ людей у Диксона, какъ представителей старой науки въ противоположность новому протестантскому ученію, невѣрно, такъ какъ они подобно церковнымъ противникамъ католицизма представляли собою духъ ренесанса въ противность старой схоластической наукѣ. Даже еслибы Уаргамъ, Фишеръ и другіе англійскіе прелаты, могли сравниться по энергіи съ знаменитымъ Хименесомъ, то и въ такомъ случаѣ имъ удалось бы достигнуть, какъ показали впослѣдствіи предложенія реформы сдѣланныя Кантерберійскимъ соборомъ,—развѣ только внѣшней реформы въ испанскомъ смыслѣ, которая не удовлетворила бы даже приверженцевъ Лода и его направленія. Странно также, какимъ образомъ Диксонъ могъ видѣть въ кардиналѣ Вульзеѣ серьезнаго реформатора и вмѣстѣ съ тѣмъ не понять, что идеалъ упрощенной и терпимой церкви въ духѣ Эразма и Томаса Мора совсѣмъ не соотвѣтствуетъ собственнымъ требованіямъ Диксона?

Изъ документовъ по исторіи реформаціи, изданныхъ Пококомъ, Диксонъ могъ бы убѣдиться, что кардиналъ Поль, также одинъ изъ единомышленниковъ Уаргама и Мора, приверженцевъ внутренней и мирной церковной реформы, одно время очень усердно дѣйствовалъ въ пользу развода Генриха VIII съ Екатериной Арагонской. Еслибы Диксону были извѣстны нѣмецкія изслѣдованія по этому предмету, то онъ на основаніи сочиненія Лехлера о Виклефѣ былъ-бы въ со-

---

[1]) History of the Church of England from the abolition of the Roman jurisdiction, by Watson Dixon.

Библиотека "Руниверс"

стояніи оцѣнить правильнѣе Лоллярдовъ въ XVI в., хотя съ своей точки зрѣнія онъ не могъ отнестись къ нимъ вполнѣ справедливо. Можетъ быть Диксонъ тогда и пришелъ бы къ убѣжденію, что отторженіе отъ Рима и все болѣе распространявшееся разрушеніе старой церкви было исторической необходимостью, а не слѣдствіемъ каприза разнузданнаго и распутнаго тирана.

Хотя бы власть папы надъ англійской церковью и не была, какъ старается доказать Диксонъ, суприматомъ, но во всякомъ случаѣ она представляла собою нѣчто бо́льшее, чѣмъ простая юрисдикція, какъ ее ограничиваетъ Диксонъ, указывая на это уже въ самомъ заглавіи своего сочиненія. Не смотря на такую односторонность въ общей тенденціи сочиненія Диксона, оно во многихъ частностяхъ проливаетъ болѣе вѣрный свѣтъ на событія. Такъ наприм. оно существенно исправляетъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, данныя, заключающіяся въ изданномъ Райтомъ (Wright) томѣ сборника Камденскаго общества „объ уничтоженіи монастырей".

Первый томъ полезнаго для науки сочиненія Диксона доведенъ только до смерти Іоанны Сеймуръ. Въ слѣдующемъ томѣ, Диксону предстоитъ разсмотрѣть самую ужасную пору царствованія Генриха VIII,—когда въ одно время докторъ Барнсъ былъ сожженъ, какъ еретикъ, а докторъ Пауль четвертованъ, какъ папистъ.

Свобода, которою въ настоящее время пользуются католики и въ Англіи, вызвала нѣсколько изданій, относящихся къ преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались прежде. Такъ Генри Фолей, мірской членъ Іезуитскаго ордена, продолжаетъ издавать документы, относящіеся къ исторіи Іезуитскаго ордена въ Англіи. Въ нихъ заключается множество свѣдѣній о дѣятельности этого ордена въ XVI и XVII вв.; издатель впрочемъ плохо подготовленъ къ своему дѣлу, даже невполнѣ владѣетъ латинскимъ языкомъ и потому сдѣланныя имъ попытки разработать изданные имъ матеріалы очень неудачны. Болѣе достоинства представляетъ подобное же изданіе англійскихъ ораторіанцевъ. На основаніи матеріала, собраннаго кардиналомъ Маннингомъ, Франсисъ Ноксъ издалъ разные документы по исторіи англійскихъ католиковъ во время дѣйствія направленныхъ противъ нихъ уголовныхъ законовъ.

Въ своемъ сочиненіи „Изъ исторіи одной семьи Норфолькскаго графства" англиканецъ Джессопъ безпристрастно изложилъ одинъ эпизодъ изъ преслѣдованія католиковъ при Елисаветѣ. Генри Вальполь, предокъ котораго, Реджинальдъ, упоминается еще въ первую эпоху Норманскаго завоеванія, воодушевившись твердостью вѣры, обнаруженной священникомъ Кампіономъ во время казни, послѣдовалъ его примѣру, поступилъ въ іезуитскую коллегію въ Дуэ и возвратившись оттуда въ концѣ царствованія Елисаветы въ Англію, былъ казненъ вскорѣ послѣ своего прибытія.

Въ „Археологическомъ и Естественно-историческомъ Магазинѣ

Библиотека "Руниверс"

Вильтшира“ Джаксонъ доказалъ, что бывшій женихъ Маріи католической, Робертъ Дёдлей, болѣе извѣстный подъ позднѣйшимъ титуломъ графа Лестера, который былъ дороже всѣхъ сердцу Елисаветы,— былъ тайно обвѣнчанъ съ Эми Робсартъ. Политика, которой слѣдовала Елисавета, не поддававшаяся голосу сердца и постоянно ободрявшая новыхъ искателей ея руки, облегчила ей борьбу съ могущественной Испаніей и содѣйствовала развитію морского могущества Англіи и основанію первыхъ колоній въ Америкѣ и Остъ-Индіи. Жизнь одного изъ славныхъ моряковъ, которымъ Елисавета была обязана своими успѣхами, Мартина Фробишера, открывшаго въ 1576—1578 г. названный его именемъ проливъ (сѣвернѣе Гудсонова пролива)—разсказана Франкомъ Джонсомъ въ интересномъ, но не имѣющемъ научнаго значенія изложеніи. Джонсъ даетъ новое описаніе борьбы съ Великой Армадой, во время которой отличился Фробишеръ.

Біографія другого моряка-героя того времени, Вальтера Ралей, написанная Луизой Критонъ, также имѣетъ лишь достоинство популярнаго сочиненія. За то изслѣдованіе Джона Гельзъ „О пороховомъ заговорѣ“ заключаетъ въ себѣ достойное вниманія дополненіе къ тому, что извѣстно объ этомъ событіи. Кэтсби и другіе заговорщики имѣли свои помѣстья въ окрестностяхъ Стратфорда на Эвонѣ и послѣ открытія заговора искали убѣжища въ своей родинѣ. Тамъ должно было въ это время произойти возстаніе католиковъ, которые предполагали захватить дочь Якова I, принцессу Елисавету, гостившую у лорда Гаррингтона. Въ драмахъ Шекспира, написанныхъ послѣ этого времени, встрѣчаются намеки на сильное впечатлѣніе, какое произвелъ на поэта заговоръ людей, можетъ быть, лично ему извѣстныхъ.

Петръ Бэнъ [1]) издалъ нѣсколько очерковъ о главныхъ дѣятеляхъ Пуританской революціи. Въ противоположность Морлею онъ сильно стоитъ за пуританъ, но старается быть безпристрастнымъ. По собственному показанію автора, главнымъ источникомъ для этихъ очерковъ послужили памфлеты британскаго музея и ему очень недостаетъ научной основательности. Генріета Марія и ея супругъ, Яковъ I, Лодъ, Кромвель и Давидъ Лесли, Кларендонъ, шотландскіе ковенанторы, Карлъ II, Монрозъ, младшій Венъ и Мильтонъ составляютъ предметъ его очерковъ.

Знаменитому поэту пуританъ посвящено еще другое, гораздо болѣе обширное и научное изслѣдованіе. Авторъ его, нѣмецкій профессоръ Альфредъ Стернъ, задался широкой задачей изобразить Мильтона въ связи съ его вѣкомъ, что при богатомъ содержаніи описываемой эпохи представляло большія затрудненія для опредѣленнаго очертанія біо-

[1]) Peter Bayne. The chief Actors in the Puritan Revolution.

Библиотека "Руниверс"

графіи. Дѣйствительно, первая часть сочиненія Стерна, появившаяся въ 1877 г., возбудила опасеніе, что она приметъ слишкомъ обширные размѣры и этимъ себѣ повредитъ. Но вышедшая въ 1879 году вторая часть, которую долженъ принять во вниманіе нашъ обзоръ, не оправдала этого опасенія. Въ сравнительно небольшой книгѣ обработана цѣлая масса матеріала: здѣсь мѣтко разобраны главныя сочиненія Мильтона, исторіи той эпохи отведено подобающее ей мѣсто; очень значительная сумма свѣдѣній по исторіи разныхъ наукъ и беллетристикѣ служитъ во многихъ случаяхъ къ уясненію поэтическаго творчества Мильтона, — и все это въ цѣломъ такъ сжато, что даже малознакомый съ предметомъ читатель можетъ безъ утомленія слѣдить за изложеніемъ. Третья книга, съ которой начинается эта вторая часть, заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни Мильтона во время его государственной службы при республикѣ и протекторатѣ. Мильтонъ состоялъ въ то время секретаремъ по латинской корреспонденціи и съ радостной преданностью служилъ своимъ перомъ иностранному вѣдомству, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Кромвель сталъ считать своимъ долгомъ правителя „охранять миръ протестантовъ". Въ то же время въ своихъ извѣстныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, которыя особенно и утвердили его славу среди современниковъ, онъ защищалъ новую Англію: круто и рѣзко, въ смыслѣ самаго суроваго пуританизма, ратовалъ онъ противъ Стюартовъ, противъ королевской власти и противъ католицизма. Но не смотря на это, его соединяла лишь слабая связь съ великимъ государственнымъ человѣкомъ, стоявшимъ во главѣ его отечества. Протекторатъ представляется ему лишь временнымъ, вызваннымъ нуждою, средствомъ, „такъ какъ послѣ предшествовавшей бури, волны которой еще не улеглись и при враждебности партій, желательный и совершенный порядокъ не можетъ пока осуществиться". Внѣшняя политика Кромвеля удовлетворяетъ Мильтона вполнѣ, но во внутреннемъ управленіи онъ къ огорченію не находитъ осуществленія индепендентскихъ идеаловъ. Болѣе всего его оскорбляетъ то, что церковная и государственная власть продолжаютъ быть соединены, что въ церковной области сохранены десятина въ пользу священника и другіе доходы отъ бенефицій и патронатство (право патроновъ назначать на духовныя мѣста) и такимъ образомъ плата наемникамъ, какъ называли пуритане казенные доходы священниковъ, все еще приноситъ ущербъ свободѣ совѣсти. Многочисленныя картины, изображающія личныя отношенія между протекторомъ и его секретаремъ — всѣ основаны такимъ образомъ лишь на фантазіи художниковъ; особенно противорѣчитъ дѣйствительности извѣстная картина, изображающая Мильтона пишущимъ подъ диктовку Кромвеля, потому, что вслѣдствіе усиленнаго труда во время литературной полемики бѣднякъ уже въ 1652 г. былъ совершенно слѣпъ. Съ этихъ поръ онъ заставлялъ читать себѣ вслухъ и самъ диктовалъ окружающимъ его депеши, полемическія статьи и стихотворенія.

Библиотека "Руниверс"

Но онъ находилъ плохую поддержку въ самыхъ близкихъ къ нему лицахъ: дочери его, когда подросли, старались безсердечно устраниться отъ этого тяжелаго труда. Зато помогали Мильтону посторонніе, простые слуги, а также дружески расположенные къ нему писатели и государственные дѣятели, какъ изъ англичанъ, такъ изъ иностранцевъ, особенно изъ нѣмцевъ, которыхъ авторъ въ живыхъ образахъ проводитъ передъ читателемъ. По смерти Кромвеля, когда республика уже видимо близилась къ концу, Мильтонъ рѣшился бороться противъ угрожающей ей гибели съ помощью новыхъ полемическихъ статей. Онъ аппелировалъ къ чувствамъ и разсчету тѣхъ, которые въ ту минуту стояли во главѣ у дѣлъ, чтобы ободрить ихъ въ поддержкѣ республики, которая, по его мысли, тогда именно должна была достигнуть окончательнаго довершенія въ пуританскомъ смыслѣ, которое заключало въ себѣ уничтоженіе „наемничества въ церкви". Онъ требовалъ еще настойчивѣе прежняго секуляризаціи церковнаго имущества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, подобно той, какую предприняли „князья и города Германіи во время реформаціи". Требы за „вѣнчаніе и похороны" также должны быть уничтожены, такъ какъ погребеніе мертвыхъ и заключеніе браковъ гражданскія дѣла, которыя не требуютъ содѣйствія духовенства. Доходы отъ отобраннаго церковнаго имущества должны были идти въ пользу общественнаго воспитанія и образованія, на обезпеченіе многочисленныхъ высшихъ и низшихъ школъ и публичныхъ библіотекъ. Но было слишкомъ поздно для того, чтобы расчитывать на мирное и законное осуществленіе этихъ плановъ. Самъ Мильтонъ призналъ съ душевной скорбью и негодованіемъ, что „большинство народа настолько подло, что готово отказаться отъ свободы" и могъ только дать слѣдующій жалкій совѣтъ: „было бы справедливѣе и разумнѣе, чтобы меньшинство принудило большинство сохранить свободу, чѣмъ наоборотъ— чтобы большинство принудило меньшинство раздѣлить его рабство".

Четвертая книга обнимаетъ жизнь Мильтона во время реставраціи. Онъ счастливо избѣгнулъ опасности пасть жертвой роялистской реакціи, тѣмъ, что скрывался въ домѣ одного изъ друзей своихъ до объявленія амнистіи. А что будто-бы онъ спасся благодаря ходатайству преданнаго Стюартамъ поэта Давенента или съ помощью разыгранной комедіи мнимыхъ похоронъ — оказывается, ни на чемъ не основано. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ съ этого времени человѣкъ отжившій и тѣмъ рѣшительнѣе обратился онъ снова къ тому роду творчества, къ „которому его съ неудержимой силой влекъ его геній". Ему всегда представлялась первой и главной цѣлью жизни дѣятельность не публициста, а ученаго и поэта. Съ неутомимымъ усердіемъ собираетъ онъ теперь матеріалъ для филологическихъ, историческихъ, философскихъ и богословскихъ сочиненій. Смѣлый, даже радикальный умъ, выказанный имъ на поприщѣ публицистики, обнаруживается и здѣсь во всемъ. Онъ не хочетъ принадлежать ни къ одной сектѣ,

Библиотека "Руниверс"

не хочетъ считаться явнымъ членомъ никакой религіозной общины и близкій къ могилѣ, осмѣливается среди распущеннаго поколѣнія временъ реставраціи поднять еще разъ голосъ предостереженія пуританскаго проповѣдника. Но все болѣе и болѣе поднимается въ это время его духъ на „высочайшія вершины поэзіи". „Потерянный Рай" былъ уже начатъ въ послѣднее время погибающей республики. Но довести до конца это произведеніе онъ могъ только послѣ того, какъ была совершенно устранена опасность, какая грозила поэту съ возстановленіемъ монархіи. Достовѣрное извѣстіе о существованіи этой поэмы относится къ 1665 году. Источники этой поэмы біографъ ищетъ еще начиная съ самыхъ раннихъ проявленій христіанской поэзіи у германцевъ и кончая „Изгнаннымъ Адамомъ" Гуго Гроція и „Люциферомъ" голландскаго поэта Вонделя. Но роль Мильтона конечно не ограничивается однимъ заимствованіемъ, потому, что „оригинальнымъ писателемъ слѣдуетъ считать не того только, который никому не подражаетъ, а того, кому никто не въ состояніи подражать". Колоссальная фигура Мильтонова Сатаны не есть изображеніе Оливера Кромвеля; ибо сколько-бы чертъ этой героической и властительной натуры ни было перенесено на образъ Сатаны,—но нельзя допустить, чтобы Мильтонъ имѣлъ въ виду написать сатиру на протектора, такъ какъ онъ не смотря на свое частое неудовольствіе правленіемъ Кромвеля,—подобнымъ порицаніемъ произнесъ бы приговоръ надъ значительной частью своего собственнаго прошедшаго. При созданіи этого образа въ воображеніи поэта скорѣе могли носиться гордый Страффордъ, или лукавый и въ несчастьи еще величавый и привлекательный Карлъ I, или-же наконецъ „измѣнникъ свободы, стремившійся изъ за позорныхъ цѣлей къ почести", генералъ Монкъ. Точно также напоминаютъ и сподвижники Сатаны то одно, то другое изъ лицъ дѣйствительной жизни, которыхъ поэтъ встрѣчалъ въ Вайтголѣ и въ Вестминстерѣ. Непосредственно послѣ окончанія „Потеряннаго рая" Мильтонъ приступилъ къ „Вновь обрѣтенному раю" по настоянію своего юнаго друга, Томаса Эльвуда. Разборъ этихъ могучихъ произведеній Мильтона у Стерна превосходенъ; онъ написанъ ясно, тепло и наглядно; и недостатки указаны очень опредѣленно и мѣтко.

Трудъ Стерна основанъ, на нѣкоторыхъ новыхъ архивныхъ изслѣдованіяхъ, и на извлеченіяхъ изъ многочисленныхъ книгъ объ этомъ предметѣ, заимствованныхъ изъ разнообразныхъ европейскихъ библіотекъ.

Изъ приложеній особенно интересны нѣкоторыя, бывшія доселѣ неизвѣстныя письма Мильтона изъ ольденбургскаго архива.

Ту-же бурную эпоху исторіи Англіи обнимаетъ вышедшій въ 1879 г. третій томъ „Исторіи англійскаго народа" Грина. Гринъ сначала написалъ краткую исторію Англіи; необыкновенный успѣхъ, который

Библиотека "Руниверс"

имѣла эта книга, несмотря на небрежность и многочисленные промахи побудилъ автора издать свое сочиненіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Пространная обработка отличается тѣми-же достоинствами, какъ и первая; эти достоинства заключаются не въ одномъ только блескѣ изложенія и противники Грина не могутъ указать на другое сочиненіе, которое давало-бы такое живое представленіе объ Англіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Гринъ имѣетъ, что такъ рѣдко встрѣчается, даръ историческаго воображенія. Многосложныя историческія явленія представляются ему не въ разъединеніи а въ общей картинѣ. Политическія и соціальныя движенія, порывы религіознаго чувства и напряженіе научной мысли, все это гармонично сливается въ этой картинѣ. Но рядомъ съ этими достоинствами находимъ у Грина и крупные недостатки, ту-же небрежность въ подробностяхъ и такіе-же промахи, какъ прежде, хотя послѣдній трудъ представляетъ сравнительно съ первымъ значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Конечно, нѣтъ особенной бѣды въ томъ, что Гринъ называетъ извѣстнаго сера Роберта Филипса, одного изъ главныхъ вождей оппозиціи въ первомъ парламентѣ Карла I, въ одномъ мѣстѣ серъ Томасъ, а на слѣдующей страницѣ серъ Ричардъ; не важно и то, что онъ представляетъ надѣлавшее въ свое время столько шума сочиненіе Прина „Бичъ театра“ громаднымъ фоліантомъ; это доказываетъ только, что Гринъ не поинтересовался взглянуть на толстый in-quarto знаменитаго пуританина;—но промахи Грина далеко не всегда такъ невинны.

Гринъ слишкомъ небреженъ въ провѣркѣ показаній враждебныхъ роялистской партіи, потому-что у него совершенно нѣтъ не только пониманія роялистскихъ вождей, но даже никакого человѣчнаго участія къ нимъ.

Впрочемъ даже и въ этомъ случаѣ критика должна быть справедлива по отношенію къ Грину. Запасъ изслѣдованій который былъ-бы необходимъ автору для того, чтобъ вполнѣ разъяснить этотъ предметъ, сдѣлалъ бы его неспособнымъ написать подобную книгу. Не слѣдуетъ также порицать его слишкомъ строго за то, что онъ усвоилъ распространенное въ публикѣ повѣрье о смертельной враждѣ между Генріетой Маріей и Страфордомъ и за то, что онъ упрекаетъ королеву въ ханженствѣ потому, что она возмущалась преслѣдованіями своихъ единовѣрцевъ или за то, что онъ воображаетъ будто 300.000 ф. стерл., были взысканы въ видѣ судебныхъ пеней палатами королевскихъ лѣсовъ въ одномъ только графствѣ Эссексѣ, или за увѣреніе, будто Карлъ I снесеніемъ домовъ въ Лондонѣ вызвалъ противъ себя жестокую вражду могущественнаго города, сила и средства котораго имѣли такое пагубное вліяніе въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ,— между тѣмъ какъ извѣстно, что снесеніе было произведено по особенному ходатайству лорда мэра и старшинъ. Но есть не мало промаховъ такого рода, въ которые авторъ не впалъ бы, еслибы

Библиотека "Руниверс"

отнесся нѣсколько внимательно къ дѣлу. Трудно повѣрить, что онъ считаетъ такъ называемые „добровольные платежи“ (benevolences) займомъ, тогда какъ это былъ безвозвратный даръ коронѣ; но чѣмъ-бы ни были такъ называемые benevolences авторъ не имѣлъ права утверждать, что послѣ Петиціи Правъ „королевскія требованія, устанавливавшія упомянутые поборы (bénevolences) подъ видомъ обычныхъ займовъ, были разосланы во всѣ графства“. Такое увѣреніе значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ-то, что Карлъ совершенно сознательно нарушилъ Петицію Правъ.

Нельзя себѣ вообразить, въ силу какого авторитета Гринъ впалъ въ такую ошибку; но не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ не имѣлъ никакого основанія для этого.

Во всѣхъ вопросахъ, касающихся исторіи конституціи, Гринъ выступаетъ не совсѣмъ твердыми шагами. По поводу важнаго дѣла о корабельной подати онъ говоритъ, что большинство судей „семь числомъ, высказали широкій принципъ, что противъ королевской воли, нельзя ссылаться ни на какой законъ, который-бы воспрещалъ произвольное обложеніе податью“. Если-бы Гринъ перечиталъ мнѣніе судьи Финча, на которое онъ самъ ссылается, онъ увидѣлъ бы, что по крайней мѣрѣ Финчъ ограничивалъ свой принципъ правомъ короля устанавливать подать только для обороны государства. Рѣзкое заявленіе Бёрклея касательно тождественности королевской воли и закона (rex и lex), выдѣляетъ его среди его товарищей въ королевскомъ судѣ.

Грину вообще остается еще много потрудиться; онъ находитъ затруднительнымъ вдаваться въ работу, необходимую для того, чтобъ понять тѣхъ, кого онъ считаетъ орудіями зла. Его характеристикѣ Вентворта не достаетъ простого объясненія, что его планъ снова водворить систему правленія Тюдоровъ, пришелся ко временамъ, когда не было уже болѣе подъ рукою такихъ элементовъ, на которые эта система опиралась и что ему вслѣдствіи этого было суждено по неволѣ сдѣлаться защитникомъ деспотизма, тогда какъ онъ вовсе не имѣлъ подобнаго намѣренія. Однимъ словомъ Гринъ довольно хорошо понимаетъ то, къ чему стремились Пимъ, Кромвель и Мильтонъ. Но цѣли, которыя имѣли въ виду Бэконъ, Страффордъ и Монрозъ остались тайной для его пониманія. Между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока онъ этого не пойметъ, настоящая его книга со всѣми ея разнообразными достоинствами будетъ не болѣе, какъ поверхностный очеркъ, который не въ состояніи выдержать испытанія въ виду успѣховъ исторической науки.

Разсмотренный нами третій томъ Грина, хотя на его оберткѣ и помѣщенъ 1688 годъ, доводитъ исторію Англіи до 1683 г., т. е. почти до того времени, съ котораго началъ свой трудъ Леки. О книгѣ

Библиотека "Руниверс"

Леки мы уже подробно говорили въ прошлой статьѣ и намъ остается только дополнить нашъ обзоръ указаніемъ на нѣсколько нѣмецкихъ сочиненій, предметъ которыхъ относится къ одному изъ важнѣйшихъ фактовъ англійской исторіи въ эпоху перехода отъ XVII вѣка къ XVIII.

На поворотѣ XVII и XVIII вѣковъ въ центрѣ политическихъ событій стоитъ упроченіе протестанской династіи на престолѣ Англіи посредствомъ перенесенія правъ наслѣдія короны на ганноверскій домъ. Исторія относящихся къ этому дипломатическихъ сношеній и переговоровъ получила въ послѣднее время, благодаря Онно Клопу новое освѣщеніе. Въ изданныхъ имъ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ томахъ сочиненій Лейбница (принимавшаго со стороны ганноверскихъ интересовъ дѣятельное участіе въ вопросѣ англійскаго престолонаслѣдія) напечатано множество документовъ изъ библіотеки и архива города Ганновера. Съ цѣлью очистить Вельфовъ отъ упрека въ томъ, что они намѣренно нарушили принципъ легитимности, отстранивши съ англійскаго престола законную династію, (хотя этотъ фактъ нельзя отвергать), Онно Клопъ въ своемъ введеніи къ VIII тому сочиненій Лейбница доказываетъ, что курфюрстина Софья Ганноверская, имѣвшая право на англійскій престолъ какъ внучка Якова I, въ сущности признавала сына Якова II законнымъ наслѣдникомъ престола, но что король Вильгельмъ III ошибочно призналъ письмо курфюрстины за выраженіе согласія на утвержденіе наслѣдія за ея семьей, и когда англійскій парламентъ въ 1701 г. установилъ закономъ ея право наслѣдія на престолъ, курфюрстина была вынуждена согласиться на это вопреки своему сердечному влеченію. Еще прежде окончанія обширнаго спеціальнаго труда Онно Клопа посвященнаго этому предмету [1]), Отто Мейнардусъ [2]) попытался опровергнуть взглядъ Онно Клопа на отношеніе курфюрстины Софьи къ вопросу объ англійскомъ престолонаслѣдія въ своемъ сочиненіи „Наслѣдованіе ганноверскаго дома въ Англіи и Лейбницъ". Не приводя новыхъ источниковъ, Мейнардусъ старается доказать невѣрность указаннаго взгляда съ помощью документовъ напечатанныхъ самимъ Онно Клопомъ. Мейнардусъ показываетъ, что Софья Ганноверская—не смотря на личное участіе къ своему двоюродному брату Якову II и его сыну, которое объясняется главнымъ образомъ ея вниманіемъ къ супругѣ Вильгельма III, дочери Якова II,смотрѣла на дѣло Вильгельма III, съ живѣйшей симпатіей какъ на правое дѣло, предпринятое въ пользу религіи и свободы; что наконецъ, какъ то доказываютъ документы ганноверскаго архива, уже въ 1689 г. своими вліятельными связями въ Англіи она способствовала къ утвержденію его права наслѣдія; въ крайнемъ случаѣ можно развѣ допустить лишь

[1]) О паденіи Стюартовъ и наслѣдованіи ганноверскаго дома.

[2]) Meinardus. Die Succession des Hauses Hannover und Leibniz.

Библиотека "Руниверс"

одно, что послѣ того, какъ не состоялся относившійся сюда билль въ 1689 г. и послѣ того, какъ у другой дочери Якова II, Анны, родился сынъ, герцогъ Глостеръ, можно замѣтить у Софьи относительно ея собственныхъ видовъ на англійскій престолъ, нѣкоторое охлажденіе и недовѣріе, вполнѣ оправдываемое ея годами. Какъ извѣстно, особенно хлопоталъ о томъ, чтобъ курфюрстина не отрѣкалась отъ англійскаго наслѣдства Лейбницъ, на котораго такимъ образомъ по мнѣнію Онна Клопа и падаетъ главная вина за то, что Вельфы стали въ противорѣчіе съ закономъ легитимности. Мейнардусъ однако, убѣдительно объясняетъ, что если бы дѣйствительно курфюрстина имѣла намѣреніе отклонить наслѣдство ради сомнѣній совѣсти, внушаемыхъ ей правами сына Якова II, то дѣятельность Лейбница прежде всего должна была бы быть направлена на устраненіе этихъ сомнѣній посредствомъ утвержденія того мнѣнія, которое признавало сына Якова подмѣненнымъ ребенкомъ; но изъ относящихся къ дѣлу записокъ и статей Лейбница видно, что ничего подобнаго не было. Политическимъ идеаломъ Лейбница было—возстановленіе стариннаго, утраченнаго со времени Генриха-Льва могущества Вельфовъ и потому онъ и игралъ такую видную роль въ интересахъ наслѣдованія ганноверскаго дома; но онъ не расходился въ этомъ съ своей курфюрстиной, которая вовсе не имѣя навязанныхъ ей Онно Клопомъ сомнѣній, наоборотъ съ самаго начала дѣйствовала въ пользу упроченія наслѣдства за своимъ домомъ; а ея позднѣйшее нѣсколько сдержанное поведеніе объясняется неудовольствіемъ противъ интригъ англійскихъ партій и недовѣріемъ къ положенію дѣлъ въ Англіи.

Другое сочиненіе, написанное нѣмецкимъ авторомъ, Шауманомъ, имѣетъ также предметомъ наслѣдованіе ганноверскаго дома въ Англіи, и доводитъ разсказъ до восшествія на престолъ Георга I, но безъ всякой критики взглядовъ другихъ писателей и безъ существенно новыхъ результатовъ. И изъ этого сочиненія явствуетъ, что въ Ганноверѣ душой дѣла объ англійскомъ наслѣдствѣ Вельфовъ — былъ Лейбницъ; изъ приведенныхъ данныхъ о поведеніи курфюрстины Софьи послѣ утвержденія ея правъ на наслѣдованіе особымъ закономъ и свѣдѣній о празднествахъ при ганноверскомъ дворѣ, по случаю доставленія туда грамоты объ этомъ, еще теперь хранящейся въ тамошнемъ архивѣ [1]), достаточно ясно, какъ мало основанія имѣетъ вышеупомянутая гипотеза Онно Клопа въ фактахъ. Для читателей представляетъ особенный интересъ поведеніе ганноверскаго двора по отношенію къ королевѣ Аннѣ, которая послѣ паденія виговъ, какъ извѣстно, была мало склонна къ ганноверцамъ и въ глубинѣ сердца повидимому сочувствовала наслѣдованію престола сыномъ Якова II; но благодаря умной, опять таки внушенной Лейбницемъ, политикѣ

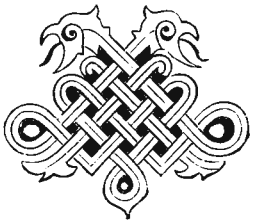
---

[1]) Geschichte der Erwerbung der Krone Grossbritanniens von Seiten des Hauses Hannover. Schaumann. Hannover.

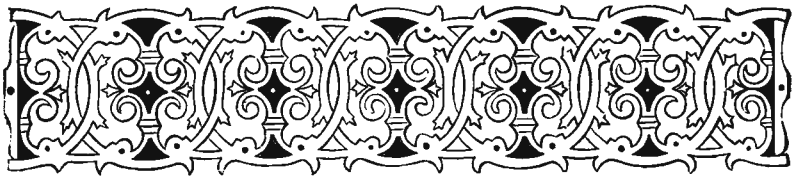
Библиотека "Руниверс"

курфюрстины Софьи и благодаря ловкому поведенію ганноверскаго посланника фонъ-Ботмера, удалось среди борьбы партій виговъ и торіевъ сохранить нейтральное положеніе будущаго королевскаго дома, что очень способствовало послѣ смерти королевы Анны (въ 1714 г.) ганноверскому курфюрсту безъ всякихъ препятствій и затрудненій вступить на англійскій престолъ.

Иф...лъ.



Библиотека "Руниверс"



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г. С.-Петербургъ. 1881 г.

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ направленіе, которымъ русская литература пробавляется вотъ уже третье десятилѣтіе, лишило наше общество способности объективно относиться къ своему прошлому, какъ недавнему, такъ и отдаленному; русскій читатель хоть и не прочь иногда перелистать какіе-нибудь разсказы о вѣкѣ Екатерины или пробѣжать воспоминанія о временахъ Александра, однако считаетъ обыкновенно долгомъ выражать предубѣжденіе ко всему тому, что изображаетъ наше прошлое съ симпатичной или свѣтлой стороны. Иные писатели уже давно натвердили русской публикѣ, и еще продолжаютъ натверживать до сихъ поръ разнымъ недоучкамъ, что въ нашемъ прошломъ ничего не было хорошаго, ничего воспитывающаго къ добру, и что всю нашу старую жизнь нужно только ненавидѣть или по крайней мѣрѣ забыть, чтобы стать настоящими людьми, годными для будущаго. Такой взглядъ—который мудрено назвать иначе какъ пошлымъ — оказываетъ несомнѣнно вредное вліяніе на успѣхи нашей исторической науки; быть можетъ, количество нашихъ историческихъ изслѣдователей и увеличивается, но качество ихъ работъ далеко не улучшается: изчезло то воодушевленіе, та горячность къ дѣлу, которыми отличались труды по русской исторіи лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, и по мѣрѣ того какъ крупные научные дѣятели стараго времени сходятъ съ поприща дѣятельности, ихъ замѣщаютъ люди меньшей силы, которымъ Богъ знаетъ удастся ли собрать около себя ученую школу. Отрицательное отношеніе къ прошлому вредно и въ томъ еще отношеніи, что оно отвлекаетъ отъ историческихъ занятій такихъ лицъ, для которыхъ научная дѣятельность не составляетъ спеціальной профессіи. Исторіей и всѣми соприкасающимися съ ней отраслями знаній у насъ, занимаются почти исключительно профессора, академики, члены разныхъ офиціальныхъ ученыхъ коммиссій; свободныхъ любителей и знатоковъ исторіи, древностей, старинной письменности и литературы у насъ очень мало, мало и собирателей памят-

Библиотека "Руниверс"

виковъ древности и старины, которые занимались бы этимъ не по обязанности а по доброй волѣ, по любви къ дѣлу. А между тѣмъ наука можетъ настоящимъ образомъ процвѣтать только тамъ, гдѣ она раздвинула рамки профессіональной дѣятельности, гдѣ ею интересуются и въ разработкѣ ея участвуютъ люди разныхъ профессій и званій, не только офиціальные спеціалисты той или другой отрасли знаній, но и простые любители ихъ. Само собою понятно, что такое участіе въ научной дѣятельности со стороны волонтеровъ науки особенности удобно и желательно въ области отечественной исторіи. Не говоря уже о томъ, что самопознаніе обязательно для всякаго народа, имѣющаго притязаніе называться образованнымъ, и стало быть, для всякаго отдѣльнаго человѣка, который принадлежитъ къ такому народу,—ни въ какой научной отрасли человѣкъ общаго образованія, неспеціалистъ, не можетъ оказать большихъ услугъ наукѣ, какъ въ сферѣ историческихъ знаній. Тутъ уже простое коллекціонерство, собираніе памятниковъ древности и старины, приноситъ пользу; а затѣмъ, не будучи присяжнымъ ученымъ, можно быть знатокомъ своего края, своей мѣстности, можно изучить какую нибудь отдѣльную отрасль древняго быта, старинной культуры, можно собрать большое число фактовъ объ извѣстномъ историческомъ дѣятелѣ, о какой-либо сторонѣ стариннаго быта и высказать о нихъ свои соображенія; быть можетъ, все это будетъ и не строго научно, но все же можетъ освѣтить изслѣдованный предметъ съ какой нибудь новой стороны или по крайней мѣрѣ дастъ матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ. Вотъ въ чемъ можетъ выражаться дѣятельность свободныхъ любителей науки, и вотъ чѣмъ они могутъ служить ей.

Мы вошли во всѣ эти разсужденія по поводу перепечатки стариннаго „Драматическаго словаря“ потому, что, по нашему мнѣнію, изученіе нашей послѣ-петровской литературы принадлежитъ къ числу именно такихъ отраслей знанія, въ которыхъ участіе свободныхъ любителей науки особенно умѣстно и возможно. Тутъ не требуется большихъ филологическихъ познаній, но необходимо прежде всего хорошее библіографическое изученіе предмета; далѣе—необходимо знакомство съ произведеніями западно-европейскихъ литературъ XVIII вѣка—что и само по себѣ и занимательно, и поучительно,—необходимо, разумѣется, знакомство и съ новою русскою исторіей—не только по журнальнымъ статьямъ, а по подлиннымъ источникамъ, которые, впрочемъ, читаются безъ труда и особенныхъ усилій. Но къ сожалѣнію, и исторія новой русской литературы у насъ изучается мало, и въ числѣ ея изслѣдователей и знатоковъ все рѣдѣетъ число такихъ лицъ, какими еще недавно были А. Н. Аѳанасьевъ, Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгиновъ, М. П. Полуденскій, С. А. Соболевскій и др. Поэтому-то нѣтъ у насъ до сихъ поръ ни хорошей русской библіографіи XVIII вѣка, ни дѣльной исторіи русскаго театра, ни біографій многихъ нашихъ писателей. Едва дождались мы недавно библіографическаго труда по старинной нашей журналистикѣ, и едва ли увидимъ окончаніе „Словаря русскихъ писателей“, начатаго покойнымъ Геннади. Будь въ нашей литературѣ эти необходимыя пособія (а въ литературахъ западно-европейскихъ, несравненно обширнѣйшихъ, чѣмъ наша, они давно существуютъ и составляютъ плоды трудовъ именно вольныхъ любителей науки), — и самое изданіе той книги, заглавіе которой поставлено въ началѣ этой замѣтки, вышло бы гораздо лучше и болѣе соотвѣтствовало бы научнымъ требованіямъ,

А между тѣмъ, книга эта очень любопытная и заслуживаетъ полнаго вни-

Библиотека "Руниверс"

манія тѣхъ, кто интересуется нашею недавнею стариной. Полное заглавіе ея слѣдующее:

„Драмматической словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Собранной въ Москвѣ въ Типографіи А. А. 1787 года".

Уже изъ этого заглавія видно отчасти и содержаніе словаря; но чтобы дать о немъ болѣе ясное понятіе, мы прежде всего приведемъ нѣкоторые отрывки изъ самой книги:

„Гостиной дворъ. Опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена на Россійскомъ языкѣ путешествующимъ по Италіи крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго Матинскимъ, и на музыку также имъ положена къ крайнему удовольствію нашего времени. Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрелище и нарядной спектакль въ Россійскихъ древнихъ нравахъ приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю Россійскому древнему подъяческую нарядную свадьбу. Характеръ жениха играющій Московскаго Россійскаго театра актеръ г. Залышкинъ совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрелище. Часто сія піеса представляется на Россійскихъ театрахъ какъ въ Санктпетербургѣ такъ и въ Москвѣ. Когда въ перьвой разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ Санктпетербургѣ содержателю вольнаго театра Книперу, то была представлена разъ до пятнатцати сряду, и никакая піеса не дала ему столько прибытка, какъ оная.

„Мельникъ колдунъ. Комическая опера оригинальная въ трехъ дѣйствіяхъ сочиненія г. Аблесимова. Музыка положена изъ Рускихъ пѣсенъ Россійскимъ Московскаго театра музыкантомъ г. Соколовскимъ. Представлена въ первой разъ на Московскомъ театрѣ Генваря 20 дня 1779 года. Сія піеса столько возбудила вниманія отъ Публики, что много разъ съ ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна съ ряду дватцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія. Напечатана въ Москвѣ въ 1782 году.

„Мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія съ балетомъ въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная господиномъ Молліеромъ, славнымъ Французскимъ Комикомъ, переведена на Россійской языкъ П. С. Представлена въ первой разъ на Россійскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ, въ 1758 году Генваря 25 дня, и по сіе время на россійскихъ театрахъ играна бываетъ къ удовольствію зрителей.

„Примѣчаніе. Во время представленія сей комедіи, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ то пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ, и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ дѣйствующихъ въ интермедіяхъ лицъ, балетовъ, и богатыхъ декорацій, на вольныхъ театрахъ за входъ была двойная противъ обыкновеннаго плата.

„Недоросль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Фонъ-Визина, представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ, Сентября 24 дня 1772 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; въ которое время не-

Библиотека "Руниверс"

сравнено театръ былъ наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворный актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей; а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена была вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія наполненая замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ, и почасту на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ была представляема. Напечатана въ Санктпетербургской вольной типографіи у г. Шнора 1783 года.

„Перерожденіе. Опера въ одномъ дѣйствіи, играна въ первой разъ на Московскомъ театрѣ въ 1777 году Генваря 8 дня. Сія опера была изъ первыхъ на Московскомъ театрѣ оригинальныхъ съ музыкою изъ Рускихъ пѣсенъ представленій; напечатана въ Университетской типографіи въ 1779 году.

„Примѣч. Прежде сей оперы никакихъ еще оперъ на Московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную играть рѣшились, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ, между большею комедіею и сею оперою“.

Приведенныя выписки даютъ понятіе о характерѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются въ словарѣ. Спѣшимъ, однако, прибавить, что къ сожалѣнію, не всѣ параграфы, посвященные въ этомъ сборникѣ отдѣльнымъ пьесамъ, отличаются такою полнотою извѣстій, какъ статьи выписанные выше; иныя статьи ограничиваются только приведеніемъ заглавія пьесы и указаніемъ, гдѣ она была напечатана и представлена. Не смотря, впрочемъ, на эту неравномѣрность въ составѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ словаремъ, они составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра во второй половинѣ XVIII вѣка.

Словарь даетъ понятіе какъ о составѣ тогдашняго репертуара, такъ и объ отношеніи публики къ представлявшимся піесамъ, дополняя эти свѣдѣнія разными весьма характерными подробностями касательно нравовъ и вкуса тогдашняго общества.

Что же именно на русской сценѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ особенности нравилось публикѣ, и что ей менѣе было по вкусу? Постараемся сгруппировать съ этой точки зрѣнія важнѣйшія свидѣтельства словаря, и они дадутъ намъ довольно опредѣленный отвѣтъ на сейчасъ поставленный вопросъ.

Глава русской драматургіи, Сумароковъ, умеръ за девять лѣтъ до изданія словаря; еще при жизни его у него явилось не малое число послѣдователей, какъ въ трагедіи, такъ, въ особенности на поприщѣ нравоучительной комедіи. Какъ піесы Сумарокова, такъ и его подражателей, еще продолжали исполняться на сценѣ; но по видимому, уже охладѣлъ тотъ восторгъ, съ которымъ онѣ встрѣчены были зрителями при своемъ появленіи. Изъ множества драматическихъ произведеній „отца русскаго театра“, по отзыву словаря, особенно горячій пріемъ встрѣчали трагедіи „Дмитрій Самозванецъ“, „Синавъ“, „Семира“, „Мстиславъ“, въ которой актриса Трасполь-ская „плѣняла умы зрителей“, и небольшая комедія „Приданое обманомъ“. Замѣчательно, что именно о большихъ нравоучительныхъ комедіяхъ Сумарокова словарь отзывается холодно. Изъ числа авторовъ трагедій, которыхъ произведенія имѣли успѣхъ на сценѣ одновременно съ Сумароковымъ или

Библиотека "Руниверс"

вскорѣ послѣ него, словарь называетъ въ особенности двухъ — Княжнина и Николева; оба они были трагики строгой классической школы, бравшіе по ея обычаю свои сюжеты или изъ классическаго міра, или же изъ древней русской исторіи. По видимому, однако, публика утомлялась ходульностью піесъ этого рода и предпочитала имъ трагедію или драму мѣщанскую. Такъ называли тогда трагическія пьесы, содержаніе которыхъ заимствовано не изъ героическаго міра, а изъ простой общественной среды: очевидно, эта среда, съ ея радостями и горемъ, была доступнѣе пониманію зрителей, чѣмъ обычная обстановка трагедіи строго-классической. Одною изъ первыхъ пьесъ „мѣщанскаго" типа, представленныхъ на русской сценѣ, была комедія Фальбера Фальбриджа, переведенная подъ заглавіемъ „Честной преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь". Она была играна на московскомъ театрѣ въ первый разъ въ 1771 году, а напечатана въ Петербургѣ въ 1772 году. Словарь отзывается о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Самъ авторъ сея комедіи сказываетъ, что взялъ ее изъ Поетики г. Мармонтеля, что служило ему основаніемъ и подкрѣляло его трудъ больше то, что сія матерія есть истинная, приключившаяся въ 1756 году. Больше бы сію драмму назвать должно Мѣщанскою трагедіею благополучно кончившеюся. Сколь она почтенна на Россійскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной Россійской актеръ г. Дмитревской къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности". Очевидно, успѣхъ этой драмы побудилъ Дмитревскаго заняться переводомъ другой мѣщанской трагедіи „Беверлей", которая и была поставлена въ Петербургѣ, въ 1772 году. „Сія трагедія часто играется на Московскомъ театрѣ съ похвалою", замѣчаетъ о ней нашъ словарь спустя пятнадцать лѣтъ послѣ ея постановки. Вообще, въ теченіи 70-хъ и 80-хъ годовъ число мѣщанскихъ драмъ, большею частію переводныхъ, а впрочемъ, иногда и оригинальныхъ, продолжало умножаться въ русской литературѣ и на сценѣ,и въ ряду этихъ пьесъ, перечисленныхъ въ словарѣ, мы находимъ, между прочімъ, произведенія такихъ авторовъ, какъ Бомарше („Евгенія"), Вольтеръ („Нанина"), Лессингъ („Эмилія Галлоти") и др.

Далѣе „Драматич скій словарь" свидѣтельствуетъ о сочувствіи зрителей къ такимъ піесамъ, въ которыхъ обрисовывался русскій бытъ, хотя бы только съ внѣшней стороны. Мы уже видѣли, что этимъ именно объясняется тайна успѣха „Гостинаго Двора" и „Мѣльника". Словарь хвалитъ еще нѣсколько сценическихъ произведеній въ томъ же родѣ; таковы комедія Соколова: „Выдуманный кладъ", драма Николева „Розана и Любимъ" и комедія „Чадолюбіе"; о послѣдней, напримѣръ, словарь замѣчаетъ, что она написана „на нравы національные" и наполнена „какъ множествомъ шутокъ, такъ и острыми словами". Должно впрочемъ замѣтить, что въ подобныхъ піесахъ, по видимому, вовсе не особенно цѣнился элементъ сатирическій,—словарь упоминаетъ о немъ очень рѣдко,—и потому мы склонны думать, что самый „Недоросль", по крайней мѣрѣ для большинства публики, представлялъ интересъ, не столько мѣткостью своей сатиры, сколько своими комическими положеніями и характерами; на это намекаетъ, въ приведенномъ выше отзывѣ словаря о „Недорослѣ", указаніе на забавную роль няньки.

Большимъ успѣхомъ пользовались—по свидѣтельству словаря—комическія оперы; ихъ перечислено въ этомъ сборникѣ весьма значительное количество, и между ними встрѣчаются какъ переводныя такъ и оригинальныя, напи-

Библиотека "Руниверс"

санныя въ подражаніе „Мельнику“ Аблесимова. Эти послѣднія въ особенности, плѣняли тогдашнюю публику какъ соединеніемъ драмы съ музыкой, такъ и тѣмъ, что заимствовали свое содержаніе изъ русскаго быта; притомъ и музыка для нихъ также нерѣдко бралась „изъ россійскихъ пѣсенъ“. Въ числѣ любимѣйшихъ оперъ встрѣчаемъ одну, въ которой были соединены всѣ эти условія, и для которой сверхъ того, требовалась блестящая постановка; это „Яга-Баба“, князя Дм. Горчакова. „Оная опера“, говоритъ о ней словарь,—„довольно забавна въ разсужденіи феи бабы-яги, какъ страннымъ своимъ одѣяніемъ и ѣздою въ ступѣ, такъ и разными въ оной оперѣ перемѣнами и декораціями“.

Вотъ нѣсколько заключеній, которыя мы извлекли изъ сообщеній „Драматическаго словаря“, далеко впрочемъ не исчерпавъ его содержанія. Едва ли будетъ ошибочно сказать, основываясь на этихъ данныхъ, что театръ представлялъ для тогдашняго общества только забавное зрѣлище, и ничего болѣе.

Въ заключеніе скажемъ и о самомъ изданіи „Драматическаго Словаря“ въ новой его перепечаткѣ. Съ внѣшней стороны новое изданіе очень исправно: старая книжка перепечатана буквально, строка въ строку, и даже шрифтъ подобранъ нѣсколько похожій на старинный. Но нельзя не пожалѣть, что къ этой перепечаткѣ не приложено никакихъ объясненій, ни вводной статьи, ни указателя собственныхъ именъ, которыхъ въ словарѣ великое множество. Впрочемъ, спасибо издателю и за простую перепечатку, такъ какъ „Драматическій словарь“ 1787 года уже давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Л. М.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томы IV и V. СПБ. 1881.

Предпринятое графомъ С. Д. Шереметевымъ прекрасное изданіе сочиненій покойнаго князя Вяземскаго, о которомъ мы уже говорили въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ продолжается. Вышедшіе теперь два новые тома составлены съ такимъ же вниманіемъ и знаніемъ редакціоннаго дѣла, какъ и первыя части этого роскошнаго изданія. Въ IV томѣ собраны стихотворенія, писанныя поэтомъ въ періодъ 1828 — 1852 г., а въ V томѣ помѣщена извѣстная монографія покойнаго „Фонвизинъ“, изданная въ свѣтъ въ 1848 году. При отзывѣ о первыхъ томахъ этого полнаго собранія, мы высказали свое мнѣніе о свойствахъ и характерѣ поэтическаго таланта князя Вяземскаго и теперь прибавимъ только, что съ лѣтами талантъ его не только не слабѣлъ, но развивался лучшими своими сторонами. Патріотическое настроеніе князя Вяземскаго, замѣтное и въ первыхъ его стихахъ, постоянно крѣпло и проявлялось въ болѣе ясномъ и опредѣленномъ воззрѣніи, а неистощимая его веселость и остроуміе не переставали выражаться въ самыхъ живыхъ формахъ. Вяземскій—единственный у насъ представитель свѣтской поэзіи, какою богата была французская литература, но его пѣсни при своей легкой игривости всегда блещутъ оригинальной мыслью и согрѣты неподдѣльнымъ чувствомъ. Особенной теплотою и задушевностью отличаются тѣ его стихотворенія, въ которыхъ онъ, при болѣе или менѣе продолжительныхъ поѣздкахъ заграницей, вспоминаетъ о Россіи и родныхъ обычаяхъ, или которыя посвящаетъ памяти людей ему близкихъ и доро-

Библиотека "Руниверс"

гихъ. Съ какимъ искреннимъ и горячимъ чувствомъ, при извѣстіи о смерти Пушкина, выражаетъ онъ скорбь,

Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

Критика наша, во время преобладанія такъ называемаго западничества, обвиняла князя Вяземскаго въ ретроградныхъ идеяхъ, заподозривала его въ нерасположеніи къ европейскому просвѣщенію и западной цивилизаціи, въ исключительной приверженности къ старинѣ и давно отжившимъ порядкамъ, въ узкомъ патріотизмѣ и даже въ почитаніи „вдохновительнаго кнута". Вырывая отдѣльныя фразы изъ такихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Памяти живописца Орловскаго", рецензенты наши увѣряли, будто Вяземскій вздыхаетъ о темныхъ временахъ Домостроя, предпочитаетъ головоломную ямскую телѣжку европейскому дилижансу и вагону, и поетъ хвалы былому безправію. Но всѣ эти несправедливыя обвиненія сами собою падаютъ, когда мы спокойно вглядимся въ настоящій смыслъ такихъ заподозрѣнныхъ стихотвореній, отдѣлимъ въ нихъ шутку отъ серьезной мысли, и поставимъ на ряду съ ними тѣ пьесы поэта, въ которыхъ онъ является жаркимъ поборникомъ европейской науки и искусства и восторгается всѣмъ, что считаетъ здоровымъ и полезнымъ для насъ въ западной цивилизаціи. Если иногда слышится у него какъ будто насмѣшка надъ современнымъ прогрессомъ, то это вовсе не отъ вражды къ нему, а отъ того оригинальнаго склада ума, который къ самымъ серьзнымъ предметамъ относился иногда съ игривой и остроумной шуткой. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько куплетовъ изъ стихотворенія „Нашъ вѣкъ":

Нашъ вѣкъ насъ освѣщаетъ газомъ
Такъ, что и въ солнцѣ нужды нѣтъ;
Парами насъ развозитъ разомъ
Изъ края въ край чрезъ цѣлый свѣтъ.

А телеграфъ, всемірный сплетникъ,
И лжи и правды проповѣдникъ,
Совѣтникъ, чаще злой навѣтникъ,
Далъ новый складъ намъ и языкъ.

Смышленъ, хитеръ ты, вѣкъ; безспорно,
Никто изъ братіи твоей,
Какъ ты, не рыскалъ такъ проворно,
Не зажигалъ такихъ огней.

Что-жъ проку? Свесть ли безъ пристрастья
Нашъ человѣческій итогъ?
Не тѣ же-ль немощи, несчастья
И дрязги суетныхъ тревогъ?

Что князь Вяземскій, при глубокой любви ко всему родному, не былъ зараженъ исключительнымъ патріотизмомъ, это лучше всего видно изъ его сочиненія о Фонвизинѣ. Въ настоящее время книга эта, въ тѣхъ частяхъ ея,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ авторъ касается общаго хода нашей литературы, во многихъ отношеніяхъ далеко уже не удовлетворяетъ современному положенію науки; но въ оцѣнкѣ значенія самого Фонвизина и въ разборѣ его сочиненій, Вяземскій представляетъ такъ много вѣрныхъ взглядовъ и тонкой наблюдательности, что мнѣнія его до сихъ поръ служатъ лучшей характеристикой таланта и дѣятельности автора „Бригадира“ и „Недоросля“. Мы не будемъ разбирать этихъ критическихъ мнѣній, такъ какъ онѣ давно уже извѣстны всей образованной публикѣ, а напомнимъ только объ отзывахъ князя Вяземскаго о заграничной перепискѣ Фонвизина. Въ этихъ отзывахъ вполнѣ видно, насколько онъ былъ чуждъ узко-патріотическаго пристрастія, въ которомъ обвиняла его наша критика. Скорѣе можно упрекнуть въ такомъ пристрастіи автора „Бригадира“, а не составителя посвященной ему монографіи. Извѣстно, что Фонвизинъ, частію вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія во время путешествія, а отчасти отъ самаго склада его сатирическаго ума, смотрѣлъ на европейское общество съ одной только отрицательной стороны и изъ отдѣльныхъ темныхъ фактовъ выводилъ общія заключенія, часто весьма одностороннія и несправедливыя. Князь Вяземскій, при всей любви и уваженіи къ таланту нашего комика, энергически обличаетъ неправильность и фальшивость его взгляда и горячо отстаиваетъ европейское общество отъ пристрастныхъ обвиненій своего желчнаго соотечественника. При этомъ онъ выражаетъ самое глубокое уваженіе къ европейскому просвѣщенію и западной цивилизаціи, и, опровергая огульныя нападки Фонвизина, называетъ ихъ „кощунствомъ надъ человѣчествомъ, сухимъ и холоднымъ злословіемъ“. Съ особеннымъ жаромъ отстаиваетъ онъ французскую литературу и ея авторитетныхъ представителей: Дидро, Мармонтеля, Вольтера, которыхъ нашъ пристрастный путешественникъ поголовно называлъ шарлатанами. Вообще, князя Вяземскаго скорѣе можно было бы заподозрѣть не въ слѣпомъ руссофильствѣ, а въ нѣкоторомъ космополитизмѣ. Такъ, приводя мнѣніе Карамзина, что „все народное ничто предъ человѣческимъ, надо быть людьми, а не славянами“, князь Вяземскій говоритъ: „это истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости“. Но если бы кто вздумалъ выводить изъ подобныхъ строкъ заключеніе объ отсутствіи въ немъ русскаго народнаго чувства, тотъ былъ бы также несправедливъ, какъ и люди, обвинявшіе его въ узкомъ патріотизмѣ. Всѣ сочиненія князя Вяземскаго ясно доказываютъ, что онъ былъ чуждъ односторонности, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону.

Примѣчанія въ концѣ томовъ составлены очень внимательно и не обременяютъ изданія лишними мелочами.

А. М.

Эллада и Римъ; культурная исторія классической древности. Якова Фальке. Двѣнадцать выпусковъ. Спб. 1881.

Иллюстрированныя изданія, посвященныя древнеклассическому міру, въ настоящее время за границей въ большомъ ходу. Безъ сомнѣнія развитію вкуса къ подобнымъ изданіямъ содѣйствовали съ одной стороны успѣхи классическаго языкознанія вообще—особенно замѣтные въ послѣднее десятилѣтіе—а съ другой необыкновенно важныя по своимъ результатамъ раскопки, произведенныя Шлиманомъ. Нѣтъ нужды, конечно говорить, что, придавая важ-

Библиотека "Руниверс"

ное значеніе подобнаго рода изданіямъ, мы разумѣемъ при этомъ читающую публику, а не спеціалистовъ, изучающихъ древнеклассическій міръ по профессіи. Если послѣдніе не имѣютъ нужды въ рисункахъ для яснаго представленія тѣхъ или другихъ явленій изъ области античнаго міра, то для читателя, желающаго пріобрѣсти наглядное знакомство съ древностью, подобнаго рода иллюстраціи имѣютъ ничуть не меньше важное значеніе, чѣмъ географическія карты и глобусы при изученіи географіи. Сочиненіе, заглавіе котораго мы сейчасъ привели и которое въ настоящее время выходитъ выпусками на русскомъ языкѣ, принадлежитъ извѣстному знатоку классической древности, Якову Фальке. Авторъ задался цѣлью—представить не спеціально ученое, а популярное сочиненіе, посвященное античному міру и назначенное исключительно для образованной публики. Нѣсколько замѣчательныхъ художниковъ-живописцевъ соединили свои труды и таланты для нагляднаго объясненія текста рисунками, и такимъ образомъ явилось въ свѣтъ литературно-художественное изданіе въ родѣ маленькой энциклопедіи древности. Все сочиненіе разпадается на два отдѣла. Первый представляетъ внѣшнюю, политическую исторію Греціи въ сжатомъ очеркѣ; (очерки Рима будутъ заключаться въ слѣдующихъ выпускахъ) второй—культурную, общественную жизнь древней Эллады. Мы не будемъ останавливаться на первой, такъ какъ политическая исторія каждой страны, больше или меньше, одна и таже во всѣхъ курсахъ, но вотъ предметы, съ которыми знакомитъ насъ авторъ въ отдѣлѣ культурной исторіи Греціи: I. Воспитаніе у древнихъ грековъ (въ Аѳинахъ и Спартѣ, мальчиковъ и дѣвочекъ). II. Наружность, одежда, косметики. III. Женщины. IV. Домъ, домашняя утварь, прислуга. V. Гостепріимство и столъ. VI. Общественная жизнь. VII. Гимнастика и состязанія. Какъ на образчикъ прекраснаго, оживленнаго изложенія, мы укажемъ на 3 главу второго отдѣла, въ которой авторъ представляетъ намъ разнообразные типы древней гречанки. Женщина героическаго вѣка, положеніе ея въ вѣкъ историческій, какъ жены и матери, наконецъ знаменитыя кокотки древней Эллады — гетеры въ родѣ Аспазіи, Лаисы, Фрины—все это представлено у автора въ сжатыхъ, но весьма оживленныхъ чертахъ. Къ существеннымъ достоинствамъ сочиненія Фальке нужно отнести и то, что авторъ хотя не особенно подробно, но тѣмъ не менѣе знакомитъ насъ со всѣми новѣйшими раскопками и находками въ Олимпіи, Танагрѣ, Микенахъ, Троѣ и пр. Мы сказали, что сочиненія, подобныя разбираемому нами, въ высшей степени полезны для неспеціалистовъ, желающихъ изучить античный міръ. Нужно ли говорить, что они по преимуществу полезны нашему образующемуся поколѣнію?

Ученикъ гимназіи пріобрѣтаетъ изъ курса древней исторіи больше или меньше полное и связное знаніе фактовъ политической исторіи Греціи и Рима. Онъ усвояетъ имена, послѣдовательность и хронологію событій. Но исторія древней культуры почти всегда остается въ сторонѣ. А между тѣмъ, читая древнихъ писателей, ученикъ поминутно встрѣчается съ такими вещами, пониманіе которыхъ необходимо требуетъ знакомства съ культурной жизнью древнихъ. Можетъ ли возбуждать въ немъ интересъ греческій храмъ, гимназія, портикъ, палестра, наконецъ бурная, шумная жизнь аѳинской агоры—если въ большинствѣ случаевъ онъ знакомъ со всѣмъ этимъ очень поверхностно? Преподавать греческія и римскія древности въ гимназіи, или исторію греческаго искусства, при обширности нашихъ гимназическихъ курсовъ, конечно немыслимо. Но сообщите ученику знакомство со всѣмъ этимъ въ по-

Библиотека "Руниверс"

пулярномъ сочиненіи, предназначенномъ для домашняго чтенія, украсьте книгу изящными гравюрами, и вы непремѣнно заставите его полюбить красоту античнаго міра, а слѣдовательно разовьете въ немъ любовь и заохотите къ изученію древнихъ литературъ.

Дм. Лебедевъ.

Четыре очерка И. А. Гончарова. СПБ. 1881.

Изъ четырехъ очерковъ г. Гончарова, три: „Литературный вечеръ", „Милльонъ терзаній" и „Лучше поздно, чѣмъ никогда" уже извѣстны нашей публикѣ: первый и послѣдній изъ нихъ были напечатаны недавно въ „Русской Рѣчи" и не прошли незамѣченными въ нашей литературѣ, а второй увидѣлъ свѣтъ еще въ 1872 году (въ „Вѣстникѣ Европы") и подписанный только начальными буквами имени и фамиліи автора, кажется, обратилъ на себя вниманіе лишь очень немногихъ читателей. Поэтому мы остановились только на немъ, да на четвертомъ очеркѣ:—„Замѣтки о личности Бѣлинскаго", тѣмъ болѣе, что эти два очерка имѣютъ наиболѣе интереса въ историко-литературномъ отношеніи.

Извѣстно, что Пушкинъ, дѣлая въ одномъ частномъ письмѣ оцѣнку комедіи „Горе отъ ума", отозвался не особенно лестно объ ея героѣ. „Что такое Чацкій? спрашиваетъ онъ.—Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно, Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго раза знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п." (Анненковъ, матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 123). Это мнѣніе, сдѣлавшись общественнымъ, было принято у насъ почти что всѣми, и предложенный Пушкинымъ вопросъ: „что такое Чацкій", считался уже рѣшеннымъ и потому обыкновенно обходился критиками. Г. Гончаровъ подвергъ его рѣшеніе пересмотру, результатъ котораго оказывается очень благопріятнымъ для Чацкаго. „Чацкій, говоритъ авторъ въ очеркѣ „Милльонъ терзаній", не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроумьемъ. У него есть и сердце, и при томъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ... Какъ личность, онъ несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ паразиты, изумительно начертанныя великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ,—и въ этомъ все его значеніе и весь умъ" (стр. 144). И Онѣгинъ и Печоринъ, по мнѣнію Гончарова, оказались неспособными къ дѣлу, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло; они презирали праздное барство, но не хотѣли и не могли съ нимъ бороться, и ихъ недовольство жизнію не мѣшало имъ ни рисоваться передъ другими, ни упражняться въ „наукѣ страсти нѣжной". Чацкій, напротивъ того, серьезный дѣятель, думающій объ наукѣ и занятіяхъ, не знающій

Библиотека "Руниверс"

„тоскующей лѣни“ и „праздной скуки“ и умѣющій любить серьезно, не для одного препровожденія времени. Что же за причина его страннаго поведенія въ домѣ Фамусова? Тѣ раздраженія, отвѣчаетъ авторъ,—тотъ „милльонъ терзаній“, къ которымъ поводъ былъ данъ холодностью и скрытностью Софьи; „подъ ихъ вліяніемъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ—роль, для которой и родилась вся комедія“ (стр. 147). „Милльонъ терзаній“ утомилъ, ослабилъ Чацкаго; онъ пересталъ владѣть собою, впалъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, чѣмъ и подтвердилъ во мнѣніи гостей распущенный Софьею слухъ о его сумашествіи. Но эта странность его поведенія и совершенное неприличіе послѣдней сцены въ сѣняхъ, выкупаются, по мнѣнію г. Гончарова, тою пользою, которую они принесли: черезъ нихъ Софья сознала слѣпоту своего чувства къ Молчалину и ясно увидѣла все нравственное ничтожество своего любовника; покой Фамусова былъ возмущенъ, и онъ по неволѣ долженъ былъ подумать о томъ, о чемъ прежде ему и въ голову не приходило. Молчалинъ послѣ сцены въ сѣняхъ не могъ уже оставаться прежнимъ Молчалинымъ; его узнали и ему, какъ пойманному вору, пришлось прятаться за уголъ, и т. д.“

Нельзя не сказать, что такое объясненіе личности Чацкаго и его поступковъ бросаетъ новый свѣтъ на самый литературный талантъ Грибоѣдова.

„Замѣтки о личности Бѣлинскаго“ представляютъ характеристику нашего талантливаго критика на основаніи личныхъ воспоминаній г. Гончарова. „Это была, говоритъ онъ, одна изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ“ (стр. 185). Отличительная черта Бѣлинскаго—его необыкновенная способность увлекаться: онъ увлекался всѣмъ, что только давало пищу увлеченію, и увлекалъ за собою другихъ, но не на долго. „Переживъ впечатлѣніе въ самомъ себѣ, истративъ на него потоки болѣе или менѣе горячихъ печатныхъ или изустныхъ импровизацій, онъ потомъ оставался ему вѣренъ уже не въ той долѣ правды, какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ“ (стр. 187). Этимъ то и объясняется то обстоятельство, что отъ хвалебныхъ гимновъ онъ нерѣдко переходилъ въ другой, противуположный тонъ и осыпалъ сарказмами то, чѣмъ прежде восхищался.

А. С—скій.

Сборникъ Археологическаго Института. Книга четвертая. Спб. 1880 г.

Содержаніе этого изданія дѣлается съ каждымъ выпускомъ разнообразнѣе и интереснѣе. Первая его книга была почти цѣликомъ наполнена сырымъ матеріаломъ, четвертая, напротивъ, полна изслѣдованій и замѣтокъ. Здѣсь есть статьи и для юриста, и для археолога въ тѣсномъ значеніи, и для историка, и для историка литературы, да и для всѣхъ, интересующихся исторіей своей родины и быта. По рѣдкости у насъ руководящихъ статей по археологіи, цѣнную попытку представляетъ статья пр. Н. Покровскаго, опредѣляющая предметъ, задачи и объемъ археологіи и ея отношеніе къ исторіи. Авторъ знакомитъ насъ съ рѣшеніями этого вопроса, предложенными г. Забѣлинымъ и

Библиотека "Руниверс"

гр. Уваровымъ, но окончательное рѣшеніе откладываетъ до слѣдующаго раза. Изъ статьи извѣстнаго знатока русской метрологіи Д. И. Прозоровскаго о кунныхъ цѣнностяхъ оказывается, что куны вовсе не были кожанными деньгами. Наша гривна кунъ ничто иное, какъ счетный фунтъ серебра 40 пробы, происходящій, вѣроятно, отъ византійскаго русскаго аргирія (серебряника). Только съ конца XIII вѣка, съ утвержденія татаръ, появляются деньги и самое ихъ названіе—какъ цѣнность чистаго серебра, и гривна серебра начинаетъ называться рублемъ. Статья г. Лялина о „Витебскомъ архивѣ бывшаго генералъ-губернаторства" сообщаетъ о новыхъ матеріалахъ для исторіи уніи и мѣръ русской администраціи за тридцатые и сороковые года нашего вѣка. Пр. Барсовъ въ слѣдующей затѣмъ статьѣ разбираетъ вопросъ объ авторѣ посланія къ Іоанну Грозному въ сильвестровскомъ сборникѣ библіотеки с.-петербургской духовной академіи. Опровергая высказанныя до сихъ поръ мнѣнія, пр. Барсовъ предполагаетъ, что авторомъ посланія былъ Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ ростовскій. Разработкѣ древней русской географіи посвящена статья г. Оглоблина о Полоцкомъ повѣтѣ въ XVI вѣкѣ; начало ея помѣщено было въ третьей книгѣ. Къ статьѣ приложена превосходная карта повѣта въ XVI вѣкѣ. Отмѣтимъ также описаніе Бѣлогостицкаго монастыря г. Гаврилова и замѣтку о чертежахъ XVII вѣка города Архангельска съ хромолитографическимъ снимкомъ этого чертежа. Изображенія церквей, раскатовъ и башенъ интересны для исторіи русскаго искусства. Г. Даниловъ, въ статьѣ о древнихъ русскихъ юридическихъ символахъ, касается той области, которая у насъ была затронута только одною рѣчью пр. Калмыкова въ сороковыхъ годахъ. Еще въ XI вѣкѣ есть упоминаніе объ одномъ изъ такихъ символахъ при передачѣ земли: „дрьнь (дернъ) въ скроущь на главѣ покладая присягу творить". Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ статей, въ Сборникѣ помѣщены замѣтки о свайныхъ постройкахъ г. Черкасова и г. Мейчика о книгѣ Загоскина: „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича". Институтъ обѣщаетъ сдѣлать новое и научное изданіе уложенія, въ чемъ и пожелаемъ ему искренне успѣха. Вообще, работы института (учрежденія, замѣтимъ, частнаго) представляютъ хотя и небольшой, но тщательно разработываемый вкладъ въ науку русской археологіи, о которой нынѣ много толкуютъ, но для которой мало работаютъ.

И. Ш.

Древности Суздальско-Владимірской области. Выпускъ I. Владиміръ. 1880 г.

Немногіе у насъ статистическіе комитеты занимаются изученіемъ мѣстныхъ древностей и не потому, конечно, чтобъ не находилось на то средствъ, но въ большинствѣ случаевъ просто по недостатку въ подготовленныхъ для такого дѣла силахъ и доброй воли. Владимірскій губернскій комитетъ принадлежитъ къ этимъ немногимъ и въ помянутомъ отношеніи былъ поставленъ до сихъ поръ въ счастливыя условія, пользуясь услугами такого ретиваго труженика по изученію памятниковъ мѣстной старины и знатока своего дѣла, какимъ былъ недавно скончавшійся секретарь его К. Н. Тихонравовъ. Ему же, вмѣстѣ съ г. Артлебеномъ, обязаны археологи составленіемъ описанія

Библиотека "Руниверс"

древностей, сохранившихся въ памятникахъ зодчества въ предѣлахъ Владимірской губерніи.

Первый опытъ такого предпріятія, заключающійся въ вышеприведенномъ изданіи, вышелъ вполнѣ удачнымъ. Въ составъ его входитъ общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области, сдѣланный г. Артлебеномъ. Это цѣлая монографія, свидѣтельствующая о большой эрудиціи по части археологіи, не говоря уже о спеціальныхъ познаніяхъ автора, какъ архитектора. Въ особенности архитектура храмовъ XII—XIII в. въ Суздальской области полно обслѣдована авторомъ. Выводы изъ этого изслѣдованія тѣмъ болѣе любопытны, что сдѣланы со всевозможнымъ соблюденіемъ научной осторожности. По мнѣнію автора, суздальское зодчество составилось изъ элементовъ византійскихъ, принесенныхъ въ Ростовъ и Суздаль мастерами греческими или кіевскими въ XI-мъ вѣкѣ и изъ элементовъ романскихъ, приспособленныхъ къ византійскимъ формамъ западными мастерами. Приспособленіе было такъ удачно, что въ памятникахъ оба элемента сливаются въ одно самостоятельное и оригинальное цѣлое. Суздальскіе памятники, отличаясь своей внѣшностью отъ чисто византійскихъ и формой отъ чисто романскихъ, имѣютъ много общаго съ произведеніями обоихъ соединившихся въ нихъ стилей. Суздальскіе памятники выдѣляются изъ прочихъ русско-византійскихъ обиліемъ скульптурныхъ украшеній, особенно изваянными изображеніями святыхъ. Въ XIII-мъ вѣкѣ дѣлается замѣтнымъ вліяніе образовавшихся русскихъ мастеровъ. Искусство ваянія человѣческихъ фигуръ, введенное романскими мастерами, находилось на пути къ усовершенствованію; но, будучи остановлено татарскимъ погромомъ, впослѣдствіи уже не возникало. Долговѣчная прочность построекъ и чистота ихъ отдѣлки, по словамъ г. Артлебена, доказываютъ искусство мастеровъ суздальской школы зодчества. Если бы существованіе этой школы не было внезапно и навсегда прервано, то русскіе въ концѣ XV-го вѣка не имѣли бы ни малѣйшей надобности снова учиться у иноземцевъ техникѣ каменнаго дѣла. За этимъ описаніемъ возникновенія и составныхъ элементовъ русскаго церковнаго зодчества слѣдуетъ, историко-археологическое обозрѣніе памятниковъ древности, уцѣлѣвшихъ до нынѣ во Владимірской губерніи съ половины XII-го вѣка, начиная съ княженія Юрія Владиміровича Долгорукова. Обозрѣніе начато К. Н. Тихонравовымъ и пока въ разсматриваемомъ выпускѣ ограничивается описаніемъ Спасо-Преображенскаго собора въ Переяславѣ-Залѣсскомъ и Борисоглѣбской церкви въ Кидекшѣ близь Суздаля. Можно надѣяться, что предпріятіе Владимірскаго комитета не остановится на одномъ выпускѣ и будетъ доведено до конца нынѣшнимъ преемникомъ Тихонравова.

Ѳ. В.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Лодка.

(Простонародная святочная игра).

ХОЧУ разсказать читателямъ объ одной простонародной сценической забавѣ, которая едва ли многимъ изъ нихъ извѣстна и, кажется, до меня никѣмъ еще не была записана [1]).

Забава эта, имѣющая мѣсто на святкахъ, въ дни ряженья, состоитъ изъ сценическаго представленія, называемаго именно „Лодкой", такъ какъ лодка играетъ тутъ дѣйствительно большую роль. „Лодкой" тѣшатся въ Петербургѣ мастеровые и фабричные, хотя, кажется, немногіе изъ нихъ. Большинству она мало извѣстна, да и съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ новыхъ модъ и вкусовъ, забывается и тѣми, которые ее знали когда нибудь. Я видѣлъ и записалъ эту игру въ Петербургѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что она извѣстна и въ другихъ центрахъ великорусскаго промыслово-городскаго насесенія. Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ одной, забытой теперь, „господской" забавой, имѣвшей мѣсто на холостецкихъ пирахъ студентовъ, помѣщиковъ, военныхъ и у цыганъ, гдѣ тоже фигурируетъ лодка, и именно при хоровомъ исполненіи пѣсни: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ".

Хотя описываемая здѣсь игра есть тоже, въ сущности, драматизированная—„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ" и носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой книжности и пошлой искусственности, но она существенно разнится отъ вышепомянутой „господской" забавы гораздо большимъ драматическимъ развитіемъ, большей сценичностью и несомнѣннымъ присутствіемъ чисто народнаго творчества, только уже новѣйшей припорченной фармаціи. Быть можетъ, это —

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сообщилъ мой списокъ нашему извѣстному этнографу, уважаемому С. В. Максимову, и онъ тогда помѣстилъ въ редактируемыхъ имъ „Вѣд. Спб. Град." небольшую по этому предмету замѣтку, сколько позволяла программа этой газеты. Здѣсь я передаю мой списокъ вполнѣ, не стѣсняясь и въ соотвѣтствующихъ комментаріяхъ. *Авт.*

Библиотека "Руниверс"

одинъ изъ зачатковъ русской народной драмы, какъ извѣстно, не доразвившейся естественно-самостоятельнымъ путемъ до своихъ самородныхъ Софокловъ и Аристофановъ.

Построенная на пѣснѣ—всѣмъ русскимъ пѣснямъ пѣснѣ, игра эта носитъ вполнѣ народный колоритъ и дышетъ поэзіей народной традиціонной „старины", съ проблесками удали и юмора, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ другихъ продуктахъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества.

Извѣстно, что „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ"—пѣсня „разбойничья", т. е. относящаяся къ циклу пѣсенъ знаменитой волжской „вольницы", глубокими, неизгладимыми чертами запечатлѣвшейся въ народной памяти и ею опоэтизированной. Пѣсня народная вообще относится не отрицательно къ „вольницѣ": она въ этомъ пунктѣ объективна и скорѣй сочувственна, что объясняется важными историческими причинами.

Это-то характеристическое отношеніе народной памяти къ „лихимъ людямъ" временъ давнопрошедшихъ, проглядываетъ и въ нашей святочной „Лодкѣ". Все ея содержаніе взято изъ похожденій волжской „вольницы", со всѣмъ ритуаломъ ея организаціи; всѣ ея дѣйствующія лица—„добры молодцы—разбойнички", со всею своей іерархіей.

Представленіе „Лодки" происходитъ обыкновенно такъ. Нѣсколько парней, по числу дѣйствующихъ лицъ, сговорившись между собою, разъучиваютъ свои роли и подготовляются. На святкахъ, собравшись въ соотвѣтствующихъ роли каждаго костюмахъ, отправляются вечеромъ, на правахъ ряженыхъ, по знакомымъ, разумѣется, выбирая такіе дома, гдѣ можно разсчитывать на гостепріимство и хлѣбосольство. Придя въ домъ, просятъ у хозяевъ позволенія показать свое представленіе и, получивъ его, безотлагательно начинаютъ игру Ни декорацій, ни кулисъ, ни иныхъ сценическихъ приспособленій, имъ не надобно: все нужное у нихъ съ собою. Войдя въ комнату, они становятся въ кругъ, по заранѣе составленному плану, и этимъ образуютъ сценаріумъ, соотвѣтственно мѣсту и ходу дѣйствія.

Дѣйствіе происходитъ среди Волги, на всемъ ея раздольѣ, и, какъ поется въ пѣснѣ, на „хорошо изукрашенномъ кораблѣ", на кормѣ котораго „сидитъ атаманъ съ ружьемъ", на носу „сидитъ есаулъ съ багромъ"; посреди корабля—„золота казна" и т. д.

Дѣйствующія лица: атаманъ, есаулъ, егерь, хозяинъ „Красненькаго кабачка, казаки, гребцы.

Картина I.

Атаманъ. Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй! Не скоро подходишь, не весело говоришь: голову сниму и въ грязь втопчу!

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Спой мнѣ любимую пѣсню.

Есаулъ. Знаю, атаманъ! (запѣваетъ; хоръ его подхватываетъ:

„Ты дѣтинушка, сиротинушка!
Безъ отца ты взросъ и безъ матери;
Что вспоилъ, вскормилъ тебя православный міръ,
Возлелѣяла Волга-матушка" и т. д.

(Исполняется вся цѣликомъ хорошо извѣстная удалая, „разбойничья" пѣсня, приписываемая Стенькѣ Разину. Конечно, въ пѣніи нашихъ артистовъ она является въ нѣсколько искаженномъ видѣ, но ужъ безъ этого нельзя).

Библиотека "Руниверс"

Атаманъ (по окончаніи пѣнія и какъ бы его перебивая). Тише друзья. впереди насъ камень... Не славьте меня сердцами, а станьте вѣрными друзьями, Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй и т. д. (повторяется вышесказанное обращеніе).

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Сострой мнѣ красную лодку, съ гребцами-молодцами, съ разудалыми пѣсенниками, чтобы она въ мигъ поспѣла!

Есаулъ. Слушаю, атаманъ! (обращаясь къ хору, командуетъ). Гребцы по мѣстамъ и весла по бортамъ! (Всѣ садятся на полъ, какъ въ лодкѣ и, во время пѣнія, въ тактъ двигаютъ руками, какъ бы веслами). Есаулъ запѣваетъ, подхватываемый хоромъ:

„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ...
. . . . . .
. . . . . .
Поднималася погода, погодушка волновая....

Атаманъ (перебиваетъ). Тише друзья! впереди насъ камень. Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Нѣтъ ли гдѣ пеньевъ-кореньевъ, премелкихъ мѣстъ, чтобы нашимъ гребцамъ-молодцамъ на мель не сѣсть? Возьми мою подзорную трубку и слѣзь на шлюпку, посмотри на всѣ четыре стороны—нѣтъ ли гдѣ чего?

Есаулъ (беретъ подзорную трубу и смотритъ во всѣ стороны). Вижу!

Атаманъ. Что ты видѣшь.

Есаулъ. Колоду.

Атаманъ (будто ослышавшись). Гдѣ тамъ у чорта нашелъ ты воеводу? Правь вѣрнѣй, не сворачивай!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Ничего въ волнахъ не видно“ и т. д.

Картина II.

Егерь (выходитъ на берегъ изъ лѣсу и поетъ):

„Во лѣсахъ было, во дремучіихъ“...

Атаманъ. Тише, друзья! впереди насъ камень. Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Пойди посмотри, кто это въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ такъ громко распѣваетъ?

Есаулъ. Слушаю! (подходитъ къ егерю).

Егерь (неперестававшій пѣть; къ есаулу). Не подходи—убью! (прицѣливается въ него изъ ружья).

Есаулъ (возвращаясь къ атаману). Никакъ не могу его взять.

Атаманъ. Ступай съ казаками и приведи его ко мнѣ!

Есаулъ отправляется съ нѣсколькими казаками и, послѣ недолгой борьбы схватываетъ егеря и ставитъ его передъ лицо атамана.

Атаманъ (къ егерю). Скажи—повѣдай, храбрый егерь, какого ты роду, какого племени?

Егерь. Я роду-племени своего не знаю, но только знаю, что насъ было трое: братъ, да я, да сабля востроя моя... Со младости насъ вскормила чуждая

Библиотека "Руниверс"

семья и взяла насъ непомѣрная зависть. Бросили мы хлѣбопашество и бѣжали въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный. Бывало мѣсяцъ взойдетъ среди небесъ, а мы изъ подземелья, да въ дремучій лѣсъ... Сидимъ и дожидаемъ: не идетъ ли кто? не несетъ ли чего? Не идетъ ли жидъ богатый, или нашъ баринъ брюхатый? То мы его обыщемъ, оберемъ и къ чорту пошлемъ... Бывало, гдѣ завидимъ въ трактирѣ свѣтъ, — туда — кто не боится нашей встрѣчи? — прійдемъ, въ стекла бьемъ, дверь ломаемъ, хозяина громко вызываемъ... Хозяинъ къ намъ выходилъ, вино и пиво выносилъ... Но не долго гуляли молодцы! Какъ пришли кузнецы, сковали насъ другъ къ другу и посадили насъ за каменныя стѣны, за желѣзныя двери — ни духу, ни человѣческаго слуху... Братъ былъ младше меня пятью годами; онъ томился и кричалъ: „Братъ, братъ! дай воды, душно—я въ лѣсъ хочу!“ Я ему воды подавалъ, но онъ меня не признавалъ, врагомъ называлъ: „Не ты ли, братъ, отъ яровыхъ пашенъ отъучилъ? Не ты ли къ убійству пріучилъ“?.. Но недолго онъ томился и кричалъ... Посадилъ я его на стулъ, онъ у меня и уснулъ. Тутъ я взялъ топоръ и лопату и вырылъ глубокую яму—брата похоронилъ и молитву сотворилъ, а самъ отправился въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный... Теперь же, господинъ атаманъ, покоренъ и вамъ [1]).

Атаманъ (къ есаулу). Возьми его: славный будетъ воинъ!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Самъ хозяинъ во нарядѣ“ и т. д.

Атаманъ. Тише, друзья! Впереди насъ камень. Есаулъ, и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Посмотри въ подзорную трубку—не видѣшь ли чего?

Есаулъ (посмотрѣвъ въ трубку). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Каршъ.

Атаманъ (будто ослышавшись). Кой чортъ тамъ старше насъ? Посмотри вѣрнѣе!

Есаулъ (снова смотритъ). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Въ землѣ червь.

Атаманъ. Я самъ про то знаю. Въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсахъ сучки, въ городахъ полицейскіе крючки. Они насъ хотятъ поймать, перевязать, по разнымъ тюрьмамъ разослать; но—врутъ—я ихъ не боюсь: самъ въ столичные города заберусь, а тебя, братецъ, пріободрю, двадцать пять въ спину залѣплю, мало—сто, пропадетъ твоя служба ни за что!

Есаулъ. Ахъ, чтобъ ты могъ меня карать?! Ты знаешь, моя дерзкая рука бьетъ горшки и плошки, гремятъ въ кабакѣ окошки.

Атаманъ. Но я тебя не караю, а только съ судьбою примиряю... Посмотри-ка вѣрнѣе на всѣ четыре стороны.

---

[1]) Вся исповѣдь егеря, какъ нетрудно замѣтить, представляетъ собою сокращенный и исковерканный парафразъ монолога изъ „Братьевъ разбойниковъ“ Пушкина. Привожу эту исповѣдь во всей неприкосновенности, чтобы читатель могъ наглядно видѣть, въ какомъ странномъ видѣ доходитъ Пушкинъ до народа. Впрочемъ, тутъ есть, кромѣ того, весьма своеобразныя вставки и замѣны, напр. „попа убогаго“ — „бариномъ брюхатымъ“ и проч. Вообще, сравненіе этого заимствованія съ подлинникомъ можетъ навести на нѣкоторые, нелишенные интереса, выводы.

Авт.

Библиотека "Руниверс"

Есаулъ (посмотрѣвъ). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Близъ города село, а въ томъ селѣ Красненькій кабачекъ.

Атаманъ. Давно бы такъ! Ты знаешь, у нашихъ гребцовъ-молодцовъ давно брюхо подвело... Приворачивай, ребята!

Хоръ поетъ:

„Приворачивай, ребята“ и т. д.

Картина III.

Атаманъ (послѣ того, какъ лодка пристала къ берегу). Тише, друзья! Есаулъ подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Поди въ это селеніе, найди его помѣщика и спроси: радъ ли онъ намъ, или не радъ?

Есаулъ. Слушаю! (выходитъ изъ круга и обращается къ хозяину дома). Хозяинъ, радъ ли ты намъ, или не радъ?

Хозяинъ (безъ сомнѣнія, скажетъ). Радъ.

Атаманъ. Какъ?

Есаулъ. Какъ чертямъ?

Атаманъ (грозно). Какъ?

Есаулъ. Какъ милымъ друзьямъ!

Атаманъ, а за нимъ вся шайка какъ бы сходитъ съ лодки съ тѣмъ, чтобы воспользоваться гостепріимствомъ хозяина „Красненькаго кабачка“. На этомъ игра кончается и слѣдуетъ чествованіе артистовъ хозяевами и большая или меньшая лепта благодарности за доставленное зрѣлище. Получивъ мзду за свое искусство, исполнители „Лодки“ отправляются въ другой домъ и т. д., пока не обойдутъ всѣхъ знакомыхъ.

Вл. Михневичъ.

Загадочная монахиня.

20-го октября 1859 года, въ тамбовскій женскій Вознесенскій монастырь привезли старушку лѣтъ 70 слишкомъ и сдали ее монастырскому начальству подъ строгій надзоръ. Документовъ при ней не было никакихъ. Одѣта она была по монашески, въ рясу съ бѣлымъ апостольникомъ и съ перваго же разу произвела на весь монастырь сильное впечатлѣніе своею почтенною наружностью, изящными манерами и сдержанностью въ обращеніи, доходившею на первыхъ порахъ до полнаго молчальничества. Весь монастырь пришелъ въ весьма понятное волненіе. Всѣмъ хотѣлось знать, кто эта таинственная пріѣзжая старушка.

Въ монастырь привезли ее подъ именемъ коллежской ассесорши Анны Ивановны Степановой, но этому имени никто не придавалъ никакого значенія, считая его невольнымъ псевдонимомъ пріѣзжей... Даже власти тамбовскія, губернаторъ и архіерей, не знали настоящаго ея имени и званія. Для всѣхъ окружавшихъ ее несомнѣнно было только то, что она привезена подъ надзоромъ полицейскаго чиновника изъ женскаго Кирсановскаго монастыря, въ которомъ жила съ 8-го октября 1858 года; что еще раньше она содержалась въ

Библиотека "Руниверс"

усманскомъ Софійскомъ монастырѣ, куда ее привезли по распоряженію шефа жандармовъ графа Орлова, въ іюлѣ 1852 года, и что она носила монашескую рясу по праву, принявъ схиму во время своего пребыванія въ старомъ Іерусалимѣ.

Немногія лица, пользовавшіяся ея довѣріемъ, впослѣдствіи разсказывали, что старушка Анна Ивановна Степанова была хорошо извѣстна самымъ высокопоставленнымъ лицамъ нашей аристократіи, какъ свѣтской, такъ и духовной, и что нѣкоторые изъ нихъ отзывались о ней съ величайшимъ уваженіемъ и считали ее своею благодѣтельницею.

По разговору ея можно было догадываться, что она не русскаго происхожденія, потому что по русски говорила хотя и правильно, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, и что, вообще, она была женщина очень образованная и замѣчательно умная, отличавшаяся разнообразіемъ самыхъ солидныхъ знаній и обширною житейскою опытностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она была чрезвычайно богомольна и имѣла на всѣхъ окружавшихъ ее самое благодѣтельное нравственное вліяніе. Были такія случаи, что люди самые легкомысленные въ религіозномъ отношеніи, поговоривъ съ нею, нравственно перерождались и дѣлались людьми самаго строгаго религіознаго направленія. Впрочемъ, съ монастырскими послушницами матушка Анна была очень строга и требовательна такъ что угодить ей было дѣломъ далеко не легкимъ. Всѣ служанки, прежде чѣмъ явиться къ ней, должны были вымыться холодною водой, и при малѣйшей неисправности или неловкости, получали отъ нея самые строгіе выговоры, сопровождаемые весьма рѣзкою бранью.

Обстановка ея кельи въ тамбовскомъ монастырѣ была простая, но изящная. Множество цвѣтовъ на окнахъ, рѣдкая опрятность пола и мебели, чистый воздухъ,—все это производило на посѣтителей, которые, конечно, бывали у нея очень рѣдко, вслѣдствіе ея исключительнаго положенія, весьма пріятное впечатлѣніе и свидѣтельствовало о принадлежности хозяйки къ самому лучшему обществу.

Старушка Анна Ивановна проживала въ Тамбовѣ совершенно уединенно, занимаясь хозяйствомъ и молитвой. Она сама стирала бѣлье, мыла полы и готовила кушанье, причемъ отличалась особеннымъ умѣньемъ печь великолѣпные хлѣбы, а монастырскую пищу обыкновенно выбрасывала за окно, увлекаясь въ этомъ случаѣ довольно странною при ея характерѣ антипатіею къ монастырскому начальству, вызванною нѣкоторыми враждебными, по отношенію къ ней, его дѣйствіями. Тогдашнюю игуменью тамбовскаго монастыря Евгенію и ея приближенныхъ она обыкновенно называла „попадьями“ и при этомъ замѣчала: „теперь онѣ обижаютъ меня, за то послѣ узнаютъ, кто я, и раскаются“.

Съ нею вмѣстѣ пріѣхала изъ Петербурга тамошняя мѣщанка Агриппина Денисова, женщина неразвитая, но крайне сдержанная въ объясненіяхъ о личности пріѣзжей старушки, что и было главною причиною привязанности Анны Ивановны къ своей служанкѣ [1]).

Нѣкоторые любопытные собесѣдники иногда въ разговорѣ спрашивали ее: „кто она такая?“ и это, при всей ея скрытности, не только не оскорбляло ее, но даже доставляло ей видимое удовольствіе. На подобные вопросы она обык-

---

[1]) Личность эта жива еще. По смерти „своей матушки“ она постриглась въ усманскомъ Софійскомъ монастырѣ.

Библиотека "Руниверс"

новенно отвѣчала: „я арестантъ и ничего болѣе“. Или же говорила: „я вольноотпущенная, дочь печника“. Если же кто-нибудь относился къ ней съ особенною почтительностью, или же за что-нибудь хвалилъ ее и льстилъ ей, то она не обращала на это ни малѣйшаго вниманія. Вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Тамбовъ, тамбовская игуменья Евгенія, сначала относившаяся къ ней съ особеннымъ уваженіемъ и даже страхомъ, распорядилась было, чтобы при поліелеѣ монахини подходили съ поклономъ и къ „матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ“; но эта честь немедлено была отклонена ею: каждой монахинѣ она откланивалась низкимъ поклономъ, почти до земли.

Матушка Анна прибыла въ Тамбовъ съ сѣрымъ говорящимъ попугаемъ, къ которому относилась съ большою нѣжностью. Попугай этотъ жилъ въ большой посеребреной клѣткѣ и приводилъ въ изумленіе всѣхъ обитателей монастыря своею ученостью. Онъ пѣлъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ“; „Христосъ воскресе“. Пѣлъ также и свѣтскія пѣсни, напримѣръ: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!“. Кромѣ того, читалъ псалтырь и много говорилъ.

Въ средствахъ пріѣзжая старушка не нуждалась и любила помогать бѣднымъ вещами и небольшими деньгами.

Съ особеннымъ умѣньемъ ходила Анна Ивановна за больными и дѣйствительно помогала многимъ изъ нихъ. Усманскій аптекарь Канусевичъ чуть было не лишился руки и ни одинъ докторъ не могъ помочь ему. Тогда онъ обратился за помощію къ Аннѣ Ивановнѣ и чрезъ одного изъ ея друзей получилъ отъ нея пластырь, который радикально въ 6 дней исцѣлилъ его руку. „Пусть только — велѣла она передать своему паціенту — не скупится онъ для бѣдныхъ и даетъ имъ лѣкарства даромъ“.

Несомнѣнно было, что матушка Анна много путешествовала и во время своихъ путешествій успѣла побывать въ разныхъ европейскихъ и азіятскихъ странахъ, а также въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ нашего отечества. По свидѣтельству одного лица, пользовавшагося особенною ея довѣренностію, она 13 лѣтъ странствовала пѣшкомъ по Святымъ мѣстамъ, 8 лѣтъ прожила въ Иркутскѣ, гдѣ и управляла тамошнимъ женскимъ монастыремъ, полгода провела сидѣлкой въ петербургской Маріинской больницѣ и нѣсколько времени жила въ Одессѣ. Какъ особа въ полномъ смыслѣ слова бывалая, она была извѣстна очень многимъ значительнымъ лицамъ въ Россіи и за границей. Подъ именемъ іерусалимской игуменьи ее зналъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ, а отъ іерусалимскаго митрополита Мелетія она получила въ подарокъ икону, изображенную на голгофскомъ камнѣ.

Неудивительно послѣ всего этого, что въ тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, а потомъ и во всемъ Тамбовѣ, заговорили о пріѣзжей старушкѣ и что разговоры эти стали принимать таинственный и фантастическій характеръ. Нѣкоторыя монахини по секрету передавали другимъ, что будто бы отъ самой Анны Ивановны онѣ слышали слѣдующее: „Мужъ мой былъ знаменитаго роду и я сама то же не простая, но я ушла отъ него (мужа) въ самый день свадьбы и долго должна была скрываться отъ его преслѣдованій. Семь дней я пробыла на одномъ необитаемомъ островѣ, съ котораго взяли меня на случайно плывшій англійскій корабль и отвезли въ старый Іерусалимъ. Тамъ я была 7 лѣтъ, а затѣмъ очутилась въ Россіи и вотъ живу по разнымъ монастырямъ съ волчьимъ билетомъ“. Надобно замѣтить, что всѣ монастыри, въ которыхъ жила матушка Анна, старались почему-то сбывать ее и

Библиотека "Руниверс"

даже не пренебрегали для этой цѣли разными интригами. Можетъ быть монастыри боялись какой-нибудь „исторіи“ изъ-за нея, такъ какъ и она и всѣ ея знакомые находились подъ особеннымъ наблюденіемъ полиціи.

Въ Тамбовѣ таинственная узница прожила не долго. Весною 1861 года, по указу св. синода, она была отправлена въ Пензу, въ тамошній женскій монастырь. Когда нужно было выдать ей подорожную, то мѣстная администрація не знала, какъ соблюсти въ этомъ случаѣ формальность по отсутствію документовъ... Этотъ переѣздъ въ жизни замѣчательной старушки былъ уже послѣднимъ. Выѣхала она въ самое половодье, въ с. Паимѣ около сутокъ оставалась въ водѣ (сидя въ каретѣ) и пріѣхала въ Пензу совершенно больною. Проживши тамъ 4 дня, старушка скончалась. Предсмертное ея завѣщаніе пензенской игуменьѣ Надеждѣ заключалось только въ томъ, чтобы сдѣлать для покойницы простой гробъ, но внутри непремѣнно обить бѣлымъ атласомъ. Игуменья Надежда поскупилась на атласъ, замѣнивъ его коленкоромъ, но принесенный гробъ оказался негоднымъ: и коротокъ былъ и узокъ. Тогда желаніе покойной исполнено было по неволѣ.

28-го апрѣля 1861 г. происходили похороны матушки Анны при большомъ стеченіи народа. На могилѣ ея, находящейся въ пензенскомъ Троицкомъ монастырѣ, положена чугунная плита съ надписью: „Старица Божія Анна“.

Вотъ все что мы могли узнать о таинственной тамбовской узницѣ. Намъ кажется, что она была личностью далеко не дюжинною, какъ по своимъ качествамъ, такъ и по общественному положенію до монастырскаго заключенія. Но кто она такая и какія причины привели ее къ уединенному монастырскому житью, да еще подъ строгимъ надзоромъ—это для насъ вопросъ пока не разрѣшимый.

Въ тамбовскихъ архивахъ, не смотря на всѣ наши поиски, мы не нашли никакихъ разъясняющихъ документовъ; но въ петербургскихъ архивахъ, по всей вѣроятности, есть данныя для раскрытія инкогнито описанной нами личности. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, еще живы многія особы, знавшія лично „матушку Анну“, и было бы крайне любопытно услышать отъ нихъ все то, что имъ извѣстно объ этой загадочной монахинѣ.

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

Записка императрицы Екатерины II о докторѣ Санхецѣ [1]).

„Бывшему на предь сего въ здѣшней службѣ лейбъ-медикомъ, нынѣ же обрѣтающемуся въ Парижѣ, доктору Саншесу, производить изъ комнатной суммы пенсіону по тысячѣ рублей на годъ по смерть его, для того, что онъ меня за помощію Божіею отъ смерти спасъ.

Екатерина.

Ноября 2 дня.
1762 года.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

---

[1]) Докторъ Рибейро Санхецъ, родомъ португалецъ, былъ приглашенъ въ Россію въ 1731 г., занималъ въ 1737 г. должность главнаго врача при кадетскомъ корпусѣ, а въ 1740 г. былъ сдѣланъ вторымъ лейбъ-медикомъ при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ; эту должность онъ сохранилъ и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая пожаловала его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и

Библиотека "Руниверс"

Письма графини П. А. Брюсъ къ брату ея графу П. А. Румянцеву-Задунайскому [1]).

1.

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ свѣдала я, что вы неможете лихорадкой и за тѣмъ вашъ отъѣздъ остановленъ. Боже дай вамъ скораго облегченія, чтобъ вы здѣсь еще государыню застали, надо на несчастіе вамъ занемочь... уже и такъ толкуютъ, что вы такъ долго не ѣдете: vos ennemis sont bien aise de pouvoir trouver ce pretexte et de faire croire que c'est votre peu d'empressement qui retarde votre voyage, quoique je suis bien persuadée du contraire, sachant vos sentiments et votre zele pour une souveraine, qui en fait l'admiration et le bonheur de ses sujets. (Ваши враги очень довольны, находя въ этомъ предлогъ для увѣренія, что замедленіе въ вашемъ пріѣздѣ происходитъ отъ недостатка въ васъ усердія, хотя я убѣждена въ противномъ, зная ваши чувства и ваше рвеніе къ государынѣ, которая составляетъ счастіе и восхищеніе своихъ подданныхъ).

17 марта. Года не означено. Конвертъ адресованъ въ Данцигъ.

2.

„Il y a une semaine de cela que Sa Majesté m'a parlé de vous le plus favorablement du monde (недѣлю тому назадъ ея величество говорила со мной о васъ самымъ благосклоннымъ образомъ): „что столько трудовъ Петру Александровичу, что я не знаю какъ онъ все это сноситъ и исправляетъ безъ всякаго замѣшательства и что я тебѣ не могу довольно изъяснить сколько я имъ довольна"; enfin, je ne faisais que révèrence sur révèrence, (я только кланялась и кланялась), столько, батюшка, вы были выхвалены, что описать вамъ не могу.

13 февраля. Года не означено. Конвертъ адресованъ въ Глуховъ.

3.

„Батюшка братецъ! Нѣтъ словъ изъяснить вамъ мою радость и теперь еще слезы катятся. Озерова пріѣздъ насъ всѣхъ внѣ себя привелъ, а сегодня высочайшая милость оную больше умножила пожалованіемъ васъ генералъ-фельдмаршаломъ, съ чѣмъ, батюшка братецъ, васъ поздравляю; могу сказать, что

въ 1747 г. уволила, согласно собственному его желанію, съ отличнымъ аттестатомъ. Санхецъ отправился изъ Петербурга въ Парижъ, гдѣ и доживалъ свою жизнь среди ученыхъ кабинетныхъ занятій. Въ 1744 г. Екатерина II, тогда еще великая княгиня, была опасно больна. „Я находилась, говоритъ она въ своихъ запискахъ, между жизнью и смертью, 27 дней, въ теченіи которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза въ день. Наконецъ, благодаря стараніямъ доктора Санше, нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче". Узнавъ въ Парижѣ о восшествіи на престолъ Екатерины, Санхецъ, вѣроятно, напомнилъ ей этотъ случай и оказанную имъ услугу и получилъ въ отвѣтъ пожизненный ежегодный пенсіонъ.

[1]) Статсъ-дама графиня Прасковья Александровна Брюсъ, жена генералъ-аншефа, с.-петербургскаго главнокомандующаго, графа Якова Александровича Брюса, была родной сестрой графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Она пользовалась дружбой Екатерины II и отличалась умомъ, ловкостью, любезностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкостью нравовъ. Графиня Брюсъ род. въ 1729 г. и скончалась въ 1785 г.

Библиотека "Руниверс"

всѣ генерально обрадованы и многіе со слезами оное приняли, говоря что ничто справедливѣе не можетъ онаго быть; вообразите сколь чувствительно оную похвалу намъ слышать; а графы (Чернышевы) такъ какъ родные оному обрадовались и Иванъ Григорьевичъ даетъ обѣдъ и чужестранныхъ трактуетъ a cette occasion (по этому случаю).

9 августа. Безъ означенія года [1]).

4.

„Батюшка братецъ! Я теперь въ домѣ Анны Карловны [2]). Сегодня Анна Михайловна Строгонова [3]) умерла; жалость неописанная; sa mort a été subite (ея кончина была скоропостижна). Пожалуй, голубчикъ, не покинь Семена Романовича [4]) я знаю, что ея смерть очень его тронетъ; au nom de Dieu ne l'adandonne pas (ради Бога, не покинь его). Прощай голубчикъ, nous ne pouvons pas revenir de cette mort; adieu mon cher frère; croyez que je suis toute ma vie votre fidèle amie et soeur. (Мы не можемъ опомниться отъ этой потери; прощай, любезный братецъ; вѣрьте что я есть всю мою жизнь вашъ вѣрный другъ и сестра)".

Безъ означенія числа и года.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка.

Съ 1715 по 1726 годъ, каѳедру епископа въ Переяславѣ на Днѣпрѣ занималъ епископъ Кириллъ Шумлянскій, состоявшій до этого назначенія номинальнымъ епископомъ луцкимъ. Послѣ смерти Шумлянскаго, преемнику его епископу Іоакиму Струкову († въ 1742 году епископомъ воронежскимъ) довелось чинить разслѣдованіе о взяточничествѣ Шумлянскаго при поставленіи въ духовные чины. Памятникомъ этой неладной черты малороссійской іерархіи служитъ слѣдующее предложеніе епископа Іоакима переяславскому окружному протопопу Андрею Берлу. Документъ извлеченъ изъ архива Успенской церкви села Пологъ-Чеботекъ, переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

„Божіею милостію православный епископъ переясловскій Іоакимъ Ѳедоровичъ, пречестному о Христѣ протопопу переясловскому отцу Андрею Берлу объявляется:

„По указу его императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода присланному, велѣно намъ, купно съ преосвященнымъ черниговскимъ и сѣверскаго Новгородка кѵръ Иродіономъ Жураковскимъ, изслѣ-

---

[1]) Румянцевъ получилъ чинъ фельдмаршала въ 1771 г. за Кагульскую побѣду.

[2]) Графиня Анна Карловна Воронцова рожд. Скавронская, оберъ-гофмейстерина, жена гр. Михаила Ларіоновича Воронцова.

[3]) Графиня А. М. Строгонова, жена перваго графа Строгонова, Александра Сергѣевича, бывшаго впослѣдствіи оберъ-камергеромъ и президентомъ Академіи Художествъ, была дочерью государственнаго канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова. Она родилась въ 1743 г. вышла замужъ въ 1758 г. и скончалась скоропостижно въ 1769 г. Бракъ ея былъ несчастливъ; супруги постоянно ссорились и графъ Строгоновъ подавалъ даже императрицѣ просьбу о разводѣ.

[4]) Воронцова, двоюроднаго брата гр. Строгоновой, находившагося въ арміи Румянцева.

Библиотека "Руниверс"

довать такъ объ отданныхъ на кіево-печерскую лавру добрахъ и о протчемъ, якъ и о взяткахъ за хиротонію зъ ставленниковъ епархіи переясловской нашимъ антецессоромъ покойнымъ преосвященнымъ Кирилломъ Шумлянскимъ, епископомъ переясловскимъ; и по тому указу яко въ протчія епархіи нашей протопопіи до протопоповъ повелѣли мы ординовать указы, такъ и до пречестности вашей посылаючи сей предлагаемъ: дабы вы по полученіи сего во всякой скорости зъ протопопіи переясловской пригласивши передъ себе всѣхъ священниковъ и діаконовъ тихъ, которые посвящены покойнымъ преосвященнымъ Кирилломъ Шумлянскимъ, взяли у нихъ отъ каждаго порознь обстоятельныя за ихъ руками сказки—сколько кто и въ которомъ году за хиротонію до шкатули архіерейской дали зъ нихъ ему преосвященному Кириллу денегъ. А которыхъ священниковъ покойнымъ хиротонисанныхъ въ живыхъ нѣтъ, то отъ домашнихъ ихъ такія сказки принявши, привозить тія пречестности вашей въ домъ нашъ архіерейскій въ Переясловъ непремѣнно текущаго февраля къ седмому-на-десять числу, опасаясь за непривозку на срокъ о вышеписанномъ сказанномъ штрафа.—Дано въ катедрѣ нашей епископской переясловской. Февраля 15-го дня, 1728 року.—Іоакимъ епископъ переясловскій".

Сообщено **Ив. Д. Павловскимъ.**

Указъ Синода о непродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присылкѣ веригъ.

„Отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода объявляется:

„1722 года, февраля въ 28 день, по указу его императорскаго величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ увѣдомился чрезъ нѣкоторое извѣстіе, что въ Чудовѣ монастырѣ, чудотворца Алексѣя продается приходящимъ людямъ нѣкакой медъ, собственнымъ его чудотворцевымъ называемый, а въ церкви Василія Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло, и въ почтеніи содержится и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобные тому продажи бываютъ, также во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются будто чудотворцевъ нѣкоихъ вериги, которые возлагаютъ аки бы для изцѣленія на младенцевъ, но не безъ сквернoприбытной денегъ выманы. И разсудивши опасно, что такимъ продажамъ быть не подобаетъ, согласно приговорили, такіе продажи яко не надлежащія и подозрительныя, весьма пресѣчь, дабы отнюдь никто ничего вышеозначеннаго за святыню почитается, продавать не дерзалъ, подъ лишеніемъ сана своего, и подъ потеряніемъ движимаго и недвижимаго имѣнія. А ежели кто изъ правовѣрныхъ, по своему желанію и по прежнему обычаю, онаго меда, или масла, или прочаго, за святыню почитаемаго требовать будетъ, и тѣмъ онаго въ употребленіе давать безденежно, дабы подозрѣнія за то и нарѣканія на монастыри и церкви не было. А вериги вездѣ, гдѣ обрѣтаются, присылать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ безъ всякой утайки при доношеніяхъ. А ежели кто безстрашіемъ своимъ, и за симъ его императорскаго величества указомъ, и синодальнымъ запрещеніемъ, отъ вышеозначеннаго что продавать, и деньги, или другое что, отъ кого будетъ требовать, или даемое принимать будетъ, и о томъ каждому, кто бы какого званія не былъ, увидѣвъ или увѣдавъ сіе, доносить въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ безъ всякаго попущенія и прикрывательства, за что тѣ доносители признаны будутъ

Библиотека "Руниверс"

за достовѣрныхъ людей, а иные за усердное донесеніе и награжденія отъ Святѣйшаго Синода будутъ сподоблены, а преступники жестоко за оное лакомство накажутся. И о томъ всенароднаго ради вѣдѣнія распубликовати сими указы и разослать какъ во оные мѣста, такъ и по всюду немедленно, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался. Подлинный приговоръ за подписаніемъ всего Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Печатано въ Московской типографіи. Лѣта Господня 1722 г. Марта въ 6 день".

Сообщено **А. П. Коломнинымъ.**

Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія.

Извлекаемъ этотъ характерный „образецъ" изъ неизданнаго документа, озаглавленнаго слѣдующимъ образомъ:

„Вѣдомость 1844 года, февраля 10-го дня, деревни Сорочьихъ Горъ, госпожи Панаевой: сколько выдано крестьянскихъ дочерей-дѣвицъ въ Старосельское село, и Емельяново село, и сколько въ Сорочьи Горы [1]).

Интереснѣйшею частью этой вѣдомости является несомнѣнно слѣдующій приложенный къ ней документъ:

„Приказъ моимъ Сорочинскимъ крестьянамъ".

„Никита Ивановичъ [2]) увѣдомляетъ меня, что нѣкоторые изъ васъ, подъ разными пустыми изворотами, отказываются выдавать дочерей своихъ за жениховъ села Старосельскаго. Очень непріятно мнѣ было получить такое о васъ извѣстіе. Развѣ вы не знаете, что божескіе и государевы законы повелѣваютъ, чтобы дѣвицы не оставались въ безбрачномъ состояніи, которое доводитъ до одного только распутства, — а по достиженіи зрѣлаго возраста выходили бы замужъ, да и въ церкви, при вѣнчаніи, читается: „И такъ исполните законъ Христовъ". Развѣ забыли, что и вы, и Старосельскіе, принадлежите одной госпожѣ и составляете одну барщину, что госпожа ваша обязана имѣть обо всѣхъ васъ равное попеченіе, и ничего кромѣ добраго и полезнаго вамъ не желаетъ и желать не можетъ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что ослушниковъ господской власти нигдѣ не терпятъ и по головкѣ не гладятъ, а порядкомъ наказываютъ; тогда-же, какъ людей вредныхъ для другихъ, и вовсе удаляютъ изъ мірскаго общества, т. е. отдаютъ не взачетъ въ рекруты, или ссылаютъ на поселеніе. Кажется, вы народъ не глупый и можете понять, что сдѣлали худо, что такое упрямство до добра не доводитъ. И такъ, слушайте-же мою волю: выдайте безотговорочно дочерей своихъ за тѣхъ жениховъ, которые назначены будутъ Никитою Ивановичемъ; исполняйте во всемъ приказанія его, какъ мои собственныя, живите смирно и добропорядочно, съ усердіемъ исполняйте господскія работы, и знайте, что за худое спуска не будетъ, а за хорошее похвалятъ. Словомъ сказать, я желаю, чтобы у васъ была тишь да гладь, да Божья благодать.

---

[1]) Покойная г-жа Панаева, супруга извѣстнаго В. И. Панаева, владѣла въ Казанской губ. показанными здѣсь селеніями.

[2]) Покойный Н. И. Буличъ, правитель канцеляріи начальника Казанскаго жандармскаго округа, наблюдалъ за имѣніями г-жи Панаевой во время ея отсутствія.

Библиотека "Руниверс"

„А ты Никита Аѳанасьевъ [1]), оказавшій больше другихъ упорство и неповиновенія, ты всѣхъ виноватѣе, ты и другихъ-то видно сбилъ съ толку. Не хотѣлъ ты выдать дочери твоей за хорошаго Старосельскаго парня, ну такъ знай-же,—за это я обѣихъ твоихъ дочерей беру во дворъ и приказала отправить ихъ по первому хорошему пути сюда въ Петербургъ.

„Госпожа ваша Дѣйствительная Статская Совѣтница Прасковья Панаева.

14-го марта 1843 года".

Сообщено **П. А. Казанскимъ.**

---

[1]) Крестьянинъ дер. Сорочьи Горы Лаишевскаго у. Каз. губ.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

Скорбныя страницы.

ТЯЖКІЯ утраты принесъ съ собою нынѣшній годъ для русской науки и литературы. Въ первый же мѣсяцъ, въ короткій промежутокъ какой нибудь недѣли, съ 20-го по 28-е января, Россія потеряла четырехъ тружениковъ мысли и слова. Въ Москвѣ, почти въ теченіи сутокъ, съ 20-го по 21-е января, скончались: одинъ изъ первостепенныхъ романистовъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, заслуженный профессоръ московскаго университета Василій Николаевичъ Лешковъ и извѣстный переводчикъ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ. Не прошло и недѣли, какъ въ Петербургѣ смерть поразила одного изъ талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ русскихъ людей и писателей. 28 января, умеръ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Посвятивъ въ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ памяти Достоевскаго двѣ статьи, и имѣя въ виду сдѣлать литературную характеристику Писемскаго въ слѣдующей книжкѣ, мы ограничимся здѣсь краткими некрологами покойныхъ писателей, имѣя въ виду лишь напомнить читателямъ извѣстныя заслуги каждаго изъ нихъ. Начнемъ съ некролога А. Ѳ. Писемскаго.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 20 марта 1820 года, въ усадьбѣ Раменьѣ, Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ. Первымъ учителемъ его былъ Николай Ивановичъ Бекеневъ, старичекъ, по преимуществу учившій Алексѣя Ѳеофилактовича латинскому языку, рисованію и грамматическому разбору. Въ 1833 года, когда А. Ѳ. было 13 лѣтъ, его отдали въ костромскую гимназію. Изъ числа товарищей, имѣвшихъ вліяніе на Писемскаго, слѣдуетъ отмѣтить приставленнаго къ нему чѣмъ то въ родѣ тутора, старше его лѣтами и по классу, гимназиста Стайновскаго, который развивалъ въ Писемскомъ страсть къ театру, такъ что А. Ѳ., еще будучи гимназистомъ, участвовалъ во всѣхъ домашнихъ спектакляхъ, которые затѣвали гимназисты, и при этомъ всегда исполнялъ комическія роли. Въ гимназіи развилась у А. Ѳ. и страсть къ чтенію; онъ прочитывалъ почти всѣ, выходившіе тогда въ огромномъ количествѣ, романы русскіе и переводные. Любовь къ чтенію имѣетъ важное значеніе въ годы отрочества, и здѣсь по этому необходимо указать на лицо, имѣвшее главное вліяніе на ходъ воспитанія, — это былъ дядя его по матери, бывшій флотскій офицеръ, Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ, очерченный Писемскимъ въ лицѣ Эспера Ивановича (романъ „Люди сороковыхъ годовъ“). Указанія Бартенева и его бесѣды по поводу прочитаннаго Писемскимъ, удерживали послѣдняго отъ „чтенія только изъ любопытства“. Въ 1840 году, послѣ семилѣтняго пребыванія въ костромской гимназіи, Писемскій поступилъ въ московскій университетъ, на математическій факультетъ, и здѣсь окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ

Библиотека "Руниверс"

1844 году. Университетскіе годы имѣли важное значеніе въ развитіи Писемскаго. Чтеніе сочиненій Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, жаркіе, умные споры съ товарищами, лекціи даровитыхъ профессоровъ,—все это не могло не отразиться на даровитомъ юношѣ: онъ вступилъ въ жизнь уже готовымъ, сложившимся человѣкомъ, съ здравымъ взглядомъ на жизнь.

По окончаніи курса въ университетѣ, А. Ѳ. отправился на родину и вскорѣ (въ 1844 году) поступилъ на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ; въ слѣдующемъ 1845 году, перешелъ въ такую же палату въ Москвѣ, а въ 1846 году оставилъ службу и поселился въ деревнѣ. Здѣсь онъ вполнѣ предался чтенію и литературѣ, и 11 октября 1848 года женился на Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной, дочери извѣстнаго писателя и издателя первыхъ „Отечественныхъ Записокъ" П. П. Свиньина. Въ томъ же 1848 году А. Ѳ. Писемскій вторично поступилъ на службу въ чиновники особыхъ порученій къ костромскому военному губернатору, должность котораго исправлялъ тогда генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ князь А. А. Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій. Въ этой должности А. Ѳ. прослужилъ пять лѣтъ и въ 1853 г. вышелъ въ отставку. Въ 1854 г. онъ переселился въ Петербургъ, откуда, по приглашенію морскаго министерства, ѣздилъ въ 1856 г. съ литературною цѣлью въ Астрахань; плодомъ этой поѣздки явилось нѣсколько этнографическихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ" и „Библіотекѣ для чтенія". Съ наступленіемъ 1858 г. А. Ѳ. принялъ участіе въ редактированіи журнала „Библіотека для чтенія", вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ. Въ 1860 году принялъ участіе въ редакціи журнала „Искусство", а въ сентябрѣ того же года былъ объявленъ сотрудникомъ возникшаго тогда періодическаго изданія „Вѣкъ". Въ началѣ 1862 г. А. Ѳ. переселился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ въ 1866 году поступилъ опять на службу совѣтникомъ въ московское губернское правленіе; здѣсь потомъ былъ повышенъ въ должность старшаго совѣтника. Съ 1872 года Писемскій до самой смерти своей находился въ отставкѣ и жилъ постоянно въ Москвѣ, за исключеніемъ не частыхъ выѣздовъ за границу.

Въ 1846 году, Писемскій выступилъ въ первый разъ на литературное поприще съ маленькимъ разсказомъ „Нина", который былъ напечатанъ въ журналѣ „Сынъ Отечества"; редакція журнала такъ урѣзала и измѣнила разсказъ, что авторъ и не перепечатывалъ его потомъ. Въ 1847 году А. Ѳ. написалъ повѣсть „Боярщина", которая увидѣла свѣтъ на страницахъ „Библіотеки для чтенія" только въ 1858 году. Такое долгое пребываніе повѣсти въ ненапечатанномъ видѣ объясняется строгостью тогдашнихъ цензурныхъ правилъ. Да и возможно ли было явиться этой повѣсти, когда М. Е. Салтыковъ за сравнительно невинный разсказъ „Запутанное дѣло" былъ посланъ въ мѣста не столь отдаленныя? „Боярщина" хотя и не была напечатана, но довольно была распространена въ рукописномъ видѣ. Слѣдующимъ произведеніемъ А. Ѳ. была повѣсть „Тюфякъ", хотя и написанная въ томъ же 1847 году, но напечатанная только въ 1850 г. Съ этого года собственно и начинается извѣстная для публики литературная дѣятельность Писемскаго, который сталъ печатать свои произведенія въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. А. Ѳ. очень много писалъ, такъ что въ 1853 г. уже издалъ свои „Повѣсти и разсказы" въ трехъ частяхъ. Съ 1853 года онъ сталъ печатать свои произведенія только въ петербургскихъ журналахъ. Уже обративъ вниманіе на себя достоинствомъ первыхъ своихъ произведеній, уже давно причисленный читающею публикою и литературою, съ критиками во главѣ, къ рангу первостепенныхъ писателей, въ 1858 году Алексѣй Ѳеофилактовичъ достигъ апогея славы своей: въ этомъ году были напечатаны „Боярщина" и „Тысяча душъ", одно изъ капитальнѣйшихъ его произведеній. Къ 1859 г. относится другое капитальное произведеніе А. Ѳ. драма „Горькая Судьбина", дозволенная къ представленію на сценѣ только въ 1863 г. Эта драма доставила автору большую золотую медаль, присужденную Императорскою Академіею Наукъ 25 сентября 1860 г., въ день четвертой раздачи такъ называемыхъ уваровскихъ наградъ за драматическія сочиненія изъ русскаго быта.

Живя въ Петербургѣ, Писемскій въ 1860 году принималъ живое участіе въ литературныхъ вечерахъ и любительскихъ спектакляхъ, устраивавшихся тогда для увеличенія средствъ только что возникшаго „Общества для

Библиотека "Руниверс"

пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ". Извѣстно, что А. Ѳ. былъ необыкновенно искусный чтецъ и хорошій актеръ.

Переселившись въ 1862 г. въ Москву, А. Ѳ. пристроился здѣсь къ „Русскому Вѣстнику" и былъ около года помощникомъ редактора этого журнала по выбору статей для изящной словесности. На страницахъ этого журнала появился въ 1863 г. романъ Писемскаго „Взбаламученное море". Въ началѣ 70-хъ годовъ Писемскій написалъ четыре піесы для сцены, а послѣднія два свои произведенія „Мѣщане" и „Масоны" помѣстилъ въ петербургскихъ еженедѣльныхъ журналахъ.

А. Ѳ. Писемскій служилъ русскому обществу въ качествѣ первостепеннаго литератора ровно 31 годъ. 19 января 1875 году общество русское праздновало 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности А. Ѳ. Писемскаго; чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого торжества, Писемскаго уже не стало: онъ скончался въ среду 21 января 1881 г. въ 4 часа по полудни.

Василій Николаевичъ Лешковъ и какъ профессоръ, и какъ деканъ юридическаго факультета, и какъ предсѣдатель юридическаго общества, пользовался всегда уваженіемъ и популярностью между студентами и бывшими учениками его. Масса рецензій въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, участіе покойнаго во всѣхъ почти диспутахъ на юридическомъ факультетѣ и преніяхъ въ юридическомъ обществѣ, причемъ онъ всегда умѣлъ сдѣлать нѣсколько хотя бы принципіальныхъ замѣчаній по тому или другому вопросу, къ какой бы отрасли права онъ ни относился, свидѣтельствовали о неутомимой дѣятельности покойнаго. Наиболѣе капитальнымъ изъ сочиненій покойнаго, слѣдуетъ признать явившееся въ 1858 г. сочиненіе его подъ заглавіемъ „Русскій народъ и государство" (Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.). Изслѣдованіе это, касающееся того періода въ жизни русскаго народа, который пользовался особеннымъ сочувствіемъ В. Н. Лешкова, въ которомъ онъ видѣлъ всестороннее развитіе общественнаго самоуправленія, общественной самодѣятельности, въ противоположность періоду послѣ—петровскому, когда государственность, правительственная регламентація и опека заглушили это самобытное, свободное развитіе общественнаго и экономическаго быта русскаго народа, — изслѣдованіе это было неоцѣнимымъ вкладомъ для развитія русской литературы по наукѣ полицейскаго права, такъ какъ авторъ задался въ немъ цѣлью установить научныя юридическія начала для такъ называемой полицейской дѣятельности.

„Еще 45 лѣтъ тому назадъ,—замѣчаетъ „Русскій Курьеръ" по поводу кончины В. Н.—когда скована еще была Россія во всѣхъ проявленіяхъ жизни, прочными, казалось, и несокрушимыми цѣпями рабства, когда слабо еще было уваженіе къ наукѣ, когда презирался трудъ, осуждалась любовь къ народу, преслѣдовалось стремленіе быть ему полезнымъ; когда только проснулась свободная русская мысль, раздалась впервые и изъ устъ покойнаго Василія Николаевича Лешкова живая, горячая и убѣжденная проповѣдь о правахъ народа, о его освобожденіи, объ уваженіи къ личности. Уважать трудъ, не презирать, а жалѣть народъ за низкій уровень его знаній и стремиться возвысить его, цѣнить здравый смыслъ населенія, не навязывать ему чуждыхъ и шаткихъ идеаловъ, не опекать его, какъ немощнаго младенца, а искренно вѣрить въ его силы и самодѣятельность, безъ предвзятыхъ мнѣній изучать прошлую и настоящую жизнь народа, изслѣдовать выработанныя его опытнымъ знаніемъ формы общежитія, способствовать на почвѣ ихъ свободному развитію общества и личности—вотъ чему училъ Василій Николаевичъ".

Какъ профессоръ-человѣкъ, Василій Николаевичъ всегда пользовался симпатіями студентовъ. Любовь къ нему, какъ ученому, честно отстаивавшему свои взгляды, какъ къ преподавателю и декану, всегда внимательно относившемуся къ нуждамъ студентовъ, оставалась у его слушателей и по выходѣ ихъ изъ университета. Благую память оставилъ онъ и послѣ своей кончины.

Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ, хотя и скромный литературный труженикъ, принесъ не малую пользу русскимъ читателямъ добросовѣстными переводами иностранныхъ поэтовъ. Ѳ. Б. родился въ Москвѣ, въ 1818 г.; первоначальное образованіе онъ получилъ въ московскомъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра и Павла, потомъ изучалъ нѣкоторое время медицину, посѣщая лекціи москов-

Библиотека "Руниверс"

скихъ профессоровъ медицинскаго факультета. Эти занятія, однако же, не соотвѣтствовали его склонностямъ и онъ скоро оставилъ ихъ, и вступилъ на педагогическое поприще въ качествѣ преподавателя нѣмецкаго языка и русской словесности. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1841 г., издавъ стихотворную передѣлку одной нѣмецкой сказки и затѣмъ началъ работать въ „Москвитянинѣ" въ качествѣ переводчика изъ Шиллера и другихъ поэтовъ. Въ 1859 году онъ основалъ юмористическій журналъ „Развлеченіе", который пользуется до сихъ поръ успѣхомъ въ извѣстной части московской и провинціальной публики. Почти до послѣднихъ дней своей жизни Ѳ. Б. не оставлялъ трудовъ по ознакомленію русской публики съ иностранными поэтами и еще недавно далъ добросовѣстные переводы обширныхъ поэмъ Гамерлинга „Агасферъ въ Римѣ" и „Пророкъ".

Обращаемся къ Ѳедору Михайловичу Достоевскому. Онъ сынъ доктора, родился въ Москвѣ, въ 1821 году. Тамъ-же онъ получилъ первоначальное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ не мало людей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными. Въ 1837 г., 15-лѣтнимъ юношей, Достоевскій перевезенъ былъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ главное инженерное училище. Не по душѣ было тамъ Ѳедору Михайловичу; по его собственнымъ словамъ, онъ чувствовалъ, что вступаетъ не на свою дорогу, и думалъ объ университетѣ. Жизнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Годъ спустя Достоевскій потерялъ родителей, что, конечно, не могло не отозваться и на матеріальномъ положеніи его; сознаніе практической необходимости успѣшно кончить курсъ, вынудило Ѳедора Михайловича отдать на время свои силы изученію инженерныхъ наукъ и онъ вышелъ изъ училища однимъ изъ первыхъ.

Рано почувствованное призваніе влекло Ѳедора Михайловича къ литературѣ. Едва вышедши изъ училища, онъ уже подалъ въ отставку и въ самомъ концѣ 1844 г., никогда прежде ничего не писавши, началъ своихъ знаменитыхъ „Бѣдныхъ людей". Къ веснѣ повѣсть была окончена и появилась въ печати въ 1846 г., въ изданномъ тогда Некрасовымъ „Петербургскомъ сборникѣ". Успѣхъ ея былъ необычайный и сразу поставилъ Достоевскаго въ среду лучшихъ писателей нашихъ.

Въ періодъ слѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилось еще нѣсколько повѣстей Достоевскаго, имѣвшихъ меньшій успѣхъ уже потому, что отъ автора ждали сразу слишкомъ многаго. Такими повѣстями надо признать „Господинъ Прохарчинъ", „Хозяйка"., „Неточка Незванова" и пр. Въ 1849 г. литературная дѣятельность Ѳ. М. прекратилась на цѣлыхъ 12 лѣтъ. Замѣшанный въ извѣстное политическое дѣло Петрашевскаго, онъ былъ сосланъ въ „настоящія", по его выраженію, каторжныя работы на 4 года, и по истеченіи этого срока оставленъ въ Сибири въ военной службѣ рядовымъ.

Только въ 1856 г. Достоевскій произведенъ былъ въ офицеры. Впослѣдствіи онъ получилъ разрѣшеніе выйти въ отставку и поселиться въ Твери, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1860 г., ему дозволено было переѣхать въ Петербургъ.

Въ теченіе всего этого времени Достоевскій не оставлялъ занятій литературою. Еще въ крѣпости, во время слѣдствія по дѣлу, онъ писалъ повѣсть „Маленькій герой". Въ Сибири написаны повѣсти „Дядюшкинъ сонъ", „Село Степанчиково и его обитатели" и проч., вошедшіе въ „Полное собраніе сочиненій". Тяжелыя испытанія, посланныя судьбою Достоевскому, не остались безъ вліянія на литературную дѣятельность его, и, прежде всего, имъ обязана русская литература вывезеннымъ изъ Сибири же замѣчательнымъ этюдомъ каторжно-острожной жизни и нравовъ подъ названіемъ „Записки изъ Мертваго дома", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1862 году. Съ пріѣзда въ Петербургъ литературная дѣятельность Достоевскаго не прекращалась. Въ томъ-же году онъ принялъ участіе въ редактированіи издававшагося тогда его братомъ, Михаиломъ Михайловичемъ, авторомъ нѣсколькихъ повѣстей („Господинъ Свѣтелкинъ" и пр.), журнала „Время", впослѣдствіи „Эпоха", который по смерти брата въ 1864 г. окончательно перешелъ къ Ѳедору Михайловичу и былъ въ его рукахъ до прекращенія въ 1865 году. Въ то же время, одно за другимъ появлялись новыя произведенія Достоевскаго. Въ 1861 году появился его большой романъ „Униженные и Оскорбленные", вызвавшій статью Добролюбова, который и указалъ истинное значеніе тогдашнихъ произведеній Достоевскаго для нашего обще-

Библиотека "Руниверс"

ства. За этимъ романомъ слѣдовалъ рядъ повѣстей: „Крокодилъ“, „Скверный анекдотъ“, „Записки изъ подполья“, „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ и проч. Въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности до настоящаго времени Достоевскимъ написанъ рядъ большихъ романовъ: „Преступленіе и Наказаніе“ („Русскій Вѣстникъ“, 1866 г.), „Идіотъ“ (Р. В., 1868 г.), „Бѣсы“ (отдѣльное изданіе, 1873 г.), „Подростокъ“ („Отечественныя Записки“, 1875 г.) и, наконецъ, „Братья Карамазовы“ („Русскій Вѣстникъ“, 1879 г.). Въ 1876—1878 годахъ, Ѳедоръ Михайловичъ издавалъ ежемѣсячный свой дневникъ, подъ названіемъ „Дневникъ Писателя“, имѣвшій огромный успѣхъ и прекращенный на время самимъ издателемъ.

Похороны Достоевскаго послужили доказательствомъ того, какъ русское общество отнеслось къ этой утратѣ безукоризненно честнаго и нравственно чистаго труженника. Со всѣхъ сторонъ раздались голоса, исполненные глубокой скорби по поводу этой утраты, вдова покойнаго ежедневно получала отъ разныхъ лицъ письма, съ выраженіемъ искренняго участія; представители литературы, науки, искусства и общества несли вѣнки на гробъ писателя. Университетъ, медицинская академія, технологическій институтъ, консерваторія, женскіе курсы, мужскія и женскія гимназіи, городскіе представители, депутаты отъ разныхъ городовъ, артисты, художники, литераторы... это было не погребальное шествіе, а какъ справедливо выразился на университетскомъ актѣ въ своей рѣчи О. Ѳ. Миллеръ, это было „тріумфальное шествіе“. „Это— тріумфъ побѣдителя, неутомимаго борца за идею, за всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“.

Библиотека "Руниверс"

больныхъ, будто бы призванной въ замокъ по случаю внезапной болѣзни графини Фуа. Этимъ способомъ имъ будетъ не трудно выбраться изъ монастыря, а на опушкѣ лѣса у рѣки ихъ будетъ ждать Батистъ съ тремя лошадьми.

— Третья лошадь для меня, моя дорогая, добавила добрая женщина съ ласковой улыбкой,—потому что теперь я уже не разстанусь съ тобой, пока ты окончательно не устроишься. Не бойся, все будетъ кончено черезъ десять минутъ; дай мнѣ только твое дорожное платье; я заверну его въ платокъ, оно понадобиться намъ...

Но прошло около десяти минутъ, прежде чѣмъ имъ удалось отыскать платье въ темной комнатѣ съ помощью фонаря. Франциска, предполагая, что Бріонъ все еще ожидаетъ ее, хотѣла подойти къ окну чтобы предупредить его, но Марго воспротивилась этому и, взявъ ее за руку, почти насильно вывела изъ двери.

— Чужой господинъ не знаетъ нашей тайны, сказала она, — мы все устроили вдвоемъ съ Батистомъ! Если ты пожелаешь видѣть молодого сеньера, то стоитъ только намекнуть объ этомъ его слугамъ и онъ насъ найдетъ. Мы должны торопиться, городскія ворота запираются ровно въ десять; если мы опоздаемъ, то нельзя будетъ проѣхать мостъ, а ты знаешь, что теперь Аріежъ такъ полноводна, что нечего думать перебраться черезъ нее въ бродъ.

Онѣ дошли до лѣстницы, гдѣ кончался корридоръ перваго этажа, и, сойдя съ нее, вошли въ нижнюю галлерею, которая вела въ келью привратника. Графиня на минуту остановила Марго, потому что она съ трудомъ дышала отъ страха и быстрой ходьбы. Все было тихо кругомъ. Черезъ широкіе арки поддерживаемые четырехугольными столбами видѣнъ былъ дворъ аббатства, ярко освѣщенный луной и на ихъ счастье совершенно пустынный въ эту минуту. Но едва сдѣлали онѣ нѣсколько шаговъ, какъ услыхали за собою шорохъ и надъ ихъ головами кто-то назвалъ по имени графиню. Зовъ этотъ глухо раздался среди ночной тишины и привелъ въ ужасъ обѣихъ женщинъ. Графиня молча опустилась на колѣни, не поворачивая головы.

— Господи Іисусе Христе! Что это значитъ? воскликнула Марго оглядываясь во всѣ стороны, и, замѣтивъ какую-то темную массу въ глубинѣ свода, приняла ее за сверхестественное явленіе и, внѣ себя отъ страху, упала на каменныя плиты галлереи.

— Боже, помоги намъ! простонала она чуть слышно.

Черезъ секунду опять послышался шорохъ и зовъ раздался у самыхъ ея ушей.

Марго быстро поднялась на ноги.

— Несносная тварь! сказала она, сердитымъ голосомъ, хотя въ душѣ была очень довольна, что ея страхъ оказался напраснымъ.—Глупый Жакъ, ты разбудишь все аббатство!

Это былъ воронъ, который вѣроятно послѣдовалъ за Марго изъ замка и, потерявъ ее изъ виду, пріютился подъ сводами нижняго

Библиотека "Руниверс"

корридора. Марго схватила его, не обращая вниманія на карканье и прикрыла платкомъ.

— Идите скорѣе, Франциска, торопила она, насъ могутъ задержать.

Дойдя до половины галлереи, онѣ остановились въ нерѣшимости, потому что кто то вышелъ изъ кельи привратника и послышался шумъ быстро приближавшихся шаговъ.

— Спусти капишонъ на лицо и не говори ни слова, шепнула Марго своей спутницѣ. Намъ никто не опасенъ кромѣ Флорентина, а ему здѣсь дѣлать нечего... Тише! Это его шаги! Онъ не долженъ тебя видѣть, его не обманешь! Спрячься скорѣе за этотъ столбъ...

Графиня повиновалась, а Марго открыла свой потаенный фонарь и смѣло пошла на встрѣчу своему сыну, но забыла о воронѣ, который вырвался изъ ея рукъ и съ крикомъ „Францискъ! Францискъ"! сталъ кружиться вокругъ столба, за которымъ стояла графиня.

Но Марго не потеряла присутствія духа и, встрѣтивъ своего сына среди галлереи, спросила равнодушнымъ тономъ:

— Ты ли это Флорентинъ?

— Да, я...

— Ты напрасно выучилъ болтать глупаго Жака и навязалъ намъ всѣмъ это пугало! Вотъ онъ теперь до смерти встревожилъ Франциску, влетѣлъ въ окно и бросился прямо къ ней на постель, куда я только что уложила ее. Вы всѣ непозволительно мучите моего бѣднаго ребенка; дайте ей отдохнуть нѣсколько дней, и прійти въ себя послѣ такой дороги...

Марго говорила безъ умолку, чтобы отвлечь вниманіе Флорентина и направила свой потаенный фонарь прямо ему въ лицо и, когда тотъ избѣгая яркаго свѣта, направился къ лѣстницѣ, она послѣдовала за нимъ.

Удалившись такимъ образомъ на нѣсколько шаговъ отъ столба, за которымъ стояла графиня, Марго остановилась и стала освѣщать дорогу своему сыну, продолжая бранить Жака, который испугалъ ея дорогую Франциску. Наконецъ Флорентинъ скрылся изъ виду и Марго вздохнула свободнѣе. Она поспѣшно закрыла фонарь и позвавъ Франциску довела ее до дверей кельи привратника.

— Постой здѣсь, моя дорогая, шепнула она графинѣ. Я переговорю съ привратникомъ и вернусь за тобой. Если я буду объясняться съ нимъ въ твоемъ присутствіи, то онъ начнетъ разглядывать тебя и пожалуй догадается въ чемъ дѣло.

Франциска видѣла, что кормилица ея совершенно права и покорилась скрѣпя сердце, хотя чувствовала себя гораздо смѣлѣе, пока съ нею была Марго. Дрожа отъ волненія и страха, она отошла отъ двери.

Между тѣмъ Марго войдя къ привратнику, спросила его недовольнымъ голосомъ:

— Неужели до сихъ поръ не приходила Марта?

Библиотека "Руниверс"

— На что тебѣ понадобилась Марта?

— Боже мой! Да развѣ ты не знаешь, что наша старая графиня занемогла отъ сегоднишняго волненія?

— Не изъ-за графини ли Франциски?

— Разумѣется! Вотъ меня и послали за Мартой, потому что она лучше всѣхъ умѣетъ ухаживать за больными... Не понимаю, куда она дѣвалась! Еще дала слово, что тотчасъ прійдетъ, а я какъ будто нарочно встрѣтила сына въ корридорѣ и заговорилась съ нимъ!..

— Недавно была здѣсь служанка изъ замка и ни слова не сказала мнѣ объ этомъ.

— Она такъ глупа, что отъ нея никогда не добьешься толку! Но вотъ и Марта!

Марго отворила дверь и, взявъ подъ руку Франциску, направилась къ выходу.

Привратникъ загородилъ имъ дорогу.

— Что это значитъ, Марта? Ты сегодня не хочешь поздороваться со мной!

— Пусти ее; она торопится...

— Развѣ вы не однѣ? спросилъ съ удивленіемъ привратникъ; кто-то шаритъ за дверью, не можетъ отыскать ручки.

— Пустяки! тамъ никого нѣтъ. Отворяй скорѣе! воскликнула Марго.

Въ эту минуту въ галлереѣ раздался рѣзкій крикъ: „Францискъ". Привратникъ опрометью бросился къ двери, не обращая вниманія на Марго, которая громко бранила „проклятаго" ворона, какъ она его называла и выходила изъ себя, что онѣ напрасно теряютъ время. Добрая женщина была въ сильномъ безпокойствѣ; упорное молчаніе графини могло показаться подозрительнымъ привратнику, который вернувшись назадъ, счелъ нужнымъ выразить свое удивленіе и распространиться о необыкновенномъ посѣщеніи ворона. Наконецъ онъ поднялъ засовъ, но въ это самое время кто-то позвонилъ съ улицы и, когда отворилась дверь, то Марго и Франциска очутились лицомъ къ лицу съ старой графиней Фуа. Теперь всякая надежда на бѣгство была потеряна. Франциска, измученная волненіями дня, съ отчаяніемъ отступила назадъ; привратникъ, видя, что Мартѣ нѣтъ никакой надобности отправляться въ замокъ поспѣшилъ запереть наружную дверь, по приказанію старой графини. Наступила минута томительнаго молчанія.

— Иди впередъ съ своей спутницей, сказала наконецъ графиня Фуа, обращаясь къ Марго и повелительно указывая на дверь, ведущую въ галлерею.

Презрительный тонъ, съ которымъ были сказаны эти слова и высокомѣрное выраженіе лица старой графини вывели изъ терпѣнія Франциску. Гнѣвъ на минуту овладѣлъ ея сердцемъ; она выпрямилась во весь ростъ и громко сказала привратнику:

Библиотека "Руниверс"

— Отвори дверь! Ты не смѣешь удерживать меня здѣсь!

Но привратникъ не двигался съ мѣста. Видя себя обманутымъ и отчасти подозрѣвая истину, онъ не считалъ удобнымъ брать на себя отвѣтственность въ сомнительномъ дѣлѣ.

— Неужели вы считаете приличнымъ, сударыня, разсуждать о семейныхъ дѣлахъ въ присутствіи привратника? замѣтила съ усмѣшкой графиня Фуа и, видя, что Франциска молчитъ, добавила, обращаясь къ Марго:

— Избавь насъ пожалуйста отъ всякихъ разсужденій и веди въ комнату Франциски.

Въ это время Бріонъ, стоя на стѣнѣ, за густыми вѣтвями сосны, терпѣливо ждалъ благопріятной минуты для побѣга графини. Онъ почти возненавидѣлъ Флорентина за его властолюбивые планы и, хотя самъ искренно поклонялся королю-рыцарю, но преданность его не была на столько велика, чтобы онъ согласился безропотно уступить королю любимую женщину. Его романическая, безкорыстная привязанность къ ней была чужда разсчета и онъ готовъ былъ принести себя въ жертву для ея счастья, но не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ для достиженія чьихъ бы то ни было корыстныхъ цѣлей. Хладнокровный тонъ священника настолько раздражилъ молодого сеньёра, что онъ обнажилъ свою шпагу, когда Флорентинъ подошелъ къ окну, и только появленіе Марго спасло жизнь ея сыну. Затѣмъ обѣ женщины остались однѣ и Бріонъ, слыша шопотъ чьихъ-то голосовъ, стоялъ неподвижно, такъ какъ не былъ увѣренъ, нѣтъ ли еще кого нибудь съ ними.

Но вотъ шопотъ прекратился и въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Бріонъ вполголоса назвалъ графиню по имени; никто не отвѣтилъ ему. Взволнованный долгимъ ожиданіемъ, не зная, чѣмъ объяснить молчаніе графини, онъ остановился въ нерѣшимости; и въ тотъ же моментъ надъ головой его неожиданно пролетѣла большая птица, шумя тяжелыми крыльями и въ темной комнатѣ раздался громкій крикъ: „Францискъ!“ Бріонъ не былъ трусливъ, но тѣмъ не менѣе сердце его замерло отъ ужаса, потому что помимо своей воли онъ раздѣлялъ суевѣрія того времени или вѣрнѣе сказать предразсудки свойственныя всѣмъ вѣкамъ. Внезапное появленіе ворона и имя короля, которое изрѣдка слышалось внутри аббатства настолько смущали его, что прошло довольно много времени, пока онъ могъ на что нибудь рѣшиться. Наконецъ, когда все стихло, онъ опять назвалъ графиню по имени, но такъ какъ и на этотъ разъ не послѣдовало никакого отвѣта, онъ рѣшился войти въ комнату. Но едва успѣлъ онъ перешагнуть окно, какъ на порогѣ появились четыре женщины и свѣтъ фонаря ярко освѣтилъ его испуганное лицо.

— Бріонъ! воскликнула съ отчаяніемъ Франциска, закрывъ лицо руками.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ возгласъ привелъ еще въ большую ярость старую графиню которая знала по имени королевскаго любимца, и не могла простить молодому сеньёру его появленія въ замкѣ Фуа.

— Зажги свѣчи, Марго, сказала она съ принужденнымъ спокойствіемъ, запри окно и проводи этого господина къ привратнику; онъ вѣроятно заблудился и не знаетъ какъ выйти изъ аббатства.

Бріонъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія и догадываясь, что видитъ передъ собою старую графиню Фуа, не тотчасъ нашелся, чѣмъ объяснить свое двусмысленное появленіе въ комнатѣ молодой женщины, потому что романическая любовь вообще бѣдна на выдумки. Онъ нерѣшительно взглянулъ на Франциску и совсѣмъ отказался отъ всякаго возраженія, когда ему показалось, что она сдѣлала знакъ рукой чтобы онъ немедленно удалился. Не говоря ни слова, онъ молча послѣдовалъ за Марго къ привратнику, который все еще не могъ прійти въ себя отъ испытанныхъ имъ волненій и былъ очень удивленъ, что ему приходится отворять дверь господину, котораго онъ не думалъ впускать въ монастырь.

Между тѣмъ старая графиня начала форменный допросъ своей дочери. Подобный допросъ врядъ ли вынесла бы всякая другая менѣе честная и добродѣтельная женщина и вѣроятно съумѣла бы привести къ болѣе счастливому исходу, нежели это сдѣлала Франциска. Главная причина этого заключалась въ томъ, что несчастная женщина, при оцѣнкѣ своихъ поступковъ, руководствовалась еще болѣе утонченными и строгими правилами нравственности, чѣмъ тѣ, какія были доступны ея матери. Такимъ образомъ она осталась беззащитною противъ суровыхъ нарѣканій старой графини, даже помимо полнаго тѣлеснаго безсилія, которое она ощущала въ эту минуту. Что могла она отвѣчать матери, когда та холоднымъ, безучастнымъ тономъ описывала ея жизнь съ того момента, когда, пользуясь отсутствіемъ мужа, она оставила замокъ Шатобріанъ ради веселой придворной жизни.

— Какъ тебѣ не стыдно, безсовѣстная мать и дурная жена! говорила старая графиня; и ея худощавое, желтое лицо съ рѣзкими чертами, нѣкогда правильное и красивое, покрылось глубокими морщинами отъ презрительной улыбки тонкихъ губъ, въ то время какъ ея длинная, бѣлоснѣжная рука двигалась взадъ и впередъ по воздуху. Ты бросила единственнаго ребенка на чужихъ рукахъ для удовлетворенія своей чувственности, сдѣлала мужа посмѣшищемъ легкомысленнаго двора, когда онъ, имѣя право убить на мѣстѣ свою преступную жену, кротко уговаривалъ ее вернуться домой къ ребенку! Изъ боязни лишиться достойной награды за свой развратъ, ты кокетливо удалилась отъ короля, который медлилъ почтить тебя внѣшними знаками своего высокаго вниманія! Ты забыла стыдъ и все сдѣлала чтобы опозорить фамилію Фуа и имя твоей матери, которая надѣялась, что ты по крайней мѣрѣ почувствуешь потребность въ долгомъ

Библиотека "Руниверс"

и тяжеломъ покаяніи. Но и это показалось лишнимъ твоему извращенному уму!.. Ты обманула послѣднюю надежду твоей матери! Когда я прогнала тебя изъ твоего родительскаго дома и ты нашла себѣ убѣжище въ здѣшнемъ аббатствѣ, у меня явилась увѣренность, что ты наконецъ опомнишься и своимъ глубокимъ раскаяніемъ выкажешь ту силу характера, которую я могла ожидать отъ моей дочери. Какъ жестоко ошиблась я! Помимо высокопоставленнаго у васъ оказался второй любовникъ низшаго разбора еще болѣе близкій вашему сердцу!.. Однимъ словомъ, то, что мнѣ было бы совѣстно подумать о совершенно постороннихъ и самыхъ развратныхъ тваряхъ, я должна говорить это о женщинѣ, которую я въ былыя времена называла своей дочерью!.. Этотъ любовникъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за своей дамой съ очевиднымъ намѣреніемъ продолжать съ нею постыдную связь въ домѣ ея матери! Но замокъ Фуа оказался закрытымъ для него; не приняло его и здѣшнее аббатство и вотъ графиня Шатобріанъ рѣшается на бѣгство изъ боязни пропустить rendez-vous. Онъ съ своей стороны отыскивая развратницу перелѣзаетъ стѣны, врывается въ окно святой обители въ первую же ночь, когда почтенные отцы, тронутые мнимымъ раскаяніемъ грѣшницы рѣшились дать ей пріютъ у себя. Я сама, несчастная мать, которой почему-то послано такое жестокое испытаніе, застала его въ этой комнатѣ... Что можешь сказать ты въ свое оправданіе?.. Ты блѣднѣешь и дрожишь отъ моихъ словъ!.. Но меня только радуетъ это! Если бы мои слова напугали тебя до смерти, то я считала бы это только благодѣяніемъ для обѣихъ насъ и возблагодарила бы создателя за милостивое избавленіе!..

Съ этими словами графиня Фуа взяла за руку Химену и направилась къ двери въ то время какъ ея дочь съ раздирающимъ воплемъ упала на каменный полъ. Не оглядываясь вышла старая графиня изъ комнаты и, казалось, не замѣтила, что Химена оттолкнула ея руку и бросилась поднимать Франциску вмѣстѣ съ Марго.

ГЛАВА III.

Шабо де-Бріонъ узналъ на слѣдующее утро, что графиня Шатобріанъ опасно заболѣла и находится при смерти. Марго сообщила ему это извѣстіе съ такимъ горькимъ плачемъ, что онъ не могъ сомнѣваться въ истинѣ ея словъ. Онъ понялъ изъ ея несвязнаго разсказа, что съ Франциской сдѣлалась нервная горячка и что съ прошлой ночи самыя ужасныя фантазіи мучатъ ее среди безпамятства, такъ что ей вѣроятно грозитъ смерть или сумасшествіе. При

Библиотека "Руниверс"

этомъ Марго добавила, что Флорентинъ сильно возмущенъ безсердечіемъ старой графини Фуа и что г-нъ де-Бріонъ чрезвычайно обяжетъ его, если пожалуетъ немедленно въ аббатство для переговоровъ о судьбѣ Франциски въ случаѣ ея вызоровленія, и о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя они должны послать королю.

Бріонъ былъ такъ встревоженъ болѣзнью графини, что, забывъ свою непріязнь, тотчасъ же отправился къ Флорентину, которому удалось довольно ловко оправдать свое поведеніе относительно Франциски. Онъ откровенно сознался молодому сеньёру, что совершенно ложно представлялъ себѣ характеръ и положеніе графини Шатобріанъ, но теперь не считаетъ болѣе полезнымъ и даже возможнымъ, чтобы она вернулась къ прежнимъ отношеніямъ и что по его мнѣнію необходимо всѣми средствами оградить несчастную женщину отъ притязаній мужа и матери. Если король послѣ вѣроятной смерти королевы Клавдіи выхлопочетъ разводъ графини съ мужемъ, то это можетъ благотворно подѣйствовать на больную и ускорить ея выздоровленіе лучше всякихъ лекарствъ. Затѣмъ Флорентинъ незамѣтно завелъ рѣчь о томъ, что Бріонъ долженъ отрекомендовать его королю, какъ самаго надежнаго человѣка для такого щекотливаго дѣла. Хотя онъ, какъ священникъ, выказалъ сначала нѣкоторую строгость относительно молодой женщины, но, убѣдившись въ ея безвыходномъ положеніи, готовъ употребить всѣ усилія чтобы освободить ее отъ семейныхъ обязательствъ. Въ виду этого онъ обѣщалъ еженедѣльно извѣщать Бріона о состояніи больной и въ случаѣ ея выздоровленія слѣдовать во всемъ указаніямъ короля и молодого сеньёра.

Шабо де-Бріонъ, благодаря своей неопытности, съ радостью принялъ предложеніе священника и просилъ только чтобы ему позволили взглянуть на графиню передъ отъѣздомъ въ Парижъ. Флорентинъ не особенно желалъ этого свиданія, но счелъ неудобнымъ отказать молодому сеньёру. Онъ свелъ его въ комнату больной предварительно спросивъ на это разрѣшенія у Марго, добровольно взявшей на себя роль сидѣлки. Роковое окна было завѣшано; въ темномъ углу, на постели лежала несчастная Франциска съ лицомъ искаженнымъ отъ жара и судорогъ. Химена сидѣла у ея изголовья, а Марго съ заплаканными глазами стояла у постели и боязливо вглядывалась въ лицо Марты, не рѣшаясь спросить ее: можно ли надѣяться на выздоровленіе ея дорогой Франциски и какія существуютъ средства противъ горячки?

Свиданіе это произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на Бріона. Хотя графиня лежала съ открытыми глазами, но она никого не узнавала и говорила только о королѣ, называя его „дорогимъ Францискомъ“, „властелиномъ ея сердца“...

Въ тотъ же день Бріонъ отправился въ Парижъ. Въ долинѣ Аріежъ поднималась мятель, когда онъ пріѣхалъ на высокій холмъ. съ котораго Батистъ и графиня смотрѣли на оврагъ и горы Фуа.

Библиотека "Руниверс"

Съ вершины St-Sauveur падалъ зимній снѣгъ, покрывая бѣлымъ саваномъ высокій замокъ съ башнями, аббатство и чернѣвшій внизу городъ.

Батистъ, проводивъ Бріона, остановилъ свою лошадь, и еще разъ оглянулся назадъ. Снѣгъ падалъ такими хлопьями, что онъ скоро потерялъ изъ виду молодого сеньёра и его свиту. Мрачное зрѣлище зимней пустыни еще болѣе усилило тоску, наполнявшую сердце вѣрнаго слуги; онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно въ Фуа чтобы поселиться въ кузницѣ и ожидать, чѣмъ рѣшится участь его госпожи.

Въ тѣ времена во Франціи не существовало почты, но между высокопоставленными и болѣе или менѣе извѣстными духовными лицами разныхъ монашескихъ орденовъ было установлено правильное сообщеніе, что давало имъ большой перевѣсъ надъ высшимъ французскимъ дворянствомъ. Хотя послѣднее считало своимъ долгомъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ провинціей, но это дѣлалось только въ исключительныхъ и важныхъ случаяхъ, тогда какъ духовенство непрерывно сносилось со всѣмъ христіанскимъ міромъ черезъ своихъ странствующихъ монаховъ, богомольцевъ и съ помощью разныхъ другихъ правильно организованныхъ средствъ сообщенія. Такимъ образомъ Флорентинъ имѣлъ постоянныя извѣстія изъ Блуа о Францискѣ, которыя онъ систематически сообщалъ ея матери. Тѣмъ же способомъ извѣщалъ онъ теперь еженедѣльно Бріона о ходѣ болѣзни графини Шатобріанъ, о своихъ догадкахъ и соображеніяхъ относительно ея нравственнаго состоянія и устройства ея дальнѣйшей участи. Прислушиваясь въ продолженіи многихъ дней и ночей къ бреду больной, Флорентинъ окончательно убѣдился, что Бріонъ не опасенъ для него. Хотя онъ не имѣлъ поводовъ безпокоиться, что молодой сеньеръ что либо скроетъ отъ короля, такъ какъ при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ ревность не могла руководить его дѣйствіями, но тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ найти еще другой путь къ королю. Духовенство не довѣряло Гилльому Бюде, который завѣдывалъ преподаваніемъ высшихъ наукъ во Франціи и не находился въ прямой зависимости отъ духовныхъ властей; но это и побуждало ихъ поддерживать съ нимъ связь, слѣдуя мудрому правилу, что врагъ только тогда опасенъ, когда мы не знаемъ его и не имѣемъ съ нимъ никакихъ сношеній. Такимъ образомъ Бюде черезъ посредство третьяго лица получалъ довольно часто извѣстія о графинѣ Шатобріанъ, тѣмъ болѣе, что Флорентину было извѣстно, насколько этотъ добродушный ученый пользовался довѣріемъ короля. Флорентинъ сознавалъ, что сдѣлалъ непростительную глупость заявивъ свои притязанія на Франциску и рѣшилъ употребить всѣ старанія чтобы снова заслужить ея довѣріе. Въ то время какъ несчастная жертва боролась между жизнью

Библиотека "Руниверс"

и смертью онъ успѣлъ настолько подвинуть свое дѣло, что уже смѣло разсчитывалъ получить важное назначеніе въ Парижѣ. Весь вопросъ заключался въ томъ чтобы снова водворить графиню Шатобріанъ при дворѣ и имѣть на нее вліяніе въ будущемъ. Флорентинъ и вся его клика не придавали особеннаго значенія склонности молодой женщины къ философскимъ и религіознымъ вопросамъ, потому что надѣялись наставить ее на истинный путь, если Флорентинъ сдѣлается ея духовникомъ въ Парижѣ. Они были увѣрены, что дѣйствуя на короля черезъ посредство умной и красивой женщины имъ удастся склонить его на свою сторону и оградить отъ вліянія герцогини Алансонской, которая открыто высказывала свое сочувствіе реформаціи. Что-же касается плана, по которому предполагалось возвести графиню Шатобріанъ въ санъ королевской супруги, то почтенные отцы не считали нужнымъ поднимать его въ данный моментъ, такъ какъ все зависѣло отъ того, насколько занимавшая ихъ дама будетъ ревностно поддерживать католическую церковь.

Въ то время какъ другіе распоряжались такимъ образомъ ея будущностью, графиня въ теченіи двухъ мѣсяцевъ лежала въ горячкѣ, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, потому что сильные приступы болѣзни не разъ заставляли опасаться за ея жизнь. Но противъ всякаго ожиданія больная стала мало по малу оправляться, благодаря своей молодости и здоровому организму. Когда солнце начало пригрѣвать южную сторону аббатства и, высоко поднявшись на небѣ, озарило окрестныя горы и лугъ подъ окномъ Франциски, она ожила душой, и прійдя въ полное сознаніе стала обращать вниманіе на окружавшихъ ее лицъ.

Видъ Химены, которая неотлучно оставалась при ней видимо раздражалъ ее. Не явилось ли у ней подозрѣніе, что эта молчаливая дѣвушка выдала старой графинѣ Фуа тайну ея бѣгства и привела послѣднюю изъ замка? На это сама Франциска врядъ ли могла дать опредѣленный отвѣтъ, такъ какъ никто не въ состояніи прослѣдить тотъ процесъ мысли, который совершается въ человѣкѣ во время сна или продолжительной опасной болѣзни, когда повидимому прекращается всякая духовная дѣятельность. Хотя у Франциски воспоминаніе прошлаго возвращалось крайне медленно и урывками, но событія послѣднихъ дней передъ ея болѣзнью возбудили въ ней неожиданныя симпатіи и антипатіи. Такъ въ ея душѣ не осталось слѣда прежняго отвращенія къ Флорентину и она выказывала самое нѣжное расположеніе къ этому загадочному человѣку. Къ матери Франциска относилась совершенно равнодушно, ни разу не спросила о ней и, когда говорили о графинѣ Фуа въ ея присутствіи, то слушала такъ безучастно, какъ будто дѣло шло о совершенно посторонней особѣ. Что-же касается короля, то она спросила безъ всякаго стѣсненія: не пріѣзжалъ ли онъ въ аббатство во время ея болѣзни и чѣмъ выразилъ свое участіе къ ней?

Библиотека "Руниверс"

Флорентинъ былъ въ полномъ восхищеніи. Онъ ожидалъ, что ему придется потратить все свое краснорѣчіе чтобы возбудить въ графинѣ Шатобріанъ ея прежнюю склонность къ королю, особенно въ виду того, что чувственность, которая играетъ такую важную роль во всякой привязанности должна была замолкнуть послѣ такой долгой и продолжительной болѣзни. Но онъ съ удивленіемъ замѣтилъ во время ихъ первыхъ прогулокъ по лугу освѣщенному солнцемъ въ теплые мартовскіе дни, что страстное томленіе уже начинаетъ овладѣвать прекраснымъ, хотя все еще слабымъ тѣломъ молодой женщины. Она дѣлала на него впечатлѣніе невѣсты, которая предвкушая радости любви, не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ ощущеній. Ему стоило большого труда справиться съ собою. Хотя она ласково улыбалась, встрѣчая его взглядъ, но онъ не могъ приписать своему присутствію яркій румянецъ вспыхивающій на ея щекахъ, блескъ темныхъ, большею частью опущенныхъ глазъ, полураскрытыя губы, возраставшую полноту плечъ и рукъ. Все это какъ и прежде не принадлежало ему: она разцвѣтала на его глазахъ подъ вліяніемъ склонности къ другому человѣку, наполнявшей безмятежной радостью ея наболѣвшее сердце.

Въ виду этого Флорентинъ держалъ себя крайне осторожно съ своей молочной сестрой, такъ какъ опытъ показалъ ему, что давъ волю своимъ чувствамъ, онъ можетъ испортить все дѣло. Между тѣмъ Франциска становилась всѣ рѣшительнѣе, и ему скоро пришлось убѣждать ее не торопиться и быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Она съ пренебреженіемъ отвѣчала на робкія замѣчанія Химены, когда молодая дѣвушка высказывала свое мнѣніе относительно трудныхъ обязанностей, связанныхъ съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Для Франциски не существовало теперь никакихъ практическихъ соображеній и въ своихъ планахъ она заходила гораздо дальше, нежели того хотѣлъ Флорентинъ. Благодаря этому, чѣмъ беззаботнѣе относилась она къ своей будущности, тѣмъ осторожнѣе выражался священникъ въ своихъ письмахъ въ Парижъ. Онъ настоятельно требовалъ чтобы ему объявили въ точности какого рода обязательство беретъ на себя король въ томъ случаѣ, если его предполагаемый бракъ съ графиней Шатобріанъ встрѣтитъ непреодолимыя препятствія и хотѣлъ чтобы относительно этого была составлена формальная бумага за подписью короля и вручена ему для храненія въ архивѣ аббатства св. Женевьевы.

Она улыбалась, когда Флорентинъ намекалъ ей на мѣры, предпринятыя имъ для обезпеченія ея будущности, и приводила его въ смущеніе своимъ легкимъ взглядомъ на жизнь, такъ что у него не хватало мужества разубѣждать ее. Между тѣмъ, онъ хорошо зналъ, какъ необходимо обезпечить будущность Франциски, изъ отзывовъ разныхъ духовныхъ лицъ. которыя писали ему изъ Парижа, что онъ долженъ, во что бы то ни стало заключить письменное условіе. По

Библиотека "Руниверс"

ихъ словамъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что легкомысліе и непостоянство составляютъ основныя черты характера короля Франциска и что напрасно многіе приписывали эти свойства его молодости. Тоже говорили лица расположенныя къ королю и, восхваляя его доброе сердце, добавляли, что нельзя положиться на его честное слово.

Такого рода переговоры продолжались до половины марта. Флорентинъ, предполагая, что дѣло достаточно выяснилось послалъ верховаго къ Шабо де-Бріону съ опредѣленными требованіями относительно будущности графини Шатобріанъ и съ заявленіемъ, что если требованія эти будутъ выполнены, то король можетъ немедленно пріѣхать за своей невѣстой. Послѣднее было очень важно для Флорентина, потому что онъ не зналъ, долго ли останется Франциска въ аббатствѣ и ему было бы крайне не удобно удерживать ее вторично противъ воли. Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ отпустить ее одну въ Парижъ, хотя былъ убѣжденъ, что это можетъ случиться въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ она ежедневно спрашивала его, скоро ли пріѣдетъ король? Онъ зналъ, какъ ловкій дѣлецъ, что неожиданный отъѣздъ графини можетъ дурно отозваться на его настоящемъ положеніи, представлявшемъ такія несомнѣнныя преимущества.

Флорентинъ не сомнѣвался въ искреннемъ посредничествѣ Бріона, и разсчиталъ заранѣе, какъ поступитъ молодой сеньеръ подъ вліяніемъ своей простодушной, романической любви, которая совпадала съ его преданностью къ королю и съ утратою всякой надежды на взаимность графини Шатобріанъ. Такимъ образомъ Флорентину не стоило особеннаго труда убѣдить Бріона въ безграничной любви графини къ королю и, доказать ему, что только способствуя этой привязанности, онъ можетъ надѣяться опять увидѣть Франциску и заставить ее уважать его чувство къ ней.

Шабо де-Бріонъ поступилъ такъ, какъ этого ожидалъ Флорентинъ. Онъ отправился ко двору въ Фонтенбло безъ всякаго опредѣленнаго плана и когда король сталъ настоятельно разспрашивать его о молодой графинѣ, то онъ послѣ нѣкотораго колебанія разсказалъ все, что ему было извѣстно изъ писемъ Флорентина. Онъ говорилъ робко и съ видимою неохотою и тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ на короля, который не имѣя повода подозрѣвать своего любимца въ какихъ либо затаенныхъ замыслахъ, не считалъ болѣе нужнымъ скрывать отъ него ту пламенную любовь, которую онъ чувствовалъ къ Францискѣ.

Между тѣмъ въ аббатствѣ дѣло быстро подходило къ развязкѣ. чему въ значительной степени способствовали слѣдующія два событія, случайно совпавшія одно съ другимъ. Гонецъ изъ Бретани привезъ письмо графинѣ Шатобріанъ, а вслѣдъ затѣмъ старая графиня

Библиотека "Руниверс"

Фуа въ первый разъ послѣдовала порыву своего материнскаго чувстка и отправилась въ аббатство, чтобы повидаться съ дочерью.

Было прекрасное весеннее утро. Солнце тепло свѣтило сквозь легкія облака, покрывавшія небо; съ горы St-Sauveur неслись каскадами горные ручьи. Графиня Франциска сидѣла у открытаго окна въ легкомъ бѣломъ платьѣ и задумчиво смотрѣла на лугъ, гдѣ нѣсколько козъ выщипывали первыя отпрыски весенней травы.

Въ комнату вошла Марго и подала графинѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„Отчаяніе заставляетъ меня обратиться къ вамъ графиня. Вы одна въ цѣлой Франціи можете помочь намъ, и только ваше ходатайство будетъ имѣть значеніе у короля. Мой отецъ, Жанъ де-Пуатье, графъ сенъ Валлье замѣшанъ въ заговорѣ коннетабля Бурбона и осужденъ на смертную казнь жестокосерднымъ канцлеромъ Дюпра. Всѣ просьбы моего мужа, родныхъ и многихъ пэровъ королевства не могли поколебать желѣзной воли короля. Смерть моего отца неизбѣжна! Вы можете себѣ представить тѣ мученія, которыя я испытываю въ настоящую минуту! Ходатайство герцогини Алансонскоой также оказалось безплоднымъ. Въ цѣлой Франціи никто не можетъ спасти графа Сенъ Валлье кромѣ васъ графиня, потому что вы одна пользуетесь расположеніемъ короля. Спасите насъ! Господь благословитъ васъ за ваше милосердіе!

Діана де-Брезе.

Франциска тотчасъ же написала королю нѣсколько словъ, упрашивая его помиловать графа Сенъ-Валлье и отвѣтила Діанѣ, что она можетъ передать ея записку королю. Едва успѣла она запечатать оба письма и передать ихъ Марго, чтобы она отнесла ихъ посланному, какъ отворилась дверь и въ комнату вошла графиня Фуа съ Хименой.

Франциска въ первую минуту была непріятно поражена появленіемъ матери, которая была главной причиной ея болѣзни и ни разу не посѣтила ее въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; но вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ своего радостнаго настроенія и остатка дѣтской привязанности она подошла къ старой графинѣ и взявъ ее за руку сказала:

— Благодарю васъ за ваше доброе желаніе помириться со мной!

Эти слова, сказанныя отъ полноты души и вызванныя гордымъ сознаніемъ нравственнаго могущества надъ любимымъ человѣкомъ, сразу уничтожили хорошее расположеніе духа старой графини.

— Помириться съ тобой! воскликнула она съ негодованіемъ. Мать не мирится, а прощаетъ своего ребенка, когда считаетъ его достаточно наказаннымъ.

— Вамъ не за что прощать меня!

— Франциска!

Библиотека "Руниверс"

— Не я, а вы виноваты предо мной! Ваше безсердечіе было причиной моей болѣзни!

— Ты заболѣла отъ мученій твоей совѣсти.

— Да, я дѣйствительно была смущена упреками, которые слышала съ разныхъ сторонъ. Но теперь моя совѣсть спокойна; не будемъ больше вспоминать о прошломъ.

— Мнѣ остается только благодарить Бога, если испытаніе вынесенное тобою послужило тебѣ въ пользу и ты вернешься къ прежнему образу жизни. Я встрѣтила внизу гонца, который говоритъ на сѣверномъ нарѣчіи и тотчасъ же подумала, что онъ изъ замка Шатобріанъ. Очень рада, что ты рѣшилась, наконецъ, просить прощенія у твоего мужа и помириться съ нимъ.

— Вы ошибаетесь! Я не въ перепискѣ съ моимъ мужемъ и не имѣю никакого желанія просить прощенія у человѣка, который дурно обращался со мной, тѣмъ болѣе, что вовсе не люблю его...

— Франциска!..

— Это гонецъ изъ Нормандіи изъ замка сенешала Брезе. Дочь графа Сенъ-Валлье проситъ моего заступничества у короля за своего отца, приговореннаго къ смертной казни.

— Ты не должна имѣть никакихъ сношеній съ королемъ, даже письменныхъ!

— Я просила его ради несчастной дочери даровать жизнь отцу.

— Съ чего ты взяла, что король послушаетъ тебя?

— Я люблю его и знаю, что онъ любитъ меня.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это!.. Вотъ каково твое раскаяніе!..

— Я не чувствую никакого раскаянія.

— Ты говоришь какъ помѣшанная! Неужели ты не понимаешь, что полное выздоровленіе возможно для тебя только въ томъ случаѣ если ты забудешь о существованіи Франциска Валуа и не позволишь ему произносить твое имя.

— Я вовсе не больна!

— Молчи! Ты разсуждаешь какъ маленькій ребенокъ и я кстати пришла сюда, чтобы заставить тебя опомниться. Я позволяю тебѣ сегодня же вернуться въ замомъ и буду заботиться о тебѣ. Надѣюсь, что ты еще не успѣла дать отвѣтъ посланному?

— Мои письма переданы ему еще до вашего прихода.

— Бѣги скорѣе внизъ, Химена, и вытребуй ихъ назадъ. Я сама напишу отвѣтъ.

— Этого никогда не будетъ! Письмо было адресовано мнѣ и я никому не позволю отвѣчать на него.

— Торопись, Химена, можетъ быть тебѣ удастся задержать посланнаго! Скажи ему, что графиня Шатобріанъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ французскимъ королемъ!..

Библиотека "Руниверс"

— Это была бы совершенная ложь! Прошу васъ остаться съ нами, мадемуазель Инфантадо!

— Ты осмѣливаешься называть ложью мои слова!

— Я уже сказала вамъ, что люблю короля и онъ любитъ меня!

— Я совѣтывала бы тебѣ не говорить подобныхъ вещей и еще съ такимъ нахальнымъ равнодушіемъ! Неужели ты настолько потеряла всякій стыдъ, что уже не считаешь нужнымъ скрывать свой позоръ? Съ своей стороны я употреблю всѣ усилія, чтобы въ будущемъ твоя преступная склонность не могла поддерживаться близкими сношеніями и разговорами...

— Я не считаю свои чувства преступными и больше не намѣрена скрывать ихъ.

— Ты не считаешь себя преступною? Развѣ королева и графъ Шатобріанъ умерли?

— Графъ Шатобріанъ умеръ для меня. Мы не можемъ понять другъ друга. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— Горе тебѣ, если ты въ полномъ разсудкѣ и я не могу иначе объяснить твои слова. Горе тебѣ, если...

Рѣчь старой графини была прервана приходомъ дворецкаго, который торжественно доложилъ, что въ замокъ Фуа прибыло посольство отъ французскаго короля и проситъ дозволенія представиться графинѣ Фуа.

Старая графиня, предполагая, что это посольство послано къ ней съ цѣлью переговоровъ, касающихся ея дочери, быстро направилась къ двери. Ея блѣдное старческое лицо ожило отъ рѣшимости спровадить королевское посольство такимъ способомъ, какого вѣроятно не ожидалъ Бонниве, прибывшій во главѣ его. Но прежде чѣмъ она успѣла выйти въ корридоръ, появился Флорентинъ съ докладомъ, что посолъ короля Франциска проситъ графиню Шатобріанъ принять его.

— Ты должна отвѣтить ему отказомъ! воскликнула старая графиня, обращаясь къ дочери. Не понимаю отецъ Флорентинъ, добавила она,—какъ вы берете на себя подобныя порученія, когда...

— Черезъ какія нибудь четверть часа, я буду имѣть честь явиться въ замокъ и представить вамъ мои оправданія графиня, отвѣтилъ Флорентинъ. Позвольте дать вамъ добрый совѣтъ не поступать опрометчиво съ королевскимъ посольствомъ. Я только что получилъ письмо отъ вашего сына Лотрека; онъ настоятельно проситъ васъ принять дружелюбно посланныхъ короля. Его величество въ послѣдніе мѣсяцы былъ необыкновенно милостивъ къ вашему сыну, несмотря на то, что по его винѣ лишился лучшаго войска и прекрасной страны.

— Посовѣтуйте моему сыну Лотреку, пусть онъ впредь устраиваетъ свои дѣла такимъ образомъ, чтобы не нуждаться въ милости

Библиотека "Руниверс"

короля. Надѣюсь, отецъ Флорентинъ, что вы отдадите приказъ никого не впускать сюда и немедленно прійдете въ замокъ.

Съ этими словами старая графиня вышла въ корридоръ, но сойдя съ лѣстницы, она съ удивленіемъ замѣтила, что слуги украшаютъ внутренній дворъ аббатства, какъ будто для значительнаго церковнаго празднества. Тяжелые ковры висѣли вдоль галлерей и корридоровъ; полъ былъ вездѣ усѣянъ зелеными вѣтками; главныя ворота отворены настежъ; отъ нихъ черезъ весь дворъ и по мраморнымъ ступенямъ, ведущимъ въ залу капитула аббатства, протянутъ былъ коверъ. Когда старая графиня проходила мимо этой залы, то ей показалось, что она видитъ сквозь стеклянныя двери дородную фигуру аббата въ полномъ облаченіи, расхаживающаго съ какимъ-то господиномъ въ свѣтской одеждѣ, который показался ей незнакомымъ. Сердце графини Фуа сжалось отъ несвойственнаго ей чувства страха и сознанія старости и безсилія противъ какого-то таинственнаго и неожиданнаго нападенія. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что именно угрожало ей, но она предчувствовала бѣду, хотя была слишкомъ горда и поглощена своими мыслями, чтобы спросить у окружающихъ о причинѣ такихъ торжественныхъ приготовленій. Она знала, что въ замкѣ ей должны оффиціально объявить объ этомъ, какъ владѣтельной графинѣ, и тогда она успѣетъ принять извѣстныя мѣры, если окажется нужнымъ.

Флорентинъ также чувствовалъ себя неловко, потому что развязка наступила скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ этого. Онъ боялся протеста со стороны старой графини и не зналъ, насколько ему удастся уговорить ее и лишить возможности противодѣйствовать его планамъ. Онъ торопился въ замокъ и сообщилъ Францискѣ въ короткихъ и безсвязныхъ словахъ, что получена формальная бумага отъ короля и что она можетъ, даже не читая ее, согласиться съ тѣми условіями, которыя изложены въ ней, такъ какъ всѣ пункты предварительно взвѣшены и обдуманы имъ. Франциска ничего не поняла изъ всего этого, кромѣ факта, что король желаетъ видѣть ее и что участь ея должна скоро рѣшиться. Флорентину и въ голову не приходило, что онъ долженъ присутствовать при передачѣ важной бумаги, обезпечивавшей будущность Франциски и что въ противномъ случаѣ онъ можетъ поставить на карту всю свою предусмотрительность и дорого доставшуюся побѣду. Онъ не принялъ въ разсчетъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ, на которые бываетъ способна любящая женщина, потому что судилъ о привязанности Франциски на основаніи собственнаго опыта: никто не любилъ его такимъ образомъ и его сердце было чуждо высокаго и безкорыстнаго чувства.

Онъ поспѣшилъ въ замокъ Фуа, гдѣ считалъ свое присутствіе необходимымъ и оставилъ Франциску въ тотъ моментъ, когда вошелъ аббатъ, чтобы вести ее въ залу, гдѣ ожидало ее посольство отъ короля.

Франциска, войдя въ залу капитула, застала тамъ нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

рыцарей изъ свиты короля и Шабо де-Бріона, который видимо старался скрыть грусть, проглядывавшую въ его глазахъ и выраженіи лица. Онъ также почтительно поклонился ей, какъ и прежде, но въ осанкѣ его была замѣтна нѣкоторая торжественность, сообразная тому важному порученію, которымъ удостоилъ его король. Бріонъ обратился къ графинѣ Шатобріанъ съ длинной рѣчью отъ имени короля, въ которой точно придерживался данной ему подробной инструкціи, представлявшей нѣчто среднее между сватовствомъ и лестнымъ приглашеніемъ пріѣхать къ королевскому двору. Онъ кончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что „король въ доказательство своей любви хочетъ оказать графинѣ Шатобріанъ тотъ почетъ, который предписываетъ ему его сердце и ея высокія достоинства, такъ какъ она самая красивая и даровитая женщина въ цѣломъ королевствѣ".

— Этотъ документъ, добавилъ Бріонъ, подавая ей бумагу—можетъ обезпечить вашу будущность, графиня, въ случаѣ, если явятся какія либо неожиданныя препятствія для вашего брака съ королемъ со стороны церкви или въ видѣ государственныхъ соображеній.

Франциска раскрыла бумагу и начала читать. Густая краска покрыла ея щеки; едва прочитавъ половину, она подняла голову и воскликнула:

— Кто сочинилъ эту бумагу?

— Ваши лучшіе друзья! поспѣшилъ отвѣтить аббатъ, который, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ графини, объяснилъ его по-своему.— Вы можете быть увѣрены, что здѣсь приняты во вниманіе всѣ превратности земного существованія и высочайшей милости и обдумано все, что можетъ послужить въ вашу пользу.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожалѣть, что мои лучшіе друзья такъ странно позаботились обо мнѣ! Но благодаря Бога у меня есть другъ, который лучше всѣхъ понимаетъ меня — это король! Я не желаю заключать съ нимъ никакого контракта и считаю заботы моихъ остальныхъ друзей совершенно излишними. Они упустили изъ виду одно обстоятельство, которое связываетъ людей прочнѣе всѣхъ контрактовъ: я люблю короля!

Съ этими словами графиня Шатобріанъ взяла бумагу, и прежде чѣмъ аббатъ при своемъ тугомъ соображеніи успѣлъ догадаться объ ея намѣреніи и схватить за руку, она разорвала пергаментъ на нѣсколько кусковъ.

Въ эту рѣшительную минуту вниманіе присутствующихъ было привлечено внезапнымъ звономъ всѣхъ колоколовъ аббатства и звуками трубъ, которые раздались подъ сводами главныхъ воротъ, виднѣвшихся изъ открытыхъ дверей капитульской залы.

Взоры всѣхъ невольно обратились къ воротамъ. На дворъ въѣхала толпа королевскихъ тѣлохранителей; они были на высокихъ лошадяхъ и трубили въ трубы. За ними слѣдовали герольды въ небесно-голубыхъ туникахъ, украшенныхъ золотыми лиліями. За герольдами

Библиотека "Руниверс"

появилась величественная фигура короля Франциска на ворономъ конѣ, въ сопровожденіи такого множества рыцарей, что дворъ, переполненный до самаго крыльца всадниками, не могъ болѣе вмѣщать ихъ. Одновременно съ этимъ изъ внутреннихъ дверей капитульской залы появились прелаты въ богатыхъ лиловыхъ одѣяніяхъ и заняли мѣста въ залѣ.

Но Франциска не обратила никакого вниманія на то, что дѣлалось въ залѣ; съ возрастающимъ вниманіемъ смотрѣла она на герольдовъ съ знакомыми герольдическими знаками и вздрогнула отъ радости, когда всадники выстроились по обѣимъ сторонамъ двора и въ воротахъ показалась фигура короля.

— Вотъ онъ! мой король Францискъ! громко воскликнула она и поспѣшно бросилась къ стеклянной двери, выходившей на крыльцо; но король, увидя ее, соскочилъ съ коня и взбѣжалъ на лѣстницу. Она на минуту остановилась, изнемогая отъ счастья, затѣмъ протянула ему обѣ руки и, встрѣтившись съ нимъ на площадкѣ лѣстницы, упала въ его объятія при радостныхъ крикахъ многочисленной свиты короля и неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ. Воронъ Жакъ, неподвижно сидѣвшій на аркѣ перваго этажа, встрепенулся отъ внезапнаго шума и началъ кружиться надъ влюбленной парой съ своимъ обычнымъ крикомъ: Францискъ! Францискъ!

Король, взялъ подъ руку графиню Шатобріанъ и ввелъ ее въ залу, гдѣ аббатъ встрѣтилъ ихъ съ видимымъ намѣреніемъ сказать имъ рѣчь. Король остановилъ его жестомъ руки, который можно было понять двоякимъ способомъ: что онъ не желаетъ никакихъ формальностей или проситъ оратора повременить, пока не умолкнетъ звонъ колоколовъ. Сконфуженный аббатъ отошелъ въ сторону, но тутъ къ ужасу своему замѣтилъ, что король наступилъ на разорванные куски пергамента, лежавшіе на полу и поспѣшно забѣжалъ впередъ, въ надеждѣ, что успѣетъ подобрать ихъ, пока король Францискъ раскланивался съ собравшимися прелатами и отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Это не удалось ему, потому что король замѣтилъ его и наклонившись въ его сторону, спросилъ съ живостью: что онъ ищетъ по полу? Но прежде, нежели аббатъ собрался съ духомъ и придумалъ свой отвѣтъ, въ залу вбѣжалъ Бонниве съ раскраснѣвшимся лицомъ и что-то сообщилъ вполголоса королю. Франциска разслышала только послѣднія слова: не теряйте ни минуты; вотъ ведутъ иноходца...

Это былъ иноходецъ, приготовленный для графини Шатобріанъ. Король поспѣшно вышелъ изъ залы съ своей дамой, но едва успѣлъ онъ посадить ее на лошадь и накинуть на нее легкій пурпуровый плащъ, лежавшій на сѣдлѣ, какъ въ воротахъ появилась старая графиня Фуа. Она шла торопливымъ шагомъ по ковру, разосланному на дворѣ аббатства и приблизилась къ крыльцу въ тотъ моментъ, когда король садился на коня.

Библиотека "Руниверс"

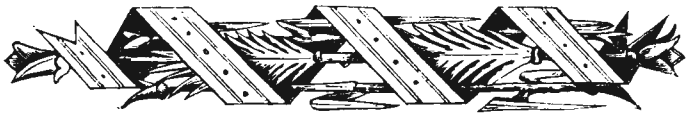
— Остановись, Францискъ Валуа! воскликнула старая графиня, войдя на крыльцо и протянувъ къ нему свою худощавую руку съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣла схватить его и приковать къ мѣсту. Я мать этой женщины! Ты отвѣтишь мнѣ...

Бонниве, предвидѣвшій эту сцену, отдалъ приказъ королевскимъ трубачамъ наигрывать одинъ мотивъ за другимъ, чтобы не слышно было ни одного слова на дворѣ аббатства. Трубачи буквально исполнили приказъ услужливаго адмирала; старая графиня напрасно возвышала голосъ; никто не могъ разслышать того, что она говорила; но стоявшіе у крыльца видѣли, какъ шевелились ея губы и догадывались по выраженію лица, что она произносила проклятіе своей дочери и королю, которые не обращая на нее никакого вниманія, выѣхали изъ аббатства.

Когда они скрылись за воротами, старая графиня упала замертво на крыльцо, пораженная параличемъ отъ гнѣва, отчаянія и сознанія своего безсилія. Все слабѣе и слабѣе доносились звуки трубъ, но торжественный звонъ колоколовъ продолжался безостановочно и умолкъ только тогда, когда королевскій поѣздъ переѣхалъ мостъ на рѣкѣ Аріежъ и поднялся на горы. Мало по малу онъ скрылся изъ виду; исчезъ послѣдній всадникъ и только виднѣлся одинъ воронъ, который высоко поднявшись въ воздухѣ, летѣлъ вслѣдъ за поѣздомъ.

Конецъ второй части.

Библиотека "Руниверс"



Часть III.

ГЛАВА I.

Лѣтомъ 1524 года сильная гроза съ утра обвила замокъ Шатобріанъ, какъ бы черной мантіей. Все ниже и ниже опускались тяжелыя тучи и къ вечеру наступила темнота, которая производила болѣе подавляющее впечатлѣніе, чѣмъ непроницаемый мракъ ночи. Громъ гремѣлъ безпрерывно; одиночные сильные удары, сопровождаемые яркими молніями предвѣщали приближеніе бури, которая должна была разразиться тѣмъ сильнѣе, что въ теченіи цѣлаго дня не выпало ни одной капли дождя.

Графъ Шатобріанъ сидѣлъ въ старой башнѣ, которая была соединена съ новымъ замкомъ висячей галереей. Эта галерея вела въ средній этажъ башни, состоящій изъ одной залы и служила единственнымъ выходомъ. Въ былыя времена дверь была устроена съ противоположной стороны и выходила на небольшую лѣстницу, ведущую къ разнымъ зданіямъ, примыкавшимъ къ башнѣ. Но съ постройкой новаго замка всѣ эти зданія были заброшены за исключеніемъ конюшенъ и дверь замурована наглухо. Башня состояла изъ трехъ этажей, соединенныхъ внутри потаенными лѣстницами, которыя въ случаѣ надобности закрывались подъемными люками. Нижній этажъ, возвышавшійся всего на десять локтей надъ поверхностью рѣки Шеръ, омывавшей башню съ восточной и сѣверной стороны, имѣлъ наиболѣе мрачный видъ, благодаря маленькимъ окнамъ, въ которыхъ были вдѣланы желѣзныя рѣшетки. Графъ Шатобріанъ устроилъ здѣсь свою спальню съ тѣхъ поръ, какъ жена покинула его, потому что новый красивый замокъ окончательно опротивѣлъ ему. Зала средняго этажа служила для него пріемной комнатой, и

Библиотека "Руниверс"

здѣсь онъ проводилъ большую часть дня. Въ верхнемъ этажѣ онъ помѣстилъ свою маленькую дочь съ Луизонъ, которая вернулась въ замокъ, когда графиня уѣхала съ Батистомъ въ Пиринеи. Графъ держалъ Констанцію при себѣ, потому что искренно любилъ ее и мучился постояннымъ опасеніемъ, что графиня, которая уже не разъ требовала къ себѣ ребенка, похититъ его тѣмъ или другимъ способомъ. Луизонъ получила особенную цѣну въ глазахъ суроваго владѣльца земли своимъ возвращеніемъ изъ Блуа и мнѣніемъ, которое она выразила о своей госпожѣ. Ему и въ голову не приходило, что Луизонъ несравненно болѣе привязана къ графинѣ, нежели къ нему и осуждаетъ ея поступокъ только съ цѣлью заслужить его довѣріе. Хотя онъ не зналъ этого и не подозрѣвалъ, что она намѣрена воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отвезти ребенка къ матери, но тѣмъ не менѣе никогда не отпускалъ съ нею Констанціи безъ провожатаго. Если графъ отправлялся куда нибудь одинъ, то запиралъ за собою дверь, выходившую въ галлерею и только въ томъ случаѣ отдавалъ ключъ слугѣ, если уѣзжалъ на долгое время. Въ первые мѣсяцы онъ совсѣмъ не выходилъ изъ башни, потому что не довѣрялъ никому изъ слугъ послѣ измѣны Батиста. Но когда Батистъ, присоединившись къ королевскому поѣзду, проводилъ графиню въ Фонтенбло и съ опасностью жизни вернулся въ замокъ Шатобріана, чтобы заодно съ Луизонъ дѣйствовать въ пользу ихъ общей госпожи, то графъ приписалъ это привязанности Батиста къ нему и нѣсколько успокоился относительно своихъ слугъ. Если ему случалось отлучаться на ночь изъ дому, онъ довѣрялъ ключъ отъ башни старому слугѣ Жилловеру, котораго предки служили графамъ Шатобріанъ съ незапамятныхъ временъ.

Бѣдный графъ! Простая ограниченная женщина вѣроятно доставила бы ему все то супружеское счастье, котораго такъ жаждало его сердце. Нравственныя преимущества Франциски оказались совершенно лишними для него и не только разрушили его супружескія отношенія, но лишили его возможности пользоваться благопріятными условіями обеспеченной жизни. Онъ не считалъ возможнымъ, чтобы Батистъ возвратился въ замокъ съ опасностью жизни по какому либо другому поводу, кромѣ добросовѣстнаго сознанія своего долга. Благодаря этому, онъ почти повѣрилъ разсказу бретанца, будто бы „онъ счелъ своей обязанностью не оставлять графиню Шатобріанъ на чужбинѣ, тѣмъ болѣе, что она сказала ему, что графъ приказалъ это. Только въ Фонтенбло въ немъ проснулось недовѣріе, потому что тамъ онъ услышалъ въ первый разъ, что графиня не хочетъ болѣе носить имя своего мужа и тогда онъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуться домой и спросить господина: что ему дѣлать?“ Графъ не имѣлъ повода сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа, потому что всегда считалъ Батиста порядочнымъ малымъ и вдобавокъ простоватымъ и неспособнымъ на хитрости. Онъ при-

Библиотека "Руниверс"

казалъ по обыкновенію наказать бретанца плетьми, какъ наказывалъ его въ былое время за разныя незначительныя провинности, но тѣмъ не менѣе, его прежняя вѣра въ преданность товарища молодости была отчасти утрачена. Онъ смутно чувствовалъ, что почва все болѣе и болѣе колеблется подъ его ногами и не видя исхода изъ своего тяжелаго положенія, со дня на день становился угрюмѣе и раздражительнѣе.

Во время грозы графъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ среднемъ этажѣ замка и гладилъ правой рукой кудрявую головку своей дочери, которая качалась на его колѣняхъ и все ближе прижималась къ нему по мѣрѣ того, какъ погружалась въ мракъ огромная пустая зала, со стѣнъ которой смотрѣли на подобіе привидѣній вытянутые во весь ростъ портреты предковъ графа Шатобріана самой грубой работы. Но всѣхъ страшнѣе при фантастическомъ грозовомъ освѣщеніи казался маленькой Констанціи родоначальникъ дома, портретъ котораго висѣлъ противъ стула графа Шатобріана. Его черные, колесообразные глаза, глядѣвшіе съ высоты, приводили въ ужасъ пятилѣтнюю дѣвочку и заставляли усиленно биться ея сердце.

Графъ Шатобріанъ напрасно старался сосредоточить все свое вниманіе на ребенкѣ; мысли его видимо были заняты другимъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ; но кто могъ сказать, что̀ больше всего угнетало его! Остатокъ ли той своеобразной привязанности, которую онъ все еще питалъ къ своей красивой женѣ и которую та оттолкнула съ презрѣніемъ? Оскорбленная ли мужская гордость, болѣзненно дѣйствующая на человѣка при открытой измѣнѣ со стороны любимой женщины или гордость дворянина, который видитъ свою честь отданною на произволъ людского злословія? Если все это по временамъ одинаково мучило его, то въ настоящую минуту чувство глубокой тоски пересилило всѣ другія ощущенія. Его печальные глаза выражали одно желаніе:—все простить женѣ, опять принять ее въ свой домъ и доставить ей болѣе спокойную и радостную жизнь, чѣмъ та, какую она испытала до своего отъѣзда изъ замка Шатобріанъ.

Размышленія графа были прерваны приходомъ Жилловера, стараго сѣдого слуги, который, отворивъ настежь дверь, ввелъ какого-то незнакомца.

Въ комнатѣ было такъ темно, что графъ только по тону голоса и поклону могъ узнать своего друга сенешала Нормандіи.

— Знаете ли вы, что̀ дѣлается въ свѣтѣ? спросилъ пріѣзжій дружески поздоровавшись съ хозяиномъ дома.

— Ничего не знаю, вотъ уже полгода, возразилъ графъ. Въ послѣдніе три мѣсяца меня мучитъ тоска безъ всякой опредѣленной причины; все время я просидѣлъ въ этой комнатѣ и не видѣлъ никого изъ нашихъ дворянъ, которые могли бы сообщить мнѣ о томъ, что̀ творится на свѣтѣ. Къ тому же всякія вѣсти поздно доходятъ

Библиотека "Руниверс"

до нашей уединенной Бретани. Разскажите мнѣ, если у васъ есть какія нибудь утѣшительныя новости, а дурное скройте отъ меня; я теперь сдѣлался такимъ же чувствительнымъ, какъ женщина и не переношу непріятныхъ впечатлѣній.

— Что могу я разсказать вамъ утѣшительнаго, мой товарищъ по несчастію!

— Товарищъ по несчастію! Что это значитъ? Развѣ Діана де Брезе?...

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ въ другое время.

— Что вашъ тесть выпущенъ на свободу или умеръ?

— Ни то, ни другое!.. Сообщу вамъ прежде болѣе крупныя новости. Счастье положительно измѣнило Франціи. Впрочемъ я могу порадовать васъ извѣстіемъ, что вся вина новаго пораженія французскихъ войскъ падаетъ на нашего общаго пріятеля Бонниве; онъ загладилъ ошибку Лотрека еще большимъ промахомъ. Король, да просвѣтитъ его Господь относительно выбора любимцевъ!—этой же весной назначилъ Бонниве главнокомандующимъ вновь организованной итальянской арміи и нашъ пріятель потерялъ это войско какъ школьникъ. Онъ погубилъ цвѣтъ французскаго рыцарства близь Сезіи не въ открытой битвѣ, а въ позорныхъ отступленіяхъ.

— Неужели Баярдъ...?

— Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека, умеръ. Удерживая нѣкоторое время врага, стремительно бросившагося черезъ рѣку и защищаясь какъ левъ, онъ упалъ пораженный каменной пулей.—Кончено, я умираю! воскликнулъ онъ и, поцѣловавъ крестъ на своей шпагѣ, велѣлъ посадить себя подъ дерево лицомъ къ непріятелю чтобы тотъ не могъ видѣть его спины даже у мертваго. Въ это время коннетабль Бурбонъ, преслѣдуя Бонниве въ надеждѣ захватить его въ плѣнъ, приблизился къ дереву.—Какъ мнѣ жаль г-нъ Баярдъ, сказалъ онъ, что я вижу васъ въ такомъ положеніи! Вы служили образцомъ для нашего рыцарства!—Меня жалѣть нечего! возразилъ Баярдъ. Я умираю съ честью; вы скорѣе можете возбудить къ себѣ сожалѣніе, потому что измѣнили данной присягѣ и сражаетесь противъ вашего короля и отечества.—Такъ умеръ Баярдъ, оплакиваемый врагами Франціи, которые не менѣе насъ любили и уважали его за безупречную добродѣтель.

— Въ нашей странѣ скоро исчезнетъ всякая доблесть!

— Вся Франція погрузилась въ глубокую печаль, когда привезли тѣло Баярда изъ-за Альпъ на его родину Дофине, продолжалъ Брезе. На цѣлый мѣсяцъ были прекращены всякія игры и увеселенія. Всѣ убѣждены, что эта смерть приведетъ Францію къ новымъ невзгодамъ.

— Эта смерть служитъ предвѣстникомъ, что наступилъ конецъ рыцарству; капризъ короля восторжествуетъ окончательно надъ обычаемъ и закономъ; разные выскочки, обязанные своимъ возвышеніемъ

Библиотека "Руниверс"

королевской милости распоряжаются сеньёрами страны. Вы еще толковали мнѣ о великой будущности, ожидающей Францію! Все это кукольная комедія, которая не можетъ долго продолжаться! Развѣ выйдетъ что либо порядочное изъ Франціи, пока ею управляютъ авантюристы?

— Къ сожалѣнію, вы, кажется, правы. Бурбонъ соединился съ испанскими и итальянскими войсками, прошелъ черезъ горы въ Провансъ и идетъ прямой дорогой на Ліонъ. Говорятъ, что всѣ сеньёры Бурбоне, Оверна, Фореза, даже Лангедока и большинство дворянъ въ остальныхъ провинціяхъ намѣрены примкнуть къ нему и свергнуть короля, у котораго Бонниве погубилъ послѣднее войско. Такимъ образомъ планъ, наскоро составленный Бурбономъ осуществится въ самомъ непродолжительномъ времени и Франція будетъ раздѣлена между Англіей, Испаніей и коннетаблемъ. Нормандія и Бретань вѣроятно достанутся англичанамъ.

— И вы находите эти извѣстія неутѣшительными! воскликнулъ Шатобріанъ, вскочивъ съ мѣста.

— Нѣтъ, они вовсе не радуютъ меня...

— Я буду благословлять тотъ день, когда Валуа получитъ должное возмездіе.

— Можетъ быть я самъ въ непродолжительномъ времени буду не менѣе васъ желать мести, тѣмъ не менѣе...

— Вѣроятно Діана де-Брезе?..

— Она по примѣру графини Франциски Шатобріанъ отправилась въ Фонтенбло противъ моей воли.

— Значитъ вы также одурачены какъ и я? Діана де-Брезе поможетъ мнѣ соединиться съ моей женой; а тамъ явится еще какая нибудь красавица и заставитъ вашу жену вернуться въ Нормандію, потому что на счастье сеньеровъ французскій султанъ не отличается постоянствомъ.

— Я увѣренъ, что вы преувеличиваете! Діана хочетъ только освободить отца, который все еще томится въ Луврской башнѣ, ожидая смерти со дня на день. Ходатайство графини Шатобріанъ только отдалило казнь, но о полномъ помилованіи нѣтъ и рѣчи.

— Мудрый Валуа ловко распоряжается своими милостями! Онъ медлитъ съ помилованіемъ графа Сенъ-Валлье, въ надеждѣ получить добавочную плату отъ прекрасной Діаны!

— Чтобы воспрепятствовать этому я самъ думаю отправиться ко двору и хотѣлъ предложить вамъ ѣхать со мной.

— Вы предлагаете мнѣ ѣхать въ Фонтенбло?

— Выслушайте меня до конца. Помимо нападенія со стороны Бурбона, мы должны имѣть въ виду и другія обстоятельства. Королева Клавдія уже не будетъ служить помѣхой для короля.

— Неужели она умерла?

— Она все равно, что мертвая, потому что ждутъ ея смерти съ

Библиотека "Руниверс"

часу на часъ. Предстоящая борьба имѣетъ рѣшающее значеніе для короля: онъ самъ долженъ будетъ выступить противъ коннетабля; поэтому вы можете себѣ представить какъ усердствуютъ мнимые друзья графини: Бюде, Флорентинъ и вся ихъ клика. Они совѣтуютъ между прочимъ королю признать графиню регентшей государства въ его отсутствіе, потому что трудно выхлопотать разводъ, пока папа въ союзѣ съ Испаніей. Они думаютъ этимъ способомъ подготовить общественное мнѣніе къ событію, которое должно совершиться по прошествіи траурнаго года, такъ какъ къ тому времени будутъ вѣроятно отстранены всѣ препятствія къ разводу. Вы видите, что послѣ смерти королевы все будетъ поставлено на карту и что нужно теперь же приняться за дѣло, если вы не хотите навсегда отказаться отъ вашей жены. Но мнѣ кажется, судя по вашему характеру, что вы скорѣе желали бы видѣть ее кающейся графиней, нежели французской королевой.

— Вы совершенно правы, Брезе. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что не смотря на то, что она обезчестила мое имя, я все еще люблю ее; и мое сердце настолько слабо, что оно не можетъ отказаться отъ надежды на семейное счастье, хотя бы самое жалкое. Я знаю, что мнѣ не слѣдовало бы говорить этого.

— Жена нужна сеньеру чтобы поддержать честь его дома; но мы не можемъ идти противъ судьбы...

— Нѣтъ, Брезе, судьба тутъ ничего не значитъ. Если со мной случилось несчастіе, то я властенъ, по крайней мѣрѣ, распорядиться своей будущностью! Я рѣшилъ и далъ себѣ клятву и повторяю ее передъ портретами моихъ предковъ: если моя жена еще разъ отвергнетъ мою руку и не вернется домой, то я предамъ ее суду, какъ это дѣлали въ старину бретанцы съ невѣрными женами, а затѣмъ прикажу моимъ слугамъ умертвить ее. Да поможетъ мнѣ Господь исполнить это!..

При послѣднихъ словахъ графа Шатобріана надъ замкомъ разразился такой сильный ударъ грома, что все задрожало въ комнатѣ. Маленькая Констанція съ крикомъ бросилась къ отцу, который самъ поблѣднѣлъ какъ смерть, потому что портретъ его старѣйшаго предка освѣщенный яркой молніей, зашевелился на стѣнѣ и съ трескомъ упалъ на полъ.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Жилловеръ съ факеломъ въ рукѣ и ввелъ Батиста!

Послѣдній подошелъ къ графу и подалъ ему письмо со словами:

— Не моя вина, графъ, если ваша супруга велѣла втайнѣ передать мнѣ это письмо...

Графъ поспѣшно распечаталъ письмо, не обращая вниманія на печать.

Письмо заключало въ себѣ извѣстіе о смерти старой графини Фуа и приказъ Батисту привести во что бы то ни стало маленькую Кон-

Библиотека "Руниверс"

станцію въ замокъ Фуа, гдѣ онъ долженъ былъ передать ее на попеченіе Марго.

Врядъ ли кто взялся бы написать исторію безмятежной любви! Что можемъ мы сказать о первыхъ мѣсяцахъ проведенныхъ королемъ и Франциской въ Фонтебло! Король обладалъ въ высшей степени счастливой способностью предаваться всецѣло поглощавшему его интересу и забывалъ ради него весь остальной міръ. Онъ не задавался мыслью о томъ, что скоро наступитъ конецъ и этой любви, хотя по опыту зналъ, какъ непрочны всѣ его даже самыя сильныя привязанности. Онъ не думалъ объ этомъ, потому что чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи чтобы создать себѣ новое жизненное наслажденіе взамѣнъ утраченнаго. Что касается графини Шатобріанъ, то она была изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, для которыхъ не существуетъ мимолетной любви, и которыя отдавшись однажды любимому человѣку отдаются ему навсегда и не признаютъ иныхъ предѣловъ своей любви кромѣ смерти. Чѣмъ труднѣе была для Франциски борьба съ долгомъ и нравственными понятіями, тѣмъ легче овладѣла ею страсть когда она потеряла вѣру въ прежнія убѣжденія. Чувственность, возбужденная объятіями Флорентина заговорила въ ней съ неудержимою силою при выздоровленіи отъ продолжительной нервной болѣзни.

Она спокойно поселилась въ Фонтенбло, куда привезъ ее король и, не считая нужнымъ скрывать свою связь, сдѣлалась его неразлучной подругой. Въ ея обращеніи съ окружающими не было и тѣни прежней застѣнчивости и нерѣшительности; по своимъ теперешнимъ понятіямъ она совершенно законнымъ образомъ пріобрѣла власть и высокое положеніе въ свѣтѣ, потому что они достались ей по праву любви.

Герцогиня Ангулемская, мать короля, съ неудовольствіемъ замѣтила рѣзкую перемѣну въ обращеніи молодой женщины и при всякомъ удобномъ случаѣ называла ее высокомѣрной тварью и хитрой змѣей, которая въ Блуа кокетничала кротостью и невинностью, а теперь разыгрываетъ роль настоящей королевы. Даже Дюпра въ первые мѣсяцы былъ въ нерѣшимости: не примкнуть ли ему къ восходящему свѣтилу и измѣнить герцогинѣ Луизѣ, которая въ это время потеряла всякое вліяніе при дворѣ. Но скоро у Дюпра явились личные поводы къ недоброжелательству относительно графини Шатобріанъ, потому что родные Семблансэ обратились къ ней съ просьбой о ходатайствѣ и она обѣщала имъ свою помощь, равно какъ и Діанѣ Брезе, которая, умоляла ее въ своихъ письмахъ заступиться за несчастнаго графа Сенъ-Валлье. Дюпра не понималъ смѣлой логики любви и будучи убѣжденъ, что увѣренность графини происходитъ отъ какихъ-то таинственныхъ, неизвѣстныхъ ему причинъ, не рѣшался открыто сопротивляться ей. Онъ не отговаривалъ короля,

Библиотека "Руниверс"

когда тотъ приказалъ облегчить участь Семблансэ и Сенъ-Валлье и даже въ угоду графинѣ Шатобріанъ согласился, чтобы судъ надъ этими лицами былъ отложенъ на нѣкоторое время. Черезъ это непріязнь герцогини Ангулемской къ Францискѣ дошла до непримиримой вражды, потому что съ потерей дружбы Дюпра, она лишалась главной опоры, а помилованіе Семблансэ неизбѣжно повело бы къ обнаруженію ея наглаго обмана.

Герцогиня Луиза скоро догадалась о причинѣ колебаній Дюпра и употребила всѣ старанія чтобы убѣдить его, что самоувѣренность графини ничто иное, . какъ недостатокъ опытности и безстыдство свойственное всѣмъ выскочкамъ. Она краснорѣчиво доказывала Дюпра, что король, которому грозила опасность со стороны Испаніи, Германіи и Англіи не могъ быть настолько опрометчивъ чтобы при новой женитьбѣ отказаться отъ всякихъ политическихъ преимуществъ и вступить въ бракъ съ незначительной бретанской графиней, которую онъ можетъ имѣть при себѣ помимо супружескихъ обязательствъ.

— Развѣ мой сынъ, добавила она — станетъ придерживаться мѣщанскихъ нравовъ и забудетъ когда нибудь о своемъ высокомъ положеніи и возможности мѣнять женщинъ сколько ему вздумается? Кажется до сихъ поръ его нельзя было упрекнуть въ постоянствѣ. Совѣтую вамъ Дюпра теперь-же сдѣлать выборъ между мной и этой тварью; въ случаѣ малѣйшей медленности съ вашей стороны мнѣ будетъ не трудно уничтожить васъ. Я могу смѣло признаться въ моихъ прегрѣшеніяхъ: король поневолѣ проститъ матери, но при этомъ неизбѣжно обнаружатся нѣкоторыя изъ вашихъ дѣяній, и вамъ не легко будетъ оправдать себя, потому что король ненавидитъ васъ.

Эти доводы окончательно убѣдили Дюпра, и онъ рѣшилъ перейти на сторону герцогини. Такимъ образомъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ водворенія Франциски въ Фонтенбло, какъ уже враги ея трудились всѣми силами надъ ея сверженіемъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и Бонниве, который отправился въ итальянскій походъ въ качествѣ главнокомандующаго. Герцогиня могла смѣло расчитывать на его помощь. Легкомысленный и равнодушный, онъ не способенъ былъ ни на какую серьезную привязанность и не принималъ въ соображеніе, что красивая графиня еще недавно нравилась ему. Это обстоятельство напротивъ того еще больше усиливало его непріязнь къ ней, потому что при своемъ тщеславіи онъ не могъ помириться съ мыслью, что женщина, которую онъ вывелъ въ свѣтъ и, за которой ухаживалъ, была постоянно равнодушна къ нему и даже обходилась съ нимъ съ высока. Онъ охотно взялся исполнить порученіе герцогини, найти новую любовницу королю, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ подходило къ его роли фаворита. Еслибы король Францискъ отличался постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ, то это было бы крайне не выгодно для Бонниве. Чѣмъ измѣнчивѣе было расположеніе духа властелина и разнообразнѣе его желанія, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

больше представлялось случаевъ для слуги выказать свое усердіе и, тѣмъ значительнѣе становилась ожидавшая его награда. Если французское дворянство имѣло поводъ сомнѣваться въ предводительскихъ способностяхъ Бонниве, то герцогиня нисколько не ошиблась, поручивъ ему отыскать въ Италіи красавицу, способную прельстить сердце короля.

Относительно Бріона герцогиня держалась совсѣмъ иного способа дѣйствій.

Она скоро замѣтила его склонность къ Франциске и ей не стоило особеннаго труда еще больше воспламенить эту любовь и довести влюбленнаго юношу до какой нибудь выходки, которая поставила бы въ неловкое положеніе графиню и возбудила ревность короля. Но герцогиня Луиза была слишкомъ опытна и зная, что ревность поддерживаетъ любовь, употребила все свое вліяніе на сына чтобы Бріонъ былъ посланъ въ Италію.

Такимъ образомъ Франциска въ лицѣ Бріона не только лишилась защитника и друга, но и человѣка, который искренно восхищался ею.

Послѣднее было особенно важно для герцогини, которая изучивъ до тонкости характеръ своего сына, знала, что онъ переставалъ дорожить вещью, когда видѣлъ, что другіе не придаютъ ей никакой цѣны. Король былъ слишкомъ увлеченъ Франциской чтобы можно было разсчитывать на очень скорое охлажденіе; но герцогиня приняла мѣры чтобы всякій разъ, когда рѣчь заходила о преимуществахъ молодой графини ея сынъ встрѣчалъ ту принужденную похвалу, которая лучше всего доказываетъ властелину, что съ нимъ соглашаются только изъ желанія угодить ему. Пылкія художественныя натуры не могутъ обойтись безъ одобренія окружающихъ лицъ; это одобреніе составляетъ для нихъ необходимый элементъ при всякомъ наслажденіи. Ихъ привязанность слабѣетъ, когда никто не завидуетъ ей и улетучивается все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ для нихъ становится очевиднымъ, что другіе не раздѣляютъ ихъ вкуса.

Герцогиня употребила всѣ усилія чтобы настроить придворныхъ въ этомъ тонѣ, что удалось ей въ большей или меньшей степени. Но всего труднѣе было ей справиться съ Маргаритой, которая была искренно привязана къ графинѣ Шатобріанъ и цѣнила ея достоинства. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ герцогиня Ангулемская пришла къ убѣжденію, что она не достигнетъ цѣли этимъ способомъ и что нужно выбрать окольный путь чтобы заставить короля усумниться въ непреложности мнѣній Маргариты, которымъ онъ придавалъ большое значеніе. Въ виду этого герцогиня заговорила съ сыномъ о дурномъ вліяніи еретическихъ принциповъ на Маргариту, которая все болѣе и болѣе заражается мѣщанской добродѣтелью, и потому только поддерживаетъ дружбу съ графиней Шатобріанъ, потерявшей для нея всякій интересъ, что сама способствовала ея сближенію съ королемъ.

Библиотека "Руниверс"

— Маргарита не разъ говорила мнѣ, добавила герцогиня, — что она считаетъ себя виноватой въ томъ, что Франциска пожертвовала семейнымъ счастьемъ. Благодаря этому твоя сестра поставила себѣ въ обязанность заботиться о молодой женщинѣ.

Этотъ разговоръ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе на Франциска. Онъ не придавалъ вообще никакого значенія оказаннымъ ему услугамъ, а тутъ ему напоминали, что онъ долженъ чувствовать благодарность за любовь. Съ другой стороны его тяготила мысль, что Франциска будетъ въ безвыходномъ положеніи, если онъ броситъ ее, такъ какъ ея участь вполнѣ зависитъ отъ него.

— Она должна изъ эгоизма любить меня! думалъ онъ съ глубокимъ отвращеніемъ. Такъ утопающій хватается за всякій обрубокъ дерева чтобы удержаться на поверхности воды.

Не довольствуясь этими приготовленіями герцогиня стала выискивать средства чтобы лишить Франциску ея двухъ главныхъ защитниковъ Бюде и красавца Флорентина, который вскорѣ послѣ отъѣзда графини Шатобріанъ изъ Фуа получилъ ожидаемое назначеніе и явился въ Парижъ богатымъ прелатомъ.

Герцогиня знала, что ей не удастся возстановить Бюде противъ Франциски, потому что злословіе не могло подѣйствовать на этого простого и честнаго человѣка. Она рѣшила воспользоваться его совѣстливостью и употребить ее орудіемъ гибели ненавистной для нея женщины. Если ей удастся побудить канцлера постоянно напоминать королю о данномъ ему обѣщаніи жениться на Францискѣ, то это было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы король, началъ тяготиться не только своимъ обѣщаніемъ, но и самой Франциской. При этомъ герцогинѣ казалось необходимымъ возбудить какимъ нибудь способомъ недовѣріе Бюде къ Флорентину, духовнику Франциски, чтобы канцлеръ въ свою очередь счелъ нужнымъ предостеречь свою protegée отъ подозрительнаго человѣка. Посѣявъ такимъ образомъ раздоръ между друзьями Франциски, герцогиня Луиза могла ожидать, что они будутъ давать противорѣчивые совѣты молодой женщинѣ и окончательно собьютъ ее съ толку.

Что же касается Флорентина, то онъ, какъ приверженецъ господствующей церкви былъ естественнымъ противникомъ канцлера, который выказывалъ явную склонность къ ереси. Оставалось только усилить это соперничество и склонить на свою сторону Флорентина доставивъ ему болѣе высокое положеніе въ свѣтѣ. Герцогиня была убѣждена, что когда Флорентинъ узнаетъ, кто покровительствуетъ ему и отъ кого зависитъ его дальнѣйшее повышеніе, то не задумываясь измѣнитъ Францискѣ.—Если онъ уменъ, разсуждала про себя герцогиня, а въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, то онъ пойметъ, чья дружба для него дороже: любовницы ли короля съ ея временнымъ вліяніемъ или матери короля, пользующейся прочнымъ могуществомъ! При этомъ, разумѣется, красота

Библиотека "Руниверс"

Флорентина играла на послѣднюю роль въ желаніи герцогини Луизы заслужить расположеніе молодого прелата.

Такимъ образомъ, пока Франциска безмятежно наслаждалась счастьемъ, со всѣхъ сторонъ были протянуты сѣти, которыя должны были опутать ее и лишить любви короля. Но такъ какъ на это требовалось время и герцогиня Ангулемская получила положительное удостовѣреніе отъ врачей о близкой смерти королевы Клавдіи, то нужно было рѣшиться на другія, болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы помѣшать королю принять на себя какое либо преждевременное обязательство относительно графини. Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогиня для своей личной безопасности должна была ускорить судъ надъ Семблансэ. Если онъ будетъ отложенъ до смерти королевы, то дѣло могло быть окончательно проиграно въ тотъ моментъ, когда король освободится отъ единственнаго внѣшняго препятствія къ браку съ графиней Шатобріанъ, которая уже заявила себя въ пользу Семблансэ. Герцогиня Ангулемская немедленно отправила Дюпра въ Парижъ и потребовала въ видѣ формальнаго доказательства его преданности къ ней, чтобы по истеченіи трехъ дней смертный приговоръ Семблансэ былъ въ ея рукахъ, такъ какъ она хотѣла лично представить его королю.

Затѣмъ она отправила гонца въ Нормандію съ письмомъ къ Діанѣ де-Брезе, которой она восхищалась прошлымъ лѣтомъ въ Блуа, между тѣмъ какъ ея сынъ въ это время никого не замѣчалъ, кромѣ Франциски. Герцогиня распространилась въ письмѣ насколько она сочувствуетъ несчастной участи графа Сенъ-Валлье и выразила сожалѣніе, что Діана обратилась съ просьбой о ходатайствѣ къ графинѣ Шатобріанъ. По ея мнѣнію это было совершенно безполезно, потому что графиня не помнитъ себя отъ счастья и врядъ-ли отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу. Діана поступитъ всего благоразумнѣе, если сама пріѣдетъ въ Фонтенбло, не сообщая объ этомъ мужу; тогда герцогиня, выбравъ удобную минуту доставитъ ей аудіенцію у короля и выхлопочетъ помилованіе ея отца.

Графъ Сенъ-Валлье не имѣлъ въ глазахъ герцогини особеннаго значенія потому что не могъ вредить ея интересамъ. Она готова была хлопотать объ его помилованіи лишь бы главная цѣль была достигнута и красота Діаны произвела ожидаемое впечатлѣніе на короля.

Что могла противопоставить Франциска противъ всего этого, кромѣ своей безграничной любви и нравственныхъ качествъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что это самыя могущественныя орудія въ рукахъ женщины, когда она имѣетъ дѣло съ правильно организованной натурой. Но Францискъ даже въ любви подчинялся только капризамъ своей фантазіи. Ему нравилось быть любимымъ, какъ и всякому другому человѣку, но онъ былъ избалованный король и слишкомъ пріучилъ себя къ неблагодарности, чтобы любовь Франциски могла про-

Библиотека "Руниверс"

извести на него особенно сильное впечатлѣніе. Что же касается вліянія, которое она могла оказать на него своими нравственными качествами, то и съ этой стороны она была безсильна. По своему простодушію она не замѣтила намѣренія герцогини уронить ее въ мнѣніи короля и не приняла противъ этого никакихъ мѣръ. Если она была разстроена и озабочена будущностью, то не встрѣчала никакого участія со стороны своего возлюбленнаго, потому что онъ видѣлъ въ этомъ неумѣстную заботливость о собственномъ счастьи. Онъ требовалъ отъ нея полнаго безкорыстія или вѣрнѣе сказать безличности и считалъ нарушеніемъ своихъ иллюзій, что избранная имъ женщина могла интересоваться чѣмъ либо помимо его или имѣть притязаніе на сочувствіе или помощь съ его стороны.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы король Францискъ не былъ способенъ оказать какое либо вниманіе предмету своей любви; напротивъ, подражая во всемъ средневѣковому рыцарству онъ отличался крайнею любезностью. Но онъ хотѣлъ чтобы иниціатива и въ этомъ исключительно принадлежала ему и глубоко возмущался, если на него заявляли какія либо притязанія; по волѣ своей фантазіи онъ съ удовольствіемъ отдалъ бы корону, но приходилъ въ дурное расположеніе духа, если долженъ былъ взять на себя малѣйшее нравственное обязательство.

Франциска представляла съ нимъ полную противоположность. Жертвуя собой, будущностью, всѣмъ, что было въ ея власти, она отказалась отъ личныхъ желаній и помысловъ и всей душой отдалась любимому человѣку. Но эта поэтическая, беззавѣтная любовь могла только на время увлечь короля и можно было заранѣе предвидѣть, что скоро наступитъ время, когда онъ начнетъ тяготиться ею. Другимъ ближайшимъ поводомъ къ охлажденію должно было послужить прямодушіе Франциски, которая была слишкомъ честна чтобы скрыть что либо отъ своего возлюбленнаго или выжидать удобнаго момента для откровеннаго разговора.

Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ вечеровъ въ концѣ іюня, король сообщилъ графинѣ Шатобріанъ, что онъ на слѣдующее утро ѣдетъ въ Парижъ и ему будетъ очень пріятно, если она поѣдетъ съ нимъ. Въ виду стоявшихъ въ это время жаровъ предполагалось совершить путешествіе водой вдоль Сены.

— Ты должна развеселить меня, Франциска! добавилъ король.— Со всѣхъ сторонъ я получаю неблагопріятныя извѣстія; но и помимо этого путешествіе въ Парижъ тяготитъ меня. Ожидаютъ скорой смерти королевы Клавдіи и на мнѣ лежитъ непріятная обязанность еще разъ увидѣть несчастное существо, которое я высоко уважаю. Люди совершенно правы, требуя отъ меня этой формальности и, если я не исполню ее, то это можетъ повредить мнѣ въ общественномъ мнѣніи. Но я тѣмъ не менѣе съ ужасомъ думаю объ этомъ, потому что отъ долгой болѣзни едва осталась тѣнь женщины, которой я поклонялся

Библиотека "Руниверс"

въ былыя времена. Постараюсь сократить свой визитъ, насколько возможно, а затѣмъ мы тотчасъ же отправимся съ тобой верхомъ въ Сенъ-Дени къ Жану Жюсту, который работаетъ теперь надъ гробницей св. Людовика. Я хочу воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произведетъ на меня умирающая Клавдія для ея гробницы и сговориться съ Жюстомъ относительно плана. Ты выйдешь на берегъ у Венсенна, сядешь на лошадь и шагомъ проѣдешь Парижъ, а я за городомъ догоню тебя.

Слова короля произвели крайне непріятное впечатлѣніе на Франциску. До сихъ поръ она избѣгала Парижа ради королевы Клавдіи, и теперь въ ожиданіи ея смерти считала тѣмъ болѣе неприличнымъ явиться туда съ королемъ. Это имѣло бы такой видъ, какъ будто она боится разстаться съ нимъ и отпустила его отъ себя всего на четверть часа къ смертному одру умирающей соперницы. Еще болѣе поразило ее равнодушіе и безсердечіе короля относительно жены, которая всегда выказывала ему неизмѣнную преданность и вполнѣ заслуживала его уваженіе. Она не думала о томъ, что быть можетъ та же участь ожидаетъ ее, потому что слишкомъ любила короля, чтобы въ эту минуту заботиться о себѣ; но горизонтъ искренней любви настолько чистъ и прозраченъ, что на немъ замѣтно малѣйшее облако, хотя бы оно поднималось издалека и, пока, не было никакого основанія ожидать, что соберется буря или дождь. Такимъ облакомъ была для Франциски мысль, что король далеко не соотвѣтствуетъ тому идеальному представленію, которое она составила себѣ о немъ. Она въ первый разъ позволила себѣ противорѣчить ему, и умоляла его отмѣнить составленный имъ планъ поѣздки.

Король Францискъ не отличался упрямствомъ и его легко было отговорить, пока его намѣреніе не перешло въ рѣшеніе, но если онъ рѣшался на что нибудь, то твердо стоялъ на своемъ и всякое предложеніе перемѣны было непріятно для него. Въ эти минуты болѣе чѣмъ когда нибудь проявлялся его деспотизмъ и онъ рѣзко останавливалъ тѣхъ, которые осмѣливались спорить съ нимъ повелительнымъ жестомъ руки. Графиня Шатобріанъ горячо отстаивала свое мнѣніе въ надеждѣ доказать королю всѣ неудобства совмѣстной поѣздки и заставить его отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія. Она въ первый разъ увидѣла какъ нахмурился его высокій лобъ надъ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ носомъ, что придавало его лицу суровое и непріятное выраженіе.

— Что съ тобой Францискъ? воскликнула она. — Если бы ты зналъ, какъ эта морщина на лбу уродуетъ твое красивое лицо! Я вижу, что ты не можешь выносить ни малѣйшаго противорѣчія даже отъ любимаго человѣка.

— Дорогая Француска, требованія жизни сложнѣе, нежели ты предполагаешь; меня осаждаютъ со всѣхъ сторонъ съ разными дѣлами! Не осуждай меня за то, что я могу посвятить всего четверть

Библиотека "Руниверс"

часа на исполненіе священнаго долга; ты видишь только фактъ и не хочешь принять въ расчетъ причинъ, которыя заставляютъ меня поступать такимъ образомъ. Можетъ быть меня ожидаетъ нѣчто худшее! Если дальнѣйшія извѣстія изъ Италіи будутъ въ родѣ тѣхъ, которыя я получилъ сегодня, то скоро наступитъ печальное утро, когда въ моемъ распоряженіи будетъ не больше четверти часа чтобы проститься съ тобой.

— Нѣтъ, Францискъ, этого никогда не будетъ! Если ты отправишься на войну, то я поѣду съ тобой; тебѣ извѣстно, что я могу три дня не сходить съ лошади. Ты возьмешь меня съ собою въ Италію, покажешь мнѣ Миланъ, Болонью и можетъ быть Римъ, гдѣ еще такъ недавно работалъ Рафаэль.

— Нѣтъ моя дорогая, это невозможно!

— Почему Францискъ?

— Это невозможно пока продолжается война. Не слѣдуетъ ничего дѣлать на половину. Ударъ меча и поцѣлуй не могутъ непосредственно слѣдовать одинъ за другимъ; иначе поцѣлуй будетъ безсмысленный и мимолетный и можетъ только унизить любимую женщину. Бюде разскажетъ тебѣ какъ погибъ храбрый Антоній вслѣдствіи того, что Клеопатра сопровождала его на морскую битву. Если положеніе дѣлъ призоветъ меня въ Италію ты останешься въ Фонтенбло и пріѣдешь ко мнѣ когда я одержу рѣшительную побѣду. Тогда мы вмѣстѣ отправимся въ Римъ чтобы полюбоваться живописью Рафаэля.

— Мое существованіе будетъ самое жалкое, когда ты уѣдешь отсюда. Несмотря на все мое желаніе угодить твоей матери, я чувствую, что она смотритъ на меня неблагосклонно.

— Но здѣсь остается Маргарита, которая любитъ тебя. Только пожалуйста избавь меня отъ этого жалостнаго тона Франциска! Плаксивость вредитъ красотѣ женщины.

— Я не думаю жаловаться на судьбу. Мужество никогда не оставитъ меня въ твоемъ присутствіи; но я убѣждена, что когда я останусь одна, то сознаніе моего ничтожества будетъ терзать меня. Никто кромѣ тебя не можетъ утѣшить меня! Вчера я узнала, что моя мать умерла отъ удара въ аббатствѣ св. Женевьевы, и умирая проклинала меня. Она дурно обращалась со мной, но дѣлала это изъ любви ко мнѣ! Мысль, что она жива и, что есть существо связанное со мной хотя бы насильственными узами поддерживала меня; съ ея смертью я лишилась и этого утѣшенія! Если мнѣ суждено пережить тебя...

— Я вѣроятно умру раньше тебя, Франциска, сказалъ король, прерывая ее.—Слишкомъ продолжительную жизнь можно также считать несчастіемъ для человѣка, если его тѣло не имѣетъ твердости дуба. Къ сожалѣнію я не могу похвастаться особенно крѣпкимъ организмомъ. Въ какомъ нибудь затаенномъ уголкѣ моей крови кроется тонкій ядъ, который долженъ погубить меня; я чувствую

Библиотека "Руниверс"

это иногда въ долгія тихія ночи и прихожу въ ужасъ отъ своего безсилія. Это дѣлаетъ меня нетерпѣливымъ и приводитъ къ слишкомъ поспѣшнымъ рѣшеніямъ, которыя я самъ проклинаю. Я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ и потому, быть можетъ, всего сильнѣе могу оскорбить тебя. Прости, если тебѣ прійдется страдать отъ моей болѣзненной раздражительности, которая чужда моей природѣ; но я не могу побороть ее. Какой то враждебный демонъ терзаетъ меня; я всего менѣе чувствую его присутствіе когда нахожусь въ возбужденномъ состояніи и едва начинаю успокоиваться, какъ онъ опять поднимается во мнѣ... Ты блѣднѣешь, моя дорогая Франциска, я напугалъ тебя. Въ моихъ словахъ вѣроятно много преувеличеннаго; дѣло въ томъ, что я не могу выносить ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія и зрѣлище продолжительныхъ страданій и полной безпомощности приводить меня въ ужасъ какъ ребенка. Но все это пройдетъ и сильное душевное потрясеніе, въ родѣ предстоящей борьбы за корону и жизнь, заставитъ меня забыть мелкія личныя непріятности. Ты хорошѣешь съ каждымъ днемъ, моя Франциска! Какъ пополнѣли твои руки и плечи съ тѣхъ поръ, какъ ты въ Фонтенбо; твои губы стали еще пунцовѣе, а большіе глаза хотя и сохранили прежнее невинное выраженіе, но получили особый блескъ...

— Какъ я счастлива, что ты находишь меня красивою; я желала бы всегда казаться тебѣ такою!..

Былъ теплый лунный вечеръ. Король и Франциска шли изъ сада къ терасѣ, гдѣ прошлую весну Францискъ считалъ, сколько лѣтъ прокукуетъ ему кукушка. Пять мраморныхъ ступеней вели съ терасы въ первую и самую красивую галлерею съ семью окнами въ видѣ арокъ, которая была устроена королемъ Францискомъ въ Фонтенбло и названа по его имени. Эти галлереи представляли собою подобіе продолговатыхъ залъ, великолѣпно украшенныхъ живописью и всевозможными произведенія искусства эпохи возрожденія. Стремленіе возстановить классическую древность замѣтно было въ картинахъ, статуяхъ, рѣзныхъ украшеніяхъ, колоннахъ и пестрой мозаикѣ. За этой галлереей слѣдовала другая, такъ называемая галлерея Улисса, гдѣ стѣнная живопись изображала жизнь и приключенія Гомеровскихъ героевъ. Эта галлерея также отличалась изяществомъ, какъ все, до чего прикасалась рука короля Франциска; тонко развитой вкусъ былъ въ немъ такимъ же врожденнымъ свойствомъ какъ талантъ живописца или скульптора. Только этимъ и можно объяснить до нѣкоторой степени, почему новый стиль Renaissance, не представлявшій никакого выработаннаго духовнаго принципа не доведенъ былъ до утрировки какъ всякое подражаніе. Если удачному воспроизведенію древне классическаго искусства въ значительной мѣрѣ способствовали такіе геніальные художники, какъ Приматисъ, Ле-Ру и другіе, то король не хуже ихъ могъ создавать планы роскошныхъ замковъ и великолѣпно убранныхъ галлерей. Даже теперь, идя подъ

Библиотека "Руниверс"

руку съ Франциской, и занятый совершенно иными мыслями, онъ замѣтилъ, что нужно позолотить рѣзьбу изъ орѣховаго дерева, украшавшую мозаичный сводъ чтобы она гармонировала съ пестрыми расписанными стѣнами. Лунный свѣтъ скользилъ по зеркальной поверхности пола необъятной залы, фантастически освѣщая то горящую саламандру служившую символическимъ изображеніемъ короля, то богато украшеннаго слона—олицетвореніе побѣды при Мариньяно. Неслышными шагами шли влюбленные по гладкому полу къ углубленію въ стѣнѣ, гдѣ барельефъ изображалъ спящую нимфу. Король остановился и пожалъ потаенную дверь въ стѣнѣ, которая тотчасъ же открылась. За нею виднѣлась небольшая освѣщенная прихожая, на потолкѣ которой была нарисована Семела погибающая въ пламени Юпитера. Потаенная дверь закрылась за ними; они вышли изъ прихошей и, сойдя внизъ нѣсколько ступеней, очутились въ амфиладѣ освѣщенныхъ комнатъ, въ которыхъ жила Франциска.

По желанію короля съ Франциской обращались при дворѣ какъ съ будущей королевой, но ихъ отношенія были окружены таинственностью. Комнаты графини Шатобріанъ и покои короля были расположены на разныхъ сторонахъ галлереи, ихъ раздѣляли прихожія, лѣстницы и корридоры; только немногіе изъ придворныхъ знали о существованіи потаенной двери въ стѣнѣ.

Ласки короля заставили Франциску на нѣсколько минутъ забыть о непріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нее предъидущій разговоръ. Но когда онъ началъ прощаться съ нею, она невольно вспомнила о тоскливой жизни, ожидавшей ее въ томъ случаѣ если состоится его предполагаемый отъѣздъ въ Италію. Опьяненіе любви только на короткое время могло заглушить ея томительное желаніе увидѣть единственную дочь. Теперь это желаніе на ея несчастіе усилилось до послѣдней степени. Если бы Франциска знала, что ей предстоитъ новый переворотъ жизни и, что она должна избѣгать всего, что можетъ произвести дурное впечатлѣніе на короля, то вѣроятно не рѣшилась бы въ настоящую минуту просить его о похищеніи своей дочери изъ замка Шатобріана.

— Ты хочешь видѣть свою дочь? спросилъ съ неудовольствіемъ король, который вообще не интересовался дѣтьми и чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ ребенку графа Шатобріана;—она выростетъ и безъ твоихъ заботъ! Ребенокъ отвыкъ отъ тебя; увезти его изъ замка будетъ крайне затруднительно; къ тому же, подобное похищеніе возбудитъ много толковъ, которые могутъ повредить мнѣ. Въ настоящее время я по неволѣ долженъ дорожить расположеніемъ сеньёровъ!.. Стоитъ ли хлопотать о дѣтяхъ! Они вѣчно стоятъ намъ поперегъ дороги! При своемъ появленіи на свѣтъ они портятъ красоту женщины, затѣмъ поглащаютъ собою все наше вниманіе, а подконецъ грубо напоминаютъ намъ, что мы состарѣлись и должны уступить имъ мѣсто! Придумала ли ты по крайней мѣрѣ, куда от-

Библиотека "Руниверс"

дать ребенка, въ случаѣ, если удастся вырвать его изъ рукъ графа Шатобріана?

— Я не понимаю твоего вопроса Францискъ?

— Надѣюсь, что ты не намѣрена держать его въ Фонтенбло? Это немыслимо! Присутствіе ребенка слишкомъ напоминало бы обыденную и непривлекательную сторону любви. Поэзія и таинственность нашихъ сношеній исчезла бы безвозвратно! Не было бы конца вопросамъ, удивленію, перешептыванію и толкамъ. Ты знаешь характеръ моей матери...

— Я увезу мою дочь въ Фуа, чтобы имѣть возможность навѣщать ее.

— Стоитъ ли нарушать строй жизни для такого крошечнаго существа! Полно! Выбрось это изъ головы Франциска! Покойной ночи!

Первый разъ Франциска, прощаясь съ королемъ, пролила горькія слезы. Она не замѣтила какая черта характера проявилась въ его отношеніи къ ребенку, даже не считала это признакомъ равнодушія къ ней, но тѣмъ не менѣе чувствовала себя глубоко несчастной. Она любила короля той безусловной любовью, которая мирится съ дурными свойствами любимаго человѣка, принимая ихъ за нѣчто неизбѣжное и не задаваясь мыслью о томъ, что отъ этихъ свойствъ зависитъ бо́льшая или меньшая прочность отношеній! Также непоколебимо было ея материнское чувство. На слѣдующее утро прежде чѣмъ отправиться въ путь, она написала Батисту письмо, которое тотъ передалъ графу Шатобріану.

Къ несчастью Франциска во время путешествія не могла скрыть отъ короля своего печальнаго настроенія, хотя ясно видѣла, что онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Его безпокоилъ предстоящій визитъ къ умирающей женѣ, затруднительныя политическія обстоятельства и замѣчанія, сдѣланныя ему наканунѣ Франциской, которыя были тѣмъ непріятнѣе для него, что онъ самъ отчасти сознавалъ справедливость ея словъ. Онъ сердился и на материнскую заботливость своей возлюбленной, которая казалась ему совершенно неумѣстною въ его присутствіи. Никогда быть можетъ Франциской не была нужнѣе ея природная веселость, какъ на этой лодкѣ, убранной пестрыми коврами и флагами, которая летѣла стрѣлой вдоль рѣки, благодаря дружнымъ усиліямъ двадцати гребцовъ. Подъ балдахиномъ, вдали отъ свиты, сидѣлъ король противъ Франциски и слѣдилъ за ней полузакрытыми глазами. Лица близко знавшіе его, замѣтили бы, что накипѣвшее раздраженіе, этотъ элементъ, подрывающій хорошія отношенія людей, все болѣе и болѣе усиливалось въ немъ, и, что малѣйшій поводъ можетъ довести его до рѣзкой вспышки гнѣва. Привѣтливая улыбка на лицѣ Франциски, шутливое замѣчаніе съ ея стороны могли бы тотчасъ успокоить его. Король

Библиотека "Руниверс"

всегда приходилъ въ дурное расположеніе духа, когда видѣлъ любимыхъ людей печальными и озабоченными; и также легко поддавался веселому настроенію окружавшихъ его лицъ. Веселіе было также необходимо для него, какъ воздухъ; онъ добивался его во что бы то ни стало и выходилъ изъ себя, когда это не удавалось ему.

Франциска не знала этого; она была слишкомъ привязана къ нему и слишкомъ чистосердечна чтобы притворяться или прибѣгать къ кокетству. Они молча доѣхали до Mélun. Король съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что его ожидаютъ здѣсь гонцы и сеньёры и что ему прійдется причалить къ берегу. Въ то время, какъ онъ распечатывалъ пакеты съ депешами, къ лодкѣ подошли Бюде съ Флорентиномъ чтобы доложить ему о причинѣ понудившей ихъ оставить Парижъ и выѣхать къ нему на встрѣчу.

Бюде воспользовался этой минутой чтобы шепнуть графинѣ Шатобріанъ, что участь Семблансэ рѣшается въ Парижѣ и старому вѣрному слугѣ грозитъ смертная казнь. При этомъ Бюде невольно упрекнулъ молодую женщину, что она не хлопотала у короля о несчастномъ человѣкѣ, который долженъ погибнуть вслѣдствіе ея забывчивости. Она не забыла этого, но трудно было выбрать болѣе неблагопріятную минуту, какъ для Семблансэ, такъ и для самой просительницы чтобы обратиться къ королю съ ходатайствомъ о помилованіи.

Франциска, слѣдуя порыву своего добраго сердца, не обратила на это никакого вниманія, и, едва Бюде и Флорентинъ вошли въ лодку, она кротко напомнила королю объ его милостивомъ обѣщаніи пощадить Семблансэ.

— Если я рѣшаюсь снова просить васъ, добавила Франциска,— то дѣлаю это по необходимости. Бюде только что сообщилъ мнѣ, что Семблансэ находится въ большей опасности, чѣмъ когда либо.

— Графиня, прервалъ ее король,—вы, можетъ быть, замѣчательно талантливы во всѣхъ другихъ вещахъ, только не въ дипломатіи, которая предписываетъ дѣлать все во-время и сообразно обстоятельствамъ. Не велика заслуга веселиться, когда другіе веселы, быть не въ духѣ, когда другіе скучны и, поднявъ паруса, плыть по вѣтру,— на это у всякаго хватитъ ума. Также я считаю крайне недипломатичнымъ съ вашей стороны вмѣшиваться въ запутанныя и опасныя дѣла, гдѣ вы ни въ какомъ случаѣ не можете разсчитывать на успѣхъ.

— Я не понимаю васъ...

— Мнѣ кажется, я говорилъ достаточно ясно.

— Но вы отклонились въ сторону и упрекнули меня въ недостаткѣ дипломатическихъ способностей, такъ что мнѣ не совсѣмъ понятно, что вы хотѣли сказать.

Этимъ способомъ было всего легче вывести изъ терпѣнія короля Франциска. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ слишкомъ достаточно, высказавъ свое неудовольствіе въ такихъ умѣренныхъ выраженіяхъ

Библиотека "Руниверс"

и не ожидалъ, что кто нибудь осмѣлится сказать ему, что онъ выражается неясно. Мы раздражаемся всего сильнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда мы по собственной винѣ портимъ хорошія отношенія и стараемся заглушить упреки совѣсти, приписывая свою вину другимъ. Король ничего не отвѣтилъ, и мысленно подбиралъ самыя рѣзкія и ядовитыя слова, чтобы поразить Франциску въ самое сердце, такъ какъ принадлежалъ къ тѣмъ несдержаннымъ натурамъ, которыя безразлично изливаютъ свой гнѣвъ на всѣхъ, кто попадется имъ подъ руку и всего болѣе стараются оскорбить любимыхъ людей.

Но прежде чѣмъ король успѣлъ сказать что либо, Флорентинъ поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ, такъ какъ видѣлъ опасность, грозившую Францискѣ, и направилъ гнѣвъ короля на себя или, вѣрнѣе сказать, на Бюде. Онъ краснорѣчиво описалъ положеніе Семблансэ, невиннаго, какъ новорожденный младенецъ и предстоящее юридическое убійство, добавивъ, что слышалъ все это отъ Бюде, который, вѣроятно, подтвердитъ его слова. Тактика эта удалась вполнѣ. Гроза королевскаго гнѣва тотчасъ же обрушилась на канцлера въ видѣ вопросовъ и оскорбительныхъ упрековъ, которые быстро слѣдовали одни за другими. Но Бюде, обыкновенно робкій и нерѣшительный, всегда твердо, хотя и сдержанно, отстаивалъ правду, и его оппозиція большею частью ставила короля въ затруднительное положеніе. Это случилось и теперь. Францискъ не могъ уступить, потому что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ возраженіяхъ канцлеру, и въ тоже время имѣлъ основаніе опасаться, что, если онъ помилуетъ Семблансэ, то черезъ это обнаружится слишкомъ много погрѣшностей его матери и его собственнаго легкомысленнаго правленія. Король при своемъ теперешнемъ настроеніи считалъ это совершенно неумѣстнымъ и все болѣе и болѣе утверждался въ мысли, что онъ долженъ покончить однимъ ударомъ съ тяготившимъ его вопросомъ и принудить къ молчанію своихъ собесѣдниковъ.

— Довольно! Прекратимъ этотъ разговоръ! воскликнулъ король. Въ этихъ немногихъ словахъ, въ сопровождавшемъ ихъ повелительномъ жестѣ и нахмуренныхъ бровяхъ, выразилась такая бѣшенная ярость, что Бюде и Флорентинъ невольно отодвинулись отъ короля а у Франциски вырвался легкій крикъ испуга. Наступила мертвая тишина. Никто не рѣшался нарушить ее, потому что запальчивость короля производила подавляющее впечатлѣніе на люде,й близко знавшихъ его. Сидѣвшіе въ лодкѣ ожидали услышать нѣчто худшее отъ грознаго повелителя, который пристально глядѣлъ на воду и на чернѣвшій вдали Венсенскій лѣсъ, и какъ будто хотѣлъ притянуть его къ себѣ чтобы скорѣе избавиться отъ поѣздки и тяготившаго его общества.

Наконецъ они причалили къ берегу. Король вышелъ молча изъ лодки, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ сопровожденіи небольшой свиты. Графиня Шатобріанъ долго смотрѣла ему вслѣдъ. Когда Флорентинъ

Библиотека "Руниверс"

напомнилъ ей о желаніи короля чтобы она ѣхала черезъ Парижъ, то Франциска указала ему рукой на Венсенскій замокъ, который виднѣлся вдали среди дубовыхъ и буковыхъ деревьевъ и медленно пошла впередъ съ поникшей головой. Бюде и Флорентинъ охотно послѣдовали за ней, потому что ослѣпительное лѣтнее солнце невыносимо жгло на открытомъ берегу.

Въ то время какъ друзья Франциски осаждали ее вопросами относительно загадочнаго поведенія короля и давали совѣты, какъ поступать съ нимъ на будущее время, король Францискъ пріѣхалъ въ Парижъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Депеши, полученныя имъ въ Mélun'ѣ извѣщали его, что Бонниве, какъ прежде Лотрекъ скоро объявитъ ему о гибели цѣлаго войска и, что непріятель, подъ предводительствомъ Бурбона и маркиза Пескера идетъ прямой дорогой на Провансъ. Онъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры чтобы составить новое войско изъ разсѣянныхъ остатковъ стараго и, вставъ во главѣ его, возстановить честь французскаго оружія. При такихъ обстоятельствахъ, требовавшихъ быстраго способа дѣйствій, король менѣе всего былъ расположенъ обращать вниманіе на другихъ или чувствовать сожалѣніе къ умирающей женщинѣ. Онъ нашелъ королеву Клавдію въ такомъ положеніи, что не только разговоры, но и всякая помощь были неумѣстны и поспѣшно удалился отъ зрѣлища человѣческой немощи, которое было для него непріятно даже въ обыкновенное время, а теперь тѣмъ болѣе показалось ему невыносимымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Дюпра и занялся приготовленіемъ приказовъ въ разные города своего королевства. Онъ составилъ ихъ подъ впечатлѣніемъ негодованія на Франциску и ея друзей и въ томъ же настроеніи сдѣлалъ всѣ существенныя распоряженія относительно управленія страной въ свое отсутствіе, которое было теперь окончательно рѣшено.

— Я хочу сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ! сказалъ король, обращаясь къ входившему Дюпра. Скажи мнѣ, кто по твоему убѣжденію пользуется наибольшимъ уваженіемъ въ странѣ и кому я могъ бы передать правленіе въ случаѣ моей смерти или отсутствія?

— Парламентъ, ваше величество!

— Ты не понялъ меня! Я спрашиваю, кто лучше всѣхъ можетъ управлять парламентомъ.

— Ваша мать, герцогиня Ангулемская!

— А ты ея главный помощникъ, какъ въ правомъ, такъ и неправомъ дѣлѣ! Пергаментъ, который ты держишь въ рукѣ вѣроятно ничто иное, какъ смертный приговоръ Сембансэ, необходимый для моей матери.

— Парламентъ не соображается ни съ чьими желаніями и слѣдуетъ только правосудію!

Библиотека "Руниверс"

— А ты самъ убѣжденъ, что Самблансэ дѣйствительно виноватъ? спросилъ король, взявъ изъ рукъ Дюпра пергаментъ и пробѣгая его глазами.

— Ваше величество!..

— Не торопись отвѣчать не выслушавъ меня. Я хочу отдать этотъ процесъ, который такъ близко касается моей матери, на разсмотрѣніе трехъ безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ людей. Предупреждаю заранѣе, что ихъ имена будутъ вамъ неизвѣстны. Совѣтую хорошенько обдумать мои слова, пока я буду читать приговоръ и отвѣтить мнѣ по совѣсти.

Король принялся читать приговоръ. Дюпра молча стоялъ передъ нимъ, не выдавъ ни однимъ жестомъ того, что происходило въ его душѣ. Когда король, окончивъ чтеніе, поднялъ голову, то онъ увидѣлъ передъ собой блѣдное лицо президента, которое показалось ему такимъ же равнодушнымъ и безстрастнымъ, какъ въ обыкновенное время.

— Теперь ты можешь отвѣтить на мой вопросъ, сказалъ король.

— Приговоръ составленъ сообразно существующему закону.

— Что такое законъ! Вы сами сочиняете его, сопоставляя извѣстнымъ образомъ факты. Я хочу знать, насколько ты дѣйствовалъ по совѣсти въ настоящемъ случаѣ?

— Ваше величество!..

— Вы подвергали пыткѣ стараго Семблансэ?

— Насколько это дозволено закономъ.

— Законъ допускаетъ пытку съ единственною цѣлью вынудить требуемое признаніе!

— Наши средства для изслѣдованія правды во всякомъ случаѣ крайне ограничены.

— Ограничены! Вы дѣйствуете съ такимъ произволомъ, что можете легко довести подсудимаго до ложнаго признанія. Ограничены! Вы на всѣхъ наводите ужасъ... Но не въ этомъ дѣло, а въ произнесенной тобой присягѣ.

При этихъ словахъ король подошелъ къ Дюпра и, глядя пристально ему въ глаза, добавилъ:

— Помня присягу, скажи по совѣсти:—считаешь ли ты Семблансэ виновнымъ?

— Я считаю его виновнымъ.

— Виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ? Отвѣчай безъ всякихъ увертокъ!

Вопросъ былъ прямо поставленъ; Дюпра не могъ болѣе прибѣгать къ уверткамъ своей іезуитской совѣсти; онъ долженъ былъ взять на свою отвѣтственность злодѣяніе, которое надѣялся совершить съ помощью другихъ. Но онъ не привыкъ останавливаться на полдорогѣ и съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ отвѣтилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Я убѣжденъ, что Семблансэ виновенъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняютъ его.

Наступила продолжительная пауза. Король проговорилъ какъ бы про себя:

— Бѣдный Семблансэ! Мужество величайшая добродѣтель и она одна властвуетъ надъ свѣтомъ!

Затѣмъ, обращаясь къ Дюпра, онъ добавилъ:

— Мнѣ остается только поздравить мою мать, что она имѣетъ такого друга, какъ ты.

— Я прежде всего служу закону!

— Оставимъ это! Мы давно знакомы другъ съ другомъ. Въ мое отсутствіе сохрани такую же преданность герцогинѣ, какую ты выказалъ до сихъ поръ. Рѣшительность въ дѣйствіяхъ даетъ силу правительству и это если не лучшій, то во всякомъ случаѣ самый вѣрный путь. Будешь ли ты служить съ такою же преданностью моей сестрѣ, если я назначу ее правительницей въ мое отсутствіе?

— Ваше величество, позвольте замѣтить вамъ, что герцогиня Алансонская, супруга вассала, и не пользуется довѣріемъ католиковъ. Ея назначеніе можетъ встрѣтить противодѣйствіе...

— Не съ твоей ли стороны?

— Со стороны вассаловъ государства; я лично не осмѣлюсь противодѣйствовать выбору вашего величества.

— Даже въ томъ случаѣ, если я выберу Франциску Фуа?

— Да, если бы она дѣйствительно была Франциска Фуа. Но мы знаемъ только Франциску Шатобріанъ и ваше величество вѣроятно не пожелаетъ поручить регентство бретонскому дворянину, который не разъ высказывалъ свое недовольство противъ существующаго правительства.

— Пустяки! Родъ Фуа всегда отличался энергіей!

— Всѣ хвалятъ графиню за ея привѣтливость; но она ничѣмъ не проявила своей энергіи и дипломатическихъ способностей.

— Это извѣстно одному Богу; я самъ не знаю ее съ этой стороны.

— Ваше величество вѣроятно приметъ въ расчетъ, что нужна не малая доля опытности и энергіи, чтобы управлять государствомъ, всѣ дѣла котораго уже почти десять лѣтъ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ.

— По твоему мнѣнію будетъ всего безопаснѣе поручить управленіе моей матери?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ, но только при неизбѣжномъ условіи, что ваше величество окончитъ дѣло Семблансэ, прежде чѣмъ высокая особа прикосновенная къ процесу сдѣлается главою правленія.

— Въ такомъ случаѣ, она сама можетъ приговорить къ смерти своего противника.

— Можетъ быть ей угодно будетъ помиловать его...

— И то, и другое было бы неприлично. Не лучше ли мнѣ самому помиловать Семблансэ?

Библиотека "Руниверс"

— Это можетъ повредить репутаціи вашей матери; и если вы намѣрены поручить управленіе государствомъ герцогинѣ Ангулемской...

— Ты убѣжденъ, что я передамъ ей власть въ мое отсутствіе?

— Я убѣжденъ, что вы не измѣните своей обычной мудрости.

Король казался разсѣяннымъ и глядѣлъ то на Дюпра, то на картины, украшавшія высокую комнату отеля Турнель, гдѣ онъ находился въ эту минуту. Затѣмъ, онъ медленно подписалъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ Семблансэ и не оглядываясь вышелъ изъ комнаты.

Въ это время графиня Шатобріанъ, въ одной изъ залъ Венсенскаго замка, молча слушала длинныя разсужденія своихъ друзей о загадочномъ поведеніи короля и грозившей ей печальной будущности. Флорентинъ окончательно растерялся и съ свойственнымъ ему эгоизмомъ упрекалъ графиню, зачѣмъ она разорвала составленный имъ контрактъ съ подписью короля.

— Великодушіе молодости, добавилъ онъ наставительнымъ, раздраженнымъ тономъ, всегда употребляется во зло людьми и мы изъ-за него терпимъ нужду въ старости. Кто предается ему, того ожидаетъ нищенскій посохъ! Тебѣ не слѣдовало упускать изъ виду Франциска, что ничто не связываетъ людей болѣе прочнымъ образомъ, какъ письменное обязательство!

Графиня Шатобріанъ бросила на него равнодушный взглядъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы струились по ея щекамъ.

— Мы сегодня имѣли достаточный поводъ убѣдиться въ дурномъ расположеніи духа его величества! продолжалъ Флорентинъ. Онъ настолько охладѣлъ къ тебѣ, моя бѣдная Франциска, что мы не можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ, даже въ томъ случаѣ, если я спрячу тебя у нашихъ монахинь въ Парижѣ и не выпущу до тѣхъ поръ, пока не будетъ возобновленъ контрактъ. Богъ знаетъ, спроситъ ли онъ даже о тебѣ!

— Во всякомъ случаѣ, моя дорогая графиня, сказалъ Бюде, который ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и остановился передъ нею, вы должны заявить ему свое неудовольствіе и послѣдовать вашему первому побужденію избѣгать Парижа въ настоящую минуту. Венсенскій замокъ вполнѣ подходящее мѣсто для васъ; останьтесь здѣсь. Я тотчасъ извѣщу объ этомъ нашихъ друзей и завтра же явятся сюда Дюшатель, Маро, Приматисъ, Жюстъ, Ласкарисъ, Кузенъ; мы пристыдимъ короля и докажемъ ему, что умѣемъ лучше его цѣнить вашу красоту и нравственныя качества. Онъ увидитъ, что мы считаемъ васъ вполнѣ достойной быть центромъ нашего кружка, не менѣе его самого. Я напишу также герцогинѣ Маргаритѣ; и она ни на минуту не задумается встать во главѣ вашего Венсенскаго двора; въ Фонтенбло останутся только скучные и злонамѣренные люди. Я убѣжденъ, что нашъ король уже раскаявается въ своемъ поведеніи

Библиотека "Руниверс"

и когда услышитъ, какъ мы веселимся здѣсь, явится къ намъ съ повинной головой, подобно трубадуру, погрѣшившему противъ девиза своей дамы. Тогда наступитъ удобный моментъ вытребовать помилованіе Семблансэ и условиться съ королемъ, чтобы онъ поставилъ васъ совершенно независимо отъ герцогини Ангулемской въ случаѣ его отъѣзда въ Италію. Позвольте мнѣ надѣяться, что мой планъ встрѣтилъ ваше одобреніе и вы послѣдуете моему совѣту!

— Благодарю васъ отъ всей души, сказала графиня Шатобріанъ, подавая руку Бюде; но я не считаю возможнымъ идти противъ воли короля. Я люблю Франциска и увѣрена въ его любви ко мнѣ; онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и потому уѣхалъ не удостоивъ меня взглядомъ. Графъ Шатобріанъ былъ еще хуже, хотя на немъ не лежали тысячи заботъ по управленію государствомъ. Сколько разъ графъ сердился на меня безъ всякаго повода!.. онъ также воображалъ, что любитъ меня! Я покорялась ему; неужели я не вынесу дурного настроенія короля, или вспышки гнѣва! Изъ-за этого не могутъ порваться наши отношенія! Ему было больно ѣхать къ умирающей женѣ; у него столько заботъ и обязанностей, что неудивительно, если онъ подчасъ тяготится ими. Развѣ я могу считать себя лучше его жены, которой приходилось столько прощать ему и въ послѣднее время прощать изъ-за меня. Въ настоящій моментъ я болѣе, чѣмъ когда нибудь должна быть его утѣшеніемъ. Ему будетъ пріятно, если я послѣдую за нимъ въ Парижъ и поддержу его въ тяжелое время. Съ этими словами графиня Шатобріанъ подошла къ окну и приказала подавать лошадей. Растроганный Бюде почтительно поцѣловалъ ея руку и вышелъ съ нею на крыльцо.

Она отправилась въ Парижъ въ сопрожденіи своихъ слугъ. Бюде и Флорентинъ сѣли на муловъ, чтобы проводить ее до воротъ Сенъ-Дени.

Они ѣхали молча. Флорентинъ первый прервалъ молчаніе и обращаясь къ Бюде сказалъ съ усмѣшкой:

— Она такъ ему надоѣстъ, что въ одинъ прекрасный день онъ выброситъ ее какъ тряпку поднятую на дорогѣ. Я найду это вполнѣ естественнымъ потому, что она не умѣетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Онъ правъ, презирая ее.

— Нѣтъ, ваше преосвященство, вы ошибаетесь! Хорошая женщина всегда превосходитъ лучшаго изъ мужчинъ своими нравственными качествами, точно также, какъ порочная женщина въ дурныхъ свойствахъ превзойдетъ самаго порочнаго мужчину. Король умѣетъ цѣнить Франциску. Возьмемъ самое худшее, что можетъ случиться, и все-таки наша пріятельница, какое бы несчастіе не постигло ее, сохранитъ свое достоинство и никогда не будетъ играть жалкой роли покинутой любовницы.

Флорентинъ бросилъ насмѣшливый взглядъ на своего собесѣдника и ничего не отвѣтилъ. Но нѣсколько минутъ спустя, когда Бюде

Библиотека "Руниверс"

сталъ понукать своего мула чтобы нагнать графиню, онъ сказалъ раздраженнымъ тономъ:

— Если вамъ угодно, г. канцлеръ, вы можете взять на себя защиту графини. Я не имѣю никакого желанія ѣхать по улицамъ, гдѣ живутъ мои прихожане съ возлюбленной короля и еще въ тотъ моментъ, когда умираетъ королева.

— Успокойтесь! у воротъ Берси графиня надѣнетъ маску.

— Вы воображаете, что ее не узнаютъ по ливреѣ ея слугъ?

— Вы стыдитесь той, которой не стыдится король.

— Онъ властелинъ государства, а не духовное лицо!..

Парижане, какъ тогда, такъ и теперь, внимательно слѣдившіе за политикой и посвященные въ тайны двора, съ неудовольствіемъ толковали о томъ, что графиня Шатобріанъ явится въ столицу съ королевской свитой. Они узнали объ этомъ заранѣе, благодаря герцогинѣ Ангулемской, которая еще наканунѣ послала гонца къ своимъ друзьямъ съ этимъ извѣстіемъ. Съ полудня многочисленныя массы народа наполнили улицы, начиная отъ Бастиліи до Place Royale, въ то время существовавшей только въ проэктѣ. Но противъ ожиданія король явился одинъ. Толпа, отчасти польщенная вниманіемъ короля къ общественному мнѣнію, но еще болѣе недовольная тѣмъ, что ее лишили возможности излить свою ярость послѣ нѣсколькихъ часовъ напраснаго ожиданія, встрѣтила короля громкимъ крикомъ „Vive le roi!“ за неимѣніемъ другого повода для криковъ и шуму.

Король Францискъ не любилъ подобныхъ демонстрацій, даже въ тѣ моменты, когда былъ въ милостивомъ расположеніи духа. Онъ не разъ говорилъ въ кругу своихъ друзей, что властелинъ, поощряя крики одобренія своихъ подданныхъ, даетъ имъ право выражать тѣмъ же способомъ свое неудовольствіе. Онъ проѣхалъ мимо толпы также величественно, какъ всегда, не выразивъ ничѣмъ своего благоволенія и только свысока едва замѣтно отвѣчалъ на поклоны легкимъ движеніемъ головы и бровей. Въ обыкновенное время онъ не считалъ нужнымъ удостоить толпу и этимъ знакомъ вниманія, потому что простолюдинъ вообще какъ человѣкъ, лишенный всякихъ правъ, не имѣлъ ни малѣйшаго значенія въ его глазахъ. Но въ этотъ день громкіе крики народа произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ видѣлъ насколько обращено на него общее вниманіе и долженъ былъ сознаться въ душѣ, что Франциска была права, убѣждая его, что въ настоящій моментъ ей неприлично появиться въ столицѣ.

Но это сознаніе не принесло никакой пользы графинѣ Шатобріанъ, потому что онъ не могъ предупредить ее и ей пришлось фактически убѣдиться въ справедливости собственныхъ словъ. Когда она пріѣхала въ Парижъ, на улицахъ все еще оставалась довольно значительная толпа народу, которая тотчасъ узнала ее. Въ „Rue Royale“ ее встрѣтили двухсмысленными и грубыми возгласами, которые не только задѣли ея самолюбіе, но и стыдливость.

Библиотека "Руниверс"

Причина ненависти народа къ графинѣ Шатобріанъ заключалась между прочимъ и въ ея заступничествѣ за старика Семблансэ. Народъ всегда враждебно относится къ лицамъ, завѣдующимъ финансами въ странѣ, какъ будто они одни виноваты, что ему приходится платить подати. Эта вражда особенно усилилась во Франціи съ умноженіемъ налоговъ при королѣ Францискѣ, такъ что сверженіе такого крупнаго чиновника, какъ Семблансэ, было для всѣхъ радостнымъ событіемъ. Парижане не могли простить графинѣ Шатобріанъ, что она просила короля о помилованіи Семблансэ. Они съ нетерпѣніемъ ждали когда повѣсятъ „старую лисицу, которая уже столько лѣтъ грабила ихъ отцовъ и которой они сами переплатили Богъ вѣсть сколько податей".

Много брани и насмѣшливыхъ намековъ на эту тему должна была выслушать Франциска. Не помня себя отъ испуга, она оглянулась, чтобы позвать къ себѣ на помощь Флорентина и Бюде. Но ихъ нигдѣ не было видно. Все болѣе и болѣе возраставшая толпа удалила отъ нея Бюде, который, потерявъ всякую надежду пробраться впередъ, повернулъ за уголъ Бастиліи. Несчастная женщина испытывала невѣроятныя мученія въ узкой улицѣ, среди суровыхъ людей, которые все ближе и ближе подступали къ ея лошади. Сердце ея усиленно билось при мысли, что она можетъ подвергнуться личному оскорбленію.

Она закрыла глаза отъ ужаса. Вся жизнь послѣднихъ мѣсяцевъ воскресла въ ея памяти до малѣйшихъ подробностей. Тяжелое сознаніе своего безвыходнаго положенія и боязнь уличнаго скандала лишили ее послѣдней воли. Она сама невольно замедлила шагъ своей лошади, и готовилась безропотно къ смерти, считая ее неизбѣжною. Два работника выдѣлились изъ толпы. Одинъ загородилъ дорогу лошади; другой протянулъ руки къ молодой женщинѣ съ видимымъ намѣреніемъ схватить ее.

— Въ Сену! Бросьте ее въ Сену! Пускай она послужитъ на томъ свѣтѣ доброй королевѣ Клавдіи! заревѣла толпа, видя, что жертва добровольно отдается ей.

— Добрый конь дороже золота въ рукахъ хорошаго наѣздника! проговорилъ на распѣвъ звонкій голосъ въ толпѣ, въ тотъ моментъ, когда работникъ прикоснулся къ плечу молодой женщины.

Франциска быстро подняла голову при этихъ словахъ, какъ бы опомнившись отъ тяжелаго сна. Кровь Фуа заговорила въ ней, она рѣшилась защищать свою жизнь до послѣдней крайности и, поднявъ хлыстъ, ударила изо всѣхъ силъ по лицу работника, который намѣревался стащить ее съ сѣдла; затѣмъ хлестнула лошадь по головѣ и попала въ глаза другому работнику, стоявшему на дорогѣ. Лошадь неожиданнымъ прыжкомъ опрокинула его и полетѣла стремглавъ по дурно-вымощенной мостовой, высѣкая искры изъ камней ударами копытъ. Слуги графини, воспользовавшись этимъ моментомъ, помчались

Библиотека "Руниверс"

за нею разгоняя передъ собою толпу. Вскорѣ они очутились въ совершенно пустынной улицѣ.

— Марò спасъ ее своимъ совѣтомъ! воскликнулъ кто то изъ толпы.—Куда дѣвался этотъ плутъ? Я самъ видѣлъ его.

— Она красавица и мастерски ѣздитъ верхомъ, не хуже королевы Изабеллы! отвѣтилъ поэтъ выступивъ впередъ.

— Марò правъ! Она очень красива!.. заговорили другіе.

Вслѣдъ затѣмъ раздался общій хохотъ. Трудно было опредѣлить относился ли этотъ смѣхъ къ работнику, получившему ударъ хлыста по глазамъ, который поднявшись на ноги, протиралъ себѣ глаза, или-же толпа смѣялась надъ своимъ неудачнымъ нападеніемъ, имѣвшимъ такой неожиданный исходъ, благодаря смѣлости молодой женщины.

Франциска неслась стремглавъ по незнакомымъ ей улицамъ Парижа и, наконецъ, замѣтивъ, что никто не преслѣдуетъ ее, остановилась чтобы спросить дорогу у одного изъ слугъ. Оказалось, что она заѣхала совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ ее долженъ былъ встрѣтить король и прошло около часу, пока она увидѣла за чертой города башню Сенъ-Дени.

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ лѣтнихъ дней, когда сгущенный воздухъ при красножелтыхъ лучахъ заходящаго солнца кажется необыкновенно прозрачнымъ. При этомъ своеобразномъ освѣщеніи рѣзко выдѣляются всѣ предметы на горизонтѣ, какъ на старинныхъ картинахъ, и представляются какими-то неподвижными и точно высѣченными изъ камня. Еще издали увидѣла Франциска короля, который ѣхалъ по равнинѣ Сенъ-Дени въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Фигура его, при яркомъ солнечномъ отблескѣ, сдѣлала на нее впечатлѣніе чего-то призрачнаго. Былъ ли это обманъ глазъ, или игра ея разстроеннаго воображенія, но онъ показался ей гигантомъ, сидѣвшимъ на черномъ конѣ необычайныхъ размѣровъ. Онъ ѣхалъ не по дорогѣ, а прямо по равнинѣ, не обращая никакого вниманія на встрѣчавшіяся насыпи и другія препятствія, такъ что Францискѣ было довольно трудно присоединиться къ нему. Но при ея возбужденномъ состояніи только одна мысль занимала ее: скорѣе увидѣться съ нимъ и высказать горечь накопившуюся въ ея сердцѣ. До этого дня она любила короля мечтательной, безкорыстной любовью и не добивалась ни власти, ни внѣшняго почета. Но теперь она увидѣла неминуемую опасность, грозившую ея любви съ одной стороны отъ деспотическаго вмѣшательства толпы, а съ другой отъ непостоянства короля, который могъ ежеминутно бросить ее изъ-за политическихъ соображеній. То и другое, какъ ей казалось теперь, происходило отъ недостатка офиціально признанной власти; и она рѣшилась добиться тѣмъ или другимъ способомъ того высокаго положенія, на которое давала ей право любовь короля.

Перемѣна внутренняго настроенія отразилась и на наружности молодой женщины, но король не сразу замѣтилъ эту перемѣну. Когда

Библиотека "Руниверс"

онъ увидѣлъ ее ѣдущею верхомъ по полю, то почувствовалъ къ ней невольное презрѣніе. Своенравный Францискъ былъ непріятно пораженъ, что она рѣшилась послѣдовать за нимъ противъ собственнаго желанія и не смотря на его дурное обращеніе съ нею. Женщина, которая позволяетъ обходиться съ собой, какъ вздумается, не выказывая при этомъ ни малѣйшаго сопротивленія, не можетъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ человѣка, который самъ не способенъ на самоотверженную любовь.

Король равнодушно встрѣтилъ графиню Шатобріанъ и упрекнулъ ее высокомѣрнымъ тономъ за поздній пріѣздъ, но къ своему удивленію услышалъ отвѣтъ, который онъ менѣе всего ожидалъ отъ нея.

— Вы сами виноваты въ этомъ, король Францискъ! отвѣтила она. Вы не умѣете держать въ рукахъ парижскую чернь! Дерзость ея переходитъ всѣ границы; она загораживаетъ дорогу близкой вамъ женщинѣ, осыпаетъ ее грубыми насмѣшками и едва не позволила себѣ еще нѣчто худшее...

— Возможно ли чтобы парижане!..

— Ваши парижане не дѣлаютъ чести вашему управленію! Теперь вопросъ не въ нихъ... Можно быть слабымъ правителемъ, но надежнымъ другомъ! Меня несравненно больше удивляетъ, что король, который славится своимъ рыцарскимъ обращеніемъ, не позаботился избавить даму своего сердца отъ намѣренно подготовленнаго скандала и самъ отдаетъ ее на произволъ черни! Можетъ быть ваше величество находитъ это вполнѣ естественнымъ!..

— Франциска!

— Меня зовутъ графиней Фуа, такъ какъ я отказалась носить фамилію моего мужа. Хотя я сама позволила вамъ называть меня Франциской, но я считаю такое дружеское обращеніе совершенно лишнимъ. Этимъ я не заслужила ни вашей любви, ни даже простого уваженія, на которое имѣетъ право каждая женщина!..

Графинѣ Шатобріанъ было тяжело говорить этимъ тономъ съ человѣкомъ, котораго она въ этотъ моментъ любила также горячо, какъ и прежде.

Но она не могла забыть грубыхъ насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ей уличной толпой. Въ ней впервые проснулось чувство собственнаго достоинства, о которомъ постоянно толковали ея преданные друзья. Она вспомнила до малѣйшихъ подробностей все, что говорили ей Бюде, Бріонъ и Флорентинъ, объ ея шаткомъ положеніи въ свѣтѣ, о покровительствѣ, которое обязанъ оказывать ей король. Ихъ слова не находили тогда отголоска въ ея сердцѣ, но теперь они неотразимо дѣйствовали на нее и вселяли убѣжденіе, что ея довѣріе можетъ быть обмануто и что вмѣстѣ съ тѣмъ наступитъ конецъ ея любви.

Трудно сказать какую роль во всемъ этомъ играло честолюбіе, которое могло наконецъ найти доступъ и въ ея безкорыстномъ сердцѣ,

Библиотека "Руниверс"

благодаря вліянію Флорентина и придворной жизни. Желаніе сдѣлаться королевой должно было неизбѣжно явиться у женщины, которая отдалась королю тѣломъ и душой въ полной увѣренности, что онъ любитъ ее той-же безграничной любовью. Когда увѣренность эта поколебалась и наступила пора борьбы, то графиня Шатобріанъ выказала въ ней ту-же силу характера, какую проявила въ самоотреченіи, съ которымъ предавалась своей любви. Послѣ всѣхъ потрясеній, испытанныхъ ею въ этотъ день, только поверхностный наблюдатель могъ удивиться перемѣнѣ въ наружности и обращеніи Франциски. Король не былъ знатокомъ человѣческаго сердца и женщины на столько избаловали его, благодаря его красотѣ и высокому положенію, что онъ никогда не ожидалъ сопротивленія съ ихъ стороны.

Слушая Франциску, король въ первую минуту совершенно растерялся и не зналъ, что отвѣтить ей, тѣмъ болѣе, что она упрекала его въ не рыцарскомъ поведеніи. Онъ всего болѣе гордился прозвищемъ короля-рыцаря и потому мысль, что онъ могъ погрѣшить въ этомъ отношеніи, произвела на него крайне тяжелое впечатлѣніе. Не обращая никакого вниманія на дорогу, онъ ѣхалъ на-угадъ возлѣ графини Шатобріанъ, которая никогда не казалась ему такой красивой какъ въ эту минуту. Щеки ея горѣли отъ волненія и жары, круглая шляпа съ перомъ сдвинулась на затылокъ; роскошные черные волосы развѣвались по ея платью зелено-золотистаго цвѣта.

Красота Франциски заставила короля забыть испытанное имъ униженіе. Онъ слѣдилъ съ возрастающимъ интересомъ за неожиданной перемѣной въ ея характерѣ и обращеніи.

— Зачѣмъ ты прежде никогда не говорила со мной этимъ тономъ! невольно воскликнулъ король, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Только сегодня ты принудилъ меня къ этому! возразила Франциска.

Разговаривая такимъ образомъ и исключительно занятые другъ другомъ, они незамѣтно очутились на одномъ изъ окрестныхъ парижскихъ холмовъ, на который врядъ-ли король рѣшился бы вступить въ этотъ день, если бы сохранилъ присутствіе духа и былъ способенъ соображать что либо. Но теперь уже трудно было избѣжать зрѣлища, которое представилось ихъ глазамъ. Огромная толпа народа поднималась на высоту; посреди ее виднѣлся человѣкъ въ багровокрасной мантіи, окруженный всадниками; за нимъ въ черной телѣгѣ ѣхалъ худощавый старикъ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ.

Король провелъ рукой по глазамъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ онъ и что значитъ это странное зрѣлище. Между тѣмъ толпа, замѣтивъ издали короля, бросилась къ нему съ громкимъ крикомъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что находится на возвышенности Montfaucon, служившей лобнымъ мѣстомъ для Парижа, и что блѣдный старикъ, простиравшій къ нему руки, никто иной, какъ Семблансэ, котораго Дюпра спѣшилъ отправить на висѣлицу.

Библиотека "Руниверс"

— Что это значитъ? воскликнула Франциска. Опять толпа и крики!..

— Прочь отсюда! поспѣшно проговорилъ король, схвативъ ея лошадь за повода!

— Подожди одну минуту! отвѣтила графиня, наклоняясь къ шеѣ своей лошади и прислушиваясь къ крикамъ. Слышишь-ли Францискъ? они кричатъ „vive le roi!“ и благодарятъ тебя за смерть этого старика!.. Кто онъ такой!

— Прочь отсюда! Скорѣе!.. воскликнулъ король, пришпоривъ до крови свою лошадь и таща за повода иноходца графини. Онъ спѣшилъ удалиться отъ толпы и, не разбирая дороги, помчался въ городъ, слабо освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца.

Но и здѣсь король не нашелъ спокойствія. Въ тѣсныхъ улицахъ замѣтно было необычайное движеніе; всюду раздавался неумолкаемый звонъ всѣхъ парижскихъ колоколовъ. Король ѣхалъ съ такой быстротой, что Франциска нѣсколько разъ едва не упала съ лошади. Взволнованная событіями дня, она съ лихорадочнымъ любопытствомъ допрашивала его—кто этотъ несчастный старикъ, осужденный на казнь?

Король ничего не отвѣчалъ ей. Она слышала только лошадиный топотъ и звонъ колоколовъ, далеко разносившійся по шумному городу, который все болѣе и болѣе погружался въ ночной мракъ.

Проѣхавъ городъ, король долженъ былъ остановиться, потому что ворота выходившія на дорогу въ Corbeil были заперты. Слуги бросились впередъ съ громкимъ крикомъ: Отворите ворота королю Франциску!

Графиня Шатобріанъ воспользовалась этимъ моментомъ и спросила одного изъ тѣлохранителей:

— Что значитъ шумъ въ городѣ и колокольный звонъ?

— Повѣсили Семблансэ и умерла королева Клавдія! отвѣтилъ тѣлохранитель.

ГЛАВА II.

Дѣла быстро приближались къ развязкѣ. Коннетабль Бурбонъ осаждалъ Марсель; Бонниве вернулся въ Фонтенбло и всѣ со дня на день ожидали отъѣзда короля. Вопросъ о регентствѣ и общественномъ положеніи графини Шатобріанъ особенно занималъ придворныхъ; но никто не могъ сказать объ этомъ ничего опредѣленнаго, даже герцогиня Ангулемская, хотя король, увидѣвшись съ нею въ отелѣ Турнель, въ день смерти королевы Клавдіи, почти обѣщалъ поручить ей правленіе въ свое отсутствіе. Но герцогиня слишкомъ хорошо знала своего сына, чтобы вѣрить безусловно его обѣщаніямъ.

Библиотека "Руниверс"

— Онъ не считаетъ себя связаннымъ собственными приговорами и рѣшеніями, каждый день придумываетъ что нибудь новое и только въ моментъ отъѣзда скажетъ окончательно; кто будетъ править государствомъ въ его отсутствіе! сказала герцогиня своему неизмѣнному доброжелателю Дюпра, который пришелъ къ ней съ извѣстіемъ о смерти Семблансэ. Прощаясь съ нимъ, она поручила ему немедленно прислать къ ней Флорентина.

Она знала, что молодой прелатъ былъ въ Венсеннѣ и приписывала его совѣтамъ благопріятную перемѣну въ отношеніяхъ короля къ Францискѣ. Эта перемѣна была въ высшей степени непріятна герцогинѣ; и она рѣшилась во что бы то ни стало подкупить Флорентина и заставить его дѣйствовать въ ея интересахъ.

Это было легче, нежели предполагала герцогиня. Флорентинъ, замѣтивъ охлажденіе короля, отшатнулся отъ своей молочной сестры и искалъ благовиднаго предлога чтобы перейти на сторону ея враговъ. Этому не мало способствовало суевѣріе, которое въ тѣ времена господствовало во всѣхъ слояхъ французскаго общества, не исключая высшаго духовенства. Всѣ таинственныя примѣты были противъ Франциски. Чѣмъ усерднѣе посвящалъ себя Флорентинъ изученію астрологіи, чѣмъ лучше научился ставить гороскопъ, тѣмъ холоднѣе относился онъ къ подругѣ своего дѣтства, потому что дорожилъ только тѣмъ, что могло доставить ему успѣхъ въ свѣтѣ.

Пріѣхавъ въ Фонтенбло по приглашенію Дюпра, онъ вошелъ сперва въ комнату Франциски, чтобы удостовѣриться о настоящемъ положеніи дѣлъ, но никого не нашелъ здѣсь кромѣ ворона. Флорентинъ зналъ о существованіи потаенной двери въ галлереѣ и вошелъ черезъ нее безъ доклада, имѣя на это право, какъ духовникъ Франциски. Но когда въ пустыхъ комнатахъ раздался крикъ ворона, то Флорентинъ принялъ это за предостереженіе судьбы и безъ дальнѣйшихъ колебаній направился въ покои герцогини.

Жакъ, проводивъ изъ аббатства короля и Франциску, вернулся въ замокъ Фуа и сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Химены. Но когда эта несчастная, всѣми покинутая дѣвушка, послѣ смерти старой графини отправилась въ Фонтенбло, чтобы искать пріюта у Франциски, то воронъ послѣдовалъ за нею. Химена не замѣчала или не хотѣла замѣтить, что графиня Шатобріанъ не расположена къ ней и смотритъ на нее недовѣрчиво, потому что любила ее мечтательной любовью юности и, захвативъ съ собой ворона, думала этимъ доставить ей особенное удовольствіе.

Флорентинъ не зналъ о прибытіи Жака и встрѣтивъ его въ комнатахъ Франциски увидѣлъ въ этомъ нѣчто зловѣщее и сверхестественное.

Въ то время, какъ часть тогдашняго французскаго доховенства склонялась къ реформаціи, другіе, утративъ вѣру въ непреложность господствующей религіи старались пополнить пробѣлъ въ своихъ

Библиотека "Руниверс"

вѣрованіяхъ изученіемъ таинственныхъ силъ природы и подземнаго міра, который во всѣ вѣка казался людямъ какимъ-то обширнымъ, волшебнымъ царствомъ. Моисей ясно сознавалъ опасность грозившую пытливому человѣческому уму отъ такого дѣленія на добрыхъ и злыхъ духовъ и ратовалъ противъ него въ своемъ ученіи. Но и его народъ не избѣгъ этой двойственности, господствовавшей на востокѣ. Іудеи изъ своего вавилонскаго плѣна принесли съ собой вѣрованіе въ сонмъ демоновъ, надъ которыми властвуетъ сатана. Незамѣтно и мало по малу прокрались эти грозные злые духи въ еврейскую религію и, наконецъ, сдѣлались въ ней узаконенными силами. Западное христіанство не отвергло ихъ и въ свою очередь признало существованіе демоновъ и сатаны—князя тьмы. Вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ злыхъ духовъ унаслѣдованы были и всевозможныя преданія какъ покорять ихъ. Отсюда человѣкъ логически долженъ былъ прійти къ выводу, что онъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію тѣмъ, что въ его власти. Магія или знаніе таинственныхъ силъ, опять выступила на сцену подъ болѣе приличными терминами: заклинанія и изгнанія діавола, а въ концѣ пятнадцатаго вѣка образовалась законченная теорія колдовства, адептами которой были преимущественно лица изъ католическаго духовенства. Дошедшій до насъ кодексъ уголовныхъ правилъ, по которому судились вѣдьмы, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, насколько и до какихъ тонкостей разработано было это ученіе. Колдовствомъ могъ заниматься каждый и за него наказывали только при извѣстныхъ усиливающихъ вину обстоятельствахъ. Просвѣщенное итальянское духовенство, дававшее тонъ всему католическому міру открыто признавало колдовство. Помпонацци въ Падуѣ и Болоньи читалъ лекціи о магіи какъ о наукѣ, трактующей о скрытыхъ символическихъ іероглифахъ, съ помощью которыхъ можно читать книгу чудесъ природы. Онъ приписывалъ библейскія чудеса натуральной магіи, допускалъ возможность превращенія человѣка въ звѣря и обратно. Возвращеніе въ прежнее блаженное состояніе возможно для человѣка только тогда, когда онъ покоритъ своей власти силы ада. Глубокомысленныя теоріи древнихъ и новѣйшихъ философовъ, доказывающія духовное всемогущество человѣка, служили подтвержденіемъ этого ученія, имѣвшаго многочисленныхъ послѣдователей среди высшаго французскаго духовенства.

Подобное ученіе должно было неизбѣжно увлечь невѣрующаго Флорентина, богато одареннаго умомъ и фантазіей, тѣмъ болѣе, что оно было въ ходу среди самыхъ знатныхъ и наиболѣе уважаемыхъ прелатовъ Парижа. Это была своего рода религія, но несравненно болѣе податливая, которую каждый могъ расширить или съузить по собственному усмотрѣнію. Для Флорентина она имѣла особаго рода обаяніе, такъ какъ здѣсь все было ново для него. Въ эту первую пору увлеченія, когда для него не существовало никакой критики, встрѣтилъ онъ въ пустыхъ комнатахъ Франциски знакомаго ворона,

Библиотека "Руниверс"

который показался ему какимъ-то роковымъ предвѣстникомъ. Воронъ игралъ важную роль въ магіи при всѣхъ колдовствахъ. Знаменитая книга д-ра Іогана Фауста „Miracul, Kunst und Wunderbuch“ или „Черный Воронъ“, была извѣстна во Франціи; и Флорентинъ не только зналъ ее по заглавію, но изучилъ ея содержаніе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ не рѣшился ни минуты оставаться наединѣ съ вороном и съ ужасомъ бросился отъ него въ галлерею Франциска I-го черезъ потаенную дверь, которая тотчасъ же закрылась за нимъ.

Герцогиня Луиза жила въ самой отдаленной части тогдашняго замка Фонтенбло. Флорентину пришлось перейти весь дворъ и длинный мрачный корридоръ съ арками, чтобы отыскать флигель, въ которомъ находились покои герцогини. Она намѣренно искала уединенія, такъ какъ у ней всегда были дѣла, которыя она должна была скрывать отъ придворныхъ. Только этимъ и можно объяснить, почему она помѣстилась въ самой старой и тѣсной части прежняго охотничьяго дома съ узкими окнами и комнатами, въ которыхъ нѣкогда останавливался Людовикъ IX, посѣщая Фонтенбло.

Когда Флорентинъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла герцогиня, онъ увидѣлъ Бонниве, который, кончивъ визитъ, подалъ руку стоявшей возлѣ него красивой молодой дамѣ. Глядя на Бонниве, трудно было замѣтить, что онъ вернулся изъ неудачнаго похода и, что его считаютъ виновникомъ понесеннаго пораженія. Онъ былъ также веселъ, какъ всегда, многозначительно поцѣловалъ руку герцогини и указывая глазами на молодую даму, спросилъ: какъ прикажетъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ неизмѣнно милостивая къ нему герцогиня Ангулемская?

— Будьте благоразумны хотя разъ въ жизни! поспѣшно отвѣтила герцогиня, понизивъ голосъ.—Всего осталось нѣсколько минутъ; нужно воспользоваться ими! Король принимаетъ ванну въ красномъ павильонѣ; какъ только онъ выйдетъ оттуда, поспѣшите представить ему эту даму; онъ будетъ въ хорошемъ настроеніи духа и милостиво приметъ ее.

Бонниве молча поклонился.

— Вооружитесь мужествомъ, моя милая, добавила герцогиня, обращаясь къ молодой дамѣ съ ласковой улыбкой.—Вы можете совершенно откровенно говорить съ королемъ. До свиданія. Увѣдомьте меня о результатѣ, Бонниве; я останусь дома до самаго обѣда.

Бонниве вышелъ изъ комнаты съ дамой. Герцогиня бросила долгій испытующій взглядъ на молодого прелата. Она молчала, зная по опыту, что при всякихъ переговорахъ проигрываетъ тотъ, кто заговоритъ первый, хотя бы дѣло касалось давно рѣшеннаго вопроса.

Флорентинъ не выдержалъ ея взгляда и, опустивъ глаза, сказалъ:

— Вы приказали мнѣ явиться къ вамъ герцогиня...

Онъ остановился, чтобы не сказать чего нибудь лишняго.

— Вѣроятно вы получили это приказаніе отъ другихъ. Я даже не упоминала объ этотъ! возразила она улыбаясь.

Библиотека "Руниверс"

— Въ такомъ случаѣ прошу извинить меня! Если произошло недоразумѣніе, то въ этомъ виноватъ г. канцлеръ Дюпра. Я пріѣхалъ въ Фонтенбло по его приглашенію.

— Скажите пожалуйста, вы не видѣли еще сегодня графини Франциски? Она теперь не помнитъ себя отъ удовольствія. Новый способъ кокетства, который она примѣнила къ моему сыну, по вашему совѣту, вполнѣ удался ей. Вотъ почему ваше посѣщеніе такъ удивило меня.

Флорентинъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Противъ всякаго ожиданія, Франциска была въ полной силѣ, а онъ хотѣлъ измѣнить ей и могъ такимъ образомъ сдѣлать непростительный промахъ. Онъ пробормоталъ сквозь зубы нѣсколько уклончивыхъ словъ.

Герцогиня не прерывала его и опять устремила на него свой назойливо-пристальный взглядъ, приводившій его въ смущеніе.

— Вы не знали этого, г. прелатъ! сказала наконецъ герцогиня послѣ продолжительнаго молчанія.—Вы въ нерѣшимости къ чьей партіи примкнуть и явились въ Фонтенбло, чтобы условиться со мной относительно вознагражденія въ случаѣ, если перейдете на мою сторону! Поговоримъ откровенно безъ всякихъ увертокъ. Вы еще настолько неопытны, что никого не обманете ими и даже сами не съумѣете оградить себя отъ обмана. Еслибы графиня Шатобріанъ дѣйствительно пользовалась такимъ могуществомъ, то, неужели я, зная что вы колеблетесь, встрѣтила бы васъ подобнымъ извѣстіемъ!

— Вы напрасно считаете меня такимъ нерѣшительнымъ, возразилъ Флорентинъ, дѣлая надъ собою усиліе чтобы говорить прямо.— Мои колебанія кончились, когда въ день смерти королевы Клавдіи я убѣдился въ полной неспособности Франциски къ политикѣ и узналъ изъ книги судебъ, что ей суждено погибнуть безъ защиты со стороны короля.

— Я не воображала, что ваши книги написаны такимъ понятнымъ языкомъ и что изъ нихъ можно узнать такія интересныя подробности.

— Позвольте мнѣ кончить мою мысль. Я готовъ бросить графиню Шатобріанъ безъ малѣйшихъ колебаній, потому что служу только тому, кто имѣетъ дѣйствительную силу и могущество, а не мимолетный успѣхъ. Но до сихъ поръ я не могъ узнать: кто собственно пользуется прочнымъ вліяніемъ при французскомъ дворѣ!

— Однако вы становитесь невѣжливымъ, что также показываетъ вашу полную неопытность. Извольте, я скажу вамъ, кто по всѣмъ вѣроятіямъ достигнетъ наибольшаго могущества при нашемъ дворѣ. Вы видѣли даму, которая была здѣсь съ Бонниве? Ее ожидаетъ блестящая будущность...

— Не спорю. Но это случится лѣтъ черезъ двадцать, не раньше. Такая далекая будущность можетъ представлять интересъ для мечтателей, но не для насъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости. историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1881 г.

Стр.

I. ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СООБЩЕНІЯ. . . . . .

II. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ (Отрывки изъ воспоминаній). **В. Г. Авсѣенко** 707

III. ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ. Окончаніе. **Н. Е. Забѣлина**. 735

IV. ПОВСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ СИГИЗМУНДА МИЛКОВСКАГО ВЪ 1863 г. **Н. В. Берга** 783

V. СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА (Очерки нравовъ XVIII вѣка). Окончаніе. **А. В. Арсеньева** . 822

VI. ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ. Окончаніе. **Вс. С. Соловьева** 839

VII. УЖАСНАЯ ЛОГИКА (1 марта 1881 года) **Ор. Ѳ. Миллера** . 854

VIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ БРОЖЕНІЕ И РУССКАЯ ШКОЛА. **Ѳ. И. Булгакова** 858

IX. ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II:— 1) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Калугѣ въ 1837 г. (Письмо очевидца);—2) Императоръ Александръ II и графъ А. Замойскій;—3) Посѣщеніе императоромъ Александромъ II въ 1871 г. Житнаго рыболовнаго промысла. (Разсказъ очевидца): — 4) Императоръ Александръ II на боевомъ полѣ 866

X. ЦАРЕУБІЙСТВО 1-го МАРТА. Съ приложеніями четырехъ плановъ и чертежа разрывнаго снаряда 893

XI. ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЦАРЕУБІЙСТВѢ 1-го МАРТА . 910

XII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буасье; переводъ со 2 изд. Маріи Корсакъ. М. 1880. **Д. Лебедева;**—2) Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора московской духовной академіи. Т. I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. М. 1881. **А. С—каго**; — 3) Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края. Вятка. 1880. **А. С—на** 922

XIII. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Необыкновенная денежная награда въ XVII столѣтіи. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ**;—Письмо графа П. И. Шувалова къ графу Лестоку. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ**; — Затрудненія при поминовеніи Петра III. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова**; — Къ исторіи дѣтства императора Павла I. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ** 930

XIV. СМѢСЬ: Къ вопросу о правѣ убѣжища. — М. А. Колосовъ.—Заграничныя изданія сочиненій Г. П. Данилевскаго.—Общество Нестора лѣтописца въ 1880 году. — Статуя Афины Фидія. — Декабристъ Е. П. Соловьевъ 937

XV. ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ: Псевдо-Пушкинъ **А. С—каго** . . . 944

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императора **Александра II**; 2) Графиня Шатобріанъ, историческій романъ **Г. Лаубе**. Окончаніе III части и части IV глава I.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

Съ фотографіи, снятой въ Горномъ Студенѣ (въ Болгаріи), 11 октября 1877 г., рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ., 26 марта 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Ртеловъ пер., д. 11—13.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано:

Отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

I.

Сего 1-го марта, въ $1^3/_4$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно.

Лейбъ-Медикъ Боткинъ.
Профессоръ Е. Богдановскій.
Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.
Докторъ Круглевскій.

II.

Воля Всевышняго совершилась. Въ 3 часа 35 минутъ дня сего 1-го марта Онъ призвалъ къ Себѣ Государя Императора Александра Николаевича.

За нѣсколько минутъ до кончины Его Императорское Величество изволилъ пріобщиться Святыхъ Таинъ.

Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Профессоръ Е. Богдановскій.
Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.
Докторъ Круглевскій.
Министръ внутреннихъ дѣлъ
генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Библиотека "Руниверс"

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІИ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить, по завѣту Нашихъ предковъ, всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ Нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ Нашими мольбами предъ Алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 1-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Циркулярная депеша управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаря Гирса, къ Россійско-Императорскимъ представителямъ за границею.

Его Величество Государь Императоръ, вступая на Прародительскій Престолъ, пріемлетъ въ наслѣдіе преданія, освященныя временемъ, дѣяніями Его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи.

Его Величество, принимая это наслѣдіе всецѣло, ставитъ Себѣ въ священную обязанность передать его ненарушимо Своимъ преемникамъ.

Россія, какъ всѣ другія государства, должна была, для созиданія своего, выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ.

Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и

Библиотека "Руниверс"

недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ Себѣ Нашъ Августѣйшій Монархъ, и Его Величество твердо рѣшился неуклонно идти къ ней.

Государь Императоръ посвятитъ Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности, и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбивою. Россія останется вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія, согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ.

На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы.

Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастія ея и безъ вреда другимъ.

Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ Своей политикѣ..

Его Величество поручаетъ вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитать настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ".

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая и прочая.

Вступивъ на Всероссійскій Прародительскій Престолъ Нашъ, Мы, въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія Государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ Предшественниковъ Нашихъ, блаженныя памяти Императоровъ Николая I-го и Александра II-го, признали Священною обязанностію Нашею озаботиться предуказаніемъ мѣръ имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтство Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Учрежденія объ Императорской Фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

1. На случай кончины Нашей прежде достиженія Любезнѣйшимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія Императоровъ, Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжевста

Библиотека "Руниверс"

Финляндскаго, до совершеннолѣтія Его, назначается Нами Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

2. Если Всевышнему угодно будетъ, по кончинѣ Нашей, воззвать къ Себѣ и первороднаго Сына Нашего, прежде достиженія Имъ совершеннолѣтія, то и по вступленіи за Нимъ, по закону о наслѣдіи, на Престолъ Всероссійскій другаго Сына Нашего, Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, долженъ оставаться Правителемъ Государства также до совершеннолѣтія сего другаго Сына Нашего.

3. Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 1-й и 2-й статьяхъ сего Манифеста, опека и надъ первороднымъ Сыномъ и надъ прочими дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли и намѣреній Нашихъ, относительно управленія Государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы, въ благоговѣйномъ уваженіи къ законамъ Нашего Отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о вящшемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи Державы, отъ Бога Намъ врученной.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя московскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта князя Долгорукова.

Князь Владиміръ Андреевичъ. Мнѣ былъ представленъ приговоръ московской городской думы, 8 сего марта, съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, одушевляющихъ населеніе первопрестольной столицы, а также съ ходатайствомъ объ открытіи какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи подписки на сооруженіе, среди святынь Кремля, памятника въ Бозѣ почившему блаженныя и вѣчныя славы достойному Императору Александру II.

Въ дни радости, какъ и въ годины тяжкихъ испытаній, всѣ слои населенія Москвы всегда являли вѣрный откликъ чувствамъ своихъ Государей. Поручаю вамъ изъявить московской городской думѣ Мою искреннюю сердечную благодарность.

Согласно желанію города Москвы, да будутъ стѣны Кремля вмѣщать въ себѣ воздвигнутый всею Россіею, по почину Москвы, памятникъ Тому, Кто всю жизнь Свою посвятилъ на служеніе возлюбленному Отечеству.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ,
14-го марта 1881 года.

Библиотека "Руниверс"

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

Отрывки изъ воспоминаній.

1852—1863.

ПРОПУСКАЮ впечатлѣнія моего ранняго дѣтства, хотя изъ нихъ очень многое сохранилось въ моей памяти. Пропускаю ихъ потому, что они касаются моего собственнаго внутренняго міра и моей семьи, и не могутъ интересовать читателя. Въ этихъ бѣглыхъ набросках я имѣю намѣреніе какъ можно менѣе заниматься своей личной судьбой, и представить вниманію публики лишь то, чему мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, что заключаетъ въ себѣ интересъ помимо моего личнаго участія.

Въ августѣ 1852 года, меня отдали въ первую петербургскую гимназію. Преобразованная изъ бывшаго благороднаго пансіона при петербургскомъ университетѣ, она оставалась закрытымъ заведеніемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняла еще прежній характеръ привиллегированной школы. Въ нее принимались только дѣти потомственныхъ дворянъ, въ обстановкѣ воспитанія замѣчалось стремленіе къ чему то болѣе порядочному, чѣмъ въ другихъ гимназическихъ пансіонахъ; кажется и плата за воспитанниковъ въ ней была положена значительно высшая.

Я былъ недурно подготовленъ дома, и кромѣ того доступъ въ учебныя заведенія тогда былъ очень легокъ. Начальство находило нужнымъ такъ сказать заманивать учениковъ, во всякомъ случаѣ встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями. Меня проэкзаменовали шутя и предложили принять во второй классъ; но отецъ мой, большой любитель порядка и послѣдовательности, предпочелъ помѣстить меня въ первый классъ—чтобъ ужъ непремѣнно съ начала до конца, систематически, пройти весь курсъ.

Библиотека "Руниверс"

Выросшій дома, среди соотвѣтствовавшей возрасту свободы, я съ большимъ трудомъ входилъ въ условія пансіонской жизни. Меня стѣсняла не дисциплина этой жизни, а невозможность остаться хотя на минуту одному съ самимъ собою. Дома я привыкъ читать; въ гимназіи это было почти немыслимо. Имѣть свои книги не разрѣшалось, а изъ казенной библіотеки давали нѣчто совсѣмъ несообразное—въ родѣ напримѣръ допотопнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, да и то очень неохотно, какъ бы только во исполненіе воли высшаго начальства. Библіотекой завѣдывалъ инспекторъ, Василій Степановичъ Бардовскій—человѣкъ, обладавшій замѣчательною способностью „идти наравнѣ съ вѣкомъ", только въ самомъ невыгодномъ смыслѣ. Мнѣ говорили, что въ 60-хъ годахъ, будучи уже директоромъ, онъ страшно распустилъ гимназію, что и было причиною нареканій на это заведеніе; но въ мое время онъ обнаруживалъ во всей неприкосновенности закалъ педагога-бурсака, и раздѣлялъ всѣ увлеченія тогдашняго обскурантизма. Розга въ четырехъ младшихъ классахъ царствовала неограниченно, и лишь немногіе изъ моихъ товарищей избѣгли вмѣстѣ со мною знакомства съ этимъ спорнымъ орудіемъ воспитанія. Сѣкли, главнымъ образомъ, за единицы. Каждую пятницу вечеромъ дежурный гувернеръ выписывалъ изъ журналовъ всѣхъ получившихъ на недѣлѣ единицы или нули, а каждую субботу, на первомъ урокѣ, Василій Степановичъ являлся въ классъ и кивкомъ головы вызывалъ попавшихъ въ черный списокъ. Товарищи провожали ихъ умиленными глазами... Надо впрочемъ сказать, что учиться было не тяжело, и избѣгать единицъ не представляло большихъ трудностей.

Забота о развитіи молодого ума, о воспитаніи благородныхъ инстинктовъ, какъ-то не вяжется съ розгой. И дѣйствительно, о такихъ вещахъ заботились мало. О жалкомъ составѣ гувернеровъ я скажу дальше; самъ инспекторъ, духъ и руку котораго мы ощущали ежеминутно, хлопоталъ только о водвореніи порядка и страха и объ искорененіи свободомыслія. Поощрять охоту къ чтенію, къ труду не по указкѣ, не входило въ его программу, и на просьбу о выдачѣ книги изъ библіотеки большинство учениковъ получало неизмѣнный, иногда оскорбительный отказъ. „Занимайся лучше уроками! единицы имѣешь! Да, такъ-съ!" отвѣчалъ обыкновенно Василій Степановичъ, повертывая между пальцами серебряную табатерку. „Да, такъ-съ" прекращало всякіе разговоры. Не знаю, самъ ли инспекторъ руководилъ покупкою книгъ для библіотеки, но помню что составъ ея былъ удивительный. Она помѣщалась въ пріемной комнатѣ, и бывая тамъ я усердно разглядывалъ надписи на корешкахъ книгъ, но постоянно видѣлъ одни и тѣже „Сочиненія Нахимова". Съ тѣхъ поръ я долго не могъ отдѣлаться отъ представленія о Нахимовѣ, какъ о величайшемъ русскомъ писателѣ... Достать книгу по собственному желанію было невозможно. Помню, что я долго искалъ, какъ клада, томъ лири-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ стихотвореній Пушкина. Въ то время Пушкина не было въ продажѣ: смирдинское изданіе (плохое, не полное, на сѣрой бумагѣ) уже исчерпалось, а анненковское еще не появилось; въ моей домашней библіотекѣ недоставало почему-то одного тома, съ мелкими лирическими пьесами, и я зналъ нѣкоторыя изъ нихъ только по хрестоматіи Галахова. Пробѣлъ этотъ просто мучилъ меня, и я нѣсколько разъ, рискуя навлечь на себя гнѣвъ В. С—ча, приставалъ къ нему съ просьбой выдать мнѣ изъ библіотеки этотъ заколдованный томъ; но инспекторъ, находя такое стремленіе къ поэзіи предосудительнымъ, отказывалъ наотрѣзъ. Уже года черезъ два, учитель русскаго языка Сергѣевъ—не блестящая, но добрѣйшая, славная личность—выхлопоталъ Пушкина для себя, и подъ величайшимъ секретомъ передалъ его на одинъ день мнѣ. Это былъ, можетъ быть, одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моего дѣтства.

Литературные взгляды начальства выражались между прочимъ въ выборѣ книгъ, раздаваемыхъ въ награду лучшимъ ученикамъ при переходѣ изъ одного класса въ другой. Мнѣ разъ дали какой-то „Дѣтскій театръ“, состоящій изъ малограмотныхъ переводныхъ комедій, въ другой разъ „Очеркъ похода Наполеона I противъ Пруссіи въ 1806 году“, въ третій одинъ томъ словаря Рейфа, и т. д.

Но самую печальную сторону управленія В. С-ча составляла его склонность примѣшивать къ педагогическому дѣлу политическій элементъ. Эта была, впрочемъ, общая черта времени. Воспитательныя заведенія чрезвычайно узко понимали задачу искорененія въ молодыхъ умахъ зловредныхъ идей. Могу удостовѣрить, что ни у кого изъ моихъ товарищей никакихъ зловредныхъ идей не было; напротивъ, въ эпоху крымской войны, патріотическое воодушевленіе обнаружилось весьма сильно, и многіе изъ воспитанниковъ нашей гимназіи прямо со школьной скамьи отправились умирать на дымящихся бастіонахъ Севастополя. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ постоянно чувствовали себя подъ какимъ то тягостнымъ давленіемъ политической подозрительности. Обыкновенныя дѣтскія шалости, можетъ быть и предосудительныя, но объясняемыя условіями закрытаго воспитанія, духомъ товарищества, нерѣдко разсматривались именно съ этой подозрительной quasi-политической стороны. Припоминаю случай лично со мной. Подружившись съ однимъ изъ товарищей, я въ рекреаціонные часы часто ходилъ съ нимъ по корридору, и наши разговоры казались намъ занимательнѣе обычныхъ игръ въ общей залѣ. Но гувернеръ Б-ни, усвоившій себѣ инквизиторскія воззрѣнія на самыя обыкновенныя вещи, запретилъ намъ оставаться вдвоемъ, объяснивъ откровенно, что подозрѣваетъ нашу политическую благонадежность, и что наше отдаленіе отъ товарищей вызываетъ въ его воображеніи классическія фигуры Брута и Кассія... Привожу этотъ неважный случай, чтобъ показать до какой степени односторонне и несвободно относились тогдашніе педагоги къ этой несомнѣнно важной задачѣ

Библиотека "Руниверс"

общественнаго воспитанія. Надо прибавить, что исканіе политической подкладки въ незначительныхъ явленіяхъ, вытекающихъ прямо изъ условій пансіонской жизни, приводило къ результатамъ почти противоположнымъ: мы чуть не съ десятилѣтняго возраста получали неестественный интересъ къ политическимъ вопросамъ, и конечно гораздо больше толковали о нихъ, чѣмъ нынѣшніе мальчики. Но, повторяю, относиться враждебно къ основамъ нашего государственнаго быта никому изъ насъ и въ голову не приходило. Такъ называемое свободомысліе скорѣе направлялось въ сферу религіозную—явленіе, какъ извѣстно, общее тогда всѣмъ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ.

Я былъ бы очень радъ сказать что нибудь лучшее о покойномъ В. С-чѣ. Лично я находился съ нимъ въ самыхъ благополучныхъ отношеніяхъ, и кажется даже пользовался особымъ его расположеніемъ. Я думаю, что это былъ вовсе не злой и не дурной, а только очень обыкновенный человѣкъ, всегда подчинявшійся малѣйшему давленію сверху и не выработавшій въ свою долговременную практику никакого собственнаго взгляда. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, сверху требовали строгости, допускали и жестокость; В. С-чъ не только удовлетворялъ этому требованію, но и самъ несомнѣнно раздѣлялъ понятія и взгляды господствовавшаго въ то время обскурантизма. Для него, человѣка ординарнаго, это было тѣмъ извинительнѣе, что при пассивной роли директора, на немъ лежали весь трудъ и вся отвѣтственность. Къ чести его здѣсь необходимо прибавить, что при всей практиковавшейся въ гимназіи строгости, у насъ почти совсѣмъ не прибѣгали къ исключенію воспитанниковъ. Тогдашнія учебныя заведенія вообще держались правила, что дѣти даны имъ счетомъ, и счетомъ должны быть возвращены родителямъ и обществу. За всѣ четыре года моего нахожденія въ первой гимназіи, я знаю только одинъ случай изгнанія воспитанника изъ стѣнъ заведенія—именно нѣкоего Ч., пойманнаго en flagrant délit въ проступкѣ положительно безнравственномъ.

Директоромъ гимназіи при мнѣ былъ Викентій Васильевичъ Игнатовичъ. Кажется онъ былъ хорошо образованный человѣкъ, но мы видали его чрезвычайно рѣдко, и наврядъ ли онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ заведенія. Толстый, благодушный, съ очень благообразнымъ и умнымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе пріятнаго барина, неохотника до черной работы. Онъ любилъ впрочемъ показать, что занимался спеціально исторіей, иногда заходилъ на уроки г. Лыткина и самъ спрашивалъ учениковъ, именно тѣхъ, которые желали поправить передъ субботой полученную на недѣлѣ единицу. Но всего превосходнѣе онъ былъ въ смыслѣ декоративномъ: такого директора можно было выставить куда угодно. Помню его какъ сейчасъ въ двухъ торжественныхъ случаяхъ. Въ мартѣ 1855 года гимназія праздновала свой 25-лѣтній юбилей. Были министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ и попечитель округа. Воспитанни-

Библиотека "Руниверс"

камъ дали завтракъ, съ бокалами какого-то похожаго на шампанское напитка. В. В. Игнатовичъ, въ мундирѣ и во всѣхъ регаліяхъ, былъ представителенъ до помраченія; онъ рѣшительно затмѣвалъ весь сановный персоналъ, посѣтившій нашу столовую, и когда онъ, обратясь съ поднятымъ бокаломъ къ министру, произнесъ нѣсколько краткихъ словъ, упомянувъ въ нихъ и о какомъ-то орденѣ, „незадолго передъ симъ украсившемъ вашу достойную грудь“ — то всѣ, даже самые маленькіе между нами, почувствовали какъ это хорошо было сказано... Въ другой разъ припоминается мнѣ почтенный В. В. Игнатовичъ, какъ онъ, въ разгарѣ восточной войны, вошелъ разъ къ намъ въ репетиціонную залу, и поздоровавшись необычайно ласково съ учениками, провозгласилъ: „Дѣти, любите ли вы Россію?“ Мы отвѣчали что любимъ. Тогда директоръ, указавъ на производящійся повсемѣстно сборъ пожертвованій на военныя нужды, пригласилъ насъ открыть между собою подписку. Мы отозвались съ полною готовностью.

Я не могу судить, насколько вообще дѣятельность В. В. Игнатовича была плодотворна для гимназіи, но долженъ сказать, что это былъ несомнѣнно умный и добрый человѣкъ, и что навѣрное ни одинъ изъ его воспитанниковъ не имѣлъ съ нимъ непріятнаго столкновенія и не сохранилъ къ нему враждебнаго чувства. Если нельзя утверждать, чтобъ у насъ выразилась серьозная любовь къ нему, то только потому, что мы мало его видѣли.

Не знаю, насколько слѣдуетъ приписать винѣ директора неудачный выборъ своихъ помощниковъ по воспитательной части, но надо сознаться, что составъ гувернеровъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Все это были иностранцы—въ расчетѣ на практику въ новыхъ языкахъ—и почти поголовно люди безъ всякаго образованія. Крайнимъ невѣжествомъ поражали въ особенности французы. Одинъ изъ нихъ, бывшій барабанщикъ великой арміи, раненый казацкою пикой, преподавалъ въ первомъ классѣ французскій языкъ и не могъ поправлять ошибокъ въ диктовкѣ, не заглядывая въ книгу. Другой былъ до того старъ, что почти не стоялъ на ногахъ; третій, совсѣмъ глупый и безнравственный человѣкъ, рѣшительно не годился къ педагогическому дѣлу. Надо впрочемъ сказать, что французы были всѣ очень добрые люди и мы съ ними отлично уживались; за то удивительнымъ злопамятствомъ и тупымъ педантизмомъ отличались нѣмцы. Это были наши присные враги, съ которыми мы вели непрерывную войну... Не знаю, къ какой національности принадлежалъ упомянутый выше Б—ни; фамилія у него была итальянская, но онъ отлично говорилъ по-русски, а по характеру напоминалъ австрійскаго полиціанта меттерниховскихъ временъ. Надо было изумляться ловкости, съ какою онъ накрывалъ шалуновъ, и доходящей до благородства горячности, съ какою онъ умѣлъ самый пустой случай раздуть до степени чуть не политическаго дѣла. Австрійскій чиновникъ, обрусѣвшій въ тог-

Библиотека "Руниверс"

дашнемъ Петербургѣ и совмѣстившій въ себѣ оба букета, бывалъ иногда истиннымъ виртуозомъ своего дѣла.

Время, въ которое я поступилъ въ гимназію—считается переходнымъ въ исторіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Классическая система, водворенная гр. Уваровымъ, въ концѣ 40-хъ годовъ была заподозрѣна и нарушена. Греческій языкъ сохранился только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, предназначенныхъ приготовлять учениковъ къ поступленію на историко-филологическіе факультеты, преподаваніе латинскаго рѣшено начинать только съ четвертаго класса; взамѣнъ того введено съ перваго класса преподаваніе естествознанія и увеличено число уроковъ по математикѣ. Приготовляющіе себя къ поступленію прямо изъ гимназіи на государственную службу обязывались слушать законовѣдѣніе. Этотъ новый учебный планъ вводился съ 1852 года, т. е. какъ разъ со времени моего поступленія. Со стороны теоретической, реформа очевидно не выдерживала ни малѣйшей критики и была ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ бюрократическаго невѣжества. Тѣмъ не менѣе, припоминая свои школьные годы, я не могу не сказать, что у насъ учились недурно, и что получаемое нами образованіе достигало важнѣйшей цѣли—давало ученикамъ и умственное развитіе, и охоту къ дальнѣйшему научному труду. Безъ сомнѣнія, этимъ благопріятнымъ результатомъ гимназія была обязана не программамъ, представлявшимъ нелѣпый винигретъ какихъ-то клочковъ и обрывковъ, а выдающемуся таланту нѣкоторыхъ преподавателей и хорошему составу учениковъ.

Преподаватели были разные, молодые и старые, годные и негодные; но всѣ они были гуманные, въ большинствѣ очень симпатичные люди, и я не сомнѣваюсь, что изъ моихъ товарищей никто не сохранилъ ни къ одному изъ нихъ никакого недобраго чувства. Они стояли рѣшительно внѣ общаго направленія и скорѣе сами подвергались его давленію, чѣмъ давили насъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованные люди тогда еще глядѣли на вещи одинаково, и не было той розни, которая въ настоящее время раздѣляетъ и разъѣдаетъ наши культурныя силы. Университетская наука заключала въ себѣ подразумѣваемый протестъ противъ духа реакціи, царившаго внѣ ея. Наши учителя были по большей части люди 40-хъ годовъ, вынесшіе изъ стѣнъ университетовъ тѣ гуманныя идеи, которыми впослѣдствіи характеризовали цѣлое поколѣніе. Я припоминаю, что мы еще въ низшихъ классахъ понимали этихъ людей, и что никогда въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ, въ нашихъ подчасъ очень глупыхъ шалостяхъ, не обнаруживалось ничего оскорбительнаго для нихъ. Устраивая разныя, иногда очень дерзкія непріятности гувернерамъ, эконому, учителямъ-иностранцамъ, мы всегда относились съ безусловнымъ и весьма замѣчательнымъ уваженіемъ къ русскимъ учителямъ, въ которыхъ чувствовали людей иного, лучшаго склада.

Библиотека "Руниверс"

Въ почтенномъ персоналѣ нашихъ преподавателей первое мѣсто занималъ Василій Ивановичъ Водовозовъ. Я пользовался его уроками только одинъ годъ, но могъ вполнѣ оцѣнить и его дарованія, и его въ высшей степени достойную уваженія личность. Трудолюбивый, серьозный, искренно любящій свое дѣло, искренно убѣжденный, что на скромномъ постѣ учителя русской словесности ему возможно принести много несомнѣнной пользы, онъ отдавался своимъ обязанностямъ если не съ увлеченіемъ, то съ горячимъ личнымъ интересомъ, который передавался ученикамъ. Характеръ его преподаванія былъ чисто практическій: мы писали сочиненія на заданныя тэмы, потомъ эти сочиненія раздѣлялись между нами для грамматическаго и критическаго разбора, такъ что мы должны были находить другъ у друга ошибки, невѣрныя или неудачно выраженныя мысли и т. д. Потомъ и сочиненія, и замѣчанія на нихъ, читались въ классѣ въ присутствіи учителя, который и являлся судьею авторскихъ пререканій, судьею неизмѣнно дѣльнымъ, строгимъ и безпристрастнымъ. Въ другіе часы мы занимались церковно-славянской грамматикой, чтеніемъ классическихъ произведеній русской и иностранной (въ поэтическихъ переводахъ) лититературы, сопровождавшимся бесѣдами подъ руководствомъ Василія Ивановича и т. д. Въ трехъ старшихъ классахъ устраивались кромѣ того литературные вечера, на которыхъ лучшіе воспитанники прочитывали въ присутствіи педагогическаго совѣта сочиненія болѣе значительнаго объема и лучше обработанныя, чѣмъ классныя упражненія. Благодаря такому характеру преподаванія, русская словесность была для насъ всѣхъ самымъ любимымъ предметомъ, и мы ждали урока Василія Ивановича, какъ праздника. Почтенный преподаватель былъ безъ сомнѣнія душою всего учебнаго дѣла; онъ болѣе всѣхъ заставлялъ насъ понимать привлекательную сторону умственнаго труда, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для нашего воспитанія. Правда, матеріалъ съ которымъ пришлось имѣть дѣло В. И. Водовозову, былъ очень благодарный. Отчасти вслѣдствіе нѣсколько исключительнаго положенія нашей гимназіи, въ которую принимались только дѣти изъ самаго образованнаго въ Россіи сословія, получавшія уже въ своихъ семействахъ болѣе или менѣе развитые культурные инстинкты, отчасти вслѣдствіе традицій заведенія, гдѣ русская словесность всегда составляла какъ бы центръ преподаванія, отчасти наконецъ благодаря общимъ условіямъ и общему направленію времени—между нами, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, всегда находилось не мало очень умныхъ и даровитыхъ мальчиковъ, съ раннимъ и опредѣленнымъ расположеніемъ къ литературному труду, а еще болѣе такихъ, которые, не обнаруживая выдающагося личнаго дарованія, тѣмъ не менѣе до крайности любили все относящееся до литературы, и своимъ сочувствіемъ поддерживали болѣе даровитыхъ товарищей. Большинство изъ насъ не только училось въ исполненіе долга, но испытывало потребность сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лать нѣчто большее, заглянуть повыше казенной черты, войти въ живую связь съ тѣми, кто зналъ больше насъ, кто мыслилъ лучше насъ; существовало несомнѣнно какое-то особое вѣяніе, сообщавшее нашимъ школьнымъ годамъ трудно-опредѣляемую привлекательность. Многіе между моими товарищами очень рано обнаружили серьозное литературное дарованіе. Изъ воспитанниковъ, съ которыми мнѣ привелось особенно сблизиться, назову В. В. Крестовскаго, какъ пріобрѣвшаго впослѣдствіе наиболѣе громкое литературное имя. Онъ былъ на два класса старше меня, но одинаковые вкусы, одинаковая потребность искать чего-то за казенной чертой пансіоннаго воспитанія, а всего болѣе рѣдкія личныя свойства симпатичной натуры Крестовскаго, сблизили насъ такъ тѣсно, что завязавшаяся въ гимназическихъ стѣнахъ дружба осталась для насъ обоихъ одною изъ самыхъ серьозныхъ привязанностей. Романтикъ по природѣ, Крестовскій еще въ младшихъ классахъ отличался самыми рѣзкими антипатіями къ безобразіямъ нашего пансіонскаго быта и потребностью создать среди этого быта свою собственную жизнь; онъ еще мальчикомъ писалъ красивые, звучные стихи, и въ гимназической курткѣ волновался всѣми интересами, занимавшими тогдашнюю, еще очень тѣсную семью культурныхъ людей.

Несомнѣнное поэтическое дарованіе обнаруживалъ другой мой товарищъ, Аполлонъ Кусковъ, братъ извѣстнаго впослѣдствіи поэта, переводчика Шекспира. Самъ онъ, кажется, никогда ничего не печаталъ; я рано потерялъ его изъ виду, и незнаю какія причины помѣшали развиться его таланту, обѣщавшему очень много. Онъ прекрасно владѣлъ также карандашомъ и красками и несомнѣнно могъ сдѣлать замѣтную артистическую карьеру. Извѣстно, впрочемъ, что никто такъ часто не обманываетъ ожиданій, какъ много-обѣщающіе русскіе мальчики.

Я не могу не вспомнить здѣсь также одного изъ очень даровитыхъ моихъ товарищей, Куницкаго. Онъ умеръ кажется еще до окончанія курса гимназіи. Бойкій, дѣятельный, съ большимъ воображеніемъ и съ сатирическимъ, язвительнымъ складомъ ума, онъ весь былъ преданъ двумъ страстямъ—къ театру и ко всему французскому. Объ его способностяхъ можно судить по тому факту, что когда онъ былъ гимназистомъ третьяго и четвертаго класса, книгопродавецъ Вольфъ охотно покупалъ для изданія составляемыя имъ дѣтскія книги, преимущественно пьесы для дѣтскаго театра. Можетъ быть гимназистамъ и не слѣдуетъ сочинять книги, но во всякомъ случаѣ фактъ этотъ, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ не противъ заведенія, къ которому принадлежалъ Куницкій... Страсть его къ театру, и особенно къ французскому, не знала границъ. По средамъ или по четвергамъ— не помню какіе тогда были абонементные дни — онъ почти всегда ухитрялся непостижимыми путями отпроситься домой, и засѣдалъ въ Михайловскомъ театрѣ, несмотря на строгость полицейскаго и педа-

Библиотека "Руниверс"

гогическаго надзора. Въ четвертомъ классѣ онъ былъ редакторомъ рукописнаго журнала, безконечно насъ интересовавшаго. Начальство знало о существованіи этого журнала, но находя его занимательнымъ даже для себя, смотрѣло сквозь пальцы...

При такомъ составѣ учениковъ, учителямъ, умѣвшимъ не вооружать насъ противъ себя, не трудно было вести свое дѣло. Не всѣ, конечно, обладали тѣми же способностями и такимъ же серьознымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какъ В. И. Водовозовъ; но замѣчательно, что у насъ учились хорошо даже у преподавателей, такъ сказать, „невозможныхъ" съ нынѣшней точки зрѣнія. Такъ было, напримѣръ, съ латинскимъ языкомъ. Преподаватель этого предмета, З—овъ, былъ удивительнѣйшій чудакъ. Недурной знатокъ своего предмета и человѣкъ подчасъ очень взыскательный, онъ съ этою взыскательностью соединялъ что-то безконечно распущенное и шутовское. У него была страсть къ скабрезнымъ анекдотамъ, и онъ требовалъ, чтобъ къ каждому уроку одинъ изъ воспитанниковъ приготовилъ такой анекдотъ, но непремѣнно имъ самимъ сочиненный, и остроумный. Какъ только войдетъ З—овъ въ классъ, одинъ изъ насъ тотчасъ выходитъ къ доскѣ и начинаетъ разсказъ... Если анекдотъ недуренъ, З—овъ хохочетъ, мы тоже; если не понравится—скажетъ: „ну, это глупо"—и непремѣнно будетъ гораздо строже ставить балы. Казалось бы, такой учитель долженъ былъ имѣть самое разлагающее вліяніе на мальчиковъ, а на повѣрку выходило, что изъ латинскаго языка большинство училось очень недурно, и притомъ я никогда ни отъ кого изъ товарищей не слыхалъ, чтобъ этотъ предметъ считался труднымъ.

Другой учитель, Л—овъ, старикъ, преподававшій географію, любилъ самъ разсказывать анекдоты, и по большей части не совсѣмъ приличные. Въ такихъ разсказахъ сплошь и рядомъ проходилъ цѣлый урокъ.

Въ 1855 году, съ моимъ отцомъ приключился ударъ. Чрезвычайно крѣпкій отъ природы, регулярный во всѣхъ своихъ привычкахъ, онъ разстроилъ здоровье чрезмѣрнымъ трудомъ. Послѣ удара отъ него потребовали не только оставленія службы, но и переѣзда въ теплый климатъ. По этой причинѣ мы въ 1856 году переѣхали въ Кіевъ, и я перевелся въ кіевскую первую гимназію.

Три года, проведенные въ этомъ заведеніи, принадлежатъ къ самымъ скучнымъ годамъ моей жизни. Мнѣ было очень трудно привыкнуть къ совершенно иному тону, царившему въ провинціальной гимназіи. По составу преподавателей она считалась лучшею въ округѣ, и въ этомъ отношеніи перемѣна была не особенно чувствительна. Но совсѣмъ другимъ характеромъ отличался составъ воспитанниковъ. На нихъ на всѣхъ лежала тусклая печать провинціальности, тотъ сѣрый,

Библиотека "Руниверс"

подавляющій колоритъ обывательской ординарности, съ которымъ мнѣ впервые приходилось знакомиться. Артистическая даровитость, отличавшая моихъ петербургскихъ товарищей, значительный уровень ихъ умственнаго развитія, ихъ раннее, можетъ быть даже слишкомъ преждевременное, знакомство съ интересами значительно высшаго порядка—ничего этого въ кіевской гимназіи я не встрѣтилъ.

Единственнымъ отраднымъ воспоминаніемъ за эти три года я обязанъ покойному учителю русской словесности, А. П. Иноземцеву. Это была очень даровитая личность, къ сожалѣнію рано унесенная смертью. Отличный знатокъ русскаго языка, человѣкъ съ правильнымъ и тонкимъ литературнымъ вкусомъ, А. П—чъ былъ совсѣмъ не на мѣстѣ въ гимназіи, гдѣ воспитанники состояли изъ поляковъ и малороссовъ, не только не умѣвшихъ правильно говорить по-русски, но даже неспособныхъ отдѣлаться отъ не русскаго акцента. Бывало онъ чуть не плакалъ съ досады, когда, напримѣръ, ученикъ скажетъ: „помочу перо", и въ цѣломъ классѣ не найдется ни одного, кто бы могъ его поправить. Мнѣ сдается, что самая смерть Иноземцева—отъ разлитія желчи—была подготовлена скукой провинціальнаго прозябанія и возни съ поголовною добропорядочною бездарностью. Ю. Э. Янсонъ, заступившій его мѣсто, человѣкъ очень образованный и талантливый, но еще очень молодой, не догадался принять въ разсчетъ умственный уровень учениковъ, но скоро убѣдился, что классъ только хлопаетъ на него глазами—и тоже огорчился. Впрочемъ, это случалось съ каждымъ учителемъ, который пытался хоть чуточку приподнять уровень преподаванія. Мнѣ было очень скучно, я учился гораздо хуже чѣмъ въ Петербургѣ, и хотя окончилъ курсъ хорошо, но безъ медали.

Въ университетъ я поступилъ въ сентябрѣ 1859 года. Въ то время историко-филологическій факультетъ въ Кіевѣ считался блистательнымъ. Его украшали В. Я. Шульгинъ, П. В. Павловъ, Н. Х. Бунге; число студентовъ на немъ было очень значительно, благодаря главнымъ образомъ тому, что въ кіевскомъ университетѣ вообще было много поляковъ, сыновей мѣстныхъ помѣщиковъ, а польское дворянство всегда отличалось склонностью къ словеснымъ наукамъ.

Я не намѣренъ останавливаться на своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, у всякаго очень свѣжихъ и памятныхъ за эту пору первой зрѣлости, первыхъ серьезныхъ думъ, первыхъ заботъ и наслажденій. Я хочу только набросать силуэты профессоровъ и отмѣтить особенныя черты, отличавшія университетскую жизнь въ знаменательное для края и для всего русскаго общества время 1859—1863 годовъ.

Начну съ печальнаго сознанія, что печать провинціальности лежала на университетѣ въ той же мѣрѣ какъ и на гимназіи. Она выражалась и въ отсутствіи людей съ широкими взглядами, и въ слабой связи большинства профессоровъ съ литературными и обществен-

Библиотека "Руниверс"

ными интересами, занимавшими Петербургъ, и въ подавляющемъ преобладаніи „обывательскихъ ординарностей“, и во множествѣ мелочей—въ запоздаломъ появленіи какой нибудь книги, въ разнузданности сплетни, принимавшей тотчасъ самый уѣздный характеръ, въ старомодномъ слогѣ и въ невѣроятномъ акцентѣ большинства профессоровъ. Историко-филологическій факультетъ былъ значительно лучше юридическаго и математическаго, но я думаю что и на этомъ факультетѣ только двое могли назваться дѣйствительно талантливыми тружениками науки—В. Я. Шульгинъ и Н. Х. Бунге.

Виталій Яковлевичъ Шульгинъ считался свѣтиломъ университета. И въ самомъ дѣлѣ, такія даровитыя личности встрѣчаются не часто; по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ онъ былъ головою выше не только университетскаго, но и всего образованнаго городского общества, и едва ли не одинъ обладалъ широкими взглядами, стоявшими надъ чертой провинціальнаго міросозерцанія. Самая наружность его была очень оригинальная; съ горбами спереди и сзади, съ лицомъ столько же некрасивымъ по чертамъ, сколько привлекательнымъ по умному и язвительному выраженію, онъ производилъ сразу очень сильное впечатлѣніе. Я думаю, что физическая уродливость имѣла вліяніе на образованіе его ума и характера, рано обративъ его мысли въ серьезную сторону и сообщивъ его натурѣ чрезвычайную нервную и сердечную впечатлительность, а его уму—наклонность къ сарказму, къ желчи, подчасъ очень ядовитой и для него самого, и для тѣхъ на кого обращалось его раздраженіе. Послѣднее обстоятельство было причиной, что и въ университетскомъ муравейникѣ, и въ городскомъ обществѣ, у Шульгина было не мало враговъ; но можно сказать съ увѣренностью, что все болѣе порядочное, болѣе умное и честное, неизмѣнно стояло на его сторонѣ. Надо замѣтить притомъ, что при своей наклонности къ сарказму, при своемъ большею частью язвительномъ разговорѣ, Шульгинъ обладалъ очень горячимъ, любящимъ сердцемъ, способнымъ къ глубокой привязанности, и вообще былъ человѣкъ очень добрый, всегда готовый на помощь и услугу.

Какъ профессоръ, Шульгинъ обладалъ огромными дарованіями. Не рѣшаюсь сказать, чтобъ онъ былъ глубокій ученый въ тѣсномъ смыслѣ слова, но никто лучше его не могъ справиться съ громадною литературой предмета, никто лучше его не умѣлъ руководить молодыми людьми, приступающими къ спеціальнымъ занятіямъ по всеобщей исторіи. Критическія способности его изумляли меня. Въ мою бытность студентомъ, онъ читалъ, между прочимъ, библіографію древней исторіи. Эти лекціи могли назваться въ полномъ смыслѣ образцовыми. Съ необычайною краткостью и ясностью, съ удивительной, чисто-художественной силою опредѣленій и характеристикъ, онъ знакомилъ слушателей со всей литературой предмета, давая однимъ руководящую нить для ихъ занятій, другимъ восполняя недостатокъ ихъ собственной начитанности. Притомъ онъ въ замѣчательной мѣрѣ

Библиотека "Руниверс"

обладалъ даромъ слова. Его рѣчь, серьозная, сильная, изящная, не лишенная художественныхъ оттѣнковъ, лилась съ замѣчательною легкостью, и ни въ одной аудиторіи я никогда не видѣлъ такого напряженнаго всеобщаго вниманія. Но въ особенности даръ слова Шульгина обнаружился на его публичныхъ чтеніяхъ по исторіи французской революціи. Возможность раздвинуть рамки предмета и высокій интересъ самаго предмета, при отсутствіи тѣхъ условій, которыя неизбѣжно вносятъ въ университетское преподаваніе нѣкоторую академическую сухость—все это позволило талантливому профессору довести свои чтенія, по содержанію и по формѣ, до такого блеска, что даже пестрая, на половину дамская, аудиторія не могла не испытывать артистическаго наслажденія.

Мои личныя отношенія къ покойному Виталію Яковлевичу были настолько близки и продолжительны, что я имѣлъ случай видѣть и оцѣнить его и какъ профессора, и какъ редактора „Кіевлянина", и какъ члена общества, и какъ человѣка въ его домашней обстановкѣ. Вездѣ онъ обнаруживалъ тотъ же серьозный и вмѣстѣ блестящій умъ, тотъ же живой интересъ ко всему честному, человѣчному, то же открытое, горячо-бьющееся сердце, ту же неутомляющуюся потребность дѣятельности. Роль его какъ публициста, создавшаго первый въ Россіи серьозный провинціальный органъ, сразу поставленный на высоту отвѣчающую затруднительнымъ политическимъ обстоятельствамъ края—достаточно извѣстна; но она уже выходитъ изъ предѣловъ моихъ „школьныхъ лѣтъ", и я можетъ быть коснусь ея въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ. Теперь, возвращаясь къ университетской дѣятельности Шульгина, я долженъ прибавить, что его преподаваніе отличалось одною весьма важною особенностью: онъ считалъ своею обязанностью помогать занятіямъ студентовъ не однимъ только чтеніемъ лекцій, но и непосредственнымъ руководствомъ тѣхъ изъ нихъ, которые избирали всеобщую исторію предметомъ своей спеціальности. У него у перваго явилась мысль устроить нѣчто въ родѣ семинарія, на подобіе существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ и въ парижской Ecole Normale; эту мысль раздѣлялъ также Н. Х. Бунге, которому и привелось осуществить ее на дѣлѣ; Шульгинъ же, къ величайшей потерѣ для университета, въ 1861 году вышелъ въ отставку. Тѣмъ не менѣе у себя дома, въ ограниченныхъ, конечно, размѣрахъ, онъ былъ настоящимъ руководителемъ историческаго семинарія, и его бесѣды, его совѣты, его всегдашняя готовность снабдить всякаго желающаго книгой изъ своей прекрасной библіотеки—безъ сомнѣнія памятны всѣмъ моимъ товарищамъ. Виталій Яковлевичъ считалъ какъ бы своимъ нравственнымъ и служебнымъ долгомъ создать себѣ преемника изъ среды собственныхъ слушателей, и, дѣйствительно, покидая университетъ, имѣлъ возможность представить совѣту двухъ студентовъ, посвятившихъ себя спеціальнымъ занятіямъ по всеобщей исторіи.

Библиотека "Руниверс"

Причины, побудившія Виталія Яковлевича рано оставить университетъ, заключались отчасти въ тяжелыхъ семейныхъ утратахъ, разстроившихъ его до-нельзя впечатлительную и привязчивую натуру, отчасти въ непріятностяхъ, сопровождавшихъ его профессорскую дѣятельность. Привлекая къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ членовъ университетской корпораціи, Шульгинъ не пользовался расположеніемъ другихъ сотоварищей, и не умѣлъ относиться къ этому обстоятельству съ достаточнымъ равнодушіемъ. Ему хотѣлось отдохнуть.

Спустя два года, громадный успѣхъ предпринятыхъ имъ публичныхъ чтеній о французской революціи заставилъ членовъ университетскаго совѣта догадаться, что если причиною выхода Шульгина и было разстроенное состояніе здоровья, то причина эта во всякомъ случаѣ уже устранена. Потеря, понесенная университетомъ съ отставкою даровитѣйшаго изъ его профессоровъ, была такъ чувствительна, надежды на замѣну было такъ мало, что между бывшими сослуживцами Виталія Яковлевича началось движеніе, дѣлавшее имъ во всякомъ случаѣ большую честь. Стали думать, какимъ образомъ вернуть университету того, кто былъ душою и свѣтиломъ его. Затрудненій, разумѣется, встрѣтилось много. Тогда уже дѣйствовалъ новый уставъ, требовавшій отъ профессора степени доктора. Шульгинъ не имѣлъ этой степени, и слѣдовательно могъ быть опредѣленъ только доцентомъ, съ ничтожнымъ жалованьемъ. На такія условія онъ не соглашался. Тогда ухватились за параграфъ устава, которымъ университету предоставлялось право возводить въ степень доктора лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами. Вопросъ баллотировали, получилось большинство, представили министру народнаго просвѣщенія объ утвержденіи Шульгина въ докторскомъ званіи и о назначеніи его ординарнымъ профессоромъ. Министръ (г. Головинъ) прислалъ Виталію Яковлевичу докторскій дипломъ, при очень любезномъ письмѣ. Но къ сожалѣнію, во всю эту, надѣлавшую въ свое время много шуму, исторію, вошли обстоятельства, побудившія Шульгина отказаться и отъ диплома, и отъ назначенія.

Какъ разъ въ это время разыгралось польское возстаніе. Событія расшевелили мѣстную администрацію, отъ нея потребовали болѣе живой, осмысленной дѣятельности. Въ перспективѣ имѣлись организаторскія мѣры, долженствовавшія совершенно пересоздать мѣстную жизнь; почувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ политическомъ органѣ, который служилъ бы дѣлу пересозданія, явился бы истолкователемъ новой правительственной программы, будилъ бы русскіе элементы въ краѣ. Такъ возникъ „Кіевлянинъ“. Виталій Яковлевичъ первый откликнулся новому движенію, горячо принялъ программу обновленія мѣстной жизни, и распростившись окончательно съ идей вновь вступить въ университетъ, отдался всей душой, со всею свойственной ему неутомимостью, дѣятельности провинціальнаго публициста.

Библиотека "Руниверс"

Каѳедру всеобщей исторіи раздѣлялъ съ Шульгинымъ профессоръ Алексѣй Ивановичъ Ставровскій. Это былъ совершенный антиподъ Виталія Яковлевича, и какъ слѣдуетъ антиподу, очень его недолюбливалъ. Семинаристъ и потомъ воспитанникъ бывшаго главнаго педагогическаго института, онъ получилъ степень магистра всеобщей исторіи за диссертацію подъ заглавіемъ: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени". Говорятъ, покойный Грановскій, когда хотѣлъ потѣшить своихъ друзей, извлекалъ изъ особаго ящика эту удивительнѣйшую книжицу и прочитывалъ изъ нея избранныя мѣста. Въ университетской библіотекѣ мнѣ удалось видѣть экземпляръ этого творенія; помню, что въ немъ между прочимъ говорилось что-то такое о происхожденіи портупей и темляковъ... Во все мое студенчество я не болѣе трехъ разъ посѣтилъ лекціи Ставровскаго и очень затрудняюсь предѣлить, какъ и что онъ читалъ; товарищи разсказывали о нихъ, какъ о винигретѣ какихъ-то выдохшихся анекдотовъ, собранныхъ въ книгахъ прошлаго столѣтія. Но я знаю, что недовольствуясь курсомъ всеобщей исторіи, Ставровскій читалъ намъ еще науку, по собственнымъ его словамъ имъ самимъ изобрѣтенную, именно „теорію исторіи". Подъ такимъ заглавіемъ она красовалась и въ печатномъ росписаніи факультетскихъ чтеній. Я былъ на первой лекціи этой scienza nuova; профессоръ совершенно ошеломилъ меня живописностью метафоръ—то онъ сравнивалъ исторію съ голой женщиной подъ прозрачною дымкой, сквозь которую, т. е. дымку, проникаетъ пытливый взоръ историка, то строилъ какую-то необычайно сложную машину, на подобіе шарманки, объясняя пораженнымъ слушателямъ, что валъ означаетъ человѣчество, зубцы, за которые онъ задѣваетъ—событія, а рукоятка, которая его вращаетъ — ужь не помню что, чуть ли не самого профессора. Отъ дальнѣйшаго слушанія „теоріи исторіи" я уклонился. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что слушателями Ставровскаго могли быть лишь люди не только не дорожащіе временемъ, но и обладающіе крѣпкими нервами. Послѣднее условіе требовалось въ виду того, что во всѣхъ иностранныхъ словахъ и именахъ профессоръ произносилъ *е* какъ русское *ѣ*, и выговаривалъ Мѣнтѣнонъ, рѣнѣсансъ, и пр. Въ большомъ количествѣ это выходило нестерпимо, и студенты увѣряли меня, что однажды генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, присутствуя на университетскомъ актѣ и слушая, какъ Ставровскій перечислялъ въ своей рѣчи заглавія французскихъ книгъ, почувствовалъ себя настолько дурно, что въ слѣдующіе годы, получая приглашеніе на актъ, всегда спрашивалъ ректора: „а не будетъ ли профессоръ Ставровскій произносить французскія слова?"

Рѣшительно не могу припомнить, какъ мы держали экзаменъ изъ „теоріи исторіи". Сдается мнѣ, что факультетъ вовсе уволилъ насъ отъ этой непосильной задачи. Зато очень хорошо помню, что оставшись по выходѣ Шульгина единственнымъ представителемъ всеобщей,

Библиотека "Руниверс"

а по выходѣ П. В. Павлова, также и русской исторіи въ университетѣ, Ставровскій задавалъ для семестральныхъ сочиненій очень удивительныя тэмы. Къ сожалѣнію, не могу привести ихъ здѣсь въ точности, но знаю, что когда я разъ въ шутку сказалъ товарищамъ, будто Ставровскій задалъ сочиненіе: „о пользѣ Европы“ — никто не подумалъ, что я говорю въ шутку.

Такъ какъ я былъ рекомендованъ совѣту Шульгинымъ, то нерасположеніе Ставровскаго къ послѣднему перенеслось и на меня, и я очень хорошо понималъ, что на окончательныхъ экзаменахъ онъ не будетъ ко мнѣ снисходителенъ. Можетъ быть имъ руководило и другое соображеніе, чисто практическаго свойства: онъ дослуживалъ срокъ и долженъ былъ баллотироваться на добавочное пятилѣтіе. Если бы къ тому времени явился кандидатъ на каѳедру всеобщей исторіи, шансы быть избраннымъ для него очень сократились бы; и напротивъ, при торжественномъ провалѣ рекомендованнаго кандидата, факультетъ принужденъ былъ бы хлопотать объ оставленіи Ставровскаго на каѳедрѣ. По этимъ причинамъ я не сомнѣвался, что мои экзамены по всеобщей и русской исторіи превратятся въ нѣкое состязаніе. Къ счастью, противникъ мой оказался изъ не очень сильныхъ. Древнюю исторію я сдалъ еще при Шульгинѣ; изъ новой мнѣ попался билетъ о Людовикѣ святомъ. Разсказываю я чуть не съ полчаса—Ставровскій, не глядя на меня, только потираетъ переносицу. „Ну, а чтожъ вы самаго главнаго не разсказали до сихъ поръ?“ вдругъ перебиваетъ онъ меня. Признаюсь, я сталъ втупикъ: кажется все ужъ сдалъ по порядку, и вдругъ отъ меня требуютъ самаго главнаго!—„А исторію Тристана забыли?“ съ торжествующимъ видомъ разрѣшилъ мое недоумѣніе Ставровскій. Я только переглянулся съ Н. Х. Бунге, находившимся ассистентомъ на экзаменѣ, и по язвительной улыбкѣ на его лицѣ понялъ, что мнѣ поставятъ кандидатскій балъ. Очевидно Тристанъ далъ холостой выстрѣлъ.

Съ русской исторіей дѣло вышло круче. Я не былъ ни на одной лекціи по этому предмету и рѣшительно не зналъ, что изъ него дѣлалъ Ставровскій. Товарищи говорили, что онъ сильно напираетъ на археологію, что онъ самъ производилъ какія то раскопки подъ Кіевомъ и даже поднесъ однажды бывшему генералъ-губернатору Бибикову какой-то котелокъ съ древностями, сохранявшійся съ тѣхъ поръ въ университетскомъ музеѣ и называемый студентами „Бибиковскимъ горшкомъ.“ Все это мало меня успокоивало, тѣмъ болѣе что русской исторіей я занимался гораздо меньше чѣмъ всеобщей, и ужъ въ археологіи вовсе не былъ силенъ. А на экзаменѣ, точно на смѣхъ, попадается мнѣ билетъ: „культурное состояніе Руси въ удѣльномъ періодѣ“. Ставровскій какъ увидалъ, такъ и повеселѣлъ... Ну, пришлось и о Бибиковскомъ горшкѣ поговорить... Ассистентомъ, на бѣду, былъ профессоръ русской словесности Селинъ, на благоволеніе котораго я никакъ не могъ разсчитывать. Поставили

Библиотека "Руниверс"

они мнѣ вдвоемъ 3 (высшій, кандидатскій балъ былъ 4). Помощью такой отмѣтки изъ главнаго предмета со мной было бы совсѣмъ покончено, потому что не получившій кандидатской степени разумѣется не могъ бы выступить претендентомъ на каѳедру—но факультетъ взглянулъ на дѣло иначе, и пригласилъ Ставровскаго переправить отмѣтку.

Тѣмъ, однако, еще не кончились мои состязанія съ Ставровскимъ. Въ виду только что утвержденнаго новаго устава, я предположилъ тотчасъ по окончаніи курса искать приватъ-доцентуры. Надо было подать pro venia legendi. Шульгинъ, продолжавшій изъ своего уединенія интересоваться университетскими дѣлами, посовѣтовалъ мнѣ, не затѣвая ничего новаго, представить просто кандидатское сочиненіе, благо оно было напечатано. Я послушался, хоть работа эта казалась мнѣ мало достойною. Она представляла, во всякомъ случаѣ, двоякую выгоду—была готова, и притомъ относилась къ эпохѣ, которою я наиболѣе занимался, слѣдовательно защита на диспутѣ представлялась мнѣ дѣломъ обезпеченнымъ. Ставровскій, назначенный въ числѣ оппонентовъ, тѣмъ не менѣе заранѣе торжествовалъ, разсказывалъ что у него приготовлено болѣе ста возраженій, что онъ истребитъ меня съ корнемъ. Въ результатѣ вышелъ такой скандалъ, какого вѣроятно еще никогда не было ни на одномъ диспутѣ. Чуть не весь городъ собрался въ университетскую залу. Ставровскій началъ напоминаніемъ, что университетъ носитъ имя „императорскаго", и что поэтому защищаемыя въ немъ диссертаціи обязаны быть безукоризнены. Неожиданное предисловіе это сразу озадачило публику... Затѣмъ почтенный оппонентъ мой развернулъ тетрадь съ обѣщанными въ числѣ болѣе 100 возраженіями. Но, Боже мой, что это были за возраженія! Напримѣръ, прочитываетъ онъ изъ цитируемой мною книги нѣмецкую фразу и доказываетъ что я ее совсѣмъ не такъ перевелъ. Дѣйствительно, между нѣмецкой фразой и моей нѣтъ ничего общаго. Всѣ недоумѣваютъ, я самъ ничего не понимаю... Попечитель, покойный сенаторъ Витте, предполагаетъ что у насъ были разныя изданія нѣмецкой книги; беретъ ее у Ставровскаго, беретъ у меня—оказывается совершенно одно и то же. Тогда я прочитываю по-нѣмецки ту фразу на которую ссылаюсь—переводъ выходитъ совершенно вѣренъ. Вся штука въ томъ, что Ставровскій взялъ на указанной мною страницѣ нѣмецкаго автора первую попавшуюся ему фразу, и вообразилъ, что это именно та фраза, которую я цитирую въ русскомъ переводѣ. По залѣ пробѣгаетъ сдержанный хохотъ, Ставровскій быстро переворачиваетъ листокъ и читаетъ дальше. Праздничное настроеніе публики все ростетъ, диспутъ принимаетъ характеръ совершенно несвойственный академическому торжеству. Наконецъ Ставровскій догадывается, что надо бросить свою тетрадку, и уступаетъ очередь второму оппоненту.

А въ концѣ концовъ, болѣе чѣмъ благополучный исходъ диспута

Библиотека "Руниверс"

ни къ чему не привелъ. Я читалъ лекціи всего одинъ семестръ. По новому уставу, политическая экономія отнесена была къ курсу юридическихъ наукъ, и такимъ образомъ Н. Х. Бунге выбылъ изъ нашего факультета. Съ этой перемѣной факультетъ можно сказать разсыпался, поступивъ въ полную власть Селина и Ставровскаго. Мнѣ за мои лекціи не назначили никакого вознагражденія, не признали ихъ обязательными для студентовъ и отвели для нихъ такой часъ, когда всѣ стремятся обѣдать. Со всѣми этими условіями я помирился бы, потому что аудиторія моя все-таки была полна, но вопросъ для меня заключался въ томъ—какимъ же образомъ я буду держать магистерскій экзаменъ при такомъ составѣ факультета? Очевидно судьба моя совершенно была въ рукахъ Ставровскаго. Ѣхать въ другой университетскій городъ мнѣ не хотѣлось, да и ученая служба, при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстнымъ профессорскимъ персоналомъ, перестала мнѣ нравиться—и я принялъ приглашеніе генералъ-губернатора Анненкова раздѣлить съ Шульгинымъ труды по редакціи „Кіевлянина".

Съ этими воспоминаніями я однако зашелъ слишкомъ впередъ. Мнѣ надо снова возвратиться къ первымъ годамъ моего студенчества, чтобъ сказать о третьемъ профессорѣ-историкѣ, П. В. Павловѣ.

Имя Платона Васильевича въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. съ переѣздомъ его въ Петербургъ, сдѣлалось очень извѣстно. Но въ Кіевѣ, и въ особенности между студентами, онъ еще раньше пользовался громадною популярностью. Его любили, ему поклонялись, его именемъ клялись. Онъ соединялъ въ себѣ репутацію основательнаго ученаго съ ореоломъ носителя такъ называемыхъ „лучшихъ идей", призваннаго руководить молодымъ поколѣніемъ въ его стремленіи къ общественному и нравственному идеалу. Въ то время, т. е. въ 1859 году, когда я поступилъ въ университетъ, роль эта была довольно новая. Мои товарищи были, такъ сказать, полны Павловымъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я увидѣть и услышать его. Громадная, едва ли не самая большая во всемъ университетѣ, аудиторія была биткомъ набита. Сошлись разумѣется не одни только филологи и юристы, для которыхъ читалась русская исторія—сошлись студенты всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ, поляки, хохлы, жиды—въ особенности жиды. Позади каѳедры, у стѣны, въ проходѣ, густо тѣснились студенты и постороннія лица, устроившіяся кое-какъ на натасканныхъ отовсюду скамейкахъ. Сторожъ Данилка, маленькій, плутоватенькій солдатенокъ, весь сіялъ, точно это былъ его собственный праздникъ. Наконецъ профессоръ появился. Это былъ средняго роста человѣкъ, очень симпатичной, даже красивой наружности, съ застѣнчивымъ румянцемъ на лицѣ и прекрасными блистающими глазами. Робко пробираясь въ толпѣ, взошелъ онъ на каѳедру, и лекція началась. Съ этой самой минуты возбужденное состояніе, въ которомъ я находился, сразу упало. Я былъ непріятно разочарованъ.

Библиотека "Руниверс"

Профессоръ, во-первыхъ, былъ совершенно лишенъ дара слова. Рѣчь его туго тянулась, останавливаясь по-долгу послѣ каждаго знака препинанія, точно онъ диктовалъ плохо пишущему классу. Очевидно, содержаніе лекціи было усвоено профессоромъ лишь въ главныхъ чертахъ, и онъ уже на каѳедрѣ, съ большимъ трудомъ, искалъ выраженія своей мысли. Во-вторыхъ, самая мысль профессора производила очень смутное впечатлѣніе. Передъ нами происходили какія то потуги, исканіе чего то еще не уяснившагося самому профессору, блужданіе въ какой то новой мѣстности, съ отступленіями, съ возвращеніями назадъ. Никакого отношенія къ русской исторіи лекція не имѣла. Она составляла введеніе къ такъ-называемой „физіологіи общества". Это была попытка систематизировать въ научномъ духѣ разрозненныя положенія позитивизма, клочки изъ антропологіи, отголоски еще не опредѣлившагося ученія о связи исторіи съ естествознаніемъ. Мнѣ показалось, что профессоръ куда то сбился, гдѣ то завязъ... Тѣмъ не менѣе я аккуратно посѣщалъ его лекціи въ теченіи всего семестра—и съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что первоначальное впечатлѣніе мое не измѣнилось. Я ни разу не услышалъ ни одного слова, относящагося къ предмету курса. Продолжалась все та же „физіологія общества" въ перемежку съ антропологіей и археологіей, все то же тягучее вымучиваніе недающихся фразъ. Притомъ профессоръ ужасно конфузился, или волновался, въ глазахъ его часто стояли слезы.

Существенная разница между впечатлѣніемъ, производимымъ Платономъ Васильевичемъ, и его установившейся гораздо раньше репутаціей, долго приводила меня въ недоумѣніе. Впослѣдствіи, она для меня объяснилась. Почтенный профессоръ принадлежалъ къ категоріи крайне и мучительно увлекающихся людей. Онъ передъ тѣмъ только что совершилъ продолжительную поѣздку за-границу, и эта поѣздка отчасти сбила его съ толку. Онъ пристрастился къ археологіи и исторіи искусства, волновался итальянскими и готическими памятниками, всѣмъ тѣмъ, что ему открыли европейскіе музеи. Вкусъ къ этой новой области настолько овладѣлъ имъ, что совершенно оттѣснилъ прежніе интересы. Притомъ, умъ П. В. Павлова былъ изъ тѣхъ, которые не удовлетворяются спеціальнымъ знаніемъ, которые вѣчно тревожатся потребностью вмѣстить въ себѣ „все человѣческое". Отсюда постоянное блужданіе въ общемъ и безграничномъ, чрезмѣрная отзывчивость на вопросы жизни, безпокойная жажда большой и еще не опредѣлившейся роли. Натура высоко-симпатичная и глубоко-несчастная, какъ мнѣ казалось...

Я однако остался при томъ убѣжденіи, что несмотря на свои обширныя познанія и несомнѣнную даровитость, Платонъ Васильевичъ былъ обязанъ своей громадной популярностью въ университетѣ не своимъ заслугамъ, какъ ученаго и профессора, а своей роли носителя „лучшихъ идей" и руководителя молодежи. Къ сожалѣнію, лично я

Библиотека "Руниверс"

не наблюдалъ его въ этой роли—онъ при мнѣ оставался въ университетѣ лишь три-четыре мѣсяца—но я видѣлъ на своихъ старшихъ товарищахъ, что вліяніе его на нихъ было громадное. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣлъ то же значеніе, какъ Грановскій въ Москвѣ, какъ Бѣлинскій въ литературныхъ кружкахъ. Онъ былъ носителемъ общихъ гуманныхъ и прогресивныхъ идей, наслѣдованныхъ отъ нихъ обоихъ. Къ сожалѣнію, время и условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Платону Васильевичу, были совсѣмъ иныя. На кіевской почвѣ эти общія идеи сталкивались съ частными вопросами—польскимъ, украйнофильскимъ и крестьянскимъ. Въ 1859 году еще не видно было, въ какой формѣ произойдетъ столкновеніе, но уже чувствовалась трудность пребыванія въ сферѣ общихъ идей. Мнѣ, какъ человѣку пришлому въ краѣ, это было довольно замѣтно, и можетъ быть именно по этой-то причинѣ мнѣ постоянно казалось, что Платонъ Васильевичъ не имѣетъ подъ ногами почвы.

Въ началѣ 1860 года уважаемый профессоръ покинулъ университетъ и переѣхалъ въ Петербургъ, куда давно уже стремился. Студенты точно осиротѣли... Рѣдкія письма, получавшіяся отъ Платона Васильевича, прочитывались кажется каждымъ образованнымъ человѣкомъ въ городѣ... Потомъ дошли слухи, что онъ принужденъ покинуть Петербургъ, что въ его судьбѣ произошла печальная перемѣна. Горе знавшихъ его было неподдѣльное, искреннее... Въ настоящее время П. В. Павловъ снова возвращенъ кіевскому университету, гдѣ занимаетъ кафедру исторіи искусства. Я не сомнѣваюсь, что новое поколѣніе студентовъ относится къ нему съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тѣми же горячими симпатіями, съ какими относились мы.

Рядомъ съ почтенными именами Шульгина и П. В. Павлова должно занять свое законное мѣсто не менѣе почтенное имя Н. Х. Бунге. Дѣятельный, серьозный, нѣсколько сухой по натурѣ, нѣсколько отзывавшійся нѣмцемъ, онъ никогда не пользовался слишкомъ горячими симпатіями студентовъ, но конечно между нами не было ни одного, который отказалъ бы ему въ безусловномъ уваженіи. И какъ профессоръ, и какъ ректоръ, Николай Христіановичъ былъ неизмѣннымъ представителемъ законности, справедливости, долга, серьознаго отношенія ко всякому серьозному дѣлу. При всемъ томъ, онъ былъ очень живой человѣкъ, безъ всякой примѣси педантизма и нѣмецкой ограниченности, отзывчивый на всѣ общественные и культурные интересы. Но главное—это былъ очень надежный человѣкъ, и знающіе его были увѣрены, что всякое дѣло, зачинающееся при его участіи, непремѣнно будетъ поставлено и сдѣлано хорошо, т. е. умно, дѣльно, справедливо и гуманно, съ нѣмецкою серьозностью и безъ русской страстности и распущенности. На экзаменѣ, гдѣ онъ былъ

Библиотека "Руниверс"

ассистентомъ, достойный студентъ никогда не могъ срѣзаться; въ коммиссіи, гдѣ онъ былъ членомъ, необдуманное или пристрастное мнѣніе никогда не могло восторжествовать. Однимъ словомъ, натура Николая Христіановича стояла какъ бы посрединѣ между русскою и нѣмецкою, заимствуя лучшее у той и другой. Такіе люди рѣдки и— необыкновенно полезны.

Какъ профессоръ, Николай Христіановичъ очень заботился о томъ чтобъ заставить студентовъ заниматься какъ слѣдуетъ. Его считали требовательнымъ, его экзаменъ на многихъ наводилъ страхъ. Дѣйствительно, плохой студентъ не могъ разсчитывать получить у него кандидатскій баллъ. Но за то, если студентъ занимался серьозно какимъ нибудь другимъ предметомъ, то могъ быть увѣренъ, что Николай Христіановичъ не только не срѣжетъ его самъ, но еще поддержитъ его передъ факультетомъ. Не довольствуясь чтеніемъ лекцій, отличавшихся всегда содержательностью и мастерскимъ изложеніемъ, Н. Х. Бунге заставлялъ студентовъ дѣлать извлеченія изъ рекомендованныхъ имъ авторовъ, и самый экзаменъ его заключался не столько въ отвѣтѣ на вопросъ по программѣ, сколько въ отчетѣ о собственной работѣ экзаменующагося надъ литературою предмета.

Не безъ сожалѣнія я долженъ сказать, что этимъ исчерпываются мои воспоминанія о профессорахъ, составлявшихъ дѣйствительное украшеніе историко-филологическаго факультета. Провинціальное положеніе университета было причиною, что пополненіе убыли въ наличномъ составѣ преподавателей совершалось весьма туго. П. В. Павловъ выбылъ когда я былъ еще на первомъ семестрѣ, и затѣмъ до самаго окончанія курса и еще нѣсколько лѣтъ послѣ, каѳедра русской исторіи оставалась вакантною, не смотря на то, что именно въ Кіевѣ, въ виду исключительныхъ условій края и политическихъ событій 1861—63 годовъ, каѳедра эта имѣла большее значеніе, чѣмъ гдѣ либо. Шульгинъ тоже лѣтъ пять оставался незамѣщеннымъ, такъ что Ставровскій пребывалъ единственнымъ представителемъ исторической науки на факультетѣ, имѣющемъ спеціальное историческое отдѣленіе. Университетъ, т. е. совѣтъ, вступалъ, сколько мнѣ извѣстно, въ переговоры и съ Н. И. Костомаровымъ, и съ г. Иловайскимъ, и съ тѣмъ же Шульгинымъ, и еще съ кѣмъ-то, искалъ профессоровъ даже въ нѣдрахъ семинарій и духовныхъ академій, но все это ни къ чему не приводило. Разумѣется, кромѣ провинціальнаго положенія университета и незавиднаго состава факультета, дѣйствовали тутъ еще и другія причины, и главнымъ образомъ интриги въ самомъ совѣтѣ, гдѣ представителями факультетскихъ интересовъ являлись такіе „дѣятели науки“, какъ Ставровскій и А. И. Селинъ.

Послѣдній, съ переходомъ Н. Х. Бунге на юридическій факультетъ, вошелъ въ большую роль, былъ избранъ деканомъ. Дѣйствительно, никто лучше его не могъ представлять своей особой историко-филологическій факультетъ въ томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ

Библиотека "Руниверс"

очутился съ 1863 года. Александръ Ивановичъ Селинъ преподавалъ исторію русской словесности. Онъ вышелъ изъ московскаго университета, откуда вмѣстѣ съ сомнительнымъ запасомъ учености вынесъ только благоговѣйное поклоненіе Шевыреву и нѣкоторые смутные отголоски славянофильства. Личность совершенно бездарная, онъ хотѣлъ блистать краснорѣчіемъ и стяжать популярность среди студентовъ. Краснобайство его дѣйствительно не знало мѣры. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, кидалъ нецензурные намеки псевдо-либеральнаго свойства, закатывалъ глаза—однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. По содержанію, лекціи его были до невѣроятности скудны и жалки. Въ древнемъ періодѣ онъ придерживался буквально Шевырева, и это еще было сносно — по крайней мѣрѣ студенты знали какъ готовиться къ экзамену. Но съ новой русской литературой онъ творилъ нѣчто невѣроятное. Вся фактическая часть отбрасывалась всторону, съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ, декламировались стихи Хомякова, прочитывалась зачѣмъ-то „Небожественная комедія“ Красинскаго, переведенная бѣлыми стихами самимъ профессоромъ. Огромное значеніе, придаваемое Селинымъ этому мистическому созданію польскаго поэта, объяснялось впрочемъ желаніемъ привлечь въ свою аудиторію поляковъ, составлявшихъ большинство въ университетѣ. И дѣйствительно, студенты ломились въ огромную аудиторію Александра Ивановича, воображавшаго, что онъ устроиваетъ примиреніе съ поляками. Въ то время, т. е. передъ 1863 годомъ, поляки въ югозападномъ краѣ дѣйствительно много говорили о примиреніи, о союзѣ польской и русской (т. е. украйнофильской) молодежи. При общемъ настроеніи тогдашняго студенчества, при замѣтномъ развитіи украйнофильскихъ тенденцій, такой союзъ, хотя бы и временный, могъ бы повлечь для университета важныя и прискорбныя послѣдствія. Но предшествовавшая дѣятельность попечителя округа, Н. И. Пирогова, имѣла между прочимъ то значеніе, что студенты-малороссы поняли глубокое различіе между видами польской и украйнофильской партій, и держались чрезвычайно недовѣрчиво.

При всемъ своемъ шутовствѣ и бездарности, Селинъ все таки производилъ впечатлѣніе, какъ будто живого человѣка, искавшаго связи съ молодежью, жившаго въ сферѣ политическихъ и литературныхъ интересовъ. Въ устахъ его эти интересы скорѣе профанировались, чѣмъ освящались, но все таки студенты чувствовали, что этотъ человѣкъ чего то ищетъ, чѣмъ то хочетъ жить. О прочихъ профессорахъ и этого нельзя было сказать. Печать провинціальности, старомоднаго и тупаго гелертерства, а подчасъ и просто невѣжества, лежала на нихъ такимъ толстымъ слоемъ, что изъ подъ него невозможно было что нибудь выкопать. Адъюнктъ Селина, почтенный

Библиотека "Руниверс"

Андрей Ивановичъ Линниченко, читавшій теорію поэзіи, былъ человѣкъ безконечно добрый и честный, съ хорошо направленными симпатіями, но кажется не особенно любившій свою спеціальность—по крайней мѣрѣ, мало старавшійся побороть равнодушіе, обнаруживаемое студентами къ его лекціямъ; его, если можно такъ выразиться, заѣдала собственная скромность. Философія въ мое время не читалась вовсе, психологію и логику мы слушали у профессора богословія; но существовалъ спеціалистъ по философіи, Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій, авторъ неоконченнаго и очень плохого „Философскаго лексикона", читавшій педагогику (послѣ, съ 1863 года, онъ читалъ исторію философіи, и не думаю чтобъ съ успѣхомъ). Я вспоминаю объ этомъ почтенномъ профессорѣ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ умиленія, какъ о чемъ то забавно-слабомъ, добродѣтельномъ и невмѣняемомъ. Точно сейчасъ вижу высокую, худощавую фигуру, во фракѣ съ необычайно узкими рукавами и въ сѣренькомъ жилетѣ, съ выраженіемъ какой то благодушной ироніи на старческомъ лицѣ. Для меня не было никакого сомнѣнія, что дома Сильвестръ Сильвестровичъ носитъ колпакъ. Лекцій его я совсѣмъ не помню, вѣрнѣе сказать изъ всего курса помню только одну фразу: говоря о томъ, что личность самого воспитателя имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія, почтенный профессоръ выразился между прочимъ такимъ образомъ: „педагогъ долженъ быть одѣтъ не съ роскошествомъ, но съ изяществомъ"—и при этомъ привсталъ на каѳедрѣ и съ благодушной улыбкой оглянулъ свой собственный узенькій фракъ (мнѣ почему то казалось, что въ такихъ фракахъ расчетливые наслѣдники должны класть въ гробъ опочившихъ родственниковъ), свой сѣренькій съ мелкимъ узорчикомъ жилетъ, и свой бисерный шнурокъ къ часамъ... Помню еще, что передъ экзаменомъ Сильвестра Сильвестровича я никакъ не могъ достать его записокъ, и пошелъ совсѣмъ безъ приготовленія. Мнѣ попался первый вопросъ: понятіе о педагогикѣ, какъ наукѣ, и раздѣленіе ея на части. Пришлось излагать свое собственное понятіе... Осиливъ кое-какъ этотъ пунктъ, я началъ импровизировать въ родѣ того, что такъ-какъ воспитаніе обнимаетъ стороны физическую, умственную и нравственную, то сообразно тому и педагогика дѣлится на три части... Тутъ почтеннѣйшій Сильвестръ Сильвестровичъ, слушавшій меня съ обычною благодушно-ироническою улыбкою, прервалъ замѣчаніемъ: „это вы все разсказываете по здравому смыслу, а вы бы разсказали по моимъ запискамъ". Я выразилъ сомнѣніе, можетъ ли существовать разногласіе между здравымъ смысломъ и записками ученаго профессора — и экзаменъ благополучно закончился.

Очень ученые люди были также профессора класической словесности, гг. Дёлленъ и Нейкирхъ. Обоихъ произвела дерптская почва. Дёллена я зналъ раньше, онъ былъ назначенъ Пироговымъ директоромъ первой гимназіи, и этотъ выборъ, какъ всѣ выборы Пирогова,

Библиотека "Руниверс"

былъ вполнѣ удаченъ. Трудно представить себѣ болѣе добросовѣстнаго, гуманнаго, симпатичнаго педагога. Къ сожалѣнію, онъ оставался нѣмцемъ, и я это испытывалъ не только въ гимназіи, но и въ университетѣ. Оба дерптскіе питомца были отличные филологи, но въ такомъ узкомъ смыслѣ, до такой степени внѣ связи съ русскимъ образованіемъ, съ русской литературой, съ русской молодежью, что произошло очень странное явленіе: въ гимназіи, гдѣ учителя латинскаго языка конечно гораздо меньше знали, гдѣ мы сами конечно меньше сознавали научное значеніе древнихъ языковъ—мы присутствовали на урокахъ латинскаго учителя съ гораздо большимъ интересомъ, чѣмъ на лекціяхъ нѣмецкихъ филологовъ. Помню, что когда уважаемый И. Я. Ростовцевъ (учитель кіевской первой гимназіи) разсказывалъ намъ о жизни Саллюстія, или Ливія, объяснялъ историческое и литературное значеніе „Катилинской войны" или комментаріевъ Цезаря, мы слушали его положительно съ наслажденіемъ, въ насъ загоралось желаніе ближе войти въ этотъ любопытный міръ, полный такихъ яркихъ красокъ; а когда Дёлленъ или Нейкирхъ излагали курсъ литературы, или древностей, стараясь говорить настолько медленно, чтобъ мы могли записать лекцію—весь интересъ къ предмету пропадалъ. И это происходило не потому, чтобъ насъ затрудняла латинская рѣчь профессоровъ—они умѣли говорить очень понятно,—а потому что въ ихъ устахъ древность явилась можетъ быть весьма близкою къ ихъ нѣмецкому фатерланду, но весьма далекою отъ какой бы то ни было, хотя бы лишь литературной, связи съ русской мыслью и жизнью.

Въ эпоху предшествовавшую возстанію, кіевскій университетъ былъ изъ самыхъ многолюдныхъ. Число студентовъ значительно переходило за тысячу, тогда какъ послѣ возстанія сразу сократилось до 400 съ чѣмъ то. Это даетъ понятіе, какъ велико было число поляковъ. Польскій языкъ преобладалъ. Не смотря на русское преподаваніе и русское управленіе, поляки держали себя въ положеніи господствующей національности и, надо прибавить, что такое положеніе опиралось не на одномъ только численномъ преобладаніи. Югозападный край въ то время былъ чисто польскій край. Польское дворянство, богатое, образованное, сплоченное въ солидарную массу, владѣло двумя третями поземельной собственности, дававшей отличный доходъ, и съ помощью крѣпостного права держало въ безусловной зависимости коренное русское населеніе. Здѣсь, на благодатной почвѣ Украйны, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ издавна приняли чисто феодальный характеръ. Поляки были завоеватели, утвердившіе свое господство послѣ продолжительной кровавой борьбы. Отъ Хмельницкаго до гайдамачины, край былъ постоянно заливаемъ кровью, и

Библиотека "Руниверс"

когда наконецъ русская національность, истощенная, истерзанная, извѣрившаяся, отказалась отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ попытокъ освобожденія—польское шлехетство налегло на нее съ надругательствомъ, съ мстительнымъ чувствомъ врага, у котораго еще болятъ раны, нанесенныя поверженнымъ нынѣ во прахъ противникомъ. Разность не только племенная и сословная, но и вѣроисповѣдная, кровавые призраки крестьянскихъ и казацкихъ возстаній, необходимость пользоваться евреями, какъ посредствующей связью между шляхтой и народомъ—все это до такой степени обостряло отношенія между помѣщиками и крестьянами, что здѣсь крѣпостное право получило характеръ, какого оно не имѣло нигдѣ болѣе, не только на Руси, но и въ Западной Европѣ. Помѣщики были не только собственниками земли и хлоповъ, они были политической силой, стоявшей военнымъ лагеремъ въ завоеванной странѣ, дѣйствовавшей не только во имя своихъ частныхъ, экономическихъ интересовъ, но и во имя идеи польскаго господства. Понятно, что изъ сферы крѣпостного права эти воззрѣнія и отношенія переносились вообще на все русское населеніе края. На чиновниковъ, изъ которыхъ только и состоялъ русскій городской элементъ, поляки смотрѣли презрительно. Льстя мѣстнымъ административнымъ іерархамъ, они въ то же время считали себя людьми лучшаго общества, представителями аристократическаго начала, европеизма, культуры. Хуже всего при этомъ было то, что многія лица высшей мѣстной администраціи раздѣляли тотъ же взглядъ, и по аристократической тенденціи считали себя ближе къ польскому магнату, чѣмъ къ русскому офицеру, или чиновнику. Эти администраторы, хотя бы ихъ гербы не восходили далѣе минувшаго царствованія, старались всячески показать, что только обязанности службы заставляютъ ихъ дѣйствовать въ такъ называемыхъ „русскихъ видахъ“, но что ихъ личныя сочувствія, какъ людей „хорошаго общества“, принадлежатъ польской аристократіи. Съ особенною рѣшительностью высказывались въ этомъ смыслѣ административныя дамы, перенесшія съ собою на политическую почву югозападнаго края кисейныя идеи петербургскаго или московскаго бо-монда. Не трудно понять, какъ эти русскіе люди „хорошаго общества“ питали польскую заносчивость и брезгливое отношеніе поляковъ ко всему русскому.

Въ сороковыхъ годахъ, Кіевъ сдѣлался главнымъ центромъ украйнофильства. Это была еще очень молодая, неорганизованная сила, выступившая не столько въ отпоръ польской идеѣ, сколько во имя общихъ освободительныхъ началъ, общаго протеста противъ государственной централизаціи. Послѣднее значеніе опредѣлялось тѣмъ яснѣе, что русская власть относилась къ украйнофиламъ очень подозрительно и строго. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обѣ идеи, польская и украйнофильская, стояли лицомъ другъ противъ друга, подъ общей опалой власти; послѣдняя считалась даже опальнѣе, потому

Библиотека "Руниверс"

что была вполнѣ демократическая, и не имѣла за собою сочувствія дамъ хорошаго общества. Въ виду уже сильно обнаруживавшагося политическаго броженія, взаимное отношеніе обѣихъ партій получало существенную важность. Еслибъ украйнофилы дали увлечь себя полякамъ, возстаніе разыгралось бы въ несравненно большихъ размѣрахъ, могло бы имѣть болѣе серьозный, во всякомъ случаѣ болѣе кровавый исходъ. Первый, кто вполнѣ понялъ истинное положеніе дѣлъ въ краѣ, былъ человѣкъ посторонній, пріѣзжій, одинаково мало знавшій какъ поляковъ, такъ и хохломановъ — Николай Ивановичъ Пироговъ.

Я былъ еще въ гимназіи, когда его перевели изъ Одессы въ Кіевъ, попечителемъ учебнаго округа. Дать ходъ человѣку такой глубокой образованности, такихъ свѣжихъ и гуманныхъ взглядовъ, казалось очень серьозной мѣрой. Я думаю, что это была лишь полумѣра. Пироговъ до такой степени не походилъ ни на оффиціальныхъ педагоговъ, ни на іерарховъ учебной и иной администраціи, съ которыхъ крымская война сорвала маски, что его надо было или вовсе не трогать, или дать ему назначеніе въ Петербургѣ, гдѣ его дѣятельностью обозначился бы полный переломъ во взглядахъ на учебное дѣло, гдѣ онъ служилъ бы точкою исхода новаго движенія. Въ провинціи дѣятельность его получила очень ограниченное значеніе. Онъ отличался отъ другихъ попечителей, но именно потому что онъ дѣйствовалъ въ Одессѣ, или въ Кіевѣ, никто изъ этихъ другихъ попечителей не считалъ возможнымъ подражать ему. На него такъ и взглянули—какъ на нѣчто исключительное, и развѣ что любопытное, но не болѣе.

Появленіе Николая Ивановича въ Кіевѣ было сигналомъ борьбы новыхъ идей со старымъ режимомъ, поколебленнымъ, но еще не снесеннымъ крымскою войною. Съ дымящихся развалинъ Севастополя онъ несъ съ собою тотъ новый духъ, который такъ оживилъ русское общество въ концѣ 50-хъ годовъ—духъ реформы, гуманности, культурности. Мы въ немъ встрѣчали „новаго человѣка", глубоко-образованнаго, ненавидящаго рутину, преданнаго смыслу, а не формѣ, человѣка, который на своемъ важномъ постѣ не хотѣлъ быть сановникомъ, не хотѣлъ обращать вниманія на обязательный ритуалъ, хотѣлъ дѣлать только одно настоящее дѣло, дѣлать его по убѣжденію, отъ сердца, какъ у насъ дѣлаютъ только одни личныя дѣла. Помню, какъ всѣхъ поражала его простота обращенія, его неограниченная доступность, его совсѣмъ не оффиціальная манера держать себя съ генералъ-губернаторомъ, его привычка являться въ университетъ въ пальто съ заложенными въ рукава руками... Мы тотчасъ поняли, что въ Николаѣ Ивановичѣ надо искать человѣка, а не сановника, и какъ горячо полюбили его всѣ у кого въ мысли и въ сердцѣ жило нѣчто порядочное—это высказалось на его проводахъ, обратившихся въ высоко-знаменательное событіе для цѣлаго края...

Библиотека "Руниверс"

Въ университетѣ время управленія Пирогова совпало съ началомъ студентскихъ волненій. Я считаю это большимъ благополучіемъ для университетской молодежи, т е. русской молодежи, потому что Пироговъ, какъ уже упомянуто выше, сразу разгадалъ настоящую подкладку этихъ волненій и разъяснилъ мѣстному обществу политическое положеніе дѣла. Онъ, и притомъ только онъ одинъ, сразу понялъ, что русское государство имѣетъ врага лишь въ польской партіи, что украйнофильство не только не опасно ему, но при исключительныхъ условіяхъ мѣста и времени даже можетъ сослужить ему службу. И вотъ для всѣхъ способныхъ ясно понимать вещи, тотчасъ опредѣлилась система Пирогова: не давить украйнофильскую тенденцію, а взять ее въ руки, сдѣлать изъ нея опору русской идеи въ борьбѣ съ польскою, предупредить возможность союза обѣихъ партій, указать украйнофиламъ общую опасность. Въ этихъ видахъ Пироговъ не только допускалъ студентскія сходки, депутаціи, адресы и т. д., но онъ такъ сказать самъ вошелъ въ движеніе, чтобъ овладѣть имъ и направить въ противоположную отъ польской пропаганды сторону. Высшая мѣстная администрація не понимала плановъ Пирогова, какъ не понимала его манеры держать себя, его сознанія человѣка подъ мундиромъ четвертаго класса; начались неудовольствія, интриги, и величайшій изъ русскихъ педагоговъ былъ отозванъ отъ своей высокой миссіи, въ самое трудное для края время. Но то, что уже было имъ сдѣлано, принесло плоды: союзъ украйнофиловъ съ поляками былъ предупрежденъ, и ни одинъ изъ русскихъ студентовъ кіевскаго университета не ушелъ въ возстаніе. Этимъ результатомъ край былъ обязанъ исключительно Пирогову.

Я былъ очевидцемъ, какъ съ отъѣздомъ Пирогова изъ Кіева оживилась польская пропаганда, и преобладаніе польскаго элемента въ университетѣ сдѣлалось замѣтнѣе чѣмъ прежде. Поляки, вообще очень проницательные въ политикѣ, давно разгадали въ Николаѣ Ивановичѣ самаго опаснаго своего противника; да и кромѣ того, присутствіе въ краѣ такого крупнаго русскаго человѣка, такого блестящаго представителя русской національности, было для нихъ очень стѣснительно. Я увѣренъ, что со временемъ обнаружится очень значительная роль польскаго вліянія въ обширной интригѣ, свергнувшей Пирогова.

Подъемъ польскаго элемента въ университетѣ съ 1861 года сталъ особенно замѣтенъ благодаря тому, что какъ разъ въ это время была отмѣнена студентская форма. Явились тотчасъ національные костюмы, подъ которыми отличать поляка отъ малоросса было гораздо легче, чѣмъ подъ форменными сюртуками. Видъ аудиторій и корридоровъ совершенно измѣнился. Прежде, между студентами, бросались въ глаза молодые люди достаточныхъ семействъ, одѣвавшіеся у лучшаго городского портного, умѣвшіе въ своей форменной одеждѣ обнаружить щегольство и претензіи на свѣтскость. Поляки, сыновья бога-

Библиотека "Руниверс"

тыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, особенно старались отличаться аристократическою внѣшностью и манерами. Съ отмѣною формы всѣ эти господа куда-то исчезли. Отчасти ихъ унесли быстро назрѣвавшія въ Варшавѣ событія, такъ какъ большинству изъ нихъ предстояло играть видную роль въ предстоявшей, по существу своему чисто аристократической революціи; отчасти, можетъ быть, они были запуганы преобладающей массой сѣрыхъ и рыжихъ свитокъ, чамарокъ, смазныхъ сапоговъ и лохматыхъ головъ, наполнившихъ аудиторіи вслѣдъ за отмѣной формы. Университетъ демократизировался какъ бы по мановенію волшебнаго жезла—и не по одному только внѣшнему виду. Въ польской партіи, державшейся до сихъ поръ неизмѣнно самыхъ непримиримыхъ шляхетскихъ тенденцій, обнаружилось замѣчательное явленіе: горсть молодежи, сблизившись съ украйнофилами, съумѣла отрѣшиться отъ этихъ тенденцій и выступила съ радикально-демократической программой, оскорбившей самымъ чувствительнымъ образомъ старую польскую партію. Во главѣ отщепенцевъ стоялъ студентъ Рыльскій, очень энергическая и интересная личность, одна изъ тѣхъ личностей которыя какъ будто нарочно созданы для того, чтобъ вобрать въ себя что-то новое, еще незамѣтное для другихъ, и дать ему форму. Не знаю, какая судьба постигла впослѣдствіи этого замѣчательнаго человѣка—говорили, что онъ принялъ православіе и женился на простой казачкѣ,—но роль его въ кіевскомъ университетѣ въ 1861—63 гг. была очень вліятельная: онъ какъ бы продолжалъ дѣло, похищенное изъ рукъ Пирогова. Ненависть къ нему поляковъ была безпредѣльная; разсказывали, что его хотѣли убить. Энергія, съ какой онъ изобличалъ шляхетскую подкладку зачинавшагося движенія, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовала тому, что съ 1861 года взаимныя отношенія поляковъ и русскихъ въ стѣнахъ университета приняли чрезвычайно острый характеръ. Дѣло доходило до угрозъ варѳоломеевской ночью, и я помню, что мы одно время принимали серьозныя мѣры предосторожности, собирались на ночь большими группами, и баррикадировали двери и окна... Въ аудиторіяхъ, въ сборной и читальной залахъ, поляки и русскіе держались, какъ два враждующіе лагеря; готовилась борьба за обладаніе университетомъ, противники косились другъ на друга, выжидая событій...

Съ конца 1862 года университетъ сталъ быстро пустѣть. Еще раньше, по-одиночкѣ, поляки начали куда-то исчезать; передъ зимними каникулами дезертирство усилилось, а послѣ новаго года большинство поляковъ не возвратилось. Рыльскій и украйнофилы, оставшись на покинутыхъ позиціяхъ, торжествовали.

Близь зданія университета находился большой, извѣстный всему городу манежъ ветерана старыхъ польскихъ войскъ, Ольшанскаго. Если не ошибаюсь, онъ преподавалъ верховую ѣзду казеннокоштнымъ студентамъ-медикамъ, готовившимся на должности военныхъ врачей.

Библиотека "Руниверс"

Онъ былъ любимцемъ польской аристократической молодежи, сходившей съ ума отъ его старо-уланскихъ, длинныхъ бѣлыхъ усовъ и восторженныхъ разсказовъ о возстаніи 1830 года. Въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая, въ чудную весеннюю ночь, небольшія группы всадниковъ выѣхали однѣ за другими изъ воротъ манежа и направились мимо университета на житомирское шоссе. За Тріумфальными воротами всадники остановились, поджидая товарищей и строясь въ походную конную колонну. Это были запоздалыя жертвы польской идеи, юноши и мальчики, студенты и гимназисты, сформировавшіе единственную, цѣликомъ выступившую изъ Кіева конную банду.

Въ домѣ моего отца стояли на постоѣ драгуны. На разсвѣтѣ я услышалъ, что они сѣдлаютъ коней. Затѣмъ ихъ сѣрые силуэты, въ походной формѣ, тихо промелькнули мимо моихъ оконъ. Я одѣлся, вышелъ на улицу и узналъ, что ночью выступила изъ города банда, и что эскадронъ драгунъ и казачья сотня пущены вслѣдъ за ней. Я бѣгомъ вернулся домой, велѣлъ закладывать лошадей, и полчаса спустя догналъ нашъ отрядъ.

Въ 14 верстахъ отъ города, у д. Борщаговки, банда была настигнута. Казаки обскакали ее съ двухъ сторонъ, драгуны завязали перестрѣлку. Минутъ двадцать пули свистали, ломая пушистыя вѣтки ивъ; затѣмъ импровизированные польскіе кавалеристы стали поодиночкѣ прорываться сквозь казачью цѣпь. Крестьяне собрались со всѣхъ сторонъ ловить ихъ. Одинъ драгунъ и двое казаковъ были убиты; ихъ потомъ съ печальною торжественностью похоронили въ Кіевѣ.

Я въ эти дни сдавалъ свои послѣдніе университетскіе экзамены. Школьные года кончились...

В. Авсѣенко.

Библиотека "Руниверс"

ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ [1]).

ПО СМЕРТИ Симеона, умершаго прежде времени отъ моровой язвы, Москва опять встрѣтила соперничество, опять сперлись о великомъ княженіи наслѣдникъ Симеона, его братъ Иванъ Ивановичъ, и прежній искатель, суздальскій князь Константинъ Васильевичъ, за котораго теперь очень хлопотали новгородцы. Для этого они посылали въ Орду особаго посла, конечно съ добрымъ мѣшкомъ новгородскихъ рублей. Но царь ихъ не послушалъ и отдалъ великое княженіе московскому Ивану Ивановичу, кроткому, тихому, милостивому, какъ говорятъ о немъ лѣтописцы, слѣдовательно достаточно слабому, еслибъ случилась политическая борьба съ какимъ либо задорнымъ сопротивникомъ. Но борьбы не предвидѣлось, потому что и давній соперникъ Москвы, князь суздальскій, Константинъ Васильевичъ, на другой же годъ примирился съ княземъ Иваномъ, а затѣмъ вскорѣ скончался. Лѣтописецъ замѣчаетъ о немъ, что княживъ 15 лѣтъ онъ честно и грозно боронилъ свою отчину отъ сильныхъ князей (отъ Москвы) и отъ татаръ. Это вообще показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Москвѣ находились всѣ самостоятельные князья, и что означало ихъ подручничество великому князю Симеону.

Въ Твери уже нѣсколько лѣтъ горѣла сильная вражда и ненависть между дѣтьми Александра и его брата Константина. Никакъ не могли они подѣлить свои волости, нарушали договоры, и старались отнять другъ у друга старшій столъ княженія, городъ Тверь. Дѣло доходило до простыхъ грабежей, не говоря о насиліяхъ и притѣсненіяхъ другъ друга по случаю сбора даней. Тверскіе люди, испытывая на своихъ плечахъ всю тяжесть княжеской ссоры, то разбѣгались по сторонамъ въ другіе города, то снова собирались, когда наставалъ миръ и любовь между князьями. Тверской владыка Ѳедоръ употреблялъ всѣ

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 233—269 и 489—523.

Библиотека "Руниверс"

усилія помирить враждующихъ, но подъ конецъ отказался было и отъ владычества въ Твери и остановленъ былъ только митрополитомъ, который просилъ его терпѣть и ожидать лучшаго времени. Москва склонялась то на ту, то на другую сторону, но по родственнымъ связямъ съ колѣномъ князя Константина, конечно, держалась больше его стороны. Семейныя и родовыя распри тѣмъ особенно и отличались отъ обыкновенныхъ, что въ нихъ невозможно было найти прямого виноватаго: всѣ бывали правы, и всѣ бывали виноваты.

Само собою разумѣется, что ничто не помѣшаетъ подозрѣвать Москву въ возбужденіи тверскихъ смутъ, ибо они были ей на руку, и при томъ дѣти Александра и съ его княгиней едва ли могли забыть свое трагическое прошлое и несомнѣнно сохранили большую непріязнь противъ Москвы, тогда какъ дѣти Константина напротивъ должны были относиться къ ней дружелюбно. Но не доказаннымъ подозрѣніямъ не будетъ конца и при помощи ихъ Москва можетъ вырости такимъ всемогущимъ тонкимъ и хитрымъ злодѣемъ, какого никогда не создавала никакая исторія. Вѣдь можно подозрѣвать Москву и въ произведеніи великихъ смутъ, наставшихъ съ этого времени и въ самой Ордѣ. Какъ извѣстно, Ивана Даниловича Калиту утвердилъ на великомъ княженіи царь Узбекъ, который потомъ безъ разговора утвердилъ и его сына Симеона, но вскорѣ умеръ и царство послѣ злодѣйскаго избіенія братьевъ досталось его второму сыну, Джанибеку. При новомъ царѣ, Москва еще сильнѣе утвердилась въ своемъ могуществѣ, что испыталъ новый ея непріятель—литовскій Ольгердъ. Джанибекъ процарствовалъ 15 лѣтъ, утвердилъ въ Москвѣ на великое княженіе Ивана Ивановича, и въ наставшую смуту былъ убитъ своимъ сыномъ, заслуживъ у нашихъ лѣтописцевъ не только осужденіе за свое злодѣйство, но и добрую память. Они говорятъ, что онъ „зело былъ добръ къ христіанству и многую льготу сотворилъ русской землѣ". Неизвѣстно, въ чемъ заключались его русскія льготы; но подозрѣвая Москву во всякомъ злѣ, можемъ подозрѣвать ее и въ добрѣ: эти льготы конечно не придуманы самимъ царемъ, а выпрошены непремѣнно Москвою, ибо она была начальною властью и безъ ея содѣйствія и помѣстные князья едва ли что могли себѣ выхлопотать. Видимо, что она пользовалась и обстоятельствами, и наклонностями новаго царя, и честно работала для выгодъ Русской Земли.

По смерти Джанибека, въ Ордѣ распространились такія усобицы, что и русскіе князья едва спасались отъ смерти, ходя туда къ новымъ царямъ и за новыми ярлыками на свои отчины. Цари смѣнялись чуть не каждые полгода, побивая другъ друга. Наконецъ выдвинулся впередъ темникъ Мамай, замутилъ всѣмъ царствомъ и Орда раздѣлилась на двое. Возлѣ Старой явилась Новая Орда по сю сторону Волги. Затѣмъ многіе изъ ординскихъ князей то же отдѣлились особыми независимыми улусами; кто засѣлъ у болгаръ на Волгѣ, кто въ Наручадѣ (Наровчатъ въ теперешнихъ пензенскихъ мѣстахъ); каж-

Библиотека "Руниверс"

дый освоивался, захватывая себѣ свою особую область. „И былъ у нихъ голодъ великій, замятня многая, нестроеніе всегдашнее; не переставая между собою воевали и бились и кровь проливали! Такъ Богъ попустилъ на нихъ гнѣвъ свой, милуя рабовъ своихъ, смиренныхъ православныхъ христіанъ“, говоритъ русскій лѣтописецъ.

Еще въ самомъ началѣ ординскихъ смутъ, померъ въ Москвѣ великій князь Иванъ Ивановичъ, оставивъ наслѣдниками двухъ малолѣтнихъ сыновей и малолѣтняго же племянника. Старшему изъ нихъ, наслѣднику великокняжескаго стола, Дмитрію, всего было 8 лѣтъ. Казалось, дѣло Москвы будетъ проиграно. Всѣ князья поспѣшили въ Орду къ новому царю Наурусу бить челомъ о раздѣлѣ или передѣлѣ ихъ княженій. Царь ихъ смирилъ, говоритъ лѣтописецъ, положилъ раздѣлъ и велѣлъ всякому знать свое и въ чужое не переступать. Великое княженіе теперь онъ отдавалъ, какъ старѣйшему, суздальскому князю Андрею Константиновичу, но тотъ отказался въ пользу своего младшаго брата, Дмитрія, который и занялъ Владимірскій столъ, „не по отчинѣ, и не по дѣдинѣ“, замѣчаетъ лѣтопись. Новгородцы много, хотя и неудачно, хлопотали за его отца; теперь, употребивъ несомнѣнно новыя старанія въ Ордѣ, были очень рады, посадивъ у себя на княженье его сына. Видимо, что въ этомъ случаѣ у нихъ были свои экономическіе расчеты относительно большей свободы или своей воли въ торгахъ и промыслахъ на нижней суздальской и нижегородской Волгѣ. Въ тотъ же годъ, новгородцы, а по другимъ лѣтописямъ, ихъ разбойники, пограбили болгарскій городъ Жукотинъ, вѣроятно мстя за какую либо обиду, но за ихъ грабежъ пострадали всѣ христіане, жившіе у болгаръ — всѣ были пограблены. И кромѣ того жукотинскіе князья пошли въ Орду съ жалобою на русскихъ разбойниковъ, что нѣтъ отъ нихъ житья. Царь выслалъ грозныхъ пословъ, потребовалъ у русскихъ князей выдачи разбойниковъ, что̀ при съѣздѣ суздальскихъ, нижегородскихъ и ростовскихъ князей на Костромѣ и было исполнено въ точности. Останавливаемся на этомъ случаѣ, дабы указать, къ чему приводило новгородское и вообще земское своеволіе. Несомнѣнно, такіе случаи вызывались торговыми и промысловыми обидами, но по ихъ слѣдамъ обида и месть распространялась на людей совсѣмъ неповинныхъ. Рабочее земство, которое въ этихъ обстоятельствахъ больше всего и терпѣло, не могло, конечно, радоваться такимъ событіямъ и необходимо помышляло о крѣпкой защитѣ и оборонѣ отъ земской власти, отъ великаго князя, и естественно должно было потянуть къ тому князю и къ тому городу, который принималъ эту оборону на свои плечи. Мы скоро увидимъ, что Москва же по завѣту своихъ отцовъ крѣпко держала въ своихъ рукахъ и это общеземское дѣло и никогда не отдавала его на судъ татарамъ, умѣя наказывать виновныхъ въ разбояхъ и собственными средствами.

Однако теперь о Москвѣ не было слышно, она изчезла, скрылась, ее не было замѣтно. Пріободрились и помѣстные князья. Окупной отъ

Библиотека "Руниверс"

Москвы, князь галицкій выхлопоталъ въ Ордѣ ярлыкъ на галицкое княженіе. Тоже исполнилъ и князь ростовскій, присвоивъ себѣ московскую половину Ростова.

Въ Москвѣ теперь не было князя, онъ былъ ребенокъ. Но сила Москвы заключалась не въ одномъ князѣ. Ея главною и можно сказать основною силою было боярство, и затѣмъ купечество, которое съ этого времени становится извѣстнымъ подъ именемъ сурожанъ и суконниковъ. Гости-сурожане были купцы, торговавшіе итальянскими (шелковыми) товарами и назывались такъ отъ города Сурожа (нынѣ Судакъ), гдѣ сосредоточивался тогдашній итальянскій торгъ. Въ первый разъ объ нихъ упоминается, что они пришли въ Москву изъ Орды вмѣстѣ съ посломъ въ 1356 г. Были ли это москвичи, возвратившіеся домой, или самые итальянцы, пришедшіе съ своимъ торгомъ въ Москву, подъ охраною ординскаго посла — неизвѣстно. Но съ того времени въ Москвѣ гости-сурожане живутъ уже особымъ гнѣздомъ. Причины, почему сурожане избрали Москву, а не другой городъ, для средоточія своего торга, скрываются въ тѣхъ же обстоятельствахъ, почему въ Москвѣ же нашла себѣ постоянное убѣжище и верховная церковная власть. Мѣсто было тихое и покойное и къ тому же лежавшее на перекресткѣ всѣхъ тогдашнихъ большихъ торговыхъ дорогъ. Торговое богатство естественно завязывало изъ Москвы множество связей не только въ другихъ русскихъ городахъ, но и въ самой Ордѣ, между тамошними торговцами и промышленниками. Объ этихъ связяхъ лѣтописи ничего не говорятъ, но они чувствуются во многихъ обстоятельствахъ и событіяхъ, которыя сами собою выдвигали Москву впередъ и во главу передъ всѣми другими городами. Боярство составляло боевую и политическую московскую силу, купечество — промышленную. Но Москва, какъ мы говорили, обладала еще болѣе важною силою — присутствіемъ въ ея стѣнахъ церковной митрополичьей власти. Московская заповѣдь крѣпкаго единства всѣхъ общественныхъ силъ города, конечно, ставила выше всего благословеніе митрополита-владыки. Московское единеніе и возможно было только при непосредственномъ участіи въ немъ самого митрополита. Естественно, что въ Москвѣ много думали о томъ, чтобы митрополичій столъ былъ занятъ достойнымъ избранникомъ, способнымъ не только сохранить, но и лучше устроить собранныя московскія силы земскаго единства. Къ счастью для Москвы, въ это время, послѣ грека Ѳеогноста, на митрополичій престолъ былъ возведенъ москвичъ же по рожденію, изъ боярскаго черниговскаго рода, митрополитъ Алексій. Онъ былъ крестникъ Ивана Даниловича Калиты, съ молодыхъ лѣтъ возлюбилъ иноческую жизнь и проходя ея степени сдѣлался намѣстникомъ у митрополита Ѳеогноста, возлагавшаго на него обязанности церковнаго суда. Двѣнадцать лѣтъ онъ исполнялъ эти важнѣйшія и вліятельнѣйшія обязанности и заслужилъ имя добраго и честнаго старца, разумнаго и премудраго въ

Библиотека "Руниверс"

словѣ и со всѣми „благопривѣтливаго". Естественно, что на этомъ именно поприщѣ раскрылись въ немъ тѣ таланты мудраго правителя, которые привлекли къ нему общее вниманіе, такъ что митрополитъ Ѳеогностъ еще при жизни назначилъ его себѣ преемникомъ.

Это былъ рѣдкій въ нашей исторіи случай возведенія въ санъ митрополита инока изъ боярскаго рода и конечно московское боярство приложило все свое стараніе и вліяніе, дабы его избранникъ былъ утвержденъ въ этомъ санѣ патріархомъ цареградскимъ. Но въ это время западная Русь уже отваливалась отъ восточной и потому въ Царьградѣ было поставлено на Русскую Землю два митрополита: московскій избранникъ Алексѣй, и избранникъ югозападной Руси— Романъ. Отъ того произошла церковная смута, впрочемъ, не имѣвшая большого вліянія на дѣла восточной Руси. По смерти великаго князя Ивана Ивановича, когда Москва осталась съ малолѣтнимъ княземъ и ея дѣла приняли неблагопріятный оборотъ, митрополитъ Романъ внезапно явился было въ Твери, но не былъ принятъ тамошнимъ епископомъ и только съ радостью былъ принятъ тамошними князьями и боярами. Этотъ случай показывалъ, какъ еще сильно было въ Твери гнѣздо вражды и ненависти къ ея соперницѣ Москвѣ.

Ослабѣвшая въ княжескомъ малолѣтствѣ, Москва, открывала въ это время широкое поле для пробужденія противъ нея всяческихъ крамолъ и всякой вражды со стороны всѣхъ ея соперниковъ, или всѣхъ ею обиженныхъ. Теперь и можно было въ полной мѣрѣ видѣть гдѣ, въ какихъ углахъ и въ какой средѣ скрывалась обида отъ Москвы и вражда къ ней. Земство, черные люди, конечно, молчали, но во всѣхъ обстоятельствахъ, когда начиналась борьба между князьями, они всегда давали перевѣсъ тому князю или тому городу, отъ котораго видѣли больше добра себѣ. Вотъ почему и временнее ослабленіе московской силы не произвело никакой особой перестановки въ земскихъ отношеніяхъ. Слишкомъ 30 лѣтъ тишины, утвержденной никѣмъ другимъ, а только Москвою, соединяли на ея сторонѣ всѣхъ благомыслящихъ людей во всѣхъ углахъ земли. Это лучше всего подтверждается исторіею захвата великаго княженія не безъ содѣйствія новгородцевъ, суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Какъ было сказано, старшій братъ его, кроткій, тихій, смиренный и многодобродѣтельный, прямо отказался отъ этой чести, вѣроятно, хорошо разумѣя, что земскія его силы слишкомъ слабы для борьбы съ Москвою.

Два года спокойно княжилъ суздальскій князь, но не по праву, какъ говорило общее мнѣніе. Въ Ордѣ въ это время происходили такія замѣшательства, что нельзя было добиться тамъ никакого толку. Малютка московскій князь на другой же годъ пошелъ было въ Орду искать великое княженіе, но едва успѣлъ выбраться оттуда до на-

Библиотека "Руниверс"

ставшей рѣзни, во время которой другіе князья разбѣжались кто куда, а ростовскіе были ограблены до-нага. Орда, какъ мы сказали, раздѣлилась. Спустя годъ, москвичи успѣли выхлопотать великокняжескій ярлыкъ для своего малютки въ старой Ордѣ Сарайской, у царя Амурата. Одного ярлыка было достаточно, чтобы суздальскій князь уступилъ. Онъ перебрался было въ Переяславль, но тогда на него пошло войско и онъ убѣжалъ въ свой Суздаль. Московскому князю теперь всего было 11 лѣтъ. Вскорѣ явились къ нему послы и изъ другой, изъ Мамаевой Орды, и принесли тоже ярлыкъ на великое княженіе. Москва взяла ярлыкъ и у Мамая. Амуратъ, конечно, вознегодовалъ на Москву—а что же было дѣлать Москвѣ и какъ поступить въ этомъ случаѣ, когда совсѣмъ не было извѣстно, что можетъ случиться въ Ордѣ на завтра. Амуратъ тотчасъ прислалъ ярлыкъ суздальскому князю, который поспѣшилъ во Владиміръ и сѣлъ на великое княженіе, но сидѣлъ только 12 дней. Москва поднялась съ своими князьями, молодыми дѣтьми, Дмитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ,—пошла ратью на самый Суздаль, и стоя около города, все пусто сотворила. Лѣтописецъ говоритъ, что двѣнадцатилѣтній молодой князь взялъ свою волю надъ суздальскимъ Дмитріемъ и по пути взялъ свою волю и надъ ростовскимъ княземъ, согналъ съ Галича галицкаго князя, выгналъ изъ Стародуба и стародубскаго князя.

На какую же силу опирались москвичи, дѣйствуя съ малолѣтнымъ княземъ такъ рѣшительно? Конечно, на земскую силу, которая вся была за московскихъ дѣтей, вся собралась съ Москвою установлять прежній порядокъ. И самый Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, когда ему вновь опять были принесены его сыномъ ярлыки на великое княженіе, теперь не захотѣлъ этой чести и отступился, прося у Москвы же помощи себѣ противъ своего меньшаго брата, отнявшаго у него Нижній-Новгородъ.

Москва, слѣдуя земскому мнѣнію, заступилась за старшаго, за своего соперника, и прежде всего старалась окончить ссору миромъ, безъ кровопролитія. Митрополитъ Алексѣй отнялъ епископство у тамошняго владыки, вѣроятно очень замѣшаннаго въ этой ссорѣ; затѣмъ онъ послалъ въ Нижній преподобнаго Сергія звать князя Бориса въ Москву и когда князь не послушалъ, то преподобный Сергій, по слову митрополита, затворилъ всѣ церкви въ городѣ. Но все-таки дѣло не обошлось безъ ратнаго похода, заводя который непокорный князь струсилъ и покорился. Ему отданъ былъ въ княженіе Городецъ. Годъ спустя, московскій великій князь Дмитрій, 17 лѣтъ, даже женился на дочери суздальскаго Дмитрія, Евдокіи. Такимъ образомъ соперничество Москвы съ суздальскимъ княземъ возникло и проводилось не столько изъ вражды, сколько изъ честолюбивыхъ стремленій, по случаю временной слабости Москвы и несомнѣнно по совѣту и при помощи новгородцевъ. А новгородцы и въ это время являлись на суздальской Волгѣ попрежнему съ разбоями. Въ 1366 году

Библиотека "Руниверс"

„младые дворянчики“ изъ Великаго Новгорода въ 200 ушкуяхъ (особыхъ лодкахъ) спустились по Волгѣ и напали на Нижній-Новгородъ, избили тамъ татарскихъ гостей, и армянъ, и нижегородскихъ гостей, множество, съ женами и дѣтьми; безчисленный товаръ пограбили, всѣ рѣчныя суда сожгли и затѣмъ ушли въ Каму воевать болгаръ. Разгнѣвался за это на Новгородъ великій князь московскій и развергъ съ нимъ миръ, хотя о войнѣ и не думалъ. Дѣла такъ перемѣнились, что теперь и этого было достаточно для наказанія вольныхъ людей, которые на слѣдующій же годъ прислали пословъ просить мира. Стало быть ссора съ Москвою была имъ очень невыгодна. А народъ Низовской области слышалъ и зналъ, что никто другой, а также Москва и на нижегородской Волгѣ его защищаетъ и обороняетъ отъ людского своеволія.

Въ Твери все продолжались родовыя смуты изъ-за раздѣла волостей и за тверской столъ между племянниками и дядею, между Тверью и Кашинымъ. Теперь для борьбы съ дядею выдвинулся впередъ второй сынъ Александра, Михаилъ, по характеру полный наслѣдникъ своего отца. Родичи судились у своего владыки, но судъ для одной стороны оказался неправеднымъ, потому что владыка оправдалъ Михаила. Москва помогала дядѣ и вообще кашинскимъ князьямъ, такъ какъ она была въ родствѣ съ ними. Александровичамъ, конечно, она не могла доброжелательствовать. Но очень вѣроятно, что ей были извѣстны и другіе замыслы Михаила, какъ они обнаружились впослѣдствіи. Судя по сказанію о немъ тверской лѣтописи, вражда съ дядею началась именно по поводу того, что, приходя въ возрастъ, Михаилъ, дотолѣ удѣльный князь микулинскій, сталъ помышлять о княженіи въ старшемъ городѣ Твери, что тверичи рады были доблестному князю, и Михаилъ занялъ Тверь. Дядя попросилъ помощи у Москвы и погналъ племянника въ Литву, откуда тотъ воротился тоже съ помощью, въ виду которой дядя уступилъ и они помирились, но не надолго. Вскорѣ обиженный двоюродный братъ Михаила, князь Еремей, перенесъ эту ссору въ Москву. Въ 1368 г. московскій великій князь Дмитрій и митрополитъ Алексѣй зазвали любовью къ себѣ въ Москву князя Михаила, потомъ составили съ нимъ рѣчи, а потомъ и третейскій судъ, послѣ котораго, на миру и въ правдѣ, схватили его и всѣхъ его бояръ и посадили по тюрьмамъ. Но въ то время неожиданно явились изъ Орды какіе-то татарскіе князья. Услышавъ объ этомъ, Москва усумнилась. Она поспѣшила укрѣпить тверского князя крестнымъ цѣлованьемъ и выпустила заключенныхъ, но настояла на своемъ, посадивъ князя Еремея въ его удѣлѣ, т. е. отнявъ этотъ спорный удѣлъ у Михаила по третейскому суду.

Все это разсказываютъ только тверскія извѣстія, очень расположенныя къ князю Михаилу, и потому, не зная московскихъ замѣтокъ объ этомъ событіи, мы не можемъ вполнѣ довѣрять, что таковъ былъ

Библиотека "Руниверс"

смыслъ всѣхъ обстоятельствъ. Ясно одно, что Михаилъ былъ позванъ въ Москву на третейскій судъ, по которому осужденъ, и какъ осужденный, но неубѣжденный въ правдѣ суда, потерпѣлъ безчестное насиліе, хотя по правамъ третейскаго суда оно было законно, ибо кто не соглашался съ рѣшеніемъ суда добровольно, того принуждали исполнить это рѣшеніе силою.

Михаилъ возвратился въ Тверь съ страшною злобою и ненавистью къ московскому князю и особенно роптал на митрополита, который и былъ третейскій судья. По ходу обстоятельствъ, обоюдная вражда Москвы и Твери скрывалась не въ обидахъ какого-либо князя Еремея, — она несомнѣнно таилась въ честолюбивыхъ замыслахъ тверского князя, о чемъ и были съ нимъ рѣчи въ Москвѣ. За годъ передъ этимъ временемъ (1367 г.) тверской князь поставилъ новый городокъ на Волгѣ, а москвичи вмѣсто дубоваго погорѣвшаго заложили себѣ каменный городъ Москву и сооружали его непрестанно, по какому случаю лѣтописецъ кстати замѣчаетъ, что тогда московскій князь (18 лѣтній) сталъ всѣхъ князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ сталъ посягать; такъ онъ посягнулъ и на князя тверского. Въ чемъ заключалось это посяганіе лѣтописецъ не говоритъ, но воля московскаго князя едвали могла распространяться дальше принужденій къ точному договору и требованій общей службы противъ общихъ враговъ, требованій жить въ единствѣ и въ тишинѣ, примиряя вражды третейскимъ судомъ, послѣднее слово котораго было закономъ для подсудимаго.

Что таковъ былъ смыслъ московскаго посягательства на другихъ князей, объ этомъ могутъ отчасти свидѣтельствовать граматы цареградскаго патріарха отъ 1370 года, изъ которыхъ узнаемъ, что передъ тѣмъ временемъ князья всѣ согласились и заключили договоръ съ московскимъ княземъ, обязавшись клятвою стать всѣмъ заодно противъ литовскаго Ольгерда; что московскій князь, надѣясь на эту клятву, изготовился противъ врага, но князья не только не исполнили клятвы, но перешли на сторону Ольгерда. За это отступничество патріархъ прислалъ имъ отлученіе отъ церкви, которое могло быть упразднено только ходатайствомъ митрополита и точнымъ исполненіемъ договора. Все это относилось къ событіямъ, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить. Само собою разумѣется, что отлученіе было испрошено по жалобѣ митрополита Алексія.

Несомнѣнно, что Москва требовала отъ князей только покорности младшихъ братьевъ. Ни о захватахъ чужихъ земель и княженій, ни о правахъ полнаго господарства надъ землею, она еще не могла и помышлять; ибо и самый вопросъ о томъ, кто будетъ старѣйшимъ братомъ всѣхъ князей и господиномъ земли, еще далеко не былъ рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, въ Твери надѣялись поспорить объ этомъ до послѣднихъ силъ. Къ сожалѣнію, точка опоры у тверского князя находилась не въ русскомъ земствѣ его княжества, а тѣмъ меньше

Библиотека "Руниверс"

въ земствѣ остальныхъ русскихъ княжествъ, — онъ главнымъ образомъ надѣялся на помощь Литвы, т. е. уповалъ на чужую силу, съ которою если и можно было побѣждать своихъ враговъ и раззорять Русскую Землю, зато ни въ какомъ случаѣ нельзя было утвердиться прочно даже и въ своей волости. Тверь съ первыхъ временъ своего существованія тянула къ Литвѣ и подпала подъ ея вліяніе; съ первыхъ временъ она больше всего и надѣялась на Литву. Во все время она глядѣла въ чужую сторону, и забывала, что самостоятельность и самобытность въ своей землѣ пріобрѣтается службою общимъ интересамъ этой земли. Въ этомъ и заключалось глубокое различіе тверской политики отъ московской, которая, наоборотъ, искала своей силы въ русскомъ же земствѣ и потому надѣялась только на самое себя, т. е. на русскую силу, для чего употребляла всякія старанія собрать эту силу въ то единство, какое было необходимо для борьбы съ врагами. Отсюда, конечно, вытекали и всѣ московскія стремленія установить въ Землѣ тишину, всѣ стремленія оберегать и охранять общеземскія выгоды. Москва своею земскою службою успѣла крѣпко связать свои личные выгоды съ выгодами всей Земли. А первая служба Москвы на пользу всего земства заключалась въ очевидной для всѣхъ 40-лѣтней тишинѣ. Теперь эту тишину снова нарушаетъ Тверь. Установившійся порядокъ отношеній изламывается, вся работа погибаетъ и снова начинаются кровавыя усобицы въ то самое время, когда при разстройствѣ самой Орды являлась возможность совсѣмъ избавиться отъ татарской неволи.

Заставляя исполнить рѣшеніе третейскаго суда, Москва выслала было рать на тверского князя. Тогда въ своей горькой обидѣ Михаилъ побѣжалъ къ литовскому Ольгерду, за которымъ замужемъ была его сестра. Онъ просилъ обороны, молилъ, билъ челомъ со слезами, научалъ сестру просить о томъ же. А Ольгердъ того только и желалъ, въ сласть принималъ жалобы тверского князя. Здѣсь и находилась настоящая причина ссоры и ненависти къ московскому князю. Быть можетъ тверской князь, самъ того не зная, былъ только простымъ орудіемъ для литовскихъ замысловъ.

Въ отвѣтъ на походъ московской рати подъ Тверь, Ольгердъ, по своему обычаю, нежданно явился подъ самою Москвою, побивъ сначала всѣ сторожевые и передовые московскіе полки. Города онъ взять не могъ, потому что теперь его стѣны были уже каменныя. Смотрѣлъ онъ на него три дня, опустошилъ всю окрестность, поплѣнилъ безчисленно людей, и скотину всю съ собою отогналъ, и удалился восвояси. Это было первое зло Москвѣ отъ Литвы и новое начало новой борьбы съ Тверью. Москва отступилась отъ князя Еремея и отъ его удѣла. Тверской князь укрѣпилъ Тверь новыми деревянными стѣнами, намазавши ихъ глиною, а московскій князь срубилъ новыя деревянныя стѣны въ Переяславлѣ, ибо отъ Твери дорога къ Владиміру на великокняжескій столъ лежала черезъ Переяславль. Потомъ,

Библиотека "Руниверс"

оправившись отъ удара, московскій князь напалъ на Тверь, и точно также все опустошилъ, поплѣнилъ и также погналъ всю тверскую скотину къ Москвѣ; смирилъ тверичей, говоритъ лѣтописецъ, до зела. Михаилъ, еще не дождавшись московскаго похода, опять убѣжалъ въ Литву, а оттуда въ Орду, гдѣ успѣлъ выпросить ярлыкъ на великое княженіе, но пройдти съ нимъ и съ татарскимъ посломъ домой въ Тверь не могъ, потому что на всѣхъ путяхъ встрѣтилъ московскіе заставы и, не желая попасть въ руки враговъ, опять поворотилъ въ Литву, опять умоляя Ольгерда идти на Москву.

Въ другой разъ Ольгердъ явился подъ Москвою, съ тверскимъ княземъ, со многими литовскими князьями и съ княземъ смоленскимъ. Стоялъ 8 дней, но города не взялъ и услышавъ, что на помощь Москвѣ идетъ сѣверская и рязанская рать, запросилъ мира, даже вѣчнаго. Москва согласилась помириться только на полгода. Ольгердъ помышлялъ больше о себѣ, чѣмъ о тверскомъ князѣ и соображая дальновидно сталъ теперь сватать свою дочь за московскаго князя Владиміра Андреевича. Тверской князь тоже утвердился съ Москвою миромъ и удалился въ Тверь. Казалось бы тѣмъ дѣло и должно было окончиться, ибо литовская помощь была уже ненадежна. Но тверской князь не искалъ мира, онъ искалъ великаго княженія, и потому весною же отправился снова въ Орду, снова выпросилъ ярлыкъ у Мамая, и по обычаю возвратился въ сопровожденіи татарскаго посла, прямо въ Тверь. Московскій Димитрій между тѣмъ привелъ всю землю, по всѣмъ городамъ бояръ и черныхъ людей къ присягѣ, не даваться тверскому князю и на великое княженіе его не пускать. Когда Михаилъ пришелъ было во Владиміръ, то Владимірцы такъ и поступили, не позволили ему сѣсть на великокняжескій столъ. Не помогъ въ этомъ случаѣ и татарскій посолъ, который все таки послалъ въ Москву звать князя во Владиміръ къ царскому ярлыку, выслушивать царево повелѣніе. Изъ Москвы отвѣчали: „Къ ярлыку не ѣду, и въ землю на великое княженіе не пущу, а тебѣ, честному послу, путь чистъ, пріѣзжай на почесть сюда въ Москву“. Посолъ соблазнился честью и дарами и отъѣхалъ отъ тверского князя въ Москву. И какъ былъ доволенъ посолъ московскимъ гостепріимствомъ! На возвратномъ пути въ Орду, во всю дорогу, онъ восхвалялъ московскаго князя за почести, за добрый его нравъ и смиреніе. Слѣдомъ за посломъ направился въ Орду и самъ московскій князь. Въ Ордѣ онъ побѣдилъ противника своимъ богатствомъ, которымъ окупилъ Мамая, и царя, и царицъ, и князей, и при этомъ выкупилъ даже и сидѣвшаго тамъ за долги Михаилова сына Ивана, отдавши за него громадную сумму, 10 тысячь рублей. Такимъ образомъ Москва окупила и свой ярлыкъ и ярлыкъ тверского князя, который, какъ оказалось, былъ выпрошенъ въ счетъ будущихъ благъ, какія несомнѣнно были бы награблены и отъ Москвы и отъ всей земли. Орда приказала сказать тверскому князю такую рѣчь: „Великое княженіе мы отдали тебѣ; давали тебѣ

Библиотека "Руниверс"

рать и силу, чтобы посадить тебя на великое княженіе; и ты нашей рати и силы не взялъ, а сказалъ, что сядешь своею силою. И ты теперь сиди съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ насъ помощи не ищи!“ Тверской князь стало быть побоялся привести съ собою татарскую рать, и побоялся конечно не Москвы, а общаго мнѣнія всей Земли, которое однако было создано и воспитано все тою же Москвою.

Тверской князь, какъ мы говорили, надѣялся больше всего на Литву и по всему вѣроятію изъ Литвы же собиралъ себѣ и дружину. Пока Дмитрій московскій былъ въ Ордѣ, онъ дѣлалъ свое дѣло, захватилъ Кострому, Мологу, Угличь, Бѣжецкій Верхъ, и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Потомъ съ литовскою ратью онъ ходилъ на Дмитровъ и Переяславль, опустошивъ окрестности и взявъ окупъ съ городовъ, захватилъ Торжекъ, а потомъ, когда поднялись за свой городъ и новгородцы, онъ совсѣмъ его разгромилъ и ограбилъ такъ, что и отъ поганыхъ такого зла никогда не бывало. Опять пришелъ къ нему на помощь и Ольгердъ, чтобы вмѣстѣ напасть на Москву. Московскій князь однако предупредилъ опасность и вышелъ въ поле. У городка Любутска войска сошлись надъ какимъ то непроходимымъ оврагомъ, долго стояли и потомъ заключили перемирье на 3 мѣсяца. По договору, здѣсь заключенному, оказалось. что тверской князь у Ольгерда занимаетъ мѣсто князя подручнаго, на ряду съ княземъ брянскимъ. Ясно, что, не желая служить Москвѣ, онъ долженъ былъ служить Литвѣ, т. е. чужимъ людямъ, а потому не онъ, а его владыка Ольгердъ заключалъ съ Москвою и перемиріе. Вообще по смыслу этого перемирія, тверской князь является передъ Москвою какъ бы простымъ мятежникомъ. Въ перемирной грамотѣ московскій князь объясняетъ Ольгеру, что онъ послалъ въ Орду жаловаться на Михаила и что ихъ дѣло „въ Божьей волѣ и въ царевой, какъ повелитъ царь такъ и будетъ...“

Москва слѣдовательно отдѣляла въ особую статью свои отношенія къ тверскому князю и не дозволяла путать ихъ за одно съ отношеніями въ Литвѣ. Не тверской князь самъ за себя, а Ольгердъ обязывался за тверского князя, что этотъ послѣдній возвратитъ все, что награбилъ, во время теперешнихъ военныхъ походовъ. Очень важно было условіе, что Тверь на время перемирія оставалась совсѣмъ запертою отъ великокняжескихъ областей. Кромѣ пословъ, ни тверичи не могли появляться въ этихъ областяхъ и никто изъ великаго княженія не долженъ былъ ходить въ Тверь. Однако вскорѣ произошло полное примиреніе и ординскій заложникъ, сынъ тверского князя, былъ съ любовью отпущенъ къ отцу. Настала тишина и люди возрадовались, но не на долго.

Спустя годъ, изъ Москвы отбѣжали въ Тверь сынъ тысяцкаго Василья Вельяминова, Иванъ, и сурожанинъ Некоматъ; первый вѣроятно потому, что не получилъ тысяцкаго отцовскаго мѣста. Эти крамольники снова подняли тверского князя противъ Москвы. Онъ

Библиотека "Руниверс"

тотчасъ же послалъ ихъ за ярлыкомъ въ Орду, а самъ ушелъ въ Литву звать и собирать дружину.

Ярлыкъ былъ добытъ безъ особаго труда: охотнику вѣдь стоило только принести побольше денегъ. Возвратился изъ Литвы и Михаилъ, и не медля, сложивъ съ себя договорную присягу къ Москвѣ, послалъ на Торжекъ своихъ намѣстниковъ, а рать на Угличь. Онъ очень надѣялся, и на Литву, и на Орду.

Тогда на тверского князя возстала вся Русская Земля. Всѣ князья собрались въ Москву, подручные и не подручные, „служачи московскому князю", всѣ вознегодовали на Михаила за то, что сколько разъ приводилъ онъ Литву раззорять Русскую Землю, а теперь сложился и съ Мамаемъ. Многочисленное войско двинулось на Тверь и начало обычную войну, опустошая, пожигая и уводя въ плѣнъ волостныхъ людей. Не одни ратные, но и со всѣхъ пограничныхъ сторонъ, каждый самъ собою, люди ополчались на разграбленіе тверской волости.

Михаилъ затворился въ Твери. Его крѣпко осадили, но онъ ждалъ къ себѣ Литву и татаръ и не сдавался. Пришла было и Литва, но увидавши безчисленную рать, поспѣшила домой. Долго ожидалъ князь помощи, говоритъ лѣтописецъ, а она не пришла и отъ того только больше зла случилось. „Добро бы намъ надѣяться на Бога, чѣмъ на человѣка!" Услышавши, что нѣтъ ему ни откуда помощи и что возстала на него вся Русская Земля, онъ покорился и отдался во всю волю московскому князю.

Былъ заключенъ договоръ на всей московской волѣ, который сохранился. Въ чемъ же заключалась эта „вся воля", о которой такъ часто говорятъ лѣтописи, описывая чье либо покореніе, и которую надъ Тверью взяла наконецъ Москва? Московскій князь ставитъ тверского себѣ братомъ младшимъ, говоритъ, что всѣ остальные князья съ нимъ, московскимъ, „одинъ человѣкъ", а потому за обиду кому либо изъ князей, разобравши правду, московскій князь возстанетъ на обидчика за одно со всѣми князьями, какъ и за обиду тверского князя московскій пойдетъ съ нимъ на обидчика за одно. Въ ратное время—сядетъ самъ на коня московскій князь и тверской долженъ самъ пойти на конѣ; пошлетъ воеводъ московскій князь, тогда и тверской пошлетъ воеводъ же. Но тверской князь не долженъ искать великаго княженья, а также Москвы и Новгорода. А будутъ ссорить обоихъ князей татары и будутъ отдавать великое княженіе тверскому князю—то ему въ то не вступаться и великаго княженія не брать; равно если и Тверь татары будутъ отдавать московскому князю и ему Твери не брать. Въ Кашинъ тверскому князю не вступаться ни въ чемъ, и выходомъ татарскимъ къ Твери не тянуть. Миръ съ татарами, говоритъ московскій князь, будемъ держать по общей думѣ, надо будетъ дать выходъ, дадимъ по общей думѣ; не захотимъ дать выхода, рѣшимъ по общей думѣ. А пойдутъ на Москву татары, тверскому князю биться противъ нихъ за одно съ Москвою. А пой-

Библиотека "Руниверс"

детъ Москва на татаръ, тверскому князю пойдти на нихъ съ Москвою за одно". Какъ любопытны эти основныя мысли Твери и Москвы. Тверской князь посредствомъ татаръ хочетъ побороть московскаго, а московскій навязываетъ ему условіе бороться съ татарами. Такой же союзъ былъ установленъ и противъ Литвы.

Вотъ какія были условія могущественнаго побѣдителя, взявшаго надъ Тверью полную свою волю. Они заставляютъ насъ нѣсколько иначе понимать утвердившіяся заключенія изслѣдователей о какомъ то будто бы алчномъ и не разборчивомъ усиленіи Москвы на счетъ другихъ. Оказывается, что въ самую выгодную для себя минуту Москва меньше всего думаетъ собственно о себѣ и больше всего хлопочетъ о единствѣ всѣхъ князей противъ общерусскихъ враговъ. Она и не думаетъ посягать на тверскую собственность и старается все установить и устроить лишь такъ, какъ идетъ изстари, не вводя никакой новизны въ отношенія союзныхъ князей, требуя лишь того, чего требовали и всѣ князья, не только суздальской, но и древней кіевской Руси; требуетъ себѣ родового старшинства между князьями со всѣми его старобытными порядками подчиненія младшихъ старшему, никакого господарства еще не слыхать въ ея рѣчахъ. Она еще и не помышляетъ объ этомъ. Существомъ ея политики, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вездѣ, является русская идея—общее дѣло и общій союзъ на общихъ враговъ Руси.

Однако, не смотря на заключенный миръ, тверской князь не покидалъ мысли о великомъ княженіи и, конечно, еслибъ Москва поступила съ нимъ прямо по господарски, отнявши у него самую Тверь, то быть можетъ не случилось бы и дальнѣйшихъ бѣдствій въ конецъ истощившихъ всю землю. Его помощники, Ольгердъ и Мамай, все-таки помогли ему вскорѣ по заключенію міра. Одинъ съ своей стороны разбойнымъ набѣгомъ опустошилъ Смоленское княжество, другой съ своей стороны тоже сдѣлалъ въ княжествахъ Нижегородскомъ и Новосильскимъ. И тотъ и другой при этомъ приговаривали: „Зачѣмъ ходили воевать противъ тверского Михаила".

Въ Ордѣ все еще жилъ московскій бѣглецъ Иванъ Вельяминовъ, стало быть тамъ еще неугасала крамола противъ Москвы. Спустя три года послѣ разгрома Твери, Мамай выслалъ на московскаго князя особую рать. Въ Москвѣ узнали объ этомъ заблаговременно и поспѣшили встрѣтить враговъ заграницею своей земли въ рязянскихъ предѣлахъ, на рѣкѣ Вожѣ, (между Зарайскомъ и Рязанью), гдѣ произошло славное побоище, на которомъ татары впервые были разбиты, какъ никогда не случалось. Тутъ же схваченъ былъ духовникъ Вельяминова, нѣкій попъ съ мѣшкомъ какихъ-то лютыхъ зелій. Явный знакъ, что татары были подняты русскою же крамолою.

Мамай озлобился еще больше и задумалъ наказать Москву нашествіемъ въ родѣ Батыева. Два года собиралъ онъ полки по всѣмъ своимъ землямъ, наконецъ, придвинулъ свое кочевье на устье Воро-

Библиотека "Руниверс"

нежа, откуда въ давнія времена началъ свой набѣгъ и Батый. Рязанскому князю Олегу приходилось погибать первому. Конечно, онъ могъ присоединиться къ Москвѣ и встрѣтить татаръ съ нею же заграницами своихъ земель. Но не надѣясь на храбрость московскаго князя, напротивъ, думая, что онъ и не посмѣетъ двинуться противъ татаръ, Олегъ присоединился къ Мамаю и свелъ съ Мамаемъ даже и литовскаго князя Ягайла. Они вмѣстѣ хотѣли подѣлить Московскую Землю на двое, что къ Вильнѣ, а что къ Рязани. Для Москвы дѣло было въ высшей степени опасное и трудное, но она не терялась и готовилась къ отпору. Мамай прислалъ пословъ и грозно требовалъ уплатить выходъ, какой платили при царяхъ Узбекѣ и Джанибекѣ. Стало быть, выходъ значительно былъ уменьшенъ, конечно, стараніями той же Москвы. Теперь она съ готовностію соглашалась уплатить выходъ установленный по уговору съ нею самимъ же Мамаемъ, слѣдовательно только тотъ выходъ, какой, пользуясь смутами въ Ордѣ, она сократила до возможности. Но чтобы лучше провѣдать положеніе вражьихъ дѣлъ, Москва послала къ Мамаю своихъ пословъ съ богатыми дарами. А между тѣмъ, по всей Землѣ собиралось ополченіе. Великій князь „съ великою любовью и со многимъ смиреніемъ“ просилъ союза и помощи у князей владѣтельныхъ; со смиреніемъ и умиленіемъ посылалъ и къ мѣстнымъ, къ своимъ служебнымъ и подручнымъ князьямъ, и по всѣмъ землямъ посылалъ, смиренно зовя на общее дѣло и собирая всякія человѣки въ воинство. Очевидно, что не на всѣхъ князей онъ могъ надѣяться и потому обращался къ Землѣ, ко всякимъ человѣкамъ, къ людямъ охочимъ. Вотъ по какой причинѣ на Куликово поле пришло много пѣшаго войска, много „житейскихъ“ людей, и купцы со всѣхъ земель и городовъ. Страшно было видѣть это многое множество идущихъ людей, замѣчаетъ лѣтописецъ. Пришли всѣ мелкіе служебные князья, особенно съ сѣвера, князья бѣлозерскіе; пришелъ даже полоцкій князь съ псковичами. Но не слышно въ сказаніяхъ лѣтописей, чтобы тронулись съ своихъ мѣстъ князья крупные, независимые. Смоленскій, еслибъ и хотѣлъ, не могъ придти, потому что въ тылу у него сидѣлъ литовскій Ягайло, союзникъ татаръ. Тверской князь могъ отказаться, что былъ раззоренъ тою же Москвою, хотя есть извѣстіе, что онъ послалъ полкъ съ племянникомъ, между тѣмъ какъ по договору долженъ былъ явиться самъ. Не поминаются и нижегородскіе князья. Послѣ, когда Москва побѣдила, иные и въ лѣтописи записывали, что и они пахали, какъ это сдѣлали верхніе новгородцы, и какъ вѣроятно явилась запись и о тверской помощи. Старый лѣтописецъ новгородскій ни слова не говоритъ о томъ, чтобы Новгородъ помогъ Москвѣ. Онъ замѣтилъ только, что многіе москвичи, т. е. собравшаяся рать, небывальцы, очень устрашились, увидя татарскіе полки, и иные побѣжали. Сильные князья и области, если и допустимъ, что они по договорамъ посылали нѣкоторую помогу, все-таки умывали руки въ этомъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ, ибо почитали это дѣло не общерусскимъ, а исключительно московскимъ, мѣстнымъ, хотя бы и великокняжескимъ, вѣдь на то и существовала тогдашняя пресловутая федерація.

И въ дѣйствительности, это дѣло было въ собственномъ смыслѣ московское, поднятое съ самаго начала русскою же крамолою, изъ зависти, ненависти и озлобленія къ Москвѣ.

Москва надѣялась только на самое себя и только на земскихъ людей, такъ что однимъ изъ сильныхъ ея союзниковъ былъ собственно посадъ—житейскіе люди и купцы, какъ упомянуто выше. Когда Дмитрій выступилъ изъ Москвы, то взялъ съ собою и выборныхъ изъ московскаго посада—10 мужей сурожанъ-гостей для того, чтобы они могли видѣть все своими глазами и могли бы разсказать о случившемся въ дальныхъ земляхъ, ибо ходятъ съ земли на землю, и знаемы всѣми, и въ Ордахъ на востокѣ, и во Фрязяхъ на западѣ. Имена этихъ людей записаны лѣтописцемъ наравнѣ съ именами болѣе видныхъ передовыхъ князей и бояръ. Стало быть своею помощью общему дѣлу они заслуживали народной памяти. Собралось такимъ образомъ въ истинномъ смыслѣ всенародное ополченіе и вотъ почему всѣ лѣтописи единогласно говорятъ, что небывалые въ битвахъ, всѣ ратники шли на побоище съ великимъ трусомъ и ужасомъ. Но за два дни до битвы подоспѣла въ полки грамотка Сергія Радонежскаго, въ которой преподобный старецъ приказывалъ великому князю, чтобы „господинъ шелъ-таки непремѣнно: поможетъ Богъ и св. Богородица!“ Прибыло мужества и силы у ратныхъ, и Мамай былъ разбитъ на рѣкѣ Непрядвѣ точно также, какъ за два года передъ тѣмъ была разбита высланная имъ рать на рѣкѣ Вожѣ. На побоищѣ явились героями не сильные высокомѣрные и честолюбивые князья, такъ много спорившіе о великомъ княженіи, а слабые владѣтели мелкихъ отчинъ, князья бѣлозерскіе, торусскіе, брянскіе и т. д.; явились героями вообще земцы, не помышлявшіе о владычествѣ надъ Землею, но помышлявшіе только о службѣ родной землѣ. И вотъ почему послѣ этой достославной битвы московское личное дѣло борьбы съ Мамаемъ явилось дѣломъ общерусскимъ. Всѣ завистники и враги Москвы были посрамлены, какъ враги всея Руси, и народъ еще разъ почувствовалъ великую заслугу Москвы передъ Землею и естественно потянулъ къ ней со всѣхъ сторонъ, какъ къ истинному своему средоточію, державшему крѣпко общія цѣли и общее благо всей Земли. Житіе Дмитрія прямо говоритъ, что, послѣ побѣды, „раскольники и мятежники его княженія всѣ погибли и иные страны подклонились подъ его руки“.

Побѣда Москвы надъ Мамаемъ очень помогла новому искателю ординскаго царства Тахтамышу, который разгромилъ совсѣмъ Мамаеву Орду, завладѣлъ царствомъ и тотчасъ послалъ увѣдомить объ этомъ московскаго и всѣхъ другихъ русскихъ князей. Его посла приняли съ честью и всѣ князья отправили къ царю своихъ пословъ

Библиотека "Руниверс"

съ обычными дарами. Всѣ князья въ то же время, переговорившись посольствами, уставили между собою велію любовь, говоритъ лѣтописецъ, т. е. какой-то крѣпкій союзъ несомнѣнно противъ татаръ и несомнѣнно по вызову Москвы, быть можетъ, относительно уплаты выходовъ и стойкой борьбы въ случаѣ новаго нападенія. Къ чему привела эта велія любовь—сейчасъ увидимъ. Прошло года два. По какому-то случаю, Тахтамышъ посылаетъ особаго посла къ московскому и ко всѣмъ русскимъ князьямъ звать ихъ всѣхъ въ Орду. Посолъ съ отрядомъ татаръ доходитъ до Нижняго Новгорода, слышитъ какія-то вѣсти и не дерзаетъ идти въ Москву. Поворотивъ домой въ Орду, онъ однако отправилъ въ Москву нѣсколькихъ татаръ въ малой дружинѣ; но и тѣ не посмѣли идти въ Москву. Больше ничего не разсказываетъ лѣтописецъ; но ясно, что въ Нижнемъ татары узнали что-то неладное. Прошло еще нѣсколько времени и по слову Тахтамыша на Волгѣ, въ Казани, и въ другихъ мѣстахъ всѣ русскіе гости-купцы были похватаны, ограблены и заключены въ неволю. Царь собрался наказать Москву внезапнымъ разбойничьимъ набѣгомъ и похваталъ гостей и съ ихъ кораблями, чтобы никто не далъ знать о его замыслѣ. Нижегородскій-суздальскій князь поспѣшилъ выслать къ царю двухъ своихъ сыновей, которые едва его догнали уже близь Рязанской земли. Рязанскій Олегъ встрѣтилъ царя не только съ покорностію, но, спасая себя и ненавидя Москву, пособилъ ему пройти туда окольными путями, разсказалъ даже, какъ легче взять городъ и добыть самого князя.

Въ Москвѣ все-таки узнали объ опасности отъ своихъ доброхотовъ изъ ординскихъ же мѣстъ. Великій князь сталъ было собирать войско, но тутъ обнаружилась въ князьяхъ и боярахъ великая рознь. Никто не хотѣлъ пособлять другъ другу, помогать братъ брату. Какъ будто всѣ сговорились предать Москву татарамъ. Дмитрій струсилъ и ушелъ въ Кострому. Въ Москву пришелъ было митрополитъ Кипріянъ, но, увидѣвъ въ городѣ распрю и мятежъ, скоро ушелъ въ Тверь. Москвичи остались безъ головы и безъ руководителя и страшно волновались. Одни хотѣли бѣжать изъ города, другіе, по преимуществу чернь, хотѣли сѣсть въ осаду. Насталъ великій мятежъ, созвонили во всѣ колокола вѣче и заперли ворота. Кто хотѣлъ уйдти, тѣхъ побивали и грабили; едва выпустили митрополита и великую княгиню. Тѣмъ временемъ прибылъ въ городъ литовскій князь Остей, внукъ Ольгердовъ. Онъ успѣлъ укротить мятежъ и возстановить порядокъ. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ и Тахтамышъ (1382 г.). Три дня стоялъ онъ около города, но взять его не могъ и взялъ только обманомъ, при помощи двухъ сыновей нижегородскаго князя. Москва была сожжена и разграблена дочиста. Все накопленное богатство было разнесено въ одинъ часъ. Однихъ книгъ, снесенныхъ для сохранности въ осаду погибло многое множество. Соборные храмы были наполнены ими до сводовъ. Затѣмъ были пограблены и пож-

Библиотека "Руниверс"

жены всѣ города великаго княженія, т. е. только Московской области, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ, Коломна. Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ по поводу этого нашествія, что нельзя было и счесть всѣхъ убытковъ и потерь, какія упали на область великаго княженія, что мало сказать и тысячу тысячъ!

Тверской князь выслалъ къ Тахтамышу своего посла со многими дарами. Царь взамѣнъ того отправилъ ему ярлыкъ съ пожалованіемъ. Онъ приходилъ наказывать только московскаго князя. Окончивъ дѣло, Тахтамышъ послалъ къ нижегородскому князю посольство, своего шурина, отпустивъ къ нему и одного сына, а другого повелъ съ собою въ Орду. На пути Тахтамышъ все-таки опустошилъ и Рязанскую землю, какъ бы въ наученіе князю Олегу, что надѣяться на татарина опасно, и что слѣдовало бы ему не выдавать, а защищать Русскую Землю сообща съ московскимъ княземъ. И Москва не забыла рязанской услуги и въ ту же осень такъ опустошила рязанскія мѣста, что пуще имъ было и татарской рати.

Вскорѣ Тахтамышъ прислалъ и въ Москву посла съ миромъ. Но въ ту же осень въ Орду вдругъ отправился искать великаго княженія тверской князь и съ сыномъ, и пошелъ „не прямицею, но околицами и не путями, таясь и опасаясь“, хитря и коварствуя передъ Москвою, которая была теперь такъ опустошена и раззорена, какъ никогда не бывало и съ Тверью. Онъ крѣпко надѣяся, что Москва теперь погибла и что время благопріятно для нападенія на обезсилѣвшаго врага. Митрополитъ Кипріянъ то же не двигался изъ Твери въ Москву, такъ что пришлось его вызвать оттуда особымъ посольствомъ, по какому случаю Москва отказала ему и въ митрополіи и онъ вскорѣ удалился въ Кіевъ. Видимо, что онъ не былъ еще хорошо знакомъ съ отношеніями князей Суздальской Руси.

Тягаться о великомъ княженіи московскій князь выслалъ своего одинадцатилѣтняго сына, Василья, отдавъ его на руки старѣйшимъ и вѣрнымъ своимъ боярамъ. Произошелъ вѣроятно новый аукціонъ, столько выгодный для татаръ. Однако, Москва выиграла. Тверской князь возвратился безъ великаго княженія, оставивъ все-таки заложникомъ въ Ордѣ своего сына, вѣроятно за долги, какія сдѣлалъ, покупая великокняжескій столъ. Въ заложникахъ остался и московскій княжичь Василій, именно въ 8,000 руб., которыми Москва откупалась отъ притязаній тверского князя. Татаринъ торжествовалъ, а русскій крестьянинъ долженъ былъ своимъ потомъ и кровью выкупать княжескія смуты и крамолы и борьбу ихъ честолюбія и властолюбія.

Примѣчателенъ отвѣтъ Тахтамыша тверскому князю: „Я улусы свои самъ знаю, говорилъ царь, и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою, и я его за то жалую. А что была неправда передо мною моего улусника князя московскаго, то я его поустрашилъ и онъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ въ его отчинѣ; а ты поди въ свою отчину въ Тверь и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую". Такія рѣчи князья слышали въ Ордѣ не одинъ разъ, потому что Орда вообще руководилась политикою, чтобы каждый изъ ея улусниковъ сидѣлъ смирно на своемъ мѣстѣ, смирно платилъ бы дань, не захватывая чужаго.

Нашествіе Тахтамыша только на московскую великокняжескую область явно показываетъ, что его походъ былъ устроенъ крамолою русскихъ же князей; что въ этомъ случаѣ Москва обманулась въ ихъ союзѣ, который было устроила послѣ побѣды надъ Мамаемъ; что именно этотъ союзъ и былъ подходящимъ поводомъ для обвиненія Москвы передъ ординскомъ царемъ. Лѣтописцы не разсказываютъ всѣхъ обстоятельствъ, но дѣйствія князей противъ Москвы очевидны изъ разсказанныхъ ими же событій.

Когда Москва по прежнему получила ярлыкъ на великое княженіе, то за сборомъ выкупа явился „лютый" посолъ и была дань великая по всему княженію московскому, собирали съ деревни (съ двухъ трехъ дворовъ) по полтинѣ, и золотомъ, т. е. вещами давали въ Орду, безъ отдатка, безъ возврата, замѣчаетъ лѣтописецъ, показывая тѣмъ, что подобные сборы бывали и съ возвратомъ собраннаго. Народъ, деревня и посадъ, очень хорошо понимали отъ какихъ причинъ постигали ихъ такія невзгоды и напасти. Сколько бѣдствій они испытали только потому, что тверской князь спорилъ съ московскимъ о правѣ владычествовать надъ всею Русью. Если прежде это право въ дѣйствительности было спорное, то теперь, послѣ очевидныхъ заслугъ Москвы предъ всею Землею, оно явилось уже безспорнымъ на сторонѣ Москвы, и Тверь, наполнившая свою исторію только одними побужденіями и дѣйствіями владычества, неоставившая въ народной памяти ни одной заслуги, направленной къ общимъ цѣлямъ и выгодамъ народа, конечно въ глазахъ этого народа являлась только крамольникомъ, безпокойнымъ человѣкомъ, отъ котораго никому нѣтъ житья. Такъ покрайней мѣрѣ долженъ былъ разсуждать народъ московской великокняжеской области, наиболѣе посадской и промышленной, населенной потомками древнихъ володимірцевъ каменьщиковъ. Москва, какъ мы не одинъ разъ видѣли, крѣпко держалась за посадъ, потому что и на самомъ дѣлѣ въ низовской сторонѣ посадъ былъ первою силою, основою и корнемъ въ развитіи всей страны. Само собою разумѣется, что и посадъ глядѣлъ на Москву, какъ на свою крѣпость, какъ на свою оборону и защиту во всѣхъ смутныхъ случаяхъ. Никто изъ другихъ князей не умѣлъ такъ стоять за своихъ друзей или подданныхъ, и за общеземское дѣло, какъ московскій князь, и никто не охранялъ столько времени земскую тишину, какъ таже Москва.

Библиотека "Руниверс"

Еще во время московскаго похода на Тверь въ 1375 г. новгородскіе ушкуйники (70 ушкуевъ съ 2000 человѣкъ) пограбили и разорили Кострому и Нижній Новгородъ; особенно досталось Костромѣ, гдѣ воевода Плещеевъ, по ироническому выраженію лѣтописи, „подавъ плещи", первый же побѣжалъ отъ разбойничей рати и отдалъ городъ на полное разграбленіе. Дерзкая ватага отъ Костромы спустилась въ Нижній, который тоже былъ взятъ, разграбленъ и сожженъ. Забравъ въ обоихъ городахъ множество плѣнныхъ и пограбивъ еще и Каму, ватага весь этотъ полонъ распродала въ Болгарахъ, въ казанскихъ мѣстахъ, и отплыла внизъ по Волгѣ къ Сараю, грабя и разбивая и бесерменскихъ и своихъ же русскихъ гостей. Наконецъ, съ новымъ полономъ разбойники достигли Астрахани. Тамъ точно также съ успѣхомъ распродали всѣхъ плѣнныхъ и завели дружбу съ астраханскимъ княземъ, который однако обольстилъ ихъ, напоилъ пьяными, и всѣхъ истребилъ до единаго. Изъ ихъ череповъ потомъ сооружена была небольшая мечеть, нѣчто въ родѣ памятника. Лѣтописцы записали этотъ случай, какъ явное свидѣтельство Божескаго возмездія за совершенное земское зло. Люди всѣ погибли, но было всѣмъ извѣстно, откуда они собрались и откуда вышли на разбой. Въ свое время Москва не могла обратить на это должнаго вниманія. Усобица съ Тверью, и ея продолженіе въ нашествіяхъ Мамая и Тахтамыша, совсѣмъ отняли у ней силы. Она сама чуть не погибла. Но, отправившись послѣ Тахтамышева погрома, московскій князь поднялъ счетъ и о волжанахъ, какъ тогда прозывались новгородскіе ушкуйники. Онъ разгнѣвался на Новгородъ и про волжанъ и про княжчины, т. е. за княжескіе доходы, которые тоже не выплачивались исправно. Онъ собралъ войско отъ всѣхъ низовскихъ городовъ, за исключеніемъ тверскихъ, вообще рѣдко принимавшихъ участіе въ московскихъ походахъ. Двадцать девять городовъ выслали свои рати. Эти города отъ Бѣлоозера и Устюга до Нижняго и Можайска и Коломны и составляли ту промышленную и торговую связь, надъ которою Москва господствовала не самовластіемъ своихъ князей, а самовластіемъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, ибо она была крѣпкимъ узломъ всей этой связи.

Вся эта рать направилась къ Новгороду и, не дойдя 30 верстъ, остановилась, ибо на большое кровопролитіе Москва выходила въ рѣдкихъ случаяхъ. Новгородъ струсилъ, начались переговоры и дѣло покончилось тѣмъ, что вольные люди должны были за виновныхъ волжанъ заплатить 8000 р. Они эту сумму распредѣлили такъ: Новгородъ отдалъ 3000, а 5000 онъ наложилъ на Заволочье (Двинская область), потому что и заволочане были на Волгѣ. Раздѣлъ едва ли былъ справедливъ, а потому онъ необходимо дѣйствовалъ въ пользу Москвы, ибо поплатившись дороже, чѣмъ слѣдовало, Заволоцкая Земля оставалась недовольною и самимъ Новгородомъ.

Такъ Москва обуздывала земское своеволіе. Извѣстна политиче-

Библиотека "Руниверс"

ская истина, что главная цѣль всякаго правительства есть безопасность жизни и имущества. Москва, руководимая промышленнымъ земствомъ своей области, преслѣдовала эту цѣль впереди всѣхъ другихъ и повсюду во всѣхъ случаяхъ, и за то конечно много выигрывала въ общемъ мнѣніи народа. Поэтому именемъ Москвы мы не можемъ обозначить только одно будто хитрое, алчное, коварное, самовластное насиліе московскихъ князей, какъ это утверждено Карамзинымъ и развито дальнѣйшими изслѣдованіями.

Москва является совокупностью многихъ историческихъ и народныхъ силъ, въ числѣ которыхъ личная воля ея князей занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Къ тому же ея князья по большей части не отличаются никакими особыми личными талантами; всѣ они люди рядовые, а половина изъ нихъ въ политическомъ смыслѣ положительно люди слабые; именно Иванъ Ивановичъ, его сынъ Дмитрій Донской, и внукъ Донского, Василій Темный.

Герой Донской битвы съ Мамаемъ на смертномъ одрѣ самъ сознается, что онъ, какъ родился, такъ и жилъ до смерти, на рукахъ своихъ бояръ, въ ихъ волѣ и въ зависимости отъ нихъ; что бояре были у него не боярами, а князьями въ его Землѣ. И дѣйствительно, при Донскомъ бояре, можно сказать, на своихъ плечахъ вынесли Москву изъ всѣхъ опасностей, какія скопились надъ нею и по случаю малолѣтства князя и по случаю вновь поднявшейся борьбы съ Тверью, Литвою и съ татарами. Вмѣсто погибели, Москва восторжествовала надъ своими врагами и даже при слабомъ князѣ сдѣлалась еще властительнѣе, конечно, по той причинѣ, что смуты и безпорядки всегда еще больше развиваютъ и укрѣпляютъ власть и именно такую власть, на которую народу можно надѣяться какъ на каменную стѣну Но все таки властительство Москвы никогда не выступало изъ стараго великокняжескаго обычая и притомъ всегда было ограничено договорными записями не только съ независимыми, но и съ служебными князьями. Договоръ, уставъ, составлялъ тогда живую основу княжескихъ политическихъ отношеній. Договоръ съ Тверью послѣ полной надъ нею побѣды лучше всего опредѣляетъ характеръ и объемъ того самовластія, за которое такъ преслѣдуютъ Москву историки. Москва не предъявляетъ Тверскому князю никакихъ господарскихъ самовластительныхъ требованій и возстановляетъ миръ только на правахъ старшаго брата, то есть ставитъ въ основу своихъ отношеній къ Твери не господарство, а братство. Точно также она старается умирить и суровѣйшаго, по выраженію лѣтописи, рязанскаго князя Олега, который въ 1386 г. внезапно захватилъ и пограбилъ Коломну, какъ при его малолѣтствѣ, въ 1353 г., была захвачена отъ Москвы и Лопостня. За эти земли былъ давній споръ между Рязанью и Москвою. Рязань захватила ихъ отъ древнихъ черниговскихъ земель. Москвѣ они достались, вѣроятно, какъ наслѣдство владимірскаго княженія еще отъ Всеволода III. Послѣ военнаго похода, не желая распростра-

Библиотека "Руниверс"

нять дальнѣйшее кровопролитіе, Москва теперь послала къ Олегу просить вѣчнаго мира и любви особаго посла, преп. Сергія Радонежскаго со старѣйшими своими боярами. Преподобный старецъ кроткими рѣчами достигъ своей цѣли. Князь Олегъ отложилъ свое свирѣпство и заключилъ съ московскимъ княземъ вѣчный миръ. Коломна осталась за Москвою. Были слѣдовательно разумныя и правдивыя основанія для такого мира. Въ противномъ случаѣ преподобный старецъ, уже тогда всѣмъ извѣстный святостію своей жизни, не взялъ бы на себя посольство, направленное только въ защиту московскаго хищничества.

По смерти Донского, садится на княженіе его сынъ Василій, опять очень молодой человѣкъ, 18 лѣтній юноша. Но онъ садится уже безъ спора. По какому то случаю, только нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ отправился въ Орду и жилъ тамъ два года. Быть можетъ онъ искалъ чего либо изъ великаго княженія. Само собою разумѣется, что Москва не могла забыть нижегородской услуги во время Тахтамышева нашествія, когда при пособіи нижегородскихъ князей и самый городъ былъ взятъ и опустошенъ какъ прежде никогда не бывало.

Трудно было и забыть такую обиду, особенно въ отношеніи нижегородскихъ князей, которымъ Москва постоянно помогала въ ихъ постоянной же борьбѣ съ болгарскими татарами. Москва помнила также, что первый ея великій князь, Иванъ Даниловичь, раздѣливъ великое княженіе съ предкомъ нижегородскихъ князей, Александромъ Суздальскимъ, тѣмъ самымъ возвысилъ ихъ родъ и ихъ княженіе, далъ имъ основу даже спорить о великомъ княженіи съ тою же Москвою. Всѣмъ также было очевидно, что Нижегородское Суздальское княжество, находясь на границахъ болгарскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, само по себѣ не можетъ обороняться отъ этихъ сосѣдей, не можетъ существовать безъ помощи и обороны именно со стороны Москвы, такъ какъ и нижегородско-болгарскій торгъ вполнѣ зависѣлъ тоже отъ Москвы. Вотъ почему и отъ волжанъ разбойниковъ Нижній защищаетъ тоже Москва. Очевидно, что нижегородскіе князья, еслибъ были хорошіе политики, должны были крѣпко держаться за Москву, но они думали ее же побороть, соединясь съ татарами.

Василій Дмитріевичь, какъ только наступило ему 20 лѣтъ, отправился въ Орду и былъ принятъ тамъ съ необычайною честью; ни одинъ изъ прежнихъ великихъ князей, ни отъ одного царя не получалъ такого почета. Надо сказать, что онъ былъ старый знакомый въ Ордѣ. Онъ отрокомъ жилъ тамъ три года въ заложникахъ, по случаю спора о великомъ княженіи съ Тверью, и потомъ тайно ушелъ оттуда сначала на Донъ, затѣмъ въ Валахію, оттуда въ Литву и наконецъ добрался до Москвы, благодаря тому, что далъ слово ли-

Библиотека "Руниверс"

товскому Витовту жениться на его дочери Софьѣ. Такой проворный князь былъ на радость татарамъ уже потому, что опять пришелъ къ нимъ. Дары и деньги, безъ которыхъ невозможно было являться въ Орду, какъ видно, въ этомъ случаѣ превышали ожиданія самихъ татаръ. Но Москва раздобрилась съ особою цѣлью. Она выпросила у того же Тахтамыша, за которымъ бѣгали нижегородскіе князья, въ полное себѣ владѣніе Нижній и Городецъ, а къ тому еще Муромъ, Мещеру и Тарусу. Послѣднія двѣ земли уже давно тянули къ Москвѣ, и тарускій князь, служа Москвѣ, погибъ на Куликовомъ полѣ. Несомнѣнно, что давно тянули въ Москвѣ и нижегородцы съ городчанами. Когда Василій, возвратившись изъ Орды, послалъ въ Нижній татарскаго посла и своихъ бояръ объявить волю хана, то нижегородскіе бояре и народъ, собранный по звону колоколовъ, обѣими руками выдали Москвѣ своего князя. Говорятъ, что князь Борисъ, его княгиня, и всѣ оставшіеся съ нимъ его доброхоты, были окованы и посажены по темницамъ. Впрочемъ, есть извѣстіе, что спустя нѣсколько времени Нижній попалъ въ руки Борисову сыну Данилу, который, однажды, пользуясь случаемъ и пригласивъ татаръ, внезапно по разбойнически напалъ на беззащитный городъ Владиміръ и ограбилъ его. Быть можетъ, это обстоятельство дало великому князю уже полное право совсѣмъ изгнать изъ Нижняго его новаго князя, который, послѣ того, то приходилъ на службу въ Москву, то снова уходилъ, вѣроятно, изыскивая способы опять сѣсть на княженіе въ Нижнемъ.

Москва требовала службы, а владѣтельные князья требовали родственныхъ отношеній и не хотѣли служить, зная что они родились повелѣвать. Отсюда происходила безконечная борьба московскихъ стремленій съ стремленіями мѣстныхъ князей. Но службы требовало уже само время. Кто не хотѣлъ служить Москвѣ, тому приходилось служить и все-таки служить, или Литвѣ, или татарамъ: другого выхода уже не было, т. е. требовалось примкнуть къ какому либо единству, потому что теперь только въ единствѣ и обрѣталась политическая сила. Племянники нижегородскаго Бориса, Василій Кирдяка, отъ котораго пошелъ знаменитый родъ князей Шуйскихъ, и Семенъ, тѣ самые которые приходили съ Тахтамышемъ къ Москвѣ, оставлены были на княженіи въ Суздалѣ, гдѣ вѣроятно даны были нѣкоторыя волости и дѣтямъ Бориса. Суздаль не поступилъ во владѣнье Москвы вмѣстѣ съ Нижнимъ, а остался какъ бы независимымъ, но все-таки подъ рукою Москвы, чего не вынесли его князья, Василій и Семенъ, и недовольные вскорѣ побѣжали въ Орду, съ мыслью отыскать тамъ свое потерянное нижегородское княженіе. О Васильѣ Кирдякѣ неизвѣстно, чѣмъ онъ кончилъ, но Семенъ 8 лѣтъ сряду служилъ въ Ордѣ 4-мъ царямъ, приводилъ рать на Нижній и однажды въ расплохъ захватилъ и пограбилъ городъ. „Многія напасти и многія истомы претерпѣлъ, недавая покоя своимъ ногамъ,

Библиотека "Руниверс"

все поднимая рать на великаго князя московскаго, все добиваясь какъ бы найдти свою отчину, нижегородское княженіе". Но все было напрасно. Наконецъ, Москвѣ удалось захватить его княгиню, гдѣ-то въ Мордовской Землѣ; затѣмъ скоро покорился и пришелъ въ Москву и неутомимый труженикъ. Великій князь далъ ему на кормленіе Вятку, куда онъ отправился уже больной и вскорѣ тамъ скончался.

Потомки этихъ трехъ князей, Бориса, Василья и Семена, вошли потомъ въ составъ князей служебныхъ. Внукъ Бориса и внукъ Семена, одинъ по смерти другого, были женаты на дочери Василья Дмитріевича, Василисѣ.

И князь Борисъ, и князь Семенъ, служатъ примѣромъ того, какъ помѣстные князья, хотя и много о себѣ думавшіе, но ничего недѣлавшіе для общенародныхъ цѣлей, теряли подъ собою почву и оставались одинокими въ своихъ стремленіяхъ занять властное положеніе даже въ своемъ помѣстномъ княженіи. Конечно, въ этомъ была виновата политика Москвы, очень привлекавшая народное множество на свою сторону, и ничѣмъ инымъ, какъ постоянными заботами о крестьянскомъ добрѣ и благѣ, а слово крестьянскій, или христіанскій, въ то время въ точномъ смыслѣ значило тоже, что общенародный, общеземскій.

Общія цѣли и интересы, о которыхъ столько хлопотала Москва, привлекли къ ней доброхотовъ по всѣмъ мѣстамъ, а въ самой ея области создали особую народную твердь одномыслія и готовности жертвовать на общее дѣло послѣднія средства и послѣднія силы, платить въ случаѣ нужды по полтинѣ съ деревни и отдавать всѣ золотыя вещи, или идти всею громадою на Куликово поле. Въ этой народной тверди и сохранялась неизмѣнная сила Москвы, дававшая ей возможность стоять на своемъ и небояться не только русскихъ князей, но и самыхъ татаръ. Не прошло и 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ руки Москвы досталось великое княженье, или старѣйшая власть между князьями, и московскій князь, самъ еще юноша 24 лѣтъ, требуетъ у своего соперника тверского князя, надѣявшагося только на Литву да на татаръ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ, когда понадобится, шелъ именно на этихъ самыхъ татаръ, чтобы онъ съ нимъ былъ въ одной думѣ именно противъ татаръ. Это было еще за пять лѣтъ до Куликовской побѣды, надъ Мамаемъ. Размышляя и поступая такъ, на что же надѣялась Москва? Она твердо стояла на своей русской земской почвѣ и крѣпко на нее надѣялась. Только созданная ею же народная твердь давала ей независимую опору поставить во главу угла своей политики и всенародную идею объ освобожденіи отъ татарскаго ига. Съ тѣхъ поръ и въ договорныхъ и въ духовныхъ московскихъ грамотахъ уже постоянно встрѣчаются условія: „А если насъ Богъ избавитъ, освободитъ отъ Орды... А если отдалится отъ насъ Орда... А если перемѣнитъ Богъ Орду..." Это писалось въ то самое время, когда собранная Москвою народная твердь под-

Библиотека "Руниверс"

вергалась грозному и трудному испытанію отъ татарскаго нашествія. Но она со славою выдержала это испытаніе и не смотря на всяческія бѣдствія, какими оно сопровождалось, вышла изъ борьбы съ новыми силами и съ новымъ могуществомъ. Мамаево побоище людей и истребленіе въ прахъ и пепелъ самой Москвы Тахтамышемъ, не произвели ни малѣйшей перемѣны въ устойчивости упомянутой народной тверди. Напротивъ, къ ней теперь еще сильнѣе потянули всѣ народныя украйны, раздѣленныя на части только по случаю разновластнаго княжескаго кормленья. Прежде всѣхъ другихъ, конечно, долженъ былъ примкнуть къ этой тверди Нижній-Новгородъ, служившій вообще передовымъ выселкомъ отъ Суздаля, т. е. отъ самой середины великокняжеской или собственной древней промышленной области. Но къ Москвѣ вскорѣ потянула и свободная, хотя и далекая, Новгородская Двинская область. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что дѣло началъ самъ великій князь Василій Дмитріевичъ, приславши къ двинянамъ приглашеніе отдѣлиться отъ Новгорода и отдаться ему. Такъ несомнѣнно и говорили двиняне своему господину Новгороду Великому. Но приглашеніе великаго князя не могло родиться только изъ алчности къ захватамъ. Мало ли куда можно было посылать такія приглашенія, но ихъ выслушивали съ охотою лишь тамъ, гдѣ уже ходила мысль о соединеніи съ Москвою. Такъ и въ этомъ случаѣ, свободная Земля по первому слову отдалась Москвѣ, потому что это слово выражало только тайную мысль двинскаго народа. Какъ же за это и наказанъ былъ двинскій народъ отъ Новгорода! За преступленіе и за вину двинянъ новгородцы взяли на нихъ 2000 р. и 3000 коней и при этомъ опустошили бѣлозерскія и устюжскія великокняжескія волости, да и съ низовыхъ гостей взяли окупу 300 р. Москва уступила тѣмъ легче, что сами же новгородцы запросили мира. Меньше всего Москва поднималась на завоеванія и не любила кровопролитія между своими братьями христіанами, особенно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ присоединеніе области, гдѣ все должно было устроиться миролюбиво и добровольно, иначе не была бы крѣпка связь съ новоприсоединенными людьми. Всегда ожидая въ такихъ случаяхъ доброй воли, Москва обыкновенно оставляла такое дѣло выработать самому времени. Относительно Двинской земли, должно замѣтить, что она стала тянуть къ суздальской сторонѣ еще со времени Андрея Боголюбскаго, несомнѣнно вслѣдствіе экономическихъ промышленныхъ связей, которыя съ того же времени въ суздальской или низовой Руси стали развиваться съ особою силою. Знаменитый походъ Андрея на Новгородъ въ 1170 г. былъ предпринятъ именно по тому случаю, что двиняне не хотѣли дани давать Новгороду, а отдали суздальскому князю.

Такъ укрѣплялась народная или собственно національная твердь около Москвы. Выдержавъ со славою испытаніе своей крѣпости въ усобицахъ съ Тверью, Литвою и въ борьбѣ съ Мамаемъ, эта твердь

Библиотека "Руниверс"

должна была подвергнуться новому испытанію, болѣе опасному, чѣмъ татарскія нашествія и борьба съ сосѣдними князьями. Она должна была перенести, какъ опасную болѣзнь, усобицу домашнюю, усобицу въ собственной семьѣ московскихъ князей. Отъ такихъ усобицъ всегда погибали всѣ русскія независимыя и зависимыя княжества, отъ нихъ погибъ и самъ Великій Новгородъ. Но Москва спаслась и отъ этого бѣдствія, благодаря именно народной тверди, которая вскорѣ перемолола княжескія отношенія въ такую муку, какая была потребна не для того или другого князя, а для всей Земли.

Добрый завѣтъ Ивана Даниловича Калиты жить за едино, слушать старыхъ бояръ и отца владыку митрополита, строго выполнялся Москвою почти цѣлое столѣтіе. Правда, случались ссоры и крамолы, но они такъ были незначительны и такъ скоро прекращались, что единство и крѣпкая связь московской жизни нисколько ими не колебалась. Но старые бояре помирали, добрыя преданія по немногу забывались, и при Васильѣ Дмитріевичѣ выдвинулись впередъ молодые бояре, и при томъ любимцы, которыхъ онъ сталъ слушать больше чѣмъ старыхъ, то есть въ сущности выдвинулась впередъ личная воля великаго князя, что нарушало старые московскіе завѣты и вносило въ боярское единство колебанія и смуту. Кромѣ того, и само боярство должно было раздѣлиться на нѣсколько партій по числу лицъ княжескаго дома, такъ какъ у великаго князя Василья было въ живыхъ четыре брата. Начались крамолы, неудовольствія, обиды, особенно для старыхъ бояръ.

Этотъ боярскій расколъ, впервые пробудившійся въ Москвѣ при Васильѣ Дмитріевичѣ, довольно ясно обозначается и въ лѣтописныхъ замѣткахъ, и особенно въ извѣстномъ письмѣ татарскаго вождя Едигея къ великому князю, написанномъ послѣ его нашествія на Москву въ 1408 г.

Татаринъ, какъ будто вставшій изъ гроба самъ Иванъ Даниловичъ Калита, поучаетъ его молодого правнука старому московскому уму разуму. Онъ пишетъ, что приходилъ на Москву и раззорилъ великокняжескую область за то, что неисправно живетъ великій князь, неисправно держитъ свой улусъ. „Пріѣзжаютъ къ вамъ ординскіе послы и торговцы и вы ихъ на смѣхъ поднимаете, а торговцевъ притѣсняете и обижаете; и того прежде не бывало. И ты бы спросилъ старыхъ, какъ дѣлалось прежде, говоритъ онъ великому князю. Теперь ты старыхъ не спрашиваешь и какое добро прежде было, того теперь не дѣлаешь. Добрые нравы и добрые дѣла и добрая дума къ Ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки (боярина). Добрый былъ человѣкъ: которыя добрыя дѣла ординскія, то онъ тебѣ поминалъ, а теперь все то миновало. Нынче у тебя его сынъ, Иванъ, казначей и любимецъ и старѣйшина, и ты нынче изъ его слова и думы не выступаешь и старцевъ земскихъ не слушаешь, которые знаютъ, какъ быть добру. И вотъ за то раззоренъ твой улусъ... Отнынѣ такъ бы ты

Библиотека "Руниверс"

не дѣлалъ. Собралъ бы ты своихъ бояръ старѣйшихъ и многихъ старцевъ земскихъ да и думалъ бы съ ними добрую думу, не на погибель твоимъ крестьянамъ".

Татаринъ при этомъ наименовалъ даже нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, которыхъ слѣдовало слушаться. Иные изъ нихъ и оказались вскорѣ большими крамольниками, каковъ былъ напр. Петръ Константиновичъ. Можно даже полагать, что Едигеево посланіе сочинялось въ самой Москвѣ, да и разбойничій набѣгъ его, подобно набѣгу Тахтамыша, былъ сочиненъ тоже при помощи русскихъ же враговъ великаго князя.

Вообще, Едигеевы совѣты, которые во всякомъ случаѣ онъ писалъ съ русскихъ же словъ, обнаруживаютъ, что во внутреннихъ дѣлахъ Москвы произошли значительныя перемѣны не къ лучшему, что поколеблена была не только боярская дума, но и обычай думать заодно съ земскими старцами, то-есть призывать на совѣтъ и соборъ старѣйшихъ людей земства. Повидимому, этотъ обычай, какъ старый уставъ, исполнялся во всей низовской или московской странѣ со временъ Всеволода III.

Нѣтъ на него прямыхъ непосредственныхъ указаній, но есть много обстоятельствъ, заставляющихъ предполагать живую силу его дѣйствій.

Василій Дмитріевичъ княжилъ 36 лѣтъ и послѣ себя оставилъ одного сына Василья и къ тому же малолѣтнаго, которому всего было 10 лѣтъ. И дѣдъ этого малютки, Дмитрій Донской, вступилъ на княженіе въ тѣхъ же лѣтахъ, но тогда вокругъ него существовалъ крѣпкій союзъ боярства, еще горѣла свѣча общаго единства. Теперь, какъ мы говорили, въ боярствѣ произошелъ расколъ. Старые отдѣлились въ своихъ интересахъ отъ молодыхъ и кромѣ того иные перешли на сторону Васильева дяди, Юрья галицкаго. Самые права Василья Васильевича на великое княженіе оказывались сомнительными, потому что въ завѣщаніи Донского не совсѣмъ ясно отдѣлено наслѣдованіе великимъ княженіемъ отъ наслѣдства старшимъ удѣломъ собственно московской отчины. Его отецъ еще при своей жизни хотѣлъ было подписать подъ своимъ маленькимъ сыномъ своего брата изъ старшихъ, Константина, то-есть привесть его къ присягѣ на покорность малолѣтному. Но тотъ возсталъ противъ такого самоволія сказавши великому князю, что „такого дѣла изъ начала не бывало; зачѣмъ же онъ хочетъ на немъ первомъ поставить такую новину?" Очевидно, что болѣе несговорчивый дядя, Юрій, ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться быть младшимъ братомъ своего малолѣтнаго племянника. Тотчасъ по смерти великаго князя Василья, онъ удалился въ свой Галичь. Начались было ратные походы, но дядя, не

Библиотека "Руниверс"

находя силъ въ земствѣ, запросилъ перемирія на годъ, а въ Москвѣ, между тѣмъ, по общему совѣту рѣшили послать къ дядѣ посольствомъ самого митрополита Ѳотія, дабы установился миръ. Митрополитъ съ радостію принялъ на себя это посольство и съ большою поспѣшностью прибылъ въ Галичь, гдѣ дядя Юрій собралъ уже изъ всѣхъ своихъ волостей черныхъ людей, многое множество, и разставилъ ихъ толпами на виду съ той стороны, откуда долженъ былъ придти митрополитъ. Онъ хотѣлъ показать святителю, что и за него стоитъ „многій народъ". Всѣ люди по времени года одѣты были въ серьмягахъ. „Никогда не видывалъ я столько народа въ овечьихъ шерстяхъ!" воскликнулъ митрополитъ, обратившись къ князю и давая ему тонкій намекъ, что вѣдь въ сущности это все овцы.

Переговоры окончились только тѣмъ, что Юрій, отказавшись искать великаго княженія ратными походами, согласился перенесть дѣло въ Орду на судъ и рѣшеніе хана. Однако, въ теченіи пяти лѣтъ, т. е. до случая смерти митрополита, онъ не поднималъ этого дѣла. Смерть святителя развязала руки всѣмъ враждамъ и крамоламъ, скопившимся въ то время въ московской княжеской семьѣ. Дядя и племянникъ поспѣшили въ Орду тягаться о великомъ княженіи. Тамъ краснорѣчивымъ и ловкимъ защитникомъ своихъ интересовъ явился московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Онъ убѣдилъ хана, что правда на сторонѣ племянника, которому и отданъ былъ ярлыкъ на великое княженіе; а молодого племянника, своего великаго князя, онъ убѣдилъ жениться на своей дочери. Тѣмъ бы дѣло и кончилось къ общему благополучію, ибо воевать съ Москвою вообще было трудно и особенно, когда ея боярство жило въ крѣпкомъ союзѣ. Но по возвращеніи въ Москву, великій князь, по настоянію своей матери литовки Софьи Витовтовны, измѣнилъ своему слову и женился на другой. Тогда старый бояринъ отъѣхалъ въ Галичь къ князю Юрью. Вслѣдъ затѣмъ, великая княгиня Софья публично, на свадебномъ пиру, опозорила дѣтей галицкаго князя, снявши съ одного изъ нихъ, Василья Косого, золотой поясъ, о которомъ старый же бояринъ Петръ Константиновичъ разсказалъ ей, что онъ былъ ворованый еще у дѣдушки великаго князя Дмитрія Донского. Вѣроятно это была боярская сплетня, но она возбудила такое озлобленіе галицкихъ князей противъ Софьи и ея сына, что отсюда и начались самыя свирѣпыя усобицы, какихъ Москва никогда не видывала, да рѣдко видѣли и другія княжества. Какъ будто передъ концомъ жизни мятежный духъ древне-русскихъ усобицъ возбудился въ полной силѣ, чтобы сказать свою послѣднюю предсмертную рѣчь о полной несостоятельности старо-завѣтныхъ началъ жизни.

Боярская твердыня разрушалась подъ великимъ княземъ Васильемъ и онъ остался почти одинокимъ. Дядя Юрій легко занялъ Москву, но не надолго, потому что, какъ только онъ сѣлъ въ Москвѣ, то москвичи всѣ перешли къ племяннику въ Коломну, которая отдана

Библиотека "Руниверс"

была ему въ удѣлъ. Затѣмъ отступили отъ дяди и его собственные сыновья, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, именно за то, что выпустилъ великаго князя Василья на удѣлъ въ Коломну. Великій князь пришелъ въ Москву, но опять былъ изгнанъ дядею, который вскорѣ въ Москвѣ же и померъ. Тогда на великое княженіе безъ всякихъ правъ сѣлъ его старшій сынъ Василій Косой, чего не захотѣли его братья и призвали въ Москву опять бѣглеца Василья. Теперь началась жестокая усобица съ двоюродными братьями. Василій Косой скоро нашелъ себѣ достаточную точку опоры въ сѣверныхъ краяхъ, на Двинѣ, въ Вяткѣ и на Костромѣ. Двиняне отдались ему и отложились отъ Новгорода, что вообще обнаруживало слабую ихъ связь съ Новгородомъ. Собравши войско, Косой однажды подкрался было къ самой Москвѣ и хотѣлъ обманомъ и въ расплохъ схватить князя, но былъ схваченъ самъ и ослѣпленъ. Это былъ древній политическій способъ унимать неугомонныхъ властолюбцевъ. Усобица и крамола перешла въ руки къ его брату Дмитрію Шемякѣ и на нѣсколько лѣтъ было утихла, но скоро выдвинула на сцену странствующаго ординскаго царя Улу-Махмета. Несомнѣнно, по уговору съ Шемякою, этотъ царь напалъ внезапно на Суздальскую волость. Великій князь Василій вышелъ на защиту, но съ небольшою ратью и въ битвѣ съ татарами израненный попался въ плѣнъ. Крамольники и съ Шемякою во главѣ тайно уже торжествовали. Но скоро татары взяли окупъ на великомъ князѣ 25 тысячъ и выпустили его. Въ Москвѣ встрѣтили плѣнника съ необычайною радостью. Но Шемяка не унывалъ. Онъ распустилъ слухъ, что московскій князь выпущенъ только на условіи, чтобы царю сѣсть на царство въ Москвѣ и на всѣхъ городахъ, а Василью будетъ отдана Тверь. Смыслъ этой выдумки былъ ясенъ. Шемяка увѣрялъ ею всѣхъ самостоятельныхъ князей, что они лишатся своихъ отчинъ и потому всѣ должны подняться на общаго злодѣя. Выдумка достигла цѣли особенно по той причинѣ, что въ самой Москвѣ кипѣла великая крамола противъ несчастнаго Василья. Къ Шемякиной думѣ присоединились и многіе отъ москвичь, бояре и гости, и даже чернецы Троицкаго Сергіева монастыря, отставные бояре же, разсказывавшіе преданія о московскихъ насиліяхъ тогдашнему списателю Сергіева житія, иноку Евфимію. У всѣхъ крамольниковъ была одна цѣль изгнать великаго князя.

Ничего не вѣдая, Василій Васильевичъ отправился однажды на богомолье въ Сергіевъ монастырь. Въ ту же ночь Шемяка захватилъ Москву. Все дѣлалось измѣною бояръ. Самъ Василій также безъ всякихъ затрудненій былъ схваченъ у Троицы, привезенъ въ Москву и ослѣпленъ. Малыя его дѣти, именно шестилѣтній, знаменитый впослѣдствіи, Иванъ Васильевичъ, съ братомъ, какъ то спаслись и были увезены доброхотами въ Муромъ. Шемяка побоялся посылать за ними рать, потому что всѣ люди негодовали на его княженіе и мыслили даже его убить. Оставленный старымъ боярствомъ, Василій, самъ

Библиотека "Руниверс"

того не зная, нашелъ многочисленныхъ друзей въ молодыхъ дѣтяхъ боярскихъ, которые хотя и разбѣжались отъ Шемяки кто куда, а больше всего въ Литовскую сторону, но только затѣмъ, чтобы соединиться въ тѣсный союзъ и выручить изъ бѣды своего князя. Вся народная твердь, какъ упомянуто, было на ихъ сторонѣ и всячески имъ помогала. Шемяка, въ виду народнаго движенія, ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ послать великаго князя и съ семьею на удѣлъ въ Вологду, разумѣется какъ бы въ заточеніе, взявши съ него присягу не искать великаго княженія. Но тамъ то на сѣверѣ великій князь и нашелъ себѣ еще большую поддержку. Игуменъ Кирилова Бѣлозерскаго монастыря со всѣми старцами прямо благословилъ его идти на Москву на великое княженіе, сказавши, что грѣхъ нарушенной присяги беретъ и со старцами на свои головы и будетъ за то Бога молить.

По мѣрѣ того, какъ великій князь подвигался къ Москвѣ, Шемяка все больше терялъ своихъ доброхотовъ—всѣ потянули къ великому князю. Одинъ случай вполнѣ характеризуетъ тогдашнее народное движеніе. Шли боярскіе дѣти съ поляками изъ Литовской стороны и въ смоленскихъ мѣстахъ у города Ельни встрѣтили татаръ съ двумя царевичами; началась перестрѣлка. Но татары кликнули: „Что вы за люди, куда идете?"—„Мы москвичи, отвѣчали русскіе, идемъ искать своего государя великаго князя Василья. А вы что за народъ?"—„А мы пришли изъ Черкасъ, отвѣтили татары,—слышали, что великій князь Василій обиженъ братьями, идемъ его искать за давнее его добро и за его хлѣбъ, что много добра намъ дѣлалъ". Такъ собирались полки помогать Москвѣ за старое ея добро. Шемякина крамола теряла почву и вскорѣ совсѣмъ была разрушена общенароднымъ движеніемъ на сторону Василья Темнаго, т. е. на сторону законнаго порядка. „Отъ сего времени, говоритъ одинъ хронографъ, въ Великой Руси про всякаго судью-грабителя и насильника говорили въ укоризнахъ, что это судья—Шемяка, что его судъ—Шемякинъ судъ". Такую память оставилъ по себѣ неугомонный искатель великокняжеской власти.

Московская Шемякина смута, какъ можно обозначить всю эту усобицу и боярскую крамолу, во многихъ обстоятельствахъ очень сходствуетъ съ великою смутою междоцарствія. Она возникла и поднялась изъ тѣхъ же источниковъ и точно также послужила только къ большему развитію народной тверди и къ большему развитію не только единодержавія, но и самодержавія. Необузданное самоуправство властолюбцевъ и корыстолюбцевъ, которое съ особою силою всегда поднималось во время княжескихъ усобицъ и крамолъ, лучше другихъ способовъ научало народъ дорожить единствомъ власти, уже много разъ испытаннымъ въ своихъ качествахъ на пользу земской тишины и порядка.

Господствующею силою древнерусской и собственно южнорусской

Библиотека "Руниверс"

политической жизни, было боярство, называемое въ то время дружиною. Для его цѣлей единовластіе, единодержавіе, было противно, ибо цѣли дружины и ея вождей, разновластныхъ князей, заключались въ добываніи княжескихъ столовъ и боярскихъ волостей. Это былъ своего рода промыслъ, о которомъ беззастѣнчиво выражаются и тогдашнія писанія, какъ о самомъ обычномъ дѣлѣ. „Съ мудрымъ думцемъ, говорятъ тѣ писанія, князь добраго стола додумается, а съ плохимъ и свой столъ потеряетъ". Значитъ, на этой основѣ утверждалась вся постановка тогдашней княжеской и боярской жизни. Но эта жизнь должна была истратиться, какъ и всякая жизнь, тѣмъ болѣе, что она не заключала въ себѣ никакого сѣмени для болѣе высшаго органическаго развитія. Она непрестанно повторяла однѣ и тѣ же формы существованія, воспитывала одни и тѣ же характеры, возсоздавала одни и тѣ же событія. Въ сущности, это была политическая организація первичной породы, способная только безъ конца повторять одно и то же. Своею силою она заглушала и успѣла совсѣмъ заглушить поросли собственно земскаго, или посадскаго, крестьянскаго развитія, не давая ему покоя и тѣмъ преграждая ему всѣ пути къ промыслу и торгу. Въ послѣдствіи, когда ходъ исторіи потребовалъ такъ или иначе создать государство, въ южной Руси не нашлось основанія, въ ней не оказалось народа, т. е. той промышленной по преимуществу городской простонародной среды, безъ которой, какъ домъ безъ четырехъ угловъ, государство не ставится. Тамъ это городское сословіе образовалось изъ жидовъ и всякихъ чужеземцевъ. Когда дружинное начало жизни, распространяясь, такъ сказать, нарожденіемъ, перенеслось и на суздальскій сѣверъ, оно въ самомъ началѣ встрѣтило здѣсь иную силу, съ которою должно было на каждомъ шагу и много считаться. Этою силою былъ посадъ, именно промышленная среда простонародья. Вотъ почему князья дружинники, какъ и самая дружина, получаютъ здѣсь иной характеръ, иначе ведутъ себя, иначе размышляютъ. Исторія принимаетъ иной путь и единство власти утверждается даже земскимъ соборомъ еще въ 1211 году. Нашествіе татаръ разрушаетъ сложившійся было порядокъ, вноситъ смуту и насиліе въ народную жизнь и оттого въ ней пробуждаются и дѣйствуютъ старозавѣтныя стихіи княжескихъ усобицъ и борьбы за волости. Но эти усобицы не остаются въ рукахъ однихъ князей и дружины. Въ нихъ принимаетъ не видное, но сильное участіе именно посадъ. Онъ всѣми городами избиваетъ ненавистныхъ татаръ-откупщиковъ; мѣстами избиваетъ бояръ крамольниковъ; самъ собою, оставленный властями на произволъ судьбы, защищается отъ татаръ, особенно въ Москвѣ. Онъ дѣйствуетъ съ одною цѣлью, онъ хочетъ установить тишину и порядокъ, и потому прямо отдается лишь тому изъ князей, кто первый установляетъ земскую тишину. Для промысла и торга, для ремесла и работы, которыми только и существуетъ этотъ народъ, земская тишина и безопасность пер-

Библиотека "Руниверс"

вое благо, важнѣйшее изъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ. И вотъ почему не хлѣбопашецъ, а посадскій, всегда очень чутко слѣдилъ за всѣми княжескими дѣлами и работалъ за одно только съ тѣми изъ князей, у которыхъ находилъ сильную оборону своимъ интересамъ. Хлѣбопашцу, разселенному по землѣ особыми селами и деревнями, и невозможно было сосредоточиться въ такую общественную силу, какую способенъ былъ выставить городъ, къ тому же всегда связанный своими интересами и выгодами со многими другими, даже очень далекими городами. Дѣла и вліянія посада, какъ дѣла гражданскія, а не военныя, совсѣмъ почти не видны; лѣтописцы ими не занимаются, но за то они сохраняютъ иногда посадскія мысли, вставляя ихъ при случаѣ въ описаніе событій, какъ выраженіе общаго приговора и общаго мнѣнія объ этихъ событіяхъ со стороны народа. Чаще всего это мнѣніе обращалось именно къ княжескимъ смутамъ. При самомъ началѣ борьбы Твери съ Москвою, оно выразилось старыми словесами Игорева пѣвца, что отъ этой усобицы и княжеской крамолы сократился человѣческій вѣкъ. „Сѣялись и росли усобицы, отъ князей погибала жизнь народа (1307 г.)“. Затѣмъ, спустя 60 лѣтъ, по случаю тверскихъ же домашнихъ междоусобій, лѣтописецъ такъ разсуждаетъ: „Всѣ мы одинъ родъ и племя Адамово. И цари и князи и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесленники и работные люди, одинъ родъ и племя Адамово, и забывшись, другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, отходя отъ заповѣдей Божьихъ, что должно любить ближняго какъ самого себя“.

Въ 1402 г. по случаю явившейся кометы, лѣтописецъ высказываетъ краснорѣчивое обличеніе именно княжескимъ смутамъ и усобицамъ, отъ которыхъ видимо такъ наболѣло земское сердце, что оставалось только усердно молиться, чтобы Господь избавлялъ отъ такихъ бѣдствій и напастей... „Приходятъ послѣднія времена, размышляетъ лѣтописецъ, являются небесныя знаменія... Надо намъ покаяться, ибо они прообразуютъ то, о чемъ, говоритъ писаніе. Сказано: встанетъ языкъ на языкъ и царство на царство—и вотъ воюются народы: здѣсь татары, здѣсь турки, въ иномъ мѣстѣ фрязы, а здѣсь ляхи, тамъ нѣмцы, а тамъ Литва. Но зачѣмъ поминаю татаръ и турокъ и другихъ невѣрныхъ. Сами-то мы какъ живемъ, рекомые христіане, правовѣрные и православные! Мы сами промежду себя сотворяемъ брани, рати, кровопролитія. Встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, или на своего брата, или на дядю, и бываетъ промежду ними вражда и непокореніе, гнѣвъ и ярость. Потомъ рать, брань, сѣча, кровопролитіе, междоусобица. Ратные съ обѣихъ сторонъ, правовѣрные христіане, одни за своего князя ратуютъ, хотятъ за него умереть; другіе защищаютъ своего князя волею и неволею за него стоятъ, хотятъ головы свои за него положить. Сойдутся и бьются нещадно, сѣкутся безъ милости, жалостно видѣть! Зрѣлище достойное плача! Гдѣ же у насъ любовь совершенная, которую за-

Библиотека "Руниверс"

повѣдалъ намъ Христосъ въ Евангеліи, сказавши: любите другъ друга, и еще сказавши: больше нѣтъ и любви, если кто положитъ душу свою за ближняго. Мы же не токмо не полагаетъ своей души заближняго, но изъ ближняго оружіемъ изнимаемъ ее. Такова-то междоусобная рать. Отъ нея да избавитъ насъ Господь Богъ. Помолимся всѣ вкупѣ. Господи молитвами всѣхъ святыхъ твоихъ и ради молитвъ Святыя Богородицы, подаждь Господи правовѣрнымъ князьямъ нашимъ мирное княженіе, и тихо и кротко и не мятежно и независтно и незарочно, не раздорно, не раскольно и не развратно и безкрамольно, да и мы въ ихъ тишинѣ тихо и безмолвно житіе поживемъ"... Вотъ о чемъ такъ горячо молился земскій и особенно посадскій человѣкъ, находившій уже въ томъ отраду, что могъ свои желанья и упованья записать хотя въ лѣтопись. Вотъ по какимъ размышленіямъ онъ въ лѣтописяхъ же прославлялъ вступленіе Ивана Даниловича Калиты на великое княженіе, что съ того времени была тишина великая по всей землѣ на многія лѣта.

Московская Шемякина смута послужила не только испытаніемъ для сложившейся уже крѣпко вокругъ Москвы народной тверди, но была главною причиною, почему народное сознаніе вдругъ быстро потянуло къ созданію московскаго единодержавія и самодержавія.

Василій Темный, человѣкъ смирный и добрый, который всѣ случавшіяся бѣдствія больше всего приписывалъ своимъ грѣхамъ, всегда уступчивый и вообще слабохарактерный, вовсе не способный устраивать свое княженіе по самовластному и самодержавному образцу,— по окончаніи смуты, когда все пришло въ порядокъ и успокоилось, становится по прежнему не только великимъ княземъ или старѣйшиною въ князьяхъ, но помимо своей воли получаетъ значеніе государя, т. е. властелина земли, земледержца, какъ тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, раззореніями и убійствами, какъ причина великаго земскаго безпорядка, перенесла народные умы къ другой крайности, къ желанію установить порядокъ строгою и грозною властью, въ слѣдствіе чего личность великаго князя, униженная, оскорбленная и даже ослѣпленная во время смуты, тотчасъ послѣ того возстановляетъ свой государственный обликъ, но еще въ большей силѣ и величіи.

Ослабѣвшая и униженная земская власть, снова укрѣпляется и возвышается еще больше, еще величавѣе, прямыми потребностями и желаніями самого же земства. Мятежъ и непокорство смѣняются покорностью и послушаніемъ въ такой степени, о какой прежде и не помышляли. Жестокія событія и звѣрское поведеніе сторонниковъ Шемякиной смуты научаютъ народъ еще болѣе дорожить властью сильною и грозною для мятежниковъ. Вотъ гдѣ скрывалось могущество слѣпого и слабохарактернаго великаго князя, который въ боярскихъ рукахъ былъ настоящею игрушкою, а потомъ, самъ того не замѣчая, сталъ властелиномъ земли.

Библиотека "Руниверс"

Любопытно также, что во время самой смуты на далекомъ русскомъ западѣ, гдѣ собирался тогда извѣстный суемысленный соборъ въ Феррарѣ, о московскомъ великомъ князѣ уже разсуждали какъ о великомъ государѣ, при чемъ самъ византійскій императоръ объяснялъ папѣ Евгенію, что московскій великій государь Василій Васильевичъ только ради смиренія и благочестія и возвышенности своего разума не называетъ себя царемъ, но великимъ княземъ русскимъ. Такъ политическія обстоятельства и отношенія въ далекихъ земляхъ и народныя политическія потребности у себя дома, упреждали самыя помышленія московскихъ князей о развитіи изъ разрозненныхъ княжествъ единаго сильнаго государства.

И на далекомъ западѣ понимали, и у себя дома люди сознавали, что въ Русской Землѣ, въ самомъ ея народѣ, существуетъ уже государственная сила, ожидающая только достойной личности, которая была бы способна взять въ свои руки исполненіе политическихъ желаній и помысловъ о единой государевой власти, давно уже назрѣвшихъ по всѣмъ угламъ Русской Земли.

Такою желанною личностью выступилъ старшій сынъ Василья Темнаго, Иванъ. Онъ родился въ то время, когда (1440 г.) Шемякина смута немного утихла, какъ бы для того, чтобы собраться съ новыми силами и снова разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. Поэтому маленькій Иванъ Васильевичъ долженъ былъ испытать много бѣдствій и насилій, много страха и ужаса, хотя всегда находился въ большомъ береженьи у преданныхъ его отцу боярскихъ дѣтей. Онъ воспитался въ политическихъ превратностяхъ, въ земскомъ безпорядкѣ и, конечно, вынесъ не доброе чувство противъ всѣхъ тогдашнихъ тревогъ и крамолъ. Лѣтъ десяти, вѣроятно по случаю слѣпоты своего отца, онъ уже раздѣляетъ съ отцомъ власть великаго княженія и пишется „великимъ княземъ“.

Съ этого времени, какъ мы говорили, въ народныхъ умахъ настаетъ реакція, или стремленіе истребить насиліе, мятежъ, смуту и крамолу въ самыхъ корняхъ. Власть великаго князя получаетъ новыя силы и ея самодержавіе повсюду оправдывается, какъ единое спасенье отъ земскихъ неурядицъ. Послушаніе и повиновеніе со стороны земства сознаются какъ неизбѣжныя требованія возстановляемаго порядка. Молодой Иванъ Васильевичъ продолжаетъ свое воспитаніе именно въ развитіи этихъ новыхъ отношеній земства.

Очень понятно, что если насиліе и вообще разгулъ сильнаго человѣка составляли въ древней Руси какъ бы основное начало общественныхъ отношеній, то изъ этого же самаго начала должно было все больше и больше развиваться и московское самодержавіе и самовластіе, которое въ глазахъ народа являлось къ тому же насиліемъ законнымъ, призваннымъ отъ Бога защищать добрыхъ и казнить злыхъ. Изъ неправды и злобы людской выростала не только сильная непомѣрная власть, но въ иныхъ случаяхъ являлась неправда и

Библиотека "Руниверс"

злоба государева, потому что каждый человѣкъ необходимо бываетъ воспитанникомъ и выразителемъ своей семьи или своей среды. Броженіе и борьба своевольныхъ и самовластныхъ силъ ничего другого не могли произвести, какъ самовластнаго царя.

Самый непослушный сынъ великокняжеской власти былъ, конечно, Новгородъ Великій, въ это время давшій у себя убѣжище неугомонному московскому злодѣю Дмитрію Шемякѣ.

Москва не забыла этого обстоятельства и хотя бѣглецъ вскорѣ померъ, говорятъ отъ отравы, но слѣпой великій князь Василій Васильевичъ, быть можетъ и по другимъ многимъ причинамъ, поднялся на ослушниковъ ратнымъ походомъ и заставилъ ихъ уплатить за вину 10 тысячъ, и присягнуть, что будутъ у него въ послушаніи, а лиходѣевъ измѣнниковъ держать у себя не будутъ. Тѣмъ же порядкомъ была приведена въ послушаніе и Вятка, такъ какъ она постоянно стояла на сторонѣ московскихъ враговъ, всегда воюя съ великокняжескимъ городомъ Устюгомъ.

Послѣ этихъ двухъ походовъ, Василій Темный съ двумя младшими сыновьями пріѣхалъ въ Новгородъ миромъ, но за своею управою. Вольные люди позвонили вѣче, собрались у св. Софіи, и задумали было за свои обиды убить великаго князя и съ дѣтьми. Едва образумилъ ихъ владыка Іона. Тогда же хотѣли убить и Ѳедора Басенка, главнаго дѣятеля и руководителя въ установленіи новыхъ отношеній въ княжеской власти. Отчаянная мысль новгородцевъ обнаруживала, что и у вольныхъ людей уже не находилось здоровыхъ силъ для борьбы съ Москвою; что существенная въ этомъ случаѣ ихъ сила, всенародное земство, была уже не надежна. Лѣтъ за 15 назадъ эта земская сила записала въ лѣтопись свой плачь о полномъ разстройствѣ новгородскаго общественнаго здоровья. „А въ то время, говоритъ лѣтописецъ, описывая голодъ 1446 г., не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, возстали ябедники и начали сутяжничать и грабить по селамъ, и по волостямъ, и по городу, и были мы въ поруганіе нашимъ сосѣдямъ, окрестъ насъ живущимъ; и были по волости изъѣжа великая и поборы частые, кричь и рыданіе, и вопль и клятва, всѣми людьми, на старѣйшинъ нашихъ, и на городъ нашъ, потому что не было среди насъ милости и праваго суда“. Здѣсь-то и готовилась благопріятная почва для усиленія Москвы и на счетъ вольныхъ людей.

Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи вещей и въ самой Москвѣ новое возбужденіе домашней смуты и домашняго непослушанія наказывалось еще строже, какъ и случилось съ удѣльнымъ московскимъ княземъ Васильемъ Ярославичемъ, который по поводу какой-то крамолы, вѣроятно не маловажной, былъ схваченъ и заточенъ въ Угличь, не смотря на то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей противъ Шемякиной смуты. Когда его

Библиотека "Руниверс"

двора боярскіе дѣти сговорились было освободить его изъ Углича, то были также всѣ пойманы и страшно казнены.

Таковы были событія послѣднихъ лѣтъ княженія Василья Темнаго. Онъ скончался въ 1462 г. Ивану Васильевичу въ это время было всего 22 года. Можно полагать, что и слѣпой отецъ, и молодой сынъ, могли такъ дѣйствовать только при помощи уже крѣпко сложившейся боярской думы, которая теперь очистилась отъ измѣнниковъ и крамольниковъ, и возстановила прежнее московское единеніе. Но повидимому теперь старыхъ бояръ уже не было. Дума составилась изъ молодыхъ, но все-таки родовитыхъ боярскихъ дѣтей, доброхотовъ и друзей во время несчастія великаго князя, между которыми видное мѣсто заняли князья Ряполовскіе (Стародубскіе) и Оболенскіе, Морозовы и др. При этомъ новому единенію московскаго боярскаго общества въ особенности много способствовалъ митрополитъ Іона.

Замѣтимъ, что Шемякина смута, начатая его отцомъ тотчасъ по смерти митрополита Фотія, продолжалось цѣлыхъ 20 лѣтъ, то утихая, то снова разгораясь, главнымъ образомъ едва ли не за отсутствіемъ митрополичьей власти, такъ какъ въ это время митрополичій престолъ оставался празднымъ до избранія святителя Іоны. Слово митрополита, его стояніе за святую правду, всегда въ смутныхъ случаяхъ пріобрѣтало рѣшающее значеніе и потому слово святителя Іоны, его заботы о земскомъ „благоустроеніи“ и тишинѣ, быстро успокоили вражду и необходимо возвысили и власть московскаго великаго князя до степени великаго государя и самодержца, какъ митрополитъ сталъ его именовать съ своихъ посланіяхъ и грамотахъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ уже народному прозванію московскаго великаго княженія „великимъ господарствомъ, великимъ государствомъ“, какъ это видно изъ обличительнаго посланія епископовъ къ Дмитрію Шемякѣ.

Именно въ княженіе Василья Темнаго, то есть при такомъ князѣ, который меньше всего былъ способенъ къ самовластію и самодержавію, посреди смутъ, вопреки намѣреніямъ самого князя, въ народныхъ умахъ самъ собою сложился идеалъ великаго государства, а стало быть и идеалъ великаго государя. Народъ въ этомъ случаѣ ничего новаго не выдумывалъ. Онъ распространилъ только понятія о государѣ въ частномъ, владѣльческомъ быту, на отношенія общеземскія или политическія, почему и великаго князя сталъ называть „великимъ государемъ земскимъ“, такъ какъ и самый Новгородъ, вольная община, съ этого времени тоже именуетъ себя государемъ. Съ древнихъ временъ слово господарь и государь обозначало частнаго владѣльца-собственника, домодержца, вольнаго хозяина своей собственности. Теперь это значеніе распространилось на хозяина земли, на земледержца, по той причинѣ, что не иной кто, а только московскій князь въ теченіи цѣлаго столѣтія выдерживалъ, такъ сказать, характеръ земскаго хозяина, явно принимая на себя всѣ заботы о земской тишинѣ, о земскомъ благоустроеніи, твердо и крѣпко

Библиотека "Руниверс"

обороняя землю отъ татаръ и другихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, подвергая себя по этому поводу всякимъ опасностямъ; вообще во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ выставляя впередъ цѣли общеземскія, всенародныя, какъ подобало хозяину земли. Эта хозяйская работа въ народномъ мнѣніи пошла въ счетъ какъ общее добро, и необходимо утвердила за московскимъ княземъ значеніе земскаго хозяина, т. е. „земскаго великаго государя", наконецъ „русскаго великаго государя".

Народъ хорошо понималъ, что хозяинъ есть владыка и владычество ему свойственно, но онъ еще лучше понималъ, что одно владычество не составляетъ хозяйства, что сильнымъ и жестокимъ владыкою можетъ быть и безпутный хозяинъ.

Народъ потянулъ къ Москвѣ и къ московскому князю именно за великое умѣнье хозяйничать, которое было показано еще первоначальными дѣяніями Москвы. Этимъ умѣньемъ вести земское хозяйство, Москва привлекла къ себѣ на поселеніе митрополита и гостей сурожанъ и суконниковъ, поселеніе которыхъ въ Москвѣ по своему земскому вліянію было несравненно важнѣе, чѣмъ даже переселеніе къ ней многихъ бояръ-дружинниковъ. Всѣ завоеванія Москвы и все ея усиленіе насчетъ другихъ совершилось въ теченіи первыхъ 40 лѣтъ прославленной лѣтописцами земской тишины. Въ эти 40 лѣтъ такъ называемое московское государство уже вполнѣ сложилось. Послѣдующая исторія была только дальнѣйшимъ развитіемъ окрѣпшихъ основныхъ силъ, которыя даже и въ Шемякиной смутѣ получили новый ростъ и доброе здоровье. Справедливо говорятъ, что сыну Василья Темнаго, знаменитому Ивану Васильевичу, осталось отъ отцовъ такое богатое наслѣдство, которое вполнѣ обезпечивало ему дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. При этомъ говорятъ также, что „дѣло собиранія сѣверо-восточной Руси около Москвы въ это время могло почитаться уже оконченнымъ". Это выраженіе собираніе, которое такъ часто употребляется для характеристики московской исторіи, не совсѣмъ точно обозначаетъ существо дѣла и приводитъ къ недоразумѣніямъ. Мы уже говорили, что слово „собиратель" имѣло совсѣмъ другой смыслъ; но обыкновенно думаютъ, что собиратели — московскіе князья все хлопотали о томъ, какъ бы гдѣ завоевать, купить или отнять коварствомъ чужія земли, поэтому въ имени собирателя разумѣютъ пріобрѣтателя во что-бы ни стало чужихъ земель и собираніе неиначе понимается, какъ только соединеніе (механическое) разрозненныхъ княжествъ и земель въ одно московское цѣлое. Припомнимъ, что собираніе значило также установленіе разрушеннаго порядка, собираніе людей въ свои домы, умиротвореніе людей, потерпѣвшихъ разстройство, и вообще земское хозяйское устроительство. Въ народномъ понятіи собирателемъ назывался не тотъ, кто овладѣвалъ многою землею, но тотъ, кто заводилъ на ней пашню и созывалъ, собиралъ рабочихъ людей для

Библиотека "Руниверс"

устройства новаго хозяйства. Въ отношеніи многаго владѣнія, что же на самомъ дѣлѣ было собрано къ Москвѣ всѣми работами ея князей-собирателей ко времени Ивана Васильевича, то-есть въ теченіи полутораста лѣтъ? Отъ Твери, Рязани и Новгорода, отъ главныхъ и сильнѣйшихъ сопротивниковъ, надъ которыми Москва осталась все-таки побѣдительницею, не пріобрѣтено ни одной пяди земли. Съ западной, смоленской или литовской стороны, были напротивъ потеряны нѣкоторыя волости. Пріобрѣтенія сдѣланы, и то къ концу этого времени, только по теченію Оки, вверху—Торуса, въ срединѣ—Мещера и внизу—Муромъ, Нижній-Новгородъ и Горедецъ на Волгѣ, т. е. присвоена, или лучше сказать прочищена, промышленная дорога по Окѣ къ Волгѣ. Затѣмъ остаются первичныя Калитины пріобрѣтенія—купли Галича, Бѣлоозера, Углича и половины Ростова. Множество купленныхъ или отнятыхъ за крамолу у своихъ же бояръ селъ и деревень, не суть пріобрѣтенія собирательства, такъ какъ наибольшая ихъ часть пріобрѣтена только въ великокняжеской области. Владѣніе этою областью и составляло все то, что обыкновенно именуютъ московскимъ собираніемъ. А это владѣніе было родовое, т. е. общее для всѣхъ князей, и за Москвою оно оставалось по той причинѣ, что она постоянно держала въ своихъ рукахъ державу великаго княженія. За это общее владѣнье, за Владимірскій столъ, и въ Суздальской Руси шла точно такая же борьба, какъ за кіевскій столъ въ южной Руси. Побѣдилъ не московскій князь, а самъ народъ, собравшійся въ плотную силу вокругъ Москвы. Василій Темный вовсе не былъ способенъ для такой побѣды, а онъ то именно, относительно землевладѣнія, смѣшалъ всѣ шашки, т. е. впервые перемѣшалъ земли великаго княженія съ московскими, и распредѣлилъ ихъ, какъ собственникъ, между дѣтьми и своею княгинею. Этому конечно очень помогла Шемякина смута, совсѣмъ поколебавшая владѣльческую собственность самовольными захватами. Такимъ образомъ, все собирательство московскихъ князей до Ивана Васильевича выразилось тѣмъ, что великокняжеская область поступила какъ бы въ личную собственность Москвы, а съ нею поступили и всѣ остальные примыслы, сами собою приросшіе не прямо къ Москвѣ, а собственно къ великому княженію. Мы не ставимъ въ счетъ собирательства нѣкоторыхъ московскихъ же удѣловъ, ибо это были раздѣлы московскіе, домашніе. Нельзя же ставить въ этотъ счетъ примыслы и пріобрѣтенія дворовъ и садовъ въ самомъ городѣ Москвѣ, или селъ въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Всѣ купли, промѣны и т. п. примыслы земель въ личное владѣніе московскихъ князей обнаруживаютъ, что они никогда не были полными собственниками не только великокняжеской области, но и самой Москвы, которая была раздѣлена по владѣнію на три доли и находилась тоже въ общемъ родовомъ владѣніи, какъ общій удѣлъ московскаго колѣна князей. Понятія о государственномъ правѣ на землю и у московскихъ собирателей развиваются съ растительною постепен-

Библиотека "Руниверс"

ностью и служатъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ того, въ какомъ смыслѣ должно понимать извѣстныя привычныя выраженія объ усиленіи московскихъ князей на счетъ другихъ, не разбирая средствъ. Напротивъ, эти средства очень разбирались и усиленіе всегда имѣло твердые поводы и причины, которые оправдывались связью тогдашнихъ княжескихъ отношеній и общеземскими цѣлями. Собрать земли было очень легко только послѣ того, какъ были собраны умы народа въ одно полное убѣжденіе, что въ землѣ, какъ и въ каждомъ дворѣ, должно быть одно единое хозяйство и одинъ хозяинъ-господарь. Какъ только развилась и окрѣпла идея Земскаго государя, такъ началось и прямое собираніе земель и потому настоящимъ собирателемъ Русской Земли, въ смыслѣ земельнаго соединенія, и настоящимъ государемъ всея Руси, былъ все-таки Иванъ III Васильевичъ. Правда, что онъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался силою, накопленною его предшественниками. Но эта сила заключалась не въ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ и недостойныхъ примыслахъ. Она таилась въ древне-суздальскомъ общенародномъ убѣжденіи, что для спокойствія Земли необходима единая крѣпкая власть, точно такая же, какою обладалъ напр. древній суздальскій князь Всеволодъ III. Вотъ почему и Иванъ III Васильевичъ, спустя 300 лѣтъ послѣ Всеволода, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, во всемъ своемъ поведеніи возстановляетъ этотъ излюбленный Землею древній типъ великокняжеской суздальской власти и соотвѣтственно требованіямъ времени, соотвѣтственно бѣдственнымъ опытамъ разновластія, возвышаетъ этотъ типъ на степень государя—самодержца всея Руси.

Исполненный старозавѣтныхъ преданій, этотъ самодержецъ, называемый уже не Гордымъ, а Грознымъ, ведетъ себя все еще великимъ княземъ. По прежнему онъ наказываетъ Новгородъ за намѣреніе измѣнить русскому православному отечеству и отдаться латинству въ руки польскаго короля, и по прежнему заключаетъ договоръ, хотя и стѣснительный для вольныхъ людей, но на равныхъ правахъ. Въ своихъ идеяхъ о полномъ настоящемъ государствѣ онъ все-таки укрѣпляется спустя нѣкоторое время, и укрѣпляется не отъ татаръ, какъ поверхностно думаютъ иные, а отъ западной Европы, полагая въ этомъ отношеніи первый камень на устройство постоянныхъ европейскихъ связей и постоянныхъ культурныхъ вліяній на государеву Москву просвѣщеннаго европейскаго запада. Его женитьба на греческой царевнѣ изъ Италіи, Софьѣ, въ этомъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣло знакомство маленькаго Петра съ нѣмецкою слободою.

Съ царевною Софьею пріѣхали въ Москву многіе римляне (итальянцы) и многіе греки. Многіе изъ нихъ остались совсѣмъ въ Москвѣ, затѣмъ многіе итальянскіе художники постоянно жили въ Москвѣ. Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италіи, необходимо долженъ былъ произвести свое вліяніе на московскіе умы, искавшіе въ

Библиотека "Руниверс"

это время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ новосозданномъ государствѣ. Прямыя свидѣтельства объ этомъ вліяніи мы слышимъ отъ русскихъ же недовольныхъ людей, въ извѣстномъ смыслѣ отъ старовѣровъ, которые очень осуждали Софью за принесенныя ею нововведенія. Они складывали всю вину на одну личность, потому что это былъ живой символъ вторгнувшагося въ Москву иного порядка мыслей и дѣлъ, но который несомнѣнно возникъ изъ обмѣна мыслей, сужденій, совѣтовъ, отъ цѣлаго общества образованныхъ иноземцевъ изъ Италіи. Русскій народъ издревле смотрѣлъ на каждаго опытнаго и знающаго иноземца, какъ на полезный кладъ, которымъ необходимо воспользоваться. Такъ именно смотрѣли на иноземцевъ современники Софьи. Извѣстный Берсень, критикуя новые порядки, говорилъ ученому святогорцу Максиму Греку: „Вотъ взяли тебя съ святой горы, а какую пользу отъ тебя взяли?.. ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовать. И пригоже было намъ тебя выспрашивать, какъ устроить государю землю свою и какъ людей жаловать". Эта великая мысль, какъ устроить землю, была въ то время общею задачею всѣхъ передовыхъ людей Москвы, поэтому мудрые совѣтники въ политикѣ также цѣнились дорого, какъ искусные художники въ постройкѣ храмовъ и крѣпостныхъ стѣнъ, въ литьѣ пушекъ и колоколовъ и т. д. Для Москвы въ это время европейская образованность и культура являлись только въ видѣ итальянца-фряза, съ которымъ она хорошо была знакома уже въ давнихъ лѣтъ при посредствѣ суражскихъ или киѳинскихъ торговъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ, откуда итальянцы сурожане приходили и въ Москву. Первымъ колокольнымъ мастеромъ въ Москвѣ былъ уже итальянецъ Борисъ еще въ 1342 году. Фрязинъ Иванъ, денежный мастеръ, велъ сватовство великаго князя и съ царевною Софьею. Итальянцы такимъ образомъ въ древней Москвѣ составляли ея первое европейское общество, какъ въ Петровской Москвѣ голландцы и нѣмцы. Самая женитьба Ивана Васильевича на Софьѣ была устроена ими же и съ согласія папы, конечно, не безъ цѣли водворить католическое вліяніе и въ Восточной Руси.

Несомнѣнно, что съ Софьею прибыли въ Москву люди избранные и несомнѣнно, что они то и принесли совсѣмъ иныя, европейскія и притомъ итальянскія идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя-владыки земли. Въ это самое время, просвѣщеннѣйшая страна Европы, Италія сама истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданія прочнаго государства. Ей, по собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка, отъ городской республики и до тиранніи свирѣпаго самовластца; поэтому нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была столько распространена, какъ въ тогдашней Италіи и конечно нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ

Библиотека "Руниверс"

между итальянцами. Объ этомъ можно судить по извѣстнымъ сочиненіямъ Маккіавели (1469—1527), которыя несомнѣнно возсоздавали между прочимъ и полный сводъ тогдашнихъ политическихъ идей и ученій, ходившихъ между образованными итальянцами съ давняго времени. Маккіавели ихъ собралъ, привелъ въ порядокъ, и изобразилъ сильнѣе, послѣдовательнѣе, логичнѣе, чѣмъ говорили до него. Маккіавели родился въ тотъ самый годъ, когда началось сватовство московскаго государя на царевнѣ Софьѣ, слѣдовательно онъ былъ сынъ того поколѣнія, которое являлось съ своими политическими идеями и въ варварской Москвѣ. Его знаменитое сочиненіе „Государь" (искусство царствовать) показываетъ, что политическая практика того времени была очень наклонна къ созданію неограниченнаго единовластія, а прибывшіе съ царевною Софіею византійскіе греки, по своимъ преданіямъ, не могли иначе и разсуждать, какъ о томъ же идеалѣ единовластнаго и самовластнаго царя самодержца.

Многое могъ услышать московскій государь отъ прибывшихъ съ царевною итальянцевъ и грековъ на пользу наибольшаго развитія своей государевой власти, своихъ правъ надъ Землею и обязанностей предъ Землею: многое могъ услышать и прямо изъ устъ этихъ людей, напримѣръ отъ бояръ Софьи, грековъ Дмитрія и Юрія Траханіотовъ, а еще болѣе отъ ихъ посредника, отъ своей супруги, которая и сама не была особою рядовою. О водвореніи новыхъ государственныхъ идей въ Москвѣ не говорятъ современныя свидѣтельства, конечно, потому, что ихъ вліяніе тогда еще не было замѣтно. Новыя идеи приносятъ плодъ только въ новомъ поколѣніи людей. И вотъ когда выросло это поколѣніе тотчасъ и обнаружились плоды новыхъ идей. Сынъ Ивана Васильевича, Василій, былъ уже иной человѣкъ. Старые люди его уже не понимали и объясняли перемѣну съ великокняжескомъ характерѣ и поведеніи именно вліяніемъ его матери Софьи. „Какъ пришли сюда греки, говорилъ тотъ же Берсень тому же Максиму Греку, такъ и земля наша замѣшалась; а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру... Какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ... Вѣдаешь ты и самъ, господинъ Максимъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей,—которая земля переставливаетъ свои обычаи, и та земля не долго стоитъ. А здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ, такъ теперь какого намъ добра ожидать!"

Въ чемъ же были перемѣнены старые обычаи и что означало пришедшее нестроеніе земли? Это нестроеніе, или не устройство, заключалось въ „несовѣтіи и высокоуміи" самого великаго князя. Держаться старыхъ обычаевъ значило людей жаловать, жить съ людьми одной мыслью и старыхъ почитать, то есть совѣтываться съ старыми боярами и изъ ихъ думы и приговора не выходить. „А нынѣ государь нашъ какъ дѣлаетъ? Запершись самъ-третей у постели всякія

Библиотека "Руниверс"

дѣла дѣлаетъ! Нынѣшній государь нашъ упрямъ, жестокъ и немилостивъ, и людей мало жалуетъ и встрѣчныхъ словъ противъ себя не любитъ: кто ему встрѣчно говоритъ и онъ на того опаляется. Не такъ жилъ отецъ его, великій князь Иванъ Васильевичь. Онъ былъ добръ и до людей ласковъ; противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали". Теперь Берсень не узнавалъ и митрополита. Когда Максимъ Грекъ спросилъ его однажды, былъ ли онъ у митрополита, онъ отвѣчалъ: „Не знаю, есть ли у насъ митрополитъ!" „Какъ нѣтъ митрополита? Митрополитъ у насъ Даніилъ"—отвѣтилъ Максимъ. „Не знаю, митрополитъ это или простой чернецъ! Учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого", замѣтилъ Берсень. А митрополичье учительное слово, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, чтобы имѣть голосъ въ государевой думѣ и печаловаться, заступаться за людей, руководить государя совѣтами правды и милости. Повидимому митрополитъ Даніилъ этого не исполнялъ и ни о комъ не печаловался. „Прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ (въ думѣ) въ панатьяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ", окончилъ Берсень. Стало быть и еще былъ разрушенъ старый московскій завѣтъ—слушаться владыки-митрополита.

Вотъ какія перемѣны произошли отъ прихода въ Москву Софьиныхъ грековъ и итальянцевъ. Они московскому государю, воспитанному еще на великокняжескихъ отношеніяхъ, принесли идеалъ царя, принесли ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать, какъ относиться къ подданымъ; они принесли ученіе о развитіи личнаго деспотизма, абсолютизма, до толѣ незнаемаго и невѣдомаго въ поведеніи русскихъ великихъ князей и русскихъ земскихъ государей. До толѣ въ политикѣ на Руси существовалъ деспотизмъ великаго князя, какъ отца или старшаго брата, деспотизмъ отеческой или старшей власти, всегда на Руси ограниченной совѣтомъ и приговоромъ родичей, какъ равно совѣтомъ и приговоромъ духовенства и боярства и даже общественнымъ мнѣніемъ. Мы знаемъ, что московское развитіе политическихъ отношеній ко времени Ивана Васильевича изъ великаго князя создало государя, великокняжеская власть пріобрѣла деспотизмъ хозяина собственника, но и этотъ русскій деспотизмъ государевой власти все таки находился еще въ зависимости отъ старобытныхъ началъ общеземской или политической жизни. Поступки этого деспотизма вызывались и установлялись, такъ сказать, потребностями и приговоромъ самаго общества. Государь являлся только исполнителемъ общей думы, изъ порядковъ которой онъ еще не могъ выступать. Теперь деспотизмъ освобождается отъ стараго обычая и становится только личнымъ, самопроизвольнымъ и своевольнымъ. Слово царь переноситъ государеву мысль на новую почву и возстановляетъ передъ нею идеалъ римскихъ и греческихъ (византійскихъ) царей, очень извѣстныхъ всей тогдашней церковной книжности. Возстановляется не-

Библиотека "Руниверс"

извѣстная дотолѣ на Руси тираннія по идеалу тираній, существовавшихъ въ той же Италіи и особенно въ Византіи.

Мы уже замѣтили, что самъ великій князь Иванъ Васильевичъ, выслушивая отъ грековъ и итальянцевъ, и больше всего отъ своей супруги, теорію царской власти, конечно, не могъ совсѣмъ передѣлать свой нравъ по этой теоріи. Онъ, сознавая себя государемъ, все таки оставался еще великимъ княземъ, т. е. властитителемъ, связаннымъ еще договорными клятвами и потому очень внимательнымъ къ старому обычаю. Правда, что съ пріѣзда Софьи онъ скоро выразумѣлъ, какъ должно поступать государю и что собственно значитъ этотъ титулъ въ политическихъ отношеніяхъ. Изъ за этого титула онъ поднялъ споръ и съ Новгородомъ и на самомъ дѣлѣ показалъ, каково должно быть государево государство. Съ пріѣзда Софьи онъ повелъ себя смѣлѣе относительно независимыхъ областей и княжествъ, и послѣ покоренія Новгорода безъ особаго труда сдѣлался государемъ Твери. При этомъ теперь обнаружились и самые пріемы, посредствомъ которыхъ происходило иногда присоединеніе къ Москвѣ уже слабыхъ земель. Въ 1485 г. всѣ тверскіе бояре оставили своего князя и пріѣхали служить въ Москву, не стерпя обидъ отъ великаго князя, потому что было много обидъ и отъ него самого, и отъ его бояръ, и отъ его боярскихъ дѣтей о земляхъ. Гдѣ межи сошлись съ межами, гдѣ изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, тамъ пропало; а гдѣ тверичи изобидятъ, то князь великій московскій съ поношеніемъ и съ грозами посылаетъ къ тверскому, а тверскимъ отвѣтамъ не вѣритъ и суда не даетъ. Несомнѣнно, что такіе обычные помѣщичьи пріемы практиковались у сильныхъ князей съ слабыми съ древнѣйшаго времени и они то и разводили по русской землѣ усобицы. Теперь сила сосредоточилась въ Москвѣ и подъ вліяніемъ новыхъ единодержавныхъ идей естественно уже переходила въ насиліе. Однако насильникъ еще не осмѣливался поступать совсѣмъ по царски и все еще разумѣлъ себя только княземъ-вотчинникомъ. По старому завѣту, опираясь во всѣхъ своихъ дѣлахъ на думу бояръ и на мнѣніе всей Земли, онъ еще не могъ предаваться царскому высокоумію, т. е. полному самовластному и свирѣпому деспотизму. По старому завѣту онъ очень дорожилъ напр. и встрѣчнымъ словомъ, конечно разумнымъ и правдивымъ. Сойдется такое слово съ дѣломъ, онъ ставилъ его въ дѣло, принималъ совѣтъ; не сойдется слово къ дѣлу, онъ пускалъ его мимо ушей, но за смѣлую рѣчь не преслѣдовалъ. Таковъ по характеру былъ Иванъ III. Но не таковъ уже былъ его сынъ Василій.

Воспитанникъ грекини Софьи уже совсѣмъ не зналъ, должны ли существовать старозавѣтныя формы великокняжескаго поведенія. „Поди прочь, смердъ, ты мнѣ не надобенъ!“ вотъ какъ отвѣчалъ Василій Ивановичъ старозавѣтнымъ совѣтникамъ, когда они намѣревались входить въ его замыслы и подсказывали, какъ и что слѣдовало дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лать по ихъ разумѣнію. Припомнимъ, что ближайшимъ человѣкомъ у Василья Ивановича, его всегдашнимъ дѣльцомъ и попечителемъ, былъ грекъ Юрій-Малый Траханіотъ, занимавшій важную и очень приближенную должность печатника. Можно полагать, что этотъ печатникъ былъ однимъ изъ тѣхъ двухъ лицъ съ которыми теперь рѣшались всѣ дѣла только по государевой мысли, безъ участія бояръ, думающихъ и совѣтующихъ. Василій, уже умирающій, въ предсмертномъ забытьи произнесъ невнятныя, но очень примѣчательныя слова. Какъ бы видя какое-то видѣнье, онъ воскликнулъ: „Великая христова мученица Екатерина! (Если) пора царствовать, такъ (надо) царствовать, Госпожа!“ Не высказывалось ли здѣсь, въ дверяхъ смерти, задушевная руководящая мысль всей жизни перваго царя всея Руси. Явно, что въ эту минуту онъ мыслилъ только о смерти, но выразилъ свою мысль словами живого дѣла всей своей жизни. Пора царствовать теперь, значило пора помирать, исполнять такое же великое душевное дѣло, какимъ для него было и дѣло самовластнаго царствованія.

Первый царь, Василій Ивановичъ, окончилъ начатое дѣло своего отца, т. е. окончилъ соединеніе въ одно государство русскихъ разновластныхъ земель. Онъ упразднилъ псковскую свободу, взялъ Смоленскъ, упразднилъ самобытность Рязани. Идеалъ царя выросталъ самъ собою, потому что къ нему со всѣхъ сторонъ шло на помощь само общество, само всенародное множество, оставляя позади себя всѣхъ отсталыхъ приверженцевъ стараго политическаго обычая, или по неволѣ покоряясь московской силѣ, разроставшейся отъ народнаго же единомыслія. Черезъ одно поколѣніе, царскій идеалъ, воспитанный Софьею съ ея греками и итальянцами, сталъ уже, такъ сказать, веществомъ самого государства. И сынъ Василья, Иванъ Грозный, какъ сынъ новаго поколѣнія, уже торжественно провозглашалъ, что онъ и „родился на царствѣ“. Завоеваніе имъ татарскихъ царствъ въ убѣжденіи народа уже вполнѣ и самымъ дѣломъ увѣнчивало новое политическое зданіе царскимъ вѣнцомъ. Были побѣждены русскіе князья, русскіе вольные города, и наконецъ татарскія нѣкогда страшныя царства; было истреблено родовое право князей, вѣчевое право народа, и даже самовластное право татарской Орды; теперь оставалось истребить дружинное право бояръ, именно право боярскаго отъѣзда, которое Иванъ Грозный, глубоко сознавая государственное единство Земли, прямо наименовалъ измѣною, то есть отрицаніемъ этого единства, и сталъ выводить эту измѣну съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ, которое со всѣмъ истомило даже его собственныя силы и упразднило самую династію Рюриковичей. Можно сказать, что династія легла костями за созданный ею же новый политическій идеалъ. Но при этомъ надо вспомнить, что Грозный боролся не съ однимъ дружиннымъ правомъ вольнаго боярскаго отъѣзда. Въ лицѣ большинства бояръ онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ одного изъ

Библиотека "Руниверс"

заклятыхъ враговъ Русской Земли, именно сильныхъ людей, мѣстныхъ самовластцевъ и олигарховъ, отъ угнетенія которыхъ крѣпко защищалъ Землю еще великій князь Всеволодъ III, и которые, по своимъ преданіямъ, конечно, еще жили понятіями ветхозавѣтной дружины и потому не хотѣли уступать, а тѣмъ болѣе подчиняться произволу новосозданнаго государя. Возбудилась ожесточенная, отчаянная битва государственнаго самовластія съ самовластіемъ олигарховъ, и династія погибла. Но побѣда все таки осталась на ея сторонѣ. Идеалъ царя сдѣлался народнымъ идеаломъ. Само боярство въ своихъ стремленіяхъ завладѣть царствомъ не помышляетъ о другомъ идеалѣ, а потому и новые люди, оставшіеся въ смутѣ по случаю погибели передовыхъ бойцовъ, старательно его ищутъ, собираются подъ знамена того же идеала, который потомъ всенародно и утверждаютъ избраніемъ излюбленнаго царя.

Развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства. Зерно или растительная клѣточка этого единства, съ давнихъ временъ хранилась уже въ особенностяхъ народнаго быта Суздальской земли, именно въ посадскихъ промышленныхъ началахъ народной жизни, постоянно требовавшихъ мира и тишины для всей Суздальской области, что очень явно обнаруживается съ перваго же времени, какъ только эта область стала жить самобытно. Татарская неволя разрушила правильный ходъ суздальской исторіи, въ которой не послѣднее мѣсто занялъ было и земскій соборъ. Знамя народнаго единства было выбито изъ народныхъ рукъ; князья думали больше всего о личныхъ цѣляхъ и въ ожесточенной борьбѣ отнимали другъ у друга право властвовать надъ Землею, очень мало помышляя объ обязанностяхъ устроивать Землю. Наконецъ, ходомъ обстоятельствъ, право великокняжеской власти досталось московскому князю Ивану Даниловичу Калитѣ. Онъ первый высоко поднялъ знамя народнаго устройства, провозгласивши завѣтное слово, чтобы жить всѣмъ какъ одинъ человѣкъ. Наставшій затѣмъ долголѣтній земскій миръ и тишина, какъ явный плодъ княжескихъ заботъ о всенародномъ добрѣ и благѣ, незамѣтно мало по малу собралъ около Москвы ту народную твердь, которая съ той поры стала рости не по днямъ, а по часамъ, и не болѣе какъ черезъ 50 лѣтъ была уже способна одержать достославную побѣду надъ самими татарами. Съ той поры насталъ прогрессивный ходъ самой русской исторіи, триста лѣтъ вращавшейся, какъ бѣлка въ колесѣ, въ неисходномъ кругѣ княжескихъ усобицъ. Сколько употреблено Москвою хищничества, хитрости, коварства, обмана и т. д., для утвержденія въ странѣ этой прогрессивной силы народнаго единенія, о томъ свидѣтельствуетъ изложенная выше исторія московскихъ дѣлъ и событій. Съ той поры московская неугасимая свѣча—жить за одинъ, не смотря на преврат-

Библиотека "Руниверс"

ности исторіи и на безпрестанныя бѣдствія, оставалась неугасимою не столько въ князьяхъ и боярахъ, сколько въ самомъ всенародномъ множествѣ, которое все тѣснѣе и плотнѣе сосредоточивалось около Москвы, по той именно причинѣ, что только здѣсь въ Москвѣ, высилось знамя его всенародныхъ цѣлей.

Народное единство въ его московскомъ развитіи выработало уже не вѣчевую общину въ родѣ новгородской, а выработало самовластительнаго государя, для чего существовало множество причинъ, и случайныхъ, и коренныхъ. Между прочимъ, коренною, основною почвою для возсозданія такого политическаго типа послужило именно черное или сѣрое всенародное множество, которому вообще никогда не приходится думать о какихъ либо правахъ и вольностяхъ, а только о насущномъ хлѣбѣ, да о безопасности отъ сильныхъ людей. Чѣмъ больше было насилій и внутреннихъ раздоровъ въ независимыхъ княжествахъ, и областяхъ, тѣмъ сильнѣе черный народъ тянулъ къ Москвѣ, подъ защиту власти, не оставлявшей безъ должнаго возмездія въ особенности земскихъ обидъ. Мы видѣли съ какою постепенностію развивалось государево самовластіе, и оно на русской почвѣ, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, быть можетъ еще не такъ бы скоро получило окончательную отдѣлку, окончательную, уже царскую форму, еслибъ не пришли ему на помощь для надлежащаго его воспитанія и образованія Софьины грекове и многіе итальянцы. Эти люди одинъ за другимъ приносили новыя понятія и новыя идеи для созданія прочнаго государства, не изъ Золотой Орды, которая въ то время была уже негодною гнилью, а изъ самой просвѣщенной европейской страны, изъ Италіи, гдѣ въ то время политическія ученія и теоріи о созданіи прочнаго государства для всѣхъ были первою заботою дня.

Московская завѣтная мысль и всенародная заповѣдь жить за одинъ, не очень замѣтная на первое время, какъ всякій зародышъ, хранила въ себѣ весь составъ будущаго жизненнаго устройства Русской Земли. Изъ нея послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни.

Жить за одинъ, значило служить одной цѣли для достиженія общаго добра и блага, а видимою цѣлью для всѣхъ была именно Русская Земля. Она искони сама собою представлялась единою и не раздѣльною, общимъ владѣньемъ не для однихъ князей, но и для всѣхъ русскихъ людей. Изъ этой мысли возникала другая. Самая земля, какъ мѣсто, какъ средство кормленья должна была служить своему же единству, почему при сознаніи этого единства владѣть землею возможно было только на правахъ службы этому же единству. Сознаніе политическаго единства необходимо влекло за собою убѣжденіе, что и всякая владѣльческая земля, частная поземельная собственность, въ сущности есть только временное пользованіе для достиженія общихъ цѣлей. Здѣсь понятія о родовомъ общемъ владѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніи незамѣтно сливались съ государственною идеею, что земля, какъ владѣнье и собственность, принадлежитъ землѣ-народу, государству и стало быть лично государю, какъ личному выразителю государственнаго единства. Такія понятія о правахъ на владѣніе землею нарождались и воспитывались въ теченіи вѣковъ по преимуществу въ средѣ крестьянской, никогда не помышлявшей о личной собственности и переходившей съ мѣста на мѣсто, отъ одного владѣльца къ другому, смотря по условіямъ рабочей выгоды. Платя исправно всякія дани и подати съ своей десятины, крестьянинъ мыслилъ, что и каждый князь съ своего княженья долженъ нести свою повинность, т. е. идти на защиту родной земли, а не помогать противъ своихъ же христіанъ Литвѣ или татарамъ.

Москва, поставивши себѣ заповѣдь жить съ землею за одинъ и служить землѣ, тѣмъ самымъ необходимо усвоивала себѣ эту земскую точку зрѣнія на обязанности владѣльцевъ земли, и слѣдовательно принуждая ихъ въ земской службѣ исполняла только велѣнія общенародной мысли. Кто сопротивлялся, не хотѣлъ служить общимъ цѣлямъ, тотъ по земскому же уставу терялъ права на владѣнье землею.

Здѣсь на самой практикѣ еще яснѣе обозначалась идея народнаго единства. Вотъ почему крушеніе особныхъ независимыхъ владѣльцевъ и владѣній очень рѣдко встрѣчало въ народѣ какую либо помогу и защиту. Стоило только раскрыть передъ всенародными глазами вину измѣны русскому единству, то поднявшееся мѣстное сопротивленіе тотчасъ теряло нравственныя силы, разстраивалась, разслабѣвало и отдавалось въ руки побѣдителя.

Московское правило „жить за одинъ“ значило въ сущности жить за одно съ землею, съ интересами всего земства, почему, во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ, всегда Москва обращалась къ сужденію и разсужденію земства, хотѣла жить съ земствомъ однимъ умомъ и въ этомъ всегда находила не только твердую опору, но и оправданіе своимъ дѣйствіямъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ общеземскихъ дѣлахъ. И до послѣдняго времени, никакого дѣла она не рѣшала безъ совѣта съ людьми, до которыхъ прямо касалось это дѣло. Она очень дорожила земскимъ мнѣніемъ, потому что вся ея исторія съ перваго времени постоянно опиралась на земство и выростала изъ земства же. Отсюда произошелъ московскій, уже царскій, обычай созывать земскіе соборы, который въ сущности былъ старый обычай суздальскихъ князей и старый порядокъ суздальской земской жизни. Въ царское время, Москва возстановляла лишь то, что было случайно разрушено татарскою неволею. Первый царь Василій Ивановичъ, воспитанный своею матерью совсѣмъ уже по иноземному, по-гречески, по-византійски, отринулъ было этотъ собственно русскій обычный порядокъ отношеній; но сынъ его, въ борьбѣ съ боярскою и собственно удѣльною стихіею, совсѣмъ потерявши точку опоры, принужденъ былъ возстановить завѣтную и добрую старину земскаго

Библиотека "Руниверс"

совѣта. Нисколько не довѣряя боярству и вполнѣ вѣруя только въ земскій народъ, онъ, подобно Всеволоду, снова собираетъ земскій соборъ и снова общимъ совѣтомъ, какъ и при Всеволодѣ, изыскиваетъ мѣры, какъ побороть сильныхъ самовольныхъ людей, неизмѣнныхъ злодѣевъ земства. А изъ этого, теперь возстановленнаго, старозавѣтнаго обычая совѣтоваться съ землею, сами собою являлись и земскія права подавать царю свой голосъ всѣмъ міромъ посредствомъ мірской челобитной, т. е. совѣтомъ и голосомъ всего города, всего сословія, всей волости или всего села. Такимъ образомъ, характеръ царскаго самовластія и самоволія по крайней мѣрѣ съ этой стороны пріобрѣталъ старинный обликъ древне-русской власти великаго князя, воспитанной на рукахъ дружины и народа, и потому всегда совмѣстной съ народною властью. Народъ очень помнилъ стихійную грозу царя Ивана Васильевича, но онъ хорошо помнилъ и его стремленія жить съ земствомъ единою душою, а потому и въ пѣсняхъ про Грознаго и свирѣпаго царя высказывалъ не малое ему сочувствіе.

Развитіе сильной и даже тираннической царской власти, какою она явилась у насъ съ первой половины XVI в., сопровождалось своего рода бѣдствіями, какихъ не знала древняя Русь. Необузданное самовластіе, какъ прежде необузданная усобица князей, положило свои краски на народный характеръ, печальныя краски угнетенія и раболѣпства. Но это была одна сторона совершоннаго дѣла, темная, безотрадная, которая однако не должна скрывать отъ насъ другую сторону, наиболѣе существенную, гдѣ собственно и хранилось зерно дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народной исторіи. Въ политическомъ и общественномъ отношеніи царскій идеалъ и царская власть выразили небывалое дотолѣ могущество русской народной самостоятельности и самобытности. Они подняли политическій и общественный духъ Руси; и это необходимо отразилось въ сознаніи всего народа, какъ и отдѣльнаго лица. Въ лицѣ царя русская народная самобытность и политическая независимость пріобрѣли, можно сказать, осязаемый образъ, живую форму; въ лицѣ царя русскій человѣкъ освободился отъ политическаго угнетенія, не только отъ татарскаго угнетенія, что было особенно славно, но и отъ угнетенія домашняго со стороны независимыхъ другъ отъ друга и раздѣльныхъ княжествъ и областей, которыя никогда не составляли да и не могли составить крѣпкаго и правильнаго федеративнаго союза, а напротивъ всячески старались обездолить другъ друга, непрестанно крамолили, непрестанно заводили усобицы и тѣмъ угнетали развитіе народной жизни. Теперь все это исчезло. Личность единаго государя-царя сильно и самостоятельно выдвинулась впередъ, а за нею и въ обществѣ личность почувствовала эту силу политическаго могущества и не замедлила выразить пріобрѣтенную самостоятельность и самобытность народнаго сознанія во всемъ, въ чемъ обыкновенно выражается политическій подъемъ народнаго духа. Приведемъ на память немногое.

Библиотека "Руниверс"

Въ первой половинѣ XVI ст. хотя и при помощи итальянцевъ, но не раболѣпно, а очень самобытно, поднялось русское искусство, напримѣръ зодчество. Тогда же впервые пробудилось одно изъ самыхъ доброплодныхъ стремленій — это общественная критика, переоцѣнка жизни, какъ она есть и какъ можно устроить ее въ лучшемъ видѣ. Такъ-называемый Стоглавъ Ивана Грознаго въ извѣстномъ смыслѣ есть первый шагъ къ Петровской реформѣ. Такія движенія въ народномъ развитіи могли возродиться только изъ созданнаго Москвою государственнаго и общественнаго единенія, небывалаго въ древней разновластной Руси. На высотѣ сознанія коренныхъ цѣлей народной самобытности, независимости и общаго земскаго добра, уже первый московскій царь, Василій Ивановичъ, ясно и опредѣленно понялъ и выразумѣлъ и коренныхъ неизмѣнныхъ враговъ русской земли, съ которыми борьба не угасала въ теченіи столѣтій да не окончилась и до сего дня. На смертномъ одрѣ, отдавая свою семью и своего маленькаго сына (будущаго грознаго царя) на попеченіе приближенныхъ бояръ, онъ проситъ ихъ исполнить боярскую обязанность, всѣмъ заодно укрѣпиться истиною и всѣми мѣрами поберечь государство Русской Земли и всего христіанства (всего русскаго народа) отъ всѣхъ его недруговъ, отъ бесерментства (мусульманскій и кочевой востокъ) и отъ латинства (завидущій западъ), и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ ихъ обидъ и продажъ, наносимыхъ христіанскому (крестьянскому) народу. Послѣдующая исторія только о томъ и разсказываетъ, какъ Москва отбивалась отъ этихъ трехъ коренныхъ и неизмѣнныхъ ея враговъ.

Ив. Забѣлинъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОВСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ СИГИЗМУНДА МИЛКОВСКАГО ВЪ 1863 Г.

ВЪ то самое время, когда Hôtel Lambert (т. е. князь Владиславъ Чарторыскій и его довольно большая партія въ эмиграціи и въ Польшѣ всѣхъ захватовъ), затѣвалъ Кавказскую экспедицію, подъ покровительствомъ Англіи и Турціи (что̀ дѣлалось, можетъ быть, для отвлеченія въ другую сторону нашихъ и всякихъ другихъ польскихъ повстанцевъ отъ ихъ вредныхъ и опасныхъ работъ въ краѣ), и были посланы изъ Парижа съ этими цѣлями особые агенты въ Лондонъ, Константинополь и иные города, пріобрѣтать людей, сочувствующихъ этому предпріятію въ разныхъ сферахъ, между прочимъ въ правительственныхъ,—въ то же самое время, несравненно болѣе кипучія силы работали въ Парижѣ, въ нѣсколькихъ городахъ Италіи, на томъ же Востокѣ и на огромномъ пространствѣ всѣхъ прежнихъ владѣній Польши, работали съ неутомимою, можно сказать, не-человѣческою энергіею, съ горячешнымъ жаромъ безумцевъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Всюду шмыгали, еще съ 1859 года, юркія повстанскія ищейки красныхъ кружковъ Варшавы, Кракова, Львова, Познани и мало ли какихъ городовъ и земель, нюхая воздухъ и подбивая гдѣ только можно своихъ соотечественниковъ и кого случится къ спѣшнымъ революціоннымъ приготовленіямъ, къ собиранію денегъ, оружія, пороха и завязывая въ обществѣ тѣ узлы, которые необходимы для начала повстанской организаціи. Конечно, дѣло это сначала шло туго. Розсказни юркихъ странниковъ, что гдѣ то тамъ что-то творится, что-то затѣвается, съ цѣлями патріотическими, высокими, слушались вездѣ не безъ любопытства, но соединяться съ движеніемъ слушающіе остерегались; никому не было извѣстно опредѣленно, что это такое и куда въ самомъ дѣлѣ идетъ, и какія имѣетъ опоры въ Европѣ. Еще менѣе было охотниковъ давать чьимъ-то

Библиотека "Руниверс"

агентамъ, людямъ большею частію молодымъ, смотрѣвшимъ вертопрахами, деньги — яко бы „на дѣло отчизны, на заготовленіе оружія“ и т. п.

Къ числу такихъ странствующихъ рыцарей возстанія принадлежалъ въ то время членъ парижскаго революціоннаго комитета польской эмиграціи [1]) Сигизмундъ Милковскій, красный, бойкій, энергическій полякъ среднихъ лѣтъ, немного писатель, нюхнувшій пороху въ венгерскую кампанію 1848—1849, въ какомъ-то небольшомъ чинѣ (по свѣдѣніямъ отеля Ламбертъ: унтеръ-офицерскомъ), подъ начальствомъ полковника, потомъ генерала Высоцкаго [2]). Этотъ Высоцкій былъ тоже членомъ сказаннаго краснаго комитета. Кромѣ того тамъ были членами довольно-солидные красные поляки: Северинъ Эльжановскій, Іосифъ Орденга и Викентій Мазуркевичъ. Комитетъ издавалъ журналъ, подъ названіемъ: Обзоръ Польскихъ Дѣлъ (Przegląd Rzeczy Polskich), редактируемый Эльжановскимъ и читавшійся вездѣ, гдѣ живутъ поляки, съ интересомъ, даже можно сказать, имѣвшій тогда значительное вліяніе на умы всего молодого и живого въ Польшѣ трехъ захватовъ. Милковскій писывалъ временами въ этотъ журналъ. Наиболѣе выдающимися статьями его были: „О необходимости и возможности польскаго возстанія“ (o potrzebie i możliwości polskiego powstania)—нѣсколько серій, гдѣ онъ высказывалъ, между прочимъ, мысль, что „эмиграція должна играть въ такія минуты роль энергическаго помощника края, что край безъ эмиграціи обойтиться не можетъ“.

Когда ему показалось (въ сентябрѣ 1859), что работы красныхъ въ Варшавѣ и другихъ главныхъ пунктахъ Польши 1772 г. дошли до такого состоянія, что уже требуютъ дѣятельной поддержки польскихъ массъ вездѣ, требуютъ организаціи, революціонныхъ приготовленій, денежныхъ и другихъ запасовъ,—онъ оставилъ Парижъ и перенесся въ сѣверную Молдавію, съ тѣмъ чтобы войти въ сношенія съ Русью (т. е. съ Волынью, Украйной и Подоломъ) [3]), гдѣ кое-что уже было—развивать это „кое-что“ въ повстанскомъ духѣ, готовить что можно, собирать деньги. Но какъ и всѣ прочіе того времени странники изъ разныхъ кружковъ, сновавшіе въ тѣхъ-же мѣстахъ и южнѣе, Милковскій отыскалъ только уши, готовыя слушать безъ скуки его повстанскую болтовню, переходившую иногда въ совершенно-несбыточныя

---

[1]) Такихъ комитетовъ было въ Парижѣ нѣсколько: одни пропадали, другіе возникали на ихъ развалинахъ... едва ли они всѣ гдѣ нибудь исчислены. Впрочемъ Гиллеръ въ сочиненіи своемъ: Historja Powstania Narodu Polskiego w 1861—1864, Paryż, 1867—1871, приводитъ ихъ довольно.

[2]) Чуть ли прежде того онъ не служилъ въ русскихъ войскахъ. По крайней мѣрѣ такъ значится въ книгѣ Кнорра: Die polnischen Aufstände seit 1830 Berlin, 1880. Стр. 94.

[3]) Всегда, когда мы будемъ говорить, для краткости, Русь, просимъ читателя разумѣть подъ этимъ три сказанныя области, или губерніи.

Библиотека "Руниверс"

бредни, но болѣе — ничего ровно. Его бѣсило, что организація, какъ ей надо быть, чтобы ея существованіе получило нѣкоторый смыслъ, не завязывается и не завязывается на Руси; денегъ никто не даетъ; даже иные поляки, слушая его, относятся къ нему какъ то недовѣрчиво, подозрительно... Дѣлать нечего! Онъ скитался по сѣверу Молдавіи, живя то въ Фолтычанахъ, то въ Ботушанахъ, то въ Михаленахъ. Румынское правительство хотя и знало, что это за господинъ и ради чего онъ пріѣхалъ изъ Парижа, однако его на первыхъ порахъ не трогало.

Такъ подошелъ 1861 годъ. Дѣло красныхъ поляковъ, иначе сказать, дѣло возстанія Царства Польскаго, значительно подвинулось впередъ. Уже многіе изъ бѣлыхъ изъявили готовность дѣлать тоже самое, что дѣлали красные. На ихъ деньги и при ихъ помощи основана была въ Генуѣ польская военная школа (въ мартѣ 1861, вскорѣ послѣ того, какъ прогремѣли роковые выстрѣлы Заболоцкаго на Краковскомъ предмѣстьѣ [1]) и старый вождь всего краснаго 1846—1860, въ Познани, въ Бельгіи, въ Сициліи и частію у насъ, въ Царствѣ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, Мирославскій, сдѣланъ тамъ директоромъ. Его сильно подмывало разыграть въ предвидѣвшемся возстаніи главную ролю, ролю диктатора и предводителя польскихъ инсургентовъ—и онъ повелъ горячую интригу, „навязался странѣ“ по выраженію Гуттри [2]) и нѣкоторыхъ другихъ, опираясь во Франціи на принца Наполеона и его сторонниковъ, въ Италіи—на Гарибальди, вездѣ—на свое нахальство. Въ томъ-же самомъ мѣсяцѣ мартѣ 1861, по всѣмъ польскимъ захватамъ стала гулять его „Временная программа возстанія“ [3]). Его агенты (наиболѣе всего неизмѣнное его копье, отчаянный, дерзкій, красный изъ красныхъ, Куржина, обыкновенно называвшійся его секретаремъ) [4]), вербовали ему всюду ратниковъ, устраивали комитеты и съѣзды. Если не самъ Мирославскій, то его подвижной и кипучій секретарь, умѣлъ заглядывать во всѣ углы, чтобы видѣть, гдѣ что дѣлается; не ускользнули отъ ихъ вниманія также и работы Милковскаго, тѣмъ болѣе, что Милковскій, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, заговаривалъ съ Мирославскимъ не разъ о своихъ планахъ. Съ тѣхъ поръ будущій диктаторъ Польши сталъ слѣдить за нимъ неотступно и какъ человѣкъ крайне-подозрительный, честолюбивый и властолюбивый, которому хотѣлось забрать поскорѣе въ свои руки все и всѣхъ, вездѣ вліять и командовать,—былъ недоволенъ, что Милковскій дѣйствуетъ какъ-бы отдѣльно, самостоятельно, не подчиняясь никому, не сно-

---

1) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года, стр. 198.

2) Pan Ludwik Mierosławski, jego dzieła i działania. Drezno, 1870.

3) Русская Старина 1879, Польское возстаніе, продолженіе IX главы, стр. 498.

4) См. объ его пребываніи въ Варшавѣ мои Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 158.

Библиотека "Руниверс"

сясь съ нимъ, съ Мирославскимъ, такъ сказать съ центромъ революціоннаго движенія Польши, кто, въ концѣ концовъ, долженъ быть неизбѣжнымъ вождемъ всѣхъ силъ, потому что... другого не было! Мирославскій, переговоривъ о такой профанаціи своей власти и значенія съ Куржиной, послалъ агентовъ слѣдить за каждымъ шагомъ Милковскаго, какъ-бы онъ не сдѣлалъ чего неловкаго вообще, и невыгоднаго для репутаціи и плановъ будущаго диктатора Польши въ особенности. Эти агенты повредили много агитаціи Милковскаго и возстановили противъ него, мѣстами, не только своихъ, но и чужихъ: румынская полиція стала наблюдать за нимъ строже. А когда Мирославскій, съ цѣлями, какъ видно, вовсе устранить Милковскаго изъ Румыніи, отправилъ къ нему 25 человѣкъ изъ числа самыхъ заядлыхъ и нетерпѣливыхъ воспитанниковъ Генуезской школы и они прямо стали просить у него оружія и указанія мѣста, гдѣ имъ дѣйствовать,—румынская полиція начала дѣлать ему такія стѣсненія и придирки, что онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню и съ трудомъ угомонилъ эти преслѣдованія тамошнихъ властей.

Въ генварѣ 1862 года, Стефанъ Бобровскій (недавній студентъ кіевскаго университета, позже, въ возстаніе — членъ Жонда Народоваго) [1]), сносившійся со всѣми красными Варшавы, но преимущественно тяготѣвшій къ Академическому кружку, получилъ отъ послѣдняго приглашеніе объѣхать, за предѣлами царства Польскаго, всѣ главные пункты, гдѣ только можно было предполагать хотя какую-либо завязь организаціи. Онъ заглянулъ и къ Милковскому, который находился тогда въ Михаленахъ, и одобрилъ его дѣйствія, какъ-бы лицо уполномоченное какою-то высшею властію, прося продолжать работы въ томъ-же духѣ, какъ онѣ начаты. Затѣмъ поѣхалъ въ Константинополь, Парижъ... вездѣ посѣщая людей, готовыхъ идти тою-же дорогой, по какой шла уже вся польская масса, за самыми малыми исключеніями; кое-кого посвящалъ во всѣ извѣстныя ему тайны заговора, устраивалъ съ ними связь и единомысліе... Подробности тогдашнихъ странствій этого лица неизвѣстны...

По образованіи центральнаго комитета, посѣтилъ Милковскаго, въ тѣхъ же Михаленахъ, другой такой-же объѣздчикъ важнѣйшихъ пунктовъ заговора за предѣлами царства Польскаго, Леонъ Франковскій, и ввелъ его въ непосредственныя сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ, который, въ августѣ того-же года, оффиціально предложилъ Милковскому „завѣдываніе всѣми повстанскими приготовленіями на Востокѣ и на Руси“. Милковскій согласился, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставленъ былъ выборъ средствъ. Это было принято и въ ноябрѣ мѣсяцѣ (когда комиссары и нѣкото-

[1]) См. о немъ: „Русская Старина“ 1879, Польское возстаніе, глава II, стр. 417; приложенія къ главѣ III, стр. 615—620 и глава IV, стр. 57.

Библиотека "Руниверс"

рые члены комитета требовали открытія военныхъ дѣйствій зимою, въ декабрѣ, или генварѣ, дабы воспользоваться замѣшательствами при наборѣ) — Центральный Комитетъ пригласилъ Милковскаго прибыть въ Варшаву и тутъ назначилъ его начальникомъ военныхъ польскихъ силъ на Руси и на Востокѣ, такъ-какъ всѣ чувствовали, что взрывъ уже очень недалекъ. Чувствовалъ это и Милковскій, но умолялъ членовъ Комитета, если только есть хотя малая возможность, отложить вооруженное возстаніе до весны, ибо во многихъ пунктахъ, которые должны принять единовременное участіе въ томъ, что̀ совершится въ царствѣ, еще ровно ничего не сдѣлано, какъ напр. и у него. Главное: нѣтъ нигдѣ настоящей революціонной организаціи, а безъ этого ничто надлежащимъ путемъ не пойдетъ; никакое движеніе отрядовъ, снабженіе ихъ провіантомъ, телегами, лошадьми, чѣмъ-бы то ни было, а также и облегченіе коммуникаціи — немыслимы.

Комитетъ просилъ Милковскаго, какъ человѣка бывшаго на войнѣ, составить планъ, для какого случится возстанія: для зимняго, такъ для зимняго, для лѣтняго, такъ для лѣтняго. Милковскій отказался, говоря, что никакой военный геній не составитъ плана для возстанія, у котораго ничего нѣтъ. „Дѣло придется имѣть сразу съ большими массами войскъ и въ разныхъ пунктахъ. Противъ нихъ нужно строить и мысленно двигать тоже массы, а заговоръ располагаетъ пока всего навсе восемнадцатью тысячами присягнувшихъ, изъ которыхъ бо̀льшей половины въ данную минуту не досчитаешься! Что-жъ тутъ чертить и писать? А потомъ: гдѣ точныя свѣдѣнія о расположеніи русскихъ войскъ въ царствѣ? И этого нѣтъ! Составляйте ужъ вы эти планы, какъ хотите сами, а проектъ пожалуй я вамъ набросаю!“

И этотъ, повидимому, разсудительный и опытный повстанецъ, такъ здраво разсуждавшій о планѣ, набросалъ своимъ новымъ пріятелямъ и вмѣстѣ „начальству“ проектъ очень страннаго свойства, основанный тоже на фантазіяхъ, да еще на какихъ! Онъ совѣтовалъ: „избрать три-четыре сборныхъ пункта, на которые свезти сколь возможно болѣе оружія и аммуниціи. Между этими пунктами можетъ быть и Варшава, гдѣ, въ минуту взрыва, должна произойти съ войсками, занимающими городъ и окрестности (т. е. съ самой главной массой войскъ въ царствѣ) жестокая уличная свалка изъ-за барикадъ. Тѣмъ временемъ повстанцы внутри края сойдутся на сборные пункты, дабы вооружиться и образовать отряды, которые немедля ударятъ на русскіе гарнизоны, стоящіе по городамъ и мѣстечкамъ. А потомъ и тѣ, кто будетъ биться въ Варшавѣ, сдѣлавъ свое дѣло отвлеченія центральной русской арміи отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ войскъ внутри края, присоединяются тоже къ братьямъ — къ первому ближайшему отряду. Число солдатъ въ каждомъ изъ сборныхъ пунктовъ можно предполагать тысячъ въ десять человѣкъ (!) Итого, въ четырехъ пунктахъ—40,000. Съ такими силами (предполагается, всѣмъ

Библиотека "Руниверс"

необходимымъ для военныхъ дѣйствій снабженными) можно попробовать очистить какую-либо часть царства отъ русскихъ гарнизоновъ, и тамъ уже формировать серьезную народную армію. Болѣе всего пригодна для этого полоса земли подлѣ австрійской и прусской границы, такъ-какъ оттуда могутъ быть доставлены всякіе военные припасы и оружіе, и подана помощь готовыми къ бою, хорошо одѣтыми и вооруженными повстанскими отрядами".

Центральный Комитетъ присоединилъ этотъ проектъ къ разнымъ бумагамъ, неособенно ему нужнымъ, какъ говорится: ad acta, и послалъ Милковскаго, въ декабрѣ 1862, готовить возстаніе на Руси къ веснѣ будущаго 1863 года, собирая для этого силы, гдѣ хочетъ: въ восточной Галиціи, Румыніи, Турціи, и снабжая ихъ оружіемъ, откуда лучше знаетъ. Для сношеній съ румынскимъ и турецкимъ правительствами даны ему были особыя вѣрительныя граматы. Денегъ обѣщали прислать, и въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени, когда Милковскій находился уже въ Галиціи, какой-то русскій гусаръ вручилъ ему 5,000 рублей въ кредитныхъ билетахъ, пожертвованные однимъ богатымъ подольскимъ помѣщикомъ, Александромъ Собанскимъ.

Въ Галицію Милковскій заѣхалъ затѣмъ, чтобы войти своими дѣйствіями въ связь съ галиційской организаціей, которая уже проявляла значительные признаки жизни. Львовская Лава [1]) уже функціонировала, признавая себя солидарною съ варшавскимъ Центральнымъ Комитетомъ, и не отказывалась помогать начальнику еще не существующихъ пока силъ на Руси и на Востокѣ, чѣмъ только случится. Милковскій условился съ нею насчетъ ключа при перепискѣ и перебрался на Русь посмотрѣть, что дѣлается тамъ. Тамъ, можно сказать, ничего не дѣлалось: кіевская молодежь и житомірскій комитетъ хлопотали изо всѣхъ силъ о развитіи организаціи, но необходимыхъ для этого элементовъ (польскаго городского и ремесленнаго сословія) въ народной малоросійской массѣ не было—и потому всякія хлопоты и старанія заговорщиковъ по этой части разлетались прахомъ. Изъ нѣсколькихъ польскихъ помѣщиковъ сочинить организаціи было невозможно. А хлопы всѣ до одного держали сторону правительства. Ихъ нельзя было и трогать. Попытки были, но вездѣ кончались для господъ экспериментаторовъ очень печально [2]).

Милковскій переѣхалъ въ Молдавію, но тамъ произошли такія перемѣны въ его отсутствіе, что онъ никого и ничего не узнавалъ: всѣ отвертывались отъ него, прятались. Полиція просто-за-просто гнала поляковъ вонъ изъ всякаго болѣе или менѣе виднаго города

---

[1]) Члены ея неизвѣстны. Милковскій въ своемъ сочиненіи: W Galicji i na Wschodsie, Poznań 1880, называетъ только одного Мечислава Романовскаго. По Гиллеру, лавъ было въ Галиціи о ту пору нѣсколько.

[2]) „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, глава VI, стр. 555.

Библиотека "Руниверс"

или мѣстечка, ссылаясь на строгія предписанія высшихъ властей, основанныя на какихъ-то заявленіяхъ русскаго правительства. Милковскій, пошатавшись по разнымъ городамъ сѣверной Молдавіи и вездѣ имѣя пренепріятныя объясненія съ полицейскими комиссарами и префектами (иные изъ нихъ прямо говорили ему, чтобы „убирался поскорѣе, а то выдадутъ его Россіи")—рѣшился отправиться на Востокъ, попытать насчетъ формированія отрядовъ счастья тамъ, и по дорогѣ, въ Ботушанахъ, въ самомъ концѣ января 1863 года по н. ст., узналъ о послѣдовавшемъ въ царствѣ Польскомъ взрывѣ. Это заставило его измѣнить маршрутъ и перестроить планы. Онъ перебрался съ большими трудностями черезъ буковинскую границу въ Галицію и нашелъ тамъ неслыханный энтузіазмъ. Все настроилось воинственно. Львовская Лава цѣликомъ ушла въ ряды повстанцевъ царства Польскаго. Во Львовѣ возникло нѣсколько новыхъ революціонныхъ кружковъ или комитетовъ, изъ которыхъ наиболѣе видные и вліятельные были: Бѣлый, Братской помощи, Городской, Польской молодежи и Мирославскаго. Только второй изъ нихъ (Братской помощи), наслѣдникъ Львовской Лавы, относился къ возстанію довольно пріязненно и вошелъ въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ. Остальные никакого Центральнаго Комитета не признавали. Каждый думалъ построить что-то свое, чрезвычайное, и играть первую роль. Болѣе всѣхъ лѣзъ въ общіе отцы и командиры Барскій Комитетъ Бѣлыхъ, гдѣ членами были галиційскіе тузы: Флоріанъ Земялковскій [1]), Александръ Дзѣдушицкій, князь Адамъ Сапѣга и Францискъ Смолка [2]). Они не признавали въ ту пору не только Центральнаго Комитета,но и самаго возстанія. Однако, вскорѣ, совершенно перестроившись, этотъ комитетъ протянулъ руку возстанію и дѣйствовалъ (благодаря главнѣйшимъ образомъ Сапѣгѣ) весьма энергически [3]).

---

[1]) Повстанецъ 1848, осужденный первоначально на смерть, а потомъ приговоренный къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Нынѣ Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 4 декабря 1880, возведенъ въ баронское Австрійской имперіи достоинство.

[2]) Нынѣ играетъ очень видную роль въ своемъ отечествѣ. Недавно, 2/14 марта 1881 года, выбранъ предсѣдателемъ австрійской палаты депутатовъ.

[3]) Сапѣга вооружилъ и отправилъ въ царство нѣсколько бандъ. Наиболѣе всего онъ покровительствовалъ Езёранскому. См. дѣйствія послѣдняго въ „Русск. Старинѣ 1879, Польское востаніе, гл. IV, стр. 73—75. Взглядъ на Сапѣгу Гиллера, гл. II, стр. 401. Милковскій рисуетъ его такъ: „Князь едва-едва вышелъ изъ юношескихъ лѣтъ (1863). Природа надѣлила его большими способностями и темпераментомъ нѣсколько странноватымъ и загадочнымъ. Иныя слова его и дѣйствія приводили въ недоумѣніе сельскихъ домосѣдовъ прежней закваски. Это былъ молодой, эксцентрическій аристократъ, не шедшій путемъ, проторенным большими панами обыкновенныхъ свойствъ, для которыхъ очень много значитъ камергерскій ключъ и улыбка Вѣнскаго двора. Онъ туда вовсе не заглядывалъ, а какъ дикій чистокровный арабскій аргамакъ, грызъ наложенныя на него непривычныя удила, такъ-что пѣна бѣжала по губамъ. Этими удилами было для него чуждое господство и хозяйничанье въ Польшѣ. Пропекало оно его и мучило. Объ этомъ знали въ обществѣ и эта особенность, несвойственная большимъ панамъ, поднимала его кредитъ въ Галиціи". „Galicja i Wschod", стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

Милковскій, толкаясь между этими комитетами, долго не могъ оріентироваться и не зналъ, что́ ему начать. Наконецъ, встрѣча съ генераломъ Высоцкимъ, который прибылъ изъ Кракова, рѣшила его участь: онъ упросилъ стараго вояку, прославившагося своимъ крутымъ и настойчивымъ характеромъ въ Венгерскую кампанію 1849 года (гдѣ онъ не разъ стрѣлялъ по своимъ картечью за нарушеніе его приказаній и отступленіе отъ диспозиціи), принять на себя командованіе военными силами на Руси. Написали Жонду Народовому: тотъ согласился измѣнить свое первое постановленіе и предписалъ Милковскому передать свою власть Высоцкому. Это совершилось во Львовѣ, 3 апрѣля н. ст. 1863 г. Высоцкій сталъ начальникомъ военныхъ силъ на Руси и въ Люблинской губерніи. Милковскій сжегъ при немъ свою номинацію, но черезъ недѣлю назначенъ уже Высоцкимъ, отъ имени Жонда Народового, начальникомъ военныхъ силъ въ восьми уѣздахъ Подольской губерніи: Каменецкомъ, Ушицкомъ, Могилевскомъ, Брацлавскомъ, Гайсинскомъ, Ольгопольскомъ, Балтскомъ, Ямпольскомъ и входящихъ отрядовъ.

Планъ дѣйствій обоихъ этихъ лицъ, Высоцкаго и Милковскаго, заключался въ томъ, чтобы Галиція дала съ обвода (которыхъ тамъ 12) по 300 человѣкъ хорошо вооруженныхъ и одѣтыхъ солдатъ, что̀ составитъ со всѣхъ обводовъ 3,600 человѣкъ, и этимъ воинствомъ подняла-бы и одушевила спящую Русь и выиграла у русскихъ, которыхъ силы (тысячъ 30) были разбросаны въ ту минуту на огромномъ пространствѣ, такъ-что на каждый стратегическій пунктъ приходилось самое ничтожное число—двѣ-три побѣды. Такой фактъ: двѣ-три побѣды въ Малороссіи (отъ которой ничего не ждали) произвели-бы значительный эффектъ и одушевили царство и Литву, показавъ ясно, что старыя традиціи Польши еще живы, что Русь составляетъ съ Короной [1]) нѣчто общее, откликается ей, помогаетъ! Такой фактъ записался-бы въ исторію яркими буквами!

Но какъ многія тогдашнія фантазіи поляковъ, строившіяся на зыбкомъ фундаментѣ, подъ вліяніемъ какого-то особаго дурмана, разсыпалась прахомъ и эта. Прибывъ въ Подольскую губернію, и осмотрѣвшись, Милковскій увидѣлъ очень скоро, что эффекта никакого тамъ не устроишь: русскія войска поминутно прибывали и прибывали—и вскорѣ залили Малороссію, такъ что биться съ ними да еще побѣждать какимъ нибудь тремъ тысячамъ галиціанъ было очень трудно. А тутъ еще мѣшали дѣлу и свои: тотъ самый Сапѣга, которому Милковскій воспѣлъ впослѣдствіи такой дифирамбъ, выдвигалъ всячески Езёранскаго и осаживалъ Высоцкаго, котораго почему-то не терпѣлъ.

Милковскій рѣшился перенести свою дѣятельность въ Турцію и

---

[1]) Старое, народное названіе Коренной Польши, гдѣ Варшава, Краковъ и Львовъ.

Библиотека "Руниверс"

Румынію, отправя туда агентовъ, а самъ оставаясь все-таки въ Малороссіи, дабы (какъ онъ говорилъ и думалъ) поддерживать жизнь тамошнихъ блѣдныхъ комитетовъ, чтобы не погасли въ нихъ послѣднія искры. А въ сущности держала его тамъ привязанность къ родинѣ, къ насиженному гнѣзду: онъ самъ былъ подолянинъ, зналъ тамъ всѣхъ и все, а въ Турціи никого или очень мало. Къ тому-же агенты утѣшали его надеждами, что соберутъ безъ особеннаго труда отрядъ тысячи въ двѣ слишкомъ, изъ поляковъ, далматовъ, босняковъ, черногорцевъ, арнаутовъ, грековъ, лишь-бы только были деньги; но этого-то важнаго подспорья всякихъ военныхъ и гражданскихъ предпріятій, этого масла, смазывающаго всѣ пружины міра, и не хватало у повстанцевъ Руси и Востока! Нужно было на созданіе отряда въ двѣ тысячи человѣкъ, вооруженіе его, обмундировку и доставленіе на мѣсто военныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, два милліона франковъ, а у Милковскаго было только 5,000 рублей въ русскихъ кредитныхъ билетахъ, что составляло въ то время 18,627 франковъ 60 сантимовъ, да и тѣ лежали у комиссара Жонда Народового, Сокульскаго, въ Константинополѣ. Милковскій обратился къ Высоцкому, что̀ ему дѣлать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ — и тутъ-же начертилъ живую картину, какѣ бы все это пошло, еслибъ деньги, еслибъ у разныхъ богатыхъ эгоистовъ было побольше патріотизма!.. Высоцкій, до нѣкоторой степени одушевленный пламеннымъ его разсказомъ, открылся ему, что у него есть талисманъ, могущій достать во всякую минуту весьма серьезную сумму: „видишь этотъ зеленый перстень: мнѣ далъ его графъ Ксаверій Браницкій, располагающій, какъ тебѣ, конечно, извѣстно, громадными средствами, и сказалъ: если тебѣ нужны будутъ деньги, пошли ко мнѣ этотъ перстень — дамъ хоть полцарствія моего! Возьми и пошли, не то поѣзжай къ Браницкому самъ!“

Милковскій послалъ къ Браницкому съ перстнемъ какого-то шляхтича изъ Волынской губерніи, Пашкевича; тотъ пропалъ безъ вѣсти и осталось неизвѣстнымъ, далъ-ли Браницкій два милліона франковъ и Пашкевичъ скрылся съ ними, можетъ быть, на другое полушаріе;— или Браницкій, осажденный въ то время со всѣхъ сторонъ тысячами подобныхъ требованій, не далъ ничего...

Время между тѣмъ летѣло. Ждать безконечно явленія не очень вѣрныхъ милліоновъ отъ Браницкаго было невозможно. Милковскій снова сталъ налегать на Высоцкаго, прося его достать хотя что нибудь. „Если нельзя вооружить въ Турціи 2,000 повстанцевъ (говорилъ онъ), то слѣдуетъ попробовать собрать хотя четвертую часть этого: человѣкъ 500—600 — и съ ними пробиться черезъ Молдавію на Русь, ибо отрядъ менѣе этого едва ли пробьется“.

Высоцкій отвѣчалъ: „погоди немного, дамъ тебѣ изъ собранныхъ на Руси денегъ 100,000 франковъ, а пока возьми вотъ эти 3,000 рублей!“ Милковскій взялъ и рѣшился дѣйствовать хотя съ такою

Библиотека "Руниверс"

малою суммой, какая была у него и у Сокульскаго на рукахъ, т. е. съ 8,000 рублей въ русскихъ кредитныхъ билетахъ, что̀ на франки составляло тогда 29,857 фр. 60 сант. Милковскій былъ одинъ изъ тѣхъ безумцевъ польской націи, къ разряду которыхъ принадлежали: Заливскій, Лапинскій, Мирославскій, Куржина... и мало ли ихъ на свѣтѣ! Задавшись какою нибудь задачей, онъ уже не могъ остановиться, а шелъ и шелъ до конца, какой-бы конецъ этотъ ни былъ...

Мы разсказали читателямъ „Историческаго Вѣстника" трагическое, невѣроятное плаваніе Лапинскаго по Балтійскому морю, съ сотней такихъ-же какъ онъ угорѣлыхъ повстанцевъ, искавшихъ Богъ знаетъ чего: смерти въ волнахъ, или — на русскомъ штыкѣ. Теперь разскажемъ точно такое-же странствіе Милковскаго по сушѣ и по водамъ, съ такою-же сотней или немного болѣе ратниковъ, тоже незнавшихъ опредѣленно, куда они идутъ, что они дѣлаютъ, и какія препятствія встрѣтятъ на дорогѣ.

Между тѣмъ Жондъ Народовый, не видя ровно никакихъ дѣйствій Милковскаго ни на Руси, ни на Востокѣ, и полагая, что все это происходило отъ неловкости разосланныхъ имъ туда и сюда агентовъ, предписалъ ему черезъ Высоцкаго, въ самомъ концѣ апрѣля по н. ст. 1863 г., отправиться, немедля ни минуты, въ Турцію и лично формировать тамъ отряды, при содѣйствіи Гарибальди, который обѣщалъ помощь людьми и оружіемъ [1]). (Будто-бы было приготовлено уже 600 человѣкъ и 800 штуцеровъ). Въ видѣ позолоченія пилюли, Жондъ Народовый возводилъ военнаго начальника 8-ми уѣздовъ Подольской губерніи изъ унтеръ-офицеровъ въ полковники! Лапинскій отъ „генерала" (какъ видѣли наши читатели) отказался (можетъ быть потому, что былъ и безъ того полковникъ русской службы), но унтеръ-офицеръ Милковскій принялъ чинъ полковника отъ Жонда съ удовольствіемъ и сталъ немедля подписываться имъ подъ всѣми бумагами.

Итакъ, дѣлать нечего, пришлось повиноваться! Милковскій взялъ у военнаго комиссара Жонда, Пршевлоцкаго, его французскій паспортъ и 3 мая н. ст. переѣхалъ съ нимъ молдаванскую границу въ Фолтычанахъ, поручивъ передъ тѣмъ своимъ румынскимъ агентамъ заготовлять для отряда, имѣющаго придти съ Востока, амуницію, оружіе, провіантъ, въ различныхъ пунктахъ соединенныхъ княжествъ, а также подговаривать кого случится изъ тамошнихъ поляковъ служить возстанію [2]).

---

[1]) Милковскій подозрѣвалъ здѣсь интриги князя Адама Сапѣги, который хотѣлъ распоряжаться на Руси какъ дома, направлять туда отряды, оружіе, агентовъ, по своему собственному усмотрѣнію. Милковскій этому мѣшалъ. Кромѣ того, Сапѣга считалъ его тайнымъ сторонникомъ Мирославскаго (Mierosławczykiem zakapturzonym), съ которымъ бѣлые всѣхъ захватовъ не хотѣли имѣть никакого дѣла.

[2]) Въ Молдавіи довольно поляковъ-ремесленниковъ. Милковскій полагалъ, что около 300 изъ нихъ можно будетъ завербовать: на дѣлѣ не пошелъ ни одинъ!

Библиотека "Руниверс"

Прибывъ въ Константинополь, Милковскій счелъ за нужное повидаться прежде всего съ агентомъ князя Владислава Чарторыскаго, Владиславомъ Іорданомъ, старымъ воякой, который позже командовалъ довольно большою бандою въ царствѣ, но увидѣлъ тотчасъ, что тутъ поживиться нечѣмъ: Іорданъ работалъ секретно для кавказской экспедиціи отеля „Lambert", вмѣстѣ съ какимъ-то Ленковскимъ, агентомъ Уркварта [1]). Въ ихъ распоряженіи находилось нѣсколько сотъ хорошихъ англійскихъ штуцеровъ и двѣ пушки, которыя хранились въ турецкихъ военныхъ цейхгаузахъ [2]). Кромѣ того, Іорданъ имѣлъ еще противъ Милковскаго и свой собственный зубъ, вслѣдствіе какой-то статьи, гдѣ онъ былъ изображенъ не очень красиво...

Толкнулся Милковскій и къ Садыкъ-пашѣ-Чайковскому, котораго тоже описалъ гдѣ-то въ невыгодномъ для него свѣтѣ, но Чайковскій, какъ добрый и незлопамятный хохолъ, забылъ эту обиду и очень дружески принялъ уполномоченнаго Жондомъ собирателя отрядовъ на Востокѣ и всячески обѣщалъ ему помогать. Изъ его казаковъ и драгуновъ дѣйствительно оказалось нѣсколько готовыхъ вступить въ ряды повстанскихъ дружинъ, которыя должны были отправиться изъ Турціи въ Польшу. Было бы и больше, еслибъ кавказскіе агенты отеля „Lambert" не подбивали ихъ идти въ другую сторону, обѣщая имъ при этомъ золотыя горы, а тутъ-молъ что вамъ дадутъ, какой нибудь прощалыга Милковскій!..

Изъ представлявшихся воображенію Жонда и Высоцкаго какихъ-то, неизвѣстно кѣмъ и когда завербованныхъ 600 ратниковъ, Милковскій нашелъ въ Константинополѣ только 120. Что касается 800 штуцеровъ, имѣвшихъ прибыть отъ Гарибальди, — они хоть и прибыли въ константинопольскій портъ, но были такъ небрежно уложены, что агенты нашего посольства, безпрестанно вертѣвшіеся у пристани, сейчасъ-же узнали, что это за кладь (кое-гдѣ изъ-подъ рогожъ просто-за-просто торчали стволы и штыки). Объ этомъ сообщено сейчасъ-же туркамъ—и они, волей-не-волей (хоть и мирволили полякамъ и смотрѣли на многія ихъ дѣйствія сквозь пальцы), должны были конфисковать таинственную посылку, и что потомъ ни дѣлалъ Милковскій, но выручить этихъ штуцеровъ уже не могъ. Онъ видѣлся даже по этому поводу и съ великимъ визиремъ, Фуадъ-пашею; тотъ обѣщалъ „похлопотать" (когда это отъ него вполнѣ зависѣло), но ничего не сдѣлалъ. Вѣроятно, штуцера̀ понравились туркамъ и они сочли за лучшее взять ихъ себѣ, чѣмъ давать... неизвѣстно кому и на что. Когда Милковскій откланивался великому визирю, послѣдній сказалъ ему, улыбаясь: „je vous croyais plus habiles!"

---

[1]) Этотъ-же самый Урквартъ сносился и съ Лапинскимъ, что̀ видно изъ записокъ послѣдняго. „Gazeta Narodowa" 1878.

[2]) Той-же самой фирмы, которая доставила ружья и пушки Лапинскому: Витвортъ и сынъ (Withwort and Sons).

Библиотека "Руниверс"

Предвидя въ Константинополѣ большія затрудненія при выводѣ отряда, когда онъ будетъ совсѣмъ готовъ, за городскую черту и маршированіи съ нимъ по людным предмѣстьямъ турецкой столицы, Милковскій рѣшился перенесть свое повстанское бюро въ Тульчу, небольшой, тихой городокъ въ устьяхъ Дуная, впрочемъ, съ пашею и значительнымъ гарнизономъ; но съ турецкими пашами и ихъ войсками Милковскій зналъ какъ ладить. Ему нужно было бѣжать и отъ „Чарторысцевъ", которые всячески сбивали его съ настоящей дороги, какая казалась ему прямѣе и соотвѣтственнѣе видамъ красной партіи захватовъ. Былъ, напримѣръ, такой случай: пріѣхалъ въ Константинополь новороссійскій агентъ Заремба и наткнувшись на Милковскаго и узнавъ, чѣмъ онъ занимается, предложилъ ему 10,000 франковъ, но черезъ нѣсколько дней, попавъ подъ перекрестный огонь кавказской экспедиціи, былъ уже совсѣмъ не тотъ: онъ усматривалъ болѣе выгодъ отъ этого предпріятія, чѣмъ отъ возни Милковскаго съ какими-то отрядами и сталъ просить выданныя ему деньги назадъ. „Высадимъ отрядъ въ Одессѣ, куда прибудетъ единовременно Менотти Гарибальди съ итальянцами и съ 6,000 черкесскихъ головорѣзовъ, которыхъ вербуютъ на Кавказѣ особые люди, имѣющіе на то весьма достаточныя средства. Вся эта масса отчаянныхъ, на все готовыхъ людей, легко возьметъ Одессу! А вѣдь это эффектъ не малый: взять у москалей Одессу! А!.. вѣдь старикъ Гарибальди взялъ-же съ марсальской тысячью Неаполь! Отчего-же сынъ его не можетъ взять Одессы, съ десятью тысячами такихъ-же кавказскихъ, итальянскихъ и польскихъ марсальцевъ?!.."

Милковскій плохо понималъ только свою собственную чепуху, когда приходилось нести ее передъ кѣмъ-нибудь, или писать на бумагѣ, но хорошо понималъ чепуху чужую: онъ отвѣчалъ Зарембѣ чтобы какъ нибудь отъ него отдѣлаться), что „переговоритъ обо всемъ этомъ обстоятельно съ агентомъ старика Гарибальди, полковникомъ Биксіо, жившимъ тогда въ Константинополѣ и можетъ быть согласится на высадку вербуемаго имъ отряда въ Одессѣ"... а самъ сталъ поспѣшно сбираться въ дорогу. Ему какъ-то не вѣрилось въ прибытіе черкесовъ съ Кавказа и Менотти Гарибальди изъ Италіи съ большимъ отрядомъ, которому нужно было пройти значительную часть Средиземнаго моря, потомъ—Дарданельскій проливъ, Босфоръ, Черное море и гирла Дуная такъ, чтобъ нигдѣ не возбуждать подозрѣній. А еслибъ наконецъ они и преодолѣли всѣ эти неимовѣрныя трудности и добрались до Одессы, то почему Одесса могла быть для этихъ „марсальцевъ" другимъ Неаполемъ? [1])...

---

[1]) Эти планы повстанцевъ дѣйствительно не осуществились. Сообразивъ всю нелѣпость подобнаго предпріятія, Менотти Гарибальди возвратилъ Жонду Народовому всѣ деньги (130,000 фр.), отпущенныя на формированіе итальянскаго отряда. „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, глава VIII, стр. 77, примѣчаніе.

Библиотека "Руниверс"

Составивъ съ разными военными поляками, находившимися тогда въ Константинополѣ, планъ своего похода черезъ Молдавію на Русь и поручивъ Сокульскому ходатайствовать у турокъ о выдачѣ конфискованнаго оружія или хоть выпросить „кавказскіе“ штуцера у Ленковскаго и, кромѣ того, условясь съ тѣмъ-же лицомъ о способѣ доставленія въ Тульчу навербованныхъ людей (небольшими партіями, на французскихъ, нѣмецкихъ и другихъ пароходахъ, въ видѣ рабочихъ, на уборку казацкихъ полей въ Добруджѣ), Милковскій выѣхалъ въ Тульчу между 20—23 мая н. ст. 1863. Разумѣется, прежде всего представился онъ Рашиду-пашѣ и другимъ высшимъ чиновникамъ города. Паша зналъ, кто такой Милковскій и что онъ намѣренъ дѣлать въ Тульчѣ, но рѣшился до поры до времени ни во что не мѣшаться.

Милковскій взялся за дѣло горячо. Ему сильно помогалъ во всемъ расторопный начальникъ его „штаба“, майоръ Зима, прибывшій изъ Англіи. Отрядъ формировался живо. Явилось, какъ-бы какимъ-то волшебствомъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, три роты (т. е. какъ и у Лапинскаго, въ сущности кадры будущихъ ротъ) и названы первымъ батальономъ. Каждый ратникъ (солдатъ и офицеръ) имѣлъ „казенную квартиру“ и получалъ въ день 3 піастра [1]). Мундиры этихъ ратниковъ (хранившіеся на какой-то нѣмецкой мызѣ, за городомъ), состояли изъ: кителя сѣраго полотна и такихъ-же штановъ, шапки-рогативки синяго цвѣта, съ красными кантами и козырькомъ. На ногахъ—то башмаки, то сапоги, смотря по мѣстности, гдѣ придется отряду идти. По кителю висѣла на черномъ ремнѣ сумка съ патронами, а съ другой стороны, черезъ плечо — бѣлое одѣяло, свернутое въ трубку; наконецъ — мѣшокъ вмѣсто ранца на спинѣ, съ бѣльемъ и всякими другими солдатскими пожитками. Время отъ времени войско это училось за городомъ маршировать и всему тому, чему можно было учиться безъ ружей, которыхъ съ часу на часъ поджидали изъ Константинополя. Гарибальдійскіе штуцера такъ и застряли гдѣ-то, а „кавказскіе“ числомъ 200, Ленковскій обѣщалъ взять у турокъ и передать въ распоряженіе Сокульскаго. Да было куплено еще 120 греческихъ штуцеровъ въ Аѳинахъ; наконецъ — собрано въ Молдавіи 56 карабиновъ и 39 охотничьихъ ружей. Милковскому сказали его друзья изъ мѣстныхъ жителей, что „оружіе черезъ портъ въ Тульчу не пройдетъ никоимъ образомъ; нужно придумать какой-нибудь другой способъ доставки, чтобы турки вовсе не знали, что оружіе проѣхало; а если потомъ и узнаютъ, то вѣроятно не возьмутъ“. Милковскій придумалъ слѣдующее: доставить оружіе изъ Константинополя на парусномъ купеческомъ суднѣ къ мысу Кара-Орманъ, не такъ далеко

---

[1]) Цѣна этой полумѣдной монеты подвижная, отъ 7—10 коп. на наши деньги. Піастръ заключаетъ въ себѣ 40 пара—монета несуществующая, но есть мѣдныя монеты въ 5 и въ 10 пара.

Библиотека "Руниверс"

отъ Тульчи, а оттуда перевезть его, въ окрестности города, на возахъ, хозяевамъ которыхъ (бѣднымъ польскимъ ремесленникамъ) пригрозить, что если только кто изъ нихъ проболтается, что ѣздилъ въ Кара-Орманъ за штуцерами, то будетъ убитъ.

Когда была получена шифрованная телеграмма (въ концѣ іюня по н. ст.), что судно съ оружіемъ вышло изъ константинопольскаго порта, Милковскій отправилъ къ Кара-Орману расторопнаго офицера Холевинскаго, съ нѣсколькими подводами. Холевинскій простоялъ въ голой степи, подъ палящими лучами солнца, одиннадцать дней и проглядѣлъ, что называется, всѣ глаза. Наконецъ, утлая ладья причалила къ Кара-Орману: когда стали выгружать драгоцѣнную, такъ долго ожидаемую съ мучительнымъ нетерпѣніемъ кладь, оказались только одни греческіе карабины въ томъ видѣ, какъ они были пріобрѣтены въ Аѳинахъ: гладкіе стволы, со старыми, ослабшими замками, гдѣ курокъ не всегда разбивалъ пистонъ. Вмѣсто-же 200 англійскихъ штуцеровъ, присланныхъ изъ Англіи Ленковскому для кавказской экспедиціи, а имъ пожертвованныхъ на экспедицію Милковскаго, явилось 40 русскихъ кремневыхъ ружей, передѣланныхъ на пистонные! Самые пистоны были такого свойства, что не лѣзли на стержни! Пришлось опиливать послѣдніе, а замки передѣлывать. Это заняло довольно времени у нѣсколькихъ поляковъ-слесарей вдругъ, послѣ того, какъ оружіе переѣхало благополучно изъ Кара-Ормана въ Тульчу и было упрятано въ какіе-то загородные сараи.

Наконецъ все было готово, куплены вьючныя лошади, разные мелкіе предметы, необходимые отряду при движеніи, какъ напр. котелки, таганы, рожны и т. п.; осмотрѣны подробно дунайскіе берега между Тульчею и Исакчею. Оставалось только переправиться черезъ Дунай, т. е. сдѣлать самый важный шагъ!

Само собою разумѣется, что какъ за приготовленіями экспедиціи Лапинскаго въ Лондонѣ, такъ и за всею подобною возней Милковскаго въ Тульчѣ, слѣдила русская тайная полиція. Здѣсь тоже были свои Полесы-Тугендбольды и Туры. Они доносили обо всемъ, что только замѣчали, своему начальству въ Одессу, въ Каменецъ-Подольскъ, въ Галацъ и Сулинъ, гдѣ объ эту пору постоянно держались два русскія военныя судна, которымъ было предписано, какъ только поляки тронутся изъ Тульчи по Дунаю, сейчасъ-же сняться съ якоря, догнать Милковскаго и весь его отрядъ забрать или утопить. Кромѣ того, въ самомъ началѣ іюля по н. ст., прибылъ изъ Одессы какой-то грекъ [1]) и скоро по-

---

[1]) Изъ своихъ пріѣзжалъ къ Милковскому въ Тульчу Жвирждовскій, сейчасъ-же послѣ упадка могилевскаго возстанія. Онъ искалъ спасенія въ Турціи, но потолкавшись тамъ и скучая безъ дѣла, отправился въ Краковъ и вскорѣ затѣмъ появился начальникомъ банды въ Радомской губерніи, подъ именемъ Топора. Печальный конецъ его извѣстенъ. („Русская Старина“ 1879, Польское возстаніе, гл. X, стр. 667).

Библиотека "Руниверс"

знакомился съ Милковскимъ, который еще до пріѣзда его зналъ, черезъ французскаго вице-консула Делювье (Deluvier), что онъ будетъ къ нимъ въ гости. Грекъ жаловался полковнику на Іордана, что тотъ не принялъ отъ него услугъ по части доставки оружія и другихъ предметовъ внутрь края, т. е. въ Малороссію или куда прикажутъ; говорилъ, что онъ имѣетъ торгово-контробандныя сношенія съ Одессой, съ Балтой, съ Аккерманомъ, Ямполемъ, Могилевомъ и Каменецъ-Подольскомъ; что конечно безвозмездно трудиться онъ не станетъ, но во всякомъ случаѣ возьметъ меньше, нежели всѣ другіе и доставитъ вѣрнѣе; что у него въ распоряженіи нѣсколько мелкихъ судовъ и лодокъ; люди, ими управляющіе, знаютъ въ Черномъ морѣ, въ Дунаѣ, въ озерѣ Ялпухѣ, Кагулѣ и другихъ всѣ ходы и выходы".

Милковскій сказалъ ему, что „подумаетъ и пришлетъ за нимъ, когда будетъ нужно".

Грекъ довольно часто встрѣчался потомъ съ полковникомъ въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ, главнѣйшимъ образомъ на базарѣ, гдѣ, въ восточныхъ городахъ, обыкновенно толчется цѣлый день все мужское населеніе. Они говорили между собою какъ знакомые люди. Грекъ высказывалъ свои мысли о настоящей свободѣ, объ отвращеніи, какое питаютъ къ русскимъ истинные греческіе патріоты; говорилъ даже о какихъ-то личныхъ непріятностяхъ и преслѣдованіяхъ, испытанныхъ имъ въ Россіи и требующихъ возмездія...

Однажды Милковскій, (когда все рѣшительно было приготовлено къ переправѣ черезъ Дунай) пригласилъ этого грека къ себѣ и сказалъ ему: „дайте мнѣ честное слово, что вы намъ не измѣните"—и тутъ взглянулъ ему прямо въ глаза. Грекъ выдержалъ этотъ взглядъ очень спокойно и отвѣчалъ такъ: „если вы мнѣ не довѣряете, полковникъ, то... лучше не будемъ ни объ чемъ говорить! Я уйду, горько сожалѣя, что вы лишили меня возможности служить вашему дѣлу, столь для меня великому и святому, какъ будто это дѣло было дѣломъ моей родины. Конечно, я не имѣю никакихъ особенныхъ правъ на ваше довѣріе; не будемъ лучше говорить вовсе!" „Можете-ли вы переправить черезъ Дунай нашъ отрядъ?" спросилъ послѣ этой тирады Милковскій. „Могу, гдѣ и когда прикажете!" былъ отвѣтъ. „Поклянитесь, что вы не измѣните нашей тайнѣ!" „Клянусь! Клянусь моей Греціей, моимъ отечествомъ, которое люблю, какъ вы Польшу! Клянусь священнымъ прахомъ моихъ отцовъ!" И приэтомъ поднялъ къ верху руку, сложивъ пальцы, какъ складываютъ ихъ православные для крестнаго знаменія.—„Довольно! сказалъ Милковскій:

Заглядывали еще въ Тульчу два французскіе офицера, пріятели Рошебрюна (послѣ его исторіи съ Высоцкимъ въ Краковѣ. „Русская Старина", Польское возстаніе, гл. II стр. 427) и предлагали Милковскому услуги „генерала" въ качествѣ начальника польскаго отряда, когда онъ сформируется. Милковскій отвѣчалъ имъ, что мѣсто въ отрядѣ для такого храбраго офицера всегда найдется, но только не въ видѣ главнаго начальника, такъ; какъ онъ не можетъ командовать по-польски.

Библиотека "Руниверс"

объявляю вамъ, что я собралъ отрядъ и намѣренъ съ нимъ высадиться у Аккермана. Приготовьте мнѣ все нужное для этого. День, когда мы отсюда двинемся, будетъ вамъ скоро сообщенъ!" „А сколько людей и лошадей должны мы будемъ поднять?"—„Тысячу человѣкъ и сто лошадей!"

Грекъ обѣщалъ заняться приготовленіями ту-же минуту, откланялся Милковскому—и только его и видѣли. Сообщивъ, что считалъ нужнымъ, рускому консулу въ Измаилѣ, онъ въ ту-же ночь ускакалъ на перекладныхъ въ Одессу. Оттуда двинули большой отрядъ къ Аккерману на подводахъ...

Тѣмъ временемъ Милковскій отдавалъ послѣднія приказанія. За три дня до выхода отряда изъ города, майоръ Зима посланъ былъ въ Сулинъ, на отходившемъ туда французскомъ пароходѣ, какъ-бы простой вояжеръ, съ мѣшкомъ черезъ плечо, гдѣ заключалось десять штукъ револьверовъ. Онъ долженъ былъ розыскать тамъ нанятое итальянскимъ вицеконсуломъ въ Сулинѣ, г-мъ Джесси (Jessy) англійское паровое судно и съ нимъ прибыть, въ извѣстномъ часу, вечеромъ съ 11 на 12 іюля н. ст., къ заранѣе указанному пункту, между Тульчей и Исакчей, насупротивъ ветловыхъ кустовъ,—и тутъ отрядъ долженъ пересѣсть на палубу судна, со всѣми своими пожитками и лошадьми. Дальнѣйшее странствіе зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ...

Наканунѣ задуманнаго Милковскимъ выхода, 10 іюля н. ст., пришло отъ Зимы такое письмо:

„Покамѣстъ дѣлà идутъ кое-какъ, но трудно мнѣ возиться съ греками [1]): такъ трусятъ, такъ трусятъ! И золото не помогаетъ! Если случится что либо непредвидѣнное, чтò потребуетъ измѣненія нашего плана, я телеграфирую: La marchandise est avariée, j'ai commandé d'autre. Это значитъ: „не трогайся съ мѣста:" Я былъ на англійскомъ военномъ пароходѣ: капитанъ уже далъ знать коменданту въ Галацъ, чтобы онъ не спускалъ глазъ съ русскаго парохода. Въ крайнемъ случаѣ совѣтуетъ овладѣть русскимъ судномъ, полагая, что оно не станетъ стрѣлять въ англійскій флагъ. Нашъ пароходикъ довольно силенъ, смотритъ, какъ стимеры Лойда. Не забудь соблюсти въ точности слѣдующее:

1. Чтобы сигнальщикъ былъ на своемъ мѣстѣ и чтобы могъ увидѣть нашъ сигналъ издалека. Я буду на кормѣ и спущу бѣлый платокъ.

2. Чтобъ берегъ былъ повыше: иначе съ лошадьми будетъ неимовѣрная возня. Нужно пріискать мѣсто, гдѣ-бы можно было причалить къ берегу вплоть.

3. Коммуникація съ Измаиломъ и Галацомъ должно-быть прервана—помни объ этомъ!

---

[1]) Поставлено вмѣсто „англичанами".

Библиотека "Руниверс"

4. Берегитесь, чтобы австрійскій пароходъ, выходящій изъ Галаца по воскресеньямъ, не увидѣлъ васъ какъ-нибудь. Онъ пройдетъ мимо васъ въ 7½ часовъ.

Употреблю всевозможныя старанія, чтобъ быть на мѣстѣ въ означенную пору. Говорятъ однако, будто-бы въ Ялгани, ниже Тульчи, пароходы, по закатѣ солнца, не пропускаются.

Ф. З."

11 числа іюля н. ст. начальникъ отряда сдѣлалъ перекличку всѣмъ людямъ, состоявшимъ подъ его командой: было всего навсе 258 человѣкъ и 7 лошадей. 1-я и 3-я роты стояли въ Тульчѣ, 2-я около мили оттуда, въ нѣмецкой колоніи Франценсталь. Какъ только были розданы магазинеромъ, поручикомъ Кентршинскимъ, по ротамъ мундиры, шапки, патронташи и походная обувь—паша прислалъ за Милковскимъ.

— Собираешься, полковникъ? сказалъ онъ ему, когда тотъ вошелъ.

— Собираюсь, отвѣчалъ Милковскій: не хочу больше злоупотреблять добрымъ къ намъ расположеніемъ и гостепріимствомъ Высокой Порты!

— Не въ этомъ дѣло, возразилъ паша, а въ томъ, чтобы Турція не была изъ за васъ какъ нибудь скомпрометирована. Я не стану распространяться о томъ, что мы къ вамъ дѣйствительно расположены, но... политика часто заставляетъ обходиться съ самыми близкими друзьями, какъ съ врагами.

Милковскій молчалъ.

— Но я всетаки не желалъ-бы васъ третировать, какъ непріятелей (началъ снова паша); я бы желалъ устроить дѣло такъ, чтобы и вы ушли, и мы не были скомпрометированы. Какъ думаешь: есть на это средство?

— Есть, отвѣчалъ Милковскій: отворотитесь и не смотрите, когда мы соберемся и пойдемъ; а когда уйдемъ, подымите шумъ, пошлите насъ догонять... вѣдь бываютъ-же на свѣтѣ случаи, что одни другихъ проводятъ: вотъ и вы скажите, что мы васъ провели, поступили съ вами неблагородно. Словомъ, всю вину свалите на насъ!

— Нѣтъ, такъ не годится! Надо выдумать что-нибудь другое!.. приди-ка часика черезъ два опять, а тѣмъ временемъ подумай, и я подумаю, авось что-нибудь и выдумаемъ! Вѣрь только, что я дѣйствую, какъ человѣкъ, желающій вамъ всего лучшаго! Вѣришь?

— Вѣрю! И съ этимъ разстались.

Черезъ два часа Милковскій явился къ пашѣ опять.

— Вотъ что я придумалъ, сказалъ паша: необходимо тебѣ разстаться съ тридцатью молодцами! Какъ-только вы двинетесь, наши войска арестуютъ всѣхъ вашихъ солдатъ, не трогая офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и сержантовъ. Изъ арестованныхъ выбери то, что тебѣ не очень нужно; я отошлю этотъ народъ въ Константинополь,

Библиотека "Руниверс"

при бумагѣ, въ которой распишу какъ слѣдуетъ все случившееся. Арестъ произойдетъ между 10 и 4 часами. При закатѣ солнца арестованыхъ выпустятъ и ты дѣлай съ нимъ что́ хочешь!

Какъ ни было прискорбно Милковскому разставаться хотя бы и съ такимъ небольшимъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ (все это были ветераны 1831 года, попавшіе въ Турцію разными путями и хотѣвшіе не меньше молодыхъ увидѣть на старости лѣтъ родную землю), но дѣлать было нечего! Торговаться съ пашею было неловко и неприлично, да и ни къ чему-бы не привело. Какъ выражаются поляки въ подобныхъ случаяхъ: „Sprawa była z Sarmatą!“ [1])

Полковникъ велѣлъ отряду готовиться къ выступленію. Люди одѣлись, вооружились, пошли-было очень весело по дорогѣ, которая была указана начальствомъ (разумѣется, о переговорахъ Милковскаго съ пашею никто ничего не зналъ). Вдругъ, откуда ни возьмись, турки! Наскочили какъ звѣри! Аресты произошли по всѣмъ правиламъ, однакоже нѣсколько солдатъ успѣли бѣжать и попрятаться въ густомъ бурьянѣ, котораго за городомъ цѣлыя рощи. Изъ третьей роты турки арестовали только трехъ! По городу ходилъ приказъ паши, начинавшійся словами: „Будучи принужденъ принять суровыя мѣры противъ польскихъ бродягъ, замышлявшихъ что-то недоброе, я сдѣлалъ сегодня распоряженіе“... и т. д.

Милковскій собралъ не арестованныхъ на сборномъ пунктѣ, за нѣмецкимъ предмѣстьемъ, гдѣ былъ большой садъ и велѣлъ имъ стоять тамъ, не трогаясь съ мѣста, до девяти часовъ вечера, ожидая приказанія, какое не преминетъ послѣдовать. Кошки скребли у него на сердцѣ. Участь арестованныхъ представлялась ему до того невѣрной, какъ будто ихъ уже не стало на свѣтѣ. Турецкій арестъ и обѣщанія совсѣмъ не то, что́ всякій другой арестъ и обѣщанія! Слишкомъ довѣрять имъ не возможно... въ оставшихся рядахъ раздавались жалобы и ропотъ. Спрашивали: „какъ-же мы пойдемъ и куда, въ такомъ маломъ числѣ?“—„Не малое число, проворчалъ Милковскій: у насъ еще не тронутая рота въ Франценсталѣ!.. Да хоть-бы 20, хоть бы только 10 человѣкъ осталось—все-таки надо идти!“

Въ 9 часовъ вечеромъ онъ явился, сильно разстроенный и смущенный къ пашѣ. Тотъ былъ также разстроенъ; лицо его было блѣдно.

— Что̀, развѣ ужъ пора? проговорилъ онъ, увидя вошедшаго къ нему полковника.

— Пора!

— Ну, такъ какъ-же?..

— Надѣлали вы намъ дѣлъ, нечего сказать!

---

[1]) Слово въ слово: „дѣло было съ Сарматой“. Въ переносномъ значеніи: „съ человѣкомъ рѣзкимъ, неуступчивымъ, который, что̀ ни говори, не подастся, настоитъ на своемъ“.

Библиотека "Руниверс"

— А что?

— Разбили, разстроили отрядъ совсѣмъ! Кто его теперь соберетъ?

— Я приказывалъ не пугать, арестовать осторожно.

— А вотъ они напугали!

— Что дѣлать, сила вещей этого требовала!.. выходишь?

— Выхожу!

Паша ударилъ въ ладоши и велѣлъ позвать какого-то чиновника. Когда тотъ вошелъ, онъ ему шепнулъ что-то, потомъ, обращаясь къ Милковскому, сказалъ: „люди твои будутъ сейчасъ выпущены"!

Наступило прощаніе. Паша разчувствовался, желалъ полякамъ всякихъ успѣховъ на полѣ брани; совѣтовалъ Милковскому, выходя изъ города, держаться подальше отъ турецкихъ лагерей и объяснилъ даже, гдѣ именно они расположены. Милковскій благодарилъ за все это—и черезъ какихъ-нибудь полчаса очутился со своимъ отрядомъ. Арестованные подходили кучка за кучкой. Никто изъ нихъ не могъ понять, что такое дѣлается. Иные объясняли себѣ это арестованіе и потомъ выпусканіе условіемъ ихъ начальника съ пашею, чтобы они до вечера не подпили, а всѣ до одного были трезвы и крѣпко держались на ногахъ передъ походомъ.

Отрядъ собрался почти весь и почти всѣ были вооружены: къ привезеннымъ и имѣвшимся въ цейхаузѣ 160 ружьямъ Милковскій прикупилъ въ Тульчѣ и окрестностяхъ еще 20 охотничьихъ ружей, вышло всего 180, а людей осталось, за выбывшими, 213 человѣкъ. Стало, безъ ружей было только 33 человѣка. Имъ роздали пики, которыя хранились въ галацкомъ складѣ повстанскихъ вещей въ значительномъ количествѣ, т. е. наконечники, а подѣлать къ нимъ древки было уже не долго и не трудно.

Собравъ всѣхъ къ одному пункту, Милковскій подвязалъ себѣ палашъ и сдѣлалъ своему войску Наполеоновскій „ночной смотръ." Затѣмъ отдалъ приказъ снять съ ружей штыки, маршировать осторожно и тихо, трубокъ не курить, громко не разговаривать—и отрядъ тронулся проселочными дорогами и разными ущеліями, слѣдуя указаніямъ одного мѣстнаго поляка Вытвицкаго, который былъ охотникомъ и зналъ окрестности Тульчи во всѣхъ направленіяхъ превосходно. Онъ велъ соотчичей къ тому пункту, гдѣ нужно было ждать парохода. Когда спустились къ берегу Дуная, поросшему высокимъ камышомъ, стало свѣтать, но опасности уже не было: въ случаѣ надобности всѣ могли укрыться въ камышъ. Въ восьмомъ часу утра, уйдя отъ города мили три, отрядъ встрѣтилъ какого-то стараго турка, ѣхавшаго въ тележкѣ. Боясь, чтобы онъ не поднялъ въ Тульчѣ шуму, арестовали его и вошли затѣмъ въ камыши, чтобы не имѣть еще такихъ-же исторій съ прохожими и проѣзжими изъ Исакчи въ Тульчу и обратно, которыхъ число, часъ отъ часу, должно было увеличиваться. Тутъ и рѣшились дожидаться парохода, а не въ ветловыхъ кустахъ, до которыхъ было еще довольно далеко. Милковскій,

Библиотека "Руниверс"

выбравъ берегъ повыше, сѣлъ на него, замѣняя сигнальщика и сталъ смотрѣть, съ замирающимъ сердцемъ, въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться пароходъ. Прошло часа два. Пароходъ не показывался. Ратники въ камышѣ поснули. Наконецъ, около 10 часовъ, мелькнулъ вдали пароходъ: Милковскій устремилъ на него глаза и убѣдясь, по разнымъ соображеніямъ, что это тотъ самый, который долженъ ихъ поднять, далъ знакъ—на пароходѣ сверкнулъ бѣлый платокъ. „Вставать!“ крикнулъ полковникъ.

— Вставать, вставай! — загремѣли голоса по камышамъ. „Батальонъ“ поднялся, построился, штыки заблестѣли на солнцѣ; польская команда маіора Ягмина громко пронеслась по рядамъ впервые. Всѣ лица засіяли. Мечты каждаго солдата и каждаго офицера полетѣли Богъ знаетъ куда... Одинъ лишь полковникъ задумчиво перекидывалъ свой взглядъ на ту сторону Дуная, за другіе камыши, за озеро Ялтухъ, синѣвшее вдалекѣ, за городъ Болградъ—столицу Болгарскихъ поселенцевъ Бессарабіи... тамъ, за этими камышами, трясинами, полями и городами представлялись предводителю безпардонной кучки его соотечественниковъ такія препятствія, которыя другимъ и не снились. Въ Измаилѣ стоялъ отрядъ румынъ, въ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Калинеску; въ Галацѣ и Рени—1000 человѣкъ пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Ману; въ Фокшанахъ—батальонъ стрѣлковъ; въ Яссахъ — пѣхотный полкъ, кавалерія и артиллерія; надъ Прутомъ, начиная отъ Скулянъ, внизъ по рѣкѣ, былъ растянутъ пѣхотный батальонъ; въ каждомъ обводовомъ городѣ, какими были: Измаилъ, Кагулъ, Галацъ, Текучъ, Фокшаны, Бырлатъ, Васлуя, Гучъ и Яссы, находилось непремѣнно по нѣскольку десятковъ жандармовъ, пѣшихъ и конныхъ, такъ-что всего на-все у румынскаго правительства было въ тѣхъ мѣстахъ около 5,300 человѣкъ. Дальше, въ Бендерахъ, стоялъ русскій Замосцьскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Леченко; въ Кишиневѣ—Люблинскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Челищева; въ Бѣльцахъ—Пражскій полкъ; въ Хотинѣ—Модлинскій. По границѣ Молдавіи растянуто было два казачьихъ полка. Все это состояло подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кишинскаго. Наконецъ, въ Новороссійскомъ краю, собраны были значительныя силы, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Коцебу, тысячъ по крайней мѣрѣ 16, съ кавалеріей и артиллеріей. И на всѣ эти массы штыковъ, сабель и пушекъ, лѣзло двѣ сотни взбалмошныхъ поляковъ, съ надеждой пробиться въ отчизну, или хоть въ Малороссію!

Разумѣется, прежде всего приходилось имъ вѣдаться съ румынами. Милковскій отправилъ къ нимъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, слѣдующую прокламацію, на французскомъ языкѣ, сочиненія французскаго вицеконсула въ Тульчѣ, Делювье, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы ее читали румыны тогда, когда польскій отрядъ пойдетъ уже по ихъ землѣ:

Библиотека "Руниверс"

„Румыны!

„Какъ поляки, мы не можемъ обращаться къ европейскимъ кабинетамъ, заключать съ ними трактаты и договоры. Намъ остается только въ отношеніи васъ, а равно и всего цивилизованнаго свѣта, предъявлять прямо наши намѣренія и цѣли. Вотъ они:

„Я веду черезъ соединенныя княжества вооруженный отрядъ и этимъ нарушаю нейтральность вашей земли.

„Но передъ лицомъ Господа Бога и передъ лицомъ Европы, отъ имени моихъ товарищей и моего собственнаго, свидѣтельствую, что мы дѣлаемъ это въ крайности.

„Для насъ не существуетъ другой альтернативы, кромѣ лишь той, что—либо вовсе не являться на призывъ отечества, либо—пройти черезъ вашу землю. Мы выбираемъ послѣднее—и пусть насъ судитъ свѣтъ!

„Знайте: мы приходимъ какъ друзья ваши. Мы будемъ свято хранить неприкосновенность вашихъ личныхъ правъ и имущества. Но если-бы ваше народное чувство было почему-либо возмущено тѣмъ, что вы увидите насъ вдругъ у вашихъ очаговъ, то подумайте, что вѣдь мы—сегодня солдаты, идущіе сражаться за независимость отечества, люди, лишенные всякихъ правъ, а завтра—можемъ быть мученики!

„А враги наши развѣ не нарушали неприкосновенности чужихъ земель? Развѣ не переходили неоднократно на Прусскую землю, чтобы маневрировать противъ поляковъ? Въ послѣднее время русскіе стрѣлки развѣ не стрѣляли въ польскіе отряды съ территоріи австрійской?

„Что дѣлаютъ они для нанесенія намъ вѣрнѣйшаго и жесточайшаго пораженія, почему это-же самое не можетъ быть дозволено намъ единственно ради нашего спасенія, намъ, не имѣющимъ никакого достоянія, кромѣ сердца, да плечей; никакихъ правъ, кромѣ естественныхъ; никакихъ союзниковъ, кромѣ правосудія Всемогущаго да совѣсти честныхъ людей?..

„Пропустите-же насъ, ибо мы идемъ биться противъ враговъ цивилизаціи и свободы!

„Пропустите насъ, потому что... мы должны пройти во что бы то ни стало!

„Не забывайте, что народы наши связаны между собою братскими узами и что пролитая кровь ляжетъ на того изъ насъ, кто первый затронетъ.

„А когда неравно найдутся, кто обвинитъ насъ передъ вами, вооружитесь противъ насъ хотя хладнымъ правомъ закона, отвѣтьте и пусть каждый человѣкъ съ сердцемъ отвѣтитъ вмѣстѣ съ вами:

„Какой судъ обвинитъ сына за то, что онъ перешелъ черезъ поле сосѣда, спѣша на помощь матери, когда на нее занесъ руку убійца?

„12 іюля 1863.

Начальникъ отряда полковникъ Сигизмундъ Милковскій“.

Библиотека "Руниверс"

Но не смотря на всѣ эти цвѣты краснорѣчія, на всѣ эти пышныя фразы, которыя устраивались въ Тульчѣ долго и старательно нѣсколькими лицами вдругъ, подъ главной редакціей французскаго вице-консула, румыны ничуть ими не тронулись; они даже сочли оскорбительнымъ и нахальнымъ выраженіе: „мы должны пройти во что бы то ни стало!“ [1]), выраженіе, сказанное громко кучкой вооруженныхъ кое-какъ бродягъ цѣлому народу, имѣющему значительную армію! Это было нѣчто въ родѣ брошенной въ лицо противнику перчатки. Съ этой фразой всѣ въ Румыніи не мало носились и не мало надъ нею смѣялись. „Только поляки могутъ написать и напечатать что-либо подобное!“ говорили иные. „Вотъ я имъ покажу quand même“—воскликнулъ князь Куца прочитавъ прокламацію—и приказалъ тутъ-же ближайшимъ къ Тульчѣ отрядамъ, преимущественно Измаильскому, слѣдить сколь-возможно внимательнѣе за поляками, которые должны придти изъ Турціи, и лишь только они покажутся, окружить ихъ, обезоружить и арестовать всѣхъ до единаго. Никакой стычки съ ними онъ не допускалъ, зная очень хорошо, сколько ихъ именно, но не зная характера поляковъ, которые, при какихъ угодно условіяхъ, способны повторить безумную атаку Сомо-Серра.

Когда Милковскій, со своими безпардонными ухарями, проплывъ съ большими опасностями (такъ что маленькій пароходикъ едва-едва не затонулъ) высадился поневолѣ совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ, и пошелъ куда глаза глядятъ, среди страшныхъ, можно сказать дремучихъ тростниковъ, нерѣдко самъ себѣ прокладывая дорогу, неслыханно измучился и измучилъ своихъ солдатъ (они ободрали и обтерли себѣ ноги, платье и обувь) и радъ былъ радостью, что его нанесло наконецъ на какой то монастырь [2]), гдѣ онъ могъ отдохнуть, поѣсть, напиться сноснаго вина и какъ слѣдуетъ выспаться: въ это самое время, два чернеца, подобравши свои длинныя полы, слетали какъ птицы въ Измаилъ и дали знать полковнику Калинеску, что „поляки у нихъ, подъ монастыремъ, можно всѣхъ ихъ накрыть безъ всякаго боя!“

Калинеску снялся со своимъ отрядомъ, какъ только могъ поспѣшно, на подводахъ, ночью съ 12 на 13 іюля н. ст. Но когда прибылъ къ монастырю, Милковскаго тамъ уже не было. Можетъ статься, чуя грозу, а можетъ и видѣвъ, просто-за-просто, какъ чернецы летали къ Измаилу, онъ разбудилъ отрядъ свой очень рано, 13 іюля, и пошелъ форсированнымъ маршемъ на деревню Этюликіой, лежащую въ верховьяхъ озера Кагулъ, гдѣ разсчитывалъ немного отдохнуть и

---

[1]) Въ подлинникѣ „quand même“.

[2]) Это былъ Ѳерапонтовъ монастырь, въ 28 верстахъ отъ Измаила, воздвигнутый по обѣту государя Николая Павловича, который съ этого пункта наблюдалъ за переправой нашихъ войскъ черезъ Дунай, въ 1828 году, и подлѣ него вдругъ упала бомба, не причинивъ ему никакого вреда.

Библиотека "Руниверс"

снова идти къ одному пункту на берегу Прута, гдѣ ждали его лодки, а потомъ, на другомъ, правомъ берегу — подводы: по крайней мѣрѣ все это было обѣщано агентами, заправлявшими дѣлами возстанія въ Молдавіи. Такимъ образомъ, Милковскій думалъ уйдти отъ преслѣдованія Калинеску, (еслибъ тотъ шелъ, а не ѣхалъ). Другихъ румынскихъ отрядовъ поляки не очень боялись: всѣ они стояли довольно далеко; могъ развѣ придти еще отрядъ изъ Галаца. Вдругъ, на разсвѣтѣ 14 іюля н. ст., когда польскій отрядъ снова двинулся въ походъ, только самъ командующій оставался еще, съ нѣсколькими штабными, въ деревнѣ,—крестьяне послѣдней и жандармъ, захваченный на дорогѣ, дали знать, что Калинеску показался на высотахъ, по сю сторону рѣки! Потомъ онъ прошелъ, въ густыхъ колоннахъ, черезъ деревню и за нею, въ одной долинѣ, близь рѣки Кагула, развернулъ свои силы и построилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, разсыпавъ впереди цѣпь стрѣлковъ, а къ полякамъ послалъ парламентеромъ маіора Скилетти, который потребовалъ отъ Милковскаго исполненія двухъ условій: 1) остановить отрядъ, находившійся въ походѣ; 2) переговорить лично съ полковникомъ Калинеской.

Въ первомъ Милковскій отказалъ наотрѣзъ, а второе согласился исполнить туже минуту, съ тѣмъ только, чтобы встрѣча произошла въ серединѣ, между авангардомъ румынъ и тыломъ уходившаго отряда поляковъ.

Калинеску выѣхалъ въ назначенный пунктъ верхомъ, одинъ безъ всякихъ провожатыхъ и потребовалъ отъ Милковскаго (бывшаго тоже верхомъ) немедленной сдачи оружія и удаленія всего отряда за Дунай. Милковскій отвѣчалъ, что сдѣлаетъ это развѣ только по принужденію.

— Я имѣю на это средства, сказалъ Калинеску, показавъ на свои войска.

— Попробуйте! проговорилъ Милковскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумайте, что скажетъ Европа о пролитіи крови людей, идущихъ на спасеніе отчизны!

— Что мнѣ за дѣло до вашей отчизны; я имѣю предписаніе отъ своего правительства, которому долженъ повиноваться: я солдатъ!

— И я тоже солдатъ, и на мнѣ лежитъ обязанность отвести отрядъ въ Польшу! сказалъ Милковскій.

— Отчего-жъ вы не просили позволенія у моего правительства законнымъ путемъ, чтобы оно дозволило вамъ пройти черезъ нашу территорію?

— Я зналъ, что мнѣ откажутъ.

— Теперь мнѣ ничего другого не остается, какъ васъ атаковать. закончилъ Калинеску.

— Исполняйте свои обязанности! проговорилъ Милковскій—и они разстались.

Догнавъ отрядъ, Милковскій остановилъ его и сказалъ солдатамъ, что за ними стоитъ непріятель, который намѣренъ ихъ атаковать и

Библиотека "Руниверс"

заявилъ, чтобы поляки сложили оружіе, а сами воротились за Дунай.

— Я отвѣчалъ, что мы оружія не сложимъ: пусть приходятъ и вырываютъ его у насъ изъ рукъ!

— Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ полковникъ! рявкнули солдаты и потомъ запѣли: Jeszcze Polska nie zginęła!

Командиръ третьей роты, поручикъ Бржозовскій, пришелъ въ такой азартъ, что сказалъ полковнику: „мои люди пойдутъ прямо на штыки, не стрѣляя, какъ Чвартаки [1]) подъ Гроховымъ!“

Румыны шли за поляками въ боевомъ порядкѣ не долго, потомъ остановились и повернули въ сторону. Очевидно, биться имъ не хотѣлось. Они разсчитывали кончить дѣло какъ-нибудь такъ, принудить поляковъ положить оружіе безъ боя.

Отрядъ Милковскаго тѣмъ временемъ все двигался впередъ, по направленію къ деревнѣ Волканешты, до которой достигъ около полудня того-же 14 іюля. Солдаты были неслыханно утомлены, валились съ ногъ и тутъ-же засыпали. Отдохнувъ не много, отрядъ снова пошелъ тою-же дорогой и миновавши Гречены, свернулъ направо въ степь, между рѣками Кагуломъ и Сальчей—и такъ дошелъ до деревни Муссаиды, гдѣ переночевалъ. Достать провизіи было чрезвычайно трудно. Еще до Муссаиды жители деревень принимали поляковъ сносно. Можно было кое-что достать. Но съ Муссаиды все бѣжало передъ отрядомъ, напуганное извѣстіями, что „изъ Турціи вышли разбойники, рѣжутъ и грабятъ по дорогамъ“. Пршевлоцкій, Зима, и при нихъ фурьеръ безъ всякой пользы обшарили нѣсколько окрестныхъ деревень, въ теченіи вечера 14 и утромъ 15 іюля: нигдѣ ни хлѣба, ни мяса, ничего ровно! Немного позже кто-то изъ отряда розыскалъ мѣшка два-три кукурузы, но дѣлать изъ нея мамалыгу было уже некогда: польскій разъѣздъ встрѣтился съ румынскимъ. Это показало близкое присутствіе непріятеля. Милковскій снова поднялъ отрядъ и пошелъ дальше въ томъ-же направленіи, проселками, параллельно почтовой дорогѣ, отъ Кагула въ Готешты, рѣшившись въ случаѣ, если Калинеску будетъ ихъ преслѣдовать, начать бой, который, при покровительствѣ польскаго Бога, и при извѣстной всему свѣту неспособности румынъ къ военному дѣлу—могъ быть выигранъ. Далѣе—быстрое движеніе къ Пруту—лодки, подводы и переѣздъ на Русь! Такъ мечталось.

На пути попались двѣ-три харчевни, въ которыхъ куплено все, что можно было купить—и сейчасъ-же съѣдено. За деревнею Карпаулъ открылась довольно обширная равнина, въ виду фольварка

---

[1]) „Чвартаками“ назывался запросто 4-й пѣхотный полкъ польской арміи во время революціи 1830—31 г. Онъ долѣе другихъ оставался вѣренъ великому князю Константину Павловичу; потомъ, чтобы загладить эту вину передъ соотечественниками, онъ рѣшился, въ битвѣ подъ Гроховымъ, 25 февраля н. ст. 1831 г., вовсе не стрѣлять, а биться только штыками—и сдержалъ слово.

Библиотека "Руниверс"

Костангалія-Боженари. Тутъ Милковскій велѣлъ отряду остановиться, повернувшись фронтомъ назадъ и поставить ружья въ козлы. Потомъ отдѣлилъ пекарей, съ приказаніемъ готовить, у ближайшей корчмы, солдатскій обѣдъ. Въ это самое время Калинеску тоже выстроилъ свой отрядъ, верстахъ въ двухъ-трехъ, упершись правымъ крыломъ въ долину Сальчи [1]). Прошло около часу. Солдаты Милковскаго, въ ожиданіи обѣда, а вмѣстѣ, можетъ быть и битвы, повалились въ кусты, за плетнемъ одного сада, и крѣпко заснули. Полковникъ не будилъ ихъ нарочно, чтобы они какъ можно болѣе воспользовались этими минутами для отдыха. Начинать битвы онъ отнюдь не хотѣлъ, напротивъ ему хотѣлось, чтобы румыны задрали первые. Вдругъ изъ ихъ рядовъ выѣхалъ всадникъ съ бѣлымъ платкомъ. Милковскій послалъ навстрѣчу ему Пршевлоцкаго и велѣлъ сказать румынскому парламентеру, что „поляки биться съ ними не хотятъ, а хотятъ отдохнуть и слѣдовать далѣе.“ Всадникъ, тотъ-же самый маіоръ Скилетти, который выѣзжалъ парламентеромъ и подъ Этюликіой, объявилъ Пршевлоцкому, что „полковникъ Калинеску желаетъ видѣться и переговорить съ полковникомъ Милковскимъ.“

Тутъ-же былъ выбранъ пунктъ, посерединѣ дороги. На этотъ разъ Калинеску выѣхалъ съ большой блестящей свитой. Милковскій, чтобъ не отстать отъ него съ этой стороны, взялъ съ собою всю свою „кавалерію.“

Переговоры начались съ того-же самаго, какъ и при первой встрѣчѣ вождей. Калинеску налегалъ на беззаконное нарушеніе поляками территоріальныхъ правъ румынскаго правительства, и говорилъ, что обязанности солдата принуждаютъ его, съ болью въ сердцѣ, пролить польскую кровь, если только онъ не получитъ желаннаго удовлетворенія. Милковскій отвѣчалъ, что совершенно такія-же обязанности заставляютъ его отказаться отъ исполненія румынскихъ требованій. Калинеску нарисовалъ затѣмъ картину рѣзни, въ которой погибнетъ нѣсколько лучшихъ людей Польши. „И къ чему намъ драться, скажите на милость, когда можно кончить дѣло безъ этого: сложите оружіе — мы васъ доставимъ до границы особо, и оружіе особо!“ заключилъ Калинеску.

— Хорошо, воскликнулъ быстро Милковскій: только подъ условіемъ, чтобы я самъ выбралъ границу. Рѣшимъ этотъ вопросъ на бумагѣ и закрѣпимъ его нашими печатями!

— Я разумѣю границу турецкую, сухо замѣтилъ Калинеску.

— А я объ этой границѣ вовсе и не думаю! сказалъ холодно Милковскій.

Калинеску взялъ его за руку, отъѣхалъ съ нимъ въ сторону и началъ заклинать всѣми святыми, чтобы онъ пожалѣлъ тѣхъ, кѣмъ командуетъ.

---

[1]) Подробности позиціи и затѣмъ самаго боя у Милковскаго—Galicja i wschod, стр. 143—151.

Библиотека "Руниверс"

— Да что вы такъ на меня напираете? спросилъ Милковскій.

— Я имѣю предписанія, строгія предписанія!

— Ну, такъ и отвѣтятъ тѣ, кто даетъ такія предписанія!.. Что касается до меня, я оружія не сложу, не сложу, тысячу разъ не сложу!

— Подумайте, на что вы напрашиваетесь, началъ опять Калинеску.

— На бой, ни на что болѣе!

— Взгляните, продолжалъ Калинеску, показывая на колонны своихъ войскъ, стоявшія вдали: вѣдь я васъ рпразнесу [1])!

— Не спорю съ этимъ, отвѣчалъ Милковскій: и не удивлюсь, если буду разбитъ. Силы наши черезъ-чуръ неодинаковы; притомъ я нисколько не сомнѣваюсь въ храбрости румынъ.

— И такъ будемъ биться? сказалъ грустнымъ тономъ Калинеску.

Милковскій отвѣчалъ наклоненіемъ головы.

Всѣ офицеры пожали другъ другу руки и разъѣхались галопомъ въ двѣ противуположныя стороны.

Прибывъ къ отряду, полковникъ Милковскій поднялъ всѣхъ людей, построилъ за котлами, въ которыхъ готовилась пища, и сказалъ:

— Ребята, я буду кратокъ! Переговоры кончились тѣмъ, что мы— будемъ биться!

— Ура! Да здравствуетъ Польша!—было отвѣтомъ.

Въ описаніе подробностей битвы пускаться мы не станемъ. Къ удивленію и къ огорченію румынъ (которыхъ было чуть не въ пятеро больше, нежели поляковъ и которые не пришли пѣшкомъ, а пріѣхали на подводахъ, стало-быть нисколько не были утомлены) поляки остались побѣдителями! Послѣ одного удачнаго польскаго залпа и ура на штыки (гдѣ Бржозовскій со своею третьею ротой игралъ дѣйствительно главную роль) румыны бросились бѣжать въ-разсыпную, бросая ружья, кивера, лядунки... Говорили послѣ, что все это замѣшательство произошло отъ какого-то ошибочнаго движенія колонны, которою командовалъ майоръ Саегіу, но кажется, просто-за-просто, виновато все неособенно храброе румынское воинство и распоряженія Калинеску, а майоръ Саегіу выбранъ потомъ козломъ очищенія, какъ это бываетъ во многихъ арміяхъ. Его прогнали даже изъ службы и пропечатали въ газетахъ...

Поляки взяли много плѣнныхъ, собрали съ поля битвы массу разбросанныхъ румынами ружей, которыя оказались однако немудрыми и позариться отряду Милковскаго было не на что.

Потеря поляковъ простиралась до 6 убитыхъ и 25 раненыхъ; изъ нихъ 7 тяжело. У румынъ было убитыхъ около 40 (по показанію Милковскаго) и 18 — по показанію Калинеску. Раненыхъ до сотни.

---

[1]) „Je vous écrrraserai!"—Само собою разумѣется, переговоры, какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ происходили на французскомъ языкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пропадавшихъ нѣкоторое время безъ вѣсти (по лѣсамъ, камышамъ, кукурузѣ и окрестнымъ деревнямъ, какъ замѣчаетъ Милковскій; Калинеску объ этомъ умалчиваетъ)—около 300 [1]).

Черезъ два часа послѣ битвы, Калинеску прискакалъ съ большою свитой въ польскій лагерь просить у Милковскаго позволенія убрать съ поля битвы, прилегающаго къ расположенію польскаго отряда, раненыхъ и убитыхъ румынъ. При этомъ естественно разговорились.

— Потрепали вы насъ, что дѣлать, сказалъ Калинеску, но... у васъ несравненно лучше оружіе!.. только никакъ не могу понять, изъ-за чего мы бились съ вами, господа!

— Это васъ надо спросить, изъ-за чего бились вы, сказалъ Милковскій, а мы не бились: вы помѣшали намъ варить мамалыгу — мы стали защищаться!

— Само собою разумѣется, этимъ дѣло не кончится, продолжалъ немного погодя Калинеску: я долженъ васъ снова атаковать, но ни сегодня, ни завтра этого не сдѣлаю. Я васъ не трону цѣлыхъ 56 часовъ сряду.

— Мнѣ довольно 36, быстро проговорилъ Милковскій, т. е. остатокъ этого дня, 15 іюля, да сутки потомъ—согласны?

— Согласенъ!

— Честное слово?

— Честное слово!

На этомъ разстались. Но немного спустя Калинеску пришелъ въ польскій лагерь пѣшкомъ, совершенно одинъ, и взявъ Милковскаго подъ руку, пошелъ бродить съ нимъ по полямъ и все время говорили о разныхъ мелочахъ касавшихся боя.

— Что вы намѣрены дѣлать съ нашимъ оружіемъ? спросилъ вдругъ Калинеску.

— Отдать вамъ его назадъ! отвѣчалъ Милковскій: дабы вы знали, что намъ вовсе не нужно румынскихъ трофеевъ [2]).

Подвечеръ прибыло въ польскій лагерь нѣсколько румынскихъ офицеровъ: они просили, отъ имени всѣхъ участвовавшихъ въ бою своихъ товарищей, ввѣрить тяжело раненыхъ поляковъ попеченію румынскаго народа: позволить ихъ перевезти въ Измаилъ и Галацъ, гдѣ они будутъ немедля окружены всѣми удобствами и найдутъ полное спокойствіе.

Разумѣется, отказа на это не послѣдовало. Раненые забраны сейчасъ-же на присланные изъ румынскаго штаба подводы и перевезены въ сказанные города, гдѣ за ними былъ, все время, до выздоровленія самый внимательный уходъ, какъ за родными братьями.

---

[1]) Рапорты Калинеску въ книгѣ „Galicja i wschód“, на стр 140—142.

[2]) Милковскій признается впрочемъ, что не отдалъ-бы этихъ трофеевъ ни за что, еслибъ имѣлъ надежду доставить ихъ въ Польшу на возу, а не на плечахъ солдатъ („Galicja i wschód“, стр. 153).

Библиотека "Руниверс"

Подъ этими взаимно-пріятными впечатлѣніями для обоихъ отрядовъ, польскаго и румынскаго, воцарилась въ лагеряхъ мертвая тишина. Она была-бы разумѣется и безъ того: оба войска были утомлены. Поляки спали цѣлый день послѣ битвы, потомъ всю ночь и весь день 16 іюля н. ст. Калинеску поглядывалъ однако со своей высокой позиціи, на-взгорьѣ: тутъ-ли поляки и былъ доволенъ, что находилъ ихъ постоянно тутъ. Съ 16 на 17 въ ночь они ушли. На разсвѣтѣ 17, румыны сильно встревожились отсутствіемъ противника, тѣмъ болѣе, что было неизвѣстно, куда именно онъ двинулся: къ русской-ли границѣ, долиною-ли рѣки Сальчи, или, наконецъ, берегомъ небольшой безъименной рѣчки, впадавшей въ Сальчу? По всѣмъ этимъ трактамъ были разосланы немедля конные жандармы—и одинъ изъ нихъ увидѣлъ поляковъ, въ 6 часовъ утра, 17 іюля н. ст., идущихъ форсированнымъ маршемъ въ направленіи къ дер. Готешты— и тотчасъ-же поскакалъ назадъ и увѣдомилъ Калинеску. Тотъ двинулся.

Тѣмъ временемъ Милковскій, пріостановясь въ дер. Константиновкѣ (которую держалъ въ арендѣ полякъ Швейковскій), отдохнулъ тамъ и перекусилъ; потомъ дошелъ до Готештъ (4 версты отъ Константиновки)—прямо на паромъ (обѣщанныхъ лодокъ не оказалось) и быстро переправился съ отрядомъ на правый берегъ Прута, гдѣ надѣялся найти подводы: но увы, и ихъ не было! Итти пѣшкомъ дальше не представлялось никакой возможности: солдаты, промаршировавшіе въ теченіи 14 часовъ, подъ іюльскимъ солнцемъ Румыніи, семь миль, т. е. безъ малаго 50 верстъ, двигали еще кое-какъ ноги, когда имъ постоянно твердили, что за рѣкою они сядутъ на подводы, но переправясь черезъ рѣку и не найдя подводъ — упали духомъ; а тутъ, на бѣду, и небо разверзло свои хляби: полилъ страшный дождь, промочилъ всѣхъ до костей, земля разгрязла; итти стало неслыханно трудно. Въ заключеніе и Калинеску показался, въ нѣкоторомъ разстояніи, на подводахъ! Кромѣ того получено извѣстіе, что на встрѣчу идетъ майоръ Раковица, съ 400 стами человѣкъ пѣхоты, а слѣва — капитанъ Сланичану, съ батальономъ саперъ! Мѣсить ногами грязь далѣе, безъ всякой надежды уйти, было совершенной безсмыслицей. Милковскій велѣлъ отряду остановиться подъ деревней Рынцештами; Калинеску, увидѣвъ это, также остановился и построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ. Было часовъ 5 пополудни; солдаты Милковскаго бросились сушить мокрую одежу, осматривали и обертывали свѣжими онучами свои сильно-потертыя и искалеченныя ноги; а иные, даже и не раздѣваясь, и не разуваясь, а такъ, какъ были, въ мокромъ платьѣ и въ мокрыхъ онучахъ, повалились въ изнеможеніи на землю— и заснули мертвымъ сномъ!

Каково-жъ было этому до невѣроятности-измученному и нравственно-убитому воинству, едва-едва вздремнувъ, вскакивать вновь, заслыша рѣзкій, проницающій звукъ военнаго рожка! Вождю ихъ захотѣлось

Библиотека "Руниверс"

въ послѣдній разъ ими полюбоваться, въ послѣдній разъ взглянуть на ихъ мужественные ряды! И показать эти ряды непріятелю не иначе, какъ въ боевомъ порядкѣ!

Нечего дѣлать, поднялись они, всѣ до единаго, и выстроились, но по лицу каждаго было видно, что онъ никуда не годится, не только въ бой.

Между тѣмъ упорное повстанское воображеніе ихъ начальника, когда онъ окинулъ ихъ взглядомъ издали, нарисовало ему, Богъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ, возможность побѣды [1])!!

Головы поляковъ, въ особенности польскихъ повстанцевъ, устроены совершенно иначе, нежели всякія другія, оттого останавливаться надъ этимъ фактомъ нечего и разсматривать его съ разныхъ сторонъ. Никакой Лафатеръ-бы ничего тутъ не объяснилъ... Представилась возможность побѣды съ сотней съ чѣмъ-то полусонныхъ, едва ноги двигающихъ солдатъ, когда сзади стояло 800 человѣкъ свѣжихъ, прибывшихъ на подводахъ румынъ, впереди—400, сбоку батальонъ!..

Уже не дожидаясь парламентера отъ Калинеску (который, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не послалъ-бы его въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился Милковскій), послѣдній счелъ наиболѣе приличнымъ первый вступить теперь въ переговоры: онъ послалъ къ румынамъ Пршевлоцкаго, съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. Калинеску отвѣчалъ, что сейчасъ-же пріѣдетъ. Какъ только онъ отдѣлился отъ своего фронта, Милковскій далъ шпоры своей лошади и, въ сопровожоеніи Зимы и Пршевлоцкаго, выѣхалъ къ нему на встрѣчу.

— Хотите, полковникъ, снова биться? сказалъ Милковскій, когда они сблизились.

— Имѣю предписанія... проговорилъ Калинеску.

— Объявляю вамъ, что я не хочу проливать вашей крови.

— И я не хочу проливать вашей. Но я не пущу васъ изъ Молдавіи никуда до тѣхъ поръ, пока вы не сложите оружія. Сложите оружіе!

— А подъ какимъ условіемъ?

— Пойдете тогда въ Польшу!

— Съ оружіемъ не пускаете, а безъ оружія можно: какой-же тутъ смыслъ? спросилъ Милковскій.

— Такъ приказываютъ, вотъ какой смыслъ. Можетъ быть потомъ наше правительство и отдастъ вамъ оружіе.

— Дайте честное слово, что отдадите!

— Не могу дать такого слова, но даю вамъ слово, что вы найдете въ насъ самыхъ искреннихъ друзей, больше чѣмъ друзей: братьевъ!

— Въ этомъ не сомнѣваюсь! заключилъ Милковскій.

---

[1]) „Przedstawła się mi możliwość zwycięstwa".—„Galicja i wschód", стр. 164, 12-я строка снизу.

Библиотека "Руниверс"

Калинеску сталъ убѣждать его, чтобъ онъ не упрямился, потому что... во всякомъ случаѣ, такъ должно быть.—Битва для васъ невозможна; я хорошо знаю положеніе вашихъ солдатъ и ихъ численность. Сложите оружіе—и будемте друзьями!

Милковскій поколебался. Сердце его сжалось болѣзненно. Онъ боялся, что изъ глазъ его хлынетъ неудержимый потокъ слезъ... нужно было перерѣзать нить, связующую его мечтанія съ Польшей; нужно было отцу занести мечъ на свое дѣтище, котораго рожденіе было такъ трудно, такъ трудно!.. онъ едва нашелъ въ себѣ силы сказать:

— Погодите немного, я поѣду и переговорю съ солдатами! Если они выразятъ желаніе биться, мы все-таки будемъ биться. Я не властенъ имъ въ этомъ отказать!

Калинеску только пожалъ плечами.—Поѣзжайте, спросите!

Зима дорогой замѣтилъ вождю, что „солдатъ измученъ и для битвы не годится". Милковскій едва это слышалъ. Ему опять что-то представилось, когда онъ окинулъ взоромъ державшіеся кое-какъ на ногахъ ряды, опершись на блестѣвшій на солнцѣ частоколъ карабиновъ.

— Ребята! сказалъ онъ, подъѣхавъ: румыны хотятъ, чтобы мы сложили оружіе и за это обѣщаютъ пустить насъ въ Польшу и обходиться съ нами, какъ съ братьями: спрашиваю васъ: хотите вы положить оружіе, или хотите биться?

Солдаты глухо молчали. Полковникъ повторилъ вопросъ и снова услышалъ молчаніе. Ясно было, что битвы никто не хочетъ. Вдругъ кто-то крикнулъ:—москали!.. москалей бить, а не румыновъ! — Э, и румыны также галганы, раздался чей-то голосъ: и ихъ надо бить!— Ура!.. однако, никто этого не подхватилъ. Милковскій, видя, что нужно чѣмъ-нибудь это кончить, переговорилъ съ маіоромъ Ягминымъ насчетъ печальнаго обряда сдачи оружія и отправился опять въ лагерь Калинеску, которому объявилъ, что „польскій отрядъ сдается". Румыны были видимо этимъ очень довольны. Калинеску пожалъ крѣпко руку Милковскому и вмѣстѣ отправились къ пункту расположенія польскаго лагеря. Вслѣдъ за ними тронулся и цѣлый румынскій отрядъ. Когда вся масса офицеровъ, съ Калинеской и съ Милковскимъ во главѣ, стала приближаться къ польскому фронту— солдаты сдѣлали на-караулъ. Румынскія войска остановились на разстояніи пятидесяти шаговъ. Произошли обычные взаимные салюты между отрядами. Послѣ этого Милковскій первый снялъ съ себя палашъ и отдалъ его румынскому вождю. Маіоръ Ягминъ скомандовалъ: „ружья въ козлы!" И когда это было сдѣлано: „отступи!" Отрядъ подался назадъ на 15 шаговъ. Офицеры также отдали свои сабли—и поляки стали военноплѣнными румынъ.

Разумѣется, Калинеску телеграфировалъ объ этомъ немедля въ Бухарестъ, черезъ Галацъ. Вечеромъ прибылъ галацкій префектъ,

Библиотека "Руниверс"

Леонъ Гика, съ депешей отъ князя Куцы, который приказывалъ своему отряду обходиться съ плѣнными какъ можно лучше и, кромѣ того, просилъ къ себѣ въ Бухарестъ полковника Милковскаго [1]). Послѣдній отвѣчалъ Гикѣ, что ему желательно было-бы взять съ собою военнаго комиссара народнаго правительства при отрядѣ, Пршевлоцкаго, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ ихъ бесѣды съ княземъ, какъ человѣкъ, уполномоченный контролировать всѣ дѣйствія и слова начальника отряда.—„Необходимо испросить на это разрѣшеніе у князя", замѣтилъ Гика."—„Такъ испросите!" Послали депешу: вечеромъ того-же дня, 18 іюля н. ст., пришелъ благопріятный отвѣтъ. Милковскій собралъ отрядъ и велѣлъ прочитать передъ фронтомъ его слѣдующій приказъ:

„Военный начальникъ южной части Подола и входящихъ отрядовъ. Дневной приказъ. Воины! Удаляюсь отъ васъ на нѣкоторое время, оставляя вмѣсто себя правящимъ мои обязанности маіора Зиму. Правительство соединенныхъ княжествъ постановило интернировать насъ въ Кагулѣ. Постановленіе это временное. Дальнѣйшая судьба наша разрѣшится скоро. Не падайте духомъ, не оставляйте надежды, будьте спокойны и терпѣливы: мы дойдемъ съ вами до Польши! Въ Кагулѣ будетъ выдано вамъ пріостановленное жалованье за эти дни, которое, согласно волѣ Жонда Народового, таково: рядовому 15 польскихъ грошей, унтеръ-офицеру 20; сержанту и фурьеру злотъ; подпоручику, поручику и капитану 2 злотыхъ; маіору, подполковнику и полковнику 4 злотыхъ въ день. Жалованье это считается со дня перехода Дуная до минуты сложенія оружія. Организація наша остается ненарушимою. Ротные командиры, офицеры и унтеръ-офицеры должны сохранять при отрядѣ свои мѣста и удерживать людей въ порядкѣ, регулярно отбывая службу и дѣлая перекличку, а также всемѣрно стараясь о томъ, чтобы солдаты вели себя прилично и отнюдь не выходили изъ субординаціи. Рынцешты, 19 іюля 1863 года. (М. П.) Полковникъ Сигизмундъ Милковскій. Начальникъ штаба Францискъ Зима."

Послѣ этого Милковскій отправился съ Пршевлоцкимъ на почтовыхъ въ Бухарестъ. Калинеску далъ имъ въ провожатые сержанта, которому приказано всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не было на станціяхъ задержекъ. Ѣхали скоро. Милковскій нигдѣ не называлъ себя. Говорили, что „ѣдетъ румынскій капитанъ Альгіу". 21 іюля н. ст. прибыли въ Бухарестъ и остановились въ гостинницѣ, не зная, что князь выслалъ имъ на встрѣчу экипажъ и велѣлъ приготовить для нихъ частную квартиру. Префектъ бухарестскаго обвода, съ помощникомъ своимъ и нѣсколькими чиновниками ждали на послѣдней станціи „полковника Милковскаго" не иначе, какъ въ каретѣ и когда

[1]) Такъ по сообщенію Милковскаго. По румынскимъ источникамъ, Милковскій самъ просилъ у князя позволенія съ нимъ видѣться.

Библиотека "Руниверс"

подъѣхала какая-то колымага съ капитаномъ Альгіу, не обратили на нее вниманія. Сержантъ, вслѣдствіе требованій военной службы, не рѣшился вступать въ объясненія со старшими первый.

По прибытіи въ Бухарестъ, сейчасъ-же дали знать военному министру. Онъ прислалъ къ полковнику „фактотума" князя, француза Додуна-Перье (Dodun de Perrier), чтобы служить ему въ столицѣ Румыніи чичерономъ. Додунъ съ первыхъ-же словъ завѣрилъ прибывшихъ въ самомъ лучшемъ настроеніи жителей къ полякамъ.

— Они того и гляди устроятъ вамъ демонстрацію, которая можетъ дойдти до значительныхъ размѣровъ (d'être bruyante et formidable)... не знаю только, понравится-ли это князю.

— Нельзя-ли ее какъ-нибудь устранить, сказалъ Милковскій: я бы желалъ сохранить до конца строжайшее инкогнито. Намъ, полякамъ, въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, не приличенъ шумъ овацій. Чѣмъ скромнѣе, тѣмъ лучше. Да и къ чему все это поведетъ? Русскій консулъ, пожалуй, надѣлаетъ вамъ непріятностей, уѣдетъ изъ Бухареста!..

Додунъ отвезъ поляковъ къ военному министру, а тотъ—къ князю. Куца принялъ ихъ ту-же минуту, посадилъ и предложилъ имъ сигаръ, подвинувъ своею рукою спички. Но разговоръ повелъ сначала довольно рѣзкимъ и оффиціальнымъ тономъ, напирая на „дерзкое нарушеніе международныхъ правъ, что должно было естественно вызвать столкновеніе съ войсками, имѣвшее для обѣихъ сторонъ прискорбныя послѣдствія: кто вознаградитъ теперь безсмысленныя потери семействъ, какъ польскихъ, такъ и румынскихъ?"

Когда онъ кончилъ, Милковскій замѣтилъ, что международныя права служатъ во всей силѣ только тѣмъ, кто имѣетъ и всякія другія права. А для поляковъ, лишенныхъ этого, едва-ли они обязательны.

— Мы шли въ Польшу, вовсе не думая о дорогѣ, какая передъ нами лежитъ. Если попалась намъ на этой дорогѣ Молдавія, такъ въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ... географіи.

— Зачѣмъ-же вы стрѣляли по моимъ войскамъ? спросилъ Куца.

— Они загородили намъ дорогу!

— Ну, а еслибъ я самъ былъ въ челѣ этихъ войскъ, стрѣляли бы вы?

— Мы бы исполнили и тогда свою обязанность! отвѣчалъ, съ нѣкоторой сдержанностію голоса, Милковскій.

— А почему-же вы не бились подъ Рынцештами?

— Намъ показалось, что все уже сдѣлано и румыны не станутъ насъ болѣе останавливать на нашемъ походѣ...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Потомъ Куца сказалъ:

— Вынанесли Румыніи тяжкую обиду, полковникъ! Чтобы сказали въ Европѣ, во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ о странѣ, черезъ которую можетъ пройдти безнаказанно всякій вооруженный отрядъ, когда ему вздумается? Вы, кажется, и не думали останавливаться надъ этимъ

Библиотека "Руниверс"

вопросомъ, вы, кого Румынія пріютила, можно сказать, считала своимъ. Я васъ знаю давно, по русскимъ и австрійскимъ извѣщеніямъ, а также и по мѣстнымъ рапортамъ. Вы жили въ Михаленахъ подъ именемъ Мелько. Вы женаты и имѣете сына. Я всячески старался васъ не видѣть и не мѣшать тому, что вы дѣлали — и вдругъ вы меня такимъ образомъ отблагодарили за это! Напали на меня, стрѣляли по моимъ солдатамъ!.. Чѣмъ вы расплатитесь за это со мною?

— Судьба моя въ рукахъ вашей свѣтлости, отвѣчалъ Милковскій: дѣлайте со мною, что хотите!

— А, ба! Судить васъ и растрѣлять! Прибавить себѣ еще хлопотъ! перервалъ быстро Куца: и что отъ этого намъ прибудетъ, если вы оставите здѣсь свой трупъ, пробитый двѣнадцатью румынскими пулями?.. Можетъ быть придетъ пора, когда Румынія потребуетъ вашей крови; зарубите это себѣ на стѣнкѣ, полковникъ! На васъ тяготитъ румынская кровь—и расплатитесь съ нами за это кровью!

— Если только за этимъ дѣло стало, ваша свѣтлость: я готовъ хоть сейчасъ и буду считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, когда-бы мнѣ пришлось такъ расплатиться...

Куца махнулъ нетерпѣливо рукой, понявъ, куда Милковскій воротитъ. Продолженія ему слушать не хотѣлось. Онъ повернулъ разговоръ въ другую сторону:

— Что мнѣ теперь дѣлать съ вашимъ отрядомъ?

— Это вполнѣ зависитъ отъ вашей свѣтлости!

— А чего-бы вы хотѣли сами?

— Получить назадъ оружіе и идти въ Польшу!

— Гм!—и приэтомъ улыбнулся: такъ нельзя, а вотъ какъ: оружіе возьмите, на-что мнѣ оно? Но людей всѣхъ не пущу. Пущу только офицеровъ, вообще—интиллигенцію, человѣкъ 30—40—и пусть себѣ служатъ Польшѣ! Я знаю, что у васъ тамъ мало кому командовать... а васъ, полковникъ, и солдатъ отправлю въ Турцію!

Милковскій молчалъ. И князь нѣкоторое время не говорилъ ничего. Пршевлоцкій рѣшился первый нарушить молчаніе.

— Приговоръ вашей свѣтлости черезъ-чуръ тяжелъ для насъ! сказалъ онъ: офицеры не согласятся идти одни. Еслибъ они пошли, что-бы сказали объ нихъ солдаты, извольте только подумать объ этомъ, ваша свѣтлость!

— Да вѣдь я отпускаю не однихъ офицеровъ; я сказалъ: человѣкъ 30—40; это значитъ, что тутъ войдутъ и нѣкоторые нижніе чины. Выберите по собственному вашему усмотрѣнію, кто болѣе достоинъ такой участи: самыхъ выдающихся, самыхъ смышленыхъ, храбрѣйшихъ, словомъ: лучшихъ!

— Выборъ здѣсь очень затруднителенъ, ваша свѣтлость! продолжалъ Пршевлоцкій: у насъ все... лучшіе; всѣ одинаково храбры, всѣ достойны биться за Польшу—въ Польшѣ!

Библиотека "Руниверс"

— Ну, позволяю вамъ отдѣлить больше, чѣмъ половину: 50... 60... согласны? Милковскій и Пршевлоцкій молчали.

— Впрочемъ, что тамъ долго толковать, заключалъ Куца: ваши сами меня просили, чтобы я отослалъ въ Турцію цѣлый отрядъ. Видя, что Милковскій и Пршевлоцкій выражаютъ на лицѣ своемъ чрезвычайное удивленіе, добавилъ: „да, ваши [1])—отъ имени народнаго правительства! Просили меня о цѣломъ отрядѣ, а я вамъ уступаю отъ 50 до 60 офицеровъ—чего же еще!

Потомъ князь спросилъ у своихъ гостей, знаютъ-ли они князя Чарторыскаго. Думая, что Куца разумѣетъ подъ этимъ князя Владислава, Милковскій отвѣчалъ, что „не знаетъ вовсе", а Пршевлоцкій сказалъ, что „весьма мало".

— Ваша главная ошибка въ томъ (продолжалъ князь, обратясь къ Милковскому), что вы пошли кривыми путями: вамъ слѣдовало, подъ конецъ вашего пребыванія въ Турціи, просто-за-просто снестись прямо со мной. Формировать и вооружать отряда здѣсь я бы вамъ не позволилъ, но когда-бы все это было устроено... гдѣ-то тамъ,— я бы пропустилъ людей отдѣльно отъ оружія, а оружіе отдѣльно отъ людей. Не было бы ни шуму, ни драки, ни газетныхъ статей! Вѣдь пропустилъ-же я русское оружіе въ Сербію! Вы думаете, я сдѣлалъ это для русскаго правительства? Ничуть не бывало! Я сдѣлалъ это для Сербіи, во имя тѣхъ принциповъ, которымъ я служу съ давнихъ поръ и которые были главною причиною, что я попалъ на тронъ соединенныхъ княжествъ. Мнѣ все равно, кто тутъ: русскіе, нѣмцы, французы... былъ-бы лишь свято сохраненъ принципъ!

Полякамъ хотѣлось возразить, и было что, но... они поудержались. Куца продолжалъ:

— И впередъ готовъ вамъ помогать, только мнѣ нужно заранѣе знать подробности, въ чемъ дѣло. Безъ этого въ помоганіи не будетъ толку. Необходимо, чтобы при мнѣ находился постоянно уполномоченный народнаго правительства, который сносился-бы со мною непосредственно.

— Это можно устроить, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Милковскій: я войду въ переговоры съ Жондомъ, а покамѣстъ позвольте представить вамъ уполномоченнаго комиссара Молдавіи, Михаила Мрозовицкаго.

Куца не сказалъ на это ничего. Заговорили о разныхъ разностяхъ; между прочимъ о битвѣ подъ Костангаліей.

— Тутъ есть для насъ впрочемъ и хорошая сторона, замѣтилъ Куца: вы окрестили въ огнѣ битвъ мое молодое войско. Лучшихъ крестныхъ отцовъ трудно желать... но прокламація ваша передъ

---

[1]) Милковскій позже, въ Константинополѣ, добрался, что это были за люди, однако ихъ не называетъ. Скорѣе всего, это были агенты Чарторыскаго, хлопотавшіе о своей кавказской экспедиціи.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ!!... можно-ли же писать такія вещи! „Мы должны пройти во что бы то ни стало!“ Вѣдь это вызовъ! Я принужденъ былъ поневолѣ сказать: А я ихъ не пущу во что бы то ни стало! И вотъ, какъ видите, не пустилъ!.. Позвольте вамъ сказать прямо, полковникъ: вы дерзкій, дерзкій, очень дерзкій человѣкъ!

Затѣмъ не много помолчали. Князь продолжалъ такъ:

— Въ Молдавіи вы таки нашалили: раскинули цѣпь застрѣльщиковъ, которые служатъ вамъ лучше, нежели мнѣ мои чиновники. Вездѣ у васъ склады: тамъ порохъ, тамъ огнестрѣльные снаряды, тамъ сѣдла; въ Галацѣ наконечники отъ пикъ! Все это я велѣлъ конфисковать, агентовъ арестовать, напр. Швейковскаго...

— Да вѣдь это не агентъ, ваша свѣтлость, возразилъ живо Милковскій: онъ только насъ накормилъ [1]), вотъ въ чемъ вся его вина!

— Если-бъ только это! Я бы васъ самъ накормилъ, когда-бы вы проходили черезъ мою деревню... но онъ, кромѣ этого, былъ вашимъ агентомъ!

— Никогда, ваша свѣтлость! Даю вамъ честное слово!

— Въ такомъ случаѣ я велю его выпустить, сказалъ князь... Ну, а Плумъ? А докторъ Мадѣевскій?.. И эти арестованы, хоть я и знаю, что это весьма порядочные люди.

— Что же вы станете съ ними дѣлать? спросилъ Милковскій.

— Что? Выпровожу ихъ изъ Молдавіи, прогоню за Дунай, выброшу на турецкій берегъ! Вотъ что!

— Этихъ весьма порядочныхъ людей, какъ вы сами изволили выразиться?

— Ну, пожалуй, и ихъ велю освободить!.. Но болѣе ужъ ни о чемъ не просите! Ни йоты не уступлю!

Тутъ онъ привсталъ. Гости поняли, что аудіенціи конецъ (и то она продолжалась два часа), быстро встали и откланялись князю.

Вечеръ провели они у военнаго министра, гдѣ сошлись съ домашнимъ секретаремъ князя, Баллиго-де-Бень (Balligot de Beyne), котораго просили замолвить при случаѣ слово его свѣтлости насчетъ участи ихъ отряда: нельзя ли какъ измѣнить принятаго рѣшенія? На другой день пришелъ категорическій отвѣтъ, что „политика требуетъ по-настоящему отсылки всего отряда въ Турцію, а потому исключеніе, сдѣланное для офицеровъ, слѣдуетъ считать за особенную милость.“

При этомъ отвѣтѣ приложенъ былъ ящикъ хорошихъ гаванскихъ сигаръ. Кромѣ того князь предлагалъ своимъ гостямъ присутствовать на смотру войскъ, который онъ назначилъ на завтра на одномъ плацу. Они, по какимъ-то соображеніямъ, отказались и просили позволенія уѣхать къ отряду. Куца далъ для этого свой экипажъ—и Милковскій съ Пршевлоцкимъ укатили въ Рынцешты.

---

[1]) Въ дер. Константиновкѣ, незадолго до перехода отряда черезъ Прутъ, см. выше.

Библиотека "Руниверс"

Что касается исполненія приговора князя относительно отдѣленія офицеровъ для отсылки въ Польшу, это было возложено на галацкаго префекта, Леона Гику. Отрядъ долженъ былъ предварительно перейти въ Кагулъ. Гика прибылъ туда производить „отдѣленіе", но только-что приступилъ къ этому, какъ всѣ офицеры въ одинъ голосъ объявили ему, что „разлучаться съ солдатами не думаютъ. Куда солдаты пойдутъ, туда и они!" И сколько Гика ихъ не упрашивалъ, ни умолялъ,—они стояли на своемъ рѣшеніи твердо: „или всѣмъ до единаго въ Польшу, или всѣмъ до единаго въ Турцію!" Дѣлать было нечего: отрядъ препроводили подъ эскортомъ въ Рени. Тутъ начались новыя просьбы и заклятія; офицеры отвѣчали: „или вмѣстѣ въ Польшу, или никакъ!"

Не зная однако, какъ примутъ поляковъ турки и примутъ-ли, румынское правительство не рѣшилось отправить своихъ гостей за Дунай, не снесясь прежде этого съ турецкими властями. Поляковъ-же тѣмъ временемъ перевели въ ближайшую отъ Рени деревню, Анадолкіой, и тамъ они прожили цѣлый мѣсяцъ, ожидая, чѣмъ кончится румынско-турецкая переписка насчетъ ихъ участи. Наконецъ изъ Тульчи увѣдомили Гику, что „Турція—не Сибирь. Ссылать туда поляковъ, если они передъ кѣмъ-либо провинились, нельзя. Когда-бы Румынія отважилась это сдѣлать, то пусть знаетъ, что присланный транспортъ турки встрѣтятъ картечью."

Милковскій, пользуясь этимъ, снова сталъ налегать на румынъ касательно отправленія цѣлаго отряда поляковъ туда, куда они шли, т. е. въ Польшу, ибо это будетъ самое естественное и справедливое рѣшеніе вопроса.

— Нельзя, никакъ нельзя, сказалъ Гика—и признался, что главною причиной распоряженія, какое послѣдовало въ Бухарестѣ—есть ничто иное, какъ усиленное настаиваніе русскаго генеральнаго консульства. Къ тому-же надо знать, что въ настоящую минуту идутъ у насъ переговоры съ русскимъ правительствомъ насчетъ записей, сдѣланныхъ давнымъ-давно богатыми господарями Молдавіи и Валахіи въ пользу Аѳонскихъ монастырей. Намъ очень важно, чѣмъ это дѣло кончится и на чьей сторонѣ станутъ русскіе...

— Вотъ тебѣ и народный принципъ, которому служитъ Куца съ давнихъ поръ, и о которомъ онъ такъ важно разглагольствовалъ въ Бухарестѣ! подумалъ Милковскій...

Само собою разумѣется, румынамъ было ясно, что начальникъ польскаго отряда составляетъ значительное препятствіе въ рѣшеніи вопроса такъ, какъ имъ хотѣлось, какъ было нужно въ смыслѣ политическомъ. Онъ, такъ сказать, цѣлый отрядъ. Безъ него все можетъ скоро разшататься, измѣнить свои взгляды. А потому однажды Гика сказалъ полковнику: „вы бы сами съѣздили въ Константинополь и похлопотали тамъ, чтобы эти ослы не упрямились."

Милковскій отвѣчалъ ни такъ, ни эдакъ; обѣщалъ переговорить

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ съ офицерами и въ самомъ дѣлѣ спросилъ у нихъ, ѣхать ему, или не ѣхать. Большинство находило, что „ѣхать выгоднѣе; что въ Константинополѣ онъ еще больше поддержитъ турецкое упрямство, не пускать поляковъ обратно въ Турцію. Румынамъ будетъ тогда нечего больше дѣлать, какъ отправить отрядъ въ Польшу.“ Вслѣдствіе этого Милковскій объявилъ Гикѣ, что онъ ѣдетъ—и сталъ сбираться. Оставалось только сообщить дѣлу польскую оффиціальную форму. Уполномоченный комиссаръ Жонда въ Молдавіи, Мрозовицкій, выпустилъ такой приказъ:

„Отъ имени Жонда Нородоваго полковнику Сигизмунду Милковскому. Въ силу даннаго мнѣ уполномочія увольняю васъ, полковникъ, отъ дальнѣйшихъ обязанностей при обезоруженномъ отрядѣ и поручаю вамъ сдать командованіе онымъ маіору Іосифу Ягмину. Сами-же вы должны ѣхать въ Турцію, дабы тамъ всячески ходатайствовать о недопущеніи отряда воротиться опять на турецкую территорію. А если-бы это случилось, то облегчить ему пребываніе въ Турціи и отправить его какими удастся путями въ Польшу. Привѣтъ и братская любовь!—Анадолъ, 10 августа 1863 года. (Подписано). Уполномоченный комиссаръ Жонда Нородоваго, Михаилъ Мрозовицкій.“

Передъ отъѣздомъ въ Константинополь, Милковскій вмѣстѣ съ Пршевлоцкимъ свели счеты по приходу и расходу денегъ. Оказалось, по документамъ комиссара Сокульскаго, прибывшихъ съ разныхъ сторонъ, по 1 іюля н. ст. 1863 г., денегъ 115.861 франкъ 10 сантимовъ. Израсходовано: 63.940 фр. 5 сант. Въ остаткѣ 51.921 фр. 5 сант.—11.000 фр. изъ этой суммы оставлено Сокульскимъ на дальнѣйшіе расходы въ Константинополѣ, а 40.921 фр. 5 сант. поступило въ кассу отряда.

По счетамъ плательщика Личбинскаго, присланныхъ въ Тульчу, съ 4 марта по 9 іюля н. ст. 1863 года, денегъ было: 309.747 піастровъ, 20 пара. Израсходовано съ 4 марта по 9 августа н. ст. 1863 года: 173.122 піастра 30 пара. Въ остаткѣ: 136.642 піастра 30 пара.

Считая франкъ=4 піастрамъ 16 пара, и сопоставляя оба счета, получимъ цифру, означающую, что пошло на экспедицію: 65.173 фр. 80 сантимовъ.

Затѣмъ, пославъ Жонду Нородовому представленіе разныхъ чиновъ отряда къ наградамъ, Милковскій выѣхалъ на пароходѣ, который долженъ былъ проходить мимо Тульчи. Тутъ, когда бросили якорь, полковникъ пригласилъ къ себѣ въ каюту Холевинскаго (все время остававшагося въ Тульчѣ, для наблюденія за польскими интерсами) и отъ него узналъ, что Рашидъ-Паша и не думаетъ пускать на берегъ поляковъ, и безъ того надѣлавшихъ ему много хлопотъ.

Прибывъ въ Константинополь, Милковскій на другой-же день отправился къ великому визирю, который ту-же минуту его принялъ у себя въ кабинетѣ:

Библиотека "Руниверс"

— Я не представляюсь вашему высокопревосходительству въ характерѣ лица, играющаго какую-либо дипломатическую роль, началъ Милковскій: я просто-за-просто солдатъ, перебирающійся съ одного театра войны на другой; ѣду теперь въ Польшу, гдѣ конечно увижусь съ Жондомъ Нородовымъ и гдѣ, конечно, спросятъ меня, что слышно на Востокѣ: а потому я счелъ моимъ непремѣннымъ долгомъ явиться къ высшему правительственному лицу Турціи, дабы получить вѣрныя свѣдѣнія о взглядахъ Высокой Порты на дѣло моихъ соотечественниковъ.

Великій визарь отвѣчалъ, что Турція относится съ большимъ сочувствіемъ къ борьбѣ, которая происходитъ въ Польшѣ и просилъ выраженія этого сочувствія передать Жонду Народовому.

— Осмѣлюсь замѣтить, сказалъ Милковскій, что мы ожидаемъ отъ Турціи немного больше, чѣмъ сочувствія и думаемъ, что съ этимъ связаны ея собственные интересы. А сочувствіемъ насъ кормитъ весь цивилизоранный міръ уже цѣлые 8 мѣсяцевъ, но что пользы намъ отъ этого? Было-бы выгоднѣе для свѣта положить борьбѣ этой конецъ, нежели безконечно рукоплескать. А для Турціи выгоднѣе всего, чтобы этотъ конецъ былъ тріумфомъ Польши. Поэтому мы рѣшаемся питать кое-какія надежды, что Порта выступитъ впередъ съ иною, несравненно-болѣе знаменательною поддержкой, чѣмъ поддержка нравственная,—выступитъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Фуадъ-паша, съ улыбкой, скорѣе похожей на гримасу, замѣтилъ Милковскому, что онъ, въ званіи солдата, перебирающагося съ одного театра войны на другой, уже черезъ-чуръ много себѣ позволяетъ и совсѣмъ не солдатскіе затрогиваетъ вопросы.

— Я ничего не могу сказать вамъ кромѣ того, что Турція идетъ въ польскомъ дѣлѣ рука объ руку съ западными державами и одна никогда не предприметъ рискованной войны. А я тутъ, de mon chef, ровно ничего не значу!

— И такъ я долженъ передать Жонду Народовому, что Турція нисколько не думаетъ объ интервенціи въ пользу Польши? спросилъ Милковскій.

— Турція думаетъ, но... не одна. Она ждетъ приглашенія Запада, отвѣчалъ Фуадъ: пусть намъ Франція пришлетъ хоть батальонъ!..

Милковскій молчалъ. Въ интервенцію Запада онъ не вѣрилъ, какъ и всѣ прочіе сколько-нибудь смышленые и практическіе поляки. Великій визирь какъ-будто угадалъ его мысли—и перешелъ къ другому предмету: „что-жъ вашъ отрядъ“?

— Румыны посылаютъ его сюда, но... онъ боится ступить опять на турецкую землю.

— Чего-же ему бояться?

— Того, что Турція его не приметъ!

— Разумѣется не приметъ!

Послѣ этого разговоръ зашелъ о битвѣ подъ Костангаліей. Фуадъ-

Библиотека "Руниверс"

паша имѣлъ объ ней очень ясное понятіе. Дальше бесѣдовать было не о чемъ. Полковникъ, вставая, спросилъ только: „неугодно-ли турецкому правительству войти въ правильныя сношенія съ Жондомъ Народовымъ?

— Отчего-же нѣтъ? Пускай пришлютъ уполномоченнаго, отвѣтилъ паша.

— А могу-ли я сказать Жонду Народовому, что этотъ уполномоченный будетъ здѣсь принятъ и признанъ?

— Можете!

Полковникъ откланялся. Фуадъ-паша сказалъ ему на порогѣ: „желаю вашему дѣлу успѣха и всѣмъ вамъ всего лучшаго!“

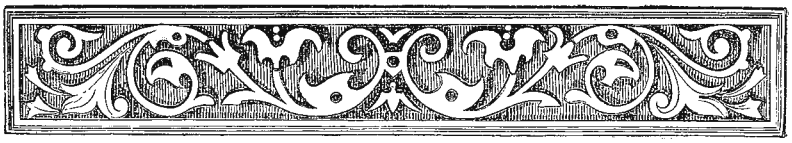
Воротясь домой, Милковскій написалъ ту-же минуту Гикѣ длинное письмо, существенной частью котораго былъ совѣтъ: „отнюдь не отправлять поляковъ въ Турцію (потому-что ихъ тамъ ни зачто не примутъ), а содержать на своемъ иждивеніи до окончанія борьбы, предпринятой ими въ царствѣ и на Литвѣ; не то—отослать домой, въ Польшу. Тутъ-же прибавлено, что „вмѣшательство Россіи въ дѣла Румыніи и разныя обѣщанія, данныя русскимъ правительствомъ, есть дѣло невѣрное и только запутаютъ княжества въ такія сѣти, изъ которыхъ они выпутаются не скоро. А впрочемъ, какъ хотятъ!“

Этимъ кончилась служба Милковскаго въ отношеніи отряда, которымъ онъ когда-то командовалъ.

Неизвѣстно, что вскорѣ затѣмъ дало дѣлу другой оборотъ, только Куца приказалъ выдать Мрозовицкому сложенное поляками подъ Рынцештами оружіе, а самый отрядъ отпустить, чтобы онъ шелъ, куда ему угодно. Разумѣется, онъ пошелъ въ Польшу, партіями, которыя встрѣчали по румынскимъ городамъ сочувствіе и оваціи. Городъ Бакео, въ день прохода черезъ него одной партіи, украсился даже флагами. Въ Галиціи, куда отрядъ прибылъ прежде всего, конца не было распросамъ о житьѣ-бытьѣ въ Турціи, въ Румыніи, о битвѣ подъ Костангаліей. Всѣ галиційскіе отряды хотѣли имѣть у себя хоть немного „тюркосовъ Милковскаго“ какъ ихъ называли. Много-ли изъ нихъ теперь осталось?.. Извѣстно, что маіоръ Ягминъ (кажется уже въ званіи полковника) командовалъ, въ послѣднюю восточную войну, новымъ польскимъ легіономъ, которому биться ни съ кѣмъ не пришлось. Этотъ легіонъ не имѣлъ сочувствія серьезно-мыслящихъ поляковъ. Многіе изъ нихъ печатно возставали противъ нелѣпой мысли: „помогать славянскими силами туркамъ держать въ рабствѣ другихъ славянъ“. Что до Милковскаго, онъ живетъ теперь въ Женевѣ и пишетъ въ разныя польскія изданія статьи разнаго содержанія, подъ именемъ „Ѳед. Ѳом. Ежа“ (Teod. Tom. Ież.), между прочимъ и въ варшавскія.

Н. Вергъ.

Библиотека "Руниверс"



СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА.

(Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка [1]).

1701—1797 гг.

VI.

Не розняли—кто виноватъ.

(1754 г.)

ВЪ ТЕМНОЕ время существованія „слова и дѣла", всѣмъ кляузникамъ былъ большой просторъ мстить свои обиды доносами и розысками въ тайной канцеляріи. Страшными кажутся намъ эти, уже отошедшія въ вѣчность, времена, когда ничья безопасность, ничья личная свобода и честь не были обезпечены отъ внезапнаго отнятія и поруганія.

Сегодня свободный и счастливый человѣкъ—завтра могъ очутиться на дыбѣ подъ ударами кнута по ложному доносу озлобленнаго врага и, при всей своей невинности, выдти изъ застѣнковъ осужденнымъ на ссылку съ рваными ноздрями, или урѣзаннымъ языкомъ.

Не смотря на непріятную перспективу получить „первый кнутъ", доносчиковъ находилось очень много, и по ихъ оговорамъ масса людей стонала въ застѣнкахъ и гнила въ тюрьмахъ, проклиная судьбу.

Правду сказать, и время то для всевозможныхъ доносовъ было удобное.

Внезапная перемѣна правителей, ночные coups d'état, быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ, интрига, разлитая всюду, общая тревога и неудовольствіе, необезпеченность завтрашняго дня, порождали во всей имперіи толки, разговоры и пересуды о политическихъ дѣлахъ и правительственныхъ лицахъ.

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 578—601.

Библиотека "Руниверс"

Словоохотливый русскій человѣкъ не стѣснялся въ сужденіяхъ не сглаживалъ выраженій, обиженныя и павшія партіи громко выражали свое неудовольствіе новымъ возвысившимся счастливцамъ— и вотъ тутъ то всякому кляузнику и доносчику открывалось обширное поприще путать и подводить людей подъ кнутъ, на огонь, въ ссылку и на смерть.

Темныя личности, пользуясь всеобщимъ хаосомъ и безпорядкомъ, подымали голову и обдѣлывали свои презрѣнныя дѣла.

Доносъ былъ повальный. Тайная канцелярія купалась въ крови при розыскахъ.

Слѣдующее дѣло весьма характерно иллюстрируетъ эту эпоху процвѣтанія доноса, когда и сама тайная канцелярія не могла разобраться и найти истины въ безднѣ доносовъ и, не долго думая, круто оканчивала ихъ.

Передъ нами доносчикъ, Алексѣй Алексѣевъ, бѣглый дворовый человѣкъ принадлежавшій нѣкоему ассесору Ѳедору Андрееву; безспорно это уже темная личность, прошедшая огонь и воду, и ловкая на всякое мошенничество.

Онъ доноситъ на нѣкоего Акинфія Надѣина, копіиста вотчинной коллегіи, что онъ, копіистъ Надѣинъ, подучалъ будто бы его, Алексѣева, сдѣлать доносъ „на одного копіиста, да намѣстника“ и показывать на нихъ ложно, обвиняя ихъ въ говореньи непристойныхъ словъ и вольнодумственномъ осужденіи настоящаго порядка и царствующей особы.

Копіистъ, вѣроятно выгнанный со службы намѣстникомъ, затѣваетъ своему начальнику месть и лучшимъ для этого средствомъ ему представляется доносъ; но самъ онъ, какъ ловкій человѣкъ, хочетъ избѣжать „перваго кнута“ и подыскиваетъ для этого подходящаго человѣка изъ бродягъ, готовыхъ на все.

Подвертывается „бѣглый дворовый“, Алексѣй Алексѣевъ; сдѣлка заключается въ какомъ нибудь притонѣ пьянства и разврата, и вотъ страшная гроза уже собирается надъ головами людей, совсѣмъ невинныхъ и, можетъ быть, честныхъ и уважаемыхъ.

Тему для доноса дало само время съ его политическими передрягами: уже тринадцать лѣтъ прошло со времени сверженія Іоанна Антоновича и заточенія его со всѣмъ семействомъ, но толки о немъ еще не улеглись въ народѣ. Многіе еще жалѣли юнаго императора, такъ безвременно потерявшаго свободу, и знали, что онъ еще живъ, томится гдѣ то въ казематѣ крѣпости, и можетъ придти время, что онъ снова займетъ отнятый у него престолъ.

Народное сознаніе чувствовало тутъ несправедливость, какой то упрекъ правительству, и всякій недовольный, боясь высказаться громко, все таки бросалъ этотъ упрекъ, хотя въ кругу знакомыхъ произносилъ, по тогдашнимъ понятіямъ, непристойныя, осуждающія слова.

Доносъ, записанный въ тайной канцеляріи по настоящему дѣлу, заключался въ слѣдующихъ простыхъ и короткихъ словахъ:

Библиотека "Руниверс"

„Вотъ-де какъ нынѣ жестоко стало!.. А какъ-де была принцесса Анна на царствѣ, то-де порядки лучше были нынѣшнихъ. А нынѣ-де все не такъ стало, какъ при ней было; и слышно-де, что сынъ ея, принцессы Анны, бывшій принцъ Іоаннъ, въ россійскомъ государствѣ будетъ по прежнему государемъ"...

Вотъ и весь доносъ; этихъ немногихъ „непристойныхъ" словъ было слишкомъ достаточно, чтобы погубить множество людей.

Но къ счастію этотъ гнусный заговоръ не состоялся: два негодяя въ чемъ нибудь не сошлись или поссорились, и Алексѣй Алексѣевъ, вмѣсто того, чтобы доносить на намѣстника — донесъ на самаго Акинфія Надѣина, обвиняя его въ наущеніи и подстрекательствѣ на ложный доносъ.

Акинфій Надѣинъ упалъ въ яму, вырытую для другого, и ему самому пришлось давать отвѣтъ подъ плетьми на вискѣ.

Бѣглому дворовому дали „первый кнутъ", т. е. пытали для подтвержденія доноса; онъ „утвердился"; подвергли первой пыткѣ Надѣина—онъ во всемъ упорно заперся: „знать не знаю—по злобѣ обноситъ ложно!"

Оба ведутъ себя какъ истые пройдохи, и застигнутый врасплохъ Надѣинъ понимаетъ отлично, что все его спасеніе въ упорномъ отрицаніи доноса, которому, къ его счастію, нѣтъ свидѣтелей.

Вторая пытка доносчику и обвиняемому принесла тѣ же показанія, безъ малѣйшаго измѣненія: подтвержденіе доноса и твердое отрицаніе вины.

Предстояла, по обычаю, въ такихъ случаяхъ „неразнятія спора" третья и послѣдняя пытка, за которою, такъ или иначе, но слѣдовало рѣшеніе дѣла.

На третьей пыткѣ—оба показывали точь-въ-точь тоже самое, что на первой и второй, и вопросъ объ истинной виновности кого-либо изъ нихъ такъ и остался нерѣшеннымъ.

Подобный случай затруднилъ бы современныхъ юристовъ, и они, пожалуй, пожалѣли бы о смерти Соломона, но тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уже давно привыкла къ такимъ случаямъ—и твердо знала, какой произнести судъ; она нисколько не затруднялась въ приговорахъ.

Въ такихъ случаяхъ она рѣшала — оба виноваты! и дѣло заключалось сдѣдующей короткой стереотипной формулой:

„И за неразнятіемъ между ими того спору, посланы они въ ссылку оба—Алексѣевъ въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно, а Надѣинъ въ Оренбургъ къ отправленію тамъ въ нерегулярную службу"...

Рѣшеніе скорое, большихъ юридическихъ соображеній не требующее и, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, справедливое.

Только случайность спасла невинныхъ людей отъ пытки и кнута, и двое кляузниковъ сами погибли жертвою своего грязнаго замысла.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Колодникъ, разсказывающій, что Петръ II живъ.

(1754 г.).

Настоящее дѣло, заключающее въ себѣ простую безискусственную легенду о Петрѣ II, сложенную народомъ и отличающуюся всѣми признаками живой народной фантазіи, тоже прекрасно характеризуетъ свою эпоху.

Въ верхнихъ слояхъ происходили перевороты, слухи о нихъ черезъ тысячеустую молву переходили въ темную народную массу.

Свѣдѣнія о происшествіяхъ, часто и на самомъ дѣлѣ чудесныхъ и невѣроятныхъ, принимали размѣры фантастическіе, окраску и обстановку еще болѣе замысловатую, и, вращаясь среди народа во всѣхъ слояхъ общества, окончательно утрачивали всякую историческую вѣрность.

А живое народное творчество избирало изъ массы слуховъ сюжеты и темы наиболѣе ему симпатичные и понятные, и облекало ихъ въ форму легендъ и сказаній, совершенно сходныхъ со сказаніями „Сборниковъ“ и „Пчелъ“ XVI и XVII столѣтій.

Обстановка дѣла проста и незамыслова. На долгомъ и скучномъ досугѣ острожнаго сидѣнья, ссыльный колодникъ Метелягинъ разсказываетъ другому колоднику, Ивану Бердову, слышанную имъ отъ такого же колодника, Василья Слямзина („который уже умре“, какъ записано въ дѣлѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи), любопытную исторію объ умершемъ императорѣ Петрѣ II.

Исторія эта, видимо, уже потерпѣла коренную переработку въ устахъ простонародныхъ ея разсказчиковъ и распространителей и, записанная въ дѣлѣ, сохранила свой народный колоритъ.

Здѣсь кстати сказать, что дѣла тайной канцеляріи содержатъ въ себѣ богатое и драгоцѣнное собраніе всевозможныхъ сказокъ, легендъ, пѣсень и документовъ, записанныхъ изъ устъ народа при допросахъ.

Въ дѣлахъ этихъ, рядомъ съ форменными отмѣтками о числѣ ударовъ плетью, стереотипными терминами и канцелярскими выраженіями, попадаются перлы народной поэзіи, фантазіи, бытовыхъ сценъ, которыя навѣки погибли-бы для насъ,—не запиши ихъ съ рабскою точностью рука писаря или секретаря.

Дѣла эти, извлеченные изъ вѣковой архивной пыли и спасенные отъ уничтоженія просвѣщенными и достойными всякой благодарности любителями русской исторіи, какъ Г. В. Есиповъ, К. А. Арсеньевъ и др., представляютъ драгоцѣнный и обширный бытовой матеріалъ для исторіи и беллетристики. Будущій историкъ и писатель еще болѣе оцѣнятъ ихъ труды.

Библиотека "Руниверс"

Но возвратимся къ исторіи, разсказанной колодникомъ и приведшей его въ застѣнокъ.

„Ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, торговать въ чужихъ земляхъ, разсказывалъ Метелягинъ Бердову, сидя на острожныхъ нарахъ и коротая скучное время,—и било его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило-де его къ нѣкоторому иностранному и незнаемому городу съ кораблемъ.

„И тотъ-де купецъ, вышедъ изъ судна и благодаря Бога за спасеніе, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню, и, раздавъ оную, шелъ попрежнему на свой корабль.

„Стоящій у одной палатки часовой оному купцу говорилъ:

— Ты-де всѣмъ заморскимъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему, россійскому, не подалъ.

„И оный купецъ, пришедъ въ ту палатку для подаянія милостыни,—и содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу:

— Знаешь-ли ты меня?

„И оный купецъ, давъ тому человѣку милостыню, сказалъ:

— Я-де тебя не знаю вовсе.

„А оный человѣкъ тому купцу сказалъ:

— Знаешь-ли ты, что я вашъ монархъ, второй Петръ, и стражду здѣсь долговременно; и теперь-де мнѣ тебѣ, купцу, давать писемъ не можно, что-де увидятъ караульные. И приди ты ко мнѣ поутру для поданія милостыни, и я-де тебѣ приготовлю отъ себя видъ.

„И оный купецъ, не говоря тогда ничего, изъ той палатки вышелъ; и потомъ, на другой день, оный купецъ въ ту палатку ходилъ, и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги и приказывалъ:

— Ты, купецъ, эти сапоги отдай сестрѣ моей, милостивой государынѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ и можетъ-де меня узнать.

„А потомъ-де, уповательно, что для свидѣтельства того человѣка давно полки посланы.

Этимъ предположеніемъ о посылкѣ полковъ Метелягинъ и закончилъ свой разсказъ, но Бердовъ выразилъ сомнѣніе въ правдѣ этой исторіи:

— Ты, Метелягинъ, говоришь о томъ напрасно — я самъ помню, какъ второму императору погребеніе было въ Москвѣ— и какъ этому можно сдѣлаться? [1])

Метелягинъ началъ отстаивать правду разсказа и въ подтвержденіе его пересказалъ другую выдумку современниковъ о подмѣнѣ тѣла:

---

[1]) Императоръ Петръ II умеръ за двадцать четыре года прежде времени этого разсказа: 17 января 1730 г.

Библиотека "Руниверс"

— Это сдѣлали князья Долгорукіе и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое (?), а его, государя, знатно, вынули и увезли, такъ же, какъ нынѣ всемилостивѣйшую государыню хотѣли-было увезти подъ карауломъ.

Неизвѣстно—удалось-ли Метелягину убѣдить Бердова этимъ аргументомъ, но извѣстно только, что и этотъ колодничій разговоръ дошелъ какимъ-то образомъ до свѣдѣнія тайной канцеляріи въ видѣ обвиненія колодниковъ въ непристойныхъ рѣчахъ.

Какое послѣдовало Метелягину наказаніе за разсказъ легенды о Петрѣ II,—изъ дѣла не видно, да намъ это и не важно, а гораздо важнѣе и имѣетъ цѣну то, что рука писца, нисколько не помышляя о сочинительствѣ, сохранила одинъ отрывокъ изъ той массы сказокъ и легендъ, какія ходили въ народѣ, въ то чреватое смутными событіями время.

VIII.

Бѣглый гусаръ Штырской—завоеватель Россійской имперіи.

(1754 г.)

Возникновеніе такихъ людей, какъ фигурирующій въ настоящемъ дѣлѣ бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской, — есть тоже знаменіе того времени.

Въ исторіи переворотовъ описываемой эпохи, мы видимъ много именъ разныхъ искателей приключеній, авантюристовъ и parvenus; ничтожные сами по себѣ, они совершаютъ дѣла первой государственной важности; пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ и хаосомъ, они безумно бросаются на самыя опасныя предпріятія—и часто слѣпой случай помогаетъ имъ исполнить съ успѣхомъ свои фантастическіе планы. Ничтожество вчера, сегодня становится важнымъ государственнымъ человѣкомъ—и наоборотъ.

„Колесо счастія“ никогда не вертѣлось такъ быстро и никогда не совершало такихъ неожиданныхъ и крутыхъ оборотовъ, то въ одну, то въ другую сторону.

Смѣлый авантюристъ и интриганъ первенствовалъ надъ лучшими государственными умами.

Въ это время всякій отчаянный человѣкъ, неимѣющій ni foi ni loi, чувствовалъ себя способнымъ на великія дѣла, а примѣры дѣйствительности укрѣпляли его въ этомъ мнѣніи.

Но „отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!“—рядомъ съ хвастунами и дѣятелями историческими выступаетъ цѣлая масса хвастуновъ смѣшныхъ, неудачниковъ и искателей приключеній, похожихъ скорѣе на бродягъ.

И эти неудачники по пословицѣ: „куда конь съ копытомъ—туда и ракъ съ клешней“ тоже подымаютъ головы, отуманенныя вѣчнымъ

Библиотека "Руниверс"

пьянствомъ и наполненныя глупыми фантазіями — и кричатъ, грозя всему міру войною и разрушеніемъ. Сидя въ какой нибудь полицейской части, они мечтаютъ о государственныхъ переворотахъ, министерскихъ должностяхъ, грудахъ золота и орденовъ.

Бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской представляетъ жалчайшій и комичнѣйшій типъ авантюриста XVIII столѣтія и его смѣшное хвастовство сохранилось въ дѣлахъ тайной канцеляріи гдѣ, на дыбѣ подъ кнутомъ, обыкновенно и потухали всѣ ихъ блестящіе планы о государственныхъ переворотахъ.

Бѣглый гусаръ, въ разговорахъ съ другимъ гусаромъ, расхвастался:

„Я-де и прежде сего изъ (новой) Сербіи (въ Польшу) утекалъ, да не ушелъ; а нынѣ-де, какъ весны дождусь, то учиню побѣгъ къ крымскому хану и подниму татаръ и поляковъ на Новую Сербію и на всю ея императорскаго величества державу, и приду на столицу, и возьму всемилостивѣйшую государыню!“...

Какъ ни жестока и ни подозрительна была тайная канцелярія въ отношеніи такихъ дѣлъ, но жалкій гусаръ Штырской не вызвалъ ея опасеній своими политическими планами.

Наказаніе ему, сравнительно, было назначено очень легкое: „вмѣненъ бывшій ему розыскъ (т. е. троекратная пытка съ плетями) въ наказаніе — и сосланъ въ Сибирь къ опредѣленію въ службу, въ какую онъ способенъ явится“.

IX.

Князь Потемкинъ—фальшивый монетчикъ.

(1778 г.).

Это и слѣдующія за этимъ дѣла принадлежатъ уже совершенно другой эпохѣ, когда въ міръ юридическій проникли нѣкоторыя гуманныя идеи, и въ строгость розыска перестали вѣрить и смотрѣть, какъ на лучшее и безошибочное средство добиться истины и сознанія.

Только двадцать четыре года отдѣляютъ настоящее дѣло отъ предыдущихъ,—но уже какая разница въ процедурѣ допроса, какое смягченіе наказаній! Отвратительнаго „слова и дѣла“ уже не существовало!

Постепенное прониканіе этого духа гуманизма въ законодательство подробнѣе показано нами во введеніи въ эти очерки, а теперь мы иллюстрируемъ наши слова бытовыми сценами, извлеченными изъ подлинныхъ дѣлъ тайной экспедиціи учрежденной при правительствующемъ сенатѣ послѣ уничтоженія тайной розыскныхъ дѣхъ канцеляріи.

Библиотека "Руниверс"

Въ обширной людской застольной дома князя Степана Барятинскаго собралась его многочисленная дворня и, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, подняла пиръ горой.

Изъ княжескихъ погребовъ натащили пива и наливокъ, изъ кухни принесли жаренаго и варенаго на закуску и, истребляя барское добро, загуторила дворня—душа на распашку!

Забренчала балалайка, которую принесъ дворникъ, ради потѣхи, и подвыпившій лакей въ княжеской ливреѣ пустился откалывать трепака со смазливенькой горничной, плававшей, подбоченясь и помахивая платочкомъ „во бѣлой рукѣ".

— Ай, лихо! вотъ одолжилъ! слышались восклицанія зрителей,— ну-ка, съ каблука пусти дробь, Ванюха!

— Нѣтъ, ты на Грушку-то погляди!.. Плечами-то какъ, шельма, поводитъ... ахъ, чтобъ-те наскрозь!.. Молодецъ дѣвка!

Не стерпѣлъ, глядя на Грушку, и престарѣлый буфетчикъ и, когда лакей умаялся и повалился на скамейку, — частенько засеменилъ ногами на встрѣчу Грушкѣ, сгорбившись и мотая сѣдой головой.

Всеобщій взрывъ хохота встрѣтилъ новаго танцора, а онъ молодцовато откинулъ голову назадъ, и пошелъ переплетать нога за ногу.

— Ай-да старикъ! гляди-ка Лаврентьичъ-то какимъ молодцомъ дѣйствуетъ, молодому не уступитъ!.. Ну ка, Груша, уважь старика!

Груша притопнула, взвизгнула, повела бровью и ринулась на встрѣчу Лаврентьичу, грудью впередъ, — а старикъ отъ восторга и утомленія закашлялся и тоже грохнулся на скамейку, тяжело дыша.

— Не выстоялъ старикъ! гдѣ ему! Грушку-то не скоро заѣздишь! говорили кругомъ подвыпившіе лакеи и горничныя..

По угламъ завелись разговоры; выѣздные лакеи князя, да и вообще вся дворня, знакомы были со многими придворными сплетнями и пересудами и скоро разговоръ сталъ общимъ, перейдя на излюбленную тему для прислуги—судаченье про господъ.

Любо было имъ всѣмъ перебирать весь высшій свѣтъ по косточкамъ, и не одному изъ вельможъ должно было икаться въ это время, когда чужая дворня сообщала всѣ его тайныя и щекотливыя похожденія.

Свѣдѣнія получались по тому неуловимому, но чрезвычайно простому телеграфу, который называется его собственной дворней, и отъ котораго какъ ни старайся, а не убережешься и не схоронишься.

Скоро изъ общей массы говорившихъ выдѣляется одинъ пьяный дворовый, сообщенія котораго отличались наибольшею новизною и интересомъ, и его стали слушать съ большимъ вниманіемъ. Увлеченный ролью оратора, дворовый началъ уже выкладывать самыя сокровенныя тайны, чтобы разодолжить внимательныхъ слушателей.

— Былъ я недавно на площади, разсказывалъ онъ, и разговорился съ какимъ-то незнаемымъ человѣкомъ, и онъ мнѣ подъ секре-

Библиотека "Руниверс"

томъ разсказывалъ про императрицу, да свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

— Что-же, что-же онъ тебѣ разсказывалъ? пристала дворня, сгарая отъ любопытства.

— Да такія вещи разсказывалъ, что и самому страшно!

— Да говори, что такое! чего ты за душу-то тянешь! пристали всѣ.

— Сказать-то не штука, ломался лакей,—а какъ потомъ самому въ затылокъ-то попадетъ, тогда что?.. Вамъ-то ничего — выслушалъ, да и прочь пошелъ!

— Ну полно! что тутъ! кто тебя выдастъ?—все свои люди—говори не бойся!

— Слышалъ я, началъ понизивъ голосъ, лакей, что свѣтлѣйшій-то князь Потемкинъ въ одномъ покоѣ съ императрицей живетъ!..

— Ну, это еще не ахти-какой секретъ! усумнились нѣкоторые,—всѣмъ вѣдомо, что свѣтлѣйшій находится при императрицѣ „въ случаѣ".

— То-то вотъ вамъ вѣдомо, да не все! увлекся лакей; говорилъ мнѣ еще этотъ человѣкъ и твердо завѣрялъ, что свѣтлѣйшій у себя въ домѣ фальшивыя бумажки дѣлаетъ и въ народъ пущаетъ!..

— Ну! можетъ-ли это статься?

— Для чего-жь онъ такъ богатъ, свѣтлѣйшій-то, коли не съ этаго самаго!

— Мало-ли отъ чего богатъ! богатъ милостями императрицы — знамо—случайный человѣкъ—ну, и богатъ!

— По мнѣ—хошь вѣрьте, хошь не вѣрьте, а я говорю, что слышалъ.

Разсказъ лакея вызвалъ разные толки въ дворнѣ, а на другой день сообщенная имъ новость и пошла путешествовать по Москвѣ, передаваясь изъ устъ въ уста. Скоро молва эта дошла и до того, до кого не слѣдуетъ; пошла переборка—кто пустилъ слухъ, и долго-ли, коротко-ли, а словоохотливый лакей таки попалъ въ бѣду, обвиненный въ непристойныхъ рѣчахъ.

Его отвезли въ Петербургъ, посадили въ крѣпость и допросили безъ пытокъ.

Откровенно сознавшись въ болтовнѣ, лакей утвердился и завѣрялъ, что слышалъ это отъ неизвѣстнаго ему человѣка, въ Москвѣ на площади.

Тайная экспедиція составила по этому дѣлу докладъ и представила императрицѣ Екатеринѣ II на высочайшее воззрѣніе, такъ какъ о всякомъ наказаніи по тайной экспедиціи докладывалось императрицѣ лично.

Въ рѣшеніяхъ своихъ на эти доклады императрица поступала съ удивительною добротою сердечною и духомъ прощенія, если дѣло только касалось сплетень и злословія лично о ней, а не затроги-

Библиотека "Руниверс"

вало какихъ нибудь важныхъ и щекотливыхъ государственныхъ событій и предпріятій.

Рѣшеніе императрицы Екатерины II по этому дѣлу поражаетъ сильнымъ контрастомъ съ рѣшеніями всѣхъ предыдущихъ дѣлъ, возникшихъ въ печальное время существованія преображенскаго приказа и тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи;—Екатерины II приказала дворового человѣка изъ крѣпости освободить и возвратить его помѣщику, князю Степану Барятинскому, которому посовѣтовала не держать при себѣ въ Москвѣ этого болтуна.

Милость рѣшенія еще болѣе удивитъ насъ, если мы узнаемъ, что по слѣдствію тайной экспедиціи означенный дворовый былъ уже человѣкъ скомпрометтированный — лѣтъ десять назадъ его били кнутомъ за побѣгъ отъ своего помѣщика.

Другія времена—другіе нравы!

Въ pendant къ этому дѣлу, мы разскажемъ и другое, по времени относящееся тоже къ царствованію Екатерины II и рѣшенное съ тѣмъ же человѣколюбіемъ.

X.

Битый капралъ и бабье царство.

Жилъ-былъ старый отставной капралъ, и былъ онъ человѣкъ смирный и самый незначительный. Самъ-то по себѣ былъ онъ человѣкъ ничего — хорошій человѣкъ и въ строю былъ бравый солдатъ и храбрый вояка, за что и дослужился капральскаго чина, да характеръ имѣлъ слабый и мягкій; къ тому же и выпить сильно любилъ, почему и пришелъ онъ на старости лѣтъ въ упадокъ и неуваженіе.

А было время, о которомъ капралъ подъ веселую руку вспоминалъ съ гордостью, когда и онъ былъ не изъ послѣднихъ: молодецки крутился его насаленный усъ, статно сидѣлъ на немъ военный мундиръ и блестѣли кругомъ пуговицы, да шнурки, приводя въ восторгъ женскій полъ изъ простонародья. Похлопывали, бывало, окошечки въ деревняхъ, выглядывали изъ нихъ любопытно молодыя женскія лица, когда проходили по Руси походомъ куда нибудь на шведа, турка или нѣмца, подъ командою молодца „фонъ-Минихена". А въ городахъ на постояхъ и купеческія дочки пріятно улыбались ему и заводили сладкіе разговоры съ бравымъ солдатомъ.

Была коту масляница! вспоминаетъ иногда съ улыбкою старый капралъ.

Но, какъ за каждой масляницей непремѣнно наступаетъ великій постъ, то кончилась и его, капралова, масляница. Полюбилась ему

Библиотека "Руниверс"

покрѣпче одна изъ купеческихъ дочекъ и онъ женился на ней, зажилъ своимъ домкомъ и всѣ свои шашни бросилъ.

Жена его, купеческая дочка, оказалась женщиною характера твердаго и даже деспотическаго и воззрѣній самыхъ оригинальныхъ, а потому вскорѣ и забрала своего мужа въ ежевыя рукавицы. Не безъ борьбы, конечно, досталась ей эта власть, — капралъ, покуда былъ бравъ и молодцоватъ, хорохорился и не поддавался, но малу по малу смирился, ибо жена его оказала въ усмиреніи капрала энергію непреклонную.

У нихъ была дочь, которую воспитывала мать и передала ей и свой твердый характеръ, и свои оригинальныя воззрѣнія.

Здѣсь надо объяснить, въ чемъ заключалась оригинальность мнѣній купеческой дочки, капраловой жены, оригинальность, присущая чуть не половинѣ россійскихъ женщинъ въ послѣднія три четверти XVIII столѣтія.

Со смерти Петра Великаго, Россія на императорскомъ престолѣ видѣла пять женщинъ, болѣе или менѣе быстро смѣнившихъ другъ друга и самодержавно распоряжавшихся судьбами обширной имперіи. Женщина властвовала надъ мужчинами и имъ предписывала законы, предъ женщиной все преклонялось и все ей покорялось безпрекословно.

Такой, не совсѣмъ обычный для Россіи порядокъ дѣлъ, вызвалъ въ головахъ, склонныхъ къ обобщеніямъ, людей, какія-то темныя и странныя мысли и соображенія. Вдумался въ это и женскій полъ— и вдругъ открылъ въ такомъ порядкѣ вещей нѣчто, крайне для женскаго самолюбія пріятное и выгодное. Съ теченіемъ времени мысль выяснилась, и вотъ женскій полъ, съ присущею ему непосредственностью и азартомъ, проникся мыслью и сообщилъ во всеуслышаніе, что молъ коли на престолѣ царствуетъ баба и надъ мужчинами властвуетъ, то поэтому и всѣ бабы въ государствѣ должны стать выше мужчинъ и ими властвовать—„настало-де бабье царство“!

Вотъ такими-то мыслями преисполнился властолюбивый женскій полъ—и пошла въ семьяхъ перепалка. Разномысліе и смуты поселились между супругами; женщины съ азартомъ требовали власти, отнятой у нихъ несправедливо, и многіе, не обладавшіе энергіей супруги, не удержавъ въ рукахъ бразды правленія, почувствовали на себѣ всю тяжесть власти подъ нѣжной женской ручкой.

Совершилась безшумная бабья революція.

Таковъ былъ образъ мыслей и у энергичной капраловой жены и купеческой дочки, которая къ тому же и кичилась предъ мужемъ честностью, т. е. высотою своего купеческаго происхожденія, и было отъ этого старому капралу на свѣтѣ жить трудно, и чаще прежняго сталъ онъ заходить въ кабачки и вспоминать свою молодость.

Дочку выдали замужъ, жена переселилась къ зятю, а старому капралу и тамъ не нашлось не хаянаго угла, не оговореннаго попрекомъ куска.

Библиотека "Руниверс"

И дочка пошла по маменькѣ — не уважала своего отца, и опустился и запилъ старый капралъ, ставши совсѣмъ послѣднимъ человѣкомъ въ глазахъ своего семейства.

Бѣжалъ онъ изъ дому отъ попрековъ и ходилъ цѣлые дни по старымъ сослуживцамъ, да благопріятелямъ, всюду испивая, да припоминая прежнюю службу.

Домой онъ ходилъ только ночевать, да иногда выклянчить у зятя, или у дочки, деньжонокъ на выпивку, и никогда это не обходилось ему безъ ругани.

Терпѣлъ свою судьбу капралъ и только выпивши изрядно, осмѣливался роптать и оспаривать жену, да и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не могла его слышать.

Только всякому терпѣнью есть предѣлъ, и разъ въ праздникъ церковный сталъ капралъ просить у жены денегъ и получилъ въ отвѣтъ:

— Убирайся, пьяница старый! Нѣтъ тебѣ денегъ на пьянство, таскунъ!

Взорвало старика, и приступилъ онъ къ жевѣ:

— Ахъ ты такая-сякая! да ты што важничаешь-то! Я Богу и государямъ и государынямъ служилъ вѣрно и капральскаго чина дослужился, а ты, баба дрянная, мной помыкаешь?.. Я покажу тебѣ мою власть...

Но тутъ расхорохорившійся старикъ получилъ отъ жены такое звонкое доказательство своего безвластія, что схватился за скулу и опѣшилъ.

— Вотъ тебѣ, старый таскунъ, пьяница, за твою власть!.. видѣлъ свою власть! накинулась на него жена съ кулаками и хотѣла уже снова заушить его.

— Нѣтъ, постой! ты што же это Бога-то забыла, для праздника по рожѣ бьешь? вдругъ сократился и залепеталъ капралъ, отступая назадъ.

— Великой ты чортъ! капралишка! я честнѣе тебя! — мой тятенька былъ второй гильдіи купецъ, а ты кто?—мужикъ!..

— Когда ты честнѣе, то пусть и будетъ твоя честь съ тобою— а драться въ праздникъ не смѣй, за это тебя не похвалятъ, коли пожалуюсь.

— Драться не смѣй!.. заорала купеческая честная дочь, — да я всегда могу тобою повелѣвать!.. Я передъ тобою барыня и великая княгиня!.. И что касается и до императрицы, что царствуетъ—такъ она такая же наша сестра набитая баба—а потому мы и держимъ теперь правую руку и надъ вами, дураками, всякую власть имѣемъ!

Такъ разглагольствовала и превозносилась капралова жена, желая совсѣмъ унизить мужа, а съ нимъ и весь мужской полъ, но это ужъ,

Библиотека "Руниверс"

надо полагать, переполнило мѣру терпѣнія смирнаго капрала, и онъ завопилъ:

— А! коли ты такъ! коли ты всемилостивѣйшую государыню позоришь, набитой бабой называешь и съ другими бабами-дурами сверстала—такъ я-жъ тебя проучу!—перестанешь ты драться и ругаться со мной, ибо сейчасъ же донесу на тебя по начальству, что ты непристойныя рѣчи о государынѣ произносишь.

— Ступай, старый чортъ, доноси! не больно я боюсь твоего начальства. Теперь у насъ на престолѣ баба сидитъ, и всѣмъ бабамъ оттого защита есть отъ васъ.

Разобиженный капралъ, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ въ отместку злой бабѣ, взялъ да и донесъ о непристойныхъ рѣчахъ и о побояхъ, что она причинила ему, не постыдясь праздника церковнаго.

Засадили капральшу вмѣстѣ съ капраломъ подъ арестъ при тайной экспедиціи и допросили ее. Она въ говореньи непристойныхъ словъ заперлась, а мужъ продолжалъ обличать ее, желая хоть разъ отомстить ей за всѣ ея долголѣтнія и непрестанныя обиды ему.

Посадили ее на два дня „безъ пищи и питья", вмѣсто прежней пытки и ударовъ плетью; она и послѣ этого продолжала отпираться ото всего.

Тогда подвергли тому же наказанію старика и онъ, просидѣвъ два дня голодомъ, не отказался отъ своего обвиненія въ непристойныхъ рѣчахъ.

Тайная экспедиція, видя, что правды между ними добиться трудно, по примѣру всѣхъ прочихъ такого рода дѣлъ, составила для подачи императрицѣ докладъ, выписавъ въ немъ и бабью философію капраловой жены.

Милостивая императрица благодушно взглянула на это дѣло и рѣшила: „Вмѣнить имъ двухдневное сидѣнье безъ пищи и питія въ наказаніе—и отпустить на свободу".

XI.

Хохлы-просители при Павлѣ I.

(1797 г.)

Въ концѣ мая 1797 года, изъ дальняго малороссійскаго города Погара, Черниговской губерніи, прибыли въ Петербургъ четверо „депутатовъ"-хохловъ.

Они были посланы погарскимъ магистратомъ съ порученіемъ подать просьбу самому императору Павлу I, чтобы онъ высочайшимъ своимъ указомъ подтвердилъ какую-то стародавнюю привиллегію города Погара, данную еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстно, что императоръ Павелъ I учредилъ, по вступленіи своемъ на престолъ, въ видахъ доставленія своимъ подданнымъ скораго и праваго суда, „дабы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ“, личную подачу словесныхъ и письменныхъ прошеній прямо во дворецъ, на его имя.

Принимали и дѣлали экстракты изъ прошеній три статсъ-секретаря — Трощинскій (присылаемыя по почтѣ), Нелединскій-Мелецкій (подававшіяся лично) и Брискорнъ (писанныя на иностранныхъ языкахъ [1]), а резолюціи на нихъ Павелъ I давалъ самъ лично, и онѣ надписывались на прошеніяхъ статсъ-секретарями.

Этимъ прекраснымъ учрежденіемъ захотѣли воспользоваться и хохлы изъ Погара, но, пріѣхавши въ Петербургъ въ концѣ мая, они не застали уже императора и двора въ столицѣ — Павелъ I съ семействомъ переѣхалъ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію.

Туда же переѣхали и статсъ-секретари у принятія прошеній, а потому нашимъ хохламъ приходилось ѣхать въ Павловскъ для личной подачи своего прошенія.

Въ Петербургѣ у нихъ тотчасъ же нашлись земляки, которые и руководили темными хохлами въ шумной и неизвѣстной имъ столицѣ и, между прочими, какой-то донской казакъ Космынинъ.

Проживъ въ Петербургѣ двѣ недѣли, и узнавъ обо всемъ, какъ слѣдуетъ, погарскіе хохлы отправились въ Павловскъ и подали свое прошеніе на высочайшее имя въ учрежденный для просителей ящикъ.

Въ ожиданіи рѣшенія своего ходатайства, хохлы гуляли по Павловску, осматривали всѣ его диковинки и, придя однажды въ воскресный день въ церковь къ обѣднѣ, удостоились увидать тамъ самого императора Павла I-го съ сыновьями Александромъ и Константиномъ Павловичами.

Былъ ли Павелъ I въ этотъ день не въ духѣ и выглядѣлъ сердито, или просто со страха передъ императоромъ — только примѣтливымъ хохламъ онъ показался чрезвычайно строгимъ и сердитымъ. Придя домой, они пустились разсуждать о немъ:

— Гораздо золъ императоръ, звѣремъ смотритъ, словно съѣсть хочетъ.

— А государь-то наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, по всему видно, не въ батюшку уродился — смирный да ласковый такой выглядитъ.

— Да, а вотъ второй-то сынокъ, Константинъ, — тотъ, кажется, весь въ батюшку!

Разговорился съ ними и казакъ Космынинъ, ихъ всегдашній провожатый, а на другой день онъ повелъ хохловъ смотрѣть на разводъ

[1]) См. „Истор. Вѣстн.“ 1881 г., янв., стр. 216.

Библиотека "Руниверс"

съ церемоніею, гдѣ командовать войсками будетъ самъ государь императоръ.

Невиданное зрѣлище представилось хохламъ на большой площади, застановленной блестящими и стройными рядами войскъ. Войска начали проходить церемоніальнымъ маршемъ, и императоръ Павелъ, пристально вперивъ глаза, слѣдилъ за каждомъ солдатомъ и его движеніями.

Вдругъ императоръ сорвался съ мѣста, быстро пошелъ къ рядамъ подошедшаго псковскаго карабинскаго полка и, схвативъ одного солдата обѣими руками за ремни аммуниціи, дернулъ въ сторону и поправилъ на мѣстѣ.

Весь рядъ тотчасъ же сомкнулся снова, а гнѣвный императоръ отошелъ и опять оглядѣлъ помертвѣвшій недвижный строй.

Этотъ случай также далъ нашамъ хохламъ не малый поводъ поговорить о строгости императора.

— Всѣ солдаты недовольны такой строгостью императора и лаютъ объ этомъ вслухъ, разсуждали простаки-хохлы, забывъ, что они не въ своемъ захолустномъ Погарѣ, а въ резиденціи императора, и что здѣсь надо держать языкъ за зубами.

На третій день, знать такое ужь имъ счастье (или несчастье) навалило—они снова увидѣли императора. Павелъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи великихъ князей, по одной изъ улицъ Павловска.

Хохлы, увидя строгаго императора издали, остановились у стѣночки, и снявъ шапки, ждали его проѣзда.

И, какъ норочно, на самой серединѣ улицы лошадь императора, ѣхавшаго впереди, задѣла ногою валявшійся на улицѣ разбитый горшокъ и споткнулась. Императоръ наклонился и, увидя подъ копытами лошади черепки горшка, грозно закричалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва:

— Убрать сейчасъ же эту гадость! Какъ смѣть допускать такое безобразіе на улицахъ! Вѣдь лошадь могла испортить ногу отъ этого!.. Живо убрать!..

Словно изъ подъ земли выскочило нѣсколько полицейскихъ, и въ одинъ моментъ улица стала чиста, какъ метеный полъ, а императоръ темнѣе тучи, послѣдовалъ дальше, мимо упавшихъ на колѣни хохловъ.

— А бодай ему, якій винъ сумній! якъ хмара! могли только проворчать перетрусившіе хохлы и отправились со страхомъ въ сердцѣ справляться о томъ, какое рѣшеніе послѣдовало на ихъ бумагу.

Статсъ-секретарь Нелединскій-Мелецкій объявилъ погарскимъ просителямъ черезъ полицію, что прошеніе ихъ его императорскимъ величествомъ разсмотрѣно и велѣно бумагу имъ возвратить, а рѣшенія—никакого не воспослѣдовало!..

Пожали плечами хохлы, пошевелили досадливо усами, но дѣлать было нечего—пришлось возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

Даромъ отломали хохлы тысячу слишкомъ верстъ до Петербурга, даромъ проживались и проѣдались въ Петербургѣ и Павловскѣ!

Съ досады пришли хохлы домой и давай браниться.

— Нехай его трясьця визме!

— Истинно, что строгъ да несправедливъ! нашей правой просьбы не уважилъ!

— Что теперь скажемъ панамъ—магистрату? скажутъ: бисовы дити, и того не умѣли сдѣлать, царю просьбы подать!

— То и худо, что царю! кабы магистрату какому, такъ подмазать бы можно, а царя не подкупишь... Сказалъ, какъ отрѣзалъ! и жаловаться некому!..

— Ну! а коли до дому, такъ и до дому! рѣшили наконецъ неудачные просители, махнувъ рукой, и уѣхали въ Питеръ, а оттуда потянулись, безъ дальнихъ разговоровъ, въ свою Черниговскую губернію.

На прощаньи, ихъ неизмѣнный чичероне, донской казакъ Космынинъ, сталъ просить вознагражденія за свои труды, но получилъ отъ раздосадованныхъ хохловъ круто согнутую фигу и нѣсколько не лестныхъ замѣчаній.

— Дуракъ, кто и живетъ то въ этомъ проклятомъ омутѣ, чтобъ ему провалиться и со всѣми!

И съ этимъ оставили донского казака, а сами свиснули и уѣхали.

— Почекайте, хохлы! трыста вамъ чортывъ! погрозился кулакомъ имъ въ слѣдъ казакъ и съ этими словами махнулъ прямо въ сенатъ, въ тайную экспедицію съ доносомъ, что пріѣзжавшіе изъ города Погара просители, купецъ Антонъ Роскинъ, купецъ Попинокъ и двое другихъ, въ бытность свою въ императорской лѣтней резиденціи, произносили хульныя и непристойныя рѣчи о высочайшей особѣ его императорскаго величества. Доносу казака придали большое значеніе, и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ послалъ 21 іюня нарочнаго курьера съ командою солдатъ и доносчикомъ въ догонку за болтунами-просителями!

Въ инструкціи курьеру было предписано: „сколь скоро ихъ достигнешь, то, взявъ всѣхъ подъ караулъ и посадя въ кибитки, сейчасъ возвратиться въ Петербургъ и представить ихъ ко мнѣ, стараясь сіе исполнить при томъ безъ всякой огласки, дабы объ ономъ никто не зналъ, и сей вашей инструкціи никто не видалъ“. Подписалъ генералъ-прокуроръ, князь Куракинъ.

Помчалась погоня за хохлами, настигла ихъ и разсадя въ кибитки, розно, повезли въ Петербургъ важныхъ политическихъ преступниковъ, оберегая ихъ, какъ зачумленныхъ, отъ всякаго сообщенія съ другими людьми на станціяхъ и во время пути.

Сильно струхнули хохлы при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, а когда увидѣли въ числѣ конвойныхъ и казака Космынина, ехидно улыбавшагося, то поняли, что это онъ что нибудь сочинилъ имъ въ отместку.

Библиотека "Руниверс"

Привезя, ихъ представили въ тайную экспедицію, и оробѣвшіе просители разсказали все откровенно, что они видѣли и говорили объ императорѣ въ Павловскѣ.

— Какъ же вы осмѣлились, мужики вы эдакіе, разсужать объ особѣ его императорскаго величества столь вольно и необузданно? прикрикнули на нихъ.

Оторопѣвшіе хохлы просили о милости, упавъ на колѣни, и завѣряли, что и рѣчи о высочайшихъ особахъ говорены ими „не для какого злодѣйскаго разглашенія, а токмо между собою и изъ единой простоты!“

Дѣло оказалось совсѣмъ не столь важное, какъ объ немъ подумали сначала, и вмѣсто важныхъ государственныхъ преступниковъ предъ Куракинымъ были простоватые и оторопѣвшіе торговцы-болтуны, незнакомые со столичными порядками.

Тѣмъ не менѣе, докладъ о хохлахъ, осмѣлившихся имѣть свое сужденіе о высочайшихъ особахъ, былъ представленъ императору Павлу I.

Хохлы съ трепетомъ ждали наказанія отъ строгаго императора и въ сотый разъ жалѣли о своей скупости, что не удовлетворили тогда казака.

Резолюція Павла I не замедлила явиться на докладъ Куракина и, какъ бы нарочно для того, чтобы опровергнуть составившееся у хохловъ не лестное мнѣніе объ императорѣ, гласила слѣдующее:

„Государь императоръ высочайше повелѣлъ: сдѣлавъ надлежащее нравоученіе, чтобъ впредь въ разговорахъ своихъ были они воздержнѣе и сужденія свои имѣли въ надлежащихъ предѣлахъ,—оныхъ отпустить“.

Такой благополучный конецъ имѣли похожденія хохловъ-просителей въ Павловскѣ, ждавшихъ чуть-ли не смерти отъ строгаго императора.

Можно смѣло сказать, что послѣ этого случая хохлы повезли за тысячу верстъ въ свою Черниговскую губернію самое лестное мнѣніе о милосердіи и добротѣ императора Павла I.

А. В. Арсеньевъ.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ [1]).

VI.

ОСТОЕВСКІЙ осуществилъ свое желаніе — освободился отъ редакторства „Гражданина“ и слѣдующую зиму прожилъ въ Старой Русѣ, приготовляя къ печати новый романъ—„Подростокъ“.

Въ началѣ 1875 года, онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и навѣстилъ меня. Я встрѣчалъ его совсѣмъ въ новой обстановкѣ, среди новыхъ заботъ и занятій, которыя стряхнули съ меня такъ озабочивавшую его мою апатію. Намъ было о чемъ поговорить и я чрезвычайно обрадовался его посѣщенію. Но сразу, только что онъ вошелъ, я уже по лицу его увидѣлъ, что онъ до крайности раздраженъ и въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Онъ сейчасъ же и высказалъ причину этого раздраженія.

— Скажите мнѣ, скажите прямо — какъ вы думаете: завидую ли я Льву Толстому? проговорилъ онъ, поздоровавшись со мною и пристально глядя мнѣ въ глаза.

Я конечно очень бы удивился такому странному вопросу, если бы не зналъ его; но я ужь давно привыкъ къ самымъ неожиданнымъ „началамъ“ нашихъ встрѣчь и разговоровъ.

— Я не знаю завидуете ли вы ему, но вы вовсе не должны ему завидовать, отвѣчалъ я. У васъ обоихъ свои особыя дороги, на которыхъ вы не встрѣтитесь—ни вы у него ничего не можете отнять, ни онъ у васъ ничего не отниметъ. На мой взглядъ между вами не можетъ быть соперничества, а слѣдовательно и зависти съ вашей стороны я не предполагаю... Только скажите, что значитъ этотъ вопросъ, развѣ васъ кто нибудь обвиняетъ въ зависти?

— Да, именно, обвиняютъ въ зависти... И кто же? старые друзья, которые знаютъ меня лѣтъ двадцать...

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 602—616.

Библиотека "Руниверс"

Онъ назвалъ этихъ старыхъ друзей.

— Что же, они такъ прямо вамъ это и высказали?

— Да, почти прямо... Эта мысль такъ въ нихъ засѣла, что они даже не могутъ скрыть ее—проговариваются въ каждомъ словѣ.

Онъ раздражительно заходилъ по комнатѣ. Потомъ вдругъ остановился, взялъ меня за руку, и тихо заговорилъ, почти зашепталъ:

— И знаете ли, вѣдь я дѣйствительно завидую, но только не такъ, о, совсѣмъ не такъ какъ они думаютъ! Я завидую его обстоятельствамъ, и именно вотъ теперь... Мнѣ тяжело такъ работать, какъ я работаю, тяжело спѣшить... Господи, и всю то жизнь!.. Вотъ я недавно прочитывалъ своего „Идіота", совсѣмъ его позабылъ, читалъ какъ чужое, какъ въ первый разъ... Тамъ есть отличныя главы... хорошія сцены... у, какія! Ну вотъ... помните... свиданіе Аглаи съ княземъ, на скамейкѣ?.. Но я все же таки увидѣлъ какъ много недодѣланнаго тамъ, спѣшнаго... И всегда вѣдь такъ—вотъ и теперь: „Отечественныя Записки" торопятъ, поспѣвать надо... впередъ заберешь—отрабатывай, и опять впередъ... и такъ всегда!.. Я не говорю объ этомъ никогда, не признаюсь; но это меня очень мучитъ. Ну, а онъ обезпеченъ, ему нечего о завтрашнемъ днѣ думать, онъ можетъ отдѣлывать каждую свою вещь, а это большая штука—когда вещь полежитъ уже готовая и потомъ перечтешь ее и исправишь. Вотъ и завидую... завидую, голубчикъ!..

— Конечно все это такъ, сказалъ я, и все это очень грустно. Но обыкновенно на подобныя разсужденія замѣчаютъ, что необходимость работать—большая помощь для работы, что при обезпеченности легко можетъ явиться лѣнь.

— И это бываетъ, конечно, но если кто залѣнится и ничего не скажетъ, такъ значитъ ему и нечего сказать!

Онъ вдругъ успокоился и сдѣлался кроткимъ и ласковымъ.

Такіе внезапные переходы бывали съ нимъ часто.

Это свиданіе мнѣ особенно памятно потому, что нашъ дальнѣйшій разговоръ больше чѣмъ когда либо убѣдилъ меня въ его искреннемъ ко мнѣ участіи. Совѣты, которые я въ тотъ день получилъ отъ него, принесли мнѣ не мало пользы и долго служили большою нравственной поддержкой. Но все это уже мое личное дѣло и я ограничиваюсь только приведеннымъ выше разговоромъ о „зависти". Я счелъ себя вправѣ передать его, потому что онъ указываетъ на печальную сторону дѣятельности многихъ нашихъ писателей, и по преимуществу дѣятельности Достоевскаго.

Я знаю въ какую тоску, въ какое почти отчаяніе приводили его иногда отсутствіе денежныхъ средствъ, забота о завтрашнемъ днѣ, о нуждахъ семьи. Онъ почти всю жизнь не выходилъ изъ денежныхъ затрудненій, никогда не могъ отдохнуть, успокоиться.

Все это тяжело отзывалось на его произведеніяхъ и почти ни однимъ изъ нихъ онъ не былъ доволенъ. Онъ работалъ всегда торопясь,

Библиотека "Руниверс"

часто не успѣвая даже прочитать имъ написаннаго. А между тѣмъ вѣдь онъ писалъ не легкіе разсказы. У него иногда, въ горячія, вдохновенныя минуты, выливались глубоко-поэтическія сцены, страницы красоты необыкновенной, которыхъ очень много въ каждомъ его романѣ. Но этого было мало: у него бывали глубокія психологическія задачи, въ его головѣ мелькали оригинальныя и замѣчательныя рѣшенія серьезныхъ нравственныхъ вопросовъ. Тутъ минутъ горячаго вдохновенія оказывалось недостаточно, требовалась спокойная работа мысли, а обстоятельства не давали его мысли спокойно работать. Потому то въ его романахъ такъ много неяснаго, запутаннаго, потому то его романы, и въ особенности послѣдніе, широко задуманные, въ общемъ производятъ впечатлѣніе только богатѣйшаго матерьяла для настоящихъ романовъ...

Больной, измученный, онъ уставалъ больше и больше; но уставалъ не мыслью, не чувствомъ, а просто уставалъ физически. Ему трудно становилось работать и онъ работалъ медленно. Онъ заранѣе продавалъ свой романъ, который ожидали съ нетерпѣніемъ. Редакція то и дѣло понуждала его высылать скорѣе рукопись. Эти понужденія раздражали его, онъ волновался, спѣшилъ, посылалъ начало и потомъ, торопясь продолженіемъ, почти забывалъ это начало. По мѣрѣ развитія романа являлась необходимость измѣнять то то, то другое, но исполнить этого уже не было возможности — то, что нужно было измѣнить и переработать, оказывалось уже напечатаннымъ. Такимъ образомъ являлись великолѣпные эпизоды, но въ общемъ романъ представлялъ довольно безформенное и во всякомъ случаѣ невыдержанное произведеніе.

Онъ самъ отлично сознавалъ это и подобное сознаніе для художника являлось горькимъ мученіемъ. Онъ сознавалъ, и въ то же время ему болѣзненно хотѣлось, чтобы другіе не замѣчали того, что онъ самъ видитъ. Поэтому всякая похвала доставляла ему большую усладу: она его обманывала. Поэтому замѣчаемое имъ въ комъ либо пониманіе его промаховъ, раздражало его, оскорбляло, мучило...

Но я свидѣтельствую, что самъ онъ, въ иныя откровенныя, теплыя минуты, признавался въ своихъ промахахъ, и скорбѣлъ, что судьба ставила его въ невозможность во время исправлять ихъ. Это было горе, горше котораго не можетъ и быть для творца-художника! И передо мною такъ и стоитъ блѣдное, изнеможенное лицо его въ минуты этихъ мучительныхъ признаній.

Я помню одинъ случай. Говоря въ одной изъ газетъ о „Подросткѣ“, указывая на прекрасные эпизоды и многія достоинства этого романа, я все же долженъ былъ сказать и объ его недостаткахъ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Достоевскому. Онъ встрѣтилъ меня какъ человѣка глубоко его оскорбившаго и между нами произошелъ настолько крупный разговоръ, что я взялъ шляпу и хотѣлъ уходить. Но онъ удержалъ меня, заперъ двери своей рабочей ком-

Библиотека "Руниверс"

натки и началъ оправдываться, доказывать мнѣ, что я ошибался въ статьѣ моей.

Дѣло было въ старикѣ Макарѣ Ивановичѣ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ „Подростка".

Онъ сталъ объяснять мнѣ Макара Ивановича. И конечно теперь я ужь не могу взять на себя безпристрастнаго сужденія о „Подросткѣ": я знаю этотъ романъ не такимъ, каковъ онъ въ печати, а такимъ, каковъ онъ былъ въ замыслѣ автора.

Достоевскій говорилъ часа два, пожалуй еще больше, и я могъ только сожалѣть о томъ, что не было стенографа, который бы записывалъ въ точности слова его. Если бы то, что онъ говорилъ мнѣ тогда, появилось передъ судомъ читателей, то они увидѣли бы одинъ изъ высочайшихъ и поэтическихъ образовъ, когда либо созданныхъ художникомъ.

— Такъ вотъ что такое Макаръ! сказалъ Достоевскій, заканчивая свою горячую рѣчь и мгновенно ослабѣвая, — и неужели вы теперь не согласитесь, что вы написали совсѣмъ не то, что вы меня обидѣли, и я имѣлъ полное право на васъ сердиться?!..

Мнѣ тяжело было говорить ему, что сегодняшній Макаръ не тотъ, о которомъ я говорилъ, судя по напечатанному тексту... Я испугался того впечатлѣнія, которое произвели на него слова мои: онъ сдѣлался вдругъ такимъ страдающимъ, такимъ жалкимъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній неподвижно, опустивъ голову, сжавъ брови — и вдругъ поднялъ на меня глаза, въ которыхъ не было и тѣни ни недавняго раздраженія, ни недавняго восторга. Эти глаза были кротки и очень печальны.

— Голубчикъ! сказалъ онъ, особенно задушевно выговаривая свое любимое ласкательное слово, — я знаю, что вы правы и вы знаете, что я люблю то, что вы пишите, потому что вы пишите всегда искренно; но мнѣ было такъ тяжело, что именно вы дотронулись до самаго больного мѣста!.. А теперь забудьте, что я наговорилъ, и я тоже забуду... Довольно... довольно!..

Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ пройтись; но на улицѣ былъ такъ мраченъ, молчаливъ и раздражителенъ, что мнѣ стало тяжело и я съ нимъ простился.

VII.

Окончивъ „Подростка", то-есть, высказавъ любимыя мысли, воплотивъ образы, давно мелькавшіе въ воображеніи, Достоевскій не могъ тотчасъ же приняться за подобную же работу — за новый романъ. А между тѣмъ работать было нужно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, всякій день выставлялъ новыя явленія общественной жизни, которыя живо затрогивали мыслителя-психолога, о которыхъ хотѣлось сказать ему свое слово; во-вторыхъ, работа требовалась для жизни, для содержанія семьи, для окончательнаго устройства запу-

Библиотека "Руниверс"

танныхъ дѣлъ, которыя, наконецъ, мало по малу начинали распутываться. Необходимо было рѣшиться на какую нибудь работу. О новомъ редакторствѣ нечего было и думать — оно надоѣло, и въ его успѣхъ, въ его пользу уже не вѣрилось.

Снова стала приходить мысль, начавшаяся было осуществляться еще въ „Гражданинѣ", но затѣмъ позабытая. Достоевскій подумывалъ объ ежемѣсячномъ изданіи своего „Дневника Писателя".

Осенью 1875 года, опять переселясь въ Петербургъ изъ Старой Русы, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ, но только еще какъ о предположеніи. Онъ не рѣшался, боялся неудачи. „Подростокъ" не произвелъ сильнаго впечатлѣнія. Будетъ ли достаточно подписчиковъ у „Дневника Писателя", не придется ли пережить новую неудачу, новое оскорбительное разочарованіе — ихъ уже и такъ было не мало!..

Въ декабрѣ у него заболѣли дѣти скарлатиной и во все продолженіе шестинедѣльнаго карантина я не могъ съ нимъ видаться, опасаясь за своего ребенка. Но мы переписывались въ это время. Въ концѣ декабря онъ объявилъ въ газетахъ о подпискѣ на „Дневникъ Писателя". Рѣшился — но опасенія все же его не покидали. „Что выйдетъ — не знаю", писалъ онъ мнѣ, — „все зависѣть будетъ отъ 1-го №, который выдамъ въ концѣ января".

Я пророчилъ ему успѣхъ, расчитывая, что необычная, оригинальная форма изданія на первыхъ порахъ заинтересуетъ публику, а затѣмъ заинтересуетъ уже самъ авторъ. Но не такого мнѣнія были литературные и журнальные кружки. На вечерѣ у Якова Петровича Полонскаго, у котораго обыкновенно можно было встрѣтить представителей всевозможныхъ редакцій, людей самыхъ различныхъ взглядовъ, я выслушалъ съ разныхъ сторонъ заранѣе подписанный приговоръ „Дневнику Писателя". Рѣшали такъ, что изданіе непремѣнно лопнетъ, что оно никого не заинтересуетъ. Говорили:

— Онъ навѣрное начнетъ опять о Бѣлинскомъ, о своихъ воспоминаніяхъ. Кому это теперь нужно, кому интересно!?

— Ну, а если онъ начнетъ о вчерашнемъ и сегодняшнемъ днѣ? спрашивалъ я.

— Въ такомъ случаѣ еще того хуже... что онъ можетъ сказать?! онъ будетъ бредить!..

Но и послѣ этого всеобщаго приговора я не переставалъ расчитывать на успѣхъ. Съ его жаромъ, съ его искренностью, обращаясь прямо къ обществу, въ формѣ простой бесѣды—развѣ могъ онъ незаинтересовать? Вѣдь онъ самъ—интереснѣйшее лицо среди самыхъ интересныхъ лицъ его лучшихъ романовъ—и, конечно, онъ будетъ весь, цѣликомъ въ этомъ „Дневникѣ Писателя"! Любопытно только, съ чего онъ начнетъ...

Январь 1876 года уже наступилъ, а карантинъ въ его домѣ все еще продолжался; я не могъ его видѣть; но онъ самъ вывелъ меня изъ неизвѣстности: 11 января, между прочимъ, онъ писалъ мнѣ:

Библиотека "Руниверс"

„Въ 1-мъ № будетъ вопервыхъ самое маленькое предисловіе, затѣмъ кое-что о дѣтяхъ — о дѣтяхъ вообще, о дѣтяхъ съ отцами, о дѣтяхъ безъ отцовъ въ особенности, о дѣтяхъ на елкахъ, безъ елокъ, о дѣтяхъ-преступникахъ... Разумѣется, это не какіе нибудь строгіе этюды или отчеты, а лишь нѣсколько горячихъ словъ и указаній...

„Затѣмъ о слышанномъ и прочитанномъ,—все или кое что, поразившее меня лично за мѣсяцъ. Безъ сомнѣнія, „Дневникъ Писателя“ будетъ похожъ на фельетонъ, но съ тою разницею, что фельетонъ за мѣсяцъ естественно не можетъ быть похожъ на фельетонъ за недѣлю... Тутъ отчетъ о событіи не столько какъ о новости, сколько о томъ, что̀ изъ него (изъ событія) останется намъ болѣе постояннаго, болѣе связаннаго съ общей, съ цѣльной идеей.

„Наконецъ, я вовсе не хочу связывать себя даваніемъ отчета... Я не лѣтописецъ: это, напротивъ, совершенный дневникъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. отчетъ о томъ, что наиболѣе меня заинтересовало лично,—тутъ даже капризъ...

„Самъ не знаю... выйдетъ ли что нибудь путное, порой кажется, что напрасно взялся; а впрочемъ, что Богъ пошлетъ, только (между нами это) почти ни одной строки еще не написано. Матерьяловъ же (на 1-й №) собрано и записано болѣе чѣмъ на 4 печатныхъ листа...“

Въ назначенный день, первый № вышелъ и сразу произвелъ сильное впечатлѣніе, раскупался нарасхватъ. Даже газеты позабыли о „сумасшедшемъ“, „маньякѣ“, „измѣнникѣ“ и заговорили въ благопріятномъ тонѣ—ничего другого имъ не оставалось. Подписка превзошла всѣ ожиданія. Успѣхъ наконецъ началъ улыбаться измученному труженнику.

Я не стану останавливаться на постепенномъ усиленіи того вліянія, которое горячая, искренняя рѣчь Достоевскаго получала надъ умами его читателей и по преимуществу надъ умами молодого поколѣнія. Но и среди успѣха бывали тяжелыя минуты. Смѣлыя, вдохновенныя мысли, пророческій тонъ Достоевскаго, его противники старались таки осмѣивать.

Время было горячее, тревожное; „восточный вопросъ“ снова стоялъ на очереди, сербская война, Черняевъ, добровольцы... чувствовалась неизбѣжность, необходимость великой борьбы... Достоевскій говорилъ смѣло, оригинально, по своему; выставлялъ неожиданные вопросы и неожиданно освѣщалъ ихъ, вдохновенно пророчествовалъ. Завѣтныя мысли и чувства истинно русскаго и искренняго человѣка были многимъ не по душѣ, а этотъ человѣкъ вдобавокъ имѣлъ уже большое вліяніе — и снова поднялись насмѣшки.

„Парадоксы!“ кричали газеты—и опять эти крики раздражительно дѣйствовали на Достоевскаго.

Въ іюлѣ 1876 года, онъ писалъ мнѣ изъ Эмса, куда обыкновенно уѣзжалъ для леченія:

Библиотека "Руниверс"

„...Я уѣхалъ, не порѣшивъ и съ нѣкоторыми собственными, самыми необходимыми дѣлами. Но теперь, здѣсь, въ скукѣ, на водахъ, ваше письмецо рѣшительно оживило меня и дошло прямо къ сердцу, а то я сталъ было и очень уже тосковать, такъ какъ, не знаю почему, какъ попадаю въ Эмсъ, сейчасъ начинаю тосковать мучительно, съ ипохондріей, иногда почти безпредметно. Уединеніе ли тому причиной среди восьмитысячной толпы, климатъ ли здѣшній— не знаю, но тоскую здѣсь какъ никто. Вы пишете, что вамъ нужно меня видѣть; а мнѣ-то какъ бы желалось васъ теперь видѣть.

„И такъ іюньская тетрадь „Дневника" вамъ понравилась. Я очень радъ тому и имѣю на то большую причину. Я никогда еще не позволялъ себѣ, въ моихъ писаніяхъ, довести нѣкоторыя мои убѣжденія до конца, сказать самое послѣднее слово. Одинъ умный корреспондентъ изъ провинціи укорялъ меня даже, что я о многомъ завожу рѣчь въ „Дневникѣ", многое затронулъ, но ничего еще не довелъ до конца и ободрялъ не робѣть. И вотъ я взялъ да и высказалъ послѣднее слово моихъ убѣжденій — мечтаній насчетъ роли и назначенія Россіи среди человѣчества и выразилъ мысль, что это не только случится въ ближайшемъ будущемъ, но уже и начинаетъ сбываться.

„И что же, какъ разъ случилось то, что я предугадывалъ: даже дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на пародоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ. Вотъ что значитъ доводить мысль до конца! Поставьте какой угодно парадоксъ, но не доводите его до конца и у васъ выйдетъ и остроумно, и тонко, и comme il faut; доведите же иное слово до конца, скажите напримѣръ вдругъ: „вотъ это-то и есть Мессія"—прямо и не намекомъ, и вамъ никто не повѣритъ именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое послѣднее ваше слово. А впрочемъ, съ другой стороны, еслибъ многіе изъ извѣстнѣйшихъ остроумцевъ, Вольтеръ, напримѣръ, вмѣсто насмѣшекъ, намековъ, полусловъ и недомолвокъ, вдругъ рѣшились бы высказать все, чему они вѣрятъ, показали бы всю свою подкладку разомъ, сущность свою,—то повѣрьте и десятой доли прежняго эффекта не стяжали бы. Мало того—надъ ними бы только посмѣялись. Да человѣкъ и вообще какъ то не любитъ ни въ чемъ послѣдняго слова, „изрѣченной" мысли, говоритъ что:

„Мысль изрѣченная есть ложь".

„И вотъ, сами судите, дорого ли мнѣ или нѣтъ, послѣ всего этого, ваше привѣтливое слово за іюньскій №. Значитъ, вамъ понятно было мое слово и вы приняли его именно такъ, какъ я мечталъ, когда писалъ статью мою. За это спасибо, а то я былъ уже немножко разочарованъ и укорялъ себя, что поторопился. И если такихъ понимателей найдется въ публикѣ еще немного, то цѣль моя достигнута

Библиотека "Руниверс"

и я доволенъ: значитъ не пропало высказанное слово... А тутъ какъ разъ и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!..“ и это говорятъ именно тѣ, у которыхъ никогда ни одной мысли своей не бывало въ головѣ...

„Я пробуду здѣсь до 7-го августа (нашего стиля). Пью здѣсь воды, но никогда бы не рѣшился на муку жить здѣсь, еслибъ эти воды не помогали мнѣ дѣйствительно. Описывать Эмсъ нечего, нечего! Я обѣщалъ августовскій „Дневникъ“ въ двойномъ числѣ листовъ, а между тѣмъ еще и не начиналъ, да и скука, апатія такая, что на предстоящее писаніе смотрю съ отвращеніемъ, какъ на предстоящее несчастье. Предчувствую, что выйдетъ сквернѣйшій №. Во всякомъ случаѣ черкните мнѣ сюда, голубчикъ...“

VIII.

По зимамъ 76—77 и 77—78 годовъ, мы продолжали довольно часто видаться. И хотя мы жили на двухъ противоположныхъ концахъ города, Достоевскій иногда проводилъ у меня вечера.

Отмѣчу здѣсь одно обстоятельство, конечно, случайное, въ которомъ нѣтъ ничего веселаго, но которое между тѣмъ подавало поводъ къ довольно комичнымъ сценамъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ почти всегда послѣ своихъ мучительнихъ припадковъ падучей болѣзни, такъ что нѣкоторые наши общіе знакомые, узнавая, что у него былъ припадокъ, такъ и говорили, что его нужно искать у меня.

Бѣдный Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ достаточно времени привыкнуть къ своимъ припадкамъ, привыкали къ нимъ и ихъ послѣдствіямъ и его старые знакомые, которымъ все это уже не казалось страшнымъ и считалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но онъ бывалъ иногда совершенно невозможенъ послѣ припадка; его нервы оказывались до того потрясенными, что онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемымъ въ своей раздражительности и странностяхъ.

Придетъ онъ, бывало, ко мнѣ, войдетъ какъ черная туча, иногда даже забудетъ поздороваться, и изыскиваетъ всякіе предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидѣть; и во всемъ видитъ и себѣ обиду, желаніе дразнить и раздражать его... Все-то у меня ему кажется не на мѣстѣ и совсѣмъ не такъ какъ нужно, то слишкомъ свѣтло въ комнатѣ, то такъ темно, что никого разглядѣть невозможно... Подадутъ ему крѣпкій чай, какой онъ всегда любилъ—ему подаютъ пиво вмѣсто чая! нальютъ слабый—это горячая вода!..

Пробуемъ мы шутить, разсмѣшить его — еще того хуже: ему кажется, что надъ нимъ смѣются...

Впрочемъ, мнѣ почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподоволь навести его на какую нибудь изъ любимыхъ его тэмъ. Онъ мало-по-малу начиналъ говорить, оживлялся и оставалось только ему не противорѣчить. Черезъ часъ онъ уже бывалъ

Библиотека "Руниверс"

въ самомъ миломъ настроеніи духа. Только страшно блѣдное лицо, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе, указывали на болѣзненное его состояніе. Но если случайно въ подобный день онъ встрѣчался съ посторонними, незнакомыми людьми, то дѣло усложнялось.

Одинъ разъ, во время одного такого его вечерняго посѣщенія, къ женѣ моей пріѣхали двѣ дамы, которыя конечно читали Достоевскаго, но не имѣли о немъ никакого понятія какъ о человѣкѣ, которыя не знали, что невозможно обращать вниманія на его странности.

Когда раздался звонокъ ихъ, онъ только что еще осматривался и былъ ужасенъ; появленіе незнакомыхъ лицъ его еще больше раздражило. Мнѣ однако кой-какъ удалось увести его къ себѣ въ кабинетъ и тамъ успокоить. Дѣло, повидимому, обошлось благополучно; мы мирно бесѣдовали. Онъ ужь улыбался и не находилъ, что все не на мѣстѣ. Но вотъ пришло время вечерняго чая и жена моя, вмѣсто того, чтобы прислать его прямо къ намъ въ кабинетъ, вошла сама и спросила: гдѣ мы желаемъ пить чай — въ кабинетѣ или въ столовой?

— Зачѣмъ же здѣсь! раздражительно обратился къ ней Достоевскій,—что это вы меня прячете?—нѣтъ, я пойду туда, къ вамъ.

Дѣло было окончательно испорчено. И смѣхъ и горе!.. Нужно было видѣть какимъ олицетвореніемъ мрака вошелъ онъ въ столовую, какъ страшно поглядывалъ онъ на неповинныхъ ни въ чемъ дамъ, которыя продолжали свою веселую бесѣду, нисколько не заботясь о томъ, что̀ можно при немъ говорить и чего нельзя.

Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, молчалъ, и только въ каждомъ его жестѣ, въ каждомъ новомъ позвякиваньи его ложки объ стаканъ, я видѣлъ несомнѣнные признаки грозы, которая вотъ-вотъ сейчасъ разразится. Не помню по поводу чего одна изъ пріѣхавшихъ дамъ спросила, гдѣ такое Гутуевскій островъ?

— А вы давно живете въ Петербургѣ? вдругъ мрачно выговорилъ Достоевскій, обращаясь къ ней.

— Я постоянно здѣсь живу, я здѣшняя уроженка.

— И не знаете гдѣ Гутуевскій островъ!.. Прекрасно! это только у насъ и возможно подобное отношеніе къ окружающему... какъ это человѣкъ всю жизнь живетъ и не знаетъ того мѣста, гдѣ живетъ?!.

Онъ раздражался больше и больше, и кончилъ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ, который произвелъ на преступницу и слушательницъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы же, хозяева, не знали что и дѣлать. По счастью, наша гостья, сначала вслѣдствіе неожиданности сильно озадаченная, скоро поняла, что обижаться ей невозможно и съумѣла, продолжая оставаться веселой, и его мало-по-малу успокоить...

Я разсказалъ этотъ маленькій случай, потому что говорить о Достоевскомъ и не упомянуть объ его странностяхъ—значило бы недо-

Библиотека "Руниверс"

рисовать его образъ. О странностяхъ его передается много разсказовъ и находятся люди, которые эти странности ставятъ ему въ большую вину. Такія обвиненія приходится слышать даже теперь, уже послѣ его смерти...

Конечно, онъ не былъ созданъ для общества, для гостиной. Отъ человѣка, жившаго почти всегда въ уединеніи, проведшаго четыре года на каторгѣ, десятки лѣтъ работавшаго и боровшагося съ нуждой, отъ человѣка, нервная система котораго была совершенно потрясена страшной, неизлѣчимой болѣзнью—невозможно было требовать умѣнья владѣть собою. Для такого человѣка, и вовсе не въ силу того, что онъ былъ замѣчательный писатель, одинъ изъ знаменитыхъ людей русскихъ, а просто въ силу всѣхъ обстоятельствъ его жизни, въ силу исключительнаго болѣзненнаго состоянія его организма—нужны были особенныя мѣрки. Его странности могли возмущать незнавшихъ его людей, людей, которымъ до него не было никакого дѣла, но всѣ близко его знавшіе ничуть не смущались и не могли смущаться этими странностями. Мы знали его умъ, его прекрасный талантъ, его доброту и благородство, разнообразнѣйшія свойства его яркой, богато одаренной природы. Болѣзненныя странности давали пищу только для добродушныхъ, веселыхъ разсказовъ о тѣхъ импровизированныхъ водевильныхъ сценахъ, въ которыхъ онъ игралъ грустно-комическую роль.

И теперь, когда его нѣтъ, эти бѣдныя странности вспоминаются какъ нѣчто дорогое и милое, съ грустной улыбкой,—и больно, что все это прошло. Вмѣстѣ съ этими странностями нежданная могила унесла столько тепла, столько свѣта...

IX.

Теперь я разскажу объ одномъ обстоятельствѣ, которое произвело на Достоевскаго сильное впечатлѣніе, чему я былъ свидѣтелемъ, и о которомъ пока знаютъ очень немногіе.

Въ концѣ 1877 года, въ ноябрѣ, я заѣхалъ къ нему по обыкновенію около двухъ часовъ и засталъ его, что̀ случалось не часто въ эти часы, въ хорошемъ, даже веселомъ настроеніи духа. Его ничто не раздражало, онъ любилъ всѣхъ и все, проповѣдывалъ снисходительность...

Просидѣвъ часовъ до четырехъ, я уже собрался уѣзжать, какъ вдругъ онъ остановилъ меня и спросилъ:

— Да, вотъ чуть было не забылъ, — вы знаете гадалку-француженку Фильдъ?

— Знаю, а что?

— Мнѣ говорилъ про нее вашъ братъ; разсказалъ много интереснаго. Вы какъ ее знаете?

Библиотека "Руниверс"

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отвѣчалъ я, одна моя знакомая старушка, жившая тогда въ Москвѣ, упросила меня побывать у этой Фильдъ, показать ей ея фотографическій портретъ, выслушать то, что она скажетъ и затѣмъ сообщить ей. Старушка увѣряла меня, что Фильдъ эта никакъ не можетъ назваться обыкновенной гадалкой, что это замѣчательная предсказательница; при этомъ она передала мнѣ много интересныхъ случаевъ ея сбывшихся пророчествъ. Я мало заинтересовался этими разсказами, но желая исполнить обѣщаніе, данное мною почтенной старушкѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сейчасъ же отправился съ ея портретомъ къ этой француженкѣ.

— Ну и что же? какое она произвела на васъ впечатлѣніе? живо и съ видимымъ интересомъ спросилъ Достоевскій.

— Странное,—это маленькая, живая старушка съ какими-то особенными, черными глазами и необыкновеннымъ даромъ слова. Она меня совсѣмъ заговорила и заинтересовала, потому что очень вѣрно и опредѣленно описала характеръ моей знакомой, съ портретомъ которой я явился...

— Неужели вы ее ничего относительно себя не спросили?

— Спросилъ. Она предсказывала мнѣ больше часу, наговорила много вздору, но въ числѣ этого вздора сказала и такія вещи, которыя, какъ мнѣ тогда казалось, никакимъ образомъ не могли случиться и которыя, тѣмъ не менѣе, случились со мною во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, ею предсказанныхъ. Я былъ у нее еще разъ и она опять говорила мнѣ много вздору и много правды. Во всякомъ случаѣ это интересная женщина и, мнѣ кажется, у нея бывáютъ минуты вдохновенія.

— Ну вотъ, да, все это именно то, что я ужь не разъ про нее слышалъ. Видите ли, не вѣрить въ возможность предсказаній нельзя, никакъ нельзя... это вздоръ! ужь не говоря о томъ, что въ исторіи сохранилось многое въ этомъ родѣ, но почти каждый человѣкъ на себѣ знаетъ. Всѣ вѣрятъ и если не признаются, то единственно изъ малодушія, котораго въ насъ такъ много. Самъ вѣритъ, вѣритъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало—и въ то же время смѣется, глумится надъ искреннимъ человѣкомъ, который такъ прямо и скажетъ, что вѣритъ... Вы знаете ея адресъ? пойдемте сейчасъ же, я хочу знать, что она мнѣ скажетъ!..

— Пойдемте, если она только живетъ тамъ же, гдѣ я былъ у нее въ послѣдній разъ; это не далеко—въ Басковомъ переулкѣ.

Мы отправились. Фильдъ жила въ томъ же домѣ и приняла насъ.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ очень серьезенъ. Онъ попросилъ ее, чтобы она предсказывала ему въ моемъ присутствіи. Но француженка рѣшительно отказалась—это было не въ ея правилахъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего, шепнулъ онъ мнѣ, — но я даю вамъ слово, не утаивъ, разсказать вамъ все, что она мнѣ скажетъ.

Библиотека "Руниверс"

Я остался ждать въ крохотной гостиной и проскучалъ больше часу.

Наконецъ Достоевскій вышелъ. Онъ былъ взволнованъ, глаза его блестѣли.

— Пойдемте, пойдемте! таинственно шепнулъ онъ мнѣ.

Мы вышли и отправились пѣшкомъ. Онъ нѣсколько минутъ шелъ молча, опустивъ голову. Потомъ вдругъ остановился, схватилъ меня за руку, и заговорилъ:

— Да, она интересная женщина и я радъ, что мы къ ней отправились. Можетъ она и наврала, но я давно не испытывалъ такого сильнаго впечатлѣнія. О, какъ она умѣетъ обрисовывать людей! Еслибъ вы знали, какъ она разсказала мнѣ мою обстановку!

— Что же она вамъ говорила? Вѣдь вы дали мнѣ слово разсказать все безъ утайки!

— И разскажу, только не распространяйте этого между посторонними до времени, можетъ все наврала, глупо выйдетъ...

Онъ передалъ мнѣ все, что она говорила ему о различныхъ его семейныхъ обстоятельствахъ. Потомъ оказалось, что больше половины не сбылось, но кой что и сбылось. Она сказала ему, между прочимъ, что весною у него будетъ смерть въ домѣ. И хотя въ подробностяхъ этого предсказанія было много вздорнаго, но смерть дѣйствительно случилась тою же весною: умеръ его маленькій сынъ, внезапная кончина котораго сильно потрясла его. Но дѣло не въ этомъ, а въ другихъ предсказаніяхъ. Не догадываясь кто онъ и не умѣя опредѣлить его дѣятельность, Фильдъ предрекла ему большую славу, которая начнется въ скоромъ времени.

— Она сказала, говорилъ онъ, что меня ожидаетъ такая извѣстность, такой почетъ, о которыхъ я никогда не могъ и мечтать. Повѣрить ей, такъ меня на рукахъ будутъ носить, засыпать цвѣтами— и все это будетъ возростать съ каждымъ годомъ, и я умру на верху этой славы... Ну вотъ, голубчикъ, можетъ быть, она врунья, только интересная... интересная врунья! А вѣдь я все-таки же теперь и буду ждать этой славы, и ужь это утѣшительно!

— Хорошо, что она предсказала вамъ славу, замѣтилъ я;—но вѣдь вотъ же она предсказала и семейное горе...

— Да, и я теперь такъ и думаю, что оно навѣрное будетъ. Я вамъ говорю: она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Вѣдь другія говорятъ общими мѣстами, болѣе или менѣе ловко; но сейчасъ же и замѣчаешь шарлатанство, каждое предсказаніе можно повернуть такъ или иначе—ну, а у нея все ясно, опредѣленно. Интересная женщина!..

Мы стали припоминать историческіе факты сбывшихся предсказаній; но онъ то и дѣло возвращался къ словамъ Фильдъ, повторялъ каждую ея фразу.

Я оставилъ его въ очень возбужденномъ состояніи.

Библиотека "Руниверс"

Вернувшись домой я засталъ у себя моего брата, въ тотъ же вечеръ у меня былъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, и такъ какъ они оба были близки съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и я зналъ, что сообщенное имъ не будетъ распространено, то и рѣшился разсказать имъ подробности предсказанія, сдѣланнаго француженкой.

Потомъ и самъ Ѳедоръ Михайловичъ сообщилъ кой кому объ этомъ предсказаніи.

Ему не долго пришлось дожидаться его исполненія — всеобщее сочувствіе, горячее поклоненіе молодежи пришли внезапно, усиливаясь съ каждымъ днемъ, выражаясь шумными оваціями, подносимыми вѣнками и цвѣтами. Достоевскій достигъ такой популярности, какая еще никогда не выпадала на долю русскаго писателя... И онъ скончался на верху этой славы, что достаточно доказали его знаменательные похороны.

Въ послѣдніе дни жизни этому вѣчному труженику, такъ долго плохо цѣнимому, улыбнулось счастіе... улыбнулась слава. Онъ успѣлъ взглянуть на эту улыбку, что удается не многимъ даже изъ самыхъ знаменитыхъ дѣятелей.

И хорошо, что „интересная" француженка не могла предсказать, что ему такъ мало остается жить, хорошо, что смерть пришла внезапно и застала его среди плановъ, надеждъ, среди мыслей о жизни... Печальное утѣшеніе—но все же онъ умеръ хорошей для него смертью.

X.

Вспоминается мнѣ еще одно изъ нашихъ свиданій. Мнѣ нужны были для статьи біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ и я обратился къ нему за ними. Онъ охотно вызвался сообщить мнѣ все, что о себѣ помнилъ. Началъ, ограничиваясь перечнемъ чиселъ и фактовъ, но скоро, по своему обыкновенію, увлекся, сталъ разсказывать.

— Эхъ, жаль, что вы не можете помѣстить въ статью свою очень много интереснаго изъ моей жизни, но все же запомните, можетъ быть потомъ кому нибудь и скажете. Вы думаете у меня есть друзья? Когда нибудь были? Да, въ юности, до Сибири, пожалуй что были друзья настоящіе, а потомъ, кромѣ самаго малаго числа людей, которые можетъ быть нѣсколько и расположены ко мнѣ, никогда друзей у меня не было. Мнѣ это доказано, слишкомъ доказано! Слушайте, когда я вернулся въ Петербургъ, послѣ столькихъ то лѣтъ, меня многіе изъ прежнихъ пріятелей и узнать не захотѣли, и потомъ всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мнѣ вмѣстѣ съ успѣхомъ. Уходилъ успѣхъ и тотчасъ же и друзья уходили. Смѣшно это, конечно, старо, извѣстно всѣмъ и каждому, а между тѣмъ, всякій разъ больно, мучительно... Я узнавалъ о степени успѣха новой

Библиотека "Руниверс"

моей работы по количеству навѣщавшихъ меня друзей, по степени ихъ вниманія, по числу ихъ визитовъ. Разсчетъ никогда не обманывалъ. О, у людей чутье, тонкое чутье! Помню я какъ всѣ кинулись ко мнѣ послѣ успѣха „Преступленія и Наказанія!“ кто годами не бывалъ вдругъ явились, такіе ласковые... а потомъ и опять всѣ схлынули, два три человѣка осталось. Да, два три человѣка!..

„А друзья были такъ нужны, жилось тяжело, кредиторы за горло хватали, тюрьмой грозили. И это на первыхъ-то порахъ моей новой семейной жизни!.. Четыре года я протосковалъ за-границей, а вернуться боялся—опять то же, опять кредиторы и заключеніе за долги... За-границей не разъ бѣдствовать приходилось—не будь Каткова, который всегда выручалъ, просто пропадать пришлось бы!.. Ну, стоитъ мнѣ теперь получить большой успѣхъ, большую популярность—столько друзей явится, что и не оберешься. Будутъ и искренніе—о, конечно! только какъ же ихъ распознаешь?! Успѣхъ — это, знаете ли, какая вещь—это величайшій соблазнъ, тутъ всякое чувство мѣры теряется, человѣкъ вдругъ слѣпнетъ и дѣлается слабымъ, проводи его кто хочетъ, надувай самымъ грубымъ манеромъ—всему повѣритъ, все приметъ за чистую монету...

— Успѣхъ, продолжалъ онъ больше и больше оживляясь, успѣхъ одного служитъ успѣхомъ для многихъ. На чужомъ успѣхѣ многіе строютъ свои планы и достигаютъ кое чего: и имъ перепадаетъ кусочекъ... Стоитъ человѣку получить большой, рѣшительный успѣхъ, популярность настоящую, съ которой ужь нельзя спорить, которую ужь никакимъ хитростями не уничтожишь, не уменьшишь,—и смотришь: за этимъ человѣкомъ непремѣнно хвостики... хвостики! „Возлѣ виднаго человѣка и меня дескать замѣтятъ“. О, сколько въ такихъ случаяхъ можно сдѣлать интересныхъ наблюденій! только тотъ, за кѣмъ эти „хвостики“, такихъ наблюденій не сдѣлаетъ, ибо вдругъ теряетъ чувство мѣры... Да, только что же объ этомъ—поживете, много такого увидите!..

Онъ замолчалъ и сталъ стучать пальцемъ по столу хмуря брови.

XI.

Въ послѣдніе два года жизни Достоевскаго, я почти съ нимъ не видался. Я провелъ эти два года въ Царскомъ Селѣ, пріѣзжая въ Петербургъ только по дѣламъ, окончивъ которыя всегда спѣшилъ обратно домой. Дѣла, работы, семейное горе, неудобство сообщенія—все отдалило меня на это время отъ старыхъ знакомыхъ. Мнѣ не удалось и въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳедора Михайловича съ нимъ видѣться, хотя я снова переселился въ Петербургъ: долгій карантинъ, начавшійся у меня въ домѣ, былъ тому причиной.

Библиотека "Руниверс"

За все это послѣднее время, за эти краткіе годы предсмертныхъ успѣховъ Достоевскаго и его славы, многіе, конечно, могутъ сообщить объ немъ интересныя свѣдѣнія. Онъ велъ уже не прежнюю уединенную жизнь, онъ былъ окруженъ ежедневно прибывавшими цѣнителями. Говорятъ, онъ получалъ много писемъ отъ совсѣмъ даже неизвѣстныхъ ему людей изъ различныхъ мѣстъ Россіи и отвѣчалъ на эти письма. Все это конечно интересно.

За это время могутъ говорить о немъ и его старые друзья и знакомые, которые продолжали съ нимъ видѣться, и его новые цѣнители, которымъ удалось узнать его, сблизиться съ нимъ въ его предсмертные годы и можетъ быть искренно полюбить его. Наконецъ, могутъ говорить о немъ за это время и тѣ, кого онъ называлъ „хвостиками". Я же пока долженъ ограничиться этими отрывками моихъ воспоминаній. Мнѣ хотѣлось только помянуть, употребляя его же выраженіе, „большого" для меня человѣка, который принесъ мнѣ много нравственной пользы...

Онъ умеръ оплаканный такъ, какъ у насъ до сихъ поръ еще не оплакивали почти ни одного общественнаго дѣятеля. Его объявили учителемъ русскаго молодого поколѣнія, представители котораго въ великомъ множествѣ шли за его гробомъ съ выраженіемъ самой искренней печали. Остается только желать и чтобы нравственный образъ учителя и его вдохновенное слово не забылись и проникли въ жизнь тѣхъ, кто называлъ его учителемъ.

Остается скорбѣть, что этотъ учитель отошелъ отъ насъ такъ рано, въ черные, безобразные дни, которые мы переживаемъ.

Именно теперь, въ эти черные дни, онъ былъ бы такъ нуженъ. Онъ не могъ бы, конечно, одной своею силою разсѣять тотъ мракъ, который насъ окутываетъ и указать намъ прямую дорогу. Для такого подвига недостаточно силъ одного человѣка. Но можно смѣло сказать, что Достоевскій, по свойству своего таланта, при силѣ своей честной мысли, всегда прямой, и искренно, страстно любившій Россію, только и думавшій о ея великой будущности — съумѣлъ бы поднять самые неотложные, самые существенные вопросы. И ужь одно это было бы теперь не малой заслугой.

Всеволодъ Соловьевъ.

Библиотека "Руниверс"

УЖАСНАЯ ЛОГИКА.

(1-е марта 1881 года).

„ВѢРОВАЛИ въ злодѣйство и искренно поклонились ему“, сказалъ покойный Ѳ. М. Достоевскій про виновниковъ прошлогодняго взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, сказалъ въ адресѣ отъ имени Славянскаго общества по случаю праздновавшагося нѣсколько дней спустя двадцатипятилѣтія царствованія Государя, сраженнаго наконецъ злодѣйской рукой 1 Марта настоящаго года, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній въ теченіи пятнадцати лѣтъ!

Вѣрой въ злодѣйство и поклоненьемъ ему разрѣшились у насъ всѣ тѣ многоразличныя вѣянія изчужа, которыя съ такимъ сладострастьемъ слѣпой воспріимчивости испытывали мы, одно за другимъ, въ довольно долгій уже европействующій періодъ нашей исторіи (европействующій, а не европейскій, потому что настоящій отпечатокъ европеизма не мыслимъ безъ народнаго своеобразія). Многоразличныя ученія, выдававшіяся обыкновенно за послѣднее слово науки, смѣнились наконецъ вѣрой — этой дикой, нелѣпой и ужасающей вѣрой въ злодѣйство, какъ силу зиждительную!

Какъ же не оглянуться назадъ—на выдающіяся стадіи того пути, который привелъ насъ къ этой дикой вѣрѣ, пути, исходною точкой которому въ сущности послужила также вѣра—слѣпая вѣра въ единую спасающую европейскую цивилизацію? Мы крестились въ нее не водою и духомъ, а кровью и неволею, подъ вліяньемъ Петровскаго террора. Кровавымъ терроромъ началось, кровавымъ терроромъ и кончается.

Какою блестящею стадіею представляется съ виду эпоха Екатерины II. Она сама признаетъ себя на высотѣ престола ученицей

Библиотека "Руниверс"

энциклопедистовъ и Вольтера, а онъ, благоговѣя передъ ея, запрещеннымъ въ Парижѣ, „Наказомъ", поетъ ей свой философскій молебенъ: te Catharinam laudamus! Но что же? Въ „Наказѣ", среди всѣхъ его либеральныхъ фразъ, попадается между прочимъ такая: „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Фраза эта взята цѣликомъ у Монтескье, чему до сихъ поръ не вѣрятъ у насъ многіе, удивленно протирающіе глаза, когда вы раскроете имъ въ улику подлинный параграфъ изъ „Esprit des Lois" [1]). Но вѣдь, какъ бы тамъ ни было, а именно въ нашъ просвѣтительный вѣкъ и достигло до своего апогея крѣпостное право. Вѣдомости послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II переполнены объявленіями о продающихся по такой то и такой то цѣнѣ, и въ разбродъ и группами, крѣпостныхъ парняхъ, бабахъ, дѣвкахъ—съ такими то и такими то заманчивыми статьями. И противъ отмѣны такого порядка вещей могли вооружаться цитатами изъ самого Руссо, даже именно изъ Contrat social: „чтобы свободный былъ вполнѣ свободнымъ, рабу надо быть вполнѣ рабомъ".

Наступаетъ эпоха Александра I. Воспитателемъ его является республиканецъ Лагарпъ, либерально приставленный къ нему Екатериной, гражданинъ той самой страны, которая является теперь такимъ гостепріимнымъ пріютомъ для всѣхъ „увѣровавшихъ въ злодѣйство и ему поклонившихся"—благо они поклонились „искренно", а стѣснять „убѣжденій" не должно! Но вѣдь и въ историческихъ запискахъ Лагарпа, составленныхъ для его державнаго ученика, встрѣчается en toutes lettres оправданіе политическаго убійства, какъ правосудной народной расправы. И что же? Этотъ самый Лагарпъ удерживаетъ Александра Павловича отъ рѣшительныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ. Сдружившись у насъ съ остзейскими рыцарями, какъ лучшими представителями европейской культуры въ полуварварскомъ государствѣ россійскомъ, онъ отстраняетъ вмѣстѣ съ другими отъ нашего гордіева узла ту самодержавную руку, которою только и могъ онъ быть разрубленъ.

Но наступаетъ царствованіе Александра II: онъ не останавливается передъ тѣмъ, передъ чѣмъ останавливались, какъ бы забывая, что они самодержцы, всѣ его предшественники. Онъ не побоялся „большого числа освобожденныхъ", и, опираясь на чисто русскихъ людей, разрубилъ заповѣдной узелъ. Между тѣмъ систематическое отсрочиванье рокового вопроса при его предшественникахъ несомнѣнно усилило тѣ экономическія затрудненія, какими должно было сопровождаться его скорѣе запоздалое, чѣмъ преждевременное рѣшеніе. Но „какъ бы мы ни были взыскательны, говоритъ современный писатель, мы не можемъ не удивляться великости этого подвига" — того, который далъ Александру II имя Освободителя. Это имя не ти-

[1]) Въ кн. XV, гл. XVIII.

Библиотека "Руниверс"

тулъ — изъ рода тѣхъ, которые подносятся; это имя—простое обозначеніе факта. „Разомъ освободить изъ плѣна египетскаго цѣлыя массы людей, разомъ заставить умолкнуть тѣ скорбные стоны, которые раздавались изъ края въ край по всему лицу Россіи, такое дѣло способно вдохнуть энтузіазмъ самый безпредѣльный [1])“. Да, одного этого дѣла, казалось бы, было достаточно, чтобы остановить противоположный энтузіазмъ — адскій энтузіазмъ людей, „увѣровавшихъ въ злодѣйство и ему поклонившихся“. Но нѣтъ! Именно тотъ государь, который дерзнулъ на что не дерзали его предшественники, плохо ободряемые на то тогдашними европейскими вѣяніями, именно онъ, подъ вліяніемъ современныхъ европейскихъ ученій—послѣдняго слова западнаго радикализма—убитъ, мучительно убитъ изувѣрными исповѣдниками „зиждительнаго“ злодѣйства!

Работа ихъ началась давно, а то, что подготовляло къ ней, не только, можно сказать, на другой же день послѣ 19 февраля, но скорѣе еще наканунѣ этого дня, т. е. среди самыхъ подготовленій къ великому самодержавному подвигу. Но только польское возстаніе 1863 г. было первымъ, не особенно однако замедлившимъ, отвѣтомъ на этотъ подвигъ. Отвѣтомъ же Государя на возстаніе было повтореніе этого подвига въ самой Польшѣ — проведеніе въ ней того же принципа „надѣла“, который только сулили своему народу демократы поляки, но котораго польскій народъ на самомъ дѣлѣ дождался отъ Царя Освободителя. И сколько бы ни твердили поляки еще и теперь о своемъ „порабощеніи“, и какъ бы сочувственно ни внимала имъ Европа, не выпросившая однако у польскаго пана земли для польскаго мужика — по отношенію именно къ мужику, каковы бы даже ни были наши ошибки въ другихъ отношеніяхъ, именно русскій царь Александръ и является въ полномъ блескѣ Освободителя. Но предсказанье поэта исполнилось окончательно: еще дальше за русскій предѣлъ выступило великое слово: Царь Освободитель! Это имя благодарно признала за нимъ Болгарія, это имя готовились дать ему и иные народы славянскаго племени, измучившіеся въ плѣну не у однихъ усыновленныхъ Европою турокъ, но и у самыхъ чистокровнѣйшихъ европейцевъ, умѣющихъ властвовать мягче, но зато утонченнѣе. И именно этотъ то царь, этотъ трижды освободитель, убитъ, убитъ на русской землѣ, людьми русской крови, но, конечно, не русской вѣры. Эти люди „увѣровали въ злодѣйство и поклонились ему“, а русскій народъ не вѣритъ въ кровавый посѣвъ, и кровь называется у него не иначе, какъ напрасною кровью. Но тотъ же русскій народъ чтитъ глубоко кровь мученическую, и новый вѣнецъ страстотерпца, возложенный имъ на своего убитаго Государя, служитъ лучшимъ отвѣтомъ на замыслы „зиждительнаго“ злодѣйства.

„Зачѣмъ онъ не остался у насъ? Мы бы его сберегли!“ сказалъ

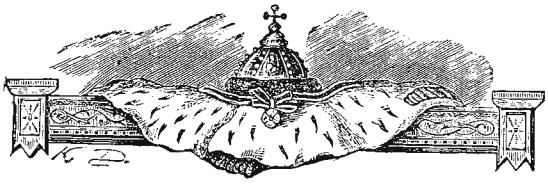
[1]) Щедринъ.

Библиотека "Руниверс"

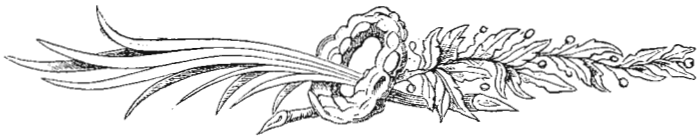
одинъ изъ живущихъ въ Петербургѣ болгаръ. Да, беречь, беречь зорко и бдительно пришлось бы, конечно и тамъ, потому что и тамъ бы искала его рука людей, которыхъ европейское распорядительное гнѣздо оказалось бы въ такомъ случаѣ даже въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ. Но беречь зорко, бдительно должны были, конечно, и мы, и исторіи не пришлось бы тогда съ 19-мъ Февраля сопоставлять 1-е Марта.

Русскій народъ не даромъ не вѣритъ въ плодотворность кроваваго посѣва. Насажденная у насъ кровавымъ терроромъ, наука обратилась въ рабу политическаго изувѣрства, подслуживаясь ему своими самоновѣйшими открытіями и изобрѣтеніями и давая себя изгонять изъ школы тлетворнымъ духомъ политической пропаганды. Таковъ переживаемый нами исходъ того періода нашей исторіи, который называется петербургскимъ. Пусть же поскорѣе наступаетъ другой періодъ, самостоятельный, русскій; имъ только и начнется у насъ настоящая европейская жизнь, жизнь способная внести новый вкладъ въ сокровищницу человѣчества. Подобные вклады по силамъ лишь тѣмъ, кто вѣруетъ въ себя — въ свой народъ, въ его, какъ говорилъ Достоевскій, „великую зиждительную и охранительную силу, какъ въ святыню вѣруетъ“. Да спасетъ же насъ эта вѣра!

Ор. Миллеръ.



Библиотека "Руниверс"



ОБЩЕСТВЕННОЕ БРОЖЕНІЕ И РУССКАЯ ШКОЛА.

ИСТОРІЯ не запомнитъ такихъ преступленій, какимъ является цареубійство 1-го Марта по своей небывалой жестокости и безумной безпощадности, по обстоятельствамъ, при которыхъ оно было совершено. Тутъ злодѣй выходитъ на людное мѣсто, покушается на жизнь открыто, на жизнь, окруженную ореоломъ величія и народнаго обожанія. Въ фактахъ такого порядка лежитъ настоящій источникъ революціонныхъ потрясеній общества и глубокихъ душевныхъ болѣзней. Въ этихъ же фактахъ, не безъ основанія, ищутъ причинъ вырожденія нормальнаго человѣка, неправильности его душевнаго развитія, повальной болѣзни, мало-по-малу подтачивающей общественный организмъ и, наконецъ, проявляющейся въ такихъ страшныхъ формахъ, что въ существованіи ея приходится всѣмъ убѣждаться, а для ея излеченія оказывается необходимымъ принять крайнія и радикальныя мѣры.

Преступленіе 1-го Марта обнаружило именно въ такомъ фазисѣ болѣзнь, поразившую русское общество, болѣзнь, симптомы которой давали себя чувствовать особенно рѣзко въ послѣдніе годы. Болѣзнь эту называютъ „нигилизмомъ“,—слово, дѣйствительно, краткое, но едва ли имъ вполнѣ обнимаются всѣ ея проявленія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, включать въ это понятіе одни только преступныя дѣйствія извѣстной группы людей, которая всегда и вездѣ находила себѣ адептовъ въ рядахъ отверженныхъ изъ общества, выбившихся изъ жизненной колеи. Если бы приходилось имѣть дѣло съ одной этой группой людей, совсѣмъ ничтожной, съ нею не трудно было бы справиться. Къ тому же, нравственныя силы такой партіи не высокаго уровня. Тогда какъ на Западѣ того же покроя элементы находятъ себѣ поле дѣятельности на аренѣ политической борьбы, русскимъ революціонерамъ приходится развѣ путаться съ раздраженіемъ въ „соціологіи“. Имъ никакое знаніе оказывается ненужнымъ для ихъ цѣлей, они и отрицаютъ его пользу, даже больше, всякое знаніе пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляется имъ неминуемою гибелью въ настоящемъ соціальномъ строѣ практической жизни. Они знаютъ, чего бы хотѣлось достигнуть, но не знаютъ, какъ этого достигнуть, и потому вся сущность ихъ стремленій сводится на болѣзненный бредъ и не имѣетъ ничего общаго съ реальною жизнью. Очевидно, такого рода люди сами по себѣ безсильны, они представлялись бы явленіемъ исключительнымъ, болѣзненнымъ наростомъ на общественномъ организмѣ, столь же неизбѣжнымъ, какъ и одержимые мрачнымъ умопомѣшательствомъ. Но душевная болѣзнь, которую мы разумѣемъ, гораздо сильнѣе и глубже проникла въ русское общество. За нею-то и получило силу мрачное умопомѣшательство, которое бы при иныхъ условіяхъ не имѣло такого распространенія и не выказывало зараженія. Кто внимательно слѣдилъ за явленіями нашей общественной жизни въ послѣдніе годы, тотъ не могъ не замѣтить поразительнаго свойства ненормальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи этой болѣзни.

Такъ, во всѣхъ сферахъ жизни мы наблюдаемъ безпрестанно непониманіе правъ, видимъ постоянно, какъ смѣшивается понятіе о личной законной защитѣ съ понятіемъ о насиліи, видимъ повсюду незнаніе своихъ обязанностей. Нравственная атмосфера общества при такихъ условіяхъ становится просто удушливой. Да и самая нравственность низводится тутъ до простого орудія, обезпечивающаго покойное наслажденіе земными благами. А эта повсюдная нерѣшительность, неопредѣленность въ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Что можетъ быть хуже неопредѣленности? Въ личной жизни — однихъ она озлобляетъ, другихъ повергаетъ въ отчаяніе, а третьихъ доводитъ до полнаго равнодушія и апатіи, — смотря по темпераменту и уровню развитія, но вездѣ расположаетъ сѣмена недовольства. Тѣмъ болѣе относительно общества. Въ неподвижной части его, неопредѣленность поддерживаетъ равнодушіе ко всему, что только ни совершается кругомъ. Отсюда возникаетъ безучастіе, беззаботность—„будь что̀ будетъ, а моя хата съ краю“, является какое-то уныніе, сознаніе собственнаго безсилія, пребывая въ которомъ не ощущаешь ни къ чему интереса, остаешься пассивнымъ не только къ тому, что послѣ насъ наступить можетъ потопъ, но даже и къ тому, если бы этотъ потопъ послѣдовалъ завтра, сейчасъ. Кипучіе элементы общества, напротивъ, направляются на исканіе окольныхъ путей и безпутнаго выхода. Это—настоящій признакъ болѣзненнаго броженія, въ которомъ могутъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ всякія сумасбродства,—и нигилизмъ, и наклонность къ изувѣрству, и вожделѣнія „червонныхъ валетовъ“. Ясно, стало быть, что при всеобщемъ бездѣйствіи зрѣлаго элемента общества, молодыя, незрѣлыя силы, ищущія дѣятельности, направляются совсѣмъ не въ ту сторону, куда имъ подобало бы идти при нормальныхъ условіяхъ. Онѣ начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на единственную политическую силу въ государствѣ, призванную уберечь и спасти благо общественное

Библиотека "Руниверс"

отъ всяческихъ посягательствъ, несовершенствъ и аномалій, какими бы средствами ни приходилось пользоваться для того. „Цѣль оправдываетъ средства"—всегдашній лозунгъ лицемѣрія, или же озлобленнаго безсилія. Объ этихъ средствахъ нѣтъ надобности распространяться,—они всегда отзывались крайнею насильственностью, какъ не обходится безъ насилія всякое стремленіе впередъ скачками и урывками. Для насъ гораздо важнѣе опредѣлить, чѣмъ поддерживается такое стремленіе, не имѣющее подъ собой ни почвы, ни логически жизненнаго оправданія, почему именно русская молодежь вмѣсто того, чтобы идти по правильной колеѣ жизни, пополняетъ собою ряды разрушительныхъ вершителей судьбы своей страны и народа? Какъ все въ мірѣ, такъ и это явленіе, конечно, находитъ свое объясненіе въ теченіяхъ жизненныхъ, а нигдѣ эти теченія не отражаются такъ ярко, какъ на результатахъ дѣятельности школы. Само собою разумѣется, теченія эти отражаются на всѣхъ образованныхъ факторахъ общества, они доступны наблюденію въ дѣятельности и нашихъ судовъ, и общественныхъ начинаніяхъ и учрежденіяхъ. Но такъ какъ вліяніе всего этого на общественную жизнь шатко, зависитъ отъ удачи, отъ случая, заключаетъ въ себѣ множество противорѣчій, то и судить по немъ о жизненныхъ теченіяхъ, породившихъ замѣчаемое броженіе въ русскомъ обществѣ за послѣдніе годы, представляется затруднительнымъ. Иное дѣло—школа. Она есть основа всякаго жизненнаго образованія, и въ ея направленіи, такъ или иначе, сказаться должны неминуемо теченія жизни болѣе ощутительно, съ большею реальностью и послѣдовательностью, хотя бы и въ сторону отрицательную. Но какова наша школа, на какомъ фундаментѣ построено наше образованіе?

Главная отличительная черта современнаго образованія заключается въ томъ, что послѣднее чуждается и стоитъ вдалекѣ отъ запросовъ жизни. И дѣйствительно, примѣняется ли школа у насъ къ нуждамъ самаго общества и семьи, даетъ ли она учащимся такія знанія, съ какими каждый могъ бы смѣло выступить на борьбу съ жизненными невзгодами? Въ дореформенное время оно вполнѣ соотвѣтствовало матеріальному строю обществу: служебный оттѣнокъ, приданный нашему образованію Петромъ Великимъ, тогда еще не терялъ своей силы. Большинство нашего образованнаго общества смотрѣло на учебное заведеніе, какъ на путь къ чинамъ и мѣстамъ. И государство пропитывало цѣлую массу чиновниковъ; оно же вѣдало безконтрольно и школьное дѣло, а затѣмъ, что бы тамъ ни преподавалось въ училищахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ—пройти положенный курсъ было необходимо, иначе нельзя было достать дипломъ, а безъ него и попасть на службу. Для какой бы цѣли ни готовило оно необходимыхъ людей, для какой бы цѣли ни заводило оно гимназіи за свой счетъ, но каждый зналъ свое мѣсто: и кто не пахалъ, тотъ долженъ былъ служить, а кто не служилъ, тотъ долженъ былъ имѣть родовое. Можно было, сколько

Библиотека "Руниверс"

душѣ угодно, толковать о долгѣ служить обществу, но отыскать себѣ родъ дѣятельности, за невозможностью пахать или служить, оказывалось очень затруднительнымъ. Но вотъ наступилъ періодъ преобразованій, открылась эра общественнаго развитія, народное хозяйство получило новое направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ распался и фундаментъ, на которомъ держалась экономическая обезпеченность нашей привилегированной семьи, жившей, какъ у Бога за пазухой, за спиною мужика. Жизнь безъ труда и заботъ стала невозможной. Прежніе источники ея для большинства постепенно закрылись. Ни „служба", ни „ратоборство и храбрость", ни „мужественное ополченіе", ни „кровь и смерть предковъ"—какъ писалось въ грамотахъ, не выручали. Масса людей потеряла заработокъ на государственной службѣ, проѣла послѣдніе остатки наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго. Подростающее поколѣніе приходилось выводить изъ четырехъ стѣнъ обезпеченной семьи на вольный воздухъ трудовой жизни. Вотъ къ чему приводило теченіе жизненное. Гдѣ было искать пропитанія, когда государству стало не подъ силу уже, какъ прежде, содержать массу? Потребности этихъ многочисленныхъ и необезпеченныхъ людей слишкомъ важная вещь, чтобы игнорировать ихъ. Куда имъ дѣваться—вопросъ роковой. А было время, когда тысячи молодыхъ людей стремились принести свои силы на пользу общественную, кто къ какой профессіи чувствовалъ влеченіе: въ качествѣ народнаго учителя, земскаго врача, члена управы... Въ этомъ стремленіи нѣтъ и не было ничего удивительнаго: и до крестьянской реформы уже формировался контингентъ людей, обойденныхъ фортуною, многіе изъ нихъ получили образованіе, хотя и не всѣ—въ казенной школѣ. Сытая жизнь безъ труда и заботъ не могла составлять ихъ идеала, ибо приходилось слишкомъ близко, воочію, видѣть эту жизнь. Къ тому же и „новыя вѣянія" развили въ нихъ своего рода брезгливость и даже отвращеніе къ прежнимъ способамъ благопріобрѣтенія. Они, эти люди, въ шестидесятыхъ годахъ казалось не могли оставаться не у дѣлъ; возможность пристроиться такъ-таки и оставалась въ области ожиданій. Опустѣли воскресныя школы, обязанности земскаго врача, фельдшера, и даже члена управы, свелись къ водотолченію, къ цыфирныхъ дѣлъ мастерству. Оставалось пристроиваться къ мужику и ѣсть его хлѣбъ-соль безъ всякаго приглашенія со стороны хозяина, но тогда получилось бы лишь простое переложеніе „натуральной на денежную" и, слѣдовательно, часть этой денежной повинности должна бы идти на прокормленіе народнаго радѣтеля-благодѣтеля... Но можетъ ли быть глупѣе картина: мужикъ, почесывая затылокъ, отдаетъ свою хлѣбъ-соль противъ собственнаго желанія, а радѣтель принужденъ сознаться, что онъ поставленъ въ смѣшное положеніе „барина" по неволѣ... Приходилось такимъ образомъ убѣдиться, что положеніе народнаго учителя, чиновника средней руки, земскаго врача, учителя гимназіи или прогимназіи, и имъ подобныхъ, не настолько обезпечено, чтобы не позаботиться о томъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ воспитать и чему научить сына или дочь, чтобы избавить ихъ отъ возможности попасть въ трагикомическое положеніе нахлѣбника по неволѣ? Но могутъ ли они довольствоваться той школьной подготовкой, которую даютъ наши низшія и среднія учебныя заведенія? Удовлетворяютъ ли существующія программы тѣмъ запросамъ жизни и времени, какіе должны быть удовлетворены во что бы то ни стало, подъ угрозою остаться безъ куска хлѣба? Такіе вопросы не разъ задавались и въ нашей печати. Если же мы поищемъ отвѣтовъ на нихъ у массы, мы встрѣтимъ, безъ сомнѣнія, далеко не одинаковыя указанія. Въ общемъ же мы получили бы приблизительно слѣдующее: „такъ называемое гимназическое образованіе многимъ—большинству даже—не по карману; въ гимназіяхъ учатъ слишкомъ многому; ребенокъ заваленъ работою; онъ сидитъ надъ книгою столько же времени, сколько и юноши 17—18 лѣтъ; срокъ ученья слишкомъ продолжителенъ, а что всего важнѣе, послѣ 10—11 лѣтняго усидчиваго труда, по выходѣ изъ гимназіи, юноша долженъ начинать съ азовъ изученіе такихъ предметовъ какъ физика, химія, исторія, не рѣдко даже русскій языкъ...“ Таковы жалобы самихъ родителей. И такъ юноша, достигши 21 года, по выходѣ изъ гимназіи, долженъ еще учиться отъ четырехъ до пяти лѣтъ, чтобы съумѣть найти себѣ заработокъ. Недостаточно ли уже этого одного, чтобы вызвать недовольство въ средѣ родителей? Затративъ 15 — 17 лѣтъ на уловленіе диплома, большинство все таки не находитъ вѣрнаго заработка. И начинается тогда приспособленіе къ жизненныхъ условіямъ: служитель чистой математики, или права, поступаетъ къ купцу, на желѣзную дорогу, или въ банкирскую контору, или начинаетъ заниматься коммиссіонерствомъ. Въ этой сутолокѣ погибаетъ многое множество здоровыхъ и талантливыхъ натуръ, а еще больше ихъ извращается, нравственно калѣчится. Прибавьте къ этому, что въ умственномъ и нравственномъ отношеніи вліяніе современной школы, по своей мертвенности и, такъ сказать, голословности, не оставляетъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ. Напротивъ, пошлая рутина, сжимая развитіе такихъ субъектовъ, не въ состояніи, конечно, оказать противодѣйствія, когда, по выходѣ въ жизнь, они дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Глухая и глупая вражда ко всему окружающему рано внѣдряется и крѣпко засѣдаетъ въ души однихъ, не давая имъ возможности свободно сосредоточиться на работѣ, бросая ихъ постепенно изъ одной крайности въ другую. Это — безвыходно потерянные въ жизни. Ихъ погибло не мало въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда. Другіе же, значительное большинство, напротивъ, легко искушаются соблазнами жизни, скоро отступаютъ отъ всякихъ возвышенныхъ помысловъ, какіе могутъ тревожить юные умы и,

Библиотека "Руниверс"

поглощенные въ практическихъ соображеніяхъ, считаютъ свою настоящую дорогу въ полученіи „тепленькаго мѣстечка“, навсегда отказываясь отъ минувшихъ увлеченій и заблужденій молодости, если какія и являлись у нихъ раньше. Это—готовый элементъ для общественнаго равнодушія, апатичнаго бездѣйствія, самоусыпленія и упованія безъ дѣла, безъ цѣли.

Вотъ какъ осложняется вопросъ о вѣрномъ заработкѣ, о вѣрномъ кускѣ хлѣба для нашихъ дѣтей! Школа, глубоко расходясь въ своихъ требованіяхъ съ жизнью, въ виду сильнаго оскудѣнія источника всевозможныхъ заработковъ, грозитъ оставить безъ хлѣба нашихъ сыновей и дочерей.

Скажутъ, быть можетъ, что гимназіи даютъ „возможность достигать высшаго образованія и высшей сферы государственной или общественной дѣятельности“. Но, безъ сомнѣнія, большинство, масса, не имѣетъ средствъ достигать высшихъ сферъ... Въ самихъ офиціальныхъ отчетахъ учебнаго вѣдомства не разъ встрѣчалось подтвержденіе этому. „Золотая посредственность (т. е. большинство) — говорится въ одномъ изъ этихъ отчетовъ — не раздѣляя мнѣній начальства о воспитаніи, желаетъ такихъ заведеній, въ которыхъ учили бы ремеслу, — училищъ, по выходѣ изъ коихъ юноша могъ бы всегда найти себѣ кусокъ насущнаго хлѣба; училищъ, которыя готовили бы къ практической жизни“. Какъ родители, такъ и сами питомцы, начинаютъ сознавать, что вокабулами, украшеніемъ ума, сытъ не будешь, и съ вожделѣніемъ поглядываютъ на кусокъ хлѣба простого ремесленника; „синица въ рукахъ“ кажется имъ, и не безъ основанія, гораздо привлекательнѣе журавля... въ видѣ „достиженія высшаго образованія и высшей сферы государственной или общественной дѣятельности“. Вспомнимъ при этомъ, что у насъ ежегодно „исключается изъ гимназій и прогимназій до четырехъ и болѣе процентовъ всего числа учащихся“. Вспомнимъ, наконецъ, что цѣлая треть, подвергающихся вступительному экзамену въ 1-й и приготовительныя классы гимназій и прогимназій, проваливается и „остается внѣ стѣнъ заведенія“. Развѣ при такихъ условіяхъ можетъ быть хоть на минуту непонятнымъ стремленіе питомцевъ отыскать себѣ вѣрный заработокъ уже не въ области „высшихъ сферъ“, а въ болѣе или менѣе низменныхъ, а потому и болѣе доступныхъ. Если такое стремленіе и не вполнѣ еще выяснилось, если оно не совсѣмъ опредѣлилось, то нельзя не допустить, что, въ виду совершихся и совершающихся перемѣнъ въ экономическомъ строѣ жизни, это стремленіе найдетъ себѣ выраженіе и выполненіе въ самой жизни.

И такъ, жизненными теченіями выдвинуты наружу новые запросы отъ школы. Прежде она сообразовалась лишь съ интересами верхнихъ слоевъ общества, а интересы эти ограничивались беззаботнымъ пользованіемъ плодами чужаго труда и стремленіемъ къ служебной карьерѣ, если и чужой трудъ не могъ обезпечить вполнѣ жизни въ

Библиотека "Руниверс"

довольствѣ. Школа, чему бы она не учила—все равно—отвѣчала такому стремленію, снабжая питомцевъ своихъ патентомъ въ видѣ диплома. Въ ней, строго говоря, начиналась карьера; она служила какъ бы предверіемъ департамента. Но настала пора, когда матеріальныя блага приходилось пріобрѣтать каждому въ соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ личнаго труда. Прежній источникъ матеріальнаго обезпеченія изсякъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преимущества рожденія и протекцій потеряли значеніе. Для большинства стала заростать и изстари проторенная дорожка—на государственную службу. Каждому теперь нужно было учиться, чтобы съумѣть чего нибудь достигнуть, каждый долженъ былъ почувствовать цѣну образованія. Но гдѣ же было учиться? Школа оставалась тѣмъ же правительственнымъ учрежденіемъ, тѣмъ же преддверіемъ департамента, который, однако, оказался доступенъ только немногимъ счастливцамъ изъ всѣхъ, искавшихъ заработка. А въ послѣднія пятнадцать лѣтъ государственная школа какъ будто всячески старалась отгородиться отъ остальнаго міра и существовать на свой страхъ и рискъ, не допуская ни контроля, ни поддержки, желала отстранить отъ источника знанія малообезпеченный людъ. Проще сказать, она по прежнему стремилась выростить гражданъ лишь на почвѣ матеріальнаго обезпеченія. Большинство нашихъ дѣтей очутилось въ безпомощномъ положеніи пролетарія. Откуда же при такихъ условіяхъ дѣятельность всѣхъ и каждаго на пользу общаго блага могла бы принять характеръ постоянства и разумности, если масса членовъ общества не въ состояніи справиться съ своимъ личнымъ счастьемъ, не въ состояніи промыслить себѣ вѣрный кусокъ хлѣба.

Необходимо, значитъ, искать новыхъ путей, чтобы честнымъ трудомъ упрочить за собою право на хлѣбъ насущный.

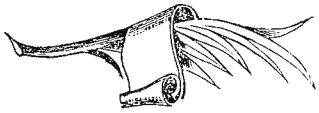
Да, наши частныя занятія и промыслы, наши свободныя профессіи, служеніе по найму—дѣло шаткое и не имѣющее подъ собою прочной почвы. Государство не можетъ дать занятіе и опредѣленный кусокъ хлѣба всѣмъ пролетаріямъ „бѣлаго“ труда, государственныя школы не даютъ ни вѣрнаго куска хлѣба, ни подготовки къ практической жизни. Государство даже не можетъ открыть свободный доступъ къ школѣ для всѣхъ, ищущихъ школьнаго образованія,—за недостаткомъ мѣста или за „комплектомъ“. Казенныя школы вынуждены отказывать толкущимся у дверей ихъ. Третья часть ищущихъ образованія не въ состояніи подготовить своихъ дѣтей настолько, чтобы они могли выдержать вступительный экзаменъ въ приготовительный и первый классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. Вотъ почему и тѣ изъ земствъ, которыя строютъ нынѣ классическія гимназіи на крестьянскія деньги, сами не вѣдаютъ, что творятъ: высшія сферы государственной и общественной дѣятельности останутся недоступными для массы, а значитъ и деньги, затраченныя на устройство такихъ гимназій, являются лишь напрас-

Библиотека "Руниверс"

нымъ обремененіемъ податныхъ. Вотъ почему и прямые интересы „золотой середины“ неминуемо должны заставить ее искать вѣрнаго куска хлѣба не въ ущербъ крестьянскому сословію, иначе „вѣрный“ кусокъ превратится въ крайне „невѣрный“.

Что же дѣлать? Нужно перестать жить на авось и разъ навсегда убѣдиться, что двери въ прежній храмъ счастья—къ обезпеченному положенію посредствомъ государственной службы—дѣйствительно заколочены. Тогда мы перестанемъ ждать отъ завтрашняго дня, что онъ самъ укажетъ, какъ и къ кому пристроить своихъ дѣтей. Если мы поймемъ, что коренной вопросъ состоитъ въ экономической самостоятельности мужика, то, конечно, перестанемъ брать у этого мужика послѣднюю копѣйку, чтобы воздвигать такія учебныя заведенія, которыя не удовлетворяютъ запросамъ дѣйствительной жизни. Затѣмъ предстоитъ вопросъ: куда опредѣлять дѣтей, если для большинства наши государственныя школы стали не по карману? Наша „народная“ школа не имѣетъ нынѣ подъ собою никакой прочной основы; но вѣдь, рано или поздно, должна же она изъ области чаяній и ожиданій перейти въ дѣйствительность; дѣти необезпеченнаго люда остаются теперь безъ элементарнаго образованія, они теперь за порогомъ школы. Въ виду этого необходимо подумать о созданіи новой школы, которая стояла бы не на пескѣ, а зиждилась бы на твердой почвѣ матеріальной независимости крестьянства. Конечно, необезпеченный людъ теперь молчитъ и не можетъ пока ясно формулировать своихъ желаній, но существуетъ недовольство, а съ нимъ и ожиданіе чего-то, что сдѣлало бы жизнь счастливѣе, что избавило бы массу пролетаріевъ „бѣлаго“ труда отъ унизительной и горькой доли нахлѣбника по неволѣ, довольствующагося всякимъ мѣстомъ, лишь бы оно давало кусокъ хлѣба хоть на нынѣшній день.

Ѳ. Булгаковъ.



Библиотека "Руниверс"

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

I.

Цесаревичь Александръ Николаевичь въ Калугѣ въ 1837 году.

(Письмо очевидца) [1]).

Калуга, 13-го іюня 1837 г.

НАКОНЕЦЪ и наша Калуга, послѣ нетерпѣливаго ожиданія, была осчастливена посѣщеніемъ государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича! Почти все населеніе Калуги, съ неумолкаемымъ „ура", сопровождало его высочество отъ Тульской заставы до собора, гдѣ онъ встрѣченъ былъ всѣмъ духовенствомъ, военными и гражданскими чиновниками, дворянствомъ и почетнымъ купечествомъ. Это было 11-го числа, въ воскресенье, въ 5 часовъ пополудни. По выслушаніи эктеніи, его высочество, съ чувствомъ глубокой набожности положивъ три земные поклона предъ св. иконами, изволилъ отправиться въ свою квартиру. Въ этотъ день гражданскій губернаторъ, (д. с. с. Жуковскій) принимавшій государя наслѣдника въ самой квартирѣ, и окружный генералъ внутренней стражи, генералъ-маіоръ Мердеръ, имѣли честь быть приглашенными къ обѣденному столу его высочества. Въ 9 часовъ вечера, цесаревичь, въ сопровожденіи всей своей свиты, удостоилъ своимъ присутствіемъ великолѣпный балъ, данный въ честь высокаго путешественника въ домѣ губернатора всѣмъ дворянствомъ Калужской губерніи и купечествомъ гор. Калуги. Весь городъ былъ иллюминованъ; но эта иллюминація была въ особенности хороша противу самаго дома губернатора: она представляла перспективную коллонаду, въ углубленіи которой помѣщена была большая прозрачная

---

[1]) Тогдашняго управляющаго калужской казенной палатой, Б. П. Хрущева. Письмо это обязательно сообщено намъ членомъ Археологическаго Института Т. В. Кибальчичемъ.

Библиотека "Руниверс"

картина, изображающая Россію, съ вензеловыми надъ нею именами Н. и А. Лишь только его высочество вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть на иллюминацію, какъ нѣсколько тысячь народа, сохранявшія до сего времени благоговѣйное безмолвіе, обрадованные появленіемъ цесаревича, въ одно мгновеніе огласили воздухъ громкимъ и продолжительнымъ „ура", и этотъ порывъ народнаго восторга, среди ночной тишины, при блескѣ разнообразныхъ искусственныхъ огней, явилъ такое величіе и торжественность, которыхъ нельзя выразить, но которымъ всѣ сердца были приведены въ умиленіе! Его высочество привѣтливо поклонился народу и послѣдовалъ въ танцовальную залу, или галлерею, нарочно для этого случая пристроенную къ дому. Въ ней, на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ золотою рѣшеткою и прекрасными лимонными и померанцовыми деревьями, стояли два бюста государя императора и государыни императрицы; на однихъ хорахъ помѣщался прекрасный оркестръ музыки, выписанный изъ Москвы, а на другомъ дамы; въ отдѣлкѣ этой галлереи видѣнъ вкусъ художника; освѣщеніе было почти ослѣпительное. Его высочество изволилъ танцовать польскій и четыре французскіе кадриля [1]). Болѣе 300 человѣкъ было на этомъ балѣ, но въ танцахъ никто не принималъ участія, за исключеніемъ только тѣхъ, которые находились въ одномъ кадрилѣ съ наслѣдникомъ: всѣ взоры устремлены были единственно на того, который приводилъ насъ въ восхищеніе своею мужественною красотою, небесною улыбкою, сладостнымъ голосомъ и обворожительною привѣтливостію; всѣ наши чувства были поглощены имъ однимъ; все наше вниманіе тяготѣло къ нему одному. Да и могло ли быть иначе? Но, увы, это очарованіе было непродолжительно. Въ 11 часовъ, его высочество изволилъ оставить балъ. Послѣ переѣзда отъ Тулы до Калуги въ знойный день, ему нужно было успокоеніе. Съ удаленіемъ его, великолѣпный балъ потерялъ въ глазахъ нашихъ весь свой блескъ и сдѣлался какъ будто пустымъ: никто уже не помышлялъ объ удовольствіяхъ и веселостяхъ, не было другого разговора, какъ только объ очаровательномъ наслѣдникѣ. На другой день, 12-го числа, его высочество удостоилъ принимать духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, потомъ дворянство и, наконецъ, купечество, съ хлѣбомъ и солью. Ни одинъ изъ имѣвшихъ счастіе представляться, не остался безъ милостиваго его вниманія [1]). Послѣ этого его высочество отправился къ

---

[1]) Польскій съ почетными дамами, а кадрили съ молодыми дамами: Донауровою, урожденною княжною Голицыною, которая была фрейлиною; Охотниковою, женою конно-гвардейскаго офицера, Бернигoвою и Нелединскою-Мелецкою, женою сына извѣстнаго человѣка этой фамиліи.

[1]) Со мною его высочество изволилъ говорить такъ: „Давно ли вы занимаете это мѣсто?—Съ прошедшаго августа мѣсяца.—А прежде гдѣ служили?—Во флотѣ.—Въ которомъ?—Въ Балтійскомъ и потомъ Черноморскомъ.—Послѣ этого гдѣ служили?—По министерству финансовъ.—Въ которомъ департаментѣ?—Государственнаго казна-

Библиотека "Руниверс"

разводу внутренняго гарнизоннаго баталіона, потомъ осмотрѣлъ выставку мануфактурныхъ и другихъ издѣлій (гдѣ въ особенности обращали на себя вниманіе: хрусталь г Орлова, чугунныя вещи кн. Бибарсовой, парусныя полотна многихъ фабрикантовъ—преимущественно купца Брюзгина, пряденая бумага купца Занегина и восковыя свѣчи), тюремный замокъ, артиллерійскій паркъ, сиротскій домъ, прекрасное заведеніе (Хлюстиныхъ) для больныхъ и умалишенныхъ, и губернскую библіотеку при губернской гимназіи (которой воспитанники, по случаю вакантнаго времени распущены по домамъ). Государь наслѣдникъ, повидимому, все нашелъ въ порядкѣ и былъ доволенъ. Къ обѣденному столу его высочества имѣли счастіе быть приглашены: преосвященный Николай, губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, я, предсѣдатель уголовной палаты, прокуроръ, нѣсколько военныхъ генераловъ и полковниковъ (Мердеръ, Полторацкій, Мещериновъ, Бистромъ, Карпенко и Покровскій, полковникъ Штаденъ), начальникъ провіантской коммисіи; двое дворянъ: Чаплинъ и Панинъ и градской глава. Послѣ обѣда, его высочество посѣтилъ Лаврентіевскій монастырь (въ 1/2 вер. отъ города), изволилъ быть на короткое время въ театрѣ, въ загородномъ саду и на городскомъ бульварѣ, любовался прекрасными и картинными окресностями Калуги, и во все время былъ очень веселъ. Безчисленныя толпы народа, съ восторженными лицами и сердцами, повсюду слѣдовали за его высочествомъ [1]). 13-го же числа, въ 7 часовъ утра, государь наслѣдникъ оставилъ Калугу, изъявивъ свое благоволеніе губернатору и губернскому предводителю; а мы бросились въ соборъ и тамъ, съ колѣнопреклоненіемъ, вознесли сердечныя мольбы къ престолу Всевышняго о благополучномъ путешествіи его высочества. Онъ произвелъ на насъ сильное, необыкновенное впечатлѣніе: мы не могли насмотрѣться на это ангела, были обворожены его привѣтомъ и милостями. Какая высокая благотворная мысль великаго императора—познакомить и сблизить своего наслѣдника съ русскимъ народомъ!

чейства. — Давно въ отставкѣ изъ флота? — Около 18 лѣтъ.—Много ли казенныхъ крестьянъ въ Калужской губерніи? — Слишкомъ 85 тысячъ.—А удѣльныхъ нѣтъ?—Есть, ваше высочество, болѣе 6 тысячъ душъ.—Сюда прословъ чиновникъ собственной канцеляріи его величества, г. Донауровъ; онъ теперь здѣсь".—Всѣ эти вопросы сопровождались голосомъ пріятнымъ и тономъ отмѣнно благосклоннымъ.

[1]) Послѣ обѣда у его высочества ко мнѣ пріѣхалъ К. И. Арсеньевъ (наставникъ государя наслѣдника) и просидѣлъ у меня часовъ до 11. Разговоръ его и подробности о путешествіи его высочества были чрезвычайно занимательны.

Библиотека "Руниверс"

II.

Императоръ Александръ II и графъ А. Замойскій [1]).

Во время послѣдняго польскаго возстанія, въ сентябрѣ 1861 г., тогдашній любимецъ и надежда поляковъ, популярный магнатъ, графъ Андрей Замойскій, представилъ великому князю намѣстнику, отъ имени „умѣренныхъ представителей страны“ слѣдующій документъ, въ видѣ просьбы:

„Безпримѣрныя историческія бѣдствія, обрушившись на Польшу и уничтоживъ ея политическое существованіе, не могли, однако, ослабить духа въ польскомъ народѣ и сокрушить вѣры въ его историческое призваніе.

„Эта вѣра, эти чувства еще болѣе возвысились вслѣдствіе понесенныхъ поляками потерь, претерпѣнныхъ страданій и постоянно питаемою надеждою на будущее.

„Въ торжественныя минуты голосъ народной совѣсти громко вопіетъ о возстановленіи древнихъ правъ и привиллегій края.

„Въ прошломъ году, въ адресѣ государю императору, Польша высказалась въ этомъ духѣ. Депутаты, собравшіеся на выборы въ городскіе и уѣздные совѣты, представили намѣстнику Меморію, подписанную двадцатью тысячами человѣкъ, гдѣ они объяснили, что только національное собраніе, состоящее изъ лицъ, указанныхъ народомъ и совершенно свободное въ выраженіи своихъ мыслей, способно выяснить существенныя нужды края; но что учрежденія, дарованныя правительствомъ, далеко не соотвѣтствуютъ своей цѣли и не могутъ предотвратить несчастій, угрожающихъ нашему отечеству.

„Объявленіе военнаго положенія воспрепятствовало подачѣ Меморіи. Жители не получили ничего и это привело насъ къ тѣмъ печальнымъ фактамъ, которыхъ всѣ ожидали.

„Нынѣ, отвѣчая на вызовъ великаго князя Константина Николаевича, мы, представители разныхъ провинцій Польши, рѣшаемся высказать свое мнѣніе, дабы предотвратить гибель отечества, стремящагося къ безднѣ безъисходной. За отсутствіемъ всякаго законнаго органа, гдѣ бы можно было выразить свои мысли, мы обращаемся къ вамъ, графъ, дабы вы, взявъ на себя роль представителя и вмѣстѣ истолкователя народнаго духа, объяснили его высочеству наши нужды, наши насущныя потребности, коихъ мы не въ состояніи болѣе скрывать и кои готовы объявить цѣлому свѣту.

„Мы не отказываемся принять участіе въ новыхъ учрежденіяхъ, но заявляемъ только, что мѣры, какія употреблялись до сихъ поръ,

---

[1]) Отрывокъ изъ неизданной главы „Записокъ о польскихъ возстаніяхъ и заговорахъ“, Н. В. Берга.

Библиотека "Руниверс"

несостоятельны и произвели въ умахъ такое раздраженіе, что ни военная сила, ни суды, устроенные на особыхъ основаніяхъ, ни тюремныя заключенія, ни ссылки, ни эшафоты, не могутъ исправить дѣла, а напротивъ, приведутъ націю къ самому крайнему отчаянію, которое способно вывести всѣхъ на дорогу, гибельную, какъ для управляющихъ, такъ и для управляемыхъ.

„Будучи поляками, мы не можемъ сносить другого правительства, кромѣ польскаго, причемъ всѣ провинціи, составляющія наше отечество, должны быть соединены вмѣстѣ и пользоваться конституціей, при свободныхъ учрежденіяхъ.

„Самъ великій князь, въ Воззваніи своемъ къ намъ, призналъ за нами доблесть чрезвычайной привязанности къ отечеству. Эта привязанность не можетъ допустить разложенія отечества на части. Если мы любимъ его, то любимъ его все въ тѣхъ предѣлахъ, которые Богъ ему начерталъ, а исторія освятила [4]).“

Великій князь, прочитавъ представленный ему Замойскимъ адресъ и зная, что онъ былъ составленъ не простымъ собраніемъ помѣщиковъ, а революціонною партіею „Бѣлыхъ“, которая группировалась около графа Андрея, какъ бы около своего руководителя и вождя, счелъ необходимымъ отправить его самого въ Петербургъ для объясненія съ государемъ императоромъ.

Для сопровожденія Замойскаго, великій князь назначилъ адъютанта своего ротмистра Сержпутовскаго.

Тогда петербурго-варшавская желѣзная дорога была только-что окончена и правильнаго движенія по ней еще не установилось. Для переѣзда Замойскаго въ Петербургъ, былъ приготовленъ экстренный, весьма комфортабельный вагонъ перваго класса, снабженный всѣмъ необходимымъ, чтобы нигдѣ на станціяхъ не выходить и обѣды, завтраки, чай, кофе и все прочее требовать внутрь, по первому желанію графа Андрея. Иное заказывалось потомъ заранѣе по телеграфу.

Сообразивъ, что поѣздъ придетъ въ Царское Село не ранѣе одиннадцати часовъ вечера, 4 сентября, Сержпутовскій, имѣвшій къ государю (находившемуся тогда въ Царскомъ Селѣ) депеши отъ намѣстника, не счелъ возможнымъ довезть Замойскаго до Петербурга лично, а выписалъ для этого по телеграфу, отъ шефа жандармовъ, особаго офицера. Явился, для пущей важности, какой-то жандармскій генералъ, во всѣхъ регаліяхъ, и когда Сержпутовскій (по прибытіи поѣзда въ Царское Село) ввелъ его въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Замойскій и представилъ послѣднему, графъ смутился и сказалъ:

— Maintenant je suis vraiment arrêté? (Теперь я, дѣйствительно, арестованъ).

---

[4]) Газета „Czas“ 1862, № 217. Авейде, III, 57, примѣчаніе. Подлинникъ адреса можно видѣть въ „Affaires de Pologne“, Paris 1863. Стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

— Нисколько, отвѣчалъ Сержпутовскій, но я долженъ остаться въ Царскомъ Селѣ для передачи государю депешъ отъ его брата. Вотъ почему мы разстаемся. А завтра я буду имѣть честь явиться къ вамъ въ гостинницу Кулона, какъ только государь меня отпуститъ.

Тутъ они простились. Поѣздъ покатилъ въ Петербургъ, а Сержпутовскій отправился во дворецъ.

По причинѣ бала, бывшаго въ покояхъ государыни по случаю полкового праздника Гатчинскаго кирасирскаго полка, его величество принялъ Сержпутовскаго только въ часъ ночи, говорилъ съ нимъ довольно долго и велѣлъ ѣхать въ Петербургъ, увидѣться поскорѣе съ Замойскимъ и сказать ему, что государь пригласитъ его къ себѣ черезъ нѣсколько дней, по возвращеніи изъ Новгорода, гдѣ долженъ быть на открытіи памятника „Тысячалѣтія Россіи".

— А ты ѣдешь въ Варшаву 7 сентября, прибавилъ государь, чтобы быть тамъ непремѣнно ко дню рожденія великаго князя и его отъ меня поздравить.

— Если Замойскій станетъ просить меня доставить что-либо въ Варшаву роднымъ, то брать мнѣ, ваше величество, или не брать? спросилъ Сержпутовскій.

— Рѣшительно все, что дастъ! сказалъ государь.

5 сентября, передъ обѣдомъ, Сержпутовскій явился въ гостинницу Кулона и узналъ отъ швейцара, что къ графу Замойскому пріѣзжали съ визитами многіе высшіе сановники Петербурга.

Объяснивъ графу все, что приказалъ государь, Сержпутовскій сказалъ ему, что послѣ завтра ѣдетъ обратно въ Варшаву и ожидалъ порученія; но его не послѣдовало...

Въ тотъ же день ротмистръ встрѣтился гдѣ-то съ канцлеромъ, кн. Горчаковымъ; тотъ засыпалъ его вопросами о событіяхъ въ царствѣ Польскомъ и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, конечно, что здѣсь Замойскій!

— C'est moi qui l'ai amené (это я его привезъ) — хотѣлъ похвастаться Сержпутовскій.

— Ah, c'est vous qui l'avez accompagné! (А! такъ это вы его сопровождали!), поправилъ старый дипломатъ.

Вечеромъ того же дня, Сержпутовскій снова былъ въ Царскомъ Селѣ, опять довольно долго бесѣдовалъ съ государемъ о Польшѣ и о Замойскомъ и разсказалъ ему, разумѣется, что въ Петербургѣ нашелъ у послѣдняго карточки многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Это государю не понравилось. Чтобы подобныя демонстраціи не повторялись, его величество потребовалъ къ себѣ Замойскаго на другой же день, 6 сентября. О разговорѣ ихъ, происходившемъ tête-à-tête, ходило потомъ много всякихъ разсказовъ и кое-что было напечатано Что тутъ вѣрно и что невѣрно?.. Подъ конецъ жизни, Замойскій передалъ кое-кому изъ ближайшихъ друзей нѣкоторую часть бесѣды

Библиотека "Руниверс"

своей съ государемъ, а тѣ—своимъ друзьямъ. Все это сводится болѣе или менѣе къ слѣдующему:

„Когда Его Величество выслушалъ точное объясненіе того мѣста въ адресѣ, гдѣ говорилось о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ провинцій, составляющихъ отечество поляковъ, то сказалъ: „Не думайте, чтобы я былъ на сторонѣ раздѣла Польши, происшедшаго при государынѣ Екатеринѣ: нисколько! Я самъ противъ него: это была и несправедливость, и плохая политика. Но когда фактъ совершился, я не могу передѣлывать исторію. Не я пріобрѣталъ эти земли: я получилъ ихъ въ наслѣдіе съ короной Россіи, а потому не имѣю права дѣлать съ ними что-либо въ ущербъ интересамъ имперіи, которые охранять есть первая и священнѣйшая моя обязанность; я могу думать только объ улучшеніи быта земель, о которыхъ мы говоримъ, о предоставленіи имъ возможно-большихъ правъ и всякаго рода льготъ — и думаю постоянно. Чрезвычайныя реформы вводятся въ Польшѣ. Я разсчитывалъ, графъ, что вы явитесь при этомъ на сторонѣ значительнаго большинства благоразумныхъ представителей страны и поможете моему намѣстнику и начальнику гражданскаго управленія рѣшить задачу въ самое непродолжительное время. Между тѣмъ, вмѣсто помощи, вы стали увеличивать затрудненія и звать своихъ, весьма неосторожно и легкомысленно, на путь несбыточныхъ мечтаній. Время, однако, не ушло. Дѣла наши въ Польшѣ не такъ испорчены, чтобы ихъ нельзя было поправить. Ихъ поправятъ, но... безъ васъ. Вы столько тамъ надѣлали неловкаго для себя, для насъ и даже для вашей партіи, что я никоимъ образомъ не могу дозволить вамъ воротиться въ вашъ варшавскій домъ. Живите, гдѣ хотите, только не въ Варшавѣ: изберите любой городъ въ Россіи, уѣзжайте куда угодно за-границу. Противъ меня лично, графъ, вы, надѣюсь, ничего не имѣете?“

Замойскій уѣхалъ немедленно съ скорымъ поѣздомъ въ Парижъ, черезъ Берлинъ.

III.

Посѣщеніе императоромъ Александромъ II, въ 1871 году, Житнаго рыболовнаго промысла.

(Разсказъ очевидца) [1]).

Въ 1871 году, 5-го сентября, императоръ Александръ, во время переѣзда своего изъ Астрахани на Кавказъ, по Каспійскому морю,

[1]) К. А. Дронина, секретаря владѣльцевъ промысла, гг. Сапожниковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

посѣтилъ Житный рыболовный промыселъ, принадлежащій нашимъ извѣстнымъ рыбо-промышленникамъ, коммерціи совѣтникамъ, братьямъ Алексѣю и Александру Александровичамъ Сапожниковымъ.

Житный промыселъ и деревня того же имени расположены на взморьѣ, на высокомъ бугрѣ острова Житнаго, находящагося у самаго юго-западнаго угла волжской дельты, при соединеніи ея съ Каспійскимъ моремъ, въ 70 верстахъ отъ Астрахани и въ 12 отъ острова Бирючья-коса. Во времена Стеньки Разина, Житный островъ долго служилъ главнымъ становищемъ его разбойничьимъ шайкамъ, а въ царствованіе Петра Великаго, во время войны съ Персіей, въ 1722 году, на Житномъ былъ устроенъ складъ провіанта для русскаго войска. Такъ какъ провіантъ хранился тогда не мукою, а зерномъ, т. е. житомъ, то вслѣдствіе этого, по мѣстному преданію, и островъ, не имѣвшій до тѣхъ поръ никакого названія, началъ зваться Житнымъ.

Для пріема государя, о предположеніи котораго посѣтить Житный промыселъ гг. Сапожниковы получили увѣдомленіе заблаговременно, были сдѣланы слѣдующія приготовленія:

Къ промысловому плоту пристроенъ, для болѣе удобнаго причала царскаго парохода, небольшой и красиво убранный флагами дебаркадеръ, на сваяхъ. Самый плотъ, отстоящій отъ дома въ пятидесяти саженяхъ, былъ раздѣленъ на два отдѣленія широкимъ проходомъ или корридоромъ, обитымъ сверху до низу полосатымъ тикомъ и устланнымъ краснымъ сукномъ съ ковровымъ бордюромъ. Въ первомъ отдѣленіи, направо отъ входа съ дебаркадера, помѣщались всѣ принадлежности для изготовленія икры въ зернистомъ и паюсномъ видахъ, а во второмъ, налѣво, находились: бассейнъ со всѣми породами рыбъ, водящимися въ здѣшнихъ водахъ, ванна съ живымъ тюленемъ, столъ съ разнородными сортами клея и вязиги, выдѣлываемыми на промыслѣ, и столъ съ моделями ловецкихъ и промысловыхъ лодокъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей. Часть стѣны этого отдѣленія была вынута и забрана балясинами такъ, что отсюда открывался видъ на Волгу и на закинутый у плота большой трехъ-сотъ саженный неводъ, при которомъ находилось 38 человѣкъ рабочихъ— калмыковъ, въ костюмахъ обыкновенно употребляемыхъ ими во время лова. Въ неводъ было нарочно напущено около 6,000 штукъ разной рыбы, потому что безъ этого не представлялось возможности показать государю императору полный образецъ неводнаго лова, во всѣхъ его подробностяхъ, такъ какъ рыба никогда не ловится близь плота и притомъ же сильный вѣтеръ отнималъ всякую надежду хоть на какой нибудь уловъ. Вдоль берега и по взморью были расположены, частью на якоряхъ, частью подъ парусами, лодки различныхъ конструкцій, морскія, рѣчныя, черневыя и проч., числомъ до 350. Всѣ эти лодки управлялись своими владѣльцами-ловцами съ разныхъ промысловъ, преимущественно же съ Житницкаго, Разбугоринскаго,

Библиотека "Руниверс"

Харбайскаго, Икрянинскаго, Зюзинскаго и Хмѣлевскаго, принадлежащихъ гг. Сапожниковымъ. Недалеко отъ плота стояла баржа, только-что прибывшая къ промыслу для принятія груза рыбныхъ товаровъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Нижній-Новгородъ по Волгѣ, на буксирѣ парохода Сапожниковыхъ „Вольскъ", а оттуда по желѣзной дорогѣ, въ Москву и Петербургъ. Около выхода, т. е. ледника, были выставлены образцы сѣтей, неводовъ, волокушъ, вентерей, сидѣбокъ и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, употребляемыхъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Волгѣ, и ея притокахъ. Рядомъ съ сѣтями помѣщались бочки съ такъ-называемыми столичными товарами: бѣлугою, осетромъ, севрюгою, тёшею и икрою. Крыльцо промысловаго дома было украшено флагами и обито краснымъ сукномъ, а залъ и двѣ боковыя комнаты, меблированныя, по обыкновенію, весьма скромно, устланы коврами и украшены портретами родоначальника дома Сапожниковыхъ, Петра Семеновича Сапожникова, и его сыновей Алексѣя и Александра Петровичей. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ былъ приготовленъ чайный серебряный приборъ. Къ сторонѣ дома, обращенной на море, былъ пристроенъ павильонъ, устланный краснымъ сукномъ и убранный разноцвѣтной флажной матеріей; среди потолка висѣли, вмѣсто люстры, искусно сгруппированныя кисти винограда, съ примѣсью грушъ и персиковъ. Въ павильонѣ, налѣво, стоялъ большой столъ, сервированный разною холодною закуской, преимущественно рыбною: осетромъ, севрюгой, стерлядью, бѣлорыбицей, раками, сельдями: каспійскими, норвежскими и шотландскими, икрой паюсной и зернистой: бѣлужьей, осетровой, севрюжьей и стерляжьей, балыкомъ разныхъ сортовъ и т. п.

Такимъ образомъ, Житный былъ убранъ безъ всякихъ затѣй и роскоши, сохраняя вполнѣ своеобразный промысловый видъ и представляя Августѣйшему посѣтителю возможность одновременно обозрѣть почти весь ходъ промысловыхъ работъ, способы морского и рѣчного лова, а равно и выдѣлку разныхъ рыбныхъ товаровъ.

Одинъ изъ владѣльцевъ промысла, Александръ Александровичъ Сапожниковъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, находился за границей, а потому счастіе принять государя императора выпало на долю другого владѣльца, — Алексѣя Александровича Сапожникова. Пріѣхавъ нарочно для этого изъ Петербурга, онъ ожидалъ въ Астрахани прибытія его величества и 4-го сентября, вмѣстѣ съ астраханскимъ обществомъ, встрѣтилъ Его на пароходной пристани. Въ этотъ же день, г. Сапожниковъ удостоился высокой чести быть приглашеннымъ къ царскому столу, по окончаніи котораго, государь, милостиво обратившись къ нему, изволилъ сказать: — „Сапожниковъ, завтра я буду у тебя на Житномъ. Надѣюсь, ты мнѣ покажешь все рыболовство".

5-го числа, Житный съ ранняго утра принялъ праздничный и необыкновенно оживленный видъ. Еще наканунѣ сюда начали стекаться, не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстно-

Библиотека "Руниверс"

стей, многочисленныя толпы народа. Одушевленные одной мыслью, однимъ общимъ желаніемъ,—видѣть обожаемаго государя, здѣсь соединились рыбаки и рабочіе съ разныхъ промысловъ, киргизы, кочующіе въ окрестныхъ степяхъ, калмыки изъ сосѣднихъ улусовъ и другіе инородцы, — всѣ въ своихъ лучшихъ, праздничныхъ одеждахъ. Расположившись пестрыми и живописными группами вдоль всего берега, народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія радостной для него минуты. Утро было ясное, но, къ сожалѣнію, сильный западный вѣтеръ нѣсколько нарушалъ общую гармонію оригинальной и оживленной картины, которую представлялъ въ этотъ день Житный промыселъ.

Около шести часовъ утра, на промыселъ пріѣхали изъ Астрахани: Алексѣй Александровичъ Сапожниковъ, астраханскій губернаторъ Н. Н. Биппенъ и нѣкоторыя лица городского купечества.

Въ восемь съ половиною часовъ, на взморьѣ показался пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ „Цесаревна Марія“, на которомъ находились: государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Народъ, замѣтившій царскій пароходъ въ двухъ верстахъ отъ промысла, встрѣтилъ его громкимъ, единодушнымъ и неумолкаемымъ крикомъ: ура! потрясшимъ воздухъ и далеко разнесшимся по Каспію...

Приближаясь къ промыслу, государь вышелъ на траппъ и, всматриваясь въ окружающую мѣстность, милостиво раскланивался съ народомъ, тѣснившимся на лодкахъ, на берегу, на промысловыхъ строеніяхъ, и восторженно привѣтствовавшимъ своего добраго, безпредѣльно любимаго, благодѣтеля—царя.

Когда пароходъ присталъ къ промыслу и государь въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, великаго князя и свиты сошелъ на дебаркадеръ, владѣлецъ промысла поднесъ ему хлѣбъ-соль, сказавъ:

— Ваше императорское величество! Имѣю честь поднести вамъ хлѣбъ-соль отъ себя и отсутствующаго больного брата моего, лишеннаго этого высокаго счастія.

Государь благосклонно принялъ хлѣбъ-соль, поблагодарилъ г. Сапожникова и, замѣтивъ, что онъ стоитъ съ открытой головой, прибавилъ:—„Надѣвай шляпу,—простудишься“.

Затѣмъ, его величество, сопутствуемый августѣйшими сыновьями, свитой, губернаторомъ, хозяиномъ, промысловыми распорядителями и нѣкоторыми другими лицами, изволилъ войдти въ лѣвое отдѣленіе плота, гдѣ ему было предложено взглянуть на примѣрный ловъ рыбы неводомъ, тотчасъ же начавшійся въ его присутствіи. Всматриваясь въ рабочихъ, управлявшихъ неводомъ, государь обратился къ г. Сапожникову и спросилъ:

— Сапожниковъ, вѣдь это тянутъ калмыки, народъ, кажется, привычный къ рыболовному дѣлу?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣчалъ г. Сапожниковъ,—

Библиотека "Руниверс"

калмыки лучшій народъ для рыболовства неводомъ, свыкнувшійся со всѣми трудностями и притомъ довольно крѣпкаго здоровья.

Когда неводъ былъ подтянутъ къ плоту и изъ мотни его вынуто множество рыбы, государь съ улыбкой спросилъ хозяина промысла:

— Сапожниковъ, признайся, вѣдь рыба напущена въ неводъ?

Г. Сапожниковъ объяснилъ государю цѣль, съ которой это сдѣлано, доложивъ, что иначе не могъ бы показать ему полный образецъ неводнаго лова, какъ по мѣсту, гдѣ послѣдній выполненъ, такъ и по случаю сильнаго вѣтра.

На это государь милостиво сказалъ:—„Дай вамъ Богъ всегда такъ много ловить".

По окончаніи неводнаго лова, его величество перешелъ къ бассейну, изъ котораго моментально была выпущена вода, такъ что августѣйшіе посѣтители могли удобно разсматривать трепетавшихъ на днѣ его рыбъ всѣхъ породъ, существующихъ въ Каспійскомъ морѣ, Волгѣ и ея притокахъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ относительно названія нѣкоторыхъ мелкихъ породъ, государь изъявилъ желаніе видѣть раздѣлъ рыбы. Позванные немедленно два рѣзальщика и рѣзальщица, съ ихъ помощниками, быстро раздѣлали бѣлугу, осетра, севрюгу, стерлядь, судака и леща. Слѣдя за этой работой, государь, между прочимъ, изволилъ замѣтить, что уже видѣлъ раздѣлъ рыбы на Уралѣ, но что здѣшніе рѣзальщики исполняютъ свое дѣло ловчѣе и расторопнѣе.

Затѣмъ, государь направился къ ваннѣ съ тюленемъ, который находясь въ неволѣ еще съ весны, уже успѣлъ привыкнуть къ людямъ и былъ потому непугливъ и очень забавенъ. Послѣ того, его величество подошелъ къ стоявшему вблизи большому столу, гдѣ промысловые мастера приготовляли вязигу и рыбій клей всѣхъ сортовъ. Обративъ вниманіе на эту работу, а равно и на разложенные здѣсь же, прежде изготовленные, клея въ сухомъ видѣ, государь перешелъ къ осмотру моделей судовъ различныхъ конструкцій, морскихъ и рѣчныхъ, употребляемыхъ въ здѣшнихъ водахъ, какъ для лова рыбы, такъ и для промысловыхъ надобностей, при чемъ г. Сапожниковъ доложилъ ему, что модели эти сдѣланы по вызову морского министерства, для будущей въ Москвѣ политехнической выставки. Отсюда его величество отправился въ другое отдѣленіе плота, икорное, и изволилъ присутствовать все время, пока совершался процессъ приготовленія икры въ зернистомъ и паюсномъ видахъ. Ставъ у ванны, гдѣ готовилась зернистая икра, государь спрашивалъ владѣльца промысла: „какой температуры тузлукъ (разсолъ), въ который было положено зерно, сколько кладется соли, и какой именно на пудъ икры, и какимъ образомъ икряникъ узнаетъ время, когда икра готова". Въ этомъ же отдѣленіи стоялъ пятипудовый боченокъ съ зернистой икрой, приготовленной къ сдачѣ, какъ образецъ, заграничнымъ покупателямъ для отправки въ Варшаву и Берлинъ. Государь разспросивъ: „какое количество

Библиотека "Руниверс"

соли кладется въ эту икру, кто такіе ея покупатели и какую платятъ они цѣну въ Астрахани", обратился къ сопровождавшему его прусскому генералу Вердеру и объяснилъ ему, на нѣмецкомъ языкѣ, достоинство этой икры, а равно и то обстоятельство, что она посылается для продажи въ Пруссію.

По выходѣ государя изъ икорнаго отдѣленія, владѣлецъ промысла осмѣлился просить его осчастливить посѣщеніемъ промысловый домъ. Его величество, съ свойственной ему привѣтливостью, отвѣчалъ:—„Непремѣнно, очень радъ"—и пошелъ отъ плота, по дамбѣ, устроенной на сваяхъ, устланной тесомъ и убранной флагами, къ дому. Народъ, толпившійся на всемъ пространствѣ между плотомъ и домомъ, привѣтствовалъ его радостными криками, а крестьяне трехъ сосѣднихъ волостей поднесли на деревянномъ, рѣзномъ блюдѣ, хлѣбъ-соль, которую государь благосклонно принялъ. Окинувъ взглядомъ выставленные около ледника образцы всѣхъ рыболовныхъ орудій и коренной рыбы, его величество обратилъ вниманіе и на самый ледникъ; г. Сапожниковъ, объяснивъ ему назначеніе этой огромной постройки, поспѣшилъ предупредить, что туда нельзя войти, вслѣдствіе холода и сырости. Когда государь, пройдя черезъ домъ, вступилъ въ павильонъ, г. Сапожниковъ спросилъ его:

— Ваше величество, что вамъ будетъ угодно: у меня приготовленъ кофе и чай.

— Прошу дать мнѣ чаю—сказалъ государь.

Тотчасъ же ему былъ поданъ, на серебряномъ подносѣ, чай, въ чашкѣ иностраннаго фарфора, съ хрустальнымъ дномъ, на которомъ весьма искусно нарисованъ портретъ императора Александра I-го. Чашка эта, очень рѣдкая, хранится въ домѣ Сапожниковыхъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ, хозяинъ поднесъ ему нѣсколько коробокъ съ папиросами и сигарами, которые его величество, обыкновенно, курилъ. Государь, повидимому, остался очень доволенъ такою предупредительностью и сказалъ:

— Да ты позаботился привезти моихъ папиросъ и сигаръ; благодарю.

Кушая чай, его величество любовался живописной картиной взморья, открывавшейся изъ павильона, и неоднократно удостоивалъ обращаться къ владѣльцу промысла съ вопросами:

— Скажи мнѣ, Сапожниковъ, какъ мы должны выйти отсюда на девяти-футовую глубину?—спросилъ государь.

— Ваше величество, вамъ нужно идти отсюда обратно къ нашему промыслу Харбай, а потомъ выйдти вотъ такимъ путемъ,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ, указывая на близь лежащую мѣстность, и при этомъ предложилъ государю зрительную трубку; но государь отказался, сказавъ, что видитъ все хорошо простымъ глазомъ.

Дѣйствительно, дальнозоркость государя была замѣчательна: онъ могъ не только разсмотрѣть изъ павильона домъ на Благословенномъ

Библиотека "Руниверс"

промыслѣ Сапожниковыхъ, отстоящемъ отъ Житнаго въ шести верстахъ, но даже безошибочно опредѣлилъ его фасадъ.

Продолжая разговоръ, его величество спрашивалъ:

— Что это за названіе промысла Харбай?

— Калмыцкое, значащее по русски „большая бѣлуга"—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— А почему этотъ промыселъ называется Житнымъ?

Г. Сапожниковъ сообщилъ его величеству преданіе о происхожденіи названія Житнаго, которое приведено нами выше.

— Отчего здѣсь молитвенный домъ, а не церковь?

— Потому, собственно, что здѣшніе жители принадлежатъ, большею частію, къ сектѣ поморцевъ, а для православныхъ есть церковь въ Харбаѣ, гдѣ устроена также и школа для ловецкихъ дѣтей,— отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— Сколько у васъ ловцовъ и рабочихъ и какое количество употребляете вы соли на посолъ рыбы и какія получаете пользы отъ рыбныхъ ловель вашихъ?

— Соли употребляется у насъ, въ теченіи года, отъ 200 до 300 тысячъ пудовъ. Пользы же рыбнаго дѣла нашего зависятъ отъ улова рыбы: если она ловится хорошо, то мы остаемся, благодаря Бога, совершенно довольны и имѣемъ возможность содержать до пяти тысячъ человѣкъ ловцовъ, рабочихъ и вообще служащихъ, обезпечивая ихъ платою и содержаніемъ,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— Да вѣдь это цѣлый городъ, такая масса народа,—замѣтилъ государь, обращаясь къ находившемуся около него наслѣднику цесаревичу, и потомъ, милостиво взглянувъ на г. Сапожникова, сказалъ:— „Благодарю тебя"—и протянулъ ему руку, которую тотъ успѣлъ поцаловать.

Когда его величество окончилъ кушать чай, хозяинъ предложилъ ему и сопровождавшимъ его лицамъ что-нибудь позавтракать, но государь отказался; однако слыша общія похвалы завтраку, изволилъ подойти къ столу и попробовалъ немного зернистой икры. Послѣ этого, его величество снова обратился къ г. Сапожникову и сказалъ:

— Сапожниковъ, покажи мнѣ какъ ловятъ у васъ рыбу снастью.

Владѣлецъ промысла доложилъ государю, что онъ еще до прибытія его на Житный предлагалъ ловцамъ ѣхать въ море для лова снастью; но они отвѣчали ему отказомъ, опасаясь что поѣздка въ море лишитъ ихъ столь горячо и нетерпѣливо ожидаемаго счастія,— видѣть его величество.

Въ это время, ловцы, тѣсной толпой окружавшіе павильонъ, въ порывѣ сердечнаго увлеченія и желанія ближе посмотрѣть на своего любимаго царя, все болѣе и болѣе напирали на павильонъ и даже стали разбирать балясины, которыми онъ былъ огороженъ. Государь, увидѣвъ это, съ улыбкой ласково сказалъ имъ:

Библиотека "Руниверс"

— Друзья мои, не ломайте хозяйскаго; смотрите вѣдь я здѣсь. Покажите мнѣ какъ вы ловите снастью.

Услыша столь милостивыя слова, многіе изъ ловцовъ тотчасъ же бросились отъ павильона бѣгомъ къ берегу, сѣли въ лодки и, не смотря на сильный вѣтеръ, отважно пустились въ море, соревнуя другъ передъ другомъ въ удали и смѣлости, чтобъ угодить его величеству.

Между тѣмъ, государь продолжалъ говорить съ владѣльцемъ промысла:

— Сапожниковъ, во время моего путешествія я получилъ отъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго телеграмму, которой онъ сообщилъ мнѣ, что Богъ благословилъ его освятить церковь и новое зданіе коммерческаго училища. Поздравляю тебя, вѣдь ты былъ строителемъ его. Дай Богъ всего лучшаго. По возвращеніи моемъ буду въ немъ [1]).

Г. Сапожниковъ, глубоко тронутый такимъ высокимъ вниманіемъ къ его трудамъ по постройкѣ училища, кланялся и благодарилъ его величество.

Вслѣдъ затѣмъ государь спросилъ графа Шувалова:

— Не пора ли намъ ѣхать въ море?

Эскадръ-маіоръ генералъ-адъютантъ Сколковъ, поспѣшилъ отвѣтить, что пароходъ готовъ.

Тогда государь вышелъ изъ павильона въ залъ и, замѣтивъ здѣсь портретъ покойнаго отца г. Сапожникова, на минуту остановился передъ нимъ.

— Какое прекрасное лице — произнесъ государь, — чей это портретъ?

— Это портретъ моего покойнаго отца,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ,—а эти два: дяди и дѣда нашего, родоначальника дома, много содѣйствовавшаго введенію въ здѣшнемъ краѣ правильной рыбопромышленности.

— Я помню, — сказалъ государь, — что какой-то купецъ Сапожниковъ, въ бытность мою, въ 1836 году, въ Вольскѣ, подносилъ мнѣ хлѣбъ-соль, въ числѣ тамошнихъ гражданъ.

— Дядя мой имѣлъ счастіе подносить эту хлѣбъ-соль и быть удостоеннымъ вашего высокаго вниманія,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

Послѣ этого, государь направился къ выходу; но хозяинъ началъ просить его позволенія пожелать ему счастливаго путешествія и вы-

---

[1]) Новый домъ коммерческаго училища, въ Чернышевомъ переулкѣ, построенный по проекту архитектора академика М. А. Макарова, можетъ быть названъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій Петербурга. Постройка его, начатая въ 1859 году, окончилась въ 1871 году и обошлась около 300,000 руб. Изъ этой суммы 150,000 руб. пожертвовалъ государь императоръ, а остальные собраны по подпискѣ отъ биржеваго купечества. Въ числѣ жертвователей находились и братья Сапожниковы, изъ которыхъ Алексѣй Александровичъ, имѣлъ главное наблюденіе надъ постройкой.

Библиотека "Руниверс"

пить за его драгоцѣнное здоровье, на что его величество согласился. Г. Сапожниковъ, наливъ шампанскимъ три бокала, поднесъ ихъ на подносѣ государю, наслѣднику цесаревичу и великому князю Владиміру Александровичу. Государь, взявъ бокалъ, сказалъ: — „Пью за здоровье хозяина", а великій князь прибавилъ:—„и его отсутствующаго брата".

Когда его величество ставилъ выпитый бокалъ на подносъ, хозяинъ поцаловалъ его руку, а государь его въ голову, милостиво сказавъ: — „Благодарю за хлѣбъ-соль". Затѣмъ, его величество вышелъ изъ дома по направленію къ плоту, раскланиваясь съ народомъ, который сопровождалъ его восторженными криками и сердечными благословеніями.

Вступивъ на плотъ, государь подалъ руку губернатору и сказалъ:—„Прощай. Поблагодари астраханцевъ за ихъ пріемъ. Я оставляю Астрахань подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ". Потомъ обратясь къ г. Сапожникову, прибавилъ: — „Благодарю тебя, Сапожниковъ, за все. Ты мнѣ доставилъ большое удовольствіе. Прощай".

Войдя на пароходъ, его величество остановился на траппѣ. Пароходъ сильнымъ вѣтромъ такъ прижало къ плоту, что его съ трудомъ могли оттолкнуть шестами и снять съ мѣста послѣ долгихъ и дружныхъ усилій. Пользуясь такой остановкой, ловцы, отправившіеся въ море ловить, по желанію государя, снастью, успѣли подъѣхать къ пароходу и поднесли его величеству пойманныхъ: осетра, бѣлугу, севрюгу и стерлядь. Государь, милостиво поговоривъ съ ловцами, удостоилъ принять отъ нихъ рыбу.

Наконецъ, пароходъ двинулся. Народъ, желая хоть на минуту продолжить испытанное имъ счастье и еще разъ взглянуть на обожаемаго государя, бросился бѣжать вдоль берега съ громкими и несмолкаемыми криками „ура!"; государь оставаясь на траппѣ, милостиво раскланивался со всѣми. Нѣсколько ловецкихъ лодокъ, на всѣхъ парусахъ, пустились сопровождать пароходъ, который, тихимъ ходомъ удаляясь отъ промысла, черезъ нѣсколько минутъ совершенно скрылся изъ виду...

Черезъ нѣсколько дней, губернаторъ препроводилъ при оффиціальной бумагѣ въ астраханскую контору гг. Сапожниковыхъ 1,100 рублей, пожалованныхъ государемъ для раздачи служащимъ и ловцамъ на Житномъ промыслѣ, а также и вольнымъ рыбакамъ, подъѣзжавшимъ къ пароходу и поднесшимъ его величеству рыбу.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Императоръ Александръ II на боевомъ полѣ.

Въ 1877 году, во время пребыванія императора Александра II въ дѣйствующей арміи, въ Болгаріи, однимъ изъ лицъ его свиты былъ веденъ дневникъ, впослѣдствіи напечатанный, но не поступившій въ продажу. Позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго дневника, въ которомъ будущій историкъ царствованія Александра II найдетъ столько чертъ необычайной доброты, самоотверженія и твердости духа покойнаго государя.

„13-го іюля. Послѣ небольшого дождя, освѣжившаго нѣсколько атмосферу въ ночь прибытія императора въ село Бѣла, погода установилась вновь удушливо знойная, причинявшая государю большое безпокойство. И по ночамъ покой его величества тревожился постояннымъ шумомъ. По селу разражались завыванія безчисленныхъ собакъ, ржаніе лошадей и ословъ, вопли домашницъ птицъ и зловѣщіе стоны всѣмъ надоѣдавшей совы. Въ турецкихъ сельскихъ обиталищахъ ночь не вѣдаетъ безмолвія. Такимъ образомъ, къ работамъ умственнымъ и душевнымъ, присоединились безпокойство физическое. Вѣсти изъ Плевны были далеко неутѣшительны. Въ полдень прибылъ ординарецъ главнокомандующаго, артиллеріи поручикъ Андріевскій, и донесъ, что непріятель, въ числѣ, какъ полагать слѣдовало, до 40,000, занялъ у Плевны сильную позицію, на которой окапывался со всѣхъ сторонъ ретраншментами и брустверами. Достойно замѣчанія, что государь распрашивалъ его въ присутствіи своей свиты, показывая тѣмъ, что онъ желаетъ держать въ тайнѣ только распоряженія, не подлежащія для осторожности огласкѣ, но самое положеніе дѣлъ предоставляетъ общей извѣстности. Вообще, въ обычаѣ государя было обращаться съ вопросами къ юнымъ воинамъ, имѣющимъ счастіе находиться въ присутствіи его величества.

„14-го іюля. Можно сказать, что въ воздухѣ вѣяло какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ. Въ главной квартирѣ мелькали задумчивыя лица, шептались кружки, шли толки, что къ Плевнѣ собираются свободныя части 9 корпуса, 1 бригада 11 корпуса, и головная дивизія, приближающагося изъ Румыніи, 4 корпуса. Насчитывалось до 27,000 штыковъ, при грозной силѣ 165 орудій. Но достаточна ли была численность войска для одолѣнія искусныхъ фортификаціонныхъ работъ? Но будутъ ли орудія имѣть возможность широко развить свой огонь? Вотъ въ чемъ заключались сомнѣнія и безпокойства. Одинъ государь, повидимому, находился совершенно покойнымъ. Во время собраній къ высочайшему столу, онъ благосклонно изволилъ слушать по прежнему неистощимо веселые и остроумные разсказы своего даровитаго и боевого генералъ-адъютанта, князя Эмиля Витгентейна-Зейнъ-Беглербурга, и продолжалъ самъ принимать участіе въ разго-

Библиотека "Руниверс"

ворѣ, не переставая, впрочемъ, обращаться къ присутствующимъ съ вопросами, относящимся до военныхъ дѣйствій. Вечернія чтенія продолжались почти каждый день, при чемъ государь дѣлалъ иногда краткія замѣчанія. Такъ, напримѣръ, при выслушаніи газетной статьи, въ которой упоминалось о секретномъ союзѣ, будто бы заключенномъ между Россіей и Италіей, государь слегка наклонился и промолвилъ:

— Очень пріятно объ этомъ узнать.

„Въ другой иностранной статьѣ выражалось дерзкое ожиданіе, что русскій императоръ будетъ вынужденъ бѣжать съ своимъ босоногимъ войскомъ. При этомъ государь отозвался:

— Какъ вѣжливо!

„Наконецъ, въ двухъ другихъ статьяхъ было еще сказано, что война съ турками въ настоящее время труднѣе, чѣмъ прежде, что нынѣ Россія ведетъ войну собственно не съ турками, а съ Англіей. При этихъ двухъ статьяхъ государь отозвался:

— Правда! правда!

„18-го іюля. Этотъ день ознаменовался событіемъ, представляющимъ смыслъ особо знаменательный. Состоящіе при его величествѣ военные агенты: австрійскій—баронъ Бехтольсгеймъ и англійскій—Велеслей, внезапно выбыли изъ главной квартиры. Отъѣздъ ихъ согласовался, очевидно, съ важными дипломатическими соображеніями, и свидѣтельствовалъ, какъ благодѣтельно было присутствіе его величества въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій. Каждая рѣшительная мѣра возникала, такъ сказать, наглядно изъ самой сущности обстоятельствъ, безъ проволочки времени, безъ размѣна переписокъ и телеграммъ, всегда требующихъ объясненія и ни когда не передающихъ истины въ полномъ ея свѣтѣ. Тутъ, какъ громъ за молніей, высочайшая воля могла непосредственно слѣдовать за каждымъ непредвидѣннымъ событіемъ. Другая благодѣтельная сторона высочайшаго пребыванія за Дунаемъ заключалась въ томъ, что каждая заслуга была на виду и немедленно сопровождалась наградою, что еще болѣе возбуждало усердіе, на смерть готоваго войска. Кромѣ того, государь поставилъ себѣ священною обязанностью радѣть о раненыхъ, не только въ общихъ мѣрахъ, но личнымъ вниманіемъ, личными утѣшеніями. Страдалецъ получалъ при томъ высшую награду: царское спасибо за службу царю. Послѣ рекогносцировки графа Воронцова-Дашкова, привезено было 169 человѣкъ раненыхъ въ 56-й военно-временный госпиталь, перенесенный уже изъ Павло на берегъ рѣки Янтры, у самаго входа въ село Бѣла. Лейбъ-медикъ Боткинъ присутствовалъ при пріемѣ привезенныхъ и былъ пораженъ ихъ усталымъ, страдальческимъ видомъ.

— „Я вернулся отъ этого зрѣлища, разсказывалъ нашъ знаменитый врачъ, съ тяжелымъ, печальнымъ чувствомъ. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько часовъ, я снова посѣтилъ госпиталь, но уже сопровождая государя. Ни одного раненаго нельзя

Библиотека "Руниверс"

было узнать. Ни одного стона, ни одного вздоха не было слышно. Всѣ лица просвѣтлѣли. Всѣ взоры одушевились радостью и благодарностью. Прострѣленные въ ноги, хотѣли держаться на ногахъ Прежнее тяжелое чувство,—прибавилъ С. П. Боткинъ, замѣнилось отраднымъ впечатлѣніемъ".

„Этимъ однимъ уже объясняется причина высочайшаго присутствія за Дунаемъ; государь знаетъ всю силу своего вліянія на свои войска. Счастливъ тотъ народъ, который умѣетъ еще любить и вѣрить. Во время своего пребыванія въ с. Бѣла, государь неоднократно посѣщалъ госпиталь и каждое его посѣщеніе было признакомъ радости и милости. Посѣщеніе 18-го іюля огорчило, однако, государя тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть раненыхъ была прострѣлена нѣсколькими пулями. Этимъ доказывалось до какой степени были часты непріятельскіе выстрѣлы и предвѣщались въ будущемъ значительныя потери въ численности людей. Съ другой стороны, сердце императора было глубоко утѣшено восторгомъ, преданностью и самоотверженіемъ воиновъ-страдальцевъ. Многимъ изувѣченнымъ государь приказалъ наколоть на рубахи знаки военнаго отличія. Награжденные крестились, плакали, цѣловали императорскія руки и полученные, священно-дорогіе имъ, кресты. Въ эту минуту душевнаго упоенія всѣ страданія были забыты. Государь былъ видимо тронутъ.

„20-го іюля. Государь вышелъ къ завтраку и обратившись къ присутствующимъ, сказалъ съ улыбкою:

— Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ, чтобы гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступила на Дунай. Однимъ кирасирамъ горе.

„Но не только гвардія была выписана, были выписаны еще другія части изъ Польши и другихъ мѣстъ, такъ что итогъ вытребованнаго подкрѣпленія простирался до 180,000 человѣкъ. Оба плевненскія боя были собственно не пораженіями, такъ какъ они не измѣняли общаго хода дѣлъ, а поученіями, коими слѣдовало воспользоваться немедля. Но это могъ исполнить только самъ императоръ. Оставалось дожидаться исполненія новыхъ мѣръ. Между тѣмъ, нельзя было утаить, что положеніе императорской главной квартиры казалось нѣсколько опаснымъ. Изрѣдка слышалось даже, шопотомъ, о возможности второго Седана. Нѣкоторые случайные гости села Бѣла, вставая по утрамъ, смотрѣли на окружающіе холмы, ожидая видѣть на нихъ турецкія полчища. Одинъ государь оставался спокоенъ и невозмутимъ. Въ дѣйствительности, опасности не было никакой, благодаря разсчету и упорству турокъ не выходить пока изъ укрѣпленной Плевны. Кромѣ того, государя, видимо, подкрѣпляла глубокая вѣра въ волю Провидѣнія. Разсказывали, что онъ замѣтилъ одному изъ своихъ приближенныхъ:

— Два раза въ меня стрѣляли и я остался живъ. Стало быть я еще на что нибудь нуженъ.

Библиотека "Руниверс"

„Но какъ ни принималъ онъ на себя личину равнодушія, какъ ни выказывалъ спокойствіе и даже веселость, нельзя было не чувствовать, что его многолюбящее сердце скорбѣло не о пораженіяхъ, которыхъ собственно не было, а о числѣ и мукахъ безцѣльно падающихъ жертвъ.

„2 августа. Путь изъ села Бѣла на Горный Студень лежитъ черезъ село Павло. Государь выѣхалъ изъ Бѣлы въ 9 часу утра, верхомъ, со всею своею свитою и обыкновеннымъ конвоемъ. Отъѣздъ былъ грустный. Погода стояла пасмурная и дождливая. Въ полдень императорскій поѣздъ прибылъ въ Павло, гдѣ и остановился на нѣкоторое время для привала и завтрака. Затѣмъ путь продолжался еще десять верстъ, по слегка волнистому пространству, мѣстами поросшему кустарникомъ. По мѣрѣ приближенія къ Горному Студеню, скрывавшемуся за кустами, мѣстность раздвигалась широкой равниной и стали показываться признаки военнаго оживленія. Новое императорское мѣстопребываніе представляло значительныя преимущества противъ прежнихъ. Оно упиралось въ тылу въ Дунай, отъ котораго отстояло въ прямомъ направленіи не болѣе, какъ на 16 верстъ. Оно находилось въ центрѣ, между Разградомъ и Плевной. Спереди оно имѣло Тырново и шибкинскую защиту. Положеніе было выжидательное и удобное для передвиженія. Мѣстность представляла огромную плоскость, перерѣзанную глубокимъ оврагомъ съ бьющимъ на днѣ и тщательно обдѣланнымъ въ камень ключемъ. Оврагъ раздѣлялъ, какъ почти вездѣ въ Болгаріи, село на двѣ половины: турецкую и болгарскую. Отъ турецкой оставались только груды камней и почернѣвшіе остовы строеній. На сторонѣ болгарской извивались въ зелени усадьбы болгаръ, бѣлѣла новая церковь, высоко поднимался флагъ надъ юртами, шатрами и избами штаба главнокомандующаго. Черезъ оврагъ, съ боку оставшихся развалинъ, подымался надъ кручей двухъ-этажный деревянный домъ, принадлежавшій зажиточному, сбѣжавшему болгарину. Тутъ предназначалось мѣстопребываніе государя. Послѣ долгаго физическаго безпокойства въ палаткѣ, государь могъ, наконецъ, отдыхать подъ твердымъ кровомъ. Но царское помѣщеніе далеко еще не оказывалось удобнымъ. Наружная лѣстница, во дворѣ, вела въ сѣни верхняго жилья. Изъ сѣней вправо располагалась комнатка министра императорскаго двора, лѣвѣе комнатка военнаго министра съ окнами, но безъ стеколъ. Прямо черезъ жилье камердинера, гдѣ помѣщалась обливная ванна, былъ проходъ въ императорскую опочивальню съ походною кроватью, съ походными столиками и нѣсколькими походными стульями. Такова была келья, предназначенная на долгіе дни отшельничества и выжиданія. Въ нижнемъ жильѣ приспособлены были отдѣленія для князя Суворова и генералъ-адъютанта Рылѣева. Таковъ былъ дворецъ. Рядомъ съ нимъ, по большой дорогѣ, питейная лачуга обращена въ телеграфную станцію. Изъ надворныхъ хозяйственныхъ зданій, амбаръ приспо-

Библиотека "Руниверс"

собленъ, по возможности, для пріюта генералъ-адъютантовъ Мезенцова и Воейкова и статсъ-секретаря Гамбургера. Сѣнной сарай послужилъ для канцеляріи и укрывательства нѣкоторыхъ придворныхъ чиновниковъ. На дворѣ вытянулся столовый шатеръ. Придворные экипажи и прислуга поставлены, угломъ на два фаса, вблизи палатокъ, занимаемыхъ нѣкоторыми лицами свиты. Далѣе запестрѣли лагери пѣхотнаго и двухъ кавалерійскихъ конвоевъ. Горизонтъ замыкался огромнымъ гладкимъ полемъ, весьма удобнымъ для смотровъ и маневровъ. Мѣстность, почти пустынная, преобразовалась мгновенно въ оживленное пестрое сходбище, похожее на ярморочное, гдѣ остроконечныя палатки, холщевые навѣсы, коновязи, лиственные шатры и постоянное движеніе, издали напоминали городокъ, который можно было бы назвать городкомъ долготерпѣнія. И дѣйствительно, городокъ не былъ призванъ къ ролѣ самостоятельной. Онъ назначался быть центромъ выжиданій, извѣстій, слуховъ, соображеній, приказаній, военныхъ сборищъ и неусыпной заботливости во что бы ни стало о торжественномъ окончаніи дѣла торжественно начатаго. Въ Горномъ Студенѣ не было дано сраженій, не было пролито человѣческой крови, но изо всѣхъ болгарскихъ мѣстечекъ Горный Студень получитъ въ исторіи самое блистательное значеніе, такъ какъ тутъ выработывалась судьба войны.

„3 августа. Съ этого дня возстановился порядокъ, опредѣленный какъ для отправленія дѣлъ государственныхъ, такъ и для распредѣленія ежедневной внутренней жизни; причемъ принята неизмѣнность, по возможности, установленныхъ обычаевъ. Судьба имперіи, будучи тѣсно связана съ бодростью императора, заботливость о здоровьѣ монарха принимаетъ важность первостатейную. Хотя на этотъ разъ государь и пренебрегалъ нѣсколько нѣкоторыми гигіеническими условіями,—но гигіеническій день его соображался, по возможности, съ опредѣленною программою, подъ наблюденіемъ, наукою прославленнаго, лейбъ-медика С. П. Боткина. Вставалъ государь неизмѣнно въ 8 часовъ утра и, освѣжившись обливною ванною, ходилъ прогуливаться. Затѣмъ, онъ принималъ очередные и экстренные доклады и опредѣлялъ рѣшенія. Для особыхъ милостей и въ случаяхъ чрезвычайныхъ, онъ приказывалъ прямо отъ себя. Послѣ общаго завтрака, сервированнаго неизмѣнно въ полдень, государь катался въ коляскѣ, или верхомъ, причемъ прогулка почти всегда имѣла особую пользу. Обыкновенно посѣщался лазаретъ, осматривались военныя части, обозрѣвались стратегическія мѣстности. Послѣ прогулки, государь садился за занятія. Послѣ обѣда, государь снова прогуливался въ хорошую погоду. Приэтомъ постоянно получались извѣстія съ разныхъ сторонъ, но какого свойства бы они ни были, тревожныя, печальныя, или радостныя, порядокъ дня не нарушался, и кромѣ особыхъ случаевъ, телеграммы читались вслухъ. Церковныя обязанности исполнялись съ тою же точностью. Заранѣе можно было пред-

Библиотека "Руниверс"

видѣть, когда будетъ присутствованіе при литургіи, когда молебенъ, когда панихида. Въ извѣстные полковые праздники, или при осмотрѣ войскъ, заранѣе можно было опредѣлить, въ какой формѣ выйдетъ государь, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что почетъ, оказанный одной военной части, будетъ непремѣнно оказанъ и другой при равныхъ правахъ, и что государь никого не опечалитъ своимъ равнодушіемъ. Эти пріемы, эти обычаи относятся къ личной біографіи императора, но тѣмъ не менѣе они соприкасаются и его государственныхъ дѣяній по человѣчности и твердости.

„14 октября. Сегодня государь, пригласивъ въ свою коляску генералъ-адъютанта графа Адлерберга, только-что оправившагося отъ болѣзни, выѣхалъ въ Порадимъ. Вслѣдъ за нимъ потянулась и императорская главная квартира. При усиливающейся непогодѣ, сырости и грязи, главная квартира, потерпѣвшая много лишеній уже въ Горномъ Студенѣ, тревожно ожидала значительнѣйшихъ безпокойствъ въ мѣстности, еще болѣе дикой. Домикъ, предназначенный для пребыванія его величества, оказался неопрятнымъ и даже безъ стеколъ въ окнахъ; но уже на слѣдующій день по прибытіи, государь, возвращаясь изъ поѣздки въ Боготъ, нашелъ свое помѣщеніе совершенно преобразованнымъ. Стѣны его двухъ комнатъ были обиты: первая (столовая) солдатскимъ сукномъ, вторая, служившая одновременно кабинетомъ и спальнею — репсомъ. Въ окна были вставлены стекла и мѣстопребываніе его ознаменовалось даже нѣкоторою уютностью. Изъ передней былъ особый ходъ для комнатки министра двора. Князь Суворовъ помѣстился въ подвальномъ этажѣ. Для военнаго министра былъ отведенъ особый домикъ. Все это совершилось подъ руководствомъ помощника коменданта императорской главной квартиры, свиты его величества генералъ-маіора Тучкова. Затѣмъ, всѣ сопровождавшія императора лица нашли себѣ, конечно, не роскошное, но укрывающее отъ холода и непогоды помѣщеніе. Мѣстныя избы врываются на половину въ почву, въ видѣ землянокъ. Въ среднемъ помѣщеніи сложенъ очагъ между двумя холодными комнатками. Эти комнатки, мѣстный комендантъ, подпоручикъ Гальпертъ, чисто выбѣлилъ и поставилъ въ нихъ, въ связи съ очагомъ, желѣзныя печи, выписанныя изъ Турнъ-Магурелли. Въ приземистыя щели, изображавшія окна, онъ вставилъ стекла. Улицы и площадки онъ разчистилъ, изъ валявшагося камня сдѣлалъ тротуаръ, и даже придумалъ оригинальное скромное уличное освѣщеніе посредствомъ отслужившихъ телеграфныхъ столбовъ, къ которымъ онъ привязывалъ проволокою опрокинутыя бутылки съ отбитыми донышками, черезъ которыя пропускались зажженныя свѣчи. Это освѣщеніе производилось на счетъ маркитантовъ, не платившихъ никакой подати. Самъ комендантъ постоянно носился маршъ-маршемъ по улицамъ, наблюдая за порядкомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что его рачительности многіе обязаны не только здоровьемъ, но и жизнью. Диковинною осо-

Библиотека "Руниверс"

бенностью новой стоянки оказалось еще то, что она не представляла съ военной стороны никакой опасности. Того нельзя было сказать ни о Бѣлѣ, ни о Горномъ Студенѣ, хотя непріятель находился въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. Здѣсь же, напротивъ, онъ былъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ, но двинуться болѣе не могъ. Противъ этого всѣ мѣры были приняты.

„15 октября. Государь ѣздилъ въ коляскѣ съ княземъ Суворовымъ въ Боготъ, гдѣ располагалась главная квартира главнокомандующаго. Село Боготъ отстоитъ отъ Порадима въ 16 верстахъ и, какъ почти всѣ предбалканскія болгарскія селенія, разсѣкается оврагомъ. Какъ и въ Порадимѣ, обиталища крестьянъ полу-врыты въ землю, въ видѣ разбросанныхъ землянокъ, окруженныхъ деревьями, зеленью и частоколами. При въѣздѣ въ село, влѣво по дорогѣ, стояли бивакомъ казаки, составлявшіе конвой его величества, и помѣщалось комендантское управленіе. Вправо высокоподнятый флагъ развѣвался надъ столовымъ шатромъ, юртами и палатками—его высочества. Сюда направилъ государь свое первое посѣщеніе. Тутъ лежали двое раненыхъ: оба свиты генералъ-маіоры, оба командовавшіе бригадами 2 гвардейской пѣхотной дивизіи, оба тяжело раненые подъ Горнымъ Дубнякомъ: баронъ Зедлеръ и Розенбахъ. Государь подошелъ къ ихъ страдальческому изголовью, благодарилъ и утѣшилъ милостивыми словами. Затѣмъ, у главнокомандующаго состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ принцъ Карлъ румынскій. На совѣтѣ было рѣшено произвести атаку на Телишъ, но только артиллерійскую, не допуская отнюдь увлеченій. Послѣ того, его величеству былъ представленъ, сдавшійся въ Горномъ Дубнякѣ, плѣнный паша, Ахметъ-Хювзи, природный болгаринъ, всѣхъ поразившій своею благовидностью. Затѣмъ государь сѣлъ на коня и, сопровождаемый свитою, посѣтилъ сначала санитарный отдѣлъ государыни цесаревны, а потомъ переѣхалъ черезъ оврагъ на ту сторону, гдѣ вытягивались ряды палатокъ и кибитокъ военнаго госпиталя. При этомъ происходила сцена глубоко-умилительная. Гвардія, такъ сказать, выдержала свой боевой экзаменъ и выдержала его со славой. Давнымъ давно не испытала она утомительныхъ походовъ и не была ни подъ огнемъ, ни въ схваткахъ безпощадныхъ. Она знала, что не дрогнетъ, но тѣмъ не менѣе недоумѣвала еще, будетъ ли достаточно достойна своего первенствующаго въ арміи значенія, которымъ она пользуется. Теперь, когда она прошла черезъ огненные крестины, сомнѣніе исчезло. Она убѣдилась, что во что бы ни стало, но товарищамъ своимъ въ мужествѣ не упуститъ. Оттого, когда государь сталъ подъѣзжать къ госпиталю, всякій, кто могъ шевелиться, приподнялся или вскочилъ на ноги, и общее чувство гордости, восторга и любви, какъ электрическій токъ, пробѣжало по толпѣ не скорбящихъ, а торжествующихъ. Никода дѣти не радуются такъ свиданію съ обожаемымъ отцомъ послѣ долгой разлуки, какъ гвардейцы обрадовались появленію императора послѣ

Библиотека "Руниверс"

кровавой битвы. Мгновенно окружили они его, простирали къ нему руки, лобызали его одежду, благословляли его имя. Чающіе выздоровленія, ожидающіе смерти, легко и тяжело раненые, разразились общимъ крикомъ страдальческаго восклицанія и крупныя слезы покатились по всѣмъ лицамъ, и, видя къ себѣ такую преданность, государь самъ заплакалъ.

Почти всѣхъ офицеровъ императоръ называлъ по имени и каждаго благодарилъ по очередно. Такія сцены перомъ не описываются, но и въ памяти сердца никогда уже не изглаживаются. Подобный же восторгъ повторился и у коекъ гвардейскихъ солдатъ. Когда государь сталъ благодарить нижнихъ чиновъ за ихъ молодечество многіе изъ нихъ отвѣчали, что иначе и быть не могло при такихъ офицерахъ какъ тѣ, которые ихъ вели и всегда были впереди ихъ. Тогда государь, обернувшись къ этимъ самымъ офицерамъ, сказалъ имъ:

— Вотъ слова, которыя должны служить вамъ лучшею наградою.

„Къ общему отрадному впечатлѣнію присоединилось и то обстоятельство, что, благодаря образцовому и даже щегольскому санитарному отдѣлу государыни цесаревны, общее устройство госпиталя принимало, хотя и въ часы скорбные, видъ праздничный и нарядный. Незабвенное посѣщеніе ознаменовалось еще двумя характеристическими душевными чертами. Покушеніе на Телишъ, 12 октября, какъ извѣстно, не удалось. Одинъ молодой офицеръ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, отважился подойти къ государю и позволилъ себѣ спросить чистосердечно:

— Ваше императорское величество! когда мы шли на Телишъ,— это была демонстрація, или мы должны были взять его?

„Юношу видимо мучила мысль, что они могли не исполнить своего долга, такъ какъ Телиша не взяли. Но государь изволилъ милостиво его успокоить, сказавъ, что движеніе на Телишъ было ничто иное, какъ только демонстрація. Другой случай былъ еще трогательнѣе. Въ небольшой палаткѣ тяжело дышалъ простреленный молодой офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, Гинглятъ. У койки стоялъ его сослуживецъ и братъ родной, также раненый, но не такъ тяжело, разстроенный и плачущій. На вопросы государя, онъ сталъ объяснять свойство и опасность раны и еще болѣе разрыдался. Вдругъ онъ остановился, замѣтивъ, что рукавъ государя былъ перевязанъ чернымъ флеромъ по поводу кончины герцога Сергія Максимиліановича.

— Извините меня, ваше величество, промолвилъ сконфуженнымъ голосомъ молодой человѣкъ,—что я осмѣлился безпокоить васъ моимъ горемъ тогда, какъ и у васъ свое есть.

„25 и 26 октября. Въ оба означенные дни ничего особенно замѣчательнаго не происходило. Впрочемъ, ничего особеннаго и ожидать было нельзя. Выжиданіе было долею императорской главной квартиры. Только теперь выжиданіе было какъ бы самоувѣренное,

Библиотека "Руниверс"

спокойное. Радостей еще не было, но не было уже скорби. Съ тѣхъ поръ какъ наступили холода, государь менѣе показывался. И далеко ли каждый день могъ онъ прогуливаться пѣшкомъ? Однакожъ, и въ ненастье выходилъ онъ иногда передъ свой домикъ, вотъ при какихъ случаяхъ. Почти каждый день приходила въ Порадимъ партія нижнихъ чиновъ, состоявшая изъ больныхъ и раненыхъ, возвращавшихся изъ госпиталей на службу. Имъ было вмѣнено въ обязанность не проходить села, не явившись къ государю. Государь выходилъ къ нимъ, благодарилъ, одобрялъ, приказывалъ угощать, иногда награжалъ подарками. Другое же развлеченіе для государя было слѣдующее: домикъ его находился на перекресткѣ и передъ его окнами слѣдовали всѣ проѣзжіе изъ плевненской окрестности и обратно. Государь могъ видѣть изъ своихъ оконъ, какъ тянулись къ нему возы подъ брезентами съ краснымъ крестомъ. Это обозначало, что эвакуировали раненыхъ на Булгарени и Систово, а тамъ ужь за Дунай. Государь сейчасъ спускался тогда съ своего балкона, подходилъ къ повозкамъ и ни одной не пропускалъ безъ вниманія. Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ трогательной сцены. Тащились три повозки, запряженныя волами. У повозокъ суетился фельдшеръ и скромно выступала сестра милосердія. Въ повозкахъ лежали молодые гвардейскіе офицеры, раненые подъ Горнымъ Дубнякомъ, въ томъ числѣ и братья Гинглятъ. Государь имъ обрадовался: онъ ихъ видѣлъ уже въ боготскомъ госпиталѣ и зналъ, въ чемъ состояли ихъ раны. Придворная прислуга засуетилась, принесли подносы съ подарками отъ императрицы, съ холодными яствами и чаемъ. И государь спрашивалъ заботливо, кто къ чему привыкъ, и видимо думалъ только объ одномъ, какъ угодить страждущимъ, какъ утѣшить горе переходное. Одинъ молодой человѣкъ лежалъ тутъ неподвижно, молча глядя передъ собою, и вдругъ крупная слеза скатилась съ его рѣсницы на едва пробивающіеся усы. Такія явленія повторялись безпрестанно.

„28 ноября. Государь внимательно смотрѣлъ на холмистую опрокинутую воронку плевненской панорамы, на этотъ разъ оживленной движеніями войскъ. Вдали, вправо отъ Зеленыхъ горъ и за Плевной, грохотала буря выстрѣловъ и носились волны дыма. Въ 3 часа прискакалъ къ редуту, посланный еще изъ Порадима на Гривицкія высоты за свѣдѣніями, флигель-адъютантъ графъ Милорадовичъ. Онъ донесъ, что проѣхалъ черезъ Плевну, оставленную турками, и представилъ галетку и два патрона, какъ образецъ того, что онъ нашелъ въ плевенской церкви. Пальба утихала. На редутѣ государемъ были уже получены двѣ телеграммы. Первая была печальная, объявившая, что Сибирскій гренадерскій полкъ не могъ отстоять свои траншеи и со 2 батареи 3 гренадерской бригады отбито у насъ 6 пушекъ. Но вскорѣ пришла другая депеша, объявившая, что орудія высвобождены и что къ сибирцамъ подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Государь ходилъ молча. Вдругъ, припомнивъ, что генералъ-адъютантъ

Библиотека "Руниверс"

Милютинъ всегда отстаивалъ на военныхъ совѣтахъ продолженіе кампаніи и неусыпно старался о доставленіи въ Болгарію гвардейцевъ и гренадеръ, подошелъ къ военному министру и сказалъ:

— Дмитрій Алексѣевичъ! Если дѣла приняли такой хорошій оборотъ, то мы этимъ тебѣ обязаны. Я этого никогда не забуду.

„Въ три часа пріѣхалъ на редутъ свиты генералъ-маіоръ князь Витгенштейнъ и повторилъ, что Плевна опустѣла, и что за Видомъ длится упорное сраженіе. Почти въ 4 часа показался подъ скатомъ редута, скакавшій на верхъ, всадникъ. Издали онъ махалъ фуражкой, кричалъ „ура“ понукалъ измученную лошадь и снова кричалъ „ура“, мгновенно подхваченное конвоемъ и даже экипажною прислугою. Запыхавшійся гонецъ поспѣшно соскочилъ съ коня и подбѣжавъ къ государю, донесъ, что Османъ-паша сдался со всею арміею безусловно корпусному командиру Ганецкому. Выслушавъ радостное извѣстіе, государь немедленно снялъ фуражку и перекрестился. Счастливымъ вѣстникомъ былъ полковникъ Моравскій, помощникъ коменданта главной квартиры великаго князя Николая Николаевича, находившійся въ этотъ день при генералъ-лейтенантѣ Ганецкомъ. Онъ самъ видѣлъ Османа-пашу; самъ слышалъ, какъ Османъ-паша изъявилъ покорность и былъ посланъ генераломъ Ганецкимъ съ этимъ радостнымъ донесеніемъ. Государь поблагодарилъ его и поздравилъ своимъ флигель-адъютантомъ. Прискакавшему съ Моравскимъ казаку, государь пожаловалъ военный знакъ 3-й степени, такъ какъ онъ уже имѣлъ знакъ 4-й степени. Минутъ черезъ десять послѣ этого эпизода, прискакалъ, но уже оффиціально отъ главнокомандующаго, состоящій при его высочествѣ на ординарцахъ, поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Дерфельденъ. Османъ-паша и турецкая армія были дѣйствительно военно-плѣнными. Тогда государь, подозвавъ военнаго министра, объявилъ ему, что ему жалуется орденъ св. Георгія 2-й степени. Изумленный такою высокою наградою, по статуту ему, впрочемъ, слѣдовавшей, онъ снялъ фуражку, прослезился, и кинулся къ рукѣ государя, его обнимавшаго.

— Ваше величество! промолвилъ онъ съ трудомъ, я ничего не сдѣлалъ. Не жалуйте мнѣ такой награды. Я ее недостоинъ.

Но государь обнялъ его и сказалъ:

— Прими и носи. Мы здѣсь тебѣ многимъ обязаны.

„Тогда военный министръ снова хотѣлъ припасть къ рукѣ императора, который снова его обнялъ. Эта сцена была глубоко-трогательная. Новаго георгіевскаго кавалера тотчасъ же окружила императорская свита съ горячими и искренними поздравленіями. Въ $4^1/_2$ часа государь, сходя съ бруствера, чтобы садиться въ коляску, снова обратился къ военному министру съ вопросомъ, совершенно неожиданнымъ:

— Дмитрій Алексѣевичъ! спросилъ онъ, разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю георгіевскій темлякъ за мое терпѣніе?

Библиотека "Руниверс"

„Знаменательно, что въ это время государь вернулся въ Порадимъ и не спустился на нѣсколько шаговъ къ Плевнѣ, чтобы не затмить своимъ торжествомъ торжества его военноначальниковъ. Для своего же боеваго удовлетворенія и для личнаго самолюбія, онъ находилъ достаточнымъ простой офицерскій темлякъ. Къ шести часамъ, по рѣдко нарушаемому обычаю, государь былъ уже въ Порадимѣ. Его привѣтствовали обезумѣвшіе отъ радости клики всего сбѣжавшагося на встрѣчу населенія. Государь былъ веселъ, но спокоенъ. Ничто не нарушало заведеннаго порядка. Только долго составлялись телеграммы и работалъ телеграфный станокъ. Такъ прошелъ день 28 ноября.

„2 декабря. Утромъ, когда государь вышелъ изъ опочивальни, онъ нашелъ въ своей столовой офицеровъ почетнаго конвоя. Во главѣ ихъ стоялъ флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Энденъ, державшій въ рукахъ вызолоченную саблю съ надписью: „за храбрость". Эту саблю только что получилъ начальникъ конвоя изъ Петербурга для себя. Между тѣмъ, государь, хотя и надѣлъ георгіевскій темлякъ, но сабли, темляку присвоенной, еще не имѣлъ, а достать ненадѣванную въ Порадимѣ было невозможно. На такомъ основаніи, полковникъ фонъ-Энденъ просилъ государя принять подносимую отъ конвоя саблю. Государь былъ тронутъ такимъ новымъ признакомъ задушевной преданности. Принявъ милостиво саблю, онъ изволилъ сказать:

— Благодарю васъ. Другой сабли мнѣ не надо. Я эту буду носить постоянно.

„Съ этими словами онъ изволилъ передать саблю своему камердинеру, приказавъ немедленно пристегнуть ее къ портупеѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Повторяю вамъ тоже, что сказалъ вчера. Мое сердечное спасибо за вашу службу какъ въ бою, такъ и при мнѣ. Больше полгода мы пробыли вмѣстѣ. Время прошло незамѣтно. А теперь поцѣлуйте и обнимите меня всѣ.

„Затѣмъ, государь перецѣловалъ всѣхъ поочередно, тогда какъ офицеры припадали къ его рукѣ. Въ заключеніе государь присовокупилъ:

— Я посылаю васъ къ сыну, пока онъ при арміи. Воображаю какъ онъ вамъ обрадуется. До свиданія господа.

„Затѣмъ государь вышелъ на прогулку.

„Его величество оставался еще день въ Порадимѣ, чтобы снова сказать доблестнымъ войскамъ—покорителямъ Плевны, свое ласковое, милостивое, признательное слово. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ еще разъ въ Плевну и на Видъ, гдѣ смотрѣлъ на самомъ полѣ сраженія, 28 ноября, 3 гвардейскую, 2 и 3 гренадерскія дивизіи, и часть румынскихъ войскъ. Во время объѣзда, императоръ объявилъ, что генералъ-адъютантъ князь Суворовъ назначается шефомъ полка имени

Библиотека "Руниверс"

его дѣда-генералиссимуса. Затѣмъ личная дѣятельность государя въ Болгаріи оканчивалась. Другія заботы призывали его на сѣверъ, въ столицу. Императорская главная квартира поднялась и тронулась по направленію на Зимницу.

Библиотека "Руниверс"

ЦАРЕУБІЙСТВО 1-го МАРТА.

РОВНО двадцать лѣтъ назадъ, въ первыхъ числахъ марта, на Руси впервые раздалось слово свободы разомъ двадцати тремъ милліонамъ людей. Царскій указъ о волѣ въ нѣсколько дней облетѣлъ по лицу всей Земли Русской—отъ Нѣмана до Урала, отъ береговъ Бѣлаго до Чернаго моря. Переходя изъ устъ въ уста, онъ проникъ во всѣ роскошныя и скромныя жилища, проникъ на чердаки и въ подвалы, освѣщая радостью сердце каждаго русскаго, такою радостью, о которой не смѣли и думать отцы и дѣды наши. Въ лѣтописяхъ Россіи не было болѣе свѣтлыхъ, болѣе христіанскихъ дней. Виновникомъ этого истинно христіанскаго торжества и подвига, которымъ будетъ вѣчно гордиться Россія и человѣчество, было только одно имя, имя Александра II-го.

Въ немъ, въ этомъ имени — свобода 23 милліоновъ людей! Оно однимъ разомъ потопило во мракѣ безвозвратнаго прошлаго крѣпостной трудъ со всѣми его дикими спутниками. Оно открыло врата свободной жизни будущимъ милліонамъ поколѣній. Оно раздѣлило исторію Россіи на двѣ половины...

Но прошло 20 лѣтъ. Только-что мартъ наступилъ. И вдругъ 1 числа, послѣ полудня, разнеслась по столицѣ потрясающая вѣсть: Александръ II палъ жертвою злодѣйскаго замысла. Въ первую минуту съ трудомъ вѣрили въ дѣйствительность такой ужасающей вѣсти. Скоро, однако, пришлось горько сознать, что страшное преступленіе совершилось, совершилось среди бѣлаго дня, на людномъ мѣстѣ столицы, при адски убійственной обстановкѣ. Вотъ что стало извѣстно въ Петербургѣ въ первыя же минуты, и что подтвердилось вполнѣ дальнѣйшими подробностями, объ ужасномъ событіи.

Библиотека "Руниверс"

I.

Исполненіе злодѣйскаго замысла.

Послѣ обычнаго воскреснаго развода въ Михайловскомъ манежѣ, Государь, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отправился во дворецъ великой княгини Екатерины Михаиловны. Оттуда Онъ приказалъ кучеру ѣхать въ Зимній дворецъ. Карета прослѣдовала по Инженерной улицѣ, миновала Михайловскій театръ, и свернула направо по набережной Екатерининскаго канала. Шесть человѣкъ конвойныхъ сопровождали Государя. Позади въ саняхъ ѣхалъ полиціймейстеръ, полковникъ Дворжицкій. Путь лежалъ по узкой улицѣ, образуемой садомъ великой княгини, который огороженъ каменнымъ заборомъ въ ростъ человѣка, и рѣшеткой Екатерининскаго канала. По улицѣ кое-гдѣ шли и стояли нѣсколько человѣкъ. Экипажъ Государя не доѣхалъ еще до такъ называемаго Театральнаго моста, какъ раздался страшно оглушительный взрывъ (см. планъ). Поднялось довольно густое облако бѣлаго дыма. Карета тотчасъ же остановилась. Народъ бросился къ мѣсту взрыва и глазамъ зрителей представилось убійственное зрѣлище. Слышались отчаянные вопли и крики. Дорога вся была изрыта и завалена грудой забрызганныхъ кровью обломковъ экипажа и израненными тѣлами. Казакъ, ѣхавшій по лѣвую сторону кареты, свалился какъ снопъ на землю, близь тротуара набережной Екатерининскаго канала. Другой казакъ, сидѣвшій на козлахъ возлѣ кучера, склонился въ изнеможеніи, судорожно хватаясь за козлы. На самомъ тротуарѣ, шагахъ въ тридцати позади, бился и стоналъ 14-лѣтній мальчикъ съ страшно обезображеннымъ лицомъ и зіяющею раною на вискѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ, отвалившись на перила канавы, изнемогая, офицеръ, тоже раненый. Государь былъ еще невредимъ. Его Величество получилъ легкія пораненія на лицѣ отъ разбившихся стеколъ кареты и въ ноги отъ мелкихъ щепокъ ящика, находящагося внутри кареты подъ сидѣніемъ. Кучеръ Его, Фролъ, получившій контузію, чуя бѣду, обернулся къ Государю съ словами: „Поѣдемте, Государь!“ Полиціймейстеръ Дворжицкій, скакавшій сзади, выскочилъ изъ саней и подбѣжавъ къ каретѣ также просилъ Государя ѣхать скорѣе. Въ экипажѣ еще можно было ѣхать; онъ имѣлъ такой видъ: стекла, за исключеніемъ фонарей, разбиты; передняя часть не пострадала отъ взрыва, повреждена лишь задняя. Внутри, поврежденія были незначительны, подушки цѣлы, на нихъ виднѣлись слѣды крови. Изъ этого можно заключить, что снарядъ преступника не попалъ въ цѣль, вслѣдствіе быстрой ѣзды и описанныя поврежденія были результатомъ сильнаго сотрясенія. Если бы Государь согласился безотлагательно уѣхать, то, можетъ быть, остался бы живъ. Но Онъ вышелъ изъ кареты и направился къ раненымъ, сказавъ: „Хочу

Библиотека "Руниверс"

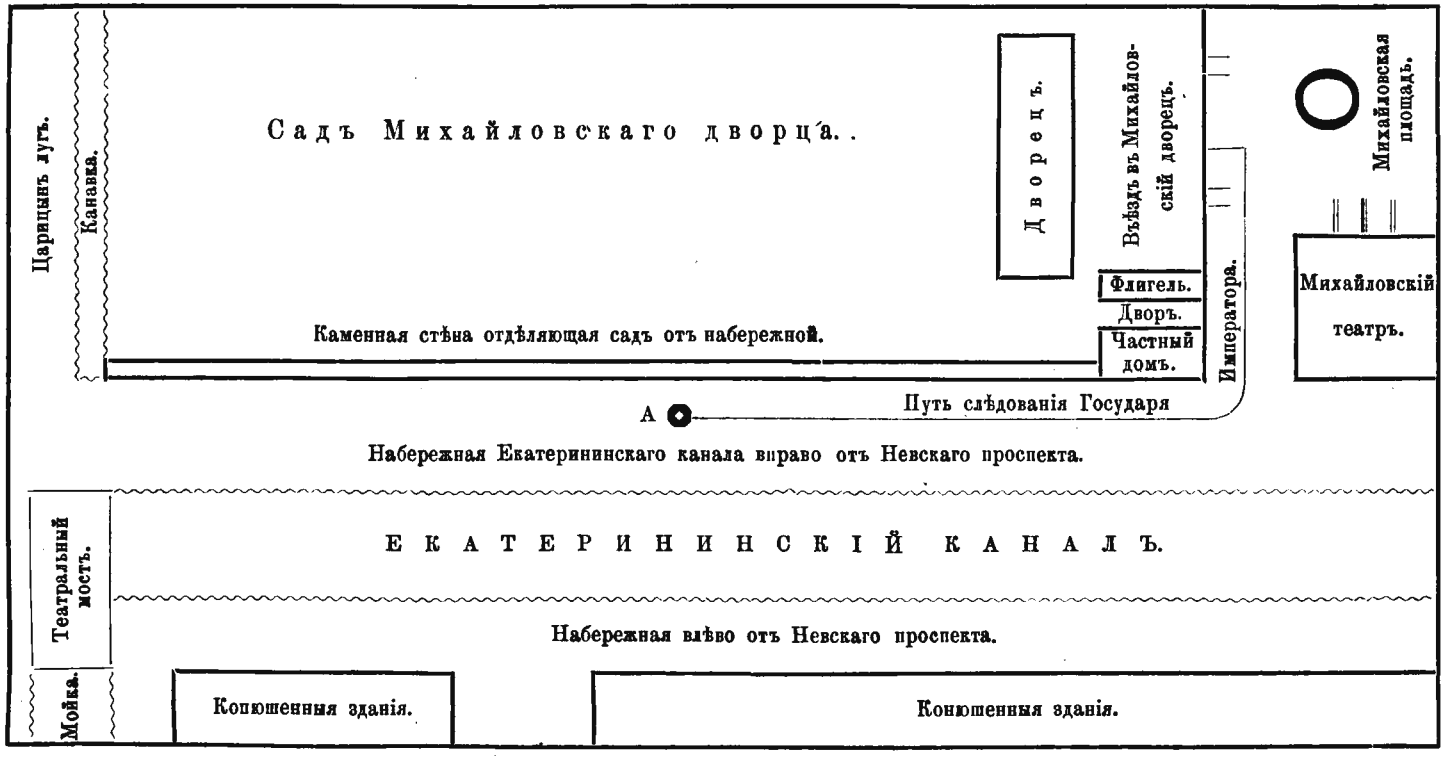
видѣть раненыхъ". Въ это же время толпа успѣла остановить преступника. Государь приблизился къ нему, спросилъ его фамилію, потомъ не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ произошло нѣчто необычайное. Раздался новый ударъ, сильнѣе перваго. Масса дыма, снѣга и клочьевъ платья, закрыла все на нѣсколько секундъ. Крикъ ужаса раздался кругомъ. Послышался стонъ: „помогите". Это палъ Государь. Онъ лежалъ на землѣ, и, опираясь на руку, видимо старался приподняться... Ноги Его ниже колѣнъ были раздроблены, кровь лилась изъ ранъ. Не вдалекѣ отъ Государя лежалъ въ агоніи плотный мужчина съ бородой, съ окровавленной головой, съ разбитыми ногами. Это былъ злодѣй, бросившій второй роковой метательный снарядъ. На помощь къ Государю кинулись нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ же, г. Новиковъ, разсказываетъ въ „Новомъ Времени" слѣдующее объ этомъ страшномъ моментѣ:

Государь лежалъ недвижимъ. Подошли матросы флотскаго экипажа, и съ ихъ помощью г. Новиковъ поднялъ Государя, обхвативъ правою рукою по таліи и лѣвою по груди; матросы поддерживали ноги, не выпуская изъ рукъ ружей, съ которыми они шли. Такъ прошли нѣсколько шаговъ. Государь сказалъ два слова: „Холодно, холодно", и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Г. Новиковъ, поддерживая Государя на одной рукѣ, сталъ другою доставать платокъ изъ кармана, чтобы обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. „Саша, какъ ты себя чувствуешь?" сказалъ онъ, наклоняясь къ лицу Государя. Что сказалъ Государь въ отвѣтъ—трудно было разслышать, но онъ что-то сказалъ. Ни одного стона не вырвалось у него изъ груди. Великій князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ. Многіе падали на колѣни, крестились, кланялись до земли, плакали навзрыдъ...

Не на чѣмъ было вести страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго, въ испугѣ отъ выстрѣла, бросились къ Театральному мосту, и штабсъ-капитанъ кадроваго баталіона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извозчичьи сани, но на нихъ трудно было положить раненаго. Г. Новиковъ обратился къ великому князю съ просьбой—разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь очевидно не терялъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ: услышавъ эту фразу, онъ произнесъ внятно: „Несите во дворецъ. Тамъ умереть..." и еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова были послѣднимъ усиліемъ страдальца. Онъ сомкнулъ уста, закрылъ глаза и не произнесъ болѣе ни слова... Были поданы сани полковника Дворжицкаго, въ которыя и уложили Государя, накинувъ на Него офицерское пальто въ суматохѣ воротникомъ въ ноги. Спиной къ кучеру сталъ въ саняхъ на колѣни командиръ терскаго эскадрона, ротмистръ Кулебякинъ, поддерживая

Библиотека "Руниверс"

Планъ мѣстности, гдѣ 1-го марта смертельно раненъ Государь Императоръ.



А — мѣсто взрыва.

Библиотека "Руниверс"

лѣвою рукой ноги Государя, а правою за спину. Съ лѣвой стороны, стоя на полозѣ саней, поддерживали Государя казаки, Люценко и Кузьменко, оба раненые, но сравнительно легко. Сзади стоялъ рядовой одного изъ кирасирскихъ полковъ, поддерживая голову Государя. Такимъ образомъ двинулся печальный поѣздъ, имѣя по бокамъ и впереди уцѣлѣвшихъ казаковъ, сидѣвшихъ уже на своихъ коняхъ. По мѣрѣ приближенія къ Зимнему дворцу—ѣхали чрезъ Театральный мостъ, по Аптекарскому переулку и по Большой Милліонной,—взглядъ Государя тускнѣлъ, силы его ослабѣвали, и потому ротмистръ Кулебякинъ велѣлъ гнать лошадей.

Государь терялъ сознаніе отъ потери крови, которая сочилась изъ оборванныхъ мускуловъ обѣихъ голеней. Эти мускулы составляли единственную связь между стопою и колѣнами обѣихъ ногъ, ибо кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывомъ. Народъ бѣжалъ вслѣдъ за санями по набережной Мойки, черезъ Конюшенный мостъ, въ Мошковъ переулокъ, по Милліонной. Слышались крики, со всѣхъ сторонъ суетились, останавливались, распрашивали, недоумѣвая, плача и творя крестное знаменіе.

Государя внесли во дворецъ на рукахъ ротмистъ Кулебякинъ и великій князь Михаилъ Николаевичъ при помощи конвойныхъ. Такъ пронесли Его до самаго кабинета...

Доктора Круглевскій и Маркусъ явились первыми и произвели немедленно прижатіе бедренныхъ артерій. Докторъ Дворяшинъ, врачъ 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи, находившійся случайно въ зданіи окружнаго штаба и услышавъ крики „Государь раненъ“, бросился во дворецъ и въ дверяхъ кабинета Его Величества встрѣтилъ доктора Круглевскаго. „Скорѣе привозите ампутаціонный и резекціонный наборъ“, сказалъ ему Круглевскій. Дворяшинъ бросился за инструментами въ квартиру Круглевскаго и чрезъ пять минутъ былъ обратно во дворцѣ. Лейбъ-медикъ Боткинъ былъ уже при Его Величествѣ и съ величайшимъ вниманіемъ производилъ выслушиваніе ударовъ сердца. Онъ засталъ Государя уже совершенно обезкровленнымъ: пульса не было, сердечныхъ сокращеній не слышно, грудная клѣтка въ нижнихъ своихъ частяхъ уже не работала, замѣчались только дыхательныя движенія въ верхнихъ доляхъ, слышны были крупно-пузырчатые хрипы. Изъ привезеннаго набора, каучуковый бинтъ немедленно былъ наложенъ на правую ногу выше колѣна, причемъ доктора старались сохранить всю оставшуюся на оборванныхъ частяхъ тѣла кровь и отдалить ее по направленію къ сердцу. Затѣмъ наложенъ былъ каучуковый жгутъ. Бинтъ снятъ, чтобы повторить ту же операцію на лѣвой ногѣ, дабы уэкономить кровь для питанія мозга. Рѣшено было наложить бинтъ на правую руку. Когда Дворяшинъ снялъ окровавленную перчатку съ правой руки Государя, оказалось, что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ обжогомъ. Обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено

Библиотека "Руниверс"

было бинтованіе. Боткинъ сказалъ, что сердечные тоны становятся яснѣе и появилось глотательное движеніе. Дыханіе стало глубже. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза, и подъ вліяніемъ вспрыскиванія сѣрнокислымъ эѳиромъ и водой со льдомъ, при накачиваніи изъ баллона кислорода, дыханіе стало возстанавливаться. Этимъ моментомъ воспользовался духовникъ, протопресвитеръ Бажановъ, и пріобщилъ Его Величество Св. Таинъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умилительная. Казалось, надежды воскресли. Помчались въ Конюшенный госпиталь за снарядомъ для переливанія крови.

Громадная масса народа, собравшаяся вскорѣ передъ Зимнимъ дворцомъ, все еще думала, что слухи преувеличены, и всѣ надѣялись, что дорогая жизнь сохранится для Россіи. Надъ дворцомъ все еще развѣвался императорскій штандартъ—признакъ того, что Государь еще живъ... Но судьба судила иначе. Боткинъ сталъ замѣчать постепенное ослабленіе сердечныхъ тоновъ. Дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже и рѣже. По словамъ самого Боткина, прежде всего прекратилась дѣятельность діафрагмы, затѣмъ грудной глотки, только шейные мышцы еще слабо работали, потомъ и онѣ перестали; только надгортанный хрящъ производилъ 2—3 дыхательныхъ движенія въ минуту. Въ 3 часа 35 минутъ дыханіе совсѣмъ замерло... Штандартъ тихо опустился до половины флагштока. Это означало, что Государь скончался. Лучшій изъ царей отошелъ въ вѣчность, какъ жертва искупительная за свой народъ и за Россію. Возможно ли? Да, это все правда, ужасная кровавая правда!.. Онъ Своею кровью купилъ свободу русскаго народа...

Тѣмъ временемъ, на мѣстѣ взрыва происходило слѣдующее: какъ только тронулись сани, отвозившія Государя, задержаннаго преступника, бросившаго первый разрывной снарядъ и назвавшагося мѣщаниномъ Грязновымъ, повели къ градоначальнику. Его держали четверо. Одинъ изъ этихъ четверыхъ, фельдшеръ, разсказываетъ объ этомъ въ „Новомъ Времени“ слѣдующимъ образомъ: „Вели мы его посрединѣ улицы, такъ какъ и у рѣшетки канала, и у стѣны Михайловскаго сада, было страшное смятеніе. Еще съ момента, когда Государя усаживали въ сани, публика въ разныхъ мѣстахъ стала на кого-то накидываться, кого-то бить, и разъ кто кого ударитъ, то на него же накидывались другіе и били его; такимъ образомъ, пока мы шли къ мосту, видѣли кучки три-четыре народа, гдѣ падалъ одинъ битый, на него падали бившіе его, а тѣхъ въ свою очередь били вновь подбѣгавшіе. Съ самаго начала нашего движенія кто-то ударилъ преступника въ животъ, тутъ мы стали его охранять, но подбѣгавшіе изъ публики все-таки подскакивали и ударяли его по спинѣ“.

Когда привезли преступника къ градоначальнику, послѣ обыска и осмотра, произведено было дознаніе. Онъ и тутъ назвался сначала Грязновымъ, а потомъ признался, что его фамилія Рысаковъ. Пре-

Библиотека "Руниверс"

ступникъ показалъ, между прочимъ, что за недѣлю до 1-го марта онъ видѣлся съ товарищами, которые ему объяснили, что черезъ недѣлю, въ воскресенье, онъ долженъ будетъ стрѣлять въ Государя; онъ зналъ также, что для той же цѣли будутъ назначены еще другіе, но кто—это ему не было извѣстно. 1 марта, около часу, онъ прошелъ по набережной Екатерининскаго канала и по ожидающимъ городовымъ увидѣлъ, что еще рано, ходить же по набережной побоялся, а потому перешелъ Театральный мостъ и пошелъ вокругъ Круглаго рынка. Тутъ ему встрѣтилась молодая дѣвица, красивая и прилично одѣтая, которая его знала и которую онъ также знаетъ въ лицо, но фамиліи ея не знаетъ. Дѣвица эта передала ему узелокъ, сказавъ, что онъ долженъ будетъ бросить его, отчего послѣдуетъ сильный взрывъ, но не сказала, что находится въ узелкѣ, такъ что онъ не зналъ, стеклянный ли, или какой другой сосудъ, въ немъ и чѣмъ онъ наполненъ. (Дѣвицу эту удалось арестовать черезъ нѣсколько дней. Она оказалась Софьею Перовскою, и была соучастницей Гартмана въ подготовленіи миннаго подкопа въ Москвѣ 19-го ноября 1879 года). Получивъ узелокъ, преступникъ подождалъ еще нѣкоторое время у Круглаго рынка и затѣмъ тихо пошелъ на набережную канала. На Театральномъ мосту стояли тѣ же околоточные и городовые, почему преступникъ, не желая имъ показываться, поднялъ воротникъ пальто, а когда прошелъ мостъ, то снова опустилъ его и пошелъ тихо. Увидѣвъ приближающійся царскій экипажъ, онъ пріостановился и когда послѣдній поровнялся съ нимъ, злодѣй бросилъ подъ него снарядъ.

II.

Мѣсто и орудіе злодѣянія.

Только часъ спустя послѣ катастрофы, пришелъ взводъ павловцевъ и оцѣпилъ мѣсто, ставшее отнынѣ историческимъ и священнымъ въ народной памяти. На мѣстѣ перваго взрыва образовалась ямка въ 40 дюймовъ въ діаметрѣ, глубиною на снѣгу—8 дюймовъ. Она находится въ 11 шагахъ отъ каменнаго забора сада великой княгини Екатерины Михайловны и въ 9 шагахъ отъ рѣшетки набережной. Въ ямкѣ найдены кусокъ пробки, кусокъ краснаго сургуча, два кусочка жести, золотой браслетъ съ женскимъ медальономъ. Вокругъ ямки были разбросаны клочки волосъ, куски матеріи и щепки дерева отъ экипажа, стекла отъ кареты. Въ 15 шагахъ отъ этой ямки, по направленію къ театральному мостику — мѣсто второго взрыва; здѣсь, на пространствѣ 30 шаговъ, разбросаны были клочки сукна и разной матеріи, и въ сторонѣ у забора, сложены вещи пострадавшихъ. Въ числѣ этихъ вещей, слѣдующія оказались принадлежащими покойному Государю: а) фуражка инженернаго вѣдомства на ватной, шелковой, сѣраго цвѣта подкладкѣ, безъ кокарды,

Библиотека "Руниверс"

козырька и части околыша; б) верхняя часть военной инженернаго вѣдомства шинели съ бобровымъ воротникомъ и лацканами, нижняя часть шинели изорвана въ клочки; подъ воротникомъ, съ лѣвой стороны, оторванъ клапанъ; в) кусокъ серебряной портупеи; г) два батистовые платка съ мѣтками А. Н.: на одномъ буквы вышиты рядомъ, на другомъ — одна на другой, на-крестъ; д) части кожи отъ раздробленнаго сапога. Сверхъ того, тутъ же, въ кучѣ, находились: башлыкъ, куски дерева и матеріи отъ кареты. Въ двухъ мѣстахъ— большіе слѣды крови.

По разслѣдованіи, оказалось, что разрывной снарядъ, послужившій орудіемъ злодѣянія 1 марта имѣетъ слѣдующее устройство. Главнѣйшую составную часть его составляетъ такъ называемый гремучій студень, состоящій изъ раствора 10 частей пироксилина (хлопчато-букажный порохъ, получающійся отъ обработыванія хлопчатой бумаги въ смѣси дымящейся азотной и крѣпкой сѣрной кислоты) въ 90 частяхъ нитроглицерина (маслообразной, сильно ядовитой жидкости, получаемой отъ дѣйствія на глицеринъ азотной кислоты). Гремучій студень, составляющій полупрозрачную вязкую массу, похожую на обыкновенный студень, при зажиганіи обыкновенно сгораетъ совершенно тихо безъ взрыва. Онъ, какъ и многіе другіе нитроглицериновые препараты, обладаетъ способностью передавать взрывъ на разстояніе, т. е. если въ присутствіи части гремучаго студня будетъ произведенъ взрывъ другой его части, то и первая взорветъ, хотя бы онѣ и не прикасались между собою, причемъ каждый фунтъ способенъ передать взрывъ на разстояніи одного фута. Прибавка къ обыкновенному студню 4% камфоры сильно измѣняетъ его свойства. Гремучій студень съ камфорой не взрываетъ отъ гремучій ртути, не взрываетъ также отъ сотрясенія, произведеннаго взрывомъ студня, находящагося по сосѣдству, и вообще болѣе безопасенъ при обращеніи. Чтобы его взорвать, нужно сообщить огонь посредствомъ обыкновеннаго гремучаго студня, или же просто помощью пироксилина, напитаннаго нитроглицериномъ.

Всѣ эти свойства были отлично изучены тѣми, которые рѣшились примѣнить ихъ къ снаряду, употребленному для выполненія преступнаго замысла: Они взяли гремучій студень съ камфорою, а для доставленія ему свойства взрыва—пироксилинъ, напитанный нитроглицериномъ. Для воспламененія послѣдняго была употреблена гремучая ртуть, огонь для которой долженъ былъ сообщиться стапиномъ, напитаннымъ бертолетовой солью и антимоніемъ. Для сообщенія гремучей ртути огня воспользовались свойствомъ сѣрной кислоты воспламенять смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, сѣрную кислоту помѣстили въ запаянную стеклянную трубочку, которая разбивалась отъ удара объ нее груза во время паденія снаряда на то мѣсто, гдѣ долженъ произойти взрывъ.

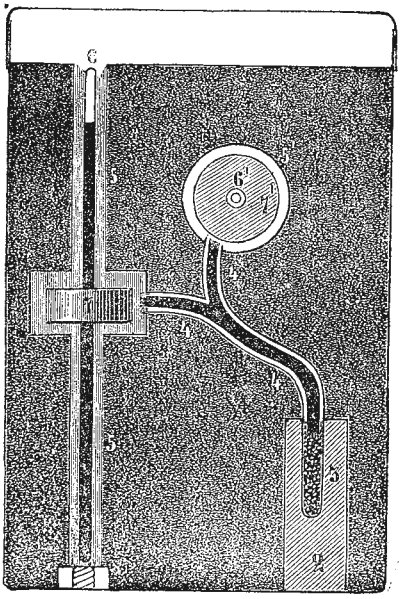
Библиотека "Руниверс"

Согласно изложеннымъ условіямъ, снарядъ состоялъ изъ жестянаго корпуса съ крышкой, внутри котораго помѣщался гремучій студень съ камфорой, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ пунктиромъ.

Сообщеніе огня въ снарядѣ было устроено слѣдующимъ образомъ: къ дну снаряду припаяна гайка, въ которую ввинчивалась трубка (5), латунная, состоявшая изъ двухъ частей: верхней и нижней; верхняя часть заходитъ за нижнюю; трубка имѣла по срединѣ уширеніе и верхнимъ концомъ укрѣплялась въ задержкѣ, жестяной планочкѣ, припаянной къ бокамъ жестянки. Въ эту латунную трубку вставлялась стеклянная трубочка (6), наполненная сѣрной кислотой и запаянная съ обоихъ концовъ; на срединѣ трубочки надѣтъ грузикъ

Разрывной снарядъ.

$\frac{1}{2}$



(7), который и помѣщался въ уширеніи латунной трубки; внутренняя поверхность послѣдней была спудрена смѣсью антимонія и бертолетовой соли; въ отверстіе, имѣвшееся въ уширеніи латунной трубки, вставленъ стапинъ (4), напитанный бертолетовой солью и антимоніемъ; стапинъ для защиты отъ внѣшнихъ вліяній помѣщенъ въ гутаперчевой трубочкѣ. Точно такого же устройства трубка (6′ и 7′) была помѣщена перпендикулярно къ оси цилиндра; стапинъ отъ послѣдней сращивался съ первымъ и затѣмъ шелъ общимъ наколомъ къ капсюлю, поставленному на дно жестянки. Капсюль состоялъ изъ

Библиотека "Руниверс"

широкой трубки (2), въ которую помѣщена маленькая латунная гильза, и былъ вмазанъ стапинъ; пространство между внѣшними стѣнками капсюля и внутренной стѣнкой широкой гильзы наполнено пироксилиномъ, напитаннымъ нитроглицериномъ. При паденіи снаряда на землю, грузикъ (7) ломалъ стеклянную трубочку (6), сѣрная кислота обливала смѣсь бертолетовой соли и антимонія, отъ чего послѣдняя загоралась, огонь по стапину (4) шелъ къ капсюлю (3), воспламенялъ гремучую ртуть, послѣдняя передавала взрывъ пироксилину, напитанному нитроглицериномъ (2), а этотъ студню, которымъ было наполнено все остальное пространство большой жестянки. Вторая трубка (6′ и 7′), расположенная перпендикулярно оси, назначалась на случай если бы снарядъ упалъ дномъ; тогда грузикъ могъ бы только скользнуть по первой трубкѣ, но за то вторая въ этомъ случаѣ должна разбиться. Общій вѣсъ снаряда 6 ф., высота $7^1/_2$ дюймовъ.

III.

Размѣры злодѣйскаго замысла.

Какъ теперь уже выяснено, адскій замыселъ совершить цареубійство былъ задуманъ съ чрезвычайной осмотрительностью. Въ распоряженіи злодѣевъ была цѣлая фабрика снарядовъ, петардъ, динамита. Заранѣе сдѣланъ былъ уговоръ размѣстить убійцъ вдоль всей дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать Государь, такъ что если бы Онъ остался невредимъ отъ второго снаряда, Его ожидалъ бы третій и т. д. Почти наканунѣ печальной катастрофы, были арестованы двое важныхъ дѣятелей революціонной партіи, участіе которыхъ въ цареубійствѣ въ настоящее время вполнѣ подтвердилось. Одинъ изъ нихъ Тригоня, слывшій въ средѣ своихъ единомышленниковъ „милордомъ“, а другой оказался государственнымъ преступникомъ Андреемъ Желябовымъ, которому еще раньше принадлежало главное участіе въ прокладкѣ минъ и въ подкопахъ на лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ, въ Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, съ цѣлью цареубійства. Затѣмъ, вслѣдствіе указаній, добытыхъ первоначальнымъ дознаніемъ по дѣлу о взрывѣ перваго марта, въ одномъ изъ домовъ Телѣжной улицы, въ квартирѣ именовавшаго себя Ѳесенко, въ ночь на 3 марта, удалось открыть адскую лабораторію анархистовъ и цѣлое депо разрывныхъ снарядовъ. Самъ владѣлецъ квартиры (его настоящее имя Николай Саблинъ) успѣлъ застрѣлиться, но его сожительница Гессе Гельфманъ арестована. Отсюда-то и получили метательные снаряды Рысаковъ, и другой злоумышленникъ, бросившій вторую бомбу, который оказался прощеннымъ не такъ давно государственнымъ преступникомъ по Чигиринскому дѣлу Стефановичемъ. Въ этой же квартирѣ арестованъ

Библиотека "Руниверс"

пришедшій туда, поутру 3-го марта, Тимофей Михайловъ, сопричастный къ приготовительнымъ дѣйствіямъ къ преступленію 1-го марта. По бумагамъ, у него найденнымъ, усмотрѣны были указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. По этой послѣдней улицѣ покойный Государь часто проѣзжалъ въ манежъ и на ней обнаруженъ былъ 5-го марта артистически заготовленный взрывъ.

Работа, по словамъ спеціалистовъ, оказалась тутъ чрезвычайно сложная, требовавшая знаній, упорства дьявольскаго и чрезвычайной осторожности. Все, что нужно для подобной работы, все было въ распоряженіи злоумышленника. Онъ запасся даже хорошимъ респираторомъ, чтобы свободнѣе дышать въ своемъ подземельѣ, гдѣ заложена была мина подъ упомянутой улицей. Мина эта подведена изъ дома Менгдена изъ находящейся въ подвальномъ этажѣ лавки Кобозева, торговавшаго сыромъ. Мнимый торговецъ отдѣлалъ на свой счетъ весьма прилично грязное подвальное помѣщеніе, снятое имъ за дорогую цѣну. Бѣлыя глянцевыя обои и панель подъ ясень, маскировавшая въ тоже время подкопъ, турецкій полосатый диванъ, орѣховый, предъ диванный столъ, шкафъ подъ воскъ, обильная кухонная утварь, желѣзная кровать съ хорошимъ матрасомъ, чистенькія стойки, прилавки, образа въ комнатахъ, печатные адресы склада русскихъ сыровъ Кобозева—все это придавало лавочкѣ такой веселый видъ, все это обнаруживало такую порядочность, говорило въ пользу привычки къ домашней осѣдлой жизни квартирантовъ, что устраняло всякое подозрѣніе на счетъ политической неблагонадежности Кобозевыхъ. Если слѣдили и подозрѣвали, то не хозяевъ, а молодыхъ людей, навѣщавшихъ сырный складъ. Кобозевъ, затѣявъ свое адское дѣло, въ формальномъ отношеніи былъ весьма остороженъ. Когда въ началѣ февраля истекъ срокъ паспорта, онъ озаботился замѣной его новымъ, который былъ прописанъ полиціей за нѣсколько дней до катастрофы.

Дворники дома Менгдена, за недѣлю до открытія подкопа, начали замѣчать, что жена содержателя сливочной лавки приходила нѣсколько разъ во 2-мъ часу ночи, при чемъ даже шутливо обращалась къ дежурному дворнику: „Не говори, молъ, мужу что такъ поздно шляюсь“. Сопоставляя поздній приходъ ея домой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что она куритъ папиросы, дворники относили это къ легкому ея поведенію. Однажды старшій дворникъ заявилъ даже мужу ея: „Что это у тебя жена ужъ больно отъ рукъ отбилась? и куритъ, и поздно домой ходитъ; крестьянской бабѣ это совсѣмъ ужъ несподручно“. На что Кобозевъ отвѣтилъ: „Ничего съ распутною бабой не подѣлаешь, отъ рукъ совсѣмъ отбилась, сколько ужъ я ее дулъ за это самое“. Подозрѣніе Кобозевъ навлекъ на себя слѣдующимъ: почти рядомъ съ его сливочною лавкой, названною имъ русскою сыроварней, находился большой французскій складъ сыровъ, въ кото-

Библиотека "Руниверс"

ромъ также продавались молочные скопы. Торговля, вслѣдствіе нахожденія послѣдней лавки ближе къ Невскому, была въ лавкѣ Кобозева очень тихая. Кобозева часто разспрашивали дворники: „Съ чего вамъ торговлю вести, когда вонъ рядомъ какъ торгуютъ; у васъ же тишь да гладь".—„Да надо что нибудь дѣлать", отвѣчалъ Кобозевъ: „полтинникъ въ день прибыли, и то дѣло". 27-го февраля дворники дома Менгдена задались цѣлью прослѣдить, сколько покупателей будетъ въ этотъ день въ лавкѣ. Тщательно слѣдя, дворники насчитали въ цѣлый день только трехъ покупателей, выходившихъ изъ лавки съ мелкими покупками. Въ 12 часу ночи, когда Кобозевъ началъ запирать лавку, дворникъ его спрашиваетъ: „Ну что какъ торговля сегодня была?"—„Слава Богу", отвѣтилъ Кобозевъ, „рублей на 25 продалъ". Послѣднее обстоятельство—намѣренное преувеличеніе доходовъ, подало дворникамъ еще болѣе повода подозрѣвать Кобозева и его жену.

Наконецъ, полиція рѣшила осмотрѣть лавку, но, въ виду отсутствія явныхъ уликъ, обличавшихъ неблагонадежность владѣльца, городскому технику было поручено сдѣлать это, подъ предлогомъ удостовѣренія нѣтъ ли въ лавкѣ сырости. Осмотръ техника не подтвердилъ подозрѣній полиціи. Кобозевъ весьма радушно съ виду принялъ техника, увѣрялъ его, что въ помѣщеніи лавки и квартиры нѣтъ сырости, водилъ его по всѣмъ угламъ помѣщенія, причемъ самъ свѣтилъ ему свѣчкой, въ то время когда жена его стояла за выручкой и прехладнокровно перекладывала масло изъ одной кадушки въ другую. По уходѣ техника, Кобозевъ, чтобы не навести на себя еще болѣе подозрѣній, выдержалъ характеръ до конца, и заперъ лавку по обыкновенію въ 12 часу ночи; затѣмъ уже на утро лавка не отворялась.

Только роковая катастрофа повела къ обнаруженію истины.

Въ то утро, когда Кобозевы исчезли изъ лавки, пришла баба за покупкою и пробовала отворить дверь. Дверь казалось запертою, но она была просто плотно притворена; дверь была новая. Когда ее отворили послѣ нѣсколькихъ усилій, но безъ взлома, то оказались уже несомнѣнные признаки чего-то необыкновеннаго: рубль, положенный для кошатника за мясо для кота въ лавкѣ, оставленный паспортъ, разбросанныя вещи. Тогда уже позвали полицію и дали знать судебному слѣдователю.

Слѣдователь, когда явился на мѣсто, тотчасъ замѣтилъ, что дѣло неладное, хотя все было снаружи гладко: стѣны чисто обклеены, сыры стоятъ въ невозмутимомъ спокойствіи и ждутъ не слѣдователя, а покупателя.

Почему слѣдователь сейчасъ обратилъ вниманіе на эти фальшивыя стѣны, на деревянную обшивку, которая на простой глазъ не могла возбуждать никакого подозрѣнія, — это уже, очевидно, было просто дѣломъ инстинкта, опытности, пріобрѣтенной массою уголовныхъ производствъ. Увидавъ въ одномъ мѣстѣ, близь второго окна

Библиотека "Руниверс"

отъ двери, слегка поврежденные обои, онъ велѣлъ сорвать ихъ и отодрать обшивку; но ему здѣсь, позади, представилась только простая каменная стѣна, съ маленькимъ выступомъ; ничего больше. Однако, онъ не удовлетворился. Пощупалъ здѣсь и тамъ, и, наконецъ, замѣтилъ, что у подоконника второго окна, планка, прикрывавшая сверху обшивку, подается рукѣ, движется.

Тогда онъ снялъ ее и велѣлъ отодрать обшивку въ этомъ мѣстѣ. Оказалось, что подался цѣлый деревянный щитъ, а позади его и было, пробитое въ фундаментѣ, неправильной формы круглое отверстіе, забитое войлокомъ. Затѣмъ, все уже объяснилось: подкопъ сталъ очевиденъ, и нечего было искать въ другихъ мѣстахъ. Войлокъ вынули и нашли галлерею мины, идущую на 4 сажени отъ отверстія, подъ улицу, примѣрно до половины послѣдней.

Послѣ этого, обшивка была отодрана или раскрыта сверху въ другихъ мѣстахъ. Подъ подмостками, на которыхъ расположены были сыры, вдоль стѣны, позади выручки, отодранная досчатая обшивка обнаружила массу земли, плотно набитой сюда. Рядомъ было еще пустое пространство, въ которое можно было набить столько же земли. Затѣмъ оказалось, что земля была помѣщена во всякое мѣсто, куда ее можно было упрятать: въ небольшіе ящики, въ двѣ огромныя бочки, стоявшія въ самой лавкѣ, въ маленькій турецкій диванъ, въ кульки, и еще навалена въ одной изъ кладовыхъ, въ надворной части квартиры, гдѣ была прикрыта рогожами, сѣномъ и каменнымъ углемъ.

Въ самой лавкѣ не представилось ничего замѣчательнаго, кромѣ слѣдовъ лома подъ окномъ, рядомъ съ входною съ улицы дверью. Но почему-то злоумышленники отказались отъ дерзкой мысли весть мину тутъ же изъ самой лавки, и перенесли свои дѣйствія подъ окно сосѣдней жилой комнаты. Эта жилая комната вовсе не комфортабельная; сырая, холодная, отапливалась только маленькой чугункой. Какъ въ лавкѣ былъ обыкновенный образъ въ металлической ризѣ, такъ здѣсь висѣли въ одномъ кіотѣ образа Спасителя и Божіей Матери, съ вѣнчальными перевитыми свѣчами, вставленными за стекла,— такіе образа, которыми благословляютъ новобрачныхъ. Жили мужъ съ женой и имѣли надлежащіе не только паспортъ, но и образа. Въ этой жилой комнатѣ стояли и диванчикъ, наполненный землей, и кровать, а рядомъ съ нею — заплеснѣвшій, небольшой самоваръ и новый чемоданъ съ разными неинтересными предметами. Для чего валили землю въ диванъ — непонятно даже, такъ какъ въ лавкѣ, повторяемъ, было припасено подъ подмостками еще очень большое пустое мѣсто для помѣщенія земли.

Въ диванѣ, сверху земли, положены большой буравъ съ діаметромъ въ 10 дюймовъ и еще маленькій буравъ. Земля, по мѣрѣ откапыванія въ минѣ, насыпалась въ холщевой мѣшокъ, который вносился въ галлерею пустымъ, а оттуда наполненный вытаскивался за привязанную къ нему веревку, которой конецъ оставлялся въ комнатѣ.

Библиотека "Руниверс"

Не безъ труда могъ влѣзать и вылѣзать самъ человѣкъ, рывшій землю, и долженъ былъ вылѣзать ногами впередъ, упираясь руками, такъ какъ галлерея очень узка; по всей вѣроятности, платье его при этомъ задѣвалось и заворачивалось. Наружное отверстіе кажется немного болѣе 1/2 аршина въ поперечникѣ и изъ него галлерея идетъ сперва нѣсколько внизъ и вбокъ налѣво.

Длина галлереи, отъ отверстія до конца мины, повторяемъ, 4 сажени, и это пространство вмѣщало 109 куб. футовъ земли. При измѣреніи количества земли, найденной въ квартирѣ, оказалось совершенно подходящее, равное количество. Такимъ образомъ, надо признать, что земля изъ квартиры вовсе не вывозилась и не выносилась, но вся оставалась въ ней.

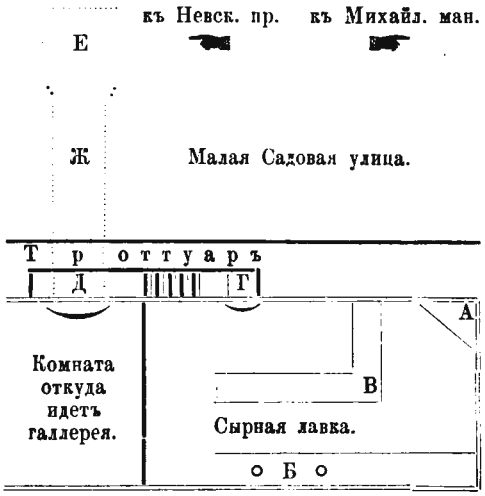
Въ лавкѣ стояла маленькая конторка и въ ней разноцвѣтные (желтые и красные) билеты съ надписью: „Складъ русскихъ сыровъ Кобозева. Уголъ Невск. и Малой Садовой, 56—8"; затѣмъ—почтовая бумага и конверты, слишкомъ порядочные для лавочки. Въ жилой комнатѣ, на столѣ—календарь въ брошюрѣ, съ портретами Августѣйшей фамиліи на оберткѣ. Сыра въ лавкѣ находилось не болѣе какъ рублей на 50, а за квартиру платили 100 р. въ мѣсяцъ.

Разслѣдованіе мины обнаружило, что она достигала какъ разъ средины улицы, т. е. имѣла около 15 шаговъ длины, тогда какъ вся Малая Садовая, вмѣстѣ съ тротуарами, имѣетъ 29 шаговъ ширины, изъ нихъ около 8 приходится на тротуары. Начало подземной галлереи (по плану мины буква Ж) имѣетъ видъ овальнаго пролома въ бутовой кладкѣ фундамента, съ краями неправильными, а дальше тянется узкій проходъ, вершковъ въ 10 въ діаметрѣ, неправильной формы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ подпертый деревянными досками. По дну этого прохода, или этой галлереи, идутъ двѣ телеграфныя проволоки и рукоятка землянаго бурава. Въ разстояніи одной сажени отъ начала галлереи уже начинается забивка горна (мѣсто, гдѣ лежитъ зарядъ) изъ той же земли, такъ что со стороны лавки проникнуть въ самый горнъ трудно и опасно. Вырывая мину, злоумышленникъ наткнулся на отводную трубу, выводящую грязную воду; труба эта мѣшала ему продолжать; тогда онъ ее пересѣкъ, т. е. перепилилъ, хотя при этомъ могло произойти затопленіе самой лавочки. Но онъ, очевидно, сообразилъ, что зимою трубы такого рода не наполняются во всю ихъ высоту, а потому онъ пересѣкъ трубу въ верхней ея части, а черезъ самый водостокъ настлалъ доски, по которымъ и были проложены проводники и защищены войлокомъ. По мнѣнію спеціалистовъ, мина все-таки ведена буравомъ. Для уясненія читателямъ, откуда была ведена мина изъ лавки Кобозева, помѣщаемъ планъ мины, планъ квартиры, изъ которой она ведена, и разрѣзъ миннаго подкопа.

Но всего ужаснѣе—зарядъ горна. Онъ былъ составленъ изъ двухъ независимыхъ частей. Главная представляла торпедо, имѣющее цилиндрическую форму: 22 дюйма длиною и 8 дюймовъ въ попереч-

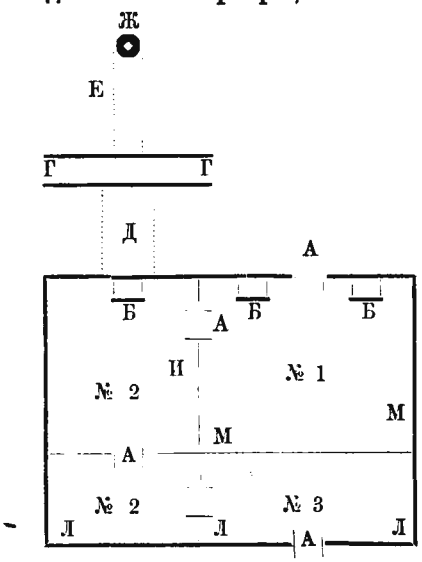
Библиотека "Руниверс"

Планъ мины.



А—мѣсто, гдѣ стояли 4 элемента гальванической батареи. Б—мѣсто, гдѣ стояли 2 банки, одна съ черной, другая съ бѣлой жидкостями. В—прилавокъ. Г—лѣстница и входъ съ тротуара въ сырную лавку. Д — окно, подъ которымъ шла галлерея. Е—мѣсто откуда былъ вынутъ зарядъ. Ж—галлерея мины.

Планъ миннаго подкопа и квартиры, изъ которой ведена мина.



№ 1—лавка. № 2—жилое помѣщеніе. № 3—кладовыя. А—двери. Б—окна. И—диванъ набитый землей. Л—кучи земли. М—бочки съ землею. Д—галлерея. — Г водосточная труба. Е—минный рукавъ. Ж—горнъ.

Библиотека "Руниверс"

Разрѣзъ миннаго подкопа.

А—окно. Б — отверстіе въ стѣнѣ для входа въ галлерею. В — стѣна дома графини Менгденъ, в—деревянная маскировка. Г—срубъ водосточной трубы. Д—галлерея. Е—минный рукавъ сдѣланный буравомъ. Ж—зарядъ мины (горнъ).

никѣ. Вѣсъ его поэтому опредѣляется въ 2 пуда (приблизительно). Въ крышкѣ, присмоленной къ этому цилиндру, проходили проводники, наружные концы которыхъ при началѣ задѣланы въ резиновыхъ трубкахъ и также осмолены. Весь цилиндръ для чего-то перевязанъ бичевкою. Вторая часть заряда состояла изъ высокой стеклянной банки, въ которой находилось только взрывчатое вещество и не было запаловъ. Вѣсъ ея опредѣляется въ 30 фунтовъ, такъ что вѣсъ всего заложеннаго заряда слѣдуетъ считать равнымъ $2^1/_2$ пудамъ. Зарядъ динамита такого вѣса, будучи заложенъ на 4 фута подъ мостовой улицы, имѣетъ сферу разрушенія діаметромъ въ 7 саж., и такъ какъ тотъ же подкопъ показываетъ, какъ плохи фундаменты и какъ слаба кладка стѣнъ въ близь лежащихъ домахъ противъ мѣста заряда, то весьма вѣроятно, что отъ взрыва его обвалились бы и наружныя стѣны этихъ домовъ. 17-го марта, профессоромъ Н. П. Федоровымъ былъ произведенъ опытъ взрыва динамита, заключавшагося въ минѣ, найденной на Малой Садовой улицѣ. Для опыта взято было полфунта динамита, заключеннаго въ бумажную гильзу, куда былъ вставленъ гальваническій запалъ. Проволоки гальваническаго запала были соединены съ проводниками, идущими въ химическую лабораторію артиллерійской академіи, гдѣ и были соединены съ спиралью Румкорфа, а послѣдніе съ гальваническою батареею изъ четырехъ элементовъ Бунзена. Зарядъ динамита былъ привязанъ къ четырехъ-фунтовой чугунной гранатѣ и находился отъ зданія лабораторіи примѣрно сажень на десять. По принятіи необходимыхъ предосторожностей, была приведена въ дѣйствіе машина Румкорфа — произошелъ взрывъ подобно пушечному выстрѣлу, отъ котораго снарядъ (четырехъ-фунтовая чугунная граната) разбился на мѣстѣ съ небольшимъ разлетомъ на мелкіе куски, величиною съ грецкій орѣхъ и менѣе; одни изъ осколковъ зарылись тутъ же въ снѣгъ, другіе — отлетѣли на нѣкоторое разстояніе. Если полфунта сказаннаго состава

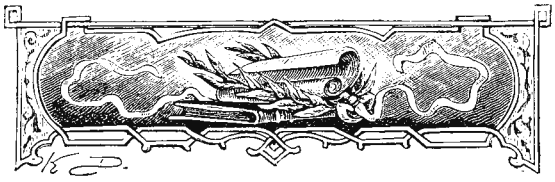
Библиотека "Руниверс"

производитъ столь страшное дѣйствіе, то можно судить, каковы же должны быть послѣдствія отъ взрыва двухъ пудовъ динамита, находившагося въ минѣ на Малой Садовой улицѣ?!

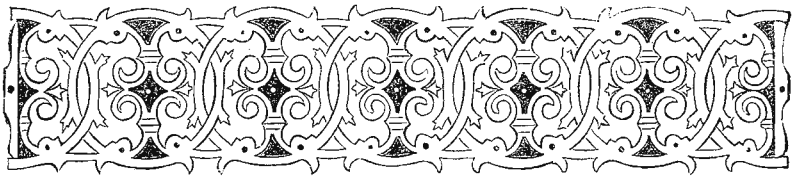
Особеннаго удивленія нашихъ химиковъ заслужило устройство запаловъ, составляющихъ по своему совершенству послѣднее слово смертоносной науки. Взрывчатое вещество, находившееся въ минѣ, состоитъ изъ такъ называемаго угольнаго (чернаго) динамита (динамитъ особаго сильнаго дѣйствія), который приготовляется насыщеніемъ угольнаго сахара нитроглицериномъ. Однако, и этотъ видъ динамита въ случаяхъ, когда онъ замерзаетъ, можетъ не взорваться даже отъ гремучей ртути. Эта случайность, которая могла помѣшать взрыву, была предвидѣна преступниками. Они устроили такой запалъ, отъ котораго загорается даже мерзлый динамитъ. Запалъ этотъ состоитъ изъ пироксилина (хлопчато-бумажнаго пороха), насыщеннаго нитроглицериномъ (причемъ получается такъ называемый гремучій студень), и вотъ гремучая ртуть, положенная въ мину запала, должна сначала воспламенить этотъ гремучій студень, а отъ этого взрыва даже и мерзлый динамитъ загорается со взрывомъ.

Какъ и при устройствѣ мины подъ Москвой 19 ноября, и тутъ, конечно, дѣло рукъ не одного человѣка.

Такимъ образомъ, злоумышленники работали свою ужасную работу одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы вѣрнѣе совершить страшное злодѣяніе, повергнувшее Россію въ глубокую, неизгладимую скорбь.



Библиотека "Руниверс"



ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЦАРЕУБІЙСТВѢ 1 МАРТА.

ПЕЧАЛЬНАЯ вѣсть о преступленіи, жертвою котораго палъ русскій Царь, вездѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, возбудила одинаковыя чувства ужаса, негодованія и глубочайшей скорби о покойномъ Государѣ. Эта вѣсть оставила за собою всѣ другія политическія событія и сосредоточила на себѣ исключительное вниманіе всѣхъ общественныхъ слоевъ, всѣхъ политическихъ партій. Къ первымъ телеграммамъ, полученнымъ въ политическихъ центрахъ Европы, отнеслись даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ,—до такой степени извѣстіе о цареубійствѣ 1 Марта представлялось поразительнымъ, неправдоподобнымъ и невозможнымъ.

Но ужасающія подробности катастрофы не заставили себя ждать. Какъ только онѣ стали извѣстны съ положительностью, устранявшею всякія сомнѣнія, вездѣ, во всѣхъ столицахъ европейскихъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, были выражены искреннія соболѣзнованія къ Россіи и ея монарху и омерзеніе къ самому преступленію, отовсюду государи, правительства и парламенты, послали въ Петербургъ сочувственные адресы. Главнѣйшія проявленія общественной симпатіи къ нашему царскому дому и къ Россіи, въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ и Вашингтонѣ, читателямъ уже извѣстны изъ газетъ.

Вотъ общая картина парламентскихъ манифестацій по поводу злодѣянія 1 Марта. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ не только выразилъ свое глубокое сожалѣніе объ утратѣ, какую понесла Россія, но и заклеймилъ своимъ отвращеніемъ теорію политическихъ убійствъ. Законодательное собраніе Нью-Іоркскаго штата высказалось въ томъ же смыслѣ, упомянувъ о заслугахъ Государя и сравнивъ его мученическую смерть со смертью Линкольна, а это въ устахъ американца составляетъ величайшую дань хвалы и симпатіи, какую только можетъ онъ воздать иностранцу. Французская палата депутатовъ и сенатъ

Библиотека "Руниверс"

закрыли засѣданіе по полученіи извѣстія о печальной катастрофѣ. То же сдѣлала и аѳинская палата депутатовъ. Англійскій парламентъ, удерживаемый своимъ уставомъ отъ демонстраціи, тождественной съ манифестаціей французскихъ палатъ, избралъ самую яркую и самую почетную форму заявленій, въ немъ допускаемую. Обѣ палаты поднесли королевѣ адресы, выражающіе ихъ „скорбь и ужасъ по поводу событія 1 Марта". Въ обѣихъ палатахъ предводители консервативной оппозиціи поддерживали предложенія вождей правительственной партіи. Манифестація германскаго парламента имѣла нѣсколько иную форму. Представительное собраніе имперіи, рейхстагъ, обратилось къ императору, соболѣзнуя о потерѣ, которую понесъ онъ съ кончиною его вѣнчаннаго племянника. Бельгійская палата, швейцарскій союзный совѣтъ, сербская скупштина, и болгарское народное собраніе, то же отнеслись горячо къ событію 1 Марта, выразивъ свое соболѣзнованіе русскому народу. Короче сказать, по сердечнымъ и теплымъ словамъ, какія вездѣ посвящались памяти покойнаго Императора, видно было, что сколько бы у Россіи ни было противниковъ, въ удивленіи къ Александру II и почитаніи Его, сходились всѣ. Эта мысль, ясно выступающая во всѣхъ сужденіяхъ иностранной печати о Государѣ, съ особенною полнотою и рельефкостью развита въ слѣдующей рѣчи, произнесенной Гладстономъ въ палатѣ общинъ:

„Каковы бы ни были господствующіе въ великой русской имперіи порядки, сколько бы поводовъ они не подавали къ жалобамъ на несовершенства человѣческихъ учрежденій—вина за нихъ никоимъ образомъ не можетъ падать на императора Александра II-го. Недостатки, если они были, были получены Имъ въ наслѣдіе отъ прежнихъ временъ. Вся Его жизнь была посвящена заботамъ объ усовершенствованіи этого наслѣдія въ пользу Его подданныхъ и всего человѣчества. Не лесть и не естественное чувство соболѣзнованія побуждаютъ меня увѣренно заявить, что, нѣтъ сомнѣнія, царствованіе императора Александра II-го будетъ всегда признаваться славнымъ и замѣчательнымъ царствованіемъ какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ исторіи Европы и христіанской цивилизаціи. Онъ взошелъ на престолъ въ минуту, когда Россія была поглощена кровавою борьбою съ тремя державами, двѣ изъ которыхъ принадлежали къ самымъ могущественнымъ въ мірѣ государствамъ, и Онъ выпуталъ ее изъ этой борьбы съ тою быстротою и съ тою честью, какихъ только могли желать самые вѣрноподданные граждане Его страны. Ему суждено было, на закатѣ многолѣтняго царствованія, видѣть Россію снова ввергнутою въ великую и ужасную борьбу; но эта великая и опасная война была, по крайней мѣрѣ, въ Его глазахъ, равно какъ и въ глазахъ многихъ, раздѣлявшихъ Его глубокое убѣжденіе, облагорожена сознаніемъ, что она—война изъ-за долга, война за освобожденіе. Но оставимъ въ сторонѣ соображенія о мирѣ и войнѣ—соображенія, которыя всегда возбуждаютъ въ насъ смѣшанныя чувства,

Библиотека "Руниверс"

и спросимъ себя самихъ: представляетъ ли новѣйшая исторія царствованіе болѣе славное, болѣе замѣчательное столь великими законодательными реформами, нежели царствованіе императора Александра II-го? Можетъ быть, никто изъ насъ не знакомъ вполнѣ съ великими дѣяніями почившаго императора—я, по крайней мѣрѣ, не претендую на точное и подробное знакомство съ ними—но одного перечня названій только немногихъ изъ этихъ дѣяній достаточно, чтобъ убѣдиться, что своимъ осуществленіемъ онѣ обязаны не только чувству долга и христіанскаго человѣколюбія, но и просвѣщенному уму и могущественной волѣ. На долю Александра II-го выпала счастливая задача мирнымъ путемъ произвести одну изъ величайшихъ въ лѣтописяхъ цивилизаціи реформъ—даровать гражданскую и соціальную свободу болѣе чѣмъ двадцати милліонамъ человѣческихъ существъ. На Его долю выпало счастье учредить въ Россіи систему мѣстнаго самоуправленія, которое, какъ таковое, по моему мнѣнію, вполнѣ свободно, независимо и популярно. Судьба, опять-таки, позволила Ему ввести въ Россіи учрежденіе, которое мы съ гордостью считаемъ продуктомъ нашей исторіи — судъ присяжныхъ. И это не единственныя дѣянія, дающія Ему право на благопріятный приговоръ просвѣщеннаго историка. Мнѣ нѣтъ надобности входить въ подробное перечисленіе всѣхъ славныхъ дѣяній почившаго императора. Я хотѣлъ только указать на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся реформы, и страшно, дѣйствительно, подумать, что такому человѣку судьба уготовала такой конецъ. Безъ сомнѣнія, воля Провидѣнія выше человѣческаго пониманія, и мы должны только вѣрить, что она направлена ко всему мудрому и всему благому. Русскій народъ, а съ нимъ и весь міръ, будутъ всегда произносить имя Александра II-го съ любовью и удивленіемъ".

Въ такомъ же смыслѣ отозвались о заслугахъ Государя и всѣ важнѣйшіе органы общественнаго мнѣнія въ Европѣ, безъ различія партій, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ анархистскихъ газетъ. Мы приведемъ лишь отзывы наиболѣе вліятельныхъ представителей европейской политической прессы. Берлинская „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", органъ князя Бисмарка, замѣчаетъ: „Никогда еще монархъ такой необыкновенной сердечной доброты и человѣколюбія не занималъ россійскаго престола; никогда настоятельное сердечное желаніе подарить своему народу вмѣстѣ съ благороднѣйшими благами человѣчества, благоденствіе и миръ, не осуществлялись въ русскомъ самодержцѣ такъ живо и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ въ императорѣ Александрѣ II, и никогда еще государь не былъ цѣлью такой лютой вражды, такой неискоренимой, адской кровожадности, какъ этотъ мученикъ своего высокаго положенія".

Берлинская министерская „Provinzial-Correspondenz" также посвятила статью кончинѣ императора Александра II-го. Въ ней сказано между прочимъ: „Въ правленіе императора Александра II-го между

Библиотека "Руниверс"

Пруссіей, Германіей и Россіей существовало мирное, дружественное согласіе. Отношеніе это было основой, на которой могла установиться дружба между Германіей и Австріей послѣ великихъ событій шестидесятыхъ годовъ, а слѣдовательно, и союзъ трехъ императоровъ. Долго союзъ трехъ императоровъ составлялъ ядро успокоенія и опорный пунктъ общей европейской политики. Императоръ Александръ и въ этомъ отношеніи съумѣлъ противостоять бродившимъ въ населеніи революціоннымъ силамъ, старавшимся отвлекать Его отъ этой политики, и не давать имъ преслѣдовать свои стремленія. Да будетъ дано точно также и преемнику Его, вступающему на тронъ Его праотцовъ подъ именемъ Императора Александра III-го, съ прочнымъ успѣхомъ противодѣйствовать необузданнымъ силамъ, желающимъ повести Россію по путямъ приключеній; но и да удастся Ему также сгрупировать вокругъ себя добрыя силы націи для огражденія Россіи отъ опасностей, угрожающихъ ей внутри! Германія сохранитъ о въ Бозѣ почившемъ благородномъ Государѣ сердечную, почтительную память; она привѣтствуетъ Сына Его, нынѣшняго Императора, съ искреннею увѣренностью, что и Онъ будетъ твердо держаться традицій своихъ предковъ и цѣнить по достоинству значеніе серьезной дружбы съ Германіей".

Вѣнскія газеты съ неменьшей теплотой отнеслись къ скорби русскаго народа, причемъ славянская печать единодушно выразила убѣжденіе, чѣмъ внѣшнее могущество Россіи тѣснѣе связано съ ея внутреннимъ ростомъ, и чѣмъ сильнѣе она будетъ внутри, тѣмъ больше симпатій заграничные славяне будутъ питать къ Россіи и тѣмъ легче станетъ вообще участь славянъ всѣхъ странъ и княжествъ. — Изъ итальянскихъ органовъ, которые съ особеннымъ соболѣзнованіемъ отозвались о катастрофѣ 1 Марта, миланскій журналъ „Il Secolo" помѣстилъ на первой страницѣ портретъ почившаго императора, передовую статью объ убійствѣ и подробную біографію русскаго монарха. Въ передовой статьѣ, высказавъ негодованіе противъ убіенія, подъ какимъ бы предлогомъ не совершалось оно, журналъ выражаетъ мысль, что человѣчество не достигнетъ прогресса, пока уваженіе къ человѣческой жизни не сдѣлается основнымъ принципомъ въ убѣжденіяхъ общества, не войдетъ въ законъ, въ нравы, въ сознаніе каждаго отдѣльнаго члена общества.

Также и вся швейцарская печать отнеслась съ негодованіемъ къ петербургскому злодѣянію. Но въ порицаніяхъ цареубійства и въ нравственной оцѣнкѣ событія 1 Марта, наибольшую энергію выказали республиканскія газеты Франціи.

По словамъ „République Française", исторія воздастъ справедливость и хвалу характеру и личнымъ качествамъ Александра II, который связалъ свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ, который дѣлалъ всегда личныя усилія, чтобъ смягчить вредныя послѣдствія пороковъ предшествовавшаго организма и который упрочилъ заграницею

Библиотека "Руниверс"

вліяніе Россіи, управленіе которою онъ принялъ послѣ серьезныхъ испытаній.

Другой республиканскій органъ „Journal des Débats“ оцѣниваетъ заслуги покойнаго Государя въ такихъ выраженіяхъ: „Дѣло Александра II-го составляетъ теперь достояніе исторіи; оно можетъ резюмироваться въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ упрочилъ гегемонію славянскаго міра, восторжествовалъ надъ послѣдними сопротивленіями Польши, Онъ слѣдовалъ по направленію къ Черному морю, по пути, начертанному Петромъ Великимъ и Екатериною II, Онъ укрѣпилъ русское владычество въ сердцѣ Средней Азіи, наконецъ, Онъ освободилъ русскихъ крестьянъ отъ рабства. Такія заслуги упрочиваютъ за памятью Александра II-го особое мѣсто въ ряду потомковъ Михаила Романова. Онъ принялъ отъ своего родителя тяжкое бремя. Онъ несъ его съ честью, и если предчувствовалъ ожидавшую его прискорбную кончину, то могъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаться тѣмъ, что Его дѣло переживетъ Его, вопреки убійцамъ“.

Возмущеніе общественнаго мнѣнія противъ виновниковъ покушенія—по словамъ „Temps“—вызвано не однѣми только узами дружбы, существующими между Франціей и русскимъ правительствомъ. Оно опредѣляется соображеніемъ болѣе высокаго разряда и представляющимъ болѣе общій интересъ.

„Давно уже во Франціи сложилось во всѣхъ умахъ убѣжденіе, что политическое убійство не только не достигаетъ, но направляется прямо противъ цѣли, которой предполагаютъ достигнуть его виновники. Свобода завоевывается въ томъ случаѣ, когда людей приходятъ къ убѣжденіямъ въ ея выгодахъ, когда за нею обезпечиваютъ, путемъ обсужденія и въ случаѣ надобности личными преданностями, возростающее съ каждымъ днемъ число приверженцевъ; убійство же никогда никого не убѣждало. Вотъ почему слѣдуетъ ожидать, что совершенное преступленіе можетъ быть эксплоатируемо въ пользу антилиберальныхъ идей. Ничто, конечно, не можетъ быть менѣе основательнымъ. Великій споръ между принципомъ власти и принципомъ свободы, между образами правленія, которые служатъ выраженіемъ того или другого изъ этихъ принциповъ, не имѣетъ ничего общаго съ прискорбнымъ событіемъ. Нигилистическое движеніе, весьма ограниченное, впрочемъ, даже въ той странѣ, гдѣ оно родилось и, повидимому, держится, не находится ни въ какой связи съ дѣйствіемъ политическихъ партій въ Европѣ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою спеціальный, или, если можно такъ выразиться, паталогическій фактъ, свойственный народу, въ которомъ, въ виду его географическихъ условій, пространства его территоріи, различія его климатовъ и преданій, недавняго усвоенія имъ себѣ идей, обращающихся въ средѣ западныхъ націй, встрѣчается самая утонченная цивилизація и духъ дикаря. Изъ столкновенія и противопостановленія этихъ двухъ элементовъ рождается исключительный порядокъ, нѣчто въ родѣ болѣзненнаго состоянія,

Библиотека "Руниверс"

однимъ изъ симптомовъ и продуктовъ котораго является нигилизмъ. Убіеніе императора Александра совершенное такъ неожиданно, представило новое свидѣтельство такого состоянія; но какъ ни прискорбно это событіе, оно ничего не доказываетъ ни противъ свободы, ни противъ демократіи, и только нѣчто еще большее, чѣмъ недобросовѣстность, могло бы сдѣлать изъ этого аргументъ противъ либеральныхъ принциповъ, клонящихся все къ большему и большему преобладанію въ Европѣ и неимѣющихъ ничего общаго съ тѣми пріемами убійства, столь преступное примѣненіе которыхъ сдѣлано теперь въ Россіи".

Но происки соціально-революціонной партіи повсемѣстны. О нихъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, тѣ привѣтствія и поздравленія съ успѣшно оконченной миссіей, какія раздались въ ликующихъ органахъ анархистской печати всѣхъ странъ по адресу русскихъ нигилистовъ. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ тому, чтобы разобрать ближайшія причины появленія и распространенія нигилизма въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить, въ какой связи стоятъ русскіе нигилисты къ международнымъ революціонерамъ.

„Удивительнымъ представляется—говоритъ по этому поводу „Kölnische Zeitung"—что почти во всѣхъ странахъ существуетъ партія, которая выказываетъ симпатіи нигилистамъ и открыто одобряетъ ихъ дѣянія. Извѣстно уже по телеграммамъ, какъ относятся къ злодѣянію представители нигилистически-соціалистскихъ стремленій въ Лондонѣ и Женевѣ, съ какимъ торжествомъ говоритъ объ этомъ Рошфоръ и его присные въ своихъ органахъ, какъ поздравляли другъ друга съ успѣхомъ русскіе нигилисты, проживающіе въ Парижѣ, когда пришла печальная вѣсть изъ Петербурга. Извѣстно также, что въ Америкѣ соціалисты всѣхъ націй, между ними и нѣмцы, послали братскій привѣтъ своимъ русскимъ друзьямъ за океаномъ. Этимъ единствомъ соціально-революціонныхъ кружковъ отмѣчается новый моментъ въ исторіи покушеній. До сихъ поръ выступали въ роли политическихъ убійцъ только отдѣльныя личности, весьма ограниченные, по численности, кружки. А теперь мы видимъ не только распространенными повсюду разрушительныя идеи, но и тѣсную солидарность между всѣми элементами, которые открыто выступаютъ за своихъ единомышленниковъ, подвергаютъ свою жизнь даже опасности. Этимъ широкимъ распространеніемъ коммунистическихъ идей объясняются огромныя средства и успѣхъ русскихъ нигилистовъ не менѣе, чѣмъ и упорствомъ и презрѣніемъ къ смерти самихъ заговорщиковъ. Длинный рядъ нигилистическихъ заговоровъ, въ послѣдніе три года, вызываетъ удивленіе какъ относительно средствъ, которыми располагаютъ соціалисты, такъ относительно большого числа лицъ, добровольно идущихъ на вѣрную смерть. Немногимъ изъ этихъ послѣднихъ было чуждо сознаніе, что „жизнь Государя въ рукахъ того, кто пожелалъ бы отречься отъ собственной своей жизни", и

Библиотека "Руниверс"

Россіи пришлось представить доказательства тому, что такихъ лицъ въ ней оказалось множество. Сколько ихъ, во время арестовъ, пускали себѣ пулю въ лобъ, или принимали ядъ! И, однакожъ, это личное самопожертвованіе не было бы въ состояніи нанести потрясеніе государству, не располагай они обильными средствами со стороны. Во всѣхъ политическихъ процессахъ выдвигался все тотъ же образъ: огромное число людей жило съ большимъ или меньшимъ комфортомъ, не заработавъ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ ни одного пфеннига, они одѣвались хорошо, предпринимали поѣздки, чтобы присутствовать на собраніяхъ, или подготовлять заговоры, они узнавали государственныя тайны, добываніе которыхъ стоило имъ большихъ денегъ. А самыя покушенія, во что они имъ обходились! Чтобы убить генерала Мезенцова, они должны были купить экипажъ, въ которомъ спасались отъ преслѣдованія; Дрентельна преслѣдовалъ нигилистъ на конѣ, въ Москвѣ былъ пріобрѣтенъ цѣлый домъ для совершенія покушенія съ царскимъ поѣздомъ, и теперь на покушеніе 1-го Марта затрачено не мало нигилистами. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго факта. Въ первое время распространенія нигилизма, его представители еще пользовались кинжаломъ и револьверомъ. Но съ теченіемъ времени они завели свои лабораторіи, въ которыхъ изготовляли яды и взрывчатые снаряды, примѣнили къ дѣлу все инженерное искусство и недоставало только имъ устроить свои телеграфныя проволоки, что, впрочемъ, если бы и было въ дѣйствительности, не особенно бы удивило въ виду всего ими достигнутаго. Просто немыслимо допускать, чтобы для всѣхъ этихъ предпріятій необходимыя денежныя средства доставлялись русскими нигилистами, ибо, какъ константировано было не разъ, это—люди болѣзненные и большею частью наполнявшіе ряды нигилизма вслѣдствіе нужды. Откуда же тогда средства у нихъ? Едва ли иначе можно объяснить это, какъ тѣмъ, что такія средства, по крайней мѣрѣ частью, русскимъ нигилистамъ доставлялись изъ заграничныхъ революціонныхъ кружковъ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ даже очень богатыхъ сочленовъ, и что эти послѣдніе давали деньги, а русскіе отдавали въ распоряженіе свою шкуру. Что и въ покушеніи на жизнь Государя участвовали заграничные друзья русскихъ нигилистовъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Развѣ не похваляется теперь открыто одинъ изъ женевскихъ нигилистовъ въ парижскомъ органѣ, что ему въ точности было извѣстно, какъ подготовлялось послѣднее покушеніе. Рядомъ съ этимъ единствомъ нигилистическихъ стремленій, которыя едва ли ограничиваются какимъ нибудь пунктомъ, выступаетъ явно откровенность, съ какою прославляется теперь злодѣяніе и превозносятся злодѣи, тогда какъ въ прежнее время каждая община устыдилась бы солидарности съ ними".

„Times" старается вникнуть въ условія русской жизни, поддерживающія развитіе русскаго нигилизма.

Библиотека "Руниверс"

„Убійцы покойнаго Царя—это молодые люди, получавшіе образованіе въ высшихъ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это не простые крестьяне. Мужикъ не принимаетъ участія въ подобныхъ заговорахъ. Для него Царь—высшее существо, законный земной повелитель, которому не повиноваться грѣхъ. Мужикъ не желаетъ перемѣнъ, онъ едва сознаетъ то, чего хотѣли достигнуть въ его пользу. По всей имперіи вѣсть о смерти Императора поразила ужасомъ сердца милліоновъ Его подданныхъ, которые смотрѣли на Него съ любовью, близкой къ обожанію. Нельзя опредѣлить, много ли сторонниковъ у нигилизма. Это не опредѣленная секта, которая можетъ счесть своихъ послѣдователей; она содержитъ разнообразныя формы революціонеровъ. Но во всѣхъ своихъ формахъ, эта партія захватываетъ весьма малую долю великаго народа, въ глазахъ котораго Царь есть и долго будетъ намѣстникомъ Бога на землѣ. Откуда же эти неутомимые заговорщики? И какимъ образомъ, не смотря на строгость закона, они прибываютъ безпрестанно? Не легко отвѣчать на это, потому что нигилизмъ происходитъ не отъ одной причины, а отъ множества. Отчасти справедливо, что это возмущеніе противъ утомительной монотонности русской жизни, столь противной людямъ празднымъ и образованнымъ, революція противъ той тоски, которая, по словамъ великихъ русскихъ романистовъ, какъ Тургеневъ, и великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ—является характерной чертой жизни ихъ соотечественниковъ,—это выходъ изъ той тоски, которую долженъ чувствовать глазъ при видѣ обширныхъ плоскихъ равнинъ, однообразія городовъ въ Россіи, выходъ изъ скучнаго круга обязанностей, выпадающаго на долю столькихъ русскихъ. Тѣ, кто не можетъ искать развлеченій въ путешествіяхъ и кто не находитъ себѣ занятія въ арміи, или на гражданской службѣ, ищетъ иного развлеченія и возбужденія, и нигилизмъ предоставляетъ его молодымъ, пылкимъ, непокорнымъ умамъ. Можно назвать это байронизмомъ, вертеризмомъ, примѣненнымъ къ политикѣ, потому что онъ часто гнѣздится въ сентиментальности, эгоистическомъ недовольствѣ и причудахъ тщеславія.

„Цѣлые годы русская молодежь питается незрѣлымъ плодомъ Запада. Всякую новость она привѣтствуетъ, какъ высшую истину. Самыя сумасбродныя формы матеріализма усвоиваются ею и выворачиваются на изнанку. Всякій нравственный парадоксъ, вывезенный изъ Германіи, или Франціи, имѣетъ своихъ раболѣпныхъ поклонниковъ, и фанатикъ въ родѣ Бакунина, безсвязно толковавшій о священномъ долгѣ поступать, какъ кому угодно, и все поставить вверхъ дномъ—былъ встрѣченъ, какъ пророкъ. Съ одной точки зрѣнія, нигилизмъ есть не что иное какъ броженіе незрѣлаго и преждевременнаго знанія, которое выдается въ Россіи образчикомъ культуры. Никогда императору Николаю не приходила болѣе фантастическая мысль, нежели его намѣреніе уничтожить университеты по всей Имперіи и

Библиотека "Руниверс"

замѣнить ихъ военными школами, но это намѣреніе отчасти объясняется развѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что университеты посѣяли сѣмена революціонныхъ идей, которыя тревожили его преемника. Лишь будущему поколѣнію придется пользоваться всѣми благами распространенія образованности и интеллигенціи и видѣть зарю болѣе критическаго и менѣе фанатическаго духа, который не будетъ подпадать власти всякой иностранной новинки. Вотъ нѣкоторые изъ корней нигилизма. Но есть и другіе. Слишкомъ часто подъ личиною нигилизма скрывается только зависть и недовольство тѣхъ, кому не удалось проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ, и тогда они стараются сваливать всю вину на правительство. Такіе люди, напр. въ Англіи отправились бы за границу, или превратились бы въ безвредныхъ политическихъ агитаторовъ, а въ Россіи они остаются дома и замышляютъ заговоры".

Но не одни толки о корняхъ злодѣянія вызвало петербургское цареубійство въ заграничной печати. Катастрофа пробудила вездѣ гадательныя опасенія на счетъ перемѣнъ во внѣшней политикѣ Россіи. Въ Берлинѣ спѣшатъ уже предсказать конецъ „тройственному союзу". Во дворцѣ, немедленно по полученіи страшной вѣсти изъ Петербурга, началась переписка по телеграфу съ Парижемъ. Недавній колоссъ на глиняныхъ ногахъ, какъ называли Россію нѣмцы, вдругъ сразу оказался настолько могущественнымъ, что нѣмцамъ стало страшно потерять съ нимъ дружбу. По замѣчанію „Сѣверогерманской Газеты" страшная катастрофа чревата послѣдствіями, которыхъ въ настоящую минуту и предвидѣть нельзя. „National Zeitung", выступая выразительницею впечатлѣній депутатовъ рейхстага и ихъ мнѣній, говоритъ, что теперь, вѣроятно, исчезнетъ вліяніе „лучшей части общества", именно нѣмецкаго элемента въ Россіи, „который способствовалъ образованію русскаго государства". Представительница нѣмецкаго духа замѣчаетъ при этомъ, что „всѣ созданныя до настоящей минуты политическія комбинаціи и разсчеты обратились теперь въ нуль". Органъ Штекера и юнкеровъ „Reichsbote" говоритъ: „Во всякомъ случаѣ это страшно важное усложненіе дѣлаетъ положеніе еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ, въ виду вооруженій Франціи". И только „Germania", органъ центра, не выражая никакихъ опасеній и не загадывая о будущемъ, а сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ уваженія, замѣчаній о причинахъ, вызвавшихъ ужасающую катастрофу, прибавляетъ, видимо по адресу кн. Бисмарка и его сподвижниковъ: „У гроба императора Александра II народы и государственные люди могутъ научиться великимъ истинамъ. Реальная политика со всѣмъ своимъ могуществомъ крови и желѣза встрѣчаетъ себѣ преграду,— часто прежде, чѣмъ ожидаетъ того. Идеи, которыя гордые поклонники успѣха думаютъ бросить въ сторону, какъ вещь ненужную, суть всетаки краеугольные камни всякаго прочнаго зданія". Во Франціи,

Библиотека "Руниверс"

жескимъ связямъ, что Государь посвятитъ Себя, прежде всего, дѣлу напротивъ, воскресли надежды. Парижскія газеты уже предвидѣли войну русскихъ съ нѣмцами, писали о существующей будто бы непріязни нынѣ царствующаго Императора къ нѣмцамъ. Были и такіе голоса, которые считали войну неизбѣжной, ибо ничего другого Россіи не оставалось дѣлать, какъ начать войну, чтобы отвлечь ею вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и заботъ о необходимости реформъ. Вотъ въ какой формѣ парижскія газеты выражали свои взгляды по поводу перемѣнъ во внѣшней политикѣ Россіи. Гамбеттистскій органъ „Voltaire" останавливается на вопросѣ о будущей политикѣ Россіи относительно Франціи. „Европейское равновѣсіе—говоритъ газета—въ интересахъ самой Россіи. Мы не позволимъ себѣ настаивать, чтобы нынѣ царствующій Монархъ перешелъ на нашу сторону и сражался съ нами противъ нашихъ сосѣдей. Достаточно для насъ будетъ и того, если Онъ не станетъ оказывать предпочтенія политикѣ Бисмарка. Дѣло идетъ теперь не объ измѣненіи политики, но просто о возобновленіи европейскаго равновѣсія. Если національная партія въ Россіи займетъ подобающее ей мѣсто въ арміи и управленіи, если чужеземный элементъ будетъ устраненъ отъ направленія государственнаго механизма, то уже этимъ будетъ достигнута благая перемѣна огромной важности. Россія пойдетъ тогда по естественному пути своего развитія, причемъ не дастъ повода какой либо изъ континентальныхъ державъ усматривать въ этомъ оскорбленія или угрозы для нихъ. По словамъ „France", покушеніе 1 Марта, страшное и вдвойнѣ несправедливое, ибо имъ выдвигается снова на политическую арену убійство, какъ средство борьбы, и направлено оно на человѣка, лично одушевленнаго наилучшими намѣреніями, имѣетъ значеніе обще-европейскаго событія огромной важности. Истинная прочность германо-русскаго союза поддерживалась до сихъ поръ взаимной теплотой и сердечностью двухъ монарховъ. Отнынѣ, какъ думаетъ „France", интересы двухъ націй должны получить иное направленіе. Тенденціи государственныхъ вождей Германіи и Россіи представляютъ такъ мало точекъ соприкосновенія, что можно и слѣдуетъ допустить, что ихъ вліянія не будутъ болѣе складываться по международной ариѳметикѣ, но считаться особо. Другой республиканскій органъ „National" высказываетъ увѣренность, что отнынѣ должно измѣниться и направленіе восточной политики. По словамъ газеты, снова выступитъ на сцену антагонизмъ между Россіей и Австріей, и Гладстонъ снова будетъ имѣть возможность обратиться къ своему проекту восточной политики, чтобы довести до конца дѣло имъ покровительствуемыхъ народностей.

Зато въ Вѣнѣ совсѣмъ какъ-то пріуныла печать. Новое правленіе въ Россіи представлялось враждебнымъ германской политикѣ, а значитъ и видамъ Австро-Венгріи. Въ одной изъ оффиціозныхъ вѣнскихъ газетъ говорилось уже, что для Австріи наступаютъ дни, когда она вполнѣ пойметъ цѣну дружбы съ Германіей. „Важнѣйшею, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, единственною гарантіею европейскаго мира являются два милліона воиновъ, которые могутъ быть выставлены въ поле обѣими имперіями". „Внезапная перемѣна царствованія—такъ начинала свою передовую статью „Neue Freie Presse" — естественно должна была пробудить повсюду тревожную мысль, что она можетъ повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія не только для внутреннихъ, но и для внѣшнихъ дѣлъ могущественной имперіи. Россія — не какой-нибудь отдаленный островъ, о судьбахъ котораго не стоитъ много безпокоиться: она сильный факторъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, и когда въ Петербургѣ происходятъ рѣшительныя событія, подслѣдствія ихъ отзываются на всемъ пространствѣ отъ Босфора до Темзы".

Опасенія за нѣмцевъ не чужды были и лондонскимъ политикамъ. Такъ на защиту Германіи счелъ необходимымъ выступить „Times": „Существуетъ, вообще, стремленіе преувеличивать политическое значеніе убіенія главы государства и полагать, что подобное событіе должно означать начало новой эры. Считаютъ, что такъ какъ Царь убитъ, то Преемникъ Его явно начнетъ новую политику. Но мы не должны, однако, терять изъ вида силу обстоятельствъ, болѣе могущественныхъ иногда, нежели человѣческая воля, или отдѣльныя событія. Императору Александру III-му, управляющему въ одно и то же время старою и новою Россіей, трудно будетъ принять существенно отличный отъ прежняго способъ дѣйствій, или же сдѣлать больше, чѣмъ продолжать политику Своего Родителя, который царствовалъ въ переходное время. Во внѣшней политикѣ Россіи найдется больше простора для перемѣнъ. Тѣсная дружба, соединявшая императора Вильгельма и его Державнаго Племянника, была важнымъ факторомъ и залогомъ прочности европейскаго мира. Теперь эта дружба болѣе не существуетъ и намъ, быть можетъ, придется жалѣть о спасительномъ обуздываніи почившимъ Императоромъ нерасположенія многихъ изъ Его подданныхъ къ Германской имперіи. Будемъ надѣяться, что Его Преемникъ убѣдится, когда Онъ почувствуетъ всю тяжесть перешедшей на Него отвѣтственности, какъ важно поддерживать доброе согласіе между Россіей и сосѣднею съ нею имперіей, и какъ достойно слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру, поданному Его Родителемъ".

Помимо перемѣщенія центра въ европейской политикѣ, печать озабочивали предположенія, какъ повліяетъ новое правленіе въ Россіи на нынѣшнее положеніе восточнаго вопроса. Не воспользуется ли молодой Царь трудностями внутренняго состоянія Турціи? Увеличились или нѣтъ шансы предупредить кровавую развязку тяготѣющаго надъ Европой греческаго вопроса? Полная неизвѣстность окружала всѣ эти вопросы, порождая цѣлый рядъ догадокъ и произвольныхъ ожиданій, пока не появился циркуляръ г. Гирса къ иностраннымъ державамъ. Тревожныя опасенія оказались напрасными. Въ циркулярѣ этомъ прямо и откровенно заявлено, что внѣшняя политика Россіи будетъ миролюбива, что она останется вѣрна своимъ прежнимъ дру-

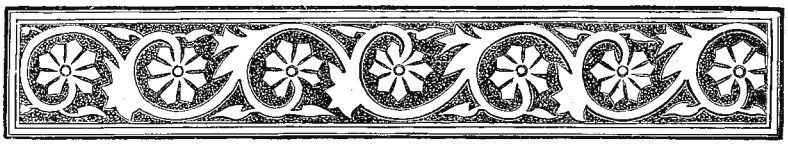
Библиотека "Руниверс"

внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхамя гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, и что только защита чести и оборона безопасности могутъ отвлечь Россію отъ заботъ о внутреннихъ дѣлахъ.

Что тревога, вызванная въ политическомъ мірѣ Европы перемѣною царствованія, улеглась теперь, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ объ этомъ, доставленный изъ Петербурга въ оффиціозную вѣнскую „Politische Correspondenz", по поводу внѣшней политики Россіи: „Безусловно сочувственный пріемъ, сдѣланный циркуляру г. Гирса нетолько правительствами, къ которымъ онъ былъ адресованъ, но и всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, произвелъ здѣсь весьма благотворное впечатлѣніе и укрѣпилъ убѣжденіе, что откровенная и ясная программа новаго императорскаго правительства понята и оцѣнена въ чужихъ краяхъ совершенно такъ, какъ она задумана. Программѣ этой удалось разомъ положить конецъ тревогѣ, неизбѣжно связанной съ каждою перемѣною правленія, и разсѣять многіе предразсудки. Кое-гдѣ высказывается замѣчаніе, что циркуляръ г. Гирса отзывается гораздо менѣе многословно и опредѣлительно о внутренней политикѣ Россіи, чѣмъ о внѣшней. Тѣ, которые хотятъ придать этому замѣчанію характеръ порицанія, забываютъ, что документъ, о которомъ идетъ рѣчь — циркуляръ, посланный иностраннымъ правительствамъ, а не манифестъ къ русскому народу, и что, разумѣется, не можетъ быть въ характерѣ такого циркуляра возвѣщать относительно внутренней политики нѣчто большее, чѣмъ одни только общіе принципы. Впрочемъ, и тѣ мѣста циркуляра, которыя въ немногихъ словахъ, но весьма вразумительно касаются внутренней политики, не приминули произвести хорошее дѣйствіе. Они не содержатъ въ себѣ, правда, прямыхъ указаній на политическія реформы; но еслибы нигилисты добивались только реформъ, то, конечно, не могли бы поднять руки на императора, котораго слѣдуетъ признать величайшимъ послѣ Петра Великаго реформаторомъ на русскомъ престолѣ. Не могли также возбудить ихъ ненависти личный его характеръ и личное мягкосердечіе, и если высказывались жалобы на административный произволъ, на суровыя ссылки, то нельзя оспаривать, что причина и слѣдствіе въ настоящемъ случаѣ тѣсно между собою связаны и что именно существованіе, планы и дѣйствія нигилистовъ, вызвали строгость административныхъ распоряженій, которой, при другихъ условіяхъ, быть можетъ, можно было бы избѣжать. Впрочемъ, для всякаго ясно, что въ администраціи многое необходимо преобразовать. Что полиція въ частности не исполнила своихъ обязанностей, это до такой степени очевидно, что первыя мѣропріятія новаго правительства непремѣнно должны быть направлены къ улучшенію этой важной отрасли государственнаго управленія".

Этимъ отзывомъ, очевидно, идущимъ изъ офиціозныхъ сферъ, мы закончимъ нашъ обзоръ.

Библиотека "Руниверс"



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буасье; переводъ со второго изданія Маріи Корсакъ. Москва. 1880 г.

ОЧИНЕНІЕ, заглавіе котораго мы выписали, пользуется большою извѣстностью въ исторической литературѣ. Это—столько же строго научное, сколько и художественное изображеніе одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ во всемірной исторіи — превращенія, начинавшаго уже нравственно умирать, республиканскаго Рима въ неограниченную монархію. Эпохи подобнаго рода—эпохи перехода — особенно благопріятны для историка. Старый и новый порядокъ вещей, встрѣчаясь лицомъ къ лицу, рѣзче обрисовываются и лучше даютъ себя понимать, нежели какъ это было бы безъ взаимнаго противуположенія эпохъ. Представители и защитники того и другого порядка вещей, выступая на сцену каждый съ своимъ знаменемъ, придаютъ событіямъ своей взаимной борьбой драматизмъ, который составляетъ едва ли не самый привлекательный элементъ въ исторіи народовъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, именно представляетъ эту яркую противоположность стараго съ новымъ и высокій драматическій интересъ. Авторъ—Гастонъ Буасье, избралъ главнымъ лицомъ своей исторической картины величайшаго изъ ораторовъ Рима, павшаго вмѣстѣ съ его свободою—Цицерона. Къ нему, какъ къ общему центру, примыкаютъ событія эпохи, вкругъ него группируются лица картины. Конечно, не Цицеронъ былъ въ большинствѣ случаевъ видимымъ двигателемъ событій. Судьба Рима и покорнаго ему міра рѣшалась побѣдою той или другой партіи, кровавыми битвами, а не рѣчами. Но Цицеронъ представляетъ величайшую интеллигентную силу того времени. Честный, хотя не всегда мужественный на дѣлѣ, гражданинъ, патріотъ и ораторъ, онъ имѣлъ глубокое вліяніе на современниковъ. Въ отношеніяхъ къ нему дѣятелей той эпохи, двигавшихъ событіями, лучше всего можно видѣть это нравственное могущество его и его значеніе для тогдашняго римскаго общества. Полновластный диктаторъ и деспотъ, изящно-утонченный Цезарь искалъ дружбы своего геніальнаго противника Цицерона, точно также какъ послѣдній защитникъ рес-

Библиотека "Руниверс"

публиканской свободы Рима—суровый Брутъ. Въ книгѣ Буасье съ замѣчательнымъ искусствомъ группируются лица, вкругъ своего общаго центра, и каждое лицо, представляя своеобразный типъ, не повторяемый другимъ, освѣщаетъ особеннымъ свѣтомъ и фигуру великаго оратора, и нравы того общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. На первомъ планѣ мы видимъ личность Аттика, человѣка, игравшаго не особенно замѣтную, но тѣмъ не менѣе значительную роль въ жизни Цицерона. Это его корреспондентъ, съ которымъ онъ не прерывалъ сношеній до самой смерти, писалъ къ нему иногда, если представлялась возможнсть, по нѣскольку разъ въ день. Что же это за личность? Умный, обладавшій вѣрнымъ взглядомъ на тогдашнее положеніе дѣлъ человѣкъ, онъ еще въ молодые годы видѣлъ ясно, что нравственно погибшій уже Римъ очень не далекъ отъ паденія политическаго, и что готовая рухнуть республика неминуемо похоронитъ подъ развалинами и тѣхъ кто ей будетъ служить. Смекнувши это и не обладая, какъ видно, чувствами гражданина и патріота, Аттикъ удаляется отъ дѣлъ. Отказавшись отъ общественной дѣятельности, онъ посвящаетъ всего себя заботамъ о пріобрѣтеніи состоянія и затѣмъ отдается всецѣло наслажденіямъ жизнью. Политическія бури, побѣда той или другой партіи, и вліяніе этой побѣды на судьбу отечества—все это ни мало его не тревожитъ. Единственная его забота въ этомъ случаѣ, это—придать своему удаленію отъ общественной дѣятельности такую форму, чтобы равнодушіе его къ судьбѣ отечества было по возможности менѣе замѣтно. Желаніе пріобрѣсти основательное знакомство съ греческой литературой и искусствомъ—служитъ ему прекраснымъ предлогомъ покинуть Римъ и избрать мѣстомъ своего пребыванія Аѳины. Рядомъ съ личностью беззаботнаго, всецѣло занятаго только собою Аттика, мы видимъ другой типъ, уже не исключительный среди своихъ современниковъ, а представляющій нѣкоторымъ образомъ римскую молодежь временъ Юлія Цезаря. Типъ этотъ—Целій. Подобно многимъ молодымъ римлянамъ, получавшимъ практическое воспитаніе въ обществѣ извѣстнаго своими заслугами государственнаго дѣятеля—Целій проводитъ въ ежедневномъ обращеніи съ Цицерономъ три года дѣятельной и трудолюбивой жизни. Смекнувъ потомъ, что отъ консервативной партіи пожива невелика, а при государственномъ переворотѣ всегда можно чего нибудь надѣяться—Целій покидаетъ Цицерона и круто переходитъ на сторону Катилины. Само собою разумѣется, что послѣдователь усвоилъ себѣ нравственное направленіе своего образца. Онъ оставляетъ отцовскій домъ и весь погружается въ самый необузданный развратъ. Извѣстная намъ изъ Цицерона Клодія дѣлается героиней самыхъ разнообразныхъ его похожденій. Онъ отдается любовнымъ наслажденіямъ и разгульнымъ пирамъ, не забывая, однако, въ тоже время и политическихъ дѣлъ. Какъ ораторъ, онъ блистаетъ на форумѣ и побѣждаетъ однажды въ ораторскомъ состязаніи великаго учителя своего Цицерона. Ища въ каждомъ дѣйствіи только личной выгоды, Целій пристаетъ въ междоусобіяхъ партій къ той сторонѣ, которая, по его разсчетамъ, должна побѣдить, хотя бы эта сторона была тысячу разъ не только не права, а преступна. Въ междоусобіи Цезаря и Помпея онъ, предвидя исходъ борьбы, не только дѣлается самъ сторонникомъ Цезаря, но всѣми силами старается увлечь за собой и Цицерона. На чьей сторонѣ было право, и отъ кого могло ожидать спасенія погибавшее государство—до этого ему нѣтъ рѣшительно дѣла. Гдѣ выгода, тамъ и онъ. Въ противуположность квіетическому, безстрастному Аттику—это личность энерги-

Библиотека "Руниверс"

ческая, тревожная, но окончательно потерявшая нравственное чувство,—лучшій типъ большинства римской молодежи того времени. Но вотъ передъ нами грандіозная, колоссальная личность Юлія Цезаря; передъ нами человѣкъ, котораго диктатура служитъ соединительнымъ звѣномъ двухъ огромныхъ періодовъ политическаго бытія Рима—республики и длиннаго ряда императоровъ. Это—человѣкъ, принадлежащій къ числу первыхъ военныхъ и политическихъ геніевъ міра, человѣкъ, котораго жизнь любили описывать вѣнценосцы. Вѣрный основной идеѣ своего сочиненія, авторъ, рисуя личность великаго диктатора, ни на минуту не упускаетъ отношеній его къ Цицерону. Мы читаемъ въ прекрасномъ описаніи, какъ Цезарь хлопочетъ изо всѣхъ силъ привлечь его на свою сторону прежде столкновенія своего съ Помпеемъ; мы видимъ кажущееся, благородное великодушіе, съ которымъ онъ прощаетъ своего геніальнаго врага послѣ пораженія помпейанской партіи на поляхъ Фарсала. Въ томъ и другомъ случаѣ, у Цезаря дѣйствуетъ тонкій, безошибочный разсчетъ. Имѣть на своей сторонѣ человѣка, который съ каѳедры оратора двигалъ событіями и властвовалъ, даже тогда, когда не имѣлъ власти—было во всякомъ случаѣ очень выгодно, и Цезарь конечно не могъ пренебрегать добрыми отношеніями къ такой огромной и до такой степени популярной силѣ. Цицеронъ, поставленный фарсальскимъ пораженіемъ Помпея въ необходимость ладить съ Цезаремъ, не отдается ему однако своими симпатіями, а тѣмъ болѣе своими идеалами. Какъ патріотъ, онъ все еще не считаетъ окончательно погибшимъ дѣла республики и; сохраняя наружное согласіе съ Цезаремъ, становится сторонникомъ послѣдняго свободнаго римлянина Брута. Послѣдовать однако же за Брутомъ въ его воинскій лагерь и умереть за республику съ оружіемъ въ рукахъ—Цицерону не позволили обстоятельства. Онъ остался въ Италіи. Но, Брутъ погибаетъ въ битвѣ при Филиппахъ, вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ свобода республики, а вмѣстѣ съ республикой падаетъ окровавленная сѣдая голова Цицерона. Характеристика политическаго завѣщанія Августа составляетъ послѣднюю, заключительную главу книги.

Говорить о достоинствахъ сочиненія Гастона Буасье, я считаю совершенно лишнимъ. Репутація, которою оно пользуется въ исторической литературѣ—лучшая его рекомендація. Что же касается до русскаго перевода его, то я замѣчу, что онъ, принадлежа извѣстной нашей переводчицѣ г-жѣ Маріи Корсакъ, также не нуждается въ рекомендаціи.

Дмитрій Лебедевъ.

Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора московской духовной академіи. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. М. 1881.

Въ свое время мы дали отчетъ о первой половинѣ перваго тома „Исторіи русской церкви“ г. Голубинскаго [1]). Вышедшая теперь вторая половина этого тома трактуетъ прежде всего объ архитектурѣ древне-русскихъ церквей, каменныхъ и деревянныхъ, объ ихъ внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ, о древне-русскомъ богослуженіи, богослужебныхъ книгахъ, праздникахъ, постахъ;

[1]) „Историческій Вѣстникъ“. 1880 г. Ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ переходитъ къ монашеству, опредѣляетъ его организацію въ древней Руси, управленіе и средства существованія монастырей и указываетъ общественное значеніе монашества; наконецъ говоритъ о попыткахъ ересей въ древне-русской церкви, отношеніи русскихъ къ иновѣрцамъ, о нравственности и религіозности русскихъ въ до-монгольскій періодъ. Большая часть второй половины перваго тома посвящена церковной археологіи, предмету, мало разработанному у насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющему большой интересъ для всякаго, желающаго имѣть понятіе о родной старинѣ. Недостатокъ археологическихъ данныхъ, находящихся въ произведеніяхъ нашей письменности до-монгольскаго періода, авторъ постоянно восполняетъ данными, заимствованными изъ сочиненій греческихъ писателей того же времени, а иногда и тѣми, которыя заключаются въ нашихъ историческихъ памятникахъ болѣе поздняго времени, хотя нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ, какъ намъ кажется, онъ могъ бы воспользоваться гораздо въ большей степени. Укажемъ для примѣра на посланіе московскаго митрополита Кипріана псковскому духовенству 1392—1395 г. („Акты историческіе", т. I, № 8), гдѣ есть интересныя въ церковно-археологическомъ отношеніи свѣдѣнія объ антиминсахъ и причащеніи. О первыхъ митрополитъ Кипріанъ пишетъ: „А коли есмь былъ въ Новгородѣ въ Великомъ, тогды есмь антиминсы священалъ, а приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антиминсовъ. Нынѣча слышу, что самъ (епископъ) былъ тогды у васъ, а далъ вамъ отъ тѣхъ антиминсовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антиминсъ: ино то не право учинилъ, на свою пагубу; и нынѣча язъ послалъ... антиминсовъ 60..., а священайте церкви, но не рѣжите ихъ: такъ и кладите, какъ порѣзаны и наряжены и священы." О причащеніи онъ говоритъ: „хочете дати причастье о Велицѣ дни (въ Свѣтлое Воскресенье), или о Рождествѣ Христовѣ, или о которомъ святку (въ другой какой праздникъ), какъ присмотрите достойнаго; и выдавайте на обѣднѣ. Какъ измолвитъ дьяконъ: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,—тогды бы приходили къ царскимъ дверямъ, да причащалися передъ царскими дверьми, а руки положа къ персямъ крестообразно, а къ сударю (платку) бы не прикасалися; такъ же и женкамъ давайте причастье, обѣдни не кончавъ, а причащали бы ся у другихъ дверей, что противу жертвенника". Хотя эти свѣдѣнія относятся къ монгольскому періоду, но надо думать, что обычай рѣзанія антиминсовъ и причащенія женщинъ передъ сѣверными вратами существовалъ у насъ и въ болѣе раннее время.

Въ собственно-исторической части, сочиненіе г. Голубинскаго отличается строгою критикою, выгодно выдѣляющею его изъ ряда другихъ сочиненій по исторіи русской церкви, которыя очень часто придаютъ вѣру самымъ недостовѣрнымъ извѣстіямъ; но нельзя не сказать, что онъ въ своей критикѣ иногда доходитъ до крайностей. „Истинный уставъ монашескаго общинножитія, говоритъ онъ на стр. 526,—строго и безусловно отрицающій всякую собственность, былъ было вводимъ къ намъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ печерскимъ, но продержался въ нашихъ монастыряхъ весьма недолго, а за тѣмъ его у насъ совсѣмъ не было и монахи наши, помимо этого единственно истиннаго монашескаго устава, монашествовали по двумъ уставамъ, далеко нестрого монашескимъ, которыхъ, какъ таковыхъ, собственно никогда не признавала церковь и которые, бывъ изобрѣтены самоволіемъ и фарисействомъ человѣческимъ, существовали единственно на тѣхъ же правахъ, на которыхъ существуетъ

Библиотека "Руниверс"

всякое злоупотребленіе.“ Хотя нѣтъ, конечно, никакихъ основаній утверждать, что строгій уставъ монашескаго общинножитія сохранялся вездѣ, но можно думать, что онъ сохранялся и много времени послѣ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ монастыряхъ; по крайней мѣрѣ на это указываетъ, по нашему мнѣнію, уставная грамота суздальскаго архіепископа Діонисія Снѣтогорскому монастырю, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка („Акты историческіе“, т. I, № 5), въ которой мы читаемъ: „хотящимъ мнишествовати,—дати сущая и пріимати потребы; по постриженіи же (надъ) впадающимъ (поступающимъ) къ нему всѣмъ—монастырю имѣти власть; ни о чемъ же своемъ пещися или рядити симъ попущается. Аще кто купитъ стяжаніе кое, иже не причастно монастырю, свое творя,—се убо игуменомъ или епископомъ да воспріимется и многимъ дерзновеніемъ продаемо и убогимъ, и немощнымъ, клоснымъ (хромымъ) да раздается таковое стяженіе... Иже въ мнишескій святый образъ одѣяни и въ монастырѣхъ сущимъ и ни словомъ лѣть (позволительно) рещи: се—твое, а се—мое, или—сего и оного... Отселѣ въ честнѣмъ семъ монастыри святыя Богородицы, на Снѣтной Горѣ, уставихомъ... ничто же своего ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и святой Богородицѣ въ монастырь.“

Еще замѣтнѣе крайность, въ которую впадаетъ г. Голубинскій, говоря о преподобномъ Авраміи ростовскомъ. Извѣстно, какъ скудны и малодостовѣрны имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о жизни многихъ древне-русскихъ святыхъ: житія ихъ, составленныя по большей части много времени спустя послѣ ихъ кончины и дошедшія до насъ въ реторическихъ редакціяхъ XV и XVI вѣковъ, или ограничиваются общими мѣстами, или содержатъ въ себѣ, рядомъ съ достовѣрными историческими данными, совершенно противорѣчащія имъ вставки позднѣйшихъ редакторовъ житій. Таково именно житіе преподобнаго Аврамія ростовскаго. Вслѣдствіе того, что въ немъ упоминаются великій князь Владиміръ и ростовскій князь Борисъ, прежніе историки нашей церкви (въ томъ числѣ высокопреосвященный Макарій, „Исторія русской церкви“, т. I, стр. 157, прим.) относили время жизни преподобнаго Аврамія къ началу или первой половинѣ XI вѣка, не взирая на то, что другія данныя житія указывали на время гораздо болѣе позднее. Г. Голубинскій первый обратилъ должное вниманіе на эти послѣднія данныя, но съ заключеніемъ, къ которому онъ пришелъ чрезъ ихъ разсмотрѣніе, едва ли кто можетъ согласиться. Онъ говоритъ: „преподобный Аврамій ростовскій жилъ не ранѣе второй половины XIV вѣка и по всей вѣроятности есть одно и то же лицо съ игуменомъ ростовскимъ Авраміемъ Низкимъ, о которомъ говорятъ лѣтописи подъ 1385 годомъ“ (стр. 648). Но въ житіи преподобнаго Аврамія нѣтъ и помину ни о Москвѣ, ни о московскихъ князьяхъ, ни о митрополитѣ, съ которымъ Аврамій Низкій совершилъ путешествіе въ Царьградъ, такъ что относить время жизни святого къ московскому періоду невозможно; оно можетъ относиться только къ періоду владимірскому, какъ указываютъ нѣкоторыя подробности житія, которымъ не придалъ никакого значенія г. Голубинскій, какъ-то: великій князь живетъ во Владимірѣ, епископомъ ростовскимъ названъ Ѳеодоръ, можетъ быть тотъ, который жилъ въ княженіе Андрея Боголюбскаго и былъ казненъ митрополитомъ въ 1170 году, и др.

Нельзя не пожалѣть, что г. Голубинскій, при обширномъ знакомствѣ съ греческою каноническою литературою, мало знакомъ съ литературою неканоническою. Говоря объ ежемѣсячныхъ языческихъ праздникахъ, которые едва

Библиотека "Руниверс"

ли когда нибудь существовали въ дѣйствительности и которые по всей вѣроятности всецѣло принадлежатъ фантазіи такихъ изслѣдователей русскаго язычества, какъ покойный Аѳанасьевъ, г. Голубинскій замѣчаетъ: „съ совершенною вѣроятностью предполагаютъ (кто? вѣроятно Аѳанасьевъ?), что 12 пятницъ въ году, къ которымъ народъ питаетъ особенное уваженіе, воспроизводятъ собою эти праздники“ (стр. 743, прим.). Это замѣчаніе показываетъ, что г. Голубинскій не знаетъ даже о существованіи греческаго сказанія о 12 пятницахъ, хотя оно, въ разныхъ своихъ редакціяхъ, было не только указано, но и приведено въ греческомъ подлинникѣ г. Некрасовымъ („Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о двѣнадцати пятницахъ“, Филолог. Записки 1870 г., вып. 3) и г. Веселовскимъ („Опыты по исторіи христіанской легенды“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 6) и въ славянскомъ переводѣ г. Тихонравовымъ („Памятники отреченной русской литературы“ т. II) и г. Ягичемъ (Prilozi k historiji književnosti noroda hrvatskoga i srbskoga). „За еженедѣльный языческій праздникъ славянъ, продолжаетъ г. Голубинскій, должно принимать ту же пятницу (которая въ язычествѣ была посвящена у нихъ Ладѣ или Сивѣ) и симъ объяснять, что народъ питаетъ особенное уваженіе къ св. Параскевѣ-Пятницѣ, и что у болгаръ она считается матерью св. Недѣли; Стоглавъ: является (лживымъ пророкамъ) святая Пятница и святая Анастасія (Воскресеніе, т. е. болгарская св. недѣля) и велитъ имъ заповѣдати христіанамъ...; въ Малороссіи у простого народа еще въ концѣ XVI вѣка недѣльнымъ праздникомъ была пятница, а не воскресенье“ (ibidem). Какъ видно изъ приведенной цитаты, г. Голубинскому неизвѣстно, что олицетвореніе пятницы и воскресенья произведено греками и къ намъ перешло уже съ готовымъ культомъ, хотя объ этомъ узнать было очень не трудно: стоило только заглянуть хотя бы въ апокрифическое „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ (Тихонравовъ „Памятники“ т. II), гдѣ разсказывается, что Богородица, моляся Богу о помилованіи грѣшныхъ, обратилась съ просьбою молиться вмѣстѣ съ нею къ святой Недѣлѣ и къ святой Пятницѣ. Точно такъ же нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ старинныхъ русскихъ статьяхъ гадательнаго содержанія (вороноврай, куроклинъ, ухозвонъ, окомичъ и т. п.) заключаются непремѣнно русскія языческія вѣрованія, какъ склоненъ думать г. Голубинскій (стр. 724): честь составленія подобныхъ статей можетъ быть не принадлежитъ нашимъ предкамъ и онѣ получены ими уже готовыя изъ Греціи, вмѣстѣ съ разными Колядниками, Зодіями, Астрологіями, Рафлями, которыхъ уже самыя названія указываютъ на греческое происхожденіе.

Сверхъ этого, г. Голубинскій не обратилъ никакого вниманія на то, что греки, явившіеся къ намъ съ проповѣдію христіанской религіи, и сами были отчасти двоевѣрами и не могли называться христіанами въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ примѣшивали къ ученію Христа, апостоловъ и св. отцовъ, не мало и языческихъ вѣрованій, и что эти языческія вѣрованія они передали, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и новообращеннымъ русскимъ. Онъ самъ замѣчаетъ, что „какъ у насъ, по представленіямъ народнымъ, гремитъ теперь на небѣ, вмѣсто Перуна, пророкъ Илія, такъ и у грековъ вмѣсто Зевеса— онъ же“ (стр. 742, прим.), при чемъ ссылается на житіе Андрея юродиваго; но совершенно далекъ отъ той мысли, что не русскіе замѣнили своего Перуна пророкомъ Иліею и придали послѣднему роль громовника, а что они получили готовое вѣрованіе въ Илью-громовника изъ Греціи. Точно такъ же они, быть можетъ, вовсе не переносили на св. Георгія побѣдоносца роль покрови-

Библиотека "Руниверс"

теля животныхъ, принадлежавшую прежде богу Волосу, какъ полагаетъ г. Голубинскій (стр. 743), а это перенесеніе произошло еще на греческой почвѣ.

Говоря о первой половинѣ перваго тома „Исторіи русской церкви", мы упомянули о нѣкоторыхъ неудачныхъ вторженіяхъ автора въ область филологіи. Такія же вторженія онъ продолжаетъ дѣлать и во второй половинѣ, но нельзя сказать, чтобы съ большею удачею. Въ видѣ курьоза, мы позволяемъ себѣ выписать одно изъ нихъ. Разсуждая объ славянскомъ первоучителѣ св. Константинѣ философѣ, объ славянской азбукѣ и названіи ея буквъ, г. Голубинскій говоритъ: „наибольшей части буквъ своего алфавита Константинъ далъ славянскія названія и придумалъ эти послѣднія такъ, чтобы изъ нихъ по порядку выходили фразы со смысломъ; азъ, буки, вѣди—значитъ: я книги знаю (буки изъ готск. boca, нѣмецк. buch.); глаголъ, добро, есть—значитъ выговаривай хорошенько е" (стр. 296). Неужели ученому автору неизвѣстно, что букы по церковно-славянски есть именительный падежъ единственнаго числа, и что винительный падежъ множественнаго числа долженъ звучать букъви?

А. С—кій.

Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края. Вятка. 1880 г.

Сборникъ этотъ изданъ вятскимъ статистическимъ комитетомъ по случаю празднованія въ концѣ прошлаго года столѣтія существованія вятской губерніи. Первоначально комитетъ имѣлъ въ виду издать историко-статистическое описаніе губерніи за протекшее столѣтіе, но на свое приглашеніе не получилъ такихъ трудовъ, которые представляли бы цѣльный очеркъ изъ прошлой жизни губерніи, даже въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, и потому принужденъ былъ издать почти исключительно одни матеріалы для предполагаемаго описанія, За матеріалами комитетъ обратился къ источнику, еще не тронутому рукою изслѣдователя, къ мѣстнымъ архивамъ; многое извлечено также изъ мѣстныхъ изданій. Собраннаго такимъ образомъ матеріала оказалось такъ много, что пришлось разбить его на два тома.

Самою видною частью вышедшаго перваго тома сборника, какъ и можно ожидать, является та, гдѣ помѣщены матеріалы, извлеченные изъ архивовъ. Нельзя не признать удачнымъ самое расположеніе матеріала-погодно, такъ что онъ составилъ собою „лѣтопись выдающихся событій за прошедшее столѣтіе". Какъ много важныхъ и любопытныхъ извѣстій находится въ появившейся половинѣ лѣтописи, можно судить по числу просмотрѣнныхъ составителями ея дѣлъ: описей просмотрѣно 125, дѣлъ 1350. Тутъ находятся свѣдѣнія о сенаторскихъ и губернаторскихъ ревизіяхъ, народныхъ переписяхъ, перемѣнахъ въ управленіи губерніею, народныхъ переселеніяхъ, размежеваніяхъ, инородцахъ, разбояхъ и пр. Содержаніе дѣлъ занесено добросовѣстно, безъ опущенія существеннаго.

Полнаго вниманія заслуживаетъ мысль г. А—ра составить хронику вятской жизни по губернскимъ вѣдомостямъ. Конечно, хроника мѣстной жизни въ губернскихъ вѣдомостяхъ излагается односторонне, общество и населеніе

Библиотека "Руниверс"

являются тутъ постоянно въ нарядѣ, торжествующимъ, ликующимъ, веселящимся, но сотрудникъ оффиціальнаго сборника не могъ включить въ свою статью тѣхъ свѣдѣній о прошлой жизни Вятки, которыя можно получить неоффиціальнымъ путемъ отъ старожиловъ. Просмотрѣть 42 тома вѣдомостей не легкое дѣло, и мы должны быть благодарны г. А—ру, не остановившемуся предъ такимъ трудомъ. Его работа прокладываетъ путь для того, кто займется прошлымъ провинціальной жизни. Не можемъ лишь не пожалѣть, что авторъ дѣлаетъ иногда слишкомъ большія выписки, часто не выносимыя по своей торжественности, и забываетъ подробно извѣщать о болѣе важныхъ событіяхъ.

Г. Спасскому, секретарю статистическаго комитета, принадлежитъ весьма обстоятельная статья о развитіи внѣшняго вида Вятки и занятіяхъ ея населенія. Авторъ приводитъ въ своей статьѣ много новыхъ соображеній и матеріаловъ; историческая топографія Вятки, можно сказать, создана этимъ трудомъ, а въ главѣ о развитіи промысловъ и занятій населенія Вятки, авторъ не имѣетъ предшественника.

Краткій очеркъ исторіи вятскаго края до открытія намѣстничества, принадлежащій г. Андреевскому, по сознанію самого автора не даетъ ничего новаго для мѣстной исторіи и только лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало она разработана.

Къ сборнику приложена карта намѣстничества 1796 г., планъ Вятки 1759 г.и видъ ея въ XVI ст., снятый съ одной мѣстной иконы. Изданъ сборникъ весьма порядочно, для провинціи даже роскошно.

Во второмъ томѣ сборника будутъ помѣщены: древніе акты XV—XVII ст. исторія учебныхъ заведеній, матеріалы для исторіи эпархіи, дѣла объ-инородцахъ и крестьянскихъ волненіяхъ, измѣненіе состава населенія по переписямъ и каталогъ вещественныхъ памятниковъ вятскаго края до XVIII ст. Судя по приведенному оглавленію и этотъ томъ обѣщаетъ многое.

Мы увѣрены, что вятскій сборникъ сдѣлается настольною книгою для изслѣдователей мѣстнаго края и что его не обойдетъ никто, интересующійся Вятскою губерніею въ какомъ бы то ни было отношеніи. Подобные труды рѣдки; каждая провинціальная литература считаетъ ихъ единицами.

А. С—нъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Необыкновенная денежная награда въ XVII столѣтіи.

СТРѢЛЕЦКІЕ пятисотенные, Ларіонъ Елизарьевъ и Ипатъ Ульфовъ, съ товарищами, всего 7 человѣкъ, въ 1689 году, какъ извѣстно, ночью прискакали къ Петру Великому въ Преображенское и предупредили его о заговорѣ противъ него царевны Софьи. Испуганный Петръ въ ту же ночь ускакалъ верхомъ въ Троицкую Лавру. Награда этимъ стрѣльцамъ отъ Петра была вполнѣ царская. Сперва имъ пожалованы въ Москвѣ каменныя лавки, амбары, харчевни и пирожни, а потомъ это пожалованіе доходными статьями было замѣнено денежною, неслыханною съ то время, по своему размѣру наградою: каждому изъ стрѣльцовъ пожаловано было по тысячѣ рублей. (Изъ дѣлъ архива Оруж. палаты).

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Письмо графа П. И. Шувалова къ графу Лестоку [1]).

„Сіятельный графъ!

„Вашему сіятельству извѣстно, что вы должны намъ денегъ, когда я и жена банкъ держали, остались четыре тысячи руб. и одно сто рублевъ, изъ которыхъ вы зачли за долгъ мой камергеру Фитенгофу девятьсотъ рублевъ, тогда осталось 3200 рублевъ, въ Москвѣ за мой долгъ зачли его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу за лажъ 1000 рублевъ, да въ квинтичи вы играли ваше сіятельство, какъ играли у принцессы сербской, 75 рублей, да въ фаро вы отыграли 100 рублевъ и затѣмъ осталось на вашемъ сіятельствѣ 2125 рублевъ, которыя прошу

[1]) Извѣстный лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны Лестокъ былъ страстный игрокъ; но не любилъ платить своихъ карточныхъ долговъ, какъ это видно и изъ настоящаго письма къ нему графа Петра Ивановича Шувалова. Любопытно, что письмо это писано всего за полгода до ареста, пытки и ссылки Лестока, когда онъ уже находился въ немилости и подозрѣніи при дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

мнѣ прислать, а я бы еще терпѣлъ дожидаясь, но долженъ изъ оныхъ заплатить 1000 рублевъ камеръ-юнкеру господину Лямину, которой крайне мнѣ скучаетъ, я уповаю что ваше сіятельство хотя половину нынѣ заплатить не оставите въ той надеждѣ и пребываю покорнымъ слугою

„Графъ Петръ Шуваловъ.

„Апрѣля 20 дня, 1748 года.

Сообщено **Д. Я. Пашковымъ.**

Затрудненія при поминовеніи Петра III.

Докладная записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II.

„Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ обойтитися не можетъ представить въ оригиналѣ приложенное при семъ къ нему письмо отъ крутицкаго архіерея Амвросія, котораго онъ не принять не могъ, когда архіерей съ тѣмъ прислалъ, чтобъ Ея Императорскому Величеству доложить, и о чемъ уже графъ Бестужевъ-Рюминъ во вчерашнемъ собраніи графу Григорью Григорьевичу (Орлову) въ кратцѣ упомянулъ.

„Рѣшеніе по содержанію сего письма состоитъ въ единственной монаршей волѣ, то есть при данномъ ли уже Синоду всевысочайшемъ повелѣніи остаться, или какую въ томъ отмѣну сдѣлать.

„Между тѣмъ сколько представленіе о томъ архіерея отважно, столько же на противу того въ самомъ существѣ видится не только дѣльно, но и на должности вѣрнаго къ Ея Императорскому Величеству и къ отечеству усерднаго раба основано быть.

„Графъ Бестужевъ находя истину тѣхъ слѣдствій, которыхъ архіерей для народа и святой церкви опасается, а пылая и самъ безпредѣльною ревностію и усердіемъ къ освященной Ея Императорскаго Величества особѣ и къ любезному отечеству, по всей справедливости неинако но долженствуетъ мысли архіерейскія утруждать, особливо для нижеслѣдующихъ важныхъ резоновъ.

„Естьли поминовеніе бывшаго императора Петра Третьяго по силѣ объявленнаго уже всюду указа отправляться будетъ торжественнымъ образомъ и равно съ прочими въ Бозѣ усопшими россійскими монархами, то натурально надобно его именовать благочестивѣйшимъ, но отъ сего названія неминуемо произойдетъ, во-первыхъ, само собою ясное противорѣчіе тѣмъ главнымъ порокамъ, за которые онъ престола лишенъ, и о которыхъ въ изданныхъ отъ Ея Императорскаго Величества манифестахъ точно изображено, а именно: что въ его государствованіе перво всего законъ православный греческій и истребленіе церковныхъ преданій возчувствовали свое потрясеніе, такъ что церковь крайней опасности подвергалась перемѣною древняго въ Россіи православія съ принятіемъ иновѣрнаго закона, что онъ не имѣлъ, какъ видно, въ сердцѣ своемъ слѣдовъ вѣры православной греческой, коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренить, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, не дѣлавъ иконамъ святымъ поклоненіе, но паче оказывая къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе, или и самое ругательство, потомъ началъ онъ помышлять о разореніи и самыхъ церквей, и уже нѣкоторыя повелѣлъ было самымъ дѣломъ разорить, однимъ словомъ началъ истреблять страхъ Божій.

Библиотека "Руниверс"

„Къ тому же сіе противорѣчіе усугубится еще и носящимся по всей публикѣ слухамъ, что бывшій императоръ, не смотря уже на очевидный конецъ его жизни и на сдѣланныя потому увѣщеванія, отнюдь не хотѣлъ по преданіямъ православной церкви исповѣдываться и святыхъ таинъ пріобщиться, безъ чего будто дѣйствительно и скончался.

„А за всѣмъ тѣмъ отъ имянованія благочестивѣйшимъ и торжественнаго поминовенія, о которомъ обыкновенно въ печатныя книжки вносится, и оныя по всѣмъ церквамъ въ государствѣ для исполненія разсылаются, слѣдовательно для всего народа извѣстными чинятся, сверхъ представляемыхъ отъ архіерея несходствій, можетъ легко и такое еще, отъ чего Боже сохрани, крайне вредительное соображеніе сдѣлано быть, яко бы всѣ показанныя пороки на него напрасно взведены и какіе нибудь другіе виды низверженію были.

„Но дабы бывшаго императора безъ поминовенія не оставить, то не соизволено ли будетъ Синоду повелѣть, чтобъ они какой къ тому способъ сами изобрѣли, предостерегая однакожъ, дабы выше изображенныя небезосновательныя опасности, а по меньшей мѣрѣ и нескладныя о томъ толкованія въ народѣ, предупреждены были.

„Графъ Бестужевъ, представя на премудрое Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніе слабѣйшія о томъ свои разсужденія, признавается, что и самое дѣло Ея Императорскому Величеству весьма досадительно, и употребленная отъ него въ томъ смѣлость великая, но какъ онъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ клялся ничего не таить, то вслѣдствіе того по своей должности о семъ и умолчать не могъ, рабски уповая, что во гнѣвъ сіе его можетъ быть излишнее усердіе принято не будетъ. По сему же его усердію не можетъ онъ не донесть и о томъ, что слышитъ, а именно: что по совершеніи всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества коронованія по прежнему обыкновенію нетокмо въ здѣшніе соборы, но и тому знатному духовенству, которое при семъ священномъ дѣйствіи присутствовало, ничего не пожаловано, а на предъ сего отъ опочивающей въ Бозѣ государыни императрицы Елисаветы Петровны при подобномъ случаѣ въ три главные въ Кремлѣ собора, въ каждый по 1000 р. на раздѣлъ священникамъ съ церковнымъ причтомъ пожаловано было, хотя при томъ неизвѣстно, была ль какая дача и присутствующему при коронаціи духовенству.

„Сверхъ того, графъ Бестужевъ за потребно находитъ всенижайше донесть, что государыня императрица Анна Іоанновна имѣла и такое во всю свою жизнь непремѣнное обыкновеніе, что въ С.-Петербургѣ во всѣ церкви безъ изъятія, когда только праздникъ во имя ихъ случится, каждой разъ по сту рублевъ на молебенъ за ея здоровіе присылать изволила, такъ что въ иную церковь по нѣсколькимъ ея предѣламъ и ста по три въ годъ доставалось, а къ тому не рѣдко и парчами на церковную одежду и украшеніе жаловать изволила“.

При этомъ приложено подлинное письмо Амвросія, 1763 года, Марта 12 дня, слѣдующаго содержанія:

„Высоко сіятельнѣйшій графъ

„Милостиво надежный патронъ и благодѣтель мой.

„Объявилъ намъ синодальный г. оберъ-прокуроръ высочайшее повелѣніе, чтобъ мы по бывшемъ императорѣ Петрѣ III, такъ какъ и по протчихъ всероссійскихъ монархахъ, панихиды и публичныя поминовенія отправляли, что

Библиотека "Руниверс"

предъ днемъ его въ Архангельскомъ соборѣ и исполнено. Не по неже о томъ чрезъ обыкновенныя книжицы по церквамъ еще не распубликовано, а въ народъ печатными манифестами весьма голосно и съ нашими поминовеніями несходственно знать дано, то не соблаговолите ли ваше высокографское сіятельство о семъ паки доложить, ибо ежели намъ отправлять панихиды: то въ народѣ объ немъ инако, нежели въ манифестахъ изображено, могутъ толковать; да и церковь святая отъ раскольниковъ не безъ поношеній останется. О чемъ съ почтеніемъ предложа, прошу вашего высокографскаго сіятельства не въ дерзновеніе мнѣ, но въ вѣрно присяжную должность сіе вмѣнить."

Къ докладу Бестужева, сверхъ того, приложена записка, писанная его же рукой (вѣроятно, проектъ указа Синоду), которая послѣ изложенія несообразности поминовенія съ манифестами объ Петрѣ III изданными, оканчивается такимъ образомъ:

„Однако же самая та же церковь не запрещаетъ и о сущихъ злодѣяхъ приносить молитвы, но паче повелѣваетъ о заблудшихъ душахъ молиться: того ради безъ молитвъ и поминовенія и его оставить не надлежитъ. Вслѣдствіе чего надобно Синоду изобрѣсти особую для его поминовенія форму, не соединяя его съ прочими въ Бозѣ почивающими россійскими государями; сіе поминовеніе по закону нашему, служить можетъ къ отрадѣ его души и къ удовлетворенію грѣховъ его, а притомъ и истребитъ, есть ли носятся въ народѣ ложные объ немъ слухи, будто онъ живъ."

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Къ исторіи дѣтства императора Павла I.

Извѣстно, что императрица Елисавета Петровна была чрезвычайно обрадована рожденіемъ великаго князя Павла Петровича и, не надѣясь, чтобы родители его могли должнымъ образомъ воспитать и сохранить ребенка, взяла его къ себѣ и поручила попеченіямъ нѣсколькихъ мамокъ и нянекъ, которыя, однакожъ, вмѣсто ожидаемой пользы, оказали весьма вредное вліяніе на нравственное и физическое развитіе будущаго наслѣдника престола. Правда, наблюденіе за здоровьемъ великаго князя, съ самаго дня его рожденія, 20 сентября 1754 г., было возложено на лучшаго тогдашняго врача, лейбъ-медика Кондоиди; но послѣдній, всецѣло поглощенный обширной практикой и управленіемъ медицинской коллегіи, мало занимался физическимъ воспитаніемъ Павла Петровича и въ своихъ донесеніяхъ о состояніи здоровья великаго князя, обращики которыхъ мы приводимъ здѣсь, постоянно увѣрялъ императрицу, что „благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здоровіе, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего императорскаго величества продолжается саможелательно и во всемъ благополучно", тогда какъ на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Воспитатель Павла Петровича, Порошинъ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что въ дѣтствѣ великаго князя наказывали тѣмъ, что кормили его молочнымъ, вредно дѣйствовавшимъ на его желудокъ, насильно заставляли его много ѣсть мяса, отъ чего у него дѣлалась рвота и вообще разстраивали его здоровье несоблюденіемъ самыхъ основныхъ діэтетическихъ правилъ. Медицинская наука давно уже старается объяснить неестественную напряженность и разстройство воображенія

Библиотека "Руниверс"

разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ. Разсматривая особенности характера Павла, необходимо принимать во вниманіе также и его физическія особенности. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельства Порошина, особенно любопытна, печатаемая ниже, въ переводѣ съ французскаго, записка о болѣзненности восьмилѣтняго Павла неизвѣстнаго намъ по фамиліи врача, назначеннаго къ великому князю домашнимъ докторомъ уже императрицей Екатериной II, въ 1762 году. Записка эта, а равно и донесенія Кондоиди, хранятся въ Государственномъ Архивѣ и обязательно сообщены намъ въ копіяхъ Г. В. Есиповымъ.

Донесенія императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ лейбъ-медика Кондоиди.

1.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ опочивать ложиться изволилъ вчерась въ 10 минутъ 10 часа, а пробудился сего числа по утру не вступно въ 8 часовъ; чрезъ оное время опочивалъ сладко и спокойно и пробудился веселъ. Кушать изволилъ иной день больше, иной меньше, молочной кашицы и испражненіе имѣетъ по пропорціи довольно. Слѣдственно благословеніемъ всемогущаго въ вожделѣнномъ находится здравіи. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.“

„Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Павелъ Кондоиди.“

„Мая 25 дня, 1755 г. въ 9 часовъ по-полудни.

2.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здравіе, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего императорскаго величества продолжается саможелательно и во всемъ благополучно. По высочайшему вашего императорскаго величества указу, отъ господина камергера Воронцова намъ объявленному, всѣ посты около комнаты его императорскаго высочества осматриваны и гдѣ разсудилось надобно часовые прибавлены и приказомъ господина генералъ-маіора князя Меншикова всѣмъ часовымъ вездѣ подтверждено за приключеніемъ барону Леутруту быть въ осторожности.“

„Августа 24 дня, 1755 г. въ 10 часовъ по-полудни.

3.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Чрезъ нынѣ прошедшую ночь его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ опочивалъ довольно хорошо и пробудился веселъ и въ прочемъ все благополучно; уповать же надобно, что въ годъ и съ зубкомъ будетъ, ибо десны весьма стали свербѣть, что видно отъ того, что часто и почти непрестанно изволитъ ихъ тереть, но не инымъ чѣмъ, какъ своими пальцами; на верхней же деснѣ перепонка день ото дня

Библиотека "Руниверс"

больше бѣлѣетъ. Богъ милосердый за молитвами вашего императорскаго величества да даруетъ благополучно, яко же и уповаю."

„Августа 25 дня, 1755 г., въ 10 часовъ по-полудни.

4.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ, благодаря всевышняго, находится въ саможелательномъ здравіи благополучно. Вчерась въ 35 минутъ девятаго часа соизволилъ опочивать ложиться, а въ 50 минутъ девятаго же часа сегодня пробудился веселъ и соизволилъ приказать самими словами: „матушкѣ государынѣ императрицѣ поклонись."

„Мая 10 дня, 1757 года.

5.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ со свитою своею въ Село Царское благополучно прибыть изволилъ въ полъ-двѣнадцатаго часа; дорогою веселъ былъ, напослѣдокъ започивалъ и въ саможелательномъ здравіи находится и нынѣ гулять изволитъ."

„Мая 24 дня, 1757 года.

6.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ, благодаря всевышняго, находится въ саможелаемомъ здравіи. Божественную литургію и молебенъ изволилъ выслушать въ самой церкви Воскресенія Христова благоговѣйно и очень хорошо и сподобился причаститься св. Христовыхъ тайнъ съ такимъ истинно благоговѣніемъ и тихостью, что мы всѣ тому радовались и удивлялись. По окончаніи молебна, къ кресту изволилъ приложиться очень усердно и напослѣдокъ всѣхъ, находившихся въ церкви, обоего пола, къ ручкѣ изволилъ пожаловать. Изъ своей комнаты изволилъ видѣть и слышать поздравляющихъ барабанщиковъ, потомъ въ залѣ команду всю лейбъ-компанію къ ручкѣ жаловать."

„Іюня 29 дня, 1757 года.

Записка о болѣзненномъ состояніи великаго князя Павла Петровича.

„Великому князю Павлу Петровичу отъ роду семь лѣтъ и десять съ половиною мѣсяцевъ.

„Съ самаго рожденія онъ страдаетъ почти постоянно припадками, происходящими отъ кислотъ, которыя преобладаютъ въ желудкѣ и пищеварительныхъ каналахъ, что доказывается лекарствами, прописанными ему въ теченіи всего этого времени.

„Подростая, онъ подвергался многимъ болѣзненнымъ припадкамъ. При худенькомъ (maigrelette) тѣлосложеніи, онъ былъ преимущественно безпокоимъ опухолями желѣзъ (des tumeurs dans les parties glanduleuses), переходившими иногда въ нагноеніе.

Библиотека "Руниверс"

„Онъ подверженъ иногда рвотѣ, но чаще поносамъ. Les selles ont été jaûnatres et alors fort puantes, mais le plus souvent verdatres; ainsi ils ont varié suivant les differens alimens dont il a été nourri precedemment.

„Не трудно опредѣлить происхожденіе болѣзней, которыя изнуряли этого любезнаго князя (aimable prince) но нужно много труда (du travail), чтобы уничтожить совершенно (deraciner), какъ ихъ, такъ и производимые ими припадки. Необходимо, съ особеннымъ вниманіемъ приложить все наше стараніе, чтобы это зло, хотя и медленно, но столь же вѣрно, увеличивающееся, не пустило болѣе глубокихъ корней.

„Назначенный, по осому повелѣнію всемилостивѣйшей государыни, исполнять обязанности домашняго врача (medecin ordinaire) при великомъ князѣ, я намѣренъ разрѣшить это дѣло (demembrer le cas) предложивъ охотно на обсужденіе другихъ врачей и хирурговъ, состоящихъ при дворѣ ея величества, мой методъ леченія, основанный на паталогическихъ данныхъ (expositions pathologiques).

„Однакожъ, прошу васъ, милостивые государи, по прочтеніи моихъ объясненій, изложить ваши мнѣнія письменно.“

Затѣмъ въ запискѣ подробно излагается спеціально медицинское опредѣленіе болѣзни великаго князя и способы для систематическаго его леченія [1]), Записка оканчивается слѣдующими словами: „Да благословитъ меня всемогущій Богъ сохранить живымъ и здоровымъ князя, который составляетъ радость августѣйшей императрицы, государства и всѣхъ насъ. 6-го августа 1762 года.“

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

[1]) Къ сожалѣнію, это любопытное мѣсто записки не списано Г. В. Есиповымъ и не находится въ сообщенной имъ намъ копіи.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

Къ вопросу о правѣ убѣжища. Ужасающія событія въ Россіи послѣднихъ дней выдвинули вопросъ о международныхъ предпріятіяхъ противъ интернаціональнаго общества революціонеровъ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ и по свѣдѣніямъ заграничныхъ газетъ, вопросъ объ этомъ вскорѣ оффиціально будетъ внесенъ въ очередной порядокъ европейскихъ дѣлъ. Починъ, сондированіе, предварительные шаги, дѣлаемые въ этомъ направленіи въ настоящую минуту, исходятъ отъ русскаго посольства въ Германіи, по словамъ „Berliner Tagblatt". Къ Швейцаріи предполагается въ непродолжительномъ времени обратиться съ требованіемъ ограничить право убѣжища для политическихъ преступниковъ. Въ виду этого, не безъинтересно прослѣдить историческое происхожденіе нынѣ существующаго взгляда на „право убѣжища." Какъ это ни странно, но оно имѣетъ прямо антиреволюціонный характеръ.

Первымъ его примѣненіемъ было широкое гостепріимство, оказанное Европою французскимъ эмигрантамъ 1790—1792 годовъ. Когда дѣло шло о реакціонныхъ заговорахъ, во главѣ которыхъ стояли братья Лудовика XVI-го, открыто вербовавшіе въ Кобленцѣ полки для борьбы съ законно существовавшимъ, самимъ королемъ признаннымъ, порядкомъ вещей во Франціи, консерваторы всей остальной Европы громко провозглашали святость и неприкосновенность воскрешоннаго ими средневѣковаго права. Воззрѣніе это все крѣпло и росло вплоть до эпохи возстановленія во Франціи монархіи Бурбоновъ. Французскіе заговорщики реакціоннаго лагеря слыли повсюду за героевъ даже и тогда, когда, для достиженія своихъ цѣлей, они прибѣгали къ средствамъ, близко напоминающимъ подвиги современныхъ анархистовъ. Антиреволюціонная Европа восхваляла до небесъ Жоржа Кадудаля и облекалась въ глубокій трауръ послѣ казни герцога Энгіенскаго.

Съ тѣхъ поръ „право убѣжища" сдѣлалось однимъ изъ орудій европейской дипломатіи и практиковалось всѣми правительствами, имѣвшими причины быть недовольными порядкомъ вещей, вновь водворившимся въ одномъ изъ государствъ Европы. Послѣ іюльской революціи, сторонники Карла X разсыпались повсюду, гдѣ находился въ чести принципъ такъ-называемаго легитимизма. Вмѣстѣ съ испанскими сторонниками дона-Карлоса, они одно время, подъ общимъ именемъ „карлистовъ", были героями и желанными гостями ультрамонархическихъ гостиныхъ всѣхъ странъ.

Библиотека "Руниверс"

Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени, такое употребленіе или злоупотребленіе правомъ убѣжища для политическихъ эмигрантовъ должно было выработать на практикѣ компромисъ, въ основу котораго легла мольеровская фраза „passez moi la casse, je vous passerai le séné.“ У вновь учреждавшихся правительствъ были, по большей части, враги двоякаго рода, правой и лѣвой стороны. Правительства, дававшія убѣжище, а иногда и тайную помощь испанскимъ карлистамъ, чувствовали себя не въ правѣ протестовать противъ образа дѣйствій другихъ правительствъ, укрывавшихъ у себя испанскихъ революціонеровъ, носившихъ характерное названіе десками-садосовъ (descamisados); свѣтскіе кружки, радушно принимавшіе князя Полиньяка и маршала Мормона, не могли претендовать на страну, дававшую убѣжище Арману Барбэсу.

Создалось двойное теченіе; ультрареакціонные и демагогическіе элементы каждой націи искали за границей своей страны не только пристанища, но и средствъ для борьбы съ существующимъ въ этой странѣ порядкомъ вещей. Ихъ общая неприкосновенность была возведена въ международный принципъ.

Серьезная опасность такого положенія дѣлъ сказалась только позднѣе. Пребываніе на чужбинѣ дѣйствовало въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ на эмигрантовъ двухъ крайнихъ политическихъ лагерей. Легитимисты, карлисты и прочіе „крайніе“ правой стороны, все болѣе и болѣе теряли энергію въ той гостепріимной и разнѣживающей атмосферѣ свѣтскихъ кружковъ, въ которыхъ они вращались; демагоги и анархисты, только терпимые тамъ, гдѣ они искали себѣ пріюта, напротивъ, ожесточались съ каждымъ годомъ и, не имѣя возможности слиться съ окружающимъ ихъ обществомъ, инстинктивно сближалисьмежду собою, кристализуясь по немногу въ ту общеевропейскую революціонную партію, которая, прошедши черезъ стадію тайныхъ обществъ сороковыхъ годовъ, предстала вдругъ предъ лицомъ изумленной „легальной Европы“ въ формѣ международнаго союза рабочихъ, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „интернаціонали“.

Въ 1871 году, въ эпоху комунальнаго мятежа въ Парижѣ, западноевропейскія правительства смутно сознали опасность положенія, ими же созданнаго, но наложить на него руку не рѣшился никто, когда покойный Жюль Фавръ обратился ко всѣмъ кабинетамъ съ призывомъ составить общую коалицію противъ интернаціонали. У каждаго изъ тѣхъ, къ кому обратился тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, были свои поводы не принять его предложенія. Князь Бисмаркъ всего четыре года передъ тѣмъ испыталъ „удобство“ своевременныхъ сношеній съ такими политическими эмигрантами, какъ Кошутъ и Клапка; въ Вѣнѣ еще находили „полезнымъ“ имѣть у себя подъ рукою сторонниковъ неаполитанскихъ Бурбоновъ и враговъ короля Виктора-Эммануила; въ Англіи желаніе двора оказать широкое гостепріимство семейству Бонапартовъ не позволяло и думать о высылкѣ Феликса Піа и его товарищей. Фрошдорфъ, Чейзльгёрсъ, Пранженъ заставляли закрывать глаза на Женеву и Цюрихъ...

Въ настоящую минуту вопросъ поставленъ значительно иначе. Политическіе эмигранты анархическаго лагеря все болѣе и болѣе вдаются въ простую уголовщину, и, вслѣдствіе этого, является возможность завести рѣчь о необходимости раздѣленія всѣхъ политическихъ выходцовъ на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой категоріи, изъ которыхъ за одною, какъ международно-безвредною, должно быть оставлено пользованіе правомъ убѣжища, а отъ другой его слѣдуетъ отнять. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло о „правѣ убѣжища“ всетаки поставлено на очередь международнаго обсужденія, и потому считаемъ не лишнимъ сообщить, со словъ „Голоса“, нѣсколько свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи оказываются политическіе эмигранты демагогическаго лагеря въ главныхъ центрахъ ихъ мѣстопребыванія и дѣятельности.

Такихъ центровъ насчитывается, вообще говоря, пять: Женева, Цюрихъ, Лондонъ, Парижъ и Брюсель; но живется въ этихъ городахъ анархистамъ далеко неодинаково, и замѣтнымъ, самостоятельнымъ элементомъ населенія они являются только въ Женевѣ да въ Цюрихѣ. Въ Лондонѣ и Парижѣ они какъ бы тонутъ въ массѣ туземнаго и пришлаго населенія, въ Брюсселѣ значительно обезличиваются отношеніемъ къ нимъ правительства.

Въ Швейцаріи право убѣжища практикуется очень широко и со всѣми

Библиотека "Руниверс"

его логическими послѣдствіями. Отъ эмигрантовъ, къ какому бы они лагерю ни принадлежали, требуется только одно—невмѣшательство во внутреннія дѣла республики. Никакого контроля, никакого надзора за ихъ дѣятельностью не существуетъ. Союзное правительство разъ навсегда сложило съ себя передъ Европою всякую отвѣтственность за послѣдствія пребыванія на его територіи иноземныхъ заговорщиковъ, и до послѣдняго времени, по соображеніямъ, о которыхъ мы упоминали выше, никто противъ такого „умыванія рукъ" не находилъ возможнымъ протестовать.

Анархисты воспользовались этимъ для того, чтобъ солидно „основаться" въ Цюрихѣ и Женевѣ. Со времени реакціи, послѣдовавшей въ Европѣ за революціонными движеніями 1848 года, въ двухъ названныхъ городахъ составились настоящія „поселенія" революціонеровъ всѣхъ національностей. Выходцы завелись своими клубами, ресторанами, типографіями и вообще полною общественною организаціей. Туземные жители, вообще говоря, не долюбливаютъ ихъ, но терпятъ, какъ неизбѣжное зло, съ которымъ они давно свыклись, какъ свыкается человѣкъ съ большою бородавкою, по немногу выросшею у него на лицѣ. Выходцы французской и нѣмецкой національности даже отчасти сливаются съ туземнымъ населеніемъ, потому что большая часть изъ нихъ не ограничивается революціонною дѣятельностью, а старается принять участіе въ рабочей промышленности, а иногда и умственной дѣятельности пріютившаго ихъ города. Нѣкоторые изъ французскихъ комуналистовъ 1871 г. разбогатѣли отъ торговли и промышленной дѣятельности въ изгнаніи; другіе, какъ напримѣръ, европейски-извѣстный географъ Элизэ Реклю, сдѣлались видными членами швейцарскаго учонаго мира. Нѣсколько выдающихся германскихъ революціонеровъ занимаютъ каѳедры въ швейцарскихъ университетахъ. Польскіе эмигранты, не принадлежащіе къ демагогическому лагерю, приходятъ въ соприкосновеніе съ туземнымъ обществомъ „веселыми" сторонами его жизни. Ихъ можно видѣть и въ клубахъ, гдѣ идетъ большая игра, и въ разныхъ „увеселительныхъ заведеніяхъ" извѣстнаго рода, которыми славится Женева, и въ наиболѣе людныхъ ресторанахъ. Одни только русскіе эмигранты живутъ совершенно особо, не стараясь вовсе сближаться съ туземцами, привозя съ собою всѣ привычки россійской распущенности и неизлечимаго „вахлачества", отъ которыхъ акуратныхъ нравственно и физически швейцарцевъ просто коробитъ.

Въ общей сложности, всему этому люду живется широко и привольно въ Швейцаріи. Пришлецы чувствуютъ себя тамъ если не привходящимъ элементомъ туземнаго общества, то, всетаки, самостоятельною его частью, пользующеюся всѣми льготами швейцарскаго законодательства, недопускающаго никакихъ ограниченій въ „правѣ убѣжища."

Юридически положеніе эмигрантовъ, живущихъ въ Лондонѣ—то же самое, что и въ Швейцаріи, но на практикѣ имъ живется несравненно хуже въ англійской столицѣ, чѣмъ въ Женевѣ или Цюрихѣ. Это зависитъ, прежде всего, отъ незнанія или малаго знанія англійскаго языка, которымъ отличается большая часть политическихъ выходцовъ, ищущихъ убѣжища въ Лондонѣ.

Каждый политическій эмигрантъ, поселяющійся въ Лондонѣ, чувствуетъ себя неловко отъ постояннаго опасенія тайнаго за нимъ надзора. По собственному почину англійское правительство такого надзора, положимъ, и не предпринимаетъ, но за то оно никогда не отказываетъ въ извѣстной мѣрѣ содѣйствія частному надзору, устроиваемому заинтересованными въ дѣлѣ правительствами. Самостоятельная организація лондонской полиціи дѣлаетъ доступнымъ наемъ ея агентовъ посольствами, для выслѣживанія заговорщиковъ, дѣятельности которыхъ опасается то или другое иностранное государство. Сверхъ того, въ Лондонѣ существуетъ множество частныхъ сыскныхъ агентовъ, дѣйствующихъ съ законнаго разрѣшенія и готовыхъ къ услугамъ каждаго, кто заплатитъ имъ хорошія деньги. Сыщики этихъ агентовъ очень часто превосходятъ ловкостью и проницательностью оффиціальную полицію, и многіе изъ нихъ спеціально посвящаютъ себя выслѣживанію за счетъ того или другого иностраннаго правительства политическихъ заговорщиковъ его національности. При такихъ условіяхъ, эмигрантъ чувствуетъ себя, правда, совершенно обезпеченнымъ на счетъ его личной безопасности, но никогда не увѣренъ въ успѣхѣ своихъ предпріятій, которыя могутъ быть извѣстны до мелочей слѣдящимъ за нимъ сыскнымъ агентамъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Парижѣ положеніе эмигранта-заговорщика съ одной стороны лучше, а съ другой—опаснѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. При огромной распространенности знанія французскаго языка въ образованныхъ и даже полуобразованныхъ классахъ всей континентальной Европы и при способности каждаго француза понимать самый неправильный говоръ иностранца, эмигрантъ, даже при самыхъ скудныхъ средствахъ, всегда съумѣетъ „добыть языка" въ Парижѣ. Жизнь въ народныхъ кварталахъ французской столицы очень дешева, да, сверхъ того, населеніе этихъ кварталовъ, въ огромномъ большинствѣ, держится политическихъ мнѣній, дѣлающихъ для него какъ бы обязательными не только сочувствіе, но даже и матерьяльную помощь демагогамъ и анархистамъ всѣхъ національностей. Въ Бельвиллѣ и на Монмартрскихъ Высотахъ заговорщикъ-анархистъ, къ какой бы національности ни принадлежалъ, непремѣнно почувствуетъ себя своимъ человѣкомъ между бывшими сторонниками и бойцами комуны 1871 года.

Зато французская полиція нынѣшняго времени относится къ этимъ господамъ крайне недружелюбно и сурово. Участіе множества иностранцевъ въ мятежѣ комуны дало французамъ спасительный урокъ. Въ чьихъ бы рукахъ ни находилась государственная власть, представители ея строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ туземные анархическіе элементы не получали подкрѣпленія извнѣ. За иностранными революціонерами, прибывающими во Францію, полиція слѣдитъ чрезвычайно строго и не даетъ имъ заживаться въ странѣ. Высылка подобныхъ господъ административнымъ порядкомъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ, и во время ихъ пребыванія въ Парижѣ они состоятъ подъ строгимъ присмотромъ. Каждому изъ нихъ приходится скрываться, дѣйствовать съ безчисленными предосторожностями, жить подъ чужимъ именемъ безъ малѣйшей увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Все это, конечно, дѣлаетъ почти немыслимою такую политическую дѣятельность, которая вполнѣ доступна анархистамъ, проживающимъ въ Женевѣ и Цюрихѣ, и возможна, хотя не безъ серьезныхъ затрудненій, для эмигрантовъ, поселившихся въ Лондонѣ.

Брюсель—самый непопулярный изъ „городовъ-убѣжищъ" между „воинствующими" эмигрантами революціоннаго лагеря. Бельгійскіе законы вполнѣ обезпечиваютъ неприкосновенность каждаго политическаго выходца, бельгійская полиція вовсе не занимается надзоромъ надъ иностранцами этой категоріи, если они живутъ спокойно, но за то въ бельгійской конституціи есть статья, дающая право правительству не только высылать по своему произволу каждаго иностранца, присутствіе котораго въ Бельгіи почему бы ни было признается неудобнымъ, но даже просто ссылать его административнымъ порядкомъ въ одинъ изъ городовъ королевства, съ учрежденіемъ надъ нимъ самаго строгаго полицейскаго надзора. Мы знаемъ примѣры подобныхъ ссылокъ, мотивированныхъ жалобой того или другого посольства на рѣзкую статью, появившуюся въ какой нибудь изъ безчисленныхъ брюсельскихъ газетъ, въ которыхъ пишутъ эмигранты. Послѣ подавленія мятежа парижской комуны, въ Брюсель понаѣхало-было множество участниковъ этого мятежа, но черезъ два года изъ всей этой массы революціонеровъ тамъ остались только тѣ, которые совершенно отреклись отъ дальнѣйшей революціонной дѣятельности и рѣшились зажить мирною жизнью бельгійскихъ гражданъ. Къ такимъ выходцамъ бельгійцы вообще относятся очень радушно, и ихъ сліяніе съ мѣстнымъ населеніемъ прибавляетъ много характерности общему складу жизни бельгійской столицы. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, напримѣръ, за прилавкомъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ брюсельскихъ книжныхъ магазиновъ можно было видѣть красиваго и франтоватаго поляка-прикащика, разсказывавшаго всѣмъ и каждому, что онъ бывшій членъ „ржонда народоваго" 1863 года, а въ знаменитомъ брюсельскомъ пасажѣ „Galeries Saint-Hubert" еще въ 1877 году существовала мѣняльная лавочка одного изъ самыхъ ярыхъ нѣмецкихъ демагоговъ 1848 года. Оба эти бывшіе дѣятели революціи жили совершенно мирными гражданами и даже числились въ спискахъ гражданской гвардіи—учрежденія чисто консервативнаго характера.

Въ послѣднее время эмигранты-анархисты начинаютъ поселяться въ Италіи, но это пока еще не болѣе, какъ единичныя попытки, и ихъ результаты вовсе не поощряютъ къ подражанію другихъ эмигрантовъ.

М. А. Колосовъ. Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, скончался въ Ялтѣ одинъ изъ малоизвѣстныхъ, но достойныхъ уваженія тружениковъ русской

Библиотека "Руниверс"

науки, профессоръ русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ университетѣ М. А. Колосовъ. Заимствуемъ нѣсколько свѣдѣній о немъ изъ его некролога, составленнаго и сообщеннаго намъ профессоромъ А. А. Кочубинскимъ.

Уроженецъ Курской губерніи, города Дмитровска, сынъ крайне бѣднаго мѣщанина, Колосовъ, борясь съ раннихъ лѣтъ съ нуждой и лишеніями, едва достигнувъ пятаго класса гимназіи, вынужденъ былъ оставить ее и занять мѣсто приходскаго учителя въ одномъ уѣздномъ городѣ, съ жалованьемъ по 4½ рубля въ мѣсяцъ, на которые долженъ былъ жить самъ и содержать престарѣлаго отца. При такой печальной обстановкѣ, положеніе его казалось безвыходнымъ; но въ тщедушномъ, болѣзненномъ тѣлѣ Колосова заключался твердый, настойчивый характеръ, самообладаніе и необычайная энергія. Онъ сдѣлался народнымъ учителемъ для того, чтобы, перебиваясь кое-какъ, подготовляться самому, безъ всякаго руководства, къ выпускному гимназическому экзамену. Это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе и въ 1862 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Здѣсь его способности и трудолюбіе были замѣчены тогдашнимъ профессоромъ филологіи П. А. Лавровскимъ, въ которомъ Колосовъ нашелъ опытнаго руководителя и добраго человѣка. Сдѣлавшись стипендіатомъ имени патроновъ славянства,—св. Кирилла и Меѳодія, Колосовъ спеціализировался на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и, по окончаніи университетскаго курса, поступилъ учителемъ сперва въ Таганрогскую, а потомъ въ Одесскую Ришельевскую гимназію. Учительская дѣятельность Колосова, умѣвшаго оживлять свое преподаваніе и развивать въ ученикахъ серьезное отношеніе къ изучаемому предмету, была крайне плодотворна. Въ 1868 г. онъ напечаталъ первый трудъ свой „Учебникъ старо-славянскаго языка“ доставившій ему командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія въ славянскія земли. По возвращеніи изъ за-границы съ новымъ запасомъ знаній, онъ опять принялся за преподаваніе, какъ вдругъ дѣятельность его была неожидано прервана. Въ 1871 г. произошло извѣстное „недоразумѣніе“ между директоромъ Ришельевской гимназіи г. Стратоновымъ и оставившимъ по себѣ столь печальную память тогдашнимъ попечителемъ Голубцовымъ, столкновеніе, принесшее невыразимо вредныя послѣдствія для гимназіи и всего мѣстнаго педагогическаго дѣла. Голубцовъ не пощадилъ никого и, между прочимъ, назначилъ Колосова къ переводу „для пользы службы“ въ какое-то отдаленное мѣсто, но тотъ предпочелъ вовсе оставить службу. Эта невольная отставка продолжалась однако жъ недолго. П. А. Лавровскій, сдѣлавшійся въ это время ректоромъ варшавскаго университета, поспѣшилъ предложить бывшему своему ученику, какъ человѣку весьма опытному и надежному, кафедру русскаго и старо-славянскаго языка въ своемъ университетѣ, прямо съ званіемъ и. д. экстра-ординарнаго профессора. Въ Варшавѣ Колосовъ сформировался въ прочнаго ученаго и съ усиленной энергіей сталъ заниматься вопросами по исторіи русскаго и старославянскаго языковъ; на страницахъ „Филологическихъ Записокъ“ почти въ каждой книжкѣ начали появляться его изслѣдованія. Въ 1872 г. вышла его магистерская диссертація „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVII столѣтіе“ затѣмъ, въ 1874 году изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Матеріалы для характеристики сѣверно-русскаго нарѣчія“ и наконецъ, въ 1878 г. докторская диссертація „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка.“ Съ 1879 года Колосовъ приступилъ къ изданію спеціальнаго журнала „Русскія Филологическія Записки“ но успѣлъ издать всего 4 книги. Здоровье его, давно пошатнувшееся, подломилось отъ журнальной работы. Онъ долженъ былъ передать журналъ и уѣхать сперва въ Ниццу, а потомъ въ Крымъ, гдѣ и умеръ 14 января нынѣшняго года.

Заграничныя изданія сочиненій Г. П. Данилевскаго. Въ послѣднее время иностранцы начали очень интересоваться русской литературой и издавать въ переводѣ наиболѣе зачамѣтельныя произведенія современныхъ русскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось нашему извѣстному романисту Г. П. Данилевскому. Недавно его романы „Девятый валъ“ и „Мировичъ“ переведены и изданы разомъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, чешскомъ и польскомъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія эти будутъ имѣть за-границей такой же успѣхъ, какой имѣли въ Россіи, потому что иностранцы познакомятся въ нихъ съ тѣми сторонами русской жизни, которыя имъ были

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ неизвѣстны и которыя разработаны г. Данилевскимъ съ отличающими его добросовѣстностью, знаніемъ дѣла и мастерствомъ.

Общество Нестора лѣтописца въ 1880 году. Въ общемъ собраніи членовъ общества Нестора лѣтописца, состоявшемся въ февралѣ нынѣшняго года, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества за прошлый 1880 г. Заимствуемъ изъ него главнѣйшія данныя.

Къ началу нынѣшняго года въ обществѣ числилось 69 членовъ, изъ которыхъ 58 дѣйствительныхъ, 11 почетныхъ; изъ числа членовъ общества въ Кіевѣ находится 35. (Въ теченіи 1880 года избраны въ почетные члены: г. Голубцевъ, попечитель кіевскаго учебнаго округа и въ дѣйствительные члены: проф. Успенскій и Е. Е. Голубинскій; Ѳ. Г. Лебединцевъ и Люби Радзиминскій); общество за тотъ же періодъ лишилось 2 членовъ: проф. Хлѣбникова и Н. П. Задерацкаго.

Засѣданій общество имѣло въ теченіи 1880 г. 11 (1 общее, 8 очередныхъ и 2 экстренныхъ). Занятія общества состояли преимущественно въ чтеніи рефератовъ и въ сообщеніяхъ о новостяхъ исторической литературы.

Въ теченіи 1880 г. членами общества были читаны слѣдующія рефераты: проф. Ѳ. Я. Фортинскій сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ книги: „Recueil de facsimilés à l'usage de l'école de Chartes" и „Monumenta Germaniae Diplom. v. I, p. I". Онъ указалъ на значеніе этихъ сборниковъ и пріемы составителей.

Проф. Антоновичъ прочелъ отчетъ о вопросахъ, разбиравшихся на антропологическомъ съѣздѣ въ Лиссабонѣ, который онъ посѣтилъ въ свою поѣздку за-границу. Проф. Иконниковъ прочелъ рефератъ о русской исторіи за послѣднее 25-лѣтіе. Онъ очертилъ положеніе науки русской исторіи въ предъидущее царствованіе и указалъ на условія, способствовавшія оживленію ея въ теченіи послѣдняго періода. Проф. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о неправильномъ чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ извѣстныхъ Фотіевыхъ гомиліяхъ о руссахъ, напавшихъ на Византію и о довольно курьезныхъ ошибкахъ нѣкоторыхъ ученыхъ, принимавшихъ чтеніе перваго издателя гомилій, епископа Порфирія Успенскаго. Профессоръ Терновскій сообщилъ о предполагаемомъ греческомъ текстѣ договоровъ Олега и Игоря, на основаніи IV тома исторіи эллинскаго народа Папаригопуло. Отыскавъ въ договорахъ грековъ съ варварами общія формулы, Папаригопуло старается возстановить оригинальный греческій текстъ договоровъ, и дѣйствительно, при помощи указаннаго пріема, ему удается объяснить нѣкоторыя темныя мѣста въ договорахъ.

Г. Истоминъ прочелъ рефератъ о князьяхъ Олеговичахъ. Онъ старался найдти такія особенности въ Сѣверской Землѣ, которыми бы можно было объяснить возрастаніе значенія сѣверскихъ князей среди другихъ княжескихъ родовъ. Проф. Дашкевичъ прочелъ рефератъ о завоеваніи Волыни и Кіева Гедыминомъ; онъ признаетъ (на основаніи, какъ старыхъ, такъ и нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ) дѣйствительность этого событія, которое отрицаютъ нѣкоторые ученые, но только передвигаетъ это событіе на нѣсколько лѣтъ впередъ и относитъ его не къ 1321 г., а ко времени послѣ 1332 г. Имъ прочитанъ также очеркъ взаимныхъ отношеній юго-западной Руси и нѣмецкаго ордена 1-ой половины XIII вѣка, по поводу открытой имъ грамоты объ уступкѣ орденомъ части Ятветской земли Даніилу Галицкому. Г. Левицкій прочелъ о семейномъ бытѣ и брачныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси XVI—XVII вѣковъ; на основаніи актовъ, извлеченныхъ изъ Кіевскаго центральнаго архива, референтъ доказывалъ, что положеніе женщины, имущественное, семейное и юридическое, было весьма значительно. Референтомъ указанъ былъ также фактъ сравнительной легкости развода въ XVI и 1-й половинѣ XVII вѣка, для котораго часто достаточно было обоюднаго согласія супруговъ. Проф. Голубевъ сообщилъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. Онъ доказывалъ, что типографія пріобрѣтена Кіево-Печерской лаврой въ 1615 г.; первая книга, начатая печатаніемъ, была „Апѳолигіонъ", но первая, вышедшая въ свѣтъ—„Часословецъ" 1616 г. Польскій шрифтъ пріобрѣтенъ былъ лаврою въ 1632 г. и первой книгой вышедшей на польскомъ языкѣ была „Мнемозина", изданная въ 1632 г. въ честь Петра Могилы. Проф. Голубевымъ былъ также прочитанъ рефератъ о поѣздкѣ Мелетія Смотрицкаго на востокъ и переходѣ его въ унію; цѣлью поѣздки было положить конецъ автономіи братствъ и монастырей, а не желаніе склонить восточныхъ іерарховъ къ уніи, въ которую онъ перешелъ уже по своемъ возвращеніи съ востока.

Библиотека "Руниверс"

Проф. Иконниковъ прочелъ о неизданной перепискѣ графа Румянцева съ кіевскимъ археологомъ Берлинскимъ съ 1815 по 1825 г.—Содержаніемъ переписки были, какъ общіе вопросы по археологіи, такъ и разсужденія о кіевскихъ древностяхъ.

Г. Науменко прочелъ о способѣ изображенія народной поэзіей современныхъ событій, по поводу одной пѣсни, недавное возникновеніе которой можно установить съ точностью.

Кромѣ рефератовъ, почти въ каждомъ засѣданіи проф. Котляревскимъ, Иконниковымъ и Терновскимъ, были дѣлаемы сообщенія о текущей исторической литературѣ.

Библіотека общества состоитъ изъ 200 названій въ 386 томахъ. Денегъ у общества всего 353 р. 97 к.

Обществу лѣтописца Нестора можно сдѣлать нѣсколько серьезныхъ упрековъ: его занятія носятъ характеръ случайный, они не объединены какой нибудь общей мыслью; рефераты бываютъ слишкомъ спеціальны и сухи. Безжизненность нѣкоторыхъ докладовъ повела къ тому, что общество посѣщается членами его весьма неисправно, нерѣдко въ засѣданіи участвуютъ лишь 6, 7 членовъ, рѣдко болѣе 11, 12. Засѣданія общества носятъ какой-то оттѣнокъ келейности, о времени засѣданія знаютъ одни лишь члены общества, поэтому посторонней публики въ засѣданіяхъ общества почти не видно, кромѣ 2, 3 человѣкъ, случайно узнавшихъ отъ знакомыхъ членовъ о времени собранія общества. А между тѣмъ безъ сомнѣнія среди студентовъ филологовъ нашлось бы не мало желающихъ посѣщать ученое собраніе. Упрекъ въ келейности не разъ уже дѣлался обществу, но оно почему-то игнорируетъ его. Кромѣ того общество весьма неохотно пополняетъ себя новыми членами; мало того, въ прошломъ году состоялось постановленіе, положительно обидное для желающихъ поступить въ члены общества: по предложенію предсѣдателя рѣшили устраивать для заявившихъ желаніе поступить въ члены общества, нѣчто въ родѣ экзамена: требуется прежде прочесть рефератъ въ обществѣ, и потомъ уже прочитавшаго рефератъ могутъ подвергать баллотировкѣ. Едва ли кто согласится на подобный экзаменъ. Постановленіе это мотивировано тѣмъ, что многіе изъ членовъ, избранныхъ въ общество, ни разу не читали въ немъ никакихъ трудовъ, а при новомъ порядкѣ станутъ поступать только лица, дѣйствительно желающіе работать для общества. Непрактичность этой мѣры доказывается уже тѣмъ, что подобнымъ образомъ еще не былъ избранъ ни одинъ новый членъ. Кажется гораздо проще избрать въ члены только такихъ лицъ, которые уже зарекомендовали себя какъ серьезными научными трудами, такъ и любовью къ наукѣ.

Статуя Афины Фидія. Извѣстіе объ открытіи въ Аѳинахъ знаменитой статуи Фидія, недавно сообщенное по телеграфу мэромъ города Аѳинъ меру Лондона и префесту Парижа, возбудило всеобщее любопытство, такъ какъ статуя Фидія принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ греческаго искусства. Всѣ любители искусства и древностей интересовались знать, какая именно статуя Фидія найдена, потому что изъ свидѣтельства Павзанія и другихъ древнихъ писателей извѣстно, что Фидіемъ были сдѣланы двѣ статуи: одна—Аѳины-промахосъ (сражающейся впереди) изъ бронзы колоссальныхъ размѣровъ, вышиной въ 20 метровъ; она была сдѣлана въ память побѣды грековъ надъ персами (въ Мараѳонской битвѣ) и поставлена въ акрополѣ аѳинскомъ, гдѣ мореходы могли видѣть ее отъ мыса Суніона. Другая статуя—Аѳины-партеносъ—представляла покровительницу аѳинянъ, изображена въ мирной позѣ и была сдѣлана изъ золота и слоновой кости. Она имѣла въ вышину 26 локтей и на нее было употреблено 44 таланта. Обнаженныя части статуи (лицо, руки, ноги) были сдѣланы изъ слоновой кости, короткая одежда, шлемъ и оружіе—изъ золота, глаза—изъ драгоцѣнныхъ камней. Богиня стояла опершись лѣвою рукой на золотой щитъ, украшенный рельефами, изъ-за котораго поднималась змѣя; къ плечу было приставлено свободно копье; на шлемѣ виднѣлось изображеніе сфинкса, символа мудрости; въ протянутой правой рукѣ богиня держала изображеніе лежащей побѣды (ники).

Тотчасъ по полученіи извѣстія отъ аѳинскаго мэра, вѣнскій археологъ Гансенъ, редакція газеты Neue Freie Presse и друг. обратились съ запросомъ къ предсѣдателю нѣмецкаго археологическаго института въ Аѳинахъ, Кёлеру, съ просьбой сообщить подробности о находкѣ. Оказалось, что найден

Библиотека "Руниверс"

ная (при земляныхъ работахъ на одной улицѣ) статуя сдѣлана изъ мрамора, имѣетъ около метра въ вышину и представляетъ только посредственную копію второй статуи Фидія. Но и эта находка имѣетъ важность для науки, такъ какъ она подтверждаетъ извѣстія древнихъ писателей о статуѣ Фидія, хотя по мнѣнію К. В. Герца, ей и не можетъ быть приписано того значенія, которое постарался придать ей мэръ Аѳинъ, думая заинтересовать вниманіе всей Европы и выставить ее, какъ счастливый прогностиконъ въ виду ожидаемой войны между Греціей и Турціей.

Декабристъ Е. П. Соловьевъ. „Русскимъ Вѣдомостямъ" пишутъ изъ Орла, что на-дняхъ близь города, въ сельцѣ Знаменскомъ, умеръ 100 лѣтній старецъ, московскій мѣщанинъ Егоръ Петровичъ Соловьевъ. Это былъ одинъ изъ декабристовъ, доживавшій свои послѣдніе дни въ имѣніи своего бывшаго воспитанника, г. Мацнева. Судебный приставъ, производившій, по распоряженію мирового судьи, охранительную опись имущества покойнаго, нашелъ у него огромную массу рукописей, которыя, какъ не имѣющія особаго, по мнѣнію пристава, значенія, переданы имъ управляющему имѣнія г. Мацнева. Въ числѣ писемъ отъ разныхъ лицъ къ Соловьеву оказалось одно, писанное бывшимъ министромъ гр. Толстымъ еще въ то время, когда онъ былъ ученикомъ покойнаго. Письмо это весьма слабое съ орѳографической стороны, тщательно, однако, сохраняемо было покойнымъ: вмѣстѣ съ двумя вязанными кошельками работы гр. Толстого, оно завернуто было во множествѣ тряпокъ. Далѣе, говоритъ корреспондентъ, въ перепискѣ г. Соловьева, если только вся она не будетъ уничтожена, какъ никуда не годный хламъ, найдется, можетъ быть и еще что нибудь интересное. Кромѣ бумагъ, платья и небольшого количества необходимыхъ вещей, послѣ покойнаго осталось 7,000 рублей денегъ, положенныхъ въ какой то банкъ, и такъ какъ завѣщанія имъ не оставлено, самъ же онъ былъ, какъ говорятъ, незаконнорожденный сынъ какого то сановника, то состояніе это должно будетъ, какъ кажется, поступить въ казну. Знавшіе Е. П. Соловьева помнятъ разсказы его о пребываніи въ Парижѣ въ 1814 году и о знакомствѣ его тамъ съ высшими слоями парижскаго общества.

Замѣтки и поправки.

Псевдо-Пушкинъ.

Въ недавно вышедшей январской книжкѣ новаго журнала „Полярная Звѣзда" напечатаны два стихотворенія: „На наводненіе 1824 г." и „Исповѣдь бѣднаго стихотворца", выдаваемыя за неизданныя произведенія А. С. Пушкина. Они взяты, какъ объясняетъ редакція, изъ альбома, который былъ составленъ въ пятидесятыхъ годахъ литераторомъ-диллетантомъ, вписывавшимъ въ него все, что ходило тогда въ рукописяхъ. Первое стихотвореніе можетъ принадлежать дѣйствительно Пушкину, хотя нѣтъ никакихъ основаній считать его навѣрное ему принадлежащимъ: и при жизни Пушкина, и послѣ смерти, съ его именемъ ходило множество стиховъ, написанныхъ вовсе не имъ, и считавшихся за его произведенія единственно потому, что они нравились публикѣ, а публика все то, что ей казалось изящнымъ или остроумнымъ, долгое время считала вышедшимъ изъ подъ пера непремѣнно Пушкина. Такъ, между прочимъ, Пушкину долго приписывалось стихотвореніе „Страдалецъ произвольной муки", принадлежащее въ дѣйствительности Ознобишину. Къ числу такихъ псевдо-эпиграфовъ принадлежитъ и второе стихотвореніе, напечатанное въ „Полярной Звѣздѣ"—„Исповѣдь бѣднаго стихотворца."

Библиотека "Руниверс"

Оно ни по своему достоинству (очень посредственному), ни по употребленнымъ въ немъ выраженіямъ и формамъ не можетъ считаться произведеніемъ Пушкина, который, какъ извѣстно, тщательно обдумывалъ каждое слово и обдѣлывалъ каждую строчку въ своихъ стихахъ. Въ этомъ стихотвореніи мы читаемъ:

Стихотворецъ.
Кумировъ у меня бывало не одинъ.
Любилъ я золото и знатнымъ поклонялся,
Во всякой пѣсенкѣ я дѣвами плѣнялся,
Которыхъ и въ глаза, отецъ мой, не видалъ
Но тѣмъ но менѣе безбожно обожалъ.
Священникъ.
А имя Божіе?
Стихотворецъ.
Когда недоставало
Иль рифмы, иль стопы, то признаюсь бывало
И имя Божіе вклею въ упрямый стихъ.

Какой глоголъ надо подразумѣвать при словахъ священника: „А имя Божіе.“ Можно подразумѣвать только или „любилъ“ или „обожалъ“, но ни тотъ ни другой глаголъ, очевидно неподходитъ. Далѣе:

Священникъ.
А часто ль?
Стихотворецъ.
Да во всѣхъ элегіяхъ моихъ;
Тамъ можешь, батюшка, прочесть на каждой строчкѣ:
„Увы“ и „се!“ и „Ахъ, мой Богъ!“ тире да точки... [1])

Здѣсь мы встрѣчаемся съ логическою неправильностью: священникъ спрашиваетъ стрхотворца, часто ли онъ употреблялъ въ стихахъ имя Божіе, и получаетъ въ отвѣтъ, что въ его стихахъ можно прочесть на каждой строчкѣ „увы“ и „се.“

Желая бѣдному страдальцу угодить,
Я оду сталъ ему торжественно твердить.

Конечно, вмѣсто „торжественно“, надо читать „торжественну“ (оду), иначе стихъ не имѣетъ достаточно удовлетворительнаго смысла. „Твердить оду“ вмѣсто „читать оду“—выраженіе совершенно неудачное, которое едва ли могъ бы употребить Пушкинъ; а что касается до „торжественну“, то сколько извѣстно, Пушкинъ никогда не употреблялъ прилагательныхъ и причастій въ усѣченной формѣ.

Священникъ.
... да ты жъ прелюбодѣй,
Твои стихи...
Стихотворецъ.
Всѣ лгутъ! А на душѣ моей,
Ей Богу, я грѣха такого не имѣю.
По модѣ лишній грѣхъ взвалилъ себѣ на шею,
А вправду вымолвить,—я сущій эпиктетъ—
Водой незамутимъ, предобренькій поэтъ.

---

[1]) Знаки препинанія мы оставляемъ въ томъ видѣ, какъ они находятся въ „Полярной Звѣздѣ.“

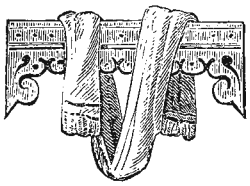
Библиотека "Руниверс"

Не говоря уже о томъ, что слово „предобренькій“ употреблено, что называется, ни къ селу, ни къ городу, укажемъ на причастіе „не замутимъ“, имѣющее усѣченную форму.

... я малый небогатый,
За деньги написалъ посланье длинновато.

„Длинновато“—опять усѣченная форма. Можно бы указать еще на нѣсколько случаевъ не вполнѣ умѣстнаго употребленія словъ въ этомъ стихотвореніи, но полагаемъ, что и сдѣланныхъ нами указаній вполнѣ достаточно для того, чтобы признать его ложно приписаннымъ Пушкину.

А. С—кій.



Библиотека "Руниверс"

— Какъ! черезъ двадцать лѣтъ! Это очень оригинально! Вы забыли, что вопросъ идетъ о вліяніи, которое можетъ оказать на короля молодость и красота. Вы сегодня положительно не въ ударѣ, мой дорогой Флорентинъ.

— Эта шестнадцатилѣтняя дама можетъ быть имѣетъ всѣ задатки для успѣха, но пока они въ зародышѣ, а теперь я ничего не вижу въ ней, кромѣ мимолетной прелести, свойственной ея лѣтамъ.

— Развѣ вы знакомы съ ней?

— Діана де-Брезе была у меня въ Парижѣ восемь дней тому назадъ, когда я считалъ себя еще связаннымъ съ участью Франциски. Графиня де-Брезе казалась мнѣ настолько неопасной, что я самъ настоятельно уговаривалъ ее пріѣхать въ Фонтенбло и явиться прямо къ королю. Вдобавокъ, я далъ ей нѣкоторыя наставленія относительно того, какъ понравиться вашему сыну и тронуть его сердце.

Флорентинъ торжествовалъ въ свою очередь. Узнавъ тайну герцогини и принятый ею планъ дѣйствій, онъ смѣло встрѣтилъ ея взглядъ.

Герцогиня замѣтила это и перемѣнивъ тонъ, ласково пригласила красиваго прелата сѣсть рядомъ съ нею, указавъ ему рукой на кресло.

— Какъ жаль, сказала она, что такъ трудно или, вѣрнѣе сказать, невозможно прійти съ вами къ какому нибудь соглашенію.

— Вы ошибаетесь, герцогиня. На меня можно скорѣе положиться, чѣмъ на большинство людей; у меня нѣтъ никакой преобладающей страсти; отъ васъ зависитъ удовлетворить моему единственному стремленію.

— Какому стремленію?

— Я желалъ бы достигнуть высокаго положенія въ духовной іерархіи и получить мѣсто епископа.

— Слѣдовательно, кто пообѣщаетъ вамъ это мѣсто, тотъ можетъ разсчитывать на вашу вѣрную службу, пока вы его не получите?

— Я буду вѣрно служить тому, что дастъ мнѣ мѣсто епископа и со временемъ доставитъ мнѣ еще лучшее.

— Вы думаете, что это можетъ сдѣлать особа, которая будетъ править государствомъ въ отсутствіе короля?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Вы увѣрены, что черезъ нѣсколько дней я буду назначена правительницей Франціи?

— Да.

— Значитъ вы отказались отъ нелѣпой надежды, что ваша графиня достигнетъ такого высокаго положенія?

— Я употреблю всѣ усилія, чтобы эта надежда не осуществилась.

— Это сдѣлается само собою безъ всякихъ хлопотъ съ нашей

Библиотека "Руниверс"

стороны. Я не понимаю, какъ могло явиться у меня подобное опасеніе. Мой сынъ совершенно успокоилъ меня относительно этого.

— Король самъ не знаетъ, какъ онъ поступитъ въ рѣшительную минуту, возразилъ Флорентинъ. Его обѣщаніе тѣмъ болѣе ненадежно, что, по вашимъ словамъ, онъ опять увлекся графиней. По всѣмъ вѣроятіямъ, это случилось такимъ образомъ, что въ ней заговорила благородная кровь Фуа: она приняла смерть Семблансэ за личное оскорбленіе, потому что была его усердной заступницей и потребовала отъ короля удовлетворенія или полнаго разрыва. Король почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво и, увидя въ ней большую нравственную силу, нежели онъ предполагалъ, рѣшилъ загладить свою вину. Любовникъ въ этомъ случаѣ всегда впадаетъ въ преувеличеніе; никакое вознагражденіе не кажется ему достаточнымъ, а тутъ представляется самый легкій способъ дать удовлетвореніе любимой женщинѣ, передавъ ей регентство. То, что кажется нелѣпымъ человѣку въ хладнокровномъ состояніи, то становится для него вполнѣ естественнымъ, когда онъ увлеченъ страстью. Не упускайте также изъ виду смерти королевы Клавдіи, которая должна была усилить притязанія графини. Робость ея исчезла и она смѣло заявила свои права, что должно было произвести благопріятное впечатлѣніе на короля, такъ какъ она держала себя совершенно иначе при жизни королевы. Повѣрьте герцогиня, то, что вы считаете нелѣпымъ и несбыточнымъ, можетъ осуществиться самымъ неожиданнымъ образомъ, если мы не примемъ противъ этого какихъ нибудь дѣйствительныхъ мѣръ.

— Вы хотите придать особенную цѣну тѣмъ услугамъ, которыя можете оказать мнѣ, перейдя на мою сторону.

— Я окажу вамъ непослѣднюю услугу, если мнѣ удастся отговорить васъ не дѣлать никакихъ попытокъ прельстить короля шестнадцатилѣтней Діаной, хотя я убѣжденъ, что адмиралъ Бонниве поведетъ дѣло наилучшимъ образомъ.

— Почему вы хотите отговорить меня отъ этого?

— По весьма основательной причинѣ, что Діана пока настолько ничтожна, что отдастся королю безъ всякаго сопротивленія и не возбудитъ въ немъ никакого серьезнаго чувства. Онъ вернется къ прежней возлюбленной и постарается загладить свою случайную измѣну тѣмъ или другимъ способомъ...

При этихъ словахъ въ комнату вошелъ Бонниве съ такимъ торжествующимъ видомъ, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что все удалось какъ нельзя лучше.

— Разсказывайте скорѣе, воскликнула герцогиня, вставая съ кресла. Г-нъ прелатъ на нашей сторонѣ, ему все извѣстно.

— Судьба положительно благопріятствовала мнѣ сегодня! началъ Бонниве. Благодаря Флоріо, дѣло устроилось такимъ образомъ, что въ тотъ моментъ, когда король вышелъ изъ павильона, графиня Шатобріанъ очутилась позади его на опушкѣ лѣса. Она могла только

Библиотека "Руниверс"

видѣть издали, какъ я подвелъ къ королю очаровательную де-Брезе, которая упала къ его ногамъ, какъ онъ ее поднялъ и повелъ въ павильонъ. Затѣмъ, я отправился къ графинѣ Шатобріанъ и съ особеннымъ удовольствіемъ распространился о необычайной красотѣ дочери Сенъ-Валлье и милостивомъ настроеніи короля, объяснивъ при этомъ, почему молодая дама предпочла сама ходатайствовать о помилованіи отца, помимо одной особы, не имѣющей никакого вліянія на короля. Нечего сказать, хороша дама сердца! Она просила пощадить Семблансэ, и его повѣсили, просила за графа Сенъ-Валлье, а мы для подтвержденія просьбы должны были выписать въ Фонтенбло его дочь...

— Вы, кажется, были правы, г-нъ прелатъ, замѣтила герцогиня, прерывая адмирала. Мы сдѣлали непростительную глупость.

— И, вдобавокъ, довольно опасную, сказалъ съ удареніемъ Флорентинъ. Пріѣздъ Діаны былъ бы очень кстати, еслибы дѣло шло объ удаленіи докучливой любовницы. Но король болѣе, чѣмъ когда нибудь, увлеченъ графиней; и вся эта сцена приведетъ къ новымъ любовнымъ объясненіямъ, которыя могутъ кончиться чрезвычайными жертвами со стороны короля, въ видѣ предложенія руки и короны.

— Съ нѣкотораго времени счастье окончательно покинуло васъ, мой бѣдный Бонниве! сказала съ усмѣшкой герцогиня. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ уговорить короля къ возможно быстрому отъѣзду, чтобы онъ не успѣлъ помириться съ Шатобріанъ и сдѣлать какихъ-либо распоряженій въ ея пользу...

— Но я не понимаю...

— Не теряйте ни минуты. Сообщите ему какія хотите извѣстія, что Марсель взятъ или Бурбонъ дошелъ до Авиньона... только заставьте короля сегодня же уѣхать въ Италію!

Бонниве поклонился и молча вышелъ изъ комнаты.

— Одобряете-ли вы мое распоряженіе? спросила съ безпокойствомъ герцогиня, обращаясь къ Флорентину, такъ какъ чувствовала уваженіе къ его мудрости послѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній и сознавала его превосходство надъ собой.

Она вполнѣ оцѣнила умнаго и красиваго прелата и рѣшила не выпускать его изъ рукъ; онъ съ своей стороны готовъ былъ служить ей, потому что у него было достаточно самонадѣянности чтобы предвидѣть, что этимъ путемъ, онъ самъ можетъ сдѣлаться регентомъ Франціи.

Онъ горячо поцѣловалъ протянутую ему руку и далъ всѣ тѣ совѣты, какіе считалъ нужнымъ для удаленія грозившей опасности. Его совѣты имѣли тѣмъ большую цѣну, что въ данную минуту, благодаря сношеніямъ, какія поддерживало католическое монашество съ различными частями королевства, онъ зналъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ Фонтенбло явятся два союзника противъ графини Шатобріанъ: ея мужъ и Брезе.

Библиотека "Руниверс"

Флорентинъ былъ убѣжденъ, что если раздраженные сеньеры будутъ допущены въ замокъ, хотя бы на нѣсколько часовъ, то это неминуемо поведетъ къ скандалу, который будетъ крайне непріятенъ королю и отобьетъ у него всякую охоту передать регентство Францискѣ.

Пока онъ распространялся на эту тему, вошелъ слуга и доложилъ герцогинѣ, которая уже приняла на себя заботу объ охранѣ замка, что упомянутые сеньеры пріѣхали въ Фонтенбло и что начальникъ тѣлохранителей, согласно ея приказанію, спрашиваетъ: впустить-ли прибывшихъ господъ въ замокъ или нѣтъ?

— Пускай они войдутъ! отвѣтила герцогиня. Приведи ко мнѣ сенешала де Брезе и, кстати, позови Флоріо.

Слуга удалился съ низкимъ поклономъ.

— Разъясните мнѣ пожалуйста ваши предположенія относительно того, какъ слѣдуетъ направить это дѣло въ чатностяхъ? продолжала герцогиня, обращаясь къ Флорентину. Я не понимаю какую пользу можетъ принести присутствіе этихъ господъ. Брезе человѣкъ придворный и отъ него нельзя ожидать особенно сильнаго противодѣйствія. Что же касается Шатобріана, то съ его пріѣздомъ связана непосредственная опасность для жизни...

— Развѣ насильственная смерть Франциски можетъ повредить вашимъ интересамъ?

— Нѣтъ, не это безпокоитъ меня...

— Франциска не съумѣла во-время воспользоваться своимъ положеніемъ и ее рано или поздно ожидаетъ горе и бѣдность. Поэтому быстрый насильственный конецъ будетъ для нея благодѣяніемъ.

— Какое мнѣ дѣло до Франциски! Она нисколько не интересуетъ меня! Но мой сынъ можетъ подвергнуться опасности отъ грубости бретанскаго графа.

— Нѣтъ. Судя по всему, что я слышалъ, этотъ сеньеръ принадлежитъ къ числу безвредныхъ крикуновъ. Его гнѣвъ разразится надъ женой и этимъ дѣло кончится. Мы можемъ принять мѣры, чтобы онъ не приблизился къ королю.

— Но что выйдетъ изъ всего этого?

— Графиня, раздраженная противъ короля, откажется принять его и ничего не узнаетъ о предстоящемъ отъѣздѣ. Мы же отправимъ къ ней графа Шатобріана и будемъ спокойно ждать результатовъ этого свиданія.

Герцогиня, нѣсколько взволнованная переговорами о дѣлѣ близкомъ ея сердцу, пригласила Флорентина въ болѣе прохладную комнату и пошла впередъ улыбающаяся и веселая.

Графиня Шатобріанъ въ это время переживала новыя волненія, которыя составляютъ какъ бы неизбѣжную принадлежность всякой

Библиотека "Руниверс"

незаконной любви. Послѣ смерти королевы Клавдіи и казни Семблансэ, наступилъ особый фазисъ въ ея отношеніяхъ къ королю. Она была глубоко оскорблена невниманіемъ короля къ ея просьбѣ, но не рѣшилась высказать ему это изъ гордости. Король понялъ, что былъ не правъ передъ нею, и, чувствуя себя униженнымъ ея высокомѣрнымъ обращеніемъ, предался раскаянію и самобичеванію. Въ немъ проснулись лучшіе инстинкты его сердца; краснорѣчиво и въ поэтическихъ краскахъ онъ описывалъ ей насколько считаетъ себя преступнымъ въ данномъ случаѣ и искренно предлагалъ ей загладить свою вину тѣмъ способомъ, какимъ она потребуетъ отъ него.

— Ты не должна прощать меня Франциска! прервалъ онъ ее, когда она хотѣла положить конецъ его объясненіямъ. — Ты должна назначить мнѣ строгое и тяжелое покаяніе и, когда я выдержу его, ты снизойдешь къ моей просьбѣ и откроешь мнѣ потаенную дверь въ твое жилище...

Слова короля наполнили блаженствомъ сердце Франциски. Ея идеалъ оказался достойнымъ той любви, которую она чувствовала къ нему; всѣ вынесенныя ею страданія были забыты. Порывъ ея женской гордости и упреки оказали самое благодѣтельное дѣйствіе на короля, потому что онъ самъ благодарилъ ее за это, говоря, что обязанъ ей своимъ нравственнымъ спасеніемъ. Хотя король настоятельно требовалъ, чтобы она осудила его на недѣльное изгнаніе, но она обняла бы его горячѣе чѣмъ когда либо, если бы онъ вздумалъ явиться къ ней вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, не смотря на данный обѣтъ. Такого рода отношенія незамѣтно установились между ними и ничто не нарушало ихъ до того дня, когда Бонниве представилъ королю графиню де-Брезе. Еще утромъ король писалъ нѣжную записку Францискѣ наивными стихами въ духѣ Марò, въ которыхъ робко спрашивалъ ее: найдетъ ли онъ открытою извѣстную ей дверь изъ галлереи и позволитъ ли она повергнуть къ ея ногамъ раскаяніе его сердца?

Пріѣздъ Химены, которая явилась въ Фонтенбло въ сопровожденіи стараго Бернара, не измѣнилъ этихъ идиллическихъ отношеній. Франциска, при своемъ теперешнемъ настроеніи, забыла недовѣріе съ какимъ относилась къ молодой дѣвушкѣ, которая, несмотря на ея постоянное недоброжелательство рѣшилась пріѣхать къ ней, потому что не могла долѣе оставаться въ замкѣ Фуа, послѣ смерти старой графини. Химена, всегда скрытная и молчаливая, встрѣтивъ ласковый пріемъ со стороны Франциски, высказала ей свою преданность въ такихъ нѣжныхъ выраженіяхъ, что Франциска была тронута до глубины души. Ей казалось, что она, наконецъ, нашла друга, котораго никогда не имѣла; и въ первый же день свиданія разсказала молодой дѣвушкѣ всю исторію своей любви, такъ какъ счастье всегда располагаетъ насъ къ сообщительности.

Король въ послѣдніе дни, въ ожиданіи предстоящаго свиданія

Библиотека "Руниверс"

съ Франциской былъ въ полномъ опьяненіи любви, и потому едва ли можно было предположить, что онъ въ состояніи измѣнить своей возлюбленной такимъ наглымъ способомъ какъ утверждалъ Бонниве. Хотя и существуетъ цѣлая теорія, по которой легкомысленные и чувственные люди въ подобномъ состояніи всего способнѣе на измѣну, но мы должны замѣтить въ оправданіе короля, что никто не могъ сказать съ увѣренностью, какого рода сцена произошла между королемъ и Діаной въ павильонѣ. Всѣмъ извѣстенъ только фактъ, что король въ этотъ день согласился на помилованіе отца Діаны графа Сенъ-Валлье и, что впослѣдствіи она вступила въ близкія сношенія съ другимъ королемъ. Отказавшись нѣсколько лѣтъ спустя носить фамилію своего мужа, она сдѣлалась неразлучной спутницей французскаго короля Генриха II-го, сына короля Франциска. Сама Діана всегда упорно утверждала, что она никогда не была любовницой послѣдняго, такъ какъ это противорѣчило бы всѣмъ нравственнымъ принципамъ и было бы вдвойнѣ оскорбительно для Генриха II-го.

Мы съ своей стороны не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но Франциска Шатобріанъ, который постоянно отказывали въ ея просьбахъ о помилованіи осужденныхъ могла истолковать только извѣстнымъ образомъ милость короля къ Діанѣ. Не смотря на всю ея пламенную любовь, у ней не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно невѣрности короля; и она провела остатокъ дня въ полусознательномъ состояніи.

Наступилъ длинный лѣтній вечеръ. Франциска лежала на покойномъ креслѣ, въ комнатѣ, примыкавшей къ небольшой прихожей, на потолкѣ которой была нарисована Семела, погибающая отъ огня Юпитера. Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ; темные распущенные волосы окаймляли ея блѣдное, заплаканное лицо, искаженное отъ горя. Химена, слышавшая въ саду извѣстіе, сообщенное Бонниве, рѣшилась, наконецъ, подойти къ Францискѣ и взяла ее за руку. Но теперь несчастная женщина опять почувствовала прежнее отвращеніе къ молодой дѣвушкѣ, которая такъ искренно любила ее. Въ головѣ ея мелькнула непріятная мысль, что Химена вездѣ приноситъ ей несчастіе; и она въ ужасѣ оттолкнула ея руку. Не смотря на всѣ наши мудрствованія, мы всѣ болѣе или менѣе вѣримъ въ то, что одни люди приносятъ намъ счастье, а другіе—несчастіе.

Химена молча отошла отъ нея.

Въ это время кто-то постучалъ въ наружную дверь, выходившую въ корридоръ. Франциска инстинктивно бросилась къ потаенной двери и еще крѣпче задвинула задвижку. Она содрагалась при одной мысли, что черезъ эту дверь, имѣвшую такое важное значеніе въ исторіи ея любви можетъ войти человѣкъ, который такъ коварно измѣнилъ ей.

Химена, слыша шаги въ сосѣдней комнатѣ поспѣшно вышла и увидѣла одного изъ королевскихъ слугъ, который просилъ передать

Библиотека "Руниверс"

графинѣ Шатобріанъ приглашеніе короля явиться на прощальную аудіенцію, такъ какъ его величество въ эту же ночь уѣзжаетъ въ Италію.

— Какой отвѣтъ должна я дать слугѣ? спросила Химена, обращаясь къ графинѣ.

— Скажи, что я больна... Нѣтъ, не нужно; онъ можетъ подумать, что я заболѣла отъ сильнаго огорченія. Скажи, что я не могу прійти или дай какой хочешь отвѣтъ. Теперь уже ничто не испортитъ мою жизнь! Все кончено!

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Бюде. Франциска, бросилась къ нему на встрѣчу и взявъ его за руку горько заплакала.

Бюде старался успокоить ее и этимъ еще больше увеличилъ ея горе.

— Вы не спрашиваете меня о причинѣ моихъ слезъ! воскликнула она.—Значитъ вы уже знаете... Это всѣмъ извѣстно! Я не нуждаюсь въ состраданіи...

— Нѣтъ, моя дорогая графиня. Никто ничего не знаетъ. Мнѣ сообщилъ это съ своимъ обычнымъ злорадствомъ Бонниве, которому доставляетъ удовольствіе огорчать меня и, который ненавидитъ васъ, потому что ему не удалось заслужить ваше расположеніе. Вы должны выслушать короля Франциска! Можетъ быть все это наглая ложь, придуманная вашими врагами, чтобы поссорить васъ съ королемъ за нѣсколько часовъ до его отъѣзда, съ тою цѣлью, чтобы онъ не сдѣлалъ какихъ-либо распоряженій въ вашу пользу на время своего отсутствія.

— Вы говорите это, чтобы утѣшить меня! Я сама видѣла, какъ она упала къ его ногамъ. Онъ внимательно выслушалъ ея просьбу, хотя дѣло Жана Пуатье извѣстно ему до малѣйшихъ подробностей! Зачѣмъ онъ повелъ ее съ собою въ павильонъ, если не... Уходите Бюде... Оставьте меня одну! Я не могу говорить объ этомъ...

— Я пойду къ королю и потребую отъ него искренняго признанія!

Бюде ушелъ, а Франциска въ изнеможеніи опустилась на кресло.

Мало по малу наступили сумерки. Химена не подходила больше къ графинѣ; и та долго оставалась одна въ темной комнатѣ. Высокія окна только сверху освѣтились восходящей луной, которая всегда поздно появлялась въ Фонтенбло, потому что она должна была подняться надъ высокимъ лѣсомъ. Въ настоящій моментъ графиня Шатобріанъ, — которой всѣ завидывали и предсказывали корону послѣ смерти королевы Клавдіи,—была едва ли не самымъ несчастнымъ существомъ въ цѣлой Франціи. Она ни о чемъ не думала; мысли путались въ ея головѣ и она въ состояніи была ощущать только одно свое безвыходное горе. Но вотъ что-то оживило ее; она выпрямилась и стала прислушиваться. Она узнала шаги короля, который поспѣшно шелъ вдоль галлереи. Прошло еще нѣсколько секундъ и онъ остано-

Библиотека "Руниверс"

вился передъ спящей нимфой, прижалъ пружину, стучалъ нѣсколько разъ, но дверь не поддавалась. Она ясно слышала, какъ онъ звалъ ее по имени...

Еслибы онъ могъ видѣть ее въ ея бѣломъ легкомъ платьѣ при серебристомъ лунномъ освѣщеніи, которое все болѣе и болѣе распространялось по комнатѣ! Какое томительное ожиданіе виднѣлось въ ея граціозно наклоненной фигурѣ, въ ея протянутой рукѣ! Трудно было сказать, одинъ ли гнѣвъ выражали эти блестящіе, широко раскрытые глаза. Хорошій физіономистъ прочелъ бы въ нихъ безграничную любовь къ человѣку, такъ глубоко оскорбившему ее. Если онъ еще разъ позоветъ ее, то, вѣроятно, любовь восторжествуетъ надъ всѣми другими чувствами.

Король въ это время усиленно стучалъ въ дверь. Этотъ стукъ раздражалъ потрясенные нервы молодой женщины; она еще болѣе нахмурила свои красивыя тонкія брови; на губахъ мелькнула презрительная улыбка.

Въ комнату вошелъ Бернаръ съ свѣчами въ рукахъ. За нимъ слѣдовалъ Флорентинъ, который, пользуясь правомъ духовника, всегда являлся безъ доклада. Графиня слегка вскрикнула увидя его и закрыла лицо руками.

— Унесите свѣчи, сказала она,—мнѣ больно смотрѣть на свѣтъ.

Флорентинъ былъ очень доволенъ случаю остаться наединѣ съ графиней при лунномъ освѣщеніи, хотя пришелъ къ ней съ совершенно иными намѣреніями. Примкнувъ къ партіи герцогини Ангулемской, онъ тотчасъ же составилъ планъ дѣйствій и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Между прочимъ, онъ узналъ, что Бріонъ прибылъ изъ Ліона съ печальною вѣстью объ успѣхахъ непріятеля и, что слѣдовательно, явилась не вымышленная, а дѣйствительная необходимость, чтобы король самъ явился на мѣсто сбора новаго войска, если возможно будетъ собрать его и, если дворянство Бурбонэ и Оверна не перейдетъ открыто на сторону быстро приближавшагося непріятеля. Теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что король немедленно отправится къ войску и что передъ отъѣздомъ онъ долженъ будетъ поручить кому нибудь регентство на время своего отсутствія. Вопросъ о выборѣ не могъ считаться рѣшеннымъ, если останется хотя полчаса для примиренія короля съ Франциской. Въ этомъ прелатъ окончательно убѣдился изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ королемъ, которыя онъ слышалъ, проходя мимо открытой двери. Королю, повидимому, было извѣстно, что Бонниве объяснилъ по своему графинѣ Шатобріанъ его свиданіе съ Діаной. Это могъ сообщить ему стоявшій возлѣ него Бюде, вернувшійся отъ графини. Король, съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ гнѣва, осыпалъ упреками Бонниве; рука его судорожно сжимала рукоятку шпаги.

— Онъ тотчасъ же отправится къ графинѣ, подумалъ Флорентинъ, ускоривъ шагъ:—нужно во что бы то ни стало помѣшать ему

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ, иначе наше дѣло будетъ безвозвратно проиграно. Если ихъ свиданіе состоится, то король, помирившись съ нею, предоставитъ ей правленіе.

Занятый этими размышленіями, Флорентинъ поспѣшно прошелъ дворъ и часть сада, потому что, исключая выхода въ галлерею, комнаты Франциски не имѣли непосредственнаго сообщенія съ королевскими покоями. Войдя въ переднюю, онъ засталъ ожидавшаго его Флоріо, съ которымъ онъ еще утромъ успѣлъ уговориться относительно общаго плана дѣйствій и намекнулъ ему, что черезъ полчаса онъ можетъ приступить къ дѣлу.

Флоріо, согласно плану Флорентина, долженъ былъ въ извѣстный моментъ провести графа Шатобріана черезъ потаенную дверь въ комнаты Франциски. Зная подозрительность бретанскаго дворянина, Флорентинъ вручилъ Флоріо собственноручную записку сенешала Брезе такого содержанія: „довѣряй этому человѣку, онъ изъ нашихъ".

Флоріо съ этой запиской немедленно отправился къ графу Шатобріанъ, который жилъ въ одномъ изъ лѣтнихъ домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы, по близости королевскаго замка для господъ, временно пріѣзжавшихъ въ Фонтенбло по разнымъ дѣламъ. При этомъ итальянецъ, изъ боязни быть узнаннымъ, счелъ нужнымъ закрыть лицо свое маской и переодѣться сеньеромъ. Послѣднее было тѣмъ удобнѣе, что смерть королевы Клавдіи и предстоящій отъѣздъ короля привлекли въ Фонтенбло множество сеньеровъ, и графъ Шатобріанъ могъ предположить, что который-либо изъ нихъ вздумалъ оказать ему дружескую услугу въ дѣлѣ, нарушившемъ его домашнее спокойствіе, но почему-то желаетъ остаться неизвѣстнымъ.

Уходя изъ замка Флоріо подробно разсказалъ о данномъ порученіи своему господину, который внимательно выслушалъ его. Для Бонниве возможность встрѣчи между королемъ и графомъ Шатобріаномъ была особенно пріятна въ эту минуту, потому что онъ былъ взбѣшенъ на короля и заранѣе радовался его униженію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ фаворита мелькнула мысль, что, если представится опасность для жизни короля, то онъ можетъ оказать ему большую услугу, явившись во-время для его защиты, и что этимъ способомъ онъ опять войдетъ въ милость.

Въ это время Флорентинъ, оставшись наединѣ съ Франциской и смущенный ея молчаніемъ, не зналъ съ чего начать разговоръ. Стукъ въ потаенную дверь вывелъ его изъ затрудненія. Предполагая, что это король, онъ вышелъ въ прихожую, сказавъ въ полголоса Францискѣ:

— Надѣюсь, что ты не захочешь видѣть его послѣ того, какъ онъ такъ недостойно велъ себя...

— Нѣтъ, я не въ состояніи видѣть его!.. Ради Бога не открывай задвижки...

Библиотека "Руниверс"

— Не безпокойся, я еще подержу дверь, чтобы онъ не вздумалъ вломиться сюда.

Флорентинъ подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо. Онъ услышалъ шаги удалявшагося короля и, выждавъ моментъ, когда все затихло въ галлереѣ, тихонько отодвинулъ задвижку и вернулся въ комнату графини. Ему казалось невозможнымъ возвращеніе короля и потому онъ рѣшилъ употребить все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Франциску, что она должна отказаться отъ предстоящаго торжества, такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ ея достоинствомъ. Въ случаѣ, если она знала о скоромъ отъѣздѣ короля, то необходимо было представить его поведеніе въ самыхъ черныхъ краскахъ. Въ виду этого онъ распространился о невѣрности короля, какъ о фактѣ не подлежавшемъ ни малѣйшему сомнѣнію, о которомъ всѣ толковали при дворѣ, и кончилъ свою рѣчь вопросомъ: что намѣрена дѣлать графиня при ея сомнительномъ положеніи?

Франциска молчала, закинувъ голову на спинку кресла: грудь ея высоко поднималась отъ сдавленныхъ рыданій. Молодой прелатъ любовался ею, мысленно сравнивая эту привлекательную красавицу съ Луизой Ангулемской. Опять въ душѣ его проснулась надежда, отъ которой онъ долженъ былъ отказаться въ аббатствѣ св. Женевьевы. Зачѣмъ онъ послалъ Флоріо къ графу?. Можетъ быть ему удастся уговорить Франциску искать снова убѣжища за монастырскими стѣнами, а со временемъ...

Онъ насильственно прервалъ нить своихъ размышленій, зная, что у него осталось немного времени для бесѣды съ нею.

— Франциска! началъ онъ торжественнымъ тономъ, — какъ думаешь ты распорядиться своею будущностью?

Она молчала.

— Къ несчастью, я самъ вывелъ тебя на тотъ путь, по которому ты идешь теперь, и всю жизнь буду раскаиваться въ этомъ. Но я думалъ открыть тебѣ обширный кругъ дѣятельности и, если я погрѣшилъ противъ отдѣльныхъ личностей, то сдѣлалъ это, имѣя въ виду благородную цѣль. Я не ожидалъ такихъ печальныхъ результатовъ! Ты глубоко оскорбила своего мужа, отреклась отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей, возбудила противъ себя общественное негодованіе и ничѣмъ не искупила сдѣланнаго тобою зла! Ты не поняла высокой возложенной на тебя задачи и думала только объ удовлетвореніи своей личной склонности. Ты не только не принесла пользы церкви и государству, но даже несчастнымъ просителямъ, и не съумѣла обезпечить и упрочить свое собственное положеніе. Гдѣ нѣтъ добродѣтели, тамъ, по крайней мѣрѣ, люди ожидаютъ встрѣтить мудрую предусмотрительность; гдѣ не находятъ ни того, ни другого, то мирятся съ успѣхомъ и многое прощаютъ изъ-за него. Ты, моя бѣдная Франциска, не можешь ничѣмъ похвалиться изъ всего этого! Что осталось тебѣ въ жизни? Одна гордость... Вооружись ею и положи

Библиотека "Руниверс"

конецъ своимъ страданіямъ. Пусть король никогда больше не увидитъ твоего лица и ни одинъ посторонній зритель не выразитъ тебѣ своего состраданія. Я къ твоимъ услугамъ; возьми мою руку и слѣдуй за мной. Я отведу тебя въ такое уединеніе, куда не проникнетъ ни одинъ звукъ, ни одно дуновеніе суетнаго свѣта, гдѣ все отравлено для тебя. Чѣмъ раньше ты оставишь его, тѣмъ легче будетъ для тебя бѣгство.

Франциска поднялась съ кресла съ видимымъ желаніемъ вырваться поскорѣе на свободу и удалиться навсегда отъ человѣка, такъ недостойно обманувшаго ее. Но какая-то непреодолимая сила удержала ее на мѣстѣ. Былъ ли это обманъ ея разстроеннаго воображенія? Она услышала шаги; знакомый голосъ назвалъ ее по имени.

Въ комнату вошелъ король. Послѣ напрасныхъ попытокъ отворить потаенную дверь, онъ рѣшился обойти кругомъ черезъ дворъ и садъ къ другому входу. Пройдя поспѣшными шагами мимо Химены, онъ прямо направился въ послѣднюю комнату. Франциска, увидя его, вскрикнула и отступила назадъ; Флорентинъ загородилъ ему дорогу.

— Ваше величество, сказалъ онъ,—эта дама принадлежитъ церкви и не желаетъ, чтобы до нея прикасалась рука свѣтскаго человѣка.

— Ты съ ума сошелъ! Прочь съ дороги! Франциска!..

Она молча подняла руку. Въ этомъ движеніи выразилось столько гнѣва и отвращенія, что король съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

Первое извѣстіе объ измѣнѣ короля, сообщенное ей Бонниве, настолько поразило графиню Шатобріанъ, что она не повѣрила ему. Любящее сердце подсказывало ей, что такая наглая измѣна невозможна, и, что если ея возлюбленный поддался минутному увлеченію, то она не должна придавать этому особеннаго значенія. Бюде еще болѣе успокоилъ ее; и если бы король пришелъ къ ней до прибытія Флорентина, то ему вѣроятно удалось бы оправдать себя и она охотно простила бы его. Но рѣчь Флорентина дала иное направленіе ея мыслямъ. Въ ней заговорила ненависть,—чувство невѣдомое ея душѣ, и примиреніе сдѣлалось для нея невозможнымъ.

Король не могъ допустить подобнаго настроенія въ женщинѣ, которая такъ горячо любила его. Лунный ли свѣтъ помѣшалъ ему разглядѣть выраженіе ея лица или свойственная его характеру самонадѣянность была причиной этого, только онъ грубо обманулся относительно чувствъ своей возлюбленной. Съ свойственнымъ ему повелительнымъ жестомъ онъ дотронулся до плеча священника и указалъ ему на дверь.

Флорентинъ, не желая навлечь на себя гнѣвъ короля, поспѣшно удалился.

— Какое мнѣ дѣло, если графъ Шатобріанъ убьетъ его! пробормоталъ онъ. — Въ случаѣ смерти короля, герцогиня Ангулемская будетъ объявлена правительницей.

Библиотека "Руниверс"

Оставшись наединѣ съ Франциской, король подошелъ къ ней, и видя, что она бросилась къ нему, думалъ, что сцена примиренія начнется съ страстныхъ объятій и онъ такимъ образомъ будетъ избавленъ отъ непріятнаго объясненія. Но къ удивленію его, Франциска вырвала изъ ноженъ кинжалъ, который онъ всегда носилъ съ собой, и, поднявъ руку, проговорила съ бѣшенствомъ:

— Я убью тебя на мѣстѣ, измѣнникъ, если ты осмѣлишься прикоснуться къ моему платью!

— Франциска!.. воскликнулъ король, опомнившись отъ перваго испуга.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ, какъ отворилась потаенная дверь, и въ прихожей глухо раздались мужскіе шаги со шпорами. За Франциской показалась высокая, темная фигура.

— Кто тутъ? громко спросилъ король, обнаживъ шпагу.

— Шатобріанъ! прошептала Франциска, не помня себя отъ ужаса, такъ какъ приняла темную фигуру за привидѣніе, явившееся сквозь запертую дверь. Кинжалъ выпалъ изъ ея рукъ. Она стояла неподвижно среди комнаты съ широко раскрытыми глазами, пристально устремленными на темную фигуру, какъ будто хотѣла убѣдиться: привидѣніе ли это или ея мужъ, неизвѣстно какимъ способомъ вошедшій въ комнату? Ни одинъ мускулъ ея блѣднаго лица не дрогнулъ въ этотъ моментъ томительнаго ожиданія. Она видѣла, какъ онъ обнажилъ шпагу и вслѣдъ затѣмъ услыхала знакомый голосъ:

— Да, я графъ Шатобріанъ; и вы оба получите достойное наказаніе за свой развратъ!..

Франциска громко вскрикнула и сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла бѣжать изъ комнаты; но ноги отказывались служить ей и она не могла сдѣлать ни шагу.

— Убейте меня! сказала она, послѣ минутнаго молчанія, слабымъ, но внятнымъ голосомъ.—Убейте меня, Шатобріанъ. Это будетъ благодѣяніемъ для насъ обоихъ.

Графъ машинально поднялъ шпагу надъ головой несчастной женщины; но король поспѣшно бросился впередъ и во̀-время схватилъ его за руку.

Увидя графа Шатобріана, король тотчасъ же надѣлъ бархатную маску, которую всегда носилъ съ собою. Онъ сдѣлалъ это отчасти въ знакъ уваженія къ дамѣ, у которой его встрѣтили, а также изъ рыцарскаго чувства справедливости, потому что въ любовныхъ дѣлахъ не хотѣлъ пользоваться преимуществами своего сана. Для Шатобріана это представляло то удобство, что онъ могъ безъ всякихъ колебаній напасть на ненавистнаго для него человѣка, который являлся передъ нимъ не какъ король и ленный властелинъ, а въ качествѣ частнаго лица. Тѣмъ не менѣе онъ невольно сробѣлъ и, желая придать себѣ бодрости, спросилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Франциска Шатобріанъ, признаешь ли ты за мною право наказать этого человѣка за то оскорбленіе, которое онъ нанесъ мнѣ?

— Да, признаю, отвѣтила она рѣшительнымъ голосомъ послѣ минутнаго молчанія.

Эти слова были сигналомъ для начала поединка, который легко могъ кончиться смертью одного изъ противниковъ при слабомъ лунномъ освѣщеніи и въ комнатѣ, заставленной высокими стульями и длинными столами, по модѣ того времени. При первомъ же нападеніи всѣ невыгоды оказались на сторонѣ графа, незнакомаго съ обстановкой комнаты и уступавшаго королю въ ловкости и искусствѣ фехтованія.

Франциска оставалась безучастной зрительницей борьбы, которая происходила такъ близко отъ нея, что руки и шпаги противниковъ касались ея платья. Послѣ внезапнаго прилива гнѣва и ненависти, овладѣвшаго ея сердцемъ, на нее напало какое-то безсознательное состояніе.

Она ничего не видѣла и не чувствовала изъ того, что дѣлалось около нея и была вся поглощена своимъ внутреннимъ міромъ. Ей казалось, что она опять въ аббатствѣ св. Женевьевы и передъ нею стоитъ старая графиня Фуа, такая же суровая и ворчливая, какъ въ былое время и шепчетъ ей на ухо: „Ты нигдѣ не найдешь себѣ покоя, потому что ты пренебрегла семейными обязанностями для удовлетворенія своего сластолюбія. Человѣкъ, которому ты предалась, измѣнитъ тебѣ и будетъ насмѣхаться надъ тобой; и тогда въ сердцѣ твоемъ проснется ненасытное чувство мести; ты будешь побуждать людей къ убійству и наконецъ умрешь какъ жалкая тварь, оставленная Богомъ и людьми!“...

Паденіе одного изъ противниковъ, сопровождаемое проклятіемъ и шумъ упавшаго стола вызвали Франциску изъ задумчивости. Сознаніе дѣйствительности вернулось къ ней; она бросилась къ дверямъ не помня себя отъ ужаса.

Въ этотъ моментъ въ комнату ворвался какой-то человѣкъ съ обнаженной шпагой въ рукѣ и громко воскликнулъ:

— Сюда, графъ Шатобріанъ! Ты отвѣтишь мнѣ за свою измѣну!

Это былъ Бонниве, который прохаживаясь въ галлереѣ, слышалъ шумъ поединка и счелъ нужнымъ явиться на помощь своему господину черезъ потаенную дверь.

Но это вмѣшательство показалось совершенно неумѣстнымъ королю, который рѣзко выразилъ свое неудовольствіе назойливому любимцу.

Они вышли въ галлерею. Король вложилъ свою шпагу въ ножны и казалось совершенно забылъ о пораженномъ противникѣ. Но Бонниве, не видя никого въ комнатѣ, гдѣ происходилъ поединокъ, невольно задалъ королю робкій вопросъ:

— Куда дѣвался Шатобріанъ?

— Откуда ты могъ узнать, что это былъ графъ Шатобріанъ?

Библиотека "Руниверс"

— Отъ Флоріо; онъ привелъ сюда графа, возразилъ Бонниве, который по опрометчивости не разсчиталъ послѣдствій своего отвѣта, предполагая, что въ данный моментъ правда будетъ цѣлесообразнѣе плохо замаскированной лжи.

— Какъ узналъ Флоріо о существованіи потаенной двери?.. Кто поручилъ ему привести сюда графа Шатобріана?

— Насколько мнѣ извѣстно, герцогиня Ангулемская.

— Насколько тебѣ извѣстно!.. Какъ будто ты не зналъ о томъ, что творится здѣсь! Если-бы это дѣйствительно было такъ, то что могло заставить тебя расхаживать здѣсь въ потьмахъ и прибѣжать ко мнѣ на помощь съ обнаженной шпагой. Благодари свою судьбу, что я справился съ Шатобріаномъ до твоего прихода. Совѣтую тебѣ никогда больше не вмѣшиваться въ интриги моей матери, помимо моего вѣдома, такъ какъ ты можешь поставить меня въ глупѣйшее положеніе.

— Ваше величество...

— Оставимъ это! Foi de gentilhomme, я вижу, что мнѣ приходится блуждать по какому-то лабиринту; а у меня нѣтъ времени, чтобы выйти на настоящую дорогу. Благодаря вашимъ проклятымъ интригамъ, я поссорился съ Франциской! Вы испортили все дѣло!..

Король задумался при этихъ словахъ и машинально остановился среди галлереи, освѣщенной во всю длину луннымъ свѣтомъ, при которомъ гладкій дубовый паркетъ и золотыя украшенія на стѣнахъ и потолкахъ блестѣли какимъ-то особеннымъ волшебнымъ свѣтомъ.

— Я не понимаю, что сдѣлалось съ нею! продолжалъ король. Я никогда не видалъ въ ней такой вспышки гнѣва!.. Что такое произошло? Неужели это опять происки моей матери!..

Онъ пошелъ дальше по галлереѣ. Бонниве молча слѣдовалъ за нимъ.

Король заговорилъ первый:

— Скажи мнѣ пожалуйста, спросилъ онъ своего любимца уже совсѣмъ инымъ тономъ — кто эта молодая дѣвушка, съ прелестными глазами, которую я видѣлъ сегодня у графини?

— Герцогиня Инфантадо.

— Это, кажется, испанская фамилія?

— Да, ваше величество.

— Изъ нея выйдетъ красавица. Зачѣмъ она пріѣхала сюда? Не послалъ ли ее къ намъ императоръ Карлъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у насъ?

— Она родственница графини Фуа.

— Я ничего не слыхалъ о ней!.. А мнѣ все-таки кажется очень страннымъ поведеніе графини!..

— Что касается красоты, то ваше величество увидитъ въ Миланѣ такую красавицу, что трудно представить себѣ, что либо подобное. Ее зовутъ Кларисой...

Библиотека "Руниверс"

— Отчего же ты не остался въ Миланѣ ухаживать за этой красавицей?

— Ваше величество...

— Узнай, пожалуйста, не пріѣхалъ ли архіепископъ и парижскіе депутаты. Я намѣренъ принять ихъ въ этой галлереѣ и проститься съ ними.

Съ этими словами король направился въ комнаты своей сестры, такъ какъ всегда обращался къ ней, когда что нибудь безпокоило его. Онъ хотѣлъ переговорить съ Маргаритой относительно загадочнаго поведенія своей возлюбленной, которая получила теперь особенный интересъ въ его глазахъ, послѣ ея безумной вспышки гнѣва.

Бонниве, разставшись съ королемъ, пошелъ къ герцогинѣ Ангулемской и отдалъ ей подробный отчетъ о случившемся. Герцогиня въ это время была поглощена двумя преобладающими мыслями: съ одной стороны встрѣча ея сына съ графомъ Шатобріанъ; а съ другой—боязнь, что Франциска будетъ назначена правительницей. Успокоившись относительно исхода поединка послѣ разговора съ Бонниве, герцогиня отправилась въ покои короля, чтобы узнать отъ него съ полною достовѣрностью: кому онъ намѣренъ оставить регентство въ свое отсутствіе? Извѣстіе, что парижскій архіепископъ вызванъ въ Фонтенбло еще болѣе усилило мучившія ее сомнѣнія.

Герцогиня, не заставъ короля въ его кабинетѣ, намѣревалась идти къ Маргаритѣ, въ надеждѣ, что она еще застанетъ его тамъ. Но камердинеръ просилъ ее остаться, говоря, что король долженъ скоро вернуться, потому что велѣлъ приготовить себѣ самое парадное платье. Съ этими словами онъ разложилъ на креслѣ бархатную темнокрасную мантію, усѣянную золотыми лиліями и обшитую золотой бахрамой, принесъ башмаки и положилъ беретъ на мраморный столъ.

— Ваше высочество можетъ не встрѣтить короля! добавилъ камердинеръ. У насъ въ замкѣ чуть ли не каждую недѣлю устраиваются все новыя потаенныя лѣстницы и двери, такъ что его величество является всегда неожиданно, то съ одной стороны, то съ другой...

Въ комнату вошли Бюде и Бріонъ, — оба приверженцы графини Шатобріанъ, что также показалось дурнымъ предзнаменованіемъ герцогинѣ Ангулемской.

— Вы вѣроятно явились сюда по приказанію моего сына? спросила она съ живостью.

— Да, мы пришли сюда по приказанію его величества, отвѣтили они.

Бріонъ, сильно загорѣвшій отъ южнаго солнца, казался грустнымъ и озабоченнымъ. Онъ любитъ Франциску! подумала съ безпокойствомъ герцогиня:—ему извѣстно, что сегодня же король назна-

Библиотека "Руниверс"

читъ ее правительницей! Если она достигнетъ этой чести, то молодой сеньеръ не можетъ разсчитывать, что, утѣшая красавицу въ горѣ, заслужитъ ея расположеніе.

— Господинъ канцлеръ, спросила герцогиня, обращаясь къ Бюде:— не по вашему ли приказанію пріѣдетъ сегодня въ Фонтенбло парижскій архіепископъ?

— Нѣтъ, онъ вызванъ сюда королемъ.

— Неизвѣстно ли вамъ, для какой цѣли?

— Вѣроятно для той же, какъ и другіе высшіе сановники, которые должны явиться сюда сегодня вечеромъ. Король хочетъ передать имъ заботу о государствѣ во время своего отсутствія, тѣмъ болѣе, что оно можетъ продлиться неопредѣленное время.

— Бюде, сказала герцогиня вполголоса, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ подошелъ поближе.—Будьте со мной откровенны, и не смотрите на меня, какъ на врага, ослѣпленнаго ненавистью! Если король любитъ Франциску, то она сдѣлается для меня также дорога, какъ и ему, и она смѣло можетъ разсчитывать на мою дружбу. Не для того ли король вызвалъ сюда архіепископа, чтобы устроить ея судьбу?

— Что можетъ сдѣлать архіепископъ? Она все еще графиня Шатобріанъ и вдобавокъ католичка; для формальнаго развода необходимо разрѣшеніе св. отца въ Римѣ.

— Ты играешь со мной комедію! подумала герцогиня и добавила вслухъ: — Недостающія формальности могутъ быть обойдены посредствомъ духовнаго обрученія. Но по моему мнѣнію, г. канцлеръ, это будетъ ложный шагъ, который можетъ имѣть дурныя послѣдствія какъ для короля, такъ и для графини. Вся Франція возстанетъ противъ этого! Не забудьте, что мы едва успѣли похоронить королеву Клавдію!

— Я все-таки считаю большимъ несчастіемъ для графини, если король ничего не сдѣлаетъ въ ея пользу. Она будетъ въ самомъ затруднительномъ положеніи...

— Это почему?

— Благодаря гласности, которую получила ея любовь, она навлекла на себя справедливое нареканіе свѣта. Съ другой стороны придворные, изъ желанія угодить вамъ, герцогиня, явно выказываютъ ей свое нерасположеніе, тѣмъ болѣе, что люди, пользующіеся особеннымъ покровительствомъ высокопоставленныхъ особъ, всегда возбуждаютъ противъ себя зависть. Такимъ образомъ въ отсутствіе короля графинѣ нельзя будетъ оставаться здѣсь, потому что она ни въ комъ не встрѣтитъ поддержки.

— Я уже говорила вамъ, что буду ея первой защитницей, если она не заявитъ какихъ-либо неумѣстныхъ притязаній и будетъ довольствоваться своимъ настоящимъ положеніемъ.

— Графъ Шатобріанъ, ея мужъ, всѣмъ извѣстенъ своей суровостью; онъ не пощадитъ ее.

Библиотека "Руниверс"

— Какіе пустяки! Этотъ вопросъ давно покончен.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ! Если король не устроитъ ее тѣмъ или другимъ способомъ, то въ его отсутствіе, которое можетъ продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, она принуждена будетъ выѣхать изъ Франціи!

— Вы преувеличиваете! Все зависитъ отъ нея самой. Еслибы она была поскромнѣе, то развѣ мало у насъ монастырей, гдѣ она могла бы спокойно прожить до возвращенія короля? Наконецъ замокъ Фуа въ ея полномъ распоряженіи послѣ смерти старой графини.

— Герцогиня, вашъ сынъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы королевская власть во Франціи достигла небывалаго могущества и значенія...

— Да поможетъ ему въ этомъ Господь!

— Я самъ желаю этого! Если ему удастся достигнуть такого величія, о которомъ идетъ рѣчь, то нужно, чтобы оно проявилось во всемъ, что касается его особы. Женщина, которую онъ любилъ, должна быть избавлена отъ всякихъ превратностей судьбы. Кто желаетъ зла этой женщинѣ тотъ врагъ новой королевской власти.

— Все это школьная премудрость! Вы разсуждаете какъ ученый буржуа и всегда останетесь такимъ!

— Я и не желаю быть ничѣмъ инымъ.

— Однако въ вашихъ словахъ есть извѣстная доля правды! Только объясните мнѣ, почему вамъ кажется, что я не расположена къ Франциске. Я напротивъ того, хочу отвлечь отъ нея общее вниманіе, такъ какъ изъ-за этого она можетъ подвергнуться разнымъ случайностямъ, отъ которыхъ было бы желательно избавить ее. Вы поступили бы гораздо благоразумнѣе, еслибы помогли мнѣ въ этомъ и не сомнѣвались бы въ чистотѣ моихъ намѣреній, потому что мною руководитъ только любовь къ сыну. Если же мы посмотримъ на это дѣло съ политической точки зрѣнія, то все противъ васъ...

— Король! идетъ король! послышалось въ передней; вслѣдъ затѣмъ Францискъ вошелъ въ комнату быстрыми шагами.

— Сынъ мой! воскликнула герцогиня, бросаясь къ королю и обнимая его.—Что ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Что я намѣренъ дѣлать! возразилъ король, почтительно цѣлуя ея руку.—Но что съ вами? Вы чѣмъ-то разстроены...

— Надѣюсь, ты не рѣшишься огорчить твою мать!

— Зачѣмъ сдѣлаю я это? Что такое случилось?

— Ничего, Францискъ. Меня только безпокоятъ всѣ эти приготовленія къ твоему отъѣзду. Я ожидаю для себя самаго худшаго. Зачѣмъ пріѣдетъ сюда архіепископъ?

— Чтобы обвѣнчать меня. Ты блѣднѣешь! Прости, что я не предупредилъ тебя объ этомъ заранѣе... Однако, не теряй времени и займись своимъ туалетомъ; ты должна явиться сегодня въ полномъ блескѣ и не дальше какъ черезъ полчаса. Которая изъ дамъ опоздаетъ,

Библиотека "Руниверс"

та будетъ жалѣть объ этомъ. До свиданія, цѣлую твои ручки. Сегодня изъ Генуи привезены два наряда; одинъ изъ нихъ я подарю извѣстной тебѣ дамѣ... другой посланъ въ твою комнату. Ты знаешь, какъ я люблю видѣть тебя въ твоемъ королевскомъ итальянскомъ нарядѣ. Онъ такъ идетъ къ твоему величественному росту! Adieu! Я также долженъ переодѣться.

Съ этими словами король проводилъ герцогиню изъ комнаты и началъ свой туалетъ. Онъ довольно скоро отпустилъ Бріона, отдавъ ему нѣкоторыя приказанія, относительно предстоящей поѣздки.

— Кстати, вернись на минуту, крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему Бріону:—говорятъ ты неравнодушенъ къ графинѣ Шатобріанъ?

— Ваше величество! проговорилъ съ смущеніемъ Бріонъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Посмотри Бюде, какъ онъ покраснѣлъ. О счастливая юность! Скажи пожалуйста, ты не видѣлъ еще дамы твоего сердца послѣ возвращенія?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Я долженъ вознаградить тебя за твои военныя доблести. Иди къ ней тотчасъ же; она будетъ очень рада видѣть тебя! передай ей отъ моего имени, что я настоятельно прошу ее прійти въ галлерею и присутствовать на аудіенціи и прощальномъ торжествѣ. Если она считаетъ себя виноватой предо мной, то я постараюсь успокоить ее относительно этого, потому что отъ всей души простилъ ее. Отказъ ея будетъ доказательствомъ, что причиной всему не сердечный порывъ, а какой нибудь таинственный и неизвѣстный для меня поводъ. Объясни ей Бріонъ, что она не должна отпускать меня отсюда съ такими печальными мыслями. Одному небу извѣстно сколько времени продлится эта война и каковъ будетъ исходъ! Желаю тебѣ успѣха. Постарайся въ точности исполнить мое порученіе.

Бріонъ молча удалился.

— Ну что ты скажешь мнѣ, Бюде? сказалъ король, обращаясь къ канцлеру.—Ты вѣрно ждешь отъ меня какихъ нибудь распоряженій относительно твоихъ школъ и учебныхъ заведеній, и надѣешься, что я дамъ тебѣ на это денегъ, не правда ли? Но я не въ состояніи помочь тебѣ въ этомъ, мой милый другъ. Наступили тяжелыя времена; науки и исскуства должны отступить на задній планъ, такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи государства. Теперь всякій человѣкъ, способный носить оружіе, важнѣе Приматиса и твоей высшей школы. Если мы даже останемся побѣдителями, то я принужденъ буду содержать постоянное войско, чтобы сдѣлаться независимымъ отъ нашихъ высокомѣрныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ неизвѣстно, когда осуществятся наши планы, Бюде, но будемъ надѣяться, что наступитъ когда нибудь такое время. Надежда ничего не стоитъ, а все-таки служитъ утѣшеніемъ! Не морщи лба; я на виноватъ въ этомъ. Ты знаешь, какъ я старался о томъ, чтобы образовать третье сословіе для от-

Библиотека "Руниверс"

пора нашимъ сеньорамъ, но вижу, что безъ войска дѣло не обойдется. Вооружись терпѣніемъ и поддержи какъ нибудь свои школы, пока я справлюсь съ императоромъ и захвачу Италію въ свои руки. Не могу же я отпустить художниковъ въ настоящую минуту, когда работа въ полномъ ходу...

— Хорошо ли сидитъ этотъ камзолъ, продолжалъ король, обращаясь къ своему камердинеру: — не надѣть ли другой? Нѣтъ?.. Ну, тѣмъ лучше. Во всякомъ случаѣ, мой дорогой Бюде, я очень радъ буду увидѣть Италію, опять привезу съ собой художниковъ и разныя сокровища искусства!

— Меня удивляетъ, что ваше величество можетъ быть въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, зная, что Франція находится въ опасности и дорога въ Италію занята побѣдоноснымъ непріятелемъ.

— Foi de gentilhomme, всѣ находятъ, что я слишкомъ самонадѣянъ и ты, кажется, раздѣляешь общее мнѣніе. Можетъ быть вы правы, но это свойство всего болѣе поддерживаетъ меня. Ручаюсь тебѣ, что этотъ Бурбонъ, да накажетъ его Господь за его измѣну— оставитъ Францію прежде, чѣмъ я нанесу одинъ ударъ меча или даже, быть можетъ, прежде, чѣмъ они увидятъ мою особу. Однако, я не долженъ высказывать моихъ предположеній относительно будущаго, это своего рода вызовъ судьбѣ, и она можетъ наказать меня за это. Перекрести меня трижды, Мартинъ, чтобы мои легкомысленныя слова не навлекли на меня несчастія. Ты не вѣришь этимъ вещамъ, Бюде, и тебя недаромъ считаютъ еретикомъ!

— До сихъ поръ счастье благопріятствовало вамъ, мой дорогой король, и вы умѣете пользоваться имъ; дай Богъ, чтобы такъ было и впредь. Но мнѣ кажется, что все-таки нужно принять нѣкоторыя предосторожности, чтобы предупредить несчастіе.

— Само собою разумѣется! Затяни покрѣпче лѣвый башмакъ Мартинъ! Но счастье также отворачивается отъ людей, которые постоянно думаютъ о несчастіи.

— Неужели вы не сдѣлаете какихъ-либо положительныхъ распоряженій относительно того, кто будетъ управлять государствомъ въ ваше отсутствіе?

— Этотъ вопросъ, повидимому, очень интересуетъ тебя! Я знаю кого ты имѣешь въ виду, и не осуждаю тебя за это. Изъ всѣхъ добродѣтелей ты выше всего цѣнишь честность, и потому я поставилъ тебя во главѣ народнаго образованія. Не воображаешь ли ты, что изъ тебя выйдетъ хорошій правитель государства при твоей безусловной честности? Что касается меня лично, то любовь точно также вредитъ мнѣ, какъ тебѣ вредила бы твоя честность. Ну, а женщины еще хуже. Кто можетъ заранѣе сказать о нихъ что-либо опредѣленное? Есть ли что причудливѣе женщинъ и погоды?

— Развѣ между женщинами не встрѣчаются вполнѣ опредѣленныя личности?

Библиотека "Руниверс"

— Ты думаешь! Впрочемъ, относительно этого пункта я считаю себя лучшимъ судьей, потому что гораздо опытнѣе тебя. Пусть самъ Богъ правитъ Франціей въ мое отсутствіе; это будетъ наилучшее. До свиданія, Бюде...

Франциска, испуганная паденіемъ одного изъ противниковъ, быстро пробѣжала всѣ комнаты, какъ будто спасаясь отъ чьихъ-то преслѣдованій, бросилась въ лѣсъ черезъ дворъ и садъ, и въ изнеможеніи опустилась на землю подъ дубомъ. Химена послѣдовала за нею. Сознавая, насколько неумѣстны будутъ всякія утѣшенія, она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастной женщины, которую можно было различить въ тѣни по бѣлому платью. Онѣ, вѣроятно, долго оставались бы такимъ образомъ въ темномъ лѣсу, фантастически освѣщенномъ луннымъ свѣтомъ, еслибы ихъ не испугало стадо дикихъ сернъ, пасшихся на лугу около замка, которыя, почуявъ присутствіе людей, бросились въ чащу съ громкимъ топотомъ. Франциска, внезапно пробужденная изъ своего мучительнаго раздумья, вскочила съ мѣста и съ испугомъ смотрѣла на мелькавшія около нея темныя фигуры. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что въ первую минуту нисколько не удивилась неожиданному появленію Химены и молча поблагодарила ее пожатіемъ руки.

Возвращаясь къ замку, Франциска разсказала своей спутницѣ о поединкѣ и просила ее пойти вмѣстѣ съ Бернаромъ въ ея спальню и узнать: не остался ли на мѣстѣ раненымъ или убитымъ одинъ изъ противниковъ.

— У меня не хватитъ на это мужества, добавила она, входя въ прихожую.

Химена отвѣтила, что пойдетъ одна, потому что, по ея мнѣнію, не слѣдуетъ посвящать Бернара въ такую важную тайну, не смотря на его испытанную преданность дому Фуа.

Помѣщеніе Франциски было такъ удобно расположено, что слуги ничего не знали о случившемся. Это былъ совершенно отдѣльный флигель на дальнемъ концѣ замка, который примыкалъ къ главному зданію только со стороны галлереи. Выходная дверь и лѣстница раздѣляли этотъ флигель на двѣ неровныя части: направо жила Химена и прислуга, а налѣво были комнаты графини Шатобріанъ. Первая комната при входѣ служила передней и въ ней неотлучно находился Бернаръ. Химена, увидя изъ окна высокую фигуру короля, проходившаго по двору, поспѣшно послала стараго слугу подъ какимъ-то предлогомъ въ свою комнату, такъ какъ употребляла всѣ усилія, чтобы скрыть отъ него отношенія короля къ Францискѣ. Такимъ образомъ Бернаръ, видя уходившаго прелата, не подозрѣвалъ, что кто нибудь могъ войти въ его отсутствіе.

Химена взяла подсвѣчникъ и твердымъ шагомъ дошла до послѣд-

Библиотека "Руниверс"

ней комнаты, гдѣ происходилъ поединокъ. Тутъ она остановилась и стала прислушиваться; но ничего не было слышно. Наконецъ она собралась съ мужествомъ и открыла дверь, хотя сердце ея усиленно билось, потому что она ожидала увидѣть мертваго или раненаго. Холодный потъ выступилъ на ея лбу отъ скрипа двери, но она все-таки вошла, не выпуская свѣчи изъ рукъ. Въ комнатѣ царила мертвая тишина; не слышно было ни вздоха, ни храпѣнія и не видно ни одной души. Столъ и стулъ лежали опрокинутые, дверь въ прихожую, примыкавшую къ галлереѣ была открыта. Химена едва слышнымъ шагомъ вошла въ нее; но и тутъ все было пусто. Еслибы она продолжала свои поиски, то сдѣлала бы открытіе, которое поразило бы ее ужасомъ и заставило бы обратиться въ бѣгство.

Она поспѣшно вернулась къ графинѣ и сообщила ей свое предположеніе, что поединокъ, вѣрятно, ничѣмъ не кончился, такъ какъ она никого не нашла на мѣстѣ происшествія. Затѣмъ она пошла къ Бернару и спросила: все ли благополучно? Ей хотѣлось узнать: не видалъ ли Бернаръ короля или графа Шатобріана, которые могли выйти въ ея отсутствіе. Но слуга отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ, что „все по старому".

— Значитъ они оба прошли въ галлерею черезъ потаенную дверь! подумала Химена.

Въ это время дворъ неожиданно освѣтился свѣтомъ факеловъ; два пажа шли впереди, медленно поднимаясь на лѣстницу, за ними слѣдовала богато одѣтая дама. Это была Маргарита, герцогиня Алансонская.

Трудно передать всѣ тѣ ощущенія, которыя должна была испытать графиня Шатобріанъ во время получасовой бесѣды съ сестрой короля, чтобы перейти изъ тревожнаго состоянія къ полному успокоенію. Благодаря этому она безпрекословно согласилась присутствовать при торжественной церемоніи выѣзда короля изъ Фонтенбло.

Маргарита съ первыхъ же словъ съумѣла дать иное направленіе мыслямъ Франциски и поддержать ея тайное желаніе помириться съ королемъ. Подъ вліяніемъ чувства всепрощающей любви, Франциска спрашивала себя: былъ ли у ней какой-либо основательный поводъ для гнѣва противъ короля? Сцена въ павильонѣ была объяснена ей адмираломъ Бонниве, который могъ намѣренно оклеветать передъ нею короля, чтобы поссорить ихъ въ рѣшительную минуту. Неужели Маргарита, всегда строго осуждавшая брата за его мимолетныя увлеченія, стала бы такъ снисходительно относиться къ нему въ данномъ случаѣ? Она, вѣроятно, знала это дѣло до малѣйшихъ подробностей, такъ какъ стояла внѣ придворныхъ партій и пользовалась безусловнымъ довѣріемъ короля. Онъ самъ послалъ свою сестру просить у ней прощенія и еслибы дѣйствительно чувствовалъ себя виноватымъ, то, вѣроятно, счелъ бы нужнымъ оправдаться въ томъ, что было главной причиной ихъ ссоры. Маргарита говорила равнодушнымъ

Библиотека "Руниверс"

тономъ о пріѣздѣ Діаны ко двору; всѣ извиненія короля сводились къ тому, что онъ нарушилъ свой обѣтъ и самовольно явился къ Францискѣ раньше назначеннаго срока.

Бѣдная женщина горько упрекала себя за свое жестокое обращеніе съ королемъ.

— Какъ я была несправедлива къ нему! думала она: — какой поводъ подалъ онъ мнѣ къ гнѣву? Только любовь могла заставить его придти ко мнѣ, а я не только хотѣла убить его, но еще признала право Шатобріана напасть на него! А мой дорогой Францискъ, не смотря на все это, думаетъ только о томъ, какъ бы помириться со мной!..

Принесли богатое генуэзское платье изъ темнокраснаго бархата, посланное королемъ въ подарокъ графинѣ Шатобріанъ. Новый знакъ вниманія съ его стороны!.. Неужели она не захочетъ явиться на прощальную аудіенцію? Она должна дорожить каждой минутой; когда зайдетъ мѣсяцъ короля уже не будетъ въ Фонтенбло. Можетъ быть пройдутъ годы, пока она увидитъ его и она вѣчно будетъ упрекать себя, что такъ равнодушно разсталась съ человѣкомъ, который былъ ея единственной любовью и надеждой на землѣ...

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій Франциска поспѣшно встала съ мѣста и удалилась съ Химеиой, чтобы сдѣлать свой туалетъ и явиться во всемъ блескѣ на прощальной аудіенціи, которая должна была рѣшить ея судьбу. Не подлежитъ сомнѣнію—думала она—что король приметъ мѣры, чтобы обезпечить ее во время своего отсутствія и доставить ей достойное положеніе между завистливыми недоброжелателями!..

Шабо де-Бріонъ, явившись отъ имени короля, удостоился чести вести на прощальное торжество даму своего сердца. Онъ заранѣе радовался ея счастью, въ полной увѣренности, что король сдержитъ свое слово и обвѣнчается съ нею, забывая, что это должно положить конецъ всѣмъ его надеждамъ.

Галлерея Франциска I была освѣщена тысячами восковыхъ свѣчей; всѣ двери и окна со стороны двора были открыты настежь. Франциска и Шабо де-Біонъ, поднявшись по мраморной лѣстницѣ, были поражены зрѣлищемъ, которое представилось ихъ глазамъ.

Множество придворныхъ и высшихъ сановниковъ государства, призванныхъ по случаю предстоящаго торжества, прохаживались неправильными группами взадъ и впередъ по великолѣпной залѣ, богато украшенной золотомъ и рѣзьбой. Король еще не входилъ и блистательный тронъ, надъ которымъ возвышалась колоссальная корона съ лиліями, былъ пустъ. Вокругъ его стояли сто пажей со свѣчами въ рукахъ.

Придворные почтительно кланялись графинѣ Шатобріанъ, которая шла рядомъ съ сестрой короля. Всѣхъ занимала распространившаяся въ этотъ день молва, что графиня получитъ титулъ герцогини Ромо-

Библиотека "Руниверс"

рантенъ и будетъ назначена правительницей. Парижскій архіепископъ долженъ былъ благословить новую герцогскую корону и кусокъ мрамора, который послужитъ первымъ камнемъ при закладкѣ будущаго великолѣпнаго замка герцогини Роморантенъ.

Художники, съ которыми Франциска познакомилась въ Блуа, подошли къ ней и радушно привѣтствовали ее. Они были довольны тѣмъ, что въ отсутствіе короля правительницей государства будетъ назначена красивая молодая женщина, одаренная тонкимъ вкусомъ и сочувствующая искусству.

Едва Франциска успѣла сказать имъ нѣсколько словъ, какъ отворились створчатыя двери и при оглушительныхъ звукахъ музыки вошелъ король подъ руку съ своей матерью. За ними слѣдовалъ архіепископъ въ полномъ облаченіи, окруженный священниками въ цвѣтныхъ одѣяніяхъ и пѣвчими.

Король подвелъ свою мать къ ступенямъ трона и, поклонившись ей, подошелъ къ сестрѣ, которая стояла въ отдаленіи съ Франциской среди художниковъ. Онъ поблагодарилъ Маргариту, что она оправдала его въ глазахъ его дорогой пріятельницы и привела ее съ собой; затѣмъ обратился къ Францискѣ и сказалъ ей нѣсколько словъ полныхъ любви и нѣжности.

Ласковое обращеніе короля всегда неотразимо дѣйствовало на графиню Шатобріанъ, благодаря искренности, составлявшей отличительную черту отношеній короля къ женщинамъ. Но эта искренность, которую онъ ставилъ себѣ въ заслугу, была обоюдоострымъ оружіемъ, потому что служила оправданіемъ его частыхъ увлеченій. Только женщина, хорошо изучившая его характеръ силой своего умственнаго превосходства и съ помощью разныхъ уловокъ, могла привязать его къ себѣ, какъ это сдѣлала впослѣдствіи mademoiselle de Heilly. Но графиня Шатобріанъ, при своей простодушной и самоотверженной любви, не могла имѣть на него никакого вліянія. Въ этотъ вечеръ, болѣе чѣмъ когда нибудь, она должна была отвѣтить ему отказомъ, когда онъ попросилъ ее подойти къ матери, которой онъ хотѣлъ поручить ее въ качествѣ своей невѣсты на все время своего отсутствія, потому что этимъ поступкомъ она давала ему возможность сложить съ себя тяготившую его обязанность.

Герцогиня Ангулемская, которая уже успѣла сообщить въ короткихъ словахъ свои опасенія Флорентину, вошедшему въ свитѣ архіепископа, поблѣднѣла какъ смерть, когда увидѣла, что король, подавъ руку графинѣ Шатобріанъ, ведетъ ее къ трону у котораго она стояла. Безпокойство ея было вполнѣ основательно, потому что никто не могъ поручиться какъ поступитъ король въ слѣдующую минуту подъ вліяніемъ извѣстнаго романическаго настроенія.

Когда король подошелъ къ ступенямъ трона, гробовое молчаніе, воцарившееся въ залѣ, обратило его вниманіе. Онъ видѣлъ, что всѣ ожидаютъ отъ него чего-то необыкновеннаго, и рука его, державшая

Библиотека "Руниверс"

руку Франциски, дрогнула; у него внезапно явилось желаніе оправдать общее ожиданіе. Герцогиня замѣтила это и рѣшилась помѣшать во что бы то ни стало намѣренію короля. Еслибы она сдѣлала это рѣзко, въ видѣ открытаго протеста, то дѣло было бы тотчасъ рѣшено въ пользу Франциски. Но герцогиня слишкомъ хорошо знала своего сына, чтобы сдѣлать подобный промахъ. Она обратилась съ ласковой рѣчью къ ненавистной для нея графинѣ Шатобріанъ и взявъ ее за руку разъединила съ королемъ, который тотчасъ же успокоился, когда услышалъ всѣ тѣ обѣщанія и дружескія увѣренія, которыя его мать расточала передъ его возлюбленной. Главная причина безпокойства была устранена; то, чего онъ напрасно добивался было достигнуто; обѣ женщины, которыхъ онъ хотѣлъ сблизить, были теперь въ наилучшихъ отношеніяхъ; герцогиня по собственному побужденію предложила Францискѣ взять ее подъ свое покровительство во время его отсутствія. Съ свойственной ему величественной осанкой онъ вошелъ на ступени, ведущія къ трону, и сдѣлалъ рукою знакъ архіепископу, который стоялъ среди духовенства на приготовленной для него эстрадѣ, покрытой пурпуромъ.

Архіепископъ, почтенный старикъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку, заявляя этимъ, что желаетъ говорить. Когда все умолкло въ залѣ, архіепископъ выразилъ въ короткихъ, исполненныхъ достоинства словахъ, что по приказанію короля и сообразно своей священной обязанности, онъ обращается съ увѣщаніемъ къ присутствующимъ, умоляя ихъ во имя Всевышняго быть снисходительными другъ къ другу и дѣйствовать единодушно, въ роковой моментъ, когда король принужденъ оставить государство, которому грозитъ неминуемая опасность.

— Мы должны отрѣшиться—добавилъ онъ—отъ всякой зависти, раздоровъ и, да пріемлетъ Господь нашу клятву, что мы теперь же, на этомъ мѣстѣ, даемъ обѣтъ забыть всѣ личные помыслы и желанія для блага государства, пока не возвратится къ намъ божій помазанникъ!

Архіепископъ, произнося эту клятву, преклонилъ колѣна; всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру.

Наступившая при этомъ торжественная тишина была внезапно нарушена появленіемъ человѣка съ блѣднымъ и окровавленнымъ лицомъ, который шумно ворвался въ освѣщенную галлерею, черезъ потаенную дверь, ведущую въ комнаты Франциски. Платье его было въ безпорядкѣ, волосы опускались длинными прядами на лобъ; онъ держалъ въ рукахъ обнаженную шпагу.

Это былъ графъ Шатобріанъ. Упавъ навзничь во время поединка, онъ ударился головой о ступени стоявшей за нимъ высокой кровати съ балдахиномъ и шелковыми занавѣсями. Ударъ лишилъ его сознанія; длинная шелковая занавѣсь и упавшій стулъ скрыли его отъ глазъ Бонниве и Химены, которые ушли не замѣтивъ его. Такимъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ онъ пролежалъ около двухъ часовъ въ полномъ безпамятствѣ, пока наконецъ медленно, мало по малу сознаніе вернулось къ нему и онъ настолько собрался съ силами, что поднялся на ноги и отыскалъ при лунномъ свѣтѣ дверь, черезъ которую привелъ его Флоріо.

Яркое освѣщеніе галлереи въ первую минуту на столько ослѣпило его, что онъ стоялъ неподвижно, стараясь отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ около него.

Присутствующимъ онъ показался олицетвореніемъ Божьей кары, посланной свыше. Впечатлѣніе словъ архіепископа было моментально уничтожено; всѣ поднялись на ноги и смотрѣли то на графа, то на короля, который, сойдя съ первой ступени строна, остановился въ свою очередь, пораженный явленіемъ, которое показалось ему чѣмъ-то сверхестественнымъ. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ графа и выжидалъ только удобной минуты, чтобы приказать Бонниве въ эту же ночь убрать тѣло убитаго, въ тайнѣ отъ графини. Не довѣряя собственнымъ глазамъ и, не думая о томъ, что привлечетъ на себя общее вниманіе, онъ вынулъ шпагу изъ ноженъ и тщательно осматривалъ ее въ полномъ убѣжденіи, что на ней остались слѣды крови. Нѣсколько сеньоровъ, не понявъ намѣренія короля, также обнажили свои шпаги въ ожиданіи нападенія со стороны графа Шатобріана, который, благодаря своему блѣдному лицу и блуждающимъ глазамъ, имѣлъ видъ помѣшаннаго.

Между тѣмъ садовая площадь передъ галлерей внезапно освѣтилась множествомъ зажженныхъ факеловъ, а вслѣдъ затѣмъ послышались звуки боевыхъ трубъ отряда, который долженъ былъ сопровождать короля на войну. Король вложилъ шпагу въ ножны и презрительно отвернулся отъ графа Шатобріана, завляя этимъ, что не желаетъ болѣе обращать на него вниманія и не имѣетъ на это времени. Все пришло въ движеніе и смѣшалось, каждый спѣшилъ придвинуться къ трону, и только немногіе замѣтили, что прелатъ Флорентинъ, по знаку герцогини Ангулемской, взялъ за руку испуганную Франциску и подвелъ ее къ графу Шатобріану.

Несчастная женщина была такъ смущена неожиданнымъ появленіемъ мужа и близкой разлукой съ королемъ, что находилась въ безсознательномъ состояніи и опомнилась только тогда, когда графъ назвалъ ее по имени.

— Да меня зовутъ Франциской Шатобріанъ! проговорила она съ видимымъ усиліемъ.

— Это имя ты будешь носить до самой смерти! Выслушай меня внимательно и взгляни мнѣ прямо въ глаза.

— Я не въ состояніи сдѣлать этого.

— Помни, что я буду ожидать тебя въ замкѣ Шатобріанъ! Ты благословишь свою дочь и выслушаешь тотъ приговоръ, который будетъ произнесенъ надъ тобой.

Библиотека "Руниверс"

При этихъ словахъ подошелъ Шабо де-Бріонъ, побуждаемый желаніемъ помочь Франциске и обращаясь къ графу сказалъ:

— Король спрашиваетъ о причинѣ вашего посѣщенія.

— Скажите королю, что бретанскому дворянину не нужно особенныхъ причинъ, чтобы явиться въ королевскій замокъ! Я пэръ Франціи! Впрочемъ, считаю нужнымъ заявить, что я искалъ здѣсь не французскаго короля, а желалъ переговорить съ Франциском Валуа!..

Пока происходила эта сцена, король, стоя на верхней ступени трона, дѣлалъ послѣднія распоряженія. Герцогиня Ангулемская была объявлена правительницей государства; герцогъ Вандомскій назначенъ генералъ-лейтенантомъ Иль-де-Франса; герцогъ Гизъ—намѣстникомъ Шампаньи и Бургундіи; сенешалъ де Брезе — намѣстникомъ Нормандіи; графъ Лаваль—Британіи; а маршалъ Лотрекъ—намѣстникомъ Гіены и Лангедока. Только послѣднее назначеніе показывало до нѣкоторой степени заботу о Франциске.

Всѣ спѣшили къ выходамъ, потому что снова раздался воинственный призывъ трубъ; король также направился къ главнымъ дверямъ. Толпа оттѣснила графа Шатобріана отъ его жены, которую Бріонъ повелъ по лѣстницѣ. Король шелъ подъ руку съ своей матерью и, казалось, съ безпокойствомъ искалъ глазами Франциску. Наконецъ онъ увидѣлъ ее при свѣтѣ факеловъ, поспѣшно подошелъ къ ней и, взявъ за руку, передалъ ее въ объятія улыбающейся герцогини Ангулемской, умоляя взглядомъ и жестомъ, награжденную государствомъ женщину, не оставить покинутую имъ возлюбленную.

Вслѣдъ затѣмъ король быстро повернулся къ провожавшему его обществу и, приложивъ пальцы къ губамъ, послалъ всѣмъ прощальный поцѣлуй, дружески обнялъ Маргариту и, сойдя съ лѣстницы, сѣлъ на коня при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ король!“ Секунду спустя онъ исчезъ съ своей свитой въ темномъ лѣсу, который при свѣтѣ факеловъ казался еще мрачнѣе и таинственнѣе.

Конецъ третьей части.

Библиотека "Руниверс"

Часть IV.

ГЛАВА I.

Письмо маршала Лотрека къ графинѣ Шатобріанъ.

Ты въ первыи разъ обращаешься ко мнѣ за совѣтомъ, Франциска, и просишь чтобы я сообщилъ тебѣ что нибудь о королѣ. То и другое одинаково удивляетъ меня! Неужели ты, живя при дворѣ правительницы государства, не имѣешь никакихъ извѣстій о королѣ и войскѣ! Затѣмъ я желалъ бы знать: на что понадобился тебѣ мой совѣтъ послѣ того, какъ ты самовольно распорядилась своей жизнью и отказалась отъ своихъ прямыхъ обязанностей? Я никому не повѣрилъ бы, если бы не видѣлъ ясно изъ нѣкоторыхъ выраженій въ твоемъ письмѣ, что ты не понимаешь ни своего собственнаго положенія, ни общаго хода дѣлъ. О королѣ у тебя составилось совершенно превратное представленіе. Ты питаешь какія то розовыя надежды, какъ семнадцатилѣтній юноша, который переживаетъ волненія первой любви. Бѣдняжка! Король самый безсердечный любовникъ, потому что нѣтъ человѣка легкомысленнѣе его! Ты не повѣришь приключенію съ Діаной Брезе и въ убѣжденіи, что король остался вѣренъ тебѣ, не считаешь себя въ правѣ сердиться на него за то, что онъ не далъ тебѣ никакого положенія въ свѣтѣ и поручилъ покровительству своей матери. Тебѣ кажется это вполнѣ естественнымъ и по твоимъ словамъ, если мать короля злоупотребляетъ его довѣріемъ во вредъ себѣ, то это не его вина! Бѣдняжка! Развѣ королю не было извѣстно, что его мать всегда ненавидѣла тебя и никого не любитъ кромѣ себя и его? Она считаетъ приличнымъ чтобы король имѣлъ любовницу, не заявляющую никакихъ притязаній, а

Библиотека "Руниверс"

не такую, какъ ты! Чего онъ достигъ, поручивъ тебя своей матери кромѣ того, что ты брошена на произволъ судьбы?

„Въ подтвержденіе моихъ словъ, не хочешь ли ты узнать, какъ велъ себя этотъ человѣкъ, которому ты приписываешь такія нѣжныя чувства, не дальше, какъ нѣсколько дней послѣ вашего прощанія въ Фонтенбло? Проѣздомъ черезъ Моноскъ онъ прельстился какой то необыкновенно красивой дамой, по имени m-elle Воланъ и тотчасъ-же остановился съ своей свитой, въ надеждѣ одержать побѣду надъ молодой дѣвушкой, хотя зналъ, что войско съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его и находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Однако это приключеніе имѣло совсѣмъ иной исходъ, чѣмъ сотни другихъ исторій, героемъ которыхъ былъ твой вѣрный любовникъ. M-elle Воланъ была настолько цѣломудренна, что долго сопротивлялась королю и, наконецъ, чтобы избавиться отъ его назойливаго ухаживанія рѣшилась испортить свое прекрасное лицо парами сѣрной кислоты. Этотъ скандалъ возмутилъ весь свѣтъ, но не исправилъ короля и не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія на Бонниве, который при первомъ удобномъ случаѣ опять примется за сводничество.

„Я знаю, что влюбленнымъ нельзя говорить правды относительно предмета ихъ любви, потому что если правда будетъ имъ не по вкусу, то они не повѣрятъ ей даже въ томъ случаѣ, еслибы Святая Дѣва стала убѣждать ихъ. Впрочемъ такъ и должно быть и ты съумѣешь оправдать своего возлюбленнаго... Но, basta, я не знатокъ въ этихъ вещахъ, думай что хочешь о королѣ, только въ концѣ концовъ выслушай мой дружескій совѣтъ, тѣмъ болѣе, что ты сама обратилась ко мнѣ. Жаль только, что ты не сдѣлала этого прежде! Я не могу конечно оказать тебѣ никакой фактической помощи, потому что твое общественное положеніе тѣсно связано съ судьбой короля и государства. Чтобы сказать тебѣ что нибудь опредѣленное я долженъ сообщить тебѣ мои предположенія относительно той будущности, какая ожидаетъ короля и государство.

„Около короля теперь не мало всякихъ разряженныхъ господъ. Между ними есть вполнѣ почтенные военачальники, какъ графъ Сенъ-Поль, ла-Тремуйль и маршалы—ла-Палиссъ де-Фуа, Монморанси, хотя послѣдніе два очень молоды и вѣроятно не отличаются предусмотрительностью. Но все это не имѣетъ никакого значенія для общаго хода дѣлъ, потому что всѣмъ будетъ распоряжаться болтливый выскочка Бонниве. Къ несчастью король не только любитъ его до какого то страннаго ослѣпленія, но безусловно слушается его совѣтовъ, что должно повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Хотя нельзя отказать Бонниве въ извѣстной ловкости и умѣ, но онъ человѣкъ безхарактерный, не имѣетъ никакого понятія о военномъ искусствѣ и, безъ толку придерживается то одной, то другой системы, не изучивъ ни одной изъ нихъ. Правда король своими личными свойствами можетъ восполнить то, чего не достаетъ его любимцу, потому

Библиотека "Руниверс"

что на войнѣ онъ отличается рѣшительностью и его можно безусловно назвать храбрымъ. Но война въ большихъ размѣрахъ ему не по силамъ, такъ какъ онъ недостаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ; и никто не рѣшится намекнуть ему на это, потому что онъ въ особенности гордится своими военными знаніями. Дѣйствительно, въ иныхъ случаяхъ, благодаря воспріимчивости ума онъ способенъ составить такой планъ дѣйствій, который сдѣлалъ бы честь любому полководцу. Такъ было и въ началѣ нынѣшней кампаніи. Не обращая никакого вниманія на непріятеля, сосредоточившаго свои силы въ Провансѣ, онъ прямо спустился черезъ Альпы въ Ломбардію. Несомнѣнно, это было сдѣлано по его иниціативѣ и ничего умнѣе нельзя было придумать. Пескара и Бурбонъ, изъ боязни быть отрѣзанными отъ Италіи и атакованными съ тылу, поспѣшно двинулись назадъ черезъ Лигурійскія Альпы; король былъ уже въ Верчелли, когда они едва дошли до Монферато. Умный планъ дѣйствій увѣнчался полнымъ успѣхомъ; Миланъ изнуренный чумой не могъ защищаться; Пескара и Бурбонъ, наскоро укрѣпивъ миланскую крѣпость, Павію и Алессандрію, должны были отступить. Но тутъ случилось то, чего можно было ожидать заранѣе: король, очутившись среди разгара битвъ, надѣлалъ рядъ промаховъ, вслѣдствіе того, что ему не достаетъ опыта, спокойствія и пониманія новыхъ способовъ веденія войны. Со временъ Карла VIII война ведется совсѣмъ инымъ способомъ нежели прежде; между тѣмъ король во всемъ подражаетъ Гастону и Баярду, упуская изъ виду, что эти прославленные герои принадлежатъ къ такой военной школѣ, которая съ каждымъ днемъ становится менѣе приложимой. Онъ ожидаетъ блестящихъ результатовъ отъ личныхъ подвиговъ въ духѣ рыцарства; нарядные господа слѣдуютъ его примѣру. Они поставили себѣ задачей овладѣть во что бы то ни стало Миланомъ и Павіей и такимъ образомъ потративъ дорогое время дали возможность непріятелю опять сплотить свои силы. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, почему они не воспользовались тѣмъ моментомъ, когда Пескара и Бурбонъ съ своимъ разсѣяннымъ войскомъ боязливо ожидали нападенія короля, который могъ отбросить ихъ въ Венецію?

„Но этого не случилось! Благопріятная минута была потеряна: знаменитый испанскій военачальникъ Антонію де-Лейва упорно защищаетъ Павію; недѣля проходитъ за недѣлей; Пескара укрѣпляется въ Лоди; Бурбонъ вербуетъ новыя войска въ Германіи и Франшъ-Конте и склоняетъ на свою сторону Савойю. Я съ ужасомъ думаю о томъ, что наша армія принуждена будетъ дать битву между Павіей и Тичино, потому что въ головѣ короля засѣла устарѣвшая аксіома, что „затративъ столько усилій онъ не можетъ отступить“. Да избавитъ насъ Господь отъ катастрофы! Но она неизбѣжна, потому что король задумалъ какія то невѣроятныя экспедиціи, какъ будто дѣло шло о завоеваніи вселенной. Онъ отправилъ часть войска

Библиотека "Руниверс"

въ Геную и Неаполь и настолько ослабилъ себя, что я дрожу при одной мысли, что его могутъ теперь же принудить къ битвѣ.

„Все это должно убѣдить тебя, что ты ничего не достигнешь, даже при благопріятномъ исходѣ кампаніи, потому что всѣ полученные результаты не имѣютъ никакого серьезнаго значенія и не можетъ быть рѣчи о побѣдѣ и выгодномъ мирѣ. Если же дѣла примутъ дурной оборотъ, что весьма вѣроятно, то король долженъ будетъ рѣшиться на какое нибудь супружество, выгодное въ политическомъ отношеніи; и я, твой родной братъ, буду первый совѣтовать ему это, если бы даже твои права на законный бракъ были въ точности опредѣлены. Изъ всего сказаннаго мною ты можешь ясно видѣть, что ожидаетъ тебя въ томъ и другомъ случаѣ. Всѣ твои надежды построены на пескѣ и ты ни въ комъ не найдешь поддержки.

„Теперь разсмотримъ вопросъ съ другой стороны. Честь твоя потеряна; ты самымъ грубымъ образомъ нарушила свои обязанности и ничто не загладитъ твоего проступка, хотя бы завтра св. отецъ въ Римѣ далъ тебѣ разводъ и благословилъ на бракъ съ королемъ. Для женщины изъ рода Фуа не велика честь сдѣлаться королевой Франціи. По моему глубокому убѣжденію ты безвозвратно погибла, моя бѣдная Франциска. Передъ тобою двѣ пропасти и тебѣ остается только выбрать одну изъ нихъ... Прости, я привыкъ называть вещи по имени. Ты должна или вернуться въ замокъ Шатобріанъ и покориться рѣшенію твоего мужа, или же удалиться въ монастырь и навсегда исчезнуть изъ міра.

„Ты просишь меня высказать мое мнѣніе и поэтому я совѣтую тебѣ остановиться на послѣднемъ. Лучше покончить разомъ, чѣмъ вернуться съ половины пути и подвергнуть себя позорной мести оскорбленнаго бретанскаго дворянина. Само собой разумѣется, что при этомъ нужно будетъ отрѣшиться отъ всякихъ материнскихъ сѣтованій о ребенкѣ, которыя совершенно неумѣстны, тѣмъ болѣе, что это дѣвочка. Если ты могла бросить свою дочь ради личнаго счастья, то тѣмъ легче забыть о ней въ несчастьи! Выбрось также изъ головы мысль украсть ее, потому что это было бы безчестно относительно мужа, которому ты нанесла кровное оскорбленіе.

„Если ты будешь имѣть мужество послѣдовать моему совѣту, то я сдѣлаю распоряженіе, чтобы тебѣ приготовили приличный пріемъ въ аббатствѣ св. Женевьевы и пошлю надежныхъ людей, которые проводятъ тебя изъ Фонтенбло до твоей родины“.

Письмо это глубоко огорчило графиню Шатобріанъ, не потому только, что она узнала о новой измѣнѣ короля, но въ немъ была безпристрастная оцѣнка личности ея возлюбленнаго, предрекавшая ему безславную будущность и прямо высказывался взглядъ на ея любовь, какъ на несчастіе, отъ котораго она должна искать спасенія.

Библиотека "Руниверс"

Но можетъ ли любящее сердце сразу отказаться отъ надежды на счастье? Для этого нужна продолжительная борьба и рядъ печальныхъ разочарованій, чтобы окончательно потерять вѣру въ любимаго человѣка. Мы прибѣгаемъ къ всевозможнымъ софизмамъ, чтобы оправдать его поступки въ нашихъ собственныхъ глазахъ и инстинктивно, путемъ самообольщенія, приходимъ къ выводамъ, которые обезоруживаютъ насъ и дѣлаютъ невозможнымъ всякое нравственное сопротивленіе!

Извѣстное разочарованіе началось для Франциски при первомъ открытіи, что любимый человѣкъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному ея сердцемъ. Она особенно почувствовала это въ день смерти королевы Клавдіи и, возмущенная до глубины души эгоизмомъ короля, рѣшилась прямо высказать ему свое неудовольствіе. Король употребилъ тогда всѣ усилія, чтобы успокоить ее и сгладить непріятное впечатлѣніе, потому что своимъ противодѣйствіемъ она внушила ему извѣстнаго рода уваженіе къ своей личности. Тѣмъ не менѣе этотъ случай показалъ ей, что она не должна ожидать отъ короля особенно нѣжнаго вниманія къ ея чувствамъ; и она мысленно навсегда отказалась отъ подобныхъ притязаній въ тотъ моментъ, когда упрекала его за то, что онъ оставилъ ее одну на произволъ парижской черни и когда дѣлала видъ, что прощаетъ ему смерть Семблансэ. Врядъ ли также можно допустить, что она окончательно успокоилась относительно свиданія короля съ Діаной Брезе. Но любовь была сильнѣе гнѣва; послѣ разговора съ Бюде и Маргаритой она увѣрила себя, что приключеніе въ павильонѣ—наглая клевета, и что вопросъ этотъ долженъ быть покончен и забытъ. Послѣ этого ей не трудно было оправдать короля и во всемъ остальномъ.

— Что бы ни говорили люди, думала Франциска, но онъ не могъ дать мнѣ лучшаго доказательства своей привязанности, какъ поручивъ меня попеченію своей матери. Онъ желаетъ дружескаго сближенія между двумя особами, которыя для него всего дороже. Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что я не могу заслужить расположенія его матери? Что же касается исторіи съ м-зель Воланъ, о которой пишетъ Лотрекъ, то я убѣждена, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было и, что эта исторія въ высшей степени преувеличена. Я не понимаю, какое тутъ преступленіе совершилъ король! Онъ встрѣтилъ молодую красивую дѣвушку и она понравилась ему. Боже мой, неужели изъ любви ко мнѣ онъ долженъ утратить чувство и пониманіе изящнаго, которымъ онъ одаренъ отъ рожденія, и которое побуждаетъ его преклоняться передъ всѣмъ прекраснымъ въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства. Если бы это случилось, то я считала бы своимъ долгомъ послѣдовать примѣру м-зель Воланъ и обезобразить себя, чтобы онъ не отступалъ отъ своей великой роли—покровителя искусства. Впрочемъ, что понимаетъ въ любовныхъ дѣлахъ такой суровый воинъ, какъ Лотрекъ? Если я обратилась къ

Библиотека "Руниверс"

нему, то сдѣлала это почти исключительно съ цѣлью получить подробныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій, потому что у короля нѣтъ достаточно времени, чтобы писать мнѣ. Затѣмъ я хотѣла также узнать: могу ли я въ чемъ нибудь разсчитывать на помощь брата, но убѣдилась, что любовники не должны вмѣшивать постороннихъ людей въ свои дѣла, такъ какъ никто не можетъ дать имъ полезнаго совѣта. Флорентинъ всегда давалъ мнѣ дурные совѣты, а Маргарита, Бюде и Маро врядъ ли правы, убѣждая меня, что я должна остаться въ Фонтенбло, не смотря на всѣ преслѣдованія королевы-матери, и что въ противномъ случаѣ я лишу себя того положенія, которое назначено мнѣ королемъ. Какъ будто между мной и Франциской можетъ быть поднятъ вопросъ о какихъ либо формальностяхъ? Не лучше ли мнѣ прямо отправиться въ замокъ Фуа? Лотрекъ долженъ будетъ согласиться, что я буду тамъ въ такой же безопасности, какъ и въ аббатствѣ св. Женевьевы.

Такимъ образомъ графиня Шатобріанъ употребляла всѣ усилія, чтобы сохранить во что бы то ни стало свою вѣру въ любовь короля. Только эта вѣра и поддерживала ее. Она написала Лотреку вовсе не изъ тѣхъ побужденій, какія она перечисляла, бесѣдуя наединѣ съ собой. Гордость ея была задѣта оскорбительныхъ обхожденіемъ герцогини Ангулемской; и она надѣялась, что братъ выведетъ ее изъ того унизительнаго положенія, въ которомъ она очутилась послѣ отъѣзда короля; но теперь все это казалось ей второстепеннымъ дѣломъ и она досадовала на себя, зачѣмъ дала поводъ своему брату написать ей письмо, разрушившее единственную надежду ея жизни. Она не могла послѣдовать его совѣту, пока въ сердцѣ ея оставалась хотя тѣнь надежды.

Была уже поздняя осень; холодный вѣтеръ осыпалъ сухими листьями пустынный дворъ, на который выходили окна графини Шатобріанъ. Она сидѣла у одного изъ нихъ и задумчиво смотрѣла на темныя тучи и на старый густой лѣсъ, чернѣвшій передъ ея глазами. Письмо Лотрека, лежавшее около нея, не могло долѣе привлекать ея вниманія.

— Я не должна придавать особеннаго значенія разсужденіямъ Лотрека о настоящей войнѣ, думала она. — У него односторонній взглядъ на короля; онъ судитъ о военныхъ дѣлахъ съ своей точки зрѣнія и считаетъ свои мнѣнія непогрѣшимыми...

Въ это время въ Фонтенбло царила мертвая тишина. Дворъ давно переѣхалъ въ Парижъ; въ замкѣ осталась одна Франциска, которая не въ состояніи была долѣе выносить злобныхъ выходокъ герцогини Ангулемской. Друзья Франциски совѣтовали ей не выѣзжать изъ королевскаго дома до послѣдней возможности, ради ея дальнѣйшей будущности. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ Маро, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ спасъ ее отъ народной ярости своимъ совѣтомъ. Она не знала этого, но всегда охотно видѣлась съ

Библиотека "Руниверс"

поэтомъ, который въ легкихъ, общедоступныхъ формахъ способствовалъ развитію самостоятельной умственной жизни при французскомъ дворѣ. Его общественное положеніе, несмотря на милость короля, было незавидное. Хотя Францискъ I при своемъ свободомысліи не обращалъ особеннаго вниманія на низкое происхожденіе поэта и оказывалъ ему почетъ, но все-таки не могъ настолько возвыситься надъ своими современниками, чтобы окончательно упустить изъ виду это обстоятельство. Маро оставался для него сыномъ камердинера, который возвысился его милостью и держался ею. Поэзія во Франціи не имѣла еще тогда никакого опредѣленнаго характера и выработанной литературной формы и Маро не могъ создать ее при неблагопріятныхъ условіяхъ своей жизни. Тѣмъ не менѣе поэтъ сознавалъ свое высокое призваніе и его насмѣшливое обращеніе могло бы озлобить придворныхъ, еслибы онъ не обезоруживалъ ихъ своимъ добродушіемъ и неистощимой веселостью.

Маро, всѣмъ обязанный своему таланту, живо интересовался судьбою Франциски, такъ какъ она могла занять высокое общественное положеніе только благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, а не въ силу какихъ-либо правъ. Та же скрытая оппозиція противъ сословныхъ преимуществъ побуждала поэта сочувственно относиться къ реформаціи, которая въ это время уже имѣла многочисленныхъ адептовъ въ западной Европѣ. Онъ не стѣсняясь говорилъ съ Франциской о новомъ религіозномъ движеніи и даже разъ прямо высказалъ свое убѣжденіе, что если ей удастся склонить короля къ реформаціи, то она можетъ играть видную роль во Франціи. Тогда, добавилъ Маро, — вашъ разводъ съ графомъ Шатобріанъ не представитъ никакихъ затрудненій, и не будетъ никакой надобности хлопотать о разрѣшеніи папы. Вы сдѣлаетесь французской королевой и подобно супругѣ Клодвига будете имѣть громадное вліяніе на образованіе и духовную жизнь французской націи.

Графиня Шатобріанъ выслушала поэта съ недовѣрчивой улыбкой, но слова его глубоко запали въ ея душу, потому что подобные разговоры и намеки она часто слышала, какъ отъ самого Маро́, такъ и отъ Бюде и Маргариты. Идея церковной реформы, помимо личной симпатіи, служила главною связующею нитью между этими людьми и Франциской, такъ какъ они думали дѣйствовать черезъ нее на короля.

По ихъ мнѣнію, графиня Шатобріанъ не должна была уѣзжать изъ королевскаго замка, потому что въ противномъ случаѣ правительница употребитъ всѣ средства, чтобы очернить ее въ мнѣніи своего сына и несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ. Послѣ прощальной сцены въ галлереѣ, всѣ считали графиню нареченной невѣстой короля, которую онъ оффиціально поручилъ покровительству своей матери. Никому не покажется страннымъ, что она осталась въ уединенномъ Фонтенбло; но если она уѣдетъ отсюда куда бы то ни было,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ отеля Турнель въ Парижѣ, гдѣ помѣщалась правительница, то для послѣдней это будетъ желаннымъ предлогомъ, чтобы торжественно отказаться отъ роли покровительницы. При этомъ герцогиня Ангулемская постарается придать удаленію Франциски возможно большую огласку, чтобы навсегда затруднить ей доступъ къ двору, даже въ случаѣ возвращенія короля на родину.

Однако, не смотря на эти доводы, Франциска все болѣе и болѣе убѣждалась въ необходимости оставить Фонтенбло. Правительница, переѣзжая съ дворомъ въ Парижъ, не сдѣлала никакихъ распоряженій относительно содержанія графини и оставила ее почти безъ прислуги.

— Кто заставляетъ ее оставаться въ Фонтенбло! говорила герцогиня Ангулемская. — Если ей не нравится мое общество и она не находитъ меня достаточно любезной, то пусть сама заботится о своемъ содержаніи...

Между тѣмъ бѣдная Франциска поневолѣ должна была избѣгать общества герцогини, которая не только была холодна съ ней, но оскорбляла ее при всякомъ удобномъ случаѣ, чтобы сдѣлать невыносимымъ ея дальнѣйшее пребываніе при дворѣ. Франциска уже нѣсколько недѣль оставалась одна въ Фонтенбло, гдѣ она должна была испытывать всевозможныя лишенія. Не получая никакихъ извѣстій отъ своихъ друзей изъ Парижа, она написала Лотреку, въ надеждѣ, что онъ сообщитъ ей о судьбѣ короля и научитъ какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Письмо Лотрека привело ее еще въ болѣе печальное настроеніе духа; она увидѣла всю безпомощность своего положенія и не знала на что рѣшиться.

Ея грустныя размышленія были прерваны пріѣздомъ Маро, который вошелъ въ комнату въ сопровожденіи Бернара, единственнаго слуги, оставшагося въ Фонтенбло.

Подобныя посѣщенія не были безопасны для поэта, который существовалъ въ полной зависимости отъ правительницы. Бюде уже возбудилъ противъ себя ея неудовольствіе своей дружбой съ Франциской. Между тѣмъ война затянулась; вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія короля, положеніе лицъ, не пользующихся расположеніемъ правительницы, становилось затруднительнѣе со дня на день. Нужно было не мало отваги со стороны Бюде и Маро, чтобы поддерживать сношенія съ графиней въ такое время, когда чуть ли не ежедневно распространялись о королѣ новые неблагопріятные слухи. То оказывалось, что король потерялъ большую битву, то заболѣлъ чумой, свирѣпствовавшей въ Миланѣ, или, что онъ умеръ. Никто не вѣрилъ извѣстіямъ, которыя сообщала правительница, хотя помимо ея, трудно было получить непосредственныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій.

Въ виду всего этого мы не можемъ ставить въ упрекъ Маро, что, отправляясь въ Фонтенбло, онъ принималъ всѣ мѣры предосторож-

Библиотека "Руниверс"

ности, чтобы кто нибудь изъ придворныхъ не увидѣлъ его и приходилъ въ смущеніе, когда это не удавалось ему. На этотъ разъ онъ также явился къ Францискѣ совершенно растерянный, потому что на опушкѣ лѣса, гдѣ дорога поворачивала къ замку, онъ неожиданно встрѣтилъ нѣсколько монаховъ, ѣхавшихъ на мулахъ, и ему показалось, что въ числѣ ихъ былъ Флорентинъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія онъ тотчасъ же свернулъ съ дороги и, оставивъ свою лошадь у угольщика, вечеромъ прокрался въ замокъ, предварительно распросивъ Бернара, не пріѣзжалъ ли прелатъ. Слуга отвѣтилъ, что у графини никого нѣтъ и далъ торжественное обѣщаніе, что не впуститъ прелата, не увѣдомивъ объ этомъ г. Маро.

Графиня Шатобріанъ была убѣждена, что Маро ошибся, потому что Флорентинъ не былъ въ Фонтенбло со дня отъѣзда двора, и нѣсколько разъ извинялся передъ нею письменно, ссылаясь на недостатокъ времени и уговоривая ее пріѣхать въ Парижъ.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ у него нѣтъ времени, возразилъ Маро, занявъ свое обычное мѣсто около огня, горѣвшаго въ каминѣ.—Оставаясь празднымъ, нельзя сдѣлаться въ такіе молодые годы кандидатомъ на первое вакантное мѣсто епископа, а наша правительница за свои милости требуетъ усиленной работы...

— Что можетъ заставить его пріѣхать ко мнѣ въ такую ненастную погоду?

— Я видѣлъ внизу всадника въ графской ливреѣ Фуа...

— Вы знаете, что я не могу позволить себѣ такой роскоши! Это гонецъ отъ Лотрека; онъ привезъ мнѣ отвѣтъ на письмо, о которомъ я вамъ говорила.

— Это, вѣроятно, и побудило прелата пріѣхать сюда! Я видѣлъ вчера этого человѣка въ отелѣ Турнель и только теперь вспомнилъ объ этомъ!.. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лотрекъ въ своихъ депешахъ правительницѣ писалъ ей объ васъ, и она сочла нужнымъ послать сюда для переговоровъ краснорѣчиваго прелата. Только на этотъ разъ, Бога ради, вооружитесь твердостью и не давайте уговорить себѣ къ отъѣзду изъ Фонтенбло. Ни одинъ изъ вашихъ друзей не посовѣтуетъ вамъ промѣнять это чистилище на адъ, ожидающій васъ въ отелѣ Турнель.

— Въ настоящемъ случаѣ, мой дорогой Маро, я не могу послѣдовать вашему совѣту, потому что раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ мой отъѣздъ изъ Фонтенбло необходимымъ.

Маро хотѣлъ возражать, но она остановила его движеніемъ руки и продолжала:

— Во-первыхъ, я не вѣрю, будто бы моя репутація и будущность зависятъ отъ того, что я буду выжидать возвращенія короля здѣсь или въ Парижѣ! Во-вторыхъ, я убѣждена, что это намѣренно выдумано правительницей, чтобы имѣть возможность мучить меня, вывести изъ терпѣнія и принудить къ какой нибудь оскорбительной сценѣ,

Библиотека "Руниверс"

которая послужитъ ей предлогомъ для моего удаленія. Мои отношенія къ королю настолько серьозны, что онъ не можетъ придавать особеннаго значенія тому, гдѣ я буду жить въ его отсутствіе. Затѣмъ въ моемъ положеніи не можетъ быть ничего унизительнѣе, какъ выносить долѣе всевозможныя матеріальныя лишенія въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Даже теперь, добавила она улыбаясь,—я едва буду въ состояніи подать вамъ сколько нибудь приличный ужинъ, мой добрый Моро, хотя мнѣ придется употребить на это всѣ запасы нашей несчастной крѣпости! Вы вѣрно проголодались послѣ верховой ѣзды...

— Но почему вы не позволяете мнѣ намекнуть на это герцогинѣ Ангулемской? возразилъ со смѣхомъ обезоруженный поэтъ.

— Нѣтъ, Маро, я считаю правительницу своей матерью и не хочу ставить ее въ неловкое положеніе. Тутъ есть еще одна причина... Но что это! мнѣ послышался шумъ въ галлереѣ, а на этой сторонѣ замка никто не живетъ теперь.

Графиня Шатобріанъ сидѣла съ своимъ гостемъ въ той самой комнатѣ, гдѣ происходилъ поединокъ между королемъ и графомъ Шатобріанъ. Франциска особенно любила эту комнату, потому что здѣсь она всегда видѣлась съ королемъ въ тѣ счастливые дни, когда онъ такъ часто посѣщалъ ее. Хотя потаенная дверь была наглухо заперта, но Франциска слышала, что кто-то подошелъ къ ней и прижалъ пружину.

Это былъ Флорентинъ. Маро не ошибся, говоря, что видѣлъ его. Молодой прелатъ, пріѣхавъ въ Фонтенбло, остановился у придворнаго капелана, жившаго на другой сторонѣ замка и собралъ у него всѣ необходимыя свѣдѣнія объ образѣ жизни графини Шатобріанъ. Чтобы не идти по двору подъ проливнымъ дождемъ. Флорентинъ хотѣлъ сперва убѣдиться, нельзя ли проникнуть въ комнаты Франциски черезъ потаенную дверь. Къ этому побуждала его также усвоенная имъ привычка входить неожиданнымъ способомъ, чтобы застать кого нибудь въ расплохъ или подслушать, что говорилось въ домѣ. Пройдя по темной галлереѣ съ фонаремъ въ рукахъ, онъ остановился передъ изображеніемъ нимфы, чтобы убѣдиться нѣтъ ли гдѣ щели, черезъ котурую можно было видѣть то, что происходило въ комнатахъ графини Шатобріанъ. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ пожалъ пружину и слегка толкнулъ потаенную дверь, но она оказалась запертою на задвижку. Вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ возгласъ Франциски и чей-то мужской голосъ, но не могъ разобрать словъ, не смотря на всѣ усилія. Однако и это открытіе имѣло цѣну для Флорентина; онъ погасилъ свой фонарь и, поставивъ его передъ дверью, направился ощупью къ ближайшему выходу изъ галлереи въ садъ. Всевозможные планы быстро смѣнялись въ его головѣ, вслѣдствіе предположенія, что у Франциски есть еще любовникъ помимо короля или, что, по крайней мѣрѣ, можно будетъ обвинить ее въ этомъ. Вопросъ для Флорентина вовсе не заключался въ томъ, чтобы возбудить рев-

Библиотека "Руниверс"

ность короля; ему только необходимо было настолько запятнать репутацію графини Шатобріанъ, чтобы это послужило поводомъ къ ея разрыву съ королемъ.

Флорентинъ терялся въ догадкахъ относительно того, кто могъ быть у графини; встрѣтившись утромъ съ Маро, онъ не замѣтилъ его и ему было также извѣстно, что Бюде остался въ Парижѣ...

Занятый этими размышленіями, прелатъ вошелъ другимъ ходомъ со двора и обратился къ Бернару съ двусмысленнымъ вопросомъ: не помѣшаетъ ли онъ графинѣ своимъ посѣщеніемъ?

Старый слуга не забылъ обѣщанія, даннаго Маро, и вѣжливо попросилъ прелата обождать въ прихожей, пока онъ доложитъ графинѣ о приходѣ его преосвященства.

— Не безпокойся! прервалъ его поспѣшно прелатъ: служитель алтаря можетъ входить во всякое время безъ доклада. Надѣюсь, что у графини нѣтъ никого изъ постороннихъ.

— Никого, насколько мнѣ извѣстно, отвѣтилъ Бернаръ.

— Ты долженъ былъ бы знать это. Значитъ я могу войти, сказалъ Флорентинъ, направляясь къ двери.

— Нѣтъ г-нъ прелатъ, это невозможно! Мнѣ не велѣно впускать кого либо къ графинѣ безъ ея особеннаго распоряженія; въ настоящемъ случаѣ я готовъ лучше навлечь на себя ваше неудовольствіе, нежели отступить отъ своей обязанности. Не угодно ли вамъ подождать здѣсь нѣсколько минутъ.

Съ этими словами Бернаръ вѣжливо указалъ на кресло прелату и вышелъ, захлопнувъ за собой дверь.

Флорентинъ окончательно убѣдился, что у графини въ гостяхъ ея возлюбленный, котораго она должна скрывать, и, съ свойственною ему наглостью, послѣ нѣкотораго раздумья отворилъ дверь и послѣдовалъ за слугой. Когда онъ вошелъ въ первую комнату, у него явилось опасеніе встрѣтить какого нибудь сеньера, который можетъ наказать его за дерзкій поступокъ, но жгучее чувство ревности гнало его впередъ помимо всѣхъ другихъ соображеній. Онъ не могъ забыть сцены въ аббатствѣ св. Женевьевы и свои ощущенія въ тотъ моментъ, когда Франциска едва не отдалась ему. Онъ уступилъ ее королю только потому, что это былъ для него единственный путь къ достиженію почестей; но мысль, что онъ долженъ отказаться отъ нея для перваго встрѣчнаго, приводила его въ бѣшенство.

Онъ поспѣшно схватился за ручку второй двери, но оказалось, что Бернаръ заперъ ее на ключъ изъ боязни, что прелатъ пойдетъ за нимъ. Увѣренность, что онъ помѣшалъ нѣжному свиданію, заставляла Флорентина испытывать всѣ мученія ревности, хотя онъ ясно сознавалъ, что долженъ радоваться такому открытію и воспользоваться имъ на погибель графини.

Когда Бернаръ доложилъ о приходѣ Флорентина, Маро окончательно растерялся; даже графиня Шатобріанъ была сильно смущена:

Библиотека "Руниверс"

она рѣшилась не подвергать поэта гнѣву правительницы и не предвидѣла для себя ничего добраго отъ этого посѣщенія. Поведеніе Флорентина ясно показывало, что онъ перешелъ на сторону правительницы, такъ что даже Франциска, при всей своей довѣрчивости, не могла не видѣть этого, но сознавала, что было слишкомъ неблагоразумно отказать ему въ пріемѣ. Маро не совѣтовалъ ей раздражать врага, и даже Бернаръ робко замѣтилъ, что г-нъ прелатъ, повидимому, въ дурномъ расположеніи духа и чѣмъ скорѣе приметъ его графиня, тѣмъ лучше.

Для Маро не оставалось иного способа къ бѣгству, кромѣ выхода въ галлерею, но Франциске казалось не удобнымъ проводить поэта черезъ потаенную дверь, такъ какъ король не желалъ, чтобы кто либо изъ постороннихъ зналъ объ ея существованіи.

— Я по неволѣ должна спрятать васъ куда нибудь, мосье Клеманъ! сказала графиня. Войдите сюда въ прихожую; вооружитесь терпѣніемъ и сидите тихо. Бернаръ, попроси г-на прелата въ сосѣднюю комнату!

— Позвольте вамъ замѣтить графиня...

— Скорѣе Бернаръ! Я хочу избавиться отъ его присутствія.

Бернаръ ушелъ. Маро сѣлъ въ темной прихожей; Франциска шутя посовѣтовала ему воспользоваться уединеніемъ и сочинить какіе нибудь стихи; задернувъ шелковую занавѣсь, она удалилась въ сосѣднюю комнату. Только въ ту минуту, когда прелатъ вошелъ въ противоположную дверь, Франциска замѣтила свою оплошность, противъ которой, вѣроятно, хотѣлъ предостеречь ее Бернаръ. Столъ къ ужину былъ накрытъ и на немъ поставлено три прибора; хотя Бернаръ поспѣшно подошелъ къ столу, дѣлая видъ, что только-что поставилъ третій приборъ для неожиданнаго гостя, но обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія прелата.

Когда слуга вышелъ изъ комнаты, Флорентинъ указалъ рукой на столъ и съ иронической улыбкой выразилъ сожалѣніе, что своимъ появленіемъ помѣшалъ дружескому ужину.

— Ты видишь, Бернаръ не раздѣляетъ твоего мнѣнія; онъ поставилъ и тебѣ приборъ, возразила графиня, досадуя на то, что ей приходится лгать и пригласить Флорентина къ ужину, на который разсчитывалъ проголодавшійся Маро.

— Должно быть Бернаръ предполагаетъ, что для духовнаго лица нужно приготовить два прибора.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь Химена, и она будетъ ужинать съ нами.

— Въ такомъ случаѣ прикажи подать четвертый приборъ.

— Развѣ ты привезъ кого нибудь съ собой?

— Нѣтъ, онъ пріѣхалъ отдѣльно.

— О комъ ты говоришь?

— Ты еще спрашиваешь меня! Перестань, пожалуйста, разыгры-

Библиотека "Руниверс"

вать комедію; тебѣ не удастся обмануть меня. Однако ты дѣлаешь быстрые успѣхи въ наукѣ жизни; но забываешь, что твое положеніе въ свѣтѣ виситъ на волоскѣ, потому что зависитъ отъ королевской милости, и что, едва порвется этотъ волосокъ, ты будешь выброшена на произволъ судьбы.

— Ты кажется не въ полномъ умѣ, и я не нахожу никакого смысла въ твоей проповѣди.

— Я хочу уличить тебя во лжи и въ обманѣ!

— Ты самъ, Флорентинъ, потерялъ всякую совѣсть! Уйди отъ меня сію же минуту и никогда больше не показывайся мнѣ на глаза! Въ аббатствѣ св. Женевьевы ты представлялъ мнѣ сближеніе съ королемъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ и самъ толкнулъ меня на новый путь, не подозрѣвая во мнѣ чувства любви и преданности къ королю, которое одно могло служить, если не оправданіемъ, то извиненіемъ моего поступка. Послѣ отъѣзда короля, ты, не стѣсняясь, измѣнилъ мнѣ и даже почувствовалъ ко мнѣ непріязнь, когда увидѣлъ, что всѣ выгоды на сторонѣ моихъ враговъ. Ты открылъ мнѣ всѣ тайны своего порочнаго сердца и, не смотря на это, осмѣливаешься толковать о нравственности! Прочь отсюда негодный человѣкъ, ты не достоинъ священнической одежды, которую ты носишь, благодаря своему званію!

Флорентинъ въ первую минуту былъ совершенно озадаченъ упреками Франциски. Улыбка исчезла съ его лица, онъ угрюмо смотрѣлъ на нее, не прерывая молчанія, но, замѣтивъ, что она собирается уйти изъ комнаты, разразился длинною рѣчью, которая приковала ее къ мѣсту.

— Не чистая совѣсть часто побуждаетъ людей принимать на себя личину добродѣтели и бросать камни въ другихъ—началъ Флорентинъ.—Ты ссылаешься на твою любовь къ королю, которая будто-бы должна оправдать твой поступокъ. Только добрыя намѣренія могутъ служить для насъ оправданіемъ, а не любовь, которая ничего не стоитъ, потому что всегда вызвана чувственностью и приноситъ съ собой опьяняющее удовольствіе. Нечего сказать, велика заслуга любить и наслаждаться любовью! На это способно даже самое легкомысленное существо. Твоя любовь могла бы считаться заслугой, если бы у тебя было достаточно ума, чтобы воспользоваться своей близостью къ королю; и я, разсчитывая на это, помогалъ тебѣ. Но любовь была для тебя не болѣе какъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, и ты вернулась къ прежнему ничтожеству, ничего не заслуживъ отъ людей, кромѣ презрѣнія. Изъ-за тебя погибъ Семблансэ; освобожденіе Жана Пуатье куплено цѣною чести его дочери. Легкомысленный образъ жизни короля, который, согласно общему ожиданію, долженъ былъ измѣниться въ силу твоей любви, сталъ еще хуже; несчастная Воланъ служитъ лучшимъ доказательствомъ этого. Ты не только внесла раздоръ въ королевскую семью, поссоривъ короля съ

Библиотека "Руниверс"

матерью, но изъ-за тебя, можетъ быть, нарушено спокойствіе цѣлой страны, потому что ты открыто покровительствовала распространенію ереси. Вотъ твои заслуги! Теперь объясни мнѣ, чѣмъ ты оправдаешь свою измѣну мужу и то, что ты бросила своего ребенка для удовлетворенія страсти, которая была настолько велика, что никакая жертва не казалась тебѣ достаточной. Не тѣмъ ли, что ты измѣнила этой любви при первой возможности? Но за твое легкомысліе ты будешь выброшена изъ королевскаго дома, какъ только я вернусь въ Парижъ и разскажу правительницѣ, что ты по ночамъ скрываешь любовника въ своихъ комнатахъ, что кажется мнѣ не совсѣмъ приличнымъ для королевской невѣсты. Повтори еще разъ, что я не въ полномъ умѣ, потому что осмѣлился обличать тебя во лжи и обманѣ! Отвори всѣ двери и также эту дверь въ галлерею, и я докажу тебѣ, что я совершенно правъ.

Рѣчь прелата произвела подавляющее впечатлѣніе на Франциску. Она приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что ей приходится выдать Марò, чтобы отвратить отъ себя опасную клевету; но въ то же время сознавала, что своимъ молчаніемъ даетъ еще большій поводъ къ подозрѣнію. Она невольно задала себѣ вопросъ: неужели она погубитъ невиннаго Марò и станетъ оправдываться передъ человѣкомъ, который такъ глубоко оскорбилъ ее?—Нѣтъ, пусть Флорентинъ вернется въ Парижъ и очернитъ мое имя передъ цѣлой Франціей! подумала она, такъ какъ въ эту минуту негодованіе заглушало въ ней всякую заботу о будущности.

Она подошла къ двери, которую Бернаръ оставилъ открытою, и молча указала на нее прелату съ повелительнымъ жестомъ, въ которомъ заключался приказъ немедленно удалиться изъ дому. Въ этомъ жестѣ и во взглядѣ выразилось столько гнѣва и презрѣнія, что прелатъ, не смотря на свое обычное нахальство, невольно повиновался. Выходя изъ комнаты, онъ слышалъ, какъ Франциска сказала кому-то вполголоса „какая низкая тварь!“ и вслѣдъ затѣмъ, позвавъ Бернара, отдала ему приказъ: „никогда не впускать къ ней прелата!“

Гнѣвъ настолько ослѣпилъ графиню Шатобріанъ, что ей даже не пришло въ голову, что Флорентинъ вышелъ отъ нея съ орудіемъ въ рукахъ, которое можетъ навсегда закрыть ей доступъ въ королевскій домъ. Въ это время вниманіе ея было привлечено неожиданнымъ шумомъ. Со стороны двора послышался стукъ копытъ нѣсколькихъ всадниковъ. Что могло привлечь ихъ въ Фонтенбло при теперешнемъ уединеніи? Не посланные ли это отъ короля? Не вернулся ли онъ самъ неожиданно для всѣхъ?

Та же мысль пришла Флорентину и онъ остановился въ нерѣшимости. Если его догадка справедлива, то онъ можетъ сразу лишиться положенія, достигнутаго такимъ трудомъ. Искреннее негодованіе Франциски ясно показывало, что его подозрѣніе, относительно ея новаго любовника, врядъ ли имѣетъ основаніе. Можетъ быть, въ послѣдней

Библиотека "Руниверс"

комнатѣ находился король, а свита его только теперь пріѣхала въ Фонтенбло. Въ виду этихъ соображеній, Флорентинъ вернулся назадъ и, увидя Франциску, стоявшую у окна, подошелъ къ ней и пробормоталъ нѣсколько словъ извиненія. Она поспѣшно оглянулась и вторично указала ему на дверь съ тѣмъ же повелительнымъ жестомъ.

Флорентинъ вышелъ, не помня себя отъ ярости, и поклялся отмстить за нанесенное ему оскорбленіе, даже въ томъ случаѣ, если король дѣйствительно находится въ Фонтенбло. Сойдя съ крыльца, Флорентинъ увидѣлъ на дворѣ группу всадниковъ и, къ удивленію, узналъ, что они испанцы, пріѣхавшіе къ графинѣ Шатобріанъ, но, благодаря сдержанности, свойственной этой націи, не получилъ отъ нихъ никакихъ другихъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ, ничего не могъ сообщить ему и проводникъ французъ, котораго онъ разспрашивалъ, когда испанцы вошли въ переднюю графини. Онъ отвѣтилъ, что его наняли въ Питивіе какіе то незнакомые господа, которые, повидимому, очень богаты и что съ ними два мулла съ дамскими сѣдлами.

— Неужели эти господа хотятъ увезти графиню! мелькнуло въ головѣ Флорентина.—Это придастъ ей еще бо̀льшую цѣну въ глазахъ короля и она ускользнетъ изъ рукъ правительницы! Но рѣшится ли она уѣхать съ испанцами—врагами государства!.. Послѣднее казалось Флорентину невѣроятнымъ; но, во всякомъ случаѣ, матеріалъ для романа былъ готовъ; оставалось только придумать связь между пріѣздомъ всадниковъ, таинственнымъ rendes-vous и императоромъ и отыскать нити воображаемаго заговора съ врагами Франціи, чтобы погубить графиню.

Не считая нужнымъ терять время на дальнѣйшіе разспросы, Флорентинъ рѣшилъ немедленно послать гонца въ Парижъ и потребовать отрядъ вооруженной конницы, которая должна быть наготовѣ, въ случаѣ бѣгства графини изъ Фонтенбло. Только возвращаясь назадъ черезъ галлерею, онъ сообразилъ, что пріѣхавшіе испанцы, вѣроятно, посланы герцогомъ Инфантадо, чтобы увезти Химену изъ страны, которая находилась во враждебныхъ отношеніяхъ съ Испаніей. Въ пользу этой догадки были всѣ шансы вѣроятія; но это открытіе не смутило прелата. Пробравшись ощупью до потаенной двери, онъ нашелъ свой фонарь нетронутымъ и сталъ подслушивать, чтобы узнать что дѣлалось въ комнатахъ Франциски. Онъ услышалъ ея голосъ, и хотя не могъ разобрать словъ, но ему показалось, что она назвала Химену и герцога Инфантадо; затѣмъ все стихло и разговаривающіе вышли изъ спальни.

— Значитъ мое предположеніе вѣрно, подумалъ Флорентинъ, выходя изъ галлереи—она уѣдетъ съ ними, если имъ удастся убѣдить ее!

Занятый этою мыслью, онъ направился быстрыми шагами въ домъ священника, отдавъ приказъ одному изъ лѣсныхъ сторожей готовиться къ немедленному отъѣзду въ Парижъ, и написалъ письма правительницѣ и Францискѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время, графиня Шатобріанъ, Маро и Химена, сидя за ужиномъ, разговаривали о предстоящей разлукѣ. Герцогъ Инфантадо послалъ своей дочери приказъ немедленно пріѣхать къ нему, извѣщая ее въ своемъ письмѣ, что императоръ былъ въ высшей степени недоволенъ, когда узналъ, что единственная дочь испанскаго гранда живетъ при дворѣ непріязненнаго ему государя въ самый разгаръ войны. Въ заключеніе, герцогъ просилъ графиню Шатобріанъ, чтобы она позволила которой нибудь изъ своихъ служанокъ проводить его дочь до границы.

Химена была глубоко огорчена приказаніемъ отца и, заливаясь слезами, бросилась на шею графини Шатобріанъ, которая послѣ отъѣзда короля была ласковѣе къ ней, чѣмъ когда либо.

— Не плачь моя дорогая Химена, я сама провожу тебя до границы, сказала графиня, обнимая молодую дѣвушку.

— Ради Бога, не дѣлайте этого! воскликнулъ Маро. — Вы этимъ поступкомъ дадите въ руки правительницы опасное орудіе противъ васъ.

— Нѣтъ, Маро, вы положительно ошибаетесь! Я убѣждена, что Флорентинъ будетъ всѣми способами мучить меня, и я должна буду бѣжать отсюда въ самомъ непродолжительнымъ времени; это еще больше возбудитъ толковъ, нежели теперь, когда я хочу только проводить до границы мою милую Химену. Къ тому же, продолжала шепотомъ графиня, наклоняясь къ Маро,—у меня есть еще другая причина, почему я считаю это путешествіе необходимымъ. Оно дастъ мнѣ возможность разрушить козни правительницы, потому что я увижу короля прежде, чѣмъ кто либо изъ моихъ враговъ. Бріонъ сообщилъ мнѣ, что король хочетъ сдѣлать высадку въ Каталоніи; если онъ выполнитъ это намѣреніе, то я приведу къ нему на помощь Лотрека, въ рукахъ котораго Лангедокъ и Гіенна. Надѣюсь, это будетъ недурно...

Маро слушалъ молча и съ видимымъ недовѣріемъ.

— Развѣ вы считаете замокъ Фуа недостаточно удобнымъ мѣстомъ для моего мѣстопребыванія? добавила графиня вслухъ.

Но Маро зналъ положеніе дѣлъ и живо представлялъ себѣ все то, что могутъ сказать враги Франциски по поводу ея неожиданнаго удаленія изъ Фонтенбло. Не обращая никакого вниманія на досаду Химены, онъ упорно стоялъ на своемъ и употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отговорить Франциску отъ ея намѣренія.

Во время этого разговора, въ комнату вошелъ Бернаръ и передалъ графинѣ письмо Флорентина.

Прелатъ писалъ, что, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности передать словесно графинѣ приказаніе правительницы, хотя это была главная цѣль его пріѣзда въ Фонтенбло, и вслѣдствіе этого обращается къ ней письменно. До свѣдѣнія правительницы дошло, что графиня Шатобріанъ довольно часто принимаетъ у себя разныхъ по-

Библиотека "Руниверс"

дозрительныхъ гостей; поэтому она приказываетъ графинѣ завтра же пріѣхать въ Парижъ и поселиться въ назначенныхъ ей комнатахъ въ отелѣ Турнель.

Франциска побагровѣла отъ гнѣва, читая это письмо и, передавъ его Маро, приказала Бернару немедленно уложить ея вещи.

Маро не нашелся что сказать въ защиту своего мнѣнія, потому что враги Франциски, повидимому, все подготовили, чтобы нанести рѣшительный ударъ, который долженъ былъ ускорить ея паденіе. Онъ зналъ, что всѣ его дальнѣйшія попытки убѣдить Франциску, при ея раздраженномъ состояніи, будутъ безполезны, и отправился отыскивать свою лошадь, чтобы къ утру пріѣхать въ Парижъ и уговорить сестру короля взять подъ свое покровительство несчастную Франциску.

Живое воображеніе поэта рисовало ему какъ на картинѣ дальнѣйшую судьбу графини Шатобріанъ съ момента ея бѣгства изъ Фонтенбло. Правительница опишетъ королю это бѣгство въ самыхъ черныхъ краскахъ и выставитъ графиню передъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ женщину не достойную оставаться среди порядочнаго общества, стремящуюся къ приключеніямъ и чувственнымъ удовольствіямъ. Маро казалось даже, что онъ читаетъ письмо, которое правительница напишетъ своему сыну въ Италію и начнетъ его слѣдующимъ образомъ: Увы, мой дорогой сынъ, какъ ошиблись мы въ этой Шатобріанъ! Она заставила меня потерять всякое терпѣніе послѣ твоего отъѣзда своимъ властолюбіемъ, кокетствомъ, ненасытной жаждой удовольствій. Всѣ мои просьбы оказались тщетными; я не могла убѣдить ее переѣхать со мною въ Парижъ. Она возненавидѣла меня, потому что мое присутствіе сдерживало ее въ границахъ приличія, и осталась въ Фонтенбло, чтобы на свободѣ проводить время со всякаго рода любовниками. Я не разъ посылала къ ней ея духовника, писала, умоляла ее опомниться; но все было напрасно. Между тѣмъ дурная молва о ней росла съ каждымъ днемъ; всѣ уговаривали меня бросить ее, доказывая, что ты, вѣроятно, не удостоишь больше своимъ вниманіемъ подобное существо. Я сама убѣждена въ этомъ; но мнѣ хотѣлось въ точности исполнить то порученіе, которое ты возложилъ на меня. Наконецъ я рѣшилась на послѣднее средство и отдала ей формальный приказъ пріѣхать въ Парижъ, тогда, въ довершеніе своего безстыдства, она велѣла сказать мнѣ, что „ея поведеніе не касается дома Валуа“, и открыто, при дневномъ свѣтѣ, отправилась въ Испанію къ твоимъ врагамъ въ сопровожденіи своихъ любовниковъ. Я убѣждена, что мой сынъ и французскій король не рѣшится опозорить насъ и свой королевскій домъ и не позволитъ подобной женщинѣ переступить еще разъ нашъ порогъ!..

— Правительница навѣрно напишетъ своему сыну такое письмо? думалъ Маро, сѣдлая въ потьмахъ свою лошадь.—А нашъ легкомысленный властелинъ, который ни надъ чѣмъ долго не задумывается, скажетъ, улыбаясь и съ нѣкоторой досадой:

Библиотека "Руниверс"

Souvent femme varie
Fou qui s'y fie!

и цѣлый день будетъ жалѣть о томъ, что рыцарскіе нравы все болѣе и болѣе исчезаютъ во Франціи, и что нигдѣ нельзя найдти истинной любви. Но на другой же день онъ утѣшится, потому что не въ состояніи долго предаваться печали и даже въ душѣ почувствуетъ тайное удовлетвореніе, что избавился отъ тяготившей его обязанности. У него все-таки бываютъ проблески совѣсти; онъ чувствуетъ себя не правымъ относительно Франциски и ему нужно найдти какое нибудь оправданіе, чтобы бросить несчастную женщину на произволъ судьбы. Да, несчастная Франциска, ты сама помогаешь ему въ этомъ!..

Размышляя такимъ образомъ, Маро забылъ взять какія-либо предосторожности относительно Флорентина и, выѣхавъ изъ лѣсу, прямо направился къ той части замка, гдѣ жила графиня Шатобріанъ, такъ какъ оттуда пролегала ближайшая дорога въ Парижъ. Тутъ только, при свѣтѣ, падавшемъ изъ оконъ, онъ увидѣлъ себя рядомъ съ человѣкомъ, стоявшимъ у стѣны, который, услыхавъ топотъ его лошади, быстро оглянулся. Маро, къ ужасу своему, узналъ въ немъ Флорентина.

Такимъ образомъ, былъ данъ прямой поводъ къ подозрѣнію. Маро не имѣлъ даже того преимущества, что его не замѣтили, и, не зная на что рѣшиться, повернулъ назадъ свою лошадь въ надеждѣ, что ему удастся скрыться въ лѣсу, но онъ услышалъ за собой голосъ прелата, который звалъ его по имени.

Маро не отличался геройствомъ и своей трусливостью походилъ на страуса, который считаетъ себя внѣ опасности, если не видитъ непріятеля. Сердце бѣднаго поэта замирало отъ страха при мысли, что завтра утромъ все будетъ извѣстно правительницѣ, и она позоветъ его къ себѣ на допросъ. Онъ пришпорилъ лошадь и, не обращая вниманія на вѣтки, хлеставшія его со всѣхъ сторонъ, все болѣе и болѣе углублялся въ лѣсную чащу, пока не сбился окончательно съ дороги. Такимъ образомъ, его намѣреніе помочь Францискѣ въ рѣшительную минуту сдѣлалось не удобоисполнимымъ; и только съ разсвѣтомъ, послѣ долгаго блужданія по лѣсу, ему удалось выбраться на тропинку. Проѣхавъ нѣсколько часовъ и изнемогая отъ усталости, онъ достигъ наконецъ мѣстечка Малербъ, гдѣ узналъ отъ крестьянъ, что находится на половинѣ пути между Парижемъ и Фонтенбло, но что изъ Малерба нѣтъ прямой дороги въ Парижъ, и поэтому онъ долженъ опять вернуться въ Фонтенбло, лѣсомъ.

Маро былъ настолько измученъ отъ безсонной ночи и продолжительной ворховой ѣзды, что рѣшилъ предоставить графиню Шатобріанъ ея собственной участи и заснулъ крѣпкимъ сномъ въ хижинѣ крестьянина. Когда онъ проснулся, то осеннее солнце уже было на закатѣ и крестьяне посовѣтовали ему дождаться слѣдующаго утра, такъ какъ дорога очень плоха и накрапываетъ дождь.

Библиотека "Руниверс"

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ).

стр.

Несчастный. Неизданная повѣсть. **Т. Г. Шевченки** 1

Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. **Н. И. Костомарова** 46, 269, 524

Морская экспедиція повстанцевъ въ 1861 г. **Н. В. Верга**. . 75

Августъ Людвигъ Шлецеръ. **К. Н. Вестужева-Рюмина** . . . 117

Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ (отрывокъ изъ воспоминаній). **А. П. Милюкова**. 135

Императоръ Францъ-Іосифъ безъ этикета. **Н. С. Лѣскова** . . . 139

Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ. **А. В. Фигнера** 147

Султанское письмо (изъ дѣлъ тайной канцеляріи). **Г. В. Есипова**. 164

Тенденціозный взглядъ на преподаваніе исторіи. **Ѳ. И. Вулгакова**. 168

Современная исторіографія. **Иф....ла** 177, 657

Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія. **И. Е. Забѣлина** 233, 489, 735

Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. **М. И. Сухомлинова** . . . 330

Дворянскій бунтъ въ Добрынскомъ приходѣ. **Н. С. Лѣскова** . 357

Яковъ Петровичъ Бутковъ. Отрывокъ изъ воспоминаній. **А. П. Милюкова** 391

Мой арестъ и освобожденіе въ 1839 г. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта **В. Д. Кренке** 401

Библиотека "Руниверс"

стр.
Набатный колоколъ. **Г. В. Есипова** 418
Нѣмецкая партія въ русской академіи. **Ѳ. И. Булгакова** . . 421
Клерикальная нѣмецкая исторіографія (Janssen. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. I—II. 1880). **Н. И. Смирнова** 432
Къ портрету Ѳ. М. Достоевскаго 473
Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества. Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка. 1701—1797 гг. **А. В. Арсеньева** . . 580, 822
Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ. **Вс. С. Соловьева** . . 602, 839
Бой съ текинцами при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 года. (Разсказъ очевидца). **Г. З. Демурова** 617
Потомокъ нормандскихъ рыцарей на Камѣ. (Изъ преданій прошлаго вѣка). **П. А. Пономарева** 623
Томасъ Карлейль. **Ѳ. И. Булгакова** 631
Народные обычаи Абруццъ. **И. В. Цвѣтаева** 637
Школьные годы. (Отрывки изъ воспоминаній). **В. Г. Авсѣенко** . 707
Повстанская экспедиція Сигизмунда Милковскаго въ 1863 году. **Н. В. Берга** 783
Ужасная логика (1 марта 1881 г.). **Ор. Ѳ. Миллера** 854
Общественное броженіе и русская школа. **Ѳ. И. Булгакова** . 858
Черты изъ жизни императора Александра II: 1) Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Калугѣ въ 1837 году (письмо очевидца);—2) Императоръ Александръ II и графъ А. Замойскій; — 3) Посѣщеніе императоромъ Александромъ II въ 1871 г. Житнаго рыболовнаго промысла (разсказъ очевидца);—4) Императоръ Александръ II на боевомъ полѣ . 866
Цареубійство 1-го марта. Съ четырьмя планами и рисункомъ разрывного снаряда 893
Заграничная печать о цареубійствѣ 1-го марта 910

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 196, 451, 674, 922

Воцареніе императрицы Анны Ивановны. Историческій этюдъ Д. Корсакова. Казань. 1880. **Е. А. Бѣлова.**—Исторія славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе 2-е, вновь переработанное и дополненное. Два тома. Спб. 1879—1881 гг. **Ор. Миллера.** — Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Изданіе 2-е съ перемѣнами. Два тома въ трехъ книгахъ. Спб. 1880. **А. С—скаго.**—Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ I. М. 1880. **Н. И. Костомарова.** — Жизнь Державина, соч. Я. Грота. (Т. VIII академическаго изданія сочиненій Державина). Спб. 1880. **Ор. Миллера.**— Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Петра Морозова. Спб. 1880. **А. С—скаго.** — Сборникъ матерьяловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. III. Рига. 1880. **Р. П—ва.**—Ежегодникъ Вла-

Библиотека "Руниверс"

стр.

димірскаго статистическаго комитета. Т. III. Владиміръ. 1881. **Ѳ. Б.**— Kniazowie и szlachta między Ianem, Wieprżem, Bugiem, Prypetią, Dnieprem, Siniuchą, Dniestrem, i północnemi stokami Karpat osiedleni. Opowiadania historyczne, heraldiczno-genealogiczne i obyczajowe. W. Rulikowskiego i Z. L. Radziminskiego. Krakow. 1880. **И. Л.**— Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787 года. Спб. 1881 г. **Л. Ст.**—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томы IV и V. Спб. 1881. **А. М.** — Эллада и Римъ; культурная исторія классической древности, Якова Фальке. Двѣнадцать выпусковъ. Спб. 1881 г. **Д. Лебедева.**—Четыре очерка И. А. Гончарова. Спб. 1881 г. **А. С—скаго.**— Сборникъ Археологическаго Института. Книга четвертая. Спб. 1880 г. **И. Ш.**— Древности Суздальско-Владимірской области. Вып. I. Владиміръ, 1880 г. **Ѳ. Б.** — Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Соч. Гастона Буасье; перев. со 2 изд. Маріи Корсакъ. М. 1880. **Д. Лебедева.** — Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго экстра-ординарнаго профес. московской духовной академіи. Т. I. Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Вторая половина тома. М. 1881. **А. С—скаго.** — Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матерьяловъ къ исторіи Вятскаго края. Вятка. 1880. **А. С—на.**

ИЗЪ ПРОШЛАГО 216, 463, 687, 930

Первые просители въ царствованіе императора Павла I. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Архитекторское придворное меню въ XVIII столѣтія. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**—Три записочки къ князю Потемкину отъ неизвѣстныхъ дамъ. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**— Шуточныя стихотворенія императрицы Екатерины II. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Двѣ собственноручныя записки императора Александра I къ Трощинскому. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.**—Привидѣніе въ Преображенскомъ дворцѣ. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**—Собственноручныя записочки императрицы Екатерины II къ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру Н. И. Рылѣеву. Сообщ. **Имъ-же.**— Анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.**— Рескриптъ императора Александра I рязанскому губернатору Шишкову. Сообщ. **П. И. Костылевымъ.** — Лодка. (Простонародная святочная игра). Сообщ. **В. О. Михневичемъ.**—Загадочная монахиня. Сообщ. **И. И. Дубасовымъ.** — Записка императрицы Екатерины II о докторѣ Санхецѣ. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.** — Письма графини П. А. Брюсъ къ брату ея графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Сообщ. **Имъ-же.** — Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка. Сообщ. **И. Д. Павловскимъ.** — Указъ синода о непродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присылкѣ вериґъ. Сообщ. **А. П. Коломнинымъ.**—Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія. Сообщ. **Н. А. Казанскимъ.** — Необыкновенная денежная награда въ XVII ст. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**— Письмо графа П. И. Шувалова къ графу Лестоку. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.** — Затрудненія при поминовеніи Петра III. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.** — Къ исторіи дѣтства императора Павла I. Сообщ. **Г. В. Есиповымъ.**

Библиотека "Руниверс"

стр.

СМѢСЬ 224, 468, 699, 937

Историческій очеркъ русскаго законодательства о печати. — Забытыя книгохранилища. — Географическая экспедиція на Алтай. — Древняя Владимірская икона Божіей Матери въ приходской церкви. — Вселенское время. — Экспедиція Н. М. Пржевальскаго. — Л. А. Сѣряковъ. — Скорбныя страницы. — Къ вопросу о правѣ убѣжища. — М. А. Колосовъ. — Заграничныя изданія сочиненій Г. П. Данилевскаго. — Общество Нестора лѣтописца въ 1880 г —О статуѣ Афины Филія.—Декабристъ Е. П. Соловьевъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 230, 944

Драматическій вечеръ въ честь И. Ѳ. Горбунова. Псевдо-Пушкинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ. Историческій романъ **Г. Лаубе.** Части: I, II, III и начало IV.—2) Портреты: К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина, Ѳ. М. Достоевскаго и императора Александра II.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости. историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"